

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Per 278975 d 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

47

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ,

ПОДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.*

Gerzenius.

ТОМЪ I.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1857.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 31 декабря 1846.

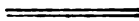
Цензоры: А. Крыловъ и А. Мехелинъ.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

БРЕТТЁРЪ.

Повѣсть.

1.

.....ій кирасирскій полкъ квартировалъ въ 1819 году въ селѣ Кирилковѣ, К...ской-Губерніи. Это село съ своими избушками и скирдами, зелеными конопляниками и тощими раkitами издали казалось островомъ среди необозримаго моря распаханныхъ, черноземныхъ полей. Посреди села находился небольшой прудъ, вѣчно покрытый гусинымъ пухомъ, съ грязными, изрытыми берегами; во стѣ шагахъ отъ пруда, на другой сторонѣ дороги, высился господскій, деревянный домъ, давно пустой и печально подавшійся на бокъ; за домомъ тянулся заброшенный садъ; въ саду торчали старыя, безплодныя яблони, высокія березы, усѣянныя вороньими гнѣздами; на концѣ главной аллеи, въ маленькомъ домишкѣ (бывшей господской банѣ) жилъ дряхлый дворецкій и, пощипывая, каждое утро, по старой привычкѣ, тащился черезъ садъ въ барскіе покои, хотя въ нихъ нѣчего было стеречь, кромѣ

Г. I. — Отд. I.

дюжины старыхъ бѣлыхъ креселъ, обитыхъ полинялымъ штофомъ, двухъ пузатыхъ коммодовъ на кривыхъ ножкахъ съ мѣдными ручками, четырехъ дырявыхъ картинъ и одного черного Арапа изъ алебаstra съ отбитымъ носомъ. Владѣлецъ этого дома, молодой и безпечный человѣкъ, жилъ то въ Петербургѣ, то за границей—и совершенно позабылъ о своемъ помѣстьѣ. Оно досталось ему, лѣтъ восемь тому назадъ, отъ престарѣлаго дяди, извѣстнаго нѣкогда всему околodку своими отличными наливками. Пустыя, темно-зеленыя бутылки до-сихъ-поръ еще валялись въ кладовой, вмѣстѣ съ разнымъ хламомъ, скупо-исписанными тетрадами въ шестрыхъ переплетахъ, старинными стеклянными люстрами, дворянскимъ мундиромъ временъ Екатерины, заржавѣлой шпагой съ стальной рукояткой и т. д. Въ одномъ изъ флигелей помѣщался самъ полковникъ, человѣкъ женатый, высокаго роста, скупой на слова, угрюмый и сонливый. Онъ былъ, какъ говорится, ни рыба, ни мясо, и занимался своимъ полкомъ кое-какъ. Въ другомъ флигелѣ жилъ полковой адъютантъ, чувствительный и раздущенный человѣкъ, охотникъ до цвѣтовъ и до бабочекъ. Общество гг. офицеровъго полка не отличалось отъ всякаго другаго общества; въ числѣ ихъ были хорошіе и дурные, умные и пустые люди... Между ними нѣкто Авдѣй Ивановичъ Лучковъ, штаб-ротмистръ, слылъ бреттеромъ. Лучковъ былъ роста небольшого, не казистъ; лицо имѣлъ малое, желтоватое, сухое, волосы жиденькіе, черные, черты лица обыкновенныя, темныя глазки; онъ часто смѣялся—но ни ему, ни другимъ отъ этого смѣха не становилось веселѣе; не отличался ни особеннымъ умомъ, ни любезностью; велъ себя тихо... и вдругъ—словно бѣсъ какой имъ овладѣть: ко всѣмъ пристаеъ, всѣмъ надоѣдаетъ, всѣмъ нагло смотритъ въ глаза—ну такъ и напрашивается на ссору. Авдѣй Ивановичъ былъ холоденъ, жолченъ и золъ какъ оса; не чуждался своихъ сослуживцевъ, но въ дружбѣ состоялъ съ однимъ только раздущеннымъ адъютантомъ; въ карты не игралъ и не пилъ вина... Но мы ниже поговоримъ еще о немъ.

Въ маѣ 1819 года, не задолго до начала учений, прибылъ въ полкъ молодой корнетъ Федоръ Федоровичъ Кистеръ, человѣкъ нѣмецкаго происхожденія, очень-блѣкурый и очень-скромный, образованный и начитанный. Онъ до двадцатилѣтняго возраста жилъ въ родительскомъ домѣ, подъ крылышками матушки, бабушки и двухъ тѣтушекъ; поступилъ же въ военную службу единственно по желанію бабушки, которая даже подъ старость не могла безъ волненія видѣть бѣлый султанъ... Онъ служилъ безъ особенной охоты, но съ усердіемъ, точно и добросовѣстно исполнять долгъ свой; одѣвался не шеголевато, но чисто и по формѣ. Въ первый же день своего приѣзда, Федоръ Федоровичъ явился къ начальникамъ; потомъ началъ устроить свою квартиру. Онъ привезъ съ собой дешевенькіе обои, коврики, пѣлочки и т. д., оклеилъ всѣ стѣны, двери, надѣдалъ разныхъ перегородокъ, велѣлъ вы-

чистить дворъ, перестроилъ конюшню, кухню, отвелъ даже мѣсто для ванной... Цѣлую недѣлю хлопоталъ онъ страшно; за то любо было потомъ войти въ его комнату. Передъ окнами стоялъ опрятный столъ, покрытый разными вещицами; въ углу находилась полочка для книгъ съ бюстами Шиллера и Гёте; на стѣнахъ висѣли ландкарты, четыре греведоновскія головки и охотничье ружье; возлѣ стола стройно возвышался рядъ трубокъ съ исправными мундштуками; въ сѣняхъ на полу лежалъ коврикъ; всѣ двери запирались на замѣкъ; окна завѣшивались гардинами. Все въ комнатахъ Федора Федоровича дышало порядкомъ и чистотой... То ли дѣло у другихъ товарищей!.. Къ иному едва проберешься черезъ грязный дворъ; въ сѣняхъ, за облупившимися парусинными ширмами, храпитъ деньщикъ; на полу — гнилая солома; на плитѣ — сапоги и доньшко банки, налитое ваксой; въ самой комнатѣ — покоробленный ломберный столъ, исписанный мѣломъ; на столѣ стаканы, до половины наполненные холоднымъ, темно-бурымъ чаемъ; у стѣны — широкій, проломленный, замасленный диванъ; на окнахъ — трубочный пепель... На неуклюжемъ и пухломъ креслѣ возсѣдаетъ самъ хозяинъ въ шлафрокъ травяного цвѣта, съ малиновыми плисовыми отворотами, и вышитой ерможкѣ азиатскаго происхожденія, — а возлѣ хозяина хрипитъ безобразно-толстый и негодный песъ въ вонючемъ мѣдномъ ошейникѣ... Всѣ двери всегда настезь...

Федоръ Федоровичъ понравился своимъ новымъ товарищамъ. Въ немъ не было той угловатой чопорности, которая часто невольно отталкиваетъ васъ отъ подобныхъ ему людей... напротивъ: его любили за добродушіе, скромность, сердечную теплоту и природную склонность ко «всему прекрасному», — словомъ, за все то, что въ другомъ офицерѣ нашли бы, можетъ-быть, неумѣстнымъ. Кистера прозвали красной дѣвушкой и обращались съ нимъ нѣжно и кротко. Одинъ Авдѣй Ивановичъ поглядывалъ на него косо. Однажды, послѣ ученя, Лучковъ подошелъ къ нему, слегка сжимающая губы и расширяя ноздри.

— Здравствуйте, г. Кнастеръ.

Кистеръ взглянулъ на него съ недоумѣніемъ.

— Мое почтеніе, г. Кнастеръ, повторилъ Лучковъ.

— Меня зовутъ Кистеръ, милостивый государь.

— Вотъ какъ-съ, господинъ Кнастеръ.

Федоръ Федоровичъ обернулся къ нему спиной и пошелъ домой. Лучковъ съ усмѣшкой посмотрѣлъ ему въ слѣдъ.

На другой день онъ, тотчасъ послѣ ученя, опять подошелъ къ Кистеру.

— Ну, какъ вы поживаете, г. Киндербальзамъ?

Кистеръ вспыхнулъ и посмотрѣлъ ему прямо въ лицо. Маленькіе, желчные глазки Авдѣя Ивановича засвѣтились злобной радостью.

— Я съ вами говорю, г. Киндербальзамъ!

— Милостивый государь, отвѣчалъ ему Федоръ Федоровичъ: —

я нахожу вашу шутку глупою и неприличною—слышите ли? глупою и неприличною.

— Когда мы деремся? спокойно возразил Лучковъ.

— Когда вы хотите... хоть завтра.

На другое утро, они дрались. Лучковъ легко ранилъ Кистера и, къ крайнему удивленію секундантавъ, подошелъ къ раненному, взявъ его за руку и попросилъ у него извиненія. Кистеръ просидѣлъ дома двѣ недѣли; Авдѣй Ивановичъ нѣсколько разъ заходилъ навѣстить больнаго; а по выздоровленіи Федора Федоровича, подружился съ нимъ. Понравилась ли ему рѣшительность молодого офицера; пробудилось ли въ его душѣ чувство, похожее на раскаянье—рѣшить мудрено... но со времени поединка съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ почти не разставался съ нимъ и пазывалъ его сперва Федоромъ, потомъ и Федей. Въ его присутствіи, онъ дѣлался инымъ человѣкомъ, и—странное дѣло! не въ свою выгоду. Ему не шло, а потому и не слѣдовало быть кроткимъ и мягкимъ. Сочувствія онъ все-таки возбуждать ни въ комъ не могъ: ужъ такова была его судьба! Онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ какъ-будто дано право власти надъ другими; но природа, какъ-бы въ насмѣшку надъ нимъ, отказала ему въ дарованіяхъ — необходимомъ оправданіи подобнаго права. Не получивъ образованія, не отличаясь умомъ, онъ не долженъ бы былъ разоблачаться; можетъ-быть, его нахальное, злое ожесточеніе происходило именно отъ сознанія недостатковъ своего воспитанія, бѣдности своей души, да отъ желанія скрыть себя всего подъ одну неизмѣнную личину. «Пусть, дескать, люди думаютъ, что у меня тамъ внутри спрятано много». До знакомства съ Кистеромъ, Авдѣй Ивановичъ выдерживалъ роль свою съ удивительнымъ постоянствомъ; онъ сперва заставлялъ себя презирать людей; потомъ замѣтилъ, что ихъ пугнуть не трудно — и дѣйствительно сталъ ихъ презирать. Люди боятся человѣка сосредоточеннаго и готовы приписать ему всѣ возможные познанія и качества: полуграмотный Лучковъ прослылъ человѣкомъ ученымъ; онъ плохо понималъ французски: товарищи его полагали, что только по странности характера Авдѣй Ивановичъ не говоритъ на этомъ языкѣ. Лучкову было весело прекращать однимъ появленіемъ своимъ всякій несвѣдѣль-пошлый разговоръ, «Я ничего не знаю и ничему не учился, да и способностей у меня нѣтъ» думалъ онъ про-себя: «такъ и вы ничего не знайте и не выказывайте своихъ способностей при мнѣ...» Почему Кистеръ заставилъ его наконецъ выйти изъ своей роли—сказать не легко... быть-можетъ, потому-что до него Авдѣй Ивановичъ не встрѣтилъ ни одного человѣка дѣйствительно «идеальнаго», т. е. безкорыстно и добродушно занятаго идеалами, а потому снисходительнаго и несамолюбиваго. Но, повторяемъ: Авдѣй Ивановичъ въ новомъ своемъ видѣ былъ и недовонокъ и нехорошъ, и даже довольно-пошлъ, чего Кистеръ, впрочемъ, не могъ замѣтить... У идеальныхъ людей чутья мало...

Бывало, Авдѣй Ивановичъ прійдетъ поутру къ Кистеру, закуритъ трубку и тихонько присядетъ на кресла. Федора Федоровича можно было сравнить съ стклянкой духовъ: откупорьте ее — благовоиѣ такъ и обдасть васъ. Стоило заговорить съ нимъ о «прекрасномъ и высокомъ» въ какой угодно часть, при какихъ угодно людяхъ—восторженные, одушевленные рѣчи выливались у него рѣкой. Кистеръ былъ неподдѣльный энтузіастъ, что довольно-рѣдко въ наше время. Лучковъ при немъ не стыдился своего неумѣнья; онъ надѣялся—и не даромъ—на его нѣмецкую честность и скромность.

— Ну, что? начиналъ онъ:—что вчера подѣлывалъ? Читалъ, небось, а?

— Да; читалъ...

— А что жъ такое читалъ? Расскажи-ка, братецъ, Расскажи-ка. Авдѣй Ивановичъ до конца придерживался насмѣшливаго тона... Бѣдный!

— Читалъ, братъ, «Идилліи» Клейста. Ахъ, какъ хорошо! Позволь, я переведу тебѣ нѣсколько строкъ... И Кистеръ съ жаромъ переводилъ, а Лучковъ, наморщивъ лобъ и стиснувъ губы, слушалъ внимательно...— Да, да, твердилъ онъ поспѣшно съ неприятной улыбкой: — хорошо... очень-хорошо... Я, помнится, это читалъ... хорошо. (Горько было ему и злился онъ внутренно...)

— Скажи мнѣ, пожалуйста, прибавлялъ онъ протяжно и какъ-будто нѣхотя:—какого ты мнѣнія о Лудовикѣ-Четырнадцатомъ?

И Кистеръ пускался съ жаромъ толковать о Лудовикѣ XIV-мъ. А Лучковъ слушалъ, многого не понималъ вовсе, иное понималъ криво... и наконецъ рѣшался сдѣлать замѣчаніе... Его бросало въ потъ. «Ну, если я совру?» думалъ онъ. И дѣйствительно, вралъ онъ часто, но Кистеръ никогда рѣзко не возражалъ ему: добрый юноша душевно радовался тому, что вотъ, дескать, въ человѣкѣ пробуждается охота къ просвѣщенію, налагается на меня священный долгъ... Увы! Авдѣй Ивановичъ разспрашивалъ Кистера не изъ охоты къ просвѣщенію, а такъ! Богъ-знаетъ отъ чего. Можетъ-быть, онъ желалъ самъ удостовѣриться на дѣлѣ, какая у него, Лучкова, голова, тупая что ли, или только необдѣланная? «А вѣдь я въ сущности глупъ» говорилъ онъ самому-себѣ не разъ съ горькой усмѣшкой, и вдругъ выпрямлялся весь, нахально и дерзко глядѣлъ кругомъ и злобно улыбался, если замѣчалъ, что какой-нибудь товарищъ опускалъ свой взглядъ передъ его взглядомъ. «То-то, братъ, ученый, воспитанный...» шепталъ онъ сквозь зубы: «не хочешь ли... того?»

Гг. офицеры недолго толковали о внезапной дружбѣ Кистера съ Лучковымъ: они привыкли къ странностямъ бреттѣра. «Связался же чортъ съ младенцемъ!» говорили они... Кистеръ повсюду съ жаромъ выхвалялъ своего новаго пріятеля: съ нимъ не спорили, потому-что боялись Лучкова; самъ же Лучковъ никогда при дру-

гихъ не упоминалъ имени Кистера, но пересталъ знаться съ раздушенымъ адъютантомъ.

II.

Помѣщики Южной-Россіи большіе охотники давать балы, приглашать къ себѣ на домъ гг. офицеровъ и выдавать своихъ дочерей замужъ. Въ десяти верстахъ отъ села Кирилова, жилъ именно такой помѣщикъ, нѣкто господинъ Перекатовъ, владѣлецъ четырехъ-сотъ душъ и довольно-просторнаго дома. У него была дочь лѣтъ восемнадцати, Машенька, и жена Ненила Макарьевна. Господинъ Перекатовъ служилъ нѣкогда въ кавалеріи, но по любви къ деревенской жизни, по лѣни, вышелъ въ отставку и началъ жить-себѣ потихоньку, какъ живутъ помѣщики средней-руки. Ненила Макарьевна происходила не совершенно-законнымъ образомъ отъ знатнаго московскаго барина.

Родитель ея воспитывалъ свою Ненилушку весьма, какъ говорится, тщательно, въ собственномъ домѣ, но сбывъ ее съ рукъ довольно-поспѣшно, по первому востребованію, какъ ненадежный товаръ. Ненила Макарьевна была нехороша собой; знатный баринъ давалъ за ней всего тысячь десять приданого: она ухватилась за господина Перекатова съ лихорадочной жадностью. Господину Перекатову показалось весьма-лестнымъ жениться на барышнѣ воспитанной, умной... ну, да наконецъ все же состоявшей въ родствѣ съ знатнымъ сановникомъ. Сановникъ этотъ и послѣ брака оказывалъ супругамъ свое покровительство, то-есть, принималъ отъ нихъ въ подарокъ соленыхъ перепелокъ и говорилъ Перекатову: «ты, братецъ», а иногда даже просто: «ты». Ненила Макарьевна совершенно завладѣла мужемъ, хозяйничала и распоряжалась всѣмъ имѣньемъ—весьма, впрочемъ, умно, во всякомъ случаѣ гораздо-лучше самого господина Перекатова. Она не слишкомъ притѣсняла своего сожителя, но держала его въ рукахъ, сама заказывала ему платье и наряжала его по-англійски, какъ оно и прилично помѣщику; по ея же приказанію, господинъ Перекатовъ завелъ у себя на подбородкѣ эспаньолку для прикрытія большой бородавки, похожей на переспѣлую малину; Ненила Макарьевна съ своей стороны объявляла гостямъ, что мужъ ея играетъ на флейтѣ и что всѣ флейтисты подъ нижней губой отпускаютъ себѣ волосы: ловчѣе держать инструментъ. Господинъ Перекатовъ съ утра ходилъ въ высокомъ, чистомъ галстухѣ, причесанный и вымытый; и такъ уже и двигался не поворачивая головы и растопыря пальцы. Впрочемъ, онъ былъ своей судьбой весьма-доволенъ: обѣдалъ всегда очень-вкусно, дѣлалъ что хотѣлъ и спалъ сколько могъ. Ненила Макарьевна завела, какъ говорили сосѣди, у себя въ домѣ «иностранный порядокъ», держала мало людей, одѣвала ихъ опрятно. Честолюбіе ее мучило: она хотѣла попасть хоть въ уѣздныя пред-

водительши; но дворяне ...го уѣзда, хоть и наѣдались у ней власть, однакожь все-таки выбирали не ея мужа, а то отставнаго премьер-майора Буркольца, то отставнаго секунд-майора Бурундюкова. Господинъ Перекатовъ казался имъ уже черезъ-чуръ столчной штучкой.

Дочь господина Перекатова, Машенька, съ лица походила на батюшку,—и не даромъ: она отчасти наслѣдовала отъ него задумчивую, лѣнивую безпечность, которая свидѣтельствуетъ о холодности крови. Ненила Макарьевна много хлопотала надъ ея воспитаніемъ. Она хорошо говорила по-французски, играла порядочно на фортепянахъ, не кривлялась, вела себя просто, и до того привыкла къ опорѣ, совѣтамъ и попеченіямъ матери, что, въ противность всѣмъ уѣзднымъ барышнямъ, рѣдко помышляла о бракѣ... Она была средняго роста, довольно-полна и бѣла; ея нѣсколько пухлое лицо оживлялось доброй, веселой улыбкой; русые, не слишкомъ-густые волосы, каріе, лѣнивые глазки, спокойный голосокъ—все въ ней тихо нравилось, и только. Ненила Макарьевна слѣпила ее какъ куклу изъ воска. Отсутствіе жеманства, предразсудковъ, начитанность необыкновенная въ степной дѣвицѣ, свобода выраженій, спокойная простота рѣчей и взглядовъ, сперва вась невольно въ ней поражали... но потомъ, и довольно-скоро, вы замѣчали привычку. Младенчество Маши продолжалось очень-долго, какъ у всѣхъ умно и кротко воспитанныхъ дѣтей; въ восемнадцать лѣтъ, она, вздохнувъ глубоко, засыпала тотчасъ, какъ-только выносили свѣчу изъ ея спальни; и мать ея могла быть увѣрена, даля по утру ея бѣлый и ровный лобъ, что въ этой головкѣ не таилось «задней» мысли... Ненила Макарьевна умѣла властвовать...

Однажды поутру, часовъ въ двѣнадцать, все семейство Перекатовыхъ собралось въ гостиную. Мужъ въ зеленомъ кругломъ фракѣ, высокомъ клѣтчатоиъ галстухѣ и гороховыхъ панталонахъ съ штиблетами стоялъ передъ окномъ и съ большимъ вниманіемъ ловилъ мухъ. Дочь сидѣла за пяльцами; ея небольшая, полненькая ручка въ черной митѣнкѣ граціозно и медленно подымалась и опускалась надъ канвой. Ненила Макарьевна сидѣла на диванѣ и молча посматривала на полъ.

— Вы послали въ ...й полкъ приглашеніе, Сергѣй Сергѣичъ? спросила она мужа.

— На сегодняшній вечеръ? Какъ же, машеръ, послалъ. (Ему запрещено было называть ее матушкой.) Какъ же!

— Совсѣмъ нѣтъ кавалеровъ, продолжала Ненила Макарьевна. — Нѣ съ кѣмъ танцовать барышнямъ.

Мужъ вздохнулъ, какъ-будто отсутствіе кавалеровъ и его сокрушало.

— Машенька, заговорила вдругъ Маша:—мсье Лучковъ приглашенъ?

— Какой Лучковъ?

— Онъ тоже офицеръ. Онъ, говорятъ, очень-интересенъ.

— Какъ такъ?

— Да; онъ собой нехорошъ и не молодъ; но его всѣ боятся. Онъ ужасный дуэлистъ. (Маменька слегка нахмурила брови.) Я бы очень желала его видѣть...

Сергѣй Сергѣичъ перебилъ свою дочку. — Чтò тутъ видѣть, душа моя? Ты думаешь, онъ такъ и смотритъ лордомъ Байрономъ? (Въ то время только-что начинали у насъ толковать о лордѣ Байронѣ). — Пустяки! Вѣдь и я, душа моя, въ кои-то вѣка слылъ забіякой.

Маша посмотрѣла съ изумленіемъ на родителя, засмѣялась, потомъ вскочила и поцаловала его въ щеку. Супруга слегка улыбнулась... а Сергѣй Сергѣичъ не солгалъ.

— Не знаю, пріѣдетъ ли этотъ господинъ, промолвила Ненила Макарьевна. — Я просила полковника привезти побольше офицеровъ. Можетъ-быть, и онъ пожалуетъ.

Дочка вздохнула.

— Смотри, не влюбись въ него, замѣтилъ Сергѣй Сергѣичъ. — Я знаю, вы всѣ такія теперь... того, восторженныя...

— Нѣтъ, простодушно возразила Маша.

Ненила Макарьевна холодно посмотрѣла на своего мужа. Сергѣй Сергѣичъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ поигралъ часовой цѣпочкой, взялъ со стола свою англійскую, съ широкими полями, шляпу, и отправился на хозяйство. Его собака робко и смиренно побѣжала вслѣдъ за нимъ. Какъ животное умное, она чувствовала, что и самъ хозяинъ ея не слишкомъ-властный человекъ, и веда себя скромно и осторожно.

Ненила Макарьевна подошла къ дочери, тихонько подняла ей голову и ласково посмотрѣла ей въ глаза. «Ты мнѣ скажешь, когда ты влюбишься?» спросила она.

Маша съ улыбкой поцаловала руку матери и нѣсколько разъ утвердительно покачала головой.

— Смотри же, замѣтила Ненила Макарьевна, погладила ее по щекѣ и вышла вслѣдъ за мужемъ. Маша прислонилась къ спинкѣ кресель, опустила голову на грудь, скрестила пальцы и долго глядѣла въ окно прищуривъ глазки... легкая краска заиграла на свѣжихъ ея щекахъ; со вздохомъ выпрямилась она, принялась-было шить, уронила иголку, оперла лицо на руку и, легонько покусывая коньчики розовыхъ ногтей, задумалась... потомъ взглянула на свое плечо, на свою протянутую руку, встала, подошла къ зеркалу, усмѣхнулась, надѣла шляпку и пошла въ садъ...

Въ тотъ же вечеръ, часовъ въ восемь, начали съѣзжаться гости. Г-жа Черекатова весьма-любезно принимала и «занимала» дамъ, Машенька—дѣвицъ; Сергѣй Сергѣичъ толковалъ съ помѣщиками о хозяйствѣ, и тò-и-дѣло взглядывалъ на жену. Начали появляться молодые франты, нарочно пріѣхавшіе попозже, офицеры; наконецъ вошелъ самъ г-нъ полковникъ, въ сопровожденіи своего

альютанта, Кистера и Лучкова. Онъ представилъ ихъ хозяйкѣ. Лучковъ молча ей поклонился; Кистеръ пробормоталъ обычное: «весьма-счастливъ и радъ»... Г-нъ Перекатовъ подошелъ къ полковнику, крѣпко пожалъ ему руку и съ чувствомъ посмотрѣлъ ему въ глаза. Начались танцы. Кистеръ пригласилъ Машеньку. Въ то время процвѣталъ еще экосезъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, сказала ему Маша, когда, про-скакавъ разъ двадцать до конца залы, они стали наконецъ въ пер-выя пары: — отъ-чего вашъ пріятель не танцуетъ?

— Какой пріятель?

Маша концомъ вѣера указала на Лучкова.

— Онъ никогда не танцуетъ-сь, возразилъ Кистеръ.

— Зачѣмъ же онъ пріѣхалъ?

Кистеръ немного смѣшался. «Онъ желалъ имѣть удовольствіе...» Машенька его перебила. «Вы, кажется, недавно переведены въ нашъ полкъ?»

— Въ *вашъ* полкъ, замѣтилъ съ улыбкой Кистеръ:—нѣтъ, не-давно.

— Вы здѣсь не скучаете?

— Помилуйте... Я здѣсь нашелъ такое пріятное общество... а природа!.. Кистеръ пустился въ описанія природы. Маша слушала его не поднимая головы. Авдѣй Ивановичъ стоялъ въ углу, и равнодушно посматривалъ на танцующихъ.

— Сколько лѣтъ г. Лучкову? спросила она вдругъ.

— Лѣтъ... лѣтъ тридцать-пять, я думаю, протяжно возразилъ Кистеръ.

— Онъ, говорятъ, человѣкъ опасный... сердитый, послѣшно прибавила Маша:

— Онъ немного-вспыльчивъ... но, впрочемъ, онъ очень-хорошій человѣкъ.

— Говорятъ, всѣ его боятся?

Кистеръ засмѣялся.

— А вы?

— Мы съ нимъ пріятели.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Вамъ, вамъ, вамъ, кричали имъ со всѣхъ сторонъ. Они вострепенулись и пустились опять скакать бокомъ черезъ всю залу.

— Ну, поздравляю тебя, сказалъ Лучкову Кистеръ, подходя къ нему послѣ танца: — хозяйская дочь то-и-дѣло разспрашивала меня о тебѣ.

— Не-уже-ли? презрительно возразилъ Лучковъ.

— Честный человѣкъ! А вѣдь она очень собой хороша; посмо-три-ка.

— А какая изъ нихъ она?

Кистеръ указалъ ему Машу.

— А! не дурна!

И Лучковъ зѣвнулъ.

— Холодный человѣкъ! воскликнулъ Кистеръ и побѣждалъ пригласять другую дѣвицу.

Авдѣю Ивановичу очень понравилось извѣстіе, сообщенное Кистеромъ, хоть онъ зѣвнулъ, и даже громко зѣвнулъ. Возбуждать любопытство—сильно льстило его самолюбію; любовь онъ презиралъ — на словахъ... а внутренно чувствовалъ самъ, что трудно и хлопотно заставить полюбить себя тому, кого обидѣла природа. Трудно и хлопотно заставить себя полюбить; но весьма-легко и просто прикидываться равнодушнымъ, молчаливымъ гордецомъ. Авдѣй Ивановичъ былъ дурень собой и немолодъ; но за то пользовался страшной славой—и, слѣдовательно, имѣлъ право рисоваться. Онъ привыкъ къ горькимъ и безмолвнымъ наслажденіямъ самолюбиваго одиночества; не въ первый разъ обращалъ онъ на себя вниманіе женщинъ; инья даже старались сблизиться съ нимъ, почти кидались ему на шею; но онъ ихъ отталкивалъ съ ожесточеннымъ упрямствомъ: онъ зналъ, что не къ-лицу ему нѣжность, что въ часы свиданій, откровеній, онъ становился сперва неловкимъ и пошлымъ, а потомъ, съ досады, грубымъ до плоскости, до оскорбленія; онъ помнилъ, что двѣ-три женщины, съ которыми онъ нѣкогда знался, охладѣли къ нему тотчасъ послѣ первыхъ мгновеній ближайшаго знакомства и сами съ торопливой поспѣшностью удалились отъ него... а потому онъ и рѣшился, наконецъ, оставаться, какъ говорится, загадкой, и презирать то, въ чемъ судьба отказала ему... Другаго презрѣнія люди вообще, кажется, не знаютъ. Всякое откровенное, произвольное, то-есть, доброе проявленіе страсти не шло къ Лучкову; онъ долженъ былъ постоянно сдерживать себя, даже когда злился. Страшное самолюбіе, при замѣчательной силѣ воли и жалкой бѣдности способностей, губило, мучило его. Онъ сошелся съ Кистеромъ и даже поддался его вліянію только потому, что въ добромъ Федорѣ Федоровичѣ не было ни насмѣшливости, ни пониманія людей... Ему не становилось гадко, когда Лучковъ заливался хохотомъ; глава его сверкала благородной радостью сочувствія, когда онъ читалъ Авдѣю любимыя страницы Шиллера, а бреттѣръ сидѣлъ передъ нимъ, понуривъ голову, какъ воинокъ...

Кистеръ танцевалъ до упаду. Лучковъ не покидалъ своего уголка, хмурилъ брови, изрѣдка украдкой взглядывалъ на Машу—и, встрѣтивъ ея взоры, тотчасъ придавалъ глазамъ своимъ равнодушное выраженіе. Маша раза три танцевала съ Кистеромъ. Восторженный и добрый юноша возбудилъ ея довѣренность. Она довольно-весело болтала съ нимъ, но на сердцѣ ей было не тяжело, скорѣй неловко. Лучковъ занималъ ее. Люди, подобные Лучкову, правятся лѣнивымъ и мечтательнымъ дѣвицамъ...

Загремѣла мазурка. Офицеры пустились подпрыгивать, топтать каблуками и подбрасывать плечами эполеты; штатскіе тоже топали каблуками. Лучковъ все не двигался съ своего мѣста и медленно

сдвинулъ глазами за мелькающими парами. Кто-то тронулъ его рукавъ... онъ оглянулся: его сосѣдь указывала ему на Машу. Она стояла передъ нимъ, не поднимая глазъ, и протягивала ему руку. Лучковъ, какъ водится, сперва посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ, потомъ равнодушно снялъ пальашъ, бросилъ шляпу на полъ, неловко пробрался между креселъ, взялъ Машу за руку—и пошелъ вдоль круга, безъ припрыжекъ и топаній, какъ-бы нѣхотя исполняя неприятный долгъ. У Маши сильно билось сердце.

— Отъ-чего вы не танцуете? спросила она его наконецъ.

— Я не охотникъ, отвѣчалъ Лучковъ.—Гдѣ ваше мѣсто?

— Вонъ, тамъ-съ.

Лучковъ довелъ Машу до ея стула, спокойно поклонился ей, спокойно вернулся въ свой уголокъ... но весело въ немъ шевельнулась жолчь.

Кистеръ пригласилъ Машу.

— Какой вашъ пріятель странный!

— А онъ васъ очень занимаетъ... сказалъ Федоръ Федоровичъ, плутовски прищуривъ свои голубые и добрые глаза.

— Да... онъ, должно-быть, очень несчастливъ.

— Онъ несчастливъ? Съ чего вы это взяли? И Федоръ Федоровичъ засмѣялся.

— Вы не знаете... Вы не знаете... Маша важно покачала головой.

— Да какъ же мнѣ не знать...

Маша опять покачала головой и взглянула украдкой на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ замѣтилъ этотъ взглядъ, пожалъ незаметно плечами и вышелъ въ другую комнату.

III.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ того вечера. Лучковъ ни разу не былъ у Перекатовыхъ. За то Кистеръ посѣщалъ ихъ довольно часто. Ненила Макарьевна его полюбила, но не она привлекала Федора Федоровича. Маша ему нравилась. Какъ человѣкъ неопытный и невыболтавшійся, онъ находилъ большое удовольствіе въ такъ-называемомъ обмѣнѣ чувствъ и мыслей и добродушно вѣрилъ въ возможность возвышенной и спокойной дружбы между молодымъ человѣкомъ и молодой дѣвушкой.

Вотъ однажды тройка сытыхъ и рѣзвыхъ лошадокъ примчала его къ дому г-на Перекатова. День былъ лѣтній, душный и знойный. Нигдѣ ни облака. Синева неба по краямъ сгущалась до того, что глазъ принималъ ее за грозовую тучу. Домъ, построенный г-мъ Перекатовымъ на лѣтнее жительство съ обыкновенной степной предусмотрительностью, былъ обращенъ окнами прямо на солнце: Ненила Макарьевна съ утра велѣла затворить всѣ ставни. Кистеръ вошелъ въ гостиную, прохладную и полумрачную. Свѣтъ ложился длинными чертами по полу, короткими и частыми поло-

сками по стѣнамъ. Семейство Перекатовыхъ ласково встрѣтило Федора Федоровича. Послѣ обѣда, Ненила Макарьевна отправилась на отдыхъ къ себѣ въ спальню; г-нъ Перекатовъ умѣстился въ гостиной на диванѣ; Маша сѣла подлѣ окна за пяльцы; Кистеръ противъ нея. Маша, не раскрывая палецъ, слегка приложилась къ нимъ грудью, подперла голову руками. Кистеръ началъ ей что-то рассказывать; она слушала его безъ вниманія, какъ-будто ждала чего-то, изрѣдка взглядывала на батюшку и вдругъ протянула руку.

— Послушайте, Федоръ Федорычъ... да только говорите потише... папешка заснулъ.

Дѣйствительно, г-нъ Перекатовъ, по обыкновенію, заснулъ сидя на диванѣ, закинувъ голову и раскрывъ немного ротъ.

— Что вамъ угодно? съ любопытствомъ спросилъ Кистеръ.

— Вы будете надо мной смѣяться.

— Помилуйте!..

Маша опустила голову, такъ-что только верхняя часть ея лица осталась незакрытой руками, и въ полголоса, не безъ замѣшательства, спросила Кистера: отъ-чего онъ никогда не привезетъ съ собой г-на Лучкова?

Маша не въ первый разъ упоминала о немъ послѣ бала... Кистеръ молчалъ.

Маша боязливо выглянула изъ-за переплетенныхъ палецъ.

— Могу ли я откровенно сказать вамъ мое мнѣніе? спросилъ ее Кистеръ.

— Отъ-чего же нѣтъ? разумѣется.

— Мнѣ кажется, Лучковъ произвелъ на васъ большое впечатлѣніе!

— Нѣтъ! отвѣчала Маша и нагнулась, какъ-бы желая рассмотреть поближе узоръ; узкая, золотая полоска свѣта легла ей на волосы:—нѣтъ... но...

— Что но? проговорилъ Кистеръ съ улыбкой.

— Вотъ видите ли, сказала Маша и приподняла вдругъ голову, такъ-что полоска пришлась ей прямо на глаза:—вотъ видите ли... онъ...

— Онъ васъ занимаетъ...

— Ну... да... сказала Маша съ разстановкой, покраснѣла, отвернула немного голову въ сторону и въ такомъ положеніи продолжала говорить:—въ немъ есть что-то такое... Вѣдь вотъ вы смѣетесь надо мной, прибавила она вдругъ, быстро взглянувъ на Федора Федоровича.

Федоръ Федоровичъ улыбался самой кроткой улыбкой.

— Я вамъ все говорю, что только мнѣ вздумается! продолжала Маша:—я знаю, что вы мой... (она хотѣла-было-сказать «другъ») хорошій пріятель.

Кистеръ наклонился. Маша помолчала и робко протянула ему

руку. Федоръ Федоровичъ почтительно пожалъ кончики ея пальцы.

— Онъ, должно быть, большой чудакъ, замѣтила Маша и опять облокотилась на пальцы.

— Чудакъ?

— Конечно; онъ меня и занимаетъ какъ чудакъ! хитро прибавила Маша.

— Лучковъ—благородный, замѣчательный человекъ, съ важно-стью возразилъ Кистеръ. — Его не знаютъ у насъ въ полку, не знаютъ, видятъ въ немъ только наружную сторону. Конечно, онъ ожесточенъ, страненъ, нетерпѣливъ, но сердце у него доброе, благородное.

Маша жадно слушала Федора Федоровича.

— Я его привезу къ вамъ. Я скажу ему, что васъ бояться нечего, что смѣшно ему дичиться... Я ему скажу... О! да я уже знаю, что сказать... То-есть, вы однакожь не думайте, чтобъ я... Кистеръ смѣшался; Маша тоже смѣшалась...—Да, и наконецъ, вѣдь онъ вамъ только такъ... нравится...

— Ну, конечно, какъ многіе мнѣ нравятся.

Кистеръ плутовски посмотрѣлъ на нее.—Хорошо, хорошо, промолвилъ онъ съ довольнымъ видомъ:—я вамъ его привезу...

— Да вѣтъ...

— Хорошо; я жъ вамъ говорю, все будетъ хорошо... Ужъ я все устрою.

— Какой вы... съ улыбкой замѣтила Маша, и погрозила на него.

Г-нъ Перекатовъ зѣвнулъ и открылъ глаза.—А я, кажется, заснулъ, пробормоталъ онъ съ удивленіемъ. Маша съ Кистеромъ заговорили о Шиллерѣ.

Однакожь Федору Федоровичу было не совсѣмъ—ловко; въ немъ какъ-будто шевельнулась зависть... и онъ благородно негодовалъ на себя. Ненила Макарьевна сошла въ гостиную. Подали чай. Г-нъ Перекатовъ заставилъ свою собаку прыгнуть нѣсколько разъ черезъ палку и объявилъ потомъ, что онъ самъ ее всему выучилъ, при чемъ собака скромно вертѣла хвостомъ, облизывалась и моргала. Когда же наконецъ зной уменьшился и повѣялъ вечерній вѣтерокъ, все семейство Перекатовыхъ отправилось гулять въ березовую рощу. Федоръ Федоровичъ безпрестанно взглядывалъ на Машу, какъ-бы желая дать ей знать, что онъ исполнитъ ея порученіе; Машѣ было и на себя досадно, и весело, и жутко. Кистеръ вдругъ ни съ того, ни съ сего заговорилъ довольно-высокопарно о любви вообще, о дружбѣ... но, замѣтивъ наблюдательный и ясный взглядъ Ненилы Макарьевны, также внезапно перемѣнилъ разговоръ.

Ярко и пышно зардѣлась заря. Передъ березовой рощей разстался ровный и широкій лугъ. Машѣ вздумалось играть въ горѣлки. Явились горничныя, лакеи; г-нъ Перекатовъ сталъ съ

своей супругой, Кистеръ съ Машей. Горничныя бѣгали съ подбострастными и легкими криками; каммердинеръ г-на Перекатова осмѣлился разлучить Ненилу Макарьевну съ ея супругомъ; одна горничная почтительно поддалась барину; Ѳедоръ Ѳедоровичъ не разставался съ Машей. Всякій разъ, становясь на свое мѣсто, онъ ей говорилъ два-три слова; Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ бѣга, съ улыбкой слушала его, проводила рукой по волосамъ, веселилась какъ ребенокъ, взглядывала и задумывалась, какъ женщина. Послѣ ужина, Кистеръ уѣхалъ.

Ночь была тихая, звѣздная. Кистеръ снялъ фуражку. Онъ волновался; ему слегка щемило горло. «Дá», сказалъ онъ наконецъ почти вслухъ: «она его любитъ; я сблизу ихъ; я оправдаю ея довѣренность». Хотя еще ничто не доказывало явнаго расположенія Маши къ Лучкову, хотя, по собственнымъ ея словамъ, онъ только возбуждалъ ея любопытство, но Кистеръ успѣлъ уже сочинить себѣ цѣлую повѣсть, предписать себѣ свою обязанность. Онъ рѣшился пожертвовать собою, тѣмъ болѣе, что «пока, кромѣ искренней привязанности, я ничего вѣдь къ ней не чувствую», думалъ онъ. Въ другомъ человѣкѣ, подобныя затѣи показались бы смѣшными; но Кистеръ дѣйствительно былъ въ состояніи принести себя въ жертву дружеству, признанному долгу. Онъ много читалъ, и потому воображалъ себя опытнымъ и даже проникательнымъ; онъ не сомнѣвался въ истинѣ своихъ предположеній; онъ не подозрѣвалъ, что жизнь безконечно-разнообразна и, какъ природа, не повторяется никогда. Понемногу Ѳедоръ Ѳедоровичъ пришелъ въ восторгъ. Онъ съ умиленіемъ началъ думать о своемъ призваніи. Быть посредникомъ между любящей, робкой дѣвушкой и человѣкомъ, можетъ-быть, только потому ожесточеннымъ, что ему ни разу въ жизни не пришлось любить и быть любимымъ, сблизить ихъ, растолковать имъ ихъ же собственные чувства, и потомъ удалиться, не давъ никому замѣтить величіе своей жертвы,—какое прекрасное, какое священное дѣло! Не смотря на прохладу ночи, лицо добраго мечтателя пылало...

На другой день, онъ рано поутру отправился къ Лучкову.

Авдѣй Ивановичъ по обыкновенію лежалъ на диванѣ и курилъ трубку. Кистеръ поздоровался съ нимъ.

— Я былъ вчера у Перекатовыхъ, сказалъ онъ съ нѣкоторою торжественностью.

— А! равнодушно возразилъ Лучковъ и зѣвнулъ.

— Да. Они прекрасные люди.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Мы говорили о тебѣ.

— Много чести; съ кѣмъ это?

— Съ стариками... и съ дочерью.

— А! съ этой... толстенькой?

— Она прекрасная дѣвушка, Лучковъ.

— Ну, да, всѣ онѣ прекрасны.

— Нѣтъ, Лучковъ, ты ея не знаешь. Я еще не встрѣчалъ такой умной, доброй и чувствительной дѣвицы.

Лучковъ зацѣлъ въ носъ: «Въ гамбургской газетѣ не ты ли читаешь, какъ въ запрошломъ лѣтѣ Минихъ побѣждалъ...»

— Да я жь тебѣ говорю...

— Ты въ нее влюбленъ, Одея, насмѣшливо замѣтилъ Лучковъ.

— Совсѣмъ нѣтъ. И не думалъ.

— Одея, ты въ нее влюбленъ!

— Что за вздоръ! Будто ужь нельзя...

— Ты въ нее влюбленъ, другъ ты мой сердечный, протяжно шпѣлъ Авдѣй Ивановичъ.

— Эхъ, Авдѣй, какъ тебѣ не стыдно! съ досадою проговорилъ Кистеръ.

Со всякимъ другимъ Лучковъ тутъ-то и зацѣлъ бы пуще прежняго; Кистера онъ никогда не дразнилъ. «Ну, ну, шпрехенъ зи дейчъ, Иванъ Андреичъ», проворчалъ онъ вполголоса: «не сердись.»

— Послушай, Авдѣй, съ жаромъ заговорилъ Кистеръ и сѣлъ подлѣ него.—Ты знаешь, я тебя люблю. (У Лучкова неприятно покривилось лицо.) Но одно мнѣ въ тебѣ, признаюсь, не нравится... именно то, что ты ни съ кѣмъ знаться не хочешь, все дома сидишь, всякаго сближенія съ хорошими людьми избѣгаешь. Вѣдь наконецъ есть же хорошіе люди! Ну, положимъ, ты былъ обманутъ въ жизни, ожесточился, что ли; не бросайся на шею каждому, но почему же тебѣ всѣхъ отвергать? Вѣдь этакъ ты и меня, пожалуй, когда-нибудь прогонишь.

Лучковъ хладнокровно продолжалъ курить.

— Отъ-того-то тебя никто и не знаетъ... кромѣ меня; иной, пожалуй, Богъ-вѣсть что о тебѣ думаетъ... Авдѣй! прибавилъ Кистеръ послѣ небольшого молчанія: — ты въ добродѣтель не вѣришь, Авдѣй?

— Какъ не вѣрить... вѣрю... проворчалъ Лучковъ.

Кистеръ съ чувствомъ пожалъ ему руку.

— Мнѣ хочется, продолжалъ онъ тронутымъ голосомъ: — примирить тебя съ жизнью. Ты у меня повеселѣешь, расцвѣтешь... именно расцвѣтешь. Какъ я-то буду радъ тогда! (Кистеръ улыбался какъ дитя.) Только ты мнѣ позволяй распоряжаться иногда тобою, твоимъ временемъ. У насъ сегодня что? понедѣльникъ... завтра вторникъ... въ среду, да, въ среду мы съ тобой поѣдемъ къ Перекатовымъ. Они тебѣ такъ рады будутъ... и мы тамъ весело время проведемъ... А теперь дай мнѣ трубочку выкурить.

Авдѣй Ивановичъ недвижно лежалъ на диванѣ и глядѣлъ въ потолокъ. Кистеръ закурилъ трубку, подошелъ къ окну и сталъ барабанить пальцами по стекламъ.

— Такъ говорили обо мнѣ? спросилъ вдругъ Авдѣй.

— Говорили, значительно возразилъ Кистеръ.

— Что жь такое говорили?

— Ну, ужь говорили. Весьма желаютъ съ тобой познакомиться.

— Кто же именно?

— Вышь какой любопытный!

Авдѣй кликнулъ слугу и приказалъ сѣдлатъ себѣ лошадь.

— Куда ты?

— Въ манежъ.

— Ну, прощай. Такъ ѣдемъ, что-ли, къ Перекатовымъ?

— Ёдемъ, пожалуй, дѣшнво проговорилъ Лучковъ и потянулся.

— Молодець! воскликнулъ Кистеръ, вышелъ на улицу, задумался и глубоко вздохнулъ.

IV.

Маша подходила къ дверямъ гостиной, когда доложили о приходѣ гг. Кистера и Лучкова. Она тотчасъ вернулась въ свою комнату, подошла-было къ зеркалу... Ея сердце сильно билось. Она испугалась своей неосторожности, хотѣла во всемъ сознаться матери, бранила себя... Дѣвушка пришла позвать ее въ гостиную. Маша выпила немного воды, остановилась раза два на лѣстницѣ и наконецъ сошла внизъ. Г-на Перекатова дома не было. Ненила Макарьевна сѣдѣла на диванѣ; Лучковъ на креслахъ, въ мундирѣ, съ шляпой на колѣняхъ; Кистеръ возлѣ него. Оба они приподнялись при входѣ Маши—Кистеръ съ обычной дружелюбной улыбкой, Лучковъ съ торжественнымъ и натянутымъ видомъ. Она съ смущеніемъ поклонилась имъ и подошла къ матери. Ненила Макарьевна отличалась двумя рѣдкими качествами: тишиной обращенія и уваженіемъ къ свободѣ другихъ; она никого не стѣсняла; притомъ, въ присутствіи Кистера, разговоръ никакъ не могъ прерываться... Первые десять минутъ прошли благополучно. Маша отдала и начала понемногу наблюдать за Лучковымъ. Онъ отвѣчалъ на разспросы хозяйки коротко, но неспокойно; онъ робѣлъ, какъ всѣ самолюбивые люди. Ненила Макарьевна предложила гостямъ погулять по саду, а сама вышла только на балконъ. Она не почитала необходимою не спускать глазъ съ дочки и кивлять за нею всюду съ толстымъ ридикюлемъ въ рукахъ, по примѣру многихъ степныхъ матерей. Прогулка продолжалась довольно-долго. Маша говорила больше съ Кистеромъ, но не смѣла взглянуть ни на него, ни на Лучкова. Авдѣй Ивановичъ съ ней не заговаривалъ; въ голосѣ Кистера замѣтно было волненіе. Онъ что-то много смѣялся и болталъ... Они подошли къ рѣчкѣ. Въ полтора саженьяхъ отъ берега росла водяная лилія и словно покоилась на гладкой поверхности воды, устланной широкими и круглыми листьями.

— Какой красивый цвѣтокъ! замѣтила Маша.

Не успѣла она выговорить этихъ словъ, какъ уже Лучковъ вынулъ палашъ, ухватился одной рукой за тонкія вѣтки ракиты и, нагнувшись всѣмъ тѣломъ надъ водой, сшибъ головку цвѣтка. «Здѣсь глубоко, берегитесь!» съ испугомъ вскрикнула Маша. Лучковъ концомъ палаша пригналъ цвѣтокъ къ берегу, къ самымъ ей

погамъ. Она наклонилась, подняла цвѣтокъ и съ нѣжнымъ, радостнымъ удивленіемъ поглядѣла на Авдѣя. «Браво!» закричалъ Кистеръ. — А я не умѣю плавать... отрывисто проговорилъ Лучковъ. Это замѣчаніе не понравилось Машѣ. «Зачѣмъ онъ это сказалъ?» подумала она... Ужъ ей было жаль найти въ немъ недостатки...

Лучковъ съ Кистеромъ остались у г-на Перекатова до вечера. Что-то новое, небывающее происходило въ душѣ Маши; задумчивое неловкое изображалось не разъ на лицѣ ея. Она какъ-то двигалась медленнѣе, не вспыхивала отъ взглядовъ матери, — напротивъ, сама какъ-будто ихъ искала, какъ-будто сама вопрошала ее. Въ продолженіе всего вечера, Лучковъ оказывалъ ей какое-то неловкое вниманіе; но даже эта неловкость правилась ея невинному самолюбію. Когда жъ они оба уѣхали съ обѣщаніемъ побывать опять на-дняхъ, она тихонько пошла въ свою комнату, и долго, какъ-бы съ изумленіемъ, глядѣла кругомъ. Ненила Макарьевна пришла къ ней, поцаловала и обняла ее, по обыкновенію. Маша раскрыла губы, хотѣла-было заговорить съ матерью — и не сказала ни слова. Она и хотѣла признаться, да не знала, въ чемъ. Какъ молодое вино, въ ней тихо бродила душа. На ночномъ столикѣ, въ чистомъ стаканѣ, лежалъ на водѣ цвѣтокъ, сорванный Лучковымъ. Уже въ постели, Маша приподнялась осторожно, оперлась на локоть, и ея дѣвственныя губы трепетно прикоснулись бѣлыхъ и свѣжихъ лепестковъ...

— Ну, что? спросилъ на другой день Кистеръ своего товарища: — правятся тебѣ Перекатовы? Правъ я былъ? а? скажи!

Лучковъ не отвѣчалъ.

— Нѣтъ, скажи, скажи.

— А право не знаю.

— Ну, полно!

— Эта... какъ-бишь ее зовутъ... Машенька — ничего, недурна.

— Ну, вотъ видишь... сказалъ Кистеръ — и замолчалъ.

Лучкову понравилась Маша, какъ хорошенькая, полненькая... и глупенькая дѣвочка. Русскому человѣку здравый смыслъ врожденъ: Лучковъ чувствовалъ, что Кистеръ преувеличилъ достоинства Маши, но самъ еще болѣе ошибался на ея счетъ. Какъ человѣкъ неразвитый и грубый, онъ принялъ ея застѣчивость за глупость. Это, впрочемъ, его нисколько не смущало — чуть не радовало. Дней черезъ пять, онъ самъ предложилъ Кистеру съѣздить къ Перекатовымъ. Одинъ онъ бы къ нимъ не поѣхалъ; въ отсутствіи Федора Федоровича, ему бы пришлось вести разговоръ; а этого онъ не умѣлъ и боялся.

Во второй прїездъ обоихъ друзей, Маша была гораздо-развязнѣе; въ ней совершился переломъ. Она теперь втайнѣ радовалась тому, что не «обезпокоила» маменьки непрошеными признаніями. Авдѣй передъ обѣдомъ вызвался сѣсть на молодую, необѣзженную лошадь и, не смотря на ея бѣшеные скачки, укротилъ ее совершенно.

Вечеромъ онъ было-расходился, пустился шутить и хохотать—и хотя скоро опомнился, однакожь успѣлъ произвести мгновенное, не-приятное впечатлѣніе на Машу. Она сама еще не знала, какое именно чувство въ ней возбуждалъ Лучковъ, но все, что въ немъ ей не нравилось, приписывала она вліянію несчастій, одиночества...

Пріятели стали посѣщать Перекатовыхъ каждую недѣлю. Между-тѣмъ, положеніе Кистера становилось болѣе и болѣе тягостнымъ. Онъ не раскаявался... нѣтъ, но желалъ по-крайней-мѣрѣ сократить время своего искуса. Привязанность его къ Машѣ увеличивалась съ каждымъ днемъ; она сама къ нему благоволила; но быть все только посредникомъ, наперсникомъ, даже другомъ—такое тяжелое, неблагоприятное ремесло! Холодно-восторженные люди много толкуютъ о святости страданій, о блаженствѣ страданій... но теплому, простому сердцу Кистера онъ не доставляли никакого блаженства—хотя и онъ не безъ горькаго удовольствія не разъ тогда прочелъ шиллерову: «Resignation». Наконецъ, однажды, когда Лучковъ, уже совсѣмъ-одѣтый, зашелъ за нимъ, и коляска подѣхала къ крыльцу—Федоръ Федоровичъ, къ изумленію пріятеля, объявилъ ему напрямикъ, что остается дома. Лучковъ просилъ, досадовалъ, сердился... Кистеръ отговорился головою болью. Лучковъ отправился одинъ.

Бреттеръ во многомъ измѣнился въ послѣднее время. Товарищей онъ оставлялъ въ покоѣ, къ новичкамъ не приставалъ—и хотя не расцвѣлъ душою, какъ предсказывалъ ему Кистеръ, однако дѣйствительно поуспокоился. Его и прежде нельзя было назвать разочарованнымъ человѣкомъ—онъ почти ничего не видалъ и не испыталъ—и потому не диво, что Маша занимала его мысли. Благодаря постоянному присутствію Федора Федоровича, онъ благополучно пережилъ первыя мгновенія знакомства, самыя для него невыгодныя мгновенія. Впрочемъ, сердце его не смягчилось нисколько; только жолчь въ немъ угомонилась. Чувства Маши къ нему были страннаго рода: она почти никогда не глядѣла ему прямо въ лицо, не умѣла разговаривать съ нимъ... Когда жъ имъ случалось оставаться вдвоемъ, Машѣ становилось страхъ-неловко. Она принимала его за человѣка необыкновеннаго и робѣла передъ нимъ, волновалась, воображала, что не понимаетъ его, не заслуживаетъ его довѣренности; безотрадно, тяжело, но безпрестанно думала о немъ. Онъ привлекалъ ее какъ бабочку свѣчка. Напротивъ, присутствіе Кистера облегчало ее и располагало къ веселости, хотя не радовало и не волновало; съ нимъ она могла болтать по часамъ, опиралась на руку его, какъ на руку брата, дружелюбно глядѣла ему въ глаза, смѣялась отъ его смѣха—и рѣдко вспоминала о немъ. Въ Лучковѣ было что-то загадочное для мечтательной молодой дѣвушки; она чувствовала, что душа его темна «какъ лѣсъ» и силилась проникнуть въ этотъ таинственный мракъ... Такъ-точно дѣти долго смотрять въ глубокой колодезь, пока раз-

глядятъ наконецъ на самомъ дѣлѣ неподвижную, черную воду... А Кистеръ былъ весь прозраченъ какъ хрусталь на солнцѣ... Что жъ дѣлать! Люди неопытные ищутъ красоты и истины внѣ ежедневной, простой, человѣческой жизни...

При входѣ Лучкова, одного, въ гостиную, Маша сперва испугалась... но потомъ обрадовалась. Ей ужъ не разъ казалось, что между Лучковымъ и ею существуетъ какое-то недоразумѣніе, что онъ до-сихъ-поръ не имѣлъ случая высказаться, что ему мѣшалъ Кистеръ, на котораго она даже внутренно сердилась иногда... Лучковъ объявилъ причину отсутствія Кистера; старики изъявили свое сожалѣніе; но Маша съ недоувѣрчивостью глядѣла на Авдѣя и томилась ожиданіемъ. Послѣ обѣда, они остались одни. Маша, не зная что сказать, сѣла за фортепяно; пальцы ея торопливо и треметно забѣгали по клавишамъ; она безпрестанно останавливалась и ждала перваго слова... Лучковъ не понималъ и не любилъ музыки. Маша заговорила съ нимъ о Россіи (Россіи только-что входилъ тогда въ моду), о Моцартѣ... Авдѣй Ивановичъ отвѣчалъ: «да-съ, нѣтъ-съ, какже-съ, прекрасно»—и только. Маша заиграла блестящія варьяціи на россійевскую тему. Лучковъ слушалъ, слушалъ... и когда наконецъ она обратилась къ нему, лицо его выражало такую неліцемерную скуку, что Маша тотчасъ же вскочила и захлопнула фортепяно. Она подошла къ окну и долго глядѣла въ садъ; Лучковъ не трогался съ мѣста и все молчалъ. Нетерпѣніе начинало смѣнять робость въ душѣ Маши. «Что жь?» думала она: «не хочешь... или не можешь?» Очередь робить была за Лучковымъ. Онъ ощущалъ опять обычную, томительную неуувѣренность; онъ ужъ злился... «Чортъ же меня дернулъ связаться съ дѣвчонкой», бормоталъ онъ про себя... А между-тѣмъ, какъ легко было въ это мгновеніе тронуть сердце Маши! Самое ея нетерпѣніе такъ громко говорило въ пользу Лучкова... Что бы ни сказалъ такой необыкновенный, хотя и странный человѣкъ, какимъ она его воображала — она бы все поняла, все извѣстила, всему бы повѣрила... Но это тяжелое, глупее молчаніе! Слова досады наворачивались у ней на глазакъ. «Если онъ не хочетъ объясниться, если я точно не стою его довѣренности, зачѣмъ же ѣздить онъ къ намъ? Или, можетъ-быть, я не умѣю заставить его высказаться?»... И она быстро обернулась—и такъ вопросительно, такъ настойчиво взглянула на него, что онъ не могъ не понять ея взгляда, не могъ долѣе молчать...

— Марья Сергѣевна, произнесъ онъ зачинаясь: — я... у меня... я вамъ долженъ что-то сказать...

— Говорите, быстро возразила Маша.

Лучковъ нерѣшительно посмотрѣлъ кругомъ.

— Я теперь не могу...

— Отъ-чего же?

— Я бы желалъ поговорить съ вами наединѣ...

— Мы и теперь одни.

— Да... но...

На всякаго другаго Маша поглядѣла бы гордо и холодно, потребовала бы объясненій... «Если я откажу ему» подумала она: «все кончено»... Любопытство погубило Евву...

— Я согласна, сказала она наконецъ.

— Когда же?

Маша дышала быстро и неровно...

— Завтра... вечеромъ. Вы знаете рожицу надъ Долгимъ-Лугомъ?..

— За мельницей?

Маша кивнула головой.

— Въ которомъ часу?

— Ждите...

Больше она не могла ничего выговорить; голосъ ея перервался... она поблѣднѣла и проворно вышла изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, г-нъ Перекатовъ, съ свойственной ему любезностью, провожалъ Лучкова до передней, съ чувствомъ жалѣя ему руку и просилъ «не забывать»; потомъ, отпустивъ гостя, съ важностью замѣтилъ человѣку, что не худо бы ему остричься—и, не дождавшись отвѣта, съ озабоченнымъ видомъ вернулся къ себѣ въ комнату, съ тѣмъ же озабоченнымъ видомъ присѣлъ на диванъ и тотчасъ же невинно заснулъ.

— Ты что-то блѣдна сегодня, говорила Ненила Макарьевна своей дочери вечеромъ того же дня.—Здорова ли ты?

— Я здорова, маменька.

Ненила Макарьевна поправила у ней на шеѣ косынку.

— Ты очень-блѣдна; посмотри на меня, продолжала она съ тою материнскою заботливостью, въ которой все-таки слышится родительская власть:—ну, вотъ и глаза твоя не веселы. Ты нездорова, Маша.

— У меня голова немного болитъ, сказала Маша, чтобъ какъ-нибудь отдѣлаться.

— Ну, вотъ, я знала. Ненила Макарьевна приложила руку къ лбу Маши:—однако жару въ тебѣ нѣтъ.

Маша нагнулась и подняла съ пола какую-то совершенно-ненужную нитку.

Ненила Макарьевна чувствовала, что дѣло не ладно; но, какъ умная женщина, она тоже знала, что кротость сильнѣе силы... ея руки тихо легли вокругъ тонкаго стана Маши.

— Ты что-то какъ-будто-бы мнѣ сказать хочешь, ласково проговорила она, не распуская рукъ.

Маша внутренно вздрогнула.

— Я? Нѣтъ, маменька.

Мгновенное смущеніе Маши не ускользнуло отъ родительскаго вниманія.

— Право, хочешь... Подумай-ка.

Но Маша успѣла оправиться и, вмѣсто отвѣта, со смѣхомъ поцаловала руку матери.

— И будто нечего тебѣ сказать мнѣ?

— Ну, право же, нечего.

— Я тебѣ вѣрю, возразила Ненила Макарьевна послѣ непродолжительнаго молчанія. — Я знаю, у тебя нѣтъ ничего отъ меня скрытаго... Не правда ли?

— Конечно, маменька.

Маша, однакожь, не могла не покраснѣть немного.

— И хорошо дѣлаешь. Грѣшно было бы тебѣ скрыватья отъ меня... Ты вѣдь знаешь, какъ я тебя люблю, Маша.

— О, да, маменька! И Маша прижалась къ ней.

— Ну, полно, довольно. (Ненила Макарьевна прошла по комнатѣ.) Ну, скажи же мнѣ, продолжала она голосомъ челоуѣка, который чувствуетъ, что вопросъ его не имѣетъ никакого особеннаго значенія: — о чемъ ты сегодня разговаривала съ Авдѣемъ Иванычемъ?

— Съ Авдѣемъ Иванычемъ? спокойно повторила Маша. — Да такъ, обо всемъ...

— Что, онъ тебѣ нравится?

— Какъ же, нравится.

— А помнишь, какъ ты желала съ нимъ познакомиться, какъ волновалась?..

Маша отвернулась и засмѣялась.

— Какой онъ странный! добродушно замѣтила Ненила Макарьевна.

Маша хотѣла-было заступиться за Лучкова, да прикусила язычокъ.

— Да, конечно, проговорила она довольно-небрежно: — онъ чудакъ, но все же онъ хорошій челоуѣкъ!

— О, да!.. Что Ѳедоръ Ѳедорычъ не пріѣхалъ?

— Видно нездоровъ. Ахъ, да! кстати: Ѳедоръ Ѳедорычъ хотѣлъ мнѣ подарить собачку... Ты мнѣ позволишь?..

— Что? принять его подарокъ?

— Да.

— Разумѣется.

— Ну, благодарствуй, сказала Маша: — вотъ благодарствуй!

Ненила Макарьевна дошла до двери и вдругъ вернулась назадъ.

— А помнишь ты свое обѣщаніе, Маша?

— Какое?

— А ты хотѣла мнѣ сказать, когда влюбишься?

— Помню.

— Ну, что жъ?.. Еще не время? (Маша звонко разсмѣялась.) Посмотри-ка мнѣ въ глаза.

Маша ясно, смѣло и дѣтски-невинно взглянула на свою матушку. Люди умные, но слишкомъ-увѣренные въ своемъ умѣ, часто

ошибаются, не отъ недостатка проникательности, но именно отъ избытка увѣренности.

— Не можетъ быть! подумала Ненила Макарьевна и успокоилась.—Гдѣ ей меня обмануть!.. И съ чего я взяла?.. Она еще совершенный ребенокъ...

И вотъ какъ дѣти поступаютъ иногда съ своими родителями!... Но въ одномъ Ненила Макарьевна была права: Маша точно еще не понимала движеній собственнаго сердца.

v.

Кистеръ легъ уже спать, когда Лучковъ вошелъ къ нему въ комнату. Лицо бреттера никогда не выражало *одного* чувства: такъ и теперь — притворное равнодушіе, грубая радость, сознание своего превосходства... множество различныхъ чувствъ разыгрывалось на его чертахъ.

— Ну, что? ну, что? торопливо спросилъ его Кистеръ.

— Ну, что! Былъ. Тебѣ кланяются.

— Что? они всѣ здоровы?

— Что имъ дѣлается!

— Спрашивали, отъ-чего я не пріѣхалъ?

— Спрашивали, кажется.—Лучковъ поглядѣлъ въ потолокъ и запылъ прескверно, префальшиво. Кистеръ опустилъ глаза и задумался.

— А вѣдь вотъ, — хриплымъ и рѣзкимъ голосомъ промолвилъ Лучковъ: — вотъ, ты умный человекъ, ты ученый человекъ; а вѣдь тоже иногда, съ позволенія сказать, дичь порешь.

— А что?

— А вотъ что. Напримѣръ, на счетъ женщинъ. Вѣдь ужъ какъ ты ихъ превозносишь! Стихи объ нихъ читаешь! Всѣ онѣ у тебя ангелы... Хороши ангелы!

— Я женщинъ люблю и уважаю, но...

— Ну, конечно, конечно, перебилъ его Авдѣй.—Я вѣдь съ тобой не спорю. Гдѣ мнѣ! Я, разумѣется, человекъ простой.

— Я хотѣлъ сказать, что... Однако, почему ты именно сегодня... именно теперь... заговорилъ о женщинахъ?

— Такъ!—Авдѣй значительно улыбнулся.—Такъ!

Кистеръ прозительно поглядѣлъ на своего пріятеля. Онъ подумалъ (чистая душа!), что Маша дурно съ нимъ обошлась,—пожалуй, помучила его, какъ однѣ женщины умѣютъ мучить... какъ-будто въ такомъ случаѣ Лучковъ пришелъ бы къ нему, и съ такимъ лицомъ... Но душа Кистера была чиста и невинна...

— Ты огорченъ, мой бѣдный Авдѣй, признайся...

Лучковъ расхохотался.

— Ну, огорчаться мнѣ, кажется, нѣтъ, промолвилъ онъ съ разстановкой, самодовольно разглаживая усы. — Нѣтъ, вотъ видишь ли что, Федя, продолжалъ онъ тономъ наставника: — я хо-

тѣлѣ тебѣ только замѣтить, что ты на-счетъ женщинъ ошибаешься, другъ мой... Повѣрь мнѣ, Федя, онѣ всѣ на одну стать. Стоить поклонотать немного, повертѣться около нихъ — и дѣло въ шляпѣ. Вотъ хотъ бы Маша Перекатова...

— Ну?

Лучковъ постучалъ ногой объ полъ и покачалъ головой. — Кажется, что во мнѣ такого особеннаго и привлекательнаго, а? Кажется, ничего. Вѣдь ничего? А вотъ завтра мнѣ назначено свиданье.

Кистеръ приподнялся, оперся на локоть и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Лучкова. — Вечеромъ, въ рошѣ... спокойно продолжалъ Авдѣй Ивановичъ. — Но ты не думай чего-нибудь такого. Я только такъ. Знаешь — скучно. Дѣвочка хорошенькая... ну, думаю, что за бѣда? Жениться — не женюсь... а такъ трякну старинной. Бабиться не люблю — а дѣвчонку потѣшить можно... вмѣстѣ послушаемъ соловьевъ. Это — по-настоящему, твое дѣло; да вышь, у этого бабья глазъ нѣту. Что я, кажись, передъ тобой?..

Долго Лучковъ потѣшался надъ Машей... откуда рѣчи брались. Но Кистеръ его не слушалъ. У него голова пошла кругомъ. Онъ блѣднѣлъ и проводилъ рукою по лицу. Лучковъ покачивался въ креслахъ, жмурился, потягивался — и приписывая ревности волненіе Кистера, чуть не задыхался отъ удовольствія. Но Кистера мучила не ревность: онъ былъ оскорбленъ, глубоко оскорбленъ, не самимъ признаніемъ (они другъ другу могли довѣрить свои тайны), но грубой, наглою небрежностью Авдѣя, его равнодушнымъ и презрительнымъ отзывомъ о Машѣ. Онъ продолжалъ пристально глядѣть на бреттѣра — и, казалось, въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ его черты. Онъ чувствовалъ, что наступалъ часъ «разочарованія». Такъ вотъ изъ чего хлопоталъ онъ! Вотъ для чего жертвовалъ собственной наклонностью! Вотъ оно, благодатное дѣйствіе любви!

— Авдѣй... развѣ ты ея не любишь? пробормоталъ онъ наконецъ.

— О невинность! о Аркадія! съ злобнымъ хохотомъ возразилъ Авдѣй.

Добрый Кистеръ и тутъ не поддался. Можетъ-быть, Авдѣй злится и «ломается» по привычкѣ... Онъ не нашелъ еще новыхъ словъ для выраженія новыхъ ощущеній. Да и въ немъ самомъ — въ Кистерѣ — не скрывается ли другое чувство подъ негодованіемъ? Не отъ-того ли такъ неприятно поразило его признаніе Лучкова, что глѣ касалось Маши? Почему знать, можетъ-быть, Лучковъ дѣйствительно въ нее влюбленъ? Но нѣтъ! нѣтъ! тысячу разъ нѣтъ! Этотъ человѣкъ влюбленъ?.. Гадокъ этотъ человѣкъ съ своимъ жолчнымъ и желтымъ лицомъ, съ своими судорожными и кошачьими движеніями, съ приподнятымъ отъ радости горломъ!.. гадокъ!!! Нѣтъ, не такими словами высказалъ бы Кистеръ преданному другу тайну любви своей... Въ избыткѣ счастья, съ нѣжнымъ востор-

гомъ, съ свѣтлыми, обильными слезами на глазахъ, прижался бы онъ къ его груди...

— Что, братъ? заговорилъ Авдѣй: — не ожидалъ, признайся? и теперь самому досадно? а? завидно? признайся, Одея! а? а? Вѣдь изъ-подъ носу подтибрилъ у тебя дѣвчонку!

Кистеръ хотѣлъ—было высказаться и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ. — Объясняться... передъ Лучковымъ?? Ни за что! шепталъ онъ про себя. — Онъ меня не понимаетъ... пусть! Онъ, судя по себѣ, предполагаетъ во мнѣ одни дурныя чувства — пусть!

Авдѣй всталъ. — Я вижу, ты спать хочешь, проговорилъ онъ съ притворнымъ участіемъ:—я тебѣ не хочу мѣшать. Спи спокойно, другъ мой... спи!

И Лучковъ вышелъ, весьма-довольный собою.

Кистеръ не могъ заснуть до зари. Онъ съ лихорадочнымъ упрямствомъ перевертывалъ и передумывалъ одну и ту же мысль — занятіе, слишкомъ-извѣстное несчастнымъ любовникамъ: оно дѣйствуетъ на душу, какъ мѣхи на тлѣющей уголь.

— Если даже, думалъ онъ:—Лучковъ къ ней равнодушенъ, если она сама бросилась ему на шею, не долженъ онъ быть даже со мной, съ своимъ другомъ, такъ непочтительно, такъ обидно говорить о ней! Чѣмъ она виновата? Какъ не пожалѣть бѣдной, неопытной дѣвушки?

«Но не-уже-ли она ему назначила свиданіе? Назначила — точно назначила. Авдѣй не лжетъ; онъ никогда не лжетъ. Но, можетъ-быть, это въ ней такъ, одна фантазія... Признайтесь, г. Кистеръ, язвительно перебилъ онъ самого-себя: — вамъ бы очень этого хотѣлось, не правда ли?»

«Но она его не знаетъ... Онъ въ состояніи, пожалуй, оскорбить ее. Послѣ сегодняшняго дня, я ни за что не отвѣчаю... А не сами ли вы, г. Кистеръ, его расхваливали и превозносили? Не сами ли вы возбудили ея любопытство?.. Но кто жъ это зналъ? Кто это могъ предвидѣть?..»

«Что предвидѣть? Давно ли онъ пересталъ быть вашимъ другомъ?.. Да полно былъ ли онъ когда моимъ другомъ? Какое разочарованіе! Какой урокъ!»

Все прошедшее вихремъ крутилось передъ глазами Кистера.

— Да, я его любилъ, прошепталъ онъ наконецъ.—Отъ-чего же я разлюбилъ его? такъ скоро?... Да разлюбилъ ли я его?

«Нѣтъ, отъ-чего полюбилъ я его? Я одинъ?» Любящее сердце Кистера отъ-того именно и привязалось къ Авдѣю, что всѣ другіе его чуждались, и брѣттѣръ, какъ парія, первый протянулъ къ нему руки... Но добрый молодой человекъ не зналъ самъ, какъ велика его доброта.

— Мой долгъ, продолжалъ онъ: — предупредить Марью Сергѣевну. Но какъ? Какое право имѣете вы, г. Кистеръ, вмешиваться въ чужія дѣла, въ чужую любовь? Почему вы знаете, какого рода эта любовь? Можетъ-быть, и въ самомъ Лучковѣ... Нѣтъ! нѣтъ!

говорялъ онъ вслухъ, съ досадою, почти со слезами поправляя подушки: — этотъ человѣкъ камень...

«Я самъ виноватъ... я потерялъ друга... Хорошъ другъ! Хороша и она!

«Какой я гадкій эгоистъ! Нѣтъ—нѣтъ!! отъ глубины души желаю имъ счастья...

«Счастья! Да онъ смѣется надъ ней!..

«И зачѣмъ онъ себѣ усы красить? Ужь, право, кажется...

«Ахъ, какъ я смѣшонъ!» твердилъ онъ, засыпая.

На другой день утромъ, Кистеръ поѣхалъ къ Перекатовымъ. Въ-слѣдствіе глубокихъ соображеній, онъ убѣдился (или воображалъ, что убѣдился) въ томъ, что долъ повелѣваетъ ему видѣться съ Машей, — а Кистеръ не умѣлъ противиться долгу. Впрочемъ, честный юноша и не думалъ выдать своего пріятеля. При свиданіи, — и Кистеръ замѣтилъ большую переѣну въ Машѣ, и Маша нашла въ немъ переѣну; но промолчали оба. Все утро имъ было противъ обыкновенія неловко. Дома Кистеръ приготовилъ-было множество двусмысленныхъ рѣчей и намековъ, дружескихъ совѣтовъ, чувствительныхъ наставленій... но всѣ эти приготовленія оказались совершенно-безполезными. Маша смутно чувствовала, что Кистеръ за ней наблюдаетъ; ей казалось, что онъ съ намѣреніемъ значительно произноситъ инныя слова; но она также чувствовала въ себѣ волненіе и не вѣрила своимъ наблюденіямъ. «Какъ бы онъ не задумалъ остаться до вечера!» безпрестанно думала она и старалась дать ему понять, что онъ лишній. Съ своей стороны, Кистеръ принималъ ея неловкость, ея тревогу за очевидные признаки любви, и тѣмъ болѣе онъ за нее боялся, тѣмъ менѣе рѣшался заговорить о Лучковѣ; а Маша упорно молчала о немъ. Тяжело было бѣдному Федору Федоровичу. Онъ начиналъ наконецъ понимать собственныя чувства. Никогда Маша ему не казалась милѣй. Она видѣла, не спала всю ночь. Легкій румянецъ пятнами выступалъ на ея блѣдномъ лицѣ; станъ слегка сгибался; невольная, томная улыбка не сходила съ губъ; изрѣдка пробѣгала дрожь по ея поблѣднѣвшимъ плечамъ; взгляды тихо разгорались и быстро погасали... Ненила Макарьевна подѣла къ нимъ и, можетъ-быть, съ намѣреніемъ упомянула объ Авдѣѣ Ивановичѣ. Но Маша въ присутствіи матери вооружалась *jusqu'aux dents*, какъ говорятъ Французы, и не выдала себя нисколько. Такъ прошло все утро.

— Вы обѣдаете у насъ? спросила Ненила Макарьевна Кистера. Маша отвернулась.

— Нѣтъ, послѣдно произнесъ Кистеръ и взглянулъ на Машу. — Вы меня извините... обязанности службы... Ненила Макарьевна изъвила свое сожалѣніе, какъ водится; вслѣдъ за ней г. Перекатовъ. «Я никому не хочу мѣшать» хотѣлъ сказать Кистеръ Машѣ,

проходя мимо, но, вмѣсто того, наклонился, шепнулъ: «будьте счастливы... прощайте... берегитесь...» и скрылся.

Маша вздохнула отъ глубины души, а потомъ испугалась его отъѣзда. Чтѣ жь ее мучило? любовь или любопытство? Богъ-знаетъ; но, повторяемъ, и любопытство погубило Евву.

VI.

Долгимъ-Лугомъ называлась широкая и ровная поляна на правой сторонѣ рѣчки Сибжинки, въ верстѣ отъ имѣнія гг. Перекатовыхъ. Лѣвый берегъ, весь покрытый молодымъ густымъ дубнякомъ, круто возвышался надъ рѣчкой, почти заросшей лозниками, исключая небольшихъ «заводей», пристанища дикихъ утокъ. Въ полуверстѣ отъ рѣчки, по правую же сторону Долгаго-Луга, начинались покатыя, волнистые холмы, рѣдко усѣянные старыми берегами, кустами орѣшника и калины.

Солнце садилось. Мельница шумѣла и стучала вдали то громче, то тише, смотря по вѣтру. Господскіи табунъ лѣниво бродилъ по лугу; пастухъ шелъ, напѣвая, за стадомъ жадныхъ и пугливыхъ овецъ; сторожевыя собаки со скуки гнались за воронами. По рощѣ ходилъ скрестя руки Лучковъ. Его привязанная лошадь уже не разъ отозвалась нетерпѣливо на звонкое ржаніе жеребятъ и кобылъ. Авдѣй злился и робѣлъ, по обыкновенію. Еще неуверенный въ любви Маши, онъ уже сердился на нее, досадовалъ на себя... но волненіе въ немъ заглушало досаду. Онъ остановился наконецъ передъ огромнымъ зеленымъ кустомъ орѣшника и началъ хлыстикомъ сбивать крайніе листья...

Ему послышался легкій шумъ... онъ поднялъ голову... Въ десяти шагахъ отъ него стояла Маша, вся раскраснѣвшаяся отъ быстрой ходьбы, въ шляпкѣ, но безъ перчатокъ, въ бѣломъ платьѣ, съ наскоро-завязаннымъ платочкомъ на шеѣ. Она проворно опустила глаза и тихо покачнулась...

Авдѣй неловко и съ натянутой улыбкой подошелъ къ ней.

— Какъ я счастливъ... началъ-было онъ едва внятно.

— Я очень-рада... васъ встрѣтить... задыхаясь перебила его Маша.—Я обыкновенно гуляю здѣсь по вечерамъ... и вы...

Но Лучковъ не умѣлъ даже пощадить ея стыдливость, поддерживать ея невинную ложь.

— Кажется, Марья Сергѣевна, промолвилъ онъ съ достоинствомъ:—вамъ самимъ угодно было...

— Да... да... съ смущеніемъ возразила Маша.— Вы желали меня видѣть, вы хотѣли... Голосъ ея замеръ.

Лучковъ молчалъ.

Маша робко подняла глаза.

— Извините меня, началъ онъ, не глядя на нее:— я человѣкъ простой и не привыкъ объясняться... съ дамами... Я... я желаю

вамъ сказать... но, кажется, вы не расположены меня слушать...

— Говорите...

— Вы приказываете... Ну, такъ скажу вамъ откровенно, что уже давно, съ-тѣхъ-поръ, какъ я имѣлъ честь съ вами познакомиться...

Авдѣй остановился.

Маша ждала конца рѣчи.

— Впрочемъ, я не знаю, для чего это все вамъ говорю... Своѣй судьбы не перемѣнишь.

— Почему знать...

— Я знаю! мрачно возразилъ Авдѣй.—Я привыкъ встрѣчать ея удары!

Машѣ показалось, что *теперь* по-крайней-мѣрѣ не слѣдовало г. Лучкову жаловаться на судьбу...

— Есть добрые люди на свѣтѣ, съ улыбкой замѣтила она: — даже слишкомъ-добрые...

— Я понимаю васъ, Марья Сергѣевна и, повѣрьте, умѣю цѣнить ваше расположеніе... (Машѣ это слово не понравилось.)—Я... я... Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ... Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать... что вы мнѣ нравитесь, Марья Сергѣевна, чрезвычайно нравитесь...

— Надѣюсь! весело перебила его Маша, хотя сердце ея сжалось отъ ожиданія и страха.—Ахъ, посмотрите, Лучковъ (она до-тѣхъ-поръ никогда не называла его просто Лучковымъ), посмотрите, какой видъ!

Она указала ему на лугъ, весь испещренный длинными, вечерними тѣнями, весь алѣющей на солнцѣ...

Внутренно-обрадованный внезапной перемѣной разговора, Лучковъ началъ «любоваться» видомъ. Онъ сталъ подлѣ Маши...

— Вы любите природу? спросила она вдругъ, быстро повернувъ головку и взглянувъ на него тѣмъ дружелюбнымъ, любопытнымъ и мягкимъ взглядомъ, который, какъ звѣнящій голосокъ, дается только молодымъ дѣвушкамъ...

— Да... природа... конечно... пробормоталъ Авдѣй.—Конечно... вечеромъ приятно гулять, хотя, признаться, я солдатъ и вѣжності не по моей части.

Лучковъ часто повторялъ, что онъ «солдатъ».

Настало небольшое молчаніе. Маша продолжала глядѣть на лугъ.

— Не уйдти ли? подумалъ Авдѣй. — Вотъ вздоръ! Смѣлѣй... Марья Сергѣевна... заговорилъ онъ довольно-твердымъ голосомъ.

Маша обернулась къ нему.

— Извините меня, началъ онъ какъ-бы шутя:—но позвольте съ моей стороны узнать, что вы думаете обо мнѣ, чувствуете ли вы ко-мѣ-нибудь... этакое... расположеніе къ моей особѣ?

— Боже мой, какъ онъ неловокъ! сказала про-себя Маша. — Знаете ли вы, господинъ Лучковъ, отвѣчала она ему съ улыбкой:

— что женщины никогда не дають рѣшительнаго отвѣта на рѣшительный вопросъ?

— Однако...

— Да на что вамъ?

— Да я, помилуйте, желаю знать...

— А я не люблю разспросовъ, слышите? Вы обижаетесь... Ахъ, онъ обижается! Но меня вы не испугаете, господинъ дуэлистъ!..

— Но...

— Правда ли, что вы большой дуэлистъ? Скажите, правда ли? прибавила Маша съ робкимъ любопытствомъ:— говорить, вы уже не одного человѣка убили?

— Случалось, равнодушно возразилъ Авдѣй и погладилъ усы.

Маша пристально посмотрѣла на него.

— Вотъ этой рукой... шептала она.

Между-тѣмъ, кровь разгоралась въ Лучковѣ. Уже болѣе четверти часа молодая, хорошенькая дѣвушка вертѣлась передъ нимъ...

— Марья Сергѣевна, заговорилъ онъ опять рѣзкимъ и страннымъ голосомъ:—вы теперь знаете мои чувства, знаете, зачѣмъ я желаю васъ видѣть... Вы были столько добры... Скажите же и вы мнѣ наконецъ, чего я могу надѣяться...

Маша вертѣла въ рукахъ полевую гвоздику... Она взглянула съ боку на Лучкова, покраснѣла, улыбнулась, сказала:

— Какіе вы пустяки говорите, — и подала ему цвѣтокъ.

Авдѣй схватилъ ее за руку.

— Итакъ, вы меня любите! воскликнулъ онъ.

Маша вся похолодѣла отъ испуга. Она не думала признаваться Авдѣю въ любви; она сама еще не знала, полюбитъ ли она его когда-нибудь, и вотъ ужъ онъ теперь ее предупреждаетъ, насильно заставляетъ высказаться—стало-быть, онъ ее не понимаетъ... Эта мысль быстрѣе молніи сверкнула въ головѣ Маши. Она никакъ не ожидала такой скорой развязки... Не смотря на ея спокойный и безпечный нравъ, истинная страсть увлекла бы, закружила бы ее какъ перышко... но сердце въ ней не задрожало сочувствіемъ при восклицаніи Авдѣя... сердца не обманешь! Маша, какъ любопытный ребенокъ, цѣлый день себя спрашивала: «Не-уже-ли Лучковъ меня любить?», мечтала о пріятной вечерней прогулкѣ, почтительныхъ и нѣжныхъ рѣчахъ, мысленно кокетничала, пріучала къ себѣ дикаря, позволяла при прощаньи поцаловать свою руку... и, вмѣсто того...

Вмѣсто того, она вдругъ почувствовала у себя на щекѣ жесткіе усы Авдѣя...

— Будемте счастливы, шепталъ онъ:—вѣдь только есть одно счастье на землѣ!..

Маша вздрогнула, съ ужасомъ отбѣжала въ сторону и вся блѣдная, остановилась, опираясь рукой о берѣзу. Авдѣй смѣшался страшно.

— Извините меня, бормоталъ онъ, подвигаясь къ ней:—я, право, не думалъ...

Маша молча, во всё глаза глядѣла на него... Неприятная улыбка кривила его губы... красныя пятна выступили на его лицѣ...

— Чего же вы боитесь? продолжалъ онъ: — велика важность! Видъ между нами уже все... того...

Маша все молчала.

— Ну, полноте!.. что за глупости?.. это только такъ...

Лучковъ протянулъ къ ней руку...

Маша вспомнила Кистера, его «берегитесь», и замерла отъ страха. Притомъ, она всегда боялась Лучкова. Другая, болѣе-восторженная дѣвица, нашла бы таинственную прелесть въ самомъ этомъ страхѣ, но Маша не дошла до такихъ тонкостей и довольно-высокимъ голосомъ закричала:

— Танюша!

Изъ-за широкаго орѣховаго куста вынырнуло круглое и пухлое лицо горничной... Авдѣй потерялся совершенно. Успокоенная присутствіемъ своей прислужницы, Маша не тронулась съ мѣста и свысока посмотрѣла на своего изумленного собесѣдника... Невыразимо-быстро смѣняются ощущенія въ душѣ женщины... Маша теперь уже была готова объяснить съ Лучковымъ, пожалуй, даже извинить его... Но бреттёръ весь затрепеталъ отъ прилива злости; глаза его съѣжились; онъ стиснулъ кулаки и судорожно захохоталъ.

— Bravo! bravo! Умно — нечего сказать! закричалъ онъ.

Маша остоленѣла.

— Вы, я вижу, приняли всё мѣры предосторожности, Марья Сергѣевна!

Маша вспыхнула.

— И, кажется, напрасно, милостивый государь.

— О, разумѣется! Любовь сама-по-себѣ... а осторожность сама-по-себѣ. Осторожность никогда не мѣшаетъ. Каково? Въ наше время барышни дальновиднѣе стариковъ.

— Я не знаю, господинъ Лучковъ, кто вамъ далъ право говорить о любви... о какой любви, позвольте спросить?

— Какъ кто? Да вы сами! перебилъ ее Лучковъ: — вотъ еще!

Онъ чувствовалъ, что портить все дѣло, но не могъ удержаться.

— Положимъ... положимъ, что я; точно—вы правы. Я бы, вѣроятно, не пришла сюда, еслибъ могла ожидать... но подождимъ... Я поступила точно необдуманно. Я снизошла на вашу просьбу въ надеждѣ на вашу *délicatesse*... да вы не понимаете по-французски—на вашу вѣжливость.

Авдѣй поблѣднѣлъ. Маша поразила его въ самое сердце.

— Я не понимаю по-французски... можетъ-быть; но я понимаю... я понимаю, что вамъ угодно было смѣяться надо мной...

— Совсѣмъ нѣтъ, Авдѣй Ивановичъ... я даже очень сожалѣю...

— Ужъ, пожалуйста, не толкуйте объ нашемъ сожалѣніи, съ за-

нальчивостью перебилъ ее Авдѣй:—ужь отъ этого-то вы меня избавьте!

— Милостивый государь...

— Да не извольте смотрѣть герцогиней... Напрасный трудъ! меня вы не запугаете.

Маша холодно, даже не презрительно поклонилась Авдѣю, повернулась къ нему спиной, позвала Танюша и пошла.

— Прикажете вамъ прислать вашего друга, вашего пастушка, чувствительнаго Сердечкина, Кистера? закричалъ ей вслѣдъ Авдѣй. Онъ терялъ голову.—Ужь не этотъ ли пріятель?..

Маша не отвѣчала ему и поспѣшно, радостно удалялась. Ей было легко, не смотря на испугъ и волненіе. Она какъ-будто пробудилась отъ тяжелаго сна, изъ темной комнаты вышла на воздухъ и солнце... Авдѣй, какъ изступленный, посмотрѣлъ кругомъ, съ молчаливымъ бѣшенствомъ сломалъ молодое дерево, вкочилъ на лошадь, и такъ яростно вонзалъ въ нее шпоры, такъ безжалостно дергалъ и крутилъ поводья, что несчастное животное, проскакавъ восемь верстъ въ четверть часа, едва не издохло въ ту же ночь...

Кистеръ напрасно до полуночи прождалъ Лучкова, и на другой день утромъ самъ отправился къ нему. Деньщикъ доложилъ Ѳедору Ѳедоровичу, что баринъ-де почиваетъ и не велѣлъ никого принимать. «И меня не велѣлъ?»—И ваше благородье не велѣлъ.— Кистеръ съ мучительнымъ безпокойствомъ прошелся раза два по улицѣ, вернулся домой. Человѣкъ ему подалъ записку.

— Отъ кого?

— Отъ Перекатовыхъ-съ. Артѣмка-фалеторъ привезъ.

У Кистера задрожали руки.

— Приказали кланяться. Приказали отвѣта просить-съ. Артѣмкѣ прикажете дать водки-съ?

Кистеръ медленно развернулъ записочку и прочелъ слѣдующее:

«Любезный, добрый Ѳедоръ Ѳедоровичъ,

«Мнѣ очень, очень нужно васъ видѣть. Пріѣзжайте, если можете, сегодня. Не откажите мнѣ въ моей просьбѣ, прошу васъ имениемъ нашей старинной дружбы. Еслибъ вы знали... да вы все узнаете. До свиданія—не правда ли?

«МАВІЕ.»

«P. S. Непремѣнно пріѣзжайте сегодня.»

— Такъ прикажете-съ Артѣмкѣ-фалетору поднести водки?

Кистеръ долго, съ изумленіемъ посмотрѣлъ въ лицо своему человѣку и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Баринъ приказалъ тебѣ дать водки, говорилъ кистеровъ человѣкъ Артѣмкѣ-фалетору.

VII.

Маша съ такимъ яснымъ и благодарнымъ лицомъ пошла на встрѣчу Кистеру, когда онъ вошелъ въ гостиную, такъ дружелюбно и крѣпко стиснула ему руку, что у него сердце забилося отъ радости и камень свалился съ груди. Читатель легко себѣ представить, какія мысли, какія догадки его тревожили съ утра; но веселое спокойствіе Маши нѣсколько успокоило его-самого. Впрочемъ, она не сказала ему ни слова и тотчасъ вышла изъ комнаты: Сергѣй Сергѣевичъ въ высококомъ и накрахмаленпомъ галстукѣ сидѣлъ на диванѣ и раскладывалъ пасьянсъ. Начался разговоръ. Не успѣлъ еще Сергѣй Сергѣевичъ съ обычнымъ искусствомъ навести стороною рѣчь на свою собаку, какъ уже Маша возвратилась съ шелковымъ клѣтчатымъ поясомъ на платьѣ, любимымъ поясомъ Кистера. Явилась Ненила Макарьевна и дружелюбно привѣтствовала Ѳедора Ѳедоровича. За обѣдомъ всѣ смѣялись и шутили; самъ Сергѣй Сергѣевичъ одушевился и рассказывалъ одну изъ самыхъ веселыхъ проказъ своей молодости, — при чемъ онъ, какъ страусъ, пряталъ голову отъ жены. Неизвѣстно, по какой причинѣ, велѣли даже подать шампанскаго и поздравляли другъ друга...

— Пойдемте гулять, Ѳедоръ Ѳедоровичъ, сказала Кистеру Маша, послѣ обѣда, съ тою ласковою властью въ голосѣ, которая какъ-будто знаетъ, что вамъ весело ей покориться. — Мнѣ нужно съ вами переговорить о важномъ, важномъ дѣлѣ, прибавила она съ граціозною торжѣственностью, надѣвая шведскія перчатки. — Пойдешь ты съ нами, шатап?

— Нѣтъ, возразила Ненила Макарьевна.

— Да мы не въ садъ идемъ.

— А куда же?

— Въ Долгій-Дугъ, въ рошу.

— Возьми съ собою Танюшу.

— Танюша, Танюша! звонко крикнула Маша, легче птицы выскочивъ изъ комнаты.

Черезъ четверть часа, Маша шла съ Кистеромъ къ Долгому-Дугу. Проходя мимо стада, она покормила хлѣбомъ свою любимую корову, погладила ее по головѣ, и Кистера заставила приласкать ее. Маша была весела и болтала много. Кистеръ охотно вторилъ ей, хотя съ нетерпѣніемъ ждалъ объясненій... Танюша шла сади въ почтительномъ отдаленіи, и лишь изрѣдка, изъ-подъ навѣснаго, жирнаго лба, лукаво взглядывала на барышню.

— Вы на меня не сердитесь, Кистеръ? спросила Маша.

— На васъ, Марья Сергѣвна? Помилуйте, за чтѣмъ?

— А третьяго дня... помните?

— Вы были не въ духѣ... вотъ и все.

— Зачѣмъ мы идемъ розно? Дайте мнѣ вашу руку. Вотъ такъ... И вы были не въ духѣ?

— И я.

— Но сегодня я въ духѣ, не правда ли?

— Да, кажется, сегодня...

— И знаете отъ-чего? Отъ-того, что... Маша важно покачала головой. — Ну, ужъ я знаю отъ-чего... Отъ-того, что я съ вами, прибавила она, не глядя на Кистера.

Кистеръ тихонько пожалъ ея руку.

— А что жъ вы меня не спрашиваете?.. вполголоса проговорила Маша.

— О чемъ?

— Ну, не притворяйтесь... о моемъ письмѣ.

— Я ждалъ...

— Вотъ отъ-того-то мнѣ и весело съ вами, съ живостию перебила его Маша:—отъ-того, что вы добрый, нѣжный человекъ, отъ-того, что вы не въ состояніи... *parce que vous avez de la délicatesse*. Вамъ это можно сказать: вы понимаете по-французски.

Кистеръ понималъ по-французски, но рѣшительно не понималъ Маши.

— Сорвите мнѣ этотъ цвѣтокъ, вотъ этотъ... какой хорошенькій! Маша полюбовалась имъ и вдругъ, быстро высвободивъ свою руку, съ заботливой улыбкой, осторожно начала вдѣвать гибкій стебелекъ въ петлю кистерова сюртука. Ея тонкіе пальцы почти касались его губъ. Онъ посмотрѣлъ на эти пальцы, потомъ на нее. Она кивнула головой, какъ-бы говоря: можно... Кистеръ нагнулся и поцаловалъ кончики ея перчатокъ.

Между-тѣмъ, они приблизились къ знакомой рошѣ. Маша вдругъ стала задумчивѣе и наконецъ замолчала совершенно. Они пришли на то самое мѣсто, гдѣ ожидалъ ее Лучковъ. Измятая трава еще не успѣла приподняться; сломанное деревцо уже успѣло завянуть, безжизненные, матовые листочки начинали уже свертываться трубочками и сохнуть. Маша посмотрѣла кругомъ и вдругъ обратилась къ Кистеру.

— Знаете ли вы, зачѣмъ я васъ привела сюда?

— Нѣтъ, не знаю.

— Не знаете?.. Отъ-чего вы мнѣ ни слова не сказали сегодня о вашемъ пріятелѣ, господинѣ Лучковѣ? Вы всегда его такъ хвалите...

Кистеръ опустилъ глаза и замолчалъ.

— Знаете ли, не безъ усилія произнесла Маша:—что я ему назначила вчера... здѣсь... свиданье?

— Я это зналъ, глухо возразилъ Кистеръ.

— Знали?.. А! теперь я понимаю, почему третьяго-дня... Г. Лучковъ, видно, успѣшилъ похвастаться своей *побѣдой*.

Кистеръ хотѣлъ-было отвѣтить...

— Не говорите, не возражайте мнѣ ничего... Я знаю—онъ вашъ,

другъ; вы въ состояніи его защищать. Вы знали, Кистеръ, знали... Какъ же вы не помѣнили мнѣ сдѣлать такую глупость? Какъ вы не выдрали меня за уши, какъ ребенка?.. Вы знали... и вамъ было все равно?..

— Но какое право имѣлъ я...

— Какое право!.. право друга. Но и онъ вашъ другъ... Мнѣ совѣство, Кистеръ... Онъ вашъ другъ... Этотъ человѣкъ обошелся вчера со мной такъ... Маша отвернулась и украдкой утерла слезу.

Глаза Кистера вспыхнули; онъ поблѣднѣлъ.

— Ну, полноте, не сердитесь... Слышите, Кистеръ, не сердитесь. Все къ лучшему. Я очень-рада вчерашнему объясненію... именно объясненію, прибавила Маша. — Для чего, вы думаете, я заговорила съ вами объ этомъ? Для того, чтобъ пожаловаться на г. Лучкова? Полноте! Я забыла о немъ. Но я виновата передъ вами, мой добрый Кистеръ... Я хочу изъясниться, попросить вашего прощенья... вашего совѣта. Вы научили меня къ откровенности; мнѣ легко съ вами... Вы не какой-нибудь г. Лучковъ!

— Лучковъ неловокъ и грубъ, съ трудомъ выговорилъ Кистеръ:—но...

— Что *но*? Какъ вамъ не стыдно говорить *но*? Онъ грубъ, и неловокъ, и золъ, и самолюбивъ... Слышите: *и*, а не *но*.

— Вы говорите подъ вліяніемъ гнѣва, Марья Сергѣевна, грустно промолвилъ Кистеръ.

— Гнѣва? Какого гнѣва? Посмотрите на меня: развѣ такъ гнѣваются? Послушайте, продолжала Маша: — думайте обо мнѣ, что вамъ угодно... но если вы, Кистеръ, воображаете, что я сегодня кокетничая съ вами изъ мести — то... то... Слезы навернулись у ней на глазахъ:—я разсержусь не шутя.

— Будьте со мной откровенны, Марья Сергѣевна...

— О, глупый человѣкъ! О, недогадливый! Да взгляните на меня, развѣ я не откровенна съ вами, развѣ вы не видите меня насквозь?

— Ну, хорошо... да; я вѣрю вамъ, съ улыбкой продолжалъ Кистеръ, видя, съ какой заботливой настойчивостью она ловила его взглядъ:—ну, скажите же мнѣ, какъ другу, что васъ побудило назначить свиданье Лучкову?

— Что? сама не знаю. Любопытство. Онъ хотѣлъ говорить со мной наединѣ. Мнѣ казалось, что онъ все еще не имѣлъ времени, случая высказаться. Теперь онъ высказался! Послушайте: онъ вашъ другъ; онъ, можетъ-быть, необыкновенный человѣкъ, но онъ — глупъ, право... Онъ двухъ словъ сказать не умѣетъ. Онъ — просто невѣжливъ. Впрочемъ, я даже не очень его виню... онъ могъ подумать, что я вѣтренная, сумасшедшая дѣвчонка. Я съ нимъ почти никогда не говорила... Онъ, точно, возбуждалъ мое любопытство, но я воображала, что человѣкъ, который заслуживаетъ быть вашимъ другомъ...

— Не говорите, пожалуйста, о немъ, какъ о моемъ другѣ, перебилъ ее Кистеръ.

— Нѣтъ! нѣтъ, я не хочу васъ рассорить.

— О Боже мой, я для васъ готовъ пожертвовать не только другомъ, но и... Между мной и г. Лучковымъ все кончено! поспѣшно прибавилъ Кистеръ.

Маша пристально взглянула ему въ лицо.—Ну, .Богъ съ нимъ! сказала она.—Не станемте говорить о немъ. Мнѣ впередъ урокъ. Я сама виновата. Въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, я почти каждый день видѣла человека добраго, умнаго, веселаго, ласковаго, который...—Маша смѣшалась и замѣшкалась:—который, кажется, меня тоже... немного... жаловалъ... и я, глупая, — быстро продолжала она:—предпочла ему... нѣтъ, нѣтъ, не предпочла, а... Она потупила голову нѣтъ смущеніемъ замолчала.

Кистеру становилось утрашно.—Быть не можетъ! твердилъ онъ про себя.

— Марья Сергѣевна! заговорилъ онъ наконецъ.

Маша подняла голову и остановила на немъ глаза, отягченные непролитыми слезами.—Вы не угадываете, о комъ я говорю? спросила она.

Едва дыша, Кистеръ протянулъ руку. Маша тотчасъ съ жаромъ схватила ее за нее.

— Вы мой другъ по-прежнему, не правда ли?.. Что жъ вы не отвѣчаете?

— Я вашъ другъ, вы это знаете, пробормоталъ онъ.

— И вы не осуждаете меня? Вы простили мнѣ?.. Вы понимаете меня? О! да! вы меня понимаете. Вы не смѣетесь надъ дѣвушкой, которая наканунѣ назначила свиданье одному, а сегодня говорить уже съ другимъ, какъ я говорю съ вами... Не правда ли, вы не смѣетесь надо мною?..—Лицо Маши рдѣло; она обѣими руками держалась за руку Кистера...

— Смѣяться надъ вами, отвѣчалъ Кистеръ:—я... я... да я васъ люблю... я въ васъ влюбленъ, воскликнулъ онъ. Маша закрыла себѣ лицо.

— Не-уже-ли жъ вы давно не знаете, что я люблю васъ?

— Я этого не ожидала, прошептала она... Настало молчанье.

Кистеръ взглянулъ на нее и ударилъ себя по лбу: — Я сумасшедшій! закричалъ онъ. — Я никогда себѣ этого не прощу... Но что же дѣлать... что же дѣлать! съ отчаяньемъ продолжалъ Кистеръ. — Моя любовь умерла бы со мной, еслибъ не вы сами... Онъ не докончилъ рѣчи.—Но меня сокрушаетъ мысль, что теперь я принужденъ буду избѣгать васъ, что наши отношенія должны измѣниться, что и я не оправдалъ вашей довѣренности, что...

— Дайте мнѣ опомниться... Зачѣмъ вы это сказали? говорила Маша.

— Простите меня, Марья Сергѣевна, говорилъ, задыхаясь, Кистеръ. — По-крайней-мѣрѣ, будьте увѣрены... я не въ состояннй васъ оскорбить... повѣрьте — я васъ болѣе не обезпкою, я удаюсь, я перемѣню долкъ, я уѣду...

Мама молчала.

— Марья Сергѣевна, прикажите — я не вернусь въ вашъ домъ. Мама опустила руки. — Да вы съ ума сошли, Кистеръ! сказала она, улыбаясь сквозь слезы.

Онъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

— А я еще говорила, что вы меня понимаете!

— Не-уже-ли я могу думать... Не-уже-ли вы не сердитесь на меня? трепетно проговорилъ онъ.

— Не знаю, Кистеръ, право, сказала она, отвѣчая на его мысль. — Но я не только не сержусь на васъ... я вамъ благодарна. Вамъ того довольно?

Кистеръ ошѣмѣлъ отъ радости, схватилъ ея руку и прижалъ ее къ губамъ.

— Послушайте, Кистеръ, продолжала Мама, не отнимая своей руки:—вы, я знаю, не потребуете отъ меня отвѣта. Что мнѣ вамъ сказать? Я такъ взволнована... все это для меня такъ ново... Но мнѣ легко; я чувствую себя счастливой... Больше ничего я вамъ сказать не могу.—Она взглянула кругомъ. — Не думала я, когда-нибудь вернуться на это мѣсто... но теперь... Теперь,—поспѣшно прибавила Мама, видя, что Кистеръ хотѣлъ заговорить:—надобно успокоиться, отереть глаза и вернуться домой. Какъ вы блѣдны, мой добрый Кистеръ! Разсмѣйтесь... Мы потолкуемъ съ вами дорогой...

VIII.

Три недѣли послѣ этого свиданья, Кистеръ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ и писалъ слѣдующее письмо къ своей матери:

«Любезная матушка!

«Спѣшу подѣлиться съ вами большой радостью: я женюсь. Это мнѣстіе васъ, вѣроятно, только потому удивить, что въ прежнихъ моихъ письмахъ я даже не намекалъ на такую важную перемѣну въ моей жизни, — а вы знаете, что я привыкъ дѣлиться съ вами всѣми моими чувствами, моими радостями и печалами. Причины моего молчанія объяснить вамъ легко. Во-первыхъ, я только недавно самъ узналъ, что я любимъ; а во-вторыхъ, съ моей стороны, я тоже недавно почувствовалъ всю силу своей признанности. Сверхъ-того, я предполагалъ (и не безъ нѣкотораго основанія), что другой мнѣ предпочтенъ, и потому старался подавить въ себѣ любовь и не писалъ къ вамъ о ней, не ждая васъ напрасно тревожить. Но теперь, слава Богу, всѣ недоумѣнья кончены. Ясный день наступилъ. Въ одномъ изъ первыхъ моихъ писемъ отсюда, я вамъ говорилъ о Перекатовыхъ — нашихъ сосѣдяхъ; я женюсь на ихъ единственной дочери, Маріи. Я твердо увѣренъ, что мы оба будемъ счастливы; она возбуждала во мнѣ

«не мгновенную страсть, но глубокое, искреннее чувство, въ которомъ дружба слилась съ любовью. Ея веселый, кроткій нравъ «вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наклонностямъ. Она образована «умна, прекрасно играетъ на фортепьяно... Еслибъ вы могли ея «видѣть!! Посылаю вамъ ея портретъ, мною нарисованный. Нѣ- «чего, кажется, и говорить, что она во сто разъ лучше своего «портрета. Я такъ счастливъ, такъ счастливъ!.. Мнѣ нѣчего же- «лать... кромѣ, разумѣется, вашего присутствія, вашихъ ласко- «выхъ объятій. Въ сердечномъ вашемъ участіи я увѣренъ. Мама «васъ уже любитъ какъ дочь и не дожидается дня свиданія съ ва- «ми. Я намѣренъ выйти въ отставку, поселиться въ деревнѣ и «заняться хозяйствомъ. У старика Перекатова четыреста душъ въ «отличномъ состояніи. Вы видите, что и съ этой, матеріальной «стороны нельзя не похвалить моего рѣшенія... Но, фуй! кто го- «воритъ объ этихъ дрязгахъ? Я беру отпускъ и ѣду въ Москву «къ вамъ. Ждите меня, недѣли черезъ двѣ, не болѣе. Милая, доб- «рая маменька—какъ я счастливъ!.. Обнимите меня...»

И т. д.

Всего письма, кажется, не стоить сообщать читателю.

Кистеръ сложилъ и запечаталъ письмо, всталъ, подошелъ къ окну, выкурилъ трубку — подумалъ немного и вернулся къ столу. Онъ досталъ небольшой листокъ почтовой бумаги, тщательно обмокнулъ перо въ чернила, но долго не начиналъ писать, хмурилъ брови, поднималъ глаза къ потолку, кусалъ конецъ пера... Наконецъ онъ рѣшился—и въ теченіе четверти часа сочинилъ слѣдующее посланье:

«Милостивый государь

«Авдѣй Ивановичъ!

«Со дня вашего послѣдняго посѣщенія (т. е. въ теченіе трехъ «недѣль) вы мнѣ не кланяетесь, не говорите со мной и какъ—бы «избѣгаете моей встрѣчи. Всякій человѣкъ, безспорно, въ своихъ «поступкахъ воленъ; вамъ угодно было прекратить наше знаком- «ство — и я, повѣрьте, не обращаюсь къ вамъ съ жалобой и «васъ же самихъ; я не намѣренъ и не привыкъ навязываться къ «кому бы то ни было: мнѣ довольно сознанія моей правоты. Я пишу «къ вамъ теперь—по чувству долга. Я сдѣлалъ предложеніе Марьи «Сергѣевнѣ Перекатовой и получилъ ея согласіе, а также и со- «гласіе ея родителей. Сообщаю это извѣстіе — прямо и непосред- «ственно вамъ, для избѣжанія всякихъ недоразумѣній и подозрѣ- «ній. Откровенно признаюсь вамъ, м. г., что я не могу слишкомъ «заботиться о мнѣніи человѣка, который самъ не обращаетъ ма- «кѣйшаго вниманія на мнѣнія и чувства другихъ людей, и пишу «къ вамъ единственно потому, что въ этомъ случаѣ я не хочу да- «же подать вида, какъ—будто поступалъ или поступаю украдкой «Смѣю сказать: вы меня знаете—и не припишете моего тепереш-

«ниго поступка какому-нибудь другому, дурному чувству. Въ послѣдній разъ говоря съ вами, не могу не пожелать вамъ, въ память нашей прежней дружбы, всѣхъ возможныхъ земныхъ благъ.

«Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь, м. г.

«вашъ покорнѣйшій слуга

«Федоръ Кистеръ.»

Федоръ Федоровичъ отправилъ эту записку по адресу, одѣлся и велѣлъ заложить себѣ коляску. Веселый и беззаботный, ходилъ онъ, попѣвая, по своей комнаткѣ, подпрыгнулъ даже раза два, завернулъ тетрадь романсовъ въ трубочку и перевязалъ ее голубой ленточкой... Дверь растворилась — и въ сюртукѣ, безъ эпюлетъ, съ фуражкой на головѣ, вошелъ Лучковъ.

Наумленный Кистеръ остановился посреди комнаты, не долѣзавъ розетки.

— Вы женитесь на Перекатовой? спросилъ спокойнымъ голосомъ Авдѣй.

Кистеръ вспыхнулъ.

— Милостивый государь, началъ онъ:—входя въ комнату, порядочные люди снимаютъ шапку и здороваются.

— Извините-съ, отрывисто возразилъ бреттёръ и снялъ фуражку.—Здравствуйте.

— Здравствуйте, господинъ Лучковъ. Вы меня спрашиваете, женюсь ли я на дѣвицѣ Перекатовой? Развѣ вы не прочли моего письма?

— Я ваше письмо прочелъ. Вы женитесь. Поздравляю.

— Принимаю ваше поздравленіе и благодарю васъ. Но я долженъ ѣхать.

— Я желалъ бы объясниться съ вами, Федоръ Федорычъ.

— Извольте, съ удовольствіемъ, отвѣчалъ добрякъ. — Я, признаться, ждалъ этого объясненія. Ваше поведеніе со мной такъ странно, и я съ своей стороны, кажется, не заслуживалъ... по крайней-мѣрѣ не могъ ожидать... Но не угодно ли вамъ сѣсть? Не хотите ли трубки?

Лучковъ сѣлъ. Въ его движеніяхъ замѣчалась усталость. Онъ повелъ усами и поднялъ брови.

— Скажите, Федоръ Федорычъ, началъ онъ наконецъ: — зачѣмъ вы такъ долго со мной притворялись?

— Какъ это?

— Зачѣмъ вы прикидывались такимъ... безукоризненнымъ созданиемъ, когда вы такой же человекъ, какъ и всѣ мы грѣшныя?

— Я васъ не понимаю... ужь не оскорбилъ ли я васъ чѣмъ-нибудь?..

— Вы меня не понимаете... положимъ. Я постараюсь говорить яснѣе. Скажите мнѣ, на-примѣръ, откровенно: давно вы чувствовали расположеніе къ дѣвицѣ Перекатовой, или воспылали страстью внезапной?

— Я бы не желалъ говорить съ вами, Авдѣй Ивановичъ, о моихъ отношеніяхъ къ Марьѣ Сергѣевнѣ, холодно отвѣчалъ Кистеръ.

— Такъ-съ. Какъ угодно. Только вы ужь сдѣлайте одолженіе, позвольте мнѣ думать, что вы меня дурачили.

Авдѣй говорилъ очень-медленно и съ разстановкой.

— Вы не можете этого думать, Авдѣй Ивановичъ; вы меня знаете.

— Я васъ знаю?.. кто васъ узнаетъ? Чужая душа — темный лѣсъ, а товарищ лицомъ показывается. Я знаю, что вы читаете нѣмецкіе стихи съ большимъ чувствомъ и даже со слезами на глазахъ; я знаю, что на стѣнахъ своей квартиры вы развѣсили разныя географическія карты; я знаю, что вы содержите свою персону въ опрятности; это я знаю... а больше я ничего не знаю.

Кистеръ начиналъ сердиться.

— Позвольте узнать, спросилъ онъ наконецъ:— какая цѣль вашего посѣщенія? Вы три недѣли со мной не кланялись, а теперь пришли ко мнѣ, кажется, съ намѣреніемъ трунить надо мной. Я не мальчикъ, милостивый государь, и не позволю никому...

— Помилуйте, перебилъ его Лучковъ:—помилуйте, Федоръ Федорычъ, кто осмѣлится трунить надъ вами? Я, напротивъ, пришелъ къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой; а именно: сдѣлайте милость, растолкуйте мнѣ *ваше* поведеніе со мною. Позвольте спросить: не вы ли насильно меня познакомили съ семействомъ Перекатовыхъ? Не вы ли увѣрили вашего покорнаго слугу, что онъ расцвѣтетъ душой? Не вы ли, наконецъ, свели меня съ добродѣтельной Марьей Сергѣевной? Почему же мнѣ не предполагать, что *вамъ* я обязанъ тѣмъ послѣднимъ, пріятнымъ объясненіемъ, о которомъ васъ уже, вѣроятно, надлежащимъ образомъ извѣстили? Жениху вѣдь невѣста все рассказываетъ, особенно свои *невинныя* продѣлки. Почему мнѣ не думать, что по вашей милости мнѣ наклеили такой великолѣпный носъ? Вы вѣдь такое принимали участіе въ моемъ «расцвѣтаньи»!

Кистеръ прошелся по комнатѣ. «Послушайте, Лучковъ» сказалъ онъ наконецъ: «если вы дѣйствительно, не шутя, убѣждены въ томъ, что вы говорите,—чему я, признаюсь, не вѣрю,—то позвольте вамъ сказать: стыдно, грѣшно вамъ, такъ ложно, такъ оскорбительно толковать мои поступки и мои намѣренія. Я не хочу оправдываться... Я обращаюсь къ вашей собственной совѣсти, къ вашей памяти...»

— Да; я помню, что вы безпрестанно перешептывались съ вашей Марьей Сергѣевной. Сверхъ-того, позвольте мнѣ опять-таки спросить у васъ: не были вы у Перекатовыхъ послѣ извѣстнаго разговора со мной? Послѣ того вечера, когда я, какъ дуракъ, разболтался съ вами, съ моимъ лучшимъ другомъ, о назначенномъ свиданьи?

— Какъ! вы подозрѣваете меня въ...

— Я ни въ чемъ не подозрѣваю другаго, съ убійственной холодностью прервалъ его Авдѣй:—въ чемъ я самого-себя не подо-

зрѣваю: но я также имѣю слабость думать, что другіе люди не лучше меня.

— Вы ошибаетесь, съ запальчивостью возразилъ Кистеръ:—другіе люди лучше васъ.

— Съ чѣмъ честь имѣю ихъ поздравить, спокойно замѣтилъ Лучковъ:—но...

— Но, прервалъ его въ свою очередь раздосадованный Кистеръ:—вспомните, въ какихъ выраженіяхъ вы мнѣ говорили объ... этомъ свиданіи, о... Впрочемъ, эти объясненія ни къ чему не поведутъ, я вижу... Думайте обо мнѣ, что вамъ угодно, и поступайте, какъ знаете.

— Вотъ этакъ-то лучше, замѣтилъ Авдѣй.—Насилу-то вы заговорили откровенно...

— Какъ знаете! повторилъ Кистеръ.

— Я понимаю ваше положеніе, Федоръ Федорычъ, съ приторнымъ участіемъ продолжалъ Авдѣй.—Оно неприятно, дѣйствительно-неприятно. Человѣкъ игралъ, игралъ роль, и никто не замѣчалъ въ немъ актёра; вдругъ...

— Еслибъ я могъ думать, перебилъ его, стиснувъ зубы, Кистеръ:—что въ васъ говоритъ теперь оскорбленная любовь, я бы почувствовалъ къ вамъ сожалѣнье; я бы извинилъ васъ... Но въ вашихъ упрекахъ, въ вашихъ клеветахъ слышится одинъ болѣзненный крикъ уязвленнаго самолюбія... и я не чувствую къ вамъ никакой жалости... Вы сами заслужили вашу участь.

— Фу ты, Боже мой, какъ говоритъ человѣкъ! замѣтилъ въ полголоса Авдѣй.—Самолюбіе, продолжалъ онъ:—можетъ-быть; да, да, самолюбіе во мнѣ, какъ вы говорите, уязвлено глубоко, вестерпно. Но кто же не самолюбивъ? Не вы ли? Да; я самолюбивъ, я, на-примѣръ, никому не позволю сожалѣть обо мнѣ...

— Не позвольте! гордо возразилъ Кистеръ.—Что за выраженіе, милостивый государь! Не забудьте: связь между нами разорвана вами самими. Прощу васъ обращаться со мною, какъ съ постороннимъ человѣкомъ.

— Разорвана! Связь разорвана! повторилъ Авдѣй.—Поймите меня: я съ вами не кланялся и не былъ у васъ изъ сожалѣнія къ вамъ; вѣдь вы позволите мнѣ сожалѣть объ васъ, коли вы обо мнѣ сожалѣете!.. Я не хотѣлъ поставитъ васъ въ ложное положеніе, возбудитъ въ васъ угрызеніе совѣсти... Вы толкуете о нашей вѣзи... какъ-будто-бы вы останетесь моимъ пріятелемъ по-прежнему послѣ вашей свадьбы? Полноте! Вы и прежде-то со мной знались только для того, чтобъ тѣшиться вашимъ мнимымъ превосходствомъ...

Недобросовѣстность Авдѣя утомляла, возмущала Кистера.—Прекратите такой неприятный разговоръ! воскликнулъ онъ наконецъ. — Я, признаюсь, не понимаю, зачѣмъ вамъ угодно было ко мнѣ пожаловать.

— Вы не понимаете, зачѣмъ я къ вамъ пришелъ? съ любовью ствомъ спросилъ Авдѣй.

— Рѣшительно не понимаю.

— Нѣ...ѣтъ?

— Да говорить вамъ...

— Удивительно!... Это удивительно! Кто бы этого ожидалъ отъ человѣка съ вашимъ умомъ?

— Ну, такъ извольте жь объясниться, наконецъ...

— Я пришелъ, г-нъ Кистеръ, проговорилъ Авдѣй, медленно принимаясь съ мѣста:—я пришелъ васъ вызвать на дуэль, понимаете ли вы? Я хочу драться съ вами... Васъ это удивляетъ? Вы думаете такъ-таки отъ меня отдѣлаться?.. Да развѣ вы не знали, съ какимъ человѣкомъ имѣете дѣло? Позволилъ ли бы я...

— Очень-хорошо-съ, холодно и отрывисто перебилъ его Кистеръ.—Я принимаю вашъ вызовъ. Извольте прислать ко мнѣ вашего секунданта.

— Да, да, продолжалъ Авдѣй, которому, какъ кошкѣ, жаль было такъ скоро разстаться съ своей жертвой:—я, признаться, большимъ удовольствіемъ наведу завтра дуло моего пистолета на ваше идеальное и бѣлокурое лицо.

— Вы, кажется, ругаетесь послѣ вызова, съ презрѣніемъ вскричалъ Кистеръ.—Извольте идти. Мнѣ за васъ совѣстно.

— Извѣстное дѣло: деликатессъ! (А, Марья Сергѣевна! я понимаю по-французски) проворчалъ Авдѣй, надѣвая фуражку. До пріятнаго свиданія, Фодоръ Фодорычъ! — Онъ поклонился и вышелъ.

Кистеръ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Лицо его горело, — грудь высоко поднималась. Онъ не робѣлъ и не сердился на ему гадко было подумать, какого человѣка онъ нѣкогда считалъ своимъ другомъ. Мысль о поединкѣ съ Лучковымъ его почти радовала. — Разомъ отдѣлаться отъ своего прошедшаго, перескочить черезъ этотъ камень и поплыть потомъ по безмятежнорѣчкѣ... Прекрасно! думалъ онъ. — Я завоюю свое счастье.—Образъ Маши, казалось, улыбался ему и сулилъ побѣду. — Я не погибну! я не погибну! твердилъ онъ съ спокойной улыбкой. — На столѣ лежало письмо его къ матери... Сердце въ немъ сжалось мгновенно. Онъ рѣшился на всякій случай подождать отсылки. Въ Кистерѣ происходило то возвышеніе жизненной силы, которое замѣчается въ себѣ человѣкъ передъ опасностью. Онъ спокойно обдумывалъ всѣ возможныя послѣдствія поединка, мысленно повергалъ себя и Машу испытаніямъ несчастія и разлуки — и гадѣлъ на будущее съ надеждой. Онъ давалъ себѣ слово не убить Лучкова... Неотразимо влекло его къ Машѣ. Онъ съискалъ секунданта, наскоро устроилъ свои дѣла, и тотчасъ послѣ обѣда уѣхалъ къ Перекатовымъ. Весь вечеръ Кистеръ былъ веселъ, можетъ-быть слишкомъ-веселъ. Маша много играла на фортепьянахъ, ничемъ не предчувствовала и мило съ нимъ кокетничала. Сперва ея б

печность огорчала его; потомъ онъ эту самую безпечность Машни принялъ за счастливое предсказаніе—и обрадовался и успокоился. Она съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе къ нему привязывалась; потребность счастія въ ней была сильнѣе потребности страсти. Притомъ Авдѣи отучилъ ее отъ всѣхъ преувеличенныхъ желаній, и, какъ существо кроткое и безпечное, она съ радостію и навсегда отказалась отъ нихъ. Пенила Макарьевна любила Кистера, какъ сына. Сергѣи Сергѣевичъ, по привычкѣ, подражалъ своей женѣ.

— До свиданія, сказала Кистеру Маша, проводивъ его до переліней и съ тихой улыбкой глядя, какъ онъ нѣжно и долго целовалъ ея руки.

— До свиданія, съ увѣренностью возразилъ Федоръ Федоровичъ: — до свиданія.

Но, отъѣхавъ съ полверсты отъ дома Перекатовыхъ, онъ поднялся въ коляскѣ и съ смутнымъ безпокойствомъ сталъ искать глазами освѣщенные окна... Въ домѣ все было уже темно, какъ въ могилѣ.

IX.

На другой день, въ 11-мъ часу утра, секундантъ Кистера, старый, заслуженный майоръ, заѣхалъ за нимъ. Добрый старикъ ворчалъ и кусалъ сѣдые усы, сулилъ всякую пакость Авдѣю Ивановичу... Подали коляску. Кистеръ вручилъ майору два письма, одно къ матери, другое къ Машѣ.

— Это зачѣмъ?

— Да нельзя знать...

— Вотъ вздоръ! мы его подстрѣлимъ, какъ куропатку.

— Все же лучше...

Майоръ съ досадой закинулъ оба письма въ боковой карманъ своего сюртука.

— Ыдемъ.

Они отправились. Въ небольшомъ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ села Кирилова, ихъ дождался Лучковъ съ своимъ секундантомъ, прежнимъ своимъ пріятелемъ, раздушонымъ полковымъ адъютантомъ. Погода была прекрасная; птицы мирно чирикали; не вдалекѣ отъ лѣса мужикъ пахалъ землю. Пока секунданты отмѣривали разстояніе, устанавливали барьеръ, осматривали и заряжали пистолеты, — противники даже не взглянули другъ на друга. Кистеръ съ беззаботнымъ видомъ прохаживался взадъ и впередъ, помахивая сорванцою вѣткой. Авдѣи стоялъ неподвижно, скрестя руки и нахмуря брови. Наступило рѣшительное мгновеніе. «Начинайте, господа!» Кистеръ быстро пошелъ къ барьеру, но не успѣлъ переступить еще пяти шаговъ, какъ Авдѣи выстрѣлилъ. Кистеръ дрогнулъ, ступилъ еще разъ, зашатался, опустилъ голову... Его

колѣни подогнулись... онъ, какъ мѣшокъ, упалъ на траву. Майоръ бросился къ нему... «Не-уже-ли?» шепталъ умирающій...

Авдѣй подошелъ къ убитому. На его сумрачномъ и похудѣвшемъ лицѣ выразилось свирѣпое, ожесточенное сожалѣнiе... Онъ поглядѣлъ на адъютанта и на майора, наклонилъ голову, какъ виноватый, молча сѣлъ на лошадь и поѣхалъ шагомъ прямо на квартиру полковника.

Что случилось съ Машей?.. Она жива до-сихъ-поръ.

1846.

ИВ. ТУРГЕНЕВЪ.

О Ч Е Р К И Р И М А .

—

I.

С A M P A G N A D I R O M A .

Нора, нора! ужь утро ярко всходитъ;
Струнный лучь проникъ въ мое окно.
Пойдемъ. Здѣсь душно, вяло и темно;
Здѣсь вешній день на сердце грусть наводитъ.
Возьмемъ коней, оставямъ темный Римъ,
И рядъ дворцовъ его тяжеловѣсныхъ,
И песгрюю толпу вдоль улицъ тѣсныхъ,
И воздухомъ подышемъ полевымъ.

О, какъ легко! какъ грудь свободно дышетъ!
Широкий горизонтъ расширилъ душу мнѣ...
Мой конь усталъ... мысль бродитъ въ тишинѣ,
Земля горитъ и небо зноемъ пышетъ...
Сабинскихъ-Горъ неровные края,
И Аппенинъ верхи свѣговѣчанны,
Шумъ мутныхъ рѣкъ, бесплодные поля,
И будто нищій съ ризою разланной,
Обломокъ башни обвитой плющомъ,
Разбитый храмъ съ остаткомъ свѣлыхъ сводовъ,
Да безконечный рядъ водопроводовъ
Открылися въ туманѣ голубомъ...
Величье и ужась запустѣнья...
Угрюмаго источникъ вдохновенья.
Все тяжело спитъ, все умерло почти...
Лишь простучитъ на консульскомъ пути
По гладкимъ плитамъ конь поселанина;
И долго дикий всадникъ за горой
Видѣется въ плащѣ, и съ палкой длинной .
И въ шапкѣ острой... Вотъ въ тѣни руины

Еще монах усталый и босой,
 Окутавшись широким капюшономъ,
 Заснулъ, склонясь на камень головой,
 А вдалекѣ, подъ синимъ небосклономъ
 На холмѣ мазанка изъ глины и вѣтвей,
 И кипарисъ чернѣется надъ ней...

Измученный полудня жаромъ знойнымъ,
 Вошелъ я внутрь руинъ безвѣстныхъ мѣ.
 Я объять былъ величьемъ ихъ спокойнымъ.
 Глядѣть и слушать въ мертвой тишинѣ
 Такъ сладостно!.....
 То циркъ былъ пѣкогда: теперь онъ опустѣлъ,
 Полюны и тернъ устѣли на ступени,
 Тамъ, гдѣ народъ рукоплескалъ, ревелъ.
 Близъ ложи цезарей еще лежали
 Куски статуи, курильницъ и амфоръ:
 Какъ-будто-бы они здѣсь воссѣдали
 Еще вчера, увеселяя взоръ
 Риставіемъ... но по аренѣ длинной
 Цвѣтистый макъ пестрѣлъ между травой,
 И тростникомъ, и розой полевой;
 Лишь вѣтръ по ней ристалъ какъ конь пустынный.
 Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
 Глаза какъ смоля и съ молніею взгляда,
 Съ чернокудрявой, смуглой головой,
 Тамъ мальчикъ пасъ овецъ пугливыхъ стадо.
 Дичась, ко мнѣ онъ руку протянулъ,
 «Я голоденъ» — съковы зубы, повторяя...
 И глядя на него, съ наморщеннымъ челомъ,
 И руки на груди сложивъ крестомъ,
 Мой спутникъ-юноша, весь циркъ обозрѣвая,
 Всталъ Байрономъ, какъ будто просіялъ,
 И съ важною трагической сказаль:
 «Италіа, Италіа святая!...»

II.

Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!
 Подъ такимъ небомъ невольно художникомъ становишь.
 Природа и люди здѣсь будто другіе, какъ-будто картины
 Изъ яркихъ стиховъ антологіи древней Эллады.
 Ну вотъ, поглядите: по каменной бѣлой оградѣ разросся
 Блуждающій плющъ, какъ развѣшенный плащъ изъ завѣса;
 Въ срединѣ, межъ двухъ кипарисовъ, глубокая темная ниша,
 Откуда глядитъ голова съ преуродливой миной
 Тритона. Холодная влага изъ пасти, звена, упадаетъ.
 Къ фонтану альбанка (ахъ, что за глаза изъ-подъ тѣни.

Покрова сіяють у ней! чтѣ за станъ въ этомъ аломъ корсетѣ!),
 Подставивъ кувшинъ, ожидаетъ, какъ скоро водою
 Наполнится онъ, а другая подруга стоитъ неподвижно,
 Рукой охвативъ осторожно кувшинъ на облитой
 Вечеринъ лучомъ головѣ... Художникъ (должно быть, Германецъ)
 Сидитъ срисовать ихъ, довольный, что случай неожиданно
 Въ ихъ позахъ сюжетъ ему далъ для картины, и вовсе не мысля,
 Что я срисовалъ въ то же время и чудное небо,
 И ялицъ темнолистныхъ, фонтанъ, и свирѣбую рожу Тритона,
 Альбанокъ и даже — его-самого съ его кистью!

III.

A M O R O S O.

Выгляни, милая сосѣдка,
 Въ окна комнаты своей!
 Душитъ запертая кѣтка
 Птичку вольную полей.

Выглянь! Солнце, потухая,
 Ликъ твой ясный озарить,
 И угаснетъ, оживляя
 Алымъ блескъ твоихъ ланитъ.

Выглянь! глазками легонько,
 Нля пальчикомъ гроя,
 Гдѣ ревнивецъ твой, тихонько
 Дай мнѣ знать, краса моя.

О, какъ много бѣ при свиданьѣ
 Я хотѣлъ тебѣ сказать;
 Слышать вновь твое признанье
 И ревнивца поругать!...

Чу! твой голосъ! пѣсни звуки...
 Слышу арфы тихій звонъ...
 Усыплай его, баюкай...
 Тихе... что?.. заснулъ ли онъ?

Ты въ мантильѣ, въ маскѣ черной,
 Промелькнула предъ окномъ;
 Слышу, съ лѣстницы проворно
 Застучала башмачкомъ...

IV.

Послѣ посвященія Ватиканскаго Музeya.

Еще я слышу вонь и ревъ Якоона,
 Въ ухахъ звенить стрѣла изъ лука Аполлона,
 И лучезарный самъ, съ свистящей тетивой,
 Восторгомъ дышашій, сіяетъ предо мной...
 Я видѣлъ ихъ: въ землѣ открытые антики,
 Въ чертогахъ дорогихъ воздвигнутые лики
 Многоческихъ боговъ и доблестныхъ людей:
 Олимпа грознаго властителей священныхъ,
 Весталокъ дѣвственныхъ, Вакханокъ вступленныхъ,
 Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
 Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками...

Еще въ младенствѣ любилъ блуждать мой взглядъ
 По пыльнымъ мраморамъ потемкиныхъ палатъ.
 Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
 Увитыми кругомъ сребристыми листьями,
 Какъ часто я стоялъ и съ думой и безъ думъ,
 И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.
 Антики пыльные живыми мнѣ казались,
 Какъ-будто-бы и мысль и чувство въ нихъ скрывались...
 Забытые въ глуши блистательнымъ дворомъ,
 Казалось, радостно съ высокихъ пьедесталовъ
 Они вынавали шумъ шаговъ моихъ вдоль заловъ,
 И, властвуя мнѣ въ младенческихъ умохъ,
 Они роднились съ нимъ, какъ сказки умной няни,
 Въ пластической красѣ многочисленныхъ преданій...

Теперь, теперь я здѣсь, въ отчизнѣ свѣтлой ихъ,
 Гдѣ боги межъ людей, прилвъ ихъ образъ, жили,
 И взору ихъ свой ликъ безсмертный обнажили.
 Какъ дальній пилигримъ, среди святыхъ своихъ,
 Среди статуй я стоялъ... Мнѣ было дико, странно:
 Какъ-будто музыкѣ безвѣстной я внималъ,
 Какъ-будто чудный свѣтъ вокругъ меня сіялъ,
 Курился мурры дымъ и народъ благоуханный,
 И никто дивный былъ и тяготѣлъ надъ мной...
 Съ душой, подавленной восторженной тоской,
 Глядѣлъ въ смущеннѣе на лики вѣковые,
 Какъ Скены дикіе, пришедшіе съ Дѣвпра,
 Среди блеска пурпура царьградскаго двора,
 Предъ благолѣпнѣе маститой Византіи,
 Вынавали музыкѣ нѣжъ чуждой интургин...

V.

На дальномъ Сѣверѣ моемъ
 Я этотъ вечеръ не забуду.
 Смотрѣли молча мы вдвоемъ
 На вѣтви ивъ, прилегшихъ къ пруду,
 Вдали синѣлъ лавровый гѣсъ,
 И олеандръ блестялъ цвѣтами;
 Густаго мирта былъ надъ нами
 Непроницаемый навѣсъ;
 Синѣли горныя вершины
 Тумана въ золотой пыли
 Какъ-будто плавали вдали,
 И акведуки и рунны...
 При этомъ солнцѣ огнемъ,
 При шумѣ воднаго паденья,
 Ты ивъ сказала въ упоеньѣ:
 «Здѣсь можно умереть вдвоемъ...»

VI.

Н и щ и й.

Джузеппе старъ и дряклъ; на площадяхъ лежитъ
 Съ утра до вечера, читаетъ вслухъ каноны
 И молить помощи онъ именемъ Малонны;
 И въ тридцать гѣтъ себѣ, какъ то молва гласитъ,
 Два дома выстроилъ, и третій кончитъ скоро,
 Женя двухъ сыновей, и звучекъ любить страхъ.
 На пышной гѣстницѣ стариннаго собора,
 Лѣтливо развалясь на мраморныхъ плитахъ,
 Картины голову прикрывъ лохмотьемъ старымъ,
 На солнцѣ (видѣлъ я) онъ спалъ. Въ его ногахъ
 Съ открытой шею, палимой лѣтнимъ жаромъ,
 Съ всклокоченной, какъ смола, кудрявой головой,
 Сидѣла дѣвочка... едва рубашкой грубой
 Прикрытая. Въ очахъ огонь; какъ перлы зубы;
 Уста какъ алый макъ... Лучъ солнца поглащала
 Ланиты блѣдныя, худыя ноги, руни...
 Въ величїи нужды, отчаянья и муки,
 Старикъ приходился и горько престоная:
 «Я три дня голодалъ... Рѣсницы опустила

Стыдливо дѣвочка, съ улыбкой грустно-милой;
 Въ очахъ блистали стыдъ и робость и тоска,
 И, спрятавъ голову въ лохмотьяхъ старика,
 Казалось, что-то намъ сказать она хотѣла,
 Какъ роза вспыхнула... но говорить не смѣла.

VII.

Скульптору.

Былъ грубъ когда-то человекъ;
 Младенцемъ жилъ и умеръ Грекъ.
 И въ простотѣ первоначальной,
 Что слышалъ въ сердцахъ молодомъ,
 Творилъ довърчиво рѣзцомъ
 Онъ въ красотѣ монументальной,
 Творилъ, какъ пѣснь свою поетъ
 Рыбакъ у лона синихъ водъ,
 Какъ дѣва въ грусти или весельѣ,
 Въ глуши альпійскаго ущелья...
 И вокругъ священныхъ алтарей
 Народы чтили человекъ
 Въ созданьяхъ дѣвственнаго Грека...
 А ты, художникъ нашихъ дней,
 Ты, аналитикъ и психологъ,
 Что въ нашемъ духѣ отыскалъ?
 Съ чего снимать блестящій сколокъ
 Ты мрамору и бронзѣ далъ?
 Ты прежнихъ силъ въ немъ не находишь,
 И, мучась тяжелой пустотой,
 Боговъ Олимпа къ намъ изводишь,
 Забывъ, что было въ нихъ душой,
 Какъ ликъ Гамлета колоссальный
 Актеръ коверкаетъ шальной
 Предъ публикой провинціальной.

VIII.

Капуцинъ.

Разутый капуцинъ, веревкой ополсая,
 Въ истертомъ рубищѣ, съ обритой головой,
 Предъ рабочею народною толпой,
 Восторженный, держалъ евангельское слово.

Отъ жарки слезы лилъ, полнъ рвенія святаго,
 Рвалъ ключья бороды, одежду раздиралъ,
 Въ нагую грудь себя нещадно ударяя.
 Народъ, поверженный во прахъ предъ нимъ, рыдалъ,
 Проклятыямъ и слезамъ молитвенно внимая.
 Колѣно преклонилъ и я между толпой.
 Но строгой истины-оракулъ громовой
 Не потрясалъ души моея. Иныя думы
 Тревожили мой духъ суровый и угрюмый.
 Провидѣно мной взоръ въ сердца людей проникъ.
 Тамъ плакалъ и стоналъ, какъ мальчишъ, ростовщикъ;
 Тамъ, блѣднѣя, слезы лилъ разбойникъ закопѣлымъ;
 Блудница дряхлая, урѣвъ могилы сѣнь,
 Молглась о грѣхахъ душою оробѣлой.
 Но ты, дитя мое, ты, чистая какъ день.
 Какъ первые цвѣты весны благоуханной,
 О чемъ ты плачешь? Или тебя бѣды неожиданной
 Томить предчувствіе? Или съ страстію въ борьбѣ,
 Ты хочешь выплакать мятельныхъ чувствъ избытокъ?
 Или духъ твой паугалъ развернутый днесь свитокъ
 Пороковъ и злодѣйствъ, и мысль страшна тебѣ,
 Что, можетъ, и въ твоей начертано судьбѣ
 Пройдти чрезъ тотъ же путь и у могильной сѣни
 Слезами смѣтья клеймо такихъ же заблужденій?

IX.

ВЪ ОСТЕРИИ.

Пешно, выплещь!.. Видишь, буря
 Разъигралась въ горахъ!
 Въ блескъ молній очи жмура,
 Коня бѣсится впотѣмахъ.

Что колпакъ остроконечный
 Ты надвинулъ на глаза?
 Или есть недугъ сердечный,
 Или на совѣсти гроза?

Знаю, за дурное слово,
 За обиду, острый ножъ,
 Не боюсь суда людскаго,
 Прямо въ сердце ты воткнешь;

Знаю, ты вина за чаркой,
 За позадиною рѣчь,
 Силою въ бой подбѣгаешь жаркой
 И готовъ въ могилу слечь...

Грустно недумать, что тамъ за горами, на полночь,
 Люди живутъ и не знаютъ ни горъ въ багряницахъ
 Огненныхъ вѣр, ни широкихъ кругомъ горизонтовъ!..
 Больно; сжимается сердце и мысль... Но грустиѣ
 Думать, что бродяшь тамъ въ полѣ, богатомъ покосомъ,
 Въ темныхъ дѣсахъ, — и ничто въ этой бѣдной природѣ
 Мысли твоей утомленной не скажетъ, какъ эти
 Виллы обломки: «здѣсь нѣкогда, съ чашей Фалерна,
 Въ мудрой бесѣдѣ, за долгой трапезой съ друзьями,
 Тулліи отыскивалъ тайны законовъ созданья»;
 Росы лепечуть: «вѣчали мы дѣвъ смуглолицыхъ,
 Сладко поющихъ Милета и Делоса дочерей, —
 Ирой и пляской своей потѣшавшихъ Лукулла»;
 Воды: «подъ наше паденье, подъ музыку нашу
 Лябъ и гекзаметръ настраиалъ кроткій Гораций»;
 Гроты, во мракѣ которыхъ шумятъ водопады:
 «Здѣсь говорила устами природы Сивилла;
 Жрецъ многодумный, таинственно въ лунныя ночи
 Слушалъ глаголы богини, и послѣ вѣщалъ ихъ
 Робкой толпѣ со ступеней цибеллина храма...
 Въ пѣдрахъ горы, между тѣмъ, собиравался какъ тѣни
 Ратники новыя вѣры, и рабъ и патрицій;
 Слышались странные звуки и чуждое пѣнье,
 Будто Везувій во мракѣ клопочущій лавой,
 И выходили потомъ съ вдохновеньемъ суровымъ
 Въ мѣръ на мученье, съ глаголомъ любви и смиренья...

XIII.

АНАХОРЕТЪ.

Двадцать лѣтъ въ пустынѣ,
 На скалѣ я прожилъ,
 Выше тучъ, тумановъ
 И громовъ и молній.

Изгнанный изъ міра,
 Горько мѣръ я бросилъ,
 Но забыть съ нямъ трудно
 Порванныя связи.

И когда вдругъ солнце
 Облака разгонитъ,
 Геродъ въ долину
 Заблестятъ какъ искры,

Мнѣ на мысль приходитъ —
 Въ двадцать лѣтъ, быть можетъ,
 Все давно свершилось,
 Изъ чего я блися:

Бѣдный свергъ оковы;
 Сильны и прекрасны,
 Разумомъ и волей
 Племена земныя...

Лжи не воздвигаютъ
 Пышныя кумиры,
 Ловкаго злодѣя
 Не чествуютъ какъ бога...

Нль... быть-можетъ, нынѣ
 Люди и забыли,
 Чѣмъ во дни былые
 Доблестны мы были!...

XIV.

— Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей?
 Признайся, что она была меня милѣй,
 Прекраснѣе? —

— Она была прекрасна...

— Любила ли она, какъ я тебя, такъ страстно?
 Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ нль братъ,
 Надъ чѣмъ дозоромъ вы сивались заочно?
 Все расскажи... и какъ порою полуночной
 Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ?
 Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
 Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста
 Невасытными въ лобзавѣи никогда,
 Съ твоими горячо ль сливались устами?
 Въ тѣ ночи тайныя, когда бѣ застала вась,
 Достало ли бѣ въ ней силъ, открыто, не страшась,
 Въ глаза нль объявить, что ты ей владѣе,
 Жизнь, кровь, душа ея? на строгій судъ людей
 Глядѣла ли бѣ она спокойнымъ, сивымъ взоромъ?
 Гордилась ли бѣ она любви своей поворомъ?..
 Ты улыбаешься... ты думаешь о ней...
 О, хороша она... и образъ ненавистный
 Еще не вырвала я изъ груди твоей... —
 — Ахъ, не брани ея! Глубоко, безкорыстно,
 Любили мы. Но вѣрь, ни разу ни она,
 Ни я любви своей мы высказать не смѣли.

Словесность.

Она была со мной как будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робили:
Лихъ худо-скрытый вѣдохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей мѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ;
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой,
Угадывали мы душою смыслъ иной
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои да руки
Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ; онъ требовалъ пощады,
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
«— И вы разстались?»

— Разстались. Я сказать

Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли — должны мы были замолчать...
«— Любить! Молчать!! И вы любите?! Боже, Боже!..»

XV.

Х у д о ж н и к ъ .

Кисти ты бросила, вабылъ о палитрѣ и краскахъ,
Проклялъ ты Римъ и излово-сребристая горы;
Ходишь какъ чумный; на дѣвъ смуглолицыхъ не смотришь;
Ночью до утра сидишь въ остернѣ за кружкой,
Хмурый какъ редиса наша... Твоя Лора плачетъ,
Тщетно гадаю о чемъ ты тоскуешь, и смотришь
Въ очи тебѣ и порой ловишь бредъ твой сквозь-сонный.
Что? не выходитъ твой Римъ на картинѣ? Что? воздухъ
Тонкой струей не бѣжитъ между листьевъ? солнце
Легкихъ, игривыхъ лучомъ не скользитъ по аллеѣ?
Горы не рдятся въ легкую дымку тумановъ полудня?
Руку, художникъ! ты тайну природы постигнешь:
Думать будетъ картина — ты самъ, негодуя,
Выносишь въ сердцѣ тяжелую думу.

XVI.

F I O R I N A .

«Смуглянка милая, подъ этимъ миртомъ тебѣ
И хмѣлемъ вьющимся по мраморамъ огромнымъ,

Минуту отдохнемъ. Скажи, ты рождена
 Въ долинь здѣсь: скажи, какое это зданье?
 Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говорить преданье,
 Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?.

— Не знаю, мы сюда за земляничкой ходимъ,
 А за вину стада пастись сюда приводимъ.
 Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
 Сюда съ дворокъ своимъ намереніи прѣвзжалъ.
 Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,
 Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
 Красавицей меня и умницей назвалъ...
 На нѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ дубовыхъ,
 А въ косы я видела нить бисеровъ перловыхъ.

XVII.

Д в о й н и к ъ .

Назвавши гостей, приготовилъ я яствъ благовонныхъ,
 Въ сосуды хрустальные налилъ вина золотого,
 Убралъ молодыми цвѣтами свой столъ, и заранѣ
 Веселый, что скоро здѣсь пляска и смѣхъ раздадутся,
 Вокругъ я ходилъ, поправляя приборы, плоды и гирлянды.
 Но гости не идутъ никто... Измѣнила и ты, молодая
 Царица стола моего, для которой нарочно
 Я лучший вѣнокъ приготовилъ изъ лилій душистыхъ,
 Которой бы голосъ и яркія очи, уста и ланиты
 Служили бы солнцемъ веселости общей, закономъ
 И сладкой уздой откровенному Вакху... Что жъ дѣлать?
 Печально гляжу я на ясныя свѣчи, рядъ длинный приборовъ.
 А гдѣ же друзья? гдѣ она?... отъ-чего не явилась?.. Быть можетъ...
 Вѣдь женское сердце и женская клятва что вѣтеръ...
 Эхъ, садю за кубокъ одинъ я... Одинъ ли?... А онъ, неотступный,
 Зачѣмъ онъ, непрошенный гость, предо мною усѣлся,
 Съ изсѣвншккой глядеть мнѣ въ глаза? И напрасно движенья
 Досады и ревности скрыть передъ нимъ я стараюсь...
 Охъ, трудно привыкнуть къ нему, хоть давно мы знакомы!
 Все страшно въ немъ видѣть свой образъ, но только безъ сердца,
 Безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью.
 Соювь съ неотступнымъ, оставь меня! Чтѣ тебѣ пользы,
 Хирургъ безпощадный, какъ трупъ рѣзать теплую душу?...

XVIII.

ЛОВЕНЗО.

Слава Богу, деньги есть.
 Шляпу на брови надвину,
 Плащъ широкій перекину
 Черезъ плечо... войду я въ честь.

Встрѣтитъ князь меня съ почтеньемъ,
 И поклонится аббать,
 И маркизы съ приглашеньемъ
 Миѣ на встрѣчу полетать.

Я высокъ, красивъ и ловокъ...
 Рѣчь — серебряная нить;
 Знаю тайну всѣхъ уловокъ
 Сердце женщины дразнить.

Въ будуаръ благоуханный
 Въ ночь прокрадусь я тайкомъ...
 Знаю, будетъ плакать Нанна,
 Такъ, съ досады... что жъ миѣ въ томъ?

Деньги выйдутъ... что жъ за дѣло?
 Молотокъ возьму я свой,
 Буду съчь я мраморъ бѣлый
 У скульптора въ мастерской.

А наскучить — повалюся
 Я на паперти церкви,
 И калѣкой притворюся...
 Долго ль обмануть людей?

Стыдно что ль? Пусть миѣ не знаютъ,
 Что вазны не влѣзь подъ спудъ!...
 А маркизы?.. Не узнаютъ!
 А узнаютъ — прочь пойдутъ.

Что миѣ въ нихъ? всегда миѣ Нанна,
 Какъ бы ни явился я,
 Встрѣтивъ, скажетъ: «другъ желанный,
 Гость мой милый, я твой!»

XIX.

Все утро въ помскахъ, въ пещерахъ подъ землей,
 Въ гробницахъ, въ цѣркахъ!... Ну, пусть трупъ свершаютъ свои
 Сопутники мои — отрускій антиварій,
 И Нѣмецъ - кропотунъ въ разборѣ всякой стари!
 Довольствуюся я, какъ Славянинъ прямой,
 Идеи общемо въ наукѣ Винкельмана.
 Какое дѣло мнѣ до точности годовъ,
 До вѣрности именъ! Голодный, я готовъ
 Хоть къ чорту отослать Метелла и Траяна...
 И жаръ невыносимъ! вся выжжена земля!
 Зеленыхъ ящерицъ пугливая семья
 Подъ листья прячется, шума плющомъ руины;
 Далекій горизонтъ въ серебряной пыли...
 А! вотъ подъ аркою старинною въ тѣни
 Домшко, слѣпленный изъ тростника и глины!
 Прощайте! Ну, мой конь! вотъ берегъ! берегъ! въ путь!
 Вѣдь въ этой хижинѣ живетъ какой-нибудь
 Потомокъ Ромула, Помпея или Нерона?
 Стучусь. Э-ге! кто тамъ? Signor радгон! радгона!...
 О Римъ, о чудный край! все кажется здѣсь спомъ!
 Передо мной стоитъ съ широкими косами,
 Хозяйка стройная, съ блестящими очами,
 Со смугло-налевымъ классическимъ лицомъ
 И мягкой граціей движеній и улыбокъ...
 А какъ роскошный станъ изваялъ! строемъ! гибкомъ!...
 Я съ надеждою слѣдилъ, какъ ставила она
 Передо мною сыръ съ фіаскою вина...
 «Вы замужемъ?» — «Мой мужъ уѣхалъ въ городъ». — «Долго
 Пробудетъ?» — «Дня два, три...» Тутъ говорилъ я ей
 О святой святости супружескаго долга,
 Что вообще любить не надобно мужей,
 А сердцу выборъ дать. Она сперва молчала,
 И съливой набожной серьезно отвѣчала:
 «Такъ Богъ велитъ». Потомъ, вдругъ пальчикъ свой прижавъ
 Къ устамъ и глазками на уголь указавъ,
 Шепнула: «Завтра». Я взглянулъ на уголь темный,
 И вижу, кашюномъ спустивши, тихо, сиромно,
 Храпа сивренія и умиленья видъ,
 Молитву набожно свершаетъ іезуитъ.

XX.

ГАЗЕТА.

Сиди въ тѣни виноградника, жадно порою читаю
 Вѣсти съ далекаго Сѣвера—понища жизни разумной...
 Шумно за Альпами движутся въ страшной борьбѣ поколѣнья:
 Ломатся съ трескомъ подмостки старинной громады и смѣло
 Мысль обрываетъ кулисы съ плачевнаго зрѣлища правды.
 Здѣсь же все тихо: до сѣни спокойно-великаго Рима
 Громы борьбы ихъ лишь эхомъ глухимъ изъ-за Альпъ долетаютъ;
 Точно изъ вѣрной обители смотришь, какъ молвіи стрѣлы
 Тучи чертятъ и вдругъ заревомъ рдянымъ гѣса зажигаютъ,
 Крестъ золотой съ колокольни ударомъ сорвутъ и разгонятъ
 Въ страхъ людей какъ пугливое стадо овецъ наумленныхъ...
 Такъ бы хотѣлось туда! тоже смѣло бы, кажется, бросилъ
 Огненный стихъ съ сокрушительнымъ словомъ!.. Поимкнешь въ раз-
 думь!

Вдругъ головой; выпадаетъ изъ рукъ роковая газета...
 Но какъ припомнишь подробности въ цѣломъ торжественной драмы,
 Жалкихъ Ахилловъ журнальнаго міра, и мелкихъ Улиссовъ;
 Вспомнишь корысть ихъ, какъ двигатель—впрочемъ великаго дѣла—
 Точно какъ сонъ отряхнувъ, поглядишь на тебя, моя Нина,
 Какъ ты, ревнуя меня не къ газетѣ, а къ Нанинѣ-сосѣдкѣ,
 Сидишь напротивъ меня, сохраняя серьезную мину,
 Губки надувъ и нарочно не смотришь мнѣ въ очи... Мгновенно
 Все позабудешь, и грязь и величье общественной драмы;
 Бросишься вмигомъ тебя целовать. Ты противишься, съ сердцемъ,
 Чуть не сжовъ слезъ, уклоняя уста отъ моихъ поцалуевъ, и послѣ
 Легкой борьбы добровольно уступишь и долгимъ лобзаньемъ
 Я заглушаю въ устахъ у тебя и укору и брань.

XXI.

Люблю въ тебѣ веселье юныхъ лѣтъ,
 И рѣчь, блестящую порывами живыми;
 Слѣжу за легкими движеньями твоими:
 Подынешь ли кувшинъ съ сверкающимъ виномъ,
 Мнѣ взора не отвести отъ пальцевъ бѣлоснѣжныхъ,
 Отъ мраморной руки съ поднятымъ рукавомъ,

Отъ облаженныхъ плечъ и ихъ изгибовъ нѣжныхъ...
 Вгдѣдѣшь ты?.. Не слышишь ли вдали
 Шаговъ завистливыхъ льданаго подозрѣнья?
 Брось ихъ, не отравляй минуты наслажденья
 И праздника украденной любви.
 Дверь замкнута... Одинъ я твой властитель!..
 Гирлянды, свиты заботливо тобой,
 Воспламененною я дерзко рву рукой...
 Прочь пирные огни! пускай въ твою обитель
 Войдетъ глухая ночь; пусть видитъ лишь луна,
 Скольва черезъ стекло высокаго окна,
 Серебро и золото сосудовъ осушенныхъ,
 Цѣты твои, закутанные мной
 Въ распуцелыхъ росахъ, и мраморъ снѣговой
 Какъ воскъ прозрачныхъ плечъ, отъ ризъ освобожденныхъ.

XXII.

Антики.

О, мраморъ, хранилище мысли былыхъ поколѣнй!
 Въ потлахахъ тебя отыскали средь пепла и камней;
 Художникъ сложилъ во-едино разбитые члены,
 Трудясь съ любовью, какъ-будто бы складывалъ вмѣстѣ
 Куски драгоценныя писемъ отъ милой, безумно
 Разорванныхъ въ гвѣвѣ... Израненный, нынѣ предъ нами
 Стоишь ты въ чертогахъ, и люди къ тебѣ издалека
 Стремятся, какъ въ чудной святинѣ толпы пилигримовъ...
 Творцы твои были, быть-можетъ, честимы и славны,
 На площади града вѣнчанны шумящимъ народомъ,
 Въ палаты царей приходили какъ лучшiе гости...
 Или, можетъ-быть, въ жизни узнали лишь горе да голодъ,
 Труда вдохновенныя ночи, да творчества гордость,
 И нынѣ ихъ нѣма погребло, и можетъ-быть повдно
 Узнали ихъ гений... и имъ неизвѣстно осталось,
 Какой еминямъ воскурятъ имъ далекимъ потомствомъ,
 Нелживый и чистый, подобный тому, что курили
 Въ Аеннахъ жрецы алтарямъ неизвѣстнаго Бога?..

XXIII.

И Г Р Ы.

«Хлѣба и зрѣлища!»

Князь народомъ циркъ. Дрожащія рабы
 Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждуть борьбы.
 А тигръ межъ-тѣмъ ревълъ, и прыгалъ барсъ игривый,
 Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
 И кровью какъ огоньъ глаза его зажглись.
 Отворено: заревѣлъ, взмахнувъ хвостомъ и гривой,
 На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
 Въ толпѣ, окутанный льняною, грубой тогой,
 Съ нахиуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ,
 И ликъ его сіялъ торжественный и строгой.
 Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ
 Снохоуъ, холодеуъ, на страшныя забавы,
 Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ
 И алмиса въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
 Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
 Воскликнулъ: «Проклятъ будь, о Римъ, о лютой тигръ!
 О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любви,
 Ты рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!»
 — «Кто ты?» спросилъ старикъ:—Аенианинъ! Привыкъ
 Рукоплескать одними я стройнымъ лиры звукамъ,
 Одними жрецамъ искусствъ, не воплямъ и не мукамъ....
 — «Ребенокъ, ты не правъ», отвѣтствовалъ старикъ.
 — Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!
 — «А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима.»
 — Чему же ты такъ радъ?—Я радъ тому, что есть
 Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ — честь:
 Бросаются рабы у насъ на растерзанье —
 Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!

XXIV.

Сижу задумчиво съ тобой на-единѣ;
 Какъ прежде, предо мной снѣжуютъ даль и горы..
 Но съ тайвой робостью покоишь ты на мнѣ
 Внимательной тоски исполненные взоры...

Ты чувствуешь, что есть соперница тебѣ —
 Не дѣя юная... ты слышишь, призываетъ
 Мана иная даль, влечетъ къ иной судьбѣ...
 Ты чувствуешь, мой духъ въ тоскѣ изнемогаетъ,
 Какъ алчный вождь, возсталъ отъ сладкихъ сновъ любви,
 И шмы повола онъ чувствуетъ въ крови,
 И, волчий ревностный, упрямое мечтанье
 Уже грядущаго сооружаетъ зданье...

XXV.

Древній Римъ.

Я видѣлъ древній Римъ: въ развалинѣхъ печальной
 И храмы и дворцы, поросшіе травой,
 И плиты гладкія старинной мостовой,
 И колесницъ слѣды подъ аркой триумфальной,
 И въ лунномъ сумракѣ, съ гирляндой аркадъ
 Полуразбитыя громады Колизея...
 Здѣсь, посреди сихъ стѣнъ, гдѣ плющъ растетъ, чернѣя,
 На вражѣ Форума, гдѣ у телегъ стоятъ
 Проваленныя вокругъ коринтской капители
 Рогатыя воды, — въ смущеньѣ я читалъ
 Всю дѣтопись твою, о Римъ, отъ колыбели,
 И духъ мой въ сладостномъ восторгѣ трепеталъ.
 Какъ пастырь посреди пустыни одинокой
 Находитъ на скалѣ гиганта слѣдъ глубокой,
 Въ благоговѣніи гладитъ, и, полнъ тревогъ,
 Онъ мыслитъ: «здѣсь прошелъ не человекъ, а богъ, —
 Самы печальныя безцвѣтныхъ поколѣній
 Мы, сердца въ мертвые, мы, нищія душой,
 Считаемъ баснею мы вѣкъ громадный твой,
 И школьныхъ раторовъ созданіемъ твой геній!..
 Нише люди здѣсь, намъ кажется, прошли
 И вѣтали свой слѣдъ негнѣнный на земли,
 Великіе въ бѣдахъ, и въ битвѣ, и въ сенатѣ,
 Великіе въ добрѣ, великіе въ развратѣ!
 Ты наль, но наль какъ жилъ... Въ виденіи своихъ,
 Ты тотъ же, какъ тогда, когда, храня свободу,
 Подъ знаменемъ ея ты бросалъ кровь и дошъ,
 И кланялся сенатъ строптивому народу...

 Такихъ же повчилъ ты.

 Пусть сыплетъ золото онъ сонну низкихъ слугъ,

Продавшихъ доблести и предковъ гордый духъ;
 Пускай трибуна гласъ сердца толпы не движеть;
 Пускай Лицинія она цауель прахъ,
 Пускай Лициній самъ слѣды смиренно лижетъ
 Саудалій Клавдія, бьетъ въ грудь себя; въ слезахъ
 Предъ статуей его пусть падаетъ въ молитвѣ,
 — Да полный урожай полямъ оны исполнеть,
 И въ пристани суда безвредно приведетъ:
 Ты духу мощному, испытанному въ битвѣ,
 Искалъ забвенія... достойнаго тебя.
 Да, чувство горькое въ душѣ своей тая,
 Старикъ своихъ сыновъ училъ за чашей яду:
 • Покуда молоды — плюща и винограду!
 Дооблачныхъ палатъ, тропическихъ деревъ!
 Вѣчайся розами, цалуй прекрасныхъ дѣвъ;
 Вирая на скелеть, увѣчанный цвѣтами,
 Ты помни, что еще увидишься съ друзьями.
 Порою посѣдай и портнякъ и лицей,
 И въ спорахъ съ мудрыми ты разумомъ созрѣй.
 Кляня щедушіе людей, яви на игры,
 Рукоплещи, какъ ихъ терзають львы и тигры!
 Учись товарищемъ и другомъ смерть считать,
 Ищи въ ней пристани отъ бурь судьбы умилой,
 И вокругъ созвай друзей, себѣ открыши жилы,
 Учй дѣтей своихъ, какъ должно умирать. •

XXVI.

Думалъ я, что небо
 Лесное полудня,
 Сѣнь оливъ и марта,
 Музыкальный голосъ,
 Жаркія лебавья
 Жить высокогрудыхъ
 Исцѣлять недуги
 Страждущаго сердца;
 Думалъ я, что сила
 Строгаго искусства,
 Вѣчная ночь —
 Прахъ святой героевъ,
 Хотъ забвенъ въ славу
 На душу першеть;
 Что въ ней хотъ замолкнуть
 Жажда теплои вѣры
 И безвѣрья муки,
 Жажда дѣлъ высокихъ
 И тоска бессилья;

Разума гаданья,
 И надъ нимъ насмѣшки...
 За порывъ восторга
 Платишь горькой мукой:
 Старая проснется
 Прежняго острѣе,
 Какъ хозяйка влая,
 За одинъ взглядъ бѣглый
 На красу чужую,
 Встрѣтитъ бранью влѣе,
 Старое припомнитъ,
 И лавить и колеть...
 Хоть бѣги со свѣта!

XXVII.

ПАЛАЦЗО.

Войдемте: вотъ чертогъ съ богатыми столбами,
 Земныхъ полубогамъ сооруженный храмъ.
 Прохлада царствуетъ межъ стѣнами,
 Лишьво бьетъ фонтанъ по мраморнымъ плитамъ;
 Террасы убраны роскошными цвѣтами,
 И арвеніе гербы блистаютъ по стѣнамъ —
 Эмблемы доблестей фамилій, гордыхъ властью:
 Кабанья голова, да львы съ открытой пастью.

Здѣсь все еще хранить слѣды временъ былыхъ;
 Вездѣ минушаго остатки вѣковые.
 Вотъ груды пышныхъ доспѣховъ боевыхъ
 И исполинскій мечъ и латы пудовыя,
 И Палестины вѣтвь и кость мощей святыхъ;
 Тамъ пытокъ варварскихъ орудья роковыя,
 Колеса и зубцы; вкругъ дивный даръ руинъ,
 Антики желтые и длинный рядъ картинъ:

То предки гордые фамиліи высокой.
 Тамъ старцы: латы ихъ изрублены въ бояхъ,
 И страшенъ яркій взглядъ, съ улыбною жестокой...
 Тамъ краснѣйшій кардиналъ, въ маскитыхъ сѣдинахъ,
 Когдѣвопреклоненъ съ молитвою глубокой,
 Передъ Мадонною съ Младенцемъ на рукахъ;
 Тамъ юноша, средь музъ, любимый Аполлономъ,
 Вычванный муртами лукавымъ Купидономъ.

Тамъ жены: та бѣла, какъ мраморъ гробовой,
 Во взглядѣ злая скорбь и ужасъ затаенный...
 То жизнь, убитая болзнью и тоской,
 То жалоба души, судьбою обреченной
 Служить для деспота свирѣпаго рабой
 И сластолюбія забавою презрѣнной;
 Какъ-будто говоритъ она: «здѣсь дни губа,
 Жила и умерла я въ мукахъ, не любя...»

Та — жизни полная, и въ блескѣ самовластья —
 Сомкнутыя уста, нахмуренная бровь...
 Обыкновенныхъ жень ей мало было счастья,
 И гордая душа прорвалась изъ оковъ;
 Служили ей князья, и ладъ, и сладострастье,
 На шумныхъ оргіяхъ и мщенье и любовь —
 И взоръ ея горитъ насмѣшкой вступленной,
 Всею гордостью души глубоко оскорбленной...

И ницѣ пусто все въ блестящей галерей...
 На этихъ мраморахъ густая пыль лежитъ;
 Оборванный лакей, въ истасканной ливрей,
 На преслахъ бархатныхъ раскинувшись, храпитъ;
 И въ залахъ, какъ среди развалинъ Коллизей,
 Семейство Англичанъ кочуетъ и шумитъ...
 А вы — вы кинули отцовъ чертогъ печальный,
 Наслѣдники ихъ правъ и чести феодалной?

Благословенье вамъ! не золото, не гербы,
 Вамъ стали божествомъ, а разумъ и природа,
 И громко отреклись вы отъ даровъ судьбы —

И викали вы призывъ торжественной борьбы
 И движете вамъ кликъ «Италія свобода!»
 И гордо шелеститъ, за честь страны родной,
 Болонская хоругвь надъ вашей головой!

Благословенье вамъ! Италія спасенной
 Въ васъ избавителей увидѣть суждено!...
 Но тамъ... здѣсь живутъ: раскинуть столъ зеленый,
 Вчера здѣсь пиръ былъ: все исписано сукно;
 Тамъ дребезги стекла... бокалъ неосушенный...
 И солнце облило лучами, сквозь окно,
 Перчатки женскія и бюстъ Сократа важный,
 Накрытый шляпкою красавицы продажной.

А. МАЙКОВЪ,

ЛУКРЕЦІЯ ФЛОРИАНИ.

Романъ Жоржа Занда.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Любезный читатель (воззваніе старинное, но единственно-лучшее)! предлагаю тебѣ новый опытъ, въ формѣ, заимствованной чуть-ли не отъ Грековъ. Можетъ-быть, она тебѣ не совсѣмъ понравится... Прощю то время, когда

..... A genoux dans une humble préface,
Un auteur au public semblait demander grâce.

Люди значительно отстали отъ этой ложной скромности съ-такъ-поръ, какъ Буало предалъ ее презрѣнію великихъ людей. Въ наше время, авторъ беретъ отвагой, и если пишетъ предисловіе, то непременно доказываетъ въ немъ оторопѣвшему читателю, что онъ долженъ читать его снявъ шапку, благоговѣть и безмолвствовать.

И даю! такъ и надо поступать съ тобой, благосклонный читатель; потому-что это имѣетъ свой эффектъ. Ты удовлетворяешься: ты очень хорошо знаешь, что авторъ совсѣмъ не такой дерзкій человекъ, какъ ни хочешь казаться; что это только такъ, мода, замашка выбирать нарядъ, приличныя роли, а что въ сущности—ему хочется сказать тебѣ что-нибудь получше, что-нибудь по твоему вкусу.

Впрочемъ, у тебѣ часто бываетъ очень-дурной вкусъ, мой добрый читатель. Если только ты не Французъ, тебѣ непременно нравится все, противное французскому духу, французской логикѣ, стариннымъ формамъ языка и языка, простаго изложенія событій и характеровъ. Чтобъ угодить тебѣ, авторъ долженъ разомъ въ себя воплотить—драматизмъ Шекспира, романтизмъ Байрона, фантастическое Гофмана, ужасы Льюиса и Анны Радклейвъ, героизмъ Кальдерона и цѣлаго испанскаго

театра; а попробуй онъ ограничиться подражаніемъ одному изъ этихъ образцовъ, ты сейчасъ назовешь его безцвѣтнымъ.

Что жъ вышло изъ твоихъ безпорядочныхъ прихотей?—вышло то что романтическая школа бросилась въ бездну страховъ, убійствъ, измѣнъ, чрезвычайностей, ужасовъ, уродливыхъ страстей, ошеломляю щихъ происшествій; наконецъ поднялся такой гвалтъ, отъ котораго можетъ закружиться голова у много добродушнаго человека, который не одаренъ ни такой твердой поступью, ни такимъ зоркимъ глазомъ чтобъ могъ пробраться сквозь эту грущобу.

Такъ вотъ, что дѣлается въ угоду тебѣ! А если иногда, для формы и пощелкають тебя немножко, — это только для того, чтобъ привлечь твое вниманіе, чтобъ потомъ хорошенько озадачить тебя желаннымъ удовлетвореніемъ. И—я говорю, что никогда еще не ласкали публику не ласкались къ ней, не баловали ее такъ, какъ балуютъ тебя теперь въ градомъ—сыплющихся твореніяхъ.

Ты ужъ столько прощаль дерзостей, что незаметно выслушаешь одну и отъ меня: я хочу сказать, что ты разстроишь желудокъ всеми этими приносами, что ты—и трагашь собственныя движенія и изнуряешь романистовъ. Ты заставляешь ихъ во зло употребить данныя имъ средства; заставляешь ихъ до того истощать воображеніе, что наконецъ не останется ничего больше, какъ развѣ только изобрѣсть совсѣмъ новый языкъ, или открыть небывалое племя людей. Ты не позволишь автору быть сколько-нибудь бережливымъ — онъ въ конецъ разоряется, и въ одно прекрасное утро окажется, что авторъ пересказалъ все, и что ему придется начать повторять пересказанное. Тебѣ станетъ скучно и, неблагодарный другъ, какимъ всегда ты былъ и всегда будешь, ты позабудешь безграничную расточительность авторскаго воображенія съ его обильными плодами, позабудешь наслажденія, которыми онъ, авторъ, когда-то дарилъ тебѣ!..

Это такъ; и потому — спасайся кто можетъ! Не сегодня, такъ завтра—обнаружится возвратное движеніе, возникнетъ реакція. Держу пари, что мои собратья не дремлютъ, что они уже готовы соединиться и общими силами прискать себѣ иной родъ занятій, пуститься въ иную заработку, которая бы доставалась не такимъ тяжелымъ трудомъ. Я чувствую приближеніе грозы, чувствую ее въ глухой, сгущенной атмосферѣ и—благоразумно бѣгу отъ неистоваго круговорота, бушующаго вихремъ въ литературу. Сажусь на распутии и смотрю на мимондущихъ злодѣевъ, предателей, гробокопателей, убійцъ, кровопійцъ, отравителей, вооруженныхъ съ головы до ногъ всадниковъ, растрепанныхъ женщинъ, на всю эту лютую, кровожадную вереницу новѣйшей драмы. Я вижу ихъ со всею ихъ утварью — кинжалами, вѣнцами, нищенскими лохмотьями, красными плащами; они клянутъ тебя, читатель, и, лишенные званія вьючныхъ лошадей, идутъ искать себѣ другихъ занятій.

Но что же мнѣ-то дѣлать, мнѣ, бядняку, который никогда и не думалъ и не умѣлъ изобрѣтать новыя формы? какъ поступить, чтобъ не увлечься въ страшный водоворотъ и, вѣсть съ тѣмъ, не показаться

черезъ-чуръ отсталымъ въ такое время, когда возникаетъ что-то новое, еще невѣдомое, но уже близкое, наступающее?

Я... успокоюсь и пріймусь за маленькую скромную работку; а потомъ — посмотримъ, что будетъ! Если новая манера удастся — будемъ продолжать. А нынѣшняя—черезъ-чуръ фантастична и роскошна не въ мѣру; старъ я для нея, силы не позволяютъ. Я оданусь въ платье моего покойнаго дядушки: оно и удобно, и просто, и солидно.

Итакъ, читатель, следуя обычаю нашихъ добродушныхъ предковъ, предупреждаю тебя, что изъ повѣсти, которую имѣю честь тебя представить, будетъ изгнанъ самый основной элементъ, самая сила — всюду расплодившаяся въ настоящее время приность, т. е. внезапность, неожиданность. Въмѣсто того, чтобы водить тебя отъ изумленія къ изумленію, бросать за каждой главой изъ озноба въ жаръ, изъ лихорадки въ горячку, я поведу тебя тихонько по прямой дорожкѣ; оставлю тебя глядѣть во все стороны впередъ и назадъ, направо и налево; озвратъ и растущій во рву кустарникъ, и бѣгущія по небу тучи, и все, что на попадется тебѣ на глаза среди спокойной равнины, которую предстоить намъ перейти. Если случится намъ попасть на рытвину, я скажу тебѣ: «берегись, вотъ тутъ рытвина»; если встретится ручей, я помогу тебѣ перейти черезъ ручей; не пушу тебя впередъ для того только, чтобы послѣ имѣть удовольствіе сказать: «подсидалъ же я читателя!» и послушать, какъ ты закричишь: «Ой! я сломалъ себя шею! Не думалъ—не гадалъ; это все авторъ съигралъ со мной такую штуку!»

Наконецъ, я не буду надъ тобой смѣяться... Мнѣ кажется, лучшаго вступленія славать невозможно... А между-тѣмъ, очень можетъ быть, что ты назовешь меня самымъ дерзкимъ, самымъ заносчивымъ въ мѣрѣ романистомъ; можетъ-быть, ты разсердишься на половинѣ дороги и не захочешь идти со мною дальше?

Воля твоя! Иди, куда влекутъ тебя твои склонности! Я не сержусь на техъ, кто плываешь тебя инымъ, противнымъ тому, что я хочу плыть. Я не ненавижу моды. Всякая мода хороша, пока она въ порѣ и силѣ; судить о ней можно только тогда, когда прійдетъ конецъ ея господству. мода по рожденію имѣетъ священныя права: она дочь духа века; но... мѣръ такъ огромна, что въ немъ всему есть мѣсто; и свобода человека до того простирается, что ему позволено даже написать злохой романъ.

I.

Молодой князь Кароль де-Росвальдъ лишился матери передъ самыми тѣмъ временемъ, какъ познакомился съ Флоріани.

Онъ еще не оправился отъ глубокой скорби, еще ничто не успѣло размечъ его. Княгиня де-Росвальдъ была для него перво-

сходною, нѣжною матерью. Столько неусыпныхъ заботъ, столь безграничной преданности истратила она на его болѣзненное, столь далекое дѣтство! Взросшій на глазахъ у этой единственной благородной женщины, молодой человѣкъ во всю свою жизнь былъ одушевленъ только одною существенною страстью — сынею любовью. Взаимная любовь сына и матери дала имъ чистымъ и взгляду на вещи характеръ исключительный и, можетъ быть, ужъ слишкомъ-отрѣщенный. Правда, княгиня была женщина отличнаго ума и въ высшей степени образованная; ея рѣчи и наставленія, казалось, очень согласовались съ натурой Каролюшки, которому здоровью ребенка было не поддѣлать то тяжелое, суеверное классическое преподаваніе, которое само-по-себѣ никоимъ образомъ не сравняется съ уроками просвѣщенной матери, но за то имѣло несомнѣнное преимущество, что приучаетъ къ труду: оно какъ будто ключъ къ познанію жизни. Княгиня де-Росвальдъ, по вѣту докторовъ, удалила педагоговъ съ ихъ книгами и взяла сама образовать умъ и сердце сына путемъ разговоровъ, разговоровъ, *вдыхая*, такъ-сказать, въ него собственное свое нравственное существо, — и юноша воспринималъ это существо съ наслажденіемъ. Такимъ-образомъ, онъ приобрѣлъ много знаній, ничѣмъ не учившись.

Но ничто не можетъ замѣнить опыта: щелчки и толчки, которыми, въ наше время, бывало, надѣляли школьниковъ для снѣгѣйшаго внушенія и вѣщшаго укорененія въ памяти ихъ какого-нибудь историческаго факта, знаменитаго преступленія, или ии-умилительнаго или ужасающаго *примѣра*, — совсѣмъ не такъ чужды, какъ теперѣ намъ кажется. Мы не бѣдемъ своихъ дѣтей; то имъ предстоитъ другая школа, — и суровая рука опыта наляжетъ на нихъ тяжелѣе нашей!

И вотъ, Кароль де-Росвальдъ рано узналъ свѣтъ и жизнь, жеть-быть, даже слишкомъ-рано; но узналъ то и другое по правдѣ, а отнюдь не изъ практики. Мать, по прекрасному намѣренію образовать въ сынѣ возвышенную душу, допускала къ нему только людей избранныхъ, направленіе которыхъ могло быть для него благотворнымъ. Онъ зналъ, что есть на свѣтѣ и злые и нечестные люди, но умѣлъ только избѣгать ихъ, а не изучать. Ему говорили, что надо помогать несчастнымъ; домъ, въ которомъ прожилъ Кароль, былъ постоянно открытъ всѣмъ нуждающимся; но Кароль, встрѣчая этихъ бѣдняковъ лицомъ-къ-лицу, привыкъ презирать причины ихъ горя, привыкъ смотрѣть на эти причины какъ на неизлечимую язву челоуѣчества. Беспорядочность, лѣно, невѣжество или недостатокъ развитія — эти роковые источники блужденій и бѣдствій, — казались ему неустрашимыми въ людяхъ. Его не приучали къ мысли, что народныя массы должны и могутъ освободиться отъ этихъ золъ; что, сблизившись съ челоуѣчествомъ, то овладѣвая имъ, то лаская его, какъ любимое дитя, прощая ему многое, чтобъ выигрѣть

хоть одинъ шагъ впередъ, — больше можно сдѣлать для него, нежели бросая на разслабленные или пораженные антоновымъ-огнемъ члены скудную помощь состраданія.

Не было сказано этой истины Каролу. Онъ узналъ, что подаваемые милостыни — долгъ, долгъ, который необходимо исполнять, если того требуетъ состояніе общества. Но это еще только одна изъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на насъ братская общечеловѣческая любовь. Есть много другихъ, и главная изъ нихъ, не жалѣть, а любить. Онъ съ жаромъ ухватился за правило — не видѣть зло, и остановился буквально на мысли, что надо жалѣть тѣхъ, которые сдѣлаютъ зло. Но, повторимъ еще разъ: жалѣть — мало! Надо любить, чтобъ быть справедливымъ, чтобъ сохранить надежду на будущее. Не должно быть слишкомъ-чувствительнымъ къ самому-себѣ; не должно засыпать въ упоеніи чистой, самодовольной совѣсти. Кароль былъ такъ благороденъ, что не могъ спокойно, безъ внутреннихъ угрызений, наслаждаться своимъ богатымъ достояніемъ; не могъ забыть, что есть много людей, которымъ не достаетъ необходимаго. Но не прилагалъ онъ сердечнаго участія къ нравственной нищетѣ братій: мысль его не развила до того понятія, что растлѣніе народа летитъ брызгами и на людей, непричастныхъ этому растлѣнію; что бороться съ общимъ зломъ — первая обязанность людей, чуждыхъ этого зла.

Съ одной стороны, онъ видѣлъ нравственную аристократію, умственное превосходство, чистоту нравовъ, благородство инстинктовъ, и думалъ: «пристанемъ къ этимъ». Съ другой, представлялись ему: заурядность, униженіе, глупость, безпутство, — и онъ не говорилъ: «пойдемъ, исторгнемъ ихъ изъ пропасти, если будетъ можно». — Его учили говорить: «Нѣтъ! они погибли. Накормимъ ихъ, одѣнемъ; но не будемъ дѣлиться съ ними душою, чтобъ не растлѣть своей собственной души нечистымъ союзомъ. Они огрубѣли, погрязли, — поручимъ же души ихъ милосердію Божию!»

Привычка беречь себя перешла потомъ въ нѣкоторый родъ эгоизма, и это сухое чувство отчасти лежало въ глубинѣ сердца княгини. Оно въ ней было сильнѣй въ пользу сына, нежели въ пользу себя-самой. Она очень-ловко удаляла сына отъ молодыхъ сверстниковъ, какъ-только замѣчала въ нихъ безразсудство, или даже вѣтренность. Она боялась соприкосновенія его съ каждой несогласной съ нимъ натурой; а между-тѣмъ, это-то соприкосновеніе и дѣлаетъ насъ людьми, оно-то и даетъ намъ силу и возможность не увлекаться первымъ случаемъ, а противостоять соблазнительному призыву зла и, силою затаеннаго въ душѣ впечатлѣнія, оцѣнять призывъ добра.

Чуждая ограниченнаго, грубаго ханжества, княгиня, впрочемъ, была строго-набожна. Вѣрная католичка въ душѣ, она видѣла злоупотребленія и мирилась съ ними изъ уваженія къ святости церкви. «Папа можетъ заблуждаться», говорила она: «онъ человѣкъ»;

но пацство погрѣшати не можетъ: оно божественное установленіе»...

Мысль о прогрессѣ не легко уживалась въ ея головѣ, и сын ея съ раннихъ лѣтъ научился сомнѣваться въ немъ, привыкъ не вѣрить тому, чтобъ человѣкъ могъ достигъ полного блаженства на землѣ. Кароль не былъ такъ строгъ въ практическихъ проявленіяхъ внушенныхъ ему правилъ, какъ мать (потому-что нынѣшнее молодое поколѣніе, на зло всему, легко отрѣшается отъ предразсудковъ); но онъ все-таки остался вѣренъ тѣмъ понятіямъ по которымъ есть спасеніе людямъ съ доброю волей, и нѣтъ стремленія преломить волю злую; онъ остался вѣренъ системѣ — довольствоваться *избранными*, обрекая *званыхъ* на вѣчное коснѣніе въ злѣ... Печальная, мрачная система, признающая для избранныхъ исключительность счастья!..

Души, отъ природы добрыя и благородныя, впавъ въ подобно заблужденіе, наказываются за то вѣчной печалью. Коснѣть въ этомъ заблужденіи суждено только безчувственнымъ душамъ, да тупымъ головамъ. Книгиня де-Росвальдъ мучилась, сознавая ложность своихъ фаталистическихъ понятій, но не имѣла духа высвободиться изъ-подъ ихъ суроваго вліянія. Она облеклась въ торжественную, правоучительную важность и мало-по-малу сообщала ее сыну, если не наружною формою, то внутреннимъ настроеніемъ. Поэтому Кароль не зналъ ни ревности, ни игривой свободы, ни открытой, животворной дѣтской довѣрчивости. Правду сказать, онъ не былъ и ребенкомъ: мысли его издавна покрылись какимъ-то отѣтникомъ задумчивости, и когда пришла романическая пора его жизни, воображеніе начало представлять ему только мрачныя, печальныя картины.

Но, не смотря на ложное направленіе идей, умственная природа Кароля была дивно-хороша. Кроткій, чувствительный, одаренный вѣрнымъ тактомъ, въ пятнадцать лѣтъ онъ представлялъ полное развитіе юношеской прелести, соединенной съ важностію мужа. Онъ остался иженъ и тѣломъ и душою. Но этотъ недостатокъ мужественнаго развитія помогъ ему сберечь очаровательную красоту, ту своеобразную физиономію, на которой не было, такъ-сказать, отпечатка ни возраста, ни пола. Не было у него ни суровой наружности потомка древнихъ магнатовъ, умѣвшихъ только пить, травить да рубиться; не было въ немъ и женственной миловидности румянаго Амура. Онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ тѣхъ идеальныхъ созданий, которыми поэзія среднихъ вѣковъ украшала христіанскіе храмы: прекрасный образъ, подобный величественно-грустной женщинѣ, дѣвственной, стройной, какъ юное божество Олимпа, и, къ довершенію всего, съ выраженіемъ въ одно время ижидымъ и суровымъ, дѣломудреннымъ и страстнымъ.

Вотъ въ чемъ была основа существа его! Ничто не могло быть чище и возвышеннѣе его помысловъ; ничто не могло быть упорнѣе, долгнѣе, безграничнѣе его привязанностей. Еслибъ можно бы-

лю збыць о существованіи челоуѣчества и представить себѣ его сосредоточеннымъ и воплощеннымъ въ одномъ лицѣ, то это обоженое на развалинахъ міра лицо былъ бы Кароль де-Росвальдъ. Но недостаточны были его отношенія къ подобнымъ ему существамъ. Онъ понималъ только то, что было съ нимъ тождественно: понималъ мать, потому-что самъ былъ чистымъ, блестящимъ ея отраженіемъ; понималъ Бога, о которомъ составилъ свою, свойственную его умственной натурѣ идею; понималъ, наконецъ, созданную его воображеніемъ женщину, невѣдомую, но любимую имъ въ будущемъ.

Все остальное существовало для него въ видѣ какого-то враждебнаго сна, отъ котораго онъ пытался утѣяться, живя одинъ среди свѣта. Вѣчно-погруженный въ свои грезы, онъ не постигалъ смысла дѣйствительной жизни. Ребенкомъ не умѣлъ онъ дотронуться ни до какого острія безъ того, чтобъ не уколоться; взрослымъ женщиной не могъ встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ непохожимъ на него челоуѣкомъ безъ того, чтобъ съ грустью не отступитъ отъ зрѣщаго живаго противорѣчія.

Одно предохраняло его отъ постоянного антагонизма,—именно: сначала произвольная, потомъ укоренившаяся привычка не видѣть и не слышать того, что было противно ему вообще, но что не затронуло его личныхъ склонностей. Люди, которые думали не такъ, какъ онъ, представлялись ему какими-то призраками, и такъ-какъ ему знакомы были всѣ свѣтскіе приемы, то его холодное презрѣніе, а иногда и неодолимое отвращеніе, легко можно было принять за утонченную прѣвѣтливость.

И странно, что съ подобнымъ характеромъ молодой князь могъ имѣть друзей! А у него были друзья: кромѣ друзей его матери, видѣвшихъ въ немъ достойнаго сына благородной женщины, были у него еще ровесники, которые горячо любили его, вѣрили, что и онъ ихъ любитъ. Каролю самому казалось, что онъ сильно любитъ своихъ друзей; но тутъ больше дѣйствовало воображеніе, нежели сердце. Онъ составилъ себѣ высокое понятіе о дружбѣ и, въ эпоху первыхъ увлеченій, охотно вѣрилъ, что и друзья и онъ, воспитанные почти въ одномъ и томъ же духѣ, въ однихъ и тѣхъ же правилахъ, никогда не измѣнятъ своихъ мнѣній, никогда не поддадутъ до существенныхъ разногласій.

А между-тѣмъ, это случилось. Въ двадцать-пять лѣтъ, въ то самое время, когда умерла его мать, онъ уже успѣлъ разочароваться почти во всѣхъ друзьяхъ своихъ. Одинъ остался ему неизмѣнно вѣренъ. То былъ молодой Итальянецъ, немного-старше его лѣтами, благородной наружностью, великодушнымъ сердцемъ, полный искреннаго энтузіазма. Не похожій на Кароля почти во всѣхъ отношеніяхъ, онъ имѣлъ по-крайней-мѣрѣ ту общую съ нимъ черту, что благоговѣлъ передъ художественной красотой и проповѣдывалъ начала рыцарской доблести. Онъ-то оторвалъ Кароля отъ

могилы матери, увлечь его подъ живительное небо Италіи и въ первый разъ къ Флоріани.

II.

Что же это за Флоріани? Два раза произнесли мы ея имя предъидущей главѣ, а не подвинулись къ ней ни на шагъ...

Потерпи, мой другъ читатель! Я совсѣмъ готовъ былъ постучься въ дверь моей героини, но вдругъ замѣтилъ, что еще недовно разъяснилъ героя, что мнѣ нужно еще поговорить о немъ.

Въ цѣломъ мірѣ не найти такого своенравнаго, нетерпѣливаго человѣка, какъ читатель романа!.. Ну, да я и не слишкомъ злечую объ этомъ. Я представляю вамъ цѣлаго человѣка,—значи представляю міръ, бездонное море противорѣчій, разнообразія, чуждости и величія, логики и несообразностей, а вы хотите, чтобы я удовольствовался одной маленькой главкой! О, пѣтъ! не отступлю безъ того, чтобы не вникнуть глубже въ подробности; торопиться не куда. Если вамъ покажется скучно, пропускайтъ если потомъ не поймете поступковъ моего героя, вините себя не меня.

Человѣкъ, котораго я вамъ представляю,—онъ, а не другой! нибудь. Онъ еще не будетъ вамъ понятенъ, если я скажу то, что онъ былъ молодъ, прекрасенъ, строенъ, ловокъ. На этотъ и треть похожи всѣ герои романовъ, а мой герой—существо, мыслю мнѣ знакомое; дѣйствительное ли оно, или вымышленно хочу его описать. У него очень—опредѣленный характеръ; а къ тренимъ движеніямъ человѣка неселья примѣнить заветную натуралистовъ, которые, при описаніи какого—нибудь растенія минерала, говорятъ, что вотъ это тѣло издаетъ запахъ своего да, *sui generis*.

Это *sui generis* ничего не выражаетъ; а мнѣ кажется, что и Кароль де-Росвальдъ имѣлъ характеръ *своего рода*, который жеть быть выраженъ.

Въ—слѣдствіе заботливаго воспитанія и врожденной граціи, съ виду казался такимъ искренно-привѣтливимъ, что нравился же тѣмъ, которые его не знали. Восхитительная наружность полагала каждаго въ его пользу; нѣжность сложенія интересо женщины; обширный, гибкій, обработанный умъ и своеобразная кроткая, ласковая рѣчь невольпо привлекали вниманіе мужч. Что касается до просныхъ, всеневныхъ натуръ, онѣ любили немъ отличную вѣжливость; онѣ восхищались ею, не понимая простотѣ сердечной, что это было исполненіе обязанности, чувства истиннаго расположенія тутъ не было и въ поминѣ.

Еслибъ эти люди проникли въ его душу, они сказали бы, онъ больше способенъ вдушать любовь, нежели любить, и, го это въ-отношеніи къ самимъ-себѣ, были бы правы. Но какъ

образомъ они угадали бы истину, если его рѣдкія привязанности были такъ живы, глубоки, неотразимы?

Итакъ, его постоянно любили, если не съ вѣрою во взаимность, по-крайней-мѣрѣ съ надеждой на нее. Товарищи, глядя на него, слабого, лѣниваго въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, и не думали презирать эту отчасти хрупкую натуру, потому-что Кароль вовсе не хвастался крѣпостію. Бывало, среди ихъ игръ, преспокойно усѣвшись на траву, онъ говорилъ имъ: «Потѣшайтесь, друзья; я не могу ни бороться, ни бѣгать; вы прійдете ко мнѣ отдыхать». И такъ-какъ спала естественно покровительствуетъ слабости, то часто случалось, что самые мощные изъ молодыхъ людей великодушно оказывались отъ запальчивыхъ забавъ и оставались съ Каролемъ.

Изъ всѣхъ закодированныхъ ностическимъ оттѣнкомъ мыслей и глубокостію ума Кароля самый вѣрный былъ Сальваторъ Альбани. Этотъ добрый юноша былъ существо въ высшей степени открытое, и притомъ Кароль имѣлъ надъ нимъ такое могучее вліяніе, что онъ никогда не смѣлъ противорѣчить ему, хотя бы даже замѣтилъ какое-нибудь преувеличеніе въ его началахъ, странность въ его привычкахъ. Онъ боялся въ чемъ-нибудь не понравиться Каролю, боялся, чтобъ Кароль не охладѣлъ къ нему, какъ охладѣлъ къ другимъ. Онъ ластился, увивался какъ ребенокъ, когда Кароль, будучи раздражительнѣе, воспримчивѣе физически-больнаго, уходилъ въ свою комнату, чтобъ скрыть отъ матери хандру, видъ которой всегда ее мучилъ. Такимъ-образомъ, Сальваторъ Альбани сталъ необходимъ для князя. Онъ это чувствовалъ, и когда пылкая молодость увлекала его въ иной, обольстительный міръ, онъ жертвовалъ собственными желаніями, или тайлъ ихъ съ великодушнымъ притворствомъ, думая про себя, что если Кароль его разлюбитъ, то ужъ не позволитъ больше ухаживать за собою, а замкнется въ безраздѣльномъ, мрачномъ одиночествѣ.

Слѣдовательно, Сальваторъ любилъ Кароля, потому-что былъ ему нуженъ, и, по странному добродушію, угождалъ его упрямымъ, мечтательнымъ правилами. Онъ восхищался съ нимъ стоицизмомъ, а самъ въ душѣ былъ чистый эпикуреецъ. Часто, измученный разгульными похождениями, онъ на другой день, сидя у изголовья Кароля, читалъ какую-нибудь аскетическую книгу, приходилъ въ наивный восторгъ при описаніи идеальной, нераздѣленной любви, любви дѣвственной, безграничной, которая должна была наполнить всю жизнь его молодого друга. Онъ искренно признавалъ эту любовь безконечно-прекрасною, а между-тѣмъ не могъ обойтись безъ любовныхъ интригъ и скрывалъ отъ друга свои тайныя пріключенія.

Но надо же было когда-нибудь кончиться невинному притворству Сальватора; и вотъ, мало-по-малу, Кароль дошелъ до горестнаго открытія, что другъ его притворяется. Настало же для него это страшное испытаніе въ такую пору, когда Сальваторъ сталъ ему до того необходимъ, обнаружилъ предъ нимъ столько несо-

мѣнявшихъ достоинствъ ума и сердца, что онъ уже не могъ перестать любить его. Правда, любовь эта поохладѣла въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; но все-таки ея еще осталось на столько, что Каролю нельзя было обойтись безъ Сальватора. Не смотря на то, онъ никогда не могъ оправдать этихъ грѣховъ молодости, и привязанность къ другу, вмѣсто того, чтобъ усладить его привычную грусть, стала для него болѣзненна какъ рана.

Строгость княгини де-Росвальдъ была для Сальватора страшнѣе строгости Кароля, и онъ долго, сколько могъ, старался утаить отъ нея истину, которую Кароль открылъ съ такимъ ужасомъ. Продолжительная, мучительная болѣзнь, которою страдала княгиня въ послѣдніе годы своей жизни, отняла у ней даръ проницательности; и когда Кароль увидѣлъ ея холодный трупъ на смертной постели, имъ овладѣло такое полное отчаяніе, что Сальваторъ взялъ надъ нимъ рѣшительный верхъ и одинъ только могъ возвратить его къ жизни.

Въ другой разъ смерть отнимала у Кароля любимое имъ существо. Онъ любилъ дѣвупку, которую прочли за него: то былъ единственный въ его жизни романъ; мы скажемъ о немъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Теперь ему уже не кого было любить, кромѣ Сальватора. Онъ любилъ его, но любилъ какъ-то условно, съ какою-то болью, съ какою-то мыслью, что его другъ неспособенъ быть такимъ несчастнымъ, какъ онъ.

Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ этой послѣдней, самой близкой, самой убійственной катастрофы, князь де-Росвальдъ, насильно увлеченный неутомимымъ другомъ, въ почтовой каретѣ летѣлъ по полямъ Италіи. Удовольствія и веселье составляли непремѣнную потребность Сальватора; не смотря на то, онъ все принесть въ жертву тому, кого называли его балованнымъ дитятей. Когда говорили при немъ: «балованное дитя!», онъ всегда отвѣчалъ: «скажите лучше: мое милое дитя; какъ бы ни былъ извѣженъ Росвальдъ и матерью и мной, его сердце, его нравъ все-таки остались неизбалованными. Онъ не сдѣлался ни прихотливымъ, ни своенравнымъ, ни неблагодарнымъ, ни бѣшеннымъ. Онъ чувствуетъ малѣйшую внимательность; онъ признателевъ больше, нежели стѣбитъ моя преданность.»

Великодушно было такое сознаніе, но справедливо. У Кароля не было мелкихъ недостатковъ: у него былъ одинъ недостатокъ огромный, невольный и страшный — духъ нетерпимости. Не отъ него зависѣло открыть свою душу всеобщей любви, чтобъ расширить кругъ своего зрѣнія, оглянуть и постигнуть человѣческіе интересы. Онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ добродѣтель состоитъ въ воздержаніи отъ зла; эти люди, строго исповѣдуя истины евангелія, сами не понимаютъ высочайшей изъ нихъ: любви раскаяннаго грѣшника; надежды на возвратъ заблудшей овцы, — словомъ, не понимаютъ духа, разлитаго въ ученіи Христа, дышащаго въ каждомъ Его словѣ; не постигаютъ смысла, что

падшее, но возвратившееся къ божественной любви существо становится высоко.

Въ мелочныхъ житейскихъ отношеніяхъ, Кароль былъ человѣкъ очаровательный. Всѣ возможные виды привѣтливости получали у него неподражаемую прелесть. Онъ высказывалъ свою благодарность всегда съ такимъ глубокимъ, взволнованнымъ чувствомъ, которое могло съ избыткомъ вознаградить самую искреннюю дружбу. Даже въ своей печали, въ этой вѣчной печали, которой онъ, кажется, не хотѣлъ и видѣть конца, онъ казался кротко-покорнымъ, какъ-будто и жилъ только потому, что хотѣлъ исполнить желаніе Сальватора.

Въ сущности, нѣжное здоровье Кароля не было сильно разстроено, и жизни его не грозило никакое важное потрясеніе. Но привычка изнывать и никогда не пытаться собственныхъ силъ поселяла въ немъ убѣжденіе, что онъ не долго переживетъ мать свою. (Онъ вообразилъ себѣ, что чувствуетъ каждый день приближеніе смерти, и съ этой мыслью принималъ попеченія Сальватора, скрывая отъ него, что ужь недолго остается имъ быть вмѣстѣ. Наружно онъ сохранялъ удивительное присутствіе духа, и если не встрѣчалъ мысли о близкой смерти съ геройской безпечностью молодости, по-крайней-мѣрѣ ждалъ конца съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ.

Въ этомъ убѣжденіи онъ съ каждымъ днемъ отторгался отъ человечества, потому-что считалъ себя уже непринадлежащимъ къ нему. Всякое земное зло теперь казалось ему чуждымъ. Онъ думалъ, что, видно, Богъ не судилъ ему тревоги и борьбы съ этимъ зломъ, назначивъ такой малый срокъ его земному существованію. Онъ считалъ это милостью, дарованною въ награду за добродѣтели его матери, и когда видѣлъ страданія, ниспосланныя карою людскимъ порокамъ, благодарилъ Бога, сподобившаго его страдать безъ паденія, пославшаго ему муки въ видѣ испытанія, въ очищеніе отъ первороднаго грѣха. Тутъ переносился онъ воображеніемъ въ загробную жизнь и терялся въ мистическихъ грезахъ. Въ основаніи всего этого лежалъ синтезъ католическаго догмата, но въ подробностяхъ играла его поэтическая фантазія; потому-что — надо правду сказать — если инстинкты и правила жизни успѣли опредѣлиться въ головѣ его, за то религиозныя его вѣрованія были очень-сбивчивы. И вотъ плоды воспитанія, основаннаго на одномъ чувствѣ и вдохновеніи, безъ участія живаго, закаляющаго опыта, разумнаго права и путеводной нити логики!

Кароль ни разу не изслѣдовалъ собственнымъ умомъ ни одной истины, не углублялся ни въ одно ученіе, и потому въ умѣ его оставались какіе-то пробѣлы, которые мать наполняла какъ могла, говоря о непостижимой премудрости Божіей и о несовершенствѣ человѣческихъ понятій. Но Кароль былъ моложе и художественнѣе матери: онъ идеализировалъ собственное свое невѣжество: онъ набивалъ, такъ-сказать, эту страшную пустоту роман-

тическими мечтами: тутъ было все — и ангелы, и звѣзды, и полетъ въ безпредѣльное пространство, и безвѣстная страна, гдѣ сольется онъ съ душами матери и невѣсты; такъ представлялъ онъ себѣ рай. Что касается до ада, Кароль не умѣлъ понять его и потому не думалъ о немъ. Онъ чувствовалъ себя чистымъ и не боялся за собственную душу. Еслибъ спросили его, гдѣ будутъ страдать грѣшныя души, онъ, мнѣ кажется, назначилъ бы имъ не изображимыя муки вѣчной тревоги въ какомъ-нибудь бушующемъ морѣ, подъ страшнымъ завываніемъ осенней ночи... Туманная, обаятельная поэзія Оссіана мѣшалась у него съ римскимъ догматомъ.

Твердая, свободная рука Сальватора не смѣла трогать всѣхъ струнъ этого чувствительнаго, сложнаго инструмента. И онъ не могъ дать себѣ вѣрнаго отчета во всемъ, что было мощнаго и слабаго, обильнаго и неполнаго, страшнаго и прекраснаго, упорнаго и подвижнаго—въ избранной натурѣ Кароля. Еслибъ надо было непременно вполне узнать Кароля для того, чтобы любить его, Сальваторъ скоро отказался бы отъ этой обязанности, потому что нужна цѣлая жизнь на изученіе подобныхъ созданій; да еще доберешься ли, силою терпѣнья и наблюденій, до механизма ихъ внутренней жизни? Причина ихъ противорѣчій вѣчно будетъ ускользать отъ насъ.

Путешественники ѣхали изъ Милана въ Венецію. Невдалекѣ отъ дороги было озеро; оно лежало въ зелени недвижной гладью и какъ алмазь горѣло на солнышкѣ.

— Не много ли мы сегодня уѣхали? сказалъ Сальваторъ, замѣтивъ сильную усталость на лицѣ друга. — Мы дѣлали все такіе большіе переѣзды, а вчера наконецъ утомились и тѣломъ и душой, глядя на это великолѣпное Комское-Озеро.

— О, я не раскаяваюсь! отвѣчалъ Кароль: — это такая дивная картина, какой я съ роду не видывалъ... Впрочемъ, будемъ ночевать, гдѣ хочешь, мнѣ все равно.

— Все зависитъ отъ твоего здоровья. Ѣхать ли до первой станціи, или повернуть къ берегу озера, въ Изео? Ты что чувствуешь?

— Право, не знаю.

— Вѣчно ничего не знаешь! Это просто отчаяніе! Скажи, болѣе ты?

— Не думаю.

— Ну, усталъ?

— Да, но не больше, какъ прежде.

— Ыдемъ въ Изео. Тамъ и воздухъ пріятнѣе, нежели на этихъ высотахъ.

Они поворотили къ маленькому порту Изео. Былъ въ этотъ день праздникъ въ окрестностяхъ. Тележки, запряженныя тощими, но крѣпкими лошадами, везли разряженныхъ дѣвушекъ, съ ихъ пре- красными, на-манеръ античныхъ статуй, прическами, съ коса-

ни, проколотыми длинною серебряною булавкою, съ живыми цвѣтами въ волосахъ. Мужчины ѣхали верхами на лошадяхъ, на ослахъ, а иные шли пѣшкомъ. По всей дорогѣ сновало это одушевленное населеніе, эти торжествующія красавицы, молодые люди, слегка разволнованные виномъ и любовью; они перекликались между собой громкимъ хохотомъ и веселыми приговорками, да же, можетъ-быть, слишкомъ-веселыми для дѣвственныхъ ушей князя Кардія.

Во всѣхъ земляхъ, крестьянинъ, если онъ не подавленъ обстоятельствами, если не успѣлъ онъ измѣнить своей простодушной рѣчи, всегда уменъ и оригиналенъ. Сальваторъ, знавшій національными прибаутки, не могъ утерпѣть, чтобъ не улыбнуться остроумнымъ вольностямъ, которыя летѣли вокругъ него перекрестнымъ огнемъ, пока карета спускалась шагомъ по крутому скату къ озеру. Красавицы, въ своихъ убранныхъ лентами колясочкахъ, съ своими черными глазами и выючимися по вѣтру платочками; аромат цвѣтовъ, алый вечерній свѣтъ, разлитый по всей картинѣ, наконецъ, бѣглыя, игривыя рѣчи, и свѣтлые, звучные голоса—все это привело Сальватора въ живое, веселое, чисто-итальянское расположеніе духа. Еслибъ онъ былъ одинъ — онъ бы не задумался: вызвался бы править лошадкой, а потомъ и юркнулъ бы въ колясочку, гдѣ побольше хорошенькихъ. Но въ присутствіи друга — нельзя: пришлось скорчить важную гримасу, и, чтобъ какъ-нибудь унять свой задоръ, онъ затянулъ что-то сквозь зубы. Да и то не удалось: онъ тутъ же замѣтилъ, что совсѣмъ безъ умысла напѣваетъ что-то плясовое, веселый мотивъ, долетѣвшій къ нему изъ толпы крестьянокъ и вертѣвшійся у нихъ въ головѣ послѣ праздника.

III.

Сальваторъ кое-какъ еще крѣпился въ своемъ равнодушіи; но вдругъ съ каретой поравнялась всадница, видная брюнетка; она ѣхала по-мужски верхомъ и очень-откровенно выказала ему свою полную, украшенную изящной подвязкой ногу. Сальваторъ не утерпѣлъ: вскрикнулъ, высунулся изъ кареты и проводилъ глазами эту здоровую, превосходно-сформированную ногу.

— Что такое? она упала? спросилъ Кароль, замѣтивъ его беспокойство.

— Упала, кто? возразилъ Сальваторъ: — подвязка?

— Какая подвязка? я говорю про женщину, что проѣхала верхомъ. Чего ты тамъ смотришь?

— Ничего, ничего, проговорилъ Сальваторъ, и опять не утерпѣлъ: приподнял свою дорожную шапку и послалъ поклонъ ногѣ. Въ этой странѣ любезностей нельзя оставаться съ покрытой головой.

Откинувшись въ уголъ кареты, Сальваторъ примолвилъ:

— А очень-мило: алая подвязка, отороченная голубымъ.

Кароль не былъ педантъ на словахъ: онъ не обратилъ вниманія на слова Сальватора и глядѣлъ на озеро, которое сверкало, переливалось такими яркими цвѣтами, какихъ, разумѣется, совсѣмъ не было на подвязкахъ у крестьянокъ.

Сальваторъ понялъ его молчаніе и, чтобъ какъ-нибудь оправдаться въ глазахъ его, спросилъ, не былъ ли онъ пораженъ красотою туземцевъ.

— Дѣ, отвѣчалъ Кароль, желая польстить пріятелю: — я замѣтилъ здѣсь очень-много стройныхъ формъ. Впрочемъ, ты знаешь, я плохой знатокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Не вѣрю: ты превосходно понимаешь красоту; я видѣлъ тебя въ восторгѣ передъ античными статуями.

— Это на одну минуту! Есть много античнаго; я люблю изящное искусство, чистое, возвышенное, идеаль Пароенона. Но не люблю, или по-крайней-мѣрѣ не понимаю изящества тяжелыхъ, мускулистыхъ фигуръ римскаго искусства, не люблю черезъ-чуръ развитыхъ формъ временъ упадка искусствъ. Италия впала въ матеріализмъ; онъ отразился и въ народѣ. Меня это не занимаетъ.

— Какъ! не шута, видъ прекрасной женщины не чаруетъ тебя? минутное впечатлѣніе оставить она въ тебѣ... если пройдетъ мимо?

— Ты знаешь, что нѣтъ. Чему ты удивляешься? Я понимаю твои легкіе, всѣдневные восторги отъ каждой женщины, какая только попадется тебѣ на глаза. Ты хочешь любить, а между-тѣмъ, та, которая должна овладѣть всѣмъ существомъ твоимъ, еще не явилась. Она есть, она, назначенная тебѣ Богомъ; она ждетъ тебя, и ты ее ищешь. Такъ я объясняю всѣ твои любовныя интриги, твои безпрестанныя разочарованія, — всѣ эти душевныя муки, которыя тебѣ угодно называть наслажденіями. Но касательно меня, ты знаешь все; знаешь, что мнѣ суждено было встрѣтить по-другу жизни, что я узналъ ее, что я вѣчно буду любить ее и въ могилѣ, точно такъ же, какъ любилъ на землѣ. Ничто мнѣ не замѣнить ея, ничто не напомнить, и я ни на что не смотрю, ничего не ищу. Нѣ чѣмъ мнѣ восхищаться, потому-что ничто не подходитъ подъ тотъ типъ, который вѣчно со мною, который, вѣчно прекрасный и свѣтлый, живетъ въ душѣ моей.

Сальватору очень хотѣлось поспорить съ другомъ; но онъ боялся, чтобъ подобный споръ не встревожилъ Кароля, не привелъ его въ дихорадочное раздраженіе, которое казалось ему страшнѣе тихаго, томительнаго изныванья. Онъ рѣшился только спросить своего ребенка:—увѣренъ ли онъ, что никогда не полюбитъ другой женщины.

— Самъ Богъ не создалъ бы другаго такого же дивнаго существа, какое было мнѣ предназначено. По своему безконечному милосердію, Онъ не попуститъ мнѣ забыть до того, чтобъ полюбить въ другой разъ.

— Впрочемъ, жизнь долга! сказалъ Сальваторъ, и въ голосѣ его отозвалось невольное сомнѣніе:—въ двадцать-четыре года му-
дрено давать подобныя объѣты.

— Не всякій молодъ въ двадцать-четыре года! отвѣчалъ Ка-
роль.

Потомъ онъ вздохнулъ, замолчалъ и задумался. Сальваторъ за-
мѣтилъ, что самъ навелъ его на мысль о преждевременно-умершей,
мысль, которою другъ его питался, какъ отравой. Онъ не пока-
залъ вида, что понялъ въ чемъ дѣло, и попытался развлечь Каро-
ля красотой ландшафта, указавъ на богатую долину, въ глубинѣ
которой лежало озеро.

Въ маленькомъ озерѣ Изео нѣтъ ничего грандіознаго, и виды
вкругъ него все такіе спокойныя, свѣжіе, какъ виргиліева эк-
ста. Между облегающими его горами и волнистыми отъ мяг-
кости, медленныхъ всплесковъ окраинами—лежитъ полоса прекра-
снаго луга, въ полномъ смыслѣ усыпаннаго лучшими полевыми
травами, какіе только производитъ Ломбардія. Алыіи цвѣтъ ша-
франа устилаетъ эти берега, на которые буря никогда не выбра-
сывала шумныхъ, разъяренныхъ волнъ. По ровной, безмятежной
поверхности плаваютъ легкія деревенскія ладьи, и въ тихія при-
брежныя воды летить осыпающійся цвѣтъ съ персиковыхъ и мин-
дальныхъ деревьевъ.

Когда наши путешественники выходили изъ кареты, нѣсколько
быкиныхъ у берега лодокъ ставили паруса, и жители прибрежныхъ
деревень, воротившіеся съ праздника на собственныхъ лошадакахъ
и тележкахъ, съ хохотомъ и пѣснями бѣжали и тѣснились на эти
лодки, долженствовавшія развезти ихъ по домамъ. Втаскивали на
шалубы колясочки, плотно нагруженныя дѣтьми и безъ умолка
тепечущими дѣвухами; нетерпѣливая, задорная молодѣжь смѣло
какала съ берега. По мѣстному обычаю, чтобъ предохранить
спотѣвшихъ лошадей отъ простуды во время плаванія, купали
ихъ предварительно въ холодной озерной водѣ, и сносныя живот-
ныя, казалось, съ большимъ наслажденіемъ погружались въ отрад-
ную прохладу.

Кароль утѣлся на лежавшей у берега пень и смотрѣлъ... не на
ту одушевленную, живописную сцену, а на синѣющія вдали Аль-
пы. Сальваторъ пошелъ въ гостиницу нанять комнаты.

Но онъ скоро воротился съ разстроеннымъ, недовольнымъ ли-
цомъ: оказалось, что заведеніе отвратительное, душное, нечистое,
набито пьянымъ и всякимъ неугомоннымъ сбродомъ. Въ
толпѣ, въ крикѣ и брани, не было никакихъ средствъ от-
лучить съ дороги.

Кароль меньше, нежели кто-нибудь, былъ способенъ переносить
тревоги и безсонныя ночи, и, не смотря на то, всегда встрѣ-
чалъ подобныя неприятели съ стойческой безпечностью. Но въ
этотъ разъ, онъ сказалъ Сальватору съ видомъ какого-то странна-
го безпокойства:

— У меня было предчувствіе, что мы лучше сдѣлаемъ, если поѣдемъ сюда ночевать.

— Предчувствіе по поводу дряннаго трактира? вскричалъ Сальваторъ, сердясь за неудачную выдумку на самого-себя, а слѣвательно и на ближняго:— странное дѣло! когда нужно избѣжъ какой-нибудь трактирной сволочи, или, на-примѣръ, запаха грязнъ кухни, на это у меня нѣтъ тонкой прозорливости, и таинствъ ныхъ предвѣщаній тоже не бывасть.

— Не смѣйся надо мной, Сальваторъ, кротко возразилъ князь.—Я не говорю объ этихъ мелочахъ! ты очень-хорошо знаешь, я на подобныя вещи обращаю вниманія меньше, нежели ты.

— Я!.. я, можетъ-быть, для тебя же обращаю на нихъ вниманіе.

— Знаю, мой добрый Сальваторъ!.. не отчаивайся же, поѣде

— Какъ поѣдемъ? да вѣдь мы голодны, а тамъ, по-крайнъ мѣрѣ, отличныя форели прыгаютъ на сковородѣ. Я, мой милый, легко унываю! Поужинаемъ, велимъ себѣ накрыть на чистомъ духѣ, вотъ подъ этими рожковыми деревьями. А потомъ, я сѣгаю всю деревню, отыщу домъ, сколько-нибудь поопрятнѣе трактира, хоть одну комнату, для тебя; у лекаря, можетъ-быть, и детей, или у адвоката... Да здѣсь и священникъ есть!

— Другъ мой, ты не хочешь меня понять и хлопчешь о стыкахъ... Ты знаешь, что я не капризенъ, не правда ли? прости же мнѣ, хоть одинъ разъ, смѣшную прихоть... Мнѣ не рошо здѣсь: и воздухъ здѣшній меня беспокоитъ, и озеро слѣзъ глаза. Можетъ-быть, въ немъ растетъ какая-нибудь ядовитая трава, которая для меня убійственна... Уѣдемъ отсюда. У меня самогъ-дѣлъ есть предчувствіе, что мнѣ не надо было прѣзжать сюда. Когда мы поворотили съ дороги на-лѣво, мнѣ показалось, что и лошади какъ-будто упираются, не йдутъ: ты не замѣтилъ. Впрочемъ, не подумай, что я въ забытій, что я брежу... не смѣй на меня такими испуганными глазами: я совсѣмъ спокоенъ, я готовъ, если хочешь, на новыя несчастія... но зачѣмъ же идти встрѣчу бѣдамъ, если есть еще время убѣжать отъ нихъ?

Сальваторъ Альбани, въ-самогъ-дѣлъ, испугался важнаго, прѣкающаго тона, какимъ Кароль проговорилъ эти странныя слова. считалъ Кароля слабѣе, нежели тотъ былъ въ дѣйствительности, и потому вообразилъ, что другъ его собирается тяжело заболѣть, и что эта непонятная тоска — предвѣстіе болѣзни. Но Сальваторъ все-таки не вѣрилъ, чтобъ мѣстность могла имѣть какое-нибудь вліяніе, когда и природа, и люди, и небо, и растительность-вокругъ него было такое цвѣтущее, полное жизни. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ противорѣчить прихоти друга и только подумалъ, другое мѣсто ночлега, до котораго доберутся они на-тощакъ послѣ долгаго переѣзда, не ускоритъ ли страшное развитіе болѣзни.

Князь замѣтилъ его нервѣнность и вспомнилъ то, что до этого Сальваторъ успѣлъ уже забыть,—именно, что онъ чуть не умѣ

съ голода. Подавивъ въ себѣ безотчетное отвращеніе, затаивъ свои робкія грезы, Кароль сказалъ, что онъ и самъ проголодался, и что прежде отъѣзда надо все-таки поужинать.

Этотъ пріятный вызовъ разубѣдилъ Сальватора.

— Если Кароль хочетъ ѣсть, подумалъ онъ:—значить, еще нѣтъ серьезныхъ признаковъ болѣзни; да, можетъ-быть, и всѣ эти черныя мысли напали на него просто съ голода; аппетитъ сильно возбуждился, отъ-того онъ и разслабъ нравственно и физически. Сначала мы закусимъ, а потомъ посмотримъ, что будетъ.

Ужинъ оказался лучше, нежели можно было ожидать отъ гостиницы. Онъ поданъ былъ въ саду, подъ свѣжимъ навѣсомъ, который отчасти заслонялъ сверкающую поверхность озера, и Кароль въ этомъ мѣстѣ чувствовалъ себя спокойнѣе. Благодаря подвижности своего темперамента и настроенія, онъ ѣлъ съ удовольствіемъ и совсѣмъ забылъ необъяснимый страхъ, который мучилъ его за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ.

Трактирщикъ принесъ имъ кофе; Сальваторъ началъ спрашивать его о мѣстныхъ жителяхъ, и съ прискорбіемъ узналъ, что тамъ никто не знакомъ ему и что нѣтъ никакихъ средствъ отыскать убѣжища почище и поспокойнѣе трактира.

— Эхъ! сказалъ онъ вздохнувъ:— былъ у меня одинъ добрый другъ въ дѣвственныхъ мѣстахъ, и кто знаетъ! можетъ-быть, въ существѣ моемъ таилось его влияние, когда мнѣ пришла мысль ѣхать сюда ночевать. Но, видно, бѣдная Флоріаня оставила во мнѣ политическое воспоминаніе, вполне отрѣшенное отъ дѣйствительности. Какъ-то всегда бываетъ съ нашими воспоминаніями дѣтства!

— Конечно, ваше сіятельство, сказалъ трактирщикъ, вслушавшись въ рѣчи Сальватора:—вы хотите сказать о славной Флоріаня, о той самой Флоріаня, что прежде была бѣдная крестьянка, потомъ стала и богата и извѣстна во всей Италіи?

— Ну, да! вскричалъ Сальваторъ:—ты, можетъ-быть, зналъ ее здѣсь когда-то. Я не знаю, возвращалась ли она на родину съ тѣхъ-поръ, какъ оставила ее въ первый разъ, т. е. когда была еще чень-молода?

— Извините, сеньйоръ! она воротилась съ годъ тому назадъ, и сперъ здѣсь... Родные все простили ей, и теперь они вмѣстѣ живутъ очень-хорошо... Вонъ тамъ, за озеромъ—даже отсюда видно—маленькій домикъ, въ которомъ она росла, а подлѣ — премильная вилла, которую теперь купила. Это не больше, какъ зеленка съ паркомъ и съ лугами. О! имѣннице прекрасное, и она такъ отсыпала за него этому старому Раньери, знаете... скряга? Отецъ того, который утащилъ ее, отецъ перваго-то ея любовника?

— Ты знаешь, или просто гадаешь, о приключеніяхъ ея молодости больше, нежели я, отвѣчалъ Сальваторъ:— я знаю только, что это такая умная, милая и достойная женщина, какихъ нигдѣ не встрѣчалъ я. Слава Богу, что она здѣсь! Вотъ безцѣнная новость! Мы спасены, Кароль: отправимся къ ней просить приста-

нища и, если хочешь мнѣ удружить, — сдѣлай милость, познкомься съ моей милой Флоріанн!.. Въ Миланѣ, однако, не знаютъ, что она здѣсь живетъ: мнѣ сказывали, что я ее найду въ Венеціи, или гдѣ-нибудь тамъ около...

— О, она живетъ какъ краденая! сказалъ трактирщикъ: — это конечно такъ, минутная прихоть. Ее, впрочемъ, здѣсь хорошо знаютъ, потому-что она дѣлаетъ добро; она очень добрая сеньора!

— Э! скорѣй, скорѣй! лодку сейчасъ! кричалъ Сальваторъ, прыгая отъ радости. — Что за дивный сюрпризъ! а я!.. у меня и было счастливаго предчувствія, что я найду ее здѣсь!

Кароль задрожалъ при этомъ словѣ.

— Мы покоряемся предчувствіямъ безсознательно, сказалъ онъ — они влекутъ насъ, куда хотятъ.

Но неистовый Альбани не слушалъ его. Онъ суетился, кричалъ, звалъ лодку, бросалъ въ нее чемоданы, толковалъ человѣку о наретѣхъ и разныхъ узлахъ, которымъ назначено было оставаться въ трактирѣ, и наконецъ потащилъ князя на колыхавшуюся палубу.

Его обуяло такое нетерпѣніе, врожденная неугомонность до того забурлила въ немъ въ эту минуту, что прежнія усилія смиреничить изъ уваженія къ печали друга теперь совершенно пропали; онъ схватилъ руль и принялся работать съ перевозчикомъ, расшвырявая какъ птица и своей задорной, неудержимой веселостью предвѣщая лодкѣ скорую починку.

IV.

Только доплывъ до середины озера, замѣтилъ Сальваторъ страшную блѣдность на лицѣ Кароля. Онъ бросилъ руль и сѣлъ подле него.

— Милый князь, сказалъ онъ:—я боюсь, что ты не доволен мною! Тебѣ не хотѣлось бы этого новаго знакомства... но как же быть? Путешествуя, нельзя иногда немножко не отступить отъ своихъ привычекъ... Я обѣщался не мучить тебя подобными вещами... Я все забылъ... я такъ обрадовался!..

— Все прощаю, на все согласенъ, спокойно отвѣчалъ Кароль. — Дружба дышетъ жертвами. Ты для меня столько принесъ ихъ, что я у тебя въ долгу... хотя, впрочемъ... надѣюсь, ты не повезешь меня къ женщинѣ дурнаго поведенія!

— Молчи, молчи! закричалъ Сальваторъ, сильно схвативъ его за руку:—не говори такихъ словъ, которые терзаютъ, язвятъ! Еслибъ кто другой такъ заговорилъ о ней...

— Прости меня, возразилъ Кароль:—я не думалъ, что она была... что она могла быть твоей любовницей!

— Моею любовницей? моею? быстро подхватилъ Сальваторъ. — О! я очень бы желалъ этого! Но она тогда любила другаго; кто зна

еть, поправился ли бы я ей, еслибъ и узналъ ее свободную! Нѣтъ, Карль, я не былъ ея любовникомъ; я былъ другомъ ея любовника Фоскари, доблестный молодой человекъ!); тогда она была такъ благородна, такъ вѣрна, что у меня не родилось въ-отношеніи къ ней ни одного желанія. О! еслибъ она теперь жила одна, какъ говорили мнѣ въ Миланѣ... еслибъ она захотѣла меня любить!.. Но нѣтъ! Послушай, не хмурься! Я не думаю, чтобъ мнѣ пришлось отъ нея вспыхнуть. Мы съ ней очень-давно не видались; теперь она, можетъ-быть, и нехороша... Притомъ же, и сердце мое и чувства привыкли быть передъ ней спокойными. Воображенію моему нужно было бы сдѣлать страшное усиліе, чтобъ перейти отъ уваженія... Впрочемъ, я не лицемеръ, не хочу клясться!.. Когда слишкомъ-сильна дружба мужчины къ женщинѣ... Да что? если она и жветъ одна, то, вѣроятно, любить отсутствующаго. Невозможно, чтобъ это благородное созданье жило безъ любви; а въ такомъ случаѣ не прійдетъ мнѣ въ голову дурная мысль въ-отношеніи къ ней. Ни за что въ мнѣ не согласшусь я потерять ея дружбы!..

— Судя по всѣмъ этимъ уверткамъ, проговорилъ Кароль съ замучившей улыбкой: — мнѣ предстоитъ опасность потерять тебя... Не сбылось бы мое зловѣщее предчувствіе!

— А! твое предчувствіе! Опять пришло оно? Я-было и забылъ про него... Ну! если оно тебѣ наговариваетъ, что я останусь у очаровательницы и отпущу тебя одного, то оно лжетъ, безсовѣстно лжетъ. Нѣтъ, нѣтъ, Кароль! твое здоровье, твое желаніе и наше путешествіе — впереди всего. Еслибъ у твоего предчувствія было лицо, я бы далъ ему пощечину!

Друзья еще нѣсколько минутъ говорили о Флоріани. Князь въ первый разъ пріѣхалъ въ Италію; онъ никогда не видалъ этой женщины и зналъ только по слухамъ о ея талантѣ и громкихъ походахъ. Сальваторъ говорилъ о ней съ жаромъ, съ увлеченіемъ; но не всегда же намъ обращаться къ друзьямъ: мы сами можемъ рассказать читателю; сколько нужно на этотъ разъ, про нашу героиню.

Лукреція Флоріани была актрисса съ талантомъ истиннымъ, высокимъ, отчасти трагическимъ, и всегда увлекательнымъ, симпатичнымъ, если только попадалась ей удачная роль; она была азашна, неподражаема во всѣхъ подробностяхъ пантомимы, въ томъ разумномъ творествѣ, съ помощью котораго нерѣдко актёръ даетъ цѣну истинному поэту и скрашиваетъ бездарность. Флоріани имѣла огромный успѣхъ, не только какъ актрисса, но и какъ писательница: она до того простирала страсть къ своему искусству, что рѣшалась сама писать театральныя пьесы, сначала общими силами съ нѣкоторыми литературными друзьями, а потомъ одна, подъ наитіемъ собственнаго вдохновенія. Пьесы ея нравились, не потому, чтобъ онѣ были классическими твореніями, а потому-что были просты, проникнуты истиннымъ чувствомъ, написаны живымъ языкомъ, и наконецъ потому-что она сама въ нихъ

играла. Она нигдѣ не выставляла своего имени, но тайна ея въ сказывалась въ самой пьесѣ, и публика сама угадывала и произносила это имя, осыпая свою любимицу вѣнками и рукоплесканіями.

Въ то время на ея родинѣ журнальная критика была еще мало развита. У Флоріани было много друзей; къ ней были снисходительны. Во всѣхъ итальянскихъ партерахъ торжественно прогремѣло ея имя. Ее любили, и если ея авторская слава была основана на всеобщей благосклонности, — за то личность ея вполне стояла на высоте благосклонности и любви. Въ цѣломъ мірѣ не найдти было никого безкорыстнаго, благороднаго, скромнаго существа, такой простой, свободно-открытой души. Не знаю навѣрное, въ Веронѣ или въ Павіи—она приняла завѣдываніе театральной дирекціей образовала труппу. Ее уважалъ всякій, кто только имѣлъ съ нею какое-нибудь сношеніе; благоговѣлъ—кому нужна была ея помощь, и публика вознаградила ее за все. Дѣла ея шли хорошо, когда составилось у ней довольно-значительное состояніе, она оставила театръ, не смотря на то, что была еще въ полномъ блескѣ таланта и красоты. Потомъ она нѣсколько лѣтъ жила въ Миланѣ, въ обществѣ артистовъ и литераторовъ. Образъ жизни ея былъ такъ благороденъ, такъ полонъ достоинства (это, конечно, не значитъ, чтобъ онъ былъ очень-правилень), что свѣтскія дамы являлись въ ея домъ съ удовольствіемъ, съ любовью, даже съ чувствомъ нѣкотораго почтенія.

Но вдругъ Флоріани оставила свѣтъ, уѣхала изъ города и поселилась на берегу озера Изео, гдѣ мы ее теперь и встрѣчаемъ.

Основною побужденій, устремлявшихъ Флоріани по этимъ разнороднымъ путямъ—къ развитію литературно-драматическаго таланта и къ внезапному отвращенію отъ шумнаго свѣта, къ деятельности театральной администраціи и къ жизни деревенской жизни,—былъ (прошу не сомнѣваться) непрерывный рядъ любовныхъ интригъ. Про нихъ я вамъ теперь не буду рассказывать: это длинно и сама-по-себѣ не занимательная исторія. Не буду я тратить времени и на то, чтобъ выставлять вамъ всѣ оттѣнки характера, столько же яснаго и понятнаго, сколько характеръ князя Кароля былъ отливистъ и изопредѣленъ. Вы оцѣните, когда услышите, первозданную патуру, свѣтлую, прозрачную во всемъ, въ достоинствахъ и недостаткахъ. Повѣрьте, ничего не скрою я о Флоріани изъ какой-нибудь боязни не понравится вамъ. Что было Флоріани, что такое была Флоріани, — все это высказывала сама тому, кто ее спрашивалъ объ этомъ съ участіемъ. А я дѣлалъ ей подобные вопросы съ явнымъ любопытствомъ, съ смѣшливými ужимками, тѣхъ она любила скандализировать своєю откровенностью.

Мы не сумѣемъ такъ опредѣлить ее, какъ она сама с надеждою опредѣлила себя; отвѣчая старому французскому маркизу «Вы немножко затруднились», говорила она ему: «не можешь прибрать на своемъ языкѣ слова, которое бы означило подобн

нѣ женщину. Вы скажете, что я *прелестница*? Не думаю, потому-то я всегда дарила своихъ любовниковъ, а сама никогда ничего не брала даже отъ друзей. Я нажила состояніе собственными своими трудами. Самолюбіе не кружило мнѣ головы, и корысть не ослѣпляла меня. У меня были любовники не только бѣдные, даже совсѣтъ темные люди.

«Вы скажете, что я *кокетка*? Чувства у меня никогда не оверкали сердца, и я не понимаю наслажденія безъ восторженной любви.

«Наконецъ, не назовете ли вы меня женщиной *развратной, безразсудной*? Надо знать, что вы понимаете подъ этими словами. Я никогда не искала разврата, никогда не любила двоихъ въ одно и то же время, всегда принадлежала одному и душой и тѣломъ—долго ли коротко ли, смотря по тому, какъ продолжалась моя страсть. Проходила страсть—и я не хотѣла его обманывать: прерывала съ нимъ связь прямо и рѣшительно. Правда, я клялась ему въ своей страсти, клялась любить всегда; но это было не притворство: я сама отъ всей души вѣрила въ истину своей клятвы. Всякій разъ, когда я любила,—любила такимъ полнымъ сердцемъ, что мнѣ казалось, это первая и послѣдняя любовь въ моей жизни.

«А вы все-таки не рѣшитесь сказать, что я честная женщина! Между-тѣмъ, я въ этомъ увѣрена, даже надѣюсь быть добродѣтельной предъ лицомъ Бога; но знаю, что по вашимъ понятіямъ, по мнѣнію людей, слова мои—богохульство. Что жъ? я не забочусь объ этомъ; отдаю свою жизнь на судъ свѣта—и не встаю противъ него, не говорю, что онъ ошибается въ своихъ обличихъ законахъ, но и не признаю, чтобъ онъ имѣлъ справедливыя причины нападать на меня.

«Вамъ, конечно, кажется, что я слишкомъ-много о себѣ думаю, что я слишкомъ-горда? Правда. Я очень-горда сама собою, но не тщеславна; про меня можно говорить все, что только есть на свѣтѣ дурнаго: это меня нисколько не оскорбитъ, ни опечалитъ. Я не насилвала страстей своихъ. Дурно ли, хорошо ли я дѣлала — и казнь и награда за все была мнѣ въ тѣхъ же страстяхъ. Я должна была погубить свое доброе имя—я ждала того, и принесла его въ жертву любви: кому жъ какое до того дѣло! Какое право имѣютъ люди-приговорщики говорить, что примѣръ опасенъ? Съ той минуты, какъ произнесенъ приговоръ надъ виновнымъ—его казнь совершилась. Онъ уже не можетъ вредить: эта казнь предостерегаетъ того, кто вздумалъ бы подражать ему.»

«...свалить и Саванторѣ Амбруши пристаю къ берегу... на который указыва... родилась Флоріани, въ то еще и теперь жилъ отецъ ея, старшій, сѣдой рыбакъ. Онъ никакъ не согласился оставить свой бѣдный уголь, въ которомъ взжигъ вѣкъ, съ которымъ сроднила его привычка, но и не от-

казался отъ нѣкоторыхъ улучшеній: лачужку укрѣпили, уютил убрали, защитили отъ волнъ хорошенькой деревенской терраско разукрашенной цвѣтами и деревьями. Здѣсь сиживалъ онъ у двррей, окруженный свѣжею зеленью, и подь вечеръ, бывало, чинилъ свои сѣти, потому-что, хотя существованіе его было вполне обезпечено, хотя дочь съ любовью предупреждала всѣ его нужды даже старалась подстеречь малѣйшій признакъ какой-нибудь прихоти,—а онъ все-таки сохранилъ свои привычки, свой расчетливый, крестьянскій обычай, и никакъ не рѣшался исправить или перемѣнить какую-нибудь вещь въ своемъ рыбацьемъ снаряженіи, если эта вещь была еще хоть сколько-нибудь годна.

v.

Кароль замѣтилъ красиваго, немножко-угрюмаго старика, и предполагая, чтобъ это былъ отецъ синьоры, поклонился ему хотѣлъ идти мимо. Но Сальваторъ остановился посмотреть на живописный домикъ и стараго рыбака, который съ своей бѣлою съ желтоватымъ отливомъ бородой былъ похожъ на влажное рѣчное берегъ жество. Воспоминанія, которыя не разъ воскрешала предъ нимъ Флоріани съ слезами на глазахъ и краснорѣчіемъ раскаянія, смутно мелькнули въ головѣ Сальватора; ему показалось, что въ строгихъ чертахъ старика осталось какое-то сходство съ чертами прекрасной молодой женщины; онъ два раза поклонился ему и пошелъ къ рѣшоткѣ парка, не утерпѣвъ, чтобъ не оглянуться нѣсколько разъ назадъ. Рыбакъ внимательно и недоувѣрчиво слѣдилъ за нимъ глазами.

Замѣтивъ наконецъ, что молодые люди рѣшительно хотятъ пройтись къ Флоріани, старикъ всталъ и не совсѣмъ-привѣтливо закричалъ имъ, чтобъ здѣсь не ходятъ, что это не публичное гуляныи.
— Знаю, добрый человекъ, отвѣчалъ Сальваторъ: — я ближній другъ синьоры Флоріани и желаю ее видѣть.

Старикъ подошелъ и пристально посмотрѣлъ на него.

— Я васъ не знаю, сказалъ онъ. — Вы не здѣшній?

— Я изъ Милана, я, повторяю, очень-коротко знакомъ съ синьорой. Скажите же, гдѣ пройти къ ней.

— Нѣтъ, такъ нельзя! Ждетъ ли она васъ? Точно ли вы знаете, что она захочетъ васъ приять? Какъ васъ зовутъ?

— Графъ Альбани; а вы позволите ли узнать ваше имя? Не вѣдаю ли, можетъ-быть, тотъ почтенный человекъ, котораго, помнится зовутъ Ренцо... или Бешпо... или Кекко Менапаче?

— Ренцо Менапаче, — да, точно я, сказалъ старикъ, снимая шапку, по итальянскому народному обычаю — склоняться передъ громкими титулами.—Почему же вы меня знаете, синьоръ? Я васъ никогда не видалъ:

— И я васъ не видалъ; но дочь ваша похожа на васъ, а мнѣ очень-хорошо извѣстно было ея настоящее имя.

— И это имя гораздо-лучше того, которымъ ее теперь называ-
ютъ! Но прежняго не воротить: нынче ужъ всѣ привыкли звать
ее чужимъ именемъ!.. Да! такъ вы хотите съ ней видѣться? На-
рочно за гнѣть и прѣехали?

— Конечно, если позволите. Надѣюсь, она скажетъ вамъ, кто
мы, а мы, вѣрно, не будете расказываться, что отперли намъ дверь.
Я доталкаюсь, что у васъ есть ключъ?

— Ключъ—то у меня есть; а все-таки, синьйоры, я не могу
впустить васъ. Этотъ молодой человекъ тоже съ вами?..

— Да, это князь де-Росвальдъ, отвѣчалъ Сальваторъ, хорошо
знававшій силу титуловъ.

Старый Менапаче поклонился еще ниже, хотя лицо его было
млодо и печально.

— Синьйоры, сказалъ онъ: — потрудитесь пожаловать ко мнѣ;
тамъ подождете, пока мальчикъ сбѣгаетъ сказать моей дочери: я
не ругаюсь за нее; можетъ-быть, ей и не захочется васъ видѣть.

— Пойдемъ, сказалъ Сальваторъ: — надо смириться и ждать.
Кажется, нынче у Флоріани страсть прятаться; впрочемъ, я увѣ-
рять, что насъ хорошо пріймутъ. Пойдемъ же, посмотримъ на ея
родное гнѣздышко; это должно быть очень-любопытно.

— Да, въ-самомъ-дѣлѣ любопытно: она живетъ чуть не во
дворцѣ, а отца держитъ въ лачугѣ, отвѣчалъ Кароль.

— Что такое, князь? сказалъ старикъ, обернувшись съ недо-
вольнымъ видомъ, очень-удивившимъ молодыхъ людей, потому-
что они, до обыкновенію, говорили между собой по-нѣмецки. —
Иванчикъ, продолжалъ Менапаче: — я васъ подслушалъ; у меня
чужое ухо,—отъ-того-то я и слылъ самымъ ловкимъ рыбакомъ; а
про глаза и говорить нечего: они еще и теперь зорко видятъ.

— Вы понимаете по-нѣмецки? спросилъ князь.

— Я долго служилъ въ солдатахъ и много лѣтъ прожилъ въ
вашей землѣ. Говорить не говорю по-нѣмецки, а немножко пони-
маю: отвѣчать ужъ позвольте мнѣ по-своему. Не живу я съ до-
черью въ ея домѣ отъ-того, что люблю свою избушку; а она не
живетъ со мной отъ-того, что избушка мала; мы бы тѣснили другъ
друга. Впрочемъ, я привыкъ жить одинъ, и только по слабости
своей терплю у себя прислужника; она этого непремѣнно хотѣла:
нельзя, говорить, на старости лѣтъ быть безъ помощи. Да хорошо,
малый добрый; самъ выбралъ; учу его рыбацкому ремеслу. Ну,
когда, разстанься—ка на минутку съ своимъ ужиномъ, дитя мое,
иди, скажи синьйорѣ, что два прѣзжіе господина желаютъ се-
бя видѣть. Повторите, пожалуйста, синьйоры, какъ васъ звать?

— Довольно одного моего имени, отвѣчалъ Альбани, идя вмѣстѣ
съ Карлемъ вслѣдъ за Менапаче къ дверямъ его домика.

Кароль вынулъ изъ портфеля визитную карточку и подалъ ее при-
служнику рыбака. Старикъ вооружилъ мальчика ключомъ, скры-
лся у него въ поясъ, и Биффи со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ

— Вот видите ли, господа, говорил Менапаче гостямъ, живая ихъ на деревенскія кресла, которые самъ устроилъ и оплетъ болотной травой: — не думайте, чтобъ дочь со мной обхлалась душно. Ухаживаньемъ-то ея, ласками, да заботами — не нахвалюсь. Только, вы понимаете, обычаемъ перемѣнить на рости дѣтъ не могу, а деньгамъ, что она присылала мнѣ, какъ была на театрѣ, я нашелъ мѣсто повыгоднѣе, чѣмъ трагиче ихъ на свой уголъ, на одѣжу, да на сласти. У меня не такъ правъ. Я купилъ земли, потому-что земля—добрая вещь: она не службу служить, она не пропадетъ; а умру — ей останется. У меня одно дѣтище. Она на меня не пожалуется, не раскается въ томъ, что для меня сдѣлала. Ей слѣдовало дѣлиться со мной своимъ богатствомъ — и она всегда исполняла долгъ свой. А надо было выгадать прибыль на тѣхъ деньгахъ, употребить въ дѣло, и передъ смертью ей же оставить... Я также исполняю свой долгъ всегда, неизмѣнно.

Этотъ ограниченный, оригинальный способъ опредѣлять отношенія отца къ дочери, заставилъ Сальватора улыбнуться.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ: — что ваша дочь такъ не считается съ вами, и ничего не понимаетъ въ вашей экономической системѣ.

— Что правда, то правда: она, глупенькая, ничего не понимаетъ! отвѣчалъ вздохнувъ Менапаче: — еслибъ я сталъ ее считать—все бы прожилъ! Жилъ бы, какъ она, по-барски, вмѣстѣ съ ней и съ тѣми, кому она пригоршнями бросаетъ деньги. Чего дѣлать? не переродиться же человѣку! Она добрая; она меня любитъ; разъ десять на день придетъ посмотрѣть на меня; знаетъ все, что ни придумаешь для моей утѣхи. Когда на меня нападетъ, или голова разболится — ужъ она не отойдетъ всю ночь напролетъ просидитъ надо мною. Ну, а все же у нее есть большія ошибки; все-таки она не такая добрая мать, какъ бы мнѣ хотѣлось!

— Какъ! она — не добрая мать? вскричалъ Сальваторъ, едержавшись отъ смѣха при изложеніи разсчетливой морали крестьянина. — Я видѣлъ ее въ домашнемъ кругу и думаю, что заблуждаетесь, синьйоръ Менапаче!

— Э! если, по-вашему, доброй матери надо ласкать своихъ дѣтей, ухаживать за ними, забавлять ихъ, голубить, баловать больше ничего, — тогда такъ! А я вотъ не люблю, когда дѣти ни въ чемъ не отказываютъ, когда дѣвченокъ одѣваютъ, какъ принцессъ какихъ-нибудь, въ шелковыя платья; а мальчику дозволяютъ держать собакъ, лошадей, заводятъ ему лодку, ружье какъ-будто взрослому человѣку! Они добрыя дѣти, я съ этимъ спорю, и хорошенькія; да не разумно давать имъ все, чего они просятъ, точно какъ-будто онѣ даромъ достаются, эти прихоти! Ужъ я вижу, что она въ одинъ какой-нибудь годъ промотаетъ чуть не тридцать тысячъ франковъ — на что? на забавы, да

учителей дѣтямъ:—то у нихъ книги, то музыка, то прогулки, то подарки... и разные пустяки. А эти милостыни! Срамъ да и только! Всѣ калеки, бродяги со всего околodka — толпами ползуть на выдлу; а бывало, и дороги къ ней не знали, когда жилъ старый Раньери; прежній владѣлецъ! Вотъ былъ человекъ! зналъ пользу, умѣлъ хозяйничать въ имѣніи; а моя дочка того-и-гляди разорить имѣніе. — и разорить непременно, если меня не послушается!

Книжъ глубоко вознегодовалъ на скупость старика; но Сальватору она казалась больше забавна, нежели возмутительна. Онъ хорошо зналъ натуру крестьянина, зналъ эту страсть къ скопидомству, строгость къ самому-себѣ, стремленіе — собирать и никогда не наслаждаться собраннымъ, этотъ страхъ за будущее, которое для бѣдныхъ, трудолюбивыхъ стариковъ не ограничивается и мглою. Не смотря на то, Сальватору стало какъ-то нехорошо на душѣ, когда Менапаче заговорилъ о старомъ Раньери, который разыгралъ такую гнусную роль въ исторіи Флоріанн.

— Этотъ Раньери, сказалъ онъ: — сколько я могу припомнить изъ разсказовъ Лукреціи, былъ безсовѣстный скряга. Онъ проклилъ и чуть не лишилъ наслѣдства сына за то, что тотъ хотѣлъ жениться на вашей дочери.

— Правда, онъ надѣлалъ намъ горя, отвѣчалъ старикъ, насколько не возмутившись: — но кто жъ виноватъ? Все этотъ сумасбродный малый, которому вспало на мысль жениться на бѣдной крестьянкѣ. Въ то время у Лукреціи ничего не было; она училась у своей крестной матери, г-жи Раньери, разнымъ пустякамъ: музыкѣ, языкамъ, декламаціи...

— Пустякамъ, которые, однако, послѣ ей очень пригодились! перебилъ Сальваторъ.

— Которые ее погубили! приподвигъ непреклонный старикъ. — Ужъ если старуха Раньери не могла ничего дать Лукреціи на обзаведеніе, такъ лучше бы не дружилась съ нею черезъ-чуръ коротко, оставила бы ее крестьянкой; пусть бы она чинила-себѣ сѣтъ, была бы, по-прежнему, дочерью рыбака, а потомъ — женой рыбака, какъ и слѣдовало. А у меня—таки былъ на примѣтѣ одинъ добрый малый, съ достаткомъ: хорошій домъ, двѣ большія лодки, прекрасный лугъ, коровки, все... Да, да! Пьеро Манджафоко былъ рѣдкій женихъ; Лукреціи быть бы за нимъ, еслибъ она послушалась разума. Крестная мать хотѣла воспитать ее, сдѣлать красавицей, ученой; а вмѣсто того—отъ нея-то и пошли всѣ бѣды. Мужчо Раньери, сынъ ея, влюбился въ Лукрецію. Жениться, конечно, онъ не могъ. — такъ укралъ ее. Вотъ такимъ-то случаемъ дочка и разсталась со мною... да по этой-то причинѣ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ я не хотѣлъ и слышать объ ней...

— Если дѣло шло не о полученіи денегъ, которыя она присылала ему, замѣтилъ Сальваторъ Каріолю, забывъ, что рыбацкѣ принадлежатъ по-нѣмецки.

Но старикъ несколько не оскорбился замѣчаніемъ.

— Конечно, я получалъ ихъ, пускалъ въ ходъ и барышъ въ гадываль. Я зналъ, что она живетъ широко, что, можетъ-быть, ей будетъ въ радость готовый кусокъ хлѣба, когда проживетъ все, что нажила. Вѣдь она чего не наживала? милльоны, какъ говорятся! А чего она не раздавала, не промотала? О! да этакъ правъ — кара Божья!

— Да, да! это — чудовище! вскричалъ смѣясь Сальваторъ: — между-тѣмъ, знаете ли? Мнѣ кажется, старикъ Раньери силы промахнулся, что не позволилъ сыну на ней жениться; онъ и сталъ бы ломаться, еслибъ могъ угадать, что эта крестьяночка съ своимъ талантомъ наживетъ милльоны.

— Конечно, не сталъ бы ломаться, отвѣчалъ Менапаче еще большимъ спокойствіемъ: — но какъ же ему было угадать? А онъ, сказавъ сыну жениться на такой неровнѣ, онъ былъ въ своемъ правѣ: онъ былъ правъ; всякій бы то же сдѣлалъ. Я самъ такъ поступилъ бы на его мѣстѣ.

— И вы не проклинаете его, и, можетъ-быть, остались с нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ, тогда-какъ сынъ его обольсти вашу дочь потому только, что не могъ вырвать согласія у старика скряги?

— Старый онъ скряга, скупецъ, какъ его называли; черствый онъ былъ, не спорю... ну! а все-таки справедливъ, и собою былъ не дурной. Онъ мнѣ ни разу не сдѣлалъ ни добра, ни худу. Увидѣвъ, что не прощаю дочь, онъ простилъ меня въ томъ, что я ей отецъ. А что до сына, — такъ онъ и его простилъ, когда тотъ бросилъ Лукрецію и женился добрымъ порядкомъ.

— А вы? вы простили ли этого сына, который стоитъ своей бахюшки?

— Мнѣ не слѣдовало его прощать, хотя, правду сказать, онъ былъ въ своемъ правѣ; онъ ничего не обѣщалъ письмомъ моей дочери; она была виновата: зачѣмъ повѣрила его любви. Когда онъ ее бросилъ, на нихъ ужъ долги были; ея театральныя дѣла сначала шли плохо... Впрочемъ, старикъ ужъ умеръ, — Божья его суди!... Да! извините, ваше сіятельство: я оставилъ свои дѣла у берега; найдетъ ночью буря, унесетъ ихъ; надо прибратъ еще хорошихъ; рыба въ нихъ держится. Я доставляю рыбу къ столу моей дочери; но она мнѣ платить... да! я даромъ ничего не даю! вотъ я и говорю ей: «кушай, кушай... и дѣтокъ жоръ благо, эта рыбка опять вернется къ нимъ изъ моего кошелька».

VI.

— Что за низкая натура! сказалъ Кароль: — когда Менапаче вышелъ.

— Человѣческая натура во всей ея наготѣ, отвѣчалъ Сальваторъ. — Это истый типъ рабочаго человѣка. Предусмотрительный

безъ признанія, честность безъ чувства деликатности, здравый смыслъ, лишенный идеала, скупость честная, но пошлая, грустная.

— Этого еще мало, возразилъ князь. — Тутъ гнусная безнравственность: я не понимаю, какъ синьора Флоріани можетъ жить, ни въ передъ глазами такое зрѣлище.

— Я догадываюсь, что она, возвращаясь къ отцу, не ожидала встрѣтить въ немъ такую презрѣнную прозу. Благородная женщина! воспоминанія объ этомъ старикѣ, вѣроятно, поэтизировали предъ ней сельскую жизнь; она мечтала о патриархальной невинности, о сердечномъ примиреніи съ отцомъ, который проклиналъ и я в которомъ она не могла вспомнить безъ слезъ. Но дѣло не въ томъ, что она воротилась: нужно еще больше доблести для того, чтобъ остаться здѣсь, и она, вѣрно, понимаетъ, навивяеть, даже любить его.

— Понимать и извинять—невозможно для нѣжной души; на ея мѣстѣ, я осыпалъ бы этого стараго скупца всевозможными благамн; но жить подлѣ него было бы для меня смертельною мѣрой; при одной мысли о подобномъ положеніи душа возмущается.

— Въ чемъ же ты тутъ видишь столько отвратительнаго разврата? Этотъ человекъ не понимаетъ ни роскоши, ни щедрости, которыя въ добрыхъ душахъ поселяются вмѣстѣ съ довольствомъ. Онъ слишкомъ старъ; ему не почувствовать того, что владѣть и давать двѣ вещи нераздѣльныя. Онъ копить все, что даетъ ему дѣчь, и копитъ для того только, чтобъ оставить это ея маленькимъ дѣтямъ.

— А у ней есѣ дѣти?

— Были двое; теперь, можетъ-быть, больше.

— А мужъ?.. проговорилъ Кароль нерѣшительно: — гдѣ онъ мужъ?

— Сколько я знаю, она никогда не была замужемъ, спокойно отвѣчалъ Сальваторъ.

Князь замолчалъ; Сальваторъ понялъ его мысль, но не сумѣлъ разсѣять ее ни однимъ словомъ. Да, вѣроятно, у него и не было за этотъ счетъ ни какого довода.

— Чѣмъ можно объяснить такое поведеніе, вѣтренное, покорное какой случайности? сказала Кароль, подумавъ съ минуту: — неостаткомъ нравственныхъ внушеній въ ранней молодости. Что тогда она услышать отъ такого отца, который не знакомъ даже съ чувствомъ благородной гордости? во всѣхъ безпутствахъ своей дочери, онъ видитъ только однѣ деньги, которыя она наживала и прожывала.

— Таковы-то люди, если взглянуть въ нихъ поближе; такою жизнь, если сорвать съ нея волшебную занавѣску! философски замѣтилъ Сальваторъ.—Когда добрая Флоріани говорила мнѣ о своемъ первомъ паденіи, она винила себя одну, ни раза не напекнувъ объ отцовской, вѣроятно, нестерпимой грубости, которая, однако, могла служить ей извиненіемъ. Говоря о немъ, она

его расхваливала, и только плакалась на упрямый гнѣвъ его. Она приписывала ему добродѣтели древнихъ героевъ, повѣряя, достойны уваженія. Я помню, она говорила, что когда разорветъ въ современныя связи, всѣ узы любви, тогда прійдетъ къ отцу, тамъ, возлѣ него, искупить свое прошлое. Бѣдная грѣшница! Прядь какимъ недостойнымъ существомъ пришлось бы ей выплакать свое прекрасное раскаяніе! Это былъ бы одинъ изъ важныхъ промаховъ въ ея жизни. Великія души во всемъ видятъ хорошее имъ суждено обманываться на каждомъ шагу.

— Могутъ ли великія души всегда противиться суровому опыту? спросилъ Кароль.

— Чѣмъ больше обрушится на нихъ неприятностей, тѣмъ рѣче выкажется ихъ величіе.

— Природа человѣческая слаба, и потому мнѣ кажется, что исполнѣ нравственныя души не должны вдаваться въ опасность. Ты Сальваторъ, рѣшительно хочешь пробыть здѣсь нѣсколько дней?

— Я вовсе не говорилъ этого; пожалуй, пробудемъ не болѣе часа, если хочешь.

Посредствомъ вѣчныхъ уступочекъ, Сальваторъ управлялъ волей Кароля, по-крайней-мѣрѣ, въ дѣлахъ внѣшнихъ; князь былъ человѣкъ великодушный, и всѣ свои предрасположенія подчинялъ началу житейской мудрости, которое сохранялъ даже въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ.

— Я не хочу тебѣ ни въ чемъ противорѣчить, сказалъ онъ: лишить тебя чего-нибудь, заставить сожалѣть — было бы мнѣ нестерпимо-болжно. Но дай мнѣ слово, Сальваторъ, сдѣлать надъ собою усиліе, чтобъ не влюбиться въ эту женщину.

— Даю слово, отвѣчалъ Сальваторъ смѣясь:—но это слово, и нечю, улетитъ на вѣтеръ, если ужъ сама судьба назначила мнѣ сдѣлаться ея любовникомъ, побывавъ сперва другомъ.

— Ты призываетъ судьбу, возразилъ Кароль:—тогда-какъ она въ твоихъ рукахъ! Здѣсь твое сознаніе, твоя воля должны спасти тебя.

— Ты, Кароль, говоришь, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Любовь разрушаетъ всѣ преграды, встрѣчаемая ею на пути, точно такъ, какъ море прорываетъ плотины. Я могу дать тебѣ клятву, что не побуду въ этомъ домѣ долѣе одной ночи; но не могу ручаться, что не оставлю въ немъ и сердца и мысли.

— Вотъ почему я сегодня весь вечеръ чувствую такую слабость такую тяжесть на душѣ! сказалъ Кароль. — Да, мой другъ, отстаетъ отъ меня сумѣнный страхъ: захвативши меня въ эту минуту, какъ только я завидѣлъ еще издали это озеро! Когда сѣли въ лодку, мнѣ показалось, что мы утонемъ: между-тѣмъ, знаешь, что я не трусь; когда дѣло идетъ о физическихъ опасностяхъ, водобоязнь неодолима, и вчера еще очень-спокойно и ясный день плавалъ съ тобой, въ порядочную бурю, по Комской Озеру. А нынче гладкая поверхность этого озера испугала

ня, какъ какую-нибудь слабонервную женщину. Со мной очень-редко случаются подобные суевѣрные страхи; я не поддаюсь имъ, умѣю подавлять ихъ, — это ты можешь видѣть изъ того, что я не сказалъ тебѣ тогда ни слова. Но какое-то неясное безпокойство, страхъ какой-то неизвѣстной опасности, близкаго несчастія кому-то изъ насъ — преслѣдуютъ меня до-сихъ-поръ. Въ волнахъ все чудились мнѣ знакомые призраки; они дѣлали мнѣ знаки, чтобъ я воротился. Золотистый отсвѣтъ зари игралъ въ струйкѣ, которая вилась за лодкой, и свѣтлая струйка принимала то видъ моей катери, то образъ Лючіи. Всѣ призраки моихъ погибшихъ мыслъ гѣснились между нами и этимъ берегомъ. Чувствую, что я не боги́тъ, воображенію не вѣрю, а все не могу успокоиться: это необъяснимо!

Сальваторъ пустился-было доказывать, что безпокойство—дѣйствіе нервовъ, слѣдствіе движенія въ дорогѣ, какъ вдругъ за дверью раздался звучный голосъ, въ которомъ какъ-будто слышалось сотрясеніе струны: «гдѣ онъ, гдѣ онъ, Биффи?»

Сальваторъ вскрикнулъ отъ радости и бросился на терраску. Кароль увидѣлъ, что онъ обнялъ эту женщину, и женщина обняла его съ любовью, какъ брата.

Они лепетали, перекидывались вопросами и отвѣтами съ удивительною быстротой на ломбардскомъ нарѣчій, которое Кароль не такъ легко понималъ, какъ чистый итальянскій языкъ. Въ-слѣдствіе этого бѣглаго, несвязнаго разговора, Флоріани оборотилась къ князю, протянула ему руку и, не замѣтивъ, что онъ подалъ ей свою не слѣшкомъ-благосклонно, пожала ее дружески, примолвивъ при томъ, что она ему рада, что его посѣщеніе доставитъ ей большое удовольствіе.

— Прости меня, мой добрый Сальваторъ, говорила она смѣясь: — что я заставила тебя посидѣть, будто въ передней, въ жилищѣ моихъ предковъ; но я прячусь отъ любопытныхъ зѣвакъ; примомъ у меня всегда въ головѣ какіе-нибудь планы, по-этому я и аперлась какъ монашенка.

— Но, говорятъ, вы въ послѣднее время почти совсѣмъ постриглись и произнесли обѣтъ, говорилъ Сальваторъ:—цалуя безъ устали отданную въ его распоряженіе руку. — Я съ трепетомъ осмѣивался прійти исторгнуть васъ изъ заточенія.

— Хорошо, хорошо, возразила она: — ты смѣешься надо мной надъ моими прекрасными намѣреніями! Знаешь ли, зачѣмъ я крываюсь, зачѣмъ убѣжала отъ всѣхъ друзей своихъ? За тѣмъ, что не хочу слушать дурныхъ совѣтовъ. Но ужь если ты, по счастью, попался ко мнѣ, у меня не достанетъ добродѣтели прогнать тебя. Пойдемъ, веди своего друга. По-крайней-мѣрѣ, я буду имѣть удовольствіе дать вамъ пріютъ получше трактира въ Изео. А ты не узналъ моего сына и не поцаловалъ его?

— Ахъ, нѣтъ! Я боялся его узнать, говорилъ Сальваторъ, обернувшись къ хорошенькому мальчику лѣтъ двѣнадцати, который

прыгаль около него, какъ собачка.—Какъ онъ выросъ, какъ похорошѣлъ! (И онъ обнялъ малютку, еще незнавшаго, съ кѣмъ имѣеть дѣло.)—А еще? спросилъ Сальваторъ:—маленькая дѣвочка?

— Сейчасъ и ее увидите, и сестру ея, и моего послѣдняго мальчика.

— Четверо! вскричалъ Сальваторъ.

— Да, четыре премилые ребенка, и всѣ со мной, что бы тамъ ни говорили люди. Вы познакомились съ моимъ отцомъ, пока за мной ходили? Видите, съ этой стороны онъ меня караулитъ. Безъ его спроса никто не можетъ войти. Здравствуй, батюшка, въ другой разъ. Прийдешь завтра съ нами завтракать?

— Ничего не знаю, ничего не знаю, отвѣчалъ старикъ.—У васъ безъ меня будетъ много.

Флоріани настаивала; отецъ не уступалъ, и, чтобъ отвлечь ее отъ предмета разговора, спросилъ, не нужно ли рыбы. Зная, что точка его помѣшательства—продавать рыбу, и главное—продавать дорого, она сдѣлала ему богатый заказъ, и привела старика въ восторгъ. Сальваторъ украдкой наблюдалъ за ними: онъ видѣлъ, что Флоріани философски, даже весело входила въ эти прозаическіе дразги.

Было уже темно. Ни Кароль, ни даже Сальваторъ, которому, впрочемъ, были знакомы черты Флоріани, не могли хорошенько разсмотрѣть ее въ лицо. Князю показалось, что нѣтъ у ней ни величественнаго роста, ни изящныхъ манеръ, какъ бы слѣдовало ожидать отъ такой женщины, которая представляла на театрѣ важныхъ дамъ и даже королеву. Она скорѣй была мала и не совсемъ граціозна. Въ голосѣ ея было много звучности; но для ушей князя этотъ голосъ былъ слишкомъ-полонъ, слишкомъ-воинистъ, если можно такъ выразиться. Еслибъ женщина заговорила такимъ голосомъ въ салонѣ, на нее всѣ оглянулись бы и всѣ отнесли бы это къ дурному тону.

Они прошли паркомъ, потомъ садомъ; Биффи несъ за ними чемоданъ. Вступили наконецъ въ обширную залу, построенную въ простомъ, благородномъ стилѣ и утвержденную на дорическихъ колоннахъ. Стѣны были покрыты бѣлой штукатуркой. Зала блестяла яркимъ освѣщеніемъ; въ четырехъ углахъ ея стояло много цвѣтовъ, сквозь которые пробивались свѣжія струйки воды, проведенной изъ сосѣдняго озера.

— Можетъ-быть, вы удивляетесь, зачѣмъ такъ много здѣсь безполезнаго свѣта, сказала Флоріани, замѣтивъ пріятное изумленіе, которое произвала въ Сальваторѣ ея прекрасная зала:—но... это единственная фантазія, которую я сберегла отъ театра. Я даже въ уединеніи люблю помѣщеніе обширное, залитое свѣтомъ. Люблю также, когда звѣзды блещутъ; но мрачная комната на меня наводитъ тоску.

Этотъ домъ, пробуждавшій въ Флоріани столько пріятныхъ и вмѣстѣ страшныхъ воспоминаній, она значительно измѣнила и

украшила. Неприкосновенной оставила только одну комнату, въ которой жила нѣкогда ея крестная мать, да уцѣлѣвшій цвѣтникъ, гдѣ эта доблестная женщина воспитывала цвѣты и учила Флоріани любить ихъ. Г-жа Раньери нѣжно любила Лукрецію; она всѣми средствами старалась склонить стараго, скареднаго прокурора, которому злая судьба назначила ее въ жепы и рабыни, чтобы онъ женилъ сына на просвѣщенной крестьянкѣ; но попытка ея не удалась. Теперь все это семейство исчезло. Флоріани однихъ изъ этихъ людей любила въ памяти, другимъ прощала, и, послѣ долгихъ волненій, наконецъ привыкла жить въ ихъ домѣ: прошедшее перестало ее тревожить. За тѣ-то преобразованія, которыми Флоріани, имѣя въ виду удобство и вкусъ, дѣлала въ этомъ прежде-простомъ домѣ, старый Менапаче, непонимавшій потребности изящнаго, гармоніи и чистоты, обвинялъ ее, утверждая, что она разорить имѣніе.

Зала понравилась даже Каролію. Этотъ родъ итальянской роскоши, въ которомъ больше прелести для глазъ, больше красоты очерковъ и капитальной художественности, нежели богатства, удобства и дорогихъ украшеній, былъ совершенно въ его вкусъ и вполне согласовался съ понятіемъ, которое онъ составилъ себѣ о сочетаніи гордости съ простотой. Слѣдуя своему обычаю—не торопиться проникать въ чужую душу, прежде осмотрѣть рамку, а потомъ приступить къ разсматриванію портрета, — Кароль пытался отыскать во внѣшней обстановкѣ Флоріани что-нибудь утѣшительное, примиряющее съ ея внутренней жизнью, въ которой онъ видѣлъ носоръ и паденіе. Но пока онъ любовался чистыми, блестящими стѣнами, фонтанами и рѣдкими чужеземными цвѣтами, Сальваторъ былъ занятъ совѣмъ другимъ: онъ жадно, безпокойно смотрѣлъ на Флоріани. Ему страшно было увидѣть, что она подурнѣла, а можетъ-быть, онъ отчасти и желалъ этого, помня данное обещаніе — уѣхать на другой день.

Ины-только явилась ему Флоріани въ полномъ свѣтѣ, онъ дѣйствительно замѣтилъ, что она много утратила свѣжести и красоты. Она какъ-будто потолстѣла: вмѣсто прежняго тонкаго отбѣлка, теперь на щекахъ ея лежала ровная блѣдность; глаза не такъ блестяли; черты измѣнили выраженіе, — однимъ словомъ, въ ней стало меньше жизни, меньше одушевленія, хотя, впрочемъ, она казалась дѣлательнѣе, здоровѣе прежняго. Она ужъ не любила: это была иная женщина, и надо было употребить нѣсколько минутъ для возобновленія съ нею знакомства.

Флоріани въ это время было тридцать лѣтъ: года четыре или пять не видался съ ней Сальваторъ. Онъ оставилъ ее въ пылу дѣлательности, страсти и славы, а теперь нашелъ—матерью семейства, деревенскою затворницей, удалившимся отъ людей геніемъ, померкшею звѣздой.

Она скоро замѣтила впечатлѣніе, которое произвела на Сальватора эта переменна, потому-что они держались за руки и присталь-

но смотрѣли другъ на друга: у ней на губахъ играла улыбка спокойная, свѣтлая; у него—тревожная, задумчивая.

— Ну! говорила она открытымъ, свободнымъ тономъ, въ которомъ не слышно было никакой скрытой мысли:—мы оба перемѣнились, не правда ли? намъ придется сдѣлать кое-какія поправки въ своихъ воспоминаніяхъ. Эта перемѣна вся въ твою пользу, любезный графъ. Ты много выигралъ. Тогда ты былъ милый интересный молодой человѣкъ; теперь — тоже молодой человѣкъ но разивіишійся, доконченный: сталъ смуглѣе, мужественнѣе, съ прекрасной черной бородой, чудными глазами, съ львиной причѣской, съ выраженіемъ силы и гордости. Теперь ты въ самой лучшей, въ самой полной порѣ жизни, и наслаждаешься ею широко и раздольно; это видно по глазамъ твоимъ: въ нихъ столько увѣренности и блеска, какъ никогда не было. Тебѣ кажется чудно, что ты сталъ лучше меня; помнишь, прежде было наоборотъ? На это двѣ причины: ты теперь не такой энтузіастъ, а я не такъ молода. Я начинаю склоняться внизъ, а ты все еще идешь вверхъ. Прежде тебѣ надо было поднять голову, чтобъ взглянуть на меня; а теперь ты ищешь меня наклонясь, гдѣ-то на задней сторонѣ жизни. Впрочемъ... не жалѣй обо мнѣ! Кажется, я счастливѣе у себя въ тѣни, нежели ты на своемъ солнышкѣ.

VII.

Голосъ Флоріани имѣлъ особую прелесть. Правда, то былъ голосъ слишкомъ-сильный для свѣтской женщины; но за то — совершенно-свѣжій, и въ звукѣ его вовсе не слышно было привычки говорить со сцены. Даже въ ея манерѣ выговора отзывалось что-то открытое, такъ-что нельзя было нисколько сомнѣваться въ искренности чувствъ, ею выражаемыхъ; дикція ея, всегда натуральная, неизмѣнная ни на сценѣ, ни въ дружескомъ разговорѣ, не напоминала ни декламациі, ни вліянія театральныхъ помостокъ. И все-таки это была рѣчь выразительная, полная сильной жизненности. По вѣрности ея интонаціи, Кароль заключилъ, что эта женщина была превосходная актрисса, что она должна была возбуждать непреодолимое сочувствіе. Вотъ на чемъ помирися Кароль; въ этомъ отыскалъ онъ хорошую сторону Флоріани, и рѣшилъ; что она интересна какъ артистка.

Сальваторъ зналъ, что не ей, чистосердечной отъ природы, отречься отъ самой-себя. Онъ думалъ, что все это ей только такъ вообразилось, и искалъ въ головѣ какую-нибудь фразу, которая бы могла изгладить немножко-жосткое впечатлѣніе перваго взгляда. Но въ этомъ случаѣ, невозможно было отыскать такого тонкаго оборота, который утѣшилъ бы побѣжденную женщину, и Сальваторъ не придумалъ ничего лучше, какъ только поцаловать ее и сказать, что у ней и во сто лѣтъ будутъ поклонники, если она захочетъ.

— Нѣтъ, отвѣчала смѣясь Флоріани: — я не повторю собою Навоны Ланкло. Чтобъ не состарѣться, надо быть холодно и ничего не дѣлать. Съ любовью да съ трудами не сбережешь свѣжей молодости. Я надѣюсь, что у меня останутся друзья,—вотъ и все. Съ меня довольно и этого.

Въ эту минуту, двѣ маленькія хорошенькія дѣвочки вбѣжали въ залу съ крикомъ, что ужинъ поданъ. Наши путешественники ужинали въ Изео, и потому просили Флоріани, чтобъ она садилась за столъ съ дѣтьми. Сальваторъ взялъ на руки обѣихъ дѣвочекъ, изъ которыхъ только съ одной былъ знакомъ, и понесъ ихъ въ столовую. Кароль, боясь стѣснить ихъ своимъ присутствіемъ, остался въ залѣ. Но комнаты были смежныя, двери отворены, а штукатурныя стѣны — звонки. Ему хотѣлось пребыть погруженнымъ въ свой внутренній міръ, не принимать никакого участія въ томъ, что дѣлалось вокругъ него въ этомъ домѣ; но онъ невольно все видѣлъ, все слышалъ,—даже слушалъ, хотя досадовалъ за то на самого-себя.

— Пстой же! говорилъ Сальваторъ, садясь къ столу рядомъ съ дѣтьми (Кароль замѣтилъ, что безъ него онъ не церемонится съ Флоріани и говоритъ ей «ты»):—я буду прислуживать тебѣ и дѣтямъ... Я ужь по-прежнему — безъ памяти отъ нихъ, отъ твоихъ дѣвочекъ, даже вотъ отъ этой красавицы, бѣлокурой малютки-сен, которой въ мое время еще и на свѣтѣ не было. Ты, Лукреція, имѣешь даръ производить все лучшее въ мірѣ, даже дѣтей!

— Скажи лучше: особенно дѣтей! возразила Флоріани:—въ этомъ отношеніи меня Богъ благословилъ. Они у меня добрыя, ласковыя, понятливыя, и притомъ свѣженькія, здоровыя. Посмотри! вотъ еще одинъ идетъ прощаться; еще тебѣ новый знакомый.

Кароль сначала принялся-было за газету, потомъ сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ. Въ эту минуту онъ невольно взглянулъ въ столовую и увидѣлъ хорошенькую крестьянку, входившую съ спящимъ ребенкомъ на рукахъ.

— Какая чудесная кормилица! простодушно вскричалъ Сальваторъ.

— Ты на нее клеветешь, замѣтила Флоріани: — скажи лучше: корреджіена дѣва съ *divino bambino*. У моихъ дѣтей нѣтъ другой кормилицы, кромѣ меня; двухъ старшихъ я часто кормила за кулисами, когда уходила со сцены. Помню, одинъ разъ публика такъ настойчиво вызывала меня послѣ первой пьесы, что я принуждена была выйти съ ребенкомъ подъ шалью. Послѣднія двое воспитывались спокойно. И этотъ маленькій давно отнятъ отъ груди. Посмотри, ему ужь два года.

— По-моему, этотъ маленькій всѣхъ лучше, говорилъ Сальваторъ, идя у крестьянки спящаго *bambino*. — Миѣ очень хочется поцаловать его, да боюсь разбудить!

— Не бойся: если ребенокъ здоровъ, да еще цѣлый день игра-

еть на открытомъ воздухѣ, то спать крѣпко. Не надо лишать ихъ ласкъ; если онѣ имъ и не доставляютъ удовольствія, за то принесутъ счастье.

— Ахъ, да! Это твой суевѣрный предрасудокъ, сказалъ Сальваторъ.—Помню! люблю я эту мысль; она такъ нѣжна... Ты разпространяешь ее даже и на мертвыхъ: не забуду я этого бѣднаго машиниста, который въ театрѣ, во время представленія, упалъ с верху и убится...

— А, да, бѣдняжка! Ты былъ тогда... Это во время моего директорства.

— И ты тогда, безтрепетная, дивная, велѣла перенести его въ свою ложу, гдѣ онъ и умеръ. Что за сцена!

— Да, правду сказать, сцена была страшнѣе той, которую тогда играла передъ публикой. У меня весь костюмъ былъ въ крови этого несчастнаго человѣка.

— Вотъ какова жизнь—то твоя! Нѣкогда было костюма перемѣнить: пьеса шла, ты явилась на сценѣ, и все подумали, что эта кровь—принадлежность драмы.

— Онъ былъ бѣдный отецъ семейства. Жена была тутъ; ко мнѣ на сцену долетали изъ ложи крики и вопли. Надо быть желѣзнымъ чтобы перенести жизнь актриссы.

— По наружности ты точно желѣзная; за то въ душѣ, не знаю у кого найдется столько челоѣчности, столько сострадательности. Я помню, послѣ представленія, когда выносили трупъ, ты подошла, поцаловала его въ лобъ и тутъ же замѣтила, что это успокоитъ его душу. Другія актриссы увлеклись твоимъ примѣромъ даже и я, чтобы угодить тебѣ, отважился, хотя мужчины въ подобныхъ случаяхъ не такъ храбры, какъ женщины. Въ-самомъ-дѣлѣ, оно было смѣшно, смахивало на сумасбродство; но сердечный поступокъ доходилъ прямо къ сердцу. Женѣ его ты тогда назначила пенсіонъ; но сильнѣе пенсіона подѣйствовалъ на нее поцалуй который ты, блестящая красавица, подарила окровавленному трупу безобразнаго работника... (а онъ дѣйствительно былъ безобразенъ). Она обнимала твои колѣни; ей казалось, что ты возвеличила ее мужа, что ужъ невозможно стало попасть ему въ адъ, потому-что на лицѣ его лежалъ твой поцалуй.

Во время этого разговора, глазенки старшаго сына Флоріани горѣли какъ карбункулы.

— Да, да! закричалъ ребенокъ, у котораго въ правильныхъ чертахъ вылилась умная фязіономія матери:—я также былъ тамъ все помню. Все это было точъ-въ-точъ, какъ ты рассказываешь, синьйоръ; и я поцаловалъ бѣдняжку Джіанантона!

— Хорошо, Селіо, говорила Флоріани, лаская сына.—Не надо стараться припоминать такіа горькіа ощущенія: они слишкомъ-сильны въ твои лѣта; но и забывать ихъ тоже не надо. Избави насъ Богъ бѣжать отъ чужой бѣды, отъ чужаго страданія; надо всегда быть готовымъ идти къ нимъ на встрѣчу, и никогда не думать,

то намъ тутъ нѣчего дѣлать. Ты видишь, хорошо и то, если благосклонимъ усоннаго, да хоть немножко утѣшимъ тѣхъ, кто плачетъ! У тебя такой обычай, Селіо, не правда ли?

— Да, отвѣчалъ ребенокъ, съ выраженіемъ чистосердечія и твердости, которыя усвоилъ отъ матери.

И онъ обнялъ ее такъ крѣпко, такъ усердно, что на ее изящно-округленной могучей шеѣ остались на минуту слѣды сильныхъ дѣтскихъ ручекъ.

Флоріани не обратила вниманія на такую неумѣренность объятій и несколько не разсердилась. Она продолжала ужинать съ большимъ аппетитомъ, но ни на минуту не выпускала изъ вида дѣтей и, дружески разговаривая съ Сальваторомъ, слѣдила, чтобъ онъ благоразумно одѣлывалъ ихъ кушаньями и виномъ, смотря по возрасту и сложенію каждаго.

То была натура спокойно-дѣятельная, беззаботная въ-отношеніи къ себѣ, внимательная, неусыпная въ-отношеніи къ другимъ, — натура пламенно-любящая, безъ малодушныхъ тревогъ; она постоянно стремилась къ тому, чтобъ заставить дѣтей думать, не мѣшая имъ веселиться, соображаясь съ ихъ возрастомъ, здоровьемъ, природнымъ расположеніемъ. Играя вмѣстѣ съ ними, и въ этомъ случаѣ сама сущее дитя, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, могла изумить дѣльными сужденіемъ, твердостью мнѣній, нисколько-непротиворѣчившихъ той материнской нѣжности, которая не ограничивалась у ней однимъ семейнымъ кругомъ. То былъ умъ свѣтлый, глубокий, веселый. Она шутила съ невозмутимымъ спокойствіемъ и заставляла смѣяться, сохраняя очень-серьезный видъ. Веселое расположение духа было основою рѣчей ея; она умѣла находить смѣшное въ противорѣчіяхъ. Ея образъ жизни, вся жизнь, все существо ея — было непрерывное воспитаніе дѣтей, друзей, слугъ и бѣдныхъ людей. Она жила, мыслила, какъ-бы дышала физическимъ и нравственнымъ благосостояніемъ ближнихъ, и въ пылу труда, по-видимому легкаго, казалось, забывала, что у самой у нея есть и печаль и желанія.

А между-тѣмъ, ни одна женщина въ свѣтѣ такъ не страдала; Сальваторъ очень-хорошо зналъ это.

Въ концѣ ужина, дѣвочки обнаружили расположеніе присоединиться къ маленькому брату, который уже сналъ въ комнатѣ Флоріани. Селіо, пользовавшійся, въ силу прожитыхъ двѣнадцати лѣтъ, правомъ ложиться не раньше десяти часовъ, пошелъ бѣгать съ своею собакой по террасѣ, расположенной со стороны озера.

Любо было смотрѣть на Флоріани, когда она принимала вечернія ласки дѣтей, между-тѣмъ, какъ неподобныя малютки прещались и целовались другъ съ другомъ, исполняя церемоніальнаго обниманья съ какимъ-то полу-нѣжнымъ азартомъ. Эта женщина, съ своимъ античнымъ профилемъ, съ своими кудрями, просто, безъискусственно вѣвшимися вокругъ мужественной головы, въ простомъ, широкомъ платьѣ, подъ которымъ едва можно было

угадать статую благородной Римлянки, съ своей спокойной блѣдностью, на которой отпечатался какой-то мраморный матъ отъ крѣпкихъ поцалуевъ шаловливыхъ дѣтей, съ усталыми, но вѣчно-ясными глазами, съ руками, которыхъ крѣпкія, округлыя формы чудесно образовались, когда она обвила ими всю свою чудесную семью, эта женщина вдругъ стала такъ дивно-хороша, такъ полна жизни, что Сальваторъ еще никогда ее такую не видывалъ... Какъ-только вышли дѣти, Сальваторъ, забывъ, что вдали на стѣнѣ мелькаетъ тѣнь Кароля, который въ какомъ-то волненіи продолжалъ ходить взадъ и впередъ, рѣшился высказать всю свою душу.

— Лукреція! вскричалъ онъ, цалуя ея руки, утомленные ласками и обниманіемъ:—я не знаю, гдѣ былъ у меня умъ, гдѣ было сердце, глаза, когда я вообразилъ себѣ, что ты постарѣла и подурилась. Еще никогда не была ты такъ молода, такъ свѣжа; никогда не вѣяло отъ тебя такимъ ароматомъ, никогда не была ты въ такой степени способна вскружить всякому голову. Хочешь ли, чтобъ я былъ весь твой, скажи только слово; но... много, можетъ-быть, пришлось бы тебѣ говорить, чтобъ оттолкнуть меня. Слушай! у меня въ душѣ всегда была къ тебѣ дружба, любовь, почтеніе, благоговѣніе, страсть... а теперь...

— А теперь, другъ мой, ты или смѣешься, или бредишь, преврада Флоріани съ тою спокойной скромностью, которую даетъ привычка властвовать.—Не будемъ, пожалуйста, шутить серьезными вещами.

— Но что же можетъ быть серьезнѣе словъ моихъ?.. Послушай! продолжалъ Сальваторъ, понизивъ голосъ больше по инстинкту, нежели изъ настоящаго благоразумія, потому-что князь не проронилъ ни одного слова:—послушай! скажи мнѣ, свободна ли ты въ эту минуту?

— Меньше нежели кто-нибудь, меньше нежели когда-нибудь! Я вся принадлежу своей семьѣ, дѣтямъ. Вотъ мои узы, самыя священныя, священнѣе всѣхъ другихъ,—и я ужъ не разорву ихъ.

— Хорошо! кто же проситъ тебя разрывать ихъ? Я говорю про любовь... скажи же, правда ли, что ужъ годъ, какъ ты отреклася отъ нея?

— Совершенная правда.

— Какъ! у тебя нѣтъ любовника? А отецъ Селіо и Стеллы?

— Умеръ. Это былъ Меммо Раньери.

— А! да, такъ! Но отецъ другой дѣвочки...

— Моей Беатриче? Онъ оставилъ меня, когда она еще не родилась.

— Стало-быть, послѣдній ребенокъ не отъ него?

— Сальваторъ? нѣтъ.

— Твоего послѣдняго ребенка зовутъ Сальваторомъ?

— Въ память тебя, въ благодарность за то, что ты никогда мной не волочился.

— Божественная и злая женщина! Ну, скажи жь, наконецъ, кто отецъ моего тѣзки?

— Я оставила его въ прошломъ году.

— Оставила? ты—первая оставила?

— Да, я устала его любить. Мнѣ отъ него были только мѹки и несправедливости. Надо было или умереть съ горя подъ его пятой, или жить для дѣтей, пожертвовавъ для нихъ человѣкомъ, который не умѣлъ всѣхъ ихъ любить равно. Я выбрала послѣднее. Горько мнѣ было, но я не раскаяваюсь.

— Однако я слышалъ, что ты была въ связи съ однимъ изъ моихъ друзей, Французомъ, художникомъ, живописцемъ...

— Сен-Жели? Мы съ нимъ любили другъ друга восемь дней.

— Ваша интрига надѣлала шума.

— Можетъ-быть! Онъ былъ со мной очень-наглъ, и я просила его не бывать больше въ моемъ домѣ.

— И онъ-то былъ отецъ Сальватора?

— Нѣтъ, отецъ Сальватора—Вандани, бѣдный актѣръ, можетъ-быть, лучший, благороднѣйшій мужчина въ цѣломъ свѣтѣ. Но ревность, малодушная, жалкая—истерзала его. Повѣришь ли? ревность возмутительная, отталкивающая!.. Нечего было подозрѣвать ему въ настоящемъ, такъ онъ мучилъ меня прошедшимъ. Тутъ, конечно, ему было легко: жизнь моя—обильная пища для ригоризма; но великодушно ли это? У меня не достало силъ переносить его брань, его упреки, вспышки, которыя могли, наконецъ, разразиться при дѣтяхъ. Я убѣжала; нѣсколько времени скрывалась здѣсь; потомъ, когда узнала, что онъ помирился съ своей долей, купила этотъ домъ и поселилась въ немъ. Впрочемъ, все-таки стерегусь, держу заставы, потому—что онъ меня очень любилъ, и если его новая очаровательница не сумѣетъ удержать его возлѣ себя, онъ способенъ опять навязаться мнѣ на руки. А этого-то я и не хочу ни за что въ свѣтѣ.

— Ну, что же? сказалъ Сальваторъ смѣясь и снова хватая ее за руки:—возьми меня въ охранные рыцари. Я его поражу, если онъ явится.

— Покорно благодарю! охранюсь и безъ тебя.

— Такъ ты не хочешь, чтобъ я остался? примолвилъ Сальваторъ, который, одушеваясь нѣсколькими глотками *marasquin-de-Zara*, забылъ и друга и данное ему обѣщаніе.

— Оставайся сколько хочешь! отвѣчала Флоріани, слегка ударивъ его по щекамъ:—но только на прежнихъ правахъ.

— На правахъ войны! Позволь мнѣ возмутиться...

— Берегись, возразила Флоріани, высвободившись изъ его рукъ.

— Если ты не прежній мой другъ,—я прогоню тебя. Поди къ своему спутнику; ему, вѣрно, скучно одному въ залѣ.

Кароль стоялъ прислонясь къ колоннѣ и слышалъ все. Съ послѣднимъ словомъ Флоріани, онъ скользнулъ какъ тѣнь, чтобъ не попасться въ подслушиваніи, въ которомъ былъ повиненъ неволь-

но, забывшись. Онъ провелъ рукою по лбу, какъ-бы желая разогнать вліяніе кошмара. Невольныя усилія, съ которыми пытался онъ проникнуть въ смыслъ жизни такой бурной, безпорядочной, въ эту смѣсь высокаго съ унижительнымъ,—истомили и растерзали ему душу. Онъ не понималъ, что Сальваторъ воспламенился по мѣрѣ того, какъ эта женщина такъ смѣло разоблачала предъ нимъ цѣлый рядъ своихъ заблужденій; не понималъ, что то, отъ чего онъ отворачивался, влекло молодаго энтузіаста непреодолимою силой, — какъ свѣтъ влечетъ къ себѣ ночную бабочку.

Ему казалось, что онъ теперь не въ силахъ встрѣтиться съ нимъ лицомъ-къ-лицу. Онъ боялся, что не сумѣетъ скрыть свою досаду на Сальватора и жалость къ Флоріани. Онъ проворно вышелъ въ другую дверь и, встрѣтившись съ Селіо, спросилъ, гдѣ комната, которую имъ отвели. Ребенокъ повелъ его въ верхній этажъ и показалъ прекрасную комнату, гдѣ были приготовлены двѣ чистыя, съ совершеннымъ комфортомъ убранныя постели. Кароль просилъ Селіо сказать матери, что онъ ушелъ, потому — что чувствовалъ усталость, и просить у нея извиненія.

Оставшись одинъ, онъ попытался—было оправиться и успокоиться; но не посѣтали его ни покой, ни привычныя мысли. Казалось, какаѣ-то неумолимая сила глубоко взволновала его нравственное существо. Онъ рѣшился лечь и уснуть; но ему досталось только вдыхать и ворочаться на своей вѣшной постели: сна ему не было; слышалъ онъ, какъ пробила полночь, а глаза его все еще не смыкались. Сальваторъ не являлся.

VIII.

Между-тѣмъ, Сальваторъ Альбани очень любилъ поспать. Какъ вообще люди здоровые, склонные къ суетливой дѣятельности, беззаботные, онъ ѣлъ за четверыхъ, каждый день уставалъ, радъ былъ добраться до постели и заснуть не позже князя, которому привычка къ правильной жизни и слабое здоровье не позволяли долго сидѣть по вечерамъ.

Если же, во время ихъ путешествія, случалось иногда Сальватору прободрствовать дольше обыкновеннаго, то онъ никакъ не могъ обойтись безъ того, чтобъ не навѣдаться раза два-три—сподойно ли спать *дитя его* (какъ называлъ онъ князя). Ему отъ природы дано было отцовское чувство; онъ былъ старше Кароля не больше какъ четырьмя или пятью годами, а ухаживалъ за нимъ какъ за сыномъ: такъ сильна была въ немъ потребность помогать существамъ слабѣйшимъ. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ отчасти похожъ на Флоріани, и отъ-того лучше, нежели кто другой, могъ оцѣнить ея глубокую любовь къ дѣтямъ.

Не смотря на то, въ настоящую минуту, Сальваторъ забылъ свою всегдашнюю заботливость; а Флоріани не знала, какихъ по-

вечній и заботъ привыкъ отъ него ждать Кароль, и потому не думала напоминать ему дружескихъ обязанностей.

— Твой другъ ужь удалился, сказала она, когда Селіо исполнилъ порученіе князя. — Онъ, кажется, чѣмъ-то страдаетъ. Какъ ты его называешь? Давно вы съ нимъ путешествуете? У него какъ-будто есть горе?..

Сальваторъ отвѣчалъ на всѣ вопросы.

— Бѣдѣжка! проговорила Флоріани: — я ему сочувствую. Хорошо, кто такъ любитъ мать, такъ долго плачетъ объ ней! Его лицо и манеры мнѣ по душѣ. Ахъ, если я умру, моему Селіо будетъ очень-жалъ меня! Кто его будетъ такъ любить, какъ я?

— Надо любить дѣтей и жить для нихъ, какъ дѣлаешь ты, сказалъ Сальваторъ: — но не надо приучать ихъ жить для себя, или для нѣжной матери, которая посвящаетъ имъ все существо свое. Неово и опасно не давать уму ихъ полнаго развитія; мой другъ можетъ служить тому примѣромъ: онъ — созданіе очаровательное, но несчастное.

— Какъ это? почему? Объясни, пожалуйста. Когда дѣло идетъ о дѣтяхъ, о характерахъ, о воспитаніи — тутъ я всегда готова слушать и обдумывать.

— О! у моего друга странный характеръ; я не съумѣю его опредѣлить; но скажу тебѣ въ двухъ словахъ: онъ не знаетъ ни въ чемъ нѣры, все принимаетъ слишкомъ-горячо — и любовь и отвращеніе, и счастье и невзгоды.

— Ну, что жь? Это натура художника.

— Правда; но въ этомъ смыслѣ онъ мало развитъ; въ немъ есть страсть пылкая, но слишкомъ-общая для искусства. Понятія его своеобразны; но нѣтъ въ нихъ той частности, той преобладающей стороны, которая бы одна завладѣла имъ, заставила бы его оторваться отъ дѣйствительной жизни.

— Ну! это натура женщины.

— Да; но не такая, какъ у тебя, Флоріани. Хоть онъ и способенъ къ такой же страсти, къ такой же преданности, чувствительности, энтузіазму, какъ самая нѣжная женская натура...

— О! о немъ надо жалѣть: онъ цѣлую жизнь будетъ искать и не найдетъ сердца, которое бы вполне ему отвѣтило.

— Ты не искала сердца, Лукреція; а еслибъ захотѣла, нашла бы, не имѣя нужды ходить далеко.

— Говори мнѣ о своемъ другѣ...

— Нѣтъ, не о немъ, а о себѣ говорю я.

— Понимаю, и буду сейчасъ отвѣчать; но я не люблю каждую минуту мѣнять предметъ разговора. Скажи мнѣ прежде: почему ты думаешь, что твой другъ нисколько не похожъ на меня, не смотря на сходства, о которыхъ ты было-заговорилъ?

— Потому-что у тебя въ душѣ есть тысячи оттѣнковъ, которыхъ нѣтъ у него. Трудъ, дѣти, дружба, деревня, цвѣты, музыка — все доброе, все прекрасное тебѣ понятно, всему ты сочув-

ствуешь такъ живо, что всегда найдешь предметъ, который развлекетъ тебя и утѣшитъ.

— Правда. А онъ?

— И онъ все это любить, но любить не прямо, не самъ—собою, а по отношенію къ другому любимому существу. Умри или исчезни предметъ его любви—и ничто въ мірѣ для него не существуетъ. Его одолѣетъ тоска, отчаяніе; въ душѣ его не станетъ силы, чтобъ снова начать жить для другой любви.

— Какъ хорошо! произнесла Флоріани въ наивномъ восторгѣ. — Еслибъ я нашла такую душу, когда любила въ первый разъ, и было бы у меня другой любви во всю жизнь.

— Ты пугаешь меня, Лукреція. Не собираешься ли ты полюбить моего князька?

— Я не люблю князей, простодушно отвѣчала Флоріани. — Я умѣла любить только пролетаріевъ. Впрочемъ, твой князекъ годился бы мнѣ въ сыновья.

— Глупенькая! тебѣ тридцать, а ему двадцать-четыре.

— О! я подумала бы, что ему шестнадцать или восемнадцать онъ смотритъ такимъ юношей! А что касается до меня, мнѣ кажется, я такъ стара, такъ благоразумна, что смѣло могла бы вообразить себѣ пятьдесятъ.

— Все равно! все-таки меня это беспокоитъ; завтра надо увезти князя.

— Ты можешь быть совершенно-спокоенъ, Сальваторъ, я не буду любить... Видишь ли, говорила Флоріани, взявъ его руку и приложивъ ее къ своему сердцу: — тутъ ужъ камень. Впрочемъ, нѣтъ! прибавила она, перенося руку Сальватора на свою голову:— въ сердцѣ у меня есть еще материнская любовь да сострадательность; но главное мѣсто любви—вотъ здѣсь, въ головѣ, и голова моя окаменѣла. Знаю, что любовь зовутъ чувствомъ, но для умныхъ женщинъ это не правда. Въ нихъ она развивается постепенно и прежде всего охватываетъ голову и врывается въ воображеніе; кромѣ воображенія, нѣтъ ей инаго входа. Проникнувъ въ него, она перейдетъ въ душу, незамѣтно разольется по всему существу — и тогда мы любимъ мужчину, тогда онъ властвуетъ надъ нами; тогда онъ для насъ все — идолъ, дѣтище, братъ, мужъ—все, что только можетъ любить женщина. Правда, любовь дѣйствуетъ на всѣ наши жизненные фибры, она потрясаетъ ихъ, и чувства, въ свою очередь, играютъ тутъ важную роль. Но женщина, которой доступно наслажденіе безъ энтузіазма — не чловѣкъ, а животное: объявляю тебѣ, что энтузіазмъ во мнѣ погасъ. Я слишкомъ-много заблуждалась, слишкомъ-много испытала, и, наконецъ, слишкомъ устала. Ты знаешь, какъ мнѣ вдругъ опротивѣлъ театръ,—я ослабѣла, между-тѣмъ, какъ физически была въ полной силѣ. Воображеніе мое переполнилось и утомилось. Въ цѣломъ всемірномъ репертуарѣ не видѣла я ни одной роли, которая казалась бы мнѣ истинною; попыталась создать сама такую роль,

по собственному произволу; но, сыгравъ ее разъ, замѣтила, что не передала въ ней того, что было у меня на душѣ. Я сыграла нехорошо, потому-что роль была нехороша; я не обманула самой-себя въ то время, когда публика хотѣла меня обмануть своими аплодисманами. Ну! и въ любви я пришла къ тому же: слишкомъ-скоро перервалась струны моей фантази.

«Любовь — это призма», продолжала Флоріани: «это солнце, которое горитъ у насъ на челѣ; имъ озаряется наше внутреннее существо. Потухнетъ солнце—и все тонетъ въ глубокомъ мракѣ. Теперь я вижу и жизнь и людей въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Любить могу только изъ состраданія; такъ любила я въ послѣдній разъ Вандони. Не было во мнѣ энтузіазма; была только признательность за его любовь, сочувствіе къ его страданію... Я пожертвовала собою; я не была счастлива, не чувствовала упоенія. То было непрерывное самопожертвованіе, безразсудное, противоестественное. Но вдругъ меня ужаснуло мое положеніе; я увидѣла себя страшно-униженной; нестерпимы стали для меня эти упреки за мои прошлыя заблужденія, потому-что ни одно изъ нихъ, изъ этихъ заблужденій, которымъ я предавалась такъ простоушно, такъ слѣпо, не казалось мнѣ такъ преступно, какъ послѣднее, которое старалась я длить, противъ самой себя, противъ собственныхъ своихъ чувствъ... О! сколько еще я могла бы сказать тебѣ, другъ мой!.. Но ты слишкомъ-молодъ, ты не поймешь меня.»

— Говори! говори! закричалъ Сальваторъ, очнувшись отъ глубокаго раздумья.

И, крѣпко сжавъ руку Лукреціи, примолвилъ:

— Дай мнѣ хорошенько узнать тебя: пусть я — или буду продолжать любить тебя какъ сестру, или... найду въ себѣ силы по-любить иначе. Видишь, я спокоенъ,—я слушаю.

— Люби меня какъ сестру, не иначе, отвѣчала Флоріани: — потому-что я могу видѣть въ тебѣ только брата. Такъ любила я съ давнихъ поръ Вандони. Я узнала его на театрѣ; онъ тамъ не блисталъ талантомъ, но былъ полезенъ своею дѣятельностью, преданностью, добротой. Разъ... въ деревнѣ, близъ Милана, въ тихій лѣтній вечеръ, такой вотъ, какъ теперь... заставилъ онъ меня рассказать исторію моего разрыва съ пѣвцомъ Теальдо Соави, отцомъ моей милой Беатриче. Теальдо... Я его страстно любила; но онъ былъ человекъ съ низкой, развращенной душой. Онъ увѣрялъ, что хочетъ на мнѣ жениться, а между-тѣмъ былъ женатъ! Я не слишкомъ заботилась о замужствѣ. Но, правду сказать — ужаснулась, когда узнала, что онъ умѣлъ такъ долго, такъ искусно меня обманывать. Я горько и жарко упрекала его; онъ оставилъ меня въ ту минуту, когда я готовилась быть матерью. Я не имѣла духа прогнать его; но по-крайней-мѣрѣ имѣла твердость не воротить.

«Беатриче еще не было года, когда бѣдный Вандони—мой по-

корный рабъ, мой вѣрный поклонникъ, моя неотвязная тѣнь, Едони, который ужь давно любилъ меня, не смѣя признаться выслушавъ печальный разговоръ, бросился къ ногамъ моимъ.

«— Люби меня! сказалъ онъ:— я буду твоимъ утѣшителемъ; ищю, заглажу все зло, которое тебѣ сдѣлали. Знаю, что нѣтъ тебѣ страсти для меня; но во мнѣ она есть; прійми ее, и, можешь быть, любовь моя перелетится въ твою душу. Впрочемъ, за твою дружбу, за одну довѣрчивость я буду благодаренъ тебѣ.. буду счастливъ и съ ними.»

«Долго я противилась. Въ-самомъ-дѣлѣ, у меня къ нему было столько дружбы, что ужь любовь была невозможна. Я стала-бы убѣгать его,—онъ хотѣлъ умертвить себя, сдѣлался какъ-будто мѣшанный... Я уступила...»

«Впрочемъ, его восторги тронули меня, и нѣсколько времени мы съ нимъ жизнь довольно-приятную. Но онъ разсчиталъ, что наконецъ ему будутъ отвѣчать такими же восторгами и увидѣлъ, что обманулся, что я могу быть для него только кроткою, вѣрною подругой; не достало у него скромности понять что нѣ отъ куда было мнѣ взять энтузіазма, потому-что я слѣдомъ-хорошо его знала, и чѣмъ больше узнавала, тѣмъ менѣе было для меня очарованія. Онъ былъ молодой, хорошъ собой, полновѣкъ, согрѣтымъ сердцемъ; не было у него недостатка ни въ умѣ, ни въ образованіи; ему казалось невозможнымъ, чтобы я сколько не очаровалась имъ... Можетъ-быть, и ты о себѣ тоже думаешь, Сальваторъ?.. Я тебѣ сейчасъ скажу, почему онъ очаровалъ меня.

«Не достоинствами любимаго существа мѣряется сила нашей любви. Любовь живетъ извѣстный періодъ собственной жизнью, горитъ собственнымъ огнемъ, и загорается, не спрашиваясь ни о томъ, ни о разсудка. На дѣлѣ эта истина черезъ-чуръ обыкновенная: всякій день встрѣтишь ты людей доблестныхъ, которымъ достается на долю неблагодарность и измѣна,—между-тѣмъ, какъ ни презрѣнныя души внушаютъ къ себѣ сильныя, упорныя страсти.

«Всѣ это видятъ, всѣ знаютъ и постоянно удивляются, потому что не ищутъ причины явленія, потому-что любовь — чувство постижимое, потому-что всѣ покоряются этому чувству, не спрашивая его. Это такой глубокой предметъ, что о немъ страшно думать; но не-уже-ли нельзя внимательно изслѣдовать то, что такъ слегка и смутно замѣчено? Не-уже-ли нельзя изучить, анализировать, понять, узнать до извѣстной степени это сладостное, страшное чувство, величайшее изъ всѣхъ, какія только даны людямъ человеческого рода,—чувство, котораго никто не избѣгнетъ, и которое принимаетъ столько разнообразныхъ формъ и образовъ, сколько есть живыхъ существъ на землѣ? Не-уже-ли нельзя попытаться постигнуть его метафизическую сущность, открытъ

любовь его идеала, чтобъ можно было потомъ дать отчетъ самому себѣ: какова моя любовь — благородная ли и истинная, или гибельная, безумная?»

— Такъ вотъ гдѣ твои важныя занятія, Лукреція! скавалъ Сальваторъ: — ты предалась размышленіямъ о страстяхъ; отъ-того-то, я вижу, страсти и потеряли надъ тобой свою власть.

— Это бы еще не причина, возразила Флоріани.— Можно быть подъ вліяніемъ сильныхъ движеній, и думать о нихъ. Можетъ-быть, это несчастный даръ, но онъ во мнѣ есть, и всегда былъ. Въ самомъ разгарѣ кипучей молодости, мысль моя всегда старалась пробиться на свѣтъ, взглядѣться въ одолевавшую ее бурю. Правда, чѣмъ больше хочешь всмотрѣться въ свой внутренній міръ, тѣмъ сильнѣе туманится въ глазахъ; но это происходитъ, какъ я сказала, отъ того, что не извѣданъ еще законъ любви, что уставъ нашихъ сердечныхъ склонностей еще не издавъ.

— И такъ, сказалъ Сальваторъ: — ты долго искала и не нашла слова загадки?

— Нѣтъ, я что-то предчувствую: оно таится въ святомъ завѣтѣ...

— Бѣдный другъ мой! мы говоримъ не о той любви: намъ завѣщена иная любовь, которая обвиняетъ все человѣчество, а не сосредоточивается на одномъ избранномъ существѣ. Ты хочешь говорить о челоѣколюбіи.

— Чтѣ жъ? а любовь, — высокая, истинная любовь — развѣ не челоѣколюбіе, сосредоточенное на одномъ существѣ?

— Утопія! любовь — чувство эгоистическое, нисколько несогласное съ христіанскимъ челоѣколюбіемъ.

— Это у васъ такая любовь, жалкіе люди! съ жаромъ вскричала Лукреція: — а не та, которую далъ намъ Богъ, не та чистая, ламентующая въ насъ любовь, которая излилась изъ Его божественнаго лона, которую я понимаю, о которой я мечтала, къ которой стремилась, до которой когда-то надѣялась достигнуть (вы! то была пора грѣзъ и страшныхъ пробужденій)... Да! въ эту любовь я вѣрую; хотя, можетъ-быть, одна я была ея служительницей; хотя, можетъ-быть, умерла бы я, измученная безплоднымъ преслѣдованіемъ... Она-то была провозвѣщена людямъ; она — отраженіе свѣтлаго челоѣколюбія, она повинуется его законамъ. То любовь тихая, кроткая, вѣрная для вѣрныхъ; тревожная, жаркая, неистовая, однимъ словомъ — страстная для грѣшниковъ. Когда ты видишь двухъ супруговъ примѣрныхъ, нѣжныхъ, вѣрныхъ, — знай, что между ними дружба. Но когда ты, благородный, непорочный — встрѣтишь недостойную грѣшницу и почувствуешь къ ней неодолимое сочувствіе, — знай, что это любовь, и не краснѣй за нее; то любовь великодушная, неотвергающая падшихъ созданій!

«Такъ и я любила Теальдо Соави. Знала я, что онъ эгоистъ,

тщеславный, гордый, неблагодарный — но... я любила его! Когда онъ явился мнѣ безсовѣстнымъ, я проклинала его, а все ея любила. Я плакала о немъ такими горькими слезами, что съ тѣ поры потеряла способность любить кого-нибудь другаго. Тоска моя по-видимому скоро прошла; а теперь я ужъ и совсѣмъ утѣшилась. Но ударъ былъ такъ силенъ, рана такъ глубока, что я ужъ больше не буду любить.»

Флоріани отерла слезу, медленно катившуюся по ея блѣдному кроткому лицу. Не выражалось на этомъ лицѣ ни волненія, ни гнѣва; но въ его спокойствіи было что-то страшное.

— Стало-быть, по милости какого-нибудь негодяя ты не могла полюбить честнаго человѣка? сказала смущенный Сальваторъ: — ты странная женщина, Лукреція!

— А что за нужда была этому человѣку въ моей любви? возразила она. — Развѣ онъ не довольно былъ счастливъ сознаниемъ своей честности, своихъ природныхъ достоинствъ, благоразумія, спокойной совѣстью, правильными отношеніями къ людямъ? Онъ требовалъ отъ меня дружбы въ награду за безукоризненную жизнь, за постоянную преданность. У меня была для него дружба; но ему показалось мало дружбы: онъ потребовалъ страсти. Ему нужны были тревоги, мученія. Не въ моей волѣ было сдѣлаться несчастною изъ-за него, — и онъ не могъ простить мнѣ того, что я хотѣла его сдѣлать счастливымъ.

— О! какіе парадоксы, другъ мой! они на меня ужасъ наводятъ! Ты говоришь о прекрасныхъ вещахъ; но если обдумать ихъ хорошенько — встрѣтятся важныя затрудненія. Любовь, какъ ты сказала, великодушна, возвышенна, свята. Ты призываешь чело-вѣколюбіе, находишь въ немъ намеки на любовь; называешь состраданіемъ, доходящимъ до восторженности; преданностью, доходящею до самозабвенія. Слѣдовательно, она доступна только дѣшамъ великимъ. Въ такомъ случаѣ, великія души за-живо обречены на адскія муки, потому-что онѣ горятъ священнымъ огнемъ только для злыхъ и неблагодарныхъ.

— Что жъ такое? вскричала Флоріана:—загадка жизни вся заключается въ словахъ: жертва, страданіе, утомленіе. Вотъ тебѣ для молодости, для зрѣлаго возраста и для старости.

— Стало-быть, добрые не узнаютъ счастья быть любимыми?

— Пока не измѣнится міръ и съ нимъ человѣческое сердце. Можетъ-быть, наступитъ когда-нибудь время, и у людей будутъ иные, болѣе-задушевные уставы; но тѣ люди будутъ лучше насъ.

— Итакъ, для нашего поколѣнія нѣтъ взаимной любви, нѣтъ чистыхъ упоеній?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

— Ты пугаешь меня, душа отчаянная!

— Отъ-того, что ты хочешь видѣть счастье въ любви. Его нѣтъ. Счастье, это — спокойствіе, дружба; а любовь — бурья.

— Ну, послушай; я представляю тебѣ другой родъ любви: дружбу.—слѣдовательно, спокойствіе,—соединенную съ страстнымъ желаніемъ, то-есть, наслажденіе, счастье.

— Да, это идеалъ супружеской жизни. Я не знала ея, хотя мечтала о ней, искала ее.

— А чего ты не знаешь, то отвергаешь?

— Сальваторь! встрѣчалъ ли ты когда-нибудь двухъ любовниковъ, или двухъ супруговъ, которые бы любили другъ друга совершенно-однаково, съ равной горячностью или равнымъ спокойствіемъ?

— Не знаю... Кажется, нѣтъ.

— А я вполне увѣрена, что нѣтъ. Какъ-только страсть завладѣетъ однимъ изъ двухъ (а это неизбежно), другой начинаетъ остывать: настаетъ страданіе, счастье возмущено, а иногда и погибло. Въ первой молодости, люди ищутъ взаимной любви; возмужавъ, любятъ и въ то же время мучатъ самихъ-себя; въ зрѣлыхъ лѣтахъ, они любятъ... но любовь ужь прошла!

— Хорошо! понимаю! Доживъ до зрѣлыхъ лѣтъ, ты выйдешь замужъ, избереешь себѣ бракъ по разсудку, по нѣжному сочувствію, и будешь жить счастливо въ супружеской дружбѣ. Вотъ твоя мечта, не правда ли?

— Нѣтъ, Сальваторь! Зрѣлыя лѣта для меня ужь наступили. У меня сердце въ пятьдесятъ лѣтъ, а голова вдвое-старше; не думаю, чтобъ будущее возродило мою молодость. Надо было полюбить только одного, идти съ нимъ объ руку чрезъ всѣ житейскія перемѣны, страдать съ нимъ, за него, сохранить къ нему неограниченную преданность. За такую добродѣтель можно было ждать награды. Пришла бы всеисцѣляющая старость, и сладко заснула бы я возлѣ спутника жизни съ увѣренностью, что исполнила свой долгъ до конца.

— Развѣ ты этого не дѣлала? Сколько простила ты своему первому любовнику! А когда я узналъ тебя, ты, казалось, готова была вѣчно прощать и второму.

— У меня не стало терпѣнія; вѣра намѣнила мнѣ. Я поддавалась слабости человѣческой природы; упала духомъ, увлеклась безумною надеждой найти счастье въ другомъ. Мужчина не можетъ простить намъ героизма, который относится не къ нему, а къ другому. Напротивъ, онъ ставитъ его намъ въ вину, въ укоръ,—и чѣмъ больше было у насъ привязанностей прежде встрѣчи съ нимъ, тѣмъ онъ считаетъ насъ неспособиѣе привязаться къ нему.

— Развѣ это не такъ?

— Бываетъ такъ послѣ извѣстнаго числа заблужденій и увлеченій. Душа устанетъ, воображеніе охладѣетъ, бодрость пропадетъ, силы не станутъ. Такая пора настала теперь для меня! Еслибъ я въ настоящую минуту сказала мужнинѣ, что еще способна любить, я бы его безбожно обманула.

— А! Бѣдняжка Флоріани! ты никогда не была кокеткой; но вижу, что и любезность не далась тебѣ!

— И ты, конечно, жалѣешь обо мнѣ!

— Я жалѣю о себѣ, потому-что, не смотря на всѣ твои сужденія, а можетъ-быть и отъ нихъ, я влюбленъ въ тебя: безъ памяти.

— Ну, такъ прощай, мой добрый Сальваторъ! завтра ты уйдешь.

— А тебѣ этого хочется? О, еслибъ ты этого хотѣла!

— Что это значитъ?

— То, что я остался бы противъ твоей воли и сталъ бы надѣяться.

— И вообразилъ бы, что я боюсь тебя? Прежде ты не была фанфарономъ, а теперь фанфаронъ!

— Нѣтъ, я не фанфаронъ; но не знаю, зачѣмъ тебѣ хочется увѣрить меня, что ты стала такая непобѣдимая? Были ли у тебя когда-нибудь прихоти?

— Никогда!

— Будто?

— Слушай: были у меня увлеченія сильныя, слѣпыя, грѣшныя! Я не отпираюсь отъ нихъ; но это не были прихоти. Такъ называютъ любовныя интриги, которыя кончаются въ одну недѣлю... но есть также и страсти на одну недѣлю!

— Даже есть страсти на одинъ часъ! съ жаромъ вскрикнулъ Сальваторъ.

— Да, отвѣчала Флоріани: — бредъ такой внезапный, такой сильный, что вслѣдъ за нимъ настаетъ отвращеніе и ужасъ. Чѣмъ короче страсти, тѣмъ сильнѣе онѣ чувствуются. О нихъ плачутъ, за нихъ краснѣютъ цѣлую жизнь.

— Зачѣмъ же краснѣть за нихъ, если онѣ не притворны? Тутъ по-крайней-мѣрѣ можно быть увѣрену, что страсть не останется нераздѣленной.

— Столько же можно быть увѣреннымъ, какъ во всякой другой страсти.

— Что произвольно, что непреодолимо,—то имѣть свое право.

— Право сильнаго не есть священное право, проговорила Флоріани, освобождаясь изъ рукъ Сальватора. — Другъ мой, зачѣмъ ты хочешь обижать меня въ моемъ домѣ? У меня нѣтъ для тебя интузіазма.

— Лукреція, Лукреція! ты не умертвишь себя завтра утромъ?

— Лукреція напрасно убила себя. Секстъ не завладѣлъ ею. Даже тотъ, кто имѣлъ власть надъ чувствами женщины, не былъ ея любовникомъ.

— А! ты права, моя Флоріани, сказалъ Сальваторъ, упавъ на колѣни.—Простишь ли ты меня?

— Конечно, отвѣчала она улыбувшись. — Мы одни; теперь полночь. У меня нѣтъ любовника; я придала тебя къ себѣ. Въ

гожь, что произошло между нами, не твоя вина, а моя. Значить, мнѣ надо было еще десять лѣтъ не видаться съ друзьями! Это грустно.

— Флоріани! вы плачете? я оскорбилъ васъ!

— Нѣтъ, не оскорбилъ. Жизнь моя совсѣмъ не такъ непорочна, чтобъ я имѣла право оскорбляться твоими словами,

— Не говори такъ! я уважаю тебя, я благоговѣю передъ тобой!

— Невозможно. Ты человекъ, ты молодъ—вотъ и все.

— Презирай меня, унижай сколько хочешь, но не говори, что у меня къ тебѣ только одно чувственное влеченіе. Я былъ взволнованъ, у меня голова горѣла, и твои слова не только не раздражилъ меня, но еще усилилъ мое уваженіе, мою привязанность къ тебѣ. Забудь, что я огорчилъ тебя... Боже мой! какая ты блѣдная, грустная! Несчастнѣйшій глупецъ, я разбудилъ въ тебѣ прежнее горе! А! ты плачешь, ты горько плачешь!.. Я готовъ былъ теперь убить самого-себя — такъ я сталъ низокъ въ собственныхъ глазахъ!..

— Прости самому-себѣ, точно такъ, какъ я тебѣ прощаю, кротко проговорила Флоріани; она встала и протянула Сальватору руку.—Я имѣла неосторожность допустить случай, который долженъ бы была предвидѣть. Въ прежнее время, я бы смѣялась, а если теперь плачу, это потому только, что мнѣ казалось, я достигла наконецъ жизни тихой, безукоризненной. Но я такъ недавно разсталась съ слабостью и безразсудствомъ, что еще рано считать меня благоразумною и твердою. Всѣ эти предположенія о любви—откровенный разрывъ чувствъ и мыслей между женщиной и женщиной, ночью—опасны, и если пришли тебѣ въ голову дурныя мысли, всему виновной моя неосторожность. Но не будемъ слишкомъ много думать объ этомъ, примолвила она, утирая слезы и улыбувшись другу съ невыразимой кротостью. — Я должна принять эту мистификацію за искупленіе прежнихъ грѣховъ, хотя, впрочемъ, въ этомъ родѣ грѣховъ за мной не было. Можетъ-быть, я лучше бы сдѣлала, еслибъ была только ловкой кокеткой! Я бы предла только самой-себѣ, тогда-какъ страсть моя терзала и меня и другихъ. Но что жь дѣлать, Сальваторъ! не создана я для философскихъ нравовъ, какъ ихъ нѣкогда называли... И ты тоже, мой милый, — ты выше ихъ...

— Какъ ты добра, Лукреція! сказалъ Сальваторъ:—я тебя обидѣлъ, а ты еще говоришь со мною, какъ мать съ сыномъ. Позволь мнѣ поцаловать твои ноги, — къ челу твоему я недостойнъ прикаснуться. Мнѣ кажется, я ужъ никогда больше не осмѣлюсь прикасаться къ нему.

— Поди, цалуй другія, болѣе-чистыя личики, отвѣчала Лукреція, взявъ его подъ руку. — Пойдемъ въ мою комнату.

— Въ твою комнату? спросилъ Сальваторъ, вздрогнувъ вслѣдъ за тѣмъ.

— Да, въ мою комнату, повторила она съ простодушнымъ смѣхомъ, въ которомъ ужь не замѣтно было и тѣни огорченія.

Они прошли чрезъ будуаръ и вступили въ комнату, обитую краснымъ; тамъ четыре маленькія розовыя постельки окружали развѣсившей койки, подвѣшенной на шелковыхъ веревкахъ. Четыре стула покоились въ этомъ святилищѣ, образуя какъ-бы укрѣпленіе вокругъ воздушной постели Флоріаны.

— Прежде я слишкомъ роскошничала своимъ сномъ; не позволялъ мнѣ просыпаться къ дѣтямъ послѣ усталости на театрѣ и шумномъ обществѣ. Но постигнувъ счастье жить для дѣтей, безпрестанно съ ними и днемъ и ночью, я привыкла къ этой лѣнливости, стала очень-чутка. Я качаюсь здѣсь, какъ птица въ гнѣздѣ, надъ родимымъ гнѣздышкомъ; ребенку стѣитъ только шевельнуться — я тотчасъ услышу и проснусь. Вотъ видишь, оставила ихъ на два часа, и за то наказана, за то мнѣ и горе случилось. Еслибъ я легла вмѣстѣ съ ними въ десять часовъ, не вѣлось бы вспомнить проналаго... А! это прошлое — врагъ мой!

— Твое прошлое, настоящее, будущее — все прекрасно у тебя, Лукреція! Я отдалъ бы всю свою жизнь за то, чтобъ только одинъ день стать тобой. Я былъ бы и гордъ и счастливъ, вспоминая этотъ день!.. Прощай! Мы уѣдемъ завтра съ разсвѣтомъ. Позволь мнѣ поцаловать дѣтей. Когда мы опять увидимся, ужь буду достоинъ тебя.

Когда Сальваторъ Альбани пришелъ къ себѣ въ комнату, было почти часъ ночи. Онъ вошелъ осторожно, прокрался къ своей постели на ципочкахъ, боясь разбудить друга, котораго считалъ своимъ, потому-что тотъ молчалъ и не шевелился.

Однако, графъ, прежде, нежели потушилъ огонь, по обыкновенію тихонько подошелъ къ постели Кароля, раздвинулъ занавѣски, чтобъ посмотреть, спокойно ли онъ спитъ, и — изумился, замѣтивъ, что князь смотритъ на него во все глаза какимъ-то вопросительнымъ взглядомъ.

— Ты не спишь, мой добрый Кароль? Я разбудилъ тебя? сказалъ Сальваторъ.

— Я не спалъ, отвѣчалъ Кароль голосомъ, въ которомъ слышался какъ-будто грустный упрекъ: — я о тебѣ беспокоился.

— Беспокоился! возразилъ Сальваторъ, притворившись незнакомымъ: — развѣ мы въ разбойничьемъ притонѣ? Ты забылъ, мы остановились сдѣлать роздыхъ въ прекрасной виллѣ, у хорошихъ друзей?

— Остановились сдѣлать роздыхъ! проговорилъ Кароль съ строгой улыбкой: — этого-то я и боялся.

— Э-ге! твое предчувствіе еще не прошло? Ну, ничего! ты скоро отъ него избавишься. Роздыхъ будетъ недолгій. Я полежу съ два, и потомъ выйдемъ еще до солнышка.

— Увидѣться и такъ скоро разстаться! сказалъ Кароль, тоскливо повернувъ голову на подушкѣ: — это странно... это ужасно!

— Какъ! какъ! что ты сказалъ? Тебѣ хочется, чтобъ мы остались?

— Для меня — конечно нѣтъ; но для тебя... Миѣ становится страшно за это легкое разставанье... Такъ удобно сблизившись!..

— Ну, мой милый Кароль, ты сбился съ толку! закричалъ Сальваторъ, пытаюсь разсѣяться:—понятны миѣ твои подозрѣнія, твои обвиненія, немножко-опрометчивыя... немножко-жесткія... Тебѣ вообразилось, что я пришелъ съ упонтельнаго свиданія; что, удовлетворившись легкимъ, минутнымъ восторгомъ, я тороплюсь уѣхать, не простившись съ подругой, безъ сожалѣнія, безъ любви? Благодарствуй!

— Сальваторъ, я не говорилъ этого! Ты хочешь заставить меня говорить, чтобъ завязать споръ.

— Нѣтъ, нѣтъ; мы не будемъ спорить; теперь не время; пора спать. Покойной ночи!

Сальваторъ отошелъ и легъ на постель. Онъ былъ не въ духѣ и все ворчалъ сквозь зубы:

— Вотъ оно что! Добродѣтельные-то люди какіе снисходительные! А! а! да какъ это забавно!

Впрочемъ, смѣялся онъ не отъ чистаго сердца. Чувствовалъ онъ, что виновать, что только благоразуміе Флоріанн спасло его...

IX.

Кароль былъ необыкновенно воспримчивъ. Чувствительныя, сострадательныя натуры носятъ въ себѣ какое-то ясновидѣніе, которое ихъ обманываетъ, потому-что переходитъ за предѣлы истины; но тамъ оно никогда не остается и, слѣдовательно, попавъ на правду, кажется сгержестественнымъ.

— Другъ мой, говорилъ князь, стараясь улечься неподвижно на подушкахъ, что ему не легко было сдѣлать, потому-что онъ весь дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: — ты жестокъ! Богъ-знаетъ, какъ страдалъ я за тебя въ-продолженіе трехъ часовъ; а всякій страдаетъ по мѣрѣ привязанности къ людямъ. Для меня невыносима мысль о какомъ-нибудь проступкѣ съ твоей стороны. Эта мысль была бы для меня не такъ мучительна,—не чувствовалъ бы я при ней такого стыда и сожалѣнія, если бы она даже относилась ко мнѣ самому.

— Не вѣрю я этому, сухо возразилъ Сальваторъ. — Ты бы застрѣлся, если бы только забрела тебѣ въ голову какая-нибудь вольная мысль. Потому-то тебѣ и недоступны подобныя мысли въ другихъ.

— И такъ я не обманулся, сказалъ Кароль: — ты прибавилъ къ заблужденіямъ этого несчастнаго созданія еще одно, ты...

— Ал.. я негодай, я жалкій человекъ, я все, что ты хочешь! закричалъ Сальваторъ, приподнявшись и распахнувъ занавѣски,

чтобъ говорить глядя въ лицо Карлою: — но эта женщина — новое созданіе, и тебѣ же хуже, если у тебя не достало ни сна, ни ума, чтобъ понять ее.

Въ первый разъ сказалъ Сальваторъ суровое, оскорбительное слово своему другу. Онъ былъ сильно взволнованъ тѣмъ, что велось ему перечувствовать въ этотъ вечеръ, и у него не достало кротости перенести порицаніе.

Не успѣлъ онъ излить своей досады, какъ тутъ же почувствовалъ горькое раскаяніе, потому-что увидѣлъ, какъ поблѣднѣлъ измѣнилось выразительное лицо Карлоя; глубокая скорбь пропала на немъ.

— Послушай, Кароль, сказалъ онъ, толкнувъ ногою въ стѣну чтобъ подкатиться ближе къ кровати князя: — не сердись, огорчайся! Довольно съ меня; я ужъ наговорился въ этотъ вечеръ съ существомъ, которое люблю почти такъ же, какъ тебя, а только это возможно! Жалѣй обо мнѣ, брани меня, — я хочу стою этого; но... не обвиняй моего чуднаго, несравненнаго дѣла... Я расскажу тебѣ все.

И Сальваторъ, не имѣя силъ противиться нѣмой власти дружка, передалъ ему отъ слова до слова искренно, безъ утайки, съ самыми подробностями весь разговоръ своей съ хозяйкой.

Кароль слушалъ, и въ душѣ его происходило странное волненіе, котораго Сальваторъ, смущенный собственной исповѣдью, хорошенько не замѣтилъ. Картина душевныхъ стремленій и чужденной жизни Флоріани нанесла князю послѣдній ударъ рѣзко напечатлѣлась въ его воображеніи. Ему казалось, онъ видѣлъ ее любимую недостойнымъ Теальдо Соави, видѣлъ ее подругой площаднаго комедіанта, жертвой снисходительности, доброты, великодушія, видѣлъ ее сейчасъ-только оскорбленную скромными словами добраго Сальватора, который точно также сознательно сталъ бы волочиться за какой-нибудь трактирной служанкой въ Изео, если бы они остались ночевать на той стороне озера. Потомъ онъ видѣлъ Лукрецію въ ея комнатѣ, посреди спавшихъ дѣтей, — вездѣ видѣлъ ее великою отъ природы, падшею, униженною общественнымъ мнѣніемъ. Онъ чувствовалъ въ себѣ какую-то восторженность, ощущалъ внутренній жаръ; хотѣлъ былъ броситься къ этой женщинѣ и изнемогнуть при ея приближеніи. Когда Сальваторъ пересталъ говорить, холодный потъ катился по лицу Карлоя.

Чему тебѣ тутъ дивиться, прозорливый читатель? Ты уже давно догадался, что князь де-Росвальдъ съ перваго взгляда безъ колебанія, на всю жизнь влюбился въ Лукрецію Флоріани.

Я общалъ, или лучше сказать — грозилъ, что въ цѣлой повѣсти не потѣшу тебя ни однимъ маленькимъ сюрпризомъ. Не трудно было угадать отъ тебя тоску моего героя, пока не разрылся въ немъ чувство, которое часъ-отъ-часу все кажется неизлечимымъ дошодобіемъ. Не ты не такъ простъ, какъ о тебѣ думаютъ,

брыі читатель; зная челоуѣческое сердце не хуже тѣхъ, которые берутся за его исторію, понимая очень-хорошо, можетъ-быть, по собственному опыту, что любовь, прослышшая небывалою—именно та, которая проявляется самымъ сильнымъ, самымъ стремительнымъ порывомъ,—зная все это, ты не поддался уловкѣ романиста. И къ-чему выводить тебя изъ терпѣнья заученными маневрами, лукавыми изворотами? Ты столько романовъ перечиталъ на своемъ вѣку, что всѣ эти крючки тебѣ извѣстны, а что касается до меня, я рѣшился не играть съ тобою: пожалуй, называй меня глупенькимъ, косись на меня сколько хочешь!

Какимъ-образомъ эта женщина, не бывъ ни слишкомъ-молодой, ни вполне-прекрасной, съ характеромъ рѣшительно-противоположнымъ характеру князя, женщина, въ которой такіе сомнительные нравы, такая необузданная привязанность, такое слабое сердце и смѣлый умъ. — какимъ образомъ, наконецъ, актриса Флоріани, безъ всякаго намѣренія, не думая и не гадая, произвела такое могучее вліяніе на князя де-Росвальдъ? И какъ этотъ челоуѣкъ, такой прекрасный, молодой, непорочный, благочестивый, съ такою поэзіей, жаромъ и утонченностью во всѣхъ своихъ помыслахъ, во всѣхъ склонностяхъ, во всей своей жизни — какимъ образомъ онъ такъ неожиданно, почти безъ борьбы покорился женщинѣ, измятой столькими страстями, во столькомъ разувѣрившейся, возставшей противъ того, предъ чѣмъ онъ благоговѣлъ, вѣровавшей до фанатизма въ то, что онъ всегда отвергалъ, что долженъ былъ всегда отвергать?.. Вотъ этого-то я вамъ и не скажу: вотъ этого-то и не объяснить никакой логикой; это-то и есть самое правдоподобное въ моемъ романѣ, потому-что въ жизни бѣднаго челоуѣческаго сердца найдется страница, если не томъ, подобнаго роковаго опыта.

Среди своихъ парадоксовъ, не затронула ли Флоріани истины, когда она, говоря съ Сальваторомъ Альбани о любви, сказала, что великодушнымъ, нѣжнымъ сердцамъ суждено любить только тѣхъ, кому они сострадаютъ, кого боятся?

Давно ужъ сказано, что любовь сплочиваетъ самые разнородные элементы, и когда Сальваторъ изложилъ своему другу немножко-запутанныя, немножко-сумасбродныя, но за то пламенные и, можетъ-быть, возвышенныя теоріи Лукреціи, тогда, конечно, почувствовалъ себя Кароль подъ властью этого страшнаго влеченія. Охватившій его ужасъ былъ такъ силенъ, чары, о которыхъ смутно намекнуло ему предчувствіе, подняли такую требу въ его бѣдной душѣ, что онъ не имѣлъ силъ передать своему другу ни одной мысли.

— Стало-быть, мы отправимся черезъ часъ, сказалъ онъ ему:— ты усни хоть на минутку, Сальваторъ, а мнѣ не спится; я разбужу тебя, когда будетъ свѣтать.

Сила молодости поборола Сальватора: онъ заснулъ крѣпкимъ

сномъ; ему, конечно, стало легче, когда онъ открылъ свою душъ высказавъ скопившіяся въ ней чувства. Онъ не стыдился своѣй исторіи съ Лукреціей, исторіи, которую иной насмѣшникъ в звалъ бы *неудачной попыткой школьника*. Сальваторъ искрен раскаявался въ этой продѣлкѣ, но, зная, какъ добра, справедлива Лукреція, надѣялся, что она проститъ его...

Кароль не спалъ: его била настоящая, довольно-сильная лихорадка, и, чувствуя, что болѣнь тѣломъ, онъ пытался разувѣрить себя въ припадкѣ той нравственной болѣзни, которую принималъ за признакъ болѣзни физической.

— Это обманъ чувствъ, говорилъ онъ себѣ. — Новое лихорадочное, которое я встрѣтилъ въ послѣдній разъ, осталось въ головѣ, вотъ теперь не отстаеетъ отъ меня, какъ призракъ въ лихорадочномъ бреду. Могло встрѣтиться другое лицо, и оно также бы измучило меня въ этой бессонницѣ.

Стало свѣтать, и Кароль всталъ, чтобъ потихоньку одѣться, потомъ ужъ разбудить товарища: онъ чувствовалъ необыкновенную слабость и, послѣ нѣсколькихъ пріемовъ, едва могъ приняться и сѣсть. Сальваторъ, проснувшись и замѣтивъ въ немъ жаръ и какую-то судорожную дрожь, спросилъ, не болѣнь ли онъ. Кароль отвѣчалъ, что нѣтъ, вѣроятно боясь, чтобъ его не стали удерживать. Выходя изъ своей комнаты, путешественники услышали внизу движеніе: въ домѣ ужъ встали. Надо было пройти нижнимъ этажемъ, чтобъ выбраться въ садъ, а оттуда на берегъ, гдѣ они надѣялись найти какую-нибудь рыбацью лодку. Друзья пошли и встрѣтились лицомъ-къ-лицу съ Флоріани.

— Куда вы такъ торопитесь? говорила она, протянувъ руки и къ нему и другому: — у меня карету закладываютъ; Селіо чудесно правитъ; для него будетъ настоящий праздникъ отвезти васъ въ Изео. Я не хочу, чтобъ вы въ эту пору переѣзжали черезъ озеро, на немъ теперь еще туманъ холодный и очень-вредный, — не для тебя, Сальваторъ, а для твоего друга, который не совѣмъ здоровъ. Дѣ, вы нездоровы, мсье де-Росвальдъ? продолжала она, взявъ его руку и сжимая ее въ своихъ рукахъ съ невинности материнскаго чувства. — Я сейчасъ замѣтила жаръ у васъ въ лѣвомъ вискѣ; мнѣ кажется, нѣтъ ли у васъ маленькой лихорадки? Здѣсь ночи и утреннія зори такъ холодны... Воротитесь, воротитесь, хочу этого! Пока вы напѣтаете шоколада, карета будетъ готова, вы въ ней закроетесь, и въ Изео встрѣтите солнце, которое прогонитъ вредное вліяніе озера.

— Такъ это правда, моя милая сирена, что вліяніе вашего зеркальца немножко-опасно? сказалъ Сальваторъ, покорно возвращаясь въ домъ. — Мой другъ со вчерашнихъ поръ сталъ это замечать, а я все ему не вѣрилъ.

— Если озеро ты называешь моимъ зеркальцемъ, мой милый Улиссъ, отвѣчала смѣясь Лукреція: — я тебѣ скажу, что оно такое же озеро, какъ всѣ другія: кто не родился на его берегахъ,

тотъ не долженъ слишкомъ довѣрять ему... Но мнѣ не нравится эта сухая рука, продолжала она, пробуя пульсъ Кароля: — эта маленькая рука, потому-что это рука женская... *Che tanina!* приложила Флоріани, наивно обращаясь къ Сальватору. — Однако берегись! твой другъ болѣнъ. Я это знаю: у моихъ дѣтей нѣтъ другаго медика, кромѣ меня.

Сальваторъ хотѣлъ тоже въ свою очередь посмотрѣть у князя пульсъ, но эти попеченія немножко раздосадовали Кароля. Онъ быстро отдернулъ отъ Сальватора руку, которую съ такимъ трепетомъ отдавалъ Флоріани.

— Пожалуйста, добрый Сальваторъ, сказалъ онъ: — не пытайся увѣрять меня, что я болѣнъ, и не слишкомъ напоминай мнѣ о томъ, что я никогда не былъ въ добромъ здоровьѣ. Я дурию смаль, немножко разстроены — вотъ и все. Движеніе экипажа исцѣлитъ меня. Синьора слишкомъ добра, прибавилъ онъ сквозь зубы и такъ сухо, что какъ-будто хотѣлъ сказать: «вы меня очень обяжете, если позволите сейчасъ уѣхать».

Флоріани поразилъ его тонъ; она посмотрѣла на него съ изумленіемъ и приняла эту отрывистость за новый признакъ лихорадки. У него въ-самомъ-дѣлѣ была сильная лихорадка; но добрейшкѣй Лукреціи и въ голову не приходило, что корень болѣзни у него въ душѣ, и что причиною этой болѣзни она сама.

Подали завтракъ. Пока Сальваторъ предавался своему всегдашнему аппетиту, Кароль вышилъ украдкой чашку кофе. Ничто не могло быть такъ не кстати для него въ эту минуту, тѣмъ болѣе, что онъ прежде никогда не пилъ кофе. Но теперь онъ чувствовалъ, что быстро ослабѣваетъ, и хотѣлъ возбудить въ себѣ жизненную дѣятельность, чтобъ имѣть возможность уѣхать, не обнаруживъ своего окончательнаго разстройства.

Дѣйствительно, послѣ этого возбуждающаго приѣма ему стало какъ-будто лучше; его начало мучить нетерпѣніе, потому-что Сальваторъ разсыпался въ нѣжностяхъ предъ Флоріани. Онъ даже еды удержался, чтобъ не перебить его какимъ-нибудь задорнымъ словомъ. Наконецъ, легонькая карета подкатилась къ дому. Селіо, прыгая отъ радости, принялъ власть надъ парой маленькихъ, красивыхъ лошадокъ. Опытный и вѣрный слуга сѣлъ рядомъ съ нимъ на козлы.

Графъ Альбани нешутя любилъ Лукрецію; въ минуту разставанья, у него сердце сжалось, и порывъ жаркой привязанности проявился свойственными ему ласками. Прошептавъ ей безконечное число разъ свое покаяніе, онъ оправился отъ смущенія, которое неволью пробуждала въ немъ мысль о вчерашней глупости, потому-что онъ находилъ особое удовольствіе цаловать кроткое лицо, нѣжныя руки, атласную шею своего прекраснаго друга. Не думая ни о жеманной стыдливости, ни о кокетствѣ, Лукреція страдала отъ этого нѣжнаго прощанья, — немножко слишкомъ озабоченная или рассѣянная мыслью о Каролѣ, и въ эту минуту

ей показалось, что онъ ненавидитъ ее. Чтобы не видать послѣднихъ лобызаній, Кароль забился въ глубину кареты и отвернулъ въ другую сторону. Но когда карета готова была тронуться, цѣмо передъ нимъ, въ самой дверцѣ, показалось лицо Лукреціи; привѣтливо прощалась съ нимъ и протягивала къ нему коробочку шоколада, которую онъ взялъ безсознательно съ холоднымъ, вѣлвивымъ поклономъ, и потомъ бросилъ передъ собой на лавочку.

Сальваторъ не видалъ этого движенія. Высунувшись до половины изъ кареты, онъ посылалъ еще воздушные поцалуи Флоріи и ея малюткамъ, которыя тоже встали и, полуодѣтыя, граціозно махали ему своими голыми ручонками.

Когда въ виду нашихъ путешественниковъ остались только рѣвья да стѣны виллы, Сальваторъ почувствовалъ, что его бровь итальянское сердце, это прелестное, но открытое сердце, оторвалось. Онъ закрылся платкомъ и заплакалъ. Потомъ, стало стыдно своей слабости; боясь, что князь засмѣется надъ нимъ, онъ отеръ глаза и, немножко смутившись, обернулся жому, чтобы сказать: вотъ видишь ли, то ли Флоріани, что ты с ней думалъ?

Но слово его замерло на губахъ, когда онъ увидѣлъ измѣнившееся, помертвѣвшее лицо друга. Губы у Кароля были сѣвѣлы, глаза сдвѣались неподвижны, зубы стиснулись. Сальваторъ звалъ его, толкалъ — напрасно! онъ ничего не чувствовалъ и слышалъ: онъ былъ безъ памяти. Сальваторъ надѣялся-было привести его въ чувство и нѣсколько минутъ махалъ передъ нимъ кою. Но когда эта мѣра оказалась неэффективною, и Кароль холодный какъ мертвецъ, оставался въ томъ же положеніи, Сальватора напалъ ужасъ. Онъ крикнулъ Селіо, велѣлъ остановить лошадей, отворилъ дверцы, чтобы впустить свѣжій воздухъ — что не помогало. Въ Каролѣ не замѣтно было жизни, кромѣ ного-то судорожнаго вздрагиванія, да стѣсненныхъ вздоховъ.

Селіо смѣлостію и присутствіемъ духа былъ весь въ мать: вскочилъ на козлы, поворотилъ назадъ, ударилъ по лошадямъ привезъ князя Кароля въ тотъ домъ, гдѣ судьба назначила узнать новую жизнь.

Х.

Въ концѣ предъидущей главы, вы, любезные читатели, конечно сообразили, что князь де-Росвальдъ захвораетъ и принужденъ будетъ остаться въ виллѣ Флоріани. Обстоятельство, надѣюсь, новое, потому-то я и не хочу о немъ умалчивать.

А еслибъ я утаилъ отъ васъ это обстоятельство, какимъ бы разомъ продолженіе этой исторіи могло быть правдоподобно? Само-собою разумѣется, если въ великихъ страстяхъ есть что роковое, то исполненіе этого роковаго приговора всегда опирается на какой-нибудь совершенно-естественный случай. Ни предшес

мнѣ болѣзни симптомы, ни гнетущее дѣйствіе самой болѣзни— не предрасполагали Кароля, не побуждали его подчиниться вліянію страсти; онъ, вѣроятно, противился навору этой странной, безумной страсти.

Онъ не противился ему, потому-что въ-самомъ-дѣлѣ былъ очень-болѣнъ, потому-что, въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль, Флоріани почти не отходила отъ его изголовья. Эта дивная женщина— и изъ дружбы къ Сальватору, и по чувству гостепріимства, считала обязанностію ухаживать за княземъ, какъ за лучшимъ другомъ, какъ за собственнымъ дѣтищемъ.

Дѣйствительно, Провидѣніе послало Каролю такое существо, которое всего нужнѣе было въ его положеніи, которое всего скорѣй могло спасти его. Лукреція Флоріани имѣла чудесный даръ угадывать, въ какомъ состояніи больной и какъ должно съ нимъ дѣйствовать. Она, въ томъ самомъ домѣ, гдѣ теперь хозяйничала, десяти лѣтъ была служанкой... да! простой служанкой своей крестной матери, г-жи Раньери, женщины слабого, нервнаго сложенія, и ухаживала за ней съ любовью, преданностію и такой понятливостію, какой трудно было ожидать отъ ея возраста. То была первая причина дружбы, которая внушила г-жѣ Раньери мысль дать крестной дочери воспитаніе выше условій ея быта, а потомъ—женить на ней сына.

Такимъ-образомъ, Лукреція еще съ-молоду научилась быть сидѣлкой, а въ случаѣ крайности и врачомъ. Въ-последствіи, бывали у нея больные друзья, дѣти, слуги, какъ и у всякаго могутъ быть; но она ухаживала за ними такъ, какъ не всякій сталъ бы ухаживать. Изыскивая всѣ средства къ облегченію страждущихъ, внимательно, съ сердечнымъ участіемъ слѣдуя за предписаніями врачей, за дѣйствіемъ рекомендуемыхъ ими лекарствъ, она слѣдила много вѣрныхъ замѣтокъ о томъ, что согласуется съ тѣмъ или другимъ организмомъ, и память ея была полна малѣйшими подробностями болѣзней. Она живо помнила, какъ итальянскіе врачи-эмбрики мучили ея дорогую Раньери, и была увѣрена, что они убили ее, когда не стало при ней любящей крестницы. Поэтому, Флоріани не хотѣла поручить имъ князя и рѣшилась сама за него прийтись.

Сальваторъ испугался отвѣтственности, которую она принимала на себя и которая могла также обрушиться и на него. Но смѣлая увѣренность Флоріани увлекла его. Она заставила добраго Сальватора уйдти изъ комнаты больного, потому-что онъ надоѣдалъ ей своимъ хныканьемъ и трусостію.

— Пойди, смотри за дѣтьми, говорила она ему:—забавляй ихъ, давай ихъ гулять, забудь, что твой другъ болѣнъ; потому-что здѣсь я не могу съ своей хлопотливостію и ребяческими безпокойствами, ни на минуту не годишься. Я все беру на себя и за все отвѣчаю. Я не могу отъ него ни на минуту.

Видно было успокоиться Сальватору. Болѣзнь Кароля сильно

развилась и требовала, казалось, скорой, рѣшительной помощи. Флоріани ужъ выдвѣвала подобныя нервныя припадки; ей сто только взглянуть на эти пѣжныя руки, бѣлую, прозрачную ко тонкіе, мягкіе волосы, на весь этотъ организмъ, съ его поразительными особенностями, чтобъ найти въ князѣ черты общія г-жею Раньери, черты, которыя не укроются отъ женскаго сердца.

Флоріани хотѣла успокоить больнаго, не разслабляя его; знала, что избранныя организациі могутъ подчиняться вышнему магнетическому вліянію, которое ускользаетъ отъ обыкновеннаго простаго наблюденія, и потому, увѣрившись, что болѣзнь кѣ нисколько не заразительна, часто приводила къ его постели дѣти. Она вѣрила, что присутствіе здоровыхъ, расцвѣтающихъ, свѣжесозданныхъ произведетъ, нравственно и физически, таинственно-готворное дѣйствіе на угасающую жизнь больнаго.

И кто рѣшится утверждать, что Флоріани заблуждалась? Истинно, какую важную роль играетъ воображеніе въ нервическѣ болѣзняхъ; Карлою, конечно, было вольнѣе дышать, когда вокругъ него были дѣти, когда ихъ чистыя дыханія, слитыя съ дыханіемъ матери, наполняли воздухъ чѣмъ-то благоуханнымъ, отраднымъ его пылающей груди. Вѣрятъ же люди, что неприятно дѣйствуютъ на больныхъ приближеніе существъ, внушающихъ имъ отвращеніе или безпокойство: почему же не вѣрить, что благотѣльно дѣйствуютъ на здоровье больнаго заботливыя, радушныя ласки, только присутствіе существъ милыхъ, симпатизирующихъ съ нимъ одинъ видъ которыхъ ему по-душѣ?

Томимый мучительными грезами, Кароль иногда пробуждался въ ужасѣ и отчаяніи. Тогда онъ безсознательно искалъ убѣжища отъ неотразимыхъ призраковъ, и материнскія объятія Флоріани укрывали его отъ незримыхъ враговъ, и на груди ея успокивалась больная голова его. Потомъ, открывъ глаза, онъ озирался вокругъ и предъ нимъ являлись прекрасныя, умныя, пріятныя, улыбающіяся ему личики Селіо и Стеллы. Онъ улыбался имъ въ отвлеченно, какъ-бы по сочувствію, а между-тѣмъ грезы исчезали, страхъ проходилъ. Слабую голову его освѣняли иныя вѣщанія. Къ нему подносили розовое личико малютки Сальватора; малютка казался ему съ крылышками; ему чудилось, что пресмыкающійся надъ нимъ, вѣетъ на него прохладой. Утѣшительный былъ невообразимо-пріятный голосъ, и когда она лепетала съ братьями, Каролю казалось, что она поетъ. Въ этомъ свѣжеобольстительномъ голосѣ онъ находилъ какіе-то музыкальскія звуки, никому, кромѣ его, неслышныя; и разъ, когда Беатриче спорила въ-полголоса съ сестрой за игрушку, Кароль, къ удивленію Флоріани, сталъ увѣрять, что ребенокъ поетъ Моцарта такъ какъ никто въ свѣтѣ не пѣвалъ его.

— Чудная натура! прибавилъ онъ, усиливаясь передать свою мысль. — Она, вѣрно, много слышала музыки; но у ней есть

ить только для одного Моцарта. Она всегда поетъ какой-нибудь мотивъ изъ Моцарта, и никогда изъ другихъ композиторовъ.

— А Стелла? И она не поетъ ли? спросила Лукреція, стараясь понять больнаго.

— Она поетъ иногда изъ Бетховена, отвѣчалъ Кароль: — но не такъ постоянно, не такъ послѣдовательно; у ней нѣтъ того единства.

— А Селіо никогда не поетъ?

— Селіо? Я слышу только, когда онъ ходитъ. Въ его формахъ и движеніяхъ столько граціи, гармоніи, что земля какъ-то звучитъ у него подъ ногами, и въ комнатѣ слышатся долгіе, дрожащія звуки.

— Ну, а этотъ маленькій? спросила Лукреція, показавъ ему щеку своего *vampino*:—это самый неугомонный; онъ иногда кричитъ. Не надоѣдаетъ ли онъ вамъ?

— Онъ мнѣ никогда не надоѣдаетъ; я его совсѣмъ не слышу. Мнѣ кажется, что я ужъ оглохъ для всякаго шума; но мелодія, рвѣтъ еще дѣйствуютъ на меня... Когда этотъ купидонъ передо мной, прибавилъ онъ, указывая на Сальватора: — я вижу, какъ-будто радужный дождь льется вихремъ вокругъ моей постели; я не могу различить его формъ, но онъ прогоняетъ отъ меня несносные призраки. Ахъ, не уводите дѣтей; мнѣ легко, когда здѣсь дѣти.

До-сихъ-поръ, Кароль жилъ мыслію о смерти. Онъ такъ свыкъся съ нею, что до самой болѣзни считалъ себя обреченнымъ на смерть, и на каждый прожитый день смотрѣлъ какъ на случайную отсрочку. Въ такомъ положеніи, онъ бывалъ и веселъ. Если подобная мысль приходитъ въ голову человѣку здоровому, онъ можетъ питать ее съ философскимъ спокойствіемъ; но трудно, чтобъ не ужаснула она слабую голову больнаго. По моему мнѣнію, это-то и есть самое печальное обстоятельство въ смерти: она застигаетъ насъ въ такую минуту, когда мы изнемогаемъ, падаемъ ниже самихъ-себя, и потому наводитъ ужасъ на душу, въ сущности твердую, безтрепетную. Съ княземъ случилось то же, что случается съ большою частию больныхъ: когда пришлось не шутя расставаться съ молодою, едва-расцвѣтшею жизнью, тихая задумчивость, которою онъ до-сихъ-поръ питался, вдругъ перешла въ мрачную печаль.

Еслибъ, при такомъ настроеніи Кароля, сидѣла надъ нимъ его мать, она бы стала ободрять его способомъ, совершенно-противоположнымъ тому, который употребила Флоріани. Она заговорила бы ему о будущей жизни, прибѣгла бы къ вѣшнимъ формамъ духовнаго врачеванья, и Кароль, пораженный торжественнымъ зрѣлищемъ, съ покорностью предался бы своему жребію. Лукреція дѣйствовала иначе: она старалась удалить отъ него мысли о смерти, и, замѣтивъ въ немъ увѣренность, что онъ скоро и непременно умретъ, стала слегка шутить надъ нимъ и сама достигла при этомъ такого спокойствія духа, какого никогда прежде не имѣла.

Она дѣйствовала такъ кротко, что успѣла завладѣть довѣрчивостію

князя, Она успокоила его, внушая не презрѣніе къ жизни (это так настроеніе, на которомъ не трудно больному успокоиться, потому что оно-то его иногда и добиваетъ); нѣтъ, она оживила его вѣрѣ въ жизнь, и скоро замѣтила, что онъ еще любитъ ее, любитъ горючо эту земную жизнь, которою такъ пренебрегалъ, пока ничто не грозило.

Сальватора все еще мучилъ страхъ; онъ думалъ, что у его дѣла не достанетъ нравственной силы перенести страданіе.

— Какимъ-образомъ ты надѣешься спасти его, говорилъ о Флоріани; — когда ужъ такъ давно, съ самой смерти его матери ему опротивѣла жизнь, и онъ тихо-тихо вгоняетъ себя въ чахотку. Что-то въ родѣ удовольствія, которое онъ находилъ въ этой мысли, заставляло меня думать, что ужъ есть въ немъ зловредный задымъ, и если онъ разъ сляжетъ, ему больше не встать.

— Ты заблуждался, и теперь заблуждаешься, отвѣчала Лукреція. — Никому не хочется умереть, или помѣшаться на одной идее, и твой другъ не помѣшанный. Онъ хорошо организованъ; а это черное потрясеніе, которое навело на него мрачность, исчезло вмѣстѣ съ настоящимъ кризисомъ. Будь увѣренъ, онъ хочетъ жить и будетъ жить.

Кароль дѣйствительно хотѣлъ жить, и жить — для Флоріани. Онъ, конечно, не сознавалъ этого въ-продолженіе двухъ дѣльных, самаго тяжелаго періода болѣзни, не помнилъ ея сценія, бывшаго причиною этой болѣзни. Но, безъ его совѣта, любовь въ немъ длилась и росла, какъ любовь груднаго ребенка къ кормилицѣ растетъ съ нимъ въ колыбели. Влеченіе инстинктивное, непреодолимое, неразрывное вдругъ охватило блѣдную душу и вырвало ее изъ холодныхъ объятій смерти. Онъ подчинился власти женщины, видѣвшей въ немъ только больнаго, которому нужно помочь; онъ перенесъ на эту женщину всю любовь, которую питалъ къ матери, всю любовь, которую питалъ, какъ ему казалось, къ невѣстѣ.

Болѣзненный бредъ его начался тою неотступной мыслью, будто-бы княгиня, чудомъ материнской любви, встала изъ могилы и пришла помочь ему умереть: онъ безпрестанно принималъ Флоріани за мать. По милости этого фантастическаго убѣжденія онъ покорялся всѣмъ приказаніямъ Лукреціи, внимательно слушалъ каждое ея слово, забывъ всю недоувѣрчивость, которую, своимъ привычнымъ понятіямъ, ощутилъ-было съ перваго раза. Когда, въ болѣзненныхъ припадкахъ, тѣснило его дыханіе, онъ искалъ ея плеча, чтобъ положить на него утомленную голову и случалось иногда, что засыпалъ по цѣлому часу на этомъ плечѣ не доозрѣвая своего заблужденія.

Наконецъ, разъ, послѣ крѣпкаго, спасительнаго сна, Кароль очнулся, открылъ глаза и съ недоумѣніемъ остановилъ ихъ на лицѣ этой женщины, блѣдномъ, усталомъ отъ заботъ, отъ безсонныхъ часовъ, проведенныхъ надъ нимъ. Онъ какъ-будто прое-

ся отъ продолжительнаго сна и сталъ спрашивать, долго ли былъ болясь и ее ли постоянно видѣлъ во снѣ себя.

— Боже мой! сказалъ онъ, выслушавъ отвѣтъ Лукреціи:—стало-быть, вы очень-похожи на мою мать?

И потомъ примолвилъ, обращаясь къ подошедшему Альбани:

— Сальваторъ! не-правда ли, она похожа на мою мать? Меня это встревожило въ первый разъ, какъ только я ее увидѣлъ.

Сальваторъ разсчелъ, что тутъ не кстаети противорѣчать, хотя не видѣлъ ни малѣйшаго сходства между прекрасной, мужественной Лукреціей, и высокой, худой, строгой княгиней де-Росвальдъ.

Въ другой разъ, Кароль, еще покоясь на рукахъ Флоріани, попытался обойтись безъ ея помощи.

— Мнѣ лучше, сказалъ онъ:— я ужь не такъ слабъ, я васъ слишкомъ утомилъ; не понимаю, какъ я рѣшаюсь употреблять во мнѣ вашу доброту!

— Нѣтъ, нѣтъ, прислонись ко мнѣ, дитя мое, весело отвѣчала Флоріани, которая очень-легко привыкала говорить «ты»—тому, кто ее интересовалъ, и которая нечувствительно увѣрилась, что Кароль на нея что-то въ родѣ сына.

— Такъ, стало-быть, вы моя мать? Вы точно моя мать? возражалъ Кароль, у котораго опять начинали мѣшаться мысли.

— Да, да! я твоя мать! отвѣчала Флоріани, не думая, что для Кароля эта шутка могла быть оскорбительна:—будь увѣренъ, въ эту минуту я тебѣ все равно, что мать.

Кароль замолчалъ; потомъ на глазахъ у него навернулись слезы, и онъ заплакалъ какъ ребенокъ, прижавъ къ губамъ руки Флоріани.

— Милый сынъ! говорила она, цалуя его въ лобъ:— не надо плакать; это можетъ васъ очень измучить. Если ужь вы думаете о своей матери, думайте же, что она смотритъ на васъ съ неба, радуется вашему скорому исцѣленію.

— Вы заблуждаетесь, возразилъ Кароль:—мать моя съ высоты небесъ давно зоветъ меня къ себѣ. Я слышу ее и—неблагодарный, не имѣю силы разстаться съ жизнью!

— Можно ли такъ разсуждать? ребенокъ вы, ребенокъ! сказала Флоріани съ той кроткой, серьезной лаской, съ какой стала бы курить Селіо.—Когда Богу угодно, чтобъ мы жили, ни отецъ, ни мать не могутъ забывать насъ на тотъ свѣтъ. Не хотятъ и не должны они этого дѣлать. Вамъ это, вѣрно, пригрезилось: больше ничего грезится. Еслибъ вы въ-самомъ-дѣлѣ могли услышать голосъ матери, она сказала бы вамъ, что вы еще очень-долго жили для того, чтобъ быть достойнымъ соединиться съ нею.

Кароль съ усиленіемъ отвернулся, можетъ-быть, изумленный тѣмъ, что Флоріани дѣлаетъ ему наставленія. Онъ еще взглянулъ на нее потомъ, какъ-будто не вслушавшись или не понявъ ея словъ, и отскочилъ:

— Нѣтъ! нѣтъ у меня силъ умереть! Ты меня держишь, ты!

такъ держишь, что я не могу тебя оставить! Пусть проститъ ня мать—я хочу остаться съ тобою!

И, какъ-бы изнемогши отъ волненія, онъ упалъ на руки Флоріани и забылся.

XI.

Однажды вечеромъ, вполнѣ оправившійся князь заснулъ, по видимому, очень-спокойно; дѣти улеглись; Флоріани и Сальва вышли на террасу дышать свѣжимъ воздухомъ.

— Ну, моя добрая Лукреція, сказала Сальваторъ:—надо наконецъ поговорить о дѣлахъ житейскихъ: почти три недѣли чилъ насъ кошмаръ, который теперь, слава Богу, исчезъ! Я же тебѣ благодарить тебя, потому-что ты спасла моего друга; любви моею прибавилась еще для тебя признательность, которую я не знаю какъ и высказать. Скажи же мнѣ теперь, что мы будемъ дѣлать, когда нашъ милый больной окажется способенъ къ дорогѣ.

— Пока еще этого нѣтъ! отвѣчала Флоріани. — Раньше двѣ недѣли ему нельзя ѣхать. Онъ теперь едва только можетъ ходить по саду; а ты знаешь, что силы не такъ скоро возвращаются какъ пропадаютъ.

— Предположимъ, что его выздоровленіе продлится еще сяцъ. Но вѣдь всему бываетъ конецъ; нельзя же намъ вѣчно готить тебя; когда-нибудь надо разстаться!

— Конечно; но я хочу, чтобъ это было какъ-можно-попозже. Вы меня нисколько не тяготите: за всѣ заботы и ухаживанія твоимъ другомъ меня вполнѣ вознаграждаетъ счастливая мысль, что я спасла его; притомъ, его благодарность такая сердечная и непритворная, нѣжная, что я готова любить его почти такъ какъ ты его любишь... Очень-естественно покоить и утѣшать его, кого любишь. Кажется, тебѣ и нѣ за что слишкомъ благодарить меня.

— Ты не хочешь меня понять, мой прекрасный другъ:—беспокойнее всего беспокоить меня!

— Что такое? Жизнь князя? она ничего не потеряла черезъ болѣзнь. Я его довольно изучила: у него чудесный организмъ. Онъ проживетъ, можетъ-быть, дольше насъ съ тобою.

— Я почти также увѣренъ въ этомъ: я видѣлъ, какія сокровища кроются въ этихъ нервныхъ сложеніяхъ; но—его нравственная будущность... подумала ли ты о ней, Лукреція?

— Мнѣ кажется, это не мое дѣло. Зачѣмъ ты меня объ этомъ спрашиваешь?

— Я нисколько не удивляюсь, что у тебя, съ твоей добротой, благородной натурой, наивность доходитъ до ослѣпленія: все-таки странно, что ты меня не понимаешь.

— Ну!.. нѣтъ, я тебя не понимаю; говори прямо!

— Говорить прямо о такомъ щекотливомъ предметѣ, говорить тому, отъ кого нельзя ждать помощи — звѣрски-нехорошо! А между-тѣмъ—нужно! Вотъ что! Кароль тебя любить.

— Надѣюсь! И я его тоже люблю; но если ты хочешь наекнуть, что онъ любить меня какъ любовникъ, въ такомъ случаѣ я не могу не смѣяться надъ твоимъ страхомъ.

— О! моя дорогая Лукреція! не шути этимъ! Нѣтъ смѣшнаго въ такой глубокой, полной натурѣ, какъ натура моего друга; напротивъ—въ ней все серьезно, страшно-серьезно!

— Нѣтъ, нѣтъ, Сальваторъ, ты бредишь! Пусть твой другъ чувствуетъ ко мнѣ истинную дружбу, благодарность пламенную, восторженную, если хочешь,—все это возможно для такого нѣжнаго, благороднаго существа. Но чтобъ этотъ ребенокъ былъ влюбленъ въ твоего стараго друга — не можетъ быть! Ты смотришь, что онъ черезъ-чуръ смущается при каждомъ словѣ: это дѣйствіе слабости, которая еще осталась послѣ нервическаго потрясенія. Ты слышишь, что онъ благодаритъ меня такими словами, которыя даже не соотвѣтствуютъ моимъ услугамъ: это дѣйствіе изящной рѣчи, которая изливается изъ прекрасной души, изъ благородно-направленной мысли, это—привычка хорошо говорить, которую онъ усвоилъ себѣ и которой, конечно, много помогаетъ образованіе, свѣтскость... Но любить меня? Что за сумасбродство! Отъ меня не знаетъ; да еслибъ и зналъ, еслибъ узналъ мою жизнь, онъ бы испугался меня, бѣдный ребенокъ! Огонь и вода, небо и земля—не такъ разнородны, какъ мы съ нимъ!

— Небо и земля, огонь и вода—элементы противоположные, но тѣсно слитые, или готовые слиться въ природѣ. Туча и утѣсь, мѣканъ и море—рвутся другъ къ другу при встрѣчѣ; они разбиваются въ прахъ и дружно сливаются въ самомъ безконечномъ страданіи. Твое сравненіе подтверждаетъ мою же мысль и должно объяснить тебѣ мои опасенія.

— Напрасно ты горячишься съ своей поэзіей! Я тебѣ говорю, что онъ презиралъ бы, ненавидѣлъ бы меня, еслибъ зналъ, какая грѣшница служила ему сестрой милосердія. Я понимаю его правила, его идеи, судя по тому, что ты мнѣ каждый день говоришь о немъ, потому-что отъ него-самого, признаюсь, я ни разу не слыхала нравственныхъ сужденій. И наконецъ, ты, который такъ хорошо знаешь его понятія, его нравъ,—можешь ли ты предлагать между нами какія-нибудь отношенія въ будущемъ? Нѣтъ! знаю я, что подумаетъ онъ обо мнѣ, когда поправятся у него здоровье и разумокъ. Я не увлекаюсь! Пройдетъ мѣсяцевъ шесть—въ Венеціи, въ Неаполѣ или во Флоренціи кто-нибудь расскажетъ про немъ о моихъ печальныхъ бывалыхъ походахъ, да найдется еще печальнѣе, которыхъ совѣтъ и не было: потому-что богатыхъ охотно осуждаютъ. Тогда-то!.. вспомни мое слово: тогда другъ твой будетъ слегка защищать меня, будетъ много вздыхать, а потомъ скажетъ тебѣ: «Какъ это больно: такая добрая женщина,

къ которой я чувствую столько дружбы и благодарности!.. И ч про нее говорят!» Вотъ все, что останется въ памяти этого года юноши о Флоріанѣ. Это будетъ воспоминаніе краткое, но глубокое, и я ничего больше не требую. Чего мнѣ надо, кромѣ тишины? Ты знаешь, Сальваторъ, что у меня достанетъ силъ перенести всѣ послѣдствія прошлой жизни, что они меня не встрѣжатъ, не оскорбятъ, что нисколько не смутятъ они спокойствія, которыми я наслаждаюсь въ глубинѣ собственнаго убѣжденія.

— Все это мнѣ очень-горько слышать, милая Лукреція, отвѣчалъ Сальваторъ, съ чувствомъ взявъ ее за руку:—потому-что и это — суцная правда! Да; мой другъ оставитъ тебя, убѣжитъ отъ тебя, если только достанетъ у него на то силъ, если сохранитъ у него ясное сознаніе; да, онъ послушаетъ людей, которые будутъ клеветать на тебя... да! все это ему будетъ больно, и онъ тяжело вздохнетъ! Все это такъ; но разсѣется ли вмѣстѣ съ чужими рѣчами и сердечная тоска? Помогутъ ли ему разумъ и воля изгладить воспоминаніе о тебѣ? вотъ этого-то и не будетъ! Отнынѣ Кароль будетъ такъ несчастливъ, какъ никогда не бывалъ, и несчастьемъ его конца не будетъ, хотя онъ еще не замѣчаетъ этого, хотя онъ е дремлетъ въ упоеніи первой любви!

— Я тебя перебыю на этомъ словѣ, сказала Лукреція, слушавшая внимательно: — первая любовь! Изъ твоихъ же разсказовъ знаю, что это не первая его любовь, и потому не могу, вмѣстѣ съ тобой, опасаться ея существованія. Не ты ли говорилъ мнѣ, что онъ былъ обрученъ съ прекрасной дѣвушкой изъ своего круга, что онъ неутѣшно тосковалъ о ея смерти, что, можетъ-быть онъ уже никогда не полюбитъ другой женщины? Вотъ, что ты рассказывалъ ты мнѣ въ первые дни, какъ сюда пріѣхалъ; и если это правда, — то онъ не любитъ меня; если же могъ меня полюбить, то, слѣдовательно, можетъ также и другая женщина изгладить меня изъ его памяти.

— А если этого пужно ждать пять или шесть лѣтъ, — потому что ему было восемнадцать, когда умерла Люція, а онъ съ-тѣхъ поръ, до встрѣчи съ тобою, и не смотрѣлъ ни на одну женщину.

— Не можетъ быть никакого сравненія между двумя такими разнородными страстями! Могъ онъ тосковать шесть лѣтъ о прекрасномъ, совершенно-подобномъ ему созданіи, когда и долгъ влеченіе заставляли его предпочитать это созданье всѣмъ другимъ. Но изъ-за какой-нибудь устарѣвшей актриссы... вдовы... стокихъ любовниковъ—мнѣ бы никогда и въ голову ничего не пришло!.. Э! не пройдетъ шести недѣль, какъ онъ очнется, если только въ-самомъ-дѣлѣ случилось ему забыться. Слушай, Сальваторъ, не будемъ больше говорить объ этомъ! Твоя мысль и огорчаетъ и немножко язвитъ меня. Отъ-чего эта бѣдная Флоріанка которой, впрочемъ, въ эти три недѣли ты доказалъ много дѣвственности, много чудесной братской любви, — отъ-чего она некроетъ

не должна всё въмнать страсть, даже самымъ скромнымъ, самымъ больнымъ изъ твоихъ друзей? Не-уже-ли, послѣ всёхъ мукъ заблужденій, которыя я искупила такими страданіями, можеть-быть, даже заглядываю кое-какими добрыми дѣлами, — не-уже-ли послѣ этого молодые люди съ доброй нравственностью не могутъ обращаться со мной какъ съ матерью и другомъ? Не-уже-ли мнѣ назначено непременно играть для нихъ роль сатаны, хотя я лукаво съ ними столько же, какъ моя Стелла или Беатриче? Кокетки ли я? или, по-крайней-мѣрѣ, красавица? *Corpo di Dio!* какъ говоритъ мой отецъ, — я всеми силами стараюсь никого не встревожить, ни взволновать, такъ мнѣ хочется, чтобъ оставили меня въ покоѣ. Тихина, забвеніе — вотъ все, чего я прошу! вотъ моя единственная свѣжительная отрада! Когда же, наконецъ, Боже мой! слово любви перестанетъ терзать мой слухъ, какъ какая-нибудь фальшивая нота?

— Бѣдная, милая сестра моя! сказалъ Сальваторъ: — напрасно ты борешься: тебѣ предстоитъ еще долгая борьба, если не съ собой, такъ съ тѣми, кому случится тебя увидѣть; я старался быть совершенно-равнодушнымъ передъ тобой, и еще не вполне успѣлъ, а который, впрочемъ...

— Ну, вскричала Лукреція съ наивнымъ, почти комическимъ отчаяніемъ. — И ты тоже опять начинаешь! *И ты, Врутъ?* Убей меня сейчасъ же, мнѣ будетъ легче. По-крайней-мѣрѣ, я тогда избавлюсь отъ этого безконечнаго припѣва!

— Нѣтъ нѣтъ!.. мое дѣло кончено, сказала Сальваторъ, боясь, чтобъ искинка веселости не перешла въ грусть. — Я никогда не скажу тебѣ ни слова, не буду ничего говорить о себѣ, хотя бы даже умереть пришлось. Я тебѣ это обѣщалъ, и теперь подтверждаю клятвенно. Но не то будетъ съ другими людьми; ты будешь вѣрить, что ты стара; на тебя посмотрятъ, и увидятъ, какая пышная жизнь льется въ твоихъ жилахъ. Ты будешь небрежно выбирать волосы, прятаться подъ этимъ вѣчнымъ халатомъ, который скорѣй похожъ на хламиду кающагося, нежели на женское платье, — и все-таки, на зло себѣ, будешь прекрасна, прекраснѣе всѣхъ женщинъ въ мірѣ! Скажи, какая женщина сможетъ показаться при полномъ дневномъ свѣтѣ безъ туалета, зажарить себѣ в солнечъ шею и руки, утратить цвѣтъ лица, утомить глаза, прожидая ночи надъ больнымъ, вскорчивъ прежде пол-дюжины дѣтей, послѣ столькихъ трудовъ, слезъ, страданій (и чего-чего еще перенесла ты!) и при всемъ томъ вскружить голову такому блаженному, какъ мой другъ Кароль, или такому бывалому чужаку, какъ твой другъ Сальваторъ?

— Постой! вскричала съ нетерпѣніемъ Флоріани: — если ты будешь продолжать въ этомъ тонѣ, если пріймешься увѣрять, что я не чувствую страсти, у меня достанетъ духа посягнуть на собственное лицо — нынче же вылить на него какую-нибудь вѣдную мазь, чтобъ завтра явиться страшнымъ уродомъ.

— Будто! проговорялъ изумленный Сальваторъ: — найдется тебя такая свирѣпость къ самой-себѣ?

— Нѣтъ, это только такъ говорится, простодушно отвѣча Флоріани. — Я ужь и такъ много страдала; у меня нѣтъ охоты искать новыхъ мученій!

— Но еслибъ, на-примѣръ, можно было обезобразить себя такъ чтобъ не ослѣпнуть и не причинить себѣ никакой боли, ты рѣшилась?

— Тяжело мнѣ было бы рѣшиться, потому-что я артистка, люблю красоту и стараюсь удалить отъ глазъ дѣтей видъ безобразнаго. Я испугалась бы самой-себя, еслибъ сдѣлалась предметомъ ужаса и отвращенія. Но когдабъ дали мнѣ на выборъ: мученье новой стѣны, или неприятность быть уродомъ—увѣряю тебя, я не стала колебаться.

— Ты говоришь съ такою искренностью, что мнѣ становится страшно. Такое существо, какъ ты, способно на все! Ты вѣдь знаешь исторію подобнаго сумасбродства, Лукреція! какъ извѣстная принцесса также изуродовала себя, чтобъ избавиться отъ брака, потому-что она была влюблена въ другаго.

— Это превосходно, сказала Лукреція: — потому-что болѣе жертвой женщина не можетъ принести.

— Да! но исторія прибавляетъ, что, погубивъ красоту, принцесса погубила и здоровье, сдѣлалась странною, злою. Оставайся прекрасною, Лукреція! потому-что, въ противномъ случаѣ, ты рискуешь утратить доброту, а доброта—не малое сокровище.

— Другъ мой! возразила Флоріани:—время все устроить. Мало-малу, не думая, можетъ-быть, сама того не замѣчая—подвѣваю, и тогда буду наконецъ счастлива, потому-что, если роковой опытъ доказалъ мнѣ, что нѣтъ счастья въ страсти, то у меня есть мечты о состояніи покоя и невинности; я его ужь и теперь ощущаю: оно мнѣ кажется дивно-усладительнымъ. Не говори мнѣ, что твой другъ возмутитъ мой желанный покой своимъ стѣпаніемъ. Я сдѣлаю такъ, чтобъ онъ не любилъ меня.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Скажу ему о себѣ всю правду. А ты помоги мнѣ, не поддай правды!.. Впрочемъ, что я! Съ ума сошла — повѣрила тебѣ! Онъ не можетъ любить меня! Не онъ ли постоянно носитъ груди портретъ своей невѣсты?

— Ты въ-самомъ-дѣлѣ думаешь, что онъ любилъ ее? проговорилъ Сальваторъ, помолчавъ съ минуту.

— Ты же сказалъ, отвѣчала Флоріани.

— Да, я такъ думалъ, потому-что онъ самъ также думалъ, онъ говорилъ объ этомъ такъ краснорѣчиво... Но, между нами было сказано, душа моя, любовь мужчины не можетъ вѣчно питаться желаніями и сожалѣніемъ. И теперь, какъ я вспомню, въ какихъ отношеніяхъ былъ Кароль съ княжной Лючіей, мнѣ становится ясно, что любовь эта существовала только у него въ воображеніи.

Они видѣлись всего пять или шесть разъ, и то передъ глазами родителей.

— Только-то?

— Да; мнѣ Кароль самъ говорилъ. Они еще не успѣли познакомиться, какъ ихъ уже обручали, а потомъ — она умерла такъ скоро, что мнѣ и не было времени узнать другъ друга.

— Ты видѣлъ ее, эту княжну Лючію?

— Видѣлъ одинъ разъ. Это было хорошенькое существо, хилое, блѣдное, захоточное... Я тотчасъ замѣтилъ въ ней болѣзненность, хотя никто этого не подозрѣвалъ. Въ ней было много изящнаго, много граціи: изысканный туалетъ, мина важная, слишкомъ-великодушная, на мой вкусъ; голубые глаза, волосы облачнаго цвѣта, лицо прозрачно-блѣдное, какъ лунный свѣтъ, видъ такой прелестный, движенія поэтическія... Она мнѣ не нравилась: Слишкомъ-была мечтательна, слишкомъ-недоступна; это было одно изъ тѣхъ существъ, которымъ мнѣ всегда хочется сказать: «да открывай ротъ, когда говоришь; ступай ногами, когда ходишь, ѣшь зубами, плачь глазами, играй на фортепьяно пальцами, смѣйся грудью, а не бровями, кланяйся корпусомъ, а не кончикомъ подбородка. Если ты бабочка или цвѣтокъ—улетай на воздухъ, не щекочи намъ зрѣнія и слуха. Если ты мертвая, — скажи скорѣе!» Наконецъ, она меня безпокоила, какъ такое существо, которое похоже на женщину, а между-тѣмъ—оно тѣнь. У ней была страсть прятаться подъ цвѣты и умащать себя духами, такъ-что разъ, когда мнѣ случилось сидѣть рядомъ съ нею за обѣдомъ, у меня сдѣлался мигрень. Она была набальзамирована, какъ трупъ; и — по моему мнѣнію—лучше держать у себя въ шкапу ароматическую подушечку, нежели имѣть съ собой такую женщину; у меня не стало бы силъ постоянно вдыхать ее въ себя.

— Я не могу удержаться отъ смѣха, воображая этотъ портретъ, говорила Флоріани:—но между-тѣмъ, чувствую, что онъ преувеличенъ, что тутъ примѣшалась съ твоей стороны маленькая досада. Ты не понравился княжнѣ, я это вижу. Ты сказалъ ей какой-нибудь комплиментъ не довольно-тонкій... Оставимъ въ покоѣ мертвыхъ, почтимъ это воспоминаніе въ непорочной душѣ Кароля. Я, напротивъ, хочу заставить его говорить о ней, хочу оживить въ немъ любовь: въ настоящую минуту, это для него будетъ здорово. Прощай, мой другъ! успокойся: Кароль будетъ любить только одну сильфиду.

XII.

Луициа была вполне увѣрена, что Сальваторъ заблуждается. Она чувствовала, что онъ любитъ ее, такъ-сказать, грубовато-простецкой любовью, любовью искренней, но положительной, которая не хотѣла налагать, а тѣмъ больше на себя брать никакихъ

узь; однимъ словомъ—то была тихая, великодушная дружба, которая могла довольствоваться мимоходомъ—брошаемыми насланиями, допуская произвольное число легкихъ измѣнъ съ той другой стороны.

Флоріани не хотѣла больше узь и думала, что ушла отъ кой страсти; но такую высокую идею составила она себѣ о себѣ такъ энергически ее чувствовала, наконецъ, такъ неприятно такъ страстна была она, что не могла не возмущаться подобнымъ положеніемъ. Она не умѣла ничѣмъ быть вполнину, и если сердце ея еще крылось чувство, она лучше хотѣла побѣдить, давить его, нежели удовлетворять его безъ энтузіазма, безъ всякаго, хотя, можетъ-быть, обманчиваго убѣжденія въ неразрывности двойственной жизни, въ неизмѣнной вѣрности. Такой-то любовью любила она долгіе сроки; такая-то любовь вспыхивала въ ней одну недѣлю, даже, можетъ-быть, и на одну часъ, какъ гово- рилъ Сальваторъ:—то была любовь съ твердымъ убѣжденіемъ, что конца не будетъ. Пылкое, безграничное увлеченіе, безотчетная пылкость мнѣній, безпредѣльно-нѣжное сердце, слѣдовательно—множество стремительныхъ порывовъ, много заблужденій, слабостей, геройской преданности существамъ недостойнымъ, необычайная мощь, услуженная къ цѣлямъ, жалкимъ въ дѣйствительности, возвышеннымъ по идеѣ:—вотъ подвигъ, поглотившій всю ея жизнь, безрачный, достойный состраданія подвигъ.

Быстрая, рѣшительная—и въ отрѣченіяхъ и въ порывахъ, ужь цѣлый годъ была увѣрена, что освободилась отъ любви, ничто не разбудитъ въ ней этого чувства. Она даже убѣдилась такъ скоро ея умъ дружился съ рѣшеніемъ воли, такъ легко казался онъ со всякимъ образомъ жизни, — убѣдилась, что поодержана навсегда, и если бы ей надо было измѣрять время жизни своего убѣжденія, она поклялась бы, что ужь двадцать летъ прошло съ-гѣхъ-поръ, какъ она перестала любить.

Впрочемъ, послѣдняя рана у ней едва-едва затянулась, и какъ храбрый солдатъ, выступившій въ походъ, когда сломанные ноги едва могли перенести его за порогъ госпиталя, — Флоріани отважно выдерживала ежедневное столкновеніе съ двумя существами, очарованными ею, каждое по-своему. Она старалась увѣряться, разсуждая такъ, что одного изъ нихъ она никогда не любила, а другаго никогда не могла полюбить, и такъ-какъ она была назначила ей быть для нихъ необходимой, то и вѣчего мучилась себя опасностями, которыя только еще могли родиться въ подобномъ положеніи.

Задумавшись о томъ, что наговорилъ ей Сальваторъ Альбино Лукреція, еще не входя въ спальню, сѣла въ будуарѣ и принялась съ удивительной беззаботностью разбирать свои волосы, укладывая ихъ по-ночному. «Можетъ-быть», думала она, «Сальваторъ наивно остритъ; ему хотѣлось выпытать мои мысли о другомъ, чтобъ знать, чѣмъ можно вѣрнѣе на меня поддѣйствовать».

наглостью или чувством? Онъ приплелъ любовь Кардья для того только, чтобъ опять добиться объясненія, которое я ему запретила!»

Хотя, впрочемъ, нѣсколько вырвавшихся у князя словъ, его невольныя восклицанія и взгляды—должны были бы открыть глаза женщины такихъ лѣтъ и съ такой опытностью, какъ Флоріани; но въ ней уцѣлѣла скромность и дѣтское простодушіе на зло всему, что должно было погубить эту скромность, это простодушіе: то была отличительная черта ея характера, то была одна изъ ея прелестей.

Убравъ свои волосы при свѣтѣ одной свѣчи, Флоріани съ минуту смотрѣла на себя въ зеркало такъ внимательно, какъ уже гогъ не смотрѣла. Но такъ мало было у ней призванія жить для самой-себя, что въ собственномъ лицѣ она видѣла только воспоминаніе людей, которые ее любили. «А!» подумала она, «не стали бы они меня любить, еслибъ теперь увидѣли. Какъ же я могу еще нравиться другимъ, когда и тѣ, которые, кромѣ молодости и красоты, имѣли столько другихъ причинъ любить меня, — когда ужъ и тѣ перестали обо мнѣ думать!» Флоріани не была счастлива въ любви, но за то рождала такія сильныя страсти, что уже не могла гордиться внушеніемъ прихотливыхъ желаній; не лесть ей было, вмѣсто обожаемаго идола, сдѣлаться любимой игрушкой.

И такъ—Лукреція чувствовала себя во всей силѣ, когда опускала на зеркало газоваго занавѣски и думала про себя, что уже никто не будетъ имѣть надъ ней права. Но, взявъ свѣчу и повернувшись, чтобъ идти къ дѣтямъ, она вздрогнула: предъ ней стояло привидѣніе.

— Что это, мой милый князь? проговорила она, опомнившись отъ невольнаго ужаса:—вы встали, а между-тѣмъ васъ считаютъ спящимъ. Что съ вами? вамъ дурно? вы одни? Мы только-что разошлись съ Сальваторомъ,—онъ не приходилъ къ вамъ? Говорите же, пожалуйста, я боюсь за васъ.

Князь былъ такъ блѣденъ, разстроенъ, такъ дрожалъ, что въ самомъ дѣлѣ было чего бояться. Ему что-то мѣшало отвѣчать; наконецъ, онъ рѣшился.

— Не бойтесь ни меня, ни за меня, проговорилъ онъ: — мнѣ хорошо, совсѣмъ—хорошо... Но я не спалъ, я сидѣлъ у окна... Я слышалъ разговоръ... мнѣ хотѣлось сойти, вмѣшаться въ этотъ разговоръ. Я не смѣлъ... я долго колебался! Потомъ—ничего не стало слышно; я увидѣлъ, что Сальваторъ ходитъ одинъ по саду; изъ меня вышла отчаянная рѣшимость... я пришелъ къ вамъ... Простите меня! я такъ встревоженъ... я самъ не знаю, что дѣлаю, не знаю гдѣ я, откуда взялась у меня дерзость пробраться въ вашу комнату...

— Успокойтесь, отвѣчала Флоріани, усаживая его на диванъ:— я нисколько не обижаюсь: я вижу, что вы нездоровы, вы едва

себя помните. Скажите же, любезный князь, вамъ вѣрно ка-
нибудь дурной сонъ приснился? Я оставила при васъ Антонію;
чѣмъ она ушла, глупенькая?

— Я самъ просилъ ее оставить меня одного. Я ушелъ...
разъ, простите меня.. Я боюсь, не съ ума ли сошелъ я!

— Нѣтъ, нѣтъ! останьтесь здѣсь, успокойтесь. Я схожу
Сальваторомъ; мы вдвоемъ развеселимъ васъ; разговаривая съ
ми, вы забудете свое неприятное чувство; и когда вамъ бу-
лучше, Сальваторъ отведетъ васъ. При немъ вы спокойно
снете.

— Не ходите за Сальваторомъ! вскричалъ Кароль, быстро с-
тивъ за руки Флоріани:—онъ мнѣ ничѣмъ не поможетъ; вы
можете сдѣлать все. Выслушайте, выслушайте меня, и потомъ
пусть я умру, если моя воскресающая жизнь не выдержитъ
страшнаго усилія, съ которымъ мнѣ должно говорить. Я слышу
все, что говорилъ вамъ Сальваторъ, все, что вы ему отвѣчи-
ли. Окно было открыто, вы сидѣли внизу: ночью тихо, голосъ да
слышенъ. Теперь я знаю все, — вы меня не любите; но... не
вѣрите, что я васъ люблю!

— Не-уже-ли? подумала Флоріани, пріунывъ и изнемогши
нѣе отъ всего, что предстояло ей переговорить въ свою за-
нѣ уязвляя этого скорбящаго сердца.

— Милое дитя мое, сказала она:—послушайте...

— Нѣтъ, нѣтъ! перебилъ князь съ такой энергіей, какой
но было и ожидать отъ него:—мнѣ нѣчего слушать. Мнѣ
стно все, что вы скажете. Зачѣмъ мнѣ слушать? да и не знаю,
стало ли бы у меня силъ все выслушать! Нѣтъ, я долженъ гово-
рять. Я отъ васъ ничего не требую... Развѣ я когда требовалъ отъ
кого-нибудь? Развѣ вы узнали бы мою мысль, еслибъ Сальва-
торъ не разгадалъ и не выдалъ ей? Но во всемъ этомъ есть одно
меня невыносимое, одно, что повернуло во мнѣ сердце, пот-
ому что это одно—вы сказали. Вамъ представилось, что я не могу
бить подобную вамъ женщину. Вы говорили о себѣ дурно въ
казательство того, что я долженъ думать объ этомъ. Вы ска-
зали наконецъ, что я васъ забуду, что если при мнѣ будутъ дури-
ворить о васъ, я малодушно вздохну, жалѣя, что связанъ съ
благодарностью... Это—страшныя мысли; онѣ убиваютъ меня!
Жизните, что вы отрекаетесь отъ нихъ, или... я не знаю, до чего
ведетъ меня отчаяніе!

— Полноте тревожиться отъ какихъ-нибудь необдуманныхъ
словъ, которыхъ я и сама не помню, сказала Лукреція, ужас-
шись возрастающаго волненія князя: — я не думаю обвинять
васъ въ гордости; знаю, что вы неспособны быть неблагодарнымъ,
я говорю! не я ли тогда же сказала, что ваша благодарность
раздо-больше моихъ простыхъ, самыхъ обыкновенныхъ усл-
уживаній. Умоляю васъ, забудьте слова, которыя васъ огорчили; я ихъ

глажу, я готова просить у васъ прощенія. Успокойтесь, докажите мнѣ искренность своей дружбы: не мучьте себя даромъ!

— Да, да! вы добры, вы удивительно-добры! возразилъ Кароль, судорожно схватившись за Флоріани, потому-что замѣтилъ ея попытку прекратить это уединенное свиданіе:—но хоть одинъ разъ, конечно, въ первый и послѣдній разъ въ моей жизни, я долженъ высказать... Знайте, что если кто-нибудь... хоть бы даже Сальваторъ, или кто другой... если кто-нибудь когда-нибудь скажетъ вамъ, что я васъ не уважаю... не благоговѣю передъ вами... точно такъ же, какъ благоговѣю предъ памятью матери, — онъ подло солжетъ... онъ будетъ мой врагъ, — я его убью, если встрѣчу!... Я, тихій, слабый, робкій, я буду ненавидѣть, буду свирѣпѣть, неумолимъ, буду твердъ въ мнѣніи, тверже всѣхъ этихъ бойцовъ. Знаю, что я похожъ на ребенка, что у меня черты женскія... но никто не знаетъ еще что во мнѣ кроется. Не могутъ этого знать, потому-что я никогда не говорю о себѣ... не хочу, чтобъ меня замѣчали, не умѣю заискивать любви. Не таковъ я и никогда не буду такимъ! Я даже не прошу, чтобъ меня считали способнымъ сильно любить... на что мнѣ это? Но вы, вы... А! вы по-крайней-мѣрѣ должны узнать, что этотъ умирающій человѣкъ принадлежитъ вамъ, какъ рабъ господину, какъ кровь сердцу, какъ тѣло душѣ. Для меня невыносимо, что вы этому не вѣрите! Вы сказали, что я могу любить только похожее на себя существо. Стало-быть, я не человѣкъ? Всякій человѣкъ любитъ то, что выше его; а я люблю васъ, какъ идеаль, боюсь васъ, чту васъ до того, что, кажется, скорѣе умру у ногъ вашихъ, нежели произнесу хоть одно оскорбительное желаніе. Я вижу въ васъ не тотъ призракъ, что носилъ такъ долго въ себѣ. Я знаю, что вы женщина, что вы любили, можете еще любить...любить другаго, не меня!.. Что жъ? пусть! я на все согласенъ; мнѣ нѣтъ нужды проникать въ тайны вашего сердца, вашей жизни для того, чтобъ благоговѣть передъ вами... Будьте чѣмъ вы хотите, бросьте дѣтей, прогоните меня, полюбите того, кого найдете достойнымъ... Если Сальваторъ вамъ понравится, если онъ можетъ подарить вамъ хоть одно счастливое мгновеніе. — слушайте его, сдѣлайте его счастливымъ; я... я, конечно, умру отъ этого; но... ни мысль о порицаніи не придетъ мнѣ въ голову, ни чувство мести не проникнетъ въ мое сердце. Я умру, благословляя васъ. Видите ли, я несчастливъ въ этомъ мірѣ; любовь къ вамъ такъ надрываетъ мнѣ грудь, что въ настоящую минуту у меня есть неодолимое желаніе, вопіющая потребность — умереть. Но если вы хотите, чтобъ я завтра же уѣхалъ, чтобъ никогда больше не видѣлъ васъ и жилъ, — я буду жить, я радъ буду жить въ страшныхъ мукахъ, чтобъ только повиноваться вамъ. Вы думаете, что я любилъ кого-нибудь, кромѣ васъ? Нѣтъ, не правда! Я никого никогда не любилъ. Теперь вижу, что я бредилъ... Любовь, какъ говорилъ вамъ Сальваторъ, была у меня въ воображеніи. Я не чувствовалъ, чтобъ она терзала мнѣ сердце. То

была непорочная женщина; я такъ уважаю память о ней, что хочу больше ее обманывать, нося на груди портретъ ея. Возьмите, спрячьте, берегите этотъ портретъ, котораго я ужъ не поймаю: мнѣ все представляются тамъ, вмѣсто ея, ваши черты! Я даю вамъ его и прошу васъ принять его, потому-что его не долж оскорблять; а хранилищемъ ему могутъ служить только два мѣся или ваша рука, или гробъ моей матери... Не думайте, что я говорю въ бреду. Еслибъ я былъ спокоенъ, у меня не достало смѣлости говорить; но эта смѣлость выводитъ на свѣтъ истины открываетъ то, о чемъ думалъ я каждую минуту съ-тѣхъ-поръ какъ узналъ васъ. И я выскажу свою думу предъ цѣлымъ свѣтомъ я поклонюсь въ ней надъ головами вашихъ дѣтей... я скажу самому Сальватору... пусть онъ услышитъ меня, пусть узнаетъ м думу, пусть никогда не дойдетъ до нелѣпости отвергать ее... васъ люблю... васъ... тебя, для которой у меня нѣтъ имени, которой я не сумѣю опредѣлить ни на какомъ языкѣ... я люблю тебя!.. О! горитъ у меня въ груди... я умираю...

И измученный Кароль упалъ къ ногамъ Флоріани, скрутивши стиснувъ руки до того, что на нихъ показалась кровь.

— Люби, люби его! сжался надъ нимъ! вскричалъ Сальваторъ, который, не нашедъ Кароля въ его комнатѣ и обыскавъ весь домъ испуганный входилъ въ будуаръ, когда князь произносилъ послѣднія слова. — Люби его, Флоріани, или я больше не узнаю тебя или страшный эгоизмъ изсушилъ твое великодушное сердце! Онъ умираетъ—спаси его! Онъ никогда не любилъ—заставь его жить а не то я прокляну тебя!

И этотъ человекъ, странно-великодушный, восторженный, и своей личной неутомимости въ житейскихъ наслажденіяхъ, это необходимый другъ, предпочитавшій Кароля всему—и Флоріани самому-себѣ, — этотъ человекъ поднялъ его съ пола, гдѣ былъ онъ, будто въ предсмертныхъ мукахъ, и, такъ-сказать, бросилъ его въ объятія Флоріани, отскочилъ къ двери, чтобъ не слышать отвѣта и не быть свидѣтелемъ счастья, отъ котораго самъ е могъ отказаться.

Смушенная, растерянная, Флоріани взяла Кароля къ себѣ грудь и нѣжно прижала его; но все еще больше испуганная, и жели побѣжденная, она сдѣлала Сальватору повелительный знакъ чтобъ онъ не уходилъ.

— Я буду его любить, говорила она, покрывая долгими, горячими поцалуями блѣдное чело князя:—но буду любить такъ, какъ мать любила его! Клянусь любить его такъ же горячо, такъ неизмѣнно, какъ она! Вижу, что ему нужно быть такъ любимымъ знаю, что онъ стоить этого. Эту материнскую нѣжность, которую я оказывала ему инстинктивно, не думая продолжать ее доль его выздоровленія, эту нѣжность посвящаю ему навсегда, исключительно предъ всѣми мужчинами. Для тебя, дитя мое, я подвѣждаю объѣтъ чистоты и преданности, который дала для Селіи

другихъ дѣтей своихъ. Буду благоговѣнно хранить портретъ твоей невѣсты, и когда тебѣ захочется посмотрѣть на него, мы вмѣстѣ будемъ говорить о ней. Вмѣстѣ будемъ плакать о твоей любимой матери, и ты не забудешь ея, потому-что въ груди моей найдешь для себя ея сердце... Вотъ такъ я принимаю твою любовь и вѣрю ей, я, разувѣренная во всеи остальномъ. Вотъ доказательство моеи любви, самое сильное, какое только могу дать я.

Этотъ призывъ показался Сальватору очень-слабымъ лекарствомъ и скорѣе опаснымъ, нежели полезнымъ. Онъ собрался-было приступить къ дальнѣйшимъ требованіямъ; но Кароль оправился, могъ говорить и вскрикнулъ, заливаясь слезами:

— Благословляю тебя, дивная женщина! Никогда не потребую отъ тебя ничего больше; я такъ счастливъ, что не могу найти словъ благодарить тебя.

Онъ упалъ передъ ней и въ восторгѣ обнялъ ея колѣни; потомъ, вырвавшись изъ ея объятій, пошелъ за Сальваторомъ уснуть тѣмъ сладкимъ, спокойнымъ сномъ, какого еще не зналъ до-сихъ-поръ.

— Странная, невозможная любовь! думалъ Сальваторъ, стараясь также заснуть.

XIII.

Надѣюсь, читатель, что ты напередъ знаешь все, что случится въ этой главѣ; надѣюсь также, что, въ-продолженіе сей монотонной исторіи, пока, еще ничто не возбудило въ тебѣ ни малѣйшаго удивленія. Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть на тебя, когда ты приближаешься къ концу каждаго фаза какого бы то ни было романа: по твоимъ предугадываніямъ, я узналъ бы, идетъ ли пьеса путемъ логики и истины. Не вѣрю я въ такія развязки, которыхъ никто не можетъ предвидѣть, кромѣ самого автора, потому-что для данныхъ характеровъ нельзя строить много произвольныхъ предположеній: имъ предстоить что-нибудь одно, и, если никто не подозреваетъ этого одного, значитъ, что характеры ложны, невозможны.

Ты, можетъ-быть, скажешь: вотъ-де скать князь Кароль прелается такому жаркому чувству, такой неограниченной страсти, которыхъ не соотвѣтствуютъ тому, что ты до-сихъ-поръ представилъ въ немъ?.. Но нѣтъ, ты не сдѣлаешь мнѣ такого ничтожнаго замѣчанія, потому-что иначе я на тебя же сошлюсь: я спрошу тебя, не всего ли сильнѣе увлекаетъ насъ любимое существо именно тѣмъ, что противоположно нашимъ вкусамъ, нашей натурѣ? А если это справедливо, то несообразности неизбежны.

Въ-самомъ-дѣлѣ, жизнь, несущаяся передъ нашими глазами, такъ сумасбродна, фантастична; сердце человѣческое такъ измѣнчиво, непоследовательно; а въ естественномъ теченіи дѣлъ столько без-

порядковъ, волненій, бурь, бѣдствій, внезапностей, что не изъго и голову ломать надъ изобрѣтеніемъ странныхъ событій, исключительныхъ характеровъ. Стоитъ только рассказывать. И притомъ что такое исключительные характеры, которыхъ постоянно ищутъ романъ, чтобъ привлечь и заинтересовать публику? Развѣ каждый изъ насъ, въ-отношеніи къ другимъ, не составляетъ исключенія въ безконечныхъ подробностяхъ организма? Если, по извѣстному міровому закону, все человѣчество составляетъ какъ-бы одно существо, то въ анализѣ этого огромнаго синтеза—развѣ не столько же различныхъ, непохожихъ другъ на друга существъ, сколько есть на свѣтѣ насъ недѣлимыхъ? Книга бытія говоритъ, что Богъ сотворилъ человѣка изъ земли, показывая тѣмъ, что та основная матерія служила къ нашему образованію. Но въ составленіи составныхъ частицъ этой матеріи, остается вѣчное, безвѣчное разнообразіе, и — отъ-того-то невозможно найти двухъ совершенно-подобныхъ листковъ въ царствѣ растительномъ, отъ-того-то невозможно мечтать о двухъ совершенно-подобныхъ сепакахъ въ человѣческомъ родѣ. И такъ, вспомнимъ то общее мѣсто, что каждый изъ насъ носитъ въ себѣ невѣдомый для другихъ міръ и можетъ рассказать о себѣ исторію, подобную исторіи всего человѣчества, похожую на чью-нибудь исторію.

Вся задача романа состоитъ только въ томъ, чтобъ рассказать одну изъ этихъ личныхъ исторій и сдѣлать ее сколько-возможна явкою. Пусть прибавляютъ и вышніе факты, выводятъ толпы разнообразныхъ личностей—ничего, я согласенъ: съ этой путаницей много хлопотъ, а мало пользы для нашего нравственнаго усовершенствованія. Притомъ, это слишкомъ-утомительно для читателя, потому-что онъ лѣнивъ! Наслаждайся же, лѣнливый читатель: тебѣ попался авторъ, который еще лѣнивѣе тебя.

Ты предвидишь, что Флоріани, устроивъ съ княземъ такую любовную сдѣлку, зашла дальше, нежели думала; что эта мадринская, платоническая и все-таки страстная любовь, не можетъ вѣчно существовать между двадцати-четыре-лѣтнимъ мужчиною и тридцати-лѣтней женщиною, — прекрасными, пылкими, жаждущими нѣжныхъ ласкъ. Она продолжалась полтора, можетъ быть два мѣсяца, въ невозмутимой радости для обоихъ, и, на правду сказать, то было лучшее, золотое время ихъ любви. Потомъ — настала буря; прежде всего, забушевала она въ душѣ молодого человѣка; послѣдовало нѣсколько упорныхъ часовъ, продолженіе которыхъ имъ казалось, что небо сошло на землю. Но... когда человѣческое блаженство достигнетъ своей апогеи, тутъ ему и конецъ. Такъ положилъ неумолимый законъ, управляющій нашей долей, и—всего нелѣпѣе было бы понукать человѣка къ развитію для абсолютнаго счастья, не сказавъ ему напередъ, что это счастье будетъ въ его жизни—пролетѣть молніей, и надо приготовиться — все остальное время прозябать, довольствоваться или надеждой, или воспоминаніемъ. Жизнь не то, что романъ

Чтобъ она была полна, для этого нужно бы умиратьъ прямо послѣ извѣстныхъ дней. Чтобъ романъ лѣстилъ воображенію, для этого обыкновенно кончаютъ его исполненіемъ всѣхъ желаній, т. е. въ продолженіе подлежащаго числа болѣе или менѣе разумныхъ годовъ высказываютъ, что въ концѣ прорѣжется такой лучъ, котораго блескъ и красоту не изобразить никакое искусство. Читатель чертитъ его по собственному усмотрѣнію, потому—что авторъ на самомъ этомъ мѣстѣ прерываетъ рѣчь и раскланывается.

Ну! мы попытаемся выйдти изъ битой колеи,—не закроемъ книги на этой роковой страницѣ. Мы постоимъ немножко на вершинѣ возвышавшагося передъ нами ската, а потомъ спустимся въ новую главу, которую читатель воленъ не читать, если онъ не любитъ печальныхъ исторій и горькихъ истинъ.

Вотъ, видишь ли, любезный читатель, я тебѣ все сказалъ; ты теперь знаешь все, что будетъ дальше. Я продолжаю; остановись цѣль, если хочешь. Въ общихъ чертахъ тебѣ извѣстны эти два чувства, которыя сошлись съ двухъ противоположныхъ концовъ общественнаго горизонта. Подробности — мое дѣло; если ты объ нихъ не заботишься,—оставь меня въ покоѣ, я буду писать одинъ. Неужели тебѣ кажется, что мы обязаны безпрестанно думать о тебѣ? что никто не можетъ писать для самого — себя, не можетъ оставить себѣ удовольствія забыть о тебѣ? Ты можешь съ своей стороны дѣлать то же; слѣдовательно—мы квиты.

Отказываясь отъ любви, стараясь убѣжать отъ нея, Флоріани ошибалась числомъ въ своей жизни. Она, конечно, была увѣрена въ эту минуту, что желанный покой старости, какимъ-то чудомъ, достигъ ее прежде времени. Пятнадцать лѣтъ страсти и доставшихся на ея долю страданій казались ей такими тяжелыми, такими жестокими, что она надѣялась заставить судьбу, подательницу испытаній, считать эти годы вдвое. Но неумолимая судьба была еще недовольна. За то, что ошибалась въ выборахъ, за то, что дарила высокой страстью любимыхъ, но недостойныхъ людей, за то, что не умѣла любить достойныхъ, но немилыхъ, что слишкомъ-много любила ихъ, за то, что не искала успокоенія, блаженства, мирнаго торжества избранныхъ, *впрныхъ*, спокойно зрающихъ съ высоты на горе и муки человечества, — бѣдная вѣщица должна была прошлыя несчастія искупить новыми несчастіями. Вы сестра милосердія? подите же собирать разметанные цвѣты на полѣ битвы, отгонять стаю мухъ отъ ранъ умирающаго, — васъ или унесетъ ядро, или прійметъ за маркитантку грубый злобдѣтель. Но живите съ людьми избранными, любите только красавцевъ, богатыхъ, умныхъ, счастливыхъ, напоите свою нѣжную душу ароматомъ эфирной страны, будьте цвѣтомъ въ томъ саду, княжной Лючіей въ той облачной сторонѣ, и васъ вознесутъ ввыше облаковъ.

Итакъ, Флоріани совершенно заблуждалась, воображая, будто такъ дешево раздѣлалась съ жизнью, что можетъ наконецъ жить

для дѣтей, для старика-отца, для самой-себя. Сердца, пережившая столько страшныхъ недуговъ, не могли исцѣлить нѣсколько мѣсяцевъ покоя и уединенія. Можетъ-быть даже, это уединеніе, эго бездѣйствіе было ей совсѣмъ-некстати. Переходъ былъ слишкомъ быстръ и, считая себя вполне выздоровѣвшей, добренькая Лукреція не береглась. Когда, вмѣсто той назойливой, личной любви которая породила всѣ ея бѣды, благородный, мечтательный князь де-Росвальдъ предложилъ ей безусловную преданность, чистое, достойное ея чувство, когда и онъ принялъ отъ нея съ восторгомъ объѣтъ чистой дружбы, Лукреція считала себя спасенною. Простительно ли было женщинѣ, у которой столько ошибокъ лежало и душѣ, обманывать себя до такой степени и добродушно воображать, что Провидѣніе, вмѣсто того, чтобъ наказывать, хочетъ вознаградить ее за всѣ заблужденія? Нѣтъ, непростительно; а между-тѣмъ, Лукреція, съ своей обычной наивностью, остановилась на этой мысли.

Сначала она ощутила высокое блаженство, чистую, свѣтлую радость. Кароль былъ такъ кротокъ, покоренъ, онъ заключился въ такомъ отреченіи, поддався такимъ могучимъ чарамъ, что одинъ взглядъ, одна невинная ласка — приводили его въ невыразимо упоеніе. На поверхности его существа отражалась свѣтлая непорочность; ѣдкія страсти, еще невѣдомыя, затаенныя, начинавшія бродить въ глубинѣ души его, не вдругъ разразились. Никогда еще не горѣлъ въ немъ огонь любви, никогда на груди его не билось женское сердце, и—первыя движенія такого рода были у него живѣе, глубже, нежели у юноши при первомъ пробужденіи чувствъ. Уже съ давнихъ поръ росли въ немъ эти желанія, а онъ все не хотѣлъ о нихъ думать. Онъ все обманывалъ ихъ поэзіей, набожнымъ чувствомъ къ погибшей невѣстѣ, которую ощущалъ только легкимъ прикосновеніемъ къ рукѣ. И вотъ его мечты явились въ дѣйствительности—свѣжія, робкія, трепещущія. Въ немъ оставался еще и дѣтскій страхъ, проснулась и энергія мужчины. Эта смѣсь стыдливости и восторженнаго жара придавала ему такую неотразимую прелесть, какой Флоріани еще никогда не встрѣчала. Сверхъ-того, онъ каждый день увлекалъ ее своимъ сердечнымъ сочувствіемъ, своею чистой любовью, наконецъ — энтузіазмомъ, развитія котораго она не измѣрила.

Вѣчно-безтрепетная, вѣчно-безпечная за себя предъ лицомъ своихъ поклонниковъ, Флоріани не видѣла приближавшейся бури. Могла ли она думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ того, что онъ говорилъ ей; могла ли она бояться будущаго, когда оно казалось безконечнымъ продолженіемъ этой дивной любви? Кароль обманывалъ самого-себя, обманывая своего идола; онъ, этотъ тихій и страдательный ребенокъ, побѣжденный, истерзаный страстью, все еще не вѣрилъ въ эту страсть; онъ еще жилъ обманомъ чувствъ, онъ вѣрился могуществу словъ, не постигая отбѣнокъ выражаемыхъ ими мыслей и дѣлъ. Когда онъ называлъ Флоріани «матушка».

когда онъ край ея платья прижималъ къ своимъ горячимъ губамъ, когда говорилъ, засыпая: «скорѣй умру, нежели оскорблю ее нечестой мыслью», тогда онъ считалъ себя сильнѣе человѣческой природы; онъ презиралъ бурю, которая уже завывала въ груди его.

А она—слабый ребенокъ... да! ребенокъ простодушнѣе, доврчивѣе Кароля!.. Женщина, которую на простомъ языкѣ назвали бы погубшею женщиной, она вѣрила въ эту тишину, которая казалась ей такою свѣжею, новою, животворною. Она ощущала ее въ самой-себѣ, потому-что усталость и разочарованіе утишили въ ней кровь, предохранили ее отъ внезапнаго увлеченія.

И среди этой взаимной доврчивости, такой безусловной, такой чистосердечной, что и присутствіе Сальватора нисколько не смущало ихъ, что только ихъ дѣйственные подалуи чуть-чуть побаивались взгляда дѣтей, среди этой доврчивости каждый проходящій день рылъ подъ ними бездну. Кароль уже не существовалъ самъ-собою. Его порода, вѣровавія, мать, невѣста, склонности, вкусы, общественныя отношенія—все для него исчезло. Онъ дышалъ только дыханіемъ Флоріани, видѣлъ только ее глазами; онъ не дышалъ и не видѣлъ, не понималъ и не думалъ, когда не стояла она между нимъ и внѣшнимъ міромъ. Упоеніе было такъ полно, что онъ шага не могъ сдѣлать въ жизни самъ-собою. Ни прошлое, ни будущее не тяготѣли надъ нимъ; мысль о разлукѣ съ Флоріани не имѣла для него смысла. Казалось, это прозрачное, хрупкое существо встѣло и уничтожилось въ огнѣ любви.

И, мало-по-малу, пламя пробилось сквозь обвивавшее его благовоное облако. Молнія сверкнула на небѣ, голосъ страсти раздался, какъ зловѣщій крикъ, какъ вопросъ о жизни или смерти. Постепенное, незамѣтное ослабленіе страха и благоразумія, день-за-день, дошло наконецъ до явнаго отсутствія того высокаго убѣжденія, которымъ такъ гордилась Флоріани. Неодолимое влеченіе, рядъ страшныхъ желаній, нѣжныхъ и мучительныхъ, сладость неодолемаго, могучаго упоенія—усыпили, уничтожили, одно за другимъ, всѣ заблужденія Кароля, и эта побѣда чувствъ, которую онъ считалъ унижительною для нихъ обоихъ, сдѣлала его любовью не восторженнѣе, еще безумнѣе.

Жизнь Кароля проходила въ ратованіи за духъ противъ вещества. Онъ долго вѣрилъ, что просить признанія въ любви у женщины, которая не ему принесетъ любовь-первенца—значить пасть и возвратно, безъ оправданія въ собственныхъ глазахъ. Онъ изумился, когда почувствовалъ въ себѣ такой приливъ радости, что смѣлость его замолкла; онъ сталъ ее спрашивать и нашель, что она смѣлость ошмянѣла. Она отвѣчала ему, что ей нечего разбирать въ его грѣхѣ; что она чувствуетъ себя легко; что она не знаетъ, отъ чего онъ никогда не позволитъ ей дѣйствовать за-одно съ его сердцемъ.

Флоріани, которая никогда не дѣлала такихъ метафизически различій между своими склонностями и личными интересами, которая отказывалась отъ любви только въ такомъ случаѣ, если любовь приносила несчастіе другому, Флоріани была очень-скойна, очень-горда, когда очарованіе друга черешло и на нее; казалось, что другъ навсегда останется счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Она только не жалѣла своей прекрасной мечты о снѣгвредременной страсти; гордость ея не страдала; она не оживала своего паденія. Всегда наивная и довѣрчивая, она на сценіи Сальватора отвѣчала только вопросомъ: не раскаявается Кароль, не жалуется ли на что-нибудь? А такъ-какъ блаженство Кароля въ эту минуту дошло до облаковъ, такъ-какъ самъ Сальваторъ чуть не одурѣлъ отъ изумленія, ревности и восхищенія то онъ и не нашелся, что отвѣчать.

Сальваторъ немножко страдалъ отъ этихъ приключеній, — о этотъ добрый графъ Альбани, который не ощутилъ бы подобнаго блаженства такъ сильно, какъ Кароль, но за то и не подвергъ его въ-послѣдствіи такому жестокому искушенію. Оно его тревожило, что у него пропалъ сонъ, чуть не пропали и петитъ и веселость. Но душа его была такая прекрасная, дружная, такая доблестная, что онъ побѣдилъ себя. Онъ съ чувствомъ благодарилъ Флоріани за то, что она, если и не исцѣлила навсегда ума и сердца Кароля (что, по его мнѣнію, было невозможно при подобныхъ условіяхъ), по-крайней-мѣрѣ открыла ему таинство счастья, чего не открыла бы ему ни одна женщина. Потомъ, въ предпологомъ необходимыхъ дѣлѣ въ Венеціи, Сальваторъ уѣхавъ отказавшись строить съ ними планы на будущее.

— Я вѣрочусь черезъ двѣ недѣли, сказалъ онъ: — и тогда мы скажете, на что рѣшились.

Дѣло-то въ томъ, что Сальватору стало не подь-силу смотрѣть на это счастье, которое, впрочемъ, онъ и одобрялъ и ободрялъ всего сердца. Отправляясь, онъ не сказалъ имъ, что ѣдетъ исключительно съ одной танцовщицей, которая кивнула ему въ ладоши за кудисами театра della Scala.

— Никакъ я не думалъ, рассуждалъ онъ дорогой: — что юный пуританинъ влюбится такъ сильно, что забудетъ все прочее. Стало-быть, эта Флоріани сильнѣе, обаятельнѣе змѣи; тому-что Адамъ скоро сталъ оплакивать свой проступокъ, а роль, напротивъ, считаетъ его себѣ въ честь и славу!.. Ну! Богъ, чтобъ это продлилось, чтобъ я, воротясь, не нашелъ его стыдѣ и отчаяніи!

Въ слѣдующихъ главахъ, ты узнаешь, читатель, все, что случилось, если уже и теперь не знаешь и если не предпочитаешь остаться между дверями рая и ада.

XIV.

Не смотря на привязанность князя къ Сальватору, не смотря на благодарность, которую онъ внушалъ ему своей преданностью, своей кѣпкой заботливостью, признаніемъ чистоты его блаженства, не смотря на все это, счастье такъ себялюбиво, что Кароль какъ-будто обрадовался отъѣзду Альбани. Присутствіе друга всегда невозможно смущаетъ непрерывное изліяніе упоенной души, и хотя князь открыто исповѣдывалъ Сальватору силу своей страсти, а все-таки былъ отчасти недоволенъ, замѣтивъ, что тотъ не волилъ соглашаться съ его убѣжденіемъ въ нескончаемости текущаго блаженства, въ томъ, что ни одна тучка никогда не потемнитъ этого блаженства.

Человѣкъ съ душой менѣе-чистой, менѣе-благородной, можетъ-быть, смутился бы, обнаруживъ такую невѣрность самому-себѣ, и обнаруживъ ее предъ другомъ, который могъ сравнить настоящее съ прошлымъ, могъ изобличить его въ нетвердости направленія, или, по-крайней-мѣрѣ, посмѣяться надъ внезапнымъ увлеченіемъ, какъ смѣялся прежде надъ излишней воздержностью. Но если умъ Кароля и былъ мелоченъ, то это была не дрянная мелочность: ее можно бы было назвать прелестнымъ ребячествомъ. Навности его были не такъ поразительны, не такъ полны, какъ у Флоріани, за то онъ былъ тоньше и, въ-самомъ-дѣлѣ, интересны своей противоположностью съ основными чертами его характера. Поэтому, онъ не отвергалъ того, что прежде былъ ригористъ, а теперь сталъ человѣкомъ ослабленнымъ; но признаться въ этомъ ему было невозможно. Онъ самъ того не помнилъ, онъ почти не думалъ о своемъ превращеніи. Онъ все-таки былъ убѣжденъ, что ненавидитъ умственное увлеченіе безъ права, безъ ограниченія, и еслибъ заговорили ему о другой женщинѣ, совершенно-похожей на Флоріани поведеніемъ и жизнью, но неимѣвшей того тайнаго, покорившаго его очарованія, онъ отвернулся бы съ ужасомъ и негодованіемъ. Наконецъ, на глазахъ у него, въ полномъ смыслѣ слова, лежала та повязка, которую древніе, истинные артисты въ искусствѣ символизировать страсти положили на глаза Купидону. Умъ его не измѣнился, но сердце и воображеніе украсили идола всѣхъ добродѣтелей, которыхъ онъ хотѣлъ обожать.

Флоріани, какъ можно было думать, легко привыкла къ этому уваженію, о которомъ прежде не имѣла понятія. Она, конечно, никогда не была любима и сама не любила такъ пламенно. Но такія избранныя натуры, какъ у Кароля, очень-рѣдки: она ихъ ни разу не встрѣчала. Она сама сказала Сальватору, что любила только пролетаріевъ, т. е. людей безъ имени, безъ состоянія, безъ извѣстности. Боязливая гордость всегда заставляла ее отвергать восторги людей, занимавшихъ высшія мѣста въ свѣтѣ. Все, что сколько-нибудь было похоже на связь, основанную

на личных, материальных интересах, на расчетъ, на тщеславіи, встрѣчало въ ней недовѣрчивость, почти надменность. При безконечной привѣтливости ея нрава, это стараніе убѣгать и отталкивать отъ себя важныхъ людей, или знаменитыхъ артистовъ—съ виду казалось страннымъ; но, въ сущности, это было слѣдствіе ея независимаго, отважнаго характера, а можетъ-быть и того материнскаго инстинкта, который проявлялся у ней во всемъ. Одна мысль—жить подъ покровительствомъ—была ей невыносима. Она лучше хотѣла терпѣть шероховатости неотесаннаго любовника, нежели подчиниться важной дисциплинѣ раздушеннаго педагога. Въ сущности, она сама всегда была покровительницей, всегда улучшала, спасала, или пыталась спасти людей, которые были ей милы. Кротко журила она ихъ за пороки, съ любовью исправляла ихъ проступки и—устала вести къ совершенству этихъ ничтожныхъ людей. Но — слишкомъ-беззавѣтно принесла она себя въ жертву своему подвигу. Нѣсколько вѣковъ повторяется та же исторія со всякимъ самоотверженіемъ. Кто посвящалъ себя ему, тотъ — неизбѣжная жертва; и такъ-какъ Лукреція все-таки была женщина, то и не могла терпѣть до конца. Впрочемъ, слишкомъ-много любви хотѣла она вложить себѣ въ душу: хотѣла быть въ одно и то же время и матерью любовниковъ и матерью собственныхъ дѣтей, и эти двѣ привязанности, вѣчно сталкивавшіяся другъ съ другомъ, должны были рѣшить между собой борьбу истребленіемъ той, которая была не такъ упорна. Дѣти все-таки увлекали ее, и, выражаясь метафорически, любовники, взятые изъ сиротскаго дома цивилизаціи, рано или поздно должны были въ него воротиться.

Вышло то, что ее часто ненавидѣли, проклинали люди, которые были ей всѣмъ одолжены, которые, будучи избавлены ею, не могли понять, что она приходила въ себя, когда изнемогала и теряла бодрость. Они обвиняли ее въ непостоянствѣ, въ жестокости, въ сумасбродныхъ, своенравныхъ порывахъ любви и холодности, и послѣдній упрекъ былъ отчасти основателенъ. И потому, мой милый читатель, Флоріани не должна тебѣ казаться совершенствомъ; я совсѣмъ не думалъ представить въ ней такое идеальное существо, о какомъ мечталъ Кароль. Это—личность обыкновенная, которую я предъ лицомъ твоимъ анализирую, со всѣмъ величіемъ ея инстинктовъ и слабостью исполненія, съ ея обширными замыслами и ограниченными или невѣрными средствами.

Многіе очень-милые мужчины думали, что Флоріани просто глупа, что это—существо разсѣянное, мечтательное, безразсудное, потому-что она не внимала ихъ увѣтамъ. Да и могла ли она заставить себя уважать этихъ людей, она, такъ неудачно избиравшая предметы для своего предпочтенія, она, расходившаяся съ ними для того, чтобъ найдти кого-нибудь еще хуже.

Да; у ней были враги, и она почти не замѣчала этого, потому-что у ней еще больше было друзей, и притомъ она ни во что считала чужія рѣчи; когда сердце ея было полно такими горячи-

ни привязанностями. Но тѣмъ не менѣе, всѣхъ важныхъ господъ и значительныхъ лицъ считала она себя естественными врагами. Она, по плоти и крови, осталась простолюдинкой среди поприща театральной царицы, и, усвоивъ всѣ свѣтскіе приемы, сохранила въ душѣ гордое, немножко-дикое чувство къ свѣту. Она умѣла постигнуть всѣ тонкости изящныхъ манеръ, и когда являлась на сценѣ или писала для театра, можно было подумать, что она родилась далеко отъ крестьянской хижины. Но несносно ей было слышать предположеніе, что этой благородной женщиной, этимъ языкомъ она одолжена частымъ сношеніямъ съ знатью. Она знала, что это благородство вытекало изъ ея собственнаго пониманія высшихъ условий искусства, изъ чувства прямого изящества, изъ ея врожденной гордости духа. Она захохотала, когда одинъ маленькій, неуклюжій маркизъ пришелъ къ ней въ ложу сказать, что ему всего больше въ ней нравится то, что она умѣла разгадать лучшее общество. Разъ также одна знатная дама (у которой, къ-несчастью, былъ дикій голосъ, красныя руки и волосистый подбородокъ) сдѣлала ей комплиментъ, сказавъ, что у ней видъ герцогини. Флоріани отвѣчала ей язвительнымъ тономъ: «когда передъ глазами такіе образцы, какъ ваша свѣтлость, нельзя не угадать, что прилично благородной роли». А когда знатная дама вышла, актрисса прицалась хохотать съ своими товарищами. Бѣдная герцогиня! она воображала, что доставила большую честь и удовольствіе своими похвалами!

Я все къ тому веду рѣчь, что нужно было по-крайней-мѣрѣ чудо для того, чтобъ эта насмѣшливая, гордая плебейка нашла въ себѣ столько любви и нѣжности для князя. Мы видѣли, какъ это чудо зараждалось постепенно, и потомъ— совершилось какъ-будто неожиданно. Тогда Флоріани, забывъ о своей защитѣ, проникнутая восторгомъ, вдругъ открыла въ любимомъ человѣкѣ такія прелести, которыхъ никогда не хотѣла оцѣнить въ людяхъ его происхожденія. Вѣрная своимъ предубѣжденіямъ, она никакъ не хотѣла эту грацію, это очаровательное благородство приписать полученному имъ воспитанію, усвоеннымъ отъ данной среды привычкамъ. Глядя на нихъ съ той точки зрѣнія, она скорѣй явилась бы критикомъ; но предположивъ, что источникъ всего этого заключается въ совершенствѣ его природы, въ кротости его души, въ нѣжности его чувствъ къ ней, она не устояла и вдохновилась. Всѣ бывшія наслажденія показались ей весьма непоэтическими предъ этимъ пиромъ амброзій, предъ этимъ медомъ непорочныхъ устъ, сладкихъ рѣчей, чистыхъ восторговъ ея юнаго друга.

— Я не стою такой высокой любви, говорила она ему: — но люблю тебя за то, что ты способенъ ее такъ чувствовать и высказывать. Я никогда не любила самой-себя до-сихъ-поръ; но теперь, кажется, начинаю любить себя въ тебѣ; мнѣ кажется, что я должна уважать существо, которое ты такъ чтуешь. Нѣтъ, нѣтъ! никогда не была я любима! ты моя первая любовь! говорила она

въ порывѣ сердечной откровенности. — Я искала, я жадно искала того, что теперь наконецъ нашла. А! моя душа — я считала ее изнемогшей, а она такая же дѣвственная, какъ у тебя; теперь я это знаю, могу поклясться въ этомъ передъ Богомъ!

Любовь полна такими грѣшными порывами. Для могучей натуры послѣдній всегда кажется первымъ, и дѣйствительно, если любовь измѣрять энтузіазмомъ, то Флоріани никогда такъ не любила. Энтузіазмъ ея къ другимъ людямъ бывалъ непродолжителенъ. Эти люди не умѣли ни поддержать, ни возобновить его. Привязанность на нѣкоторое время переживала разочарованіе, потомъ — начиналось великодушіе, заботливость, состраданіе, преданность, словомъ — материнское чувство; и чудно еще, какъ могли столько времени жить такъ безумно зарождавшіяся страсти, хотя свѣтъ, который судить только по наружности, дивился и негодовалъ на эти быстрые, рѣшительные разрывы. Въ каждой изъ своихъ страстей, Флоріани наслаждалась счастьемъ и самозабвеніемъ не больше недѣли, а потомъ, если годъ или два безусловной преданности слѣдовали за любовью, которая была уже признана нелѣпою и неумѣстною, — не правда ли, что это былъ такой высокій героизмъ, который стоилъ не одной жизни, посвященной человѣку достойному?

О, если достойному, то много труда, много доблести нужно для того, чтобы предаться и принести себя въ жертву? Коріоланъ, прощающій неблагождарному отечеству, выше Регула, страдающаго въ мукахъ за отечество признательное.

И въ этотъ разъ, не такъ ли же вѣтренно увлеклась Флоріани своимъ счастьемъ? И въ этотъ разъ она начала преданностью, потому-что заботилась, ухаживала за этимъ больнымъ ребенкомъ, спасала его дѣною тяжелой скорби и физическаго утомленія. Но что все это было передъ тѣмъ страданіемъ, которое перенесла она, спасая развращенныя души, или заблудшіе умы?

Право, ничто! меньше нежели ничто. Развѣ не посвящала она заботъ и бессонныхъ часовъ бѣднымъ, неизвѣстнымъ людямъ? «И за такую малость» думала она: «вотъ какъ онъ меня любитъ, какъ-будто я ему рай отворила. Теперь ужъ я не буду говорить, что меня любятъ только потому-что я нужна, или потому-что окружена кое-какимъ блескомъ. Онъ любитъ во мнѣ меня. Онъ богатъ, онъ князь, онъ человѣкъ добродѣтельный; нѣтъ у него долговъ, нѣтъ у него нравственныхъ слабостей, не увлекается онъ вредными страстями. Онъ не развратный, не игрокъ, не мотъ, не тщеславный. У него только одно честолюбіе — быть любимымъ; онъ ждетъ отъ меня не услуги, не помощи, а только счастья, которое можетъ дать любовь. Онъ не видѣлъ меня въ пору моей славы. Не поддѣльная красота, привлекавшая костюмомъ, не вліяніе таланта, торжества, не восторги толпы и соперничество похвалъ привлекли его ко мнѣ. Онъ видѣлъ меня только въ

имъ удивленіи, разоблаченную отъ всѣхъ обольстительныхъ чаръ. Мое существо, меня... о, да, онъ *меня* любитъ!

Она не подумала о томъ, что дѣйствительно было потрудитѣ понять и объяснить,—что этотъ молодой человекъ, томимый потребностью исключительной привязанности, недавно потерявшій привязанность матери, дошелъ до того возраста жизни, когда непременно долженъ былъ или полюбить или умереть; что случай, судьба (какъ говоримъ мы нынче въ романахъ) назначила этому человеку встрѣтить попеченія, нѣжность и доброту женщины, еще прекрасной и милой, и его внутренняя жизнь, такъ долго сдѣланная, забушевала, что наконецъ онъ любилъ страстно, потому что иначе не могъ любить.

Отсутствіе Сальватора, вмѣсто двухъ недѣль, протянулось больше мѣсяца. Кто удержалъ его такъ долго вдали отъ друзей? Можетъ-быть, человекъ, о которомъ не стоить и говорить;— ну, я и не буду о немъ говорить. Сальваторъ самъ былъ того же мнѣнія, потому что ни слова не сказалъ о немъ ни Каролу, ни Лукреціи. Онъ воротился къ нимъ, когда сообразилъ, что лучше бы сдѣлалъ, еслибъ не разставался съ ними.

Въ-продолженіе этого проведеннаго съ-глаза-на-глазъ мѣсяца, рай нашихъ любовниковъ былъ ясенъ, чистъ, залитъ роскошнымъ солнцемъ. Полное, непрерывное обладаніе любимымъ существомъ— вотъ единственная жизнь, какую могъ перенести Кароль. Чѣмъ больше его любили, тѣмъ больше хотѣлъ онъ быть любимымъ; чѣмъ сильнѣе овладѣвало имъ счастье, тѣмъ пламениѣе стремился онъ овладѣть счастьемъ.

Но онъ могъ овладѣть имъ только при одномъ условіи, т. е., чтобъ ничто не стояло между имъ и предметомъ его страсти. Это чудо совершалось въ его пользу больше мѣсяца, благодаря стеченію обстоятельствъ, очень рѣдкому въ дѣйствительной жизни. Всѣ дѣти Флоріани были совершенно здоровы; ни одинъ не охнулъ, не пожаловался въ цѣлыя пять недѣль. Еслибъ у Сильвіо разболѣлась голова или у маленькаго Сальватора прорѣзался новый зубъ, Флоріани захлопоталась бы съ ними и на нѣсколько дней отервалась бы отъ своего милаго князя; но оба мальчюка и обѣ дѣвочки поживали-себѣ на диво: не случалось между ними ни ссоръ, ни слезъ, ни крика, да еслибъ и было что-нибудь, Кароль не замѣтилъ бы этого, потому что онъ еще не замѣчалъ мелкихъ подробностей, короткихъ перерывовъ своего блаженства, и Лукреція употребляла самое малое время на вниманье дѣтей или на внимательство въ дѣла ихъ. Она спокойно хранила надъ ними бдительный, проницательный надзоръ; но они требовали такого легкаго, кроткаго надзора, что князь видѣлъ только одну привлекательную сторону въ этихъ священныхъ обязанностяхъ.

Старикъ Менапаче много ловилъ рыбы и выгодно продавалъ ее те дочери, то трактирщику въ Изео. Въ-слѣдствіе того, онъ былъ очень-веселъ и не разу не приходилъ ворчать на Лукрецію.

Она, по обыкновению, нѣсколько разъ въ день ходила къ нему, но Кароль не сопутствовалъ ей, такъ—что и забылъ неприятное чувство, которое внушилъ ему скупой старикъ въ первый день приѣзда. Наконецъ, никто не являлся въ виллу Флоріани, ничто не возмущало блаженнаго *tête-à-tête*.

XV.

Надо сказать и то, что князь помогъ судьбѣ счастливымъ настроеніемъ своего ума; онъ шага не сдѣлалъ къ тому, чтобъ понять странность своего положенія. Искусный въ терзаніи самого себя, привыкшій къ своимъ мрачнымъ, молчаливымъ грезамъ, онъ предоставилъ подвижному характеру и очаровательной ясности Флоріани разгонять его грустные мысли, поддерживать его умственное благосостояніе.

Они почти не разговаривали другъ съ другомъ: удивительное, единственное средство понимать другъ друга всегда и во всемъ! Любовь ихъ, стоявшая въ точкѣ зенита, выражалась только горячимъ бредомъ, только взаимными ласками, безмолвнымъ созерцаніемъ другъ друга, страстными восклицаніями, восторженными взглядами, да упительными грезами вдвоемъ.

Еслибъ можно было проникнуть въ глубину этихъ двухъ душъ, одинаково погруженныхъ въ мечты объ идеальномъ, открылся бы страшный недостатокъ сходства и единства между ними. Флоріани, увлеченная всѣмъ существомъ, звала на праздникъ своего упоенія небо и землю, луну и озеро, цвѣты и вѣтерокъ, даже дѣтей, даже иногда воспоминанія о прошломъ горѣ; Кароль, безчувственный къ красотамъ вѣшной природы, къ дѣйствительности собственной жизни, изливалъ свою возвышенную, свободную фантазію въ монологъ къ самому Богу. Онъ ужъ былъ не на землѣ, а тамъ, въ странѣ золотыхъ, благовонныхъ облаковъ, у подножія Бога, между любимой матерью и обожасмой женщиной. Когда солнечный лучъ огненнымъ цвѣтомъ обливалъ окрестность, когда аромат цвѣтовъ вѣялъ въ воздухъ, и Лукреція указывала ему на это явленіе, онъ видѣлъ картину и вдыхалъ сладость мечты; но въ дѣйствительности ничего не видѣлъ, ничего не чувствовалъ. Иногда она говорила ему: «Посмотри, какъ хороша земля!» онъ отвѣчалъ: «Я не вижу земли, я вижу только небо». И она восхищалась страстной глубиной отвѣта, не понимая его. Она глядѣла на облака, горѣвшія пурпуромъ заката, и не знала, что душою Кароль видитъ выше облаковъ, видитъ фантастическій Эдемъ, видитъ тамъ себя, гуляющаго вмѣстѣ съ нею; но въ сущности гулялъ онъ тамъ одинъ. Наконецъ, можно сказать, что Флоріани смотрѣла на дѣйствительность съ поэтическимъ чувствомъ творца *Вазерла*, а Кароль идеализировалъ самую поэзію, населялъ безконечность собственными созданіями, какъ Манердъ.

Не смотря на эти несходства, оба они заносились как только югли высоко, и насущные земные предметы не имѣли мѣста въ ихъ сердечныхъ изліяніяхъ. Обстоятельство, совершенно-противное дѣятельной, великодушно-любящей, такъ-сказать борящейся натурѣ Лукреціи. Носясь въ безконечномъ пространствѣ, она похожа была на слѣпорожденнаго, неожиданно-прозрѣвшаго, который напрасно пытался бы понять новые, невѣдомые ему предметы. Князь не могъ ей передать ничего, кромѣ неясныхъ образовъ собственныхъ видѣній. Онъ считалъ оскорбительною для Флоріани мысль, что у нея нѣтъ того далекаго провидѣнія, какъ у него; онъ думалъ, что она понимаетъ всѣ чудеса въ тысячу разъ лучше, нежели онъ могъ бы ей объяснить ихъ. А Флоріани, потерявшаяся въ безконечности, но восхищенная отважнымъ полетомъ въ невидимый міръ, не думала спрашивать его о томъ, что ощущалъ онъ. Она въ первый разъ почувствовала недостаточность человѣческаго слова,—она, такъ глубоко изучившая это слово, такъ хорошо владѣвшая имъ! Но, смущенная, какъ смущается всякій предъ лицомъ виѣшняго обожаемаго предмета, Лукреція думала, что все, что она ни скажетъ, что ни постигнетъ, все это будетъ ничто предъ тѣмъ, что мыслить и чувствуетъ Кароль.

Она еще не чувствовала усталости отъ душевнаго напряженія въ этомъ непривычномъ, небываломъ для нея странствіи, когда Сальваторъ прервалъ ихъ упительное уединеніе, и не смотря на то, какъ-будто по инстинкту, обрадовалась его приѣзду, встрѣтила его съ распростертыми объятіями. Онъ явился предъ ними върасплохъ, потому-что цѣлую недѣлю предъ-тѣмъ не писалъ, и они немного беспокоились о немъ; впрочемъ, беспокоилась больше Флоріани, нежели Кароль, хотя она не любила его такъ, какъ долженъ былъ любить его князь; но это происходило отъ ея врожденной заботливости, которой не мѣсто было въ сверхъестественныхъ мечтаніяхъ князя.

Казалось, и самъ Кароль думалъ, что онъ желаетъ возврата вѣрнаго друга; но когда послышалось бряканье остановившагося у рѣшотки виллы почтового экипажа, и Кароль еще не зналъ, въ чемъ дѣло, сердце у него замерло. Давнишнее, замолкшее и забытое предчувствіе вдругъ пробудилось въ немъ.

— Боже мой! вскричалъ онъ, судорожно схвативъ Лукрецію за руку:—мы не одни; я погибъ! Теперь лучше бы мнѣ умереть!

— Что такое? отвѣчала она:—если это незнакомый, я не прийму; а можетъ-быть, Сальваторъ; у меня сердце слышитъ. Это было бы довершеніемъ нашего счастья!

Сердце Кароля ничего не слышало; ему какъ-то невольно хотѣлось, чтобъ это былъ незнакомый, чтобъ ему отказали. Между-тѣмъ, онъ встрѣтилъ друга съ глубокимъ чувствомъ; а безотчетная грусть все одолевала его. Все-таки теперь измѣнилась эта жизнь, прелесть которой онъ такъ-хорошо постигъ, и которая не могла не пострадать отъ присутствія посторонней личности.

Сальваторъ показался ему неугомоннѣе, живѣе прежняго, разумѣя эти свойства въ матеріальномъ смыслѣ. Вдали отъ нихъ, онъ былъ не то, чтобъ счастливымъ, но за то разсѣянъ и веселъ, на зло противорѣчіямъ и промахамъ, которые встрѣчаются въ жизни, посажденной удовольствіямъ. Онъ разсказалъ все, что могъ разсказать о своемъ пребываніи въ Венеціи. Говорилъ о балахъ въ древнихъ палацахъ, о катаньяхъ по каналамъ, о музыкѣ въ церквахъ, о процессіяхъ вокругъ Площади-св.-Марка; потомъ, о нечаянныхъ, приятныхъ встрѣчахъ: съ однимъ другомъ—Французомъ, съ знакомой хорошенькой Англичанкой, съ знатными славяно-германскими особами, родственниками Кароля; наконецъ, въ лучистой призмѣ, гдѣ Кароль ужъ былъ забытъ, представилъ онъ маленькій магическій фонарь свѣта.

Во всемъ его разсказѣ не нашлось ничего неприятнаго, возбуждающаго какое-нибудь волненіе. А между-тѣмъ, Кароль чувствовалъ страшную неловкость, какъ-будто среди стройно-вязаннаго концерта вдругъ послышалась пронзительная нота какого-нибудь стараго крикуна, какъ-будто простонародный мотивъ замѣшался въ высокую мысль великаго композитора. Нельзя было заговорить съ нимъ ни объ одномъ человѣкѣ, который бы еще интересовывалъ его; ни объ одномъ предметѣ, который бы не показался ему ниже его нравственнаго настроенія, не показался бы ему недостойнымъ размышленія. Онъ хотѣлъ не слушать, а между-тѣмъ невольно слушалъ, когда Сальваторъ говорилъ Флоріани:

— А вотъ, поразкажу я тебѣ вѣстей, которыя и для тебя будутъ интересны! Встрѣтилъ я многихъ изъ твоихъ друзей, и обо всѣхъ надо будетъ разсказать, потому-что всѣ тебя любятъ; кому ни случалось видѣть тебя хоть разъ на сценѣ, никто забыть не можетъ. Видѣлъ я Ламберти, твоего бывшаго сообщника по дирекціи: онъ плачетъ о твоёмъ исчезновеніи; говоритъ, что теперь итальянскій театръ погибъ. Видѣлъ графа Монтанари де-Бергамъ, который до послѣдняго издыханія будетъ говорить только о томъ дѣлѣ, который ты рѣшилась провести въ его видѣ; видѣлъ и малютку Санторелли: этотъ вѣчно влюбленъ въ тебя!.. Графиню Корсини, которая знала тебя въ Римѣ и у которой въ домѣ ты одинъ разъ согласилась прочесть драму ея друга, аббата Варини! драма, какъ оказалось, была очень-плохая, но ты ее такъ прочла, что никто не могъ удержаться отъ слезъ.

— Не напоминай мнѣ моихъ старыхъ грѣховъ, отвѣчала Флоріани.—Вѣдь это, можетъ-быть, смертный грѣхъ—читать заботливо, сознательно какую-нибудь плоскость. Это значитъ—обманывать и автора и слушателей. Слава Богу, теперь я избавлена отъ подобныхъ проступковъ! Ну, скажи же, кого ты еще встрѣтилъ?

Кароль вздрогнулъ. Онъ не хотѣлъ думать, что все это могло занимать Лукрецію. Сальваторъ насчиталъ еще съ полдюжины лицъ, и Флоріани, которую, въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, ничто не интересовало, слушала однако съ той обязательностью, какой тре

буетъ дружба. Но въ перечнѣ Сальватора мелькнуло одно имя, которое возбуждало въ ней особое, заботливое вниманіе. Это имя было—Боккаферри, имя бѣднаго артиста, котораго она нѣсколько разъ спасала отъ мучительной нищеты, хотя никогда не чувствовала къ нему ни любви, ни малѣйшаго сочувствія.

— Какъ! опять задолжалъ до такой степени? сказала она, когда Сальваторъ передалъ ей нѣкоторыя подробности:—стало-быть, нѣтъ возможности спасти этого несчастнаго отъ безпорядочной жизни и неразсчитливости?

— Кажется.

— Ну, все-равно; надо еще попробовать.

— Я предупредилъ твое желаніе, оказалъ ему кое-какое пособіе.

— Ахъ, какъ я тебѣ благодарна! Это хорошо съ твоей стороны! Я заплачу тебѣ, Сальваторъ.

— Чтѣ за вздоръ! ты не хочешь позволить мнѣ сдѣлать добраго дѣла?

— Нѣтъ, но здѣсь твое доброе дѣло, можетъ-быть, пойдетъ не въ прокъ; ты вѣрно сдѣлала это для меня, потому-что сама очень-мало знала Боккаферри, и я увѣрена, что онъ воспользовался моимъ именованіемъ, чтобъ возбудить въ тебѣ состраданіе къ его участи.

— Нужды нѣтъ! Другой, сильнѣйшей протекціи у него не было. Впрочемъ, я люблю этого чудака; онъ меня очень забавляетъ. Онъ такъ уменъ!

— И съ такимъ талантомъ! примолвила Флоріани:—еслибъ онъ хотѣлъ и умѣлъ имъ пользоваться! Бѣдный Боккаферри!..

Кароль уже не слушалъ. Они болтали, прохаживаясь по аллеѣ парка; князь немножко отсталъ, потомъ остановился и ждалъ, оглянется ли на него Флоріани при поворотѣ изъ аллеи. Флоріани не оглянулась; они съ Сальваторомъ были очень заняты: придумывали, какъ бы употребить въ дѣло искусство Боккаферри, какъ декоратора, на какомъ-нибудь другомъ театрѣ, кромѣ Милана, Неаполя, Флоренціи, Рима, Венеціи, и проч., и проч., т. е. кромѣ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, откуда поочередно прогоняли его за безцутство и фантастическое направленіе.

— Ты говоришь, что триста франковъ, можетъ-быть, заставятъ его рѣшиться на поѣздку въ Синигалию, гдѣ ему будетъ работа, по-крайней-мѣрѣ, на праздники? Хорошо! Я ему пошлю, потому-что я понимаю, какъ должно быть горько пріѣхать человѣку въ крайности и оставить себя въ совершенную зависимость отъ заказчиковъ. Вотъ какъ плодится и множится бѣдность!

Говоря такимъ-образомъ, Лукреція только и думала о томъ, чтобъ исполнить долгъ челоѣколюбія и сострадательности; даже, по чувству стыдливости, свойственному подобнымъ подвигамъ, она понизила голосъ и ускорила шаги, чтобъ Кароль не слышалъ

ея словъ; да притомъ, она, можетъ-быть, думала, что предшеть этотъ слишкомъ-пошла для вниманія князя.

Къ-несчастью, Флоріани въ первый разъ не угадала, чѣмъ можно было угодить Каролу. Его слишкомъ занимало то, о чемъ она говорила; онъ хотѣлъ бы не проронить ни одного слова, а между-тѣмъ стыдился подслушивать противъ ея желанія. Онъ остановился; съ минуту колебался, а когда они пропали изъ вида, у него закружилась голова; онъ вообразилъ, что цѣлая бездна легла между ними.

Что же такое случилось? Отъ-чего-ему было мучиться? Ничего не случилось; но нужно меньше, нежели ничего для того, чтобы съ высоты небесной слетѣть на дно адской пропасти человѣку, летающему съ своимъ воображеніемъ, вмѣсто земли, Богъ-знаетъ гдѣ. Древніе классики, надъ которыми мы такъ глупо смѣемся, вообразили, что одна муха могла низвергнуть въ бездны пространства дерзкаго смертнаго, отважившагося управлять фобовой колесницей на небесномъ пути. Поищемъ же теперь иной, болѣе-вѣрной, болѣе-разумной метафоры, чтобы выразить свое ничтожество, ничтожество того, что можетъ сокрушить наши возвышенные восторги! Но... я не берусь за это; я могу только сказать презрѣнной прозой: князь Кароль черезъ-чуръ высоко залетѣлъ. отъ-того и трудно было ему спускаться по-немногу. Надо было упасть вдругъ, безъ всякой видимой причины. Ужь какіе борзые, мощные были солнцевы кони-исполины; а какое жалкое, маленькое насѣкомое заставило ихъ закусить удила!

Кароль ушелъ изъ сада, заперся въ своей комнатѣ и принялся ходить взадъ и впередъ, какъ-будто фурии гнались за нимъ. Это, за минуту предъ тѣмъ великодушное, твердое сердце вдругъ стало игрушкой ничтожнаго призрака. Что же это за Боккаферри, который такъ занимаетъ Лукрецію? Можетъ-быть, прежній любовникъ? Теперь онъ вспомнилъ то, о чемъ было-забылъ съ перваго для ихъ встрѣчи: вспомнилъ, что у ней было много любовниковъ. И затѣмъ она такъ увлекается воспоминаніемъ, которое недостойно ея,—тогда-какъ онъ, женихъ Лючіи, пожертвовалъ даже портретомъ своей невѣсты для того, чтобы не владѣть и изображеніемъ иной женщины, кромѣ Лукреціи?

Чѣмъ больше силится онъ объяснить себѣ естественнымъ образомъ этотъ простой фактъ, тѣмъ больше находилъ въ немъ тайны и приводящихъ въ отчаяніе сцѣпленій. Она понизила голосъ, удвоила шаги, когда говорила съ Сальваторомъ. Это было видно. Она не оглянулась въ концѣ аллеи, не посмотрѣла, идетъ ли за ними Кароль,—она, въ-продолженіе мѣсяца непроницавшая ни одной минуты, которую бы могла посвятить ему, не нарушая семейныхъ обязанностей! А теперь — идетъ-себѣ, опираясь на руку Сальватора, говорить съ жаромъ, и ужь конечно рѣчь идетъ объ этомъ возмутительномъ воспоминаніи, объ этомъ таинственномъ лицѣ, о которомъ никогда не говорила ему ни слова! Кароль и

этому дивился, какъ-будто Флоріани когда-нибудь рассказывала ему о своей прошлой жизни, какъ-будто онъ не тысячу разъ за-клиналъ ее не чернить себя передъ нимъ, забыть разомъ всѣ прошлыя волненія, чтобъ сосредоточить все свое существо въ текущемъ наслажденіи!

Къ довершенію всего—она не ѣдетъ къ нему, не спроситъ, гдѣ онъ, отъ-чего ушелъ. Минуты тянутся часами, годами!.. А Сальваторъ, безчувственный другъ, пріѣхалъ развлекать ее подобными вещами, набросалъ ядовитыхъ именъ въ чашу ихъ блаженства!... Такъ страдалъ Кароль около четверти часа, которая показалась ему вѣкомъ; наконецъ, съ трепетомъ услышалъ онъ голоса Флоріани и Сальватора, проходившихъ подъ его окномъ. Она смѣется! Сальваторъ припоминаетъ ей остроты и странности Боккаферри. Флоріани точно смѣялась; ея возлюбленный умираетъ отъ муки, а она и не думала о томъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, она вовсе не думала о томъ, бѣдная Лукреція! Она даже не беспокоилась, что нѣтъ возлѣ нея Кароля; она вообразила себѣ, что предметъ разговора для него совсѣмъ чуждый, что онъ предпочелъ зарыться въ свои привычныя грезы.

Сколько разъ, когда они, бывало, приближались къ хижинокъ Менапаче, Кароль говорилъ ей, что онъ лучше не пойдетъ туда, а подождетъ ее вотъ здѣсь, въ тѣни акацій, на берегу озера, продолжала бесѣдовать съ ней въ воображеніи!

Однако, сердечный инстинктъ заставилъ ее воротиться къ Каролю скорѣе, нежели желалъ Сальваторъ. Ему таки хотѣлось еще удержать ее въ паркѣ и заставить говорить о ея настоящей любви. Но она ужъ ступила, такъ-сказать, на дорогу замкнутости, которую открылъ ей Кароль; теперь она не торопилась по-прежнему разливаться въ простодушной довѣрчивости и дружбѣ. Теперь она боялась слабо выразить необъятность своего блаженства, боялась, что ее не вполне поймутъ. Она отвѣчала полу-словами и, съ хитростью, которая была у ней какъ-будто не своя, свела рѣчь на Боккаферри и увлекла Сальватора къ дому, потому-что искала глазами Кароля, нигдѣ не находя его.

Лишь-только вошедши въ залу, Флоріани воспользовалась первымъ предложеньемъ и отправилась на верхъ. Между-тѣмъ, Кароль дошелъ до такого страшнаго положенія, что на немъ ужъ лица не было. Онъ чувствовалъ въ груди глухой ропотъ ярости. Боясь, что не сможетъ притвориться, не рѣшаясь показаться на глаза въ такомъ видѣ и растерявшись въ конецъ, когда слышались шаги на галереѣ, онъ бросился съ лѣстницы черезъ другую дверь и, предоставивъ Флоріани искать и кликать его сколько ей угодно, убѣжалъ къ озеру.

Скоро замѣтилъ Кароль, что изъ сосѣдней рошцы вылетѣло облако табачнаго дыма, который всегда осѣнялъ главу Сальватора. Вообразивъ, что пріятель идетъ къ нему и боясь его глазъ сильнѣе, нежели глазъ Лукреціи, князь устремился въ хижинку Мена-

паче, въ той надеждѣ, что туда не прійдутъ его искать, ибо знаютъ, что онъ тамъ никогда не бываетъ. Замѣтивъ, что старикъ съ своимъ Биффи только-что отплылъ въ лодкѣ отъ берега, Кароль обрадовался возможности остаться одному еще сколько-нибудь времени, чтобъ прійти въ себя, обрѣсти силу воли и успокоить свою наружность.

XVI.

Кароль, въ-самомъ-дѣлѣ, не замедлилъ успокоиться, и тутъ же упрекнулъ себя за чудовищный бредъ. Видъ этой хижины, въ которую онъ не ступалъ ногой послѣ перваго дня пріѣзда, и которую въ тотъ разъ совсѣмъ не рассматривалъ, наполнилъ его душу страннымъ волненіемъ теперь, когда онъ остался въ ней одинъ, подъ вліяніемъ страсти.

Внутренность этого деревенскаго домика, очень-опратно прибраннаго (на что Биффи имѣлъ врожденный даръ), нисколько не измѣнилась со временъ дѣтства Флоріани. Старый рыбакъ съ большимъ трудомъ согласился на нѣкоторыя улучшения, относившіяся къ приличному виду и успокоительному уюту; но ни за что не хотѣлъ позволить исправлять мебель или поновлять грубую матерію занавѣсокъ. Былъ тутъ только одинъ предметъ, отзывавшійся цивилизаціей: это—большая гравюра, въ рамкѣ палисандроваго дерева, висѣвшая надъ постелью старика. Кароль подошелъ посмотреть на нее; то была Флоріани, во всемъ блескѣ красоты и славы, въ костюмѣ Мельпомены, съ античной діадемой на головѣ, съ открытыми плечами, съ жезломъ въ рукѣ. Красивая вишнетка окружала эту благородную фигуру; орнаменты вишетки состояли изъ разныхъ атрибутовъ музъ; тутъ были: маска Галін, полусапожекъ рядомъ съ котурной, труба, книга, перлы, мирты Калліопы, Эрато и Полимніи. Итальянское двустипіе, написанное ученымъ слогомъ, выражало ту мысль, что какъ артистка трагическая и комическая, какъ поэтъ героическій и историческій, какъ *litterata* и проч., и проч., Лукреція Флоріани соединяла въ себѣ всѣ таланты и всѣ званія, составляющія сценическую и литературную славу.

Эта гравюра была приношеніемъ римскихъ дилеттантовъ, котораго Флоріани не хотѣла помѣщать въ своей виллѣ, и которымъ старикъ завладѣлъ по тому поводу, что слышалъ, какъ одинъ изъ слугъ цѣнилъ прекрасную картину въ двѣсти фравковъ. Онъ повѣсилъ ее надъ маленькой акватинтой, которая всего больше привлекла вниманіе Кароля; она представляла дѣвочку десяти или двѣнадцати лѣтъ, одѣтую крестьянкой, съ розой на головѣ, съ большой серебряной булавкой въ волосахъ, въ тонкой, бѣлой шемизеткѣ, въ корсажѣ кирпичнаго цвѣта. Въ этомъ портретѣ не видно было особаго мастерства, но была очаровательная наивность.

То было истое простодушіе, невинность ребенка, умная мысль, простое сердцемъ и воспитаніемъ. Внизу было подписано: *Антоньетта Менапаче, писанная съ натуры, десяти лѣтъ отъ роду, своей крестной матерью Лукреціей Рамьери.*

Страшный контрастъ представляли эти два портрета: деревенскую дѣвочку и великую артистку, — никому неизвѣстнаго счастливаго ребенка и знаменитую несчастную женщину, — малютку такую милую, спокойную, съ ясной, веселой улыбкой, съ крѣпкой, какъ у мальчика, грудью, въ наглухо-закрытой плотной рубашечкѣ — и женщину такую прекрасную, такую строгую, съ выразительнымъ взглядомъ, съ гордой осанкой, съ едва-прикрытою классическимъ покрываломъ грудью... Этотъ контрастъ пробудилъ въ Каролѣ чувство ужаса и скорби. Нельзя было не согласиться, что эти два портрета похожи, что Лукреція сберегла, затаила въ своей дѣйствительной жизни много благоуханнаго, трогательнаго выраженія невинной Антоньетты Менапаче. Но все благородное, граціозное, обольстительное, что приобрѣла она, сдѣлавшись Флоріани, — все это производило впечатлѣніе, которое съ перваго раза испугало Кароля, когда онъ увидѣлъ ея образъ, украшенный, возвеличенный восторженнымъ удивленіемъ артистовъ. Этотъ яркій свѣтъ поразилъ его глаза, и онъ долженъ былъ перевести ихъ на полевую розу, украшавшую головку дѣвочки. Ему казалось, что муза, своимъ прошлымъ, ускользала изъ его ревниваго обладанія, между-тѣмъ, какъ ребенка, принадлежавшаго только Богу, никто у него не оспаривалъ.

Не смотря на то, у Кароля достало духа тщательно разсматривать музу; но какъ возмутился онъ, когда внизу виньетки увидѣлъ сдѣланную самымъ мелкимъ шрифтомъ надпись, гласившую, что эти украшенія сочинялъ и рисовалъ *Джакомо Боккаферри!*

Онъ совсѣмъ-было забылъ, а теперь опять встрѣтилъ это проклятое имя, которое, конечно, не даромъ цѣлый часъ кипятило его воображеніе. Боккаферри не былъ творецъ портрета: то была кисть болѣе-славнаго художника; но все-таки онъ тутъ работалъ; онъ, можетъ-быть, видѣлъ, какъ Флоріани стояла предъ живописцемъ въ прозрачной туникѣ, полная той юной, могучей красоты, которой только остатки достались на долю Кароля. Притомъ же, онъ, этотъ Боккаферри, очень-близко, очень-коротко былъ знакомъ съ Флоріани, потому-что безъ стыда принималъ отъ нея пособія! До какой степени человѣкъ, не совсѣмъ-дряблый, долженъ быть тѣсно связанъ съ женщиной, чтобы брать изъ ея рукъ милостыню? А если это, въ-самомъ-дѣлѣ, художникъ, котораго безпутство и развратъ довели до нищеты, то какимъ-образомъ Лукреція могла имѣть подобныхъ друзей? «Если женщина удостоилась быть любовницей князя Кароля, — какъ можетъ она вспоминать подобныя знакомства?»

Безумная гордость, порожденная любовью и ревностью, не даетъ сознанию человека облечь подобныя глупости въ опредѣлен-

ную форму; она напѣваетъ ему въ уши эти глупости такъ такъ что онъ выходитъ изъ себя, не имѣя возможности дать отчета томъ, что возбуждаетъ въ немъ эту ярость, эту тоску.

Кароль схватился обѣими руками за голову и готовъ былъ урваться ею объ стѣну. Еслибъ порывы гнѣва не были внѣ его и вычекъ и направленія, онъ истребилъ бы этотъ роковой портретъ. Но предъ яснымъ, гордымъ взоромъ, которымъ, казалось, смотрѣлъ на него портретъ, онъ мало-по-малу успокоился. Въ прекрасныхъ написанныхъ глазахъ портрета было что-то странное, этотъ задумчиво-устремленный на васъ взоръ, казалось, спрашивалъ, что вы о немъ думаете. Онъ обнялъ Кароля. Актриса какъ-будто говорила ему: «По какому праву ты меня спрашиваешь? Развѣ я принадлежу тебѣ? Развѣ ты мнѣ далъ мой талантъ, и власть? Опусти свои любопытные, наглые глаза, потому-что свои никогда не опускаю; моя гордость сломить твою».

Въ умѣ Кароля, измученномъ внутреннею борьбою, зародились разные призраки. Онъ отвернулся отъ портрета съ чувствомъ дикаго ужаса и сталъ смотрѣть на миленькую акватинту, въ которой нашелъ теперь еще новыя прелести. Мало-по-малу, очарованный невинностью этого кроткаго, глубокаго взора, онъ заплакалъ, воображая, что прижимаетъ къ сердцу темнорусую голову хрупенькой Антоньетты.

Лукреція, искавъ Кароля вездѣ, пошла спросить отца или Бюфи, не встрѣтили ли они его гдѣ-нибудь. Она вошла въ домъ и, испуганная расплаканнымъ лицомъ князя, бросилась и тоскливо прижалась къ нему, называя его разными сладкими именами, засыпая тревожными вопросами.

Кароль и не могъ и не хотѣлъ отвѣчать. Какъ ему было признаться, какъ намекнуть о томъ, что сейчасъ происходило у него? Онъ самъ того стыдился и—нужно сказать во славу любви—если увлекся Кароль порывистостью, несправедливостью бабьяго дитяти, за то скоро пробудилось въ немъ нѣжное, признательное чувство дитяти, которое стоитъ горячей любовью. Лишь только почувствовалъ онъ на себѣ эти крѣпкія объятія, когда-то укрывавшія его отъ смертныхъ страховъ, лишь-только разболѣвшимъ сердцемъ его оживило отъ прикосновенія этого материнскаго сердца,—въ мигъ забылъ онъ свой сумасбродный бредъ, тутъ же показалось ему, что онъ самый счастливый, самый искренный, самый доверчивый смертный.

Въ эту минуту, онъ скорѣе бы умеръ, нежели оскорбилъ бы свою милую намекомъ на подозрѣніе. У него подъ руками былъ еще простой и трогательный предлогъ для объясненія этихъ слезъ: онъ указалъ на акватинту, и Флоріани, тронутая такой сердечной нѣжностью, бросилась съ жаромъ цаловать изящныя руки, и красные волосы князя. Никогда не была она такъ горда, такъ счастлива впушенной ею любовью. Она и не подозрѣвала — бѣ

на: что, назадъ тому нѣсколько минутъ, ей пришлось бы ужаснуться этой любви.

— Другъ мой! говорила она ему: — я бы никогда не осмѣлилась одолжить отвращеніе, которое ты питалъ къ этому мѣсту. Ты мнѣ ничего не говорилъ, но я давно догадалась, что странности моего отца не могли тебѣ нравиться; но такъ-какъ ужь случай, или не знаю какой сердечный инстинктъ привелъ тебя въ мой родимый уголокъ, такъ-какъ мы теперь въ немъ одни, то я хочу показать тебѣ его подробно. Поди сюда!

Она взяла его за руку и повела въ глубину комнаты. Эта комната, вѣстѣ съ другою, куда они теперь пошли, да еще что-то въ родѣ кладовой, заваленной старою, переломанною, ни на что малюшко мѣбелью, которую Менапаче хотѣлъ хранить до послѣдней менки, — составляли все помѣщеніе домика.

Лукреція отворила передъ княземъ ту самую каморку, въ которой жила она въ годы своего дѣтства; эту каморку освѣщало одно узкое оконце, совсѣмъ-зросшее снаружи дикимъ виноградомъ. Кроме съ камышевой-рогожкой, прикрытой ситцевымъ, во стѣ мѣстакъ зашпаканнымъ одеяломъ; гипсовыя, грубо-выдѣланныя статуэтки, нѣсколько наклеенныхъ на стѣнахъ рисунковъ, до того полнѣйшихъ отъ времени и сырости, что ничего нельзя было на нихъ разобрать; избитый, неровный полъ, стулъ, сундукъ, маленький сосновый столикъ—вотъ что было въ жалкомъ углу, гдѣ дочь рыбака провела свои первые годы, тая въ себѣ дары силы и гения.

— Вотъ гдѣ протекло мое дѣтство! сказала она князю:—отецъ, по бережливости ли своей, или по остатку нѣжности, незаглушенной суровымъ недовольствомъ, ничего не переставилъ въ теченіе моего долгаго странствія по свѣту. Вотъ моя дѣтская постель, на которой — помню, какъ спала, поджавъ ноги; и это положеніе становилось для меня все болѣзненнѣе и болѣзненнѣе по мѣрѣ того, какъ я выростала. Вотъ, въ изголовьи, изсохшая вѣтвь благовоннаго дерева, которую я привязала къ нему въ вербное воскресенье, наканунѣ отъѣзда... наканунѣ моего бѣгства съ Раньери! Вотъ фигура Іоахима Мюрата, грубая гипсовая статуэтка, которую разнощикъ продалъ мнѣ вмѣсто лика моего патрона. А вотъ — готовило, ракушки, члвочки, — орудія, которыми я вязала рыбачьи сѣти. Ахъ, сколько я пересвускала и перервала петель, когда мысли мои уносились далеко отъ этой монотонной работы; единственной работы, которую позволялъ мнѣ отецъ сверхъ домашнего хозяйства! Сколько перестрадала я отъ холода и жара, отъ комаровъ и скорпіоновъ, отъ одиночества и скуки — въ этой маленькой темничкѣ! Съ какою радостью вылетѣла я изъ нея, не поспѣвая и проеститься съ жено, когда моя дорогая крѣстная сказала мнѣ: «Ты или захвораешь, или изуродуешь себя, если еще будешь оставаться въ этой комнатѣ и спать на этой постели. Иди ко мнѣ въ садъ. Тамъ тебѣ не будетъ такъ хорошо, какъ бы я хотѣла и

какъ бы могло быть, потому-что мужъ мой, чтобъ стать богаче твоего отца, не меньше его экономничаетъ. Но я вѣхомулку (ду помогать твоимъ нуждамъ; буду учить всему, чему тебѣ хочется учиться; ты позаботишься обо мнѣ, когда я заболѣю; и съ тобой будетъ не скучно. Я возьму тебя какъ-будто въ сѣжанки, потому-что подругой взять тебя мнѣ не позволитъ Равьери; но это не помѣшаетъ намъ мѣняться услугами!» Дивная, благородная женщина! Она угадала мои способности, она открыла мнѣ-самой!... Она же и заставила меня собрать плоды добра и зла съ древа познанія!

«А потомъ, когда ея сынъ полюбилъ меня, и старикъ Равьери прогналъ меня изъ дома, я опять переселилась въ свою бѣдную каморку; мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ. Отецъ хотѣлъ меня выдать за одного изъ своихъ деревенскихъ друзей: это былъ человекъ слишкомъ-старый для меня, грубый, скупой, серантый; его прозывали *Манджіафоко*. Я боялась его, пряталась отъ него въ кустарникъ, что растетъ по берегу; а когда отецъ ночью уходилъ ловить рыбу съ фонаремъ, я запиралась въ этой каморке со страхомъ и трепетомъ, потому-что видѣла, какъ *Манджіафоко* бродилъ около дома. Мой возлюбленный юноша хотѣлъ убить его. Я каждую минуту дрожала отъ ужаса, потому-что *Манджіафоко* скорѣе способенъ былъ къ убійству.

«Эта жизнь была невыносима. Когда я умоляла отца защитить меня отъ злаго человека, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Онъ тебѣ не желаетъ; онъ любитъ тебя безъ памяти. Поди за него; онъ богатъ и будешь счастлива». Я попыталась-было воспротивиться, — отецъ началъ упрекать меня въ безумной любви къ хозяйскому сыну, грозилъ принести въ жертву грубой страсти *Манджіафоко*, который способенъ былъ и безъ моего согласія взять меня за себя. Я знала, что отецъ мой этого не сдѣлаетъ, потому-что слышала, какъ онъ говорилъ *Манджіафоко*, что убьетъ его, если онъ только задумаетъ пугать меня. Но если онъ былъ способенъ такъ мстить за чуждую дочь, за то не былъ такъ деликатенъ, чтобъ не попытаться склонить ее къ немилому браку страхомъ. При всемъ этомъ, сестра моя какъ меня терзала. У крѣстной матери я успѣла привыкнуть къ своимъ собственнымъ занятіямъ. Несносное вязанье давало моему воображенію слишкомъ-широкое раздолье. Меня душили мои мечты и желанія; я такъ и рвалась въ иной міръ, совсѣмъ-противный тому въ который хотѣли меня втолкнуть. И вотъ, послѣ долгихъ отговорокъ, я приняла предложеніе Равьери. Наша любовь была еще порочна: онъ клялся, что никогда не разлюбитъ меня, что отецъ узнавъ о его бѣгствѣ, согласится на бракъ нашъ. Однимъ словомъ онъ меня укралъ, и вотъ черезъ это-то оконце пробралась я въ глухую ночь, съ помощію брошенной подъ ноги доски, потому что подъ окномъ стояла вода.

«Ну! въ этотъ разъ не весело покидала я свое бѣдное гнѣздо. Былъ и страхъ, и совѣсть упрекала за проступокъ; да кро-

того, разставаться со всею этою ветхой утварью, мирной, безмолвной свидѣтельницей моихъ дѣтскихъ игръ и первыхъ грѣзъ, было невыразимо-жалко; какъ-будто пробуждалось во мнѣ предчувствіе горя и бѣды, на которыя шла я; или, можетъ-быть, то была призванность, какую обыкновенно чувствуютъ люди даже къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ всего больше страдали.»

Флоріани не кстати рассказала Каролю этотъ отрывокъ изъ своей жизни. Она хотѣла открыть ему свое сердце; князь слушалъ въ смущеніи. Ей воображалось, что такъ и слѣдуетъ, что онъ чувствуетъ къ ней признательность. Но у Кароля на этотъ разъ силы были такъ истощены для того, что онъ не способенъ былъ слушать подобнаго рода исповѣдь, въ которой еще встрѣтилось имя прежняго любовника. Ему было слишкомъ-тяжело; не могъ онъ перервать Флоріани какимъ-нибудь замѣчаніемъ; но по лицу его катился холодный потъ, и дѣйствующія лица разказа неотступно, мучительно кружились у него въ головѣ.

Между-тѣмъ, этотъ разказъ былъ истиннымъ оправданіемъ Флоріани въ ея первомъ проступкѣ, роковомъ источникѣ всѣхъ послѣдующихъ. Кароль чувствовалъ, что не имѣетъ права отказать ей во вниманіи, что въ этомъ мѣстѣ, въ этомъ часѣ была какая-то торжественность, отъ которой онъ не могъ убѣжать.

— И безъ этого разказа, проговорилъ онъ наконецъ съ усиліемъ:—я зналъ, что въ васъ никогда не было дурныхъ побужденій. Одинъ разъ я вамъ сказалъ: что въ другихъ людяхъ дурно, то для васъ—хорошо. Дѣвушка, убѣжавшая отъ старика-отца—преступница; но ты, Лукреція, ты, можетъ-быть, должна была вырваться изъ-подъ его власти. Боже мой! Не даромъ не могу я смотрѣть на этого старика безъ неприятнаго чувства!

— Не торонись осуждать его, желая смягчить мою вину, возразила Флоріани. — Ты неврѣно судишь о немъ; ты его не знаешь. Вотъ я обвиняла его,—теперь позволь показать тебѣ его лучшія стороны. Я обязана это сдѣлать, не правда ли?

Кароль вздохнулъ, дѣлая утвердительный знакъ: онъ не могъ не уважать дочерней любви Лукреціи; но внутреннее его чувство не могло допустить скупости и безчувственнаго деспотизма подобнаго отца. А между-тѣмъ, у него-самого, въ этомъ ревнивомъ чувствѣ, была такая скупость на Лукрецію, какой у Менапаче никогда не бывало, ни въ отцовской власти, ни въ домашнихъ расчетахъ.

XVII.

— Люди никогда не бывали логичны и полны ни въ хорошихъ, ни въ дурныхъ своихъ качествахъ, говорила Флоріани:—чтобъ не перейти изъ одной крайности въ другую, отъ крайняго уваженія къ крайнему негодованію, чтобъ сохранить любовь и довѣріе къ

тѣмъ, кого мы обязаны любить, для этого надо составить себѣ о нихъ вѣрное понятіе, надо спокойное смотрѣть на добро и зло, а главное — не забывать, что у большей части людей иногда порокъ есть не что иное, какъ излишекъ добродѣтели.

«Порокъ моего отца — скопидомство; говорю это прежде всего, чтобъ потомъ было понятно, что добродѣтель его — духъ правоты и фанатическое уваженіе принятыхъ правилъ. Онъ страстно любить деньги, какъ всѣ простолюдины, но отличается отъ прочихъ тѣмъ, что украсть соломенку — для него преступленіе. Мелочность его состоитъ въ постоянномъ отвращеніи отъ мотовства, которое ведетъ къ нищетѣ; его величіе заключается въ скупости, которая вся клонится къ пользѣ тѣхъ, кого онъ любитъ, даже со вредомъ для его собственнаго благосостоянія, здоровья, чуть не жизни.

«И вотъ — онъ копить, скаречно, грязно, надо признаться, копить — я ужъ не знаю, какую ничтожную казну, запятанную, вѣроятно, гдѣ-нибудь здѣсь, въ этой хижинѣ. Изрѣдка скупаетъ онъ небольшіе клочки земли, думая основать на ней будущую честь и славу своихъ внучатъ. Попытайся убѣдить его, что хорошее воспитаніе, вѣрное направленіе и способности всего нужнѣе для дѣтей — никакъ не убѣдишь. Онъ все крестьянинъ и тѣломъ и душой; онъ понимаетъ только то, что видитъ. Онъ знаетъ, какъ трава растетъ, какъ хлѣбъ родится и, не подозревая, что тутъ кроется чудо, непроницаемѣ всѣхъ дѣлъ человеческихъ, преспокойно говорить, что это *дѣло естественное*. Говори ему о вещахъ въ-самомъ-дѣлѣ естественныхъ, объяснимыхъ: о пароходѣ, на примѣръ, о желѣзной дорогѣ, — онъ улыбнется и не будетъ отвѣчать. Онъ вѣритъ только въ существованіе того, что видѣлъ, и если предложить ему сходить на ту сторону озера, чтобъ убѣдиться собственными глазами, — онъ не пойдетъ, боясь, что его морочать.

«Моя жизнь ни въ чемъ не убѣдила его — ни въ искусствѣ, ни въ силѣ умственныхъ даровъ, ни въ обиліи идей. Онъ ни разу не спросилъ меня о подобныхъ вещахъ, и никогда не сталъ бы слушать съ удовольствіемъ того, что для него совсѣмъ-чуждо. Онъ видитъ, что я нажила состояніе съ помощью искусства и, еслибъ не особое обстоятельство, сталъ бы совѣтовать мнѣ попытать счастья въ другой разъ. И въ этомъ случаѣ онъ рассуждаетъ очень-спеціально и очень-наивно: «Ваша братья-художники, — вы много «наживаете денегъ, да за то проживать-то ихъ вамъ надо еще «больше. У васъ такая повадка дѣлается отъ-того, что вы все «другъ съ дружкой знаете, да по свѣту рыскаете. Трудн- «тесь-трудитесь изо всѣхъ силъ, а радости-то вамъ почти и все- «го ничего. А вотъ я — ничего не трачу, не люблю веселить- «ся, за то хоть мале добываю, не что добуду, то ужъ берегу. «Стало — быть, мре ремесло и пріятнѣе и прибыльнѣе вашего: вы «бѣдны, а я богатъ; вы въ неволѣ, а я на волѣ!»

«Вотъ отъ-чего онъ мало цѣнитъ мою славу, такъ мало ею восхищается. Ему ничто въ ней не льститъ; и, если сказать правду, тотъ родъ презрѣнія къ моимъ успѣхамъ мнѣ кажется самою любопытною, самою почтенною чертою его характера. Въ этомъ пройденномъ мною поприщѣ такъ много противорѣчій съ его первобытными понятіями, что онъ не могъ сохранить ко мнѣ свою нѣжность; впрочемъ, собственно-такъ-называемая нѣжность никогда не жила въ его сердцѣ. У него все сбивается на строгую, холодную правоту. Когда мать моя, произведши меня на свѣтъ, умерла родами, онъ далъ обѣтъ не жениться, если я останусь жива; потому-что, по его мнѣнію, матиши никогда не любить дѣтей отъ перваго брака,—и сдержалъ свое слово, не изъ любви къ женинной памяти, а по чувству долга въ-отношеніи ко мнѣ. Съ какими заботами, съ какою неусыпностью воспитывалъ онъ меня: не всякаго бы достало на то, чтобъ нянчиться съ крошечнымъ ребенкомъ; при всемъ томъ, я увѣрена, что онъ никогда ни разу не поцаловалъ меня. Онъ ни разу не подумалъ объ этомъ, ни разу не почувствовалъ желанія прижать меня къ сердцу; онъ и теперь говоритъ, что я балую дѣтей, отъ-того, что ласкаю ихъ. Онъ спрашиваетъ, что имъ проку въ этихъ ласкахъ, какая имъ прибыль будетъ отъ нихъ. Когда, не выдавшись пятнадцать лѣтъ, бросилась я, наконецъ, къ его ногамъ, съ жаромъ высказывала ему свое раскаяніе, старалась оправдать свои проступки, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Все это не мое дѣло; я не понимаю ничего, что позволено, что не позволено въ томъ свѣтѣ, про который ты говоришь. Ты не хотѣла выйти замужъ по моему вѣбору, ты меня ослушалась. Вотъ за что мнѣ надо тебя упрекать. Ты полюбила сына своего хозяина, довела его до непослушанія отцу — это дурно, на это я могу досадовать. Тѣхъ людей сужь нѣтъ на свѣтѣ; ты вотъ воротилась, надѣлала мнѣ подарковъ. Ужъ извѣстно, что мнѣ съ тобой дѣлать! Не будемъ поминать прошлаго,—всему есть конецъ; я тебя прощаю, съ тѣмъ только, чтобъ ты дѣтей своихъ воспитывала разумно, въ порядкѣ». Потомъ онъ протянулъ мнѣ кончикъ руки и—все тутъ.

«Видишь ли, другъ мой! во время моей театральной жизни, мнѣ часто случалось всматриваться въ домашнюю жизнь артистовъ: я расскажу тебѣ, что дѣлается тамъ почти вообще. Артистъ, особливо драматическій, всегда выходитъ изъ самаго бѣднаго, темнаго круга. Родители ли назначать ему быть ихъ кормильцемъ, случай ли или покровительство постороннихъ лицъ развернетъ и приложитъ къ дѣлу его способности,—ужъ онъ, хоть будь ребенокъ, тутъ же обязывается содержать, перевозить, одѣвать, кормить, даже забавлять свое семейство. Онъ и долги за братьевъ платитъ, онъ и сестеръ воспитываетъ, онъ и всю свою заработку кладетъ въ ростъ, чтобъ обезпечить отца и мать порядочнымъ пенсіономъ, если когда-нибудь захочется ему выкупить свою свободу.

«Всего чаще на женщинъ падаетъ эта суровая необходимость:

Хорошо еще, если не употребляют во зло ихъ силу, здоровья и — что всего хуже — честнаго имени за какую-нибудь минутную прибыль, за то, чтобъ цѣною позора не допустить свойственниковою пасть въ общественномъ мнѣніи.

«Если, случайно, дѣвочка, поступившая на театр, окажется съ характеромъ, съ гордостью; если она сама съумѣетъ сберечь свою невинность, или почувствуетъ отвращеніе отъ безстыдныхъ вышешій; если она обнаружитъ грозную попытку вырваться изъ своей семьи, — семья тутъ же сгибается, дрожитъ, льститъ, ползаетъ. Я видѣла ихъ, этихъ родственниковъ; видѣла, какъ, бывало, держать они за кулисами платки и вичуры, чуть не цалуютъ ножки, танцующія за тысячу франковъ въ вечеръ: дома правятъ должность лакеевъ, строятъ пуховое гнѣздышко для курочки съ золотыми яичками, доходятъ, наконецъ, до безпримѣрнаго угожденія, до самыхъ унизительныхъ ласкъ, до самой подлой лести, — и все для того только, чтобъ имѣть честь и выгоду состоять при знаменитой кокеткѣ, примадоннѣ, или даже просто при модной прелестницѣ.

«Подобныя семейки заставляли меня плакать со стыда, и когда, бывало, вспомню объ отцѣ, крестьянинѣ, который не хотѣлъ оставить рыбацкихъ сѣтей и прійдти раздѣлять со мной довольство и роскошь, который отказался отвѣчать на мои письма, получалъ отъ меня деньги и клалъ ихъ въ приданое моимъ же дочерямъ, а самъ продолжалъ вставать до свѣта, спать подъ соломенной крышей, пытаться Богъ-знаетъ чѣмъ, — мнѣ вдругъ покажется, что я очень-знатнаго происхожденія... тогда я страшно гордилась своей простонародной кровью!

«Конечно, во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, вездѣ есть примѣсь ничтожнаго и смѣшнаго. Правда, отецъ мой отказывался получить отъ меня письма, когда я забывала заплатить за нихъ впередъ; правда, и нынче онъ жалуется на мое, какъ говорить онъ, мотовство; продавъ рыбу, показываетъ Селіо серебряную монету съ торжественнымъ видомъ и говоритъ: «Въ твои лѣта, я ужъ ихъ добывалъ, да вотъ и въ теперешнія свои лѣта добываю. Я тебѣ ихъ дамъ на подмогу, когда ты начнешь жить самъ-по-себѣ, когда самъ захочешь добывать». Правда и то, что еслибъ онъ увидѣлъ, какъ я даю сто франковъ несчастному, безпомощному собрату, онъ бы тутъ же проклялъ меня. Часто я принуждена бываю снисходить къ его шероховатостямъ, но зато всегда принуждена уважать его гордость, его крестьянское упрямство. Онъ суровъ съ другими, а съ собой еще суровѣе. Онъ работаетъ такъ усердно, какъ молодой; никогда не покажется ни нескромнымъ, ни назойливымъ; живетъ-себѣ, завернувшись въ свой стоицизмъ, не думая о томъ, чего не понимаетъ. Сколько есть людей, которые на его мѣстѣ были бы мнѣ вѣчно самою неприятною помѣхой, називались бы у меня за столомъ, заставляли бы меня краснѣть за ихъ грубыя ухватки или низости. Положеніе отца моего въ-отношеніи ко мнѣ

очень-щекотливо, а онъ, нисколько не думая о немъ, не приравниваясь къ нему, сохранилъ все свое достоинство, свою независимость, свое ему свойственное благородство. Осыпанный моими дарами, онъ можетъ еще считатьъ себя главой и покровителемъ семейства, потому-что работаетъ и наживаетъ на благо этого семейства. Миѣ смѣшны его средства, но не намѣренія. Итакъ, Кароль, понимаешь ли ты теперь, что я люблю и уважаю моего старика? Ты не замѣтилъ, что я похожа на него лицомъ? А въ характерѣ у меня, думаешь, ничего нѣтъ его?

— У тебя? вскричалъ Кароль:—Боже мой! разумѣется, ничего.

— У меня? Я многимъ обязана гордости, которая у меня въ крови, возразила Лукреція.—Я бывала въ трудныхъ обстоятельствахъ; любили меня богатые люди; были у меня друзья, отъ которыхъ я могла принять пособіе безъ всякаго безчестія; но мысль подвергать другихъ лишеніямъ или усиленнымъ трудамъ, миѣ, молодой, сильной, трудолюбивой,—эта мысль была для меня невыносима. Меня обвиняли очень во многомъ, преувеличивали мои прогупки; но ни малѣйшая тѣнь сомнѣнія въ моей независимости и честиности не заходила въ умы людей самыхъ неблагорасположенныхъ ко миѣ. Я была директрисой театра, не пропускала существенныхъ выгодъ, входила въ такъ-называемыя аферы; эти аферы были и сложны, и трудны, и щекотливы. Среди столькихъ замысловъ, суеты и хлопотъ, у меня было постоянное правило—лучше отдать вдвое, нежели оспорить какой-нибудь сомнительный случай. Не было у меня скопидомства, но былъ порядокъ; я помогала другимъ, но сама не пришла въ упадокъ, не разорилась. И все это потому, что я не дѣлала глупостей въ угоду самой-себѣ. Порядочнѣе, благоразумнѣе та женщина, которая даетъ бѣднымъ что у ней есть, нежели та, которая тратитъ на бездѣлушки и экипажи то, чего нѣтъ у нея. Никогда не было у меня охоты блистать роскошью. Имѣть малоцѣнную вещицу, въ которой видны смысленность и вкусъ мастера, было для меня гораздо-приятнѣе, нежели осыпать себя брилліантами. Доброе и истинное люблю я больше, нежели то, что блеститъ и увлекаетъ. Никогда не принуждала я себя такъ воздержничать, какъ мой отецъ; но склонность къ умѣренности миѣ врожденна. Одна любовь не покоряется у меня духу умѣренности, и вотъ единственная черта, которою отличаюсь я отъ отца; но если не дошла я до корыстнаго разврата, не сдѣлалась какой-нибудь наложницей; если обольстительныя предложенія не склонили меня, когда я, шестнадцати лѣтъ, очутилась безъ всякихъ средствъ къ существованію; если я еще могу звучать почтеніе даже тѣмъ, кто злословитъ меня,—все это, по-вѣрь миѣ, потому, что я дочь старика Менапаче. Согласись же, что наружность обманчива, что природа кладетъ прочную связь, глубокия соотношенія между существами, которые съ перваго взгляда кажутся совсѣмъ различными.

— Все это удивительно, отвѣчалъ проникнутый глубокою гру-

стать Кароль: — должно быть, вы правы. Однако, пойдите к Сальватору; онъ, я думаю, насъ ищетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразила Флоріани: — онъ усталъ съ дороги и спитъ въ саду подъ миртами. Пойдемъ къ дѣтямъ; я ихъ ужь съ часъ не видала.

Она для перваго раза слишкомъ-много наговорила Каролю существеннаго; ей хотѣлось воспользоваться случаемъ, чтобъ помирить его умъ съ искренно-любимымъ ею отцомъ. Но есть такія положенія, которыя воспринимаются умомъ, не задѣвая сердца. Кароль понималъ, что Флоріани держала разумную защитительную рѣчь съ цѣлью оправдать человѣческую природу. А онъ возмущался дѣйствительностью; онъ не могъ встрѣчать человѣческіе недостатки съ инымъ чувствомъ, кромѣ вѣжливости — этого обманчиваго, ложнаго великодушія, при которомъ сердце можетъ оставаться холоднымъ, съ которымъ можетъ ужиться непобѣдимое отвращеніе.

По мнѣнію Кароля, для Флоріани нужна была иная, болѣе-достойная ея середина, т. е. такая середина, какой ни для кого не существовало: болѣе-обширное, но такое же тихое озеро; болѣе-живописный, но такой же удобный и здоровый домъ; не такъ дорого купленная, но такая же блистательная слава, а главное — болѣе-замѣчательный, болѣе-поэтический и все-таки продолжающій ловить форелей отецъ. Каролю нравилось это деревенское происхожденіе, эта родная избушка, эти сѣти, развѣшенные на прибрежныхъ ивахъ; но чтобъ успокоился духъ его на этихъ предметахъ, чтобъ помириться онъ съ ними, для этого необходимо-нуженъ былъ театральнѣй, такъ сказать, эпическій крестьянинъ, горецъ Шиллера или Байрона. Шекспира онъ любилъ очень-условно: онъ находилъ, что характеры его слишкомъ-изучены, слишкомъ-выпукло очерчены, что языкъ ихъ слишкомъ-вѣренъ дѣйствительности. Онъ больше любилъ эпическіе и лирическіе синтезы, которые оставляютъ въ тѣни бѣдныя подробности человѣчества: вотъ отъ-чего онъ почти не говорилъ, чуть слушалъ, не хотѣлъ ни облечь къ опредѣленную форму своей, ни обнять чужой мысли, если только эти мысли не восходили до извѣстной высоты. Рыться въ нѣдрахъ земли, чтобъ изслѣдовать благотворные и зловердые ея соки, чтобъ знать, какъ пользоваться ея силами, какъ извлекать плоды ея производительности, — было, по его мнѣнію, занятіе низкое, возмутительное. Но рвать пышные цвѣты, восхищаться ихъ красотой и ароматомъ, не заботясь о трудахъ и искусствѣ садовника, — вотъ благая часть, которую избралъ онъ въ сей жизни!

Поэтому, Флоріани, думая дѣйствовать на него, проповѣдывала въ пустынѣ. Онъ слушалъ ее внимательно; но во всѣхъ ея рѣчахъ его восхищало только общее: доброта ея сердечныхъ стремленій. Но не могъ онъ оправдать того, зачѣмъ она допускала зло, чтобъ не отвергать добра. Этотъ пунктъ былъ діаметрально-противоположенъ его понятіямъ. Между-тѣмъ, онъ составилъ себѣ высокую идею объ обязанностяхъ дѣтей; но между обязан-

востью и чувствомъ, между вѣдшимъ дѣйствіемъ и внутреннею симпатією онъ умѣлъ дѣлать такое различіе, какого совѣтъ не знала Флоріани. На ея мѣстѣ, онъ не пытался бы оправдать скудность Менапаче, ибо, чтобъ найти достойную уваженія сторону въ этомъ порокѣ, надо было начать признаніемъ, что онъ есть и въ немъ—самомъ. А Кароль, напротивъ, отрекся бы отъ него, или хранилъ бы о немъ глубочайшее молчаніе, что, надо правду сказать, гораздо-легче.

Притомъ, Флоріани, говоря о себѣ, еще-таки сдѣлала ему много зла. Она произносила такія слова, которыя его словно огнемъ жгли. Она говорила, на-примѣръ, что не была *наложницею*, описывала нравы подобныхъ себѣ существъ съ ужасающей истинноі; рассказывала про свою любовь, сама назвала своего первого любовника. Кароль хотѣлось бы, чтобъ она и понятія объ этомъ не имѣла; не знала бы, что зло существуетъ въ мірѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, забывала бы объ этомъ, говоря съ нимъ. Наконецъ, къ довершенію полноты своихъ фантастическихъ требованій, ему хотѣлось, чтобъ добрая, нѣжная, любящая, страстная, дѣтлобная Лукреція была въ то же самое время блѣдная, невинная, строгая, дѣвственна Люція. Кромѣ этого, онъ ничего и не просилъ бы больше, блѣдный поклонникъ невозможнаго!

XVIII.

Сальваторъ, спавшій въ саду подѣ тѣнью, только-что проснулся въ совершенномъ удовольствіи и весельѣ. Когда человекъ чувствуетъ себя особенно-развязнымъ и удовлетвореннымъ черезъ край, тогда онъ неспособенъ наблюдать или угадывать чужое горе или несприятное расположеніе. Сальваторъ не замѣтилъ блѣдности и разстройства Кароля, а Флоріани объясняла себѣ эту блѣдность и разстройство горькими слезами, которыя онъ, въ порывѣ любви и чувствительности, пролилъ предъ ея портретомъ, и потому не беззаконлась.

Если дитя страдаетъ тайною скорбію, ему хочется, чтобъ попытки ея затантъ эту скорбь исчезали предъ тонкой, сердечной проникательностью людей, которыхъ онъ любитъ; а между-тѣмъ, молчитъ изъ гордости и несправедливо ропщетъ на ихъ равнодушіе, потому-что они не улавливаютъ вокругъ него. Есть много людей, которые въ этомъ отношеніи надолго остаются дѣтьми; Кароль особенно подходилъ подѣ эту категорію. Развязная, шумливая веселость Сальватора все больше и больше огорчала его, и ясность Лукреціи, которая до-сихъ-поръ сообщалась ему по закону притяженія, теперь въ первый разъ потеряла надъ нимъ свое благотворное вліаніе.

Въ первый разъ также стали утомлять его шумъ и непрерывная возня дѣтей. На глазахъ у матери, она обыкновенно бывала тиха;

но за объѣдомъ ихъ до того расшевелили и восхитили дружеская хлопотливость, ласки и смѣхъ Сальватора, что они подняли страшную тревогу, проливали вино на скатерть, пѣли изо всѣхъ силъ, повторяя одинъ и тотъ же припѣвъ, какъ тѣ зяблицы, которыхъ Голландцы заставляютъ драться и держать при этомъ большія пари. Селіо разбилъ передъ собой тарелку, и собака его принялась такъ лаять, что ничего не стало слышно. Флоріани не слишкомъ строго смотрѣла на все это; она невольно смѣялась ребячествамъ Сальватора и забавнымъ отвѣтамъ своихъ дѣтей, упоенныхъ весельемъ, выходящимъ изъ себя отъ удовольствія, какъ обыкновенно бываетъ съ малютками нервнаго сложенія, когда ихъ чѣмъ-нибудь затронуть.

Кароль, въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ, каждый день восхищался граціей и благородствомъ этой группы дѣтей, и любилъ ихъ нѣжно, по отношенію къ ихъ матери. Флоріани знала въ немъ безконечное стремленіе къ той нѣжности, которую онъ выказалъ такъ смутно, которая проявилась въ этихъ тонкихъ, поэтическихъ наблюденіяхъ надъ различными родами красоты и способностей дѣтей. Не смотря на то, дѣти не любили его; они его какъ-будто боялись и — трудно объяснить, отъ-чего его кроткія улыбки, его нѣжная привѣтливость встрѣчали въ нихъ какую-то нерѣшительность и робость. Даже собака Селіо не шевелила ушами и не махала хвостомъ, когда князь, глядя на нее, произносилъ ея имя. Животное знало, что онъ говоритъ о немъ благосклонно, но знало также и то, что онъ никогда до него не дотрогивался; что какое-то непонятное физическое противодѣйствіе заставляетъ его бояться даже легкаго прикосновенія къ какому бы то ни было животному.

Если ужъ собаки одарены тайнымъ инстинктомъ не довѣрять тому, кто имъ не довѣряетъ, то не удивительно, что и у дѣтей есть внутренній голодъ, по которому они угадываютъ приближеніе тѣхъ, кто ихъ не любитъ. Кароль вообще не любилъ дѣтей, хотя никогда этого не говорилъ, хотя не признавался въ томъ самому-себѣ. Напротивъ, ему казалось, что онъ ихъ очень любитъ, потому-что видъ хорошенькаго ребенка пробуждалъ въ немъ нѣжное чувство поэта и восторгъ художника. За то дурнаго или искалеченнаго ребенка онъ боялся. Жалость, которую онъ ощущалъ при видѣ подобнаго малютки, была такая болѣзненная, что онъ отъ-того самъ становился не на шутку боленъ. Онъ не хотѣлъ помириться ни съ однимъ физическимъ недостаткомъ въ ребенкѣ, точно такъ же, какъ не хотѣлъ простить ни одного нравственнаго недостатка человѣку взрослому. Дѣти Флоріани, совершенно-милыя и кроткія, очаровали его. Но еслибъ какая-нибудь немочь исказила одного изъ нихъ, Кароль, кромѣ душевной скорби, почувствовалъ бы невыносимую непереносимость. Онъ бы никакъ не рѣшился дотронуться до него, не только-что взять его на руки, или приласкать. Глупое или злое дитя у него на глазахъ казалось бы

ему лавой, отравой жизни; не думая исправлять несчастнаго, онъ заперся бы у себя въ комнатѣ, чтобъ не видѣть и не слышать его. Притомъ, онъ любилъ дѣтей воображеніемъ, а не сердцемъ. Сальваторъ говорилъ, что онъ готовъ обречь себя на всякую скуку для того только, чтобъ наслаждаться отцовскимъ чувствомъ; а Кароль не могъ безъ содраганія подумать о послѣдствіяхъ, которыя могли произойти отъ его связи съ Лукреціей.

Въ концѣ обѣда, Селіо, въ припадкѣ неистовой веселости, разрѣзывая какой-то фруктъ, довольно-сильно обрѣзалъ себѣ руку. Увидѣвъ брызнувшую кровь, ребенокъ испугался и готовъ былъ заплакать; но Флоріани съ удивительнымъ хладнокровіемъ и присутствіемъ духа взяла его руку, обернула салфеткой и, улыбаясь, сказала ему:

— Ну, что жъ такое? ничего! Вѣдь это у тебя не первая и не послѣдняя рана. Продолжай любопытную исторію, которую началъ намъ рассказывать; я позабочусь о тебѣ, когда кончишь.

Этотъ урокъ твердости не былъ безплоденъ: Селіо размѣлся. Но Кароль, который при видѣ крови чуть не упалъ въ обморокъ, не могъ понять, какъ достаетъ у матери духа на такое спокойствіе. Но что было съ нимъ, когда, по выходѣ изъ-за стола, Флоріани обмыла рану, подносила къ ней губы, дѣлая ловкую перевязку твердой, безтрепетной рукою! Князь никакъ не допускалъ, чтобъ женщина сама лечила своихъ дѣтей; его ужасала эта энергія, которой онъ въ себѣ вовсе не чувствовалъ. Между-тѣмъ, какъ Сальваторъ помогалъ Лукреціи дѣлать ея легкую операцію, Кароль удалился на крыльцо, не хотѣлъ смотрѣть, а все-таки неволью видѣлъ эту простую житейскую сцену, которая въ его глазахъ принимала размѣры драмы.

И здѣсь, какъ вездѣ—и въ большомъ и въ маломъ—проявилось въ немъ то же нежеланіе сблизиться съ жизнью тѣснѣе, грудь съ грудью, и тогда какъ Флоріани, проворная, живая, дѣлала перевязки страшнымъ недужнымъ безъ ужаса и отвращенія, Кароль не рѣшился бы дотронуться до нихъ пальцемъ.

Селіо совершенно успокоился послѣ спасительной перевязки, но прочія дѣти все еще не пришли въ себя. Дѣвочки, особливо Беатриче, смотрѣли какъ потерянные, а малютка Сальваторъ, быстро переходя отъ радости къ гнѣву, а потомъ къ горю, сдѣлался такимъ неугомоннымъ, разразился такими неутѣшными, отчаянными криками, что Лукреція принуждена была сама къ нему обратиться: пригрозила ему, потомъ взяла его на руки и принялась насильно укладывать спать. Въ первый разъ Кароль услышалъ эти крики, или, лучше сказать, въ первый разъ былъ расположенъ заиѣтить, что малютка—какъ бы онъ милъ ни былъ, всегда имѣетъ деспотическія склонности, всегда своеобразливъ, упрямъ, и все это проявляетъ пронзительными криками. Неистовство и горе Сальватора, его рыданія, его непритворныя слезы, которыя лились у него по щекамъ, какъ дождевые потоки по лепесткамъ розы, его

хорошенькія ручонки, бившіяся, хватавшія за волосы мать, борьба съ нимъ Лукреціи, ея твердый, унимавшій ребенка голось, ея мягкія, развитыя руки, которыя удерживали его какъ тиски, не теряя той осторожности, съ какою обыкновенно материнскія руки сжимають нѣжные члены дѣтей,—вотъ картина, которая для графа Альбани имѣла свой эффектъ, на которую онъ смотрѣлъ съ улыбкой, но отъ которой Кароль чувствовалъ тотъ же ужасъ, то же страданіе, какъ при видѣ раны и перевязки Селію.

— Боже мой! невольно вскричалъ онъ:—какъ несчастливы дѣти! Какъ тяжело обуздывать неугомонныя капризы слабости!

— Ба! отвѣчалъ смѣясь Сальваторъ Альбани:—черезъ пять минутъ онъ заснетъ крѣпкимъ сномъ, и мать, приколотивъ упряма для возбужденія реакціи, потомъ расцелуетъ его соннаго.

— Ты думаешь, что она прибьетъ его? спросилъ испуганный Кароль.

— О! не знаю; я сказалъ свое мнѣніе, потому-что, по-моему, это самое лучшее успокоительное средство.

— Я увѣренъ, что меня мать никогда не била, даже не грозила мнѣ.

— Вѣдь ты не помнишь, Кароль. Впрочемъ, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ иногда не было необходимости употреблять сильныя мѣры. У меня нѣтъ теоріи воспитанія, и что касается до самыхъ маленькихъ дѣтей, то ты видишь, я скорѣе умѣю раздражать ихъ, нежели унимать. Не знаю, какимъ способомъ Флоріани заставляеть ихъ бояться, но думаю, что лучшая метода та, которая достигаетъ цѣли. Не знаю также, бываетъ ли иногда необходимо колотить эту мелюзгу, — узнаю, когда буду имѣть ихъ; но самъ за это никогда не возьмусь: у меня слишкомъ-тяжелая рука; нусть управляется съ ними мать.

— А я—еслибъ когда-нибудь сдѣлался отцомъ, возразилъ Кароль съ какой-то болѣзненной жестокостью: — я бы не вынесъ этого нестройнаго шума, упрямства и угрозъ, этой борьбы съ ребенкомъ, этихъ горькихъ слезъ бѣднаго страдальца, непонимающаго закона необходимости, этихъ холодныхъ вспышекъ родительской педагогикъ, этого внезапнаго, страшнаго нарушенія внутренняго спокойствія, этихъ буръ въ стаканѣ воды, которыя—конечно, ничего не значать, но возмущаютъ мою душу, какъ-будто важныя происшествія.

— Въ такомъ случаѣ, мой милый, тебѣ не слѣдуетъ имѣть дѣтей, потому-что эти бури неизбѣжны. Ты въ-самомъ-дѣлѣ думаешь, что никогда не случилось тебѣ требовать съ неистовымъ крикомъ луны, прежде, нежели ты понялъ, что мать не можетъ достать ее для тебя?

— Нѣтъ, не думаю; не могу представить себѣ этого.

— Я сказалъ, конечно, метафору; но удивительно, если ничего подобнаго не приходило тебѣ въ голову; потому-что у тебя больше, нежели у кого другаго, осталось еще стремленія къ невоз-

какому, потому-что ты иногда молишь Бога испослать тебѣ въ руку звѣзды небесныя.

Кароль ничего не отвѣчалъ. Флоріани, успокоивъ свое дѣтище, пришла предложить имъ кататься въ лодкѣ по озеру. Малютка Сальваторъ остался безъ наказанія. Лукреція знала, что прохлада въ комнаты, теплая и мягкая постелька, безлюдье и ея колыбельный напѣвъ—почти въ минуту усыпятъ его; догадывалась она также, — хотя не знала, какую важность имѣють въ глазахъ Кароля эти мелкія несчастія, — догадывалась, что нестройный крикъ немножко ему не по сердцу. Для развлечения, она увела его къ озеру вмѣстѣ съ Сальваторомъ Альбани, Селіо, Стеллой и Беатриче. Но въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ берега встрѣтили они Менапаче, который отпралялся раскидывать сѣти. Дѣтямъ хотѣлось прыгнуть къ нему въ лодку и Лукреція, замѣтивъ, что старикъ желаетъ показать имъ свое искусство, которому, по его мнѣнію, не было равнаго въ мірѣ, рѣшилась ввѣрить ему малютокъ.

Кароль ужаснулся, что шаловливыя, обрадованныя дѣти отпускаются съ старикомъ, холоднымъ эгоистомъ, котораго онъ считалъ неспособнымъ вытащить ихъ изъ воды, или предостеречь отъ паденія. Онъ замѣтилъ это Лукреціи, которая не раздѣляла его безпокойства.

— Дѣти, воспитанныя среди опасностей, очень-хорошо ихъ знаютъ, отвѣчала она:—если падалъ кто-нибудь въ наше озеро, такъ это развѣ чужой ребенокъ, который никогда не бывалъ на немъ, и потому не умѣлъ предостеречься. Селіо плаваетъ какъ рыба; а Стелла, какъ ни шалитъ она сегодня, будетъ смотрѣть за сестрой не хуже матери. Впрочемъ, мы поѣдемъ за ними и не будемъ терять ихъ изъ вида.

Кароль все-таки не могъ успокоиться. Онъ противъ воли чувствовалъ въ себѣ тревожную отеческую заботливость, и съ-тѣхъ-поръ, какъ увидѣлъ рану Селіо, голова его была полна внезапными катастрофами. Притомъ, существо его было потрясено нравственно и физически еще въ началѣ этого не добраго дня, въ который не случилось ничего замѣчательнаго для другихъ, но который пробудилъ въ немъ привычку страдать.

Не смотря на то, прогулка шла очень-спокойно. Озеро, подѣ отраженіемъ вечерней зари, было удивительно-хорошо; дѣти успокоились и принялись серьезно смотрѣть, какъ дѣдушка растягивалъ сѣти по тихому, устланному цвѣтами заливу. Сальваторъ не рассказывалъ больше о Венеціи, и, по счастливому случаю, имя Боккаферри ни разу не сорвалось у него съ языка. Флоріани рвала водяные цвѣтки и, перепрыгивая съ лодки на лодку, по старой привычкѣ молодости, съ такой легкостью и искусствомъ, какихъ нельзя было ожидать отъ ея съ виду немножко тяжелыхъ формъ,—убирала этими красивыми цвѣтами головки дочерей.

Кароль начиналъ внутренно успокоиваться. Старикъ Менапаче такъ ловко, съ такой полной опытностью велъ лодку между скаль

и пней, разбросанных около берега. Ни одно из дѣтей не тонуло; Кароль привыкъ смотрѣть, какъ переѣзжали они отъ берега къ берегу, какъ брались за руль, наклоняясь къ водѣ... онъ пересталъ дрожать при каждомъ ихъ движеніи. Вечерній вѣтерокъ вѣялъ такъ тихо, отрадно; съ нимъ несся аромат цвѣтущаго виноградника и запахъ ванили.

Этому дню предназначено было положить конецъ невозмутимымъ восторгамъ Кароля и послужить для него началомъ цѣлаго ряда мелкихъ, невыразимыхъ страданій. Сальватору казались водяные цвѣтки такими милыми, что Флоріани, по его мнѣнію, должна была натывать ихъ и въ свои черные волосы. Она не хотѣла, говоря, что ей надобно тяготить голову театральными прическами и уборами, и теперь она очень-счастлива, если не мѣшаетъ ей ни одна булавка. Но Кароль раздѣлялъ желанія Сальватора, и Флоріани согласилась, чтобъ онъ воткнулъ нѣсколько цвѣтковъ въ ея блестящія пряди.

Все шло хорошо, кромѣ прически, съ которой Кароль не могъ сладить: онъ боялся, чтобъ не сринуть волоска съ этой дорогой головки. Сальватору впала въ голову несчастная мысль вмѣшаться въ это дѣло. Недовѣряя искусству князя, онъ взялъ въ обѣ руки роскошную косу Флоріани, свернулъ ее какъ попало, намѣшавъ туда зелени и цвѣтовъ, но собственному вкусу. Попытка его удалась, потому-что онъ былъ очень способенъ ко всему, что въ просторѣчій пазываютъ *пачкотней*. Онъ понималъ искусство ваянія, въ смыслѣ украшенія статуй, и устроилъ Флоріани прическу, достойную древней наяды, примолвивъ:

— Помнишь ли ты, въ Миланѣ, когда я бывалъ въ ложѣ при твоёмъ туалетѣ, всегда моя рука завернула его?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчала Лукреція: — я и забыла; у тебя есть особый даръ придавать характеръ украшеніямъ, на-примѣръ, подбирать цвѣта; я часто совѣтовалась съ тобой о костюмахъ.

— Ты не вѣришь, Кароль? сказалъ Сальваторъ, обращаясь къ князю, который сдѣлалъ такое движеніе, какъ-будто кольнула его булавкой:—посмотри, какъ она хороша! Ты бы ни за что не угадалъ такъ, какъ я, что идетъ къ окладу ея лба, къ расположенію головы и объему косы. Ты не понялъ ея. Въ твоей прическѣ она смахивала на идеальную дѣву рафаэлевой школы; но у ней красота совсѣмъ не въ томъ родѣ. Поклонимся нимѣ озеру!

Сальваторъ наклонился и плотно поцаловалъ колѣнку Флоріани. Кароль задрожалъ, какъ подъ ударомъ кинжала.

ХІХ.

Бѣжнjackа забылъ, что Сальваторъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, былъ не меньше его влюбленъ въ Флоріани, что онъ чистосердечно пожертвовалъ ему своимъ чувствомъ, но пожертвовалъ не

безъ усилій, не безъ сожалѣнія. Кароль вовсе не понималъ этого рода любви, и потому ему не приходило въ голову, что Сальваторъ могъ также страдать, видя друга обладателемъ желаннаго сокровища. Онъ думалъ, что первая хорошенькая женщина, попавшая на глаза Сальватору, заставитъ его забыть это безумное желаніе.

Или, лучше сказать, онъ совсѣмъ объ этомъ не думалъ. Онъ не вѣдалъ духа изслѣдовать опасную сторону подобнаго положенія. Онъ забылъ первую ночь, проведенную въ виллѣ Флоріани, забылъ желаніе и попытку Сальватора, забылъ и тѣ жаркія прощальныя объятія, съ которыми на другой день разставался онъ, какъ казалось, на долго съ Лукреціей. Переломъ болѣзни и чудомъ-совершившееся блаженство все изгладили изъ памяти князя. Въ одинъ день, въ одну минуту привыкъ онъ ни о чемъ не думать, ничего не помнить,—и также въ одинъ день, въ одну минуту опять началъ черезъ-чуръ думать, черезъ-чуръ понимать, т. е. во всемъ видѣть крайности и отъ всего страдать.

Сальваторъ, конечно, отъ всего сердца рѣшился не смотрѣть на Флоріани иначе, какъ на сестру. Но въ основаніи его лежала итальянская чувственность. Еслибъ у него было двѣ сестры—одна хорошенькая, а другая дурная, онъ безъ всякаго сомнѣнія, не справляясь съ собственнымъ инстинктомъ, предпочелъ бы хорошенькую, хотя бы она была не такъ привѣтлива, не такъ добра, какъ другая. Наконецъ — изъ двухъ сестеръ одинаково-хорошенькихъ, изъ которыхъ одной была бы знакома любовь, а другой—только добродѣтель,—онъ скорѣе былъ бы другомъ той, которая бы принимала его слабости, его страсти.

Любовь была его божествомъ, а хорошенькая женщина съ нѣжнымъ сердцемъ — жрицей. Онъ могъ любить ее безкорыстно, но не могъ глядѣть на нее безъ волненія. Не смотря на любовь Флоріани къ Каролю, онъ съ тѣмъ же восторгомъ глядѣлъ на нее, съ тѣмъ же трепетомъ слышалъ ея дыханіе. Онъ по-прежнему любилъ касаться ея рукъ, волосъ, даже платья; послѣ этого понятно, отъ-чего Кароль такъ же ревниво боялся за всѣ эти вещи, какъ за самое сердце своей возлюбленной.

У Флоріани—кто бы могъ подумать?—была натура непорочная, какъ душа ребенка. Оно, я согласенъ, странно въ такой женщинѣ, которая много любила. То была, вѣроятно, натура съ могучимъ чувствомъ, хотя и казалась холодною тѣмъ, кто ей не нравился. Поэтому-то внѣ любви, въ которую погружалась всѣмъ своимъ существомъ, она ничего не видѣла, ничего не воображала, ничего не чувствовала. Въ рѣдкіе промежутки сердечной тишины, голова у ней была пуста, и если бы можно было навсегда удалить ее отъ мужчинъ, изъ нея вышла бы прекрасная монашенка, спокойная, сѣдая. Иными словами: въ уединеніи, она была полна самыхъ чистѣйшихъ помысловъ, а когда любила, тогда все, кромѣ ея лю-

бодника, было для нея, въ-отношеніи къ чувствамъ — уединеніе, пустота, ничтожество.

Сальваторъ могъ цаловать ее, говорить ей о ея красотѣ, мимоходомъ задѣть ее плечомъ — она на все это обращала вниманія меньше, нежели въ тотъ день, когда онъ, еще не предугадывая любви Кароля, принужденъ былъ открыто и смѣло признаться ему въ своихъ желаніяхъ.

Между-тѣмъ, всякая женщина хорошо понимаетъ и взглядъ и выраженіе голоса, когда окольными путями намекають ей о любви. У свѣтскихъ женщинъ есть, на этотъ счетъ, такая проницательность, которая часто заходитъ черезъ-чуръ-далеко и увлекаетъ ихъ за предѣлы истины; часто даже случается, что отпоръ, сдѣланный прежде, нежели началось дѣйствительное нападеніе, служить вызовомъ съ ихъ стороны и ободряетъ смѣлое искательство. Флоріани, напротивъ, въ своей выразительной ласковости, все мѣрала той симпатіей, которую возбуждала какъ артистка, тою дружбой, которую внушала какъ женщина. Она была суха и непривѣтлива съ мужчинами, къ которымъ чувствовала недоувѣрчивость или отвращеніе; но кого уважала, для тѣхъ у ней всегда были открыты и душа и сердце; ей казалось, что она нарушитъ святость дружбы, если будетъ слишкомъ-стѣснительна. Знала она, что дурныя мысли могли иногда обуять ея друзей; но у ней было правило — не показывать вида, что замѣчаетъ что-нибудь, и пока не заставляли ее прибѣгнуть къ суровости, до-тѣхъ-поръ она была ласкова и непринужденно-довѣрчива. Она думала, что мужчины — какъ дѣти, съ которыми надо чаще мѣнять разговоръ и развлекать ихъ воображеніе, нежели отвѣчать и заводить споръ о предметахъ шекотливыхъ и опасныхъ.

Кароль долженъ бы былъ понять основательность этого простаго, прямого характера; а между-тѣмъ, онъ не зналъ его. Его фантазія дошла до чудовищной нелѣпости: онъ вообразилъ, что Флоріани должна держать себя неизмѣнно-строга и холодно, какъ дѣвственница, со всякимъ другимъ мужчиной, кромѣ его. Онъ не хотѣлъ проникнуть въ сущность этой природы, не хотѣлъ понять и полюбить ее за то, что есть въ ней. Поднявъ эту женщину слишкомъ-высоко въ собственномъ воображеніи, онъ теперь совсемъ готовъ былъ поставить ее ужъ черезъ-чуръ низко, готовъ былъ допустить мысль, что между непреодолимой чувственностью Сальватора и тайнымъ инстинктомъ Флоріани могло быть какое-нибудь гибельное сближеніе, котораго можно бояться. Пловцы возвращались въ виллу вмѣстѣ съ восходомъ Веспера, который, блѣдный какъ алмазь, засверкалъ на небѣ, еще нарумяненнымъ зарею. Они скользили по чистой поверхности озера, которое Флоріани такъ любила и которое Кароль ужъ начиналъ непавидѣть. Онъ молчалъ; Беатриче спала на рукахъ у матери; Селіо правилъ лодкой Менапаче; старикъ сидѣлъ въ безмолвномъ созерцаніи; Стелла, стройная, бѣленькая, мечтала о своихъ покровительницахъ-

звѣздахъ; Сальваторъ Альбани пѣлъ прекраснымъ, свѣжимъ голосомъ, и пѣня его далеко разносилась по водѣ. Ни у кого не было черныхъ мыслей, кромѣ Кароля. Онъ обернулся ко всѣмъ спячюю, чтобъ не видѣть того, чего не было, о чемъ никто не думалъ; ему казалось, что, вмѣсто оперныхъ русалокъ, его толкаютъ Эмменнды.

Не обманывали ли его? Не дурачили ли его Сальваторъ, когда говорилъ, что никогда не былъ любовникомъ Флоріани? Сколько разъ слышалъ отъ него Кароль прекрасныя разсужденія о томъ, что въ дружбу мужчины къ женщинѣ всегда замѣшивается любовь задущенная или затаенная! не онъ ли приписывалъ Каролю такую осмотрительность для того, чтобъ спокойно вкусить блаженство, не давъ ему замѣтить лжи! Въ ночь ихъ прїѣзда, Флоріани была еще свободна отъ Кароля, и Кароль воображалъ, что поступилъ очень-великодушно, не рѣшившись ни разу спросить ее объ этомъ. Сальваторъ, такой пылкій, такой смѣлый съ женщианами,—мочь ли бы воздержаться? Не онъ ли вналъ въ немилость княжны Лючинъ, сказавъ, что у ней прекрасная ручка? А чего еще надо было ожидать отъ него съ Лукреціей, отъ него, который не трепеталъ, не безмолвствовалъ даже передъ Лючіей!

И вотъ — странная параллель, такъ долго неприходившая на умъ, возникла въ головѣ князя: княжна, непорочное существо! Актрисса, безиравственная женщина, мать, которая на четверыхъ дѣтей можетъ насчитать трехъ отцовъ, и которая, между-тѣмъ, не знаетъ, гдѣ теперь эти отцы!

Грозная существенность стала передъ испуганными глазами князя, какъ Горгона, готовая растерзать его. Судорожно дрожали его члены, голова трещала. Ядовитыя змѣи, казалось ему, ползали въ лодкѣ у него подъ ногами; тѣнь матери летѣла къ звѣздамъ, съ ужасомъ отвернувшись отъ него...

Флоріани дремала подъ наптіемъ мечты о вѣчномъ счастьѣ, и когда, выходя на берегъ, оперлась она на руку Кароля, чтобъ не разбудить дочь, замѣтила только, что рука эта холодна, хотя вѣчеръ былъ теплый.

Ее немножко испугало его лицо, когда они увидѣлись при свѣтѣ; но Кароль употреблялъ всѣ усилія, чтобъ казаться веселымъ. Флоріани никогда не видала его говорливымъ; она не знала даже, есть ли у него другой умъ, кромѣ этого высокаго, поэтическаго разума. Теперь она замѣтила, что умъ у него дивный; то было остроуміе тонкое, насмѣшливое и въ сущности незабавное; но въ душѣ Лукреціи не было мѣста ничему, кромѣ любви, и потому она изумилась, открывъ въ Каролѣ новую прелесть. Сальваторъ понималъ, что легонькая веселость, милая, острая, не была признакомъ большаго довольства; но, соображая настоящее положеніе дѣлъ, онъ не зналъ, что о ней подумать. Можетъ-быть, любовь совсѣмъ преобразила характеръ князя; можетъ-быть, теперь онъ сталъ смотрѣть на жизнь не съ такою строгой, врачьею сто-

роны, какъ прежде. Сальваторъ воспользовался случаемъ развеселиться съ нимъ по-своему, въ надлежащую мѣру, а между-тѣмъ, время-отъ-времени чувствовалъ, что въ основаніи его счастливыхъ выходовъ есть что-то горькое, сухое.

Карлою не спалось, но онъ не былъ боленъ. Изъ этой долгой, томительной безсонницы узналъ онъ, что можетъ больше перенести страданій, нежели прежде думалъ. Холодъ медлительной лихорадки не начиналъ, какъ бывало, мёртвить его тревожными мыслями. Онъ всталъ, какъ легъ, съ свѣтлымъ сознаниемъ страшной догадки, не чувствуя никакого физическаго разстройства, утвердившись на той мысли, что Сальваторъ измѣняетъ ему,—и измѣнилъ, или думаетъ измѣнить.

— Однако, нужно же на что-нибудь рѣшиться, думалъ онъ.— Или разорвать узы, или завладѣть; отступить, или отразить врага. Достанетъ ли у меня силъ на борьбу? Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно! Лучше бѣжать!

На разсвѣтъ, онъ вышелъ изъ дома, самъ не зная куда, не имѣя силъ преодолѣть потребности идти скорымъ шагомъ. Тропинка парка, самая прямая и торная, по которой онъ теперь шелъ безсознательно, вела къ хижинѣ рыбака.

Кароль шелъ не оглядываясь, и—вдругъ услышалъ свое имя. Онъ остановился; слово князь повторилось еще нѣсколько разъ. Кароль, невидимый подъ плакучими вѣтвями старыхъ ивъ, подошелъ ближе къ говорившему и услышалъ:

— Вотъ еще! князь! князь! говорилъ старикъ Менапаче на языкѣ, который Кароль теперь ужъ хорошо понималъ. — Не похожъ онъ на князя! Въ молодости я видѣлъ князя Мюрата,—тотъ развѣ такой былъ? Видный, дородный, осанистый; платье носилъ богатое, въ золотѣ, съ перьями. Вотъ такъ князь! А этотъ—какой это князь? И вида въ немъ никакого нѣтъ; я бы его въ гребцы не взялъ.

— Полноте, дядя Менапаче, отвѣчалъ Биффи:— повѣрьте мнѣ, онъ точно князь. Я слышалъ, какъ камердинеръ называлъ его *вашимъ сіятельствомъ*, а онъ не видѣлъ, что я былъ тутъ же, возлѣ.

— А я тебѣ говорю, что онъ такой же князь, какъ дочь моя была княжной. Они всѣ зовутъ себя, какъ на театрѣ! Вотъ тотъ другой, Альбани,—тотъ представлялъ въ комедіяхъ графовъ; а въ самомъ-то дѣлѣ онъ пѣвецъ, и больше ничего.

— Правда, онъ цѣлый день поетъ, сказалъ Биффи.— Стало-быть, это старые товарищи синьоры. Долго ли же они пробудутъ здѣсь?

— Вотъ объ этомъ-то и я самъ себя спрашиваю. Кажется этому, какъ они тамъ зовутъ его, князю пришлось по душѣ да ровная квартира. Да если и другой также останется на два мѣсяца, чтобъ ничего не дѣлать, кромѣ какъ ѣсть, спать, да шататься по берегу, такъ еще долга пѣсня!

— Ну, да вѣдь они намъ не мѣшаютъ. Что намъ до того?

— А мнѣ-то мѣшаютъ! сказалъ Менапаче, возвысивъ голосъ.— Не люблю я смотрѣть, какъ лѣнтян да нахалы ѣдятъ хлѣбъ моихъ внучатъ. Развѣ ты не видишь, что это бездушные фокусники, праздношатайки, которые прѣхали сюда поправить свое состояніе? Моя дочь добра: ей жаль ихъ; ну, да если она этакъ соберетъ всѣхъ своихъ старыхъ друзей — будемъ мы у праздника! — А бѣдняжка Селіо!... бѣдные дѣти! Еслибъ я не позаботился объ нихъ, досталась бы имъ когда-нибудь такая же доля, какъ вотъ этимъ поддѣльнымъ господамъ. Ну же, Биффи, готовъ ли ты? Пора; ступай, отвязывай лодку.

Еслибъ Сальваторъ подслушалъ эту смѣшную бесѣду, онъ цѣлую недѣлю сталъ бы хохотать надъ ней. Онъ даже придумалъ бы какую-нибудь сумасбродную мистификацію, чтобъ усилить человѣколюбивыя подозрѣнія рыбака. Но Кароль возмущался до глубины души. Ничего подобнаго не могъ онъ представить въ своей жизни. Быть приняту за фигляра, за обманщика! стать предметомъ презрѣнія стараго скряги! Это значитъ идти по грязи, ему — которому и облака небесныя казались не довольно-мягки, ни довольно-чисты. Надо быть очень-твордымъ, очень-беззаботнымъ, чтобъ не почувствовать всей тяжести этой глупой роли, чтобъ не видѣть въ ней отвратительно-смѣшной стороны. Впрочемъ, надъ собой едва-ли кто будтъ смѣяться отъ чистаго сердца; Кароль до такой степени былъ оскорбленъ, что вышелъ изъ парка, не имѣя при себѣ ни сколько денегъ, и бросился, очертя голову, въ деревню, твердо рѣшившись, какъ ему казалось, никогда ноги не заносить къ Флоріани.

Хотя, со времени болѣзни, здоровье его расцвѣло лучше прежняго, но все-еще онъ не былъ совсѣмъ-исправнымъ ходоконъ и потому, пройдя съ пол-лѣ, принужденъ былъ умѣрить шаги. Тутъ черныя мысли налегли на него всею тяжестью, онъ изнемогъ и едва волочилъ ноги по избранному на удачу, безъ всякой цѣли, направленію.

Еслибъ я смотрѣлъ на романъ какъ другіе, то закончилъ бы главу на этомъ мѣстѣ и оставилъ бы тебя, любезный читатель, до завтра въ страшной невзвѣстности, предполагая, что ты всю слѣдующую ночь, не смыкая глазъ, будешь спрашивать себя: уйдетъ ли Кароль или не уйдетъ? Но высокое понятіе, которое я всегда имѣлъ о твоей проникательности, не позволяеть мнѣ употребить этой ученой хитрости и такимъ-образомъ избавить тебя отъ мученій. Ты очень-хорошо знаешь, что мой романъ еще не такъ далеко ушелъ, чтобъ я могъ позволить герою перервать его такъ быстро и противъ моей воли. Впрочемъ, бѣгство его было бы совершенно-неправдоподобно: ты не повѣрилъ бы, что онъ могъ разомъ разорвать цѣни такой могучей любви.

Успокойся же; займись своимъ дѣломъ, и да просыплетъ на те-

бя сонъ свои бѣлые и красные маки! Мы еще не дошли до развязки.

хх.

Кароль задавалъ себѣ тотъ же вопросъ: уйду ли я? могу ли я уйдти? Не прійдется ли мнѣ черезъ четверть часа воротиттись тѣмъ же путемъ? Если этому быть, то зачѣмъ же я мучу себя бесполезной ходьбой?

— Уйду! закричалъ онъ, бросившись на траву, еще окропленную росю.

Тутъ опять закипѣло въ немъ негодование, и силы его воротились. Онъ всталъ и пошелъ; но скоро усталость снова навела на него сомнѣнiе и унынiе.

Горькiя сожалѣнiя вызвали слезы на его глаза, утомленные лучами восходящаго солнца, которое, казалось, шло къ нему на встрѣчу, казалось, говорило ему: «мы идемъ по противоположнымъ путямъ; ты хочешь убѣжать отъ меня, вступить въ вѣчный мракъ!» И вспомнилъ онъ, какъ счастливо просыпался наканунѣ, какъ въ эту самую пору Флорiана вошла въ его комнату, сама открыла окно, чтобъ слышно было ему пѣнiе птицъ, чтобъ пахнуло на него душистой атмосферой сада, какъ остановилась она передъ его постелью, чтобъ улыбнуться ему и, прежде перваго поцалуя, осѣнить его невыразимымъ взглядомъ любви, взглядомъ, который краснорѣчивѣе всякихъ словъ, пламеннѣе всякихъ ласкъ. Какъ онъ былъ еще счастливъ въ ту минуту! Одинъ оборотъ солнца по горизонту — и все разлетѣлось въ прахъ! Никогда не видать ему этой любящей женщины! никогда не оживить его этотъ глубокий взглядъ! никогда не смѣнить его ночныхъ видѣнiй этотъ спокойный, свѣтлый образъ! Все исчезло — и эта рука, которая такъ нѣжно перебирала его волосы, казалось, вливала въ него новую жизнь, и это сердце, которое питало его такимъ неугасимымъ, животворнымъ огнемъ, это дыханiе, которое дивной силой поддерживало въ немъ прежде-невѣдомую ясность, эта нѣжная, непрерывная внимательность, эта неутомимая заботливость, какой не видалъ онъ даже отъ матери, этотъ веселый, смѣющийся домъ, въ которомъ, кажется, самая атмосфера наполнена и согрѣта магнитическимъ влiенiемъ, и молчаливый паркъ, и садовые цвѣты, и эти дѣти съ музыкальными голосками, поющiя вмѣстѣ съ птицами, — все, даже собака Селю, которая такъ грациозно бѣгаетъ по лугу за бабочками, подражая своему маленькому другу; наконецъ, весь этотъ мiръ, который въ первый разъ, въ минуту разлуки, представился ему со всѣми своими подробностями, — все исчезло, ничто теперь не существуетъ для него!

Только-что подумалъ Кароль о собакѣ Селю, благородное животное, откуда ни возмись, подлетѣло и, въ первый разъ, нѣжно приласкалось къ нему. Между-тѣмъ, она не бѣжала за

ниги; онъ подумалъ, что Селіо гдѣ — нибудь недалеко. Но Селіо не явился, и Кароль вспомнилъ, что наканунѣ *Лаертъ* (имя собаки) остался на берегу, гдѣ приставали лодки, что его не могли дозваться и, возвращаясь домой, Селіо безпокоился, чтобъ онъ не пропагъ; малютка послѣ еще долго свистѣлъ и звалъ собаку, думая, что она бѣжитъ вокругъ озера и скоро явится; но такъ и спать легли, собака не пришла. Лукреція утѣшала сына, говоря, что собака не въ первый разъ не ночуетъ дома, что она очень умна и если захочетъ всегда найдетъ дорогу къ дому.

Доблестный *Лаертъ*, увлеченный охотничьимъ жаромъ, всю ночь сторожилъ и преслѣдовалъ, для собственнаго удовольствія, какого-то зайца, и потерялъ ли слѣдъ своей добычи, или настигъ и растерзалъ ее, какъ бы то ни было, но теперь онъ думалъ о Селіо, который обыкновенно заставлялъ его играть, о Флоріани, которая сама его кормила, о маленькомъ Сальваторѣ, который теребилъ его за уши, о своей подушкѣ и завтракѣ. Онъ хорошо считалъ время и разсуждалъ такъ, что пора домой, чтобъ не побранили за долгое отсутствіе. Можетъ-быть, онъ даже ласкалъ себя смѣлой надеждой, что и не замѣтятъ его отсутствія.

Увидя Кароля, онъ сообразилъ, что не зачѣмъ было человѣку уйти такъ далеко отъ дома иначе, какъ за тѣмъ, чтобъ искать его; почувствовавъ свою вину и не желая ее увеличивать, онъ рѣшился подойти, принявъ унылый, скромный видъ, волоча по землѣ свой длинный шелковистый хвостъ и рисуясь во всѣхъ возможныхъ граціозныхъ позахъ, чтобъ разжалобить и получить прощенье.

Кароль не выдержалъ, рѣшился прикоснуться къ головѣ его. «И ты тоже», подумалъ онъ: «и ты хочешь разорвать свои цѣпи, попытаться воли! И вотъ, ты колеблешься между вчерашней услужливостью и настоящимъ страхомъ!»

Кароль ужъ не могъ безъ ужаса взглянуть на свое одинокое прошлое. Ему казалось, что онъ лучше бы согласился томиться въ мукахъ любви, отравленной сомнѣніемъ и стыдомъ, нежели сойти никакъ не жить. Что теперь найдетъ онъ въ своемъ отчужденіи? Тѣнь матери, или тѣнь Лючіи, — онѣ явятся къ нему развѣ только съ горькими упреками. Онъ попытался призвать ихъ, онѣ не слушались его зова. Онъ никогда не могъ увѣриться, что мать его умерла, — теперь онъ это чувствовалъ; могила не отдастъ своихъ жертвъ. Черты Лючіи до того потемнѣли въ его памяти, что онъ едва-едва могъ представить ее себѣ. На нихъ легло какое-то густое облако. Теперь, когда Кароль отпилъ изъ чаши жизни, сообщество тѣней, вмѣсто того, чтобъ чаровать, стало пугать его.

— Жить! стало-быть, надо насильно жить! надо любить жизнь, презирать ее; тонуть въ ней на зло чувству страха и отвращенія, которыми она внушаетъ, думалъ Кароль, борясь съ самимъ-собою. — Но найду ли я еще жизнь съ Лукреціей? Не смертью ли будетъ

мнѣ эта любовь, за которую я краснѣю, эта любовь, отравленная сомнѣніемъ? Ничтожество за ничтожество! не лучше ли чахнуть и разрушаться съ чувствомъ собственнаго достоинства, нежели съ сознаніемъ своей нравственной немощи?

Онъ не видѣлъ выхода въ этой неизвѣстности, — вставалъ, дѣлалъ шагъ въ путь изгнанія, и оглядывался назадъ. Сердце его рвалось и ныло при одной мысли, что ему не видать больше Лукреціи; онъ чувствовалъ, что сердце его физически гаснетъ, какъ — будто эта женщина только и поддерживала въ немъ жизнь.

Онъ ужь былъ почти побѣжденъ; онъ ждалъ какого-нибудь знаменія, какого-нибудь свыше-ниспосланнаго случая, послѣдней опоры слабости, чтобъ этотъ незримый указатель наставилъ его на истинный путь. Лаертъ явился къ нему на помощь; Лаертъ уже рѣшился воротиться. Когда Кароль начиналъ идти дальше отъ виллы, Лаертъ останавливался и смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ; когда князь обращался къ виллѣ, Лаертъ прыгалъ въ восторгѣ и хотѣлъ вымолвить своими живыми, блестящими умомъ и выразительностью глазами: «да, да! сюда! вы было-ошиблись: идите же за мной!»

Кароль отыскивалъ придирку, достойную любаго ребенка. Онъ сталъ разсуждать, что Флоріани очень-привязана къ собакѣ; что Селіо готовъ проплакать цѣлый день, если она не найдется; что собака молодая, глупая, пока бѣжитъ до дому, можетъ опять увязаться за какимъ-нибудь звѣремъ; наконецъ, можетъ даже совсѣмъ потеряться, попасться въ руки къ какому-нибудь охотнику, и что поэтому его обязанность — отвести собаку домой.

Кликнулъ онъ Лаерта и, слѣдя за нимъ съ ребяческою заботливостью, не сводя съ него глазъ, направился къ виллѣ Флоріани. При всемъ томъ, надо сказать, что еще ни одного слѣпаго такъ буквально не вела собака.

Замѣтивъ, что ворота парка отворены, Лаертъ бросился къ нимъ; восхищенный своимъ прибытіемъ, онъ опередилъ Кароля, прибѣжалъ въ домъ, пробрался въ комнату Селіо, и въ ожиданіи его пробужденія, забился подъ кровать. Придирка Кароля потеряла свою силу; теперь ему не было обязанности переступить за рѣшетку парка, — но онъ переступилъ за нее, и переступивъ, случайно взглянулъ на боковой камень, на которомъ была сдѣлана кистью надпись. То были извѣстные стихи Данте:

Per me si va nella città dolente,
Per me si va nell' eterno dolore,
Per me si va tra la perduta gente...
...Lasciate ogni speranza, voi, ch'entrate!

А внизу:

«Къ свѣдѣнію путешественникамъ!

«Селіо Флоріани.»

Кароль вспомнилъ, что, назадъ тому нѣсколько дней, Селіо, выучивъ наизусть классическое мѣсто «Божественной Комедіи», погорячавъ его при всякомъ случаѣ, съ прибавленіемъ собственныхъ восторговъ и пародій, какъ это всегда дѣлается у дѣтей, и наконецъ почелъ удовольствіемъ написать это мѣсто на воротномъ столбѣ парка, присовокупивъ шуточное извѣщеніе прохожимъ. Черезъ вылу не шла никакая проѣзжая дорога, и потому нисколько не было неприличнымъ оставить надпись Селіо просуществовать до перваго дождя; Флоріани только посмѣялась, и Кароль, для котораго эти печальные стихи тогда не имѣли никакого особаго значенія, не возмущился. Онъ нѣсколько разъ проходилъ въ ворота, не обращая вниманія на предостереженія, да никогда и не подумалъ бы о немъ, еслибъ не этотъ совершившійся въ немъ переворотъ. Въ первую минуту, въ словахъ *perduta gente* показался ему страшный намекъ и, должно быть, немножко правды, потому-что онъ тутъ же ихъ стеръ; потомъ, какъ-то невольно, перечитывая послѣдній стихъ, онъ вдругъ почувствовалъ суевѣрный ужасъ; ему пришла мысль, что дѣти часто безъ всякаго умысла пророчать и смѣясь высказываютъ страшныя истины. Кароль сорвалъ горсть травы и затеръ стѣну; но, по очень-естественному случаю, послѣдній стихъ, который пришелся на неровномъ мѣстѣ камня, не совсѣмъ стирался; не смотря на всѣ усилія Кароля, его все еще было немножко видно.

— Ну! сказалъ князь, бросившись въ паркъ:—такъ, видно, написано въ книгѣ моей судьбы; зачѣмъ мнѣ смущаться этимъ? О, Лукреція! ты мнѣ ничего не дала, кромѣ счастья; теперь, когда я столько перестрала черезъ тебя и за тебя, теперь вижу, до какой степени я люблю тебя!

Флоріани ужъ успѣла очень встревожиться; она искала Кароля по всему парку, не постигая, какимъ-образомъ онъ, противъ обыкновенія, всталъ прежде ея и ушелъ гулять безъ нея. Она была въ хижинѣ рыбака и оттуда увидѣла, какъ князь стиралъ надпись, а потомъ пустился чуть не бѣгомъ, будто и онъ, по примѣру Лаерта, боялся, чтобъ его не побранили. Флоріани побѣжала и бросилась къ нему на руки:

— Такъ вы думаете, сказала она ему:—что это былъ бы важный обманъ?

Кароль смутился; онъ не предполагалъ, что Флоріани видѣла, какъ онъ стиралъ стихи Данте; онъ думалъ ужъ не о стихахъ, а о возможности измѣны Сальватора. Ему показалось, что она отвѣчаетъ на его тайную мысль, угадала его скорбь, подстерегла его попытку убѣжать, и не знаю что еще! все, что есть неправдоподобнаго, все пришло ему въ голову. Онъ отвѣчалъ съ растеряннымъ видомъ:

— Будьте въ этомъ сами судьей, не мнѣ отвѣчать вамъ.

Лукреція немножко изумилась и начала бояться: нѣтъ ли тутъ признака эксцентричности? Когда еще она не отдавала своего сердца

па князю, Сальваторъ предостерегалъ ее отъ разныхъ его выходовъ; но она не могла этого думать, потому-что съ самой болѣзни Кароль былъ постоянно восхищенъ до седьмага неба и ни разу ничѣмъ не испугалъ ее. Она спрашивала себя: совсѣмъ ли онъ выздоровѣлъ, не грозитъ ли ему новый неожиданный припадокъ; или въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, у него голова разстроена, можетъ-быть, бродятъ въ ней фантастическія мысли. Она спросила его. Онъ не хотѣлъ отвѣчать, а только взялъ у ней руку, долго цаловалъ ее, и все просилъ прощенья. Но въ чемъ прощенья? Вотъ этого-то она и не могла никакъ добиться, не смотря на всѣ свои нѣжныя ласки. Движенія князя, лицо и рѣчь,—все какъ-то измѣнилось. Онъ рѣшилъ, что если воротится къ Флоріани, то непременно долженъ крѣпиться, чтобъ не сдѣлать ей ни одного вопроса, ни одного упрека, такъ, чтобъ его собственная любовь не была оскорблена ни однимъ язвительнымъ словомъ ни съ той, ни съ другой стороны; наконецъ онъ, такъ-сказать, заковалъ себя въ какое-то рыцарское служеніе, далъ обѣтъ удвоить наружное почтеніе, какъ-будто хотѣлъ этимъ загладить совершившійся въ душѣ его грѣхъ подозрѣнія.

Флоріани всегда глубоко трогало это почтеніе, которое онъ оказывалъ ей при дѣтяхъ и слугахъ. Не было въ немъ ничего, что бы могло напомнить безцеремонность, такъ-сказать, распушенность счастливаго любовника. Не наединѣ, она не привыкла, чтобъ онъ отвертывалъ лобъ отъ ея поцалуя и хватался ей за руки. Она попыталась разломить эту ледяную кору; слегка упрекала его; дружески подсмѣивалась: ничто не помогало. Кароль торопился скорѣй добратъ до дома: онъ чувствовалъ, что страданіе его еще не утихло на столько, чтобъ онъ могъ казаться счастливымъ.

Сальваторъ не дивился, что другъ его молчаливъ и мраченъ: онъ часто видалъ его такимъ.

— Я что-то боюсь, шепнула ему Лукреція:—Кароль такой блѣдный и грустный.

— Ты бы должна была привыкнуть встрѣчать его утромъ совсѣмъ инымъ, нежели видѣла наканунѣ, отвѣчалъ Сальваторъ. — Развѣ ты не знаешь, что онъ подвиженъ и измѣнчивъ, какъ облако?

— Нѣтъ, Сальваторъ, онъ не таковъ. Въ-продолженіе двухъ мѣсяцевъ я вижу въ немъ чистое, пламенное небо, — ни одного облачка, ни чуть-замѣтнаго пара!

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Что за чудеса ты мнѣ рассказываешь! Едва вѣрится...

— Клянусь тебѣ. Что же такое съ нимъ сегодня?

— Да ничего; черныя мысли.

— У него ужъ не было черныхъ мыслей, а все свѣтлыя.

— Это — или чрезвычайный случай, или великое чудо; у насъ, бывало, не проходило недѣли... что я говорю? не проходило дня, чтобъ не начала на него грустная задумчивость.

— Отъ—чего же такъ часто нападала на него грустная задумчивость?

— Ты спрашиваешь меня о томъ, чего я никогда не могъ отъ него добиться. Кароль — что такое? это ходячій іероглифъ, мизъ олицетворенный!

— Для меня онъ до-сихъ—поръ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ; и какъ я, по какому—то непонятному инстинкту, нашла средство сдѣлать его счастливымъ и довѣрчивымъ, стало—быть, со вчерашняго дня ему что-нибудь во мнѣ не нравится.

— Да вы побрались сегодня ночью?

— Побрались? Чтò за слово!

— О! да, я вижу, ты стала такая же *возвышенная*, какъ и онъ; надо будетъ составить для васъ особый словарь отборныхъ выраженій. Хорошо, попытаюсь! Разговаривая другъ съ другомъ въ прошлую ночь, не коснулись ли вы какой—нибудь болѣзненной струны бытія одного изъ васъ?

— Въ прошлую ночь, какъ и во всѣ ночи, я ни на минуту не отходила отъ дѣтей. Мы всегда расходились рано; на разсвѣтѣ встану, и пока малютки дремятъ или, вставая, лепечуть съ нянькой, пойду, потихоньку разбужу Кароля, и болтаемъ вѣстѣ, и всего чаще не болтаемъ, а смотримъ другъ на друга и любуемся другъ другомъ, не говоря ни слова. Такъ проходятъ чудные два часа, и въ эти два часа — ни одного тягостнаго слова, ни одного положительнаго помысла, ни одного воспоминанія о скучной, печальной дѣйствительности. Сегодня утромъ я, по обыкновенію, открыла у него окна, какъ привыкла дѣлать еще во время его болѣзни. Смотрю — его ужъ нѣтъ, чего никогда съ нимъ не случилось. Два часа его не было; воротился онъ такимъ растеряннымъ; говорить слова, которыхъ я не понимаю; движенія такія странныя... Я чуть не испугалась его; а теперь меня мучитъ это уныніе его, эта заботливость, съ которою онъ торопился поскорѣй уйдти отъ насъ. Ты его знаешь; попытайся разспросить, чтò съ нимъ.

— Я его знаю и могу сказать тебѣ только то, что вчера вечеромъ онъ былъ веселъ,—это значило, что сегодня утромъ будетъ грустенъ. Никогда не могъ онъ развернуться пошире на одинъ часъ безъ того, чтобъ не искупить этого часа многими часами безраздѣльности и молчанія. Причины тутъ, конечно, должны быть нравственныя; но онъ такъ тонки и легки, что простымъ глазомъ никакъ ихъ не замѣтишь. Нужно микроскопъ, чтобъ читать въ такой душѣ, въ которую такъ мало проникаетъ жизненнаго свѣта.

— Сальваторъ, ты не знаешь своего друга, сказала Флоріани: — у него не такая натура. Солнце, чище, блистательнѣе нашего, освѣщаетъ его пламенную, благородную душу.

— Какъ бы тебѣ хотѣлось этого! отвѣчалъ улыбувшись Сальваторъ: — въ такомъ случаѣ, попытайся разглядѣть, чтò тамъ, и не зови меня свѣтить тебѣ.

— Ты, мой другъ, смѣешься! грустно проговорила Луcreція: —

а между-тѣмъ, мнѣ очень-больно! Я думаю и не могу придумать, чѣмъ могла опечалить своего милаго. Но его холодный взглядъ морозомъ проникаетъ меня до костей; когда я вижу его такимъ, мнѣ кажется, будто я умираю.

XXI.

Нѣсколько словъ откровеннаго объясненія утолили бы страданія Флоріани и ея милаго; но для этого нужно было, чтобъ Кароль, добываясь истины, былъ увѣренъ въ искренности отвѣта; а когда человѣка обуяетъ несправедливое подозрѣніе, онъ на столько теряетъ собственной откровенности, что уже не вѣритъ въ откровенность другихъ. Впрочемъ, этотъ несчастный ребенокъ былъ не въ своемъ разумѣ; у него оставалось этого разума именно столько, сколько нужно для пониманія того, что разумъ убѣдить его не можетъ.

Къ-счастью, эти легко-возмущающіяся, сумасбродныя въ своихъ тревожныхъ порывахъ натуры скоро оправляются и забываютъ. Онѣ сами чувствуютъ, что ихъ внутреннія, тоскливыя волненія недоступны постороннему участію и могутъ пройти только сами-собою. То же было и съ Каролемъ. Къ вечеру этого мрачнаго дня, онъ ужъ чувствовалъ усталость отъ страданія и скуку отъ уединенія; ночью, не спавъ такъ долго, впалъ въ истому, которая и усыпила его; на другой день, онъ опять былъ счастливъ въ объятіяхъ Флоріани, но не сказалъ, отъ-чего наканунѣ былъ совсѣмъ-непохожъ на самого-себя; Лукреція должна была удовольствоваться уклончивыми отвѣтами. Это запало въ ней, какъ рана закрывшаяся, но готовая снова открыться, потому-что корень болѣзни еще не истребленъ.

Лукреція не такъ скоро забыла, что ея милый страдалъ. Хотя она вовсе не постигала причины этого страданія, но чувствовала на себѣ его отраженіе. У ней была не внезапная, порывистая, мгновенная печаль, — нѣтъ, то было глухое, глубокое, продолжительное безпокойство. Она, вопреки мнѣнію Сальватора, стояла на томъ, что безпричинныхъ страданій нѣтъ; заглянула въ себя, припомнила все, — совѣсть ни въ чемъ не упрекала ея. Тогда Лукреція пришла къ тому, что Кароль очнулся, вспомнилъ мать, или сталъ жалѣть, что измѣнилъ памяти Лючіи.

Итакъ, Кароль сдѣлался по-прежнему спокоенъ и довѣрчивъ прежде, нежели Флоріани утѣшилась за него. Но только-что она, наконецъ, разувѣрилась и начала забывать страхъ, который навела на нее эта мрачная тѣнь, какъ одно обстоятельство опять разбудило страданіе Кароля. И какое обстоятельство! мы едва рѣшаемся передать его — такъ оно мелочно и бессмысленно! Флоріани, играя съ Лаертомъ, тронутая его граціей и умилынымъ взглядомъ, поцеловала его въ лобъ. Кароль вообразилъ, что это профананія, что

уста Лукреції не должны касаться собачьей головы. Онъ не утерпѣлъ, чтобъ не сдѣлать замѣчанія съ нѣкоторой энергіей, которая обнаружила его отвращеніе къ животнымъ. Флоріани, изумившись, что подобныя вещи принимаются къ сердцу, не могла удержаться отъ смѣха, — и Кароль былъ уязвленъ до глубины души.

— Что жъ такое, другъ мой! говорила ему Лукреція: — развѣ для тебя лучше серьезное разсужденіе по поводу того, что я поцаловала собаку? А мнѣ бы хотѣлось, чтобъ между нами ни изъ-за чего не было разлада; я нахожу этотъ случай ничтожнымъ, нестояющимъ ни толковъ, ни вниманія, и чувствую только потребность посмѣяться надъ странностью самаго случая.

— О! знаю, я смѣшонъ, сказалъ Кароль: — и для меня ужасно то, что вы начинаете замѣчать это! Развѣ вы ничѣмъ другимъ не могли отвѣчать мнѣ, кромѣ хохота?

— Я вамъ говорю, что, мнѣ кажется, тутъ нѣчего отвѣчать, возразила Лукреція съ маленькимъ нетерпѣніемъ. — Развѣ, когда вы мнѣ дѣлаете замѣчаніе, я должна опустить голову и молчать, хотя бы даже мнѣ казалось, что не стоило труда дѣлать подобное замѣчаніе?

— Слѣдовательно, намъ надо сдѣлаться чуждыми другъ другу во всемъ, что касается міра дѣйствительности, со вздохомъ проговорилъ Кароль: — мы въ этомъ отношеніи такъ мало понимаемъ другъ друга, что я, какъ видно, долженъ молчать, или открывать ротъ только для того, чтобъ смѣяться!

По этому случаю, Кароль дулся два часа, а потомъ все забылъ и опять сдѣлался любезенъ по-прежнему; но Флоріани грустила четыре часа, хотя не дулась, даже не показывала своей грусти.

На другой день, также случилось — не знаю что-то, еще незначительнѣе; а на послѣ-завтра они оба грустили ужъ безъ всякой видимой причины.

Сальваторъ не видалъ той блистательной чистоты блаженства, которою наслаждались они въ его отсутствіе. По пріѣздѣ, онъ, напротивъ, видѣлъ только, что Кароль возвращается къ своей прежней мелочной раздражительности. Онъ встрѣчалъ отъ него попеременно — то пылкую привязанность, то ледяную холодность. Сальваторъ не дивился, потому-что и прежде бывало то же; но онъ съ грустью думалъ, что леченіе было не радикально, и дошелъ до того убѣжденія, что любовники не созданы другъ для друга.

Послѣ долгихъ наблюденій и размысленій, Сальваторъ рѣшился объясниться съ другомъ объ этомъ предметѣ, и насильно довести его до откровенности. Онъ зналъ, что предпринималъ дѣло не легкое; но зналъ также, какъ за него взяться.

— Другъ мой, сказалъ онъ ему, спустя около недѣли послѣ своего пріѣзда въ виллу Флоріани: — мнѣ бы хотѣлось, если возможно, добиться отъ тебя отвѣта на слѣдующій вопросъ: долго ли мы еще здѣсь пробудемъ?

— Не знаю, не знаю! сухо отвѣчалъ Кароль, какъ-будто этотъ вопросъ былъ ему въ тягость.

Но черезъ минуту, у него на глазахъ навернулись слезы; онъ посмотрѣлъ на Сальватора такъ, какъ-будто предвидѣлъ неизбѣжную разлуку.

— Сдѣлай милость, Кароль! продолжалъ Альбани, взявъ его за руку: — хоть одинъ разъ въ жизни, попытайся составить себѣ понятіе о будущемъ, изъ любви ко мнѣ, къ другу, у котораго нѣтъ силъ оставаться въ вѣчномъ ожиданіи какихъ-нибудь происшествій. *Никогда*, то есть, пока не пріѣхалъ сюда, ты все ссылался на состояніе здоровья, которое мѣшало тебѣ дѣлать предположенія. «Дѣлай изъ меня чтò хочешь» говорилъ ты: «у меня нѣтъ ни воли, ни желанія.» Теперь роли измѣнились; здоровье твое не можетъ служить тѣмъ же предлогомъ: ты поправился, окрѣпъ... Не качай головой: не знаю, какъ себя чувствуетъ душа твоя, но тѣло твое въ добромъ здоровьѣ. Ты сталъ совсѣмъ другой: лицо измѣнилось и тонъ и выраженіе; ты ходишь, ѣшь, спишь, какъ и всѣ. Любовь и Лукреція совершили чудо; ты ужъ не скучаешь жизнью, какъ-будто чувствуешь себя на мѣстѣ. Теперь моя очередь оставаться въ неизвѣстности и неясно видѣть впереди. Ну, что же? ты хочешь оставаться здѣсь, не такъ ли?

— Не знаю, буду ли я въ состояніи уѣхать, если бы даже и хотѣлъ, проговорилъ Кароль, вполне страдая отъ-того, что пришлось отвѣчать прямо:—мнѣ кажется, у меня не достанетъ силъ; между-тѣмъ, долженъ!

— Долженъ, почему?..

— Не спрашивай объ этомъ. Ты самъ можешь догадаться.

— Такъ ты все еще лѣнивый умъ для тѣхъ случаевъ, когда приходится разбирать безвкусную главу дѣйствительной жизни?

— Да, тѣмъ больше лѣнивый умъ, что съ нѣкотораго времени я какъ-то особенно сбился съ него.

— Въ такомъ случаѣ, ты хочешь, чтобъ я поступалъ по-прежнему: думалъ бы за тебя, рассуждалъ бы съ-самимъ-собою, все равно какъ съ тобой, доказывалъ бы тебѣ логически, чтò ты желаешь дѣлать.

— Ну, да! отвѣчалъ Кароль съ серьезнымъ видомъ избалованнаго ребенка.

Въ этомъ случаѣ ему не нуженъ былъ посторонній совѣтъ, чтобъ узнать силу любви своей; но онъ хотѣлъ послушать сужденій Сальватора о своемъ положеніи, чтобъ какъ-нибудь проникнуть въ его собственныя чувства.

— Ну! весело произнесъ Сальваторъ, который ни сколько не боялся западни, тѣмъ больше, что не имѣлъ никакой задней мысли: — попробую! Теперь это нелегко: все въ тебѣ перемѣнилось; дѣло идетъ ужъ не о томъ, хорошо ли здѣсь воздухъ, пріятно ли помѣщеніе, исправно ли содержится гостинница, не нужно ли намъ бѣжать отъ жара или холода. Лѣто страсти согрѣетъ тебя, если

лучи іюньскаго сонца и не будуть палить голову. Домъ здѣсь прекрасный, хозяйка ужь не неприятна... Ну, что жь ты? Не хочешь и улынуться моему остроумію?

— Нѣтъ, другъ мой, не могу. Говори серьезно.

— Изволь. Если такъ, я буду говорить коротко. Ты здѣсь счастливъ, ты упоенъ любовью. Ты не можешь предвидѣть, долго ли продлится это счастье, долго ли оно будетъ невозмутимо и свѣтло. Ты хочешь наслаждаться имъ столько, сколько прійдется, а послѣ... Что же послѣ? Отвѣчай. До-сихъ-поръ, я говорилъ о томъ, что есть; теперъ хочу знать, что будетъ послѣ.

— Послѣ! послѣ, Сальваторъ? Послѣ свѣта ничего не бываетъ, кромѣ тмы.

— Извини! бываютъ еще сумерки. Ты скажешь, что это еще свѣтъ, что ты будешь наслаждаться имъ до-тѣхъ-поръ, пока онъ не погаснетъ окончателно. Но когда наступитъ ночь, надо же будетъ обратиться къ другому солнцу? Что же это будетъ—искусство, политика, путешествіе, или супружество?—посмотримъ! Скажи мнѣ: когда мы будемъ тамъ, гдѣ мы встрѣтимся? На какомъ островѣ жизненнаго океана долженъ я ждать тебя?

— Сальваторъ! вскричалъ испуганный князь, забывъ о мучившихъ его печальныхъ подозрѣніяхъ:—не говори мнѣ о будущемъ. Видишь ли, теперъ я меньше, нежели когда-нибудь, могу что-нибудь предвидѣть. Ты мнѣ предрекаешь конецъ моей или ея любви, не такъ ли? Ну! говори мнѣ о смерти: это единственная мысль, которую я могу связать съ твоею мыслью.

— Да, да, понимаю! Что жь! не будемъ говорить объ этомъ, потому-что ты еще въ томъ припадкѣ, когда нельзя думать ни о концѣ, ни о продолженіи счастья. Можетъ-быть, не совсѣмъ-хорошо, что въ подобныя минуты нисколько не допускается вниманія и предусмотрительности, потому-что всякій идеаль опирается на земное подножіе, и маленькая распорядительность въ житейскихъ дѣлахъ могла бы служить къ устойчивости, или по-крайней-мѣрѣ къ продолжительности счастья.

— Ты правъ, мой другъ; помоги же мнѣ! Что я долженъ дѣлать? Возможно ли что-нибудь въ моемъ странномъ положеніи? Я думаю, что эта женщина будетъ меня всегда любить!

— А теперъ ужь не думаешь?

— Я ничего не знаю, ничего не могу видѣть ясно.

— Стало-быть, я долженъ за тебя видѣть. Флоріани вѣчно будетъ тебя любить, еслибъ только перебраться вамъ жить на Юпитера или на Сатурна.

— Боже мой! ты смѣешься?

— Нѣтъ, я говорю дѣло. Я не знавалъ такого теплаго, вѣрнаго, любящаго сердца, какъ у Лукреціи; но не знаю такой любви, которая бы могла поддержать его напряженіе и восторженность дальше извѣстнаго времени на нашей землѣ.

— Оставь меня, оставь! сказалъ Кароль:—миѣ больно отъ твоихъ словъ!

— Я не любовный процессъ веду, спокойно возразилъ Сальваторъ. — Не думаю доказывать, что ваша любовь пошлая, что не можетъ она больше всякой другой противиться законамъ собственнаго разрушенія. Въ этомъ дѣлѣ ты знаешь больше меня; ты знаешь такія стороны Флоріани, которыя я могъ только предчувствовать или угадывать. Но я знаю, можетъ-быть, лучше васъ обонхъ, не смотря на всю опытность этой очаровательной Лукреціи, что средина, въ которой вращается положительная жизнь любовниковъ, на зло имъ, на зло всему, имѣетъ вліяніе на страсть ихъ. Будь у васъ хоть рай въ сердцѣ, но если дерево свалится вамъ на голову, трудно, чтобъ вы ничего не почувствовали. Слѣдовательно, если внѣшнія обстоятельства будутъ благопріятны, вы можете любить другъ друга долго, можетъ-быть, всегда, — до тѣхъ-поръ, пока старость не скажетъ вамъ, что *всегда* у любовниковъ не то, что у ней. А если, напротивъ, ни о чемъ не думая, ничего не предвидя, позволите вы проникнуть къ себѣ недобрымъ вліяніямъ, тогда прійдется вамъ подчиниться общей долѣ, то-есть, бѣды наствгнутъ и уничтожатъ васъ.

— Я слушаю тебя, другъ мой; продолжай! сказалъ Кароль: — чего надо бояться, что предвидѣть? что могу я отклонить?

— Флоріани свободна какъ вѣтеръ—это такъ! Она богата, независима отъ всѣхъ прежнихъ отношеній, и, кажется, будто предчувствовала, что нужно для вашего счастья, когда отреклась отъ свѣта и заперлась въ этомъ уединеніи. Вотъ превосходныя условія для настоящаго; но всегда ли они будутъ продолжаться?

— Развѣ ты думаешь, что она чувствуетъ потребность воротиться въ свѣтъ? Боже мой! если это случится!.. Несчастный я, несчастный!

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое! сказалъ Сальваторъ, пораженный отчаяніемъ и испугомъ своего друга. — Я не говорилъ этого, и не думаю. Но свѣтъ и здѣсь можетъ ее найти и прильнуть къ ней, противъ ея воли. Еслибъ не былъ я молчаливъ, какъ могила, со всѣми, кто заговаривалъ со мной о ней въ Венеціи; еслибъ не отвѣчалъ двусмысленно тѣмъ, которые ужъ знали, что она здѣсь: «она предполагаетъ, можетъ-быть, послышится тамъ, но еще не рѣшилась; собирается путешествовать, поѣдетъ, можетъ-быть, во Францію...» и Богъ-знаетъ, что еще, — все, чему научила меня для подобныхъ вопросовъ Лукреція, — еслибъ не это, будь увѣренъ, теперь бы ужъ замучили васъ визитами. Но что отложено, то еще не миновало. Прійдетъ, можетъ-быть, время, когда вы будете и не одни здѣсь: каковъ-то ты будешь лицомъ-къ-лицу съ ея старыми друзьями?

— Ужасно! ужасно! вскричалъ Кароль, ударивъ себя въ грудь.

— Ты все принимаешь какъ-то трагически, мой милый князь! Дѣло не въ отчаяніи, а въ томъ, что можно ожидать этого; на-

до быть готову снять лагерь въ случаѣ нужды. Тутъ еще смертной бѣды нѣтъ; въ крайности, вы можете уѣхать отсюда и искать другаго временнаго уединенія. Есть особое средство отводить посягателей: не давать имъ возможности встрѣтиться съ вами. Флоріані понимаетъ это искусство; она поможетъ тебѣ выйти изъ затрудненія. Успокойся!

— Ну! а развѣ другихъ опасностей нѣтъ? спросилъ Кароль, который, по своей всегдашней подвижности, успѣлъ уже перейти отъ испуга къ лѣнивой довѣрчивости.

— Дѣ, душа моя! есть и другія опасности, отвѣчалъ Сальваторъ:—но ты встревожишься больше, нежели бы я хотѣлъ, и, можетъ-быть, пошлешь меня къ чорту.

— Нѣтъ, говори.

— Когда вы замкнетесь отъ свѣта, останетесь наединѣ, вамъ будетъ еще опасность пресыщенія.

— Правда, сказалъ Кароль, озадаченный этой мыслью: — можетъ-быть, ты его ужъ справедливо предчувствуешь съ ея стороны. О, да! страдалъ я, тосковалъ эти дни. Должно быть, я утомилъ ее, наскучилъ ей. Она тебѣ говорила?

— Нѣтъ, не говорила и не думала; да, мнѣ кажется, не она первая утомится. Не за нее, а за тебя боюсь я душевной усталости.

— За меня, за меня, говоришь ты?

— Дѣ! я знаю, что ты существо исключительное, знаю твою непреклонную любовь къ женщинѣ, которой ты совсѣмъ не зналъ... (позволь мнѣ это теперь сказать). Знаю, какой особенной, удивительной любовью любилъ ты мать. Но все это, собственно говоря, была не любовь. Любовь истощается, и твоя любовь, которая меньше всякой другой умѣетъ переносить насущныя житейскія дрязги, — истощится скоро.

— Ажешь! вскричалъ Кароль съ улыбкой восторга, и гордаго и простодушнаго.

— Дитя мое, я люблю тебя, но жалѣю, возразилъ Сальваторъ.— Настоящее свѣтло, но будущее въ туманѣ...

— Избавь, пожалуйста, отъ общихъ мѣстъ!

— Выслушай. Твоя благородная фамилія, твои старинные друзья, этотъ высшій свѣтъ, очень-тѣсный, но тѣмъ болѣе избранный и строгій, который до-сихъ-поръ былъ для тебя лучшимъ сферой, живительнымъ, такъ-сказать, воздухомъ... что же теперь? какую роль хочешь ты занять въ немъ?

— Я отрекаюсь отъ него навсегда! Я ужъ думалъ объ этомъ, Сальваторъ! — И эта дума потянула меньше соломенки на вѣсахъ любви моей.

— Хорошо. Если ты отвернешься отъ своей высокой родни, она навѣрное проститъ тебя, но тѣмъ не менѣе скажетъ, что непристойно тебѣ такъ долго, такъ серьезно любить актрису. Эти

добродѣтельные друзья легче простятъ тебѣ сотню прихотливыхъ интригъ, нежели одну страсть.

— Не вѣрится мнѣ; но еслибъ и такъ, — одной причиною больше разойдись безъ всякаго сожалѣнія съ родней и старыми знакомыми!

— Въ добрый часъ! Важная родня — люди хорошіе, но очень-скучные; я своимъ свойственникамъ давно предоставилъ ворчать на меня сколько имъ угодно, и не мѣшаю имъ. Если и ты хочешь сдѣлаться такимъ же сорванцомъ... оно очень-неожиданно, очень-забавно, но — слава Богу, я радъ! Впрочемъ, мой милый Кароль, есть еще другая родня, о которой ты не подумалъ; это — семейство Флоріани; оно — свидѣтель твоей любви.

— А! наконецъ ты тронулъ болѣзненную струну! вскричалъ Кароль, задрожавъ, какъ ужаленный змѣею. — Отецъ ея... да! этотъ презрѣнный человѣкъ, который считаетъ насъ голодными фильтрами, пріѣхавшими сюда Христа-ради просить пристанища да куска хлѣба! Это гнусно! Я едва могъ двинуться съ мѣста, какъ услышалъ...

— Дѣдушка Менапаче сдѣлалъ намъ эту честь?.. съ хохотомъ проговорилъ Сальваторъ.

Но замѣтивъ, какъ близко къ сердцу принимаетъ Кароль это смѣшное событіе, онъ рѣшился успокоить его.

— Еслибъ ты рассказалъ Лукреціи эту комедію, говорилъ Сальваторъ: — она принялась бы тебя утѣшать и — вотъ что отвѣтила бы тебѣ эта доблестная женщина: «Дитя моя! я всегда была однихъ бѣдняковъ, потому-что очень боялась прослыть продажной наложницею. У васъ миллионы; можно подумать, что вы осыпаете меня сокровищами; но я васъ такъ люблю, что не думаю объ этомъ и смѣюсь; забудьте же болтовню моего старика съ Биффи, какъ забываю я для васъ все на свѣтѣ.» Вотъ видишь, Кароль, ты для нея обязанъ быть не слишкомъ-щекотливымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Но — поговоримъ о ея дѣтяхъ, мой другъ; думалъ ли ты о нихъ?

— Развѣ я ихъ не люблю? вскрикнулъ князь? Развѣ я намѣренъ удалить ихъ отъ нея хоть на одну минуту?

— А развѣ они не растутъ? развѣ они никогда не пойдутъ? Знаю, что всѣ они отцовъ своихъ не помнятъ и пока еще способны вѣрить, что для произведенія ихъ на свѣтъ довольно было одной матери. Какъ она выйдетъ изъ затруднительнаго положенія, лицомъ-къ-лицу съ ними, что произойдетъ высокаго и низкаго въ этомъ семействѣ — это не касается ни до меня, ни до тебя. Я вѣрую въ чудесные инстинкты Флоріани; они изъ всего выведутъ ее съ честью. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ ты имѣлъ право, своимъ постояннымъ присутствіемъ, еще больше запутывать ея положеніе. Ты не сзумѣешь и никогда не захочешь лгать. Какимъ же образомъ это можетъ устроиться?

Кароль, который не умѣлъ хорошенько понимать тонъ рѣчи въ

минуты тяжелой скорби, закрылъ руками лицо и молчалъ. Онъ ужь предчувствовалъ эту страшную задачу съ того самаго дня, когда дѣти Флоріани навели на него тоску своимъ смѣхомъ и крикомъ, и призракъ будущаго неясно мелькнулъ у него передъ глазами. Мысль — сдѣлаться когда-нибудь заклятымъ недругомъ и невольной отравой для этихъ милыхъ дѣтей, естественно связалась въ немъ съ той минутой, когда они въ первый разъ наскучили и досадили ему.

— Ты раздираешь истину, сказалъ онъ наконецъ Сальватору: — и бросаешь ее мнѣ въ лицо кровавыми кусками. Чего же ты хочешь? чтобъ я отказался отъ своей любви и умеръ? Такъ убей же меня сейчасъ! Уѣдемъ!

Сальваторъ изумился могучему чувству, которое еще властвовало надъ Карóлемъ. Ему и въ голову не приходило, что эта мощь будетъ не слабѣть, а все рости вмѣстѣ съ страданіемъ; Сальваторъ искалъ счастья въ любви, и если не находилъ, — любовь ухлнула тихо-тихо... Въ этомъ случаѣ, онъ былъ похожъ на весь свѣтъ. Но Кароль любилъ для того, чтобъ любить; никакое страданіе не могло оттолкнуть его. Пройдя фазъ упоенія, онъ входилъ въ періодъ скорби. Но фазъ охлажденія никогда не долженъ былъ наступить для него; вмѣсто этого фазы, могла быть физическая агонія, потому-что любовь была его жизнью и — сладка ли она ему, или горька — не въ его волѣ оторваться отъ нея хотя бы даже на одно мгновеніе.

Сальваторъ, хорошо знавшій его характеръ, но непостигавшій его во всей глубинѣ, убѣдился, что время осуществить его предсказаніе.

— Другъ мой, говорилъ онъ ему: — ты меня не понимаешь, или, лучше сказать, думаешь не о томъ, о чемъ мы говоримъ. Грѣхъ было бы мнѣ отрывать тебя отъ первыхъ минутъ упоенія, которое еще не скоро разсѣется. Напротивъ, я веду рѣчь къ тому, что ты не стараешься оградить своего счастья и съ перваго раза готовъ отдаться легкимъ прихотямъ судьбы. А потомъ скажу тебѣ, что не должно насильно удерживать счастье, если оно уходить. Рано или поздно, прійдетъ время, когда станетъ блѣднѣть звезда, изъ которой теперь льются на тебя такіе жаркіе лучи. Тогда-то ужь нѣчего будетъ ждать охлажденія и скуки, тогда будетъ пора разстаться съ подругой. Надо будетъ рѣшительно бѣжать... но бѣжать, — пойми меня, — за тѣмъ, чтобъ снова воротиться, когда почувствуешь потребность разбудить огонь ея и своей жизни. Видишь ли, я допускаю, что постоянство должно быть вѣчно. Еще одна причина облегчать ярмо, которое васъ связываетъ, не топить себя непрерывнымъ, совершеннымъ уединеніемъ. Все, что уже теперь возмущаетъ тебя здѣсь, исчезнетъ вдали; а когда ты воротиться, увидишь, что это были не горы, а песчинки. Всѣ существенныя опасности положенія, въ которомъ ты сейчасъ старался отдать себѣ отчетъ, разсѣются, когда ты не будешь един-

ственнымъ, исключительнымъ хозяиномъ въ домѣ. Дѣтямъ не въ чемъ будетъ упрекать тебя, потому-что если окружающіе и будутъ подозрѣвать предпочтеніе ихъ матери къ тебѣ, то они не докажутъ этого. Тогда вы, по-видимому, не пойдете на переборъ общему мнѣнію, а будете вести частыя сношенія благородной, постоянной дружбы. Еслибъ ты былъ просто другъ и братъ Флоріани, какъ я, на-примѣръ, и тогда преступно, опасно было бы остаться съ ней на всю жизнь невозвратно. Тѣмъ больше — какъ любовникъ, изъ уваженія къ ея и своему достоинству, ты долженъ прикрыть немножко эту страсть отъ чужихъ глазъ. Ты, можетъ-быть, думаешь, что я забочусь о репутаціи женщины, у которой ея до-сихъ-поръ совѣтъ не было. Но не ты усомнился бы въ искренности, съ которою она рѣшилась-было преобразить свою жизнь для будущей чести дочерей, отказавшись отъ свѣта, разрывавъ всѣ внѣшнія связи. Не ты унижилъ бы въ ея глазахъ жертву, которую она принесла-было, прекрасныя начинанія, съ которыми была такъ счастлива; не ты помѣшалъ бы ей быть добродѣтельной матерью семейства, какой она такъ гордо считала себя въ тотъ день, когда мы постучались у ея двери. Вспомни, та дверь была заперта! Вѣчно будетъ лежать у меня на совѣсти, что я переступилъ заповѣднѣйшій порогъ, а потомъ — почти втолкнулъ тебя въ объятія этой бѣдной, довѣрчивой, великодушной женщины, — если только когда-нибудь прійдется ей проклясть тотъ роковой часъ, когда я нарушилъ ея покой, разбилъ ея мечты о тихой, разумной жизни.

— Правда твоя! вскричалъ Кароль, бросившись къ Сальватору на руки: — вотъ какимъ лзыкомъ надобно было давно заговорить со мною. Изъ всего міра существенности я могъ бы понять только одно, что долженъ уважать ту, кого люблю, долженъ беречь ея честь, ея спокойствіе, ея домашнее счастье. А! если, для доказательства моей безусловной преданности, моего обожанія, нужно сейчасъ же разстаться съ нею, — я готовъ. Это она, конечно, поручила тебѣ навести меня на всѣ эти мысли. Она видѣла, что я ни о чемъ не думаю, что я задремалъ въ упоеніи; она угадала, что нужно разбудить меня. И хорошо сдѣлала. Поди, скажи, чтобъ она простила мнѣ мой близорукій эгоизмъ; попроси ее назначить срокъ моему отсутствію, чтобъ сказала сама, когда мнѣ уѣхать... и когда воротиться.

— Другъ мой милый, возразилъ улыбаясь Сальваторъ: — значить обидѣтъ Флоріани, если подумать, что у ней благоразумія и осторожности больше, нежели у тебя. Я самъ, по безотчетному влеченію, заговорилъ съ тобою объ этомъ, рискуя нанести душѣ твоей страшный ударъ. Еслибъ я сталъ просить позволенія на этотъ разговоръ у Лукреціи, она бы отказала мнѣ, потому-что подобная ей любовница имѣетъ всѣ слабости матери, и если заговоримъ мы объ отъѣздѣ, то не только не встрѣтимъ одобренія, но еще должны будемъ выдержать борьбу. Впрочемъ, мы напомнимъ ей о

дѣтахъ, а она, въ свою очередь, должна будетъ уступить. Она койметъ, что любовникъ не мужъ, что онъ не можетъ стоять при ней какъ часовой у крѣпости.

— Мужъ!.. проговорилъ Кароль, пристально посматрѣвъ на Сальватора.—Еслибъ она вышла за-мужъ!

— О! что касается до этого, будь спокоенъ; подобной невѣрности ты отъ нея не жди, отвѣчалъ Сальваторъ, изумившись, что это случайно-произнесенное имъ слово произвело на князя такое замѣтное впечатлѣніе.

— Ты сказалъ: «мужъ»! повторилъ Кароль, упираясь на внезапно-блеснувшую мысль: — мужъ былъ бы искупленіемъ всей ея жизни. вмѣсто того, чтобъ быть недругомъ, лзвой для ея дѣтей, если онъ богатъ и благороденъ, онъ могъ бы стать имъ самой близкой опорой, ихъ лучшимъ другомъ, названнымъ отцомъ. На немъ лежала бы прекрасная обязанность; и какъ бы онъ былъ вознагражденъ! никогда бы онъ не покинулъ ея, этой обожаемой женщины; онъ, какъ защитная стѣна, заслонилъ бы ее отъ свѣта: онъ оттолкнулъ бы клевету какъ безчестье; онъ могъ бы беречь свое сокровище; не отнял бы у своего счастья ни одного дня на несносныя, докучливыя приличія. Быть ея мужемъ! да, твоя правда! Безъ тебя мнѣ бы и въ голову не пришло... Посмотри, я былъ совершенно тупъ, идиотъ во всемъ, что касается до условій общественной жизни! Но прозрѣлъ же и я! Любовь и дружба спасли меня, сдѣлали изъ меня человѣка, вмѣсто ребенка, вмѣсто безумнаго, какимъ я былъ до-сихъ-поръ. Да, да, Сальваторъ! Быть ея мужемъ—вотъ рѣшеніе задачи! Нося этотъ священный титулъ, я ужъ не разстанусь съ ней, буду ей не напастью, а обороной.

— Ну, что жъ? вотъ счастливая мысль! вскричалъ Сальваторъ: — я просто одурѣлъ, слетѣлъ съ облаковъ!.. Подумалъ ли ты о томъ, что сказалъ, Кароль? Тебѣ жениться на Флоріани!

— Это обидно! Пожалуйста, избавь отъ своихъ недоумѣній. Я рѣшился, пойдемъ со мной объяснять дѣло и просить ея согласія.

— Ни за что въ свѣтъ! возразилъ Сальваторъ:—развѣ только потребуешь ты отъ меня того же ровно черезъ десять лѣтъ послѣ нынѣшняго дня. Ахъ, Кароль! Я еще не зналъ тебя, не смотри на всю нашу долгую, неразлучную дружбу! Не ты ли бѣжалъ отъ жизни, завернувшись въ недоступную строгость, недовѣрчивость, гордость,—и вдругъ бросаешься въ другую крайность, съ размаха хватаешься за жизнь какъ бѣшеный! А я... сколько слышалъ я отъ тебя увѣщаній; сколько надавалъ тебѣ обѣтовъ,—и вотъ теперь долженъ вступить въ роль Ментора, спасти тебя отъ тебя-самого!

Тутъ Сальваторъ исчислилъ своему другу всѣ невозможности подобнаго союза. Онъ говорилъ сильно и простоудушно; объяснялъ, что Флоріани сама-по-себѣ достойна такой любви и преданности; что самъ онъ, еслибъ былъ десятью годами старше и почувствовалъ охоту нести брачныя узы, то предпочелъ бы ее всѣмъ возможнымъ принцессамъ. Объяснилъ онъ князю и то, что согласіе

вкусъ, мнѣній, направленій, стремленій — всѣхъ этихъ точекъ, составляющихъ основу супружескаго мира,—не можетъ существовать между мужчиной его лѣтъ, званія и натуры и между дочерью крестьянина, бывшей актрисой, которая старше его шестью годами, матерью семейства, демократкой по сердцу и памяти, и пр., и пр. Впрочемъ, нѣтъ необходимости передавать читателю все, что говорилъ объ этомъ предметѣ Сальваторъ. Довольно того, что впечатлѣніе, которое произвелъ онъ на Кароля въ первой половинѣ разговора, было вполне сглажено послѣдними возраженіями. Кароль понималъ въ жизни все, что могъ въ ней понять — безусловное развитіе. Всякій личный интересъ и благоразуміе, конечно, въ приложеніи къ его собственному существованію—были для него темной грамотой.

Прости ему, читатель, его ребячества, и ревность, и прихоти. Ужь это не отъ него,—и, въ подобныхъ случаяхъ, величіе и сила его души выкупаютъ остальное. Чѣмъ больше Сальваторъ доказывалъ ему несообразность его плана, тѣмъ больше увлекался онъ этимъ планомъ. Еслибъ могъ Альбани представить этотъ бракъ въ видѣ непрерывной пытки, въ которой Кароль подвергался бы всевозможнымъ мукамъ за Флоріани и дѣтей ея, онъ поблагодарилъ бы его за картину жизни, вполне сообразной съ его честолюбіемъ и потребностью самопожертвованія. Онъ съ восторгомъ принесъ бы эту жертву. Онъ, можетъ-быть, все еще сталъ бы считать преступленіемъ со стороны Лукреціи, еслибъ она произнесла при немъ имя, которое неприятно звучало въ ушахъ его, еслибъ позволила Сальватору поцаловать у себя колѣнку, погрозила бы ребенку плеткой или черезъ-чуръ приласкала собаку; но за то никогда ни разу не упрекнулъ бы онъ себя за то, что принесъ ей на жертву всю свою жизнь.

Къ-счастію... полно точно ли къ-счастію?... да нужды нѣтъ! Флоріани, выслушавъ неожиданное предложеніе, отказомъ своимъ доставила торжество всѣмъ доводамъ графа Альбани. Она была до слезъ тронута любовью князя; но удивиться не удивилась, а Кароль рассчитывалъ на удивленіе. Что же касается до согласія, Флоріани отвѣчала, что еслибъ даже отъ ея согласія зависѣла жизнь дѣтей ея, она и тогда не дала бы его.

Такъ заключилась происходившая въ виллѣ Флоріани восьмидневная борьба деликатности и великодушія. Мысль о бракѣ уязвила непреклонную гордость Лукреціи; можетъ-быть, даже въ-отношеніи пользы дѣтей, она была не права. Но упорство ея согласовалось съ той гордостью, которую она была такъ сильна и несчастлива. Только одинъ разъ въ жизни, пятнадцати лѣтъ, очень-естественно, думала она принять наивное предложеніе неравнаго по-видимому брака. Впрочемъ, Раньери не отличался ни родомъ, ни слишкомъ-огромнымъ богатствомъ; а за дочерью рыбака Менапаче шли, въ ту пору, въ приданое невинность и красота во всемъ ихъ блескѣ. Но женихъ не могъ сдержать свое слово;

да Флоріанн и сама скоро освободила его отъ этого слова, когда составила себѣ вѣрное понятіе объ обществѣ, когда увидѣла, сколько ей другу пришлось бы перестрадать за нее отъ отповскаго проклятія и родственныхъ преслѣдованій. Съ-тѣхъ-поръ дала она обѣтъ—не то, чтобъ отречься отъ супружества, а не выходить замужъ иначе, какъ за человѣка равнаго ей по общественному положенію, для котораго этотъ союзъ служилъ бы честью, а не стыдомъ.

Она такъ глубоко прочувствовала эту мысль, что поколебать ее въ ней ничто не могло, и потому настойчивость Кароля огорчила ее. Другая на ея мѣстѣ приняла бы это настойчивое предложеніе за восхитительную честь; а ей казалось оно почти унижительнымъ, и еслибъ не знала она невѣдѣнія Кароля во всѣхъ истинныхъ чертахъ общественной жизни, то разсердилась бы на него за надежду склонить ее.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ сдѣлалась она матерью четверыхъ дѣтей и испытала дѣйствіе отталкивающей ревности, которую видъ малютокъ возбуждалъ въ ея любовникахъ, съ-тѣхъ-поръ она рѣшилась никогда не выходить за-мужъ. Еще ничто подобное не пугало ее въ Каролѣ; не предчувствовала она, что и онъ на этомъ пунктѣ будетъ страдать, какъ другіе; но знала, что положеніе и выгоды какого бы то ни было мужа потребуютъ отъ нея жертвъ, которыя прямо падутъ на ея привязанность къ дѣтямъ; что этому мужу непременно будетъ стыдно показаться передъ людьми въ роли ихъ отца и покровителя, что, наконецъ, Кароль потеряетъ свою значительность и цѣну въ жестокомъ, холодномъ мнѣніи людей, если подчинится всѣмъ послѣдствіямъ своей романической страсти.

Итакъ, Флоріанн не имѣла нужды опираться на мнѣніе графа Альбани, чтобъ остаться непоколебимою. Кароль былъ бы очаровательно-терпѣливъ въ надеждѣ убѣдить ее; но Флоріанн чувствовала, что, ссылаясь постоянно на знатность князя и мнѣніе его важной родни, она будетъ, по-видимому, дѣйствовать въ духѣ тѣхъ притворно-несговорчивыхъ женщинъ, которыя противятся для того только, чтобъ ловчѣе заманить добычу; и потому кончила дѣло вдругъ, прямымъ и немножко рѣзкимъ отказомъ. Притомъ, она страшно боялась расчувствоваться, потому-что, еслибъ послушалась одного порыва материнскаго чувства, она уступила бы слезнымъ мольбамъ Кароля. И вотъ, рѣшилась она немножко солгать и провозгласила что-то въ родѣ систематической ненависти къ браку, хотя никогда и не думала заводить вражды вообще съ Гименеємъ.

Кароль, убѣдившись въ бесполезности своихъ настанваній, впалъ въ глубокую печаль. Послѣ слезъ, нѣжно отертыхъ Лукреціей, явилась потребность мечтать, быть одному и теряться въ догадкахъ объ этой дѣйствительной жизни, въ которую онъ хотѣлъ войти и въ которой не видѣлъ ни зги. Тутъ воротились призраки вооб-

раженія; подозрѣнія завертѣлись въ умъ, который не умѣлъ вѣрно оцѣнить ни одного матеріальнаго факта; напала ревность, неизбѣжное мученіе властительной любви, обманутой въ надеждахъ безусловнаго обладанія.

Вообразилось ему, что у Сальватора всѣ эти жаркія рѣчи, все, что такъ естественно, само-собою, высказалось между ними въ продолженіе долгихъ бесѣдъ, истомившихъ его душу, было условлено съ Лукреціей; что Сальваторъ, съ своей стороны, не отказывался быть любовникомъ Флоріани и, дѣйствуя съ нимъ, какъ съ балованнымъ ребенкомъ, предоставилъ ему идти впередъ, съ тѣмъ, чтобъ потомъ тайно потребовать своихъ правъ, когда увидитъ его пресыщеннымъ. За тѣмъ-то, думалъ онъ, Сальваторъ и сговаривалъ ему удалиться по-временамъ, чтобъ не дать слишкомъ усилиться любви Лукреціи и имѣть возможность, въ промежуткахъ времени, объясниться съ ней.

Потомъ,—предположеніе еще произвольнѣе, еще сумасброднѣе!—думалъ Кароль, что Сальваторъ прежде его имѣлъ мысль жениться на Флоріани, что они, связанные дружбой, которая такъ идетъ къ ихъ характерамъ, съ общаго согласія положили сочетаться бракомъ послѣ, насладившись вполне своей кипучей свободой. Кароль сознавалъ, что Лукреція любитъ его простодушно и непритворно, но боялся, чтобъ эта любовь не погасла такъ же скоро, какъ загорѣлась, и, какъ дѣлаютъ всѣ въ подобныхъ случаяхъ — негодовалъ на это пылкое увлеченіе, которымъ такъ восхищался, которое такъ благословлялъ.

И когда его внутренній голосъ оправдывалъ Лукрецію противъ этихъ вымысловъ больнаго воображенія, онъ говорилъ самъ съ собой, что Флоріани, въ первый разъ въ жизни, нашла въ немъ достойнаго любовника, что она любила бы его вѣчно, всѣми силами души, еслибъ постороннія ухищренія и гибельныя внушенія не отталкивали ея отъ него. Тутъ думалъ онъ о графѣ Альбани, обвинялъ его въ намѣреніи оболъстать Лукрецію положеніями эпикурейской философіи, наглымъ обаяніемъ худо-скрытыхъ желаній. Теперь ему каждое слово, каждый взглядъ его казались преступленіемъ: Сальваторъ—безсовѣстный; Лукреція—слабая, увлеченная.

Послѣ того, онъ плакалъ, когда его друзья, которые говорили между собой только о немъ, которые дышали только нѣжной заботливостью о немъ же, Кароль, пришли извлечь его изъ уединенныхъ размышленій, осыпать его искренними ласками и нѣжными упреками. Онъ плакалъ на рукахъ Сальватора, плакалъ у ногъ Лукреціи. Онъ не открылъ своихъ безумныхъ грезъ и, чрезъ минуту, онъ овладѣлъ имъ съ новою, еще небывалою до-сихъ поръ силою.

XIII.

— Она не любить меня, она никогда меня не любила, говорит Кароль Сальватору въ минуты, когда ясъе становилась ему его дружба:—она даже не понимаетъ любви, эта могучая, холодная душа, если хочетъ разочаровать меня въ бракъ, ссылаясь на мою личность! Она, стало-быть, не знаетъ, что ни въ чемъ нѣтъ радости сердцу, полному любви, когда оно все принесло въ жертву обладанію любимымъ существомъ? Чтѣ она говоритъ о сохраненіи моей свободы? Я понимаю, что она боится потерять свою свободу. Но чтѣ значить слово «свобода» въ любви? Я думаю: принадлежать другъ другу вполнѣ, безъ всякихъ преградъ? А если, напротивъ, это значить—допускать свободный входъ охлажденію, разлеченіямъ, т. е. невѣрности... Ну, такъ нѣтъ и никогда не было любви въ сердцѣ женщины, которая защищается подобной свободой!

Сальваторъ пытался оправдать Флоріани, защитить ее отъ этихъ жестокихъ подозрѣній; но — попытки его пропали по-пусту: Кароль былъ такъ несчастливъ, что не могъ быть справедливымъ. Онъ го требовалъ отъ друга утѣшеній и помощи противъ собственной слабости, то бѣжалъ отъ него съ убѣжденіемъ, что онъ-то и есть коренной врагъ его счастью.

Положеніе это со-дня-на-день становилось все мрачнѣе и мучительнѣе; графъ Альбани, бросаясь съ совѣтами и успокоительными рѣчами дружбы то къ тому, то къ другому, видѣлъ наконецъ, что рана отравлена, что блаженство любовниковъ превратилось для нихъ въ казнь. Онъ хотѣлъ-было кончить все разомъ: увезти Кароля.—Не было возможности! Ему самому было непріятно существовать среди этихъ постоянныхъ стычекъ; ему хотѣлось бы уѣхать; но онъ боялся подвергнуть Кароля подобному кризису.

Лукреція надѣялась, что Кароль успокоится и свыкнется съ мыслью—быть для нея только любовникомъ. Но когда увидѣла, что его мучительная тоска все длится, все растетъ,—на нее вдругъ завало глубокое уныніе. Когда мать видитъ, какъ ея ребенокъ, обреченный докторомъ на діету, мучится, плачетъ, проситъ ниши съ отчаянной настойчивостью, душа ея смущается, она колеблется и думаетъ: слушаться ли суровыхъ предписаній науки, или вѣрится инстинкту природы? Въ Лукреціи произошло что-то въ этотъ родъ. Она также думала, не лучше ли будетъ подать ему опасную, но, можетъ-быть, дѣйствительную помощь, не лучше ли склониться на его желаніе, нежели обречь его на медленную агонію?... Она позвала Сальватора, переговорила съ нимъ, призналась, что почти побѣждена; призналась также, что этотъ бракъ ей кажется ея погибелю, но что у ней не достанетъ смѣль долго

смотря на страданія Кароля, что она хочет дать ему послѣднее доказательство своей горячей любви.

Сальваторъ чувствовалъ, что и его твердость въ такой же степени пошатнулась. Не смотря на то, онъ вооружился противъ страданія и боролся, чтобъ не допустить любовниковъ до несправедливой развязки.

Кароль слѣдилъ за всѣми ихъ движеніями больше, нежели они думали, и хоть не слышалъ, но догадывался обо всемъ, что вокругъ него говорили; онъ видѣлъ нерѣшительность Флоріани и настойчивость графа. Сальваторъ показался ему въ отвратительно-низкой роли. Были минуты, когда онъ обрекалъ его на страшную ненависть.

Въ такомъ положеніи было дѣло, и Кароль успѣлъ бы въ немъ, еслибъ не случилось одно происшествіе, которое возбудило всю силу доводовъ Лукреціи.

Кароль гулялъ по песчаному берегу, внутри рѣшетки парка, замкнутой день и ночь отъ любопытныхъ. Случилась въ эту пору засуха; вода опала и отступила отъ конца рѣшетки, гдѣ образовался сухой песчаный проходъ, по которому посторонній человѣкъ, если хотѣлъ, могъ свободно пройти въ паркъ. Инстинктъ ревности указалъ князю на это обстоятельство; и онъ не разъ рѣшался замѣчать вслухъ, что еслибъ взять нѣсколько колеевъ, да переплестъ ихъ вѣтвями, то какъ-разъ составила бы загородъ, которая и заслонила бы открытый берегъ. Флоріани обѣщала распорядиться; но, занятая другими, важнѣйшими мыслями, забыла о загородѣ. Она сидѣла съ Сальваторомъ въ своемъ будуарѣ и говорила ему, что твердость ея приходитъ къ концу, что смотря, какъ страдаетъ изъ-за нея существо, которому она рада бы отдать всю жизнь свою, становится для нея невыносимо.

Въ то время, какъ она это говорила, Кароль ходилъ по берегу и, объятый своей обычной тревогой, видѣлъ вѣ себя только предметы, растравлявшіе его скорби и волненія. Всего больше мучилъ его этотъ открытый берегъ всякій разъ, какъ подходилъ онъ къ рѣшеткѣ.

Только это и видѣлъ Кароль; а между-тѣмъ—природа была чудесна: въ воздухъ разливался пурпурный цвѣтъ заката, соловьи пѣли, и въ привязанномъ у берега, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ князя, челнокъ хорошенькая Стелла качала малютку Сальватора, а Сальваторъ игралъ раковинками. Дивно-милую группу составляли эти два ребенка—одинъ, погруженный въ танцевенный трудъ ума, который присущъ человѣку и въ періодъ первыхъ игръ; другая—забывшаяся въ такихъ же танцевенныхъ грѣзахъ, качала легкій челнокъ маленькою ножкой, напѣвая свѣтлымъ какъ журчанье струйки голоскомъ какой-то монотонный, протяжный припѣвъ. Стелла пѣла на привязанномъ къ берегу челнокѣ и думала, что она все плыветъ, плыветъ вдаль по озеру. У ней слагалась безконечная поэма, полная смѣющихся вымысловъ. Сальваторъ

разсматривалъ, укладывалъ и мѣшалъ раковинки и камешки, опершись на лавочку челнока, съ важнымъ, глубокомысленнымъ видомъ ученаго, рѣшающаго уравненіе.

За ними присматривала Антонія, хорошенъкая крестьянка, которая сидѣла недалеко отъ нихъ и граціозно визала. Кароль ничего не видѣлъ и не подозрѣвалъ. Онъ видѣлъ только, что Биффи тешетъ колья, и тешетъ, какъ казалось князю, очень-непроворно, потому-что было ужь поздно, а онъ врядь ли бы началъ вбивать ихъ еще черезъ часъ.

Вдругъ Биффи собралъ колья, поклатъ ихъ на плечо и, казалось, собрался нести къ хижинѣ рыбака.

Кароль считалъ преступленіемъ дать какое-нибудь приказаніе въ домѣ Флоріани, потому-что самая ничтожная нескромность, малѣйшее нарушеніе приличія въ глазахъ подобныхъ ему людей—сущее преступленіе. Но въ эту минуту, истомленный страшнымъ нетерпѣніемъ, онъ довольно-повелительно спросилъ Биффи, почему онъ бросаетъ работу и уноситъ колья.

Биффи былъ отъ природы кротокъ и слылъ въ околосдѣлѣ шутникомъ. Онъ тутъ же прикинулся глухенькимъ, вѣроятно думая, что актёръ представляетъ князя и хочетъ попытать его. Потомъ, замѣтивъ съ удивленіемъ, что Кароль вспыхнулъ, онъ остановился и удостоилъ отвѣтить, что колья пойдутъ въ садикъ дяди Менапаче, что онъ несетъ ихъ туда.

— А синьора развѣ не приказала тебѣ, проговорилъ Кароль, весь дрожа отъ гнѣва: — набить ихъ здѣсь, чтобъ загородить берегъ?

— Она мнѣ ничего не говорила, отвѣчалъ Биффи: — да я не знаю, чего тутъ загораживать: пойдетъ дождь, вода и поднимется вплоть до стѣны.

— Не твое дѣло, возразилъ Кароль: — чтѣ приказываетъ синьора, то, я думаю, надо исполнять.

— Пожалуй, отвѣчалъ Биффи:—мнѣ все равно: только если дядя Менапаче увидитъ, что я трачу колья, которые ему нужны были на подпорки въ виноградникъ, онъ разсердится.

— Нужды нѣтъ! возразилъ Кароль, совершенно забывшись:— ты долженъ слушаться синьоры.

— Оно такъ! примолвилъ Биффи въ нерѣшимости, полу-освоболившись изъ-подъ своей ноши: — деньги-то платитъ она, да ворчать-то на меня ея отецъ.

Кароль настоялъ; онъ видѣлъ, или ему казалось, что вдали по берегу бродитъ какой-то человекъ и по-временамъ останавливается, какъ-будто ищетъ, какъ-бы пробраться въ виллу Флоріани. Главная неповоротливость Биффи приводила въ отчаяніе князя. Онъ положилъ руку ему на плечо съ видомъ начальника, съ негодующимъ взглядомъ, который былъ такъ страненъ при его всегда кроткой физиономіи; Биффи струсилъ и рѣшился повиноваться.

— Ну, ваше сіятельство, проговорилъ онъ съ какой-то лѣ-

ностью, отчасти—насмѣшливою, которая показалась князю Бо знаетъ какъ оскорбительна: — неказывайте мѣсто, приказывай вы знаете, что нужно дѣлать, а я тутъ ничего не знаю; мнѣ, п во, ни слова не говорили.

Кароль сдѣлалъ то, къ чему никогда не считалъ себя спос пымъ. Онъ снизошелъ до матеріальной работы, даже до того, начертилъ на пескѣ собственной тростью линію, по которой Би фи долженъ былъ вести городьбу, самъ назначилъ ему мѣста, бить колья, и все это дѣлалъ правильно, энергически, тѣмъ лѣе, что на этотъ разъ онъ не обманулся: незнакомецъ, котор онъ замѣтилъ вдали, видимо приближался и, продолжая идти самому берегу, смѣло направлялся прямо къ нимъ.

— Скорѣе! говорилъ Кароль Биффи:—если не успеешь сего, занести городьбу вѣтвями, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ колья бы набиты: проходящіе будутъ видѣть, что тутъ ходить нельзя.

— Буду дѣлать все, что угодно вашему сіятельству, отвѣч Биффи съ лукавою упиженностью. — А беспокоиться не извол воровъ въ нашей сторонѣ нѣтъ; здѣсь они и не появлялись когда.

— Все-таки дѣлай свое дѣло, проворнѣй! говорилъ князь страшной, болѣзненной тоскѣ.

Онъ вертѣлъ въ рукѣ золотую монету, чтобъ дать замѣт Биффи, какая щедрая награда ему готовится.

— Ваше сіятельство потеряете цехинъ-то, сказалъ хитрый льнй, взглянувъ украдкой на дрожащую руку Кароля.

— Другъ Биффи, отвѣчалъ князь:—я знаю обычаи: я нечаи задѣлъ за твой топоръ, и потому долженъ дать на водку. Это бѣ, когда кончишь.

— Ваше сіятельство ужъ слишкомъ-добры! закричалъ Биффи наэлектризованный въ одну минуту.—О! чортъ возьми! подум онъ про себя: да это князь, сушій князь, теперь я вижу; а такъ дядѣ Менапаче ничего не скажу: онъ какъ-разъ припрят мой цехинъ, чтобъ я, изволите видѣть, не извелъ его на пусто

И Биффи ловко принялся работать — откуда взялись и про ство и богатырская сила; онъ рѣшился, если старикъ придетъ будетъ его останавливать, сказать ему, что такъ велѣла синьѣора.

Всѣ колья были вбиты, когда упрямнѣйшій человекъ, при при жении котораго Кароля бросало въ холодный воть, дошелъ до грани и остановился, сложивъ на груди руки и уставивъ и впередъ, вдоль берега, не обращая по-видимому никакого в ния на князя и Биффи.

Эта озабоченность была какъ-то странна, потому-что его с ляло отъ нихъ лишь нѣсколько колеьевъ. Впрочемъ, онъ, лось, не думалъ переступать черезъ эту вновь-означенную граи То былъ молодой человекъ, средняго роста, одѣтый довольно неказно, но безъ особаго вкуса; лицо у него было прекрасн

по этому подвижно-устремленному взгляду, по этимъ разсѣянными глазами можно было подумать, что онъ... какъ-будто безумный, или по-крайней-мѣрѣ помѣшанный, если только это не былъ умышенно-приданный имъ себѣ видъ...

Князь, возмущенный съ перваго раза его дерзостью, начиналъ думать, что этотъ человекъ самъ не зналъ, гдѣ онъ и куда хочетъ идти, какъ вдругъ незнакомецъ, обращаясь къ Биофи, сказалъ ему густыми басомъ:

— Другъ мой, не здѣсь ли вишла Флоріани?

— Да, сударь, отвѣчалъ Биофи, не переставая работать.

Князь вперилъ въ незнакомца глаза, какъ левъ, защищающій добычу. Незнакомецъ взглянулъ на него съ любопытствомъ почти-равнодушнымъ, и, нисколько не беспокоясь о выраженіи этого разстроеннаго, измѣнившагося лица, принялся смотрѣть на берегъ, къ которому Кароль стоялъ спиной.

Кароль быстро обернулся; онъ думалъ, что тамъ, можетъ-быть, идетъ Лукреція, и ея приближеніе такъ обаятельно дѣйствуетъ на незнакомца. Но вдоль берега не видно было никого, кромѣ дѣтей и няньки.

Въ это время, Стелла выходила изъ лодки и, поднимая на руки маленькаго брата, говорила ему:

— Пойдемте, Сальваторъ! Позвольте, сударь, вамъ помочь, а то вы упадете въ воду.

При мысли, что ребенокъ можетъ упасть въ воду прежде, нежели нянька успеетъ подойти, Кароль, у котораго мрачный умъ постоянно ждалъ какихъ-то несчастій, забылъ о незнакомцѣ и бросился помогать Стеллѣ. Но дѣти уже были въ безопасности, на пескѣ. Кароль, заслышавъ за собой шаги, оглянулся: предъ нимъ былъ незнакомецъ.

Онъ безъ церемоніи переступилъ за роковую черту; не удостоивъ князя взглядомъ, прошелъ мимо его, быстрымъ прыжкомъ очутился возлѣ дѣтей и схватилъ Сальватора на руки, какъ-будто хотѣлъ утащить его.

По невольному движенію, Кароль и Антонія бросились на незнакомца. Кароль схватилъ его за руку изъ всѣхъ силъ, которыя негодование въ немъ удвоило; а Биофи, вооруженный топоромъ, явился на всякій случай въ видѣ подкрѣпленія.

Всѣмъ имъ незнакомецъ отвѣчалъ одной презрительной улыбкой. Между-тѣмъ, было тутъ одно существо, которое не обнаружило никакого страха; это—Стелла.

— Вы съ ума сошли! сказала она смѣясь: — я его знаю; онъ ничего не сдѣлаетъ Сальватору, потому-что онъ его очень любитъ. Я пойду, скажу маменькѣ, что вы здѣсь, прибавила она, обращаясь къ незнакомцу.

— Нѣтъ, дитя мое, отвѣчалъ онъ: — не думаю. Сальваторъ не узналъ меня, а я здѣсь всѣхъ перепугалъ. Они думали, что я хотѣю его украсть. Возьми, примолвивъ онъ, возвращая ей ребенка:

— не хлопочи. Миѣ хочется только посмотрѣть на васъ еще минуту; потомъ я уйду.

— Маменька не позволить вамъ уйти и выдавшись съ возразила малютка.

— Нѣтъ, нѣтъ, миѣ некогда оставаться, сказалъ незнакомецъ замѣтнымъ смущеніемъ: — ты скажешь маменькѣ, что кланяюсь... Она здорова, твоя маменька?

— Здорова; она дома. Не правда ли, Сальваторъ очень выр

— И похорошѣлъ! отвѣчалъ незнакомецъ. — Это просто ани Ахъ, какъ-бы я желалъ его поцаловать!.. Но онъ боится и миѣ не хочется, чтобъ онъ заплакалъ.

— Сальваторъ, сказала малютка:—поцалуй его. Это твой тель, ты его забылъ! Обними его своими рученками. Будешь стливъ; я скажу маменькѣ, что ты былъ очень-миль.

Ребенокъ послушался, поцаловалъ незнакомца, потомъ онъ сталъ просить своихъ раковинокъ и камешковъ и занялся съ на пескѣ.

Опершись на лодку, незнакомецъ смотрѣлъ на него сквозь слезы, казалось, не видѣлъ внимательно-наблюдавшихъ за нимъ князя, няньки и Биффи.

Но чрезъ нѣсколько минутъ онъ какъ-будто замѣтилъ ми улынулся грустно, и эта грусть еще отражалась на всемъ его. Лицо Кароля обратило на себя его вниманіе.

— Милостивый государь, сказалъ онъ, подходя къ нему: — имѣю ли я чести говорить съ княземъ де-Росвальдъ?

Кароль сдѣлалъ утвердительный знакъ.

— Вы здѣсь распоряжаетесь, продолжалъ незнакомецъ: — никого не знаю въ этомъ домѣ, кромѣ дѣтей и ихъ матери; пойдите приказать людямъ немного удалиться, чтобъ я могъ зать вамъ нѣсколько словъ.

— Милостивый государь, отвѣчалъ князь, отведя его на нѣско шаговъ въ сторону:—миѣ кажется гораздо-проще вамъ сам удалиться, потому-что я здѣсь не распоряжаюсь, какъ вы хотите, и имѣю только права друга. Но этихъ правъ достаточно того, чтобъ я счелъ обязанностью сдѣлать вамъ одно замѣчаніе. Вы вошли сюда неправильно и не можете дольше оставаться в безъ воли хозяйки дома. Вы пробрались чрезъ загородку, при неоконченную, но все-таки приличіе требовало обратить на вниманіе. Потрудитесь воротиться тѣмъ же путемъ, которымъ шли, и сказать свое имя у воротъ парка. Если синьора Флоу найдеть приличнымъ принять васъ, можете надѣяться, что не увидите у нея людей, способныхъ заставить васъ уйти изъ ея дома.

— Остерегитесь роли, которую берете на себя, сударь, г отвѣчалъ незнакомецъ:—она смѣшна.

И, замѣтивъ, что у князя засверкали глаза, онъ примолвилъ насмѣшливой протостью:

— Эта роль была бы недостойна подобнаго вамъ великодуш

человѣка, еслибъ вы знали, кто я; выслушайте, и вы сами убѣдитесь въ этомъ.

ХІІІ.

— Меня зовутъ, продолжалъ незнакомецъ:—Оноріо Ваидони; я отецъ вотъ этого милаго ребенка, которому вы сейчасъ явились защитникомъ, Но вы не имѣете права запретить мнѣ цаловать сына; напрасно стали бы вы добиваться этого права, я бы не допустилъ васъ до него силою, еслибъ убѣжденія было мало. Вы, конечно, думаете, что когда синьора Флоріани рѣшилась разорвать узы, которыя насъ съ ней связывали, я легко могъ требовать или по-крайней-мѣрѣ оспоривать у ней права на этого ребенка; но сохрани меня Богъ лишать малютку заботливыхъ ласкъ женщины, у которой материнская привязанность непостижима! Я молча покорился приговору, который разлучилъ меня съ нимъ; я думалъ только о его пользѣ и счастіи. Но не полагайте, чтобъ я согласился навсегда потерять его изъ вида. И вблизи и издали, я все стерегу его и всегда буду стеречь. Знаю, что пока онъ съ матерью, ему будетъ хорошо. Если же ея не станеть, если, по какому-нибудь непредвидѣнному случаю, синьорѣ придется разстаться съ нимъ, я явлюсь съ любовью и властью отца; но пока еще этого нѣтъ. Я знаю, что здѣсь дѣлается. Случай и кое-какіе разспросы помогли мнѣ узнать, что вы — счастливый любовникъ Лукреціи. Мнѣ жаль вашего счастья, сударь, потому-что это не такая женщина, которую можно было бы любить въ-половину и въ потерѣ которой можно было бы утѣшиться!.. Но не въ томъ дѣло. Я хочу говорить о ребенкѣ... знаю, что уже не имѣю права говорить о матери. Я увѣренъ въ вашей ласковости къ нему, въ вашей кротости, въ благородствѣ вашего характера. Я знаю... это удивитъ васъ, потому-что вы считаете свои тайны замкнутыми въ этомъ убѣжищѣ, которое такъ ревниво стережете, которое даже сами ограждали, когда я осмѣлился перешагнуть за ваши укрьпленія! Видите ли: семейныя тайны не ускользаютъ отъ наблюдательной прислуги... Я знаю, что вы хотите жениться на Лукреціи Флоріани, и что Лукреція Флоріани еще не принимаетъ вашего предложенія. Знаю, что вы охотно были бы отцомъ для ея дѣтей. Благодарю васъ за это съ своей стороны; но избавляю отъ этой заботы въ-отношеніи къ моему сыну, и если синьора согласится на ваши желанія, вы можете разсчитывать на тронхъ дѣтей, но не на четвертаго.

«Все это я сказалъ вамъ, сударь, совсѣмъ не для того, чтобъ вы передали мои слова Лукреціи. Это было бы похоже на угрозу съ моей стороны, на малодушную попытку помѣшать успѣху вашего дѣла. Если я убѣгаю отъ ея глазъ, если не ищу болѣзненнаго, опаснаго удовольствія видѣть ее, за то и не хочу, чтобъ вы заблуждались въ причинахъ моей уклончивости.

Напротивъ, хорошо, что вы ихъ узнаёте. Вы видите, что, на-эмо вашимъ укрѣпленіямъ, мнѣ легко было пробраться сюда, увидѣть сына, даже украсть его. Еслибъ я пришелъ сюда съ подобнымъ намѣреніемъ, то дѣйствовалъ бы смѣлѣе или хитрѣе. Я не ожидалъ удовольствія говорить съ вами, когда подходилъ къ этому дому, когда увлекла меня непреодолимая сила къ ребенку... котораго я узналъ... чуть не за лё, когда еще онъ видѣлся мнѣ, какъ черная точка на пескѣ! Милое дитя!.. Не скажу: *бѣдняжка*, онъ счастливъ, его любить. Но уходя, скажу самому-себѣ: «бѣдняжка-отецъ! отъ-чего тебя не могутъ также любить?..» Прощайте, сударь! Очень-радъ, что имѣлъ счастье познакомиться съ вами; предоставляю вамъ рассказывать про это странное свиданіе такъ, какъ найдете удобнымъ. Я не искалъ его и не жалѣю о немъ. Я не чувствую къ вамъ ненависти; хочу думать, что вы больше достойны своего счастья, нежели я своего несчастія. Судьба — капризная женщина, которую иногда проклиняютъ, но всегда призываютъ!»

Вандони говорилъ еще нѣсколько времени, и въ рѣчи его было больше легкости, нежели послѣдовательности, больше откровенности, нежели жара. Но, когда онъ въ послѣдній разъ молча обнялъ сына, казалось, былъ глубоко тронутъ.

Потомъ, поклонившись князю съ печально-комической важно-стью актѣра, онъ пошелъ и, ни разу не оглянувшись, достигъ загородки, гдѣ работалъ Биффи. Тутъ онъ оглянулся и долго смотрѣлъ на ребенка; наконецъ, еще разъ поклонился князю и скрылся.

Кромѣ гнѣвнаго движенія и невыносимо-непріятнаго чувства, которыя должна была произвести подобная встрѣча, физиономія, голосъ, приемы и рѣчь этого человѣка, не смотря на то, что въ нихъ проглядывала необыкновенная доброта и врожденная честность, возбудили въ Каролѣ глубокую антипатію. Вандони былъ хорошъ собой, довольно-образованъ, честенъ до непоколебимости; но все въ немъ какъ-то отзывалось театромъ, и нужна была только привычка Флоріани видѣть вокругъ себя актѣровъ еще натяну-тѣе, еще надутѣе, чтобъ не замѣчать въ немъ того, что такъ непріятно поразило князя съ перваго взгляда—этой ненатуральной торжественности, этой искусственности, которая пробивалась на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ. Вандони представлялъ смѣсь важности съ наивностью, смѣсь, которую трудно опредѣлить. Природа произвела его тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ бы казаться; но искусство, какъ это всегда бываетъ у второстепенныхъ артистовъ, сдѣлалось для него второй натурой. Онъ былъ не притворно-великодушень и чувствителень; но ему не довольно было проявлять эти свойства на дѣлѣ: ему нужно было говорить, повѣрять свои чувства, какъ декламировалъ онъ монологъ на сценѣ. Первостепенные артисты влагаютъ свою душу въ роль, а посредственность

носить роль въ свою бѣдную жизнь и играетъ эту роль бессознательно, во всякій часъ дня.

Поэтому, чувства у добраго Вандони были гораздо-серьёзнѣе парижности; онъ отнималъ у своихъ рѣчей тотъ вѣсъ, который она могла имѣть сами-по-себѣ, еслибъ не выдавала ихъ эта черезъ-чуръ ученая изысканность. Правильныя ударенія и чистый выговоръ въ рѣчи Флоріани вытекали изъ нея-самой, изъ нея-одной, между-тѣмъ, какъ правильныя ударенія и чистый выговоръ въ рѣчи Вандони напоминали профессорскій урокъ. То же было у него и въ поступкѣ, и въ жестакъ, и въ выраженіи лица: все напоминало зеркало. Ясно, что школа искусства вошла ему въ плоть и кровь; теперь онъ свободно и полно высказывалъ то, что прежде съ трудомъ учился выговаривать. Но условія, подъ которыми сформировался его языкъ и манера, всегда проглядывали въ немъ: живая форма рѣчи обыкновенно ослабляетъ рѣзкость и силу ея содержанія; между-тѣмъ, какъ у него это изящество формы состояло въ томъ, чтобъ все заставить выступить наружу, ничего не оставивъ въ тѣни.

И вотъ, говоря о своей родительской любви, онъ выказалъ слишкомъ-много чувствительности; защищая свои отцовскія права, говоря великодушно съ соперникомъ, онъ слишкомъ-похожъ былъ на драматическаго героя; желая показать, что безропотно переноситъ вѣтку любовницы, онъ черезъ-чуръ пересолил свою попытку и почти принялъ видъ какого-то всепрезирающаго, видъ, который былъ ему не подъ-силу. Прибавьте ко всему этому тайную неловкость, отъ которой посредственные артисты никогда не могутъ освободиться, даже когда хотятъ поставить себя въ выгодное положеніе, и вамъ понятны будутъ и та неопредѣленная улыбка, которую Кароль принялъ за отчаянную дерзость, и тотъ иногда-смущенный взглядъ, который онъ почелъ признакомъ потеряннаго въ безпутной жизни ума, понятенъ будетъ, наконецъ, и этотъ округленный жестъ, который казался попыткой дать пощечину.

Впрочемъ, это личное впечатлѣніе, произведенное на князя Каролю актѣромъ Вандони, было совершенно-относительно. Недостатки этихъ двухъ людей были такъ противоположны, что, увидавъ ихъ вмѣстѣ, нало было поочередно обвинять оба характера, взявши независимо другъ отъ друга. Кароль грѣшилъ крайней замкнутостью; ненавидя все то, что, судя по формѣ, могло быть принято за самое легкое преувеличеніе, онъ обнаруживалъ иногда холодную, немножко-обидную холодность. Вандони, напротивъ, не смѣлъ разстаться ни съ однимъ встрѣчнымъ безъ того, чтобъ не сказать ему нѣкотораго мнѣнія о своихъ достоинствахъ. Онъ не боялся, подобно Каролю, встрѣтиться съ оскорбительно-любопытнымъ взглядомъ: онъ искалъ этого взгляда, чтобъ прочесть въ немъ произведенный имъ эффектъ. Когда казалось ему, что эффекта не было, онъ напрягалъ силы, чтобъ добиться его; но, не имѣя

той живости ума, которую владѣютъ великіе артисты, великіе адвокаты и великіе говоруны, часто оставался при своемъ эффектѣ.

Впрочемъ, онъ былъ совсѣмъ не то, что заключилъ Кароль изъ его наружности. Не былъ онъ ни ограниченъ, ни враль, ни развратенъ, ни наглъ. Это было скорѣе существо ласковое, хотя въ самомъ-себѣ сосредоточенное,—чистосердечное, хотя немножко тщеславное,—скромное и тихое, хотя любившее при случаѣ похвастаться противнымъ. Онъ имѣлъ несчастіе постоянно приписывать себѣ столько знаменитости, сколько у него ея никогда не могло быть. Его страсть была — играть главные роли, и этой страсти ему никогда не удавалось удовлетворить. И вотъ — желая показать себя по-крайней-мѣрѣ въ роляхъ незамѣтныхъ, которыя ему поручали, онъ ужъ черезъ-чуръ сознательно игралъ благородныхъ отцовъ, друидовъ, повѣренныхъ и караульныхъ командировъ. Страшная ошибка — пытаться привлечь вниманіе зрителей на тѣ мѣста драматической пьесы, которыя авторъ поставилъ на второмъ планѣ. Если случалось слабое, какъ-будто плоское мѣсто въ роли, Вандони безжалостно выпускалъ его, и дивился, что автора освистали, тогда-какъ онъ хотѣлъ удружить ему отъ всего сердца и изъ всѣхъ силъ.

Сверхъ-того, онъ былъ малъ, а хотѣлъ казаться большимъ. У него былъ одинъ изъ тѣхъ пріятныхъ низкихъ голосовъ, которые не могутъ свободно гнуться, которые природою осуждены на монотонное звучанье, — а онъ имѣлъ слабость думать, что тонъ его голоса лучше, нежели у такого-то или у такого-то славнаго актѣра, и никакъ не соображалъ, что какой-нибудь рылый голосъ гения симпатичнѣе, могущественнѣе громозвучнаго инструмента, повинующагося невѣжественному дыханію. Добрый Вандони! онъ удалялся съ мыслью, что очень-тонко, метко и съ достоинствомъ осадитъ ревнивую гордость князька де-Росвальдъ; а князь де-Росвальдъ, глядя ему вслѣдъ, пожималъ плечами и подумалъ съ прискорбіемъ: какъ могла Флоріани пережить хоть одинъ день въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ такимъ смѣшнымъ, недалекимъ человекомъ...

Увы! бѣды Кароля этимъ еще не кончились, потому-что Вандони, уходя, не былъ вполне доволенъ своимъ эффектомъ. Онъ жалѣлъ, что не встрѣтилъ Лукреціи, не показалъ предъ ней философскаго отчужденія, или великодушной гордости, которой не могъ разыграть въ первыя минуты разрыва. Онъ жалѣлъ, что не внушилъ этой непреклонной женщинѣ, что и онъ непреклоненъ; все, что было наивнаго, трогательнаго въ его слезахъ и гнѣвѣ, — все это хотѣлъ онъ загладить какой-нибудь сценой милосердаго торжества, сценой, которая казалась ему высокимъ произведеніемъ.

И, по мѣрѣ удаленія отъ виллы, Вандони ступалъ все тише и тише, зная, что нужно помогать случаю; а между-тѣмъ, случаи, какаго всего легче можно ожидать, помогъ его маленькой хитро-

сти. Онъ еще не потерялся изъ вида, когда Флоріани вышла на берегъ.

И зачѣмъ она вышла на берегъ, зачѣмъ не осталась въ будуарѣ толковать съ графомъ Альбани? За тѣмъ, что они уже все перетолковали, затѣмъ, что она восторжествовала надъ упорствомъ графа, затѣмъ, что она собиралась сказать князю:

— Ты побѣдилъ. Я такъ люблю тебя, что не могу дольше мучить. Будь моимъ мужемъ. Я ставлю свою материнскую любовь въ суровую борьбу; смѣло иду на встрѣчу будущему; заглушаю крикъ совѣсти; но осуждаю себя за тебя, если такъ должно!

Какъ человекъ, бѣгущій со всѣхъ ногъ къ запертой двери, считая ее отворенною, разбиваетъ себѣ лобъ и ломаетъ руки, такъ точно Флоріани загнулась и стала какъ вкопанная, встрѣтивъ холодное, печальное лицо князя. Онъ поклонился ей вѣжливо, систематически-почтительно; но взгляды его, казалось, говорили:

— Женщина! что между нами общаго?

Еще никогда не являлся онъ передъ ней такимъ печальнымъ, и эта печаль, какъ всегда бываетъ у людей недовѣрчивыхъ, отзывалась какимъ-то презрѣніемъ. Флоріани ужаснулась. Она взглянула кругомъ, какъ-будто хотѣла спросить у вѣшнихъ предметовъ о причинѣ страшной переменѣ,—и вдали увидѣла Вандони. Она такъ мало о немъ думала, что и не узнала его; но Стелла подбѣжала.

— Господинъ Вандони ушелъ, сказала она: — онъ не хотѣлъ, чтобъ я тебя позвала; сказалъ, что ему некогда оставаться. Онъ, вѣрно, воротится; спрашивалъ, здорова ли ты, цаловалъ Сальватора, плакалъ. Видно, что у него много горя. Потомъ—онъ говорилъ съ княземъ... Князь тебѣ расскажетъ; я больше ничего не знаю.

И малютка ушла играть съ братомъ.

Лукреція смотрѣла то на князя, то на Вандони. Вандони стоялъ лицомъ къ парку; онъ видѣлъ Флоріани, но притворился, будто все смотритъ на сына. Князь отвернулся съ какимъ-то негодованіемъ, думая, что Флоріани позоветъ своего прежняго любовника и, можетъ-быть, представить его ему.

Теперь она поняла все и не дивилась разстройству Кароля. Но она знала, что можетъ унять это разстройство однимъ словомъ; а Вандони уходитъ, конечно, униженный, растерзанный. Онъ уходитъ молча, покорно; некогда ему было распознать и приласкать сына. Она думала, что Вандони невыразимо страдаетъ; между-тѣмъ, какъ въ самомъ-то дѣлѣ онъ въ эту минуту страдалъ немного. У него было сердце дѣтолюбивое, и когда случилось ему наединѣ раздуматься о Сальваторѣ, онъ плакалъ отъ души. Но — предъ лицомъ соперника и измѣнницы, надо было выдержать роль и, какъ бываетъ съ актѣрами на сценѣ, дѣйствительный міръ исчезъ для него предъ наитіемъ міра фантазіи.

Флоріани—непритворная, любящая, великодушная — не могла дать себѣ отчета въ томъ, что тогда чувствовала. Она ощущала только глубокое состраданіе, ужасъ, при мысли усилить несчастіе и позоръ человѣка, который такъ глубоко любилъ ее, котораго она также старалась полюбить. Она понимала, что поступокъ ея очень раздражитъ Кароля; но полагала, что, одумавшись, онъ не только извинитъ, даже одобритъ ея движеніе. Сердце разсуждаетъ быстро, и когда въ эти разсужденія замѣшается совѣсть, оно не колеблясь жертвуетъ и личнымъ отвращеніемъ и выгодой. Она побѣжала къ загородкѣ, твердымъ голосомъ позвала къ себѣ Вандони, и когда онъ пошелъ къ ней, она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ нему на встрѣчу, протянула ему руку и дружески поцаловала его.

Конечно, Вандони былъ тронутъ такимъ великодушнымъ, отважнымъ приемомъ. Онъ надѣялся найти мѣсть за себя въ смущеніи Лукреціи предъ ея новымъ любовникомъ. Онъ не думалъ, чтобъ она позвала его, и потому былъ очень-доволенъ, что могъ продлить мученія своего соперника. Но сердце Флоріани было гораздо-выше этихъ мелочей,—женщину твердую, глубоко-чистосердечную нельзя ввести въ краску. Вандони забылъ свою роль и покрылъ поцалуйми и слезами руки своей измѣнницы. Онъ уже оставилъ драму, потому-что былъ побѣжденъ.

— Я не позволю тебѣ такъ уйти отъ насъ, сказала Лукреція съ спокойною, привѣтливою твердостью.— Не знаю, откуда ты; но усталый или нѣтъ, ты отдохнешь и насмотришься на Сальватора. Мы поговоримъ о немъ и разстанемся спокойно, большими друзьями, нежели прежде. Согласенъ ты на это, не правда ли, другъ мой? Мы были братьями; теперь есть случай возобновить это родство.

— Но князь де-Росвальдъ?.. сказалъ Вандони, понизивъ голосъ.

— Ты думаешь, что онъ будетъ ревновать тебя? Не беспокойся, Вандони, не будетъ. Но ты увидишь, что онъ не слышалъ о тебѣ здѣсь ничего дурнаго, и что ты имѣешь право на его уваженіе.

— На его мѣстѣ, я бы не стерпѣлъ прежняго любовника!

— Онъ, вѣроятно, лучше тебя, другъ мой. Онъ довѣрчивѣе тебя и великодушнѣе ко мнѣ. Пойдемъ, я тебя представлю ему.

— Лишній трудъ! сказалъ Вандони, который чувствовалъ свою слабость и былъ умиленъ, а потому не могъ показаться своему противнику въ своемъ натуральномъ видѣ. — Я самъ уже представлялся ему. Онъ былъ очень-вѣжливъ. Но ты непременно хочешь вести меня? Это безразсудно.

Лукреція, вѣсто отвѣта, указала ему на Сальватора. Вандони уступилъ частію изъ отеческой любви, частію изъ злобы.

XXIV.

Если мужчина не можетъ стать лицомъ—къ—лицу съ другимъ, затѣвившимъ его въ сердцѣ любимой женщины, безъ желанія мести, то нѣтъ также и женщины, которая бы не смутившись рѣшилась явиться предъ ними обоими.

Между—тѣмъ, Флоріани не чувствовала неловкости подобной встрѣчи. И отъ-чего бы смутиться ей, когда всю жизнь свою вела она игру, положивъ карты на столъ, съ безпредѣльною откровенностью? Тутъ не нужно было платиться отвагой или ловкостью, чтобъ провесть двухъ равно—обманутыхъ противниковъ. То были преданный ей любовникъ въ настоящемъ и такой же любовникъ въ прошедшемъ. Еслибъ въ страсти было побольше философіи, то счастливый любовникъ встрѣтилъ бы отставнаго любезно и великодушно. Но не такова страсть: ей хотѣлось бы взять на откупъ и прошедшее, и настоящее, и будущее. Она возмущается воспоминаніемъ, и въ этомъ случаѣ разсуждаетъ плохо, потому—что въ любви трудно возвратиться къ прошедшему; нѣтъ ничего безвреднѣе, какъ увидѣть существо добровольно—оставленное, наскучившее.

Къ—несчастью, никто такъ мало не зналъ сердца человѣческаго, какъ князь Кароль. У него было сердце, единственное въ своемъ родѣ, и каждый разъ, когда онъ хотѣлъ судить о другихъ по себѣ, непременно ошибался. Онъ пытался представить себѣ, что бы случилось съ нимъ, еслибъ вдругъ явилась ему княжна Лючія, и вообразилъ, что еслибъ она, какъ тѣнь Банко, пришла во время обѣда Флоріани, то онъ упалъ бы, какъ громомъ пораженный, не столько отъ страха, сколько отъ угрызенія совѣсти и сожалѣнія. Отсюда перешелъ онъ къ тому, что Флоріани, принадлежа другому, не можетъ увидѣть оставленнаго ею Вандони безъ сильнаго потрясенія и страшныхъ упрековъ совѣсти.

Между—тѣмъ, ничего не могло быть ошибочнѣе и безсмысленнѣе такого предположенія. Флоріани спокойно, не опустивъ глазъ, увидѣла всѣ маленькіе недостатки, всю невинно—смѣшную сторону Вандони. Она сравнивала это существо, отъ котораго никогда не была бы въ восторгѣ, съ тѣмъ, кто возбуждалъ въ ней безпредѣльный энтузіазмъ. Къ—тому же, дѣйствительно, сравненіе такъ сильно говорило въ пользу князя, что еслибъ онъ могъ читать въ сердцѣ своей возлюбленной, то ясно бы увидѣлъ, что присутствіе Вандони только усиливало страсть Лукреціи къ нему—самому.

Онъ не умѣлъ понять выгоды своего положенія. Ревнивое безпокойство дѣлало его въ этомъ отношеніи слишкомъ—скромнымъ; тогда—какъ, съ другой стороны, думая, что ему не слѣдуетъ обращать вниманія на Вандони, онъ становился надмененъ и считалъ себя униженнымъ преемничествомъ послѣ такого человѣка. Онъ не умѣлъ скрыть своей досады, своихъ опасеній и смертельнаго неудовольствія. Пока Вандонъ ужиналъ подлѣ Лукреціи, онъ не могъ

усидѣть на мѣстѣ и вышелъ, чтобъ ни видѣть его, ни слышать, но потомъ вернулся, чтобъ помѣшать ему выйти изъ извѣстныхъ границъ. Въ страшной горячкѣ, убѣгая нѣжныхъ, разувѣрившихъ взоровъ Лукреціи и пренебрегая предупредительностью добраго Вандони, который взялъ на себя въ-отношеніи къ нему роль великодушнаго, онъ только и дѣлалъ, что уходилъ и возвращался.

Если ревнивыми дѣлаетъ насъ, какъ мнѣ кажется, самолюбіе, то надо признаться, что самолюбіе это слишкомъ-неловкое, слишкомъ-нелогическое. Вандони сначала хотѣлось немножко подразнить противника своею довѣрчивостью и вольнымъ обращеніемъ съ Лукреціей. Но эта попытка не удалась ему. Въ спокойномъ добродушіи Флоріани было что-то такое открытое и непорочное, что все искусство актѣра рушилось предъ ея безыскусственностью. Но князь своими глупостями такъ усердно помогалъ задорному желанію Вандони, что безъ малѣйшаго съ его стороны содѣйствія отпустилъ себя за него. Вандони могъ радоваться, глядя, какое онъ производитъ впечатлѣніе на князя, и подъ-конецъ ужина, когда Кароль въ другой разъ уходилъ изъ комнаты, онъ, смотря въ слѣдъ ему, сказалъ Лукреціи:

— Вы льстили себя, другъ мой, или, лучше, своему очаровательному князю, говоря, что онъ лучше меня, не ревнивъ къ прошедшему и встрѣтитъ меня спокойно. Напротивъ, онъ страдаетъ, и страдаетъ такъ сильно, что я не могу рѣшиться оставаться у васъ долѣе. Прощайте же! я уйду съ печальнымъ убѣжденіемъ, что у васъ нѣтъ идеальнаго любовника; что скука, отъ которой вы думали избавиться, оставляя меня, придетъ къ вамъ и отъ другаго. Вы только замѣнили прекраснымъ смуглымъ лицомъ тоже недурное бѣлокурое лицо. Перемена всегда нравится женщинамъ! Но согласитесь теперь, что, ревнуя васъ, я не былъ чудовищемъ, потому-что и новое ваше божество, вашего кумира мучить тотъ же демонъ, который и мнѣ грызетъ сердце.

— Вандони, отвѣчала Лукреція: — не знаю, ревнуетъ ли тебя князь. Надѣюсь, что ты ошибаешься; но, чтобъ не дать тебѣ повода обвинять меня въ притворствѣ, положимъ, что это дѣйствительно такъ: что же ты хочешь сказать этимъ? Что я напрасно оставила тебя? Но развѣ говорила я что-нибудь въ свое оправданіе! Нѣтъ, мнѣ кажется, что виноватъ всегда тотъ, кто избѣгаетъ страданія. Я была виновата; развѣ ты еще не простилъ меня?

— Ахъ! у кого достанетъ твердости сердиться на тебя? сказалъ Вандони, цалуя у ней руку съ искреннимъ чувствомъ. — Я еще люблю тебя, и всегда буду готовъ посвятить тебѣ мою жизнь, еслибъ ты захотѣла возвратиться ко мнѣ, даже не любя меня болѣе того, какъ любила прежде... потому-что, я не обманываю себя, ты никогда не любила меня иначе, какъ друга!

— По-крайней-мѣрѣ, я никогда не скрывала этого отъ тебя, и употребляла все, чтобъ не быть неблагодарною. Можетъ-быть,

слишком—старая дружба, слишком—сильное дружеское чувство ишло намъ быть любовниками.

— Говори про себя, жестокая! я...

— Ты! у тебя благородное сердце, и если ты думаешь, что князь дѣйствительно страдаетъ отъ тебя, то не останешься здѣсь долге. Но я ни за что въ мирѣ не откажусь отъ твоей дружбы, и надѣюсь найти ее послѣ, когда юношескіе порывы князя превратятся въ спокойную привязанность. Моя дружба къ тебѣ, Вандони, основана на уваженіи; на нее не можетъ дѣйствовать ни время, ни разлука. Между нами есть связь неразрывная; моя нѣжность къ твоему сыну должна быть вѣрнымъ ручательствомъ въ дружбѣ къ тебѣ.

— Къ моему сыну! Ахъ, да! поговоримъ о моемъ сынѣ! вскричалъ Вандони, сдѣлавшись вдругъ серьезнымъ.—Послушайте, Лукреція, довольны вы мною? Далъ ли я замѣтить другимъ вашимъ дѣтямъ, что онъ принадлежитъ мнѣ? О! въ какое странное положеніе вы меня поставили! Никогда не слышать имени отца отъ своего сына...

— Вандони, вашъ сынъ еще едва начинаетъ говорить и знаетъ только мое имя и имена своихъ братьевъ. Я не была увѣрена, увидимся ли мы когда-нибудь... Теперь, если вы спокойны и рѣшились на что-нибудь важное, говорите! Подъ какимъ именемъ и какъ должна я воспитать его?

— Ахъ, Лукреція! вы знаете мою слабость къ вамъ, мою слѣпую преданность, — мою низкую покорность, слѣдовало бы сказать! Если вы не выйдете за-мужъ, пусть будетъ по вашему, пускай сынъ мой носитъ ваше имя, а мнѣ позвольте только видѣть его и быть послѣ васъ лучшимъ его другомъ. Но если вы сдѣлаетесь княгиней де-Росвальдъ, я требую, чтобъ вы отдали мнѣ моего ребенка. Пусть лучше дѣлитъ онъ со мною мою кочующую жизнь, мои невзгоды, нежели отдать мою власть и обязанности другому.

— Другъ мой, отвѣчала Лукреція: — въ этомъ рѣшеніи больше самолюбія, нежели отцовской любви, и въ опроверженіе его я приведу только одно доказательство. Положимъ, что я завтра выхожу за-мужъ; Сальваторъ, по-крайней-мѣрѣ, восемь или десять лѣтъ еще будетъ ребенкомъ, и женская заботливость для него необходима. Какой женщиной вы вѣрите его? Есть у васъ сестра; или мать? Нѣтъ! Вы можете вѣрить его только любовницѣ или служанкѣ! Думаете вы, что о немъ будутъ заботиться, воспитывать его, что онъ будетъ счастливѣе, нежели со мною? Заснете ли вы спокойно, когда, уходя на цѣлый день изъ дома для репетиціи, а вечеромъ для представленія, оставите бѣднаго ребенка на рукахъ негрѣшной служанки или ненавистливой мачихи?

— Конечно! сказалъ Вандони со вздохомъ: — вы правы. Отъ того, что вы богаты, независимы и знатны, вы имѣете право и власть даже прогнать отца и оставить у себя ребенка.

— Вандони! ты мучишь меня, отвѣчала Лукреція: — не говори такъ. Хочешь ты, чтобъ я теперь же отдѣлила нашему ребенку часть моего имѣнія, надъ которою ты будешь опекуномъ и распорядителемъ? Хочешь заниматься его воспитаніемъ, хочешь, чтобъ у тебя спрашивались во всѣхъ подробностяхъ, хочешь устроить его будущность? Я соглашаюсь съ радостью, только оставь его у меня и поручи мнѣ одну исполнительную власть твоихъ желаній. Я увѣрена, мы поймемъ другъ друга во всемъ, что клонится къ пользѣ существа, которое намъ дороже жизни.

— Нѣтъ! нѣтъ! не надо милостыни! вскричалъ Вандони:—я не низокъ, и лучше умру въ богадельнѣ, нежели соглашусь принять отъ тебя пособіе, прикрытое какимъ бы то ни было названіемъ. Держи у себя ребенка, держи всего у себя. Я знаю, что онъ будетъ знать и любить только одну тебя! Напрасно бы вздумалъ я прійти за нимъ, напрасно сталъ бы говорить, что онъ мнѣ принадлежитъ, что долженъ идти за мною. Онъ никогда добровольно не разстанется съ такою матерью, какъ ты! Ну! жребій брошенъ, я вижу, ты сдѣлаешься княгиней...

— Это еще нисколько не рѣшено, другъ мой, клянусь тебѣ, и клянусь всѣмъ, что есть для тебя священнаго, твоею честью и сыномъ, что если ты поставишь непремѣннымъ условіемъ моего брака разлуку съ этимъ ребенкомъ, я никогда не выйду замужъ!

— Такъ ты все та же? О, странная, дивная женщина! вскричалъ Вандони въ восторгѣ. — Такъ ты все еще прежде всего — мать? Все еще предпочитаешь своихъ дѣтей славѣ, богатству, даже любви?

— Богатству и славѣ, безъ сомнѣнія, отвѣчала она съ спокойной улыбкой:—что же касается до любви, то въ эту минуту не смѣю ручаться; но вѣрно только то, что я знаю свои обязанности; а первая обязанность — принести въ жертву все, даже любовь — этимъ дѣтямъ любви. Самый пламенный, самый вѣрный любовникъ угѣшится, но дѣти никогда не найдутъ себѣ другой матери.

— И такъ, я уѣзжаю спокоенъ, сказалъ Вандони, сжимая ея руку: — и прошу только объ одномъ: клянись мнѣ, что ранѣе года ты не выйдешь за этого князя, такого очаровательнаго, но в такого ревниваго! Я не могу увѣрить себя, чтобъ онъ былъ лучше меня, и чтобъ смотрѣлъ спокойными глазами на эти залюбки твоей прошлой любви. Знаю, какъ ты проникательна, тверда и готова на пожертвованія, когда дѣло идетъ объ участи твоихъ дѣтей. Знаю, почему ты долго не могла терпѣть меня! это потому, что меня возмущало сходство твоей Беатриче съ врезвѣннымъ Теальдо Соави. Ну! а черезъ годъ князь де-Росвольдъ возненавидитъ Сальватора, если уже не возненавидѣлъ, если даже сегодня этотъ ребенокъ не показался ему невыносимымъ. Не увлекайся слишкомъ, не дай вскружиться своей головѣ, умоляю тебя, моя милая Лукреція! и ты останешься свободною...

— Мнѣ кажется, что ты правъ, и я съ удовольствіемъ слышу

спокойный голос моего старого друга. Будь спокоенъ, братъ! твоя старая подруга, твоя вѣрная сестра не рискнетъ въ минуту увлеченія будущностью дѣтей, которыхъ обожаетъ.

— Теперь прощай! сказалъ Вандони, крѣпко обнимая ее съ глубокимъ цѣломудреннымъ чувствомъ. — Прощай, существо, которое я еще люблю больше всего на землѣ! Можетъ-быть, я не скоро увижу тебя. Я не буду стараться тебя увидѣть; чувствую, что возмутилъ бы твою любовь; сознаюсь — я не такъ твердъ, чтобъ могъ видѣть ее спокойно. Въ свободный промежутокъ призови меня къ твоимъ ногамъ, я останусь покорный и послушный, счастливый тѣмъ, что вижу тебя и ласкаю сына, — останусь дотѣхъ-поръ, пока ты не скажешь мнѣ, какъ сегодня: «ступай; я люблю, и люблю не тебя!»

Еслибъ послѣ этого искренняго изліянія, Вандони уѣхалъ тотчасъ же, онъ былъ бы тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, — здравымъ умомъ и добрымъ сердцемъ. Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ летать по своему званію въ мірѣ поддѣльныхъ чувствованій, могъ онъ остаться нѣкоторое время въ этомъ тепломъ и истинномъ расположеніи духа, онъ явился бы на сценѣ въ иномъ видѣ, и публика съ удивленіемъ стала бы рукоплескать превосходному артисту, вмѣсто того, чтобъ терпѣливо улыбаться холодной, правильной декламациі *полезнаго* актѣра.

Но—нельзя убѣжать отъ своей судьбы; какъ-только появился князь Кароль, Вандони опять вошелъ въ свою обычную роль. Онъ хотѣлъ сказать ему прощальное слово, въ которомъ силлся деликатно прикрыть настоящія свои чувства. Онъ упалъ совершенно, наговорилъ множество несвязицъ, безъ вкуса, безъ послѣдовательности, и, переходя отъ важнаго къ приятному, отъ забавнаго къ суровому, былъ то напыщенъ и тривиаленъ, то педантъ и смѣшонъ.

Конечно, надменный и нетерпѣливый взглядъ князя, его сухіе отвѣты и ироническіе поклоны обнаруживали въ немъ актѣра болѣе-искуснаго, нежели Вандони, который, замѣтивъ свой промахъ и своротивъ весьма-целовко на роль освистаннаго актѣра, оборотился къ Флоріани съ нѣсколько-небрежнымъ видомъ и проговорилъ:

— Я, кажется, *забрался* и хорошо сдѣлаю, если замолчу, чтобъ не сбиться совсѣмъ съ *назвѣй* и не заставить тебя краснѣть за твоего бѣднаго товарища. Такъ и быть; ты ужь объяснишься за меня, когда я уѣду, и скажешь, что другъ твой добрый малый и не желаетъ никого тревожить.

Какое паденіе!

Сальваторъ, старавшійся въ эти два часа разсѣять Кароля, по-дослѣлъ на помощь къ гибнувшему актѣру. Онъ съ своею обыкновенною шутливостію взялъ Вандони подъ руку, говоря, что чрезвычайно-радъ съ нимъ познакомиться, что будетъ у него въ *паркомъ* итальянскомъ городѣ, гдѣ имъ случится встрѣтиться, что,

перъ говорилъ съ ней языкомъ застарѣлой досады, достойнымъ ребяческихъ хитростей комедіанта, но никакъ не дѣйствительной привязанности, любви перечувствованной.

Не имѣя силъ выносить дольше это мученіе, не понимая его, она поднялась по лѣстницѣ, постучала въ дверь Кароля сначала осторожно, потомъ рѣшительно и наконецъ, видя, что ей не отвѣчали, толкнула дверь съ силою матери, ищущей своего ребенка среди пламени; крючокъ соскочилъ, и она вошла.

Кароль сидѣлъ на краю постели, уткнувъ голову въ изорванные подушки; маншеты и платокъ его валялись на полу, разодранные дрожащими, судорожно-согнутыми какъ у тигра когтями. Красота его исчезла.

Сильное страданіе превратилось у него въ ярость, которую тѣмъ труднѣе было удержать ему, что онъ не зналъ въ себѣ этого плачевнаго свойства и, не встрѣчая никогда противодѣйствія, не умѣлъ бороться съ самимъ-собою.

Флоріани поставила свѣчу подлѣ него, оторвала горѣвшія руки его отъ лица и безсмысленно смотрѣла на него. Она не удивлялась, увидѣвъ челоуѣка въ припадкѣ ревниваго бѣшенства. Это зрѣлище было для нея не ново; и знала она, что припадокъ этотъ не смертельный. Но видѣть такое кроткое существо въ припадкѣ того же недуга, которымъ страдалъ Теальдо Соави, или другой ему подобный,—вотъ что было такъ непостижимо для Флоріани, такъ неправдоподобно, что она не вѣрила своимъ глазамъ.

— Вамъ хочется унижить, уронить меня совершенно! вскричалъ онъ, отталкивая ее.—Вамъ хотѣлось испытать, до какой степени вы можете заставить меня стать ниже самого-себя! Довольны ли вы теперь? Съ которымъ изъ вашихъ любовниковъ теперь вы меня сравните?

— Горькія слова, отвѣчала Флоріани съ кротостью, полною грусти:—я не оскорбляюсь ими, потому-что, дѣйствительно, въ эту минуту вы не похожи на самого-себя. Я думала найдти васъ холоднымъ и презрительнымъ, какимъ вы ушли отъ меня; я шла съ тѣмъ, чтобъ именемъ любви и справедливости просить у васъ отчета въ этомъ презрѣніи; мнѣ больно видѣть васъ въ такомъ отчаяніи, и — не думаю, чтобъ побѣда, которую вы мнѣ приписываете, льстила моему самолюбію. Какимъ языкомъ говоримъ мы, Кароль! Боже мой! Что же такое случилось? что заставило васъ сомнѣваться въ болѣзненномъ чувствѣ, съ которымъ я смотрю на ваши страданія? Но если я была невольною причиною этихъ мукъ, то вѣрно есть во мнѣ столько силы, чтобъ прекратить ихъ. Скажите жъ, какое средство должна я выбрать: если нужна жизнь моя, умъ, достоинство, совѣсть, я кладу ихъ къ вашимъ ногамъ, чтобъ только исцѣлить васъ, успокоить. Говорите, объяснитесь, дайте мнѣ понять васъ — вотъ все, чего я прошу! Оставаться въ сомнѣніи, оставить васъ на жертву этимъ мукамъ, не стараясь смягчить ихъ — это для меня невозможно; этого вы никогда не

добьетесь отъ меня. Откройте же мнѣ свое пораженное, большое сердце, и если для этого нужно осыпать меня упреками и оскорбленіями, не удерживайтесь: это лучше молчанія; я не оскорблюсь ничѣмъ, буду оправдываться кротко, съ покорностью. Буду просить прощенья, если это нужно, хотя не знаю за собой никакой вины. Но эта вина должна быть слишкомъ-велика, если довела васъ до такого положенія. Говорите, умоляю васъ на колѣняхъ!

Чтобъ показать столько терпѣнія и преданности, нужно было, чтобъ Флоріани была побѣждена, уничтожена такою безмѣрною любовью, къ какой она никогда не могла считать себя способною послѣ столькихъ разочарованій, послѣ такой усталости ума и сердца. Никогда не обманывая, всегда предаваясь и жертвуя собой, но никогда не унижая себя, не помыкая собою для какой-нибудь личной пользы, она была горда, дѣйствительно самолюбива; всякое оправданіе казалось ей выше ея силъ, и подозрѣніе было для нея смертельнымъ оскорбленіемъ.

Между-тѣмъ, она долго, съ безконечною преданностью унижалась предъ этимъ несчастнымъ ребенкомъ, который не хотѣлъ говорить, потому-что не могъ.

И что, въ-самомъ-дѣлѣ, могъ сказать онъ? Смущеніе его было такъ болѣзненно, что не могло быть добровольно. Послѣдовать совѣту Лукреціи, оскорблять ее, осыпать язвительными упреками—конечно, это успокоило бы его; но онъ не умѣлъ изливать своихъ мученій, потому-что у него не было эгоизма, который заставляетъ дѣлиться ими. Оскорблять любимую женщину? онъ скорѣе убилъ бы ее; онъ убилъ бы самого-себя вмѣстѣ съ нею, чтобъ унести свою страсть въ могилу. Но оскорблять ее словами, думалъ онъ, значить—осудить ее предъ Богомъ: тогда Богъ разлучилъ бы ихъ навѣки. Въ такомъ случаѣ, надо было уже не любить ея; а онъ — чѣмъ больше страдалъ отъ нея, тѣмъ сильнѣе охватывала его любовь.

Лукреція могла только догадываться, что происходитъ въ князѣ, потому-что онъ отвѣчалъ косвенно и болѣзненными намеками. Онъ, по-видимому, защищался слабо, но въ дуплѣ молчаливость его была непобѣдима, — онъ не могъ произнести имени Вандони.

— Такъ вотъ что! сказала ему Флоріани, потерявъ терпѣніе и истощивъ всѣ силы любви, чтобъ добиться отъ него хоть смутнаго намека, страшно-глубокаго или страшно-темнаго: — такъ вотъ что, мой бѣдный Кароль, ты ревнивъ и не хочешь признаться? Ты ревнивъ? Ахъ! какъ горько убѣдиться въ этомъ мнѣ, которую ты приучилъ парить на крыльяхъ возвышенной любви выше всѣхъ человѣческихъ слабостей! какъ больно мнѣ это, какъ далека была я отъ подобной мысли о тебѣ!.. Позволь мнѣ отвѣчать только смѣлыми, чистосердечными упреками. Позволь мнѣ жаловаться, плакать! Это будетъ послѣднимъ воплемъ счастливой любви, которая летитъ туда, откуда сошла, и куда теперь навсегда возвращается. Позволь мнѣ сказать тебѣ, что сегодня ты сдѣлалъ

страшное преступленіе противъ меня, противъ самого — себя и противъ Бога. Да! презрѣніемъ своимъ ты оскорбилъ любовь самую полную, самую упорную въ моей жизни. Я никогда не любила, я никогда не была счастлива: зачѣмъ такъ скоро отнять ты у меня мои радости, мое упоеніе? Ты увлекъ меня въ небо — и безжалостно сбросилъ на землю! Боже мой! Боже мой! я не заслужила этого, я парила съ тобою въ горнемъ мірѣ. Я думала, что это блаженство будетъ вѣчно. Весь этотъ міръ казался мнѣ видѣніемъ, призракомъ; однихъ дѣтей своихъ брала я съ собою въ этотъ возвышенный міръ, и больша ни о чемъ не забгидася. А теперь надо спуститься, идти людской тропинкой, ходить о шипы растений, спотыкаться объ камни... Что жь! ты хотѣлъ этого. Будемъ говорить о земномъ, о Вандони, о моемъ прошедшемъ. Какія обязанности готовить мнѣ будущность, какія предпріятія, какую скуку! Я думала, что мнѣ прійдется одной испытать ихъ, что я могу оставить тебя въ покоѣ, не возмущать тебя подобными вещами, чуждыми нашей любви. Трудъ и земныя обязанности были бы легки для меня, еслибъ я могла отстранить отъ тебя ихъ прикосновеніе. Ты даже не замѣтилъ бы этого, еслибъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ, еслибъ сохранилъ ту полную доброту, которая дѣлала насъ такими сильными!.. Ты потерялъ ее, ты отнял у меня талисманъ, который охранялъ меня отъ скорби и тревоги. Теперь я скажу тебѣ, какія обязанности лежатъ на мнѣ въ дѣйствительной жизни, какъ должна я держать себя, что говорить мнѣ совѣсть. Но чтобъ понять все это, надо потрудиться подумать нѣсколько, узнать мое прошедшее, обсудить его и извлечь изъ него серьезное заключеніе однажды-навсегда! Вандони...

— А! вскричалъ Кароль, задрожавъ какъ ребенокъ: — не произносите этого имени, не высказывайте всего, о чемъ вы хотите мнѣ говорить. У меня еще нѣтъ и, можетъ-быть, никогда не будетъ силы выслушать. Я ненавижу этого Вандони, ненавижу все, что — не я и въ моемъ сердцѣ. Что нужды вамъ! Вы не обязаны мнѣ ни чѣмъ съ тѣмъ, что коробитъ и возмущаетъ меня вокругъ васъ. Оставьте меня: мнѣ возможно, — и возможно только мнѣ, — видѣть въ васъ два отдѣльные существа: одно — котораго я не знаю и не хочу знать; другое — которое знаю, которое принадлежитъ мнѣ и которое не хочу мѣшать съ тѣмъ, что ненавижу. Да, да, Лукреція! ты сама сказала, что это значитъ опуститься, упасть на грязный людской слѣдъ. Прійди къ моему сердцу, забудемъ жестокаго мученія нынѣшняго дня и возвратимся къ Богу. Какое дѣло тебѣ до того, что произошло во мнѣ? Это до меня одного касается, и у меня достанетъ силы перенести все, потому-что достаетъ силы любить тебя такъ, какъ-будто ничто не смущало меня! Нѣтъ, нѣтъ, не нужно объясненій; не рассказывай, не передавай мнѣ ничего, не разсуждай со мною. Возьми меня на руки и унеси дальше изъ этого міра, въ которомъ мнѣ темно, въ которомъ я не мо-

гу дышать, въ которомъ буду пресмыкаться ниже другихъ людей, если упаду въ него безъ твоей любви, безъ моего энтузіазма.

Флоріани удовлетворилась этой поддѣльной мировой, или, утомившись раздоромъ, притворилась удовлетворенною; но тутъ-то и ошиблась она, тутъ-то и ввергла сама себя въ бездну горя. Стылихъ-портъ, Кароль привыкъ думать, что ревность не оскорбленіе, и что любимая женщина можетъ и должна прощать за нее.

Возвратившись въ залу около полуночи, она нашла тамъ Сальватора, который былъ такъ деликатенъ, что даже не сказалъ ей, какъ смѣшонъ и скученъ показался ему Вандонъ. У нея не достало духа рассказать, до какой степени раздражило князя присутствіе ея стараго любимца. Она замѣтила только, во сколько разъ дружба снисходительнѣе, благотворнѣе, великодушнѣе любви, потому-что видѣла недостатки Вандонъ и видѣла то, что Сальваторъ жертвовалъ собою для избавленія ея отъ него.

Луcreція ушла къ дѣтямъ, рѣшившись забыть огорченія этого дня и спать, чтобъ съ разсвѣтомъ проснуться бодрою, дѣятельною матерью. Но хотя въ своей скорбной жизни приобрѣла она способность забывать огорченія и спать, какъ спать голодный, израненный солдатъ на бивуакѣ, однако цѣлую ночь не могла закрыть глазъ, и всѣ горькія воспоминанія, затихнувшія съ нѣкотораго времени въ груди ея, теперь подымались одно за другимъ, потомъ всѣ вмѣстѣ, и не давали ей спокойной минуты. Какъ насмѣшливые, грозные призраки, явились ей всѣ ея заблужденія, всѣ ошибки; неблагоприятныя, которыхъ она сама создала, и злыя, которыхъ не могла исправить. Напрасно боролась она съ ужасомъ прошедшаго, напрасно искала утѣхи въ настоящемъ. Настоящее ужъ не было благотворно для нея, и старыя скорби проснулись именно отъ того, что новая, глубже всѣхъ другихъ скорбь вызвала ихъ.

Встала она блѣдная, разстроенная, и ни яркое утреннее солнце, ни упоенные влажнымъ ароматомъ цвѣты, ни соловьи, восторженныя своими дѣсьями, не пробудили въ ея сердцѣ надежды, не произвели на нее того успокоительнаго впечатлѣнія, какое чувствовала она въ другіе дни. Она ужъ не чувствовала жизни своимъ поэтическимъ чувствомъ природы. Ей казалось, что между этой свѣжей, улыбающеюся природою и ея бѣднымъ, растерзаннымъ сердцемъ теперь есть тайный врагъ, червь, который мѣшаетъ сохамъ жизни доходить до нея. Впрочемъ, она не хотѣла давать себѣ отчета въ томъ, какъ велико ея несчастіе. Въ этотъ день, Кароль былъ у ногъ ея. Онъ не хотѣлъ заглядить своей вины, онъ не зналъ ея, потому-что, по обыкновенію, уже и самъ забылъ о ней; но послѣ многихъ дней, проведенныхъ въ слезахъ и досадѣ, чувствовалъ потребность нѣжности и счастья. Никогда онъ не бывалъ такъ обольстителемъ и прекрасенъ, какъ послѣ болѣзненныхъ припадковъ горести и досады. Флоріани должна была отвѣчать ему на предложеніе брака; но на этотъ разъ она противилась бодро. Вчера она все увидѣла ясно, и не была въ томъ

расположеніи духа, чтобъ слышать въ другой разъ просьбу быть прошедшее. Если предложеніе своего имени со стороны эя было большимъ пожертвованіемъ въ пользу внушенной ею. ви, то отклонить вѣжливо ея предложеніе въ минуту ревни подозрѣній было оскорбленіемъ, важность котораго гордая Дція чувствовала глубже, нежели онъ самъ. Не говоря ему, и сильное доказательство противъ него почерпнула она въ этомъ стоятельствѣ, Флоріани отняла у него всякую надежду, и на разъ онъ выслушалъ свой приговоръ безъ огорченія, сознавъ что заслужилъ наказаніе долгаго испытанія.

Но не прошло двухъ дней, какъ опять поднялась гроза. Ршикъ какъ-то пробрался въ домъ съ предложеніемъ охотнич оружія. Селіо захотѣлось новаго ружья; мать сначала отказалась томъ, желая сдѣлать ему сюрпризъ, отвела разнощика въ стор чтобъ сторговаться и купить у него игрушку. Ходячій купецъ (хорошъ собою, развязенъ и говорливъ немного. Красота и витость покущицы сдѣлали его еще *краснорѣчивѣе*, хотя, ко но, не вскружили ему головы и не помѣшали продать товаръ годно. Это было наканунѣ дня рожденія Селіо, и мать хотѣла положить хорошенькое, легкое охотничье ружье подъ подушку бенка, чтобъ вечеромъ, ложась спать, онъ нашелъ его. Торгов не думая спрашивать позволенія, отправился вслѣдъ за нею в комнату, чтобъ спрятать ружье подъ изголовье Селіо и полу слѣдующую плату. Въ эту минуту вошелъ Кароль и нашелъ Флоріани въ ея комнатѣ, наединѣ съ красивымъ парнемъ съ чер ми бакенбардами, который говорилъ ей что-то съ жаромъ, и смотрѣлъ на нее и закрывалъ одѣяломъ постель; а она добродно улыбалась его прибауткамъ и думала, съ какимъ востор найдеть Селіо этотъ неожиданный подарокъ.

Этого было слишкомъ—достаточно для воображенія Кароля, страго на оскорбленія, хватавшагося всегда за видимый фактъ понимая и не объясняя его. Остановившись на порогѣ комн Лукреціи, онъ проговорилъ какое-то странное, обидное восклицаніе и убѣждалъ, какъ человѣкъ, бывший свидѣтелемъ своего пра. Ему надо было употребить цѣлый день, чтобъ успокоить открытъ глаза. Надо было Флоріани снизойти до объясненія, зительнаго какъ для нея, такъ и для него-самого. На этотъ р она обошлась съ нимъ какъ съ больнымъ, котораго надо разритъ и вылечить, не принимая за серьезное его бреда. Но что лается съ энтузіазмомъ, съ любовью, когда предметъ ея ведетъ ся какъ помѣшанный?

На другой день пришли къ Флоріани сказать, что Манджіко, рыбакъ, который нѣкогда хотѣлъ жениться на ней и воидилъ въ ней столько ужаса и отвращенія,—при смерти, и хот видѣть ее въ послѣднюю минуту. Съ-тѣхъ-поръ, какъ она послалась здѣсь, этотъ человѣкъ никогда не осмѣливался показаться и только скрѣпя сердце согласилась она закрыть ему глаза.

это былъ долгъ религіознаго состраданія, и Лукреція отправилась на другой берегъ озера съ отцомъ и Биффи. Она нашла умирающаго, который просилъ простить причиненныя имъ страданія и слезы, и молиться за упокой души его. Она добродушно утѣшала его, и ея великодушное состраданіе смягчило предсмертныя муки этого человѣка, бывшаго солдатомъ, чѣмъ-то въ родѣ устарѣвшаго бандита, злаго, свирѣпаго, скупаго, а между-тѣмъ одареннаго нѣкоторой смышленностью и инстинктомъ патриотизма и романической страсти.

Флоріани, принявъ послѣдній тяжелый вздохъ его, возвратилась довольно-растроганная. Она простодушно рассказала Сальватору, въ присутствіи Кароля, гдѣ была и какъ говорилъ съ нею то бессмысленно, то глубоко-знаменательно этотъ человѣкъ въ послѣднія минуты жизни. Сальваторъ нашелъ, что въ этомъ новомъ подвигѣ его милая Флоріани была такъ же удивительна, какъ и всегда, но Кароль молчалъ. Его тревожило это внезапное отсутствіе, продолжавшееся съ заката солнца до полуночи. Онъ не понималъ, какъ можно принимать такое участіе въ негодяѣ, который такъ мало заслужилъ его. И какъ осмѣлился онъ призвать къ своему смертному одру женщину, которую заставилъ ненавидѣть себя! Стало-быть, онъ былъ увѣренъ въ ея добротѣ и способности забывать оскорбленія!

Эти разсужденія сдѣланы были страннымъ тономъ. Лукреція, непривыкшая еще на каждомъ шагѣ сторожить ревность и не воображая, что ея доброе дѣло могло показаться князю преступленіемъ, взглянула на него и увидѣла, что онъ взбѣшенъ. Глаза его покраснѣли, онъ дергалъ и хрустѣлъ пальцами; этотъ родъ нервнаго раздраженія обнаруживалъ досаду, и она начала понимать его. Она невольно пожалала плечами.

Кароль не замѣтилъ этого и продолжалъ:

— Какихъ лѣтъ былъ этотъ Манджіафоко?

— Шестидесяти, по-крайней-мѣрѣ, отвѣчала она суровымъ и холоднымъ тономъ.

— И, безъ-сомнѣнія, продолжалъ Кароль, помолчавъ немного:— былъ статенъ, съ страшной бородой, въ живописныхъ лохмотьяхъ, какъ театральнй или романическій разбойникъ, на котораго нельзя смотрѣть безъ ужаса? Воображенію женщинъ нравятся подобныя наружности, и, конечно, всегда лестно оковать дикаго звѣря. Безъ-сомнѣнія, умирая, онъ походилъ на раненнаго тигра, который съ сожалѣніемъ бросаетъ на горлицу послѣдній алчный взглядъ?

— Кароль, сказала Флоріани со вздохомъ:— вамъ, кажется, очень-пріятно описывать умирающаго человѣка? Вамъ бы слѣдовало идти теперь посмотреть на него мертваго; это уничтожило бы вашу иронию, обрѣзало бы ваши поэтическія метафоры. Но вы не пойдете; говорите вы хорошо, но у васъ не достанетъ смѣлости. Его хижина неопратна.

— Какъ раздражительна она сегодня! подумалъ Кароль. — Кто знаетъ, что было у нихъ прежде съ этимъ негодяемъ!

XVIII.

На другой день, Кароль приревновалъ Лукрецію къ монаху, сбравшему подаданіе на церковь; потомъ приревновалъ къ нищему, который показался ему переодѣтымъ; потомъ приревновалъ къ слугѣ, избалованному вмѣстѣ съ другими, который всегда отвѣчалъ ей смѣло, — а послѣ — къ разнощику, къ лекарю, къ ея полоумному двоюродному брату, который приносилъ ей дичь и съ которымъ она, весьма-естественно, обращалась какъ добрая родственница, а не отсылала его въ людскую. Дѣло дошло до того, что ей непозволительно было замѣтить наружность прохожаго, ловкость браконьера, стать лошади. Кароль ревновалъ даже дѣтей... Что я говорю даже? напротивъ — больше всего.

Дѣйствительно, они одни были его соперниками — единственныя существа, о которыхъ Флоріани думала столько же, сколько о немъ. Онъ не могъ дать себѣ отчета, что за чувство пробуждалось въ немъ, когда онъ глядѣлъ, какъ они, ласкаясь, лѣпились около матери. Но, послѣ воображенія ханжи, самое несносное — воображеніе ревнивца; Кароль скоро началъ коситься на дѣтей; замѣтилъ наконецъ, что они избалованы, шумятъ, упрямы, капризны, и вообразилъ, что не всѣ дѣти такія же. Ему наскучило видѣть ихъ постоянно между имъ и Флоріани. Онъ находилъ, что Лукреція слишкомъ — уступчива съ ними, слишкомъ покоряется имъ. А когда она наказывала ихъ, ему становилось неловко. Ему не нравилась эта простая, естественная система материнскаго управленія, которая состоитъ въ непрерывной заботливости о дѣтяхъ, въ стараніи доставить имъ все, что можетъ сдѣлать ихъ счастливыми и милыми, остановить когда надо, подчасъ побранить съ жаромъ, съ энергіей, чтобъ потомъ нѣжно вознаградить, когда они того заслуживаютъ. По его мнѣнію, не слѣдовало такъ сближаться съ ними, чтобъ послѣ, въ случаѣ нужды, легче заставить ихъ бояться себя. Не надо говорить имъ «ты», не надо ласкать ихъ, а держать на нѣвѣстномъ разстояніи и съ раннихъ лѣтъ дѣлать изъ нихъ маленькихъ мужчинъ и маленькихъ женщинъ, благоразумныхъ, вѣжливыхъ, покорныхъ, спокойныхъ. Слѣдовало заранѣе учить ихъ тому, чему бы они не повѣрили и чего бы не поняли, для того, чтобъ приучить уважать принятые правила, обычаи, общія вѣрованія, не заботясь прежде всего о томъ, что онъ считалъ невозможнымъ, то-есть, убѣдить ихъ въ пользѣ и превосходствѣ начала, изъ котораго вытекаютъ всѣ эти правила и обычаи. Наконецъ, слѣдовало забыть, что они дѣти, отнять у нихъ всю прелесть, удовольствія, свободу перваго существованія, которыя имъ принадлежатъ по божественному праву; заставить работать ихъ па-

мать, чтобъ подавить ихъ воображеніе; развить привычку и замедлять объясненіе причины,—однимъ словомъ, дѣлать противное всему тому, что дѣлала и что хотѣла сдѣлать Флоріани.

Впрочемъ, надо сказать, что князь не постоянно и не безусловно противорѣчилъ и норицалъ. Когда не одолевала его ревность, т. е. въ свои свѣтлыя минуты, онъ говорилъ совершенно противное. Онъ любилъ дѣтей, любовался ими во всемъ, даже тамъ, гдѣ нѣтъ было любоваться. Онъ баловалъ ихъ больше Флоріани и подчинялся имъ, нисколько не подозрѣвая своей непослѣдовательности. И все это потому—что онъ былъ тогда счастливъ и являлся съ идеальной стороны своей природы. Обаяніе любви Флоріани было термометромъ, который показывалъ высшую степень его кротости, доброты и нѣжности. А какимъ бы чуднымъ существомъ былъ онъ, еслибы могъ всегда оставаться такимъ! Въ эти минуты, которыя иногда продолжались часами и цѣлыми днями, онъ весь былъ—добродушіе, благотворительность, состраданіе, весь былъ преданъ душою окружающимъ его. Онъ сворачивалъ съ дороги, чтобъ не раздавить наскочное, бросился бы въ озеро, чтобъ спасти домашнюю собаку, самъ превратился бы въ собаку, чтобъ слышать громкій хохотъ маленькаго Сальватора, сдѣлался бы зайцемъ или куропаткой, чтобъ доставить Селіо удовольствіе выстрѣлить по немъ. Его нѣжность и восторженность доходили до крайности, до нелѣпости. Онъ дѣлался тогда однимъ изъ тѣхъ энтузіастовъ, которыхъ надо или заперать какъ сумасшедшихъ, или любить какъ существа высшія.

Но за то какое паденіе, какой страшный переломъ совершался во всемъ его существѣ, когда за припадками веселости и нѣжности наступали припадки скорби, подозрѣнія и досады! Тогда все измѣнялось въ природѣ. Солнце Изео бросало отравленные ядомъ лучи; испаренія озера были заразительны; божественная Лукреція становилась Пасифаей, дѣти—маленькими чудовищами, Селіо долженъ былъ погибнуть на эшафотѣ, Ла ртѣ былъ золь, Сальваторъ Альбани—измѣнникъ Яго, а старый Менапаче—Жидъ Шейлокъ. На горизонтѣ собирались черныя тучи, наполненыя Вапдоци, Боккаферри, Манджіафоко, соперниками, переодѣтыми въ рубище нищихъ, торговцами, слугами, разнощиками и монахами; эти тучи разверзались, и изъ нихъ дождемъ падало на виллу цѣлое полчище старыхъ друзей, старыхъ любовниковъ, и Флоріани, оскверненная пусеными объятіями, съ адскимъ смѣхомъ звала его на эту фантастическую оргію!

Не думайте, чтобъ воображеніе его, разнузданное, безпрестанно возбуждаемое природнымъ расположеніемъ и безумною страстью, остановилось на этой картицѣ. Невозможно мнѣ слѣдить за нимъ; невозможно вести васъ въ тѣ пламенные, одурѣвающіе вихри, въ которыхъ оно носилось. Никогда Данте не видѣлъ во снѣ мукъ, подобныхъ тѣмъ, которыя создавалъ самъ себѣ этотъ несчастный.

По своей бессмысленности, онъ были серьезны; а большихъ, внивыхъ дѣтей пугаетъ всякое уродливое явленіе.

Но такъ-какъ онъ былъ въ высшей степени вѣжливъ и *чуждъ*, то никогда никто не могъ даже подозрѣвать того, что немъ происходило. Чѣмъ больше выходилъ онъ изъ себя, представлялся хладнокровнѣе, и о степени его бѣшенства не было судить только по степени ледяной вѣжливости. Тутъ становился дѣйствительно невыносимъ, потому-что хотѣлъ раздать и подвести существенную жизнь, въ которой никогда не понималъ, подѣ начала, которыхъ не могъ опредѣлить. отыскивался въ немъ умъ, умъ ложный и блестящій, чтобы чить тѣхъ, кто любилъ его. Онъ былъ насмѣшливъ, высокомеренъ, разочарованъ всѣмъ. Казалось, кусалъ тихонько, для вы, и раны, которыя онъ дѣлалъ, проникали до глубины души, когда не доставало у него духа противорѣчить и насмѣхаться, дѣлался презрительно-молчаливъ, томительно-сердитъ. Ничто касалось до него, все было ему чуждо. Онъ сторонился отъ го—отъ людей, отъ мнѣній и идей. Онъ *не понималъ этого*. И слѣ такого отвѣта на вкрадчивый разговоръ, которымъ старался его разсѣять, можно было полагать навѣрное, что онъ глухо презиралъ все сказанное и все, что могли еще сказать.

Флоріани боялась, чтобъ ея домашніе и самъ графъ Альба замѣтили этой ревности, которую она наконецъ разгадала и которая казалась ей страшно-унизительною. По-этому она тщательна срывала причины и употребляла всѣ усилія, чтобъ смягчить скорбныя слѣдствія. Сначала она сильно беспокоилась за здорovia и жизнь князя; но скоро убѣдилась, что онъ никогда не чувствовалъ себя лучше, какъ во время припадковъ внутренней досады ревности, которые бы убили всякаго другаго. Есть органы, которые приобрѣтаютъ новыя силы въ страданіи, и кажется, то возрождаются сгарая, подобно феникамъ. Итакъ—она переставала тревожиться, но начала страдать отъ искренней дружбы, которую можно было сравнить только съ мученіями поэтическаго ада. Въ рукахъ этого страшнаго любовника она сдѣлалась камнемъ, который Сизифъ безпрестанно вскатывалъ на вершину горы, сталкивалъ въ пропасть,—несчастливымъ камнемъ, который не бивался.

Она испытала все: кротость, досаду, просьбы, молчаніе, уступки, — ничто не помогало. Если она казалась спокойною и благою, чтобъ не дать другимъ замѣтить своего несчастья, — не понимая этой незнакомой ему твердости воли, сердился за то, что видѣлъ ее бодрою и великодушною. Тогда онъ ненавидѣлъ ее, какъ выражался онъ мысленно, цыганскую беззаботную жестокость простонародной организаціи. Онъ не только не забавлялся о томъ мученіи, которое причинялъ ей, но еще думалъ, она ничего не чувствуетъ, что у нея отъ доброты бываютъ и минуты заботливости, но что вообще ничто не могло поколебать

роды — такой твердой, такой крѣпкой, такъ легко развлекающей-ся и утѣшающей-ся. Можно было подумать, что онъ ревнуетъ даже видимое здоровье Лукреціи, и укоряетъ Бога за то спокойствіе, которымъ онъ одарилъ ее. Если она нюхала цвѣтокъ, поднимала камешекъ, ловила бабочку для Селіо, если учила Беатриче басни, ласкала собаку, рвала плодъ для маленькаго Сальватора: «Какая удивительная натура!..» думалъ онъ: «все ей нравится, все забавляетъ ее, всѣмъ она увлекается... находить красоту, ароматъ, пользу, удовольствіе въ малѣйшихъ подробностяхъ созданія. Она всѣмъ побуждается и все любитъ! Стало-быть, она не любитъ меня, который видитъ, дивится, любитъ и понимаетъ въ мірѣ только одну ее! Цѣлая пропасть раздѣляетъ насъ!»

Мысль эта въ сущности была почти-справедлива: природа, богатая по излишеству, и природа, богатая по исключительности — не могутъ слиться другъ съ другомъ. Одна должна поглотить другую. Такъ и сдѣлалось.

Если, случайно, не удавалось утомленной и измученной Флоріанѣ скрыть своихъ страданій, Кароль вдругъ возвращался къ своей нѣжности, забывалъ свое дурное расположеніе духа и хлопоталъ вокругъ нея, услуживалъ ей на колѣняхъ, любилъ ее въ ти минуты болѣе, нежели въ первый мѣсяцъ ихъ страсти. Зачѣмъ тарахалась она скрываться, или зачѣмъ доставало у нея силы и одрости, чтобъ скрываться! Еслибъ она представлялась ему всегда страдающею и растерзанною, или еслибъ она могла оставаться дольше печальною и недовольною—она, можетъ-быть, излечила бы его отъ его болѣзненной личности. Онъ бы забылъ себя для нея, потому-что этотъ свирѣпый эгоистъ былъ самый преданный, самый нѣжный другъ, когда онъ видѣлъ страданія.

Но такъ-какъ въ подобныхъ случаяхъ онъ самъ страдалъ дѣйствительно и логически, то великодушная Флоріани краснѣла за свою минутную слабость. Она спѣшила успокоиться и казаться твердою. Притворяться недовольною она была неспособна; рѣдко озмущалась она противъ него; но когда это случалось, то не удерживалась и жестоко колола его. Никогда она ничего не приукрашивала, ничего не скрывала, и такъ-какъ чаще всего несправедливость другихъ производила въ ней только печаль и состраданіе, то чаще всего страдала она безъ гнѣва, и особенно безъ хмуренья. Она презирала эти женскія хитрости, и сама терпѣла отъ этого презрѣнія; это не разъ было ей доказано! Въ человѣкѣ есть стремленіе постоянно употреблять добро во зло и оскорблять, когда нѣтъ убѣренъ, что его простятъ даже безъ его просьбы о прощеніи.

Сальваторъ Альбани зналъ, что другъ его вѣбалмошенъ и легко увлекается, до крайности строгъ къ другимъ, или до крайности безпристрастенъ къ себѣ. Но хорошія минуты, нѣкогда, были самыми обыкновенными, самыми продолжительными; а съ пріѣзда ихъ въ виллу Флоріани, Сальваторъ замѣчалъ, что князь теряетъ ясность своего характера и впадаетъ въ странную угрюмость; онъ

замѣтно портится. Сначала, въ недѣлю одинъ недобрый, а потомъ каждый день такой часъ. Мало-по-малу, выходилъ только одинъ добрый часъ на день, потомъ на цѣлую недѣлю. Какъ ни уклончивъ, какъ ни терпѣливъ былъ графъ, но наконцѣ и ему сдѣлалось невыносимо. Сначала онъ замѣтилъ это дѣло потомъ Лукреціи, потомъ обоимъ вмѣстѣ, а наконецъ почувствовалъ, что и его характеръ портится, что онъ измѣнится, если не удастся долѣе жить съ ними.

Онъ рѣшился удалиться совершенно. Флоріани ужаснулась, если останется наединѣ съ любовникомъ, котораго, за два мѣсяца предъ тѣмъ, хотѣла увезти на край свѣта, чтобъ жить съ нимъ въ пустынѣ. Сальваторъ былъ для нея необходимъ по своей селости, по своему беззаботному взгляду на всѣ домашнія дѣла. Присутствіе его все-таки удерживало князя въ извѣстныхъ предѣлахъ, по-крайней-мѣрѣ передъ дѣтьми. Что будетъ съ нимъ, что будетъ съ Каролемъ, когда не будетъ между ними этого слагаго собесѣдника, предохранявшаго ихъ другъ отъ друга.

Настойчивость, съ какою Флоріани старалась удержать Сальватора, ея опасенія и горесты — измѣнили ея тайнѣ; слезы брызнули у ней изъ глазъ. Альбани съ грустью увидѣлъ, что она боко несчастлива, и что, если онъ не успѣетъ удалить Кароля по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, — они оба погибнутъ.

На этотъ разъ, онъ уже не колебался. Въ немъ уже не было ни жалости, ни состраданія къ другу. Онъ не пощадилъ ни его слабости; устоялъ противъ его досады и отчаянія; не скрылъ отъ него, что будетъ стараться всѣми силами отдалить отъ Флоріани, если онъ самъ не удалится отъ нея.

— На полгода или навсегда, что мнѣ до того за дѣло, скажи онъ, оканчивая свою строгую рѣчь: — я не хочу угадывать будущее. Не знаю, забудешь ли ты Флоріани, что было бы полезно для тебя, — или она измѣнитъ тебѣ, что было бы ей благо разумно съ ея стороны; но знаю, что она растерзана, она несчастна, безнадежна; знаю, что ей нуженъ покой. Она — мать четырехъ дѣтей; она обязана беречь себя для нихъ и освободиться отъ невыносимыхъ мученій. Мы или уѣдемъ вмѣстѣ, или будешь ты оставаться, потому-что чѣмъ яснѣе я представляю тебѣ будущее, больше закрываешь ты глаза; чѣмъ больше я хочу отвѣчать тебѣ сильнѣе цѣпляешься ты за эту несчастную женщину. Я не буду владѣть тобой ни ждениемъ или силой, но я увезу тебя, Кароль! Я поклялся головою Селіо и его братьевъ. Я привелъ тебя сюда; я заставилъ тебя остаться здѣсь... Я погубилъ тебя, думая спасти; но есть средство, и теперь, когда все вижу, — я спасу тебя противъ ея воли. Мы уѣдемъ сегодня въ ночь, слышишь ли? Лошадники ждутъ тебя.

Кароль былъ блѣденъ какъ смерть. Онъ съ трудомъ разговаривалъ, зубы и далъ такой лаконическій, рѣшительный отвѣтъ:

— Очень-хорошо! вы меня проводите до Венеціи и оставите тамъ, чтобъ возвратиться сюда за цѣною вашего подвига. Вы такъ условились между собою. Я давно ждалъ этой развязки.

— Кароль! вскричалъ Сальваторъ въ порывѣ перваго въ жизни серьезнаго бѣшенства: — счастливъ ты, что слабъ; потому-что еслибъ ты былъ мужчина, я бы раздавилъ тебя. Но я скажу тебѣ, что эта мысль доказываетъ существо злое; эти слова обнаруживаютъ существо низкое, неблагодарное. Я гнушаюсь тобою, отрекаюсь навсегда отъ нашей долгой дружбы. Прощай; я бѣгу отъ тебя... я самъ сдѣлаюсь такимъ же низкимъ и злымъ, если останусь съ тобою.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ князь, дошедшій до высшей степени ярости, и слѣдовательно бѣдкой и презрительной сухости. — Продолжайте, оскорбляйте меня, бейте, будемъ драться:—я умру или убѣду,—вамъ этого хочется, я знаю. Какая сладкая ночь упоенія будетъ наградою за ваши рыцарскіе подвиги!

Сальваторъ готовъ былъ броситься на Кароля. Не зная самъ что дѣлаетъ, онъ схватилъ стулъ. Онъ чувствовалъ, что мысли его туманятся; онъ дрожалъ какъ въ первой лихорадкѣ; а между-тѣмъ, въ эту минуту, у него достало бы силы опрокинуть домъ на голову Карлою.

Послѣдовала минута страшнаго молчанія, въ-продолженіе которой послышался тонкій голосокъ:

— Послушай, мама, я знаю свой французскій урокъ; я скажу тебѣ его прежде, чѣмъ лягу спать:

Deux coqs vivaient en paix, une poule survint,
Et voilà la guerre allumée!
Amour, tu perdis Troie!...

Окошко затворилось; и голосокъ Стеллы затѣхъ. Сальваторъ разразился горькимъ смѣхомъ, разбилъ стулъ и быстро вышелъ изъ комнаты Кароля, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

— Лукреція! сказалъ онъ Флоріани, стучась къ ней: — оставь дѣтей на минуту, призови няньку; я хочу говорить съ тобою сейчасъ же.

Онъ увелъ ее въ паркъ.

— Послушай, сказалъ онъ ей: — Кароль негодяй или несчастный, самый малодушный, самый безумный изъ твоихъ любимцевъ, и конечно, самый опасный: онъ убьетъ тебя незамѣтно, но тайно, если ты не оставишь его сейчасъ же. Онъ ревнуетъ тебя ко всему, ревнуетъ къ своей тѣни—это болѣзнь; но онъ ревнуетъ ко мнѣ, и это... это гнусно! Онъ никогда не рѣшится тебя оставить; онъ не хочетъ вѣдать и не убѣдетъ. Ты должна бѣжать изъ своего дома. Нельзя терять ни минуты; ступай въ Римъ, въ Миланъ, на край свѣта, или спрячься, скройся въ какой-нибудь хижинѣ... Я, можетъ-быть, говорю вздоръ, у меня голова кружится

отъ негодованія; но надо найти средство... Послушай! вотъ — тяжелое, но вѣрное. Убѣжимъ вмѣстѣ — не дальше, какъ за два льѣ отсюда, останемся тамъ не дольше двухъ часовъ, — этого довольно! Онъ будетъ думать, что отгадалъ дѣйствительно, будто я твой любовникъ: онъ такъ самолюбивъ, что не поколеблется въ такомъ случаѣ, и ты навсегда отъ него освободишься...

— Ты или самъ сошелъ съ ума, мой бѣдный другъ! отвѣчала Лукреція:—или хочешь, чтобъ онъ помѣшался. Хотя я и страдаю отъ его подозрѣній, но не рѣшусь заставить презирать себя!

— Подозрѣвать развѣ не значить презирать, несчастная женщина! Такъ ты еще дорожишь уваженіемъ челоуѣка, котораго нельзя любить серьезно? Какое безуміе! Послушай, пойдемъ со мною; чего ты боишься? Чтобъ я не воспользовался твоимъ положеніемъ и не сдѣлался достойнымъ, противъ твоей воли, прекраснаго мнѣнія обо мнѣ Кароля? Нѣтъ, я не низокъ, и чтобъ еще болѣе разувѣрить тебя, скажу, что я уже не влюбленъ въ тебя. Нѣтъ, нѣтъ, Боже меня сохрани! Ты слишкомъ-слаба, слишкомъ-легковѣрна, слишкомъ-нелѣпа! Ты не мощная женщина, какъ я думалъ: ты просто ребенокъ безъ головы, безъ самолюбія. Любовь своя къ Каролію излечила меня совершенно, клянусь тебѣ любовью, которую бы могъ питать къ тебѣ. Пойдемъ, время не терпитъ. Еслибъ онъ пришелъ теперь умолять тебя, ты откроешь ему свои объятія и дашь ему клятву никогда не оставлять его: я знаю тебя. Убѣжимъ же! Воспользуемся его же собственною болѣзнию, чтобъ излечить его, и представимъ ему его же призракъ дѣйствительностью. Пусть онъ считаетъ тебя обманщицей и кокеткой; пусть ненавидитъ тебя, пускай уѣдетъ, проклиная тебя, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ. Чего ты боишься? мнѣнія о тебѣ сумасшедшаго? Онъ не пуститъ его въ свѣтъ; онъ будетъ хранить вѣчное молчаніе о своемъ несчастіи. Если хочешь, послѣ оправдаешься. Но теперь надо уничтожить зло въ самомъ его корнѣ. Надо бѣжать!

— Ты одно забываешь, Сальваторъ, отвѣчала Лукреція:—именно то, что—виноватъ онъ или несчастенъ, — я люблю его и буду любить всегда. Отдамъ кровь свою, чтобъ облегчить его страданія; а ты думаешь, что я могу растерзать его сердце, чтобъ успокоить себя. Странное средство!

— Въ такомъ случаѣ, ты сама малодушна, вскричалъ графъ:— я оставляю тебя! Вспомни, что я говорю тебѣ: ты погибла!

— Я это знаю, отвѣчала она: — но ты не уѣдешь отсюда, не помирившись съ нимъ!

— Не раздражай меня; я способенъ убить его. Я сейчасъ ѣду, это всего вѣрнѣе. Прощай, Лукреція!

— Прощай, Сальваторъ, сказала Флоріани, бросаюсь въ его объятія:—мы, можетъ-быть, никогда не увидимся.

Она задилась слезами, но не удерживала Сальватора.

«Теперь, что осталось мнѣ отъ моихъ непрерывныхъ грѣзъ? Увѣренность, что онѣ не могутъ и не должны осуществиться. Вотъ, что такое разсудокъ, печальная добыча опыта! Но изгнать разсудокъ, когда онъ поселился въ насъ, такъ же трудно, какъ позвать его въ ту пору, когда мы еще не довольно-сильны для его принятія. Напрасно, и, можетъ-быть, преступно было бы прогнать его холодные дары, его суровые совѣты. И вотъ, наконецъ, пришла пора поклониться тебѣ, принять тебя, безжалостная мудрость, незваная разсудительность!

«Чего ты хочешь отъ меня? говори, объясни! должна ли я бѣжать отъ любви? Ну, вотъ! здѣсь ты меня и отсылаешь къ моему внутреннему голосу; способна ли я еще любить? Да! больше, нежели когда-нибудь; потому-что это—сущность моей жизни, потому-что я болью ощущаю свою сердечную жизнь. Еслибъ я ужь не могла любить,—не могла бы и страдать. Я страдаю, слѣдовательно, люблю, существую.

«Въ такомъ случаѣ, отъ чего же отказываться? отъ надежды счастья? Разумѣется, мнѣ кажется, что я ужь не могу надѣяться; а между-тѣмъ, надежда—желаніе; не желать же счастья противно человѣческой натурѣ, противно правамъ человѣчества. Разсудокъ не можетъ предписывать того, что внѣ законовъ природы!»

Тутъ Лукреція сбилась. Она долго мечтала; она потерялась, заплуталась въ этихъ мечтахъ, въ этихъ воспоминаніяхъ, въ которыхъ, казалось, не было ничего общаго съ ея тщательнымъ изслѣдованіемъ. Но все служитъ путеводной нитью прямымъ, простодушнымъ существамъ. Она нашлась среди этого лабиринта, и снова выбралась на путь чистаго размышленія. Терпѣніе, читатель! если ты еще молодъ, эти размышленія, можетъ-быть, тебѣ самому пригодятся.

«Ну!» думала Флоріани: «если дѣло дошло до опредѣленія счастья... Есть разнаго рода счастье; есть одинъ родъ счастья для всѣхъ возрастовъ жизни. Дѣтство думаетъ о самомъ-себѣ; юность стремится пополнить себя существомъ, причастнымъ ея собственнымъ радостямъ; зрѣлый возрастъ долженъ думать, что его поприще, хорошо ли, дурно ли пройденное, кончается, что пора заняться исключительно счастьемъ другихъ. Я говорила это себѣ заранѣе, я чувствовала это, но не такъ полно, какъ могу и должна думать и чувствовать теперь. Счастье мое... не будетъ оно больше опираться на удовлетвореніи моего я! Развѣ я люблю своихъ дѣтей потому только, что мнѣ пріятно ихъ видѣть и ласкать? Развѣ уменьшилась бы моя любовь къ нимъ, еслибъ мнѣ пришлось и страдать отъ нихъ? Когда я вижу, что они счастливы, тогда я и сама счастлива. Дѣ, это такъ! въ извѣстныхъ лѣтахъ, нѣтъ человѣку

счастія кромѣ того, которое онъ даетъ. Искать другаго—нелѣзно! Это значитъ—насиловать божественный законъ, который не позволяетъ намъ больше властвовать красотой и чаровать непорочно-стью.

«Попытаюсь же я больше прежняго сдѣлать счастливыми тѣхъ, кого люблю, и не буду беспокоиться; забуду думать, что они меня мучатъ. Этой рѣшительностью я буду повиноваться потребности любить, которая еще есть во мнѣ, буду повиноваться влеченію къ счастію, которому могу удовлетворить. Ужь я не буду добиваться идеала на землѣ, довѣрчивости и энтузіазма въ любви, справедливости и здраваго смысла въ человѣческой природѣ. Я буду принимать заблужденія и недостатки не съ надеждой исправить ихъ и насладиться торжествомъ, а съ желаніемъ ослабить ихъ и собственною нѣжностью вознаградить зло, которое терпятъ отъ нихъ поддавшіеся имъ люди. Это будетъ логическое заключеніе всей моей жизни. Наконецъ, это чистое рѣшеніе вопроса я выведу изъ тумана, въ которомъ искала его.»

До выхода изъ оливковой рощи, Флоріани еще замечталась, чтобъ отдохнуть отъ своихъ размышленій. Вспомнила она недавнюю мечту о счастіи съ Каролемъ, о счастіи, которымъ надѣялась окружить его. Она подумала, что не слѣдовало ей дѣлать такую прекрасную мечту послѣ столькихъ обмановъ и заблужденій; спросила она себя, должна ли была она роптать на Бога за это страшное испытаніе.

Какая блистательная, какая гармоническая была эта краткая фаза послѣдняго упоенія! самая полная, самая чистая изъ всей ея жизни,—и она ужь кончилась, кончилась навсегда! Флоріани чувствовала, что не найти ей ничего подобнаго съ другимъ существомъ, потому—что на свѣтѣ нѣтъ еще такой же дивной, страстной природы, какъ у Кароля, нѣтъ души съ такими богатыми восторгами, съ такимъ могучимъ вдохновеніемъ, съ такою безпредѣльной любовью...

— Чтѣ жь? думала она: — развѣ онъ еще не тотъ же? Когда мучащій его демонъ засыпаетъ, развѣ не становится онъ прежнимъ? Напротивъ, онъ кажется еще пламеннѣе, еще восторженнѣе, нежели въ первые дни. Зачѣмъ не привыкну я страдать дни и недѣли, чтобъ потомъ забыть все въ эти часы небесныхъ восторговъ?

Но тутъ ея фантазія уперлась въ роковую грань, которую она положила въ себя. Она чувствовала, что ея умъ, который былъ вѣрнѣе, логичнѣе ума Кароля, не былъ способенъ ни на одну минуту забыть собственныхъ мученія. Она у него въ объятіяхъ по-

XCVII.

На другой день послѣ отъѣзда Сальватора, пока еще Кароль былъ въ своей комнатѣ, Флоріани вышла изъ дома, сѣла въ лодку и, обрѣтши въ себѣ силы прежнихъ молодыхъ лѣтъ, пустилась одна черезъ озеро. На другомъ берегу, противъ самой виллы, была оливковая роща, съ которою у ней были связаны воспоминанія любви и молодости. Тамъ, назадъ тому пятнадцать лѣтъ, были у ней частыя свиданія съ Меммо Раньери; тамъ она въ первый разъ призналась ему въ любви; тамъ послѣ сговаривались они бѣжать; тамъ же пряталась она столько разъ отъ бдительности отца, или преслѣдованій Манджіафоко.

Воротившись на свою родину, Лукреція не хотѣла заглядывать въ эту рощу, которую ея первый любовникъ, въ порывѣ юнаго энтузіазма, прозвалъ *священной дубравой*. Ее было видно изъ оконъ виллы. Въ первое время, Лукреція иногда нечаянно останавливала на ней глаза; но, не желая будить воспоминаній, тутъ же приходила въ себя и отвертывалась. Съ-тѣхъ-поръ, какъ полюбила Кароля, она часто смотрѣла на рощу и любовалась разросшимися деревьями, не вспоминая ни Меммо, ни упоеній первой любви; но, повинувась тонкому инстинкту, никогда не водила туда гулять князя.

Теперь, случайно очутившись на озерѣ, она не имѣла опредѣленнаго намѣренія посѣтить *священную дубраву*. Она была больна, ее била лихорадка; ей нужно было надышаться утреннимъ воздухомъ, укрѣпить свою душу, изнемогавшую отъ физическихъ потрясеній. Безсознательный, но неодолимый инстинктъ привелъ ее въ лодку; онъ же увлекалъ ее въ этой лодкѣ по темному заливу. Она оставила свой челнокъ въ кустахъ и, выпрыгнувъ на берегъ, утонула въ таинственной густотѣ рощи.

Оливы разрослись, заплелись кустарникомъ; тропинки стали уже мрачнѣе. Иныя совсѣмъ заглохли. Лукреція едва могла распознать знакомыя мѣста, съ трудомъ отыскала дорожки, по которымъ, бывало, могла ходить зажмурившись. Долго искала она стараго дерева, подъ которымъ обыкновенно ждалъ ее Раньери; на немъ еще были вырѣзанныя ножомъ начальныя буквы его имени. Трудно было теперь замѣтить эти буквы; но Лукреція угадала ихъ прежде, нежели разсмотрѣла. Наконецъ, стала она на траву подъ тѣнь деревомъ и задумалась. Припомнились ей и подробности и все первой ея страсти, сравнила она ту первую страсть съ послѣднею—не для того, конечно, чтобъ провести параллель между двумя человекѣми, о которыхъ не могла судить хладнокровно.—Нѣтъ, она только хотѣла спросить у собственнаго сердца, можетъ ли оно еще ощущать страсть и переносить страданія. Мало-помалу, развернулась предъ ней послѣдовательно, свѣтло вся исторія ея жизни, всѣ крайности сердечныхъ привязанностей, всѣ ме-

чты о счастиі, всѣ заблужденія, все горе. Она ужаснулась этой повѣсти, рассказанной ею самой—себѣ о собственной жизни; она спросила себя: она ли могла столько разъ обманываться, она ли пережила столько разувѣреній—и не умерла, не сошла съ ума?

Рѣдко выдаются такія минуты въ жизни, когда существо съ подобнымъ характеромъ способно бываетъ такъ отчетливо озирати и сознать себя!

Души, чуждыя эгоизма и гордости, не имѣютъ яснаго прозрѣнія въ самихъ-себя. Способныя на все, онѣ не знаютъ, на что онѣ способны. Вѣчно полныя любовью къ людямъ, заботами о ихъ благѣ, онѣ доходятъ до самозабвенія, до самоневѣдѣнія. Флоріани, можетъ-быть, не случилось трехъ разъ въ жизни изслѣдовать и опредѣлять себя.

Но вѣрно то, что еще никогда не случилось ей дѣлать этого такъ полно и положительно, какъ теперь; и теперь она дѣлала это въ послѣдній разъ: вся остальная жизнь ея стала предвидѣннымъ послѣдствіемъ того, что положила она въ эту торжественную минуту.

— Посмотримъ, думала она: — такъ ли же горяча моя послѣдняя любовь, какъ первая? Была она жарка, но не теперь. Кароль разрушилъ ее почти такъ же скоро, какъ Меммо разогналъ призракъ счастья.

«Но эта послѣдняя любовь, уже лишенная надежды, точно ли не такъ глубока, не такъ живуча? Во мнѣ для нея еще столько нѣжнаго чувства, столько преданности, столько материнскаго движенія, что я ей конца не вижу, — и вотъ чѣмъ она разнится отъ первой любви! Тогда я думала про-себя: если Меммо меня обманываетъ, я перестану любить его; а теперь—прозрѣвшая, разубѣжденная, не могу переломить себя, не могу оправиться. Правда, много и долго простила я Меммо; но чувствовала, какъ съ каждой минутой слабѣла моя любовь; а теперь — любовь крѣпится, не слабѣетъ отъ страданія.

«Отъ-чего это? Меммо ли былъ въ томъ виноватъ;—или я, когда была моложе и сильнѣе, могла оторваться отъ него легче, нежели теперь отъ Кароля? Можетъ-быть, немножко и онъ былъ виноватъ, а больше, кажется, я.

«Все-таки виновата была молодость. Тогда любовь была въ насъ связана съ чувствомъ, съ потребностью быть счастливыми. Я думаю, что я слѣпо привязана; каждое мое дѣйствіе отзывалось самопожертвованіемъ; но если любовь не выдержала жертвъ слишкомъ-сильныхъ, слишкомъ-частыхъ, значитъ я, сама того не зная, имѣла личную самостоятельность. Не дѣйствіе ли, не право ли это молодости? Конечно, да! Она, молодость, ищетъ счастья, чувствуетъ въ себѣ силы искать его, находить и удерживать. Не была бы она порой энергіи, тревогъ и страшныхъ усилій, еслибъ не двигали ею честолюбивое желаніе трудныхъ побѣдъ и жажда полного блаженства.

князя и отрѣшила себя отъ большинства, но все-таки не хотѣла быть малодушной, не хотѣла, въ угоду Каролю, гнать отъ себя людей несчастныхъ, безстойныхъ участія или жалости. Все это Кароль ставилъ ей въ страшное преступленіе и, черезъ десять лѣтъ, когда рѣчь заходила объ одномъ изъ подобныхъ людей, онъ восклицалъ съ убѣжденіемъ, которое было бы смѣшно, еслибъ не было возможно: «Никогда не могу забыть зла, которое сдѣлалъ мнѣ этотъ человѣкъ!» А все зло состояло въ томъ, что Флоріани не прогнала этого человѣка безъ всякой причины..

Она пыталась развлекать его путешествіемъ, даже оставлять его на нѣкоторое время. Но онъ вездѣ таскалъ съ собою свою ревность; косился на почтальоновъ, на трактирщиковъ; не смыкалъ глазъ въ дорогѣ, боясь каждую минуту, что вотъ-вотъ похитятъ его сокровище. Деньги онъ сыпалъ горстями, но въ любви былъ скупъ до безумія. Когда Лукреція разставалась съ нимъ на нѣсколько недѣль, мучимый тѣми же безпокойствами, онъ дѣлался болѣе, потому-что никому не хотѣлъ повѣрить этихъ безпокойствъ и не могъ излить горечи на ихъ певинную причину. Лукреціи приходилось опять призывать его. И здоровье, жизнь Кароля воскресали съ той минуты, какъ только являлась ему возможность мучить безпредѣльно-любимую имъ Флоріани.

Онъ такъ любилъ ее, былъ такъ вѣренъ, такъ сосредоточенъ въ ней, говорилъ о ней съ такимъ уваженіемъ, что могъ бы составить гордость и славу для тщеславной женщины. Но не было у Лукреціи такого ненавистнаго существа, которому бы она пожелала подобнаго счастья.

Наконецъ, онъ восторжествовалъ, какъ всегда торжествуетъ воля, неистово устремленная къ единственной цѣли. Онъ увезъ Флоріани въ виллу, которая все-таки была для нихъ самымъ укромнымъ убѣжищемъ, и тамъ успѣлъ до того уединить и запрятать ее, что она задолго до смерти прослыла усопшей.

Она угасала, какъ пламя, лишенное воздуха. Казнь ея была медленная, но неослабная. Надо было цѣлые годы умерщвлять остреемъ булавки существо такое сильное нравственно и физически. Она ко всему привыкала; никто не сумѣлъ бы такъ отказаться отъ потребностей собственной жизни, какъ она. Она постоянно уступала, не показывая вида, что защищается, и противилась только одному: прихотямъ, которыя могли довести до несчастія дѣтей ея. Но Кароль, не смотря на тяготу этого раздѣла, ни разу не обнаружилъ попытки ни на минуту отлучить ихъ отъ матери. Всею властью, какую только имѣлъ надъ собой, старался онъ не дать замѣтить, что Лукреція — его жертва, что онъ присвоилъ себѣ надъ нею безусловное господство.

Комедія такъ ловко разыгрывалась, а Лукреція была такая тихая, безропотная, что никто не сомнѣвался въ ихъ счастіи; дѣти наконецъ полюбили Кароля, кромѣ Сеѣ, который былъ съ нимъ вѣжливъ, но никогда не говорилъ ни слова.

Спрятанная, такъ—сказать, подъ спудомъ, Флоріани не жалѣла объ обществѣ и друзьяхъ. Въ первый разъ она оставила ихъ добровольно; потомъ оставляла — правда, изъ угожденія, но безъ горя. Она любила уединеніе, любила трудъ и деревню. Она предалась исключительно воспитанію дѣтей, учила Селіо театральному искусству, къ которому онъ обнаруживалъ страстное призваніе.

Но Кароль, лишенный наконецъ предмета ревности, нашелъ средства бороться съ идеями, уроками и мнѣніями Флоріани. Учиво преслѣдовалъ онъ ее во всемъ; все было не по его вкусу, не по его совѣту. Бездѣйствіе терзало его; посвятивъ обладанію женщиной всю силу воли, всѣ мгновенія жизни, онъ былъ столько же въ нравственномъ отношеніи деспотъ, сколько въ физическомъ—недремлющій тюремщикъ. Бѣдная Флоріани увидѣла, что послѣднее утѣшеніе ея отравлено, когда духъ противорѣчія и ребяческая, вспыхивавшая придиричивость стали преслѣдовать ее даже до самаго чистаго, самаго неприкосновеннаго святилища ея жизни. Зачѣмъ она готовила Селіо въ актѣры? это унизительное ремесло! Зачѣмъ учила Беатриче пѣть, а Стеллу рисовать? женщины не должны быть черезъ—чуръ артистками! Зачѣмъ она позволяла Менапаче копить деньги? Зачѣмъ она, наконецъ, не шла наперекоръ призванію и влеченіямъ всей своей семьи? Кромѣ того, зачѣмъ любила животныхъ? отъ нихъ могла прійти чесотка; зачѣмъ любила голубой цвѣтъ, а не бѣлый? зачѣмъ...? и Богъ—знаетъ, что еще! однимъ словомъ—все было не такъ.

Въ одинъ прекрасный день — Флоріани минуло сорокъ лѣтъ. Она ужъ не была хороша; осужденная на бездѣйствіе, противное ея дѣятельной натурѣ, она все—таки похудѣла, пожелтѣла, и, еслибъ не ея прекрасные, кроткіе, глубокіе глаза, еслибъ не ея благородство и спокойная грація, еслибъ не это открытое, улыбающееся лицо,—больно было бы смотрѣть на нее, первую красавицу въ Италіи. Правда, князю она казалась все обольстительнѣе, все опаснѣе для человѣческаго спокойствія по мѣрѣ того, какъ заставлялъ онъ ее старѣться и дурнѣть. Онъ все еще былъ влюбленъ по—прежнему; онъ все былъ увѣренъ, что всякій молодой человѣкъ очаруется ею до безумія, если только—чего Боже сохрани—увидитъ ее.

Что касается до нея, она вдругъ почувствовала себя изнеможенною отъ страданій, почувствовала расслабленіе преждевременной.

нила обиду, которую терпѣла отъ его ревности; не могла она понять страшнаго и страннаго дара нѣкоторыхъ избранныхъ презирать тѣхъ, кого любятъ, и любить тѣхъ, кого презирають. Она не вѣрила больше въ счастье, она его не чувствовала. У ней не стало для него силы.

— Прости мнѣ, Господи, проговорила она въ душѣ:—последнее сожалѣніе объ этой полной радости, которую Ты послалъ мнѣ такъ поздно и отнялъ у меня такъ скоро! Я не буду роптать на Твои насланія, не скажу, что Ты играешь мною. Ты хотѣлъ разбудить мой умъ, я не противилась. Я, какъ всегда, поддалась обаянію бреда; и теперь, въ тоскѣ и горѣ, не забыла, что это безуміе—было блаженство. Благословляю тебя, Господи! благословляю руку ласкающую и разящую меня!

Страшная скорбь проникла въ душу Флоріани, когда говорила она последнее прощанье своимъ милымъ призракамъ. Она упала на траву и залилась слезами. Она рыдала, и рыданія рвались у ней изъ груди задушевыми криками. Она хотѣла дать волю слабости, которую чувствовала последнею, хотѣла дать волю слезамъ, которыя потомъ никогда не должны были выступать на глазахъ ея.

Наплакавшись до изнеможенія, Лукреція простилась съ старой оливой, свидѣтельницей ея первыхъ радостей и последней борьбы. Она вышла изъ рощи и ужь никогда не воротилась въ нее; но ей всегда хотѣлось вздохнуть въ последний разъ подъ этой вѣковой тѣнью, и всякій разъ, когда чувствовала, что слабѣетъ, смотрѣла изъ оконъ виллы на *священную дубраву*, вспоминая горькую чашу, которую тамъ допивала, и отыскивая въ воспоминаніи этого последнего перелома—источника силы въ защиту и отъ надежды и отъ отчаянія.

Итакъ, любезный читатель, вотъ я и кончилъ все, что предположилъ себѣ; теперь остается только удовольствоваться тѣхъ, которые непременно хотятъ какой-нибудь развязки.

Ты, разумный читатель, я знаю, совершенно-согласенъ со мною; и считаешь развязки совсѣмъ—безполезными. Еслибъ я только слѣдовалъ собственному убѣжденію, да собственной фантазіи, у меня бы ни одинъ романъ не кончился, для того, чтобъ больше было сходства съ дѣйствительною жизнью. Гдѣ же вы найдете такую исторію любви, которая бы кончалась рѣшительнымъ образомъ—разрывомъ или блаженствомъ, измѣной или бракомъ? Гдѣ найдете такое событіе, которое бы могло поставить нашу жизнь въ вѣчно-неизмѣнныя условія? По-моему, нѣтъ ничего умильнѣе старинной заключительной формулы: «они прожили долго и всегда были счастливы». Такъ говорилось въ литературѣ до-истори-

ческой, во времена баснословныя. Счастливыя были времена, когда еще вѣрили въ такую сладкую ложь!

Но нынче мы ужь ничему не вѣримъ; мы смѣемся, читая этотъ усладительный ритуриель.

Романъ—не что иное, какъ эпизодъ изъ жизни. Я разсказалъ вамъ, что представляло единство мѣста и времени въ любви князя де-Росвальдъ и актриссы Лукреціи. Теперь развѣ вы хотите еще знать остальное? Развѣ вы не можете сами мнѣ разсказать его? Развѣ не видите, куда направляются характеры моихъ дѣйствующихъ лицъ? Развѣ вамъ непременно нужны факты?

Если вы требуете этого, я кончу дѣло коротко; не потѣшу васъ никакимъ сюрпризомъ, потому—что такъ общалъ. Они любили долго и жили очень—несчастливо. Ихъ любовь была ожесточенной борьбой, которую поглотила другая борьба. Разница между ними была та, что Флоріани хотѣла преобразить характеръ и успокоить умъ Кароля, чтобъ сдѣлать его счастливымъ, подобно всѣмъ другимъ людямъ; а Кароль хотѣлъ бы совсѣмъ обновить свою Лукрецію, чтобъ уподобить ее себѣ и вкусить съ нею невозможное счастье.

Еслибъ все это прослѣдить, все анализировать, надо бы написать еще десять томовъ, по одному на каждый пройденный ими вдвоемъ годъ. Эти десять томовъ могли бы быть назидательны; но могло бы случиться и то, что они вышли бы еще монотоннѣе настоящаго. Однимъ словомъ: Флоріани выдержала всѣ несправедливости князя съ неслыханной твердостью; а князь не хотѣлъ узнавать ея самоотверженія и доблести съ невѣроятнымъ упорствомъ. Ничто не могло исцѣлить его отъ ревности, потому—что просвѣтлѣть и успокоиться—было не въ природѣ его страсти. Никогда женщина не бывала такъ пламенно любима, и въ то же время такъ оклеветана, такъ унижена въ сердцѣ любовника.

Лукреція всегда просила Бога послать ему душу, такъ же исключительно—преданную любви, какъ ея душа, и душа Кароля пролила на нее неизсякаемые потоки любви и желчи.

Предсказанія Сальватора въ нѣкоторомъ отношеніи осуществились. Свѣтъ открылъ убѣжище Флоріани и нахлынулъ съ знаками своего почтенія. Явился въ свою очередь и Боккаферри; только, замѣтимъ мимоходомъ, оказалось, что Боккаферри семьдесятъ лѣтъ. Никто такъ мало не возбудилъ ревности Кароля: всѣ были для него предметомъ смертельной ревности и непримиримой вражды. Флоріани мужественно напрягала всѣ силы, чтобъ поддержать достоинство избранныхъ. Она, смѣясь, предала нѣкоторыхъ феруль

безплодной старости, не внушивъ довѣрчивости своему возлюбленному, не добившись отъ него уваженія, все еще любимая какъ любовница, а не какъ подруга. Вздохнула она, когда подумала, что не сбылись ея желанія: въ молодости не удалось ей внушить любви, въ зрѣлыхъ лѣтахъ — уваженія. А все-таки она чувствовала, что въ разныхъ періодахъ своей жизни стоила того, чего добивалась. Вечеромъ, цалуя дѣтей, Флоріани сказала имъ такимъ голосомъ, отъ котораго они, при всей своей рѣзвой веселости, задрожали:

— Вы для меня—все; если желаю я прожить еще сколько-нибудь лѣтъ, такъ это только для васъ однихъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, она ужъ не любила Кароля; онъ переполнилъ мѣру,—каплей воды, конечно,—но чаша пролилась; сосудъ слишкомъ полный, слишкомъ-сдавленный, долженъ разбиться. Флоріани молчала, даже предъ Сальваторомъ, который пріѣхалъ наконецъ взглянуть на нее, не могли однако вполне помириться съ княземъ. Она чувствовала, что сама-себя убиваетъ, но не упала духомъ, не хотѣла думать о близкой смерти. Ей хотѣлось только дождаться дебюта Селіо, да выдать замужъ Стеллу; наканунѣ смерти, она говорила съ ними, дѣлала много прекрасныхъ предположеній; но, увы! любовь была ея жизнью: переставъ любить, она должна была перестать и жить.

На другой день поутру пошла она къ отцу. Съ ней былъ Селіо; она казалась здорова, потому-что лицо у ней было такое полное; она никогда не жаловалась, чтобъ не встревожить дѣтей; ощутила съ Биффи надъ его праздничнымъ нарядомъ; потомъ — слышала звонокъ къ завтраку, встала и вдругъ — страшно скрикнула, крѣпко схватилась за шею сына и съ улыбкой упала на тотъ самый стулъ, на которомъ она, крестьяночкой, столько азь сиживала за прялкой.

Селіо было тогда двадцать-два года; онъ былъ высокъ ростомъ, расивъ, силенъ; думая, что мать въ обморокѣ, онъ взялъ ее на руки и понесъ въ паркъ. Въ самыхъ воротахъ столкнулись съ нимъ Кароль и Сальваторъ Альбани, которые шли звать Лукрецію завтракать. Кароль не понялъ въ чемъ дѣло, и стоялъ какъ статуя; а Сальваторъ тотчасъ понялъ и не пожалѣлъ пріятеля: онъ догадался, что смерть Лукреціи—его непрерывная работа; оттолкнувъ его назадъ, онъ шепнулъ ему:

— Бѣгите къ другимъ дѣтямъ, уведите ихъ: это ихъ убьетъ, за умерла!

Последнее слово отдалось въ сердцѣ Селіо. Онъ посмотрѣлъ въ лицо матери и — увидѣлъ, что она точно умерла, хотя глаза ея были еще открыты, спокойны, и на губахъ лежала улыбка. Безъ памяти упалъ онъ подлѣ трупа на землю.

Кароль не видѣлъ ничего, что дѣлалось. Черезъ часъ, онъ былъ одинъ и все стоялъ передъ рѣшеткой парка, окаменѣлый, обез-

умѣвшій. Прямо передъ нимъ былъ камень, и опъ читалъ на стихъ, котораго ни время не стерло, ни дождь не смылъ:

Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate!

Онъ читалъ, перечитывалъ и старался припомнить, когда какихъ обстоятельствахъ случилось ужъ ему замѣтить этотъ ст Онъ потерялъ чувство скорби.

Умеръ ли онъ съ того, или сошелъ съ ума? Слишкомъ бы ко было покончить съ нимъ такимъ-образомъ. Я не скажу бо ничего... если только не прійдетъ мнѣ охота начать новыи манъ, въ которомъ Селіо, Стелла, два Сальватора, Беатриче, напаче, Биффи, Теальдо Соави, Вандони и даже Боккаферр явятся каждый съ своей ролью вокругъ Кароля. Довольно рить главное дѣйствующее лицо, не принимая на себя трудъ граждать, наказывать, или приносить въ жертву, по-одина всѣхъ остальныхъ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ АНГЛИИ И ВО ФРАНЦИИ (*).

Статья перекл.

Число бедныхъ и значеніе бедности въ Англіи и во Франціи. — Бѣдность въ промышленности мануфактурной и главныя причины ея. — Нынѣшнія отношенія капитала и труда. — Теорія задѣльной платы. — Вліяніе свободы промышленности, неограниченной конкуренціи и усовершенствованныхъ способовъ производства на задѣльную плату. — Постепенное уменьшеніе и недостаточность задѣльной платы въ Англіи и во Франціи. — Промышленныя кризисы, ихъ причины и послѣдствія. — Изобрѣтеніе машинъ и раздѣленіе труда. — Вліяніе того и другаго на матеріальное, умственное и нравственное состояніе работниковъ. — Вліяніе нынѣшнихъ способовъ производства на судьбу дѣтей. — Законы о работѣ дѣтей на фабрикахъ въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

Современное направленіе общественной дѣятельности — по преимуществу положительное, индустріальное. Сбросивъ съ себя феодальныя путы, промышленность сдѣлалась теперь однимъ изъ важнѣйшихъ явленій на-

(*) Рядъ статей, предлагаемыхъ здѣсь читателямъ, составленъ по слѣдующимъ источникамъ:

1) De la bienfaisance publique par M. le Baron de Gérando, 1839. 4 vol. Paris; —
2) De la misère des classes laborieuses en Angleterre et en France, par Eug. Buret.
T. L. — Отд. II. 1

родной жизни, и интересы матеріальные заняли одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду интересовъ общественныхъ. Напрасно некоторые упорные поклонники прошедшаго возстаютъ противъ этого положительнаго направленія, обвиняя нашу эпоху въ грубомъ матеріализмѣ; напрасно въ успѣхахъ промышленности видать они очевидный признакъ униженія человека передъ матеріей. Нынѣче никто уже не повѣритъ этимъ обвиненіямъ. Общественное мнѣніе не смутится отъ этихъ возгласовъ; оно знаетъ, что трудъ не только не унижаетъ человека предъ внешней природой, но, напротивъ, показываетъ, что человекъ освобождается отъ ея вліянія и подчиняетъ ее своимъ разумнымъ цѣлямъ. Оно знаетъ, что успѣхи промышленности тѣсно связаны съ успѣхами образованности, и что улучшение внешнего быта — необходимое условіе и для нравственнаго развитія человечества.

Современное положеніе главныхъ европейскихъ государствъ служитъ самымъ очевиднымъ доказательствомъ высокаго назначенія и плодотворности труда. Своимъ цвѣтущимъ состояніемъ, могуществомъ и богатствомъ, государства Западной-Европы обязаны преимущественно тѣмъ быстрымъ, почти-неимовѣрнымъ успѣхамъ, которые сдѣлала промышленность съ начала нынѣшняго столѣтія. Въ-теченіе какихъ-нибудь пятидесяти лѣтъ, благодаря труду и дѣятельности, общественное благосостояніе стало на такую высокую степень, какая для предковъ нашихъ казалась недостижимой. Посредствомъ развитія промышленности, посредствомъ изобрѣтенія машинъ, человекъ съ каждымъ днемъ приобретаетъ больше и больше правъ на названіе царя творенія и властителя вселенной. Онъ покоряетъ себѣ тѣ элементы природы, предъ которыми прежде благоговѣлъ и падалъ ницъ; онъ заставляетъ ихъ работать вмѣсто себя, и научается посредствомъ ихъ достигать легко и спокойно тѣхъ же

1842. Bruxelles;—3) *Economie Politique Chrétienne, ou recherches sur la nature et les causes du paupérisme en France et en Europe et sur les moyens de le soulager et de le prévenir*, par le *Vicomte Alban de Villeneuve-Bargemont*. Paris. 1834;—4) *Tableau de l'état physique et moral des ouvriers*, par le docteur *Villermé*, membre de l'Institut. 2 vol. Paris. 1840; — 5) *Etudes sur l'Angleterre*, par *Léon Faucher*. Paris. 2 vol. 1843; — 6) *Des classes dangereuses de la population dans les grandes villes et des moyens de les rendre meilleures*, par H. A. *Frégier*. Paris. 1840; — 7) *De la prostitution dans la Ville de Paris*, par *Parent-Duchâtelet*. 2-me édition. Paris. 1837; — 8) *De l'Irlande sociale, politique et religieuse*, par *Gustave de Beaumont*. 2 vol.; — 9) *De la répartition des richesses ou de la justice distributive en économie sociale. Ouvrage contenant l'examen critique des théories exposées soit par les économistes, soit par les socialistes*, par *F. Vidal*. Paris. 1846;—10) *Etudes sur l'Economie politique*, par *Simonde de Sismondi*. 2 vol. Paris;— 11) *Recherches sur les causes de l'indigence*, par *A. Clément*. Paris. 1846;—12) *Des relations du travail avec le capital*, par *Dupont-White*. Paris. 1846;—13) *Philosophie des Manufactures* par *Ure*; traduct. française, 2 vol. — Сверхъ-того, походямъ при составленіи статьи служили всѣ извѣстѣйшіе курсы политической экономіи, особенно новѣйшіе: именно:

Cours d'Economie politique, par *M. Rossi*. Bruxelles. 1842.

Nouveaux Principes d'Economie politique par *S. de Sismondi*. 1827.

Cours d'Economie politique par *Michel Chevallier*. Paris. 1844. 2 vol.

самыхъ результатовъ, которыхъ достигалъ прежде не иначе, какъ напрягая свои физическія силы и трудясь въ потъ лица своего.

При видѣ этихъ благодѣтельныхъ результатовъ, сопровождающихъ успѣхи промышленности, нельзя не сознаться, что ею вполне заслужены тѣ похвалы, которыми ее превозносятъ, и то вліяніе, которое пріобрѣла она въ нашихъ обществахъ. Но при этихъ благодѣтельныхъ результатахъ не должно забывать, что богатство, благосостояніе и блескъ государствъ Западной-Европы составляютъ одну только свѣтлую и блестящую сторону современнаго быта, за которою кроется другая сторона — горестная, мрачная и безотрадная. Конечно, успѣшное развитіе промышленности въ Германіи, Франціи и особенно въ Англіи имѣло прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ своимъ быстрое усиленіе производительности и не мѣнѣе быстрое умноженіе народнаго богатства: обогативъ и усиливъ высшія сословія, развитіе это, безъ сомнѣнія, улучшило въ весьма-значительной степени судьбу самаго большинства, и познакомило его съ тѣми удобствами и наслажденіями, которыя прежде доступны были только немногимъ избраннымъ. Но съ другой стороны не должно упускать изъ вида, что не всѣ классы общества воспользовались въ одинаковой степени плодами этихъ успѣховъ. Не должно думать, чтобъ промышленность въ настоящую минуту достигла своей окончательной цѣли, чтобы она совершенно уничтожила нищету и замѣнила ее всюду достаткомъ и довольствомъ. Этотъ желанный результатъ далеко еще не достигнутъ; страданія низшихъ классовъ, безъ сомнѣнія, значительно уменьшились въ слѣдствіе развитія народнаго богатства: но изъ этого не надо заключать, чтобъ они въ настоящую минуту уже совершенно уничтожились; такое заключеніе противорѣчило бы самой дѣйствительности, которая, къ-сожалѣнію, ясно показываетъ, что бѣдность существуетъ досель, и что она далеко пустила свои корни въ европейскую почву. Если мы не будемъ останавливаться на одной поверхности, а проникнемъ въ самую глубину современной жизни, то увидимъ, что подъ вѣншимъ блескомъ и богатствомъ государствъ Западной-Европы кроется язва нищеты и страданій, язва страшная и глубокая. Мы увидимъ, что эта нищета и эти страданія постоянно тяготѣютъ надъ рабочими классами; что никакая преданность, никакая дѣятельность, никакія добродѣтели не могутъ спасти ихъ отъ этого роковаго и неотвратимаго жребія! Мы увидимъ, что въ странахъ, славящихся своимъ богатствомъ и благосостояніемъ, тысячи, миліоны людей рождаются только для того, чтобъ претерпѣвать всѣ возможныя страданія...

Въ настоящее время, есть много людей, въ которыхъ эта мрачная сторона дѣйствительности производитъ недоумѣніе, страхъ и даже отчаяніе. Твердо вѣруя въ высокое назначеніе промышленности, и въ необходимость прогресса, они не знаютъ, какъ примирить свои вѣрованія съ такимъ порядкомъ вещей; какъ оправдать такую цивилизацію, среди которой встрѣчаются факты столь горестные. Для того, чтобъ избавиться отъ этого неразрѣшимаго для нихъ противорѣчія, одни малоудачно останавливаются только при свѣтлой сторонѣ жизни, закрывая

глаза при видѣ бѣдствій, страданій и язвъ человечества; другіе, въ противность истинѣ и действительности, упорно отрицаютъ самое существованіе зла, или по-крайней-мѣрѣ стараются уменьшить его значеніе стараются скрыть его страшныя послѣдствія. Но наука, въ своемъ постоянномъ стремленіи къ истинѣ, не можетъ допускать ни такого равнодушія, ни такого оптимизма. Съ одной стороны, слѣдя за успѣхами и за развитіемъ человечества, она не можетъ не сочувствовать его страданіямъ и несчастіямъ, потому-что это сочувствіе составляетъ священную ея обязанность. Съ другой стороны, для нея истина должна быть и святою и неприкосновенною, и какъ бы истина эта ни была мрачна, наука не должна прятаться отъ ея свѣта, потому-что иначе она отказалась бы отъ своего назначенія. Для оправданія промышленности и прогресса не должно употреблять такихъ недостойныхъ средствъ, — не должно ни добровольно осуждать себя на невѣжество, ни прибѣгать къ лжи и къ обману... Къ-тому же, европейская цивилизація и не нуждается въ такой защитѣ; она заключаетъ въ себя такъ много прекраснаго, благороднаго и высокаго, что ей нѣтъ никакой надобности скрывать своихъ темныхъ сторонъ. Если въ ней на ряду съ добромъ является и зло, то зло это — остатокъ прошедшаго, которое съ каждымъ днемъ исчезаетъ и изглаживается вмѣстѣ съ развитіемъ и усовершенствованіемъ общественной жизни. Рано или поздно, — и мы должны твердо вѣрить этому, если не хотимъ отказаться отъ требованій разума и отъ уроковъ исторіи, — рано или поздно, зло это, которое носить въ самомъ-себѣ зародышъ будущаго уничтоженія, будетъ немѣне нарушать своимъ существованіемъ гармонію міра и законы правды!

Но если въ настоящее время есть люди, которые готовы жертвовать истиной изъ любви къ прогрессу и цивилизаціи, то съ другой стороны есть также люди, которые по ненависти къ тому же прогрессу, или по какой-нибудь другой, неизвѣстной намъ причинѣ, доходятъ до самаго несправедливаго воззрѣнія на этотъ предметъ. Бѣдственное состояніе рабочихъ классовъ подаетъ имъ поводъ къ самымъ неосновательнымъ нападкамъ на Западъ; въ его настоящей организаціи, они видятъ только неустройство, разладъ какъ мнѣній, такъ и интересовъ; изъ этого они глубокомысленно заключаютъ, что Западъ устарѣлъ, что онъ уже растратилъ всѣ жизненныя свои силы, что онъ гниетъ, что государствамъ его остается только рухнуть, и уступить свое поприще новымъ племенамъ. Но такіе взгляды, изъ какого бы источника ни происходили они, не заслуживаютъ даже и опроверженія. Близорукіи судьямъ Запада можно сказать, что они смотрятъ и не видятъ, слушаютъ и не слышатъ. Они не понимаютъ, что эта борьба интересовъ есть признакъ не распадѣнія, а жизни, что она показываетъ не гниль общества, а напротивъ, его зрѣлость, его свѣжесть, его силу. Они не видятъ, что надъ этимъ противорѣчіемъ мнѣній и убѣжденій возвышается стремленіе къ добру. И можно ли назвать устарѣлымъ то общество, которое сознаетъ въ себѣ несправедливость и силится побѣдить ее? Можно ли находить признаки упадка тамъ, гдѣ все дышетъ свѣ-

жестью юности, гдѣ вся взоры и вся умы съ надеждой обращены на будущее, гдѣ все движется, все живетъ, все развивается?

Нѣтъ! не гниютъ тѣ общества, которыя раждаются изъ себя безпрестанно и послѣдовательно новые элементы жизни,—не гниютъ, а усиливаются и содрываютъ, переходя чрезъ различные моменты и фазы къ совершенству. Гниль только тотъ, кто вовсе не примѣчаетъ своей гнилости. Тотъ только малодушенъ, кто, отгадывая у себя зло и неправду, предпочитаетъ спокойно лежать въ грязи, вмѣсто того, чтобъ трудомъ и жертвованіями стремиться къ благородной цѣли.

—

Вопросъ о пауперизмѣ обращаетъ на себя нынѣ вниманіе всей образованной Европы. Это одинъ изъ тѣхъ практическихъ, жизненныхъ вопросовъ, появленіе которыхъ возбуждаетъ обыкновенно сильные споры и подаетъ поводъ къ образованію множества различныхъ, даже противоположныхъ мнѣній и системъ. Но, не смотря на всѣ труды экономистовъ германскихъ, англійскихъ и французскихъ, вопросъ этотъ до-сихъ-поръ еще не получилъ надлежащаго и удовлетворительнаго рѣшенія. Рѣшенія этого должно ожидать только отъ будущаго развитія науки; въ настоящее же время, мы должны ограничиться изложеніемъ лишь тѣхъ неполныхъ результатовъ, до которыхъ уже дошла политическая экономія. Мы постараемся здѣсь доказать существованіе нищеты въ Англій и во Франціи, объяснить истинное значеніе и важность этого зла, и указавъ на его причины, признаки и послѣдствія, поставить читателя на ту точку зрѣнія, съ которой смотреть на этотъ предметъ современная наука въ лицѣ главныхъ ея представителей.

Оптимисты говорятъ, что въ Англій и во Франціи число людей, страдающихъ отъ бѣдности, въ настоящую минуту весьма-незначительно. Къ-сожалѣнію, такое мнѣніе совершенно несправедливо. Если подъ бѣдностію пониматъ такое состояніе, при которомъ человѣкъ не имѣетъ средствъ для удовлетворенія самымъ необходимымъ потребностямъ своей природы, то нельзя не сознаться, что въ государствахъ Западной-Европы и въ настоящее время, люди, находящіеся въ такомъ положеніи, не составляя собой большинства, составляютъ, однакожъ, довольно-значительную часть всего народонаселенія. Для того, чтобъ оправдать это заключеніе, необходимо было бы показать, сколько именно людей страдаютъ отъ бѣдности въ Англій и во Франціи. Но къ-несчастію, мы не имѣемъ потребныхъ данныхъ для разрѣшенія этого важнаго вопроса. Число бѣдныхъ въ той или другой странѣ никогда не можетъ быть опредѣлено съ надлежащей точностію, какъ потому-что бѣдность есть понятіе относительное, не имѣющее для себя общаго и постояннаго мѣрила, такъ и потому-что она выражается не въ однихъ вѣшныхъ и видимыхъ знакахъ, но проявляется по-большѣй-части въ формахъ совершенно для насъ недоступныхъ. Съ достовѣрностію можемъ мы узнать только число бѣдныхъ, получающихъ содержаніе отъ общества. Въ каждомъ образованномъ государствѣ суще-

стываетъ, если можно только такъ выразиться, официальная нищета, которая получаетъ вспомошествованіе отъ общественной благотворительности. Эта официальная нищета можетъ подлежать безъ сомнѣнія точному и безошибочному опредѣленію. Мы легко можемъ узнать какъ число людей, обращающихся къ общественной благотворительности съ просьбой о пособіи, такъ и число тѣхъ, которые дѣйствительно получаютъ это пособіе. Само-собою разумеется, что эти цифры не будутъ вполне выражать всей нищеты, существующей въ государствѣ, потому-что не всѣ бѣдные просятъ помощи у государства, и не всѣмъ вмѣ государство оказываетъ требуемую помощь. Но цифры эти могутъ дать по-крайней-мѣрѣ приблизительное понятіе о числѣ людей, страдающихъ отъ бѣдности; онѣ могутъ служить какъ-бы термометромъ для измѣренія степени развитія пауперизма въ той или другой странѣ.

Въ Англіи устройство общественнаго призрѣнія подверглось въ 1834 году коренному и существенному преобразованію. Главная цѣль этой реформы состояла въ томъ, чтобъ сократить издержки на пособіе бѣднымъ, издержки, которыя, постепенно усиливаясь, сдѣлались и въ то время чрезвычайно-обременительными для народа. Въ этихъ видахъ предписаны были новыя, болѣе-строгія правила для дѣйствій общественной благотворительности; опредѣлены были условія, при которыхъ бѣдный могъ требовать себѣ пособія, и приняты всѣ мѣры для уменьшенія числа людей, живущихъ на счетъ общества. Законъ этотъ дѣйствительно достигъ своей цѣли: нынче, благотворительность имѣетъ весьма-тѣсный кругъ дѣйствія, и стоитъ обществу гораздо-менѣе прежняго. Теперь число людей, состоящихъ на содержаніи общества, весьма-незначительно, и большинство бѣдныхъ не входитъ въ рамы официальной нищеты. При прежнемъ устройствѣ, не было, напротивъ, почти никакого различія между нищетою официальной и нищетою дѣйствительною; тогда всѣ страдавшіе отъ невозможности удовлетворять своимъ потребностямъ, получали пособія отъ своихъ приходовъ. Изъ этого видно, что документы прежней эпохи гораздо-важнѣе для насъ документовъ современныхъ, ибо они даютъ болѣе-точное и болѣе-вѣрное понятіе о степени развитія пауперизма. Изъ этихъ официальныхъ, вполне-достоверныхъ документовъ видно, что въ 1833 году, за годъ до реформы, такса въ пользу бѣдныхъ въ Англіи простиралась свыше 8,000,000 фунтовъ стерлинговъ; Шотландія и Ирландія не входила въ этотъ бюджетъ нищеты. Вся эта огромная сумма была истрачена въ-продолженіе 1833 года на вспомошествованіе бѣднымъ; около 1,876,620 человекъ получали пособіе отъ своихъ приходовъ. Если сравнить это число съ количествомъ всего народонаселенія, то выходитъ, что въ это время въ Англіи приходился одинъ бѣдный на восемь человекъ, или точнѣе на $7\frac{5}{16}$. При этомъ надо замѣтить, что бюджетъ официальной нищеты до 1833 года возрасталъ постоянно, и что число бѣдныхъ увеличивалось гораздо-быстрѣе, нежели народонаселеніе. Въ 1821 году, Англія имѣла 11,997,000 жителей; бѣдныхъ, получавшихъ пособіе отъ приходовъ, было 880,000; следовательно, одинъ бѣдный приходился на тринадцать жителей. Въ

1833 году, какъ мы уже видали, приходился одинъ бѣдный на восемь челоуѣкъ. Въ настоящее время, количество таксы, собираемой въ пользу бѣдныхъ, значительно уменьшилось, и теперь число официальныхъ бѣдныхъ къ количеству народонаселенія относится среднимъ числомъ, какъ 1 къ 18, или какъ 1 къ 20. Но это измѣненіе нисколько не доказываетъ действительнаго уменьшенія нищеты; оно должно быть исключительно приписано вліянію реформы 1833 года, положившей преграду неуверенной и слишкомъ-щедрой раздачѣ пособій.

Во Франціи почти такое же отношеніе между числомъ бѣдныхъ и количествомъ всего народонаселенія. Изъ отчета, представленнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ въ 1837 году, оказывается, что въ больницы и богадельни Франціи принимается каждый годъ среднимъ числомъ около 425,000 челоуѣкъ; сверхъ-того, людямъ, которымъ даются пособія на домъ, насчитывается ежегодно, круглымъ числомъ, около 700,000. Такимъ образомъ, число официальныхъ бѣдныхъ не простирается свыше 1,125,000 челоуѣкъ и относится къ народонаселенію, какъ 1 къ 29, 021. Само-собой разумется, что эти цифры не выражаютъ собою всей нищеты, существующей во Франціи. Люди, принимаемые въ больницы и богадельни, и получающія домашнія пособія, составляютъ не болѣе, какъ третью часть всего числа людей, действительно бѣдныхъ и нуждающихся въ помощи. За исключеніемъ подкидышей и сиротъ, всѣ бѣдные, получающіе пособіе, имѣютъ семейство, следовательно, раздѣляютъ всегда съ тремя или четырьмя другими лицами, женами, дѣтьми или старыми родственниками—лишестраданія и всѣ горестивыя послѣдствія нищеты. Если принять въ соображеніе въ соображеніе и предположить, что каждый официальный бѣдный представляетъ собою по-крайней-мѣрѣ трехъ действительныхъ бѣдныхъ, то получится другое болѣе-правдоподобное сужденіе: мы увидимъ, что во Франціи народонаселеніе, страдающее отъ нищеты, должно относиться къ цѣлому народонаселенію, какъ 1 къ 673.

Въ этихъ цифрахъ видно, что въ настоящее время въ Англіи по меньшей мѣрѣ страдаетъ отъ бѣдности восьмая часть народонаселенія; во Франціи—девятая. Послѣ этого, конечно, нельзя повѣрять тѣмъ, кто смѣетъ говорить, что въ этихъ государствахъ бѣдность — явленіе обычное, исключительное, незаслуживающее особаго вниманія. Еслибъ даже это было справедливо, еслибъ число бѣдныхъ въ настоящую минуту было весьма-незначительно, то и тогда страданія этихъ немногихъ должны были бы возбуждать всеобщую симпатію и обращать на себя всеобщее вниманіе. Если действительно въ обществѣ существуетъ зло, то наука нѣтъ дѣла до того, много или мало страдальцевъ: она во всякомъ случаѣ не должна пренебрегать зломъ, какъ бы ни было оно ничтожно; она обязана, напротивъ, изучить это зло, объяснить его причины и указать средства къ его уничтоженію. Еслибъ въ Англіи и во Франціи подвержена была бѣдности сотая часть народонаселенія, то и тогда нельзя было бы равнодушно смотреть на бѣднѣе этихъ несчастныхъ. Но равнодушіе это еще болѣе невозмож-

но при действительномъ положеніи вещей, когда изъ восьми человекъ одинъ не имѣетъ достаточныхъ средствъ для того, чтобъ поддержать свое физическое существованіе.

Впрочемъ, о значеніи и силѣ пауперизма нельзя судить только по числу бѣдныхъ. Одна сухія и мертвыя цифры не могутъ дать истиннаго понятія о действительной глубинѣ этой общественной рапы. Мярло бѣдности дается не однимъ только числомъ жертвъ, но и самымъ качествомъ, существомъ зла, тѣми страданіями, которыя оно производитъ, тѣми послѣдствіями, которыми оно сопровождается. Въ этомъ отношеніи, государства богатыя и образованныя имѣютъ незавидный перевѣсъ надъ государствами бѣдными и невѣжественными. Можно принять за общее правило, что чѣмъ образованнѣе и богаче общество, тѣмъ разительнѣе и ужаснѣе нищета его отдельныхъ членовъ. Въ обществахъ менѣе-развитыхъ есть бѣдность, но нѣтъ нищеты. Бѣдность существуетъ всегда и вездѣ, потому-что всегда и вездѣ человекъ не находитъ вокругъ себя достаточныхъ средствъ для удовлетворенія своихъ многочисленныхъ потребностей. Но нищета, какъ бѣдность сознательная, сопровождаемая страданіями физическими и нравственными, есть послѣдствіе цивилизаціи, удѣлъ обществъ развитыхъ. Человекъ, въ которомъ не развились еще многообразныя нужды, въ которомъ не пробудилось еще самосознаніе, не примѣчаетъ своей недостаточности, довольствуется малымъ и не чувствуетъ лишеній. Напротивъ, эти лишенія являются тягостными для людей, въ которыхъ образованность развила уже и сознаніе собственнаго достоинства и множество самыхъ разнообразныхъ потребностей: для нихъ бѣдность — источникъ страданій; и страданія эти будутъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ образованнѣе эти люди, и чѣмъ образованнѣе, чѣмъ богаче то общество, къ которому принадлежатъ они. Весьма-понятно, что если бѣдный повсюду видитъ вокругъ себя достатокъ, изобиліе и даже роскошь, то сравненіе своей судьбы съ судьбою другихъ людей должно естественно еще болѣе уславивать его мученія и къ страданіямъ физическимъ прибавлять страданія нравственныя. По этому самому, нищета, какъ источникъ страданій, и развивается вмѣстѣ съ развитіемъ самого общества. У народовъ варварскихъ, собственно-говоря, нѣтъ нищеты, потому-что ихъ самосознаніе и потребности еще не пробудились. Въ обществахъ мало развитыхъ, бѣдность не мучительна: тамъ богатство — исключеніе; тамъ всѣ бѣдны, и, слѣдовательно, нѣтъ оскорбительныхъ противоположностей, нѣтъ сравненія, нѣтъ зависти. Бѣдность превращается въ нищету и производитъ страданія только тамъ, гдѣ развилось богатство, гдѣ существуетъ роскошь. Въ этомъ отношеніи, богатство можно сравнить со святомъ, который не производитъ предметовъ, а только обнаруживаетъ ихъ. Чѣмъ ярче этотъ свѣтъ, чѣмъ виднѣе предметы, тѣмъ гуще тѣнь, ими бросаема. Отсутствіе свѣта производитъ глубокой, всеобщій мракъ, въ которомъ нѣтъ контрастовъ, нѣтъ тѣней. Точно также и богатство не производитъ нищеты, а только выказываетъ и раскрываетъ ее. Гдѣ нѣтъ богатства, тамъ всеобщая бѣдность, тамъ нѣтъ противоположностей, нѣтъ и нравственныхъ страданій.

Понятно послѣ этого, что въ обществахъ, достигшихъ высшей степени богатства и образованности, каковы Франція и Англія, бѣдность для высшихъ классовъ должна быть гораздо-мучительнѣе, нежели въ обществахъ менѣе-развитыхъ, гдѣ не такъ поразительна противоположность между классами богатыми и бѣдными. Бѣдный въ Англіи долженъ страдать гораздо-болѣе, нежели бѣдный въ Турціи, хотя, можетъ быть, положеніе перваго само-по-себѣ и лучше, нежели положеніе втораго. Бѣдность французскаго работника не можетъ быть сравниваема съ бѣдностію панаполитанскаго лазаропп: одинъ страдаетъ ежеминутно отъ невозможности удовлетворять своимъ многочисленнымъ нуждамъ и горько жалуется на несправедливость судьбы и людей; другой лежитъ целый день на солнцѣ, не простирая своихъ желаній далѣе блюда макаронъ, и вполне доволенъ своей участію, если имѣетъ его передъ собой. Для нищеты не существуетъ общаго и постояннаго мѣрила, которое годилось бы для всѣхъ мѣстъ и для всѣхъ временъ. Это мѣрило для всякой страны должно быть различно. Оно зависитъ отъ большаго или меньшаго количества потребностей, развитыхъ въ народѣ богатствомъ и образованностію. Понятіе о нищетѣ — понятіе совершенно-относительное, и мы не должны забывать этого важнаго обстоятельства, если хотимъ вполне оцѣнить значеніе современнаго пауперизма въ Англіи и во Франціи.

Впрочемъ, пауперизмъ этотъ не принадлежитъ къ числу явленій, исключительно свойственныхъ нашей эпохѣ и нашимъ обществамъ. Пауперизмъ существовалъ всегда и вездѣ; проявленія его и степень дѣйствія могли быть различны по различію мѣста и времени, но тѣмъ не менѣе язва эта свирѣпствовала съ болѣею или менѣею силой во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена. Въ Западной-Европѣ, какъ и вездѣ, бѣдность всегда составляла удѣлъ высшихъ классовъ; она не вдругъ явилась въ наше время, но развивалась постепенно, исторически; и самаго источника, корня этого зла должно искать не въ однихъ только современныхъ законахъ и учрежденіяхъ, не въ одномъ только современномъ общественномъ устройствѣ, но и во всей прошедшей жизни европейскихъ народовъ, во всѣхъ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ росли и развивались государства, нынѣ существующія. Настоящее всегда бываетъ результатомъ прошедшаго; общества вполне подчиняются закону исторической необходимости, являются тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ исторія; а потому современные факты общественной жизни и не объясняются сами-собой: для объясненія ихъ, необходимо прибѣгнуть къ изученію постепеннаго ихъ развитія и образованія. При видѣ бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ въ Западной-Европѣ, первоначально возникаетъ вопросъ о томъ, какими путями и въ-слѣдствіе какихъ событій дошли они до такого положенія, откуда явился этотъ многочисленный классъ голодныхъ пролетаріевъ, этотъ живой упрекъ современной цивилизаціи, предмету нашей гордости и нашего удивленія? Для того, чтобы на вопросъ этотъ дать надлежащій отвѣтъ, нужно было бы изложить всю исторію европейскихъ обществъ, не опуская ни одного факта, ни одной подробности, потому — что развитію бѣдности способствовали болѣе

или менѣе каждый моментъ, каждый фазъ европейской исторіи. Мы не пріймемъ здѣсь на себя разрѣшенія этой важной, но трудной задачи. Каково бы ни было происхожденіе пауперизма, дѣло въ томъ, что онъ существуетъ нынѣ въ самыхъ образованныхъ обществахъ, не смотря на ихъ образованность и на ихъ благосостояніе. Успѣхи цивилизаціи не уничтожили этой язвы; напротивъ, они, кажется, только услали и увеличили ее. По-крайней-мѣрѣ, отъ противоположности съ богатствомъ, бѣдность сдѣлалась еще разительнѣе и еще ужаснѣе. И это несчастье не должно быть исключительно приписываемо прошедшему. Какъ бы ни было значительно участіе исторіи въ бѣдствіяхъ современныхъ поколѣній, тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что и въ настоящемъ общественномъ устройствѣ есть множество коренныхъ недостатковъ, обуславливающихъ собой и существованіе и успѣхи пауперизма. Прошедшаго нельзя воротить; но зло существующее можетъ быть облегчено; а потому современные недостатки заслуживаютъ преимущественно внимательнаго и строгаго изученія, какъ прямой источникъ тѣхъ страшныхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются въ нынѣшней европейской цивилизаціи.

И прежде всего, одна изъ самыхъ главныхъ и самыхъ дѣятельныхъ причинъ нищеты заключается въ экономическомъ устройствѣ европейскихъ обществъ. Бѣдственное положеніе рабочихъ классовъ во Франціи и Англіи обуславливается, между-прочимъ, характеромъ и направленіемъ тѣхъ законовъ, по которымъ производятся и распределяются богатства въ современныхъ государствахъ Западной-Европы.

Полная, неограниченная свобода промышленности есть то верховное начало, подъ вліяніемъ котораго совершается экономическое развитіе современныхъ государствъ. Начало это перешло въ жизнь изъ науки. Провозглашенное въ первый разъ фیزیократами, принятое и развитое школой Адама Смита, оно сдѣлалось вскорѣ основнымъ принципомъ политической экономіи, ея девизомъ и опорой. Но ученіе это не осталось въ книгахъ—оно проникло наконецъ и въ практическую дѣятельность. За исключеніемъ весьма-немногихъ государствъ, упорно сохраняющихъ доселѣ старинную систему корпорацій и привилегій, правительства почти всѣхъ европейскихъ обществъ не остались чуждыми движенію науки: они подчинились его вліянію и положили новый принципъ въ основаніе своихъ законовъ. Превжнія корпораціи, цехи и монополіи уничтожены; оковы, тяготѣвшія надъ народною промышленностью, разбиты, и производительная дѣятельность въ большей части случаевъ предоставлена собственнымъ своимъ силамъ (*). Въ

(*) Говоря здѣсь о свободѣ промышленности, мы не имѣемъ въ виду торговли, которая, какъ извѣстно, доселѣ еще не освободилась отъ ограниченій и тарифовъ. Внутреннія таможи уже почти вездѣ уничтожены; но внѣшняя торговля до-сихъ-поръ еще производится подъ вліяніемъ отчасти запретительной, отчасти покровительственной системы. Первый и важный шагъ къ водворенію свободной торговли сдѣлать былъ въ нынѣшнемъ году Англіей — въ слѣдствіе реформы финансовыхъ законовъ, произведенной парламентомъ по предложенію Роберта Пилля.

доставляющее время, знаменитое *laissez faire, laissez passer*, альфа и омега вышней политической экономіи, если и не господствуетъ безусловно въ сѣрѣ экономическихъ явленій, то по-крайней-мѣрѣ является принципомъ преобладающимъ и руководить движеніемъ европейскихъ народовъ къ развитію ихъ матеріальнаго благосостоянія!

Неограниченная свобода промышленности порождаетъ, какъ естественное и необходимое свое послѣдствіе, неограниченную конкуренцію между производителями. Конкуренція эта, по отношенію къ *производству* богатствъ, имѣетъ, конечно, самое благотворное и полезное вліяніе. Въ этомъ убѣждаетъ самымъ разительнымъ образомъ исторія европейской производительности. Необыкновенные успѣхи европейскихъ народовъ на воприць матеріальнаго развитія начались именно со времени уничтоженія монополій и корпорацій, такъ-что нельзя не приписать свободу промышленности и ея послѣдствію — неограниченной конкуренціи, тѣхъ блестящихъ результатовъ, до которыхъ достигла теперь производительность. Мы обязаны конкуренціи безчисленнымъ множествомъ открытій и изобрѣтеній, благопріятствующихъ быстрому умноженію народнаго богатства и постепенному освобожденію чловека отъ вліянія физической природы. Соревнованіе между производителями способствуетъ безпрестанному приложенію къ промышленности открытій и началъ науки, которыя безъ того остались бы, можетъ-быть, навсегда совершенно-безплодными и нимало не содѣйствовали бы улучшенію чловекаго благосостоянія. Соревнованіе заставляетъ производителей дѣятельно заботиться о возвышеніи достоинства ихъ произведеній, и ему одолжены мы тѣмъ совершенствомъ, до котораго доседа была большая часть мануфактурныхъ издѣлій. Съ другой стороны, подъ вліяніемъ безпрестаннаго и упорнаго соперничества фабрикатовъ, вмѣстѣ съ возвышеніемъ достоинства ихъ продуктовъ, постоянно понижается ихъ цѣна, такъ-что число ихъ потребителей возрастаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Однимъ словомъ, въ-слѣдствіе неограниченной конкуренціи, промышленность безостановочно и быстро развивается, совершенствуется, и очевидный результатъ ея успѣховъ состоитъ въ томъ, что наслажденія, бывшія доселѣ доступными только немногимъ избраннымъ, составляютъ нынѣ ульѣ большинства людей, — большинства, увеличивающагося со-дня-на-день быстрымъ и значительнымъ образомъ.

Но неограниченная конкуренція вмѣстѣ съ добромъ производитъ и зло. Выгоды, сию доставляемыя, не должны ослѣплять насъ на-счетъ ея вредныхъ и даже вредныхъ послѣдствій. Многіе экономисты доводятъ свое уваженіе къ принципу свободной промышленности до исключительности, до крайности; они видятъ только благотворные его результаты и не хотятъ признать тѣхъ дѣйствій, которыя при нынѣшнемъ режимѣ вещей неразлучно сопряжены съ его господствомъ. Нельзя, конечно, не сознаться, что конкуренція, увеличивая народное богатство, увеличиваетъ въ то же время одною изъ самыхъ дѣятельныхъ причинъ нищеты и страданій, тяготящихся надъ рабочими классами. Выгоды ея пользуются въ настоящее время одни высшіе классы, одни

владельцы капиталовъ: ихъ она обогащаетъ; для нихъ она полезна; но для многочисленнаго класса работниковъ она бываетъ по-большой-части губительна и вредна. Свобода промышленности поставяетъ трудъ въ самое невыгодное отношеніе къ капиталу; она имѣетъ самое вредное вліяніе на *распределеіе* производимыхъ богатствъ между этими двумя главными производительными силами. Она постоянно увеличиваетъ долю капиталистовъ и постоянно уменьшаетъ долю работниковъ. Первымъ она доставляетъ роскошь, наслажденіе и могущество; вторыхъ надѣляетъ бѣдностью, страданіями и униженіемъ!

Основываясь на постоянномъ свидѣтельствѣ опыта и дѣйствительности, можно принять за общее и несомнѣнное правило, что отъ большей или меньшей связи между капиталомъ и трудомъ зависитъ и большее или меньшее благосостояніе высшихъ классовъ. Чѣмъ ближе работники къ капиталистамъ, чѣмъ тѣснѣе связь между ними, тѣмъ меньше могутъ они опасаться бѣдности, тѣмъ прочнѣе ихъ благосостояніе, тѣмъ завиднѣе судьба ихъ. Напротивъ, чѣмъ отдаленнѣе капиталъ отъ труда, чѣмъ менѣе между ними общихъ интересовъ, тѣмъ бѣдственнѣе положеніе рабочихъ классовъ, тѣмъ быстрее развивается между ними нищета. Еслибъ между трудомъ и капиталомъ существовало единство интересовъ, то благосостояніе одного класса производителей совершенно условливалось бы благосостояніемъ другаго класса. Каждый изъ нихъ для своей же собственной выгоды долженъ бы былъ заботиться о выгодахъ другаго, и всякій успѣхъ промышленности былъ бы для всѣхъ равно благодѣтелемъ, приносилъ бы всѣмъ одинаковую пользу. Но въ настоящее время мы видимъ совершенно-противное. Нынѣ капиталъ и трудъ совершенно отдѣлены другъ отъ друга и ничѣмъ между собой не связаны. Интересы капиталистовъ не только не тождественны съ интересами работниковъ, но даже противоположны имъ; между ними, въ настоящую минуту, нѣтъ ничего общаго, но есть множество разъединяющаго. Работникъ нынѣ не соучастникъ, не товарищъ капиталиста, а его наемникъ и служитель. Нынѣ то, что выгодно для капиталиста, невыгодно для работника, и наоборотъ. Интересъ капиталиста состоитъ въ томъ, чтобъ уменьшать плату за трудъ, между-тѣмъ, какъ увеличеніе этой платы составляетъ необходимое условіе для улучшенія судьбы работника. Отъ этой противоположности интересовъ происходитъ недовѣрчивость и вражда между двумя классами производителей. Весьма-понятно, что при такой недовѣрчивости, при такой враждѣ, самые плодотворные принципы должны сопровождаться горестными результатами; понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ нельзя ожидать начега добраго отъ свободы промышленности, нельзя надѣяться, чтобъ она могла принести пользу рабочимъ классамъ. И дѣйствительно, она приноситъ имъ не пользу, а вредъ; она не улучшаетъ ихъ участи, а, напротивъ, увеличиваетъ ихъ страданія. При господствѣ полной и неограниченной свободы промышленности, не существуетъ никакой власти для опредѣленія взаимныхъ отношеній производителей, для покровительства слабымъ и защищенія ихъ отъ сильныхъ. Производители предоставлены совершенно самимъ-себѣ; об-

дѣйственная власть не вмѣшивается въ дѣла ихъ, не принимаетъ участія въ ихъ расправахъ; она позволяетъ имъ дѣйствовать совершенно-произвольно и не хочетъ ни въ чемъ стѣснять ихъ свободу; другими словами, она оставляетъ слабыхъ безъ всякой защиты и сама предаетъ ихъ въ жертву сильнѣйшимъ. Но между капиталомъ и трудомъ перемѣна силъ явна на сторовѣ перваго. Какъ ни сильно развилась производительность въ Европѣ, какъ ни велико количество капиталовъ, но количество ихъ все еще весьма-незначительно въ сравненіи съ числомъ рукъ, требующихъ себя работы. Работниковъ въ настоящую минуту гораздо-болѣе, нежели сколько ихъ нужно для капиталовъ, ихъ употребляющихъ. Предложеніе труда всегда превышаетъ требованіе, за исключеніемъ развѣ въ некоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ, которые не могутъ измѣнить собою общее правило. Отъ-этого трудъ всегда болѣе нуждается въ капиталѣ, нежели капиталъ въ трудѣ, и, следовательно, трудъ не можетъ предписывать своихъ условій капиталу, а самъ находится отъ него въ полной зависимости. Притомъ же, необходимость рабочихъ рукъ для владѣльцевъ капиталовъ не такъ безусловна и не такъ настоятельна, какъ необходимость капитала для работниковъ. Если фабрикантъ не найдетъ себя потребнаго числа людей, если они не захотятъ пойдти къ нему на предлагаемыхъ имъ условіяхъ, то онъ можетъ даже обойтись и безъ нихъ. Правда, дѣйствіе его фабрики или завода остановится, и онъ рискуетъ лишиться предполагаемыхъ барышей и выгодъ; но этимъ только и ограничится его потеря. Собственно говоря, онъ можетъ даже отказаться отъ этихъ выгодъ, несоставляющихъ для него безусловной и рѣшительной необходимости. Пожертвованіе это будетъ для него тяжело, но возможно, — между-тѣмъ, какъ для работника рѣшительно невозможно отказаться отъ работы, доставляющей ему насущный хлѣбъ. Для капиталиста въ такихъ случаяхъ дѣло идетъ только о большемъ или меньшемъ выигрышѣ, о большемъ или меньшей потерѣ, между-тѣмъ, какъ для работника это—вопросъ о жизни и смерти. Упорство работника никакъ не можетъ быть продолжительно: рано или поздно онъ придетъ къ своему хозяину съ повинной головой, и, чтобъ не умереть съ голода, согласится работать за самую ничтожную плату. Напротивъ, капиталистъ легко можетъ упорствовать въ принятомъ имъ намѣреніи; ему не угрожаетъ голодная смерть, и онъ знаетъ, что работники недолго въ состояніи будутъ ему сопротивляться. Все это показываетъ, что капиталъ несравненно нынче сильнѣе и могущественнѣе труда. Между ними мы видимъ огромное неравенство; а при такомъ неравенствѣ производительныхъ силъ предоставить имъ неограниченную свободу, отказать слабѣйшимъ въ покровительствѣ и защитѣ, — значитъ предать работниковъ въ жертву капиталистамъ и поставить однихъ въ совершенную зависимость отъ другихъ. Такая свобода прямо ведетъ къ угнетенію; и дѣйствительно, пользуясь такой свободой, ему предоставленной, капиталъ въ настоящее время давитъ трудъ, доводитъ его до послѣдней крайности, обращается съ нимъ совершенно

такъ же, какъ обращались некогда феодалные бароны съ своими беззащитными васаллами.

Такимъ-образомъ, соревнованіе между производителями, которое, при другомъ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній, могло бы содѣйствовать улучшенію судьбы рабочихъ классовъ, нынѣ является, напротивъ, одною изъ главныхъ причинъ ихъ бѣдности и страданій. Конкуренція между капиталистами, по самому существу своему, должна быть выгодна для работниковъ; усиливая требованіе на трудъ, она должна возвышать его цѣну и увеличивать количество задѣльной платы. Въ некоторыхъ случаяхъ, она можетъ даже противодействовать всѣмъ другимъ недостаткамъ современнаго экономическаго устройства; въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности, постоянное усиленіе соревнованія между фабрикантами спасаетъ работниковъ отъ нищеты и обезпечиваетъ ихъ благосостояніе. Но враждебное соотношеніе капитала и труда и въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ свое вредное вліяніе, уменьшая тѣ благотворныя послѣдствія, которыми могла бы сопровождаться борьба капиталовъ между собою. Отъ разединенія капитала и труда происходитъ то странное явленіе, что одинъ и тотъ же принципъ дѣлается вмѣстѣ причиной и возвышенія и пониженія задѣльной платы. Не надо удивляться этому противорѣчію: подобныя несообразности встрѣчаются на каждомъ шагѣ при нынѣшнихъ экономическихъ учрежденіяхъ, разрывающихъ всякую связь между капиталомъ и трудомъ, и уничтожающихъ то равновѣсіе, которое должно существовать между производительными силами...

Прежде, каждая отрасль производства находилась въ рукахъ немногихъ лицъ и составляла ихъ исключительную монополію. Тогда фабрикантъ не боялся соперничества, не слишкомъ заботился объ улучшеніи достоинства своихъ произведеній, и старался только о возвышеніи ихъ цѣны, зная, что для нихъ всегда найдется достаточное число покупателей. Отъ такого устройства страдали потребители, потому-что находились въ совершенной зависимости отъ производителей; страдали и владѣльцы капиталовъ, потому-что не могли извлекать никакой пользы изъ тѣхъ средствъ, которыя имели въ рукахъ своихъ. Но за то монополія была чрезвычайно-выгодна для тѣхъ, которымъ она принадлежала; выгоды и барыши фабрикантовъ были вѣрны и обезпечены; имъ не угрожали никакія опасности, и они пользовались своимъ правомъ спокойно, невозмутимо. Нынѣ положеніе фабриканта измѣнилось. Его жизнь — безпрестанная борьба съ соперниками, борьба, въ которой онъ долженъ употребить всевозможныя усилія, чтобъ сохранить за собою первенство, удержаться на своемъ мѣстѣ и не сдѣлать разоренія. Счастливы тѣ, которые, благодаря своей заботливости, искусству и благопріятнымъ обстоятельствамъ, умѣютъ одержать побѣду и воспользоваться ея плодами! Но горе отстающимъ въ этомъ соперничествѣ: имъ угрожаетъ вѣрная гибель и неминуемое разореніе. Изъ этой борьбы капиталистъ тогда только можетъ выйти цѣль и невредимъ, когда постоянно будетъ находить достаточный и выгодный сбытъ своимъ произведеніямъ; поэтому онъ долженъ ревностно и не-

улюяно заботиться, чтобъ достоинство его произведеній возвышалось, а производство стоило какъ-можно-менше издержекъ. Для этой цѣли, онъ дѣлаетъ все, что только можетъ,—вводитъ лучшее распределеніе работъ, старается о присканіи новыхъ болѣе-выгодныхъ средствъ производства, заботится объ усовершенствованіи прежнихъ машинъ, содѣйствуетъ изобретенію новыхъ, и наконецъ, такъ-какъ задѣльная плата составляетъ одно изъ важнѣйшихъ условій, опредѣляющихъ стоимость произведеній, то онъ постоянно старается уменьшить эту плату и довести ее до самаго низшаго, крайняго предѣла. Въ этомъ состоитъ интересъ каждаго капиталиста, и тутъ-то интересы фабрикантовъ и работниковъ являются часто-противоположными другъ другу. Конкуренція между работниками даетъ капиталистамъ возможность достигать своей цѣли, и такимъ-образомъ борьба капиталовъ, вмѣсто того, чтобъ возвышать задѣльную плату, весьма-часто содѣйствуетъ ея пониженію.

Это стремленіе фабрикантовъ къ пониженію задѣльной платы составляетъ необходимое и существенное послѣдствіе конкуренціи, а потому оно является не въ видѣ отдѣльныхъ, частныхъ случаевъ, но въ видѣ общаго закона, всегда и вездѣ дѣйствующаго. Иногда для этой цѣли макуфактуристы составляютъ между собой тайныя соглашенія и сдѣлки. Но такіе заговоры случаются довольно-рѣдко. Эти коалиціи даже бесполезны, потому-что ихъ цѣль достигается сама-собой въ-слѣдствіе естественнаго хода дѣлъ. Въ этомъ отношеніи, какъ уже замѣтилъ самъ Адамъ Смитъ (*), между капиталистами существуетъ какъ-будто безвольное обязательство не возвышать ни въ какомъ случаѣ задѣльной платы, а, напротивъ, понижать ее при первой представляющейся возможности. И не смотря на то, что обязательство это не изложено на бумагѣ и не имѣетъ юридической силы, оно исполняется свято и ненарушимо, потому-что исполненіе его необходимо для всякаго фабриканта и основано на личныхъ его интересахъ...

Противъ такой общей и постоянной тактики капиталистовъ, работники не могутъ ничего сдѣлать. Они въ этомъ отношеніи совершенно-беззащитны. Часто съ своей стороны они прибѣгаютъ къ заговору, къ коалиціямъ, надѣясь чрезъ это заставить фабрикантовъ повысить задѣльную плату, — предъявляютъ имъ свои требованія, по-большой-части справедливыя, и въ случаѣ отказа всѣ вмѣстѣ оставляютъ фабрики, на которыхъ работали. Къ-сожаленію, средство это весьма-недостаточно. Такія коалиціи между работниками почти никогда не достигаютъ своей цѣли; чаще же всего онѣ наносятъ вредъ самимъ заговорщикамъ, и вмѣютъ послѣдствіемъ не повышеніе, а напротивъ пониженіе заработной платы. Иначе и быть не можетъ, потому-что въ настоящее время, какъ мы уже видѣли, капиталъ несравненно-сильнѣе и могущественнѣе труда; слѣдовательно, въ борьбѣ между ними побѣда должна всегда оставаться на сторонѣ перваго. Съ другой сторо-

(*) Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. T. I. Trad. Garnier. p. 134.

ны, такіа коалиціи работниковъ сопровождаются обыкновенно насиліемъ, грабежомъ, разбоемъ, распутствомъ и вообще послѣдствіями въ высшей степени вредными и для общественной безопасности и для общественного благосостоянія. Такимъ-образомъ, средство это оказывается вмѣстѣ и неуспѣшнымъ и вреднымъ. И въ томъ и въ другомъ убѣждаетъ самымъ разительнымъ образомъ примѣръ Англіи, гдѣ подобныя коалиціи позволены самымъ закономъ и вошли въ число народныхъ обычаевъ. Въ другихъ частяхъ Еуропы, онѣ имѣютъ по-большой-части характеръ явленій мѣстныхъ и случайныхъ, — поражаются обстоятельствами и прекращаются весьма-скоро, не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Въ Англіи, напротивъ, онѣ образуютъ установленія не временныя, а постоянныя, имѣющія даже довольно-правильную организацію. Въ каждой отдѣльной отрасли промышленности между работниками существуетъ всегда болѣе или менѣе тѣсный союзъ (trade union), простирающій свое дѣйствіе на цѣлое королевство. Въ Англіи такихъ союзовъ весьма-много; есть, на-примѣръ, союзъ ткачей, союзъ прядильщиковъ, союзъ суконщиковъ, союзъ столяровъ, союзъ шляпочниковъ, союзъ портныхъ, и т. д. Эти ассоціаціи имѣютъ по-большой-части однообразное устройство; въ каждомъ городѣ и въ каждомъ дистриктѣ находится особая ложа, которой подчиняются мѣстные работники. Между этими ложами существуютъ непрерывныя сношенія: онѣ назначаютъ депутатовъ на центральные конгрессы. Конгрессы эти собираются въ извѣстныя времена для разсужденія объ общихъ интересахъ работниковъ, взимаютъ опредѣленные подати со всѣхъ членовъ союза и постановляютъ рѣшенія, имѣющія для всѣхъ ихъ обязательную силу.

Союзъ бумагопрядильщиковъ (spinner's union) сильнѣе и многочисленнѣе всѣхъ другихъ ассоціацій. Въ хлопчато-бумажной промышленности, бумагопрядильщики имѣютъ весьма-важное значеніе. Они составляютъ не болѣе десятой части всего числа работниковъ, употребляемаго на этихъ фабрикахъ, но тѣмъ не менѣе содѣйствіе ихъ такъ необходимо, что въ случаѣ, если они отказываются отъ работы, дѣйствіе фабрики немедленно прекращается. Въ заведеніи, состоящемъ изъ 400 работниковъ, прядильщиковъ бываетъ обыкновенно около сорока; но эти сорокъ человекъ, оставляя свои занятія, лишаютъ работы и всѣхъ остальныхъ. Получая за свой трудъ болѣе, нежели другіе работники, пресвоядая всѣхъ ихъ силой и искусствомъ, они, въ-слѣдствіе того, имѣютъ значительное вліяніе на своихъ товарищей и всегда увлекаютъ ихъ своимъ примѣромъ и совѣтами. Притомъ же, въ этой отрасли промышленности и самые фабриканты находятся въ весьма-невыгодномъ положеніи. Обыкновенно, если работники отказываются отъ работы, хозяинъ можетъ закрыть свою фабрику и терпѣливо выжидать лучшихъ обстоятельствъ; онъ въ этомъ случаѣ лишается только надежды на барышъ; настоящіа же его потери такъ незначительны, что не могутъ испугать его или привести въ затруднительное положеніе. Но содержатель бумагопрядильной фабрики долженъ всегда предварительно употребить огромный капиталъ на строенія, на

шины, на покупку матеріаловъ; и, въ-слѣдствіе того, онъ можетъ приостановить дѣйствіе своего заведенія по иначе, какъ подвергаясь значительнымъ убыткамъ. Если предположить, на-примѣръ, что имъ положенъ капиталъ въ два милліона рублей, что въ Англіи вовсе не составляетъ рѣкости, то въ случаѣ, если дѣйствіе фабрики приостановится, и капиталъ не будетъ приносить процентовъ, фабрикантъ будетъ терять каждую недѣлю, круглымъ числомъ, около четырехъ тысячъ рублей.

Англійскіе бумагопрядильщики употребили всевозможныя усилія воспользоваться выгодами своего положенія. Въ случаѣ столкновенія работника съ хозяиномъ, победа всегда остается на сторонѣ того изъ двухъ, который можетъ долѣе упорствовать въ принятомъ намъреніи и терпѣливѣе сносить пожертвованія и лишенія: работники поняли это и приняли самыя искусныя мѣры для того, чтобъ въ случаѣ войны упрочить за собой побѣду. Существова уже въ-продолженіе сорока лѣтъ, союзъ бумагопрядильщиковъ обнимаетъ собою Англію, Шотландію и Ирландію; онъ имѣетъ весьма-правильное и твердое устройство и располагаетъ огромными суммами. Работники слѣпо повируются своимъ начальникамъ, свято исполняютъ ихъ приказанія, дѣйствуя съ удивительнымъ единодушіемъ и съ необычайной твердостью. Они уже нѣсколько разъ вступали въ борьбу и оставляли своихъ хозяевъ; работа часто прерывалась мѣсяцевъ на шесть; капиталисты подвергались значительнымъ потерямъ, и, не смотря на эти потери, не смотря на силу и упорство работниковъ, перевѣсъ въ подобныхъ борьбахъ постоянно оставался на сторонѣ фабрикантовъ.

Возстанія работниковъ противъ хозяевъ совершаются въ извѣстныхъ временахъ и въ извѣстномъ порядкѣ. Работники готовятъ къ нимъ мало-по-малу, вычитая опредѣленную часть изъ получаемой ими платы и составляя такимъ-образомъ общій капиталъ. Когда комитетъ, управляющій дѣлами союза, находитъ обстоятельства благоприятствующими, онъ предъявляетъ фабрикантамъ требованіе объ увеличеніи заработной платы; если на требованіе это не соглашаются немедленно, онъ предписываетъ всемъ, участвующимъ въ союзѣ, отказаться отъ работы и оставить своихъ хозяевъ.

Первое значительное возстаніе работниковъ для возвышенія заработной платы было въ 1816 году; въ этомъ возстаніи приняли участіе все бумагопрядильщики Манчестера и его окрестностей; все они, по приказанію своихъ начальниковъ, покинули въ одно и то же время тѣ фабрики, къ которымъ принадлежали. Больше тридцати тысячъ работниковъ оставались безъ дѣла въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ; и еслибъ прошло еще нѣсколько дней въ бездѣйствіи, то шотландскіе бумагопрядильщики непременно послѣдовали бы примѣру манчестерскихъ. Общее прекращеніе работъ (strike) предписано было конгрессомъ, который собрался въ Манчестеръ, и на которомъ присутствовали депутаты отъ другихъ промышленныхъ городовъ. Надзоръ за работниками и управленіе ихъ дѣйствіями ввѣрены были одному изъ нихъ, человеку весьма-искусному, который пользовался большимъ ува-

женіемъ между своими товарищами и имѣлъ надъ ними почти-неограниченную власть. Работники, оставившіе фабрики, получали пособію какъ изъ общей кассы, такъ и отъ тѣхъ своихъ товарищей, которые продолжали работать у хозяевъ, согласившихся на ихъ требованіе. Ежедневно раздавалось этихъ пособій болѣе, чѣмъ на 1500 фунтовъ стерлинговъ, и каждый работникъ на свою долю получалъ около 12 шиллинговъ.

Требованія работниковъ, послужившія причиной и поводомъ этому разрыву, состояли въ томъ, чтобъ на фабрикахъ, находившихся въ окрестностяхъ Манчестера, задѣльная плата была та же самая, какъ и въ самомъ Манчестерѣ. Въ манчестерскихъ фабрикахъ платили тогда по сорока-пяти сантимовъ за выпрядку фунта бумаги, а въ городѣ за то же самое — только сорокъ сантимовъ. Тутъ было собственно мнимое, а не дѣйствительное неравенство, потому-что въ деревняхъ и квартира и средства пропитанія обходились гораздо-дешевле, чѣмъ въ городѣ. Работники были на этотъ разъ не совсѣмъ-справедливы въ своихъ притязаніяхъ, и послѣ долговременной борьбы принужденны были уступить. Капиталы ихъ мало-по-малу истощались; вся движимость ихъ была продана, всѣ пожитки заложены; не оставалось болѣе никакихъ средствъ для существованія и кончилось тѣмъ, что она снова вступили на фабрики, и многіе должны были согласиться на такую плату, которая была вдвое-ниже прежней.

Въ 1824 году, гайдскіе (Hyde) бумагопрядильщики, по внушенію своего начальства, потребовали возвышенія задѣльной платы и, получивъ отказъ, оставили фабрики. Въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль они оставались безъ занятія; на ихъ содержаніе союзъ истратилъ болѣе 15,000 фунтовъ стерлинговъ, и наконецъ они съ радостію согласились возвратиться къ своимъ хозяевамъ на прежнихъ условіяхъ. Въ 1829 году, случился снова разрывъ; десять тысячъ работниковъ и двадцать фабрикъ въ-продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ оставались безъ дѣйствія. Въ 1830 году, такой же участи подверглись 30,000 работниковъ и 55 фабрикъ въ городахъ Аштонъ и Сталейбриджъ. Въ 1836 году, въ Престонъ 8500 работниковъ обоюга пола и всякаго возраста оставались безъ дѣла въ-продолженіе четырехъ мѣсяцевъ. Эта послѣдняя борьба извѣстнѣе всѣхъ прочихъ, и подробности ея весьма-любопытны и поучительны (*).

Въ октябрѣ 1836 года, престонскіе бумагопрядильщики выработывали себѣ среднимъ числомъ около 22 шиллинговъ въ недѣлю (четыре рубля съ половиной въ день). Но въ другомъ, сосѣднемъ городѣ, въ Болтонѣ, работники получали въ недѣлю болѣе двадцати-шести шиллинговъ. Престонскіе прядильщики, возбужденные агентами союза, потребовали отъ фабрикантовъ точно такой же платы. Фабриканты не захотѣли исполнить этого требованія; и всѣ престонскія фабрики, числомъ до сорока-двухъ, остановились въ одно и то же время.

(*) Эти извѣстія о коалиціяхъ заимствованы нами изъ сочиненія г. Леона Фомэ: *Etudes sur l'Angleterre*, par Léon Faucher, 1843. Tome II, p. 245—268.

Въ первые дни послѣ этого разрыва, народъ былъ спокоенъ и не чувствовалъ, по-видимому, ни сожалѣнія, ни раскаянія. Но это равнодушіе продолжалось весьма-недолго. По прошествіи мѣсяца, улицы стали уже наполняться нищими; работники толпами начали приходить къ попечителю бѣдныхъ, и населеніе нищенскихъ пріютовъ стало быстро увеличиваться. Въ это время, прядильщики получали еженедѣльно отъ союза въ видѣ пособія по пяти шиллинговъ на человѣка; но ткачи и остальные работники, непринимавшіе участія въ коалиціи, жили единственно милостыней фабрикантовъ, которые еженедневно давали имъ по куску хлѣба. Въ половинѣ декабря, деньги, собранныя союзомъ, были уже все встрачены. Городской муниципальный советъ сжался надъ судьбой работниковъ и согласился оказать имъ вспомошествованіе; но назначенное имъ пособіе (100 фунтовъ стерлинговъ) было совершенно недостаточно. Очевидно было, что борьба приближалась къ концу. Фабриканты рѣшились открыть свои заведенія, и принимать работниковъ на прежнихъ условіяхъ; они требовали только отъ каждаго вновь-вступающаго, чтобъ онъ совершенно отказался отъ участія въ ассоціаціи. Въ первую недѣлю послѣ этого объявленія, на предложеніе фабрикантовъ отозвалось не болѣе сорока прядильщиковъ; во вторую недѣлю къ переметчикамъ присоединилось болѣе ста человѣкъ; въ то же время, нѣсколько работниковъ пришли въ Престонъ изъ сосѣднихъ городовъ. Мало-по-малу, все пришло въ прежній порядокъ и только главные предводители коалиціи, числомъ около двухъ-сотъ, замѣненные другими работниками, принуждены были оставить городъ.

Въ-продолженіе этого разрыва, было арестовано болѣе семидесяти человѣкъ за пьянство и за разные безпорядки; двѣнадцать человѣкъ приговорены были къ тюремному заключенію за насиліе и угрозы; двадцать молодыхъ дѣвушекъ перешли въ число публичныхъ женщинъ; два человѣка осуждены въ ссылку; трое умерли съ голода. Убиты работниковъ, если считать только потерянную ими плату, простирались до полутора милліона франковъ; хозяева потеряли около милліона. Изъ этого ясно, что наиболѣе потерь претерпѣли сами работники, что они пострадали отъ коалиціи болѣе, чѣмъ хозяева, и что, следовательно, для улучшенія своей участи, они не могутъ возлагать никакой надежды на коалиціи. Вся коалиціи между работниками въ Англіи привели къ тому же результату. Вездѣ они имѣли своимъ послѣдствіемъ изобрѣтеніе или введеніе какой-нибудь машины, уменьшавшей необходимость въ человѣческомъ трудѣ, или переселеніе изъ другихъ городовъ новыхъ работниковъ, что, естественно, вело къ усиленію конкуренціи и къ пониженію заработной платы.

Сверхъ-того, эти коалиціи, оказавшись совершенно-безполезными и безуспѣшными, оказались въ то же время и чрезвычайно-вредными для общественнаго порядка и безопасности. Вездѣ разрывы эти сопровождались самыми преступными крайностями: работники, непринимавшіе участія въ волненіи, подвергались оскорбленіямъ и побоямъ; часто даже сама жизнь ихъ была въ опасности. Фабриканты, сопротивлявшіеся требованіямъ работниковъ, навлекли на себя народную нена-

висть: для отмщенія имъ прибѣгали къ насилію: зажигали и грабили ихъ дома и заведенія. Если случалось, что возстаніе работниковъ сопровождалось кратковременнымъ успѣхомъ, если перевѣсъ оставался на ихъ сторонѣ, то они пользовались этимъ для совершенія поступковъ въ высшей степени безумныхъ и преступныхъ. Примѣромъ такого безумія и невѣжества могутъ служить дѣйствія союза суконщиковъ, въ Графствѣ Йоркскомъ, съ 1831 по 1835 годъ.

Союзъ этотъ, рѣшившійся дѣйствовать противъ фабрикантовъ, обратилъ сперва свои силы на одного изъ нихъ (г. Готта), которому принадлежала лучшая изъ суконныхъ фабрикъ, находившихся въ Лидсѣ. Владѣлецъ этой фабрики построилъ великолѣпное и огромное зданіе, наполнялъ его множествомъ машинъ и предназначилъ для производства тонкихъ суконъ. Все было готово, и уже хотѣли приступить къ дѣлу, какъ вдругъ ткачи, числомъ около двухъ-сотъ, не захотѣли работать, требуя себѣ прибавки платы. Г. Готтъ сопротивлялся въ-продолженіе нѣсколькихъ недѣль; но наконецъ, вида, что остальные фабриканты Лидса его не поддерживаютъ, рѣшился уступить. Работники, однакожь, ничего отъ этого не выиграли, потому-что только старая фабрика приведена была въ дѣйствіе; новая осталась безъ движенія. Фабрикантъ, въ этомъ случаѣ, отмстилъ работникамъ за возвышеніе задѣльной платы уменьшеніемъ количества работы.

Ободренный этимъ сомнительнымъ успѣхомъ, союзъ составилъ тарифъ, гдѣ опредѣлилъ количество платы за пряжу и за тканье, начпталъ тарифъ этотъ въ журналахъ и послалъ печатные его экземпляры къ фабрикантамъ, требуя, чтобъ они подчинились его предписаніямъ. Посредствомъ этого тарифа, работники хотѣли не только возвысить, но и уравнять таксу задѣльныхъ платъ, хотѣли доставить ремесленникамъ посредствомъ и неискуснымъ тѣ же выгоды, какими пользовались ремесленники опытные и смышленные. Такое намѣреніе вело къ диспроверженію естественнаго порядка вещей и основывалось на самомъ грубомъ и несправедливомъ насиліи. Согласиться на это значило уничтожить всякое соревнованіе и остановить успѣхи производительности. Фабриканты, желая избавиться отъ невыгодныхъ предписаній тарифа, значительную часть своей шерсти стали отдавать для пряжи работникамъ, разсыпаннымъ по деревнямъ. Тогда между хозяевами и рабочими началась борьба, состоявшая во взаимныхъ хитростяхъ и обманахъ. Союзъ предписалъ фабрикантамъ прядь и ткать свою шерсть не иначе, какъ въ Лидсѣ. Тогда фабриканты уменьшили количество работы почти втрое. Нѣсколько времени спустя, работники составили новый тарифъ, гдѣ количество заработной платы опредѣлялось уже не по количеству труда, а по числу дней, такъ-что всякій работникъ, какъ дѣятельный, такъ и лѣнливый, долженъ былъ получать въ недѣлю 20 шиллинговъ. Одинъ фабрикантъ, замѣтивъ по своимъ счетамъ, что въ-слѣдствіе такого устройства работники стали производить гораздо-менѣе прежняго, донесъ объ этомъ ихъ начальству, которое, въ отвѣтъ на это, запретило ему вести всякіе счеты!

Во Франціи, коалиція между работниками запрещена закономъ,

потому онъ не такъ часты и не такъ обыкновенны, какъ въ Англіи. Въ іюнѣ 1845 года, всеобщее вниманіе возбуждено было коалиціей между парижскими плотниками (*ouvriers-charpentiers*), которые потребовали отъ своихъ хозяевъ возвышенія задѣльной платы. Хозяева не захотѣли исполнять этого требованія, — и работы вдругъ прекратилась какъ въ Парижѣ, такъ и во всемъ Сенскомъ-Департаментѣ. Борьба продолжалась болѣе пяти мѣсяцевъ и кончилась точно такъ же, какъ кончаются обыкновенно подобныя борьбы въ Англіи. Плотники принуждены были отказаться отъ своихъ требованій, и, сверхъ того, главные зачинщики коалиціи за нарушение закона и за разные насильственные поступки приговорены были къ тюремному заключенію.

Приведенные примѣры, кажется, ясно показываютъ, что коалиціи безполезны, и что во всякомъ случаѣ средство это, предлагаемое нѣкоторыми экономистами, оказывается совершенно-недостаточнымъ для противодействія конкуренціи, существующей между капиталистами, и побуждающей ихъ къ постепенному пониженію задѣльной платы.

Но рабочіе классы страдаютъ всего болѣе отъ конкуренціи труда, которая принадлежитъ также къ числу необходимыхъ послѣдствій свободной промышленности. Работники находятся между собой въ постоянной борьбѣ точно такъ же, какъ и капиталисты, съ тѣмъ только различіемъ, что одни спорятъ между собой объ увеличеніи числа своихъ милліоновъ, а другіе заботятся единственно о томъ, чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба и спастись отъ голодной смерти. Въ этой борьбѣ все страдаютъ болѣе или менѣе: одни погибаютъ совершенно, другіе оставляютъ за собой поле сраженія; но ни одинъ не выходитъ изъ борьбы цѣль и невредимъ, и участь побѣдителей немногимъ завиднѣе участи побѣжденныхъ. Множество рабочихъ рукъ остается безъ употребленія, потому-что ихъ въ настоящую минуту слишкомъ-много въ сравненіи съ количествомъ капиталовъ. Какъ ни быстро развивается производительность, но народонаселеніе развивается еще быстрѣе; въ развитіи своемъ оно всегда стремится къ чрезмѣрному размноженію, и только одна смерть можетъ приводить его въ соразмѣрность съ средствами пропитанія. При этомъ неравенствѣ между предложеніемъ и требованіемъ труда, работникъ, чтобъ спастись отъ бѣды, чтобъ не уступить соперникамъ поля битвы, готовъ работать за самую малую цѣну, готовъ всегда согласиться на предлагаемыя ему условія, какъ бы они ни были для него тягостны и невыгодны. Изъ многихъ соперниковъ, на фабрику принимается тотъ, кто требуетъ мѣншаго вознагражденія за свой трудъ; а такъ-какъ искателей весьма-много, то естественно, что заработная плата должна понижаться все болѣе и болѣе, такъ-что она должна наконецъ дойти и дѣйствительно доходить до того предѣла, за которымъ уже остается умирать съ голода.

Свобода труда, принципъ благотворный и плодотворный, является при этомъ въ высшей степени губительною и вредною. Каждому предоставлено право выбирать по произволу предметъ и мѣсто своихъ занятій. Не для того, чтобъ сдѣлать надлежащій и выгодный выборъ, надо имѣть много опытности, много предусмотрительности, много позна-

ній. По-большой-части, работникамъ не достаетъ этой предусмотрительности и этой догадливости. Одни часто бросаются въ такіа отрасли промышленности, въ которыхъ и безъ того уже есть излишнее число рукъ. Другіе поселяются въ такихъ мѣстахъ, гдѣ предложеніе и безъ того уже превышаетъ требованіе. Третьи, наконецъ, выбираютъ себя такіа занятія, къ которымъ они не способны, для которыхъ имъ не достаетъ надлежащихъ условій. Они бросаются на авось туда и сюда; и многіе, разумеется, или вовсе остаются безъ дѣла, или, если и находятъ себя работу, то за такую ничтожную плату, что жизнь ихъ превращается въ рядъ непрерывныхъ страданій и лишеній. Въ этомъ отношеніи, всего болѣе вреда приносить значительное скопленіе работниковъ на одномъ пунктѣ: оно поставляетъ ихъ въ совершенную зависимость отъ фабрикантовъ и даетъ послѣднимъ полную возможность понижать до нѣльзя задѣльную плату. Къ-несчастью, эти скопища работниковъ, столь невыгодныя для ихъ благосостоянія, сдѣлались нынче явленіемъ постояннымъ, существенно-связаннымъ съ самыми способами производства. Нынче мануфактурная промышленность сосредоточивается на немногихъ пунктахъ, преимущественно въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ. Какъ-будто привлекаемые какой-то волшебной, неотразимой силой, работники отсюду стекаются въ эти центры производительности, въ надеждѣ найти тамъ для себя работу и вмѣстѣ съ ней достатокъ и довольство. Само-собой разумеется, что они ошибаются въ своихъ предположеніяхъ, и что, вмѣсто ожидаемаго довольства, имъ по-большой-части достаются въ удѣлъ нищета и страданія!

Усиленію конкуренціи между работниками способствуютъ значительнымъ образомъ тѣ усовершенствованные способы производства, которые введены нынче во многія отрасли промышленности. Раздѣленіе труда и изобрѣтеніе машинъ — эти важныя и необходимыя условія для развитія производительности, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей имѣютъ весьма-вредное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, куда не проникли еще эти усовершенствованія, работники искусные, опытные и сильные не боятся соперниковъ, съ успехомъ выдерживаютъ борьбу, и никогда не нуждаются въ работѣ. Хозяева дорожатъ ими, предпочитаютъ ихъ всемъ другимъ, принимаютъ къ себѣ на весьма-выгодныхъ условіяхъ и почти-всегда даютъ имъ за трудъ значительное вознагражденіе. Работники безсильные и неискусные не смѣютъ вступать съ ними въ соперничество, зная, что перевѣсъ всегда останется на сторонѣ искусства и способностей. Совершенно-противное видимъ мы на тѣхъ фабрикахъ, гдѣ введены и раздѣленіе труда и усовершенствованные способы производства. Но фабрики этого рода въ настоящее время многочисленнѣе всѣхъ другихъ, и занимаютъ наибольшее число работниковъ. Онѣ состоятъ преимущественно изъ людей неспособныхъ, неискусныхъ, слабыхъ, всего чаще изъ женщинъ и дѣтей; работники же знающіе и смысленные мало цѣнятся фабрикантами и рѣдко находятъ для себя занятіе. Это происходитъ отъ-того, что, при нынѣшнихъ способахъ производства, отъ работниковъ по-большой-части не спрашивается ни искусство, ни умъ, а требуется единствен-

во терпаніе, навѣкъ и, въ извѣстныхъ только случаяхъ, физическая сила. Успѣхи механики значительнымъ-образомъ упростили трудъ; то, что дѣлалось прежде человекомъ, дѣлается теперь машиной; человеку остается только приводить эту машину въ дѣйствіе, а для исполненія этой обязанности вовсе не нужно, чтобъ работникъ имѣлъ какія-либо способности или таланты. Чрезмѣрное раздѣленіе работъ также облегчаетъ трудъ, уменьшаетъ необходимость въ умнѣ, въ опытности и даже въ силѣ, и уподобляетъ человека простой машинѣ, которая постоянно и безостановочно совершаетъ извѣстные движенія. На тѣхъ фабрикахъ, гдѣ принципъ раздѣленія труда является вполне-осуществленнымъ, работникъ участвуетъ въ производствѣ только физическими своими силами; вся его обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ производить мускулами въ извѣстное время извѣстное число движеній. Само-собой разумеется, что чѣмъ легче и матеріальнѣе становится трудъ, чѣмъ меньше онъ требуетъ приготовленія и искусства, тѣмъ меньше онъ и цѣнится, тѣмъ меньше доставляетъ вознагражденія. Понятно, что раздѣленіе работъ и изобрѣтеніе машинъ, уменьшая значеніе труда, должны необходимо вести къ пониженію заработной платы; но они приводятъ къ тому же результату и другимъ путемъ: они усиливаютъ и питаютъ между работниками пагубную конкуренцію, предметъ которой составляютъ занятія не трудныя, не требующія никакого предварительнаго подготовленія. Для того, чтобъ быть работникомъ, не требуется почти никакихъ условій; а потому каждый можетъ вступить на это воприще, каждый можетъ надѣяться на успѣхъ. Даже самыя слабыя существа, женщины и дѣти, признаются способными къ работѣ на фабрикахъ; онѣ также присоединяются къ людямъ, отъяснивающимъ занятія, и часто даже предпочлагаются имъ, потому-что довольствуются меньшей платой. Между многими искателями, фабрикантъ отдаетъ предпочтеніе не искуснѣйшему и не способнѣйшему, а тому, чья потребности ограниченнѣе, чья требованія скромнѣе. Притомъ же, распространеніе машинъ всегда уменьшаетъ самое число работниковъ, нужныхъ для дѣйствія фабрики, такъ-что къ голодной толпѣ искателей присоединяются еще всѣ тѣ, которые, благодаря успѣхамъ науки, лишились своего занятія и средствъ къ существованію. Однимъ словомъ, чѣмъ болѣе совершенствуются способы производства, тѣмъ сильнѣе увеличивается предложеніе труда, и тѣмъ значительнѣе понижается задѣльная плата. Всего разительнѣе подтверждается это примѣромъ хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, на которыхъ способы производства доведены до высшей степени совершенства. Исторія постепеннаго развитія этой промышленности есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія постепеннаго развитія нищеты между принадлежащими къ ней работниками. Послѣ каждаго новаго усовершенствованія въ способахъ пражки или тканья хлопчатой бумаги, рабочіе классы спускались все въ ниже. Исчисленія одного англійскаго экономиста (*) показали, что съ 1814 по 1832 годъ количество заработной платы на англійскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ уменьшилось почти въ двѣнадцать разъ,

(*) John Marshall. Revue Britannique. Juin 1833.

не смотря на то, что требованіе на трудъ постоянно возрастало въ этой отрасли промышленности.

Такимъ-образомъ, постепенное уменьшеніе въ количествѣ задѣльной платы, при нынѣшнемъ порядкѣ вещей, неразлучно сопряжено съ усовершенствованіемъ и развитіемъ производительности. Не надо думать, однако, чтобъ развитіе производительности само въ себя было вредно для рабочихъ классовъ; не надо возставать противъ успѣховъ мануфактурной промышленности, противъ усовершенствованія способовъ производства, какъ дѣлають это нѣкоторые критики современнаго экономическаго устройства, неумяючи отличать видимыхъ и случайныхъ причинъ нищеты отъ причинъ дѣйствительныхъ и существенныхъ. Изъ того, что два явленія сопутствуютъ другъ другу, нельзя еще заключать, чтобъ между этими явленіями существовала естественная и неразрывная связь, чтобъ они находились между собой въ такомъ же отношеніи, какое существуетъ между причинной и ея необходимымъ, безусловнымъ слѣдствіемъ. Знаменитый софизмъ: *cum hoc, ergo propter hoc*, не рѣдко вводилъ экономистовъ въ заблужденіе. Въ приложеніи къ благотворительности, къ успѣхамъ промышленности, къ машинамъ, къ способамъ производства, это ложное начало породило множество важныхъ ошибокъ и несправедливыхъ воззрѣній. Для рабочихъ классовъ не могутъ быть вредными ни развитіе промышленности, ни всѣ тѣ явленія, которыя составляютъ необходимое условіе для ея успѣховъ. Для нихъ вредны только тѣ законы и учрежденія, посредствомъ которыхъ народное богатство, вмѣсто того, чтобъ распространяться въ одинаковой мѣрѣ на всѣ классы общества, сосредоточивается въ рукахъ немногихъ избранныхъ, въ рукахъ людей, властвующихъ капиталами. При томъ неравенствѣ, которое существуетъ нынѣ между производительными силами, не мудрено, что успѣхи промышленности приносятъ мало пользы рабочимъ классамъ; не мудрено, что тѣ установленія, которыми обуславливаются эти успѣхи, дѣйствуютъ на судьбу работниковъ неблагопріятнымъ образомъ. Но если въ настоящее время установленія эти и содѣйствуютъ увеличенію нищеты, то не надо забывать, что такое содѣйствіе не необходимо и не существенно, но случайно и условно. И если бы то условіе, отъ котораго зависитъ это содѣйствіе, было уничтожено, если бы между капиталомъ и трудомъ не было разрыва, если бы между ними существовало полное единство интересовъ, то въ нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ мы не находили бы тѣхъ противорѣчій, которыя теперь встрѣчаются на каждомъ шагѣ. Но успѣхамъ промышленности ни въ какомъ случаѣ не должно приписывать вѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ. Остановить эти успѣхи было бы и невозможно и безразсудно. Положить преграды постоянному усиленію производительности, значило бы только увеличить число бѣдныхъ, которое было бы менѣе разительное, потому что недостаточность сдѣлалась бы тогда удѣломъ большинства. Современная наука понимаетъ, что богатство, будучи отрицаніемъ бѣдности, не можетъ быть ея причиной; она понимаетъ, что для уничтоженія бѣдности постоянное, дѣятельное и безостановочное развитіе промышленно-

сти столь же необходимо, сколь необходимо преобразование въ устройствѣ хозяйственныхъ отношеній. Политическая экономія въ настоящее время не опасается чрезмѣрнаго усиленія производительности: она не боится, чтобъ производство могло перевысить требованія; она знаетъ, что какъ ни сильно развилась промышленность въ теченіе нынѣшняго столѣтія, однакожь она далеко еще не достигла того предѣла, котораго должна достигнуть рано или поздно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія и Франція принадлежать къ числу самыхъ богатыхъ государствъ, а между-тѣмъ, ихъ богатства, даже при болѣе-справедливомъ ихъ распредѣленіи, не могли бы уничтожить бѣдности; если бы богатства эти раздѣлены были поровну между всеми гражданами, то на долю каждаго пришлось бы въ Англіи не болѣе 800, во Франціи не болѣе 230 франковъ годоваго дохода. Изъ этого расчета ясно видно, что, для уничтоженія бѣдности, одного улучшенія въ распредѣленіи богатствъ не достаточно, что необходимо также стараться объ усиленіи производительности, и что только совокупнымъ дѣйствіемъ обонхъ этихъ условій экономическаго прогресса могутъ быть исцѣлены язвы общественнаго организма.

Несправедливы, конечно, тѣ, которые причину бѣдности находятъ въ развитіи промышленности, и, однакожь, нельзя не сознаться, что при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ европейскихъ обществъ, чѣмъ болѣе умножается богатство, чѣмъ дѣятельнѣе является производительность, тѣмъ незначительнѣе и ничтожнѣе становится участіе рабочихъ классовъ въ распредѣленіи производимыхъ богатствъ. Въ-слѣдствіе неограниченной конкуренціи между производителями и въ-слѣдствіе усовершенствованія способовъ производства, предложеніе труда все болѣе и болѣе усиливается, и усиливается гораздо-быстрѣе, нежели требованіе на трудъ. Но трудъ въ настоящее время — не что-иное, какъ товаръ, цѣна котораго опредѣляется отношеніемъ, существующимъ между предложеніемъ и требованіемъ; а потому весьма-понятно, что вѣзвѣсть съ увеличеніемъ предложенія, цѣна человеческой дѣятельности, какъ и всякаго другаго товара, должна упасть, и задѣльная плата должна спускаться ниже и ниже. Политическая экономія, доказывая, что задѣльная плата находится въ прямой пропорціи съ требованіемъ на трудъ и въ обратной съ его предложеніемъ, выражаетъ дѣйствительно тотъ законъ, по которому совершаются нынѣ экономическія явленія. Но политическая экономія принимаетъ ложное и даже вредное направленіе, когда свалится оправдать этотъ законъ, доказать его разумность и необходимость. Трудъ и дѣятельность человека не могутъ быть поставлены на ряду съ товаромъ. При повышеніи или пониженіи цѣны товара, идетъ дѣло только о барышѣ или убыткѣ для цѣнца; но вопросъ о задѣльной платѣ есть вопросъ о спасеніи или погребеніи рабочихъ классовъ, — вопросъ, съ разрѣшеніемъ котораго тѣсно связаны и жизнь и здоровье и нравственность нѣсколькихъ милліоновъ людей. Позабыть объ этомъ, уподобить трудъ товару, — значитъ смотреть на человека, какъ на машину, какъ на вещь безчувственную, лишнюю никакихъ правъ. Экономисты для оправданія своей

теоріи говорятъ, что количество заработной платы определяется по договору между фабрикантомъ и работникомъ, по договору законномъ свободному и потому самому не дающему права ни одной изъ сторон жаловаться на его послѣдствія. Но и это совершенно-несправедливое Необходимое условіе для всякаго договора — свободная воля лицъ вступающихъ въ обязательство; а свободно-заключеннымъ можно и звать договоръ только тогда, когда каждая изъ сторонъ можетъ совершенно-произвольно и ничѣмъ не стѣсняясь согласиться на условія контракта или отвергнуть ихъ, вступать въ обязательство, или отказать отъ него. Между рабочими и капиталистами не существуетъ такою полнымъ равенства. Трудъ человека, повторяемъ опять, не товаръ, пріобрѣтеніе и покупка котораго совершенно зависятъ отъ воли продавца и покупателя. Если покупатель труда не хочетъ взять этого мнимаго товара по причинѣ дороговизны, онъ рискуетъ только тѣмъ, что и питаль его въ-продолженіе нѣсколькихъ дней будетъ оставаться безъ движенія, не будетъ приносить ему процентовъ; тѣмъ не менѣе, однакожъ, капиталъ этотъ останется цѣль и невредимъ въ его рукахъ. Работникъ находится въ совершенно-другомъ положеніи: въ большаго части случаевъ, если трудъ не продается за какую бы то ни было цѣну, работнику предстоитъ сначала нищета, а потомъ и голодъ и смерть. Можно ли сказать послѣ этого, что отъ самого работника зависитъ вступать или не вступать въ контрактъ съ капиталистомъ? Ясно, что сама необходимость заставляетъ его соглашаться на предлагаемыя условія, какъ бы ни были они для него невыгодны и обременительны.

Какъ-будто для того, чтобы нѣсколько смягчить строгость и безжалостность своей формулы, экономисты придумали новую теорію. Представителемъ англійской, такъ-называемой положительной школы, называютъ естественную цѣну труда отъ его цѣны действительной (рыночной, *prix du marché, prix courant*). Цѣна естественная постоянна; она определяется потребностями самихъ работниковъ; цѣна действительная измѣняется безпрестанно, и зависитъ отъ того отношенія, которое существуетъ между спросомъ труда и его предложеніемъ. Действительная цѣна, говорятъ англійскіе экономисты, можетъ различествовать отъ естественной, можетъ быть ниже или выше ея, но тѣмъ не менѣе постоянно силится приблизиться къ ней, и на самомъ дѣлѣ сливается съ нею въ большаго части случаевъ. Прежде полагали даже, что цѣна за трудъ определяется постоянно потребностями работниковъ. Но это несправедливо и ежедневно опровергается действительностью. Раздольно-вырѣе было бы принять противоположное начало. Не только дѣльная плата не соразмѣряется съ потребностями, но напротивъ, потребности измѣняются и уменьшаются вмѣстѣ съ измѣненіемъ и уменьшеніемъ платы. Пониженіе платы заставляетъ человека ограничивать свои нужды, измѣнять свой образъ жизни и отказываться даже отъ того, что обыкновенно признается необходимымъ. Ирландцы лучше всего показываютъ, до какой степени человекъ можетъ ограничивать своимъ своимъ потребностей: у нихъ теперь нѣтъ другой пищи, кромѣ картофеля.

вѣра, самаго дурнаго и самаго нездороваго сорта картофеля; нѣтъ другой одежды, кромѣ рубашекъ и лохмотьевъ, другаго жилища, кромѣ погребовъ, чердаковъ и самыхъ отвратительныхъ мазавокъ. Можно ли думать, что этимъ дѣйствительно ограничиваются ихъ нужды, что они не имеютъ никакихъ другихъ потребностей? Можно ли смотрѣть на этотъ образъ жизни, какъ на состояніе нормальное, естественное, вполне сообразное съ требованіями и достоинствомъ человеческой природы?

Если мы бросимъ бѣглый взглядъ на количество задѣльной платы, получаемой нынѣ на различныхъ фабрикахъ, то увидимъ, что плата эта во многихъ городахъ и во многихъ отрасляхъ промышленности дошла до самаго крайняго предѣла, такъ-что перестала доставлять рабочимъ средства, достаточныя для существованія. Въ этомъ легко убедиться изъ статистическихъ изслѣдованій, произведенныхъ въ Англіи и во Франціи. Въ Англіи безпрестанно назначаются парламентскія коммиссіи для приведенія въ извѣстность состоянія мануфактурной промышленности и положенія рабочихъ классовъ. Во Франціи подобныя изслѣдованія произведены были въ 1832 и 1834 годахъ. Какъ результаты этихъ изслѣдованій, такъ и свидѣнія, собранныя частными людьми, представляютъ весьма-обильные матеріалы для разрѣшенія важнаго вопроса о задѣльной платѣ. Множество любознательныхъ и въ высшей степени многознаменательныхъ фактовъ найдено нынѣ у двухъ писателей, ревностно изучавшихъ проявленія пауперизма во Франціи — у доктора Виллермэ и виконта Вильнёв-Баржмона. Особенно важны труды Виллермэ, который, по порученію Парижской Академіи Присутственныхъ и Политическихъ Наукъ, занялся тщательнымъ изслѣдованіемъ состоянія работниковъ въ трехъ главныхъ отрасляхъ промышленности, въ хлопчатобумажной, шерстяной и шелковой. Въ своемъ сочиненіи онъ старался доказать, что судьба рабочихъ классовъ улучшается съ каждымъ днемъ, и что положеніе ихъ вовсе не такъ ужасно, какъ полагаютъ обыкновенно. Между-тѣмъ, не смотря на свои обещанія, онъ безпрестанно приводитъ такіе факты, которые прямо опровергаютъ его цѣли и направленію. Это обстоятельство придаетъ еще болѣе важности его сочиненію: когда писатель приводитъ свидѣтельства, опровергающія его собственныя воззрѣнія, то въ достоверности этихъ свидѣтельствъ не можетъ уже настать никакого сомнѣнія.

Можно было бы доказать безчисленнымъ множествомъ примѣровъ, что въ большей части случаевъ задѣльная плата не можетъ доставить рабочему средствъ для удовлетворенія самымъ необходимымъ его потребностямъ. Приведемъ здѣсь нѣсколько фактовъ для того, чтобъ не утомлять читателя утомительными и однообразными подробностями.

Изчисленіямъ Вильнёв-Баржмона въ Лионѣ, содержаніе работника и его семейства не можетъ обойтись дешевле 1050 франковъ въ годъ; значитъ, если предположить, что не только самъ глава семейства, но и жена его и дѣти работаютъ на фабрикахъ, то и въ этомъ случаѣ они не могутъ выработать болѣе 2 франковъ и 88 сантимовъ въ день,

т. е. болѣе 864 франковъ въ годъ (*). Вычисленія Виллермэ не совсемъ-сходны съ вычисленіями Вильнѣв-Баржмона. По мнѣнію Виллермэ, семейство, состоящее изъ отца, матери и ребенка 8 — 12 лѣтъ, и имѣющее постоянныя занятія, непрерываемыя ни болѣзнями, ни прекращеніемъ работъ, можетъ выработать себя въ годъ слѣдующую сумму:

Отецъ.	450	франковъ.
Мать	300	—
Ребенокъ.	165	—
<hr/>		
Всего.	915	франковъ.

Если теперь семейство это живетъ въ одной маленькой комнаткѣ, или на чердакѣ, или въ погребѣ, то квартира обходится ему въ годъ въ 40 — 80 франковъ; слѣдовательно, среднимъ числомъ въ 60 франковъ. Для прокормленія нужно:

Отцу по 14 су въ день.	255	франк.
Матери по 12.	219	—
Ребенку по 9	164	—
<hr/>		
Всего.	638	франк.

Но такъ-какъ по-большой-части въ каждомъ семействѣ есть еще несколько мнѣолатнихъ и неработающихъ дѣтей, то на прокормленіе ихъ къ этой суммѣ надо прибавить еще по-крайней-мѣрѣ сто франковъ. Слѣдовательно, квартира и пища стоютъ 798 фр.; а на бѣлье, на платье, на отопленіе, на освѣщеніе, на мѣбель и на орудія остается всего 117 фр., — сумма, очевидно, весьма-недостаточная для покрытія всѣхъ этихъ расходовъ (**). Такимъ-образомъ, недостаточность является постояннымъ удѣломъ даже тѣхъ семействъ, которыя занаты постоянно. Точно въ такомъ же положеніи находятся работники и во всѣхъ другихъ большихъ городахъ Франціи, Руанъ, Лионъ, Мюльгаузенъ. Изъ этого правила могутъ быть исключены только тѣ ремесла, которыя требуютъ долговременнаго приготовительнаго изученія, извѣстной степени силы, значительнаго навыка, или особеннаго искусства, какъ, напр., обработываніе металловъ, ремесло стекольщиковъ, ремесло плотниковъ и т. д.

Плотники вообще принадлежатъ къ числу тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ наибольшее вознагражденіе за свой трудъ. Между-тѣмъ, прошлогодня ихъ коалиція показала, что и ихъ участь не такъ завидна, какъ кажется съ перваго взгляда. По-видимому, требованія парижскихъ плотниковъ были весьма-неосновательны; они получали въ день по четыре франка, и, не довольствуясь этой, кажется, довольно-значительной платой, требовали отъ своихъ хозяевъ прибавки еще одного

(*) *Economie Politique Chrétienne*, par M. le vicomte de Villeneuve-Bargemont. Premier volume, chapitre IX.

(**) *Tableau de l'état physique et moral des ouvriers*, par le docteur Villermé. Tome I, p. 100.

франк. Въ другихъ мѣстахъ Франціи плотники получаютъ дѣйствительно около пяти франковъ, а иногда и болѣе. Но если познакомиться ближе съ ихъ положеніемъ, то нельзя не сознаться, что цифры эти не могутъ служить доказательствомъ ихъ благосостоянія. Вотъ бюджетъ этого класса работниковъ въ Парижѣ, въ 1845 году:

Годовыя издержки:

Квартира по 6 франковъ въ мѣсяцъ . . .	72 фр.
Три пары башмаковъ по 8 франковъ . . .	24 —
Трое панталонъ по 10 франковъ	30 —
Шесть рубашекъ по 5 франковъ	30 —
Куртка и жилетъ	40 —
Два пары помочей по 4 франка	8 —
Четыре галстука по 2 франка	8 —
12 паръ онучъ по 1 франку	12 —
Фуражка или шляпа	12 —
Четыре носовыя платка по 1 франку	4 —
Мытье бѣлья и освѣщеніе комнаты	36 —
Разныя издержки	48 —
	<hr/>
Всего	324 фр.

Ежедневныя издержки на пропитаніе:

Утромъ, до начала работъ, хлѣба на 5 сантимовъ и вина на 10; вмѣстѣ	15 сент.
За завтракъ, состоящій обыкновенно изъ супа и куска говядины, на	35 —
изъ хлѣба на	15 —
и изъ вина на	20 —
Въ 2 часа, хлѣба на	10 —
сыра или плодовъ на	20 —
вина на	10 —
Вечеромъ, супа на	20 —
говядины на	30 —
хлѣба на	10 —
вина на	10 —
	<hr/>
Всего	1 фр. 95 сент.
Въ годъ	701 фр. 75 сент.

Слѣдовательно, расходъ на прокормленіе
простирается въ годъ до 701 фр. 75 сент.

Расходъ на квартиру, платье и преч. 324

Всего 1025 фр. 75 сент.

Что касается до доходовъ, то хорошій плотникъ бываетъ занятъ обыкновенно въ-продолженіе девяти мѣсяцевъ или 270 дней; за каждый день онъ получаетъ 4 франка; слѣдовательно, всего въ годъ 1080 франковъ; къ концу года онъ можетъ сберечь 54 фр. 25 сент. Но изъ числа этихъ 270 рабочихъ дней надо вычесть тѣ дни, когда работы прерываются или въ-слѣдствіе дурной погоды, или по причинѣ нездоровья плотника. Надо еще замѣтить, что изъ девяти мѣсяцевъ только

въ-продолженіе семи работникъ получаетъ въ день по четыре франка; въ остальное же время онъ не выработываетъ болѣе трехъ франковъ и двадцати сантимовъ. Притомъ же, рассчитывая его расходы, мы предполагали, что у него нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Если же примемъ въ соображеніе эти обстоятельства, то увидимъ, что въ бюджетъ его всегда долженъ оказаться дефицитъ болѣе или менѣе значительный, и что, следовательно, притязанія его на возвышеніе платы вовсе не такъ несправедливы, какъ казалось съ перваго взгляда. Но тѣмъ не менѣе должно созваться, что положеніе плотниковъ несравненно-завиднѣе положенія остальныхъ рабочихъ. Плотники по-крайней-мѣрѣ пользуются известнымъ достаткомъ; они позволяютъ себѣ даже неумѣстную и излишнюю, по словамъ нѣкоторыхъ, роскошь: пьютъ вино, которое имъ необходимо для подкрѣпленія силъ; не ходятъ въ лохмотьяхъ, а одѣваются прилично; не питаются однимъ картофелемъ, а употребляютъ даже говядину. Другіе работники вовсе незнакомы съ такими прехотами: они живутъ по-большой-части въ погребахъ, на чердакахъ и вообще въ квартирахъ темныхъ, грязныхъ и въ высшей степени вредныхъ для здоровья. Они носятъ лохмотья, ходятъ босые, пьютъ одну воду, питаются по-большой-части хлѣбомъ и картофелемъ, часто даже однимъ картофелемъ, какъ, напр., ткачи, которые ѣдятъ мясо и пьютъ вино только два раза въ мѣсяцъ. Статистическія изслѣдованія обнаружилъ, что потребленіе мяса значительно уменьшается какъ въ Парижѣ, такъ и во всей Франціи. Это—фактъ весьма-замѣчательный; онъ показываетъ, что положеніе рабочихъ классовъ, по-крайней-мѣрѣ по отношенію къ ихъ пищѣ, вовсе не улучшается. Въ 1830 году, Франція потребила около 394 милліоновъ килограммовъ мяса, что составляло около 12 килограммовъ на человека. Въ 1840 году, потребленіе не простиралось выше 370 милліоновъ килограммовъ; другими словами, на каждого человека приходилось, если обратить вниманіе на умноженіе народонаселенія, не болѣе 11 килогр. Такимъ-образомъ, въ-продолженіе десяти лѣтъ годовое потребленіе цѣлой страны уменьшилось 24 милліонами килограммовъ, а поголовное понизилось 11 процентами на 100.

Но вычисленія, сдѣланныя по этому предмету въ Парижѣ, обнаруживаютъ еще болѣе замѣчательный результатъ. Въ 1789 году, до революціи, парижское населеніе, состоявшее тогда изъ 600,000 человекъ, потребляло около 52 милліоновъ килограммовъ мяса; въ 1839 году, населеніе Парижа состояло уже изъ 900,000 человекъ, а потребляло не болѣе 59 милліоновъ. Изъ этого видно, что въ 1789 году каждый житель Парижа потреблялъ въ годъ среднимъ числомъ около 74 килогр. мясной пищи; въ 1839 году уже не болѣе 48. Этому значительному уменьшенію въ количествѣ мяса соответствуетъ не менѣе значительное возвышеніе цѣны его. Полукилограммъ говядины высшаго сорта стоить лѣтъ двадцать назадъ, отъ 35 до 40 сантимовъ; нынѣ онъ не обходится дешевле 50 сантимовъ. Нынѣ цѣна ежедневнаго количества говядины, нужнаго для одного семейства, равняется ежедневному количеству задѣльной платы, получаемой въ Парижѣ хорошей работницей. Такимъ-образомъ, если семейство состоитъ изъ мужа, жены и нѣсколь-

мать детей, то жена, для того, чтобъ достать небольшое количество мяса и небольшой кусокъ говядины, должна употребить на это все, что она успиваетъ выработать въ день. Важное значеніе этого неуспешнаго явленія не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Физическія силы народа зависятъ отъ количества употребляемаго имъ мяса. Особенную важность имѣетъ это обстоятельство по отношенію къ промышленности. Многочисленные наблюденія показали, что работники могутъ производить болѣе или менѣе, смотря по тому количеству мяса, которое они употребляютъ. Превосходство англійскихъ работниковъ надъ французскими основывается преимущественно на томъ, что первые едятъ болѣе мяса, нежели вторые. Опыты, сдѣланные во Франціи, также подтверждаютъ этого замѣчательный результатъ. Въ ріомскомъ парительномъ домѣ, гдѣ заключенные занимаются полированіемъ зеркалъ, введено, нѣсколько лѣтъ назадъ, употребленіе говядины; заключенные, въ-слѣдствіе этого, стали работать гораздо-болѣе прежняго. Другой примѣръ еще убѣдительнѣе. Лѣтъ за двадцать, англійскіе фабриканты основали въ Шраутонъ желѣзоплавильный заводъ, на которомъ были какъ англійскіе, такъ и французскіе работники. Первые производили постоянно гораздо-болѣе, нежели вторые, и хвастались своимъ превосходствомъ. Фабриканты принесли это различіе пищи и признали мѣру для того, чтобъ какъ Англичане, такъ и Французы пили одинакимъ количествомъ мяса. Черезъ нѣсколько времени послѣ этой перемены, французскіе работники, по отношенію къ производительной дѣятельности, стояли уже совершенно наряду съ англійскими. Такимъ-образомъ, уменьшеніе въ потребленіи мяса, показывая упадокъ рабочей силы, имѣетъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма-вредное вліяніе и на производительную силу страны (*).

Руанскіе работники, по свидѣтельству всѣхъ фабрикантовъ, принадлежатъ къ числу наиболѣе достаточныхъ; по-крайней-мѣрѣ, въ Руанѣ положеніе фабричныхъ несравненно-лучше, нежели въ Лиллѣ. Слѣдующія цифры, заимствованныя изъ сочиненія Виллермэ (*), могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ достаткѣ, которымъ пользуются эти работники. Цифры эти выведены изъ показаній самихъ фабрикантовъ, и по этому самому не могутъ быть подвержены никакому сомнѣнію. Въ обыкновенные годы, рабочіе должны истративать на свое содержаніе слѣдующія суммы:

На пропитаніе, въ день:	
2 фунта хлѣба	38 сантимовъ.
сыръ или масло	7 — —
супъ или бульонъ или (рѣдко) говядина	30 — —
витѣ	20 — —
	95 сантим.

Въ годъ 346 франковъ 75 сантим.

(*) *Ann. d'Economie Politique*, par Michel Chevalier, T. I. p. 113 и *Journal des Débats* 21 Février, 1846. (Discours de M. de Lamartine).

(*) *Villermé*, Tome I. chap. V.

За мытье белья въ неделю:

1 пара чулок	5 сантимовъ.
1 рубашка	15 — —
1 платокъ	5 — —
1 бумажный колпакъ	5 — —
галстухъ или жилетъ	5 — —

35 сант.

Въ годъ 18 франковъ 20 са

За одежду въ годъ:

1 пара чулок	1 франкъ	50 сантимовъ.
1 платокъ	1 —	—
1 бумажный колпакъ	1 —	—
1 галстухъ	75	сантимовъ.
2 рубашки	8 —	—
1 фуражка	2 —	50 — —
2 пары башмаковъ	3 —	—
куртка и панталоны	15 —	—
починка платья	1 —	50 — —
гребень	3 —	50 — —
1 пара сапоговъ	3 —	75 — —
1 жилетъ	2 —	50 — —

41 франкъ.

Всего 405 франковъ 25 сантим

Если положить на квартиру, отопленіе, освѣщеніе и на пр
необходимые расходы 200 франковъ, что, конечно, немного,
принять въ соображеніе чрезмѣрную дороговизну квартиръ, те
ходить, что минимумъ расходовъ работника слишкомъ 600 фран
Между — тѣмъ, число работниковъ, получающихъ 600 франковъ
вой заработной платы, весьма-незначительно; большинство полу
гораздо-менше этой суммы. Такъ, напримѣръ, красильщики полу
только 525 франковъ; ткачи 420; другіе поденщики—450. Къ
надо прибавить, что болѣзнь или внезапное прекращеніе работ
слѣдствіе какого-либо кризиса весьма-часто оставляютъ работника
занятія и безъ всякаго средства къ существованію.

Что касается до женщинъ, то имъ пропитаніе стоитъ въ день
тимовъ; въ годъ 215 франковъ 35 сант

мытье белья въ неделю 45 сантимовъ,			
въ годъ	23	— —	40 —
одежда	49	— —	70 —

Всего 288 франковъ 45 сант

и если прибавить на разные расходы 100

франк., то выйдетъ всего 388 — — 45 —

Ни одна почти работница не имѣетъ такого дохода, необходи
для самого существованія. Одна только прачки получаютъ въ год
франковъ; для остальныхъ максимумъ — 330 франковъ въ год
постоянномъ занятіи. Швей выработываютъ себя не болѣе 270

ить; а ткачки всего только 180 франковъ, такъ-что женщины, работающія на фабрикахъ, почти не въ состояніи прокормивать себя полученой ими платой.

Ребенокъ отъ 12 до 15 лѣтъ можетъ прокормить себя (питаясь однимъ только хлѣбомъ и картофелемъ, и изрядка бульйономъ) 50 сантимами въ день, или 182 франками и 50 сантимами въ годъ. Бѣды и нѣще обходятся ему въ годъ не менѣе, какъ въ 29 франковъ и 18 сантимовъ. Следовательно, его необходимыя расходы доходятъ въ годъ до 210 франковъ. Между-тѣмъ, только весьма-немногія дѣти получаютъ 210 франковъ; по-большой-части они получаютъ не болѣе 180 франковъ въ годъ; а многія изъ нихъ не могутъ выработать себя такой незначительной суммы, не смотря на то, что работаютъ постоянно отъ 14 до 16 часовъ въ день.

Одинъ руанскій фабрикантъ показалъ, что въ 1831 году на его фабрику коо ста работниковъ около шестидесяти (то-есть, шесть десятыхъ) не могли покрыть самыхъ необходимыхъ своихъ издержекъ посредствомъ задѣльной платы. Остальные работники не получали ни одной лишней копейки, такъ - что увеличенія въ цѣнѣ хлѣба не болѣе, какъ на десять сантимовъ, уже достаточно было для того, чтобъ повергнуть ихъ въ нищету (*).

Не должно думать, чтобъ руанскіе работники составляли исключеніе изъ общаго правила. Другіе города Франціи не уступаютъ Руану въ этомъ отношеніи, такъ-что Виллермѣ, не смотря на свой оптимизмъ, принужденъ былъ сознаться, что во всѣхъ трехъ изученныхъ имъ отрасляхъ промышленности, задѣльная плата далеко не достигаетъ предѣла, определяемаго суммою потребностей, рѣшительно необходимыхъ для человека. Виллермѣ такъ определяетъ среднее количество задѣльной платы во Франціи: «Исключая ткачей и простыхъ поденщиковъ, получающихъ по-большой-части весьма-малое вознагражденіе (**), за среднее количество заработной платы на фабрикахъ хлопчатобумажныхъ, шерстяныхъ и шелковыхъ можно принять два франка для мужчины, одинъ для женщины, 45 сантимовъ для ребенка отъ 8 до 12 лѣтъ и 75 сантимовъ для дѣтей отъ 13 до 16 лѣтъ. Вообще мужчина зарабатываетъ себя столько, что можетъ даже откладывать известную часть своихъ доходовъ въ сберегательныя кассы; но женщины рѣдко получаютъ вознагражденіе, достаточное для ихъ содержанія, а дѣти не могутъ прокормить себя получаемой ими платой (***)».

Въ Англіи задѣльная плата вообще выше, чѣмъ во Франціи; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ, по отношенію къ участи работниковъ, Англіи надлежало отдать преимущество передъ Франціей. Въ англійскихъ рабочихъ сумма потребностей гораздо-значительнѣе, чѣмъ во французскихъ; послѣдніе въ пищѣ своей довольствуются обыкновен-

(*) Villermé, Tome I. p. 153.

(**) Ткачи и поденщики составляютъ половину, а вмѣстѣ съ женщинами по крайнѣйшій до трети всего городского рабочаго населенія Франціи.

(***) Villermé, T. I. p. 252.

I. L. — Олд. II.

но хлѣбомъ, картофелемъ и овощами; первые врывали къ го-
нѣ, пиву, сахару, чаю. Притомъ же, въ Англіи цѣна живен-
ныхъ припасовъ гораздо-выше, чѣмъ во Франціи, и подвергается безпрерыв-
нымъ и значительнымъ измѣненіямъ. Наконецъ, не надо забыть
того важнаго обстоятельства, что кризисы промышленности чаще
гають Англію, нежели Францію, и потому для англійскаго рабо-
чннхъ плата, имъ получаемая, менѣе обезпечена и менѣе постоянна, чѣмъ
французскаго. Въ Англіи работники никогда не могутъ знать себѣ,
что будетъ съ ними завтра; они никогда не могутъ надѣяться на
стойныя занятія, а потому необходимо должны получать за
трудъ такую плату, которая не только могла бы доставлять имъ
средства пропитанія на настоящее время, но и обезпечивала бы ихъ въ
случай возможнаго будущаго бездѣйствія. Однакожь, независимо отъ
этого обстоятельства, мы находимъ очень-часто и въ Англіи весьма-низкую
задѣльную плату. Изъ перваго ежегоднаго отчета комиссіи, завѣ-
щенной дѣлами о бѣдныхъ, узнаемъ, что въ Манчестерѣ рабочіе
обоюго пола моложе 16 лѣтъ получаютъ въ недѣлю среднимъ чи-
сломъ не болѣе четырехъ шиллинговъ, женщины не болѣе пяти. Изъ
другихъ работниковъ мужскаго пола самыя достаточныя получаютъ
20 до 40 шиллинговъ въ недѣлю; но число ихъ весьма-незначительно.
Большинство фабричныхъ не вырабатываетъ болѣе 8 шиллинговъ
въ недѣлю, и число работниковъ, получающихъ хоршее вознагражденіе,
уменьшается со дня-на-день въ-слѣдствіе распространенія машинъ и
совершенствованія способовъ производства (*).

Въ 1838 году, по приказанію парламента, произведено было ис-
слѣдованіе о положеніи ручныхъ ткачей въ Англіи и Шотландіи (Нав
Weavers Inquiry). Всѣ комиссары показали единогласно, что ра-
бочіе ткачи, несоединенное ни съ какимъ другимъ ремесломъ, не могутъ
доставить работнику необходимыхъ средствъ для существованія. Тѣ
работаютіе постоянно въ-продолженіе семидесяти-четыреухъ часовъ
въ недѣлю, съ трудомъ могутъ избѣгнуть голода и добыть себѣ не-
много пищи. Семейство, состоящее изъ шести или семи человекъ,
можетъ выработать себѣ болѣе семи шиллинговъ, — суммы, достаточ-
ной только для прокормленія двухъ человекъ; и даже эта незначи-
тельная плата имъ не обезпечена. Кризисы, лишаютіе работниковъ за-
нѣтъ, нигдѣ не бывають такъ часты, какъ въ этой отрасли промышленности.
Весной 1838 года въ Пайсле (Paisley), въ Шотландіи, насчитано
около семисотъ пятидесяти станковъ, находившихся въ бездѣйствіи
отсутствіи заказовъ (**).

Въ адресѣ, представленномъ парламенту въ 1820 году нѣко-
торыми члудочниками, встрѣчаются между-прочимъ слѣдующія сло-
ва казывающія ту степень бѣдности, до которой дошелъ нынѣ въ А-

(*) De la Misère des classes laborieuses en Angleterre et en France par Eug.
p. 604. édition de 1842.

(**) Buret. p. 558.

нѣмъ числѣмъ работниковъ: «Работая ежедневно въ-продолженіе шестидесяти часовъ, мы получаемъ отъ четырехъ до семи шиллинговъ въ недѣлю; на эти деньги мы должны содержать какъ себя, такъ и свои семейства. Мы замѣнили хлѣбомъ и водой, или картофелемъ и солью, что болѣе-питательное кушанье, которое прежде всегда бывало на столѣ укаждаго Англичанина; и не смотря на то, мы очень-часто принуждены бываемъ послѣ утомительной работы въ-продолженіе цѣлаго дня, укладыватъ детей своихъ безъ ужина для того, чтобъ избавить ихъ отъ ихъ голодныхъ криковъ. Объявляемъ здѣсь самымъ торжественнымъ образомъ, что мы вмѣстѣ съ дѣтьми своими въ послѣдній декадальцѣ мѣсяцевъ не переставали ни на одну минуту страдать отъ голода» (*).

Не смотря на эти очевидные примѣры недостаточности задѣльной платы, многіе экономисты доказываютъ, что она возвышается постоянно вмѣстѣ съ усиленіемъ производительности и въ-слѣдствіе этого дѣйствія. Дѣйствительно, задѣльная плата возвышалась въ некоторыхъ мѣстностяхъ и въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности, именно въ тѣхъ, гдѣ требованіе на трудъ возрастало постоянно, и возрастало въ такой мѣрѣ, что могло противодействовать вредному вліянію конкуренціи и машинъ. Но на эти случаи надо смотрѣть какъ на рѣдкія, а не какъ на утѣшительныя исключенія изъ общаго правила. Вообще говоря, уменьшеніе труда не только не отстаеетъ отъ требованія, но, напротивъ, уменьшеніе его всегда значительнымъ образомъ. Народонаселеніе уменьшается быстрое, нежели производительность; и мы видимъ въ настоящее время, что во всѣхъ почти отрасляхъ промышленности не только есть недостатокъ въ числѣ рабочихъ рукъ, но, напротивъ, есть избытокъ, и избытокъ весьма-значительный. Поэтому случаи пониженія заработной платы гораздо-чаще, многочисленнѣе и постояннѣе, нежели случаи ея повышенія. Одинъ англійскій экономистъ, какъ мы уже замѣтили было выше, доказалъ, основываясь на самыхъ неоспоримыхъ фактахъ, что въ 1832 году на англійскихъ хлопчатобумажныхъ фабрикахъ за трудъ работника платилось въ двенадцать разъ меньше, нежели въ 1814 году. Произведенное по предписанію парламента изслѣдованіе о положеніи ткачей въ Англій и Шотландіи обнаружило весьма-значительное пониженіе въ количествѣ задѣльной платы. Статистическія примѣры показали, что съ 1816 года для всѣхъ родовъ ручнаго ткачества плата уменьшилась, среднимъ числомъ, по-крайней-мѣрѣ втрое. Такъ на-примѣръ, работникъ, получавшій въ 1816 году за тканье клѣтчатыхъ матерій отъ 19 до 20 шиллинговъ въ недѣлю, нынѣ получаетъ за то же самое не болѣе 7 шиллинговъ; и притомъ, теперь заработная плата и освѣщеніе производится на-счетъ работника, а не на-счетъ хозяина, какъ дѣлалось прежде. Надо замѣтить, что коммиссіонеры упоминаютъ о подобномъ, хотя и не столь-значительномъ пониженіи заработной платы во многихъ другихъ отрасляхъ труда. Уголь-

(* *Nouveaux Principes d'Economie Politique* par Sismondi. T. I. p. 430—451.

щики, на-примѣръ, въ 1811 году выработывали себя ежедневно около 24 шиллинговъ; нынѣе они получаютъ не болѣе семьшадцата. Къ подобнымъ же результатамъ привело изслѣдованіе, произведенное французскимъ правительствомъ въ 1834 году. Изъ показаній фабрикантовъ видно, что задѣльная плата понижалась постоянно на большей части фабрикъ. Одинъ руанскій фабрикантъ объявилъ, что за тканье котоннады шириной въ восемнадцать дюймовъ онъ платилъ, въ 1817 году, по одному франку за аршинъ (*); работникъ могъ изготовить въ день около пяти аршинъ. Въ 1834 году, онъ уже платилъ не болѣе 45 сантимовъ за аршинъ матеріи, шириной въ сорокъ-шесть дюймовъ. Другой фабрикантъ показалъ, что въ Труа количество заработной платы съ 1816 по 1831 годъ уменьшилось 25 процентами. «Причина этого уменьшенія» говоритъ онъ: «заключается въ облегченіи труда и въ усиленіи конкуренціи между работниками». Если сравнимъ цѣны бумажныхъ матерій во Франціи за нѣсколько лѣтъ, то увидимъ въ нихъ значительное пониженіе. Матеріи, которыя въ 1818 году продавались по три франка съ половиной за аршинъ, въ 1834 году стоили не болѣе 75 сантимовъ; нынѣе они сдѣлались еще дешевле. Это огромное уменьшеніе не можетъ быть исключительно приписываемо усовершенствованію способовъ производства; оно было бы рѣшительно невозможно безъ значительнаго пониженія задѣльной платы, которое является такимъ-образомъ необходимымъ условіемъ для развитія и успѣховъ бумажныхъ фабрикъ. Известно, что въ хлопчатобумажной промышленности работники доведены до самаго крайняго предѣла недостаточности и нищеты. Известно, что ткачи, работая около шестнадцати часовъ въ день, рѣдко выработываютъ себя болѣе одного франка, и что число работниковъ, получающихъ менѣе франка, несравненно-значительные числа тѣхъ, которые достигаютъ этой суммы. Въ Мюльгаузена, въ Труа,—ткачъ часто выработываетъ въ день не болѣе 60 сантимовъ (**).

Но участь работниковъ вовсе не завидна даже и въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ требованіе на трудъ непрерывно усиливается, гдѣ задѣльная плата постоянно возвышается. Требованіе на трудъ можетъ увеличиться въ значительной мѣрѣ; но въ увеличеніи своемъ оно подвержено безпрестаннымъ колебаніямъ, замедленіямъ, остановкамъ, очень часто нарушающимъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ труда. Не проходитъ почти ни одного года безъ какого-нибудь кризиса въ промышленности. Эти кризисы, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, сдѣлались явленіемъ періодическимъ, неизбежнымъ и необходимымъ; и нельзя не сознаться, что они принадлежатъ къ числу тѣхъ причинъ нищеты, которыя дѣйствуютъ съ наибольшей силой и съ наиболее-вредными послѣдствіями. Замедляя производительность и

(*) Французскій аршинъ (aune) равняется тремъ англійскимъ футамъ и восьми дюймамъ.

(**) *Buret*. p. 604—605.

уменьшая, следовательно, число занятыхъ рукъ, они ввергаютъ въ нищету самыхъ достаточныхъ работниковъ и обрекаютъ всякій разъ на голую смерть не малое число людей. Въ безирестанномъ ожиданіи какого-нибудь кризиса, работникъ всегда опасается лишиться того заработка, которое доставляетъ ему возможность кое-какъ поддерживать свое существованіе. Онъ никогда не можетъ быть увѣренъ въ будущемъ; сегодня онъ не можетъ сказать навѣрное, что будетъ съ нимъ завтра. Положеніе его ничѣмъ не обезпечено; безъ всякой вины съ его стороны онъ можетъ потерять свое мѣсто и перейти вдругъ изъ состоянія довольства въ состояніе самой ужасной нищеты. Въ этой возможности быстрыхъ и неизбежныхъ переходовъ отъ достатка къ бѣдности заключается самый обильный источникъ бѣдствій и страданій для рабочихъ классовъ.

Всѣхъ видовъ уменьшеніе въ требованіи на трудъ можетъ происходить отъ различныхъ причинъ. Здѣсь не мѣсто исчислять эти причины и разсматривать въ подробности; нельзя однакожъ не упомянуть о двухъ главнѣйшихъ: во-первыхъ, о чрезвычайномъ усиленіи производительности, и во-вторыхъ, о введеніи новыхъ машинъ и новыхъ способовъ производства. Производительность, вообще говоря, никогда не можетъ быть лишнею, чрезмерною, никогда не можетъ превышать требованія, потому что потребности человѣка неограничены. Но при вынужденномъ распредѣленіи богатствъ можетъ случиться и дѣйствительно случается, что въ томъ или другомъ частномъ случаѣ производительность превышаетъ если не потребности, то по крайней-мѣрѣ способы потребителей. Нѣтъ очень-часто забываютъ, что успѣхи промышленности состоятъ въ улучшеніи судьбы большинства людей, что не человѣкъ существуетъ для продукта, а продукты нужны для человѣка, и потому, стараясь усилить производство, не обращаютъ вниманія на улучшеніе судьбы потребителей, не заботятся о ихъ потребностяхъ и о ихъ способахъ. Отъ-этого мы, при нынѣшнемъ положеніи вещей, очень-часто видимъ, что въ той или другой отрасли промышленности производство вдругъ оказывается излишнимъ, несоответствующимъ средствамъ потребителей. Это относительно-чрезмѣрное усиленіе производства служитъ постоянно и дѣйственной причиной всѣхъ тѣхъ кризисовъ и катастрофъ, которые ежегодно приводятъ промышленность въ разстройство. Рынки очень-часто переполняются множествомъ продуктовъ, которые нигдѣ не находятъ для себя покупателей и остаются въ рукахъ производителей, принужденныхъ часто сбывать ихъ за полцѣны. Такое загроможденіе рынковъ производитъ обыкновенно самыя губительныя послѣдствія. Родится необходимость въ уменьшеніи производства, фабриканты разоряются, капиталы ихъ остаются безъ движенія, фабрика безъ дѣйствія; требованіе на трудъ уменьшается вдругъ значительнымъ образомъ; множество работниковъ остается безъ куска хлѣба и безъ всякихъ средствъ для существованія. Улицы наполняются нищими; для пособія имъ отовсюду собираются подписки; учреждаются благотворительныя общества; развѣтъ, смертность и преступленія усиливаются въ огромной пропорціи; голодные работники прибѣгаютъ къ насилию и къ грабежу; обще-

ственная тишина нарушается; общественное благосостояніе страдает и колеблется.

Производство становится чрезмѣрнымъ, когда перестаетъ находить достаточный сбытъ для своихъ произведеній. Это можетъ случиться двоякимъ образомъ. Иногда производители не имѣютъ надлежащаго понятія объ истинныхъ потребностяхъ и о средствахъ тѣхъ, для кого они производятъ; отъ этого незнанія рынки часто загромождаются продуктами, ни для кого не нужными. Съ другой стороны, производительность, возбужденная приходящими отовсюду требованиями, усиливается и развивается въ огромныхъ размѣрахъ до-тѣхъ-поръ, пока какія-либо политическіи, финансовыя или экономическія обстоятельства не разстроитъ внезапно ея успѣховъ, уменьшивъ вдругъ число потребителей. Къ этимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ принадлежатъ войны, банкротства, пзмненія въ тарифахъ и тому подобные случаи, которыхъ нельзя ни предусмотрѣть, ни предотвратить. Въ этомъ отношеніи государства, производшія преимущественно для иностраннаго потребленія, какъ, на-примѣръ, Англія, подвергаются кризисамъ гораздо-чаще, нежели тѣ, которыя, подобно Франціи, заботятся преимущественно о наполненіи своихъ внутреннихъ рынковъ. Французскіе фабриканты также посылаютъ свои продукты на заграничныя рынки, но главнымъ образомъ производятъ для своихъ соотечественниковъ; а потому въ дѣятельности своей они почти всегда могутъ сообразоваться съ требованіемъ, могутъ знать какъ нужны, такъ и средства своихъ потребителей. Поприще ихъ дѣятельности имѣетъ определенныя, извѣстныя имъ границы; ничто не побуждаетъ ихъ обгонять неумѣреннымъ производствомъ естественное развитіе богатства и народонаселенія; а потому имъ остается только противодѣйствовать тѣмъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ, которыя могутъ быть легко предусмотрѣны и предотвращены. Не вадю, впрочемъ, думать, чтобъ такія государства вовсе уже не подвергались кризисамъ промышленности. Франція подвергается имъ рѣже, нежели Англія; но и она не можетъ совершенно спастись отъ бѣдственнаго вліянія этихъ всеобщихъ катастрофъ. Ея таможи и тарифы недостаточны для того, чтобъ оградить ее отъ этого неизбежнаго зла, неразлучно связаннаго съ экономическимъ устройствомъ европейскихъ обществъ. Но, не смотря на то, она далеко не подвергается тѣмъ опасностямъ, которымъ подвергается Англія. Между производительностью французской и производительностью англійской существуетъ такое же различіе, какъ между плаваніемъ на Средиземномъ-Морѣ и плаваніемъ на Океанѣ. Промышленность, ищущая для себя потребителей на рынкахъ цѣлаго міра, стоитъ постоянно на краю страшной пропасти. Она утверждается на основаніяхъ чрезвычайно-измѣнчивыхъ и подвижныхъ; она подвергается столь частымъ кризисамъ, что можетъ спастись отъ нихъ не иначе, какъ возобновляя и усиливая непрерывно свои комбинаціи. Она должна бороться въ одно и то же время и съ внутренней и съ внешней конкуренціей; она должна знать обычаи и средства всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ, должна опасаться какъ отечествен-

вить, такъ и иностранныхъ тарифовъ. Постоянно заботясь о предупрежденіи торговыхъ и промышленныхъ катастрофъ, она обязана всегда имѣть въ запасъ средства для противодействія непредвидимымъ обстоятельствамъ. Малѣйшее измѣненіе въ тарифъ той или другой страны можетъ отнять у нея несколько милліоновъ потребителей. Чѣмъ обширнѣе кругъ ея дѣйствій, тѣмъ болѣе должна она опасаться ударовъ, стовсюду ей наносимыхъ. Таково именно положеніе Англіи, ставшей критиказіе на наполненіе своими продуктами всемірныхъ рынковъ. Она действительно достигла этой цели, этого желаннаго величія; но величіе это весьма-шатко и непрочное; и великозлапное зданіе, воздвигнутое англійскою производительною, безпрестанно колеблется на своихъ основаніяхъ, безпрестанно угрожаетъ страшнымъ паденіемъ!

Во Англіи почти вся мануфактуры работаютъ для заграничныхъ потребителей, для снабженія своими продуктами чужеземныхъ рынковъ. Это общій характеръ всѣхъ почти отраслей промышленности, но преимущественно составляетъ отличительную черту производительно-хлопчатобумажной, и въ-особенности той, которая сосредоточивается въ Манчестеръ и въ Графствъ-Ланкастерскомъ. Бумажныхъ товаровъ вывозится ежегодно изъ Англіи круглымъ числомъ на 24 милліона фунтовъ стерлинговъ, между-тѣмъ, какъ цена всѣхъ ежегодно производимыхъ продуктовъ не простирается свыше 49 милліоновъ. Только одна седьмая часть англійскихъ хлопчатобумажныхъ производ-

ствъ назначается для туземнаго потребленія; шесть-седьмыхъ идутъ за границу; а потому бумажные фабриканты находятся въ совершенной зависимости отъ иностранныхъ потребителей; и нигдѣ кризисы не бывають такъ часты и такъ ужасны, какъ въ этой отрасли промышленности, которая въ-теченіе какихъ-нибудь 25 лѣтъ успѣла подвергнуться три раза весьма-значительнымъ катастрофамъ. Первая изъ этихъ катастрофъ была въ 1819 году, вторая въ 1829, третья въ 1841. Причины рабочихъ классовъ при такомъ положеніи дѣлъ лучше всего могутъ быть объяснены примѣромъ послѣдняго кризиса, который произошлъ еще въ началѣ 1844 года.

Зрѣлище этого кризиса уже примѣненъ былъ среди почти-баснословныхъ успѣховъ хлопчатобумажной промышленности въ 1836 году. Въ 1835 и 1836 годахъ, хлѣбъ родился хорошо во всей Англіи, и кварталъ ржи стоилъ не болѣе 44 шиллинговъ. Количество задыльной плахи по-большой-части возвысилось, между-тѣмъ, какъ цена жизненныхъ припасовъ понизилась. Эти два обстоятельства были весьма выгодны для фабричныхъ работниковъ; положеніе ихъ сдѣлалось весьма-завиднымъ, особенно въ сравненіи съ положеніемъ сельскихъ жителей. Послѣдніе начали поэтому переселяться изъ южныхъ земледѣльческихъ графствъ въ сѣверные мануфактурные дистрикты и, немедленно по прибытіи, находили себѣ работу. Работники являлись отовсюду, и не оставались безъ дѣла, потому-что требованіе на англійскіе продукты въ Соединенныхъ-Штатахъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, а потребность этого увеличивалась и требованіе на рабочія руки въ Англіи съ 1 января 1835 года до 1 июля 1838 года, въ однихъ граф-

ствахъ Ланкастерскомъ и Честерскомъ построено было заводовъ, фабрикъ и машинъ болѣе, чѣмъ на 200 милліоновъ франковъ, и, для приведенія ихъ въ дѣйствіе, къ прежнему рабочему населенію присоединилось болѣе 87,000 человекъ.

Уже одной этой чрезмѣрной конкуренціи достаточно было бы для того, чтобъ привести въ разстройство производительность; но неожиданныя внѣшнія обстоятельства ускорили и усилили неминуемый кризисъ. Въ концѣ 1836 года всеобщее банкротство постигла въ Соединенныхъ-Штатахъ и банки и торговые дома. Требованіе на англійскіе продукты уменьшилось какъ въ-слѣдствіе этой несостоятельности, такъ и въ-слѣдствіе измѣненій, сдѣланныхъ въ тарифѣ Соединенныхъ-Штатовъ. Для покровительства фабрикамъ, возникающимъ въ Майнѣ, въ Массачузетъ, въ Пенсильваніи, привозныя пошлины, составлявшія прежде не болѣе 20 процентовъ на сто съ цѣны товара, возвышены были до 30 процентовъ. Многія европейскія государства послѣдовали тому же примѣру, и между-прочимъ манчестерскимъ бумажнымъ тканямъ закрыть былъ доступъ во владѣнія германскаго таможеннаго союза. Въ то же время конкуренція иностранныхъ мануфактуръ сдѣлалась значительнѣе и опаснѣе. На рынкахъ Южной-Америки продукты лондонскихъ (Lowel) фабрикъ получали перевѣсъ надъ продуктами Англии. Саксонскія чулочные издѣлія (bonneterie) съ успѣхомъ выдерживали соперничество издѣлій лейстерскихъ и цоттингемскихъ не только на американскихъ, но даже и на англійскихъ рынкахъ. Сверхъ-того, въ-слѣдствіе нѣсколькихъ сразу бывшихъ неурожайныхъ годовъ, за кварталъ хлѣба, стоившій прежде не болѣе 44 шиллинговъ, въ-продолженіе 1838, 1839, 1840 и 1841 годовъ платили постоянно болѣе 66 шиллинговъ. Такимъ-образомъ, цѣна самаго необходимаго изъ жизненныхъ припасовъ увеличилась на 50 процентовъ; и въ то время, какъ увеличеніе это обрекало работника на самыя тяжкія лишенія, задѣльная плата почти вездѣ уменьшалась на 20 процентовъ со ста. Къ довершенію несчастія, англійскій банкъ принужденъ былъ платить золотомъ за хлѣбъ, купленный въ иностранныхъ портахъ; это совершенно истощило его денежныя запасы; и директоры, увлекаясь общимъ паническимъ страхомъ, вдругъ прекратили платежи, поразивъ такимъ-образомъ вмѣстѣ и торговлю и промышленность. Тогда всѣ промышленныя заведенія, оправившіяся не на довольно-прочныя основанія, упали, и началась та страшная, продолжительная катастрофа, слѣды которой замѣтны отчасти и понынѣ.

«Въ іюнь 1843 г.» говоритъ одинъ французскій путешественникъ (*): «я посѣтилъ Графство Ланкастерское; въ это время промышленность медленно поправлялась отъ нанесенныхъ ей ранъ. Въ некоторыхъ городахъ, пострадавшихъ болѣе другихъ, дѣятельность не успѣла еще возобновиться. Въ особенности Больтонъ и Штокпортъ представляли самое мрачное и печальное зрѣлище. Фабрики и заводы не

(*) Etudes sur l'Angleterre, par Léon Faucher. 1845, t. I, p. 438—468.

«шлись, какъ прежде; дома были пусты; улицы — безмолвны; не слышно было ни разговоровъ, ни шума; а подумалъ, что находится въ какомъ-нибудь очарованномъ городѣ, въ которомъ все жители превращены въ камни чародействъ». Чародействъ здесь была нищета; официальные документы доставляютъ намъ о бѣдствіяхъ рабочихъ Бирмингемъ такіа свидѣнія, которыми съ трудомъ можно поварить. Въ Болтонѣ, живущемъ около 50,000 жителей, находится 50 фабрикъ, употребляющихъ обыкновенно болѣе 8,000 работниковъ. Въ 1842 году, изъ числа этихъ 50 фабрикъ тридцать или вовсе были закрыты, или дѣйствовали не болѣе трехъ дней въ неделю; болѣе 5,000 рабочихъ лишены были всякихъ средствъ для пропитанія. Вообще, уменьшенію количества задѣльной платы присоединить возвышеніе цѣны жизненныхъ припасовъ, то выходитъ, что потеря рабочихъ простирается до 320,560 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, или, что то же, до 1000 фунт. стерлинговъ (25,000 франковъ) въ день. Само собой разумеется, что общественная благотворительность не въ состояніи была пособить такому страшному бѣдствію. Въ декабрѣ 1841 года, общество, образовавшееся въ Болтонѣ для пособія бѣднымъ, осмотрѣло тысячу семействъ, которыя заключали въ себя 5305 человекъ. Среднимъ числомъ каждый изъ нихъ получалъ за свой трудъ въ неделю около франка. У нихъ было только 1555 постелей, такъ-что одна постель приходилась на три человека съ половиной; на постеляхъ этихъ болѣе-половины не было тюфяковъ; онѣ были покрыты тряпьемъ и соломою; 53 семейства вовсе ихъ не имѣли, а 425 человекъ спали по-прежнему на полу. Эти бѣдные люди отдавали въ закладъ свое платье, свою мебель и все свои вещи, такъ-что среднимъ числомъ въ каждомъ семействѣ оставалось имущества цѣною на пять и, самое большое, на десять франковъ. Работники по-большой-части переносили эти страданія терпѣливо и мужественно; они не предавались отчаянію, не просили милостыни, и принимали пособія отъ приходскаго начальства не какъ въ случаѣ послѣдней крайности.

Madam James, говорили древніе, — голодъ плохой совѣтчикъ; и дѣйствительно, вмѣстѣ съ увеличеніемъ нищеты всегда увеличивается и число преступленій. Въ Болтонѣ число заключенныхъ, преданныхъ суду за преступленія въ 1840 году, было 116; въ 1841 — 190; въ 1842 — 318. Въ Болтонѣ въ 1836 году было только 27 человекъ, обвиненныхъ въ преступленіяхъ (felonies); въ 1842 году число преступниковъ дошло до 183. Точно такую же прогрессию находимъ мы и въ цѣломъ Ланкаширскомъ-Дистриктѣ. Въ теченіе десяти лѣтъ число преступниковъ въ этомъ дистриктѣ умножилось на сто процентовъ. Въ 1833 году, ихъ было 135; въ 1842 — 2021. Къ этому надо прибавить, что со времени введенія промышленной дѣятельности число преступленій уменьшилось значительнымъ образомъ. Въ 1843 году, въ сальфордской тюрьмѣ было не болѣе 1438 обвиненныхъ, а въ 1844 году ихъ уже было только 1326 человекъ.

Въ январѣ 1842 года, коммиссія, завѣдывающая дѣлами о бѣдныхъ, послала двухъ членовъ своихъ въ Штокпортъ для того, чтобы произ-

вести изслѣдованіе о состояніи тамошняго народонаселенія. Эти комиссары донесли, что съ 1836 года обанкрутилось около двадцати фабрикантовъ; столько же фабрикъ осталось безъ дѣйствія, и 5000 ботниковъ не имѣли никакого занятія. Изъ 7000 квартиръ, незатѣтыхъ было 1639; а въ остальныхъ найдено около 3000 жалцовъ, реставашихъ платять мѣстную подать (poor-rate), и поступившихъ содержаніе прихода. Такса въ пользу бѣдныхъ въ теченіе трехъ и увеличилась 300 процентами на сто. Вся благотворительныя заведенія были наполнены бѣдными; въ больницахъ и богадельняхъ не осталось ни одного пустого мѣста. Многія семейства не въ состояніи были платять за квартиру, и такъ-какъ домовладѣльцы выгнали ихъ изъ своихъ домовъ, отобравъ у нихъ все вещи, то они принуждены были искать себѣ убѣжища въ погребахъ. Въ каждомъ погребѣ жило отъ двухъ до трехъ семействъ вмѣстѣ. Одни работники просили милостыни у хозяевъ; другіе требовали пособія для переселенія изъ своего отечества въ чужія земли (*); третьи, наконецъ, въ буквальномъ смыслѣ сами умирали отъ голода.

Манчестеръ пострадалъ отъ кризиса менѣе, нежели сосѣдніе города, но и тутъ положеніе рабочихъ классовъ было весьма-плачевно. Въ мартѣ 1842 г. фабрикъ и заводовъ, на которыхъ прекратились работы насчитано было 116; закрывшихся магазиновъ, лавокъ и конторъ—61; опустѣлыхъ жилищъ—5500. Цѣна строеній и заводовъ понизилась въ крайней-мѣрѣ на 50 процентовъ; пять бумагопрядильныхъ фабрикъ оцененныхъ въ 211,000 фунтовъ стерлинговъ, куплены были за 66,000. Мясники, хлѣбники и другіе мелочные торговцы объявляли, что торговля ихъ уменьшилась на сорокъ процентовъ. Благотворительное общество, образовавшееся для раздачи бѣднымъ платья и белья, послѣ въ-продолженіе 1840 года 10,130 семействъ, состоявшихъ изъ 45,000 человекъ; по недостатку денежныхъ средствъ 2000 семействъ не получили никакой помощи. Пріюты этихъ несчастныхъ были совершенно голы; исчислено было, что цѣна вещей, ими заложенныхъ, просилась до 28,000 фунтовъ стерлинговъ. Кирпичи и деревянные доски служили имъ вмѣсто стульевъ и столовъ; постели замѣнены были кусками сѣна или соломенными подстилками, покрытыми грязью и всякаго рода нечистотами. Часто нѣсколько семействъ занимали вмѣстѣ одну ту же комнату; мужчины, женщины и дѣти спали рядомъ; часто въ одной и той же постели спали нѣсколько человекъ, безъ разницы въ возрастѣ и половѣ. Одна бѣдная вдова просила постели у посѣтившаго члена благотворительнаго общества. Между ними завязался слѣдующій разговоръ:—Развѣ у васъ нѣтъ постели?—Только одна и есть.—Она вамъ недостаточна?—Нѣтъ, потому-что у меня есть сынъ.—Спать ему лѣтъ?—Девятнадцать.—Гдѣ же онъ спалъ до-сихъ-поръ?—Вместѣ со мной; иначе бы ему пришлось спать на полу.

(*) Въ 1842 году 128,344 человека оставили Англію, переселившись преимущественно въ Соединенные-Штаты или въ Канаду.

Другое сладствіе, произведенное городскимъ мѣромъ, показало, что болѣе 2000 семействъ, состоящихъ изъ 8,866 человекъ, не имали другихъ средствъ къ существованію, кромѣ одного франка съ половиной на человека въ недѣлю. Эти семейства отдали подъ залогъ все свои вещи, числомъ до 23,000, и получили за нихъ 2,780 фунтовъ стерлинговъ, что составляло едва третью часть настоящей ихъ цѣны.

Въ 1841 и 1842 годахъ, положеніе рабочихъ классовъ сдѣлалось еще ужаснѣе. Надо было увеличить таксу въ пользу бѣдныхъ, и, сравнительно съ 1839 годомъ, пособія, розданныя общественною благотворительностью, умножились на 63%, процента. Ежедневно въ шесть часовъ утра раздавалось 3000 порцій супа, и голодъ такъ мучилъ работниковъ, что они обыкновенно уже за нѣсколько часовъ до времени раздачи бродили толпами около дверей заведенія. Въ англійскихъ городахъ духовенство различныхъ исповѣданій распределяетъ между собой кварталы и посылаетъ своихъ представителей для посѣщенія жилищъ, въ которыхъ скрываются бѣдные. Эти миссіонеры въ Манчестерѣ изслѣдовали положеніе 35,000 семействъ. Краткое извлеченіе изъ ихъ отчетовъ можетъ дать понятіе о тѣхъ страшныхъ испытаніяхъ, которыми подвергались въ то время жители Графства Ланкастерскаго.

Разсказы миссіонеровъ по-большой-части однообразны; во всѣхъ кварталахъ Манчестера они находили, что треть или даже половина работниковъ не имала никакихъ занятій; другая треть работала только разъ или два въ недѣлю; нѣкоторые имали постоянную работу, но получали за нее самую ничтожную плату. Нищета распространилась на весь классъ работниковъ безъ исключенія. Такъ-какъ потребленіе уменьшилось, то все товары потеряли по-крайней-мѣрѣ половину цѣны; въ замѣтъ того, дана тряпочъ и лохмотьевъ значительно возвысилась. Работники часто оставались безъ куска хлѣба въ-продолженіе двухъ дней и болѣе; многіе изъ нихъ были такъ изнурены этими лишеніями, что, найдя себѣ работу, оказались бы къ ней совершенно-неспособными. Нѣкоторые пришли въ совершенное отчаяніе, потеряли всякую надежду и лежали неподвижно на соломѣ, ожидая смерти. Другіе курили безпрестанно, желая заглушить голодъ; иные, употребляя безъ успѣха всевозможныя усилія для того, чтобъ добыть себѣ кусокъ хлѣба, и слыша безпрерывно голодные крики жены и дѣтей, сходили, наконецъ, съ ума или подвергались припадкамъ бѣшенства. Многія семейства питались одною картофельной кожей; другія, болѣе-счастливыя, получали въ недѣлю отъ трехъ до четырехъ шиллинговъ, если между ними былъ ребенокъ, находившій себѣ занятіе на фабрикѣ. «Мы не живемъ» говорили эти несчастные: «мы существуемъ». Движимость, платье, бѣлье, все было продано или заложено для того, чтобъ продлить это печальное существованіе. Родители обертывали дѣтей своихъ грязными лохмотьями, чтобъ защитить ихъ отъ холода; сами же, не имая одежды, не могли показаться на улицу и не выходили изъ своихъ холодныхъ комнатъ или сырыхъ погребовъ, служившихъ имъ убѣжищемъ. При такомъ всеобщемъ несчастіи, одни безропотно покорялись необходимости и печально говорили, что злу нѣтъ чѣмъ пособить, что Англія

суждено погибнуть. Другіе, зная, что имъ нечего было терять, желали какой-нибудь переманы, какой бы то ни было, и готовы были на все. Четыре работника вошли въ книжную лавку съ угрожающимъ видомъ.—Что вамъ нужно? спросилъ книгопродавецъ.—Мы умираемъ съ голода.—Для чего же просите вы милостыню толпами, а не поодиночкѣ?—Для того, чтобъ силою получить то, чего не хотятъ намъ дать добровольно.—Вы бы соединились и объявили начальству о своемъ несчастномъ положеніи.—Мы готовы соединиться; пріймите надъ нами начальство, и мы послѣдуемъ за вами, куда вы насъ поведете; мы готовы жечь и грабить все, что намъ попадется.

Впрочемъ, сначала, въ-продолженіе долгаго времени, жители Манчестера были спокойны и, казалось, смиреніемъ хотѣли заслужить себѣ лучшую долю. Но наконецъ неслыханныя страданія довели ихъ до отчаянія. Десять тысячъ человекъ, вооруженныхъ палками, вошли въ Манчестеръ, соединились съ тамошними рабочими, остановили дѣйствіе машинъ, и предписали повсюдное прекращеніе работъ до-тѣхъ-поръ, пока требованія ихъ не будутъ исполнены. Въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, бунтовщики самовластно распоряжались въ городѣ, и для усмиренія ихъ правительствомъ было вызвано войска изъ Ирландіи.

Съ такими же бѣдствіями сопряжены кризисы, происходящіе отъ введенія машинъ и усовершенствованія способовъ производства. Всякое изобрѣтеніе новой машины или усовершенствованіе старой необходимо влечетъ за собой болѣе или менѣе-значительное уменьшеніе въ числѣ работниковъ. Дѣло, прежде исполнявшееся человекомъ, — въ-слѣдствіе какого-нибудь новаго открытія начинаетъ производиться машиной, и такимъ-образомъ люди становятся ненужными, теряютъ свои мѣста и остаются вдругъ совершенно-неожиданно безъ работы и безъ всякаго средства къ существованію. Каждое новое изобрѣтеніе, относящееся къ промышленности, сопровождается непремѣнно такимъ кризисомъ и обыкновенно подвергаетъ нѣсколько тысячъ человекъ въ самую ужасную нищету. Если и занятые работники бывають по-большой-части бѣдны и несчастны, то каково же будетъ положеніе тѣхъ, которые совершенно-безвпнно лишаются работы, доставлявшей имъ пропитаніе? Обыкновенно говорятъ, что это зло непродолжительное, скоро-преходящее, и что трудолюбивый человекъ всегда найдетъ себѣ занятіе и мѣсто въ обществѣ. Но зло, хотя и скоропреходящее, тѣмъ не менѣе зло, и часто, не смотря на свою непродолжительность, усиливаетъ произвести самыя ужасныя бѣдствія и страданія. Вся экономисты согласны, что введеніе машинъ влечетъ за собой всякій разъ тягостную минуту для работника; но (и тутъ-то начинается между ними разногласіе) одни полагають, что машины только увеличивають число занятыхъ рабочихъ рукъ, между-тѣмъ, какъ другіе пугають будущность, ожидающая рабочіе классы, если силы физической природы совершенно замѣнятъ трудъ человека. Первые приводятъ въ доказательство своего мнѣнія нѣсколько примѣровъ, по-видимому, весьма-убѣдительныхъ; между-прочимъ, изобрѣтеніе книго-

печатанія, которое, уничтоживъ ремесло переписчиковъ, доставило ра-
боту гораздо-большому числу людей. Въ доказательство того же мнѣ-
нія приводятъ значительное и быстрое умноженіе народонаселенія въ
промышленныхъ графствахъ Англіи, происходящее отъ безпрестан-
наго увеличенія въ требованіи на трудъ, не смотря на то, что нигдѣ
машинъ такъ не распространены, какъ въ этихъ графствахъ, и что
сила этихъ машинъ равняется силѣ нѣсколькихъ милліоновъ человѣкъ.
Вообще говорятъ, что работники, лишавшіеся дѣла въ-слѣдствіе изобрѣ-
тенія машины, всегда могутъ найти для себя работу въ другихъ
отрасляхъ промышленности. Но такое мнѣніе совершенно-несправедливо;
приведенные примѣры составляютъ не болѣе, какъ рѣдкое исключеніе
изъ общаго правила; и можно было бы, напротивъ, привести безчислен-
ное множество фактовъ, доказывающихъ, что въ отрасли производи-
тельности уже переполнены работниками, и что для новыхъ пришель-
цевъ нигдѣ нѣтъ вакантныхъ мѣстъ. Въ Англіи мы находимъ весь-
ми-много такихъ примѣровъ. Въ 1835 году начальству, управляющему
въ Англіи дѣлами о бѣдныхъ, пришла мысль, что лучшее средство по-
собить нищету англійскихъ крестьянъ состоитъ въ томъ, чтобы пере-
селить избытокъ земледѣльческаго населенія въ промышленныя граф-
ства, гдѣ вмѣстѣ съ усиленіемъ производительности усиливалось и тре-
бованіе на трудъ. На слѣдующій годъ, убѣдясь, что промышленныя
графства не только не могутъ доставить работы этимъ эмигрантамъ, но
даже могутъ занимать своихъ всегдашнихъ жителей. Кончилось
тѣмъ, что эти несчастные переселенцы возвращены были на прежнія
мѣста и предоставлены были прежней нищете. Другой примѣръ еще
разительнѣе. Изобрѣтеніе множества новыхъ машинъ и усовершенство-
ванія въ способахъ тканья повергли въ самую ужасную бѣдность
ручныхъ ткачей какъ въ Англіи, такъ и въ Шотландіи. Эти работ-
ники сдѣлались ненужными, потому-что новозобретенныя машины за-
мѣнили собою прежній ручной трудъ. Положеніе ихъ было такъ пла-
чевно, что обратило на себя вниманіе парламента, который велѣлъ
произвести подробное слѣдствіе относительно ихъ участи. Исслѣдовате-
ли, описавъ ихъ состояніе самыми мрачными красками, прибавили, что
нѣтъ никакихъ средствъ пособить имъ, потому-что они, не смотря на
свои страданія, не смотря на всю крайность своего положенія, не хо-
тятъ перейти въ другія отрасли промышленности. Но въ чемъ же за-
ключается причина этого страннаго явленія, этого непонятнаго упор-
ства? Почему въ Англіи до-сихъ-поръ еще есть болѣе ста тысячъ руч-
ныхъ ткачей, не смотря на то, что занятіе это не доставляетъ болѣе
достаточныхъ средствъ къ существованію? Одинъ изъ комиссаровъ
совершенно-удовлетворительно разрѣшаетъ этотъ вопросъ; въ его отчетѣ
мы находимъ, между прочимъ, слѣдующія глубоко-знаменательныя
слова: «ткачи потому не хотятъ покинуть своего ремесла, что для за-
мѣдленія они бесполезны, а другія отрасли промышленности также въ
нихъ не нуждаются».

Указывая на это вредное вліяніе машинъ, мы вовсе не думаемъ воз-
ставать на ихъ изобрѣтеніе и приложеніе къ промышленности. Введе-

ние машинъ принадлежитъ несомнѣнно къ числу явленій полезныхъ, необходимыхъ и благотворныхъ для человечества. Уменьшая трудъ человека и сокращая издержки производства, оно значительнымъ образомъ способствуетъ успѣхамъ мануфактурной промышленности. Машинамъ обязаны мы тѣмъ совершенствомъ, до котораго достигли въ наше время некоторыя отрасли производительности, в той дешевой продуктивнѣ, которая въ числѣ современныхъ экономическихъ успѣховъ занимаетъ, конечно, одно изъ первыхъ мѣстъ. Притомъ же, изобрѣтеніе машинъ имѣетъ и въ другомъ отношеніи благотворное вліяніе на судьбу человека. Для производства богатствъ необходимо-нужны физическія силы, нужны дѣтели, которые бы противились усталости, которые бы покорно исполняли самыя тягостныя и затруднительныя работы. Эти тяжелыя матеріальныя труды прежде были удаломъ человека. Нынѣ, въ-сладствіе успѣховъ науки, рука человека замѣняется механическими орудіями, и вмѣсто того, чтобы для этихъ низкихъ и тягостныхъ занятій употреблять людей, мы употребляемъ силы физической природы, которая подчиняется и служитъ намъ. Всякое изобрѣтеніе, всякое приложеніе новой силы къ производству составляетъ для человека драгоценную побѣду надъ природой и подаетъ ему надежду на будущее отъ нея освобожденіе. То, что мы видимъ теперь, доказываетъ уже, что прійдетъ время, когда сама природа будетъ исполнять всѣ тягостныя работы, которыя для человека изнурительны и вредны, которыя ослабляютъ и портятъ его тѣло и не соответствуютъ внутреннему его достоинству. Всякій рычагъ, всякое новое колесо, избавляющее человека отъ излишняго напряженія мускуловъ, являются истиннымъ благодѣяніемъ для человечества, и изобрѣтатели ихъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ изобрѣтенія, заслуживаютъ полной признательности и со стороны современниковъ и со стороны потомства! Поэтому, люди, встающіе противъ изобрѣтенія машинъ, столь же несправедливы, какъ и тѣ, которые нападаютъ на чрезмѣрное усиленіе производительности. Нельзя положить преграду открытіямъ и развитію науки точно такъ же, какъ нельзя остановить успѣховъ промышленности; оба эти явленія—полезны, необходимы и разумны; оба они должны возбуждать къ себѣ не ненависть, а сочувствіе,—должны быть предметомъ не стѣсненія, а покровительства. И если мы, указывая на благотворное и вредное вліяніе машинъ, встречаемся и на этомъ пути съ противорѣчіемъ между послѣдствіями одного и того же начала, то и тутъ не должно забывать, что это противорѣчіе только мнимое, а не действительное, только условное и случайное, а не абсолютное и необходимое. Причины этого противорѣчія и тутъ,—точно такъ же, какъ и при другихъ экономическихъ вопросахъ,—должно искать не въ самомъ изобрѣтеніи машинъ, а въ томъ, что эти машины принадлежатъ одному только классу производителей, въ томъ, что другой, болѣе-многочисленный классъ не пользуется ими, въ томъ, наконецъ, что эти усовершенствованныя орудія производства, сосредоточиваясь въ рукахъ немногихъ капиталистовъ, даютъ имъ средство угнетать населеніе рабочее, живущее физическимъ трудомъ своимъ. Причины противорѣчія, однимъ-словомъ, дол-

нво искать въ томъ же самомъ недостаткѣ современной экономической организаціи, на который мы уже указывали нѣсколько разъ,—въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя существуютъ между производительными силами, —въ отсутствіи всякой связи, всякой общности интересовъ между капиталомъ и трудомъ. До-тѣхъ-поръ, пока не измѣнится это отношеніе, различныя необходимыя условія и элементы прогресса будутъ постоянно находиться между собою въ несогласіи и въ разрывѣ. До-тѣхъ-поръ, пока работникъ будетъ совершенно-чуждъ капиталисту, пока онъ не будетъ участвовать въ его выгодахъ и барышахъ, пока онъ будетъ только наемникомъ его, а не товарищемъ, до-тѣхъ-поръ между производителями всегда будетъ борьба, и всегда борьба эта будетъ оканчиваться для сильнѣйшаго—побѣдой и торжествомъ, для слабѣйшаго — поражениемъ и нищетой. Пока отношеніе между работникомъ и капиталистомъ не будетъ основываться на началахъ взаимной довѣренности, тѣсной связи и справедливости, до-тѣхъ-поръ успѣхи промышленности и народнаго богатства будутъ покушаться дорогою цѣною, цѣною бѣдности и нищеты многочисленнаго класса работниковъ.

И не надо думать, чтобъ тѣ печальныя послѣдствія, которыя производятъ, при нынѣшнемъ экономическомъ устройствѣ, машины и усовершенствованныя способы производства, ограничивались однимъ только уменьшеніемъ въ требованіи на трудъ, однимъ только пониженіемъ задѣльной платы. Размноженіе машинъ имѣло и во многихъ другихъ отношеніяхъ вредное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Уничтоживъ прежнюю мелкую промышленность и прежній домашній, семейный трудъ, оно замѣнило ихъ новой системой производства, дѣйствующей въ огромныхъ размѣрахъ и большими капиталами, и сосредоточивающей въ обширныхъ заведеніяхъ по нѣсколькимъ сотъ работниковъ обоюго пола и всякаго возраста. Этотъ важнѣйшій промышленный переворотъ, изъ котораго извлекли для себя много пользы и производительность и народное богатство, при нынѣшнемъ положеніи вещей, естественно, не могъ принести никакой пользы рабочимъ классамъ и напротивъ во многихъ отношеніяхъ оказался для нихъ чрезвычайно-вреднымъ. Въ такихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ введены были новые способы производства, совершенно уничтожилась классъ мелкихъ фабрикантовъ, которые не могли уже выдерживать соперничества съ обширными мануфактурами, производившими дешевле и средствами болѣе-сильными, болѣе-совершенными и менѣе-стоющими. Съ другой стороны, вмѣстѣ съ замѣной домашняго труда трудомъ на фабрикѣ, исчезъ классъ мастеровыхъ или ремесленниковъ, участь которыхъ была несравненно-завиднѣе участи простыхъ фабричныхъ работниковъ. Тамъ, гдѣ этого рода работники сохранились доселѣ, они пользуются извѣстной степенью достатка, рѣдко подвергаются нищетѣ и не страдаютъ отъ конкуренціи, потому-что ихъ занятія требуютъ долго-временнаго приговорительнаго изученія, извѣстнаго навыка и смѣлности, и могутъ производиться только людьми взрослыми. Притомъ же, въ этихъ ремеслахъ и мастерствахъ существуютъ извѣстныя степени, извѣстная іерархія; смотря по своему искусству или прилежан-

нію, работникъ занимаетъ высшее или низшее место; сильный, смышленный и бережливый ученикъ можетъ надѣяться со-временемъ сдѣлаться подмастерьемъ, потомъ мастеромъ и приобрести себя независимое состояніе. Въ фабричной производительности работникъ не можетъ имѣть такой надежды на повышеніе: онъ вѣчно долженъ оставаться въ одномъ и томъ же положеніи; ему не представляется никакой возможности улучшить свою участь и поступить когда-либо въ классъ фабрикантовъ. Фабрикантомъ въ настоящее время можетъ быть только тотъ, кто имѣетъ въ рукахъ своихъ значительный капиталъ, такой капиталъ, котораго никогда не можетъ накопить себя работникъ, получающій плату, едва достаточную для прокормленія. Поэтому-то и нельзя не жалеть объ уничтоженіи полезнаго класса мелкихъ фабрикантовъ и ремесленниковъ, которые въ промышленномъ мірѣ составляли какъ-бы tiers-état, занимая середину между богатыми капиталистами и бѣдными поденщиками, и связывая между собой эти два класса производителей. Нынѣ въ индустриальной арміи мы не находимъ уже этой посредствующей ступени; нынѣ остались два сословія, отдаленныя другъ отъ друга пропастію: съ одной стороны нѣсколько богачей, съ другой множество пролетаріевъ, которые находятся въ полной зависимости отъ капиталистовъ и никогда не могутъ проникнуть въ эту неприступную для нихъ касту.

Замѣна домашняго и уединеннаго труда трудомъ на фабрикахъ имѣла также опасное вліяніе на физическія и нравственныя силы работниковъ. Собственно говоря, соединеніе людей для труда не заключаетъ въ себя ничего дурнаго и вреднаго, и нѣтъ никакой причины предпочитать этому способу производства семейную и уединенную работу. Человѣкъ созданъ для общества; уединеніе не можетъ ему нравиться и не можетъ быть для него полезно. Притомъ же, нынѣ работа домашняя рѣшительно стала невозможной; возвратиться къ прежнему порядку вещей значило бы остановить усилія производительности, которые тѣсно связаны съ новымъ способомъ производства. Этотъ промышленный переворотъ былъ действительно необходимъ, и онъ, безъ-сомнѣнія, не произвелъ бы никакихъ вредныхъ результатовъ, еслибъ подумали въ-время о послѣдствіяхъ этого новаго явленія, еслибъ заранѣе выговорили въ пользу работниковъ условія, необходимыя для сохраненія ихъ здоровья и нравственности. Но, къ-несчастью, мало обращаютъ вниманія на это важное нововведеніе, и, благоговѣя предъ принципомъ свободной промышленности, оставляютъ фабрикантовъ безъ всякаго надзора, работниковъ — безъ всякаго покровительства. Когда, по случаю различныхъ открывшихся злоупотребленій, правительства рѣшились наконецъ вмѣшаться въ это дѣло, зло успѣло уже вкорениться. Фабриканты воспользовались предоставленнымъ имъ произволомъ и, видя, что прамыя ихъ интересы не соответствуютъ интересамъ рабочихъ, отдали, разумѣется, предпочтеніе своимъ личнымъ выгодамъ. Они не имѣли ни времени, ни желанія наблюдать за нравственностью и благосостояніемъ своихъ наемниковъ; и это равнодушіе произвело множество безпорядковъ и злоупо-

требній. На фабрикахъ, какъ извѣстно, соединяется обыкновенно нѣсколько сотъ людей разнаго пола и разнаго возраста; мужчины, женщины и дѣти работаютъ вмѣстѣ другъ подле друга въ-продолженіе цѣлаго дня. Сближеніе ихъ между собою бываетъ такъ тѣсно, что невозможно прятать самыхъ необходимыхъ мѣръ для сохраненія приличій. Часто на фабрикахъ и мужчины, и женщины и дѣти должны удовлетворять своимъ необходимымъ нуждамъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Часто жръ бываетъ такъ силея, что работники обоого пола принуждены снимать съ себя платье и раздѣваться почти до-нага. Понятно, какъ при такомъ образѣ жизни, при соединеніи женщинъ и дѣтей съ людьми порочными и развратными, должна страдать и мало-по-малу теряться святость женскаго пола, какъ рано и какъ глубоко должна повреждаться нравственность дѣтей. Отъ-этого, во всѣхъ большихъ промышленныхъ городахъ распутство существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Сверхъ того, трудъ на фабрикахъ способствуетъ расторженію семейныхъ связей. Члены одного и того же семейства, занимавъ неодинаковымъ дѣломъ, въ разныхъ комнатахъ, часто даже на разныхъ фабрикахъ, соединяются только на одну минуту по вечерамъ, и такъ-какъ дневная усталость не оставляетъ въ нихъ никакого другаго чувства, кромѣ потребности отдыха, то они спячатъ заснувъ для того, чтобъ на другое утро по пробужденіи снова разстаться на цѣлый день. Между ними всякій обманъ чувствъ и мыслей становится невозможнымъ, и семейныя узы мало-по-малу слабеютъ и уничтожаются.

Наконецъ, не надо забывать и того, что этотъ новый способъ производства необходимо влечетъ за собою физическій упадокъ рабочихъ классовъ. Работа постоянно въ-продолженіе 15, 16 часовъ въ душной мастерской, наполненной зловредными испареніями, работникъ рано или поздно долженъ необходимо утратить свои силы и здоровье. Кромѣ весьма-немногихъ исключеній, фабриканты и въ этомъ отношеніи остаются равнодушными къ участи людей, ими употребляемыхъ въ дѣло, и въ-большой-части не принимаютъ никакихъ мѣръ для охраненія ихъ здоровья отъ вредныхъ послѣдствій, сопровождающихъ обыкновенно работу на фабрикахъ. Весьма-немногіе изъ фабрикантовъ заботятся о исправномъ возобновленіи воздуха въ своихъ заведеніяхъ; весьма-немногіе обращаютъ вниманіе на вредъ, произтекающій для работника отъ продолжительности его занятій. И въ этомъ равнодушіи нѣтъ ничего страннаго, ничего удивительнаго! Можетъ ли существовать дружба тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ общихъ интересовъ, никакой связи, никакой солидарности? Въ глазахъ людей, имеющихъ въ виду только свой капиталъ, могутъ ли имѣть какое-нибудь значеніе здоровье, и въ благосостояніе работниковъ, осужденныхъ на страданія и на-

этому надо прибавить, что въ некоторыхъ отрасляхъ промышленности въ-слѣдствіе чрезмѣрнаго раздѣленія труда, работникъ, для того, чтобы сдѣлаться искуснымъ, долженъ непремѣнно изуродовать себя и губить некоторые изъ своихъ членовъ. Въ другихъ случаяхъ, онъ за ничтожную плату долженъ предпринимать такіа работы, ко-

торыя ежеминутно подвергают жизнь его опасности. Сверхъ того, въ каждой почти отрасли мануфактурной промышленности есть такія занятія, которыя прямо и непосредственно дѣйствуютъ на работниковъ, разстраиваютъ ихъ здоровье и ослабляютъ организмъ ихъ. Чесальщицы хлопчатой бумаги, постоянно занимающіеся этимъ ремесломъ, никогда не избегаютъ чахотки или грудной болѣзни. То же самое можно сказать о каменотѣсахъ, о прачкахъ, о красильщикахъ и о людяхъ, занимающихся обработываніемъ металловъ. Нѣкоторыя занятія производятъ на человека точно такое же дѣйствіе, какъ медленный ядъ, такъ-что можно почти заранее предсказать, какъ долго проживетъ работникъ, избравшій себя такое ремесло. Всего опаснѣе въ этомъ отношеніи занятіе точильщика (grinder). Пыль, отдаляющаяся отъ металла и отъ точильнаго бруска, смѣшивается съ дыханіемъ работника, проникаетъ въ его легкія и смертельно ихъ повреждаетъ, такъ-что точильщикъ никогда не достигаетъ тридцати-пятилѣтняго возраста. Между работникомъ и смертію какъ-будто заключается контрактъ, который никогда не нарушается ни той, ни другой стороною. Тотъ, кто соглашается точить вилки (извѣстно, что англійскія вилки дѣлаются изъ стали), тотъ знаетъ заранее, что онъ ускоритъ минуту своей смерти; и вліяніе этой ужасной работы такъ дѣйствительно, что между такими работниками пьяницы долговѣчныя всѣхъ. Это происходитъ отъ-того, что они отлучаются отъ точильнаго бруска чаще трезвыхъ, и для груди ихъ жгучій алкоголь менѣе губеленъ, нежели сухая пыль, смешанная съ тѣмъ воздухомъ, которымъ они дышатъ. Но вотъ еще замѣчательный фактъ, который также не говоритъ въ пользу экономическаго устройства многихъ фабрикъ. Въ последнее время, для отвращенія указанного нами зла, изобрѣли инструментъ въ родѣ маховъ. Это—пневматическая труба (dustflue), которая прогоняетъ и уноситъ пыль по мѣрѣ того, какъ пыль отдѣляется отъ металла. Но тѣ несчастные, чьихъ пыль эта отравляетъ и убиваетъ,—вмѣсто того, чтобы радоваться спасительному изобретенію, отвергаютъ его и осыпаютъ проклятіями. И этому не должно удивляться. Трудъ, потому самому, что онъ былъ опасенъ, приносилъ работнику нѣсколько лишнихъ пенсовъ. Какъ—скоро опасность уничтожается, конкуренція увеличивается, задѣльная плата понижается. И не лучше ли, не выгоднѣе ли жить нѣсколькими годами менѣе и за то позволить себѣ нѣсколько лишнихъ наслажденій? Такъ разсуждаютъ рабочіе, и вездѣ, гдѣ фабриканты заводятъ спасительный снарядъ, работники встаютъ для его уничтоженія и пляшутъ потому на его обломкахъ.

На умственныя силы работниковъ нынѣшніе способы производства дѣйствуютъ также весьма-неблагопріятнымъ образомъ. Въ-слѣдствіе чрезвычайной продолжительности занятій, рабочіе не имѣютъ почти ни одной минуты свободнаго времени и не могутъ ни учиться, ни читать; въ-слѣдствіе недостаточности получаемой ими платы, они не имѣютъ никакой возможности доставить себѣ даже первоначальное образованіе. Но, кромѣ того, и въ самомъ образѣ и свойствахъ занятій заключается сильная, дѣятельная причина умственнаго упадка рабочихъ классовъ.

«Я видѣлъ въ Манчестерѣ», говоритъ Бюре, «бумагопрядальную фабрику, гдѣ въ одной залѣ находилось около 400 механическихъ станковъ, въ надзорѣ молодыхъ дѣвушекъ; не смотря на ихъ молодость, въ ихъ движеніяхъ и чертахъ лица выражались слезы скуки и утомленія. Невозможно дать даже приблизительнаго понятія о томъ страшномъ шумѣ, среди котораго она жили; шумъ этотъ, съ которымъ нельзя сравнить ни грома, ни пушечныхъ выстрѣловъ, способенъ потрясти всякій члѣвическій организмъ и подавить всякую умственную дѣятельность. Мы замѣтили, что эти несчастныя уже привыкли къ такому шуму жизни; но подобная привычка, если она и существуетъ, приобретаетъ не иначе, какъ цѣною уничтоженія умственныхъ и нравственныхъ силъ человека. Свѣтло могу сказать, что нельзя вообразить себѣ ничего ужаснѣе той, которой подвергаются эти молодыя работницы, принужденныя жить ежедневно въ продолженіе 14 или 16 часовъ среднѣго одуряющаго треска, среди такого шума и стука!» — Отъ чрезвычайнаго раздѣленія труда умственные силы рабочихъ также притупляются и слабеютъ. Когда на фабрикѣ распределеніе работъ доведено до совершенства, то трудъ получаетъ характеръ занятія чисто-механическаго; все дѣло для работника ограничивается однимъ направленіемъ физическихъ силъ, болѣе-достойнымъ животнаго, нежели члѣвическаго. Работникъ приводитъ въ дѣйствіе не умъ, не воображеніе, а только мускулы; онъ не творитъ ничего, а повторяетъ только постоянно и непрерывно одни и те же движенія. «Въ Бирмингамѣ», говоритъ Бюре, «я видѣлъ хрустальный заводъ, на которомъ раздѣленіе труда доведено было до высшей степени совершенства. Издѣлія выдѣлались тамъ безпрестанно изъ рукъ въ руки: для одной части работницы все дѣло состояло въ томъ, чтобъ тереть куски хрустала объ каменные или стальные жернова, — въ продолженіе цѣлаго года не разговаривая другамъ не запинаясь. Можно себя представить, что должно сдѣлаться съ чувствами и съ разумомъ людей, которые ежедневно въ продолженіе 16 часовъ занимаютъ только тѣмъ, что трутъ жерновъ маленькіе кусочки стекла?»

Остроумный французскій литераторъ Лемонтэ, не принадлежащій къ числу экономистовъ, первый обратилъ вниманіе науки на это послѣдствіе чрезвычайнаго раздѣленія труда, на это послѣдствіе, котораго экономисты не могли отрицать, но предпочитали молчаніемъ. «Чѣмъ совершеннѣе будетъ раздѣленіе труда», говоритъ Лемонтэ, «чѣмъ обширнѣе будетъ приложение машинъ, тѣмъ болѣе будетъ слабѣть и притупляться умъ работника. Одна минута, одна секунда, будетъ поглощать все его знаніе, и въ слѣдующую минуту, въ слѣдующую секунду онъ уже будетъ повторять то же самое. Одному въ продолженіе цѣлой жизни замѣнять собой рычагъ; другому — болѣе; третьему — какой-нибудь винтъ. Члѣвекъ превращается въ инструментъ, отъ котораго не требуется никакихъ свойствъ члѣвеческой природы, и механикъ замѣняетъ работника простымъ орудіемъ; лишь-только искусство его усовершенствуется... Дикій, находящійся въ постоянной борьбѣ съ элементами природы, живущій только

тѣмъ, что доставляютъ ему охота и ловля, отличается силой и хитростью, воображеніемъ и здравостью смысла. Земледелецъ, котораго безпрестанныя измѣненія въ погоду, въ цѣнахъ, въ почвахъ, въ способахъ обработыванія принуждаютъ къ безпрестаннымъ разсчетамъ и комбинаціямъ, остается среда своихъ занятій существомъ мыслящимъ... Но если многосложный трудъ развиваетъ умъ человека, то ясно, что трудъ раздробленный долженъ производить совершенно-противное дѣйствіе на работника. Одинъ, сосредоточивая въ рукахъ своихъ цѣлое ремесло, чувствуетъ свою силу и независимость; другой становится подобенъ тѣмъ машинамъ, среди которыхъ живетъ. Онъ не можетъ не сознаться, что онъ не болѣе, какъ вещь прибавочная, и что какъ-скоро онъ отдаленъ отъ машины, у него уже нѣтъ ни способности, ни средствъ существованія. Мнѣ было бы грустно и совѣстно признаться самому-себѣ, что вся жизнь моя прошла надъ тѣмъ только, чтобъ поднимать и опускать клапанъ, и что во всю жизнь я не произвелъ ни разу ничего болѣе восемнадцатой доли булавки.»

Вся эти упреки, безъ-сомнѣнія, совершенно-справедливы и основательны; но въ то же время нельзя не признать, что отъ чрезмѣрнаго раздѣленія работъ зависитъ дешевизна и совершенство продуктовъ, что чѣмъ болѣе дѣлится трудъ, тѣмъ успешнѣе развивается производительность. Тутъ мы опять встречаемъ противорѣчіе между прогрессомъ экономическимъ и прогрессомъ общественнымъ, состоящимъ въ улучшеніи судьбы большинства. Для примиренія этихъ двухъ противорѣчающихъ, но равно необходимыхъ условій прогресса, нѣкоторые писатели предлагаютъ сохранять раздѣленіе работъ, но противодействовать вреднымъ его послѣдствіямъ—безпрестаннымъ измѣненіемъ занятій, и въ особенности соединеніемъ труда земледѣльческаго съ трудомъ мануфактурнымъ. Но, къ-сожалѣнію, средство это не легко примѣнимо; его нельзя осуществить безъ важныхъ перемѣнъ въ отношеніяхъ между капиталомъ и трудомъ. Только посредствомъ этого измѣненія можно спасти производителей отъ той нищеты и отъ того упадка, которыхъ они теперь подвергаются не смотря на успѣхи промышленности и не смотря на развитіе матеріальнаго благосостоянія.

Но изъ всѣхъ вредныхъ послѣдствій нынѣшней системы производства машинами, всего вреднѣе, безъ сомнѣнія, то, что размноженіе машинъ и чрезмѣрное раздѣленіе работъ, облегчая трудъ человека, дали фабрикантамъ возможность замѣнять взрослыхъ мужчинъ женщинами и дѣтьми. Для фабрикантовъ вообще употреблять на своихъ фабрикахъ детей гораздо-выгоднѣе, нежели взрослыхъ, потому-что первыя производятъ столько же, сколько и послѣдніе, но довольствуются гораздо-меньшей задѣльной платой. Это же самое обстоятельство даетъ преимущество а женщинъ надъ мужчиной, а потому число женщинъ и дѣтей, работающихъ на фабрикахъ, увеличивалось съ каждымъ днемъ, теперь сдѣлалось весьма-значительнымъ. Эти несовершенныя работницы вытѣсняють мало-по-малу другихъ и составляютъ нынѣ почти половину всѣхъ агентовъ мануфактурной промышленности. На многихъ фабрикахъ даже вовсе не употребляются взрослые мужчины; въ Бирмингемѣ пра-

зедится по-большой-части одинъ мужчина на десять женщинъ и дѣтей. Число женщинъ, работавшихъ въ 1841 году на англійскихъ фабрикахъ, составляло въ хлопчатобумажной промышленности 48 процентовъ на сто; въ шелковой—51; въ льняной—41; въ шерстявой—29; число дѣтей мо-ложе двадцати лѣтъ составляетъ въ хлопчатобумажной промышленности 35 процентовъ на сто; въ шелковой—30; въ льняной—29; въ шерстя-ной—26. Эти цифры представляютъ явленіе въ высшей степени не утѣ-шительное, если только обратитъ вниманіе на бѣдственную участь этихъ женщинъ и дѣтей. Употребленіе такихъ несовершеннолѣтнихъ работниковъ въ мануфактурной промышленности было сопряжено и сопрягастся до-нынѣ съ величайшими злоупотребленіями. Дѣтей обыкновенно при-нимали на фабрики слишкомъ-рано, прежде, чѣмъ они дѣлались спо-собны къ такого рода занятіямъ; и въ Англии, и во Франціи, и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ на фабрикахъ работали очень-часто дѣти шести, пяти, четырехъ лѣтъ. Въ Англии даже въ одной мастерской найденъ былъ двух-лѣтній ребенокъ, работавшій под-ля своей матери. Дѣтей заставляли работать столько же, сколько и взрослыхъ; женщинъ столько же, сколько и мужчинъ; и тѣхъ и дру-гихъ обременяли занятіями тяжкими, изнурительными, несоответство-вавшими степени развитія ихъ силъ, несообразными съ ихъ поломъ или возрастомъ. Съ дѣтьми обращались по-большой-части дурно, даже жестоко; ихъ угнетали и притѣсняли, обременяли побоями, наносили имъ раны, доходили даже до убійства. Но, независимо отъ страданій, которыми подвергались эти несчастныя, обременительный и чрез-мѣрный трудъ на фабрикахъ, на заводахъ, въ рудникахъ имѣлъ самое губительное вліяніе на физическое и нравственное ихъ состояніе. Онъ разстроивалъ ихъ здоровье, ослаблялъ ихъ организмъ, останавливалъ его развитіе и такимъ образомъ убивалъ физическія силы новой гене-раціи въ самомъ ихъ зародышѣ. Онъ лишалъ дѣтей возможности по-лучить образованіе и развитіе своимъ умственнымъ способностямъ, уничтожалъ въ нихъ всякое нравственное достоинство, съ самыхъ раннихъ лѣтъ приучалъ къ разврату и пороку, и приготавливалъ обществу гражданъ больныхъ, слабыхъ, невѣжественныхъ, развратныхъ, убитыхъ физи-чески и морально. Такія страшныя послѣдствія не могли не обратитъ на себя вниманія; страданія этихъ несчастныхъ не могли не найти себя отголоска въ общественномъ мнѣніи; и дѣйствительно, эти злоупо-требленія были такъ ужасны, что правительства всѣхъ почти госу-дарствъ принуждены были принять дѣятельныя мѣры для охраненія здоровья и нравственности дѣтей отъ корыстолюбія родителей и тирани-зма фабрикантовъ. Въ Англии особенно обращено было сильное вни-маніе на этотъ вопросъ, и издано было множество законовъ для про-тиводѣйствія злу, которое дѣйствительно въ этой странѣ проявилось сильнѣе и ужаснѣе, нежели въ другихъ государствахъ Европы. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна исторія англійскаго законодательства, такъ болѣе, что по этому предмету нельзя негдѣ найти такихъ обиль-ныхъ матеріаловъ, какъ въ Англии, гдѣ многочисленныя слѣдствія, про-изведенныя по предписанію парламента, раскрыли такія неслыханныя

тайны, которымъ мудрено было бы повѣрять, еслибъ извѣстiя о нихъ не происходили изъ источниковъ вполне-достоверныхъ.

Въ концѣ прошлаго столѣтiя, фабрикантамъ, жаловавшимся на возвышенiе пошлинъ, знаменитый Питтъ указалъ на работу дѣтей, какъ на средство, которое должно было значительнымъ-образомъ облегчить тяжесть ихъ положенiя. Это указанiе перваго министра не пропало даромъ: фабриканты послѣдовали его совѣту, и уже тогда положено было начало набору дѣтей и женщинъ на фабрики,—набору, который, усиливаясь мало-по-малу, распространился нынѣ на весь классъ рабочаго народонаселенiя. Прежде всего подверглись этой участи тѣ дѣти бѣдныхъ, которыя содержались насчетъ приходовъ. Вотъ, какъ описывалъ ихъ страданiя, лѣтъ тридцать назадъ, одинъ изъ богатѣйшихъ тогдашнихъ фабрикантовъ, отецъ сэра Роберта Пила: «Фабрики заведены «были сначала въ мѣстахъ мало-населенныхъ; для того, чтобъ приво- «дять машины въ дѣйствию, нужно было занять у большихъ городовъ «избытокъ ихъ народонаселенiя; и въ-слѣдствiе того нѣсколько тысячъ «дѣтей, отданныхъ приходами въ ученiе, присланы были на эти фа- «брики изъ Лондона, Бирмингама и другихъ дистриктовъ. Компанiя, въ «которой я участвовалъ, одна вызвала для себя тысячу такихъ учени- «ковъ. Въ свободное время, я иногда посѣщалъ и осматривалъ наши «фабрики, и при этихъ осмотрахъ меня всякій разъ поражалъ болѣз- «ненный видъ дѣтей и малый ростъ ихъ. Продолжительность ихъ за- «нятiй опредѣлялась личнымъ интересомъ управителя фабрики. Чѣмъ «больше производилъ работникъ, тѣмъ больше получалъ онъ жало- «ванья, а потому онъ для собственной своей выгоды принуждалъ «дѣтей къ чрезмѣрно-продолжительнымъ занятiямъ, а чтобъ они не «жаловались, онъ давалъ имъ незначительныя награжденiя. Скоро я «убѣдился, что эти злоупотребленiя существуютъ не на однихъ нашихъ «фабрикахъ; я узналъ, что и въ другихъ заведенiяхъ изнуряютъ дѣтей «слишкомъ-продолжительной работой и вовсе не заботятся о чистотѣ «рабочихъ комнатъ и возобновленiи въ нихъ воздуха. Тогда я пред- «ложилъ парламенту билль объ искорененiи этихъ злоупотребленiй и по- «становленiи извѣстныхъ правилъ для работы дѣтей на фабрикахъ».

Этотъ законъ, принятый парламентомъ по предложенiю Пила, по- «вѣщивалъ, чтобъ дѣти бѣдныхъ, отданныхъ приходами въ ученiе, не работали на фабрикахъ болѣе двѣнадцати часовъ въ день. Но пред- «писанiя этого закона, относясь только къ сиротамъ безсемейнымъ, пренебрежимымъ отъ общества, не распространялись на тѣхъ дѣтей, которыя жили вмѣстѣ съ родителями и находились въ ихъ распоряженiи. Очень-по- «нятно, что фабриканты, стѣсненные въ употребленiя на работу сиротъ, обратились къ дѣтямъ работниковъ. Въ-слѣдствiе изобретенiя паровыхъ машинъ, фабрики и заводы переведены были въ города, и промышленность стала набирать для себя работниковъ изъ всѣхъ семействъ, при- «надлежащихъ къ городскому рабочему населенiю. Съ этихъ самыхъ поръ начался быстрый упадокъ молодыхъ поколѣвiй какъ въ физиче- «скомъ, такъ и въ нравственномъ отношенiи. Дѣти должны были рабо- «тать на фабрикахъ ежедневно въ-продолженiе тринадцати и четырнад-

для часовъ; и для того, чтобъ они безропотно исполняли тяжкія обязанности, на нихъ возложенныя, родители предоставляли имъ въ полное распоряженіе часть тѣхъ денегъ, которыя они выработывали. Такимъ-образомъ, дѣти пріобрѣтали самостоятельность весьма-рано; и это преждевременное освобожденіе ихъ изъ-подъ отеческой власти было, разумеется, въ высшей степени вредно для ихъ нравственности. Отецъ сара Роберта Пилля снова обратилъ на это вниманіе парламента. «Если парламентъ не вступится въ это дѣло» говорилъ онъ въ 1816 году: «то цѣль изданнаго имъ закона вовсе не будетъ достигнута. Перестанутъ употреблять на фабрикахъ учениковъ, принадлежащихъ приходамъ, но вмѣсто ихъ призовутъ другихъ дѣтей, которыя не будутъ связаны съ своими хозяевами постоянными контрактами и не будутъ имѣть для себя никакого обезпеченія. Употребленіе работы дѣтей на фабрикахъ будетъ имѣть для новыхъ поколѣній столь вредныя, столь горестныя послѣдствія, что я не могу подумать объ этомъ безъ ужаса, и усовершенствованіе машинъ и способовъ производства, вмѣсто ожидаемыхъ благодѣяній, принесетъ нашему отечеству самыя горькіе плоды».

Предсказаніе стараго Пилля въ настоящую минуту дѣйствительно сбылось. Англія теперь убѣдилась, что нелегко искоренить зло, которое уже успѣло тѣсно слиться съ народною жизнью. Уже болѣе тридцати лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ обратили въ первый разъ вниманіе на несчастную участь дѣтей, работающихъ на фабрикахъ; во все продолженіе этого времени и правительство, и парламента, и частныя люди не переставали ни на минуту заботиться объ улучшеніи этой участи; и не смотря на всѣ усилія, зло не только не уничтожилось, но напротивъ усиливается съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе. Первый протестъ въ пользу дѣтей поданъ былъ человекомъ, который посвятилъ всю жизнь свою на служеніе человечеству и который заслугами своими пріобрѣлъ полное право на уваженіе современниковъ и потомства: мы говоримъ о Робертѣ Овенѣ (Owen). Бывъ довольно-долго управителемъ бумагопрядильной фабрики въ Манчестерѣ, Робертъ Овенъ купилъ себя въ-послѣдствіи извѣстное нью-ленеркское (New-Lanark) заведеніе въ Шотландіи, въ которомъ 500 дѣтей отъ пяти до восьми лѣтъ употреблялись для приведенія машинъ въ дѣйствіе. Эти маленькіе работники, хорошо-накормленные, хорошо-одѣтые, съ перваго взгляда казались съжыми и здоровыми; но Овенъ скоро убѣдился, что у многихъ изъ нихъ ноги и руки были изуродованы, что они вообще не росли, и что отъ постоянной усталости умственные способности ихъ такъ ослабѣли, что они не могли даже выучиться читать по складамъ. Немедленно приняты были мѣры для того, чтобъ пресечь зло въ самомъ его источникѣ; предписано было, чтобъ дѣти работали не болѣе десяти съ половиною часовъ въ день, и запрещено было принимать на фабрику дѣтей моложе десяти лѣтъ. Такимъ-образомъ, Робертъ Овенъ подалъ первый примѣръ улучшенія судьбы дѣтей; но онъ не ограничился этимъ: онъ хотѣлъ, чтобъ и другіе фабриканты послѣдовали его примѣру и стали дѣятельно трудиться для достиженія этой общественной цѣли. Но труды его въ этомъ от-

пошеніи не увѣнчались успѣхомъ; фабриканты не хотѣли пожертвовать своими личными выгодами требованіямъ человеколюбія, и потому Овенъ рѣшился предложить это дѣло на разсмотрѣніе законодательныхъ собраній. Овенъ требовалъ, чтобъ законъ ограничилъ произволъ фабрикантовъ и предписалъ имъ извѣстные правила для употребленія работы дѣтей на фабрикахъ. Онъ предлагалъ, чтобъ запрещено было занимать дѣтей работой болѣе десяти съ половиною часовъ въ день и принимать на фабрики моложе десяти лѣтъ. Онъ требовалъ также, чтобъ дѣти моложе двѣнадцати лѣтъ не работали болѣе пяти съ четвертью часовъ въ день. Сэръ Робертъ Пиль, отецъ нынѣшняго знаменитаго министра и одинъ изъ наиболее-уважаемыхъ членовъ нижней палаты, согласился внести этотъ билль въ парламентъ и поддерживать его своимъ вліяніемъ. Но проектъ его въ нижней палатѣ встрѣтилъ сильную оппозицію со стороны фабрикантовъ, которые настояли на томъ, чтобъ произведено было слѣдствіе по этому предмету. Слѣдствіе продолжалось почти три года, и послѣ долгихъ разсужденій въ палатѣ, билль, предложенный Пилемъ, былъ принятъ, но съ такими измѣненіями, которые совершенно уничтожали его силу. Запрещено было фабрикантамъ принимать дѣтей моложе десяти лѣтъ и занимать ихъ работой болѣе двѣнадцати часовъ въ день.

Законъ 1819 года не принесъ дѣтямъ почти никакой пользы; но онъ былъ весьма-важенъ въ томъ отношеніи, что открылъ собою путь къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ. Этимъ закономъ признавалось право вмешательства общественной власти въ это дѣло; на государство и на будущее время налагалась обязанность оказывать свое покровительство тѣмъ, которые не могутъ сами произвольно располагать своею участіемъ. Въ 1825 году, въ слѣдствіе новыхъ усилій со стороны англійскихъ филантроповъ, актъ 1819 года былъ подтвержденъ, при чемъ предписаны были новыя правила для сохраненія здоровья дѣтей, употребляемыхъ на фабричную работу. Въ 1831 году, для противодѣйствія вновь-открытымъ злоупотребленіямъ, парламентъ запретилъ употреблять дѣтей для ночныхъ работъ; но многіе фабриканты, пользуясь корыстолюбіемъ родителей, уклонились отъ предписаній 1825 и 1831 годовъ, и такимъ-образомъ, не смотря на благонамѣренныя усилія парламента, положеніе дѣтей нисколько не улучшилось.

Въ это время, работники въ первый разъ обратили сами вниманіе на это дѣло, близко до нихъ касавшееся, и рѣшились принять участіе въ судьбѣ дѣтей. Въ значительнѣйшихъ городахъ Англіи, въ Манчестерѣ, въ Глазгоу, въ Лидсѣ составились для этой цѣли комитеты (short times committees), которые посредствомъ митинговъ и адресовъ старались склонить общественное мнѣніе на свою сторону. Но работники не ограничивались частнымъ вопросомъ о работѣ дѣтей; она простирала свои виды гораздо-дальше, и хотѣли, чтобъ парламентъ опредѣлилъ закономъ число рабочихъ часовъ не для однихъ дѣтей, но и для людей взрослыхъ. Требования ихъ были предложены на разсмотрѣніе нижней палаты, которая предписала произвести по этому предмету подробное изслѣдованіе. Комиссія, на которую возложена была эта обязан-

вость, занималась въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Члены ея не могли согласиться между собой и представили палатѣ одинъ только собранныя ими свидѣнія, не высказавъ при этомъ своего мнѣнія. Обнародованіе этихъ отчетовъ произвело сильное впечатлѣніе и въ Англіи и во всей Европѣ. Въ этихъ документахъ, положеніе рабочихъ классовъ представлено было въ столь ужасномъ видѣ, что казалось многимъ совершенно-незаслуживающимъ вѣроятія. Дѣйствительно, эти свидѣнія основывались почти-исключительно на показаніяхъ самихъ работниковъ, и фабриканты громко жаловались на пристрастіе членовъ комиссіи. Тогда правительство, по желанію парламента, рѣшилось произвести новое изслѣдованіе. Во все большіе города посланы были комиссары, которые должны были, выслушавъ все различныя мнѣнія и рассмотрѣвъ собственными глазами положеніе дѣлъ, представить вѣрный и безпристрастный отчетъ. Комиссары раздѣлили между собой тѣ дистрикты, въ которыхъ имъ поручено было произвести изслѣдованіе, и дѣтельно принялись за исполненіе возложенной на нихъ обязанности. Слѣдствіе производилось въ-продолженіе трехъ мѣсяцевъ, и документы, представленные палатѣ въ іюль 1833 года, составили четыре большіе тома in-folio. Эти свидѣнія, собранныя новыми комиссарями, были весьма-неблагопріятны для фабрикантовъ; они по-большой-части подтвердили тѣ показанія, на которыхъ основаны были отчеты, представленные комиссіей 1832 года.

Комиссары объявляли, что дѣти, употребляемыя на фабрикахъ, работаютъ столько же, сколько и взрослые люди, и что эта чрезмерная продолжительность занятій сопровождалась для нихъ слѣдующими послѣдствіями: во-первыхъ, потерей здоровья, во-вторыхъ — болѣзнями, часто неизлечимыми, и, въ-третьихъ, совершенною невозможностью получить надлежащее воспитаніе. Они прибавляли къ этому, что дѣти дѣйствовали не по собственной своей волѣ, что ихъ продавали фабрикантамъ родители, которые приспосабливали себя все заработываемыя ими деньги. Комиссары приходили къ тому заключенію, что внимательство законодательной власти было рѣшительно необходимо для того, чтобъ положить конецъ этимъ злоупотребленіямъ, и требовали, чтобъ работа дѣтей была ограничена восемь или девятью часами въ день.

Эти заключенія подали поводъ къ продолжительнымъ и жаркимъ преніямъ въ нижней палатѣ. Лордъ Ашлей, только-что выступившій тогда на то филантропическое поприще, на которомъ онъ успѣлъ оказать отечеству столько важныхъ заслугъ, представилъ палатѣ билль, въ которомъ число рабочихъ часовъ опредѣлялось какъ для малолѣтнихъ, такъ и для взрослыхъ работниковъ. Но тогдашній канцлеръ лордъ Альтгорпъ потребовалъ, чтобъ палата оказала покровительство только тѣмъ, которые сами не могутъ о себѣ заботиться, не стѣсняя при этомъ ни въ чемъ свободы людей взрослыхъ. Это измѣненіе принято было большинствомъ 238 голосовъ противъ 93; и законъ 29 августа 1833 года, принятый послѣ долгихъ и жаркихъ споровъ, постановилъ права для однихъ только малолѣтнихъ работниковъ. Законъ этотъ послужилъ образцомъ и примѣромъ для всехъ постановленій, изданныхъ

по этому предмету въ другихъ европейскихъ государствахъ; но, не смотря на то, въ немъ заключается много весьма-важныхъ и существенныхъ недостатковъ, въ-слѣдствіе которыхъ онъ не достигъ своей настоящей цѣли и оказался въ послѣдствіи времени совершенно-бесплоднымъ и бесполезнымъ.

Самый важный недостатокъ заключается въ томъ, что фабрикантамъ предоставлено было право въ извѣстныхъ случаяхъ выходить изъ предѣловъ, назначенныхъ парламентомъ для числа рабочихъ часовъ. Это дозволялось имъ тогда, когда отъ какого-нибудь неожиданнаго случая прекращалась внезапно работа и терялось даромъ много времени. Но это дозволеніе подало сильный поводъ къ обманамъ и злоупотребленіямъ, и представило фабрикантамъ вѣрное и безопасное средство уклоняться отъ предписаній закона. Когда фабрикантъ хотѣлъ, чтобы его работники занимались въ день болѣе узаконеннаго числа рабочихъ часовъ, то онъ всегда могъ достигнуть своей цѣли и привести свое намѣреніе въ исполненіе по тѣмъ предлогамъ, что ему нужно было вознаграждать себя за время, будто-бы имъ потерянное. Сверхъ того, законъ 1833 года относился только къ бумажнымъ, шерстянымъ, льнянымъ и шелковымъ фабрикамъ. Вся другія отрасли промышленности, и даже въ этихъ четырехъ отрасляхъ вся домашнія мастерскія, освобождены были отъ предписанія закона. Отъ этого происходило неравенство между различными отраслями труда, — неравенство, которое было и вредно и несправедливо. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, заключалось одно изъ самыхъ важныхъ несовершенствъ законодательной мѣры; и къ-сожалѣнію, послѣдующими распоряженіями несовершенство это нисколько не исправлено, а, напротивъ, оставлено почти во всей своей силѣ.

Постановленія закона, относящіяся въ-особенности къ дѣтямъ, также не заслуживаютъ большой похвалы. Запрещено было фабрикантамъ употреблять на фабрикахъ дѣтей моложе девяти лѣтъ. Отъ девяти до тринадцати лѣтъ дѣти должны были работать не болѣе восьми часовъ въ день, отъ тринадцати до восемнадцати—не болѣе двѣнадцати часовъ. До восемнадцатилѣтняго возраста, никто не могъ быть принятъ на фабрику, если не имѣлъ аттестата о своемъ возрастѣ и здоровьѣ. Аттестатъ этотъ долженъ былъ быть подписанъ докторомъ и засвидѣтельствованъ мѣстнымъ начальствомъ. Но парламентъ, назначая для работы дѣтей восемь часовъ въ день, поступилъ въ этомъ отношеніи весьма-необдуманно. Когда дѣти работаютъ менѣе, нежели взрослые, то имъ необходимо снѣгать другъ друга; необходимо, чтобы взрослый работникъ имѣлъ при себѣ двухъ помощниковъ, изъ которыхъ одинъ бы работалъ утромъ, другой—вечеромъ. Но такъ-какъ среднимъ числомъ работа на фабрикахъ продолжается обыкновенно отъ двѣнадцати до тринадцати часовъ въ день, то выходитъ, что дѣти собственно не могли работать въ день болѣе шести часовъ съ половиной, не смотря на то, что законъ позволялъ имъ работать въ-продолженіе восьми часовъ.

Уменьшая для дѣтей число рабочихъ часовъ, законодатель не только хотѣлъ оградить ихъ здоровье и физическія силы, но имѣлъ въ виду также собрать для нихъ время, нужное для ихъ воспитанія. Одна-

кожъ, по весьма-странной непредусмотрительности, парламентъ, объявивъ, что дѣти, употребляемыя на фабрикахъ, обязаны посѣщать школы, не позаботился объ учрежденіи для нихъ этихъ школъ. Законъ, следовательно, предписывалъ невозможное и, само-собой разумется, не былъ исполненъ.

Самая большая польза, принесенная закономъ 1833 года, заключается въ томъ, что для исполненія предписанныхъ правилъ принята была мѣра, во всехъ отношеніяхъ весьма-благодѣтельная. На основаніи этой мѣры, правительство получило отъ парламента право назначать четырехъ инспекторовъ для постоянного надзора за фабриками и мануфактурами. Эти инспекторы имѣютъ право посѣщать малолѣтнихъ работниковъ во время ихъ занятій, во всякій часъ дня и ночи, предписывать фабрикантамъ правила для обращенія съ ними; наблюдать за веденіемъ счетныхъ книгъ, ревизовать школы и призывать къ суду фабрикантовъ и родителей, виновныхъ въ нарушеніи закона. Это новое учрежденіе не могло понравиться народу: оно было противно правамъ Англіи, гдѣ каждый гражданинъ смотритъ на свой домъ или на свое заведеніе какъ на крѣпость, въ которую не можетъ проникнуть власть общественная. Поэтому, нововведеніе сначала возбудило противъ себя сильное негодованіе; однакожъ, въ рукахъ людей честныхъ и благо-разумныхъ, оно принесло самые полезные плоды. Если доселѣ не прекращается движеніе, возбужденное въ 1833 году; если законъ не остался совершенно-безплоднымъ, если собрано теперь множество самыхъ вѣрныхъ указаній для дальнѣйшихъ преобразованій, то, безъ всякаго сомнѣнія, Англія всеми этими результатами обязана единственному учрежденію инспекторовъ для надзора за фабриками и мануфактурами.

По примѣру Англіи, и другія государства старались улучшить положеніе дѣтей, работающихъ на фабрикахъ; но мѣры, ими принятыя, были также по-большой-части совершенно-безуспѣшны. Въ Соединенныхъ-Штатахъ только въ одномъ Массачузетъ обращено было вниманіе на этотъ вопросъ; постановлено было, что дѣти моложе пятнадцати лѣтъ не могутъ работать на фабрикахъ, если они предварительно не получили первоначальнаго образованія въ высшихъ училищахъ. Но эта мѣра принята была не столько для организаціи труда, сколько для того, чтобъ распространить въ народъ просвѣщеніе. Въ Швейцаріи, Цюрихскій Кантонъ запрещаетъ принимать на бумаго-прядильныя фабрики дѣтей моложе десяти лѣтъ, но позволяетъ имъ работать въ-продолженіе двѣнадцати часовъ. Въ Ааргау дѣти не могутъ работать прежде четырнадцати лѣтъ, и притомъ фабриканты непременно обязаны заботиться о ихъ воспитаніи. Ни въ одномъ европейскомъ государствѣ не издано было такого строгаго постановленія; только въ Ааргау требованіямъ челоуколюбія принесены были въ жертву все другіе интересы. Въ Пруссіи, по закону 1839 года, никто не можетъ быть принятъ на фабрику, на заводъ или рудникъ ранѣе девяти лѣтъ, и до шестнадцати лѣтъ никто не можетъ работать болѣе десяти часовъ въ день. Во всякомъ случаѣ ребенокъ не можетъ поступить на фабрику, если

онъ не посещалъ школы въ-продолженіе трехъ лѣтъ, и если онъ не умѣетъ читать и писать. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ время припѣтія на фабрики назначено въ одиннадцать лѣтъ, а продолжительность работъ въ двѣнадцать часовъ. Въ Баваріи, закономъ 1840 года, запрещено принимать на фабрики, заводы и рудники дѣтей моложе девяти лѣтъ; а дѣтямъ отъ девяти до двѣнадцати лѣтъ положено работать не болѣе десяти часовъ въ день, включая сюда и два часа, назначенные для посещенія школы. Вообще, отъ нѣмецкихъ законовъ можно было бы требовать большаго совершенства, потому-что въ Германіи гораздо-легче было искоренить зло, нежели въ Англіи, гдѣ оно уже слишкомъ-твердо укоренилось, и гдѣ съ его сохраненіемъ тѣсно связаны интересы богатаго и могущественнаго сословія. Законы германскихъ государствъ имѣютъ надъ англійскими то преимущество, что они не ограничиваются одними фабриками, а распространяютъ также свое дѣйствіе на заводы и на рудники. Но съ другой стороны, въ Германіи правительство оказываетъ свое покровительство только дѣтямъ, между-тѣмъ, какъ въ Англіи оно простираетъ свою заботливость на всѣхъ несовершеннолѣтнихъ работниковъ.

Во Франціи въ 1841 году изданъ былъ также законъ о работѣ дѣтей, законъ весьма-несовершенный и недостаточный. Онъ имѣетъ болѣе-обширный кругъ дѣйствія, нежели законъ англійскій, потому-что относится не къ однимъ фабрикамъ, но также къ рудникамъ и заводамъ, но не распространяется на небольшія мастерскія, гдѣ преимущественно дѣти обременяются работою и чаще, чѣмъ въ другихъ заведеніяхъ подвергаются дурному и жестокому обращенію. Законъ 1841 года опредѣляетъ, что дѣти не могутъ быть принимаемы на фабрики, заводы и рудники моложе восьми лѣтъ; что отъ девятаго до тринадцатаго года они должны работать не болѣе восьми часовъ въ день, а отъ двѣнадцатаго до шестнадцатаго года не болѣе двѣнадцати часовъ. Дѣтямъ моложе тринадцати лѣтъ запрещено работать ночью. Но всѣ эти предписанія также заключаютъ въ себѣ весьма-много существенныхъ недостатковъ и вовсе не приводятъ къ тѣмъ результатамъ, къ какимъ должны были бы привести. Такимъ-образомъ, какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ государствахъ, успѣха и дѣйствія законодателей не достигли своей истинной цѣли и не облегчили участи несчастныхъ дѣтей. Англія имѣетъ, однакожъ, надъ всеми другими странами то важное преимущество, что въ ней послѣдствія ея поставленія приведены во всеобщую извѣстность, что даетъ возможность убедиться въ несовершенствѣ ея законовъ и найти средство къ ихъ исправленію и дополненію.

Въ 1837 году, черезъ четыре года послѣ обнародованія закона, напечатаны были донесенія нѣкоторыхъ инспекторовъ фабрикъ о послѣдствіяхъ новыхъ мѣръ, принятыхъ парламентомъ. Изъ донесеній этихъ видно, что вообще цѣль закона не была достигнута, и что положеніе дѣтей весьма-мало улучшилось. Многіе фабриканты, для того, чтобы не подчиниться стѣснительнымъ предписаніямъ новаго закона, исключили изъ своихъ заведеній всѣхъ дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ. Дру-

не употребляли разныхъ хитростей, чтобы уклониться отъ исполненія установленныхъ для нихъ правилъ, и всего чаще посредствомъ фальшивыхъ аттестатовъ относили къ категоріи молодыхъ людей — дѣтей, которымъ не болѣе одиннадцати или двѣнадцати лѣтъ; а такъ-какъ истинные суды состояли преимущественно изъ фабрикантовъ, то естественно, что судьи для своихъ личныхъ выгодъ часто оставляли безъ наказанія эти нарушенія закона. Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ системъ снѣны однихъ дѣтей другими не правилась фабрикантамъ и рѣдко ни была употреблена. Даже тамъ, гдѣ она приведена была въ исполненіе, она не приносила никакой пользы, потому-что дѣти, работавшія утромъ на одной фабрикѣ, вечеромъ работали на другой; и дѣдамъ ихъ столько же невразумительно смотрѣли на законъ, какъ и сами фабриканты.

Изъ статьи закона, на основаніи которой дѣти, работавшія на фабрикахъ, обязаны были непременно получать первоначальное образованіе, вышло жертвой буквой. За исключеніемъ несколькихъ фабрикъ, гдѣ заведены были школы самими фабрикантами, въ средствахъ образованія оказался совершенный недостатокъ; притомъ же заведенныя школы во-большой-части оставались пустыми въ-слѣдствіе нерадѣнія родителей и лѣности дѣтей. Изъ двухъ тысячъ дѣтей тринадцати или четырнадцати лѣтъ, испытанныхъ въ Манчестерѣ въ 1836 году, тысяча шестидесять-семь не умѣли читать. Между-тѣмъ, дѣти эти выработывали себя во-большой-части отъ пяти до семи шиллинговъ въ недѣлю, а отцы ихъ отъ двадцати-пяти до тридцати.

Донесенія инспекторовъ съ 1837 по 1841 годъ показываютъ, что и въ это время законъ оставался безуспѣшнымъ. Одинъ инспекторъ объявилъ, что въ Графствѣ Ланкастерскомъ запрещеніе занимать дѣтей болѣе восьми часовъ въ день рѣдко исполнялось. По-большой-части самые малолѣтныя дѣти снабжены были такими аттестатами, которые показывали, что они достигли тринадцатилѣтняго возраста. Такого рода аттестаты весьма-обыкновенны. Съ 8 сентября по 14 ноября 1842 года, ланкастерскимъ инспекторомъ повѣрено было сто-девять аттестатовъ на тридцати-девяти фабрикахъ. Эта повѣрка показала, что изъ ста-девяти дѣтей, только двадцать-шесть имѣли действительно тотъ возрастъ, который былъ указанъ въ ихъ свидѣтельствѣ. Вся донесенія единогласно подтверждаютъ, что фабриканты, для избавленія себя отъ стѣснительныхъ постановленій закона, перестали принимать къ себѣ на фабрики дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, такъ-что число дѣтей, употребляемыхъ въ четырехъ главныхъ отрасляхъ промышленности, значительно уменьшилось. Такъ, на-примѣръ, въ Йоркширѣ, въ 1838 году, фабриканты употребляли 95,000 работниковъ; а въ 1843 году — 106,500; прибавивъ работникамъ прибавилось, слѣдовательно, 11,500 человекъ. Эта прибавка касается только людей взрослыхъ и молодыхъ; число дѣтей моложе двѣнадцати лѣтъ уменьшилось двумя тысячами. На фабрикахъ теперь всего охотнѣе употребляютъ тахъ молодыхъ людей, которые старше тринадцати лѣтъ. Но и по отношенію къ нимъ постановленія закона не соблюдаются. На некоторыхъ фабрикахъ заставля-

ютъ ихъ чистить машины въ часы, назначенные для обѣда или для отдыха. На другихъ, гдѣ взрослые работаютъ болѣе двѣнадцати часовъ въ день, молодые люди моложе восемнадцати лѣтъ оставляютъ заведеніе вмѣстѣ со всеми другими, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ожидаютъ посѣщенія инспектора. Многие родители съ согласія фабрикантовъ и съ помощью фальшивыхъ аттестатовъ переводятъ несовершеннолѣтнихъ въ категорію взрослыхъ. На одной бумагопрядильной фабрикѣ въ Манчестерѣ молодыя дѣвушки работаютъ отъ шести часовъ утра до девяти вечера и не покидаютъ заведенія даже во время обѣда, потому-что машина ни на минуту не останавливается.

Что касается до дѣтей моложе тринадцати лѣтъ, то не надо думать, чтобъ ихъ положеніе улучшилось отъ-того, что фабриканты теперь не охотно употребляютъ ихъ на своихъ фабрикахъ. Предписанія закона, какъ уже мы видѣли, распространяются не на всю отрасль промышленности, а потому весьма-попятно, что дѣти, изгнанныя изъ одной отрасли, находятъ себѣ убѣжище въ другой, и тамъ подвергаются такимъ же страданіямъ, какимъ подвергались и прежде. Такимъ-образомъ, законъ не уничтожилъ зла, а только переменялъ его. Нынѣче, съ одной стороны, фабриканты употребляютъ дѣтей не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости; съ другой стороны, родители для дѣтей своихъ предпочитаютъ ограниченному труду на фабрикѣ — неограниченный и, следовательно, болѣе-выгодный трудъ на рудникахъ и въ небольшихъ мастерскихъ. Потому-то въ настоящее время изъ 500,000 работниковъ, употребляемыхъ на большихъ фабрикахъ, дѣтей не болѣе 25,000, между-тѣмъ, какъ до 1835 года они во многихъ заведеніяхъ были единственными работниками.

Но что же случилось съ дѣтьми, покинувшими фабрики? улучшилась ли ихъ участь отъ этого изгнанія? Парламентъ обратилъ вниманіе на этотъ вопросъ, и 4-го августа 1840 года, по предложенію лорда Ашлея, важная палата обратилась къ королевы съ просьбой, чтобъ правительство произвело изслѣдованіе о состояніи дѣтей и несовершеннолѣтнихъ молодыхъ людей, употребляемыхъ въ рудникахъ и въ тѣхъ мастерскихъ, на которыя не распространялось дѣйствіе закона, изданнаго въ 1833 году. Следствіе это производилось людьми извѣстными и опытыми и продолжалось цѣлые два года. Отчеты этой комиссіи показали, что законодателя оставили безъ вниманія тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ ихъ покровительствѣ, и что работа дѣтей на фабрикахъ можетъ даже показаться здоровою и легкою въ сравненіи съ работою ихъ на заводахъ и въ рудникахъ. Эти отчеты привели въ извѣстность такіе ужасные факты, которые, казалось, не могли бы и встрѣчаться въ нашъ образованный вѣкъ и въ нашихъ образованныхъ обществахъ; эти факты лучше всего показываютъ, до какихъ страшныхъ злоупотребленій доводитъ экономическое устройство, не допускающее никакой связи и никакой солидарности между фабрикантами и работниками.

Въ каменно-угольныхъ копяхъ дѣти часто начинали работать съ четырехлѣтняго возраста. Ихъ употребляли тамъ въ качествѣ *трапперовъ* (trapper). Она помышались въ подземелья въ маленькой и узкой

нишъ, находившейся возлѣ двери; обязанность ихъ была весьма-немногосложна. Они должны были отворять дверь, за которую стояли, чтобъ пропускать вагоны съ каменнымъ углемъ, и потомъ тотчасъ же затворять ее снова. Если бѣ трапперъ на одну минуту позабылся и не исполнялъ своей обязанности, то газы, отдающіеся отъ угля, могли бы разгорячиться и взорвать все заведеніе на воздухъ. Такимъ-образомъ, это маленькое существо, въ которомъ удивленіе убывало по-большой части вся умственныя способности, отвѣчало и за цѣлость руды и за жизнь всѣхъ работниковъ. Нельзя вообразить себѣ ничего печальнѣе существованія этого ребенка. Въ три часа утра онъ уже покидалъ свою жесткую постель и спускался въ колодезь, въ которомъ долженъ былъ оставаться до пяти или шести часовъ вечера. Онъ только по воскресеньямъ видѣлъ дневной свѣтъ и дышалъ тѣмъ чистымъ воздухомъ, который оживляетъ дѣтей такъ же, какъ растенія. Во вся остальные дни недели онъ постоянно оставался въ своемъ сыромъ и темномъ подземельѣ, куда не проникалъ ни одинъ солнечный лучъ. Его постоянно окружала темнота, и онъ въ-продолженіе пятнадцати часовъ сряду долженъ былъ оставаться въ узкой нишѣ, подлѣ двери, которую долженъ былъ безпрестанно отворять и затворять. Время отъ времени, онъ примѣчалъ издали лампу, освѣщавшую вагонамъ путь, и это составляло его единственное развлеченіе. Это было — ни болѣе, ни менѣе, какъ удивленное заключеніе, заключеніе въ мрачной и сырой тюрьмѣ, — заключеніе, которому подвергались дѣти въ самомъ важномъ возрастѣ и безъ всякой вины съ ихъ стороны.

Когда ребенку наступало восемь или девять лѣтъ, онъ уже траппера дѣлался *драйверомъ* (driver). Его заставляли возить на себѣ вагоны отъ того места, откуда работницы доставали каменный уголь, въ те галереи, которыя служили мѣстомъ складки этого угля. Такъ-какъ крыша тоннеля по-большой-части бываетъ весьма-низка, то дѣти принуждены были ползти на рукахъ, а, обвязавъ около тѣла веревку, тащили за собой вагонъ. Въ Шотландіи дѣти должны ползти по лестницамъ почти отвѣсными, — съ ношей каменнаго угля на спинѣ. На это занятіе употреблялись безразлично мальчики и дѣвочки. Эта трудная работа, требующая значительнаго напряженія мускуловъ, продолжалась непрерывно двенадцать, тринадцать и даже четырнадцать часовъ. Въ случаѣ особой нужды, ихъ заставляли работать въ-продолженіе цѣлой ночи.

Коммиссары замѣтали, что когда дѣти начинали работать въ рудникахъ не раньше десяти лѣтъ, то эта трудная работа, хотя и останавливала ихъ ростъ, но за то развивала въ нихъ физическія силы; рудокопы по-большой-части малорослы, но плечисты и сильны. Впрочемъ, эта нѣсколько не естественная сила скоро исчезаетъ; въ 30 лѣтъ рудокопъ уже утрачиваетъ ее, а въ 50 лѣтъ уже дѣлается совершеннымъ старикомъ. Но когда ребенокъ начиналъ работать раньше десяти лѣтъ, то онъ скоро терялъ свою свѣжесть и крѣпость, дѣлался болязненнымъ и худымъ, и умиралъ весьма-рано. Надо прибавить, что съ эти-

ми несчастными дѣтми обращались очень-дурно, и что это, дурно обращеніе доходило часто до изуваченія и даже до смертоубійства.

Что сказать о нравственномъ состояніи этихъ несчастныхъ? Само собою разумеется, что невозможно было дать надлежащее образованіе дѣтямъ, которыя ежедневно проводила около тринадцати часовъ въ мрачномъ подземельѣ, а въ остальную часть дня подкрепляли свои силы спомъ, по-большой-части весьма-недостаточнымъ. Молодые рудокопы рѣдко посѣщали церкви и воскресныя школы, потому-что и имѣли почти-никогда чистой олежды; родители обыкновенно отнимали у нихъ выработанныя ими деньги для того, чтобъ пропить ихъ въ кабакахъ; а потому дѣти и не имѣли возможности приобрести себѣ приличное платье. По-большой-части они не умѣли ни читать, ни писать многія изъ нихъ не знали, что въ нихъ есть душа; многія не имѣли понятія о существованіи Бога. Въ замѣнъ того, среди ихъ занятій, для нихъ всегда открыта была школа соблазна, разврата и богохульства,—школа, въ которой они скоро научались всѣмъ таинствамъ порока Мужчины и женщины, мальчики и дѣвочки работали въ коша почти голые, другъ подлѣ друга, въ одинаковые часы и за одинаковымъ дѣломъ. Отъ этого происходило, что двенадцатилѣтній мальчикъ уже пьянствовалъ, курилъ, богохульствовалъ и предавался другимъ порокамъ. Въ этомъ классѣ работниковъ незаконныя рожденія были такъ обыкновенны, что ихъ никто и не замѣчалъ. Воровства, драки и бунты безпрестанно нарушали общественную тишину и приводили къ волненію цѣлыя дистрикты.

Въ медныхъ, свинцовыхъ и цинковыхъ рудникахъ работники были менѣе-безнравственны, но за то гораздо-скорѣе теряли свои силы; ихъ органы дыханія подвергались болѣзнямъ, которыя отчасти сокращали самую жизнь, отчасти сопровождалась совершенною неспособностью къ работѣ. Къ причинамъ, производившимъ это преждевременное обезславленіе, должно отнести излишнюю ревность дѣтей къ работѣ. Въ этихъ рудникахъ обыкновенно несовершеннолѣтніе составляли со взрослыми товарищество и были ихъ соучастниками; желаніе увеличить свои возрастъ и силы. Не смотря на то, что эти молодые люди работаютъ охотно, не смотря на то, что эти утомительныя занятія въ первое время, по-видимому, не имѣютъ на нихъ никакого вліянія, опытъ доказываетъ, говорятъ комиссары, что они весьма-скоро лишаются здоровья и силы. Такимъ-образомъ, ассоціація дѣтей со взрослыми всегда обращается во вредъ первымъ; въ однихъ случаяхъ она подвергаетъ ихъ угнетенію, въ другихъ побуждаетъ къ чрезвычайнымъ и, следовательно, вреднымъ занятіямъ.

Фабрики, заводы и мастерскія, на которыхъ не распространялось дѣйствіе закона, изданнаго въ 1833 году, находятся нынѣ въ такомъ же точно положеніи, въ какомъ находились прежде мануфактуры, подчиненныя дѣйствію закона. Злоупотребленіе не только не уничтожилось, но даже и не уменьшилось, а только перемѣнило свое мѣсто. Въ мастерскія принимаются иногда дѣти отъ трехъ до четырехъ и несъ-

на-часто отъ пяти до шести лѣтъ; но обыкновенно они начинаютъ работать на седьмомъ или восьмомъ году. На некоторыхъ фабрикахъ, дѣтей отъ 7 до 13 лѣтъ находится гораздо-болѣе, нежели молодыхъ людей отъ 13 до 18 лѣтъ. Между дѣтьми дѣвочки употребляются въ работу чаще, нежели мальчики; а некоторые мастерскія состоятъ исключительно изъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Въ большей части случаевъ дѣти не имѣютъ прямыхъ сношеній съ самими хозяевами, которые, вѣроятно, обращались бы съ ними челолюбивѣе, но зависѣть во всемъ отъ какого-нибудь жестокаго и жаднаго работника, который ихъ дурно кормитъ, дурно одѣваетъ и сваливаетъ на нихъ всю свою работу. Эта зависимость, весьма-похожая на невольничество, продолжается обыкновенно для дѣтей отъ семи лѣтъ до 21 года. Иногда родители занимаютъ у хозяина или у мастера деньги и, вместо уплаты, отдають ему нѣтъ своихъ въ работу; такая сдѣлка есть ни болѣе, ни менѣе, какъ продажа въ полномъ значеніи слова; отецъ продаетъ роднаго своего сына, точно такъ, какъ это дѣлается у негровъ—за нѣсколько бутылокъ юлки или за нѣсколько фунтовъ табаку.

Небольшія мастерскія особенно-вредны для здоровья, какъ по свойству работъ, такъ и по нерадѣнію фабрикантовъ, которые не принимаютъ самыхъ необходимыхъ предосторожностей для сохраненія въ рабочихъ комнатахъ чистоты и приличія. Вездѣ дѣти работаютъ столько же, сколько и взрослые; среднимъ числомъ въ-продолженіе 12, рѣдко 10, а въ большей части случаевъ 15 и 16 часовъ. Когда дѣти находятся въ прямой и непосредственной зависимости отъ работниковъ, то случается, что послѣдніе, по собственной прихоти, оставляютъ ихъ безъ занятій въ началѣ недѣли; а въ послѣдніе дни, чтобъ вознаграждать за потерянное время, налагаютъ на нихъ чрезмѣрное количество работы.

Въ Валленгалѣ, гдѣ большинство жителей состоятъ изъ слѣсарей, мастера берутъ къ себѣ въ ученики — сиротъ, воспитываемыхъ благотворительными заведеніями. Въ этомъ городкѣ, имѣющемъ не болѣе 9,000 жителей, находятся болѣе тысяча такихъ учениковъ. Слѣсаря, имѣющіе мастерскія, не употребляютъ никогда взрослыхъ работниковъ. Въ замѣнъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ дѣтьми они находятъ двойную выгоду: съ одной стороны, работникъ не получаетъ за свой трудъ никакой платы, и, не смѣя жаловаться на своего хозяина, ведетъ самую несчастную жизнь; съ другой стороны, онъ приносить своему патрону изъ благотворительнаго заведенія денежную премію отъ 2 до 5 фунтовъ стерлинговъ, и кромѣ того его награждаютъ обыкновенно бѣльемъ и платьемъ, которое мастеръ отдаетъ въ залогъ, когда его дѣла идутъ дурно, или когда ему перестаютъ давать въ долгъ пиво. Прежде попечители приходовъ не очень заботились о нравственности людей, которымъ они поручали этихъ дѣтей: они радовались, что могли сбыть ихъ съ рукъ, и отдавали ихъ первому встрѣчному. Одинъ комиссаръ доносилъ, между-прочимъ, что три ученика отданы были мастеру, который за годъ передъ тѣмъ приговоренъ былъ за воров-

Т. I. — Олд. II.

ство къ тюремному заключенію. Въ Вилленгалъ небогатый слѣзъ занимающій себя мѣсто въ чужой мастерской, имѣетъ обыкновенно себѣ двухъ подмастерьевъ: одинъ работаетъ вмѣстѣ съ нимъ, а другой исполняетъ его порученія или нянчить его дѣтой. Когда у слѣзъ есть лишніе ученики, то онъ отдаетъ одного или двухъ въ мѣ; одинъ изъ этихъ несчастныхъ былъ даже проданъ за 10 шиллинговъ.

Нельзя вообразить себя ничего ужаснѣе существованія подмастерья въ Вилленгалѣ. Каковъ бы ни былъ ихъ возрастъ, они должны работать столько же, сколько работаютъ ихъ хозяева, которые въ этомъ отношеніи неутомимы, занимаются иногда въ продолженіе 20-ти часовъ сряду, не останавливаясь ни на минуту и обѣдая во время работы. Часто, эти ученики спятъ на соломе или на полу, и носятъ одну и ту же одежду какъ зимой, такъ и лѣтомъ. Кормятъ ихъ очень-мало, и въ видѣ наказанія, оставляютъ вовсе безъ пищи по цѣлымъ суткамъ. Впрочемъ, прежде, наказанія были не такъ легки. Нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ мастеръ, разсердившись на своего ученика, схватилъ скаленный желѣзный пруть, пронзилъ имъ его насквозь и пригвоздилъ къ стѣнѣ; другой былъ повѣшенъ за то, что подвергалъ семилѣтняго ребенка самымъ жестокииъ пыткамъ; третій еще весьма-недавно надѣлъ на шею работнику желѣзное кольцо и приковалъ его къ стѣнѣ; четвертый, наконецъ, привязалъ огромное бревно къ ногъ своего ученика того, чтобъ тотъ не убѣжалъ. Въ настоящее время, наказанія не такъ странны, какъ прежде, но не менѣе ужасны и жестоки. Учениковъ бьютъ кнутами, плетью, палками и всеми тѣми орудіями, которыя попадаютъ подъ руку. Хозяинъ покрываетъ ихъ тѣло контузіями и ранами; жена его вырываетъ у нихъ волосы и уши. Чѣмъ моложе они, тѣмъ безжалостнѣе съ ними обходятся. Правосудіе обращаетъ на это вниманіе только тогда, когда дѣло доходитъ до убійства; иначе же оно все не вмѣшивается въ этого рода домашнія сцены.

Въ Баррингамѣ дѣти, употребляемыя въ мастерскихъ, по-большой-части блѣдны, худы и слабы; ихъ дурно кормятъ и дурно одѣваютъ; они ходятъ босыми зимой и лѣтомъ. Въ Вольвергамтонѣ не выдѣляется особыхъ часовъ для ѣды; дѣти проглатываютъ свою пищу во время самой работы, и отъ-того имѣютъ по-большой-части болезненный видъ. Многія изъ нихъ, особенно изъ числа двѣнадцати- и тринадцатилѣтнихъ дѣтей и далеко не наслаждаются тѣмъ здоровьемъ и тѣю силой, которыя составляютъ обыкновенно удѣлъ этихъ дѣтей. Сидящія дѣти, занимающіяся производствомъ гвоздей, работаютъ по-четыре-часовъ утра до девяти вечера, начинаютъ вести этотъ образъ жизни на седьмомъ году и должны производить ежедневно около тысячи гвоздей. Дѣвушки страдаютъ менѣе, потому-что начинаютъ работать двумя годами позже. Въ Варрингтонѣ дѣти по-большой-части худы, блѣдны, отличаются малымъ ростомъ, болезненностью и слабостью дѣлоспособности. Въ гончарныхъ заводахъ Страффордшира молодые работники востаточно находятся на ногахъ. Обремененные тяжелой работой

они безпрестанно ходятъ изъ одного мѣста въ другое, и возвышенная температура, въ которой они работаютъ, еще болѣе усиливаетъ утомительность этого однообразнаго занятія. Имъ не дается даже нужнаго времени для пищи; взрослые, отдыхая, заставляютъ дѣтей съ силой бросать объ полъ куски глины для того, чтобъ выжать изъ нихъ воздухъ (to wedge the clay). Отъ-этого органы пищеваренія скоро слабеютъ, и весьма-многія изъ этихъ дѣтей умираютъ чахоткой.

На тисловыхъ и чулочныхъ фабрикахъ, отъ сидячихъ занятій, здоровье молодыхъ работниковъ и женщинъ скоро разстроивается. Дѣти начинаютъ работать такъ рано и работаютъ такъ много, что сердце надрывается, говорятъ комиссары, при одной мысли объ ихъ участи. Они никогда не бывають на чистомъ воздухѣ, и свойство ихъ занятій производить въ нихъ почти-всегда искривленіе спинной кости. Самые обыкновенныя болѣзни между ними — золотуха, порча желудка, расслабленіе глазъ. Женщины рожаютъ съ большимъ трудомъ и очень-часто выкидываютъ.

Въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ занимаются набивкой матерій, работа рѣдко продолжается болѣе 12 часовъ въ день, со включеніемъ въ это число часа съ половиною на обѣдъ. Но эта отрасль промышленности отличается отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что въ ней работа особенно-неправильна и непостоянна. Иногда она прекращается совершенно на несколько мѣсяцевъ, иногда безостановочно продолжается нѣсколько недель сразу и днемъ и ночью. Въ этихъ случаяхъ иногда взрослыхъ работниковъ должны прѣбывать къ побоямъ для того, чтобъ будить своего малолѣтняго помощника, который насилу держится на ногахъ, и часто въ изнеможеніи падаетъ на полъ и засыпаетъ. Были примѣры, что ребенокъ начиналъ работать въ шесть часовъ утра и оканчивалъ не раньше, какъ на другой день, часовъ въ девять вечера. Для того, чтобъ они не засыпали, ихъ заставляютъ нюхать табакъ, или время-отъ-времени погружать голову въ воду. Вообще, продолжительность труда доведена до крайности именно въ тѣхъ мастерскихъ, гдѣ употребляются самыя малолѣтныя дѣти. Только одна Ирландія составляетъ исключеніе изъ этого общаго правила, потому-что тамъ, въ-слѣдствіе низкой цѣны труда, фабриканты охотнѣе употребляютъ взрослыхъ работниковъ.

Въ лондонскихъ модныхъ магазинахъ употребляется около 30,000 молодыхъ дѣвушекъ. Смотря по обстоятельствамъ, онѣ работаютъ отъ 15 часовъ въ день, — это самое малое, — до 18 и даже до 22 часовъ. Онѣ никогда не спятъ болѣе шести часовъ; обыкновенно сонъ ихъ продолжается четыре часа, а иногда и вдвое менѣе. Въ хорошо-устроенныхъ магазинахъ, гдѣ заботятся о здоровьѣ работницъ, занятія ихъ начинаются въ четыре часа утра и кончаются въ 11 вечера. Если у королевы приемъ, если дается какой-нибудь великолѣпный праздникъ, если назначенъ придворный трауръ, то тогда ужъ, разумѣется, не считаются ни дни, ни ночи; работаютъ даже по воскресеньямъ, и религіозныя обычаи уступаютъ мѣсто требованіямъ моды. Иная аристократическая свадьба стѣять жизни тремъ или четверемъ бѣднымъ дѣвушкамъ,

которыя отправляются въ больницу и оттуда переходятъ въ могилу въ то самое время, какъ богатая невеста подходитъ къ алтарю въ великолѣпномъ платьѣ, которое вышло изъ рукъ этихъ несчастныхъ жертвъ нищеты.

Изъ числа молодыхъ работниковъ, употребляемыхъ въ этихъ различныхъ отрасляхъ промышленности, весьма-немногіе посѣщаютъ воскресныя и ежедневныя школы. Въ некоторыхъ дистриктахъ произведены были испытанія, которыя показали, что два трети дѣтей не умѣютъ читать; тѣ, которыя и умѣютъ, не понимаютъ по-большой-части того, что читаютъ. Нравственность дѣтей, оставляемыхъ въ этомъ дикомъ невѣжествѣ, совершенно соответствуетъ ихъ умственному образованію.

Все эти свидѣнія о работѣ дѣтей въ рудникахъ, на фабрикахъ и на заводахъ заимствованы изъ официальныхъ документовъ, представленныхъ правительствомъ парламенту. Эти отчеты произвели въ Англіи столь глубокое и сильное впечатлѣніе, что палаты, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, принуждены были снова заняться этимъ важнымъ вопросомъ и рѣшились уже распространить свое покровительство на женщинъ и на молодыхъ работниковъ. Сначала, закономъ 10 августа 1842 года, запрещено было вовсе употреблять женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ для подземныхъ работъ въ рудникахъ, а дѣтей мужскаго пола позволено было употреблять только по достиженіи ими десятилѣтняго возраста. Этотъ законъ далеко не удовлетворялъ всеобщаго ожиданія. Парламентъ отступилъ при этомъ отъ принципа, принятаго имъ въ 1833 году, опредѣливъ только время, съ котораго должна была начинаться работа дѣтей и оставивъ безъ опредѣленія число рабочихъ часовъ. Такое опущеніе было въ высшей степени несправедливо. Не было никакой причины лишить молодыхъ людей, работающихъ въ рудникахъ, тѣхъ обезпеченій, которыя дарованы были работникамъ фабричнымъ. Съ другой стороны, постановленіе, относившееся къ женщинамъ, было также весьма-недостаточно; исключивъ женщинъ изъ работы на рудникахъ, парламентъ долженъ бы былъ предписать правила для ихъ употребленія въ остальныхъ отрасляхъ промышленности, и дѣйствительно, недостатокъ этотъ былъ такъ ощутителенъ, что парламентъ, рѣшившася исправить его, издалъ въ 1844 году новый законъ относительно работы женщинъ и дѣтей.

Этотъ новый законъ также относится только къ тѣмъ фабрикамъ, на которыя распространилось дѣйствіе акта 1833 года. Все остальные отрасли труда не подошли подъ его предписанія, и такимъ-образомъ слѣдствіе 1841 года, раскрывшее столь ужасныя и вопіющія злоупотребленія, осталось въ этомъ отношеніи совершенно-безплоднымъ. Далѣе, новый законъ ограничиваетъ семью часами въ день продолжительность занятій на фабрикахъ для дѣтей отъ 8 до 13 лѣтъ; и, слѣдовательно, онъ въ одно и то же время уменьшаетъ ежедневное количество труда и понижаетъ срокъ, назначенный для принятія дѣтей на фабрики, которыя черезъ это, естественно, должны сдѣлаться доступными для большаго числа молодыхъ работниковъ. Былъ, принятый парламентомъ, опредѣляетъ еще, что дѣти, работающія утромъ, не могутъ

уже работать послѣ обѣда. Это сдѣлано преимущественно для того, чтобъ доставить дѣтямъ возможность учиться въ свободные часы; законъ 1844 года требуетъ, чтобъ дѣти, работающія на фабрикахъ, посѣщали непременно первоначальныя школы и учились въ нихъ не менѣе трехъ часовъ въ день. Фабриканты отъ каждаго несовершеннолѣтняго работника должны требовать аттестата, подписаннаго школьнымъ учителемъ, въ удостовѣреніе того, что работникомъ дѣйствительно исполняется эта обязанность. Но и это постановленіе не можетъ принести большой пользы, потому-что не вездѣ существуютъ школы, и даже тамъ, гдѣ онѣ существуютъ, онѣ далеко не удовлетворяютъ требованіямъ эпохи и истиннымъ потребностямъ народа.

Что касается до женщинъ, то новый законъ запретилъ имъ работать болѣе 12 часовъ въ день на шерстяныхъ, шелковыхъ, бумажныхъ и нитяныхъ фабрикахъ. Чтобъ понять всю важность этой мѣры, надо принять въ соображеніе, что на этихъ фабрикахъ женщины и молодыя дѣвушки составляютъ половину всего числа работниковъ. Организовать трудъ женщинъ значило, следовательно, организовать вмѣстѣ и трудъ мужчинъ, потому-что фабрика не можетъ дѣйствовать, когда половина ея работниковъ перестаетъ работать. Но важность этого правила заключается преимущественно въ томъ, что въ законодательство введенъ новый принципъ, который доселѣ не былъ принятъ, и который рано или поздно долженъ получить дальнѣйшее развитіе. Что же касается собственно до предмета занятій, назначеннаго биллемъ, то это распоряженіе не изменяетъ значительно-образомъ настоящаго порядка вещей, потому-что нынѣ на большей части фабрикъ этого рода работа и не продолжается болѣе 12 часовъ въ день.

Не смотря на всѣ несовершенства законовъ, изданныхъ въ Англіи и въ другихъ странахъ относительно работы дѣтей на фабрикахъ, нельзя не сознаться, что законы эти въ настоящую минуту представляютъ явленіе весьма-важное и весьма-утѣшительное. Они показываютъ, что правительства европейскихъ государствъ уже отказываются отъ своего исключительнаго благоговѣнія предъ неограниченной свободой промышленности, что они уже выходятъ изъ своего равнодушнаго бездѣйствія и стараются принять нужныя мѣры къ отвращенію тѣхъ злоупотребленій и безпорядковъ, которыми такъ богатъ современный индустриальный міръ. Англійское законодательство, въ своемъ развитіи, не ограничилось заботливостью о дѣтяхъ, но простерло уже, какъ мы видали, свое покровительство на женщинъ и на всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ косвеннымъ образомъ коснулось даже взрослыхъ работниковъ мужескаго пола. Конечно, отъ этихъ частныхъ мѣръ едва-ли можно ожидать большаго успѣха; нельзя думать, чтобъ онѣ могли не только искоренить самое зло, но и уничтожить злоупотребленія. Тѣмъ не менѣе мѣры эти важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ видѣтъ первый шагъ къ лучшему образу дѣйствія, болѣе-справедливому и болѣе-сообразному съ требованіями истинной науки. Нынѣ государства Западной-Европы уже понимаютъ, что любимый принципъ экономистовъ *laissez-faire, laissez-aller*, при настоящемъ положеніи вещей

совершенно-неудовлетворителенъ, что онъ приноситъ рабочимъ и самъ болѣе вреда, нежели пользы, и что тамъ нѣтъ свободы, есть насиліе, анархія и угнетеніе. Если это убѣжденіе существуетъ самою дѣль, то нѣтъ сомнѣнія, что недалеко то время, когда, не вольствуясь одними частными мѣрами, приступятъ къ полному и существенному преобразованію хозяйственныхъ отношеній и замѣнятъ нѣ-существующее неустройство болѣе-правильною, твердою и разумною организаціею труда!

В. М.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ СТЕПИ ОСАЖЕЙ, ЧЕРЕЗЪ ЛУИЗИАНУ И МИССУРИ.

Статья третья (*).

=

VI.

ВИЗОНЪ.

Мы готовились вступить въ *безлѣсные степи*; нужно было сбѣгать некоторые запасы, прежде, чѣмъ проникнуть въ пустыни, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ оленей, бизоновъ и Паниевъ. Нарубили заранее кольевъ для шалашей и коновязей, теперь особенно необходимыхъ, потому-что за лошадей надобно было смотреть бдительно, чѣмъ когда-нибудь. Воины нарезали себѣ длинныхъ раздвоенныхъ шестовъ, помощію которыхъ они удобнѣе набрасываютъ арканъ на шею дикихъ лошадей, или, какъ ихъ называютъ креолы, бѣглыхъ лошадей, *chevaux marrons*. Вожди рѣшили, что черезъ рѣку можно переправляться въ-бродъ, что отложено до слѣдующаго утра.

Въ лѣскахъ рѣки Арканзаса водится множество оленей. Ихъ убили достаточное число; но здѣсь Осажи охотятся съ осторожностью, потому-что Пани имѣютъ обыкновеніе посылать въ эти мѣста военныя партіи. Они скрываются въ засадахъ и убиваютъ стрѣлами отделившихся охотниковъ, если увѣрены, что ихъ никто не увидитъ.

Въ лагерь, мальчики забавлялись, бросая съ удивительнымъ искусствомъ ружейные стволы, которые должны были упасть между двумя заколоченными въ землю, въ небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго, колышками. Другіе избирали крошечную цѣль и старались попасть въ нее издали концами ножей; тотъ, кто всаживалъ ножъ въ

(*). Первые двѣ статьи были напечатаны въ XLVIII и XLIX томахъ «Отч. Записки» 1846 года.

цель, получая отъ своихъ соперниковъ связку зеленыхъ ветокъ. Почти весь упражнялись въ стрѣлянн изъ лука; для этого втыкали въ землю стрѣлу, такъ чтобъ она представляла какъ-можно-меньше поперхности — ее должно было изломать другими стрѣлами. Каждый стрѣлокъ становился на то мѣсто, на которомъ стоялъ первый.

Батистъ предложилъ заставить мальчиковъ гоняться на бѣгу. Лапни или поваренокъ, исправлявшій должность крикуна, провозгласилъ бѣгъ, размахивая на длинномъ шестѣ кускомъ ярко-краснаго сукна предназначеннаго въ награду побѣдителя. Всѣ канги ниже восемнадцати лѣтъ были допущены на ристалище. Верховой вончъ отвелъ лѣтъ на мѣсто, откуда они должны были пробѣжать мили двѣ разстоянн, къ шесту съ краснымъ сукномъ, до котораго побѣдитель долженъ былъ дотронуться первый. Мальчики сбросили съ себя все платье, которое могло бы ихъ стѣснять, и пустились по данному знаку впередъ. У нихъ особенная манера бѣгать: сначала они бѣгутъ рысью, чтобъ не слишкомъ утомиться, а потомъ пускаются вскачь. Многие изъ нихъ остановились на дорогѣ; изъ пятидесяти соперниковъ, только трое пробѣжали все разстоянн, и побѣдитель отнесъ своей матери выигранный призъ.

На другой день мы переправились вѣ-бродъ черезъ Арканзасъ, послѣ чего порядокъ нашего похода нѣсколько измѣнился. Отрядъ храбрыхъ предшествовалъ каравану, и каждая лошадь тащила подвѣшенные съ боковъ сѣдла, шесты и колья для шалашей и коновязей.

На первомъ роздыхѣ за Арканзасомъ, шалашн были раскинуты подл маленькой рѣчки, протекавшей по песку; по берегамъ ея не росло деревьевъ, а вода была такъ мелка, что мы для купанья вырывали себѣ ямы въ песокъ. Мы набрали въ ней руками множество черепоконной рыбы, похожей нѣсколько на щуку, съ тою разницею, что у ней голова и челюсти длиннѣе, чѣмъ у щуки. Рыба эта водится въ изобилн во всѣхъ рѣкахъ Соединенныхъ-Штатовъ; кожа ея очень-жестка, а сплывное плавательное перо вооружено твердыми остріями. Мы для ахъ вмѣстѣ съ Шонкѣ — единственнымъ Осажемъ, рывившимся отвѣдать кушанье, которое мы нашли превосходнымъ, хотя имъ и пренебрегаютъ красноконже.

Степь вокругъ насъ была нага и безплодна; на горизонтѣ ни одного дерева; для разведенія огня мы должны были довольствоваться сухимъ хворостомъ, но и того мы вскорѣ не находили. Земля была мѣстами покрыта поблѣднвшими на солнцѣ и отъ росы буйволонными останки.

Мы шли нѣсколько дней, питаясь сушенымъ мясомъ, изрядка попадавшимися оленями и бѣлымъ корнемъ, который ядятъ сырой; онъ извѣстенъ у промышленниковъ подъ названіемъ бѣлаго яблока и походитъ вкусомъ и видомъ на хрѣнь. Вскорѣ началъ обнаруживаться недостатокъ въ състныхъ припасахъ. Тогда завелась мѣва: крикуны ходили по лагерю и предлагали румяна, сукно, матерн и сбрун въ обманъ на косы сушенаго мяса.

Наконецъ хворостъ пересталъ попадаться, пришлось собирать высохшій калъ бизона для разведенія огня. Когда выпали обильные дожди, мы

значивали на нихъ косы сушеного мяса, что составляло весьма-тошую пищу. Часто приходилось отказываться отъ свѣжей дичины, за недостаткомъ огня, на которомъ бы ее можно было варить или жарить. Мы подались немного къ югу и опять очутились въ мѣстахъ, оживленныхъ некоторою растительностью.

На переходахъ намъ всякій день попадались остовы только-что убитыхъ бизонотъ, а все таки мы не *доходимъ до быка*. Разъезды ежедневно уведомили, что вблизи насъ должны быть большія стада; но когда мы приближались къ тѣмъ мѣстамъ, бизонотъ уже не было, а оставались только жертвы, которыхъ, вѣроятно, не успѣвали убрать шедшіе впередъ насъ Малые-Осажи. После одного форсированнаго перехода, мы расположились въ виду ихъ лагеря, а на другой день разошлись, не вступавъ съ ними ни въ какія сношенія; они направились на сѣверъ, а мы продолжали подаваться къ западу.

Собравшійся советъ послалъ впередъ разъезды для отысканія бизонотъ. Они воротились черезъ два дня съ добрыми вѣстями, что узнали въ лагерь, лишь-только успѣли разглядѣть ихъ вдаль: возвращавшіеся всадники шли *косо*, т. е. ѣхали не по прямой линіи къ своимъ, а дѣлали кривы въ ту и другую сторону. Этотъ маневръ уведомилъ насъ, что дичинъ быковъ много. Пріѣхавъ назадъ, разъездные донесли совету, что вѣскольکو сталъ пасется вблизи нашего стана, на равнинахъ, гдѣ ихъ легко будетъ окружать.

Герольды объявили эту новость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и повелѣніе партизана, чтобъ никто, подъ опасеніемъ наказанія плетью, не смѣлъ стрѣлять изъ ружья или дѣлать какой-нибудь шумъ, который могли бы услышать бизоны. Запрещеніе это было намъ не совсѣмъ понутру, потому-что на пескахъ рѣчки, снабжавшей насъ водою, видны были прехорошенькія водяныя птицы (*recurvirostra americana*), изъ которыхъ мы хотѣли сдѣлать чучелы; но мы понимали всю важность распоряженія партизана и надѣялись встрѣтить этихъ птицъ въ-последствіи. Тогда только началась служба вонновъ, называемыхъ *солдатами*: обязанность ихъ состоитъ въ полицейскомъ надзорѣ за порядкомъ лагеря, для чего они прохаживаются между шалашами, вооруженные длинными и толстыми плетями, способными внушить самымъ кичливымъ идею безусловной покорности. Я охотно подчинился заведенному порядку, хотя меня и увѣряли, что вонны легко престать ружейный выстрѣлъ гостю своего народа; но я рѣшился воздержаться: живя съ Осажами, я хотѣлъ жить по-осажски, хотѣлъ быть въ степяхъ истиннымъ Осажкѣмъ.

Крики, смѣхъ и вечернія пѣсни прекратились; не слышно было даже на одного храпѣнія. Дикарь, привыкшій и всегда приготовленный къ засадамъ, долженъ умѣть всячески скрывать свое присутствіе, которое можетъ обнаружиться храпѣніемъ. Во все время пребыванія моего въ степяхъ, я никогда не слышалъ, чтобъ краснокожіе громче дышали во сна, чѣмъ на яву. Не-уже-ли и тутъ дѣйствуетъ воля, когда все остальныя способности въ онемѣніи?

Мы выступили рано и въ добромъ порядкѣ. Партизанъ ахалъ впередъ всѣхъ, предшествуя фронту солдатъ. Торопливые или нетерпеливые, которые попробовали—было заскакивать впередъ, чтобъ лучше видѣть, получали по такому здоровому удару плетью, что слѣды отъ него долго не изглаживались. Нѣсколько человекъ, назначенныхъ Шонокъ, объѣзжали верхомъ по окрестнымъ высотамъ и внимательно рекогносцировали степь; когда они останавливались, весь караванъ слѣдовалъ ихъ примѣру. Объѣздяки подвигались впередъ медленно и осторожно; они поднимались на хребты холмовъ не прежде, какъ удостовѣрившись, что дикіе быки не увидятъ ихъ.

Мы ахали по узкой песчаной покатоности, среди которой возвышались цѣлыя сотни маленькихъ коническихъ курганчиковъ, имѣвшихъ сверху отверстіе дюймовъ шести въ діаметръ: то было селеніе степныхъ собакъ. Одна изъ нихъ, стоявшая какъ—будто на часахъ, возвѣстила о нашемъ прибытіи маленькимъ взвизгомъ и тотчасъ же скрылась въ свою нору. Нѣсколько совъ, летавшихъ надъ нами, также спрятались подъ землю.

Караванъ приостановился на мгновение, слѣдуя развѣданнымъ, разсмотрѣннымъ вдали три черныя точки, по-видимому медленно двигавшіяся. Партизанъ, съ которымъ я ахалъ рядомъ, сказалъ мнѣ съ сіяющимъ лицомъ: *Діа уаномбрѣ тсетъ-ука*, «ты будешь асть бизоновъ», на что я отвѣчалъ какъ могъ: «вижу трехъ бизоновъ».

Животныя эти были одны; мы приблизились къ нимъ безъ труда, но партизанъ не приказалъ ихъ трогать, для того, чтобъ, погнавшись за ними, не спугнуть другихъ стадъ, къ которымъ они бы присоединились, уходя отъ насъ, и которыя обратились бы въ бѣгство. Они спокойно проскакали мимо насъ. Бизоны, хорошо извѣстные въ нынѣшнее время, неуклюжи и по-видимому не созданы для быстрыхъ движеній; однако я удивился скорости, съ какою они пронеслись мимо насъ. Нуженъ добрый конь, чтобъ догнать на бѣгу кайяка, или дикаго быка, и превосходный скакунъ, чтобъ настичь дикую корову, которая легче и проворнѣе кайяка.

Вывели скакуновъ, на которыхъ воины вскочили на неосѣданныхъ; вьючныя лошади были также приготовлены для мяса. Селенію велѣно было расположиться на бывшей въ виду рѣчкѣ, и охотники выстроились во фронтъ за линіею солдатъ, впередъ которыхъ ахалъ партизанъ.

Вскорѣ мы приблизились къ стаду, состоявшему десятковъ въ двухъ бизоновъ; охотники осторожно подѣхали къ нимъ на разстояніе полумили. Тогда только замѣтили ихъ кайяки: они медленно подняли головы и побѣжали, направляясь къ рѣчкѣ, за которою тянулась широкая равнина. Шонокъ испустилъ военный крикъ, и по этому знаку охотники помчались впередъ во всю прыть. Лучшему коню лучшій аяръ; поэтому и говорятъ въ степяхъ: моя лошадь убѣла столько—то быковъ.

Я остался на одномъ холмѣ и любовался на совершенно—новое для меня зрѣлище. Огромныя животныя, убѣгая стадомъ, переправлялись черезъ ручеекъ и рассыпались по равнинѣ. Осаки преслѣдовали ихъ

съ бѣшенствомъ; они вскорѣ настѣгли ихъ и перемѣшались со стадомъ. Поднялась облака пыли. Вдали видны были черные быки, на которыхъ нажимали летавшія во весь духъ лошади. Нѣсколько быковъ ушло; остальные разсыпались за холмами, неутомимо преслѣдуемые охотниками.

Во время погони, каждый охотникъ выбираетъ себя звѣря, за котораго намеренъ гнаться; прискакавшіе первыми имѣютъ, разумеется, право выбора, и тогда никто не можетъ преслѣдовать животное, за которымъ они пустились, развѣ если они сами откажутся отъ дальнейшей погони. *Сирльщикки* и вооруженные карабинами держатся по одну сторону быка; вооруженные пистолетами и копьями предпочитаютъ лѣвую.

Но охотнику приходится долго гнаться прежде, чѣмъ онъ достаточно приблизится къ своей жертвѣ, чтобъ стрѣлять. Преслѣдуемый звѣрь, видя, что онъ начинаетъ терять разстояніе на равнинѣ, по которой ему легко бѣжать, выбираетъ мѣста болѣе-трудныя и опасныя: онъ переносится черезъ ямки, овраги, рытвины; но дикарь тутъ никогда не задумывается: если лошадь его устрашится предстоящаго препятствія, онъ возбуждаетъ ее голосомъ, хлещетъ плетью, и конь перескакиваетъ черезъ все препятствія. Бизонъ, тѣснимый все больше-и-больше, бросается въ стороны, хитритъ съ своимъ гонителемъ; наконецъ, видя себя настѣгнутымъ, онъ приходитъ въ бѣшенство и обращается противъ непріятеля. Вѣрный признакъ его гнѣва — внезапно-поднятый дымокъ дыма. Лошадь, привычная къ этой охотѣ, отскакиваетъ при этомъ знакѣ въ сторону: она знаетъ, что быкъ готовится броситься на врага. Тогда охотникъ начинаетъ убагать передъ звѣремъ, котораго онъ сейчасъ самъ преслѣдовалъ, не отказываясь, однако, отъ намеренія побѣдить его. Иногда, и это бываетъ во время случки, когда дикарь особенно страшенъ, онъ вдругъ останавливается, и лошадь получаетъ въ размахъ ужасный ударъ рогами въ брюхо; бѣшеный кайякъ атакуетъ и коня и всадника, но хорошія выведенныя лошади умѣютъ уклоняться отъ такихъ внезапныхъ нападеній. Настаетъ часъ смерти бизона: пуля, пущенная между ребрами или въ шею жертвы, проникаетъ ее; стрѣла, направленная искусною рукою, вонзается криво въ грудь животного изъ-за послѣдняго ребра — она вся уходитъ въ мясо тѣла и часто прохватываетъ кожу съ другой стороны. Если рана недостаточно углубится, дикарь доталкиваетъ ее ногою. Рядомъ стрѣляется, чтобъ попалось пустить другую стрѣлу. Вообще, стрѣла летитъ вѣрнѣе, чѣмъ пуля. *Шабѣ-Шинка*, охотникъ г. *Пабѣна*, не смѣетъ, чтобъ ему когда-нибудь случилось стрѣлять два раза по одному животному.

Смертельно-раненный звѣрь вырываетъ потоки крови, падаетъ на колѣна и рухнетъ. Охотникъ, дождавшись его смерти, слезаетъ съ коня, вытаскиваетъ свою жертву на спину и привязываетъ лошадь къ хвосту изъ роговъ. Прежде всего, онъ отрубываетъ хвостъ и языкъ, которые принадлежатъ по праву тому, кто убилъ звѣря; хвостъ его — трофеей побѣдителя. Потомъ дикарь разскастъ кожу подъ брюхомъ;

если ему случится убить дойную корову, онъ пьетъ ея молоко, потомъ образываетъ вымя и кожу. После этого Осажъ отделяетъ себя мясо; откинувъ плечи и пахъ, онъ снимаетъ полости брюха и груди, считаемыя самыми лакомыми кусками, разрубаетъ ребра и откладываетъ въ сторону филейныя части. Если за охотникомъ слѣдуетъ другая лошадь, онъ нагружаетъ на нее все это и пускается за другимъ быкомъ, потому-что добрый конь можетъ въ одну погоню загнать трехъ или четырехъ бизонровъ; въ противномъ случаѣ, дикарь кладетъ на спину своей лошади одну брюшную полость, потомъ перекидываетъ черезъ нее часть грудины съ ребрами, накладываетъ на это другую полость, привязываетъ вырванными изъ кожи звѣря ремнями длинныя кишки и филейныя части спереди и сзади этого шипровизированнаго сѣдла и прикрываетъ все шкурою.

Пока охотникъ разрезываетъ быка, лошадь бодрствуетъ надъ нимъ и предостерегаетъ его объ опасности: она настораживаетъ тогда уши, тревожится, и всадникъ, покидая добычу, уносится во весь духъ. Осажи уговорились между собою, чтобъ, въ случаѣ внезапной тревоги, раскидывать свои одаля, которыя будутъ развѣваться за ними въ воздухъ во время бѣгства. Такой предосторожности научило ихъ одно ужасное происшествіе: лѣтъ семь или восемь тому назадъ, пятьдесятъ Осажей лишились жизни и волосъ отъ неожиданнаго нападенія Патѣковъ въ продолженіе одной погони.

Когда за охотникомъ слѣдуетъ вьючная лошадь, которую онъ нагружаетъ мясомъ, то скакунъ возвращается въ лагерь, не имея на своемъ хребтѣ ничего, кромѣ всадника. Дикари возвращаются къ шалашамъ, стараясь не отклоняться отъ своихъ слѣдовъ, потому-что во время жаркой погони имъ некогда замѣчать дорогу; такимъ-образомъ, если имъ случится запоздать такъ, что темнота не дозволитъ разсматривать слѣды, они переночевываютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ убитъ быкъ, чтобъ не заблудиться отъяснивая лагерь, котораго относительное положеніе имъ не достоверно извѣстно.

Кромѣ упомянутыхъ сейчасъ опасностей, ничего не можетъ быть ужаснѣе паденія съ лошади: всадникъ, заскакавшій въ середину стада, рискуетъ быть смятымъ и стоптаннымъ ногами тяжелыхъ животныхъ. Часто случается также, что дурно-направленная пуля товарища поражаетъ несчастнаго охотника. Во время случекъ, когда мясо кайяковъ имеетъ сильный мускусовый вкусъ, почему ихъ и не стараются убивать, они защищаютъ своихъ самокъ и храбро нападаютъ на охотниковъ. Это случается только въ июль мѣсяцѣ, ибо въ одно это время кайяки и дикія коровы смѣшиваются въ стадахъ между собою; во всю остальную часть года, коровы съ телатами и кайяки ходятъ отдѣльными стадами. Случается, что въ большихъ погонахъ раненные быки, преслѣдуемые или заблудившіеся, бываютъ иногда причиною несчастій въ лагерь или около него; но ихъ всегда скоро убиваютъ.

Одной хорошо-направленной стрѣлы или пули достаточно, чтобъ повалить быка; но я разъ видѣлъ одного несчастнаго кайяка, преслѣдуемаго кангами, у котораго все тѣло было утыкано стрѣлами; другой, у

котораго я имѣлъ честь образовать хвостъ, получая уже больше двадцать пуль передъ тѣмъ, какъ, я его довершилъ.

Погони сѣверныхъ краснокожихъ племенъ различны отъ осажскихъ: дикари дѣйствительно окружаютъ стада, заставляя бизоновъ бѣжать такъ, чтобъ они мѣшались другъ другу, между двумя рядами охотниковъ, которые не възвѣшаютъ въ середину стада, какъ въѣхали наши друзья.

Изъ двадцати кайяковъ, — потому что тогда стада еще не состояли изъ коровъ и быковъ, — девятнадцать было убито на первой охотѣ. Вездѣ воздвиглись вертелы; полости, рубцы, ребра, филейныя части и горбы жарялись на всѣхъ огняхъ; въ другихъ мѣстахъ варили говядину и дѣлали колбасы. Намъ скоро пришлось отличиться на многихъ званыхъ пирѣхъ, гдѣ насъ угощали знаменитыми бизоновыми горбами, которые дѣйствительно заслуживали бы свою репутацію, еслибъ не были чересчуръ жирны. Я предпочиталъ имъ ребра, а въ особенности осажскія колбасы, въ составъ которыхъ не входитъ кровь: для нихъ берутъ длинныя кишки бизона, вымываютъ ихъ и выворачиваютъ, такъ, чтобъ наружный жаръ ихъ былъ внутри; потомъ впускаютъ туда мясо, нарезанное тонкими ремнями, подбавляютъ воды, завязываютъ съ обонхъ концы и поджариваютъ на горячихъ угольяхъ. Это кушанье въ большомъ почетѣ у Осажей; дикарь съѣсть безъ труда цѣлый аршинъ такой колбасы, нисколько не обижая ни жаркаго, ни вареной говядины.

У каждаго огня рассказывались подвиги скакуновъ: если варить на шипѣ правдолюбимымъ Осажамъ, каждый конь заскакалъ первый въ стадо бизоновъ. Конями своими хвастались даже многіе изъ тѣхъ, которые поживались мясомъ отъ болѣе-счастливаго или болѣе-вскуснаго соседа.

Шабѣ-Шинка принесъ намъ вмѣстѣ съ мясомъ два хвоста и два языка, не говоря ни слова о своей лошади. Джемсъ убилъ на этой погонѣ одного кайяка выстрѣломъ изъ пистолета: хвостъ животного доказывалъ, что онъ говорилъ правду.

Насъ посетилъ Ман-Чап-чѣ-Мани; онъ видѣлъ на берегу рѣчки сѣжіе слѣды, оставленные, по-видимому, не Осажами, и кромѣ того замѣтилъ человека, притаившагося въ высокой травѣ. Герольды подтвердили эту новость, и пріятель нашъ отправился, въ намѣреніи украсть лишнимъ пучкомъ волосъ. Ночь прошла спокойно, и на разсвѣтѣ нашли, что не пропала ни одна лошадь. Рѣшали остаться еще сутки на томъ же мѣстѣ, чтобъ приготовить добытое мясо.

На погонѣ, все мясо принадлежитъ охотнику, который убилъ быка; но если Осажу удастся убить двухъ бизоновъ, онъ почти-всегда отдастъ половину другаго менѣе-счастливому товарищу; возвратясь въ лагерь, онъ обыкновенно раздаетъ подарки тѣмъ, кому не удалось добыть себѣ мяса, и всегда посылаетъ по куску въ каждый военный шалашъ. Изъ всей дичины дикари наиболее предпочитаютъ мясо бизоновъ; даже корова считается лучше кайяка, и въ-особенности уважаются жирныя коровы. Телятъ убиваютъ они очень-редко.

Жиръ замѣляетъ у Осажей масло— это неизбѣжный соусъ къ сущему мясу; его же употребляютъ для приправы сагамитѣ и для жаренія лепешекъ. Жиръ собирается тщательно и растапливается съ водою въ котлахъ; потомъ имъ набиваютъ шпигъ кожи молодыхъ ланей. Мясо въ запасъ также готовится особеннымъ-образомъ: полости быка утовѣщаютъ и спиваютъ съ кусками коры, такъ-что изъ всего выходитъ довольно-обширная поверхность; мясо другихъ частей животного нарезывается въ длинныя ремни, которые подвѣшиваютъ за середину на палку, наложенную перекладиною на два шеста. Мясо это получается на солнцѣ первую степень вяленія; тогда его сплетаютъ въ косы изъ тридцати или сорока прядей и кладутъ на рѣшетки изъ прутьевъ, между огнемъ и солнечными лучами; потомъ его перегибаютъ въ несколько разъ такъ же, какъ и брюшныя или грудныя полости, и укладываютъ, когда все хорошенько высохнетъ, въ шкуры. Женщины часто открываютъ эти мяшки, раскладываютъ мясо на солнцѣ и пропитываютъ жиромъ, въ предохраненіе отъ пласени. Такимъ образомъ приготовленныя косы вяленой говядины дѣлаются жесткими, какъ смоленныя веревки, и могутъ сберегаться въ-продолженіе двухъ или трехъ лѣтъ.

Зимою выдѣлываютъ шкуры, которыхъ длинная и крѣпкая шерсть годна для бизоновыхъ плащей. Шкура звѣря всегда принадлежитъ тому, кто его убилъ. Лѣтомъ шкуры не такъ хороши, потому-что шерсть съ нихъ слѣзаетъ. Шкуры, употребляемыя для накрыванія шалашей, растягиваются на колышкахъ по землѣ и съ нихъ соскребаютъ шерсть кускомъ желѣза.

Пока сушится наше мясо, поговоримъ немножко о самомъ *тсет-чука*. Бизоны, водившіеся въ прежніе годы, какъ извѣстно, по всему пространству Соединенныхъ-Штатовъ, встрѣчались еще, за нѣсколько лѣтъ тому назадъ, около устьевъ Миссури; но теперь ихъ находятъ только на сто-двадцать миль за Арканзасомъ, на высотѣ осажскихъ селеній. Животное это ходитъ большими стадами, которыя однако уменьшаются съ каждымъ годомъ отъ ожесточеннаго и неутомимаго преслѣдованія дикарей; можно даже сказать, что краснокожіе расточаютъ ихъ. Осажи, на-примѣръ, оставляютъ на каждомъ островѣ пуда по четыре и больше превосходнаго мяса; зимою, во время изобилія въ стапахъ, часто случается, что они бьютъ быковъ для однихъ только языковъ и шкуръ.

Невозможно вразумить этихъ безпечныхъ людей, для которыхъ звѣтра не существуетъ, что, убивая такимъ-образомъ быковъ, они ускоряютъ ихъ истребленіе. Эти полезныя животныя, охота за которыми есть и необходимость и наслажденіе для краснокожихъ, непременно должны со-временемъ исчезнуть, и тогда дикари просвѣтятся, ибо для поддержанія своего существованія имъ не останется ничего, кромѣ земледѣлія и торговли; но, судя по ихъ вкусамъ, дикари сохранять большую часть силъ первобытныхъ привычекъ, пока бизоны будутъ ходить достаточно-многочисленными стадами и останется возможность жить охотою.

Быкомъ дѣлають ежегодно два большія переселенія, которыхъ періодъ опредѣляется временемъ года и качествомъ травы. Весною они переселяются изъ Техаса въ Канаду и возвращаются на югъ къ назначенію зимы, такъ-что стада ихъ переходятъ два раза въ годъ черезъ степь, гдѣ охотятся Осажи. Одинъ кочевой краснокожій народъ, Кочичи или Патджи, весьма-мало извѣстный, слѣдуетъ за всеми переселеніями бизоньихъ: такой образъ жизни причиною, почему большіе до сихъ-поръ не могутъ завести съ нимъ постоянныхъ сношеній.

Быкомъ ходятъ стадами, въ которыхъ иногда собирается до нѣсколькихъ тысячъ головъ. Часть ихъ большею частію черныя или черныя быки пятнами; г. Паннъ увѣрилъ меня, что онъ разъ видѣлъ стадо большіхъ кайяковъ. Дикари полагають, что между дикими быками также гермафродиты, которыхъ быстрота необычайна и мясо выдѣлится. Каждый искусный охотникъ, если вѣрить ихъ разсказамъ, убилъ двухъ или трехъ животныхъ этого рода.

Однажды ночью раздавался въ степи вой волковъ, привлеченныхъ на место мясомъ, оставленнымъ на остовахъ Осажамъ. Войны наши прибухивались къ нимъ тщательно, ибо Паниа такъ искусно подражаетъ звуку заунывному пѣнію, что даже сами дикари бывають имъ обмануты. Занятъ этотъ дается передовыми неприятелей товарищамъ, чтобы они знали, съ которой стороны удобнѣе напасть въ-расплохъ на лагерь.

На другой день, во время похода, Осажи увидѣли слѣды подкованной лошади. Нѣсколько воиновъ тотчасъ же пустились вскачь по этому слѣду, весьма-опасному для насъ; однако они скоро возвратились, потому-что слѣдъ извѣщалъ въ сторону, изъ которой намъ не должно было ожидать никакой опасности.

Въ утро послѣ того, одинъ изъ всадниковъ, объѣзжавшихъ соседнія степи, прискакалъ во весь духъ и шепнулъ нѣсколько словъ партизанамъ, который тотчасъ же испустилъ военный крикъ и устремился въ сторону, гдѣ слышались звуки двухъ-сотъ воиновъ къ указанному имъ холму. Осажи разбѣжались на нѣсколько кучекъ, чтобы окружить одинъ пригорокъ, и исчезли за возвышеніями. Караванъ остановился, не сходя съ холма, и женщины начали сюю пѣснь-слезь, повторяя безпрестанно: «Пани! Пани!»

Въ слѣдствіе тревогу воинъ увидѣлъ свѣжій конскій слѣдъ, приведшій на небольшую высоту, гдѣ, по-видимому, всадникъ слезалъ съ коня. Широко-обозначившіеся слѣды и сорванная трава убѣдили его окончательно, что весьма-недавно былъ тутъ человекъ, оставившій слѣды въ виду весьма-важной физиологической потребности; исполняя, что было нужно, онъ опять сѣлъ на коня, и слѣдъ показывалъ, что всадникъ спустился оттуда вскачь. Осажи долго в со вниманіемъ разсматривали слѣды и возвратились послѣ бесполезныхъ поисковъ. Караванъ двинулся снова. Тогда только объявилъ одинъ Осажъ, что слѣдъ былъ конскій; подробное описаніе, данное этимъ человекомъ, разсказано въ слѣдующемъ описаніи.

Такого рода поступкамъ не должно удивляться, потому—что дикари не имѣютъ привычки говорить некстати. Еслибъ онъ объявлялъ съ самаго начала, что проѣзжалъ по тому мѣсту, то славовъ не стали бы раздражать; а могъ ли онъ утверждать, что въ то же самое утро, на томъ самомъ мѣстѣ, не былъ какой-нибудь Шани? Вотъ почему было благо-разумиѣе, рискуя даже встревожить всѣхъ и причинить бесполезные по-ски, обезпечить навѣрное спокойствіе селенія. Осажъ всегда действу-еть съ осторожностью.

Вскорѣ послѣ того, мы павхали на слѣды недавней погони. Воины подводили своихъ лошадей къ тѣламъ мертвыхъ буйволовъ, чтобъ луч-ше приучить ихъ къ виду и запаху животныхъ. Осажи разсуждали меж-ду собою о томъ, кто бы могъ тутъ охотиться? Малые-Осажи была для этого слишкомъ-далеко къ северу. Послали впередъ отборный разъ-ѣздъ, который черезъ нѣсколько дней возвратился съ извѣстіемъ, что въ разстояніи двухъ сутокъ пути расположенъ лагерь изъ ста шалашей Конзовъ. Двое сутокъ охотничьяго пути составляютъ миль шорокъ раз-стояніа. Конзы радушно угостили нашихъ воиновъ; они наслаждались изобиліемъ и приглашала насъ разделить ихъ благополучіе.

Только-что разъездные наши успѣли сойти съ коней, къ намъ яви-ся лапани въ сопровожденіи двухъ канговъ канзасскихъ, которыхъ сла-ла были обѣщаны свѣжимъ мясомъ. Лапани представлялъ собою на-стоящій типъ краснокожаго поваренка: соединеніе дерзости, наглости, лукавства, тщеславіа и вѣзости; онъ безпрестанно гримасничалъ и кри-чался; вообще, лапани никогда не имѣютъ наружнаго достоинства и спо-койствіа, которыми отличаются краснокожіе воины. Не успѣлъ этотъ Конза явиться, какъ тотчасъ же высмотрѣлъ одинъ шалашъ, передъ которымъ стояли превосходныя лошади; онъ искусно провѣдалъ объ-имени ихъ хозяина и прокричалъ нѣсколько разъ по всему нашему ла-герю, что Ишта-Ска величайшій изъ осажскихъ воиновъ. Такое про-возглашеніе платится дорого, что нашему лапани было очень-хорошо извѣстно: онъ получалъ въ награду добрую лошадь. Самолюбіе дикаря побуждаетъ его награждать тѣхъ, кто ему льститъ. Его провозгласивъ впередъ всѣмъ народомъ какъ храбрѣйшаго, богатѣйшаго и великодуш-нѣйшаго изъ всѣхъ: онъ и платитъ за то, какъ человекъ богатый и щедрый. Въ Европѣ и въ степяхъ, вездѣ слабая струна людей — само-любіе.

Конза повторилъ намъ приглашеніе, которое мы уже получили че-резъ нашихъ разъездныхъ. На другой день онъ приѣхалъ въ нашъ во-вой лагерь и маневрировалъ такъ ловко, что его одарили въ каждомъ шалашѣ. Мы пришли къ лагерю нашихъ друзей на вторые сутки.

Осажи соорудили шалаши свои въ небольшомъ разстояніи отъ лагеря Конзовъ. Недовѣрчивые дикари боятся вѣзаны, в станы двухъ народовъ, встречающихся въ степи, располагаются всегда отдѣльно другъ отъ друга. Какая-нибудь ссора между молодыми людьми можетъ повлечь за собою общее столкновеніе, а въ случаѣ разрыва, шалаши каждой сто-роны превратятся въ отдѣльные сборные пункты.

Не успѣли мы накрыть свои шалаши, какъ явился герольдъ Велика-

го-Главы Конзовъ съ приглашеніемъ на большой пиръ осажскихъ воиновъ и блѣднлицыѣхъ Осажи, не теряя времени на приготовленіе, собрались въ сторону отъ шалашей. Мажакита поговорилъ съ своими воинами и пошелъ рядомъ съ ними; мы, бѣлые, двинулись въ головѣ колонны и вошли къ нашимъ хозяевамъ, предшествуемые герольдомъ и лапани, о которыхъ я говорилъ. Осажи не обращали, по-видямому, никакого вниманія на жителей селенія; они считаютъ недостойнымъ себя обнаруженіе любопытства, хотя въ сущности замѣчаютъ лучше и скорѣе насъ. Уступая влеченію бѣлой натуры и не стыдась смотреть съ любопытствомъ на новыя для меня вещи, для которыхъ я пришелъ изъ такихъ дальнихъ странъ, я разглядывалъ походныя жилища Конзовъ, во многомъ различныя отъ нашихъ. Стропила каждаго шалаша были накрыты кожами, украшенными красными, желтыми, синими и черными расунками, напоминавшими собою египетскую живопись во всей ея первобытной простотѣ. Шалашы Конзовъ, которыхъ нижняя часть походила на наши, имѣли полуцилиндрическія крыши, приподнятыя въ серединѣ къверху, въ родѣ вершины палатки. У многихъ воиновъ были настоящія палатки, сдѣланныя изъ расписанныхъ кожъ.

Конзаскія дѣвушки, которыя гораздо-привлекательнѣе осажскихъ, смотрѣли на насъ безъ малѣйшей застенчивости; ихъ одушевленные взгляды были даже весьма-ободрительны. Мы вошли въ шалашъ Великаго-Главы Конзовъ, просторный и обширный, гдѣ, однако, не могли бы помѣститься всѣ осажскіе воины. *Бѣлое-Перо* позвалъ туда Мажакиту, Батиста, нѣкоторыхъ первоклассныхъ вождей и насъ, блѣднлицыѣхъ воиновъ. Сначала всѣ мы курили молча, потомъ навѣлись въ волю жареной говядины, за которою следовала сушеная тыква съ бобами и чашка *манка-сабѣ*, приготовленнаго изъ жженыхъ жолудей и услащеннаго сиропомъ, извлекаемымъ изъ американскаго клена.

Бѣлое-Перо, предводитель Конзовъ, маленькій, сухой человекъ, съ орлинымъ носомъ и проныцательнымъ взглядомъ. Костюмъ его такой же, какой носятъ Осажи, и онъ, какъ Мажакита, не отличается по наружности ничѣмъ отъ своихъ воиновъ. Онъ носитъ цвѣтную рубашку, на которой висятъ ожерелье изъ фарфоровыхъ бусъ. У него двѣ жены, изъ которыхъ одна очень-хороша собою и отличается такимъ благородствомъ осанки и пріемовъ, какого я не встрѣчалъ ни у одной изъ краснокожихъ женщинъ. Я получилъ позволеніе нарисовать ея портретъ.

Мы получили еще одно приглашеніе отъ *Бѣлаго-Пера*, который сказалъ намъ, что первый пиръ его былъ данъ для осажскаго народа, но что теперь онъ намѣренъ угостить лично насъ. Онъ сказалъ намъ также, что видѣлъ за нѣсколько лунъ тому назадъ блѣднлицыѣхъ воиновъ, направившихся съ фурами къ Скалистымъ-Горамъ (*Rocky-Mountains*). Въ тотъ же день насъ угощали однимъ пиромъ послѣ другаго, отъ-чего, однако, нисколько не страдали наши пищеварительныя органы. Войдя въ свой шалашъ, мы не имѣли покоя отъ собакъ Конзовъ. Елишь докучливость ихъ вывела насъ изъ терпѣнія и заставила убить нѣсколькихъ, то хозяева ихъ непремѣнно потребовали бы отъ насъ.

предполагаемой цѣны собакъ. У дикарей непременно должно вознаграждать какого бы ни было рода сдѣланные имъ убытки: убейте собаку не бышнюю, а какъ бы дружески съ вами ни обращались, а за нее придется заплатить. За смертоубійство, вольное или невольное, законъ возмездія исполняется во всей силѣ: смерть за смерть, кровь за кровь; впрочемъ, обычай предоставляетъ преступнику возможность откупиться. Одинъ Осажъ, поссорившись съ жителемъ сосѣдняго селенія, убилъ его: чтобъ выкупить свою жизнь, онъ предложилъ родственникамъ убитаго все свое состояніе, т. е. шалашъ и лошадей. Предложеніе его было отвергнуто, потому—что семейство убитаго требовало крови. Убийца пошелъ въ сопровожденіи своихъ друзей на мѣсто, гдѣ долженъ былъ принять смерть. Когда онъ упалъ, прострѣленный пулею, родственники набросали на него одѣяло, чтобъ скрыть его предсмертныя муки, унесли трупъ и похоронили съ честью. Ни одинъ голосъ не возвысился въ пользу виновнаго, ни одна рука не взялась за оружіе, чтобъ освободить его отъ заслуженной казни.

Другой Осажъ, чистя карабинъ, убилъ совершенно-нечаянно воина, проходившаго по близости. Родственники его потребовали шалашъ и лошадей убійцы, который живетъ теперь то въ одномъ шалашѣ, то въ другомъ.

Красота конзаскихъ дѣвушекъ сильно озабочивала Батиста. У него есть дочь, которую онъ считаетъ прекраснѣйшею изъ всѣхъ женщннъ, когда-либо родившихся подъ небомъ американскихъ степей; онъ даетъ ей богатые наряды, велитъ ѣздить на своемъ лучшемъ конѣ, убранномъ со всею извѣстною у дикарей роскошью. Онъ заставлялъ даже нѣсколько разъ *прокричать* имя своей дочери: когда хотятъ прославить имя витязя или красавицы, то даютъ молодымъ воинамъ лошадей, оружіе, красныя одѣяла, чтобъ они ходили по селенію и провозглашали имя того или той, кто причина такой щедрости. Если въ такихъ случаяхъ встрѣтится совмѣстничество, то провозглашается имя щедрѣйшаго. Батистъ, тщеславный какъ метель, далъ однажды десять лошадей, чтобъ заставить прокричать имя своей дочери, розы—степей (*).

Батистъ нѣсколько разъ давалъ намъ ясно почувствовать, что онъ не хотѣлъ бы выдать дочь свою за дикаря: извѣстно, что онъ отказалъ въ ея рукъ одному Осажу, который предлагалъ пятьдесятъ лошадей. Достойный родитель, вѣроятно, надѣялся убедить насъ послѣдовать примѣру молодыхъ Европейцевъ, которые, путешествуя въ здѣшнихъ краяхъ, забыли родину и семейство, чтобъ сдѣлаться дикарями и жить съ какою-нибудь красавицей, умѣвшей приковать ихъ сердца. Онъ намекалъ намъ, что еслибъ мы вздумали попробовать этого счастья, то предложеніе наше удостоилось бы благосклоннаго приѣма. Но, къ несчастію, красота его дочери была совершенно-помрачена прелестями конзаскихъ дѣвушекъ, почему Батистъ отзывался о нихъ особенно дур-

(* За Арканзасомъ подается много дикихъ розъ: это маленькій дикій пикъ, стелющийся по землѣ; цвѣтокъ его темнорозовый.

и безпрестанно старался выставлять намъ на видъ богатство, большіе палатки и умъ своей дочери. Къ-сожалѣнію, труды его пропадали даромъ, ибо никто изъ насъ не имѣлъ намѣренія осуществить его надежды, хотя осажскіе брачныя узы и очень-легко расторгнуть.

Права конзаскихъ женщинъ не принадлежатъ къ числу самыхъ строгихъ. Дѣвушки приходили купаться по сосѣдству отъ насъ, плескали въ насъ водою, бросали пескомъ и всячески замгрывали съ нами.

За нѣсколько дней до нашего прибытія сюда, Пѣни украли у Конзовъ шестидесять лошадей. Ночью у насъ тщательно сторожили лагерь. Молодые люди прятались въ засады на некоторомъ разстояніи отъ палатки, въ надеждѣ подстеречь непріятеля; но это было уже бесполезно, потому-что благоразумные Пѣни всегда удаляются послѣ удачныхъ погоней, опасаясь быть открытыми и преслѣдованными.

Однѣ изъ конзаскихъ охотниковъ былъ убитъ на погонѣ. Смерть эту сначала приписали Пѣніямъ, но видя, что волосы его цѣлы, а руки и ноги не отрублены, разсудили, что онъ сдѣлался жертвою несчастнаго случая. Родственники его, за недостаткомъ примѣтъ, по которымъ можно было бы открыть истину, отказались отъ преслѣдованія убійцы, а мать, разумѣется, не явился къ нимъ съ повинною головою.

Похищеніе еще двухъ лошадей оживило воинственный духъ Конзовъ; они уже взяли уголь; но узнавъ, что и наши храбрые намѣревались начать атакку войны, многіе изъ нихъ рѣшились слѣдовать за Осажами, чтобъ составить болѣе-многочисленную военную партію.

Въ-продолженіе шести сутокъ, оба народа шли и охотились вмѣстѣ; послѣ этого времени, проведеннаго въ скачкахъ и общихъ удовольствіяхъ, Бѣлое-Перо и Волкъ (Шонкѣ) разстались; мы продолжали свой путь въ сопровожденіи десяти конзаскихъ палашей.

На слѣдующемъ роздыхѣ, одна молодая женщина наступила нечаянно на гремучую змью самой малой породы (*crotalus miliaris*) и была ужалена въ пятку. Меня позвали къ ней на помощь, хотя дикари уже считали ее безвозвратно-погибшею.

Всчастіе это случилось за десять минутъ до моего прихода, недалеко отъ лагерь, куда нѣсколько дикарей перенесли больную. Вокругъ нея тутъ собрались женщины и запѣли свою унылую погребальную пѣснь, сопровождаемую рыданіями. Я съ величайшимъ трудомъ пробрался къ ней и былъ изумленъ жестокостью общахъ признаковъ.

Женщина эта, которой было не больше двадцати лѣтъ, лежала на землѣ въ самомъ ужасномъ томленіи. Лицо ея было искажено, болѣзненно и покрыто крупнымъ холоднымъ потомъ; кожа на тѣлѣ суха и потрескалась, пульсъ малъ и сжатъ; судорожная дрожь во всемъ тѣлѣ перемѣшалась съ совершеннымъ оцѣпенѣніемъ, въ-продолженіе котораго можно было видѣть частыя подергиванія пальцевыхъ сухихъ жилъ. Я взялъ съ ея ноги миты изъ толстаго синяго сукна и мокассы изъ конзаской шкуры, и крѣпко перетянулъ ей ремнемъ ногу ниже колѣна.

Вся нога сильно опухла; она была блѣднаго и мертвеннаго краснаго цвета съ большими фіолетовыми пятнами; страдалица ощущала въ ней сильныя боли, особенно съ внутренней стороны ноги; ступня была

красна и уже отекала. Ниже внутренней лодки, на серединѣ пространства, отдѣляющаго ее отъ ахиллесовой сухой жилы, были видны двѣ маленькія округлыя ранки, шириною въ одну линію, удаленныя между собою на восемь линій и расположенныя вертикально одна надъ другою. Ранки эти имѣли видъ мѣсть уколотыхъ; вокругъ нихъ не было ни крови, ни красноты.

Я приподнялъ щипчиками складку кожи, на которой были обѣ ранки, и вырзалъ ее бистуріемъ; потомъ снялъ клетчатую перепонку. Я обнажилъ ахиллесову жилу на протяженіи двухъ или трехъ линій по ея внутреннему краю; сдѣланная мною рана давала много крови, что я приписываю завалу крови, произведенному тугою лигатурою, наложенною надъ подкольникомъ; ни одна малая артерія не давала крови. Я насыпалъ въ рану мелкаго пороха, пока накаливали желѣзный прутъ; только-что онъ былъ готовъ, я выбралъ изъ раны порохъ и прижегъ глубоко и тщательно всю часть внутри ея, чтобы по возможности уничтожить ядъ, который бы могъ въ ней оставаться; потомъ наложилъ на рану сухой корпін, присыпанной порохомъ. Тогда можно было пріослабить лигатуру, и больную перенесли въ шалашъ, положили на бизоновыя шкуры, оставя ногу въ приподнятомъ положеніи и накрывъ ее только чистою тряпкой, которую я велѣлъ постоянно смачивать холодною водою.

Только тогда удалось мнѣ пріостановить на минуту крики и слезы — единственныя средства, употребляемыя Осажами противъ ужаленія ядовитыхъ змій. Больная была очень-слаба, пульсъ очень-слабъ и медленъ; по-временамъ были у ней порывы на рвоту и судорожныя движенія рукъ.

Около шести часовъ вечера больную рвало пищевыми веществами; въ семь часовъ еще рвота, но я не видѣлъ чѣмъ. Сильныя позывы тошноты жестоко утомляли бѣдную женщину; диакри уверяли, что эта рвота признакъ близкой смерти. Ложка камфорной водки остановила тошноту, и рвота не возобновлялась. Въ девять часовъ она приняла еще ложку камфорной водки; сильныя боли во всей ногѣ; сильная головная боль; языкъ весьма-красный и сухой; мучительная жажда, которую не могло утолить большое количество выпитой больною воды.

Десять часовъ. Сонливость, бредъ, безпокойство, причиняемое рвотами и пнїемъ плакальщицъ, которыхъ нельзя совершенно удалить.

На другой день ступня и нога въ сильнѣйшей опухолѣ, жостки и причиняють боль; языкъ сухъ и красенъ; пульсъ бьется слабо, часто жостко; больная безпрестанно проситъ пить; она спокойна, но весьма-уныла. Судорожныя движенія прекратились.

Фиолетовая краснота кожи, покрытой синими пятнами, крайняя напунтусность кожи, нѣкоторыя плоскія выдавшіяся маста на ея поверхности, мѣсть съ другими признаками, заставляли меня опасаться общаго воспаленія ноги, почему я сдѣлалъ на ней три разреза: одинъ на переднемъ краю голени, другой на внутренней нижней части ноги, а третій надъ вѣншиимъ краемъ подошвеннаго мускула. Лигатуру сняли совсѣмъ. Продолженіе холодныхъ примочекъ.

Сдѣланная накануне рана имѣла видъ глубокаго обжога съ черноватою корою на днѣ; края красны и тверды. Приложена щипанная корпія, пропитанная бизоновымъ жиромъ; пища прописана питательная, бульоны и жареное мясо.

Осажи дождались, прежде чѣмъ пуститься въ дальнѣйшій путь, чтобъ состояніе больной позволило ее перенести. Они сложили шалаши на третій день послѣ того, какъ она была ужалена, и молодые люди несли ее попеременно до слѣдующаго роздыха. Переноска утомляла ее нѣсколько, но въ ногѣ боль облегчалась; я нашелъ на днѣ раны нѣсколько отрывковъ сѣровой клетчатой плевы, которыхъ края красны.

Въ-продолженіе вечера, не смотря на мои совѣты, одинъ осажскій врачъ сдѣлалъ нѣсколько поверхностныхъ скарификацій на верху ступени. Надрѣзы эти, сдѣланные тупымъ ножомъ, не произвели никакого дѣйствія. Раны заживлялись приличными средствами, и на двадцать-второй день больная выздоровѣла окончательно.

Женщина эта не умерла отъ ужаленія по слѣдующимъ причинамъ: 1) змѣя была изъ самой маленькой породы (*crotalus miliaris*); 2) она была ужалена въ іюнь — въ такую пору, когда ядъ гремучихъ змѣй менѣе изобилуетъ и дѣятеленъ, чѣмъ въ то время, когда они выходятъ изъ своего оцѣпенѣнія; 3) зубы гада должны были пробить двойную оленью шкуру мокасина, что не дозволило имъ проникнуть глубоко въ тѣло; 4) наконецъ, поглощеніе яда кровью было остановлено черезъ десять минутъ послѣ ужаленія.

Врачи или колдуны осажскіе не одобряли сначала моего леченія и пугались моей смѣлости; но, увидя достигнутые результаты, они обещали слѣдовать въ подобныхъ случаяхъ моей методѣ и приписывать меньше целебныхъ свойствъ крикамъ и слезамъ, считавшимся дотогдѣ дѣйствительнымъ лекарствомъ противъ укушенія гремучихъ змѣй.

Леченіе это доставило мнѣ достославный титулъ *уакантаку-шинка* — маленькій-врачъ или колдунъ, какъ угодно.

Подобные случаи здѣсь вовсе-нерѣдки; но если принять въ соображеніе невѣроятное множество гремучихъ змѣй, населяющихъ эти степи, то невольно удивитесь тому, что они не бываютъ гораздо-чаще. На всякомъ шагѣ, во время переходовъ, попадались намъ змѣи. Мы слезали съ лошадей и убивали ихъ безъ труда, переламывая позвоночный хребетъ ударомъ хлыста. Дикари собираютъ гремушки этихъ змѣй для украшенія, прибавляемаго ими къ орляному перу, которое они носятъ въ своемъ военномъ пучкѣ.

Въ степяхъ два рода гремучихъ змѣй: *crotalus durissus*, весьма-различный отъ гремучихъ змѣй Луизианы: длина его между тремя и пятью футами. Другая порода, *crotalus miliaris*, отличается краснымъ брюхомъ отъ змѣй Бычьей-Земли; длина его восемнадцать дюймовъ. Она опаснѣе перваго по малому росту и слабому звуку своей гремушки.

Есть люди, которые вѣрятъ тому, что гремучая змѣя живетъ въ дружномъ обществѣ со степными собаками и совами: въ этомъ нѣсколько лишней поэзіи. Гремушія змѣи охотно питаются этими двумя родами

животныхъ, у которыхъ инстинктъ такъ вѣренъ, что не позволяеть имъ жить по соседству съ такими страшными врагами: совы и змѣи живутъ отдѣльно другъ отъ друга, въ норахъ, покинутыхъ степными собаками; а эти, съ своей стороны, поторопятся уступить свои жилища змѣямъ, еслибъ онѣ вздумали попросить у нихъ гостеприимства.

Къ концу юня мы прибыли на военныя тропики, около 400 миль за Арканзасомъ. Далѣе къ западу не нужно было подвигаться; путь нашъ къ Большому-Солончаку лежалъ на юго-востокъ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА НОЯБРЬ 1846 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно: 1) Александрийскую по р. Сейму систему, протекающую по Курской и Черниговской Губерніямъ, причислить къ IX-му Озругу Путей Сообщенія. 2) Учрежденный для устройства этого сообщенія особый комитетъ упразднить. 3) Всѣхъ чиновъ, въ составъ комитета входящихъ, считать отъ службы по комитету уволенными, преркрати в все производимое имъ по занимаемымъ должностямъ содержаніе. 4) Для завѣдыванія александрийскимъ сообщеніемъ, назначить особаго инженера путей сообщенія съ помощникомъ, и необходимое число нижнихъ чиновъ. 5) Сообщеніе это поддерживать въ мѣрѣ, судходству необходимой. 6) Подтвердить и наблюдать, чтобъ владельцы мельничныхъ по Сейму плотинъ, отъ которыхъ главнѣйше зависитъ судходство по Сейму, на основаніи Высочайше-утвержденнаго 18-го апрѣля 1839 года положенія Комитета Министровъ, содержали эти плотины постоянно въ совершенной исправности, исправляя и возобновляя ихъ своевременно собственными средствами, подъ наблюденіемъ нижеперовъ, и чтобъ мѣстное гражданское начальство содѣйствовало въ этомъ случаѣ инженерному ведомству, и 7) На ремонтъ этого сообщенія и содержаніе всѣхъ чиновъ продолжать отпускать изъ земскихъ сборовъ Курской и Черниговской Губерній по 12,365 рублей серебромъ въ годъ, на томъ самомъ основаніи, какъ это нынѣ дѣлается по штату Высочайше утвержденному въ 1839 году.

— Высочайше утверждены гербы городовъ Селенгянска и Троицко-гавска. Первый представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней, меньшей, въ серебряномъ полѣ губернской гербъ, а въ нижней, пространной, въ голубомъ полѣ на вершинѣ зеленого холма возржающіеся осики. Второй представляетъ щитъ, раздѣленный на двѣ части: въ верхней, меньшей, въ серебряномъ полѣ губернской

гербу, а въ нижней, пространной, въ голубомъ полѣ рогъ изобилія изъ котораго сыплются золотыя монеты; по сторонамъ онаго, на песчаномъ грунтѣ, слѣва казакъ, а справа Бурятъ, оба верхомъ на коняхъ

— Высочайше повелѣно разрѣшать безпошлинный отпускъ всякихъ вообще льняныхъ полотень чрезъ таможенныя мѣста, по азиатскимъ границамъ состоящія; что же касается до распространенія сего правилъ и на таможни, въ кавказскомъ край находящіяся, то предоставить военному министру, по полученіи отзыва отъ намѣстника кавказскаго, вести сей вопросъ на разсмотрѣніе Кавказскаго Комитета.

— Учрежденный 5 іюня 1842 г. особый въ VI отдѣленіи Департамента Разныхъ Податей и Сборовъ столъ, по заготовленію вина съ частныхъ заводовъ, оставленъ въ настоящемъ его составѣ и на будущее откупное четырехлѣтіе, съ отпускомъ на прежнемъ основаніи и потребной на содержаніе онаго суммы.

— Чинамъ Инспекторскаго Департамента Гражданскаго Вѣдомства выдать мундиръ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, сообразно разрядамъ должностей, по штату департамента положенныхъ.

— Постановлено, что срокъ на представленіе просьбъ объ увольненіи чиновниками гражданскаго вѣдомства въ примѣчаніи къ 1175 ст. Св. Зак. Уст. о Службѣ по Опред. отъ Прав. въ Продолженіи V постановленный, не относится къ лицамъ, занимающимъ должности собственно по выборамъ дворянства и поменованнымъ въ ст. 228 Уст. о Сл. по Выборамъ, въ увольненіи коихъ руководствоваться точною слагою ст. 274 того же устава.

— Повелѣно воспретить вывозъ за границу картофеля изъ Остзейскихъ губерній по 1-е сентября 1847 года, оградивъ безпошлинный отпускъ онаго отходящими за границу кораблямъ, въ числѣ корабельной провизіи, дозволеніемъ шкиперамъ кораблей брать картофель въ видѣ провизіи для кораблей, отходящихъ въ гавани по сю сторону Зунда, по одному четверику, и въ гавани по ту сторону Зунда, по два четверка на cadaго корабельнаго служителя, считая въ томъ числѣ и шкипера.

— Высочайше повелѣно, чтобъ въ орденскихъ звѣздахъ св. апостола Андрея Первозваннаго, св. Александра Невскаго, Благо Ора. св. Георгія и св. Станислава, при пожалованіи сихъ орденовъ нехристианамъ, изображаемъ былъ, вмѣсто свѣтъ, ихъ мензелевыхъ именъ или креста, Императорскій орелъ, подобно тому, какъ постановлено объ орденскихъ звѣздахъ св. Владимира и св. Анны въ новыхъ статутахъ сихъ орденовъ.

— По вопросу объ устройствѣ въ Санктпетербургѣ хлѣбныхъ амбаровъ приставей и буяновъ, Высочайше утвержденнымъ въ 18 день октября сего года мнѣніемъ Государственнаго Совета постановлено:

1) Въ буянахъ: Гагаринскомъ, Тучковомъ, Сальномъ, Масляномъ, Сельдяномъ, проавести нужныя исправленія и постройки, на предложенныхъ комитетомъ основаніяхъ, по тѣмъ проектамъ и сметамъ

кои удостоены будутъ Высочайшаго утвержденія, по особому о семъ представленію.

2) Складку и бракованіе пеньки, пакли и льна сосредоточить на Тучковомъ-Буянь, не возбраняя впрочемъ складывать сіи товары и на Гагаринскомъ-Буянь тѣмъ торговцамъ, которые того пожелаютъ.

3) Устроенные на Гагаринскомъ-Буянь амбары отдавать въ-наемъ желающимъ, для храненія какъ вышеупомянутыхъ, такъ и разныхъ другихъ товаровъ; за тѣмъ прочіе буяны оставить на прежнемъ основаніи

4) Независимо отъ сего, согласно ходатайству хлѣбныхъ торговцевъ и заключенію Комитета, устроить по проектамъ и сметамъ, кои удостоится Высочайшаго утвержденія, особые хлѣбные амбары, по лѣвому берегу Невы, на мѣстахъ, принадлежащихъ Александро-Невской-Лаврѣ, отъ Обводнаго-Канала до городской границы, объ уступкѣ коихъ городу свестись съ подлежащимъ начальствомъ.

5) Для причала и разгрузки барокъ съ разнымъ товаромъ, назначить слѣдующія пристани:

а) Для барокъ съ хлѣбными продуктами, отъ Обводнаго-Канала до дачи барона Штиглицъ; б) для дровяныхъ и угольныхъ барокъ, отъ большаго Охтенскаго-Перевоза до Таврическаго-Сада, не запрещая однакожъ идущимъ въ Фонтанку останавливаться, не доходя сей рѣки, но не больше, какъ въ три ряда поперекъ Невы; в) для сѣнныхъ барокъ, у Таврическаго-Сада, и г) для барокъ съ масломъ, привозимымъ для продажи жителямъ города, у Маслянаго-Буяна.

б) Такъ-называемыя Тихвинскую и Ладожскую Пристани устроить, отъ дачи барона Штиглица до большаго охтенскаго перевоза, на землѣ, принадлежащей городу. Рожковскія пристани, оставя на прежнемъ мѣстѣ, очистить отъ находящихся на оныхъ рогоженныхъ балагановъ.

7) Составленіе правилъ для ломки порожнихъ барокъ и для учрежденія интерваловъ между караванами предоставить Городской Распорядительной Думѣ, по совѣщаніи съ Купеческимъ Отдѣленіемъ Общей Думы и съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ.

8) Для покрытія расходовъ по устройству и содержанію хлѣбныхъ амбаровъ, приставей и буяновъ, ввести, съ открытіемъ навигаціи въ 1847 году, слѣдующіе въ пользу города сборы:

а) За складку и бракованіе товаровъ на городскихъ буянахъ (*):
Съ пеньки по 17 коп. сер. съ берковца.

— льна	— 20	—	—	—	—
— сала	— 16	—	—	—	—
— масла	— 17	—	—	—	—
— поташа	— 16	—	—	—	—

Примѣчаніе 1. Такъ-какъ сало, масло и поташъ привозятся въ бочкахъ, каждая въ 25 пудовъ, то взимать назначенные съ сихъ товаровъ сборы съ бочки, считая каждую въ 2½ берковца.

Примѣчаніе 2. Сборы за складку сельдей на Сельдяномъ-Буянь оста-

(*) Сіи сборы устанавливаются въ замѣнъ нынѣ существующаго на буянахъ сбора, признаннаго для торговцевъ неуравнительнымъ.

вить на прежнемъ основаніи, по существующему о семъ особенному положенію.

б) Съ каждаго куля и мѣшка разныхъ сортовъ хлѣба и сѣменъ, привозимыхъ на хлѣбную пристань, взимать по 2 к. сер.

Примѣчаніе. При взиманіи сего сбора съ мелкаго солода и гречневой крупы, привозимыхъ въ куляхъ и мѣшкахъ четвертныхъ отъ 2 до 2½ пудовъ вѣсомъ, считать два такovie куля или мѣшка за одинъ.

9) По устройеніи городскихъ хлѣбныхъ амбаровъ взимать за складку въ нихъ хлѣба по 6 к. сер. съ куля и мѣшка.

10) Относительно взиманія сбора съ товаровъ, складываемыхъ на городскихъ буянахъ, постановить слѣдующія правила:

а) Каждый торговецъ обязанъ объявлять Распорядительной Думѣ о количествѣ привозимыхъ имъ на городскіе буяны пеньки, льна, пакли, сала, поташа и масла коноплянаго.

б) Распорядительная Дума, по запискѣ объявленій въ шнуровую книгу, выдаетъ торговцамъ дозволенія на складку товаровъ на буянахъ, строго наблюдая, чтобъ не было привезено къ буянамъ товаровъ болѣе того количества, какое объявлено.

в) Торговцы, объявляющіе о количествѣ привезенныхъ товаровъ, вносятъ въ Распорядительную Думу установленный сборъ въ два срока, одну половину при подачѣ самыхъ объявленій, а другую въ августѣ мѣсяцѣ. Тѣ же торговцы, кои объявятъ о привозѣ товаровъ въ августѣ и послѣдующихъ мѣсяцахъ, вносятъ установленный сборъ сполна въ то же время.

г) По закрытіи навигаціи, въ теченіе семи дней, пристава у буяновъ представляютъ въ Распорядительную Думу вѣдомость о количествѣ товаровъ, оставшихся на буянахъ, какъ бракованныхъ, такъ и небракованныхъ.

д) Въ то же время санктпетербургская таможня доставляетъ въ Думу вѣдомость о количествѣ товаровъ, очищенныхъ пошлиною при отпускѣ за границу, съ приложеніемъ именнаго списка торговцевъ, которымъ они принадлежатъ.

е) На основаніи сихъ свидѣній, Распорядительная Дума повѣряетъ платжи, и недоплаченную сумму за все количество товара, оказавшееся излишнимъ, требуетъ, съ кого слѣдуетъ, вдвое. Но сему двойному платежу не подвергаются тѣ торговцы, кои сами внесутъ дополнительную сумму до закрытія навигаціи.

ж) Для избѣжанія переписки во взисканіи мелочныхъ недоимокъ, всѣ начеты, кои, по повѣркѣ Думою платежей, составляютъ будутъ съ каждаго лица менѣе 25 р. сер., исключать со счета.

11) Учредить на хлѣбной пристани контору изъ особыхъ комиссаровъ отъ купцовъ всѣхъ гильдій, какъ мѣстныхъ, такъ и иногородныхъ, предоставивъ комиссарамъ свѣтъ служебныя права и преимущества торговыхъ депутатовъ.

12) Конторѣ этой поручить: а) взиманіе установленныхъ сборовъ съ разныхъ сортовъ хлѣба и сѣменъ, на мѣстахъ ихъ выгрузки; б) веденіе книгъ по взносу сихъ сборовъ, для чего на одного изъ комисса-

рогъ возложить обязанность казначея, в а) словесный разбор тѣхъ споровъ между торговцами по дѣламъ ихъ на пристани, которые, по существу своему, не подлежатъ судебному разбирательству.

13) Составленіе подробной инструкціи контора возложить на Распорядительную Думу, по совѣщаніи съ Купеческимъ Отдѣленіемъ Общей Думы и съ утвержденіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Для устройства помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и тюремъ въ Персикской-Губерніи установленъ съ обывателями этой губерніи особый сборъ на пять лѣтъ по $\frac{4}{100}$ съ купеческихъ капиталовъ и по 4 коп. сер. въ годъ съ каждой податной души, начавъ оный въ 1846 году; но если бы въ послѣдствіи оказалось возможнымъ произвести весь относимый на означенный сборъ постройки меншею суммою, нежели какая въ теченіе 5 лѣтъ поступить должна, то предоставлено Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ дать разрѣшеніе на прекращеніе этого сбора, какъ скоро миуетъ въ немъ надобность.

— Дозволено имѣть въ ремесленныхъ управахъ зеркало.

— Постановлено, чтобы въ число членовъ дворянскихъ опекъ по Бессарабской-Области включены были и уѣздные судьи, подобно тому, какъ сіе существуетъ въ прочихъ губерніяхъ.

— Дѣйствіе существующихъ нынѣ правилъ о переводѣ пошлинъ по векселямъ, выдаваемымъ купечествомъ на Кяхтѣ и помѣщенныхъ въ Сводѣ Зак. т. VI Учр. и Уст. Тамож. ст. 2474—2482 (изд. 1842 г.), продолжено въ настоящемъ ихъ видѣ на четыре года, т. е. по 1-е января 1851 года.

— Повелѣно при Ревизскомъ Отдѣленіи Саратовской Казенной Палаты учредить временный столъ на два года, съ назначеніемъ одного столоначальника, помощника его и двухъ писцовъ.

— Торгующему при санктпетербургской биржѣ купечеству предоставлено избирать въ Биржевой Комитетъ, на три года, особаго председателя изъ среды своей, т. е. изъ купцовъ 1-й гильдіи, сообразно тому, какъ предоставлено ему избраніе членовъ того Комитета (ст. 2004 Учр. и Уст. Торг. т. XI, изд. 1842 г.). Председателю сему присвоиваются все права и преимущества, членамъ Биржеваго Комитета предоставленныя.

— Въ разрѣшеніе вопроса о существованіи жиротопныхъ заведеній въ Астраханской-Губерніи, повелѣно воспретить жиротопленіе въ морскихъ рыбопромышленныхъ заведеніяхъ, съ уничтоженіемъ самыхъ устройствъ для жиротопленія, допустивъ существованіе сего промысла на будущее время только по берегамъ Волги и ея протокамъ въ Астраханской-Губерніи на слѣдующемъ основаніи: 1) Жиротопленіе ограничить однимъ лишь періодомъ времени, съ 20-го апрѣля по 5-е мая, когда въ устьѣ рѣкъ идетъ во множествѣ рыба, именуемая бышенкою, не воспрещая въ сіе время, выѣсть съ бышенкою, по неудобству и не-

возможности отдѣленія, обращать на жаротопленіе и другую мелкую рыбу, хотя бы она была и изъ числа въ пищу употребляемой. 2) По прошествіи означеннаго періода жаротопные котлы и кады должны быть убираемы съ берега немедленно. 3) Употребленіе для лова рыбы въ Волгѣ и ея протокахъ частыхъ неводовъ, называемыхъ жаротопными, воспретить, оставя для сего токмо обыкновенные неводы, именуемые стряжевными, и волокуши; воспрещеніе сіе съ января 1847 года распространить и на содержателей казенныхъ рыболовныхъ воь въ Астраханской-Губерніи. 4) Для отвращенія дурнаго запаха на жаротопняхъ, наблюдать, чтобы кости и остатки рыбы, по снятіи жара, немедленно были выбрасываемы изъ кадей, по слѣланному единожды земскою полиціею указанію, или въ рѣку, гдѣ у береговъ глубоко и по теченію воды не находится близвжительства, или въ вырытыя на берегу, въ приличныхъ мѣстахъ, глубокия ямы, въ коихъ каждый разъ забрасывались бы остатки тѣхъ же время толстымъ слоемъ земли. 5) Надзоръ за точнымъ исполненіемъ настоящаго постановленія возложить на мѣстныхъ земскія полиціи и Астраханскую Экспедицію Рыбныхъ и Тюленьихъ Промысловъ.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА НОЯБРЬ 1846 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. Министръ народнаго просвѣщенія изъявляя согласіе на раздѣленіе въ 1846—1847 учебномъ году перваго класса той Санктпетербургской Гимназіи на два отдѣленія, съ сохраненіемъ вышшняго распредѣленія учебныхъ часовъ, и разрѣшивъ, не открывая въ сей гимназіи четвертаго класса, дозволить ученикамъ оной, окончившимъ ученіе въ третьемъ классѣ, поступить безъ экзамена въ четвертый классъ той изъ здѣшнихъ гимназій, въ которую они пожелаютъ.

— Къ числу состоящихъ въ Училищѣ Правовѣднія, по штату, семи воспитателей, повелѣно опредѣлить еще трехъ, съ производствомъ имъ жалованья, по штату положеннаго, изъ суммъ, вносимыхъ на содержаніе своекоштныхъ воспитанниковъ, и съ предоставленіемъ имъ всѣхъ присвоенныхъ воспитателямъ уставомъ училища преимуществъ; въ случаѣ же недостатка въ натурѣ квартиръ въ домѣ училища, для помѣщенія воспитателей или другихъ лицъ, производить имъ, по усмотрѣнію попечителя Училища Правовѣднія квартирные деньги изъ экономической суммы сего училища.

— Высочайше разрѣшено наименовать учреждаемую въ Симбирскъ губернскую публичную бібліотеку, согласно желанію тамошняго дворянства, каразинскою.

Промышленность. Высочайше повелѣно: 1) Нерчинскому купцу Истомину передать 1000 десятинъ земли, находившихся во владѣніи компаніи въ Нерчинскомъ Уездѣ, въ урочищахъ Халанды и Ойховгъ; что же касается до земель компанейскихъ, близъ Селенгинска, то по надобности оныхъ для сего города, предоставить ихъ въ количествѣ 507 десятинъ 2,331 сажени, покупателямъ селенгинскаго стада, тамошнему

кнуду Старцеву и подпоручику Съдыхъ на два года, съ тѣмъ, чтобы, по прошествіи сего срока, они избрали другой свободный казенный участокъ. Земли сія передавать въ безсрочное безоброчное пользованіе, съ тѣмъ, чтобы въ-продолженіе 20 лѣтъ на нихъ разведено было по одной овцѣ на каждой десятинѣ, принимая въ счетъ овцѣ не только агнать и барановъ, имѣющихъ всѣ достоинства мериносовъ, но и овцѣ другихъ улучшенныхъ породъ. При этомъ поземельнымъ пользователям предоставляется на отведенной землѣ разводить и другихъ овцѣ мѣстныхъ породъ, а равно употреблять землю подъ посѣвъ хлѣба, травъ, огородныхъ овощей и т. п., но съ тѣмъ, что другія породы овцѣ въ счетъ не принимаются, и чтобы при употребленіи земли подъ другія отрасли хозяйства исполнено было главное условіе отвода земли, т. е. разведеніе вышесказаннаго числа овцѣ мериносовыхъ и другихъ улучшенныхъ породъ. 2) Если, по истеченіи 20 лѣтъ, по свидѣтельству стада, окажется въ нихъ требуемое количество овцѣ мериносовыхъ и другихъ улучшенныхъ породъ, то отведенныя земли останутся въ безоброчномъ пользованіи до тѣхъ поръ, пока на оныхъ будутъ находиться мериносовыя и улучшенныя стада въ числѣ овцѣ или головъ, опредѣленномъ выше 1 пунктомъ. 3) У тѣхъ, кои не исполнять условія разведенія овцѣ по истеченіи первыхъ 20 лѣтъ, согласно съ 1 пунктомъ, и это будетъ доказано освидѣтельствомъ, земли отбираются немедленно въ казну, со взъисканіемъ за все время пользованія по 10 коп. сер. съ десятины, за каждый годъ, при чемъ предоставляется пользователям перенести свои хозяйственныя строенія и заведенія въ другія мѣста, въ-теченіи 2 лѣтъ, по истеченіи коихъ всѣ такія строенія или заведенія переходятъ въ собственность казны, безъ всякаго вознагражденія. 4) У тѣхъ, кои по истеченіи 20 лѣтъ разведутъ опредѣленное число овцѣ, но у коихъ въ-послѣдствіи стада станутъ уменьшаться, земли отбираются безъ штрафа, при чемъ пользователи сохраняютъ, какъ и въ 3 пунктѣ, права на череносъ хозяйственныхъ строеній. 5) Пользователи обязываются ежегодно доставлять Начальнику Иркутской-Губерніи въ концѣ года ведомости о состояніи стада, по формѣ, отъ него данной, съ засвидѣтествованіемъ земскаго суда въ справедливости показанія. 6) Освидѣтествованіе стада, по истеченіи 20 лѣтъ, производится по распоряженію начальника губерніи, равнымъ образомъ и въ-послѣдствіи отъ него же зависитъ производить повѣрка стадамъ, и если при таковыхъ освидѣтествованіяхъ число овцѣ окажется менѣе постановленнаго въ 1 пунктѣ, то онъ даетъ распоряженіе объ отобраніи земель, согласно 3 и 4 пунктамъ. 7) Права и обязанности пользователей переходятъ къ ихъ наследникамъ на общемъ основаніи. 8) На отводъ земли составляется къ Иркутской Казенной Палатѣ договоръ, на гербовой бумагѣ въ 90 коп. сер. лѣтъ; по совершеніи онаго, копія съ договора на гербовой бумагѣ того же достоинства выдается поземельному пользователю, за тѣмъ земля отводится посредствомъ землемера уезднаго или ведомства палаты, о чемъ сообщается губернскому правленію и мѣстной полиціи.

— Капитанъ гвардейской артиллеріи Карлъ Стандертшельдъ получилъ десятилѣтнюю привилегію на изобрѣтенную имъ подвижную древопилильную машину. По словамъ изобрѣтателя, машина эта удовлетворяетъ условіямъ простоты, легкости и прочности; она не только можетъ быть употреблена съ большою пользою при заготовкѣ дровъ, но также и при распиловкѣ торцовъ. По простотѣ своего устройства, она можетъ быть легко разобрана, перевезена на лодкѣ къ мѣсту дѣйствія и снова собрана безъ малѣйшаго затрудненія; будучи поставлена на рамы съ колесами, или катками, она удобно можетъ быть передвигаема по доскамъ на тѣ мѣста, гдѣ заготовленъ лѣсъ для распиловки. Употребленіе этой машины особенно полезно при обширномъ заготовленіи дровъ, въ мѣстахъ лѣсныхъ, прилежащихъ къ водянымъ сообщеніямъ. Существенныя выгоды означенной машины, по объясненію изобрѣтателя, состоятъ, во-первыхъ, въ уменьшеніи числа рабочихъ и сокращеніи времени противъ обыкновенной ручной пилки дровъ; следовательно, въ уменьшеніи потребныхъ на сію операцію издержекъ, какъ это можно усмотрѣть изъ слѣдующаго разчета: обыкновенною ручною пилкою дровъ, два рабочихъ могутъ распилать въ сутки только одну сажень трехъ-полѣнныхъ дровъ на одно-полѣнные, а вновь изобрѣтенною машиною распилать ихъ въ сутки 25 сажень, употребляя при машинѣ не болѣе 6 рабочихъ; во-вторыхъ, въ обезпеченіе поставщиковъ въ своевременной доставкѣ дровъ водянымъ путемъ; ибо, не теряя времени ни въ приисканіи большаго числа рабочихъ, ни въ самой работѣ, они могутъ заблаговременно нагружать суда дровами и отправлять ихъ первымъ весеннимъ путемъ, избѣгая чрезъ то мелководья и пороговъ, часто вовсе недоступныхъ для прохода большихъ дровяныхъ барокъ. Оба эти обстоятельства ведутъ къ значительному пониженію цѣны на топливо, составляющее предметъ величайшей необходимости для всѣхъ классовъ народа.

Благотворительность.— Въ день рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, 13 октября, открытъ въ Смоленскѣ пріютъ на сто дѣтей. Стремленіемъ и трудами главной попечительницы сего пріюта, супруги генерал-губернатора, княгиня Софья Петровна Голицыной, пріобрѣтенъ каменный домъ съ флигелемъ и садомъ, который, кромѣ помѣщенія пріюта, будетъ приносить до 300 руб. сер. годоваго дохода, и постоянная заботливость ея о несчастныхъ доставила пріюту 12 000 р. сер. неприкосновеннаго капитала и сверхъ сего до 1200 руб. сер. ежегодныхъ взносовъ. — Дѣйствительный статскій совѣтникъ Гречъ пожертвовалъ въ пользу пріютовъ тысячу экзекулярныхъ взаймой имъ «Русской Азбуки». — Незвѣстный благотворитель пожертвовалъ на отдалку помѣщенія для 2-й Амуралтейской Частной Школы Санктпетербургскаго Женскаго Патріотическаго Общества и снабженіе воспитанницъ оной необходимыми вещами 762 руб. сер.— Посредствомъ даннаго волтижеромъ Лежаромъ представленія въ пользу школъ того же общества собрано 821 руб. 73 коп. сер.

IV.

ДОКОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШ- НОСТЬ ВООБЩЕ.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА (*).

Нижегородская ярмарка составляет, бесспорно, одно изъ замѣ-
чательнѣйшихъ явленій во внутренней торговлѣ Россіи. Величина
совершаемыхъ на ней коммерческихъ оборотовъ показываетъ, какъ
обширно должно быть вліяніе этого огромнаго торжища на рус-
скую промышленность. Стоитъ только вспомнить, что привозъ сюда
товаровъ, по приблизительному расчету, на-примѣръ, въ 1844 го-
ду, простирался свыше 50 милліоновъ руб. сер., тогда-какъ въ
томъ же году во внѣшней торговлѣ Россіи отпускъ составлялъ
только 93 милліона, а привозъ 78 милліоновъ руб. сер. Одно срав-
неніе этихъ цифръ даетъ право заключать о важности нижегород-
ской ярмарки, на которой находятъ себѣ сбытъ масса товаровъ,
равная болѣе чѣмъ половинѣ всего нашего заграничнаго отпуска.
Но не одна обширность оборотовъ даетъ этой ярмаркѣ то важное

(*). Поводомъ къ этой статьѣ послужила недавно-вышедшая книга г-на Мель-
никова: «Нижегородская Ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ». (Нижній-Нов-
городъ. Въ губ. тип. 1846. Въ 8-ю д. л. IV и 292 стр.)

значение, какое она имѣетъ для Россіи. Можно сказать, что у насъ нѣтъ почти ни одной отрасли промышленности мануфактурной и фабричной, которая бы не являлась на ярмарку съ своими издѣліями и которая бы не основывала на ней своихъ надеждъ на сбытъ и своихъ расчетовъ на барыши. Всякаго рода выдѣлываемыя у насъ ткани, бумажныя, шелковыя, шерстяныя, всѣхъ возможныхъ названій, достоинствъ, цвѣтовъ, гладкія и испещренныя затѣйливыми рисунками московской изобрѣтательности, русскій хрусталь, русскій фаянсъ, стальные издѣлія, и пр. и пр., — все это является въ большихъ массахъ, въ натуральномъ своемъ видѣ, и составляетъ самую пеструю и любопытную выставку отечественной промышленности. Мы упомянули слово *выставка*; и дѣйствительно, нижегородская ярмарка можетъ представлять собою успѣхи и развитіе русской промышленности полнѣе и точнѣе, нежели тѣ выставки, на которыхъ являются только малые избранные, являются съ образчиками, а не съ массами издѣлій, — и притомъ съ какими образчиками? — часто достигающими замѣчательнаго совершенства, но выдѣлка которыхъ весьма-ограничена, потому-что эти издѣлія, относительно, слишкомъ-дороги для большинства потребителей. Притомъ, на выставку являются произведенія немногихъ значительныхъ фабрикантовъ; но являются ли туда издѣлія тѣхъ многочисленныхъ мелкихъ фабрикъ, невозвышающихся надъ посредственностью, и которыя, однакоже, весьма-важны въ народной промышленности нашей, потому-что эти-то издѣлія, по виду лубочныя и до-нѣльзя дешевыя, и составляютъ массу предметовъ, доступныхъ потребленію тощихъ кармановъ. На нижегородской ярмаркѣ вы, напротивъ, увидите цѣлыя годовыя пропорціи, нужныя для бюджета внутренняго потребленія, самыхъ простыхъ и вмѣстѣ самыхъ нужныхъ въ нашемъ народномъ быту издѣлій; вы ихъ увидите въ ихъ милой первобытной простотѣ; вы тутъ можете изучить степень нашей изобрѣтательности фабричной, подмѣтить оттѣнки вкуса потребителей, сдѣлать самыя любопытныя наблюденія надъ состояніемъ кармановъ, надъ средствами и условіями сбыта, надъ понятіями и нравами торговцовъ всѣхъ частей государства. Однимъ словомъ, если позволите уподобить нашу промышленность пирамидѣ, то наши мануфактурныя выставки указываютъ высоту, до которой она поднялась, а нижегородская ярмарка размыръ основанія ея.

Въ этомъ отношеніи, нижегородская ярмарка есть предметъ въ высшей степени любопытный для русской статистики. Между-тѣмъ, мы до-сихъ-поръ рѣшительно не имѣли удовлетворительнаго описанія ея. Съ нѣкотораго времени почти каждый годъ ко времени ярмарки появляется какое-нибудь описаніе ея, изготовленное московскими типографскими станками, и являющееся на ярмаркѣ, какъ необходимое ея дополненіе, вмѣстѣ съ московскими ситцами и тульскими ножичками. Но весьма-естественно, что подобныя описанія, имѣющія свою совершенно-особенную цѣль, не могутъ

удовлетворить требованіямъ просвѣщенной любознательности. Есть у насъ нѣсколько и другаго рода описаній, составленныхъ не исключительно съ коммерческою цѣлью. Такъ еще въ 1824 году вышло въ Москвѣ сочиненіе Гурьянова, но оно не выдерживаетъ и самой снисходительной критики; «Описаніе Нижняго Новгорода и ежегодно бывающей въ немъ ярмарки», составленное г. Лексентомъ-де-Лаво (Москва, 1829 г.) не далеко ушло отъ перваго; брошюры г. Зубова, изданныя въ 1837 и 1839 годахъ, слишкомъ коротки. Брошюра Маркова не заслуживаетъ упоминанія; наконецъ, изъ статей, разбросанныхъ въ разныхъ журналахъ, наиболѣе дѣльныя принадлежатъ г. Веретенникову, въ «Коммерческой Газетѣ», и г. Смирнову въ «Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1845 года), но и онѣ не даютъ полнаго и яснаго понятія объ этомъ замѣчательномъ въ русскомъ промышленномъ мѣрѣ явленіи. Чѣмъ менѣе мы были удовлетворены всѣми этими сочиненіями, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ принялись за вышедшее недавно, въ Нижнемъ-Новгородѣ, сочиненіе г. Мельникова, и должны признаться, были изумлены самымъ неожиданнымъ и пріятнымъ образомъ, найдя въ его книгѣ обстоятельное и дѣльное изложеніе, безълу любопытныхъ фактовъ, умныя и основательныя соображенія. Все это доказало намъ, что г. Мельниковъ принялся за дѣло серьезно, началъ съ того, что старательно самъ изучилъ предметъ, сравнилъ все, что было до него напечатано, разобралъ матеріалы письменныя, собралъ нужныя подробности личнымъ обозрѣніемъ на мѣстѣ, и, приведя весь этотъ богатый сборъ въ порядокъ и ясность, представилъ намъ весьма-любопытное и лучшее до-сихъ-поръ описаніе ярмарки за 1843, 1844 и 1845 годы. Оцѣняя съ надлежащей точки зрѣнія отношеніе этой ярмарки къ ходу нашей мануфактурной промышленности вообще, г. Мельниковъ не ограничился голословными указаніями, на сколько какого товара привезено и продано и какія были цѣны — единственныя обстоятельства, на которыя обращалось до-сихъ-поръ вниманіе описывателей ярмарки: г. Мельниковъ, напротивъ, о каждомъ предметѣ ярмарочной торговли старается говорить какъ-можно-обстоятельнѣе, показать, гдѣ и при какихъ условіяхъ онъ приготовляется, какимъ путемъ привозится въ Нижній и куда сбывается. Въ этомъ отношеніи, смѣло можно сказать, книга его можетъ быть справочною книгою русской промышленности, находящейся въ такой связи съ нижегородскою ярмаркою. Еще одно достоинство, о которомъ мы не хотимъ пройти молчаніемъ: г. Мельниковъ явно избѣгалъ общихъ воззрѣній и пышныхъ фразъ, стараясь говорить о дѣлѣ просто, безъ замашекъ; о хорошемъ прямо говорить — это хорошо; дурное порицаетъ безъ обиняковъ. Въ этомъ отношеніи весьма-замѣчательны статьи о винѣ, пшечей бумагѣ, табацѣ, книгахъ, сахарѣ. Въ сочиненіи г. Мельникова, весьма-естественно, цифры играютъ важную роль, — но откуда взяты эти цифры и въ какой мѣрѣ онѣ могутъ быть достоверны? Вотъ вопросъ

весьма-важный при разсматриваніи всякаго статистическаго сличенія.

«Вызванный (говоритъ г. Мельниковъ) къ составленію книжки г. нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ, княземъ А. Урусовымъ, я имѣлъ возможность получить много данныхъ изъ официальныхъ документовъ, которые хранятся въ канцеляріи его сіятельства. На нихъ-то основаны главнѣйшіе выводы о ходѣ ярмарочной торговли въ послѣднее трехлѣтіе; изъ нихъ заимствованы и всѣ цифры, столь часто встрѣчающіяся въ этмъ сочиненіи.»

Итакъ, въ основаніи числовыхъ показаній автора лежатъ официальные документы,—конечно, единственный источникъ, изъ котораго въ настоящемъ случаѣ могутъ быть заимствованы цифры и на чемъ-нибудь основанныя. Но любопытно знать, въ какой м способъ, которымъ эти цифры собираются на ярмаркѣ, обещиваетъ ихъ достоверность? Этотъ вопросъ не бесполезно разсртрѣть здѣсь прежде, нежели обратимся къ подробностямъ яррочной торговли, потому-что разрѣшеніе его должно намъ указать въ какой мѣрѣ можно статистику дѣлать свои выводы и заключенія на основаніи этихъ цифръ. На ярмаркѣ находится бол. 5000 лавокъ, какъ видно изъ перваго приложенія въ книгѣ Мельникова; изъ этого числа, около 2500 лавокъ въ каменномъ гостиномъ дворѣ, и столько же въ деревянныхъ помѣщеніяхъ. Эти лавки и помѣщенія раздѣлены на двадцать кварталовъ, и каждомъ кварталѣ есть чиновникъ, называемый ярмарочнымъ катальнымъ надзирателемъ. Въ концѣ ярмарки, такой надзиратель обходитъ всѣ лавки, съ вопросомъ — на сколько привезено и сколько продано? Отъ правдивости отвѣтовъ зависитъ вся вѣрность послѣдующихъ цифръ; но въ какой мѣрѣ эти отвѣты могутъ быть правдивы? Одному купцу нельзя сказать правду, чтобъ не обружить предъ товарищами положенія своего и тѣмъ не испортить своихъ дѣлъ; другой (а такихъ очевъ-много) и самъ не знаетъ какую сумму у него привезено и на сколько продано, — онъ считаетъ деньги дома, на досугѣ, а не въ этой ярмарочной сумгдѣ всякій торговецъ дорожитъ каждой минутой. Поэтому обыкновенно бываетъ одинъ отвѣтъ: «да какъ вамъ сказать, батюшка, право, не знаю; да пишете, впрочемъ, на столько-то привезено и на столько-то продано». Если надзиратель, желая исполнить свой долгъ усерднѣе, станетъ входить въ подробности и попытается узнать, на сколько привезено такого-то товара, и на сколько продано кого-то, навѣрное купецъ постарается освободиться отъ него, и вѣдая, что ему некогда, и что все это можетъ разказать его сосѣдкамъ. Чиновникъ обращается къ прикащику, который обыкновенно знаетъ меньше хозяина, и потому говоритъ, что пошлетъ голову, по крайнему своему разумнію. Всѣ эти показанія надзиратель сортируетъ по рядамъ товаровъ, отдѣляетъ русскія извѣденія отъ иностранныхъ, сырыя отъ обработанныхъ, и т.

смотря по степени своихъ познаній свойствъ и происхожденій товаровъ, и наконецъ, складывая цифры, по его понятіямъ однородныя, подводитъ итоги о томъ, сколько въ его кварталъ привезено и продано того, другаго, пятаго, Десятаго. Такія свѣдѣнія несутъ онъ въ ярмарочную контору; тамъ сосчитывается все вмѣстѣ, — и вотъ вамъ тѣ цифры, которыя вы видите въ книжкѣ. Спрашивается: можно ли принимать эти итоги за основаніе для правильныхъ выводовъ? На это замѣтятъ: да отъ-чего же купцу не знать, на сколько онъ привезъ и на сколько продалъ? Если хотите на это отвѣта, посмотрите, что говоритъ г. Мельниковъ о томъ, какъ многіе купцы торгуютъ на ярмаркѣ. Прочтите, что говоритъ онъ о кредитѣ, который онъ называетъ *чудосищнымъ* (стр. 280); взгляните, на-примѣръ, на стр. 136 и 137, гдѣ рассказываетъ онъ о томъ, какъ производится торгъ бумажными тканями, одною изъ главнѣйшихъ статей ярмарочной торговли. Большая часть этихъ тканей закупаются продавцами краснаго товара и ходебщиками, для перепродажи по всемъ городамъ Имперіи; ими скупается такимъ-образомъ болѣе $\frac{5}{6}$ всего количества этого товара. Городовые купцы берутъ его въ кредитъ, съ обязательствомъ заплатить черезъ извѣстные сроки. Ходебщики суть торговые крестьяне Владимирской, Рязанской и другихъ Губерній, употребляющіе всю жизнь свою на разъезды по Россіи съ товарами. Въ однихъ мѣстахъ они извѣстны подъ именемъ ходебщиковъ, вязниковцевъ, въ другихъ подъ именемъ разнощиковъ, афеней, и проч. Эти ходебщики получаютъ отъ фабриканта нужный имъ товаръ, платятъ имъ прошлогодній долгъ, вносятъ часть денегъ въ уплату новаго забора и условливаются заплатить остальную сумму по частямъ въ извѣстные сроки на извѣстныхъ ярмаркахъ. Сдѣлавъ это, ходебщикъ нагружаетъ свои возы взятымъ товаромъ и отправляется въ дальнія губерніи, для распродажи его. Онъ продаетъ его какъ случится: иногда на деньги, иногда мѣня на сельскія произведенія; онъ ни отъ чего не отказывается, рассчитывая только, чтобъ мѣна была выгодна. Вырученные за мѣну товары онъ продаетъ въ свою очередь, и дѣлается такимъ-образомъ прасоломъ. Къ новой ярмаркѣ ходебщикъ обращаетъ весь свой товаръ въ деньги, на которыя и дѣлаетъ новый оборотъ. Замѣчательно кредитъ, существующій въ этихъ сдѣлкахъ фабрикантовъ съ ходебщиками, — кредитъ, основанный единственно на личномъ довѣріи; необеспечиваемый никакими росписками и письменными актами. Пріймите теперь въ соображеніе, что половина привозимыхъ на нижегородскую ярмарку товаровъ или поступаетъ въ мѣну, или отдается въ долгъ, по простымъ роспискамъ, или даже и безъ нихъ, и потому скажите, какимъ-образомъ торговцу знать сумму, на которую онъ продалъ. Къ-тому же, иной товаръ, на-примѣръ сахаръ, перейдетъ во время ярмарки два, три раза изъ рукъ въ руки; значить, у надзирателя онъ записывается вдвойнѣ и втройнѣ. Можно утвердительно сказать, что только по одной отрасли торговли цѣн-

ность привоза и продажи исчисляется вѣрно—это по торговлѣ шёлка. Здѣсь дѣлають дѣла миллионеры, которымъ нѣ для чего стѣсываться; къ-тому же, это люди больше-образованные, нежели дѣльцы.

Эти соображенія даютъ намъ право принимать цифры, отпущенныя къ торговлѣ на нижегородской ярмаркѣ, не болѣе какъ приблизительныя и примѣрныя, чтобъ не сказать—сомнительныя. Для опытнаго статистика онѣ годятся только какъ поясненіе водовъ, сдѣланныхъ на основаніи иныхъ данныхъ, а не какъ основація для этихъ выводовъ. Часто даже, эти цифры очевидно вѣроятны, какъ сознается самъ г. Мельниковъ. На-примѣръ, стр. 11 сказано, что въ 1845 году на ярмарку привезено 6000 *роковъ соболей*. Эта цифра ужъ что-то очень-подозрительна, и му-что такого огромнаго количества соболей не было привезено на ярмарку въ 45 лѣтъ взятыхъ вмѣстѣ, т. е. съ самаго начала нынѣшняго столѣтія. По разысканіямъ академика Бера, вся Сибирь доставляетъ въ годъ не болѣе 45,000 соболей; слѣдовательно, куда же могли бы взятые эти 6000 *ороковъ соболей*? При шелка въ 1845 году, на основаніи вѣдомостей надзирателей, казань на 432,000 руб. сер., тогда-какъ привозъ предшествующихъ годовъ составлялъ отъ 110,000 до 175,000 руб. сер. С г. Мельниковъ замѣчаетъ, что привоза шелка на ярмарку на 430,000 руб. сер. никогда не бывало, да и едва-ли Кошань, Шемаха и другія провинціи, изъ которыхъ мы получаемъ шелкъ, могутъ ставить такое огромное количество. Что касается до утвержденія г. Мельникова о преувеличенности цифръ привоза шелка на ярмарку, то мы готовы съ нимъ согласиться въ этомъ, полагая, что онъ, изучая дѣло на мѣстѣ, собственными глазами, имѣеть основанія для такого утвержденія; но позволяемъ себѣ оспорить его предположеніе, будто напикъ закавказскія провинціи не въ состояніи доставлять такого огромнаго количества шелка. Не хитро далеко за доказательствами, скажемъ только, что въ номерѣ газеты «Кавказъ» 1846-го года, мы читали, что изъ одной Тифлиси, въ 1841 году, вывезено въ Москву и Тифлисъ 7,000 пудовъ шелка, на сумму 420,000 руб. сер. Всего же закавказскаго шелка-сырца потребляется на русскихъ шелковыхъ фабрикахъ отъ 20 тысячъ пудовъ ежегодно, по цѣнѣ на 1,700,000 руб. серебромъ (см. *Жур. Ман. и Торговли* 1844 г., №№ 1-й и 2-й, стр. 125). Говоря о привозѣ жизненныхъ припасовъ, г. Мельниковъ говоритъ, что трудно слѣдить за торговлею этими предметами, узнать настоящую цѣнность ихъ привоза; поэтому свѣдѣнія объ этой торговлѣ онъ признаетъ чрезвычайно неточными, и показывая намъ цифры ни на чемъ неоснованными (стр. 103). Въ этихъ обстоятельствахъ мы привели, какъ для того, чтобъ показать надѣющимся статистикамъ,—вообще очень любящимъ цифры,—съ какою осторожностью они должны пользоваться числовыми данными, относящимися до нижегородской ярмарки, такъ и для того, что

отдать полную справедливость добросовѣстности г. Мельникова. Въ его положеніи, имѣя въ рукахъ официальные документы, онъ, конечно, могъ бы воспользоваться весьма-лестнымъ для авторскаго самолюбія преимуществомъ объявить свои данныя непогрѣшимыми, и, следовательно, свои выводы несомнѣнными. Такъ поступаютъ многие въ подобномъ положеніи. Но г. Мельникову—истина всего дороже; для нея онъ жертвуетъ всѣмъ, отыскиваетъ ее среди зыбкихъ топей тысячи таблицъ и итоговъ, среди хаоса разнородныхъ донесеній и справокъ, и когда послѣ всего этого утомительнаго и долгаго труда, онъ отыскиваетъ нѣкоторый призракъ истины, онъ и его подвергаетъ подлѣ скептической микроскопъ своей пытливости и безжалостно ошипываетъ отъ всякихъ постороннихъ наростовъ, получая такимъ-образомъ небольшой запасъ фактовъ, сколько-нибудь годящихся для объясненія картины. Такая добросовѣстность и глубокія изслѣдованія, конечно, дѣлаютъ сочиненіе г. Мельникова весьма-замѣчательнымъ явленіемъ въ ученomъ мѣрѣ: она даетъ ему полное право на вниманіе просвѣщеннаго читателя; и потому мы считаемъ своею обязанностью ближе рассмотреть содержаніе этой прекрасной книги.

Торговля на нижегородской ярмаркѣ представляетъ собою четыре главные процесса: здѣсь находятъ себѣ сбытъ весьма-многія сырыя произведенія Россіи; здѣсь сбываются въ обширномъ размѣрѣ русскія мануфактурныя издѣлія; сюда свозятся европейскія и колоніальныя товары, назначенныя для внутренняго потребленія; наконецъ, это главное и самое обширное поприще, на которомъ являются произведенія отдаленной Азіи. Сообразно этимъ главнымъ отдѣламъ, и описаніе ярмарки раздѣлено г. Мельниковымъ на четыре части. Въ распредѣленіи предметовъ по этимъ отдѣламъ есть нѣкоторыя несообразности; на-примѣръ, издѣлія кожаныя, металлическія и нѣкоторыя другія отнесены къ первому отдѣлу — къ отдѣлу сырыхъ произведеній, и поставлены подлѣ статей: кожи, металлы, и проч. Конечно, это несообразность въ смыслѣ технологіи; но такъ-какъ она относится не къ сущности дѣла, а къ размѣщенію предметовъ, ко внѣшности, и можетъ быть устранена простымъ перемѣщеніемъ, то мы готовы согласиться съ авторомъ, что это недостатокъ не весьма-важный.

Разматривая сырыя произведенія, являющіяся на нижегородской ярмаркѣ, авторъ начинаетъ съ пушныхъ товаровъ. Дѣйствительно, торговля этимъ предметомъ представляетъ весьма-много любопытнаго для изслѣдователя русской промышленности. Есть люди, которые, вспоминая старину, скорбятъ объ упадкѣ въ Россіи звѣриной охоты и торговли пушными товарами. Г. Мельниковъ, можетъ-быть, и не принадлежа къ числу этихъ *laudatores temporis peracti*, приводитъ свидѣтельство сибирскихъ купцовъ, что съ ихъ краѣ ловъ звѣрей вообще, и въ особенности ловъ соболей, уменьшился. Причину этого они поставляютъ въ томъ, что атаманшіе крестьяне, привлекаемые выгодною работою на умно-

«жившихся въ последнее время золотыхъ приискахъ, оставляютъ «прежнее свое занятіе—звѣриную ловлю» (стр. 22). Относительно этого предмета, мы можемъ замѣтить, что никто лучше г. Бера не доказалъ несправедливости такого утвержденія сибирскихъ купцовъ. Почтенный академикъ весьма—учеными и обширными разысканіями показалъ, что если количество нѣкоторыхъ пушныхъ звѣрей въ Сибири уменьшилось, то далеко не въ той степени, въ какой вообще полагаютъ, и что, притомъ, если уменьшеніе и произошло въ нѣкоторыхъ породахъ, то за то въ другихъ его вовсе нельзя доказать. Тотъ же академикъ, въ обширномъ разсужденіи своемъ о звѣриной охотѣ въ Россіи, приходитъ къ такому заключенію, что «пора уже перестать думать, будто звѣрная охота и торговля пушными товарами можетъ составлять важную отрасль народнаго дохода Россіи; хотя, впрочемъ, охота и мѣховая торговля могутъ имѣть относительно-большую важность, не столько для народнаго хозяйства государства, сколько для тѣхъ странъ, въ которыхъ земледѣліе уже не можетъ производиться съ успѣхомъ, слѣдовательно, для той огромной части Сибири, жители которой одною охотою и мѣховою торговлею поддерживаютъ свои сношенія съ образованнымъ міромъ» (*).

Торговля пушными товарами на нижегородской ярмаркѣ, какъ замѣчаютъ, сократилась противъ прежняго. Разсмотрѣніе этого явленія было бы весьма-любопытно въ связи съ разысканіями г. Бера. Здѣсь нужно прибавить, что привозимые въ Нижній мѣла расходятся отсюда частью за границу, въ Германію, частью идутъ въ Китай, и наконецъ большая часть идетъ для внутренняго потребленія Россіи. Въ отпускъ за границу, уменьшеніе произошло отъ сокращенія требованія на извѣстные сорта мѣховъ въ нѣкоторыя страны, на-примѣръ, Молдавію и Валахію (стр. 10), гдѣ европейская цивилизація изгнала національный костюмъ, украсившійся соболями, кунницами и другими мѣхами, и замѣнила его общеевропейскимъ фраккомъ. Въ-отношеніи къ Китаю, также замѣчено уменьшеніе требованія пушныхъ товаровъ, что было причиною уменьшенія привоза ихъ на ярмарку и вообще худаго положенія торговли сибирскими невыдѣланными мѣхами. Незамѣннымъ остается одно требованіе мѣховъ для внутренняго потребленія Россіи, гдѣ суровыя ласки нашего климата ставятъ ихъ въ числѣ первыхъ потребностей для высшихъ и частью для среднихъ классовъ. Всего выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ пушныхъ товаровъ привозится на ярмарку на сумму около 2,500,000 руб. сер. Здѣсь можно, однако, замѣтить, что въ этой цифрѣ не заключается товара, который долженъ быть также отнесенъ къ разряду пушного и который составляетъ весьма-важную статью, потому-что

(*) Baer und Helmersen: *Beiträge zur Kenntniss des Russischen Reichs*. Tom 7, стр. 203.

удовлетворяет потребности простаго народа—мы говоримъ о русских овчинныхъ шубахъ. Г. Мельниковъ приводитъ въ оправданіе этого пропуска то, что эти шубы, или по-просту тулупы, продаются въ разныхъ мѣстахъ ярмарки, и потому нельзя въ точности опредѣлить ихъ количества (стр. 25). Конечно, на нѣтъ и суда нѣтъ; тѣмъ не менѣе этотъ пропускъ составляетъ весьма-замѣтный пробѣлъ въ изображеніи мѣховой торговли Россіи. Какъ сравнить важность этой статьи съ цѣнными тысячами дорогихъ мѣховъ, назначенныхъ для потребленія однихъ достаточныхъ классовъ? Академикъ Беръ разсчитываетъ, что, судя по пародонаселенію Россіи, въ ней ежегодно потребляется овчинныхъ тулуповъ не менѣе какъ на 16,000,000 руб. сер.; это количество болѣе чѣмъ въ шесть разъ превышаетъ сумму мѣховаго товара, привозимаго на нижегородскую ярмарку! Притомъ, эта ярмарка есть, можетъ-быть, единственный пунктъ, въ которомъ овчины являются большими массами.

Вторую статью сырыхъ произведеній, г. Мельниковъ ставитъ кожи и вѣдлѣія изъ нихъ. Эта торговля поддерживается здѣсь большимъ закуномъ этого рода товаровъ для внутренняго потребленія и торговли съ Бухаріей. Эта послѣдняя торговля, по замѣчанію автора, считается весьма-выгодною, потому-что Бухарцы платятъ за товаръ почти всегда наличными деньгами, а если и случается, что продажа состоится въ долгъ, то часть платы, отдаваемая при полученіи товара, всегда равняется половинѣ всей суммы; притомъ же, цѣны на кожи бываютъ при этомъ случаѣ такъ высоки, что эта половина уплаты равняется нерѣдко истинной цѣнности проданной кожи. Не въ этомъ ли обстоятельстве должно искать причины, почему отпускъ нашей кожи въ Бухарію и Ташкентъ значительно уменьшился?

Привозъ выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ кожъ на ярмарку простирается до 600,000 руб. сер. съ небольшимъ; но къ этой статьѣ еще должно присоединить весьма-замѣчательный предметъ ярмарочной торговли, а именно: такъ-называемый строчной товаръ, т. е. сапоги, башмаки, рукавицы и т. п. Привозъ по этой статьѣ постоянно возрастаетъ, и въ 1845 году достигъ до суммы въ 393,000 руб. сер. Казанская, Тверская, Владимірская и Костромская Губерніи присылаютъ сюда горы готовыхъ сапоговъ и башмаковъ. Вы можете себѣ вообразить физіономію подобныхъ вѣдлѣій, когда узнаете изъ книги г. Мельникова, что эти сапоги доходятъ цѣною до 1 р. 15 коп. сер., а башмаки до 10 коп. сер. за пару. Вы удивляетесь и спрашиваете—да какъ же можно работать эти вещи такъ дешево? Ничего; есть у насъ такіе сметливые мастера: у нихъ нѣтъ машинъ, которыя замѣняютъ человѣка; за то они сами, съ своимъ проворствомъ, не отстаютъ отъ машины. Въ Корчевскомъ Уездѣ, Тверской-Губерніи, есть знаменитое село Кимры: въ этомъ селѣ и въ его окрестностяхъ, верстъ на 50 или 60, всѣ крестьяне то-и-дѣло что шьютъ сапоги, которые продаются въ Нижнемѣ.

Чтобъ имѣть понятіе о количествѣ приготовляемыхъ тамъ сапоговъ, довольно сказать, что въ незабвенный 1812 годъ, Кимряки поставили сапоги на всю нашу армию (стр. 33). Но вы все еще спрашиваете: да какъ же могутъ эти добрые Кимряки продавать свою работу такъ дешево? Дá, изумительно дешево! По знаете ли, что одинъ Кимрякъ сшиваетъ по десяти паръ башмаковъ, а четыре Кимряка сработываютъ по три пары сапоговъ въ день! После этого, что такое значить петербургскій нѣмецкій сапожникъ въ сравненіи съ Кимрякомъ! Вы, можетъ-быть, еще спросите, да что же это и за сапоги, и какая ихъ должна быть прочность? Г. Мельниковъ отвѣчаетъ на это весьма-положительно, что «издѣлія этого рода бываютъ весьма-прочны» (стр. 34). Впрочемъ, онъ самъ говоритъ, что эти сапоги и башмаки отправляются отсюда въ Сибирь и Закавказье, такъ о прочности ихъ нужно было бы спросить почтенныхъ Сибиряковъ и Закавказцевъ...

Металлы и металлическія издѣлія составляютъ важнѣйшую статью ярмарочной торговли. Почти все количество желѣза и мѣди, получаемое на заводахъ Уральскаго-Хребта, является для сбыта въ Нижній. Объ этой статьѣ авторъ замѣчаетъ, что «торговля желѣзомъ съ нѣкотораго времени идетъ нехорошо, ибо цѣны на него упадаютъ. Заводчики говорятъ, что это происходитъ отъ многочисленности гуртовыхъ покупателей желѣза, которые уговариваются между собою въ опредѣленіи цѣны и уговариваются «всегда къ невыгодѣ заводчиковъ. Покупщики эти говорятъ, на-противъ, что упадокъ цѣвъ на желѣзо произошелъ отъ чрезвычайнаго увеличенія выдѣлки этого металла на заводахъ» (стр. 42). Но г. Мельниковъ склоняется къ тому мнѣнію, что главная причина пониженія цѣвъ кроется въ самомъ образѣ торговли желѣзомъ. Покупщики даютъ мало наличныхъ денегъ; главная часть платежа производится послѣ ярмарки. Заводчики, чувствуя недостатокъ въ деньгахъ, сами понижаютъ цѣну своего товара, имѣя въ виду только одно: получить скорѣе болѣе наличныхъ денегъ. Нѣкоторые изъ нихъ распродаютъ даже ту добычу металла, которую предполагаютъ получить въ слѣдующемъ году. Впрочемъ, не смотря на то, что цѣны, въ-слѣдствіе такихъ слѣлокъ, постоянно понижаются, заводчики получаютъ, по расчетамъ г. Мельникова, огромную прибыль, а именно: на шипномъ желѣзѣ до 47, на рѣзномъ до 48, а на листовомъ даже до 81 проц. И не смотря на все это, заводчики все еще жалуются (стр. 44). Привозъ желѣза на ярмарку простирается до 3½ миллионновъ пудовъ, что равняется $\frac{1}{8}$ всего желѣза, получаемаго въ Россійской-Имперіи и Царствѣ Польскомъ. Не смотря на это огромное количество, цѣнность котораго простирается въ сложности до 4 миллионновъ руб. сер., торговля желѣзомъ и вообще металлами уральскими не имѣетъ никакого вліянія на ярмарочную торговлю; наличныя деньги, полученныя за желѣзо, не разливаются по ярмаркѣ, потому-что заводчики

ничего не покупаютъ въ Нижнемъ, кромѣ небольшого количества судовыхъ снастей (стр. 44).

Всего металловъ и металлическихъ издѣлій бываетъ на ярмаркѣ въ привозъ на сумму нѣсколько-менѣе $8\frac{1}{2}$ милліоновъ руб. сер. Въ числѣ издѣлій этого рода особенно-важную роль играютъ такъ-называемые *тульскіе* и *паоловскіе* ножи, бритвы, ножницы, саб-сарниа вещи, оружіе, и пр. Здѣсь красуются знаменитыя завьяловскія издѣлія и работа другаго такого же фабриканта—Воротилова; здѣсь продаются тульскіе ружья и пистолеты; здѣсь сбывается невѣроятное множество ножичковъ, ножницъ, бритвъ и прочаго тому подобнаго—плоды досужества нижегородскихъ крестьянъ. И тутъ то же самое явленіе, какое мы замѣтили, говоря о сапогахъ, т. е. цѣпомѣрная дешевизна произведеній крестьянскаго промысла; на ярмаркѣ можно купить дюжину столовыхъ ножей и вилокъ за 1 р. 15 коп. сер.; есть перочинные ножи о двухъ лезвіяхъ, которыхъ дюжина стѣитъ 20 коп. сер.! Не смотря на то, что металл на такіе перочинные ножи употребляется самаго низкаго достоинства, не смотря на то, что отдѣлка ихъ весьма-плоха, они находятъ множество покупателей въ Россіи и даже отправляются въ большомъ количествѣ въ Персію. Какое употребленіе (прибавляетъ г. Мельниковъ) дѣлаютъ изъ нихъ Персіане — не знаемъ.

Въ числѣ металлическихъ издѣлій, упомянемъ еще о золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, привозимыхъ сюда изъ Москвы; цѣнность привоза ихъ простирается до двухъ съ половиною милліоновъ руб. сер., но замѣчательно, что главные покупатели ихъ—Сибиряки и Бухарцы.

Хлѣбъ на ярмаркѣ не составляетъ важной статьи торговли, ибо, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, хотя привозъ хлѣба къ нижегородской пристани, уступая привозу на пристани мысковскую, пролуинскую, рыбинскую, и бываетъ иногда значителенъ, но онъ собственно не имѣетъ никакого отношенія къ ярмаркѣ и происходитъ здѣсь и до 1817 г., т. е. до перевода сюда ярмарки. Привозъ хлѣба къ нижегородскимъ пристанямъ въ ярмарочное время совершенно случаенъ и зависитъ отъ различныхъ причинъ, только не отъ сроковъ ярмарки. Въ послѣдніе три года, этотъ привозъ простирается отъ одного съ половиною до двухъ $\frac{1}{3}$ милліоновъ руб. сер., да сверхъ-того на ярмаркѣ, для потребленія стекающагося народа, выпекается до 132,000 пудовъ хлѣба, на 63,600 руб. сер.

Привозъ рыбы не очень-значителенъ,—менѣе, чѣмъ на 450,000 руб. сер.; главная причина та, что рыба волжская, уральская и лонская солится на мѣстѣ лова и развозится по Россіи преимущественно зимою, когда привозъ ея гораздо-удобнѣе. На ярмарку же привозятся преимущественно тѣ сорта, которые идутъ въ пищу простаго народа, и по причинѣ большаго стеченія народа и совпадающаго со временемъ ярмарки успенскаго поста, почти вся тутъ же и потребляется.

Виноградныя вина, являющіяся на нижегородскую ярмарку, почти весь русскаго приготовления; здѣсь является кизлярскій *чагирь*, котораго ведро стоитъ иногда 1 рубль, и который идетъ отсюда въ Москву и Ярославль, для выдѣлки изъ него французскихъ и испанскихъ винъ; здѣсь является и донское вино, половина привоза котораго тутъ же и выпивается на мѣсть (до 60,000 бутылокъ), пока оно не успѣло испортиться и превратиться въ французское, въ какую-нибудь *бурдашку*; тутъ же показываются иногда сморенцо и крымскія вина, продающіяся потомъ въ разныхъ городахъ Россіи за настоящее шампанское или бордо-муссѣ. Въ дополненіе къ вишней торговлѣ на ярмаркѣ, должно еще упомянуть о напиткахъ изъ хлѣбной водки, какъ-то: ликѣрахъ, бальзамъ (?), хлѣбномъ ромѣ, а также о пивѣ и медѣ, которые болшею частью тутъ же и выпиваются на ярмаркѣ; одного пива и меда истребляется на ярмаркѣ отъ 750,000 до 840,000 бутылокъ (стр. 80). Вотъ какъ! Экономисты того мнѣнія, что потребление поощряетъ произведеніе; однако, не смотря на такое потребленіе во время самой ярмарки, замѣчено, что торговля русскими виноградными винами здѣсь уменьшается, и цѣны на эти напитки падаютъ.

Лѣсъ и лѣсныя издѣлія не составляютъ важной статьи ярмарочнаго торга, хотя торгъ мочалами, кулями, рогожами и представляетъ выгоды. Достоинно замѣчанія, что въ прошломъ году въ первый разъ явились на ярмарку издѣлія извѣстнаго петербургскаго мѣбельщика Тура. Его мѣбель, не смотря на высокія цѣны, была тотчасъ вся раскуплена для отправки въ Сибирь. Вотъ какъ важно въ промышленности — достоинство издѣлій: куски дерева, обдѣланные искусною и добросовѣстною рукою, не смотря на высокую ихъ цѣну, не смотря на дороговизну перевозки, передвигаются отъ береговъ Невы къ берегамъ Оби и Иртыша! А русскіе столяры съ своими издѣліями, какъ ведутъ дѣла свои? Часто слышимъ мы разсужденія, что русская промышленность не можетъ соперничать съ иностранною, потому-что у насъ еще недавно распространены техническія свѣдѣнія, нѣтъ машинъ. Положимъ! Но, на-примѣръ, столярное дѣло: тутъ не нужно много техническихъ свѣдѣній, не нужно сложныхъ машинъ, а нужна одна добросовѣстность: отъ-чего же и въ столицахъ и въ другихъ городахъ всакой достаточный и разсчетливый человекъ предпочитаетъ покупать мѣбель «нѣмецкой работы»? Отвѣтомъ на это могутъ служить слѣдующія слова г. Мельникова: «прежде московскіе столяры весьма-выгодно торговали на нижегородской ярмаркѣ... теперь торговля московскою мѣбелью упала... въ этомъ виноваты сами столяры: для ярмарки они готовятъ обыкновенно мѣбель изъ сыраго лѣса, и, сбивая ее фанерками краснаго или орѣховаго дерева, продаютъ за прочную. Рѣдко ярмарочная мѣбель не растрескивается въ-продолженіе перваго года. Отъ-этого всѣ городовые покупатели, даже жители Нижняго-Новгорода, имѣющіе привычку покупать

къ предметы домашняго хозяйства на ярмаркѣ, избѣгаютъ покупокъ ярмарочной мебели» (стр. 91).

Сельскія произведенія, бывающія на ярмаркѣ, авторъ раздѣляетъ на два разряда; къ первому относятся собственно предметы сельскаго хозяйства: скоть, сало, масло и т. п.; ко второму такъ-называемый *прасольный товаръ*, т. е. предметы крестьянскаго хозяйства, скупаемые въ деревняхъ по мелочамъ ходебщиками или прасолами, а именно: перья, пухъ, щетина, воскъ, кости, уголь и т. п. Привозъ по этой статьѣ, составляющійся изъ множества мелочныхъ предметовъ, которыхъ привозъ, каждаго отдѣльно, не великъ, достигаетъ до суммы свыше 700,000 руб. сер. Подобныя разысканія по каждой статьѣ этой торговли, по нашему мнѣнью, были бы не бесполезны: какъ ни скромны относящіяся сюда промыслы, но важность ихъ, въ смыслъ народнаго хозяйства, неоспорима; они питаютъ самыя высшіе классы производителей, тѣсно связаны съ ихъ бытомъ и въ сложности составляютъ огромные итоги въ произведеніи богатства. Особенно заслуживаетъ вниманія и разысканія непомѣрная дешевизна предметовъ этой промышленности.

Пропуская главу о ткацкихъ матеріяхъ, т. е. льнѣ, пенькѣ, шерсти, хлопчатой бумагѣ и шелкѣ, потому-что ярмарка, составляя важнѣйшій пунктъ для сбыта русскихъ тканей, не представляетъ собою мѣста значительнаго своза самыхъ матеріаловъ для ткачества, переходимъ къ такъ-названнымъ у г. Мельникова *овощнымъ и москотельнымъ товарамъ*, въ числѣ которыхъ главную роль играютъ сахаръ и табакъ.

Сахаръ, какъ извѣстно, составляетъ въ настоящее время весьма-любопытный предметъ. Борьба, завязавшаяся между колоніальнымъ тростнякомъ и отечественною свекловицею, состязаніе между рафинерами портовыхъ городовъ и внутренними производителями сахара, распространеніе потребленія сахара все въ большемъ и большемъ кругѣ народа, поднимаютъ собою множество вопросовъ, задачъ, интересовъ. Разсмотрѣніе этого предмета, конечно, не можетъ входить сюда, но подробности торговли сахаромъ на ярмаркѣ не мало могутъ служить къ поясненію разныхъ сторонъ дѣла. Привозъ сахара на ярмарку, нужно замѣтить, усилится противъ прежняго; такъ въ 1827 г. было его привезено на 900,000 руб. сер., а въ 1845 г. почти на 1,600,000 руб. серебромъ; но какъ производится здѣсь эта торговля? Весь сахаръ, продаваемый въ Нижнемъ, привозится туда не самими заводчиками, а перекупщиками; московскіе, казанскіе и другіе торговцы скупаютъ для доставки на ярмарку сахаръ съ петербургскихъ заводовъ; вологодскіе купцы дѣлаютъ то же въ-отношеніи къ сахару, рафинируемому въ Архангельскѣ, а русскій свекловичный сахаръ является въ Нижнемъ черезъ посредство московскаго комиссіонера, Гофмана. Продается сахаръ на ярмаркѣ всегда оптомъ городовымъ торговцамъ. При такомъ порядкѣ сахарной торговли (замѣчаетъ авторъ), монополія, образуемая посредствомъ скупки всего количества саха-

ра, и затѣмъ произвольное возвышеніе на него цѣнь—вещи все да возможны. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ извѣстный московскій купецъ захватилъ себя такимъ-образомъ монополію въ сахарной торговлѣ. Нѣкоторые видѣли въ томъ пользу, говорили, что только такую спекуляцію и могутъ поддерживать такіа шатанія цѣны, существующія на сахаръ (*); но въ сущности монополия всегда вредила сахарной торговлѣ, стѣсняя ея свободу (стр. 118). Въ послѣдніе годы, такихъ спекуляцій, впрочемъ, не бывало. Цѣны на сахаръ въ послѣдніе годы очень понизились; въ 1843 году онъ проданъ по цѣнѣ отъ 9 р. 50 к. до 10 р. 50 к. сер. пудъ въ 1844 г. отъ 7 р. до 10 р., въ 1845 г. отъ 6 р. 80 к. до 9 р. 75 к. Въ 1827 г. цѣна его въ Нижнемъ была 11 р. 45 коп. е. Г. Мельниковъ приписываетъ это явленіе распространенію потребности сахара и увеличенію производства его въ Петербургѣ, въ открытіе свеклосахарныхъ заводчиковъ. Не входя въ разысканіе этого сложнаго вопроса, скажемъ только, что петербургскіе рафинеры, если и увеличили свое производство, за то и понизили цѣны, въ выгоду потребителей. Пусть и свекловичные заводчики производятъ, если могутъ, сахаръ по такой же дешевой цѣнѣ; пусть даже понизятъ эту цѣну,—и тогда существованіе ихъ будетъ законно и полезно. Пониженіе цѣнъ подѣйствуетъ на увеличеніе потребленія, которое будетъ съ своей стороны опорой для усилія производства: тутъ все выиграютъ, потому—что выиграютъ потребители; а если и того, чтобъ могли существовать сотни двѣ небольшихъ свеклосахарныхъ заводовъ, потребители должны платить въ цѣнѣ сахара огромную премію въ ихъ пользу, то спрашивается: какая же цѣль такой промышленности? Обращаясь къ ярмаркѣ, находимъ въ книгѣ г. Мельникова еще и другую причину упадка цѣнъ на сахаръ, а именно: безпорядочность, съ которою производимая торговля сахаромъ на ярмаркѣ (стр. 119). Скупщики петербургскаго и архангельскаго сахара, привезя его въ Нижній, всячески стараются сбыть его съ рукъ поскорѣе. Для своихъ торговыхъ оборотовъ по покупокъ другихъ товаровъ, напр. чая, они нуждаются въ деньгахъ, которыя на ярмаркѣ составляютъ рѣдкость. По мѣчанію г. Мельникова, на ярмаркѣ бываетъ такъ мало наличныхъ денегъ, что еслибъ весь товаръ на ней купить на «чистыя», едва-ли пришлось бы заплатить 17 копеекъ вмѣсто рубля. Когда сахаръ есть, выражаясь техническимъ словомъ, *товаръ ходкій*, который *въ рукахъ не залеживается*, то скупщики, привезшіе сахаръ, тотчасъ спускаютъ его съ рукъ за наличныя деньги. У скупщиковъ тутъ свой довольно-замѣчательный расчетъ. Торгуя не исключительно сахаромъ, они продаютъ его даже въ убытокъ себѣ, и даже на 8 проц., рассчитывая только скорѣе получить наличныя деньги и на нихъ купить другіе товары, на которыхъ мож-

(*) Зубовъ: *Описаніе Нижегородской Ярмарки*, стр. 29.

верстать этотъ убытокъ. Какъ вамъ кажется эта операція? Но и покупщики сахара не промахъ: зная, почему продавцы торопятся продать свой сахаръ и почему такъ сбавляютъ цѣну, они *прижимаютъ* ихъ и предлагаютъ часто такія цѣны, какихъ не существуетъ и на самихъ заводахъ. Они рады дешевизнѣ и мало заботятся о томъ, что покупаютъ количество сахара, превосходящее самую потребность. Сахаръ *товаръ ходкій*, на рукахъ не останется; а если и останется, то они продадутъ его въ своихъ городахъ перѣдъ слѣдующей ярмаркой, сбавя вдругъ 5 и даже до 10 проц.; *продать* они ничего не теряютъ, потому-что въ остальное время года приобретаютъ отъ сахара отъ 25 до 40 проц. прибыли. *Итакъ* какъ идетъ эта торговля! Предметъ, какъ видите, достойный размышленія. По-крайней-мѣрѣ, уже одно обстоятельство ясно само-собою, что при такомъ ходѣ этой торговли расширеніе ее остается весьма-проблематическимъ.

Другая статья этого рода торговли — *табакъ*, является на ярмаркѣ не въ большомъ количествѣ, всего не болѣе какъ на 160,000 или 180,000 руб. сер. По причинѣ распространеннейшей въ народѣ страсти къ куренію, наиболѣе привозится сюда табакъ курительнаго сорта, и здѣсь, какъ вы можете вообразить, не обходится безъ крошенаго вакштафа Василья Жукова, изъ Петербурга, и Мусатова, изъ Москвы. Такъ-какъ число курильщиковъ увеличивается съ каждымъ годомъ, то торговля табакомъ на ярмаркѣ всегда выгодна, и цѣны не падаютъ. Самое уменьшеніе достоинства табака не вредитъ его сбыту; такъ, напримеръ (замѣчаетъ авторъ), несмотря на то, что извѣстный табакъ Василья Жукова, назначенный для ярмарки, уже нѣсколько лѣтъ готовится съ каждымъ годомъ все хуже и хуже, онъ всегда хорошо продается, и спросъ на него постоянно увеличивается (стр. 123).

Русскіе москотильные товары и антекарскіе припасы, какъ-то: лава, лазоръ, сажа, сурикъ и проч., привозятся на ярмарку на весьма-значительную сумму, — почти въ 400,000 руб. сер., что составляетъ, однако, не болѣе $\frac{1}{7}$ всего торговаго оборота москотильныхъ товарами на ярмаркѣ, въ который входятъ и иностранныя привозенія.

Весьма-замѣчательнень огромный привозъ на ярмарку косметическихъ товаровъ. Одного мыла привозится почти на 296,000 руб. сер. Изъ другихъ товаровъ, духи и помада, особенно издѣлія московскаго фабриканта Мусатова, являются здѣсь въ такихъ массахъ, очевидно могутъ удовлетворить потребности всѣхъ красавицъ и купцовъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ Россійской-Имперіи. За то привозъ писчей бумаги сравнительно не великъ (едва 100,000 руб. сер.), — вѣроятно потому-что потребность въ ней не велика, какъ потребность въ духахъ и помадѣ.

Второму отдѣлу своего систематическаго распредѣленія товаровъ, г. Мельниковъ относитъ «русскіе фабрикаты» (слово, взятое отъ французскаго съ нѣмецкаго: *Fabrikat*, которое было выковано герман-

скими экономистами для обозначения фабричных и мануфактурных изделий). Торговля этими предметами есть решительно самая важная статья нижегородской ярмарки. Разнаго рода тканей: бумажных, шелковых, льняных и шерстяных бываетъ здѣсь въ привозѣ на сумму до 19 милліоновъ руб. сер., что составляетъ цѣлую треть всего привозимаго на ярмарку количества товаровъ. Въ числѣ этихъ тканей первое мѣсто занимаютъ хлопчато-бумажныя, которыхъ привозъ, постоянно увеличивающійся, заходилъ, въ 1845 году, за 8½ милліоновъ руб. сер. Такимъ — образомъ, одни хлопчато-бумажныя изделия составляютъ около $\frac{1}{6}$ всего торговаго оборота на ярмаркѣ, которая за то служитъ мѣстомъ сбыта почти всего количества этихъ изделий, вырабатываемыхъ въ Россіи. Вотъ почему весьма-любопытно посмотреть, какъ производится здѣсь эта торговля.

Хлопчато-бумажныя ткани закупаются на ярмаркѣ, какъ для удовлетворенія внутреннѣхъ требованій Россіи, такъ и для отправки въ Азію. Для первой цѣли почти $\frac{3}{5}$ всего привоза закупается, по-большой-части въ кредитъ, продавцами краснаго товара и ходибщиками или афеями, о которыхъ мы уже говорили выше. Что касается до сбыта въ Азію, то въ прежніе годы очень-много русскихъ бумажныхъ тканей отпускалось въ Персію и Закавказье, но теперь этотъ отпускъ чрезвычайно упалъ, — упалъ до того, что едва-ли превосходитъ сумму 100,000 руб. сер. Причину этому авторъ полагаетъ въ провозъ въ Персію тканей съ лейпцигской ярмарки, которыя почище русскихъ и продаются дешевле ихъ (стр. 138). Равнымъ-образомъ, сбытъ нашихъ бумажныхъ тканей въ Бухарію, Кокавъ и Ташкентъ уменьшился потому, что тамъ стали являться, черезъ Остидію, англійскія ткани, которыя несравненно-лучше нашихъ, а продаются на 30%, и болѣе, дешевле нашихъ.

Достоинно замѣчанія, что въ то время, какъ фабрикація хлопчато-бумажныхъ тканей, употребляющая иностранный, привозный сырой матеріалъ, достигла у насъ значительнаго, въ сравненіи съ другими отраслями промышленности, развитія, — полотняная промышленность, не смотря на то, что сырой матеріалъ у насъ имѣется свой, еще весьма-слабо развита. Это явленіе, по нашему мнѣнію, можетъ служить, между-прочимъ, подтвержденіемъ того, какъ развитіе всякой фабрикаціи зависитъ отъ хорошихъ качествъ перваго матеріала. Наша хлопчато-бумажная фабрикація почти вся основана на переработкѣ англійской бумажной пряжи, которая, при успѣхахъ, дѣлаемыхъ англійскою промышленностью, доставляется къ намъ постоянно лучшихъ и лучшихъ качествъ, и по цѣнамъ постепенно-уменьшающимся. Между-тѣмъ, наша полотняная промышленность, успѣхи которой, естественно, зависятъ отъ достоинства сыраго матеріала, останавливается въ своемъ развитіи дурными качествами нашего льна и нашей пеньки. Русскія полотняныя ткани, сравнительно, гораздо-грубѣе и дешевле хлопчато-бумаж-

ныхъ, тогда-какъ въ Европѣ это бываетъ наоборотъ. Отъ этого выходитъ, что, имѣя множество своего льна и пеньки, мы выдѣлываемъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей въ десять разъ меньше, чѣмъ хлопчато-бумажныхъ (стр. 152). Говоря о причинахъ недостаточнаго состоянія нашей полотняной фабрикаціи, г. Мельниковъ весьма-справедливо приписываетъ ихъ отчасти недостаткамъ первоначальной обдѣлки льна; но мы невольно улыбулись, когда онъ весьма-серьёзно написалъ слѣдующія строки: «есть надежда, что это неудобство въ скоромъ времени будетъ устранено, именно: когда сдѣлается извѣстнымъ открытіе г-на Великопольскаго относительно выгодной обдѣлки прядильныхъ растений (стр. 153)». Нѣтъ, г. Мельниковъ, неудобство, о которомъ вы говорите, имѣетъ свои корни гораздо-глубже въ образѣ производствъ у насъ земледѣлія, и какое-нибудь открытіе, еще весьма-подверженное сомнѣнію, не устранить его. — Гораздо-важнѣе другое замѣчаніе автора, что на состояніе нашей полотняной промышленности имѣетъ еще вліяніе то обстоятельство, что у насъ, по самому требованію полотень, приготовленіе высокыхъ сортовъ ихъ не можетъ быть столь обширно, какъ за границей: тамъ они составляютъ потребность народа, у насъ — только роскошь. Кто-то сдѣлалъ весьма-справедливое замѣчаніе, что о степени богатства народа можно всего лучше судить по чистотѣ и тоннахъ его бѣлья. «Не говоря уже о низшемъ и среднемъ классахъ русскаго народа (говоритъ авторъ), самый высшій классъ его носить бѣлье несравненно грубѣе европейскаго. Простой человекъ заботится болѣе о верхнемъ платьѣ и любитъ бѣлье цвѣтное, на которомъ нечистота не такъ замѣтна. Онъ говоритъ, что за тонкимъ бѣльемъ много хлопотъ, и потому носить холстинное или крашеное хлопчато-бумажное, которое притомъ гораздо-дешевле. Здѣсь заключается причина постоянно выгоднаго сбыта ситцевъ, выбоекъ, пестряди и того, что наше полотняное производство не сдѣлало «значительныхъ успѣховъ въ послѣднія полтора столѣтія (стр. 154)». Незначительность потребленія у насъ хорошихъ полотень служитъ объясненіемъ малаго привоза ихъ на ярмарку: въ 1845 году всѣхъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей здѣсь было только на 770,000 руб. сер., да и изъ этого числа только на 85,000 руб. было полотень фабричныхъ, тогда-какъ $\frac{2}{3}$ всего привезеннаго количества составляло крестьянское издѣліе: холстъ, грубый, хрящевой, подкладочный, мѣшечный и малое количество рубашечнаго.

Шерстяныя издѣлія составляютъ предметъ уже гораздо-значительнѣйшей торговли на ярмаркѣ, нежели полотна. Привозъ ихъ простирается за пять съ половиною милліоновъ руб. сереб. Собственно шерстяныя ткани можно раздѣлать на *тяжелыя*, т. е. сукна и ковры, и *легкія*, какъ-то драдедамы, казинеты, мериносы, и проч. Сбытъ ковровъ на ярмаркѣ ничтоженъ; за то сукна занимаютъ весьма-важное мѣсто въ ряду предметовъ ярмарочной торговли, являясь сюда на сумму до четырехъ съ половиною мил-

йоновъ руб. Это количество идетъ отсюда какъ для удовлетворенія внутренняго требованія Россіи, такъ и для отпуска въ Азію. Сукна для первой цѣли закупаются на ярмаркѣ городовыми купцами, которые потомъ развозятъ ихъ по всѣмъ угламъ Россіи. Для отпуска же въ Азію привозятся грубыя сукна, извѣстныя подъ именемъ *мезерицкихъ* и *масловыхъ*, и раскупаются здѣсь частью купцами, имѣющими дѣла съ Китаемъ, частью для отпуска въ Бухарію, Ташкентъ и Коканъ. Впрочемъ, должно замѣтить, что требованіе русскаго сукна для этихъ странъ съ каждымъ годомъ уменьшается, потому-что Англичане стали провозить туда свои сукна черезъ Остѣндію (стр. 167). Сверхъ того, закупается здѣсь на 200,000 руб. сереб. суконъ для Персіи и Закавказья. Весьма-любопытенъ представляемый г-мъ Мельниковымъ образецъ сукла, происходящаго на ярмаркѣ въ суконной торговлѣ: въ 1844 году былъ большой вывозъ русской шерсти за границу, и потому возвысилась цѣна на шерсть; суконные фабриканты, бывшіе въ томъ году на ярмаркѣ, какъ-только узнали объ этомъ изъ свѣдѣній о ходѣ дѣла на роменской и харьковской шерстяныхъ ярмаркахъ, тотчасъ хотѣли значительно увеличить цѣны на свои сукна. Купцы, ведущіе кяхтинскія дѣла, рѣшительно отказали имъ въ этомъ, говоря совершенно-справедливо, что такое возвышеніе цѣны шерсти должно имѣть вліяніе на тѣ сукна, которыя поступаютъ въ продажу въ слѣдующемъ 1845 году. Послѣ долгихъ переговоровъ съ обѣихъ сторонъ, дѣло рѣшили тѣмъ, что кяхтинскіе торговцы согласились назначить цѣны высшія, но не выше, какъ отъ 5% до 10% противъ прежнихъ (стр. 168). Вотъ одна изъ тѣхъ картинъ, которыя приводятъ къ весьма-важнымъ соображеніямъ. При такой шаткости дѣла, неразлучной съ существомъ ярмарочнаго торговаго, возможно ли усиленіе торговыхъ дѣлъ? Въ правильной торговлѣ извѣстны заранѣе цѣны, и количество требованія опредѣляютъ собою закупки предметовъ купцами въ одномъ мѣстѣ и передвиженія ихъ въ другое. При ярмарочномъ торгѣ это невозможно: купецъ, ѣдущій на ярмарку и дѣлающій для нея закупки, рѣшительно не знаетъ, что онъ тамъ встрѣтитъ, какія будутъ цѣны на его товаръ, и какія цѣны на товаръ, который онъ располагаетъ купить. Слѣдовательно, какой же у него можетъ быть правильный коммерческій расчетъ? Тутъ есть только рискъ, лотерея, шансы которой усиливаются еще слѣдующимъ обстоятельствомъ: нѣкоторыя важныя у насъ отрасли торговли исключительно основаны на нижегородской ярмаркѣ,—на-примѣръ, торговля кяхтинскихъ купцовъ. Торговцы, привозящіе сюда товары, нужные для этихъ купцовъ, очень-хорошо знаютъ, что тѣ *должны* у нихъ купить, а что если они не купятъ, то не найдутъ возможности сдѣлать эти закупки въ другомъ мѣстѣ, а потому не въ состояніи будутъ проинвестировать свой годовой оборотъ,—и въ этомъ обстоятельстве въявляетъ страстишка *прижать*. А отсюда что происходитъ? Торговецъ, купившій на ярмаркѣ товаръ *дороже*, чѣмъ рассчитывалъ, повыша-

еть на него цѣны; это повышеіе цѣнъ вредитъ сбыту товара на томъ рынкѣ, для котораго онъ былъ назначенъ, и такимъ-образомъ торговля подтачиваетъ свое собственное основаніе. Эти соображенія, между-прочимъ, не позволяютъ намъ согласиться съ мнѣніями г. Мельникова относительно будущности нижегородской ярмарки, для которой онъ предсказываетъ необыкновенное развитіе (стр. 280). Конечно, развитіе ея въ неотдаленномъ будущемъ еще возможно; но чѣмъ болѣе будетъ развиваться правильная торговля въ Россіи, чѣмъ болѣе будетъ путей сообщенія, и чѣмъ легче будутъ средства ежедневнаго и ежечаснаго передвиженія торговли изъ мѣстъ производства въ мѣста ихъ требованія, тѣмъ меньшую важность будетъ для насъ имѣть нижегородская ярмарка, которая неминуемо подвергнется со-временемъ участи подобныхъ торжищъ, существовавшихъ прежде въ Англіи, Германіи и другихъ странахъ. Уже однимъ желѣзнымъ дорогамъ суждено произвести въ этомъ отношеніи рѣшительный и самый благодѣтельный экономическій переворотъ.

Изъ легкихъ шерстяныхъ матерій, главное мѣсто занимаютъ меринсы, полутерно и различныя смѣшанныя ткани изъ шерсти съ шелкомъ, пенькою и бумагою; эти ткани, вошедшія въ послѣднее время въ весьма-большое употребленіе въ высшихъ и среднихъ классахъ народа и вытѣсняющія ситцы, были привезены въ 1843 году на сумму 161,000 руб., а въ 1845 году уже на сумму свыше 450,000 руб. сер. Всего же легкихъ шерстяныхъ тканей было въ привозѣ, въ этомъ послѣднемъ году, на сумму до 754,250 руб. серебромъ.

Валеный шерстяной товаръ, какъ-то армячина, поярковыя шляпы, валенки, войлоки, — издѣлія крестьянской промышленности, являются на ярмарку на сумму до 339,000 руб. И здѣсь мы должны замѣтить то же, что замѣчали и прежде о всѣхъ предметахъ крестьянской промышленности, являющихся на ярмарку, т. е. невѣроятную дешевизну издѣлій. По этому предмету г. Мельниковъ говоритъ: «вообще о валеномъ товарѣ должно замѣтить, что онъ весьма-малоцѣненъ; существующія на него цѣны до того ничтожны, что едва-ли бы могли покрыть издержки, употребляемыя на самый матеріалъ, еслибъ онъ былъ не домашняго приготовленія. Это особенно обнаруживается на предметахъ промышленности крестьянъ Балахнинскаго и Семеновскаго Уѣздовъ. Эти крестьяне издавна занимаются валяніемъ шляпъ и обуви, сбываютъ товаръ свой въ огромныхъ количествахъ и, прибавимъ къ тому, отличаются порядочною и трезвою жизнью; не смотря на это, они въ продолженіе двухъ съ половиной столѣтій, а можетъ-быть и болѣе, не могли сдѣлаться зажиточными при тѣхъ необыкновенно-низкихъ цѣнахъ, какія существуютъ на крестьянскія шерстяныя издѣлія» (стр. 177). Итакъ, съ одной стороны, потребность постоянная и обширная на издѣлія, а съ другой, ихъ дешевизна, или

лучше сказать, безцѣнность—вотъ явленіе, заслуживающее внимательнаго изученія!

Шелковыя и полушелковыя издѣлія, являющіяся на ярмарку, доходили въ 1845 году до весьма-значительной цифры—четырехъ съ половиной миліоновъ рублей серебромъ; изъ нихъ главное мѣсто занимаютъ такъ-называемыя *легкія* шелковыя ткани, которыхъ было въ привозѣ болѣе чѣмъ на два миліона рублей серебромъ. Съ нѣкотораго, однако, времени, замѣчается уменьшеніе спроса на многія легкія ткани, и причиною этому полагаютъ усиленіе ввоза въ Россію *такъ-называемыхъ* персидскихъ легкихъ тканей: канавсовъ, мови и другихъ. Доброта шелка, чистота и даже тщательная отдѣлка рисунка, вовсе непохожаго на азіатскій, а главное—необыкновенная дешевизна этихъ тканей (30 к. за аршинъ) привлекаютъ къ нимъ покупателей, и вмѣстѣ съ тѣмъ заставляютъ подозрѣвать, что это ткани не персидскаго, а европейскаго приготовленія, и это, какъ замѣчаетъ г. Мельниковъ, имѣетъ свои основанія (стр. 186).

Глиняныя и стекляныя издѣлія, а именно: фарфоръ, фаянсъ, хрусталь, стекло и зеркала постоянно увеличиваются въ привозѣ, который достигъ въ прошедшемъ году до суммы почти въ 430,000 руб. серебромъ.

Наконецъ, въ послѣднемъ разрядѣ русскихъ фабрикатовъ, полъ именемъ: *разные предметы*, авторъ заключилъ многія мелочныя статьи, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ въ ярмарочной торговлѣ замѣчательныя явленія. Напримѣръ, въ торговлѣ русскими обоями любопытно, что ихъ стали покупать Киргизы! (стр. 199.) Привозъ *модныхъ* товаровъ, т. е. дамскихъ уборовъ,—издѣлій модистокъ Кузнецкаго-Моста—достигаетъ весьма-замѣчательной цифры: 283,000 руб. Ихъ покупаютъ нижегородскія, казанскія и сибирскія помѣщицы и купчихи; особенно-много поступаетъ женскихъ уборовъ въ Сибирь, для которой нижегородская ярмарка служитъ законодательницею моды. Но самую замѣчательную въ этой главѣ статью мы признаемъ торговлю на ярмаркѣ книгами. Имена книгопродавцевъ Улитина, братьевъ Глазуновыхъ, Свѣшникова и Василья Логинова являются здѣсь на первомъ планѣ. Всѣ они имѣютъ на ярмаркѣ свои лавки, но Логиновъ, сверхъ того, производитъ главную свою торговлю посредствомъ разнощиковъ, которые продаютъ книги за безцѣнокъ (а можетъ-быть и по настоящей ихъ цѣнѣ!). Но, замѣчаетъ авторъ, болѣе всего вредятъ успѣхамъ этой торговли букинисты на ярмарочномъ мосту. Если издатель какой-нибудь книги желаетъ поскорѣе зашибить копейку и сбыть остающіеся у него экземпляры, то стоитъ ему мигнуть, и къ нему тотчасъ явятся букинисты, и купятъ ихъ у него дешевле пареной рпы; эти книги, переходя изъ рукъ въ руки, попадаютъ наконецъ къ петербургскимъ букинистамъ, которые передъ ярмаркою привозятъ въ Москву и здѣсь дѣлаютъ размѣнъ дешевыхъ книгъ, и тѣмъ петербургскія изданія на московскія. Очень-любопытно было бы

побывать при этомъ развѣнѣ и посмотрѣть, какой умъ лучше цѣнится, петербургскій или московскій! По силѣ такого развѣна, торговцы отправляютъ свой товаръ водою въ Нижній. Извѣстно, что послѣдніе годы были неблагопріятны для книжнаго ума: въ это время верѣдко падали дѣла самыхъ значительныхъ книгопродавцевъ, и при каждомъ изъ такихъ случаевъ, букинисты скупали на весь книги, оставшіяся въ кладовыхъ у падшихъ книгопродавцевъ. Нагружавъ ими лодки, они обыкновенно отвозили ихъ на нижегородскую ярмарку, гдѣ и пускали по самой дешевой цѣнѣ. Такъ головое изданіе *Библиотеки для Чтенія* продавалось за 3 р., *Пантеона* за 2 р. 50 к., *Утренней Зари* за 1 р., дорогое изданіе *Капитолай* (*Ваддея Буларина*) за 2 р. 50 к. Г. Мельниковъ къ этому прибавляетъ, что, въ-продолженіе шестилѣтняго наблюденія надъ ходомъ ярмарочной торговли, онъ замѣтилъ, что книги, попадавшія на мостъ, были преимущественно петербургскія; всѣ наши литературныя знаменитости побывали на мосту; изъ нихъ одинъ лишь Гоголь и здѣсь былъ всегда въ хорошей цѣнѣ, годъ отъ года возвышавшейся, на зло всѣмъ его порицателямъ (стр. 206).

Это одна сторона медали—т. е. продавцы книгъ; но какова другая—т. е. покупатели, или, другими словами, какія книги наиболѣе требовались и лучше расходились на ярмаркѣ? И на этотъ вопросъ находимъ у г. Мельникова отвѣтъ: «самый большой сбытъ относятся къ произведеніямъ московской сѣробумажной литературы; за тѣмъ слѣдуютъ книги учебныя и богослужебныя; романовъ и другихъ беллетрическихъ издѣлій, непопавшихъ на мостъ, раскупается немного, ученыхъ книгъ еще менѣе; иностранныхъ книгъ на ярмаркѣ не бываетъ» (стр. 207).

Вотъ вамъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ резюмируется отчетъ о состояніи просвѣщенія въ нѣкоторыхъ классахъ. И коротко и ясно!

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ русскіхъ произведеній, бывающихъ на нижегородской ярмаркѣ. Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о произведеніяхъ иностранныхъ. Весьма-естественно, что привозъ этихъ предметовъ сюда весьма-значителенъ. Г. Мельниковъ говоритъ: «пока народонаселеніе Россіи не уравнируется въ относительномъ смыслѣ, пока ремесленность и рукодѣлія не проникнутъ во весь слон общества, пока не установятся цѣны на хлѣбъ и тѣмъ не поправятся дѣла помѣщиковъ, главныхъ потребителей предметовъ роскоши, и пока, наконецъ, недостатокъ денегъ (и прибавимъ: образованности) будетъ чувствителенъ въ народѣ, особенно между купцами — до-тѣхъ-поръ произведенія европейскихъ фабрикъ будутъ составлять для насъ верхъ совершенства, недостижимый для нашихъ фабрикаптовъ; а до-тѣхъ-поръ высоко будутъ цѣниться произведенія иностранныхъ, и вытѣсненіе ихъ русскими издѣліями рѣшительно невозможно.»

Изъ иностранныхъ и колоніальныхъ произведеній, привозъ ярмарку винъ простирается до 600,000 р., овощныхъ и бакалейныхъ товаровъ, какъ-то: кофе, прованскаго масла, табака, и до 235,000 р., москотельныхъ и аптекарскихъ товаровъ до 1,700,000 р., хлопчатой бумаги до 476,000 р., благовонныхъ веществъ, драгоценныхъ камней на 284,000 р. Но всего значительнѣе привозъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій. Въ 1845 году, было привезено: хлопчато-бумажныхъ тканей на 77,000 р., шелковыхъ на 482,000 р., шерстяныхъ на 549,000 р., льняныхъ и пеньковыхъ на 204,000 р.; оптическихъ, галантерейныхъ и модныхъ товаровъ, часовъ, музыкальныхъ инструментовъ и стальныхъ щей на 303,000 р. с.

Наконецъ, и старшая (по возрасту) сестра Европы—Азія, являясь на нижегородскую ярмарку съ запасами своихъ немногочисленныхъ, но необходимыхъ намъ произведеній. Первое мѣсто не только въ ряду этихъ произведеній, но и во всей ярмарочной торговлѣ, занимаетъ — чай. Мы все знаемъ, какъ распространено въ насъ потребленіе этихъ счастливыхъ листочковъ, знаемъ, какъ великое влияние имѣютъ на благосостояніе человека, которому нечего объѣдать—ничего, а не выпить чайку—огорченіе; но знаемъ ли мы, какое влияние имѣетъ это китайское издѣліе на судьбу нижегородской ярмарки? Знаете ли вы, что, не смотря на подвигъ ярмарочныхъ флаговъ въ знакъ, что ярмарка открыта, не смотря на привозъ всѣхъ товаровъ, на съѣздъ всего купечества, ярмарочная торговля не считается начавшеюся, въ коммерческомъ смыслѣ до-тѣхъ-поръ, пока не состоится продажа чаевъ изъ первыхъ рядовъ. До-тѣхъ-поръ не устанавливаются цѣны ни на какіе вообще предметы ярмарочной торговли, до-тѣхъ-поръ не опредѣляются условія относительно сроковъ уплаты денегъ за товары, пока не окончена торговля чайная. Между 1-мъ и 5-мъ числами августа каждого года, все вниманіе купечества русскаго бываетъ устремлено на китайскіе ряды въ ярмаркѣ, гдѣ *торговый шестигласный конгрессъ*, состоящій изъ гг. Колесова, Шестова, Лобкова, Рудокова, Коркина и Куманина рѣшаетъ *вопросъ о чаѣ*. Отъ ихъ рѣшенія, отъ ихъ условій съ чайными покупателями нерѣдко зависитъ вся участь ярмарки. Еслибъ, по какому-нибудь несчастному случаю, чаи не успѣли въ Нижній къ сроку, еслибъ по чему-нибудь чай не былъ проданъ на ярмаркѣ, то вся ярмарочная торговля неминуемо должна была бы остановиться, — и тогда страшное разстройство постигло бы наши фабрики Московской, Владимірской и другихъ губерній. Это потому, что нѣтъ у насъ почти ни одной сколько-нибудь значительной отрасли промышленности, которая бы не была тѣсно связана съ нижегородской ярмаркой, а на ярмаркѣ нѣтъ ни одной важной отрасли торговаго оборота, которая бы не была въ связи съ чайною торговлею. Суконные фабриканты привозятъ въ Нижній свои сукна для Китая; пилсы и нанки работаютъ и привозятся

ярмарку для Китая: бѣлки и другіе пушные товары привозятся для Китая. Купцы, ведущіе свои дѣла въ Кяхтѣ и Семипалатинскѣ, получивъ деньги за чай, тотчасъ покупаютъ сукна, мѣха, шить, нанку и другіе предметы, нужные для Китая, а также предметы роскоши, вина и т. п. Отъ этого разомъ оканчиваются главнѣйшія отрасли торговли—суконная и хлопчатобумажная; отъ этого же вдругъ по ярмаркѣ разливаются деньги, цѣны на всѣ товары устанавливаются, всѣ дѣла оживляются,—и ярмарка въ полномъ разгарѣ.

Привозъ чая на ярмарку былъ въ 1843 году на 6,311,370 руб., въ 1844 году на 6,534,600 руб., а въ 1845 году на 8,794,500 руб. серебромъ.

Другія отрасли азіатской торговли, производимой на нижегородской ярмаркѣ, далеко не такъ важны. Г. Мельниковъ раздѣляетъ ее на два вида: торговлю персидско-закавказскую и торговлю съ Внутреннею-Азіею. Подъ первую онъ разумѣетъ торговлю съ Персами, Грузинами и Армянами; она не обширна и притомъ съ каждымъ годомъ дѣлается еще менѣе-значительною. Въ Персію и Закавказье съ ярмарки идутъ ситцы, каленкоры, бумажные платки, сукна, мѣдъ, сталь, кирпичный чай и нѣкоторые другіе. Всѣ ткани, кромѣ суконъ, имѣютъ въ Персію съ каждымъ годомъ сбытъ слабѣйшій, что происходитъ, по словамъ русскихъ купцовъ, отъ соперничества Англичанъ и отъ-того, что живущіе въ Персіи Армяне, посредствомъ своихъ агентовъ, стали получать этого рода издѣлія изъ Европы. Ткани европейскія (говоритъ авторъ) для Персіанъ обходятся гораздо-дешевле русскихъ, и потому едва-ли скоро можно ожидать возстановленія сбыта нашихъ мануфактурныхъ издѣлій въ персидскія провинціи.

Изъ Персіи и Закавказья на ярмарку привозятся шелкъ-сырецъ, нѣсколько шелковыхъ и бумажныхъ тканей, пушные и нѣкоторые москотельные товары, хлопчатобумажная пряжа, чернильные орѣшки, китовые усы и нѣкоторые другіе. Въ-отношеніи къ привозу шелка, весьма-замѣчательнъ приводимый авторомъ фактъ, что привозъ его, съ половины прошлаго десятилѣтія, сталъ уменьшаться, и именно по той причинѣ, что Англичане начали скупать весь шелкъ въ Галіи и отвозить его въ Европу. Всѣхъ вообще предметовъ, привозимыхъ изъ Персіи и Закавказья, было на ярмаркѣ въ 1843 году на 375,000 р., въ 1844 году на 661,000 р., и въ 1845 году на 1,639,700 рублей. Вообще по этой торговлѣ замѣчается, что Армяне и Персіане съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе покупаютъ произведеній русскихъ, и причиною этому признается усилившееся соперничество Англичанъ. Привозя своихъ товаровъ на ярмарку на сумму большую, чѣмъ на сколько у насъ берутъ, Персіане и Армяне добираютъ остальное количество звонкою монетою, и въ послѣднее время было увозимо съ ярмарки въ персидское государство до 300,000 рублей серебромъ монеты (стр. 266). Изъ этого авторъ выводитъ заключеніе, что ярмарочную торговлю съ Пер-

гією мы производимъ въ убытокъ себѣ (стр. 267). Признаемся, мы были неприятнымъ образомъ поражены этимъ словомъ. Не держится ли г. Мельниковъ идеі покойной меркантильной системы? Если такъ, то мы объ этомъ искренно сожалѣемъ. Меркантильная система составляетъ теперь только страницу, относящуюся къ древней исторіи политической экономіи, и приклеивать ея идеі къ книгѣ, исполненной самыхъ любопытныхъ фактовъ изъ жизни современной, — по-крайней-мѣрѣ, ужасный анахронизмъ.

Торговля, производимая на нижегородской ярмаркѣ съ Внутреннею-Азією (т. е. Бухаріей, Ташкентомъ, Коканомъ и другими землями), имѣетъ предметомъ обмѣнъ русскихъ издѣлій: низкихъ сортовъ суконъ, плиса, бумажныхъ издѣлій, стекла, фаянса, коженыхъ издѣлій, — на произведенія азіатскія: хлопчатую бумагу, шелковыя и бумажныя ткани, пушные товары и бирюзу. И здѣсь (замѣчаетъ авторъ) вредитъ намъ соперничество Англичанъ. Ташкентцы, бывшіе на ярмаркѣ 1844 года, увѣряли, что имъ нѣтъ выгоды покупать русскія бумажныя ткани, что англійскія издѣлія этого рода, уже нѣсколько лѣтъ употребляемыя въ Бухарію, проникли и въ Коканъ, гдѣ кусокъ каленкора въ 52 аршина стоить теперь только—*два червонца!*.. Этому соперничеству Англичанъ авторъ приписываетъ уменьшеніе сбыта нашихъ произведеній во Внутреннюю-Азію. Привозъ къ намъ произведеній изъ Внутренней-Азіи простирается до 590,000 руб. сер.

Этимъ г. Мельниковъ заключаетъ обзоръ нижегородской ярмарки; но прежде, нежели распространился съ читателемъ, онъ счелъ полезнымъ представить свои мысли о будущности ея: «Многіе говорятъ, что нижегородская ярмарка должна со временемъ подвергнуться участи ярмарокъ англійскихъ, французскихъ и германскихъ, т. е. уничтожиться, въ-слѣдствіе усовершенствованія путей сообщенія и развитія промышленности и торговли. Это несправедливо. Всѣ другія ярмарки русскія, конечно, должны будутъ испытать эту участь; но ярмаркѣ нижегородской предстоитъ судьба блестящая. Такъ точно, какъ Кронштадтъ служитъ ключомъ торговли Россіи съ Европою, — нижегородская ярмарка служитъ ключомъ торговли нашего отечества съ Азією. Въ Петербургъ собираются всѣ предметы русскіе, идущіе за границу европейскую; Москва, Московская, Владимірская, Костромская и Ярославская Губерніи производятъ предметы, отпускаемые Россією на Востокъ, — такъ же точно, какъ изъ Петербурга идутъ товары въ Кронштадтъ для дальнѣйшей отправки за море, — изъ Москвы и соседнихъ губерній произведенія мануфактурныя, назначаемыя для Китая, Персіи и Внутренней Азіи свозятся въ Нижній, — этотъ портъ Москвы, *внутренній портъ*, какъ назвалъ его Петръ-Великій. Въ этомъ заключается все будущее нижегородской ярмарки. Усовершенствованіе путей сообщенія должно повредить ярмаркамъ русскимъ, но относительно нижегородской оно должно послужить къ дальнѣйшему ея развитію. Если сбудется предположеніе объ устрой-

ствѣ нижегородской-московской желѣзной дороги — обороты ярмарочные чрезвычайно усилятся. Ярмарка не перейдетъ тогда въ Москву, какъ ожидаютъ нѣкоторые, ибо не для одной Москвы Нижній служить портомъ: Шуя, Иваново, Ярославль и вообще вся фабричная часть Имперіи сюда присылаетъ свои произведенія. Въ будущемъ падетъ на нижегородской ярмаркѣ одна только торговля — европейскими и колониальными произведеніями: это теперь замѣтно. Нижній-Новгородъ назначенъ не для европейской торговли, но для азіатской и внутренней. Смотри съ этой точки зрѣнія на нижегородскую ярмарку, для совершеннаго ея развитія должно желать, во-первыхъ, дальнѣйшаго усовершенствованія нашихъ мануфактурныхъ заведеній, и во-вторыхъ, правильныхъ основаній торговли Русскихъ съ Востокомъ и распространенія нашихъ торговыхъ дѣйствій въ отдаленнѣйшихъ странахъ Азіи. Первое идетъ успѣшно, второе будетъ сомнительно. Тогда-то Нижній-Новгородъ займетъ важное мѣсто въ ряду торговыхъ мѣстъ *вселенной* (т. е. вѣроятно, земнаго шара) и тогда исполнятся пророческія слова канцлера графа Румянцова въ 1816 году, предсказавшаго, что Нижній-Новгородъ, по случаю перевода макарьевской ярмарки, *возвысится на степень третьей государственной столицы* (стр. 283).

Вотъ каковы мысли автора о будущности нижегородской ярмарки! Конечно, онѣ краснорѣчиво высказаны, но мало доказаны. Впрочемъ, какъ дѣло идетъ о будущемъ, которое никому неизвѣстно, то всякому повозляется думать о немъ, какъ кто пожелаетъ. Мы согласны съ авторомъ, что главное назначеніе нижегородской ярмарки — торговое соединеніе Россіи съ Азією; но что же изъ этого? Развѣ съ Азіатцами иначе нельзя будетъ торговать, какъ посредствомъ ярмарочнаго торга? развѣ Азія всегда останется Азією? Авторъ дѣлаетъ весьма-остроумную параллель между Кронштадтомъ, *портомъ приморскимъ*, и Нижнимъ-Новгородомъ, *портомъ внутреннимъ*. Пусть эта параллель и будетъ вѣрна: но развѣ для торговли съ Европой въ Кронштадтѣ нужна была ярмарка? По нашему крайнему разумѣнію, ярмарка есть заранѣе однажды-навсегда определенное мѣсто, въ которое, въ известное всякому время, сходятся и тѣ, у которыхъ есть что-нибудь на продажу, и тѣ, которымъ есть надобность въ закупкѣ. Естественно, что пока торговые сношенія не развились до того, что становятся ежедневными, ежечасными, пока они не оживляются постояннымъ присутствіемъ большихъ капиталовъ и средствами скорого и легкаго сообщенія, до-тѣхъ-поръ нужно существованіе такихъ пунктовъ, въ которыхъ бы могли, въ известное, хоть разъ въ годъ указанное время, стекаться и продавцы и покупатели, съ увѣренностью найти другъ друга. Но сказать, что такъ должно быть всегда, значить судить о будущемъ по одному настоящему, не принимая въ расчетъ вліянія тѣхъ условій, которыя опредѣляютъ собою развитіе будущихъ поколѣній. Конечно, г. Мельниковъ, въ своемъ пророчаніи, сохраняетъ

еть нижегородской ярмаркѣ въ будущности только ея азіатскіе торговлю. Но и тутъ (если ужъ мы условились говорить объ этомъ будущемъ, т. е. гадательномъ, чаятельномъ, предположительномъ), по нашему мнѣнію, возможно будетъ, при водвореніи и вѣрныхъ основаній торговли Россіи съ Востокомъ, со-времененно обойдтись безъ ярмарочнаго торга, неразлучно-связаннаго съ рѣчными неудобствами, которыя могутъ быть сносимы торговлею только до-тѣхъ-поръ, пока она необширна. Азіатцы нуждаются въ нашемъ товарѣ — мы сами повеземъ его къ нимъ, повеземъ его разъ въ годъ, а будемъ доставлять его всякій разъ, какъ получимъ извѣстіе о требованіи. На это г. Мельниковъ возражаетъ, такъ торговать съ Азіатцами пока еще нельзя, что, сверхъ-того, такой торговли русскимъ купцамъ нужны большіе капиталы. споримъ; но не забудьте, что мы говоримъ о будущемъ, и въ томъ о такомъ будущемъ, въ которомъ, какъ выражается самъ Мельниковъ: «установятся правильныя основанія торговли Русскіи съ Востокомъ». А до того (и мы не споримъ) ярмарка будетъ бѣ ярмаркою, даже и въ будущемъ...

ЗАМѢЧАНІЯ НА СТАТЬЮ «ЖАРЪ И ЖАТВА ХЛѢБА».

Недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья подъ заглавіемъ: «Жаръ и жатва хлѣба» (соч. С. А. Маслова), помѣщенная потомъ въ «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», и въ «Земледѣльческой Газетѣ». Эта многорѣчивая статья сильно вооружается противъ жатва хлѣба серпомъ. Приведемъ нѣсколько строкъ подлинника, подтверждающихъ сказанное нами. «Боже Великій! Ты положилъ клятву, чтобъ человекъ въ потъ лица «своего ѣлъ хлѣбъ свой; но чтобъ этотъ хлѣбъ обливался кровью матерей, рождающихъ въ мукахъ, съ выпавшимъ изъ рукъ серпомъ «и съ смертію новорожденнаго, нѣтъ, Господи, это не Твоя воля «любови и милосердія; это жестокость человѣческаго сердца, къ «которой люди привыкли и преждевременныхъ родовъ, вытѣсняющихъ мертвца младенца тяжкою работою, на паялицѣ солнцѣ, «уже не называютъ *человѣчко-убійствомъ*». Или: «Доколѣ чувство «состраданія къ человѣчеству не войдетъ въ основаніе сельскаго «хозяйства (стало-быть, теперь его не имѣется?): дотолъ невѣжество «крестьянина и корыстолюбивый эгоизмъ будутъ съ равнодушіемъ «смотреть на страданія матерей-крестьянокъ». Далѣе, авторъ, приводитъ слова П. А. Кикина, «что можно быть полезнымъ человѣчеству и въ отставкѣ», восклицаетъ: «Да, можно... можно, если «сердце не охолодѣло отъ безчувственности къ *страдѣ* и сострадаетъ «человѣчеству! Иначе тысячи возраженій противъ замѣны серпа «косомъ: и рожь путается и зерно сыплется и убытокъ въ яровомъ; «словомъ, повтореніе пошлыхъ, безотчетныхъ отговорокъ, какъ-«будто люди для ожесточенія ихъ, вскормлены хлѣбомъ изъ сно-«повъ, *облитыхъ кровью роженицъ (!)*, и *воздоены ихъ молокомъ, «послѣ умершихъ на животъ младенцевъ (!)*». Кажется, ясно, на что намекаетъ и кого обвиняетъ сочинитель статьи...

Почтенному автору упоминаемой статейки довелось гдѣ-то слышать прежалкія исторіи о томъ, «какъ крестьянки рожаютъ мертвыхъ дѣтей, или какъ иногда роженицы въ подолѣ приносятъ новорожденнаго съ поля во время жатвы». Разумѣется, что, рассказывая очень-наивно такія плачевныя исторіи, и прикрашивая ихъ различными восклицаніями и риторическими очень-искусными фигурами, авторъ рассчитывалъ на сильный эффектъ, который должна произвести на всѣхъ читателей его филантропическая статья, карающая шпимый корыстолюбивый эгоизмъ и безчеловѣчіе.

Оставляя въ сторонѣ еще нерѣшенный и для некоторыхъ особъ неприятный вопросъ о томъ: дѣйствительно ли употребленіе ко-сы при жатвѣ озимаго хлѣба облегчаетъ трудъ земледѣльцевъ, мы, однакожь, въ правѣ замѣтить столичному жителю, какъ видне мало знакомому съ сельскими работами и бытомъ нашихъ поселянъ, что если крестьянки и рожаютъ иногда на жнивъ, то это происходитъ вовсе не отъ недостатка чувства состраданія къ чело-вѣчеству въ распорядителяхъ сельскими работами, или отъ ихъ корыстолюбиваго эгоизма; ибо врядъ ли гдѣ найдется сельскій хозяинъ до того самовластный и жестокосердый, что рѣшится высылать на жатву больныхъ или близкихъ къ родамъ женщинъ, вовсе-безполезныхъ на работѣ. Каждому деревенскому жителю извѣстно, что крестьяне и крестьянки, подъ различными пустыми предлогами и вымышленными болѣзнями, нерѣдко уклоняются отъ предстоящихъ имъ работъ, и что сельскія начальства смотрятъ на это сквозь пальцы, затѣмъ, что трудно удостовѣриться въ неосновательности предлога, и не въ каждомъ селеніи находится лезареть, изобличающій мнимо-больныхъ.

Попробуемъ объяснить сочинителю статейки настоящія причины тѣхъ случаевъ, которые приводятъ его въ ужасъ:

По благости Всевышняго, русскія крестьянки столь мощны и здоровы, что многія изъ нихъ вовсе не чувствуютъ недуговъ въ послѣдній терминъ своей беременности; а какъ женщины, по безпечности или незнанію, не могутъ въ точности рассчитать, когда именно наступить для нихъ пора родовъ, то и случается, что здоровыя крестьянки рожаютъ не только на жнивѣ, но иногда и въ лѣсу, куда отправились за грибами, на свиданіи съ своими ку-мушками, въ гостяхъ и даже на свадьбахъ. Слѣдовательно, въ приведенныхъ мною примѣрахъ, неволи, безчеловѣчія и корыстолюбиваго эгоизма предполагать нельзя, а между-тѣмъ роды все-таки случились внѣ дома! Вторая причина: въ деревняхъ есть повѣрье, что беременныя крестьянки, особливо беременныя въ первый разъ, должны утаивать отъ постороннихъ приближеніе роковаго для нихъ дня, дабы печистый глазъ или недобрый языкъ не затруднилъ ихъ родовъ; и въ-слѣдствіе этого пустаго замѣчанія, многія крестьянки стараются не измѣнять своихъ ежедневныхъ занятій и быть при людяхъ до послѣдней крайности.

Не-уже-ли авторъ статьи «Жаръ и жатва» серьезно желаетъ, чтобъ наши беременныя поселянки вовсе не убирали жатвы (вѣдь имъ вязать подкошенный хлѣбъ не менѣе трудно, какъ и жать серпомъ), а валялись на постели по цѣлымъ мѣсяцамъ до и послѣ родовъ, какъ какія-нибудь хворыя и изнеможенныя женщины, разслабленныя воспитаніемъ, образомъ жизни и праздностью, — женщины, для которыхъ роды несравненно-мучительнѣе и опаснѣе чѣмъ для здоровыхъ поселянокъ? Всевышній, по благости и премудрости своей, удѣлялъ каждому сословію что-либо изъ даровъ своихъ: такъ, онъ награждалъ трудящихся въ потѣ лица поселянъ

тннъ здоровьемъ и крѣпостью, которымъ позавидуетъ большая часть богатыхъ и знатныхъ. Мы увѣрены, что самъ сочинитель «льтныхъ замѣтокъ», столь соболѣзнующій о бѣдственномъ положеніи нашихъ крестьянокъ, взялъ бы кормилицу, еслибъ въ его семейство понадобилась таковая, изъ числа тѣхъ же крестьянокъ, которыя жнутъ и иногда рожаютъ въ полѣ, и не смотря на это принадлежатъ къ классу самыхъ здоровыхъ женщинъ нашего отечества.

Если роченный сочинитель возмнмѣлъ непреодолимое желаніе представить намъ картину, — въ трогательномъ родѣ, — трудовъ, сопряженныхъ повсюду съ званіемъ земледѣльца, то почему жь описалъ онъ, преувеличивая, одинъ только видъ труда — жатву серпомъ, а не упомянулъ и не соболѣзновалъ о тѣхъ беременныхъ или съ младенцами на рукахъ поселанкахъ, которыя въ зимнюю стужу встаютъ до свѣта и таскаются на молотьбу кошеного хлѣба? А извѣстно, что эта сама-по-себѣ нелегкая молотьба еще болѣе затрудняется и длится надъ хлѣбомъ, снятымъ когою. Или почему же сочинитель статьи не оплакивалъ и тѣхъ женщинъ, которыя должны мыть бѣльѣ, стоя по нѣскольку часовъ надъ прорубомъ въ двадцать и болѣе градусовъ мороза? И такому мучительному труду подвергаются не однѣ крестьянки, но и въ столпцахъ ежедневно моютъ бѣльѣ молодыя и старыя женщины — прачки по ремеслу.

Намъ приходится припомнить сочинителю статьи «Жаръ и жатва», что въ помѣстьяхъ, находящихся подъ вѣдѣніемъ людей, сострадающихъ человѣчеству не одними громкими фразами, а дѣломъ, крестьяне живутъ зажиточно, вдятъ сытно, одѣваются прилично времени года и помѣщаются зимою въ теплыхъ избахъ. Крестьяне въ такихъ помѣстьяхъ, не смотря на то, что снимаютъ свой хлѣбъ серпомъ, бываютъ бодры, веселы и здоровы, и часто, послѣ дневнаго жатя, возвращаются домой съ пѣніемъ и плясками. Надвемся, что и самъ сочинитель статейки при слѣдующихъ его прогулкахъ по окрестностямъ Москвы убѣдится въ справедливости нами сказаннаго. А между-тѣмъ, утѣшимъ его извѣстіемъ, что въ русскихъ порядочно-управляемыхъ хозяйствахъ тяжело-беременныхъ крестьянокъ не посылаютъ на жнитво и зимою на молотьбу, отъ которой въ холодную пору точно также увольняются и крестьянки съ грудными младенцами. Въ селеніяхъ же бѣдныхъ, безпризорныхъ, къ какому бы они вѣдомству ни принадлежали, поселане не имѣютъ ни теплаго и порядочнаго крова, ни достаточной пищи и одежды, а потому крестьяне и крестьянки подобныхъ деревень, — хотя бы они и вовсе не жали хлѣба, все-таки бываютъ худы, болѣзненны и унылы духомъ. Здѣсь кстатн повторить давно извѣстную истину, что *русскій человекъ не боится труда, а боится нужды*. И вотъ на эти-то, въ столь горестномъ состояніи находящіяся деревеньки стоило бы обратить свое вниманіе чувствительному сочинителю, — и стоило бы труда поразго-

вориться о томъ, какъ бы улучшить незавидное положеніе такихъ, хотя и рѣдко встрѣчаемыхъ крестьянъ.

Въ той же статейкѣ «Жаръ и жатва», рассказывается, между прочимъ, что вопросъ о кошеніи ржи, оказавшій великую услугу человечеству и хозяйству, возымѣлъ начало въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, и, говоря словами подлинника: «при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства былъ учрежденъ комитетъ для кошенія ржи, и незабвенный князь Д. В. Голицынъ самъ вызвался быть въ немъ председателемъ. Нѣсколько лѣтъ опыта косьбы ржи въ имѣніяхъ Абашева, Муравьева, Кискина, Титова и Шлиппенбаха, сдѣлались известными чрезъ Земледѣльческій Журналъ; дѣло признано полезнымъ и замолкло.» Понятно, что подобныя извѣстія пишутся съ цѣлью увѣрить кого слѣдуетъ въ томъ, что до времени появленія въ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства вопроса о кошеніи ржи и до упомянутыхъ похвальныхъ опытовъ, никто въ Россіи не имѣлъ понятія о благодѣтельномъ кошеніи ржи, и такая уборка хлѣбовъ была у насъ дѣломъ неслыханнымъ и невиданнымъ; а безъ указанной цѣли, сочинитель, конечно, не сталъ бы скрывать ту истину, что задолго до упомянутыхъ имъ опытовъ, во многихъ центральнѣйшихъ губерніяхъ Россіи крестьяне *уже умѣли косить рожь и понемногу косили ее*, и что тамъ же у большей части сельскихъ хозяевъ *хлѣбъ тоже косили и продолжаютъ косить*, но, однакожь, не оставляютъ вовсе и серпа, употребляемаго и въ другихъ государствахъ Европы, — какъ не оставили его и послѣ усердныхъ и всѣмъ извѣстныхъ опытовъ членовъ московскаго комитета.

Хотя и справедливо, что не всѣ сельскіе хозяева обширной Россіи могли участвовать въ означенномъ комитетѣ, и потому не всѣ имѣли счастье оказать великую услугу человечеству и хозяйству, однакожь это обстоятельство не даетъ еще права сочинителю статьи «Жаръ и жатва» отзываться о упомянутыхъ соотечественникахъ, какъ о чемъ-то похожемъ на вампировъ.

ИВАНЪ ЛАВРОВЪ.

1846 года, ноября 30-го.
Болховъ.

ЗАДАЧА, ПРЕДЛОЖЕННАЯ УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ НА КОНКУРСЪ КЪ 1848 ГОДУ.

=

По вѣвающимся въ Министерствѣ Государственныхъ Имуществъ свѣдѣніямъ, число грамотныхъ крестьянъ постепенно возрастаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что съ каждымъ годомъ оно будетъ увеличиваться болѣе и болѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ будетъ усиливаться обнаруживающаяся уже и нынѣ между поселянами потребность чтенія.

Понятно, что этой потребности могутъ удовлетворять лишь книги, такъ-сказать, спеціальныя, написанныя именно для крестьянъ, привычныя къ ихъ состоянію и къ кругу отношеній, свойственныхъ быту поселянина.

По мнѣнію Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, необходимо, чтобъ подобнаго рода книги имѣли вообще слѣдующія качества: онѣ должны а) благотворительно дѣйствовать на нравственность народа, давая ему болѣе-ясное понятіе о его гражданскихъ, нравственныхъ и семейныхъ обязанностяхъ; б) предостерегать крестьянина въ его работахъ, въ воспитаніи дѣтей, въ образѣ и порядкѣ занятій, вообще въ его домашней жизни, отъ глѣхъ заблужденій, для искорененія которыхъ недостаточно однихъ чисто-административныхъ распоряженій; в) ближе знакомить его съ явленіями природы, имѣющими вліяніе на успѣхъ земледѣльческаго труда и на усиленіе хозяйственныхъ средствъ.

Нельзя однако не замѣтить, что изъ появившихся у насъ доселѣ книгъ для крестьянскаго чтенія, весьма-немногія соответствуютъ этимъ условіямъ и могутъ доставлять поселянамъ понятное, пріятельское и полезное чтеніе.

Имѣя въ виду всѣ эти соображенія, злѣсь вкратцѣ обозначенныя а прочемъ понятныя всякому образованному человѣку, Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ объявляетъ конкурсъ на сочиненіе *простонародныхъ книгъ*.

Эти книги, какъ изъ вышеписаннаго слѣдуетъ, должны имѣть предметомъ:

1) Нравственное состояніе крестьянина, его обязанности и отношенія къ властямъ, надъ нимъ поставленнымъ, къ его семейству, и вообще къ ближнему.

2) Ознакомленіе его съ физическими явленіями природы, покуда они входятъ въ условія сельскаго быта. Сюда могутъ принадлежать: объясненіе свойствъ почвы, условія растительности, разведенія и содержанія домашняго скота, и проч.

3) Улучшеніе земледѣльческихъ орудій.

4) Устройство жилищъ и разныхъ хозяйственныхъ построекъ; способы отопленія и освѣщенія.

5) Домашнюю *гигіену*, или совѣты о сохраненіи здравія, а также принятіе мѣръ въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ.

6) Физическое и нравственное обращеніе съ дѣтьми.

7) Наставленія по разнымъ промысламъ, той или другой полосою Россіи свойственнымъ.

Форма сочиненій предоставляется усмотрѣнію сочинителей; вышеозначенные предметы могутъ быть изложены въ видѣ разсказовъ, разговоровъ или повѣстей и проч.; но главными условіями поставляется:

1) Не смѣшивать предметовъ общихъ, свойственныхъ всѣмъ мѣстностямъ, съ тѣми, которые составляютъ исключительную принадлежность только нѣкоторыхъ; не предлагать, напримѣръ, сѣверному поселянину того, что можетъ быть доступно только южному; избѣгать всякихъ догматическихъ и отвлеченныхъ разсужденій; по всѣмъ излагаемымъ предметамъ представлять въ видѣ примѣровъ, самымъ осязательнымъ и вразумительнымъ образомъ, начиная отъ понятій и предметовъ извѣстныхъ и доступныхъ самому простому читателю и переходя, съ надлежащею постепенностью, къ предметамъ и понятіямъ болѣе-труднымъ.

2) Въ объясненіи физическихъ явленій не ссылаться на каки-либо теоріи или на снаряды, недоступные поселянину; но для сообщенія ему *яснаго* понятія по этому предмету пользоваться тѣми, что окружаетъ крестьянина и находится, такъ-сказать, подъ его рукою; словомъ, знакомить его съ физическими законами, поочередно для того указанія въ самыхъ простыхъ ежедневныхъ явленій.

3) Выражаться ясно, чистымъ русскимъ языкомъ, избѣгая книжныхъ, длинныхъ и невразумительныхъ оборотовъ, словъ ученыхъ и другихъ, хотя и русскихъ, но неупотребляемыхъ въ языкъ простаго народа, а равно избѣгая словъ чисто-областныхъ, понятныхъ лишь въ той или другой губерніи и неизвѣстныхъ вообще въ Россіи.

4) Избѣгать вообще какъ ученаго, книжнаго тона, такъ равно излишней шутовости; пользоваться кстати простонародными пословицами и поговорками, но воздерживаться отъ неумѣреннаго и неумѣстнаго употребленія ихъ, замѣчаемаго въ нѣкоторыхъ книгахъ, предназначаемыхъ для простаго народа, и имѣть всегда въ виду ту истину, что главный способъ быть понятнымъ крестьяни-

ну состоятъ въ строгой простотѣ понятій, въ простомъ и вразумительномъ оборотѣ рѣчи, и что пословицы, введенныя въ книжный оборотъ рѣчи, нисколько не дѣлаютъ ея доступною крестьянину, а напротивъ, при неудачномъ употребленіи, могутъ еще болѣе затемнить смыслъ.

5) Наконецъ, наблюдать строгую разборчивость въ предметахъ и ясность въ самыхъ выраженіяхъ, для удаленія всякой двусмысленности, — условіе необходимое, когда сочинитель обращаетъ рѣчь къ простымъ читателямъ.

Книги для простаго народа могутъ имѣть двойное назначеніе: одна — для крестьянскихъ дѣтей, другія — для взрослыхъ крестьянъ; сочинители должны сообразоваться съ различными характерами этихъ двухъ назначеній и не опускать изъ вида того круга понятій, который наиболѣе приличенъ въ первомъ или во второмъ случаѣ.

Ученый Комитетъ, предоставляя вполнѣ усмотрѣнію сочинителей, въ определенныхъ здѣсь границахъ, какъ содержаніе, такъ и форму книгъ, и отнюдь не требуя подражанія тому или другому сочиненію, долгомъ считаетъ, однакожь, указать на нѣкоторыя, уже вышедшія книги, издаанныя какъ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, такъ и частными лицами, и совѣтовать гг. сочинителямъ, вступающимъ въ состязаніе, вникнуть въ направленіе, тонъ и способъ выраженія, которыми отличаются между-прочимъ нижеизложенныя изданія:

1) Книга Паума о великомъ Божіемъ мірѣ, изданная Михаиломъ Шаквиновичемъ. Кіевъ. 1845. Изданіе третье.

2) Разсказъ казака Моисея Осымака, о томъ, какъ онъ хозяйничалъ у себя дома и проч., отъ Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ. Санктпетербургъ. 1845.

3) Памятная Книжка для нижнихъ чиновъ императорскихъ казачьихъ войскъ. Санктпетербургъ. 1837.

4) Сельское Чтеніе, изданное княземъ Одоевскимъ и А. Заблоцкимъ. Три книжки. Санктпетербургъ. 1845. Изданіе пятое.

Срокъ для присылки сочиненій назначается не далѣе 1-го января 1848 года.

За наиболѣе-удовлетворительное сочиненіе по предметамъ этого конкурса назначается въ награду золотая медаль въ 50 червонцевъ.

За сочиненія, которыя наиболѣе приблизятся къ требованіямъ программы, назначаются въ награду серебряныя медали.

Сверхъ того, сочиненія, удостоенныя награды, печатаются на счетъ Министерства, и 300 экземпляровъ предоставляются бездѣльно въ пользу автора, который не лишается права печатать и другими изданіями, въ свою исключительную пользу, сочиненіе, удостоенное награды, на основаніи существующихъ узаконеній. Имена сочинителей, удостоенныхъ награды, будутъ включены въ

годовой отчетъ Его Императорскому Величеству по Министерству Государственныхъ Имуществъ и объявлены въ разныхъ газетахъ.

Сочиненія по этому конкурсу должны быть четко переписаны, и доставлены къ назначенному сроку въ Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, безъ подписи автора. Каждая рукопись имѣетъ быть снабжена какимъ-либо девизомъ, который долженъ находиться и на оберткѣ приложенной къ сочиненію запечатанной записки, содержащей имя, отчество и фамилію, званіе и мѣсто жительства автора.

Сочиненія, неудостоенныя наградъ, хранятся въ Ученомъ Комитетѣ, безъ распечатанія приложенныхъ при нихъ записокъ, или возвращаются автору, если онъ того пожелаетъ, по объявленіи избраннаго имъ девиза.

Если, по истеченіи года, авторъ сочиненія не объявитъ желанія получить его обратно, то запечатанная записка, содержащая означеніе его имени, сжигается въ присутствіи Комитета.

V.

К Р И Т И К А.

ВЪЧТО О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ 1846 ГОДУ. (*)

Періоды развитія литературы наступаютъ и проходятъ не справляясь съ неусуезненнымъ раздѣленіемъ времени на годы. Зачѣмъ же сохраняется до-сихъ-поръ обычай въ первыхъ числахъ новаго года отдавать публикѣ отчетъ въ томъ, что прочла она въ-теченіе стараго? Какой интересъ можетъ имѣть перечень книгъ, издавій и статей, о которыхъ во время выхода ихъ въ свѣтъ уже говорено было подробно? Не все ли равно прочитавъ на оберткахъ двѣнадцать книгъ того или другаго журнала названія всѣхъ разобраныхъ имъ въ-теченіе года сочиненій? Говорятъ, будто такіе очерки могутъ служить матеріалами для будущей исторіи литературы. Но что сказали бы подвѣстники журнала *es настольное время*, еслибъ узнали, что онъ трудится

не для нихъ, а для тѣхъ изъ нихъ потомковъ, которые вздумаютъ когда-нибудь заниматься исторіей отечественной литературы? Это особенно справедливо въ-отношеніи къ годамъ, ничего-незначущимъ отдѣльно. А такіе годы бываютъ нерѣдко... Ихъ можно назвать переходными. Они свидѣтельствуютъ только о томъ, что мысль, одушевлявшая періодъ, начинаетъ изнемогать, истощаться въ содержаніи, что общество утомляется той точкой зрѣнія, съ которой смотрѣло на вещи въ-теченіе этого періода; что партія, образовавшаяся подъ вліяніемъ духа времени, начинаютъ распадаться.

Въ это время (веселое, но безплодное время!) каждый спѣшитъ отдать себѣ отчетъ въ характерѣ своего призванія, бойко анализируетъ свои отношенія къ кругу, въ которомъ находится, старается высвободиться изъ-подъ вліянія, которое увлекало его въ круговоротъ дѣятельности вопреки его настоящему, природному влеченію; однимъ словомъ, это краткій мигъ всеобщаго раздумья, всеобщей самостоятельно-

(*) Полное, отчетливое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ явленій русской литературы 1846 года не могло быть напечатано по причинамъ, отъ редакціи независимыхъ.

сти, всеобщаго порыва къ обнаруженію своей личности. Въ это блаженное время мало работается, за то много думается, многое предпринимается, объявляется и собирается; надежда захватываетъ духъ, и мысль несется въ будущее... Бодрый работникъ, поглощенный процессомъ труда, меткимъ взглядомъ окидываетъ всѣ стороны, смекая, гдѣ можно будетъ положить больше силъ, гдѣ потребуется больше печатныхъ листовъ и бессонныхъ ночей, гдѣ попрочиѣ капиталы и повѣрнѣ заказы; юноша съ блистающимъ взоромъ, самоуверенно и доверчиво выдвигается подъ зыбку сѣнь перваго попавшагося ему въ глаза предпріятія, въ полномъ убѣжденіи, что мысль его, незадолго до того стяжавшая ему цѣлѣтущій лавръ въ школѣ и въ тѣсномъ кружкѣ школьныхъ товарищей, дивнымъ, неожиданнымъ свѣтомъ прольется на цѣлый міръ, трепещущій въ ожиданіи ея и въ забвеніи всего остальнаго; непреклонный утопистъ въ костюмѣ отжившаго покроя показываетъ изъ-за темнаго угла городского предмѣстья, съ пожелтѣвшею и отсырѣвшею тетрадью проекта, вогнавшаго его въ слезную нищету и осеребрявшаго его горячую голову преждевременными сдѣлками; а пройдоха прикидывается на счетахъ, какую бы новую драчу превознести ему до небесъ, не моргнувъ глазомъ, и въ какую новую свѣтлую точку наметить повѣрнѣе кускомъ свѣжей грязи... Все суетится въ картинѣ, перспектива потеряна, линіи выются и путаются, фигуры дрожатъ въ быстро-взмѣняющемся свѣтѣ; одни типографскіе наборщики сохраняютъ свое неподвижное безучастіе къ безпокоющейся поврѣхъ мятельнѣ...

Но все это безпокойство не имѣетъ почти никакого печатнаго выраженія, кромѣ программъ и объявленій: чѣмъ разрѣшится оно на дѣлѣ—это еще загадка будущаго.

Истекшій 1846 годъ носитъ на себѣ всѣ признаки переходной эпохи. Во все это время происходило въ рус-

скомъ литературномъ мірѣ какое-то несовсѣмъ-обыкновенное броженіе; расклеивалось множество плотныхъ массъ, распадалось и формировалось вновь множество группъ; раздавались свѣжіе звуки новыхъ надеждъ и хриплые стоны давно-подавленнаго отчаянія. И все это разрѣшилось программами и объявленіями объ изданіяхъ, выходящихъ печататься въ 1847 году. Такимъ-образомъ, въ литературномъ отношеніи, 1846 годъ былъ какъ-бы приступомъ къ 1847-му; самъ-по-себѣ онъ не имѣетъ ровно никакого значенія.

Еще въ ноябрѣ и декабрѣ 1845 года, всѣ литературные дилеттанты ловили и перебрасывали отрадную новость о появленіи новаго огромнаго таланта. «Не хуже Гоголя» кричали одни; «лучше Гоголя» подхватывали другіе; «Гоголь убитъ» вопили третьи... *Удружая* такимъ-образомъ автору «Бѣдныхъ Людей», глашатаи сдѣлали то, что публика ожидала отъ этого произведенія идеальнаго совершенства, и, прочитавъ романъ, наумилась, встрѣтивъ въ немъ, вмѣстѣ съ необыкновенными достоинствами, нѣкоторые недостатки, свойственные труду всякаго молодого дарованія, какъ бы оно ни было огромно. Отчаянный размахъ затуманила, съ которыми снущена была новость, привелъ большую часть читателей къ забвенію самыхъ простыхъ истинъ: можетъ-быть, никого еще въ свѣтѣ не судили такъ неразумно-строга, какъ г. Достоевскаго. Предполагая, что «Бѣдные Люди» должны быть вѣткою литературы, прототипомъ художественнаго произведенія по содержанію и по формѣ; а автора ихъ напередъ рѣшились лишить даже возможности совершенствованія. Результатъ всего этого былъ тотъ, что большая часть публики, по прочтеніи «Бѣдныхъ Людей», нѣкоторое время преимущественно толковала о *растлутости* этого романа, умалчивая объ остальномъ. То же самое повторилось по выходѣ въ свѣтъ «Двойника». Можно рѣшительно сказать, что подымъ успѣхъ отъ два про-

изведенія имѣли въ небольшомъ кругу читателей. Мы полагаемъ, что, кромѣ приведенной нами причины, нерасположеніе большинства публики къ сочиненіямъ г. Достоевскаго слѣдуетъ искать въ непривычкѣ къ его оригинальному приему въ изображеніи дѣйствительности. А между-тѣмъ, этотъ приемъ, можетъ-быть, и составляетъ главное достоинство произведеній г-на Достоевскаго. Напрасно говорятъ, что новостъ всегда пріятно дѣйствуетъ на большинство. Во-первыхъ, большинство не вездѣ одинаково; во-вторыхъ, во всякомъ большинствѣ до известной степени дѣйствуетъ рутина. Есть примѣры мгновеннаго успѣха весьма-посредственныхъ литературныхъ произведеній, — успѣха, основаннаго дѣйствительно не на чемъ иномъ, какъ на новизнѣ содержанія; за то сколько же примѣровъ и холодности, съ которою въ разные времена и въ разныхъ мѣстахъ встрѣчались произведенія истинно-изящныя, въ-послѣдствіи времени признанныя первоклассными и вознесенныя до небесъ! Если Гоголь былъ не понятъ и не оцененъ въ первые годы своей дѣятельности по противоположности его произведеній съ романтическимъ направленіемъ, господствовавшимъ въ то время въ нашей литературѣ, то нѣтъ ничего мудреннаго, что и популярность Достоевскаго вошла себѣ препятствіе въ противоположности его манеры съ манерой Гоголя. Дѣло только въ томъ, что Гоголь своими произведеніями содѣйствовалъ къ совершенной реформѣ эстетическихъ понятій въ публикѣ и въ писателяхъ, обративъ искусство къ художественному воспроизведенію дѣйствительности. Произвести переворотъ въ этихъ идеяхъ значило бы повернуть назадъ. Произведенія г. Достоевскаго, напротивъ того, упрочиваютъ господство эстетическихъ началъ, внесенныхъ въ наше искусство Гоголемъ, доказывая, что и огромный талантъ не можетъ идти по иному пути безъ нарушенія законовъ художественности. Тѣмъ не менѣе, манера г. Достоевскаго въ высшей

степени оригинальна, и его меньше, чѣмъ кого-нибудь, можно назвать подражателемъ Гоголю. Еслибъ вы назвали его этимъ именемъ, вамъ бы пришлось и самого Гоголя назвать подражателемъ Гомера или Шекспира. Въ этомъ смыслѣ всѣ истинные художники подражаютъ другъ другу, потому-что изящество всегда и всюду подчинено однимъ и тѣмъ же законамъ.

И Гоголь и г. Достоевскій изображаютъ дѣйствительное общество. Но Гоголь поэтъ по преимуществу социальный, а г. Достоевскій по преимуществу психологическій. Для одного индивидуумъ важенъ какъ представитель известнаго общества или известнаго круга; для другаго самое общество интересно по вліянію его на личность индивидуума. Гоголь тогда только вдохновляется лицомъ, когда чувствуетъ возможность проникнуть съ нимъ въ одну изъ обширныхъ сферъ общества. Чтобы поладить съ Чичиковымъ, онъ извѣдывалъ съ нимъ всѣ углы и закоулки русской провинціи. То же самое можно сказать и о всѣхъ его произведеніяхъ, за исключеніемъ развѣ «Записокъ Сумасшедшаго». Собраніе сочиненій Гоголя можно рѣшительно называть художественной статистикой Россіи. У г. Достоевскаго также встрѣчаются поразительно-художественныя изображенія общества; но они составляютъ у него фонъ картины и обозначаются большею частію такими тонкими штрихами, что совершенно поглощаются огромностью психологическаго интереса. Даже и въ «Бѣдныхъ Людяхъ» интересъ, возбуждаемый анализомъ выведенныхъ на сцену личностей, несравненно-сильнѣе впечатлѣнія, которое производитъ на читателя яркое изображеніе окружающей ихъ сферы. И чѣмъ больше времени проходитъ по прочтеніи этого романа, тѣмъ больше открываешь въ немъ чертъ поразительно-глубокаго психологическаго анализа. Мы убѣждены, что всякое произведеніе г. Достоевскаго выигрываетъ чрезвычайно-много, если читать его во второй и въ третій разъ. Мы и

можемъ объяснить этого иначе, какъ обильемъ разсѣянныхъ въ нихъ психологическихъ чертъ необыкновенной тонкости и глубины. Такъ, на-прим., при первомъ чтеніи «Бѣдныхъ Людей», пожалуй, можно прійти въ недоумѣніе—зачѣмъ вздумалось автору заставить Варвару Алексѣевну, въ концѣ романа, съ такимъ холоднымъ деспотизмомъ разсылать Дѣвушкина по магазинамъ съ вздорными порученіями. Однакожъ, эта черта имѣетъ огромный смыслъ для психолога и сообщаетъ цѣлому сочиненію интересъ необыкновенно-вѣрнаго снимка съ человѣческой природы. Само-собою разумѣется, что любовь Макара Алексѣевича не могла не возбуждать въ Варварѣ Алексѣевнѣ отвращенія, которое она постоянно и упорно скрывала, можетъ-быть, и отъ самой-себя. А едва-ли есть на свѣтѣ что-нибудь тягостнѣе необходимости удерживать свое нерасположеніе къ человѣку, которому мы чѣмъ-нибудь обязаны и который (сохрани Боже!) еще насъ любитъ! Кто потрудится пошевелить свои воспоминанія, тотъ навѣрное вспомнитъ, что величайшую антипатію чувствовала онъ никакъ не къ врагамъ, а къ тѣмъ лицамъ, которые были ему преданы до самоотверженія, но которыми онъ не могъ платить тѣмъ же въ глубинѣ души. Варвара Алексѣевна (мы въ этомъ глубоко убѣждены) томилась преданностью Макара Алексѣевича больше, чѣмъ своей сокрушительной бѣдностью, и не могла, не должна была отказывать себѣ въ правѣ помучить его нѣсколько разъ лакейскую ролью, только-что почувствовала себя свободной отъ тягостной опеки. Неестественно человѣку столько времени извивать отъ насилія, въ которомъ видать привязанность, и когда-нибудь не вступить за поруганную самостоятельность своей симпатіи. Впрочемъ, что жъ? чувствительныя души, которыя не выносятъ уразумѣнія подобныхъ фактовъ, могутъ утѣшить себя тѣмъ, что все-таки перелѣзъ отъѣдомъ въ степь, гдѣ ходитъ баба безчувственная, да мужикъ необразован-

ной пьяница ходитъ. Варвара Алексѣевна написала Макару Алексѣевичу письмо, въ которомъ называетъ его и другомъ и голубчикомъ.

При первомъ прочтеніи, очень-легко пропустить безъ вниманія приведенную нами черту. Довольно сказать, что многимъ казалась она даже излишнею и неестественною. Но перечтите «Бѣдныхъ Людей» уже послѣ того, какъ время дало вамъ возможность оцѣнить всѣ подробности этого созданія—и вы найдете въ нихъ бездну достовѣстности, которыя, съ перваго взгляда, и вамъ и намъ, и всякому читателю и рецензенту могли показаться недостатками.

«Двойникъ» нѣтъ гораздо-меньше успѣха, чѣмъ «Бѣдные Люди», что, по нашему мнѣнію, еще менѣе говоритъ въ пользу успѣховъ всего новаго. Въ «Двойникѣ» манера г. Достоевскаго и любовь его къ психологическому анализу выразились во всей полнотѣ оригинальности. Въ этомъ произведеніи онъ такъ глубоко проникъ въ человѣческую душу, такъ безтрепетно и страстно взглянулъ въ сокровенную машину человѣческихъ чувствъ, мыслей и дѣлъ, что впечатлѣніе, произведенное чтеніемъ «Двойника», можно сравнить только съ впечатлѣніемъ любознательнаго человѣка, проникающаго въ химическій составъ матеріи. Сравню: что, кажется, можетъ быть положительнѣе химическаго взгляда на дѣйствительность, а между-тѣмъ картина міра, просвѣтленная этимъ взглядомъ, всегда представляется человѣку облатою какимъ-то мистическимъ свѣтомъ. Сколько мы сами испытали и сколько могли заключить о впечатлѣніяхъ большей части поклонниковъ таланта г. Достоевскаго, въ его психологическихъ этюдахъ есть тотъ самый мистическій отблескъ, который свойственъ вообще изображеніямъ глубоко-анализированной дѣйствительности.

«Двойникъ» развѣртываетъ пералъ нами анатомію души, гибнущей отъ сознанія разрозненности частныхъ интересовъ въ благоустроенномъ обществѣ. Вспомните этого бѣднаго, болѣзненно-

самолюбиваго Голядина, вѣчно-блуждающаго за себя, вѣчно-мучимаго страшеніемъ не уронить себя ни въ какомъ случаѣ и ни передъ какимъ лицомъ, и вѣстѣ съ тѣмъ постоянно уничтожающагося даже передъ личностью своего шельмеца Петрушки, постоянно соглашающагося обрѣзывать свои претензіи на личность, лишь бы пребыть *es secula prava*; вспомните, какъ малѣйшее движеніе въ природѣ кажется ему злобѣщнымъ знакомъ сговорившихся противъ него враговъ всякаго рода, враговъ, посвятившихъ себя вполне и нераздѣльно на вредъ ему, враговъ, вѣчно болрстающихъ надъ его несчастной особой, упорно и безъ раздыха *подкапывающихся* подъ его маленькіе интересы, — вспомните все это и спросите себя, нѣтъ ли въ васъ-самихъ чего-нибудь голядинскаго, въ чемъ только никому нѣтъ охоты соизнаться, но что вполне объясняется удивительной гармоніей, царствующей въ человѣческомъ обществѣ... Впрочемъ, если вамъ скучно было читать «Двойника», не смотря на невозможность не сочувствовать созавицію Голядина, то въ этомъ все-таки нѣтъ ничего удивительнаго: анализъ не всякому сиосятъ; давно ли анализъ Держимова многимъ кололъ глаза? давно ли въ поэзіи Пушкина видѣли какое-то нестерпимое начало?

Не можемъ не сказать здѣсь нѣсколькихъ словъ о третьемъ произведеніи г. Достоевскаго — о «Господинѣ Прохарчинѣ», небольшой повѣсти, помѣщенной въ октябрьской книжкѣ «Отечеств. Записокъ» прошлаго гола. Читая эту повѣсть, мы испугались одного подозрѣнія, отъ котораго до-сихъ-поръ не можемъ отказаться. Намъ кажется, что до автора ея дошли жалобы на растянутасть его произведевій, и что онъ готовъ, въ угоду читателей, жертвовать слыхомъ-многимъ въ пользу драгоценной *краткости*, которой масштабъ, впрочемъ, едва-ли кѣмъ-нибудь опредѣленъ положительно. По-крайней-мѣрѣ, не знаемъ, чѣмъ пыимъ объяснить неясность идеи рассказа, въ-слѣдствіе которой каждый понималъ и нѣтъ пра-

во понимать его по-своему, — какъ не тѣмъ, что авторъ удержался отъ полнаго ея развитія изъ опасенія новыхъ обвиненій въ растянутасти. Никто не хотѣлъ даже остановить вниманія на настоящей (по нашему мнѣнію) идеѣ повѣсти, потому-что ей посвящено слишкомъ-мало труда. Слушая различные толки объ идеѣ, выраженной въ «Господинѣ Прохарчинѣ», мы сначала удивлялись, почему никто не принимаетъ въ соображеніе того обстоятельства, что по смерти героя этой повѣсти въ тюфякѣ его нашелся запрятанный капиталъ; а потомъ стали извинять это самоволье цѣнителей собственнымъ промахомъ г. Достоевскаго. Мы увѣрены, что онъ хотѣлъ изобразить страшный исходъ силы господина Прохарчина въ скопиломство, образовавшееся въ немъ въ-слѣдствіе мысли о *необезлеченности*; но въ такомъ случаѣ надо было яркими красками обрисовать его силу во все продолженіе рассказа. Еслибъ на выпуклое изображеніе этой личности употреблена была хоть третья часть труда, съ которымъ обработавъ Голядина — развязка повѣсти не могла бы никакимъ образомъ ускользнуть отъ вниманія читателей, и не было бы споровъ объ идеѣ ея. Не можемъ не пожелать, чтобъ г. Достоевскій, болѣе довѣрялся силамъ своего таланта, чѣмъ какимъ бы то ни было постороннимъ соображеніямъ. А впрочемъ, совѣтовать легко...

—
Въ прошломъ году за современною школою литературы утвердилось самымъ прочнымъ и самымъ оригинальнымъ образомъ лестное для нея названіе *натуральной*. Фактъ этотъ долженъ быть тѣмъ пріятнѣе для писателей, принадлежащихъ къ этой школѣ, что оно дано ей газетой, нападающей на современную русскую литературу, образовавшуюся подъ вліяніемъ Гоголя. Впрочемъ, комизмъ этой осячки въ свое время уже произвелъ такое сильное впечатлѣніе на публику, что мы считаемъ достаточнымъ занести только

фактъ въ дѣтисъ истекшаго года, не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ любовытнй выстрѣлъ. Въ свое время, онъ, вмѣсто того, чтобъ попасть въ группу противниковъ, попалъ въ своихъ: само-собою разумѣется, что эту группу или школу, въ противоположность первой пришлось назвать риторическою или ненатуральною...

Однакожь, *падала отъ руки друзей*, ненатуральность не могла не сдѣлать усилій подняться на ноги: кому не до-рого существованіе?

Нѣкто, скрывшій имя свое отъ взоръ исторіи, но по всей вѣрности принадлежащій къ дружинѣ *ненатуральныхъ*, собралъ остатокъ силъ и пустилъ дрожащею рукою въ непріятельскій лагерь точно такую же стрѣлу, какая пущена была за нѣсколько времени передъ тѣмъ виновникомъ перваго промаха... Важность скорбнаго приключенія заставила насъ выразиться здѣсь высокимъ слогомъ; слово «стрѣла» есть аллегорическое выраженіе: мы разумѣемъ подъ нимъ не болѣе не менѣе, какъ статью, напечатанную въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Иллюстраціи» и направленную противъ любителей натуральной школы. Въ этой статейкѣ ненатуральность пересказываетъ по-своему мысли о натуральности, выраженныя въ «Отч. Запискахъ» въ первой критической статьѣ по поводу стихотвореній Кольцова. Но не въ томъ дѣло. Замѣчательнѣе всего, что неизвѣстный авторъ статейки вздумалъ воспользоваться особеннаго рода игрой словъ для того, чтобъ нанести рѣшительный ударъ и критику натуральной школы и самой школы. Вотъ въ чемъ дѣло.

Всѣмъ извѣстно, что въ двадцатыхъ годахъ слово *романтизмъ* употреблялось въ значеніи *блатороднои*... Подъ нимъ разумѣли тогда свободу творчества, противоположая ему слово *классицизмъ*. Но нѣсколько лѣтъ назадъ, эстетическія идеи измѣнились до того, что слова «романтизмъ», «романтикъ», «романтический» и проч. сдѣла-

лись оскорбительными. Однажды мы уже имѣли случай рассказать читателямъ — къ какимъ уловкамъ прибѣгаютъ въ наше время, чтобъ не заслужить прозванія «романтика»... Но до-сихъ-поръ можно еще указать на Руси людей, считающихъ романтизмъ за послѣдній прогрессивный шагъ искусства и называющихъ романтиками всѣхъ современныхъ художниковъ. Рецензентъ «Иллюстраціи» сообразилъ, что, воспользовавшись такою двусмысленностью понятія и слова, можно напечатать очень-кокую остро-ту противъ критиковъ, защищающихъ Гоголя и его школу. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ не съострить? — эти критики поносятъ романтизмъ, а вѣтъ по ученію гг. Греча, Плавсина и Асоченскаго, и Гоголь принадлежитъ къ романтической школѣ, слѣдовательно, критики натуральной школы, уничтожая романтизмъ, уничтожаютъ и автора «Мертвыхъ Душъ»... Но это еще не все; это даже еще ровно ничего въ сравненіи съ тѣмъ, что сейчасъ будетъ. Авторъ остроумной статейки, увлекаемый все болѣе и болѣе справедливымъ негодованіемъ на критику «Отч. Записокъ»,

И вѣдшимъ жаромъ возгоря, объявилъ, что претензіи современной школы искусства на натуральность рѣшительно неумѣстны; что натуральность не ея изобрѣтеніе; что всѣ великія созданія искусства всегда и всюду были въ высшей степени натуральны. Вотъ какую новость объявила «Иллюстрація»! Поздравляемъ, вторично поздравляемъ натуральную школу съ окончаніемъ ея тяжбы. Прямые поборники ея никогда не рѣшались объявлять, что Гомеръ и Шекспиръ и Гете принадлежали къ натуральной школѣ; а оппоненты объявляютъ это напрямикъ. Что жъ остается дѣлать теперь защитникамъ гоголевской школы? Остается только составить окончательный протоколъ процесса, что мы и исполняемъ. Вотъ пункты протокола:

Романтическая критика утверждаетъ:
1) что современная школа искусства

образованная подъ вліяніемъ Гоголя, достойна названія натуральной;

2) что школа эта не избрѣла никакого новаго эстетическаго принципа и держится тѣмъ же началъ, которыя осуществлены въ созданіяхъ великихъ художниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Согласно съ симъ, критика натуральной школы, съ своей стороны, включаетъ:

1) что романтическая школа, какъ противоположная натуральной, достойна названія не натуральной, риторической тожъ;

2) что риторическая школа избрѣтаетъ новыя эстетическія принципы, противныя началамъ, осуществившимся въ созданіяхъ великихъ художниковъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ.

Слѣдственно, дѣло кончено.

Литературная ферментация вѣстекшаго года разрѣшилась, какъ мы уже сказали, объявленіями о коренныхъ преобразованіяхъ нѣсколькихъ періодическихъ изданій. Опредѣлить характеръ этихъ преобразованій заранѣе невозможно. Но вотъ что замѣчательно. Предстоящее въ будущемъ году усиленіе нашей журнальной дѣятельности не всѣмъ равно пріятно. Богъ-знаетъ откуда взялось у насъ мнѣніе, будто бы, подъ вліяніемъ періодическихъ изданій, вся русская литература получила характеръ журнальный. Эта мысль, конечно, нисколько не вредитъ русской журналистикѣ, чему лучшимъ доказательствомъ служатъ помянутыя нами объявленія; тѣмъ не менѣе нельзя не обратить на нее вниманіе, какъ на заблужденіе, связанное со многими другими заблужденіями.

Слова «журналъ поглотилъ у насъ книгу», всегда казались намъ натынутыми и ни съ чѣмъ несообразными. Пусть назовутъ хоть два или три хорошаго сочиненія, которыя не имѣли бы у насъ успѣха, потому-что появились не въ журналѣ. Этого никто не

можетъ сдѣлать; гораздо-легче назвать множество сочиненій, которыя расхвалились очень-сильно, не смотря на то, что печатались въ журналахъ до выхода въ свѣтъ отдѣльными книгами. И съ какой стороны ни смотрите на вопросъ, на повѣрку всегда выходитъ, что журналъ не только не убиваетъ сочиненій, издаваемыхъ отдѣльно, но еще даетъ имъ ходъ. Помѣстите ваше сочиненіе въ журналъ, и потомъ издайте его отдѣльно: въ журналѣ его прочтутъ нѣсколько тысячъ человѣкъ и тѣмъ самымъ репутація его уже сдѣлана; если оно дѣйствительно хорошо, или если оно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя необходимы значительному классу людей имѣть постоянно подъ рукою—вы можете быть увѣрены, что, по выходѣ его отдѣльной книгой, не купятъ его только тѣ люди, которые вообще не имѣютъ ни потребности, ни средствъ, ни обычая издерживаться на библіотеку. Между-тѣмъ, съ другой стороны, помѣщеніе вашего труда въ журналъ уже возбудило въ публикѣ требованіе на него. Есть и такіе люди, которые убѣждены, что журнальная критика убиваетъ много хорошихъ произведеній своими неодобрительными отзывами. Само собою разумѣется, что эта часть жалобы относится къ критикѣ слѣпой или продажной. Но, кажется, не трудно смекнуть, что и критика такого рода имѣетъ свою репутацію въ этомъ отношеніи: бываютъ и такіа издавія, которыхъ похвалы достаточно для того, чтобъ поселить въ публикѣ полное недовѣріе къ достоинствамъ разбираемой ими книги, и наоборотъ.

Однимъ-словомъ, пора перестать вооружаться противъ фантома. Мы, съ своей стороны, скорѣе готовы спорить о несуществованіи у насъ настоящей журналистики, чѣмъ о чрезмѣрномъ усиленіи журнальнаго характера литературы.

Главный недостатокъ большей части нашихъ журналовъ и газетъ заключается въ самомъ ихъ происхожденіи. Почти всѣ оны возникли не въ-сдѣ-

стие насъ, искавшей себя обнаруженія въ обществѣ... Въ этомъ отношеніи, ихъ скорѣе можно назвать ежемѣсячными сборниками статей, чѣмъ журналами въ настоящемъ смыслѣ. Къ этому понятію такъ привыкла наша публика, что нѣкоторые журналисты рѣшаются даже выставлять передъ ней безхарактерность своихъ изданій, какъ отличительное ихъ достоинство. Одни изъ нихъ съ постояннымъ самодовольствіемъ даютъ знать каждый мѣсяць, что публика никогда не слыхала отъ нихъ рѣшительныхъ приговоровъ ничему на свѣтѣ; другіе — съ меньшей гордостью повторяютъ, что они приняли за правило — не принимать серьезно никакихъ общественныхъ и литературныхъ явленій; третьи — открыто поставили себя въ обязанность не щадить ничего, что сколько-нибудь походитъ на характеръ; четвертые — безпрестанно увѣряютъ публику, что стоятъ за одну правду, предоставляя каждому давать этому отвлеченному понятію какой угодно смыслъ и понимая его про-себя совершенно-оригинальнымъ образомъ. Этимъ объясняется удивительная непослѣдовательность въ содержаніи нашихъ періодическихъ изданій. Встрѣчая въ русскомъ журналѣ такую-то статью, вы очень-рѣдко можете отдать себѣ отчетъ — почему попала она въ этотъ, а не въ другой какой журналъ. А между тѣмъ, непослѣдовательность — то статей и нравится издателямъ: они называютъ ее разнообразіемъ, равносронностью, занимательностью и тому-подобными пріятными словами.

Въ противоположность этой безхарактерности большей части журналовъ и газетъ, нѣкоторые изданія въ свою очередь отличаются забавною скрупулезностью въ поддержаніи своего направления. Для журналистовъ, впадающихъ въ такую крайность, характеръ журнала и убѣжденія его редактора двѣ вещи разные: пусть убѣжденія его развиваются и измѣняются сами-по-себѣ, духъ журнала долженъ оставаться

неизмѣненнымъ, тоже самъ-по-себѣ. Мы всегда готовы предположить въ извѣстномъ идеѣ того или другаго лица такую-нибудь высшую причину — индустриальный или иной расчетъ, бессиліе въ борьбѣ съ противоположною стороною и все, что угодно, кромѣ внутреннего совершенствованія. При такомъ взглядѣ на вещи со стороны публики, надо имѣть достаточный запасъ героизма, чтобъ признавать въ собственныхъ усилкахъ, и столько же ловкости, чтобъ выдерживать роль человека, запасагося на всю жизнь неизмѣнными понятіями о вещахъ. Прихѣры ловкости вообще чаще встрѣчаются въ нѣрѣ, чѣмъ прихѣры героизма, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что и въ русской журналистикѣ первое свойство преобладаетъ надъ послѣднимъ. Все легкое чрезвычайно-соблазнительно; и что можетъ быть легче, какъ выдержать роль, если не имѣешь другой претензій, кромѣ той, чтобъ роль была выдержана во что бы то ни стало? Сколько есть на свѣтѣ пустѣйшихъ людей, которые понимаютъ, что нѣтъ рѣшительно нечѣмъ взять, какъ развѣ оригинальничаньемъ, и которые прекрасно исполняютъ свое антура отъ перваго пушка на подорожкѣ до сѣдыхъ сѣдинъ на головѣ. Въ журнальномъ дѣлѣ это еще легче: стоить только молчать, когда васъ удичаютъ въ такихъ заблужденіяхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ средствъ оправдываться, и указывать на такіе промахи противниковъ, которые нисколько не касаются спорнаго пункта; — въ печатныхъ составленіяхъ это очень-удобно. Впрочемъ, этотъ секретъ до того извѣстенъ, что объ немъ нѣтъ нужды распространяться. Мы хотѣли только сказать, что наши журналы и газеты, которыхъ счетомъ очень-немного, большею частію издаются или во все безъ всякой идеи, или съ такими идеями, которыя не пользуются большимъ кредитомъ въ глазахъ самихъ издателей. Этого обстоятельства одного уже достаточно для опроверженія мнѣнія, будто-бы литература наша въ

последнее время получила характеръ журнальный. Откуда же могъ взятъ этотъ журнальный характеръ цѣлой литературы, когда еще в самые журналы-то наши такъ мало походятъ на журналы?

Противъ всего этого могутъ замѣтить, что у насъ нельзя и представить себѣ выхъ журналовъ, кромѣ такихъ, какіе издаются теперь, потому-что въ самой публикѣ нашей нѣтъ котерій, основанныхъ на различномъ пониманіи идей. Если злѣсь подъ словомъ «котерій» разумѣть исключительно группы представителей различныхъ общественныхъ убѣжденій, то возраженіе это справедливо. Но въ наше время, кажется, ужъ доказано, что общественныя идеи сами-по-себѣ не имѣютъ другаго значенія, кромѣ формальнаго, что всѣ онѣ суть не что иное, какъ выводы изъ идей науки и записки вполнѣ отъ вопросовъ существенныхъ. Слѣдовательно, несуществованіе общественныхъ котерій никакъ не можетъ служить препятствіемъ къ существованію и борьбѣ идей весомивной важности.

Вообще, говоря, что наши журналы рѣдко удовлетворяютъ тому значенію, какое приписывается журналамъ въ Европѣ, мы не требуемъ отъ нихъ того, чтобы они во всѣхъ отношеніяхъ были сколками съ европейскихъ періодическихъ изданій. Напротивъ, часто нельзя не поприцать въ нихъ именно этого стремленія. Русскіе журналы, по нашему мнѣнію, много теряютъ тѣмъ, что дѣйствуютъ такъ, какъ-будто-бы наша литература равнялась въ обилии и врѣлости литературѣ Франціи, Англіи и Германіи. Характеръ журнальныхъ статей долженъ обуславливаться положеніемъ остальныхъ стихій литературы. Самое происхожденіе журналовъ въ Европѣ имѣло главнейшей причиной своей накопленіе капитальныхъ, основныхъ литературныхъ трудовъ. Журнальныя статьи о предметахъ, относящихся къ физикѣ, могли являться только въ такой литературѣ,

которая изобиловала капитальными сочиненіями о физикѣ и т. д. И тѣмъ болѣе обогащалась европейская литература прозаведеніями такого рода, тѣмъ дробнѣе становился интересъ журнальныхъ статей. Въ девятнадцатомъ столѣтіи, ученая литература въ Европѣ приняла такое монографическое направленіе, переполнилась такимъ множествомъ превосходныхъ сочиненій, посвященныхъ обработкѣ отдѣльныхъ вопросовъ всякаго рода, что статьи журналовъ должны были окончательно заключиться въ самыя тѣсныя рамы. Что не носить на себѣ этого характера частности или живоотрешущей новизны, то, по всей справедливости, въ европейскомъ журналѣ кажется наивнымъ и школьнымъ. Наши журналы въ этомъ отношеніи считаютъ себя въ правѣ держаться тѣхъ же правилъ — и разумеется, жестоко ошибаются. Литература наша такъ бѣдна, что между наибольшою русской журнальной статьёю и наибольшою статьёю европейскаго журнала — равстояніе ненамѣримое. Странно! въ каждомъ русскомъ журналѣ безпреставно повторяются жалобы на бѣдность русской ученой литературы, безпреставно перечисляются существующія у насъ сочиненія по различнымъ отраслямъ наукъ, съ цѣлью показать ихъ неудовлетворительность, а въ то же время въ каждомъ же журналѣ пошѣщаются статьи такого дробнаго содержанія, такого исключительнаго интереса, какъ-будто-бы они предназначались для чтенія французской, англійской или нѣмецкой публики, плавающей въ изобилии всевозможныхъ руководствъ, диссертаций и лексиконовъ.

Итакъ, если, съ одной стороны, большая часть русскихъ журналовъ отстала отъ журналовъ европейскихъ — со стороны опредѣленности направленія, то, съ другой стороны, ей приходится принять упрекъ и другаго рода — упрекъ въ подражательности западнымъ періодическимъ изданіямъ, которая заставляетъ ихъ забывать о на

стоящихъ потребностяхъ русской публики.

Все это сочли мы нужнымъ высказать, потому-что чтеніе журналовъ составляетъ у насъ значительнѣйшую умственную пищу людей, читающихъ по-русски. На этихъ-то людяхъ отражаются самыми рѣзкими чертами всѣ недостатки нашей журналистики. Они образуютъ собою особенный, весьма любопытный типъ. Вслушайтесь въ разговоръ такихъ людей: съ перваго взгляда, иной читатель русскихъ журналовъ можетъ показаться не только свѣдущимъ, но даже и человѣкомъ съ убѣжденіями. Очень-свободно коснется онъ въ разговорѣ какого-нибудь животрепещущаго опыта надъ вліяніемъ электричества на растительность; упомянетъ, какъ о родномъ отцѣ, о такомъ великомъ человѣкѣ, о которомъ всѣяць тому назадъ ровно ничего не знали ученые; опишетъ замысловатый приборъ, только-что давшій извѣстность сиромному труженнику науки, да вслѣдъ за тѣмъ обронитъ такіа два-три слова, что вы долго не будете знать, обмолвился ли этотъ свѣдущій человѣкъ, или забавляется онъ надъ вами, или, наконецъ, просто пребываетъ въ блаженномъ невѣдѣніи азбучныхъ истинъ. Что касается до насъ, то встрѣча съ такимъ господиномъ всегда напойвляетъ намъ одного Нѣмца, котораго вся бібліотека состояла изъ тома извѣстнаго нѣмецкаго конверсационнаго лексикона, заключающаго въ себѣ объясненія словъ, начинающихся съ буквъ G и H: этотъ Нѣмецъ очень-обстоятельно говорилъ о жизни и сочиненіяхъ Гёте и рѣшительно ничего не зналъ о Шиллерѣ, кромѣ того, что Шиллеръ былъ другомъ автора Фауста. Такъ-называемыя убѣжденія читателя русскихъ журналовъ также могутъ возбудить искреннее сожалѣніе: то кажется ему, что онъ выразился слишкомъ-сильно, пересолодилъ, то, наоборотъ, мучитъ его мысль, что рѣчь его слишкомъ-робка, что въ идеѣ его выралась уступка, лишающая слова его всякой коло-

ритивности. Однимъ словомъ, онъ ни дать ни взять блуждаетъ въ области мысли, какъ чисто-одѣтый госноливъ, перебѣгающій безъ калошъ по переулку, усѣянному лужами. Предоставимъ читателямъ рѣшить самимъ, погнали бы все это быть, еслибъ направленіе журналовъ, которыми онъ исключительно питается, дѣйствительно можно было назвать направленіемъ?

Разсматривая ученую литературу прошлаго года, мы не можемъ не усилить нѣсколькими тонами свою грустную пѣсню о несуществованіи у насъ настоящей журналистики, дѣйствительно поглощающей иногда строгія требованія искусства и науки. Въ жалобахъ на воображаемую журнальность нашей литературы нельзя не замѣтить сильной антипатіи противъ того, что только выражаетъ собою тѣсную связь науки съ жизнью. Есть люди вовсе не лишеныя ума и образованія, но пропитанные насевомъ какихъ-то схоластическихъ взглядовъ на вещи: этихъ людей никакъ нельзя назвать неспособными отъ природы; есть даже сфера умственной дѣятельности, въ которой не сравнится съ ними человѣкъ, глубоко чувствующій связь мысли съ жизнью, — именно сфера отвлеченныхъ тонкостей, чисто-диалектическихъ, условныхъ понятій и всякаго рода логическихъ фокусовъ. Но они до такой степени одержимы идеѣй, будто все существуетъ въ мирѣ и должно существовать само-по-себѣ, что всякое гармоническое стремленіе кажется имъ нарушеніемъ естественнаго порядка, и всякое сліяніе — хаосомъ. «Все существуетъ само-по-себѣ и само для себя. — вотъ ихъ основное положеніе. Въ примѣненіи къ практической дѣятельности, это правило прекрасно, потому-что вся задача жизни индивидуума заключается въ полномъ удовлетвореніи потребностей. Но если распространить этотъ взглядъ на различные сферы человѣческой дѣятельности, выйдетъ чистая схоластика. Идея такого направленія крайне противна всякая живая умственная

дѣтельности, всякій союзъ теоріи съ практикой; а такъ-какъ почти единственный шагъ къ установленію этой гармоніи сдѣлала у насъ все-таки журналистика, какъ бы она ни была далека отъ полноты своего назначенія, то на нее и обрушивается весь грузъ ихъ антипатій.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, «Отеч. Записки» занимались вопросомъ: существуетъ ли русская литература? (рѣчь шла объ изящной литературѣ). Многимъ вопросъ этотъ показался страннымъ: «кажется, на русскомъ языкѣ написано столько сочиненій всякаго рода» говорили въ публикѣ, «что сомнѣваться въ существованіи русской литературы все равно, что сомнѣваться въ существованіи русскаго языка». Мало-по-малу, однакожь, дѣло уяснилось, и на повѣрку вышло, что сомнѣваться въ существованіи русской литературы совсѣмъ не такъ нелепо, какъ ставить ее наравнѣ съ другими европейскими литературами. Въ отношеніи къ искусству, вопросъ этотъ теперь уже можно считать рѣшеннымъ; но что касается до науки, нельзя не согласиться, что существованіе русской ученой литературы подлежитъ полному сомнѣнію. По-крайней-мѣрѣ, русская ученой литература рѣшительно не существуетъ для того, кто не назоветъ этимъ именемъ груды сочиненій всякаго разнѣра, немнѣющихся никакого отношенія къ потребностямъ нашего общества и одолженныхъ своимъ происхожденіемъ или любви къ наукѣ въ ея отвлеченномъ и чисто-схоластическомъ значеніи, или обиходному честолюбію, или, наконецъ, просто, безукоризненной стяжательности. Если исключить изъ трудовъ русскихъ ученыхъ нѣкоторые труды по части русской исторіи, что останется отъ нихъ такого, что удовлетворяло бы потребности ученаго образованія нашего общества? Не споримъ, что отъ времени до времени появляются у насъ сочиненія, достойныя даже перевода на иностранныя языки, достойныя въ некоторой мѣрѣ значности въ любой европейской ли-

тературѣ. Но что жъ изъ этого?... Брошюра, рѣшающая какой-нибудь запутанный вопросъ о сущности и объемѣ той или другой науки, можетъ имѣть важность для многихъ тысячъ Нѣмцевъ, мучащихся этимъ вопросомъ. Но что можетъ она значить у насъ? Кому она интересна? Нѣсколькими десятками преподавателей, которые сдѣлаютъ изъ нея извлеченіе для своего курса — не болѣе. Наши ученые поминутно жалуются, что занятія ихъ неблагодарны, что русское общество не нуждается въ ихъ сочиненіяхъ. Но спрашивается: какъ же согласить такіе отзывы о публикѣ съ дѣятельностью нашихъ жрецовъ науки? Сами же они сознаются, что общество не понимаетъ ихъ: отъ-чего же не хотятъ они низойти до его понятій и потребностей?..

Между учеными сочиненіями, вышедшими въ прошломъ году, весьма-отрадное и живое явленіе представляетъ собой *Руководство къ Всеобщей Исторіи* доктора Лоренца. Въ прошломъ году, вышло II-е отдѣленіе второй части этого капитальнаго труда. Это сочиненіе, какъ мы нѣсколько разъ имѣли случай замѣчать, должно составить эпоху въ нашей исторической литературѣ и въ преподаваніи у насъ всеобщей исторіи. Впрочемъ, мы очень-далеки отъ мысли о совершенной удовлетворительности труда г. Лоренца. Исторія — такая наука, которая требуетъ совокупной дѣятельности лицъ съ самыми разнообразными наклонностями и талантами. Ни обработать ее въ одномъ сочиненіи, ни изучить по одному сочиненію невозможно. Руководство доктора Лоренца имѣетъ ту важность, что приучаетъ смотрѣть на жизнь человѣчества, какъ на процессъ вѣчнаго развитія. Оно самымъ дѣломъ убѣждаетъ въ справедливости современнаго взгляда на сущность исторіи, и въ этомъ ея главное достоинство. Странно и требовать чего-нибудь иного отъ самаго лучшаго руководства. Но русскимъ ученымъ предстоитъ еще другая задача при обработкѣ всеобщей

исторіи. Общество наше давно уже нуждается въ такихъ сочиненіяхъ, которые въ совокупности своей представляли бы полную картину историческаго развитія всѣхъ отраслей жизни и мысли. Такимъ только образомъ наука можетъ ввести Россію въ полное духовное соприкосновеніе съ историческими народами и привить ей жизнь и ея мысль къ ихъ жизни и мысли. Но для исполненія этой задачи необходимо именно то, чего не видимъ мы въ дѣйствительности большинства нашихъ ученыхъ.

Изъ переведенныхъ книгъ историко-политическаго содержанія замѣтимъ послѣднія части *Англійской Индіи*, соч. Варрена, и первыя *Исторіи Консульства и Имперіи*, Тьера.

Говоря объ нашей ученой литературѣ, нельзя не замѣтить увеличенія съ каждымъ годомъ числа сочиненій педагогическаго содержанія. Правда, педагогика у насъ почти не существуетъ; но каждый мѣсяцъ выходитъ въ свѣтъ или руководства съ претензіей на педагогическое достоинство и съ предисловіемъ, въ которомъ весьма убѣдительно доказывается, что авторъ проникнуть началами педагогикъ, или отдѣльныя брошюры о преподаваніяхъ того и сего. Но до сихъ поръ, за исключеніемъ *Библіотеки для Воспитанія*, издаваемой г. Семеновъ, въ этомъ отношеніи нѣтъ у насъ ничего сколько-нибудь дѣльнаго. Дѣтъ только истины о преподаваніи пущевы у насъ въ ходъ: первая, что влोजеніе наукъ въ учебникахъ должно быть приуровнено къ понятіямъ дѣтскаго возраста, вторая, что преподаваніе наукъ должно не только обогащать дѣтей полезными свѣдѣніями, но и развивать ихъ умственные способности. Наняность такихъ положеній въ ихъ теоретическомъ видѣ, отзывается самымъ забавнымъ педоумъзіемъ. Доказывать серьезно, что не годится говорить съ кѣмъ бы то ни было языкомъ ему непонятнымъ, и что науки должны не портить, а улучшать человека, и считать себя педагогомъ

за распространеніе такихъ принциповъ:—что это за факты, что это за дѣятельность, что это за литература? Одно только и утѣшительно во всемъ этомъ переливаніи изъ пустаго въ порожнее,—именно: оно доказываетъ, что потребность въ педагогикѣ глубоко почувствована въ нашемъ обществѣ. Стало-быть, пришло для насъ время серьезно думать о преподаваніи...

О специальныхъ сочиненіяхъ изъ области наукъ практическихъ, технологическихъ, сельскаго хозяйства, медицины во всѣхъ ея отрасляхъ, военныхъ наукъ и проч. здѣсь не мѣсто судить. Замѣтимъ только, что въ прошломъ году появлялись они въ замѣчательномъ количествѣ. Напоминикъ, на-прим., продолженіе *Полнаго Курса Прикладной Анатоміи*, Пирогомъ, *Анатомію Домашнихъ Животныхъ*, Всеволодова, *Геологическое Путешествіе по Алтаю*, Щуровскаго, послѣднюю часть *Фортификаціи* г. Теляковскаго, и проч.

Обрабовываніе отечественной исторіи составляетъ у насъ постоянное отрадное исключеніе изъ общаго характера ученой дѣятельности. Нельзя сказать, чтобы на немъ не отражалось схоластическое направленіе науки; однакожь самый предметъ, по важности своей именно для нашего общества, уже придаетъ жизненности изслѣдованіямъ. Сверхъ-того, исторія такая наука, которая труднѣе всякой другой подчиняется схоластикѣ. Больше всего схоластическій характеръ историческаго сочиненія можетъ проявиться въ мелочности изучаемыхъ фактовъ. Но и то сказать: гдѣ предѣлы историческихъ подробностей? Можно смѣяться изъ ученыхъ, который ограничиваетъ свое понятіе объ исторіи знаніемъ годовъ, именъ, войнъ, и т. п.; но никакъ нельзя поручиться, чтобы какое-нибудь, по-видимому, ничего-незначащее обстоятельство, разъясняемое кропотливою эрудиціей, не повело когда-нибудь, въ связи съ другими фактами, къ соображеніямъ великой важности.

Изъ трудовъ по части русской истори, вышедшихъ въ истекшемъ году, проиѣ Антоу Археографической Комиссiи и драгоценной Лѣтописи Нестора по лаврентьевскому списку, нельзя не указать на третiй томъ Исторiи Смутнаго Времени г. Бутурлина, Исторiю Христіанства въ Россiи до равноапостольнаго князя Владимира сочиненіе архимандрита Макарія, Книгу глаголемую Большою Чертежъ, изд. Г. Н. Спасскихъ, Исторiю Малой Россiи, Георгія Ковисскаго, помѣщенную въ Читенiяхъ Имп. Общества Ист. и Древн. Россійскихъ, О Русскомъ Войскѣ въ царствованiи Михаила Феодоровича, г. Бѣлсва, Текстъ Русской Правды г. Калачова, и на статью О родовыхъ отношенiяхъ между князьями древней Руси, профессора Соловьева, напечатанную сначала въ Московскомъ Сборникѣ, потомъ издавную отдѣльно. Военная исторiя Россiи обогатилась сочиненiемъ генерал-лейтенанта Михайловскаго - Давилевскаго — Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ въ 1806 и 1807 годахъ.

Между тѣмъ, какъ критическая работа русской исторiи постоянно облегчается изданiемъ въ свѣтъ драгоценныхъ источниковъ, русская статистика страдаетъ отъ недостатка матеріаловъ и отъ недостоверности тѣхъ, которые имѣются у насъ налицо. Созваніе этой истины выразилось въ однокъ весьма-замѣчательномъ произведенiи истекшаго года, вышедшемъ въ Кіевѣ подъ заглавiемъ Объ Источникахъ Статистическихъ Свѣдѣнiй, соч. Д. Журавскаго. Не смотря на преувеличенное мнѣніе о важности статистическихъ подробностей и на нѣсколько-математическое понятіе объ объемѣ статистики и методы ея обработыванiя, сочиненіе г. Журавскаго должно быть замѣчено какъ энергическій протестъ логики и страсти противъ всего, что сопровождается у насъ собраніе статистическихъ фактовъ и какъ одинъ изъ утѣшительныхъ проблесковъ живаго пониманiя науки. Въ этомъ отно-

шенiи замѣчательно также Критическое Наслѣдованіе значенiя Военной Географіи и Военной Статистики, соч. Д. Милютина. Правда, если хотите, и здѣсь дѣло идетъ не больше, какъ о разграниченiи двухъ наукъ; но намъ нравится въ этой брошюрѣ то, что авторъ видимо самъ досадуетъ на схоластическій характеръ своей темы и развиваетъ ее только потому, что изданная имъ брошюра служить введенiемъ къ труду болѣе-живому и существенному. Притомъ, въ этой брошюрѣ встрѣчаются весьма-дѣльные замѣчанiя о наукѣ вообще, какъ-будто отрывки изъ той логики, которая еще не существуетъ въ видѣ науки... Наконецъ, разборъ русскихъ и иностранныхъ сочиненiй о военной географіи и военной статистикѣ, вошедшій въ сочиненіе г. Милютина, можно назвать образцовымъ библиографическимъ очеркомъ. Боюсь пропустить въ ученой литературѣ прошлаго года какое-нибудь замѣчательное исключеніе, назовемъ еще — помѣщенную въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенiя небольшую и, кажется, наскоро-написанную статью профессора Порошина О земледѣлiи въ политико-экономическомъ отношенiи и другую — профессора Линовскаго Объ окончательномъ отиѣненiи хлѣбныхъ законовъ въ Англіи, помѣщенную сначала въ Московскомъ Ученомъ и Литературномъ Сборникѣ и издавную потомъ отдѣльно книжкой. Впрочемъ, объ эти статьи замѣчательны не какъ разврѣшенiя, а скорѣй какъ изложенiя живыхъ вопросовъ. Затѣмъ остается упомянуть о выходѣ въ свѣтъ четвертой части втораго изданiя Географіи Соколовскаго, и первыхъ двухъ томовъ первой части Исторiи Русской Словесности г. Шевырева, — книги, которая, не смотря на ложную точку зрѣнiя, набранную авторомъ, все-таки замѣчательна, какъ сборникъ матеріаловъ для изученiя древней русской письменности.

Въ послѣдніе годы критика наша уяснила и установила различіе между произведеніями художественными, научными и беллетристическими. Не раздѣляя школьнаго взгляда на важность раздѣленій, мы полагаемъ, однакожь, что удачное раздѣленіе можетъ иногда сильно содѣйствовать свѣтлосту уразумѣнію сущности предмета. Сверхъ-того, бывають случаи, когда новое раздѣленіе выражаетъ собою признаніе самостоятельности какой-бы то ни было части. — По этимъ двумъ причинамъ, раздѣленіе литературныхъ произведеній на художественныя, учебныя и беллетристическія гораздо-важнѣе, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. О теоритической важности его не разъ было уже говорено въ «Отеч. Запискахъ». Что же касается до историческаго его значенія, то скажемъ объ немъ здѣсь нѣсколько словъ, потому-что рѣшились не пропустить въ этой статьѣ замѣчательнѣйшихъ эстетическихъ понятій, утвердившихся въ послѣднее время и явившихся въ истекшемъ году въ характерѣ окончательныхъ приобретеній. Кстати, ихъ и немного.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что всякая эстетическая теорія налагаетъ цѣпи на творчество и задерживаетъ свободное развитіе талантовъ. Но прежде, чѣмъ произносить такой приговоръ всѣмъ эстетическимъ теоріямъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, сдѣлать различіе между теоріями вообще и вспомнить, что слово *теорія* въ наше время получило совершенно-новый смыслъ. Было время, когда оно употреблялось безъ всякаго различія въ наукахъ, посвященныхъ изученію вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ міра, и въ наукахъ практическихъ, занимающихся изслѣдованіемъ законовъ чело-вѣческой дѣятельности. Въ то время, наука прописывала свои рецепты малѣйшимъ движеніямъ души и тѣла... Во всякомъ начинаніи своемъ, человѣкъ встрѣчался съ тяжелыми цѣпями науки. Вся дѣятельность его,

до-тѣхъ-порѣ, впрочемъ, подчиняная другому рода авторитету,—именно авторитету рутины, съ тоскливымъ кривляньемъ ползла въ рамкахъ и клеткахъ схоластики, тяготѣвшая до времени исключительно надъ отвлеченнымъ изслѣдованіемъ мировой жизни. И долго человекъ сѣялъ, пахалъ, и валъ, говорилъ, писалъ и ходилъ теоріи. Однакожь, этотъ порядокъ вещей кончился невозвратно, и все, еще носить на себѣ его отпечатокъ, встрѣчаетъ такую энергичную ненависть въ живыхъ органахъ человечества, что никто не имѣетъ права допустить малѣйшее столбцаніе прежняго значенія слова *теорія* тѣмъ, которое имѣетъ оно въ настоящее время. Спрашивается: какъ смотрятъ современные намъ умы на теорію, ли не какъ на изслѣдованіе условія безъ которыхъ невозможно та или такая дѣятельность? Такъ, напримеръ, въ чемъ состоитъ новѣйшая теорія сельскаго хозяйства? Ни въ чемъ-либо какъ въ прямомъ, ни къ чему обязывающемъ опредѣленіи какихъ-нибудь опытныхъ отношеній природы къ потребностямъ человека. При какихъ-то условіяхъ почвы, климата и плодородности, земледѣльческой теоріи выгоденъ на столько-то, а при иныхъ вреденъ на столько-то.—вотъ формула современной агрономической теоріи. Какіе выводы сдѣлаетъ изъ этой практической теоріи человекъ—до этого нѣтъ дѣла: она вполне понимаетъ свое бессиліе для борьбы съ его промахомъ. Точно то же можно отвести и современной эстетикѣ: и она отдалась навсегда отъ титла руководящейницы художественнаго таланта; и раба ея ограбичивается опытнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ, ожидающихъ зачатіе, развитіе и жизнь художественной мысли. Теоріи уже нѣтъ никакой возможности обратиться въ рецептъ, и потому развитіе ея въ наукѣ выражаетъ не что иное, какъ полное господство эстетической свободы. Тотъ жеavorоть произошелъ незамѣт-

мвомъ и въ логикѣ или въ теоріи поэмани.

Признаніе самостоятельности бельетристики есть уже послѣдствіе этого отраднаго факта. Пуристы могутъ объяснять его иначе: могутъ сказать, что оно выражаетъ собою терпимость, свидѣтельствующую о паденіи строгаго вкуса, который не допускаетъ смѣшенія элементовъ дидактическихъ съ эстетическими. Но не мѣшаетъ замѣтить, что самое раздѣленіе литературныхъ произведеній на художественныя, дидактическія и бельетристическія не могло бы существовать, еслибъ эти два рода не противопологались одинъ другому. Современная теорія отдѣляетъ ихъ очень рѣзко; но она до того отказалась отъ всякихъ практическихъ требованій, что никакъ не считаетъ себя въ правѣ *запрещать* писателю выражать свои мысли въ какой ему угодно формѣ—будетъ ли то форма строгаго-художественная, строгаго-дидактическая, или, наконецъ, смѣшанная. Она не называетъ бельетриста художникомъ; но отводитъ ему такое же почетное мѣсто въ литературѣ, какъ художнику и ученому. И странно было бы поступать иначе: вѣдь, чтобъ сдѣлаться хорошимъ бельетристомъ, точно такъ же не обойдешься безъ таланта, какъ и для того, чтобъ быть хорошимъ художникомъ; притомъ же, одинъ изъ этихъ талантовъ никакъ не можетъ замѣнить другаго. Такимъ образомъ, литература перестаетъ быть какинъ-то мрачнымъ святлищемъ, недоступнымъ такому числу избравшихъ дѣятелей, выдержавшихъ мучительно-педагогическій искукъ, и условія ея волюнѣ сходятся съ условіемъ ливой рѣчи. Если нѣтъ никакого смысла требовать отъ человѣка, чтобъ онъ въ научной рѣчи держался или строгаго-художественной или строгаго-дидактической формы, то какой же смыслъ требовать отъ него противоположнаго въ литературной дѣятельности, которая есть также не что иное, какъ выраженіе мысли въ словѣ?

Если у васъ есть какой-нибудь та-

лантъ — дидактическій, художественный или бельетристическій—пишите о чемъ сколько угодно и какъ угодно—только не выходите изъ предѣловъ своей способности, не думайте, что одинъ родъ таланта выше другаго рода, не поддѣлывайтесь подъ дарованіе, несвойственное вашей натурѣ, иными словами: пишите безъ претензій и безъ рецепта — современная критика признаетъ васъ талантливымъ писателемъ.

Однажды мы уже имѣли случай сказать, что нашъ первый современный бельетристъ — г. Искандеръ, авторъ романа «Кто Вызоватъ?», котораго вторая часть помѣщена была въ истекшемъ году въ «Отч. Запискахъ». Къ замѣчательнымъ бельетристическимъ талантамъ нельзя не отнести также г. Буткова, автора «Петербургскихъ Вершинъ». Дѣломъ 1846 года, вышла вторая часть этого сочиненія, или лучше сказать этого сборника рассказовъ.

—

Въ бельетристической литературѣ весьма-важную роль играютъ путешествія. Они незамѣтно вносятъ въ массу читателей такое множество разнообразныхъ, хотя и отрывочныхъ свѣдѣній, что ихъ можно назвать однимъ изъ сильнѣйшихъ орудій бельетристики въ дѣлѣ воспитанія публики. Разумѣется, для достиженія этой цѣли, путешествія должны удовлетворять нѣкоторымъ довольно-простымъ условіямъ, которымъ, однакожъ, не всегда удовлетворяютъ. Въ послѣдніе годы, одинъ туристъ обратилъ изданіемъ своихъ путевыхъ впечатлѣній, подъ названіемъ «Года за Границей», такое вниманіе нашей публики на вопросъ объ условіяхъ полезности и занимательности этого рода сочиненій, что мнѣніе о предметѣ установилось теперь окончательно. Можно надѣяться, что литература наша навсегда избавилась отъ той манеры писать путешествія, которая проявилась въ произведеніяхъ помянутаго туриста во всей полнотѣ своего характера. Манеру эту можно назвать не лирическою, какъ

кто-то назвалъ ее печатно, а по-крайней-мѣрѣ эгоистическою. Сущность ея заключается въ томъ, чтобъ, вмѣсто описанія страны, занимать читателя разсказами о собственныхъ приключеніяхъ въ пути и о личныхъ обстоятельствахъ, интересныхъ только для друзей и родныхъ автора.

Въ началѣ истекшаго года по части путешествій вышла весьма замѣчательная книга г. Ф. П. Л. «*Замѣтки за границей*». Во-первыхъ, въ ней нѣтъ уже ни малѣйшей претензіи со стороны автора занимать читателей изложеніемъ обстоятельствъ, интересныхъ исключительно для него-самого; во-вторыхъ, она обнаруживаетъ въ г. Ф. П. Л. человека спеціальнаго, который могъ наблюдать видѣвныя имъ страны съ точки зрѣнія коротко-знакомой ему науки—именно земледѣлія: свойство чрезвычайно-рѣдкое въ нашихъ туристахъ.

Считаемъ долгомъ упомянуть здѣсь о прекрасномъ изданіи г. Семена и Стойковича, котораго первый томъ вышелъ прошедшимъ лѣтомъ подъ заглавіемъ: «*Вравы, Обычаи и Памятники Всѣхъ Народовъ Земнаго Шара*». Такое предпріятіе можетъ принести огромную пользу, тѣмъ больше, что главъ его отличается обширностью—свойствомъ необыкновенно—важнымъ во всякомъ прозведеніи возникающей литературы.

Къ беллетристической же литературѣ относимъ мы сочиненія для простаго народа. Въ прошломъ году вторая часть «*Сельскаго Читанія*» князя В. Ф. Одоевскаго и А. П. Заблоцкаго вышла въ свѣтъ двумя изданіями. Всѣ поддѣлки подъ это превосходное предпріятіе оказывались до-сихъ—поръ крайне-неудачными. Но никогда еще не было такого неудачнаго покушенія составить выгодную книжку для крестьянъ, каковымъ отличился нѣкто г. Дмитриевъ, издавшій въ нынѣшнемъ году, «*Дѣтское Сельское Читаніе*». — При этомъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаемъ услугу, которую въ прошломъ году оказалъ г. Гречъ

для первоначальнаго обученія, на *Русскую Азбуку*, лучше которой у ничего не являлось еще въ этомъ р

Замѣчательно, что въ 1846 году обновилась было мода на альманахъ. Въ-продолженіе этого года вышла свѣтъ: *Петербургскій Сборникъ*, редакціей Н. Некрасова, *Московский Ученый и Литературный Сборникъ* данный, кажется, для того, чтобъ казать, что если въ Петербургѣ не издавать альманахъ, то нѣтъ вникать прешатствій издать его и въ Москвѣ — *Вчера и Сегодня*, литературный сборникъ, составленный гр. Соллогубомъ и изданный А. Смирнымъ; *Новоселье*, часть третья, издана А. Смирдина, и *Невскій Альманахъ* 1846 годъ. Сверхъ-того, первая *Новоселья*, надѣлавшая въ свое столько шума, перепечатана римъ изданіемъ. Въ наше время издаваніе сборниковъ кажется что чрезвычайно-страннымъ. Чтосмыслъ — собрать и напечатать одной книжкѣ нѣсколько сочиненій—непримыкающихъ одно другому, нисколько одно другое объясняющихъ, одними словами, иными жажущихъ никакой общей мысли, да, альманахъ издается потому, что это его очень-легко: стоить присти, каковымъ бы то образомъ и нѣсколько статей и статей въ и да выпросить у знакомыхъ литераторовъ десятокъ-другой стихотвореній, которыя вообще почему-то не продаются и покупаются. Часто вѣзническія статьи приобѣтаются ромъ—по дружбѣ, или по добротѣ писателей. Чтосбы сшить изъ книгу всѣ эти приобѣтенія, рѣдкихъ способностей не требуютъ шительно никакихъ: это можно полнить всякій. Остается только брать бумагу и шрифтъ, да въ въ опредѣленіи условій краснаго удобнаго формата книги. А и тѣмъ, у насъ, да и всадѣ, еще много людей, читающихъ для

челка, что альманахъ, по всей вѣроятности, разойдется въ пролажѣ. Сверхъ того, такъ-называемый *редакторъ альманаха* пріобрѣтаетъ лестное и на всякій случай весьма-пригодное названіе издателя, что, по принятому обществу литературному чиноположенію, несравненно-выше званія простаго литератора: — съ-тѣхъ-поръ, какъ убѣдились люди, что умственный трудъ не даетъ работнику права ни на какое особенное уваженіе, съ-тѣхъ-поръ и издатели альманаховъ пользуются тѣми же преимуществами передъ литераторами, какъ и всякіе другіе хозяева промысловъ передъ работниками. Наконецъ, главное, отъ редакцій альманаха можно незамѣтно перейти и къ дѣйствительной редакціи какого-ни-

будь изданія, на-примѣръ, толстаго и плодотворнаго журнала. Стало-быть, если угодно, и сборники на что-нибудь да годятся...

Заключаемъ свою статью указаніемъ на самое умное и общепольное предпріятіе А. Ф. Смирдина — на превосходное и весьма-дешевое изданіе сочиненій русскихъ писателей, подъ заглавіемъ: *Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ*. Этимъ предпріятіемъ довершилъ онъ блестящую эпоху своей издательской дѣятельности. Всѣ занимающіеся или просто интересующіеся исторіей русской литературы оцѣнили его новую услугу обществу. — Въ истекшемъ году вышли сочиненія *Фонъ-Визина* и *Озерова*.

**ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЕ ОТРЫВКИ. М. Погодина. Москва.
1846.**

==

Въ этой книгѣ, обѣщанной въ предисловіи въ *Исследованияхъ, Замѣчаніяхъ и Лекціяхъ* г. Погодина, собрано нѣсколько разсужденій о русской исторіи, писанныхъ для журналовъ и по другимъ случаямъ въ томъ видѣ, какъ онѣ первоначально были напечатаны. Такъ говоритъ авторъ и мы готовы были бы повѣрить ему на слово, еслибъ въ самомъ концѣ послѣдней статьи не увидѣли нѣсколько строкъ, которыхъ не было въ первоначальномъ изданіи (въ «Москвитинѣ»). Впрочемъ, мы не сравнивали прежней редакціи всѣхъ статей съ теперешней, и потому не знаемъ, много ли такихъ отступленій.—Какъ бы то ни было, мы внимательно прочли всю книгу, и она произвела на насъ и пріятное, и вмѣстѣ грустное впечатлѣніе. Намъ пріятно было думать, вникая въ странные силлогизмы, выводы, мысли, въ странную точку зрѣнія г. Погодина,—какъ мы теперь далеко ушли отъ такого воззрѣнія, какъ оно теперь, если не совсѣмъ исчезло, то по крайней-мѣрѣ считаетъ мало прозелитовъ; тѣмъ отрадіе была мысль, что огромная разниа въ воззрѣніи между г-мъ Погодинымъ и нами успѣла образо-

ваться въ какія-нибудь двадцать лѣтъ. Живя, мы не замѣчаемъ, какъ немновѣрно - быстро двигаемся впередъ; только исторія литературы невольно раскрываетъ намъ глаза. Въ-самомъ-дѣлѣ, читая «Отрывки», трудно постырить, что они написаны въ послѣднее двадцатилѣтіе, нѣные даже въ прошедшемъ году. Особенно на нѣкоторыхъ изъ нихъ это поразительно. Но намъ потому грустно было смотрѣть на книгу, что авторъ нашъ современникъ, ученый, пользовавшійся и теперь еще пользующійся почетнымъ именемъ въ русской исторической литературѣ. Желаніемъ опережая событія и время, мы радовались бы такому писателю временъ Московскаго Государства, даже періода реформы, но не второй четверти девятнадцатаго вѣка. Г. Погодинъ, какъ нашъ современникъ, приводитъ насъ къ той печальной мысли, что какъ мы ни быстро идемъ впередъ—это всё еще гомеопатическіе успѣхи и на доисторической почвѣ.

Говоря это, мы нисколько не думаемъ набрасывать тѣнь на достоинства и заслуги автора. Его статьи по русской исторіи, собранныя теперь въ одно цѣлое (хотя и не новъ) дають возмо-

жность обоарть его историско-литературную дѣятельность однимъ развѣмъ и оцѣнить безпристрастно. Г-нъ Погодинъ—отдадимъ ему справедливость—былъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ изслѣдователей, которые старались подойти къ фактамъ поближе и взглянуть на нихъ проще, нежели ихъ вредшественники. Попытки такого рода всегда сопряжены съ большими трудностями, заключающимися въ самомъ предметѣ и въ постороннихъ обстоятельствахъ. Гораздо-легче сочинить исторію, натянуть ее на вѣсколю любимыхъ мыслей, нежели понять, какъ она совершалась, тѣмъ болѣе, что, ли полного ея уразумѣнія, нужны многіе предварительные труды, рядъ предшественниковъ на томъ же поприщѣ и наконецъ точка зрѣнія, которую можетъ только дать время и извѣстная степень развитія народнаго сознанія. Съ другой стороны, есть историческія истины, передъ которыми невольно робѣетъ мысль въ данное время; ученые авторитеты, общественное мнѣіе безусловно зарождаютъ какую-то нерѣшимость даже въ самомъ энергическомъ, твердомъ умѣ и ослабляютъ его силы. Прибавимъ къ этому необходимое развлеченіе вниманія при наученіи предмета новаго, мало-обработаннаго. Вотъ съ какими непреодолимыми препятствіями долженъ у насъ бороться камалій, изучающій русскую исторію. Съ ними встрѣтился и г. Погодинъ. Посвятивъ себя этому предмету двадцать лѣтъ тому назадъ, онъ долженъ былъ встрѣтить ихъ несравненно-больше, чѣмъ мы теперь. Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ кодомъ нашей исторической литературы, тотъ знаетъ, сколько теперь напечатано матеріаловъ, въ то время невѣстныхъ и недоступныхъ. Предразсудковъ было несравненно-больше, чѣмъ въ наше время (что не значить, чтобъ ихъ теперь было мало), и если тогда уже можно было ѣсть телатину и не ходить въ башни, не опасаясь за свою жизнь, то было еще много такого, за что челоувѣкъ самый богобоязненный и удѣ-

ренный могъ прослыть вольнодумцемъ, т. е. стать въ положеніе, невыгодное во многихъ отношеніяхъ... Въ добавокъ, тогда еще безгранично господствовалъ авторитетъ Карамзина, который, при всѣхъ своихъ великихъ и вѣчно-незабвенныхъ заслугахъ для русской исторіи, внесъ въ нее совершенно-противоестественное возрѣіе. Задавъ себѣ невозможную задачу—изложить русскую исторію фактически-вѣрно, но съ точки зрѣнія западно-европейской исторіи, онъ выполнилъ ее такъ блистательно, умѣлъ такъ искусно сочетать взглядъ и факты, противорѣчащіе другъ другу, взятые изъ совершенно-разнородныхъ слоевъ жизни, что даже до-сихъ-поръ, не смотря на исполинскіе шаги впередъ, мы не можемъ еще совершенно освободиться отъ обаянія, навѣяннаго на насъ «Исторіею Государства Россійскаго». Тайна этого очарованія, можетъ-быть, не столько скрывалась въ тоглашнемъ фактическомъ незнаніи нашей исторіи (какъ оно ни было велико), сколько въ духѣ и обстоятельствахъ времени. Чувство національной гордости было тогда возбуждено въ высшей степени великими событіями; но это чувство, проникавшее преимущественно образованные классы общества, перейдя въ сознаніе, должно было принять характеръ нетрвоей эпохи, которую мы доживали. Болѣе чѣмъ когда-либо мы увѣрились, что мы Европейцы и стоимъ съ ними на одной степени. Идеаль, по которому мы себя цѣнили, былъ еще въ насъ. Весьма-естественно, что писатель, взглянувшій съ этой точки на наше прошедшее, при другихъ большихъ дѣствіяхъ, возбуждалъ сильное сочувствіе и глубоко подѣйствовалъ на общество. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Карамзинъ являлся представителемъ цѣлой эпохи нашего умственного и нравственнаго развитія. Въ его время, мысль Петра совершилась и на дѣлѣ и въ сознаніи. Въ политическомъ отношеніи, мы сраивались съ европейскими народами и радова-

лись этому, и думали, что главная цель достигнута и намъ остается только идти впередъ на томъ же пути. Тѣ, которые искали для жизни новыхъ выходовъ, открывали уже собою другой періодъ...

Г-изъ Погодинъ былъ изъ первыхъ, которые начали упрощать натянутое воззрѣніе Карамзина. Вдругъ за все взятыя не было возможности. Воздвигнутое зданіе надобно было подтачивать по-немногу, по частямъ. Отъ-того воспребладало критическое направление, въ которомъ г. Погодинъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Странно, когда подумаешь, что тотъ же ученый изслѣдователь, который еще такъ недавно былъ во главѣ новаго поколѣнія и велъ его противъ старой школы, теперь уже является защитникомъ стараго противъ новаго и стоитъ на сторонѣ Карамзина, котораго недостатки онъ открывалъ и обличалъ такъ основательно и дѣльно. Всему виной время! Оно шло такъ быстро; такъ скоро стало выѣтриваться и ветшать снаружи великолѣпное, изнутри призракное строеніе русской исторіи, что г. Погодинъ не узналъ въ своихъ послѣдователяхъ (не по изысканіямъ, а по взгляду) продолжителей его же дѣла и испугался крайнихъ послѣдствій, выведенныхъ изъ критики карамзинскаго воззрѣнія. Кму показалось, что пошелъ уже слишкомъ-далеко, и онъ поналъ; что стоитъ ближе къ прежнему, чѣмъ къ новому. Къ быстротѣ самой перемены въ мѣнѣяхъ, происшедшей у насъ, присоединилось и много другаго, въ-слѣдствіе чего г. Погодинъ долженъ былъ скоро отстать отъ современнаго движенія. Въ числѣ главныхъ причинъ мы считаемъ путь, который былъ имъ избранъ, приемъ, съ которымъ онъ велся за дѣло. Г-изъ Погодинъ, какъ и многіе другіе, отдался частностямъ, низъ посвятилъ себя. Онъ повелъ атаку на отдѣльные пункты, и употребилъ на это всѣ силы, забывъ главное —цѣлое прошедшее воззрѣніе, которое нужно было вытѣнить съ моря; мо-

жетъ-быть, даже онъ не отдавалъ себѣ въ этомъ отчетъ и только смутно предчувствовалъ недостатки существующихъ понятій, почему и обратился къ критикѣ отдѣльныхъ событій, какъ имъ рассказаны у Карамзина. Последнее вѣроятнѣе, потому-что новое воззрѣніе никогда не является вдругъ послѣ стараго, а есть результатъ, добываемый постепенно и возникающій уже на развалинахъ. Въ періодъ дѣтельности г. Погодина, всѣ наши критики, болѣе или менѣе недозволенные Карамзинимъ и господствовавшими въ то время понятіями о русской исторіи, растрачивали такимъ-образомъ свои силы надъ частностями. Общее потеряно изъ вида. Возникли споры, партіи, вражды, которыя ни къ чему не привели, потому-что мысль, ихъ породившая, была забыта. Вышло вольконечъ, что когда новѣйшее поколѣніе, видя безплодную борьбу, осѣтилось напомнить и высказать въ чемъ главная задача и какъ она должна быть поставлена и разрѣшена, ее встрѣтили холодно и сурово: перья дѣтелямъ, указавшіе ей путь, обмѣлись съ дороги и враждовали, спорили и поприщѣ археологівъ, далеко отдавшись отъ исторіи, главнаго театра дѣйствій, откуда возникли вопросы и неудовлетвореніе.

Мы высказали здѣсь свое мнѣніе объ историко-литературной дѣятельности г. Погодина, чтобъ показать, съ какой точки зрѣнія должно, какъ намъ кажется, смотрѣть на его «Отрывки». Можетъ-быть, г. Погодинъ съ нами не согласится; можетъ-быть, онъ найдетъ странною мысль, что онъ одинъ изъ первыхъ началъ опровергать взглядъ Карамзина. Тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо. Рѣдко это потому только не выдвѣсается, что г. Погодинъ, очень-удачно нападая на Карамзина въ отдѣльныхъ фактахъ и явленіяхъ историческихъ, остался при немъ въ цѣломъ, и такъ не поналъ или забылъ свое призваніе въ русской исторической литературѣ.

Въ составъ разбираемой нами книги вошло пятнадцать статей, писанныхъ по разнымъ случаямъ. Первые изъ нихъ во времени—статьи: *О характеръ Иоанна Грознаго*, написанная въ 1825, *Объ Отрочествѣ* и *Объ участіи Годунова въ убійствѣ царевича Дмитрія*, въ 1827 годахъ. Последнія: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала и За русскую старину*, впервые напечатаны въ «Москвитиннѣ» въ 1845 году. Онѣ расположены по хронологическому порядку событій и лицъ, въ которыхъ относятся. Но мы станемъ разбирать ихъ въ той преемственности, какъ онѣ выходили, потому что для насъ развитіе самаго автора гораздо интереснѣе того, что онъ сказалъ; историческія мнѣнія г. Погодина имѣютъ болѣе интересъ литературный, нежели объективный; они теперь сами предметъ исторіи.

Статья *О характеръ Иоанна Грознаго* вся критическая. Она дышетъ тѣмъ временемъ, когда авторъ приступилъ къ дѣлу съ свѣжими силами, ставилъ возростательные знаки на листахъ «Исторіи Государства Россійскаго» и не могъ удовлетвориться ея рѣшеніями и объясненіями. Первые слова статьи очень замѣчательны:

«Нѣтъ ничего труднѣе (говоритъ авторъ), какъ освободиться отъ предрассудковъ, какихъ бы то ни было, историческихъ, политическихъ, житейскихъ: мнѣніе, однажды принятое, получаетъ какую-то особенную силу надъ нами, и дѣлается частію насъ самихъ. Усомниться въ немъ—есть уже необыкновенное явленіе, низкій шагъ, а какъ еще далеко отсюда до другаго пути! Съ большимъ насиліемъ, какъ-будто посягая на самихъ себя, мы перестаемъ думать такъ, начинаемъ думать иначе.» (стр. 327).

Такъ писалъ авторъ въ 1825 году. Мы увидимъ, что послѣ онъ говорилъ уже совсѣмъ-другое.

Главная тема, которую развиваетъ статья (раздѣленная на двѣ части), въ

короткихъ словахъ состоитъ въ слѣдующемъ: Карамзинъ говоритъ, что Іоаннъ былъ идеаломъ царя съ чудеснаго своего обращенія до смерти Анастасіи, и извергомъ съ этого времени по свою кончину; по это несправедливо: такое превращеніе неестественно; «Іоаннъ никогда не былъ великъ». Пока его характеръ не сложился окончательно, его прибрали въ руки люди благонамѣренные, искавшіе пользы и славы Россіи. Не Іоанну, а имъ обязана она тѣмъ великимъ и прекраснымъ, что тогда сдѣлано. Возмужавъ, Іоаннъ началъ тяготиться строгой зависимостью, въ которую былъ поставленъ; этимъ воспользовалась другая партія, которая помогла ему выйти изъ-подъ тягостной нравственной опеки и дала возможность дурнымъ его свойствамъ развиться до той уродливости и безобразія, въ какихъ они потомъ выразились. Самъ-по-себѣ, Іоаннъ былъ человѣкъ ничтожный и слабый до трусости. Впрочемъ, его жестокости, неслыханное тиранство, объясняются и отчасти оправдываются воспитаніемъ, временемъ, въ которое онъ жилъ, и окружающими обстоятельствами.

Очевидно, значеніе и характеръ Грознаго не поняты. Можно спорить о его характерѣ и психологическомъ развитіи, но назвать его ничтожнымъ нельзя ни въ какомъ случаѣ. Теперь это ясно какъ день, и потому не стоить доказывать. Мы думаемъ, что и самъ авторъ находитъ теперь свой приговоръ черезъ-чуръ рѣзкимъ. Но замѣтимъ, что эта несправедливость имѣетъ весьма-важное значеніе по источнику, изъ котораго она вытекла. Г-на Погодина поразила неестественность характера Іоаннова у Карамзина. Въ-самомъ-дѣлѣ, восьмой и девятый томъ—одна изъ самыхъ слабыхъ частей сочиненія исторіографа Г. Погодина старался найти ключъ къ этой загадкѣ, наполнить пропасти, раздѣляющія различныя эпохи жизни Грознаго, открыть связь между свѣтлой и

темной стороны его царствования, — словомъ, воссоздать ту преемственность, постепенность измѣненій, которая необходимо присуща всему живому. Дурно или хорошо онъ выполнилъ задачу, это другой вопросъ. Главное то, что г. Погодинъ объявилъ здѣсь себя противникомъ чудеснаго въ исторіи, защитникомъ прямаго, естественнаго взгляда на жизнь, [какъ она есть, и это-то особенно важно. Полемика противъ Карамзина, ученый авторъ статьи показываетъ, что исторіографъ произвольно разставлялъ факты, группировалъ ихъ какъ ему было нужно для его цѣлей, наперекоръ хронологіи и фактической послѣдовательности. Это ни то, ни сѣ, въ которое превратился чудесный Іоаннъ Карамзинъ у г. Погодина, было шагомъ впередъ въ нашей исторической критикѣ, хотя оно еще неизмѣримо-далеко отстояло отъ исторической истины.

Въ такомъ же родѣ и двѣ другія статьи, написанныя два года спустя послѣ этой, а именно: объ убіеніи царевича Дмитрія и о первомъ самозванцѣ. Въ первой, авторъ доказываетъ, что, на основаніи доселѣ-извѣстныхъ историческихъ данныхъ, нельзя говорить положительно объ убіеніи царевича Дмитрія по приказанію Годунова. Полемика противъ Карамзина и здѣсь очень-остроумна, мѣстами очень-удачна. Доводы г. Погодина такъ сильны, что въ-самомъ-дѣлѣ нельзя еще считать этотъ вопросъ окончательно-рѣшеннымъ. До какой степени онъ важенъ въ русской исторіи, мы не станемъ теперь говорить; но онъ возникъ изъ того же желанія г. Погодина удостовѣрить цѣльность, органическое единство замѣчательной личности Бориса, на что Карамзинъ обратилъ флицикомъ - мало вниманія. Годуновъ, великій, просвѣщенный государь, не могъ быть низкимъ убійцей, — вотъ основная мысль г. Погодина. Если она не несправедлива, то требованіе отъ исторіи, которое она выражаетъ, очень-важно и вѣрно. Менѣе интересна, но

не безъ достоинствъ статья объ Грозномъ:

«Какъ у молодого русскаго дьяка въ блистательное царствованіе могущаго веннаго Бориса, среди Москвы, могла родиться въ головѣ мысль, безумная, несбыточная, принять имя Царевича, гибели котораго четырнадцать лѣтъ въ не сомнѣвался?»

Этими словами начинается статья Г. Погодина, выставляющаго и защищающаго предположеніе, что первыя мысль дали самозванцу іезуиты. Но слѣдъ явилось другое предположеніе: менѣе вѣроятное, что онъ былъ орломъ нѣкоторыхъ боярскихъ родовъ противопоставившихъ его Борису, которымъ были недовольны по многимъ причинамъ. Какъ бы то ни было, достоинство этой статьи чисто-критическое, и не смотря на различіе предметовъ, она развиваетъ ту же мысль, которая видна и въ двухъ предыдущихъ: непонятное, бессвязное, баснословное въ нашей исторіи вызываетъ ученаго изслѣдователя на доглубинный разборъ существующихъ представлений и обличеніе ихъ несообразности съ здравымъ разумомъ и естественнымъ, необходимымъ порядкомъ вещей.

До-сихъ-поръ, г. Погодинъ является критикомъ.

Въ 1831 году, по поводу важныхъ перемѣнъ въ судьбѣ Польши, онъ написалъ статью болѣе - политическаго, нежели историческаго содержанія, подъ заглавіемъ: *Историческія размышленія объ отношеніяхъ Польши къ Россіи*. Объ ней предоставляемъ судить другимъ. Скажемъ только, что она насъ еще болѣе убѣдила въ старой мысли, что историки не всегда бываютъ вмѣстѣ и хорошіе политики...

Отсутствіе собственно-историческаго смысла въ статьяхъ, нами указанныхъ, особенно въ статьѣ объ Іоаннѣ Грозномъ и другихъ, — въ послѣдую-

ших проступает уже гораздо рѣче. Сначала оно выкупалось критической стороной сочиненій; но когда она ослабла, и г. Погодинъ началъ прагматизировать, оказалось, что онъ ни на шагъ не ушелъ дальше Карамзина. Скажемъ болѣе: г. Погодинъ къ недостаткамъ карамзинскаго взгляда присоединялъ еще вѣсколько и отъ себя. Надежды, которыя подавалъ молодой ученый, должны были разрушиться. Доказательствомъ служить *Взглядъ на русскую исторію*, изложенный авторомъ на вступительной лекціи въ 1832 году.

«Исторія всякаго государства, отдѣльно взятая (такъ начинается авторъ) представляеть собою высокое, поучительное зрѣлище народныхъ дѣйствій, устремленныхъ къ одной цѣли человеческого рода, цѣли, указанной ему благимъ Провидѣніемъ. Всякой народъ развиваетъ своею жизнію особую мысль его и содѣйствуетъ, болѣе или менѣе, непосредственно или посредственно, къ исполненію общихъ верховныхъ его предначертаній.»

Послѣ этой фразы, столько общей, что изъ нея трудно вывести что-нибудь, г. Погодинъ переходитъ къ Россіи. Здѣсь, какъ воляется, прежде всего поражаетъ его «пространство, какого не занимала ни одна монархія въ свѣтѣ», единство происхожденія племенъ, ее занимающихъ, «которыя говорятъ однимъ языкомъ, имѣютъ слѣдовательно одинъ образъ мыслей» (?), далѣе ихъ единство религиозное, множество единоплеменныхъ съ нами народовъ въ Имперіи,—народовъ, «которые составляютъ съ нами одно живое цѣлое, которые соединены съ нами неразрывными узами крови и языка»; наконецъ вещественныя и невещественныя силы, «богатство въ естественныхъ произведеніяхъ, конныя мы можемъ надѣлать Европу, не имѣя нужды ни въ коню въ товару» (?). Въ дѣйствіяхъ Россіи, авторъ видитъ необычайное; такова година наполеонова вторженія въ наши границы. «Отразивъ побѣдоносно такое нападеніе», воскли-

даетъ авторъ, «освободивъ Европу отъ такого врага, изложилъ его съ такой высоты, обладая такими средствами, не нуждаясь ни въ конѣ и нужная всѣмъ, можетъ ли чего—нибудь опасаться Россія? Кто осмѣлится оспаривать ей первенство, кто помышляетъ ей рѣшать судьбу Европы и судьбу всего человечества, если только она сего пожелаетъ? Въ перечисленіи равныхъ европейскихъ народовъ, которыя не могутъ съ нами соперничать, намъ особенно понравилось, что германскія владѣнія названы *нашими ялтиселскими губерніями*. Объ каждой изъ европейскихъ странъ авторъ нашелся что сказать, хоть и не всегда впадать; не знаю, почему Германія его затруднила, и онъ счелъ за лучшее, предвидя, что своимъ взглядомъ событія, включить ее въ будущія границы Имперіи.

Обращаясь отъ матеріальныхъ и нематеріальныхъ силъ государства къ его исторіи, авторъ видитъ въ ней одинъ интересъ: «какъ сложился этотъ колоссъ, стоящій на двухъ полушаріяхъ? какъ сосредоточились, какъ сохраняются въ одной рукѣ всѣ сіи силы, конныя ничто, кажется, противустоятъ не можетъ». Итакъ, политическая исторія, вѣшняя, а не внутренняя, обратила на себя особенное вниманіе автора. Отъ критика Карамзина, мы въ правѣ были ожидать большаго, и тѣмъ справедливей наши требованія, что государственную исторію Россіи до XVII вѣка Карамзинъ изложилъ превосходно, классически. Недостатокъ внутренней исторіи и есть то, что чувствуется особенно-сильно послѣ трудовъ незабвеннаго историографа; отсюда-то должно развиваться совершенно-новое возрѣніе на древнюю и теперешнюю Россію; отсюда долженъ произойдти совершенный переворотъ въ нашей исторической литературѣ, а слѣдовательно и въ нашемъ сознаніи. Конечно, воскресить эту внутреннюю исторію, разглядѣть и уразумѣть всѣ ея черты дѣло очень-трудное; такого

трудя мы не въ правѣ требовать отъ великаго. Но насъ удивляетъ, что авторъ не поставилъ даже вопроса, не взглянулъ на нашу исторію глубже своего знаменитаго предшественника, особенно ни въ передъ глазами европейскіе образцы въ этомъ роля. Ясно, что г. Погодинъ не стоялъ въ уровень съ задачей, которая ему предстояла, и потому, недовольный частностями въ исторіи Карамзина, онъ остался ею доволенъ въ главномъ, въ цѣломъ. Этихъ объясняется, почему авторъ пребылъ въ старой колеѣ: онъ безпрестанно сближаетъ наши событія съ событіями европейской исторіи, показываетъ ихъ параллельность и въ то же время несходство—и, разумеется, нисколько не умалчиваетъ нашей исторіи, ибо этотъ методъ крайне-недостаточенъ: подавая поводъ къ остроумнымъ замѣчаніямъ и выводамъ, онъ, какъ игра ума и воображенія, а не дѣйствительное пониманіе, только затеняетъ вопросъ и отдаляетъ его разрѣшеніе. Мы находимъ въ статьѣ г. Погодина мысли теперь уже давно-извѣстныя, но, конечно, въ то время еще новыя, и потому поражающія своею оригинальностью—мысли, что въ Европѣ было завоеваніе, а у насъ нѣтъ, отъ-чего и исторія получила различное развитіе; что Европа, преемница Западной Римской Имперіи, а мы Восточной; что тамъ былъ феодализмъ, а у насъ удѣльная система; что у насъ монгольское иго во многихъ отношеніяхъ нѣмло одинаковыя послѣдствія съ крестовыми походами Европы; что Петръ-Великій замѣнилъ намъ реформацію, и т. д. Разумеется, при этомъ не забыто отсутствіе у насъ укрѣпленныхъ замковъ, иное основаніе городовъ, иное происхожденіе сословій, чѣмъ въ Европѣ,—доступность правъ для всѣхъ, исключительное положеніе правительства, которое двигаетъ насъ впередъ, и пр. Спрашиваемъ всѣхъ людей безпристрастныхъ, можно ли извлечь что-нибудь изъ этого параллелизма событій, и приближаетъ ли онъ насъ хоть на волосъ къ уразумѣнію нашего историческаго развитія?

А что онъ возвращаетъ повліянію, что онъ переставляетъ насъ на ложную точку зрѣнія и заставляетъ смотрѣть на все сквозь очки, а не простыми, здоровыми глазами—это видно изъ одного простаго соображенія, что, сопоставляя событія, мы ихъ необходимо уравниваемъ, и слѣдовательно лишаемъ ихъ живыхъ характеристическихъ красокъ, закрываемъ ихъ оригинальное народное значеніе—и весь смыслъ исторіи потерянъ. Пожалуй, можно еще провести параллель между дѣлами Іоанна III и IV и юристами Филиппа Красиваго, между общинными волостями, дарованными Грознымъ, съ освобожденіемъ общинъ изъ-подъ власти феодаловъ въ XII и XIII вѣкахъ, и такъ-далѣе, до безконечности: но въ какія же уродливыя ошибки мы впадемъ, если выведемъ изъ этихъ сближеній послѣдній результатъ, и поставимъ на одну доску Европу и Россію въ тѣ вѣка, къ которымъ относятся сходныя событія! А между-тѣмъ, это уравненіе всегда предполагается при такихъ сближеніяхъ; иначе вѣ для чего было бы ихъ и дѣлать. Недавно одинъ молодой ученый не остановился и передъ этимъ результатомъ и смѣло высказалъ его, съ прямою, свойственно нашему поколѣнію: Россія XV и XVI вѣка была, по его мнѣнію, если не выше, то по-крайней-мѣрѣ нисколько не ниже современной ей Европы. Такое мнѣніе—геркулесовы столбы сравнительнаго метода въ его приложеніи къ исторіи; дальше идти нельзя. Здѣсь долженъ начаться поворотъ, обращеніе народа на самого-себя, и новое изученіе фактовъ, уже извѣстныхъ не съ ихъ вѣншей, а внутренней стороны. Онъ уже и начался. Глубже вникая въ настоящее и прошедшее, мы постепенно убѣждаемся, что, не смотря на видимое, кажущееся сходство, факты нашей и европейской исторіи безконечно разнятся между собою по ихъ дѣйствительному, народному значенію въ той и другой исторіи—такъ разнятся, что смѣшно ихъ и сравнивать или сближать между собою. Те-

нръ мы начинаемъ понимать, что жить, вырванный изъ цѣльной совокупности народной жизни, ничего не значить и совершенно-непонятенъ; что для его дѣйствительной, вѣрной оцѣнки нужно изучать исторію народа какъ само-развивающійся живой организмъ, въ строжайшей постепенности измѣняющійся въ-слѣдствіе внутреннихъ причинъ, которыми высшія событія служатъ или выражаеиъ, или только поводомъ къ обнаруженію. Много прекрасныхъ, благородныхъ мечтаній улетѣло съ этими новымъ прозаическимъ взглядомъ на исторію; насъ уже не обольщаютъ первоначальный бытъ Славянъ, казавшійся какимъ-то идеаломъ обществѣнности потому только, что мы прикладывали къ нему наши понятія и требованія и простодушво вѣрили, что въ его узкихъ рамкахъ умѣщался цѣлый міръ, сокрытый въ груди современнаго человѣка. Теперь этотъ взглядъ для насъ еще слишкомъ суровъ, серьбазенъ: грядущія поколѣнія, можетъ-быть, расудятъ иначе.

Удержась постоянно на заманчивой, обольстительной точкѣ высняго созерцанія событій, не выходя изъ очарованнаго круга, въ который ни одинъ фактъ не можетъ дойти въ своемъ естественномъ, настоящемъ видѣ, г. Погодинъ долженъ былъ увидать въ русской исторіи какую-то мистерію. Одно есть прямой и необходимый результатъ другаго.

«Ни одна исторія не заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, если можно такъ выразиться, какъ Россійская. Воображая событія, ее составляющія, сравнивая ихъ неприимтныя начала съ далекими, огромными слѣдствіями, удивительную связь ихъ между собою, невольно думаешь, что перстъ Божій ведетъ насъ, какъ-будто дремле Іудеевъ, къ какой-то высокой цѣли.» (стр. 10).

Для русской исторіи необходимо было, чтобъ Варяги основали государство на югѣ—и Олегъ поселился въ Кіевѣ; нужно было подновить у насъ грече-

ское вліяніе—и Іоаннъ III женился на Софїи, изъ дома Палеологовъ; нужно было утвердиться единовластію — и вотъ удѣльные князья начали такъ быстро вымирать, что Москва насилу успѣвала присоединять къ себѣ ихъ наслѣдства; цѣлыя государства такъ и стремились къ намъ и въ-слѣдствіе какого-то естественнаго тяготѣнія; монгольское иго исчезло какъ-то само собою; раздробленныя части Орды присоединились къ намъ «не столько неволею, сколько волею». Словомъ, все въ нашей исторіи и дивно и чудно!

«И какова связь между смертью въ Угличѣ семилѣтняго Царевича Дмитрія, играваго въ тычку ножемъ, и реформациею Петра! А послѣдняя не могла бы произойти такъ безъ перваго пронашествія. Не пресѣкись родъ Московскихъ Князей, не было бы Романовыхъ, не было бы Петра» (стр. 12).

Также таинственно-чудесна жизнь Петра-Великаго: Лефортъ, «кажется, долженъ былъ нарочно бѣжать изъ Жезены, чтобъ овладѣть воображеніемъ младенца, возбудить въ немъ любопытство и удивленіе къ иностранцамъ, то-есть, бросить въ его душу первое сѣмя всѣхъ будущихъ преобразованій.» (стр. 13).

И такъ далѣе. Всего нельзя выписать, не переписавъ статьи цѣликомъ. И ни одного раза не пришло автору на мысль взглянуть на всѣ эти факты съ другой стороны, на оборотъ!..

Какъ страна чудесъ, Россія должна, если не превосходить другія земли, то по-крайней-мѣрѣ не уступать имъ во многомъ. О политической силѣ, вещественныхъ богатствахъ было уже говорено прежде. Но этого мало: едва-ли какая исторія представитъ цѣлый рядъ такихъ людей, какіе дѣйствовали у насъ отъ Іоанна III до Петра, не говоря уже объ немъ; русская исторія «цѣлый курсъ психологій въ лицахъ». Самая исторія

нашихъ дѣйствующихъ лицъ необыкновенна; простое повѣствованіе о судьбѣ Бориса, о жизни таинственнаго Самозванца съ его Маринюю, о Шуйскомъ, суть такіе романы, которые никогда не могли бы создать богатое воображеніе Вальтера Скотта (стр. 15); наши древнія дипломатическія сношенія—училище для negotiatorovъ; наши древніе дипломаты едва ли уступятъ европейскимъ; до сихъ поръ мы не отдавали должной справедливости нашей старинной дипломатіи, потому что по какому-то странному предубѣжденію не смѣли сравнивать нашихъ дѣльцовъ съ западными министрами (стр. 15).

Читатель никакъ, вѣроятно, не ожидаетъ, чѣмъ все это кончится. *Россійская Исторія* говоритъ авторъ «можетъ сдѣлаться охранительницею и бластительницею общественнаго спокойствія». Вы спросите: да какъ же дошелъ авторъ до такого страннаго результата? Вотъ его слова:

«Не часто ли случается намъ слышать восклицанія: за чѣмъ у насъ нѣтъ того постановленія или этого. Еслибъ сіи ораторы были знакомы съ исторіею, и въ особенности съ исторіею Россійскою, то уменьшили бы нѣкоторыя свои жалобы, и увидѣли бы, что всякое постановленіе должно непременно имѣть свое сѣмя и свой корень, и что пересаживать чужія растенія, какъ бы онѣ ни были пышны и блистательны, не всегда бываетъ возможно или полезно, но крайней мѣрѣ всегда требуетъ глубокаго размысленія, великаго благоразумія и осторожности. Далѣе они увидѣли бы ясно собственные наши пороки, которымъ напрасно искать подобныхъ въ другихъ Государствахъ, и преклонялись бы благодарностію къ Промыслу за свое удѣльное счастье» (стр. 16.)

Читатели видятъ, что г. Погодинъ часто смѣшиваетъ политику съ исторіею, и что это смѣшеніе не всегда ему дается...

Допустимъ на минуту, что въ статьѣ много дѣльнаго, по-крайней-

мѣрѣ есть спорные пункты, о которыхъ можно различно говорить, судя по точкѣ зрѣнія. Но цѣлое — что это такое? Сказано много, но гдѣ же взглядъ? Сдѣлано ли хоть сколько-нибудь для уясненія, уразумѣнія предмета? И это была вступительная лекція въ курсъ русской исторіи въ 1832 году!

Ни чуть не лучше *Очеркъ русской исторіи*. Это перечень событій, поставленныхъ одно возлѣ другаго безъ связи и написанныхъ языкомъ немножко шероховатымъ. Вотъ для пришѣра одно мѣсто:

«Сцена Исторіи переносится на Сѣверо-востокъ.

«Орда, которой мы достались на часть, поселилась въ низовьяхъ Волги. Тула, и къ великому хану, къ истокамъ Амура, вѣзды наши Князья за ярмыками и княженіе.

«Монголы посадили насъ на оброкъ.

«Князья сдѣлались ихъ прикащиками, и Вѣча съ прочими обычаями времѣя древнихъ уничтожены» (стр. 23).

Или:

«Древнему Духовному противупоставлено новое свѣтское.

«Основаніемъ Петербурга (1703), утверждено сообщеніе съ Европою.»

«Подъ Полтавою отнято у Шведовъ первенство на Сѣверѣ и завоевано Императорство» и т. д. (стр. 32).

Статья *О Формации Государства* была уже напечатана въ *Исследованияхъ, Забѣчаніяхъ и Лепціяхъ* г. Погодина. Въ критическомъ разборѣ этого сочиненія, оно будетъ рассмотрѣно подробно въ слѣдующей книжкѣ *Отеч. Записокъ*. Здѣсь замѣтимъ, что она имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства, но относится уже къ другому періоду литературной дѣятельности автора, когда онъ, не успѣвъ понять древней русской исторіи и немогши удержаться на критическомъ воззрѣніи болѣе, чѣмъ прежде вдался въ какое-то мистическое

сверпаніе историческихъ событій. На-
ука, по природѣ своей прозаическая,
свѣтская, черпающая свои вдохновенія
изъ голой истины, много отъ этого по-
терпѣла.

Статья о *Москвѣ* написана въ 1837
году и тогда же была напечатана въ
«Московскихъ Вѣдомостяхъ». Здѣсь
рассказана политическая исторія по-
степеннаго возрастанія и усиленія
древней столицы изъ маалаго удѣльнаго
городка въ средоточіе Русскаго Цар-
ства. И въ этой статьѣ г. Погодинъ
является не критикомъ, не глубокимъ
ислѣдователемъ событій, а созерца-
телемъ таинственныхъ судебъ царствен-
наго города. Окончивъ *особленную* исто-
рію Москвы княженіемъ Іоанна III, ав-
торъ говоритъ:

«Рассматривая ихъ (присшествия) вни-
мательно, не знаешь, чему удивляться
болѣе: тому ли естественному ихъ ходу,
въ которомъ одно истекло кажется изъ
другаго, или тѣмъ неожиданнымъ посто-
роннимъ событіямъ, которыми заблжно
отключались всѣ опасности, несчастія,
угрежавшія имъ помѣхою, въ которыхъ
какъ-будто чувствуешь движеніе высшей
Девыни, ведшей Москву, а съ ней и
всю Россію отъ самаго рожденія къ ве-
ликой дѣлѣ» (стр. 152).

«Не чудесно ли стеклись обстоятель-
ства, чтобъ погубить несчастную Тверь,
естественную соперницу Москвы? Какъ
кстати отличился бережливостію Калита!
Пришла же моровая язва, когда размно-
жились Князья въ Московскомъ княженіи,
еще не утвердившемся въ своихъ силахъ!
Наступили же междоусобія у Монголовъ,
въ наложѣство Дмитрія, и случились
твердые, умные Бояре, которые умѣли
ихъ воспользоваться! Современникомъ Ви-
тязю родился Василій. Москва возмужала
во времена княженія Темнаго. Въ какое
благоприятное время умеръ дядя его
Крїі!

«И вотъ что достопримѣчательно: всѣ
болѣзни посылались на Москву не вдругъ,
а какой-то чередой, когда уже готовы
для нихъ были врачеванія, какъ будто

бы только для ея вразумленія, указанія,
воспитанія» (стр. 153 и 154).

Такия же мысли разсѣяны и въ са-
момъ историческомъ разсказѣ. Въ нихъ
включалось то роковое противодѣй-
ствіе другому, критическому направле-
нію автора, которое и помѣшало ему
подвинуть впередъ наученіе русской
исторіи, не смотря на таланты, знанія.

Въ 1838 году, по поводу мѣстниче-
скихъ дѣлъ, открытыхъ и напеча-
танныхъ въ «Русскомъ Историческомъ
Сборникѣ» дѣйствительнымъ членомъ
Общества Исторіи и Древностей Россій-
скихъ, г. Ивановымъ, г. Погодинъ на-
писалъ двѣ статьи *объ мѣстничествѣ* и
напечаталъ ихъ въ томъ же сборникѣ.
Третья помѣщена въ 1842 году въ «Мо-
сковитиннѣ» и не есть собственно
статья, а собраніе дополнительныхъ
матеріаловъ по этому предмету, съ ко-
ротенькими замѣтками о ихъ важно-
сти. Разсужденіе г. Погодина объ этомъ
столько многозначительномъ предметѣ
въ нашей древней исторіи, — предметѣ,
который такъ характеризуетъ древнюю
Русь, такъ разоблачаетъ закрытыя на-
чала, на которыхъ она стояла, — не безъ
интереса, хотя и стоитъ ниже трудовъ
г. Валуева по той же части. И здѣсь,
какъ и вездѣ, мы находимъ при общемъ
обозрѣніи мѣстничества безпложное
сравненіе явленій европейской обще-
ственности съ нашими:

«Припомнимъ, что и въ прочей Европѣ
былъ вѣкъ, въ которомъ чувство и поня-
тіе чести преобладало надъ прочими.
Нельзя не замѣтить соответствія ему въ
нашемъ мѣстничествѣ, которое впрочемъ
касалось только до службы, до обществен-
ныхъ званій, и рѣшалось не дуэлями, а
Царскими приговорами. (Какъ любопытно,
скажемъ мимоходомъ, слѣдить эту пара-
лельность, аналогію явленій Европейскихъ
съ Русскими, при всемъ различіи ихъ
формъ» (стр. 174).

Послѣ того, г. Погодинъ доказываетъ,
вопреки Карамзину, и весьма основа-

только, что мѣстничество было у насъ гораздо-прежде Юанна III (это ясно даже а ргіогі, безъ положительныхъ данныхъ). По мнѣнію автора, оно было «московскимъ продолженіемъ удѣльной системы», которая выражалась уже не въ землѣ, не во владѣніи тѣмъ или другимъ, большимъ или меньшимъ городомъ, а въ значеніи при дворѣ, у новаго своего Государя, участіи въ управленіи, т. е. въ мѣстахъ прavitельственныхыхъ, военачальныхъ, придворныхъ» (стр. 181). Мѣстничество, какъ извѣстно, уничтожилъ царь Ѳеодоръ Алексіевичъ, но оно продолжало жить въ обычаяхъ, пока Петръ-Великій не разрушилъ его табелью о рангахъ. При немъ честь служебная удержана, но родовый элементъ въ ней долженъ былъ исчезнуть и личная способность въ службѣ замѣнить родовое преимущество. Весь этотъ обзоръ довольно-хорошъ, мѣстами даже очень-улаченъ. Вторая статья изслѣдуетъ самые законы мѣстничества. Авторъ выводитъ, что въ древней Россіи была постепенность между должностями, въ родѣ теперешней мѣстницы чиновъ; съ другой стороны, счетъ между членами одного рода производился по нисходящей линіи. Какъ въ службѣ, такъ и въ родѣ считались мѣстами. Такимъ-образомъ, мѣстническіе счеты состояли въ сравненіи службы и родового старшинства предковъ тѣхъ лицъ, которыя считались, и каждый разъ, когда при назначеніи въ службу извѣстныхъ лицъ не находились между собою въ такихъ же отношеніяхъ по мѣстамъ, въ какихъ бывали ихъ предки, являлся поводъ къ спорамъ и жалобамъ. Вообще статья, какъ первый опытъ на новомъ поприщѣ — недурна. Главный ея недостатокъ состоитъ въ томъ, что различныя положенія, которыми условливалось мѣстничество, ничѣмъ не связаны между собою; связь ихъ не открыта авторомъ, хотя это и не такъ трудно, какъ кажется съ перваго взгляда. Вотъ что, между-прочимъ, помѣшало г. Погодину понять настоящее значеніе мѣстничества и древней Россіи, въ ко-

торой такое явленіе было возможно. Еслибы авторъ не смотрѣлъ на него какъ археологъ, а взглянулъ глазами историка, онъ увидѣлъ бы въ немъ очень-много, и не подумалъ бы отъяснять аналогическихъ явленій въ европейской исторіи, ибо между мѣстническимъ счетомъ и рыцарскою дугою такая безконечная разница, что никто, хорошо познающій исторію, не рѣшится ихъ сравнивать.

Мы видѣли, разбирая эту статью, что г. Погодинъ выводитъ мѣстничество изъ удѣльной системы. Основываясь на этой мысли, авторъ пришелъ къ другой, не менѣе-остроумной и до извѣстной степени вѣрной, что мѣстничествомъ можетъ быть объяснена система удѣловъ. Результатомъ этой мысли были двѣ статьи о старшинствѣ между великими князьями древней Руси, напечатанныя первоначально въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» въ 1840 и 1844 годахъ. Въ нихъ г. Погодинъ доказываетъ, что старшинство дѣйствительно было основаніемъ праву, но что оно, при разномъ родѣ, необходимо должно было подвергнуться ограниченіямъ. Такимъ ограниченіемъ является вотчинное право, или начало, въ слѣдствіе котораго сынъ имѣлъ право только на то владѣніе, которое держалъ отецъ. Этотъ объясняетъ г. Погодинъ, почему роль Святославичей потерялъ старшинство передъ Всеволодовичами, хотя Святославъ и былъ старше Всеволода: первый не былъ великимъ княземъ и владѣлъ Кіевомъ незаконно, еще при жизни Вячеслава. Другое ограниченіе родового старшинства состояло въ установленіи счета между дядями и племянниками, въ слѣдствіе чего племянникъ могъ быть не только равенъ дядѣ, но даже старше его. Это обстоятельство, открывающееся изъ мѣстническихъ счетовъ, можетъ, по мнѣнію г. Погодина, объяснить многія событія въ удѣльномъ періодѣ, безъ того непонятныя: вступленію Мстислава Владиміровича Мономашича на кіевскій прѣ-

столь помню младших сыновей Святлополка; назначеніе Ростиславомъ Мстиславичемъ на кіевскій престолъ во смерти своей старшаго племянника, Мстислава Нваславича, помню всѣхъ дядей, и т. д. Эти выводы очень-любопытны; какъ исследование, статья имѣетъ большіе достоинства. Жаль только, что и въ этомъ случаѣ г. Погодинъ является болѣе историкомъ, а археологомъ, болѣе и болѣе отдалаясь отъ своего настоящаго призванія. Статья г. Соловьева о томъ же предметѣ, помѣщенная въ «Московскомъ Сборникѣ», удовлетворяетъ насъ гораздо-болѣе, хотя и она имѣетъ свои важныя недостатки. Оба писателя остановились на явленіи, но проинная далѣе, и потому не могли замѣтить много такого, чѣмъ и удѣлы и мѣстныя отношенія объясняются весьма-просто; но статья г. Соловьева представляетъ постепенное развитіе, измѣненіе понятій о старшинствѣ, показывая, какъ это измѣненіе старалось узаконить себя юридическими вымыслами, чего мы не находимъ у г. Погодина. Отъ-того, сколько мы понимаемъ въ этомъ дѣлѣ, послѣдній правъ въ своей основной мысли только вполнину: мѣстныя отношенія действительно поясняютъ княжескія отношенія въ періодъ удѣловъ, какъ, на оборотъ, мѣстничество возникло изъ удѣльныхъ отношеній; но эта связь между тѣмъ и другими историческими явленіями простирается только на вторую половину періода удѣловъ, когда появились счеты между дядями и племянниками о старшинствѣ. Возможность такихъ счетовъ была важнымъ шагомъ впередъ въ древней Россіи; она ослабила родъ и приготовляла упадокъ исключительно-кровныхъ отношеній, на которыхъ былъ основанъ весь нашъ бытъ въ тѣ времена. Напротивъ, въ первой половинѣ періода удѣловъ, родовое начало господствовало почти-исключительно, хотя и недолго, но совершенно отсутствію юридической опредѣленности, характеризующей старую Русь; следовательно, о примѣненіи къ пер-

вымъ временамъ между князьями отношеній счетовъ и понятій мѣстническихъ не можетъ быть и рѣчи. Г. Погодинъ ихъ и не прикладываетъ; но онъ, какъ намъ кажется, не довольно-рѣзко отдѣляетъ между собою различные фазисы удѣльнаго періода и княжескихъ отношеній не говоря уже о томъ, что о значеніи удѣльныхъ отношеній въ русской исторіи не находимъ даже намѣковъ. Авторъ совершенно не обращаетъ на нихъ вниманія; иначе вся исторія представилась бы ему въ другомъ свѣтѣ.

Приращеніа Москвы. Эта статья есть какъ-бы дополненіе къ статьѣ о Москвѣ.

«Москва есть такой городъ (говоритъ авторъ), на который можно и должно смотрѣть съ разныхъ сторонъ. Чѣмъ больше знакомитесь вы съ дею, тѣмъ больше выкаете въ ея свойства, особенности, достоинства, провѣстія, коня она была сценою и даже началомъ, тѣмъ болѣе удостоиваетесь, въ ея значеніи, важности, великой судьбѣ, прошедшей, настоящей и будущей. Исторія ея не кончилась. Кончился одинъ только періодъ, но она займетъ, можетъ быть, еще много великихъ страницъ въ книгѣ судебъ Русскихъ, Европейскихъ и Человѣческихъ» (стр. 163).

«Москва есть корень, зерно, сѣмя Русскаго Государства», говоритъ авторъ: — что совершенно-справедливо.

«Всѣ части, составляющія нынѣшнюю Россійскую Имперію, суть приобрѣтенія Москвы, такъ что всю Россію можно въ этомъ смыслѣ назвать разпространяемою Москвою.»

Положеніе несправедливое со времени Петра, когда правительственнымъ центромъ Россіи сталъ Петербургъ, и событія перестали быть московскими, тверскими или петербургскими, а стали русскими. Начало Имперіи и конецъ московскаго періода

нашей исторіи совпадаютъ. За этины слѣдуетъ обзоріе постепеннаго распространенія московскихъ владѣній и Россійской Имперіи.

«Дошла ли святая Русь-Москва до своихъ столбовъ Геркулесовыхъ, на которыхъ преданіе читало: не plus ultra? Исторія отвѣчать не смѣетъ, Сердце Царевы ль ружь Божіей.»

Вся статья написана съ древне-московской точки зрѣнія. Въ 1841 году г. Погодинъ написалъ статью о *Петрѣ Великомъ*. Она и по своему тону и по направленію невольно напоминаетъ *Взглядъ на Русскую Исторію*, который мы разбирали. Сказано много, даже хорошаго, остроумнаго, но изъ всего этого ровно ничего не выходитъ и ничего не слѣдуетъ. Послѣ перваго и втораго чтенія, не остается въ головѣ никакого результата, и вопросъ о великой реформѣ представляется мыслящему человѣку столько же таинственнымъ, загадочнымъ, какъ и прежде. И здѣсь мы видимъ, что г. Погодинъ не позаботился, правильно или неправильно, прямо или непрямо объяснить законъ, по которому она совершалась. И здѣсь онъ совъртатель, а не историкъ, даже не художникъ.

«Нижняя Россія» (такъ начинается авторъ) «то есть Россія Европейская, дипломатическая, политическая, военная, Россія коммерческая, мануфактурная, Россія школьная, литературная—есть произведение Петра Великаго. Какое бы явленіе въ снхъ сферахъ гражданской жизни ни стали мы разсматривать, о какомъ бы учрежденіи ни стали мы разсуждать, всѣ подобныя изслѣдованія доводятся непременно до Петра Великаго, у котораго въ рукахъ концы *свѣтъ машинъ нашихъ* (!) соединяются въ одномъ узлѣ. Куда мы ни оглянемся, всадъ встрѣчаемся съ этою колоссальною фигурою, которая бросаетъ отъ себя длинную тѣнь на все наше прошедшее, и даже застилаетъ намъ Древнюю Исторію—которая въ настоящую минуту *идетъ сама какъ будто держитъ свое ружье надъ нами, и которой, кажется, некогда*

не потеряемъ мы изъ виду, какъ бы далеко ни ушли въ будущемъ» (стр. 335).

«Что за зрѣлище представляетъ онъ самъ своею особою, своимъ твердымъ характеромъ, съ своею желѣзною волею, съ своими пылкими страстями, темпераментомъ, даже съ своимъ лицомъ и кривыми ростомъ! Что за зрѣлище представляетъ Россія и ея жители, съ ихъ образомъ мыслей, привычками, нуждами, предразсудками, обстоятельствами, старною—завѣтнымъ наслѣдіемъ предковъ,—Россія тысячелѣтняя, смиренная, терпеливая, благочестивая, самодовольная, страна, въ которую насланъ былъ судьбой этотъ величайшій изъ всѣхъ преобразителей, ничѣмъ не довольный!» (стр. 336).

«Какое движеніе, какая дѣятельность, живость, во всѣхъ концахъ обширнаго Царства! И что за разнообразіе!

«Здѣсь роятся въ горахъ и достаютъ руду, тамъ изъ руды куютъ желѣзо, дальше сверлятъ изъ желѣза стволы, а еще дальше стрѣляютъ ужъ изъ новаго ружья.

«Вотъ выписаны овцы, вотъ онъ плодился, вотъ настрижено съ нихъ шерсти, вотъ выткано изъ нея сукно и только что отстроенной фабрикѣ, вотъ кроютъ новое невмданное платье, и вотъ оно паляется на горько плачущій народъ, у котораго только что выбрита борода.

«Здѣсь скалываютъ бугры, тамъ возводятъ рвы, громоздятъ намыши, *взрываютъ* землю, выжигаютъ болота, раздѣляютъ прорубаютъ засѣки, и при послѣднемъ замахѣ лопаты, отбрасывающей остальность, камень съ новой дороги, показывается вдали первый обозъ, который подѣвѣжаетъ къ готовому сообщенію.

«Нигдѣ нечислится народъ, и *везде* водятся черныя рекрутскія яборы, *формируется* армія, и *прямо съ фронта* идетъ на генеральную баталію, *лучше* побѣждена, а къ вечеру празднуетъ исторію.» (стр. 337 и 338).

....«Петръ Великій сдѣлалъ много въ Россіи. Смотришь и не вѣришь, *столько* еще и не достигнуешься. Мы не можемъ отыскать своихъ *кавалерій*, *не можемъ* отыскать съ дѣста, не можемъ оборотиться

и въ одну сторону безъ того, чтобъ онъ нѣтъ не встрѣтился съ нами, дома, на душѣ, въ церкви, въ училищѣ, въ судѣ, въ полку, на гуляньѣ—все онъ, все онъ, и каждый день, всякую минуту, на всякомъ шагѣ!

«Мы просыпаемся. Какой нынѣ день? 1 Января, 1841 года.—Петръ Великій велѣлъ считать годы отъ Рождества Христова, Петръ Великій велѣлъ считать мѣсяцы отъ Января.

«Пора одѣваться—наше платье шито по фасону данному Петромъ Великимъ (?), ишдиръ по его формѣ. Сукно выткано на фабрикѣ, которую завелъ онъ, шерсть настрижена съ овецъ, которыхъ развелъ онъ.»

«Повадится на глаза книга—Петръ Великій велѣлъ въ употребленіе этотъ шрифтъ, и самъ вырѣзалъ буквы. Вы начнете читать ее—этотъ языкъ при Петрѣ Первомъ сдѣлался письменнымъ, литературнымъ, вытѣснѣвъ иржекій, церковный.

«Принесутъ газеты—Петръ Великій ихъ началъ.

«Вамъ нужно искупить разныя вещи—всѣ онѣ, отъ шелкового шейнаго платка до саевой подошвы, будутъ напоминать вамъ о Петрѣ Великомъ: однѣ выписаны имъ, другія введены имъ въ употребленіе, улучшены, привезены на его кораблѣ, въ его гавань, по его каналу, по его дорогѣ.

«За обѣдомъ отъ солевыхъ сельдей и картофеля, который указалъ онъ сѣять, до винограднаго вина, имъ разведеннаго, къ блюдамъ будутъ говорить вамъ о Петрѣ Великомъ.

«Послѣ обѣда вы ѣдете въ гости—это замѣлаея Петра Великаго. Встрѣчаете тамъ дамъ—допущенныхъ до мужской компании по требованію Петра Великаго.

«Пойдемъ въ Университетъ—первое сѣтское училище учреждено Петромъ Великимъ.

«Вы получаете чинъ—по табели о рангахъ Петра Великаго.

«Чина доставляетъ имъ дворянство—такъ учредила Петръ Великій.

«Мнѣ надобно подать жалобу—Петръ Великій опредѣлилъ ей форму. Примутъ ее—предъ зеркаломъ Петра Великаго. Разсудятъ—по Генеральному Регламенту (?).

«Вы вздумаете путешествовать—по прихвѣру Петра Великаго: вы будете приняты хорошо—Петръ Великій помѣстилъ Россію въ число Европейскихъ Государствъ, и началъ внушать къ ней уваженіе» (стр. 340—342).

Все это очень-хорошо, остроумно и справедливо. Но лишь только г. Погодинъ начинаетъ разрѣшать вопросы, естественно и необходимо возникающіе изъ реформы Петра и ея послѣдствій, видно, что онъ ихъ обходитъ, не такъ ставитъ, — словомъ видно, что высота современныхъ требованій отъ науки и исторіи ему недоступна. Говорятъ, что Петръ поразила русскую національность. Авторъ отвѣчаетъ на это обвиненіе вопросомъ: «возможно ли было Россіи уклониться отъ европейской цивилизаціи?» тогда-какъ самъ же (стр. 343) спрашиваетъ: «не было ли бѣ лучше, еслибъ преобразование было произведено не такъ быстро, не съ такимъ насиліемъ?» Въ этомъ-то и состоитъ весь вопросъ, который могъ возникнуть и сдѣлаться общимъ только теперь, когда образованіе сдѣлало значительные шаги впередъ и мы много намѣнились. О вліяніи на насъ Европы нечего и говорить; въ необходимости, по-крайней-мѣрѣ, немѣлжности его для древней Руси всѣ болѣе или менѣе согласны. — Разборъ главныхъ преобразованій Петра и ихъ оправданіе — верхъ историческаго непониманія. Петръ преобразовалъ войско, и это было необходимо:

«Ему надобно было сражаться съ Европейскими врагами, со Шведами, Пруссакми, Польшакми или Нѣмцами, сдѣловательно ихъ оружіемъ, ихъ приемами, ихъ тактикой и стратегіей. На ружье съ обухомъ идти нельзя. Или дожидаться ему было Карла? Скажутъ: онъ самъ напалъ

на Карла. Но кто поручится, чтобъ Карлъ достигнулъ зрѣлыхъ лѣтъ, оставилъ его въ покоѣ... и т. д.

Странно читать такіа оправданія. — Точно также оправдывается уничтоженіе стрѣльцовъ — не смотря на національность, учрежденіе флота, введенія фабрикъ и мануфактуръ, языка.

«Да! Преобразования Петровы были необходимы, по естественному ходу вещей въ самой Россіи, не только въ сосѣднихъ Государствахъ въ Европѣ» (стр. 349).

Если были и утвердились, то конечно были необходимы, въ какомъ бы смыслѣ мы не принимали это слово. Но рѣчь ни въ томъ. Нужно показать, почему были преобразования возможны въ той формѣ, въ какой совершились. Конечно никто не сомнѣвается теперь, что войско Петра-Великаго было лучше русскаго войска XVII вѣка, а флотъ лучше флота древней Руси, котораго вовсе не было. Но въль этихъ еще ничего не сказано и не разрѣшено. Вопросы остаются тѣ же. Г. Погодинъ наконецъ увидалъ это самъ. Удовлетворившись своимъ рѣшеніемъ вопроса о необходимости принятія на насъ западнаго элемента — рѣшеніемъ, впрочемъ, очень — неудовлетворительнымъ, какъ мы показали — онъ говорить:

«И такъ вопросъ нашъ о преобразованіи, или принятіи западнаго элемента, получаетъ теперь совсѣмъ иную форму, вотъ какую: могло ль необходимое столкновеніе, сближеніе Россіи съ Европою произойти иначе? Не лучше ли бѣ было при ономъ совсѣмъ не дѣйствовать?»

Вниманіе при этихъ словахъ невольно напряжено. Вы ожидаете, что г. Погодинъ разрѣшитъ вамъ эту тайну, введетъ васъ въ самый сокровенный тайникъ русской жизни, изъ котораго прольется неожиданннй свѣтъ на многознаменательное появленіе Петра въ нашей исторіи. Послушайте же, что онъ говорить:

«Признаюсь: вообразить изъ его мѣст (т. е. на мѣстѣ Петра Великаго) Феодора или Иоанна я не могу, не почувствовать трепета во всемъ составѣ своемъ о славности Россіи. Или нельзя было дѣйствовать и распорядиться лучше Петра Великаго! Нельзя ли было взять въ руки этотъ мечъ обоюдо-острый осторожнѣе, ловчѣе, искуснѣе Петра Великаго? Кто осмѣлится отвѣчать на такой вопросъ, кто скажетъ: можно? Не знаю: по крайнѣй мѣрѣ не я. Я не берусь ни за что на свѣтѣ предложить другой планъ Полтавскаго сраженія, другой проектъ Ништадскаго мира» (стр. 350).

Если, кромѣ риторической фразы, г. Погодинъ не имѣлъ ничего въ отвѣтъ на такой важный вопросъ, то мы не понимаемъ, для чего жъ писалъ онъ эту статью? Впрочемъ, вѣзничательностью своихъ разсужденій въ томъ же родѣ авторъ можетъ оправдать и эту. Чего жъ, въ-самомъ-дѣлѣ, авравъ мы требовать отъ писателя, который думаетъ, что перевороты, происшедшіе въ Россіи изъ-сладствіе водворенія Варяговъ и монгольскаго ига были болѣе внутренни, болѣе глубоки, дѣйствительны, чѣмъ реформа Петра, и обвиняли всѣхъ словомъ, а не одно какое-нибудь! (стр. 351).

Послѣ того, мы находимъ опроверженіе мнѣнія, будто бы Петръ-Великій возбуждалъ пристрастіе къ иностранцамъ. И обвиненія и оправданія очень стары и общезнавестны.

«Пристрастіе къ иностранцамъ» говорить между-прочимъ авторъ есть — наследственный порокъ всѣхъ славянскихъ племенъ, отъ самой глубокой древности, порокъ, въ коемъ обвиняютъ ихъ даже чужіе писатели. Что наше, того намъ и не надо — вотъ къ прискорбію, девизъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, славянскихъ исторій, который изгладится въ той мѣрѣ, какъ распространится истинное просвѣщеніе» (стр. 353).

Не изводитъ ли г. Погодинъ напраслины на Славянъ? Своѣ не было ли

и нихъ таково, что они поневоле бросались на чужое? Допустить въ огромномъ племени какую-то безпринципную и безкорыстную страсть къ чужеземному, противрѣчить зравому смыслу, тѣмъ болѣе, что пословицы, «отъ добра добра не ищутъ», «славны бубны за горами», и множество другихъ доказываютъ, что и мы, не хуже другихъ, умѣли сберегать, что намъ казалось хорошо и довольствовались своимъ; неподвижность нравовъ въ древней Руси то же доказываетъ. Мы, съ своей стороны, думаемъ и убѣждаемъ, что страсть Славянъ къ чужеземному (впрочемъ, замѣтимъ, не безъ разбора), имѣетъ глубокое историческое основаніе, ясное всѣхъ лѣтописей и документовъ говорить объ ихъ внутреннемъ бытѣ и обличаетъ въ этомъ племени большую даровитость, воспріимчивость и способность къ развитію. Если человѣкъ или народъ ищетъ лучшаго, не стѣсняясь преданіями и нравами, вѣрно перелъ нимъ великая булущность; богатство силъ доказываетъ способность самоотрицанія. Конечно, на этотъ предметъ можно взглянуть и съ другой точки. Кто легко примѣняется къ чужому, тотъ можетъ не имѣть ничего своего, по юности, несовершенности или по безсилію; но въ такомъ случаѣ страсть къ чужеземному все-таки не порокъ. Всякій въ правѣ рѣшать этотъ вопросъ такъ или иначе, по своему взгляду, предрасположенію или предрасудкамъ: только принять страсть къ чужому, какъ врожденную характеристическую черту Славянъ, совершенно-невозможно. Это противоестественно. Въ добавокъ, г. Поголинъ самъ-себѣ противрѣчитъ: онъ говоритъ, что эта страсть принадлежитъ со-временемъ; стало-быть, это историческое явленіе, преходящее, а такіа явленія не бывають безъ причинъ. И если есть причины такой страсти, ее

Т. I. — Отд. V.

нельзя называть наследственнымъ порокомъ.

Доказать, дажѣ, что Петръ не перервалъ своей реформой отечественнаго образованія, авторъ, по своему обыкновенію, объясняетъ молодымъ ученыхъ юристамъ, какъ должно изучать законодательство Петра-Великаго, и какъ, въ-слѣдствіе такого изученія, мы получимъ право основательно судить о реформѣ и ея значеніи.

«Тогда вмѣстѣ (говоритъ авторъ) возвратится подобающая честь и нашей древней Исторіи, кою пренебрегаетъ легкомысленное и опрометчивое невѣжество, не видя ее близорукими своими глазами изъ-за Петра Великаго, полагая въ слѣпотѣ своей, что первое государство міра, въ пол-экватора и четверть меридіана, рѣшающее судьбы Европы и всего міра, родилось въ одночасье, что Петръ Великій дѣйствовалъ случайно, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ, что сумма можетъ быть безъ слагаемыхъ» (стр. 355 и 356).

Тутъ что-нибудь изъ двухъ: или авторъ выдумываетъ небывалыя мнѣнія, или онъ незнакомъ хорошо съ теперешними взглядами на русскую исторію. Кто говоритъ, что Россія родилась въ одночасье? Кто говоритъ, что Петръ-Великій дѣйствовалъ случайно? Кто думаетъ, что колоссъ можетъ держаться на пескѣ или воздухѣ? Намъ, по-крайней-мѣрѣ, не случалось ни читать, ни слышать подобнаго даже въ частныхъ разговорахъ. Вѣроятно г. Поголинъ имѣлъ въ виду, что вѣкоторые не безъ основанія считаютъ Россію твореніемъ, созданіемъ Петра-Великаго, и, не отвергая матеріальнаго существованія элементовъ, изъ которыхъ воздвиглась Имперія преобразователя, смотрять однако на нихъ только какъ на *матеріаль*, оживотворенный и одухотворенный Петромъ. Въ этомъ смыслѣ, какъ мы знаемъ, многіе не

1/3

приписывают особенной важности допетровской России: тамъ не въ видѣ Опи въ ней хранилище и осу ществленіе какихъ-то вѣчныхъ, не умирающихъ таинственныхъ истинъ, которыя, къ сожалѣнію, заслонены те перь отъ насъ реформой и должны въ послѣдствіи обновить собою міръ. Сво его относительнаго, историческаго значенія, сколько мы знаемъ, никто у ней не отрицаетъ. Г. Погодинъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду также имѣ ніе, что реформа Петра, по крайне- ограниченному, полувосточному со стоянію страны, въ которой она про изошла, носила и должна была носить чисто-личный характеръ, такъ-что ея единственный двигатель—Петръ, былъ для Россіи все; что онъ дѣйствовалъ, какъ ея воплощенный идеалъ, и во имя ея же дѣйствовалъ, какъ ея воспи татель, исправитель, опекунъ и на ставникъ. Какъ представитель ея инте ресовъ, онъ былъ *самозакономъ* напере коръ ея привычкамъ и предаванъ. по тому-что онъ былъ — Россія, и осно вываясь на этомъ своемъ значеніи, ко торое чувствовалъ и непосредственно совпадалъ, какъ гений, Петръ не имѣлъ нужды ни въ какомъ оправданіи и ни въ какой повѣркѣ. Не соглашаясь съ нимъ, Россія была неправа. Отсюда и успѣхъ его дѣла, послѣдовавшій съ баснословною скоростью. Но при та комъ взаимномъ отношеніи великаго преобразователя и Россіи, форма, имъ данная, необходимо должна была имѣть личный характеръ, носить на себѣ печать Петра не только какъ преобразо вателя, но и какъ такого-то лица. Г. Погодину показалось, что это значить, что реформа была случайна. Пред оставляемъ всѣмъ судить, такъ ли это? Также точно не высказалъ себѣ г. По годинъ и многихъ другихъ имѣній, что видно изъ его нападеній на нѣкоторые изъ современныхъ толковъ.

За этии слѣдуютъ опять вещи очень-старыя и мѣлкія о всемір номъ значеніи Петра: онъ положилъ основаніе соединенію двухъ различ ныхъ фазъ человѣческаго образованія, западной и восточной. Они разлѣчуют ся между собою, какъ церкви восточ ная и западная:

• Одному принадлежитъ исслѣдо ваніе, другому вѣрованіе, одному без покойство, движеніе, другому спо койствіе, пребываемость: одному не удовольствіе, другому терпѣніе; стре мленіе внѣ и внутрь, сила средотѣ чная и средостремительная, человѣкъ западный и восточный. Оба эти обра зованія, отдѣльно взятая, односто ронны, неполны, одному не доста етъ другаго. (стр. 358).

Такимъ-образомъ, Петръ начинаетъ собою новую эпоху въ исторіи чело вѣчества, западно-восточную, европ ейско-русскую, въ которой западная пылливость будетъ освящена восточ ной вѣрой

Можетъ-быть, и будетъ слово въ сло во такъ, какъ выражается г. Погодинъ; но покуда это все еще мечта, очень правдоподобная, обыточная — поло жимъ—но до-сихъ-поръ еще неосу щевавшаяся, и потому служащая пло химъ объясненіемъ значенія реформы. Не знаю, зачѣмъ въ ней прибѣгать, когда фактъ можно объяснить гораздо проще, ближе, повѣтѣе, не йла отъ предположеній, еще имѣющихъ осуще ствиться. Наконецъ, насъ удивляетъ, какъ г. Погодинъ могъ напасть на мысль объ этомъ европейско-русскомъ синтезѣ: по всему видно, что онъ не очень благоволилъ къ Западу и очень благоволилъ къ Востоку—слѣовательно, не совершенно-беспристрастенъ къ тому и другому.

Европейскій періодъ нашей исторіи, начавшійся Петромъ-Великимъ, окончился съ первою четвертью настоящаго столѣтія. Теперь начинается, по извѣстн. г. Погодина, періодъ *національн. ный*, который, можетъ-быть, будетъ періодомъ въ исторіи Европы и чело-вѣчества.

А значеніе реформы все-таки не понятно!

Статья о *Посошковѣ*, написанная по поводу изданія сочиненій этого замѣчательнаго чело-вѣка въ 1842 году, есть не что иное, какъ выписка изъ его книги *О Скудости и Богатствѣ*, открытой г. Погодинымъ и напечатанной имъ вмѣстѣ съ другими двумя сочиненіями того же автора. Многія мѣста очень любопытны. Мы ея потому не разбираемъ здѣсь, что г. Погодинъ очень-мало говоритъ въ этой статьѣ отъ себя, а почти-вездѣ подлинными словами Посошкова.

Изъ произведеній историко-литературной дѣятельности г. Погодина въ 1835 году, въ составъ разбираемой нами книги вошли двѣ статьи: *Параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала*—которая была уже напечатана въ книгѣ подъ заглавіемъ *Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи о русской старинѣ*.—статья, помѣщенная въ *Москвитяинѣ*. Обѣ проводятъ одну мысль, хотя и написаны по разнымъ поводамъ. Мы видѣли, что еще во вступительной лекціи, въ 1832 году, г. Погодинъ съ особенною любовію останавливался на параллелизмѣ между исторіей Россіи и европейскихъ государствъ, не смотря на несходство, даже противоположность Россіи съ Европой во многихъ отношеніяхъ. Ту же мысль встрѣтили мы даже въ статьѣ о мѣстничествѣ, написанной гораздо-позже. Такимъ-образомъ, она не только не была забыта

авторомъ, но усѣла въ немъ развиться до послѣднихъ своихъ результатовъ. Не знаемъ, сознательно ли бесовнательно, только авторъ убѣдился наконецъ совершенно, что русская жизнь и европейская совершались хотя и на разныхъ почвахъ и подъ различными условіями, однако въ уровень, параллельно. Это неволью заставило его смотрѣть на наши событія съ европейской точки зрѣнія, видѣть въ нихъ чего въ нихъ не было, и придавать имъ смыслъ, котораго она не имѣли, и такими-образомъ и поставить на оборотъ все, что у насъ совершалось. Быть-можетъ, авторъ былъ увлеченъ потокомъ, необходимою послѣдовательностью мыслей, которымъ съ самаго начала неосторожно поддался. Какъ бы то ни было, но результаты этого были печальны. Проводя параллель между началомъ русскаго и европейскихъ государствъ, г. Погодинъ сдѣлалъ много ошибокъ, искажилъ пропасть фактовъ, прибѣгалъ къ сравненіямъ, удивительнымъ натяжкамъ, чтобы остаться вѣрнымъ себѣ и своей мысли; жертвъ принесено этой мысли много. Подробный ея разборъ мы представимъ въ критикѣ *Исслѣдованій* г. Погодина объ русской исторіи, гдѣ эта статья напечатана. Рѣдко гдѣ можно встрѣтить столько парадоксовъ, такое произвольное обращеніе съ данными, какъ въ этой параллели...

Въ статьѣ *За русскую старину*, въ послѣдней книгѣ, та же мысль является совсѣмъ въ другомъ видѣ. Въ *Параллели* она изложена догматически, сноскоюно, повѣствовательно; напротивъ, ратуя за старину, г. Погодинъ представляетъ ее какъ дѣло въ тяжбѣ, доказываемое и опровергаемое, — и, защищая ее, не вездѣ выдерживаетъ умѣренный тонъ; подчасъ, разгораясь, можетъ-быть, выведенный изъ терпѣнія противниками, г. Погодинъ

прибавляет к доводам чрезвычайно категорическимъ, неопровержимымъ и въ особенности неопровергаемымъ. Мы это увидимъ яснѣе разбирая статью, которая очень-любопытна во многихъ отношеніяхъ...

Въ 1845 году, въ 25 номерѣ «Московскихъ Вѣдомостей» помещена была статья подъ заглавіемъ: *Бретань и ея жители*. Въ этой статьѣ, между прочимъ, было сказано, что «средній вѣкъ не существовалъ для нашей Руси, потому что в Русь не существовала для него». Мы твердо увѣрены что авторъ крѣпко поостерегся бы написать эти столько невинныя слова еслибы онъ могъ напередъ предвидѣть, что изъ нихъ выйдетъ.

Г. Погодинъ взглянулъ на эти строки совсѣмъ-другими глазами, чѣмъ мы, т. е. онъ не только не нашелъ ихъ невинными, но, напротивъ, открылъ въ нихъ желаніе автора «бросить тѣнь на наши хроники» успѣлъ подслушать, какъ эти слова произнесены будто «съ состраданіемъ», разумѣется, къ Россіи. Такое намѣреніе, выходящее изъ обыкновенныхъ литературныхъ, на-примѣръ, какъ еслибы кто-нибудь называлъ германскія владѣнія нашими пятидесятью губерніями — должно было получить и чрезвычайный ходъ. Судить за тѣнь, брошенную на русскія лѣтописи, за сожалѣніе (кажущееся, подозрѣваемое), что у насъ не было среднихъ вѣковъ, — было бы слишкомъ слабо. Чтобы предупредить подобныя идеи на будущія времена, г. Погодинъ рѣшилъ, какъ водится, представить всевозможныя доказательства противъ нихъ, и употребить всѣ средства, не разбирая, для увеличенія инвентаря. Какъ тонкій и искусный адвокатъ отечественной исторіи, г. Погодинъ повелъ рѣчь вдалека.

«Въ 1830-хъ годахъ, залагая, въ одномъ изъ журналовъ того времени систе-

му Европейской Исторіи Гизо, только что появившуюся у насъ, я имѣлъ честь заимѣнить знаменитому Профессору объ его односторонности, и сказать, что исторію Запада нельзя выразумѣть вполне, не обращая вниманія на другую половину Европы, на исторію Востока, шедшую съ нимъ параллельно (?)...

... «Не странно ли встрѣтить, даже въ образованномъ классѣ, людей столько запоздалыхъ, столько отсталыхъ или столько ослѣпленныхъ, которые, видя предъ своими глазами Петрову Россію, могутъ смѣло, не заинаясь, выговаривать, что этотъ колоссъ, готовый и вооруженный, произошелъ изъ ничего, безъ всякаго предварительнаго приготовленія, безъ Средняго вѣка» (стр. 437—439).

Замѣтите, какъ разбираетъ вещи г. Погодинъ! Желая сдѣлать изъ русской исторіи «охранительницу и блюстительницу общественнаго спокойствія», онъ непрямо требуетъ, чтобы и она имѣла свой средній вѣкъ, послѣ котораго, какъ извѣстно, и начала развиваться полиція предупредительная. Иначе у насъ она была бы невозможна, а это не допускается г. Погодинымъ. За тѣмъ подробно доказывается, что у насъ былъ средній вѣкъ:

«Средній вѣкъ у насъ былъ, скажу я неизвестному автору, былъ, какъ и въ Западной Европѣ, но только подъ другую форму; тотъ же процессъ у насъ совершался, какъ и тамъ; тѣ же задачи разрѣшались, только посредствомъ другихъ приемовъ; тѣ же пѣли достигались, только другими путями...» И у насъ было введено Христіанство, только иначе, мирно и спокойно, съ крестомъ, а не съ мечемъ; и мы начали молиться одному Богу, но на своемъ языкѣ, понимая свои молитвы, а не перелепетывая чуждые звуки; и у насъ образовалось духовенство, но духовное, а не мірское; и мы преклонялись предъ нимъ, но предъ его словомъ и убѣжденіемъ, а не властію. Въ политическомъ отношеніи было также раздѣленіе, междуособная война, центра-

лизиціа, единодержавіе. У насъ не было, правда, рабства, не было пролетаріага, не было ненависти, не было гордости, не было инквизиціи, не было феодалнаго гнета, за то было отеческое управленіе, патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владѣніе, была мірская сходка: однимъ словомъ, въ среднѣмъ вѣкѣ было у насъ то, объ чемъ такъ старался Западъ уже въ Новомъ, не считая еще въ Новѣйшемъ и едва ли можетъ успѣть въ Будущемъ. Мы являлись добродѣтели в свои пороки, мы совершили свои подвиги, мы имѣли свои прекрасные моменты, мы можемъ указать на своихъ великихъ людей... (стр. 439 и 40).

Положимъ, что все это такъ же справедливо и основательно, какъ на самомъ дѣлѣ несправедливо и выведено изъ одного внѣшняго сходства событій, которое ничего не доказываетъ; допустимъ на минуту, что мы пережили средній вѣкъ въ формѣ вѣсколькоруазличной отъ европейской, но все-таки пережили. Спрашивается, какъ же явилась у насъ такая полная, радикальная реформа въ началѣ XVIII вѣка, и зачѣмъ она была нужна?

«Петръ Великій, по необходимости, въ отношеніи естественныхъ географическихъ отношеній Россіи къ Европѣ долженъ былъ остановить народное развитіе и дать ему на время другое направленіе» (стр. 41).

Хорошо стало-быть, эта необходимость была только внѣшняя, вовсе не вызванная внутреннею неразвитіемъ? Спрашивается послѣ этого, какимъ образомъ народъ, имѣвшій такое же богатое развитіе, какъ Европейцы, не свѣдалъ въ продолженіе своей жизни опасности противъ внѣшнихъ враговъ, на свою потребу всѣмъ тѣмъ, чѣмъ завладѣли наши западные сосѣди? Вы скажете: да мы и завладѣли, только наше было другое. Во-первыхъ, это несправедливо. Очень-многого у насъ не

было, что у нихъ было; многое мы давно уже отъ нихъ заимствовали — задолго до Петра; а во-вторыхъ, то, что и было у насъ своего — было, однако, хуже европейскаго: это оказалось на-самомъ-дѣлѣ; ибо будь наше лучше, не мы бы у нихъ стали заимствовать, а они у насъ. Вотъ и доказательство, что мы жили вовсе не тою жизнью, какою Европа, а живя нѣмного выше; въ противномъ случаѣ, мы бы развились, правда, по-своему, но не хуже ихъ, и когда установилось между нами общеніе, мы стали бы мѣняться другъ съ другомъ, а не становиться въ такіе неравные отношенія, въ какія стали со временемъ реформы. Пропускаемъ всѣ ложные выводы автора изъ ложнаго основанія, что у насъ были средній вѣкъ, какъ и въ Европѣ, — будто мы теперь, когда періодъ Петра-Великаго окончился, начинаемъ припоминать себя, а не жить новою, никогда небывалою въ Россіи жизнью, будто для насъ начинается старинное и тяжкое иностранное иго, умственное и ученое, когда теперь мы совладали съ Европою едва-ли не ближе, основательнѣе, чѣмъ когда нибудь прежде и т. д. Пропускаемъ также и относящія къ дѣлу оправданія противъ литературныхъ нападеній, будто-бы взводимыхъ на «Москвитянина». Публика в общественномнѣніи уже рѣшила этотъ вопросъ окончательно, а по пословицѣ, «гласъ народа—гласъ Божій». Поспѣшаемъ къ концу и статьи и книги, который во многихъ отношеніяхъ особенно замѣчательны. Авторъ статьи о Бретани сказалъ между-прочимъ, что мы навсегда распростились съ нашей неподвижной старинной, съ безвыходнымъ застоємъ вошкинскіе эпохи. Г-нъ Погодинъ, воспользовавшись случаемъ, восклицаетъ:

«Избави насъ Боже отъ застоя Кошкинскіе эпохи, но в сохраніе насъ, Высшій Силы, отъ Кошкинскаго прогресса»

са, — Прогресса Кошкина, который изменил своему отечеству, отрекся от своей веры, переименовал свое имя, отказался от своего семейства, бросил своих детей, женился на двух женах, и кончил свою несчастную жизнь от руки тех же иноплемениковъ, достойно наказанный за свое легкомысленное и опротивительное отступничество!»

Да, Кошкинъ — человекъ достойный всякаго сожалѣнія! Онъ былъ необыкновеннаго ума, какъ свидѣтельству-

ють объ немъ даже иностранцы, бывшіе объ насъ, особливо въ то время. очень-низкаго мнѣнія.

Оканчивая статью, мы не можемъ сказать вмѣстѣ съ г. Погодинымъ: *dixi et salvavi animam*. Ставъ на такую ограниченную точку зрѣнія, какъ оны, можно совершенно удовлетвориться нѣсколькими фразами, наставленіями и двусмысленными возраженіями, старающимися не къ видимой цѣли, а..... гораздо-далѣе.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

1) Повѣсти, Сказки и Равскавы Казака Луганскаго. *Санктпетербургъ. Въ гутенберговой тип. 1846. Четыре части. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части 474, во II-й—477, въ III-й—488, въ IV—529 стр.*

Читателямъ «Отеч. Записокъ», можетъ-быть, со-временемъ представится подробная и по мѣрѣ возможности полная оцѣнка сочиненій В. Н. Даля; теперь же мы намѣрены ограничиться общою характеристикой этого замѣчательнаго и самобытнаго дарованія. Помнится, какой-то плохой стихотворецъ восклицалъ однажды, что еслибъ небо позволило ему избрать свой жребій, онъ пожелалъ бы сдѣлаться не дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, не шильмоеромъ — а именно народнымъ писателемъ. Небо не всегда внимаетъ молениямъ смертныхъ; оно оставило стихотворца при его речахъ, а каза-

ку Луганскому, вѣроятно, безъ всякой съ его стороны просьбы, опредѣлило быть писателемъ дѣйствительно-народнымъ. Мы болѣе всего цѣнимъ въ талантѣ единство и округленность: не тотъ мастеръ, кому многое дано, да онъ съ своимъ же добромъ сладить не можетъ, но тотъ, у кого все свое подъ рукой. А г-ну Далю и многое дано, и владѣть онъ своимъ талантомъ мастерски, особенно тамъ, гдѣ онъ у себя дома.

Мы назвали г. Даля народнымъ писателемъ и должны оправдать это названіе. У насъ еще господствуетъ ложное мнѣніе, что тотъ-де народный писатель, кто говоритъ народнымъ языкомъ, поддѣлывается подъ русскія шуточки, часто изъявляетъ въ своихъ сочиненіяхъ горячую любовь къ родинѣ и глубочайшее презрѣніе къ иностранцамъ... Но ны не такъ по-

нимаемъ слово «народный». Въ нашихъ глазахъ, тотъ заслуживаетъ это названіе, кто, по особому ли дару природы, въ слѣдствіе ли многотревожной и разнообразной жизни, какъ-бы вторично сдѣлался Русскимъ, проникнулся весь сущностью своего народа, его языкомъ, его бытомъ. Мы употребляемъ здѣсь слово «народный» не въ томъ смыслѣ, въ которомъ оно можетъ быть примѣнено къ Пушкину и Гоголю, — но въ его исключительномъ, ограниченномъ значеніи. Для того, чтобъ заслужить названіе народнаго писателя въ этомъ исключительномъ значеніи — нуженъ не столько личный, своеобразный талантъ, сколько сочувствіе къ народу, родственное къ нему расположеніе, нужна наивная и добродушная наблюдательность. Въ этомъ отношеніи, никто, рѣшительно никто въ русской литературѣ не можетъ сравниться съ г. Далемъ. Русскаго человѣка онъ знаетъ какъ свой карманъ, какъ свои пять пальцевъ. Когда, дѣтъ десять назадъ, появились первыя рѣсказни Казака Луганскаго — онѣ обратили на себя всеобщее вниманіе читателей русскимъ складомъ ума и рѣчи, изумительнымъ богатствомъ чисто-русскихъ поговорокъ и оборотовъ. Нельзя было признать въ нихъ особеннаго художественнаго достоинства со стороны содержанія, но своимъ неподдѣльнымъ и свѣжимъ колоритомъ онѣ рѣзко отличались отъ пошлаго балагурства непривычныхъ народныхъ писателей. Какъ первые опыты сильнаго таланта, эти сказки замѣчательно хороши; но такого рода сочиненія не имѣютъ еще истинно-литературнаго значенія... И авторъ не остановился на нихъ: Казакъ Луганскій сталъ Далемъ. Г. Даль находится теперь въ самомъ расцвѣтѣ своего таланта, и лучшія его произведенія появились въ послѣднихъ годахъ.

Постараемся опредѣлить составные элементы его таланта. Г. Даль очень уменъ, — въ томъ вѣтъ сомнѣнія; но онъ еще болѣе смыслѣнъ, смыслѣнъ русской смыслѣнностью. На своемъ вѣку онъ, должно быть, видалъ и омекалъ

многое. У него мало юмора, но русскаго, игриваго остроумія у него бездна. Онъ, какъ говорится, себя-на-утѣ, смотритъ невиннѣйшимъ человѣкомъ и добродушнѣйшимъ сочинителемъ въ мірѣ; вдругъ вы чувствуете, что васъ поймали за хохолъ, ногти въ васъ запустили преострые; вы оглядываетесь, — авторъ стоитъ передъ вами какъ ни въ чемъ не бывало... «Я, говоритъ, тутъ сторона, а вы какъ поживаете?» Русскому человѣку больно отъ него досталось — и русскій человѣкъ его любить, потому что и Даль любитъ русскаго человѣка, любить дворянскія его сѣдомыи утиральникомъ и съ грязной щеткой, на которую онъ въ раздуми опираетъ свою бороду. Слогъ у Даля чисто-русскій, немножко-ишкочкватый, немножко-небрежный (а намъ крайне нравится эта ишкочковатость и небрежность), но меткій, живой и ладный. Казакъ Луганскій (не даромъ казакъ!) не поднимается на ходули, не говоритъ намъ: «Я, господа, вамъ расскажу то и то; я презлой, презумный и пренасмѣшливый человѣкъ... Куда! Послушать его — онъ ниже травы, тиге воды. Но въ его разсказахъ то-и-дѣло попадаютъ вещицы, отъ которыхъ такъ и хочется подпрыгнуть, между-тѣмъ, какъ въ пронаведеніяхъ тѣхъ ученыхъ и краснорѣчивыхъ господъ все есть, кромѣ непредвидѣннаго... А насъ, грѣшныхъ людей, буквоѣдовъ, только непредвидѣнное и радуетъ. Даже иногда обидно становится читателю: за чтѣмъ русскій человѣкъ отданъ весь во владѣніе этому казаку? А дѣлать нечего!.. Иногда, правда, казакъ балагуритъ немного, щеголяетъ «словечками... но за кѣмъ грѣха не водится! Надобно также признаться, что г. Дально не всегда удаются его большія повѣсти; связать и распутать узелъ, представить игру страстей, развить послѣдовательно цѣлый характеръ — не его дѣло, по-крайней-мѣрѣ тутъ онъ не въ первыхъ мастеровъ; но гдѣ разсказъ не переходитъ за черту «эпическаго», гдѣ авторъ ищетъ съ натуры,

ставитъ передъ вами или брюхача-гупца, или русскаго мужичка на заливникѣ, дворяника, деньщика, помѣщика-угостителя, чиновника средней руки — вы не можете не прійти въ упоеніе... Произведенія г. Даля, переведенныя, едва-ли могли бы понравиться иностранцамъ: въ нихъ уже черезъ-чуръ пахнетъ русскимъ духомъ, они слишкомъ-исключительно народны; но мы любуемся ими, не потому только, что вотъ-жолъ какъ вѣрно списано это слово, — а потому что русскому все русское любо, какъ бы оно ни было поль-часть смѣшно. Мы, грѣшныя люди, совнаѣмся, находимъ особую прелесть въ томъ, что мужики на Святой не вспахали-таки земли, не смотря на свои разумныя рѣчи, — въ томъ, что деньщикъ дѣлитъ весь міръ на двѣ половины, на своихъ и на не-своихъ, и такъ ужъ и поспунаетъ съ ними... Въ русскомъ чело-вѣкѣ таится и оубѣгъ зародышъ будущахъ великихъ дѣлъ, великаго народнаго развитія...

Г. Даль, должно быть, провелъ нѣкоторые годы своей жизни на югѣ и на востокѣ Россіи... да, впрочемъ, гдѣ онъ не бывалъ! Молдаване, Жиды, Цыгане, Болгары, Киргизы—это все ему знакомый народъ. Бытъ ихъ, обычаи, города и селенія, разнообразную природу нашей Руси рисуетъ онъ мастерски, немногими, но меткими чертами. У г. Даля гораздо-болѣе памяти, чѣмъ воображенія; но такая вѣрная и быстрая память стоитъ любаго воображенія. Мы, пожалуй, готовы согласиться, что проживи г. Даль весь свой вѣкъ въ одномъ городѣ, талантъ его не развился бы и вполонину; но мало ли людей, которые взвѣздили все російское государство волю и поперегъ, и — ничего не видали, ничего не слышали и ничего не помнятъ, или помнятъ совершенныя пустяки. Развѣ не талантъ—уиѣнье однимъ взглядомъ подлѣгать — характеристическія черты края, народонаселенія, уловить малѣйшія выраженія разныхъ — говоря выходящихъ слогами — личностей, и, среди

всякаго рода дразгововъ и мелкихъ хлопотъ, сохранить неизмѣнную, непри-нужденную веселость? Замѣчательно, что г. Даль, вѣроятно, совнала свою собственную, рѣзко-выраженную оригинальность, не даетъ ей слишкомъ развѣгратъся, и рѣдко впадаетъ въ манеру, не такъ, какъ, на-пр., г. Вельманъ, съ которыми у него, впрочемъ, довольно-много общихъ чертъ. Одно ему не совсѣмъ далось, какъ и почти всѣмъ нашимъ писателямъ, даже Гоголю:—женщины... Иногда мы также, желали бы найти въ г. Далѣ больше вкуса; не слѣдовало бы такому богатому автору, какъ онъ, гоняться за такими бѣдными шутками, какъ, на-пр. слѣдующія надписи надъ главами Вахха Сидоровича Чайкина: «Отъ меглы съ фонаремъ и до самаго полковника и дальше...» «Отъ страпчаго Неврова еплотъ до дѣвицъ Калюхиныхъ...»

Но все же нельзя отъ души не поздравить русской публики съ появленіемъ полныхъ сочиненій В. И. Даля. Пусть ихъ успѣхъ поощритъ его дарить намъ еще болѣе повѣстей въ родѣ «Колбасниковъ и Бородачей», еще нѣсколько очерковъ въ родѣ «Дворянка», «Донщица», «Мужика», и пусть онъ, какъ съ играми не совсѣмъ еще зрѣлой юности, расстанется съ своими сказками и притчами въ рифмованной прозѣ, и въ особенности съ произведеніями въ родѣ «Ночь на Распутыи», которая, не смотря на множество удачныхъ подробностей, не въ выгоду развитаго автора напоминаетъ «Сонъ въ Лѣтнюю Ночь» Шекспира. Г. Даль уже заваялъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ нашей литературѣ: пусть онъ окончательно упрочитъ это мѣсто за собою.

2) Зиновій - Богданъ Хмельницкій. Сочиненіе Александра Кузьмича. Эпоха первая. Молодость Зино-вія. Пять частей. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Вуманъ. Въ 12-ю д. л. стр.

Дѣтъ пятнадцать назадъ, историче-

ские романы были въ большой модѣ. Ихъ писалъ во множествѣ и по самому легкому рецепту. Вальтеръ Скоттъ, создавшій историческій романъ, соблазнилъ пишущую братію одной постоянной своей уловкой: онъ ввелъ въ свои романы *таинственные лица*, которыя даютъ романисту возможность распутывать узлы самой запутанной завязки. Писатели всѣхъ націй подхватили это изобрѣтеніе — и европейская литература переполнилась историческими романами, въ которыхъ не было ничего вальтер-скоттовскаго, кромѣ запутанности интриги, но которые читались большинствомъ чуть ли не съ такою же жадностью, какъ «Айвенго» и «Антикварій». Писатель избиралъ какую-нибудь эпоху, подробно описанную въ историческихъ памятникахъ, заглядывалъ въ первыя попавшіяся ему археологическія изслѣдованія объ одеждахъ и жилищахъ избраннаго времени, приписывалъ новыя гармоническія имена общимъ для всѣхъ славочниковъ идеаламъ героя и героини, или втискивалъ живыя историческія лица въ эти установленныя формы и смѣло начиналъ рассказывать сказку вѣчнаго содержанія, въ которой юноша идеальнаго совершенства долженъ любить безъ памяти дѣвицу таковаго же достоинства, по соединиться съ ней вѣчными узами не иначе, какъ по преодоленіи тысячи препятствій, при содѣйствіи *таинственной лица* — какого-нибудь нищаго, разбойника, Жида, Цыганыки, скomorоха и т. п. На Руси историческіе романы производились и потреблялись съ такою же быстротою, какъ и вездѣ; всѣ эпохи русской исторіи, отъ призванія Рюрика до нашествія двадцати лѣтъ, были перетроганы романистами и перелѣтаны по одному и тому же рецепту въ длинныя сказки самаго зауряднаго интереса. Кто изъ насъ не пожиралъ ихъ въ отрочествѣ съ утратой крѣпости нервовъ и многихъ часовъ учебнаго времени? Кто не прививалъ этихъ сказокъ за историческіе романы? Кто не вѣрилъ въ могуще-

ственный геній русскихъ Вальтеровъ Скоттовъ? «О золотые дни дѣтства! воскликнемъ мы съ толпою отжившихъ сочинителей: «зачѣмъ проходите вы незворратно, унося съ собою цѣлый рядъ сладкихъ обольщеній?» Будемъ, однакожь, благодарны г. Кузьмичу, который напомнилъ намъ эти милые сердцу годы своимъ историческимъ романомъ «Зиновій-Богданъ Хмѣльницкій». Опоздавъ сочиненіемъ въ изданіемъ этого творенія на цѣлые полтора десятка лѣтъ, онъ подарилъ намъ много часовъ сладкаго воспоминанія: зараженные духомъ современности, мы не могли бы преодолѣть пяти томовъ его романа, еслибъ при чтеніи его не завлекала и не поддерживала насъ задача — переселиться всѣмъ существомъ своимъ въ ту извѣстную-живовавшую эпоху, когда подобное произведеніе литературы могло имѣть свое значеніе и когда мы сами прочли бы его съ праярымъ, непосредственнымъ умиленіемъ. Теперь, увы! мы должны прибѣгать къ неизбѣстнымъ въ то время ухищреніямъ анализа для того, чтобъ добыть себѣ наслажденіе при чтеніи «Зиновія-Богдана Хмѣльницкаго». Но и за то благодаримъ автора: живое воспоминаніе такъ же плодотворно для отдѣльнаго лица, какъ историческая мудрость для цѣлаго народа. Съ этой точки зрѣнія предполагаемъ мы, читатель, прослѣдить съ вами сочиненіе г. Кузьмича.

Ультра-сказочное направленіе до такой степени господствуетъ въ «Зиновія-Богданѣ Хмѣльницкомъ», что авторъ его, кажется, нарочно уклонился отъ возможности создать что-нибудь похожее и на сказку. Читая его, вы безпрестанно встрѣчаетесь лицомъ-къ-лицу съ задачами, достойными романиста, и не можете не удивляться — какимъ образомъ г. Кузьмичъ могъ оставить ихъ безъ исполненія, когда они сами напрашивались ему подъ перо. Самый характеръ Хмѣльницкаго могъ бы быть возведенъ въ типъ полной жизни и общаго интереса, еслибъ г. Кузьмичъ не рѣшился сдѣлать его страннымъ, облек-

ни его въ общепринятыхъ формы скамныхъ героевъ. Есть люди, неотличающиеся ни гениальнымъ умомъ, ни особенною страстностью, но одаренные чрезвычайной силою самообладанія; эта сила даетъ имъ огромную власть надъ толпою и закрываетъ успѣхъ ихъ замысловъ. Къ такой гармонической натурѣ часто привязывается даже человекъ необыкновенный, но почерпакщій свою силу изъ горячаго источника преобладающей въ немъ страсти; ибо въ самомъ дѣлѣ, можно ли представить себѣ что-нибудь могущественнѣе и сильнѣе въ способности живаго существа художественно распоряжаться собственными силами, царствовать надъ самимъ-собою? Что самообладаніе не имѣетъ ничего общаго съ безстрастностію и пошлостію — объ этомъ мы не считаемъ пужнымъ распространяться: само собою разумѣется, что самообладаніе не можетъ и обнаруживаться въ томъ, кто не имѣетъ пужды бороться съ своими страстями. Самообладаніе въ человекѣ то же, что разумъ въ мирѣ: и то и другое начало не только не исключаютъ, но и предполагаютъ борьбу могучихъ силъ въ организмѣ. Г. Кузьмичъ, безъ всякаго сочувствія къ этой сторонѣ личности своего героя, заставляетъ догадываться читателя, что Хмельницкій былъ именно человекъ съ огромнымъ самообладаніемъ. Но подъ перомъ его оно получило оттѣнокъ необыкновенно-пошлой благовоспитанности и того заученаго благонравія, о которомъ толкуютъ дѣтскія книжки. Хорошъ собой, уменъ, ученъ, благочестивъ, привѣтливъ съ нисплыми, почтителенъ съ старшими, любезенъ съ женщинами, храбръ, терпѣливъ, благоразуменъ, — такой Зиновій г. Кузьмича единственно потому, что попалъ въ герои романа. Ни разу онъ ни въ чемъ не ошибся, ни разу не сдѣлалъ ни малѣйшаго промаха; за то и счастье далить ему со всѣхъ сторонъ: женщины отъ него безъ ума, король и королевицъ отдаютъ его своими милостями, Украинцы привержены къ нему, хотя онъ

съ своей стороны ведетъ себя какъ приверженецъ Польши; даже между Поляками, не смотря на ихъ свирѣбую ненависть къ казакамъ, отъискиваются у него романовые друзья. Но, помнится, отъ романовъ той категоріи, къ которой принадлежитъ «Зиновій-Богданъ Хмельницкій», и не требуется никакой отдѣлки характеровъ, — напротивъ, требуется, чтобъ герой былъ именно такъ идеально и непонятно совершенъ, какъ Зиновій г. Кузьмича. Следовательно, если только этотъ сочинитель разсчитывалъ, при изданіи своего романа, на впечатлѣніе такихъ же отроковъ, какими были дѣтъ пятнадцать тому назадъ люди настоящаго поколѣнія, то онъ правъ какъ-нельзя-болше. И если еще черезъ пятнадцать дѣтъ опять задумается ему написать историческій романъ для отроковъ, и тогда будетъ онъ правъ, если выведетъ на сцену не человекъ, а вымышленное совершенство. Для отрока романъ долженъ быть вдовзмѣненіемъ нянной сказки: ему надоѣдаетъ слушать разсказы о добываніи жаръ-птицы и золотыхъ яблокъ, потому-что въ немъ уже пробудилась потребность дѣйствительной жизни; но самая дѣйствительность еще такъ мало ему знакома, что изображеніе ея не возбудитъ въ немъ никакого сочувствія. Романы въ родѣ «Зиновія-Богдана Хмельницкаго», — романы, въ которыхъ, вмѣсто людей, выволятся несуществующіе идеалы, вмѣсто обыкновенныхъ житейскихъ обстоятельствъ, чудеса, объяснимыя игрою судьбы, — гдѣ, вмѣсто обыкновенной живой рѣчи, господствуетъ реторика и мѣфазъ, — такіе романы, говоримъ мы, будутъ всегда болше всего нравиться четырнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, и сочинители такихъ романовъ будутъ всегда имѣть огромный успѣхъ въ этой публикѣ.

Чудесъ не оберешься въ «Зиновій-Богданѣ Хмельницкомъ». Давно ужъ не случалось намъ встрѣчать въ сказкѣ новѣйшаго изданія такого множества и такъ быстро-слѣдующихъ одна за другую случайностей, какъ въ ро-

манъ г. Кузьмича. Не довольствуясь однимъ таинственнымъ лицомъ, онъ одарилъ всѣхъ своихъ героев особеннымъ свойствомъ являясь какъ снѣгъ на голову въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ можно выручить другъ друга изъ бѣды и развязать руки разскащику ихъ приключеній. Всѣ эти господа и госпожи до такой степени услужливы, догадливы и ловки, что слышать за тридевять земель, какъ худо приходится ихъ знакомому, поспѣваютъ въ одну минуту на мѣсто и ужь во что бы то ни стадо выручаютъ своего, даже еслибъ требовалось для того пролѣзть сквозь замочную скважину или разбить кулакомъ въловую твердыню.

Самая эпоха и общество, избранныя г. Кузьмичемъ, въ высшей степени интересны для отроческаго ума. Дѣйствіе романа происходитъ поперемѣнно въ Запорожской Сѣчи, въ Украинѣ и Польшѣ, въ шестнадцатомъ столѣтіи. Сколько тутъ драки и разгула, крови и кутежа, кровавыхъ подробностей и балетныхъ эффектовъ! Но лучше всего поспѣшимъ разсказать содержаніе пяти частей «Зиновія-Богдана Хмельницкаго». Это единственное средство — передать всю прелесть вымысла и всю сладость слога г. Кузьмича.

Дѣйствіе начинается очень весело въ Запорожской Сѣчи.

«День и ночь пируютъ козаки. Разгулямыя пѣсни кобзаря возбуждаютъ ихъ еще къ большому веселью. Самъ кобзарь десь проныкнулъ этимъ бѣшенымъ весельемъ. Одушевленные глаза его искрятся; бандура дрожатъ въ пылающихъ рукахъ; каждая жилка бьется восторгомъ. Приударивъ въ звонкія струны, присвистнувъ, притопнувъ ногою, кобзарь поетъ:

Нуте, нуте запорожци,
Нуте погуляйте!
Однѣ скачте, други грайте,
А трети спивайте.»

Между-тѣмъ, какъ *лицарство* проводить время свое такъ изячно, гетманъ Дорошенко совѣщается съ старшина-

ми — какъ бы освободить Украину отъ Поляковъ. Рѣшаютъ отправить туда казака Острицу, известнаго своей храбростью и хитростью. Ему поручается взволновать украинскій народъ и вооружить его противъ притѣснителей. Во второй главѣ, Острица уже прѣзжаетъ въ Украину, а къ концу четвертой уже приобретаетъ себѣ общинниковъ между Украинцами. Въ пятой главѣ герой романа, Зиновій Хмельницкій, является героемъ туртира, даннаго въ Варшавѣ королемъ Сигизмундомъ. Побѣда, одержанная имъ надъ польскими вѣтягами, привлекаетъ вниманіе всей Варшавы, въ особенности варшавскихъ дамъ,

И между ними есть одна,

которая влюбляется въ него со всею страстью порядочной героини романа. Это княгиня Стронская. Но вы увидите въ послѣдствіи, что она не героиня романа, и что назначеніе ея самое жалкое. Какъ бы то ни было, Зиновій проводитъ съ ней время очень пріятно и забываетъ въ Варшавѣ о бѣдѣ своей родины. Балъные успѣхи и разговоры съ іезуитами, можетъ-быть, совершенно заглушили въ немъ голосъ гражданской доблести, еслибъ не возстановляли его противъ Поляковъ — слуга его казакъ Василій, украинскій депутатъ, да еще одинъ таинственный нищій. Подъ влияніемъ этихъ вдохновителей, Хмельницкій рѣшается ѣхать въ Украину.

Въ Украинѣ, въ городѣ Чигиринѣ, живетъ старшій казакъ Гончаревъ, другъ покойнаго отпа Зиновія Хмельницкаго, съ дочерью Катериной. Катеринѣ было восемь лѣтъ отъ роу, когда она въ послѣдній разъ видѣла Зиновія, что не мѣшаетъ ей любить героя г. Кузьмича и подождала его прѣзда. Между-тѣмъ, чигиринскій староста, панъ Чаплинскій, пѣнился казачкой и имѣетъ на нее кое-какіе виды. Чаплинскій — то лицо, на которое романистъ называетъ все свое отращеніе. Это человекъ столько же глупый и порочный, сколько прекрасенъ

и добродѣтели долженъ быть герой романа.

Прибывъ въ Чигиринъ, Зиновій очаровалъ всѣхъ казаковъ и казачекъ. Старикъ Гончаренко въ совершенномъ удовольствіи сказалъ ему однажды слѣдующій комплиментъ:

«Ну, Зиновій! Ужъ слушалъ я тебя, слушалъ! — Правду говорятъ о тебѣ, что мастеръ *вертѣть* языкъ на всякій ладъ. Со мною говорилъ на одинъ ладъ, а съ нею (съ Катериной) занесъ такое, что ужъ я ума не приложу откуда у тебя все стаское берется.»

Это искусство «вертѣть языкъ на всякій ладъ» доставило Зиновію еще одну побѣду: въ него влюбилась Анна, дочь Чаплинскаго. Но Хмельницкій любитъ Катерину... Между-тѣмъ, Поляки продолжаютъ притѣснять Украинцевъ и провозвѣщаютъ страшныя казни. Запорожецъ Острица, въ свою очередь, съ шайкой приверженцевъ рѣжетъ злыхъ пановъ и Евреевъ. Украина начинаетъ приходить въ волненіе; Хмельницкій не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ Острицы, не смотритъ на убійствія самого Запорожца и вногихъ изъ своихъ друзей. — Происшествія довольно-много тянутся въ продолженіе второй части. — Въ первой главѣ третьей части панъ Чаплинскій сватается за Катерину и, получивъ отказъ, клянется отмстить Хмельницкому, въ которомъ, не безъ основанія, видитъ соперника. Затѣмъ г. Кузьмичъ переходитъ къ невообразимо-странному описанію подвиговъ Острицы и съ особенной охотой изображаетъ его варварскую расправу съ Жидами, ксѣндзами и панами...

Во второй половинѣ третьей части три чуда совершаются. *Чудо первое*: Хмельницкій, вызванный на поединокъ десятью шляхтичами, избавляется отъ неприятели дрались съ ними тѣмъ, что его ранятъ убійцы, подкушенные однимъ изъ этихъ шляхтичей. *Чудо второе*: эти подкушенные убійцы, числомъ восемь, могли бы рѣшительно положить

его на мѣстѣ, еслибъ въ разсѣянности не надѣлъ онъ въ этотъ день латы пущенныя негодяями пуля отскочила отъ груди героя. *Чудо третье*: Чаплинскій успѣлъ оклеветать Хмельницкаго въ глазахъ польскаго правительства; его схватили и отправили подъ конвоемъ въ Варшаву; но объ этомъ горестномъ событіи кстаті узналъ Острица: Запорожецъ освободилъ Зиновія. Зиновій сдѣлалъ визитъ своей возлюбленной Катеринѣ и отправился въ Варшаву оправдываться передъ королемъ Сигизмундомъ.

Въ четвертомъ томѣ сочиненія г. Кузьмича читатель встрѣчается съ Хмельницкимъ въ Варшавѣ. Увы! герой, котораго онъ за что-то полюбилъ такъ страстно, сидитъ въ темницѣ. Однакожъ, во второй главѣ къ нему пробираются преданные люди — княгиня Стронская, переодѣтая въ мужское платьѣ, и молодой Полякъ Вутневичъ: они общаются выпросить для него аудіенцію у короля и исполняютъ свое слово. Зиновій оправданъ и освобожденъ. Здѣсь, замѣтимъ мимоходомъ, кончается роль княгини въ романѣ г. Кузьмича: вы понимаете, зачѣмъ нужно было это лицо догадливому сочинителю?.. Остальныя главы четвертой части посвящены кровавымъ описаніямъ вторженія Запорожцевъ въ Украину и окончательнаго избѣженія Поляковъ.

«Та не має лучше, та не має краще,
якъ на Украини;

Та не має жидивъ, та не має панивъ,
не має угинъ.

«Такъ пѣли Украинцы, торжествуя свое освобожденіе, а на долго ли было торжество ихъ!»

Этими словами заключается четвертый томъ сказки... мы хотѣли сказать—романа.

Въ пятомъ томѣ обнаруживаются политическіе замыслы Зиновія и объясняется его холодность къ освобожденію Украины. Дѣло въ томъ, что до сихъ-поръ онъ считалъ отечество свое не довольно-сильнымъ для окончатель-

ной борьбы съ притѣснителями; но, наконецъ, дождался удобнаго времени и началъ свои дѣйствія тѣмъ, что различными образомъ приобрѣлъ популярность у Украинцевъ... Но Богъ съ ней, съ политикой! Люди, для которыхъ написанъ «Зиновій - Богданъ Хмѣльницкій», не большіе охотники до тѣхъ главъ романа, въ которыхъ описаны политическія событія, между тѣмъ, какъ интрига остается въ сторонѣ.

Хмѣльницкій снова попался въ руки Чаплинскаго: злой староста посадилъ его въ темницу въ собственномъ доми. Но тутъ-то, по нашему мнѣнію, и заключается «нить завязки романа», какъ выражался почтмейстеръ у Гоголя. Не вѣрится, чтобъ герой романа кончилъ свою карьеру въ тюрьмѣ; на этотъ разъ, къ счастью, и по исторіи извѣстно противное. Освободить его изъ темницы—последнее дѣло. Въдъ у пана Чаплинскаго есть дочка—панна Анна; эта панна влюблена въ Зиновія. Чего же лучше? Ну, да что и говорить? Вы, читатель, вы, нечитавшіе еще «Зиновія-Богдана Хмѣльницкаго», уже знаете не хуже вашего грѣшнаго рецензента и доброжелателя, что прекрасная панна украдетъ ключъ у сквернаго пана Чаплинскаго и освободитъ красавца-казака изъ душевногъ неволи. Такъ и есть; вотъ слова г. Кузьмича:

«Однажды, долго спустя послѣ прихода сторожа съ вечернею порціею, Зиновію послышался легкій шорохъ на дѣствницѣ. Отъ продолжительнаго заключенія въ глухомъ, тѣсномъ погребѣ, слухъ Зиновія сдѣлался чрезвычайно тонокъ (??). Шорохъ, въ такое необыкновенное время, удивилъ Зиновія. Онъ приподымается съ жесткой постели, слушаетъ — вотъ кто-то приближился къ дверямъ темницы; ключъ тихо вложенъ въ замокъ; казалось, пришедшій робкою рукою старался повернуть ключъ въправо замокъ; но замокъ противился усиліямъ слабой или неопытной руки. Зиновій тихо всталъ съ постели и подошелъ къ самымъ дверямъ; сердце его сильно трепетало.

«Не тайный ли другъ пришелъ освободить меня?» думалъ Зиновій.

Ключъ долго вертѣлся въ замкѣ то въ ту, то въ другую сторону.

— Смѣлѣе! — проговорилъ Зиновій въ полголоса, — нажми сильнѣе на право.

За дверьми на мигу все затихло. Потомъ отиравшій, собравъ, казалось, послѣднія силы, нажалъ ключъ, шекода звонко брякнула.

Дверь тихо отворилась, — Зиновій въ изумленіи отступилъ назадъ: передъ нимъ стояла Анна, блѣдая, съ пылыми щеками, блуждающими глазами.»

Вотъ вы и отгадали!

Узнавъ о поступкѣ пана Чаплинскаго, король Владиславъ (Сигизмундъ давно уже умеръ) наказываетъ Чаплинскаго позорно: ему отстригаютъ усъ. Между-тѣмъ, Чаплинскій какъ-то узнаетъ, что Хмѣльницкій освобожденъ Анной, и сажаетъ ее-самою въ ту самую темницу, въ которой томился Зиновій.

Кто жъ освободитъ бѣдную панну изъ заточенія? Кто? Кажется, вы опять догадались, читатель! Однакожъ, мы скажемъ вамъ на-прямикъ: ее освободилъ Хмѣльницкій. Мало того, онъ, Хмѣльницкій, женится на ней, и сколько можно повѣтъ изъ романа, веда того, чтобъ спасти ее отъ стыда—убѣжать съ молодымъ человекомъ изъ дома родительскаго,—нѣтъ, Зиновій утѣряетъ ее, что у нея «нѣтъ больше соперницы». А Катерина? Не знаемъ, что сказать вамъ объ этомъ деликатномъ пунктѣ. Однакожъ, къ концу нѣтой части оказывается, что Зиновій все-таки любитъ и Катерину. Вотъ это ужъ вольность романиста: ея будутъ недовольны читатели, которые отъ всей души заинтересованы Катериной, законной героиней романа, и не воймутъ, какъ объяснить психологически поступокъ Хмѣльницкаго.

Въ концѣ романа, старикъ Гончаренко умираетъ, а панъ Чаплинскій похищаетъ Катерину. Послѣ всего вышесказаннаго, нѣтъ никакой нужды говорить, что и она не остается въ заточеніи: ее освобождаетъ таинствен-

ный нищій. Катерина прибѣгаетъ въ домъ Хильницкаго, и, Богъ-знаетъ почему, дѣлается другомъ соперницы своей, Анны. Дѣти Зиновія очень полюбила Катерину, и романъ кончается очень-чувственно.

Такъ-какъ на заглавіи пятой части все еще стоитъ «эпоха первая: молодость Зилоя», то мы имѣемъ право заключать, что сочиненіе г. Кузьмина еще кончено: поздравляемъ читателей съ предстоящимъ наслажденіемъ!

3) Паула Монти. *Современный романъ г. Евгенія Сю. Переводъ В. М. Строева. Санктпетербургъ. Въ тип. А. Шюшара. 1847. Въ 20-ю д. л. Четыре части. 142, 142, 142 и 144 стр.*

4) Тереза Дюнойк. *Романъ Евгенія Сю. Переводъ В. М. Строева. Санктпетербургъ. Въ тип. А. А. Шюшара. 1847. Въ 20-ю д. л. Четыре части. 142, 144 и 161 стр.*

Не разъ уже было говорено, что литература наша бѣдна бѣлетристичскими произведеніями; недостатокъ ихъ заставилъ нашу публику, въ которой съ каждымъ днемъ усиливается потребность къ чтенію, обратиться къ французскимъ романамъ, — и французскіе романы, расходясь у насъ въ тысячахъ экземпляровъ, поглощаются каждою, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціяхъ, какъ знающими, такъ и незнающими по-французски; послѣдніе читаютъ, разумѣется, въ переводахъ. Въ слѣдствіе этого плодятся и размножаются русскіе переводчики, которые, однакожъ, не смотря на свою многочисленность, не успѣваютъ, кажется, утолять жажду читателей. Да! французскіе романы наводняютъ рѣшительно всѣ слои общества; артисты, свѣтскій господинъ, служащій чело-вѣкъ, дама такъ-называемаго высшаго круга, барыня средней - руки, всѣ читаютъ ихъ, всѣ восхищаются ими. Но каждый классъ общества имѣетъ своихъ любимыхъ писателей. И у насъ, какъ на Западѣ, большинство на сторонѣ г. Дюмá; весьма-немногіе почи-

таютъ Жоржа Занда; средину между этими двумя писателями въ общественномъ мнѣніи занимаетъ г. Эженъ Сю. И это имѣетъ основаніе: Александръ Дюма и Жоржъ Зандъ—это двѣ рѣзкія противоположности, два полюса современной французской бѣлетристики. Одинъ наполняетъ всѣ фельетоны своими романами, въ которыхъ щедрою рукою разсыпаны ужасы, эффекты, несообразности,—въ которыхъ замѣтно совершенное отсутствіе анализа, психологическаго интереса, знанія человѣческаго сердца,—въ которыхъ дѣйствуютъ мелодраматическіе герои, а не люди, но въ которыхъ за то есть занимательность въ-пшпя, замѣняющая для толпы все. Произведенія другой, дышащія тихимъ, успокоительнымъ чувствомъ, согрѣтыя теплою любовію къ ближнему, отличаются своей простотой, безъ-эффектностью, изображаютъ одну дѣйствительность; это почти-всегда драма, завязанная на всеневныхъ случаяхъ, но въ основаніи которой лежитъ глубокая, чело-вѣческая идея... Одинъ представляетъ собою индиферента, лишеннаго всякихъ убѣжденій; другая находитъ въ душѣ своей отзывъ на каждый общественный вопросъ, страдаетъ и мучится вмѣстѣ съ своими братьями, и беззакомъ рѣчей своихъ старается исцѣлять ихъ язвы. Одинъ, наконецъ, нисколько не заботится о формѣ своихъ сочиненій, другая довела се до высокой степени художественности. Этому-то отсутствію всякаго художественнаго элемента г. А. Дюма преимущественно обязавъ своимъ успѣхомъ. Одинъ французскій критикъ весьма-справедливо замѣтилъ, что А. Дюма блистаетъ качествами, которыхъ у него нѣтъ. Жоржъ Зандъ, имѣющая на сторонѣ своей только набранныхъ, посвященныхъ въ искусство, читается толпою весьма-мало въ сравненіи съ г. Дюма, именно потому-что у пей есть всѣ качества, которыхъ не достаетъ г-ну Дюма. Г-нъ Сю, котораго читаютъ больше Жоржа Занда, но менѣе г. Дюма, не безъ основанія,

как мы уже сказали, занимает середину между этими двумя романистами. Убъжденный въ своемъ талантѣ, онъ задалъ себѣ слѣдующій вопросъ: какъ употребить съ наибольшею пользою дарованныя мнѣ отъ природы способности? если я буду служить одному искусству, если эффекты и фейерверки будутъ изгнаны изъ моихъ сочиненій, если въ нихъ будетъ всегда развиваться какая-нибудь идея, если, наконецъ, въ нихъ войдутъ общественные вопросы, то безъ сомнѣнія люди, которые видятъ въ искусствѣ не одно пріятное развлеченіе, будутъ за меня; но за то большинство, масса, не станетъ читать, слѣдовательно и покупать мои сочиненія... Если же они будутъ отличаться судорожнымъ, нервическимъ интересомъ, если эффектамъ пожертвую естественностью, если я оставлю въ сторонѣ и тщательную отдѣлку, и идеи, и общественные вопросы, — деньги посыплются ко мнѣ со всѣхъ сторонъ, толпа преклонится предо мною; но жрецы высокаго искусства, но истинные цѣнители его отвернутся отъ меня съ преврѣнемъ и назовутъ меня фокусникомъ. Выгоды матеріальныя будутъ соблюдены, но самолюбіе мое будетъ страдать... Какъ же помочь горю? нельзя ли примирить оба элемента — художественный и люкративный? Нельзя ли быть электикомъ, то-есть писать нелѣпыя, но занимательныя сказки въ двадцати томахъ, — сказки, гдѣ дѣйствуетъ множество лицъ, изъ которыхъ очерчены тщательно только два или три; дѣлать довольно-частыя отступленія, въ которыхъ говорить о современныхъ интересахъ общества, развивать идеи, которыя наиболѣе въ ходу, но которыя, увы! нисколько не относятся къ самой сказкѣ, не соотвѣтствуютъ положенію лицъ... Электизмъ г. Сю удался ему, что и доказывается успѣхомъ его «Вѣчнаго Жиды». Впрочемъ, умнѣемъ поддѣльваться подъ вкусъ публики г. Сю владѣть уже давно; онъ даже всегда предупреждалъ этотъ вкусъ; у него было какое-то чутьѣ, которымъ

угадывалъ онъ, что будетъ черезъ нѣсколько времени въ модѣ. Со дня появленія своего на литературное поприще, г. Сю испыталъ много модификацій; онъ началъ романами морскими, производившими большой эффектъ; потомъ перешелъ къ роману свѣтскому, и въ этихъ первыхъ произведеніяхъ его преобладала страшная, кровавая иронія, имѣвшая цѣлю повергнуть въ глубокое отчаяніе тѣхъ, къ кому она относилась, а не спасительное желаніе обратиться къ лучшимъ наклонностямъ. Добродѣтель угнетенная и несчастная, пороки увѣчанный политѣйшимъ успѣхомъ, — вотъ каковы были картины, изображаемыя авторомъ. Въ послѣднихъ своихъ романахъ, г. Сю, который уже не былъ ученикомъ въ изображеніи порока и безнравственности, продолжалъ (съ точки зрѣнія матеріальной) начатое дѣло; но на этотъ разъ — его изображенія имѣютъ нравственнуюцѣль. Указывая на раны общества, онъ въ то же время указываетъ и на средства къ ихъ исцѣленію. Не знаемъ, въ какой степени выиграли отъ послѣднихъ романовъ г-на Сю и общество и теорія, которой онъ является въ нихъ панегиристомъ, но скажемъ только, что художественная сторона весьма-много пострадала въ нихъ: занимательность ослабѣла отъ частыхъ отступленій. Однакожь, повторяемъ, электизмъ г. Сю все-таки удался ему. Его читаютъ, можетъ-быть, менѣе, чѣмъ автора «Молте-Кристо», однакожь, безъ сомнѣнія болѣе, чѣмъ автора «Проступка г. Антуана».

Романы «Паула Монте» и «Тереза Дювоке», вышедшіе на сихъ дняхъ и принадлежащіе къ «Карманной Библиотекѣ», могутъ быть отнесены къ первому періоду дѣятельности г. Сю. Въ нихъ нѣтъ никакихъ социальныхъ тенденцій; они — изъ разряда *sentimental* романовъ; но и той скептической ироніи, которая, какъ сказано выше, характеризуетъ произведенія г. Сю отъ «Саламандры» до «Матильды», также въ нихъ незамѣтно. Эти романы, г-

роэтно, написаны авторомъ «Вѣчнаго Жива» по настоянію какого-нибудь кингопродавца, для въ два или въ три, и ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ дюжинныхъ произведеній самыхъ посредственныхъ французскихъ романистовъ, которые такъ же скоро умираютъ, какъ и рождаются. Вотъ, на-примѣръ, содержаніе хоть одного изъ нихъ «Паула Монти» — дикой, вѣсто-вой мелодрамы.

Паула Монти, жена князя Гансфельда, воспитала молоденькую Цыганку Ирида, питающую къ ней какую-то странную привязанность. Эта привязанность, по словамъ автора, походила на дочернее уваженіе по благоговѣйной преданности, на братскую нѣжность по очаровательной кротости, на любовь по своей мстительной ревности (?). Да; Ирида преслѣдовала горькою ненавистью не только враговъ княгини Гансфельдъ, но даже всѣхъ тѣхъ, къ кому княгиня казалась благосклонною. Ненависть ея къ нимъ тѣмъ болѣе увеличивалась, чѣмъ болѣе они нравились ея воспитательницѣ. Она даже покусалась два раза на жизнь ея мужа. Князь подовѣриваетъ въ этомъ гнусномъ поступкѣ жену свою и однажды, въ пылу гнѣва, высказываетъ ей свои подозрѣнія. Съ той поры Паула начинаетъ презирать своего мужа и ищетъ размеченія въ обществѣ молодого чело-вѣка, по имени Леона Морвила. Князю въ свою очередь гораздо-пріятнѣе быть съ Бертою Бреваниъ, чѣмъ съ женою. Ирида, видя, что ея воспита-тельница очень бы хотѣлось ослобо-диться отъ угъ, ея тяготѣющихъ, и соединиться съ Леономъ Морвилемъ, рѣшается помочь ей слѣдующимъ обра-зомъ. Она возбуждаетъ ревность въ сердцѣ Бреваниа, мужа Берты, приво-дитъ его ночью въ павильонъ и пока-зываетъ князя, стоящаго на колѣняхъ передъ Бертою. Бреваниъ убьетъ ихъ обоихъ! Онъ стрѣляетъ въ измѣнни-цу... но эта измѣнница оказывается Паулою Монти, которая какимъ-то чу-деснымъ образомъ попала въ павиль-онъ. пока Ирида ходила за Бреван-

номъ, и которая дѣлается сама жертвою замысловъ Ириды. Бреваниъ послѣ такой ошибки застрѣливается самъ. Ирида, погубившая ту, къ которой она питала дикую страсть, бросается въ рѣку. Князь женится на Бертѣ.

Г. Сю увѣрится, что эта нелѣпая исто-рія основана на истинномъ происше-ствіи, что дѣйствительно существова-ла дѣвочка съ страстями пылкими, не-укротимыми, сосредоточившая всѣхъ ихъ въ слѣпой привязанности къ су-ществу одного съ нею пола.

Г. Дюма также основалъ своего «Монте-Кристо» на истинномъ проис-шествіи; но есть ли какое-нибудь сход-ство между исторіей Франсуа Пико и великолѣпной, двадцати-томной чепу-хой, которая изъ него заимствована?

Въ романѣ г. Сю есть, однакожъ, характеръ весьма-удачно обрисован-ный и выдержанный до конца. Это Бреваниъ. Тщеславный эгоистъ, же-нившійся на дочери бѣднаго гравера болѣе изъ упрямства, чѣмъ по любви, — потому-что она цѣлые два года со-противлялась ему, — онъ безпрестанно попрекаетъ жену бѣдностью, изъ кото-рой извлекъ ее; онъ ее ревнуетъ, но также не потому, чтобъ любить ее, а потому-что боится показаться смѣш-нымъ въ *глазахъ свѣта*, если узнаютъ, что женщина, на которой онъ женился по страсти, невѣрна ему. Одни уже эти слова «женитьба по страсти» не принимаютъ ли въ свѣтъ какого-то ироническаго значенія?

Переводъ г. Строева хорошъ — если все достоинство перевода заключается въ вѣрности его съ оригиналомъ, пото-му-что объ изыществѣ г. Строевъ, какъ видно, заботился еще менѣе, чѣмъ о выборѣ романовъ для перевода. Свѣт-скіе разговоры, которые у г. Сю всег-да такъ живы, остроумны, благород-ны, и которые составляютъ лучшее въ его романѣ, по-русски выходятъ край-не-тяжеловаты. Страннымъ кажется, что всѣ эти лица, принадлежащія къ аристократическому кругу парижска-го общества, выражаются какимъ-то нѣ-щанскимъ языкомъ... Попадаются да-

же такія слова, какъ *измѣнщики!* Не говоримъ уже о словѣ *душенька*, которое, кажется, весьма нравится г-ну переводчику, потому-что онъ весьма-часто влагаеть его въ уста Бреванна въ разговорахъ его съ женою. Впрочемъ, какъ говоритъ Гоголь, можетъ-быть, оно тамъ такъ и нужно...

5) Босфоръ Киммерійскій *съ его древностями и достопамятностями. Сочиненіе* Грвгорія Спасскаго, *Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ корреспондента, общества: Императорскаго Московскаго Исторіи и Древностей Россійскихъ и Одесскаго Исторіи и Древностей общества члена. Москва. Въ университетской типографіи. 1846. Въ больш. четверт. д. л. XII и 151 стр.*

«Можетъ быть ни одна страна въ мірѣ (говоритъ авторъ) не представляетъ на такомъ маломъ пространствѣ столь много разнородныхъ предметовъ, возбуждающихъ живѣйшее любопытство, какъ полуостровъ Крымъ или Таврія.

«Въ продолженіе двухъ тысячъ лѣтъ исторической жизни этой страны, сколько видѣла она народовъ, оспориавшихъ ее одинъ у другаго? Сколько претерпѣла она преобразованій, то независимая колонія Грековъ и отдѣльное царство подъ владычествомъ Рима, то наводняемая варварами, то обращаема въ импрію Генуэзцевъ (.) наконецъ въ гнѣздо Магомеданствъ, сокрушенное могуществомъ Россіи?

«Една мипуло полвѣка, какъ разсѣлся *мракъ магомеданства, тлотившій надъ главою Чатырь-дага* и русскій орелъ освѣшалъ своими широкими крылами эту страну, въ ничтожество павшую; но уже много явилось путешествій по ней и отдѣльных ея описаній, много сдѣлано важныхъ историческихъ открытій.

«Всѣ однако эти ученые труды имѣли цѣлью болѣе общій взглядъ (.) и только слегка или мимоходомъ касались частныхъ предметовъ; а потому *отдѣльная совокупность свѣдѣній* о предметахъ особенной важности можетъ послужить и къ продолженію начатаго и къ большому развитію уже совершеннаго.

«Такова собственно цѣль издаваемого сочиненія «Босфоръ Киммерійскій».

Какъ изъ этихъ словъ, такъ еще болѣе изъ самой книги г. Спасскаго видно, что онъ хочетъ, сколько это возможно въ настоящее время, возсоздать по уцѣлѣвшимъ памятникамъ историческую жизнь Крымскаго-Полуострова. Но эта исторія теряется въ баснословныхъ временахъ міра. Читъ болѣе писатели хотѣли проникнуть этотъ мракъ, тѣмъ болѣе въ пемъ возставало обманчивыхъ призраковъ. Самые строгіе историки пускались съ приличною важною въ рассказы легендъ мифологическихъ; они и сами иногда не вѣрили этимъ легендамъ, но какъ не рассказывать ихъ, когда онѣ такъ хорошо сложены, когда ихъ привыкли уже повторять нѣсколько десятковъ тысячелѣтій, и когда эти сказки такъ приятно убаюкиваютъ умъ, который не находитъ точки опоры въ своихъ изысканіяхъ! Если вѣрить историкамъ, то первобытный народъ этой страны были Тавры; но о Таврахъ ничего больше не знаютъ, кромѣ ихъ имени, потому-что они были скоро уничтожены страшнымъ ополченіемъ Амазонокъ — какихъ-то странныхъ героинь, которыя, нахлынувъ на Европу, сдѣлали экспедицію и въ Тавриду. Повнѣйшіе Греки, обитатели полуострова, сохранили память объ этихъ страшныхъ барыняхъ минувшихъ вѣковъ. Многіе памятники свидѣтельствуютъ объ этомъ, и между прочимъ на одной изъ стѣнъ катакомбы керченской, разрытой въ новѣйшее время, мы видимъ изображеніе сраженія съ амазонками. Есть люди, которые говорятъ, что это вторженіе Амазонокъ было за четыреста лѣтъ до похода Аргонавтовъ. А такая курьезная и рѣдкая исторія этихъ Амазонокъ, если только вѣрить Геродоту, Юстину, Страбону и Диодору Сицилійскому! — Время это было царство женщинъ, и міръ былъ построенъ наизпанку. Женщины устроили своевольную республику, которая была то снисходительна, то строга къ мужескому полу; онѣ воздвигли храмы своимъ богамъ, и въ нихъ невинныя жрицы казнили несчастныхъ мужчинъ. Са-

ный страшный, самый роковой изъ этихъ храмовъ былъ воздвигнутъ на мысъ Партепюмъ; этотъ храмъ былъ посвященъ *Дианѣ Таврической*, которая предсѣдательствовала при убіеніи вужчицъ...

Но время летить,—и вотъ начинается война таврическая. Дочь Агамемнона, поэтическая Фенгения, влюбленная и непорочная, обрекается на ужасное жертвоприношеніе; но похищенная у грозной судьбы, Фенгения спасается въ Тавриду и изъ жертвы дѣлается жрицею. Здѣсь предъ ней являются Орестъ и Пиладъ; она должна убить одного изъ нихъ, а они — ея братья!... Опять жестокой рокъ! Но вы знаете, что Фенгения не была ни Ореста, ни Пилада, что они узнали другъ друга, плакали, страдали и радовались вмѣстѣ... Надъ этимъ драматическимъ эффектомъ, можетъ-быть, и мы съ вами, почтенный читатель, когда-нибудь плакали вмѣстѣ съ Еврипидомъ и Расиномъ... Орестъ и Пиладъ спаслись въ Аргосъ и увезли съ собою прекрасную Фенгению.

Г-нъ Спасскій начинаетъ свое введеніе этой исторіей:

«По преданію Грековъ, Фенгения, дочь Агамемнона, была жрицею во храмѣ Дианы, доколѣ Орестъ и Пиладъ не похитили ея и самаго истукана богини, *обнаруживъ въ этой кровавой драмѣ такіа знаки дружества, которые тронувъ свирѣлыя сердца Тавровъ, были побудительною причиною для причисленія ихъ къ сонму боговъ, но въ именемъ Коратовъ, или покровителей дружества, и сооруженія имъ особаго храма, названнаго Орестонемъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто могъ быть равнодушнымъ къ событію, которымъ ознаменовали свой явленіе и свое несчастье Орестъ и Пиладъ? Въ то время, когда Фенгения увидѣтъ въ Орестѣ брата своего и обрекаетъ вмѣсто его Пилада въ жертву Дианѣ, Орестъ принаметъ его имя, и оба готовы умереть одинъ за другаго. Трогательная борьба дружбы и великодушія!*»

«Если Таврія, говоритъ достопочтенный Сестренцевичъ-Богушъ, была известна только подвигомъ Ореста и Пилада, то исторія ея заслужила бы и тѣмъ однимъ

отличное мѣсто въ дѣтописяхъ міра. Такия выраженія не свидѣтельствуютъ ли и о высотѣ души произвешаго ихъ?... Чувствованіе изящества дружбы было первымъ шагомъ къ *умлченію правотъ людскихъ обитателей Таврии, столь жестокихъ къ чужеземцамъ*. Орестонъ сдѣлался училищемъ дѣтей Скиеовъ... Между тѣмъ, на мѣсто храма дружбы, воздвигаются храмы любви, которыхъ видны еще остатки въ жертвенникахъ и другихъ памятникахъ, уцѣлѣвшихъ отъ храмовъ, посвященныхъ Венерѣ...»

Появляются Скиеи и долгое время спокойно владѣютъ Тавридою; но, на бѣду ихъ, къ берегамъ Тавриды снова пристають Амазонки, побѣжденные сперва Геркулесомъ и Тезеемъ, потомъ освободившіяся изъ плѣна. Скиеи смущаются и робѣютъ, но скорѣ узнаютъ слабую сторону своихъ враговъ — наѣздницъ и противопоставляютъ имъ отрядъ молодыхъ, прекрасныхъ скиескихъ юношей; враги поразили другъ друга прямо въ сердце, и безъ большаго кровопролитія миръ былъ заключенъ.

Но мы все еще пока въ области фантазій, а не исторіи. Вотъ, на сценѣ появляется Дарій, который предпринялъ походъ противъ Скиеовъ, быть разбитъ и бѣжалъ...

Около семисотъ лѣтъ до христіанской эры, колонія Милетянъ заняла восточную часть Тавриды; она основала Теодосію, Нимфею, Пантिकाпею, Мирмикіонъ. За этими колоніями слѣдуютъ новыя, болѣе-могущественныя. Изъ маленькихъ республикъ основывается царство босфорское... Исторія Босфора намъ мало известна; въ ней возникаетъ только колоссальный образъ Митридата - Евпатора, знаменитаго своими войнами съ Римомъ.

Поэтому-то авторъ говоритъ:

«Современные писатели передали намъ о Босфорѣ Киммерійскомъ очень-мало свѣдѣній, отъ-того, что и сами мало о немъ знали и названіе ихъ *Cimmeriae tenebrae* — Киммерійскія мраковъ должно кажется приписывать болѣе этой исторической темнотѣ, чѣмъ пустымъ туманамъ, какъ

которыя объясняютъ, иногда тамъ случаются, отъ которыхъ не изъять и друга мѣста. Хотя исторія Греціи, Рима и Византіи иногда и упоминаетъ о Босфорскомъ царствѣ и нѣкоторыхъ его властителей, но безъ всякой связи и какъ-будто мимоходомъ, оставляя большіе промежутки, для замѣшенія которыхъ должны были принять въ пособіе монеты тѣхъ временъ, опредѣляющія имена многихъ царей и продолженіе ихъ царствованій. Здѣсь нумизматика представила всю свою важность, чрезъ содѣйствіе къ объясненію и дополненію недосказаннаго Исторію. Правда, указанія нумизматики нѣрѣдко подвержены измѣненіямъ: сколько разъ одна вновь открытая монета заставляла переставлять цѣлый рядъ царей, или заключать опредѣленные уже царствованія въ тѣснѣйшія границы, для помѣшенія новаго? Недостатокъ лѣтоисчисленія на монетахъ, особливо одноименныхъ царей, также дѣлаетъ не мало затрудненія въ присвоеніи ихъ тому или другому царствованію; даже въ этомъ случаѣ и разноименные цари, при сокращенномъ изображеніи ихъ именъ, представляютъ иногда тоже неудобство...

«... Можно надѣяться, что предлагаемое сочиненіе не будетъ лишнимъ въ кругу археологическихъ изысканій, какъ сладостіе пребыванія моего въ Крыму и приобрѣтенія на мѣстѣ разныхъ свѣденій и многихъ Босфорскихъ монетъ, въ числѣ которыхъ нѣсколько новыхъ вытѣкъ не описанныхъ, либо не сходныхъ съ прежними описаніями, составленными по монетамъ не лскимъ и даже иногда припоровленнымъ къ принятымъ уже мнѣніямъ. Конечно, и послѣ всего этого останется много еще неудовлетворительнаго, неразгаданнаго: по крайней мѣрѣ, указанный путь, котораго при будущихъ изслѣдованіяхъ должно держаться, развѣдочное союзнено вмѣстѣ, сомнительное и произвольное обнаружено.»

Слѣдовательно, вотъ цѣль автора. Онъ разсматриваетъ въ первой части книги города босфорскіе, ихъ географическое положеніе и связанія оныхъ древнихъ историковъ; во второй части исторію царей босфорскихъ, а въ третьей древности Босфора. Но, увы! эти города и уцѣлѣвшіе изъ нихъ памятники заставляютъ только задумы-

ваться о несовершенствѣ самой исторіи. Они гораздо-больше поразятъ васъ, когда вы ихъ увидите, нежели когда прочтете недоковченные листки сказокъ, преданій и исторій. Когда вы встрѣтитесь теперь лицомъ-къ лицу съ этими городами, васъ поразятъ въ нихъ памятники образованной и уютной жизни греческой, памятники владычества Генуэзцевъ, постройки мухаммеданъ и новыя зданія, доказательство новаго владычества Русскихъ. Васъ займетъ равнохарактерная толпа настоящаго населенія этихъ городовъ, въ которыхъ прожило такъ много народовъ, съ своими вѣрованіями, обычаями, исторіей. Вы здѣсь увидите мечети, обрѣщенные въ православныя церкви, и христіанскіе храмы въ мечети; возлѣ зданій новыхъ, замѣтите обломки греческой архитектуры, или постройки новыя на фундаментахъ, заложенныхъ въ то время, когда Крымомъ владѣлъ другой народъ, когда тамъ кипѣла другая жизнь.

А что вамъ скажетъ исторія? — что Греки, поселившіеся въ Крыму и скрестныхъ мѣстахъ, жили мирно и преимущественно занимались торговлею. Отъ Скиновъ и другихъ сосѣднихъ народовъ получали они невольниковъ, хлѣбъ, звѣриныя кожи, а ихъ въ обмѣнъ снабжали сукинами, виномъ и всякъ тѣмъ, въ чемъ они имѣли потребность. Торговля ихъ распространялась до Трапезунта, Иракліи и Византіи, а оттуда въ Коринѣ и по берегамъ Средиземнаго-Моря. Сосѣдство Скиновъ заставило греческія поселенія заботиться о тѣснѣйшемъ союзѣ между собою. Отъ-этого произошли переѣзды въ народномъ правленіи. Такимъ-образомъ босфорскія и другія приобретающія поселенія подчинили себя власти парей. Пантикапея сдѣлалась столицей на европейской сторонѣ Босфора, а Фанагорія на азіатской. О первыхъ царяхъ говоритъ коротко Діодоръ Сицилійскій, а потомъ до Митридата идутъ одни имена Археонактидовъ, Левкиновъ... Не-уже-ли это исторія?..

Обломки статуй, храмовъ, остатки

ровъ цитадели гораздо-лучше вос-
принимаютъ протекшую жизнь этихъ го-
родовъ, нежели неполная исторія. Про-
тите описаніе Пантикапеи, и оно раз-
скажетъ вамъ больше, нежели цѣлая
исторія Босфора. Пантикапея, вывѣш-
ная Керчь, находилась на длинной го-
рѣ, которой подошва упиралась въ
крайнюю оконечность бухты Босфора.
Гора эта называется Митридатовой.
Городъ, построенный на краю горы,
шелъ уступами, въ видѣ полукружія,
котораго концы простирались по бо-
камъ горы. Нѣкоторые, производя сло-
во Пантикапея отъ *Panti* и *Képos*, ко-
торые означаютъ на діалектѣ дорій-
скомъ *вездѣ сады*, говорятъ, что Панти-
капея была окружена садами. Но, увы!
теперь въ окрестностяхъ не только не
видно садовъ, да и растительность-то
очень-бѣдна. Кругомъ Керчи видны
едимъ разрытые курганы. Самое высо-
кое и близкое къ морю мѣсто занималъ
акрополисъ (цитадель), построенный въ
видѣ неправильнаго многоугольника.
Мѣсто его ясно видно по рвамъ и даже
уцѣлѣвшимъ частямъ стѣнъ изъ боль-
шихъ кусковъ керченскаго известняка.
Къ акрополису примыкала укрѣплен-
ный городъ, расположенный въ видѣ
длиннаго четверугольника. Поперегъ
акрополиса шла улица, примыкавшая
къ помпеевому пику, который названъ
Митридатскими - Креслами и состав-
лялъ самую возвышенную часть крѣпо-
сти. Эти кресла Митридата заставляли
работать сильнѣе обыкновеннаго во-
ображеніе многихъ археологовъ; вооб-
раженіе переносило ихъ къ временамъ
отдаленнымъ; они видѣли (какъ имъ
казалось) царя босфорскаго, возсѣдаю-
щаго на этихъ креслахъ и обзрѣваю-
щаго съ высоты неприступной скалы
свой многочисленный флотъ; Митри-
дату смотрѣлъ гордо на флотъ, кото-
рый долженъ былъ вестись страхъ Рим-
лянамъ... Но болѣе-хладнокровные лю-
ди говорятъ, что эти кресла были не
что иное, какъ нишъ, сдѣланный для
помѣщенія статуи...

Основаніе пика погребено подъ ку-
рами разваливъ; вся скала обтесана.

Нѣкоторые полагаютъ, что скала эта
составляла только часть зданія, въ ко-
торомъ она вся заключалась. Форма
зданія замѣтна и нынѣ по фунда-
менту стѣнъ; его религіозное назначе-
ніе очень-вѣроятно. Здѣсь найденъ
прекрасный торсъ колоссальной статуи
Цибелы изъ бѣлаго мрамора съ голу-
быми полосками. Это лучшее украше-
ніе керченскаго музеяма. При даль-
нѣйшихъ развѣсканіяхъ, найдены мрамор-
ные фризы и карнизы.

По всей вѣроятности, милетійскіе
переселенцы къ обожанію Цибелы
присоединили поклоненіе еще друго-
му божеству, которое они принесли съ
собою, именно Церерѣ Тесмофорѣ, или
законодательницѣ, божеству элевзин-
скихъ таинствъ. Такъ по-крайней-мѣ-
рѣ заставляетъ думать половина жерт-
венника Цереры, открытаго въ акро-
полисѣ. Изъ одной надписи видно, что
въ Пантикапеѣ былъ храмъ Цереры.
Къ-сожалѣнію, эта надпись неполна; въ
ней сказано:... жена Демосеена со-
орудила этотъ памятникъ Деметрѣ Тес-
мофорѣ, въ архонтство Спартока, сы-
на Евмелова. • Внутренность цитадели,
составлявшая сто сажень по всемъ
направленіямъ, легко позволяла воз-
двигнуть два храма, Цибелѣ и Цере-
рѣ, и послѣ того оставалось еще мѣсто
для помѣщенія жрецовъ, гарнизона и
для постройки дворца Митридату, ко-
торый тамъ и умеръ. Леонскій акро-
полисъ былъ не пространнѣе пантика-
пейскаго.

Площадь горы, заключенная въ стѣ-
нахъ города, также была украшена
дворцами, а можетъ-быть и храмами,
потому-что многія полипныя скалы,
разсѣяныя въ разныхъ мѣстахъ, об-
тесаны точно такъ же, какъ Митрида-
товы-Кресла. Впрочемъ, надписи и ме-
дали Пантикапеи доказываютъ, что
тамошніе жители поклонялись и дру-
гимъ божествамъ, кромѣ Цибелы и
Цереры. Такъ упоминается о храмѣ
Эскулапа на томъ мѣстѣ, гдѣ въ-
послѣдствіи находилась греческая цер-
ковь. Геркулесъ, часто являющій-
ся съ своими эмблемами на медаляхъ

города Пантикапей, тоже имѣлъ храмъ: торсъ его статуи найденъ и хранится въ керченскомъ музеумѣ. Изъ одной надписи можно заключить, что Тиверій Юлій Савроматъ воздвигъ статую въ храмѣ *Марса*. Кромѣ того, въ надписяхъ упоминается еще о Бахусѣ, Діавѣ Эфесской и Страхѣ. — Наконецъ, судя о пантикапейскихъ храмахъ по архитектурнымъ обломкамъ, надобно полагать, что ихъ было много.

Таковъ былъ акрополисъ милетійскихъ поселенцевъ при царяхъ Левконидяхъ и преемникахъ Митридата. Посреди огромныхъ кучъ развалинъ, покрывающихъ древнее помѣщеніе города, видны еще слѣды большихъ улицъ, идущихъ къ главнымъ городскимъ воротамъ. Между развалинами невозможно отыскать хотя нѣсколько-полныхъ остатковъ какого-нибудь зданія. Впрочемъ, нѣтъ ничего мудренаго. Когда Керчь пришла въ IV вѣкѣ христіанскую религію, цари исчезли, и орды варваровъ разорили босфорскіе города. Народонаселеніе сдѣлалось очень-малочисленнымъ, и отъ восточной Пантикапей осталась только тѣль того, чѣмъ она была прежде. Бухта обмелѣла и образовала довольно-значительное пространство между горою и портомъ. Жители перешли на это мѣсто, укрѣпились въ немъ, а милетійскій акрополисъ и вершина горы съ храмами и дворцами превратилась въ кладбище.

Кладбища эти разрушаемъ мы, и, благодаря стараніямъ нашихъ археологовъ, угаснувшая жизнь Пантикапей, если не совершенно восстанавливается, то крайней-мѣрѣ является намъ въ болѣе-опредѣленныхъ образахъ. Въ числѣ прочихъ археологовъ — благодарности и г. Спасскому. Онъ въ своемъ сочиненіи представилъ намъ литографированные снимки босфорскихъ монетъ въ числѣ 147. На нихъ изображаются большею частію: голова Аполлона въ лавровомъ вѣнкѣ, пегасъ, голова Медузы, львиная голова, орелъ, палица Геркулеса, голова Пана, грифа, голова Юпитера, Паллады, Діаны, Вакха, Фавна, Эскулапа...

Сверхъ-того, на нихъ находятъ нарисы и изображенія босфорскихъ царей Левкона, Перисада, Евмела, Спартока, Митридата, Асандра, Полемона, Савромата, Рискунориса, Котиса; римскихъ императоровъ Нерона, Вителлія, Клавдія, Траяна, Адріана, Антонина-Кроткаго и другихъ. Снимки сдѣланы чрезвычайно-хорошо, правильно и отчетливо; между ними и снимками, находящимися у Рауль-Рашета въ его *Antiquités grecques du Bosphore-Cimmérien*. — нѣтъ никакого сравненія. На монетахъ, кромѣ изображенія приведенныхъ нами, еще находятъ буквы и цифры. Буквами означаются имена царей и время выпуска монетъ. Буквы заимствованы изъ греческаго алфавита. Съ помощію монетъ можно возстановить цѣлый рядъ царей, ихъ имена и послѣдовательность. На монетахъ, сверхъ-того, изображены *монограммы* и разные *символическіе знаки*. — Значеніе монограммъ или вензелей на многихъ монетахъ опредѣлить трудно, говорить г. Спасскій, хотя онъ по-видимому чаще состоятъ изъ буквъ замысловато-связанныхъ, чѣмъ изъ какихъ-нибудь условныхъ знаковъ. Рѣдко представляются монограммою, имѣю-ща полнаго имени, самыя имена царей и ихъ сопративелей. — Символическіе знаки находятъ на лицевой сторонѣ монетъ, перелъ изображеніями, и представляютъ скипетръ, палицу Геркулеса, копье, дубоубецъ и трезубецъ; другія, вмѣсто лицъ, представляютъ куруль-ныя кресла, щитъ съ копьемъ, жезлъ и другіе предметы, болѣе встрѣчающіеся на оборотной сторонѣ монетъ.

Рядъ вышеприведенныхъ монетъ представляетъ продолжительную жизнь народа образованнаго; присоединяете къ этому развалины Пантикапей, столпы Босфора, пространной, наполненной храмами, дворцами, отгнѣте эту картину образованностью и върваніями греческими, — и ваше воображеніе создастъ такую картину, какой вы не найдете въ отрывкахъ исторіи Босфора. — Повторяемъ, Крымъ должно изучать или въ музеумахъ, или на мѣстѣ,

во памятникахъ и развалинахъ городовъ, греческихъ колоній: Θεοδοσίη, Φαναγόριη, Νιμφεοη, Παρεσιονη, Μυριννιονη...

Историческія указанія о царяхъ босфорскихъ, изложенныя г. Спасскимъ во второмъ отдѣлѣ его сочиненія, ограничиваются большею частию временемъ царствованія и послѣдовательностью властителей Босфора. Отдѣлъ третій книги г. Спасскаго состоитъ изъ извѣстій объ открытіи древностей и разрытіи кургановъ въ Крыму. Здѣсь описаны труды гг. Вларамберга, Стамповскаго, Ашика и Корейши, извѣстные уже изъ другихъ сочиненій.

6) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. № 3-й. Москва. Въ университетской тѣл. 1846. Въ 8-ю д. л. 46, 45, 80, 68 и 60 стр.

Въ отдѣлѣ «Исследованій» помѣщена одна только статья, г. Ундольскаго: «Замѣчанія для Исторіи Церковнаго Пѣнія въ Россіи», въ которой приложены материалы, алфавитъ старинныхъ нотныхъ терминовъ и два снимка съ харатейнаго нотнаго кодакара начала XII вѣка. Въ приложеніяхъ, между прочимъ, находится предисловіе, «откуда и отъ кого времени начаса быти въ нашей Рускѣй земли осмогласное пѣніе, и отъ кого времени и отъ кого пошло на оба лика пѣти въ церкви».

Изъ матеріаловъ Отечественныхъ записъ напечатаны: Подробный Обзоръ Исторіи Руссовъ (Ковисскаго), съ указателемъ къ ней же, составленный г. Бодянскимъ, и «Исторія или повѣствованіе о донскихъ казакахъ, собранная и составленная чрезъ труды генералъ-майора Александра Ригельмана, 1778 годъ». Авторъ послѣдней довольно времени, по службѣ своей, провелъ среди Донцевъ. Любопытныя изображенія и описанія донскихъ казаковъ и казачекъ того времени, планъ стольнаго города Донской земли, Черкаска, и карта ея.

Т. Л. — Отд. VI.

«Исторія» въ этомъ номерѣ еще не кончена.

«Матеріалъ иностранный» составляетъ историческое разсужденіе о Хазарахъ, соч. Сума, переводъ съ датскаго С. Сабинина.

Въ Смѣспъ замѣчательнѣйшая статья: «Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ», Г. Ф. Миллера, бывшаго историографа русскаго, писанныя на русскомъ и нѣмецкомъ языкѣ и хранящіяся въ московскомъ главномъ архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Труды Миллера относились преимущественно къ великорусской исторіи; теперь открывается, что онъ занимался также и исторіей Малороссіи. Въ «Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ» 1760 года, помѣщено его «Разсужденіе о происхожденіи казаконъ», но больше ничего не было обнаружено относительно исторіи Малороссіи. Всѣхъ сочиненій, хранящихся въ архивѣ, 13, изъ которыхъ 6 на нѣмецкомъ и 7 на русскомъ. Издатель одного изъ этихъ сочиненій (О малороссійскомъ паролѣ и о Запорожцахъ), г. Бодянский, обѣщаетъ напечатать въ свое время и другія. Остальныя статьи этой книжки «Чтеній» суть: «Опытъ русскаго простонароднаго словоупотребленія» г. Макарова, «Архитектура храмовъ языческихъ Славянъ», г. Срезневскаго, и «Описаніе святыхъ мѣстъ, находящихся въ Новорусалимской Соборной Церкви Воскресенія Господня».

7) Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ, въ 1806 и 1807 годахъ, по Высочайшему повелѣнію сочиненное генералъ-лейтенантомъ и членомъ Военнаго Совѣта Михайловскимъ-Данилевскимъ. Съ двадцатью тремя планами и картами. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корпуса Внутр. Стражи. 1846. Въ 8-ю д. л. 443 стр.

Между различными видами исторической дѣятельности, особенно тягостна и благодарна дѣятельность военнаго историка. Отъ него требуетъ

ся всегда, как необходимое условіе, чтобъ его произведенія удовлетворяли въ одно и то же время потребностямъ совершенно-равнороднымъ—чтобъ они были поучительны для людей специальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ занимательны для профановъ, непосвященныхъ въ таинства военного дѣла. А извѣстно, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ совмѣстить, при описаніи военныхъ событій, достоинства ученаго взгляда на предметъ съ достоинствомъ живаго и интереснаго разсказа, и нѣтъ ничего легче, какъ впасть въ одну изъ двухъ крайностей — въ изложеніе фактовъ слишкомъ-сухое или слишкомъ-поверхностное. Въ первомъ случаѣ, военная исторія высоко цѣнится людьми учеными, но остается совершенно-недоступною для большинства публики; во второмъ, она читается публикой съ удовольствіемъ, съ жадностью, но зато вовсе не уважается настоящими цѣнителями этого дѣла и несколько не подвигаетъ впередъ самой науки.

Въ настоящее время, въ разныхъ европейскихъ государствахъ есть весьма-много военныхъ историковъ, вполне-заслуживающихъ уваженіе по своей учености или по своему трудолюбію; но между ними весьма-мало такихъ, въ которыхъ соединялись бы вмѣстѣ историческая эрудиція и историческій талантъ. Наиболѣе-выгодною репутаціе пользуется въ этомъ отношеніи Тьеръ; но нельзя не сознаться, что и этотъ писатель, не смотря на всю свою даровитость, не приближается къ идеалу военного историка. Правда, ему нельзя отказать въ умѣнн излагать съ необыкновенною ясностью самыя запутанныя и сбивчивыя стратегическія комбинаціи, и въ искусствѣ придавать занимательность такимъ фактамъ, которые по своей специальности могутъ интересовать только немногихъ, а для большинства должны казаться сухими и неинтересными; но эти несомнѣныя достоинства Тьера, какъ историка военнаго, помрачаются двумя важными недостатками, важными во всѣхъ его сочиненіяхъ. Съ одной стороны,

ребяческая, наивная любовь его къ войнѣ и военнымъ подвигамъ влечетъ за собой чрезвычайно-утомительную плодovitость при описаніи военныхъ событій и часто побуждаетъ его къ черевъ-чуръ уже подробному изложенію такихъ фактовъ, мелочныхъ и ничтожныхъ, которые сами-по-себѣ не заслуживаютъ никакого вниманія. Съ другой стороны, въ Тьерѣ замѣтны самолюбивыя притязанія: онъ считаетъ себя глубокимъ знатокомъ военного искусства и даже признаетъ въ себѣ особенную способность предводительствовать войсками и вести ихъ къ побѣдамъ; но познанія его въ военномъ дѣлѣ подлежатъ большому сомнѣнію и вовсе не признаются такими судьями, на мнѣніи которыхъ можно положиться въ этомъ случаѣ съ полной довѣренностью. Еще весьма-недавно вышла въ Парижѣ любопытная брошюра, написанная сыномъ маршала Викторъ, — брошюра, въ которой доказывается весьма-удовлетворительно и остроумно, что стратегическія познанія знаменитаго историка «Консульства и Имперіи» принадлежать къ числу самыхъ недостаточныхъ мненьевъ, что на каждой страницѣ его сочиненій встрѣчаются мѣста, свидѣтельствующія ясно о совершенномъ его невѣжествѣ въ этомъ дѣлѣ, даже о незнаніи самыхъ употребительныхъ терминовъ военной науки, и что, наконецъ, всѣ его рѣшкія сужденія о достоинствахъ и недостаткахъ славнѣйшихъ полководцевъ нашего столѣтія принадлежатъ не ему-самоу, а заимствованы цѣликомъ изъ сочиненій Наполеона, Жомини, Сесира и др. Взгляните на «*Extraits des Mémoires inédits de feu Claude-Victor Perrin, duc de Bellune*» (Paris, 1846) и посмотрите, какъ тамъ достается Тьеру! Справедливы или нѣтъ эти обвиненія — предоставляемъ судить людямъ болѣе насъ знающимъ дѣло.

У насъ военная исторія имѣетъ представителя вполне-достойнаго ея соединяющаго въ себѣ тѣ качества, которыми отличаются нѣкоторые исто-

рыи иностранцы, и въ то же время чуждаго всѣхъ ихъ недостатковъ. Мы въ настоящую минуту имѣемъ историка, умѣющаго постоянно соблюдать надлежащую середину между двумя крайностями, равно вредными для военнаго писателя, и примирять во всѣхъ своихъ произведеніяхъ требованіе искусства съ требованіями науки, дѣльность содержанія съ изяществомъ формы. Нѣтъ, кажется, никакой нужды прибавлять, что мы говоримъ о знаменитомъ біографѣ Императора Александра, А. И. Михайловскомъ-Данилевскомъ. Распространяться здѣсь о тѣхъ достоинствахъ, которыми отличаются всѣ произведенія этого писателя, пользующагося у насъ столь заслуженной репутацией, считаемъ мы совершенно излишнимъ, потому что мы неоднократно имѣли случай высказывать свое мнѣніе объ этихъ достоинствахъ, давно уже извѣстныхъ всѣмъ русскимъ читателямъ. Призванный Высочайшею волею Государя Императора къ описанію военныхъ событій предшествовавшаго царствованія, А. И. Михайловскій-Данилевскій вполне оправдалъ довѣренность своего Монарха и надежды Россіи. Оцѣнить подвиги Императора Александра и его храбрыхъ сподвижниковъ, написать полную и безпристрастную исторію этой блестящей эпохи, утвердившей навсегда величіе Россіи и славу русскаго имени, — въ этомъ состояла обязанность, возложенная на А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, обязанность трудная и высокая, исполненная имъ съ совершеннымъ успѣхомъ. Помощію своего трудолюбія и дарованія, онъ успѣлъ въ теченіе самаго непродолжительнаго времени воздвигнуть славу Императора Александра великолѣпный памятникъ. Благодаря трудамъ его на этомъ поприщѣ, подвиги русскаго народа въ борьбѣ съ властолюбцемъ Наполеона сдѣлались извѣстны всѣмъ и каждому. Эта великая заслуга историка двѣнадцатаго года уже признана и оцѣнена въ настоящую минуту всѣми. Полезные труды его нашли достойную для себя

награду въ одобреніи Монарха и во всеобщемъ уваженіи соотечественниковъ.

Вышедшее нынѣ описаніе кампаній 1806 и 1807 годовъ достойно замыкаетъ собою рядъ произведеній А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, предпринятыхъ имъ для исполненія порученія, возложеннаго на него Государемъ Императоромъ. Эта книга служитъ новымъ доказательствомъ таланта автора и ни въ чемъ не уступаетъ прежнимъ его произведеніямъ. Она написана тѣмъ же безыскусственнымъ, одушевленнымъ слогомъ, чуждымъ всякихъ риторическихъ эффектовъ, съ тою же простотою и ясностью, съ тѣмъ же умѣньемъ располагать факты по мѣрѣ ихъ важности и значенія. Но, независимо отъ достоинства художественнаго, она имѣетъ еще достоинства ученыя, и, представляя собою единственную дѣльную и безпристрастную исторію войны 1806 и 1807 годовъ, одинаково важна какъ для Русскихъ, такъ и для иностранцевъ. До сихъ поръ, еще ни одна европейская литература не имѣла вполне удовлетворительнаго описанія этой второй войны Императора Александра съ Наполеономъ. На русскомъ языкѣ были о ней только несвязные, неполные отрывки, разбросанные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Сочиненія же иностранцевъ объ этомъ предметѣ не заслуживаютъ большой довѣренности, какъ потому что иностранными историкамъ оставалось совершенно неизвѣстнымъ все то, что происходило въ русской арміи, такъ и потому, что ни одинъ изъ нихъ не былъ историкомъ официальнымъ, не былъ призванъ къ составленію исторіи своимъ правительствомъ, не имѣлъ доступа къ государственнымъ архивамъ, слѣдовательно, не могъ знать тогдашнихъ дипломатическихъ документовъ, изученіе которыхъ необходимо для уразумѣнія происшествій, совершавшихся на театрѣ войны. Напротивъ того, А. И. Михайловскій-Данилевскій повѣствованіе свое

основать на подлинныхъ военныхъ и дипломатическихъ актахъ и подкрѣпить ссылками. Вездѣ приведены имъ безъ малѣйшей перемены слова дѣйствовавшихъ лицъ. Сверхъ того, онъ изучилъ и повѣрилъ съ докуменгами записки, составленныя о войнѣ 1806 и 1807 годовъ нѣкоторыми нашими генералами, и въ томъ числѣ главнокомандовавшимъ тогда русской арміей, генераломъ Беннингсеномъ. Наконецъ, онъ имѣлъ возможность пользоваться и словесными показаніями немногихъ оставшихся въ живыхъ участниковъ и свидѣтелей этой войны, какъ-то генераловъ Ермолова, князя Воронцова, барона Жюмиви, князя Волконскаго, князя Шаховскаго, князя Чернышева, князя Щербатова, графа Палена, Шуберта, Граббе, двухъ Лопкаревыхъ и другихъ. Впрочемъ, самое важное достоинство этого сочиненія состоитъ, по нашему мнѣнію, не столько въ обиліи матеріаловъ и въ прекрасномъ изложеніи, сколько въ безпристрастіи, которымъ отличаются и всѣ прежніе труды почтеннаго автора. Это драгоценное для науки качество даетъ ему несомнѣнное преимущество передъ большинствомъ историческихъ писателей нашего времени, у которыхъ весьма-часто, въ борьбѣ между любовью къ истинѣ и любовью къ славѣ отечества, перевѣсъ остается на сторонѣ послѣдней. На двухъ должны выйдти слѣдующіе томы тьеровой «Исторіи Консульства и Имперіи», въ которыхъ будутъ описаны тѣ же самыя кампаніи, какія А. И. Михайловскій-Данилевскій описываетъ въ своемъ послѣднемъ произведеніи. Не говоря уже о различіи талантовъ и званій, мы увѣрены вѣрнѣе, что у Тьера никакъ не достанетъ надлежащей смѣлости, чтобъ представить въ своемъ сочиненіи всю истину безъ малѣйшаго ея искаженія. Національное самолюбіе заставитъ его непремѣнно, какъ это уже случилось съ нимъ нѣсколько разъ въ его прежнихъ трудахъ, преувеличить подвиги своихъ соотечественниковъ и унижить дѣла ихъ противниковъ. Въ подобномъ

искаженіи фактовъ никто не упрекаетъ А. И. Михайловскаго-Данилевскаго, который, какъ въ описаніяхъ, такъ и въ сужденіяхъ своихъ постоянно руководствуется уваженіемъ къ исторической истинѣ, умѣетъ, безъ оскорбленія чувства національной гордости, отдавать должную справедливость всѣмъ и каждому, и не дозволяетъ себѣ, подобно нѣкоторымъ историкамъ, называть побѣду — пораженіемъ и поражение — побѣдой. Новое доказательство этого мужественнаго безпристрастія находимъ мы въ послѣднемъ его сочиненіи, эпиграфомъ которому могли бы служить сакраментальныя слова французской присяги: «la vérité, rien que la vérité, toute la vérité». Такъ, на-примѣръ, говоря о побѣдѣ Русскихъ подъ Пултускомъ, побѣдѣ, которую совершенно-несправедливо приписали себѣ Французы, А. И. Михайловскій-Данилевскій сознается, что Беннингсенъ преувеличилъ свой подвигъ, донесши, будто самъ Наполеонъ, находившійся тогда у Голмина, предводительствовалъ противъ него, имѣя подъ начальствомъ двухъ маршаловъ, Даву и Ланна. Точно также и въ описаніи сраженія подъ Прейсш-Эйлау А. И. Михайловскій-Данилевскій, разрешая этотъ спорный пунктъ въ нашу пользу, не придаетъ, однакожъ, этой побѣдѣ той важности, какую ей придавали прежде, но указываетъ на то, что, при тогдашней славѣ Наполеона, одна уже неудача его нападенія равнялась совершенному пораженію. Совѣтуемъ всѣмъ прочесть это замѣчательное мѣсто въ книгѣ (стр. 210—213).

Впрочемъ, надо сознаться, что русскому историку, и особенно историку царствованія Александра-Благословеннаго, вовсе не трудно быть вѣрнымъ и безпристрастнымъ судьей описываемыхъ имъ событій. Нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ недобросовѣстнымъ уловкамъ и къ искаженію фактовъ тамъ, гдѣ одна нагая истина, чужды всякихъ прикрасъ, краснорѣчиво говорить въ пользу той справедливой гор-

дости, съ которой соединяется въ каждомъ изъ насъ воспоминаніе объ этихъ незабвенныхъ дняхъ... Въ достопамятную эпоху борьбы Александра съ Наполеономъ, самыя неудачныя наши кампаніи не уменьшали нашей славы, а увеличивали ея, доказывая, что только одни вѣншія, несчастныя обстоятельства могли преодолѣть мужество и героизмъ русскихъ войскъ. Поэтому весьма-справедливы слова А. П. Михайловскаго-Данилевскаго: «ни Императоръ Александръ, ни его храбрые сподвижники не нуждаются въ вымышленныхъ побѣдахъ для своей славы и въ поддѣльныхъ листкахъ для безсмертнаго вѣнца своего!»

8) Замѣчательнѣйшіе Походы Петра-Великаго и Суворова. *Публичныя лекціи военной исторіи, по Высочайшему повелѣнію читаныя Генеральному Штабу подполковникомъ Богдановичемъ, въ 1846 году. Съ шестью картами и планами. Санктпетербургъ. Печатано въ тип. Карла Крайла. 1846.*

Авторъ «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» избралъ эпиграфами для своего сочиненія безсмертныя слова Петра-Великаго: «А о Петръ вѣдайте, что ему жизнь не дорога: жила бы только Россія во славу и благоденствіи, для благосостоянія вашего». Другой эпиграфъ составляютъ слова Суворова: «Горжусь тѣмъ, что я Русскій!»

Въ предисловіи, г. Богдановичъ упоминаетъ о желаніи сдѣлать свои лекціи весьма-популярными и потому о тѣхъ трудностяхъ, которыя онъ долженъ былъ преодолѣть, въ-особенности при составленіи лекцій. Походы Суворова требовали сличенія свѣдѣній, разоблаченныхъ во множествѣ книгъ и рукописей и пополненія ихъ звуковыми преданіями. Тутъ же авторъ, между-прочимъ, сказалъ:

«Чтобы говорить предъ Русскими просвѣщенными воинами о Петрѣ и Суворовѣ, необходимо было повторять многое извѣстное. Кому изъ Русскихъ чужды ихъ подвиги? Но за то я льстятъ себя на-

деждою найти единодушное сочувствіе въ моихъ слушателяхъ; я зналъ, что каждый изъ насъ привыкъ отъ самой колыбели чтить имя Суворова, благоговѣть передъ памятью Петра-Великаго, и потому надѣялся, что тѣ, которые удостоятъ меня вниманіемъ своимъ, обратятъ болѣе вниманія на достоинства, нежели на недостатки моего разсказа.»

Литература описываемыхъ г. Богдановичемъ войнъ, въ-особенности сѣверной, такъ обширна, богатство матеріаловъ такъ велико, что автору предстояло только трудъ свѣрить, привести въ систему и передать уже готовые и давно-обработанные факты. Такъ-какъ содержаніе изданной теперь книжки было назначено для изустной бесѣды съ слушателями, то намъ остается только разсмотрѣть, въ какой степени авторъ воспользовался тѣми многочисленными средствами, которыя онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, и какія новыя пріобрѣтенія сдѣлала военная исторія со времени появленія «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» г. Богдановича.

Авторъ раздѣлилъ свое сочиненіе на пять лекцій, изъ которыхъ первыя двѣ заняты изложеніемъ походовъ сѣверной войны 1707, 1708 и 1709 годовъ, а въ трехъ послѣднихъ лекціяхъ содержится походъ Суворова, въ 1799 году, въ Сѣверную-Италію и потомъ въ Швейцарію. Раздѣленіе труда своего на пять лекцій авторъ совершилъ уже въ-послѣдствіи, при напечатаніи книги. Въ дѣйствительности же, содержаніе книги было прочтано г. Богдановичемъ въ три лекціи. Лекція отъ лекцій отдѣляется тремя, четырьмя, иногда и пятью чистыми страницами, такъ-что, со включеніемъ приложений въ концѣ книги опечатокъ, получится въ итогѣ 241 страница.

Первую лекцію авторъ начинаетъ словами:

«Счастливы тотъ, кто говоритъ о Великомъ Петрѣ предъ Русскими. Его слова навѣрное найдутъ отголосокъ въ душахъ слушателей. Но еще завиднѣе участь

того, кто подобно мнѣ, долженъ говорить о военныхъ подвигахъ Петра».

Вообще изъ первыхъ двухъ лекцій, т. е. походовъ сѣверной войны, ясно обнаруживается предположенная авторомъ цѣль — представить подвиги Петра-Великаго въ настоящемъ ихъ видѣ. Но оказалось, что, при дальнѣйшемъ развитіи своей идеи, авторъ всѣ факты описываемой имъ войны сосредоточилъ на подкрѣпленіи созданной имъ самимъ мысли, что Петръ-Великій былъ не только полководецъ, стоявшій выше своего вѣка, опередившій цѣлыми столѣтіемъ своихъ современниковъ и неоцѣненный ими по заслугамъ, но что онъ, какъ геніальный полководецъ, имѣетъ всѣ права стать несравненно-выше Наполеона, эрцгерцога Карла и Карла XII. Потомъ авторъ, справедливо жалуясь на иностранныхъ писателей, что они до сихъ поръ еще не оцѣнили вѣрно военныхъ заслугъ Петра-Великаго, имѣютъ ложныя о немъ понятія и не обращаютъ вниманія на то, что онъ одержалъ верхъ надъ Карломъ-Двѣнадцатымъ—однимъ изъ замѣчательныхъ людей своей эпохи,—говорить:

«Но мы Русскіе, можемъ ли раздѣлять это мнѣніе? Можемъ ли быть столь равнодушны къ подвигамъ того, кто сказалъ: что ему жизнь не дорога; жила бы только Россія въ блаженствѣ и славѣ для благосостоянія и(в)ашего, — того кто сказалъ эти слова сдержалъ ихъ столь славно на поляхъ Полтавы, гдѣ смерть ходила вокругъ Петра, касалась его; но не дерзнула поразить его.»

Отдавая полную справедливость чувствамъ автора, его патриотизму, его благоговѣнію къ подвигамъ Великаго, не можемъ не замѣтить, что всѣ эти въ источникѣ прекрасныя чувства нѣсколько удалили его отъ истины, которая, оставаясь всегда ненамѣнною, должна быть свято уважаема историкомъ и служить непремѣннымъ основаниемъ науки. Неисчислимыя государственныя заслуги и личныя доблестности Петра-Великаго составля-

ютъ уже такія неопровержимыя права на признательность и удивленіе потомства, что мысль г. Богдановича представить Петра, какъ первенствующаго, геніальнаго полководца всѣхъ вѣковъ, — несогласная съ историческою истиною. — непремѣнно должна встрѣтить основательное возраженіе. Какъ мудрый преобразователь, какъ великій организаторъ вооруженныхъ силъ, Петръ-Великій безусловно займетъ первое мѣсто; однакожь, въ ряду предводителей арміями ему принадлежить хотя весьма-почетное мѣсто, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, не первое. Чтобы доказать подобную мысль, со стороны автора недостаточно безогчетныхъ похвалъ, но необходимы положительныя факты, взятые изъ чистаго равнаго исторіи, и въ этомъ случаѣ должно обращаться къ исторіи, а не къ чувству слушателей или читателей...

Изагая числительныя силы воюющихъ сторонъ, авторъ говоритъ на стр. 8-й:

«Со стороны же Карла Двѣнадцатаго, силы котораго вообще состояли въ числѣ ста тысячъ, армія была укомплектована болѣе, нежели до тридцати тысячъ войскъ... (?) и проч.»

Намъ кажется это нѣсколько-неопредѣлительно: какъ должно понимать, что армія съ укомплектованіемъ составила 130 тысячъ, или только 100 тысячъ; или же 100 тысячъ Шведовъ укомплектовались такимъ-образомъ, что подъ-конецъ ихъ набралось до 30 тысячъ?

Распространяясь о мѣстныхъ оборонительныхъ средствахъ, которые, при вторженіи шведской арміи въ русскіе предѣлы, тогдашнее наше правительство предприняло, авторъ между прочимъ такъ говоритъ на стр. 13 и 14:

«Въ то же время приказано было устроить укрѣпленную линію на прострѣствѣ отъ Пскова черезъ Смоленскъ къ Брянску. Эта линія состояла въ дѣсятыхъ мѣстахъ, изъ засѣкъ, а въ открытомъ изъ окоповъ; на всѣхъ путяхъ, изъ

Лини къ Россію устроены были завалы. Такимъ-образомъ эта укрѣпленная линія имѣла сходство съ подобными линіями, употреблявшимися на западѣ Европы.»

Эти безконечныя, на нѣсколько сотъ верстъ растянутыя линіи укрѣпленій и засѣкъ были воздвигаемы у насъ въ Россіи еще въ незапамятныя времена татарскаго владычества. Валъ со врѣмъ къ непріятельской сторонѣ устроивался въ мѣстахъ безлѣсныхъ. Остатки этихъ укрѣпленій донинѣ сохранились въ нѣкоторыхъ южныхъ губерніяхъ Россіи и преимущественно тѣхъ, которыя находились на границахъ, окраинахъ или украиннахъ государства. Изъ-примѣръ, въ Полтавской около Золотоноши, на югѣ Киевской и Харьковской, гдѣ пролегалы границы съ Крымскою-Ордой. Страны же гдѣ-стыя оборонялись пространными линіями засѣкъ. Такимъ-образомъ, въ Калужской и Рязанской Губерніяхъ засѣки табулись ивогда болѣе, чѣмъ на сто верстъ. Еще во времена Петра въ этихъ губерніяхъ засѣками ограждались казенныя лѣса, называвшіеся по этой причинѣ также засѣчными, и только въ 1762 году указомъ императрицы Екатерины-Второй запрещено валить лѣсъ на засѣки. Система оборонять страну посредствомъ непрерывной линіи укрѣпленій и засѣкъ отъ набѣговъ враждебныхъ имѣла началомъ не подражаніе или заимствованіе отъ Западной-Европы, а прямое слѣдствіе первобытныхъ, младенчествующихъ понятій о военномъ искусствѣ и оборонительныхъ средствахъ страны. Стѣны Агриколы и Адриана на границахъ Шотландіи съ Англіею, Траянъ-Валъ отъ сел. Черноводъ на Дуцѣ до Кистенджи и, если угодно, китайская стѣна — всѣ эти постройки должно приписать не къ заимствованію одного народа отъ другаго и тѣмъ-болѣе отъ Запада, а къ фактическому проявленію необразовавшихся еще тогдашнихъ понятій о военномъ искусствѣ; а какъ ратное дѣло у всѣхъ народовъ того времени находилось еще въ совершенномъ, почти-одинаковомъ

младенчествѣ, то и результаты выходили тождественныя. Такимъ-образомъ, явились въ Китаѣ и Шотландіи стѣны, а у насъ земляные валы и засѣки.

Во многихъ мѣстахъ своей книги, въ-особенности при описаніи послѣдствій сраженія или удачнаго дѣла, авторъ высказываетъ свои мнѣнія о Петрѣ-Великомъ и Карлѣ XII.

Такимъ-образомъ, на стр. 38, распространяясь о военныхъ качествахъ шведскаго короля, онъ между-прочимъ говоритъ:

«Разсматривая дѣйствія великихъ полководцевъ всѣхъ временъ, видимъ, что они были истинно велики потому именно, что умѣли соображаться съ своими средствами и съ обстоятельствами, въ которыхъ находились. И потому, по всей справедливости должно сознаться, что Карлъ-Дѣвѣнадцатый, необладавшій этимъ умѣньемъ, не можетъ равняться съ гениальными полководцами — Александромъ Македонскимъ, Юліемъ Цезаремъ, Густавомъ Адольфомъ, Фридрихомъ-Великимъ, Наполеономъ и Петромъ I.»

Потомъ, на слѣдующей страницѣ, авторъ говоритъ уже, что «Карлъ-Дѣвѣнадцатый не можетъ считаться въ числѣ великихъ полководцевъ», вѣ довершеніе прибавляетъ причину: «искусство достигать побѣдами цѣли войны было недоступно ему». Опредѣливъ такимъ-образомъ военные таланты шведскаго короля, г. Богдановичъ заключаетъ: «все-таки онъ долженъ занять мѣсто въ ряду людей необыкновенныхъ». Для полноты портрета сѣвернаго героя, на той же страницѣ, авторъ сдѣлалъ два дополненія, изъ которыхъ въ первомъ сказано, что: «онъ не былъ великимъ полководцемъ можетъ быть потому только, что искусство веденія войны, столь многосложное и трудное искусство, требуетъ приуготовительныхъ свѣдѣній и опытности, которыхъ не доставало Карлу, начавшему командовать арміями съ семнадцати-лѣтняго возраста». Въ другомъ же мѣстѣ, на стр. 39, говорится о Карлѣ XII слѣ-

дующее: «соображенія его, мало обдуманныя и не довольно основательныя, не могут выдержать строгаго критическаго разбора».

Представивъ въ такомъ свѣтѣ Карла XII, какъ полководца, авторъ, къ довершенію нашего недоумѣнія, въ слѣдующихъ строкахъ называетъ его «достойнымъ противникомъ» Петра.

Принимая мнѣнія г. Богдановича за несомнѣныя, какой же выводъ сделаемъ о военномъ значеніи Петра-Великаго? Предоставляемъ рѣшить какъ этотъ, такъ и другіе возникающіе при этомъ вопросы ученымъ исследователямъ военной исторіи...

Описавъ, на стр. 52, второй моментъ сраженія подъ Лѣснымъ, когда неприятель, бывъ атакованъ вдругъ на всей линіи, долженъ былъ отступать къ своему лагерю, авторъ говоритъ, вѣроятно принявъ за авторитетъ показанія Адлерфельда или Нордберга: «отбили у него 5 орудій и нѣсколько знаменъ». Въ «Журналѣ Петра-Великаго» (часть I, страница 167) означено «8 пушекъ и нѣсколько знаменъ». «Журналъ», или подневная записка Петра-Великаго, написанъ канцлеромъ Шафировымъ и собственноручно исправленъ и пересмотрѣнъ Петромъ-Великимъ, а потому составляетъ одинъ изъ драгоценнѣйшихъ и достопримѣчательнѣйшихъ матеріаловъ для исторіи сѣверной войны. Сраженіе подъ Лѣснымъ имѣло такое рѣшительное вліяніе на ходъ и окончаніе цѣлой кампаніи, что мы не можемъ опустить случая представить читателямъ тогдашній современній рассказъ, который съ тѣмъ выѣстъ будетъ необходимъ и для исправленія вышесказаннаго показанія г. Богдановича:

«И когда оныхъ (Шведовъ) сквозь лѣсъ прогнали къ ихъ конницѣ, тогда наша конница съ пѣхотою сокупилась и на ономъ полѣ всѣми людьми на обѣ стороны въ главной бой вступили, которой нѣсколько часовъ продолжался, гдѣ неприятеля съ поля наки сбили жъ, который ушелъ къ своему обозу; а наши стали на боевомъ мѣстѣ, гдѣ взято восемь пушекъ

и нѣсколько знаменъ; и понеже на обѣ стороны солдаты такъ устали, что болѣе невозможно битися было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевомъ мѣстѣ сѣли, и довольно время отдыхали, разстояніемъ линей одна отъ другой въ половинѣ пушечнаго выстрѣла полковою пушки али и ближе; въ то время съ нашего праваго крыла нѣсколько разъ изъ трехъ пушекъ стрѣлено въ флагъ неприятельской, а отъ нихъ стрѣльбы не было. Сей случай зѣло дивно было видѣть, будто бы неприятели были между собою такъ кротки, и близко другъ отъ друга сидя отдыхали».

Съ прибытіемъ въ Русскимъ отрядъ Баура, а къ Шведамъ обознаго открытія —

«...наки неприятеля атаковали, гдѣ великій жестокой былъ бой, и перво нѣсколько залповъ выпалили, а потомъ съ басопетамъ и шпагами прямо на неприятеля пошли, и помощью побѣдодавца Бога, неприятеля совсѣмъ съ поля сбили, и достальныя пушки и обозъ взяли и совершенную викторію получили, при которой окончаніи преславная началась вьюга со снѣгомъ, и потомъ тотчасъ ночь наступила, и тако оставшіися неприятель случай ко уходу получалъ, а наши, гдѣ кого та вьюга застала, тутъ и почевали».

Но всего замѣчательнѣе заключеніе. Ни одинъ полководецъ, ни одинъ военный историкъ, по всѣмъ вѣрогнѣніямъ, не вѣдалъ такого любопытнаго, въ высшей степени оригинальнаго послѣсловія:

«Сія у насъ побѣда можетъ первую назваться; понеже изъ регулярныхъ войскомъ никогда такой не бывало, и истиннѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая солдатская проба была, и людей конною ободрила, и мать полтавской битвы, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ; ибо по девятилѣтнемъ временіи оное младенца счастье произисла, — егда совершеннаго ради любопытства кто желаетъ исчислять отъ 28 дня сентября 1708, до 27 іюня 1709 года.»

Остальная часть похода сѣверной войны у г. Богдановича изложена до

мало-отчетливо, и вообще вездѣ, не только авторъ излагалъ самые факты, излагалъ ихъ вѣрно и языкомъ доступнымъ; но въ отступленія, изъ главныхъ для подкрѣпленія созданной имъ идеи, не отличаются тѣми же достоинствами, можетъ-быть, и потому, что носягъ на себѣ отпечатокъ какой-то несвязности, пестроты, мозаичности. Замѣтно, что авторъ много читалъ, но, принимая за основаніе права и мысли знаменитѣйшихъ военныхъ писателей, не сроднился съ ними, не усвоилъ ихъ себѣ, и потому въ разногласіи правила и мысли, — почему, основательныя въ частности, — въ совокупности не только не поддержали главной идеи, но произвели совершенно-противное дѣйствіе. Достоинствомъ чести можетъ служить и неприведенная нами характеристика Карла XII.

Вторая половина произведенія г-на Суворова, т. е. походы Суворова въ Италію и Швейцарію, носитъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ же достоинствъ, которыми отличается и «Описание похода Карла XII на Россію». Мы этия два похода назвали, что подробное изученіе историческихъ фактовъ, изъ которыхъ приведены многіе весьма-любопытныя и, можетъ-быть, немногія истинныя, даетъ выгодное для автора мнѣніе о его начитанности и учености. Взвѣсивъ съ этой стороны трудъ, можно согласиться, что авторъ составилъ его довольно-добросовѣстно. При этомъ, однакожъ, мы должны замѣтить, — потому что справедливость и истинность дѣла того требуютъ, — что въ фактахъ, тѣсныхъ рамкахъ «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» не можетъ и не должно существовать вышуклыхъ ошибокъ противъ изложенія историческихъ фактовъ. Было бы довольно-сложно, еслибъ въ этомъ краткомъ эссенціи войны, въ такомъ масштабѣ, нашлись бы еще подобныя недостатки! Въ этомъ отношеніи, «Исторія Россійско-Австрійской Кампаніи 1799 года» г. Фукса, не говоря уже о десяткахъ иностранныхъ писателей, можетъ

служить весьма-хорошимъ источникомъ, какъ сводъ матеріаловъ; но изъ этихъ матеріаловъ должно построить здание, достойное нашего гениальнаго Суворова...

«Замѣчательнѣйшіе Походы Суворова», какъ произведеніе военно-историческое, неизбѣжно должно покоряться еще другимъ условіямъ: кромѣ исторіи, оно должно принадлежать и военному искусству, а потому недостаточно изложить только передвиженія войска или ихъ маршруты по предписаніямъ отъ такого-то числа и за такія-то нумеры; недостаточно показывать расположеніе отдѣльныхъ корпусовъ или отрядовъ на театрѣ войны, или расположеніе войскъ въ виду непріятеля на полѣ сраженія, и какъ они передвигались и какъ дѣйствовали, — все это прекрасно, и если военный человекъ расскажетъ всѣ замѣчательныя подробности данной кампаніи, это сдѣлаетъ честь его памяти; но изученіе однихъ существенныхъ фактовъ войны еще не подвигаетъ дѣла впередъ, т. е. къ цѣли, которую долженъ предположить себѣ вообще военный историкъ при созданіи труда своего. Военная исторія имѣетъ еще другую важную сторону (которую можно назвать, если хотите, философскою), — именно, подробное разсмотрѣніе военныхъ дѣйствій какъ въ тактическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніяхъ, и указаніе на то, какія новыя преобразованія данная кампанія произвела въ искусствѣ веденія войны. При подробнѣйшемъ изученіи исторіи великихъ полководцевъ, которые произвели эпоху въ образѣ веденія войны, должно обращать главнѣйшее вниманіе на тѣ особые, новыя принципы, которымъ они подчиняли свои дѣйствія; эти-то принципы и составляютъ основаніе законовъ военнаго искусства. По походѣ въ Италію и Швейцарію въ 1799 году, кромѣ выводовъ для усовершенствованія теоріи, еще имѣетъ другую особенность, замѣчательную собственно для насъ, Русскихъ, какъ походъ русскаго полководца. Суворовъ приобрѣлъ перемѣ-

ство гениальностью своих соображений надъ всеми полководцами своего вѣка, и до настоящей минуты надъ всеми русскими когда-либо бывшими полководцами; а потому, при описаніи похода его въ Италию и Швейцарію въ 1799 году, для русскаго военнаго историка представится еще новый любопытный элементъ — изслѣдованіе тѣхъ средствъ, которыми нашъ великій полководецъ такъ много облегчилъ себѣ побѣду, того могущественнаго вліянія, которое имѣлъ онъ на нравственный духъ вѣрннаго ему войска, годнаго, безъ обуви, переносившаго всевозможныя и даже невозможныя лишения. Вспомните положеніе его въ Швейцаріи, гдѣ даже самъ Багратіонъ имѣлъ ботфорты безъ подметокъ, такъ что пальцы торчали у него снаружи, — и при всемъ этомъ смертельно-раненный Мещерскій за минуту до послѣдняго вздоха кричалъ Фуку: «Не забудь меня въ релациі!»... Изученіе этихъ-то мощныхъ рычаговъ нравственныхъ силъ врядъ-ли не столько же необходимо военному человѣку, какъ и изученіе военной географіи, тактики и стратегіи...

При составленіи «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ Суворова», авторъ не сказалъ ни одного слова своимъ читателямъ о театрѣ войны, тогда-какъ это обстоятельство считается однимъ изъ главнѣйшихъ условій всякаго военно-историческаго произведенія. Такимъ образомъ, безъ предварительнаго знакомства съ мѣстностью театра войны, невозможно будетъ объяснить всей замысловатости стратегическихъ соображеній Суворова и причинъ отдѣленія арміи Моро отъ арміи Макдональда во время трехдневнаго сраженія при Тидоне и Требіи.

Въ заключеніе, намъ остается указать на нѣсколько погрѣшностей, вправившихся отъ поспѣшности, съ которою, можетъ-быть, печаталась книга. На стр. 104, авторъ приводитъ собственныя слова Суворова, сказанныя имъ по случаю назначенія новаго главнокомандующаго во французскую

армію, генерала Моро, вмѣсто Шерера, признаннаго Директорією неспособнымъ; узнать о томъ, Суворовъ сказалъ: «Слава Богу! немного было бы намъ чести разбить шарлатана. Горжусь, что буду имѣть дѣло съ главнымъ человѣкомъ». Суворовъ уважалъ Моро болѣе, чѣмъ другихъ французскихъ генераловъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ отзывался о немъ въ подобныхъ выраженіяхъ, но, по всемъ вѣроятіямъ, не считалъ за особенную честь и не гордился тѣмъ, что будетъ имѣть дѣло съ главнымъ человѣкомъ: вѣдь Шереръ былъ тоже главнымъ человѣкомъ, если повяты это выраженіе за однозначашее съ главнокомандующимъ. Гордость Суворова, какъ боелюбиваго, побѣдоноснаго старца, могла удовлетвориться только борьбою съ достойнымъ противникомъ, стяжаннымъ уже громкую славу многими побѣдами. Мы полагаемъ, что авторъ «Замѣчательнѣйшихъ Походовъ» нѣсколько преобразовалъ слова, сказанныя Суворовымъ въ Туринѣ по случаю предпринятаго генераломъ Моро отступленія вверхъ по долинѣ Таваро съ цѣлю пройти въ Ривьеру, соединиться съ армію Макдональда чрезъ Геную и Понтремоли и стать на сообщеніяхъ союзной арміи. Маневръ былъ недуренъ, и Суворовъ, вполнѣ постигая все его значеніе, сказалъ: «Моро понимаетъ меня старика, и я радуюсь, что буду имѣть дѣло съ умнымъ человѣкомъ»...

На стр. 131, авторъ, описавъ сраженіе при Тидоне 17 іюня, помѣстилъ авангардъ отступившей французской арміи «у Сан-Никола, на лѣвой сторонѣ Тидоне», тогда-какъ въ дѣйствительности Французы расположили свой авангардъ на лѣвомъ берегу Требіи, да и самая деревня Сан-Никола находится не въ дальнемъ разстояніи отъ лѣваго берега Требіи.

На стр. 228-й изложены послѣдствія муттенскаго сраженія (у рѣки Муотты), при чемъ авторъ говоритъ:

«Потеря его, въ оба дня муттенскаго сраженія, кромѣ пяти орудій, захвачен-

ныя побѣдителями и зарытыхъ къ зем-
лю, по неимѣннѣю средствъ къ проводу
ихъ черезъ горы, простиралась до 1500
миль въ плѣнными (въ числѣ которыхъ
былъ бригадный генералъ Лекурбъ)...

А на стр. 208 сказано:

«Правое крыло французской арміи, про-
тивъ котораго должны были действовать
союзныя войска, состояло изъ двадца-
ти-тысячной дивизіи Лекурба».

Вообще, появленіе «Замѣчательнѣй-
шихъ Походовъ Петра-Великаго и Су-
ворова», если и не послужило къ по-
полненію и дальнѣйшему развитію оте-
чественной военной исторіи, то, по-
крайней-мѣрѣ, можетъ служить дока-
зательствомъ нѣкоторой, во всякомъ
случаѣ полезной литературной дѣя-
тельности. Но, говоря вообще, это про-
заведеніе приблизительно не можетъ
удовлетворить строгимъ требованіямъ
современной науки, и геніальныя нашъ
Суворовъ тѣмъ не менѣе до настоящей
минуты еще не имѣетъ достойнаго ис-
толкователя своихъ великихъ, незаб-
венныхъ дѣлъ...

Знаменитый схоластикъ среднихъ
вѣковъ объяснял своей аудиторіи од-
ну строку Виргиліа почти цѣлый годъ,
читая лекціи четыре раза въ недѣлю.
Обстоятельства заставили его прекра-
тить свои лекціи, и онъ, явившись въ
последній разъ къ своимъ слушате-
лямъ, объявилъ, что, посвятивъ лучшее
время своей жизни изученію Вирги-
лія, полагалъ высшимъ блаженствомъ
для себя передать это знаніе и своимъ
слушателямъ; но, къ несчастію, ему
удалось только до половины объяснить
весь многообъятный смыслъ этой стро-
ки Виргиліа. А та строка нашей исто-
ріи, гдѣ начертано имя Суворова, раз-
вѣ имѣетъ менѣе - глубокой смыслъ?
Въ таинственныхъ его словахъ: бы-
строта, глазомѣръ, натискъ, развѣ не
заключается сокращенія его вѣрной,
меткой тактики?..

9) Исторія Италійскихъ Кам-
паній 1813—1814. Съ девятью карта-
ми и планами, (перевелъ) съ француз-

скаго полковника Сяличъ. Санктпетер-
бургъ. 1847. Въ тип. К. Крайя. XVI и
338 стр.

Генералъ французской службы Во-
донкуръ (général Guillaume de Vaudo-
court) извѣстенъ множествомъ равно-
образныхъ сочиненій, большею частью
относящихся къ военнымъ наукамъ.
Почти нѣтъ ни одного сколько-нибудь
замѣчательнаго военнаго событія въ
этомъ вѣкѣ, о которомъ бы онъ не ска-
залъ публично своего мнѣнія, такъ-что
по всей справедливости его можно на-
зывать военнымъ полиграфомъ. Прини-
мая участіе въ издававшихся во Фран-
ціи журналахъ по части военныхъ на-
укъ, онъ приобрѣлъ себѣ нѣкоторую
извѣстность, и въ 1822 году Стокгольм-
ская Академія Военныхъ Наукъ сдѣла-
ла его своимъ членомъ. Между прочи-
ми его сочиненіями особенно замѣча-
тельны слѣдующія: 1) Mémoires pour
servir à l'Histoire de la guerre entre la
France et la Russie en 1812; 2) Histoire
de la guerre soutenue par les Français
en Allemagne en 1813; 3) Mémoires sur
les Iles Ioniques; 4) Mémoires histori-
ques sur le Monténégro et sur les peu-
plades adjacentes de l'Erzegovine et
de la Haute-Albanie; 5) Précis des évé-
nemens militaires survenus en Europe
depuis 1815 (въ этомъ сочиненіи осо-
бенно-замѣчательны статьи, посвящен-
ныя разсмотрѣнію военныхъ дѣйствій
въ-продолженіе послѣдней турецкой
войны 1828 и 1829 годовъ, и кампаніи
1831 года противъ польскихъ мятеж-
никовъ; если не ошибаемся, это сочи-
неніе помѣщено въ «Journal de Scien-
ces Militaires» въ 1836 или 1837 году);
6) Essai sur l'organisation défensive mi-
litaire de la France; 7) Histoire politi-
que et militaire du Prince Eugène Na-
poléon, и наконецъ 8) Histoire des cam-
pagnes d'Italie en 1813 et 1814, пере-
водъ которой издавъ теперь полковникъ
Сяличъ.

Не смотря, однакожъ, на значитель-
ное количество сочиненій, Водонкуръ
вообще не привадляетъ къ числу
первоклассныхъ военныхъ писателей.
Онъ не отличается тою ясностью изло-

женія и тѣмъ безпристрастїемъ, которыя должны составлять неотъемлемую принадлежность историка. Недостатокъ ясности въ изложеніи, можетъ быть, происходитъ и отъ-того, что авторъ, занимаясь многими предметами вдругъ, не имѣлъ времени достаточно осмотрѣть каждый. Но какъ бы основательны эти причины ни были, а сбивчивость изложенія препятствуетъ схватить главную идею и, слѣдуя за передвиженіями значительныхъ отрядовъ и корпусовъ, вниманіе слабѣетъ, раздробляется, и утомленный читатель невольно упускаетъ изъ вида цѣль главной стратегической операціи, которая всегда должна оставаться ясною и свѣтлою въ умѣ его. Описывая войны иностранныхъ державъ, Водонкуръ еще довольно-безпристрастенъ, но гдѣ только дѣло коснется до его отечества — «прекрасной Франціи», то старый наполеоновскій солдатъ всегда помнитъ, что онъ Французъ, и на литературномъ поприщѣ сражается за славу Франціи съ тѣмъ же мужествомъ и самолюбїемъ, какъ при Арколѣ, Маренго и Ваграмѣ, забывая, что въ числѣ непріятелей поражаетъ и святую историческую истину. По этой-то самой причинѣ изданныя имъ записки о войнѣ 1812, и въ-послѣдствіи о войнѣ 1813 г. не пользуются значительнымъ авторитетомъ, особенно же первыя, какъ написанныя весьма-поверхностно и съ большою поспѣшностью, болѣе для удовлетворенія тогдашняго требованія публики, чѣмъ для разъясненія самыхъ событій на пользу исторіи и военной науки.

Образился теперь къ его «Исторіи Италійскихъ Кампаній въ 1813 и 1814 году», переведенной на русскій языкъ полковникомъ Силичемъ. Настоящее сочиненіе было написано авторомъ едва-ли не на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, какъ и записки о войнѣ 1812 года: черезъ годъ послѣ окончанія войны оно было уже готово, и если авторъ издалъ его двумя годами позже, т. е. въ 1817 г., то по причинамъ случайнымъ. Онъ самъ говоритъ: «différentes circonstances en ont retardé la pu-

blication et ont empêché l'auteur de s'en occuper pendant l'année 1816. Il était alors en Angleterre, et la législation des Iles Ioniques, passées sous la protection de cette puissance, occupait le gouvernement et le public éclairé. Cette dernière considération décida l'auteur à publier de préférence l'ouvrage intitulé: Mémoires sur les Iles Ioniques, dont les matériaux existaient depuis plusieurs années dans son portefeuille». Изъ этого можно видѣть, съ какою внимательностью авторъ принаравливался къ желаніямъ и требованіямъ тогдашней публики.

«Исторію Италійскихъ Кампаній» авторъ написалъ по самымъ достовернымъ матеріаламъ. Въ бытность свою въ Парижѣ, онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи всѣ бумаги и дѣла, хранившіяся въ архивѣ главнаго штаба арміи, дѣйствовавшей въ Сѣверной-Италіи подъ предводительствомъ вице-короля италійскаго, бывшаго его начальниа. Во время же поѣздки своей въ Англію, гдѣ въ-послѣдствіи издана и появившаяся нынче у насъ книга, авторъ старался собирать объ этой кампаніи всѣ замѣтки и статьи, разъясненныя по разнымъ періодическимъ изданіямъ, съ тѣмъ, чтобъ изложить всѣ движенія и операціи австрійской арміи съ тою же отчетливостью и полнотой, съ какою онъ изложилъ дѣйствія арміи французской и италійской въ эту кампанію. По полнотѣ матеріаловъ и по тщательности, приложенной Водонкуръ при совершеніи труда, его «Исторіи Италійскихъ Кампаній» составляетъ едва-ли не лучшее его произведеніе.

Когда въ 1813 и 1814 годахъ совершались великія событія, многочисленныя войска союзной Европы отъѣхали постепенно наполеоновскую армію къ границамъ Франціи и наконецъ къ самому Парижу, а, вступая въ сраженія, иногда выставляли до полумилліона воиновъ съ обѣихъ сторонъ, и до тысячи орудій громило враждебныя ряды, — въ это самое время, въ отдаленномъ углу театра войны, въ Сѣверной-

Италіи, 50-ти-тысячная французская армія сражалась съ 70 тысячами Австрійцевъ, отступала постепенно, оспаривала иногда мѣстности сраженіемъ, и наконецъ, когда союзные государи вступили въ столицу Франціи, и въ Италіи прекратились военныя дѣйствія. Въ эту кампанію было три замѣчательныя сраженія: при Фейстрицѣ, Бассано, и самое главное при переправѣ черезъ Минчіо. Такимъ-образомъ, итальянская кампанія, въ-отношеніи къ тогдашней громадной борьбѣ, гдѣ рѣшалась участь цѣлаго міра, составляетъ какъ-бы маленькій эпизодъ великой эпопеи, отдѣльную сцену на третьемъ планѣ картины, битву на мольбѣ лоскутъ порфиръ Наполеона. Военный человекъ увидитъ въ повѣсти объ этой войнѣ призмѣ войны оборонительной... Впрочемъ, предоставляемъ говорить самому переводчику.

«Самый лучший, неувядающій листокъ въ книгѣ Вице-Короля Италійскаго есть, безъ сомнѣнія, кампанія его 1813 и 1814 въ Италіи, гдѣ онъ, облеченный не ограниченными полномочіемъ, дѣйствовалъ и распоряжался, какъ совершенно отдѣльный главнокомандующій. Эта кампанія входитъ въ составъ огромнаго военного плана той эпохи, но она особенно поучительна какъ образецъ войны оборонительной, если принять въ соображеніе слабыя средства, находившіяся въ распоряженіи Вице-Короля, чрезвычайное превосходство непріятельскихъ силъ и относительное расположеніе противудѣйствовавшихъ армій. Съ какими искусствомъ велъ онъ всю войну, какъ умѣлъ пользоваться малѣйшими благоприятными обстоятельствами для отращенія ударовъ непріятельскихъ! Казалось, что эта горсть солдатъ вновь набранныхъ, можно сказать, необученныхъ рекрутъ, должна была неминуемо погибнуть, но твердостью предводителя она преодолѣла все, дѣйствовала со славою и устояла до конца т. е. до заключенія Парижскаго міра.»

Въ предисловіи на стр. III, переводчикъ между прочимъ, говоритъ:

«На русскогъ языкѣ не было до сихъ поръ описанія этой войны, столь поучи-

тельной для каждаго военнаго. Вотъ что побудило меня перевести сочиненіе Генерала Водонкура; оно, сверхъ того, послужитъ еще однимъ доказательствомъ, какою славою покрыли себя тогда Русскіе!»

Должно сказать, что въ-продолженіе итальянскихъ кампаній 1813 и 1814 года на театрѣ войны въ Сѣверной-Италіи, т. е. отъ середины Савы и Лейбаха до рѣки Кеззы, а потомъ въ Генуэзской Ривьерѣ дѣйствовала только французская армія подъ начальствомъ вице-короля итальянскаго противъ австрійской, бывшей сначала подъ начальствомъ Гиллера, а потомъ Беллегарда, и на этомъ театрѣ войны въ описываемую Водонкуромъ эпоху Русскихъ не было ни одного человека съ суворовскихъ временъ, — и потому мы были поставлены въ крайнее недоумѣніе, какимъ образомъ Русскіе могли покрыть себя славою въ такой войнѣ, гдѣ они не принимали участія, тѣмъ болѣе, что въ цѣлой книгѣ, переведенной безъ сомнѣнія самимъ г. Силичемъ, нигдѣ не упоминается о Русскихъ, даже и ковенно! Русскіе покрывали себя тогда славою на поляхъ Германіи и Франціи: подъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ, Кюльмомъ и Парижемъ, но въ Италію они не посылали ни одного человека.

Въ предисловіи же переводчикъ поясняетъ, что онъ счелъ необходимымъ выпустить въ переводѣ многія подробности, которыя, не представляя для Русскихъ ничего замѣчательнаго и вообще ничего поучительнаго, обременяли бы только читателя мелочными происшествіями и затемняли бы рассказъ.

Въ этомъ отношеніи должно отдать полную справедливость переводчику: дѣйствительно, онъ обрѣзалъ многія подробности происшествій; но имѣть возможности согласиться, чтобъ эти подробности были не замѣчательны, мелочны и затемняли рассказъ. Такимъ-образомъ, г. Силичъ весьма-неудачно исключилъ любопытныя подробности и мѣры, предпринятыя

французскимъ правительствомъ для обороны Венеціи и, обратно, изложилъ все - незамысловатую подробную дислокацію войскъ, которыя должны были формироваться для ожидаемой войны, но, по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій, эти вновь-набранныя войска были расположены совершенно иначе, такъ-что дислокація осталась безъ исполненія, слѣдовательно, если бы была выпущена, то нисколько не нарушила бы достоинства книги. Числительную силу обсервационнаго аджскаго корпуса переводчикъ показавъ круглыми счетомъ, вмѣсто 40,951 человека пѣхоты и 4532 кавалеріи, какъ означено въ оригиналѣ... Должно сказать, что переводчикъ съ какою-то роковою догадливостію отрѣзалъ отъ книги Водонкура все, что дѣлаетъ ее столько занимательною въ оригиналѣ: оставляетъ въ цѣлости одинъ только сухой, безжизненный остовъ этой войны, монотонный, безконечный рядъ маршрутовъ множества отрядовъ, такъ-что при усилеиномъ, напряженномъ вниманіи нѣтъ возможности самому пылкому воображенію составить себѣ идею о механизмѣ военныхъ операцій и вообще о постепенномъ ходѣ описываемой кампаніи.

На стр. III предисловія переводчикъ упоминаетъ о сдѣланныхъ имъ переиѣнахъ въ сочиненіи Водонкура:

«Надобно было измѣнить кое гдѣ военные термины, которые у Водонкура имѣютъ неточное, даже иногда превратное значеніе. Наконецъ, я принялъ за удобнѣйшее все сочиненіе раздѣлить на главы.»

Послѣднее преобразование въ переводѣ, т. е. раздѣленіе на главы, составляетъ самую удачную выдумку; но что касается до измѣненій кое-гдѣ въ военныхъ терминахъ, и вообще измѣненій оригинала въ переводѣ, то предлагаемъ судить изъ нѣсколькихъ нижеприведенныхъ образчиковъ.

На первой страницѣ введенія вы находите въ подлинникѣ слѣдующую фразу: «*Ils ne commencent à se tou-*

nir que derrière l'Oder, au centre de la Prusse, qui déjà se débarrassait du ma- que d'une amitié perfide. — Переводчикъ перевелъ: «Однако они начали собираться только по переходѣ за р. Одеръ, въ нѣдрахъ Пруссіи, уже обружившей намѣреніе сбросить съ себя тягостное иго.» Il n'y était resté qu'un petit nombre de bataillons de guerre — тамъ было только небольшое число (дѣйствующихъ) батальионовъ... et les régiments qui étaient partis pour la Russie, n'avaient laissé que des dépôts affaiblis, des malades et des convalescents... полки же выступившіе въ Россію, оставили лишь ослабленные дивозбольныя и выдоравливавшіеся. Во всѣхъ словаряхъ, дѣйствительно, convalescent переведено словомъ «выдоравливающейся», но всѣ нижніе чины, числящіеся при полкахъ, слабыя здоровьемъ, какъ несовѣтъ оправившіеся отъ болѣзни, такъ и раненные продолжительными походами или вообще понесенными трудами, называются военнымъ словомъ: «слабосильный». Такимъ-образомъ, въ русской арміи, при каждомъ полку состоитъ слабосильная команда, и поступающіе въ эту команду нижніе чины увольняются на нѣсколько мѣсяцевъ отъ всѣхъ фронтовыхъ занятій и содержатся на улучшенной нищѣ... Слабосильная команда гвардейскаго корпуса находится болѣею частію въ деревняхъ при загородныхъ батальионахъ. L'escadre commandée par le vice-amiral Pellew (depuis lord Exmouth)... Эскадра подъ командою вице-адмирала Пеллева (Пилью) (въ-послѣдствіи лордъ Эксмутъ). Rappelez à vos enfans que leur antique patrie les a fait naître pour la gloire, et que la gloire la plus vraie est celle de combattre sous les drapeaux du plus juste des souverains... Напомнимте вашимъ дѣтямъ, что они рождены для славы, для истинной славы — сражаться подъ знаменами справедливейшаго изъ государей...

Въ приложеніяхъ помѣщенъ договоръ, заключенный 11 января 1814 года въ Неаполѣ королемъ неаполитан-

скаши (Мюратомъ) съ императоромъ австрійскимъ. У кого вѣтъ въ рукахъ сочиненія генерала Водонкура на французскомъ, тотъ почти не догадается въ русскомъ переводѣ, какииъ числомъ лицъ подписанъ договоръ. Въ пяти строкахъ, напечатанныхъ отъ первой буквы до послѣдней одинаковымъ шрифтомъ, имена, фамилии и титулы уполномоченныхъ лицъ размѣщены безъ звуковъ препинанія, и только въ нижней строкѣ стоитъ уныло одинокая запятая между Феликсомъ и графомъ Мие. Одинокость невинной запятой, и въ такомъ мѣстѣ, неволью заставляетъ доброхотнаго читателя соблазниться и подумать, что интересная запятая находится въ обществѣ если и не шести, то по-крайней-мѣрѣ пяти кавалеровъ. На повѣрку же выходитъ, что трактатъ подписанъ всего на все тремя особами, именно: Marzio Murilli, duc del Gallo; Adam Albert, comte de Neiperg; Felix, comte de Mier.

Остается сказать о картахъ и планахъ, приложенныхъ г. Смичемъ къ «Исторіи Итальянскихъ Кампаній». Въ предисловіи, переводчикъ уведомляетъ, что всѣ карты въ этому сочиненію составлены мною вновь; у Водонкура онѣ неполны невѣрны и при совершенно-лишнихъ топографическихъ подробностяхъ, весьма-неясны. Въ этомъ руководствовался я превосходнымъ атласомъ Брюэ и подробно картою Италиі Баклеръ-Дальба. Перебѣна въ планахъ сраженій состоитъ по большей части только въ уменьшеніи масштаба. Сколько намъ извѣстно, «Исторія Италійскихъ Кампаній» на французскомъ языкѣ имѣла только одно изданіе, именно, напечатанное въ четверть листа въ Лондонѣ, въ 1817 году, самимъ Водонкуромъ въ двухъ томахъ: въ первомъ, текстъ, во второмъ атласъ, и этотъ атласъ безъ угроженія совѣсти можно назвать превосходнымъ. Весьма-мало военныхъ сочиненій снабжено картами и планами, которые бы равнялись полнотой, вѣрностью и ясностью картамъ и планамъ, приложеннымъ къ сочиненію Водон-

кура «Histoire des Campagnes d'Italie en 1813 et 1814». Чтѣ же касается до атласа Брюэ и карты Баклеръ-Дальба, то трудно понять, какое отношеніе имѣютъ къ нимъ плавники и карты г. Силеча. Карты (про планы мы ни слова) составлены довольно-полно, т. е. въ нихъ означены всѣ мѣста, упоминаемыя въ переводѣ г. Силеча. При созерцаніи же плановъ, вы не повѣрите, какъ дѣлается грустно...

10) Іоаннъ-Амвросій Розенштраухъ, лютеранскій пасторъ въ Харьковѣ. Переводъ съ нѣмецкаго А. Ишимовой. Санктпетербургъ. Въ тѣмъ. Имп. Академіи. Наукъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 100 стр.

Эта маленькая книжка представляетъ умилительный для нашего грѣшнаго міра примѣръ благочестія. Г-жа Ишимова назвала эту книжку переводомъ съ нѣмецкаго, между-тѣмъ какъ это — отрывки изъ нѣмецкой книги, которую В. А. Жуковскій называлъ «брильянтомъ изъ книги», — отрывки, скрѣпленные оригинальными спайками сочиненія самой г-жи Ишимовой и снабженные ея же оригинальными и крайне-навидательными вступленіемъ. Къ составленію этой книжки г-жа Ишимова подвигнута была прекраснымъ желаніемъ познакомиться насъ съ человекомъ, который былъ сначала богатымъ кудцомъ, потомъ директоромъ театра, наконецъ, пятидесяти лѣтъ отъ роду, ученикомъ богословія и вскорѣ потомъ пасторомъ, познакомиться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показать подробности такой удивительной жизни, такихъ неистожимыхъ путей Провидѣнія.

Подробности неистожимыхъ путей Провидѣнія, конечно, неистожимы: поэтому сочинительница завала на себя трудный подвигъ ихъ разъясненія и — не выполнила его. Но подробности удивительной жизни другою дѣло: ихъ возможно передать, ихъ полезно передавать, потому-что всякая человѣческая личность достойна изученія, а личность, подвергавшаяся въ

теченіе жизни рѣзкимъ переломамъ, и достойна наученія и возможна для него. Въ этихъ переломахъ ярко обозначается истинно - непостижимый въ иныхъ случаяхъ процессъ, совершающийся въ душѣ челоѣка при послѣдовательномъ соприкосновеніи его съ высшимъ міромъ и естественно объясняемые результаты этого процесса, выведенные изъ законовъ челоѣческой природы подъ условіями той или другой организаціи.

Такъ подумали мы, прочитавъ вступленіе г-жи Ишимовой, и, не смотря на то, что въ немъ земля называется мѣстомъ изгнанія для людей, ждали отъ послѣдующихъ страницъ разъясненія личности пастора Розенштрауха, бывшаго прежде купцомъ, а потомъ директоромъ театра. Мы обманулись. За вступленіемъ слѣдуютъ *переведенныя съ нѣмецкаго похвалы Розенштрауху, писанныя другимъ его, докторомъ Блюменталемъ, а потомъ отрывки изъ записокъ, писемъ и проповѣдей самого Розенштрауха. Изъ всего этого видно только, что ояъ, Розенштраухъ, былъ исключительно-строгий христіанинъ съ небеснымъ направленіемъ идей. Въ запискахъ его заключаются истины, вытекшія не изъ его, а изъ иной божественной природы—изъ устъ Спасителя; приложеніе этихъ истинъ было у Розенштрауха чисто-небесное, потому что міръ земной былъ для него чѣмъ-то чужимъ: онъ, по словамъ г. Блюментала, *нисколько не думалъ ни о какихъ случаяхъ и обстоятельствахъ, касавшихся земныхъ отношеній.* Въ такомъ отторженномъ отъ земли положеніи, личность Розенштрауха представляется земнымъ очамъ обыкновеннаго челоѣка какъ-будто въ облакахъ. Видимъ только, что былъ челоѣкъ святой жизни... Нужно бы по-крайней-мѣрѣ знать путь, по которому дошелъ Розенштраухъ до такого положенія; а этого-то и нѣтъ въ книжкѣ г-жи Ишимовой... Многіе изъ простыхъ смертныхъ не обрѣгутъ вкуса въ этой манерѣ: вѣрующіе съ прискорбіемъ почувствуютъ какую-то неудовлетво-*

ренность; они будутъ возноситься къ небу въ благоговѣйныхъ помыслахъ, по земная сторона ихъ сердца останется холодною, потому-что закрытое отъ нихъ сердце Розенштрауха не увлечетъ ихъ сочувствіемъ. Певѣрующіе же... ихъ надо убѣждать, убѣждать послѣдовательно, логически, такъ, чтобы разрушить ихъ убѣжденія до основанія; а для этого пужень не однихъ только примѣръ благочестивой жизни: такой примѣръ, высочайшій изъ всѣхъ, они уже имѣютъ въ земной жизни Спасителя...

11) Историческій Сборникъ, составленный К. Герцомъ. Книжка первая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 4-ю д. л. 174 стр.

«Статьи, составляющія этотъ сборникъ (говорить г. Герцъ въ предисловіи), первоначально напечатаны были въ Современникѣ 1845 и 1846 годовъ. Онѣ были составлены и переведены съ одною мыслию, не смотря на все ихъ видимое разнообразіе. Теперь я рѣшился издать ихъ отдельною книжкою, желая, *правильнымъ воззрѣніемъ на науку, содѣйствовать распространенію любви къ Исторіи.* Во сколько я успѣлъ—рѣшатъ безпристрастные судьи и читатели. Feci, quod potui; faciant meliora potentes.»

По смыслу этого предисловія, безпристрастнымъ судьямъ предстоитъ рѣшить три вопроса: 1) точно ли статьи Историческаго Сборника составлены и переведены съ одною мыслию? 2) представляютъ ли онѣ въ цѣломъ правильное воззрѣніе на исторію? 3) могутъ ли онѣ содѣйствовать распространенію любви къ исторіи?

Въ чемъ же, во-первыхъ, состоитъ эта одна мысль, съ которою г. Герцъ составлялъ и переводилъ изданныя имъ статьи? Даже заглавія ихъ показываютъ, что между ними нѣтъ никакого внутренняго единства. Вотъ оглавленіе сборника: I. О журналѣ исторической науки, издаваемомъ Д. А. Шинтомъ, съ нѣмецкаго; II. Изданіе ордо-

изданий французских королей, съ немецкаго; III. Шлоссеръ, соч. г. Вуттке; IV. Обзоръ новѣйшихъ трудовъ немецкихъ ученыхъ по части Исторіи Германіи, съ немецкаго; V. Наблюденія надъ Англіей, г. Фоме, съ немецкаго; VI. Робертсонъ, Юмъ и Гиббонъ, изъ Исторіи XVIII вѣка Шлоссера; VII. Славянская мнѳологія Гануша, статья профессора Штура; VIII. О современномъ значеніи исторіи; IX. Абельаръ, статья Жюля Симона; X. О всеобщей исторіи, профессора Доренца; XI. Исторія новѣйшихъ временъ, профессора Дрейзена, съ немецкаго; XII. А. В. Шлегель, статья Густава Кюве; XIII. Фихте, съ немецкаго. XIV; Обзоръ исторической литературы за первую половину 1846 года.

Какая внутренняя связь, на-пр., между рецензіей «Славянской Мнѳологіи» Гануша (напечатанной въ «Отеч. Запискахъ» 1843 г., какъ извѣстіе о новой книгѣ, и биографическимъ очеркомъ «Абельаръ», — между извѣстіемъ объ изданіи ординаціи французскихъ королей и характеристикой Фихте, — между разборомъ «Etudes sur l'Angleterre» Леона Фоме и статейкой о современномъ значеніи исторіи? Общее между этими статьями одно: именно то, что онѣ переведены и составлены г. Герцемъ очень недурно, и что г. Герць нашелъ въ достойными извѣстности, а потому извлекъ изъ журналовъ 1843 и 1846 годовъ и соединилъ въ одну книжку съ довольно-интереснымъ заглавіемъ.

Представляетъ ли «Историческій Сборникъ» правильное воззрѣніе на исторію? Прочитавъ всѣ статьи его, мы не нашли ни въ одной изъ нихъ того, что можно было бы назвать изложеніемъ мыслей автора о сущности и значеніи этой науки. Даже изъ статьи «О Современномъ Значеніи Исторіи» не увидете вы этихъ мыслей. Статья эта написана по поводу вступительной лекціи профессора Берлинскаго Университета Генриха Гельцера

Т. Л. — Отд. VI.

«Объ этическомъ значеніи исторіи для настоящаго» (Die ethische Bedeutung der Geschichte für die Gegenwart). Въ первой половинѣ г. Герць утверждаетъ и доказываетъ, что «въ жизни человечества вообще можно различать двѣ эпохи, характеризующія его судьбы: эпоху господства извѣстныхъ началъ и эпоху разложенія этихъ началъ» (стр. 33)—мысль справедливая и извѣстная, но неотносящаяся къ вопросу. Развивъ ее весьма-удовлетворительно, авторъ искусно переходитъ къ идеямъ профессора Гельцера о значеніи исторіи для настоящаго времени и приводитъ отрывокъ изъ его рѣчи. Вотъ этотъ отрывокъ:

«Можно согласиться (говоритъ Гельцеръ) съ многочисленнымъ классомъ тѣхъ людей, которые въ наукахъ выше всего цѣнятъ пользу и непосредственную приимлемость, что и въ исторіи могутъ они найти богатую жатву для своихъ цѣлей.

.....

Но одно остается несомнѣнно-вѣрнымъ: святая историческаго образованія останется недоступна тому, чью душу не потрясетъ и не возвыситъ историческое образованіе, и въ чьемъ умѣ не сольется въ одно понятіе народъ съ понятіемъ человечества. Изъ тѣсныхъ границъ единичнаго сознанія, изъ пустаго обоготворенія одного извѣстнаго періода или одной извѣстной образованности, исторія стремится возвыситься до полнаго и совершеннаго сознанія человечества. *Внецъ историческаго воззрѣнія состоитъ въ томъ, что называется жить въ жизни человечества.*

«Три способа преподаванія исторіи доведены были до такой крайности, что, въ глазахъ умныхъ людей, они сами произнесли надъ собою приговоръ. Эти способы суть: грубый эмпиризмъ, его антиподъ—философская систематика, логические тиски прошлыхъ временъ, и между этими двумя родами—занимающая средина политическаго реторика Французской школы» (стр. 89—90).

Объяснивъ въ немногихъ словахъ происхожденіе этихъ трехъ способовъ, Гельцеръ произноситъ слѣдующія фразы:

«Аристотель требует отъ трагедіи, чтобы она очищала, возвышала и одушеворяла душу. Со всею справедливостію можемъ мы требовать того же отъ исторіи, и именно для того, чтобы тѣмъ сильнѣе противодействовать недавно возникшему злоупотребленію—дѣлать изъ исторіи пропаганду личныхъ мнѣній. Лучшіе и благороднѣйшіе люди всѣхъ временъ всегда искали въ исторіи эстетическаго возвышенія души. Исторія выноситъ благородную душу изъ водоворота мелкихъ партій, изъ ненависти школъ и сектъ, сословій и провинцій. Исторія, изображающая картину человѣчества и великіе жизненные результаты тысячелѣтій, ощущающая и открывающая въ судьбахъ народовъ и недѣлимыхъ высшихъ велѣній, не смотря на мелочность минутныхъ увлеченій, спокойно совершаетъ свою великую задачу—возвѣстъ все человѣческое въ вѣчныхъ идеяхъ» (стр. 91).

Вотъ и все, а это все, конечно, то же, что ничего. Если же въ статьѣ, носящей громкій титулъ «О современномъ Значеніи Исторіи», въ статьѣ, изъ которой «безпристрастные судьи и читатели», по-видимому, необходимо должны ознакомиться съ мыслями г. Герца о сущности и значеніи исторіи, если и въ этой статьѣ нѣтъ какъ нѣтъ его «возвѣнія на науку», то въ какомъ же углу «Историческаго Сборника» прикажете искать ее? Въ приступѣ къ статьѣ *О журналѣ исторической науки* толкуется о томъ, что «вашъ вѣкъ, по «всеобщей любви къ историческимъ наукамъ, можно назвать историческимъ» (стр. 1); въ статьѣ *Шлоссеръ*—о необходимости для историка изучать подлинные источники; но въ этомъ и заключается вся философія г. Герца. Спрашивается: какимъ же образомъ будетъ сборникъ его «правильнымъ «возвѣніемъ на науку содѣйствовать «распространенію любви къ исторіи»? Все, что можно допустить—это то, что люди, уже полюбившіе исторію, но не знающіе ни по-нѣмецки, ни по-французски, могутъ извлечь несомнѣнную пользу изъ его переводовъ, особенно изъ статей библиографическаго содержанія. Хорошо было бы, еслибъ г.

Герцъ далъ слѣдующимъ книжкамъ своего сборника характеръ полного обзоренія историческихъ трудовъ въ Европѣ: тогда оно могло бы быть весьма полезнымъ пособіемъ для занимающихся исторіей. А то, скажите, каковъ смыслъ могутъ имѣть въ нашей бѣдной литературѣ отрывочныя статьи въ родѣ «Шлегеля», «Абелара», «Фихте» и проч?..

12) Историко-критическіе Отрывки М. Погодина. Москва. 1846. Въ тив. А. Семена. II ч 446 стр.

13) Исследования, Замѣчанія и Лекціи М. Погодина, о Русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Москва. Въ универ. тив. 1846. Три части. Въ I-й XXXII ч 496, во II-й X ч 426, въ III-й XVI ч 546 стр.

Первая изъ этихъ книгъ рассмотрѣна въ отдѣлѣ Критики вышедшей книжки «Отеч. Записокъ». Вторая будетъ разобрана въ слѣдующемъ издѣлѣ.

14) Нижегородская Ярмарка за 1843, 1844 и 1845 годовъ. Соч. П. Мельникова. Нижній-Новгородъ. Въ губернской тив. 1846. Въ 8-ю д. л. IV ч 292 стр.

По поводу этого прекраснаго труда г. Мельникова,—редактора одной изъ лучшихъ нашихъ провинціальныхъ газетъ, «Нижегородскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»—у насъ составила особая статья, которую мы сочли приличнѣе напечатать въ отдѣлѣ Промышленности, гдѣ и найдутъ ее читатели, въ этой же книжкѣ нашего журнала.

15) Годи́чный А́ктъ съ Рымльскомъ Лицеѣ, 23-го іюля 1846 года. Одесса. Въ город. тив. 1846. Въ 4-ю д. л. 118 стр.

Прекрасный обычай, существующій въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведе-

нѣтъ, украшать торжественный годичный актъ рѣчами преподавателей, не разъ подавалъ поводъ къ появленію весьма-замѣчательныхъ ученыхъ трудовъ во разныхъ отрасляхъ наукъ. Этому же обычаю обязаны мы теперь появленіемъ двухъ статей—одной профессора Мурзакевича: *Очеркъ успѣховъ Новороссійскаго Края и Бессарабіи въ истекшіе двадцати-пяти-лѣтія, т. е. съ 1820-го по 1846-й годъ*, на русскомъ языкѣ и въ прозѣ, и другой, лектора французскаго языка, г. Альфонса Шапеллона: *О французскомъ языкѣ и дѣйствіяхъ по литературы въ 19-мъ столѣтіи, на французскомъ языкѣ и въ стихахъ*. Эти двѣ статьи, вмѣстѣ съ *Историческою Запискою о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго Лицея за 1845—1846-й годъ*, составляютъ содержаніе брошюры, издавннй подъ приведеннымъ заглавіемъ: «Годичный Актъ въ Ришельевскомъ Лицеѣ».

Рѣчь г. Мурзакевича посвящена весьма-важному и любопытному для современниковъ явленію — быстрому развитію обширнаго края, Новороссійскаго, въ гражданскомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Еще въ половинѣ прошлаго столѣтія, огромное пространство земли между рѣками Синюхою и Днѣпромъ и сѣвѣрною частью береговъ Морей Чернаго и Азовскаго, было глухою степью. Теперь оно усѣяно богатыми городами, красивыми и многочисленными селеніями. Это—Новороссійскій-Край. Въ старой Европѣ не видавъ ничего подобнаго; одна только Сѣверная-Америка представляетъ пріятныя таковыя быстрыхъ превращеній.

Первыя начатки водворенія въ этомъ краю народонаселенія, образованія и промышленности относятся къ исторіи прошедшаго столѣтія; нашему времени мало видѣть, кѣмъ сѣмена гражданственности, брошенные на благодатную почву, развиваются, такъ-сказать, «не по днямъ, а по часамъ», не выражая нашихъ старинныхъ сказочниковъ. Г. Мурзакевичъ задалъ себѣ тему описать событія, которыми об-

наружилось это развитіе въ послѣдніи 25-ть лѣтъ, т. е. начиная съ 1820 года. Ограничиваясь предѣлами избраннаго имъ періода, послѣдуемъ за авторомъ въ его разсужденіяхъ.

Благодатный, сравнительно съ сѣвромъ Россіи, климатъ Новороссійскаго-Края, плодородіе почвы, приволье земель, удобство сбыта произведеній земледѣлія черезъ черноморскіе порты, потребность въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія обширныхъ полей— всѣ эти обстоятельства способствовали умноженію заселенія края. По официальнымъ свѣдѣніямъ, въ новороссійскихъ губерніяхъ и Бессарабіи въ 1823 году было только 1,906,000 жителей, а въ концѣ 1845 уже считалось 3,123,165. (Здѣсь должно замѣтить, что эти цифры приводимъ мы не изъ статьи г. Мурзакевича, а изъ помѣщенной въ № 55 .Одесскаго Вѣстника . 1846 года замѣтки г. Спальковскаго, который доказалъ неточность числовыхъ показаній, принятыхъ у г. Мурзакевича.)—Этому возрастанію населенія способствовало также переселеніе сюда избытковъ народонаселенія малоземельныхъ германскихъ владѣній и принятіе удалявшихся отъ иноплеменнаго владычества, намъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ Славяно-Болгаръ.—Успѣхи колонизаціи видны изъ того, что въ 1820 году было въ Новороссійскомъ-Краѣ 143 колоніи иностранныхъ поселенцевъ, съ населеніемъ въ 25,893 души, а въ 1845 году уже было 290 колоній, въ которыхъ жило 178,793 души обоаго пола. Сверхъ-того, начатая съ 1837 года колонизація Евреевъ умножила цифру земледѣльческаго населенія, и теперь въ Херсонской-Губерніи и Бессарабіи считается 15 селеній съ 13,000 Евреевъ-земледѣльцевъ. — Отъ числа, называющихъ успѣхи въ приращеніи народонаселенія, г. Мурзакевичъ обращается къ мѣрамъ, принятымъ для обезпеченія страны отъ вторженія чумы, нечислеть распоряженія, сдѣланныя для водворенія земскаго порядка и спокойствія и для податнаго порядка,

предоставленіемъ имъ разныхъ льготъ. Говоря о пространствѣ края, авторъ упоминаетъ о расширеніи его недавнимъ приобрѣтеніемъ дунайской дельты. Приведенію въ извѣстность земель и упроченію поземельной собственности способствовали обширныя межеванія и стѣмка на планы, а составленныя черноморскимъ управленіемъ съ 1829 по 1843 годъ карты рѣкъ Буга, Днѣпра, Дона, и, въ 1844 году, «Атласа Чернаго Моря», способствовали приведенію въ извѣстность гидрографіи страны.

Состояніе городовъ, какъ мѣрило гражданскаго и промышленнаго развитія края, не могло не обратиться на себя вниманія г. Муракевича. Здѣсь, можетъ-быть, нужно было бы условиться въ томъ, какіе признаки, какія характеристическія черты должны служить пунктомъ сравненія для опредѣленія успѣховъ городской жизни. Такое уясненіе понятій было въ настоящемъ случаѣ тѣмъ необходимымъ, что г. Муракевичъ, какъ видно изъ его сочиненія, имѣетъ совершенно-особый взглядъ на этотъ предметъ. Говоря о городахъ, какъ о представителяхъ мѣстной цивилизаціи (стр. 18), авторъ разсматриваетъ только внѣшность ихъ, умноженіе числа домовъ и жителей, улучшеніе построекъ и т. п. Онъ говоритъ, что Таганрогъ достигъ извѣстной степени значительности черезъ умноженіе жителей и ихъ домовъ; объ Одессѣ, быстрому возвышенію которой, конечно, нѣтъ ничего подобнаго въ Россіи, онъ замѣчаетъ, что этотъ городъ, поправившись послѣ чумы 1812 года, дѣлаетъ быстрые успѣхи, а именно: вытягиваетъ прямыя и широкія свои улицы на тѣ мѣста, гдѣ нѣкогда начиналась необозримая равнина. Объяснивъ, какъ городъ улучшался въ архитектурномъ смыслѣ, авторъ замѣчаетъ, что Одесса, усвоившая себѣ, по рѣзкому стилю Пушкина, прозвище пылкой, глзлой, съ 1832 года превращается постепенно въ городъ, доступный пѣшеходамъ (стр. 20). Поговоривъ еще о приморскомъ бульварѣ и объ ака-

ціяхъ, посаженныхъ по улицамъ, авторъ заключаетъ исчисленіемъ количества общественныхъ и частныхъ зданий, учебныхъ и благотворительныхъ заведеній, фабрикъ, заводовъ и жителей.

Если уже объ Одессѣ, о которой можно было сказать такъ много, г. Муракевичъ привелъ такіе факты второстепенной важности, даже безъ развитія ихъ, то что же скажетъ онъ о другихъ городахъ Новороссійскаго Края? Въ статьѣ объ Екатеринославѣ онъ замѣчаетъ, что вмѣсто прежнихъ домиковъ, землянокъ и мазанокъ, выстраиваются каменные дома и лавки, строятся церкви, возрастаетъ число домовъ хорошей архитектуры. О Херсонѣ замѣчено почти то же самое, съ переменною цвѣрью. Симферополь съ 1820 года застраивается *новой частью*; въ 1827 году украшается соборною церковью, среди обширной площади, такъ *качатою* правильно застраивается (стр. 23); вымощиваются нѣкоторыя улицы, оканчиваются дома, и все это движется въ такомъ добромъ порядкѣ, что въ Симферополѣ уже есть и дома, и лавки, и заводы, и фабрики, а между фабриками есть даже *такая*, на которой выдѣлываются разные вазы и сосуды изъ крымскаго мрамора (стр. 23). — Въ Кишиневѣ *успѣхи городоустроенія дѣлають быстрые шаги*, доведенъ до совершенства городской садъ; проложены широкія и прямыя улицы, они же вычищены и выровнены, и наконецъ, городъ обезопасился пожарною командою (стр. 24). — Развитіе Ростова-на-Дону обозначено только тѣмъ, что онъ до 1836 года былъ городомъ незамѣчательнымъ; но съ сего времени достигаетъ до того, что считаетъ въ себѣ уже 7 церквей, 9 фабрикъ и 1525 домовъ частью каменныхъ и вообще *хорошей* архитектуры. Николаевъ и Севастополь сдѣлали быстрые успѣхи въ прекрасныхъ постройкахъ, а послѣдній изъ нихъ украсился зданиями, необходимыми и полезными для *мѣстн.* выѣзжающихъ въ себѣ много-численное и образованное сословіе

«офицеровъ и чиновниковъ» (стр. 25). О другихъ городахъ замѣчено почти то же; только о Бобринцѣ и Ананьевѣ сказано, что они «идутъ къ совершенствованію архитектурному тихо», а о Феодосіи, что она даже «не дѣлаетъ успѣховъ и, къ сожалѣнію, подаетъ мало надеждъ». «Впрочемъ (прибавляетъ авторъ), судьба царствъ и городовъ въ рукахъ Божіихъ!» (стр. 27).

Послѣ такихъ замѣтокъ, очевидно, авторъ не имѣлъ въ виду говорить о городахъ, какъ о представителяхъ мѣстной цивилизации; иначе онъ, конечно, показалъ бы намъ, кромѣ числа домовъ и архитектурнаго совершенствованія ихъ, успѣхи городской торговли, ремесленности, фабрикъ, городскихъ бюджетовъ, удобствъ жизни, и проч. Но въ выборѣ предмета для своихъ разскааній всякій воленъ; все дѣло въ томъ, что иной смотритъ на внутреннее достоинство, а другой на вѣншность. Еще не такъ давно мы читали въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» (1843 г. № 1) прекрасную статью *Новороссійскія Степи*, въ которой доказывалось, что «города Новороссійскаго-Края не возвысились еще до выполненія ихъ главнѣйшаго и существеннѣйшаго назначенія въ государствѣ: быть средоточіями внутренняго общенія и раздѣла трудовъ, капиталовъ и выгодъ для своихъ окрестностей, для заключающихся въ нихъ околоткѣ деревень и селеній».

Отъ городовъ авторъ переходитъ къ успѣхамъ просвѣщенія въ краѣ, указываетъ время открытія духовныхъ и свѣтскихъ училищъ, и, доходя до новѣйшаго времени, замѣчаетъ, что «съ 1833 года начинается новая эпоха быстраго и повсемѣтнаго распространенія просвѣщенія, основаннаго на трехъ высокихъ началахъ: «православія, самодержавія и народности». Учрежденіе въ Одессѣ особаго самостоятельнаго учебнаго округа обозначаетъ собою начало этой новой эпохи, а успѣхи образованія оказываются изъ возрастающаго числа учащагося въ учебныхъ заведеніяхъ: въ 1830 году ихъ было 3,644,

а въ 1845 году 8,034. За тѣмъ авторъ показываетъ мѣры, принятія для развитія образованія въ низшихъ сословіяхъ, исчисляетъ учебныя заведенія для женскаго пола и для живущаго въ Новороссійскомъ-Краѣ не-русскаго народонаселенія. Въ дополненіе фактовъ, представляемыхъ, для изображенія просвѣщенія числомъ учебныхъ заведеній, авторъ обозрѣваетъ существующія въ краѣ библиотеки, которыя теперь представляютъ книжную массу въ 84,176 томовъ, и исчисляетъ типографіи, причемъ, желая дать понятіе о направленіи и успѣхахъ умственной и ученой дѣятельности всего южнаго края, обозрѣваетъ сочиненія, напечатанныя въ Одессѣ.

Отъ просвѣщенія современнаго авторъ переходитъ къ древностямъ и показываетъ, какъ въ одно время съ развитіемъ образованія въ новомъ поколѣніи жителей Новороссіи, проливался свѣтъ и на остатки древняго міра, нѣкогда образованнаго, богатаго и могущественнаго. Тутъ ученость автора уноситъ его къ поэтическимъ временамъ процвѣтанія эллинскихъ колоній Милетлянъ и Дорлянъ по берегамъ Азовскаго и Чернаго Морей, и къ археологическимъ разысканіямъ новѣйшаго времени.

Но лучшею частью сочиненія г-на Мурзакевича мы должны признать ту, въ которой онъ изображаетъ успѣхи Новороссійскаго-Края въ промышленности торговой и земледѣльческой, въ винодѣліи и шелководствѣ, въ разысканіяхъ минеральнаго богатства края. Страницы, посвященныя этому предмету, представляютъ много любопытныхъ фактовъ, хоть не новыхъ, но собранныхъ воедино и подведенныхъ подъ одну точку зрѣнія. Эти страницы могутъ быть прочтены съ удовольствіемъ.

Сдѣлавъ такимъ-образомъ краткій очеркъ того, что совершилось въ Новороссійскомъ-Краѣ и Бессарабіи на нашихъ глазахъ и при насъ, не болѣе, какъ въ четверть столѣтія, г. Мурзакевичъ въ заключеніи говоритъ, что

• трудное прошепести, въ настоящую минуту, рѣшительную и справедливую оцѣнку одѣланнаго. Совершенно-справедливо!

Послѣ статьи г. Мурзакевича, мы нашли французское стихотвореніе г-на Альфонса Шапеллона: *De la langue française et des mouvemens de la littérature au XIX siècle*, которое доказываетъ, что если въ Одессѣ мало воды, годной для питья, то въ заѣвъ того года воды настальскія. На этотъ разъ, одесскія настальскія воды произвели на заѣвъ штукъ триста французскихъ виршей. Конечно, мы не имѣемъ права быть очень-строгими къ этому экзотическому растенію, и потому не будемъ разбирать ни мыслей, ни внѣшней оболочки стихотворенія г. Альфонса Шапеллона, а только по долгу критика замѣтимъ, что оно принадлежитъ, по роду своему, къ такъ называемымъ дидактическимъ, т. е. относится къ предмету, который гораздо-удобнѣе и лучше развивать въ прозѣ, и который не въ состояніи дать поэтическаго вдохновенія. Стихи г. Шапеллона холодны, и если въ нихъ есть нѣсколько звучныхъ фразъ, то нѣтъ никакого поэтическаго созданія. Вся мысль состоитъ въ слѣдующемъ: говорить, языкъ французскій бѣденъ; не правда:

... Juge-t-on la langue à son vocabulaire,
Et le nombre de mots est-ce la grande affaire?

Впрочемъ, доказывать богатство языка г. Шапеллонъ не берется, а представляетъ это Монтескьё, Руссо и Бюфону, которыхъ для этого онъ приглашаетъ встать изъ гробовъ.

Нѣтъ ли тутъ общаго представлять обзоръ движенія французской литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи, и нѣтъ ли того описываетъ, какъ сперва явились классицизмъ, у которыхъ были, по его выраженію, *свинцовыя ноги*, а потомъ явились романтики, которые хотѣли летать, будучи слышными, и заключаетъ нѣсколькими строфами, въ

которыхъ угодобляетъ искусствоватѣ, упоминаетъ о принціпѣ Жанартина, Гюго и Мерсиме въ академію, а о Гюго, Тьерри и Барантъ говорить, что они

Tous grands peintres doublés chacun d'un grand penseur!

Послѣ такого удивительнаго и поистинѣ непостижимаго открытія, нѣтъ сочиняетъ подобныя же стихи о Шенъбѣ, а тамъ — и дѣлу конецъ; но, какъ видите, не безъ возгласа къ присутствующимъ, которымъ, на закуску, онъ открываетъ весьма-великую и совершенно-новую истину:

... mûrissez bien ces paroles dernières:
Le plus grand des bienfaits est celui des lumières.

Очевидно, что г. Шапеллонъ не родился поэтомъ.

16) *Неподвижныя Звѣзды и планеты крашеишаго міра. Сочиненіе П. Морозова. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 16 стр.*

Г. Морозовъ, знаменитый нѣсколько нашимъ читателямъ по брошюркѣ: «Борьба Язычества съ Христіанствомъ», и по «Отвѣту на реченію Отеч. Записокъ», является съ новою брошюркою, въ которой старается рѣшить слѣдующіе вопросы: по закону направленію до-сихъ-поръ совершалось движеніе наукъ: прямолинейному, постоянно приближавшему ихъ къ совершенству, или круглому, или ириволинейному особаго рода? измѣненія, происходящія отъ новыхъ открытій въ объемѣ и свойствахъ наукъ, всегда ли увеличиваютъ цѣнность ихъ, или бываютъ случаи, когда число знаній человѣческихъ возрастаетъ на-счетъ ихъ качества? Рѣшеніе перваго вопроса начинается сравненіемъ: путешественникъ, идущій по прямой линіи, никогда не долженъ встрѣчать препятствій, которые онъ оставилъ позади себя. Такъ и наука, безпрерывно совершенствующаяся, никогда не дол-

жа обращаться къ положеніямъ, при-
званнымъ ложными. Исполняется ли
это? спрашиваетъ авторъ. Вовсе нѣтъ,
отвѣчаетъ онъ же: мнѣнія отвержен-
ныя, оснѣванныя ученымъ свѣтомъ,
вновь принимаются за истину, и обрат-
но: къ мнѣніямъ, которыми вѣкогда
гордились ученые, теперь не имѣютъ
никакой вѣры. Изъ приведенныхъ на
это примѣровъ открывается, что нау-
ки вновь приходили къ оставленнымъ
ими положеніямъ и удалялись отъ
мнѣній, почтавшихся истинными.
(Слѣдовательно — заключаетъ г. Моро-
зовъ — въ ихъ ходѣ не было свойствъ
прямолинейнаго движенія, науки не
шли безпрерывно впередъ, не расши-
рили безпрерывно свѣтлаго простран-
ства, образуемаго ими во мракѣ, окру-
жающемъ человѣка. — Отсюда же про-
истекаетъ и рѣшеніе втораго вопроса.
Приращенія наукъ ежедневны, но эти
приращенія нерѣдко бываютъ отри-
цательными: такъ называетъ авторъ
всѣ невѣрные наблюденія, всѣ ложныя
системы, всѣ преувеличенные разска-
зы. Нельзя отрицать, чтобъ науки не
имѣли поступательнаго движенія: оно
существовало, но совершалось не по
прямой линіи, и, кажется, не переходило
извѣстныхъ предѣловъ. Если вырази-
тъ графически теченіе просвѣщенія
въ древнемъ и новомъ мѣрѣ, то по-
лучится линія со многими выпуклыми
вершинами. Нѣсколько разъ родъ че-
ловѣчій достигалъ, по-видимому, зна-
чительной высоты знанія и снова те-
рялъ свои прирѣтенія. Колесо фило-
софическихъ системъ, увлекающее за
собою и всѣ другія знанія, нѣсколько
разъ обернулось и не нашло покоя
(стр. 1 — 5).

Правду говорятъ Французы: *com-
paraison n'est pas raison*. Но мы при-
бавимъ, что нѣтъ такого ложнаго мнѣ-
нія, которое не вытекало бы правдо-
подобнымъ слѣдствіемъ изъ ложнаго
сравненія. Общая формула подобныхъ
выводовъ есть знаменитый силлогизмъ:
• палка стоитъ въ углу, слѣдовательно,
ложка падетъ. Дѣйствительно, согла-
ситесь только допустить, что палка

одно и то же съ ложкою, и что стоять
въ углу значить идти — и вы непре-
мѣнно увидите, что при стоянн палки
въ углу необходимо надобно идти
дождю. Равнымъ-образомъ, представте
те путь къ истинѣ въ видѣ прямо-
линейной дороги, а знанія, приобретае-
мая человѣкомъ при этомъ стремленіи
къ истинѣ, въ видѣ полосатыхъ стол-
бовъ, означающихъ версты, — вы имѣ-
те право заключить, что вы плохо по-
двигаетесь въ своемъ путешествіи,
если вамъ попадаются снова прежде-
бывшія версты; это значить, что, имѣ-
сто поступательнаго движенія, вы со-
вершаете возвратное. Но кто же та-
кимъ-образомъ смотритъ въ наше вре-
мя на безпрерывное совершенствованіе
знаній? Какому образованному со-
временному человѣку придетъ въ го-
лову понимать приобретаемыя знанія
какъ дѣла рѣшенія, отсылаемыя въ
архивъ съ угнѣнительнымъ ярлыч-
комъ: «кончено»? Въ однихъ только
волшебныхъ сказкахъ запрещается
человѣку обращаться назадъ, кто бѣ
его ни клыкалъ, какъ бы нечистая
сила ни соблазнила его: умъ не выпу-
скается изъ вида прошедшаго и всегда
обращается къ нему съ цѣлью передѣ-
лать его, усовершенствовать на осно-
ваніи новыхъ прирѣтеній, поядвѣн-
шихъ изслѣдованій. Истинно-благоразумный
человѣкъ, съ каждымъ днемъ
старѣясь болѣе-и-болѣе, съ каждымъ
днемъ ближе и ближе подходя къ мо-
гилѣ, долженъ ли забыть день своего
рожденія, дѣтство, въ которое онъ
такъ былъ безразуденъ, юность, въ
которую онъ такъ былъ страстенъ?
Развѣ сознаніе бывшихъ проступковъ
не есть извѣстная степень совершен-
ства? Развѣ знаніе оцѣнить достойное
прошедшее и отказаться отъ настоя-
щаго недостойнаго не есть признакъ
улучшенія? Умѣнье видѣть, при свѣтѣ
новыхъ открытій ума, ложность того,
что считалось истиннымъ, истину то-
го, что считалось ложнымъ, — есть
умѣнье мудраго.

Оригинальное заблужденіе г. Моро-
зова произошло отъ ложнаго понятія

о совершенствѣ наукъ — понятія, которое заставило его прибѣгнуть къ взаимно сравненію пути къ истинѣ съ прямолинейною дорогою, съ прямолинейнымъ путешествіемъ. Прямо летаютъ только известной породы птицы... Но мы принадлежимъ къ существамъ летающимъ, и потому имѣемъ свое понятіе объ умственномъ совершенствованіи.

Ходъ постепеннаго развитія каждой науки и всего знанія человѣческаго очень ясенъ. Каждая наука безостановочно собираетъ факты, относящіеся къ предмету ея изслѣдованія, и безостановочно переводитъ ихъ въ общія положенія. Процессъ совершенствованія заключается въ неослабномъ взаимодействіи общаго и фактическаго: факты дѣйствуютъ на общія положенія, измѣняя ихъ въ количествѣ и качествѣ; общія положенія, въ свою очередь, дѣйствуютъ на факты, освѣщая новымъ, болѣе яркимъ свѣтомъ прежде добытые и предлагая болѣе вѣрное руководство для дальнѣйшихъ разысканій. *Совершенствованіе каждой науки состоитъ въ этомъ безпрерывномъ поступательномъ движеніи фактовъ и положеній*, при которомъ прежній матеріалъ ея, видъ, объемъ безпрерывно измѣняются или дополняются, или отрицаются, или вновь переходя изъ отрицаннаго въ признаваемое истиннымъ. Нѣкоторые изъ древнихъ астрономовъ признавали, что земля движется; Тихобраге доказывалъ неподвижность земли и движеніе солнца, но астрономія его времени была совершеннѣе астрономіи древней; Коперникъ возвратился къ мнѣнію древнему и отвергнулъ Тихобраге, но астрономія его времени была совершеннѣе астрономіи древней и астрономіи Тихобраге.

Какъ между фактами и общими положеніями одной науки, такъ и между различными науками существуетъ необходимое и благотворное взаимодействіе. Одна другой помогаетъ или дополняя ее, или отрицая какую-нибудь часть ея содержанія, или вставляя признавать въ ней то, что прежде о с.

вергалось. Такъ сильное развитіе наукъ естественныхъ, особенно медичинъ, уничтожило многіе психологическія бредни, а исторія рода человѣческаго сокрушила многія нецѣлостности и сиренней метафизики. Въ этомъ отреченіи отъ тѣхъ положеній, которымъ признавались справедливыми, заключается торжество мысли. Умъ имѣетъ полное право гордиться отрицательными приращеніями, потому, во-первыхъ, что они сами-по-себѣ важны, а во-вторыхъ, потому, что въ нихъ зародышъ положительныхъ и часто весьма-глубокихъ свѣдѣній. Слѣдовательно, *совершенствованіе знанія состоитъ еще и безпрерывномъ вліяніи однихъ наукъ на другія*, отъ-чего онѣ быстро стремятся впередъ.

Наконецъ, фактическимъ и общимъ содержаніемъ всѣхъ наукъ овладѣетъ философія, и на основаніи всего того, до чего дошелъ умъ человѣка въ известную эпоху, строитъ систему. Между содержаніемъ наукъ и философскими системами существуетъ также взаимодействіе, ясное для всякаго, кто имѣетъ понятіе о томъ и о другомъ. Содержаніе наукъ, приращаясь въ объемъ и просвѣтляясь въ качество, измѣняетъ систему, а система, съ своей стороны, даетъ направленіе и новую жизнь разнообразнымъ знаніямъ. Слѣдовательно, *совершенствованіе знанія заключается наконецъ въ безпрерывномъ вліяніи философіи на все прочія науки, и всѣхъ наукъ на философію*, при которомъ какъ философія, такъ и науки идутъ впередъ, свидѣтельствуя на каждомъ шагѣ прогрессъ мысли.

Итакъ, совершенствованіе наукъ есть безпрерывное ихъ движеніе и вѣстѣ безпрерывное ихъ измѣненіе. Каждая наука въ частности, всѣ науки вмѣстѣ и каждая философская система суть временныя и конечныя выраженія истинны безконечной и вѣчной, къ которой человѣкъ стремится, — знанія абсолютнаго и окончательнаго, къ которому идетъ умъ въ своемъ безконечно-прогрессивномъ развитіи. Никакая опредѣленная форма знанія не въ-сѣ-

лах исчерпать жизненнаго богатства духа нашего. Прогрессъ дѣйствуетъ на истины приобрѣтенныя, всѣмъ извѣстныя, и представляетъ ихъ въ новомъ видѣ, подъ новою точкою зрѣнія. Человѣкъ на время останавливается при своемъ *новѣйшемъ* міросозерцаніи, потому снова принимается за работу и строитъ новое, болѣе-удобное, обширное, свѣтлое и прекрасное зданіе. Спокойствіе погрузило бы его въ гибельный сонъ, тогда-какъ въ этой работѣ безъ конца и отдыха заключается истинное, величайшее достоинство разума, его сладострастіе и жизнь.

Отрицаніе прежняго знанія, которое считалось истиннымъ; признаваніе истиннымъ того, что считалось ложью; наконецъ, приобрѣтеніе новыхъ истинъ — все это доказываетъ только, что сфера знаній раздвигается и намъ видѣте въ болѣе-обширномъ горизонтѣ, при болѣе-яркомъ свѣтѣ. Сильно жалѣте объ утратѣ довѣрія къ тѣмъ или другимъ положеніямъ; главное дѣло въ томъ, на основаніи чего мы отвергаемъ или признаемъ. А основаніе перемѣняется въ-слѣдствіе совершенствованія науки, успѣхи которой сопряжены неизбежно съ прогрессомъ другихъ наукъ и движеніемъ философіи. Самъ авторъ говоритъ, что колесо философическихъ системъ увлекаетъ за собою и всѣ другія знанія, но тутъ же сожалѣте, что оно не нашло покоя. Хорошо было бы колесо, которое бы остановилось!

Успѣхи астрономіи привели къ заключенію о неподвижности солнца. Но дальнѣйшіе успѣхи той же науки показали, что и солнце движется. Нѣтъ уже болѣе неподвижныхъ звѣздъ: онѣ тоже стремятся... куда? это рѣшитъ наука, а не брошюра г. Морозова.

17) Ученіе о Жизни. Соч. Ивана Зацепина. Часть II. Выпуски второй и третьей. Москва. Въ университетской тил. 1846. Въ 8-ю д. л. Во второмъ выпускѣ 176 — 253, въ третьемъ 253—325 стр.

Когда вышелъ первый выпускъ «Ученія о Жизни», мы, въ отчетѣ своемъ, ограничились сокращеннымъ изложеніемъ мыслей автора, не прибавивъ отъ себя никакихъ замѣчаній, никакихъ заключительныхъ выводовъ. Твореніе г. Зацепина до такой степени оригинально, что каждое постороннее сужденіе лишаетъ возможности видѣть мысль автора въ первоначальной чистотѣ ея. Чужой голосъ для него то же, что дыханіе хлада для иныхъ растений: они теряютъ свою свѣжесть и пахучесть. Зачѣмъ же отнимать у читателей нашихъ крайнее удовольствіе познакомиться съ авторомъ чрезъ самого автора, черпа въ его выпускныхъ оригинальнѣйшія понятія о жизни? Точно также мы поступимъ и теперь. Наше дѣло сторона. Извольте говорить вы, почтенный авторъ. Мы вамъ мѣшать не будемъ. Мы только сократимъ ваше возвращеніе, которое любитъ иногда уклониться въ сторону, поораторствовать. Вотъ что хочетъ доказать авторъ:

Судя по явленіямъ на землѣ, мы не имѣемъ достаточныхъ причинъ отрицать бытіе духовнаго начала въ земной планетѣ. Напротивъ, по точнѣйшимъ изслѣдованіямъ геологовъ, мы почти вынуждены признать планетную жизнь подобною жизни органической. Это согласно и съ св. писаніемъ. Въ св. писанія сказано, что земля страдаетъ отъ злобы живущихъ на ней (177 и 178).

Какъ-будто вижу, какъ при обзорѣи идоолоклонническихъ вѣръ нашего времени воздвигается, подобно лютому звѣрю, невѣріе въ душѣ идууѣра и, такъ сказать, окапывается рядомъ мыслей о происхожденіи всѣхъ вѣръ отъ индійской, и закрываетъ себя отъ блеска и истины предубѣжденіемъ о восточной фантазіи... Тщетная, суетная защита отъ непреложной истины! Увлеченный и закруженный вихремъ житейскимъ, идууѣръ тѣшитъ себя полуѣроитными вымыслами, какъ вѣтреная дѣвушка успокоиваетъ свою совѣсть легкоймыс-

лезными предположениями среди за-
прещенного и позорного разгуля.
Украдкой ушла распутьца изъ ром-
тельского дома въ глухую полночь. Гу-
ляетъ, а сердце въ ней вопиетъ: «ой,
хватятся тебя дома!.. авось, нѣтъ!.. да
я тотчасъ ворочусь...» Проходить часъ,
другой за полночь: «пора домой!..
нѣтъ! еще часокъ!.. авось, ничего не
будетъ!..» Время летитъ: глядь, заря
запинается; глядь, разсвѣтаетъ: «пора,
пора домой!» Бѣжитъ растрепанная,
наматая, бѣжитъ безпутная и думаетъ:
«авось, не узнаютъ, авось... и то ска-
зать, что жь тутъ худого? Я молода:
гулять хочется...» Прибѣгаетъ. Раз-
свѣло. Схватили бѣглянку и повели къ
отцу ея для отвѣта: какъ она трепе-
щеть теперь, бѣжавая, отъ страха и по-
вора (стр. 208 и 209). — Давно уже на
западѣ проповѣдуютъ, что человѣкъ
есть магнитно-электро-гальванической
снарядъ и что духъ его по смерти «раз-
лѣется какъ мягкій воздухъ». Давно
твердятъ молный свѣтъ: «привидите и
насладимся настоящахъ благихъ». И
житейскій разумъ давно учитъ «тво-
рять насиліе убогому праведному, не
щадить вдовицъ и не стыдиться сѣ-
динъ многолѣтнихъ старцевъ», когда
хочешь нажить себѣ состояніе и съ до-
стоинствомъ соблюдать приличія свѣ-
та, въ награжденіи ва-принѣръ замор-
ской сволочи за иностранные лъязыки,
маршды, хватки, фокусы, скавки ро-
маншескія и за равныя потѣхи без-
путной жизни (211). — Въ душѣ нашей
есть двѣ постигающія способности:
одна изъ нихъ обращена къ видимому
міру, къ стихіямъ и предметамъ пре-
ходящаго бытія нашего; а другая къ мі-
ру вѣснестественному, непреходимому.
Первую можно назвать дѣловою; вто-
рую — чувствомъ къ чудесному. Толь-
ко въ душахъ преходящихъ нѣтъ чув-
ства къ чудесному. Достоинно замѣча-
ніа, что органъ этого чувства находится
въ самой верхней части мозга близъ
органа чувства правоты и истины (стр.
222 и 223). — Благовоіа конечно не для
того созданы, чтобъ только льстить
обоманію или прельщать въ сладостра-

стію, прикрывая зловоніе блуднаго тѣ-
ла. Если внимательно рассмотреть жи-
тейскій бытъ нашего времени въ мно-
гострастныхъ земляхъ, то увидимъ, что
всѣ прочія чувства какъ-будто превра-
тились въ средства для возбужденія
одного полового чувства; даже весь на-
ружный видъ такъ-называемаго обра-
зованнаго, европейскаго человѣка, его
костюмъ, прическа, самое бритье бо-
роды у мужчинъ, перехваты стана у
женщинъ, поступь, выраженіе лица и
глазъ, предметы обиховенной бѣсѣ-
ды — все отзывается сладострастіемъ.
Здѣсь—глубокой развратъ подъ савини
обольстительными формами (стр. 230). —
Какое начальникъ, таково и служеніе
ему. Развращеніе, лютость и волхво-
ваніе — вотъ чѣмъ угождаетъ началь-
нику злости прельщенный и уничи-
женный видъ человѣкъ. Поговоримъ о
волхвованіи. Въ «Библиотекѣ для Чте-
нія» есть одна замѣчательная въ этомъ
отношеніи, но осмѣянная статья, подъ
названіемъ «Нѣмецкая чертовщина».
Въ ней сквозь сарказмы проглядываетъ
что-то необыкновенное. Предметъ
ея вовсе не шуточный и подтверждаетъ
возможность волхвованія. Пред-
ставлена исторія одной больной, кото-
рая видѣла духовъ и посредствомъ ихъ
открывала самыя сокровенныя тайны.
Ученые стараются доказать, что всѣ
лъязыскія прорицанія основывались на
обманѣ. Можетъ-быть, и такъ: но было
въ нихъ и что-то неизяснимое (стр.
244, 247, 259). — Въ насниженномъ ян-
цѣ появилась мутьность въ одномъ нѣ-
стѣ. Черезъ микроскопъ видно въ ней
безчисленное множество волоконъ и
точекъ, переплетенныхъ и перемѣша-
ныхъ между собою. Кто, какой разумъ
человѣческой можетъ опредѣлить ва-
значеніе каждой точки и каждаго во-
локна? или сложить изъ нихъ цмлев-
ка?.. Но невообразимо число тѣхъ ча-
стностей и взаимныхъ отношеній не-
жду ими въ исторіи рода человѣческа-
го, изъ которыхъ въ-теченіи тысячелѣ-
тій выработалось цѣлое — міровое.
Здѣсь частные люди въ массѣ чело-
вѣчества — то же, что точки и волокна

вънутри низверженнаго лица: каждаго въ среднѣй мироваго глубина, такъ сказать, копаются, разбирая волокна оволо себя, и, едва разглядывая близка къ себѣ при мерцаніи своего разума, гадаетъ по нимъ о необъятной громадѣ цѣлаго (стр. 280 и 281). — Въ послѣдніа времена въ западныхъ христіанахъ возникъ—было духъ звычскій въ видѣ поклоненія разуму человѣческому. Но восточные христіане прилагали его (стр. 291).—У западныхъ христіанъ преобладаетъ мышленіе, у восточныхъ вѣрованіе; другими словами: западные народы отличаются дѣловою способностію, восточные наклонностію къ преестествонному (стр. 293 и 294).—По различнымъ степенямъ внѣшняго и внутренняго достоинства человѣка, всѣ народы раздѣлились на три слоя. Первый слой — идолопоклонники отъ индійскаго вѣроисповѣданія: второй слой:—мухаммедане, третій—христіане (стр. 310).

18) Руководство къ сбереженію и поддержанію при пользованіи больными, безъ вреда успѣхамъ самаго леченія и къ охраненію въ особенности выходы казны. Сочиненіе доктора Ериста Мейера, главноо врача Елисаветинской Клинической (?) Больницы для малолѣтнихъ дѣтей и проч. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. XI и 208 страницъ.

Если г. Мейеръ соглашается въ справедливости положенія, что леченіе болѣзней должно совершаться cito, tuto et jucunde, т. е. скоро, надежно и съ удобствами, то, конечно, не обидитесь, когда мы скажемъ, что многое въ его сочиненіи не соответствуетъ прикладному нитъ положенію. Кто изъ насъ не присягалъ беречь казенный интересъ? Это первый долгъ каждаго вѣроводанаго. Но есть случаи, когда казненная бережливость, особенно въ лекарственнахъ пособіяхъ, приноситъ не пользу, а вредъ. Леченіе бѣдныхъ больныхъ не можетъ быть успѣшно при величайшей экономіи въ лекарствахъ. Сколь ни умѣренна фармако-

пее бѣдныхъ, но въ ней вѣтъ предписанія лечить больныхъ, въ періодѣ выздоровленія, сельдами и калками, какъ совѣтуетъ г. Мейеръ (стр. 9). Вообще, читая книгу г. Мейера, не мало удивились мы странностямъ и крайностямъ, какия въ ней находятся. Но, чтобъ не подумали, что мы преувеличиваемъ и говоримъ неправду, почитаемъ необходимою представить читателямъ доказательства, которыя не можетъ никто опровергнуть. Что авторъ руководился примѣрами Гуэлава, Фибуса, А. Г. Рихтера, Оттона и друг., это похвально, но жаль, что онъ не постигъ своихъ оригиналовъ. На-пр., въ самомъ первомъ правилѣ: «не всякое болѣзненное состояніе излечимо», онъ упрекаетъ молодыхъ врачей въ попыткѣ лечить хроническіа болѣзани и тратить на это лекарства. Спрашиваемъ: можно ли и должно ли оставлять больнаго, страдающаго хроническою болѣзнію, безъ врачебнаго пособія? Опытные врачи, говоритъ онъ, спокойнымъ взглядомъ признаютъ неизлечимость этихъ (хроническихъ) недуговъ и чрезъ то сберегаютъ напрасные расходы на лекарство. Вотъ ужъ подлинно золотое правило!

Второе правило: «назначеніе лекарства въ каждомъ недугѣ не есть необходимо». Послушайте, чѣмъ г. Мейеръ доказываетъ это: онъ говоритъ, что цѣлительная сила природы замѣняетъ лекарства и совѣтуетъ наблюдать, какъ эта сила дѣйствуетъ на дикихъ звѣрей, на дикихъ народовъ и на поселанъ. Совѣтъ совершенно-новый!

Третье правило: «діета и психическое слѣніе — весьма дѣятельныя средства». Здѣсь говорится, что простуда, погрѣшность въ діетѣ и душевныа безпокойства суть три главнѣйшіа причины болѣзней, и потому совѣтуется не давать лекарства, но лечить больныхъ теплою (а гдѣ нужно, подомъ), голодомъ и нитьемъ воды, успокоеніемъ и возвышеніемъ духа. Это очень-просто и дешево, не споримъ.

Шестое правило. «должно назначать по возможности простыа средства».

Что здѣсь новаго? Кто не знаетъ этого? Особенно въ наше время упростилось леченіе, такъ-что уже не видно рецептовъ, куда бы вошло до десятка ингредиентовъ.

Сельское правило — сущее выраженіе бессмыслицы; здѣсь г. Мейеръ хотѣлъ подтвердить правило предъидущее, но не нашелся въ оборотахъ.

Восьмое и девятое правила содержать въ себѣ то, что всѣмъ извѣстно, и что дѣлали всѣ безъ указанія г. Мейера.

Одиннадцатое правило: *«часто (?) должно назначать лекарства изустно»*. Авторъ полагаетъ, что когда аптекарь, отпуская лекарства по изустному требованію больнаго (которому, т. е., на-толковалъ врачъ, что должно спросить въ аптеку), не возьметъ денегъ за укладку, укупорку, сигнатуру и снурокъ, то расходы на это будутъ сбережены или по-крайней-мѣрѣ будутъ гораздо-меньше. Но г. Мейеру вѣроятно неизвѣстно, что не всѣ лекарства можно отпускать больному по изустному требованію. Еслибъ позволено было отпускать изъ аптеки все, что пожелалось бы кому-нибудь, то кто могъ бы отвѣчать за безопасность общественнаго здоровья? У насъ въ Россіи есть мудрыя правительственныя предписанія на счетъ аптекъ, такъ-что недопускается беспорядокъ, который всмн-нуемо послѣдовалъ бы отъ безпрепятственнаго отпуска лекарствъ и безъ рецептовъ: у насъ въ аптекахъ дозволена ручная продажа; но что это за вещи, которыя отпускаются въ ручную продажу? Это просто ромашка, ревенъ, магнезія и еще нѣкоторыя весьма-немногія невинныя средства. Г. Мейеръ совѣтуетъ изустно назначать (прописывать) сумму и пр. Посмотрѣли бы мы, какой аптекарь рискнулъ бы исполнить это требованіе? Отъ очевидцевъ, заслуживающихъ довѣрія, слышали мы не одинъ разъ о бѣдахъ, какія бываютъ въ странахъ, гдѣ дозволено аптекаря продавать все, чего спросятъ; тамъ беспорядокъ чрезвычайный: на-ряду съ лекарствами

продаются также вино, сыръ и проч. Припомнимъ, что г. Мейеръ думаетъ сберечь расходъ на укупорки, сигнатуры и снурки; но спрашивается: можно ли отпускать жидкія лекарства иначе, какъ въ стеклянкахъ? Не въ горсти же нести ихъ изъ аптеки! Какъ ни расчитывается г. Мейеръ, но все-таки недобна или стеклянка для жидкаго лекарства, или бумажная обертка для сухихъ средствъ. Когда больвой получитъ лекарственныя вещества (положивъ, что ему отпустить ихъ), то г. Мейеръ совѣтуетъ приготовить изъ нихъ лекарство (т. е. микстуру или другое что-нибудь) каждому у себя на дому. Принято, что выйдетъ изъ этого: предполагаемая дешевизна будетъ дорого стійть больному. Еще страннѣе совѣтъ г. Мейера, чтобъ бѣдные люди сами собирали туземныя растенія. На это скажемъ г. Мейеру, что не всѣ люди умѣютъ даже отличать съѣдобные грибы отъ вредныхъ; различеніе же растеній аптечныхъ, кажется, еще труднѣе. (Стр. 28—33.)

Не имѣя намѣренія указывать лишь на недостатки въ сочиненіи г. Мейера, не можемъ умолчать, что печная сажъ, рекомендуемая докторомъ Окелемъ, какъ единственное средство въ болѣзняхъ родотворныхъ (см. стр. 106), известна намъ и каждому Русскому изъ «Лечебника» покойнаго лейб-медика Каменецкаго, за-долго предъ симъ вочившаго. Еще нельзя согласиться съ г. Мейеромъ, что для экономіи въ леченіи, всегда можно (стр. 179) заимѣть шпильки кровососными банками (рожками); изъ опыта каждому извѣстно, какое преимущество имѣютъ шпильки предъ рожками, и притомъ не очень удобно ставить рожки, особенно на-лымъ дѣтямъ.

Крайне утомили бы мы читателей, еслибъ представили всѣ несообразности въ книгѣ г. Мейера; но нельзя не вступить за рачительныхъ, ученыхъ нашихъ аптекарей, которыхъ обвиняетъ онъ будто-бы въ неумѣнн готвить экстракты (сгущенные травяныя соки), будто нельзя въ нашихъ апте-

какъ имѣть эти вещи въ надлежащей свѣжести, и проч. (стр. 186 — 187). Этотъ несправедливый упрекъ опровергается самъ собою. Право, нигдѣ столько имѣть надзора за приготовленіемъ лекарствъ, какъ въ Россіи; мы можемъ быть спокойны, что медикаменты дѣлаются у насъ по всѣмъ правиламъ фармаціи, и физикаты смѣло отвѣчаютъ за нихъ доброту и свѣжесть.

Видно, что г. Мейеръ имѣлъ намѣреніе послужить намъ, но не имѣръя своихъ силъ, и потому трудъ его не приноситъ никакой пользы. Заключить нашъ обзоръ стариннымъ латинскимъ нравоученіемъ: «*Quidquid agis, prudenter agas, et respice finem*».

19) Разсужденіе о Важности Греческаго Языка, читанное въ торжественномъ собраніи Московской 1-й Гимназіи, старшимъ учителемъ, маэстромъ: Игнатіемъ Коссовичемъ. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 4-ю д. л. 14 стр.

Если бы можно было счесть, сколько рѣчей и разсужденій написано о пользѣ, важности, необходимости греческаго языка (о латинскомъ ужъ и говорить нечего), то каждый пришелъ бы въ удивленіе, отъ-чего мы до-сихъ-поръ не всѣ знаемъ греческій языкъ, отъ-чего не изясняемъ на немъ такъ же свободно, какъ на отечественномъ, в какихъ образѣхъ обходимся безъ необходимнаго языка. Принимая въ соображеніе количество доказательствъ, которыя всѣ почти казались неоспоримыми тому, кто доказывалъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ двумъ положеніямъ: или эти доказательства не убѣдительно, или самый предметъ не можетъ доказаться.

Говоря о пользѣ ученія, надобно различать двѣ его цѣли: житейскую и чисто-ученую, кабинетную.

Житейская польза ученія такъ иногда очевидна, что вѣтъ ни малѣйшей надобности объяснять ее ученику. Сидиши, на-примѣръ, доказывать ему пользу новѣйшихъ языковъ, когда онъ

безпрерывно видитъ ихъ употребленіе. Онъ слышитъ, какъ въ свѣтѣ говорить по-французски или по-нѣмецки, весьма-легко обходясь безъ необходимаго греческаго; гувернёромъ у него Французъ или Нѣмецъ, а не Грекъ; его-самого наказываютъ за то, что онъ лѣнится говорить по-французски или по-нѣмецки; во время своихъ прогулокъ по городу, онъ видитъ французскія и нѣмецкія вывески, видитъ французскій театръ и нѣмецкую оперу. При такомъ повсемѣстномъ употребленіи французскаго и нѣмецкаго языковъ, учащійся не найдетъ страннымъ, если учитель произнесетъ рѣчь о пользѣ ихъ изученія: слова оратора не будутъ противорѣчить тому, что онъ встрѣчаетъ въ жизни. А такъ-какъ безъ жизни очень-трудно и обходиться живому человѣку, то умное дитя съ удовольствіемъ начнетъ заниматься французскимъ и нѣмецкимъ языками.

Что жъ въ греческомъ языкѣ полезнаго для жизни практической гдѣ его приложенія въ дѣйствительномъ, некабинетномъ быту? Случится поѣхать въ Грецію? но такія путешествія очень-рѣдки, да и въ этомъ путешествіи, если бъ оно въ-самомъ-дѣлѣ состоялось, гораздо-труднѣе обойтись безъ нѣмецкаго и французскаго языковъ и всего легче обойтись безъ греческаго. Перебираю всѣ аргументы г. Коссовича—и не вижу ни одного, который указывалъ бы на прямую пользу древняго языка, на его приложеніе къ жизни, общей всѣмъ намъ, на тѣ случаи въ общественномъ быту, которые встрѣчаются съ нами каждый день и, слѣдовательно, имѣютъ почти обязательство закона, требованіе необходимости. Авторъ говоритъ: «Квинтиліанъ предложилъ родителямъ и наставникамъ римскаго юношества начинать ученіе съ греческаго языка». Но мы не Римляне, и Квинтиліанъ намъ не указъ. Мало ли что было у Римлянъ, и мало ли что говоритъ Квинтиліанъ! «На греческомъ языкѣ изданы божественныя истины Евангелія». Но для

приложенія истинъ евангельскихъ изъ жизни, для того, чтобъ сдѣлаться дѣйствительнымъ, истиннымъ христіанствомъ, нѣтъ надобности читать Евангеліе на греческомъ языкѣ: довольно перевода его на русскій, довольно того, чѣмъ мы пользовались и пользуемся. Языкъ ни какого народа не существовалъ съ такою славою, и столь долго, какъ языкъ греческій. Мы почитаемъ его, но, кажется, нѣтъ настоящей надобности простираеть уваженіе къ славіи языка до обязанности изучать его. Новѣйшіе народы Европы не менѣе обязаны Грекамъ и своимъ искусствами и своимъ образцовымъ сочиненіями. Что жъ? равнѣ намъ учиться греческому языку въ знакъ благодарности за то, что онъ доставилъ новѣйшимъ народамъ Европы?

Нѣтъ! зачѣмъ называть предмету необходимость и важность, которыхъ нѣтъ въ немъ? Всего слабѣе тѣ обязанности, противъ которыхъ вооружается сама дѣйствительность. Ученикъ тотчасъ замѣтитъ противорѣчіе между рѣчью и жизнью, и тогда рѣчь потеряетъ всякое для него значеніе, потому-что значеніе жизни непобѣдимо. Да и самъ авторъ, пересмотрѣвъ обстоятельства своей жизни, увидитъ ясно, что греческимъ языкомъ занимался и занимается онъ, безъ сомнѣнія, ex officio, тогда-какъ другими предметами и языками занимается по необходимому ихъ приложенію изъ жизни.

Другое дѣло — ученая, кабинетная цѣль изученія греческаго языка. Но и здѣсь надобно осмотрительно восхвалять пользу его, важность и необходимость, чтобъ слова оратора не противорѣчили той пользѣ и важности, которыхъ мы въ-правѣ требовать отъ другихъ наукъ и языковъ, изучаемыхъ тоже съ ученою цѣлью. Г. Коссовичъ говоритъ: «не только исторія, повѣя, философія, но и всѣ прочія отрасли человѣческихъ познаній возросли и созрѣли въ древней Элладѣ». Что жъ отсюда слѣдуетъ?—что не только исторію,

повѣю и философію, но и всѣ прочія отрасли человѣческихъ познаній надобно изучать въ греческихъ источникахъ? что надобно читать въ подлинникѣ греческихъ историковъ, греческихъ поэтовъ, греческихъ философовъ, греческихъ ораторовъ, греческихъ геометровъ, греческихъ медиковъ? Но мы спрашиваемъ каждаго: возможно ли это? достанетъ ли въ это время? не повредитъ ли такое изученіе греческаго языка изученію другихъ предметовъ, польза которыхъ ближе, ощутительнѣе, важнѣе? Оставимъ въ сторонѣ повѣю, которая, по своимъ свойствамъ, нѣтъ особенныя требованія, и обратимся къ другимъ наукамъ. Много ли — не только учителей или профессоровъ, но и знаменитыхъ ученыхъ, которые за послѣднее своей науки обращались къ греческому языку? много ли ораторовъ, историковъ, медиковъ, геометровъ, читавшихъ въ подлинникѣ Геродота и Фукидида, Галена и Гипократа, Филла, Демосеена? Слѣдовательно, нѣтъ въ обязанности изученіе греческаго языка съ тою цѣлю, чтобъ всѣ отрасли человѣческихъ знаній, — во-крайней-мѣрѣ въ той степени, въ какой онѣ были выработаны Греками, — изучать въ подлинникѣ, значить готовить своему ученику какое-то слишкомъ-спеціальное, исключительное положеніе, годное только для одного изъ ста тысячъ. Слушатель рѣчи тотчасъ увидитъ, что это такая лотерея, въ которой выигрываетъ почти-невозможно, и что всего приличнѣе и ближе при изученіи наукъ обращаться къ латынскому, французскому, английскому и—въ случаѣ рѣдкой надобности—къ латинскому.

Останутся поэтическія произведенія, которыя не могутъ быть переданы со всѣмъ изяществомъ на чуждый языкъ. Кто хочетъ наслаждаться всею прелестью греческихъ лириковъ, эпиковъ и драматурговъ, тотъ, конечно, обязанъ читать ихъ въ подлинникѣ. Жаль только, что средство для этого несущественно-высокаго наслажденія, также не

сдѣлано-высоко. Авторъ справедливо пишетъ, что «гораздо-вкуснѣе пить чистую воду изъ хрустальнаго ключа, чѣмъ привнесенную издалека и потонувшую животоверную прохладу, хотя бы даже и въ золотой чашѣ», но мы, пользуясь его же орудіемъ, сравненіемъ, можемъ съ такою же справедливостію сказать, что иногда гораздо выгоднѣе идти къ свѣжему, хрустальному ключу, нежели пить воду изъ сосуда. Русская пословица говоритъ тогда: «за моремъ телушки [по полушій, по рубль перевозъ]...

ГРЕЧЕСКІЙ Глаголъ въ своемъ развитіи, изданный старшимъ учителемъ Первой Московской Гимназіи, магістромъ Игнатіемъ Коссовичемъ. Въ Москвѣ, изд. 1846. IV и 215 стр.

Г. Коссовичъ, какъ извѣстно, скоро издалъ «Греко-Русскій Словарь», составленію котораго онъ посвятилъ уже несколько лѣтъ. Занимающіеся греческимъ языкомъ ждутъ съ нетерпѣніемъ «Словаря». У насъ до-сихъ-поръ былъ только словарь г. Ивашковского, да и тотъ теперь почти уже раскупленъ. Притомъ, словарь г. Ивашковского по объему своему (онъ въ 4-хъ томахъ in quarto) крайне-неудобенъ, а главное, во многихъ мѣстахъ не удовлетворяетъ требованіямъ современной науки. Зная, что г. Коссовичъ приготовляетъ греческій словарь, мы съ большимъ любопытствомъ встрѣтили изданную имъ теперь книгу. Мы были увѣрены, что г. Коссовичъ, занимаясь долго составленіемъ греческаго словаря, и потому имѣя возможность глубоко и основательно вникнуть въ свойства греческаго языка, напишетъ о греческомъ глаголѣ дѣльную книгу. Притомъ, мы надѣлись по изданной имъ теперь книгѣ получить нѣкоторое понятіе о его филологическомъ образованіи, и рѣшить, чего мы можемъ ожидать отъ приготовляемаго имъ словаря. Въ какой степени оправдались наши надежды, — видно будетъ изъ этой рецензіи.

Сперва покажемъ, что побудило г. Коссовича написать эту книгу. Преди-

словіе его начинается такъ: «Однимъ изъ педагогической бесѣды съ Г-мъ Инспекторомъ 1-й Московской Гимназіи я слышалъ нѣкотораго мнѣнія его о греческомъ глаголѣ: онъ-то и называли меня къ настоящему труду».

Цѣль г. Коссовича, какъ видно изъ части и изъ предисловія, а еще болѣе изъ самой книги, — дать ученикамъ руководство къ изученію греческаго глагола. Потому, вѣроятно, г. Коссовичъ въ книгѣ своей помѣстилъ столько парадигмъ, образцовъ, сколько намъ не случилось еще встрѣчать ни въ одномъ греческомъ учебникѣ, ни русскомъ, ни иностранномъ. Изъ 218 страницъ его книги, 90 заняты одними парадигмами; сверхъ-того, г. Коссовичъ при объясненіи каждой формы, каждого свойства греческаго глагола приводитъ много примѣровъ, — такъ-что парадигмами и примѣрами занято болѣе половины книги. По нашему мнѣнію, такое обиліе парадигмъ и примѣровъ не только бесполезно, но даже вредно: оно пріучаетъ ученика къ умственной лѣни, оставляетъ въ недѣятельности сообразительную его способность.

Въ предисловіи, г. Коссовичъ говоритъ:

«Я всегда былъ убѣжденъ, что греческій глаголъ, какъ и весь языкъ греческій, легче латинскаго, что въ развитіи его время и наклоненій больше логики и простоты, и что все затрудненіе происходитъ отъ изложенія. Я старался оправдать мое убѣжденіе дѣломъ, представилъ греческій глаголъ въ своей (его?) развитіи, просто и ясно, съ тою однако, отчетливостію, которой требовалъ предметъ».

Есть два рода простоты и ясности. Простымъ и яснымъ называется то, что понятнѣе даже неразумному, недалекаго ума человѣку; на-примѣръ, сказка. Простымъ также и яснымъ называется то, чему мы видимъ разумную причину, что объяснимо по законамъ человеческого разума. Въ такомъ смыслѣ изъ наукъ самая простая — математика. Къ этой простотѣ стремится въ наше время всѣ науки, и не менѣе, чѣмъ какая-нибудь другая, гре-

ческая грамматика, грамматика языка самого разумнаго, самаго послѣдовательнаго изъ всѣхъ языковъ древнихъ и новыхъ. Въ греческомъ языкѣ все основано на нѣсколькихъ коренныхъ, общихъ всему языку, законахъ; въ немъ ни одна буква не пропадаетъ, не измѣняется безъ разумной причины. Не знаа этихъ общихъ законовъ, нельзя разумно и ясно узнать греческій языкъ. Г. Коссовичъ нигдѣ не ссылается на эти законы. Потому ученикъ по его книгѣ никогда не сознаетъ необходимости, причины измѣненія согласныхъ буквъ въ прошедшемъ и давно-прошедшемъ временахъ страдательнаго залога; измѣненія губныхъ буквъ въ усиленномъ корнѣ, т. е. въ настоящемъ и переходящемъ времени; измѣненія придыхательныхъ буквъ въ простомъ (тепесъ) въ удвоеннѣ прошедшаго и давно-прошедшаго времени глаголовъ, начинающихся съ придыхательной буквы; выбрасыванія язычной буквы въ будущемъ и аористѣ первыхъ дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ, — и многого другаго, что основывается на коренныхъ, общихъ всѣмъ словамъ греческаго языка законахъ. Отсюда уже видно, что г. Коссовичъ не позаботился о той разумной простотѣ, о которой мы сейчасъ говорили. Да это видно, впрочемъ, и изъ собственныхъ его словъ, приведенныхъ выше: «просто и ясно, съ тою однако отчетливостію, которой требовалъ предметъ». Простота разумная невозможна безъ отчетливости.

Въ предисловіи же г. Коссовичъ говоритъ:

«Въ концѣ я долженъ присовокупить, что цѣлю моею было единственно выучить моихъ учениковъ правильному спряженію греческаго глагола, а за подлинность существованія всѣхъ формъ, представляемыхъ мною, я не ручаюсь.»

Не ручаться за подлинность существованія представленныхъ имъ формъ г. Коссовичъ не имѣлъ никакого права: нѣмецкіе филологи въ своихъ словаряхъ и грамматикахъ собрали все

(тутъ имѣть преувеличенія), все встречающіяся у греческихъ писателей формы. Присвоить себѣ, совершенно-не-справедливо, право не ручаться за подлинность существованія представленныхъ имъ формъ, г. Коссовичъ впасть въ три величайшія ошибки, дѣлающія книгу его почти-безполезною: 1) онъ не вездѣ отличалъ употребительныя въ аттическомъ діалектѣ формы отъ неупотребительныхъ; 2) не отличалъ часто никакимъ знакомъ повтѣренныя формы (πίς, ἀός, ἀκχυρίος, и много другихъ подобныхъ этимъ глаголовъ изъ списковъ неправильныхъ и недостаточныхъ глаголовъ); 3) въ спискѣ неправильныхъ глаголовъ помѣстилъ, не отличивъ также никакимъ знакомъ, много глаголовъ, никогда несуществовавшихъ въ греческомъ языкѣ въ приведенныхъ только грамматикахъ для объясненія формъ глаголовъ недостаточныхъ (ίω, έρωκί, έκο, έω и т. п.) Много противныхъ и неупотребительныхъ глаголовъ и въ прочихъ отдѣлахъ книги г. Коссовича, кромѣ списка неправильныхъ и недостаточныхъ глаголовъ. Ученикъ, пожалуй, приметъ такіе глаголы за подлинно-существовавшіе въ греческомъ языкѣ. Это все равно, еслибъ кто-нибудь въ русскомъ словарѣ помѣстилъ, напримеръ, глаголъ *шеду* (*шед* — корень гл *шелъ*), а какой-нибудь иностранецъ, учась по такому словарю русскому языку, и сталъ бы спрашивать: *я шеду, ты шедешь* и т. д. вѣсто: *я иду, ты идешь* и т. д. Мы не прочь отъ того, чтобы въ первые годы ученія (какому бы то ни было языку), пока ученикъ не окрѣпнетъ въ главныхъ правилахъ, заставлять его образовывать вслія формы, не отличая употребительныхъ отъ неупотребительныхъ: ничто такъ не запутываетъ ученика, ничто такъ не задерживаетъ его развитія, ничто не привязываетъ его такъ къ буквѣ, какъ безпрестанное напоминаніе, что такая-то форма употребительна, а другая, точь-въ-точь на нее похожа, неупотребительна. Пусть онъ, особенно сначала, образовываетъ вслія фор-

мы; но заучивать онъ долженъ только формы, подлинно-существующія въ языкѣ. Иначе онъ никогда не увидѣтъ особенностей, идіотизмовъ языка. Притомъ, если народъ отбрасываетъ какія-нибудь формы, какъ ненужныя, онъ всегда въ такомъ случаѣ поступаетъ по основательной причинѣ. Потому пусть сперва ученикъ заучитъ, какія формы употребительны, какія нѣтъ: въ-послѣдствіи онъ увидѣтъ причины, почему такія-то формы употребительны, а такія нѣтъ. Итакъ, если неразборчивость въ формахъ дозволительна сначала, то не можетъ быть допущена потомъ. И г. Коссовичъ, какъ сказали мы, въ этомъ отношеніи сильно погрѣшилъ. Видъ онъ написалъ свою книгу не для первыхъ только классовъ: она довольно-таки полна, ее стало бы на весь гимназическій курсъ.

Другой недостатокъ книги г. Коссовича, не менѣе существенный, состоитъ въ томъ, что онъ, непонятно почему, не смѣлъ вѣрить современнымъ нѣмецкимъ грамматикамъ, и часто объясненія ихъ, объясненія, для насъ крайней-мѣрѣ, совершенно-удовлетворительныя и разумныя, замѣняетъ устарѣлыми, давно-забытыми. Нужно замѣтить вообще, что самостоятельная разработка греческой грамматики началась въ Германіи не болѣе, какъ за семьдесятъ лѣтъ. До того времени, греческая грамматика находилась подъ сильнымъ вліяніемъ латинской, уже тогда довольно-развитой. Только въ наше время греческая грамматика освободилась изъ-подъ этого вліянія. Между-прочимъ, старые грамматисты занесли изъ латинской грамматики въ греческую такъ-называемое производство временъ. Въ латинской грамматикѣ всѣ формы глагола происходятъ отъ четырехъ главныхъ формъ. Подобное производство существовало и въ греческихъ старинныхъ грамматикахъ. Но въ настоящее время всѣ грамматисты (разумѣется, нѣмецкіе) убѣдились, что въ греческомъ языкѣ такое производство не имѣетъ мѣста, что формы греческаго глагола

не производятся, но *составляются* (и притомъ совершенно-независимо одна отъ другой) изъ корня и слѣдующихъ элементовъ окончанія: характера времени, гласной наклоненія и личнаго окончанія. *Составленіемъ* удивительно-какъ упростилось изученіе греческаго глагола.

Г. Коссовичъ по-старому произво-дитъ, а не составляетъ. Чтобъ показать, какъ противорѣчитъ духу греческаго языка производство, довольно привести слѣдующій примѣръ.

Полусогласныя буквы (плавныя, liquidae) не терпятъ въ греческомъ языкѣ послѣ себя σ . Потому въ глаголахъ, которыхъ чистый корень оканчивается на полусогласную букву, въ будущемъ и аористѣ первыхъ дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ (въ этихъ временахъ характеръ σ) неприятое для греческаго уха столкновение полусогласной буквы съ σ уничтожается такъ. Въ будущемъ I вставляется ϵ передъ σ , и потомъ чрезъ выкидываніе σ и слитіе образуется будущее II: $\rho\acute{\alpha}\nu\text{-}\sigma\omega = \rho\acute{\alpha}\nu\text{-}\epsilon\text{-}\sigma\omega = \rho\acute{\alpha}\nu\text{-}\epsilon\text{-}\omega = \rho\acute{\alpha}\nu\epsilon\omega$. Всѣ эти формы были болѣе или менѣе употребительны въ разныхъ нарѣчіяхъ, въ разные времена: въ аттическомъ нарѣчій употреблялась только послѣдняя ($\rho\acute{\alpha}\nu\epsilon\omega$), т. е. въ аттическомъ нарѣчій было будущее II въ полусогласныхъ глаголахъ, а перваго не было. Въ аористѣ же I, видѣсто σ , продолжается предъидущая коренная гласная. Замѣна σ такимъ продолженіемъ основана на томъ, что количество (quantitas) слова остается то же въ томъ и другомъ случаѣ. Ибо, еслибъ оставалась σ , то предъидущая коренная гласная была бы по положенію (ex positione); а теперь — она продолжена. Итакъ: ($\rho\acute{\alpha}\nu\epsilon$) $\epsilon\text{-}\rho\acute{\alpha}\nu\text{-}\sigma\omega = \epsilon\rho\acute{\alpha}\nu\epsilon\omega$. У г. Коссовича (стр. 21) сказано, что аор. I дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ происходитъ отъ будущаго I тѣхъ же залоговъ. Но глаголы полусогласные, какъ сказали мы, не имѣютъ будущаго I (по-крайней-мѣрѣ въ аттическомъ діалектѣ). Откуда же привести аор. I дѣйствительнаго и возвратнаго залоговъ въ глаголахъ по

дусогласных? Г. Коссовичъ даетъ новое правило: говорить (стр. 75), что аор. I такихъ глаголовъ происходитъ отъ будуч. II. Какъ же? отъ *φαιε* — *φαιε*, отъ *φαιε* — *φαιε*? Чтожь мѣшаетъ послѣ этого провозвести аор. I отъ любаго времени?

Престранно также (на 9-й стр.) объясняется г. Коссовичъ временное (temporale) приращеніе: не продолженіемъ гласной начальной, какъ обыкновенно теперь объясняется (и опять скажемъ: чрезвычайно-ясно и разумно), а какими-то небывальными слитіями. На стр. 8 онъ говоритъ, что глаголы, начинающіеся съ *ε* и *ο*, не принимаютъ никакого приращенія. Неправда! Если *ε* и *ο* кратки, то приращеніе такихъ глаголовъ ничѣмъ не отличается отъ приращенія глаголовъ, начинающихся съ *ε* и *ο*: въ томъ и другомъ случаѣ, краткіе гласныя продолжаютъ. Но въ греческомъ языкѣ для гласныхъ, отвѣчающихъ латинскимъ *ε* и *ο*, четыре буквы: для краткихъ *ε* и *ο* (*ι* и *ω*) и для долгихъ *ε* и *ο* (*η* и *ω*). А для гласныхъ, отвѣчающихъ латинскимъ *ι* и *υ*, только двѣ, и для краткихъ и для долгихъ. Это, вѣроятно, ввело въ ошибку г. Коссовича...

Много можно было бы показать еще ошибокъ въ этой книгѣ; но намъ не дозволяютъ сдѣлать этого предѣлы рецензій журнала веспечальнаго. Впрочемъ, и того, что сказано нами, слышномъ-достаточно. Языкъ книги г. Коссовича нехорошъ; это можно видѣть даже изъ приведенныхъ нами мѣстъ. Особенно ощутителенъ недостатокъ точности, — а она въ учебникѣ главное условіе. Вотъ нѣсколько мѣстъ еще изъ его книги, подтверждающихъ сейчасъ сказанное нами о языкѣ.

Въ концѣ предисловія :

«Что касается до опечатокъ и недосмотровъ, они такого рода, что учащіеся греческому языку, даже въ первыхъ классахъ легко ихъ замѣтатъ безъ малѣйшаго вреда для науки.»

Многій, пожалуй, подумаетъ, что замѣчать ошибки и недосмотры вредно для науки!

Стр. 7. «Для мѣры въ стихахъ, для ясности и для плавности часто опускается приращеніе слоговое.»

Приращеніе слоговое прибавляетъ цѣлый слогъ (слѣдовательно, новый признакъ) къ формѣ глагола: а чѣмъ болѣе мы знаемъ признаковъ предмета, тѣмъ яснѣе, кажется, возникаетъ предметъ?

Стр. 10. «Повтореніе (т. е. удвоеніе) логическое состоитъ изъ перваго слога и глаголъ, поставляемаго предъ обыкновеннымъ повтореніемъ.»

Возьмемъ примѣръ: *ἀγέρω* — *ἀγέρω* — *ἀγ-ἀγέρω*. Первый слогъ — *α*, а приращено *α*у, т. е. двѣ начальныхъ буквы: точно!

Любопытно на стр. 174 мѣсто о неправильныхъ глаголахъ; но оно довольно-длинно, и потому мы его не выписываемъ.

Занимающіеся греческимъ языкомъ представляютъ у насъ въ Россіи дѣйствительно крайности. Одни изучаютъ его по руководству, предлагаемымъ Германією, въ которой въ послѣдніе семьдесятъ лѣтъ явилось столько замѣтельныхъ по дарованіямъ и трудолюбію людей, двинувшихъ сильно впередъ изученіе этого языка. Но у насъ въ Россіи пока еще немногіе знакомы съ ихъ трудами: какъ-то плохо принимается нѣмецкая филологія на русской почвѣ! Другіе — большая часть — упорно держатся заветныхъ, старыхъ, доморощенныхъ учебниковъ, неохотно заглядываютъ даже въ переведенныя на русскій языкъ грамматики Бутманна и Кюнера. Такое упорство замѣтно и въ другихъ наукахъ, у нѣкоторыхъ лицъ. Эти лица величаютъ свое упорство громкимъ именемъ самостоятельности. А по правдѣ сказать, вся-то ихъ самостоятельность и состоитъ въ томъ, что они гнѣются переучиваться по хорошимъ иностраннымъ книгамъ тому, чему выучились кое-какъ по дряннымъ доморощеннымъ. Чтобъ убѣдиться, какъ жалка эта дожда самостоятель-

ность, какая бездна отдѣляетъ наши самостоятельныя книги отъ иностранныхъ (разумѣется, хорошихъ), пусть тотъ (обратимся къ греческому языку), кого спасла судьба отъ этой жалкой самостоятельности, кто выучился греческому языку по хорошимъ иностраннымъ книгамъ, пусть тотъ перелистуетъ *Сводъ Греческой Грамматики съ Латинскою*. Эта книга издана неизвѣстно гдѣ, годовъ за двадцать до настоящаго времени. Она въ большомъ ходу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ употребляютъ еще изданія минеллиевы и ad instar Minellii. Какъ-то попала она намъ и возбуждала въ насъ не столько желаніе поспѣяться надъ нею, сколько какое-то грустное чувство... Авторъ ея, это замѣтно, человекъ умный; но надо видѣть, какихъ тяжкихъ усилій стоить ему привести въ сознаніе греческую грамматику, къ какиимъ ватѣливымъ гипотезамъ прибѣгаетъ онъ, чтобъ замѣнить ими скудость положительныхъ, фактическихъ свѣдѣній!..

Но да не подумаетъ кто-нибудь, что мы въ нѣмецкихъ филологахъ видимъ nec plus ultra знанія. Какъ ни громадны труды ихъ, — работы еще много, очень-много, и болѣе, чѣмъ кому-нибудь, Русскому, который возьмется написать греческую грамматику для русскихъ. Хотя бы онъ даже передалъ только то, что находится въ нѣмецкихъ грамматикахъ, не прибавивъ, не измѣнивъ ничего, — все-таки ему придется много трудиться самому, самобытно. Надо примѣнить греческій языкъ къ русскому: дѣло почти еще не початое; переводчики грамматикъ Бутманна и Кюнера мало позаботились объ этомъ. А сколько для примѣненія греческаго и латинскаго языка сдѣлано у Нѣмцевъ! На-прим., для латинскаго языка у Мадвига? Надо измѣнить самое изложене Нѣмцевъ: русскія головы во многомъ иначе устроены, чѣмъ нѣмецкія. Надо не мало подумать надъ терминами. Вообще, наши грамматическія термины дряхлы. И всякому, кто вздумаетъ писать грамматику русскую, гре-

ческую, или другую какую, слѣдуетъ обратить на этотъ предметъ вниманіе — именно теперь: настоящее время, время какого-то броженія, очень этому благоприятствуетъ. Много хорошихъ терминовъ можно найти у протоіерея Павскаго. Замѣчательна также въ этомъ отношеніи статья (въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года) *О терминологіи Русской Грамматики*. Не знаемъ, многіе ли обратили на нее вниманіе, а она стоила его. Правда, во всемъ нельзя согласиться съ авторомъ этой статьи; тѣмъ не менѣе замѣтно въ немъ много свѣтлаго, здороваго, свободнаго ума.

21) *Постепенныя Занятія съ переводахъ съ русскаго языка на нѣмецкій и французскій, для высшихъ классовъ. Часть III. Изданная докторомъ Ф. Кистеромъ. Третье изданіе, съ 1859 г., съ дополненіями. Москва. 1846. Въ университетской тип. Въ 42-ю д. л. 199 стр.*

Третье изданіе этой книги отличается отъ прежнихъ только тѣмъ, что авторъ присовокупилъ разныя описанія, заимствованныя изъ натуральной исторіи, статьи дидактическаго и драматическаго содержанія и торжественныя рѣчи, выбранныя изъ лучшихъ русскихъ писателей. Все прочее осталось въ первобытномъ видѣ: и статьи, и словари труднѣйшихъ словъ и оборотовъ рѣчи изъ каждаго отрывка. Книга, безъ сомнѣнія, принесла довольно пользы учителямъ французскаго и нѣмецкаго языковъ. Въ дополненіяхъ къ третьему изданію находятся: отрывокъ изъ драматической повѣсти «Ломоносовъ», эпизодъ изъ «Параши Сибирячки»... Оно, можетъ-быть, такъ такъ и нужно въ «Постепенныхъ Занятіяхъ въ Переводахъ»... Мы этого не знаемъ.

22) *Книжка Французско - Русскихъ Разговоровъ, съ присовокупленіемъ разныхъ писемъ, записокъ и билетовъ. Составлена по лучшимъ и новейшимъ иностраннымъ сочиненіямъ съ*

этомъ родѣ. *Изданіе книгопродавца К. Тотти. Одесса. Въ городской тип. 1846. Въ 12-ю д. л. 152 стр.*

Эта «Книжка» вполне достигаетъ цѣли большей части подобныхъ книжекъ; именно, если русскій человѣкъ вздумаетъ выучиться по ней говорить по-французски, то въ весьма-короткое время заговорить очень-плохо на родномъ языкѣ, а на французскомъ будетъ говорить совсѣмъ не то, что бы хотѣлъ сказать; на-примѣръ, захочетъ ему сказать: «не стѣдить благодарности» — а онъ скажетъ по-французски: къ вашимъ услугамъ (стр. 72); подвизается ли кто съ честью (на полѣ битвы?), а ученикъ скажетъ, что герой просто усердно покушалъ (стр. 62); зайдетъ ли рѣчь о романѣ или драматическомъ произведеніи и замѣтитъ онъ, что «интрига развивается дурно»; а скажетъ будто развязка пьесы плоха (стр. 117). Наконецъ, самый рѣзкій эффектъ произведетъ книжка на своего ученика тѣмъ, что онъ заговорить и запишетъ такое, чего и самъ не пойметъ. На-примѣръ: «лицо у него *непредупредительное*», или «вошь серъги самой тонкой работы», или «вашъ пультъ немножко *возвышенъ*», или «отраженіе воды удивительное», или наконецъ, на просьбу объ увѣдомленіи о *текущихъ* цѣнахъ, онъ напишетъ такой отвѣтъ: «М. Г., сообразно требованію вашему, я обозначилъ на всякій предметъ цѣну, которую вы знать желали; я присовокупилъ къ тому и цѣны мелочныя, чтобы вы могли судить о пользѣ» (стр. 149). Конечно, иногда и слѣдуетъ написать такъ, чтобы никто ничего не понималъ... Недавно мы съ удовольствіемъ прочли въ газетахъ объявленіе одного ходатая по дѣламъ, написанное для образца дѣловымъ слогомъ, и рѣшительно ничего не поняли, — и въ «Книжкѣ Разговоровъ» тоже есть подобныя умышленно-непонятныя письма — къ кредиторамъ. Рекомендуемъ.

Да скажите, пожалуйста, кому нужны подобныя книжки и кто научился по нимъ когда-либо чему-либо?..

«А все-таки движется!» — какъ ска-

залъ Галлей И книжки все-таки выходятъ каждый мѣсяцъ и, вѣрно, расходятся! И куда все это дѣвается?..

32) **Новый Руководитель Русско-Французско-Английско-Нѣмецкій или Методическій Словарь, содержащій наиболее употребительныя и расположенныя по предметамъ части рѣчи, образцы фраз для составленія большей части выражений обыкновеннаго разговора и разговоры русско-французско-английско-нѣмецкіе, составленные докторомъ Липпертомъ. Лейпцигъ и Санктпетербургъ. 1847. Въ 12-ю д. л. 487 стр.**

Г. Липпертъ убѣдился, что гораздо-полезнѣе учащемуся отъяснять слова иностраннаго языка не въ обыкновенномъ алфавитномъ лексиконѣ, а въ такой книжкѣ, гдѣ они расположены систематически, т. е. сгруппированы въ категоріи по значенію. Положимъ, что вамъ нужно узнать, какъ по-нѣмецки «кухня». Вмѣсто того, чтобы отыскать это слово обыкновеннымъ, искучившимъ вамъ порядкомъ въ русско-нѣмецкомъ лексиконѣ, вы развертываете «Новаго Руководителя», и разсмотрѣвъ оглавленіе категорій, находываетесь, что слово «кухня» должно быть въ категоріи «домъ». Такии-образомъ учащійся не только узнаетъ иностранное слово, но и упражняетъ свое соображеніе.

Образцы фразъ и разговоры подобраны довольно-удачно.

24) **Практическіе Уроки для основательнаго изученія Грамматическихъ Правилъ Английскаго Языка. Составленные Е(Э)двардомъ Ро. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова.**

Г. Ро, вполне сознавая, что изданные имъ «Практическіе Уроки», какъ книга, незавключающая въ себя ничего новаго, совершенно-лишняя въ нашей учебной литературѣ, рѣшился написать въ предисловіи къ своей перепечаткѣ слѣдующую небывальщину:

«Тѣ (изъ Русскихъ), которые приобрѣли познаніе этого (англійскаго) языка, учились ему или практическимъ образомъ, или, по необходимости дѣла, постоянное обращеніе съ Англичанами, или теоретическимъ, то есть книгами; эти же книги писаны болѣею частію по французски, а на русскомъ языкѣ въ нихъ большой недостатковъ, и даже нѣтъ хорошихъ.»

Пусть бы г. Ро самъ подалъ какую-нибудь особенно-хорошо и оригинально-составленную грамматику, да тогда бы ужъ и говорилъ, что на русскомъ языкѣ нѣтъ хорошихъ руководствъ къ изученію англійскаго языка. Но ничуть не бывало: самъ онъ въ томъ же предисловіи очень-забавно сознается въ посредственности своего труда:

«Въ грамматикѣ объяснены всѣ правила съ главными исключеніями; но чтобы изложить всѣ исключенія, я не почелъ нужнымъ, ибо во всякомъ языкѣ они находятся въ большомъ количествѣ, и подробно ихъ измѣнять не принесетъ пользы для учащихся: оно только обременитъ разсудокъ, почему и вспомнить ихъ невозможно, а на практикѣ выучиться имъ весьма легко.»

Но всего хуже (мы говоримъ это очень-серьёзно), всего хуже то, что г. Ро, чувствуя всю силу своихъ печатныхъ грѣховъ, совсѣмъ не по-англійски завсѣиваетъ въ русскихъ читателяхъ слѣдующими комплиментами на чрезвычайно-плохомъ русскомъ языкѣ:

«Свойство русскаго діалекта, въ мягкомъ своемъ произношеніи, служитъ главнымъ поводомъ легкому приобретенію выговора всякаго иностраннаго языка; притомъ извѣстно, что нигдѣ иностранная словесность не находится въ такомъ отличномъ познаніи, какъ здѣсь; французскій и шведскій языки произносимы и извѣстны Русскимъ такъ основательно, что *делаются въ видѣ національннхъ*, и у Русскаго, которому англійскій языкъ извѣстенъ, замѣчено также лучшее произношеніе его.»

Кстати, вотъ еще:

25) Курсъ Англійскаго Языка. *оставленный* И Броуномъ. Часть III.

Отрывки для упражненія въ переводахъ. Санктпетербургъ. Во французской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 185 стр.

Хоть въ этомъ курсѣ и нѣтъ ничего особеннаго, однакожь, еслибъ у насъ только и было руководство къ изученію англійскаго языка, что руководство г. Броуна, и тогда г. Ро не имѣлъ бы права печатать, что его «Практическіе Уроки» лучше чего-нибудь изданнаго на русскомъ языкѣ для изученія англійской грамматики.

26) Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства губерній и областей, на общихъ правахъ состоящихъ, составленная для Императорскаго Училища Правовѣднія Павломъ Дегаемъ. Изданіе третіе, согласованное съ послѣднимъ изданіемъ Свода Законовъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л.

Третье изданіе книги, имѣющей цѣлію облегченіе познанія законовъ, относящихся до гражданскаго русскаго судопроизводства. Примѣръ довольно-поразительный въ нашей юридической литературѣ, имѣющей мало интереса для читателей.

Извѣстно, что у насъ юридическія и политическія науки мало обработаны. Почти все, что появляется въ этой области, или обозначено печатью вѣмецкихъ теорій, или имѣетъ видъ сборниковъ законовъ, или нѣтъ дѣйствующихъ, или уже отжившихъ вѣкъ свой. Другаго рода сочиненій нѣтъ. Такимъ-образомъ, «Учебная Книга Гражданскаго Судопроизводства губерній и областей, на общихъ правахъ состоящихъ» есть систематическій сборникъ существующихъ законовъ русскаго судопроизводства, въ который, какъ выражается самъ авторъ, «для избѣжанія неправильнаго толкованія смысла закона, большая часть статей Свода внесена слово-въ-слово». Книга эта назначена для воспитанниковъ Императорскаго Училища Правовѣднія, и для нихъ многочисленныя роды нашего судопроизводства подведены подъ главныя категоріи. Однако,

возрастающее требованіе на это сочиненіе даетъ поводъ полагать, что оно употребляется и въ дѣлопроизводствѣ; поэтому, авторъ считалъ обязанностію сколь-можно-болѣе дать удобства къ примѣненію на практикѣ свѣдѣній, въ ней заключающихся. Изучая подробности, входящія въ составъ постановленій о судопроизводствѣ, самая лучшая память удержитъ ихъ не всѣ, и, слѣдовательно, учащійся долженъ предпочесть изученіе постановленій основныхъ, главныхъ, изученію предметовъ второстепенныхъ и переходить къ послѣднимъ только тогда, когда главные черты судопроизводства будутъ хорошо выучены. Для облегченія этого перехода, въ сочиненіи отличены предметы мѣстные и частные отъ прочихъ; для облегченія же признанія постановленій отдѣльныхъ и подробностей, легко ускользающихъ изъ памяти, присоединенъ алфавитный реестръ, а для сличенія параграфовъ книги съ подлинными статьями Свода, составленъ особый реестръ. Для примѣненія законовъ, внесенныхъ въ книгу, тѣмъ, которые ходатайствуютъ по дѣламъ, приложены главнѣйшія формы тѣхъ бумагъ, именно: 1) форма исковаго прошенія о наследствѣ по духовнымъ завѣщаніямъ, 2) форма частной жалобы на уѣздный судъ за неубрежденіе палъ спорнымъ имѣніемъ опеки, 3) форма жалобы на медленность уѣзднаго суда, 4) форма жалобы министру юстиціи на медленность палаты, 5) форма апелляціонной жалобы на рѣшеніе уѣзднаго суда, 6) форма прошенія объ утвержденіи по документамъ владѣнія землею, 7) форма апелляціонной жалобы на рѣшеніе межевой конторы.

Итакъ, этотъ систематическій сборникъ законовъ гражданскаго судопроизводства, какъ выше сказано, выдержавъ третье изданіе, слѣдовательно, имѣетъ успѣхъ блистательный для нашихъ юридическихъ сочиненій. Успѣхъ основывается на томъ, что книга эта есть учебникъ и притомъ употребляется людьми дѣловыми на практи-

кѣ. Вотъ два требованія, обеспечивающія существованіе ея и, по-видимому, указывающія на тотъ путь, по которому должна пройти наша юридическая литература, чтобъ въ послѣдствіи когда-нибудь имѣть успѣхъ независимо отъ практики и школы, успѣхъ науки, — успѣхъ, основанный на общественномъ юридическомъ интересѣ. Сочиненія, написанныя безъ практической цѣли и не какъ учебники, для насъ не имѣютъ еще занимательности по многимъ причинамъ, о которыхъ мы здѣсь говорить не станемъ. Слѣдовательно, юридическая наша литература возлится на первой степени развитія, потому-что является или въ видѣ учебника, или въ видѣ руководства къ практическому примѣненію законовъ. Другихъ требованій нѣтъ; юридическаго интереса въ массѣ не существуетъ, или онъ ограничивается чрезвычайно малымъ числомъ избранныхъ.

Поэтому, наша юридическая литература ограничивается или нѣсколькими переводами сочиненій нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, или, подъ видомъ самостоятельныхъ отечественныхъ произведеній, носитъ отпечатокъ юридическихъ нѣмецкихъ теорій. Какъ же пособить этому? какъ сдѣлать, чтобъ насъ интересовала область права, и чтобъ она была самостоятельною? Для этого, думаютъ нѣкоторые, нужно обратиться къ исторіи нашего права, и ею проложить новый путь, независимо отъ иностранныхъ теорій. Дѣтъ десять назаль, одинъ профессоръ Московскаго Университета, сдѣлавъ незатруднительный обзоръ малаго числа статей и книгъ, появившихся въ Россіи по части русскаго права, сказалъ:

«Исторія нашего законодательства существуетъ еще во множествѣ, въ частяхъ, въ разбросанныхъ отрывкахъ, словомъ къ возможности: еще духъ философіи не повѣялъ на эти безжизненные кости испепелена, усердно собираемы на могилахъ нашихъ праотцевъ. При изслѣдованіи притчи казалось, будто потому не было у насъ систематической исторіи законода-

дѣлства, что не всё материалы собраны; однакожь это не совсѣмъ справедливо. Намъ не достаетъ идей и систематическаго духа. Что же касается до собиранія материаловъ, то это такого рода трудъ, который никогда не кончится, и не должно желать, чтобы онъ когда-нибудь кончился... Метода преподаванія во всемъ юридическомъ факультетѣ Россійской Имперіи въ скоромъ времени будетъ измѣнена или подновлена возвратившимися изъ-за границы русскими докторами правъ. Уже ими брошенъ критическій взглядъ на все пространство юридической дѣятельности русскихъ университетовъ. Недостатки взвѣшены, исчислены, намѣрены. И начальство университетовъ и профессора готовы замѣнять ихъ совершенствами.

Но, увы! прошло десять лѣтъ съ тѣхъ-поръ, какъ сказаны эти слова, и—духъ философіи не въялъ еще по безжизненнымъ костямъ русскаго права; мы не видимъ, чтобы русскими докторами правъ былъ брошенъ критическій взглядъ на все пространство юридической дѣятельности русскихъ университетовъ, а тѣмъ болѣе не видно замѣны недостатковъ совершенствами,—однимъ словомъ, нѣтъ исторіи русскаго законодательства! Въ это время, правда, появилось нѣсколько полунѣмецкихъ, полурусскихъ юридическихъ учебниковъ, но они далеки отъ совершенства. Отъ чего же это? Отъ того ли, что исторія нашего права не представляетъ того интереса и той послѣдовательности, которую мы замѣчаемъ въ развитіи права у другихъ народовъ, — или отъ-того, что мы стараемся объяснять исторію законодательства, не объяснивъ сущности дѣйствующихъ законовъ, и, слѣдовательно, слѣлавъ скачокъ, объясняемъ нѣкоторые пункты исторіи, безъ всякаго отношенія къ настоящему,—или, наконецъ, у насъ нѣтъ юридической литературы отъ-того, что вопросы изъ области права не живутъ для насъ той занимательности, которую они должны возбуждать по своей важности для общества? Намъ кажется, что всё эти причины дѣйствуютъ вмѣстѣ. Мы начи-

наемъ изучать и объяснять исторію законодательства прежде, нежели общество усвоило и объяснило себѣ сущность дѣйствующихъ законовъ, слѣдовательно, прежде, нежели оно слѣло своей юридической интересъ съ настоящимъ положеніемъ. Поэтому, для такого общества исторія права не будетъ имѣть никакой цѣны; она не будетъ служить объясненіемъ настоящему законодательству, а какимъ-то отрывочнымъ свѣдѣніемъ, непринкнутымъ къ общей системѣ права. Чтобы возбуждать интересъ, должно прежде перелить въ общество массу законовъ, заключенныхъ въ Сводѣ, слить съ жизнью самые юридическіе вопросы, и тогда будетъ возможна и успѣшна юридическая литература и историческая и философская. До того же времени, это будетъ товаръ, который не имѣетъ погребителей и, слѣдовательно, никакой цѣны. Для того, чтобы законы, заключенные въ Сводѣ, дѣлались доступны обществу, мы считаемъ необходимо-нужнымъ изданіе ручныхъ книгъ по разнымъ частямъ законодательства, какъ, на-примѣръ, въ настоящемъ случаѣ, изданная г. Дегаемъ книга судопроизводства. Успѣхъ ея показываетъ, что потребность въ изданіяхъ подобнаго рода существуетъ въ обществѣ; хотя это еще первая, насущная потребность, но, послѣ перваго удовлетворенія, она можетъ вести къ высшей потребности знанія законовъ, какъ у человѣка, выучившагося читать, писать и считать для домашняго обихода, для цѣли чисто-практической, можетъ возникнуть потребность въ чтеніи для удовлетворенія развившейся любознательности. Этотъ путь вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что опытъ на него указываетъ. Потому, особенно въ-слѣдствіе умственнаго и матеріальнаго развитія народа, можетъ возникнуть и литература права, проникнутая жизнью и имѣющая интересъ для общества.

27) Ариеметика, составленная А. Зеленымъ 2-мъ, капитанъ-лейтенантъ

томъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ Морскаго Кадетскаго Корпуса. 1846. Въ 8-ю д. л. 440 стр.

При составленіи своей «Арифметики» г. А. Зеленый преимущественно шѣлъ въ виду инструкцію, данную Коммиссіи, занимающей составленіемъ учебныхъ руководствъ по всѣмъ наукамъ, преподаваемымъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ.

Слѣдующая выписка изъ самой инструкции, приложенной къ книгѣ, можетъ отчасти дать понятіе о цѣли, которою руководилось начальство Морскаго Корпуса, и какиихъ послѣдствій можно ожидать отъ добросовѣстнаго выполненія исчисляемыхъ въ ней условій.

«Главная цѣль составляемыхъ руководствъ (для воспитанниковъ Морскаго Кадетскаго Корпуса) есть приготовленіе искусныхъ и знающихъ морскихъ офицеровъ. Сообразно этой цѣли, въ составъ курса должны войти не только всѣ свѣденія, необходимыя для дѣйствительной службы, но также и все, для нее полезное.

«Воспитанникъ съ ограниченными способностями долженъ найти въ немъ точное и удобопонятное изложеніе всѣхъ необходимыхъ для себя свѣдѣній; а тотъ, кто не удовлетворится краткимъ содержаніемъ курса, долженъ во всѣхъ частяхъ его встрѣтить указанія на дальнѣйшія высшія части наукъ, которыя, по объему и назначенію курса, не могли войти въ составъ его.

«Курсъ этотъ, заключающій все необходимое и полезное для морскаго офицера, никакъ не долженъ вводить и оставлять учащагося въ самомъ вредномъ заблужденіи: «будто тутъ собрано все, что должно и можно знать и что уже болѣе продолжать нечего и не зачѣмъ.» Въ самыхъ руководствахъ воспитаннику должно объяснить, что одностороннія знанія, которыя онъ приобрѣтаетъ въ этомъ курсѣ, составляютъ самую малую часть знаній челоука, и что это не крайній предѣлъ ученія, а только основаніе къ дальнѣйшему усовершенствованію самого себя.

«Курсъ долженъ представлять одно полное, святое цѣлое, и всѣ руководства,

его составляющія, должны быть расположены въ строгомъ систематическомъ порядкѣ и тѣсной связи между собою. При изложеніи каждаго руководства необходимо искусно соединить частныя требованія науки съ общимъ направленіемъ и цѣлостію курса. Всѣ морскія науки, какъ напримѣръ: навигація, морская съемка, корабельная архитектура, морскіяevolшіи, тактика и практика, входящія въ составъ курса, излагаются во всей обширности и болѣе въ практическомъ направленіи. Математическія науки излагаются только такой полнотѣ, какой требуютъ морскія науки, на нихъ основанныя. Въ другихъ предметахъ, сколько нибудь сопряженныхъ морскому дѣлу, какъ напримѣръ, въ теоретической и практической механикѣ, физикѣ и проч. развиваются въ болѣе обширности тѣ части, которыя имѣютъ связь съ морскими науками; все остальное должно сообщать учащемуся, хотя въ сжатомъ объемѣ, но ясно и довольно полное понятіе о предметѣ.

«Въ изложеніи наукъ, придерживаясь, какъ выше сказано, болѣе практическому направленію, должно развернуть и теоретическую часть до такой степени, чтобы воспитанникъ одаренный быстротою способностями нашелъ достаточную пищу для своего ума.

«Каждое изъ руководствъ, въ особенности высшихъ наукъ не должно быть вовсе лишено той занимательности, которая допускается въ сочиненіяхъ такого рода. Допускаясь, не начиная прямо съ якими опредѣленіями, долженъ въ простыхъ и общепонятныхъ выраженіяхъ объяснить необходимость науки, предметъ и цѣль ея, и потомъ уже приступить къ самому изложенію, приспособляя его къ возрасту и понятіямъ учащихся. При составленіи руководствъ необходимо имѣть въ виду, что кругъ дѣйствія ихъ не долженъ ограничиваться только временемъ ученія воспитанника въ корпусѣ. Составляемый курсъ, если онъ только будетъ написанъ сообразно своему назначенію, для всякаго воспитанника, кончившаго его, долженъ послужить прочнымъ основаніемъ къ дальнѣйшему усовершенствованію; а по выйдѣ воспитанника на дѣйствительную службу, долженъ быть сирочною книгою, въ которой молодой офицеръ найдетъ рѣшенія всѣхъ недоразумѣній, встрѣчающихся ему въ практикѣ.»

Желательно, чтобы вновь-составляемые руководства вполне соответствовали плану инструкцій: тогда только воспитанник убѣдится, что въ руководствах *собрано все, что должно и можно знать, и что уже больше продолжаться нечего и незачемъ.*

Въ предисловіи къ «Ариметикѣ», авторъ говорить, что онъ представилъ способъ разрѣшенія всѣхъ ариметическихкихъ задачъ *исключительно* помощью четырехъ ариметическихкихъ дѣйствій, и ограничился изложеніемъ только тѣхъ вопросовъ, которые составляютъ существенное содержаніе ариметики: все же остальное, неизмѣющее прямой связи съ нею, г. А. Зеленой отосылаетъ къ алгебрѣ, гдѣ большая часть математическихкихъ истинъ можетъ быть изложена общиѣе и удобопонятнѣе.

Особенно хорошо изложены въ книгѣ г. А. Зеленаго дроби простые и десятичныя. Авторъ выводитъ понятіе о простыхъ дробяхъ изъ дѣленія цѣлыхъ чиселъ и объясняетъ названіе и различныя величины дробей чертежами, чего мы не встрѣчали ни въ одной ариметикѣ. Такой приемъ много облегчаетъ учащихся. Понятіе о десятичныхъ дробяхъ выводится изъ простыхъ дробей слѣдующимъ образомъ:

«Въ предмыслемъ отдѣленіи (т. е. въ отдѣленіи простыхъ дробей) мы видѣли, что дроби могутъ имѣть всевозможныхъ знаменателей; здѣсь же будемъ разсматривать особенный видъ дробей, которыхъ знаменатель есть число 10 или число въ десять, во сто, въ тысячу и проч. разъ болѣе 10, и потому такія дроби называются *десятичными дробями*. Они могутъ быть написаны безъ знаменателей, т. е. въ видѣ цѣлыхъ.»

Далѣе, авторъ предлагаетъ численныя примѣры десятичныхъ дробей и потомъ замѣчаетъ, что:

«...Различныя части десятичныхъ дробей одніи другихъ въ 10 разъ болѣе или менше, точно такимъ образомъ, какъ мы видѣли при счисленіи цѣлыхъ чиселъ, гдѣ единицы каждаго разряда въ 10 разъ болѣе или менше, стоящихъ по правую

или по лѣвую сторону. И потому на этомъ основаніи можно десятичныя дроби изображать въ видѣ цѣлыхъ чиселъ.»

Такимъ-образомъ, воспитанникъ, получившій уже ясное понятіе о простыхъ дробяхъ, весьма-легко узнаетъ характеръ десятичныхъ дробей; сверхъ того, онъ ясно видитъ причину, почему десятичныя дроби можно изображать въ видѣ цѣлыхъ чиселъ. Всякое новое положеніе строго доказано въ «Ариметикѣ», такъ-что учащемуся не *прійдется безсознательно отвѣтить тому, что написано въ книгѣ.*

Замѣтимъ мимоходомъ, что десятичныя дроби почти ни въ одной изъ существующихъ ариметикъ не изложены удовлетворительно; между-тѣмъ, это составляетъ едва-ли не самую трудную статью для учащихся.

Глава «О квадратахъ и кубахъ и объ ихъ корняхъ» весьма-кратка. Авторъ, показавъ происхожденіе квадрата и куба какаго-либо числа, предоставляетъ алгебрѣ рѣшеніе задачъ, относящихся къ извлеченію корней.

Въ этомъ отношеніи, мы вполне согласны съ мнѣніемъ г. А. Зеленаго, потому-что задачи такого рода гораздо-легче рѣшаются алгебраическимъ способомъ, нежели ариметическимъ. Учащемуся (предполагая въ немъ знаніе алгебраическаго умноженія) ничего не значитъ рѣшить задачу такого вида $(a+b)^2$. между-тѣмъ, какъ онъ затруднится въ рѣшеніи, если въ выраженіи $(a+b)^2$, вмѣсто a и b , поставить численныя величины. Авторы новѣйшихъ руководствъ къ ариметикѣ помѣщали въ своихъ сочиненіяхъ происхожденіе квадратовъ и кубовъ чиселъ и извлеченіе корней, слѣдуя весьма-странному предразсудку, будто-бы все, что можетъ быть рѣшено ариметическимъ приемомъ, должно непременно разсматриваться въ ариметикѣ. По нашему мнѣнію, для рѣшенія задачи тотъ приемъ лучший, который вѣрнѣе и скорѣе ведетъ къ цѣли, — все равно будетъ ли то приемъ ариметическій или алгебраическій.

Пропорціи арифметическая и геометрическая, также тройныя правила объяснены весьма-удовлетворительно, хотя и кратко. Большая часть вопросов, относимых обыкновенно къ пропорціямъ и тройному правилу, гораздо легче рѣшаются уравненіями, а потому приличнѣе ихъ разсматривать въ алгебрѣ. Что же касается до примѣровъ, помѣщенныхъ при тройныхъ правилахъ въ книгѣ г. Зеленаго, то они служатъ только для того, чтобы показать возможность рѣшенія такого рода задачъ посредствомъ арифметическихъ приемовъ.

Но въ «Арифметикѣ» г. А. Зеленаго всего важнѣе болѣе 700 задачъ, по большей части относящихся къ морскому дѣлу, и потому весьма-полезныхъ для воспитанниковъ Морскаго Корпуса. Вотъ одинъ изъ примѣровъ:

«При поднятіи адмиральскаго флага салютуютъ ему всѣ суда, стоящія на рейдѣ, по 11 выстрѣловъ съ каждаго судна. Слѣдуетъ, что стоитъ салютъ адмиральскому флагу изъ золота, состоящаго изъ 3-хъ трехъ-дечныхъ кораблей, 24-хъ двухъ-дечныхъ кораблей, 18 фрегатовъ, 6 бригговъ и 10 парусовъ, и вооруженнаго одно-калиберною артиллеріею; салютуютъ обыкновенно изъ орудій верхней батареи, гдѣ въ каждую пушку трехъ-дечныхъ кораблей кладутъ зарядъ въ 6 фунтовъ пороха, на двухъ-дечныхъ корабляхъ въ каждую пушку 9 фунтовъ и фрегатахъ въ каждую пушку по 8 фунтовъ, на бриггахъ и парусовъ въ каждое орудіе по 2 фунта. Пулъ пороха стоятъ 10 руб. 56 копѣекъ.»

(Рѣшеніе: 1190 рублей 64 копѣйки).

Передѣлавъ большую часть задачъ, ученикъ познакомится съ морскими техническими терминами, узнаетъ размѣреніе такелажа и рангоута, число судовъ, приходящихъ въ русскіе порты, и проч. Сверхъ-того, въ «Арифметикѣ» г. А. Зеленаго много примѣровъ, приспособленныхъ къ хронологіи, исторіи военныхъ дѣйствій, физикѣ, механикѣ, и проч. Въ концѣ книги приложены таблицы путевыхъ и линейныхъ мѣръ; мѣръ ёмкости жидкихъ

тѣлъ, сравнительной цѣнности иностранныхъ монетъ съ нашими, и проч.

28) Робинзонъ Крузе. *Романъ для дѣтей. Сочиненіе Кампе. Переводъ съ немецкаго В. Межевича. Изданіе второе. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 8-ю д. л. XII, 224 и 248 стр.*

29) Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей. Сочиненіе Александры Никимовой. Изданіе третье, исправленное и пополненное. Въ 3 частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 379, 369 и 425 стр.

30) Альманахъ для двѣнадцати и втораго возраста. Передѣлавъ съ французскаго П. В—ншъ. съ 12-ю картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Р. Жуканова. 1847. Въ 16-ю д. л. VIII и 143 стр.

31) Мысли и Повѣсти, посвященныя юношеству. Сочиненіе М. Корсакова. Санктпетербургъ. Въ тип. III Оуболенія. Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1846. Въ 8-ю д. л. 325 стр.

32) Русская Азбука для дѣтей, составленная С. Съ тремя полными глазами и 176 буквами, наклеенными на толстую бумагу въ коробочкѣ изъ такой папки. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 16-ю д. л. V и 61 стр.

33) Дѣтская Корзиночка. Разцвѣтныя сцены (?) изъ жизни маленькихъ малютокъ. Съ 12-ю иллюминированными картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1847. Въ 32-ю д. л. 162 стр.

Рождественскій сочельникъ и еженедѣльная суббота, конечно, отличаются красивыми чернилами или вытѣсанными виньетками въ дневникахъ воспитателей дѣтскихъ книжекъ. Иготовивъ подарокъ милымъ дѣтямъ для нихъ или свѣтлаго праздника, можно и

мириться съ жизнью, забыть всё горе-сти и лишения, начиная от непріятностей по службѣ до тяжелаго одиночества преклонныхъ лѣтъ. Столько улыбокъ, милыхъ ласокъ, восторговъ, игривой бѣготни, хлопанья безкорыстными ручонками надѣлать на свѣтъ!.. Все, что только есть на землѣ самаго чистаго, самаго невиннаго — все это живаетъ вами, пронзаетъ ваше имя, няньчитъ вашу книжку почти цѣлый день!.. Ваше сочиненіе чуть не ѣдятъ вѣстѣ съ конфетками, пряниками и красными яйцами...

Но, увы! Проходить правдники, и вѣстѣ съ ними кончаются успѣхи дѣтскихъ книжекъ въ малолѣтней публикѣ. Родители или наставники, отъискивая поучительное сочиненіе гдѣ-нибудь подъ куклой или будничной курткой, — подъ страхомъ наказанія обязуютъ невинныхъ малютокъ приступить къ чтенію и изученію его, и тутъ-то на мѣсто улыбокъ и чествованій, явлются кислыя гримаски и всякія поношенія...

Такова участь большей части дѣтскихъ книжекъ; но здѣсь, какъ и вездѣ, къ-счастью, есть исключенія, и исключеніе самое утѣшительное, болѣе другихъ -вызывающее на размышленіе — это Робинзонъ Крузе.

Фактъ, буквально безпримѣрный въ лѣтописяхъ литературы: сочиненіе, написанное почти полтора столѣтія назадъ, до-сихъ-поръ занимаетъ первое мѣсто въ дѣтской библіотекѣ! Правда, Давидъ Фое писалъ «Робинзона» не для дѣтей, но его скоро переделали для этой цѣли, и уже Жанъ-Лизі Руссо говорилъ: «эта книга будетъ первая, которую прочтеть мой дитя»; долгое время въ ней будетъ заключаться вся его библіотека, и на всегда въ его библіотекѣ она займетъ важное мѣсто. Руссо не ошибся: каждый воспитатель и въ наше время потеритъ же отзывъ о «Робинзонѣ».

Въ чемъ же секретъ такой живучести совершенно-простаго вымысла, этого незатѣйливаго разсказа о приключеніяхъ человѣка, выброшеннаго бурей

на необитаемый островъ и принужденнаго удовлетворять единственно своими силами самыми первыми физическими потребностями?..

Эфемерность *производительныхъ* дѣтскихъ книжекъ ясно доказываетъ, что тайна этой живучести заключается не въ моральныхъ лоскуткахъ, вклеенныхъ въ вѣковой книжкѣ безъ всякой необходимости и часто совсѣмъ-некстати. Напротивъ, при каждой новой передѣлкѣ «Робинзона», онъ болѣе и болѣе очищается отъ этихъ лоскутковъ. Мы даже думаемъ, что, отбросивъ ихъ совершенно, онъ сдѣлался бы еще привлекательнѣе, еще полезнѣе...

— Какъ? что такое? что вы сказали? — заговоритъ всякая маменька, рѣшившая сдѣлать изъ своего ребенка «прекраснаго человѣка»: — не думаете ли вы, что дѣтямъ не надо внушать съ равныхъ дѣтъ, какими они должны быть, когда выйдутъ на свою волю?...

Мы именно такъ думаемъ, и вотъ почему: ребенокъ, какъ бы остеръ и понятливъ ни былъ, не можетъ усвоить себѣ нравственнаго правила до-тѣхъ-поръ, пока не разгадаетъ собственнымъ опытомъ многосложнаго устройства той общественной жизни, въ которой понадобится ему эти правила; только въ этой средѣ, только на дѣлѣ можетъ онъ ихъ постигнуть, и постигаетъ быстро и ясно, если въ дѣтствѣ приучили умъ его работать быстро и правильно и не засаривали головы его разными будто-бы полезными мыслями, въ которыхъ часто нѣ совсѣмъ убѣжденъ и тотъ, кто ихъ предлагаетъ устно или печатно. Мало того, самое лучшее *внушенное*, т. е. заученное, но неосознанное, нравственное правило становится сущимъ зломъ для человѣка, когда умъ его начнетъ работать свободно и потребуетъ отчета въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи души. А такая пора, такой *внутренній декартовскій періодъ* былъ у каждаго изъ насъ, и бываетъ рано или поздно въ жизни каждаго человѣка.

Въ этотъ періодъ сомнѣній во всемъ, что вошло въ воспримчивую голову ре-

бенка незаконнымъ путемъ внушенія, рѣшается нравственная участь человека. Гордый, благородно-самонадѣянный умъ юноши становится лицомъ-в-лицу съ своимъ прошедшимъ, и невозможно уже выѣшаться въ эту борьбу ни маменькѣ, ни наставнику. Выходитъ побѣдителемъ только тотъ, чей умъ заранѣе былъ приготовленъ къ этой битвѣ строго-логическимъ воспитаніемъ, приученъ видѣть вещи такъ, какъ онѣ суть, а не какъ бы должны быть по системѣ педагога, — однимъ словомъ, чей умъ развивали въ дѣтствѣ, а не целенаправленными нравственными правилами.

Развить способности, приучить умъ дѣйствовать быстро, ловко, свободно — вотъ единственная цѣль воспитанія, и съ этой-то цѣлью вполне сообразенъ «Робинзонъ Крузе».

Основная идея его есть анализъ самыхъ простыхъ, самыхъ удобопонятныхъ для дѣтей потребностей человека. Ребенокъ, читая его, невольно задумывается о предметахъ самыхъ близкихъ, самыхъ знакомыхъ, открываетъ какъ-бы новый міръ вокругъ себя и такимъ-образомъ приучается думать обо всемъ насущномъ, приучается жить и мыслить въ одно время. Другой работы для молодого ума, болѣе-легкой и, слѣдовательно, болѣе-пріятной, не придумаетъ никакой затѣйникъ.

Что касается собственно до втораго изданія «Робинзона», переведеннаго г. В. Межевичемъ съ нѣмецкой передѣлки почтеннаго дѣтскаго писателя Югана Кампе, то его можно хвалить, покупать и дарить дѣтямъ во всякое время года только для того, чтобъ переводчикъ могъ скорѣе приступить къ третьему изданію, въ которомъ картинки, вѣроятно, будутъ лучше, а правочувствіе — можетъ-быть, совѣтъ не будетъ!

«Исторія Россіи въ разказахъ для дѣтей» также выходитъ изъ круга элементарныхъ дѣтскихъ книжекъ. Конечно, занимать дѣтей историческими событіями, фактами общественной жизни — не значитъ говорить съ ними о предметахъ, доступныхъ ихъ раз-

умѣнію. Но г-жа Ишимова владеетъ особымъ искусствомъ изводить историческія событія на степень явнѣй, близкихъ младенческому уму, и облекать разказъ объ этихъ событіяхъ въ формы самыя обольстительныя для дѣтскаго воображенія. Популярность и граціозность ея пера истинно-неподражаемы...

На-примѣръ, какъ бы разказали вы ребенку первый періодъ русской исторіи, какъ бы разказали вы ему что-нибудь о характерѣ Славянъ? Они были такъ честны, что въ общаніяхъ своихъ, вмѣсто клятвъ, говорили только: *если я не сдержу моего слова, то да будетъ мнѣ стыдно*. Скажете вы: Но вѣдь ребенокъ не пойметъ этого, потому-что не испыталъ на дѣлѣ важности общанія. Дайте же ему книгу г-жи Ишимова, и онъ прочтетъ съ удовольствіемъ двѣ страницы о характерѣ Славянъ, видя, что на третьей страницѣ идутъ стихи; а прочтетъ стихи — и познакомится съ *Письмою надъ гробомъ Славянь-Побѣдителей*, Жуковскаго. И такой отрывокъ не одинъ; въ «Исторіи Россіи» г-жа Ишимова помѣстила всѣ лучшія патріотическія мѣста изъ стихотвореній Жуковскаго, Языкова, Батюшкова и другихъ русскихъ писателей.

А вотъ, на-примѣръ, какъ начинается она разказъ о междоцарствіи:

«Такъ называется въ исторіи нашей это несчастное время, когда Русскіе не имѣли государя, но всей справедливости называемаго *отцемъ народа*, и потому испытывали всю горестъ сиротства и беззащитности! Только тѣ изъ насъ, милые читатели мои, которыхъ зовутъ *сиротками*, и которыхъ некому ни приласкать, ни защитить, ни остановить отъ дурныхъ поступковъ, ни похвалить за добрые, могутъ имѣть нѣкоторое понятіе о томъ, что чувствовали предки наши во время междоцарствія. Оно продолжалось три года и заключало въ себѣ столько бѣдствій, что я не знаю съ чего начать разказъ мой!»

Объяснить дѣтямъ необходимость власти въ обществѣ, рѣшить для нихъ основной вопросъ государственнаго

права—вотъ какая задача предстала сочинительницѣ, и вы видите, какъ неподражаемо исполнила она ее при помощи искусства сближенія общественной жизни съ частною. — Мило, мило, тысячу разъ мило!!!

Одна мысль щемить намъ сердце и мѣшаетъ привести еще нѣсколько цитатъ, свидѣтельствующихъ о достоинствахъ «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей»: какъ-то отзовется ребенку истинно-материнскій трудъ г-жи Ишиковой, когда наступитъ для него роковой декабрьскій періодъ? Но до него еще далеко дѣтямъ, и до-тѣхъ-поръ «Исторія Россіи» будетъ прочитана и забыта ими. А она забудется непремѣнно и должна забыться, потому-что въ ней вовсе нѣтъ исторіи; дѣти же, переставъ быть дѣтьми, захотятъ наконецъ узнать когда-нибудь исторію своего отечества, и въ этомъ случаѣ ихъ не удовлетворять уже рововыя «разы»...

Г. В — ий тоже очень хорошій педагогъ. Вотъ что, между прочимъ, находится въ «Альманахѣ для Дѣвицъ»: Анекдотъ изъ жизни Пѣпа. Юліанскій Календарь. Въ руцѣ лѣто. Аннушка астрономъ. Затмѣніе обѣда. Эры и Эпохи. Новыя условія. Знаки зодіака. Два раза подарки въ новый годъ. Чему учить гигиена? Гиджра. Эпакта и т. д.

Васъ гѣрво заинтересовало «Затмѣніе Обѣда»? Дѣйствительно хорошо и поучительно, и дасть ребенку такой шильдъ взглядъ на науку... Но «Затмѣніе Обѣда» никакъ нельзя отдѣлать отъ «Аннушки Астрономъ», и потому предлагаемъ обѣ пьесы.

«На другой день, передъ самымъ обѣдомъ, когда госпожа Вербина кончила свой классъ рисованья съ старшею дочерью, другъ, сѣясь, вѣжала младшая».

Г-жа Вербина. — Кто тебя такъ смѣшилъ? Расскажи намъ, отчего ты такъ весела?

Катя. — Ахъ, это очень смѣшно! вообразите: сей-часъ, войдя въ кухню, я вижу, что мать котъ васька утащилъ рыбку, жарившуюся на сковородѣ.

Г-жа Вербина. — Стало быть Аннушки тамъ не было?

Катя. — Она и была и не была тамъ.

Г-жа Вербина. — Какъ же это?

Катя. — Аннушка была просто на небѣ; углубилась въ астрономію и чертила углемъ пребольшіе круги чередъ плантой.

Г-жа Вербина. — Что-же она хотѣла дѣлать?

Катя. — Она, кажется, хотѣла узнать, отчего бываетъ затмѣніе, — а васька, между тѣмъ, произвелъ рыбе затмѣніе: хорошо еще, что я во-время подоспѣла (?).

Г-жа Вербина. — Ну и ты этому-то смѣялась?

Катя. — Еще бы! это ужасно смѣшно! За обѣдомъ г-жа Вербина побранила Аннушку за ея бесполезныя замѣткі, и сказала ей, что впредь, для изъбжанія безпорядка, она не позволитъ ей присутствовать при вечернемъ разговорѣ...

Во-первыхъ — остро, во-вторыхъ — мило, въ-третьихъ — назидательно.

«Альманахъ для Дѣвицъ» имѣетъ одно неотъемлемое достоинство: характеръ безотчетной чепухи выдержанъ въ немъ съ заглавнаго листка до послѣдней страницы. Попробуйте же уловить основную мысль въ «Мысляхъ и Повѣстяхъ, посвященныхъ Юношеству!» г-жею Корсини!

Обращаясь, въ предисловіи, къ своимъ «юнымъ читателямъ», г-жа Корсини говоритъ: «знаю, что сухое опредѣленіе истины и фактовъ не занимательно для вашихъ юныхъ умовъ, требующихъ во всемъ жизни и ощущеній...» и въ слѣдъ за тѣмъ предлагаетъ юнымъ читателямъ слѣдующіе вопросы: «можете ли вы опредѣлительно сказать, для чего вамъ дана жизнь? для чего у васъ безпредѣльная душа, подобіе Бога? Обращали ли вы когда-нибудь вниманіе на удивительную постепенность, которая царствуетъ во всемъ твореніи Божиемъ?» и т. п.!

Правда, въ отвѣтахъ г-жи Корсини видны истинно-женскія ловкость и гибкость; но эти прекрасныя качества замѣтны только для тѣхъ, кто догадается, какъ бы авторъ отвѣчалъ на свои вопросы не-дѣталь... Юные читатели, напротивъ, взволнуетъ ихъ посвя-

ценныхъ нѣтъ мыслей и проѣтовъ развѣ такой заключеніе: г-жа Корсичи, скажутъ они, должна быть очень-добра и ласлова, только она все говорить про такое...

Что же касается до «Дѣтской Кораночки», то единственная особенность ея состоить въ заглавіи. Были дѣтскіе «альманахи», «подарки», «альбомы», «пафляны», «букеты», «друзья», «прогулки», «зеркала»; но «кораночки», кажется, не бывало! Впрочемъ, содержаніе ея такъ-же пусто, написана она такъ же безграмотно, какъ и другія книжки, возникшія на томъ же основаніи. 12 дитюграфированныхъ картинокъ тоже ничѣмъ не уступаютъ картинкамъ другихъ дѣтскихъ книжекъ и даже имѣютъ предъ всѣми важное преимущество: онѣ выкрашены цѣстрыми красками и непыты какимъ-то лакомъ.

Милыя дѣти, жалкія дѣти! какъ всѣ васъ любятъ, какъ заботятся объ васъ, а между-тѣмъ горькихъ минутъ у васъ гораздо-больше, нежели у всякаго взрослого!.. И догадываетесь ли вы отъ-чего вамъ такъ жутко на свѣтѣ? Отъ-того, что вы не большіе; отъ-того, что вы не понимаете, чего хотите отъ васъ большіе, непонимающіе чего вамъ надо. Видѣсто того, чтобъ *особимъ* вамъ жить и развиваться собственной живнію, всѣ васъ хотятъ сдѣлать что-нибудь по вкусу извѣстнаго взрослого человѣка, приправить, вафаршировать какъ жаренаго рыбчика. Природа ваша противится этому обезличенію; вамъ больно, когда васъ ведутъ за уши, ставить на колѣни или сажаютъ въ такое мѣсто, гдѣ ничего не увидишь? И все это *за бесполезныя занятія, для избѣжанія беспорядка; однимъ словомъ, для вашей же пользы!*...

Ну, полноте, полноте, уймнитесь, ребята! Все заживетъ! А пока читайте «Робинсона Крузо»; если же еще не увидите вы читать, то вѣтъ вамъ и «Азбука, составленная господиномъ С.». Въ ней нѣтъ ничего особеннаго, но выучитесь читать по ней можно.

34) Дѣпта. Москва. 1846. Въ тѣх. А. Семена. Въ 8-ю д. л. 70 стр.

Подъ этимъ именемъ издава, въ пользу церковной алтайской миссіи, небольшая книжка стихотвореній на священные предметы, на-примѣръ: «Пѣсьнъ Богородицы», «Пѣсь на Рождество Христово», «Названіи», «Пѣсьнъ о Преображеніи Іисуса Христа», и проч., и проч. Стихи нѣскрѣплены указаніями на текстъ, доказывающими непреложную истинность поэтическихъ произведеній автора. Эта непреложность, видѣтъ съ благотворительною цѣлью издава, освобождаетъ насъ отъ всякаго отчета и разбора.

35) И Русское Сираде и Книзь. Были изъ асианъ на святой Руси. Соч. Н. Храмцовскаго. Москва. Въ тѣх. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. 182 стр.

Кто жъ въ этомъ когда-нибудь сомнѣвался? Еще не было на свѣтѣ такого челоуѣка, который бы рѣшился простереть свое сомнѣніе до подобнаго слова: «Знаете ли, братцы, что я вамъ скажу? вѣдь русское-то сердце камень!» И такъ, доказывать то, что не требуется ни малѣйшаго доказательства, да еще доказывать повѣстями, въ которыхъ нѣтъ ни вымысла, ни слога—воля ваша, не годится. Конечно, у кого много свободнаго времени, тотъ можетъ употребить его на рассказъ о томъ, какъ ямщикъ влюбился въ крестьянскую дѣвицу, и отсюда вынести заключеніе, что у русскихъ ямщиковъ и русскихъ крестьянокъ сердце не камень; но всѣ этого ничего новаго не выведетъ. До насъ это дѣло рѣшительно не касается...

36) Замѣчанія о Дондовъ. Описокъ изъ путешествія по Европѣ, части Азии и Африки. К. Пауловнча. Харьковъ. 1846. Въ университетской тѣх. Въ 8-ю д. л. XIII, 529 и XVI стр.

Странное ощущеніе производитъ на васъ чтеніе книги г. Пауловнча: вамъ кажется, что вы читаете донесеніе какого-нибудь русскаго посланца на

зависки русскаго челоѣка XVII столѣтія о нѣмецкихъ земляхъ, тогда еще неоткрытыхъ для русскаго люда гениемъ Петра-Великаго: то же дѣтское удивленіе челоѣка, увидѣвшаго въ первый разъ страну, какъ-будто только-что открытую; тотъ же тонъ разсказа, сухой, скучный, неоживленный; даже почти тѣ же понятія в сужденіи о вещахъ. А между-тѣмъ, г. Пауловичъ совершилъ свое странствованіе въ столицу Англіи въ сороковыхъ годахъ XIX столѣтія. Отъ-чего же такая запоздалость во взглядѣ и несвѣжесть «Замѣчаній о Лондонѣ» г. Пауловича? Ужь точно ли авторъ совершилъ свое странствованіе въ столь близкое къ намъ время? — Да, фивически, такъ-сказать, матеріально, но не морально. Такъ-то оправдывается истина, что польза сравнительнаго наблюденія различныхъ странъ всегда находится въ зависимости, кромѣ степени образованія, отъ живости впечатлѣній, и слѣдовательно, отъ лѣтъ. Г. Пауловичъ, видимо, предпринялъ путешествіе въ тѣ лѣта, когда челоѣку трудно бываетъ отдѣлаться отъ приросшихъ крѣпко понятій и взгляда на вещи, и восприимчивость чувствъ и ума потеряна; отъ-того и любознательность его, — единственная цѣль его странствованія, какъ видно изъ предисловія, — была такъ бесплодна въ видахъ.

Какъ огромная выписка изъ «путеводителей», книга г-на Пауловича представляетъ, на 35 печатныхъ листахъ, богатый запасъ топографическихъ и статистическихъ свѣдѣній о столицѣ Великобританіи; что же касается до наблюдательности г. путешественника, то въ этомъ отношеніи «Замѣчанія о Лондонѣ», чрезвычайно-склонны съ «Годомъ за Границею» другаго извѣстнаго путешественника, г. Погодина, хотя и есть немногія между ними различія. Такъ, на-примѣръ, книга г. Погодина отличается, какъ извѣстно, своимъ лаконизмомъ, тацитовскою сжатостію слога, необыкновенною меткостью замѣчаній, па-

триотизмомъ, непримиримою враждою къ дороговизнѣ предметовъ: «Замѣчанія о Лондонѣ» г. Пауловича — широкорасширеніемъ и многоглаголаніемъ, искусствомъ рассуждать о предметахъ, необысныхъ, какъ видно, для него никогда доступными; г. Погодинъ наблюдалъ Лондонъ въ-продолженіе пяти дней, г. Пауловичъ въ-продолженіе пяти мѣсяцевъ; г. Погодинъ говоритъ на-примѣръ: «Да, въ одномъ Лондонѣ содержится на общественномъ иждивеніи 120,000 челоѣкъ, да мірскимъ подаваніемъ около 20,000. Воля ваша, Каннинги и Брумы, Руссоли и Пили, а что-нибудь да не такъ у васъ, и чего-нибудь да не видите вы!» — Г. Пауловичъ говоритъ (стр. 76):

«Англія считается сильною и богатою державою. Такъ точно; но засыпьте цѣналь ея, или обложите оный долговременною непреодолимою блокадою, что Наполеонъ готовился было сдѣлать, и тогда увидимъ долговѣчность силы ея. Отнимите у нея Восточную и Западную Индіи, которыя не составляютъ государства Англіи, а только принадлежатъ къ оной, и увидимъ, какъ долго Англія останется богатою. Что была Великобританія въ недавно-прошедшемъ времени, да и теперь отчасти есть, что подъяло Англію на высшую степень могущества, и что должно ожидать и думать о настоящемъ уже наклоненномъ состояніи ея? Это указываетъ намъ нынѣшнее положеніе посланниковъ Англіи при многихъ иностранныхъ дворахъ, и уменьшающее уже протязъ прошедшаго времени вліяніе Англіи на многія государства, и проч., и проч.»

37) Скоросчетчикъ или Умножитель Арифметика. Соч. Александра Розе. Санктпетербургъ. Въ тип. Жернакова. 1846. Въ 32-ю д. л. 16 стр.

Въ предисловіи авторъ говоритъ:

«При первомъ взглядѣ, легко убѣдиться въ превосходствѣ метода называемой Скоросчетчикъ. Она чрезвычайно способствуетъ къ развитію умственныхъ способностей, беретъ много время (т. е. вре-

мени) и т. д... Съ помощью Скоросчетчика, достаточно несколько минут (?), чтоб научить всякаго ребенка дѣлать сложение, вычитание, умножение и дѣленіе (,) чтобъ доказать всю несложность десятичнаго счисленія, дробей, дисконтныхъ и процентныхъ правилъ.

Въ несколько минутъ выучить ребенка арифметикѣ!.. Легко сказать! И притомъ такъ выучить, что незнавшіе утромъ таблицы умноженія, вечеромъ будутъ учить вселеня, и—чего добраго, извлекать кубическіе корни! И всего этого достигаютъ помощью таблички, умноженной цифрами и напоминающей времена нарѣзыванія бироукъ, замѣвшихъ торговыйя книги!

Чтобъ судить о пользѣ такой таблички при вычисленіяхъ, достаточно сказать, что по ней неудобно получить прямо произведеніе $12+15$, а надобно разложить 15 на два слагаемыхъ 7 и 8, помножить каждое изъ нихъ на 8, и полученное такимъ-образомъ произведеніе сложить. Вотъ каковъ способъ, устраняющій бездну трудностей, сберегающій много времени и способствующій развитію умственныхъ способностей!

38) Скаловувъ и Перисмъшникъ. *Собраніе веселыхъ разсказовъ, сатирическихъ очерковъ изъ петербургской жизни, повѣстей и анекдотовъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8-ю д. л. 254 стр.*

Собраніе анекдотовъ, веселыхъ разсказовъ, пренеполненныхъ остроумными, ѣдкими сатирическими намѣками на-счетъ весьма-тонкихъ и щекотливыхъ предметовъ, притомъ такого свойства, что въ нихъ смѣшныя люди оказываются одураченными, злые насмѣшники явное осмѣянными, хорошенкія женщины торжествуютъ, любовники преуспѣваютъ въ своихъ подвигахъ, вѣрныя жены въ случаѣ надобности блистаютъ добродѣтелью и невинностью, а авторъ умываетъ руки въ недостаткахъ своего произведенія, напередъ объявляя, что если,—отъ чего

Боже сохрани.—книжка не понравится читателямъ, то онъ въ этомъ не виноватъ, что такое обстоятельство случилось единственно потому, что имъ не поздоровилось, что они разстроили желудокъ, что имъ кто-нибудь предарительно досадилъ, или что у нихъ денегъ нѣтъ, — а что книжка сама-по-себѣ хоть-куда — нова, остроумна, разнообразна, а содержаніе ея занимательно изъ иностранныхъ журналовъ, которые, какъ мѣшество, читаются съ жаждностью, выписываются въ значительномъ числѣ экземпляровъ и приносятъ издателямъ порядную выгоду.

Въ концѣ книжки, между прочимъ, приложены: *полезныя совѣты любезному*. Выписываемъ полезнѣйшіе:

« Не цѣлуй жену при постороннихъ.
 « Трусъ никогда не долженъ жениться.
 « Не цѣлуй жену, когда она не хочетъ съ тобою любезничать, въ противномъ случаѣ она будетъ считать тебя дуракомъ.
 « Въ ссорѣ, оспаривай жену умно, не смѣйся надъ нею, — въ противномъ случаѣ она отплатитъ тебѣ сторицею за это неуваженіе.»

39) Анемподистъ Акипсиновичъ Чкстоновъ. *Допотопная (?) пошехонская повѣсть Демокрита Терпиновича Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 70 стр.*

Въ этой пошехонской повѣсти, г. Демокритъ Терпиновичъ начерталъ для назиданія читателей идеалъ честнаго челоуѣка съ допотопною мыслию, что добродѣтель не остается безъ награды. Пошехонцы изъ этой мысли могутъ вывести такое заключеніе, что награда-то и есть цѣль добродѣтели.

40) Ханскій Чай. *Сельскій водовиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Е. Алшановъ. Изданіе третіе (!!!). Санктпетербургъ. 1846. Въ 16-ю д. л. 98 стр.*

Г. Е. Алшановъ призывается, что онъ произвелъ водовиль «не спросивъ съ головою», и объясняетъ, что, дескать, такъ-и-такъ, «вѣсъ желали набавлять», не вознищито, «чѣмъ богаты, тѣмъ и рады!»

Пу что же! пусть бы забавлял г. Алипановъ третьимъ изданіемъ своего водевиля тѣхъ, кто забавлялся первымъ и вторымъ; намъ какое дѣло называться людямъ, которые живутъ прищѣвочу, не спрося съ головою?.. Пусть ихъ: мы бы по поводу такого разгула веселаго молодца не задали даже себѣ самаго простаго вопроса: что бы пропавель г. Е. Алипановъ, еслибъ посоветовался съ своею головою?.. Но въ томъ-то и бѣда, что авторъ «Ханскаго Чаю» страшный забавникъ: шагу не ступитъ безъ шутки. Сочиненіе свое онъ назвалъ водевилемъ изъ шутки, и что за тонкая шутка! Представьте себѣ: г. Алипановъ доказалъ своимъ водевилемъ цѣлому свѣту, и доказалъ неоспоримо, нравственно политико-экономическую истину!

• Некоторые просвѣщенные люди замѣчаютъ, подслушалъ гдѣ-то г. Алипановъ, «что лучше крестьянамъ пить чай, нежели вино. Неоспоримая истина!» восклицаетъ онъ же г. Алипановъ. «Но перестаютъ ли тѣ крестьяне пить вино, которые пьютъ чай?» вопрошаетъ тотъ же самый г. Алипановъ и отвѣчаетъ непосредственно третьимъ изданіемъ водевиля «Ханскій Чай», въ которомъ и безъ того совѣтъ-скверный крестьянинъ Иванъ Чаевъ пристрастіемъ къ чаю кругомъ опозорилъ себя предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Кто жъ теперь усомнится, что вино никогда не можетъ принести крестьянину столько вреда, сколько чай, преимущественно ханскій?..

И вотъ что значитъ побесѣдовать съ умнымъ, но забавнымъ человекомъ; теперь и мы въ состояніи пошутить на-нашоръ г. Алипанова, и говоримъ: «Некоторые просвѣщенные люди замѣчаютъ, что лучше совѣтъ не искать ниши водевиляста, нежели кругомъ компрометтировать себя на плохомъ водевилѣ. Неоспоримая истина? Но перестаютъ ли писать водевили однажды скомпрометтировавшіеся на плохомъ водевилѣ? Увы! не перестаютъ.

Т. Е. — Ота. VI.

41) Воспоминанія Ѳаддея Булгарина. *Отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго въ жизни. Часть третія. Изданіе М. Д. Олькина. Санкт-петербургъ. 1847. Въ тип. Эд. Праца. Въ 8 ю д. л. 413 стр.*

Чтобъ судить о занимательности чьихъ бы то ни было мемуаровъ, надо быть прежде всего убѣждену, что авторъ дѣйствительно видѣлъ, слышалъ и испыталъ все, что описываетъ. Если вы вѣрите сочинителю, книга его для васъ можетъ быть любопытною; если жъ не вѣрите, то и не заглядывайте въ нее: вамъ она не принесетъ ничего, кромѣ досады. Что касается до насъ, мы остановлены въ своемъ сужденіи о «Воспоминаніяхъ Ѳаддея Булгарина» не только извѣстными публикѣ обстоятельствами, но и сознаніемъ самого автора въ недѣйствительности всего, о чемъ рассказываетъ онъ, какъ о *слышанномъ, видѣнномъ и испытанномъ*. Предисловіе къ третьей части «Воспоминаній» начинается такъ:

«Николай Ивановичъ Гречъ, излагая свое мнѣніе о первыхъ двухъ частяхъ моихъ Воспоминаній (см. Съверную Пчелу 1846 г. № 147-й), назвалъ разсказъ мой и провиизадцію. *Это сама малъ вѣрнал характеристика моихъ Воспоминаній.*»

Авторитетъ г. Греча въ званіи языковъ такъ силенъ, что мы не допускаемъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ точности названія, даннаго имъ мемуарамъ г. Булгарина.

42) Воспоминаніе. *Изъ записокъ издателя «Русскаго Читенія» Сергѣя Глинка. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1846. Въ 8-ю д. л. 20 стр.*

С. Н. Глинка взялъ эпитафюмъ къ изданной имъ нынѣ брошюркѣ чья-то слѣдующія слова: «Человѣкъ у развалинъ жизни своей въ очахъ современниковъ гаснетъ, какъ потухающій свѣтильникъ». Г. Глиникъ осталось только вспоминать и разбъазывать намъ свои воспоминанія... Даемъ полную вѣру его разсказамъ, ибо вся литературная

1/5

жизнь автора не представляет ни малѣйшаго повода къ сомнѣнью въ ихъ правдивости. Это, вѣдь, не *импровизація*, а повѣсть о томъ, что дѣйствительно видѣлъ и слышалъ достопочтенный авторъ.

Въ недавнихъ нынѣ «Воспоминаніяхъ», С. Н. Глинка говоритъ о Ломоносовѣ, графахъ Орловыхъ и Херасковѣ. Не претендуя выдавать возвращенія свои на жизнь и поэзію—за непогрѣшимыя и внушать, что такъ слѣдуетъ понимать всѣмъ и каждому, онъ разсказываетъ о знакомствѣ своемъ съ Херасковымъ, о томъ, какъ въ 1806 году онъ отвѣтъ къ Хераскову свою трагедію «Сумбегу», посвященную творцу «Россиады»; какъ престарѣлый пѣвецъ Владимира, Іоанна и графа Орлова былъ тронуть такими знаками внимательности и уваженія... Они вѣстѣ занялись чтеніемъ олъ Ломоносова, и Херасковъ показавъ г. Глинкѣ письмо «холмогорскаго поэта», писанное незадолго до его смерти. Изъ письма оказывается, что во время болѣзни Ломоносова императрица Екатерина II прислала ему чрезъ графа Григорія Григорьевича Орлова золотыя часы, чрезъ нѣсколько дней посѣтила его сама съ княгиней Дашковой, а на другой день поручила графу Орлову привести его во дворецъ къ обѣду, говорила ему много лестнаго и поручила графу проводить его домой.

Внимательность великой государыни къ бѣдному, страждущему подданному и академику, конечно, пробудитъ сочувствіе и останется въ памяти современниковъ, можетъ-быть, и непризнающихъ въ Ломоносовѣ поэта.

Энергическія распоряженія графа Гр. Орлова во время моровой язвы въ Москвѣ тоже пробудили воспоминанія С. Н. Глинки; объ этомъ предметѣ сообщилъ онъ кое-что и Хераскову.

Потомъ С. Н. Глинка коснулся чешенскаго боя, воспитанаго Херасковымъ, отвѣстись съ похвалою о мужествѣ графовъ Алексѣя и Федора Орловыхъ, и при этомъ вспомнилъ о графѣ Козловскомъ, погибшемъ во время сра-

женія и пользовавшемся дружбою Хераскова.

Далѣе, авторъ приволитъ письмо графа Козловскаго къ Хераскову.—письмо, отъ котораго такъ и вѣтъ XVIII вѣковъ. Строки эти писаны русскимъ челоукомъ, современникомъ Вольтера, изъ Франціи, изъ самаго Фернея, и писаны со всею свѣжестью и живностью души, благоговѣющей передъ гениальнымъ писателемъ, который только-что пожалъ ему руку:

«Прочитай отвѣтъ Вольтера нашему Сумарокову на письмо его и доставь ему какъ можно скорѣе. Ты знаешь его пылкую нетерпѣливость. За минуту промѣненія онъ грядетъ на меня сатиранъ.

Какъ ярко выступаетъ, въ письмѣ Козловскаго екатерининскій вѣкъ съ его чисто-западными остроуміемъ, злыми, ничего-непадающими сатирами, пробуждающимся скептицизмомъ, геройствомъ и юношеской отвагой! Получивъ письмо отъ графа А. Г. Орлова, который приглашаетъ его въ морскую экспедицію въ Архивелатъ, графъ Козловскій пишетъ въ томъ же письмѣ:

«Въ радости движениіи моего сердца, я сказалъ Вольтеру, что изъ его земли отправляюсь не въ Россію, но къ берегамъ Эллады, куда вскорѣ поплывемъ на шестъ флотъ, для возращенія этой страны въ то, чѣмъ она надѣлала просвѣщенный европейскій міръ. Въ душевномъ порывѣ, Вольтеръ вскочилъ съ огромныхъ креселъ своихъ и вскричалъ: «Въ лицѣ вашей пріятѣстную славу вашего отечества»...

Не менѣе интересно видѣть, какъ историческій скептицизмъ зарождался въ современникахъ Екатерины:

«Въ героическія времена Греціи, вѣстѣ съ знаменитыми Аргонавтами сѣдѣли на трудный подвигъ два брата Кастора и Поллукса... Но *есе это едва ли не смѣлѣе мифологическій*.

Всего же интереснѣе показалося намъ сужденіе самого Хераскова о томъ, вѣчѣмъ онъ такъ долго продолжалъ писать и вдалѣ «Кадма и Гармонію» и «Поллудора», когда уже и «Россиада» и «Владимиръ», но его собственному призванію, *часъ-отъ-часу болѣе упадалъ*:

«Убѣди, что въ этомъ я подражаю Феллоу. Но многе ли теперь помнятъ Феллоу? Я прилежнѣ пишу.»

Не драгоценнѣйшій ли это фактъ для исторіи литературы?

«Нѣкогда у меня въ Очаковѣ (*) были сѣзды, балы и театры; но шумъ напустилъ мнѣ а предался мечтамъ воображенія и издалъ «Бахаріану» и «Пилигрима».

43) ДРАМАТИЧЕСКІЙ АЛЬБОМЪ для любителей театра. Книжка пятая и шестая. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. Въ V-й части 26, въ VI—55 стр.

Безсмыслица либретто вошла въ словоупотребленіе, такъ-что позволено сказать не обмываешь: гдѣ либретто, тамъ и бессмыслица, хотя нельзя сказать наоборотъ: гдѣ бессмыслица, тамъ и либретто. Объемъ первой гораздо-обширнѣе объема втораго. Оно такъ и слѣдуетъ. въ оперѣ главное дѣло пѣніе, которое такъ много говоритъ непосредственно-шуму чувству; какая надобность въ значеніи словъ, никогда-почти недоходящихъ до слуха зрителей? Пусть поютъ что угодно; только пусть поютъ хорошо. Отсюда я извлекаю золотое правило для успѣха бессмысленныхъ произведеній литературы вообще, не одной либреттной: вѣдь отъ-чего мы побрашиваемъ эти произведенія? отъ-того, что принуждены ихъ читать, а при чтеніи тотчасъ открываются недостатки... смысла. Хотите ли, чтобъ они вамъ нравились? начните пѣть ихъ, или, за неимѣніемъ голоса, попросите пропѣть кого-нибудь, хоть самихъ сочинителей. Я думаю, что они согласятся на это безъ малѣйшихъ отговорокъ. Открытіе мое приведетъ ихъ въ восторгъ, и чѣмъ больше я размышляю, тѣмъ больше убѣждаюсь въ его справедливости. Вѣдь есть же драматическія пьесы, написанныя не для представленія; такъ точно есть и книги, написанныя не для чтенія: зачѣмъ же мы ихъ читаемъ? кто виновать?

Въ пятой книжкѣ «Драматическаго Альбома» напечатано либретто... виновать, «бессмыслица», оперы «Пиратъ», переведенная хорошо г. Левинъ; въ шестой—бессмыслица, но не либретто, подъ названіемъ «Двадцати-

лѣтній Опекувъ», комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Мельвила, также переведенная хорошо г. И. Анничковымъ. Переводчики сдѣлали свое дѣло: дурное перевели хорошо; теперь очередь за нами: дурное пропѣть хорошо.

44) ПОВѢСТВОВАНІЕ о Великомъ Князѣ Владимірѣ Первомъ, водворителѣ христіанской вѣры въ русскую землю. Составлено Михайломъ Максимовымъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 12-ю д. л. 69 стр.

Книжка, назначенная для пѣнія. Слышно, что г. Максимовъ при второмъ изданіи приложилъ и ноты на голось:

Баю, баюшки, баю,
Спи, читатель мой, баю.

А читатель, въ знакъ благодарности за оказанную услугу, можетъ продолжать тѣмъ же напѣвомъ:

Полно, полно, перестань,
Угломъ тебя возьми.

45) КУЗНЕЦКІЙ МОСТЪ (въ стихахъ). Соч. Василія Потапова. Москва. Въ тип. Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ. Въ 12-ю д. л. 29 стр.

Г. Потаповъ прямой литературный наслѣдникъ Федота Кузничева, сына природы, который, къ сожалѣнію всей риторической прозы, что-то замолчалъ. Гдѣ онъ? скоро ли достанетъ «изъ-подъ черепа» новое произведеніе торжественнаго пера своего и услужитъ имъ вкусу читателей? Вѣдь всѣ соавнѣя свои хранитъ онъ «подъ черепомъ», какъ самъ публично признавался. Но наслѣдникъ не въ предшественника: у перваго не было ни разочарованія, ни тоски, ни сомнѣнія; онъ свѣтлыми глазами смотрѣлъ на міръ, сознавая свое достоинство и достоинство 125 произведеній, имъ приготовленныхъ. Послѣдняго, напротивъ, мучитъ скептицизмъ, и самый благородный. Онъ въ горести восклицаетъ:

Гдѣ цѣль моей сиротской жизни?
За чѣмъ тружусь я и пишу?

Быть можетъ, для своей отчизны
Я пользы тѣмъ не приношу.

Но это сомнѣніе происходитъ не отъ сознанія своей безталантности, а отъ мысли о неблагоприятной отчизнѣ, которая не умѣетъ признавать талантовъ:

Я знаю, что такое свѣтъ:

(*) Подмосковная деревня Кераскова.

Въ нашъ вѣкъ бѣдьякъ хоть и съ талантомъ,

Но одобренья не найдеть,
А прослыветъ пустынь педантомъ,
Враговъ безъ счету наживетъ;

Въ нашъ вѣкъ талантъ не уважаютъ,
Теперь зла больше, чѣмъ добра,
Въ нашъ вѣкъ иль деньги почитаютъ,
Иль блещетъ гордо мапура...

Мудрецъ обижень дураками,
А долженъ все терпѣть, сносить.

Утѣштесь, скромный поэтъ и мудрецъ! Великіе таланты находятъ себѣ оцѣнку въ потомствѣ: современное общество хвалитъ только недостойное. Не выходите изъ терпѣнія. Берегите примѣръ съ Федота Кузичева, «сына природы». Смотрите, вотъ онъ, съ медалью въ петлицѣ: послѣ журнальной критики, онъ благосклонно является

съ произведеніемъ новымя, которое начинается невпрѣтливо предисловіемъ, и предисловіе невпрѣтливо словами: «Любезный читатель! — Вотъ икъ вадо!.. Но В. Потаповъ не выслетъ нашему читѣту: онъ черными красками изображаетъ бѣлый свѣтъ, не щадя никого, и наконецъ всѣмъ гнѣвомъ своимъ обрушается на Кузнецкіи-Мость... Чѣмъ же виноваты всѣ ходящіе по Кузнецкому-Мосту, если жалкій литераторъ, угнетенный судьбою, долженъ прыгать и сибѣтаться въ то время, когда слеза бѣжитъ изъ его глазъ? (стр. 4). Внимте судьбу, а вы позволте иногда посмѣяться — хоть вотъ теперь, при чтеніи вашихъ стиховъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Передъ новымъ годомъ, по обыкновенію, вышло много дѣтскихъ книжекъ, назначенныхъ и для назиданія и для увеселенія. О тѣхъ, которыя вышли ранѣе, мы упоминали въ Библиографической Хроникѣ; о другихъ поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Но мы можемъ не сказать напередъ нѣсколькихъ словъ о четырехъ замѣчательнѣйшихъ, только-что вышедшихъ изъ печати:

Древняя Исторія для Юношества, съч. Ламѣ Флѣри. Эта книга совершенно переделана противъ перваго изданія и снабжена шестнадцатью гравюрами: — вышли три первыя части, содержащія въ себѣ исторію древнихъ африканскихъ и азіатскихъ народовъ, и исторію Греціи.

Блака, изданная 1-жою Дараганъ, — часть II, содержащая въ себѣ 18 уроковъ постепеннаго чтенія.

Картина Земли для наглядности при преподаваніи Физической Географіи, литографированная на одномъ большомъ листѣ, съ отдѣльнымъ объясненіемъ на трехъ языкахъ, составленная А. Постельсомъ.

Зоологія, составленная А. Постельсомъ, В. Далемъ и А. Сапожниковымъ. Это уже не дѣтская книжка, а начало цѣлаго ученаго труда, приспособлен-

наго къ понятію учащихся. Атласъ, сопровождающій Зоологію (которая сама составляетъ часть «Естественной Исторіи», вошедшей въ составъ Учебныхъ Руководствъ для Военно-Учебныхъ Заведеній), будетъ состоять изъ пятидесяти-двухъ большихъ листовъ, на которыхъ изобразится до семисотъ животныхъ. Теперь вышли уже сорокъ-семь листовъ «Атласа» и первый выпускъ текста (92 страницы въ 8-ю л. д.), содержащій въ себѣ Общее Введеніе въ Естественную Исторію, Азотомію и Физиологію Человѣка и краткое примѣненіе ихъ къ животнымъ. Къ «Атласу» приложены систематическая роспись животныхъ, на четырехъ языкахъ, и изъясненіе изображеній. Самые рисунки сдѣланы отчетливо и даже изящно. Съ текстомъ постараемся ознакомить читателей въ слѣдующей книжкѣ нашего журнала: а между тѣмъ, не можемъ не обратить вниманія воспитателей на это истинно-полезное и прекрасно-выполненное изданіе, въ которомъ данно чувствительное у насъ настоятельная потребность. Цѣна полнаго изданія съ Атласомъ сколько-возможно утѣренная — 8 рублей серебромъ, съ пересылкою 10 р. сер.

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Histoire de la vie et de l'administration de Colbert, par M. Pierre Clément (Исторія жизни и управленія Кольбера, соч. Пьера Клемана.)

Кольбера можно назвать организатором монархіи, его распоряженіями и доктринами управлявшейся до 1789 года; даже послѣ этой эпохи новыя демократическія начала не совершенно выгладили слѣды прежнихъ постановленій. Законы, касающіеся внѣшней торговли, устройства морской силы, системы колониальнаго управленія, почти вся административная практика во Франціи носятъ на себѣ отпечатокъ гениа Кольбера. Въ наше время, когда всѣ партіи требуютъ реформъ, наученіе фактовъ составляетъ первую потребность, и книга г. Клемана выходитъ какъ нельзя больше кстати. Но авторъ ея, не смотря на безпристрастіе, производитъ своимъ сочиненіемъ въ душѣ читателя впечатлѣніе, не вполнѣ благоприятное для министра Людовика XIV. Г. Клеманъ принадлежитъ къ фалангѣ теоретиковъ, требующихъ безусловной свободы торговли; иску-

шеніе показать послѣдствія системы, противоположной его мнѣніямъ, было въ немъ такъ сильно, онъ представилъ самые факты, всю картину кольберова управленія въ такомъ темномъ свѣтѣ, что, прочитавъ книгу, незольно чувствуешь, какъ уменьшены колоссальные размѣры великаго человѣка.

Министровъ прежняго времени нельзя судить на основаніи началъ нынѣшняго государственнаго устройства. Обязанности различныхъ министерствъ опредѣлились только въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Послѣ побѣды королевской власти надъ феодализмомъ, на государственныя инициативы смотрѣли какъ на завоеваніе, изъ котораго должно было извлекать всевозможную пользу. При Генрихѣ II, число статъ-секретарей было ограничено четырьмя, и каждому изъ нихъ вѣрено управленіе не отдѣльною отраслью администраціи, а цѣлою четвертью государства. На каждого въ границахъ его дѣятельности возложены были всѣ разнообразныя обязанности, раздѣленные нынѣ между

многими министерствами. Вскорѣ обнаружившееся замѣшательство навело на мысль раздѣлить не территорію, а дѣла, по ихъ существу, между известнымъ числомъ людей специальныхъ. Но и тутъ въдомства каждаго отдѣльнаго министерства не было строго опредѣлено, и когда государственный человекъ обличалъ въ себѣ разнообразныя дарованія, на него смѣло возлагали самыя разнородныя обязанности. Такъ Сюлли соединялъ въ себѣ обязанности военнаго министра, генерал-контролера финансовъ, министра торговли и земледѣлія. Ришельё и Мазарини были не министрами, въ истинномъ значеніи этого слова, а скорѣе королевскими уполномоченными; власть ихъ, почти-неограниченная, простиралась на всѣ части администраціи. Фуке хотѣлъ продолжать ихъ роль, и это погубило его. Кто будетъ министромъ? спрашивали придворные, когда онъ палъ. Двадцати-трех-лѣтній Лудовикъ XIV объявилъ имъ, что на будущее время онъ самъ хочетъ быть первымъ министромъ королевства.

Такому министру нужны были помощники усердные, неутомимые, которыхъ труды и познанія служили бы опорой заравному уму короля, которые бы исчезали передъ его волею: Аристократическимъ именамъ, считавшимъ въ то время своею исключительной монополіею военныя должности, онъ предпочелъ выходцевъ, едва облагороженныхъ, но сдѣлавшихся послушными орудіями его воли. Кольберъ и по своему происхожденію и по своимъ способностямъ былъ на дороге къ счастью.

О происхожденіи Жана - Ватиста Кольбера возникли въ послѣднее время различныя мнѣнія. Обыкновенно, слѣдуя преданію, полагаютъ, что онъ былъ сыномъ реймсскаго купца. Но недавно потомки его отыскали документы, изъ которыхъ видно, что отецъ, мать и предки Кольбера прибавляли къ своей фамиліи дворянскіе титулы, что сынъ его, вступая въ орденъ мальтійскихъ рыцарей, представлялъ до-

казательства о происхожденіи своемъ отъ Жерара Кольбера, владѣльцы кренкѣрскаго, родившагося въ 1500 году. Какъ бы то ни было, но званіе Кольбера во время юности показываютъ, что семейство его имѣло принадлежность къ торгующаго класса. Отецъ беря его изъ училища прежде оковчаннаго литературнаго образованія и посылаетъ его сперва въ Парижъ, а потомъ въ Лионъ, для изученія коммерціи. Возвратясь въ Парижъ, молодой человекъ вступаетъ въ кьеркомъ къ тарифу, потомъ переходитъ къ курору Шатле и наконецъ, для перваго дебюта на административномъ прищѣ, принимаетъ скромное мѣсто въ канцеляріи сира Сабатье, сборщика доходовъ отъ продажи должностей. Хорошее поведеніе, основательность ума и характера вскорѣ обратили на него вниманіе многихъ знатныхъ людей. Наконецъ, въ 1649 году, одностороннимъ вводитъ его въ должность кардинала Мазарини. Вступивъ въ службу къ кардиналу, онъ вскорѣ, по повелѣнію Фуке, овладѣваетъ и командою и сердцемъ своего господина; вслѣдствіе реписки, относящаяся къ этому мѣсяцу, показываетъ его съ разнаслащеніемъ. Будучи управителемъ, онъ дѣлаетъ скупости кардинала собственіемъ нѣсколькихъ ея; сдѣлавъ политическимъ агентомъ, онъ вызываетъ противъ враговъ Мазарини столько же тонкости, сколько Мазарини. Лудовику XIV, нетерпѣливо желавшему царствовать, нуженъ былъ руководитель, черезъ котораго онъ бы узнавалъ истину. Его выборомъ на Кольбера; кардиналъ, упрямый комендовалъ его монарху, самъ имѣлъ часто случай показывать усердіе и знанія. Мало-помалу Кольберъ сталъ засѣдать въ совѣтъ; лавъ былъ генерал-контролеромъ финансовъ, управляющимъ публичными зданіями, министромъ торговли, скскимъ министромъ и наконецъ послѣ короля, могущественнѣйшимъ человекомъ въ государствѣ.

Столько же быстро было успѣш-

материальнаго благосостоянія Кольбёра. Безкорыстіе не было приваждностью чиновниковъ прежней монархіи, и Кольбёръ такъ хорошо понималъ положительную сторону вещей, что не могъ забыть свои личные интересы. Лишь-только вступивъ въ службу къ Мазарину, онъ началъ употреблять въ свою пользу его могучее вліяніе. Въ 1650 году, былъ нѣкто Жакъ Шарронъ, которой изъ паловальниковъ сдѣлался казначеи-емъ непредвидимыхъ расходовъ по военному министерству, и на котораго падало, по этой должности, значительное взисканіе. Говорятъ, Кольбёръ устроилъ дѣло такъ, что съ него сложили это взисканіе, и въ благодарность за подобную услугу получилъ руку его дочери, одной изъ богатѣйшихъ невестъ Парижа. Это, однако, не помѣшало ловкому управителю, въ письмахъ своихъ къ Мазарину, просить о пожалованіи ему какого-нибудь маленькаго аббатства тысячи въ четыре ливровъ дохода. Въ-послѣдствіи, онъ получилъ имѣніе съ доходомъ въ 8,000 ливровъ, въ-теченіе шести лѣтъ доставилъ выгодныя мѣста всѣмъ своимъ роднымъ, и самъ, безъ всякой платы, получилъ должность управителя герцога д'Анжу, доставившу ему 40,000 ливровъ, и секретаря будущей королевы (Лудовикъ XIV еще не былъ женатъ)—почетное мѣсто, которое одинъ финансьеръ купилъ у него за 500,000 ливровъ. Известно, что Мазарини самъ былъ поставщикомъ провіанта для войска. Хотя протавъ подобной спекуляціи Кольбёръ возставалъ въ теоріи, но онъ былъ необходимымъ агентомъ Мазарини въ этомъ дѣлѣ и получалъ отъ него значительныя выгоды. Впрочемъ, когда финансы Франціи находились въ его рукахъ, онъ не употреблялъ во зло своего положенія и былъ очень-умѣренъ въ сравненіи съ своими предшественниками. Г. Клеманъ высчитываетъ, что извѣстные оклады его жалованья не простирались выше 70,000 ливровъ. Но до насъ дошла часть ре-

гистра королевскихъ указовъ по финансовой части, гдѣ рукою короля сдѣлана слѣдующая замѣтка: «Сиру Кольбёру награды, во уваженіе заслугъ его мнѣ и чтобъ дать возможность продолжать ихъ, 400,000 ливровъ». Не подлежитъ также никакому сомнѣнію, что министръ получалъ ежегодно подарки отъ провинціальныхъ штатовъ. Словомъ, устроивъ и обезпечивъ какъ-нибудь-лучше шестерыхъ сыновей и трехъ дочерей своихъ, Кольбёръ оставилъ состояніе, которое цѣннѣе въ десять милліоновъ ливровъ, равняющихся нынѣшнимъ тридцати милліонамъ франкамъ. Къ этому надобно присовокупить, что во все продолженіе своего двадцати-двухъ-лѣтняго управленія министерствомъ, онъ постоянно работалъ по шестнадцати часовъ въ день.

Безчисленное множество занятій, возложенныхъ на Кольбёра, можно главнымъ-образомъ раздѣлить на три большіе отдѣла: финансы, торговлю, морскую силу. Положеніе, въ какомъ нашелъ онъ Францію послѣ Фуке, было ужасно. Хищничество чиновниковъ, участвовавшихъ въ управленіи финансами, отъ министра до послѣдняго агента, довело народъ почти до состоянія дикости. Два голодные года, произведшіе дороговизну хлѣба при самомъ вступленіи Кольбёра въ министерство, выказали весь ужасъ тогдашняго положенія. Въ провинціяхъ люди буквально умирали отъ голода. Толпы крестьянъ производили грабежи, вовсе не пугаясь висѣлицы, которая по-крайней-мѣрѣ обѣщала имъ конецъ страданій. Ъли траву, вырывали трупы; нѣкоторые несчастные, чтобъ отдалить смерть, глодали собственные свои члены. А между-тѣмъ, благодаря привилегіямъ, вся тягость налога падала на бѣдныхъ. Съ этими-то людьми долженъ былъ имѣть дѣло новый министръ финансовъ. Кольбёръ первый началъ стараться увеличивать доходы посредствомъ умноженія общественнаго богатства. Всѣ его реформы, даже ошибки его, произошли изъ этого на-

Въ 1661 году, послѣ паденія Фунѣ, Франція платила 90 милліоновъ налоговъ, изъ которыхъ, за уплатою издержекъ сбора и процентовъ на долги, государству оставалось только 35 милліоновъ. Сверхъ-того, были истрачены доходы за два года впередъ. Злоупотребленія чиновниковъ по части финансоваго управленія были такъ ужасны, возбуждали такое всеобщее негодованіе, что Кольберъ могъ ожидать расположенія народа и монарха, взявшись ихъ преслѣдовать. Слѣдствія были назначены надъ тѣми, которыхъ подозревали въ злоупотребленіяхъ. Камера юстиціи въ короткое время осудила до пятьсотъ человекъ и взяла обратво въ казну до 110 милліоновъ. Ревнвія государственнаго долга и уменьшеніе платимыхъ за него процентовъ доставили казнѣ до 8 милліоновъ ливровъ ежегодной экономіи. Множество контрактовъ, по которымъ были уступлены разнымъ компаніямъ акцизы на города, уничтожились правительствомъ не смотря на крики кредиторовъ и протестаціи самихъ городовъ. Штрафы съ лицъ, неправильно присвоившихъ себѣ дворянскіе титулы, т. е. приобрѣтшихъ ихъ покупкою, доставили казнѣ еще вѣсколько милліоновъ. Даже подвергнуты были похвѣркѣ правѣ лицъ, занимавшихъ продажныя должности, и многія изъ этихъ должностей уничтожены, съ выдачею занимавшимъ ихъ вознагражденій, большею частію недостаточныхъ. Конечно, всѣ эти мѣры были жестоки, часто даже несправедливы; но Франція дошла до такого положенія, что только сильныя и энергическія средства могли спасти ее.

Какъ бы то ни было, Кольберу надобно отаать ту справедливость, что онъ никогда не упускалъ изъ вида интересовъ высшаго класса. Особенную честь приноситъ ему проектъ преобразованія налога. Изъ личнаго, онъ хотѣлъ сдѣлать его вещественнымъ, то есть, соразмѣрнымъ съ имѣніемъ плательщиковъ, безъ различія дворянъ отъ простолюдиновъ. Въ то время по-

добный проектъ казался опасною утопіею. Дворяннѣ не платилъ никакой подати, потому-что считался принадлежащимъ самому-себѣ, тогда какъ простолюдинъ принадлежалъ королю. Точно также ничего не платили съ земель, составившихъ собственность дворянства. Естественно, что реформа министра встрѣтила сильное сопротивленіе. Явились не только личныя возраженія, но протесты цѣлыхъ провинцій, на которыя должно было распространить однообразную систему налога, тогда-какъ многія изъ нихъ, и именно тѣ, которыя были присоединены къ государству въ-послѣдствіи, по договорамъ, пользовались въ этомъ отношеніи разными изъятіями. Не могли заставить богатыхъ платить необходимую дань государству, Кольберъ по крайней-мѣрѣ облегчалъ бѣдныхъ. Прямой налогъ, при его вступленіи въ министерство простиравшійся до 50 милліоновъ, былъ уменьшенъ на цѣлу третью; онъ предполагалъ уменьшить его въ половину. Ненавистный для народа акцизъ на соль былъ также уменьшенъ; взиманіе его упрощено. Единственнымъ средствомъ дѣйствовать на привилегированныя классы, было увеличить налоги съ потребленія. На это рѣшился Кольберъ, конечно, противъ воли: онъ былъ дальновиденъ и не могъ не знать, что возвышеніе средствъ существеннаго повлечетъ за собою высокую плату за трудъ и будетъ губительно для мануфактурной промышленности, только-что начинавшей развиваться.

На Кольбера въ-особенности нападли за организацию мануфактуръ и торговли. Во всѣхъ учебникахъ, во всѣхъ исторіяхъ политической экономіи, непременно встрѣтите, что изобрѣтателемъ системы покровительства отечественной промышленности посредствомъ исключенія произведеній иностранныхъ былъ Кольберъ. А между-тѣмъ, внимательное изученіе тогдашнихъ торговыхъ отношеній Европы показываетъ, что охранительная система давно уже была, превознесена

публицистами, введена въ употребленіе болѣею частію сосѣднихъ съ Франціею державъ, и что въ свою очередь, принимая ее, Франція находилась, можно сказать, въ положеніи законной обороны.

Запретительную систему не только наобрѣла Англія, проповѣдующая вышѣ свободу торговли, но и первая стала примѣнять ее съ чрезвычайною строгостію. Начиная съ XV вѣка, ова запретила вывозъ произведеній, которыми могли способствовать развитію иностранныхъ фабрикъ, а именно шерсти и овчины. Нарушеніе этого запрещенія подвергало виновнаго строгимъ наказаніямъ: въ Ирландіи, одному иностранному купцу, уличенному въ покупокъ шерсти для вывоза, отрубили руку. Произведенія, которыхъ вывозъ не запрещался, какъ, на-примѣръ, олово, были обложены пошлиною ваво-болѣею для иностранцевъ, нежели для купцовъ английскихъ. Ввозъ французскихъ суконъ былъ совершенно запрещенъ, точно такъ же, какъ всѣ галантерейные товары и туалетныя вещи, которыми славился Парижъ. Не только французскіе товары, но самыя купцы были обложены пошлиной въ английскихъ таможахъ: они платили каждый по пяти солидовъ при въѣздѣ и по тридцати при выѣздѣ, независимо отъ особаго налога, который должны были платить, если устраивали какое-нибудь заведеніе. Французамъ запрещено было торговать въ лавкахъ, какъ это обыкновенно дѣлали Англичане во Франціи; они не могли торговать на ярмаркахъ, обяваны были заключать условія съ покупателями на дому, а нѣкоторые товары продавать особопри-влекгированнымъ компаниямъ. Такая компания существовала, между прочимъ, для покупки винъ и, пользуясь своею монополіею, всячески притѣсняла продавцовъ. Сверхъ того, придворный поставщикъ имѣлъ право сходить въ ихъ погреба прежде всякаго другаго покупателя, выбирать нѣва по своему усмотрѣнію и назначать имъ цѣну по совѣсти. А между-тѣмъ, Англичане

имѣли право привозить во Францію всевозможные товары, продавать ихъ когда и гдѣ угодно, пользуясь внутри государства такою же свободою, какъ природные жители.

Такою же свободою пользовались во Франціи Испанцы, между-тѣмъ, какъ въ самой Испаніи пошлины за ввозъ и вывозъ не только были совершенно несообразны съ пошлинами французскими, но налагались даже не въ видахъ покровительства отечественной промышленности, какъ въ Англіи, а лишь для наполненія казны деньгами. Такъ, съ однихъ и тѣхъ же товаровъ Франція брала по 2 процента на 100 съ цѣны, объявленной въ таможи, тогда-какъ Испанія облагала ихъ пошлой, простиравшейся отъ 10 до 20 процентовъ на 100. Надобно еще прибавить, что со времени Филиппа II испанское правительство стало приписывать крайнее обѣднѣніе государства вывозу драгоценныхъ металловъ, а потому вывозъ золота и серебра былъ строго запрещенъ. Парализировавъ у себя такимъ-образомъ самую выгодную отрасль промышленности, Испанія, принужденная покупать во Франціи товары, необходимыя для ея морскихъ колоній, должна была давать, въ замѣнъ ихъ, произведенія, необходимыя для ея собственнаго народонаселенія, какъ-то: вина, масло, фрукты, шерсть, кожу, которые Французы брали и несхотно, и за ничтожную цѣну, тогда-какъ тѣ же самыя произведенія, становясь рѣже и рѣже на испанскихъ рынкахъ, возвышались въ цѣнѣ, а драгоценные металлы, благодаря своему обилію и запрещенію вывоза, болѣе-и-болѣе дешевѣли. Правда, иногда французскіе купцы вывозили золотыя дублоны изъ Испаніи; но этотъ родъ контрабанды былъ чрезвычайно-опасенъ, и торговля Франціи съ Испаніей въ то время вообще была и ничтожна и обманлива.

Торговля сношенія Франціи съ Голландіею, до Кольбѣра, были совершенно-свободны. По-крайней-мѣрѣ, голландскіе тарифы, примѣчательные по безпредѣльно возрастающимъ по-

требностям молодой республики, не имѣла характера систематически-запретительнаго. Но обиліе капиталовъ, торговля учрежденія, проницательность и настойчивость ея купцовъ, доставляли Голландіи, при этой свободѣ торговли, рѣшительное преимущество. Такъ Голландцы ловко перевели въ свои руки французскіе рыбные промыслы, которые вскорѣ сдѣлались для нихъ настоящимъ Перу.

Французская же торговля, до Кольбера, почти-совершенно не обращала на себя вниманія правительства. Внутреннія пошлины самыхъ странныхъ наименованій до того увеличивали цѣну произведеній, что вредили ихъ вывозу. Образованное мало-по-малу присоединеніемъ феодалныхъ владѣній, собственно государство, приваженности короля, не имѣло опредѣленныхъ границъ. До Генриха III, за исключеніемъ кое-какихъ иностранныхъ пошлинъ на нѣкоторые заграничные товары, правительство вовсе не вмѣшивалось въ заграничную торговлю. Въ 1581 году, былъ изданъ первый эдиктъ, котораго дѣйствіе простиралось безъ исключенія на всѣ заграничныя произведенія, обложивъ ихъ однообразной пошлиной по 2 процента на сто съ цѣны, объявленной при ввозѣ. Въ 1621 году, для лучшаго сбора, увеличено было число таможенъ; но ипотія провинцій, въ-особенности вновь-присоединенныя къ государству, воспротивились этому, желая остаться при своихъ прежнихъ обычаяхъ въ-отношеніи къ налогамъ. Франція раздѣлилась на провинціи, подлежащія пошлинѣ, и на провинціи, которыя считались какъ-бы иностранными.

Такимъ-образомъ, до Кольбера французская промышленность была подавлена значительными налогами, а пошлины на чужія произведенія, вмѣсто того, чтобъ быть установленными для огражденія интересовъ государства, болѣе благоприятствовали соперникамъ французскихъ фабрикантовъ. Это заставило фабрикантовъ прибѣгать къ обманамъ, а чрезъ это мно-

гіе предметы заграничнаго вывоза, которыхъ достоинство стало болѣе ижели сомнительнымъ, потеряли дѣріе на отдаленныхъ рынкахъ. Хотя царствованіе Лудовика XIII торговля Франціи была еще очень-значительна, въ сравненіи съ предшествовавшимъ временемъ, ее считали въ умѣ Французскіе красильщики, вѣнцы прежде соперниковъ, начинали сдѣлаться совѣстничества Голландскія шелковыя матеріи принимались уже такъ охотно, тогда-какъ прежде стояли на одномъ ряду съ итальянскими; прежде кузнечныя произведенія Бургони, Ниверне и Сент-Этьенна возились по цѣлому свѣту, тогда-какъ теперь ввезено было изъ Германіи на 800,000 ливровъ; стеклянные значки, парижскіе ювелиры, овернскіе писчебумажные фабриканты, да и пографская и книжная промышленность, занимавшія уже въ то время пятидесяти тысячъ челоуѣкъ, считались совѣстничества Голландіи. Истинное мнѣніе настоятельно требовало тѣхъ мѣръ, которыя были приняты Кольберомъ для огражденія національной промышленности. Прямая, такъ-сказать, его управленія готова; онъ соединялъ въ себя условія, чтобъ ее выполнить. И система его была не что иное, какъ приложение общепринятыхъ экономическихъ практикъ. Видя благоденствіе многихъ націй подъ вліяніемъ заграничныхъ законовъ, Кольберъ хотѣлъ утвердить французскую промышленность на тѣхъ же основаніяхъ. Онъ могъ возвыситься въ то время идеи свободной торговли, то и не вѣнчалъ ея къ дѣлу, безъ надежды на помощь другихъ государствъ, и съ его стороны совершенныя реформы.

Реформы его касались трехъ предметовъ: 1) возобновленія ремесленныхъ корпорацій, съ цѣлью уничтоженія препятствій, вредившихъ труду работника; 2) надзора за фабричными произведеніями, чтобъ истребить лишніе въ привычку подлоги, вред-

французской торговли на граничных рынках; 3) установления таможенного тарифа, который бы благоприятствовал вывозу естественных произведений Франціи, привлекалъ предпріятели, служащіе для усиленія внутренней дѣятельности и облагалъ высокою пошлиною произведенія чужестранной фабричности. Эта послѣдняя мысль выразилась изданіемъ двухъ тарифовъ въ теченіе трехъ лѣтъ, а именно въ 1664 и 1667 годахъ. Видя иждѣство и разнообразіе сборовъ, Кольбѣръ хотѣлъ ввести повсюду одинаковую пошлину и отодвинуть таможенныя границы до естественныхъ границъ государства. Но вновь-присоединенныя провинціи воспротивились; король не рѣшился на реформу, которую совершила въ послѣдствіи торжественная демократія. Тарифъ 1664 года былъ принятъ только въ древнихъ провинціяхъ государства. Этотъ тарифъ учреждалъ однообразіе пошлинъ, сколько это допускали мѣстныя требованія, вводилъ умѣренные сборы и простѣйшій и справедливѣйшій способъ собиранія ихъ, а потому былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Но министръ еще не исполнилъ осуществилъ мысль свою. 18-го апрѣля 1667 года издана была декларація въ объясненіе тарифа, произведшая рѣшительный переворотъ въ торговлѣ и, въ послѣдствіи, достопамятную войну. Подъ предлогомъ уравниванія нѣкоторыхъ пошлинъ на ввозимые иностранныя товары и вывозимыя изъ Франціи сырыя произведенія, въ новомъ тарифѣ установлены были съ большою ловкостью пошлины отъ 1, 3, 5, 7½, 10 и 20 процентовъ на 100, равнявшіяся во многихъ случаяхъ совершенному запрещенію ввоза. вмѣстѣ съ устраненіемъ мануфактурныхъ произведеній другихъ націй, для поощренія вывоза сырыхъ продуктовъ французскихъ, были уменьшены пошлины за вывозъ, въ особенности пошлины на вина. Господствовавшая тогда въ Европѣ мысль о необходимости охранительныхъ пошлинъ для развитія промышленности,

о томъ, что богатство государства заключается въ деньгахъ, получаемыхъ посредствомъ возможно-большой продажи своихъ произведеній и возможно-меньшей покупки чужихъ, была такъ сильна, что въ началѣ тарифъ 1667 года никому не показался страннымъ. Только Голландцы, которымъ угрожало разореніе, отправили въ Парижъ самаго искуснаго изъ своихъ дипломатовъ, ван-Бейнингена, котораго усилія остались, однако, тщетны. Франція въ настоящее время вывозитъ въ Голландію произведеній на сумму отъ 13 до 18 милліоновъ франковъ; два вѣка назадъ, вывозъ этотъ былъ въ двѣнадцать или въ четырнадцать разъ больше нынѣшняго. Ведя транзитный торгъ, Голландія развозила эти товары по цѣлому свѣту. Кольбѣръ хотѣлъ отнять у ней подобную монополію и доставить новое поприще дѣятельности морской силѣ, введя французскихъ купцовъ въ непосредственныя сношенія съ отдаленнѣйшими націями міра. Въ свою очередь Голландія увеличила пошлины за ввозъ французскихъ винъ, водокъ и многихъ мануфактурныхъ издѣлій. Эта месть была принята придворными Людовика XIV какъ оскорбленіе его величества: рѣшено было начать войну, и эта война, получившая европейское значеніе, кончилась, какъ извѣстно; оо славой для Франціи, распространившей свои границы на счетъ другихъ державъ. Но и Голландія, сохранивъ въ неприкосновенности свою территорію, достигла цѣли: одною изъ статей нимвегенскаго трактата былъ отмѣненъ знаменитый тарифъ 1667 года и введенъ прежній, болѣе-умѣренный.

Не смотря на то, цѣль Кольбѣра была отчасти достигнута: мануфактурная промышленность утвердилась во Франціи. Правда, земледѣліе и положеніе земледѣльческаго класса, какъ справедливо замѣчаетъ г-нъ Клеманъ, было далеко неудовлетворительно. Но надобно замѣтить, что вина этого не можетъ лежать на Кольбѣрѣ: другія

обстоятельства, отъ него независимыя, были неблагоприятны развитію земледѣльской промышленности. Замѣчательно, что въ слѣдующемъ столѣтіи эта промышленность достигла цвѣтущаго состоянія при дѣйствіи тѣхъ же финансовыхъ началъ, и что до 1789 года, т. е. до уничтоженія запрѣтительнаго закона, вывозъ хлѣба изъ Франціи былъ несравненно-значительнѣе вывѣзшаго.

Слава Кольбера, какъ основателя морской силы, безспорна. Снятіемъ фронды разстроили всѣ государственныя управленія. Флотъ, поднятый на нѣкоторое время усліаивъ Ришелье, отъ 1648 до 1654 состоялъ только изъ десяти пятидесяти-пушечныхъ кораблей. Кольберу предстоило все создать вновь. Учрежденія его, обнимающія личный составъ, матеріальное устройство, продовольствіе флота и морское судопроизводство, до-сихъ-поръ остались въ дѣйствіи. Наборъ матросовъ силою, отъ котораго Англія отказалась только въ 1835 году, былъ замѣненъ распредѣленіемъ этой повинности между прѣбрежными жителями, съ властности сынимилися съ моремъ. Морской кодексъ, составленный подъ надзоромъ министра особою комиссіею, сдѣлался предметомъ удивленія осѣдлыхъ націй. Наконецъ, Кольберъ,—и это одно изъ лучшихъ правъ его на славу,—возбудилъ въ молодѣжи высшаго класса страсть къ морю и, заставивъ ее гордиться національнымъ флагомъ, способствовала тѣмъ блестящимъ подвигамъ, которыми она прославилась въ лѣтописяхъ французскаго флота.

Независимо отъ главныхъ занятій Кольбера, финансовъ, торговли и флота, на него возлагалось еще столько важныхъ и разнообразныхъ трудовъ, что подъ тяжестію ихъ палецъ бы чело-вѣкъ обыкновенный. Не вхоая въ подробное ихъ перечисленіе, мы упомянемъ только о томъ, что его содѣйствіемъ обязана была Франція окончательнымъ устройствомъ палаты коммерціи, основанныхъ Генрихомъ IV, учрежде-

ніемъ складочныхъ мѣстъ для товаровъ, покровительствомъ морскому застрахованію основаніемъ для этой цѣли особой компаніи въ Марсели, по образцу существовавшей уже въ Парижѣ; онъ началъ преобразованіе системы мѣръ и вѣсовъ, установилъ одинаковыя мѣры во всѣхъ портахъ варсеналахъ, улучшилъ дѣланіе звонкой монеты, надзоръ за лѣсами, почты, и притомъ сбавилъ плату за пересылку писемъ; наконецъ, улучшеніе коноподства покупкою жеребцовъ въ Германіи, Англіи и Аеригѣ; заводскія породистыхъ овецъ; законъ, запрѣдшій брать у крестьянина слотъ и уплату податной недоимки попыткѣ издѣлаціи земель, остававшіяся по случаю мѣстныхъ неудовольствій, определяють министра отъ упрека въ пренебреженіи земледѣлія. Не будучи юристомъ, онъ, однако, возбуждалъ мысль о соединеніи мѣстныхъ обычныхъ правъ (coutumes) въ одно цѣло и надиралъ за ея исполненіемъ. Ему исключительно принадлежатъ устройство полицейскаго управленія въ Парижѣ и всѣ постановленія, вѣдшія цѣлю прѣстѣженія полицейскихъ проступковъ, бродяжничества, ашчѣства и пр.

Надзоръ за публичными работами, при огромныхъ постройкахъ Людовика XIV, до-сихъ-поръ возбуждаютъ удивленіе, представлялъ также много трудовъ и зачатій. Отличительной чертой Кольбера была строгая экономія, но безъ скудости. По замѣчанію г. Клемана, работы, произведенныя въ то время и стоившія 165 милліонъ ливровъ, равняющихся вышшимъ 780 милліонамъ франкамъ, въ наше время обошлись бы болѣе милларда.

Съ 1661 до 1672 года, Кольберъ былъ всемогущъ. Вліаніе его цѣло сбавить во время общей войны, воздѣдовавшей за голландской кампаніей. Военная слава, какъ она ни блестящѣна, всегда стоитъ дорого. Тотъ, который, въ глазахъ народа, распоряжался доходами и расходами государства, долженъ былъ часто находиться въ

весьма-затруднительномъ положеніи. Совершикомъ министра финансовъ въ королевскомъ совѣтѣ былъ Лувау, человекъ гениальный въ своей сферѣ, возведшій военную администрацію на степень науки. Въмѣсто насильственныхъ контрибуцій и грабежа жителей, Лувау, кромя другихъ измѣненій, ввелъ систему продовольствія, предупредившую нужды войска и лишавшую средствъ непріятеля. Принятые къ арміи, состоявшей отъ трехъ до четырехъ-сотъ тысячъ, эти быстрыя нововведенія требовали огромныхъ издержекъ. Приготовитель побѣды, льстя королю и не думая о народѣ, Лувау игралъ прекрасную роль въ совѣтѣ. Принужденный прибѣгать къ различнымъ средствамъ для удовлетворенія нуждъ войска, Кольбѣръ несъ отвѣтственность за предпріятія своего товарища. При всякомъ новомъ требованіи денегъ, Кольбѣръ дѣлалъ представленія, раздражавшія молодого короля. Однажды, испуганный требованіемъ 60 милліоновъ на чрезвычайные расходы по военному министерству, Кольбѣръ осмѣлился сказать въ совѣтѣ, что ему невозможно достать подобную сумму. «Полудайте» сказалъ тогда Людовикъ XIV: «что есть человекъ, который за это возьмется, если вы не захотите объ этомъ подумать». После этой угрозы, Кольбѣръ возвратился домой убитый, въ слезахъ. Нѣсколько дней онъ сидѣлъ запершись, въ какомъ-то оцѣмѣннѣи, машинально переворачивая бумаги, неспособный къ работѣ, говоря объ отставкѣ и трепеща при мысли о подобной жертвѣ. Въ этой нерѣшительности онъ получилъ письмо короля, звавшего его въ Версаль. Онъ рѣшился вступить снова въ должность; но рана была нанесена; онъ чувствовалъ себя побѣжденнымъ *партией войска*, душою которой былъ Лувау. Онъ пожертвовалъ своими личными планами разорительной политикѣ своего противника; но при дворѣ не равъ давали ему чувствовать, что онъ въ немилости. Горькое отчаяніе охладило его усердіе и даже притупило его

способности. Прежде, разсказываютъ его современники, онъ принимался за работу потирая себѣ руки отъ удовольствія: тутъ онъ сталъ работать печальный, часто вздыхая, сдѣлался нерѣшительнымъ, во всемъ находилъ затрудненіе, такъ-что въ это время, сравнительно, было окончено гораздо-менше дѣлъ, нежели въ первые годы его управленія.

Съ этого времени, Кольбѣръ не противился больше мѣрамъ, которые, можетъ-быть, осуждали его здравый умъ и чувство справедливости, и безстрашно пошелъ наперекоръ общественному мнѣнію. Вскорѣ обнаружилось общее обидѣніе, общее безпокойство. Безпрерывное увеличеніе налоговъ, въ-особенности мелкіе фискальные дразни, неразлучные съ тогдашнимъ финансовымъ управленіемъ, возбуждали ненависть къ министру. Бюджетъ расходовъ, простиравшійся, при его вступленіи въ министерство, до 84 милліоновъ, возвысился до 112; подобное увеличеніе было незначительно, если принять въ соображеніе великія дѣла, совершенныя въ-теченіе этого періода; но для покрытия его надобно было прибѣгать къ просьбамъ провинціальныхъ штатовъ, чтобъ они увеличили свои *добровольные дари*, надобно было отдать нѣкоторыя провинціи на откупъ, увеличить налоги съ потребленія и тѣмъ провинцевъ возвышеніе задѣльной платы на фабрикахъ, учредить должности бесполезныя или даже непріятныя для народа. Увлекаемый по роковому пути, Кольбѣръ старался обмануть самъ себя; онъ смотрѣлъ на всѣ эти мѣры какъ на переходныя средства, которыя онъ отиѣнитъ во время мира. «Надобно» говорить онъ въ своихъ мемуарахъ: «отиѣнить пошлины на табакъ и на гербовую бумагу, которыя вредятъ торговлѣ»; но король не зналъ о затрудненіяхъ министра. Кольбѣра особенно поражало то, что ежедневно являлись новые отступники и во имя новаго налога высасывали у народа послѣднія деньги, выводя его изъ обычнаго порядка жизни. Сня-

тезия, обнаружившіяся въ различныхъ пунктахъ королевства, доказывали опасное раздраженіе. Побѣда осталась на сторонѣ закона, и виновные въ нарушеніи порядка были немаломо наказываемы. Но неудовольствія, подавленные такими средствами, обращались въ ненависть къ суровому министру, отвѣтствовавшему въ общественномъ мнѣніи за дѣйствія правительствъ.

Справедливая печаль Кольбера слѣдалась предметомъ клеветы: враги приписывали ему пагубные замыслы. Не могли слѣдять изъ него заговорщика, такъ успѣли поселить во мнѣніи короля сомнѣніе на-счетъ его честности. Однажды министръ представлялъ монарху счетъ издержекъ по работамъ въ Версали. Король сухо прервалъ его словами: «Здѣсь есть мошенничество». — Государь, отвѣчалъ Кольберъ: — по-крайней-мѣрѣ я лъщу себя надеждою, что это слово до меня не касается. — Нѣтъ, отвѣчалъ король: — но должно было наблюдать внимательнѣе. — Не смотря на это смягченіе, ударъ былъ нанесенъ; онъ оказался смертельнымъ. Кольберъ, и безъ того больной и усталый, слегъ въ постель и не вставалъ съ нея. Черезъ нѣсколько дней, ему доложили о приездѣ одного изъ придворныхъ съ письмомъ отъ короля. Онъ притворился опятымъ, чтобы не отвѣчать, и потому не могли убѣдить его прочесть письмо. Неблагодарность Лудовика XIV отравилъ его послѣднія минуты. Слышали, какъ онъ съ горечью произнесъ слѣдующія слова: «еслибъ я слѣдалъ столько для Бога, сколько для этого чловѣка, то былъ бы два раза въ царствѣ небесномъ, а теперь не знаю, что со мной будетъ». 5 сентября 1688 года, онъ продолжалъ свое завѣщаніе и велѣлъ позвать іезуита Бурдалу. На другой день, смерть прекратила его двадцати-двух-лѣтнее министерство. Король счелъ нужнымъ показать печальнымъ; напротивъ, придворные, принадлежавшіе по-большой-части къ партіи войны, не скрывали своего удовольствія. Парижская

чернь, узнавъ о паденіи своего врага, дала полную свободу своей ненависти. Принятая полиціею предосторожности были новымъ оскорбленіемъ памяти умершаго. вмѣсто должныхъ почестей, его хоронили ночью, почти-тайно, и велѣли полицейской стражѣ провалить гробъ его, «изъ опасенія» говорить одинъ современникъ: «чтобъ народъ не разорвалъ въ куски тѣла». Эпиграмы и разныя пѣсни на-счетъ министра ходили по городу; разумѣется, изъ не старались преслѣдовать. О расположеніи двора можно получить отчасти изъ письма г-жи Ментенонъ, въ-которомъ она слѣдующимъ образомъ выражается о сынѣ перваго министра: «Г. Сеньель хотѣлъ захватить себя всѣ мѣста и не получилъ ни одного... Онъ до того увеличивалъ заслуги своего отца, что убѣдилъ всѣхъ, будто онъ и не стоить и неспособенъ заступить его мѣсто». За маркизомъ Сеньель оставлено только морское вѣдомство, которыми онъ управлялъ до своей смерти, продолжая со славою данное его отцомъ направленіе.

Вскорѣ судьба отмстила за Кольбера. Преемники его, королевскіе любимцы, показали себя до такой степени неспособными, что правительство принуждено было обратиться снова къ Деморѣ, племяннику и ученику Кольбера, который былъ сперва-отставленъ по обвиненію въ казнокрадствѣ. Страшная нищета и жестокія страданія народа, оказавшіяся въ концѣ царствованія Лудовика XIV, заставили сожалѣть объ управленіи Кольбера, какъ о счастливомъ времени. Забыли его непреклонный деспотизмъ, его ошибки, помнили только его заслуги, и тотъ же самый народъ, который сопровождалъ криками позора гробъ великаго чловѣка, въ преданіяхъ своихъ соединилъ съ его именемъ понятіе о рѣдкомъ патриотизмѣ и гениі. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, думали въ XVIII вѣкѣ, жившій еще подъ вліяніемъ системы кольберова управленія. Главная ошибка его биографа, при многихъ существующихъ достоинствахъ книги, заключается въ

томъ, что онъ обсуживалъ не новѣйшія теоріи состояніе общества, совершенно-отличное отъ нашего, и въ гартнѣ прошедшаго искалъ подтвержденія началъ современной науки.

Des Allemands, par un Français (О Нѣмцахъ, соч. Француза).

Авторъ этой книги, признавшій за лучшее остаться анонимомъ, принадлежитъ къ небольшому числу наблюдателей, столько же отличающихся глубиною своихъ наблюдений, сколько краткостью въ изложеніи ихъ. Онъ не рассказываетъ событій, не описываетъ лицъ, не мѣстоположеній, не забавляетъ анекдотами: книга его составляетъ психологическій очеркъ, но до того вѣрный, тонкій и всеобъемлющій, что, не смотря на свою отвлеченность, онъ неизгладимо врѣзывается въ памяти читателя.

У Французовъ сознание національности развилось вмѣстѣ съ характеромъ націи: и то и другое развитіе совершилось подъ вліяніемъ политическихъ обстоятельствъ. Напротивъ, въ Германіи сознание національности было пробуждено въ народѣ посредствомъ науки, потому-что эта національность перестала быть очевидною для народа; любовь къ отечеству вышла изъ школы; патриотизмъ прошелъ черезъ всѣ преувеличенія философскихъ системъ.

Вообще, недостатокъ патриотизма состоитъ въ томъ, что онъ присваиваетъ одному народу преимущество надъ всѣми другими. Въ это преимущество вѣрятъ Германцы и находятъ для того нѣсколько оснований: одни естественныя — языкъ и племя, другія историческія — реформацію и философію, бывшія необходимыми послѣдствіями духъ первыхъ даяныхъ. Авторъ показываетъ, что надобно отнять отъ этихъ привязаній, и описывая, чѣмъ хотѣть быть Германцы, показываетъ читателю, каковы они въ-самомъ-дѣлѣ. Онъ объясняетъ и опровергаетъ жалкое мнѣніе, будто нѣмецкій языкъ достаточенъ для выраженія всего на свѣтѣ, что германская кровь течетъ въ жилахъ всѣхъ

народовъ; онъ говоритъ, что подобное направленіе вредитъ общему развитію европейскихъ обществъ, противорѣчитъ свободѣ. Потомъ онъ доказываетъ, что реформація ни по началу своему, какъ событіе, ни по результатамъ, выведеннымъ изъ нея, какъ изъ принципа, не принадлежитъ Германіи; онъ остается за Лютеромъ его настоящую заслугу и отдаетъ его дѣлу внутреннее его значеніе. Наконецъ, онъ искусно взвѣшиваетъ достоинства и невыгоды философскаго направленія, и доказываетъ, что если оно составляетъ по преимуществу и исключительно элементъ германскаго народа, то должно будетъ заключить, что Германія гибнетъ, потому-что она съ каждымъ днемъ становится все менѣе и менѣе умозрительною и предается все болѣе и болѣе волненіямъ дѣйствительной, практической жизни.

Le peuple, par J. Michelet. (Народъ, соч. Мишле).

Книга эта посвящена авторомъ другу его, Эдгару Кинѣ, знаменитому столько же своимъ живыми, одушевленными лекціями, сколько участіемъ его, вмѣстѣ съ самимъ Мишлѣ, въ недавно-умолкнувшемъ иезуитскомъ вопросѣ.

Въ краснорѣчивомъ посвященіи, авторъ залагаетъ другу исповѣдь сердца и воспоминавія своей частной жизни. Вотъ изъ него выдержки:

• Эта книга — болѣе нежели книга: это я самъ. Потому-то она и приваллежитъ тебѣ.

• Смѣю сказать, что это я и ты, другъ мой. Ты справедливо замѣтилъ, что мысли наши, сообщаемъ ли мы ихъ другъ другу, или нѣтъ, всегда слюдаются. Мы живемъ однимъ сердцемъ... Чудная гармонія! она можетъ показаться удивительною; но не естественна ли она? разнообразныя труды наши ниѣли одинъ живой корень: любовь къ Франціи и мысль объ отечествѣ.

• Прійми же эту книгу народа, потому-что она я. Ты, по своему вѣнско-

• ну, я по своему мастерскому происхо-
• ждению, служилъ представителями,
• можетъ-быть, столько же, какъ и дру-
• гие, двухъ современныхъ сторонъ на-
• рода и его недавняго воскресенія.

• Эту книгу написалъ я изъ себя-са-
• мого, изъ своей жизни, изъ своего
• сердца. Она скорѣе произведение мо-
• его опыта, нежели моихъ ученыхъ
• занятій. Я извлекъ ее изъ моихъ
• наблюдений, изъ отношеній моихъ къ
• друзьямъ, къ сосѣдямъ; я собралъ ее
• по дорогамъ... судьба любить служи-
• вать человѣку, который ищетъ всегда
• съ одною и тою же мыслию. Нако-
• некъ, я составилъ ее въ-особенности
• изъ воспоминаній своей юности. Чтобы
• узнать жизнь народа, его труды, его
• страданія, мнѣ достаточно было во-
• пресить свою память.

• И я, другъ мой, я работалъ соб-
• ственными руками. Истинное назва-
• ніе современнаго человѣка, названіе
• работника, я заслужилъ во многихъ
• отношеніяхъ. Прежде, нежели я сталъ
• писать книги, я матеріально набиралъ
• ихъ, собиралъ буквы прежде, нежели
• сталъ соединять идеи, знаю уны-
• ніе мастерской, грусть, нападающую
• въ долгіе часы работы.

• Печальное время! это было въ по-
• слѣдніе часы имперіи; для меня, ка-
• залось, все погибло—семейство, иму-
• щество, отчизна.

• Этими испытаніямъ, безъ сомнѣнія,
• я обязанъ всѣмъ, что есть во мнѣ луч-
• шаго: мнѣ должно приписать незначи-
• тельныя мои достоинства, какъ человѣ-
• ка и историка. Я сохранилъ отъ нихъ
• въ-особенности глубокое чувство, чув-
• ство народа, полное сознаніе лежаща-
• го въ немъ сокровища: *добродѣтели са-*
• *моотверженія*, вѣжное воспоминаніе о
• золотыхъ сердцахъ, которыя я зналъ
• въ самомъ униженномъ положеніи.

• Не надобно удивляться, что я, зная
• лучше многихъ исторію этого народа,
• съ другой стороны раздѣлялъ самъ
• его жизнь, чувствую настоятельную
• потребность истины, если разгово-
• рять о немъ. Когда, въ-слѣдствіе исто-
• рическихъ трудовъ моихъ, я началъ

• заниматься современными вопроса-
• ми, признаюсь, заглянувъ въ книги,
• они налагались, я былъ очень
• мленъ тѣмъ, что почти всѣ эти
• противорѣчатъ моимъ воспомина-
• ніямъ. Тогда я закрылъ книги, съ-
• сколько мнѣ было возможно, съ-
• посреди народа; уединенный
• тель, я снова погрузился въ то,
• сталъ прислушиваться къ молвѣ,
• шѣчать голоса... Это былъ тотъ же
• роль: замѣненія коснулись то-
• виѣшности; память меня не обни-
• вала... И я сталъ изучать людей,
• шать, какъ они сами расказыва-
• судьбѣ своей, собирать изъ ихъ у-
• то, чего часто не найдешь въ са-
• блистательныхъ авторахъ, — см-
• полное здраваго смысла.

• Это послѣдованіе, начатое въ
• нѣ, десять лѣтъ назадъ, я про-
• жалъ въ другихъ городахъ, у-
• вая въ одно и то же время эти
• тическихъ людей, отъ умовъ самы-
• положительныхъ, истинное состо-
• деревень, столько пренебреженны-
• нашины экономистами. Вдальше
• но, сколько я отыскалъ тайны-об-
• вомъ новыхъ свѣдѣній, которыхъ
• лья найдти ни въ одной книгѣ. И
• слѣ разговора людей гениальны-
• спеціально-ученыхъ, разговоръ
• рода, безъ сомнѣнія, всего масте-
• тельнѣе. Когда нельзя говорить
• Беранжэ, Ламне и Ламартинювъ,
• надобно вѣсти въ поля, разговарива-
• съ поселянникомъ. Что узнать отъ
• дей, стоящихъ въ сѣдлѣ? Вы-
• изъ гостинныхъ, я всякій разъ
• ствовать, какъ сердце мое сжималъ
• и холодѣло.

• Далѣе, Мишлэ говоритъ о томъ, что
• теперь вниманіе всѣхъ націй обраще-
• но на французскій народъ, близкаго
• современному направленію
• ры.

• Многие писатели, изъ самыхъ
• чательнѣйшихъ, избрали это
• кій предметъ; таланта у нихъ
• успѣхъ былъ чрезвычайный. Вспом-
• давно уже создающая мало
• жадностью хватается произво-
• дитъ

• шей литературы. Англичане пишутъ
• только статьи въ свои Reviews. Что жъ
• касается до нѣмецкихъ книгъ, то кто
• ихъ читаетъ, кромѣ Нѣмцевъ?

• Любопытно рассмотреть, предста-
• вляютъ ли книги, приобрѣтшія такую
• популярность, такой авторитетъ въ
• Европѣ, настоящую Францію; не вы-
• казываютъ ли онѣ лишь нѣсколько
• особенныхъ сторонъ ея, весьма-не-
• благоприятныхъ; не повредили ли мо-
• ему отечеству во мнѣніи другихъ на-
• цій картины, на которыхъ видны
• только ваши пороки и наше безобра-
• зие. Талантъ, добросовѣстность, сво-
• бода мыслей этихъ писателей прида-
• вали словамъ ихъ ужасный вѣсъ.
• Съѣтъ принялъ ихъ книги, какъ
• страшный приговоръ, произнесенный
• Франціей надъ собою.

• Классическіе, бессмертные рома-
• ны, выставивъ семейныя драмы бо-
• гатыхъ и достаточныхъ классовъ,
• утвердили въ Европѣ мысль, что во
• Франціи нѣтъ семейства.

• Другіе, одаренные великимъ талан-
• томъ, огромною силою воображенія,
• выдали за обыкновенную жизнь на-
• шнихъ городовъ жизнь тѣхъ мѣстъ,
• гдѣ полиція сосредоточиваетъ подъ
• своею рукою людей, пораженныхъ
• правосудіемъ и уволенныхъ съ ка-
• торги.

• Одинъ изъ писателей, удивительно-
• вѣрный въ изображеніи подробно-
• стей, рисуетъ отвратительный сель-
• скій кабакъ, таверну, гдѣ собираютъ
• ся лакеи и мошенники, и подъ этою
• гнусной картиною дерево ставитъ
• имя, принадлежащее большей части
• обитателей Франціи.

• Европа читаетъ съ жадностью, вос-
• хващается, узнаетъ ту или другую
• подробность описанія. Отъ малаго
• случая, котораго истину она видитъ,
• легко заключаетъ къ истинѣ цѣлаго.

• Пусть нація знаетъ, что этотъ на-
• родъ вовсе не похожъ на свои ми-
• нимые портреты! Нельзя сказать, чтобъ
• наши великіе живописцы были по-
• стоянно вѣрны истинѣ; но вообще
• они описывали исключительныя ме-

• лочи, случайности, по-большой-мѣ-
• рѣ меньшинство, второй планъ кар-
• тины. Первые планы казались имъ
• слишкомъ - извѣстными, пошлыми,
• обыкновенными. Имъ нужны были
• эффекты, и они часто искали ихъ въ
• уклоненіяхъ отъ нормальной жизни.
• Они не удостоили предудѣлать чи-
• тателей, что описываютъ исключе-
• нія. Читатели, въ-особенности ино-
• странцы, приняли эти исключенія за
• общее правило, и сказали: «вотъ ка-
• ковъ этотъ народъ!»

• А я, изъ него вышедшій, я, съ нимъ
• жившій, работавшій, терпѣвшій, я,
• болѣе всякаго другаго приобрѣтшій
• право сказать, что знаю его, я хочу
• возстановить личность этого народа
• противъ общаго мнѣнія.

Вотъ цѣль и отчасти содержаніе
этой любопытной книги, которое мы
старались передать собственными сло-
вами автора. Г. Мишлѣ не отвергаетъ ни
пороковъ французскаго народа, ни той
степени униженія, до которой народъ
доведенъ обетоятельствами своей исто-
рической жизни. Онъ только объясня-
етъ причины этихъ явленій, фатали-
стически-необходимыхъ, показываетъ,
что непорочность, угрожающая ги-
белью Франціи, проникла одинаково
въ классы и указываетъ дорогу спа-
сенія, ведущую къ славноу участи, къ
любви, соединенію и воспріименію все-
го народа. Его книга произвину-
та жаркимъ чувствомъ любви къ от-
чизнѣ и столько же любопытна для
иностранца, сколько должна быть до-
рога для каждаго Француза. Во Фран-
ціи она имѣла успѣхъ чрезвычайный.

Du Système pénitentiel, par M. Henri Fonfrède (О запертительной системѣ, соч. Анри Фонеде).

Одинъ изъ почитателей Анри Фоне-
де, извѣстнаго публициста партіи
жирондистовъ, принялъ намѣреніе пе-
лать въ свѣтъ всѣ его сочиненія. Но
прежде онъ издалъ отдѣльно брошюру
его о запертительной системѣ, кото-
рая, кромѣ своего внутреннего до-
стоинства, имѣетъ еще и ту выгоду,

что является весьма-истати въ то время, какъ приверженцы свободной торговли и ихъ противники ведутъ самый жаркій споръ въ защиту своихъ мнѣній.

Впрочемъ, какого бы кто ни былъ мнѣнія, но вслѣдствіи прочтѣнія книги г. Фонореда, согласится, что никогда еще не было написано о запретительной системѣ сочиненія столь асаго, умнаго и обстоятельнаго.

Обозрѣвая различныя отрасли промышленности, покровительствуемыя тарифами, авторъ останавливается на хлопчатобумажномъ промыслѣ, всѣмъ заграничныя произведенія котораго (кромя сырого матеріала и нани, облеженной патью франками съ килограмма, если она идетъ прямо изъ Китая и на французскихъ корабляхъ) запрещены во Франціи съ невзвѣстныхъ временъ. Примѣръ этотъ приходится какъ-нибудь-больше истати. Въ послѣднее время, министръ торговли хотѣлъ уменьшить пяти-франковую пошлину до одного франка, и тотчасъ же торговая палата города Дилла вошла въ нѣну съ представленіемъ объ отиѣнѣ этой мѣры. То же самое было бы, еслибы, вмѣсто одного франка, установлена пошлину въ четыре франка 99 сантимовъ. А между-тѣмъ, одно изъ двухъ: или бумажная производительность, послѣ столь долговременнаго покровительства, не можетъ противостать заграничному соперничеству, и тогда это покровительство бесполезно — или она сдѣлала такіе успѣхи, что для нея не страшны произведенія иностранныхъ: тогда дальнѣйшее покровительство не нужно.

Впрочемъ, г. Фоноредъ не требуетъ немедленнаго уничтоженія таможенъ: онъ хочетъ лишь замѣны настоящей системы системою болѣе-либеральною, но въ данное время и посредствомъ постепеннаго пониженія пошлинъ, пониженія, котораго проворція должна быть объявлена впередъ, въ надежаніе невзвѣстныхъ потрясеній, до-тѣхъ-поръ, пока не прійдутъ къ правительному и нормальному положенію.

ESSAIS DE LITTÉRATURE ET DE POÉ-
TICALE, par M-r Saint-Marc Girardin.

Сочиненіе г. Сен-Марка Жирардена не новость для парижской публики. Это сборникъ отдѣльныхъ статей, печатавшихся въ время въ Journal des Débats, который считаетъ г. Жирардена въ числѣ своихъ постоянныхъ со-трудниковъ. Но изданіе отдѣльныхъ статей, впрочемъ связанныхъ между собою не только единствомъ направленія, но и единствомъ самаго предмета, доставляетъ намъ возможность оцѣнить литературную дѣятельность этого писателя, и, что всего важнѣе, тѣ принципы, которыми онъ служитъ, подвизаясь на блистательномъ поприщѣ профессора и журналиста.

Собственно говоря, г. Сен-Маркъ Жирарденъ, какъ литераторъ, не имѣетъ никакихъ принциповъ, или, что одно и то же, принциповъ его чисто-отрицательные. Литературная дѣятельность его началась въ то время, когда вошла литературная школа, называвшаяся и еще называемая романтическою, съ громомъ выступила на сцену, заставивъ французскую публику забыть на время нагянутую чинность и распудренную важность отжившаго классицизма Семнадцатое и восемнадцатое столѣтія имѣли на тогдашнюю французскую литературу замѣчательное вліаніе. Состояніе общества, обращеннаго къ настоящему, пугавшагося всякой новой мысли, всякаго нововведенія, — общества довольнаго самимъ собою, благоумнаго, покорнаго, — отразилось въ литературѣ противодѣйствіемъ всякому смѣлому порыву фантазіи, рзачному выраженію чувства и увлеченію страсти. Все было подчинено благоумію, а благоуміе состояло, въ томъ, чтобы оставаться при настоящемъ положеніи, къ которому пріучило насъ время. Скептическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ направленная къ практическимъ интересамъ и дѣламъ философія XVII столѣтія, отразилась на литературѣ, не могла дать фантазіи то-го мѣста, которое она по справедливо-

сти должна занимать въ дѣлѣ творчества. Оталеченный, безцвѣтный, хотя ровный и выглаженный языкъ стиховъ я ясны того времени ясно указываетъ на отсутствіе живыхъ источниковъ искусства, на недостатокъ поэзіи. Съ рестаураціею, съ новымъ направленіемъ общества родилось новое направленіе и въ литературу. Юная школа стала подъ видомъ фантазіи и довела свободу воображенія до великаго и смѣшнаго. *Le beau c'est le laid*, «изящное — въ безобразіи» сдѣлалось девизомъ романтической школы, девизомъ, котораго она не признаётъ на словахъ, но оправдала на дѣлѣ. По ея мнѣнію, геній есть фантазія, точно такъ же, какъ прежде определяли геній терпѣніемъ. Г. Сен-Маркъ Жирарденъ, какъ онъ самъ признается, увлекся было этимъ направленіемъ. Но инстинкты его природы скоро указали ему, что избранная имъ дорога и невѣрна и небезопасна. Добросовѣстность послѣдователей новой школы не подлежитъ никакому сомнѣнію: они дѣйствовали по убѣжденію, и эта вѣрность убѣжденіямъ довела ихъ до осмѣянія, до забвенія. Г. Сен-Маркъ Жирарденъ нашелъ, что романтическая школа слишкомъ увлекается, и перемѣнилъ направленіе. Но подъ чьею знамя стать, чѣмъ оправдать свое отступничество, какія начала признавать истинными? Г. Сен-Маркъ Жирарденъ человѣкъ благоразумный: у него не осталось силъ и способности открыть истинныя начала искусства: онъ избралъ легчайшій способъ, и всюду, гдѣ могла школа говорить «да», онъ отвѣчалъ «нѣтъ». Всѣ нападки его на Виктора Гюго не имѣютъ другаго значенія. «Воображеніе — вотъ наше знамя», говорили романтики. «Характеристическій признакъ генія составляетъ благоразуміе», отвѣчаетъ имъ г. Сен-Маркъ Жирарденъ. Что же такое это благоразуміе, которое знаменитый профессоръ, моралистъ и журналистъ ставитъ на подножіе и предаетъ обожанію? Мы не находимъ въ его книгѣ точнаго опредѣленія этой способности: но думать то, что онъ разудѣтъ подъ

этимъ словомъ — не трудно. Это какое-то равновѣсіе между всеми способностями души человѣческой, которыя открыты въ насъ и анализированы психологами; это общій, повседневный смыслъ, держащій въ границахъ воображеніе, чувство, разумъ. Качество чисто-отрицательное, непредполагающее ни величія, ни возвышенности способностей, подводящее всѣхъ подъ общій уровень и необходимо исключающее гениальность, какъ что-то необыкновенное, странное среди общаго однообразія и всѣмъ-доступнаго порядка. Поддерживать такую доктрину было бы рѣшительно невозможно, еслибъ, на счастіе г. Жирардена, сама французская литература не представляла періода, въ который самые замѣчательные люди, словацкіе общимиъ духомъ, представляютъ примѣры, могущіе ввести въ заблужденіе ограниченнаго и односторонняго наблюдателя. Это весь семнадцатый вѣкъ, котораго характеръ именно составляетъ эта умѣренность, старающаяся примѣниться какъ-можно-лучше къ настоящему положенію, съ тѣмъ, чтобы не измѣнять его, удерживающая разумъ, слишкомъ-сильный въ своихъ выводахъ, подчиняющая чувство опредѣленнымъ правиламъ, общепринатымъ условіямъ приличія. И въ обществѣ и въ литературѣ направленіе одно и то же. Боссюэтъ провозглашаетъ, что должно оставаться въ томъ положеніи, къ которому народъ приученъ временемъ, а при такомъ правилѣ, положеніе это, и тогда и теперь, есть всегда настоящее. На всѣхъ писателяхъ этого періода лежитъ одна печать: вездѣ геній подчиненъ благоразумію... Но неужели Боссюэтъ, Мольеръ, Расинъ потому только гениальны, что и на нихъ имѣлъ вліаніе общій духъ времени? Ученіе г. Сен-Марка Жирардена, подъ видомъ противодѣйствія юной школѣ, скрываетъ другую цѣль и другое направленіе, гибельное и для литературы и для общества. Это — ненависть къ всякому движенію, припривіе къ настоящаго, оппозиція всему новому, дуч-

шпену, стремищемуся уничтожить и за-
мѣнить одряхлѣвшее и отжившее: это
statu quo въ литературѣ, гдѣ авторъ
приобрѣлъ себѣ почетное мѣстечко, съ
которымъ ему не хотѣлось бы разстать-
ся. Потому-то онъ и проповѣдуетъ свой
принципъ. Что такое воображеніе, стра-
сти! Благоразуміе—вогъ что составля-
етъ гений, вотъ единственное спасеніе;
только благоразуміе даетъ истинный
взглядъ на вещи и не дѣлаетъ человѣ-
ка опаснымъ. И въ этомъ случаѣ еще
надобно дѣлать различіе, говорить
профессоръ, и не прельщаться благораз-
уміемъ Раблѣ, Паскаля, Вольтера: въ
этомъ родѣ благоразумія видны безпо-
койство и пронія...

При такихъ литературныхъ мѣ-
нѣяхъ, мораль Сен-Марка Жирардена
не могла быть ничѣмъ другимъ, какъ
только поклоненіемъ успѣху, оправдан-
іемъ средствъ цѣлью, а цѣли требова-
ніями личности. Это мораль, извлечен-
ная изъ опыта; правила ея — правила
практическія и полезныя: она учитъ
жить въ свѣтѣ и для свѣта; она на-
учаетъ набѣгать пороковъ и стран-
ностей, поразительныхъ для людей.
Къ чему служатъ преданность, само-
отверженіе, всѣ возвышенныя чувства
и благородныя движенія? Авторъ ста-
рается доказать, что они не должны
существовать, потому-что они не дѣла-
ютъ человѣка ни богатымъ страстями,
ни нотариусомъ съ огромной практи-
кой, ни знаменитымъ банкиромъ. «Му-
дрость древнихъ», говоритъ онъ: «хо-
тя это понажется страшнымъ, состо-
яла именно въ томъ, что мы называемъ
ловкостью и умѣньемъ держать себя.
Эта мудрость—благоразуміе, это спо-
собность выпутываться изъ затруд-
нительныхъ обстоятельствъ, и, смѣю
сказать, дѣлать себѣ дорогу...»

Такое положительное направленіе
профессора литературы и морали осо-
бенно замѣчательно тамъ, гдѣ онъ го-
воритъ о призваніи литератора. Вотъ
собственныя слова его:

«Изъ всѣхъ призваній, призваніе
литератора—труднѣйшее, потому-что
нѣтъ всѣхъ другихъ поддерживаетъ

человѣка. Во всѣхъ другихъ процес-
сіяхъ, знаніе придаетъ силу человѣку.
Нотариусъ ли вы, стражничій ли, ме-
дикъ ли, адвокатъ ли, вы имѣете спер-
ва личное достоинство, сверхъ-того,
достоинство вашего званія; знаніе ва-
ше прибавляетъ вамъ все, и умъ,
вмѣсто одной, двѣ силы. Если имѣте
люди бываютъ ниже своего званія, это
доказываетъ только важность равнаго
рода званій. Въ литературѣ, напро-
тивъ, званіе ничего не значитъ и ни-
чего не прибавляетъ къ человѣку. Че-
ловѣкъ въ этомъ званіи логикомъ и
самого-себя, имѣетъ одно только соб-
ственное достоинство. Въ званіи ли-
тератора одинъ существенный не-
достатокъ: въ немъ нѣтъ постоянного
повышенія. Въ другихъ званіяхъ, во-
вышеніе необходимо: оно поднимаетъ
человѣка и непремѣнно возводитъ его
выше. Собственныя усилія прибав-
ляютъ быстроты къ его успѣхамъ; но,
независимо отъ этихъ усилій, самое
знаніе его повышается, такъ-сказать,
само-собою. По мѣрѣ того, какъ время
сглаживаетъ верхніе слѣды, какіе
поднимаются кверху, и это происхо-
дитъ во всѣхъ званіяхъ, кромя ли-
тераторскаго.»

Довольно этихъ выписокъ. Читате-
ли знаютъ, чего можно ожидать отъ
этой книги.

L'Esprit de 1845, par M. Victor
Schoelcher (Книжка въ 1845 году,
сов. Виктор Шельхера).

«Двойной интересъ говоритъ Шел-
херъ: заставилъ меня предпринять
путешествіе на Востокъ (въ ноябрѣ
1844 года): желаніе изучить мусуль-
манское рабство, чтобъ сравнить его
съ рабствомъ на Западѣ, и жела-
ніе увидѣть единственное въ исторіи
зрѣлище народа, возрожденнаго его
властелиномъ.» Авторъ думалъ, что
на берегахъ Нила происходить дви-
женіе цивилизации, и что великій че-
ловѣкъ мощнымъ и благотворнымъ
голосомъ призываетъ народъ, долгие
время томившійся въ угнетеніи, къ
свободѣ, процвѣтанию и вслѣдъ об-

щественимъ улучшеніямъ. Наблюде-
вія его надъ рабствомъ еще неконче-
вы; теперь онъ изучаетъ этотъ фактъ
вездѣшной общественности въ Алжи-
рѣ. Нынѣ-вышедшая книга его посвя-
щена исключительно Египту. Стоитъ
только прочесть нѣсколько страницъ
ея, чтобъ убѣдиться въ печальной истинѣ,
— именно, что Египетъ нѣкогда
не былъ несчастіемъ, угнетеніемъ, уни-
женіемъ и безлюдіемъ, какъ подлѣ прав-
леніемъ своего мнимаго образователя,
знаменитаго тирана Мехмеда-Али.

• Египетъ • говоритъ Шёлхеръ:
• составляетъ частную собственность
• Мехмеда-Али: ему принадлежить
• все — деньги и люди, кромѣ имѣній, от-
• данныхъ имъ, вмѣстѣ съ жителями,
• своему семейству и своимъ любим-
• цамъ.

• Чтобъ обезпечить собиравіе налога,
• Мехмедъ изобрѣлъ способъ, но-
• вышюій себѣ ни примѣра, ни ана-
• логіи въ фивансовыхъ мѣтописяхъ,
• столь богатыхъ несправедливостями
• всякаго рода. Всѣ жители каждой де-
• ревни отвѣчаютъ другъ за друга; ни-
• кто не можетъ уклониться отъ этого
• закона; отвѣтственность существу-
• етъ также между деревнями одного
• и того же округа и между различны-
• ми округами одной и той же области.
• Если на деревни нѣсколько време-
• ни лежитъ недоимка, которую сосѣ-
• ди не могутъ выплатить, деревню кон-
• фискуютъ въ пользу великаго паши
• или вице-короля, совсѣмъ ея жителя-
• ми и принадлежащими ей землями. Это
• французское корпоральное повужде-
• ніе (*contrainte par corps*), примѣняе-
• мое въ вассанъ; лучше сказать, это
• порабощеніе цѣлаго народонаселенія,
• за которымъ лежитъ недоимка, пото-
• му-что деревня, будучи однажды кон-
• фискована, не можетъ потомъ освобод-
• иться, хотя бы она и уплатила
• своиа залога.

Мехмедъ-Али не всегда конфис-
куетъ деревни. Врѣня-отъ-времени, за-
мѣтитъ какого-нибудь бѣя-мусульма-
нина, Котта или Армянина, обогативша-
гося казнимъ нибудь способомъ, онъ

T. L. — Отд. VII.

даритъ ему двѣ или три такіа деревни,
съ правомъ располагать по произволу
и людьми и вещами. Всѣ страшатся
подобныхъ подарковъ, отъ которыхъ
никто не смѣетъ отказаться, потому-
что, вмѣстѣ съ даромъ, на новаго вла-
дѣльца переходитъ обязанность пла-
тить въ казну, за эти деревни, всѣ по-
дать, не говоря уже о недоимкѣ, кото-
рую вносятъ при самомъ пожалованіи.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ
намъ дѣлать выписки изъ этого во
всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго со-
чиненія. Оно раздѣляется на двѣ ча-
сти. Одиннадцать главъ, изъ которыхъ
состоитъ первая часть, имѣютъ слѣду-
ющія заглавія: налоги, правосудіе, ал-
мен и ковали, госпитали и училище
медицины, арсеналъ, образцовыя мас-
терскія, фабрики, школы, прорытіе
Суэскаго-Перешейка, феллахи, травля
людей въ Сеннаарѣ и Кордофанѣ, слу-
хи, арабская и египетская народность,
и, наконецъ, Мехмедъ-Али. Всѣ эти
главы до того любопытны, до того на-
полнены фактами, что недоступны ни
для какого разбора или извлеченія.
Вторая часть носитъ заглавіе: • Путье-
ствіе •. Она состоитъ изъ тринадцати
главъ съ слѣдующими названіями: 1)
почтовые пароходы Леванта; Мальта;
2) отъ Александрии до Каира; 3) Ка-
иръ, 4) мечеть, религія; 5) Коранъ; 6)
плаваніе по Нилу; 7) Средній Египетъ;
8) племена обитателей Египта; дре-
вность воіупскаго законодательства; 9)
Верхній Египетъ; 10) развалины Оивъ;
11) искусство въ древнемъ Египтѣ; 12)
муміи; 13) пирамиды.

Если время и обстоятельства позво-
лятъ, мы еще возвратимся къ сочине-
нію г. Шёлхера.

ESCRIVAINS ET POËTES DE L'ALLE-
MAGNE *par* M. Henri Blaze (Писатели
и Поэты Германіи, Анри Блаза).

LES POËTES CONTEMPORAINS DE
L'ALLEMAGNE, *par* M. N. Martin (Со-
временныя Поэты Германіи, Н.
Мартена).

Германія, и въ особенности ея литера-
тура, долго оставались совершенно-не-

известными Франціи. Подобное незнаніе продолжалось даже и въ восемнадцатомъ столѣтіи, которое, впрочемъ, было безплодно и для германской литературы, представлявшей одни сколки съ произведеній писателей такъ-называемаго золотого вѣка Франціи. Хотя знаменитый Тюрго, не смотря на свои многочисленныя занятія, нашелъ время перевести «Мессіаду» Клопштока и «Смерть Авеля» Геснера; хотя въ 1790 году Постановительное Собраніе дало права французскаго гражданства Клопштоку и Шиллеру, почти не зная ихъ, но появленіе въ 1813 году известной книги г-жи Сталь «L'Allemagne» было для французской публики, можетъ-быть, болѣе-неожиданною новостію, нежели въ наше время переводы произведеній нѣкоторыхъ русскихъ писателей, которымъ Французы не могли отказать въ справедливой дани похвалъ и удивленія. Книга г-жи Сталь, не смотря на ея недостатки, положила начало и основаніе изученію ученой и литературной Германіи. Съ того времени непрерывно появлялись и продолжаютъ появляться сочиненія, статьи и переводы, показывающіе, что изученіе отдѣльныхъ направленной германской науки и литературы, богословія, философіи, права, поэзіи, романа и т. д. идетъ быстро и съ каждымъ годомъ усиливается. Понятно, какіе великіе результаты должны произойти отъ этого сближенія двухъ націй, изъ которыхъ одна всегда жила отвлеченною, исключительной жизнью умозрѣнія, а другая, по самой природѣ своей, преимущественно прель другими общительной и симпатичной, привала на себя разъясненіе ближайшихъ и непосредственныхъ интересовъ человечества, пропаганду идей и обобщеніе чувствъ и мыслей. Сочиненія гг. Анри Блаза и Мартена, имѣющія одинъ в тотъ же предметъ, хотя оба автора смотрятъ на него съ различныхъ точекъ, заслуживаютъ въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія. Раздѣливъ свою книгу на двѣ части, изъ которыхъ одна посвящена поэзіи ли-

рической, а другая содержитъ въ себѣ критическіе разборы нѣкоторыхъ поэтовъ и поэтовъ, г. Блазъ, въ общирномъ разсужденіи о лирической поэзіи, только дѣлаетъ оцѣнку и библиографическіе очерки преимчивиковъ Шиллера и Гёте, но представляетъ читателю критическую исторію германской поэзіи, Lied, на которую долгое время обращали никакого вниманія, пото говоритъ онъ: «что, подобная березамъ и незабудкамъ Рейна и Дунаю, она прячется въ литературномъ саду и открываетъ свою тависку только прелесть только странника, издавшимся въ сердцѣ германской народности». Онъ опредѣляетъ такое Lied въ Германіи, приводя примѣры ея въ различныхъ родахъ, показываетъ, какъ германская поэзія родилась и развивалась въ вароветъ четырнадцатаго до шестнадцатаго вѣка, какъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ потеряла свой національный характеръ, чтобъ снова воскреснуть прошедшемъ столѣтіи, вѣстѣ съ стрымъ движеніемъ впередъ всей германской поэзіи, — движеніемъ, во главе котораго стоитъ Гёте. Г. Блазъ береть нѣсколько поэтовъ, Гёте, Шиллера, Уландъ, Фридриха Рюккерта, Юлиана Кёрнера и Эдуарда Мёрке, объ которыхъ, въ какомъ состояніи ума и сердца они писали свои лирическія произведенія, оцѣниваетъ критически эти произведенія и, въ подтвержденіе своихъ сужденій, переводитъ нѣкоторые изъ нихъ на французскій языкъ то стихами, то прозою. Жаль только, что онъ святивъ четыре длинныя главы между Кёрнеру, Рюккерту и Мёрке, а въ другихъ поэтахъ, заслуживающихъ болѣе вниманія, — о Мюллерѣ, Гейне, Шамиссо, Гюльке, графѣ Платенѣ, Фрейлихъ, Гербегѣ и многихъ другихъ, — вообще, г. Блазъ показываетъ себя слабымъ приверженцемъ неопредѣленной поэзіи, которая, по его же собственному выраженію, и

вится только въ известныя часы, при известныхъ условіяхъ. Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ протестуетъ противъ поэзіи другого рода, пробуждающей въ душѣ не одиѣ идеальныя мечты о лунномъ свѣтѣ, надвѣвающей странѣ и т. д., но дающей душѣ силу и энергію, необходимыя для жизни и дѣйствія. Этой-то поэзіи, поэзіи новой школы, поэзіи политической, очень не жалуетъ г. Блазъ.

Вторая часть сочиненія его посвящена почти-исключительно тремъ писателямъ: Жан-Полю Рихтеру, Иммерману и Лудвигу Тьку. Она оканчивается двумя краткими очерками, имѣющими предметомъ Беттину Арнимъ и Климента Брентано, Гёте и графиню Штольбергъ.

Г. Мартенъ въ своемъ сочиненіи занимается одними поэтами. Онъ также и бѣгаетъ биографіи писателей съ критическимъ разборомъ ихъ произведеній, которыя онъ отчасти переводитъ то стихами, то прозою. Будучи справедливымъ г. Блазъ въ критической оцѣнкѣ произведеній различныхъ школъ, онъ раздѣляетъ съ нимъ одинъ общій недостатокъ, — какую-то напыщенность фразы и выраженій, особенно замѣтную въ переводахъ.

Г. Мартенъ насчитываетъ между современными германскими поэтами четыре школы: швабскую, австрійскую, отличающуюся своимъ эклетическимъ характеромъ и часто успѣвающую соединить наивную прелесть швабской поэзіи съ скептической ироніей прусской школы, которую правильнѣе слѣдуетъ называть сѣверною, наконецъ, четвертую, столько же принадлежащую сѣверу, какъ и югу, имѣющую послѣдователей вездѣ, стремящуюся поглотить всѣ прочія направленія, — словомъ, школу политическую. Всѣхъ замѣчательнѣе, по мнѣнію автора, школа австрійская: она постоянно умѣетъ удерживаться въ серединѣ между двумя крайностями, — политическимъ направленіемъ съ одной стороны и непосредственнымъ созерцаніемъ природы съ другой; она одна постоянно-вѣрна строгимъ законамъ искусства и требо-

ваніямъ поэзіи. Къ ней принадлежатъ Анастасій Грюнъ (графъ Дауерсбергъ), Ленау, Карлъ Бѣкъ и Зеллицъ. Г. Мартенъ отдастъ также справедливость тремъ представителямъ сѣверной школы, непримиримымъ врагамъ Франціи — Теодору Кёрнеру, Шенкендорфу и Арндту, изъ которыхъ первый, какъ известно, погибъ съ мечомъ въ рукѣ во время борьбы за независимость Германіи. Что касается до политической школы, къ которой принадлежатъ Фрейлигратъ, Гоффманъ Фаллерслебенъ, Гервегъ и Прютцъ, то, по мнѣнію Мартена, она, какъ бываетъ со всѣми на свѣтѣ, достигла уже той точки, гдѣ нѣтъ болѣе развитія впередъ, гдѣ остается одно — или умереть, или переродиться. Мысль говоритъ онъ: что политика достаточна для произведенія и поддержанія литературной школы, могла родиться только въ народѣ, стоящемъ на первой ступени политическаго существованія, когда будущность представляетъ ослабленному зрѣнію такую широкую перспективу. Но міръ политическій — міръ фактовъ; вошелъ въ него, тотчасъ замѣчаешь его непрѣтныя границы. Нельзя представить себѣ школу поэтовъ, которые, изложивъ въ болѣе или менѣе удачныхъ образахъ свои мнѣнія о человечествѣ, постоянно живутъ въ оппозиціи и гнѣвѣ. Очевидно, что муза не можетъ долго идти по этой дорогѣ. Молчаніе Гервега со времени появленія послѣднихъ его стихотвореній, принятыхъ уже не съ такимъ энтузіазмомъ, какъ прежде, столько же замѣчательно, какъ и безмолвіе Фрейлиграта въ Швейцаріи и уклоненіе отъ избраннаго поприща Гоффмана Фаллерслебена въ послѣднемъ его сочиненіи, названномъ имъ *Diavoline*. Можетъ быть, мы ошибаемся, — прибавляетъ онъ, — изрекая подобный приговоръ о будущности школы, считающей въ радахъ своихъ людей полныхъ жизни и дарованія. Пусть же они докажутъ намъ, что мы обманулись въ своихъ предсказаніяхъ; мы въ этомъ охотно сознаемся при первомъ извѣстномъ про-

изведован, которое внушить им политика..

Рекомендуемъ оба эти сочиненія тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые, по незнакомству съ вѣмецкой литературой, привуждены почерпать свѣдѣнія о ней изъ вторыхъ источниковъ.

ETUDES SUR L'HISTOIRE DE LA LOMBARDIE DANS LES TRENTES DERNIÈRES ANNÉES. MANUSCRIT D'UN ITALIEN, publié par H. Lézat de Pons (Исторія Ломбарди въ-теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ, издавъ Лева де-Понсъ).

Изъ числа ежедневно-появляющихся брошюръ о различныхъ событіяхъ современной исторіи, нечуждыхъ, можетъ-быть, нѣкотораго интереса для будущаго историка нашего времени, брошюра, изданная г. Лева де-Понсомъ, заслуживаетъ особенное вниманіе. Авторъ ея, имя котораго не счелъ нужнымъ объявлять издатель, — Итальянецъ, повинувшій отечество въ-слѣдствіе политическихъ обстоятельствъ и вознамѣрившійся на чужбинѣ описать происшествія, которыхъ онъ, какъ видно изъ его разсказа, по-большой-части самъ былъ свидѣтелемъ. Его описаніе дышетъ интересомъ истинны и современности. Умѣренность въ сужденіи о людяхъ — результатъ долгихъ страданій, правильный взглядъ на взаимныя отношенія государствъ и горячая любовь къ прекрасной Италіи составляютъ не послѣднія достоинства этого сочиненія, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что они рѣдко соединяются въ произведеніяхъ современныхъ публицистовъ. Брошюра раздѣляется на двѣ части; первая обнимаетъ собою эпоху Имперіи, когда могучей волей Наполеона была перестроена Италія и изъ сѣверной ея части образовано Итальянское-Королевство, уничтоженное въ-послѣдствіи на вѣскомъ конгрессѣ. Колоссальная тѣнь Наполеона мелькаетъ за учрежденіями, которымъ служило образцомъ устройство французской монархіи, но которыя тѣмъ не менѣе сохранили юному королевству право вну-

треннаго управленія и политическую самостоятельность. Благородный характеръ вице-короля итальянскаго, принца Евгенія, выставленъ авторомъ въ надлежащемъ свѣтѣ и защищенъ отъ неправоуказанныхъ сужденій итальянскихъ патріотовъ, слѣбныхъ протавниковъ власти, обѣщавшей имъ спокойствіе и независимость. Во второй части описаны несчастныя попытки большею частію молодыхъ энтузіастовъ, стремившихся къ переимѣнъ существующаго порядка и осуществленію надеждъ, за которыя они такъ дорого заплатились. Сожалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ слѣбать нѣсколько выписокъ изъ этой книги въ оправданіе нашего о ней мнѣнія. Впрочемъ, и выборъ изъ подобнаго сочиненія весьма-затруднителенъ, а потому намъ остается предоставить по-вѣру нашихъ сужденій собственную усмотрѣнію читателя.

UN LIVRE POUR LES FEMMES NARRÉES, par l'auteur du «*Mariage au point de vue chrétien*». (Книга для замужнихъ Женщинъ, соч. автора книги: *Бракъ съ христіанской точки зрѣнія*).

IL Y A DES PAUVRES A PARIS... ET AILLEURS. Par M-me la comtesse Agénor de Gasparin (Есть бѣдные въ Парижѣ... и въ другихъ мѣстахъ, соч. графини Аженоръ де-Гаспаренъ).

Красворѣчивый авторъ книгъ, главія которыхъ выписаны выше, г-жа Аженоръ де-Гаспаренъ, уже известна во французской литературѣ своимъ сочиненіемъ «*Бракъ съ христіанской точки зрѣнія*». Новое сочиненіе ея отъ того же предметъ содержитъ въ себѣ развитіе пачалъ, высказанныхъ въ прежнемъ. Вся разница только въ формѣ выраженія. «*Книга для замужнихъ женщинъ*» — не что иное, какъ романъ, представляющій читателю различныя положенія замужней женщины. Не смотря на трудность соединенія дидактической формы съ формою чисто-художественною, — причемъ обыкновенно терзаетъ послѣдняя, а съ нею вмѣстѣ и читатель, и даже самъ авторъ, наводящій

своиъ сочиненіемъ скуку и стало-быть не достигающій предположенной цѣли, — не смотря на чистоту началъ и благородство намѣреній графини Гаспаренъ, книга ея много теряетъ отъ какаго-то протестантскаго ригоризма и почти педантической сухости, проглядывающей тамъ-и-сямъ съвозъ страницы, написанныя съ краснорѣчивымъ убѣжденіемъ. Въ одномъ мѣстѣ, авторъ возбуждаетъ даже вопросъ о томъ, возможно ли счастье въ бракѣ съ мужчиной другой религіи... Безъ этихъ странныхъ односторонностей, безъ этой сухости, ставящей расчеты разсудка выше благородныхъ, хотя часто опасныхъ порывовъ сердца, книга госпожи Гаспаренъ заняла бы почетное мѣсто въ библіотекѣ каждой образованной жепщины.

Второе сочиненіе автора, по собственнымъ словамъ его, «предназначается для богатыхъ». Пробудить въ сердцахъ земныхъ счастливыхъ сострадавше въ нихъ несчастнымъ братьямъ—вотъ все, чего хочетъ достигнуть г-жа Гаспаренъ. Читая ея книгу, чувствуешь, что она изучила всѣ степени бѣдности, что ей извѣстно не изъ однихъ книгъ и разсказовъ положеніе несчастнаго класса, называемаго низшимъ. Она не обвиняетъ бѣдняка въ его бѣдности и униженіи, подобно многимъ экономистамъ и претендентамъ на роль общественныхъ преобразователей; она нападаетъ на эгоизмъ богатыхъ. «Этотъ эгоизмъ, который я преслѣдую», говоритъ она: «я пашла въ собственномъ своемъ сердцѣ»,—и послѣ такого благороднаго сознанія прибавляетъ, что она больше проникнута обязанностями богатыхъ къ бѣднымъ, нежели бѣдныхъ къ богатымъ. Внимательно и безъ ложной скромности разсматривая пагубныя дѣйствія бѣдности, г-жа Гаспаренъ ищетъ, гдѣ таится этотъ ядъ, и находитъ, что онъ—то подъ видомъ физическаго нужды разрушаетъ тѣло, то убиваетъ разсудокъ, то поражаетъ смертельнымъ бездѣйствіемъ нравственное чувство долга. «Богачъ» говорить г-жа Гаспаренъ: «сады за столъ,

съ удовольствіемъ говорить: у меня аппетитъ! То же говорить бѣднякъ, но съ ужасомъ.—Мужъ мой работаетъ, восплицаетъ жена работника: но если бы вы знали сколько онъ ѣстъ! — Я страдаю, шепчетъ больной, но что всего хуже, я ѣмъ!—Мать, живущая въ довольствѣ, улыбается, глядя, какъ ея свѣжій и бодрый ребенокъ кусаетъ жирный кусокъ говядины; мать бѣднаго глядитъ съ безповойствомъ, какъ ея сынъ, блѣдный, худой и голодный захватываетъ долю хлѣба, принадлежащую его братьямъ. Послѣ работы, человекъ богатый съ восхищеніемъ думаетъ о покоѣ, о своемъ домѣ, о своемъ семействѣ. Послѣ работы, человекъ бѣдный съ грустью помышляетъ о жалобахъ дѣтей, о ропотѣ жены, о темной и голой квартирѣ, и неизвестности завтрашняго дня.»

И авторъ обходитъ всѣ углы, въ которыхъ живутъ люди, принужденные работать, начиная отъ охладѣвшей печи, около которой, вокругъ отца и матери, изнуренныхъ усталостью и нищетою, жмутся съ поадожными блѣдныхъ, голодныхъ и дрожащихъ отъ стужи дѣтей, до одинокаго чердака, гдѣ стучитъ зубами несчастная швея, бѣдная, полуодѣтая, всѣми покинутая, съ пустымъ желудкомъ, которая непрерывной работой, едва дающей ей шесть часовъ въ сутки отдыха, не можетъ удовлетворить самымъ необходимымъ нуждамъ.

«Если Богъ далъ ей красоту, порокъ составляетъ вокругъ нея самыя искусныя сѣти. Но, говорятъ обыкновенно, если эта дѣвушка падаетъ, то причиною тому меньше бываетъ бѣдность, нежели ея вѣтрость, тщеславіе. Работой она могла бы доставать себѣ простую пищу, скромную одежду, чистое, хотя бѣдное помѣщеніе... она мечтаетъ о пышныхъ нарядахъ, великолѣпной квартирѣ, утонченномъ столѣ, удовольствіяхъ; она мечтаетъ еще о предпочтеніи, которое будутъ оказывать ей красотѣ, объ упорительныхъ признаніяхъ, о краснорѣчивой страсти свѣтскаго чело-вѣка; развратъ открываетъ ей врата этого чувственнаго рая, она ослѣбляется, идетъ къ нему и падаетъ въ грязь... Но она

могла противостать искушению, и тогда она избѣжала бы безчестія, бѣдности. Отъ-чего же она не сдѣлала этого?

«Женщины благоразумныя, женщины серьезныя, не-уже-ли вы забыли, какъ долго заглядывались вы на тотъ или другой уборъ?.. Развѣ вы забыли всѣ лишения, перенесенныя съ геройскою твердостью... для того, чтобы накинуть себѣ на плеча индійскую шаль или заколоть волосы какою-нибудь брильянтовой булавкой?

«И вы, невнятыя, которыя дышете въ святой атмосферѣ чистоты!.. Развѣ никогда лицо ваше не рдѣло румянцемъ, который не былъ ни краской негодования, ни выраженіемъ оскорбленной стыдливости? Когда одно слово, вырвавшееся у страсти, у страсти преступной, открывало вамъ, что вы любимы, билось ли тогда ваше сердце волненіемъ ужаса, смутенія, или чувствомъ тайной, задушевной радости, чувствомъ гордаго упоенія?

«Прихоти богача и прихоти бѣдняка, слабости одного и слабости другаго вмѣютъ не одинаковыя послѣдствія... Въ нашихъ глазахъ это различіе не только не увеличиваетъ, но уменьшаетъ вину бѣднаго.

«Въ-отношеніи къ бѣдняку, всѣ его проступки выражаютъ три слова: холодъ, голодъ, порокъ.»

Госпожа Гаспаренъ признаетъ, что большая часть проступковъ въ рабочемъ классѣ происходитъ отъ его бѣдности. Она показываетъ, какъ физическія страданія мало-по-малу отдаляютъ женатаго человѣка отъ семейства. Онъ влѣтъ искать забвенія въ кабацкѣ, гдѣ не услышитъ ни жалобъ жены, ни криковъ дѣтей своихъ. Съ другой стороны, жена его, подлѣ гнетомъ непрерывной работы, невольно покидаетъ заботы о внутреннемъ благоустройствѣ дома, даже о чистотѣ, которыя обыкновенно влекутъ къ домашнему очагу мужчину. Въ такомъ положеніи весьма-легко доходить до ссоры, часто безъ всякой причины, безъ всякаго повода, кромѣ взаимнаго несчастія. «Усталая душа не выдерживаетъ тягости» и мало-по-малу супруги удаляются другъ отъ друга по тѣмъ же причинамъ, которыя-должны бы были способствовать ихъ сближенію. По-

слѣдствіемъ такого состоянія непременно бываетъ совершенное оставленіе дѣтей. Счастливейшія изъ нихъ, въ самомъ раннемъ, въ самомъ-раннемъ возрастѣ приврѣваются въ пріютахъ. Самое большее число бродяжничаетъ по улицамъ, гдѣ убиваютъ ихъ и дурной воздухъ и еще болѣе разрушительныя дѣйствія безразвѣнности; или наконецъ они прозабываютъ въ тѣсной и душной канурѣ, гдѣ, за незначительную плату, беретса присматривать за ними какая-нибудь старуха, вовсе-недумаящая о томъ, что она должна замѣнить имъ мать

А когда является къ работнику бѣднѣе, эта связь, всего тверже соединяющая отношенія родства и дружбы, — передъ нимъ больница: туда отправляется больной и страждетъ, умираетъ вдали отъ своихъ. Если это мать, дѣти остаются болѣе нежели когда-либо покинутыми, потому-что отецъ бѣжитъ своего грустнаго жилища; онъ ищетъ забвенія своей горести иногда даже въ порокѣ.

Разлученіе, совершенное распаденіе семейства — таково часто положеніе рабочаго класса.

Положивъ въ разительныхъ чертахъ матеріальныя бѣдствія бѣдняка, г-жа Гаспаренъ показываетъ какъ мало-помалу нищета отдаляетъ его отъ всякой умственной жизни, отъ всякаго божественнаго луча разума.

«Работнику нѣкогда мыслить; часто у него не достаетъ для того силъ. Съ каждымъ днемъ стѣна, которую ставитъ передъ глазами его нужда, возвышается на нѣсколько линий. Скрывъ мало-помалу горизонтъ земли, она заслоняетъ постепенно все небо. Вчерашнее утомленіе, невѣстность о завтрашнемъ днѣ, бѣдствія сегодняшнія образуютъ вокругъ него какъ-будто густой туманъ, преломляющій прекрасные лучи солнца и давящій ему грудь. Онъ сосредоточивается самъ на себѣ, онъ уже не хочетъ разорвать цѣпи, которая быстро становится все короче и короче; онъ даже не хочетъ знать длинны ея; онъ оставляетъ ее висѣть и садится, повуривъ голову къ землѣ, на которую онъ только и смотритъ.»

Но, кромѣ оцѣненія умственныхъ способностей, нѣтъ ли еще другаго бѣдствія, которое угрожаетъ бѣдному? . Есть ., отвѣчаетъ г-жа Гаспаренъ: . «ъ человѣкѣ не одна умъ: у него душа, душа нѣжная, сочувствующая, душа, поставленная между счастьемъ и вѣчными муками, душа, которой оставлено не много лѣтъ для выбора... . Что ж! поаробуйте сказать (французскому) работнику о блаженствѣ, о силѣ, о необходимости молитвы, и онъ самъ отвѣтитъ изреченіемъ, начертаннымъ Сатаню въ книгѣ лжи: работатъ — значить молиться». Отсутствіе молитвы ведетъ бѣдника къ грубымъ, часто преступнымъ наслажденіямъ.

При этомъ случаѣ, безчувственные богачи, противъ которыхъ авторъ возстаетъ отъ начала до конца своего сочиненія, безъ всякаго сомнѣнія возражаютъ:

«Бѣднякъ можетъ предаваться удовольствіямъ невиннымъ; кто заставляетъ его выбирать преступныя?—Онъ самъ, вы и я, потому-что мы не доставляемъ ему наслажденій благороднѣйшихъ, потому-что даже не развѣиваемъ въ его сердцѣ стремленій къ нимъ; вы и я, которые забвѣнечъ, небрежностью, посреди нашей роскошной жизни и упоенныхъ удовольствій, позволяемъ низшимъ классамъ съ каждымъ днемъ падать ниже...»

И, говоря объ опасости подобнаго состоянія, г-жа Гаспаренъ прибавляетъ: «два общества, одно, подавленное гнетомъ работы, другое покоящееся подъ вліаніемъ свободы, одно преданное въ жертву нищетѣ, другое пресыщенное матеріальнымъ благодѣяніемъ; одно соращенное съ пути ко всякому высшему стремленію, другое болѣе и болѣе развивающее умственныя способности, — два общества столь глубоко различныя не могутъ долго оставаться въ единствѣ. Пропастъ разверзта между ними... Эту пропасть всѣ видятъ, всѣ ея пугаются. Стараются соединить берега ея и для этого кладутъ черезъ глубинну два моста: *ложныхъ мечтаний и ложныхъ средствъ.*

Величайшее изъ ложныхъ мечтаний состоитъ въ томъ, что отвергаютъ

существованіе бѣдности. Ложныхъ средствъ, которыми думаютъ ее уничтожить, много. Госпожа Гаспаренъ въ подробности разбираетъ ихъ, показываетъ ихъ недостаточность и наконецъ излагаетъ свое мнѣніе о томъ, какъ помочь вѣду, котораго она однако не видитъ возможности уничтожить. Вотъ ея слова:

«Пусть услыится личное, прямое вмешательство бѣднымъ; пусть каждая достаточная женщина посвятитъ часть своего достоянія, часть своего времени, часть своего сердца на вспоможеніе бѣднымъ. Пусть каждая изъ нихъ проводитъ въ убѣжищахъ нищеты, куда она приведетъ, вѣствѣ съ матеріальнымъ пособіемъ, наставленія религіи и образованности, тѣ часы, въ которые она занята пустыми уборамъ, опасными удовольствіями, суетнымъ досугомъ.

«Иудей посвящали пятую долю своего имущества Богу. Мы, христіане, спасенные любовью, какую часть посвящаемъ ему? Еслибъ наша щедрость равнялась щедрости еврейскаго народа, Христосъ не страдалъ бы больше въ лицѣ нищихъ.»

Такова книга г-жи Гаспаренъ. Нельзя не отдать справедливости благороднымъ намѣреніямъ автора, краснорѣчю, съ которымъ она защищаетъ слабого и бѣднаго, мастерскому изложенію предмета и множеству прекрасныхъ мыслей, вѣрныхъ замѣчаній. Чтеніе этой книги и занимательно въ высшей степени и полезно. Но разрѣшаетъ ли благородная писательница такъ прекрасно-поставленную ею задачу? Какимъ образомъ произвестъ нравственный переворотъ, котораго она требуетъ? Кто заставитъ счастливица понинуть свой эгоизмъ и равнодушіе къ чужимъ бѣдствіямъ? кто превозможетъ его предубѣжденія и страхи?.. Г-жа Гаспаренъ какъ-будто хочетъ, чтобы бѣдность существовала вѣчно, чтобы дать богачу случай упражняться въ щедрости и добродѣтели. Нѣтъ сомнѣнія, что богатые не мало выиграютъ въ нравственномъ отношеніи, слѣдуя совѣтамъ автора; но въ равной ли степени выиграетъ бѣдный? И если

нѣсколько человекъ будутъ спасены подобными средствами, то эти средства останутся недостаточными для общества, для цѣлой семьи человечества.

Книгѣ г-жи Гаспаренъ предстоитъ счастливая участь: проникнувъ въ гостиница, она напомнитъ о забытыхъ обязанностяхъ, въ лачугахъ нищеты она возбудитъ надежды.

ETUDES SOCIALES par M. de Potter
(Исследование Общественнаго Устройства, соч. Поттера).

Авторъ этой книги принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ бельгійскихъ экономистовъ, хотя труды его, по какой-то необъяснимой странности, очень мало извѣстны даже во Франціи. Книгѣ его — сборникъ статей, печатавшихся почти ежемѣсячно, начиная съ 1840 года, въ бельгійскихъ временныхъ изданіяхъ. По мнѣнію его, мы живемъ въ эпоху сомнѣнія, исследование и рационализма. Отнынѣ только наука должна руководить убѣжденіями и открыть истинныя начала для существованія общества, которыя должны быть началами справедливости, идеальной, абсолютной справедливости. Приводитъ эту справедливость въ дѣйствіе въ человѣческихъ обществахъ, принадлежитъ правительству.

Не смотря на прекрасное направленіе этой книги, у автора ея часто замѣтенъ недостатокъ ясности и опредѣленности въ мысляхъ, логической послѣдовательности въ выводахъ. Возбуждая множество вопросовъ, онъ ихъ не разрѣшаетъ; говоря о справедливости, требуя абсолютной справедливости, онъ не опредѣляетъ, чего требуетъ абсолютная справедливость и въ какомъ положеніи общества каждый изъ его членовъ по необходимости долженъ соблюдать, приводить въ дѣйствіе справедливость. Безъ разрѣшенія этихъ вопросовъ, книга не представляетъ ученой полноты, — а одна живая практическая не удовлетворяетъ и никогда не удовлетворитъ справедливымъ желаніямъ людей благомыслящихъ.

UN TOUR EN IRLANDE, par M. Joseph Prévost (Повѣдка въ Ирландію, Жозефа Превѣ).

Въ послѣднее время, столько писалъ объ Ирландіи книгъ, книжекъ, брошюръ и статей, гдѣ ее судили и вкривъ и вкось и влодь и поперекъ, что «Повѣдка г. Превѣ съ перваго раза возбуждаетъ невольныя сомнѣнія. Посчастію, эти сомнѣнія скоро растворяются при чтеніи книги. Это не политическій памфлетъ и не «путевыя впечатлѣнія», которыми такъ долго угощали публику французскіе литераторы, часто не выходя изъ дверей своего кабинета. Въ этомъ отношеніи, въ литературной честности г. Превѣ нельзя сомнѣваться: книга его скорѣе похожа на журналъ образованнаго и наблюдательнаго туриста, постоянно занимательный, часто насмѣшливый. Кромѣ этихъ достоинствъ, она отличается простотою изложенія и красивымъ, правильнымъ языкомъ, который становится все рѣже и рѣже во Франціи, благодаря трескучимъ фразамъ и откупному перу знаменитыхъ романистовъ,

De tous ces balladins qui dansent sur la phrase.

Авторъ умѣлъ придать своей книгѣ значеніе не минутнаго литературнаго произведенія, которое столь же легко прчитывается, какъ скоро забывается: онъ собралъ мѣстные преданія, народныя легенды Ирландіи и вводитъ читателя во внутреннюю поэтическую жизнь народа, знакомитъ съ его старыми вѣрованіями, языческими суевѣрїями, иногда мрачными, чаще утѣлительными, которыя вѣроятно вліяли нѣкогда, подъ звуки народной лютни, бардами, учениками и преемниками друидовъ.

RECHERCHES SUR LA SITUATION DES ÉMIGRANTS AUX ÉTATS-UNIS DE L'AMÉRIQUE DU NORD, par le baron A. von der Straten Ponthos (Исследование о положеніи эмигрантовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ Сѣверной Америки, барона фон-дер-Стратенъ Понтоса).

Съ 1790 по 1845 годъ, въ Америку переселилось изъ Европы, какъ показываютъ таможенные реестры, 2,063,727 человекъ. Это исчисленіе, разумѣется, только приблизительное, хотя оно и основано на официальныхъ документахъ; во-первыхъ, вѣроятно, чтобы въ теченіи пятидесяти лѣтъ можно было безошибочно исчислить, сколько иностранцевъ прибыло во всѣ порты Соединенныхъ-Штатовъ; во-вторыхъ, это исчисленіе, какъ дозвано было надѣлѣ, почти совершенно невозможно на сухонутныхъ границахъ, которыхъ огромное протяженіе препятствуетъ всякому правальному надзору, — такъ-что число всѣхъ переселенцевъ, нимало не преувеличивая, можно положить по крайней-мѣрѣ до трехъ милліоновъ. Въ послѣднее время, переселеніе цѣлыхъ семействъ и переводъ капиталовъ значительно увеличились. Менѣе, нежели въ четыре года, начиная съ 1841 до сентября 1844, число европейскихъ колонистовъ простиралось до 320,759 человекъ, изъ которыхъ было 200,227 Англичанъ, 72,031 Нѣмецъ, и т. д. Съ 1837 по 1839 годъ въ Соединенные-Штаты переселилось 18,937 Баварцевъ, которые привнесли съ собой капиталъ въ двадцать-пять милліоновъ. Это движеніе народонаселенія и капиталовъ въ-особенности должно интересовать сѣверныя государства Европы. Эмиграція преимущественно происходитъ изъ Англіи, Германіи и Бельгіи. Многія правительства, и особенно бельгійское, обратили вниманіе на это важное обстоятельство и стараются изслѣдовать движеніе и результаты европейской колонизаціи Америки. Съ этою цѣлію, баронъ фон-дер-Стратенъ Понтось, первый секретарь бельгійской миссіи въ Вашингтонѣ, осмотрѣлъ всѣ поселенія, разсѣяныя по восточнымъ и сѣвернымъ штатамъ Союза. Онъ объѣхалъ Пенсильванію, Питтсбургъ, Цинциннати и Дроливъ, потомъ Мичиганъ и Висконсинъ; спустившись къ югу, онъ достигъ берега Миссиссипи, штаты Миссури, Иллинои и Огіо. Въ этихъ

T. L. — Отд. VII.

поѣздкахъ онъ изучилъ положеніе европейскихъ переселенцевъ, ихъ отношенія къ гражданамъ Сѣвероамериканскаго-Союза, ихъ связи съ цивилизованными Индійцами сѣверныхъ штатовъ, ихъ политическое устройство, способы и промышленное развитіе различныхъ земледѣльческихъ поселеній, расположенныхъ въ лѣсахъ и лугахъ новаго свѣта передовыми постами цивилизаціи. Возвратясь въ Вашингтонъ, г. фон-дер-Стратенъ Понтось собралъ наблюденія свои въ книгу, которую можно назвать ручною кникою эмигранта въ Сѣверную-Америку.

Авторъ сперва излагаетъ въ ней исторію эмиграціи, потомъ вытѣшаетъ ее положеніе. Два закона опредѣляютъ политическое состояніе иностранцевъ, поселяющихся въ Соединенныхъ-Штатахъ: законъ отчужденія федеративной собственности, по которому имъ дается во владѣніе земля и опредѣляются условія этого владѣнія, и другой — законъ натурализаціи, дающій имъ званіе и права американскаго гражданина. Авторъ объясняетъ главнѣйшія распоряженія этихъ законовъ и показываетъ выгоды, въ которыхъ заранѣе можетъ быть утѣренъ европейскій переселенецъ. Онъ на этомъ не останавливается: эмигрантъ долженъ знать всѣ случаи, всѣ испытанія, всѣ опасности, которые ожидаютъ его во время переселенія. Авторъ, можно сказать, беретъ бельгійскаго или германскаго фермера за руку и ведетъ его отъ самой гавани, въ которой онъ вышелъ на берегъ, до окончательнаго мѣста его назначенія; онъ все предвидитъ, открываетъ ему всѣ нападенія, которыя онъ долженъ будетъ выдерживать со стороны рекрутскихъ наборщиковъ, капитановъ кораблей и проч. Въ книгѣ его означена плата за переездъ въ Америку, цѣны товаровъ и мѣстъ на желѣзной дорогѣ. Наконецъ, для европейскаго переселенца представляется вопросъ о томъ, какъ поселиться. Г. фон-дер-Стратенъ Понтось разбираетъ различное устройство ев-

1/2

ропейских поселений и, не рѣшая вопроса окончательно, даетъ однако почувствовать, что скорѣе всего можно ожидать прочныхъ выгодъ и существенныхъ улучшеній отъ такого устройства поселенія (agglomération), которое бы давало свободу личности колониста и скрѣпляло общество на подобіе семейства.

Les Israélites de Pologne, par Léon Hollaendersky (Польскіе Евреи, соч. Л. Голлендерскаго).

Извѣстно, что ни въ одномъ государствѣ Европы нѣтъ такого множества Евреевъ, какъ въ Польшѣ. По вычисленію г. Голлендерскаго, ихъ считается въ настоящее время до двухъ съ половиною милліоновъ. Историки не согласны между собою во времени, когда они въ первый разъ населили Польшу: одни полагаютъ, что это было въ XI вѣкѣ; по мнѣнію другихъ, гораздо ранѣе, а нѣкоторые даже полагаютъ, что Евреи жили уже въ Польшѣ при самомъ основаніи королевства. Впрочемъ, этотъ вопросъ не имѣетъ большой важности. Извѣстно съ достовѣрностью, что въ то время, когда несчастныхъ Евреевъ всюду преслѣдовали и истребляли, Польша сдѣлалась для нихъ безопаснымъ убѣжищемъ, гдѣ они могли жить въ покоѣ и заниматься различными промыслами. Большая часть ихъ перевелась изъ Германіи, гдѣ они были преслѣдуемы рыцарями-меченосцами. Они получили многія привилегіи, и документы тринадцатаго вѣка (1203 и 1207 г.) свидѣтельствуютъ, что они могли владѣть даже поземельною собственностью. Однимъ изъ ревностнѣйшихъ ихъ покровителей былъ Казиміръ-Великій. Этихъ покровительствомъ они обязавы были прекрасной Еврейкѣ, извѣстной полѣ именемъ Эстерки, которая умѣла внушить королю страстную любовь къ себѣ. Подъ

защитою мудрыхъ законовъ этого монарха, они основали города и мѣстечки, завели ремесла и обогатили страну, обогатясь вмѣстѣ съ тѣмъ сами. Со смерти этого государя, началась для нихъ эпоха несчастія и преслѣдованій. Прежде они носили одинакое платье со всѣми, но, по смерти Казиміра-Великаго, обязаны были носить желтые колпаны, чтобы ихъ можно было узнавать съ перваго взгляда. Фанатизмъ католическаго духовенства, ничѣмъ-неудерживаемый, началъ преслѣдовать ихъ съ невѣроятнымъ ожесточеніемъ. Чернь, обманутая ложными внушеніями въ возбуждаемая проповѣдями, стала позволять себѣ противъ несчастныхъ Евреевъ всякаго рода нестерпимости; бывали примѣры, что ихъ убивали во множествѣ, не щадя ни возраста, ни пола. Введеніе въ Польшу іезуитовъ было новымъ несчастіемъ для Евреевъ, точно такъ же, какъ и для всего государства. Они показали себя самыми злѣйшими врагами этого несчастнаго народа и всѣми мѣрами препятствовали сравненію правъ его съ правами другихъ подданныхъ.

Книга г. Голлендерскаго есть краткая исторія польскихъ Евреевъ съ самаго утвержденія ихъ въ государствѣ до нашего времени. Въ ней собраны любопытныя свѣдѣнія о ихъ внѣшнемъ положеніи, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, о сектахъ, за которыя они рѣдѣлены, и проч. Авторъ является жаркимъ партизаномъ эманципаціи этого несчастнаго народа, который еще въ большей части Европы составляетъ какую-то касту паріевъ. Къ книгѣ его присоединено введеніе, написанное съ жаромъ и увлеченіемъ И. Чивскаго, сдѣлавшійся уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ ревностнымъ адвокатомъ польскихъ Евреевъ и посвятившимъ этому дѣлу все свое дарованіе.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

БИОГРАФИИ.

ВИРЕЙ.

Вирей (Жюльенъ-Жозефъ) родился въ 1775 году. Отецъ его, нотариусъ въ мѣстечкѣ Ортъ, близъ Лангра, весьма заботился о его воспитаніи. Вирею не суждено было въ первые годы молодости спознаться съ злою вулгою, крайностью, дающею такіе здоровые, а иногда и гибельные толчки, отъ которыхъ уходитъ цѣль и непредѣлимъ только челоовѣкъ могучей, исключительной натуры. Съ раннихъ лѣтъ обнаружилась въ немъ склонность къ тихому, уединенному размышленію и страсть къ ученію. Достатокъ родителей и личныя способности — вотъ данныя, ручающіяся за усѣхъ молодого челоовѣка въ первоначальномъ образованіи, въ этой амальгамѣ точныхъ и практическихъ наукъ и пріятныхъ или, какъ ихъ называютъ у насъ, свободныхъ искусствъ, составляющей общій, предвзрительный курсъ. Окончаніе этого курса Французы выражаютъ словами *faire ses humanités*, какъ-бы давая гдѣмъ понять, что только тогда чело-

вѣкъ способенъ вступить въ сферу общечелоовѣческихъ интересовъ, проявить свою личность и самостоятельность, когда общество надѣлитъ его необходимыми познаніями, сдѣлаетъ его участникомъ наслажденій, составляющихъ общее достоиніе: иными словами — дастъ возможность преслѣдовать истину въ наукѣ и сочувствовать и служить прекрасному въ искусствѣ, — короче, когда общество *сдѣлаетъ его челоовѣкомъ*. Роль челоовѣка, какъ дѣятеля самостоятельнаго, начинается уже по полученіи первоначальнаго образованія; безъ него, онъ существо неполное, пассивное, обиженное, ободненное обществомъ, гдѣ онъ ищетъ и наслажденій, онъ, которому отказано въ первыхъ благахъ существа мыслящаго — въ образованіи!...

Биографія Вирей замѣчательна, между прочимъ, именно гдѣмъ, что во всей жизни этого ученаго можно видѣть благотворное вліяніе первоначальнаго образованія, которое онъ получилъ стараніями отца въ такую эпоху, когда вопросы о правахъ челоовѣка на обезпеченность и наслажденія не были въ ходу и интересовали очень-немногихъ.

Въ то время, когда Вирей окончивалъ свое воспитаніе и оставался въ нервѣнности — на что посвятить свою дѣятельность, революція вспыхнула и обхватила во всѣхъ концахъ Францію. Въ пору общественнаго кризиса, нечего было и думать о карьерѣ выгодной и наиболѣе-сообразной съ склонностями и способностями человѣка: шаткость настоящего и неизвѣстность будущаго озадачивали каждого. При такомъ положеніи дѣлъ, Вирей, неизвѣстно почему, посвятилъ себя фармаціи, и когда повсюду запыхала война, когда Франція потребовала отъ своихъ гражданъ крови и талантовъ, онъ вступилъ въ армию аптекаремъ, былъ въ походахъ, испыталъ всѣ трудности войны и, наконецъ, вступилъ въ страсбургскій военный госпиталь.

Въ это время, одинъ изъ членовъ военнаго медицинскаго совѣта въ Парижѣ, былъ человѣкъ, замѣчательный рѣдкими качествами души и необыкновенною любовью къ человѣчеству. Этотъ знаменитый человѣкъ, который, при жизни, не только не былъ оцѣненъ, но даже терпѣлъ насмѣшки и гоненія, и въ честь котораго теперь воздвигаютъ памятникъ, искалъ и поддерживалъ молодыхъ людей съ познаніями и любящихъ свое дѣло. Онъ оцѣнилъ Вирея, призвалъ его въ Парижъ и помѣстилъ его въ качествѣ фармацевта при военномъ госпиталѣ Вальде-Грассъ.

Знаменитый Пармантьѣ не ошибся въ выборѣ. Находясь въ столицѣ и имѣя подъ рукою всѣ средства къ дальнѣйшему образованію, молодой Вирей весь предался наукѣ: пламенно, настойчиво началъ онъ трудиться на ученномъ поприщѣ, и послѣдующая дѣятельность его характеризуется ѣтимъ неуклоннымъ, страстнымъ служеніемъ наукѣ: проводя цѣлыя дни въ библіотекахъ, музеяхъ и госпиталяхъ, или въ химическихъ и фармацевтическихъ лабораторіяхъ, онъ не зналъ удовольствій свѣтской жизни: — его радости опредѣлялись успѣшнымъ опытомъ, оправданной догадкой; его торжества,

его нравственное благосостояніе и вѣсели отъ хода ученыхъ работъ; онъ счастливъ былъ свѣтлой мыслью, разрѣшающей темныя, несогласныя дотолѣ факты; его спокойствіе и довольство завѣрялись успѣшнымъ преслѣдованіемъ истины, и все несогласующееся съ естественными науками, все противорѣчащее соверпательной жизни — не существовало для Вирея. Современникъ его, ученый и остроумный Шомстонъ, врачъ при военномъ госпиталѣ въ Дельотѣ, постоянно удивлялся ему, и, позволивъ себѣ маленькое уклоненіе отъ ученыхъ занятій въ пользу какого-нибудь свѣскаго удовольствія, называлъ себя «развратнымъ», «гулякой» въ сравненіи съ Виреемъ. Замѣчательно, однакожь, что соверпательная жизнь не привела Вирея ни къ одной изъ тѣхъ крайностей, къ которымъ болѣею частью приводитъ она труженниковъ науки. Отличительная черта его метода — гармонія опыта съ умозрѣніемъ.

Есть люди, поражающіе своею огромною и разнообразною эрудиціей, и при всемъ томъ неумѣющіе совладать со своими познаніями, пустить ихъ въ ходъ, примѣнить къ дѣлу. Не таковъ былъ Вирей. Появленіе въ свѣтъ его сочиненій показало, что онъ не только обладалъ глубокими и многообразными свѣдѣніями, но и умѣлъ воспользоваться плодами своихъ многолѣтнихъ трудовъ и наблюденій, умѣлъ и передать ихъ другимъ въ формѣ увлекательной и общепонятной. Первый успѣхъ въ ученномъ мірѣ поощрилъ его, и съ-тѣхъ-поръ, въ продолженіе сорока лѣтъ, онъ не оставлялъ уже литературнаго поприща, и всѣ разнообразныя сочиненія его по части химіи, натуральной исторіи, медицины и философіи, были принимаемы публикой съ восторгомъ. — Правда, ния его не соединяется ни съ какими громкими открытіями: онъ не бросилъ въ свѣтъ ни одной поражающей идеи, не пустилъ въ ходъ замысловатой гипотезы, не создалъ блестящей и оригинальной системы; за то онъ оставилъ по себѣ

шого свѣтлыхъ мыслей, основательныхъ положеній, и въ сочиненіяхъ своихъ — образецъ слога, соединяющаго опредѣлительность и точность, необходимую въ ученomъ трактатѣ, съ живостью и изяществомъ изложенія.

Людей, посвятившихъ себя наукѣ, можно раздѣлить на два класса: одни изъ нихъ одарены силою наблюдательности и анализа, другіе надѣлены животворящею силою воображенія. Вирей принадлежалъ къ послѣднимъ. Не вдаваясь въ пріямые наблюденія и подробныя изслѣдованія и углубляясь философски въ большую часть вопросовъ науки, онъ предался изысканію началъ, составляющихъ ея душу.

Видя, что наука постоянно блуждаетъ и занутывается отъ исключительности приверженцевъ опыта и враговъ всякаго обобщенія и умозрѣнія, находя направленіе ихъ ложнымъ, онъ воествовалъ противъ нихъ упорно, съ жаромъ, котораго слова одного изъ новѣйшихъ писателей: «остерегайтесь, бойтесь, бѣгите умственной дремоты».

Въ то же время, не зная исторіи науки, не понимая значенія ея въ прошедшемъ и отношеній къ настоящему, — въ глазахъ Вирей значило отказать отъ сужденія о современной наукѣ. Онъ глубоко постигалъ эту истину. Но, постигая ее, онъ не сдѣлался эрудитомъ въ томъ непріятномъ смыслѣ, какой получаетъ это слово, когда относятъ его къ людямъ, удовлетворяющимся знаніемъ всѣхъ сочиненій, писанныхъ когда бы то ни было и цѣкъ бы то ни было по такому-то предмету, всѣхъ мѣстныхъ, выраженныхъ учеными отъ начала науки до настоящей минуты, всѣхъ анекдотовъ библиографическаго міра и т. п. Въ сочиненіяхъ его, вслѣдъ за историческимъ изслѣдованіемъ вопроса, всегда встрѣтите вы собственное его мнѣніе о предметѣ, мнѣніе совершенно-оригинальное, запечатлѣнное особенностію его ума. Эти особенности опредѣляются при чтеніи Вирей: вы чувствуете, что преобладающею въ немъ

склонностью было все-таки умозрѣніе, котораго порывы сдерживалъ онъ по требованію здраваго смысла не безъ сожалѣнія. Умъ его чувствовалъ себя на просторѣ только подъ широкимъ горизонтомъ, любилъ или обозрѣвать самый этотъ горизонтъ, или смотрѣть на дробныя явленія не иначе, какъ съ высоты, отстоящей на одну линію отъ сферы, недоступной человѣческому познанію. Горько было ему сознавать предѣлы философскаго изученія природы; но утвердившись въ этомъ сознаніи, онъ называлъ мучительную, заглавную тоску свою по человѣческой ограниченности на синтетическомъ изученіи самыхъ мелкихъ частностей. Убѣжденный, что сущность жизни навсегда останется загадкой для человѣка, онъ утѣшался мыслью, что въ послѣдней казакѣ можно изучить условія проявленія этой сущности точно такъ же, какъ въ совершеннѣйшей изъ земныхъ тварей. Часто, однакожь, естественная склонность доводила его до самоудовлетворенія, возбуждающаго жалость: не позволяя себѣ *объяснять* необходимаго, онъ не могъ отказаться отъ невиннаго удовольствія *опредѣлять* его словами. Встрѣчая такіа опредѣленія, вы не скажете, чтобъ они доказывали незнаніе предѣловъ синтетической способности, но не можете не сказать, что они рѣшительно ни къ чему не ведутъ. Вникните въ источникъ этого голословія, и вамъ сдѣлается жаль живаго человѣка, который, кажется, говоритъ вамъ умоляющимъ голосомъ: «будьте такъ добры, повольте мнѣ только опредѣлить это слово — я истаялъ, изнылъ отъ мысли, что ни я, ни вы, никто въ свѣтѣ не *обладаетъ* предмета, который оно означаетъ».

«Жизнь» говоритъ Вирей: «не принадлежитъ индивидууму: это власта безсмертія, которая возвращаетъ ся такою же, какою почерпнула изъ неиссякаемаго источника времени; она въ самой-себѣ заключаетъ зародышъ разрушенія и теряется при со-

«общеніи». Подобныхъ фразъ можно насчитать довольно-много у Вирей.

Такимъ-образомъ, не упуская изъ вида ни фактовъ, ни наблюдений, Вирей, во многихъ своихъ произведеніяхъ, уноситъ читателя въ страны заоблачныя, показываетъ ему неизмѣримый горизонтъ, поражаетъ его высривными идеями, но все это представляеть ему падали, въ туманѣ. Отвлеченная мысль его утончается иногда до самаго высокаго спиритуализма, въ сущности всегда утомятельнаго и бесполезнаго, и гдѣ думаешь найти истину, на чемъ-нибудь основанную, гдѣ надѣешься встрѣтить по-крайней-мѣрѣ нѣкоторое вѣроятное, тамъ вдругъ видишь у него одніѣ догадки и довольно-темные, сбивчивые выводы.

Тотъ же самый недостатокъ замѣчаемъ мы и въ слогѣ его сочиненій. Болѣе-склонный къ кабинетнымъ занятіямъ, Вирей писалъ увлекательно и щеголевато. Мечтательность и спиритуализмъ постоянно отзывались и въ его способѣ выраженія: онъ часто позволялъ себѣ черезъ-чуръ смѣлыя повѣтческія сравненія, которыя не только не уясняютъ главной мысли, но скорѣе затемняютъ ее. Притомъ, въ слогѣ натуралиста-философа можно найти и другой болѣе-существенный недостатокъ, простирающийся изъ образа его занятій. Смотря на наблюдения и опыты единственно какъ на неизбежное условіе, какъ на горькую необходимость, и предпочитая имъ умозрѣніе, онъ впадалъ въ крайность, общую большей части ученыхъ, которые, чувствуясь живой, обиходной рѣчи, привыкаютъ писать языкомъ ученыхъ, т. е. созданнымъ учеными, и потому-самоу неудовлетворительнымъ и непонятнымъ для читателя, непосвященнаго въ тайны ученой терминологіи и выраженій, освященныхъ наукою. Не смотря на эти недостатки, всѣ сочиненія Вирей, многочисленныя статьи, разбѣяныя имъ по разнымъ журналамъ, и его «Dictionnaire des Sciences Médicales» читались съ удовольствіемъ:

литературная и ученая извѣстность Вирей возрастала съ каждымъ днемъ, — примѣръ рѣдкій въ тогдѣшнее время.

Литературная дѣятельность не отклонила, однако, Вирей отъ занятій, сопряженныхъ съ избранною имъ службою. Будучи отличнымъ фармацевтомъ и химикомъ, онъ рѣшился сдѣлаться докторомъ медицины, и въ 1814 году дѣйствительно получилъ эту ученую степень. Его рассужденіе: «Ephémérides de la vie humaine», писанное по этому поводу, замѣчательно какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Это новое произведеніе сдѣлало его еще болѣе-извѣстнымъ какъ врача, такъ-что, еслибъ онъ тогда не посвятилъ себя практикѣ, какъ фармацевтъ или какъ врачъ, то, пользовавшись дѣстною довѣренностью и и служенною славою, могъ бы составить себѣ большое состояніе. Не такъ думалъ Вирей. Его высшее наслажденіе, его первая потребность — было постоянное, неуклонное занятіе наукою. Онъ рѣшился сдѣлаться профессоромъ, и въ 1815 г. дѣйствительно читалъ въ Атеней курсъ естественной исторіи.

Нѣсколько лѣтъ спустя, Институтъ и Фармацевтическая Школа назначили ему катедру фармаціи, однако привѣтство, неизвѣстно почему, отказало ему. Съ учрежденіемъ Королевской Медицинской Академіи, будучи въ числѣ ея основателей, онъ занялъ въ ней должность секретаря по части фармаціи, потомъ, послѣ событій 1830 г., избранъ депутатомъ отъ Департамента-Верхней-Марны и присутствовалъ въ Палатѣ, въ свое время получилъ званіе кавалера ордена почетнаго легіона, а потомъ сдѣлавъ былъ офицеромъ этого ордена. Впрочемъ, онъ недобывалъ ни мѣсть, ни награды, и выполнялъ обязанности депутата совѣстливо, искренно. Свободная, звучная, выразительная рѣчь, одушевленные жесты, увлеченіе, которому онъ въ силахъ противиться слушатель, которое склоняеть, покоряеть его въ

живіе — вотъ качества, необходимыя для оратора. Природа отказала въ этихъ дарахъ Вирею. Его умъ, напротивъ, требовалъ полого спокойствія. Онъ одушевлялся только тихимъ и глубокимъ размышленіемъ, и тогда-то выказывалась во всемъ блескъ его глубокая, многосторонняя ученость.

Такое настроеніе ума объясняется характеромъ Вирей и затворнической жизнью, которую онъ велъ въ молодости. Постоянное уединеніе развило въ немъ какую-то дикую робость, которую вообще отличаютъ люди, отчужденные отъ общества и исключительно посвятившіе себя занятіямъ кабинетнымъ.

Въ послѣдствіи, принятый въ число фармацевтовъ, между которыми много было людей образованныхъ и достойныхъ уваженія, Вирей могъ бы легко разстаться съ неровностью и шероховатостью своего характера, могъ бы узнать поближе людей, сблизиться съ ними, усвоить себѣ ихъ мнѣнія и образъ жизни. Но и это обстоятельство не имѣло на него никакого вліянія. По природѣ осторожный, онъ, не смотря на то, никогда не могъ усвоить себѣ ту мудрую опытность, ту практическую сноровку въ дѣлахъ и отношеніяхъ съ людьми, которую, Богъ знаетъ почему, многіе называютъ опытомъ, — не могъ приобрести необходимый въ жизни тактъ, слѣдуя которому, человекъ вѣрить только тому, чему выгодно вѣрить, повинаясь только то, что пріятно и лестно ему понимать...

Напротивъ, Вирей принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, однажды составивъ себѣ правила жизни, рѣдко отступаютъ отъ нихъ. Жизнь эта, столь однообразная въ нравственномъ отношеніи, была выраженіемъ его образа мыслей и его особеннаго взгляда на вещи. Онъ имѣлъ доброе сердце, былъ простодушенъ и ласковъ въ обращеніи, но ему какъ-будто не доставало внутренней теплоты: онъ неспособенъ былъ къ увлеченію, — недостатокъ, болѣзненно отзывающійся въ

сердцѣ человека, проникнутаго любовью, когда наглядитъ онъ его въ своемъ ближнемъ, которому готовъ былъ открыть свою душу, повѣдать скорби и радости... Вирей съ удовольствіемъ читалъ хорошія сочиненія и судилъ о нихъ безпристрастно. Когда случалось, что кто-нибудь не соглашался съ нимъ въ мнѣніяхъ, и противорѣчіе касалось важнаго вопроса, онъ возражалъ всегда скромно, хотя и съ особеннымъ жаромъ защищалъ свои убѣжденія. Иронія никогда не была его орудіемъ; онъ предпочиталъ прямое, непосредственное доказательство, — и сильны, убѣдительно бывали его доводы.

Что касается до его физическаго природы, то, должно сознаться, ничто не обличало въ немъ, особенно въ послѣдніе годы его жизни, талантливаго писателя, котораго всѣ читали съ наслаженіемъ. Дородность тѣла, тяжелая поступь, неуклюжая походка его — поражали съ перваго взгляда. Нельзя было предположить, чтобъ въ этой круглой и простой головѣ, подъ этими черепомъ, довольно мало развитымъ, заключалась цѣлая энциклопедія знаній. Лицо его не имѣло особеннаго выраженія, по-крайней-мѣрѣ, въ немъ не отражались ни умъ, ни достоинства его; надо было приподнять эту кору, чтобъ найти тамъ огромное вмѣстительство знаній, ума и воображенія.

Не смотря на постоянныя занятія, Вирей, надѣленный отъ природы крѣпкимъ сложеніемъ, долго пользовался совершеннымъ здоровьемъ, пока наконецъ не былъ пораженъ одышкой и біеніемъ сердца. «Mors ostia pulsat» говаривалъ въ подобныхъ случаяхъ Багдиви (такъ рано похищенный смертію). Наконецъ, смерть пробилась, и Вирей сдѣлался жертвою легочнаго апоплексическаго удара. Онъ умеръ 9-го марта 1846 года. *Modicum plora super mortuum, quoniam requievit.*

КАРТЫНЫ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Чарльза Диккенса.

(Статья вторая.) (*)

Итальянское сновидѣніе (Венеція).

Я ѣхалъ нѣсколько дней, останавливаясь венадолго по ночамъ и никогда днемъ. Скорая и непрерывная послѣдовательность мелькавшихъ мимо меня новыхъ мѣстъ вращалась въ моей памяти, какъ круговая цѣпь полуобразовавшихся снова; множество разнообразныхъ предметовъ переиживалось въ моемъ воображеніи, пока я двигался впередъ по удивленной дорогѣ. По-временамъ, нѣкоторые изъ нихъ какъ-будто пріостанавливались въ своемъ неугомонномъ и беспорядочномъ движеніи, и тогда я могъ разглядывать ихъ совершенно-ясно; потомъ они расцѣплялись, какъ въ волшебномъ фонарѣ — одна часть ихъ казалась по-прежнему ясною, другая до половины подернута туманомъ, а нѣкоторые пропадали совершенно, и изъ-за нихъ выказывались мои мысленнымъ взорамъ отрывки совершенно-другихъ картинъ, которыя снова, едва успѣвъ показаться, исчезали и опять уступали свое мѣсто другимъ предметамъ.

Разъ мнѣ показалось, что я стою передъ бурными, старыми, угрюмыми церквами Модены. При разглядываніи чудовищъ, украшавшихъ ихъ паперти, мнѣ почудилось, что я ихъ вижу отдѣльно на тихой площади Падуи, противъ ея стариннаго университета: тогда фигуры эти, въ степенныхъ одеждахъ, группировались тамъ-и-сямъ на открытомъ пространствѣ, передъ древнимъ зданіемъ. Тогда я увидѣлъ себя въ окрестностяхъ этого прелестнаго

города, гдѣ бродилъ, любовясь на не-обычайную опрятность домовъ, садовъ и огородовъ, точь-въ-точь какъ они представлялись мнѣ въ существованности, за нѣсколько часовъ изъяс. Вдругъ, вмѣсто всего этого, выдвигаются передо мною двѣ башни Белони: одна довольно-упрямо держалась на мѣстѣ съ минутою, но ее столкнулъ чудовищный, окруженный рвами, замокъ Феррары, который, какъ олицетвореніе наполненной всякою чертешчиной старинной баллады, рисовалъ освѣщенный багровымъ сіяніемъ утренней зари, владычеству надъ сѣн-покиемъ, заросшимъ травомъ, полуразвалившимся городомъ. Короче сказать, въ головѣ моей происходила очаровательная суматоха, которая сто посѣщаетъ воображеніе путешественниковъ и которой она такъ часто передается. Каждый толчокъ и шага, въ которомъ я полудремалъ какъ-будто выталкивалъ какую-нибудь картину изъ ея мѣста, и заглазилъ ея также внезапно новою картиною. Съ моимъ воображеніемъ, настроеннымъ такимъ образомъ, я уснулъ.

Черезъ нѣсколько времени (такъ мнѣ показалось) экипажъ остановился, это меня разбудило. Ночь наступила совершенно, и мы очутились подлѣ моей воды. Передо мною колыхалась черная лодка, съ маленькимъ лодкомъ того же траурнаго цвѣта. Я усѣлся въ нее; она отвалила, и два человека принялись грести къ яркому свѣту горѣвшему въ нѣкоторомъ разстояніи на морѣ.

По-временамъ слышался печальный вздохъ вѣтра. Онъ рабилъ воду, возмущалъ лодку и разгонялъ мимо меня темныя облака. Мнѣ казалось странно, что я видѣлъ себя на водѣ въ такую позднюю пору, что берегъ остается назадъ, и что я подвигаюсь все ближе и ближе къ этому огню на морѣ. Онъ скоро разгорѣлся свѣтлѣе и большой огонь раздробился на несколько меньшихъ, мерцавшихъ и трепетно отражавшихся на водѣ, по которой лодка скользила таинственно

(*) Первая статья непечатана въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Зап.» прошлаго года (т. XLIX, Смѣсь).

дорогой, указанной столбами и намо-
скими.

Мы ѣхали на греблѣ миль пять, и я почувствовалъ въ своемъ сновидѣніи, какъ-будто лодка коснулась какого-то близкаго препятствія. Выглянувъ со рываніемъ, я рассмотрѣлъ въ-почтѣ-далеко на берегъ, во низменное, — такъ-что его скорѣе можно было принять за плоть. Мы проскользнули мимо. Смотрящая лодка сказала, что тутъ кладбище.

Замысленный и удивленный думать, что нашелъ кладбище посреди моря, я обернулся и смотрѣлъ, какъ оно удалалось за кормою лодки. Оно скоро исчезло изъ вида. Прежде, чѣмъ достигъ, какъ это случилось и отчего, мы уже скользили вверхъ по скалѣ — неестественной улицѣ; дома простали съ обѣихъ сторонъ изъ воды, и черная лодка катилась подъ самыми ихъ окнами. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мелькали огоньки, тускло отражаясь на черной водѣ, но вездѣ царствовало мертвое молчаніе.

Такимъ-образомъ подвигались мы впередъ, по призраку-городу, продолжая путь по узкимъ водянымъ улицамъ и переулкамъ. Нѣкоторые изъ изворотковъ были такъ тѣсны и круты, что длинной лодкѣ нашей казалось невозможнымъ обогнуть ихъ; но гребцы, предостерегая другъ друга тихимъ, желодическимъ восклицаніемъ, ловко перегибали направленіе, и она снова, не медля нисколько, продолжала скользить по гладкой водѣ. Иногда, гребцы другой черной лодки, походя на вашу, вторили этому восклицанію, убавляли ходу (что дѣлали и мы, какъ мнѣ чудилось), и она продолжала мимо подобно темной тѣни. Другія лодки, того же мрачнаго цвѣта, были привязаны къ раскрашеннымъ столбамъ, подлѣ темныхъ, таинственныхъ дверей, отворившихся прямо на воду. Нѣкоторыя изъ нихъ стояли порожнія; въ другихъ гребцы спали; я видѣлъ, какъ къ одной изъ нихъ направлялись изъ-подъ темныхъ сво-

довъ какого-то дворца граціозныя женскія фигуры въ блестящихъ нарядахъ, сопровождаемыя услужливыми мужчинами и факельщиками. Я успѣлъ взглянуть на нихъ только мелькомъ, потому-что видѣніе было прервано однимъ изъ множества мостовъ, такихъ низкихъ и узкихъ, что казалось, будто онъ рушится на насъ и давитъ лодку своимъ сводомъ. Мы все ѣхали впередъ, къ центру этого дивнаго города; кругомъ вездѣ вода, тамъ, гдѣ ни въ какомъ другомъ мѣстѣ воды не бываетъ; изъ нея выдвигаются купы домовъ, церкви, величавыя зданія; но вездѣ то же удивительное безмолвіе. Наконецъ, мы перенеслись черезъ широкій притокъ воды; миновали, какъ мнѣ показалось, обширную мощеную площадь, гдѣ свѣтлыя лампы, которыми она была иллюминирована, показали длинныя ряды колоннъ и сводовъ массивной конструкціи и большой прочности, но на взглядъ легкихъ и граціозныхъ, какъ летучая паутина или опущенныя ивеемъ гирлянды деревьевъ. Тутъ я въ первый разъ увидѣлъ людей. Мы пристали къ ступенямъ набережной; онѣ вели отъ воды къ большому зданію, гдѣ, пройдя по безчисленнымъ корридорамъ и галереямъ, я очутился въ комнатѣ. Долго прислушивался я къ журчанію воды, разрѣзываемой скользкими валами и впередъ подъ самыми окнами черными лодками, и наконецъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

Нельзя выразить словами, какъ великолѣпенъ былъ день, освѣтившій меня въ этомъ сновидѣніи; какъ онъ былъ свѣжъ, исполненъ жизни, движенія; какъ отражались солнечныя лучи на гладкой водѣ; какъ ясно было синее небо и какъ хорошъ воздухъ. Я глядѣлъ изъ своего окна на лодки и барки; на мачты, паруса, флаги, снасти; на группы хлопотливыхъ матросовъ, занятыхъ нагрузкою и выгрузкою этихъ судовъ; на просторныя набережныя, устланныя тюками, бочками, всякаго рода товарами; на большія суда, дѣливо стоявшія тутъ же, бли-

зѣхонько, въ величавомъ спокойствіи; на островки, увѣнчанные пышными строевіями и башенками; на золотые кресты, горѣвшіе на солицѣхъ надъ чудными церквами, выросшими изъ воды! Подошла къ прибережью зеленого моря, волновавшагося у самыхъ дверей и наполнявшаго всѣ улицы, я очутился на площади, отличавшейся такою величіемъ, такой невообразимой красотой, что все, до-сихъ-поръ видѣнное мною, казалось мнѣ жалкимъ и безцвѣтнымъ.

То была, какъ мнѣ снилось, большая площадь, стоявшая на якорѣ, подобно всему остальному, посреди глубокаго моря. На ней былъ дворецъ, который въ старости своей казался величественнѣе и великолѣпнѣе, чѣмъ всѣ зданія земли; монастыри и арки, легкіе, какъ-будто выстроенные руками волшебницъ, но виѣсть съ тѣмъ прочные, такъ-что цѣлыя столѣтія напрасно трудились надъ ихъ разрушеніемъ — окружали дворецъ виѣсть съ соборомъ, котораго архитектура совокупляла въ себѣ всѣ роскошныя и своеобразныя фантазіи Востока. Недалеко отъ него, отдѣльно, красовалась высокая башня, поднивавшая до небесъ свою гордую вершину и глядѣвшая на Адриатическое-Море. Близехонько отъ воды стояли два зловѣщія столба, изъ краснаго гранита; вершина одного была увѣнчана изображеніемъ человѣка съ мечомъ и щитомъ, а другаго крылатымъ львомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, еще башня — по украшеніямъ богатѣйшая изъ богатыхъ, даже здѣсь, гдѣ все пышно и богато; на верху ея былъ большой шаръ, сіявшій золотомъ и чистѣйшимъ темно-синимъ цвѣтомъ, — на немъ были изображены двѣнадцать знаковъ зодіака, вокругъ которыхъ обращалось миньютурное солнце, а сверху рисовались два мѣдные исполина, которые били часы молотками по звонному колоколу. Продольная площадка, съ высокими домами, сложенными изъ бѣлаго камня и окруженными лѣгкими и прекрасными ар-

ками, составляла часть этой неподражаемой декораціи; тамъ-и-сямъ, изъ мостовой выдвигались высокія пестрыя мачты съ флагштоками.

Я вошелъ въ соборъ и ходилъ взадъ и впередъ между колоннадами и сводами по всѣмъ его протяженіямъ. Это-величественное и подобное нечтѣ зданіе необъятныхъ размѣровъ; оно украшено древними раззолочеными иванками, наполнено благоуханіями и пасмурно отъ дыма куревій; блеститъ повсемѣстно драгоценными камнями и металлами, которые сверкаютъ взгн желѣзныхъ рѣшетокъ; освѣщено глгами погребенныхъ здѣсь праведниковъ; испещрено радужными цвѣтами распятыхъ оковъ, рѣзанныхъ деревьевъ и разноцвѣтными мраморомъ; темно въ своихъ высотахъ и отдаленныхъ перспективахъ; мерцаютъ огнями серебряныхъ лампадъ; фантастически-сверхъестественно, торжественно, непостижимо, нездѣ и во всемъ.

Я вошелъ въ старинный дворецъ, шагая молча по его безмолвнымъ галереямъ и заламъ совѣта, гдѣ выставляли на меня изъ рамъ своихъ портретовъ прежніе правители этой Царницы-Воды, и гдѣ ея побѣдоносныя галереи еще сражались и побѣждали и полотнѣ. Я бродилъ по его параднымъ и триумфальнымъ заламъ, теперь голыми и пустыми, — погруженный въ раздумье о прошедшемъ могуществѣ и величіи республики, ибо оно прошло, и прошло невозвратно. Въ это время чей-то голосъ сказалъ мнѣ со злоухомъ: «здѣсь можно еще видѣть нѣсколько остатковъ ея прежней славы и нѣсколько угѣшительныхъ причинъ теперешняго упадка!»

Мнѣ снилось, что меня повели дальше, въ страшные покои, сообщавшіеся съ тюрьмою, которые отдылились отъ дворца высокими крытыми мостомъ, пересѣкавшими узкую воланую улицу — мостъ этотъ называется: Ponte di Sospiri, «Мостъ-Вздоховъ».

Сперва я прошелъ мимо двухъ изъ зубренныхъ щелей въ каменной стѣнѣ: то были «Дѣвныя Части», куда

ного разъ въ прежнія времена, въ ночной темнотѣ, опускались безъименные допросы на людей невинныхъ, обвиненныхъ передъ злобнымъ, неумолимымъ «Совѣтомъ-Десяти». Сердце мое замерло, когда я очутился въ залѣ, куда призывались для допроса несчастные, когда увидѣлъ дверь, въ которую выводили приговоренныхъ — червь, никогда незапиравшуюся за человѣкомъ, которому бы предстояла жизнь и надежда!

Сердце мое было поражено еще сильнѣе, когда съ факеломъ въ рукѣ спустился я изъ дневнаго свѣта въ два ряда, одѣтъ подлѣ другима, могильныхъ, ужасныхъ, душныхъ каменныхъ келій. Онѣ были совершенно темны. Въ толстой стѣнѣ каждой было пробито отверстіе, въ родѣ бойницы, гдѣ въ прежніе годы, ежедневно на полчаса, ставился факелъ, освѣщавшій шляпникамъ внутренность ихъ темницъ. Несчастные пользовались его кратковременнымъ мерцаніемъ и выпарапали или вырѣзали на почеркѣвшихъ стѣнахъ разныя надписи. Я видѣлъ ихъ. Мысли узниковъ, начертанныя камнемъ-нибудь ржавымъ гвоздемъ, пережиги многими поколѣніями ихъ самыхъ и ихъ душевныя муки.

Мнѣ показали одну келію, въ которой никто не оставался болѣе сутокъ; она предназначалась входившимъ въ нее обреченнымъ мертвецамъ. Полъ нея была другая, куда въ полночь приходилъ исповѣдникъ — монахъ въ темномъ одѣваніи, накрытый капюшономъ, страшный даже среди бѣлаго дня; но въ полночь, въ этой гробовой темницѣ, онъ былъ гасителемъ послѣдней надежды и вѣстникомъ убійства. Нога моя опиралась на тотъ самый мѣстъ, гдѣ прежде, въ тотъ же мертвенный часъ, удавливали трепещущаго узника. Рука моя коснулась той самой виски и зловѣщей двери, черезъ которую выносили неуклюжій мѣшокъ, погружаемый въ лодку, которая отгребала и выбрасывала его туда, гдѣ аравоненіе закинуть неводъ наказывалось смертью.

Вокругъ этой неумолимой твердыни и отчасти надъ нею, текла вода, заставлявшая меня считать все видѣнное и ослабленное мною страшнымъ сновидѣніемъ: она обмывала снаружи ея стѣны, покрывала ее сыростью и плѣсенью внутри; набивала въ щели и трещины мокрыя травы и великую грязь, какъ-будто камни и рѣшетки имѣли еще подозрительныя отверстія, которыя нужно было заткнуть; она служила гладкою дорогою трунамъ тайныхъ жертвъ неумолимой политики—дорогою, исполненной готовности служить убійству, потому-что теченіе ея сопутствовало и предшествовало увозимымъ тѣламъ, подобно безчеловѣчному слугѣ государственной невинности.

Когда я выходилъ изъ дворца по лестницѣ, называемой «Лѣстницею-Гигантовъ», въ воображеніи моемъ мелькнуло воспоминаніе объ одномъ отрекшемся старцѣ (*), который спустился по ней медленно и трепетно, между-тѣмъ, какъ въ душѣ его тяжело отдавался гулъ колокола, возвѣщавшаго избраніе его преемника. Потомъ я отвалилъ въ одной изъ темныхъ лодокъ и скользилъ по водѣ до стариннаго арсенала, охраняемаго четырьмя мраморными львами. Со мной сдѣлался еще чудовищнѣе и сверхъестественнѣе, когда я разглядѣлъ на тѣлѣ одного изъ этихъ стражей слова и надписи, начертанныя на немъ въ неизвестное время и на неизвестномъ языкѣ, такъ-что смыслъ ихъ оставался для всѣхъ людей таинственной загадкой.

Въ арсеналѣ или адмиралтействѣ уже не раздавался звукъ молотовъ и кораблестроительныхъ инструментовъ, потому-что могущество города, какъ я сказалъ уже, давно исчезло. Онъ казался обломкомъ корабля, сокрушеннаго бурнымъ моремъ и носимаго волнами; на немъ развѣвались чуждые флаги, а на рудѣ стояли чужестранцы.

(*) Дождь Фоскари.

Великолѣпной барки, на которой, въ прежіе годы, пышно выѣзжалъ глава республики для обрученія съ моремъ, тутъ уже не было; вмѣсто нея, стояла разволоченая модель, сооруженная изъ воспоминаній прежняго величія города: она говорила о протекшихъ временахъ почитатъ же краснорѣчиво (такъ смѣшиваются во прахъ слабыя и сильныя!), какъ массивныя столбы, своды и крыши, воздвигнутыя для защиты отъ непогодъ величавыхъ галерей и кораблей, которыхъ давно уже нѣтъ ни на стапеляхъ, ни на водахъ.

Тамъ была также оружейная, разграбленная и обобранная, но все-таки оружейная. Отнятое у Турковъ грозное знамя висѣло съ древка въ душномъ воздухѣ кѣтви, въ которую его заключили. Богатыя панцири и латы, нѣкогда служившіе знаменитымъ воинамъ, лежали здѣсь грудами, вмѣстѣ съ копьями, мечами, княжалами, палицами, луками, бердышами, колчанами стрѣлъ, арбалетами, щитами и тяжелыми сѣкарами; тутъ же были стальные бляхи съ вычурными насѣтками, предназначенныя для того, чтобъ боевые ковы казались чудовищами, облеченными въ металлическую чешую; тутъ было между прочимъ одно оружіе съ пружинкою (которое удобно можно было носить за пазухою), предназначенное для исполненія своей обязанности безъ шума — для пораженія людей напитаянными ядомъ остріями.

Тамъ же я видѣлъ одну коморку, наполненную проклятыми орудіями пытки, замысловатой-изобрѣтенными для того, чтобъ скорчивать, сдавливать, давить и разможжать человѣческіе члены, терзать и казнить людей муками тысячи смертей. Передъ нею стояли два желѣзные плема съ нагрудниками: они надѣвались плотно на головы страдальцевъ; на каждомъ было по небольшому выступу, въ видѣ наковальни, на которую демонъ-мучитель могъ удобно операться локтемъ и внимать воплямъ и показаніямъ запертаго внутри этого инструмента мученика. Они имѣли такое страшное по-

добіе съ человѣческими образами — были такими вѣрными снимками покрытыхъ потомъ, скорченными страданіемъ человѣческихъ лицъ, что невозможно было предполагать ихъ гладкими и пустыми изнутри. Казалось, меня преслѣдовали страшныя, заключавшіяся въ нихъ искривленныя, изъявленныя остріями лица: когда я, усѣвшись снова въ лодку, поѣхалъ къ публичному гулянию или саду на водѣ, гдѣ увидѣлъ траву и деревья. Я забылъ обо всемъ, что мнѣ незадолго такъ сильно взволновало погруженный въ созерцаніе закатъ солнца, ярко отражавшагося на волнѣ хавшейся водѣ; передъ мною на небѣ на водѣ багровый румянецъ; позади весь городъ, освѣщенный пурпурнымъ сіяніемъ.

Удивленный и очарованный такимъ дивнымъ снобидніемъ, я не думалъ о времени и не замѣчалъ его полета. А между-тѣмъ, проходили дни и ночи: я все видѣлъ себя на водѣ, сіяло ли высоко солнце, или мерцали лучи лампъ на гладкой поверхности, которая плескала на скользкія стѣны домовъ и набережныхъ, и по которой черная лодка моя быстро носилась вдоль волшебныхъ улицъ.

Иногда, останавливаясь у дверей храмовъ и обширныхъ дворцовъ, входилъ въ нихъ, скитался изъ зала въ залу, изъ прохода въ проходъ, въ лабиринтамъ великолѣпныхъ алтарей и памятниковъ древности; въ залахъ этихъ ветшали старинныя мѣбелы украшенія, полувеличественныя, полууродливыя. Тамъ висѣли картины, исполненныя такой красоты выразительности, запечатлѣныя такою страстью, силою, истинно, что онѣ казались молодыми и сильными существностями среди толпъ замогильныхъ призраковъ. Я мысленно окружалъ эти картины всѣми ихъ менитостями прежнихъ дней города: его красавицами, тиранами, военачальниками, патриотами, купцами, придворными, духовными; даже сѣдые камни, кирпичи и площади смѣ-

ли снова въ моемъ воображеніи и по-молодѣи на цѣлыя столѣтія. Потомъ, спускаясь къ водѣ по мраморнымъ ступенямъ какого-нибудь крыльца, я снова садился въ лодку и продолжалъ наслаждаться своимъ сновидѣніемъ.

Я ѣздилъ по тѣснымъ водянымъ закоулкамъ, гдѣ плотники, сидя въ своихъ мастерскихъ и работая стругомъ и долотомъ, выбрасывали въ воду легкія стружки, которыя колыхались на ней неподвижно, какъ морскія травы, или уносились прочь теченіемъ. Я ѣздилъ мимо отворенныхъ дверей, заплесканныхъ и гнилыхъ отъ вѣчной сырости, сквозь которыя мѣстами ярко велелись скудные виноградные кусты, бросавшіе странныя тѣни отъ своихъ трепетныхъ листьевъ,—мимо набережныхъ и террасъ, гдѣ ходили взадъ и впередъ женщины подъ граціозно-накинутыми покрывалами, или грѣлись на солнцѣ гнѣвные жители, развалившіеся на плитахъ и ступеняхъ крылецъ,—мимо мостовъ, гдѣ также скитались празднующіеся, или глядѣли черезъ перила на воду,—подъ каменными балконами, нависшими надъ каналомъ съ высоты, отъ которой закружилась бы голова, и украшавшими величавыя окна величайшихъ домовъ,—мимо садовъ, театровъ, храмовъ, чудныхъ громадъ готической и мавританской архитектуры, надъ которыми истощались самыя игривыя фантазіи всѣхъ странъ и всѣхъ временъ,—мимо строеній высокихъ и извѣстныхъ, черныхъ и бѣлыхъ, прямыхъ и искривленныхъ, величавыхъ и жалкихъ, ветхихъ и бодрыхъ. Наконецъ, извиваясь нѣсколько времени въ перепутанной кучѣ барокъ и лодокъ, я вывезся въ Большой-Каналъ! Тамъ, въ безпорядочныхъ мечтахъ сновидѣнія, я видѣлъ стараго Шейлона, брошившаго взадъ и впередъ по мосту, усыпанному лавнами, и жужжавшему отъ человѣческаго говора; видѣлъ наклонившійся изъ окна женскій образъ, въ которомъ мнѣ казалось, что я узнаю Дездемону... Мнѣ чудилось, что духъ Шекспира блужда-

етъ по городу и носится по его водянымъ улицамъ.

Ночью, когда двѣ лампы, зажженныя благочестивыми руками, теплились передъ образомъ Богоматери около самаго верха въ одной галереѣ, окружавшей снаружи старинный соборъ, мнѣ воображалось, что вся большая Площадь-Крылатаго-Льва горѣла веселыми огнями и подъ всѣми ея арками толпились люди, тогда-какъ другія толпы развлекались въ великолѣпныхъ кофейняхъ, открытыхъ цѣлую ночь на пролетъ. Когда мѣдныя исполнены были часъ полуночи въ колоколъ, мнѣ казалось, что вся жизнь, все движеніе города сосредоточивались здѣсь; отгребая прочь и проносясь мимо безмолвныхъ набережныхъ, я видѣлъ только толпа спящихъ лодочниковъ, завернувшихъся въ плащи и развалившихъ во всю длину на камняхъ.

Но подлѣ всѣхъ набережныхъ, церквей, дворцовъ, темницъ, плескаясь о нихъ подножія и наполняя собою всѣ улицы, переулки и закоулки, текла вода; безшумно и блительно окружала она ихъ своими изгибами, какъ старій удаецъ: мнѣ казалось, какъ-будто она выжидаетъ времени, когда люди будутъ смотрѣть въ глубины ея и отъискивать слѣда камней, изъ которыхъ былъ сложенъ гордый городъ, вѣкогда называвшій себя Царицею-Водъ.

Вода унесла на своихъ волнахъ и меня, пока я не пробудился на старинной площади Вероны. Много и много разъ думалъ я объ этомъ странномъ видѣніи на морѣ: я съ удивленіемъ спрашивалъ себя, дѣйствительно ли оно существуетъ и дѣйствительно ли имя ему — Венеція!

Черезъ Верону, Мантую и Миланъ, по Симпдонской Дорогѣ, въ Швейцарію.

Я почти боялся ѣхать въ Верону, чтобъ не потеряться тамъ съ Ромео и Джульеттой; но всѣ опасенія мои исчезли, когда я увидѣлъ себя на старин-

ной рыночной площади этого города. Она такъ живописна, мечтательна и странна, окружена такими необычайно-разнообразными и фантастическими зданиями, что нельзя желать ничего лучшего даже въ сердцѣ этого романтическаго города, сцены дѣйствія самой романтической и прелестной пьесы.

Первые шаги мои направились естественнымъ образомъ отъ площади къ дому Капулетовъ, низверженному превратностями судьбы до низкой степени жалкаго трактиришка. Шумные веттурины и грязныя телеги оспаривали другъ у друга обладаніе дворомъ, на которомъ можно было увязнуть въ грязи по колѣно; сверхъ-того, тамъ было стадо запачканныхъ и забрызганныхъ гусей, а у входа лежала сердитая облѣзлая собака, которая навѣрно схватила бы за ногу самого Ромео въ тотъ моментъ, какъ онъ перелѣзалъ черезъ стѣну, еслибъ жила и пользовалась свободою въ тѣ времена. Фруктовый садъ достался въ другія руки и былъ давно уже отдѣленъ отъ дома; но садъ этотъ дѣйствительно принадлежалъ къ дому, а шляпа (*carrello*), древній отличительный знакъ герба Капулетовъ, высѣченная изъ камня, рисуется и теперь надъ воротами двора. Гуси, телеги, погонщики и собака, правду сказать, отнимали много поэзіи у остатковъ древняго дома Капулетовъ: гораздо-приятнѣе было бы найти домъ совершенно-необитаемымъ, чтобъ бродить на свободѣ по его пустыннымъ заламъ. Но за то каменная шляпа и мѣсто прежняго сада утѣшили меня; кромѣ того, хотя домъ средней величавы, но онъ имѣетъ какую-то недовѣрчивую, сердитую наружность, совершенно-соотвѣтствующую повятію о жилищѣ прежняго Капулета. Осмотрѣвъ все это, я изъяснилъ свое удовольствіе одной весьма-песантиментальной женщиной среднихъ лѣтъ, бывшей въ послѣднемъ періодѣ беременности—то была *la Padrona* трактира, которая лѣниво стояла на порогѣ и любовалась своими гусями.

Переходъ отъ дома Джульетты къ ея могилѣ такъ же естественъ для посетителя, какъ для нея самой, или для какой бы ни было гордой Джульетты, для которой когда-либо запылились факелы. Итакъ, я пошелъ съ проводникомъ къ старинному саду, въ-когда принадлежавшему къ древнѣйшему монастырю. Я былъ впушченъ въ садъ сквозь гнилую калитку молодой быстроглазую женщиной, которая передъ-тѣмъ мыла бѣлье; прошелъ въ-сколько дорожекъ, подлѣ которыхъ свѣжіе цвѣты и кусты росли въ трещинахъ разваливъ старой стѣны, или плющъ висла по ея обломкамъ, и очутился у маленькаго пруда или каменистаго корыта. Быстроглазая женщина, отирая руки своимъ подоломъ, воскликнула: *La tomba di Giulietta la sfortunata!* (Могилка несчастной Джульетты). Съ наилучшею наклопностью вѣрить моему путешественнику, я могъ сдѣлать только то, что повѣрилъ, будто она сама вѣрится своимъ словамъ, а потому поблагодарилъ ее словомъ и обычнымъ денежнымъ вознагражденіемъ. Призваюсь, я былъ скорѣе обрадованъ, чѣмъ огорченъ, видя, что мѣсто упокоенія Джульетты забыто. Какъ бы тѣнь Иорина ни утѣшалась, слыша по двадцати разъ въ день звукъ шаговъ надъ своею головою и повтореніе своего имени, по-моему, пусть лучше прахъ несчастной красавицы покоится въ сторонѣ отъ дороги туристовъ и не въстаетъ ни-къ-мѣ, кромѣ тѣхъ путешественниковъ, которые прилетаютъ къ могиламъ въ теплые лѣтніе дожди или порхаютъ около нихъ въ благоуханной воздухѣ свѣтлыхъ, ясныхъ дней.

Прелестная Верона съ прекрасными старинными дворцами, живописными окрестностями, открывающимися вдали съ террасъ, или величавыхъ, окруженныхъ массивными перилами галерей, — съ рисскими городскими воротами, кончающимися фантастическія улицы и отбрасывающими на землю тѣнь пятнадцати протекавшихъ столѣтій, — съ выложенными мраморомъ дер-

квами, высокими башнями, великолѣпной архитектурой и дренными, молчаливыми перекрестками, гдѣ въ старину раздавались возгласы привержацевъ Монтеки или Капулета,

«...отъ которыхъ старые граждане Вероны бросали въ сторону степенныя одежды и хватались за тяжелыя бердыши» (*),—

съ быстро-глубящеюся рѣкою, живописнымъ дреннимъ мостомъ, огромнымъ замкомъ, колеблющимся отъ вѣтра кипарисами и восхитительнымъ, веселымъ видомъ! Прелестная Верона!

Въ самой серединѣ ея, на Piazza di Brà — какъ призракъ прежнихъ дней среди обычныхъ существностей настоящего часа, стоитъ огромный римскій амфитеатръ, такъ хорошо сохранившійся и такъ тщательно берегаемый, что нѣтъ въ немъ ни одного сломаннаго ряда мѣсть для зрителей. Надъ нѣкоторыми арками можно еще видѣть старинныя римскія цифры; коридоры его, лѣстницы, подземные проходы для дикихъ звѣрей и разныя извилистыя ходы надъ землею и подъ нею, такъ же невидимы, какъ были въ тѣ времена, когда цѣлыя тысячи жадныхъ зрителей стремились туда, чтобы наслаждаться кровавыми зрѣлищами на аренѣ. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнъ теперь видны кузнецы со своими наковальнями и горнами, да кой-какіе мелочныя ремесленники и торговши; на парпетѣ показывается также мѣстами зеленая трава и кусты; но вообще большихъ переизмѣнъ не замѣтно.

Прошелъ амфитеатръ по всѣмъ направлениямъ, глубоко-заинтересованный имъ и поднявшись на верхній кругъ мѣсть, а обратился отъ очаровательной панорамы, оканчиваемой отдаленными Альпами, и заглянулъ внизъ, на арену. Все зданіе показалось мнѣ

похожимъ на внутренность огромной соломенной шляпы, съ необычайно-широкими полями и низкою тулей, — плетеницы изображались сорока-четырьмя рядами сѣдалищъ. Сравненіе это можетъ показаться дикимъ и воссепощитическимъ, особенно въ печати, но тогда оно невольно пришло мнѣ на умъ.

Незадолго до меня была здѣсь трупа вольтижеромъ — вѣроятно та же, которая явилась видѣніемъ старухѣ въ Моденскомъ Соборѣ — и очертила себѣ маленький кружокъ въ одномъ концѣ арены: такъ происходили ея представленія, оставшія на песокъ сѣдкіе сѣды конскихъ копытъ. Я вообразилъ себѣ горсть зрителей, собравшихся на одной или двухъ старинныхъ каменныхъ скамьяхъ; покрытаго блестящаго cavaliero, или веселаго pulcinello — среди *этихъ* стѣнъ! Какъ странно должны были смотрѣть эти нѣмые Римляне на любимую комическую сцену, представлявшую путешествующихъ Англичанъ: въ ней обыкновенно является англійскій джентльменъ (лордъ Джонъ) съ претолстымъ брюхомъ, одѣтый въ синій фракъ, котораго фалды болтаются до пятокъ, въ свѣтло-желтые панталоны, въ бѣлой шляпѣ; онъ прѣзжаетъ за-границу и катается верхомъ на бѣшеной лошади вмѣстѣ съ супругою (леди Бетси), въ соломенной шляпѣ съ зеленымъ вуалемъ и въ красномъ спенсерѣ, непременно вооруженною испанскимъ ридинголемъ и распущеннымъ вонтикомъ.

Я скитался по городу во весь остатокъ дня и готовъ бы былъ бродить по немъ хоть до-сихъ-поръ. Въ одномъ мѣстѣ, хорошеый театръ, гдѣ только что разыграли всегда-любимую жителями Вероны оперу; «Ромео и Джульетта». Въ другомъ, подъ колоннадою, коллекція греческихъ, римскихъ и этрусскихъ древностей, показываемая дряхлѣйшимъ старикомъ, который самъ казался этрусскою рѣдностью: онъ не имѣлъ силы отворить желѣзныя ворота, когда отперъ ихъ ключомъ; не имѣлъ голоса, чтобы слова его были

(*) And made Verona's ancient citizens Cast by their grave, beseeching ornaments, To wield old partizans.

слышны, когда онъ описывалъ свои древности; но имѣлъ вѣрнѣе, чтобъ видѣть то, что онъ намъ показывалъ. Потомъ, картинная галерея; но картины такъ невыразимо-дурны, что я съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ онѣ метаются. Но всадъ, въ церквахъ, между дворцами, на улицахъ, на мосту, или подлѣ рѣки — все-таки то была прелестьная Верона, чѣмъ она и останется навсегда въ моей памяти.

Я прочиталъ въ своей комнатѣ шекспирову «Ромео и Джульетту». — вѣроятно ни одинъ Англичанинъ не дѣлалъ этого до меня — и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня выѣхалъ въ Мантуу, повторяя про себя (въ *course* омнибуса, подлѣ кондуктора, читавшаго «Парижскія Тайны»):

«Нѣтъ свѣта за стѣнами Вероны; тамъ чистилище, муки, самый адъ. Изгнанный отсюда, изгнанъ изъ свѣта, а изгнаніе изъ свѣта — смерть» (*).

Это напомнило мнѣ, что Ромео былъ изгнанъ не далѣе, какъ на разстояніе двадцати-пяти миль, отъ-чего нѣсколько поколебалось мое вѣрованіе въ его смѣлость и твердость.

Не-уже-ли дорога въ Мантуу, во времена Ромео, была такъ же хороша, какъ теперь? Не-уже-ли она изгибалась по такимъ же зеленымъ пастбищамъ, по которымъ протекали такіе же свѣтлые ручейки и росли такіе же свѣжія купы граціозныхъ деревьевъ? Эти пурпуровыя горы ограничивали горизонтъ и тогда — въ этомъ я увѣренъ; костюмъ крестьянокъ, собирающихъ волосы на затылокъ и протыкающихъ ихъ огромною булавкой съ набалдашникомъ, вѣроятно, измѣнился съ тѣхъ-поръ немного. Наслажденіе та-

кимъ лѣснымъ утромъ, таинств. очаровательнымъ восходомъ солнца, не могло не внушить чувства надежды даже въ сердце негнанаго любезника; сама Мантуа, съ своими башнями, стѣнами и водою, вѣроятно, отарылась его моранъ такъ же, какъ пассажиру прованскаго омнибуса. Вѣрно и Ромео дѣлалъ такіе же, какъ и мы, врутливые вороты, переѣзжалъ два звѣтшіе подъемные моста; потомъ проѣхалъ по подобному же длинному, крытому, деревянному мосту, и наконецъ, оставя за собою болотистыя воды, приблизился къ роковымъ воротамъ застойной Мантуи.

Если можно подобрать челоѣка по мѣсту его жительства, или мѣсто, подобное челоѣку, въ которомъ онъ живетъ, я не знаю ничего, такъ удачно-созданнаго другъ для друга, какъ «Тоцій Аптекарь» и городъ Мантуа. Можетъ-быть, что въ то время было здѣсь больше жизни: если было, то «Аптекарь» Шекспира опередилъ свой глѣзъ и зналъ, чѣмъ будетъ Мантуа въ тысяча-восемьсотъ - сорокъ - четвертомъ году...

Я остановился въ гостинницѣ Золотаго-Льва и обдумывалъ, вмѣстѣ съ бравымъ курьеромъ, разные планы въ своей комнатѣ, какъ вдругъ раздался легкій, скромный стукъ въ дверь, отворяющуюся на наружную галерею, во дворъ; потомъ выглянулъ ко мнѣ необычайно-жалкій челоѣчекъ съ вопросомъ, не нужно ли чичероне. Онъ смотрѣлъ въ полуотворенную дверь такъ робко и боязливо; столько бѣдственности выразилось въ его изношенномъ костюмѣ, жалкой пеленѣ и протертыхъ гарусныхъ перчаткахъ—очевидно было, что онъ береглись для экстренныхъ случаевъ — что я немедленно позвалъ его, и онъ вошелъ.

Пока я оканчивалъ начатый съ курьеромъ разговоръ, онъ стоялъ, прижавшись въ уголъ, и теръ мою шляпу рукавомъ своимъ. Еслибъ ему пришлось получить отъ меня столько же наполеондоромъ, сколько приходилось франковъ, то и тогда все оборвавшее суще-

(*) There is no world without Verona's walls,
But purgatory, torture, hell itself.
Hence — banished is banish'd from the world,
And world's exile is death —
«Доммо AND JULIET».

ство его не освѣщалось бы такимъ солнечнымъ лучомъ счастья, какъ теперь, когда онъ убѣдился, что его назвали.

— Ну, что жь? сказалъ я, когда былъ готовъ:—пойдемъ мы теперь?

— Если синьйору будетъ угодно. День прекрасный. Немножко-свѣжо, но погода чудесная, очаровательная. Синьйору позволить мнѣ отпереть дверь? Вотъ это дворъ гостиницы, дворъ Золотого - Льва! Не угодно ли, синьйору, идти осторожнѣе по ступенькамъ?

Мы вышли на улицу.

— Вотъ, это улица Золотого-Льва. Это—наружный фасадъ Золотого-Льва. Вотъ интересное окно первого этажа, въ разбито одно стекло — это окно въ кабинетъ синьйора.

Обозрѣвъ всѣ эти достопримѣчательности, я спросилъ, много ли любопытнаго въ Мантуѣ.

— Такъ! по правдѣ сказать, нѣтъ. Немного! отвѣчалъ онъ, пожавъ плечами въ знакъ извиненія.

— Много церквей?

— Нѣтъ. Почти всѣ были закрыты Французами.

— Монастырей?

— Нѣтъ. Опять Французы! Почти всѣ уничтожены Наполеономъ.

— Много дѣятельности?

— Очень-мало.

— Много иностранцевъ?

— О, небо!

Я думалъ, что онъ упадетъ въ обморокъ.

— Ну, а когда мы осмотримъ вотъ эти церкви, что мы станемъ дѣлать? спросилъ я.

Онъ взглянулъ въ одинъ конецъ улицы, потомъ въ другой; и робко поглаживая себя подбородокъ; потомъ, взглянувъ мнѣ въ лицо, какъ-будто новый свѣтъ озарилъ его умъ, но все-таки смѣлѣе надѣясь на мою снисходительность, отвѣчалъ:

— Вы можете немножко прогулять-ся по городу, синьйору! (Si può far'un giro della città).

Невозможно было не согласиться на

такое предложеніе, и мы пошли далѣе, въ хорошемъ расположеніи духа. Чтобъ облегчить свою совѣсть, онъ рассказалъ мнѣ о Мантуѣ все, что только могъ разсказать чичероне.

— Надобно ѣсть, сказалъ онъ:—но, ба! безъ сомнѣнія, это скучное мѣсто!

Онъ сказалъ все, что могъ, о церкви св. Андрея—величавой церкви—и объ отгороженномъ мѣстѣ на ея помостѣ, гдѣ горѣли свѣчи и стояло на когняхъ нѣсколько человѣкъ; говорятъ, что подъ нимъ хранится Sangreal старинныхъ романсовъ. Распорядившись съ этой церковью и послѣ нея съ другою (Соборомъ св. Петра), мы пришли къ музеуму, который на бѣду былъ запертъ. «Это ничего», сказалъ мой чичероне: «ба! Тамъ нѣчего смотрѣть!» Потомъ мы пошли на Piazza del Diavolo (Чортову-Площадь), выстроенную чортомъ въ олуя ночь, безъ всякой особенной нужды; потомъ къ Piazza Virgiliana; потомъ къ статуѣ Виргилія — «нашею поэту», замѣтилъ мой маленькій путе-водитель, приободрившись на минуту и принаклонивъ шляпу нѣсколько на-бекрень. Потомъ мы направились къ какому-то пустынному двору, который велъ къ картинной галереѣ. Не успѣли ворота отвориться, какъ насъ окружило штукъ пятьсотъ гусей, вытягивавшихъ шеи и кричавшихъ самыми рѣвкими голосами, какъ-будто восклицая: «а, вотъ идутъ смотрѣть картины! не ходи! не ходи!» Пока мы поднимались и ходили, они спокойно ждали у дверей и только въ-полголоса гагакали между собою; но лишь-только мы успѣли показаться снова, опять вытянулись у нихъ шеи и раздались такіе же крики, выражавшіе безъ сомнѣнія: «А, вы идете! Ну, какво, какво?» Гуси проводили насъ съ насмѣшливымъ крикомъ черезъ дворъ до улицъ Мантуя.

Гуси, спасшіе Капитолій, были, въ отношеніи къ этимъ гусямъ, то же, что свинина въ сравненіи съ «ученою свиньею». Что это была за галерея! Я бы спросилъ ихъ мнѣнія, въ художе-

ственнонъ вопросъ, и предпочелъ бы его мнѣнiю Рейнольдса.

Теперь, когда мы стояли на улицѣ, куда гуси насъ такъ постыдно выпроводили, намъ оставалось только ограничиться прогулкою по городу, «risolo giro», предложенною мнѣ сначала маленькимъ чичероне. Я, однако, оживилъ его новою живизною, изъявивъ желанiе осмотрѣть palazzo Тè, о которомъ много слышался, какъ о странномъ и чудномъ мѣстѣ. Мы пошли.

Секретъ длины мидасовыхъ ушей былъ бы лучше извѣстенъ цѣлому свѣту, еслибъ слуга его, шептавшiй объ этомъ тростникамъ и камышамъ, помялъ въ Мантуѣ, гдѣ столько тростника и камыша, что его бы достало для публикации секрета по цѣлому свѣту. Palazzo Тè стоитъ посреди болота и окруженъ растительностью этого рода. Онъ, дѣйствительно, одно изъ самыхъ чудныхъ мѣстъ, какiя мнѣ только случалось видѣть.

Чуденъ онъ не по своей пустынности, хотя онъ очень-одинокъ, не по своей сырости, хотя онъ очень-сыръ, не по своему печальному состоянию, хотя онъ заброшенъ какъ нельзя-больше, но, главное, по неизъяснимымъ домысламъ и пугаламъ, которыми, въ числѣ другихъ болѣе отрадныхъ изображенiй, украсилъ внутренность его Джулио Романо. Вотъ, на-примѣръ, косящiйся гигантъ надъ однимъ камнемъ, а тамъ цѣлыя дюжины гигантовъ-титановъ, воюющихъ съ Юпитеромъ на стѣнахъ другой залы — до такой степени непостижимо-уродливыхъ и безобразныхъ, что дивнисься, какъ человекъ могъ вообразить подобныя существа. Въ залѣ, гдѣ ихъ болѣе всего, чудовища эти, съ распухшими лицами и раздутыми щеками, со всевозможно-искривленными лицами и членами, изображены колеблющiяся подъ тяжестью разрушающихся зданiй и подавляемые ихъ развалинами; они поднимаютъ страшные обломки скалъ и погребаются подъ ними; тщетно силятся

поддержать столбы тяжелой крыши, которая валится на ихъ головы — словомъ, подвергаются всѣмъ родамъ страшнаго пораженiя. Фигуры колоссальной величины и самой превеличественной уродливости; колоритъ ихъ рѣзокъ и непрiятенъ; эффектъ цѣлаго на зрителя похожъ скорѣе на быстрый приливъ крови къ головамъ, чѣмъ на впечатлѣнiе, производимое какою бы то ни было картиной. Всю эту чертовщину показывала чахлая старуха, которой наружность согласовалась какъ нельзя-больше съ тяжелымъ болотнымъ воздухомъ; нельзя было не подумать, что всѣ эти пугалы преслѣдовали и ее, и настрашали до смерти бѣдняжку, одинокую въ этомъ исперпанномъ водохранилищѣ, называемомъ дворцомъ, среди камышей и тростника, въ вѣчныхъ туманахъ, поднивающихся изъ болотъ и постоянно вращающихся вокругъ жилища домысловъ.

Прогулка наша по Мантуѣ показывала намъ на всякомъ шагѣ закрытыя церкви, то употребленныя вмѣсто сараевъ, то остававшiяся безъ всякаго употребленiя; всѣ онѣ были заброшены и пустыны, такъ-что только-только не разваливались. Болотный горюкъ этотъ былъ такъ поразительно-унылъ и невзненъ, что, по-видимому, сама грязь приходила сюда не обыкновеннымъ путемъ, а располагалась на ея поверхности какъ на стоячей водѣ. А между-тѣмъ, тутъ происходила кой-какая торговля и по-видимому не безъ барыша, потому-что арки были заново ны Жидани, которые сидѣли тамъ передъ лавочками; они перебирала свои запасы матерiй, шерстяныхъ и шелковыхъ платковъ и всякихъ бездѣлушекъ: всѣ они, во всѣхъ отношенiяхъ, походили на своихъ братьевъ въ Гоувелдичѣ, въ Лондонѣ.

Выбравъ изъ толпы шатавшихся по сосѣдству христiанъ веттурино, который взялся доставить меня черезъ двое съ половиною сутокъ въ Миланъ, съ тѣмъ, чтобы отправиться на расквѣтъ слѣдующаго утра, лишь-только отворятся городскiя ворота, — я возвратъ

мыся въ гостиницу Золотаго-Льва и роскошно пообѣдалъ въ своей комнатѣ. Въ тѣсномъ проходѣ между двумя крошечными, нѣтъ снѣреди дышныи огоньками, а сзади комодъ. Въ шесть часовъ утра, мы дребежа катились въ темнотѣ сыраго тумана, облегающаго весь городъ; а около полудна, сттурнино (уроженецъ Мантуи и человекъ лѣтъ около шестидесяти) приался разспрашивать, *идь дорона въ Миланъ*.

Она пролегла черезъ Боццоло—нѣгда маленькую республику, а теперь лишь назъ пустынныйишихъ и навболѣе-оразженныхъ ничтогю городишекъ. ажь, хозяинъ жалкаго трактира (блаослови его Богъ! онъ дѣлалъ это разъ въ каждую недѣлю) раздавалъ самую желкую монету крикливой стаѣ женщинъ и ребятишекъ, которыхъ лохмотья развѣвались на вѣтру и дождѣ за его дверью, гдѣ онъ собрался для получения обычнаго подалня. Дорога шла по туману, грави, дождю и винограднымъ лозамъ, разстилавшимся по землѣ, въ-продолженіе всего этого и слѣдующаго дня. Первый ночлегъ былъ въ Кремонѣ, замѣчательной по своимъ темнымъ, сложенымъ изъ кирпича церквамъ, и высочайшей бапиль Тоггаззо, не говоря уже о знаменитыхъ скрипкахъ, которыхъ она, конечно, не производитъ болѣе въ наши дни всеобщаго упадка. Второй ночлегъ—въ Лоди. Потомъ мы продолжали ѣхать по продолженію гравя, тумановъ, дожда и болотной почвы — тамъхъ тумановъ, какіе Англичане, всегда крѣпко стоящіе за свои права, считаютъ невозможными видѣть, кромѣ своего отечества. Наконецъ, мы катились по мощенымъ улицамъ Милана.

Туманъ былъ здѣсь такъ густъ, что шпицы знаменитаго собора былъ столько же видны, какъ еслибъ онъ находился въ Бомбаѣ. Но когда мы тамъ остановились на нѣсколько дней и потомъ снова посѣтили Миланъ въ слѣдующее лѣто, я нигдѣ не вижу возможность видѣть это славное строеніе во

T. L. — Отд. VIII.

всей его красотѣ, во всемъ великолѣпнн.

Не одни католики почитаютъ святаго, который покоится внутри его! Сан-Карло-Борромео — если позволено выразиться словами мистриссъ Примрозъ — наполняетъ благоговѣніемъ мое теплое сердце! Онъ былъ попечительнымъ врачомъ больныхъ, целерымъ другомъ бѣдвыхъ — и все это не въ духѣ слѣпаго наувѣрства, но въ качествѣ смѣлаго противника злоупотребленій римской церкви. Я чту его память, чту ее еще больше, потому-что онъ чуть не убилъ однимъ монахомъ, подговореннымъ другими монахами убить его у алтаря за попытки преобразовать живое и лицемерное монашеское братство. Да защититъ Провидѣніе всѣхъ подражателей праведника, какъ оно защитило его самого!

Подземная часовня, въ которой хранятся останки Сан-Карло-Борромео, представляетъ такой поразительный контрастъ, какой трудно найти въ другомъ мѣстѣ. Зажженные въ ней свѣчи озаряютъ золотые и серебряные *alti-relievi*, произведенія искусныхъ рукъ, изображающія главныя событія изъ житія праведника. Алмазы и драгоценныя металлы сіяютъ повсемѣстно. Воротъ медленно отодвигаетъ переднюю часть алтаря, и тогда является, въ великолѣпной ракѣ изъ золота и серебра, сквозь алебастръ, покрытое морщинами человеческое лицо; облаченіе тѣла блеститъ брилльантами, изумрудами, рубинами, всякаго рода дорогими и сверкающими камнями.

Въ старинной трапезѣ полуразвалишагося монастыря *Santa Maria delle Grazie*, показываютъ одно произведеніе искусства, можетъ-быть, лучше-известное, чѣмъ какое-либо на свѣтѣ: это «Тайная Вечера» Леонарда да-Винчи. Сквозь нее прорѣзана замысловатыми доминиканскими монахами дверь, для облегченія ихъ операций въ обѣденное время.

Я незнакомъ съ механическою частію живописи, и потому могу судить о картинахъ только по впечатлѣнію, которое онѣ на меня производятъ: слѣдственно, не могу служить авторитетомъ ни въ чемъ, что касается кисти или манеры того или другаго мастера. Я понимаю однако очень хорошо одно, — понятное каждому, кто только потрудится подумать объ этомъ предметѣ — именно, что величайшимъ и знаменитѣйшимъ художникамъ не достало бы цѣлой жизни, чтобъ написать даже половину тѣхъ картинъ, на которыхъ красуются ихъ имена и которые признаются многими, желающими пользоваться репутаціею знатоковъ въ искусствахъ, за несомнѣнные подлинники. Я замѣтилъ это только мимоходомъ.

О «Тайной Вечери» скажу просто, что, по прекрасной композиціи своей, это дивная картина, но по колориту или отдѣльному выраженію каждаго лица она не заслуживаетъ такихъ восторженныхъ похвалъ. Не говоря о томъ, какъ она была повреждена сыростью, временемъ и нерадѣніемъ, ее такъ часто подправляли и подновляли, и такъ неискусно, что теперь можно положительно назвать многія головы уродливыми: слои красокъ, налѣпленныхъ на лица, лежатъ на нихъ какъ пластыри или наросты и совершенно искажаютъ всякое выраженіе. Тамъ, гдѣ великій художникъ напечатлѣлъ свой гений одною чертою, однимъ прикосновеніемъ кисти, которое отдѣляетъ его самого отъ толпы живописцевъ низшаго разряда, — тамъ подправители-мазильщики, подновляя картину или наполняя ея трещины, разумѣется, не могли замѣнить его. Отъ этого вышли взмуренные лбы, сердитые взгляды и морщины, которыхъ на первоначальномъ произведеніи мастера не было и которыхъ честь принадлежить уже пачкунамъ, взявшимся за дѣло, непомятно-превышавшее ихъ умѣнье и дарованіи.

Фактъ этотъ такъ хорошо извѣстенъ всякому, что мнѣ бы и не слѣдовало

распространяться о немъ, наѣтро раскуи наскучить читателю; но мнѣ кажется на эти рассужденія одиакъ англійскій джентльменъ, глядѣвшій на картину вмѣстѣ со мною: онъ съ большимъ усиліемъ старался впасть въ сладостныя судороги непобѣдимаго восторга отъ нѣкоторыхъ подробностей выраженія лицъ, котораго уже такъ не оставалось. Какъ бы то ни было, всѣ путешественники и критики должны сознаться, что «Тайная Вечера» Леонарда да Винчи была нѣкогда произведеніемъ самаго высокаго художественнаго достоинства: даже и теперь, когда осталось такъ мало ея прежней красоты, превосходство композиціи и группировки все еще поддерживаетъ ея славу, какъ мастерской и первоклассной картины.

Мы осмотрѣли должнымъ порядкомъ остальные пріиѣчательности Милана, прекраснаго города, хотя и не столько отличительно-итальянскаго, какъ многіе другіе характеристическіе города меньшей важности. Корсо, гдѣ итальянская знать ежелдневно катается взадъ и впередъ въ экипажахъ — удовольствіе, для котораго она готова чуть не умирать съ голода дома — самое чудное мѣсто для публичнаго гулянья, отнѣненное длинными аллеями старыя леревьевъ. Вечеромъ, въ великолѣпномъ театрѣ La Scala, разыгрывали поскт оперы балетъ «Прометей»: при началѣ его, сотня или двѣ мужчинъ и женщинъ представляли людскую роль въ томъ состояніи, въ которомъ онъ былъ прежде, нежели усовершенствовался искусствами и науками, амурами и граціями. Я никогда не видалъ ничего эффектнѣе. Вообще говоря, пантомима итальянцевъ скорѣе замѣчательна страстнымъ и необузданнымъ характеромъ, чѣмъ нѣжностью выраженія: но въ теперешнемъ балетѣ — увидѣла однообразность безмысленной жизни; себллюбивыя страсти и желанія челоѣческихъ тварей, лишенныхъ возвышающихъ душу побужденій и вліяній, которыхъ мы такъ много обзаваны, — были переданы съ самымъ поразитель-

вымъ и увлекательнымъ могуществомъ. Я никогда не думалъ, чтобъ подобная идея могла быть такъ вѣрно олицетворена на сценѣ безъ помощи словъ.

Мысливъ скоро остался за нами, въ пять часовъ утра; прежде, чѣмъ золотая статуя на шпиль соборной колокольни успѣла исчезнуть въ синихъ небесахъ, передъ глазами нашими уже рисовались Альпы, во всемъ величии своихъ высочайшихъ пиковъ и хребтовъ, обѣтыхъ облаками и снѣгами.

Мы продолжали приближаться къ нимъ до наступленія ночи; горныя вершины, являвшіяся съ разныхъ точекъ вѣтня, представляемыхъ нагибаемыми дорогами, являлись въ чудно-замѣняющихся видахъ. Прекрасный день погасалъ, когда мы подъѣхали къ Лаго-Маджоре съ его очаровательными островами, которые должны быть очаровательны, потому-что выходятъ изъ ложа этихъ чудныхъ синихъ водъ, окруженныхъ такими дивными мѣстополюженіями.

Въ десять часовъ вечера, мы подъѣхали къ Домо d'Ossola, у подножія Сивилловской-Дороги. Луна ярко сіяла на снѣгъ, усыпанномъ вѣтвями безоблачномъ небѣ, а потому не время было идти спать или куда бы то ни было, вромъ какъ впередъ. Послѣ небольшой задержки, мы добыли маленькую коласочку и принялись подниматься.

Это было въ послѣднихъ числахъ ноября. На битой дорогѣ вершины прохода снѣгъ лежалъ уже слоемъ фута въ четыре или пять, а подлѣ находились снѣжкіе сугробы гораздо большихъ размѣровъ. Воздухъ былъ пронзительно-холодный; но при ясной ночи, при величии дороги съ ея непроницаемыми гѣнами и глубокими мраками, а потомъ мезанними заворотами на блестящій лунный свѣтъ, при непрерывномъ шумѣ грохотавшихъ подлѣ нея водопадовъ, путь дѣлался съ каждымъ шагомъ болѣе и болѣе поразительнымъ.

Оставя внизу итальянскія деревни, мирно спавшія на лунномъ сіяніи, мы

начали подвигаться по нагибаемъ между темными деревьями, и вскорѣ очутились въ мѣстахъ болѣе-обнаженныхъ и дикихъ, гдѣ съ трудомъ поднимались по крутой дорогѣ. Постепенно ревъ воды раздавался громче; дивная дорога, пересѣкши потокъ мостомъ, вѣзлась между двумя отвѣсными стѣнами массивныхъ скалъ, которыя совершенно загородили луну и видѣлось только нѣсколько звѣздъ на узкой полосѣ синяго неба, между нхъ каменными закраинами. Потомъ и онѣ исчезли. Мы ѣхали въ густой темнотѣ, по тоннелю, пробитому сквозь скалу; страшный водопадъ гремѣлъ и грохоталъ близѣхонько внизу; пѣна и брызги его носились туманомъ передъ входомъ въ пещеру. Вышелъ снова на лунный свѣтъ, дорога шла черезъ воздушный мостъ, на которомъ у любого закружится голова, и потомъ нагибалась ломаными чертами вверхъ, чрезъ ущелье Гондо, дикое и величественное превыше всякаго описанія, съ гладкостѣнными обрывами, поднимающимися съ обѣихъ сторонъ и почти сходящимися надъ головою. Такъ мы подвигались цѣлую ночь, по труднымъ неровностямъ, все выше и выше, не чувствуя ни малѣйшаго утомленія; терпясь въ соверпаніи черныхъ скалъ, страшныхъ обрывовъ и паденъ, полей гладкаго снѣга, наполнявшаго трещины и овраги, и сердитыхъ потоковъ, стремительно низвергавшихся въ бездны.

На разсвѣтъ мы вѣхали въ снѣга, гдѣ дулъ рѣзкій, пронзительный вѣтеръ. Разбудивъ не безъ труда жителей деревяннаго домика, выстроеннаго въ этой пустынѣ — вокругъ него уныло завывалъ вѣтеръ, срываая снѣгъ съ сугробовъ и крутя его вихремъ, — мы добыли себѣ завтракъ въ бревенчатой комнатѣ, хорошо-согрѣваемой печью и надежно-защищенной отъ холодовъ и мятелей. Тамъ приготовили сами, запрягли въ нихъ четверку лошадей и мы двинулись снова, взрывая снѣгъ, все вверхъ, но теперь въ холодномъ

свѣтъ утра, ясно видя передъ собою бѣлую пустыню, по которой ѣхали.

Мы были уже на темени горы, перелезъ грубыми деревянными крестомъ, обозначающими возвышеннѣйшую часть дороги надъ уровнемъ моря. Тогда восходящее солнце озарило первыиъ лучомъ своимъ свѣтлую пустыню и окрасило ее яркимъ розовымъ сіяніемъ. Не знаю ничего выше одинокаго величія этой дивной декораціи.

Продолжая ѣхать въ саняхъ, мы встрѣтили вышедшую изъ основаннаго Наполеономъ страннопріимнаго дома группу пѣшиходовъ-крестьянъ, съ посохами и котомками; они провели тамъ ночь и теперь пустились въ дальнѣйшій путь, медленно шагая въ свѣгу, въ сопровожденіи одного или двухъ монаховъ, которыхъ гостепріимство въ недавно пользовавшихся и которые теперь шли съ ними для развлечения. Пріятно было пожелать имъ добраго утра и, оглядываясь на вслѣдъ, видѣть, что и они оглядывались назадъ на насъ; они пріостановились, видя, что одна изъ нашихъ лошадей оступилась и упала, раздумывая не воротиться ли имъ, чтобъ подать намъ помощь. Но лошадь наша была скорѣе опять на ногахъ, при содѣйствіи одного встрѣчнаго дюжаго погонщика, котораго путь увязъ глубоко въ свѣгу; пособивъ ему выкарабкаться, въ знакъ благодарности за оказанную намъ услугу, мы видѣли, какъ онъ медленно взрывалъ свѣгъ, подаваясь къ пѣшиходамъ, а сами покатались легко и скоро, по закраинѣ крутой пади, между горными соснами.

Вскорѣ послѣ этого, мы поѣхали снова на колесахъ, быстро спускаясь внизъ. Путь пролегалъ подъ вѣчными ледниками, по крытымъ сводами галереямъ, сверху которыхъ висѣли грозды капающихъ ледяныхъ сосулекъ, надъ кипучими водопадами и подъ ними, мимо одинокихъ домиковъ, выстроенныхъ для убѣжища странниковъ отъ мятелей и непогодъ, мимо чертъ, ограждавшихъ отъ опасныхъ обрывовъ, черезъ пещеры, надъ сводами которыхъ сколь-

зять весною свѣжныя лавины, низвергающіеся въ неширокія пронасти. Спускаясь внизъ, по высокимъ мѣстамъ и черезъ страшныя ущелія, мы были двигающимися пятнышкомъ среди необятныхъ пустынь свѣговъ, льдомъ и чудовищныхъ гранитныхъ скалъ;—спускались внизъ, черезъ глубокое ущелье Сальтинъ, оглушенные потокомъ, бѣшено-крутившимся между огромными отторгнутыми обломками скалъ, в скакавшимся далеко въ низменныя долины, — постепенно внизъ, по крутымъ заворотамъ, имѣя съ одной стороны страшныя утесы, а съ другой страшныя обрывы, — въ болѣе теплую погоду, болѣе-спокойный воздухъ, болѣе-кроткія мѣстоположенія. Наконецъ, блистала какъ золото или серебро, на оттепели солнечнаго сіянія, показались крытыя металломъ красныя, зеленыя и желтыя крыши, куполы и шпильки церкви швейцарскаго города.

Такъ — какъ записки эти должны ограничиться Италіей, и, слѣдственно, я'долженъ, по-настоящему, улетѣть туда какъ-можно-скорѣе, то не стану останавливаться (хотя и чувствую сильное искушеніе) на томъ, какъ швейцарскія деревни, романшіа у подножія всходившихъ горъ, казались игрушками; или какъ беспорядочно тамъ толпятся переиѣшавыя безо всякой симметріи дома; или какіе тамъ узкія улицы, выведенныя таинственнымъ нарочіемъ, чтобъ не дать простора разгулу вихрихъ вѣтровъ и льговъ; или какіе тамъ сломяные мосты, которые разомъ смыли внезапно-освобожденные весною отъ льговъ неупротычные горные потоки, раздутые тающими свѣгами, — ни на томъ, какъ крестьянки въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ, высунувшись изъ форточекъ — такъ-что только головы ихъ были малы — походили на нечесность лондонскаго лорда-лэра, — ни на томъ, какъ хорошеъ городъ Вевъ (Vevey), находящійся на берегу гладкихъ водъ Женевскаго-Озера; или какъ статуя св. Петра, на улицѣ Фрейбурга, держитъ въ рукѣ величайшій ключъ, какой ко-

гла-либо выдали люди; или какъ Фрейбургъ означить двумя висящими мостами и огромнымъ органомъ своего собора, —

Или какъ между этимъ городомъ и Базелемъ дорога называлась по приюльшимъ деревнямъ деревянныхъ избъ, крытыхъ соломенными крышами съ широкими навісами, низкими окнами, въ рамы которыхъ вставлены крошечныя круглыя стеклышки; или какъ въ каждомъ швейцарскомъ жилищѣ, гдѣ подлѣ дома видѣлись опрятная телега, сани, запасъ живности, группы краснощекихъ дѣтей, все дышало удобствомъ и довольствомъ, совершенно-новыми и весьма-приятными послѣ Италіи; какъ шюва наивысшимъ женскіе костюмы и меченосцы лорд-маршала перестали показываться, а вмѣсто нихъ явились чистые, бѣлые передники и высокіе, черные, въ видѣ опахалъ, прозрачные головные уборы, —

Или какъ очаровательна была страна за Юраскими-Горами, покрытая снѣгомъ, освѣщенная луною и западная журчащими каскадами; или какъ подлѣ оконъ большой гостиницы Трехъ-Королей, въ Базелѣ, быстро катился зеленый, разбухшій Рейнъ; или какъ въ Страсбургѣ онъ катился также быстро, но не былъ такъ зеленъ, а еще выше, какъ сказывали, былъ очень-туманенъ, —

Или какъ самый Страсбургъ, съ великолѣпнымъ, стариннымъ, готическимъ соборомъ и старинными домами, съ остроконечными крышами, представлялъ самъ-по-себѣ маленькую галерею новыхъ и занимательныхъ видовъ; или какъ въ полдень собираются тамъ толпы народа, чтобъ посмотреть, какъ знаменитые часы его, съ замысловатымъ механизмомъ, бытъ дѣлать, какъ въ это время дѣлаетъ армія куколокъ дѣлаетъ премудренныя движущія, а посаженный надъ ними затѣмляемый пѣтухъ звонко и рѣзко кричитъ двѣнадцать разъ свое куку-реку; какъ замечательно видѣть усилія пѣтуха, который въ это время старается топтать крыльями и вытягивать шею,

хотя движенія его не имѣютъ ничего общаго съ крикомъ, выходящимъ изъ глубины механизма, гораздо-ниже, —

Или что вся дорога до Парижа была моремъ грази, а оттуда до морскаго берега немного-лучше по причинѣ сильнаго мороза, и какъ приятно было видѣть бѣлые утесы Довера, и какъ чудно смотрѣла Англія, хотя вдобро признаться — пасмурно и безцвѣтно, въ зимній день, —

Или какъ черезъ нѣсколько дней послѣ того было прохладно въ каналѣ, когда я переплывалъ его, возвращаясь на материкъ, имѣя ледъ на палубѣ, а между-тѣмъ во Франціи лежалъ еще преглубокой снѣгъ; или какъ malle-poste Катилась по сугробамъ, поднимаясь въ гору рысю, при помощи множества припряженныхъ лошадей; или какъ около парижскаго почтамта толпились передъ разсвѣтомъ какіе-то необыкновенные искатели счастья, которые выгребали изъ снѣга разныя обрывки и тряпье маленькими грабельками, —

Или какъ, между Парижемъ и Марселемъ, гдѣ снѣгъ былъ необычайно-глубокъ, вдругъ сдѣлалась оттепель и экипажъ чуть не проплылъ около трехсотъ миль; какъ у него въ одну воскресную ночь лопнули рессоры, а двухъ пассажировъ высидели на время починки въ жалкія трактирные комнаты, гдѣ волосатая компанія, собравшись около каминовъ, играла въ карты, значительно похожія на самихъ игроковъ, т. е. также очень-грязныя и засаленныя, —

Или какъ меня задержали въ Марсели бурныя погоды; какъ объявляли нѣсколько разъ объ отплытіи пароходовъ, которые не отплывали; какъ наконецъ добрый пароходъ Шарльманъ вышелъ въ море и встрѣтилъ такую погоду, что то грозилъ спуститься въ Тулонъ, то въ Ниццу, но, къ счастью, такъ-какъ вѣтръ стихъ, не сдѣлалъ ни того, ни другаго, а влетѣлъ прямо въ гавань Генуи, гдѣ знакомые колокола приятно раздались въ моему слухъ; или какъ на пароходѣ было общество путешественниковъ, изъ ко-

торыхъ одного сильно укачало подлѣ моей намоты; какъ онъ отъ этого сдѣлался капривенъ и не хотѣлъ отдать лексикона, который держалъ у себя подлѣ подушкой, заставляя черезъ это товарищей своихъ спускаться безпрестанно къ нему, чтобъ справиться какъ называется по-итальянски кусокъ сахара, стаканъ грога, который часть, и тому подобное: всѣ эти слова онъ отыскивалъ самъ, глядя въ книгу своими собственными укачанными глазами и не рѣшался разстаться съ лексикономъ ни для кого на свѣтѣ.

Подобно Грумио, я могъ бы рассказать вамъ все это въ подробности и еще много другихъ вещей, еслибъ не помнилъ, что мнѣ вѣтъ дѣла ни до чего, кромѣ Италіи. А потому, подобно повѣсти Грумио, «все это умереть въ ваввеніи».

СПОСОБЫ ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРИЧИНЪ НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЕ КИТАЙЦАМИ (*).

Статья первая.

У Китайцевъ изслѣдованіемъ причинъ насильственной смерти занимаются чиновники уголовной палаты, а не врачи; осмотръ же труповъ дѣлается особенно для того опредѣленнымъ

(*) Охотно помѣщаемъ здѣсь эту занимательную статью г. Татарникова, лекаря пекинской духовной миссіи, написанную имъ въ 1844 году и знакомящую насъ не только съ судебною медициною Китайцевъ, но и съ самымъ образованіемъ народа, замѣчательнаго своею вѣковою самостоятельностью и неподвижностью. Судебная медицина Китайцевъ, какъ видно изъ статьи г. Татарникова, заботится объ отвѣсненіи на трупахъ однихъ наружныхъ признаковъ, по которымъ можно было бы отличить тотъ или другой

людьми, которые бываютъ или мужчины (су-цзо) для осмотра мужскихъ труповъ, или женщины (эю-ло) для осмотра труповъ женскихъ. Правильныя изслѣдованія положены въ особенныя обязанности, называемыя *Си-юань-лу*, утонкихъ законовъ царствующей династіи (дай-цзинь люй-ли), гдѣ описаны такъ и равныя виды естественной смерти.

Отдавая должную справедливую образованію Китайцевъ предъ другими народами Азіи, нельзя не сказать, что они весьма-бѣдны познаніемъ въ естественныхъ наукахъ. Медицина Китайцевъ скорѣе есть сборникъ рецептовъ собранныхъ въ нѣсколько тысячъ лѣтъ и записанныхъ въ сотни томовъ. Кажется, ее главное достоинство! Правда, въ описаніи болѣзней, относителныхъ свойствъ и распознаваніи, слѣдуютъ общей идее, основаніемъ которой служатъ начала китайской философіи *Инь* и *Янъ*, — начало мужское и женское, свѣтъ и тѣна, причина и следствие, отъ сочетанія которыхъ, отъ ствiя одного на другаго, происходятъ видимое въ мірѣ, — объясняютъ естественныя отправления организмовъ, происхожденіе болѣзней, симптомовъ и т. д. Съ этой стороны, китайская медицина имѣетъ достоинство, въ ней есть система. Но объясненіе ея фактами, подтвержденіе ея положеній хотя сколько-нибудь практичѣ? Не есть ли она простое мнѣніе къ медицинѣ и удерживается въ ней такъ долго и съ такою вѣрностью за свою простоту, удерживается

видѣ насильственной смерти. Самоуничтоженіе труповъ никогда не производится. Наклонность къ чудесному явленію, которая обладаетъ у Китайцевъ. Отъ этой слабости ихъ медицинѣ съ послѣдствіями, можно сказать, европеизма, свѣдѣніями дѣльными. Объясненіе болѣзней, рядомъ и объясненіе самыхъ недѣльных повѣрій, удерживается теченіемъ столѣтій, за собою пріемы и перепечатающіяся съ такою точностью въ уложеніяхъ уголовной палаты.

нѣлность? Ничего нѣтъ легче, какъ объяснить по этимъ началамъ, что болѣзнь съ жаромъ есть *инь*, съ отсутствіемъ его — *янъ*, что въ первой страдаетъ воздухъ, во второй — кровь. Чтобы увѣнчить первую, должно усилить дѣятельность крови, которая возвратится, если умѣрится дѣятельность воздуха, къ чему служатъ лекарства прохлаждающія. Жаръ унимается холодомъ, огонь тушится водою! Подобнымъ образомъ строится положеніе во всѣхъ болѣзняхъ и составляются показанія къ ихъ леченію. Врачъ глубоко убѣжденъ въ правильности своихъ заключеній: онъ отъ слова до слова точны со всѣми указаніями древнихъ и новыхъ его учителей; большой съ упованіемъ возлагаетъ надежду на искусство врача; ему такъ повѣтено объяснена была болѣзнь его и ея причины, доводы врача были такъ близки къ собственнымъ его понятіямъ о состояніи здоровья, что въ душѣ его не остается никакого сомнѣнія о вѣрности распознаванія болѣзни и назначеннаго лекарства, и часто врачующая сила природы выручаетъ того и другаго. Образованные Китайцы большею частью имѣютъ почти такое же понятіе о мелничнѣ, какъ и сами врачи, меньше только знаютъ наизусть рецептовъ. По мнѣнію они сами могли бы отыскать болѣзнь одинакую съ ихъ болѣзнію и списать предлагаемый рецептъ, тѣмъ болѣе, что изъ аптекъ отпускаются лекарства безъ подписи врача; но обыкновеніе, сила привычки, или скорѣе любовь къ жизни, заставляетъ призывать врача и чаще не одного, а нѣсколькихъ въ разное время. Изъ числа прописанныхъ рецептовъ выбирается тотъ, который у нѣсколькихъ врачей оказался сходнымъ въ означенныхъ лекарствахъ. Довольно-основательно! Къ чести китайскаго врачебнаго сословія бываетъ всегда такъ, что весь составный сонмъ врачей гласитъ о болѣзни одно и то же. Разногласіе выходитъ развѣ только въ томъ, что одинъ принимаетъ нѣсколько-большую степень жара (огня), другой меньшую, а отъ

этого у одного изъ главному лекарству придавъ, на-прим., солодковый корень, а у другаго его нѣтъ; въ общемъ всегда согласіе. Основная идея въ медицинѣ помогаетъ дѣлать разгадку болѣзни по однимъ и тѣмъ же правиламъ до того общими, что никакое стороннее обстоятельство въ больномъ, въ самой болѣзни, не выводитъ ихъ до частности. Какой бы ни былъ учебникъ, изъ котораго врачъ почерпнулъ свои познанія, составленный ли за 500 лѣтъ, или позднѣйшій, или просто переданный ему устно отцомъ, — они всѣ раскрываютъ тайны медицины въ однихъ и тѣхъ же неважныхъ формахъ; послѣ этого не удивительно, если каждый врачъ, слѣпо слѣдуя заученному и, притомъ, имѣя скудный запасъ познаній изъ своей практики о разныхъ случайностяхъ, говоритъ о болѣзни то же, что сказалъ и прежде-призванный къ больному врачъ; лишь бы не ошибиться въ главномъ — что болѣзнь, на-прим., съ малымъ жаромъ, или со слабостію, съ жаромъ, или съ отсутствіемъ его (съ холодомъ), а остальное пойдетъ въ порядокъ, какъ сказано въ книгѣ. Китайецъ, слѣдующій врачомъ всегда рада хлѣба насущнаго, никогда по призванію, на своей практикѣ идетъ прямо только къ этой одной цѣли, какъ ремесленникъ получаетъ за приходъ условленную плату, смотря по разстоянію отъ его жилища, и уѣзжаетъ, оставляя на произволъ больнаго слѣдующее посѣщеніе. Таковъ уже обычай, что врачъ никакъ не можетъ посѣтить своего больнаго безъ повторительнаго зова, а онъ-то рѣдко и дѣлается; большею частію, особенно, если болѣзнь не показала никакой склонности къ улучшенію, просить другаго врача, а тамъ третьяго, и т. д. Откуда послѣ этого получить врачу практическія свѣдѣнія, умножить, повѣрить ихъ? даже и одно посѣщеніе онъ долженъ означивать возможно-скорѣе, чтобы показать свою дальновидность. Такъ врачевали за нѣсколько тысячъ лѣтъ до этого, такъ врачуютъ и теперь. Отъ-этого во всѣхъ медицинскихъ книгѣхъ болѣзни опи-

сываются двумя, тремя признаками, а прочее наполняется неисчислимыми столбцами рецептовъ.

Понятія Китайцевъ въ анатоміи человѣческаго тѣла весьма-сбивчивы, ограничены. Ни въ одной книгѣ не говорится, откуда взяты эти познанія, были ли дѣланы когда-либо и для какой бы то ни было цѣли вскрытія человѣческихъ труповъ, изучали ли анатомію по трупамъ животныхъ. Въ позднѣйшее время, въ 11—12 году *Дао-гуаня* (названіе правленія царствующаго императора), въ 1831 — 32 году, вышло сочиненіе подъ названіемъ: *И-лимъ тай-цзо* (Поправка Ошибокъ въ Медицинѣ), составленное правителемъ одного уѣзда, который имѣлъ случай наблюдать внутреннее (?) строеніе частей тѣла при судебномъ исследованіи труповъ; но эта неудачная попытка пояснить анатомическія познанія лишь сбила со стараго толку. Изъ всего видно, впрочемъ, что древняя анатомія была составлена по трупамъ. Быть можетъ даже, что она перешла къ Китайцамъ отъ другаго народа. По этой анатоміи выходитъ, что въ тѣлѣ человѣческомъ находится:

Пять внутренностей плотныхъ: сердце, легкое, печень, почки и поджелудочная железа (или селезенка, — что-нибудь одно; во описаніи, надобно полагать, что поджелудочная железа, потому-что подъ словомъ *яси* описывается внутренность продолговатая, лежащая ниже желудка и помогающая при пищевареніи удареніемъ своей массы о стѣнки желудка; наконецъ, словомъ *яси-сай* выражаютъ вообще желудокъ). Сердце имѣетъ положеніе въ средней части груди, спускаясь больше книзу къ подложечкѣ. Печень въ лѣвомъ боку (!); почки по сторонамъ позвоночника въ поясничной части его. Въ пространствѣ между почками, больше къ лѣвой сторонѣ, находится сѣдалище начальнаго воздуха, *spiritus vitae*. Починъ суть хранилище родотворнаго сѣмени!

Шесть внутренностей перепончатыхъ: желудокъ, желчный пузырь, тонкія кишки, толстыя кишки, мочево-

пузырь и сердечная оболочка (по другимъ, вмѣсто ея — какія-то три цзю, — *самъ-цзю*, верхній, средній и нижній). Что это такое? Неизвѣстно! Сохранилось одно названіе. Въ описаніи богиней говорится, что огонь (жаръ, напримеръ, въ верхнемъ цзю, или въ нижнемъ цзю, и т. д. Впрочемъ, подъ этимъ именемъ разумеютъ три полости — грудную, брюшную и тазовую, а можетъ-быть и главные стволы кровеносныхъ сосудовъ, идущихъ впередъ позвоночника).

Мышцы извѣстны подъ общимъ именемъ «мяса»; раздѣльность ихъ равно какъ и свойственное каждой изъ нихъ отправленіе не принимаются. Сухожилія мышцъ суть что-то особое, неизвѣстно для чего приращенное къ костямъ.

Главныхъ кровеносныхъ сосудовъ считается двѣнадцать на правой и двѣнадцать на лѣвой части тѣла. Шесть изъ нихъ идутъ по рукъ, шесть по ногъ. Изъ каждыхъ шести сосудовъ, три берутъ начало снизу, на-примѣръ, отъ низина стопы, отъ большого пальца стопы и т. д., или отъ низина кисти ручной, отъ указательнаго (ручнаго) пальца и проч., и поднимаются вверхъ, а три сверху, отъ угла глаза, отъ виска, и спускаются книзу. Кромѣ главныхъ сосудовъ, находится еще три равной величины: одинъ идетъ по спинѣ (надъ остистыми отростками позвонковъ) на голову и, перешедъ лобъ и носъ, оканчивается на верхней деснѣ близъ губной уащочки. Другой посрединѣ живота восходитъ вверхъ къ шеѣ и, перегнувъ подбородокъ, оканчивается подъ нижней губою. Оба эти сосуды берутъ начало на срединѣ промежутка (*regnum*), между половыми частями и нижнимъ отверстіемъ. Третій идетъ внутри тѣла впередъ позвоночника. Отъ главныхъ стволовъ сосудовъ идутъ вѣтви, которыхъ насчитываютъ до пятнадцати. Въ сосудахъ обращаются кровь и воздухъ; воздухъ служитъ проводникомъ крови: безъ его движенія она не можетъ протекать по сосудамъ.

Костей въ человѣческомъ тѣлѣ считается 365 (*); въ нихъ содержится костной мозгъ, изъ котораго причисляются и черепной мозгъ и мозгъ позвоночника.

О первахъ говорится весьма-темно, а бо отвращеніи ихъ ни слова.

По этимъ анатомическимъ понятиямъ составлены и правила для осмотра дѣтства труповъ; въ нихъ стараются представить одни наружные признаки, по которымъ бы можно было отличить тотъ, или другой видъ насильственной смерти. Какъ учрежденіе правительства, эти правила нѣвѣютъ благою цѣль; но, кажется, они далеко не достигаютъ ея, не смотря на всю свою подробность; по нимъ, можетъ-быть, нѣрѣдко злодѣяніе остается правымъ, а невинность страдаетъ, особенно, на-примѣръ, при открытіи отравленія, въ которомъ, какъ и при смерти отъ механическаго насилія, доводятся одни наружные осмотрны, а за химическія реакціи отвѣчаютъ серебряная пластинка (**). Вообще, каковъ бы ни былъ родъ насильственной смерти, вскрытіе трупа не дѣлается; Китайцы боятся этого, какъ грѣха смертнаго, и все вниманіе обращаютъ на наружныя части тѣла, а потому изученіемъ ихъ занимаются въ особенности и вотъ какъ описываютъ:

На ручныхъ пальцахъ первый составъ называется малымъ, второй — среднимъ, а послѣдній—настоящимъ, кореннымъ составомъ пальца. Позади кореннаго состава каждаго пальца находится пластная кость, а за нею кость запястья, а надъ ними—ладонное мясо. Позади ладонныхъ костей находится сгибъ руки (*шоу-сань-цзы*). Надъ сгибомъ руки, по правую сторону на-

ходящееся возвышеніе (противъ большаго пальца), называется мышцелкомъ внутреннимъ, а по лѣвую (противъ мизинца)—мышцелкомъ наружнымъ. Надъ сгибомъ руки находятся двѣ кости (переднее плечо), толстая изъ нихъ (локтевая) называется *бэй-ту*, а лежащая подлѣ нея и не такъ толстая (лучевая) — *би-ту*. Вверху, на задней части этихъ двухъ костей, находится небольшая кость (локтевой отростокъ), помогающая рукѣ сгибаться напередъ и препятствующая загибаться назадъ. Она называется *чжоу-ту*. Кость, лежащая выше *бэй-ту* (локтевой) и *би-ту* (лучевой) и съ ними соединяющаяся (плечевая кость) называется *кунь-ту*. Въ плечѣ—кость, лежащая поперечно на передней и верхней части плеча (ключица), называется *хэнь-юй-ту*, а на задней и верхней части (лопатка)—*лэи-ту*, названная такъ по сходству ея съ инструментомъ *лэи-па* (родъ гитары). Пространство между этими двумя костями (ключицею и лопаткою) называется *це-пинь* (какъ-бы сосудъ). Часть между костями *хэнь-юй* (ключица) и *лэи* (лопатка) и головою называется *гуэнь* (шея); передняя часть ея есть *шоу-сань*, возвышеніе на срединѣ ея *цзы-шоу* (надымъ). Пространство между подбородкомъ, вѣтвями нижней челюсти и горломъ называется *хэ*, а пространство между внутренними поверхностями вѣтвей нижней челюсти и боковыми верхними частями горла—*цуй-хай*. Позади угла рта находящаяся часть называется *и* (щека), а ниже ея *цзы-чэ* (нижняя челюсть). Позади и выше нижней челюсти находящаяся хрящеватая часть называется *эрр* (ухо), а надъ нимъ и впереди его, безволосая часть головы *цуй-бинь*. Срединна верхушки головы называется *динь* (макушка), а впереди ея находящееся нѣсто, въ которомъ у дѣтей видно бѣшеніе, *синь-минь* (родничокъ); отъ родничковъ внизъ вся волосистая часть головы называется *фа-цзы*. Пространство, находящееся ниже средины и боковъ окончанія волосъ на передней части головы называется *иэ* (лобъ и лобные

(*) Китайскій счетъ не вѣренъ. Въ человѣческомъ скелетѣ насчитывается до 236 костей (см. *Möckel Handb. der Menschlichen Anatomie*, II-г Bd. § 472).

Ред.

(**) См. ниже.

бугорки). Ниже боковыхъ частей лба находящеся мѣсто, покрытое волосами, называется *май-цзы* (брови), позади и съ боку ихъ находится *май-ляс* (високъ), а ниже—*му* (глазъ). Наружная часть глаза называется *сло-цзы*, а внутренняя—*да-цзы* (внутренний и наружный уголъ глаза). Верхняя кожа, покрывающая глаза, есть *шаль-лянь*, нижняя — *ся-лянь* (верхнее и нижнее вѣко). Та часть въ среднѣи глаза, отъ которой зависить зрѣнiе, есть *му-тунь-цзы* (зѣница). Часть носа, находящаяся между внутренними углами глаза, называется *би-шань-юнь* (переносье), а выше—*амь-тань* (надперевосье). Часть головы, по бокамъ макушки находящаяся, называется *лао-цзы* (бугорки теменныхъ костей), а ниже этого мѣста, больше кпереди выдавшаяся часть, называется *чэн-чжэнь-гу* (кость, на которую ложится человекъ на подушку во время сна, — сосцевидный отростокъ височной кости). У животныхъ этой кости не находится! Пространство между *ямь-гу* (лопатка) занимаетъ *цзынь-гу* (спинные позвонки). Часть спины, лежащая ниже того мѣста, близъ котораго прекращаются ребра, есть *ле-минь-гу* (поясница), а ниже ея находящаяся кость, съ четырьмя отверстiями съ каждой стороны, называется *па-гуа-гу* (крестецъ). Самая послѣдняя небольшая кость, лежащая ниже *па-гуа-гу*, есть *вэй-люй-гу* (копчикъ). По бокамъ *па-гуа-гу* (крестца) находятся часть, называемая *гуань-гу* (безъименная кость и соединенiе головки бедренной кости съ вертлугомъ). Впереди *гуань-гу* находится *дэнь-гу* (поперечная кость — кость лобковая), а ниже—*туй-гу* (бедро). Соединенiе *туй-гу* съ нижнею большою костью (голенью) называется *цой-цю*, а кость, покрывающая это соединенiе спереди — *си-май-гу* (козлиная кость). Козлино вообще называется *си*. Ниже козлива находятся двѣ кости: большая изъ нихъ называется *чжиань-гу* (большое берцо), а боковая и меньшая, помогающая первой—*сань-гу* (малое берцо). При нижнемъ концѣ этихъ костей находятся

два соединенiя—наружное и внутреннее, первое называется—*тай-ло*, второе — *лоу-ло* (наружная и внутренняя лодыжки). Отъ нижняго конца *чжиань-гу* (большой берцовой кости) и *сань-гу* (малой берцовой кости), вперед идущія кости называются—*чзу-шэнь* (правыя кости стопы—плюсна). Первый составъ каждого ножнаго пальца называется *бэнь-цзы* (коренной составъ), второй — *сло-цзы* (малый составъ), над которыми находится *чжиань-цзы* (подошва). Нижняя поверхность (подошвенная) первыхъ составовъ ножныхъ пальцевъ называется *чзу-цзы* (подошва), позади этого находящаяся часть ступни—*чзу-синь* (подошва). Нижняя часть кости, которою человекъ ступаетъ, называется *чзу-чжань-гу* (нижняя часть пятки), а задняя — *чжунь-гу* (точечный бугорокъ); твердая часть, на *чжунь-гу* находящаяся (ахиллова сухожила), называется—*цзы-юнь*.

Соединенiе костей между собою

Человекъ имѣетъ 365 (*) костей (многихъ составовъ) по числу градусовъ на небесномъ глобусѣ (?). У мужчинъ кости—бѣлыя, у женщинъ—черныя. Черепъ мужчинъ состоитъ изъ восьми частей. На затылкѣ находится 1 трещина — одна идущая поперекъ другая — отъ первой книзу, отъ черепъ мужчинъ и представляется стоящимъ изъ восьми костей. У женщинъ не находится перпендикулярной трещины, а потому черепъ ихъ состоитъ только изъ шести костей. Затылокъ человекъ имѣетъ или 24, или 26 (!). Средняя грудная кость состоитъ изъ трехъ частей, имѣетъ овально-продолговатую и на концѣ несколько заострена. На каждой грудной кости находится 12 реберъ, въ которыя входятъ 12 позвонковъ. Концы грудной кости соединяются съ весьма-тонкою, мягкой

(*) Выше уже замѣчено объ этомъ въ кб.

величиною съ чохъ (малая иѣдная кость), называемою *симъ-ланъ-ту* (мечевидный отростокъ). Послѣ рожденія эта кость долгое время остается хрящеватою и уже послѣ у ирѣвскихъ людей дѣлается настоящею костью, у слабыхъ же отъ рожденія, или истощившихся въ дѣтствѣ рукоблудіемъ, она вовсе не растетъ и не костенеетъ, отъ-чего скоро и согнывается послѣ смерти, и были случаи, что вмѣсто ея принимали нижнюю часть грудной кости. Въ пространствѣ отъ затылка до крестца соединены между собою двадцать-четыре позвонка: въ иѣтъ находится пять позвонковъ, считая здѣсь и одну выдавшуюся кость (остистый отростокъ седьмого шейнаго позвонка); въ спиный и поясничъ считается девятнадцать позвонковъ. Последній поясничный позвонокъ соединяется съ одною широкою костью, величиною съ ладонь, именуемою восемь отверстій, съ каждой стороны по четыре (*на-чу-ту*, крестецъ), которая сама нижею своею частію соединяется съ небольшою костью, именуемою фигуру спивой почки (*сѣй-люй-ту*, кончикъ). Выгнутая часть этой кости обращена вверхъ и соединяется съ выше-лежащею костью, а выпуклая — внизъ и остается свободною; у мужчинъ она иѣтеть по бокамъ отростки, какъ на ягодахъ водянаго каштана (*гара палана*), а на поверхности девять ямокъ: у женщинъ она ровнѣе, съ шестью только ямками, а отростокъ не иѣтеть. Въ бокахъ находится по шести реберъ, четыре длинныя, а два короткія. У женщинъ по 7 реберъ въ каждомъ боку. Въ рукѣ находятся три кости, одна сверху (плечевая), соединяющаяся въ плечѣ съ костью поверечно-лежащею (ключица, *хэм-юй-ту*) и съ костью, на задней части лежащею (лопатка), а въ локтѣ съ двумя костями (локтевъ и лучомъ); у мужчинъ на концѣ одной изъ этихъ двухъ костей, съ наружнаго бока лежащей, находится небольшая кость (гиротно, отростокъ локтевой кости), чего въ женскомъ тѣлѣ не замѣчается. Въ

верхней части ноги одна большая кость (бедро), соединяющаяся въ колѣнѣ съ двумя костями голени (большими и малыми беркомъ). Въ колѣнномъ составѣ, подъ колѣнную костью, небольшая кость величиною въ палецъ; въ ладони и подошвѣ по пяти костей. Большой ножной, большой ручной и меньшіе пальцы ногі иѣтуютъ по два состава, а прочіе четырнадцать пальцевъ (восемь ручныхъ и шесть ножныхъ) иѣтуютъ по три состава.

Раздѣленіе частей тѣла на опасныя и неопасныя для жизни.

Опасными мѣстами на тѣлѣ человека считаются тѣ, отъ поврежденія которыхъ жизнь человека находится въ опасности, или наступаетъ самая смерть; менѣе-опасными — тѣ, поврежденіе которыхъ, даже сильное, не всегда ведетъ за собою смерть.

Къ первымъ принадлежатъ на передней части тѣла:

1) Макушка головы, 2) боковая часть ея съ правой стороны, 3) боковая часть ея съ лѣвой стороны, 4) мѣсто бывшихъ родничковъ у дѣтей, 5) середина лба, 6) лобные бугорки, 7) виски съ обѣихъ сторонъ, 8) наружные слуховой проходъ, 9) дыхательное горло, 10) грудная кость, 11) обѣ груди у женщинъ, 12) ложечка или предсердіе, 13) верхняя часть живота надъ пупкомъ, 14) нижняя часть живота подъ пупкомъ, 15) бока съ обѣихъ сторонъ, 16) дѣтородныя части.

На задней части тѣла: 1) бугорокъ затылочной кости, 2) сосцевидные отростки височныхъ костей, 3) поясничные и спиные позвонки, 4) спиная часть реберъ, 5) поясница.

Менѣе-опасныя мѣста на передней части тѣла суть: 1) надбровная часть, 2) надчеревосье, 3) оба глаза, 4) щечи, 5) ушные раковины, 6) верхушка и конецъ носа, 7) повдры, 8) середина верхней губы, 9) верхняя и нижняя губы и углы ихъ соединенія, 10) верхніе и нижніе зубы и языкъ, 11) боковыя ча

сти нижней челюсти, 12) ключицы, 13) головка плечевой кости, 14) плечевая кость, 15) подмышка, 16) передняя поверхность соединенія плечевой кости съ переднимъ плечомъ, 17) передняя поверхность соединенія кисти ручной съ переднимъ плечомъ, 18) ладонь, 19) ладонная поверхность ручныхъ пальцевъ, 20) подноготная мѣста пальцевъ, 21) боковыя части живота (подреберья и подвздохи), 22) вертлужная часть бедра, 23) бедро, 24) колено, 25) голень, 26) дѣтородный членъ у мужчинъ, 27) соединеніе стопы съ голенью, 28) тылъ стопы, 29) ножные пальцы, 30) подноготная часть ножныхъ пальцевъ.

На задней части тѣла: 1) Зашеекъ, 2) Зашейная ямка; 3) Лопатки, 4) Локтевой отростокъ, 5) Задняя поверхность передняго плеча, 6) Тыльная поверхность кисти ручной, 7) Тыльная поверхность ручныхъ пальцевъ, 8) Ногти ихъ, 9) Сѣдалищный бугорокъ, 10) Нижнее отверстіе, 11) Задняя поверхность бедра, 12) Подколенная ямка, 13) Икры, 14) Лодыжки— внутренняя и наружная, 15) Ахиллова сухая жила, 16) Подошва, 17) Подошвенная поверхность ножныхъ пальцевъ, 18) Концы ножныхъ пальцевъ, 19) Подноготная мѣста ножныхъ пальцевъ.

Общія правила осмотра тѣла трупа.

Исслѣдованіе трупа должно производиться въ присутствіи назначеннаго на слѣдствіе чиновника, а осмотръ всегда дѣлается особенно на то опредѣленными людьми — мужчинами, называемыми *су-цзо*, для осмотра труповъ мужскихъ, или женщинами — *сань-по* — для осмотра труповъ женскихъ. Они обязаны всѣ находимые на трупѣ признаки объявлять вслухъ. Кромѣ осматривающихъ и осматриваемаго, при слѣдствіи долженъ находиться писарь, котораго обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ записывать всѣ находимые признаки, объявленные осматривающими. Запись ведется въ особен-

ныхъ, заранее-приготовленныхъ печатныхъ таблицахъ, съ означеніемъ частей тѣла. Каждый найденный признакъ вышется въ таблицѣ противъ соответствующей ему части. При слѣдствіи должны также быть: нѣсколько человекъ свидѣтелей, родственники свидѣтельствуемаго трупа, буде ищутся, самъ виновникъ убійства, если онъ пойманъ. Они обязаны также осматривать находимые признаки на трупѣ; но для этого ихъ не должно слишкомъ-близко подпускать къ нему, дабы они не слѣдлали новыхъ развѣ, чрезъ что затрудняется распознаваніе. Главные же осматривающіе и самъ чиновникъ, производящій слѣдствіе, должны находиться какъ-можно-ближе къ трупу. Самый трупу долженъ быть раздѣтъ; на одна часть его тѣла не должна быть прикрыта, хотя бы этого и требовалъ стыдъ, особенно при слѣдствіи производящій труповъ женскихъ.

На случай трудности распознаванія признаковъ на трупѣ, производящіе слѣдствіе должны всегда имѣть при себѣ: лукъ, перецъ, соль, плоды гамаринды, дрожжи, уксусъ. Иногда нѣкоторыя изъ этихъ вещей нужно привести въ порошокъ, а потому слѣдствителю должны также имѣть наготовѣ: ступку, молотокъ, вѣстникъ.

Предъ осмотромъ трупъ выносятся на мѣсто свѣтлое, освобождается отъ платья; записавъ напередъ, въ какомъ положеніи былъ найденъ трупу, въ какомъ порядкѣ и какое именно было на немъ платье, за тѣмъ приступаютъ къ осмотру, который начинается съ верхнихъ частей тѣла, съ головы, и постепенно идетъ книзу.

На головѣ замѣчаютъ: длину волосъ, цѣлы ли они или вырваны, обрѣзаны и въ какомъ порядкѣ; потомъ разворачиваютъ ихъ, чтобъ видѣть въ какомъ состояніи черепъ: цѣлъ или имѣетъ проломы, особенно должно обращать вниманіе на макушку головы и на мѣста родничковъ: имѣтъ ли вколоченаго въ нихъ гвоздя, и т. под., что бываетъ весьма-нерѣдко. Далѣе осматриваютъ: среднюю лба, виски, брови, над-

перевосье, вѣки — опущены ли они на глазъ или приподняты, въ первомъ случаѣ раскрываютъ ихъ, чтобъ видѣть. Цѣль ли глазъ или поврежденъ. Ушная раковина почитается неопаснымъ мѣстомъ для жизни; но, не смотря на это, и ее должно подвергнуть внимательному осмотру и замѣтить, не откушена ли или не обрѣвана ли она и т. д. Въ наружномъ слуховомъ проходѣ должно замѣтить, нѣтъ ли воткнутыхъ постороннихъ тѣлъ.

На лицѣ осматриваются: щеки, на которыхъ, если замѣчены раны, то ихъ должно отличить: нанесены ли онѣ тѣлами ровными, гладкими или шероховатыми и т. д. При этомъ нужно имѣть осторожность, чтобъ не почесть за признакъ раненія бывшее преступническое клеймо. Иные, желая скрыться отъ позора, закрашиваютъ его водъ цвѣтъ кожи какими-нибудь веществами, что весьма-легко открыть: стоитъ только постучать по этому мѣсту бамбуковою пластинкою, замазка отпадетъ, и клеймо будетъ замѣтно. На носу могутъ быть равныя знаки раненія, а въ ноздряхъ его — ивородныя тѣла. Губы, зубы, языкъ, боковыя части нижней челюсти могутъ имѣть на себѣ тотъ или другой знакъ раненія: губы могутъ быть разорваны, зубы выбиты, нижняя челюсть можетъ быть переломлена и т. д. Все это должно осмотрѣть и замѣтить, кромѣ того — открытъ ли при этомъ ротъ или сомкнутъ, языкъ — остается ли въ полости рта или вышелъ наружу, прижать ли зубами, или нѣтъ и т. д.

Горло должно быть осмотрѣно снаружи и внутри. На наружной его части могутъ быть раненія, проникающія въ полость, переломы, сдавленіе трахеи, опухоль и т. д. На ошую горло можетъ быть мягко и уступать давленію руки, или имѣть естественную свою твердость. Для внутренняго изслѣдованія употребляется серебряная пластинка, или серебряная палочка, которую чрезъ ротъ доводятъ до горла. Чернота серебра покажетъ, что

умершій принималъ что-нибудь ядовитое.

Ключицы, плечевая кость, переднее плечо, ручныя пальцы, берро, козѣно, голень, стопа, ножныя пальцы почитаются мѣстами неопасными для жизни; но не смотря на это, и ихъ должно осматривать подробно: того требуетъ судебное изслѣдованіе: притомъ переломы костей, жестокія раненія большей части изъ нихъ, вколоченныя подъ ногти острые вещества, могутъ быть причиною смерти челоуѣка отъ сильнаго страданія.

Грудная кость, груди у женщинъ, предсердіе, бока, верхняя и нижняя часть живота должны быть внимательно осмотрѣны, какъ части тѣла опасныя для жизни, и равы на нихъ найденныя подробно описаны.

Половые органы, кромѣ наружнаго осмотра, должно подвергнуть ошупыванію у мужчинъ для того, чтобъ узнать, цѣлы ли, или повреждены шультки; а у женщинъ, чтобъ узнать, не вложено ли внутрь постороннее тѣло.

На задней части тѣла производится такимъ же образомъ послѣдовательный осмотръ сверху внизъ, обращая особое вниманіе на части, почитаемыя опасными для жизни. Осматривая спину, должно остерегаться, чтобъ не почесть рубцы и знаки, оставшіеся послѣ наказанія, за раненіе недавнее, имѣвшее вліяніе на смерть челоуѣка. Ту же осторожность надобно наблюдать при осматриваніи лодыжекъ, на которыхъ могутъ быть знаки отъ бывшихъ ударовъ по нимъ, или отъ сжатія между досками, если челоуѣкъ подвергался пыткѣ при допросахъ.

Всѣ найденныя раненія на трупѣ должны быть вымѣрены — по ихъ глубинѣ, длинѣ, ширинѣ, тщательно замѣченъ цвѣтъ ихъ, и т. под. Равнымъ образомъ должно вымѣрять ростъ изслѣдуемаго трупа, ширину въ плечахъ, узнать сколько гѣтъ ему отъ роду — или приблизительно по виду, или изъ разспроса родственниковъ, свидѣтелей, если они знали челоуѣка при жизни.

Кромѣ знаковъ отъ побоевъ, ране-

ный и т. д., при исследованіи найденныхъ, необходимо нужно замѣчать: нѣтъ ли на трупѣ татуированныхъ мѣстъ, вытыканныхъ иглою разными узорами для украшеній, чесотки, сухихъ лишаявъ, рубцовъ послѣ зажившихъ чирьевъ, знаковъ, оставшихся послѣ иглоукалывавія (асиринстига) и все это подробно записать. Еслибъ никакихъ постороннихъ знаковъ не было замѣчено на трупѣ, то въ запискѣ надлежитъ непременно сказать и объ этомъ.

Для открытія ранъ на костяхъ употребляются дрожжи и укусы, которыми покрывается подозрѣваемая кость; свѣтъ солнечный при этомъ долженъ падать на исследуемую часть сквозь тонкую бумагу, или сѣтчатую матерію. Нѣкоторые совѣтуютъ накрываться вонтикомъ. Еслибъ случился пасмурный день, то для освѣщенія можно употребить раскаленный уголь (!). Когда укусы и дрожжи будутъ недостаточны для открытія, то употребляютъ свѣсъ порошка тамаринды съ тонкимъ укусомъ и дрожжами, которою обильно смазываютъ исследуемую часть на нѣсколько времени. Еслибъ и этого было недостаточно, то лучшимъ и вѣрнѣйшимъ считается слѣдующій способъ: берется порошокъ тамаринды въ такомъ количествѣ, изъ котораго бы съ извѣстною частію укуса и дрожжей составилось тѣсто. Изъ этого тѣста дѣлается лепешка, которую и владутъ на исследуемую часть, предварительно покрытую тонкою бумагою, и слегка потираютъ рукою. Величина и направленіе раны обозначаются на сторонѣ бумаги, обращенной къ раненному мѣсту. При переломахъ костей, сопряженныхъ съ раненіемъ, разрывомъ мягкихъ частей, иногда мясо весьма крѣпко пристаеетъ къ костямъ, присыхаетъ къ нимъ; тогда, для узнаванія мѣста перелома кости, его направленія, мясо отмачивается водою, а если этого будетъ недостаточно, то слегка отдѣляется отъ кости руками.

Естественный цвѣтъ тѣла смуглый (т. е. у Китайцевъ) послѣ смерти отъ

продолжительнаго лежанія перемѣняется въ черныи, какъ-бы въ черныя краски вымоченный, отъ чего и трудняется распознаваніе равненій мѣстъ. Въ такомъ случаѣ совѣтуютъ почернѣвшія мѣста, обмывъ водою, обложить растолченными стеблями лука, а сверху прикрыть бумагою, сшитую въ укусы, и оставить такъ часа на два времени. Послѣ—все это смывается, снова обмывается водою и дѣлается осмотръ. При большомъ числѣ черныхъ пятенъ, чтобы отличить между ими пятна, зависящія отъ поврежденія, совѣтуютъ прижимать ихъ пальцами и накапывать на нихъ воду. Если капля воды скоро стекаетъ, пятно ощущъ твердо, то это показываетъ, что тутъ есть равненіе, въ противномъ случаѣ—пятно зависитъ отъ долгаго лежанія трупа.

Прижатіе пальцемъ и накапываніе воды употребляются и при исследованіи раненій на живомъ человѣкѣ. Если по отжатіи пальца, цвѣтъ слѣдующаго мѣста не измѣняется, а остается чернымъ, краснымъ и т. д. и ощущеніе капля воды не стекаетъ, то значитъ, что на это мѣсто былъ нанесенъ ударъ; но если по отжатіи пальца цвѣтъ при давленнаго мѣста измѣняется въ бѣлый, то это показываетъ, что на этомъ мѣстѣ произошли сами-собою долгомъ лежаніемъ, отъ полтепа крови. Часто на задней части трупа—на спинѣ, шеѣ, бедрахъ и т. д. замѣчаются багровыя пятна, которыя также зависятъ отъ продолжительнаго лежанія трупа на спинѣ и не должны быть считаемы за признаки равненій.

Измѣненіе цвѣта въ трупѣ, называемое глаго въ черноватый, зависитъ отъ того, что кровь, находясь при жизни вѣсело всюду въ тѣлѣ, обращается постоянно отъ наружныхъ частей въ внутреннѣ и наоборотъ; когда наступитъ смерть, она не можетъ возвратиться отъ наружной поверхности внутрь, а остается подъ кожей и придаетъ ей черноватый или багровый цвѣтъ. Твердость, замѣчаемая на равненнаго мѣста, объясняется

нѣтъ же образомъ: кровь, притекая въ большомъ количествѣ въ раненую мѣсту, долго остается кругомъ его неподвижною, и если раненый человекъ умретъ вскорѣ послѣ раненій, когда застоившаяся кровь не успѣла еще разойтись, то на мѣстахъ раненыхъ остается твердость, которую при дотрогиваніи пальцемъ весьма-ясно можно различить.

Исследование трупа непохороненнаго.

Трупъ можетъ находиться: внутри комнаты, на полу, на кровати и т. д., или вѣдѣ дома—на полѣ, на горѣ, въ оврагѣ, въ лѣсу и проч. Прежде всего обращается вниманіе на то мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, замѣчаются тѣ вещи, которыя находятся подлѣ трупа, разстояніе ихъ отъ него, положеніе самого трупа. Вѣдѣ дома, кромѣ того, должно узнать, кому принадлежит то мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, и какъ оно называется. Приступая къ осмотру, должно снять съ трупа все платье, а у женщины и всѣ украшенія съ головы и сдѣлать имъ подробную опись; потомъ слегка обмыть трупъ теплою водою, обсушить чистою холстиною и начать осмотръ. Безъ нужды не должно употреблять уксусъ и дрожжи для обмыванія трупа; отъ нихъ могутъ показаться на тѣлѣ знаки прежде-бывшихъ поврежденій, отъ-чего затруднится распознаваніе раненій недавнихъ, отъ которыхъ зависѣла смерть.

Исследование трупа похороненнаго.

Судебному исследованію можетъ подлежать трупъ уже похороненный. Въ этомъ случаѣ должно узнать: кому принадлежит кладбище, гдѣ похороненъ трупъ, требующій исследованія, и какъ оно называется, какъ высокъ бугоръ надъ могилою, чьи жилища кругомъ кладбища и въ какомъ отъ

него разстояніи. Потомъ должно приступить къ разрытію могилы и замѣчать: есть, или нѣтъ черепянины надъ гробомъ, выложена ли могила кирпичами, какой формы самый гробъ: покрытъ ли лакомъ, или простой, съ рѣзьбою, или безъ украшеній, и какія на немъ рѣзныя изображенія. Снявъ крышку съ гроба, должно замѣтить: заключенъ ли гробъ въ другомъ гробѣ, или нѣтъ, въ какомъ случаѣ надобно замѣтить положеніе трупа въ гробѣ: куда обращенъ ногами, куда головою, лежитъ ли онъ на срединѣ гроба, или больше къ сторонѣ, какое на немъ платье и какія съ нимъ положены вещи. По окончаніи этого, гробъ вынимается изъ могилы, трупъ переносится на другое, болѣе-свѣтлое мѣсто, если то будетъ нужно, для дальнѣйшаго осмотра.

Обмываніе трупа и отпариваніе.

Большую частію при судебныхъ исследованіяхъ труповъ, прежде нежели приступлено будетъ къ осмотру, нужно дѣлать-обмываніе трупа; отпариваніе же назначается въ случаяхъ болѣе-затруднительныхъ, когда трупъ лежалъ продолжительное время, или когда на немъ находится много раненій, между которыми надобно отличить раненія болѣе-жестокія, имѣвшія вліяніе на жизнь, отъ легкихъ. Трупъ кладется на доску, или рогожку, и обмывается сначала простою водою, а потомъ водою, въ которой варились стручья дерева—*gleditschia chinensis*, ею смываются разныя нечистоты съ тѣла, грязь и т. п. Послѣ этого снова обмываютъ простою водою и начинаютъ осмотръ. Еслибъ одного обмыванія было недостаточно для открытія раненій, то дѣлаютъ, какъ сказано, отпариваніе трупа, для чего обкладываютъ его смѣсью дрожжей съ горячимъ уксусомъ, а сверху прикрываютъ какими-нибудь мягкими вещами—платьемъ самого умершаго, одѣяломъ и т. д., и оставляютъ такъ часа на два времени, пока трупъ размякнетъ; тогда снима-

ють съ него всѣ вещи, дрожжи съ уксу-
сомъ смываются простою водою, а за-
тѣмъ приступаютъ къ осмотру. Сте-
пень теплоты укуса бываетъ не оди-
накова: при началѣ весны укусъ дол-
женъ быть горячій и смѣшиваться съ
варевыми дрожжами. Въ срединѣ вес-
ны и началѣ осени—умѣренно-теп-
лый: лѣтомъ и въ началѣ осени—теп-
ловатый: иначе могла бы попортиться
кожа на трупѣ. Въ глубокую осень
укусъ долженъ быть весьма-горячъ, а
кругомъ трупъ, отступа поларшина,
раскладывается огонь. Зимой, въ
сильные морозы, во время снѣга, го-
рячій укусъ съ дрожжами и раскла-
дываніе огня близъ трупъ будутъ не-
достаточны для отпариванія трупъ.
Зимой для этой цѣли вырывается
земля, длиною нѣсколько-превосходящая
трупъ, глубиною аршина въ полтора,
шириною почти-равная глубинѣ. На
днѣ ея раскладывается огонь, кото-
рый поддерживается какъ-можно-до-
лѣе. Во время сильнаго горѣнія на угли
поливается укусъ. Когда яма будетъ
достаточно нагрѣта,—огонь тушится,
остатки недогорѣвшихъ дровъ выни-
маются, а на волю кладется рогожа,
или другое чтд, а на нее—трупъ, на-
крытый одѣяломъ. Бока ямы вспы-
скиваются теплымъ укусомъ, а отвер-
стіе прикрывается. Снаружи, кругомъ
ямы, раскладывается огонь. По про-
шествіи извѣстнаго времени, когда
можно полагать, что трупъ оттаялъ,
разложенный снаружи огонь тушится,
и трупъ вынимается изъ ямы для даль-
нѣйшаго осмотра.

Примчаніе. Не должно держать
трупъ въ ямѣ слишкомъ-долго и безъ
нужды повторять отпариваніе нѣсколь-
ко разъ, еслибъ послѣ перваго опыта
на подозрѣваемыхъ мѣстахъ не было
открыто раненій. Въ томъ и другомъ
случаѣ отъ жара трупъ можетъ попор-
титься, и тогда нельзя будетъ узнать
не только дѣйствительной раны, но
легко принять за нее пятна, происшед-
шія отъ слишкомъ-долгого отпарива-
нія.

Предосторожности, принимаемыя послѣ перваго осмотра трупъ.

Послѣ перваго осмотра трупъ
необходимо соблюсти нѣкоторыя пре-
досторожности, состоящія въ томъ,
чтобъ не позволить хоронить его не-
стное время, если можно ожидать
вторительнаго нѣслѣдованія для
ясненія вѣстрѣившагося сомнѣнія
дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Въ такихъ
случаѣ, не перенося трупъ на дру-
гое мѣсто, покрываютъ его одѣяломъ,
и же платнемъ, или другимъ чѣмъ
сверху—рогожею. Кругомъ ро-
гожа главный чиновникъ сдѣлавъ или
какія-нибудь буквы, такъ притомъ
чтобъ половина ихъ приходилась
землѣ, а половина на рогожѣ. Это
жить вмѣсто печати. Надъ трупъ
разбивается рогожанный вагъсъ,
должно соблюдать во всякое время
смотря на погоду. Мѣсто отды
подъ строгій надзоръ нѣсколькихъ
дѣлъ, имена которыхъ записываются

Повторительное нѣслѣдованіе трупъ.

Бываютъ случаи, требующіе
вторительнаго нѣслѣдованія, спустя
нѣсколько времени послѣ перваго. И-
стинно, что трупъ въ такомъ со-
стояніи портится: лицо вздувается, кожа
пачается, ротъ раскрывается, губы
ворачиваются, глаза выходятъ изъ
орбитъ, выпадаютъ волосы, а при
нѣжительномъ лежаніи и въ жаромъ
мѣ, въ мѣсѣ заводится червь. Въ
какомъ состояніи трупъ, если ране-
ны нанесены на мягкія части тѣла
пистолетными орудіями, или острѣми,
или поврежденія костей, нѣтъ сомнѣ-
нія, что слѣдуетъ открыть раненіе, и трупъ
долженъ дать отъ себя отпариваніе
причина смерти по извѣстности
состояніи трупъ не могла быть узнаваема,
если было извѣстно—изъ допросовъ
дѣтелей, самого виновника, что
ранены были кости, то, не смотря на
дѣтельность трупъ, должно внимательное

трѣхъ кости, очистивъ ихъ отъ мяса, обмывъ водою, и въ донесеніи показывать: какія именно части были повреждены и въ какой степени это могло быть причиною смерти (*).

По окончаніи осмотра, если причина смерти открыта и нельзя ожидать, чтобы въ послѣдствіи нужно было вновь производить слѣдствіе, предоставляется полицейскимъ служителямъ похоронить трупъ и надъ могилою сжечь приличную жертву. Если же найдутся родственники, люди честные, отъ которыхъ нельзя ожидать, чтобы они въ послѣдствіи потребовали переслѣдованія трупа изъ собственныхъ своихъ видовъ — корысти, мести и т. д., то позволяется имъ взять трупъ для погребенія, запретивъ, однако, сжигать его, какъ это дѣлается по обрядамъ Фонстоуъ.

ОСМАТРИВАНІЕ ТРУПОВЪ ЖЕНСКИХЪ.

Осмотръ труповъ женскихъ дѣлается особенно на то опредѣленными должными женщинами, *сем-ло*. Онъ обязанъ, какъ и осмотрицы труповъ мужскихъ, производить точный, безпристрастный осмотръ въ присутствіи чиновника, производящаго слѣдствіе, и другихъ, необходимыхъ при этомъ людей, и всѣ находимые на трупѣ признаки объявлять вслухъ, чтобы ихъ знали всѣ присутствующіе и могли повторить ихъ по окончаніи осмотра сами. Вообще свидѣтельствованіе труповъ женскихъ отличается отъ свидѣтельствованія труповъ мужскихъ тѣмъ, что при этомъ опредѣляется: дѣвица, или женщина изслѣдуемый трупъ; это узнаютъ введеннымъ *in vaginam uteri* указательнымъ пальцемъ, обернутымъ хлопчатую бумагою. Вытекающая при этомъ кровь покажетъ, что умершая была дѣвица, и наоборотъ. Замѣчено,

что на трупахъ женщинъ, умершихъ отъ механическаго насиія, чаще всего бываютъ повреждены дѣтородныя части, а потому на нихъ при всякомъ изслѣдованіи должно обращать особое вниманіе. Поврежденіе дѣтородныхъ частей можетъ быть или наружное — отъ ушиба, удара и т. д., или въ нихъ можетъ быть вложено постороннее тѣло: ножъ, заостренная палка и проч. Если вложенное тѣло будетъ такъ длинно, что пройдетъ далеко въ животь и выйдетъ наружу, то это легко замѣтить однимъ взглядомъ; но если иородное тѣло будетъ коротко, или останется глубоко внутри живота, такъ что на поверхности его не будетъ замѣтно даже слѣдовъ изліанія крови, въ такомъ случаѣ при ощупываніи живота, чувствуемая подъ рукою твердость особаго рода, наружный видъ дѣтородныхъ частей, внутри которыхъ можно иногда находить конецъ воткнутого тѣла, опредѣляетъ родъ поврежденія. Если ни по наружному виду дѣтородныхъ частей, ни по внутреннему ихъ изслѣдованію, ни по ощупыванію живота, нельзя прямо доказать ихъ поврежденіе, между-тѣмъ, какъ ходъ обстоятельствъ, распросы, справки даютъ право думать, что смерть зависѣла болѣе или менѣе отъ этого, то въ такомъ случаѣ должно осмотрѣть макушку головы. На ней, при всякомъ поврежденіи — будетъ ли оно сильное, или легкое, всегда можно находить подтѣкъ крови и зависящую отъ-того твердость на извѣстномъ пространствѣ. Послѣ продолжительнаго даже лежанія трупа, когда сгніють всѣ мягкія части и по нимъ не будетъ никакой возможности судить о поврежденіи, на костяхъ макушки остаются, какъ вѣрнѣйшіе признаки, багровый цвѣтъ ихъ и нѣкоторая припухлость. При поврежденіи дѣтородныхъ частей у мужчинъ на макушкѣ головы замѣчены такіе же признаки, какъ и у женщинъ.

Другое отличіе изслѣдованія труповъ женскихъ состоитъ въ опредѣленіи беременности. Это важно въ томъ отношеніи, что беременная женщина

(*). Восстановленіе, имѣющее одинакій смыслъ съ в. 2 ст. 1333 Устава Судебн. Медицины. См. т. 2, т. XIII Свода Законовъ.

ются въ вѣчную жидкость и не имѣютъ оболочекъ.

Кромѣ механическаго поврежденія, выкидышъ можетъ производиться отъ принятія плодогонныхъ лекарствъ, которыя иногда могутъ быть такъ сильны, что лишаютъ жизни и саму мать. Дѣла, съ какою даются плодогонные лекарства, можетъ быть различны: иногда даютъ эти лекарства для излеченія какой-нибудь болѣзни, а иногда, чаще всего, для выведенія плода, чтобъ скрыть стыдъ и т. под. Для знанія, что выкидышъ произошелъ отъ принятаго лекарства, предлагается особый способъ, вѣрность котораго подтверждена, впрочемъ, сомнѣнію. Для этого вводится въ маточный рукавъ серебряная палочка: если она почернѣетъ, то значить, что внутрь было принято какое-нибудь вредное вещество.

Видъ плода въ разные мѣсяцы беременности.

Въ первой дунѣ послѣ зачатія плодъ походитъ на каплю росы, во второй имѣетъ фигуру нераспустившейся почки персика, въ третій на немъ можно уже различать полъ, въ четвертый образуются члены, въ пятый кости и суставы, въ шестой показываються волосы, въ седьмой начинаетъ двигаться правая рука, въ восьмой лѣвая, въ девятый плодъ дѣлаетъ поворотъ: головою обращается къверху, въ десятый достигаетъ совершенной зрѣлости и рождается на свѣтъ.

Исслѣдованіе труповъ дѣтскихъ.

Исслѣдованіе труповъ дѣтскихъ во всемъ сходно съ исслѣдованіемъ труповъ взрослыхъ людей, исключая, что при немъ должно обращать особенное вниманіе на головку исслѣдуемаго дитяти, именно — на роднички, куда могутъ быть воткнуты инородныя тѣла: булавка, тонкій гвоздь и т. под.

Видъ трупа въ разные времена года.

Весною, послѣ двухъ — трехъ дней, шея, бока, грудь трупа нѣсколько

чернѣютъ, а послѣ десяти дней (у тучныхъ) изо рта, ноздрей и ушей вытекаетъ влага, кожа поднимается; а у сухощавыхъ или страдавшихъ болѣзнию, такое измѣненіе бываетъ послѣ пятнадцати-дневнаго лежанія.

Лѣтомъ, чрезъ два или три дня, изо рта и ноздрей начинается вытекать влага, тѣло раздувается, губы выворачиваются, кожа слѣзаетъ, или пузырится, а послѣ четырехъ или пяти дней вылѣзаютъ волосы. Во время жаровъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были раны, кожа бѣлѣетъ; въ мѣстахъ же неповрежденныхъ — багровѣетъ, или чернѣетъ. Если въ жаркое время изъ естественныхъ отверстій не выходятъ черви, а напротивъ, они замѣтны на вискахъ, бокахъ, брюхѣ и т. дал., то это показываетъ, что на этихъ мѣстахъ непременно есть раны. Въ самые сильные жары тѣло въ одинъ день можетъ почернѣть и издавать гнилостный запахъ, а въ три-четыре дня оно раздувается, изо рта вытекаетъ влага, на головѣ выпадаютъ волосы.

Осенью, послѣ двухъ — трехъ дней лежанія трупа, на верхней, передней части тѣла кожа чернѣетъ, а послѣ четырехъ-пяти дней изо рта и ноздрей вытекаетъ влага, все тѣло припухаетъ, ротъ раскрывается, кожа пузырится, на шестой-седьмой день выпадаютъ волосы.

Зимомъ, на четвертый или пятый день, тѣло трупа принимаетъ желтый цвѣтъ, или темнокрасный, а спустя пятнадцать дней послѣ смерти, передняя часть тѣла чернѣетъ; но если трупоу былъ завернутъ въ рогожу, или другое что-нибудь и лежалъ въ землѣ, то тѣло не чернѣетъ.

Весною и осенью, когда температура воздуха бываетъ умѣренная, въ два или три дня трупоу претерпѣваетъ такіе же измѣненія, какъ лѣтомъ въ одинъ день, а въ восемь или девять дней — такіе же, какъ лѣтомъ въ три-четыре дня. Въ сильные морозы онъ измѣняется въ пять дней такъ, какъ въ жары въ одинъ день, въ половину же мѣсяца —

такъ, какъ въ жары — въ три-четыре дня.

Примѣчаніе. На скорость измѣненія трупа имѣетъ вліяніе разность тѣлосложенія и возраста: тучные и молодые скорѣе измѣняются, нежели сухоощавые и старики. То же надобно замѣтить и въ отношеніи положенія мѣста: въ мѣстахъ, обращенныхъ на югъ, трупъ можетъ скорѣе измѣниться, нежели въ мѣстахъ, обращенныхъ на сѣверъ, и т. д.

О различіи истинныхъ ранъ отъ ложныхъ на частяхъ мягкихъ.

Для того, чтобъ скрыть преступленіе, или, что гораздо чаще, чтобъ сдѣлать ложное обвиненіе, какъ на живомъ тѣлѣ, такъ и на трупѣ дѣлаются искусственныя пятна болѣе или менѣе похожія на истинныя раны. Для поддѣлки подъ красный цвѣтъ раны, употребляется тѣсто, приготовляемое изъ шафрана, стружекъ краснаго савдальнаго дерева, плодовъ тамаринды. Его накладываютъ на то мѣсто, гдѣ хотятъ сдѣлать обманъ, и сверху поливаютъ горячимъ уксуcomъ. Смотри по тому, какой нужно имѣть цвѣтъ — болѣе или менѣе красный, тѣсто держится долго, или скоро ссыхается. Чобъ сдѣлать червыи цвѣтъ, употребляется желѣзныи купоросъ, распущенный въ горячемъ уксуcѣ. Но всѣ эти пятна, какъ бы они по наружности ни походили на истинныя раны, могутъ быть легко отличены отъ послѣднихъ тѣмъ, что скоро смываются простою водою, а на здоровой кожѣ и тѣмъ еще, что не имѣютъ кругомъ себя твердости, отъ притекшей и остановившейся крови — постоянного свойства истинныхъ раненій. Твердость, замѣчаемая всегда на истинныхъ ранахъ, распространяется отъ центра и незамѣтно исчезаетъ въ окружности, равно какъ и цвѣтъ, уменьшаясь въ своей яркости, постепенно сливается съ естественнымъ окружной кожи, подобно облакамъ при закатѣ солнца, или полосамъ дождя, видимымъ издали, въ которыхъ

мелька, замѣтить, гдѣ начинается одна и гдѣ оканчивается другая.

Исслѣдованіе костей.

Кости могутъ быть предметомъ судебнаго исслѣдованія, если трупъ чловѣка, умершаго насильственною смертію, по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ оставался долгое время неизслѣдованнымъ, такъ-что всѣ мягкія части у него сгнили, и только по костямъ можно открыть причину смерти, или когда откроется, что чловѣкъ, похороненный нѣсколько лѣтъ назадъ тому, какъ умершій своею смертію, былъ убитъ, отравленъ и т. д., — въ такомъ случаѣ могутъ быть вырыты изъ могилы однѣ кости, и по нимъ-то надобно будетъ производить сѣдствіе. Правила исслѣдованія костей состоятъ въ слѣдующемъ: прежде всего кости обмываются чистою водою, и если онѣ такъ долго лежали въ землѣ, что отделились одна отъ другой въ своихъ соствахъ, то, до начала свидѣтельствованія, ихъ должно связать между собою такъ, какъ онѣ соединены у чловѣка, и положить на доску, имѣющую кругомъ возвышенныя края, чтобъ кости не могли упасть на землю. Если послѣ простаго обмыванія водою, какъ чаще и бываетъ, на костяхъ не будетъ открыто предполагаемыхъ признаковъ раненія, то ихъ должно подвергнуть отпариванію. Для этого вырывается яма — длиною въ 5, шириною въ 3, а глубиною въ 2 фута, и въ ней раскладывается огонь. Послѣ достаточнаго нагрѣванія, въ яму вливаютъ нѣсколько чашекъ подогрѣтаго вина, смѣшаннаго съ уксуcomъ; угли и остатки недогорѣвшихъ дровъ вынимаются, а вмѣсто ихъ кладутся исслѣдуемыя кости и прикрываются сверху листьями полыни. Спустя 2-3 часа, когда яма остынетъ, по снятіи осторожно полыни, кости вынимаются изъ ямы, кладутся на доску и переносятся на ровное мѣсто, достаточно - освѣщенное солнцемъ. При осмотрѣ слѣдователь долженъ держать надъ собою зонтикъ изъ красной клеенки.

Во время ненастной погоды, вмѣсто нагрѣванія въ ямѣ, кости должно варить. Для этого берется глиняный (а не чугунавый), широкій, но не такъ глубокой сосудъ, наливается достаточнымъ количествомъ воды, въ которую прибавляютъ поваренную соль, наваръ плодовъ тамаринды, и кладутся кости. Послѣ нѣсколькихъ вскипавій, кости вынимаются, обмываются простою водою и переносятся для осмотра въ болѣе-свѣтлое мѣсто. На мѣстахъ, подвергавшихся раненію, усмотрятся: кровь черноватая, или красная, трещины, или самые переломы, и т. под.

Примечаніе. Надобно помнить, что продолжительное вареніе, равно какъ и отпариваніе костей въ ямѣ, не могутъ служить вѣрнымъ средствомъ для открытія на нихъ поврежденій, а поведутъ скорѣе къ ошибкамъ, и потому они, вообще, должны производиться недолго. Опытность въ этомъ случаѣ — лучший руководитель въ назначеніи времени. При вареніи костей должно остерегаться, чтобъ въ сосудъ не попало олово, а тѣмъ болѣе самый сосудъ не долженъ быть оловянный: отъ этого могутъ почернѣть кости; тогда и значительное раненіе можно не замѣтить. Такую уловку дѣлаютъ иногда служители, помогающіе при свидѣтельствovanіи, подкупленные кѣмъ-нибудь изъ причастныхъ къ дѣлу, а потому за нихъ должно имѣть строгій надзоръ и выбирать всегда людей честныхъ. Но если бы, при всемъ вниманіи, этотъ обманъ случился, то вотъ какое средство можно испытать для очищенія костей: переварить ихъ снова въ наварѣ изъ трухи ишеничной соломы и порошка растенія *ма-хуанъ* (*equisetum...*), того и другаго по двѣ лавы (20 драхмъ), а потомъ обмыть чистою водою.

Случается, что кости отъ продолжительнаго времени, особенно, если онѣ лежали на открытомъ воздухѣ, выѣтриваются, или частію разрушаются и теряютъ чрезъ то всѣ признаки бывшаго поврежденія. Въ этомъ случаѣ, вмѣсто вывариванія въ водѣ и расщариванія въ ямѣ, лучше распаривать ихъ

надъ водяными парами, кладя на рѣшотку изъ ивовыхъ прутьевъ, установленную надъ сосудомъ съ кипящею водою. Послѣ достаточнаго разгорачиванія костей, рѣшотку снимаютъ, а кости, обсушивъ надлежащимъ образомъ, подвергаютъ осмотру. Можетъ быть, надъ костями полуразрушившимися этотъ способъ останется безуспѣшнымъ; но надъ костями выѣтрившимися его можно употребить, какъ вѣрный и лучший. Но если бы случилось, что на однихъ изъ приведенныхъ способовъ не было открыто поврежденія на костяхъ, между-тѣмъ всѣ предшествовавшія обстоятельства показываютъ, что онѣ дѣйствительно подвергались раненію, то должно прибѣгнуть къ другимъ средствамъ. Напримеръ: можно испытать накапываніе масла, намазываніе подошваемаго мѣста тушью, потиравіе кости тонкою бумагою. Если кость была ранена, то масло войдетъ въ ея трещину, спустя нѣсколько времени, будетъ видно въ кости, если держать ее противъ свѣта. Когда смютъ съ кости намазанную на нее и высохшую тушь, то на раненномъ мѣстѣ останется черная черта, или пятно, смотря потому, было ли раненіе въ видѣ трещины, или малаго отверстія. Отъ потиранія тонкою бумагою на томъ мѣстѣ, гдѣ было поврежденіе, и, слѣдовательно, неровность, остаются волокна бумаги.

При освидѣтельствovanіи недавно-согннутаго трупа, на костяхъ, не успѣвшихъ выѣтриться, можно различать пятна, происшедшія отъ остановившейся здѣсь крови во время прекращенія жизни. По виду пятенъ и ихъ направленію можно судить, хотя приблизительно, о формѣ той вещи, которою нанесено раненіе: продолговатыя пятна показываютъ, что и орудіе было такого же вида, а круглыя — что ударъ нанесенъ головою, пинкомъ ноги и т. д.

При изслѣдованіи раненій на костяхъ, осматривая труповъ, *су-цзо*, долженъ объявить вслухъ всѣмъ находящимся при слѣдствіи, что свидѣ-

тельствуемыя кости найдены въ такомъ-то мѣстѣ, имѣли такой-то положеніе, что кости, напримѣръ, головы—такая-то и такая-то—найлены всѣ цѣлыми, или не достаетъ такой-то, что на такой-то части известной кости найденъ такой-то признакъ раненія. Также долженъ объявить и о костяхъ лица и т. д., до послѣдняго пальца на ногѣ.

По окончаніи слѣдствія, главный чиновникъ, производящій его, долженъ собственноручно перенумеровать всѣ свидѣтельствуемыя кости и завернуть ихъ, каждую отдѣльно, если онѣ рассыпались, въ простую бумагу, а потомъ въ промасленную бумагу; если же онѣ не отдѣлились одна отъ другой, то обертываются всѣ вмѣстѣ одною бумагою и кладутся въ сосудъ, на крышкѣ котораго прикладывается печать. Такія предосторожности необходимо-нужны тогда, если можно предполагать, что слѣдствіе, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, надобно будетъ скорѣ повторить; въ противномъ случаѣ, кости можно позволить похоронить; но и здѣсь изъ предосторожности не худо написать кругомъ могильной насыпи, разведенною въ водѣ известію, какія-нибудь буквы такъ, чтобъ половина ихъ приходилась на землѣ, а половина на могильной насыпи, и отдать это мѣсто до известнаго времени подъ строгій надзоръ.

О различіи истинныхъ ранъ отъ ложныхъ на костяхъ.

Различіе истинныхъ ранъ на костяхъ отъ ложныхъ, т. е. произведенныхъ послѣ смерти человѣка, или когда всѣ мягкія части трупа сгнили, сопряжено гораздо съ большими затрудненіями, нежели на частяхъ мягкихъ; особенно, если кости продолжительное время подвергались вліянію вѣшняго воздуха, или даже находились въ землѣ. Здѣсь все дѣло состоитъ въ наглядности: кому часто случалось видѣть трещины, переломы, вдавленія и

тому подобное, сдѣланныя на костяхъ искусственно, тотъ по виду отломковъ можетъ скоро отличить ихъ отъ поврежденій, нанесенныхъ на кости при жизни человѣка; но вообще—и опытному трудно отличить искусственное раненіе, если оно было сдѣлано давно, и кости вмѣстѣ съ нимъ долгое время лежали на воздухѣ, или въ землѣ. При распознаваніи раненій недавнихъ должно руководствоваться краснотою, свойственною поврежденіямъ, сдѣланнымъ при жизни человѣка. Эта краснота можетъ быть или яркая, или блѣдная, или наконецъ переходить въ багровый цвѣтъ, а иногда—почти въ черный. Причина остающихся пятенъ на мѣстахъ, претерпѣвшихъ раненіе, объяснена выше, то-есть, что кровь при жизни человѣка обращается всюду равномерно, а при раненіи устремляется болѣе къ тому мѣсту, на которое дѣйствовало вѣдшее насиліе, и остается тутъ, если смерть прекратила обращеніе ея во все мѣстѣ; отъ чего и происходятъ пятна разнаго рола, отъ твердости разной степени, смотря потому—скорѣе или медленнѣе слѣдовала смерть за предшествовавшимъ поврежденіемъ. Для поддѣлки ложныхъ раненій на костяхъ, обманъ употребляетъ средства, похожія на тѣ, какія употребляются на частяхъ мягкихъ: такъ, для произведенія краснаго цвѣта—употребляютъ наваръ краснаго сандаловаго дерева, соединенный съ настоємъ плодовъ тамаринды, или съ растворомъ квасцовъ. Черный цвѣтъ поддѣлывается какою-нибудь черною краскою, а средній между чернымъ и краснымъ—смѣсью сказаннаго навару сандала съ черною краскою. Всѣ эти подкраски легко открываются тѣмъ, что неглубоко входятъ въ существо кости, болѣе-поверхностны, и легко уступаютъ скобленію ножа, выказывая поверхность кости, одноцвѣтную съ мѣстами неповрежденными. Этого не бываетъ съ пятнами истинныхъ раненій. Они, проникая глубоко въ существо кости, удерживаются своей цвѣтъ и при скобленіи ножомъ.

Способъ открывать то мѣсто, на которомъ былъ сожженъ трупъ.

Бываютъ случаи, что преступникъ, желая скрыть преступленіе, сожигаетъ жертву своего убійства, а пепель разбѣиваетъ по вѣтру, такъ - что при открывшемся въ послѣдствіи дѣлѣ, не остается никакого доказательства въ улику обвиняемому; между-тѣмъ, законы требуютъ ясныхъ подтвержденій, на которыхъ бы можно было основать достойное наказаніе злодѣю. Понятно, съ какими трудностями сопряжено открытіе истины въ такихъ случаяхъ. Если есть живая улика, если есть свидѣтели, подмѣтшіе совершеніе злодѣянія и самое стараніе скрыть его сожиганіемъ трупа, то слѣдствіе можетъ быть произведено и скоро и вѣрно; но когда преступленіе открылось чрезъ долгое время и то по однимъ слухамъ, самъ преступникъ, еслибъ его схватили, зная весь ходъ дѣла, мало доказывающій его вину, не замедлитъ защищать себя совершеннымъ незнаніемъ приписываемаго ему злодѣянія, то въ такомъ случаѣ слѣдствіе должно остановиться или ограничиться неясными показаніями. Здѣсь предлагаются способы, хотя и не совершенно-вѣрные, но болѣе или менѣе помогающіе въ слѣдованію. Должно взять нѣсколько земли съ того мѣста, на которомъ, предполагается, былъ сожженъ трупъ, положить въ чашку съ горячею водою и размѣшать. Если на поверхности воды чрезъ нѣсколько времени покажутся жирныя пятна, то можно заключить, что на этомъ мѣстѣ былъ дѣйствительно сожженъ человѣкъ. Равнымъ образомъ, и по треску особаго рода, если держать кусокъ испытуемой земли надъ пламенемъ, по запаху, который слышенъ въ это время отъ нея, можно судить о бывшемъ на этомъ мѣстѣ сожженіи. Замѣчено, что трава на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сожигали трупъ, растеть обильнѣе, гуще и выше сравнительно съ окружною травою. Это, говорятъ, зависить отъ-того, что человѣческій

жиръ доставляетъ корнямъ растенія питательную пищу. Кромѣ этого средства, предлагаются другія, весьма-занимательныя по своей странности, а потону стоющія быть вписанными сюда, не смотря на то, что трудно предположить, чтобъ они ближе вели къ открытію. Совѣтуютъ на то мѣсто, гдѣ сожженъ трупъ, наложить горячихъ углей, а на нихъ высыпать нѣсколько горстей, конопляныхъ сѣменъ. Масло, содержащееся въ сѣменахъ, отъ дѣйствія жара вытечетъ и вберется землею, и когда снимутъ угли, то на землѣ обозначится фигура человѣка. По оставшимся сѣменамъ, которые соберутся на тѣхъ только мѣстахъ обозначившейся фигуры, гдѣ трупъ имѣлъ поврежденіе, можно открыть и самый видъ бывшей раны. Но еслибъ этого было недостаточно, то можно прибѣгнуть къ слѣдующему испытанію: надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ вытекшимъ изъ сѣменъ масломъ обозначилась фигура человѣка, по удаленіи сначала оставшихся сѣменъ, раскладываетъ огонь и выливаются винныя дрожжи. Когда огонь усилится, то приливаютъ въ достаточномъ количествѣ уксусъ, и надъ парами его держатъ хорошо-лакированный, новый столъ, соотвѣтствующій длинѣ человѣка. Поднявшіеся пары уксуса пристанутъ къ поверхности стола и тускомъ своимъ обозначатъ фигуру человѣка, на которой, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было поврежденіе, тускъ будетъ иной густоты и тѣмъ представится ясный очеркъ бывшихъ раненій. Какъ ни замысловато это средство, но въ немъ еще не вполне видна склонность Китайцевъ къ чудесному. Въ слѣдующемъ

Способъ узнавать родство посредствомъ капли крови
можно видѣть, до какой степени велика у нихъ эта склонность и какъ мало подчиняютъ они свои предразсудочныя понятія здравому смыслу. Трудно повѣрить, какииъ-образомъ полюбивыя бредни переходятъ за черту престолюдыя, не умирають съ годами ус-

вершенствованія народнаго образованія, а живутъ сотни лѣтъ за урядъ съ истинною, укрѣпяя за собой это право печатью въ книгахъ. Уложенія уголовной палаты, существующія нѣсколько династій, слѣдовательно, нѣсколько сотъ лѣтъ, почти безъ переиъны, или съ малымъ числомъ прибавленій, перепечатаваютъ ихъ съ буквальной точностью. Этого достаточно для того, чтобъ сказать, что подобныя вещамъ въ Китаѣ вѣрятъ не одинъ старухи. Въ уваженіе заступничества книги, изданной правительствомъ, а пересказывающаго дѣйствіе родственной крови, во всѣхъ отношеніяхъ похощее на сказку.

Капли крови могутъ соединяться между собою только у родственниковъ. Въ кость можетъ войти кровь однихъ только родственниковъ. На этомъ основанъ способъ узнавать между трупами — родственника, или между костями — кости, принадлежащія родственнику, — употребляемый какъ въ судебныхъ случаяхъ, для подтвержденія показаній донощиковъ, называющихъ трупъ своимъ родственникомъ, или для улики самого преступника, который можетъ иногда отпираться, что убитый нѣтъ челоѣкъ не родственникъ его и т. д., такъ и въ обыкновенныхъ случаяхъ, для открытія, на-примѣръ, потерянныхъ малолѣтнихъ дѣтей, и т. п.

Челоѣкъ, получая отъ отца и матери тѣло и жизнь, есть остатокъ отца и матери, продолженіе ихъ, — а потому дѣйствіе крови можетъ быть испытываемо между родителями и дѣтьми, между однокровными братьями и сестрами, между дѣломъ и внукомъ и даже между прадедомъ и правнукомъ; въ прочихъ же степеняхъ родства оно прекращается, такъ что кровь мужа и жены, двоюродныхъ братьевъ, сестеръ и т. д. не соединяется между собою. Въ книгѣ *Бу-юань-лу* сказано, что дитя есть остатокъ отца: изъ матери оно только выходитъ. Слѣдовательно, кровь матери не можетъ соединяться съ кровью сына. Но этому противорѣчатъ

опыты, — сказано въ другой книгѣ, — и развѣ дитя, находясь въ утробѣ матери, не принимаетъ отъ нея ничего? Можетъ-быть, кровь мачихи, кормилицы не соединится съ кровью ихъ приемыша, хотя онъ и питался ихъ молокомъ. Но въ этомъ случаѣ начальная жизнь, полученная дитятею отъ родной матери, только продолжалась, поддерживалась молокомъ другой женщины.

Накапываніе крови взято съ привѣровъ, сохранившихся во многихъ, какъ древнихъ, такъ и повдѣйшаго времени книгахъ. Въ книгѣ *Динь-мань-до-лу* приводится привѣръ первыхъ годовъ династіи *Минь* (за 350 лѣтъ до сего). Стихотворецъ *Динь-хао-нань*, потерявъ свою мать при нашествіи непріятеля, долго не могъ отыскать трупъ ея, чтобъ похоронить его на фамильномъ кладбищѣ съ должнымъ сыновнимъ почтениемъ. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ мать, и она сказала, гдѣ покоится ея кости. Утромъ сынъ отправляется на указанное во снѣ мѣсто и находитъ тамъ черепъ, и по зубу, который уцѣлѣлъ въ немъ, узнаетъ, что онъ принадлежалъ его матери. Чтобъ лучше удостовѣриться въ этомъ, онъ разрывалъ у себя палецъ и вытекшую кровь накапалъ на найденный черепъ. Кровь скоро вошла въ него: тогда стихотворецъ заключилъ, что кости принадлежатъ его матери, и перенесъ ихъ на свое кладбище.

Производство испытанія состоитъ изъ простомъ накапываніи крови на кость, или въ накапываніи каплей крови двухъ челоѣкъ въ сосудъ, наполненный водою. Въ первомъ случаѣ, если кровь войдетъ въ кость, а во второмъ, если капли крови соединятся между собою, можно заключать о родствѣ между челоѣкомъ, накапывающимъ на кости свою кровь, съ тѣмъ, кому принадлежали кости, или о родствѣ между испытуемыми людьми. Открытіе будетъ состоять въ томъ, что убійца есть родственникъ своей жертвы, или нѣтъ; что два челоѣка, разлученные обстоятельствами другъ отъ

друга, — родители, потерявшие дѣтей и т. д., — при новой, нечаянной встрѣчѣ, подтверждать свое предположеніе о близкомъ родствѣ, или разувѣрятся въ томъ.

Будетъ ли испытаніе дѣйствія крови дѣлаться съ судебною цѣлью, или просто для подтвержденія родства въ обыкновенныхъ случаяхъ, всегда должно помнить тѣ обстоятельства, которыя могутъ намѣнять это дѣйствіе, мѣшать ему. Въ соленой водѣ, въ оловянномъ сосудѣ, въ сосудѣ, содержавшемъ долгое время солевыхъ вещества, капли крови не соединятся между собою, хотя бы онѣ были капли близкихъ родственниковъ. Въ сосудѣ, вымытомъ не задолго растворомъ соли въ уксуѣ, соединится всякая кровь, хотя бы капли ея были изъ людей, неимѣвшихъ между собою родства. Въ кости, вымытыя, или вываренныя въ просоленной водѣ, или только въ оловянномъ сосудѣ, капля крови не войдетъ и тогда, еслибъ она принадлежала близкому родственнику. Подобныя обстоятельства могутъ встрѣчаться или отъ неосторожности, по незнанію, или когда хотятъ обмануть слѣдователя, какъ это часто и случается въ судебныхъ дѣлахъ. Поэтому, подвергая изслѣдованію кости давно-лежащія, вмѣющія на себѣ куски невгнившего мяса, замаранныя грязью и т. д., необходимо ихъ обмыть, или, какъ сказано въ правилахъ изслѣдованія костей, иногда варить; должно стараться, чтобъ вода, назначенная для обмыванія, или для варенія костей, была чиста, безъ постороннихъ примѣсей, сосудъ не оловянный, а глиняный. Во время варенія, или обмыванія костей должно наблюдать, чтобъ осмотрщики труповъ, подкушленные кѣмъ-нибудь, не всыпали въ сосудъ соли, или не прибавили уксуса. Такія же предосторожности должно имѣть въ виду и при изслѣдованіи соединенія капель крови между собою въ водѣ. И здѣсь сосудъ долженъ быть глиняный, новый, неупоробленный для соленія овощей; вода,

наполняющая его, должна быть свѣжая, чистая, и т. д.

СЛУЧАЙ.

Повѣсть П. Н. Гролье.

Въ небольшой изящно-убранной гостиной, на диванѣ ярко-гранатового цвѣта, сидѣли, склонясь другъ къ другу, два человѣка и вмѣстѣ читали. Весеннее солнце уже заходило и живописно освѣщало эти два непохожія, но прекрасныя лица. Судя по ослабительной свѣжести, тонкимъ, улыбающимся чертамъ лица, отливистымъ щечкамъ и блистающей бѣлизнѣ лба женщины, можно было подумать, что ей не болѣе восемнадцати лѣтъ, и только строгость костюма, свобода въ движеніяхъ и округленность формъ показывали, что она пятью или шестью годами старше. Смуглое, задумчивое и холодное лицо молодого человѣка дѣлало его на первый взглядъ гораздо-старше, и только тонкія линіи около висковъ, рта и подбородка обличали въ немъ юношу.

Двѣ прелестныя дѣвочки, отъ трехъ до пяти лѣтъ, играли въ темномъ уголку комнаты. Чудные бѣлокурые волосы, граціозно завязанные, чистенькія платьица, бѣленькія ручки и плечики, — все говорило о заботливости матери. Но въ эту минуту она о нихъ не думала, и только по-временамъ, когда шумъ и рѣвый дѣтскій смѣхъ мѣшали ей читать, подымала голову и ласково говорила имъ: «Не шумите, дѣти; вотъ ужъ цѣлый часъ, какъ я не могу разобрать, чтѣ читаю». Вдругъ старшая дѣвочка подошла къ ней и, положивъ ручонки на книгу, спросила: «Маменька, скоро папа прійдетъ?» — «Ты пренесносная сегодня, Полина, отвѣчала мать съ выраженіемъ неудовольствія: «подите играть въ мою комнату; только будьте умны.»

Она встала, вывела ихъ за руку изъ

гостинной, воротилась и сѣла подлѣ молодого человѣка.

Книга вынала у него изъ рукъ. Онъ смотрѣлъ на эту сцену съ страннымъ чувствомъ, и грустнымъ и радостнымъ. Молодая женщина подняла книгу, слегка покраснѣла и съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ сказала ему: «Кажется, надо будетъ снова прочесть послѣднюю страницу: право, изъ нея я ничего не поняла.»

Тогда онъ перечелъ вслухъ слѣдующее мѣсто изъ дантовой «Divina Comedia»:

«Франческа Римини на вопросъ Данта отвѣчаетъ ему:

«Я родилась на берегахъ Адриатики. Любовь, сродная благородной душѣ, овладѣла сердцемъ Паоло, пораженного красотой, которой лишилъ меня такимъ жестокимъ образомъ. Любовь, которая требуетъ, чтобъ любимый любилъ, пробудила во мнѣ неотразимую привязанность; но, увы! любовь привела насъ къ одинаково-бѣдственному концу.»

Слыша эти стоны страждущихъ душъ, Данте уныло склоняетъ голову и говорить:

«О, какіе сладостные помыслы, какіе небесные восторги привели ихъ къ этому влостчастному жилищу!» Потомъ, обращаясь къ нимъ: «Франческа, твои страданія исторгаютъ у меня слезы. Но скажи мнѣ, въ пору нѣжныхъ вздоховъ какъ сказала съ васъ любовь, какъ поняли вы свои страстные желанія?»

— Величайшее страданіе, отвѣчала она: — вспоминать счастливые дни, когда пора бѣдствій наступила. Но если ты хочешь знать зачатки нашей любви, я расскажу тебѣ ихъ сквозь слезы. Разъ мы читали мѣсто исторію влюбленнаго Дансло; мы были одни, и никто не сторожилъ насъ. Нѣсколько разъ во время чтенія глаза наши туманились, лица покрывались краской; но было мѣсто въ книгѣ, которое насъ погубило. Когда мы прочитали, какъ цалуетъ Дансло улыбающіяся уста Женеверы, онъ (Богъ да не разлучитъ насъ никогда!) трепетно поцаловалъ меня въ уста. Въ этотъ день мы уже больше не читали.»

Когда молодой человѣкъ дошелъ до слова

Quel giorno più non vi leggemmo avanti,

голосъ его задрожалъ и онъ сталъ еблѣднѣе, тогда-какъ лицо и плечи слушательницы покрылись чудн румянцемъ стыдливости. Взоры встрѣтились; она склонилась къ нему и онъ сжалъ ее въ своихъ памяныхъ объятіяхъ. Въ упоеніи отъ пераго цалуа, переполненные любовью и увлеченіемъ, они не слышали тяжелыхъ шаговъ, раздавшихся въ прихожей. Слышали, какъ отворилась дверь. Сидѣли обнявшись, такъ-что волго его касались ея локоновъ,—сидѣли подвижно, какъ-бы подавленные женствомъ. А въ комнатѣ стоялъ тій человѣкъ; безмолвно, стиснувъ бы, онъ озиралъ эту нескончаемую него сцену; губы его дрожали... Ни щецъ, онъ судорожно топнулъ ногой женщина задрогнула, быстро под лась съ своего мѣста, блуждающъ взоромъ окинула комнату и уи блѣдная, какъ-бы подкошенная см пымъ взглядомъ мужа.

Въ бѣшенствѣ, онъ приблизилъ Молодой человѣкъ бросился къ не на встрѣчу.

— Ради Бога, простите ея мое увлеченіе! Я уѣду, вы никогда не увидите!

— Въ-самомъ-дѣлѣ! отвѣчалъ драженный супругъ съ страшн улыбкой. — Нѣтъ, я еще полагаю тобою встрѣтяться, Шарль! Но женщина!..

— О, простите ее, простите насъ!

Тогда женщина встала и торопоступью подошла къ мужу. Страшн блѣдность ея мало-по-малу прои смѣнилась яркимъ румянцемъ.

— Вы узнали тайну, сказала она которую мы хотѣли скрыть другъ друга... Живя съ вами, я не могла смотрѣть на свое несчастье, какъ исполненіе долга... Теперь это возможно... Я не могу принадлежать вамъ, предъ которымъ должна бы краснѣть. Я оставляю этотъ домъ буду жить въ удивленіи, пока кончится дѣло о нашемъ разводѣ. Простите мнѣ скорбь, которую я

причинила, потому-что я тоже жестоко страдала!

Она заливалась слезами; однако взяла свою шляпку, шаль и пошла къ дверямъ. Мужъ ея какъ-бы обезпаметѣлъ: онъ не рѣшился остановить ее, и только въ ту минуту, когда она переступала порогъ, закричалъ громовымъ голосомъ:

— А дѣти твои, несчастная!

Она остановилась; этотъ вопросъ отозвался въ ней болѣзненнымъ сотрясеніемъ, какъ-будто отъ электрическаго удара. Она привела рукою по лицу и воротилась въ комнату: чувство матери заговорило въ ней. Но увидѣвъ передъ собою мрачно-величавую фигуру Шарля, взглянувъ на это прекрасное, дышавшее страстью лицо, она вновь обрѣла силы и бросилась изъ комнаты.

Г. де-Сувинья проводилъ ее глазами, потомъ подошелъ къ Шарлю и съ адской радостью сжалъ его руки.

— Я васъ воспиталъ, я замѣнялъ вамъ отца; и вотъ чѣмъ вы мнѣ прислужились?—Хорошо. Теперь вы знаете, что вамъ остается дѣлать. Сію минуту, не такъ ли?

— Нѣтъ... завтра... подождите... когда вы успокоитесь!..

— Успокойсь? Кажется, я довольно спокоенъ! Вѣдь я вамъ не мѣшалъ...

— Умоляю васъ, выслушайте меня! Мы увлеклись минутной страстью, тогда-какъ не было у насъ и на мысли поступка, который могъ бы быть для васъ оскорбительнъ.

— Говорю я вамъ, одинъ изъ насъ долженъ умереть.

— Нѣтъ, я не стану съ вами драться!

— Что жъ вы, трусь?

Шарль пожалъ плечами.

— Не-уже-ли вы не можете понять, что намъ нельзя драться безъ причины? Что никто не повѣритъ ничтожному предлогу? Что жена ваша будетъ обезславлена, обезславлена вами, безъ основанія, почти безвинно! И наконецъ, не думаете ли вы, что я подниму руку на своего опекуна, своего един-

ственнаго друга? Нѣтъ, мы можемъ сойтись съ оружіемъ въ рукахъ, но я не стану защищаться:— вы убьете меня, обезславите жену и дочерей своихъ!

— Вы, кажется, правы, и я удивляюсь, какъ нашлось у васъ столько хладнокровія! Но—вы правы... Мнѣ остается одно средство—развестись, а потомъ умереть отъ горя и злости.

Шарль хотѣлъ говорить.

— Подите, сударь; теперь уже нѣтъ ничего общаго между нами.

Послѣ минутнаго раздумья, Шарль вышелъ изъ комнаты, потупивъ голову, блѣдный... самъ не вѣря приливу бурной радости, которая овладѣвала его сердцемъ.

Камилла де-Сувинья къ господину де-Сувинья.

Сен-Маръ, 10 мая 1808.

• М. Г.,

• Теперь вы знаете, что я никогда не была счастлива. Сначала умерла моя мать, и хоть я была еще ребенкомъ, но эта потеря отозвалась во мнѣ долгою и глубокою печалью. Потомъ умеръ отецъ мой, и я его горько оплакивала. Вы замѣнили мнѣ отца. Въ печальномъ монастырѣ мнѣ отрадно было видѣть васъ, и я питала къ вамъ чувство дружбы и уваженія. Сдѣлавшись вашей женою, потомъ матерью, я узнала новое, грустное чувство: сначала я не умѣла его объяснить иначе, какъ воспоминаніемъ о понесенныхъ утратахъ; теперь — мы знаемъ его настоящій источникъ... Всѣ мы очень-жалки.

• Сейчасъ говорила я съ вашимъ нотариусомъ. Онъ объявилъ мнѣ о необходимости развода и неизбежныхъ при немъ тягостныхъ формальностяхъ; что въ-продолженіи года надо будетъ четыре раза выслушать увѣщанія судьи; что необходимо согласіе въ распоряженіяхъ по имуществу... особенно, объ имуществѣ нашихъ дѣтей... Нотариусъ сказалъ мнѣ, что обыкновенно въ этомъ случаѣ прибѣгаютъ къ раздѣлу... Но я слишкомъ виновна передъ вами, ви-

новна противъ воли, и желала бы заглазить своей проступокъ. Поступайте по внушенію вашихъ мыслей, даже относительно бѣдныхъ дѣтей номъ... Когда актъ будетъ готовъ, пришлите, я подпишу его.

• Я удалилась въ Сен-Маръ, къ моей тѣткѣ г-жѣ де-Сент-Обенъ. Въ продолженіе года, я викада не выйду, равнѣ только для исполненія принятыхъ приличій, — *ликою* не увижу, кромѣ вашего нотаріуса.

• Прощайте; постарайтесь забыть меня и быть счастливымъ... счастливые меня.

Г. де-Сувины не хотѣлъ входить въ подробности составленія акта объ имуществѣ. Нотаріусъ его, человекъ честный, распорядился какъ слѣдуетъ. Но когда возникъ вопросъ, за кѣмъ остаются дѣти:

— Пусть она возьметъ ихъ, вскричалъ Сувины: — я не хочу ничего видѣть, что напоминало бы мнѣ ее. Пусть возьметъ ихъ. Остаются они у меня, я разбилъ бы ихъ въ дребезги, какъ эти часы.

И въ бѣшенствѣ, онъ ударилъ часами объ полъ.

Нотаріусъ заботливо подобралъ дребезги, положилъ ихъ въ бюро, потомъ внесъ въ условія развода, что дѣти остаются у г-жи Сувины.

Камилла Сувины къ Шарлю Дюпрэ.

Сен-Маръ.

I.

• Можетъ-быть, лучше было бы и не писать къ вамъ; но мнѣ слишкомъ тягостна мысль — пѣлый годъ не слышать и не видать васъ; а я обѣщала г. Альберу *ликою* не принимать въ продолженіе года, и сдержу свое слово. Поэтому, прошу васъ, не старайтесь отклонить меня отъ этого намѣренія, если хотите избавить меня отъ новыхъ, безплодныхъ страданій. — *Взаимъ* того пишите мнѣ часто; и тихія, отрад-

ныя мысли будутъ разгонять мою тоску и беспокойство. Можетъ-быть, вы не понимаете всей мѣры скорби, которую чувствуетъ женщина послѣ проступка, подобнаго тому, на который я рѣшилась? Вы не знаете всего, что я вытерпѣла.

• Невыносимое, чудительное безпокойство овладѣло мною, когда я оставила домъ моего мужа. Я шла, сама не зная куда. Наконецъ, силы начали меня оставлять, я почувствовала необходимость въ убѣжищѣ... Оглянувшись, я была смущена множествомъ проходящихъ, которые пристально на меня смотрѣли. Куда бѣжать? куда скрыться? у чьей двери рѣшусь я поступиться? кому расскажу свое горе? — Голова моя горѣла, а боялась за свой разумъ. Вдругъ, вспомнила я о тѣтушкѣ Сент-Обенъ. Эта мысль озарила меня. Самъ Богъ послалъ мнѣ ее. Виду проезжающій мимо фіакръ, подыммо извозчика и приказываю ему везти меня въ Сен-Маръ. Вѣроятно, я была очень разстроена, потому-что извозчикъ посмотрѣлъ на меня и колебался, отперать ли дверцы. Наконецъ, я села въ карету, дверцы захлопнулись, и тогда мнѣ стало понятно, что я навсегда разлучена съ мужемъ, съ дѣтьми, съ обществомъ. Я бросилась на колѣни и зарыдала: извозчикъ сошелъ съ козелъ и подошелъ посмотреть, что со мною. Я опустила вуаль и сказала ему, сколько могла твердымъ голосомъ, чтобы онъ ѣхалъ дальше.

• Мы выѣхали за заставу и миновали печальныя поля Монружа. Фіакръ двигался медленно, но мнѣ хотѣлось бы ѣхать еще тише... Когда мы достигли возвышенностей Шатильона, я въ послѣдній разъ взглянула на Парижъ съ его куполами, колокольнями, громадами домовъ, и когда дорога поворотила въ сторону, горло скрылось изъ глазъ моихъ, я еще сильнѣе почувствовала свое горе и одиночество.

• Наступила ночь, а мы все еще ѣхали. Въ послѣдствіи, я удивлялась, какъ мнѣ не было страшно. Дорога шла въ

стами совершенно - пустынными, почти-дикими, и придорожныя деревья, которыя мы оставляли за собою; сквозь сумерки, казалось мнѣ, движутся какъ тѣни. Порою слышались мнѣ плачь и стоны:—то были лай дворовыхъ собакъ на фермахъ.

• Наконецъ, мы пріѣхали въ бѣдную деревеньку Сен-Маръ, гдѣ все было мрачно и безмолвно. Кучеръ съ трудомъ нашелъ домъ тѣтушки, долго стучалъ у воротъ, и только вой собаки былъ ему отвѣтомъ. Черезъ четверть часа, ворчливая служанка спросила сквозь форточку, кто притащился такъ поздно.

• — Это я, проговорила я сквозь слезы.

• Но она меня не узнала. Наконецъ, вышла сама г-жа Сент-Обенъ: услышавъ мой голосъ, она тотчасъ отперла двери, и, замѣтивъ мое разстройство, обняла меня.

• — Что съ тобой, моя бѣдняжка, ужъ не умеръ ли мужъ твой?

• То было новое страданіе.

• — Тѣтушка, я пріѣхала къ вамъ просить убѣжища... Я расскажу вамъ всѣ свои несчастія... Войдите, сдѣлайте милость... Тутъ такъ холодно.

• Однако, надо было заплатить извозщику. У меня не было денегъ, а г-жа Сент-Обенъ не хотѣла дать ему столько, сколько онъ требовалъ. Долго еще они спорили, а я, держась за нее, дрожала и едва могла устоять. Она свела меня въ комнату, велѣла развести большой огонь, и когда служанка ушла, посмотрѣла на меня, какъ-бы спрашивая, что со мною случилось.

• Вы никогда не видали тѣтушки, и я сама мало знала ее. Въ 92 году, будучи уже въ лѣтахъ, она поселилась въ деревенькѣ Сен-Маръ, въ старинномъ зданіи, когда-то служившемъ аббатствомъ: тутъ жила она среди поселянъ, какъ-будто-бы и родилась въ этомъ состояніи, и такимъ-образомъ ее не застало преслѣдованіе во время революціи. Не знаю отъ-чего, но тѣтушка не была слишкомъ-дружна съ роднею: родители мои союдажи въ-отношеніи

къ ней только условія приличія, и я видѣла ее не болѣе, какъ разъ въ годъ. Я заставляла ее всегда одну. Она была мала ростомъ, худоцева; лицо у ней было желтое, въ морщинахъ, губы сжатыя, кожа сухая, голосъ рѣзкій и отрывистый; но она сохранила всю свою прежнюю живость, и свѣтло-голубые глаза ея никогда не остаются въ покоѣ. Не смотря на доброту ея къ окружающимъ, она всегда внушала мнѣ какой-то страхъ. Въ эту минуту мы сидѣли лицомъ-къ-лицу, и ея испытующій взглядъ заставилъ меня потупить глаза. Я не знала, какъ приступить къ разсказу, и сколько разъ усиливалась начать, но слезы, сколько я ни удерживала ихъ, не давали мнѣ выговорить слова. Наконецъ, я стала переть нею на колѣни; она ласково склонилась ко мнѣ, поцаловала меня въ лобъ... Тогда я не могла уже болѣе удерживаться, и рыдая, прерывисто рассказала ей о своемъ замужствѣ, о темной, неповытной тоскѣ, которая меня томилла, о скучныхъ удовольствіяхъ свѣта, о нашемъ возвращеніи изъ Германіи, о томъ, какъ мы читали виѣсть, какъ читали въ послѣдній разъ...

• Въ-продолженіе моего разсказа, холодное, суровое лицо г-жи де-Сент-Обенъ прояснилось и приняло то кроткое выраженіе сочувствія, къ которому, казалось, она не была способна. Она пожимала мнѣ руки, старалась ободрить меня, плакала виѣсть со мною, и мнѣ показалось, что и она, должно-быть, была когда-то очень-несчастлива.

• Старая служанка не разъ входила посмотрѣть, не ложится ли ея госпожа. Только въ полночь, чего никогда не случается въ Сен-Маръ, разошлись мы по своимъ комнатамъ. Комнаты эти и теперь, какъ прежде, имѣютъ видъ маленькихъ келлій, примыкающихъ къ длиннымъ корридорамъ. Тѣтушка отвела меня въ одну изъ нихъ— темную, сырую,—въ ней два стула и орѣховый столъ; изъ этой-то комнаты ишу я къ вамъ. Теперь полночь, огонь въ каминѣ погасъ, и мнѣ такъ холодно, что я

съ трудомъ держу перо; прощайте на сегодняшней вечеръ. Холодно будетъ молиться, но молитва мнѣ нужна. Скажите, молитесь ли вы иногда той сердечной молитвой, отъ которой становится такъ хорошо?»

II.

• Письмо мое опечалило васъ: вы говорите, что теперь всѣ чувства ваши пророслохотъ отъ меня... я рада этому; будьте же счастливы, потому-что я въ настоящую минуту счастлива.

• Сегодня утромъ я съ грустью перечитывала ваше письмо, когда Бабета объявила мнѣ о приходѣ нотаріуса. Смолода окруженная страданіями, я слѣдилась чувствительнѣе другихъ, и часто трогали меня вещи, которыя мной, болѣе-счастливой женщиной, показались бы ничтожными; я замѣтила даже, что неопредѣленная грусть всегда у меня предшествуетъ печальнымъ извѣстіямъ. Въ эту минуту ужаснулъ меня приходъ нотаріуса, который принесъ распоряженіе, слѣванное относительно моихъ дѣтей. Я предчувствовала новое несчастье и съ трудомъ встала, чтобы принять г. Було.

• Онъ подошелъ ко мнѣ съ обычнымъ довольнымъ видомъ и объявилъ, что принесъ разводный актъ, одобренный моимъ мужемъ. Съ безпокойствомъ и страхомъ смотрѣла я на него, но ни по лицу его, ни по голосу нельзя было угадать—горе или радость принесъ онъ мнѣ. Онъ подалъ мнѣ бумагу, я взяла; но волнение мое было такъ сильно, что я уронила ихъ; онъ ловко подвѣлъ и предложилъ прочитать. Я упала въ кресла и закрыла глаза. Онъ прочелъ мнѣ двадцать страницъ дѣловаго слога; а я, занятая воспоминаніями и своимъ горемъ, ничего не слыхала. Когда онъ кончилъ, я спросила его:

— А дѣти мои? Кто будетъ ихъ воспитывать?

• Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

• — Какъ! сказалъ онъ: — вы не поняли?

• Онъ прочелъ то мѣсто, гдѣ говорится о дѣтяхъ: въ этотъ разъ я ужъ сіу пала. Г. Сувиньи отдастъ мнѣ дѣтей; онъ будетъ со мной, лажетъ продолженіе годичнаго испытанія! Я согласилась на колѣни, благодаря Бога, благословляя мужа. Мнѣ отдадутъ ихъ бѣдныхъ малютокъ! Боже мой, могу еще быть счастлива! И другой образъ, спокойный, улыбающійся представился мнѣ въ будущемъ, я старалась удалить его, думать объ одномъ г. де-Сувиньи, и когда онъ былъ такъ добръ ко мнѣ, я хотѣла молиться только о его счастьи.

• Видите ли, если мы и забыли свои обязанности, то надо вспомнить ихъ. Г. де-Сувиньи даетъ намъ примѣръ жертвованій. Трудно мнѣ будетъ видѣть васъ, но я должна это сдѣлать, я хочу этого. Не бродите же около его аббатства и вѣрьте, что я отъ буду помнить ваши пожертвованія.

III.

• Я счастлива, я весела, — на меня нападаютъ слезы: это — слезы радости. Онъ здѣсь! Все мое блаженство здѣсь. Вы любите описанія и рассказы; расскажу вамъ, можетъ-быть, безъ пользы, потому-что буду останавливаться, чтобы цловать своихъ малютокъ, которыя сидятъ у меня на колѣняхъ.

• Я была съ тѣтушкой въ парке, смотрѣла на зеленѣющіе старники, раскинувшіеся подъ склономъ пригорка, на сверкающія глубинѣ узкой долины ручейки. Птички прыгали по окрестнымъ высотамъ, и щибетали, сіяло солнце, и видъ веселой природы тяготѣлъ. Сегодня воскресенье; вѣскомаго раженныхъ поселянокъ съ шили по тропинкѣ, которая вѣстала Жуи по противоположному пригорку. Приятно было слышать издали изъ гласное пѣніе; ко мнѣ то долетали жие, полные звуки, то, казалась, замѣрали, какъ смутное ахо, увидѣла я со стороны Жуи другъ се

гущихъ дѣвочекъ въ бѣлыхъ платьяхъ. За ними двѣ женщины. Онѣ приближались; я смотрѣла на нихъ какъ на небесное видѣніе. Сердце у меня сильно билось, но не надеждой, потому что сначала я не узнала дѣтей; притомъ надо было ожидать, что онѣ придутъ въ Сен-Маръ въ каретѣ. Между тѣмъ, группа приближалась; я начала различать прекрасные каштановые волосы малютокъ; онѣ бѣжали, рвали цвѣты, гонялись за бабочками. Вдругъ та изъ нихъ, которая была повыше, остановилась и указала пальцемъ на то мѣсто, гдѣ мы сидѣли. Шедшія съ ними женщины спросили что-то у проходившей крестьянки; малютка, прыгая, протянула ко мнѣ ручки и мнѣ послышалось: «Маменька! маменька!». Не слушая словъ тѣтушки, я бросаюсь впередъ, — калитка заперта, — я перескакиваю черезъ загородъ и канавку, и — дочери въ моихъ объятіяхъ. О, еслибъ вы видѣли ихъ улыбки! еслибъ вы слышали ихъ радостные крики! Онѣ обнимали меня изо всей силы, и я забыла свое горе.

• Наконецъ, мы собрались идти и — тутъ только я замѣтила, что сдѣлала опасный скачокъ. Невозможно было вернуться тѣмъ же путемъ. Тѣтушка, которая, между тѣмъ, сошла внизъ, хотѣла прислать ключъ; но я слышала торопилась увести дѣтей къ себѣ въ комнату, и потому, взявъ ихъ на руки, пустилась по деревенской тропинкѣ, неровной, но короткой — и пришла домой раньше г-жи Сен-Обенъ. Я заперлась въ своей комнатѣ — и теперь еще сижу въ ней; ни для кого, тронъ вѣкъ, не перестала бы я照料ать дѣтей; но мнѣ хотѣлось подѣлиться съ вами своей радостью. — Прощайте; не забудьте!

IV.

• Вчера я перечувствовала много того, чего бы, конечно, не перенесла, еслибъ оно повторилось. Надо было идти къ г. Миллеру, президенту нашего даржедаго окружнаго трибуна-

ла, чтобъ объявить ему наше требованіе развода. Г. Булдъ пришелъ за мною поутру. Мы отправились. День былъ величаво-ясный, воздухъ свѣжій, упоительный. Дорѣгой вспомнила я то время, когда еще дѣвочкой, бывало, возвращаюсь отъ г-жи де-Сент-Обенъ, съ запасомъ цвѣтовъ, бабочекъ и веселыхъ воспоминаній. Сколько надеждъ было тогда, сколько игривыхъ грезъ о будущемъ счастьѣ! свѣтъ, котораго я еще не знала, казался мнѣ такимъ добрымъ, такимъ прекраснымъ!

• Приѣхали; вошли въ кабинетъ президента. У меня не доставало духа взглянуть, тутъ ли г. де-Сувины. Въ комнатѣ никого не было, и я вздохнула свободнѣе, какъ-будто отсречили мой приговоръ; но видъ этого важнаго, сухо-чиннаго кабинета уже томилъ меня. Г. де-Сувины вошелъ. Я хотѣла идти къ нему на встрѣчу; но ноги измѣнили мнѣ, и я упала въ кресла. Глаза мои наполнились слезами; виски сильно бились, и нѣсколько минутъ я ничего не видѣла и не слышала.

• Потомъ явился судья, — надо было встать. Глухимъ голосомъ, отъ котораго у меня сжалось сердце, г. де-Сувины сказалъ ему: — именемъ закона, я пришелъ просить дозволенія на разводъ съ Камиллой де-Сент-Обенъ.

• Мнѣ слѣдовало повторить тѣ же слова. Я плакала и не могла говорить. Судья смотрѣлъ на меня любопытнымъ, пытливымъ взоромъ, отъ котораго я еще болѣе оробѣла. Наконецъ, когда я повторила роковыя слова, онъ взялъ кодексъ и началъ читать намъ о послѣдствіяхъ развода съ обоюднаго согласія. Мнѣ было тяжело; я невольно трепетала отъ этой торжественности и отъ унижительныхъ предостереженій, которыя слѣдовали одно за другимъ.

• Окончивъ чтеніе, онъ началъ увѣщевать насъ сдѣлать взаимныя уступки и не упорствовать въ нашемъ рѣшеніи. Въ сильныхъ выраженіяхъ, но холодно и монотонно представилъ онъ намъ неудобства развода. — Вы молоды, сказалъ онъ мнѣ наконецъ: — черезъ

годъ вы разоидетесь съ своимъ мужемъ. Что вы тогда будете дѣлать? Законъ не позволяетъ вступать въ новый бракъ раньше трехъ лѣтъ; что съ вами будетъ въ это время? Попадете въ дурное общество, потому-что хорошее васъ отвергнетъ. Это не предразсудокъ: актриссы называютъ предразсудкомъ то, что пятнаетъ ихъ жизнь.

• Я чувствовала, что блѣднѣю, что силы оставляютъ меня.

• — Милостивый государь, вскричала г. де-Сувины: — вы выступаете изъ предѣловъ своей обязанности! Ваши слова оскорбительны, а пока она носитъ мое имя, я не позволю!

• Колѣни мои подкосились, и я упала къ ногамъ мужа. Я взяла его руки, хотѣла пресить прощенья, хотѣла умолять его отказать отъ постыднаго развода, но суровый взглядъ г. де-Сувины облагъ меня холодомъ. Онъ отнял руки и объявилъ, что не отступить отъ своего рѣшенія. Тогда нотаріусы наши передали бумаги г. Миллеру, и онъ тщательно просмотрѣлъ ихъ, и какъ-бы съ намѣреніемъ возобновить мои страданія, громко прочелъ документы о смерти моего отца и матери.

• Наконецъ, формальности были выполнены, и мы разстались, не сказавъ другъ другу ни слова; между-тѣмъ, еслибъ онъ хотѣлъ, еслибъ онъ сказалъ хоть слово, еслибъ сдѣлалъ шагъ ко мнѣ, я бы возвратилась къ нему. Спокойствіе, можетъ-быть, никогда бы не вернулось ко мнѣ, но я сохранила бы дочерямъ моимъ имя незапятнанное; не слышала бы я, какъ стануть говорить вокругъ нихъ: «ихъ мать въ разводѣ съ мужемъ!»

• Отъ этихъ мыслей у меня голова трещала. Зачѣмъ я васъ узнала? Я жила такъ спокойно, пока не увидѣла васъ... О! простите, простите! Вы открыли мнѣ истинное счастье! Я прозвѣдала какъ растение; вы дали мнѣ душу и чувства. Пожалуйте меня, пожалуйте о моихъ страданіяхъ; но повторите мнѣ, что вы меня любите, — и я не буду болѣе страдать.

V.

• Возвратившись отъ президента, была какъ убитая, и тѣтушка наврядъ не старалась развлечь меня. На другой день поутру, она пришла въ мою комнату, сѣла у изголовья постели и спросила, какъ провела я ночь. Я отвѣчала, что страдала головой, грудью и вѣкъ; но что желала бы я страдать еще больше и навѣваться отъ жизни.

• Она взяла меня за руки и приставила ко мнѣ посмотриѣла; странное чувство, смѣшанное съ вроніей, разлилось на ея изможденномъ лицѣ. Такъ и я думала лѣтъ сорокъ и вѣдь, сказала она: — а чрезъ нѣсколько лѣтъ уже жила здѣсь, спокойно и веселая, какъ только можно быть спокойной и довольной въ этомъ мірѣ и когда оглядывалась назадъ, — и прошлыя несчастія казались мнѣ внутреннимъ сномъ. А я была несчастна тебя... Да, дитя мое, гораздо-несчастнѣе, повторила она, замѣтивъ мой внимательный взглядъ. Тутъ она рассказала мнѣ свою исторію, спокойно, какъ-будто дѣло шло не о ней, а о комъ-нибудь постороннемъ; только въ моменты до времени, она отворачивала голову, и я слышала, какъ голова почти-незамѣтно дрожала.

• Тѣтка моя въ 1765 году вышла замужъ за молодого шатлетскаго прокурора. Онъ казался; любилъ ее, и она въ него влюбилась, — первые нѣсколько мѣсяцевъ жизни прошли въ упоеніи. Но въ по-малу г. де-Сент-Обезъ началъ охлаждать къ ней и скоро окончилъ совершенно: когда она, обманутая, была окружена имъ, хотѣла вырваться, хотѣла удержать его съ собою, но онъ отталкивалъ ее. Впрочемъ, онъ смягчался, называлъ ее сестрой Эмилией; но это только тогда, когда хотѣлъ выпросить въ награжденіе часть ея приданого. Она не ждала возврататъ любовь мужа, но исполняла его желанія.

• Какъ-то разъ одна изъ ея сестеръ открыла ей, что г. де-Сент-Обезъ влюбленъ въ актриссу и променялъ на нее. При этой вѣсти, у тѣтушки

нерю сердце; она не могла продолжать разговора и полъ этнмъ продолговъ удалалась въ свою комнату. Тамъ упала она въ кресла, прислонилась горячеш головоу къ мраморному камину и въ такомъ положенш, потерянная, ждала возвращенш недостойнаго супруга. Онъ возвратился, по обыкновеншю, въ два часа утра. Походка его была нетвердая, глаза отяжелвшше, лицо разгорвшшееся. Онъ подошелъ къ женѣ, и, послѣ нѣсколькихъ грубыхъ ласкъ, просилъ послѣднаго незначительнаго остатка ея приданаго. Она смѣло отказала ему; онъ обнял ея и за тѣмъ послѣдовала такая ужасная сцена, что даже теперь, послѣ столькихъ лѣтъ, тѣтушка не имѣла духа расказывать ея подробности. Она была беременна, и отъ дурнаго обращенш съ нею родила ребенка мертваго. Послѣ продолжительной болѣзни, она встала, но была слаба, нервы ея были разстроены, и каждый разъ, когда она видѣла мужа, у ней начинались судороги.

• Къ счастью, онъ не тревожилъ ея своимъ присутствшемъ, потому - что оставилъ даже дѣла и часто по нѣсколькю дней не возвращался домой. Недовольные пленты оставили его и скоро онъ дошелъ до того, что долженъ былъ продать все свое движимое имущество. Тѣтушка въ разъ приходилось засыпать безъ ужина. Думала она удалиться къ своему ладѣ, который воспиталъ ея, но надежда, что кротостшю и терпѣншемъ, можетъ-быть, возвратитъ мужа, и еще другая, болѣе сильная причина, въ которой не могла она сознаться самой-себѣ, — удерживала ея.

• Видя необходимость заняться дѣлами, которыя г. де-Сент-Обенъ совершенно оставилъ, она часто совѣщалась съ его единственнымъ клеркомъ. Это былъ юноша съ умомъ необыкновеннымъ и привлекательной наружностшю. Скоро тѣтушка замѣтила, насколько-слишкомъ, достоинства г. Трепора—его безпрѣдѣльную преданность, проникновенное выраженше его взгляда

Т. Л. — Отд. VIII.

и голоса. Бесѣды ихъ становились чаще и чаще, продолжительнѣй и продолжительнѣй; и хотя онъ еще не осмѣливался говорить о любви, но г-жа де-Сент-Обенъ уже не сомнѣвалась, что она была любима. Она чувствовала необходимость удалить его, но не рѣшалась привести въ отчаянше единственнаго, какой только оставался ей, друга. Каждый разъ откладывала она исполненше этой тяжелой обязанности до слѣдующаго дня, какъ вдругъ, однажды вечеромъ, мужъ ея въ бѣшенствѣ вбѣжалъ къ ней въ комнату. Замѣтилъ ли онъ дѣйствительно, что происходило въ домѣ, или искалъ только случая застрашать тѣтушку; но страшные, энергическше упреки его напугали ея; онъ объявилъ, что сейчас же прогонитъ клерка, если тѣтушка не подпишетъ дарственной записи, которую и представилъ ей. Тѣтушка собрала все свое мужество и доблесть, и отказала. Г. де-Сент-Обенъ, изступленный, ослѣпленный гнѣвомъ, тотчасъ же удалилъ Трепора, который одинъ только и поддерживалъ сколько-нибудь его существованше.

• Тутъ проявился вполне-зловный характеръ г. де-Сент-Обена; тѣтушка перенесла неслыханныя мученш и наконецъ должна была удалиться къ ладѣ.

• Г. Трепоръ написалъ къ ней страстное письмо. Въ отвѣтъ своемъ, она призналась, что замѣтила его любовь, что была тронута ею, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказала ему въ свиданш. Однако, кажется, онъ успѣлъ склонитъ ея, и, уходя однажды отъ нея вечеромъ, былъ пораженъ шпагой и умеръ на мѣстѣ. Убшйцъ не могли открыть; но г-жа де-Сент-Обенъ была увѣрена, что виновникомъ этого злодѣянш былъ ея мужъ.

• Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, она получила письмо, наполненное ругательствами и угрозами:—г. де-Сент-Обенъ просилъ у нея денегъ. Она не отвѣчала. Черезъ два дня, вошедъ въ свою комнату, она замѣтила за занавѣской легкой движеше; на крикъ ея сбѣжались

1/4

люди, и изъ алькова вышелъ мужъ, проклиная ея и общія отпистить.

• Съ этого дня, она не знала ни минуты покоя; ложась спать, съ трепетомъ осматривала она за занавѣсками и подъ кроватью и боялась оставаться одна: ей все казалось, что кто-то идетъ за ней, что кто-то дышетъ на нее; она не смѣла поднять глаза, чтобы не увидѣть г. де-Сент-Обэна. Часто, встрѣтаясь на гуляньѣ, онъ бросалъ на нее грозные взгляды; часто писалъ къ ней письма, отъ которыхъ ей становилось еще тяжеле. Къ-счастію, онъ скоро потомъ умеръ отъ апоплексическаго удара—слѣдствія необузданнаго разврата. Г-жа де-Сент-Обэнъ хотя была еще молода, но не хотѣла вступить въ новый бракъ и постоянно жила у дяди, который потомъ отдалъ ей все свое имущество.

• Вотъ, что рассказала мнѣ г-жа де-Сент-Обэнъ, и, соглашаясь, что она была еще несчастіе меня, а оплакивала ея судьбу, и мнѣ становилось какъ-то легче. Я видѣла ея споживствіе, ея веселость, слышала, какъ говорила она о своемъ счастьѣ, и, сравнивая свое положеніе съ ея горемъ, благодарила Бога за его милосердіе ко мнѣ.

VI.

• Прошелъ годъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я въ первый разъ являлась къ президенту Миллеру просить титула жены, разведенной съ мужемъ! Жизнь моя съ-тѣхъ-поръ шла печально и однообразно, а между-тѣмъ, какъ-то не вѣрится, что уже двѣнадцать мѣсяцевъ отдѣляютъ меня отъ того времени. Какъ невѣрно измѣреніе времени! Иначе этотъ годъ испытанія показался бы мнѣ вѣчностью; а теперь я не могу представить себѣ, что онъ уже кончился; теперь я съ ужасомъ жму минуты невозвратнаго рѣшенія.

• Цѣлый годъ! И какой! Четыре раза я была въ Парижѣ: четыре раза слушала увѣщанія, или скорѣе, упренны судьи; четыре раза переносила взгляды, блѣдность, презрѣніе моего

мужа. Вотъ все, что осталось въ моей памяти; а прочее время протекло капля за каплей, такъ-что я не умѣла сказать, въ чемъ именно протекло этотъ Годъ испытанія, три года вѣстога, потому, лѣтними сожалѣніи, и мотугрызеніи совѣсти!..

• Сегодня поутру, въ обычный часъ пришелъ нотаріусъ и объявилъ, что должна найдти два почетныя лица не моложе пятидесяти лѣтъ, которые должны присутствовать при актѣ объявленія о желаніи развода.

• Кого выбрать? къ кому изъ прежнихъ друзей могу обратиться съ такою просьбой? Двухъ послѣднихъ людей, которые бы восторжнѣли и рывающія душу увѣщанія!..

• Странный обрядъ кончатся! Ничего еще не было мнѣ такъ тяжело. Какъ я вошла въ кабинетъ президента, какъ Сувинный смѣлъ онустанились въ глазахъ. Онъ всталъ, и хотя я сама не могла взглянуть на него, однако замѣтила въ его лицѣ глубокую скорбь, отъ которой мнѣ стало еще тяжелѣе. Впрочемъ, онъ не былъ блѣденъ. Эти волосы, побѣлѣвшіе смятѣнн и жалго, эти исхудавшія щеки и опустившія глаза... причиной такой перемены была одна я, которая являлась сдѣланн счастливыми! Боже мой! что стало со мною, если отецъ моихъ дѣтей, Господи! избавь меня отъ этой разсудительности!

• Два мои свидѣтеля подошли ко мнѣ; я хотѣла благодарить ихъ, какъ?...

• Слѣдовало вновь объявить, что остаемся при нашемъ изрѣченн довало выслушать замѣчанія свидѣтелей; слѣдовало подлинно просъ. Г. Сувинный первый началъ, онъ, казалось, былъ сильно взволнованъ и колебался. Я чувствовала себя ослабѣваю; я подошла къ нему, чтобы, я бы просила прощенья, увидѣвъ меня, торопливо вышелъ изъ моего кабинета; когда онъ передавалъ мнѣ на его коснулась моей руки, и я увидѣла въ ней тѣло. Я оперлась на него и взглянула на его волосы: онъ

ла сдѣлана дрожащей рукой. ее почти нельзя было прочесть; рѣзкій росчеркъ почти насквозь разорвалъ бумагу. Я вспомнила ваши слова, что по почерку можно судить о чувствѣ писателя... и подписала.

VII.

• Сейчас я получила копию съ судебного рѣшенія, по которому мы можемъ явиться для выслушанія акта о нашемъ разводѣ. Нотариусъ мой замѣтилъ, что если чрезъ двадцать дней мы не явимся, то это рѣшеніе потеряетъ свою силу.

• Итакъ, еще не все кончено! Я еще не переступила за роковую преграду, и жестокая неизвестность будетъ терзать меня еще двадцать дней! Вы бы нашли, что я сильно измѣнилась, еслибъ увидѣли меня; я похудѣла какъ скелетъ; кожа высохла; руки мои горятъ.

• Еще двадцать дней въ неизвестности буду я ждать рѣшенія г. де-Сувиньи, потому-что сама, конечно, не провинюся его; и если онъ мнѣ ничего не скажетъ... разводъ нашъ не состоится? Слышу ваши жалобы: вы упрекаете меня, что я уступаю, предразсудку. Но любовь къ дѣтямъ развѣ предразсудокъ? Странное дѣло! Я первая просила развода; я такъ желала его, когда онъ былъ далеко отъ меня; а теперь, когда сейчасъ могу получить его,—колеблюсь, и готова отказаться. Увы! въ минуту моего брака я также колебалась. Сначала, я рада была, что выйду изъ монастыря; но по мѣрѣ того, какъ приближался назначенный день, мнѣ становилось страшно, и хотя тогда я еще не знала васъ, но мнѣ казалось, что я буду несчастлива. Не-уже-ли такое же предчувствіе и теперь родилось во мнѣ? Должна ли я уступить ему? Должна ли броситься къ его ногамъ?..

• Не мучайтесь, милый эгонстъ; вотъ приглашеніе на завтра къ мѣру. Г. де-Сувиньи торопится!.

VIII.

• Наконецъ, мой другъ, я свободна, и безъ преступленія могу любить тебя!

наконецъ, я могу тебя видѣть и дать клятву принадлежать тебѣ, какъ-скоро бракъ нашъ будетъ возможенъ по закону. Я вижу твой нахмуренный взглядъ: три года кажутся тебѣ слишкомъ долги. Но вѣдь вы можете говорить мнѣ о вашей любви, я могу увидѣть васъ въ своей; мы можемъ часто видѣться, можемъ жить надеждой... О, Шарль! Шарль! какія вознагражденія я обещаю вамъ!

• Вы, вѣрно, хотите знать, каково было наше послѣднее свиданіе. Вы, конечно, думаете, что, придѣвъ къ мѣру, я подавлена была воспоминаніями супружества; что живѣе прежнего чувствовала предстоящіа лишенія и оскорбленія. Такъ думала и я, отправляясь изъ дома къ мѣру, и потому взяла съ собою флаконъ. Но не такъ сдѣлалось: я была тверда и безстрастнѣею такъ же, какъ еслибъ вы были на моемъ мѣстѣ: потому-что одна мысль овладѣла тогда мною. Придѣвъ въ Парижъ, я увидѣла васъ на бульварѣ, и хотя вы не замѣтили меня, но я узнала вашу задумчивую походку, ваше блѣдное лицо и принесла вамъ. Дѣ, Шарль! увидѣвъ васъ, я еще глубже почувствовала любовь къ вамъ; я почувствовала, что эта любовь можетъ провинуть всю мою душу, что придетъ время, когда я забуду свѣтъ, чтобъ думать только о васъ!

IX.

• О, другъ мой! какіе тяжелые слѣды оставилъ во мнѣ твой вчерашній приходъ! Какъ смущена я сегодня! Воспоминанія твоихъ словъ, твой восторгъ, я провела жгучую ночь,—и тѣмъ больше думала, тѣмъ сильнѣе убѣждалась въ необходимости удалиться; я не должна тебѣ видѣть до той минуты, когда, чистая и спокойная, стану предъ алтаремъ, чтобъ соединиться съ тобою навсегда.

• Не обвиняй меня въ недостаткѣ любви: ты видѣлъ вчера, какъ я блѣдѣла, краснѣла, дрожала, когда ты явился передо мною. Обиняя меня, ты чувствовалъ, какъ сильно билось мое сердце; но ты не знаешь... о! нѣтъ, ты не

когда не узнаешь, хотя бы я и сказала тебе, какъ трудно было мнѣ противиться твоимъ просьбамъ, слезамъ твоимъ! Ты не знаешь, что я уже готова была покориться въ ту минуту, какъ два ангела пришли мнѣ на защиту—мои дочери!

• Шарль, я повторяю холодно, рѣшительно, что не хочу васъ видѣть до дня нашей свадьбы. Уѣзжайте, путешествуйте, разсѣляйтесь; но я не останусь вблизи отъ васъ; не подвергайте меня ежедневной борьбѣ и сожалѣніямъ. Вы знаете, вы сами говорили мнѣ, что добродѣтель женщины похожа на тѣ индійскіе кубки, которые разбиваются, когда въ нихъ попадетъ капля яда. У людей, привыкшихъ къ мыслямъ болѣе-важнымъ, къ убѣжденіямъ болѣе-обдуманнымъ, у людей испитанныхъ, можетъ-быть, достаетъ силъ остановиться на крутомъ склонѣ порока; но женщины, которыхъ все благоразуміе состоитъ въ чувствѣ, у которыхъ одинъ сторожъ—вѣра, любовь, падаютъ въ бездну при первой ошибкѣ.

• Такъ вы когда-то говорили мнѣ, Шарль, и мнѣ отраднѣе вспомнить эти слова ваши, нежели вчерашнія.

• Я буду жалѣть, можетъ-быть, не такъ сильно, какъ ты, мой вѣрный другъ, но также глубоко,—и это будетъ сожалѣніе, а не раскаяніе. И мои дочери! вы видѣли ихъ, какъ онѣ прекрасны, веселы, добры! именемъ ихъ и своимъ именемъ умоляю васъ—не разрушайте нашего будущаго счастья! Вы любите путешествія; вотъ время для этой склонности; но, уѣзжая, помните, что надо писать ко мнѣ часто. Говорите мнѣ о мечтахъ, гдѣ вы будете, о чувствахъ, мысляхъ, которыя эти мѣста пробуждаютъ въ васъ, которыя вы внесете въ нихъ съ собою. Говорите мнѣ о своей постоянной любви; вѣрьте въ любовь мою; но если не хотите оскорбить моего материнскаго чувства, если вы сохранили ко мнѣ какое-нибудь уваженіе, уѣзжайте, не старайтесь меня видѣть! •

ШАРЛЬ КЪ КАМИЛЛА.

I.

Нанси.

• Вы желали: надо было удачи, не простившись съ вами. Останьтесь третьяго-дня, упоенный счастьемъ и надеждой, я долженъ былъ, сладко сердцемъ, обжать отъ васъ,—вы же этого. О, Камилла! сколько вы страдали стоила уже мнѣ ваша любовь! сколько ночей безъ сна! сколько дней вела я въ слезахъ! И въ то время, когда бы мы могли быть счастливы, вы обжать! И вы же называете меня стоимъ!

• Съ отчаяніемъ въ душѣ пошелъ на почтовый дворъ и спросилъ въ отправлявшемся дилижансѣ. рошо, что никого не было со мною дилижансѣ, потому-что когда мы нулись въ дорогу, я заплылъ ребенкомъ.

• Долго катился дилижансъ; переменилъ лошадей,—а я еще не зналъ, да мы ѣдемъ. Наконецъ, всматриваясь вокругъ, я съ изумленіемъ и радостью узналъ, что мы близъ Мо, на мосту, по которой я возвращаюсь к вамъ изъ Пломбьера. О! сколько минувшій родилось въ головѣ моей эту минуту. Г. де-Сувины сидѣлъ да подѣлъ васъ въ глубинѣ вареного присутствіе нисколько не стало нашей бесѣды, потому-что оно прошло тогда и не дѣли, какъ я съ вами. Мы оба были такъ счастливы. Помните ли, какъ мы любовались живописными фабриками, красивыми реками, которыя стали въ рѣчку точно для того, чтобъ смотрѣть на васъ; и луга, покрытые полевыми лѣнами, и плоскіе берега Мозаны, панывые бѣгущимися вдали отъ насъ? Помните ли, какъ, выходя изъ Шалона, мы, не смотря на дождь, де-Сувины, остановились, чтобъ смотрѣть восходъ солнца. Мы стояли на вершинѣ довольно-большаго холма, къ востоку тянулась огромная, равнина, и на небѣ, надъ холмомъ зарею, рисовались горы.

салюты шалонских колоколенъ. Мало-помалу, изъ-за зубчатыхъ провъ подвизалось солнце и освѣтило долину, покрытую легкимъ туманомъ. Сначала мы увидѣли Марю, которая являлась огромнымъ серебрянымъ змѣемъ; потомъ — высокіе тополя, подымавшіеся минаретами, среди округленныхъ куполами аблонь; потомъ разбросанныя деревни, стада, цѣпистыя дуга. Помните ли, съ какимъ энтузіазмомъ смотрѣли мы на эту картину; взоры наши встрѣчались по тайному сочувствію, въ которомъ вамъ отказывалъ мужъ вашъ.

• Я снова увидѣлъ тѣ же картины, но смотрѣлъ на нихъ холодно: не чувствовалъ очарованія, которое придавало нѣтъ тогда ваше воображеніе. Каждый разъ, когда Марва, навизавшись бланъ дороги, выказывалась съ ея зелеными лугами, я смотрѣлъ на нее съ какою-то нѣжностью; я слѣдилъ за нею до Парижа, и съ грустью думалъ, что она бѣжитъ къ вамъ, а я долженъ отъ васъ удалиться.

• Потомъ — опять увидѣлъ я тульскій соборъ, который вы такъ любовались. Я увидѣлъ его съ удовольствіемъ; онъ показался мнѣ старымъ другомъ, съ которымъ можно было говорить объ васъ.

• Тутъ мнѣ показалось, что я еще не такъ несчастливъ. И какъ благодарилъ я случай, который привелъ меня на дорогу, гдѣ на каждомъ шагѣ можно было вспомнить о васъ! А когда воспоминанія мои, казалось, истощились, я нашелъ новый источникъ наслажденія: рѣшился идти въ горы, гдѣ когда-то встрѣтилъ васъ, отыскать мѣста, которыми мы вмѣстѣ любовались и оживить такимъ образомъ въ памяти то счастье, которое такъ быстро пролетѣло въ моей жизни.

II.

Пломбьеръ.

• Наконецъ, я остановился въ Пломбьерѣ! Такъ же какъ тогда, живу противъ гостиницы, которую вы занимали. Съ тихой, сладкой грустью смотрю

и на этотъ балконъ, гдѣ вы гуляли передъ завтракомъ, и иногда, поглощенный воспоминаніями, забываю все горе, пережитое съ-тѣхъ-перъ; кажется, будто окно отворилось: явились вы, сердце мое сильно бьется при видѣ, какъ наклоняется ко мнѣ ваша дивная голова.

• Сегодня утромъ я пошелъ по берегу рѣки, и вдругъ очутился передъ фонтаномъ Станислава, противъ утеса, гдѣ встрѣтились мы въ первый разъ. Я остановился и, прислонившись къ дереву, не могъ отвести глазъ съ того мѣста, на которомъ вы тогда стояли!

• Вы, можетъ-быть, не помните этого; но я никогда не забуду.

• Приѣхавъ изъ Германіи, я пришелъ къ вамъ въ то время, когда вы съ г. де-Сувиныи и другими вышли изъ дома. Мнѣ показали, куда вы пошли, и я нашелъ подлѣ фонтана пять или шесть женщинъ. Одна изъ нихъ была такъ хороша, такъ граціозна, такъ прекрасна! Я былъ въ восторгѣ, что опекуна моего не было подлѣ нея. Но онъ вышелъ изъ избенки, объялъ меня, представилъ вамъ, положилъ вашу ручку въ мою, и я принялъ ее съ сожалѣніемъ!

• Помните ли маленькую долину, которая тянется вдоль люксьльской дороги? — Нѣсколько рябищъ, ясени, разбросанныя по равнинѣ; говорливый ручей, сельскій мостъ, перекинутый такою чудной зеленью, такими прекрасными деревьями, что издали можно было принять его за англійскій садъ! Вы какъ-то говорили мнѣ, что вамъ бы хотѣлось поселиться тамъ, жить фермеркой среди голубей и куръ, ѣздить верхомъ по горамъ на танюшнихъ малевькихъ лошадакъ. Я смѣялся тогда и не вѣрилъ, чтобъ вы могли отказаться отъ удовольствія сѣсть, въ которомъ у васъ столько гордости; но теперь я узналъ васъ лучше, и если вы хотите, Камилла, мы поселимся тамъ. Вы знаете, я бѣденъ; ваше состояніе также невелико, и въ Парижѣ, можетъ-быть, вы будете чувство-

вать лишениа, если не сожалѣнн. Здѣсь—мы будемъ богаты. Я куплю эти дуга и дѣса, которые вы полюбили. Какое наслажденіе—жить здѣсь, въ постоянномъ удивленіи, ходить вмѣстѣ по этимъ горамъ и изучать ихъ жителей, птицъ, насекомыхъ и растеній; какое удовольствіе хозяйничать, улучшать нашу ферму, имѣть лучшихъ собакъ, лучшихъ лошадей, лучшихъ коровъ въ цѣломъ департаментѣ! Наконецъ, если бы и замедлились часы, если вы хотите дать вашимъ дѣтямъ свѣтское образованіе, то въ Пломбьерѣ, на водахъ мы найдемъ и лучшее общество.

• Что скажете вы на мое предложеніе? Такъ ли оно вамъ нравится, какъ мнѣ? Чувствуете ли вы въ себѣ довольно твердости, чтобъ жить пустынною? Скажите — тотчасъ же примусь за приготовленія: это будетъ для меня отраднымъ занятіемъ, и принскивая все, что можетъ привлечь васъ, я забуду о томъ, сколько времени еще васъ не увижу. »

III.

• Вотъ мы и владѣльцы въ Вогезскихъ Горахъ. Я кончилъ дѣло — купилъ сто акровъ луговъ и дѣса. Въ Эпиналѣ нашелъ я архитектора, который понималъ, чего мнѣ надо, и надняхъ мы прийдемся за работу. Планъ дома уже почти конченъ. Домъ будетъ обращенъ на востокъ; изъ оконъ видна долина и люксьвальская дорога. Два павильона будутъ соединены галереей. Широкий балконъ — родъ индійскаго верандага, на тонкихъ желѣзныхъ столбахъ, такъ что въ дождливое время можно будетъ гулять вокругъ дома. Сначала мнѣ хотѣлось сдѣлать плоскую кровлю; но надо было отказаться отъ этого желанія, потому что снѣга здѣсь слышкомъ велики. Я бросился въ другую крайность, и крыши наши поднимутся этоньюрами, какъ на нашемъ аббатствѣ.

• Внизу будетъ зала, библіотека, бильярдная и столовая.

• Въ первомъ этажѣ одинъ павиль-

онъ для дѣтей, и—ни одна проселочная дорога не проникнетъ въ наше святилище: я поселюсь въ галерей; другой павильонъ назначается для слугъ, и тамъ нѣсколько комнатъ для друзей. Выходеть очень просто, но, вѣроятно, удобно.

• Вотъ мои планы. Можетъ быть, когда-нибудь я вознаградитъ меня за это сладкая улыбка, отъ которой я такъ часто бывалъ счастливъ. »

Камилла къ Шарлю.

• Три роковые года окончатся черезъ два мѣсяца. Пріѣзжайте въ Сен-Мартинъ за новыми приказаніями. Е...

Получивъ это письмо, Шарль не сразу же пустился въ дорогу, впрочемъ въ одиннадцати часовъ онъ уже въ старомъ аббатствѣ Сен-Мартина.

Возвращенный сильными ощущеніями, онъ остановился передъ дверью. • Что она дѣлаетъ теперь? думалъ онъ: • чувствуетъ ли, что я такъ близокъ? Вѣрно, она не слыхала, какъ подѣлалъ, иначе выбѣжала бы встрѣчу.— Но возможно ли, чтобъ она не слыхала? Если какое-нибудь происшествіе... если я, полный надеждъ и достоинствъ, увижу счастье моей жизни разрушеннымъ? И тысячи печальныхъ мыслей ронились въ голову Шарля. Дрожавшей рукой поднялъ онъ огромный молотокъ и ударилъ: дверь зашумѣла, и издала плачевный звукъ; сдѣланные собаки начали страшно лаять, въ аббатствѣ было все тихо. Шарль, тономъ изумленія началъ прислушиваться. Прошло минутъ пять, онъ показался ему цѣлымъ часомъ; онъ слушалъ и ничего не слышалъ, ничего, кромѣ біенія своего сердца, глухаго шума въ ушахъ.

Наконецъ, старая служанка открыла форточку. Шарль истерически началъ на ея вопросы. Вдругъ услышалъ онъ голосъ, отъ котораго трепетнула душа его; дверь отворилась, и онъ уже былъ въ объятіяхъ Камиллы.

— Какъ вы измѣнились! какъ измѣнились! говорила ему Камилла, она

редь каминомъ вѣстѣ съ двумя своимъ дочерями, которыя также проснулись. Вы были очень-несчастливы? И востѣдли! О! впередъ я не отпущу васъ ни на день отъ себя.

Шарль былъ въ восторгѣ; а между-тѣмъ, обычная задумчивость не сходила съ улыбающагося лица его. — И вы перешагивали — говорилъ онъ: — во иначе: вы похорошѣли. Какъ влеть къ вамъ этотъ лживый, спокойный, величественный взглядъ! Такъ смотритъ горный духъ, у котораго одна мысль — любовь, одно чувство — любовь! Какъ нравится мнѣ эта ясность взгляда: прежде онъ всегда былъ туманенъ... Шарль остановился, и грустное чувство омрачило его лицо при воспоминаніи прошлыхъ горестей.

Наконецъ — надо было разстаться. Пробило двѣнадцать часовъ — Камилла вдрогнула. — Четыре года тому назадъ, сказала она, какъ я удалилась въ эту келью. Я отказалась отъ надеждъ и думала, что въ жизни моей уже ничего не будетъ, кромѣ страданій; а теперь... О! теперь я счастлива!

Она взяла руки Шарля и смала ихъ. Шарль поцаловалъ эти руки, и они разошлись.

Два мѣсяца прошли быстро въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и отъѣзду. Въ назначенный день, рано утромъ, старикъ приходскій священникъ совершилъ обрядъ въ присутствіи нѣкоторыхъ сосѣднихъ поселенъ; а послѣ церемоніи всѣ возвратились въ Сен-Маръ. За обильнымъ столомъ собѣдники были молчаливы и, казалось, не хотѣли нарушать торжественной тишины. Г-жа де-Сент-Обанъ смотрѣла на новобрачныхъ съ удивленіемъ; слезы катились по щекамъ ея, и она не замѣчала ихъ; но Камилла увидѣла и поняла, — она горячо обняла тѣтку. Г-жа де-Сент-Обанъ не выдержала и, всхлиывая, ушла въ свою комнату.

Когда она возвратилась, лицо ея было спокойно, и на губахъ явилась пріятная улыбка.

Скоро новобрачные сѣли въ коля-

ску; кучеръ ударилъ, и лошади понеслись въ галопъ.

Камилла углубилась въ уголъ и впа-ла въ ту задумчивость, которая приходитъ обыкновенно послѣ всякой важной перемѣны въ жизни. Не смотря на любовь, она не могла безъ сожалѣнія разстаться съ домою, въ которомъ была такъ несчастлива: воспоминаніе всегда расцвѣчиваетъ мѣсто прошедшихъ страданій болѣе-пріятными красками, нежели то, гдѣ мы были счастливы.

Мало-по-малу, воображеніе Камиллы отдалилось отъ прошедшаго и перешло къ улыбающейся будущности. Шарль въ восторгѣ слѣдилъ за мыслями Камиллы на лицѣ ея.

.....
 Прошло около десяти лѣтъ. Въ прекрасный лѣтній вечеръ, по долигѣ близъ дороги межъ Пломбера въ Люксель шла Камилла, опираясь на руку Шарля; за ними двѣ бѣлокрыя дѣвочки, обнявъ другъ друга, и наконецъ два мальчика, прыгавшіе по ска-ту холма.

Группа была такъ стройно-прекрасна, что посторонній зритель вѣрно позавидовалъ бы счастью этихъ людей, если онъ подобное счастье принесъ въ жертву тщеславію и предразсудкамъ свѣта.

— А я ужъ вѣрно прежде тебя увижу первую звѣздочку, говорила одна дѣвочка своей сестрѣ.

Обѣ онѣ остановились и, прыгая, кричали:

— О! итъ, я увижу первую звѣздочку.

Счастливые родители обернулись на эти возгласы. Камилла обѣщала поцаловать ту, которая сдѣлаетъ открытіе, и всѣ начали смотрѣть на небо. Скоро самый маленькій захопалъ въ ладоши.

— Я нашелъ! падуи меня, мама! а нашелъ! кричалъ онъ мзъ всѣхъ силъ, указывая своимъ маленькимъ пальчикомъ на востокъ, гдѣ межъ-за деревьями показался Юпитеръ. Онъ тотчасъ получилъ обѣщанную награду, а Шарль, между-тѣмъ, улыбаясь, объяснилъ ему,

что онъ не вполне выигралъ награду, потому что замѣтилъ не звѣзду, а планету. Такого рода были вообще ихъ уроки.

Вдругъ на дорогѣ показалась коляска. Она неслась во весь опоръ въгагами, бросаясь, подобно пьяному, то въ ту, то въ другую сторону. Чѣмъ ближе она подъѣзжала, тѣмъ изумленіе и испугъ зрителей становились сильнѣе, потому что съ одной стороны дороги начинался крутой скатъ, и еслибъ колесо скатилось на него, то путешественники погибли бы.

Скоро раздался голосъ сидѣвшаго на козлахъ почтальйона.

— Стой! стой, ямщикъ! ты убьешь насъ всѣхъ.

Ямщикъ, вѣроятно пьяный, вмѣсто отвѣта, еще сильнѣе билъ лошадей; и лошади летѣли, описывая неправильныя кривыя линіи. Наконецъ, почтальйонъ соскочилъ, скоро оправился отъ толчка и побѣжалъ за коляской. Въ то же время, колеса съѣхали на скатъ, коляска сильно наклонилась, и, стукнувшись о дерево, затрещала. Раздался крикъ, и все смолкло.

Черезъ нѣсколько секундъ, на скатѣ явилась желто-красно-черная масса, быстро катившаяся внизъ. То былъ ямщикъ, который не успѣлъ схватиться за деревья, и, закрывая голову руками, повиновался закону тяжести. Онъ катился, катился и только по-временамъ стучался сапогами о камни; передъ нимъ катилась его шляпа; — платье его, цѣпляясь за кусты, оставалось на нихъ лоскутами; а онъ, невозмутимый, какъ Гораций, катился, не заботясь ни о чемъ, и катился бы до безконечности, еслибъ у подножія ската не было ручья, въ которомъ онъ и исчезъ.

Шарль бросился къ нему; но не сдѣлавъ и ста шаговъ, какъ ямщикъ, совершенно отрезвленный холодной водой, всталъ, вышелъ на берегъ и молча смотрѣлъ на причиненное имъ бѣдствіе.

Шарль побѣжалъ къ окнцажу, который, къ счастью, попалъ на три ста-

рля ясени и удержался. Почтальйонъ былъ подлѣ; онъ отперъ дверку, Шарль увидѣлъ внутри человека, и жавшаго безъ памяти.

Въ это время пришли два самовольно присланные Камиллой; они подошли старика и перенесли его на ручьякъ доми. Шарль шелъ за ними и съ участіемъ смотрѣлъ на лысую голову блѣдное, окровавленное лицо путешественника, потому что въ немъ узнавалъ покровителя своей молодой отца, котораго онъ лишилъ дѣтей, пружа, — котораго оскорбилъ онъ человека, имени котораго онъ смѣлъ провинность... узналъ г. де-Сувиньи.

Тысячи горькихъ мыслей рождались въ головѣ его; проснулись всѣ чувства, упреки совѣсти; но больше всего тревожила его мысль о томъ, будетъ съ Камиллой, когда она увидитъ гостя. Увидѣвъ свою жемчужину въ двадцати, онъ вдрогнулъ, бросившись къ ней на встрѣчу, взял ее на руки и быстро увелъ за собой; возмущеннымъ голосомъ сталъ умолять ее удалиться отъ него, чтобъ не видѣть его страданій, и, увидѣвъ ее въ недоумѣніи, возвратился г. де-Сувиньи.

Когда пломбьерскій врачъ объявилъ, что больной, хотя и не можетъ оправиться, но не опасенъ, Шарль едва удерживался отъ радости, и бѣжалъ къ Камиллѣ и съ самыми предосторожностями обнималъ ее, кого такъ странно забрала судьба. Камилла, блѣдная, подвижная, не смѣла отвѣчать; онъ кончилъ, она встала, чтобъ не броситься къ ногамъ Сувиньи. Шарль остановилъ ее и, умоляя, вѣжными ласками, объяснилъ ей, что онъ намеренъ поступить...

Онъ счелъ долгомъ сказать Камиллѣ о г. де-Сувиньи, что онъ былъ ея дѣдомъ — ихъ отецъ, но не хотѣлъ говорить ихъ къ нему прежде его полного выздоровленія больного; — ни онъ, ни Камилла не должны

ли показываться ему на глаза до-тѣхъ-поръ, пока онъ не узнаетъ всего.

Два дня г. де-Сувины пролежалъ въ крестовой лихорадкѣ; сестры поочередно сидѣли у его постели. На третій день, очнувшись, онъ увидѣлъ ихъ обвѣхъ полусклонившихся къ его постели. Г. де-Сувины кликнулъ слугу своего Джона и спросилъ, что это значитъ. Джонъ рассказалъ ему о паденіи и о постоянно-оказываемомъ ему попеченіи. Г. де-Сувины просилъ дѣвушекъ подойти къ нему и благодарилъ ихъ вволнованнымъ голосомъ: — онъ вспоминалъ, что и у него были двѣ дочери таяхъ же лѣтъ, — а между-тѣмъ жилъ онъ одинокій, забытый... Юная рукою стая Полинны, Юлія стояла съ нею у изголовья постели, и прекрасныя болокурныя головки, наклоненныя къ отцу, выражали столько состраданія и любви, что больно, опираясь на локотъ, невольно приподнялся, чтобъ лучше рассмотреть ихъ. Онъ взялъ ихъ за руки, сжалъ ихъ дрожащими руками и — глубоко вздохнулъ, забывшись въ нихъ сходство съ той, которую напрасно старался забыть.

Съ этой минуты до полного своего выздоровленія, г. де-Сувины принималъ нѣжныя услуги дѣвушекъ съ странною смѣсью наслажденія и тоски. Онѣ то читали ему; то, услышавъ съ работой у его постели, рассказывали о красотахъ своихъ горъ. Поутрамъ осторожно приходили онѣ смотреть, не проснулся ли онъ, и больной, заслышавъ въ комнатѣ шумъ платья и легкой шлепестъ шаговъ ихъ, чувствовалъ невыразимую радость, къ которой давно считалъ себя неспособнымъ.

Иногда спрашивалъ онъ о здоровьѣ ихъ матери, потому-что ему сказали, что хозяйка дома недорозна; онъ удивлялся, отъ-чего онѣ остаются у него дольше, чѣмъ у нея; но слуга его, которому вѣрена была до половинны тайна, всегда умѣлъ какъ-нибудь увернуться въ отвѣтъ, — и удовольствіе — быть въ сообществѣ прелестныхъ сидѣлокъ, дѣшало г. де-Сувины заняться

T. I. — Отд. VIII.

разъясненіемъ окружавшей его таинственности.

Черезъ двѣ недѣли, ему стало лучше; онъ ходилъ уже по комнатѣ и сталъ говорить о томъ, что скоро пойдетъ благодарить хозяйку. Полина передала это намѣреніе Шарлю и Камиллѣ; сдѣлали совѣщаніе о томъ, какъ поступить; рѣшили, что необходимо объясненіе; но такъ-какъ никто на это не вызвался, то разошлись, говоря, что надо ждать случая.

На слѣдующій день, утромъ, Шарль ушелъ съ дѣтми; прислуга была занята въ саду, частію на кухнѣ; Джонъ, подавъ господину своему книгу, отправился къ рѣчкѣ ловить форелей; Камилла сочла удобнымъ временемъ взглянуть, хоть на мгновеніе, на чело-вѣка, котораго любила какъ отца. Украдкой пробралась она на галерею и осторожно подошла къ сѣверному павильйону. Г. де-Сувины сидѣлъ на диванѣ; на колѣняхъ лежала у него книга; но онъ не читалъ и, казалось, погруженъ былъ въ мрачное раздумье. Камилла оперлась на дверь и съ трепещущимъ сердцемъ глядѣла сквозь замочную скважину на обнаженный лобъ, впалыя щеки и драхлое тѣло старика. — О! думала она: — кто бы подумалъ прежде, что чегырнадцатъ лѣтъ могли такъ измѣнить эту благородную наружность! Но не годы, а печаль состарѣла его!.. И, не выдержавъ этой тяжелой мысли, она упала безъ памяти на полъ.

Г. де-Сувины вздрогнулъ, услышавъ шумъ. Онъ всталъ, отворилъ двери и увидѣлъ на полу женщину; нагнулся къ ней, схватилъ ее за руки, взглянулъ ей въ лицо, и — судорожная дрожь пробѣжала по немъ. Камилла начала приходить въ себя, открыла глаза и встрѣтила взоръ г. де-Сувины.

— Камилла, вскрикнулъ онъ: — ты ли это? Вы ли это, сударыня?.. Она стала на колѣни, схвати его руки и покрывала ихъ поцалуями и слезами.

— Встаньте... оставьте меня... Боже мой! голова у меня кружится!.. Ты ли

это, Камилла?.. Какъ вы сюда попали?...

Замѣтивъ, что онъ шатается, Камилла быстро подвинулась, повела его и посадила на диванъ; потомъ, стоя на коленяхъ, съ сложенными руками, блѣдная, дрожащимъ голосомъ пересказала ему свою тоску, угрызения совѣсти, намѣреніе оставить свѣтъ и предаться уединенію; потомъ—судьбу, приведшую его къ ихъ дверямъ, и намѣреніе ихъ не открываться до тѣхъ-поръ, пока не будетъ онъ тронутъ и обезоруженъ ласками дочерей.

— Мои дочери! Это мои дочери! О, дайте мнѣ пріяжать ихъ къ сердцу, чтобъ въ головѣ у меня не потемнѣло! Приведите ихъ: я благословлю васъ, пока не умерь!

Съ радостнымъ крикомъ бросилась Камилла звать дочерей. Она увидѣла ихъ вдали; онѣ съ Шарлемъ и братьями всходили на холмъ. Камилла побѣжала къ нимъ, хотѣла рассказать про свое счастье, но невозможно было понять ея несвязныхъ рѣчей. Она только повторяла: «идите! идите всѣ!» и, вбѣжавъ за руки Полину и Юлію, повела ихъ въ комнату отца. Изумленный Шарль смотрѣлъ мнѣ вслѣдъ; но когда увидѣлъ, что онѣ вошли въ комнату г. де-Сувины, увидѣлъ, что старикъ всталъ и обнялъ всѣхъ троихъ, — ему показалось, что съ души у него спала тяжелая ноша.

Послѣ первыхъ восторговъ, г. де-Сувинь замѣтилъ на порогѣ Шарля съ двумя сыновьями.

— Подите ко мнѣ, сказалъ онъ:— я такъ счастливъ, что могу обнять и ихъ.

Шарль бросился къ ногамъ его, и слышны были только слова — прощенья, раскаянія, благословенія.

Когда старикъ былъ уже въ состояніи ѣхать въ каретѣ, — докторъ настаивалъ, чтобъ онъ отправился на пломбьерскія воды. Немного поспоривъ, онъ согласился и вечеромъ объявилъ о томъ всему семейству.

— Дѣти мои, сказалъ онъ дочерямъ:— вы пойдете со мною, потому что я

не могу обойтись безъ васъ. Мы будемъ въ Пломбьерѣ два сезона, какъ совѣтуетъ мнѣ докторъ, а потомъ...

Тутъ онъ остановился и не рѣшался выразить вполне своей мысли.

— А потомъ, сказалъ Шарль, мнѣ его за руку и смотря ему въ глаза: — потомъ, если ваши несчастія и наша неблагодарность не намѣнили нашего характера, если вы — все тогъ же доблестный человекъ, который когда-то любилъ меня, — то вы поселитесь у насъ.

— Я не смѣлъ просить васъ объ этомъ, отвѣчалъ г. де-Сувинь.

Они сжали другъ другу руки молча, потому что поняли другъ друга.

Хорошенькія сестры удвоили ласки, чтобъ доказать старика, какъ радуется ихъ его намѣреніе. Мальчики прыгали около него.

— А вы, сказалъ онъ Камиллѣ:— ничего не говорите?

Со слезами на глазахъ Камилла крепко взглянула на него и, склонившись предъ нимъ, схватила его руку и поцаловала ее съ благодарностью и умженіемъ...

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ напечатано: Извлеченіе изъ отчета господина министра внутреннихъ дѣлъ за 1845 годъ. Вотъ главнѣйшія черты его:

По части административной, — относительно губернскаго устройства и управленія, составленъ и разосланъ ко всѣмъ начальникамъ губерній, для предварительнаго рассмотрѣнія, проектъ . Новаго Учрежденія Земской Полиціи. Установленъ сборъ 868,000 руб. сер. на устройство помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и тюремъ въ

трехъ губерніяхъ; вообще же къ 1846 году подобныя сборы опредѣлены по тридцати губерніямъ въ количествѣ 7,620,000 р. сер.

По дѣламъ иностранныхъ исповѣданій, — по исповѣданію римско-католическому, за недостаткомъ монастырскихъ и чужихъ лицъ, закрыто 16 мужскихъ монастырей и четыре обители маріинскія. По исповѣданію протестантскому, замѣчательнѣйшимъ событіемъ было внезапное желаніе многихъ крестьянъ Финляндской Губерніи присоединиться къ православію, что и исполнили до 14,000 душъ, а вскорѣ послѣ этого явилось желающихъ еще 2,500 душъ. По мусульманскому исповѣданію: частое возвращеніе къ мусульманству крещеныхъ Татаръ Казан-

ской Губерніи побудило министерство войти въ сношеніе съ министромъ государственныхъ имуществъ и обер-прокуроромъ Святѣйшаго Синода о мѣрахъ къ предупрежденію этого отпаденія; а по дошедшимъ свѣдѣніямъ, что частныя лица изъ мусульманъ стали печатать въ Казани и развозить по армянамъ духовныя книги свои, министерство сдѣлало распоряженіе о запрещеніи казанскимъ типографіямъ печатать такія книги впродолженіе до приведенія въ извѣстность, въ какой степени и на какихъ основаніяхъ это можетъ быть допущено по мухамеданскимъ правиламъ.

Состояніе иностранныхъ исповѣданій въ Имперіи въ 1845 году представлялось въ такомъ видѣ:

	Число послѣдователей обоихъ половъ.	Молитвенныхъ записокъ.	Духовенства.
Римско-католическаго исповѣданія	2,699,427	2,378	2,037
Армяно-католическаго	20,230	52	52
Армяно-грегоріанскаго	346,002	925	2,432
Лютеранскаго	1,669,456	920	441
Реформатскаго	40,893	32	33
Еврейскаго	1,166,570	643	1,020
Мухамеданскаго	2,320,576	6,163	18,807
Ямайскаго	223,643	156	3,651
Шаманскаго и др. идолопоклонниковъ	171,928	273	449
Итого	8,658,725	11,542	28,922

По части помѣщичьей, — въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, и вообще сословія подвѣдомственными Министерству Внутреннихъ Дѣлъ, по обезпеченію продовольствія постѣпно было озабочено и въ 1844 году 113,452,352 четв., а весь сборъ составлялъ 113,452,352 четв. (противъ 1844 года 11,833,020 четв. мѣнѣе), слѣдовательно, въ общей сложности урожай былъ болѣе, чѣмъ самъ-третьей. Но значительную часть его надо отнести къ восточнымъ, малороссійскимъ и въосточнымъ за-московнымъ губерніямъ. Цѣны на хлѣбъ были необыкновенно-различныя: четверть ржи, напримеръ, продавалась въ Саратовской Губерніи по 78 к. сер., а въ Курляндской, Финляндской, Виленской и

Витебской Губерніяхъ до 10 р. сер. Запасовъ для обезпеченія продовольствія помѣщичьихъ крестьянъ и другихъ сословій, подвѣдомственныхъ Министерству, въ 1846 году состояло: а) хлѣба въ сельскихъ запасныхъ магазинахъ: на-лицо—9,224,760, въ ссудахъ и недоимкахъ 3,562,800 четв.; б) капиталовъ: въ кредитныхъ установленіяхъ и мѣстныхъ казначействахъ 3,332,565 р. сер., въ ссудахъ, недоимкахъ и займахъ для постигнутыхъ неурожаемъ губерній 3,500,043 р. сер. Вообще, количество хлѣбныхъ запасовъ для обезпеченія продовольствія по вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ можетъ казаться довольно-значительнымъ; но если это количе-

ство (до 9,000,000 четв.) расположить на 23,000,000 душъ, то на каждую душу придется не болѣе трехъ четвериковъ. Притомъ, большее количество запаснаго хлѣба находится именно тамъ, гдѣ въ настоящее время въ немъ нѣтъ нужды, на-примѣръ: въ губерніи Вятской на 12,603 души приходится 15,755 четв., а въ Кіевской—на 791,514 душъ 64,032 четв., или въ Санктпетербургской, гдѣ 163,042 души, состоятъ хлѣба всего только 16,443 четв. Столь недостаточное обезпеченіе народнаго продовольствія побудило Министерство еще съ 1842 года обратить вниманіе мѣстныхъ начальствъ на приглашеніе помѣщиковъ къ заведенію общественной запашки.

Всѣхъ капиталовъ общественнаго призрѣнія состояло въ 1846 году: собственныхъ 17,976,169 рублей, вкладныхъ для обращенія изъ процентовъ 43,192,536 руб. (итогъ болѣе противъ 1844 года 3,730,918 руб.). Доходовъ по всѣмъ приказамъ поступило 4,102,216 руб. (противъ 1844 года 292,396 руб. болѣе). На содержаніе богоугодныхъ и учебныхъ заведеній употреблено 3,817,718 р. сер.

Изъ капиталовъ Тульского Дѣтскаго Приюта и тамошняго Дома Призрѣнія Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ, учрежденъ въ Тулѣ банкъ, съ цѣлью увеличить доходы этихъ заведеній и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить жителямъ города способы заимствовать деньги для хозяйственныхъ оборотовъ. Учреждены также банки еще въ двухъ уѣздныхъ городахъ, а на учрежденія въ восьми другихъ представлены проекты.

Чтобъ доставить ремесленникамъ и рабочимъ средство сохранять выработанныя ими деньги, предположено учредить при всѣхъ приказахъ сберегательныя кассы, по примѣру существующей при здѣшнемъ Опекунскомъ Совѣтѣ. Предположеніе объ этомъ представлено на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта.

Въ состоящихъ въ вѣдѣніи приказахъ: а) сиротскихъ домахъ призрѣно въ 1845 г. до 593 сиротъ; б) въ учили-

щахъ дѣтей канцелярскихъ служителей учащихся было 660; в) въ двухъ учебныхъ отдѣленіяхъ чистовещеннаго воспитанниковъ было 125, а г) 1 фельдшерскихъ школахъ, въ столицахъ и трехъ другихъ городахъ—21 воспитанниковъ.

Всѣхъ лечебныхъ заведеній въ нынѣшніе времена приказовъ состояло къ 1846 по 560; въ нихъ было призрѣно въ теченіе 1845 года 1,191,591 больнои, изъ которыхъ выздоровѣло 1,051,066, умло 48,823, осталось къ 1846 по 92,002.

По доказанному опытами неусту имѣтъ въ каждомъ губернскаго городѣ дома для умалишенныхъ (кія заведенія существуютъ доселѣ 33 губернскихъ городахъ), предположено учредить центральныя этого рода заведенія: въ Москвѣ, Казани, Харьковѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Вильнѣ и Ригѣ.

Богадѣлень и инвалидныхъ домовъ въ вѣдѣніи приказовъ состояло въ 1846 году по-прежнему 117; въ нихъ призрѣвалось 9,317 душъ; противъ 1844 года 558 болѣе. Въ смиреннѣйшихъ рабочихъ домахъ, которые нагдѣ въ 31 губерніи, содержалось 2,837 душъ; противъ 1844 года 391 болѣе.

Часть медицинская: Въ общественныхъ больницахъ и въ частной практикѣ пользовано было въ теченіе 1845 года всего 1,191,591 человекъ; отношеніе умершихъ къ пользовавшимся, въ 1: 24. Число врачей по всей Имперіи простиралось въ 1845 году до 112 болѣе противъ 1844 года.

Открыто вновь 28 аптекъ и закрыто одна; за тѣмъ 165 городовъ все еще имѣютъ вольныхъ аптекъ. Число аптечекъ во всѣхъ вольныхъ аптекахъ простиралось до 2,772,911; среднее число на каждую аптеку въ городахъ по 13,044, въ губернскихъ городахъ по 6,117, въ уѣздныхъ по 1,117.

Судебно-медицинскихъ вскрытій и мертвыхъ тѣлъ, для отысканія причинъ смерти, произведено 15,417.

Химико-фармацевтическія препараты изготовлялись доселѣ порознь

иклой казенной аптекѣ, и отъ-того выходили не одинаковаго качества и обходились дороже; нынѣ же принято готовить ихъ въ Лабораторіи Санктпетербургскаго Аптечнаго Запаснаго Магазина, свидѣльствовать чрезъ членовъ Медицискаго Совѣта и потомъ уже разсылать во всѣ аптеки. Такимъ образомъ, препараты получаютъ лучшаго качества, а сверхъ-того и приготовленіе ихъ и разсылка обходится дешевле. Въ 1845 году, на заготовленіе для арміи, флота и нѣкоторыхъ мѣстъ гражданскаго вѣдомства лечебныхъ припасовъ и на разсылку ихъ издержано 217,173 руб. сер., въ сравненіи съ 1844 годомъ менѣе на 33,363 р., а въ сравненіи съ 1843, на 87,900 руб.

Часть хозяйственная: Сумма всѣхъ городскихъ доходовъ по Имперіи составляла въ 1845 году 7,313,000 руб., противъ 1844 года на 178,148 р. болѣе. Городскіе расходы простирались до 6,604,154 руб., или на 111,748 руб. менѣе противъ 1844 года. При всемъ томъ, однакожъ, изъ числа 658 городовъ только въ 280 оказывался болѣе или менѣе-значительные остатки; во стѣ городахъ доходы едва покрываютъ необходимые расходы, а въ остальныхъ постоянно обнаруживается недостатокъ.

Для увеличенія городскихъ доходовъ, распространены повсемѣстно въ пользу городовъ полупроцентный сборъ съ контрактовъ и договоровъ. По двумъ столицамъ и городу Одессѣ, въ-слѣдствіе особо-принятыхъ мѣръ, при составленіи городовыхъ расписей, оказалось остатковъ: въ Санктпетербургѣ болѣе 3720 р., въ Москвѣ болѣе 32,344 р. и въ Одессѣ болѣе 143,843 р. сер. Остатокъ въ Санктпетербургѣ могъ бы быть гораздо-значительнѣе; но въ послѣднее время потребовались огромные расходы для вѣкоторыхъ построекъ.

Разсмотрѣна и представлена въ Государственный Совѣтъ произведенная вновь оцѣнка недвижимыхъ имуществъ въ Санктпетербургѣ. Въ оцѣ-

ночную таблицу вошло 8493 имѣнія, которыхъ общая стоимость выведена въ 88,809,654 р., что противъ прежней оцѣнки составляетъ на 33,129,101 р. сер. или на 60% болѣе.

Учреждено вновь 172 ярмарки и 89 базаровъ. Привозъ товаровъ въ главнѣйшія ярмарки простирался въ 1845 году до 125,274,201 р., противъ 1844 года на 11,101,720 р. сер. болѣе; продано же товаровъ на 91,327,221 р. или на 5,997,047 руб. болѣе противъ 1844 года. На нижегородскую ярмарку привезено было товаровъ—на 55,843,731 р. а продано на 48,650,128 р. сер., что противъ 1844 года составляетъ увеличеніе: въ привозѣ—на 5,447,690 р., въ продажѣ—на 5,908,370 р. серебромъ.

Часть полицейская: Число арестантовъ, содержавшихся въ-теченіе 1845 года, въ мѣстахъ заключенія гражданскаго вѣдомства, простиралось до 176,239, въ сравненіи съ 1844 годомъ — 13,737, а противъ 1843 года — 64,286 менѣе. Общій итогъ суммъ, употребленныхъ на арестантовъ, составляетъ 710,263 р., противъ предшествовавшаго года 42,534 р. сер. менѣе.

Въ 74 городахъ приступлено къ устройству при тюремныхъ замкахъ отдѣльныхъ камеръ для одиночнаго заключенія слѣдственныхъ арестантовъ; а въ 27 городахъ наняты для того частные дома.

За тѣмъ, для устройства исправительныхъ въ Россіи тюремъ по системѣ одиночнаго заключенія, учрежденъ особый комитетъ, на обязанность котораго возложено: опредѣлить, гдѣ и на какое число арестантовъ нужно устроить такія тюрьмы, составить мѣчисленіе издержекъ, изыскать способы къ покрытію ихъ, начертать проектъ положенія объ управленіи тюрьмами и распорядиться постройкою примѣрной тюрьмы въ Санктпетербургѣ.

Независимо отъ того, изданіе новаго Уголовнаго Уложенія потребовало многихъ другихъ административныхъ распоряженій Министерства, какъ-то: объ

устройствъ эшафотовъ, поворныхъ столбовъ и дорогъ для провоза преступниковъ на лобное мѣсто, и проч.

Изъ значительныхъ преступленій въ теченіе 1845 года, обнаружено поджоговъ 90, грабежей и разбоевъ 603 (значительнѣйшіе происходили въ Саратовской, Оренбургской, Ковенской и Виленской Губерніяхъ). Убіиствъ разнаго рода 1,509.

Недавно минулъ годъ существованію *Русскаго Географическаго Общества*, и 29 ноября 1846 года оно имѣло особенное по этому случаю собраніе, согласно уставу. Разкажемъ сперва, чѣмъ занимались члены въ этомъ собраніи.

Во-первыхъ, помощникъ председателя, О. П. Литке, объявилъ, что председатель, Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ, учреждаетъ ежегодную премію, изъ золотой медали въ 200 руб. сѣр.; для присужденія въ награду за путешествія, содѣйствующія успѣху географическихъ наукъ и за отличныя сочиненія по части географіи, статистики и этнографіи, преимущественно Россіи.

Потомъ, на мѣсто двухъ выбывшихъ по жребію членовъ совѣта, были избраны по большинству голосовъ, изъ числа представленныхъ совѣтомъ кандидатовъ, дѣйствительные члены К. В. Чевкинъ и М. Н. Мусинъ-Пушкинъ.

Секретарь Общества читалъ отчетъ за первый годъ его существованія. Изъ предпринятыхъ съ ученою цѣлію работъ, замѣчательны: поѣздка члена-обтрудоуника Шегрена въ Лифляндію, для изученія исчезающихъ племенъ *Ямтовъ* и *Кривинговъ*; этнографическая карта европейской части Россіи, составленная дѣйствительнымъ членомъ Н. И. Кенпеномъ; предположенная Обществомъ геолого-географическая экспедиція на Сѣверный-Уралъ, для которой дѣйствительный членъ В. И. Струве занимается предуготовительными работами, и проч.

Помощникъ председателя читалъ краткій очеркъ жизни умершаго въ августѣ 1846 года члена-учредителя Общества И. О. Крузенштерна.

Обществу было объявлено, что Императорскія Высочества Настѣвникъ Цесаревичъ, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи и Принцъ Ольденбургскій изъявили согласіе на просьбу Общества принять званіе почетныхъ его членовъ.

Послѣ этого была читана статья дѣйствительнаго члена Ф. П. Врангеля о средствахъ и пути для достиженія полуса. Г. Врангель доказываетъ удобовосполнимость способовъ, предложенныхъ Парри и Барроу, и возможность углубиться на сѣверъ береговъ Гренландіи на собакахъ. Эту на собакахъ авторъ испыталъ въ 1821, 1822 и 1823 годахъ, проѣзжавъ по льдинѣ сѣвернаго берега Сибири пространство вѣвое-большее того, которое нужно пройти для достиженія полуса.

Дѣйствительный членъ Н. И. Шлеждинъ читалъ отрывки изъ представленной имъ Обществу статьи своей: *Объ этнографическомъ изученіи народности собственно-русской*. Основная мысль этой статьи, что для изученія всѣхъ оттѣнковъ чисто-русскаго начала нужно изслѣдовать русскаго сельскаго поля въліяніемъ другихъ, чуждыхъ народностей, что черты, остающіяся всегда безпримѣсно, обличаютъ сами себя. Читанные отрывки касались Русскихъ, живущихъ въ Венгріи, Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи и сохранившихъ въ языкѣ, нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, суевѣріяхъ, одеждѣ, утвари, во всемъ домашнемъ быту своемъ, все чисто-русское.

По окончаніи этого чтенія, согласно избраны были почетными членами баронъ Александръ Гумбольдтъ, профессоръ Карлъ Риттеръ въ Берлинѣ, и сэръ Родерикъ Мурчисонъ въ Лондонѣ.

Члены оставались еще нѣсколько времени вѣстѣ, для взаимнаго знакомства между собою для ознакомленія съ

трудоми каждаго, для условія во взаимной помощи, и проч. Астрономъ Струве говорилъ о необходимости сближенія разныхъ вѣдомствъ для исправленія картъ Россіи. Венгерскій путешественникъ Регули, бывшій около года въ странѣ между Обью и Печорой, объяснилъ составленную имъ для Общества карту того края. Г. Надеждинъ рассказывалъ подробности домашняго быта Русскихъ за Карпатами, Балканами и въ Малой-Азійи. Въ библиотекѣ Общества обратила общее на себя вниманіе рельефная карта европейской части Россіи, тисненная въ Парижѣ Бауеркеллеромъ, на издѣліе петербургскаго купца Фохтса, который, изъ любви къ наукѣ, пожертвовалъ на это значительную сумму.

«Отечественныя Записки» уже отдавали отчетъ (въ отдѣлѣ Библіографіи) о вышедшей книжкѣ трудовъ Общества. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о разныхъ предметахъ, занимавшихъ его членовъ въ годичномъ собраніи и вырази́мъ наши желанія о будущихъ усилѣхъ и распространеніи круга его дѣйствій.

Потребность въ существованіи Географическаго Общества для ближайшаго наученія Россіи была давно уже ощутительна, и потому нельзя не благодарить учредителей составившаго нынѣ Общества. По весьма-недавнему еще образованію его, мы не будемъ входить въ разборъ его дѣйствій; мы видимъ, что начало заключаетъ уже въ себѣ зародыши будущихъ его ученыхъ трудовъ и радуемся, воображая себѣ дальнѣйшее ихъ развитіе. Нельзя, однакоже, не принести полной благодарности г. Фохтсу за мысль сдѣлать тисненную карту Россіи и за пожертвованіе на это суммы. Поболѣе подобныхъ безкорыстныхъ подвиговъ, и мы много бы выиграли, во многомъ бы догнали Европейцевъ! Гг. Кеппель и Регули, составители этнографической карты Россіи и карты страны между Обью и Печорой, также заслуживаютъ благодарность: оба они пополняютъ недостатки нашихъ этнографическихъ и

топографическихъ пособій. Хотя г-нъ Струве въ нѣсколькихъ словахъ только высказалъ свою мысль, но мы не можемъ не обратить вниманія читателей на справедливость этой мысли: въ самомъ-дѣлѣ, мы ищемъ карты Россіи, издаваемая съ особою цѣлью; каждое вѣдомство имѣетъ вѣрныя свѣдѣнія по своей части о мѣстностяхъ Россіи—и со все́мъ тѣмъ у насъ нѣтъ ни одной общей, согласованной во всѣхъ подробностяхъ карты, и каждое вѣдомство часто принуждено довольствоваться своими отдѣльными, не печатными описаніями мѣстностей; будемъ надѣяться, что новое Географическое Общество обратитъ вниманіе на замѣчаніе г. Струве, сдѣлается посредникомъ въ сближеніи всѣхъ вѣдомствъ, и что однимъ изъ главныхъ трудовъ его будетъ—изданіе вѣрной, въ географическомъ масштабѣ, карты Россіи. Должно сказать, что у насъ есть прекрасныя спеціальныя или топографическія карты, изданныя Военно-Топографическимъ Депо, но, во-первыхъ, масштабъ вообще спеціальныхъ картъ не идетъ къ географическимъ, а вторыхъ, цѣль Корпуса Топографовъ слишкомъ-обширна и будетъ достигнута вполнѣ еще очень, очень - скоро. Надо много лѣтъ, чтобъ кончить подробную топографическую съѣмку всей Россіи! Между-тѣмъ, Общество, не предполагая такой великой задачи, можетъ ограничиться составленіемъ географической карты, и, конечно, заслужитъ полную благодарность всѣхъ и каждаго. Объ ученой запискѣ г-на Врангеля мы не скажемъ здѣсь ничего, надѣясь встрѣтиться съ нею въ «Трудахъ» Общества. Остается записка г. Надеждина, и мы, помня дѣльную его статью (напечатанную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Библиотекѣ для Читанія») объ историко-этнографическихъ розысканіяхъ на пространствѣ, занимаемомъ Россіей, не будемъ входить въ подробности основной мысли его записки, а спросимъ только: не-уже-ли г. Надеждинъ не предполагаетъ ничего повыше того средства, которое онъ

предложила для изученія народности русской? Если онъ видитъ въ этомъ только нѣлѣйшую частицу будущихъ дѣйствій Общества, или просто предлагаетъ по пословицѣ: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ, — то, конечно, не должно быть возмнательну; если жъ онъ на средство это смотритъ, какъ на что-то важное, то, сожалѣя о его заблужденіи, надѣемся также встрѣтить и его записку во всей полнотѣ въ «Трудахъ» Общества, и тогда поговорить о ней въ отдѣлѣ Библиографіи.

Будущность Общества—вотъ что болѣе всего занимаетъ насъ теперь. Воображеніе наше рисуетъ прекрасную и богатую будущность новому Обществу. Что такое географія, землеописаніе? гдѣ предѣлы физическаго описанія страны? какая естественная и политическая наука не связана съ географіей? И вотъ, мы видимъ уже время, когда не только топографія, статистика и этнографія, но и ботаника, геологія, палеонтологія, антропологія, маммологія, орнитологія и проч., исторія, археологія, космографія, климатологія, метеорологія, магнитная жизнь земнаго шара и проч., и проч., и проч., всѣ будутъ обогащаться трудами Общества, всѣ будутъ черпать полезныя приобрѣтенія въ трудахъ его членовъ... Мы видимъ уже время, когда Общество, по разнородности занятій своихъ многочисленныхъ членовъ, принуждено будетъ подраздѣлиться на многіе и многіе частныя классы... Видимъ уже время, когда каждый уголокъ Россіи будетъ обогащать и библіотеку и музей нѣждаго класса Общества экзemplарми ученыхъ пособій и рѣдкостями... Видимъ время, когда эти библіотеки и музеи сольются опять и образуютъ одинъ огромный русскій народный музей... котораго у насъ еще нѣтъ!..

Передъ наступленіемъ праздниковъ вышли въ свѣтъ два прекрасныя художественныя изданія, которыя какъ-не-

льзя-лучше годятся для подарковъ дѣтямъ и взрослымъ. Вотъ ихъ названія:

ВѢТХІЙ ЗАВѢТЪ въ КАРТИНАХЪ. Изданіе О. Прямишинова и А. Савожинова. Санктпетербургъ. 1846. В. 4-мъ д. л.

КАРТНЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ. Санктпетербургъ. 1846. В. 8-ю д. 384 стр., съ травированными картинками и заглавкой синьеткой.

Вообще, судьба нашихъ иллюстрированныхъ изданій до-сихъ-поръ представляла мало утѣшительнаго. Мы начтемъ десятки замѣчательныхъ сочиненій, богато и изящно-изданныхъ, которыя бы притомъ имѣли большой успѣхъ. А между-тѣмъ, почти всѣ подобнаго рода предпріятія начинались у насъ на широкую ногу, и издатели въ первыхъ порахъ обнаруживали готовность не щадить средствъ и биться изъ всѣхъ силъ, чтобы сдѣлать изданіе свое удовлетворительнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и интереснымъ для большинства публики; но какъ-то не принималась на нашей почвѣ эта отрасль книжной промышленности: лучшія иллюстрированныя изданія не доведены до конца и даже остановились въ самомъ началѣ. Достаточно вспомнить о судьбѣ «Донъ-Кихота» и «Нашихъ»...

По всего замѣчательнѣе, что программа всѣхъ этихъ возникшихъ изданій была чрезвычайно-сложна и богата: или предполагалось изобразить нравы всѣхъ народовъ, населяющихъ Россію, отъ Невы до Урала, отъ Сѣвернаго Океана до пламенной Колхиды, — всѣхъ сословій, отъ пашинерки до Сибиряка, гуляющаго въ лыжахъ, — то вдругъ распустили издать галерею всѣхъ порядочныхъ русскихъ картинъ, начиная чуть не съ псалмовъ при императрицѣ Клеопетрѣ, до послѣдней картинки покойнаго Зауервейда и многочисленной его школы; нѣтъ сомнѣнія, что была предположенія и болѣе-сильныя, по ко-

торыя такъ и остались предположеніями...

Вышедшія нынѣ изданія служатъ утѣшительнымъ доказательствомъ возможности иллюстрированныхъ книгъ въ Россіи. Картины Русской Живописи рано ли, поздно ли, послѣ перваго объявленія объ этомъ монументальномъ предпріятіи, — были. Двѣнадцать картинокъ, гравированныхъ на стали лондонскими художниками Гисомъ и Робинсономъ, — прекрасны; что же касается до достоинства самихъ картинъ, то всѣ онѣ давно уже извѣстны нашей публикѣ, и нынѣ онихъ устанавилось. Приложенный къ картинкамъ текстъ ни увеличиваетъ, ни уменьшаетъ достоинства изданія.

Вѣтхій Завѣтъ въ Картинахъ былъ совершенною неожиданностью для русской публики... Тутъ рядъ картинъ, изображающихъ самыя достопримѣчательныя событія, о которыхъ повѣствуется въ книгахъ вѣтхаго завѣта, начиная съ блаженнаго состоянія невинности прародителей нашихъ Адама и Евы, до подвиговъ воинственнаго Юды Маккавея. Всѣхъ картинокъ 82. Онѣ сдѣланы очерками, подобными извѣстнымъ очеркамъ Флакмана и Реча (къ «Божественной Комедіи» и «Илиадѣ»). Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ, или, лучше, нѣкоторыя фигуры въ этихъ картинахъ — поражаютъ счастливымъ изобрѣтеніемъ и удачнымъ исполненіемъ. Всѣ картины вырѣзаны на мѣди гравёромъ г. Аванасевымъ, а рисованы г. Агонинымъ.

Тотъ же г. Агонинъ подарилъ публику рисунками къ «Мертвымъ Душамъ» Гоголя, и въ настоящую минуту вышло уже двѣнадцать выпусковъ, содержащихъ въ себѣ сорокъ-восемь рисунковъ, въ которыхъ изображены главныя сцены поэмы. Недостатокъ сочувствія къ такому изданію обличилъ бы только отсутствіе всякой симпатіи къ первой удачной попыткѣ живописца изобразить русскую жизнь по указаніямъ того, кому она лучше всѣхъ открылась. Но мы увѣрены, что публика наша забавится отъ

этого упрека и окажетъ издателю, г. Бернадскому, полное и доброе свое участіе. Какъ-то странно допустить существованіе и успѣхъ какихъ-нибудь бессмысленныхъ аллегорическихъ картинокъ, не убѣдясь первоначально, что рисунки къ «Мертвымъ Душамъ» сдѣланы достойнымъ каждого порядочнаго чловека, сколько-нибудь интересующагося и Россіею вообще и русской литературою въ-особенности, и, наконецъ, признающаго существованіе изящныхъ искусствъ въ Россіи. Говорить о достоинствѣ рисунковъ къ «Мертвымъ Душамъ» — значитъ говорить о живописной сторонѣ поэмы Гоголя, чего нельзя сдѣлать въ краткомъ библиографическомъ извѣстіи. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, мы постараемся поговорить съ читателями подробнѣе объ этомъ вовсе-немаловажномъ предметѣ; а для этого просимъ ихъ напередъ ознакомиться съ самими рисунками г. Агонины, такъ искусно вырѣзанными на деревѣ г-мъ Бернадскимъ.

Между-тѣмъ, мы получили нѣсколько французскихъ иллюстрированныхъ изданій. Вотъ, на-примѣръ, передъ нами теперь полное годовое изданіе «Magasin des moiselles». Нельзя довольно посмотреть на него: изданіе рѣшительно изящное. Возьмите любой номеръ: прекрасная модная картинка, листокъ нотъ, рисунокъ для вышиванья, другой рисунокъ для вышиванья, наконецъ, что всего больше «вызываетъ на размышленіе» — текстъ, текстъ, составляющій номеръ журнала; притомъ такой номеръ, про который самая элегантная читательница никакъ не скажетъ:

Онъ мнѣ ужъ руки обломалъ...

Или:

Да какъ-то страшно безъ перчатокъ...

Номеръ уютный, чистый, легкій. И выборъ предметовъ для текста такой...

Вотъ тутъ-то и возникаютъ всѣ размысленія! тутъ-то и привязывается къ легонькому, тоненькому журналу—тяжелая и широкая мысль... такая широкая, что и конечное заключеніе ея какъ-то ускользаетъ изъ вида.

Рѣшено, что намъ досталось жить въ эпоху переходную, слѣдовательно, тревожную, неспокойную. Въ военное время, неживные обыватели страны, которую война избрала своимъ полемъ, всегда страдаютъ ужаснѣйшимъ образомъ, безъ всякой съ ихъ стороны причины. Молоденькія современницы наши, подъ вліяніемъ бушующей вокругъ нихъ борьбы мѣстной, едва-ли не играютъ роль обывателей. Ихъ частная жизнь незамѣтно, невидимо для нихъ-самыхъ, какъ то возмущена, или по-крайней-мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ чертахъ выведена изъ невозмутимаго равновѣсія. Правда, онѣ еще беззаботно поютъ, играютъ и пляшутъ, но это ихъ общественная, въ своемъ родѣ официальная, а не частная жизнь; если же попристальнѣй заглянуть въ ихъ *свой уголокъ*, то, чего добраго, не взглядишь ли тамъ какихъ-нибудь протиснорѣчій? Тамъ съ любовью распростирается надъ ними дрожащая отъ старости рука фамилизна, со всѣми его давно-принятыми понятіями объ условіяхъ домашняго счастья, заслоняя отъ ихъ глазъ все, могущее возмутить и поколебать это счастье. Между-тѣмъ, старинный вопросъ о пользѣ наукъ рѣшенъ съ незапамятныхъ временъ и давнымъ-давно обратился въ общее мѣсто. Отстать въ просвѣщеніи невозможно. Но, чтобы трудъ не пропалъ совсѣмъ-даромъ, чтобы дѣйствительно не быть отсталымъ, необходимо преподаваніе научныхъ истинъ современное, чтобы наука прилагалась къ настоящему, а не къ прошлому порядку вещей... Молодому, воспримчивому, строго-охраняемому уму надо передавать науку въ современномъ духѣ, развивать мысль по ея современному направленію, тѣмъ болѣе, что всю противоположную половину молодого поколения, съ которой первой половиной

достанется вѣкъ коротать, ужъ ушла неодолимая сила по этому направлению. Но... куда ведетъ оно, это направление? что за вещества находятся въ этомъ броженіи?.. Здѣсь-то зашипитъ доброжелательные протекторы събыхъ созданицъ и робко отступитъ, сознавая, впрочемъ, что учиться надо и учиться по-новому. Такъ какъ же выбирать науку независимо отъ жизни и не допускать участія жизни въ наукѣ? На этотъ вопросъ, еслибъ мы имъ сдѣлали его, они отвѣтятъ неопредѣлительно, сбивчиво, и сами останутся въ сбивчивомъ положеніи.

Вотъ, какъ кажется, одна изъ причинъ той холодности, съ какою кажется между нами современная литература; не достаетъ чего-то для полноты этого движенія: есть между нами существа, и, можетъ-быть, лучшія природы существа, которые остаются почти или вовсе-безучастными къ этому движенію, и мы, порывавшись въпередъ, все какъ-то побуждаемся отступать назадъ, чтобы посмотреть, не остались ли тамъ запаши съ своими маленькими *реддами*. Но онѣ не виноваты, сами находятъ въ перѣшности, не знаютъ, что имъ дѣлать, куда склонить голову, за что взяться: одно скучно, другое непонятно, третье *неудително*; одно слишкомъ-дѣловое, другое слишкомъ-тяжелое, третье слишкомъ-нескромное. А литература, занятая своими вопіющими публичными вопросами, стыдятся старинной роли *chevalier servant*, не сумится подойти къ нимъ и попытаться хорошенько, чего нужно. Англичане, слышно, отстали отъ этой заботы; они говорятъ: мы всѣ живемъ въ одномъ обществѣ, у всѣхъ у насъ общая умственная атмосфера. Скавано тебѣ заранѣе, какакая, жизнь-то человѣческая, что ты увидишь въ ней! Чего же еще? Ну, и смотри и любуйся и радуйся, одушевляйся доблестнымъ, и мущайся возмутительнымъ, страдай скорби!... Такия мысли слышали отъ Англичанъ... Дайте же нашимъ

отечественникамъ по-крайней-мѣрѣ что-нибудь въ родѣ «Magasin des demoiselles»;— пусть онѣ разбросаютъ у себя по столикамъ и табуреткамъ картинки, рисунки, ноты и листки,—листки, въ которыхъ такое живое, разнообразное чтеніе: и біографіи—именно тѣ, которыя имъ хорошо и пріятно знать, и свѣдѣнія изъ богатаго міра естественной исторіи, и стихи, и все такое шилое и приглядное... У насъ ничего такого нѣтъ!—На оберткѣ сказаннаго журвала написано, что въ Парижѣ на него подписная цѣна въ годъ десять франковъ... Это значитъ, что у г. Исакова журналъ стоитъ рубля три серебромъ. Непостижимо-дешево! У насъ если бы такое же хоть вавое дороже, и я то бы — куда какъ хорошо!..

Когда рѣчь пойдетъ объ изящныхъ изданіяхъ, тутъ мы, съ нашими небогатыми средствами, просто—пасъ передъ другими. Въ магазинѣ г. Исакова выдѣла мы много иллюстрированныхъ изданій, которыя способны иногда самаго дѣловаго человѣка оторвать отъ дѣла и унзавтъ до разсматриванія картинокъ. И что за живой народъ Французъ! Къ чему они не придираются, чтобъ сдѣлать что-нибудь изящное! Являютея, напримѣръ, «Vignettes et portraits pour le Consulat et l'Empire». (Виньетки и портреты къ «Консульству и Имперіи» Тьера). Тутъ же и портретъ самого Тьера, сдѣланный лучше, нежели стоила его физіономія, и за тѣмъ слѣдуетъ въ лицахъ весь путь, пройденный Наполеономъ; на портреты можно заглядѣться, и виньетки есть очень-хорошія. Конечно, съ одной стороны, подумаешь: зачѣмъ же все это? зачѣмъ въ смотрѣть на этотъ кровавый, опьяняющій путь, который прогорѣлъ по землѣ такой губительной полосой и—исчезъ, оставивъ по себѣ такой слѣдъ, какого и самъ Наполеонъ съ своей путеводной звѣздой совсѣмъ, можетъ-быть, не ожидалъ? Но, вѣроятно, много найдется людей, которымъ эти картинки и портреты вызовутъ въ-явь страшную, еще памятную картинку и—многого пробудятъ...

Вотъ еще «Les Couvents», исторія монастырей съ картинками. Этотъ предметъ едва-ли не больше запрашивается на карандашъ и кисть, нежели «Консульство и Имперія»... Живописецъ онъ, этотъ предметъ, и любопытнѣе, и многозначнѣнѣе въ исторіи: тутъ и смиренныя отшельники, тутъ и іезуиты съ ихъ недосыгаемо-глубокой и всеопутывающей интригой, тутъ и варвары-инквизиторы,—все живописно и, если выкинуть, драматично. Не смотря на то, изданіе это чуть-ли не побѣднѣе перваго, хотя, само-по-себѣ взятое, хорошо, богато и умно.

Наконецъ — «L'été à Baden», (Лѣто въ Баденѣ) — собраніе гравюръ съ текстомъ, очерчивающихъ Баденъ съ его водами и многочисленными посѣтителями, составленное по поводу того, что Баденъ лѣтомъ — мѣсто свиданія цѣлой Европы. То же мастерство, та же ловкость и придумка! Кто бывалъ въ Баденѣ на всеобщемъ свиданіи, для тѣхъ это изданіе можетъ очень-пріятно замѣнить ихъ собственный альбомъ, если у нихъ его нѣтъ.

Не говоримъ уже о двухъ недавно-вышедшихъ томахъ «Oeuvres Choieses de Gavarni» и «Les Fleures Animées»: это цѣлыя поэмь — по нѣскольку поэмъ въ каждомъ томѣ, о которыхъ мы поговоримъ еще...

Что за сила жизни должна быть тамъ, гдѣ всѣ эти предпріятія, всѣ эти выдумки поглощаются и поражаютъ новыя! Пусть у насъ посовѣтуютъ художнику очертить, ужъ не говоримъ, какіе-нибудь нравы, а хоть какое-нибудь лѣто, хоть петербургское, напримѣръ, или, если угодно поживописнѣе, то гельзингфорское, — у него отъ одной мысли голова закружится. Да куда, скажетъ онъ, я дванусъ съ моимъ лѣтомъ? куда оно пойдетъ — ко мнѣ на шею? А если упрекнутъ публичку, — она скажетъ: что жъ мнѣ дѣлать, если у васъ ничего нѣтъ; а если что и поживится, то —

«... Какъ-то страшно безъ перчатокъ!..»

Вотъ такъ и перекосятся люди!..

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ

и

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ» за прошлый годъ мы сообщили читателямъ о новой *огнестрѣльной хлопчатой бумагѣ*, и между прочимъ показали ту опасность, съ которою сопряжены приготовленія этого взрывистаго вещества. Многіе спрашиваютъ: можно ли новымъ порохомъ во всѣхъ случаяхъ замѣнить старый? — Дѣлая такой вопросъ, часто сами же спрашивающіе рѣшаютъ его, — отвергая всякую возможность такой перемѣны; многіе изъ нихъ утверждаютъ это бездоказательно, другіе же приводятъ въ доказательство дороговизну, трудность и опасность полученія хлопчатобумажнаго пороха, и обыкновенно оканчиваютъ свои доказательства тѣмъ, что *варно намъ придется оставаться при старомъ порохѣ*. По нашему мнѣнію, такія доводы вовсе неосновательны; все зависитъ отъ того, какъ приняться за дѣло. Если опыты и изысканія будутъ откладывать въ долгій ящикъ говорить: «вотъ мы прежде посмотримъ какъ онъ у другихъ пойдетъ!» съ такими повѣтлями далеко не уйдешь и, конечно, намъ придется долго и очень долго оставаться при прежнемъ порохѣ. Вообще, у насъ какъ-то плохо принимаются нововведенія, хотя бы польза ихъ и была ясна какъ день. Каждое открытіе въ началѣ выходитъ весьма несовершенно; но отъ времени до времени совершенствуется, и въ началѣ, конечно, много придется сдѣлать съ нихъ промаховъ, оно потребуетъ большихъ средствъ, большаго издержекъ. Отъ всего этого не изъята и огнестрѣльная хлопчатая бумага; но мы видимъ, съ какою дѣятельностію занимаются ученые этимъ вопросомъ и въ недавнее время способъ приготовленія хлопчатобумажнаго пороха во многихъ отношеніяхъ значительно усовершенствовался.

Во всѣхъ французскихъ газетахъ и журналахъ только и рѣчи, что о взрывистыхъ веществахъ. Въ Парижѣ не только записные ученые, но многія частныя лица занимаются разысканіями по этому предмету и результаты своихъ наблюденій представляютъ академіи, которая тотчасъ же публикуетъ ихъ и тѣмъ подвигаетъ вопросъ къ дальнѣйшимъ усовершенствованіямъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» мы указали на главныя неудобства, сопряженныя съ обработкою взрывистой хлопчатой бумаги; неудобства эти главнымъ образомъ, какъ мы видѣли, представляются при промывкѣ обработанной азотною кислотою хлопчатой бумаги и при обсушиваніи ея по окончаніи промывки; мы упомянули, что послѣднее обстоятельство часто влечетъ за собою губительныя взрывы, и вотъ, теперь находимъ, что это важное неудобство совершенно устранено. Годенъ (Gaudin) предложилъ весьма-простой, дешевый и совершенно-безопасный способъ просушиванія хлопчатобумажнаго пороха; онъ совѣтуетъ производить просушку сухимъ, холоднымъ воздухомъ, проходя его посредствомъ вентилятора изъ камеры, наполненной негашеною известью, въ другую камеру, содержащую въ себѣ сырую хлопчатую бумагу. Способъ Годена основанъ на сильномъ средствѣ негашеной извести съ водою; — воздухъ, проходя чрезъ камеру, наполненную известью, оставляетъ въ ней свою влажность и выходитъ изъ нея совершенно-сухой, послѣ чего, приходя въ прикосновеніе съ сырою хлопчатую бумагою, онъ снова дѣлается влажнымъ, отнимая влагу отъ взрывистой бумаги; этотъ влажный воздухъ долженъ быть немедленно выведенъ изъ второй камеры наружу, или снова обращаемъ въ первую камеру. Ясно, что, при такомъ непрерывномъ теченіи сухаго воздуха чрезъ сырую, взрывисто-хлопчатую бумагу, послѣдняя, наконецъ, совершенно будетъ обсушена. Такой процессъ обсушиванія можетъ продол-

жаться до-тѣхъ-поръ, пока известъ сдѣлается неспособною поглощать влагу изъ воздуха. Способъ Годена не новый: въ химіи всегда, для получения сухихъ газовъ, употребляютъ подобные приемы. Газъ приводится въ прикосновеніе съ веществами сильно-поглощающими воду, на-примѣръ, съ крѣпкою сѣрною кислотою, или пропускается чрезъ хлористый кальцій, известъ и проч.; при этомъ всегда выбирается только такое вещество, съ которымъ бы газъ не соединялся. Можно надѣяться, что при просушкѣ огнестрѣльной хлопчатой бумаги въ большомъ видѣ, предложеніе г. Годена будетъ съ пользою употреблено на практикѣ.

Мы слышали, что обработка огнестрѣльной хлопчатой бумаги нынче производится гораздо-проще: нѣтъ надобности обрабатывать бумагу азотною кислотою; стоитъ только взять равныя части (по вѣсу) селитры и крѣпкой сѣрной кислоты, и въ смѣсь этихъ веществъ погрузить хлопчатую бумагу на нѣсколько минутъ: дѣльнѣйшій процессъ обработки производится совершенно-такимъ же образомъ, какъ при употребленіи азотной кислоты. Этотъ способъ получения взрывистой хлопчатой бумаги имѣетъ важныя преимущества предъ прежнимъ: здѣсь хлопчатая бумага не свертывается въ клочки; слѣдовательно, промывка можетъ быть произведена съ большою легкостью; кромѣ того, говорятъ, что если обрабатывать хлопчатую бумагу этимъ способомъ, то всегда получаются съ перваго раза удачные экземпляры огнестрѣльной хлопчатой бумаги, между-тѣмъ, какъ при обработкѣ азотною кислотою, нельзя положительно рассчитывать на удачные результаты опытовъ: иногда приходится повторять два и даже три раза процессъ обработки.

Теперь скажемъ о другихъ изысканіяхъ относительно взрывистыхъ веществъ. Мы упоминали уже объ особомъ воспламеняющемся веществѣ, ко-

въ 1833 году и названо имъ *ксилондиномъ* (xuloidine). Пелузъ, повторяя опыты Браконнота, получилъ также взрывистыя вещества, которыя онъ прежде принималъ за ксилондинъ; однако дальнѣйшія изслѣдованія Пелуза показали, что вещества эти, получаемыя также при обработкѣ крахмала и обыкновенной писчей бумаги азотною кислотою, имѣютъ свойства, отличныя отъ ксилондина; это новое воспламеняющееся вещество Пелузъ назвалъ *пироксиллиномъ* (pyroxiline). Существенная разница между ксилондиномъ и пироксиллиномъ состоитъ въ слѣдующемъ:

Ксилондинъ весьма-растворимъ въ азотной кислотѣ и очень-удобно въ ней разрушается, а при нагреваніи въ ретортѣ даетъ въ остаткѣ значительное количество угля; пироксиллины же не растворяются даже въ избыткѣ азотной кислоты, такъ-что можетъ цѣлые дни оставаться въ ней, не уменьшаясь въ своемъ вѣсѣ; кромѣ того, пироксиллины при нагреваніи отъ 175° С до 180° С быстро воспламеняются, а это обстоятельство дѣлаетъ совершенно-невозможнымъ нагреваніе пироксиллина въ ретортѣ. — 100 частей сухаго крахмала, будучи подвержены дѣйствію крѣпкой азотной кислоты, послѣ промывки и обсушки даютъ наибольшимъ числомъ отъ 128 до 138 частей ксилондина; тогда-какъ 100 частей хлопчатой или писчей бумаги, при тѣхъ же обстоятельствахъ, по простествіи нѣсколькихъ минутъ, даютъ отъ 168 до 170 частей сухаго пироксиллина. Однако Дюма представилъ Парижской Академіи, что Шёнбейнъ, который продолжаетъ еще держать въ секретѣ свое открытіе, писалъ къ нему, что между пироксиллиномъ Пелуза и взрывистою хлопчатую бумагою его собственного изобрѣтенія нѣтъ ничего общаго, и даже самый способъ получения послѣдней совсѣмъ иной.

Недавно, Сегьѣ представилъ въ Парижскую Академію результаты своихъ опытовъ относительно силы обыкновеннаго и хлопчатобумажнаго по-

роха; стрѣляли 30 савтиграммами обыкновеннаго пороха въ чугунную цѣль, поставленную на равстоянн 15 метровъ, и нашли, что пуля сплюснлась до половины толщины. Когда же зарядъ состоялъ изъ взрывистой хлопчатой бумаги, то при тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, свинцовая пуля разсыпалась въ некіа блестки, и когда зарядъ былъ уменьшенъ до 5 савтиграммовъ, то пробный выстрѣлъ показавъ результаты совершенно-подобные, какъ при 30 савтиграммахъ обыкновеннаго пороха: — по этому опыту можно судить о силѣ взрывистой хлопчатой бумаги. Основываясь на такой необычайной силѣ взрывистой хлопчатой бумаги, гг. Комбъ и Фландовъ предлагаютъ употреблять ее для взрыва скалъ, и между прочимъ замѣчаютъ, что новое воспламеняющееся вещество, въ роство, замѣнитъ обыкновенный порохъ при взрывахъ минъ, поставляя на мѣсто сгоранія взрывистой хлопчатой бумаги *безъ запаха и дыма*. Намъ кажется, что это замѣчаніе не совсѣмъ-справедливо: есть случаи, именно при образованіи камуфлетовъ, когда не требуется произвеста взрывъ, но только образоватъ подъ землею сферу разрушительнаго дѣйствія и наполнить эту сферу удушливими газами. Конечно, во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нельзя употреблять взрывистую хлопчатую бумагу; но важное преимущество предъ обыкновеннымъ порохомъ состоитъ въ томъ, что взрывистая хлопчатая бумага, какъ кажется, менѣе-способна напитываться влажностію, чѣмъ обыкновенный порохъ, а потому не потребуетъ такого тщательнаго сохраненія въ минѣ, какъ это необходимо при обыкновенномъ порохѣ и особенно при пороховой кишкѣ, употребляемой для воспламененія миныаго заряда; порохъ въ кишкѣ такъ часто отсырѣваетъ, что образуетъ въ ящикѣ, куда укладывается кишка, совершенную пороховую грязь, отъ чего воспламенение мины становится невозможнымъ. При употребленіи взрывистой хлопчатой бумаги, если она усовершенствуется до того, что не

будетъ поглощать влаги, послѣднее удобство вовсе устранится. — Впрочемъ вопросъ относительно поглощенія влаги взрывистою хлопчатую бумагою обыкновеннымъ порохомъ, требуетъ еще многихъ тщательныхъ опытовъ.

Между прочими приложеніями взрывистыхъ веществъ, мы встрѣтили одно, по нашему мнѣнію, весьма-любопытное. Бернаръ и Барресъ (Bagreswil), занимаясь изысканіями относительно различій азотистой и щщи, испытывали въ этомъ отношеніи также и ксилондизъ; они нашли, что это вещество, проходя по мѣдному камню, покрывается слизью, во не мѣняется въ свойствахъ; оно остается бѣлымъ, нерастворимымъ въ водѣ, растворяется въ укусовой кислотѣ азькоголѣ. Пелуза кормилъ собаку продолженіе четырехъ дней азотистой бумагою съ примѣсью къ ней азотистаго количества риса и пашель, и собаки были совершенно здоровы; нисколько не похуѣли отъ такой пищи. Можетъ-быть, со-временемъ, взрывистая хлопчатая бумага и будетъ употребляема въ пищу; но первоначальн такой важный вопросъ долженъ бы изслѣдованъ медиками: на собаку въ этомъ случаѣ-полагаться нельзя: такъ азотистая нища можетъ какъ-ра пронавести воспаленіе въ кишкѣ. Мы думаемъ, что взрывистая хлопчатая бумага скорѣе всего должна найти приложеніе въ медицинѣ — въ тѣхъ случаяхъ, когда электричество и стревія признается необходимыми.

Конечно, еще много остается сказать усовершенствованій въ новознанныхъ порохѣ для того, чтобъ онъ вполне замѣнитъ старый; такъ, на-прим., намъ замѣчаетъ, что при сгораніи обыкновеннаго пороха въ дулѣ орудій остаются на водавыхъ парцахъ и паровъ азотной кислоты, инаже они будутъ сильно окислять внутренній каналъ орудія и, слѣдовательно, портить его. Новое вещество Пелуза — ироксливъ, кажется, не имѣетъ этого недостатка.

Какъ бы то ни было, новый порохъ

имѣть важное преимущество предъ старымъ въ томъ отношеніи, что онъ не даетъ пыли, не мараетъ ни рукъ, ни платья, и вовсе не растворяется въ водѣ.

Железные дороги занимаютъ всѣхъ.

Полезъ отъ небывалой быстроты для перевозки товаровъ и путниковъ нечислима. Акціонеры, составляющіе юмпанин, также не въ накладѣ, и потому не удивительно, что прожектёры или изобрѣтатели новыхъ системъ желѣзныхъ дорогъ являются часто; но всѣ эти новыя системы такъ новы, такъ мало имѣютъ общаго съ общепринятой системой, что часто не находятъ ототниковъ рисковать своими капиталами. Поэтому весьма-важно, что г. Жуэфура не выдумывалъ совершенно-новой системы, но только усовершенствовалъ старую во всѣхъ ея подробностяхъ. Усовершенствованія эти, однакожъ, такъ многочисленны, что по всей справедливости систему г. Жуэфура можно назвать новою.

Придумывая свою систему желѣзныхъ дорогъ, г. Жуэфура имѣлъ главною цѣлю предупредить и уменьшить сколько возможно несчастные случаи, подвергающіе опасности жизнь путниковъ. Главныя отличія его системы отъ обыкновенно-принятой состоятъ въ слѣдующемъ:

На всѣхъ строящихся нынѣ во Франціи дорогахъ, машина всякаго паровоза, вмѣстѣ съ котломъ, наполненнымъ паромъ, стоитъ на четырехъ или шести колесахъ; два изъ нихъ — колеса *направляющія*, дѣлающія полный оборотъ при каждомъ размахѣ поршня. Каждый вагонъ на 4-хъ колесахъ. Всѣ эти разнородныя колеса имѣютъ закраины въ три сантиметра высоты (около $\frac{3}{4}$ вершка) и, вертая вмѣстѣ съ осями, ходятъ по вышуклымъ рельсамъ. Разстояніе между двумя полосами рельсовъ около $1\frac{1}{2}$ метра (2 аршина $1\frac{1}{2}$ вершка); но самыя вагоны и подшопки ихъ выступаютъ съ каждой сто-

ровы, такъ-что вся ширина пути около трехъ метровъ (1 саж. 1 ар. $3\frac{1}{2}$ вершка). Центръ тяжести нагруженнаго вагона находится надъ осями въ $1\frac{1}{2}$ метра (2 аршина $1\frac{1}{2}$ вершка) отъ поверхности земли. Вся высота вагона три метра (1 саж. 1 арш. $3\frac{1}{2}$ вершка).

Въ системѣ г. Жуэфура, три полосы рельсовъ на одномъ пути. Крайнія полосы, по которымъ идутъ колеса вагоновъ, и четыре малыя колеса паровозовъ отстоятъ одна отъ другой на 2, 6 метра (1 саж. $10\frac{1}{2}$ вершковъ) и имѣютъ съ внутренней стороны выпуклыя закраины въ 12 сантиметровъ (2 $\frac{1}{2}$ вершка). Два *направляющія* колеса паровоза зашпѣнены здѣсь однимъ большаго діаметра и съ широкимъ ободомъ; это колесо идетъ по третьей средней полосѣ рельсовъ, утвержденной выше крайнихъ на $\frac{1}{2}$ метра (около $5\frac{1}{2}$ вершка). Вагоны на двухъ колесахъ, вертающихся на оконечностяхъ осей, соединены попарно посредствомъ вертикальныхъ шалнеровъ (*articulation verticale*), имѣющихъ $1\frac{1}{2}$ метра высоты (2 аршина $6\frac{1}{2}$ вершка). Такимъ-образомъ, оси не вертятся и, слѣдовательно, независимы другъ отъ друга. Паровозъ раздѣленъ на двухъ тележкахъ или колесницахъ, изъ которыхъ первая съ *направляющими* колесомъ везетъ цилиндръ и вообще механизмъ, а вторая паровой котель и печь или топку. Эти двѣ тележки соединены шалнеромъ (*articulation*) отъ 8 — 10 дециметровъ высоты (отъ 1 арш. 2 верш. до 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершковъ). Всѣ соединенныя пары вагоновъ причаливаются другъ къ другу такъ же, какъ и паровозная пара тележекъ къ тендеру, посредствомъ двойныхъ шалнерныхъ рессоръ (*doubles ressorts articulés*). Діаметръ вагонныхъ колесъ, вмѣсто 1 метра (1 арш. $7\frac{1}{2}$ вершка), какъ было во Франціи прежде, увеличенъ до $1\frac{1}{2}$ метра (2 аршина $1\frac{1}{2}$ верш.). Центръ тяжести нагруженныхъ вагоновъ пониженъ до горизонтальности осей, а вся высота вагоновъ сокращена въ два метра (почти 2 арш. 13 верш.). При неожиданномъ столкновеніи, тормозѣ, посредствомъ особаго

механизма, несколько не мѣшающаго ходу вагоновъ въ другое время, прилегаютъ къ ободьямъ колесъ и такъ сильно надавливаютъ на нихъ, что весь поѣздъ затормозится самъ отъ тренія объ рельсы, и несчастіе можетъ быть предотвращено. Наконецъ, еще особый механизмъ и другаго рода тормоза подъ рукою кондуктора даютъ средства кондуктору не только затормозить *направляющее колесо* паровоза и самый задній вагонъ, но и разобщить въ одно мгновеніе всѣ вагоны одинъ отъ другаго, слѣдовательно, сдѣлать ихъ независимыми другъ отъ друга.

Не довольствуясь моделью, г. Жуффруа устроилъ въ Парижѣ дорогу и паровозъ съ тендеромъ и вагонами, въ настоящихъ размѣрахъ, и притомъ со всѣми затрудненіями для ѣзды, какія только могутъ встрѣтиться на дѣлѣ. На весьма-узкомъ пространствѣ, онъ сдѣлалъ радіусомъ въ 12½ метровъ (5 саж. 2 арш. 9¼ верш.) круговой путь въ три полосы рельсовъ. Средній рельсъ, параллелоэпидической формы, представляетъ въ поперечномъ разрѣзѣ квадратъ, котораго сторона въ 13 сантиметровъ (почти 3 вершка) и продолжени въ желобками въ 5 миллиметровъ (¼ вершка) глубины. Круговой путь этотъ имѣлъ крутой подъемъ въ 1,30 (т. е. на 100 аршинъ по горизонту 3 аршина возвышенія). Наконецъ, для противодѣйствія центробѣжной силѣ, наружная крайняя полоса рельсовъ была положена на 6 сантиметровъ (около 1½ вершка) выше внутренней крайней полосы.

Что же касается до *направляющаго колеса* паровоза, то діаметръ его 2,2 метра (3 арш. 1¼ вершка); ободъ его состоитъ изъ 36 деревянныхъ косяковъ, расположенныхъ торцомъ къ оси и сжатыхъ съ обохъ боковъ колесомъ двумя металлическими, плоскими и кольцеобразными обшивками, наружный радіусъ которыхъ превышаетъ наружный радіусъ колеса на 10 сантиметровъ (2¼ вершка) для того, чтобы обхватить съ обѣихъ сторонъ среднюю полосу рельсовъ. Двѣ тележки, на ко-

торыхъ помѣщается паровозъ, вѣсятъ полнымъ грузомъ по 6000 килограммовъ (366 пудовъ). Приводныя что плитыны, приводимые въ движеніе поршнемъ, не непосредственно имѣютъ круговращательное движеніе *направляющему колесу*, но чрезъ посредство горизонтальной оси и двухъ зубчатыхъ колесъ, которыя, однакожъ, когда не дѣйствуютъ въ одно и то же время. Слѣдовательно, при одной той же скорости поршня, *направляющее колесо* можетъ принимать по мѣнѣю двѣ совершенно-разныя скорости. Въ паровозѣ, бывшемъ на привѣзъ двухъ скоростей, соотвѣтствующихъ одному размаху поршня и кунду, малая скорость была въ 20 километровъ (18¼ версты) въ часъ, а большая въ 40 километровъ (37¼ версты) въ часъ.

Выгоды новой системы желѣзныхъ дорогъ, по показанію опытовъ, состоятъ въ слѣдующемъ: закрывъ изъ нихъ рельсовыхъ полосъ достигаютъ мѣшають соскакиванію съ нихъ; движеніе центра тяжести также имѣетъ болѣе увѣренности, которая при справедливо можетъ основываться на устройствѣ разнаго рода тормозовъ двухъ вышеупомянутыхъ механизмовъ.

Опыты, кромѣ того, показали, что по новой системѣ можно поднимать на высоты въ 1,30 склона дороги, и измѣняя скорость, можно поворачивать по кривымъ весьма-малаго радіуса. Удобство въ этихъ случаяхъ вытекаетъ отъ независимости колесъ между собою.

А удобства подниматься на кривыя и допускать кривыя съ малыми радіусами, позволяютъ устраивать ихъ въ мѣстахъ гористыхъ, гдѣ обыкновенно прибѣгаютъ къ тоннелямъ или къ вѣснымъ путепроводамъ, весьма-дорого стоющимъ.

Постановка машины и разположеніе частей ея и просто и остроумно. Перваго взгляда кажется, что устройство направляющаго колеса о средней полосе рельсовъ должно увеличивать

рость. Но надо замѣтить, что это треніе и даетъ опору всему поѣзду, что для полученія этого тренія до сихъ поръ дѣлаютъ паровозы слишкомъ-тяжелыми. Когда вѣтъ этого тренія, то паровозы могутъ скользить на рельсахъ, поѣздъ остановится, и большое количество паровъ пропадетъ даромъ. Впрочемъ, увеличеніе діаметра колесъ, съ своей стороны, сдѣлаетъ движеніе болѣе-удобнымъ.

Остается желать, чтобы новая система не только на опытахъ, но и на самомъ дѣлѣ оказалась столько же удобною.

—

Вотъ случай, хотя ничтожный, но могущій заинтересовать физиологовъ. Дѣвиздцать лѣтъ тому назадъ, г. Мишодъ, играя съ своей собакой, бросалъ ей разныя монеты; она проглотила изъ нихъ двѣ—одну пятифранковую и одну въ пять су, состава колокольной мѣди. Животное не чувствовало никакого безпокойства ни въ то же время и никогда послѣ того; но недавно собака околѣла отъ совершенно-другой причины, и г. Мишодъ, вскрывъ ее, нашелъ обѣ монеты зашнанными въ послѣдне-привалой собакою кишѣ. Пятифранковая монета, весьма-мало намѣнившаяся на поверхности, вѣсила только 23,425 граммовъ вмѣсто 25; мѣдная же монета сдѣлалась чрезвычайно тонкою, покрылась слоемъ какого-то чернаго вещества, втроятно, сѣристой мѣди, и вѣсила только 5,505 граммъ вмѣсто 20 ти. Изъ этого можно съ вѣроятностію заключить, что еслибъ собака прожила долѣе, мѣдная монета исчезла бы совершенно, не причинивъ никакого вреда желудку.

—

Цѣлительность морской воды постоянно обращала на себя вниманіе ученыхъ; но такъ-какъ строгое изслѣдованіе этого вопроса зависитъ не отъ одного только вниманія наблюдателя,

Т. I. — Отд. VIII.

но также и отъ средствъ, употребляемыхъ для наблюденія, то очевидно, что такого рода изслѣдованія требовали весьма-вѣрныхъ инструментовъ, — и вотъ почему только въ новѣйшее время, когда оптическіе спаряды, можно сказать, доведены до совершенства и когда микроскопъ признанъ естественныи испытателями необходимѣйшимъ приборомъ при точномъ анализѣ строенія органическихъ существъ, — этотъ вопросъ могъ быть рѣшенъ надлежащимъ-образомъ. Извѣстный ученый Эренбергъ, который обогатилъ естественныя науки своими блистательными микроскопическими разисканіями, обратилъ также вниманіе на причину, производящую цвѣтность воды Краснаго-Моря. Наблюденія его показали, что красный цвѣтъ воды этого моря находится въ тѣсной связи не только съ временемъ года, но также съ временемъ сутокъ, и происходитъ отъ особаго рода микроскопическихъ водорослей (*algae*), которыя Эренбергъ назвалъ *Trichodesmium*. Въ новѣйшее время тѣмъ же вопросомъ занимались гг. Тюррель и Френинѣ; наблюденія ихъ показали, что цвѣтность морской воды происходитъ не всегда отъ *Trichodesmium*, но отъ особаго рода водорослей, называемыхъ *Protococcus*. Этотъ родъ кишѣтъ самое простое образованіе изъ всего растительнаго царства: онъ состоитъ только изъ пузырьковъ сферическаго вида. Результаты наблюдений Тюрреля и Френинѣ были читаны въ Парижскомъ Филоматическомъ Обществѣ г. Монтанемъ, который называетъ эти микроскопическія водоросли *Protococcus atlanticus*. Этотъ новый видъ есть наименьшій изъ цѣлаго рода; наибольшій діаметръ недѣльнаго простирается отъ $\frac{1}{100}$ до $\frac{1}{100}$ миллиметра, такъ-что сорокъ тысячь такихъ индивидуумовъ, положенныхъ одно подлѣ другаго, едва ли въ-состояніи занять пространство одного квадратнаго миллиметра; каково же должно быть число этихъ водорослей, которыя столь-значительно окрашива-

6

ютъ воду краснымъ цвѣтомъ на разстояніи около восьми квадратныхъ километровъ, — самое пылкое воображеніе при этомъ становится совершенно въ тупикъ!

Въ 1845 г. 3 іюня, около 2 ч., по-полуночи Тюррель и Фресинэ производили свои наблюденія у португальскихъ береговъ, между мысами Spichel и Росса, на протяженіи около 6 килом. предъ входомъ въ устье рѣки Таго. Морская вода была почерпнута въ тотъ моментъ, когда явленіе цвѣтности было въ полной силѣ, и въ это-то время открыты были различные экземпляры *Protococcus*, послѣ чего уже приступали къ изученію отличительныхъ признаковъ, по которымъ г. Монтанъ раздѣляетъ *Protococcus atlanticus* на слѣдующіе разряды:

P. minimus, natans, marinus, gregarius, rubricosus vel sanguineus, cellulis simplicibus sphaericis nucleo rubro factis, $\frac{1}{300}$ ad $\frac{1}{100}$ millimetri diametro ac quantibus.

Недавно во многихъ департаментахъ Франціи выпалъ кровавый дождь, послѣ котораго на крышахъ домовъ и на земляхъ наши толстый осадокъ красноватаго цвѣта. По опытамъ г. Галлуа, фармацевта въ городѣ Бургуэвѣ, Департамента-Рѣки-Изеры, этотъ осадокъ состоитъ изъ желѣза, силиція, алюминія и углекислоты.

Инженер-механикъ Бруниеръ представилъ Парижской Академіи Наукъ новый геодезическій инструментъ, названный имъ *инсогонометромъ*. — Это теодолитъ или повторительный кругъ, для снятія горизонтальныхъ и вертикальныхъ угловъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ служащій горизонтальнымъ и наклоннымъ нивелиромъ. Такимъ-образомъ, *инсогонометръ* выполняетъ условія и слѣдовательно замѣняетъ три отдѣльные инструмента: *теодолитъ, нивелиръ*

селиръ съ зрительной трубкой, и склономѣръ (sclimètre); онъ такъ же удобенъ въ практикѣ, какъ и самый простѣйшій изъ упомянутыхъ инструментовъ.

Академія назначила комиссію для разсмотрѣнія этого новаго инструмента.

Г. Морсъ, главный инспекторъ электрическихъ телеграфовъ въ Соединенныхъ-Сѣверо-Американскихъ-Штатахъ, пишетъ, что линія отъ Альбани до Буффало недавно приведена къ окончанію (она имѣетъ 350 миль=528 версты); что линія отъ Нью-Йорка до Бостона также уже въ дѣйствиіи (220 миль=332 версты); что линію отъ Нью-Йорка къ Альбани предполагали кончить къ 1-му августа 1846 года (150 миль=226 версты), и что, наконецъ, работы на линіи отъ Нью-Йорка до Вашингтона (230 миль=347 версты) идутъ быстро и также должны быть скоро приведены къ окончанію.

Электрическіе телеграфы, говоритъ г. Морсъ, уже признаны въ Соединенныхъ-Штатахъ лучшимъ средствомъ для сообщенія важныхъ извѣстій, какъ правительственныхъ, такъ и торговыхъ, и даже относящихся къ дѣламъ частныхъ лицъ. Телеграфы эти и теперь уже имѣютъ видимое вліяніе на журналы главныхъ центровъ народонаселенія и маленькихъ городовъ западной части Нью-Йоркскаго-Штата. Журналы большихъ городовъ имѣли прежде преимущество отъ скорѣйшаго сообщенія новостей; нынѣ же это преимущество исчезло, потому что журналы маленькихъ мѣстечекъ, расположенныхъ на телеграфическихъ линіяхъ, получаютъ извѣстія также скоро. Увѣряютъ, что число подписчиковъ на первые уже замѣтно уменьшилось, а на вторые удвоилось и даже утроилось. Во всѣхъ западныхъ газетахъ теперь постоянно находится особый столбецъ съ заглавіемъ крупными буквами: *посредствомъ электрическаго телеграфа*. Сообщаемыя извѣстія не

даны, но въ этомъ случаѣ дѣйстви-
тельно расчесть въ расходахъ, а не не-
возможность сообщать пространныя
мѣстна.

Къ этому мы прибавимъ слѣдующіе
случаи паденія въ 1846 году молній на
американскіе телеграфы:

29 апрѣля, молнія упала на проволоку
телеграфа г. Морса въ Ланкастрѣ,
разорвавъ ея и не растопивъ: въ
нѣкоторомъ караульномъ домѣ слышенъ
былъ звукъ, подобный выстрѣлу изъ
пистолета; проволока издавала нѣсколько
металлическихъ искръ.

18 мая, проволока другого телеграфа
была разорвана молніей; нѣсколько
молніи стаяли были расколоты
на раздроблены съ верху до одной
чети ихъ длины; слѣды молній, впро-
чемъ, видны были по всей длинѣ ихъ
въ землѣ; звукъ же, при паденіи мол-
ній, и разрывѣ проволоки, уподобился
выстрѣламъ изъ трехъ мушкетовъ дру-
жимъ, но бѣглымъ огнемъ.

5-го июня, молнія разорвала прово-
дку телеграфа между Вашингтономъ
и Балтиморомъ, такъ-что дѣйствіе те-
леграфа было прервано на нѣсколько
миль.

4-го июня, три грозовыя тучи, схо-
дясь между Вашингтономъ и Балтимо-
ромъ, разражались молніей, — и при ка-
ждомъ ударѣ грома, сигналы телеграфа
г. Морса приходили въ движеніе въ
Вашингтонѣ, Балтиморѣ, Джерсеѣ и
Филлелсѣйн.

—
г. Делонэ представилъ Парижской Ака-
деміи Наукъ, отъ имени г. Делонэ,
кандидата на званіе академика
и астрономіи, первую записку
вылагающую новую аналитическую
движенія луны. Это только на-
звание обширнаго, въ которомъ
г. Делонэ предположилъ себѣ со-
рваться передѣлать анализъ движе-
нія луны, и притомъ способами от-
личными отъ тѣхъ, которые были до-
сихъ поръ приняты. Сущность метода
Делонэ состоитъ въ дѣланіи больша-

го числа послѣдовательныхъ вычисле-
ній, посредствомъ которыхъ данная
проблема упрощается болѣе и болѣе.
Сложность вычисленій въ каждомъ по-
слѣдовательномъ приѣмѣ быстро умень-
шается, и бездна повѣртокъ на каждомъ
шагу не дозволяетъ пропустить ни од-
ной ошибки. Наконецъ, преимущество
чрезвычайно-важное, котораго нѣтъ въ
старыхъ методахъ, заключается въ
томъ, что порядокъ тѣхъ послѣдова-
тельныхъ вычисленій зависитъ отъ во-
ли аналитика, и потому можно пере-
дѣлывать вновь эти вычисления въ ка-
комъ угодно порядкѣ — что, конечно,
должно служить непогрѣшительною
повѣркою всей теоріи движенія луны.

Г. Делонэ слѣлалъ, въ представле-
нной имъ запискѣ, два такіа послѣдо-
вательныя вычисленія и полагаесть,
что ихъ достаточно для очевиднаго до-
казательства превосходства его мето-
ды.

Академія нарядила изъ нѣсколькихъ
членовъ комиссію для разсмотрѣнія
этого труда.

—
Было время, когда инженерное дѣло
считалось наукой. Было время, когда
составлялась наука построенія — тверди
военныхъ сооруженій, потомъ граж-
данскихъ, гидравлическихъ, морскихъ
и проч. Тогда всѣ работы не шли отъ
того разнообразія въ цѣляхъ, разнообра-
зій въ средствахъ, разнообразіи въ
условіяхъ, поставляемыхъ мѣстностью
страны или государства, или даже сте-
пенью развитія общественной жизни
народа. учше сказать, все это было
и тогда, но ученые, принимая дѣ-
ло за науку, подводили его насильно
подъ правила и не допускали частыя
никакихъ условій мѣстности. Нынѣче
инженеръ долженъ заботясь не ле-
зкой инженерной, но вообще науками
основными и прикладными своего дѣ-
ла, и производить работы сообразно
съ мѣстными условіями, по порученію
правительства или частной компаніи, и
проч. Остается желать, чтобъ каждыи

строитель печаталъ свой проектъ и исторію производства работъ. Почти такъ и дѣлается — и мы каждый день читаемъ или подробныя описанія, или извѣстія о разныхъ сооруженіяхъ и работахъ, до-сихъ-поръ неслыханныхъ. Немудрено, что прежде какаа-нибудь наклонная башня считалась чудомъ, тогда-какъ въ нашъ вѣкъ строится много чудесъ несравненно-важнѣе, и гораздо полезнѣе; однакожь на громадныя сооруженія вышнѣшней архитектуры смотрять какъ на явленія совершенно-обыкновенныя.

Кто бы, на-примѣръ, повѣрилъ, даже въ началѣ нашего вѣка, еслибъ стали утверждать о возможности *передвигать цѣликомъ кирпичныя четырехэтажные дома*? Это сочли бы противорѣчіемъ наукъ и не стали бы слушать. Между-тѣмъ, въ настоящее время эта операція совершается съ полнымъ успѣхомъ въ Соединенныхъ-Съверо-Американскихъ Штатахъ.

Дѣло это производится очень-просто и не требуетъ никакихъ особенныхъ объясненій; но объ немъ до-сихъ-поръ слышномъ-мало было говорено въ Европѣ, и, вѣроятно, найдутся люди, для которыхъ это будетъ неслышанной новостью.

Должно сказать, что въ Соединенныхъ-Штатахъ есть одно важное обстоятельство, заставляющее Американцевъ часто прибѣгать къ средствамъ, на которые мы никогда не рѣшимся. Это обстоятельство — дороговизна платы рабочимъ. Плата эта вдвое-болѣе платы, существующей въ Англіи, самой высокой въ Европѣ. Американская задѣльная плата мастерскому въ день болѣе $\frac{1}{2}$ р. 50 к. на наши деньги, считая ассигнаціями. Такимъ-образомъ, въ Америкѣ по-неволѣ прибѣгаютъ къ механическимъ средствамъ, долготѣ еще не испытаннымъ, и съ перваго взгляда кажущимся весьма-сомнительными.

Одинъ изъ первыхъ строителей, предпринявшихъ производство передвижанія домовъ, былъ мѣсто г. Бронъ, въ Нью-Йоркѣ, и мы пользуемся

подробностями, сообщенными сыномъ его (занимающимся также передвижаніемъ домовъ) одному англійскому путешественнику. Въ присутствіи этого путешественника, для сирявленія улицы, былъ передвинутъ на 14 футовъ 6 дюймовъ кирпичный домъ, вышиною, по фасаду, 50 футовъ, шириною 25, и въ четыре этажа съ чердакомъ включительно.

Первоначально готовятъ фундаментъ на новомъ мѣстѣ, гдѣ домъ долженъ будетъ стоять. Потомъ обрываютъ домъ кванкой и, разобравъ полъ нижняго этажа, вынимаютъ также и внутреннюю землю; такимъ-образомъ обнажаютъ сперва фундаментъ боковыхъ стѣнъ. Въ этихъ боковыхъ стѣнахъ фундамента пробиваютъ дыры и равстояніи трехъ футовъ отъ центра, и пропускаютъ насквозь всею дома деревянныя балки, толщиной двѣнадцати дюймовъ въ квадратѣ, и положеніи перпендикулярномъ тому направленію, по которому хотятъ передвигать домъ. Балки съ каждой стороны выступаютъ фута на три отъ стѣнъ дома. Подъ концы всѣхъ этихъ балокъ подставляютъ сильныя дократы, упертыя въ особые деревянные или каменные фундаменты. Дократы приводятся въ дѣйствіе, балки плотно прижимаются къ кирпичной кладкѣ, и тогда выбираютъ кирпичи поперечныхъ стѣнъ, въ промежуткѣ между балками; весь домъ остается нѣсколько времени на балкахъ и дократыхъ. Затѣмъ выбираютъ кладку фундамента подъ боковыми стѣнами и подводятъ въ этомъ мѣстѣ, въ направленіи перпендикулярномъ къ первымъ балкамъ, другія балки по двѣ одна на другой; верхняя изъ нихъ прирѣпляется къ верхнимъ балкамъ и будетъ служить пологонъ, а нижняя къ фундаменту, служа дорожною полосой, рельсомъ; нижняя балка, кромѣ того, какъ дорога, должна лежать по всему пути до новаго мѣста, на прочномъ фундаментѣ. Дократы отвергиваются, и домъ опять сидитъ посредствомъ балокъ на фундаментѣ; тогда, такъ же

какъ въ началѣ, пробиваютъ дыры въ передней и задней стѣнахъ, выше первыхъ поперечныхъ балокъ, и пропускаютъ въ нихъ совершенно также и такія же, какъ первыя балки. Подъ концы новыхъ балокъ вкладываются, лежа на полозьяхъ, тоже бревна; тогда выбираютъ кирпичи передней и задней стѣнъ между балками, и весь домъ сидитъ на полозьяхъ и дорожныхъ брусьяхъ. Къ дорожнымъ брусьямъ прикрѣпляются въ горизонтальномъ положеніи очень-сильные дократы и, упирая стержни ихъ въ концы полозья, двигаютъ домъ; полозья и дорожные брусья намазываются саломъ, и притомъ полозья имѣютъ по всей длинѣ пазъ, а дорога гребень. Приводя домъ на мѣсто, подпираютъ концы всѣхъ балокъ дократами, закладываютъ плотно кирпичами промежутки между балками и потомъ опускаютъ на фундаментъ, снимаютъ всѣ балки и проч.

Все это дѣло такъ обыкновенно въ Америкѣ, что при переноскѣ одного дома, въ верхняго этажа не были вынесены рамы и зеркала, цѣною всего на сумму 7,200 рублей, бывшія въ работѣ у золотильщика. Вся работа отъ начала до конца продолжалась пять недѣль, а собственно передвижаніе семь часовъ—и все за 4,500 руб. асс.

Тамъ же въ Нью-Йоркѣ есть передвинутая на 1,100 футовъ деревянная церковь, могущая вмѣстѣ до 1,000 человекъ.

Очевидно, что весь процессъ передвижанія долженъ совершаться съ необыкновенною, почти-математическою точностію.

==

Итальянская опера въ Парижѣ, открывшаяся съ такимъ блескомъ, становится все привлекательнѣе и привлекательнѣе. Уже нѣсколько лѣтъ не были такъ хорошо обставлены и исполнены любимыя оперы публики: «Семирамида», «Лучія», «Норма» и «Соняамбула», какъ въ сезонъ нынѣшняго года. Теперь идетъ новая опера — *la Fidan-*

zata Corsica (Корсиканская Невѣста), музыка Пачини. Сообщаемъ читателямъ отзывы о ней французскихъ журналовъ, тѣмъ болѣе интересные для петербургскихъ дилетантовъ, что въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ эта опера, какъ слышно, будетъ дана на петербургской сценѣ въ бенефисъ нашей знаменитой примадонны—де-Джюли-Борси.

Дѣйствіе *la Fidanzata* основывается на древнемъ обычаѣ корсиканскомъ, по которому невѣста, неисполнившая своихъ обѣщаній, такъ же преступна, какъ жена, несоблюдавшая своихъ обязанностей. Двѣ корсиканскія фамиліи, Зампарди, которой глава — Пьеро (Колетти) и другая — Тобіанни, повинующаяся Гвидо (Тальфанино), были между собою во враждѣ болѣе столѣтій. Наконецъ вздумали примириться, и для большей гарантіи, Пьеро сваталъ дочь свою Розу (Персіани), за Алексѣя, сына Гвидо. Дѣйствіе происходитъ въ концѣ XVI вѣка, когда островъ Корсика находился подъ управленіемъ Генузцевъ.

Однакожь, сердце блѣдой Розы и еще болѣе—ея настоящее положеніе, вовсе не согласуются съ намѣреніями начальниковъ двухъ фамилій. Роза любила Альберто Доріа (Mario), генуэзскаго верховнаго сановника, и тайно съ нимъ обвѣнчалась. Молодой воинъ возвратился въ Корсику изъ экспедиціи съ побѣдоносными войсками, въ рядахъ которыхъ служилъ съ отличіемъ Гекторъ (Челлини), братъ Розы, во время приготовленій къ браку Алексѣя и Розы. Въ такомъ отношеніи находятъ главные лица драмы, которая разыгрывается довольно-искусно и оканчивается совершенно-трагически. Въ первомъ актѣ, Пьеро очень-нѣженъ съ своею дочерью, толкуетъ ей о важности ея брака... Между-тѣмъ, Гекторъ случайно узнаетъ, что сестра его обвѣнчана; супруги-любовники назначаютъ тайное свиданіе, потомъ слѣдуетъ вызовъ и дуэль Альберто съ Гекторомъ, налитаннымъ корсиканскими предразсудками. Этимъ кончается первая часть оперы.

Во второмъ актѣ, за сценой празднуютъ помолвку Розы и Алексѣя. Невѣста, которая, по корсиканскому обычаю, не принимаетъ участія въ увеселеніяхъ, разговариваетъ съ отцомъ; отецъ ее благословляетъ, отдаетъ ей брилліанты ея матери, — а сердце бѣдной Розы обливается кровью. Въ эту ночь она дала слово Доріа бѣжать; но ей тяжело расстаться съ нѣжно-любимымъ отцомъ; между-тѣмъ, ровной часъ пробилъ — отворяется окно, въ немъ появляется фигура, окутанная плащомъ Альберто: это Гекторъ; онъ увѣряетъ, что убилъ Доріа; между бракомъ и сестрою возникаетъ жаркое объясненіе. Взаимные упреки привлекаютъ вниманіе двухъ семействъ; прибѣгаютъ Пьеро и Гвидо, а за ними и прочіе члены Зампарди и Тобіанки; въ отчаяніи Роза объявляетъ, что братъ убилъ ея мужа! Пьеро проливаетъ дочь; семейство Тобіанки требуетъ, чтобы Розу судили передъ *сен-дешюмъ* или трибуналомъ мести.

Въ третьемъ актѣ является раденный Альберто, котораго увидали рыбаки и подали ему помощь. Извѣстивъ артефактъ, что герой не умеръ, авторъ переноситъ дѣйствіе въ дикій гроттъ, гдѣ производится судъ *вендетты*. Вводятъ Розу, одѣтую въ бѣлое платье, съ гирляндомъ цвѣтовъ на бѣдной головѣ; она садится на скамью, надъ которой виситъ надпись: «судъ надъ невѣстою»; несчастную приговорили разстрѣлять; уже выведены ружья... Пьеро и Гекторъ засоряютъ Розу и просятъ о помилованіи. Тобіанки негодуютъ и хватаются за пистолеты, какъ вдругъ, съ отрядомъ Генуэзцевъ, является Альберто и показываетъ приказъ республики, уничтожающій обыкновеніе судить невѣсту. Корсиканцы уступаютъ силѣ, и Пьеро, послѣ долгихъ сопротивленій, признаетъ Альберто своимъ сыномъ.

Не надолго проявилось небо и заблестѣло солнце. Въ ту минуту, когда Альберто велъ возлюбленную Розу къ алтарю, послышался выстрѣлъ, и жерт-

ва мести Алексѣя, прекрасная Роза, падаетъ, облитая кровью.

Музыка перваго акта — слабѣйшая часть оперы: хороши только дуэты Маріо и Персіани и серенада, нѣсколько заимствованная изъ *Giuganajo*, Меркаванти. Второй актъ — лучший; сцена, гдѣ происходитъ разговоръ Пьеро съ дочерью, когда онъ вручаетъ ей брилліанты — наисама очень-искусно и производитъ сильное впечатлѣніе. Конецъ акта, хотя и напоминаетъ сочиненія въ этомъ родѣ Беллини, усовершенствованныя Домиетти, особенно въ *«Лючія»*, однакожь прекрасенъ и эффектенъ.

Въ третьемъ актѣ много речитативовъ, но есть и хорошія аріи. Вообще, объ оперѣ можно сказать, что она написана съ чувствомъ и искусствомъ; но еслибъ было поменьше грома отъ тромбозовъ и контр-басовъ, было бы еще лучше, и истинный любитель музыки былъ бы удовлетворенъ совершенно.

На парижскомъ театрѣ *Opéra-Comique* поставлена *La Damnation de Faust* (Отверженіе Фауста), легенда въ четырехъ частяхъ, сочиненіе Гектора Берлиоза. Вотъ что говоритъ фельетонистъ французской газеты о первомъ представленіи:

«Въ первой части, Фаустъ одинъ гуляетъ въ поляхъ; лучи утренняго солнца и вѣтерокъ, волнующій полевые цвѣты и шелестящій въ прибрежныхъ тростникахъ, усыпляютъ на-время его горькую тоску; сердце его дѣлается доступнымъ благотѣльному вліянію природы. Фаустъ, философъ, разочарованный въ силѣ человѣческихъ познаній, вздумалъ отдохнуть, и вдругъ онъ слышитъ въ отдаленіи пѣсан и пляски крестьянъ; на это простое счастье и безпечную веселость онъ бы съ восторгомъ промѣнилъ свои пустынные сокровища — свои ученые позванія, искушавшія его душу, потрастившія его умъ! Но веселая толпа прошла и»

но и не увесла съ собою сѣтованія, которое пробудилось въ сердцѣ Фауста. Быть-можетъ, слава обольститъ философа? И вотъ, съ окраины долины поднимаются вонни: подъ сѣнью распудренныхъ знаменъ сиблю спѣшать они ла битву; во взорѣ видна увѣренность въ побѣдѣ. Фаустъ бросаетъ на нихъ холодный взглядъ: нечувствительный къ славѣ, къ родинѣ, онъ удаляется холодный, молчаливый...

• Пастушеская пѣсня, которую открываетъ сцена, имѣетъ характеръ нѣжности и меланхоли, сообразный съ обстановкою; сельская музыка, изображающая чудное утро, исполнена очаровательной задумчивости, которая часто такъ сладостно объемлетъ наше сердце при видѣ роскошной природы; мотивъ этой нѣжной элегии выполняется альтонъ и виолончелью; мало-помалу, по мѣрѣ того, какъ чувства, выражаемыя пѣніемъ, становятся нѣжнѣе, вы слышите, что пробуждается деревня; въ этомъ броженіи оркестра вы чувствуете, что наступило новое соверпаніе философа усиливается, и когда у него въ восторгѣ вырываются слова:

Des cieux le coupole infini
Laisse pleuvoir mille feux éclatants,

тогда подхватываютъ скрипки и играютъ тѣму, которая до того шла въ полу-тонѣ. Этотъ торжественный взрывъ даетъ вамъ почувствовать, что вошло солнце и пейзажъ оживился. Вслушайтесь въ своеобразные звуки-арабески, слегка-сорванные со струнъ, и вы услышите, какъ повѣялъ вѣтерокъ, заструился источникъ, какъ зашѣли утреннія птицы: развѣ вы не слышите ихъ смѣшаннаго щебетанья въ нѣжныхъ вавизгахъ жавитъ, слегка отдѣляющихся отъ гармоническаго журчанія всего оркестра? Не забудьте, что всѣ эти эффекты не выходятъ изъ характера аккомпаньмана: по этому роскошному гунту голосъ стелется свободно.

• За тѣмъ слѣдуетъ пѣсня крестьянъ. Очевидно, намѣреніе Берліоза было

представить контрастъ между мечтательности Фауста и наввною веселостью поселянъ; но, какъ кажется, пѣсня эта выиграла бы болѣе, еслибъ аллегretto въ шесть-восьмыхъ не начиналось тремя тактами *trî-tîneur*, однимъ изъ самыхъ плачевныхъ тоновъ. Я знаю, что непосредственно за этимъ переходъ въ *trî-tajeur* уничтожаетъ медленность вступленія, но за этимъ весельемъ тономъ слѣдуетъ модуляція на *si*; правда и то, что припѣвъ въ *sol-tajeur*, дѣлающійся выразительнѣе отъ участія баса, восстанавливаетъ и поддерживаетъ до конца сельскій характеръ плясовой музыки, которая сдѣлается съ послѣднимъ куплетомъ; но какъ бы ни были разительны противоположности четырехъ различныхъ тоновъ, введенныхъ въ этотъ небольшой пассажъ, все-таки надо сказать, что это совучная роскошь, которой Моцартъ и Бетховенъ не позволили себѣ, когда писали сельскій хоръ перваго акта въ *Донъ-Хуанъ* и сельскую пляску въ *Пастушеской Симфоніи*. Военный маршъ, тѣму котораго Берліозъ отыскалъ въ Германіи (гдѣ она извѣстна подъ именемъ *Rakoczy*), сдѣлается знаменитостью европейскою. Какіе блестящіе звуки! какой увлекательный ритмъ! Еслибъ старый Венгерецъ, который съ этой пѣснью шелъ на бой, могъ услышать чудную вониственную поѣму изъ *Фауста*, у Венгрии былъ бы свой Турецъ! Первая половина марша, писанная въ тонѣ *la mineur*, исполнена невыравнимо-одушевляющей отваги; во второй половинѣ, блестящій переходъ въ *trî* выражаетъ боевую радость, возбуждающуюся съ приближеніемъ непріятеля; этотъ порывъ утихаетъ въ слѣдующемъ колѣнѣ, которому тонъ *la majeure* и согласные звуки скрипокъ придаютъ игривую ясность: здѣсь выразилось спокойствіе челоуѣка, совнающаго свои силы. Непосредственно за тѣмъ слѣдуетъ стремительная модуляція въ натуральномъ *ut*, внятнo опредѣляемая рѣзкими звуками тромбоновъ,—и вдругъ, послѣ быстраго аккорда, композиторъ впадаетъ въ мажорную тѣму. Переходъ этотъ

ослѣпительнѣ! Потому ритмъ оживляется, звуки оркестра растутъ, дрожать и греметь звучнѣе и торжественнѣе; наконецъ, оркестръ грянулъ послѣднимъ аккордомъ, зрители рукоплещутъ, — восторгъ и удивленіе во всемъ театрѣ!

Во второй части, Фаустъ, возвратясь въ свой кабинетъ, неуспокоенный тишиною полей, томится, призываетъ смерть, чтобъ прекратить свои страданія... Внезапно долетаютъ до него звуки пасхальнаго гимна, — чаша съ отравой выпадаетъ изъ рукъ несчастнаго: вѣрованія дѣтства просыпаются въ душѣ, слезы текутъ изъ очей; онъ снова возвращенъ небу... какъ вдругъ показывается Мефистофель: ему не трудно снова овладѣть слабымъ философомъ, и онъ влечетъ его къ невѣдомымъ ему наслажденіямъ. Трактиръ, разгульныя пѣсни и грубое веселье не прельстили Фауста; демонъ берется за другую струну — за любовь, и въ восхитительномъ снѣ онъ являетъ доктору образъ Маргариты. Въ себя, Фаустъ просыпается: прелестная дѣвушка, явившаяся ему въ сновидѣніи, должна существовать, должна принадлежать ему... Для Мефистофеля нѣтъ ничего невозможнаго, и, пользуясь мракомъ ночи, демонъ и Фаустъ присоединяются къ толпѣ солдатъ и студентовъ, возвращающихся въ городъ, и направляются въ жилищу Маргариты.

Акомпаньеманъ речитатива Фауста удивительно оригиналенъ. До Берліоза, кажется, ни одному композитору не пришло на мысль согласить инструментальную фугу съ речитативомъ. Ничто не могло лучше выразить борьбы Фауста, какъ враждованіе и грохотъ инструментовъ, преслѣдующихъ въ утомленіи ускользающую тѣму: сюжетъ фуги — выразительная мелодія, издающаяся изъ глубины контр-басовъ при стонахъ альти и виолончелей; ихъ плачевные звуки соединяются съ голосомъ, не оставляя тѣни подозрѣнія, какія трудности гармоніи прошелъ композиторъ прежде, нежели достигъ до столь поэтическиаго, вѣрнаго акомпань-

емана, которому подобнаго имъ не встрѣчали въ драматической музыкѣ.

Нельзя не похвалить автора и за то, что онъ обошелся безъ закускаго органа въ то время, когда раздѣлся напѣвы пасхальнаго гимна: органъ прекрасенъ въ церкви — пусть же онъ и стоитъ въ ней; однакожь заиѣтъ, что Берліозъ зашелъ ужъ слишкомъ далеко въ своей ненависти къ вульгарности и всегдашнему усилію согласить простоту съ оригинальностью. Звукъ колокола, долетѣвшіе до Фауста изъ сосѣдней церкви, выражены *pizzicato* на контр-басахъ; чтобъ сохранить естественность, надобно бы было, какъ кажется, помѣстить за сценой хоръ свѣтлаго праздника, или, по крайней мѣрѣ, такъ его ослабить, чтобъ онъ доходилъ до слуха Фауста и зрителей какъ это отдаленныхъ воспримныхъ пѣснопѣній. Впечатлѣніе цѣлой сценою было бы тогда сильнѣе.

Арія, пропѣтая Фаустомъ во слѣ пасхальнаго гимна, усладительна: это не выраженіе радости, а возвращеніе къ жизни, въ которомъ страданіе оставило еще слезы свои. Сердце, забывшееся снова, чистый свѣтъ, выбивающійся мало-по-малу изъ пеленъ враня, вырвали чудныя ноты изъ души Берліоза.

Но вслушайтесь въ рѣзкій аккордъ, разсѣивающій порывъ Фауста къ небу: онъ превосходно изображаетъ внезапное появленіе демона.

Хоръ пѣвицъ, къ которымъ Мефистофель привелъ Фауста, написанъ съ большимъ умѣньемъ: Теньеръ и Гоemannъ были бы удовлетворены совершенно.

Но вотъ сцена измѣнилась: оркестръ переноситъ васъ на цѣвущіе берега Эльбы, подъ сѣнь лепечущихъ роствъ, гдѣ Мефистофель долженъ погнать Фаусту Маргариту. Раздается звукъ скрипки, быстрый и легкій, какъ звизвъ птицы: Фаустъ и Мефистофель несутся въ вышину; по-невному движенію останавливаются: высочайшія ноты квинты рисуютъ круги, которыхъ тріціозное колебаніе изображается тре-

лани флейты; по-и́рѣ того, какъ Фаустъ и демонъ спускаются на землю, смѣлки переходать на низкія ноты; переходъ этотъ такъ утонченъ и неловимъ, что бѣдая проза и не покушается передать его... Потомъ слышится соло на кларнетѣ: Фаустъ засыпаетъ. Хоръ воздушныхъ духовъ былъ бы прекрасенъ, еслибъ хористы рѣшились пѣть *riale* и выйти изъ неясной безхарактерной середины между силою и нѣжностью. Но, увы! хористъ не знаетъ ни галопа, ни шага: ему извѣстна только иноходь! За то музыканты исполняли свою партію превосходно: вы слышите сильфовъ, духовъ, покорныхъ мановенію волшебнаго жезла; они чудно исполнили воздушный вальсъ и покрыты были рукоплесканіями. Въ третьей части, подъ покровомъ ночи, Фаустъ проникаетъ въ комнату Маргариты и, между-тѣмъ, какъ Меѣстофелъ и подвластные ему духи празднуютъ преступный бракъ, любовники забываютъ мракъ уносящейся ночи, и старуху-мать, которую могутъ разбудить крики сосѣдей, и пѣлый свѣтъ: демонъ вырываетъ ихъ изъ умоенья и уводитъ Фауста, не смотря на его сопротивленіе.

Баллада, которую поетъ Маргарита, доставила Берліозу случай къ наленькой мистификаціи, впрочемъ, совершенно - невинной: въ нее попалась, во время его путешествія по Германіи, поклонники Вебера. Берліозъ выдалъ эту балладу за сочиненіе автора *Фрейшюца*, будто-бы найденную въ его бумагахъ, и самые тонкіе знатоки поддались обману: успѣхъ былъ громадный. *Приваніе духовъ* — мѣсто фантастическое, обворожительное. Серенада Меѣстофела не имѣетъ, можетъ-быть, достаточно-дьявольскаго колорита: она слишкомъ-граціозна; въ дуо Фауста и Маргариты есть прекрасныя мѣста, — но нельзя не замѣтить, что онъ походитъ на разговоръ: страсть философа и стыдливая любовь дѣвушки выражены какъ-нельзя-лучше; однако, еслибъ голоса ихъ слышались, впечатлѣніе было бы сильнѣе.

Тріо Фауста, Маргариты и Меѣстофела кратко и оживлено, какъ того требовало сценическое движеніе.

• *Четвертая часть.* Фауста смущаютъ ужасныя мечты: любовь Маргариты уже недостаточно наполняетъ его душу, и пока она съ трепетомъ ждетъ его прихода, онъ скитается по лѣсу или укрывается въ пещерѣ. Тамъ узнаётъ онъ отъ Меѣстофела, что его любовница обвинена въ отравленіи матери и приговорена къ смерти; при этомъ извѣстіи, страсти Фауста вспыхнули снова, и, чтобъ спасти несчастную, онъ предается во власть демона, который, вмѣсто того, чтобъ свести его къ Маргаритѣ, увлекаетъ его въ адъ.

• Арія Маргариты, которою открывается послѣдняя часть, — лучшая мѣзъ всей оперы. Жгучая тоска любви, страданія въ разлукѣ, жалостное сѣтованіе, воспоминаніе о возлюбленномъ никогда не были выражены такъ сильно, вѣрно, съ такою энергіей!

• Въ обращеніи къ природѣ, композиръ уже не являетъ ея, какъ вѣжнюю, благотворную утѣшительницу человѣка: онъ рисуетъ ея могущество, ея непроницаемую громадность. Здѣсь вы видите совершенную противоположность первому дѣйствію. Вмѣсто пѣнія птицъ, вѣянія утренняго вѣтерка, восхода солища — вы слышите, какъ стонетъ темный лѣсъ, какъ падаютъ массы скалъ, реветъ остроконечный потокъ. Могущество оркестра придаетъ сценѣ дикое величіе.

• Между-тѣмъ, какъ жалостный голосъ Маргариты призываетъ издалека Фауста и гобой стонетъ въ рыданіяхъ и вопляхъ, скрипки изображаютъ топотъ коней, увлекающихъ Фауста и Меѣстофела въ адъ; на этомъ фонѣ постепенно рисуются эпизоды развязки: женщины оставляютъ молитву и бѣгутъ при приближеніи отверженца; рычитъ чудовище, кричатъ хищныя птицы, чуя добычу. Фаустъ ужасается, вскрикиваетъ: демонъ остановился, а съ нимъ приостановилась и сужатница оркестра. Вотъ раздался вопль

Маргариты... Фаустъ слышитъ только голосъ любви; но кони поскакали сво- ва, земля трясется, гремитъ громъ, и Мефистофель ввергаетъ Фауста въ адъ..

Сочиненіе Берліоза имѣло совершен- ный успѣхъ и привело зрителей въ энтузіазмъ. Берліозъ самъ управлялъ оркестромъ: начальникъ и исполните- ли были достойны другъ друга.

Вотъ другія новости французскихъ театровъ:

L'UNIVERS ET LA MAISON (Вселен- ная и Домъ), комедія въ 3 актахъ, въ стихахъ, сочиненіе Мери.

Сцена представляетъ рабочій каби- нетъ съ нѣсколькими бюро, за кото- рыми сидятъ люди въ черномъ платьѣ; со свѣчомъ въ рукѣ входятъ кассиръ господина Доріа, честный Дюпланъ...

Не въ добрый часъ выбралъ себя патрона бѣдный Дюпланъ! Доріа — со- вершенная антитеза своего конки; без- престанно пожираемый лихорадочною дѣятельностію, онъ не досыпаетъ но- чей для работы; всякое утро ему надо написать около сотни писемъ во все концы вселенной; вслѣдъ день полу- чаетъ онъ вдвое больше писемъ. Лишь- только заря подавить блескъ свѣчи, какъ уже летятъ депешы изъ Бирминг- гама, Ливерпуля, Таганрога, Архан- гельска, Одессы.

Его занимаютъ бѣдствія въ Египтѣ, ходъ дѣлъ въ Америкѣ; вѣсь у него пропали 50,000 піастровъ, тамъ не пла- тить долговъ; Англичанинъ овладѣлъ иттовыми долгами; въ Бразиліи упалъ торговый домъ какого-нибудь Квебена; изъ Калькутты не полученъ отвѣтъ; Артын-Вей не присылаетъ денегъ...

Доріа — космополитъ; это типъ, ча- сто встрѣчающійся въ приморскихъ городахъ. Съ перваго раза, типъ этотъ можетъ показаться неестественнымъ, но всматриваясь глубже, вы увидите, что онъ совершенно точенъ; занятый государствами иностранными и даль-

нини экспедиціями, Доріа дѣлается не- чувствителенъ къ тому, что его окру- жають. Подобно дальновозривш, кото- рые не видятъ предметовъ, находящихся у нихъ предъ глазами, Доріа разли- чаетъ предметы лишь на разстояніи двухъ тысячъ лѣ: онъ изъ Парка уведомляетъ бенгальскую полицію о какомъ-нибудь пиратѣ, а не замѣчаетъ плутней въ собственномъ домѣ и дѣ- лахъ своихъ; онъ знаетъ, что какой-нибудь Фиццанъ соритъ деньгами въ Бомбей, и не подозреваетъ, что соб- ственный сынъ его прожилъ съ на- лашкою пѣвцею — *Гезуальдою Брач* деньга, данный ему на откупъ пьенов- скаго риса; Доріа не видитъ, что жем его живетъ въ удивленіи за городомъ и тщетно жаждетъ взора, исполненна- го любви, нѣжнаго слова, дружескаго пожатія руки; что дочь его едва знаетъ отца въ лицо, и ей передъ нимъ велико, какъ предъ незнакомымъ человѣ- комъ. Если случится, что онъ остается дома, — смотритъ — раскрывается несносный портфель, перо начинаетъ скрипѣть, появляются звучи бумаги, строятся спекуляціи, начинается пере- писка съ пятью частями свѣта, вѣтеръ съ Полинезіею... Если бъ Христофоръ Колумбъ не существовалъ до Доріа, то Америку открылъ бы, кажется, Доріа и основалъ бы тамъ контору!

Конечно, въ желаніи нажить состо- яніе честными трудами нѣтъ ничего укоризненнаго; но не значить ли это ошибаться въ цѣли жизни, забывая, для будущаго богатства, наслажденіе любви, забывая семейство, отдавая отъ себя все, что составляетъ прелесть жизни, блуждая, подобно слѣпому, по- среди чудесъ творенія и искусства, слыша одну симфонію — звонъ золота? Бѣдный Доріа! у него вся вселенная, природы же нѣтъ — онъ ея не знаетъ. Онъ допускаетъ вѣтеръ, но съ усло- віемъ, чтобъ этотъ вѣтеръ не игралъ со струнами воловой арфы, — а заста- влялъ бы вертѣться крылья мельницы. И посмотрите: Дюплану, который изъ прекрасныхъ стихахъ совѣтуетъ ему

утилизировать Сену, онъ серьёзно отъичаетъ, что подумаетъ объ этомъ.

Около Доріа колеситъ Божонъ, который придумалъ какую-то желѣзную дорогу на Гангъ и колонизацію въ Алжиръ. Божонъ не ухаживаетъ за г-жею Доріа: что ему? у матерей приданого не бываетъ. Онъ метитъ на дочку, дѣвушку въ ореолъ изъ 20,000 зку ежегоднаго дохода.

Изора, не столько занятая, какъ ее мужъ, тѣмъ, что дѣлается на другомъ полушаріи, материнскимъ инстинктомъ, котораго не обманетъ ни какое лицемеріе, разгадала, что за штука Божонъ. Ее ни мало не обаяли его разговоры о кошенили и индиго. Изора выбрала въ супруги своей дочери Эдгара — человѣка достойнаго, друга своего сына, прекраснаго молодого человѣка, на котораго Доріа смотритъ, какъ на мечтателя и лѣнтяя. Но Доріа не вѣрять, что: —

Souvent les plus actifs ne sont pas les meilleurs.

Въ загородный домъ, гдѣ живетъ Иора и куда, сказать мимоходомъ, Доріа рѣдко заглядываетъ, графъ д'Оривъ, по праву сосѣдства и дальняго родства, сталъ бывать очень часто. Всякій пойметъ поощренія графа; но надо удивляться искусству и деликатности поэта: ни одного слова, ни одного намека о любви Изоры и графа, и однакожъ, зритель чувствуетъ, что они любятъ другъ друга, быть-можетъ, сами того не зная. Д'Оривъ, не краснѣя можетъ сѣсть за столъ г-на Доріа, какъ ли въ чемъ предъ нимъ виновный. Изора не можетъ укорить себя ни въ тонномъ взорѣ, ни въ сѣтованіи о невозможномъ счастіи, ни въ рукѣ, предоставленной рукѣ друга; но душа ея такъ гармонируетъ съ душою графа! Мужъ, вѣчно погруженный въ коммерческія хищеры, оказываетъ ей такъ мало вниманія! Доріа женился на ней, такъ-сказать, мимоходомъ, по капризу, въ минуту форсированной радости, какъ онъ это самъ рассказываетъ. Можетъ ли быть залогъ счастья въ

подобномъ бракѣ? Если хотите, Доріа — не злой человѣкъ, не тиранъ своего семейства; онъ оставляетъ жену, забываетъ ее, уничтожаетъ; но отъ чего? Онъ вѣчно занятъ своими оборотами; мысли его никогда не сталкиваются съ мыслями Изоры, которая замужемъ живетъ въ уединеніи, подобно вдовцамъ.

Какъ естественно, что у Изоры, когда она слушала одну изъ оперъ Россини, взоръ заблестѣлъ энтузіазмомъ, грудь глубоко взволновалась, — ей стало хорошо, такъ хорошо, какъ будто въ музыкѣ услышала она признаніе въ любви, о которой мечтала. Она обратилась къ мужу — полная восторга, и что жъ? онъ съ убійственнымъ равнодушіемъ говоритъ ей: «А что, душа моя, этотъ актъ скоро кончится?»

Изора, не обращая вниманія на такой прозаическій вопросъ, говоритъ съ увлеченіемъ:

— Сколько любви въ этой мелодіи! Какъ прекрасенъ этотъ звѣкъ съ его великими иневами, когда могущественный маэстро вызываетъ его изъ гробницы, въ роскоши и блескѣ чудныхъ праздниковъ, гдѣ блистаютъ пари, художники, поэты, за благородный трудъ просившіе одной награды — улыбки, которой завидовала цѣлая толпа соперниковъ.

Доріа. Ну, а потомъ?

Изора. Что потомъ? угадать не трудно! Человѣкъ потушилъ божественную искру, энтузіазмъ угасъ въ сердцахъ, благородные истинцы замерли, интересъ восторжествовалъ, женщина унижена; настала тяжелая дѣйствительность, тяжеле сна; повсюду скука: зима помычала солнцу.

Доріа показалось, что жена его сошла съ ума, и онъ отправился въ фойе.

Въ это время входитъ д'Оривъ и видитъ смущеніе Изоры. Нѣсколько словъ Изоры, въ которыхъ просвѣчиваетъ любовь, показали графу, что ему должно молчать.

Въ минуту, опасную для Изоры, упоенной музыкою, оледѣнной мужнинымъ равнодушіемъ, ее вдругъ по

ражаетъ мысль, что сынъ ея въ опасности; это было какое-то материнское предчувствіе.

И предчувствіе не обмануло. Миланская пѣвица, въ которую Лудовикъ, сынъ Изоры, влюбленъ безъ памяти, была на сценѣ, и въ антрактъ Лудовикъ отправился къ ней за кулисы; стучитъ въ дверь, восклицательный голосъ отвѣчаетъ: «кто меня спрашиваетъ? меня нѣтъ дома». Лудовикъ становится въ темномъ корридорѣ и ждетъ... Вдругъ изъ-за завѣтной двери выходитъ припадонна и возлѣ нея господинъ съ черной бородой, съ золотыми пѣпочками... Лудовикъ не перенесъ измѣны—устремился на господина съ черной бородой и далъ ему пощечину. Лудовикъ рассказываетъ это происшествіе очень-мило и остроумно.

— Скажите мнѣ имя вашего противника, отвѣчаетъ д'Оривъ Лудовику.

— Не знаю; слышалъ только, что онъ князь.

— Князь!

Соперникъ Лудовика—князь монашескій, Флорестанъ I.

Въ слѣдующемъ актѣ, Доріа даетъ великолѣпный правдикъ, на которомъ представляетъ Божона, какъ своего будущаго зятя. Въ этомъ намѣреніи ничто не могло остановить Доріа: ни просьбы Изоры, ни блѣдность и грусть Марин. Ихъ сѣтованія ему не понятны: чего не достаетъ его жевѣ и дочери? развѣ онѣ бѣдны? развѣ не окружены всѣми прихотами роскоши?

Гости мало-по-малу расходятся. Божонъ, видя глубокое презрѣніе и ледяную холодность Изоры, тоже долженъ ретироваться. Вдругъ, видъ себя, вбѣгаетъ Дюпланъ, въ величайшемъ безпокойствѣ о томъ, что случилось съ Лудовикомъ. Изора его спрашиваетъ; онъ мѣшается, рассказываетъ какую-то недѣльную исторію, чтобъ объяснить отсутствіе молодаго Доріа, полагаетъ, что Лудовикъ отправился ужинать съ актриссою къ *Frères Provençaux*... однимъ словомъ, Дюпланъ растерялся совершенно.

Сердце матери угадало все. Она ос-

тавляетъ правдикъ и уходитъ съ собою дочь; гнусный Божонъ воспользовался этою минутою и взглянул въ душу Доріа ужасныя подозрѣнія: жемчужнолюбовница д'Орива, дочь согласилась убѣжать съ Эдгаромъ.

Вотъ чѣмъ Божонъ объяснилъ уходъ матери и дочери.

Въ слѣдующемъ актѣ, все объясняется. Доріа находитъ Изору и Марин подлѣ Лудовика, слегка раненаго въ руку; изъ того, чего онъ опасался, ничего не случилось, но за то, онъ и нѣлъ всю гибель своего положенія, рѣшился на будущее время уже не такимъ жаромъ заниматься Каваліа, а обращать побольше вниманія на мейство. Журналъ сорвалъ маску Божона, объявивъ, что на Гангъ когда и не существовало жемчужнолюбви—и Божонъ получилъ отставку. Пьеса заключается словами, произнесенными Доріа:

Je liquide aujourd'hui, car les
 hémipar
 Ont pour mes faibles yeux un
 vaste horizon
 Je quitte l'univers, et garde le

Не станемъ расточать достойныхъ хвалы месье г-на Мери; выключимъ только наше желаніе—видѣть ее на сценѣ.

LE NOUVEAU GORDIEN (Гордианъ Узкль), драма въ пяти актахъ, въ 3-хъ. Сов. г-жи Каза-Майоръ.

Г. Клавье, повѣренный въ Бразиліи, только-что женился на невинной, нервной, болѣзненной и признанной молодой дѣвушкѣ, которая получила предисловіе отъ своего посту. Эмеранса (его жена) предоставленная сама себѣ въ обширномъ Парижѣ, не успѣла противъ неотразимыхъ обольщеній искусителя и протянула руку прещенному плоду. Знѣи-обольститель, графъ Молеонъ, посланный изъ мѣняющій изъ натригамъ дикое искусство. Г-жа Эмеранса, и

тва меланхолин, вышла, какъ всегда находитъ недавно-вышедшія замужъ, что нуть ея вовсе ей не пара; праздность, удивленіе, стеченіе обстоятельствъ и лицъ, случай, шелковая мурава, а можетъ-быть и

Quelque diable aussi me poussant,
J'ai tondu de ce pré la largeur de ma
langue!

Вотъ все преступленіе г-жи Клавье; несчастная достигла Рубикона, но не перешла его; дошла до вѣрней границы смертнаго гража, но и тутъ остановилась, что ужасно рассердило Хуана-дипломата. Увы! когда труднѣшее сдѣлано, когда милый дипломатъ съ большимъ трудомъ приучилъ нѣсколько къ вѣроку молодую женщину, когда женщина эта сказала: *я твою!* вдругъ отказываться отъ нѣжныхъ обѣщаній невозможно!

Молеонъ не хочетъ остаться въ дуракахъ и для этого избралъ престранное средство. Эмеранса позволила любить себя, снисходительно... нѣтъ, болѣе, чѣмъ снисходительно слушала его рѣчи, и если она и сказала ему: *я тебя люблю!* за то во всѣхъ ея запискахъ можно встрѣтить: *я васъ люблю!* Они пѣли вдвоемъ *sotto voce* дуо любви, и вдругъ, узнавъ, что мужъ возвращается преждевременно, имѣеть ли Эмеранса право прогнать Молеона?

Это обстоятельство подаетъ поводъ къ ссорѣ между Молеономъ и госпожею Клавье. Съ перваго взгляда, молодой человекъ кажется совершенно правымъ: онъ влюбленъ, онъ получилъ завѣтное обѣщаніе, у него въ рукахъ есть доказательства. Но, посмотрите, что отгаиваетъ ему Эмеранса:

— Чего же вы хотите? развѣ въ моей власти любить и не любить по произволу? Я думала, что люблю васъ, а теперь оказывается, что я васъ не люблю; но и это вина? Въ минуты любви я уважала васъ, быть-можетъ, болѣе, нежели сколько вы стѣните: кажется, достаточная причина позволить мнѣ уважать васъ теперь немного-не-

нѣе того, сколько дѣйствительно можно васъ уважать... Что же касается до вашихъ угрозъ, до вашей злобы, мнѣ нѣчего бояться, если вы порядочный человекъ. Благодаря Бога, я еще могу быть женщиной честной, уважаемой. Я почитаю себя счастливою; поступайте какъ я, и если хотите, оставемся друзьями, но подалеже другъ отъ друга.

Дипломатъ поступилъ неблагородно; у него есть письма Эмерансы, и ими онъ угрожаетъ бѣдной женщинѣ. Въ объятіяхъ мужа, она не безъ страха думаетъ о письмѣ съ нѣжными *post-scriptum*.

Бѣдное, обезоруженное созданіе, она изнываетъ; письмо грозитъ ей, какъ мечъ Дамоклеса; она страдаетъ, не знаетъ спокойной минуты, и за что? за ничтожный проступокъ.

Молеонъ не перестаетъ преслѣдовать Эмерансу и требуетъ у нея ключъ отъ кіоска, въ намѣреніи получить обѣщанное *rendez-vous*.

Наконецъ, несчастная Эмеранса должна во всемъ признаться мужу, чтобы избавиться отъ ужаснаго Молеона. Она рассказываетъ г-ну Клавье о своемъ заблужденіи, увѣряетъ, что раскаялась въ своемъ проступкѣ и молить его о прощеніи. Клавье сначала отталкиваетъ жену; но мало-по-малу гнѣвъ утихаетъ, раскаяніе жены такъ искренно, ея слезы, просьбы...

Вдругъ врѣзжаетъ Молеонъ: между мужемъ и любовникомъ должно послѣдовать объясненіе. Въ первую минуту, Клавье хочется выбросить за окно презрѣннаго Молеона; но въ службѣ его научили укрѣплять страсти, и онъ изобрѣлъ другое средство отыгнать обольстителю.

Въ полночь, въ кіоскѣ онъ дожидается Молеона, который воображаетъ найти не мужа, а жену. Клавье осмысляетъ его сарказмами и даетъ ему урокъ дипломатіи; съ презрѣніемъ и имѣсть съ гнѣвъ съ великодушіемъ онъ отдаетъ Молеону его записку, въ которой послѣдній проситъ свиданія; Молеонъ раздираетъ записку на клочки

и, въ свою очередь, отдастъ ключъ отъ бюска. Потому они очень-учтиво кланяются другъ другу и расходятся.

Надосогласится, что авторъ весьма-талантливъ, если умѣлъ заставить зрителя горѣть такое лицо, какъ Моловиъ. Вообще, драма интересна, написана умно; не менѣе того видно, что авторъ женщина.—Гордіевъ Узельъ умѣлъ совершенный успѣхъ.

ARTICLE 213, *ou le Mari doit aide et protection...* (Параграфъ 213 или мужъ обязанъ помогать и покровительствовать...), *одевилъ въ одномъ актѣ, сочиненіе* Денвери и Густава Лемуана.

Параграфъ 213 произносится меромъ, въ трех-цѣтномъ шарѣ, г-данъ повобратнымъ. Въ этомъ параграфѣ объявляется мужу, что онъ долженъ помогать и покровительствовать женѣ, а жена должна повиноваться мужу. Но что значитъ въ этомъ случаѣ помощь и покровительство? Состоитъ ли оно въ томъ, чтобъ идти съ женою по улицѣ подъ руку; вестн ея шаль или держать зонтъ, велѣть подать карету, отстранять пантомимы почтовыхъ Ловеласовъ? Наконецъ, физическое это покровительство или нравственное? Вопросъ не малозначущій!

Дюриво и Шанбелланъ, оба биржевые агенты, сорока лѣтъ отъ роду, взяли каждый по женѣ. Они прекрасно сдѣлали: лучше быть обмануту молодой женою, чѣмъ старой; тѣмъ не менѣе Дюриво и Шанбелланъ побавшотся этого чудовища, опаснаго для мужей, котораго Балзаакъ такъ остроумно прозвала мипотавромъ и котораго отцы наши называли именовъ, заминтованнымъ вовсе не изъ миеологій. Шанбелланъ въ супружескихъ сдѣлахъ проявляется какъ анкій, который приноситъ великія жертвы вессоуженія: Шанбелланъ убьетъ сперва жену, потомъ любовника, наконецъ, если останется время, себя самого.

Такихъ-образомъ, Шанбелланъ проведетъ дни свои въ глубокомъ страхѣ; оивность—высшее наслажденіе для женщины; супруга Шанбеллана, съ

замыраніемъ сердца, съ обомыстительными обмороками, краснѣя и блѣднѣя, любитъ Огюста Валлевила—молодаго челоѣка въ глубокомысленныхъ перчаткахъ и отчаянномъ галстухѣ.

Дюриво не такой Огелло, какъ Шанбелланъ: онъ убѣжденъ, что нѣжность, вниманіе, заботы и увѣренность къ женѣ—лучшія средства избѣгнуть или по-крайней-мѣрѣ отстранить роковую минуту; но результатъ привѣтливости Дюриво ни чуть не лучше результата каннибализма Шанбеллана. Г-жа Дюриво точно также влюблена въ Огюста, только не Валлевила, а въ Огюста Бремона, главнаго коммъ своего мужа.

Что жъ прикажете! утроишь уйдутъ мужа на биржу, въ вечеру возвратится измученные, усталые—жена не можетъ простиы усталости своему мужу. Когда мужа отправится на биржу, Огюсты—свѣженые, чистенькие, много одѣтые, съ бѣлою рукою, въ главно-выхъ сапогахъ, съ пріятными мечтани и никакимостью людей холостыхъ, проивкаютъ въ жилища отсутствующихъ.

Г-жа Дюриво сдѣлала своему кропному супругу самое оригинальное признаніе: сказала ему, что она влюблена и не знаетъ какъ ей защищаться отъ робости молодаго челоѣка... прекраснаго собою, который не смеетъ смеи, какъ сказалъ Бомарше.—Я хочу знать имя этого изверта, восклицаетъ Дюриво, не уснокоенный приекаиѣмъ.

—Я не скажу, отвѣчаетъ Клара:—но если нѣтъ нужна будетъ помощь, я звоню, вы прибѣжите и согласитесь, будетъ очень-смѣшно, если им не справится вдвоемъ съ неприадеиъ?..

—Имя, имя влодѣя! повторяетъ озлобленный Дюриво, обрадованный и огорченный признаніемъ супруга.

—Огюста.

Въ это время ланей докладываетъ о пріѣздѣ Огюста Валлевила.

—А! вы въ моихъ рукахъ... свержный обомыститель! восклицаетъ Дюриво:—обросьте маслу, не притворайтесь! мужъ все знаетъ:

—Кто этотъ презрѣнный, который выдастъ нашу тайну?—у Шанбеллану?..

— Шавбелланъ, пробормоталъ Дю-риво, сковнувшись отъ изумленія.—А! чортъ возьми! стало-быть, этихъ господъ Огюстовъ въсколко; стало-быть, этотъ Огюсть до меня не касается. Но гдѣ же мой соперникъ, мой Огюсть?

Вдругъ двери изъ сосѣдней комнаты шумно растворились и вбѣжала Клара съ огненнымъ, блестящимъ взоромъ, прерывающимся дыханіемъ: видя, что къ ней не йдутъ на помощь, она убѣжала... поступокъ храбрый! Не забудьте, у Огюста черный лозъ, бѣлый зубъ и розовый ноготь...

Однакоже, все послужило къ лучшему. Клара узнаетъ, что мужъ влюбенъ въ нее безъ памяти; таинственныя букеты, которые она получала всякій день и которые приписывала внимательности Огюста,—отъ мужа; легкія, въ родѣ дамартиновскихъ, платья мужемъ, опять-таки не Огюстомъ: милый агентъ, который по-видимому занимался только биржею, писалъ стансы и сводилъ рѣшмы *amour* *joie* рѣшительно какъ простой риторъ.

Что же касается до Шавбеллана—такъ надо сказать, что ему попалась аписочка, которая его сильно встревожила. Дюриво успокоилъ своего друга, увѣривъ, что записка эта не къ нему, а къ Кларѣ, и убійца любовниковъ, свирѣпый каннибалъ кончается тѣмъ, что приглашаетъ Огюста жены своей на охоту, къ обѣду, въ оперу: ни во всемъ сощисъ во впусахъ.

Миленькая эта пьеска превосходно сподилется актѣрами на парижской сценѣ.

==

Въ засѣданіи, 27 ноября, Парижской Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ, г. Кузенъ читалъ свои изслѣдованія объ Адамѣ Смитѣ, какъ философѣ. Извѣстно, что авторъ сочиненія—Изслѣдованія Причинъ Народнаго Богатства,—положившій основаніе политической экономіи, занимался этою наукою, какъ частью своего

огромнаго курса, читаннаго имъ студентамъ Глазгоскаго-Университета, такъ-что кто хочетъ вполне научиться личности этого великаго человѣка, тотъ необходимо долженъ обратиться и къ тѣмъ его сочиненіямъ, гдѣ наиболѣе высказываются главныя начала его общей философской системы, и изъ нихъ уже вытекаютъ начала другихъ наукъ (между-прочимъ и политической экономіи), какъ начала второстепенныя. Г. Кузенъ говоритъ:

«Смита прежде всего философъ; философа нельзя изучать по частямъ: его можно понять только въ цѣломъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое начало безъ выводовъ и что такое выводы, когда не знаешь принципа? Политическая экономія Смита есть часть великаго цѣлаго; она тѣсно связывается съ его политическимъ идеомъ, вытекающемъ въ свою очередь изъ его нравственной философіи, которая опять, подчинена началамъ его общей философіи.

«Политическая экономія была бы очень-неблагодарна, еслибъ позабыла, чѣмъ обязана она философіи. Величайшій политико-экономъ Франціи XVIII-го вѣка, Тюргó, былъ въ то же время и первый метафизикъ. Основатель шотландской философіи, Гутчесонъ, первый ввелъ политическую экономію въ курсъ преподаванія въ 1729 г. Смита размыслъ то, что началъ Гутчесонъ: онъ возвелъ политическую экономію на степенъ науки, давъ ей то, что можетъ дать только философъ: начала и методъ. Познакомимся же со Смитомъ какъ съ философомъ: онъ объяснитъ намъ Смита-политико-экономъ.»

Занимствуемъ изъ мемуара г. Кузена одно любопытное объясненіе по поводу вопроса, возбуждавшаго жаркій споръ между экономистами; дѣло темное — кому принадлежать открытіе первыхъ началъ политической экономіи—Смиту ли, или Тюргó и его друзьямъ, въ особенности Кенѣ?

«Здѣсь представляются два факта, неподлежащіе сомнѣнію: всѣ принципы справедливыя или ложныя французскихъ экономистовъ уже опредѣлены до путешествія А. Смита въ Парижъ; въ 1764; съ другой стороны, достовѣрно и то, что

всѣ матеріалы сочиненія Смита о богатствѣ были уже собраны и готовы до его поѣздки во Францію. Французскіе писатели, утверждавшіе, что бѣдныя съ Тюргó и Кенé посвятили Смита въ тайны новой науки, основывали свое мнѣніе на томъ, что, до путешествія своего во Францію въ 1764 году, Смитъ не написалъ ни одной строчки политической экономіи, и что будто-бы его сочиненіе о натурѣ и причинахъ богатства народовъ написано имъ послѣ и появилось въ печати только въ 1776 г. Выводъ нашолся очень-простой и ясный; но, не смотря на то, онъ будетъ совершенно-ложень. Они вовсе упустили изъ вида, что Смитъ гораздо-прежде своей поѣздки уже читалъ лекціи политической экономіи, и что эта наука составляла часть его большаго курса нравственной философіи, которую онъ преподавалъ въ Глазгоскомъ Университетѣ. Въ 1759, онъ издалъ свою *Theorie des Sentimens Moraux*, а въ 1776 г. свои «Исслѣдованія»; такъ-что этотъ годъ (1776) есть годъ ихъ напечатанія, но отнюдь не сочиненія.... Впрочемъ, есть одно доказательство, неподлежащее сомнѣнію—рукопись самого Смита, которую цитуетъ Д. Стюартъ: изъ нея видно, что уже въ 1755 составилъ онъ главныя основанія политической экономіи, которыя въ-послѣдствіи развились въ своихъ «Исслѣдованіяхъ». И такъ, остается только нерѣшеннымъ одно обстоятельство: отношенія Смита съ такими людьми, какъ Тюргó и Кенé, не могли же остаться для него безплодными. Но въ какой мѣрѣ онъ ими воспользовался—вотъ чего рѣшить невозможно. Самъ онъ очень уважалъ Кенé, и Стюартъ говоритъ, будто-бы слышалъ отъ Смита, что онъ непременно бы посвятилъ свое сочиненіе Кенé, если-бы смерть послѣдняго тому не помѣшала..

Въ слѣдующее засѣданіе, г. Кузенъ обѣщалъ приступить къ разсмотрѣнію философскихъ сочиненій Адама Смита, и потомъ перейти къ его трудамъ по части политической экономіи.

— Во Франціи вышла книга подъ заглавіемъ *Histoire philosophique du règne de Louis XV* (2 тома in 8°), сочиненіе графа Токкевиля, члена Французской Академіи, автора «Демократіи въ Америкѣ». Въ этой книгѣ, графъ Токкевиль изображалъ вліаніе царствованія

Лудовика XV на французскую републіку.

— Въ Парижѣ появилась давно-ожидаемая книга—*Patria*, сочиненіе нѣсколькихъ ученыхъ. Въ книгѣ этой вѣроятно встрѣтятся отвѣты на всевозможныя вопросы, относящіяся къ исторіи Франціи, ея физическому и географическому устройству, богатству, промышленности и гениальности во всѣхъ преимущественно въ нашу. До ожиданія публіки вознаграждается вѣршиено стараніемъ, съ которыми *Patria* издала этотъ громадный репертуаръ, репертуаръ свѣдѣній, требовавшій прочтенія множества книгъ.

— Эжёнъ Делакруа окончилъ картины, заказанныя ему французскою палатою перовъ для ея библіотеки. Жетъ живописецъ заимствовалъ дантовую «Божественную Комедію», изобразилъ Виргилія, владыкаго итальянскаго поэта въ жилищѣ вѣчныхъ людей древности; здѣсь предательствуютъ Гомеръ и Ассавіа; во ло нихъ сгруппированы воины, художники, законодателя, поэты и философы Греціи и Рима: Александръ, кратель, Аппеллесъ, Аристотель, Аппадъ, Горацинъ, Овидій, Цицеронъ, Катонъ, Маркъ-Аврелій. Въ этомъ изведеніи Делакруа встрѣчаются его достоинства и недостатки: и вильность фигуръ, запальчивость смѣлости кисти, могущественная раженіе лицъ и блестящій колоритъ. Одинъ изъ зрителей разсказывалъ, что художникъ въ людяхъ древности изобразилъ перовъ и называлъ орнаменты. Что жъ касается до божественнаго павіи, которой легкія римы являются чудныхъ формъ, сиречь равне не хотѣлъ назвать прелесть служившую превосходною живописнику.

— 19-го ноября, на парадномъ рѣ Королевской Коллегіи Генерала было торжественное открытіе Кавиніра Делавиля, восстанавленіи полеоновскаго лица.

— Въ Люксамбурѣ ставятъ превосходную статую Сюлли, работы Антона Муана. Съ этой статуи уже слышны слышны, и статуэтки, поступившія въ продажу въ Парижѣ, очень красивы; въ нихъ превосходно воспроизведенъ лобъ, изрытый бѣднотой и мыслью, лицо — важное, спокойное, и благородная осанка автора *Economies royales*. Вообще, надо пощадить слышны съ фигуръ людей историческихъ: они способствуютъ прочности произведеній великихъ артистовъ.

— Леопольдъ Мейеръ ѣздитъ по Сѣверной-Америкѣ, собирая деньги для концертовъ и давая концерты, на которыхъ музыканты исполняютъ его знаменитое сочиненіе *Marche Marocaine*; публика стекается несметное множество.

— Г. Пасту возвратился въ Парижъ изъ Англии, гдѣ вполне оцѣнили его искусство преподаванія музыки. Онъ скоро откроетъ новый курсъ пѣнія.

— Александръ Дюма надѣлалъ много шума въ Испаніи. Слава знаменитого писателя, собственная его особа, его характеръ, живой умъ — все это не могло не подѣйствовать сокрушительно на народъ, непроницающій мажорнаго случая *восторжествуетъ*. Дюма тѣшилъ безчисленное множество охотниковъ: ему пѣлись серенады, по пятамъ его слѣдила цѣлая толпа; при входѣ его въ циркъ или театръ, ему апплодировали, поэты воскурили ему охотниковъ — однимъ словомъ, авторъ «Королевы Марго» затмилъ немного принца, называющаго его своимъ историографомъ, такъ что, собственно говоря, роли перемѣнились, и герцогъ самъ долженъ бы былъ сдѣлаться историографомъ Александра Дюма! Пронесся слухъ, что творецъ «Монте-Кристо», во время своего пребыванія въ Испаніи, раздавалъ даже кресты почетнаго-легіона; конечно, это нѣсколько преувеличено, но въ сущности вотъ въ чемъ дѣло. Г. Дюма находился въ приемной одного изъ министровъ, когда изъ Парижа прислали патентъ изъ Канцеляріи Почетнаго-

T. L. — Отд. VIII.

Легіона; министръ вручилъ этотъ патентъ испанскому поэту. Присутствовавшимъ повравилось вниманіе, оказанное Франціею одному изъ ихъ соотечественниковъ; Дюма, движимый благороднымъ побужденіемъ, отвязала свою красную ленточку и хотѣлъ навязать ее на платье испанскаго литератора. «Извините!» сказалъ литераторъ: «я не могу принять этой ленточки: она кавалерская, — а патентъ, который я получилъ, дѣлаетъ меня офицеромъ почетнаго легіона.» Дѣйствительно, мадридскій писатель уже давно былъ кавалеромъ, но онъ не носилъ ленточки, что и ввело Александра Дюма въ заблужденіе.

— Французское правительство имѣетъ намѣреніе, говорить одинъ французскій журналъ, отправить миссію къ императору мароккскому, въ самую столицу его владѣній, куда никто еще не могъ проникнуть официальнымъ образомъ: посланники всегда останавливались въ Фецѣ и Меккецѣ.

— Папа Пій IX, вступивъ во владѣніе митрополіею св. Іоанна Латеранскаго, повелѣлъ устроить въ своихъ владѣніяхъ желѣзныя дороги.

По соображеніямъ папскаго правительства, важнѣйшія линіи суть слѣдующія:

- 1) Линія, ведущая чрезъ долину *дель-Сако* къ неаполитанской границѣ, близъ Чепрано.
- 2) Линія, соединяющая Порто д'Анціо съ Римомъ.
- 3) Линія, ведущая изъ Рима въ Чивита-Векки.
- 4) Линія изъ Рима въ Анкону, изъ Анконы въ Болонью, по древнему пути — *Flaminia-Emilia*.

По этому поводу составила компанія, подъ именемъ *Національнаго Общества*, глава котораго принцъ Ковти.

— Французскій консулъ въ Кадиксъ прислалъ г. Гизо копию съ бумаги въ родѣ манифеста, отправленнаго Абд-эль-Кадеромъ въ Порту, къ шаху и персидскому, вице-королю египетскому и вообще ко всѣмъ мусульманскимъ властителямъ. Этотъ манифестъ исанъ

въ два столбца одинъ противъ другаго; на одномъ объясняется поведеніе мароккискаго императора, на другомъ поступки эмира. На одномъ листѣ — капитуляція Абдер-Рамана съ христіанами, на другомъ битвы Абд-эль-Кадера съ невѣрными, его походы, борьба, его раны, жертвы для защиты вѣры отцовъ; внизу одна только строка: • Кому приличнѣе повелѣвать сынами пророка: Абдер-Раману, или Абд-эль-Кадеру? • Говорить, что отвѣтъ былъ такъ же кратокъ, какъ самый вопросъ: • Лишь тотъ достоинъ царствовать, кто съ отважною льва сражался противъ христіанъ . .

— Въ 1846 году, итальянскій агрономъ графъ Бельтрами засѣялъ рисою двадцать гектаровъ около Нарбонны (во Франціи до того времени риса не сѣяли). Издержки при засѣвѣ обошлись круглымъ числомъ въ 6,500 фр. на 20 гектаровъ, слѣдовательно, въ 325 франковъ на гектаръ. Риса уродилось 33,000 килограммовъ. Меурическій центнеръ риса проданъ за 30 франк.; слѣдовательно, за весь рисъ получено 9,900 фр. или 495 фр. съ гектара. Чистаго барыша 170 франк. съ гектара. Первый годъ обошелся дороже, потому-что сдѣланы издержки, необходимы лишь для перваго засѣва.

— Недавно во Франціи умеръ человекъ, неизвѣстный всему Парижу: онъ не принадлежалъ къ знатной фамиліи, не засѣдалъ въ палатѣ пэровъ, не занималъ важнаго поста въ государствѣ, не былъ ни поэтотъ, ни ученый. Однакожъ, онъ заслуживаетъ вниманіе не однихъ Парижанъ, именно потому-что никогда не оказывалъ желанія сродниться съ аристократами, сдѣлаться пэромъ, или стяжать славу писателя, хотя былъ человекъ очень умный, изящный и чувствительный, въ пріятномъ значеніи слова. Г. Вернъ былъ просто сынъ знаменитаго ресторатѣра и не стыдился своего происхожденія; будучи богатымъ, онъ пользовался всѣмъ, что жизнь представляетъ привлекательнаго; у него была красавица-жена, множество друзей; онъ

окружалъ себя артистами и привилегированно роскошно въ своемъ парижскомъ домѣ и восхитительною владѣ-Молюрансомъ, страстно любилъ музыку, а Деппре, теноръ оперы, былъ душою его дружескихъ сборищъ. Вернъ до того любилъ драматическое искусство, что не только согласился на бракъ съ юной женщиной своей съ Иннолитою, артисткой театра *Vaudeville*, но еще далъ ей большое приданое.

— Брюссельскій исправительный трибуналъ судилъ молодую женщину и молодого человека за преступленіе которое Англичане называютъ *criminal conversation*; въ это время мужъ сдѣланной женщины, подавшій жалобу, умеръ. Не смотря на это, народное министерство хотѣло продолжать дѣло; исправительный же трибуналъ, послѣ долгихъ толковъ, рѣшилъ, что дальнѣйшее преслѣдованіе дѣла о преступленіи со смертію мужа должно прекратиться.

— 19 ноября, въ судъ города Гельдра (въ Голландіи) приведенъ былъ викарій, по имени Генкенсъ, 27 лѣтъ отъ рода, обвиненный въ покушеніи убить молодую дѣвушку, съ которою онъ находился въ преступной связи въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

26 іюля 1846 г., нѣсколько человекъ изъ города Гроэнло (гдѣ Генкенсъ былъ викаріемъ) встрѣтили при вѣздѣ въ городъ Марію Витериницъ, вышедшую изъ небольшого лѣса: платье ея было въ беспорядкѣ, кровь струилась изъ ранъ; она жаловалась, что въ лѣсу ее ранилъ молодой человекъ, *извѣстный всему городу*. Въ это же время, съ другой стороны лѣса вышелъ викарій: руки и одежда его были окровавлены. Всѣмъ, кто ему встрѣчался, онъ рассказывалъ, что въ лѣсу случилось убійство, что онъ увидалъ тамъ женщину и молодого человека, которые боролись; что женщина позвала его на помощь, и что онъ, викарій, схватилъ-было преступника, который убѣжалъ.

Свидѣтели вошли въ лѣсъ, — но убійцы нигдѣ не было. Марію отвели къ ея хозяевамъ; она была ранена въ шею

жизнь. Скоро она захотѣла говорить съ викаріемъ въ присутствіи ховлея; но разговоръ ихъ никто не понималъ. Когда Генкенсъ ушелъ, больная объявила, что ее ранилъ Беранъ, вунецъ изъ Вишстеренка; наконецъ, послѣ многихъ увертокъ и разговора съ викаріемъ, Марія призналась, что убійца — викарій Генкенсъ, что онъ ее подучилъ обвинить Берана. Она присовокупила, что уже давно и она была свая съ викаріемъ, что любовь ихъ началась въ исповѣданіи... въ исповѣданіи же Марія призналась викарію, что она беременна, въ слѣдствіе чего викарій назначилъ ей свиданіе въ лѣсу. Дѣйствительно, тамъ она встрѣтила преступника, который, подъ предлогомъ удостовериться въ ея беременности, закрылъ ей глаза рукою и нанесъ въ сколько ранъ; съ отчаяніемъ усиленъ вырвалась несчастная изъ рукъ убійцы. — Во время допроса, обвиненный утверждалъ, что онъ не хотѣлъ убить Марію, и что онъ не былъ съ нею въ связи. — Судъ приговорилъ преступнаго Генкенса къ висѣлицѣ.

— Дѣвица Б..., двадцатилѣтняя сирота, желая прекратить семейныя докучи, удалилась съ своею гувернанткою въ какой-то монастырь; тамъ она хотѣла дожидаться совершеннолѣтія, чтобъ по слою прозванію избрать себѣ спутника жизни. Два дня провела она въ тихомъ убѣжищѣ, какъ вдругъ явился къ ней ея опекунъ съ однимъ изъ друзей. Похитители грозятъ приказаніемъ президента; гувернантка, съ своей стороны, показываетъ заступаніе отца дѣвицы Б..., гдѣ положительно сказано, что покойникъ оставляетъ меньшую дочь свою пожеланію и нѣжности гувернантки, на глазахъ которой она родилась. Не смотря на эти доводы, опекунъ насильно посадилъ дѣвицу Б... въ карету и отвезъ въ монастырь предѣства Сен-Жака, гдѣ она теперь и находится. Провешствіе это совершенно достоверно, но не въ того неискренно. И однакожь оно случилось среди Парижа, въ глазахъ правосудія!

— Въ Секскій Ассизный Судъ привели молодого человека. Онъ былъ блондинъ, съ лицомъ худощавымъ и блѣдымъ, на которомъ, впрочемъ, выражался характеръ рѣшительный. Онъ вошелъ быстро и, казалось, былъ сильно опечаленъ; окинувъ взоромъ собраніе и увидѣвъ жену свою съ ребенкомъ, онъ заплакалъ. Скоро вошли и судьи.

Президентъ. Обвиненный, ваше имя?
Отв. Луи-Младшій. *Воп.* Ваша фамилія Женѣ, но вы болѣе известны подъ именемъ Младшаго? — *Отв.* Точно такъ. — *Воп.* Который вамъ годъ? — *Отв.* Двадцать-восемь лѣтъ. — *Воп.* Чѣмъ вы занимаетесь? — *Отв.* Я портной. — *Воп.* Откуда вы родомъ и гдѣ жили въ послѣднее время? — *Отв.* Изъ Вассенгейма (въ Банаріи), а жилъ въ Парижѣ, въ Монмартрской-Улицѣ, № 129. — Послѣ обычныхъ формальностей, писецъ прочелъ обвинительный актъ слѣдующаго содержанія: «За двѣнадцать лѣтъ вредъ снѣтъ, Луи Женѣ поселился въ Парижѣ. Въ декабрѣ 1840 года, бывъ еще простымъ работникомъ, онъ женился на дѣвицѣ Брюнель, которая была въ сколько старѣе его, но имѣла малелькій капиталъ. Вскорѣ послѣ женитьбы, онъ началъ работать отъ себя и поселился въ Монмартрской-Улицѣ, номеръ 129. Отличался постоянно честностью, Женѣ жилъ хотя скромно, но не терпѣлъ нужды. Онъ имѣлъ дѣловыя сношенія съ шляпникомъ Жай, жившимъ въ Улицѣ-Вивьеннъ, 53. Частыя посѣщенія шляпника скоро возбудили въ немъ подозрѣніе. Жена его, съ которою онъ жилъ всегда согласво, сказала ему, что ее Жай преслѣдуетъ. Женѣ долго не рѣшался прекратить совершенно сношенія свои съ шляпникомъ; но при первомъ объясненіи, запретилъ ему ходить въ свой домъ, грозя въ противномъ случаѣ местию. Эта мѣра не успокоила обвиненнаго. Мучимый подозрѣніемъ, онъ рѣшился разъяснить дѣло. 17 минувшаго августа, онъ сказалъ дома, что завтра пойдетъ по дѣламъ въ Сен-ли. 18-го, когда жена его, часа въ четыре, вышла изъ дома, онъ воспользовался

ся случаемъ предупредить работни-
ковъ, чтобъ они не возвратились вече-
ромъ, и приказалъ имъ сказать женѣ,
что онъ ушелъ въ Совли. • Но я спра-
чусь дома, прибавилъ онъ: • потому
что свояченица говорила кое-что на мой
счетъ, и я хочу удостовѣриться. • обви-
ненный дѣйствительно спрятался въ
маленькую комнату, сосѣдную съ сво-
ей спальней. Въ 8 часовъ вечера, же-
на уложила ребенка; отъ жара, она
была уже полурадаѣта, когда вошелъ
Жай. Жена Женѣ вышла къ нему на
встрѣчу и такимъ-образомъ осталась
съ нимъ въ магазинѣ наединѣ. Жай на-
чалъ обвинять ее и скоро, не смотря
на ея усилія и упорство, увлекъ въ ея
комнату и посадилъ на постель. Меж-
ду-тѣмъ, Женѣ, узнавъ голосъ Жая, по-
дошелъ къ двери съ пистолетомъ въ
рукахъ; но опасаясь, что этого оружія
будетъ недостаточво, если Жай также
вооруженъ, пошелъ въ кухню и взялъ
остроконечный ножъ. Когда онъ воро-
тился, Жай былъ на постели; услышавъ
шумъ отворившейся двери, онъ обер-
нулся. Обвиненный выстрѣлилъ, но не
ранилъ Жая, а опалилъ ему лицо. Жай
сдѣлалъ шагъ къ Женѣ, но въ эту ми-
нуту получилъ въ грудь два удара но-
жомъ и упалъ недвижимый. Между-тѣмъ,
госпожа Женѣ успѣла убѣжать и спря-
талась въ кухню. Обвиненный сошелъ
къ привратнику и съ слезами сказалъ
ему, что убилъ человѣка, и что надо
дать знать объ этомъ полиціи. По удо-
стовѣреніи въ смерти Жая, врачи, сви-
дѣтельствовавшіе тѣло, показали, что
лобъ и глаза его были опалены поро-
хомъ; легкія на лѣвой сторонѣ про-
колоты насквозь, и что ножъ ко-
снулся сердца. Женѣ обнаружилъ
сильное сожалѣніе о своемъ поступ-
кѣ и объяснилъ, что, не имѣя силъ
преодолѣть тревожившихъ его поло-
врѣвій, онъ сдѣлалъ за Жаемъ и за
своею женою съ намѣреніемъ нака-
зать ихъ обоихъ, еслибъ засталъ ихъ
на мѣстѣ преступленія; что Жай одинъ
показался ему виновнымъ, и что онъ
имѣлъ виды только на него одного; но
тѣмъ не менѣе не ударилъ бы его во-

жомъ, еслибъ шланникъ, воору-
женный, какъ онъ думалъ, не обратилъ
къ нему съ угрожающимъ видомъ и
толкнулъ его. Эти объясненія обвине-
наго и приведенныя выше прочіи о
стоятельства дѣла не оставляютъ ни-
кого сомнѣвія въ основной мысли о
нѣренности преступленія. Если Жай
нарочно говорилъ, что идетъ въ Со-
ли, если скрывался болѣе четыре
часовъ, чтобъ подстеречь Жая,
единственно съ намѣреніемъ убить е-
го. Въ-слѣдствіе сего, Луи-Жене-Младшій
обвиняется въ добровольномъ, намѣ-
реннымъ убійствѣ Жана Жая,—престу-
пеніи, предвидѣнномъ статьею 302 уло-
женія. — Президентъ: Жай
вы обвинены въ добровольномъ и
нѣренномъ убійствѣ Жая. Вамъ об-
вѣщать сейчасъ, какой вы подвергаете
отвѣтственности. Пусть удалится
дѣтелъ!.. • Свидѣтели, въ томъ чи-
слѣ Жена и ея четырехлѣтній ре-
бенокъ, вышли въ другую комнату.
Генеральный адвокатъ Брессонъ
и часъ всталъ и сказалъ слѣдую-
щее: Имѣя въ виду, что дѣло, разбирани-
е въ судѣ, по существу своему, явля-
ется нравственныхъ побужденій, на-
основанія 55 статьи конституціи
харти, предлагаемъ суду впро-
къ обсужденіе онаго тайно. Президи-
умъ не находитъ препятствія въ испол-
неніи требованія генеральнаго адвоката,
дѣлъ очистить залу, гдѣ такъ-же
воиъ остались только жюри. •
половнякъ шестаго, двери отворились
и публика была снова допущена. •
видеть ясно и безпристрастно
жилъ обсужденіе дѣла, и жюри
шли въ свою совѣщательную
нату. Черезъ нѣсколько минутъ
возвратились съ отрицательными
лами на всѣ вопросы. Въ-слѣдствіе
го, Луи-Жене-Младшій объявилъ
судомъ отъ всякаго наказанія.

— Листъ, знаменитый французскій
женится на дочери честнаго немца
въ Прагѣ, у которой три дочери
приданого. Вотъ какъ это случилось.
Листъ ознаменовалъ себя въ
ми странностями, надъ которыми

сто сѣялись; но вспомните, сколько разъ говорили объ его щедрости! Къ тому же, въ наше время эти странности даже необходимы для человѣка, проходящаго славное поприще. Великій человекъ постоянно чѣмъ-нибудь долженъ привлекать къ себѣ вниманіе публики; молва о немъ должна говорить безпреставно и на всѣ тоны: серьезно—когда дѣло идетъ о гениіи великаго человѣка; съ улыбкою — чтобъ показать его эксцентричность. Какъ всѣ другіе, Листъ долженъ былъ заплатить дань славы: послалъ длинныя волосы, оригинальное платье, у него былъ слуга—Венгерецъ, одѣтый въ красное, Листъ велѣлъ сдѣлать слѣпковъ съ своей чудной руки, разбилъ множество фортепьянъ, — однимъ словомъ, онъ не пропустилъ ничего, что придавало бы блеска и шума его законной славы.

И, право, все это было очень-невинно!

Щедрость — вовсе необыкновенное средство заинтересовывать публику, тѣмъ болѣе, что въ наше время найти щедрого человѣка не такъ легко! Да и изъ великихъ-то людей много ли щедрыхъ? На-примѣръ, съ какою алчностью Паганини (упомянемъ только о мертвыхъ: говорить о живыхъ какъ-то неловко!) копилъ золото, которое текло къ нему за его волшебные звуки. Онъ скорѣе бы сфальшивилъ на скрипкѣ, нежели безъ крайней нужды развязалъ свой кошелекъ. Часто онъ отказывалъ себѣ въ необходимомъ. Однажды дилижансъ, въ которомъ ѣхалъ славный артистъ, остановился у дверей гостиницы, гдѣ проголодавшихся пассажировъ ждалъ хорошій обѣдъ; ихъ поспѣшили въ залу; но Паганини прежде спросилъ хозяина о цѣвѣ. — Три франка съ человѣка, отвѣчалъ трактирщикъ. — Ну, я не такъ голоденъ, чтобъ платить 3 фр., сказалъ Паганини и съ стоическою твердостью отправился въ дилижансъ. Никогда кошелекъ его не раскрывался для бѣднаго, — а Листъ всегда съ беззаботностію, щедрою рукою подавалъ бѣднякамъ значительныя пособія. Ни разу ар-

тистъ-горемыка не уходилъ отъ него съ пустымъ карманомъ. Открывалась ли подписка, чтобъ памятникомъ почитать кого-нибудь изъ великихъ музыкантовъ, Листъ жертвовалъ съ удволеніемъ; онъ былъ изъ первыхъ, когда жертвовали на сооруженіе памятника Моцарту и статуи Бетховену.

Около половины прошедшаго октября, Листъ посѣтивъ многіе города Германіи, прибылъ въ Прагу. На другой день къ нему является незнакомецъ — старикъ, у котораго на лицѣ изображалось страданіе, а платье было ветхо. Великій артистъ дружески принявъ бѣдняка, какъ, можетъ-быть, не принялъ бы важнаго барина. Ободренный его привѣтливостію, старикъ сказалъ:

— Я пришелъ къ вамъ, какъ къ собрату. Простите, если я осмѣливаюсь такъ называть васъ, несмотря на разстояніе, насъ отдѣляющее; но какъ бы то ни было, прежде и я что-нибудь да значилъ: я хорошо игралъ на фортепьяно, и уроки, которые давалъ я, доставляли мнѣ пропитаніе. Теперь я старъ, обремененъ семействомъ — и у меня нѣтъ ни одного ученика. Я живу въ Нюренбергѣ; въ Прагу же пріѣхалъ, чтобы взять остатки отъ скуднаго вассѣдства; но они пошла на издержки, которыя сдѣлало правительство. Заграницѣ нужно ѣхать, а средствъ нѣтъ...

— И вы обратились ко мнѣ, и прекрасно сдѣлали; отъ души благодарю васъ за это доказательство вашего ко мнѣ довѣрія. Облегчить участь собрата, пьяниста, профессора — не только велить мнѣ долгъ, но я нахожу въ этомъ удовольствіе. У артистовъ долженъ быть общій кошелекъ, и если судьба не приглубила однихъ, это для того, чтобъ ея любимцы подѣлились съ ними по-братски. Это мое правило и, прошу васъ, не говорите о признательности — я плачю только долгу.

Сказавъ это, Листъ отперъ бюро и вдругъ остановился въ удивленіи, когда увидѣлъ, что въ ящикѣ было только три червонца. Онъ позвалъ слугу.

— Гдѣ деньги?

— Здѣсь, отвѣчал камердинеръ, указавъ пальцемъ на открытый ящикъ.

— Какъ здѣсь? тутъ ничего нѣтъ, или почти ничего.

— Еще вчера я докладывалъ вамъ, что денегъ не хватаетъ.

— Вы видите, любезный собратъ, сказалъ Листъ улыбаясь: — въ эту минуту я не богаче васъ; но это меня не беспокоитъ: кредитъ у меня большой, притомъ же на-дняхъ я начекаю монеты на фортепьяно. Однакожъ, я не хочу заставить васъ ждать, пока поправятся мои финансы.

Листъ выдвинулъ другой ящикъ, досталъ изъ него медальонъ и подалъ старину.

— Возьмите. Это портретъ одного короля, украшенный брилльянтами. Живопись такъ-себѣ, посредственная, но брилльянты не дурны. Вы ихъ можете продать: что вамъ за нихъ дадутъ, то ваше.

Напрасно хотѣлъ старикъ отказаться отъ богатаго подарка: послѣ недолгаго спора, онъ уладился, благословляя щедрого благодѣтеля, и зашелъ въ первую встрѣтившуюся ему лавку ювелира.

Брилльщикъ, видя бѣдную одежду старика, возмимѣлъ весьма-естественное половѣрнiе и какъ-бы со вниманiемъ продолжая разсматривать богатые камни и высчитывать, за сколько можно купить ихъ, шепнулъ нѣсколько словъ своему коммi, который вышелъ и скоро возвратился съ полицейскимъ и нѣсколькими солдатами.

Бѣдный артистъ увѣрялъ, что онъ невиненъ: его не хотѣли и выслушать.

— Ступай-но, братъ, сперва въ тюрьму, сказалъ полицейскiй: — а тамъ передъ судами оправдывайся, какъ знаешь.

Арестантъ написалъ къ Листу письмо, въ которомъ просилъ его о заступничествѣ, и Листъ немедленно отправился къ ювелиру.

— По вашей милости, сказалъ онъ ему: — посадили въ тюрьму человѣка нисколько невиноватаго: не угодно ли

вамъ послѣдовать за мною и потребовать его освобожденiя. Тотъ, за продавалъ вамъ брилльянты — ихъ законный владѣтель, потому-что я подарилъ ему эти брилльянты.

— Да вы-то сами, возразилъ ювелиръ: — вы-то кто такой?

— Мое имя Листъ.

— Я что-то не припомню ни одного капиталиста, который бы называлъ Листомъ.

— Очень можетъ быть; однакожъ, меня есть средство показать имъ кто я.

— Да знаете ли вы, сударь, что у насъ стоитъ шесть тысячъ фунтовъ, что составитъ болѣе 500 тысячъ или 12,000 франковъ?

— Тѣмъ лучше тому, кому я ихъ дарилъ.

— Стало-быть, вы очень богатъ!

— Настоящее мое богатство состоитъ изъ трехъ червонцевъ.

— Ну, такъ вы сумасшедшiй!

— Нѣтъ, мнѣ стоить только вамъ велить пальцами, и у меня будетъ столько денегъ, сколько вамъ угодно.

— Стало-быть, вы колдунъ?

— Показать вамъ мое колдовство?

Въ отворенную дверь Листъ увидѣлъ въ другой комнатѣ, фортепьяно и дошелъ къ нему: пальцы его коснулись клавишей, слегка по нимъ прожали; потомъ, увлеченный вдохновенiемъ, онъ симпровизировалъ одну изъ тѣхъ симфонiй, поразительныхъ и новыхъ фантазiй, которыхъ тайну одины постигъ. При первыхъ звукахъ показалась молодая дѣвушка, держащая собою; неподвижно, затанцованiе, стояла она, пока Листъ игралъ; потомъ, когда онъ зазвучалъ другою нотой, она закричала въ восторгѣ.

— Bravo, Листъ! удивительно!

— Развѣ ты его знаешь? сказала брилльщикъ своей дочери.

— Я въ первый разъ вижу слышать и смотрѣть на него, отвѣчала дѣвушка: — но въ цѣломъ свѣтѣ онъ Листъ можетъ придать такое мистическое выраженiе звукамъ фортепьяно.

Дѣвушка была красавица: самолюбиве артиста было удовлетворено, сердце забилось сильнее. Однакоже, отвѣтивъ на обольстительные комплименты, Листъ отказался отъ сладости первого разговора и поспѣшилъ съ ювелиромъ освободить плѣнника. Бриллианщикъ, желая загладить свою ошибку, пригласилъ Листа и стараго учителя на обѣдъ.

Вечеромъ, музыканты города давали оркестру знаменитому артисту. На другой день, знатнѣйшіе жители, гордые чинами и титулами, явились къ нему и убѣдительно просили дать нѣсколько концертовъ. Тогда ювелиръ повѣлъ, что талантъ, оцѣненный со стороны финансовъ, стоитъ такъ же высоко, какъ и драгоценные камни. Замѣтивъ, что великій человекъ учащаетъ свои посѣщенія, ювелиръ былъ крайше-доволенъ; когда же увидѣлъ,

что приманка состояла въ его дочери, радость его слѣлалась безгранична.

Въ одинъ прекрасный день, ювелиръ, съ нѣмецкою откровенностью, сказала Листу:

— Нравится ли вамъ дочь моя?

— Она прекрасна.

— Какого вы мнѣнія о бракѣ?

— Такого, что мнѣ бы хотѣлось испытать его сладость.

— Ну, а о приданомъ въ три милліона?

— Я бы не отказался и поблагодарилъ.

— Вы меня поняли. Дочь моя вамъ нравится, она вѣсь любить, приданое готово, хотите быть моимъ зятемъ?

— О, съ большимъ удовольствіемъ!

На слѣдующей недѣлѣ была свадьба.

Вотъ исторія женитьбы Листа, какъ о ней рассказываетъ хроника города Прага.

М О Д Ы.

Теперь настало самое лучшее время для нарядовъ. Изобрѣтательные умы модистокъ не успѣютъ выдумать одно, такъ имъ говорить, что это ужъ надо, надо что-нибудь другое, новое.

Вотъ недавно, многіе говорили, что черныя кружева надобны, и въ-самомъ-дѣлѣ, ихъ начали мало носить; но теперь снова они вошли въ моду, и мы видѣли уже нѣсколько платьевъ, украшенныхъ ими. Надо признаться, что эти платья были прекрасны, особенно одию изъ оранжеваго атласа. Невозможно себѣ представить, до какой степени были хороши черныя кружева на оранжевомъ фонѣ. Это платье почти все было открыто кружевами: три широкия завѣсы, пришитыя почти вгладь, покрывали юбку, а на шеѣ была довольно-большая борта. Другое платье въ-свѣтлѣ-сѣраго цвѣта моарѣ также было очень-красиво; но на этомъ пла-

тьѣ уборка была уже другая: черное кружево было нашито вгладь только съ боковъ и не доходило до конца юбки на пол-аршина. Широкая пунцовая бархатная лента спускалась посрединѣ кружевъ и кончалась широкимъ бантомъ у сборокъ ихъ. Надобно замѣтить, что это кружево сшивается вѣстѣ, и одинъ конецъ его собирается для того, чтобъ оное былъ круглый, въ родѣ вѣра.

Легкія платья, какъ-то: креповыя, кисейныя, газовыя, тюлевыя, почти всегда дѣлаются въ двѣ, въ три и даже въ четыре юбки. Атласныя руло или гирлянды цвѣтовъ и также буфы, предпочитаютъ болѣе всѣхъ другихъ уборокъ для такого платья.

Прическа мало замѣняется. Передніе волосы точно также низко спускаются на лобъ; но на ушахъ они поднимаются очень-высоко, такъ-что почти все

ухо открыто. Коса зачесывается немножко-ниже прежняго.

Уборки для головы очень-красивы изъ черныхъ и бѣлыхъ кружевъ, которыя съ боковъ спускаются довольно-низко, и на одну сторону прикалывается большой бантъ изъ бархатныхъ или атласныхъ лентъ съ длинными концами. Наколки изъ бархата очень-красивы съ золотой или серебряной бахрамой; фасонъ ихъ почти все такой же, какъ показанъ на картинкѣ модъ, приложенной къ вышедшей книжкѣ «Отеч. Записокъ». Но нельзя не замѣтить на этой же картинкѣ зеленого платья: посмотрите, какъ новъ фасонъ его, и сколько тутъ простоты и вкуса! Мы очень-рады, что картинка эта не опоздала, и что многіе еще успѣютъ заказать себѣ платье такимъ же фасонномъ.

Чепчики дѣлаются совершенно-круглые, и съ боку прикалывается или большой цѣтокъ съ длинными атласными листьями, или большой бантъ съ длинными концами. Тѣки тоже въ большой модѣ; ихъ убираютъ по большей части перьями, точно такъ, какъ показано на шляпкѣ вышедшей нашей картинки; только, вмѣсто бархатнаго перехвата, всегда блеститъ или изумрулъ съ брильянтами, или рубинъ, или ахонтъ, смотря по цѣту тѣка.

Драгоценныя каменья въ большой модѣ, и такъ-какъ теперь въ употребленіи весьма-искусно сдѣланные поддѣльные каменья, которые почти нельзя отличить отъ настоящихъ, то иногда вся уборка головная, или для платья, состоитъ изъ однихъ драгоценныхъ каменьевъ.

Браслеты носятъ опять по три и по четыре на рукѣ.

Манто для развѣдковъ большею частію дѣлаются прямыми. Пять или шесть полотнищъ сшиваются вмѣстѣ: наверху собираются на узенькую обшивку, и кругомъ обшиваются или кружевомъ, или рюшемъ изъ лентъ, или агрантомъ. Для полныхъ дамъ этотъ фасонъ не очень идетъ, и потому онѣ предпочитаютъ больше косы манто въ родѣ длинныхъ визитокъ. Иныя для этихъ манто дѣлаютъ капюшоны, а другія предпочитаютъ ихъ безъ капюшоновъ и даже безъ маленькаго воротничка.

Салопы для гулянья носятъ почти всегда съ длиннымъ воротникомъ, у котораго напередѣ спускаются длинные концы, какъ у мантильи; съ боковъ прорѣзы и небольшіе рукава.

Но теперь нечего и говорить о шляпахъ; фасонъ ихъ ужъ совершенно установился: капоть очень-маленькій и съ кофточкой; иногда для разнообразія дѣлаютъ тулью сборчатую, но очень-рѣдко; о шляпахъ Рамелласъ и говорить нечего; теперь даже и забыли, что когда-то былъ этотъ фасонъ.

Уборки на шляпахъ все тѣ же: или бархатная гирлянда, или перо; или кружева; но непременно, если шляпа бархатная, надобно, чтобъ банты были атласные, а если шляпа атласная, банты бархатные.

Платья для утреннихъ визитовъ все еще, по-прежнему, закрытыя. Рукава гладкіе, иногда узкіе до самой кисти, или съ прорѣзьями, изъ-подъ которыхъ видны другіе кисейные рукава. Лясы съ шнипомъ.

Шали или платки очень-часто вышиваютъ мантильи, особенно для гулянья.

Воротники почти уже не обшиваются кружевами; но они должны быть всѣ вышиты, а также и подрукавники

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Поля Февала.

ЧАСТЬ ВОСЬМАЯ ИЛИ ПОСЛѢДНЯЯ.

=

БАРОНЪ РОДАХЪ.

=

I.

Комната Цахеуса.

Въ то же самое утро, большинство компаньоновъ собралось въ двой изъ комнатъ, гдѣ нѣкогда жилъ блутгауптскій управляющій Цахеусъ Несмерть, прямо противъ комнаты Франца, на другомъ концѣ замка. Однимъ окномъ она выходила на възжій дворъ, а другимъ на большую листовичную аллею, простиравшуюся до ельдбергской дороги.

Во время оно, въ счастливую пору ассоціаціи, когда Моисей съ ельдъ, ростовщикъ Жидовской-Улицы, подвѣзжалъ вечеромъ съ своими товарищами къ замку, привѣтливый огонекъ горѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Тутъ было любимое мѣсто уединенія управляющаго; въ этой комнатѣ такъ дружно, такъ весело сидѣли они за ужиномъ наканунѣ Всѣхъ-Святыхъ въ 1824 году!

Въ этихъ старыхъ стѣнахъ пали, зли отъ всего сердца, между ельдъ, какъ графиня Маргарита и старый Гюнтеръ, на другомъ концѣ замка, ждали послѣдней своей минуты.

Въ этой комнатѣ съ начала праздника поселился добрый Фан-Фантъ. Всѣ единогласно избрали ее мѣстомъ собраній, потому-то, за отсутствіемъ Моисея Гельда, первое мѣсто по лѣтамъ и

по старшинству званія между компаньонами занималъ престо-
ный Фабриціусъ.

Веселый огонёкъ горѣлъ въ каминѣ. Съ одной стороны сидѣ-
ла г-жа де-Лорансъ, закутавшись въ теплую мантилью и положи-
въ ноги на мѣдную рѣшетку; а съ другой—добрый Фабриціусъ, си-
тавъ пухлыя руки въ широкіе рукава халата, спокойно переде-
валъ завтракъ.

Противъ камина сидѣли докторъ Мирá и синьоръ Яно
Георги.

Хозѣ-Мирá былъ по обыкновенію важенъ и угрюмъ, но въ
минуту уступалъ своему сосѣду Маджарину, на лицѣ котораго
выражалась какая-то тяжелая апатія; щеки его, прежде часто
мяныя, были блѣдны; густыя брови сдвинулись надъ потухшія
глазами; онъ, казалось, страдалъ.

Недоставало для полнаго собранія Авеля Гельдберга и ка-
валера Рейнгольда; кавалера ждали, а юноша не былъ и при-
шёнъ.

Съ пріѣзда въ замокъ, въ присутствіи Фан-Прэтта и Маджар-
чаго завязывались такіе разговоры, при которыхъ сынъ Мис-
сера Гельда былъ бы лишнимъ.

Конечно, онъ былъ однимъ изъ первыхъ лицъ дома; но его
остракизмъ не могъ оскорбить его, потому-что вся заботливость
сосредоточивалась на больной Королеви Викторіи.

Поджидая Рейнгольда, говорили о томъ, о семъ, а слуга Кло-
убиралъ завтракъ Голландца.

Этотъ Клаусъ былъ уже давно въ домѣ; на него можно
положиться, и передъ нимъ не стѣснялись.

Не смотря на то, разговоръ шелъ вяло; Мирá былъ молчали-
въ по обыкновенію; Маджаринъ, погруженный въ мрачныя раз-
шленія, не говорилъ ни слова.

Съ отъѣзда изъ Франціи, его еще ни разу не видѣли ввесе-
ла за столомъ онъ былъ молчаливъ, и напившись становился еще
мрачнѣе.

Въ промежуткахъ, блуждалъ онъ одинъ по двамъ, и
случалось завидѣть кого-нибудь на дорогѣ, уходилъ въ глу-
бую чашу.

Охота, балы, прогулки — не нарушали его уединенія, не
дали изъ мрачнаго расположенія духа.

Замокъ Гельдбергъ, казалось, съ самаго начала произвелъ
на него роковое впечатлѣніе. Рейнгольдъ, любившій подслушивать
дверей, рассказывалъ, что не разъ слышалъ ночью, какъ онъ
ворилъ самъ съ собою.

Голосъ его былъ страшенъ; онъ произносилъ имя Блутта
и просилъ Бога о помилованіи...

Произносилъ онъ еще другое имя, — имя женщины, жалобно
глубоко-растроганнымъ голосомъ.

— Онъ женатъ, говорилъ Рейнгольдъ:—онъ обманулъ, какъ

манываютъ всё эти сорванцы съ усами... Мужчины известнаго роста привлекательны для женщинъ!.. И бьетъ себя въ грудь, какъ несчастный... и думаетъ, что этотъ промахъ есть прямая кара за давнишнія дразги...

Все это Рейнгольдъ говорилъ такъ, на удачу; но его предположенія были близки къ истинѣ. Кромѣ мрачныхъ воспоминаній, вызванныхъ блутгауптскимъ замкомъ, Яносъ былъ пораженъ въ сердце.

Всѣ свои надежды онъ сосредоточивалъ на любви женщины, и сколько часовъ, проведенныхъ барономъ Родахомъ въ Лондонѣ, азрушили его счастье однимъ ударомъ.

Кромѣ угрызений совѣсти, у него была еще мысль: мщеніе. Онъ давалъ барона Родаха.

Оставалось вести разговоръ г-жѣ де-Лорансъ и доброму Фабриціусу.

Но Сара въ это утро была не въ духѣ; она лѣниво раскинулась въ креслахъ; полузакрытымъ глазамъ ея, казалось, представлялись любимыя формы; на губахъ порой являлась улыбка.

Тѣломъ она была тутъ, но мысли ея гуляли далеко.

Одинъ достойный Фабриціусъ долженъ былъ говорить: трудъ е тяжелый для такого краснорѣчиваго Голландца!

Онъ позавтракалъ и былъ въ томъ счастливомъ настроеніи, когда люди говорятъ, не заботясь о слушателяхъ.

Впрочемъ, если компаньоны и не слушали его, то по-крайней-мѣрѣ ни слова не проронилъ изъ его рѣчи внимательный Клаусъ, ажно и медленно убравшій со стола.

Никто никогда еще не замѣчалъ, чтобъ Клаусъ былъ человѣкъ юбопытный, и потому медленность его никого ни беспокоила, ни дивляла; его не опасались.

— Странная вещь, говорилъ Фан-Прэттъ, грѣя туфли: — какъ сильно дѣйствуетъ воспоминаніе!.. Когда я просыпаюсь въ этихъ закомахъ стѣнахъ и входитъ Клаусъ, мнѣ всегда хочется спросить у него о Цахеусѣ... Клаусъ въ то время былъ уже въ замкѣ... вы помните его, докторъ?

— Да, отвѣчалъ Мира.

— А! славно, бывало, проводили мы здѣсь вечера! продолжалъ Фабриціусъ:—Несмерть былъ не то, что называютъ веселымъ собесѣдникомъ, а пилъ какъ губка, и ни въ одномъ глазѣ... Приятно пить человѣка, котораго вино не одолеваетъ!.. Ха! ха! докторъ, вы совсѣмъ не пьете, а подчуете!.. Безъ смѣха вспомнить не могу этого жизненнаго эликсира!..

Сухое лицо Португальца съжилось.

— А моя лабораторія!.. продолжалъ Фан-Прэттъ.—Ноги у меня зажелѣли, и я все еще не собрался на башенку... а надо взлѣзть, взглянуть на мои тигли и реторты.

— Я думалъ, что вы ужъ были тамъ, проговаривалъ Португаль-

лецъ.—Крестьяне говорятъ, что въ послѣднія ночи видѣтъ стѣнъ въ сторожевой башнѣ...

— Право? вскричалъ Голландецъ.—Можетъ-быть, тамъ были стѣны какого-нибудь лакея.

— Я справлялся... нѣтъ.

Клаусъ слушалъ и исподлобья взглядывалъ на собесѣдниковъ.

Фан-Прэттъ потиралъ руки.

— Гэ! сказалъ онъ:—эта исторія вамъ кажется не по сердцу. Можетъ-быть, тамъ дьяволъ поселился?

Маджаринъ зашевелился въ своихъ креслахъ, и опутивъ гла еще больше наморщился.

— Но вѣдь мы собрались не для этой чепухи, продолжалъ Фан-Прэттъ:—что жъ Рейнгольдъ... Вѣдь онъ насъ сзывалъ.

— Отгадать не трудно, для чего онъ сзывалъ, сказалъ докторъ:—поговорить, потолковать еще объ этомъ мальчишкѣ, который скользятъ у насъ между пальцевъ какъ моль!.. Если бы меньше говорили, можетъ-быть, больше бы сдѣлали.

— Клянусь! отвѣчалъ Фан-Прэттъ:—мальчикъ меня собственно не стѣсняетъ; но вы, докторъ, говорите объ немъ, кажется, удовольствіемъ! Рейнгольдъ и наша милая Сара сдѣлали, что могли!

Госпожа де-Лорансъ, услышавъ свое имя, быстро подняла и думчивую голову; Фабриціусъ сдѣлалъ ей дружескій жестъ.

— Что такое?.. спросила она.

— Мы говоримъ объ этомъ Францѣ, отвѣчалъ Голландецъ:—говорю, что съ своей стороны охотно держу за него тысячу франковъ пари... Мы называемъ его *Сыномъ Дьявола*, и это кажется, посчастливилось ему, — господинъ его родитель чрезвычайно заботится объ немъ...

— Есть другіе покровители! сказала г-жа де-Лорансъ.

— Э, ахъ! еслибъ у меня была сила нашего храбраго Маджарина, отвѣчалъ Голландецъ: — не оставилъ бы я обманъ въ такомъ затруднительномъ положеніи!.. Чортъ возьми, что не нашелъ случая повздорить съ этимъ негодиемъ и отправить на тотъ свѣтъ!

Эта выходка такъ не согласовалась съ обыкновеннымъ сладкимъ тономъ рѣчи Фабриціуса, что Миря и Малютка въ одно время смотрѣли на него.

Онъ лукаво мигнулъ имъ; ему очевидно хотѣлось раздѣлить Маджарина.

Но Яносъ, казалось, не слышалъ; онъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ свои мрачныя мысли.

Голландецъ съ досадой пожалъ плечами.

— Знаетъ ли кто изъ васъ, вдругъ спросила г-жа де-Лорансъ о пріездѣ сюда барона Родаха?..

Клаусъ, медленно складывавшій скатерть, вздрогнулъ.

Фан-Прэттъ и Мирá съ изумленіемъ посмотрѣли на Сару.

— Барона Родаха!.. повторили они въ одинъ голосъ.

— Вы думаете, моя красавица? продолжалъ Фабриціусъ: — не далѣе какъ вчера получены деньги и письмо отъ барона изъ Парижа.

— Такъ что жь? сказала Сара.

— Мнѣ кажется...

— На фокусы онъ мастеръ! Развѣ вы забыли эту странную фантазмагорію, которая до-сихъ-поръ осталась для насъ необъяснимою?..

— Парижъ, Лондонъ, Амстердамъ!.. произнесъ Маджаринъ глухимъ голосомъ, не сводя глазъ съ Сары.

— Если бъ я самъ, проѣзжая чрезъ Франкфуртъ, не удостоившись, что три незаконные Блутгаупта тамъ... проговорилъ докторъ...

— Но вы удостовѣрились, прервала Малютка:—вы, Рейнгольдъ и я... Гораздо-легче быть въ одно и то же время въ Парижъ и Гельдбергъ, нежели въ Лондонъ, Амстердамъ и Парижъ.

Янсъ сдѣлалъ довѣрчивый, утвердительный знакъ головой.

— По логикѣ, сказалъ Фабриціусъ: — отъ одного чуда о другомъ не заключаютъ.

— Но кто вамъ это сказалъ?.. началъ-было докторъ, обращаясь къ Сарѣ.

— По моему мнѣнію, прервала она твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ адвоката:—баронъ Родахъ пріѣхалъ въ замокъ вслѣдъ за нами.

— Но что ему въ томъ за выгода? сказалъ Хозé-Мирá.

Малютка остановилась на минуту.

— Я долго колебалась, отвѣчала она:—вашъ вопросъ, докторъ, сама не разъ задавала себѣ... и не могу отвѣчать на него. Но въ-тѣхъ-поръ, какъ мы въ замокъ, между нами и Францомъ есть какой-то таинственный щитъ, противъ котораго мы ничего не можемъ сдѣлать, не смотря на всѣ свои усилія.

— Не случай ли все это?.. замѣтилъ Фан-Прэттъ.

— Положимъ, продолжала Малютка:—случай есть во всемъ, и Францъ счастливъ, я знаю... Но случай для всѣхъ одинаковъ, и слабъ только отъ него все зависѣло, то изъ столькихъ попытокъ мы хоть бы разъ выиграли... Послушайте! Если нужно только доказательство въ постороннемъ покровительствѣ, то вспомните фейерверкъ. Не-уже-ли вы думаете, что случай отворотилъ артиру, направленную искусной рукой?.. Не-уже-ли случай выставлялъ тогда передъ нами трехъ красныхъ человѣкъ?

Фан-Прэттъ и Мирá не находили возраженій; Маджаринъ слушалъ внимательно.

Клаусъ искалъ что бы поправить, прибрать, или какимъ-нибудь образомъ остаться подольше въ комнатѣ.

— Вспомните, продолжала Сара:—дуэль Вердлѣ въ Булонскомъ-

Льсу была именно въ то время, когда прѣхалъ баронъ въ Парижъ... Это было поутру въ чистый понедѣльникъ, а въ полдень баронъ Родахъ явился въ первый разъ въ отели Гельдберга.

— Правда, сказалъ докторъ:—но нужны другія доказательства... этотъ человекъ такъ сильно помогалъ намъ!..

— У насъ, женщины, отвѣчала Малютка:—доказательства мы полагаются не въ томъ порядкѣ, какъ у васъ: мы часто ставимъ на первомъ планѣ то, чѣмъ вы пренебрегаете, и часто еще принимаемъ за доказательство тѣ внезапныя, блуждающія мысли тайныя предчувствія, которыя вы отвергаете съ презрѣніемъ. Мнѣ нечего убѣждать васъ; только, когда я вспоминаю о свиданіи съ барономъ въ Парижѣ, и тѣ подробности, на которыя тогда почти не обратила вниманія... Мы говорили о Францѣ и Вердѣ.

— Какъ это могло случиться? презрительно спросилъ докторъ.

— Случилось... и я припоминаю, что въ этомъ человекѣ было что-то такое, что во мнѣ произвело инстинктивный страхъ... О даль мнѣ обещаніе драться съ Францемъ... И это-то самое обещаніе, какъ оно было дано, составляетъ главное основаніе моего убѣжденія... Верно то, что онъ обманулъ насъ всѣхъ,—васъ, докторъ, васъ, мейнгеръ фан-Прэттъ, васъ, синьоръ Яносъ!..

Маджаринъ опустилъ глаза, какъ-будто сильный лучъ свѣта разилъ его; изъ груди его вырвался глухой стонъ.

— И кавалера Рейнгольда, продолжала Сара: — и брата моего Авеля... и меня!

Злобный огонь загорѣлся въ глазахъ ея.

— И, послѣ этого, мы еще будемъ сомнѣваться, что онъ нашъ врагъ?

— Онъ надѣется быть нашимъ компаньйономъ, сказалъ докторъ.

— Нашимъ наследникомъ скорѣе, отвѣчала Сара.—Онъ продолжаетъ жить у насъ, чтобъ получить больше наследства... Послушайте здѣсь происходятъ странныя вещи: между старыми блутинскими фермерами ходятъ слухи, и эти слухи, грозящіе всѣмъ, сколько насъ ни есть, смертью, не изъ земли вышли: ихъ не пустили.

— Кто же?

— Кавалеръ это знаетъ такъ же хорошо, какъ и я... Вы, докторъ, кажется, сейчасъ говорили, что крестьяне увѣряютъ, будто видятъ свѣтъ въ сторожевой башнѣ!

— Да, я, отвѣчалъ докторъ.

— Ну, зная эти старыя и нелѣпыя преданія о дремлющихъ въ дѣльцахъ замка, вы, конечно, знаете самое старое и самое извѣстное изъ нихъ... будто этотъ свѣтъ есть душа *Blutgutmal*!..

При этомъ словѣ, Клаусъ опять вздрогнулъ.

Яносъ слушалъ, наставивъ уши и разинувъ ротъ.

— Я помню, сказалъ фан-Прэттъ, въ мое время говорили это

— Говорятъ и теперь, продолжала Малыутка:— и я еще не сказала вамъ самаго важнаго, можетъ-быть: въ лѣсахъ и деревняхъ видѣли людей изъ Парижа.

— А!.. вскричалъ докторъ.

— Изъ Тампля! продолжала г-жа де-Лорансъ:— тѣхъ Нѣмцевъ, которые нѣкогда удалились изъ Вюрцбурга, чтобъ не служить убійцамъ Блутгауптовъ.

Мира, Фан-Прэттъ и даже Маджаринъ невольно оглянулись, чтобъ посмотрѣть не слушаетъ ли ихъ кто-нибудь.

Клаусъ только-что передъ тѣмъ вышелъ..

Онъ одинъ изъ компаньоновъ не замѣтилъ, что дверь была не плотно затворена.

— Эти люди, продолжала г-жа де-Лорансъ:— по словамъ Югана, душой и тѣломъ преданы памяти прежнихъ своихъ господъ, я думаю, что баронъ, измѣнивъ тактику, соединился съ этимъ Францемъ для того, чтобъ раздѣлить съ нимъ добычу послѣ побѣды.

Фан-Прэттъ вынулъ руки изъ халата, докторъ обратился къ своей золотой табакеркѣ.

Маджаринъ, казалось, сдѣлался по-прежнему холоденъ.

— Но въ такомъ случаѣ, сказалъ Мира:— юноша долженъ узнать свое происхожденіе?

— Опасаюсь за это, отвѣчала Малыутка.

— И мы не могли!.. со вздохомъ произнесъ Фан-Прэттъ.

— Еще попытаемся, отвѣчала г-жа де-Лорансъ съ отважностью:— еслибъ я была мужчина, не сдѣлали бы мы болѣе одной попытки!

Фан-Прэттъ взялъ Маджарина за руку.

— Янось, мой храбрый товарищъ, сказалъ онъ:— слышите ли?.. вспомните, что опасность и вамъ также угрожаетъ!

Янось поднялъ голову и снова посмотрѣлъ на г-жу де-Лорансъ.

— Но я жду, сказалъ онъ голосомъ, готовымъ разразиться громомъ: — я готовъ... я жду, чтобъ мнѣ сказали, гдѣ этотъ человекъ!

— Bravo, Янось! сказалъ Голландецъ:— я узнаю васъ, мой храбрый другъ!..

— Вы спрашиваете, гдѣ онъ, продолжала Сара: — но вы каждый день бываете подлѣ него... Помните, вечеромъ, за столомъ, между нимъ и вами сидѣла только моя меньшая сестра, Лиа.

На лицѣ Яноса, сіявшемъ дикою свирѣпостью, вдругъ выразилось отвращеніе и презрѣніе.

— Вы толкуете все-еще объ этомъ ребенкѣ?.. проговорилъ онъ.

— О комъ же мнѣ и говорить?

— А я думалъ о другомъ.

Янось сложилъ руки на груди и замолчалъ. Въ эту минуту на

правильномъ, мужественномъ лицѣ его явилась непривычная мысль, казалось, предался воспоминаніямъ.

— Я убилъ, сказалъ онъ наконецъ съ мрачно-гордымъ видомъ — и не раскаяваюсь!.. По спросите, сударыня, Фабриціуса Фан-Прэтта и Хозе-Мира, развѣ тотъ, кого я убилъ, не могъ испугаться?.. То былъ человекъ во всей силѣ, крѣпкій, отважный какъ левъ, и вся Германія знала, какъ владелъ онъ шпагой. Вамъ, можетъ-быть, сказали, сударыня, что насъ было шестеро въ ту ночь въ комнатѣ графа Ульриха Блутгаупта: вамъ не жаль?.. За мною было пять рукъ, пораженныхъ страхомъ... Смотрите у Хозе-Мира и Фабриціуса Фан-Прэтта... они оба были тогда, но тряслись!

Ни докторъ, ни Голландецъ не сочли нужнымъ возражать жарину.

— Одинъ на одинъ, продолжалъ Яносъ:—одинъ противъ одного!.. Крѣпкая шпага противъ моей сабли... Такъ я убиваю, сударыня; но дѣтей я не убиваю!

Фан-Прэттъ и Мира обмѣнялись недовольными взглядами, издавшими такое романтическое ученіе объ убійствѣ.

Сара смотрѣла на Маджарина, какъ женщина, понимающая слово; Яносъ былъ дико-величественъ въ эту минуту.

— Синійоръ Георгъ, сказала она послѣ минутнаго молчанія, я не сегодня только узнала вашу неустрашимость... Я часто слышала о васъ, и чтобъ сомнѣваться въ вашей храбрости, мнѣ бы быть дочерью отца моего.

Лицо Яноса прояснилось и покраснѣлось: такъ чувствительнаго былъ къ женской лести...

— Вы не хотите имѣть дѣла съ тѣмъ, кто слабѣе васъ, сказала Малютка:—это, можетъ-быть, уже слишкомъ-великодушно не въ томъ дѣло. Францемъ могутъ заваяться другіе... не роняй Родахъ также нашъ непріятель.

Яносъ всталъ и оттолкнулъ назадъ свое кресло.

— О! тутъ я не замѣшкаюсь, сказалъ онъ блѣднѣя. — Моги ли вы сказать мнѣ, гдѣ онъ?

— Кажется, могу, отвѣчала Малютка.

— Минуту! вскричалъ Фан-Прэттъ: — не надо дѣйствовать по... у этого человека, кромѣ шпаги, есть противъ насъ другое оружіе.

— Ларчикъ!.. пробормоталъ докторъ.

Маджаринъ пожалъ плечами; Сара также сдѣлала нетерпѣливую жестъ.

— Противъ этого ни одинъ изъ насъ ничего не можетъ сказать, сказалъ докторъ, обращаясь къ Малюткѣ: — вы знаете, этотъ ларчикъ въ вѣрныхъ рукахъ въ Парижѣ... въ немъ есть бумаги, которыя могутъ погубить насъ!

— Васъ, чѣмъ васъ погубить?.. возразила Сара.

— Милая красавица, тихо сказала Фан-Прэттъ:—насъ и вашего почтеннаго родителя Моисея Гельдберга...

Сара опустила голову и наморщилась.

— Чтò мнѣ до того за дѣло! вскричалъ Маджаринъ, топнувъ ногою: — этотъ Родахъ оскорбилъ меня... онъ сдѣлалъ изъ меня несчастнаго!.. Еслибъ даже въ этомъ дарцѣ былъ смертный приговоръ!..

— Есть кое-что въ этомъ родѣ, храбрый Янось, произнесъ у двери тонкій голосъ кавалера Рейнгольда: — по не отчаивайтесь... вашъ и наши смертные праговоры теперь въ хорошихъ рукахъ.

Всѣ обернулись и увидѣли кавалера Рейнгольда, стоявшаго съ торжественной улыбкой.

Подъ лацканами бѣлаго пальто его была толстая связка.

II.

Находка.

Кавалеръ Рейнгольдъ былъ въ чрезвычайно-веселомъ расположеніи духа. Проходя черезъ переднюю, гдѣ Клаусъ все-еще приближалъ что-то совершенно-прибранное, онъ щипнулъ важнаго Нѣмца за ухо, какъ щиплютъ профессора вертявыхъ школьниковъ.

Но онъ не остановился, потому-что за дверью слышалъ голосъ своего страшнаго друга Маджарина.

Янось и мейнгеръ фан-Прэттъ съ пріѣзда въ замокъ сдѣлались добрее на зло судьбѣ; объ огромныхъ долгахъ и помина не было.

Этотъ вопросъ былъ отложенъ до окончанія празднествъ: всѣ занялись дѣломъ, нетерпящимъ отлагательства—надо было сбыть съ рукъ Франца. Сивійоръ Янось не хотѣлъ мѣшаться въ дѣло; впрочемъ, мѣры, принятія домою Гельдберга, были такъ удачны, поколебавшійся кредитъ выслся на такомъ широкомъ основаніи, что сивійоръ Янось нисколько уже не заботился о своихъ векселяхъ; въ головѣ у него засѣла иная мысль.

Но при всей снисходительности къ дому Гельдберга, злоба его не остывала къ несчастному кавалеру Рейнгольду.

Кромѣ презрѣнной продѣлки съ векселями, Янось былъ оскорбленъ лично: баронъ Родахъ, обманувъ его съ помощью его собственной жены.

Янось страстно любилъ эту женщину. Кавалеръ Рейнгольдъ все-таки былъ виновникомъ его позора.

Богъ-знаетъ, какихъ средствъ не принималъ бѣдный кавалеръ, чтобъ заглушить эту вражду. Всѣ возможныя ласкательства, робкая лесть—все пущено было въ ходъ, и ничто не имѣло успѣха; Маджаринъ смотрѣлъ холодно, презрительно, враждебно.

И Рейнгольдъ чувствовалъ, что, при первомъ толчкѣ, надъ нимъ обрушилась бы вся тяжесть задержанной злобы.

Онъ удвоивалъ стараніе; страхъ придавалъ ему и умъ и находчивость.

И какъ, по его мнѣнію, опаснѣе всего было обнаружить свой страхъ, то онъ никакъ не покидалъ своего довольнаго вида.

Впрочемъ, онъ вертѣлся какъ флюгеръ — куда вѣтеръ подуетъ: то снисходилъ до изысканной угодливости, былъ послушенъ, покоренъ, пресмыкался; то дѣлался шутомъ, старался занимать и нравиться; то, наконецъ, входилъ въ роль чело́вѣка необходимая и суетился такъ, какъ-будто только его геніемъ и спасенъ домъ.

Наконецъ, черезъ долгіе промежутки, приходила къ нему бодрость: онъ являлся въ двойственномъ качествѣ дворянина и начальника банкирскаго дома, миллионера. То была странная борьба гордыхъ претензій и страха; съ надмѣннымъ видомъ выслушивалъ онъ насмѣшки и шелъ на встрѣчу презрѣнію съ тою гордою трусостью, съ которою люди поднимаютъ носъ, потупивъ глаза.

Но въ это утро, онъ не задумывался, какую избрать роль; радость одолевала его, все существо его выражало совершенное довольство.

Онъ вошелъ, не давъ себѣ труда затворить за собой дверь.

Вошелъ и остановился на порогъ.

— Тысячу извиненій, что заставилъ ждать себя, сказалъ онъ: — Впрочемъ, надѣюсь на прощеніе, потому-что не совершенно-напрасно потерялъ время.

— Что вы говорили о ларчикѣ? спросили въ одинъ голосъ фан-Прэттъ и Миря.

— Я говорилъ о ларчикѣ? небрежно произнесъ кавалеръ: — да! легко можетъ статься.

— Нельзя ли..? начала-было г-жа де-Лорансъ.

— Сударыня, прервалъ Рейнгольдъ: — минуту отдыха, умолю васъ!.. Еслибъ вы знали все, что я сдѣлалъ сегодня утромъ, вы бы сжалялись надо мною!..

Онъ вынулъ изъ кармана батистовый платокъ и началъ махать съ граціозностью кокетливой красавицы.

— Но вы сказали?.. продолжалъ фан-Прэттъ.

— Прекрасный другъ мой, сжаьтесь!.. Я сказалъ, что храбрый Яношъ теперь можетъ смѣло драться съ этимъ тройственнымъ негодяемъ Родахомъ.

Онъ улыбнулся съ самодовольствомъ и продолжалъ:

— Именно тройственнымъ, не правда ли? говорилъ онъ, пройдя по комнатѣ и опершись на каминъ.

— Ради Бога, объяснитесь! сказала Сара.

Маджаринъ приготовился слушать и смотрѣлъ на Рейнгольда жаднымъ, вопросительнымъ взоромъ.

— Не прежде, какъ осведомившись о вашемъ драгоценномъ здоровьѣ, сударыня, отвѣчалъ кавалеръ съ живописнымъ поклономъ.

Сара съ нетерпѣніемъ наморщила брови; улыбка Рейнгольда еще болѣе расширилась.

— Здравствуйте, мейнсертъ фан-Прэттъ: — какъ ваше здоровье, синьйоръ Георгъ? Вы, докторъ?

Онъ опустилъ большой и указательный пальцы въ золотую табакерку Мира и сдѣлалъ видъ будто нюхаетъ, поправилъ свое жабо съ торжественностью актѣра въ роли придворнаго.

Онъ подвинулъ стулъ и сѣлъ между Малюткой и докторомъ.

Всѣ устремили на него нетерпѣливые взоры. Онъ былъ въ восторгѣ.

Компаньоны, знавшіе его ребяческую натуру какъ свои пять пальцевъ, молчали; лучшее средство заставить его говорить было — не спрашивать.

— Да, друзья мои, сказалъ онъ: — кажется, я сегодня сдѣлалъ хорошее дѣло, т. е. не кажется, но я увѣренъ!..

Онъ остановился; казалось, внезапная мысль мелькнула у него въ головѣ. Согнувшись и выдвинувъ плечи напередъ, онъ началъ ходить по комнатѣ, дѣлая странныя судорожныя ужимки, и, ходя, запѣлъ задумчивымъ голосомъ:

Дядя Гансъ поставилъ ящичекъ
У себя въ шкапу, на самомъ на верху...

Компаньоны посмотрѣли другъ на друга.

— Это что такое? прошептала г-жа де-Лорансъ.

— Онъ съ ума сошелъ! сказалъ фан-Прэттъ.

Кавалеръ разразился хохотомъ.

— Уу, бубу!.. кричалъ онъ.

— Чортъ поberi! загремѣлъ Маджаринъ: — смѣяться, что ли, онъ хочетъ надъ нами?

Странная веселость кавалера вдругъ исчезла, какъ-бы по волшебству.

— Мнѣ кажется, сударыня, сказалъ онъ, избѣгая грознаго взгляда Яноса: — что вы не расположены смѣяться.

Говоря это, кавалеръ чинно занялъ свое мѣсто.

— И такъ, продолжалъ онъ: — безъ шутокъ!.. притомъ. — дѣло дѣйствительно важное... Но вы мнѣ простите этотъ порывъ невинной веселости, когда узнаете мой походженія... честное слово! Извольте видѣть—вещь фантастическая, и подобныя вещи только со мной и случаются.

— Мы прощаемъ васъ, сказала Сара: — только не заставляйте насъ ждать долѣе.

— Сударыня, я къ вашимъ услугамъ... Представьте себѣ... вышедъ я сегодня поутру, чтобъ поговорить съ Юганномъ и навѣдаться о нашихъ молодцахъ, потому-что дѣло тянется несносно; и если мы теперь упустимъ нашего юнца, то Богъ-знаетъ, когда еще заманимъ его!

— Другъ мой, прервалъ Фан-Прэттъ: — все это мы сами знаем; что же далье?

— Терпѣніе!.. Иоганнъ ушелъ разузнавать мѣстность, равно какъ и Малю и Питуа, — оба болтуны, страшно много говорить и шло дѣлаютъ... Я нашелъ только бѣдняка Фрица, впрочемъ, уже нѣтоваго... я оставилъ его съ бутылкой и спустился къ деревнѣ, къ надеждѣ найти молодцовъ тамъ.

«На половинѣ дороги, сквозь туманъ, замѣтилъ я у каменоломни такое странное съ вида существо, что сначала не повѣрилъ глазамъ своимъ.

«Это былъ ребенокъ лѣтъ двѣнадцати или тринадцати, одѣтый какъ одѣваются парижскіе ремесленники; сейчасъ я пытался представить вамъ его походку.

«Онъ повторялъ этотъ припѣвъ:

Дядя Гансъ поставилъ ящичекъ...»

— Я не могу придумать, господинъ кавалеръ, прервалъ докторъ: — что тутъ можетъ быть для насъ интереснаго?

Рейнгольдъ снова самодовольно улыбнулся.

— Увидите, отвѣчалъ онъ.

Кавалеръ ударилъ рукой по выставившемуся изъ-подъ пальто узлу.

— Увидите! повторилъ онъ: — по-мѣрѣ-того, какъ я приближался, мнѣ казалось, что я гдѣ-то видѣлъ это безобразное существо... наконецъ, вспомнилъ, что встрѣчалъ его въ Парижѣ, въ Тамплѣ. Докторъ Хозе-Мира... начинаетъ ли это васъ заинтересовывать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ важный Португалець.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ Рейнгольдъ: — умалчиваю подробности, чтобъ не терять золотого времени.

— Касается ли ваша исторія барона Родаха? спросилъ Яносъ.

— Весьма, любезный синьоръ.

— Такъ я васъ слушаю... продолжайте!

Это суровое одобреніе Рейнгольдъ принялъ за самое лестное прѣвѣтствіе.

— Чтобъ удовлетворить вашему любопытству, синьоръ Яносъ, буду говорить короче; но предупреждаю васъ, что моя исторія удовлетворитъ не одному любопытству... Узнавъ этого несчастнаго мальчика, который идиотъ и нищій, и котораго зовутъ страннымъ прозвищемъ Генъиолета, я удвоилъ шаги, чтобъ догнать его и былъ уже близко, какъ вдругъ въ тощій мозгъ его пришла новая мысль; перескочивъ черезъ плетень, окружавшій каменоломню, онъ повалился на мокрую траву.

«Меня отбѣлалъ отъ него одинъ плетень, и я могъ слѣдить за его движеніями.

«Онъ уже не пѣлъ, но, приставивъ ко рту горлышко бутылки, началъ жадно пить.

«Потомъ вытащилъ изъ-подъ блузы связку бумагъ и разбросалъ ихъ около себя по травѣ.

«Я просунулъ голову сквозь плетень... и — держу тысячи парй, если вы отгадаете, что я увидѣлъ!..»

— Пошадите насъ, кавалеръ, сказала г-жа де-Лорансъ.

— Я жду!.. прибавилъ Маджаринъ, сдвинувъ свои густыя брови.

Рейнгольдъ колебался съ минуту между желаніемъ угодить Яносу быстрымъ повиновеніемъ и охотой растянуть свой рассказъ по всѣмъ правиламъ романа.

Онъ былъ увѣренъ въ успѣхъ, но ему хотѣлось полного успѣха.

Сказать правду, слушатели его были не изъ числа благосклонныхъ; Малютка, Мира и Маджаринъ безъ околичностей обнаруживали нетерпѣніе.

Только превосходный и любезный фан-Прэттъ казался долготерпѣливымъ.

Рейнгольдъ обратился къ нему съ признательной улыбкой.

— Однимъ словомъ, продолжалъ онъ:—эти бумаги были такого рода, что я бы сейчасъ же далъ пятьдесятъ тысячъ экию, чтобъ имѣть ихъ.

— Гм! воскликнулъ фан-Прэттъ.

— Какая-нибудь глупость!.. проворчалъ Португалецъ.

— Я рѣшительно перелезъ черезъ заборъ съ намѣреніемъ захватить идиота врасплохъ.

«Онъ не испугался, увидѣвъ меня, и лежалъ среди своихъ бумагъ.

«— Гэ, гэ, сказалъ онъ:—вотъ и *хозяинъ!*..

«Такъ зовутъ меня въ Тамплѣ.

«Гдѣ ты взялъ эти бумаги, Генійолетъ? спросилъ, я его строгимъ голосомъ.

«Онъ окинулъ меня дикимъ, злымъ взглядомъ.

«— Я больше васъ, проворчалъ онъ:—если вы хотите мнѣ больно сдѣлать, такъ я васъ брошу въ яму!

«— Я не хочу тебѣ зла, бѣдный ребенокъ... но я очень люблю старинныя бумаги, и если хочешь, куплю у тебя вотъ эти.

«— Сколько? вскричалъ идиотъ, и глаза его заблестѣли.

«— Сколько хочешь.

«Онъ сложилъ руки пригоршнями, но, находя это недостаточнымъ, покачалъ головою и, снявъ шляпу, закричалъ:

«— Я хочу полный картузь су!»

«Хорошо, сказалъ я и вынулъ изъ кармана три или четыре пятифранковыя монеты, которыя, конечно, по-крайней-мѣрѣ равнялись запрошеной цѣнѣ.

«Но идиотъ считалъ не такъ.

«Онъ важно покачалъ головою и показалъ на свою шапку.

«Я долженъ былъ бѣжать на сосѣднюю ферму и развѣшивать тамъ свои монеты на су.»

— И, возвратившись, получили бумаги? сказала Малютка.

— Подождите, сударыня!..

— Нѣтъ, я не хочу ждать! прервалъ Маджаринъ.

У Рейнгольда уже готовы были и фразы и краски для этой части разсказа; онъ жалобно взглянулъ на Маджарина и не смѣлъ слушаться.

— Ну! сказалъ онъ, стараясь улыбнуться: — я одинъ противъ четверыхъ.

И съ видимымъ неудовольствіемъ открылъ полы своего балаго пальто.

— Эти бумаги, сказалъ онъ: — вотъ онъ... это просто то, что хранилось въ знаменитомъ ларцѣ...

Если Рейнгольдъ сомнѣвался въ эффектѣ, то теперь долженъ былъ разувериться. Всѣ четыре компаньона встали.

— Въ ларцѣ барона! вскричали Мирá и Малютка.

— Съ моими векселями? вскричалъ фан-Прэттъ.

Только Маджаринъ не произнесъ ни слова.

Бумаги были выложены на столъ и осмóтрѣны жадными взорами. Зоркій фан-Прэттъ разомъ узналъ свои векселя среди этой кучи и положилъ ихъ въ свой бумажникъ. Мирá въ глубинѣ души негодовалъ на неблагодарное кавалера.

Яносъ съ меньшею торопливостью захватилъ свои векселя. Эта неожиданная находка, казалось, мало тронула его.

Рейнгольдъ распыжился какъ павлинъ.

— Я вамъ говорилъ, господа, сказалъ онъ съ торжественнымъ видомъ:—что баронъ нисколько не преувеличивалъ, говоря, что въ этомъ ларцѣ былъ приговоръ всѣмъ намъ. Вотъ вся наша переписка 1824 года, которую онъ нашелъ въ бумагахъ своего патрона Цахеуса... Храбрый Яносъ, это ваше письмо!.. Вотъ ваша подпись достойный фан-Прэттъ!.. вотъ моя!.. А что касается до васъ, сударыня, это посланіе, за которое можно попасть на висѣлицу, писано все отъ начала до конца рукою почтеннаго вашего родителя! Ха, ха! съ-тѣхъ-поръ, какъ существуетъ общество, кажется, кто еще не оказалъ ему подобной услуги!

— Вы, г. Рейнгольдъ, дѣйствительно имѣете полное право нашу благодарность, сказала г-жа де-Лорансъ.

— Я всѣмъ готовъ для васъ жертвовать, мой добрый другъ и товарищъ, вскричалъ фан-Прэттъ, умиленный мыслью о своихъ векселяхъ.

Мирá молчалъ; онъ думалъ, что кавалеръ могъ бы все эти деньги и хранить при себѣ.

— Теперь, продолжала Малютка, не упуская изъ вида своихъ идеѣ: — г. Родахъ обезоруженъ... ничто не мѣшаетъ прямому паденію на него... Синьоръ Яносъ, вы еще не оставили своихъ намѣреній?

— Пусть скажутъ мнѣ, гдѣ онъ, отвѣчалъ Маджаринъ:—и черезъ часъ я увижу его кровь.

Сара медлила отвѣчать, и кавалеръ улыбулся еще съ бѣльшимъ самодовољствомъ.

— Вижу, сказалъ онъ:—что мнѣ еще разъ приходится вывести васъ изъ-затруднительнаго положенія... Еслибъ вы не помѣшали мнѣ разказать мою исторію, не пришлось бы вамъ дѣлать такого вопроса.

— Вы знаете, гдѣ онъ?.. быстро спросилъ Янось.

— Не многое укрывается отъ меня, синьйоръ Гебрга... и не смотря на легкость, съ которою со мною иногда обращаются, и при случаѣ могу оказать кое-какія цѣнныя услуги.

— Говорите, прошу васъ! вскричала Малютка, пожирая его взоромъ.

— Теперь необходимо меня выслушать?.. какое благополучіе!.. Ну! я не жестокосердъ: вотъ что мнѣ извѣстно:

«Мой Генъиолетъ былъ сегодня въ весьма-общительномъ положеніи духа... даже прежде моихъ привлекательныхъ су, бутылка настроила его на такую откровенность, что онъ разказалъ бы все, что зналъ, первому встрѣчному. Онъ не говорилъ иначе, какъ на тампльскомъ аргю, но этотъ языкъ мнѣ знакомъ нѣсколько, и я понялъ его совершенно.

«Его семейство, кажется, живетъ по сосѣдству съ однимъ продавцомъ платя, Гансонъ Дорномъ, про котораго Юганнъ давно говорилъ мнѣ, какъ про самаго ревностнаго партизана Блутгауптовъ.

«Мимоходомъ замѣтить, этотъ Гансъ Дорнъ по всей вѣроятности теперь въ Германіи.

«Идіотъ Генъиолетъ смотрѣлъ въ окно, когда поутру, въ чистый понедѣльникъ, высокій господинъ вошелъ къ сосѣду Гансу Дорну. Онъ зналъ, что въ Тамплѣ шла молва, будто продавецъ платя прятеть деньги.

«А Генъиолетъ любить деньги, на которыя наполняютъ его бутылку.

«Изъ своего окна онъ часто смотрѣлъ въ комнату Ганса Дорна.

«Въ то утро, онъ видѣлъ, какъ высокій господинъ вытаскивалъ изъ-подъ нальто что-то такое свѣтлое, что онъ принялъ это за золотыя монеты.

«Это былъ ларчикъ, обитый мѣдными гвоздями.

«Гансъ поставилъ его въ свой шкафъ на верхнюю полку. *На самомъ наверху*, какъ пѣлъ идіотъ...

«Генъиолетъ, каналья, пробилъ стѣну, вошелъ Богъ-знаетъ какъ, открылъ ларчикъ не разломавъ его и пришелъ въ отчаяніе, увидѣвъ тамъ, вмѣсто *желтяковъ*, однѣ бумаги.

«Съ досады, онъ взялъ, закрылъ ларчикъ, наклавъ туда золы изъ печки, и ушелъ черезъ свою дыру.

«И теперь у барона Родаха страшный ларець съ золою!..»

— Но изъ этого еще не видно, гдѣ самъ баронъ, сказала г-жа де-Дорансъ.

— Дайте свободу Генъйолету!.. это нашъ оракулъ... Генъйолетъ не болѣе двухъ дней какъ прѣхалъ въ Германію, а уже три раза видѣлъ высокаго господина, который приносилъ дарчикъ къ Гансу Дорну...

— А!.. вскричалъ Маджаринъ, весь превратившійся въ слухъ.

— Видите ли, какъ я отгадала, что онъ здѣсь!.. сказала Малютка.

Фан-Прэттъ связывалъ бумаги, бывшія въ дарчикъ и въ которыхъ теперь не доставало только лондонскихъ и амстердамскихъ векселей.

Мира смотрѣлъ на пачку съ прискорбіемъ; еслибъ это оружіе попало въ его руки, не легко бы разстался онъ съ нимъ!

— Я думаю, что другъ мой Генъйолетъ все это рассказалъ мнѣ за деньги! продолжалъ Рейнгольдъ торжественнымъ голосомъ.

— Не сказалъ ли онъ вамъ главнаго-то? спросила г-жа де-Лорансъ:—гдѣ скрывается баронъ Родахъ?

— Терпѣніе, сударыня... Всѣ три раза, когда Генъйолетъ встрѣчалъ барона, высокій господинъ выходилъ изъ домика подъ горою, прямо противъ камня, который здѣсь зовутъ Головой-Негра.

— Это домъ Готлиба, сказалъ фан-Прэттъ: — добрый малый, который еще въ мое время былъ блутгауптскимъ васалломъ.

— Ну, такъ тутъ-то, вѣроятно, и скрывается баронъ, прибавилъ Рейнгольдъ.

Фан-Прэттъ открылъ свое бюро и положилъ туда тщательно-связанную пачку.

Янось, не говоря ни слова, пошелъ къ двери.

Кавалеръ Рейнгольдъ открылъ-было ротъ, чтобъ спросить что-то, но Малютка сильно пожала ему руку.

— Молчите! прошептала она:—онъ идетъ за своими пистолетами...

Когда Маджаринъ вошелъ въ переднюю, Клаусъ вышелъ оттуда въ противоположную дверь.

Съ прихода Рейнгольда, Клаусъ былъ тутъ и подслушивалъ.

Онъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы и пустился по длинному корридору, соединявшему оба флигеля замка.

Въ концѣ корридора онъ отворилъ тяжелую дверь, выходящую на маленькій пустой дворъ, который съ одной стороны примыкалъ къ укрѣпленіямъ, а съ другой къ заднему фасаду капеллы.

Клаусъ безпокойно осмотрѣлся кругомъ. На дворъ никого не было. Онъ вошелъ въ разваливающуюся капеллу, взлѣзъ на хоры, отворилъ маленькую дверцу, приходившуюся за алтаремъ, и спустился по сырой подземной лѣстницѣ въ склепъ, гдѣ стояли гробницы Блутгауптовъ.

Блѣдный свѣтъ лампадки, стоявшей на одной изъ гробницъ, освѣщалъ статуи графовъ, лежавшихъ съ сложенными на груди руками.

Клаусъ перекрестился.

— Вы здесь? прошепталъ онъ.

Отвѣта не было.

Грѣбница, на которой стояла лампадка, представляла три статуи изъ краснаго порфира, лежавшія рядомъ одна подлѣ другой.

То были три сына Чернаго-Графа, тѣ самые, которые, какъ говорила легенда, отъ времени-до-времени приходили на землю, чтобъ праздновать рожденіе или смерть Блутгауптовъ,—три красные человѣка.

— Вы здесь?.. повторилъ Клаусъ, едва переводя духъ отъ страха.

Отвѣта опять не было.

Но въ глубинѣ склепа послышался глухой шумъ, и слабый свѣтъ лампы освѣтилъ три человѣческія фигуры...

III.

Сторожевая башня.

На другой день, въ четверкъ на четвертой недѣлѣ поста, назначенъ былъ знаменитый маскарадъ, о которомъ гельдбергскіе гости мечтали съ самаго пріѣзда.

Парижане, расположившіеся въ Обернбургъ, Эссельбахъ и другихъ городахъ, торжествовали въ этотъ день. Имъ было холодно, и кислая капуста пріѣлась; билеты, купленные большею частію по дорогой цѣнѣ, до-сихъ-поръ давали имъ только право любоваться издали великолѣпнѣмъ Гельдберга: жаловаться собственно было нѣ на что, потому-что все было прекрасно, роскошно, величественно; но они начали замѣчать, что изъ всего этого для нихъ не было ничего, и что они жили остатками блюдъ, приготовленныхъ для привилегированныхъ гостей, что они служили только декораціями, прибавленіями къ празднику. Ихъ приглашали только, когда надо было имѣть свиту, наполнить театральную залу, составить труппу. Они не заставляли упрашивать себя и являлись по первому звонку, чтобъ вознаграждать чѣмъ-нибудь свои протори и убытки; ихъ принимали прекрасно, но проходила нужда—и про нихъ забывали.

Щекотливѣе всего было то, что въ этихъ сосѣднихъ городкахъ они сѣмьшивались съ различными приглашенными изъ Франціи торговцами, доставлявшими для праздника все необходимое. Львы и львицы втораго разряда сталкивались, увы! съ портными, парикмахерами и модистками!

Но въ этотъ благополучный четверкъ, аррьергардъ гостей будетъ за все вознагражденъ; всѣ приглашены на балъ; нѣтъ болѣе различія между привилегированными и приглашенными *extra muros!*

Этотъ гостепріимный балъ, и завтра еще большая охота съ факелами—могли вознаграждать за много дней досады и ожиданія.

Часть VIII.

Онъ несъ корзинку, наполненную, вѣроятно, съѣстными припасами.

Онъ, конечно, зналъ завѣтное слово, потому-что дверь отворялась передъ нимъ даже безъ ключа.

Когда онъ возвращался, корзинки уже съ нимъ не было.

День прошелъ; вечеромъ, когда къ замку подъѣзжали первыя кареты съ второклассными гостями, г-жа де-Лорансъ была въ своей спальнѣ одна съ Жозефиною Батальёръ, которая—уже два дня или три, какъ пріѣхала изъ Парижа. Съ-тѣхъ-поръ, г-жа де-Лорансъ удалила отъ себя и Нину и другую камеристку, и велѣла приготовить для Батальёръ кровать въ сосѣдней комнатѣ.

Тампльская торговка привезла съ собою ребенка, котораго называла своею дочерью.

Это было хорошенькое, болѣзненное, кроткое существо; въ замкъ видѣли ее только одинъ разъ при проѣздѣ; съ-тѣхъ-поръ, она не выходила изъ комнаты Батальёръ.

Сара еще не кончила своего бальнаго туалета, при которомъ Батальёръ безъ урона занимала мѣсто двухъ камеристокъ.

Чтобъ придать балу болѣе характеристики, гости заранее стоворились о костюмахъ.

Сара и сестра ея Эсэиръ принадлежали къ кадрили, составленной изъ главныхъ лицъ «Тысячи и Одной Ночи»; на ней была богатая вышитая куртка прекрасной Зобенды и кашмировое платье, украшенное камнями; изогнутый кинжалъ висѣлъ на поясъ; не доставало только высокаго тюрбана, на который Батальёръ прикалывала великолѣпный фермуаръ.

Малютка въ ожиданіи сидѣла передъ зеркаломъ. Этотъ костюмъ такъ гармонировалъ съ ея восточной красотой, что Батальёръ смотрѣла на нее съ удивленіемъ и гордостью...

Глаза Малютки были обращены на зеркало, но она не видѣла себя; мысль ея была далеко отъ праздника. Она мечтала, и мечта ея была грустна въ эту минуту; тонкія, черныя какъ агаты, брови ея по временамъ двигались; на губахъ скользила злобая, мѣкая улыбка.

Комната ея была убрана со вкусомъ, но нисколько не имѣла эротическаго великолѣпія ея парижскаго будуара. Черезъ отворенную дверь видна была комната г-жи Батальёръ, и въ ней дѣтъ кровати, изъ которыхъ одна скрывалась до половины за длинными спущенными занавѣсками.

Взоръ Сары часто обращался къ этой кровати, и тогда выраженіе лица ея смягчалось даже до нежной любви.

— Вотъ тоже, сказала Батальёръ, примѣряя тюрбанъ на руку:— такую вещь не въ каждомъ парижскомъ магазинѣ найдешь!.. Надѣюсь, моя дорогая госпожа не будетъ сожалѣть о своихъ двухъ жеманныхъ горничныхъ!

— Нѣтъ, разсѣянно отвѣчала г-жа де-Лорансъ.

— А-га!.. примѣряйте-ка?

— Нѣтъ еще, сказала Сара:— успѣю.

— А! еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ, какъ бы торопилась я посмотреть на все это!.. Стоитъ ли хлопотать, Господи! какъ подумаешь! вотъ, вѣдь, когда мой Полить выйдетъ въ своей роли, надо будетъ взглянуть на него!

— Увидимъ, душа моя.

— Ахъ, сударыня! онъ хорошъ будетъ въ своемъ огромномъ плащѣ... Онъ не глупъ, Полить, хоть и кажется съ перваго раза...

Малютка встала и, не отвѣчая, вышла въ комнату Батальѣръ, освѣщенную одной свѣчой, стоявшей на столѣ. Сара подняла занавѣску и открыла лицо спавшей дѣвочки.

То была наша тампльская знакомка: Ноно, бѣдная служанка добряка Арабѣ.

Она спала, положивъ головку на худощавую руку. Лицо ея было очень-блѣдно; только на выпуклостяхъ щекъ виднѣлись два ярко-красныя пятна.

Дыханіе ея было ровно, но тяжело; можетъ-быть, это вліяніе сна; она, казалось, страдала...

Но какъ прекрасна она на этой бѣлой постели! какъ красивы эти длинныя волосы, разбросанныя по кисейной подушкѣ!

Черты ея лица были чрезвычайно-нѣжны и напоминали Сару; больно было думать, какая страшная судьба прежде тяготѣла надъ этимъ прекраснымъ, слабымъ созданіемъ!

Сара съ упоеніемъ смотрѣла на нее сложивъ руки, какъ-будто слова молитвы неволью ложились на разсыянно-полуоткрытый ротъ.

— Скрывать всегда!.. всегда! шептала она: — такъ, есть муки безконечныя!..

Батальѣръ шла за нею на цыпочкахъ, чтобъ не разбудить ребенка.

— Не знаю, сказала Сара съ опечаленнымъ видомъ: — теперь она, кажется, еще болѣзненнѣе... Докторъ Сольнѣ былъ?

— Жду его, отвѣчала Батальѣръ: — ну, да въ эти лѣта всегда есть средства помочь!.. А если дѣвочка узнаетъ, что она дочь знатной дамы,—это ее такъ оживить, что чудо! вдругъ выздоровѣетъ.

— Когда же она узнаетъ это? прошептала г-жа де-Лорансъ, оустивъ голову.

— Ахъ, Господи!.. голубчикъ—хоть дьяволъ будь, такъ не долго удержится.

Сара сложила руки; грудь ея сильно подымалась подъ роскошнымъ нарядомъ.

— Есть проклятiе надо мною! сказала она тихимъ голосомъ: — ничто мнѣ не удастся!.. Бѣды скопляются вокругъ меня... и какая-то таинственная рука противится исполненію моихъ желаній!.. Если есть Божество!..

Она остановилась и провела рукою по лбу.

— Когда я писала къ тебѣ, продолжала она: — чтобъ привести ребенка, я думала, что къ твоему прїезду все кончится... Господи де-Лорансъ былъ въ такомъ положеніи, что оба доктора признали крайнюю опасность... Но странная эта болѣзнь... На другой день ему стало лучше, нежели когда-нибудь... И кто знаетъ, можетъ-быть, мы всё урремъ прежде его!

— Ну, ну! сказала Батальёръ.

Малютка покачала головой.

— У меня никогда не было предчувствій, проговорила она: — я всегда сѣялась надъ необъяснимыми вещами; но въ эту недѣлю сны мучаютъ меня... приходятъ въ голову небывалыя мысли... Мнѣ дѣлается страшно!

— Лихорадочка... отвѣчала торговка.

— Можетъ-быть, не то ли это, что называютъ угрызениями совѣсти!.. говорила г-жа де-Лорансъ какъ-бы самой-себя.

У Батальёръ не было иныхъ утѣшеній; она замолчала.

Малютка также замолкла, наклонилась надъ спящей дочерью и подаловала ее въ лобъ.

— Какой жаръ у нея! продолжала она. — А! это отъ-того, что она столько перетерпѣла!.. Если я лишусь ея, знаете ли, что я буду самая несчастная женщина... потому-что буду причиною ея смерти?

— Гм!.. оно немножко-такъ! отвѣчала Батальёръ.

Сара съ отчаяніемъ взглянула на нее.

— Нѣтъ... о! нѣтъ! бормотала она:—не я... Развѣ не знала ты, какъ я люблю ее?

— Извольте ли видѣть, сударыня...

— Ты хочешь убить меня?.. Но она не умретъ!.. она такъ молода! Это ребенокъ!.. Ахъ, какъ счастливы тѣ матери, которыя умѣютъ молиться!.. говорила она, опустивъ руку на распущенные волосы дочери.—Юлинь! Юлинь! мое милое сокровище!.. какъ охотно пожертвовала бы я своимъ богатствомъ, чтобъ возвратитъ тебѣ жизнь и силы!

На полуоткрытыхъ губахъ Галифарды явилась игривая улыбка.

— Она какъ-будто слышитъ меня?.. вскричала въ восторгъ г-жа де-Лорансъ. — Взгляни: она уже не страдаетъ. Какъ хороша она будетъ черезъ годъ!.. Какъ глупо думать о смерти!

Въ это время кто-то постучался въ дверь комнаты.

— Это вѣрно докторъ, сказала Батальёръ.

Малютка поспѣшно удалилась въ свою комнату: предъ докторомъ нечего было дѣлать у постели дочери тампльской торговки. Между-тѣмъ, чего бы не дала она, чтобъ слышать, что онъ скажетъ.

Она стала за дверью и прикладывала къ замочной скважинѣ то ухо; то глазъ:

Докторъ вошелъ и сѣлъ у кровати ребенка. Сара видѣла, какъ

онъ взявъ свѣчу, пристально посмотрѣвъ въ лицо Юдиной, и нѣсколько минутъ изучалъ пульсъ; потомъ видѣла, какъ онъ покачалъ головою, какъ шевелилъ губами, но что говорилъ онъ—Сара не слышала... но думала, что отгадала.

Докторъ отдалъ свѣчу Батальеръ, еще посмотрѣвъ на Юдину и поднявъ покрывало.

Сара вся превратилась въ зрѣніе; но Батальеръ, случайно или умыленно, стала между дверью и кроватью..

Сара болѣе ничего не видѣла.

IV.

Разспросы.

— Давно болѣлъ этотъ ребенокъ? спрашивалъ докторъ Сольнѣ г-жу Батальеръ.

— Да... отвѣчала Батальеръ, неловко разыгрывая роль матери: — кажется, не такъ давно...

— Вы навѣрно не знаете? спросилъ удивленный докторъ.

— Чего?... ну, ужь!... смѣшно было бы, еслибъ я не знала.

Сольнѣ, пощупавъ пульсъ спящей Ноно, поднялъ глаза на торговку.

— Лечилъ кто-нибудь ее въ Парижъ? спросилъ онъ.

— Да... нѣтъ... какъ же! отвѣчала Батальеръ.

Сольнѣ не понималъ затрудненій этой женщины, и въ немъ родилось смутное подозрѣніе. Въ эту-то минуту Сара видѣла, какъ онъ покачалъ головою.

— Веселаго характера былъ ребенокъ?.. продолжалъ онъ, смотря на Юдину. — Счастлива она была?

— Не очень, бѣдняжка! отвѣчала Батальеръ.

— Она очень-больна! прошепталъ Сольнѣ.

Энергическое бранное слово сорвалось у Батальеръ съ языка.

— Надо посмотрѣть грудь, сказалъ докторъ: — подержите свѣчу...

Слово *грудь*, произнесенное медикомъ, звучитъ страшно, раздираетъ сердце матери.

По какому-то теплomu инстинкту Батальеръ хотѣла скрыть отъ г-жи де-Лорансъ предстоящую сцену: она стала между дверью и кроватью.

Докторъ Сольнѣ поднялъ одѣяло и приложилъ руку, а потомъ ухо къ груди спавшей дѣвочки. Чтобы пополнить свои наблюденія, онъ развязалъ снурокъ у рубашки Юдиной; но, обнаживъ грудь, отступилъ съ нахмуреннымъ лицомъ.

— Это что такое? сказалъ онъ, указывая на синія пятна, испещрившія грудь ребенка.

Свѣча дрожала въ рукѣ Батальеръ.

— Это вы? проговорилъ Сольнѣ съ видимымъ отвращеніемъ и негодованіемъ.

— Я? вскричала Батальѣръ:—еслибъ попался мнѣ тотъ, кто это сдѣлалъ, я бы задушила его!

— Такъ ваша дочь не у васъ жила въ Парижѣ?

— Мы не милліонеры; ребенокъ былъ на мѣсть... О! старіи дьяволъ Арабі!

Сольнѣ съ состраданіемъ смотрѣлъ на больную.

— Это не вы, сказалъ онъ, обращаясь къ Батальѣръ: — я умренъ... Надо быть звѣремъ дикимъ, чтобъ такъ истерзать это слабое созданіе!... Сегодня ночью нечего дѣлать... я приѣду завтра поутру.

Онъ пошелъ къ двери.

— Вы думаете, что это опасно? спросила торговка, провожая его.

— Она слаба! отвѣчалъ Сольнѣ: — но въ эти лѣта... Запч увидимъ.

Онъ торопливо вышелъ, чтобъ избѣжать разспросовъ.

Сара вбѣжала въ комнату.

— Что онъ говорилъ? сказала она: — вспомни все, что онъ говорилъ, Жозефина; перескажи мнѣ все слово въ слово!

— Господи! отвѣчала Батальѣръ:—эти лекаря, извѣстно, странные люди; немного отъ нихъ узнаешь...

— Но все-таки?...

— Говорилъ то, да сѣ... глупости!

— Ахъ!.. ты мучишь меня! вскричала Сара.

— Ну! что вамъ надо?... сказалъ, что такъ прихворнула... маленькая лихорадочка...

— Право?...

— Ну!... сказалъ, что дѣвочка не крѣпкаго сложенія... мы прежде его знали... но беспокоиться не объ чемъ.

— Онъ сказалъ это?

— Сказалъ.

Г-жа де-Лорансъ тяжело вздохнула. Глаза ея были устремлены на ребенка, и потому она не замѣтила на смѣломъ, по обычаю, лицъ Батальѣръ нерѣшимости и принужденія.

— Боже мой! сказала она, улыбаясь: — еслибъ ты знала, милая, какія глупыя мысли приходили мнѣ въ голову, когда была тамъ за дверью!... Мнѣ казалось, что докторъ грозилъ что-то... Эти минуты показались мнѣ цѣлымъ вѣкомъ!

Она вдругъ остановилась и пристально посмотрѣла на Батальѣръ.

— Но отъ-чего онъ покачалъ головою? спросила она.

— Покачалъ головою?... повторила торговка.—Ахъ, да! покачалъ эти доктора изъ всего сдѣлаютъ Богъ-знаетъ что... подушечка и жала низко; онъ поднялъ.

Сара опять обратилась къ дочери. Сонъ ребенка былъ спокоенъ

въ эту минуту; — Малютка не смѣла поцаловать ее, чтобъ не разбудить; но она ласкала ее взоромъ.

— Какъ подумаю, шептала она: — что сейчасъ могла услышать вѣсть, которая убила бы меня! и что, вмѣстѣ того, такая радость! — вѣдь ты, конечно, не обманываешь меня, милая Батальеръ?... ты правду мнѣ сказала? — Впрочемъ, развѣ я сама не вижу?... Посмотри, она точно улыбается, и личико такое свѣжее стало!...

Торговка искала въ головѣ какого-нибудь отвѣта, но напрасно; употребляла всѣ усилія, чтобъ казаться веселой, но была какъ на иглокахъ.

— Кончили бы вы свой туалетъ, сказала она, желая положить конецъ этой сценѣ.

Малютка забыла про балъ; она печально посмотрѣла на свой костюмъ.

— Какъ бы охотно осталась я здѣсь на всю ночь! сказала она: — смотреть на нее!... сидѣть у ней!... отгадывать ея сны...

Она медленно отодвинула свои кресла: потомъ, какъ-бы обрадовавшись блеснувшей мысли, снова подошла къ постели.

— Я все думаю, сказала она: — зачѣмъ докторъ открываетъ одѣяло?...

— Я не видала... проговорила торговка съ возрастающимъ смущеніемъ.

— А я видѣла, продолжала Сара: — но ты помѣшала мнѣ видѣть больше.

Пальцы ея сжимали одѣяло съ какою-то завистью.

— Мы дѣлаемся дѣтьми, когда любимъ, говорила она: — ниѣ хочется посмотреть ея маленькую, бѣлую шейку!... ея голыя ручки розовыя!... Я никогда еще не видѣла... у своей дочери.

Она сдѣлала движеніе, чтобъ поднять одѣяло.

Батальеръ бросилась, чтобъ остановить ее.

— Полноте, сударыня, здѣсь холодно, а ребенокъ въ поту!

— Холодно?... повторила Сара: — отъ-чего же мнѣ жарко, когда я почти раздѣта?... Впрочемъ, взглянуть недолго!...

Батальеръ положила руки на одѣяло, которое Сара хотѣла поднять.

— Пусти, сказала г-жа де-Лорансъ съ легкимъ нетерпѣніемъ: — пусти!

Торговка не шевелилась.

Брови Сары слегка наморщились; на лицѣ выразилось безпокойство.

— Пусти! сказала она нѣсколько повелительнымъ голосомъ.

И, какъ торговка не повиновалась, то она прибавила уже измѣнившимся голосомъ:

— Ты заставляешь меня подозрѣвать несчастіе... Пусти, говорю я!

— Послушайте, бормотала Батальеръ: — когда у дѣтей такая лихорадка... не надо... почему я знаю?...

Эта фраза окончилась глухимъ шипѣніемъ.

Сара повторила приказаніе.

Батальёръ не смѣла противиться, но, сложивъ руки, машинально шептала:

— Пожалуйста... повѣрьте мнѣ... не смотрите!...

Это значило дуть на огонь, чтобъ погасить его.

Энергическимъ жестомъ Сара подняла одѣяло, но оно тотчасъ опять уало изъ оцѣпенѣвшей руки ея.

Она увидѣла синія пятна, покрывавшія шею и руки Галиардъ. Она сначала поблѣднѣла; потомъ лицо ея побагровѣло и вдругъ опять покрылось смертною блѣдностью.

Сара тряслась всѣмъ тѣломъ; черты прекраснаго лица ея судорожно сжимались, глаза горѣли; она была такъ страшна, что сама Батальёръ задрожала.

— Я говорила вамъ...

Суровый жестъ Сары остановилъ ее.

Послѣдовало долгое молчаніе; г-жа де-Лорансъ снова подняла одѣяло, чтобъ рассмотреть пятна, и по-мѣрѣ того, какъ она тривалась, мускулы лица ея медленно удлинялись; вѣки были подымались и опускались; двѣ горячія слезы скатились на щеки.

Въ одно мгновеніе, эти слезы исчезли, и глаза заблестѣли страннымъ огнемъ.

— Кто это сдѣлалъ?... проговорила она глухимъ, хриплымъ голосомъ.

Батальёръ колебалась. Г-жа де-Лорансъ схватила ея руку и сильно сжала ее.

— Кто это сдѣлалъ? повторила она изступленнымъ голосомъ. Торговка пробормотала имя... Арабі.

Зубы Малютки заскрипѣли; она выпустила руку Батальёръ, которой остались отпечатки ея пальцевъ.

— Арабі!.. повторила она съ невыразимой яростью: — Арабі! Арабі!...

Она прижала сжатые кулаки къ головѣ своей.

— Тигръ!... Тигръ! говорила Сара въ бѣшенствѣ: — и нѣтъ здѣсь! не могу я отмстить ему!

Глаза ея обратились на ребенка, который съ полуоткрытымъ слабо стоналъ, потому-что холодъ охватывалъ его обнаженную грудь.

Сара опустила на колѣни; беспредѣльная скорбь перешла въ злобу. Она прижала голову къ постели и какъ-бы пряталась отчаянію.

Странно было видѣть этотъ кокетливый костюмъ, возбуждающій соблазнительныя мысли, и слышать глухіе, болѣзненные стоны чайной матери.

Торговка не смѣла ни промолвить слова, ни шевельнуться.

Ребенокъ закашлялъ—Сара вдругъ поднялась. Она молчала,

въ лицѣ ея выражалась глубокая, безыливая скорбь, — и вдругъ глаза ея загорѣлись.

— Арабъ! сказала она:—о! я найду его... Но не онъ одинъ!... отомщу за нее!

«Это онъ, онъ не хотѣлъ! онъ заставилъ меня затворить ей веръ моего дома!.. Безъ него не попала бы она въ когти этого удвигца?.. А! я думала, что нельзя болѣе ненавидѣть его!»

Она обернулась и пошла къ своей спальнѣ.

— Пойдемъ, милая, сказала она не дрожавшимъ уже голосомъ:—я замѣшкалась... окончи мой туалетъ.

Батадьёръ думала, что все ей грезится. Это спокойствіе, такъ быстро смѣнившее страшную злобу, окончательно сбilo ее съ олка.

Туалетъ Сары былъ конченъ; она взглянула въ послѣдній разъ въ зеркало и улыбнулась. На лицѣ ея ужъ не было и слѣдовъ едавейшей печали. Она была прекраснѣе, нежели когда-нибудь, и, конечно, никто бы не отгадалъ, что дѣлалось у нея на сердцѣ. Только по-временамъ изъ-подъ длинныхъ ресницъ блестѣлъ суровый взглядъ.

Она вышла изъ комнаты, не сказавъ ни слова Батадьёръ.

Докторъ Сольнѣ занималъ комнату подлѣ г. де-Лорансъ.

Сара вошла къ нему.

— Докторъ, сказала она:—я въ страшномъ безпокойствѣ.

Сольнѣ, удивленный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, молча юдалъ ей стулъ.

Мы уже знаемъ, что молодой врачъ считалъ ее ангеломъ кротости и добродѣтели.

— Я пришла просить вашего совѣта, продолжала Сара, опускаясь въ кресла.

— Для себя, сударыня?

— Нѣтъ, — я все о моемъ бѣдномъ Леонѣ, который постоянно страдаетъ и которому мы не можемъ помочь.

— Надо надѣяться, сударыня... началъ докторъ.

— Чтобъ не забыть, прервала Малютка съ живостію человѣка, поймавшего блеснувшую мысль на лету: — очень-рада, что могу обратиться къ вамъ съ вопросомъ... Мы сейчасъ возвратимся къ настоящему предмету моего посѣщенія.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Сольнѣ.

— Садитесь тутъ, подлѣ меня, докторъ... Вы были сегодня вечеромъ у этой женщины, которую я недавно взяла къ себѣ?

— Съ четверть часа не болѣе, какъ я пришелъ отъ нея.

— Бѣдная Батадьёръ!.. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ она мнѣ служить, и я особенно интересуюсь ею... Вы видѣли ея дочь?

— Да, сударыня.

— Ну, докторъ, продолжала Сара незамѣтно-замышляющимъ го-

досомъ:— со мною вы можете быть откровенны... Бѣдной матери нельзя всего говорить... Но я...

Она остановилась и продолжала съ усиленіемъ, которое, впрочемъ, трудно было замѣтить:

— Я, вѣдь, не мать: отъ меня нічего скрывать.

— Зачѣмъ же бы мнѣ и скрывать отъ васъ? отвѣчалъ Сольнѣ, ничего не подозревая.

— Безъ-сомнѣнія... сказала Малютка, притворяясь хладнокроною. — Это до меня не касается; я только принимаю участіе въ этой несчастной женщинѣ.

— У васъ, сударыня, превосходное сердце!..

— Чтѣ вы думаете о малюткѣ?

Сольнѣ покачалъ головою; Сара готова была потерять надъ собою власть. Она ждала приговора на жизнь или смерть для себя.

— Я опечалю васъ, сударыня, продолжалъ докторъ: — потому что вы принимаете участіе въ матери... бѣдный ребенокъ чахнетъ отъ грудной болѣзни.

Глубокое отчаяніе, давившее душу Сары, не отразилось на блѣдномъ лицѣ ея. Она смотрѣла холодно; ни одинъ мускулъ не шевельнулся у ней.

— Но... сказала она медленно, равнодушнымъ тономъ: — есть, конечно, надежда спасти ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ.

Голова Сары опустилась на грудь.

— «Какъ она добра и сострадательна!..» думалъ докторъ, глядя на нее.

Съ минуту Сара оставалась въ этомъ положеніи, подавленная тѣмъ скорбію. Потомъ необыкновенная сила ея воли взяла верхъ.

— Зачѣмъ думать о несчастіи другихъ, сказала она: — когда сами мы въ такомъ жалкомъ состояніи!.. Докторъ, меня мучать сомнѣнія... Глядя на себя въ больномъ нарядѣ, я чувствую угрызеніе совѣсти... Въ эти веселыя для меня минуты, мой бѣдный Леонъ страдаетъ...

— И постоянно эта мысль! шепталъ докторъ. — О! вы его сильно любите, сударыня!

— Люблю ли я его! отвѣчала Малютка, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу: — послушайте, я скажу вамъ, что меня привело сюда... Это, можетъ-быть, глупость, но я перестала жить съ тѣхъ-поръ, какъ эта мысль пришла мнѣ въ голову... Когда нѣтъ овлаживаютъ эти страшные припадки и нѣтъ никого подлѣ него...

— Это невозможно! прервалъ докторъ.

— О! дайте мнѣ кончить... я такъ несчастна, когда эти мысли меня преслѣдуютъ... Если случится, что онъ будетъ звать къ себѣ, и никто не услышитъ его слабыхъ криковъ!..

— Это невозможно, сударыня, повторилъ докторъ: — вы пугаете себя воображаемыми опасностями... Жермень, слуга г. де-де-

авсъ, такъ преданъ ему... онъ понимаетъ, какая отвѣтственность лежить на немъ.

Малютка не могла удержать нетерпѣливаго движенія.

— Но наконецъ?.. сказала она настойчиво.

— Вы ставите меня въ затруднительное положеніе, отвѣчалъ окторъ съ явнымъ смущеніемъ: — съ своей стороны, я нисколько не беспокоюсь... а впрочемъ, мой отвѣтъ необходимо долженъ сдѣлать ваши опасенія...

— Такъ есть опасность?.. тихо проговорила Малютка, притворяясь чрезвычайно-вспуганною.

— Опасности нѣтъ, потому-что фактъ невозможенъ, сказалъ окторъ съ убѣжденіемъ: — но, прибавилъ онъ голосомъ не столь вернымъ:—если это возможно...

Онъ боялся кончить.

— Ну?.. сказала Сара.

— Ну!.. было бы опасно!..

— Очень-опасно?..

— Внезапная смерть!

Г-жа де-Лорансъ глубоко вздохнула — это могъ быть вздох испуга...

V.

ЖЕНСКОЕ ОРУЖІЕ.

Жерменъ, камердинеръ г-на де-Лорансъ, не имѣлъ отвращенія къ рейнскому вину.

Прошло нѣсколько минутъ послѣ визита къ доктору; Малютка потребила ихъ какъ слѣдуетъ.

Она была въ комнатѣ своего мужа. Жермена не было; онъ все-цѣль использовался присутствіемъ Сары и спустился въ людскую, чтобы взглянуть на живыхъ людей: — тутъ встрѣтился онъ съ Малю, который былъ дивный товарищъ во всемъ и, казалось, ждалъ его.

Малю подружился со всѣми въ замкѣ: — съ старыми служивыми легко дружатся.

Откупорили флажку. Бѣдный Жерменъ! онъ день и ночь сѣлъ на привязи и подобные случаи удавались рѣдко...

Малютка стояла, опершись на карнизъ камина, и по очереди грызла свои ножки, обутыя въ вышитыя жемчугомъ туфли.

Можно было подумать, что она нарочно выбрала эту позу, чтобы выказать всѣ прелести своего стана и лица.

Биржевой агентъ смотрѣлъ на нее съ упоеніемъ.

Онъ всталъ съ постели съ утра; кривизны его возвращались не такъ часто: пребываніе въ замкѣ было для него, сравнительно, счастливымъ; Сара казалась кроткою и онъ по-видимому находилъ наслажденіе въ жизни, надѣялся на выздоровленіе.

Сара становилось жаль его; любовь иногда приходит и таким путем. Но все его прошедшія страданія еще были недостаточной цѣной любви Сары.

Глядя на нее, такую красавицу, онъ чувствовалъ жинъ и сердце; кровь разгорячалась въ его жилахъ; онъ молодил и крѣпнѣлъ.

— Какъ вы добры, что пришли ко мнѣ! сказалъ онъ: — я надеялся васъ видѣть, Сара.

— Не-уже-ли бы я пошла на балъ, не увидѣвъ васъ? отвѣтила она.

Но подъ этой привѣтливостью таилась какая-то другая мысль. Сара хотѣла улыбаться, но въ этой улыбкѣ было — странное что-то желчное...

Биржевой агентъ видѣлъ въ ней только безпримѣрную доброту и красоту, дѣлавшую изъ него раба.

— Такъ вы уже не ненавидите меня, Сара? прошепталъ онъ, вызывая нѣжное слово.

— Нѣтъ, отвѣчала Малютка.

Этого слова было очень-мало, а между-тѣмъ душа г. де-Лоранса была полна радости.

Будущность! будущность! — Ненависти уже нѣтъ; любовь придетъ... о! какъ упоительна любовь послѣ такихъ долгихъ мученій. Лорансъ улыбнулся; потомъ лицо его отуманилось.

— Вы будете очень-хороши на этомъ балѣ, сказалъ онъ: — я васъ не увижу... Я часто повторялъ вамъ, но всегда правду, Сара, этотъ костюмъ болѣе всего идетъ къ вамъ; вы еще никогда не были такъ прекрасны!

Малютка кокетливо поправила свой тюрбанъ.

— Лестно!.. сказала она.

— Нѣтъ, о! нѣтъ!.. Всѣ, кто васъ видятъ, должны обоимъ вамъ... и на этомъ вечерѣ вы, Сара, будете прекрасны для меня и времени меня...

Онъ всталъ, какъ-бы желая испытать свои возвращающіяся силы; ноги его не дрожали.

— Еслибъ я смѣлъ, робко произнесъ онъ: — я бы пришелъ къ вамъ въ своемъ глупомъ намѣреніи, Сара... Мнѣ хочется сдѣлать балъ...

— Почему же нѣтъ? отвѣчала Малютка разсѣянно.

— О! вы не подумали, продолжалъ биржевой агентъ: — вы забыли, а присутствіе бѣднаго больного испортило бы ваше удовольствіе.

Сара взглянула на г-на де-Лоранса.

— Нѣтъ, сказала она: — ваше присутствіе доставило бы мое большое удовольствіе... Если вы чувствуете себя въ силахъ, приходите.

Биржевой агентъ колебался.

— Я прошу васъ, ласково прибавила Малютка.

Лорансъ поцаловалъ ея руку съ восторженною благодарностью.
— Благодарю!.. благодарю! говорилъ онъ: — вы ангелъ добро-
... но надо имѣть костюмъ.

— Больному!.. отвѣчала Малютка: — впрочемъ, у васъ прекра-
ый халатъ... надѣньте маску...

— Дѣйствительно, дѣйствительно! отвѣчалъ биржевой агентъ.
Онъ бросаясь, въ полномъ смыслѣ этого слова, къ своему ка-
нету.

Малютка слѣдила за нимъ глазами, и брови ея наморщились.
Черезъ нѣсколько минутъ, Лорансъ возвратился. Широкий халатъ
рывалъ его худошавость, лицо его сіяло удовольствіемъ; онъ
изъ прекраснѣйшій, выпрямился и нѣсколько не походилъ на больного.
Малютка скрыла ѣдкую улыбку, неволью явившуюся на ея лицѣ.

— Пойдемте, сказала она: — пора.

Сара подала руку биржевому агенту, и они вышли.

Вмѣсто того, чтобъ идти къ залѣ, Малютка шла въ свою ком-
нату.

И, чтобъ объяснить это, она сказала:

— Я забыла свой вѣеръ, да притомъ вамъ надо дать маску.

Батальеръ отворила дверь; Малютка сдѣлала ей знакъ, чтобъ она
шла, и какъ торговка хотѣла идти въ свою комнату, то Са-
ра сухимъ, повелительнымъ тономъ сказала ей:

— Не туда!.. Эсеиръ вѣрно ждетъ меня, прибавила она, опом-
нвшись. — Ступайте, милая, скажите, что я сейчасъ явлюсь.

Биржевой агентъ остался наединѣ съ своею женою; они съ-
рядомъ.

Знавшіе г-жу де-Лорансъ догадались бы, всмотрѣвшись въ ея
лицо, что въ ней разыгрывалась гроза. По-временамъ, губы ея
дрожали и блѣднѣли; брови шевелились, какъ-бы стремясь сдви-
нуться. Она опускала вѣки, чтобъ скрыть неволью-блестящій въ
зрачкѣ огонь.

Агентъ видѣлъ только ея красоту и улыбку.

Сара, казалось, удерживалась и чего-то ждала. Она дѣлала свое
положеніе съ тою скупостью кошки, которая бережетъ наслажде-
ніе послѣдняго удара.

Сердце ея было исполнено ненависти; она и сама страдала; ей
хотѣло было употребить всѣ усилія, чтобъ сохранить спокойную
ружность. Въ этотъ вечеръ, страшныя язвы открылись на самой
вѣдливой части ея сердца: она страдала и хотѣла мучить
уши.

— Леонъ, сказала она, откинувъ голову къ спинкѣ кушетки: —
я кажешься десятью годами моложе сегодня.

— Я не разъ говорилъ тебѣ, Сара, отвѣчалъ биржевой агентъ: —
ты гдѣ владычица моей жизни и можешь сдѣлать чудеса своимъ
мнѣ состраданіемъ.

Малютка согнулась впередъ и подожгла свою бѣленькую ручку
плечо мужу.

— Такъ я тебя причинила много страданій?.. шептала она, — между-тѣмъ, какъ изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ ея сверкало мбное пламя.

— Странаній?.. О! да, я много страдала!.. Но развѣ это твои вина, Сара?.. Зачѣмъ я не умѣла тебѣ нравиться!

— Бѣдный Леонъ! продолжала очаровательница, слегка кивая его волосъ: — а ты прекрасенъ!.. Гдѣ жь были у меня глн, и чего не достаешь тебѣ?

Лорансъ не зналъ, вѣрить ли ушамъ своимъ; не сонъ ли это?— Онъ боялся проснуться.

Сара, улыбаясь, наклонилась къ нему.

— Боже мой! продолжала она: — ты молодъ... намъ еще бы время вознаградить прошедшія мученія.

— О!.. вскричалъ биржевой агентъ: — есиль Богъ испослалъ мнѣ такое блаженство!

— Знаемъ ли мы самихъ-себя, продолжала Сара легкимъ, убавляющимъ голосомъ: — знаемъ ли мы, что у насъ дѣлается и душъ?.. Я часто спрашиваю себя и остаюсь безъ отвѣта... спрашиваю себя, Леонъ, ненавижу ли я тебя, или люблю.

Ужасъ и надежда попеременно выражались на лицѣ де-Лоранса.

— Женщина — странное существо!.. говорила Сара еще болѣе мечтательнымъ тономъ. — Мы часто поражаемъ свой кумиръ, Леонъ... Во мнѣ есть голосъ, который часто произноситъ твои имн...

Томный взоръ ея былъ полонъ нежности... Лорансъ пыталъ.

— А если я люблю тебя?.. спросила она, подставляя свой лобъ къ губамъ мужа.

— Боже мой!... Боже мой! бормоталъ биржевой агентъ въ изсторгѣ.

Сара улыбалась.

Лорансъ наклонился къ ней тихо, ротъ его округлялся, — онъ рѣшался поцаловать...

Сара еще улыбалась; но едва Леонъ коснулся губами до ея лба, она вспрянула, какъ соскочившая съ шпильки стальная пружина.

Малютка стояла передъ мужемъ, который уже не могъ уловить ее: такъ сильно измѣнилось выраженіе ея лица. Улыбка ея сдѣлалась злобна, жестоко-насмѣшлива, глаза были неподвижны, безчувственны; все выражало ненависть холодную, долгую, непреклонную.

— Какъ вы безразсудны! сказала она:—такъ вы все забыли!..

Голова биржеваго агента упала на грудь, изъ которой вырвался тяжелый стонъ.

— Вы забыли о ребенкѣ! продолжала Сара: — такъ вы болѣе не помните, что поразило меня въ сердце, и что я еще ничего не простила въ моей жизни!

Она гордо подняла прекрасную, какъ трагическій ужасъ, голову; голосъ ея былъ еще тихъ, но пронзителенъ.

— Я думалъ, бормоталъ Лорансъ: — что вы наконецъ сжали-
всь...

— Жалость!.. повторила она, схвативъ его за руки: — что зна-
тъ это слово на вашемъ языкѣ?... Пойдемте!

Она сдернула его съ кушетки и повела въ комнату Батальёръ.

Остановившись передъ кроватью, она протянула руку и указала
а блѣдное лицо Галифарды.

— Жалость!.. повторила она:—смотрите!

Биржевой агентъ стоялъ, какъ пораженный громомъ; мысли
выпались въ голову его; онъ смотрѣлъ то на дѣвочку, то на Сару.

Потомъ потухшій взоръ его вдругъ зажегся слѣпою злобой.

Онъ потерялъ рассудокъ.

Онъ узнавалъ ребенка по сходству съ матерью.

То было какъ-бы первое звено въ цѣпи обрушившихся надъ нимъ
есчастій.

Только одно существо ненавидѣлъ онъ въ этомъ мѣрѣ — дочь Са-
ры. Безсмысленно протянулъ онъ судорожно-сжатые руки къ по-
тели...

Но Сара стала передъ нимъ и съ силою мужчины удержала
его. Лорансъ даже не пытался противиться.

— Пятнадцать лѣтъ страдаетъ она! говорила Малютка, обратив-
шись къ ребенку съ внеряпно-умиленнымъ взоромъ: — пятью года-
ми больше, нежели вы, сударь... а чѣмъ заслужила она эти стра-
данія?

Лорансъ не отвѣчалъ и, казалось, едва понималъ.

— Ей пятнадцать лѣтъ, продолжала Сара;—дѣти несчастныя не
мрутъ... тѣ, которые никогда прежде не видали ея, говорятъ,
что ей едва есть десять лѣтъ... Она столько плакала!.. Еслибъ вы
дали ей мѣсто въ домъ ея матери, она была бы теперь большая...
! большая... и какъ прекрасна была бы она!..

Лорансъ былъ неподвиженъ.

Сара отступила назадъ и стала у изголовья дочери, которая сна-
ла спокойно.

— Не знаю, помните ли вы, сказала Малютка: — Юлиен было
четыре года... я пришла къ вамъ, умоляющая, покорная; я про-
вила сжалиться надо мною и ею... надо мною, какъ надъ жерт-
вой низкаго обмана; надъ нею, потому-что она даже не знала не-
частія своей матери!.. Вы были молоды; вы чувствовали, что
милнѣе меня, и знали, что законная власть мужа надъ женою без-
отчетна...

«Вы отвергли мою просьбу,—вы были непреклонны!..

«Любили вы меня тогда? я думаю... Надо было подавить эту
любовь, сударь!

«Какъ безразсудны и глупы вы были! По вашему кодексу, вы
имѣли право презирать меня, прогнать, — а вы еще болѣе привя-
зались ко мнѣ!..

«Вспомните, сударь, что я только разъ въ жизни просила васъ;

съ-тѣхъ-поръ, жребій нашъ былъ брошенъ,—я ни разу не принесла имени моей дочери; въ глазахъ свѣта я была вашей преданной, любящей женою; только предъ вами однимъ иногда выказывала я ненависть, которая поселилась въ моемъ сердцѣ, — только передъ вами, ни передъ кѣмъ болѣе... ни передъ кѣмъ, слышите ли вы, в судите, какъ я страдала! Я не могла обнаружить любви къ своему ребенку...»

Въ первый разъ пробѣжала легкая судорожная дрожь по лившимъ мускуламъ биржеваго агента.

Чувствуя, можетъ-быть, приближеніе припадка, онъ обернулся, чтобъ уйти въ свою комнату.

— Пойдите! сказала Малютка.—Лорансъ повиновался.

Предъ этимъ несчастнымъ, который не защищался и былъ страдательно-покоренъ, можно было подуматъ, что гнѣвъ Сары оцѣдетъ.

Но въ сердцѣ этой женщины былъ какъ-бы неизсякаемый источникъ непреклонной твердости; притомъ, она была подлѣ постели Юдиен, Юдиен, за которую возставалъ въ ней пронижительный голосъ совѣсти!..

Надо было кричать громко, чтобъ не слышать этого голоса.

То была роковая минута; она почти боялась ослабѣть; она нарочно растревляла свои раны, чтобъ усилить злобу. Она предствляла себѣ роковыя пятна на тѣлѣ своего ребенка, повторяла это слово, которое убивало всѣ ея надежды и становилось страшной казнью долгой, преступной жизни:—чахоточная!..

И, не смотря на отсутствіе противодѣйствія, злоба ея росла.

— Пойдите! повторила она:—надо, чтобъ вы все узнали сегодня... Вы разорены, сударь; въ эту минуту, можетъ-быть, кредиторы продаютъ ваше имущество... Ну! а у меня нѣсколько миліоновъ... и нельзя мнѣ ничего сдѣлать, будьте покойны; я спрашивала, я знаю законы! Мои богатства такъ же далеки отъ васъ, какъ еслибъ они были зарыты на сто футовъ въ землю!

Лорансъ давно считался въ Парижѣ однимъ изъ достойнѣйшихъ негоціантовъ. Не смотря на безукоризненное поведеніе, онъ видѣлъ, однакожъ, какъ кредитъ его падалъ съ каждымъ днемъ. Сара ничего не прибавила къ тому, что онъ зналъ — онъ зналъ, что причиною его разоренія была жена его.

Онъ былъ торговецъ и сынъ торговца, и потому паденіе для такого человѣка было болѣе, нежели разореніе — безчестіе.

Онъ страдалъ такъ, что эта мысль не могла сильно увеличить его горя; впрочемъ, Сара видѣла въ чертахъ его лица болѣе-явственныя содроганія; онъ оперся рукою на кровать Юдиен.

— Это для нея, сударь, продолжала Сара, глядя съ нѣжностью на ребенка:—все богатство, собранное мною на вашъ счетъ,—оно для моей дочери, которая не ваша... Моя ненависть къ вамъ—это любовь къ ней... Не время ли перемѣнить роли? Вчера у васъ

дверь, который вы жестоко для нея затворили; завтра у нея будет дворецъ:—не прійдете ли вы къ намъ просить убѣжища?.. Биржевой агентъ сильнѣе оперся на кровать.

У него начался припадокъ.

Слова Сары все болѣе и болѣе раздражали его напряженные нервы.

— У меня еще пока достанетъ силы дойти до моей комнаты, началъ онъ:—поторопитесь... пусть не знаетъ свѣтъ, по-крайней-мѣрѣ!..

Сара съ презрѣніемъ пожала плечами.

— Свѣтъ! прервала она: — вы очень-хорошо знаете, что свѣтъ уши и слѣпъ! У него есть глаза только для самообольщеній, и уши для лжи... Свѣтъ считаетъ меня вашимъ провидѣніемъ... если онъ увидитъ васъ мертваго у ногъ монаховъ, на мою долю достанется ни-когда выгода его сожалѣнія... Подождите еще немного!

— Я не могу...не могу! бормоталъ Лорансъ, хватаясь правой рукой за кровать.

— Я хочу этого!

— Вы хотите убить меня?..

— Да, отвѣчала Малютка съ страшнымъ спокойствіемъ.

Она смотрѣла ему въ лицо; онъ качался; зрачки глазъ его то-чили подъ дрожавшими вѣками.

Сара пристально, съ страшнымъ хладнокровіемъ слѣдила за ходомъ этой агоніи.

— Вы отгадали, продолжала она:—я хочу васъ убить!.. я давно хочу этого... и исполню.

Лорансъ хотѣлъ что-то сказать, но у него вырвалось только глу-бое хрипѣніе.

Сара одушевлялась своимъ чудовищнымъ дѣломъ; глаза ея по-степенно разгарались. Наступало бѣшенство.

— Я хочу васъ убить, повторяла она глухимъ голосомъ:—убить васъ!.. убить васъ!! О, какъ я отищу за тебя, дочь моя! вскричала она, обращаясь къ Юдию съ восторженнымъ жестомъ: — смотри на него!.. ты будешь такъ счастлива, какъ онъ несчастливъ теперь!.. Ноги его гнутся подъ тяжестію его тѣла; а ты молода и сильна!.. Смотри, продолжала она, обращаясь къ ребенку, лицо котораго выражало только невинность и кротость:—смотри на этого человѣка, который сдѣлалъ тебѣ столько зла!.. Онъ борется съ своею карой!.. а для тебя кончились дни страданій!.. ты будешь вѣкъ только счастлива!.. О! какъ я люблю тебя, дочь моя! и какъ ненавижу его!..

Лорансъ закачался и готовъ былъ упасть. Сара бросилась, чтобы поддержать его...—Я отведу васъ въ вашу комнату.

Дѣло извѣстное, что въ нервическихъ болѣзняхъ сильное напря-женіе воли можетъ отдалить неминуемый припадокъ. Биржевой агентъ съ помощію жены шелъ къ двери;—они вышли.

Ноно-Галифарда не знала, бѣдный ребенокъ! что происходило въ изголовья; она еще спала спокойнымъ, тихимъ сномъ.

Проходя корридормъ, г-нъ и г-жа де-Лорансъ встрѣтили въ торыхъ изъ гостей, шедшихъ въ бальную залу.

Малютка поддерживала слабого мужа съ вѣжною заботливостію; все были тронуты, видя ее, такую прекрасную, привязанную обязанности къ этому столько лѣтъ умирающему человеку.

Что бы ни говорили поэты о женскихъ добродѣтеляхъ, полная преданность не часто встрѣчается. Нѣжность истощается; моотверженіе ослабѣваетъ, — а Сара такъ давно была въ странной своей роли!

Вошедъ въ свою комнату, биржевой агентъ еще успѣлъ подняться на постель; но едва коснулся онъ головою подушки, какъ приступъ начался; припадокъ страшный, какого еще съ нимъ не бывало.

Жерменъ еще не возвращался; Сара была одна въ комнатѣ наго. Въ-продолженіе всего припадка, на лицѣ ея не показывалось ни тѣни состраданія.

Черезъ полчаса, конвульсіи прекратились, и Лорансъ, по обыкновенію, лежалъ неподвижный, какъ трупъ.

Сара положила руку на его сердце; оно почти не билось; спустила занавѣски.

Въ это время постучали въ дверь: то была графиня Эсмеральда своимъ женихомъ, Жюльеномъ, и еще двумя или тремя гостями, которые пришли за Сарой: безъ нея нельзя было составить въ кольцовой кадрили изъ «Тысячи-Одной-Ночи».

— Ну, Малютка, мы цѣлый часъ ждемъ тебя!

— Гсс! сказала Сара, указывая на постель: — я не люблю влять его, пока онъ не заснетъ.

— О! мы знаемъ, сказалъ Жюльенъ: — что вы перлъ жемчужины!

— Но теперь, прибавила Эсмеральда: — пойдешь ты?

Сара повторила первый жестъ, потомъ на ципочкахъ поднялась къ постели, открыла занавѣски и събѣжала видѣть, будто съ какой востію заглянула туда.

Лорансъ не шевелился.

Она опустила занавѣски.

— Я иду вслѣдъ за вами, сказала она улыбаясь: — онъ спитъ.

Всѣ переступили за порогъ. Сара, выходя послѣ всѣхъ, взяла за собою дверь на ключъ.

Черезъ нѣсколько минутъ возвратился Жерменъ: онъ былъ полъпьянъ, остановился передъ запертой дверью и потомъ снова, довольный предлогомъ выпить другую бутылку.

Въ комнатѣ г. де-Лоранса еще можно было слышать стоны; они продолжались двѣ или три минуты.

Послѣ того водворилось молчаніе, прерывающееся только слабыми аккордами, долетавшими изъ бальной залы.

Пустынникъ.

Зала, описанная нами въ началѣ этого разсказа, какъ сборное мѣсто блутгауптскихъ слугъ, прежде служила мѣстомъ графскаго суда. Теперь, когда Сара вошла въ нее, она была дѣйствительно-великолѣпна; огни обрисовывали архитектуру вычурныхъ вилластровъ; безчисленныя жирандоли стояли фестонами вдоль гбъ, обитыхъ бархатомъ.

Все это было ослѣпительно — свѣтло; золото отражалось въ рустахъ; у входа казалось, что дождь искръ льется въ этой благовонной атмосферѣ.

Потомъ, когда глазъ привыкалъ къ этому блеску, представлялась живая часть картины. Толпа двигалась въ этомъ свѣтѣ: мужчины, залитые золотомъ, въ костюмахъ всѣхъ временъ и народовъ; женщины, осыпанныя брильянтами, блестяли такъ же, какъ люстры.

Гостямъ необходима была эта роскошь, чтобъ фантастическое великолѣпие залы не подавило ихъ туалета, а эта роскошь залы была необходима, чтобъ соответствовать фантастическому великолѣпию нарядовъ.

Было четыре кадрили, изъ которыхъ костюмы одной взяты были изъ волшебныхъ сказокъ добряка Галлана; другой изъ вычурной фантазіи портныхъ-мандариновъ Небесной-Имперіи; третьей въ странномъ вкусѣ возрожденія, четвертой, наконецъ, отчаянной изысканности царствованія Лудовика XIII.

Четыре главныя группы составляли картину. Вокругъ нихъ свободная фантазія образовала движущуюся рамку.

Это не походило на наши парижскіе балы, гдѣ переодѣтая толпа пятнается печальнымъ, пошлымъ чернымъ цвѣтомъ. *Пекиновъ* не было; самое домино, уродливая и прекрасная вещь, было совершенно изгнано; придворныя дамы Маріи Медичи, персидскія княжны, жертвы директоріи, Андалузянки, Гречанки, Шотландки, Абд-эль-Кадеръ, Шамиль, Ибрагимъ-Паша, Жо-те-те, Юпитеръ Мухаммедъ, Наполеонъ, Антихристъ.

Все это танцовало, вальсировало, полькировало подъ звуки музыки.

Зала была полна движенія, жизни и свѣта.

Съ перваго взгляда, нельзя было ничего распознать; лица исчезали подъ масками, а эксцентричность костюмовъ скрывала прочіе признаки; но, всматриваясь пристальнѣе, мы узнали нашихъ знакомыхъ.

Докторъ Хозе-Мира, въ длинной мантии съ высокимъ колпакомъ магика, держалъ подъ руку античную каррикатуру въ фижмахъ и фалбалахъ, которая была не кто иная, какъ графиня де-Тартари, красавица 1809.

Рейнгольдъ, въ костюмъ фигаро, шнырялъ, какъ бабочка, вокругъ г-жи д'Одмёръ, которая казалась еще красивѣе въ туалетѣ Помпадуръ.

Дениза и Францъ участвовали въ кадрили Лудовика XIII.

Эсбиръ и Жюльёнъ мѣшались въ восточной группѣ.

Авель Гельдбергъ одѣлся жокеемъ: красивый казакитъ, бѣлый токъ, зеленый поясъ, брюки тельнаго цвѣта, сапога съ бѣлыми отворотами.

Онъ былъ кавалеромъ маркизы де-Ботраверъ и, держа ее подъ руку, искренно жалѣлъ объ отсутствіи *Королевы Викторіи*.

Пятнадцати-лѣтняя дѣвочка, предъ которою Мирелюкъ съ солидною цѣлью рассыпался мелкимъ бѣсомъ, была въ соломенной шляпкѣ съ свѣтло-голубыми лентами; она читала Флоріана потихоньку.

Дородная банкирша изъ Улицы-Лафитъ, у которой часто обѣдалъ Фисель, была одѣта одалисской.

Потомъ, отъ времени до времени, то тамъ, то тутъ, показывалась группа, производившая на гостей сильное впечатлѣніе.

Эта группа хотѣла, конечно, представить суевѣрное, извѣстное всѣмъ гостямъ предавіе. Она состояла изъ трехъ человекъ, державшихъ другъ друга за руки и одѣтыхъ въ длинныя красныя плаща.

Они весьма-точно напоминали то странное явленіе, которое гости видѣли во время фейерверка; поговаривали, что это и есть самыя призраки. Поэтому женщины, при приближеніи ихъ, весьма-мило пугались.

Они были не равнаго роста; двое болѣе рослые ходили съ отвагой; третій, казалось, путался въ своемъ костюмѣ, который, впрочемъ, онъ несъ съ торжественностью павлина, распутившаго хвостъ.

Всѣмъ очень хотѣлось узнать этихъ трехъ человекъ, и никто не могъ догадаться.

Прошло уже съ часъ, какъ балъ былъ въ самомъ разгарѣ; оркестръ смолкъ, въ толпѣ былъ родъ молчанія, сопровождавшагося безпокойнымъ любопытствомъ.

Каждому хотѣлось посмотреть и подойти поближе.

Въ залу вошелъ старый Гельдбергъ, безъ маски, одинъ среди тысячей закрытыхъ лицъ. Въ-продолженіе всѣхъ праздниковъ, онъ показывался рѣдко, и то въ извѣстныхъ случаяхъ. Но потому-то его появленіе и производило огромный эффектъ и придавало семейству совершенно-патріархальный характеръ.

Еще источникъ кредита.

Въ этотъ вечеръ, старый, сѣдолосый Моисей медленно проходилъ чрезъ залу, поддерживаемый подъ руки двумя старшими дочерьми.

Сзади его несли благоговѣйный шопоть: какой дивный типъ почтупнаго человека, мирно достигшаго вечера своей жизни!

И такъ, онъ вознагражденъ!.. Есть ли въ мірѣ семейство болѣе добродѣтельное, лучшее, нежели его семейство?—Эти двѣ молодые женщины, красавицы, опоры его старости,—его дочери; этотъ прекрасный ребенокъ, который идетъ за нимъ объ руку съ г-жею д'Одмёръ—это Лія, милый цвѣтокъ: она обѣщаетъ то, что другія выполняютъ; это — тоже его дочь.

Вокругъ него компаньоны: суровый и ученый докторъ Мира, добрый, благотворительный кавалеръ Рейнгольдъ, Фабриціусъ ван-Праттъ, образецъ торговой честности, гордый Маджаринъ Яношь, и наконецъ, даже Авель Гельдбергъ представляютъ собою какъ-бы гвардію.

Всѣ эти люди привязаны къ нему почтеніемъ и безпредѣльною любовью.

Богатый, счастливый старикъ шелъ, улыбаясь всѣмъ такъ приветливо, такъ добродушно...

Углубляясь въ эту матерію, всѣ говорили, что такого семейства, какъ гельдбергское, нѣтъ въ мірѣ; сколько благочестивой изъясненности въ заботливости этихъ двухъ прекрасныхъ женщинъ! и сколько яснаго счастья на почтенномъ челѣ этого старца!

Небо посылаетъ такое счастливое спокойствіе за чистую, безукоризненную жизнь...

Дошедъ до середины залы, Гельдбергъ сдѣлалъ знакъ—и танцы снова начались еще веселѣе прежняго.

Когда оркестръ игралъ модную кадрили, вошелъ нѣкъ-незамѣченный высокій человекъ, съ лицомъ совершенно-закрытымъ и съ длинною бородою, спускавшеюся отъ маски до груди.

Этому человеку, молча пробиравшемуся сквозь толпу, суждено было скоро произвестъ впечатлѣніе почти такое же сильное, какое произвели три красные человека и самъ старый Гельдбергъ.

Онъ былъ одѣтъ въ длинный тиковый капучинъ, подпоясанъ конопляною веревкой; первые, замѣтившіе его, назвали его пустыннымъ, и мы будемъ называть его также.

Старый Моисей, казалось, былъ счастливъ окружавшимъ его весельемъ; умильно, добродушно смотрѣлъ онъ на великолѣпіе бала;—дивный старикъ! достойный человекъ! истый патриархъ!—Дамы и кавалеры, танцующая, сыпали перекрестнымъ огнемъ похвалы ему, онъ былъ левъ; все собраніе платило дань его триумфу.

Говорили: «Взгляните, сколько доброты на этомъ лицѣ! Посмотрите, какая чистая совѣсть отражается въ этой прекрасной улыбкѣ!...»

До Моисея долетали нѣкоторыя изъ этихъ фразъ; изъ всего этого епистома онъ вдыхалъ то, отъ чего можно было тихо опьянѣть. Счастіе опираться на руки своихъ дочерей увеличивалось справедливою гордостью.

Эти минуты останутся въ его воспоминаніи въ числѣ счастливейшихъ минутъ его жизни.

Пустынникъ съ длинною бородою медленно пробирался сквозь толпу и направлялся прямо къ группѣ Гельдберговъ.

Никто не думалъ обращать на него вниманія.

Онъ подошелъ уже къ Авелю, который загородилъ ему дорогу.

Пустынникъ высвободилъ руку изъ складокъ своего плаща и хотѣлъ отстранить молодаго Гельдберга.

— Вамъ нельзя пройти, сказалъ Авель.

— Но я хочу пройти, отвѣчалъ пустынникъ.

Авель принялъ видъ хозяина.

— Развѣ вы не видите, съ кѣмъ имѣете дѣло? сказалъ онъ, приподнимая свою маску: — привилегія баба не имѣютъ силы, сударь, когда дѣло идетъ о моемъ отцѣ.

Пустынникъ положилъ руку на грудь Авеля и безъ усилий отодвинулъ его, какъ ребенка.

— Позвольте! говорилъ онъ, идя далѣе: — надо, сударь, быть засвидѣтельствованъ почтенію вашему почтенному родителю.

Авель безпокойнымъ взглядомъ посмотрѣлъ вслѣдъ пустыннику; этотъ голосъ вызвалъ въ немъ смутныя воспоминанія.

Но подъ маской голоса измѣняются; онъ не зналъ, что думать.

Пустынникъ прошелъ между г-жею де-Лорансъ и докторомъ Хозе-Мира и остановился прямо предъ старымъ Моисеемъ, сѣвистивъ на груди руки.

Старикъ, въ упоеніи довольства, добродушно смотрѣлъ на этого незнакомца и ждалъ новыхъ привѣтствій.

Потомъ, когда пустынникъ сдѣлалъ послѣдній шагъ къ старику, добрякъ снисходительно наклонилъ голову, чтобъ лучше слышать.

Пустынникъ, тихо — такъ, что никто, кромѣ Гельдберга, не могъ его слышать — произнесъ слово, одно только слово...

Но это слово, вѣроятно, имѣло волшебную силу, потому что добродушная улыбка старика смѣнилась гримасой ужаса. Онъ отступилъ шагъ назадъ, и неподвижные глаза его остановились на пустынникѣ. Колѣни его подгибались, губы зашевелились, не издавая никакого звука. Эсеиръ и Сара, поддерживавшія его, почувствовали, что худыя руки его судорожно дрожали.

Между-тѣмъ, слово, произнесенное пустынникомъ, было слышано старымъ тампльскаго ростовщика.

Пустынникъ, наклонившись къ главѣ знаменитаго рода Гельдберговъ, тихо сказалъ:

— Арабі!...

Эти три звука раздавили старика, какъ обрушившаяся стена.

— Помилюте, сударь! вскричали въ одинъ голосъ Эсеиръ и Сара: — что вы сказали батюшкѣ?

Пустынникъ поемотрѣлъ на нихъ обвѣхъ и вѣжливо поклонился той и другой.

— Сударыня, отвѣчалъ онъ, обращаясь къ графинѣ, такъ-...

на одна могла его слышать:—я сказалъ, что обрученіе не всегда предшествуетъ браку...

И пока Эсэвръ, смущенная, успѣла отвѣчать, онъ обратился къ Аръ и примолвилъ еще тише:

— Я сказалъ, сударыня, что иногда нельзя съ разу убить человека!... Вы избрали вѣрный ядъ; но какъ долго приходится вамъ ждать, не правда ли? и какъ долго не закрывается эта открытая ягига!..

Кружокъ Гельдберговъ въ эту минуту былъ предметомъ для свѣхъ взоровъ. Каждый могъ замѣтить внезапное, глубокое смущеніе стараго Моисея и дочерей его.

Эсэвръ и Сара молча опустили головы. Старикъ робко, безмысленно озирался кругомъ.

Кругомъ все спрашивали:—кто этотъ пустынный? что могъ онъ сказать? что такъ разстроило добраго Гельдберга?

Пустынный сдѣлался дѣйствующимъ лицомъ; на него смотрѣли съ возрастающимъ любопытствомъ. Мирá, Рейнгольдъ и Фан-Дрэттъ глядѣли на эту сцену съ безотчетнымъ ужасомъ.

Оливъ Маджаринъ ничего не опасался. Онъ стоялъ предъ кружкомъ, въ своемъ воинственномъ венгерскомъ костюмѣ, который былъ только богаче обыкновеннаго. Маска не совершенно скрывала мрачное выраженіе лица его.

Онъ думалъ и не видѣлъ ничего, что дѣлалось вокругъ него.

Старый Моисей, слабый, едва-державшійся на ногахъ, опирался на руки дрожавшихъ дочерей своихъ.

— Уйдемъ, шепталъ онъ едва-внятнымъ голосомъ.— Уйдемъ... Господи! Господи! помилуй меня!...

Эсэвръ и Сара повиновались. Они прошли, опустивъ головы, мимо пустынного, который стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки.

Они были на срединѣ залы, и до дверей было недалеко.

Толпа разступилась передъ ними.

Кругомъ слышался говоръ изумленія.

Все пожирали глазами пустынного; все чего-то ждали; странная сцена должна же была безъ сомнѣнія имѣть развязку, должна была объясниться.

За старикомъ и его дочерьми, шли Дениза и Ліа, которыя не понимали ничего изъ происшедшаго.

Пустынный взялъ руку мамзель д'Одмѣръ, которая робко отступила, и поцаловалъ ее.

— Любите его всемъ сердцемъ, дитя мое, сказалъ онъ: — сдѣлайте его счастливымъ, когда будете его женою...

Дениза вспыхнула подъ маской; этотъ человекъ находилъ въ каждомъ сердцѣ самую задушевную мысль...

Когда двѣ девушки готовы были пройти мимо его, онъ загородилъ имъ дорогу, и сталъ передъ Ліей.

Нѣсколько секундъ онъ молчалъ; казалось, тяжелый камень лежалъ на груди его.

Онъ не коснулся руки Лін, но наклонился къ ней на ухо.

— Бѣдный ребенокъ! прошепталъ онъ глубоко-трогательнымъ голосомъ: — завтра ты потеряешь въру въ земное счастье; иди-ся на Бога!

Онъ быстро отвернулся... голосъ его замеръ отъ внутренняго волненія.

Между-тѣмъ, Моисей Гельдбергъ и двѣ дочери его шли къ дверямъ залы.

Умы всѣхъ работали надъ разгадкою этой сцены. Доходило до фантастическаго. Менѣе-странное предположеніе состояло въ томъ, что этотъ пустынный былъ старый блутгауптскій капелланъ, предшій Богъ-знаетъ откуда, чтобъ провизнеть на ухо старому Моисею имя своихъ прежнихъ владѣльцевъ — ибо всѣ болѣе или менѣе слышали о трагической кончинѣ послѣдняго Блутгаупта. Обвиненій не было: этимъ старымъ исторіямъ охотно прилами оттънокъ невѣроятности;—но подозрѣніе оставалось.

Возбужденное вниманіе очевидно не нравилось членамъ гельдбергова семейства. Малютка подозвала кавалера Рейнгольда и сказала ему нѣсколько словъ шопотомъ.

Кавалеръ поднялся на ципочкахъ и сдѣлалъ знакъ музыкантамъ. Зала наполнилась гармоническимъ шумомъ. Оркестръ ивгралъ прелюдію.

Всѣ зашевелились; балъ снова ожилъ.

Не смотря на то, длинная шеренга любопытныхъ осталась на пути, гдѣ прошли Гельдберги. Былъ и предлогъ хорошій: нельзя было не проводить почтеннаго старца, тѣмъ болѣе, что пустынный, отставшій-было на минуту, снова подвигался къ удалившейся группѣ. Маленькая драма, казалось, достигла втораго дѣйствія.

Сказавъ нѣсколько словъ Лін, пустынный остановился, какъ-бы подавленный собственнымъ чувствомъ.

Гельдберги были уже на половинѣ пути, какъ вдругъ онъ очутился и устремился за ними, пробираясь сквозь толпу, снова движущуюся за Моисеемъ.

Предъ старикомъ были докторъ Хозе-Мира, кавалеръ Рейнгольдъ и Маджаринъ Яносъ.

Пустынный прошелъ не останавливаясь подлѣ Эсенри и очутился сзади доктора.

Всѣ видѣли, какъ вздрогнулъ Хозе-Мира.

Пустынный довольно-небрежно отсторонилъ его рукою, и тихо сказалъ ему:

— Посторонитесь, ученый изобрѣтатель жизненнаго напитка!...

Мира помолодѣлъ двадцатью годами: — онъ видѣлъ предъ собою стараго Гюнтера, державшаго нетвердой рукою золотую кружку, наполненную ядомъ.

Пустынникъ прошелъ впередъ не прибавивъ ни слова, и взялъ лодъ руку кавалера Рейнгольда.

— Конечно, сказалъ онъ ему: — вы, господинъ кавалеръ, бѣдный человѣкъ! не безъ нужды украли вы то, что было въ ларчикѣ...

Зубы Рейнгольда стучали, холодный потъ смочилъ ленты его таски.

— Повѣрьте... началъ-было онъ.

— Молчите! прервалъ пустынникъ, сжимая его руку.

Рейнгольдъ не смѣлъ даже взглянуть кругомъ, чтобъ поискать ащиты.

Пустынникъ откинулъ полу своего платья, и кавалеръ думалъ, кто онъ ищетъ кинжала.

Еслибъ онъ не отворотился, то увидѣлъ бы подъ грубыми складками мантии пустынника богатый осыпанный камнями шелковый костюмъ времени Елисаветы.

Но движеніе пустынника было такъ быстро, что кавалеръ не видѣлъ ни каменьевъ, ни шелка.

Между-тѣмъ, пустынникъ доставалъ не кинжалъ, а связку бумагъ.

— Идіотъ Генъюлетъ крадетъ не въ одномъ Парижѣ, сказалъ онъ: — его ключомъ отпираются многіе замки!.. Бѣдный глупецъ! Вы оставили у меня все, что можетъ погубить васъ, и похитили то, что могло бы васъ спасти!.. Здѣсь не достаетъ только просроченныхъ векселей на имя дома Гельдберга.

Рейнгольдъ хотѣлъ произнести имена фан-Прэтта и Маджарина, но страхъ мѣшалъ ему говорить.

Такъ ничего нѣтъ выше власти этого человѣка!

Ужасъ его былъ такъ очевиденъ, что любопытный кружокъ былъ вѣ себя. Толпа приближалась все ближе и ближе.

Въ прочихъ частяхъ залы весело танцовали.

Гельдберги были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ двери, и Маджаринъ, чуждый всего происходившаго, былъ почти у порога.

Когда онъ готовъ былъ выйти, пустынникъ быстро выпустилъ руку Рейнгольда, оттолкнулъ толстаго фан-Прэтта, заступавшаго ему дорогу, и коснулся плеча синьора Георги.

Янось обернулся.

Оба они были высокаго роста и крѣпкаго сложенія. Любопытные предвидѣли, что эта послѣдняя сцена не будетъ походить на предшествовавшія, потому-что до-сихъ-поръ пустынникъ, казалось, поражалъ, но не былъ поражаемъ.

— Одно слово, синьоръ Георги, сказалъ пустынникъ, выходя до половины изъ залы, чтобъ стать противъ Маджарина.

— Что вамъ угодно? спросилъ Янось.

— Я хочу вамъ сказать, что со вчерашняго дня вы весьма-отважно ищите того, кто былъ у васъ въ Лондонѣ...

Янось выпрямился, какъ лошадь, почувствовавшая шпоры.

Пустынный продолжалъ:

— И который употребилъ орудіемъ вашу жену, чтобъ...

Онъ не успѣлъ кончить: Яносъ съ неистовымъ воплемъ яростно схватилъ его за руки.

— Не выпускайте! сказалъ Рейнгольдъ ему на ухо: — это баронъ Родахъ.

— Попался ты мнѣ наконецъ! закричалъ Яносъ изступленнымъ голосомъ.

— Это было первое слово, которое услышали любопытные гости.

Первое — и послѣднее.

Не смотря на видимую мощь Маджарина, пустынный безъ усилия высвободился изъ его рукъ.

— Еще не время, сказалъ онъ: — и пустился по корридолу.

Маджаринъ бросился вслѣдъ за нимъ.

Нѣсколько минутъ онъ слѣдилъ его по освѣщеннымъ галереямъ но пустынный, казалось, хорошо зналъ замокъ.

Послѣ многихъ поворотовъ, онъ очутился въ узкомъ, темномъ корридолѣ. Маджаринъ видѣлъ его уже какъ тѣнь, бѣгущую впереди себя.

Въ совершенно-темномъ мѣстѣ раздался голосъ пустынного.

— До завтра!.. сказалъ онъ.

Тѣнь исчезла какъ-бы по волшебству...

Маджаринъ, запыхавшись, стоялъ у маленькой винтовой лестницы, которая вела на сторожевую башню.

Яносъ нѣсколько мѣсяцевъ занимался дѣлами у Цахеуса Нессера въ то время, когда Фан-Преттъ и Мирá ухаживали за бывшимъ Гюнтеромъ Блутгауптомъ. Тогда онъ хорошо зналъ расположеніе замка, но съ-тѣхъ-поръ прошло много лѣтъ; онъ могъ быть.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ пустынный, было совершенно темно. Только слабыя лучи свѣта отъ лампы, горѣвшей за концомъ корридора, едва проникали сюда. Галерея тянулась, казалось до безконечности и по-видимому не имѣла бокового выхода.

Это внезапное исчезновеніе пустынного походило на волшебство и у Маджарина мелькнула мысль, что онъ провалился сквозь землю.

Съ прїѣзда въ Германію синьйоръ Георгъ страдалъ душевнымъ разстройствомъ. Воспоминаніе о невѣрной женѣ жестоко мучило его, и жизнь его текла между порывами злобы и грустью.

Но это еще не все; другія воспоминанія, болѣе-отдаленныя, назывались съ тяжелымъ чувствомъ ревности. Сонъ его былъ тревоженъ: ему грезились привидѣнія, и онъ думалъ о мщеніи неба.

Въ настоящую минуту, воображеніе его было взволновано болѣе обыкновеннаго. Ему казалось, что онъ грезитъ; предъ нимъ

мались привидѣнія,—распростертый трупъ съ включенными волосами представлялся ему...

Онъ схватился руками за горьшую голову; имя Ульриха умоляющей жалобой вырвалось изъ устъ его.

Онъ не смѣлъ сдѣлать шагу, чтобъ узнать, куда скрылся пустынный.

Положивъ руку на саблю, Маджаринъ отступалъ, напрасно стараясь вызвать отвагу противъ невѣдомыхъ враговъ.

На концѣ корридора онъ вздохнулъ свободнѣе, потому—что при яркомъ свѣтѣ лампы привидѣнія его исчезли.

На противоположномъ концѣ галереи послышались шаги.

Маджаринъ продолжалъ подвигаться и скоро встрѣтился лицомъ-къ-лицу съ фан-Прэттомъ, Рейнгольдъ и Мирá, которые шли къ нему на встрѣчу въ сопровожденіи вооруженныхъ слугъ.

— Вы не догнали его? спросилъ Рейнгольдъ.

Фан-Прэттъ поднялъ свой фонарь и освѣтилъ лицо Яноса.

— Какъ вы блѣдны, сказалъ онъ: — мой храбрый другъ!.. Въ первый разъ вижу я васъ въ такомъ положеніи...

Маджаринъ хотѣлъ выпрямиться, но голова его опять опустилась на грудь.

— Я думаю, мои добрые товарищи, что онъ обошелся съ вами не лучше, какъ и со мною, продолжалъ фан-Прэттъ, понизивъ голосъ, чтобъ слуги не могли его слышать: — онъ говорилъ мнѣ о моихъ тиграхъ и ретортахъ!.. онъ все знаетъ!

— Все! повторилъ докторъ скорбнымъ голосомъ.

— Но гдѣ же онъ? спросилъ Рейнгольдъ: — насъ много, и, можетъ-быть...

— Пойдемте! прервалъ Маджаринъ.

Образъ любимой имъ Еввы мелькнулъ въ его умѣ, и гнѣвъ побѣдилъ ужась.

Онъ твердо пошелъ назадъ.

Фонарь фан-Прэтта скоро освѣтилъ маленькую винтовую лѣстницу на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ исчезъ пустынный.

Земля не разступилась подъ его ногами.

— Тутъ! сказалъ Маджаринъ, какъ-бы негодуя на свои опасенія.

Мирá, Рейнгольдъ и фан-Прэттъ посмотрѣли другъ на друга: — винтовая лѣстница вела на сторожевую башню.

— Чортъ побери! вскричалъ Голландецъ: — плохое помѣщеніе для благороднаго барона!.. но на войнѣ надо умѣть довольствоваться малымъ...

— Точно ли вы увѣрены, что онъ здѣсь исчезъ, сивъноръ Яносъ? спросилъ Рейнгольдъ.

— Я увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, продолжалъ кавалеръ, робко понизивъ голосъ: — онъ въ нашихъ рукахъ.

Компаньоны вспомнили странное приключеніе, случившееся по-

утру. Теперь объяснилось, почему слуги не могли отворить двери сторожевой башни; объяснилось также и то, что значила молва зажегшейся на башне *души Блутгаупта*.

Фан-Прэттъ, Мирá и Рейнгольдъ поговорили между собою и послали человека за Иоганномъ, Малю и Питуа.

Маджаринъ, услышавъ это приказаніе, покачалъ головою.

— Если онъ захочетъ пройти, говорилъ онъ: — ваши люди с ножами ничего не сдѣлаютъ... онъ пройдетъ!

— Посмотримъ, мой неустрашимый другъ! отвѣчалъ Фан-Прэттъ.

Иоганнъ съ двумя товарищами былъ поставленъ внизу дѣстицы: — компаньоны возвратились въ бальную залу.

VII.

Что значитъ заинтриговать.

На балъ уже забыли о неприятномъ впечатлѣніи. Говорили кое-гдѣ о странномъ человѣкѣ, произведшемъ какое-то смущеніе, маленькая таинственность никогда не мѣшаетъ, особенно на маскарадѣ. Подобныя приключенія придають интересъ празднику. Поэтому, странная сцена продолжалась именно столько, сколько и оно было для того, чтобъ возбудить любопытство, не утомивъ манія зрителей.

Старый Моисей удалился; но нельзя было удивляться этому, потому-что вообще появленія его были такъ же коротки, какъ рѣдки. Апель, Эсеиръ и Сара, казалось, сдѣлались еще любимами. Кавалеръ Рейнгольдъ буквально расширилъ предѣлы любезности самъ Мирá сдѣлалъ нѣсколько довольно-несчастныхъ попытокъ на любезность.

Балъ, какъ мы сказали, имѣлъ предлогомъ обрученіе дочери Моисея Гельла, прекрасной графини Лампюнь, съ молодымъ виконтомъ Жюльеномъ д'Одмёръ. Бракъ назначенъ былъ черезъ нѣсколько недѣль въ Парижъ. Обрученныя принимали поздравленія. Партія казалась всемімъ прекрасною.

Виконтесса принимала поздравленія съ сияющимъ отъ удовольствія лицомъ. Эготъ бракъ былъ ея любимою мечтою; она забыла себя отъ радости. Ей хотѣлось также поспѣшить бракъ Денизы съ кавалеромъ Рейнгольдомъ.

Но — молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки!..

Танцы шли еще живѣе. Изъ-подъ снятыхъ масокъ показывались тамъ-и-сямъ хорошенькія личики, блѣднѣвшія отъ усталости.

Балъ достигъ того періода, когда оживляются самыя жаркія кровныя. Вездѣ смѣхъ и сладкія мечты; — здѣсь веселость, тамъ первые вздохи; — робкое признаніе невинной дѣвочки, и отважное вѣчно-счастливый Донъ-Хуанъ; — вездѣ немножко любви.

Эсеиръ и Сара еще не разлучались: Эсеиръ признавалась сестрою

то въ послѣднее время Жюльенъ совершенно овладѣлъ ею, и что въ этого брака зависитъ счастье ея жизни. Малютка насмѣшливо оздравляла ее.

Дѣйствительно, такое вѣрное и такое близкое, какъ казалось, счастье возбуждало въ Малюткѣ зависть.

Онѣ обмѣнялись своими тайнами. Эсэвръ повторила слова пустытника не безъ содраганія; а г-жа де-Лорансъ, чтобъ не остаться въ долгу, выдумала какую-то басню: она не могла повѣрить своей тайны объ этой медленной смерти биржеваго агента, о которой говорилъ ей пустытникъ.

— Миѣ страшно, сказала Эсэвръ. — Кто бы такой это былъ?.. ли угроза его исполнится!..

— Какой-нибудь завистникъ! отвечала Сара: — а что касается угрозы, то не беспокойся... Жюльенъ любить тебя, и ты боги.

Дениза д'Одмѣръ и Лиа также были подъ вліяніемъ предсказаній пустытника. — Лиа явилась на балъ по приказанію. Она была слаба и страдала; встрѣча усилила ея разстройство.

Она оперлась на руку также взволнованной Денизы, и съ поощреніемъ ея вышла.

Когда Дениза, проводивъ ее, входила одна въ залу, Францъ мимоходомъ сказалъ ей нѣсколько словъ на ухо.

За ними смотрѣли, — г-жа д'Одмѣръ, въ восторгѣ отъ первой части, стерегла свою дочь для кавалера Рейнгольда. Жюльенъ поглядывалъ матери, потому-что онъ съ ногъ до головы сдѣлался Гельдбергомъ, и намѣренія Франца казались ему смѣшнымъ романомъ. Въ-продолженіе бала, Дениза и Францъ никакъ не могли сблизиться. Жюльенъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ; виконтесса издали спокойными взорами искала дочери. Надо было пользоваться случаемъ, но не забываться.

Въ отвѣтъ на свои нѣсколько словъ, Францъ получилъ да, принесенное весьма-тихо; сквозь блонду маски видна была прекрасная улыбка.

Дениза подошла къ матери, Францъ отправился въ противную сторону.

Кто-то взялъ его подъ руку.

— Вы очень-довольны! сказалъ знакомый ему голосъ.

Францъ покраснѣлъ.

Въ простотѣ души онъ искренно сожалѣлъ о г-жѣ де-Лорансъ; онъ винилъ себя, что оставилъ ее. Любя страстно и будучи любима, онъ отгадывалъ, какъ горько должно быть тому, кого не любятъ.

Онъ думалъ, что жестоко оставилъ Сару. Эта женщина, глубоко страдавшая, по его мнѣнію, производила въ немъ грустное впечатлѣніе.

она-то именно и взяла его подъ руку.

— Какой дивный вкусъ у васъ! пробормоталъ онъ, чтобъ съ заги что-нибудь: — а какъ вы прекрасны въ этомъ нарядѣ!

Малютка отвернулась.

— Я думала, что вамъ некогда было этого замѣтить, отвѣтила она, какъ-бы въ раздумьѣ: — послушайте, намъ надо откровенно объясниться... Сомнѣнiе мучительнѣй горькой извѣстности.

— Я васъ не понимаю... прошепталъ Францъ.

— Вы сейчасъ назначили свиданiе маизель д'Одмѣръ.

— Что за мысль!

— Я знаю.

— Увѣрю васъ...

— Зачѣмъ обманывать?.. Я знаю, что вы ее любите.

— Но... нисколько!

Глаза Сары блестяли; она, казалось, видѣла лицо Франца съ его маскою.

Они остановились у колонны.

Вокругъ нихъ двигалась и шумѣла толпа.

Только одинъ человекъ по другую сторону колонны стоялъ неподвижно.

Этотъ человекъ смѣлъ горькую фантазiю нарядиться привидѣнiемъ.

Бѣлый дивный вуаль покрывалъ его съ головы до ногъ.

Онъ недавно явился въ залъ. На веселые вопросы, съ которыми по-временамъ обращались къ нему, онъ не отвѣчалъ ни смѣло и строго выполнялъ роль привидѣнiя.

Онъ ходилъ по залу тихо, нетвердой походкой, и, казалось, какъ кого-то.

За минуту предъ тѣмъ, онъ остановился у колонны и всматривался въ глаза съ Сары и Франца.

— Такъ вы не любите ея? продолжала Сара послѣ минуты молчанiя.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Францъ.

— Это правда?

— Потому-что я утверждаю...

— Ну, докажите мнѣ это!.. Я держу пари, что вы не любите ей свиданiе завтра во время охоты.

— О какомъ свиданiи говорите вы?.. началъ Францъ.

Сара прервала его.

— Это такой удобный случай! сказала она насмѣшливымъ тономъ: — но есть средство разувѣрить меня...

— Какое?

— Да вы не употребите его!

— Скажите...

— Къ-чему?

Францъ сдѣлалъ нетерпѣливое движенiе.

Привидѣнiе стояло неподвижно, опершись о колонну. Его можно было принять за надгробную мраморную статую.

слабыя сотрясенія отъ времени до времени не обнаруживали въ немъ жизни.

Изъ-за колонны выступала только одна его голова, покрытая иваномъ; ни Сара, ни Францъ не замѣчали его.

— Послушайте, продолжала Малютка: — если я ревнива, то по-
тому-что до-сихъ-поръ люблю васъ!.. Я боюсь; изъ состраданія раз-
вѣрьте меня!..

«Мнѣ кажется, что эти часы охоты вы отдали другой; если вы
посвятите ихъ мнѣ, я не буду бояться, и буду счастлива...»

Изъ-подъ покрывала вырвался слабый, подавленный, жалобный
тонъ.

— Эти часы, какъ и вся моя жизнь, принадлежать вамъ, отвѣ-
чалъ Францъ, не зная, какъ вывернуться изъ затруднительнаго по-
ложения: — гдѣ прикажете ожидать васъ?

— Позади замка, отвѣчала Сара, улыбаясь подъ маской: — на
оля, гдѣ развалины старой блутгауптской деревни.

— Въ какое время?

— Черезъ полчаса послѣ начала охоты.

— Буду, отвѣчалъ Францъ.

Сара граціозно кивнула ему головой и замѣшалась въ толпу.
Подъ саваномъ привидѣнія какъ-бы глухимъ эхомъ отговались
ослѣднія слова Франца.

Привидѣніе оборотилось въ ту сторону, куда пошла Сара, и ско-
о, медленными, невѣрными шагами, отправилось къ одной изъ две-
ей залы.

Оно прошло по длиннымъ корридорамъ, поднялось на лѣстницу
въ комнату биржеваго агента Леона де-Лоранса, вынуло изъ кар-
ана ключъ, и отперло дверь, которую Сара заперла на два поше-
ота.

Привидѣніе вошло. Узнавшій саванъ открылъ изнуренное бо-
езнью лицо самого Леона де-Лоранса.

Онъ опустился на возвышеніе у своей постели и долго оставал-
: недвижимъ, какъ пораженный молніей.

Потомъ, изъ впалыхъ глазъ его медленно скатились двѣ слезы.
рудь его подымалась, блѣдныя губы были полуоткрыты, и раз-
арающимъ воплемъ вырвались у него слова:

— Я еще люблю ея!..

Оставивъ Франца, Малютка подошла къ кавалеру Рейнгольду.

— Завтра, сказала она ему: — послѣ начала охоты онъ будетъ
развалинъ старой деревни.

— Одинъ? спросилъ кавалеръ.

— Со мною... примите мѣры.

— Взгляните, говорилъ Авель маркизъ де-Ботраверъ, своей при-
егегированной дамѣ: — мнѣ кажется, если глаза не обманываютъ
МНЯ, — наши красные люди выросли въ-теченіе вечера дюйма на
или на четыре.

Часть VIII.

Маркиза навела свой лорнетъ.

— А, дѣйствительно! отвѣчала она: — одинъ изъ нихъ про-
дѣлъ мимо меня и показался мнѣ гораздо-меньше... но скажи
пожалуйста, кто это такіе?

Авель закрутилъ усъ.

— Это тайна! сказалъ онъ: — даже мнѣ самому не до-
вѣя. Но посмотрите: одинъ подошелъ къ виконтессѣ д'Одмѣръ.

— А вонъ другой, вскричала маркиза:—взялъ за руку графиню
вашу сестрицу!

— Bravo! продолжалъ Авель: — ихъ полный комплектъ! Третій
подцѣпилъ этого мальчишку Франца!

Все это было дѣйствительно такъ. Три красные человека, вы-
шедшіе сначала пассивную роль, нѣсколько-несоотвѣтствующую
фантастическимъ костюмамъ, наконецъ улучили время.

Завязались три сцены, нѣсколько напоминавшія любовныя
страннаго пустытника. Тѣ, къ которымъ подошли три крас-
ные человека, казалось, были странно заинтригованы.

Первый тронулъ Франца за плечо и отеческимъ тономъ сказалъ
ему:

— Вы, другъ мой, вѣтренны и мучите благоразумныхъ людей,
которые во сто разъ лучше васъ!

Францъ остолебенѣлъ.

Между-тѣмъ, другой красный человекъ говорилъ на ухо
Денизы:

— Г. д'Одмѣръ, вы приходите отъ прекраснаго, благороднаго
рода... я зналъ вашего родителя и былъ его другомъ...

— Кто бы вы ни были, милостивый государь, прервалъ
Дениза: — вы говорите слишкомъ-серьезно для вашего костюма
бала.

— Мнѣ нельзя было выбирать ни времени, ни костюма, ни
дня виконтѣ... хоть я дѣйствительно намѣренъ говорить съ
вашимъ предметъ...

Третій красный человекъ остановился передъ виконтессой
и своимъ образомъ отрѣзалъ ее отъ толпы.

— Графиня Елена Блутгауптъ, сказалъ онъ ей важнымъ
и ровнымъ тономъ: — вы, кажется, забыли?..

Дениза танцевала; кавалеръ Рейнгольдъ любезничалъ въ
концѣ залы; красный человекъ выбралъ минуту, когда
осталась одна.

Фамилія Блутгауптъ, которую она такъ давно уже перестала
вызывать въ ней цѣлый рой воспоминаній.

Не смотря на лѣта, она сохранила остатки своей молодости
соты. До-сихъ-поръ, изъ-подъ маски ея видѣлся молодой, свежий
цвѣтъ лица: она была счастлива бракомъ сына! Удовольствие
дале ее молодоже двадцатью годами.

Первыя слова таинственнаго вопроса сильно поразили ее
вдругъ поблѣдѣла.

— Кто вы? спросила она въ смущеніи.

— До этого нѣтъ дѣла, отвѣчалъ третій красный человѣкъ: — я голодъ, который говоритъ вамъ о насильственной смерти вашихъ родныхъ.

Виконтесса вздрогнула; но голова ея поднялась; она хотѣла про-
нвиться.

— Я уже слышала нѣсколько главъ изъ этого нелѣпаго романа, казала она насмѣшливымъ тономъ: — вы, конечно, говорите отъ лица моихъ братьевъ?

— Я говорю отъ лица вашего отца, сударыня, отвѣчалъ красный человѣкъ, еще болѣе-медленнымъ и болѣе-торжественнымъ голосомъ: — графа Ульриха Блутгаупта, вашей сестры, графини Маргариты, и вашего супруга, Реймона д'Одмѣръ, — всѣ трое умерли насильственною смертію!

Виконтесса хотѣла сдѣлать презрительный жестъ; но голова ея пустилась, щеки покраснѣли.

— Оставьте меня, милостивый государь, прошептала она: — про-
ду васъ, оставьте меня!..

— Сказать правду! говорилъ между-тѣмъ первый красный чело-
вѣкъ, державшій за руку Франца: — вы, безъ хлопотъ съ своей
стороны, могли бы лежать теперъ трупомъ гдѣ-нибудь въ блут-
гауптскомъ лѣсу!

— Гэ! прервалъ Францъ: — вы поете старую пѣсню, я знаю
е какъ пять пальцевъ.

— Самонадѣянъ и вѣтренъ! пробормоталъ красный человѣкъ: —
то ужъ въ крови!.. Чортъ возьми, сынокъ мой, прибавилъ онъ
къ-слухъ: — мнѣ уже говорили, что вы ни въ чемъ не сомнѣвае-
есь!.. Между-тѣмъ, люди, которые берегутъ васъ, точно будто
роволоку раскручиваютъ...

— Кто же имѣетъ право беречь меня? спросилъ Францъ съ вы-
ывающимъ видомъ.

— Простите за самоволіе, монсеньёръ!.. Осмѣлились взять это
озволеніе, и вѣрно еще не разъ возьмутъ его... Боже мой! еслибъ
ставить васъ, вы бы смѣясь бросились въ первую ловушку!

Францъ нетерпѣливо топнулъ ногою.

— Я не люблю этого тона, сказалъ онъ: — ничто такъ не бѣ-
итъ меня, какъ когда обращаются со мною будто съ ребенкомъ.

— Не сердитесь, другъ мой, ради Бога, не сердитесь! отвѣчалъ
красный человѣкъ тѣмъ же откровенно-насмѣшливымъ тономъ: —
думаютъ спасти васъ и безъ вашего позволенія... и еслибъ вы
остереглись только до завтрашняго вечера...

— О-го! прервалъ Францъ полу-веселымъ, полу-недовольнымъ
голосомъ: — вы, кажется, весьма-многое обо мнѣ знаете!..

— Весьма-многое! Но, послушайте... добрый совѣтъ, чтобъ не
быть!.. не ѣздите завтра на охоту.

— Вотъ еще!.. началъ Францъ, разразившись громкимъ смѣхомъ.

— Я ждалъ этого... Ну! если побѣдете, общайте, по-крайней мѣрѣ, не отдаляйтесь отъ толпы.

— Почему?

— Потому-что ружье, изъ котораго послали вамъ пулю куда-то, успѣли снова зарядить...

Другой красный человѣкъ стоялъ лицомъ-къ-лицу съ Жюльеномъ.

Судя по открытой части лица Жюльена, на немъ выражался неудовольствіе и гнѣвъ. Казалось, вызовъ готовъ былъ сорваться у него съ языка.

Красный человѣкъ говорилъ холоднымъ, спокойнымъ тономъ:

— Я говорю, господинъ виконтъ, не для васъ, но для вашего отца, который былъ моимъ благодѣтелемъ... Я не говорю вамъ какъ прежде, что вы берете за себя дочь убійцы...

— Прежде?.. повторилъ Жюльенъ.

— Да... я не въ первый разъ предупреждаю васъ... Въ Понедѣльникъ, въ ночь на чистый понедѣльникъ.

— На балъ Фаваръ?.. прервалъ Жюльенъ.

Красный человѣкъ поклонился.

— А!.. вскричалъ виконтъ, подходя къ нему: — такъ это вы?

Въ голосъ его и позъ выражалась энергическая угроза.

Красный человѣкъ дѣлался все болѣе и болѣе спокойнымъ.

— Я не о прошедшемъ говорю вамъ, продолжалъ онъ: — о настоящемъ... Женщина, съ которою вы обручены...

— Замолчите, милостивый государь! прервалъ Жюльенъ, сдвинувъ его за руку.

— Эта женщина, невозможно продолжалъ красный человекъ — одна изъ...

Рука Жюльена судорожно прижалась къ губамъ красиваго молодца.

Онъ спокойно отнял ее. Сквозь отверстія своей маски онъ трѣпалъ на молодаго виконта съ видимымъ сожалѣніемъ.

— Такъ вы очень ее любите?.. прошепталъ онъ.

— Какъ никогда не любилъ ни одной женщины! отвѣтилъ Жюльенъ д'Одмеръ.

Красный человѣкъ, казалось, колебался.

Въ эту минуту, въ залѣ произошло нѣчто странное. Какъ-то вдругъ, какъ оркестръ порывистыми аккордами увлекалъ танцующихъ въ мазуркѣ, три таинственные красные человека, въ черныхъ плащахъ, появились при началѣ бала такой эффектъ, казалось, явились въ залѣ экземплярахъ.

Большая часть присутствовавшихъ не замѣчала этого страннаго явленія, но въ залѣ было шесть красныхъ человѣкъ. Шесть красныхъ въ фантастическихъ плащахъ демоновъ чудной дѣлѣ.

Зала была огромна и полна. Красные люди разбрелись по залѣ, вымъ угламъ, и никто не думалъ считать ихъ.

Три сцены, начатыя нами, продолжались; Францъ, Жюльенъ и виконтесса д'Одмёръ смущались все болѣе и болѣе.

— Оставьте меня, сударь! говорила виконтесса.

— Когда я отоюду отъ васъ, отвѣчалъ третій красный человекъ медленнымъ, суровымъ голосомъ: — вы останетесь съ своей совестью, виконтесса... Но сознайтесь, что я правъ, вы все забыли... вы здѣсь улыбаетесь и веселитесь двѣ недѣли, въ этомъ замкѣ, гдѣ убиты Гюнтеръ Блутгауптъ и сестра ваша Маргарита...

— Клевета!.. пробормотала виконтесса.

— О! вы говорите это не отъ чистаго сердца, графиня Елена!.. вы бонтесе вѣрять, но надо убѣдить васъ!.. Послушайте; не выходя изъ залы, я могу показать вамъ главныя дѣйствующія лица этой кровавой драмы...

«Видите вы этого человека, котораго надменная голова возвышается выше другихъ (онъ указалъ на Маджарина Яноса)? Этотъ человекъ, двадцать-два года назадъ, поднималъ саблю надъ графомъ Улрихомъ, вашимъ отцомъ...»

Виконтесса дрожала, едва переводя духъ. Она хотѣла освободиться отъ этой нравственной осады; но красный человекъ отдѣлялъ ее отъ толпы.

— Вы вѣкогда очень любили сестру свою Маргариту, графиня Елена!.. Взгляните на этого старика, продолжалъ онъ, указывая на доктора Хозе-Мира;—онъ былъ блутгауптскимъ домашнимъ лекаремъ... бѣдная Маргарита лежала бѣдная, въ страшныхъ мукахъ... Помните вы, какъ она была добра и прекрасна?.. Этотъ старикъ, вмѣсто лекарства, далъ ей яду!..

Колѣни виконтессы подгибались.

— О! это ужасно! прошептала она: — оставьте меня! оставьте!.. Оркестръ заглушилъ ее.

— Я еще не кончилъ, продолжалъ красный человекъ, указывая на кавалера Рейнгольда:—это послѣдній... избранный женихъ вашей дочери, виконтесса... я вамъ уже не разъ говорилъ, что виконтъ Реймонъ д'Одмёръ, вашъ мужъ, палъ отъ руки его.

Виконтесса должна была опереться на кресло.

— Какъ вѣрять такой неправдѣ? проговорила она.

— Предъ свидѣтелемъ злодѣянiя, виконтесса... слушая разсказъ человека, который, полумертвый, преклонялъ колѣно на краю пропасти и первый сказалъ *вѣчную память* Реймону д'Одмёръ.

Голосъ виконтессы такъ ослабѣлъ, что почти нельзя было слышать ее.—Я вамъ не вѣрю! съ усиленiемъ сказала она.

Красный человекъ откинулъ полу своего плаща и вынулъ маленькiй бумажникъ, на которомъ были написаны начальныя буквы имени Реймона д'Одмёръ. Подъ длиннымъ краснымъ плащомъ открылся нарядъ, блестящiй золотомъ и камнями. Это было дѣло одной секунды. Полу плаща запахнулись; виконтесса не обратила вниманiя на нарядъ.

— Двадцать лѣтъ назадъ, продолжалъ красный человѣкъ съ сненнымъ голосомъ: — въ ночь всѣхъ-святыхъ, я нашелъ на гейдельбергской дорогѣ трупъ... этотъ бумажникъ былъ на немъ... Виконтесса, узнаете ли вы?..

Увидѣвъ бумажникъ, она отвернулась, и маска не могла совершенно скрыть ея смущенія.

— Я не былъ свидѣтелемъ убійства, продолжалъ красный человѣкъ: — и не зналъ имени убійцы... но Богъ послалъ мнѣ великую мощь стараго слугу графа Гюнтера, который случайно былъ на краю Ада въ минуту преступленія... Кровавая тайна отяжелѣла душу бѣднаго человѣка... онъ открылъ мнѣ, и я повторю его слова: вотъ убійца Реймона д'Одмѣръ.

Онъ показывалъ рукою на Рейнгольда, который весело вертелъ въ толпѣ, не подозревая, что происходило подлѣ него.

Не смотря на предубѣжденіе, виконтесса была глубоко тронута. Слова незнакомца затронули въ ней струну давно нѣмую, но чувствительную. Она нѣкогда страстно любила своего мужа.

Послѣдовадо молчаніе. Голова виконтессы опустилась; дышать ей было тяжело; она, казалось, была въ сильномъ недоумѣніи.

Незнакомецъ стоялъ неподвижно и ждалъ.

— Но... сказала наконецъ виконтесса, съ трудомъ собирая силы: — этотъ человѣкъ... старый служитель моего дяди Гюнтера... гдѣ же онъ?

— Если вамъ угодно, завтра, чрезъ часъ послѣ начала оперы, придти въ лиственничную аллею, которая ведетъ къ Блутгауштену Аду... свидѣтель преступленія покажетъ вамъ мѣсто, откуда дѣлалась лошадь Реймона д'Одмѣръ.

— Я приду... отвѣчала виконтесса.

Мазурка кончилась. Движеніемъ толпы, Рейнгольдъ и Мирра приблизились къ виконтессѣ, въ которой, послѣ минутой вліянія страшнаго открытія, снова пробудилось недоверіе. Молнія блеснула у ней въ головѣ мысль о завистливой и злохотѣвшей препятствовать браку ея сына и дочери. Забывъ, что она уже видѣла въ незнакомцѣ человѣка, который, употребивъ зло свою маску, разыгрывалъ въроломную комедію.

Ей хотѣлось узнать клеветника.

— Мосъ Рейнгольдъ! закричала она.

Красный человѣкъ какъ-будто изумился. Но не успѣвъ еще кто замѣтитъ этого, какъ онъ снова принялъ свою гордую, привычную позу.

На зовъ виконтессы подошли Рейнгольдъ и Мирра. Всѣ, слышавшіе этотъ зовъ, въ которомъ было что-то трагическое, съ любопытствомъ приблизились и окружили незнакомца.

По странному стеченію обстоятельствъ, то же самое повторилось еще въ двухъ мѣстахъ залы.

Собрался кружокъ около перваго краснаго человѣка, котораго Францъ безъ околичностей схватилъ за воротъ; окружили и вто-

раго краснаго человека, которому Жюльёнъ д'Одмеръ громко и внятно сказалъ:

— Вы лжете!..

Вдругъ три такіа интересныя сцены — истинно-драматическія, а между-тѣмъ, безъ несносныхъ сценическихъ книжаловъ!

Разговоръ Франца съ его собесѣдникомъ продолжался своимъ чередомъ до той минуты, когда послѣдній сказалъ нѣсколько словъ, изъ которыхъ видно было, что онъ зналъ таинственную судьбу юности.

Воображеніе Франца вспыхнуло, какъ фитиль. Его фантастическія воспоминанія послѣднихъ дней въ Парижѣ, его безумныя надежды, желанія, опасенія, мечты,—все разомъ проснулось въ головѣ его.

— Я хочу знать!.. сказалъ онъ.

— Узнаете завтра, отвѣчалъ красный человекъ.

— Сегодня!.. сейчасъ! вскричалъ Францъ внѣ себя:—безъ того я васъ не выпущу!..

Что касается до Жюльёна, то мы оставили его уже въ томъ расположеніи духа, изъ котораго можно было предвидѣть его оскорбительную фразу.

Въ красномъ человекѣ, казалось, пробудилась жалость; но, безъ сомнѣнія, дѣло его было слишкомъ-важно, потому-что, послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ начатое. Жюльёнъ слушалъ и блѣднѣлъ.

— Не-уже-ли у васъ такая короткая память, говорилъ незнакомецъ:—что вы забыли тотъ веселый ужинъ въ Англійской-Кофейной, господинъ виконтъ?.. Съ вами была прехорошенькая собесѣдница!

Жюльёнъ вспомнилъ свои сомнѣнія; онъ предчувствовалъ роковую вѣсть; онъ бы охотно убилъ этого человека, чтобъ не слышать его.

— Но подобныя собесѣдницы, продолжалъ красный человекъ:— не достойны носить имя вашего отца... тѣмъ болѣе, что воспоминанія о нихъ иногда удивительно-многосложны... Кстати, виконтъ, если вы сомнѣваетесь, попробуйте спросить графиню Эсэиръ о нѣмецкомъ баронѣ Гётцѣ...

Жюльёнъ хотѣлъ говорить, но не могъ.

— Веселый малый этотъ Гётцъ! продолжалъ красный человекъ:—графиня понимала его, хотя барону никакъ не приходила въ голову шутовская мысль жениться на ней!.. и я могу вамъ рассказать...

Жюльёнъ убѣдительною и вмѣстѣ грознымъ жестомъ просилъ его замолчать.

— Нѣтъ! сказалъ незнакомецъ, отвѣчая на этотъ жестъ:— я не могу не докончить... потому-что я остался тѣмъ же другомъ виконта Реймона по смерти его, какимъ былъ при жизни... И не могу

не предупредить сына его, что онъ женится на женщицѣ вторичной!

Жюльенъ вспыхнулъ.

— Вы ждете! вскричалъ онъ, заноса руку къ маскѣ незнайки, который спокойно отклонилъ ее.

Но подобная фраза слышится далеко.

Любопытная толпа собралась.

Такимъ-образомъ, въ огромной залѣ каждый даромъ былъ зрителемъ интересной сцены. Здѣсь оскорбленная виконтесса; там Францъ, державшій человѣка за воротъ, какъ вора; тутъ Жюльенъ д'Одмеръ, дрожавшій отъ ярости предъ своимъ соперникомъ.

Красные люди всѣ трое были высокаго роста, и головы ихъ вышались надъ толпою.

Они какъ-будто согласились дѣйствовать за-одно: завернули въ свои плащи и готовились къ отступленію.

Они были окружены со всѣхъ сторонъ; но, слѣдя за движеніемъ толпы, можно было замѣтить, что у нихъ много помощниковъ.

Жюльенъ, Францъ, докторъ и другіе хотѣли силой загореть путь. Вдругъ сдѣлался шумъ; люди, никому неизвѣстные, пробрались сквозь толпу и съ притворною неловкостью стали вѣдъ Жюльеномъ, Францомъ и всѣми, пытавшимися удержать красные плащи. Дамы въ испугъ кричали; мужчины, не зная, чего хотѣлъ онъ, засуетились, затолкались.

Рейнгольдъ отыскивалъ синьора Яноса, помощь котораго была такъ полезна въ подобныхъ обстоятельствахъ; но Маджаранъ уже съ часъ какъ возвратился въ свою комнату.

Три красные человѣка медленно дошли до главной двери и прикрытіемъ кружка неизвѣстныхъ людей, которые шумѣли и давали видъ, будто сопротивляются, и вышли.

Толпа, подъ предводительствомъ Франца и Жюльена, бросалась по слѣдамъ ихъ въ переднюю.

Таинственная когорта разсѣялась.

Передняя и корридоры наполнились масками.

Вдругъ раздались голоса:

— Вотъ они! вотъ они!

Жюльенъ, Францъ и самые пламенные преслѣдователи, ничего не подозрѣвая обмана, возвратились.

Посреди передней, толпа обступила трехъ человѣкъ въ красныхъ плащахъ, которые напрасно старались вырваться.

И всѣ говорили:

— Это они! это они!

Ихъ держали за ноги и за руки. Открылся свободный путь для виконтессы, Франца и Жюльена.

— Снимите ему маску! вскричала мадамъ д'Одмеръ, устремившись къ самому высокому.

Прочіе два достались на долю Франца и Жюльена.

Маски упали.

Виконтесса стояла лицомъ-къ-лицу съ графомъ Мирелюномъ. Жюльенъ узналъ въ своемъ противникѣ Амабля Фиселла, автора *Триумфа Шампанскаго и Любви*, и многихъ другихъ водевилей. Францъ стоялъ, опустивъ руки, предъ покрасившимъ и сконуженнымъ милымъ Политомъ, питомцемъ г-жи Батальеръ.

Преслѣдователи и преслѣдуемые были поражены одинаково. Въ толпѣ раздался отчаянный хохотъ. Заговорили-было, что эти три красные человека не настоящие красные люди, но оркестръ заглушилъ всѣхъ. Гости почтенные начали находить неприличнымъ такое странное искаженіе легенды; каждый думалъ о красныхъ людяхъ.

Черезъ часъ послѣ этого приключенія, которое большая часть гостей сочла заранее-придуманною, не совсѣмъ-удачною комедіей, глэдбергскіе компаньоны составили кружокъ и разговаривали о полголоса.

— Очевидно, сказалъ Рейнгольдъ:— что ни Фиселль, ни Мирелюнь, ни этотъ бѣдливый малый Политъ, что ли, какъ его зовутъ, не причастны тутъ ни душою, ни тѣломъ... Впрочемъ, у воротъ ихъ узнали.

— То-есть, пытались узнать, возразилъ фан-Прэттъ:— я былъ у окна и видѣлъ, какъ всѣ вошли толпою... Одни снимали маски, другіе проходили такъ. Никого не останавливали, и этихъ трехъ молодцовъ легко могли не замѣтить.

— Ихъ и другихъ... прибавила г-жа де-Лорансъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что эти три человека были не одни... Не же-ли вы не замѣтили, что за ними всюду ходилъ цѣлый охран-ный отрядъ?..

— Держу пари, что это наши негодяи Нѣмцы изъ Тампля.

— При выходѣ можно дѣйствовать строже, нежели при входѣ казалъ докторъ Мирá:—и поставить у воротъ надежный караулъ.

— Я поставлю Юганна, прибавилъ Рейнгольдъ:—на него можно оложить въ этомъ случаѣ.

— Конечно, онъ будетъ не одинъ и захватитъ всѣхъ, кто во-леетъ, не имѣя на то права...

— Такимъ-образомъ, мы узнаемъ, кто наши красные люди!

Это происходило почти въ центрѣ залы.

Недалеко отъ нихъ сидѣла виконтесса д'Одмѣръ между сыномъ и дочерью. Францъ вертѣлся около Денизы; Эсэвръ говорила съ Жюльеномъ, который послѣ разговора съ незнакомцемъ былъ замучивъ и мраченъ.

Онъ машинально повторялъ про-себя имя Гѣтца. Ему хотѣлось объясниться съ Эсэврью; но онъ не смѣлъ, потому-что былъ слабъ и предпочиталъ сомнѣніе извѣстности.

Компаньоны продолжали свою дружескую бесѣду—старались от-

гадать, кто такіе были актёры этой странной драмы, и ни барона Родаха невольно приходилось въ отвѣтъ на эти вопросы.

Балъ былъ по-прежнему шуменъ и веселъ. Нѣкоторые модные люди, въ томъ числѣ и Авель Гельдбергъ, для большаго эскупа, уже два или три раза перемѣнили костюмы.

Но, не смотря на свои усилія, молодые люди, желавшіе произвести эффектъ, и даже самъ Авель Гельдбергъ, радикально мѣнялись появленіемъ какого-то кавалера двора Елизаветы, въ великолѣпномъ костюмѣ котораго было что-то царское.

Концы его бѣлой атласной тоги поддерживались огромными брилліантовыми пуговицами. Спускавшаяся по груди лента Золото-го-Руна блистала камнями. Орденъ-Подвязки обхватывалъ широкій чулокъ, а рубиновая, горѣвшая огнемъ пражка прикрывала на шляпѣ длинное перо.

Подъ этимъ костюмомъ обозначались благородныя и вѣстивыя гучія формы.

Дамы не сводили съ него глазъ; усилія молодыхъ людей не пали по-пустому; четвертый костюмъ Авеля остался совершенно незамѣченнымъ.

Кавалеръ двора Елизаветы ходилъ по залу и не говорилъ слова.

Два или три раза прошелъ онъ мимо компаньоновъ. Кто-то изъ нихъ произнесъ имя барона Родаха...

— Кто говорить о баронѣ Родахѣ? спросилъ онъ гордымъ, вѣрнымъ голосомъ.

Гельдберги остолбенѣли.

Все смолкло въ залу. Всѣ смотрѣли.

Кавалеръ двора Елизаветы сталъ между компаньонами.

Онъ снялъ маску и всѣ увидѣли прекрасное лицо самого барона Родаха.

Камени и костюмъ прилавали чертамъ его дивное выраженіе. Гордое, блѣдное лицо его, казалось, сіяло. Компаньоны округили головы.

Въ залу раздался глухой шопотъ удивленія, и всѣ слышавшіе восклицанія:

— Гётцъ!.. сказала Эсеиръ.

— Мой братъ Отто! блѣднѣя проговорила виконтесса д'Омеръ. Францъ подошелъ ближе, и, будто сквозь сонъ, пробормоталъ:

— Нѣмецкій кавалеръ...

Восклицаніе Эсеири какъ кинжалъ впилось въ сердце Жюльетты.

Восклицаніе виконтессы заставило вздрогнуть компаньоновъ двора Елизаветы.

Все обнаружилось. Враги ихъ были между ними. Они и были тѣмъ страшными сыновьями графа Ульриха...

Баронъ Родахъ почтительно поклонился сначала графинѣ Эсеиръ, потомъ виконтессѣ д'Омеръ, наконецъ обратился къ компаньонамъ, которые избѣгали его взоровъ.

Лицо его было по-прежнему спокойно и ясно.

— Теперь скажите, господа, довольны ли вы мною?..

Рейнгольдъ пробормоталъ непонятный отвѣтъ.

— Я не хотѣлъ, чтобъ праздникъ прошелъ безъ меня, продолжалъ баронъ Родахъ. — Торговый кризисъ кончился... мое присутствие больше не нужно въ Парижѣ... я прѣхалъ разделить радости въ вами, друзья мой и компаньоны!

— И хорошо съезжали, баронъ! отвѣчала г-жа де-Лорансъ, перья пришедшая въ себя.

— Мы счастливы... началъ фан-Прэттъ.

— Одолжены... мрачно произнесъ докторъ.

— Въ восторгѣ!.. весело возразилъ Рейнгольдъ съ улыбкой, которая скорѣе походила на гримасу.

— Но, продолжала г-жа де-Лорансъ: — я надѣюсь, что вы не хотите огорчить насъ и остановитесь въ замкѣ... Вы здѣсь у себя, баронъ, и я веду приготовить вамъ комнату.

— Тысячу разъ благодарю, отвѣчалъ Родахъ несколько-насмѣшнымъ тономъ:— за ваше любезное предложеніе; но не могу принять его...

Онъ сталъ между Рейнгольдомъ и Мирá.

— Вы, вѣроятно, помните, что я сказалъ вамъ при первомъ нашемъ свиданіи, прибавилъ онъ:— вы спрашивали мой адресъ, и я отвѣчалъ, что «люблю тайственность... это моя слабость». Я не зѣбнулся съ-тѣхъ-поръ... позвольте мнѣ держать въ тайнѣ мѣсто моего убѣжища.

Оркестръ заигралъ вальсъ.

Родахъ взялъ руку г-жи де-Лорансъ.

— Угодно вамъ имѣть меня своимъ кавалеромъ? сказалъ онъ.

Сара, блѣдная, трепещущая, положила руку на плечо его.

Она едва дышала.

Рейнгольдъ, Мирá и фан-Прэттъ смотрѣли имъ вслѣдъ.

Францъ стоялъ неподвижно и не сводилъ глазъ съ этого человека, который, казалось, произвелъ на него такое странное, сильное впечатленіе.

— Пойду разбужу Маджарина, сказалъ въ-полголоса Рейнгольдъ.

— Его нельзя выпустить живаго изъ замка! прибавилъ докторъ.

VIII.

Гробницы.

Лиза Гельдбергъ была одна въ своей комнатѣ. Она давно уже ушла изъ бальной залы. Въ послѣднія двѣ недѣли, надежда оставалась ее мало-по-малу, она начинала опасаться; сегодня пришло отчаяніе. Въ глубинѣ ея сердца звучали еще слова пустынника; онъ сказалъ, чтобъ она надѣялась на Бога, потому-что на землѣ для нея нѣтъ болѣе счастья...

У Ліа была прекрасная, кроткая, сильная душа; но этот последний удар жестоко поразил ее. Твердость ее колебалась. Нужно время, чтобъ приобрести ту мрачную устойчивость, кака иногда является въ безнадежномъ положеніи.

Ліа лежала на постели въ своемъ свѣжемъ, граціозномъ бѣдномъ костюмѣ. Прекрасныя формы ея обрисовывались подъ бѣлымъ, еще застегнутымъ платьемъ, и на бѣдной головкѣ надѣтъ былъ роскошный вѣнокъ.

Тѣло ея горѣло.

Она начинала молиться; но, увы! въ первыя минуты скорби душа ослабѣваетъ, и мысль о божествѣ является какъ-будто въ туманѣ; языкъ напрасно ищетъ утѣшительныхъ словъ молитвы.

Бѣдный ребенокъ, она стояла на колѣняхъ, безмолвно, съ слезами на глазахъ, съ однимъ именемъ на сердцѣ—съ именемъ Отто, любовь къ которому усиливалась въ ней по-мѣрѣ-того, какъ ослабѣвала надежда.

Не желая думать о любви на молитвѣ, она встала и съѣла свою кровать.

О! какъ горьки тѣ часы, когда въ первый разъ увидишь, что рассыпаются и бѣгутъ, будто жемчужины съ оборваннаго ожерелья, всѣ любимыя надежды!..

Каждая счастливая мечта превращается въ язву; воспоминанія отравлены, и каждая прошедшая улыбка вызываетъ новую слезу.

Ліа, опустивъ голову, сложивъ руки на колѣняхъ, вспомнила прошедшее.—Бѣдная дѣвочка! Счастливая юность ея протекла такъ близко отсюда, въ окрестностяхъ Эссельбаха...

Пріѣхавъ въ Гельдбергъ, она узнала громадный, гордый замокъ, предъ которымъ мечталъ изгнанникъ, когда она увидѣла его въ первый разъ.

Въ сосѣднихъ поляхъ узнала она знакомыя тропинки, на которыхъ Отто говорилъ ей о любви.

Отто былъ для нея тамъ, подъ этими высокими деревьями, гдѣ они сидѣли вмѣстѣ, оба взволнованные, полные надеждъ на будущее.

Едва нѣсколько мѣсяцевъ прошло съ-тѣхъ-поръ, и будущее теперь представлялось ей цѣлой жизнью траура!

Подавленная горемъ и усталостью, она хотѣла заснуть; но глаза ея не смыкались.

Она встала и открыла окно, выходившее на поляну.

Была прекрасная зимняя ночь: луна высоко скользя по безоблачному небу; смутно-освѣщенный пейзажъ терялся въ туманной дали. По скату горы лежали длинныя тѣни высокыхъ листовенницъ; на обернбургской дорогѣ бѣлѣлись развалины старой блутгауптской деревни и казались гробницами, разстанными на огромному кладбищу.

Все это спокойно, пусто, молчаливо. Безпривѣтной грустью дышала эта нѣмая величественность.

Холодъ сначала какъ-будто оживилъ горѣвшее лицо Ліи, но скоро охватилъ ее своимъ мертвящимъ прикосновеніемъ; внутренній болѣзненный жаръ усиливался; несвязныя странныя идеи ронялись въ головѣ ея. Она оперлась на окно; необъятная пустота привлекала ее.

Вдругъ она выпрямилась. Въ комнатѣ ея послышался шумъ, отъ самый, который она уже часто слышала, и который, казалось, преслѣдовалъ ее въ Германіи такъ же какъ въ Парижѣ.

Дрожа всѣмъ тѣломъ, она остановилась и начала прислушиваться. еперь, смущенная, она испугалась болѣе обыкновеннаго, отворила дверь и бросилась въ корридоръ.

На башнѣ пробило четыре часа. Въ корридорѣ слышно было гдаенное эхо бальной музыки. Ліа безсознательно направилась а эти звуки, нѣсколько ободрившіе ее.

Она спустилась по лѣстницѣ, выходящей въ ту галерею, въ оторой Клаусъ исчезъ послѣ совѣщанія компаньоновъ въ коматѣ Фау-Прэтта.

Назаво, этотъ корридоръ кончался маленькою дверью, чрезъ оторую Клаусъ вышелъ на дворъ капеллы. Направо, эта галерея ела въ жилья комнаты замка; тутъ Ліа ходила обыкновенно, и, ожеть-быть, не знала даже о выходѣ къ развалинамъ капеллы.

Когда, спустившись съ лѣстницы, она поворотила направо, мию нея быстро пробѣжалъ кто-то. Лампа, горѣвшая въ концѣ галерен, нисколько не освѣщала мѣста, гдѣ была Ліа; обжавшій не амтилъ ее за выступомъ лѣстницы.

Но Ліа видѣла его лицо.

Въ изнеможеніи она присловилась къ стѣнѣ.

Слышно было, какъ дверь на дворъ отворилась и затворилась.

Ліа выпрямилась подѣ вліяніемъ внезапной мысли.

Она направилась также къ двери. Отворивъ ее, она увидѣла маленькій дворъ, заросшій травкою. Назаво подымалась толстая стѣна укрѣпленія; направо — развалившаяся капелла, которою Ліа такъ часто любовалась изъ своего окна.

Ліа перешла дворъ и вошла въ капеллу чрезъ то же отверстіе, презъ которое наканунѣ прошелъ Клаусъ.

Блѣдный лунный свѣтъ проходилъ въ капеллу чрезъ обрушившійся куполь и окна; въ нишахъ видѣлись бѣлыя статуи святыхъ; легкія колонны группами подымались кверху, хотя надъ ними не было другаго свода, кромѣ синева небесной.

Въ то время, когда Ліа входила въ капеллу, слышно было, какъ позади хоръ со скрипомъ затворилась дверь.

Ліа дрожала; но таинственная сила влекла ее впередъ. Чтобъ не видѣть бѣлыхъ, освѣщенныхъ луною статуй, она опустила глаза и шла на скрипъ двери.

Послѣ нѣсколькихъ усилій, она отворила дверь и очутилась передъ лѣстницею, высѣченною въ камнѣ.

Лиа спустилась по ней — и очутилась въ погребальномъ слѣдѣ графовъ.

Прежде всего бросилась ей въ глаза огромная гробница, на которой лежали рядомъ, одна подлѣ другой, три статуи рыцарей. На гробницѣ горѣла лампадка и неясно освѣщала статуи другихъ гробницъ.

Подлѣ гробницы трехъ рыцарей стоялъ человекъ, спиномъ къ свѣту.

Это былъ именно тотъ, кого видѣла Лиа въ корридорѣ; за нимъ то шла она такимъ страшнымъ путемъ; но теперь она не рѣшалась приблизиться, потому-что не видала лица его.

Можетъ-быть, она обманулась.

Она колебалась между страхомъ и желаніемъ, которое влекло ее впередъ.

Человекъ, стоявшій у гробницы, отиралъ лобъ; онъ, казалось, усталъ, и высокій станъ его опускался подъ складками широкаго краснаго плаща.

Онъ съѣлъ на гробницу трехъ рыцарей, и лучи лампы освѣтили лицо его; крикъ замеръ въ груди Лиа.

Теперь уже она не сомнѣвалась: это было благородное лицо Отто. Сердце ея сильно забилось; страхъ исчезъ; могла ли браться?

Она бросилась впередъ... и вдругъ остановилась, какъ пораженная.

Изъ темнаго пространства выступилъ другой человекъ, совершенно-сходный съ Отто.

Не сонъ ли это? не бредъ ли лихорадочнаго припадка?

Пока она задавала себѣ этотъ вопросъ, выступилъ третій человекъ, совершенно-похожій на двухъ первыхъ.

Тѣ же черты, прекрасныя, благородныя; тотъ же ростъ, оди и тѣ же плечи. Сходство было такъ совершенно, что Лиа не могла забыть котораго изъ нихъ такъ пламенно она любила!

Она схватилась руками за голову, стараясь собрать разсѣяныя мысли; она думала, что потеряла разсудокъ.

Два послѣдніе человека наклонились и взяли съ гробницы новыя Чернаго-Графа заступы и лопату.

Первый взялъ лампадку, и они пошли къ пустому пространству на срединѣ подземелья, гдѣ стоялъ маленькій деревянный столъ.

Лиа, дрожа всѣмъ тѣломъ, прижалась къ холодной колоннѣ.

Человекъ, державшій лампадку, поставилъ ее на-земь, также заступъ, и всѣ трое начали копать землю.

Долго работали они молча, и вырыли пять могилъ одну за другой.

И по окончаніи каждой, голосъ произносилъ:

— Это для Фабриціуса Фан-Прэтта.

— Это для доктора Хозе-Мира.

— Это для кавалера Рейнгольда.

— Это для Маджарина Яноса Георги.

При последней голосъ сказалъ:

— Это для стараго Моисея Гельдберга.

При имени отца, Лиа упала на колѣни.

Три человека оперлись на заступы и съ минуту стояли недвижно.

— Двадцать лѣтъ назадъ, братья, сказалъ первый печальнымъ, торжественнымъ голосомъ: — мы копали другую могилу на этомъ же мѣстѣ... мы были молоды; у насъ была еще сестра!.. Въ эти двадцать лѣтъ приходила ли вамъ когда-нибудь мысль прочесть молитву за упокой души несчастнаго барона Родаха?

— Онъ хотѣлъ обезчестить сестру нашу! отвѣчали братья мрачнымъ голосомъ.

— И мы убили его! отвѣчалъ первый: — того требовала справедливость; но надо молиться за тѣхъ, кого такъ отпускаютъ на судъ Божій, не давъ времени раскаяться... Я часто молился, братья, потому-что мы ограбили этого человека и подъ его именемъ долго скрывались отъ враговъ своихъ.

Съ этими словами, говорившій перешагнувъ черезъ могилы и сталъ на колѣни передъ деревяннымъ крестомъ; другіе двое продолжали его примѣру.

Среди мертваго молчанія склепа раздались погребальные голоса: *de profundis*.

Потомъ, три человека встали.

— Для этой ночи мы кончили свое дѣло, сказалъ первый: — пойдемъ успокоиться: скоро намъ нужны будутъ всѣ наши силы... Завтра, если Богъ поможетъ, эти могилы закроются, и блутгаунтскіе слуги поклонятся потопку графовъ!

Они потушили лампаду и всѣ трое пошли къ лѣстницѣ.

Лиа, едва дыша, слѣдовала за ними.

Они прошли капеллу и дворъ.

Когда первый готовъ былъ войти за двумя другими въ корридоръ, гдѣ Лиа прежде увидѣла его, онъ почувствовалъ, что кто-то держитъ его за плечу длаща.

Онъ обернулся: Лиа стояла у ногъ его на колѣняхъ.

Между-тѣмъ, дверь въ корридоръ затворилась за двумя братьями.

— Отто... прошептала она едва-внятнымъ голосомъ: — я была тамъ... въ склепѣ... я все видѣла... я все слышала!.. Я знаю, что уже не могу принадлежать тебѣ...

Слеза скатилась по щекъ ея.

— Но, умоляю, прибавила она, сложивъ руки: — пощади моего бѣднаго отца.

Свѣтъ луны падалъ на лицо ея, и она казалась еще прекраснѣе. Въ болѣзненно-горестномъ голосѣ ея звучала глубокая преданность судьбѣ.

Отто въ смущеніи не находилъ словъ; изъ всѣхъ испуганій, это было, можетъ-быть, самое горькое въ его жизни.

Онъ поднялъ Лию и прижалъ ее къ своему сердцу.

— Боже! говоришь онъ:—сжался надъ нею и надо мною!

— Лиа! сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія:—я люблю васъ.. о! очень люблю!.. Никогда другая женщина не замѣнитъ мнѣ в моемъ сердцѣ... Пусть сдѣлаетъ васъ Богъ счастливою и увидит мой страданія!

Голова Лии прильнула къ его груди; она рыдала.

— Прощай! продолжалъ Отто, стараясь высвободиться изъ объятій:—мы не увидимся болѣе въ этомъ мѣрѣ, Лиа...

— Мы увидимся тамъ! прошептала Лиа, указывая на небо.

Отто толкнулъ уже дверь; она остановила его.

— Мой отецъ!.. ты не общалъ мнѣ пощадить его!

Отто остановился въ нерѣшимости.

— Я общаю вамъ, Лиа, сказалъ онъ наконецъ: — но, можетъ быть, смерть была бы для него легче...

Дверь захлопнулась за нимъ.

IX.

Охота.

На другой день, въ замкѣ Гельдберга встали изъ-за стола седьмомъ часу вечера.

Объѣдали рано по случаю охоты, съ такимъ нетерпѣніемъ даваемой въ-продолженіе трехъ недель. То было последнее дѣнье враздника; приглашенные должны были на другой день вернуться въ Парижъ.

Нѣчего говорить о прекрасномъ обѣдѣ. Пили и ѣли до крайности, подъ предлогомъ прощанья; десертъ принялъ трогательный характеръ, и литературныя насѣкомыя, разгоряченныя шашки, продекламировали нѣсколько злыхъ стишковъ, въ перемѣну между грушами и сыромъ. Они издали слышали знакомый запахъ кухни, и запасались съѣстными припасами, какъ верблюдъ, готовящійся проходить пустыню.

Гости были взволнованы. У всѣхъ раскраснѣлись лица.

Оставляя залу, ноги графа Мирелюнь легко и пріятно скользили. Что жъ касается до Фиселля, — онъ былъ на-веселѣнъ, на-веселѣнъ такъ, какъ человѣкъ, серьезно занимающійся танцами.

Онъ связывалъ одинъ съ другимъ всѣ каламбуры изъ сонетовъ девицъ, и направлялъ ихъ къ ушамъ своего женскаго толстой жены значительнаго торговца въ Улицѣ-Лафитъ.

Въ началѣ обѣда можно было замѣтить, что члены гольдбергскаго дома были чѣмъ-то заняты, но они успѣли скрыть это.

Г-жа де-Лерансъ никогда не была такъ мила, кавалеръ Ронгольдъ никогда не былъ такъ веселъ.

Только Эсэри была печальна: Жюльенъ за столомъ сидѣлъ не подаль нея. Прекрасная графиня постоянно старалась ловить взоры своего жениха, который, казалось, избѣгалъ этого.

Жюльенъ сидѣлъ подаль матери, которая исключительно занималась кавалеромъ Рейнгольдомъ и углубилась въ задумчивое молчаніе.

На блестящемъ лбу ея были легкія пятна; но никто ихъ не замѣчалъ, и общая радость отъ этого не уменьшалась.

Черезъ полчаса послѣ обѣда, толпа гостей спускалась по лѣстницамъ замка на главный дворъ, гдѣ слышенъ былъ шумъ. То были крики охотниковъ и стремениныхъ, раздѣльныя ноты пробужденныхъ роговъ, лай собакъ и ржанье лошадей, которыя отъ негерпѣнія рыли копытами землю.

Молодой Авель Гельдбергъ сидѣлъ на лошади у вѣзда во дворъ. Этотъ вечеръ долженъ быть памятенъ въ его жизни. Въ качествѣ наездника, онъ былъ директоромъ и главою охоты.

Въ ту минуту, какъ первыя дамы входили во дворъ, онъ подавъ знакъ и затрубилъ. Раздались веселые звуки.

На дворъ толпились многочисленныя своры, и, по нѣмецкому обычаю, гремѣли охотничьи экипажи.

Дамы, которыхъ прилично бы назвать наездниками, вскочили на рыпныхъ, способныхъ насгичъ звѣря, лошадей; другія, хотя одѣтыя въ амазонки, сѣли на смиреннѣйшихъ, или даже на мягкія полушки въ каретахъ.

Ворота отворились, и охота тронулась. Ночь была темная, но сухая; черныя тучи безъ дождя покрывали небо.

Выѣхавъ на улицу, гости увидѣли передъ собой восхитительное зрѣлище.

Пейзажъ, видный днемъ съ вершины горы, рисовался ночью дѣйными, свѣтлыми линиями. Лѣсъ освѣтился; каждое дерево имѣло свой огненный поясъ. По всей дорогѣ, назначенной для охоты, иллюминація бросала кривыя линіи свѣта.

И всѣ эти огни, умножающіеся до безконечности, теряли блескъ свой въ глубокой темнотѣ. Они блестяли какъ звѣзды, но издали, казалось, не освѣщали окружающихъ предметовъ.

Картина имѣла видъ огромной арабески, начертанной брильянтовыми точками на гигантскомъ черномъ бархатномъ грунть.

Вѣроятно, чтобъ избавиться отъ контраста, начальники охоты оставили въ тѣни скатъ горы, на которой находился замокъ Гельдбергъ. Иллюминація начиналась въ концѣ большой аллеи.

По этой дорогѣ началась охота. Гости и хозяева собрались тамъ толпою, одни пѣшкомъ, другіе въ экипажахъ. Дамамъ кричали ура, и процессія спустилась внизъ по аллеѣ.

Еще не расходились.

Женщины трусила, потому-что въ гельдбергскомъ лѣсу было много опасныхъ переходовъ, и какъ ни роскошна была иллюми-

нація, но, не выдавъ ея, невозможно было повѣрить, чтобъ она могла замѣнить дневной свѣтъ.

Поѣздъ подвигался медленно и съ какимъ-то затрудненіемъ. Тамъ-и-сямъ лакеи махали красными факелами. Лошади пугались; удивленная толпа собиралась въ кучу и не рѣшалась подвинуться впередъ.

Молодой Гельдбергъ, въ англійскомъ костюмѣ, выкроенномъ и совершеннѣйшему образцу, былъ главою кавалькады. Онъ пустилъ *Королеву Викторію* рысью, принявъ то болѣзненное, вялое положеніе, которое замѣняетъ у насъ, благодаря усихамъ коннаго искусства, гордую осанку древнихъ рыцарей.

Онъ много хлопоталъ, командовалъ голосомъ отрывистымъ, и полеоновскимъ; иногда припоминалъ и британскія слова, которые въ такихъ обстоятельствахъ производили необыкновенный эффектъ.

Вообще, это былъ очень-порядочный молодой человекъ, и *Королева Викторія* сдѣлала честь его искусству.

Первый привалъ былъ въ концѣ аллеи, между гельдбергскою рогой и опушкой лѣса.

Гости мужескаго пола окружили молодаго Гельдберга, какъ рошо-выученная свита толпится, въ торжественный часъ битвы вокругъ полководца.

Сынъ Моисея Гельда началъ говорить громкимъ и твердымъ голосомъ.

Ни разу не сдѣлавъ промаха, онъ раздѣлилъ мѣста охоты между присутствующими такъ умно, что всѣ отдали ему должную честь. Онъ въ нѣсколькихъ словахъ очертилъ маршрутъ дамамъ, подалъ знакъ къ рѣшительному отправленію.

Поле охоты подготовлено было утромъ. Оленя вогнали въ чащу прилегавшую къ гельдбергскому пруду. Въ-продолженіе цѣлаго дня не выпускали его изъ глазъ и были увѣрены, что поймутъ.

Дѣйствующая часть охоты должна была ѣхать къ долине гельдбергскому пруду. Дамамъ и лѣнливымъ назначены были мѣста у нѣкоторыхъ перекрестковъ, такъ, чтобъ они могли видѣть гдѣ пройдетъ олень.

Въѣхали въ блестящій кругъ иллюминаціи. Ночь уже была далеко отъ вѣззда. Собаки и лошади, обманутыя этимъ искусственнымъ днемъ, оживились какъ-будто при наступленіи утра.

По данному знаку, охота пустилась вихремъ; экипажи и команды рассыпались по разнымъ направленіямъ.

Мѣсто, гдѣ была стоянка, осталось пустымъ въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ.

Черезъ четверть часа, можно было видѣть тѣнь, проскользнувшую въ чащу въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки, и безмолвно облокотившуюся на дерево.

Тому, кто не замѣтилъ прежде, теперь невозможно было рас-

вать этого человѣка, защищеннаго отъ взоровъ тѣнью пня листеницы и какъ-бы составлявшаго одно цѣлое съ деревомъ, на которое онъ облокотился.

Изрѣдка слышенъ былъ вдалекѣ конскій топотъ, лай собакъ пріятные звуки трубъ.

Воздухъ былъ холодный, но плотный и спокойный; ни одна вѣтра не потухла на деревъ, и пейзажъ сохранялъ неприкосновенно свое чудесное убранство.

Шаги лошади раздавались въ аллеѣ, и силуэтъ всадника показались смутно вдали. Онъ ѣхалъ посреди дороги и, по мѣрѣ того, къ приближался, свѣтъ выказывалъ его все яснѣе и яснѣе.

Въ двадцати шагахъ отъ стоянки можно было узнать, по изысканному костюму и росту, кавалера Рейнгольда.

Подъѣзжая къ тому мѣсту, гдѣ передъ тѣмъ останавливалась юта, онъ приложилъ къ глазамъ руку, чтобъ рассмотреть предметъ, движущійся по гейдельбергской дорогѣ.

Это была та же лошадь съ всадникомъ, въ которомъ Рейнгольдъ, изалось, съ перваго взгляда узналъ доктора Мирá въ его длинномъ кафтанѣ.

Онъ произнесъ имя Португальца,—никто не отвѣчалъ.

Кавалеръ ошибся поломъ. Въмѣсто предполагаемаго всадника, была женщина въ амазонкѣ изъ тонкаго сукна. Густой вуаль покрывалъ лицо ея. Подъ этимъ вуалемъ скрывались блѣдныя, озабоченныя черты виконтессы д'Одмёръ, которая оставила охоту, прегдуемая словами краснаго человѣка, и ѣхала одна къ Блутгаупт-тому-Аду.

Ея воспоминанія долго дремали; она добровольно предалась дозрчивости; но кровь отца пробуждалась въ ней, и сердце ея говорило въ-продолженіе предвѣдущей безсонной ночи.

Она хотѣла знать, чего бы ей это въ-последствіи ни стоило!

У подошвы горы она своротила съ гейдельбергской дороги и двялась одна, съ стѣсненнымъ сердцемъ, по узкой тропинкѣ, ведущей къ пропасти.

Было еще далеко, а храбрость ужъ оставляла ее.

Кавалеръ остановился на перекресткѣ. Вѣроятно, тутъ было назначено rendez-vous, потому-что онъ ждалъ.

Черезъ минуту послѣ проѣзда виконтессы, другая амазонка, съдѣлавшая также по гейдельбергской дорогѣ, скакала легкимъ шагомъ на прекрасной лошади. Эту невозможно было принять за жтора Хозе-Мирá: атласный шпенсеръ обхватывалъ ея гибкую, окую талью; то была молодая дѣвушка, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, прекрасная молодая дѣвушка.

Она проскользнула въ полу-свѣтъ и продолжала свой путь.

Кавалеру пришла мысль, что это Дениза д'Одмёръ; но можетъ ли это быть? Онъ оставилъ Денизу между Жюльенномъ и матерью, ели толпы, на дорогѣ къ гельдбергскому пруду...

Дениза ли то была, или нѣтъ, но амазонка повхала не по той

дорогъ, по которой виконтесса; она оставила вправѣ тропинку, ведущую къ пропасти, и продолжала спускаться по гейдельбергской дорогѣ.

— Я думаю, что и первая была женщина! пробормоталъ Рейнгольдъ.— Куда жь это онъ ѣдутъ?..

Онъ не успѣлъ кончить этихъ словъ, какъ третья амазонка, схватившая, подобно двумъ первымъ, отъ гейдбергскаго пруда, круто поворотила въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него и пустилась большимъ галопомъ по аллеѣ.

Она проскакала такъ близко отъ Рейнгольда, что на него даже пахнуло вѣтромъ.

— Къ развалинамъ... сказала она.

Рейнгольдъ узналъ г-жу де-Лорансъ.

Черезъ нѣсколько минутъ прѣехали и люди, которыхъ онъ ждалъ. Это были: Португалецъ и Фабрициусъ фан-Прэттъ.

— Право! сказалъ Голландецъ, вытирая лобъ:— вотъ прекрасный праздникъ... Мнѣ пришла мысль, пока я галопировалъ на этой скверной лошади... Можно бы сдѣлать шаръ...

— А, а! прервалъ Рейнгольдъ, не будучи въ состояніи удержаться отъ улыбки, вспомнивъ о прежнемъ ремеслѣ Фабрициуса.

— Шаръ, повторилъ фан-Прэттъ:— подобный тому, который изобрѣлъ въ Лейденѣ въ 1820 году... Это былъ аэростатъ овальной формы, въ центрѣ тяжести котораго была привязана веревка, поддерживавшая колеса...

Хозе-Мира пожалъ плечами.

— Мы пришли сюда говорить не о глупостяхъ, сказалъ онъ.

— Любезный другъ, живо прервалъ Фабрициусъ:— наука аэростатики не глупость... и ты увидишь, что шары замѣнятъ желѣзные дороги... Впрочемъ, ты немного правъ... Поговоримъ о настоящемъ... Мы не увидимъ Маджарина?

— Маджаринъ не хочетъ мѣшаться въ это дѣло, отвѣчалъ Рейнгольдъ:— сверхъ-того, у него совсѣмъ-другое въ головѣ!.. Съ окончанія бала, онъ стоитъ на часахъ, со шпагой въ рукъ, на лѣстницѣ въ сторожевую башню.

— Онъ ждетъ барона? спросилъ Мира.

— И будетъ ждать его двѣ недѣли, если будетъ нужно! отвѣчалъ кавалеръ:— его лакей Венгерецъ стоитъ подлѣ него и держитъ саблю и зараженные пистолеты... Если баронъ въ башнѣ, то, мнѣ кажется, дѣло его ясно.

— А гдѣ бы онъ могъ быть? спросилъ фан-Прэттъ. — Стража, которую вы поставили у забора, около замка, во время бала, надежные люди?

— Весьма-надежные, отвѣчалъ Рейнгольдъ:— и всѣ снимали миски... Ясно какъ день, что Родахъ не могъ оставить Гейдберга.

— По-крайней-мѣрѣ, онъ намъ не будетъ мѣшать въ нашъ походъ! пробормоталъ докторъ. Что же наше дѣло-то?— Рейнгольдъ потиралъ руки.

— Если охота на оленя такъ же хорошо улажена, какъ наша, отвѣчалъ онъ: — то мнѣ жаль бѣдное животное... Это чудесно устроено!.. Онъ попадетъ если не въ Сциллу, то въ Харибду.

— Я отвѣчаю за его мѣсто на охотѣ, сказалъ Мира: — я самъ поставилъ тамъ извѣстнаго вамъ человѣка.

— Я, прибавилъ фан-Прэттъ: — я говорилъ съ Питуа подѣ Негровой-Головой, противъ дома крестьянина Готлиба, куда Францъ такъ часто ходить...

— А я, возразилъ Рейнгольдъ:— я поставилъ Малу въ развалинахъ старой деревни, и сейчасъ видѣлъ г-жу де-Лорансъ, скакавшую во весь опоръ на свиданіе... это и съѣсть и приманка... Я ружаюсь за развалины!

— Я — за охотничій постъ, сказалъ докторъ: — это на берегу пруда; тамъ есть старая ива, за которою чудесно спрятаться.

— А я за Негрову-Голову! прибавилъ фан-Прэттъ:—еслибъ вы видѣли, какъ мой Питуа хорошо будетъ помѣщенъ между двумя скалами!

— Фрицъ, мальчишка-шарманщикъ и Иоганнъ, отвѣчалъ Рейнгольдъ:—составляютъ легкій батальйонъ... Они ищутъ... и чортъ возьми, еслибъ мы проиграли съ такой хорошей игрой!

— Намъ осталась только одна ночь, ворчалъ докторъ:—если мы ее потеряемъ...

— Ба! воскликнули вмѣстѣ Рейнгольдъ и Фабриціусъ.— На равнинѣ послышался звукъ трубъ. Три товарища съ минуту прислушивались, потомъ пустились большой рысью по направленію къ охотѣ.

— Если мы растеряемся, сказалъ Рейнгольдъ:—черезъ два часа сойдемся на этомъ перекресткѣ.

По отъѣздѣ трехъ товарищей, мѣсто, гдѣ они стояли, оставалось пустымъ въ—продолженіе одной или двухъ минутъ. Когда топотъ ихъ лошадей смолкъ, легкое движеніе послышалось въ густотѣ лѣса. Большая тѣнь, которую мы видѣли облокотившеюся на пенъ лиственницы, медленно отдѣлилась отъ дерева, и пронзительный крикъ раздался въ лѣсу.

Этотъ крикъ былъ страненъ. Мы его ужъ два раза слышали; первый разъ въ ту минуту, когда блутгауптскіе братья бѣжали изъ Франкфуртской тюрьмы; въ другой разъ на балу Комической-Оперы, тогда—какъ въ глазахъ Франца разыгрывалась эта странная комедія нѣмецкаго кавалера, Испанца и Армянина. Этотъ крикъ былъ давно условнымъ знакомъ трехъ братьевъ.

Не прошло одной секунды, какъ такой же крикъ раздался далеко въ чащу; третій откликъ, такой слабый, что едва можно было услышать, отзывался со стороны долины.

Притаившійся въ лѣсу молчалъ и ждалъ.

Первымъ слѣдствіемъ его призыва было появленіе человѣка, одѣтаго по—крестьянски и державшаго въ поводу лошадь.

Черезъ нѣсколько минутъ, послышался двойной галопъ, и два

всадника остановились посреди стоянки. Их лица исчезли под большими шляпами; они были закутаны въ красные плащи. Настяльсн ой человекъ былъ въ такомъ же костюмѣ.

— Другъ Дорнъ, сказалъ онъ мужику: — ты останешься здѣсь, потому-что они возвратятся;—ты, Гётцъ, на берегу пруда... ты, Альбертъ, подлѣ дома Готлиба подлѣ Негровой-Головой; я у развалинъ деревни...

Они поскакали; блескъ иллюминаціи обозначилъ на одну минуту пурпуровыя складки вьющихся по вѣтру плащей.

Потомъ они исчезли, каждый въ данномъ направленіи.

Гансъ Дорнъ, оставшись одинъ, вышелъ изъ свѣтлаго круга, оперся въ свою очередь на пень лиственницы.

Между-тѣмъ, какъ Альбертъ пробирался около замка къ дому Готлиба, а Гётцъ мчался галопомъ къ равнинѣ, Отто вхалъ по мѣль, ведущей къ развалинамъ старой блутгауптской деревни.

Хотя поле, на которомъ стояли эти развалины, и было въ стѣнѣ отъ дороги, приготовленной для провада охоты; но свѣтъ отъ бланковой иллюминаціи доходилъ и до него.

Не дохавъ до поля шаговъ на двѣсти, Отто остановился, съелъ лошади и привязалъ ее къ стволу старой сосны. Пѣшкомъ сталъ онъ пробираться къ развалинамъ и чѣмъ болѣе къ нимъ приближался, тѣмъ осторожнѣе ступалъ на кремнистую почву, какъ-де садуя на шорохъ своихъ шаговъ.

Онъ зналъ, что госпожа де-Лорансъ была уже на мѣстѣ свѣщенія, и что Малю, по прозванію Зеленый-Колпакъ, наблюдаетъ вѣкъ изъ какого-нибудь укромнаго уголка.

Тихо пробрался Отто за уцѣлѣвшій обломокъ давно-обрушившейся стѣны и началъ осматривать мѣстность.

Ослѣпительна была блестящая вдалекѣ огненная полоса, она сывавшая мрачное въ центрѣ поле; но широкіе края шляпы и могли наблюдателю устранить отъ себя этотъ блескъ и разсмотрѣть окружавшіе его предметы.

Шагахъ въ пятидесяти ходила медленно взадъ и впередъ госпожа де-Лорансъ, останавливаясь по-временамъ, чтобъ бросить безпокойный взглядъ на ярко-освѣщенную тропинку; въ томъ мѣстѣ, мѣстѣ котораго не простирала она шаговъ своихъ, увидѣлъ Отто чужую; полузакрытую развалинами стѣну, держащую въ рукахъ что-то такое, въ чемъ слабо отражались огни отдаленной иллюминаціи; больше всего это было похоже на ружейный стволъ.

Отто вынулъ изъ-за пояса два большіе пистолета и надѣлъ на нихъ новые пистоны.

Во время этихъ приготовленій, онъ замѣтилъ, что подлѣ него, въ той же самой стѣнѣ, былъ еще кто-то; конечно, это былъ лѣвый свидѣтель.

Незнакомецъ стоялъ опершись обѣими руками о камень и казался востомленныиъ, усталымъ. Было такъ темно, что Отто сначала

не могъ разсмотрѣть лица его. Но послѣ нѣсколькихъ попытокъ, ему показалось, что это былъ биржевой агентъ де-Лорансъ.

Отто подошелъ къ нему и пальцемъ прикоснулся къ его плечу. Лорансъ обернулся и задрожалъ.

— Не пугайтесь, сказалъ ему Отто какимъ-то кроткимъ, братскимъ голосомъ:—тайна, которую я узнаю, не перестаетъ быть тайною, потому-что я уже почти принадлежу къ этому міру... Мнѣ каля васъ, г-нъ де-Лорансъ; желалъ бы я вамъ помочь.

— Я васъ не знаю, проговорилъ изумленный биржевой агентъ.

— А я васъ знаю, отвѣчалъ побочный сынъ Блутгаупта:—мнѣ каля васъ, и я готовъ служить вамъ, какъ служу всѣмъ жертвамъ той женщины...

Лорансъ опустилъ голову.

— Какой женщины? шепталъ онъ.

Отто показалъ рукой на Сару, въ походкѣ которой замѣтно было возрастающее нетерпѣніе.

Лорансъ покачнулся въ сторону и, не поднимая головы, продолжалъ:

— Я очень боленъ!.. У меня потемнѣло въ глазахъ... мнѣ кажется, что это не она.

Сердце Отто наполнилось состраданіемъ.

— А все-таки это она, проговорилъ онъ:—старшая дочь Монсея Гельдберга.

Въ это мгновеніе глухой стонъ вырвался изъ груди биржеваго агента.

Отто продолжалъ:

— Такъ вы ее очень любили, господинъ де-Лорансъ?..

Биржевой агентъ не отвѣчалъ; но голова его поднялась вверхъ, и двѣ слезы скатились на блѣдныя его щеки.

Послѣдовало молчаніе.

— Послушайте, продолжалъ Отто:—съ-тѣхъ-поръ, какъ вы уѣхали изъ Парижа, я заступилъ мѣсто главы дома Гельдберговъ... Я долженъ былъ заняться вашими дѣлами... Ужь съ давнихъ поръ принимаю я въ васъ участіе. Я подынялъ вашъ кредитъ, и, благодаря этому, вы сдѣлались богаче прежняго.

— Что мнѣ до того! отвѣчалъ печально Лорансъ, снова опершись на камень.

Потомъ, вдругъ приподнявшись, онъ прибавилъ:

— Но не его ли я тамъ вижу?

— Кого? спросилъ Отто.

— Того, кто долженъ былъ прійти...

Биржевой агентъ засунулъ руку за пазуху и судорожно сжалъ рукоятку кинжала.

Отто скрестилъ на груди руки и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на отчаяніе несчастнаго Лоранса.

— Такъ вы на немъ хотите разразить свое мщеніе? сказалъ онъ.

— Да вѣдь это ребенокъ!.. Развѣ, въ свои лѣта, онъ могъ устоять противъ обольщеній этой женщины?..

— Она любить его! вскричалъ Леонъ де-Лорансъ.

— Она его любить? съ горестью повторилъ Отто:— о! такъ мы еще не вполне постигли эту женщину!.. Выслушайте меня; быть-можетъ, еще не ушло время для вашего исцѣленія... ваша страсть не погасла при видѣ коварнаго порока... даже, быть-можетъ, пре-ступленія; но вы еще никогда не видали этой страсти до такой степени запятнанною, униженною, посрамленною!..

— Молчите!.. прервалъ биржевой агентъ:— я люблю ее; я уже вамъ сказалъ, что я ее люблю!

Отто взялъ его за холодныя руки и крѣпко пожалъ ихъ.

— Вы меня выслушаете, продолжалъ онъ:— хотя бы мнѣ пришлось даже и силой васъ къ тому принудить!

Еще съ минуту колебался Лорансъ, потомъ остался неподвижнымъ.

Отто началъ говорить. Рѣкой лился краснорѣчивый разсказъ изъ его воспламененнаго сердца.

Онъ началъ съ самыхъ юныхъ дней этой женщины и пред-ставилъ Лорансу жизнь ея во всей наготѣ.

Задыхавшійся биржевой агентъ просилъ пощады; но Отто дѣйствовалъ какъ опытный врачъ, разрѣзывающій живое мясо, чтобы излечить застарѣлую болѣзнь.

Отнявъ у Сары ея очаровательную оболочку, оборвавъ одну, одною ея обманчивыя прелести, представилъ онъ душу ея обнаженною и указалъ на ея гнусную испорченность, которой теперь уже нельзя было скрывать за лукавымъ покрываломъ чисто невинной улыбки.

Этотъ разсказъ долженъ былъ возбудить ужасъ, стыдъ и срамъ.

Окончивъ, Отто пустилъ руки де-Лоранса.

— Ну, что жъ? сказалъ онъ:— не-уже-ли вы и теперь еще любите?

Биржевой агентъ закрылъ лицо руками.

— Не знаю... рыдая проговорилъ онъ:— Боже мой! Боже мой! еслибъ я могъ умереть въ эту минуту!..

Францъ не являлся; Сара сердилась; Малю скучалъ, сидя на скамьѣ посту и насвистывая «ля-ри-фля», любимую свою мелодію.

Со стороны равнины послышался беспорядочный, все болѣе и болѣе возрастающій шумъ. Съ быстротою стрѣлы промелькнуло что-то вдоль по иллюминированной дорогѣ.

Шумъ обратился въ трескъ. Свора собакъ, а за нею куча вояки пролетѣли по пятамъ этого «что-то», которымъ былъ ослепленный выгнанный на равнину, покрытую кустарникомъ.

Бѣдное животное, казалось, несло послушно по предназначенной для него дорогѣ. Выбѣжавъ разъ за загородку, оно уже и

шло изъ нея выйти. Двойная стѣна иллюминаціи была для него непроходимую преградою.

Оно жалось по серединѣ дороги, откинувъ назадъ роскошные рога вои. Его обмащивалъ этотъ непривычный свѣтъ, позади котораго устѣла черная мгла.

Охота шла превосходно. Всадники удачно маневрировали, и собаки не отставали.

Быстро пронеслась кавалькада. Голосъ молодаго Авеля Гельд-ерга, повторившій заученные наизусть охотничьи термины, раздавался поминутно.

Лай собакъ началъ удаляться. Раздалось еще нѣсколько слабыхъ квордовъ охотничьяго рога.

И все затихло.

.

Ужъ съ полчаса виконтесса д'Одмёръ разговаривала на краю Ада съ Фрицомъ, старымъ блутгауптскимъ курьеромъ.

Подлѣ Фрица стояла огромная походная фляжка, изъ которой онъ поминутно потягивалъ.

Онъ былъ пьянъ.

На лицѣ виконтессы лежала смертная блѣдность.

— Ну, слушайте, проговорилъ Фрицъ глухимъ голосомъ:—если вамъ ужъ непременно хочется знать!.. Мнѣ же лучше; чѣмъ чаще я буду объ этомъ рассказывать, тѣмъ легче будетъ у меня на совѣсти!.. Они, видите, хотятъ, чтобъ я убилъ ребенка, который ужасно—какъ похожъ на портреты графовъ... Ужъ не разъ я въ него цѣлялъ... Не знаю, какъ-то не выстрѣливается...

— А Реймонъ д'Одмёръ? прервала виконтесса.

— Реймонъ д'Одмёръ?.. это былъ красивый господинъ!.. Ужъ какъ я его помню!.. Онъ пріѣхалъ въ замокъ Ротъ жениться на старшей дочери графа Ульриха... на этой хорошенькой графинѣ Еленѣ... То-то было у нихъ тогда веселье!.. Ну, зачѣмъ ты, бѣдняга Фрицъ, живешь, когда всѣ эти господа перемерли!..

Фрицъ поднесъ ко рту полуопустѣвшую фляжку.

— Именемъ Бога умоляю тебя! сказала виконтесса:—назови мнѣ убійцу Реймона д'Одмэра!..

Фрицъ съ безпокойствомъ посмотрѣлъ кругомъ себя.

Вся эта часть горы была во мракѣ; только сквозь перепутанные гущь голыхъ кустарниковъ виднѣлся ярко-освѣщенный перекрѣстокъ гельдбергской дороги.

Съ зоркими глазами можно было даже различить молодаго чело-вѣка и молодую дѣвушку, сидѣвшихъ въ глубинѣ отверстія и разговаривавшихъ между собою.

Но ни Фрицъ, ни виконтесса не были расположены замѣчать по-добныя картины.

— Говорите тише!.. сказалъ бывшій блутгауптскій курьеръ: — еслѣбъ вы знали, какъ слышно изъ-за этихъ деревьевъ!.. Видите

вонъ эту большую листовницу?.. Вотъ, какъ ее, такъ и меня Богъ проклялъ!.. Вѣтви ея попадали одна за другою, потому-что она была свидѣтельницаю этого грѣха... Я былъ тамъ, за нею, в трепетѣ. Лошадь Реймона д'Одмѣра остановилась на самомъ томъ мѣстѣ, на которомъ мы стоимъ теперь...

Виконтесса въ ужасѣ попятилась назадъ.

— Тотъ, котораго теперь зовутъ кавалеромъ Рейнгольдомъ, продолжалъ Фрицъ:—ѣхалъ за виконтомъ...

— Такъ это правда? прервала г-жа д'Одмѣръ.

Фрицъ еще выпилъ водки.

— Его звали Жакомъ Ренью, продолжалъ Фрицъ. — Онъ толкнулъ лошадь, лошадь съѣздила скачкомъ, и я услышалъ этотъ крикъ за которыми и пошло мое проклятіе!.. Но я не убью ребенка, потому-что онъ похожъ на старые портреты графовъ...

Виконтесса стала на колѣни и начала молиться.

Окончивъ молитву, она хотѣла еще что-то спросить у Фрица, но онъ уже спалъ, растянувшись на холодной травѣ.

Блѣдная, какъ статуя, виконтесса съѣла опять на лошадь и стилилась съ горы

Гансъ Дорнъ былъ на своемъ посту.

Онъ слышалъ, какъ голосъ запыхавшагося чловѣка со стороны перекрѣстка звалъ его по имени.

Онъ подошелъ къ окраинѣ и тотчасъ же узналъ въ чловѣкѣ бѣгущемъ во всю прыть по дорогѣ, своего сосѣда на Площади-тонды, Жана Ренью.

Жанъ былъ безъ шапки; иллюминація освѣщала его разстроенную голову и покрытое крупнымъ потомъ лицо.

— Гансъ Дорнъ!.. Господинъ Гансъ Дорнъ! кричалъ онъ, и Иоганъ:—гдѣ вы?

Гансъ показался; задыхающійся Жанъ прислонился къ дереву.

— Ступайте скорѣй! проговорилъ онъ.—О! ради Бога! ступайте скорѣй!.. Иоганъ убьетъ его!..

— Кого?.. спросилъ затрепетавшій продавецъ платья.

— Господина Франца!.. О! ради Бога, ступайте скорѣй!..

Увлеченный инстинктомъ, Гансъ бросился впередъ; но, отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, онъ остановился и грустно посмотрѣлъ на себя.

— Мнѣ сказано было остаться здѣсь, прошепталъ онъ:—что, если это новая ловушка!..

Жанъ тащилъ его за полу платья.

— Идите же! вскричалъ онъ:—бѣдный юноша сидитъ съ своею возлюбленною въ отверстіи Ада, не думая ни о какихъ замыслахъ! Иоганъ карабкается на гору... и когда онъ достигнетъ до пропасти... господинъ Гансъ, да проститъ васъ Богъ за вашу лениность!

Гансъ шелъ впередъ, но тихо; въ его взглядъ, обращенномъ на шарманщика, изображалась недовѣрчивость.

— Такъ вы мнѣ не вѣрите? началъ опять Жанъ. — Боже мой! что жъ мнѣ вамъ сказать?.. Вы отецъ Гертруды, которую я такъ люблю!.. Ахъ, еслибъ у меня было ружье, я не пришелъ бы за вами!.. Но я былъ одинъ и притомъ безъ ружья... Я вспомнилъ, что вы сейчасъ только прошли черезъ перекрѣстокъ, ведя подъ узды какую-то лошадь... Я прибѣжалъ, я отыскалъ васъ, и вы теперь отказываетесь спасти господина Франца!

— Ступай!.. сказалъ Гансъ Дорнъ, вскинувъ ружье на плечо. Жанъ бросился на ту самую тропинку, ведущую къ вершинѣ оры, по которой побѣжала г-жа д'Одмѣръ.

Путь былъ труденъ; Гансъ Дорнъ употреблялъ все силы, чтобъ корѣ добраться до своей цѣли.

Но Жанъ былъ постоянно впереди,—лѣта сдѣлали отца Гертруды неповоротливымъ.

Жанъ говорилъ:

— Быть-можетъ, мы еще поспѣемъ... Иоганнъ сначала остановился-было на перекресткѣ, но тамъ было слишкомъ-свѣтло, и я видѣлъ, какъ онъ вскарабкался на гору... на этомъ пути ему будетъ много преградъ; чтобъ не надѣлать шуму, онъ долженъ идти тихо-тихо.. Но поскорѣе, господинъ Дорнъ, ради Бога покорѣе!

Гансъ дѣлалъ нечеловѣческія усилія; перегибаясь то назадъ, то впередъ, какъ молодой человѣкъ, взбирался онъ по голой скалѣ; о онъ не могъ придать своимъ мускуламъ прежней ихъ гибкости.

Шарманщикъ опередилъ его на довольно-большое разстояніе и становился.

— Послушайте, сказалъ онъ:—дайте мнѣ ваше ружье... я прийду прежде васъ.

— Я прийду прежде тебя, проговорилъ Гансъ, сдѣлавъ послѣднее усиліе.

И действительно, на минуту онъ опередилъ шарманщика; но у его начало захватывать духъ, и это заставило его умирать шагъ.

— Дайте мнѣ ваше ружье! повторилъ Жанъ:—кто знаетъ, сколько намъ осталось еще времени!..

Гансъ отдалъ ему свое ружье; Жанъ схватилъ его и побѣжалъ, ставивъ далеко за собой утомленнаго продавца платья.

Гансъ Дорнъ видѣлъ, что вся надежда была теперь на этого мальчика.

— Жанъ! кричалъ онъ ему издали: — не робѣй, дитя мое! Если ты спасешь его, Гертруда будетъ твоя! Клянусь, что будетъ!

Жанъ подскокнулъ, какъ-будто-бы эти слова придали ему силы.

Блутгауптскій-Адъ открывался, какъ было сказано въ началѣ нашего разсказа, сверху, на площадкѣ, посреди длинной аллеи ит лиственничныхъ деревьевъ.

Когда продавецъ платья дошелъ до одного конца этой аллеи, Жанъ былъ уже далеко.

Гансъ Дорнъ не переставалъ за нимъ слѣдовать.

Дошелъ почти до середины этой аллеи, онъ былъ остановленъ громомъ раздавагося выстрѣла.

Огонь вспыхнуваго заряда освѣтилъ стоявшихъ на краю Ал двухъ вооруженныхъ людей.

Одинъ изъ нихъ держалъ дуло своего ружья по направлению въ отверстие; другой, стоящій на колѣняхъ, казалось, цѣлил въ него лувою своему товарищу.

Меньше секунды продолжалось это освѣщеніе, и странная картина исчезла...

Но выстрѣлъ человека, стояваго на колѣняхъ, снова осветилъ ее.

Спустя минуту, Жанъ Реньйо уже бѣжалъ назадъ, помани ружьемъ надъ своей головою.

Ужъ съ полчаса бесѣдовалъ Францъ въ глубинѣ Ада съ Денизою. Тамъ назначили они наканунѣ, на балъ, другъ другу свиданіе.

Давно ужъ имъ не случалось оставаться наединѣ. Они были вполне счастливы.

Надежды и опасенія были предметомъ ихъ разговора; они старались разогнать страшныя мысли и рисовали передъ собой славную будущность.

Выступы, углубленія и груды обвалившихся скалъ защищали ихъ отъ слишкомъ-яркаго свѣта иллюминаціи; охота могла пройти мимо и не замѣтить ихъ.

За то, сверху ихъ было ясно видно.

Но если они боялись чего-нибудь, такъ ужъ конечно не думали, чтобъ опасность была съ этой стороны...

Молча сидѣли они другъ подлѣ друга; все выразимое было ими переговорено, — они вели теперь вѣрную бесѣду.

На вершинѣ Ада раздался выстрѣлъ, и пуля просвистала надъ головами Франца и Денизы.

А близко были одна отъ другой эти двѣ головы; длинныя свѣтлыя волосы перемѣшались...

Францъ вскочилъ на ноги; Дениза испустила отчаянный крикъ.

Въ эту минуту, раздался звукъ другаго выстрѣла, и эхо Ада еще разъ повторило его.

На этотъ разъ, свистъ пули не достигъ до ушей любовниковъ; но въ кустарникахъ, растущихъ по стѣнамъ бездны, послышалась глухой трескъ.

Что-то неподвижное, тяжелое упало къ ногамъ Франца. Это былъ трупъ Іоганна, харчевника *Жирафы*.

Х.

Изголовье Франца.

Было около полуночи.

Охота еще продолжалась, но, казалось, подходила уже къ концу, потому-что звонокъ на *спускъ воды* уже раздался въ сторону гельдбергскаго пруда.

Г-жа де-Лорансъ была одна въ большой залѣ замка. Не снимая амазонки, съела она передъ каминомъ въ старинное кресло, въ которомъ утонулъ ея граціозный станъ:

Долго, разсѣянно смотрѣла она на большія головни, дымившіяся въ самой глубинѣ камина.

Вошелъ лакей.

— Вы звонили, сударыня? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчала Малютка:— когда господа де-Рейнгольдъ, Мирá и Фан-Прэттъ возвратятся съ охоты, ты скажешь имъ, что я въ залѣ.

Слуга вышелъ.

Сара снова предалась грустнымъ мыслямъ.

Время-отъ-времени, взоръ ея обращался съ нетерпѣніемъ къ стрѣлкѣ старинныхъ стѣнныхъ часовъ.

Спустя четверть часа, послышался скрипъ отворяющейся рѣшотки.

Она встала и подбѣжала къ окну.

Это были три гельдбергскіе компаньона: Сара видѣла, какъ они слѣзли съ лошадей и прошли черезъ дворъ. По ихъ живому разговору и въ-особенности по жестамъ кавалера де-Рейнгольда, можно было догадаться, что онъ сообщалъ своимъ спутникамъ добрую новость.

Съ досадою пожала Малютка плечами и возвратилась на прежнее мѣсто.

Спустя минуту, вошли три компаньона.

— Прелестная Сара, произнесъ громко и торжественно Рейнгольдъ, опережая своихъ спутниковъ:— я хочу первый сообщить вамъ важную новость!..

— Побѣда! побѣда! сказалъ въ свою очередь Фан-Прэттъ, переступая черезъ порогъ.

Боязливо и холодно смотрѣла на нихъ Малютка.

— Радуйтесь, прелестная Сара, продолжалъ Рейнгольдъ.— Ваши перевязы кончены... Долетѣлъ ли до васъ звукъ двухъ выстрѣловъ на горь?

Сара утвердительно кивнула головой.

— Ста золотыхъ нуль стѣить для насъ каждая свинцовая, блестящая въ этотъ моментъ, продолжалъ Рейнгольдъ. — Теперь намъ нечего бояться, сударыня... Францъ спитъ въ глубинѣ Блуаутскаго-Ада!

При этихъ словахъ, компаньоны начали самодовольно потирать руки.

— Да вѣдь ужъ и не безъ труда было! сказалъ Фабрициусъ ван-Прэттъ.

— Я-было уже терялъ надежду, примолвилъ докторъ.

На лицѣ Сары выразилась горькая и вмѣстѣ презрительная улыбка.

— Поберегите свои восторги до другаго раза, сказала она. — Францъ въ эту минуту здоровъ и невредимъ, и спитъ спокойно на своей постели.

Отпечатокъ самодовольства сгладился съ лицъ Мира и ван-Прэтта.

Рейнгольдъ засмѣялся.

— Вамъ не увѣрить меня въ этомъ, прелестная Сара, сказалъ онъ: — я почти былъ свидѣтелемъ случившагося... Бродя часу десятомъ по гейдельбергской дорогѣ, я встрѣтилъ Иоганна. Онъ заставилъ меня слѣзть съ лошади, чтобъ взглянуть на любимую картину, которая, впрочемъ, съ перваго взгляда меня не смущкомъ-то восхитила. Это было tête-à-tête мадмуазель д'Одмеръ и этимъ негодяемъ Францемъ.

«Я удаляюсь, сказалъ я Иоганну: дѣлай что можешь...»

«На дорогѣ было свѣтло какъ днемъ; Иоганнъ вскарабкался на вершину Ада, чтобъ на случай несчастія имѣть безопасное убежище.»

«Не прошло и десяти минутъ, какъ раздался два выстрѣла, и я галопомъ возвратился на прежнее мѣсто.»

«Огни по дорогѣ и у краевъ отверстія были погашены. Нельзя было не узнать въ этомъ благоразумной предусмотрительности Иоганна.»

«Я подскакалъ къ тому самому мѣсту, гдѣ прежде видѣлъ Франца съ мадмуазель д'Одмеръ; но нашелъ только одинъ трупъ...»

Кавалеръ произнесъ эти послѣднія слова такимъ тономъ, что возражать было рѣшительно невозможно.

Госпожа де-Лорансъ не перерывала его рѣчи до самаго конца.

— А взяли ли вы на себя трудъ слѣзть съ лошади, сказала она: — чтобъ поближе разсмотрѣть убитаго?

— Это было опасно, возразилъ кавалеръ: — меня могли захватить...

— Вы оплошали, г. Рейнгольдъ! Это избавило бы васъ отъ огорченія, которое вы сейчасъ должны будете испытать... По всей вѣроятности, трупъ, который вы видѣли въ глубинѣ Ада, былъ ни чей иной, какъ вашего друга Иоганна.

— Какъ можете вы знать это?

— Я только-что встрѣтила у рѣшѣтки замка Франца, который возвратился вмѣстѣ съ Денизою д'Одмеръ.

— Возможно ли? пробормоталъ изумленный кавалеръ.

— Я видѣла, отвѣчала холодно г-жа де-Лорансъ.

Послѣдовало молчаніе. Сара углубилась въ свое громадное кресло и не переставала смотрѣть на угасающій въ каминѣ огонь.

Лица компаньоновъ становились съ каждой минутой серьезнѣе.

Рейнгольдъ молчалъ.

— Но въ такомъ случаѣ мы пропали! проговорилъ наконецъ ан-Прэттъ.

— И я то же думаю, сказала Сара.

Потомъ, медленно приподнимаясь, она прибавила:

— Тѣмъ болѣе, что въ настоящую минуту Францъ уже, быть-можетъ, знаетъ какъ имя своего отца, такъ и причину, заставляющую насъ противъ него дѣйствовать.

— Почему вы это думаете? спросилъ докторъ.

— Я не знаю... такъ... догадываюсь!.. Проходя мимо, онъ на нея такъ странно посмотрѣлъ... Кто спасъ его, тотъ могъ ему и изсказать.

Съ поникшими головами стояли компаньоны, не имѣя силъ выражать.

— Я еще не все высказала, прибавила Малютка. — Вы вѣрно имѣли, что на площадкѣ передъ замкомъ много народа; въ ихъ вѣдомъ говорѣ есть что-то таинственное; они все смотрятъ на ставяныя башни замка.

— Это меня не беспокоитъ, возразилъ Рейнгольдъ:—это просто крестьяне, которые ожидаютъ возвращенія охоты.

— Да, г. кавалеръ, это дѣйствительно крестьяне... но, клянусь имъ, они не думаютъ о возвращенія охоты: они не сводятъ глазъ съ вершины сторожевой башни... Этотъ блестящій огонекъ.. имъ ждутъ возрожденія души *Блутгаупта*...

— Нелѣпость! проговорилъ сквозь зубы кавалеръ.

— Нѣтъ, сударь, все это очень-важно! На легковѣрный умъ этихъ людей уже успѣли подѣйствовать... Не даромъ провелъ нѣсколько часовъ въ окрестностяхъ *Блутгаупта* тотъ человекъ, котораго мы называли барономъ *Родахъ*!.. Наши темныя дѣла погубятъ всѣхъ отъ перваго до послѣдняго, если намъ не удастся имамъ ударомъ довершить ихъ!

Компаньоны не могли скрыть своего ужаса; одна Сара была спокойна и холодна.

Въ эту минуту можно было оцѣнить всю силу и крѣпость ея отабшей души.

— Но что же дѣлать? прошепталъ наконецъ фан-Прэттъ.

Сара вскочила.

Въ ея маленькомъ станѣ выразилось что-то чрезвычайное; ее можно было сравнить съ любымъ изъ лицъ, которыхъ древняя *агедія* представляетъ намъ въ борьбѣ съ богами.

— Надо побдить! сказала она твердымъ, сильнымъ голосомъ — Мы знаемъ, гдѣ наши враги... Этотъ свѣтъ, который суетаривъ народъ принимаетъ за *душу Блутгаупта*, эта лампа освѣщаетъ брвна Родаха, Отто—а можетъ-быть и его братьевъ... они скрытены въ этой маленькой безвыходной комнаткѣ. И если выдѣ башню во второмъ этажѣ, всѣ они исчезнутъ съ лица земли, оставя послѣ себя ни малѣйшаго слѣда.

— Это правда! прошепталъ докторъ.

— А между-тѣмъ, подхватила снова г-жа де-Лорансъ: — могли бы отправиться въ комнату Франца: онъ спитъ... И наши враги могутъ разомъ погибнуть.

Компаньоны колебались.

Сара смотрѣла на нихъ съ презрѣніемъ.

— Вамъ нуженъ человекъ, который бы велъ васъ, сказала — который бы нанесъ ударъ?.. Пойдемте же просить Маджарноса!

Быстро прошла она черезъ залу и вошла въ корридоръ; Прэттъ, докторъ и Рейнгольдъ слѣдовали за нею съ поникшими головами. Отвращеніе выражалось на ихъ лицахъ.

— Малу и Питуа, вѣроятно, ужъ возвратились, сказала обращаясь къ кавалеру: — не угодно ли вамъ будетъ пойти къ ми, г. де-Рейнгольдъ? ихъ помощь вамъ будетъ необходима.

Рейнгольдъ удалился.

Малютка съ двумя компаньонами шла далѣе.

Никого не было въ длинныхъ корридорахъ замка; вся бергская челядь была на охотѣ.

Внизу у лѣстницы сторожевой башни нашли они синьора Гюга, въ полномъ вооруженіи; онъ былъ похожъ на воина, гонимаго къ битвѣ.

— Синьоръ Янось, сказала Малютка: — вамъ угрожаетъ бѣда... не прійдетъ человекъ, котораго вы ожидаете... отъ бы вамъ не пойти къ нему самимъ?

Маджаринъ побагровѣлъ.

— Ужъ не разъ я подбирался къ этой проклятой двери, началъ онъ запинаясь: — я силенъ, но я человекъ; а какъ намъ что находится на вершинѣ этой башни?

Эти слова были понятны для Малютки: она такъ хорошо знала характеръ Яноса и старалась показаться удивленною.

— Могу ли я подумать, сказала она вполголоса: — что синьоръ Георгіи трусить?

Маджаринъ нахмурилъ брови, но не отвѣчалъ.

— Это меня пугаетъ, продолжала г-жа де-Лорансъ: — я не сомнѣваюсь, чтобъ вы исполнили то, о чемъ пришли вы просить, синьоръ Янось... тутъ не безъ опасности...

Маджаринъ выпрямилъ свой гигантскій станъ...

— Я готовъ, отвѣчалъ онъ: — готовъ сражаться хотъ раземъ тивъ двоихъ?

— Увидимъ, отвѣчала Малютка:—вы вооружены... этотъ юноша Францъ, котораго вы прежде такъ презирали, нашелъ себѣ могущихъ защитниковъ.

— Ведите меня, прервалъ Яносъ:—и покажите мнѣ моихъ противниковъ!

Въ это время пришелъ Рейнгольдъ; Малу и Питуа, не успѣвшіе еще спрятать своихъ охотничьихъ ружей, слѣдовали за нимъ.

— Ступайте по этой лѣстницѣ, сказала Малютка, показывая имъ на лѣстницу сторожевой башни.

Потомъ, обратясь къ Маджарину, прибавила:

— То, что мы теперь предпринимаемъ, слишкомъ-неважно, и потому я не буду просить вашего содѣйствія, синьоръ Яносъ; станьте здѣсь... я не заставлю васъ долго дожидаться!

И она побѣжала по лѣстницѣ вслѣдъ за тампльскими ворами.

Мира, фан-Прэттъ и Рейнгольдъ не знали, что дѣлать: остаться ли Яносомъ, или слѣдовать за Сарой.

Уходя, она обратилась къ нимъ и сказала:

— Мнѣ васъ не нужно... лучше позаботьтесь, покуда я буду сверху, о томъ, чтобъ достать себѣ оружіе.

По приказанію Малютки, Малу и Питуа остановились на лѣстницѣ у того этажа, который предшествовалъ лабораторіи стараго юнтера.

Не безразсчетны были дѣйствія Малютки. Уже болѣе двухъ часовъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ она покинула мѣсто, назначенное ею наканунѣ для свиданія Францу. Ей было время размыслить и приготовиться.

Хозяинъ этого этажа былъ, вѣроятно, на охотѣ; Малютка зааслась заранѣе ключомъ. Она отворила дверь и выпустила въ комнату обонхъ своихъ спутниковъ.

— Могу ли я положиться на вашу преданность? сказала она, кинувъ комнату бѣглымъ взглядомъ.

— Кажется! отвѣчалъ Малу.

— Видѣли ли вы, подходя къ замку, продолжала г-жа де-Лонансъ:—эту свѣтлую точку, которая блеститъ на вершинѣ сторожевой башни?

— Чорта съ два! отвѣчалъ Питуа:—на эспланадѣ собралось человекъ двадцать пустоголовыхъ болтуновъ, и увѣряютъ, что наверху живетъ старый колдунъ... ничего не слышать!

Сара стала прислушиваться.

— Ничего не слышно, сказала она:—но я все-таки увѣрена, что кто-нибудь тутъ есть... и даже не одинъ... а все люди, которые намъ очень мѣшаютъ.

— Известно!.. пробормоталъ Малу:—да дверь-то выломать пасно...

— Слушайте, храбрые товарищи, сказала Малютка:—я бы не отдала васъ подвергать ни малѣйшей опасности... нельзя ли какъ-

нибудь сладить это дѣло?.. еслибъ, на-примѣръ, пламя обхватило эту комнату!..

— Лихо! закричалъ Питуа: — стѣны башни сложены изъ теснаго камня; довольно будетъ огню къ нимъ прокрасться, чтобы дѣло было для нихъ кончено!

— А главное то, прибавилъ Малу: — что этакъ мы ихъ взяли римъ безъ большаго шума!

— Можете ли вы исполнить это? начала опять г-жа де-Лоранс.

— Какъ вамъ не стыдно! перервали ее въ одно слово оба, какъ бы обиженные этимъ сомнѣнiемъ.

Потомъ Зеленый-Колпакъ примолвилъ:

— Не мало мы упражнялись въ пожарахъ на Западѣ у индiйскихъ прежде... Барсукъ наметался въ этомъ дѣлѣ, сударыня.

Питуа присанился.

— Да заплатятъ ли намъ? спросилъ онъ.

— Вы получите вдвойнѣ обѣщанное вамъ за все путешествие, отвѣчала Малютка.

— Вотъ это дѣло! проговорилъ Малу, разворачивая постель въ одно мгновенiе набитый соломой тюфякъ очутился на срединѣ комнаты.

— Это намъ необходимо! прибавилъ онъ:—все ли теперь, сударыня?

— Нѣтъ, отвѣчала Сара. — Когда огонь будетъ подложенъ, затворите дверь и останетесь на лѣстницѣ съ заряженными ружьями... И если кто-нибудь выйдетъ изъ верхней комнаты...

— Мы его спустимъ, перервалъ Малу.

Сара сдѣлала утвердительный знакъ головою.

— Не забудьте закричать караулъ, прибавила она:—да погромъ Посвѣтители *Сыновей Эймона* единодушно расхохотались.

— Какъ же это, спрашивали они:—стало-быть, подумаютъ, верхнiе негодяи сами подожгли?.. Вотъ славная выдумка, особенно для вашихъ лѣтъ, сударыня, и при вашей неопытности въ этомъ дѣлѣ!

— Ну, сынъ мой, къ дѣлу!

Тюфякъ былъ распоротъ сверху до низу, и начинка его вывалилась грудой подлѣ самой постели.

Сара сошла въ низъ.

Въ корридоръ встрѣтила она компаньоновъ Гельдберга: Родольфъ, Мира и Фан-Преттъ были вооружены шпагами.

Сара не думала, чтобы это оружіе пригодились: здѣсь былъ кинжалъ; но необходимо было увѣрить Яноса, что все готовилось къ неизбѣжной битвѣ.

Маджаринъ былъ нуженъ, чтобы идти впередъ и хотѣлъ придать храбрости тремъ компаньонамъ.

— Ступайте, сказала Малютка: — я буду вашей проводницей!

И дѣйствительно, она пошла впередъ; аллюминированная дорожка

открывалась передъ глазами молчаливой процессіи всякій разъ, когда равнялись они съ однимъ изъ оконъ галереи.

Последнее окно было отворено; черезъ это отверстіе попадали въ галерею, вмѣстѣ съ вечернею прохладою, и слабые звуки рога.

Эти звуки съ другой стороны гельдбергскаго пруда возвѣщали гибель оленя.

— Они не знаютъ того, что однимъ камнемъ попадаютъ въ два ста! пробормоталъ Фан-Прэттъ съ своей всегдашней улыбкой:— и возвѣщаютъ только объ одной смерти...

— Поскорѣй, сказала Сара:— охота кончается; время для насъ рога!

Безъ шума взобрались они на лѣстницу, которая вела къ комнатѣ Франца.

Осторожно отворила Сара дверь и потомъ посторонилась, чтобы въ дорогу своимъ спутникамъ.

Аджаринъ вошелъ первый; въ рукахъ у него былъ кинжалъ; за нимъ вошли и компаньоны, вооруженные саблями.

Сара переступила черезъ порогъ послѣднюю, какъ дѣлаютъ тѣ вѣрные вожди, которые хотятъ загородить дорогу трусливымъ врагамъ.

Комната Франца была освѣщена лампою, висящею высоко надъ поломъ. Францъ вѣрно забылъ потушить ее.

Чтобы различать предметы, свѣту было довольно: комната была обставлена старинною мебелью; по обѣ стороны дверей стояли два ряда желѣзныхъ рыцарскіа одежды, и въ глубинѣ комнаты виднѣлась огромная постель, задернутая занавѣсками.

Аджаринъ оглянулъ Яношъ всю комнату; ему нужно было отыскать убійцу, а не разсматривать его.

Увидѣвъ рыцарскія одежды, онъ задрожалъ и сдѣлалъ шагъ

Здѣсь!.. прошепталъ онъ съ ужасомъ.

Бѣдные, трепещущіе Мира, Рейнгольдъ и Фан-Прэттъ молчали. Эти четыре компаньона вдругъ узнали эту комнату, которая была свидѣтельницею убійства и въ которую въ-продолженіе двадцать лѣтъ ни одинъ изъ нихъ не входилъ.

Аджаринъ взглянулъ на дверь; казалось, онъ хотѣлъ уйти; онъ подавленъ страшными воспоминаніями.

На пути встрѣтился ему суровый, холодный взглядъ господина Лоранса.

Аджаринъ остался неподвиженъ.

Ну, что жь!.. сказала Сара.

Аджаринъ не шевельнулся.

Сара подошла къ нему и крѣпко сжала его руку.

Какъ ты боишься! сказала она тихимъ, но внятнѣмъ голосомъ.

Аджаринъ не двигался.

Вотъ двадцать лѣтъ, думалъ онъ, и думалъ въ-слухъ, бытъ-

можетъ забыть, что не одинъ въ комнату: — и въ эту ночь ни кто-то сказалъ: «такъ ты боишься, Янось?..» и я пришелъ на то самое мѣсто, на которомъ стою теперь... и мой шпага ударилъ о шпагу покойника...

Сара сдѣлала гнѣвное движеніе и обратилась къ тремъ другимъ компаньонамъ.

— А вы?.. сказала она.

Никто не отвѣчалъ.

Она выхватила кинжалъ изъ лѣвой руки Рейнгольда.

— Подлецы! предатели!!! повторяла она: — женщина стыдитъ васъ...

Съ этимъ словомъ она подняла кинжалъ вверхъ и твердымъ шагомъ пошла къ постели.

Побагровѣло блѣдное лицо Маджарина.

Только два слова проговорилъ онъ:

— Назадъ, женщина!

Съ изступленіемъ бросился онъ къ постели и отдернулъ мѣтвъсь.

Но тутъ его рука, уже готовая разить, внезапно опустилась компаньоны и сама Малютка испустили отчаянный крикъ...

Ужасно было явленіе, и не удивителенъ былъ испугъ присутствовавшихъ.

Передъ постелью Франца, гельдбергскіе компаньоны, чья двадцать лѣтъ, на томъ самомъ мѣстѣ, увидѣли то же привидѣніе которое видѣли они у колыбели сына графини Маргариты:

Явились три человека, гигантскаго роста, въ длинныхъ красныхъ плащахъ, съ обнаженными шпагами.

Но на этотъ разъ широкія поля шляпъ не закрывали ихъ головы. Головы ихъ были открыты.

То были три благородныя, гордыя, важныя лица. Но между ними было такое сходство, которое одно само-по-себѣ уже дѣлало существованіе ихъ невѣроятнымъ.

Всѣ трое были неподвижны; они гордились прелестью своей величія и смотрѣли прямо въ лицо убійцамъ.

За ними въ тѣни рисовались юныя, прелестныя черты улыбающагося во снѣ Франца.

Первою мыслью Рейнгольда, фан-Прэтта и Мирá было бѣжать, но дверь за ними затворилась, и Гансъ Дорнъ стоялъ на порогѣ.

Въ то же время полурастворилась дверь въ модельню графини Маргариты и открыла мужественныя лица Германа и другихъ тампльскихъ Нѣмцевъ.

Одинъ изъ красныхъ людей сошелъ съ эстрады, которая была передъ постелью, и сдѣлалъ шагъ къ Маджарину:

— Янось Георги, произнесъ онъ глухо и медленно: — я скажу тебѣ, что ты найдешь сегодня того, кого искалъ... Брось ты кинжалъ и вынимай саблю.

Въ старыя канделябры передъ каминномъ вставлены были свѣчи.

лы; ихъ яркій, красноватый свѣтъ озарялъ всѣ закоулки комнаты Франца.

Страшная была борьба. Четыре трупа были распростерты на полу; Рейнгольдъ, Мира и Фау-Преттъ плавали въ крови.

Маджаринъ былъ опрокинутъ на спину, и полураскрытые глаза его все еще, казалось, грозили. Шпага Отто осталась въ груди его...

Только одинъ остался здѣсь изъ побочныхъ дѣтей Блутгаупта, и именно тотъ, котораго мы въ нашемъ разсказѣ называли барономъ Родахъ.

Но дверь въ моленную все еще была полурастворена, и можно было догадаться, что другіе недалеко.

При шумѣ битвы, Францъ проснулся. Опершись на локоть, съ изумленіемъ и ужасомъ смотрѣлъ онъ то на гиганта Отто, стояшаго къ нему спиной, то на четыре трупа, распростертыя по землѣ.

Госпожа де-Лорансъ упала въ кресла; она была блѣдна; лобъ ея былъ наморщенъ, но голова поднята вверхъ.

За ней сестра ея Эсеиръ пряталась, чтобъ не видать крови.

Какъ громомъ пораженный, стоялъ подлѣ двери, опершись объ стѣну, Абель Гельдбергъ.

Полумертвый отъ испуга, старикъ Моисей, прижавшись въ углу, не смѣлъ ни дышать, ни шевелиться; слышно было, какъ верхніе зубы его стучались объ нижніе...

Но эти три лица пришли сюда не по своей охотѣ; посланные, ходившіе за ними, еще стояли подлѣ каждаго изъ нихъ.

Это были тампльскіе Нѣмцы.

Тишина и неподвижность царствовали въ комнатѣ. Отто стоялъ передъ побѣжденнымъ Маджариномъ скрестивъ на груди руки.

Трепетъ пробѣжалъ по членамъ присутствовавшихъ, когда онъ началъ говорить. Въ его голосѣ было что-то повелительное.

— Здѣсь еще не всѣ, сказалъ онъ:—позвать виконтессу д'Одмёръ вмѣстѣ съ ея сыномъ и дочерью!

Одинъ изъ Нѣмцевъ вышелъ.

— Позвать, продолжалъ Отто:—и этихъ бѣдныхъ торговцовъ Тампля, госпожу Реньё и дѣтей ея... они должны быть въ замкѣ... Гансъ предупредилъ ихъ.

Вышелъ другой посланный.

— Пусть кто-нибудь идетъ, продолжалъ Отто:—въ комнату госпожи де-Лорансъ; тамъ есть ребенокъ, слывшій за дочь служанки, но вмѣющій право быть въ нашемъ кругу.

Блѣдность Сары дошла до крайности.

Когда третій посланный уже готовъ былъ перешагнуть черезъ порогъ комнаты, Родахъ позвалъ его назадъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо; Саръ послышалось имя ея мужа.

Въ нѣсколько минутъ собрались всѣ, за кѣмъ было послано. Каждый разъ, когда отворялась дверь, раздавался крикъ, исполненный ужаса и удивленія; потомъ тишина снова водворялась, ибо

вновь-пришедшій подвергался тому же ошмѣнню, въ которомъ находились и пречіе зрители этой кровавой сцены.

Пришло семейство виконтессы д'Одмёръ, пришли Реньё, и даже дочь Ганса Дорна, и наконецъ крестьянинъ Готтлибъ, опершись на малютку Галифарду.

Всякій старался стать подальше отъ труповъ.

Одна лишь мама-Реньё, заливаясь слезами, стала на колѣна подлѣ своего сына.

Она приложила руку къ охладѣвшему сердцу кавалера. Слабыи стонъ вырвался изъ груди ея. Нѣжно поцаловала она въ лобъ покойника и осталась неподвижною посреди комнаты.

Подъ гнетомъ ужаса, все чего-то ждали, никто не смѣлъ спрашивать, ни жаловаться.

Францъ проглядывалъ глаза, но все еще не убѣждался, былъ ли это самый необыкновенный сонъ, или просто дѣйствительность.

Среди этой глубокой тишины, раздавался наконецъ спокойный и важный голосъ барона.

— Вотъ двадцать лѣтъ, сказалъ онъ:—какъ эти люди, обратившіеся теперь въ четыре трупа, умертвили цѣлое семейство, Ульриха Блутгаупта, Гюнтера Блутгаупта и жену его, графиню Маргариту... Здѣсь, между вами, есть еще и пятый виновникъ, который могъ бы подтвердить справедливость словъ моихъ.

Старикъ Моисей сложилъ съ умоляющимъ видомъ руки и шепталъ:

— Синьйоръ! синьйоръ!.. Это для моихъ бѣдныхъ дѣтей!..

— Книжалъ убійць, продолжалъ Родахъ: — остановился передъ колыбелью, въ которой спалъ послѣдній наследникъ Блутгаупта.

«Сынъ Гюнтера и Маргариты былъ спасенъ.

«Графиня Елена, твои братья должны были отмстить за убійство; но видитъ Богъ, въ этотъ разъ не мщеніе водило шагами...»

Онъ показалъ на трупы четырехъ компаньоновъ.

— Пока жили эти люди, продолжалъ онъ:—гроза была поставлена надъ головою послѣдняго графа, нашего владѣтеля... Но незаконныя дѣти Ульриха заслоняли его своей грудью отъ смерти... Но какъ знать, долго ли бы еще они прожили!.. Гюнтеру Блутгаупту надо было пройти земное поприще, не встрѣчая каждомъ шагу открытой вражды!

Францъ пожиралъ каждое слово.

Торжественность этой минуты была такъ велика, что присутствующіе боялись нарушить ее даже своимъ дыханіемъ.

Феверъ и Авель опустили головы; Сара старалась сохранить свое положеніе.

Жанъ Реньё открылъ свои большіе глаза; свѣтъ началъ проникать въ сознаніе Денизы.

Гевильолетъ, вскарабкавшійся на стулъ за своей матерью, выт

гиваль свою безобразную фигуру, чтобъ посмотреть на трупы; онъ бормоталъ:

— Ого!.. ого!.. четыре сразу!.. и господинъ-то съ тупеѣмъ адѣсь!

Ново, малютка Галифарда, дрожа и опираясь на Гертруду, по-сматривала боязливо на Сару, которая не замѣчала ея.

Кромѣ голоса Отто Блутгаупта, раздавались въ комнату только рыданія молящейся за сына мамы-Ренъё.

— Но... прошептала виконтесса: — знаете ли вы, гдѣ теперь сынъ сестры моей.

— Знаю, отвѣчалъ баронъ:—ужь двадцать лѣтъ мы съ братьями караулимъ его.

«Людекая справедливость бываетъ часто немощна...

«Все, что мы съ братьями дѣлали,—дѣлали сознательно... Могила для этихъ людей заранѣе вырыты подѣ часовней...»

Онъ обратился къ Францу, который лежалъ подѣ одеяломъ, совершенно-одѣтый.

— Встаньте, Гюнтеръ Блутгауптъ! сказалъ онъ.

Въ прочихъ частяхъ замка и на дворѣ была ужасная суматоха.

Крестьяне, собравшіеся на эспланадѣ, смотрѣли съ самаго начала ночи съ какимъ-то суевѣрнымъ ожиданіемъ на этотъ огонекъ, который блисталъ въ окнѣ лабораторіи графа Гюнтера, на вершинѣ сторожевой башни.

Госпожа де-Лорансъ угадала. Въ окрестностяхъ распространены были слухъ, что въ эту ночь случится что-то необыкновенное.

Старые арендаторы Блутгаупта, угнетенные Гельдбергами, желали, чтобъ это *что-то* было—перемѣна владѣльца.

Собравшись теперь, они толковали, что если *душа Блутгаупта*, послѣ двадцати-лѣтняго промежутка,—снова появилась на вершинѣ сторожевой башни, такъ это не даромъ...

Они видѣли въ этомъ предзнаменованіе!

Вдругъ яркій свѣтъ показался въ одномъ изъ оконъ башни; но это было не на самомъ верху, а въ предпоследнемъ этажѣ.

Свѣтъ все болѣе и болѣе увеличивался и распространялся. Скоро онъ сталъ похожъ на пожаръ, — и въ этомъ огненномъ полѣ шевелились, какъ демоны среди ада, двѣ черныя человѣческія тѣни.

Но никому не пришло въ голову, чтобъ этотъ пожаръ былъ слѣдствіемъ естественныхъ причинъ. Фантазія играла у простаковъ. Пробыло полночь: настала часъ привидѣній.

Ужаснулись старые блутгауптскіе арендаторы, когда густой дымъ обивалъ старую башню. Съ этой башней соединено было для нихъ много таинственныхъ воспоминаній; то была какъ-бы священная часть стараго пепелища.

Но вотъ—послышался изъ толпы голосъ:

— Это горятъ грѣхи стараго графа Гюнтера. Не будетъ комна-

ты, гдѣ онъ грѣшилъ,—не будетъ въ нашемъ славномъ Блутгауптѣ и мѣста для сатаны!

Всѣ начали креститься: всѣ ожидали съ возрастающимъ интересомъ предсказаннаго чуда, началомъ котораго они считали пожаръ.

Внутри замка все суетилось—слуги тушили пожаръ. Охота кончилась, и рукъ было довольно. Одно лишь было удивительно, что не показывались сами владѣльцы замка.

Тушившіе огонь попали на Малю и Питуа. Они все еще были на самомъ мѣстѣ пожара.

По словамъ этихъ чудаковъ, поджечь башню велѣли имъ отъ Гельдберги, чтобъ избавиться отъ спрятавшихся въ верхнемъ этажѣ разбойниковъ.

Кто могъ имъ вѣрить! Къ-тому же, полъ верхняго этажа только что провалился, и не было слѣдовъ мнимыхъ разбойниковъ.

Малю и Питуа, въ ожиданіи справедливаго возмездія за измѣненіе новой оборонительной системы, были, однакожь, на несчастіе, заперты въ безопасное мѣсто.

.

Францъ съ потупленными глазами стоялъ подлѣ побочнаго входа Блутгаупта. Въ чертахъ его замѣтно было сильное волненіе; осанка выражала благородство.

Тѣла убитыхъ понесли въ часовню.

Германъ, Готлибъ и другіе Нѣмцы изъ Тампла вытирали со стѣн заваленный полъ.

— Моисей Гельдъ! сказалъ баронъ Родахъ: — признаешь ли ты этого юношу за сына Гюнтера Блутгаупта и графини Маргариты?

Старикъ повелъ глазами, но не отвѣчалъ.

— Моисей Гельдъ! началъ опять Родахъ: — я не убилъ его потому-что ангелъ сталъ между тобой и моей шпагой... Присяжнѣ нуженъ свидѣтель того, что случилось двадцать лѣтъ тому назадъ. Но знай, что для тебя у меня есть оружіе страшнѣе шпаги. Признаешь ли ты этого юношу за сына Гюнтера Блутгаупта и графини Маргариты?

Сара обратилась къ отцу, какъ-бы съ намѣреніемъ поддѣлать въ немъ упорство; но старикъ помнилъ сцену въ Ротондѣ: это было выше силъ его.

— Да... проговорилъ онъ едва-внятнымъ голосомъ.

Въ виконтессѣ и въ Жюльенѣ замѣтно стало какое-то движение. До-сихъ-поръ, они все еще сомнѣвались. Смущеніе Девизы дѣлало ее еще милѣе. Ужасное впечатлѣніе при входѣ въ комнату исчезло. Она думала только о Францѣ; счастливая, она смотрѣла на него украдкой. Сердце ея дрожало радостью и надеждой.

Цѣлый міръ мыслей тѣснился въ головѣ Франца.

Баронъ Родахъ продолжалъ:

— Здѣсь столько свѣдѣтелей, что вамъ невозможно взять свое слово назадъ, Монсей Гельдъ... и это слово имѣетъ силу акта, удостоверяющаго рожденіе, потому-что вамъ только однимъ было бы выгодно отвергать истину... Теперь безъ словъ понятно, что сынъ Блутгаупта долженъ вступить въ права своихъ предковъ.

Авель, Эсєиръ и Малютка посмотрѣли другъ на друга.

— Сынъ Блутгаупта, какъ вы его называете, сказала Сара: — получить замокъ Гельдбергъ и замокъ Ротъ.

— Этого мало, сказалъ баронъ. — Блутгауптъ владѣлъ всѣмъ пространствомъ отъ Эссельбаха до Обернбурга, и надо вполнѣ возстановить права его!

Сара не могла скрыть своего гнѣва.

— Всего нашего состоянія не достало бы на это, сударь, прибавилъ робко Авель.

— Это должно быть!.. проговорилъ Родахъ.

Потомъ, показывая на часы, онъ сказалъ:

— Мнѣ время дорого... даю вамъ минуту на совѣщаніе... Госпожа де-Лорансъ, которая знаетъ, что находится въ одной шкапулкѣ, можетъ вамъ дать въ этомъ случаѣ превосходный совѣтъ.

Эсєиръ, Авель и Сара, воспользовавшись позволеніемъ барона, начали между собою шептаться.

Во время ихъ разговора, старикъ Монсей выползъ изъ угла и какъ-бы украдкой пробрался въ средину говорящихъ.

— Дѣти мои!.. бѣдныя мои дѣти! сказалъ онъ: — не отказывайте ни въ чемъ этому человѣку; онъ могучъ и безжалостенъ!

Эсєиръ и Авель колебались.

— Допустить наше разореніе! подумала вслухъ г-жа де-Лорансъ... Брови ея были нахмурены, зубы стиснуты.

— Слушайте, дѣти! продолжалъ старикъ Гельдбергъ, дрожащимъ, но исполненнымъ нѣжности голосомъ: — если бы вы знали, какъ я люблю васъ, бѣдныя птенцы мои!.. Ничего! вы все еще не будете нищими!.. Я вамъ припряталъ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ... все вамъ отдамъ!.. все!.. ничего себя не оставлю!

— Ну, что жь!.. сказалъ Родахъ.

— Они согласны! торопливо отвѣчалъ старикъ Гельдбергъ.

Молчаніе дѣтей подтвердило слова его.

Въ глазахъ барона, которые въ эту минуту были устремлены на старика, выразилось состраданіе. Но оно было мгновенно; онъ скоро принялъ свой прежній холодный, повелительный видъ.

— Еще одинъ вопросъ надо рѣшить, продолжалъ онъ: — какъ объяснить мы смерть этихъ четырехъ человѣкъ?

— Мнѣ кажется, что вы одни... начала г-жа де-Лорансъ.

— Вы ошибаетесь; прервалъ Родахъ: — это прямо до васъ касается!.. Слушайте меня и не старайтесь возражать. Этотъ старикъ подверженъ припадкамъ сумасшествія...

Изумленный Монсей выпрямился,

— Вы прикажете запереть его, продолжалъ Родахъ: — а какъ вы сумасшедшаго можно все свалить...

Моисей снова опустилъ голову; онъ понялъ, что собственныи его дѣти будутъ сейчасъ его судьями.

Это униженіе было выше силъ дѣтей Гельда.

— Милостивый государь!.. милостивый государь!.. заговоралъ Авель.

— Судите сами, прервалъ Родахъ: — развѣ можно допустить, чтобъ въ здоровомъ разсудкѣ мильонеръ, носящій имя господина Гельдберга, пошелъ продавать тряпки въ ротондѣ Тампля, или бы сдѣлался ростовщикомъ подъ низкимъ именемъ Арабі?..

При этомъ имени, на лицахъ Ганса, Гертруды и всѣхъ парижскихъ Пѣмцевъ выразилось удивленіе.

Вопрошающіе взоры Эсемира и Авеля были обращены на Моисея. Неподвижно, безмолвно стоялъ онъ, и не отрицался...

Сара къ чему-то готовилась. Ея дикіе, огненные взоры были устремлены на отца.

— А!.. сказала она глухимъ голосомъ: — такъ это вась назывють Арабі!..

Съ быстротою мысли бросилась она къ спрятавшейся за Гертрудю Галифардѣ и подтащила ее къ старику.

— Правда ли это, Юдиель? спросила она.

— Дѣ, тихо отвѣчалъ ребенокъ.

Сара сорвала съ ея шеи шелковую косынку и открыла грудъ дѣвочки, еще испятнанную знаками жидовскаго тиранства.

Сара задыхалась; ярость кипѣла въ глазахъ ея; мрачный, кровавый взоръ переходилъ то къ взранный груди ребенка, то къ лицу испуганнаго Жида.

— Такъ это вы сдѣлали! произнесла она съ усиленіемъ: — умереть! вы убили ее!.. О! я не дочь Арабі, тряпичнаго торговца, а какое дѣло дѣвицѣ Гельдбергъ до того, что посадить въ Шарлоттѣ тампльскаго ростовщика!

Глаза старика налились слезами.

— Сара! шепталъ онъ: — милое дитя мое!.. вѣдь это было мое дитя!..

Онъ ловилъ ея руку; но г-жа де-Лорансъ безжалостно отпихнула его.

— Вы сумасшедшій!.. сказала она.

Несчастный старикъ, покрытый смертною блѣдностью, съ жертвенными на груди руками, подползъ къ другимъ дѣтямъ... И отъ него отвернулись.

Холодъ охватилъ сердца зрителей этой ужасной сцены.

Остолбенѣлъ Моисей Гельдбергъ и съ минуту былъ неподвиженъ; потомъ глаза его, наполненные слезами, обратились къ небу.

— Боже мой! шепталъ онъ: — я всемъ для нихъ пожертвовалъ! для нихъ рѣшился я на жизнь, исполненную трудовъ и преступ-

лений!.. Боже Всевышній! правосудный Творецъ! Ты не отвергнешь прибѣгающаго къ Тебѣ отца!.. Дѣти неблагодарныя, я прогнана васъ!..

Выпрямился его колеблющійся станъ; какъ ни было низко его паденіе, но въ эту минуту въ немъ было что-то важное, торжественное.

Эсмеръ и Авель были также неподвижны и безмолвны. Сара, держа плечами и отвѣчая наглою улыбкой на отцовское прогнание, хотѣла-было обратиться къ своей дочери.

Но невинный ребенокъ зналъ по инстинкту человѣческое сердце. Дѣвочка постигла, какъ ужасна должна быть дочь, отвергающая отца.

Госпожа де-Лорансъ, въ свою очередь, почувствовала боль той раны, которую за минуту передъ тѣмъ сама открыла въ груди отца своего.

Она видѣла, какъ дитя отступило отъ нея съ ужасомъ и отвращеніемъ.

Этотъ ударъ, можетъ-быть, впервые пробудилъ въ ней совѣсть; она поблѣднѣла, и наглый взглядъ ея подернулся туманомъ.

Сама того не чувствуя, проговорила она то же, что ей сказалъ отецъ:

— Дочь моя, это было для тебя!..

Одна, всеми оставленная, стояла она посреди комнаты.

Въ эту минуту отворилась дверь и вошелъ послѣдній изъ привѣанныхъ бароновъ Родахомъ.

Это былъ биржевой агентъ Леонъ де-Лорансъ. Медленнымъ шагомъ прошелъ онъ чрезъ комнату и сталъ подлѣ жены.

Онъ коснулся плеча ея.

Сара обернулась.

Съ минуту смотрѣли они молча другъ на друга; въ глазахъ ихъ выражалось взаимное негодованіе.

Господинъ де-Лорансъ ужь былъ не тотъ человѣкъ. На лицѣ его выражалась суровость. Онъ былъ похожъ на судью и повѣдителя.

Сара старалась выдержать его взглядъ, но не могла; глаза ея опустились.

— Сударыня, сказалъ наконецъ биржевой агентъ:—я не люблю васъ больше!

Въ этихъ словахъ выразилась цѣлая будущность, исполненная страшныхъ мученій...

— До расточительности доходитъ гостепрѣимство нашихъ амфирионовъ, говорили гости, съѣхавшіеся въ Гельдбергъ, гуляя по корридорамъ замка.

Праздникъ долженъ былъ кончиться охотой съ факелами; охота прошла, но вотъ заговорили о чемъ-то новомъ!

Дяло было въ торжественной церемоніи; рассказывали о мнѣ-то отыскавшемся сынѣ Блутгаупта.

Двери французской комнаты были растворены настежь; толпы входили туда гельдбергскіе гости.

Молодой Авель провозглашалъ громкимъ и внятнымъ голосомъ: — Нашъ возлюбленный родитель нашелъ наконецъ то, чего искалъ такъ долго: онъ нашелъ сына своего благодѣтеля и друга, Гюнтера Блутгаупта!

Францъ былъ на эстрадѣ передъ постелью. Стоящіе вокругъ него старые блутгауптскіе арендаторы были челоюъ новому неподвигу.

Когда привѣтствія васалловъ были кончены, Гётцъ и Альбертъ, въ красныхъ плащахъ, вышли изъ молельни. Они стали подлѣ Отто и всѣ трое вмѣстѣ, съ обнаженными шпагами въ рукахъ, преклонили колѣни.

Не слышать было въ концахъ залы словъ, которыя произносили они; но видно было, какъ молодой графъ Гюнтеръ Блутгауптъ, поднимая, заключалъ каждого поочередн въ свои объятія.

— Честное слово, сказалъ Мирелюнь:— это почти трогательно!..

— Вздоръ!.. проговорилъ водевилистъ:— нашли пропавшаго сына... да это вещь самая обыкновенная!..

— Говорять, миліонъ годоваго дохода! шептала маркиза де-Ботраверъ.

Графиня де-Тартари вытирала глазки, думая о римскомъ царѣ. Между-тѣмъ, госпожа д'Одмёръ подошла съ своими дѣтьми къ Францу.

Смущенный Жюльенъ пожалъ старому товарищу руку.

— Графъ! сказала госпожа д'Одмёръ, ловко обративъ на себя его вниманіе:— я не забыла своего происхожденія... вы глава семейства: на васъ лежитъ обязанность выдать замужъ дѣвцу д'Одмёръ.

Краска выступила на лицахъ Франца и Денизы; невыразною радостью наполнены были сердца ихъ; улыбка неволью показывалась на устахъ.

Въ другомъ концѣ залы, добрый продавецъ платья Гансъ Дорфъ соединялъ руки Гертруды и Жана Ренью. Малютка Гальвардъ Ноно дополняла эту группу, въ которой были у ней и отецъ и сестра

Давно погасла иллюминація въ мало-по-малу успокоившейся ревшъ.

Все спало.

Не видать было свѣта ни въ одномъ изъ оконъ замка.

Предразсвѣтный мракъ начиналъ уже съ восточной стороны проясняться.

Среди этого соннаго царства, позади замка, на площади, гдѣ на нѣсколько дней предъ сямъ былъ фейерверкъ, раздался шумъ. Нашлось существо, которое услышало этотъ шумъ. Бѣлая тѣнь показалась въ окошкѣ Лиз Гельдбергъ.

Въ то же почти время, три человека появились, одинъ за другимъ, на той самой маленькой платформѣ, на которой когда-то юбочныя дѣти Блутгаупта устроивали живую лѣстницу, чтобъ спастись отъ Франца висѣвшую надъ головой его смертельную опасность.

Выступъ горы заслонялъ этихъ людей отъ оконъ замка. Они спустились внизъ и потомъ вскарабкались на противоположный утѣсъ.

Гансъ Дорнъ стоялъ на полянѣ и держалъ подъ уздцы трехъ седланыхъ лошадей.

Всѣмъ тремъ поочередно подставилъ онъ стремя, и у всѣхъ рожъ поцаловалъ почтительно руку.

— Да сохранить васъ Богъ, добрые господа мои! прозвезъ онъ печально.

Съ словомъ «прощай» — всадники тронулись съ мѣста.

Слабо и жалостно повторилось это слово въ сторонѣ блутгауптскаго замка.

И бѣлая фигура, стоявшая у окна Лиз, въ одно мгновеніе исчезла.

Три всадника скакали молча по направленію къ Оберрибургу.

ЭПИЛОГЪ.

Господинъ Блазиусъ.

Это было въ послѣднихъ числахъ февраля. Пробыло шесть часовъ, и хриплый звукъ колокола Франкфуртской темницы затихъ.

Главный тюремщикъ, господинъ Блазиусъ, сидѣлъ одинъ меланхолически за обѣденнымъ столомъ, едва подымая бутылку, чтобъ въ-времени-до-времени подливать себѣ рейнвейну.

Онъ разсуждалъ самъ съ собою:

— Да и всего-то, велика птица, побочныя дѣти! Оно, конечно, было примѣшано въ ихъ жилы и блутгауптской крови!.. да все равно!.. я этого отъ нихъ не ожидалъ!.. Надѣлать столько хлопотъ старому дворецкому!..

Онъ глубоко вздохнулъ и выпилъ огромный стаканъ вина.

— Я медлилъ сколько могъ! продолжалъ онъ: — ну, да вѣдь завтра все ужъ прійдутъ посмотреть!.. непременно!... а ихъ тамъ пять!.. Чортъ побери! вѣдь этотъ сенатъ способенъ посадить меня на ихъ мѣсто!..

Онъ оттолкнулъ тарелку и положилъ на руки свою плѣшивую голову.

— Ахъ, господинъ Блазиусъ! Вотъ вы, господинъ Блазиусъ! бормочете онъ жалобнымъ голосомъ:—вотъ сколько глупостей застываетъ васъ дѣлать на свѣтѣ ваше доброе сердце!..

— Васъ спрашиваютъ, господинъ Блазиусъ! сказалъ въ это время караульный, высунувшись изъ-за двери.

— Зови сюда! отвѣчалъ старшій тюремщикъ съ безпечною убитаго челоуѣка.

Дверь растворилась, и вошли три челоуѣка въ красныхъ плащахъ.

Они остановились у порога; одинъ изъ нихъ сказалъ:

— Тридцатый день еще не кончился, господинъ Блазиусъ.

Тюремщикъ протеръ глаза. На его добромъ лицѣ выразилось удивленіе, смѣшанное съ радостію.

— Я зналъ, что этотъ славный народъ возвратится! проговорилъ онъ:—здравствуйте, господинъ мой, Отто!.. Здравствуйте, добрые друзья Гётцъ и Альбертъ!.. А! каковы! Ну, да я и не сомнѣвался въ томъ, что вы сдержите свое слово!

Онъ всталъ, чтобъ поздороваться съ вошедшими.

— Вы устали, дѣти мои! продолжалъ онъ, запирая за ними дверь на замокъ.—Ну, чортъ меня возьми, если я виушу васъ въ ваши кѣтки, не распивъ съ вами прежде бутылки хорошаго вина!.. Садитесь, друзья; выпьемъ хоть разъ какъ истинные Нѣмцы!

Три брата свля. Господинъ Блазиусъ досталъ изъ шкафа четыре бутылки рейнвейна.

— Еще времени довольно, продолжалъ онъ:—лишь бы мнѣ въ къ утру разложить по постелямъ, и все будетъ ладно; за это я отвѣчаю!

Онъ наполнилъ стаканы и выпилъ всѣ одинъ за другимъ, и здоровье своего господина, Отто, и своихъ добрыхъ друзей, Альберта и Гётца.

Эти три тоста еще больше развеселили его.

— Mein Herr Отто, сказалъ онъ:—наскучался я по вечерамъ стѣхъ-поръ, какъ вы уѣхали. Самъ чортъ не слышетъ въ этой тюрьмѣ порядочнаго негодяя, чтобъ хоть приличнымъ образомъ имперіалъ поиграть!.. Экой вы народъ—то любезный, дѣти мои!.. Да здравствуетъ Отто за свой умъ! Гётцъ за умные выпить, а Альбертъ за любовныя интриги!.. Пейте, дѣтушки, пейте; вѣдь вы здѣсь дома, чортъ побери!.. Ну, я парй держу, что вамъ пріятно видѣть стараго товарища!..

Вотъ ужъ это было весьма-сомнительно.

Господинъ Блазиусъ подкрѣплялъ увѣщаніе примѣромъ и пилъ отъ души.

Вдругъ онъ ударилъ себя по лбу.

— Да! сказалъ онъ:—я вспомнилъ... вѣдь вы не гулять здѣ!

ли, братцы... вѣдь вы хотѣли вернуть Блутгаупта въ замокъ его предковъ... Ну-ка, поразскажите, что изъ этого вышло!

— Елибѣ мы не успѣли въ своемъ предпріятіи, господинъ Блазиусъ, отвѣчалъ Отто:—не видать бы вамъ насъ за своимъ столомъ; мы все погибли бы въ дѣлѣ.

Тюремщикъ поставилъ стаканъ на столъ и разлилъ рогъ.

— А-га! а-га!.. сказалъ онъ:—такъ вы баталію-то выиграли!.. Ну, и послали графа въ стѣны стараго замка?..

— Настоящаго графа, господинъ Блазиусъ:—молодаго, прекраснаго, храбраго и богатаго!

Лицо тюремщика намѣнилось. Въ его манерахъ сквозь покровительственную фамильярность начало проглядывать почтеніе.

— Такъ-что если вы когда-нибудь отсюда выйдете, продолжалъ онъ:—вы ужь не будете искателями приключеній, у которыхъ, какъ говорится, ни кола, ни двора?

На этотъ косвенный вопросъ не отвѣчалъ ни одинъ изъ братьевъ.

Старый Блазиусъ допилъ свой стаканъ и почесалъ затылокъ.

— Чтѣ хочешь говори, пробормоталъ онъ про-себя:—а куда не стати быть тюремщикомъ тому, кто прежде имѣлъ честь служить у графовъ и кто носилъ серебряную цѣпочку!.. Скажите, господа, какъ вы думаете, приметъ Блутгауптъ къ себѣ стараго своего слугу, или нѣтъ?

— Я думаю, отвѣчалъ Отто, переглянувшись съ своими братьями.

До сихъ-поръ, лица трехъ братьевъ выражали только холодную беззаботность отваги. Въ эту минуту, глаза ихъ заблестали, какъ-будто лучъ надежды проникъ въ сердца ихъ.

— Пейте! началъ снова главный тюремщикъ:—а право, иногда вспоминашь прошедшее... привольный воздухъ вюрцбургскихъ лѣсовъ куда лучше тюремной атмосферы!

Онъ нахмурился и ударилъ кулакомъ по столу.

— Мнѣ бы сказать: «нашей тюремной атмосферы», потому-что я, юртъ возьми, такой же плѣнникъ, какъ и другіе!.. Мнѣ бы хотѣлось знать, есть ли у Блутгаупта дворецкій...

— Вотъ этого я еще не знаю, отвѣчалъ Гѣтцъ.

Старикъ Блазиусъ улыбнулся: онъ попалъ нечаянно на любимую свою мысль.

— Эхъ, господа! продолжалъ онъ:—вы такъ добры!.. вы вѣрно не откажетесь помочь бѣдняку, который никогда не дѣлалъ вамъ зла!...

Почтеніе все болѣе и болѣе отзывалось въ его голосъ.

— Развѣ вы хотите просить насъ о чемъ-нибудь, господинъ Блазиусъ? сказалъ Отто.

— Не ровнѣе часть, добрый господинъ мой... старость приближается... а мнѣ бы хотѣлось умереть на родинѣ... Господа! скажите мнѣ по чистой совѣсти: любите ли васъ столько сынъ ва-

шей сестры, чтобъ по вашей просьбѣ отдать мнѣ мое старое мѣсто дворецкаго?

— Навѣрное, отвѣтили въ одно слово Альбертъ и Гётцъ.

— Если этого довольно, чтобъ сдѣлать васъ счастливымъ, господи́нъ Блазиусъ, прибавилъ Отто голосомъ, исполненнымъ доброты и истины: — я общаю вамъ отъ своего собственнаго имени мѣсто дворецкаго въ замкѣ Блутгауптъ.

Старый тюремщикъ схватилъ—было свой стаканъ, но потомъ оттолкнулъ его; онъ былъ взволнованъ, онъ колебался. После минутнаго молчанія, онъ снялъ свою ермолку и облокотился на столъ.

Прищурившись и улыбаясь, посматривалъ онъ въ лицо каждому изъ трехъ братьевъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, почтенные господа, сказалъ онъ наконецъ: — вамъ можно будетъ и во второй разъ уйти отсюда... Да ужъ какъ будете уходить, не погнушайтесь взять съ собой бѣднаго старика, который страхъ—какъ добивается чести попутествовать въ вашей компаніи...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

ИЗЪ КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домъ Рогова.

(ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО)

ЗИНОВІЙ-БОГДАНЪ ХМЪЛЬНИЦКІЙ. Соч. Александра Кузьмича. Эпоха первая: молодость Зинovia. Въ пяти частяхъ. Спб. 1846 г. На лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 3 руб. 50 к., съ пересылкою 4 руб. 50 коп.

ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ НОВГОРОДА КЪ ВЕЛИКИМЪ КНЯЗЯМЪ. Историческое изслѣдованіе. Соч. Соловьева. Москва. 1846. Цѣна 75 к., съ перес. 1 руб.

СКАЛОЗУБЪ И ПЕРЕСМѢШНИКЪ. Собраніе весѣлыхъ разсказовъ, сатирическихъ очерковъ изъ Петербургской жизни, анекдотовъ и анекдотовъ. Спб. 1847 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

РУССКАЯ АЗБУКА, изданная Николаемъ Гречемъ. Напечатана въ Карлсруэ. 1846 г. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 33 к., въсов. за 1 фунтъ.

СЕМИСОТЛѢТНІЙ УКАЗАТЕЛЬ дней и часель съ 1700 по 2400 годъ съ Пасхаліемъ

ЮРІЙ МИЛОСЛАВСКІЙ, или Русскіе въ 1612 году. Соч. М. Загоскина. Изданіе седьмое. Москва 1847 года. Въ трехъ частяхъ. Цѣна на лучшей веленовой бумагѣ 1 р. 50 к. съ пересылкою 2 руб.

СОБРАНІЕ ПРАВИЛЪ СОХРАННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ при Московскомъ и С. Петербургскомъ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** Воспитательныхъ домахъ. Извлечено изъ учреждений и уставовъ Государственныхъ предѣльныхъ установлений. Спб. 1847 года. Цѣна 80 к., съ пересылкою 1 руб.

ЧАРОМУТІЕ, или **СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫКЪ** Маговъ, Волхвовъ и Жрецовъ, открытый Платонъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ нѣтъ же въ прямую

истоту чаромути и черной истоти измиковъ Русскаго и другихъ Словенскихъ в части латинскаго. Въ большую 8 л. листа на лучшей веленовой бумагѣ, стра. 404. Петръгородъ. 1846 г. Цѣна 2 руб. 50 к., съ пересылкою 3 руб.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ, Составленный Г. Герпомъ, въ 6. 8 д. л. стр. 171. Спб. 1846 г. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 43 к.

ПИКИЛЛО АЛЫБАГА, или навры при Филиппѣ III, Романъ Евгения Скрибае. Спб. 1846 г. Одинъ большой томъ въ 8 ю д. л. Цѣна 2 руб., въсовыхъ за 3 ф.

АНЕМОПОДИСТЬ АКЕНСИМОВИЧЪ ЧЕСТАПОВЪ. До потопная Помехонская повесть Демократа Терпиновича. Спб. 1846 г. Цѣна 35 к., въсовыхъ за 1 ф.

ДѢТСКАЯ КОРЗИНОЧКА. Разноцвѣтными сѣны изъ жизни малыхъ малютокъ. Съ двѣнадцатю иллюминированными картинками. Спб. 1847 года. на лучшей веленовой бумагѣ. Цѣна 1 р. 25 к., въсов. за 1 ф.

ГОРНЫЙ ДУХЪ, или **РАЗСКАЗЫ О ШУТКАХЪ ЕГО** въ исподнискихъ горахъ. Съ иллюминированными картинками. Москва 1846 г. Цѣна 1 р., въсов. за 1 ф.

ІОАННЪ АМВРОСІЙ РОЗЕНШТРАУХЪ. Переводъ съ Нѣмецкаго Александры Ишимова. Спб. 1847 г. Цѣна 40 к., въсовыхъ за 1 фунтъ.

ТАЛИСМАНЪ или **КАВКАЗЪ,** въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Историческій Романъ. Сочиненіе Платона Зубова. Въ двухъ частяхъ. Спб. 1847 г. Цѣна 1 р., въсовыхъ за 1 ф.

АЛЬМАНАХЪ для **ДѢВЦЕЦЪ,** перваго и втораго возраста. Съ 12-ю превосходно-илл.

тографированными и раскрашенными картинами. Спб. 1847 г. Цѣна 1 руб. 50 к., въсов. за 1 фунтъ.

ГИРЛЯНДА, двѣнадцать нравственно-поучительныхъ повѣстей и разговоровъ, лучшихъ иностранныхъ писателей, съ 12-ю картинками, литографированными К. Шрейдеромъ и раскрашенными подъ его надзоромъ, 2 части. Сиб. 1847 г. Цѣна 1 руб. 50 к., въсов. за 1 ф.

ВОСПОМИНАНІЯ О АДДЕЯ БУЛГАРИНА. Отрывки изъ видѣннаго, слышеннаго и испытаннаго въ жизни. Часть 3-я. Спб. 1847 г. Цѣна 1 р. 50 к., въсов. за 3 ф.

ЛУЧШИЯ СКАЗКИ ИЗЪ ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ, пересказанныя дѣтячь В. Межевичемъ. Четыре части, 20 сказокъ. Цѣна 1 руб., въсов. за 2 ф.

МЫСЛИ И ПОВѢСТИ, посвященнымъ юношеству. Соч. М. Карсила. Спб. 1846 г. 47. въ 12-ю д. л. (325 стр.) Цѣна 1 руб. 50 коп. въсов. за 2 ф.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ для ЮНОШЕСТВА. Соч. Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. Изданіе второе исправленное. Часть 1-я Исторія древнихъ Африканскихъ и Азіятскихъ народовъ. Часть II и III-я, Исторія Греціи. Отпечатанная на велевеной бумагѣ, съ 16 превосходно-гравированными картинками. Цѣна за всѣ три части 2 руб. 30 к., въсовыхъ за 3 фунта.

СТЕРЕОМЕТРИЧЕСКІЯ ФИГУРЫ. Собраніе правильныхъ и неправильныхъ многогранниковъ, съ краткимъ описаніемъ и опредѣленіемъ поверхностей и объемовъ геометрическихъ тѣлъ, служащее для поясненія при изученіи *Геометріи*; сорокъ фигуръ на картонѣ въ шкѣлѣ. Цѣна на обыкновенной цвѣтной бумагѣ 2 р. 30 к., на цвѣтной атласной 3 руб. 20 коп., на Атласной бумагѣ съ золотымъ лириетомъ 5 руб., въсовыхъ за 3 фунта.

МАРІЯ, или нѣкоторыя черты изъ современнаго быта Донцевъ. Сочиненіе Барона Донжова. Москва 1846 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 р.

Кромѣ книгъ, здѣсь объявленныхъ, можно адресовать свои требованія въ означенный магазинъ и за тѣми книгами, которыя были опубликованы отъ другаго издателя. Высылка и доставка будутъ исполняемы съ точностію и ктиторствою тотчасъ по полученіи требованій.

Изгородныя особы, желающія выписывать книги въ переплетѣхъ, платятъ за обыкновенный переплетъ въ простой корешокъ 25 к. сер., въ сѣтчатый съ французской бумагою 40 к. сер. За переплетъ книгъ изъ чужеземныхъ странъ и листъ цѣна возвышается, а также при переплетѣ книгъ въ особый шпатель, бархатъ, съ золотымъ обрѣзомъ и т. п.

СЪБРЫЙ АРМЯКЪ, или исполненное обещаніе. Повѣсть для дѣтей. Изданіе второе. Москва. 1847. Цѣна 1 руб. 50 к., въсовыхъ за два фунта.

АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ ИВЪ-ШИКОВЪ. Историческій романъ для дѣтей въ 3-хъ частяхъ. Соч. П. Фурманна. Съ 20-ю картинками литографированными Кляквиннымъ, и отпечатанными въ литографіи Изданія Военной Галлерей императорскаго дворца. Спб. 1847 г. Цѣна 3 руб., въсов. за 2 фунта.

ГОЛОСЪ ВЪРНОПОДАННОЙ при полученіи печатнаго извѣстія и какъ членъ Ея Императорскаго Высочества Герцогини Веліякой Княжны Маріи Михайловны, 7 Ноября 1846 года. Соч. А. Е. Съ портретомъ Ея Императорскаго Высочества. Спб. 1846 г. въ 8 л. д. лучшей велевеной Бумагѣ. Цѣна 50 коп.

ИЕЗУИТЪ. Характеристическая картина изъ первой четверти осмнадцатаго столѣтія. Соч. Ю. Шпиндлера. Переводъ съ немецкаго, въ 3-хъ частяхъ. Спб. 1847 г. Цѣна 2 р., съ пер. 2. р. 50 к.

ПРАКТИЧЕСКІЕ УРОКИ для основательнаго изученія Грамматическихъ правилъ Англійскаго языка. Составленные Клодомъ Ро. Сиб. 1846 года. Цѣна 75 к., перес. 1 руб.

СТИХИТВОРЕНІЯ В. АСКОЧЕНСКА. Кіевъ 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

СТРУЭНЗЕ, ДАТСКІЙ ПЕРВЫЙ ПИИСТРЪ, или Королева и любимецъ Римскаго романа. Соч. Гг. Арту и Фури. Сиб. 1846 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ пер. 2 руб.

ЕЛКА. Часть Вторая. Осемнадцатая книга постепеннаго чтенія для юношества. Составила Анна Дараганъ съ литовскими картинками. Спб. 1846 г. Цѣна 1 р. въсов. за 1 ф.

Н Е Л И Д А.

Романъ Даниэля Стерна.

Alle Erscheinungen dieser Zeit zeigen, dass die Befriedigung im alten Leben sich nicht mehr findet.

Никкл.

Всѣ явленія этого времени показываютъ, что въ старой жизни нѣтъ больше удовлетворенія.

Гиггль.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ДРУЗЬЯМЪ МОИМЪ.

Тебѣ, котораго дружба была безъ раздѣла, преданность безъ границъ, вѣрность безъ охлажденія;

Тебѣ, прекрасный даръ, талантъ, полный лучей, разсѣвавшихъ весь мой печаль;

Тебѣ, дѣта страданія, поздній цвѣтокъ, распустившійся подъ дыханіемъ бурь;

Тебѣ, серьёзный другъ, котораго важная муза склонилась надъ моими траурными днями.

Тебѣ, чужестранка по крови, сестра по чистымъ связямъ идеальнаго семейства;

Тебѣ, невидимая и лишь угадываемая заботливость, безмолвное постоянство, несравненная привязанность;

Тебѣ, молодой поэтъ съ огненнымъ словомъ, который закричалъ мнѣ: «смысь!»

Тебѣ, дорогое, благородное сердце, звезда — предвѣстница на моемъ опраченномъ небѣ;

Вамъ всѣмъ, которые такъ мужественно кинулись между мною и моею тяжелой участью, и нынѣ съ радостію видите на члѣ моемъ ясность, благодаря вамъ на него сошедшую.

ДАНИЭЛЬ СТЕРНЪ.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Это было въ іюнѣ; полуденное солнце обливало горизонтъ своими яркими лучами; ни одна тучка не затмѣвала небеснаго блеска. Тѣлый вѣтерокъ скользилъ по пруду и загрывалъ съ звучными тростниками. Около берега, подъ тѣнью тополей, дремала пара лебедей. Двое прелестныхъ дѣтей, держась за руки, сидѣли въ лодкѣ, при вязанной къ стволу ивы, гибкія вѣтви которой образовали надъ ихъ головами подвижной пологъ изъ свѣжей зелени. Самому старшему, можетъ-быть, было лѣтъ около двѣнадцати; это былъ ровный мальчикъ съ рѣзкими чертами лица, черными глазами, и горѣвшимъ лицомъ,—дитя полей, развернувшееся на солнцѣ, и вышедшее свободно играть въ нѣдрахъ матери-природы. Другое дитя была дѣвочка, по-видимому, годомъ моложе. Ни съ чѣмъ нельзя было сравнить правильности очертаній лица ея; но ея смѣтливо уже имѣло ту опасную граціозность, которая дается слишкомъ-нѣжнымъ или слишкомъ-быстро развившимся организмамъ, ея матовой бѣлизны шея гнулась подъ тяжестью воистыхъ золотыхъ волосъ; болѣзненная блѣдность покрывала щеки; легкіе коричневыя круги отбѣляли голубые глаза; все этомъ миломъ созданіи показывало истощеніе жизненныхъ силъ.

— Какъ скучно оставаться все время на одномъ мѣстѣ, вѣдь мальчикъ, внезапно вставая:—я отвязу цѣпь, и мы пойдёмъ туда смотрѣть, гнѣздо чирякъ.

— Я боюсь, произнесла дѣвочка, удерживая своими бѣлыми ручонками здоровую и загорѣлую руку своего товарища.

— Когда я самъ буду грести! возразилъ онъ съ смѣшною дерзостью. И, безъ труда освободившись отъ слабыхъ рукъ, его товарища, онъ отвязалъ лодку, схватилъ весло и поплылъ вѣ середину пруда, не слушая жалобъ подружки, которая умоляла его взглянуть, произнося: Германъ, Германъ!

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, произведеннаго стольнымъ страхомъ, сколько удовольствіемъ, дѣвочка произнесла:—Боюсь, что, если насъ увидятъ! Посмотри, мнѣ кажется, тѣтушкиныя окна открыто. Германъ поднялъ глаза: солнце ударило въ оконныя стекла, и они блистали, какъ брилліанты; у окна г-жи Геспаръ кого не было.

— Она не узнаетъ насъ оттуда, отвѣчалъ онъ: — къ тому же ея тамъ нѣтъ; да не большая бѣда, еслибъ она насъ и увидѣла.

— Такъ ты не боишься, что тебя будутъ бранить? возразила дѣвочка, начиная успокоиваться:—что же тебѣ говорить мамѣ, когда ты дѣлаешь то, что запрещено?

— О! прежде всего моей матери некогда запрещать мнѣ самъ комъ-многое: а потомъ, Нелида, когда я сдѣлаю что-нибудь плохое, она не бранитъ меня: она плачетъ.

— И тогда?

— И тогда я ее цалую.

— А потомъ?

— Потомъ она съ полусердитымъ и полудовольнымъ видомъ овертѣ мнѣ: «Злой ребенокъ! тебѣ всегда надобно все прещать!» [это ужь впередъ знаю.

Разговаривая такимъ-образомъ, они доплыли до части пруда, совершенно-заросшей тростникомъ и другими водяными растеніями. Германъ осторожно раздвинулъ кусть тростника, котораго шелко-истые пестики были похожи на хлопья снѣга, забытые зимою въ этой роскошной зелени, и Нелида радостно вскрикнула, увидѣвъ гнѣздо чирятъ, въ которомъ, согрѣваемые солнечнымъ лучомъ, ждали восемь или десять яичекъ зеленовато-сѣраго цвѣта. Она долго смотрѣла на это новое для нея зрѣлище; она никогда не видала ничего подобнаго, потому-что принадлежала къ тѣмъ жалкимъ городскимъ дѣтямъ, для которыхъ природа остается чуждою, которые никогда не пробуждались съ нѣніемъ ласточки, никогда не срывали съ колючей вѣтки ягоды ежевики и не видали, какъ извернувшаяся бабочка расширяетъ молодыя крылышки въ блаженной апрѣльской атмосферѣ. Съ самой смерти родителей, умершихъ въ то время, когда она была еще въ колыбели, Нелида делала, въѣренная попеченіямъ тѣтки, виконтессы Геспель, ни ране выѣзжала изъ Парижа. Только въ этомъ году виконтесса шла съ провода нѣсколько мѣсяцевъ въ своемъ имѣніи; но и тогда она боялась вреднаго дѣйствія на Нелиду солнца и росы и, опасаясь волковъ, змѣй, летучихъ мышей и жабъ, къ которымъ была непреодолимое отвращеніе, очень-рѣдко позволяла ей гулять по окрестностямъ. Особенно запретила она ей переходить за раду парка, обнесеннаго съ трехъ сторонъ высокою стѣною, а четвертой огражденнаго прудомъ, по которому теперь ката-сь Нелида, вопреки самыхъ строгихъ приказаній.

Наглядѣвшись на гнѣздо, дѣвочка сказала: — Теперь отвези-ни скорѣе домой. Германъ взялъ весло, но вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ парку, онъ, не обращая вниманія на всѣ просьбы по-лути, присталъ къ противоположному берегу пруда, около ко-торога пролегла большая дорога.

— Время такъ хорошо, что еще рано возвращаться домой; пой-демъ, погуляемъ немного; мы вернемся прежде, нежели успѣютъ гнѣздить, что тебя нѣтъ въ саду.

Говоря это, онъ привязалъ лодку къ столбу, взялъ на руки тре-пещущую Нелиду, легко ее приподнялъ, перешелъ черезъ дорогу, шмыгнувъ раскѣвая какъ-будто для того, чтобъ привлечь вниманіе и казая, что онъ ничего не боятся, перепрыгнулъ черезъ ровъ, перелѣзъ черезъ загородку и поставилъ свою мнлую ногу на краю а, заросшаго цвѣтушимъ клеверомъ.

Обожаемая дѣвочка, осмѣленная рѣшительнымъ тономъ Германа, смѣлѣе видя въ неизбѣримомъ горизонтѣ, разстланнаго не-

редь нею, возбуждаемая вольнымъ вѣтромъ, впервые дувшимъ ей въ лицо, отъ всей души и изъ всѣхъ силъ принялась бѣгать по полямъ, то оступаясь въ неровныхъ бороздахъ, то цѣпляясь а вѣтви длинными лентами своего мусселинового платя. Эти неудачи сопровождались громкимъ хохотомъ; нѣтъ веселости, которая была бы откровеннѣе перваго возстанія противъ первыхъ препятствій.

Долго бѣгавъ, прыгавъ, блуждавъ по живымъ изгородямъ, по мшистой опушкѣ лѣса, по травѣ луговъ, весело наступая на мяту и фиалки, то собирая, то бросая цвѣтки маргаритокъ, барвинковъ, наперстниковъ, дѣти очутились около фруктоваго сада, насаженнаго на южномъ скатѣ холма и огороженнаго высокимъ палисадомъ.

— О, какія прекрасныя вишни! вскричала Нелида, бросая жадный взглядъ на ягоды, рдѣвшія на деревѣ, которое стояло недалеко отъ дороги, но до котораго, какъ ей казалось, нельзя было достигнуть.

— Хочешь ихъ? спросилъ Германъ, привычнымъ глазомъ успѣвшею уже отыскать мѣсто, гдѣ колья были не такъ плотно вставлены. Послѣ многихъ несчастныхъ попытокъ, ободравъ себѣ до крови руки и колѣни, онъ успѣлъ пролѣзть въ садъ. Въ одно мгновеніе взобрался онъ на вишню, сломилъ осыпанную ягодами вѣтку, и перепрыгнулъ черезъ заборъ.— Уйдемъ, вскричалъ Германъ, хватая за руку оробѣвшую Нелиду: — дядя Жирдъ меня и дѣлъ; этотъ старый брюзга побѣжитъ за нами. И, кинувшись съ быстротою серны, испуганной стаей гончихъ, онъ увлекъ за собою дѣвочку; меньше чѣмъ въ десять минутъ, не оглядываясь даже, нѣтъ ли за нимъ погони, добѣжалъ до берега, толкнувъ Нелиду въ лодку, самъ прыгнулъ за нею, сильнымъ ударомъ ноги оттолкнулъ челнокъ далеко отъ берега, налегъ на весла и вскорѣ былъ уже въ значительномъ разстояніи отъ берега, посреди тростниковъ и водяныхъ лилій. Лишь тутъ дѣти рѣшились посмотреть назадъ. Дядя Жирдъ только-что подходилъ къ берегу, запыхавшись, раскраснѣвшись, съ лицомъ облитымъ потомъ. Грубымъ голосомъ, сжимая кулаки, посылалъ онъ угрозы и ругательства наглому злодѣю, осмѣлившемуся въ его же глазахъ красть его лучшія вишни. Нелида заплакала.— Ышь свои вишни! сказалъ ей Германъ повелительнымъ голосомъ, которому она невольно подчинилась, уронивъ слезинку на полузрѣлую ягоду.

— Напрасно я желала этихъ вишенъ, тихо сказала она: — рвать дурно.

— Теперь ты станешь читать мнѣ проповѣдь? Ышь вишни и плачь, а то дядя Жирдъ подумаетъ, что мы его боимся.

Успокоившись бесполезными криками и видя, что маленькій ягодій не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, дядя Жирдъ ушелъ съ берега, клянясь, что будетъ жаловаться полевому стражу. Перепуганная Нелида возвратилась въ замокъ, гдѣ ее строго побранили за плохое состояніе ея туалета. Мать Германа, г-жа Ренъ,

жившая въ небольшомъ домикѣ въ деревнѣ, успокоила сварливаго сосѣда небольшимъ количествомъ денегъ и множествомъ ласковыхъ словъ. Что жъ касается до Германа, то, вмѣсто всякаго извиненія, отъ него могли добиться только слѣдующихъ словъ, сказанныхъ гордо и презрительно: «Онѣ вовсе не были такъ хороши, эти вишни! къ-тому же, я нарвалъ ихъ не для себя.»

I.

Прошло четыре года. Нелида поступила въ монастырь Аннонсіады, чтобъ приготовиться тамъ къ первому причащенію, которое отлагали годъ отъ года, опасаясь за ея постоянно-слабое здоровье. Она должна была остаться въ пансіонѣ, которымъ управляли монахини Аннонсіады, до восемнадцати лѣтъ; въ эти лѣта заранѣе рѣшено было выдать-ее замужъ. Виконтесса Геспель была совершенно поработана принятыми въ свѣтѣ понятіями. Въ бракѣ видѣла она устройство, дававшее женщинѣ положеніе въ обществѣ; женитьба, въ ея глазахъ, была сдѣлкою болѣе или менѣе выгодною, шансы которой слѣдовало разсчитать съ перомъ въ рукѣ, въ конторѣ нотариуса. Основательно предполагая, что дѣвица Тѣлле, наследница значительнаго состоянія, сдѣлается предметомъ поклоненій со стороны выгоднѣйшихъ жениховъ, лишь-только объявится о намѣреніи выдать ее замужъ, она заключила, что ей можно избавить себя на нѣсколько зимъ отъ обязанности вывозить ее на балы, куда она еще съ большимъ удовольствіемъ ѣздила на собственный свой счетъ. Нелида не знала ея намѣреній; но еслибъ и знала, они не произвели бы на нее никакого дѣйствія: она была отъ природы кротка и покорна, привыкла инстинктивно уважать тѣтку и еще ни разу не отдавала себѣ отчета ни въ мнѣніяхъ своихъ, ни въ желаніяхъ. Она вступила въ монастырь безъ отвращенія и вскорѣ, не смѣя сама въ томъ сознаться, почувствовала себя счастливѣе, нежели въ домѣ своей тѣтки.

Въ образѣ жизни религіозныхъ общинъ есть какая-то прелесть, влекущая и обольщающая людей съ живымъ воображеніемъ. Эти различныя существованія, слитыя въ одно, этотъ невидимый уставъ, которому все подчиняется, безмолвіе на всѣхъ устахъ, покорность, это безмолвіе воли во всѣхъ сердцахъ; молодыя женщины, покрытыя трауромъ, сладостными голосами поющія погребальныя пѣсни; мощные звуки органа, гудящіе подъ робкими руками; религіозныя строгости, прикрытыя трогательною граціей; какое-то невыразимое смѣшеніе веселья и печали, смиренія и восторженности, видное на лицахъ меланхолически-кроткихъ, — все это плѣняетъ потрясенныя чувства и невольно овладѣваетъ сердцемъ. Нелида болѣе, нежели всякая другая женщина, должна была съ восхищеніемъ подойти къ этому источнику чистой поэзіи монастырской жизни. Она была одарена вѣжной организа-

цией; душа ея была полна вѣры и расположена къ мистическимъ мечтаніямъ. Нѣкогда, въ прекрасный солнечный день, робкое дитя, бѣлое, какъ водяная линія, и гибкое, какъ тростникъ, росшій въ прудѣ виконтессы Геснель, болтливая бунтовщица, бѣгавшая безъ стыда и застѣнчивости съ мальчикомъ по полямъ, она теперь стала тихой и серьезной дѣвицей не совсѣмъ-обыкновенной красоты: во весеннія розы не развернулись на ея щекахъ; задумчивыя уста ея не полурастворились довѣрчивой улыбкой юности; походка ея медленна; въ голосѣ дрожать слезы; изъ-подъ вѣкъ, тихо поднимающихся, смотреть томные взоры, кажется, полные предчувствія и умоляющіе судьбу о помилованіи; можно сказать, что все въ ней было предвѣстіемъ страданія.

Угадавъ, съ пронизательностью женщины и монахини, сколько нѣжкою воспринчивости таилось въ кроткомъ созданіи, которое ей было ввѣрено, начальница монастыря приняла ее подъ свое особенное попеченіе, и вмѣсто того, чтобъ помѣстить въ дортуаракъ, приказала приготовить для нея особую келью рядомъ съ своею; келью эту, по ея приказанію, убрали съ особеннымъ стараніемъ. Кровать краснаго дерева была закрыта кисейными занавѣсками; небольшой коверъ, правда, очень-тонкій и узкій, изъ опасенія соблазна для прочихъ сестеръ, непривычныхъ къ подобной роскоши, былъ постланъ около кровати, чтобъ молодая дѣвушка могла становиться на него утромъ и вечеромъ, не касаясь холодной плиты; въ изголовье начальница сама повѣсила расшитіе драгоценной работы; насупротивъ его голая стѣна украсилась гравюрою Пречистой Дѣвы, съ древняго мастера; и—вещь неслыханная въ строгой монастырской жизни,—настоятельница велѣла принести изъ сада и повѣсить надъ образомъ двѣ вѣтки бѣлаго вереска, приказавъ перемѣнять ихъ, лишь-только онѣ завянутъ. Туалетъ съ зеркаломъ и два стула изъ фиговаго дерева дополняли убранство кельи; единственное окно ея отворялось въ рощу изъ цвѣтущихъ липъ, откуда летѣли сладостные ароматы.

Настоятельница приходила сюда почти каждый день, по окончаніи вечерней службы, садилась на постель къ Нелидѣ, уже ложившейся спать, и разговаривала съ нею то о приближавшемся причащеніи, то объ опасностяхъ свѣта, гдѣ будетъ жить она, то, наконецъ, о книгахъ, которыя она читала, и которыхъ символы и тайный смыслъ она объясняла ей съ рѣдкой возвышенностью мысли и съ необыкновеннымъ даромъ убѣжденія и краснорѣчія. Съ каждымъ днемъ настоятельница больше и больше нравилась ей пансіонерка, которая, съ своей стороны, страстно къ ней привязалась. Мать-Елизавета, такъ ее звали, имѣла въ свѣтѣ знаменитое имя и подъ смиренной шерстяной рясой еще легко было увидѣть въ ней привычку къ тому невольному нравственному вліянію, которое даютъ женщинамъ высокое рожденіе и красота. Впрочемъ, она не была красива, хотя ей было едва тридцать лѣтъ; она страдала. Овалъ лица ея былъ бы совершенно-правильный, еслибъ не-

чаль не вдавила щеки ея; прямой и правильный носъ, тонкія очертанія поблѣднѣвшихъ губъ, напоминали въ ней благороднѣйшія произведенія ваянія; но ея черные, пламенные и сухіе глаза впали, а лобъ былъ исчерченъ морщинами, странно сжимавшимися при малѣйшемъ пасмурномъ движеніи ея черныхъ бровей; все въ ней носило слѣды страшной борьбы страстей, скорѣе подавленныхъ, нежели погасшихъ. Еслибъ вы видѣли, какъ она шла на хоры, высокая и нѣсколько сторбленная подъ длиннымъ чернымъ покрываломъ, съ серебрянымъ крестомъ, блиставшимъ на груди ея, душею вашею овладѣло бы чувство, полное уваженія, изумленія, любопытства и страха; въ ней была какая-то тайная сила, въ одно и то же время привлекавшая и отталкивавшая; казалось, она таила въ себѣ великое призваніе, подавленное судьбою.

Однажды вечеромъ, обойдя позже обыкновеннаго дортуары, она замѣтила огонь въ комнатѣ Нелиды. Раздраженная такимъ ослушаніемъ и злоупотребленіемъ ея снисходительности, начальница быстро вошла къ Нелидѣ, чтобъ сдѣлать ей на этотъ разъ строгій выговоръ за нарушеніе приказанія, которымъ запрещалось сидѣть oltre положеннаго часа; но гнѣвъ ея утихъ при неожиданномъ зрѣищѣ. Нелида въ шлафрокѣ стояла на колѣняхъ передъ распятіемъ, съ сложенными на груди руками, поднимъ глаза къ небу и облиаясь слезами.

— Что съ тобою? вскричала мать-Елизавета въ безпокойствѣ:— чемъ ты плачешь? Нѣтъ ли у тебя какого-нибудь горя? Не скрываетъ ли ты чего-нибудь отъ меня?

— Ничего, матушка, отвѣчала молодая дѣвушка, вставая и пододя къ ней съ потупленными глазами.

— Но эти слезы, эти молитвы такъ поздно ночью?

— Миѣ грустно, матушка, продолжала она:— миѣ очень-грустно.

— Зачѣмъ же ты не сказала миѣ этого прежде? Зачѣмъ не открыла миѣ своей печали?

Настоятельница сѣла около ея постели. Нелида помѣстилась у ея въ ногахъ, и, взявъ ея руку, приложила къ ней горячія губы.

— Развѣ ты грустишь о томъ, что живешь здѣсь? продолжала мать-Елизавета, видя, что молодая дѣвушка молчитъ.

— Можете ли вы это думать? Напротивъ, я только того и опасуюсь, что меня возьмутъ отсюда слишкомъ-рано. Свѣтъ страшитъ ея; при мысли о томъ, что миѣ должно будетъ вступить въ него, я чувствую какое-то непонятное безпокойство; миѣ кажется, то я непременно оскорблю въ немъ Бога и погублю свою душу. Нѣтъ безпрерывно слышится внутренней голосъ, который говоритъ, что я должна умереть... умереть или... но я не смѣю продолжать...

— Говори, дитя мое, сказала настоятельница, сжимая руку Нелиды своей исхудавшей рукою.

— Или, матушка, я должна никогда не разставаться съ вами, никогда не видѣть свѣта; постричься...

— Избави тебя Богъ отъ этого! вскричала настоятельница дрожащимъ голосомъ.

Нелида посмотрѣла на нее съ удивленіемъ.

— Такъ вы думаете, что я недостойна...

— Дитя, продолжала мать-Елизавета, не давая ей времени окончить фразу:—ты не знаешь, что такое жизнь монахини! И она развернула передъ молодой дѣвушкой, жадно ловившей слова ея, столь-грустную, безотрадную, патетическую, глубоко-вѣрную картину монастырской жизни, ея однообразія, докучливости, ея неизбежныхъ мелочей, что молодая дѣвушка затрепетала, и у ней вырвался вопросъ самый естественный, о которомъ, безъ сомнѣнія, настоятельница не подумала:—такъ вы очень-несчастливы, матушка!

Мать-Елизавета дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Я такова, какъ угодно Богу, отвѣчала она, быстро вставая:—что до этого! Но, дитя мое, глупо съ моей стороны мѣшать тебѣ спать; воображеніе твое воспламеняется, тѣло слабѣетъ; ты бредишь. Завтра тебѣ надобно будетъ повидаться съ отцомъ Эмери и покориться больше прежняго его совѣтамъ. Это человекъ мудрый и благоразумный; онъ скорѣй меня можетъ дать тебѣ полезный совѣтъ и возвратить миръ въ твою встревоженную душу.

Сказавъ это, мать-Елизавета отправилась къ двери, сдѣлавъ знакъ Нелидѣ, чтобъ она за ней не слѣдовала.

Ни та, ни другая не могли заснуть ни на минуту въ-продолженіе ночи.

II.

Въ пять часовъ утра настоятельница ждала отца Эмери въ скрестіи. Это была очень-низкая комната, болѣе-длинная, нежели широкая, и сырая въ самое жаркое время лѣта, потому-что находилась ниже поверхности земли. Высокое и узкое окно разливало по ней сквозь оранжевыя стекла свои странный и неправильный свѣтъ; противъ окна, на черномъ сукнѣ, вставленномъ въ раму буковаго дерева, висѣло распятіе изъ пожелтѣвшей отъ времени кости; два огромные сундука изъ стараго дерева, источеннаго червями, занимали оба боковые простѣйки; въ одномъ хранились церковныя принадлежности: покровы, канделябры, сосуды, различныя украшенія: въ другомъ помѣщалась ризница. Открытая исповѣдальня, состоявшая изъ еловой доски, въ которую вставлена рѣшетка, предназначенная для исповѣди постороннихъ, привлекаемыхъ въ монастырь славою отца Эмери. Малой святаго отца, кресло и нѣсколько шитыхъ стульевъ довершали убранство этой грустной комнаты. Настоятельница, искрестивъ ее нѣсколько разъ во всѣхъ направленіяхъ, и наконецъ сѣла въ кресла. Она казалась въ большомъ безпокойствѣ и время-отъ-времени взглядывала на вѣншию дверь, которая и

отворялась. Всю ночь она думала о Нелидѣ; она упрекала себя въ томъ, что отсвѣтовала ей постричься. Это стремленіе, которое, казалось, чувствовала въ себѣ молодая дѣвушка и котораго опрометчивость она выказала ей съ такою горячностью, представлялось ей теперь совершенно въ другомъ свѣтѣ. Эгоистическія мысли не предстаютъ благороднымъ душамъ прямо: онѣ идутъ далекими обходами, и чтобъ обмануть ихъ, убираютъ себя тысячью ложныхъ предлоговъ. Точно такъ первымъ движеніемъ матери—Елизаветы было подавить всѣми силами восторженность Нелиды; поразмысливъ, она почувствовала въ сердцѣ сильное желаніе сохранить возлѣ себя любимую ею дѣвушку. Мысль, что въ ея бесплодной жизни будетъ при ней существо прелестное и чувствительное, что она можетъ, наконецъ, кому-нибудь вѣтриться, кому-нибудь сообщать свои мысли, производила въ пей внутреннее содроганіе, котораго она не могла превозмочь. Ей такъ надоѣла ея странная власть! ей такъ надоѣло повелѣвать стадомъ женщинъ, изъ которыхъ многія перемѣнили пальцы на четки, романсъ на псаломъ, даже не замѣтивъ въ томъ никакой разницы, а у другихъ всей дѣятельности души доставало въ обрѣзъ на столько, чтобъ сѣять въ монастырѣ мелкія страсти, пустыя интриги и ссоры! Она задыхалась отъ принужденнаго безмолвія, подъ которымъ таилась ея энергическія мысли. Мать—Елизавета принадлежала къ числу женщинъ, которыя править государствомъ не сочли бы слишкомъ—тяжелымъ для себя бременемъ. Способности ея были созданы для дѣлъ, характеръ для власти. Вдали отъ того и другаго, несчастная женщина была принуждена то спорить о времени постриженія бѣлицы, то назначать порядокъ религіозной процессіи по монастырскому саду, или дѣлать выговоры молодымъ монахинямъ за разговоры въ церкви. Потому—то она жадно кинулась на встрѣчу надеждѣ, внезапно—мелькнувшей на ея горизонтѣ; и чтобъ извинить свой поступокъ въ собственныхъ глазахъ (надежнымъ людямъ, никогда нерѣшающимся оправдываться передъ другими, всегда нужно заставить молчать своего внутренняго судью), она говорила самой себѣ, что бываютъ же примѣры истиннаго призванія; что Нелида по природѣ своей, кажется, предназначена сильно страдать въ мірѣ; что у ней не будетъ довольно силы, чтобъ превозмочь труды и волненія дѣйствительной жизни и что однообразіе монастыря менѣе противорѣчитъ наклонностямъ ея мечтательной души, нежели разнообразныя и пустыя удовольствія нашего вѣка.

Пока она разсуждала такимъ образомъ, какъ обыкновенно случается, болѣе и болѣе укрѣпляясь въ эгоизмѣ своей тайной мысли, дверь тихо отворилась, и отецъ—Эмери вошелъ въ сакрестію.

— Вы опоздали, батюшка, сказала ему настоятельница, едва привставая съ креселъ.

— Теперь половина шестаго, сестра, а я служу обѣдню только въ шесть; отвѣчалъ онъ, вынимая часы.

Мать-Елизавета замолчала; въ нетерпѣніи, время показалось ей слишкомъ-долгимъ, между-тѣмъ, какъ отецъ-Эмери былъ аккуратенъ, какъ маятникъ.

— Нѣтъ ли чего новаго въ монастырѣ? продолжалъ онъ, складывая верхнюю шелковую рясу чернаго цвѣта, которую онъ бережно повѣсилъ на спинку стула, и отворилъ ризницу, чтобъ достать себѣ стихарь.

— Въ монастырѣ ничего; но у насъ въ пансіонѣ есть воспитанница, которая хочетъ посвятить себя Богу...

— Которая? прервалъ отецъ-Эмери, поднимая на нее свои сѣрые, пронизательные глаза.

— Дѣвица Тѣлле.

— Нелида Тѣлле? Это невозможно.

— Призваніе ея мнѣ кажется истиннымъ, сказала игуменья, смягчая голосъ, который становился, когда она хотѣла, до того вкрадчивымъ, что въ прежнее время, вѣроятно, никто не могъ ему противиться:—Нелида дѣвушка разсудительная, гораздо-выше своихъ лѣтъ по уму и такой прямоты душевной, что нельзя сомнѣваться въ чистотѣ ея желанія.

— Я не говорю, что она не чувствуетъ призванія; я говорю, что мы не должны допускать ее до этого, продолжалъ священникъ болѣе-сухимъ тономъ.

— Но, отецъ мой, сказала мать-Елизавета, мало-по-малу разгораясь: — вы не думаете о томъ, какое это будетъ драгоценное приобрѣтеніе для церкви, въ-особенности для нашего ордена...

— Мы дѣлаемъ слишкомъ-много этихъ приобрѣтеній, отвѣчалъ священникъ, надѣвъ между-тѣмъ свой стихарь и отиѣчая прологъ и эктению въ служебникѣ; вы знаете, что наши враги обвиняютъ насъ въ томъ, будто мы обманомъ склоняемъ ко вступленію въ иночество; говорятъ, что мы привлекаемъ къ себѣ богатыхъ наслѣдницъ, что мы ловимъ ихъ; я, кажется, слышу еще, что толковали въ то время, какъ вы приняли постриженіе. Нѣтъ, у дѣвицы Тѣлле большое состояніе; всѣ знаютъ, что вы обращались съ ней особенно-внимательно; этого довольно, чтобъ породить клевету; все это раздражаетъ противъ насъ; мы живемъ въ тяжелыя времена; надобно оставить дѣвицу Тѣлле въ мирѣ: тамъ она будетъ намъ гораздо-полезнѣе, чѣмъ здѣсь.

— Но, прервала его игуменья, блѣднѣя отъ злости, такъ мало ожидала она встрѣтить противорѣчіе: — если мы ее отвергнемъ, она пострижется въ другомъ мѣстѣ; она сдѣлается августинкою, кармелиткою, Богъ-знаетъ чѣмъ еще...

— Это невѣроятно; впрочемъ; что мнѣ до этого за дѣло! повторяю вамъ: нехорошо будетъ, если она у насъ пострижется.

— Но, отецъ мой, сказала игуменья, возвышая голосъ и будучи не въ силахъ болѣе удерживаться:—мнѣ кажется, дѣло не въ томъ, угодно ли это вамъ, но угодно ли Богу.

Отец—Эмери поднялъ глаза, опущенные въ книгу, и окинулъ настоятельница долгимъ взглядомъ, въ которомъ видѣлось какое-то презрительное состраданіе.

— Васъ увлекаетъ, сударыня, рвеніе къ дому Господа, сказавъ онъ наконецъ съ нѣкоторой пропіею. — Берегитесь; у васъ сильныя страсти; вы еще слишкомъ-мало привыкли уважать чужія мнѣнія.

— Я не привыкла признавать воли выше воли Божіей, отвѣчала игуменья внѣ себя.

— Вамъ все еще кажется, что вы въ домѣ господина герцога, вашего батюшки, продолжалъ священникъ, по-видимому неслышавшій возраженія:—что вы окружены многочисленными рабами...

— Ради Бога, вскричала игуменья, выпрямляясь какъ эхидна, на которую наступили: — не смѣйтесь надо мною; не доводите меня вѣчно до крайности; вы не знаете, на что я способна.

Отец—Эмери посмотрѣлъ на нее съ убійственнымъ хладнокровіемъ.

— Вамъ нужно спокойствіе, сестра моя, продолжалъ онъ болѣе-кроткимъ голосомъ:—вы, кажется, дурно провели ночь. Пришлите ко мнѣ эту дѣвочку послѣ обѣди и потрудитесь сказать, чтобъ благовѣстили; скоро шесть часовъ.

Мать—Елизавета вышла молча, кинувъ на священника взоръ, горѣвшій ненавистью.

III.

Отец—Эмери былъ столько проникателенъ, что тотчасъ понялъ изъ словъ Неллиды, что ея безпокойство, задумчивость и мнимое желаніе посвятить себя Богу происходятъ отъ смутнаго пробужденія юности въ дѣвственной натурѣ, отъ неопредѣленной потребности любви, искавшей себѣ предмета, и отъ какой-то умственной жажды, которая, можетъ-быть, не была утоляема сколько слѣдовало. Онъ ускорилъ время первой ея исповѣди, справедливо полагая, что это божественное успокоеніе души утишитъ по-крайней-мѣрѣ на время безпокойство чувствъ; а выиграть время значило для него все выиграть. Онъ полагалъ, что если однажды дѣвица Тьёлле воротится въ родительскій домъ, то ни онъ, ни его орденъ не могутъ больше отвѣчать за нее: тогда имъ нельзя будетъ приписывать крайностей, въ которыя Неллида могла быть неизбежно увлечена своимъ романтическимъ воображеніемъ. Онъ потребовалъ, чтобъ она больше прежняго принимала участіе въ общей жизни пансіонерокъ. Всегда покорная и, сверхъ-того, лишась съ нѣкотораго времени бесѣды настоятельница, неприходившей больше въ ея келью, дѣвица Тьёлле перестала пользоваться предоставленными ей привилегіями и подчинилась общимъ правиламъ.

Однажды утромъ, послѣ окончанія уроковъ, замедлявъ немного въ

классъ, она собиралась; идти въ садъ къ другимъ воспитанницамъ и отыскивала глазами мѣсто, гдѣ собралась ея подруга, какъ вдругъ слухъ ея пораженъ былъ громкимъ смѣхомъ, посреди котораго, показалось ей, слышался жалобный голосъ. Любопытствуя узнать причину такой шумной веселости, она подошла къ длинной аллѣ, перерѣзанной на двое купою липъ, и въ концѣ ея увидѣла сцену, привлекающую все ея вниманіе. Посреди дѣвицъ, одѣтыхъ въ черныя форменныя платья, была привязана къ дереву молодая дѣвушка, увѣшанная разноцвѣтными тряпками. Необыкновенное убранство и странныя движенія бѣдной мученицы, ея жалобные крики производили въ подругахъ ея выраженія удовольствія, ежеминутно возобновлявшіяся. Еще не понимая, въ чемъ состоитъ эта жестокая забава, но видя издали живыя движенія воспитанницъ и ихъ прыганье вокругъ дерева, Нелида спросила у одной дѣвочки, бѣжавшей мимо ея:

— Что это значитъ?

— Тсс! отвѣчала она, остановившись на минуту: — не измѣни намъ; надзирательницу позвали въ пріемную; на ея мѣсто никто не пришелъ, и мы пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ повеселиться чудеснымъ образомъ. Я бѣгу въ гардеробъ еще за нѣсколькими платьями; мы одѣли Клодину царицею Сабою; она плачетъ, вотъ — прелесть! она никогда не бывала такъ смѣшна; сперва она хотѣла вырваться, но у ней не достало силы и мы крѣпко привязали ее къ большой липѣ; теперь мы подносимъ ей букеты чертополоха и поемъ ей въ честь гимны. — И пансіонерка, уходя, запѣла: *Мистическій бекасъ, крулый прыжокъ, царица дураковъ...*»

Возмущенная такимъ кощунствомъ и полная состраданія къ несчастной жертвѣ этихъ злыхъ дѣтей, Нелида ускорила шаги и вскорѣ подошла къ веселой толпѣ, которая внезапно замолкла при ея приближеніи. Въ пансіонѣ питали какое-то невольное уваженіе къ дѣвицѣ Тьелле.

— Право, mesdemoiselles, сказала она, обращаясь къ обѣтѣшимъ плясуньямъ: — вы набрали себѣ занятіе, которое вовсе не дѣлаетъ вамъ чести.

Никто не отвѣчалъ ни слова; это забавлялись взрослая, пятнадцати и шестнадцатилѣтнія дѣвушки. Нелида подошла къ несчастной Клодинѣ, не безъ труда распутала веревки, которыми она была привязана, оборвала покрывавшіе ее лоскутья, и, взявъ ее подъ руку, увела съ собою, объявивъ, что если еще разъ случится что-нибудь подобное, то хотя ей очень-непріятно быть доносицею, но она расскажетъ обо всемъ настоятельницамъ и отцу-директору. Всеобщее молчаніе было единственнымъ отвѣтомъ пансіонерокъ.

Когда онѣ немного удалились, дѣвушка, забавленная Нелидой отъ этого жестокаго посмѣшища, вдругъ остановилась, кинулась въ ноги, обняла ея колѣни и залилась слезами. Клодина де-Мон-

клеръ, съ самаго своего вступленія въ монастырь, была любимую игрушкою воспитанницъ. Это было кроткое дитя, почти тупое. Десяти лѣтъ отъ роду, у ней было воспаленіе въ мозгу, отъ котораго ее вылечили только самыми сильными средствами; но съ того времени она осталась въ состояніи тупоумія, изъ котораго еще ничто не могло ее вывести. Родители отдали ее въ монастырь, ожидая, что перемѣна мѣста и вліяніе общества сверстницъ будутъ имѣть благоприятное дѣйствіе на ея умственныя способности; но болѣзнь ея только увеличилась; сдѣлавшись предметомъ злыхъ шутокъ подругъ, находившихъ удовольствіе въ томъ, чтобъ увеличивать смятеніе ея бѣднаго разсудка, запуганная, забитая, она съ каждымъ днемъ становилась менѣе и менѣе способною мыслить, и послѣдній лучъ смысла вскорѣ погасъ бы въ ней, еслибъ, какъ мы видѣли, Нелида не освободила ея отъ преслѣдованій и не объявила себя ея покровительницею.

Трудно описать восторги Клодины и странныя изъявленія ея признательности. Чѣмъ тупѣе былъ ея разумъ, тѣмъ, казалось, было способнѣе къ преданности сердце. Она привязалась къ Нелидѣ какъ вѣрная собака; она слѣдовала за нею всюду, не спускала съ нея глазъ, подсматривала ея малѣйшія движенія и гордилась тѣмъ, что услуживала ей какъ рабыня. Однажды, во время процессіи святыхъ тайнъ, замѣтивъ, что подъ ноги священника кидали розы, она вообразила, что въ этомъ состоитъ самое большое доказательство уваженія къ тѣмъ, кого мы любимъ, и съ этого времени Нелида не дѣлала шагу по саду, чтобъ Клодина, вооружаясь огромнымъ букетомъ, который ежедневно присылали ей родители, всячески старавшіеся угодить ей, не кидала подъ ноги своей благодѣтельницы жасминовъ, туберозъ, анютиныхъ глазокъ, лучшихъ цвѣтовъ, какіе только можно было достать въ то время года, и приходила въ восторгъ отъ удовольствія, если Нелида неволью улыбалась.

Мало-по-малу, разговаривая съ Клодиною, какъ-будто та могла во всемъ понимать ее, дѣвица Тѣлле замѣтила, что бѣдный, потерянный разсудокъ ея какъ-будто останавливается и старается узнать самого-себя. Клодина всегда обнаруживала сильную наклонность къ музыкѣ. Голосъ ея былъ вѣренъ и свѣжъ; не могли запомнить ничего другаго, она удерживала въ памяти и пѣла съ поразительною вѣрностію аріи, которыя слышала всего одинъ разъ. Нелида дала себѣ слово проложить для этого слабаго разсудка нечувствительные спуски, цвѣтушія дороги, гдѣ бы мысль ея не встрѣчала препятствій; она увеличила число музыкальныхъ уроковъ, постаралась помѣстить Клодину въ хоръ церковныхъ пѣвчихъ и съ намереніемъ льстила ея самолюбію преувеличенными похвалами. Въ какихъ-нибудь шесть мѣсяцевъ Нелида достигла изумительныхъ успѣховъ и уже надѣялась совершенно возвратитъ разсудокъ своей бѣдной простачкѣ, какъ настало время, когда она должна была отказать отъ этого добраго дѣла, покинуть монастырь и войти въ

жизнь неизвѣстную, страшную, гдѣ ей самой такъ нужны были путеводитель и подпора.

IV.

Небо было сѣро, воздухъ душень. Уже прошло восемь дней, какъ дѣвица Тьѣлле распрошалась съ своими подругами: слѣдуя монастырскому обычаю, она заперлась въ своей комнатѣ и не выдалась ни съ кѣмъ, кромѣ отца—Эмери. Виконтесса Геснель не знавала дня, въ который она должна была прѣѣхать за своей имянищей; но знали, что она будетъ скоро. Сѣвъ на окно своей келли, Нелида задумчиво бродила глазами то по недвижной массѣ листвъ, листья которыхъ, подавленные душной атмосферой, предвѣстующей бурѣ, были опущены къ землѣ, то по собиравшимся на небѣ тучамъ, то останавливала ихъ на Клодинѣ, ходившей вездѣ впередъ по аллеѣ, усаженной цвѣтущими розами, съ тетрадкой въ рукахъ, и громко повторявшей стихи, которые она старалась выучить къ экзамену. Проходя подъ окномъ Нелиды, она всякій разъ останавливалась, грустно глядя на нее и посылая ей поцалуй. Дѣвица Тьѣлле улыбалась и снова впадала въ задумчивость. Вдругъ она трепетала, услышавъ стукъ кареты по мостовой монастырскаго двора и ударъ упавшей подножки. Она была увѣрена, что прѣѣхала виконтесса. Въ-самомъ-дѣлѣ, спустя двѣ минуты, ей сказали, что настоятельница ожидаетъ ее въ большой пріемной. Нелида машинально взяла шляпку и шаль, спустилась съ лѣстницы и, едва держась на ногахъ, пошла по корридорамъ; глаза ея были полны слезами, едва не сдѣлалось дурно, когда провожавшая ее монахиня открыла дверь въ пріемную, и она увидѣла передъ собой тѣтку и сестру Елизавету. Виконтесса подошла обнять ее, но настоятельница встала между ними, взяла Нелиду за руку и съ выраженіемъ великаго сожалѣнія подвела трепетавшую дѣвушку къ подножію распятія, освѣщаемаго даже эту свѣтскую комнату; тутъ, ставъ рядомъ съ ней на лѣвни, она сказала твердымъ, но глубоко-измѣнившимся голосомъ: — Помолитесь, помолитесь вмѣстѣ, можетъ-быть, въ послѣдній разъ попросимъ у Бога, дая мое, чтобъ, покинувъ это святое убѣжище, ты не перестала чтить его закона и быть вѣрною его божественной любви. Ты вступаешь въ свѣтъ, гдѣ часто оскорбляютъ тотъ и другую. Дай Богъ, чтобъ ты всегда осталась тѣмъ, что ты теперь, Нелида: существомъ чистымъ, наполненнымъ добрыми помыслами. Прими, въ эту слишкомъ-грустную для тебя минуту, собравъ всѣ силы души твоей, благословеніе Господа, которое я призываю на тебя и на твою будущую жизнь.

Игуменя встала, потомъ усталымъ движеніемъ, въ которомъ было какое-то грустное величіе, простерла свою дрожащую руку надъ Нелидой, утопавшей въ слезахъ, и благословила ее во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

— Право, говорила виконтесса, кидаясь въ модную карету, ожидавшую ее у крыльца:—эти монахини странныя женщины. Какъ будто ты будешь жить между безбожниками! Благодаря Бога, нѣтъ: я считаю себя такой же доброй христіанкой и желала бы знать, кто аккуратнѣе меня ѣздитъ въ церковь.

Нелида была задумчива. Карета остановилась у внѣшнихъ, рѣшотчатыхъ воротъ, медленно поворачивавшихся на петляхъ. Въ точка бѣлаго вереска, только-что сорванная, упала на подушки. «Клодина!» вскричала Нелида, кидаясь къ дверцамъ. Въ эту минуту, нетерпѣливыя лошади бросились вонъ изъ воротъ и понеслись по дорогѣ къ отелю Геспель.

— Да, дитя мое, сказала виконтесса, незамѣтившая происходившаго, такъ внимательно смотрѣла она, какъ ея лошади играли подъ рукою кучера:—это очень-хорошо, очень было прилично съ твоей стороны показать настоятельница сколько-нибудь грусти при разставаньи съ нею, но теперь тебѣ можно быть веселѣе. Я приказала приготовить тебѣ восхитительную комнату; у тебя будетъ горничная для тебя одной; у меня ждуть швен, чтобъ снять съ тебя мѣрку и приготовить тебѣ какъ-можно-скорѣе полное приданое, потому-что я съ нетерпѣніемъ ожидаю, когда ты скинешь это черное платье. Черезъ недѣлю, я повезу тебя на балъ къ жель австрійскаго посланника. Развеселись же, мой другъ; для тебя начинаются прекрасные годы.

Виконтесса Геспель, какъ всѣ ограниченныя люди, была убѣждена, что все, ее занимавшее, имѣло интересъ и для другихъ и никогда не замѣчала невниманія своихъ слушателей; на этотъ разъ также она не видала, чего почти нельзя было не видеть, что хѣвица Тѣлле, въ глубокой печали, едва слышала звуки словъ ея, и рѣшительно была не въ состоянii сказать, что они значили. Карета остановилась у подъѣзда отели Геспель. Лакеи въ парадныхъ дивреяхъ собрались, чтобъ принять свою молодую госпожу; виконтесса и Нелида прошли сквозь эту многочисленную шереугу, юднались по лѣстницѣ, устланной ковромъ и уставленной кустарниками, и г-жа Геспель, спѣшившая насладиться изумленіемъ своею племянницы, ввела ее въ назначенную ей комнату. Эта комната образовала восьмиугольникъ, обтянутый прозрачнымъ газомъ, который подложенъ былъ матеріею розоваго цвѣта и не хватченъ жолудами, кистями, галунами и другими украшеніями огнѣ нежали спорнаго достоинства въ-отношеніи къ вкусу. Огромное трюмб, обремененное позолотой, занимало главную панель. Диванъ и кресла изъ бѣлаго атласа, усыпаннаго выпуклыми букетами розъ, показались виконтессѣ такую удивительной прелестью, которая должна была очаровать взоры. Горчостаевый ѣхъ, кинутый около розовой постели, этажерки, уставленной арфоромъ, кристаллами и другими игрушками всякаго рода, окончательно придавали этой комнатѣ что-то кокетливое и цѣтанутое, могшее понравиться серьезной Нелидѣ.

Всегда, хотя часто и безъ нашего вѣдома, устанавливается какое-то отношеніе между внѣшними предметами и самымъ внутреннимъ существомъ нашимъ. Линія, форма, цвѣтъ, звукъ, запахъ, свѣтъ и тѣнь—это ноты таинственной гармоніи, дѣйствующей на душу, то успокоивающіе ее и доставляющіе ей удовольствіе, когда эта гармонія сходится, какъ вѣрный аккомпаньеманъ съ внутренней мелодіей нашихъ чувствъ и мыслей; то тревожащіе ее и раздражающіе, когда происходитъ разногласіе и борьба между той и другою. Неллида была весьма-непріятно поражена всей этой неумѣстной роскошью; но, видя навивную радость тѣтки и ея нѣжную заботливость, она старалась быть ей признательною и пробормотала нѣсколько выражений благодарности, которыхъ неловкость была отнесена виконтессой къ чрезмѣрному удивленію, весьма-понятному въ монастырѣ.

Конецъ этого дня и нѣсколько слѣдующихъ были употреблены на поѣздки въ магазины и покупки бархата, лентъ, кружевъ. Г-жа Геспель регулярно каждое утро ѣздила по моднымъ улицамъ даже безъ намѣренія что-либо купить тамъ; она любила разговаривать съ магазинщицами, оказывавшими ей уваженіе, которое льстило ея самолюбію, и если ей случалось встрѣтить въ магазинѣ кого-нибудь изъ своихъ пріятельницъ, то взаимныя замѣчанія о формѣ мантильи, разборъ шляпки, и т. п. Наканунѣ на какой-нибудь иностранкѣ, до того ожививши разговоръ, что онѣ часто забывали даже объ обѣдѣ, въ этихъ-то встрѣчахъ, среди развернутыхъ матерій, прикинутыхъ головныхъ уборовъ и оглушающей болтовни магазинщицъ, Неллида познакомилась съ дамами Сен-Жерменскаго-Премъстья, и получила первое и неизгладимое впечатлѣніе того эта, въ которомъ ей предназначено было жить. Настала дѣвятилѣтняя Неллида. Не смотря на неудовольствіе тѣтки и настойчивость модницы Тѣлле одѣлась съ строгою простотою. Волосы ея, какъ и модѣ, требовавшей, чтобъ они были курчавы и завиты, были гладкими прядями на лбу. Она упорно отказалась оживить блѣдныя щеки небольшимъ количествомъ румянъ и не имѣла обременять никакимъ ожерельемъ своей нѣжной шеи. Садясь въ карету, замѣтили, что не достаетъ букета у корсажа. Завѣдующая известной цвѣточницѣ: всѣ корзины ея были пусты; виконтесса возбѣсилась и, не смотря на извиненія торговки, сваливавшей вину на мальчика, поступившаго наканунѣ въ ея магазинъ, жала перестать покупать у ней въ магазинѣ, когда Неллида, чтобы успокоить тѣтку, искавшая во всѣхъ углахъ, во все продолженіе этого разговора, какихъ-нибудь цвѣтовъ довольно-свѣжихъ, сдѣлать изъ нихъ кой-какой букетъ, замѣтила въ ведрѣ съ цвѣтами куда въ беспорядкѣ брошены были негодныя растенія, прелесть именуемая фаръ, печально свѣсившій изъ ведра свою поблекшую голову. При этомъ видѣ, давно изгладившееся воспоминаніе воскресло въ ея памяти. Она вспомнила прудъ г-жи Геспель, и лодку, и птичье гнѣздо, и въ особенности заборъ, черезъ который

такъ храбро перелѣзъ ея маленькій деревенскій пріятель. Всѣ эти образы, такъ неожиданно вызванные, чрезвычайно ее растрогали. Она схватила нунуфаръ, вытерла его влажный корень своимъ тонкимъ батистовымъ платкомъ, и, приколовъ его къ поясу, объявила, что она находитъ этотъ цвѣтокъ прелестнымъ и что не выбрала бы себѣ другаго изъ цѣлаго парника съ самыми рѣдкими растениями. Капризъ былъ страненъ, но разбирать было некогда; время уходило. Виконтесса, безъ большого ворчанья, сѣла въ карету, и черезъ десять минутъ вступила съ своей племянницей въ залы посольскаго дома.

Представленіе дѣвицы де-ла-Тьёлле было возвѣщено заранѣе; выѣздъ въ свѣтъ такой богатой наслѣдницы былъ событіемъ, и когда появилась виконтесса, разряженная, разубранная, вся въ перьяхъ, блистая бѣлилами и распухши отъ кружевъ, разговоры прекратились, — каждый замолчалъ, чтобъ лучше разглядѣть новоприбывшую. Восхищенная эффектомъ, который она производила, г-жа Геспель прошла нѣсколько залъ, улыбаясь однимъ, подавая другимъ руку, дѣлая знаки вѣтеромъ, цѣпляясь всѣми своими украшениями за ордена мужчинъ, сопровождаемая Нелидою, блѣдною и серьезною, безъ любопытства и безъ волненія смотрѣвшую на новое для нея зрѣлище блистательнаго праздника.

— Она очень-хороша, говорили многіе мужчины.

— Но безъ всякаго выраженія, замѣтила одна *merveilleuse* на выходѣ.

— Зачѣмъ тѣтка не нарумянила ее немного? прибавила одна красная дама.

— Она издержала на себя всѣ румяна, отвѣчалъ молодой франтъ. — Развѣ вы не замѣчаете, сколько свѣжести и блеска пріобрѣтаетъ виконтесса съ годами; нынѣшней зимою она рѣшительно походить на бенгальскую розу.

Возбуждая на пути своею эти и тому подобныя замѣчанія, виконтесса усѣлась въ танцевальной залѣ. Она поспѣшила познать Нелиду съ нѣсколькими молодыми дѣвушками ея лѣтъ, между-прочимъ, съ одной дѣвицей Ортансою Ланженъ, которая, казалось, была царицею бала.

— Это дочь нотаріуса, тихо сказала виконтесса племянницѣ: — но ее все-таки вездѣ принимаютъ, какъ-будто-бы она была какая-нибудь Дюрà или ла-Тремуль, — во-первыхъ, потому-что она очень-богата и отецъ ея оказалъ важныя услуги нѣкоторымъ знатымъ фамиліямъ, во-вторыхъ, потому-что она очень-умна и какъ-нельзя-лучше понимаетъ свое положеніе. Отель ея отца въ двухъ шагахъ отъ насъ: это будетъ для тебя удобное знакомство.

Мамзель Ланженъ осыпала Нелиду учтивостями, назвала ей лучшихъ танцоровъ, описала смѣшныя стороны модныхъ дамъ. Нелида была восхищена ея ласковыми манерами. Подъ конецъ бала, прелестная Ортанса, восхищенная тѣмъ, что можетъ покровительствовать только-что вступающую въ свѣтъ дѣвушку, увѣрала

всѣхъ, что она коротко подружилась съ мамзель де-ла-Тилье и будеть видѣться съ ней безпрерывно.

V.

Какое странное зрѣлище представляетъ разсудительному сознанію свѣтъ, то-есть та часть общества, богатая, славная, преданная благороднымъ забавамъ, которую признають, почитаютъ всѣ высшимъ судилищемъ приличія, охранительницею прекрасныхъ нравовъ и чувства чести, и которая съ гордымъ пренебреженіемъ принимая въ расчетъ только себя, присвоиваетъ себѣ по праву ществу названіе *салта*: до того считаетъ она все находящееся въ ея недостойнымъ ея вниманія и интереса! Какое сборище изслѣдовательностей и аномалій! Какое странное соединеніе изъ обыкновеній, по-видимому, несоединимыхъ! Съ какимъ удивительнымъ искусствомъ многіе поддерживаютъ это зданіе, наполовину предразсудками и обманомъ, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, сгнилъ и застарѣлъ, между-тѣмъ, какъ цѣлое представляетъ еще довольно — твердой массой!.. Какая терпимость въ отношеніи къ лицемѣрному пороку, какая строгость къ чистосердечной снотости! Какъ мало ценсоровъ находятъ въ немъ хитрое кокетство и осторожное волокитство; но какими проклятіями встрѣчаютъ любовь, если она осмѣлится тамъ показаться! Любовь? не бойтесь тамъ ея не увидите; она оттуда изгнана какъ смѣшная бѣдность; она изгнана даже изъ самаго чистаго святилища съ самаго изъ сердца молодой дѣвушки; она задавлена въ немъ до рожніа алчностью и тщеславіемъ, которыя развращаютъ всѣ истинны, до самаго естественнаго; до самаго законнаго — до желанія счастья въ супружествѣ.

Невозможно было, чтобъ строгій умъ Нелиды, нѣжная душа и характеръ, направленный къ прямоств, не были грустно поражены всѣмъ, что было ложнаго въ этомъ обществѣ, къ которому принадлежала. Но юность медленно отдаетъ себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, медленно выводитъ изъ нихъ заключеніе. Будетъ имѣть рѣдкую силу, чтобъ вырваться изъ-подъ ига привычки. Установившееся мнѣніе весьма-естественно кажется мнѣніемъ стойнымъ уваженія, и самые смѣлые умы начинаютъ сомнѣваться въ самихъ-себѣ, когда чувствуютъ желаніе выступить изъ-за гора, очерченнаго торжественными словами: «религія, семейная честь» — словами трижды-священными, но которыми свѣтъ привыкъ прикрывать вещи менѣе всего достойныя почитанія и жертвеннаго умленія, недоумѣвающая Нелида тщетно старалась согласиться, что видѣла, со внутреннимъ голосомъ своей совѣсти. То, что привлекали внѣшности, столь благородныя, что онѣ казались почти добродѣтелями; то ее отталкивало грубое лицемѣріе и мушкетеры правила циническаго эгоизма. Разговоры дѣвицы, съ

трыми она познакомилась, были не болѣе, какъ свободный не-
разъ пансионской болтовни, а пошлыя любезности молодыхъ
людей на балахъ оскорбляли ея гордую простоту, ненаходившую
а нихъ отвѣта. Ее брала непреодолимая скука; въ тоскующее
а сердце вкрадывалось желаніе отшельнической жизни.

Однажды, вскорѣ послѣ бала у австрійскаго посланника, Нели-
да, съ тѣткой, въ открытой коляскѣ прогуливалась послѣ обѣда
а Булонскомъ-Лѣсу. Виконтесса приказала вѣхать шагомъ по боль-
вой аллеѣ, чтобы каждому доставить возможность полюбоваться
проездомъ ея молодыхъ, борзыхъ коней, въ первый разъ запряжен-
ныхъ. Но на гуляньѣ было очень-мало народа; погода была не-
благоприятная, воздухъ тяжелый. Госпожа Геспель сердилась, не
шла того сказать, и, съ досадой углубившись въ подушки, не от-
крывала рта. Нелида смотрѣла на летучіе клубы пыли и сухихъ
ветвей, гонимые вѣтромъ, прислушивалась къ отдаленному го-
рому. Парижа, странно смѣшивавшемуся съ естественными звука-
ми коней, съ пѣніемъ птицъ, трескомъ вѣтвей, съ запахомъ дре-
вяннаго сока и скошенной травы, и терявшемуся подъ тихимъ не-
ожиданномъ Валеріановой-Горы. Вдругъ топотъ лошади, несшейся
а лѣвою мимо коляски, возбудилъ восклицаніе виконтессы.

— Господинъ де-Кервансъ! вскричала она, высовываясь изъ ко-
шки и слѣдуя взоромъ за всадникомъ.

— Что такое, тѣтенка? спросила Нелида, неслыхавшая этого
имя, совершенно для нея новаго.

Госпожа Геспель хотѣла отвѣчать, когда молодой человекъ
бѣгалъ-ловкій, верхомъ на прелестной арабской лошади, подѣхалъ
ближе и, удерживая легкой и твердой рукою поводья, другою
рукою приподнял свою шляпу и, нѣсколько наклонившись,
сказалъ:

— Я едва смѣю надѣяться, виконтесса, что вы меня узнаете.

— Я тотчасъ называла васъ племянницѣю, отвѣчала госпожа Ге-
спель, дѣлая жестъ, равнявшійся рекомендаціи: — и задавала себѣ
тѣ же вопросъ. Если я не ошибаюсь, уже четыре года тому,
съ выѣзда въ Парижа, а четыре года, предшествовавшая она съ
вашей, въ мои лѣта — цѣлымъ вѣкомъ. Я перемѣнилась такъ, что
даже вы рѣшительно находите, что я постарѣла.

Графъ Кервансъ, все это время смотрѣвшій презрительными
глазами своими на Нелиду, не слышалъ, или показалъ видъ, что
не слышалъ. Виконтесса принуждена была прибавить:

— И на этотъ разъ вы къ намъ возвращаетесь совершенно?

— Совершенно, точно, отвѣчалъ графъ. — Я кончаю жизнь ту-
тѣ. Я купилъ въ вашей улицѣ маленькій отель. Вскорѣ от-
ѣду въ Бретань, чтобы устроить свой старый замокъ, воз-
становить контракты съ фермерами, оставшіеся безъ увеличенія
налоговъ, и прогнать мошенника-управителя, который, какъ
я знаю, обокралъ меня низкииъ образомъ. Потомъ, когда я

вернусь, вы увидите во мнѣ человѣка во всѣхъ отношеніяхъ порядочнаго.

— Разскажите же, что съ вами сдѣлалось въ эти четыре года?

— Что со мной сдѣлалось, сударыня? продолжалъ г. де-Кервансъ, глядя своей прекрасной рукою, съ которой небрежно снялъ перчатку, гладкую и лоснящуюся шею лошади:—это слишкомъ долго разсказывать. Я путешествовалъ какъ Жюкондъ, какъ Чайльд-Гарольдъ, какъ странствующій Жидъ; я видѣлъ Италію, Грецію, Константинополь, Россію и даже, пробѣдомъ, немножко Деніи, честное слово. Я дѣлалъ глубокія наблюденія и вывелъ изъ своихъ замѣчаній, что мужчины вездѣ одинаково несносны, и что нигдѣ нѣтъ такихъ прекрасныхъ женщинъ, какъ въ Парижѣ; вотъ почему я и возвратился.

Улыбка пробѣжала по губамъ серьезной Нелиды.

— Вижу, что вы остались тѣ же, сказала виконтесса:—и по насмѣшливы, вѣчно...

— Позвольте ли вы мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе?

— Не только позволяю, но приглашаю васъ къ себѣ завтра ній же день. У меня кое-кто будетъ; мы немного потанцуемъ.

— Удостоите ли вы, сударыня, сбережъ для меня вальсъ? сказала г. де-Кервансъ, желая наконецъ услышать голосъ прекрасной и молчаливой дѣвушки.

— Я никогда не вальсирую, отвѣчала Нелида.

— Дитя мое, сказала виконтесса:—я до-сихъ-поръ не хотѣла бѣ противорѣчить; но завтра, у меня, тебѣ нельзя не вальсировать; ты должна оживлять балъ. Къ-тому же,—и виконтесса наклонилась на ухо своей племянницѣ:—прошу тебя, не разыгрывай роль гористки.

— Я буду вальсировать съ вами, сударь, возразила де-ла-Тьёлле тономъ совершеннаго простодушія.

Г. де-Кервансъ поклонился; потомъ, по едва-чувствительному движенію руки, лошадь его помчалась какъ стрѣла. Нелида слушала ровный и мѣрный тактъ этого нервическаго галопу избитому грунту опустѣвшей аллеи.

— Это самый умный молодой человѣкъ изъ всей Франціи, вскричала возрожденная и радостная баронесса:—никто не знаетъ въ такой модѣ какъ онъ, когда онъ уѣхалъ. Онъ обязанъ понимать приличія и, въ придачу ко всему, очень знаетъ въ дѣлахъ.

Бель-этажъ отеля Геспель, предназначавшійся для пріемовъ, расположенъ какъ-нельзя-удобнѣе для бала. Виконтесса, имѣющая нисколько врожденнаго вкуса, состоящаго для избранныхъ въ потребности гармоніи, и не имѣя даже вкуса артиста, создаваемого изученіемъ прекраснаго, въ замѣнъ того инстинктомъ увеселеній и гениемъ расточительности. Она всѣхъ умѣла устраивать эти пошлые праздники, гдѣ и рѣчь о томъ, чтобъ угадать вкусъ и любимыя привычки каждаго, и

горыхъ невидно никакого отличительнаго характера, придаваемаго обыкновенно отпечаткомъ личности; она всегда жила въ лучшемъ обществѣ; никакія издержки не останавливали ея. Въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, этого довольно, чтобъ творить чудеса.

Въ этотъ вечеръ, бѣлыя алебастровыя залы ея были освѣщены еще ярче обыкновеннаго; множество жирандолей изъ горнаго хрустала, блистая гранями, въ безчисленныхъ отраженіяхъ повторялись на зеркальныхъ стѣнахъ и кидали яркій свѣтъ на персидскія драпри блестящихъ узоровъ. Пирамиды кактусовъ, раскрывавшихъ свои пламенные вѣнчики въ этой жаркой атмосферѣ, умножали ослѣбленіе глазъ. Богатый оркестръ наполнялъ раздражающей музыкой звучныя пространства, въ которыхъ женщины въ ороткихъ платьяхъ, съ благовонными волосами, облитыя драгоценными камнями, съ обнаженными локтями, обнаженными плечами влялись другъ за другомъ и брались за руки, какъ феи, собирающіяся для веселаго чародѣйства.

— Право, ты восхитительно-хороша сегодняшнимъ вечеромъ! оворила Ортанса Ланженъ Нелидѣ, удаляясь съ нею въ отдѣльный будуаръ, гдѣ было не такъ душно, какъ въ танцевальной алѣ: — ты уничтожаешь насъ.

Дѣйствительно, Нелида никогда не была такъ прекрасна. На ея было синее шелковое платье, стянутое съ боку букетомъ изъ живыхъ жасминовъ; гирианда изъ тѣхъ же цвѣтовъ окружала ея олову; нѣжныя листья букета, немного возвышаясь надъ матеріей корсажа, бросали легкую и движущуюся тѣнь на ея алебастровую бѣлизны шею; длинный, распущенный поясъ обозначалъ, не блая ихъ слишкомъ-рѣзкими, чистые контуры ея дѣвственной таин. Какаѣ-то привлекательная истома смягчала обыкновенно-рѣзкое выраженіе лица ея. Нельзя было представить себѣ ничего болѣе-воздушнаго, болѣе-чистаго, болѣе-нѣжнаго, — какъ-удто она была окружена прозрачнымъ газомъ, полузакрывавшимъ ее и защищавшимъ отъ слишкомъ-жадныхъ взоровъ.

— Я, конечно, дѣлаю очень-нескромно, прерывая такой прекраснѣйшій tête-à-tête, сказалъ г. де-Кервансъ, появляясь въ дверяхъ удуара.

— Наконецъ вотъ и вы, сказала Ортанса, подавая ему руку, оторую онъ потрясъ по-англійски, и почтительно поклонился дѣвцѣ де-ла-Тьелле:—я думала, что вы уже не пріѣдете, и не знаю, стался ли у меня вальсъ для васъ.

И она стала смотрѣть въ таблетки слоновой кости, куда, по тогдашнему обыкновенію, модныя дѣвушки записывали имена своихъ кавалеровъ. Г. де-Кервансъ безъ церемоніи взялъ ихъ изъ рукъ ней и прочелъ: князь Альберни, маркизь д'Эва...—Мнѣ очень-пріятно видѣть, что въ мое отсутствіе, сказалъ онъ насмѣшливымъ ономъ, глядя на улыбающуюся Нелиду: — вы не оставили прежней привычки; но не надѣйтесь на меня, прекрасная Ортанса: я

состарѣлся; мнѣ двадцать-девять лѣтъ. Это старость, и я больше не танцую.

Нелида въ свою очередь посмотрѣла на него съ изумленіемъ: она не забыла о вальсѣ, о которомъ говорено было наканунѣ въ Будоньскомъ-Лѣсу, и даже была занята имъ больше обыкновеннаго; она никогда не вальсировала и нѣсколько боялась этого новаго опыта при такомъ множествѣ гостей.

— Или, по-крайней-мѣрѣ, продолжалъ г. де-Кервазансъ: — танцую только въ необыкновенныхъ случаяхъ, и то не больше одного раза въ вечеръ.

— Вы говорите загадками, мосьё Тимолеонъ, сказала дѣвица Ланженъ, нѣсколько обидясь.

Этотъ разговоръ былъ прерванъ оркестромъ, который проигрывалъ ритурнель въ три такта.

— Позвольте мнѣ надѣяться на этотъ? сказалъ г. де-Кервазансъ, приближаясь къ Нелидѣ. И голосъ его вдругъ принялъ нѣсколько почти-умоляющее выраженіе.

— Если вамъ это приятно, отвѣчала она, вставая. Тимолеонъ подаль ей руку. Дѣвица Ланженъ осталась сконфуженная, хотя по счастью, явился ея кавалеръ, чтобъ вывести ее изъ затрудненія. Обѣ пары отправились сквозь толпу въ танцевальную залу.

— Вы не знаете, что я никогда не вальсировала, сказала Нелида г. де-Кервазансу:—это будетъ мой первый урокъ, и я боюсь.

— Не бойтесь того, отъ чего я въ восторгѣ, перервалъ Тимолеонъ.

— Но я буду очень-неловка, въ большомъ затрудненіи...

— У меня будетъ увѣренности за двухъ, потому-что я танцую въ эту минуту. Не бойтесь, довѣрьтесь мнѣ, позвольте васъ руководить, и все пойдетъ хорошо.

Они подошли къ кругу танцующихъ. Тимолеонъ охватилъ кою станъ Нелиды, которая сдѣлала движеніе назадъ, какъ бы желая уклониться отъ такого непривычнаго объятія.

— И прежде всего, продолжалъ г. Кервазансъ: — если вы въ эту минуту дадите мнѣ право быть вашимъ танцевальнымъ учителемъ, потрудитесь не выпрямляться; напротивъ, вамъ должно совершенно предоставить себя мнѣ.

И онъ сдѣлалъ съ нею кругъ, въ-продолженіе котораго смѣрѣя совершенно отдалась ему на волю, нежели давала ему руководствовать.

— Удивительно, клянусь вамъ! Еще нѣсколько уроковъ, и вы будете вальсировать лучше всѣхъ парижскихъ дамъ; но не стесняйтесь опереться рукою на мое плечо:—это дастъ мнѣ больше уверенности, больше свободы, чтобъ направлять васъ... и потомъ (для галереи, которая на насъ смотритъ) не нагибайтесь такъ низко. — надобно рѣшиться иногда смотрѣть на меня.

И Тимолеонъ впередъ упоенные глаза свои въ глаза вступавшей дѣвицы: онъ осмѣливался тихо сжимать ея гибкую

ю; и рука его, не сжимая ея руки, удерживала и оцѣпняла ее акимъ-то неизъяснимымъ магнетизмомъ. По мѣрѣ того, какъ они еслись по полу быстрѣе и быстрѣе, подъ звуки музыки, повелительный ритмъ которой приводилъ виѣ себя Нелиду, отуманилъ, кружилъ ей голову, молодая дѣвушка, встревоженная, третная, кинутая непреодолимою силою въ вихрь свѣта и шума, увствовала, какъ подымался къ ней въ голову измѣнической заахъ жасмина и жаркое дыханіе Тимолеона, привлекавшаго ее къ обѣ все ближе и ближе. Была минута, когда, чтобъ защитить ее гъ столкновенія съ вальсирующей парой, вышедшей изъ ряда, онъ схватилъ ее такъ сильно и приблизилъ къ себѣ такъ быстро, что хъ лица почти коснулись другъ друга. Нелида почувствовала на лѣдномъ лбѣ своемъ влажные и горячіе волосы молодого человѣа; она увидѣла пламенный взоръ его, въ нее вперенный; дрожь робѣжала по всему ея тѣлу; ей сдѣлалось дурно подъ этимъ взомъ, которому предалась она, и ея полуоткрытыя уста и погасшій олъсь выронили слѣдующія слова, которыя Тимолеонъ подхваилъ съ упоеніемъ, какъ признаніе: «Поддержите меня и уведите еня отсюда; мнѣ дурно.»

Онъ вдругъ остановился и, не давая сѣ времени опомниться, влекъ ее, почти унесъ въ будуаръ, гдѣ нашелъ ее съ Ортансой. иконтесса, видѣвшая, какъ они проходили, прибѣжала вся встреоженная.

— Вотъ ваша тѣтушка, сказалъ Тимолеонъ, сажая Нелиду на иванъ: — я оставляю васъ съ нею. Ради Бога! прибавилъ онъ полголоса: — не вальсируйте ни съ кѣмъ, кромѣ меня; вы заавите меня умереть.

Во все продолженіе вечера, г. де-Керваэнсъ, въ совершенствѣ влаѣвшій свѣтскимъ тактомъ, не приближался къ Нелидѣ, даже не мотря на то, что имѣлъ ловкій предлогъ извиниться передъ нею. ъвица Тьелле была ему за это очень-благодарна. Она больше танцовала, отправилась къ себѣ въ комнату до конца бала, заула безпокойнымъ сномъ и нѣсколько разъ просыпалась, когда і представлялось, что Тимолеонъ входитъ въ ея комнату.

— ...Помиритесь, говорилъ г. де-Керваэнсъ дѣвицѣ Ланженъ, ушавшей мороженое около буфета, уставленнаго хрустальной осудой, гдѣ самыя изысканныя кушанья, самыя вкусныя плоды, мыя рѣдкія новинки манили пресыщенный вкусъ, на который ѣкъ трудно угодить.—Вы знаете, что я ненавижу ревность.

— Отвѣчайте мнѣ, произнесла дѣвица Ланженъ прерывающимъ олосомъ: — думаете ли вы жениться на ней?

— Я сію минуту ни о чемъ не думалъ; вы, своими смѣшныма вопросами заставляете меня думать о ней. Впрочемъ, что вамъ за дѣло? На ней или на другой я женюсь, все-таки я женюсь на томъ-нибудь.

— Отъ-чего жъ не на мнѣ? сказала Ортанса съ цинизмомъ, страню противорѣчившимъ ея молодому лицу и скромному виду, кето-

рый она умѣла взять на себя, чтобъ быть уважаемой въ обществѣ.

— Душа моя, возразилъ Керваэнсъ, играя вѣеромъ, который Ортанса положила на буфетъ: — я вамъ это часто говорилъ! Это несчастіе, но что же дѣлать? У меня много предрассудковъ, и никогда, — будьте увѣрены, — никогда, хотя бы то была сама Венера, Венера со всей невинностью Минервы, никогда я не соглашусь жениться на женщинѣ, которая не можетъ помѣстить двойнаго герба на свою карету.

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Это будетъ нелегко, продолжала Ортанса, договаривая свою мысль: — Нелида мечтательница; она захочетъ, чтобъ въ нее были влюблены.

— За этимъ дѣло не станетъ, сказалъ Тимолеонъ.

— Она вамъ не повѣритъ; репутація ваша, какъ человека пресыщеннаго, слишкомъ извѣстна... Но послушайте, прибавила Ортанса, понижая голосъ, потому-что нѣсколько группъ подошли къ буфету: — для васъ я способна на всѣ пожертвованія; хотите ли, чтобъ я помогла вамъ? Я имѣю на нее большое влияние; со всѣмъ ея умомъ, она чрезвычайно-проста. Но на одномъ условіи...

Видя, что ихъ слушаютъ, они вошли въ балльную залу.

Съ этого дня, пользуясь безмолвнымъ позволеніемъ г-жи Геспель, Тимолеонъ почти-ежедневно видѣлъ дѣвицу Тьёлле. Онъ употреблялъ всю силу ума и опытности, приобретенной имъ въ сношеніяхъ съ женщинами, чтобъ ей понравиться и убѣдить ее, что почувствовалъ внезапно и глубокую страсть.

Онъ обманывалъ только вполонину. Пресыщенный успѣхами, получивъ отвращеніе къ свободнымъ нравамъ и уму гостинныхъ, утомленный хорошимъ и дурнымъ обществами, которыя онъ нашелъ одинаково-несносными, одинаково-чуждыми истинѣ и познѣ, Тимолеонъ чувствовалъ сильное влеченіе къ этой чистосердечной натурѣ, которая ничего не заимствовала извнѣ и выказывала сквозь покровъ гордой чистоты самую романтическую восторженность. Красота Нелиды восхищала его; ея гордый видъ лести его аристократическимъ наклонностямъ; къ-тому же, это была для него прекрасная партія; онъ распалилъ себѣ воображеніе и искорѣ подумалъ, что влюбленъ серьезно. Дѣвица Ланженъ, видя, что для нея не оставалось больше ни малѣйшей надежды заставить его на себѣ жениться, и полагая, что лучшимъ средствомъ сохранить дружбу г. де-Керваэнса, которою очень дорожило ея самолюбіе, было помочь ему въ этомъ случаѣ, приплась за дѣло весьма-искусно. Не нужно было такъ много стараній, чтобъ обольстить женщину столь любящую, столь мало-остерегающуюся, какъ Нелида. Она ни на одну минуту не усомнилась въ любви Тимолеона. Свѣтскіе люди, когда они умны, доводятъ волокитство до геніальности. Такъ-какъ они употребляютъ способности свои на одно — чтобъ быть любезными; такъ-какъ все ихъ тщеславіе сосредото-

чено на одномъ пунктѣ—нравиться женщинамъ, потому-что расположение прекраснаго пола составляетъ единственное преимущество, признаваемое гостиними, то они достигаютъ въ этомъ родѣ до искусства, стоющаго удивленія. Ловкая грація ихъ заботливости, ихъ постоянная и деликатная внимательность, кажутся внушенными глубоко-тронутымъ сердцемъ и производятъ, по-крайней-мѣрѣ на минуту, такое же впечатлѣніе, какъ и любовь истинная.

Нелида сочла себя счастливѣйшею изъ всѣхъ женщинъ, когда Тимолеонъ у ногъ ея, въ самыхъ отборныхъ и цѣжныхъ выраженіяхъ, молилъ ее о позволеніи посвятить ей всю жизнь; и съ этого времени съ слѣпою увѣренностью предалась наслажденію любить и быть любимою.

Госпожа Геспель, восхищенная этой свадьбой, представлявшею ей случай соединить около себя самую блестящую чету изъ всего Парижа, объявила о ней всюду въ свѣтѣ, между-тѣмъ, какъ г. де-Кервазисъ отправился въ Бретань, чтобъ привести въ порядокъ дѣла свои и устроить замокъ, въ который былъ намѣренъ привезти свою молодую супругу. Нелида рассказала отцу—Эмери о своей счастливой участи. Ей очень было жаль, что она не могла видѣть матери-Елисаветы, уѣзжавшей на нѣкоторое время; но,—мы говоримъ это съ сожалѣніемъ, — полная счастья, она и не подумала спросить о своей бѣдной подругѣ, Клодиѣ де-Монклеръ.

VI.

Однажды утромъ, г-жа Геспель и Нелида пили чай въ столовой, выходящей въ садъ. Завтракъ на англійскій манеръ стоялъ на столѣ; спаньёлки виконтессы прыгали по стульямъ и дерзко низжали, чтобъ получить подачку, которую она раздавала имъ съ лѣдкой снисходительностью, когда вошедшій лакей подаль ей вшитую карточку, докладывая, что какой-то господинъ дожидается и проситъ позволенія войти.

— Э! разумѣется, разумѣется, вскричала г-жа Геспель, передавая визитную карточку своей племянницѣ: — просите тотчасъ же. Это Германъ Релье, помнишь, Нелида? Сынъ сосѣдки, которая присылала намъ такіе прекрасные абрикосы изъ своего шпалерника; этотъ маленькій шалуни долженъ быть теперь большимъ молодцомъ; онъ пропадетъ на парижскихъ улицахъ; но это добрый знакъ, что онъ приходитъ насъ видѣть.

Когда она еще говорила, дверь отворилась, и вошелъ молодой человекъ прекрасной наружности, почтительно кланаясь. Виконтесса, не вставая съ мѣста, подала ему руку; онъ поднесъ эту руку къ губамъ своимъ. Нелида глядѣла на него съ любопытствомъ и съ какимъ-то смущеніемъ, едва узнавая въ этомъ молодомъ человекѣ высокаго роста, съ печальнымъ лицомъ и благород-

нымъ выраженіемъ, маленькаго деревенскаго мальчика съ грубыми ухватками, котораго она знала прежде.

— Милости просимъ, мой милый, и прежде всего садитесь здѣсь, возлѣ меня. Прочь, Джеттъ, прочь, говорила виконтесса, удерживая концомъ пальцевъ свою любимую эпаньйолку, не слишкомъ торпидившуюся, уступить свое мѣсто. — Какъ вы выросли! и, правда, стали прекраснымъ молодымъ человѣкомъ. Кто бы это сказалъ! Что добрая матушка ваша, какъ ея ревматизмы? А ея шпалерникъ, не-уже-ли въ немъ и теперь плоды созрѣваютъ пятнадцатую дню раньше, чѣмъ въ замкѣ? Что вы пріѣхали дѣлать въ Парижъ? Глупости? надѣюсь, не слишкомъ-много... Надобно быть благодарнымъ, мой милый. Надобно приходиться къ намъ почаще; да васъ всегда будетъ мѣсто у меня за столомъ, мой милый Германъ.

Минуть съ десять продолжался потокъ выраженій покровительства, непозволявшій Герману вставить слово. Нѣсколько разъ подавлялъ легкую улыбку.

— Вы тысячу разъ добры, сударыня, сказалъ онъ наконецъ, воспользовавшись минутой, когда собаки, забытыя для него, стали надобнаты какъ-нельзя-больше своей господжѣ и принудили ее встать имъ. — Матушка здорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое глубокое почтеніе. Я въ Парижѣ уже давно, и до-сихъ-поръ не имѣлъ чести быть у васъ, такъ это потому-безпрерывная работа, почти свыше силъ моихъ, отнимала у меня всѣ дни. Мнѣ нужно было въ одно и то же время жить трудомъ, чтобъ не быть въ тягость матери, какъ вамъ извѣстно, весьма небогатаго, и стараться образоваться; мнѣ должно было и учиться и производить, сдѣлаться артистомъ, потому-что таково мое званіе, и оставаться работникомъ, потому-что таково условіе моего бѣднаго существованія. Это было не легко. По счастью, я былъ у васъ это слишкомъ-извѣстно, сударыня,—упорнымъ и неукротимымъ ребенкомъ, то-есть, однимъ изъ тѣхъ людей, изъ которыхъ выходятъ люди настойчивые и терпѣливые на трудъ. Я также не имѣлъ счастья найти учителя, который не переставалъ ободрять меня. Пять лѣтъ уже я работаю въ мастерской...

— Вы живописецъ? прервала виконтесса: — поздравляю; очень-пріятное ремесло. Вы пишете акварелью или миниатюрой?

— Я надѣюсь писать историческія картины, отвѣчалъ молодой человѣкъ съ спокойной увѣренностью. — До-сихъ-поръ, я имѣю всего поцѣмному, долженъ былъ соображаться со вкусомъ и пристрастіемъ публики и переносить ихъ требованія, чрезвычайно-грубыя съ точки зрѣнія, которые не приобрѣли еще имени; теперь я кончилъ двѣ картины, которыя одиѣ могу признать своими: портретъ моей матери и баба гётева. Цѣль моего посѣщенія, сударыня, попросить васъ удостоить моего мастерскую своимъ посѣщеніемъ; вчера мой учитель входилъ ко мнѣ въ шестой этажъ и увѣрилъ меня, что не откажется признать меня за своего ученика.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, мой милый; мы прїѣдемъ завтра же, я и Нелида, и если,—въ чемъ я и увѣрена,—вы написали хорошую вещь, если вы не дорожитесь въ цѣнѣ, то я вамъ пришлю всѣхъ моихъ знакомыхъ, и, вѣроятно, вскорѣ вы будете имѣть выгодные заказы.

Говоря это, она допила свой чай и встала, чтобъ пройти въ садъ, когда ей доложили, что ее давно дожидается швея, пришедшая за ея приказаніями. Нелида и Германъ, еще ничего не сказавшіе другъ другу, остались одни на ступеняхъ лѣстницы.

— Жизнь великаго художника—прекрасная жизнь, сказала Нелида, сходя по ступенямъ. (Что-то говорило ей, что ей надобно загладить неделикатную благосклонность тѣтки.)—Имѣли ли вы хлопотность къ живописи, когда мы съ вами играли вмѣстѣ въ замкѣ Геспель?

Это мы, возстановлявшее мысль о равенствѣ, даже о короткости между ею и Германомъ, естественно навернулось на уста молодой дѣвушки, какъ самое не прямое и самое тонкое вознагражденіе. Художникъ это почувствовалъ, потому-что въ ту же минуту Нелида поскользнулась на послѣдней ступени: онъ схватилъ ее за руку, чтобъ удержать отъ паденія, и, можетъ-быть, продержалъ эту руку гораздо-долѣе, нежели было нужно.

— Я всегда любилъ разсматривать на горизонтѣ прекрасныя нини, и глазамъ моимъ, въ самомъ дѣтскомъ возрастѣ, чрезвычайно нравилась игра свѣта и тѣни въ зеленыхъ листьяхъ, продолжалъ онъ.—Въ то время, о которомъ вы вспомнили, я уже часто пробовалъ воспроизводить предметы, мнѣ правившіеся. Я рисовалъ, или по-крайней-мѣрѣ думалъ, что рисовалъ древесныя пни, отдыхавшихъ животныхъ, стрѣльчатый порталъ нашей ветхой церкви; но въ первый разъ, когда мнѣ понравилось мое произведеніе, первый день, въ который я почувствовалъ внутренній трепетъ, призваніе, — простите мнѣ это слово, которое можетъ показаться амъ тщеславнымъ,—это было... Помните ли вы тотъ день, когда укралъ для васъ вѣтку съ вишнями?

— Разумѣется, сказала Нелида, углубляясь съ Германомъ въ длинную аллею изъ плюща и виноградной лозы:—вы тогда были астоящій бандитъ, а я бѣдная маленькая плакса.

— Вы знаете, что васъ очень бравили. Ваша тѣтушка приказала сказать моей матери о своемъ на меня неудовольствіи; мнѣ дано было знать, что меня не будутъ больше пускать въ замокъ за то, го я возбуждаю васъ къ непослушанію. Негодуя, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ, я только и думалъ о мщеніи. Нѣскольکو дней нѣскольکو ночей строилъ я и покидалъ одинъ за другимъ множество смѣшныхъ плановъ, которые, въ пароксизмѣ моей горевъ, казались мнѣ легко-исполнимыми; самый скромный изъ нихъ состоялъ въ томъ, чтобъ поджечь замокъ Геспель, вырвать васъ изъ пламени и смѣло убить всѣхъ, кто осмѣлится загородить мнѣ дорогу. Эти припадки сосредоточенной ярости сломили меня. Вско-

рѣ горестъ, горестъ болѣе спокойная, хотя, быть-можетъ, еще болѣе-глубокая, превозмогла. Я оставилъ себѣ спокойную рѣшимость сохранить у себя послѣ васъ то, что никто въ мірѣ никогда не могъ отнять у меня, — ваше изображеніе.

— Какъ! сказала Нелида, живо заинтересованная этимъ рѣшомъ.

— Обѣщаете ли вы мнѣ не оскорбляться? продолжалъ Германъ: — дѣти, такъ же, какъ и художники, не могутъ отвѣчать за свои поступки.

— Развѣ то, въ чемъ вы хотите признаться, такъ ужасно? сказала улыбаясь Нелида.

— Вы увидите, отвѣчалъ Германъ.— Или, лучше нѣтъ: не судите ни о чемъ; мнѣ нужна вся ваша снисходительность.

— Развѣ мы не старые друзья? Взаимная снисходительность составляетъ условіе всякой истинной дружбы.

— Я вынулъ изъ бюро портфель, наслѣдство моего отца, пошелъ въ поле, и, пройдя по тѣмъ самымъ тропинкамъ, гдѣ мы ходили вѣстѣ съ вами, сѣлъ на берегу рва, гдѣ вы отдыхали. Тамъ охвативъ голову руками и закрывъ глаза, чтобъ не быть раздраженнымъ никакими внѣшними предметами, я долго сосредоточивалъ все свои мысли на васъ; я весь проникся, если могу такъ выразиться, вашимъ высокимъ челою, столь гордымъ, вашими прекрасными локонами, вашимъ нѣжнымъ и печальнымъ взоромъ: я думалъ Богу странный обѣтъ...

— Какой? спросила Нелида, болѣе-и-болѣе внимательная.

— Позвольте мнѣ не говорить вамъ его, сказалъ Германъ меланхолической улыбкой: — мнѣ никогда нельзя будетъ исполнить. Потомъ, — продолжалъ онъ: — схвативъ караулъ съ восторгомъ, невѣроятнымъ въ ребенкѣ, какимъ я былъ тогда, я твердой рукою и почти не поправляя себя, начертилъ образъ, который, разумѣется, далеко не равнялся съ вами красотой, но который могъ предубѣжденнымъ глазамъ и сердцу, полному надеждою, дать минуту забвенія и напомнить васъ. Окончивъ, я почувствовалъ такую радость, что кинулся на колѣни передъ моимъ образомъ, и переполненная грудь моя облегчилась потокомъ слезъ. Когда я хотѣлъ встать, ноги больше не поддерживали меня; мой былъ покрытъ холоднымъ потомъ; я дрожалъ всѣмъ членомъ. Съ безконечнымъ трудомъ дотащился я до деревни: нужно лечь въ постель. Я пролежалъ пятнадцать дней въ горячкѣ, и постоянно сопровождавшейся бредомъ.

«Въ первый день моего выздоровленія, едва будучи въ состояніи говорить, я объявилъ матушкѣ, что хочу отправиться въ Парижъ и сдѣлаться великимъ живописцемъ. Бѣдная женщина была въ ужасѣ; она думала, что я брежу: до того это желаніе казалось ей безумнымъ. Но пульсъ мой былъ спокоенъ, и я объявилъ съ большой ясностью проектъ, который казался окончательно-рѣшеннымъ въ умѣ моемъ. Доктору, у котораго былъ кое-какой ку-

который видѣлъ рисунокъ, остававшійся у меня подъ изголовьемъ о все продолженіе моей болѣзни, показался въ этомъ смѣломъ черкѣ вѣрный признакъ истиннаго таланта. Онъ разуверилъ мою мать и убѣдилъ ее не противорѣчить моимъ желаніямъ. Добрая матушка согласилась на все; но ее беспокоилъ мой слишкомъ-молодой возрастъ; и потому она просила меня подождать еще два года. Докторъ умѣрилъ мое нетерпѣніе, обѣщавъ руководствоваться мною въ моихъ занятіяхъ и доставить мнѣ хорошіе оригиналы. Наконецъ, черезъ два года, мы пріѣхали въ Парижъ: матушка помѣстила меня въ небольшой квартиркѣ, по сосѣдству съ однимъ изъ ея родственниковъ, который, къ величайшему моему счастью, былъ другомъ ... Этотъ принялъ меня въ свою мастерскую, не требуя никакого вознагражденія. Положась на Провидѣніе, покровительствовавшее мнѣ такимъ-образомъ на первыхъ шагахъ жизни, матушка возвратилась въ свою деревню. Зная доброту г-жи Геспель, она хотѣла вести меня къ ней, — я отказался. Когда я сдѣлаюсь великимъ живописцемъ, сказалъ я ей, я самъ пойду просить дѣвицу Тѣлле, чтобъ она пришла посмотреть на мои созданія; до того времени она не должна и слышать обо мнѣ. Я не хочу, чтобъ мнѣ покровительствовали, — я хочу, чтобъ мнѣ рукоплескали. Конечно, это была мысль очень-надменная, очень-глупая; вы будете смѣяться надо мною; а между-тѣмъ, послѣ семи лѣтъ уединенія и трудовъ, я передъ вами, и если завтра вы съ удовольствіемъ взглянете на полотно, которое я оживилъ моею душою, если вы почувствуете какое-нибудь влеченіе къ этимъ созданіямъ моей души и моей кисти, я буду считать себя первымъ, величайшимъ изъ смертныхъ. Въ противномъ случаѣ, если вы найдете меня недостойнымъ своей похвалы, если сердце ваше не тронется при видѣ моего несовершеннаго созданія, признаюсь, я буду страдать ужасно, но не упаду духомъ. Я запрусь снова, на годъ, на десять лѣтъ, если это будетъ нужно, и по прошествіи этого времени вы меня опять увидите и я скажу вамъ то же самое. Подобно тому, какъ нынче, я скажу вамъ: пріидите, пріидите къ бѣдному вдохновенному или обманывавшемуся художнику; пронесите приговоръ свой надъ нимъ; дайте ему вѣнецъ изъ лавровъ или изъ терній; его генія или его безумства, его славы или его ничтожества вы причиною, и вы отвѣчаете за нихъ передъ Богомъ.

Говоря это, Германъ одушевился; огненное слово его имѣло въ себѣ увлекательное выраженіе истины. Нелида была сильно взволнована. Она въ первый разъ слышала восторженную рѣчь художника, непохожее ни на языкъ любви, ни на языкъ религіи, но замѣстующее вдохновеніе свое изъ обѣихъ. Она внезапно, самымъ неожиданнымъ образомъ и такъ, что этимъ нельзя было оскорбляться, узнала, что цѣлые семь лѣтъ владѣла сердцемъ, полнымъ мужества, умомъ возвышеннымъ, — владѣла, можетъ-быть, гениальнымъ человѣкомъ! Она видѣла, что можетъ располагать его судьбою, что на ней лежитъ забота о душѣ его, что она внезапно возведе-

на въ роль Беатриче — идеала всѣхъ женщинъ, способныхъ постигать идеальное, и, признаваясь, почувствовала въ глубинѣ души своей глубокую гордость. Это чувство, можетъ-быть, не было такъ религиозно, какъ того должно было бы ожидать отъ крѣпкой воспитанницы отца-Эмери; но какая женщина, спросить бы, какъ бы она ни была смиренна, добросовѣстно отвергнетъ безкрыстное обожаніе и тайнѣ не согласится взойти на алтарь, чтобы тамъ безмолвно и подѣ покрываломъ вдыхать въ себя чистый еміамъ жертвенный?

— Покажете ли вы намъ этотъ портретъ завтра? сказала Нелида послѣ минутнаго молчанія, продолжая ходить.

Слабый вѣтерокъ игралъ висѣвшими надъ нихъ головами фестонами плюща и дикой лозы, касавшихся желѣзной рѣшетки и производившихъ долгій, тихій, жалобный ропоть.

— Покажу вамъ, если вы прикажете, отвѣчалъ Германъ: — по надобно, чтобы мы были одни. Кромѣ добраго доктора, открывшаго случайно этотъ рисунокъ, никто и никогда не видалъ его. Этотъ портретъ — предметъ моего обожанія, мой единственный кумиръ. Вся моя прошедшая жизнь, вся моя будущность заключаются въ этихъ нѣсколькихъ линіяхъ, начертанныхъ дѣтскою рукою, подъ вліяніемъ невидимой силы. Все мое честолюбіе, вся моя гордость, прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго колебанія: — заключаются въ этомъ имени, которое я не смѣю произнести...

— Нелида! вскричала въ эту минуту г-жа Геспель на другомъ концѣ аллеи. Молодые люди остановились какъ-будто пораженные электрическимъ ударомъ.

— Нелида, сказалъ Германъ тихимъ голосомъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собою. — Это сказалъ не я, произнесъ онъ, поднимая глаза на молодую дѣвушку.

Она ускорила шаги и побѣжала къ тѣткѣ. Надобно было пригнѣрить платье для верховой ѣзды. Она поспѣшно вошла въ домъ и не обернулась, чтобы проститься съ Германомъ, который шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ за нею.

Художникъ тутъ же раскланялся съ г-жею Геспель. Виконтесса повторила ему обѣщаніе пріѣхать на другой день къ нему въ мастерскую.

VI.

Чась спустя, виконтесса приказала позвать къ себѣ Нелиду.

— Дитя мое, сказала она ей: — приготовься ѣхать; я приказала подать лошадей; мы сдѣлаемъ неожиданный визитъ Герману въ его мастерской. Обѣщавъ быть у него завтра, я забыла о визитахъ; послѣ-завтра я на музыкальномъ утрѣ у мадамъ Влонз; въ четвергъ, на чтеніи «Карла V»; это посвѣщеніе отложено бы въ неопредѣленное время, а мнѣ не хотѣлось бы этого. Этотъ моло-

дой человекъ очень меня интересуеъ, и я хочу написать его матери, какъ найду его картины. Поѣдемъ тотчасъ же; это будетъ съ нашей стороны очень-милѣ.

Нелидѣ нечего было возражать; она сѣла съ тѣткой въ карету, и черезъ десять минутъ онѣ вошли въ узкій пассажъ на улицѣ Бонъ и взбирались по темной лѣстницѣ, предшествуемые лакеемъ, который очень дивился, провожая свою госпожу въ такое мѣсто.

— Уф! произносила виконтесса, приостанавливаясь на каждомъ шагѣ и хохоча во все горло:—три, четыре, еще немного терпѣнія, и мы будемъ на небѣ.

Нелида не смѣялась. Видъ этого бѣднаго дома, этой грязной, звизливой лѣстницы, щемилъ ей сердце. Какой контрастъ съ стлавными коврами ступенями отеля Геспель и со всѣми вышними жилищами подругъ ея! Воспитанная въ свѣтѣ и для свѣта, подобно всѣмъ женщинамъ ея званія, дѣвица Тьелле, правда, знала, то есть на свѣтѣ бѣдные — она слышала объ этомъ въ проповѣдяхъ, видала бѣдныхъ издали на улицѣ и давала щедрую милостыню при всякомъ сборѣ; но грубая дѣйствительность никогда не поражала ея взоромъ; никогда въ ней не возникало мысли о немолимомъ законѣ труда и гнетущей нищеты, которому подчинена большая часть человѣчества. Она не составляла себѣ никакого онятія о горькой участи тѣхъ, которыхъ высокія дарованія, возмшенныя стремленія, утонченныя нравы не защищаютъ отъ нужды, и которые, вмѣсто того, чтобъ предаться благороднымъ порывамъ, принуждены горбиться надъ грубой работой, сама обезпечивающей ихъ существованіе. Эти мысли въ первый разъ пришли въ ней въ голову, когда она входила въ жилище Германа, челока, который, — она знала это, — любилъ ее и которому тайнѣ на назначала надлю геніальности. Она вспомнила о словахъ его: «мнѣ нужно было сдѣлаться художникомъ, но переставая быть «меленникомъ», и слезы собирались на ея рѣсницяхъ, когда даей ихъ, дошедъ до мшстой площадки, сильно позвоинилъ у нельшой низкой двери, на которой была прибита визитная карточка съ именемъ Германа Реньѣ. Нѣсколько минутъ не отворяли. Исерженный дамой хотѣлъ снова взяться за звонокъ, какъ вдругъ слышалася шумъ отъ внутренней двери; приблизились легкіе шаги, и женскій голосъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ спросилъ: ты ли о, Виржини?

— Я, отвѣчала г-жа Геспель, перемѣнивъ голосъ и радуясь своей хитрости. Въ-самомъ-дѣлѣ, ключъ повернулся въ замкѣ, и виконтесса, быстро войдя въ дверь, очутилась въ едва-освѣщенной комнатѣ, лицомъ-къ-лицу съ предестной дѣвушкой. Руки ея были обнажены, волосы распущены по плечамъ; она вскрикнула и убѣжала въ отворенную дверь, противъ входа. Г-жа Геспель слышала, какъ она произнесла:—Германъ, это дамы; куда мнѣ спрятаться?

— Вѣроятно, натурщица, сказала виконтесса Нелидѣ, изумлен-

ной такимъ страннымъ явленіемъ: — этому всегда подмргзещя у живописцевъ. По счастью, это женщина, и мы можемъ выйти. Германъ появился въ дверяхъ мастерской. Онъ былъ въ бунтѣ и панталонахъ изъ суроваго полотна, держа палитру съ кистью.

— Боже мой! сударыня, вскричалъ онъ, увидя виконтессу: — извините, что встрѣчаю васъ въ такомъ нарядѣ; но я не ожидалъ.

— Это ничего не значить, мой милый, прервала виконтесса смѣло входя въ мастерскую: — нетерпѣніе заставило насъ урвать и днемъ и часомъ нашего посѣщенія. Можетъ-быть, и вамъ мѣшаемъ, прибавила она, кидая испытующій взглядъ вокругъ себя: — у васъ стояла натурщица.

Дѣвушка, отворявшая имъ дверь и запрятавшаяся теперь къ чѣмъ, на-скоро накинувъ себѣ на плеча кусокъ матеріи пурпурнаго цвѣта, драпировавшей чучело кардинала, покраснѣла до ушей. Состывъ на груди руки, потупивъ глаза, удерживая дыханіе, явно была въ смятеніи.

— Эта дѣвушка дѣлаетъ мнѣ одолженіе, служить образъ для волосъ; я не видалъ ни у кого волосъ лучше, и она была добра, что согласилась...

Молодая дѣвушка подняла пару глазъ, блиставшихъ молодостию и посмотрѣла на художника взглядомъ, говорившимъ ему: — благодарствуй.

— Я не такъ богатъ, чтобъ платить натурщицамъ, продолжалъ вполголоса Германъ, подводя виконтессу и дѣвицу де-ла-Туркъ къ станку, на которомъ стояла его картина изъ баллады Гёте.

— Какой странный сюжетъ! сказала г-жа Геспель:— вамъ надобно знать по-нѣмецки, чтобъ понять его.

— На выборъ этого сюжета, сказалъ Германъ, обратилъ Неллидъ, съ волненіемъ смотрѣвшей на эту картину, въ чистота линий и гармонія тона должны были поражать самыя привычныя глаза:— рѣшили меня ребячество и надменность, и честолюбие, потому-что съ самаго дѣтства я получилъ страшную умную, смѣшную страсть къ нунуфарамъ, а эта сцена давала случай писать ихъ.

Неллида подошла къ картинѣ, какъ-будто для того, чтобъ взглянуть подробности, но въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ скрыть румянецъ.

— Надменность, потому-что Гёте полагалъ этотъ сюжетъ возможнымъ въ скульптурѣ и очень не одобрялъ живописный его выбралъ. Вы не можете представить себѣ, сколько гордыхъ волненій производитъ въ сердцѣ художника слово *невозможно*, какъ оно вызываетъ на борьбу, какую оно возбуждаетъ. Это слово Гёте шесть мѣсяцевъ звучало въ ушахъ день и ночь, не давая мнѣ отдыха. Я нѣсколько копился лишь тогда, какъ принявъ, такъ-сказать, вызовъ, началъ картину, которую вы здѣсь видите; вамъ, вѣрно, она покажется

лабою побѣдою надъ мнѣніемъ великаго поѣта; но въ первые дни браческаго упоенія она показала мнѣ такимъ великимъ созданиемъ, что я каждую минуту видѣлъ тѣнь Гёте, нарочно поднимающуюся передо мной изъ могилы, чтобъ рукоплескать мнѣ и принять себя побѣжденною.

Пока Германъ говорилъ такимъ образомъ, виконтесса кидала взгляды туда и сюда, по всѣмъ угламъ мастерской; но Нелида, побопытная, изумленная, въ первый разъ при помощи этихъ словъ проникнувъ въ тайну искусства, Нелида, для которой въ эти минуты открывался совершенно-новый поэтическій горизонтъ, жадно слушала рѣчь молодого художника и не думала прерывать его.

— Знаешь ли, Нелида, что эта наядя похожа на тебя? сказала наконецъ г-жа Геспель.

— Вотъ портретъ моей матери, сказалъ Германъ, чтобъ отвлечь вниманіе виконтессы. И, проходя къ своему станку мимо Нелиды, въ кинулъ ей эти слова, какъ раскаленное желѣзо проникнувша въ сердце дѣвушки: — я не могу жить для васъ, но ничто и никто на свѣтѣ не помѣшаетъ мнѣ жить вами.

— А! вотъ, вотъ что удивительно! вскричала виконтесса. — Это поразительно, это говорить! Какъ-будто видишь ее, эту добрую маму Ренье, въ ея прекрасной праздничной косынкѣ и съ амеистовой брошкой. Вотъ мелкія букли ея *à la neige*, съ которыми на никакъ не хотѣла разстаться, что я ей ни говорила, что ни бѣдала. И ея старое кресло разводами... все тутъ; точно она очеть сказать вамъ: здравствуйте. Признаться откровенно, мой милый, мнѣ это нравится больше вашей наяды. Она не очень-стеснительна, эта наядя; правда, она нѣсколько похожа на Нелиду, но я никогда не видала подобной женщины.

— Я точно полагаю, возразилъ Германъ, начинавшій терять ерпѣніе: — что вамъ рѣдко случалось видѣть наядъ.

— Однако, мой милый, продолжала г-жа Геспель, не обращая вниманія на отвѣтъ: — мы не хотимъ больше мѣшать вамъ; мы опять придемъ. Вамъ нужно кончить съ этой дѣвушкой, привела она, подойдя къ молодой дѣвушкѣ и внимательно разсматривая ее, между-тѣмъ, какъ та, оправившись отъ своего замѣшательства и, можетъ-быть, довольная обзоромъ, который, какъ она была увѣрена, будетъ въ ея пользу, весело и хитро посмотрѣла на г-жу Геспель; прелестная улыбка растворила алыя и пріятныя губки ея, словно вишни, созрѣвшія подъ лучомъ солнца.

— Вы у насъ скоро будете, не правда ли? возразила виконтесса, обращаясь къ провожавшему ее Герману. — Надобно вамъ сказать, что и я также занимаюсь живописью. Я большая колористка; яркость красокъ прельщаетъ меня, и, признаюсь, можетъ-быть, я нѣсколько жертвую ей строгою правильностію линий.

Германъ улыбнулся и обѣщалъ прийти на другой день; онъ проводилъ виконтессу чрезъ всѣ шесть этажей и, подавая руку Нелидѣ, чтобъ посадить ее въ карету, сказалъ: — я пойду назадъ

въ храмъ; духъ сощелъ въ него; трудъ мой благословитъ; судба моя освящена.

Нелида возвратилась домой въ сильномъ волненіи. Съ самаго бала тѣтки, съ этого безумнаго вальса, когда тайна ея выразилась въ смятеніи чувствъ, была подхвачена человекомъ, который готовился быть ея мужемъ, она думала, что чувствуетъ къ этому человѣку страстную, вѣчную любовь. Все, что ощущала она, когда приближался къ ней Тимолеонъ, легкое замѣшательство утонченной стыдливости, простодушная признательность его заботы, снисходительное удивленіе возвышенности его умовскости обращенія,—всѣ эти смутныя ощущенія были такъ такъ восхитительны, и Нелида твердо убѣдилась, что они—глубокія волненія души, проникнутой любовью. Тоска, тяготавшаяся со времени отъѣзда господина Керваэнса, дѣтская радость, которую она чувствовала при всякомъ доказательствѣ его нежарочаровательная откровенность и лоякія внушенія дѣвницы дѣженъ поддерживали ее въ этомъ заблужденіи. Она съ востаніемъ мечтала о поэтической жизни, которую будетъ вести. Она представляла себѣ древній бретонскій замокъ, который Тимолеонъ такъ хорошо описывалъ; обширные пустыри, покрытыя росовверескомъ, друидскія скалы, прогулки верхомъ по дикой сѣверномъ берегу шумливаго моря, въ сопровожденіи благороднаго лера, важнымъ и пріятнымъ языкомъ произносящаго клятвы верности и законной любви. Привязавшись къ нему заранѣе силами взаимной симпатіи, она была восхищена, дорѣчиваясь, койна и не могла представить себѣ, что на землѣ можетъ существовать страсть живѣе и счастье больше ея страсти и ея счастья.

И вдругъ иная мысль поднимается въ душѣ ея; другое мѣтлѣніе поглощаетъ ее, другая судьба влечетъ къ себѣ ея мнѣніе. Мастерская живописца, а не замокъ знатнаго барона влечетъ ея вниманіе и оковыдаетъ его; она видитъ блѣдный образъ Германа, а не Тимолеона!

О, любовь, любовь, неумолимая сила, увлекающая и увлекающая! Огненный вихрь, проносящій насъ чрезъ жизнь въ снѣгъ и радости, неизвѣстныя другимъ людямъ! бронзовая мѣтлающая насъ безвредными отъ ударовъ судьбы, но мѣтлающая своею ужасной тяжестью! любовь, страсть, желаніе, честность, какое бы имя тебѣ ни давали, — счастливыя смертныя сдѣлавшіяся твоею добычею! счастливыя люди спокойныя, которые не чувствовали твоего приближенія! Особенно же счастлива женщина, никогда не слышавшая, какъ воздухъ колеблется ея головою отъ твоихъ грозящихъ крыльевъ!

VIII.

На другой день, около сумерекъ, Германъ вошелъ въ небогатую гостиную, которую г-жа Геспель называла своею мастерскою.

омната была обтянута зеленымъ атласомъ, освѣщена сверху, заромождена мнимыми произведеніями искусства и множествомъ здѣлокъ, столько же красивыхъ, сколько безполезныхъ, служившихъ виконтессѣ при упражненіи ея таланта въ живописи.

— Вы застаёте меня en flagrant délit, вскричала она, увидѣвъ ермана: — и въ моемъ рабочемъ костюмѣ.

Это было сказано, чтобъ дать ему замѣтить обнаженныя руки, ще очень-хорошо сохранившіяся, талію, ловко стяннутую уакиммъ шемировымъ платьемъ цвѣта мертвой зелени, и чернѣй кружевной передникъ, ловко-приподнятый, какъ у театальной субретки.

— Вы будете пренебрегать моими произведеніями, продолжала она: — потому-что вы, историческіе живописцы, какъ вы называютъ, презираете живопись de genre. Я начинала писать масляными красками три года тому назадъ; но откровенно вамъ признаюсь, это шкомъ-дурно пахнетъ, это слишкомъ-грязно. Я предпочла акварель и, кажется, дошла такъ далеко, какъ только можно было ѣйти во внутреннемъ расположеніи деталей. А совершенство въ моемъ незначительномъ родѣ гораздо-лучше посредственности въ шкомъ; не правда ли?

— Безъ малѣйшаго сомнѣнія, сказалъ Германъ, незамѣтно улыаясь.

— Смотрите, но будьте откровенны, продолжала виконтесса: — могу все выслушать, у меня нѣтъ и тѣни тщеславія; вотъ прежде всего *Фамильная Собака*; это совершенно мое изобрѣтеніе; эта собака особенно любить маленькаго мальчика, котораго вы тутъ видите, а прочимъ дѣтямъ завидно. Не правда ли, это хорошо выжжено? Въ особенности, каковъ взглядъ у маленькой дѣвочки! О, это не знаменитая вещь, продолжала она съ нѣкоторой досадою, видя, что Германъ не раскрываетъ рта:—это не эдическая сцена; это мило, просто. Потомъ, вотъ возвращеніе моряна. Я написала его въ Дьеппѣ; одинъ англійскій живописецъ поправилъ мнѣ ту волну, которая ему казалась слишкомъ-синюю; но онъ убѣдилъ меня, что другія превосходны, хотя это былъ мой первый дебютъ.

— Позвольте мнѣ сказать вамъ, что вы очаровательная женщина, сказалъ Германъ, цалуя ей руку.

Виконтесса была тронута.

— О! сказала она съ нѣкоторымъ волненіемъ:—это потому-что я истинная художница; я была преслѣдуема за искусство. Мои приятели находили, что я дурно дѣлаю, предаваясь столько своей страсти къ живописи; онѣ говорили, что это вводитъ меня въ неприличныя отношенія; даже грозили мнѣ, что не будутъ ко мнѣ ѣздить. Но я выдержала бурю и достигла того, что все ладила. У меня есть особенный день для артистовъ,—понедѣльникъ. Я кормлю ихъ обѣдомъ; вечеромъ ноютъ, рисуютъ въ мѣстахъ альбомахъ; иногда мы играемъ въ шарады; это чрезвычайно-интересно, и намъ бываетъ очень-весело. Это, продолжала она, ин-

мало не воображая, что въ ея словахъ было больше дерзости, нежели во всѣхъ ея пріятельницахъ:—это дочь моего садовника приноситъ мнѣ розы въ корзинкѣ. Замѣьте, пожалуйте, вотъ этого зеленого червяка; не правда ли, что это сама природа? Но вы должны помочь мнѣ окончить эту козу, которую я помѣстила здѣсь налѣво, чтобъ занять пустое мѣсто: я никакъ не могла добиться чтобъ шерсть ея блестяла.

Германъ съ величайшею готовностью сѣлъ и взялся за кисти виконтессы.

— Посмотри, сказала г-жа Геспель Нелидѣ, вошедшей черезъ нѣсколько минутъ: — какъ услужливъ этотъ добрый Германъ! Вотъ онъ дѣлаетъ чудеса на моей картинѣ; удивительно, какъ же теперь эта коза: надобно признаться, я было вовсе ее испортила.

— Немножко терпѣнія, виконтесса, сказалъ Германъ не отвѣчая отъ работы: — у васъ кисти такъ тонки, что мнѣ очень трудно не сдѣлать пятна. Мнѣ станеть работы по-крайней-мѣрѣ на часъ. Позвольте мнѣ расположиться?

— Хорошо, хорошо, мой милый; вы приводите меня въ восхищеніе. Къ-несчастью, я должна ѣхать; но Нелида останется съ нами, и я надѣюсь еще застать васъ. Вы обѣдаете съ нами.

Виконтесса, вѣчно-хлопотавшая, быстро вышла, оставивъ съ вершинѣйшею увѣренностію дѣвицу Тѣмле и молодого художника въ опасной бесѣдѣ.

— Не-уже-ли вы дѣйствительно находите, что эти произведенія хороши? сказала Нелида, садясь въ большое обитое бархатное кресло, на которое виконтесса клала свою собаку, чтобъ писать нея.

— Я нахожу, что тѣтушка ваша имѣетъ самыя прекрасныя мнѣренія, отвѣчалъ Германъ:—и все, что сближаетъ меня съ нею, кажется мнѣ твореніемъ боговъ... Мы паримъ, продолжалъ онъ, какъ-бы разговаривая самъ съ собою и слѣдуя за своими мыслями, вызванными безразсудной болтовнею г-жи Геспель:—я это вижу въ Обществѣ съ гордымъ пренебреженіемъ смотреть на насъ, на насъ низкихъ ремесленниковъ, торгующихъ кускомъ мрамора и нѣсколькими аршинами раскрашеннаго полотна; оно убѣждено, что наше высшее блаженство должно заключаться въ томъ, чтобъ получать похвалы отъ пресыщенныхъ вельможъ и занимать часами кисти нервическихъ женщинъ. Я знаю, что, сторговавшись и занявшись за работу нашихъ рукъ, кто изъ этихъ людей безъ сердца думаетъ, что на ней лежитъ вдохновеніе души? кинувъ намъ нашу кисть и щину, отъ насъ отворачиваются, какъ отъ людей ничтожныхъ.

— Вы несправедливы, сказала Нелида, видя, что пальцы молодого художника судорожно сжимаются и лицо загорается гнѣвомъ.

— О, Нелида, продолжалъ онъ, вставая и кидая далеко отъ себя кисть г-жи Геспель:—они нами пренебрегаютъ, они насъ презираютъ; но что до этого за дѣло? Искусство велико, искусство бессмертно. Художникъ—первый, благороднѣйшій человѣкъ въ

ду всѣми людьми, потому-что ему дано глубже чувствовать и сильнѣе, нежели кому-нибудь другому, выражать невидимое присутствіе Бога въ его твореніи. Ему одному въ гармоніи міровъ улыбается божество; онъ одицъ знаетъ тайну красоты безконечной. Восторги его пламенной души — самый чистый оуміамъ, какой только восходитъ съ земли на небо.

Германъ ходилъ большими шагами по комнатѣ. Нелида слѣтовала за нимъ глазами, испуганная его волненіемъ, но влекомая, какъ-бы очарованная его восторженнымъ словомъ, пошатнымъ для нея только вполовину. Молодой художникъ долго еще декламировалъ на эту тѣму. Онъ обладалъ какою-то первическою раздражительностью и силою гнѣва, иногда доходящими до краснорѣчія. Быстро схватывая все, что льстило гордости, составлявшей основу его природы, онъ съ жаромъ принялъ еоріи, которыя въ послѣдніе годы знаменитая школа проповѣдыала юношеству. Сен-симонистскія мнѣнія нашли въ немъ пламеннаго приверженца. Все время, остававшееся ему отъ занятій искусствомъ, онъ слушалъ рѣчи и проникался доктринами новой секты. Это прославленіе красоты и разума, это воззваніе къ невѣдой женщинѣ, которую каждый втайнѣ надѣялся встрѣтить, это остановленіе плоти, говоря техническимъ выраженіемъ, все это было обольстительно для молодыхъ людей въ порѣ первыхъ поывовъ честолюбія и страсти. Въ особенности Германъ, расуокъ котораго не былъ предохраненъ никакимъ основательнымъ бразованіемъ, Германъ, котораго не удерживало отъ заблужденій ничье примиряющее вліяніе, съ упоеніемъ кинулся въ потокъ дѣй живыхъ и истинныхъ, плодотворныхъ и пустыхъ, разумныхъ и безразсудныхъ, начинавшихъ тогда вторгаться въ общество. Онъ читалъ, слушалъ, принималъ все, какъ ни попало, безъ выбора, безъ повѣрки, потому-что все это льстило его безорядочнымъ наклонностямъ, и въ короткое время достигъ не о серьезнаго и откровеннаго убѣжденія, но до ѣдкаго и болѣзненнаго сознанія общественныхъ неравенствъ и несправедливыхъ предразсудковъ, лично противъ него направленныхъ.

Видя, что его слушаютъ со страхомъ и удивленіемъ, восхищавшими его тщеславіе, Германъ, въ частыхъ свиданіяхъ съ Нелидою, неоднократно возвращался къ любимому предмету своихъ мпровизацій и, замаскировавъ все, что могло встревожить ея вѣованія или истиннктъ чистоты, развивалъ передъ нею всю доктрину сен-симонистовъ; это произвело въ рассудкѣ молодой дѣвушкы безпорядокъ, благопріятный ежедневно-возраставшему смятенію сердца.

Г-жа Геспель, неспособная долго забавляться однимъ и тѣмъ же, бросила свои кисти для устройства какого-то благотѣльнаго предпріятія. Она цѣлый день не бывала дома и не занималась ольше Германомъ, ни даже Нелидой, которой, какъ невѣстѣ, ельзя было ни дѣлать визитовъ, ни ѣздить на вечера. Такимъ-

образомъ, благодаря странности случая, молодые люди были пред оставлены самимъ-себѣ и при постоянно-короткихъ сношеніяхъ пользовались совершенной свободой, въ которой никто въ стѣ не могъ видѣть ничего неприличнаго. Германъ находилъ чрезвычайное удовольствіе въ томъ, чтобъ посвящать Нелиду въ таинства искусства и въ основанія социальныхъ теорій. Удивительная организація этой дѣвушки дѣлала ее одинаково способной чувствовать красоту формы и постигать отвлеченныя истины. Какъ мы сказали, передъ взорами ея открывался новый міръ, храмъ, котораго врата какъ-бы чародѣйствомъ отверзались при словахъ молодого оракула. Въ ней не было ни малѣйшаго сомнѣнія; да и какъ могла она сомнѣваться? Германъ говорилъ мистическимъ языкомъ вѣрующимъ и предлагалъ этотъ языкъ къ своему искусству. Красота, по его мнѣнію, была божествомъ, искусство поклоненіемъ ему, художники его жрецами; любимая женщина — блистательной Беатриче, чистой, незапятнанной, ведущей поэта въ небесныя страны.

Глубокое уваженіе, которое сохранялъ онъ въ своихъ свободныхъ свиданіяхъ съ Нелидой, посторонній, по-видимому, интересъ, оживлявшій ихъ бесѣды, ослѣпляли молодую дѣвушку и болѣе и болѣе разувѣряли ее на-счетъ привязанности, которую она сначала встрѣчала съ ужасомъ; или, лучше сказать, она не отдавала въ ней себѣ отчета, она не чувствовала, какъ быстро Германъ вторгался въ ея сердце. Видя его каждый день, она не замѣчала, какъ необходимо стало для нея его присутствіе. Принимая безмолвно роль Беатриче, въ которую онъ облакалъ ее, она не думала, что принимаетъ на себя обязанность и нѣкоторымъ образомъ соединяетъ судьбу свою съ судьбою человѣка, отдаленнаго отъ нея и связями крови и даже общественными отношеніями. Она тихо забывала Тимолеона, думая, что только ожидаетъ его. Къ-тому же, языкъ Германа былъ до такой степени отличенъ, съ нимъ она вступила въ міръ такихъ возвышенныхъ помысловъ, что въ умѣ ей не могло возникнуть никакого сравненія: всякое сближеніе между ними было невозможно. Она даже не знала, было ли извѣстно Герману, что она скоро выходитъ замужъ: разговоръ ихъ никогда не касался дѣйствительной жизни. Молодой художникъ, восторженный и вдохновенный, восхитилъ се вмѣстѣ съ собой въ идеальный міръ и, казалось, боялся снизойти оттуда. Такимъ-образомъ, время шло, дни длились и проходили, часы бѣжали, быстрые и обманчивые, на встрѣчу роковому концу. Такъ ручьи альпійскихъ пустынь скользятъ легко и тихо по едва-вырытому въ песокъ ложу, между двумя зелеными берегами, подъ яснымъ небеснымъ сводомъ. Никакое нечистое дуновение не мутитъ ихъ; ни одно животное не утоляетъ въ нихъ жажды. Только дикій рододендронъ, склонясь надъ бѣгущей волною, роветъ въ нее свою тѣнь и свое благоуханіе. Но вдругъ почва тресется; въ нечувствительномъ склонѣ горы вдругъ дѣлается пре-

нина; разворзается бездна. Тихая волна мечется, бьется, крутит-ся и реветъ въ мрачныхъ глубинахъ между неподвижныхъ массъ гранита.

IX.

Однажды Германъ былъ одинъ съ Неллидой въ мастерской г-жи Геспель. Онъ показывалъ ей рисунки со «стансовъ» Ватикана, и молодая дѣвушка слушала, внимательная и восхищенная, разсказъ его полноуъ, благотворноуъ, цвѣтуеуъ и славноуъ существованіи Фааала Санціо, этого сына *генія и музы*, какъ его прекрасно прозвали. Она простосердечно удивлялась любви великаго художника къ женщиуъ безъ дарованій и безъ добродѣтели, къ простолюдику необразованной, къ *Форнариу*, и находила, что Германа то удивляетъ слишкомъ-мало. Однако, онъ не высказалъ ей всей своей мысли. Онъ не сказалъ ей, что, можетъ-быть, въ собственной его жизни было нѣчто подобное: такъ нѣсколько двуличности вмѣшивается всегда въ самыя чистыя отношенія между мужчиною, этимъ сильнымъ и алчнымъ созданиемъ, которое любить и сиблю вырываетъ каждое наслажденіе изъ каждой грязи, и женщиною, несчастною слѣпою съ открытыми глазами, которая проходить этимъ миромъ сквозь существенность, скрестивъ а груди свое чистое покрывало... Они были вдвоемъ: Неллида склонилась надъ этими благородными эскизами, надъ этими полубожественными созданиими по преимуществу великаго мастера; Германъ сидѣлъ рядомъ съ нею и медленно переворачивалъ листы. Неллидѣ принесли письмо, присланное ей тѣткою. Она узнала руку и поблѣднѣла. Странная судьба! а между-тѣмъ, къ ней шлеть ея молодой женихъ, супругъ ею избранный! Трепещущей руоу разломилла она печать, и пока Германъ слѣдилъ на лицѣ ея вимые признаки внутренняго волненія, она прочла слѣдующее:

«Ваша тѣтушка позволила мнѣ, сударыня, увѣдомить васъ прямо, безъ ея посредства, о новости, которая дѣлаетъ меня счастливишимъ изъ людей: глупый процессъ, грозившій задержать меня здѣсь, кончился мировой сдѣлкою. Послѣ-завтра я ѣду; спѣшу кинуться къ ногамъ вашимъ и просить васъ ускорить день, когда вы удостоите меня перемѣнить имя ваше на мое, домъ вашъ на мой, и когда мнѣ позволено будетъ объявить передъ небоуъ нѣжную, почтительную и преданную страсть, привязывающую меня къ вамъ.»

Неллида не кончила. Глаза ея покрылись облакомъ; письмо выало изъ рукъ. Германъ схватилъ его и пожиралъ глазами. Влѣ себя и обезумѣвъ отъ страсти, отъ отчаянія, онъ обнялъ полу-сертовую дѣвушку и напечатлѣлъ на губахъ ея огненный ноцалуу. Она хотѣла вырваться изъ рукъ его: онъ удержалъ ее. «Ты лю-вишь меня!» вскричалъ онъ: «я это знаю, вижу, чувствую въ глу-

бниѣ моего сердца; ты меня любишь. Безумные! они отрываютъ тебя отъ меня, отъ единственнаго человѣка, который тебя вози-
маетъ! Бѣдное дитя! ступай же, покорись ихъ грубому закону. От-
дай своему мужу, отдай свѣту свои дни и ночи, закуй свою миз-
антропю оледени сердце. Ты не можешь отдать мнѣ души своей,—она уже
принадлежитъ мнѣ: я буду въ ней царствовать на зло людямъ, на
зло судьбѣ, на зло тебѣ—самой. Я больше тебя не увижу, но ты
моя на вѣкъ. Прощай, Неллида.»

И онъ скрылся, оставивъ молодую дѣвушку смятенную, не-
движную, оцѣпенѣлую.

«Германъ! Германъ!» вскричала она наконецъ, приходя въ себя.
И это имя, произнесенное такимъ образомъ, открыло ей тайну
собственнаго сердца. Нѣтъ больше сомнѣнiя, она любила, и
любила страстно, глубоко. Онъ это зналъ; онъ сказалъ это: она
надлежала ему. Поцалуй, который она еще чувствовала на устахъ
своихъ, оставилъ на нихъ неэпидемический слѣдъ. Это была печать
союза, который никто не властенъ былъ расторгнуть. Такъ она
думала, такъ она чувствовала, откровенная дѣвушка. Отнынѣ
и вѣдь Германъ надъ нею казались ей неограниченными. Ей казалось
что отдаться другому было бы съ ея стороны преступленiе.

Весь остатокъ дня и часть ночи провела она въ безысходномъ
смятенiи, походившихъ на сумасшествiе. Потомъ, какъ всегда
бываетъ въ кризисахъ юности, за избыткомъ волненiя послѣд-
овало утомленiе; природа вступила въ права свои: Неллида уснула на
полчаса нѣсколько часовъ. Когда она пробудилась, голова ея была
ясна, мысли ясны; она чувствовала то же, что узникъ, у котораго
спали съ ногъ цѣпи; она рѣшилась, что бы за тѣмъ ни случилось,
взять назадъ свое обѣщанiе, расторгнуть бракъ, не смотря на кри-
ки, просьбы и упреки.

— Развѣ я не свободна? говорила она сама съ собою:—что
можетъ принудить меня къ браку, который сдѣлался противъ
чести? Я люблю человѣка, достойнаго всей любви моей, человѣка
который неравенъ мнѣ въ глазахъ свѣта, но который выше
передъ лицомъ Бога, потому-что душа его благороднѣе, добле-
тель возвышеннѣе, разумъ обширнѣе, нежели у меня. Я люблю
гениальнаго человѣка, я имъ любима: могу ли колебаться хотѣть
нужно? О Иисусъ! о сынъ Марiи! вскричала она, кидаясь на колѣ-
ни и закрывъ лицо руками:— у меня достанетъ силъ послѣдовать
твоему божественному примѣру. Ты не искалъ великихъ земныхъ
славъ, чтобъ сдѣлать ихъ своими друзьями и учениками: ты
искалъ только бѣдныхъ и угнетенныхъ. Ты учишь насъ, что
лучшею славою нѣтъ званiя, нѣтъ преимуществъ выше чистой любви
и горячей любви къ людямъ. Какая же слава, какое блаженство
могутъ сравниться съ тѣмъ, чтобъ все отдать, всемъ пожертвовать,
все пожать ногами для человѣка съ великимъ сердцемъ, борюща-
гося съ испытанiями неумолимой судьбы?

И молодая энгуизистка представляла себѣ въ героическомъ

такъ борьбу свою съ родными и со свѣтомъ; она уже видѣла себя осужденную общественнымъ мнѣніемъ, оставленную друзьями, удаляющуюся съ мужемъ въ уединеніе, живущую только для него, ободряющую его словомъ, награждающую улыбкой, молящуюся, работающую воалѣ него. Она, сама того не зная, подвергалась оболъщенію самому сильному для великихъ душъ, — оболъщенію несчастія. Когда искуситель обращается къ дочерямъ Еввы, онъ не возбуждаетъ въ нихъ и не льститъ обманчивыми обѣщаніями ни любопытства, ни гордости, ни сладострастія; онъ не манитъ ихъ ни земными царствами, ни всевѣднѣемъ ада, но показываетъ вдали, на темномъ горизонтѣ, пустынную землю изгнанія, гдѣ стоитъ одинокій и печальный несчастливецъ, можетъ-быть, преступникъ. И дочь Еввы, великодушная и неблагоразумная, тотчасъ покидаетъ благовонныя кущи и кристаллыя воды: она идетъ къ тому, чьи уста проклинаютъ рожденіе и сердце не знаетъ радости, чтобъ страдать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ пожалѣть его или утѣшить.

Между энергическимъ рѣшеніемъ и его исполненіемъ лежитъ цѣлый міръ нерѣшимостей и слабостей. Когда Нелида, спокойная, твердая, рѣшилась на все, надѣла шляпку и маптылю, чтобъ идти, какъ она часто дѣлывала, къ дѣвицѣ де-Ланженъ, жившей рядомъ, она вдругъ почувствовала дрожь. То, чтó ей за нѣсколько минутъ казалось геройскимъ дѣломъ, припимало теперь въ глазахъ ея видъ позорной ошибки. Идти украдкой, куда же? къ молодому человѣку, сказать ей, гордой, сосредоточенной Нелидѣ, что она его любитъ и хочетъ быть его женою... Этого достаточно было, чтобъ поколебать самую неустрашимую рѣшимость. Послѣ получаса, проведеннаго въ самомъ ужасномъ сомнѣніи, она начала уже машинально развязывать ленты своей шляпки и рѣшилась подождать еще, отложить до завтра... когда стукъ почтовой кареты, въѣзжавшей на дворъ, заставилъ ее вздрогнуть. Полагая, что это, можетъ-быть, г. де-Керваэнсъ, не въ силахъ будучи выдержать его присутствія, она быстро заперла дверь въ комнаты г-жи Геспель и бросилась къ маленькой задней лѣстницѣ, выходящей въ ворота. Скрывъ лицо подъ густымъ вуалемъ, а талию подъ складками длинной маптыли, она прошла воротами, которыхъ еще не успѣли запереть, и быстро пошла по грязному и скользкому троттуару. Не поднимая глазъ, не глядя вокругъ себя, она миновала площадь и вошла въ Тюильри. На часахъ замка пробіло пять часовъ. Сады былъ покрытъ синеватымъ туманомъ. Каштаны простирали по воздуху свои черныя, ломаныя вѣтви. Тамъ-и-сямъ рѣзкій силуэтъ нѣмой статуи выдавался изъ тумана, красноватаго отъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Блѣдная и трепещущая дѣвушка скользила какъ призракъ въ сыромъ туманѣ, подъ недвижными и обнаженными деревьями. Кровь кипѣла въ ея жилахъ и дѣлала ее нечувствительною къ холодному воздуху, медленно пробивавшему ея шелковую маптылю.

Такимъ-образомъ, покорная больше инстинктивному влеченію, нежели сознательному дѣйствию воли, она дошла до укаго пассажа въ улицѣ Бонъ. Она кинулась въ него и, чтобъ не отбѣгать притратнику, быстро взбѣжала на лѣстницу. Но вскорѣ, повинуясь одному изъ тѣхъ внезапныхъ возвратовъ, понятныхъ только тому, къмъ играли страсти, остановилась; неудержимая сила, двигавшая ее, еще разъ ослабѣла; страшно мелькнулъ лучъ разсудка. Внезапно отказываясь отъ своего намѣренія, она схватилась за перила и сильно уцѣпилась за нихъ. Уже она ставила ногу на первую ступень, чтобъ сойдти съ лѣстницы, какъ внизу послышался шумъ шаговъ. Ей представилось, что за ней кто-нибудь слѣдовалъ, можетъ-быть, самъ де-Керваэнсъ, и паническій страхъ овладѣлъ ею. Она опять безумно бросилась впередъ, вошла еще два этажа и, кинувшись къ двери, которую она, казалось, узнала, сильно дернула колокольчикъ.

— Кого вамъ угодно, сударыня? произнесъ пріятный голосъ, нѣсколько ей знакомый.

— Мастерскую г. Реньё, сказала Нелида.

— Вы ошиблись этажемъ, продолжала молодая дѣвушка, открывшая дверь, и Нелида, при слабомъ свѣтѣ погасавшаго дня, узнала ея прекрасные волосы и розовое личико. — Мастерская выше; но мы живемъ здѣсь, прибавила она: — и если вамъ угодно видѣть г. Реньё, то онъ, вѣроятно, скоро будетъ, потому-что мы обѣдаемъ въ пять часовъ.

И, не дожидаясь отвѣта, молодая дѣвушка впустила дѣвцу де-ла-Табле въ маленькую спальню.

— А! это вы, сударыня, вскричала она, подавая Нелидѣ саманный стулъ, съ котораго сняла свою работу: — извините, я васъ сперва не узнала. Но вы нездоровы? продолжала она, видя, что Нелида, въ смятеніи, не могла выговорить ни слова. — Вы занялись всходя слишкомъ-скоро на лѣстницу. Не хотите ли выпить немножко fleur d'orange?

Нелида сдѣлала знакъ, что ей ничего не нужно; но добрая дѣвушка все-таки подошла къ своему коммоду, вынула изъ ящика кусокъ сахара и, разводя его въ большомъ стаканѣ изъ краснаго стекла, который, вмѣстѣ съ такимъ же графиномъ, стоявшимъ на каминѣ, составлялъ лучшее украшеніе этого скромнаго жилища, продолжала:

— Если хотите, я разстегну вамъ крючки; вамъ тяжело дышать. Нелида долго смотрѣла на нее какъ помѣшанная.

— Вы живете съ г. Германомъ? сказала она ей наконецъ.

— Да, сударыня.

— Вы ему родственница?

Дѣвушка улыбнулась.

— Его родственница?.. да, если хотите. Я его жена.

— Я не знала, что онъ женатъ, сказала Нелида голосомъ удивленной.

— Гм, женатъ... Объяснися, продолжала гризетка, подавая дѣвѣ въ Тѣлле стаканъ съ сахарной водой. — Вамъ я готова это сказать; и господицъ-мэръ, ни господицъ-священникъ не заставляли насъ ничего общать одного другому; но тѣмъ не менѣ мы другъ друга любимъ. Я забочусь о нашемъ маленькомъ хозяйствѣ; я очень-ѣрна и вовсе-неревнива. Я не пристаю къ нему за его натурщицъ, хотя часто... но съ художниками не надобно обращать на то слишкомъ-много вниманія. Лучше ли вамъ? сказала она ласковымъ тономъ Нелидѣ, которая машинально выпила цѣлый стаканъ оды.

— Миѣ очень-хорошо, отвѣчала Нелида такимъ глухимъ и слабымъ голосомъ, что, казалось, онъ выходилъ изъ груди умирающаго: — я приѣду еще разъ... заказать портретъ.

И, вставъ съ нервическимъ движеніемъ, она вышла, не смотря на упрашиванія гризетки, и такъ скоро стала спускаться по лѣтницѣ, что испуганная дѣвушка кричала ей: «Берегитесь, берегитесь. Вы ушибетесь; тутъ темно. Тамъ, внизу, на поворотѣ, не остается одной ступени...»

Сойдя до перваго этажа, Нелида на этотъ разъ явственно слышала шаги человѣка, шедшаго къ верху. Въ испугѣ она кинулась во впадину двери, гдѣ было совершенно-темно, и прижалась тамъ, удерживая дыханіе. Человѣкъ, закутанный плащомъ, прошелъ около нея и задѣлъ ея платье. Она стояла еще неподвижная, испуганная, почти мертвая, когда звонокъ, раздавшійся въ ерхнемъ этажѣ, заставилъ ее содрогнуться. Сама не понимая, что блаеть, она сошла еще ниже, вышла изъ пассажа, кинулась въ лицу, повернула за уголъ по набережной и побѣжала по направлению, противоположному Пале-Руаялю. Но вскорѣ способность такой-то дѣтской разсудительности, сохраняемая иногда даже суцасшедшими въ самыхъ припадкахъ, взяла верхъ; она остановилась, разсуждая сама съ собою, что такой женщицъ, какъ она, неприлично привлекать на себя вниманіе прохожихъ, что, будучи одна въ такое время, она должна идти спокойно, чтобъ не подать повода къ грубымъ ошибкамъ. Разсуждая такимъ страннымъ образомъ, она шла около парапета, кидая зловѣщія взгляды на мрачную воду, кой-гдѣ освѣщенную отраженіемъ фонарей. Туманъ гулъ съ каждой минутой. Она подошла къ одному изъ спусковъ, ходящихъ на Сену и, оглядѣвшись кругомъ, не слѣдовали ли за нею, захохотала судорожнымъ смѣхомъ и пошла къ рѣкѣ. Вдругъ жилистая рука сильно схватила ея руку, и мужской голосъ сказалъ ей съ твердостію:

— Остановитесь, сударыня; то, что вы хотите дѣлать, нехорошо.

Нелида оборотилась и увидѣла возлѣ себя человѣка въ рабочничей блузѣ.

— Извините, сударыня, продолжалъ онъ:—если я вамъ мѣшаю; я ужъ нѣсколько времени слѣжу за вами и по вашей одеждѣ, по

вашему разстроенному виду, по тому, что вы одинъ, возгъ ржи, догадался, что у васъ есть какое-нибудь дурное памѣреніе. Пожалте посадить васъ въ карету. Не надобно дѣлать дурнаго удара.

Говоря такимъ-образомъ, работникъ ввелъ на берегъ Нешу, послушную какъ дитя движеніямъ сильной руки, ее державші.

— Благодарю васъ, сказала она наконецъ. Она не могла ниче прибавить. Слезы ручьемъ хлынули изъ глазъ ея.

— Плачьте, сударыня, плачьте, сказалъ работникъ: — слезы облегчаютъ. Я это знаю... Я хорошо знаю, что такое горестъ, утрю васъ, сударыня. И еслибъ не моя бѣдная семья, я, можетъ-быть, давно сдѣлалъ бы то же, что вы хотѣли сдѣлать. Извинте, продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія: — что я веду васъ такимъ образомъ; но я не смѣю оставить васъ одинъхъ; къ-тому же, тесн такой туманъ и вы такъ закрыты своимъ вуалемъ, что васъ никто не узнаеть; впрочемъ, мы возьмемъ фіакръ.

Они дошли до мѣста, гдѣ стоятъ извозничьи экипажи: ни одинъ фіакра не было. Работникъ послалъ разбѣхавшимся извозничь энергическое ругательство.

— Далеко ли вы живете?

Нелида не знала, отвѣчать ли.

— Я спрашиваю васъ не изъ любопытства, сударыня: я толи хотѣлъ знать, много ли вамъ еще прійдется идти, потому-что иши бѣдныя ноги очень — петверды въ эту минуту, а вы не ждите, чтобъ васъ отвесли домой.

— Я живу въ Предмѣстьѣ-Сент-Оноре, сказала Нелида, стыд своей недовѣрчивости: — и очень могу дойти. Но вы... вамъ и по пѣкогда.

— Нѣтъ, сударыня, моя дневная работа окончена, а ужинъ не простываетъ, сказалъ работникъ съ странной усмѣшкой. — Хотите кускомъ сыра—это всегда хорошо, всегда вкусно послѣ десяти часовой работы.

Онъ замолчалъ. Нелида опиралась на его руку съ чувствомъ вольнаго уваженія. Съ строгой и религіозной мыслию обращая она отъ него къ самой-себѣ.

— Что я могу для васъ сдѣлать? сказала она наконецъ, когда они подходили къ отели Геспель. Она положила руку на его локъ, но не смѣла предложить его пролетарію.

— Дать мнѣ обѣщаніе, отвѣчалъ онъ съ большою простотою, положить вашу маленькую ручку, которой подобной я никогда видывалъ, въ мозолистую руку бѣднаго каменьщика, и поклясться ему, что вы никогда не начнете того же.

— Клянусь вамъ, сказала тронутая Нелида и сжала ему руку.

— Простите, сударыня, сказалъ работникъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отеля: — не надо, чтобъ видѣли, что я подошелъ къ вамъ съ вами.

— Скажите мнѣ ваше имя и вашъ адресъ, сказала Нелида.

— Меня зовутъ Франсуа, а живу я въ Улицѣ-Сент-Этьенн-дю-Монъ, нумеръ восьмой, отвѣчалъ работникъ.

Нелида выпустила его руку. Онъ остановился и слѣдовалъ за ней глазами до-тѣхъ-поръ, пока не увидѣлъ, что большая аристократическая дверь затворилась за нею.

Молодая дѣвушка прошла, не будучи узнаною, мимо коморки привратника, принявшаго ее за одну изъ служанокъ, не воображая, чтобъ дѣвица Тѣлле могла прійти такимъ-образомъ, пѣшкомъ, одна и въ такое время. Горничная, видя ее блѣдною, съ измѣнившимися чертами лица, съ мутными глазами, испугалась и хотѣла послать за докторомъ и за виконтессой, объѣдавшей въ гостяхъ; но Нелида, запретивъ ей это, объяснила, какъ могла вѣроятно, причину своего нездоровья и легла въ постель, увѣряя, что она чувствуетъ себя почти совершенно-здоровою. Въ-продолженіе вечера, горничная нѣсколько разъ входила на ципочкахъ и, не слыша ни малѣйшаго шума, видя, что Нелида лежала спокойно, за-ключила, что она спитъ глубокимъ сномъ и не разсудила безпокоить виконтессу Геспель. На другой день, когда пришли къ дѣвицѣ де-ла-Тѣлле въ обыкновенный часъ, ее нашли неподвижною, съ померкшими глазами, съ сложенными оцѣпенѣвшими руками; думали, что она умерла. Призванный на-скоро врачъ нашелъ воспаление въ мозгу и объявилъ, что положеніе больной такъ опасно, что онъ не можетъ принять на себя отвѣтственности за успѣхъ леченія. Составлена была консультація изъ трехъ знаменитѣйшихъ медиковъ. Они единогласно думали, что у больной было жестокое воспаление въ мозгу. Два дня употребляли самыя сильныя средства и, не смотря на то, могли произвестъ только легкое движеніе губъ и рѣсницъ. Г-жа Геспель и г. де-Кервансъ, пріѣхавшій въ Парижъ въ тотъ самый день, какъ занемогла Нелида, попеременно идѣли у ея изголовья. Оба они уже оплакивали ее, какъ умершую, какъ вдругъ, на третій день, Тимолеонъ, подойдя къ постели, амѣтилъ, что щеки больной были живѣе обыкновеннаго. Онъ зялъ ее за руку: о счастье! въ первый разъ въ-теченіе сорока-осьми часовъ рука ея не была холодна. Онъ наклонился надъ ею, и ему показалось, что онъ бредитъ, когда увидѣлъ, что два глаза молодой дѣвушки слѣдовали за его движеніями и старались знать его. Онъ радостно вскрикнулъ; она услышала, потому-что ста ея раскрылись, какъ-будто для отвѣта. «Нелида!» вскричалъ онъ: «узнаете ли вы меня, слышите ли вы меня?» Она пожала ему руку; потомъ, утомленная этимъ усиліемъ, закрыла глаза и по-рузилась въ прежнее забытѣе. Пріѣхалъ докторъ. Онъ нашелъ ульсъ значительно лучше и кожу покрытую благопріятной влажностью. Чтобъ увеличить этотъ благодѣтельный переворотъ, онъ приказалъ усилить тягучія припарки. Въ этотъ день Нелида два раза обнаруживала признаки, подававшіе надежду возвратитъ ее къ жизни. И точно, жизнь возвратилась въ сердце и въ голову молодой дѣвушки; первый предметъ, который она увидѣла, былъ

другъ, съ нѣжностью бодрствовавшей надъ нею; первый мигъ, поразившій ея ухо, было слово любви. Ей казалось, что она пренулась послѣ тяжелаго сновидѣнія. Смутно, какъ въ потускнѣвшемъ зеркалѣ, представлялись ей отвратительные образы. Она была жертвой самаго низкаго обмана. Душа ея не была создана на ненависти; мщеніе не могло имѣть въ нее доступа; но презрѣніе, — такъ она по-крайней-мѣрѣ думала, — сразу убило всю любовь ея. Она считала себя бѣдной больной, счастливо излечившейся отъ припадка безумія. Слѣша покинуть Парижъ, она энергичей воли успѣла время своего выздоровленія и сама назначила день свадьбы.

3-го декабря, безчисленная толпа наполнила Церковь-св.-Филиппа. Длинная шеренга каретъ загоразивала со всѣхъ сторонъ вѣреть. Самое модное общество собралось въ святомъ храмѣ. Ровно въ двѣнадцать часовъ двери сакрестіи отворились: «Вотъ она раздастся со всѣхъ сторонъ. «Какъ она хороша! какъ блѣдна!»

Дѣвица Тьёлле приближалась твердою, хотя еще слабою поступью держась за руку дяди г. де-Керваэнса, бывшаго въ полномъ генеральскомъ лейтенантскомъ мундирѣ. Она была спокойна, сосредоточена, величественна и печальна. Можно было принять ея за жертву древняго рока, за молодую Ниобею, знавшую, что всѣ ея надежды умерли въ груди ея.

Отецъ-Эмери произнесъ почтительную рѣчь, въ которой перечислялъ рыцарскія доблести, наследственныя въ семействѣ ея дѣда, и христіанскія добродѣтели, украшавшія домъ супруги и переходившія отъ матери къ дочери.

— Какъ они счастливы, эти богачи! сказала одна женщина черни своему сосѣду, смотря, какъ дѣвица де-ла-Тьёлле садилась въ карету.

— Не столько, какъ мы часто думаемъ, отвѣчалъ ей мужикъ блуздѣ. Недѣла быстро оглянулась, чтобъ посмотреть, откуда исходитъ этотъ голосъ, который она узнала. Въ тотъ же моментъ Франсуа получилъ по почтѣ въ своемъ чердакѣ Ул. Сент-Этьенн-дю-Монъ купонъ на 200 франковъ дохода, съ идущей запиской, написанной тонкимъ почеркомъ и дрожащею рукою;

«Одна особа, спасенная вами отъ преступнаго безумства, проситъ васъ не отвергнуть незначительной суммы, которая можетъ вамъ поддержать ваше семейство. Попросите матушку благословить новобрачную, а дѣтямъ вашимъ скажите, что она молится за нее.»

х.

Видомъ Виръ лежалъ на возвышенности, съ которой открывался безконечный горизонтъ. Съ одной стороны, эта возвышенность, на пространствѣ двухъ верстъ, непрерывно спускалась

ворота Дода; съ другой, она входила довольно-крутымъ скатомъ къ морю, такъ-что слышно было, какъ сердитая волна въ непогоду ревѣла, ударяясь о крутой ярь.

Это древнее мѣстопробываніе Кервансовъ имѣло самый грозный видъ и отличалось болѣе прочностію и суровымъ тономъ сѣроватаго гранита и чернаго сланца, изъ которыхъ было выстроено, нежели красотою стилл. Была ли огромная громада, ея составившая, результатомъ многихъ построекъ, или она принадлежала къ той переходной эпохѣ, когда еще характеры двухъ архитектуръ, римской и готической, были смѣшиваемы и, казалося, не могли раздѣлиться въ мысли художника, но въ подробностяхъ этого огромнаго зданія не было никакого единства. Это былъ широкій четырехугольникъ, фланкированный тамъ-и-сямъ круглыми башнями, увѣнчанный бойницами, съ неправильно-продѣланными окнами, изъ которыхъ инда сохранили еще немного-сглаженный стрѣлчатый сводъ, между-тѣмъ, какъ другіе были согнуты смѣлыми арками. Широкія сухія луговины, на которыхъ паслись лани и дикія козы, окружали главный дворъ; передній дворъ былъ усаженъ вѣковыми тисами, удивительно разросшимися на почвѣ, особенно для нихъ благоприятной. Неподвижный и важный видъ этихъ деревьевъ, симметрически расположенныхъ въ двѣ шнш, какъ почетная стража, рѣзко отличалъ окружность замка отъ остальныхъ частей ландшафта и, кажется, внушалъ уваженіе всякому, кто приближался къ этому феодальному жилищу. Первая града замыкалась рѣшеткой, съ гербомъ Кервансовъ, отъ которой шелъ длинный прямой путь по направленію древней римской дороги, выводившій черезъ засѣяныя рожью поля на дорогу въ Долю.

Съ другой стороны замка, дѣсь изъ дубовъ и елей, перерытый глубокимъ ровомъ, близъ котораго лежало много гигантскихъ скалъ, дужившихъ нѣкогда, какъ полагаютъ, при жертвоприношеніяхъ рундовъ, былъ перерѣзанъ дорожками и украшенъ тижинами, искусно разбросанными по зеленымъ скатамъ: онъ составлялъ арку рѣдкой красоты и грандіозныхъ размѣровъ. Тимолеонъ не ратилъ значительныя суммы, чтобъ возвратитъ жилищу своихъ предковъ нѣсколько прежняго блеска. Онъ очень дорожилъ честию своего имени; послѣ юности, пресыщенной удовольствіями, въ немъ охранился одинъ сарьбзанный интересъ, одно постоянное желаніе, состоявшее въ томъ, чтобъ воскреситъ, сколько обстоятельства позволяли, славную жизнь предковъ и посредствомъ денегъ и ловкости снова господствовать, какъ нѣкогда они господствовали, почти-неограниченно надъ цѣлою страню. Женившись на дѣвицѣ де-ла-Тѣлла, онъ употребилъ цѣлый годъ на то, чтобъ омѣблировать какъ-можно-вазничше, слѣдуя мѣстнымъ и семейнымъ преданіямъ, обширныя залы Вика, которыхъ залучистые своды, массивныя столбы, рѣзныя рѣшетчатыя балюстрады, точельца изъ дерева, прашенія и высокіе каминны съ остроконачными колпаками, нашь-

нельзя—больше допускали величественное и богатое убранство. Ежедневно привозились туда реставрированные картины, рѣдкія икѣны, ящики, наполненные кельтическими и римскими древностями, которыя Тимолеонъ скупалъ всюду. Онъ самъ часто ѣздилъ въ Парижъ и Лондонъ, то для того, чтобъ торопить работниковъ, и для того, чтобъ приобрести какой—нибудь указанный ему драгоценный обломокъ древности. Архитекторъ и два обойщика были надзоръ за работами; но ничего не дѣлалось безъ приказанія своего хозяина. Онъ занимался самыми мелкими подробностями, одушевлялся страстію къ своему запятію и хотѣлъ, чтобъ каждая вещь представляла собой возможное совершенство.

Съ своей стороны, Нелида не оставалась праздною. Тимолеонъ во всѣхъ случаяхъ имѣвшій привычки знатнаго вельможи, не оставилъ ей свободное распоряженіе ея доходами, и она употребляла ихъ на помощь бѣднымъ: это сблизило ее съ грубыми и дикими, но прекрасными и честными народонаселеніемъ, ее окружающимъ. Удаленная отъ свѣта, въ этомъ прекрасномъ и величественномъ мѣстѣ, столь сходномъ съ наклонностями души ея, чувствуя, что мужъ ея постоянно занятъ, постоянно доволенъ, она провела восемнадцать мѣсяцевъ въ безмятежномъ счастьи. Германа ни разу не было произнесено въ замкѣ Вискъ. Нелида начала новое существованіе, на которое ея прошлые данія едва набрасывали легкую тѣнь. Дни быстро уходили въ добрыхъ дѣлахъ и разнообразныхъ прогулкахъ. Отчеты работниковъ, новые проекты убранства, представлавшіеся на ея вѣнгерскія легенды и семейные анекдоты, которыя Тимолеонъ сказывалъ живо и охотно, сокращали вечера. Она была уверена, что у ней съ мужемъ рѣшительно одни и тѣ же вкусы, одни и тѣ же потребности; и убѣжденная, что для счастья ихъ всегда будетъ нужно одно и то же, радовалась, что избѣжала, и бы чудомъ, гибельной страсти и нашла въ прекрасномъ союзѣ свое, невозмутимое счастье.

Въ то время, съ котораго мы продолжаемъ эту повѣсть, замокъ Вискъ совершенно измѣнился. Тимолеонъ, непринимавшій никакого, пока не были совершенно—готовы его конюшни, конюшня, ничья принадлежности и ливреи, вывезъ Нелиду къ сосѣдкамъ. Во всѣ стороны посланы были письма, которыми пріятельница приглашались провести лѣто въ Бретани. Пріѣхали викариусъ Геспель, дѣвица Ланженъ, сдѣлавшаяся баронессою Сонья, и много другихъ болѣе или менѣе короткихъ знакомыхъ. И въ паркѣ непрерывно раздавались звуки роговъ и шумныя толпы отправлялись на охоту, на рыбную ловлю, на объѣды, устраивавшіеся на чистомъ воздухѣ, въ живописныхъ мѣстоположеніяхъ. Приготовлялся домашній спектакль. Тимолеонъ былъ въ восторгѣ. Нелида старалась раздѣлять его радость; но вскорѣ, посреди этихъ удовольствій, непрерывно довавшихся одно за другимъ, она почувствовала себя не на счастіи.

лѣтъ, начала тосковать о своемъ уединеніи мало-по-малу, подѣльми или другимъ предлогомъ, уклонялась отъ такъ-называемыхъ жельскихъ удовольствій и вскорѣ стала выходить къ гостямъ тогда-лишь, когда присутствіе ея было необходимо. Тимолеонъ не амѣтилъ этого такъ, какъ она ожидала; онъ оказывалъ еще къ свободѣ другихъ уваженіе, подѣль которыми скрывалось учтивое равнодушіе; обыкновенно, поцаловавъ у жены руку и спросивъ, будетъ ли она на охотѣ или на прогулкѣ и получивъ отъ нея въ отвѣтъ, что не будетъ, онъ не настаивалъ и уходилъ, не стараясь даже знать причины ея отказа.

Въ Викѣ, какъ въ Парижѣ, прекрасная Органса была царицею праздниковъ. Она пять разъ въ день перемѣняла туалетъ. Утромъ, въ дубовыхъ аллеяхъ, встрѣчали ее съ ролей въ рукахъ, въ воспитательномъ бѣломъ пеньюарѣ; за завтракомъ она являлась въ замомъ искусномъ неглижѣ. Позже, амазонка съ длиннымъ хвостомъ обхватывала ея тонкую талію; взмахнувъ хлыстомъ, кидалась она на бойкую лошадь, состязаясь съ самыми смѣлыми ѣздоками въ опасныхъ скачкахъ. Вечеромъ, разодѣтая, съ обнаженной шеей, она вальсировала, пѣла романсы, или, даже не заставляя себя слишкомъ просить, нѣсколько-веселыя пѣсни; если свѣтила луна, она накидывала на свои бѣлыя плечи испанскую манилью, предлагала идти гулять въ паркъ, и каждый добивался ея ести подать ей руку. Такъ, вѣчно-кокетливая, вѣчно-готовая на охотѣ, она держала мужчинъ, спорившихъ о ея благосклонности, въ тщательномъ соперничествѣ и заманчивой неизвѣстности, тысячу разъ дурачила своего мужа, смѣялась какъ-нельзя-больше надъ сѣмн провинціалками, осмѣливавшимися показаться въ замокъ Викъ, и постоянно сохраняла въ сношеніяхъ съ Тимолеономъ какою-то отгѣнокъ почтительной лесты, противорѣчившій той неполношней прихотливосты, съ которою она заставляла другихъ себѣ подчиняться; за это и г. де-Керваэнсъ былъ ей признателенъ.

Не разъ Неллидѣ становилось больно при легкиихъ разговорахъ, которые присутствіе ея всегда нѣсколько стѣсняло. Не разъ, видя, какъ пріятны Тимолеону дерзкія выходки и мало-прикрытыя невусмысленности г-жи Соньянкуръ, она выходила изъ гостиной въ слезами на глазахъ. Г. де-Керваэнсъ не находилъ, не искалъ больше случая говорить наединѣ съ своею женою. Ту же заботливость, ту же внимательность, которыя она принимала за доказательства любви, расточалъ онъ не только баронессѣ, но и всѣмъ женщинамъ, приглашаемымъ въ замокъ. Живые припадки грусти показывали Неллидѣ на перемѣну, которой она хорошо не понимала; впрочемъ, ни малѣйшее подозрѣніе не вторгалось въ ея сердце; только, начиная опасаться, что серьезное расположеніе ея духа гораздо-менѣе нравится Тимолеону, нежели рѣзкая очаровательность баронессы, она стала завидовать легкости и живости Органсы, какъ качествамъ, которыя могли бы сдѣлать ее привлекательнѣе въ глазахъ мужа.

Слишкомъ — гордая и дѣйствительно слишкомъ — добрая, она в хотѣла смущать грустнымъ присутствіемъ своимъ никакого утешенія, и удваивала усилія, чтобъ скрыть тоску, все болѣе и болѣе проникавшую въ ея сердце; тщетны были эти усилія, отъ которыхъ она облегчала себя по окончаніи вечера, когда одна, в своей комнатѣ, могла плакать свободно и безпрепятственно предаваясь своей печали.

Виконтесса Геспель, если не слишкомъ-разумно, то весьма-честосердечно привязанная къ племянницѣ, замѣтила перемѣну в расположеніи ея духа и, съ обыкновенной проницательностью написавъ ея скучѣ отъ долгаго пребыванія въ провинціи, однажды утромъ объявила Нелидѣ, что черезъ два дня она ѣдетъ въ Парижъ и хочетъ увести ее съ собою.

— Увести меня? произнесла г-жа де-Кервансъ, весьма-удивленная.

— Да, дитя мое, отвѣчала виконтесса: — съ тебя вѣрно ужь вольно твоей Бретани, гдѣ ты прозябаешь цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ. Надобно возвратиться въ Парижъ. Я буду жить съ тобой еще нѣсколько мѣсяцевъ, и мы повеселимся до здѣшняго, не смотря на то, что вы здѣсь живете по-царски. Къ бы ни было, деревня всегда деревня.

— Увѣрю васъ, тѣтушка, я вовсе не скучаю.

— Лицемерка! Твой мужъ откровениѣ. Я сообщила ему планъ, и онъ поблагодарилъ меня, сказавъ, что такъ-какъ ты любишь ни охоты, ни домашняго театра, ни другихъ удовольствій здѣшней жизни, то удерживать тебя здѣсь было бы съ его стороны тиранствомъ. Тимолеонъ — примѣрный мужъ!

— Но, тѣтушка, я не могу съ нимъ разстаться, а онъ, я не можетъ оставить Вика прежде зимы.

— Большая разлука четыре мѣсяца! Я не полагала, что ты такая горлинка. Къ-тому же, — между нами, — если ты любишь своего мужа, то изъ кокетства оставь его ненадолго. Восемь мѣсяцевъ жить вдвоемъ — это нелѣпо, и я не понимаю, какъ Тимолеонъ, при такомъ образѣ жизни, не надѣлалъ уже тысячь глупостей. Если ты хочешь продолжить этотъ медовый мѣсяцъ безъ того уже слишкомъ-продолжительный, тебѣ надобно перестать, стать другой женщиной. Когда твой мужъ найдетъ въ Парижѣ окруженною поклонниками, въ модѣ, это ему не польститъ, можетъ-быть, возбудитъ въ немъ беспокойство; онъ захочетъ оспоривать тебя у другихъ; это задѣнетъ его самолюбіе.

— Ради Бога, тѣтушка, не говорите этого, прервала Нелидъ больно. Я вамъ благодарна за участіе; но я остаюсь.

— Пусть такъ, отвѣчала виконтесса, нѣсколько обиженная; только я тебѣ предсказываю, ты будешь раскаяваться.

Этотъ разговоръ оставилъ въ г-жѣ Кервансъ тяжелое впечатленіе. Какъ ни привыкла она къ необдуманной болтовнѣ тѣтки, на этотъ разъ ее объяло странное опасеніе. Увѣренность, съ ко-

и виконтесса сказала ей: «Ты будешь раскаиваться», леденила сердце. Въ первый разъ въ отдаленіи начинала она видѣть, что молеонъ можетъ перестать любить ее. Онъ одобрилъ предложеніе г-жи Геспель: стало-быть, онъ раздѣлялъ мысли виконтессы. Въ то же время, Нелида вспомнила, что тѣтка ея думаетъ, будто скучно, и что мужъ ея сказалъ: «удерживать ее здѣсь съ стороны было бы тиранствомъ». Тимолеонъ соглашался на разку съ нею изъ доброты, изъ заботливости о ней. Она упрекала въ томъ, что хоть на минуту могла въ немъ усомниться, и нѣсколько дней къ сей возвратилась ея прежняя ясность.

XI.

Однажды послѣ обѣда, все общество отправилось на охоту въ окрестностяхъ Доля. Посмотрѣвъ на отъѣздъ охотниковъ, Нелида возвратилась въ гостиную. Безъ всякаго новаго повода къ печали, она была погружена сама-въ-себя, разсѣянна и не думала идти свою половину. Уже нѣсколько времени она не посѣщала богатыни и школь, устроенныхъ ею по пріѣздѣ въ эту сторону. Грусть являетъ движенія души, и если не гаситъ въ ней состраданія, крайней-мѣрѣ лишаетъ его силы и энергіи. Г-жа де-Кервазанъ вела утро съ книгой въ рукахъ, не читая, сидя у открытаго окна, откуда взоръ ея обнималъ длинную аллею, по которой Тимолеонъ, отставшій отъ другихъ, отправился догонять охотниковъ. Книжки Вика были футовъ въ восемь толщины, и Нелида устроила ихъ изъ бамбуковой рѣшетки, обвитой растеніями, убѣжище въ домъ изъ оконъ гостиной, гдѣ она была въ одно время и въ детствѣ и въ уединеніи. Стукъ лошаднаго галопы вывелъ ее изъ таиня. Г. де-Вернѣль въѣхалъ на дворъ. Это былъ кузень Тимолеона, старый холостякъ съ философическамаъ расположеніемъ сердца, прекраснымъ сердцемъ, беззаботный, учтивый и болтливый; Нелида любила его, и онъ оказывалъ ей величайшее уваженіе.

— Я пріѣхалъ по приказанію вашего мужа, прекрасная кузина, а залъ онъ, прыгая съ лошади съ легкостью двадцатилѣтняго молодого человѣка:—но не пугайтесь; ничего не случилось. Я пришелъ только просить васъ надѣть къ обѣду ваши лучшие наряды и приказать Карльѣ приготовить дофинину комнату. У насъ особый пріемъ: маркиза Зешпови, только.

Г. де-Вернѣль подошелъ къ окну и, опершись на испанскій жасминъ, росшій внизу, взялъ руку Нелиды и поднесъ ее къ губамъ. — Вы сегодня прекрасны, милая кузина, продолжалъ онъ:— вы выглядите лучше. Какъ онѣ всѣ будутъ бѣситься, эти мнимыя красавицы! Вы надѣнете бѣлое платье, не правда ли? и это маленькое кружевное покрывало, которое даетъ вамъ видъ рафаэлевой... Надобно, чтобъ моя кузина сдѣлала мнѣ честь, прибавилъ онъ съ нѣжностью глядя на Нелиду:— къ-тому же, нужно дать

сраженіе. Надобно, чтобъ ваша пріятельница Ортанса и вашъ непріятельница маркиза Зеппони были положены на мѣстѣ.

— О комъ вы говорите? сказала Нелида, приходя въ себя послѣ долгой разсѣянности. — Госпожа Зеппони? Я въ первый разъ слышу это имя.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ г. де-Вернѣль съ недовѣрчивымъ видомъ: — это невозможно.

— Увѣрю васъ, я ни разу не слыхала о маркизѣ Зеппони.

— Въ такомъ случаѣ, я также хорошо сдѣлаю, если буду молчать... Но нѣтъ; вы женщина благоразумная; васъ слѣдуетъ предупредить; только не выдайте меня. Если Тимолеонъ ничего не ворилъ вамъ, значить, у него были свои причины.

Нелида молчала. Г. де-Вернѣль, играя вѣткой жасмина, стоялъ у окна, и тихо вода ею по пальцамъ г-жи Кервасъ, и продолжалъ:

— Маркиза, или, говоря подобно этимъ Итальянцамъ, *ла-Зеппони* Сицильянка, славная своей красотой и своими любовными похождениями. Нѣсколько сумасшедшихъ перерѣзались за ея прекрасныя глазки, что, какъ вы можете вообразить, очень ее возвысило. Въ время послѣдней поѣздки своей въ Италію, Тимолеонъ написалъ о ней исторію, которой подробностей я не знаю, но которая началась чертовски-много шума. Это приключеніе кончилось къ удовольствію моего кузена. Маркиза, говорятъ, надѣлавъ страшныхъ авансовъ, не увѣнчала его пламени (слогъ времени періи) и предпочла ему маленькаго принца, владѣвшаго двѣнадцатью квадратными футами въ Германіи. Красавица и принцъ уже годъ ѣздятъ по всей Европѣ; но вдругъ они ссорятся въ Лондонѣ. Маркиза одна возвращается въ Италію, и я не знаю, по какому случаю или по какому адскому расчету пристааетъ къ ней въ Шербурѣ и пріѣзжаетъ ногостить недѣлю у своей пріятельницы, г-жи Лекуврѣръ, въ трехъ миляхъ отсюда. Для меня видно, что она пріѣхала въ надеждѣ снова поймать Кервасъ и свои сѣти. Вѣрно она слышала объ васъ. Ей показалось, что стоите того, чтобъ отбить его у васъ. Ловкой комедіанткѣ удалось бы позабавиться на вашъ счетъ. Она уже маневрируетъ релъ Тимолеономъ, встрѣтившимъ ее на охотѣ, разумеется, чайно. Но будемъ держаться твердо, кузина; намъ нѣчего бояться съ чьей стороны...

Замѣтивъ, что крупная слеза катилась вдоль блѣдной щеки Нелиды, г. де-Вернѣль остановился.

— Ахъ, простите меня, милая кузина! сказалъ онъ ей, взявъ ея руку: — я опечалилъ васъ. Право, я этого вовсе не хотѣлъ. Какъ могъ я вообразить, что вы пріимете это серьезно!

— Вы меня ни мало не опечалили, сказала Нелида, улыбаясь слезы:—я знаю, что это шутка.

— Къ-тому же, вы не ревнивы; вы такъ умны, что не можете быть ревнивы, продолжалъ г. де-Вернѣль. — Мы всѣ удивляемся

амъ въ этомъ отношеніи, потому-что, наконецъ, вы очень могли и не принимать у себя въ домѣ прежней любовницы вашего мужа и не обращаться съ ней, какъ съ короткой пріятельницей.

— Что вы хотите сказать? возразила Нелида, поднявъ голову и перивъ въ г. де-Вернёля свои прекрасные влажные глаза.

— Вы или невинны какъ этотъ жасминъ, или насмѣхаетесь надъ мной? Но вѣтъ, честное слово, мнѣ кажется, вы не смѣетесь. Дѣло въ томъ, что ваша пріятельница, Ортанса, дочь португуса, супруга г. Жакё, котораго она за шесть тысячъ франковъ украсила смѣшнымъ баронствомъ Совьянкуръ, до вашего зазвѣстья была любовницей вашего мужа. Вы этого не знали?

— Это невозможно! вскричала Нелида. — Ортанса кокетка, но честна, и Тимолеонъ слишкомъ меня любить...

— Тимолеонъ васъ любитъ; я думаю, чортъ возьми! большое достоинство! Кто не сталъ бы любить васъ? Но, во-первыхъ, онъ редъ женитьбой ничѣмъ не былъ обязанъ въ-отношеніи къ вамъ. — тѣхъ-поръ... послушайте, вотъ уже восемнадцать мѣсяцевъ, къ онъ вамъ вѣренъ: для человѣка, подобнаго ему, это вѣчность. — го касается до вашей пріятельницы, то, право, это самая безстыдная тварь, какую только мнѣ случалось встрѣчать въ жизни, а гу извѣстно, что у меня было съ кѣмъ сравнить ее... Но я болѣю какъ старый холостякъ, продолжалъ г. де-Вернёль: — вамъ удобно еще заняться туалетомъ. Еще разъ, кузина, станемъ защаться и не спустимъ флага передъ этимъ проклятымъ итальяскимъ отродьемъ.

Г. де-Вернёль удалился, не подозрѣвая, какую отравленную яду онъ оставилъ въ душѣ Нелиды. По счастью, ей некогда было углубляться въ свои печальныя мысли. Метр-д'отель тотчасъ явился къ ней за приказаніями; надобно было спѣшить. Къ-тому-же, послѣднія слова г. де-Вернёля пробудили въ ней инстинктъ нищны. Г-жа де-Керваэнсъ одѣвалась съ непривычнымъ тщаніемъ при мысли, что чужестранка, прекрасная и дерзкая, станетъ порывать у ней любовь ея мужа. Сердце ея билось отъ гнѣва, также и отъ тайной надежды на побѣду, и когда ей доложили, что показались экипажи по дорогѣ, она кинула въ зеркало быстрый взглядъ, въ которомъ блистала восторженная увѣренность красоты эмогушей.

Съ живымъ чувствомъ удовлетвореннаго тщеславія подалъ Тимолеонъ руку маркизѣ Зеппони, помогая ей выйти изъ коляски, ввелъ ее въ сѣни своего царски-убраннаго жилища. Эта часть дома имѣла истинно-величественный видъ. Сводъ поддерживался ромными столбами съ составными капителями; кругомъ скульпурныя и другія украшенія показывали и вкусъ и богатство владельца. Дубовыя двери, великолѣпно выточенные, распахнулись стезь, и Тимолеонъ, ведя подъ руку маркизу, вошелъ съ нею въ новую галерею, освѣщенную сверху и увѣшанную фамильными-портретами. Въ ту же минуту скользнулъ по своей позолочен-

ной жерди шпалерный занавѣсъ высокой работы, и г-жа Керваэнсъ, въ сопровожденіи г. де-Вернёля, г. де-Соньянкура и многихъ сосѣдей, медленно подошла къ нимъ. Тимолеонъ покраснѣлъ отъ гордости, видя, какъ хороша была Нелида. И въ-самомъ-дѣлѣ, встрѣча этихъ двухъ женщинъ была единственна въ своемъ родѣ. Никогда геній живописца или ваятеля не представлялъ такихъ контрастовъ равной юности и красоты. И той и другой не было еще двадцати лѣтъ; Элиза Зеппови была совершеннымъ типомъ той существенной красоты, которая, не говоря ничего душѣ, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на чувства. Полный овалъ ея розоваго лица напоминалъ головы Джорджони или третьей мацеры Рафаэля; низкій лобъ былъ осяненъ двумя прядями блестящихъ волосъ черныхъ съ синимъ отливомъ. Блестящіе зрачки ея плавали во влагѣ, подобно звѣздамъ, отраженнымъ въ источникѣ; губы ея, обыкновенно полуоткрытыя, выказывали два ряда зубовъ перловой бѣлизны; носъ, котораго ноздри раздувались при малѣйшемъ волненіи, пышныя очертанія рукъ и плечъ, цѣбрежная походка и даже голосъ, нѣсколько неясный, — все дышало въ ней нѣгой, обѣщало наслажденіе и вызывало жажду сладострастія. Со времени своего замужства, Нелида развилась, получила больше увѣренности въ приемахъ. Пепельный цвѣтъ покрылъ ея золотые волосы, но прозрачная кожа ея была такъ же бѣдна и во взорѣ ея сохранилась та же чистота дѣвственная. Когда она подошла къ маркизѣ, можно было подумать, что спокойная, чистая и задумчивая муза съвера встрѣтилась съ рѣзвой афинской прелестницей. Эти женщины такъ же ловко обмѣнялись учтивостями, какъ-будто внутри ихъ не происходило никакого волненія. Онѣ смотрѣли другъ на друга какъ-нельзя-благосклоннѣе, говорили тономъ какъ-нельзя-богѣе дружескимъ. Съ обѣихъ сторонъ соблюдены были приличія со всѣмъ тактомъ лучшаго общества.

Маркиза хвалила все, что видѣла въ замкѣ, съ естественностію и простотою женщины, привыкшей къ подобному блеску; она съ увѣренностію говорила о дружбѣ ея къ г. Керваэнсу и приглашала Нелиду пріѣхать поскорѣй посмотрѣть Италію.

Въ свою очередь г-жа де-Керваэнсъ, ободряемая восхищенными взглядами мужчинъ, ее сопровождавшихъ, въ-особенности г. де-Вернёля, видимо наслаждавшагося ея превосходствомъ, г-жа де-Керваэнсъ, чувствуя, что она прекрасна и видя на лицѣ мужа ясныя слѣды одобренія, выдержала это испытаніе, первое, на которое она рѣшилась, съ совершеннымъ спокойствіемъ. Она была предупредительна безъ излишества, любезна съ достоинствомъ, почти весела. Трудно сказать, что происходило въ сердцѣ Тимолеона. Встрѣтивъ такъ неожиданно маркизу, нашедъ ее прекрасною, сладострастною, онъ почувствовалъ въ себѣ сильное желаніе отплатить ей и наказать ее за капризы. Кокетство Элизы въ-продолженіи смятенія и шума охоты, раздражило въ немъ чувства; онъ забылъ

я до того, что сдѣлалъ ей новое любовное признаніе. Тщеславіе то было компрометтировано, бой начатъ; онъ долженъ былъ выйти побѣдителемъ, хотя бы на одинъ день. Съ другой стороны, онъ былъ восхищенъ тѣмъ, что могъ показать этой надменной женщинѣ, какъ ему легко было забыть ее съ молодою и прелестною сеною. Будучи прежде всего свѣтскимъ человѣкомъ и гордясь своимъ именемъ, онъ былъ безконечно-благодаренъ Нелидѣ за то, что она показывала себя такой большой дамой. Этотъ день былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ въ его жизни. Самъ онъ, обыкновенно столь-умѣренный, столь-безстрастный, на этотъ разъ, возбужденный охотой, прекрасными винами, которыми, по его признанію, разносили во множествѣ, разговоромъ, усыпаннымъ тематами, тайными примѣненіями, острыми двусмысленностями, наладѣлъ больше собою. Не разъ, въ-теченіе вечера, онъ съ воюргомъ сжималъ руку Нелидѣ, отыскивая глазами маркизу; однажды даже онъ взялъ длинный бѣлокурый локонь жены и нѣжю поднесъ его къ губамъ. Г. де-Вернѣль былъ въ восхищеніи; аркиза начинала сомнѣваться въ своей побѣдѣ и терять увѣренность. Вскорѣ, жалуясь на большую усталость, она попросила позволенія удалиться, и Нелида, ушедши въ свои комнаты, молча преалась сердечной радости. Пока горничныя разстегивали ея платье снимали съ нея покрывало, она съ безконечнымъ блаженствомъ возобновляла въ памяти тысячу мелкихъ событій этого вечера. Она вспоминала каждый взглядъ, объясняла каждое слово, будучи ѣрена, что завоевала снова сердце мужа, на минуту поколебавееся. Прошло два часа прежде, нежели она рѣшилась лечь въ остель. Чувствуя боль въ головѣ и разстройство нервовъ, она оторрила окно, чтобъ подышать чистымъ ночнымъ воздухомъ. Время было прекрасно; звѣзды блестяли на небосклонѣ; все было безолвно, все спало. Нелидѣ вздумалось сойти въ паркъ. Накрывъ олову и плеча длинною шалью, она тихо спустилась по поенной лѣстницѣ и вышла изъ замка маленькой дверью, которая, въ ея удивленію, была растворена.

Первымъ движеніемъ ея въ радости и страданіяхъ было—обратиться къ Богу, и потому она пошла къ часовнѣ, построенной на ерегу оврага въ честь св. Корнилія, патрона Арморика, на томъ момѣ мѣстѣ, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, совершилось одно изъ удесъ его. Не безъ труда отворила она одну изъ тяжелыхъ дверей вятилица, гдѣ днемъ и ночью горѣла лампада и, ставъ на кобин на ступеняхъ алтаря, начала молиться, какъ она уже давно е молилась. Въ эту минуту къ ней возвратилось все набожное евеніе ея дѣвичей жизни; душа ея, облегченная отъ тяжелаго времени, расширялась и радостно возносилась къ небу.

Вдругъ ей послышались по дорожкѣ робкіе шаги, приближавіеся къ часовнѣ. Ей сдѣлалось страшно, она остановилась; шаи замолкли около двери. Черезъ нѣсколько минутъ, ничего не ыща, она подумала, что ошиблась, и хотѣла уже выйти воужъ,

какъ вдругъ песокъ закрипѣлъ подъ новыми, болѣе-твердыми шагами, и хорошо-знакомый ей голосъ провнесъ весьма-тихо: мы здѣсь!

— Я здѣсь, на скамьѣ, отвѣчали ему.

Трепещущая Нелида оперлась на чашу съ святой водою. Тамъ были голоса ея мужа и Ортансы. О чемъ они могли говорить другъ съ другомъ въ такомъ таинственномъ мѣстѣ? Какую ужасную тайну она еще услышитъ? Она стала слушать.

— Что значить этотъ безнокойный капризь говорить со мною на чистомъ воздухѣ и въ совершенной темнотѣ? грубо сказала Тимолеонъ.—Что вамъ отъ меня угодно?

Ортанса отвѣчала отрывистыми словами, которыхъ Нелида могла разслушать.

— Право, чрезвычайно-смѣшно, продолжалъ г. де-Кервансъ, что вы дѣлаете мнѣ сцену, между-тѣмъ, какъ та, которая имѣетъ все право быть ревнивой, показываетъ, что она умѣетъ вести себя приличія.

— Если ваша жена слѣпа, тѣмъ лучше для васъ; но кто больше меня имѣетъ право быть ревнивой, Тимолеонъ! И г. де-Ортансы принялъ нѣжное выраженіе, произшедшее въ сердце Нелиды.—Не пожертвовала ли я для васъ всѣмъ? Не лишилась ли я для васъ самыхъ выгодныхъ партій?

— Кто васъ объ этомъ просилъ? прервалъ господинъ де-Кервансъ.

— Забывъ всѣ виды ваши противъ меня, не я ли угождала Нелиду выйти за васъ? Лишь-только вы пожелали, не пришла ли я въ эту забытую сторону, чтобъ оживить этотъ замокъ и сделать его столько же веселымъ, сколько Нелида дѣлала его грустнымъ? Не компрометтировала ли я себя вторично и не заставляла ли я своего мужа разыгрывать самую глупую роль единственнаго для вашей забавы? А вы, неблагодарный, когда я думала, возвратила васъ къ себѣ своими жертвованіями, вы увлеклись первою прихотью...

— Здѣсь очень-сыро, сказалъ Тимолеонъ:—мы поговоримъ объ этомъ завтра. Вы не имѣете ничего больше сказать мнѣ?

Ортанса зарыдала; но они удалялись, и Нелида не слышала конца разговора.

Сколько смутныхъ и бурныхъ ощущеній этотъ подслушанный разговоръ поднялъ въ душѣ Нелиды! сколько раскрылъ ей тайнъ и низостей! Сколько грустныхъ испытаній втѣснялось въ эту чистую, какъ небо, душу! Вездѣ, во всѣхъ сердцахъ, которыми были для нея открыты, ложь и измѣна! Вездѣ ея откровенной преданности отвѣчали коварствомъ. Въ этихъ жестокихъ мученіяхъ одно радовало ее: она не узнала ничего новаго объ отношеніяхъ Тимолеона къ маркизѣ. Сама Ортанса, видѣвшая ихъ вмѣстѣ въ утрое, на охотѣ, безъ-сомнѣнія, слишкомъ преувеличивала въ ихъ глазахъ ихъ короткость. Она не была свидѣтельницею

по происходило вечеромъ, она не знала, что все измѣнилось, что прихоть исчезла.

Нелида вышла изъ часовни, дѣлая комментаріи на эту пріятную мысль. Она была на столько женщина, что не могла не сдѣлать сравненія, которое ее оживляло. Тимолеонъ, столько-почтительный, столько-внимательный съ нею, говорилъ съ г-жею Соньякуръ тою смѣшливымъ и презрительнымъ. Итакъ, онъ отдавалъ должное имъ объѣмъ; итакъ, въ сердцѣ его легко будетъ снова зажечь упругую любовь? Съ душою, полной надежды, возвратилась она въ свою комнату, рѣшившись удвоить предупредительность и чтивость къ объѣмъ своимъ соперницамъ, потому-что Тимолеонъ, азалось, такъ много цѣнилъ эти вишія приличія.

Каково же было удивленіе Нелиды, когда, на другой день утромъ, Ортанса, блѣдная, разстроенная, съ вздымающею грудью, бѣжала въ ея комнату и, показывая ей распечатанное письмо, скривчалась залахочущимся голосомъ:

— Нелида, тебѣ измѣняютъ. Помѣшай твоему мужу ѣхать, или ты погибла.

Нелида, узнавшая руку Тимолеона, однимъ взглядомъ прочтала слѣдующія двѣ строки: «Вы требуете, прелестная тиранка, — я люблю за вами. Въ полдень я съ вами ѣду и провожу васъ до Парижа».

Ортанса, вперивъ глаза въ Нелиду, съ поблѣднѣвшими губами ждала ея отвѣта.

— То, что вы дѣлаете, не достойно ни васъ, ни меня, сказала-жа де-Кервазисъ, превозмогши первое тяжелое чувство.—Какъ опалась вамъ эта записка?

— Его камердинеръ несъ ее маркизѣ Зеппони. Подозрѣвая истину, я вырвала ее у него изъ рукъ, сказавъ, что отдамъ ее вамъ. Я солгала изъ преданности къ тебѣ, Нелида. Это дурно, продолжала она, смущенная спокойнымъ и холоднымъ взглядомъ Нелиды.—Это очень-дурно; но я хотѣла спасти тебя.

— Ортанса, сказала Нелида, положивъ руку на плечо своей оварной пріятельницы съ величественнымъ видомъ, отъ котораго а, казалось, ушла подъ землю на десять футовъ:—вы мнѣ жалки. Все знаю; я знаю, чѣмъ вы были и что вы теперь въ-отношеніи ко мнѣ. Я случайно слышала вашъ вчерашній разговоръ у часовни.

Гортензія сдѣлала движеніе ужаса; лицо ея побагровѣло.

— Не бойтесь, продолжала Нелида: — я не погублю васъ. На будущее время вы сами опредѣлите, какія отношенія будутъ возможны и приличны между нами. Что жъ касается до г. де-Кервазиса, то онъ совершенно свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и письмо, которое васъ такъ беспокоитъ, само-по-себѣ весьма-естественно.

И, не давъ Ортансѣ времени отвѣчать, Нелида вышла, сдѣла длинный обходъ корридорами, чтобъ не замѣтили куда она

идеть, и постучалась у дверей мужа. Она рѣшилась на отчаянную мѣру.

Войдите, сказалъ Тимолеонъ. — А! это ты, Нелида? прибавилъ онъ, спѣша поцаловать у ней руку: — не слишкомъ ли ты устава отъ вчерашняго вечера? Ты была восхитительна. Но садись, прощу тебя.

И онъ съ самымъ почтительнымъ видомъ, какъ король, по-двигалъ ей кресло.

— Тимолеонъ, сказала Нелида съ важнымъ видомъ, впервые къ нему свои большіе голубые глаза, наполненные слезами: — у меня есть до тебя просьба.

— Скажи лучше: приказаніе, продолжалъ г. де-Керваэнсъ, стараясь быть любезнымъ.

— То, что я хочу сказать тебѣ, Тимолеонъ, очень-серьезное дѣло идетъ о нашемъ спокойствіи, о нашемъ счастьи.

Г. де-Керваэнсъ посмотрѣлъ на нее съ несказаннымъ выраженіемъ удивленія.

— Тимолеонъ, не уѣзжай.

— Какъ? возразилъ онъ нѣсколько смутясь и стараясь сохранить присутствіе духа.—Кто сказалъ тебѣ, что я уѣзжаю?

— Ты уѣзжаешь въ полдень, съ маркизой Зеппони.

— Э, да, разумѣется, моя милая, продолжалъ онъ съ притворнымъ равнодушіемъ. — Я провожаю ее въ Доль. Это обязанность моя, какъ хозяина замка; ты не захочешь, чтобы я ее нарушилъ?

— Ты ѣдешь въ Парижъ, сказала Нелида твердымъ голосомъ.

— Въ Парижъ? Но клянусь тебѣ, я объ этомъ вовсе не думалъ. Я пробормоталъ г. де-Керваэнсъ, можетъ-быть, въ первый разъ жизни чувствовавшій смущеніе и начинавшій теряться. — Какъ же, развѣ я не бывалъ въ Парижѣ? Почему это можетъ тебѣ нравиться?

— Мнѣ не слѣдуетъ дѣлать тебѣ упреки, но что-то говоришь ты, что, для минутной прихоти, ты играешь своей жизнью. Именемъ твоего отца, честию, всѣмъ для тебя святымъ, Тимолеонъ, заклинаю тебя, не ѣзди!

И Нелида, гордая Нелида упала къ ногамъ мужа и съ умоляющимъ видомъ обнимала его колѣни. Въ эту минуту на дворѣ далось хлопанье бичомъ почталійона и звонъ бубенчиковъ выхъ лошадей. Постучались въ двери.

— Встань, вскричалъ Тимолеонъ, восхищенный этимъ неожиданнымъ освобожденіемъ.—Вѣрь моей любви и надѣйся на меня.

То былъ г. де-Вернѣль.

— Гдѣ же ты? вскричалъ онъ.—Тебя зовутъ, тебя всюду зовутъ. Маркиза внизу, въ дорожномъ платьѣ; она хочетъ проститься съ тобой въ кухнѣ. Но я не удивляюсь твоей забывчивости, прибавилъ онъ, кидая насмѣшливый взглядъ на Нелиду, у которой во рту было платье были въ безпорядкѣ:—молодые супруги, извѣстно, не видятъ и не слышатъ.

Собравъ все присутствіе духа, Нелида сошла въ гостиную, гдѣ ожидала ее г-жа Зеппони. Не получивъ отвѣта отъ Тимолеона, она бѣсилась и думала, что онъ ее дурачить. Нелида проводила ее до кареты, извиняясь передъ ней за г. де-Керваэнса, котораго, говорила она, нигдѣ не могли найти. Элиза съ досадою усаживалась въ подушкахъ и бормотала какія-то несвязныя слова; почтальйонъ, сидя верхомъ, хлопнулъ въ послѣдній разъ бичомъ; рѣпотка была отворена настежь...

— Стой! закричалъ повелительный голосъ. — Прощай, Нелида! сказалъ г. де-Керваэнсъ, быстро проходя мимо жены:—я ѣду въ Доль и возвращусь сегодня вечеромъ. Маркиза, вы позволяли мнѣ проводить васъ...

И онъ кинулся въ коляску. Глаза маркизы заблестали радостью; она бросила на замокъ торжествующій взглядъ. Коляска исчезла. Нелида побѣжала въ свою комнату и упала лицомъ къ землѣ, умоляя Бога о смерти.

III.

Безмолвіе царствовало въ замкѣ, гдѣ за восемь дней назадъ раздавались охотничьи рога, концерты и балы. Ортанса внезапно уѣхала, не осмѣлившись показаться Нелидѣ. Любопытствуя узнать, что будетъ съ Тимолеономъ и маркизой, г. де-Вернѣль отправился по почтѣ въ Парижъ; сосѣди разѣзжались по домамъ. Нелида, оставленная одна, не имѣя извѣстій о мужѣ, предалась самой горькой печали. Ее снѣдала медленная лихорадка; мысль ея не останавливалась ни на какомъ опредѣленномъ предметѣ; она не могла ничѣмъ заняться, ничего не чувствовала, кромѣ того, что она совершенно покинута. Бѣдная женщина! на веснѣ жизни, она видѣла передъ собою долгій рядъ дней, въ которые не будетъ для нея ни малѣйшей радости; видѣла несчастье, произведенное человѣкомъ, которому она поклялась въ вѣчномъ уваженіи и вѣчной любви. Эта мысль убивала ее; часы тянулись, тяжелые и грустные; ночь приводила съ собою безсонницу; каждое утро она ждала письма, которое не приходило. Безпрерывно возобновлявшееся безпокойство, надежда, каждый разъ жесточе и жесточе обманывавшая, были для нея ужасны. Наконецъ, черезъ пятнадцать дней послѣ отъѣзда мужа, она получила слѣдующее письмо:

«Не правда ли, ты простишь мнѣ, мой милый ангелъ, что я не послушался дѣтскаго каприза, перваго и безъ сомнѣнія послѣдняго, который я видѣлъ съ твоей стороны? Порядочные люди, какъ мы съ тобою, должны давать другъ другу полную свободу, потому-что они никогда не употребятъ ее во зло. Я ѣду въ Миланъ съ г-жею Зеппони. Она не нашла въ Парижѣ особы, которая должна была ѣхать съ нею, и я не могу отпустить ее одну въ такой дальній путь. Что бы тебѣ ни говорили объ этомъ путе-

«шестви́н, на которое я рѣшился изъ одной учтивости, не слушай «злыхъ навѣтовъ,—чтобъ завистники наши не радовались, знай, «что ты безпокоишься. Поѣзжай въ Парижъ. Приготовься открыть «домъ свой къ началу зимы. Я буду въ восхищеніи, когда услышу, что ты веселишься и имѣешь всѣ успѣхи, которые принадлежатъ тебѣ по праву.

«Весь твой

«Тимолеонъ.»

«P. S. Я забылъ сказать тебѣ, что, можетъ-быть, я возвращаюсь дальней дорогой, то-есть черезъ Алжирію и Испанію. Демонъ «тешествій шепчетъ мнѣ въ ухо: я охотно приношу ему жертвы, «онъ былъ ко мнѣ всегда благосклоненъ.»

Это письмо довершило отчаяніе Нелиды. Не признаваясь томъ сама себѣ, она часто, въ невинности своей, думала, мужа ея вдали отъ нея будутъ мучить невыносимыя угрѣнія совѣсти. Она ожидала сердечнаго вопля, страданія, возвращенія, мечтала о самомъ великодушномъ прощеніи и клалась заставить его забыть вину удвоенною съ своей стороны любовью и внимательностью. Она двадцать разъ читала и перечитывала письмо столь странное, столь учтливое, столь холодное, гдѣ было такъ мало заботы о ея страданіяхъ. Итакъ все то, что лось ей съ ужасомъ видѣть изъ свѣта и его обыкновенія, справедливо. Лучшіе люди открыто слѣдовали въ немъ вѣчеліи самаго презрѣннаго эгоизма; бракъ былъ только пустой формою обязывавшей къ одиѣмъ взаимнымъ учтивостямъ, и данная клятва не вѣсила и атома на вѣсахъ прихотей. Тимолеонъ не былъ смущенъ, ни взволнованъ; онъ не колебался; можно было думать, что онъ рѣшался на самое обыкновенное дѣло; казалось даже, думалъ, что Нелида не будетъ отъ-того чувствовать ни малѣйшаго печали, когда онъ приглашалъ ее искать разсѣянія и говорить объ успѣхахъ и удовольствіяхъ.

Нѣсколько разъ Нелида собиралась отвѣчать. Она двадцать начинала, рвала и снова начинала письмо. Ни одно не вышло, именно того, что она хотѣла сказать. То она находила, что выраженія были слишкомъ-холодны, то ей казалось, что она слишкомъ выказала грусть свою; она почти столько же боялась читать Тимолеона упреками, какъ и успокоить его, показывая покоряется своей участи. Рыданія прерывали ее; слезы текли по бумагу, и грустное письмо должно было начинаться снова. Тяжелая шла цѣлая недѣля. Силы ея истощились; она уже не могла выйти изъ своей комнаты; въ глазахъ ея не было больше блеска; она едва было слышно; жизнь тихо и какъ-будто нехотя уходила изъ этого прекраснаго тѣла въ полномъ цвѣтѣ юности и красоты.

Однажды послѣ обѣда, лаской, войдя къ ней, дожидаясь внизу дожидается одинъ молодой человекъ, присланный графомъ и принесшій картину для часовни.

— Попроси его на верхъ, сказала г-жа де-Керваэнсъ, которой сердце забилось при мысли, что она увидитъ человѣка, съ которымъ, безъ сомнѣнія, Тимолеонъ разговаривалъ, который, можетъ-быть, имѣлъ отъ него порученіе и, какъ-будто должна была увидѣть мужа, она на-скоро прошла въ свою уборную и накинула на неубранные волосы свои бѣлое кружевное покрывало, которое такъ нравилось Тимолеону. Но что случилось съ нею, когда, вошедъ въ комнату, она увидѣла блѣдную, важную и мрачную фигуру Германа, который стоялъ опершись на мраморъ камня! Ей показалось, что передъ ней призракъ; съ минутой она была неподвижна, потомъ, объятая дѣтскимъ страхомъ, вскрикнула и побѣжала къ двери.

— Ради Бога, сударыня, сказалъ Германъ, заграждая ей дорогу и почти силой подводя ее къ кресламъ, въ которыя она упала:—ради Бога, выслушайте меня! Что бы вы ни думали, къ вамъ приходитъ другъ, другъ преданный, безкорыстный, готовый служить вамъ во всемъ.

И, ставъ на колѣни возлѣ креселъ, онъ продолжалъ говорить, между-тѣмъ, какъ Нелида, неподвижная, безсильная, глядѣла на него мутными глазами.

— Вы должны меня ненавидѣть, сударыня; вы должны презирать меня; въ поведеніи моемъ вамъ должна была показаться ужасная двуличность...

Нелида, немогшая произнести ни слова, сдѣлала повелительный знакъ, чтобъ онъ замолчалъ.

— Изъ жалости, удостойте меня выслушать, сказалъ онъ:—черезъ часъ я уѣзжаю. Будьте сострадательны... я столько перенесъ! Я имѣю право на ваше состраданіе. Бѣдная мать моя! я лишился ея; она умерла на моихъ рукахъ, еще нѣтъ тому и мѣсяца: и теперь у меня нѣтъ никого на свѣтѣ, кто бы любилъ меня, кто бы пожалѣлъ обо мнѣ.

— Ваша матушка... проговорила Нелида, и у ней потекли слезы.

— Никого, сударыня, продолжалъ Германъ:—потому-что женщина, которую вы видѣли въ тотъ несчастный день, эта женщина, назвавшаяся вамъ моею женою, — она ничто для меня, она всегда была для меня ничѣмъ. О! еслибъ я могъ открыть вамъ тогда мое сердце! Вы простили бы меня, можетъ-быть; вы стали бы больше прежняго уважать меня, узнавъ, какую вольную муку претерпѣвалъ я, и усилія моей любви, чтобъ остаться достойнымъ ась. Но я не долженъ былъ этого дѣлать. Невольное уваженіе ковывало уста мои. Вы готовились выйдти замужъ за человѣка богатаго и благороднаго. Я старался убѣдить себя, что онъ доставитъ вамъ жизнь, если не счастливую, то пріятную и спокойную. У меня не было ни славы, ни имени, ни богатства. Несчастный! у меня не достало смѣлости. Какъ я за это наказанъ! Въ другой разъ расскажу я вамъ, какими невѣроятными усиліями достигъ я того, что зналъ почти день за день все, что вы дѣлаете.

Около года мнѣ казалось, что вы довольны, и я покорился; но уже два мѣсяца вижу я пропасть подъ вашими ногами; вижу, что вамъ измѣнили всѣ, кого вы любили, что вы однѣ, какъ я, еще больше, нежели я; потому-что, наконецъ, у меня есть моя муза, моя священная муза, которая ободряетъ меня и спасаетъ; но васъ... кто спасетъ васъ? Свѣтъ привлечетъ васъ, обольститъ...

— Никогда! вскричала Нелида, недумавшая уже о томъ, какъ странно присутствіе Германа въ замкѣ Викъ и чувствовавшая то необъяснимое успокоеніе, которое въ самыхъ сильныхъ горестяхъ производитъ голосъ человѣка, сочувствующаго нашимъ страданіямъ.

— Такъ вы теперь думаете, сказалъ Германъ: — но завтра, не черезъ мѣсяць, но черезъ годъ?.. Уединеніе васъ мучитъ, прѣбавилъ онъ, подымаясь и садясь рядомъ съ нею:—бѣдная женщина! вы уже очень истомлены страданіемъ.

— Мой мужъ воротится, сказала г-жа де-Кервансъ...

— Онъ не воротится, прервалъ Германъ: — а если и воротится, участь ваша не сдѣлается лучше. Онъ никогда не могъ понять и никогда не догадается, сколько сокровищъ скрыто въ душѣ вашей. Это человѣкъ, которому даны всѣ радости земныя; радости небесныя ему, недоступны...

— Перестанемте говорить о немъ, сказала Нелида.—Поговорите о вашей бѣдной матери...

— Съ нею умерли всѣ мои дѣтскія радости, продолжалъ Германъ:—вся снисходительность, покрывавшая мои проступки, всѣ карства, цѣлившія мои раны, всѣ простыя и набожныя рѣчи, дѣлавшія меня лучше... О, матушка, матушка! продолжалъ онъ, вставая и начиная ходить по комнатѣ въ волненіи, котораго не старался больше превозмочь: — никто изъ насъ не знаетъ, что мы терпимъ съ матерью и первую любовь, которая намъ предшествуетъ и она даетъ намъ въ жизни, и первый лучъ, разсѣвающій мракъ нашихъ понятій,—первую улыбку, выжидающую и ловящую первую взглядъ нашъ,—первый поцалуй, осушающій первую слезу нашу. Первое слово, вызывающее на уста наши первую улыбку! О, матушка! матушка! Съ-тѣхъ-поръ, какъ я потерялъ тебя, чувствую, что я одинъ на землѣ!..

Нелида, которой рожденіе на свѣтъ стоило жизни ея матери, Нелида, неимѣвшая дѣтей, слушая трогательныя слова молодого художника, въ первый разъ почувствовала неопредѣленную грусть, которая, какъ мощная волна, унесла ее далеко отъ исключительнаго чувства собственной печали. Она въ первый разъ услышала въ себѣ отзывъ на тотъ великій вопль несчастія, который, своимъ хоромъ поднимается изъ нѣдръ цѣлаго человѣчества, и, хотя однажды услышавъ, оставляетъ въ душѣ чувство поминутнаго ужаса, навсегда иссушающаго источникъ дѣтскихъ надеждъ и истическихъ утѣшеній. Она смутно разглядѣла грустное слово, выходящее изъ человеческого страданія; она почувствовала, что Германъ страдаетъ, и ей по горести и сказала, протягивая ему руку:

— Забудемъ прошлое. Не будемъ никогда говорить о немъ. Оба мы много страдаемъ. Ободримся. Если вамъ дорога моя дружба, найдите, что она возвращена вамъ совершенно.

— Воплощенная доброта! вскричалъ молодой художникъ, съ восторгомъ схватывая эту руку:—говорите, приказывайте, что могу для васъ сдѣлать? Хотите ли освободиться отъ ига, хотите ли быть отомщены?

— Отомщена! сказала Нелида съ улыбкой, въ которой свѣтлосъ чистѣйшее выраженіе христіанской любви:—на комъ? О Германъ, да простить мнѣ Богъ грѣхи мои такъ, какъ я прощаю... Она не могла произнести имени мужа. Стараясь превозмочь свое мнѣніе, она встала, подошла къ окну, черезъ нѣсколько минутъ протиралась съ полными слезъ глазами и сѣла опять подлѣ Германа, неосмѣливаго за ней слѣдовать и вперившаго глаза на ставленное ею кресло.

— Много вы работали въ теченіе этихъ восемнадцати мѣсяцевъ? продолжала она трепещущимъ голосомъ.

Онъ долго смотрѣлъ на нее, какъ человекъ, непонимающій крошечко предложеннаго ему вопроса и старающійся собрать маленныя воспоминанія.

— Работалъ? сказаъ онъ наконецъ.—О! да, я много работалъ. Звѣ это васъ еще занимаетъ? Моя милая Наяда! она имѣла необыкновенный успѣхъ. Мнѣ дали за нее большія деньги, потому что я ее продалъ, Нелида, — продалъ произведеніе, которое вы ушили; продалъ торгашу часть своей души и крови; продалъ, чтобъ купить клочокъ земли на кладбищѣ. О, бѣдность! Я не могъ дать послѣдней чести смертнымъ останкамъ матери иначе, какъ рзечистивъ мою музу!

И художникъ, убитый горестью, въ свою очередь принялся плакать, какъ ребенокъ. Разговоръ, прерывавшійся и снова начинавшійся такимъ образомъ, продолжался нѣсколько часовъ. Германъ и Нелида въ грусти своей находились подъ очарованіемъ взаимнаго присутствія, очарованіемъ, которое на юныя и симпатичныя лица дѣйствуетъ даже въ самыхъ жестокихъ горестяхъ. Колокольца замка, призывавшій къ обѣду, вывелъ ихъ обоихъ изъ этого чтанія... Г-жа де-Керваэнсъ посмотрѣла на Германа съ несказаннымъ выраженіемъ нерѣшительности.

— Это знакъ, чтобъ я удался, не правда ли? сказаъ онъ.— Загородная владѣтельница замка Викъ не желаетъ оказать гостепримства бѣдному художнику... Но я забылъ, продолжалъ онъ, вынимая портфель изъ кармана: — извините, у меня есть письмо отъ вашей тѣтушки, а я и не подумалъ отдать его вамъ.

Нелида взяла у него изъ рукъ небольшое атласистое письмо, душное амброй, и прочла слѣдующее:

Милая племянница, нашъ пріятель Германъ, имѣвшій,—это въ обихдѣ,—величайшій успѣхъ на выставкѣ, предпринимаетъ артистическое путешествіе по Бретани. Я просила его зайти къ тебѣ

«и написать для меня твой прекрасный профиль; я хочу повѣсить его въ комнату, гдѣ ты жила до замужства. Я думала, что тебѣ не будетъ неприятно подобное развлеченіе, и поручила нашему милому Герману убѣдить тебя прѣхать лучше раньше, нежели «позже. Прощай, дитя мое, и пр. и пр.».

— Знаете ли вы, что въ этомъ письмѣ? сказала Нелида, смотря на Германа съ видомъ упрека.

— Кажется, дѣло идетъ о портретѣ. Но вы не хотите, чтобы я остался, и я иду. А между-тѣмъ, мнѣ кажется, я немного бы васъ обезпokoилъ. Я не былъ бы вамъ въ тягость; я являлся бы передъ вами только тогда, когда вы потребуете. Только вы знали бы, что здѣсь, подъ одной крышей съ вами, есть другъ, который о васъ сожалеетъ, понимаетъ васъ, страдаетъ вмѣстѣ съ вами... Это самое скромное утѣшеніе, какое только я могу предложить вамъ; но вы сдѣлали бы меня гордымъ, еслибъ удостоили принять его!

Метрдотель пришелъ доложить, что кушать готово. Нелида, не отвѣчая Герману, взяла его подъ руку; они тихо и молча сошли по лѣстницѣ съ двойными перилами, внизу которой расширялъ свои неподвижныя крылья черный мраморный сфинксъ и улыбался страшной улыбкой.

Нѣсколько дней прошло, и Германъ не имѣлъ съ Нелидой ни одного откровеннаго разговора. Онъ выходилъ изъ комнаты, которую она приказала для него приготовить въ одной изъ башенъ замка, откуда былъ самый лучший видъ и гдѣ было больше свѣта, — только въ часы прогулокъ. Г-жа де-Кервазисъ поставила себѣ долгомъ посѣщать попрежнему богадельню, школу и своихъ бѣдныхъ. Германъ водилъ ее туда, потому-что она была еще слишкомъ-слаба и не могла ходить одна. Какъ всѣ даровитые художники, онъ обладалъ какой-то притягательной силой, очаровывающей и плѣняющей даже самую грубую натуру. Деревенскія дѣти ходили за нимъ и, увидѣвъ, что онъ иногда беретъ карандашъ, чтобы набросать какую-нибудь замѣчательную фигурику или живописный костюмъ, просили у него *картинки*. Старики словоохотно рассказывали ему, не заботясь о томъ, что онъ не понимаетъ ихъ языка, о всѣхъ неурожаяхъ и о всей скотинѣ, падшей до возраста въ-продолженіе полулѣтка. Онъ былъ щедръ, умѣлъ давать не оскорбляя. Съ нимъ Нелида снова нашла радости милосердія, давно ею забытыя.

За обѣдомъ, при слугахъ, разговоръ шелъ о предметахъ общаго интереса, чаще всего объ искусствѣ; иногда о новѣйшихъ сочиненіяхъ социальныхъ реформаторовъ и о распространеніи сенсационистскихъ, фурьеристскихъ и *гуманитарныхъ*, какъ тогда говорили, идей, странно-смѣшивавшихся въ умѣ Германа, болѣе восторженномъ, нежели логическомъ. Вечеромъ, когда Нелида была слишкомъ-утомлена и не могла разговаривать, онъ бралъ изъ бібліотеки книги, которыхъ она никогда не раскрывала. Чаще всего

тали они Руссо. Г-жа де-Керваэнсъ, даже послѣ замужства своего оставшаяся подъ вліяніемъ воспитанія, полученнаго ею въ настырѣ, не смѣла уступить искушенію, прочесть какую-нибудь философскую книгу. Отецъ-Эмери былъ снисходителенъ къ слабостямъ плоти, но неумолимъ къ дерзкимъ порывамъ разума. Онъ жгучесть предавалъ проклятію всю философію и ненавидѣлъ истинность, разумѣя подъ этимъ названіемъ безъ различія всѣхъ мыслителей, вопрошавшихъ природу, науку и разумъ, чтобъ найти имъ разрѣшеніе загадки человечества.

Г-жа де-Керваэнсъ простолушно удивлялась, находя такое множество идей, до того времени ей незнакомыхъ. Великіе вопросы, въ разрѣшеніе которыхъ углублялся такой религиозный умъ, къ Руссо, привлекли Нелиду и восторжествовали надъ изнеженіемъ умственныхъ способностей. Краснорѣчіе автора «Эми» заставляло ее трепетать отъ удивленія и сочувствія. Еще ишкомъ-мало знакомая съ тонкостями метафизическаго языка, потому немогшая видѣть пронать, которая отдѣляла католическія догматы отъ вѣрованій савоярскаго викарія, она слушала безъ какого сомнѣнія и чистосердечно позволяла вести себя по нечувствительному скату, мало-по-малу выводившему ее изъ сферы каллическихъ вѣрованій. Такъ смѣнялись дни, печальные, странные пріятные; и Нелида, подъ благотворнымъ вліяніемъ милосердія, являвшаго ея бѣдное сердце, и занятій, возвышавшихъ ея разумъ, дошла до того, что почти покорилась своей суровой участи.

XIII.

Германъ Ренье страстно любилъ Нелиду. Онъ любилъ ее всѣмъ гуществомъ своего воображенія и своей гордости—двухъ силъ, равлявшихъ его жизнию. Говоря ей о вліяніи, которое она на него имѣла, онъ не обманывалъ ея. Анекдотъ изъ его дѣтской жизни, который онъ разсказалъ ей, былъ справедливъ во всѣхъ пошенихъ; образъ Нелиды и первое пробужденіе его собственнаго таланта смѣшивались въ умъ его; сердце его впервые забилось для искусства и для нея; завоевать славу и завоевать Нелиду было для него однимъ и тѣмъ же, единственнымъ желаніемъ. Германъ былъ одаренъ рѣдкими способностями. Онъ имѣлъ всѣ признаки гениа, до того, что можно было обмануться: живую восприимчивость, увлекающій энтузіазмъ, удивительную легкость, пламенное слово и кисть, упорную волю, неукротимую гордость, жажду прекраснаго во всѣхъ видахъ. Но въ организациі его былъ громадный недостатокъ, который парализировалъ всѣ эти качества: долженъ былъ сдѣлаться гибельнымъ и для него и для другихъ. Въ немъ была только способность откровенности. Способности соедоточенія, той, которая создаетъ мыслителей, людей съ сильными характерами, истинныхъ художниковъ, у него не было. Онъ

повиновался всёму своимъ инстинктамъ, всёму противорѣчивымъ вліяніямъ, которыми ничто не управляло, которыхъ ничто не служивало. Германъ не могъ представить себѣ никакого принципа устройства и назначить себѣ въ немъ мѣсто. Говоря однимъ словомъ, у него не доставало совѣсти; вмѣсто добра и зла, онъ имѣлъ только успѣхъ или неуспѣхъ своихъ пылкихъ желаній. Зато онъ одаренный отъ природы глубокимъ великодушіемъ, онъ былъ страшный эгоистъ на дѣлѣ. Обстоятельства не мало укрѣпили въ немъ безмѣрную самолюбивость. Страстямъ его не было никакого противоядія. Первое воспитаніе его, въ деревнѣ, подъ глазами слабой матери, было почти ничтожно; съ того же дня, когда пробудилось въ немъ званіе, почти все время его было употреблено на матеріальныя занятія искусствомъ. Предоставленный такимъ-образомъ самому себѣ, онъ много читалъ, потому-что въ немъ была жажда знанія, читалъ безъ порядка и безъ выбора книги всякаго рода, дурныя и хорошія, высокія и ничтожныя. Голова его пришла въ безобразное состояніе, жажда невозможнаго пожирала его сердце.

Увидѣвъ дѣвицу де-ла-Тьёлле, онъ едва не сошелъ съ ума отъ любви къ ней. Думая о ней, о случаѣ, который сблизилъ еще въ дѣтствѣ, о сходствѣ наклонностей, которое онъ замѣтилъ у себя съ нею, онъ добросовѣстно убѣдился, что Нелли была создана для него. Ему ни на одну минуту не приходило въ мысляхъ, что онъ можетъ ея лишиться: нѣтъ, отдадимъ ему эту оправданную любовь. Германъ отступилъ бы, по-крайней-мѣрѣ, поколебался бы, если бы его намѣреніе представилось ему въ этомъ видѣ: но онъ считалъ себя предназначеннымъ къ такой славѣ, что втайнѣ поздравлялъ себя прекрасную патриціанку, павшую на долю знаменитому писателю. Увѣренный, что онъ ее прославитъ, въ бракѣ съ нею онъ видѣлъ высшее на землѣ блаженство, и ничто его такъ не удивляло, какъ еслибъ ему сказали, что онъ сдѣлаетъ худо, вьвязавъ въ него жертвы, которыхъ великости онъ не чувствовалъ.

Можно представить себѣ, что въ немъ произошло, когда онъ, съ которой онъ жилъ по обычаю парижскихъ студентовъ, сказала ему, что приходила дѣвица де-ла-Тьёлле. Онъ мѣсяцъ повторилъ себѣ нѣсколько разъ всѣ обстоятельства этого происшествія; онъ понялъ все; онъ почувствовалъ, что судьба ея въ его рукахъ. Но рассчитавъ также, что не пришло еще время, онъ шпилькой воздержался отъ дерзкаго вызова, который былъ бы брошенъ обществу и прежде создалъ себѣ имя, чтобъ оно было его достаточной силой и дало возможность вступить въ равнымъ оружіемъ; онъ прождалъ восемнадцать мѣсяцевъ въ ожиданіи пѣніемъ увѣренности.

Выставка была для него триумфомъ. Толпа внезапно окружила его картинѣ, и его имя, еще новое въ искусствѣ, перешло изъ устъ въ уста. Парижскіе журналы, съ преувеличеніемъ и естественнымъ въ минуты перваго энтузіазма, представляли

ропъ какъ возстановителя новой живописи, какъ молодаго Ра-
мля, котораго слава затмѣвала всѣхъ его предшественниковъ.
Зъ разгарѣ этого шума, посредствомъ сношеній, заведенныхъ
въ домъ виконтессы, узналъ онъ всѣ происшества, рассказы-
я нами выше. Онъ не колебался; часть его пробила. Нелида
ла несчастна, покинута; ему предстояло благородное призваніе:
ободить ее, отмстить за нее. Наконецъ, ему можно будетъ вы-
вить на показъ всю свою ненависть, всю желчь, которая на-
лялась въ его сердцѣ съ давняго времени. Онъ покажетъ ослаб-
нному и побѣжденному свѣту силу генія, который сгладитъ
различія, изобрѣтенныя людьми, разобьетъ гордость патриціата
жорать своей власти красоту, добродѣтель и честь первой изъ
щипъ! Ему казалось какъ-нельзя-легче потрясти до основа-
это старое общество, недавшее ему такого мѣста, какого ему
лось. Онъ былъ твердо увѣренъ, что удовлетвореніемъ своей
стической страсти откроетъ ожидаемую новую эпоху...

подобный бредъ представлялся въ различныхъ лихорадочныхъ
падкахъ, эта химера являлась въ разнообразныхъ формахъ не
ому молодому плебею нашего времени. Многіе изъ нихъ, читая
повѣсть, вспомнить, если они откровенны сами съ собою, что съ
дня, когда кончилось для нихъ необходимое ученье, до дня,
а бѣдность принудила ихъ взяться за какую-нибудь скромную
мо-выгодную работу, много ночей прошло въ трепетномъ пре-
юваніи этихъ видѣній безсильной гордости; можетъ-быть, они
хнутъ, вспоминая, сколько призраковъ обнимали они во снѣ,
ько примѣряли на голову украшеній, тяжесть которыхъ пода-
бы ихъ, еслибъ судьба услышала эти вопли дѣтскаго тщ-
я и безумствующей надменности.

ь той самой минуты, какъ Германъ снова увидѣлъ г-жу де-
азисъ, онъ убѣдился, что ни мало не потерялъ своего пре-
на нее вліянія. Онъ узналъ, что имѣетъ болѣе нежели пре-
возможности волновать ея душу, занимать ея разсудокъ, рас-
тъ ея воображеніе. Но вскорѣ онъ увидѣлъ также, что его
новить одно препятствіе, для него непонятное—простое созна-
долга, которое не могли поколебать никакіе его парадоксы.
ида, одна, удаленная отъ всѣхъ взоровъ, безъ всякаго надзо-
кромъ собственнаго, нѣкоторымъ образомъ оправдываемая не-
ойнымъ поведеніемъ мужа, сохраняла, не смотря на все это,
гое приличіе и неизмѣнное чувство супружеской чести. Любовь
ана врывалась во внутренность ея души, но въ наружности
благородная женщина сохраняла такое достоинство, такое ве-
е чистоты, что нетерпѣливый и дерзкій художникъ не смѣлъ
овать и молча грызъ удила свои.

слибъ Нелида была опытиѣ, еслибъ она была менѣ-чиста,
омъ, еслибъ мысль о преступленіи могла къ ней приблизиться,
спугалась бы опасености, которой подвергалась, принимая подѣ
кровлю, въ глубокомъ уединеніи, человѣка, котораго стра-

стно любила. Самое слабое вниманіе къ самой-себѣ открыло ей, что эта внезапная покорность грустному существованію, этой радости милосердія, которыя она ощущала теперь полнѣе, нежели когда-либо, прелесть этихъ книгъ, которыхъ чтеніе волновало ее, и наконецъ сила и здоровье, видимо къ ней возвращавшіяся, все это имѣло и могло имѣть только одну причину: любовь. Она поняла бы, что въ томъ отчаянномъ положеніи, въ которомъ и стала ее Германъ, она отвергла бы всѣ услуги, не допустила при себѣ ничего присутствія; она спросила бы себя, съ такою ли свободой оперлась бы она на руку г. де-Вернѣля, тронула бы книга, прочтенная г. де-Соньянкуромъ, таинственную струну ея сердца. Но Нелида была такъ невинна, что не могла быть гораздо разумной; она такъ же мало сомнѣвалась въ себѣ, какъ мало сомнѣвалась въ другихъ.

Такъ прошелъ мѣсяцъ. Съ каждымъ днемъ Германъ все болѣе и болѣе увѣрялся въ томъ, что онъ любимъ, а также и въ томъ, что будетъ отвергнутъ; гордость его была поражена смертью всѣхъ дурныхъ страсти страшно боролись въ душѣ его. Нелида, видъ болѣе спокойная, была снѣдаема измѣнническимъ ядомъ, мало-по-малу проникавшимъ въ самую глубину ея сердца, но неизобнаруживавшимся видимыми признаками; но ея гибельная ренность должна была разрушиться при первомъ случаѣ.

Однажды вечеромъ,—это было въ послѣдніе дни іюля,—слѣдующіе лодые пустынноика замка Вика, по обыкновенію, сидѣли другъ за другомъ въ гостиной нижняго этажа. Цѣлый день былъ ясный; въ эту минуту громъ рокоталъ надъ замкомъ, многочисленныя молніи пронизали герметически-закрытыя ситцевыми занавѣсками окна и бросали въ мрачную комнату бѣглые лучи свѣта. Лампа освѣщала столъ и книгу, изъ которой Германъ съ восторженнымъ волненіемъ и прерывающимся голосомъ читалъ письмо Сен-При Юліи въ первыхъ письмахъ «Новой-Элоизы». Но уже нѣсколько ночей страдавшая бессонницей, чувствуя въ эту минуту ослабляющее вліяніе полной электричествомъ атмосферы, встала съ своего мѣста и сѣла на диванъ, нѣсколько минутъ спустя Германъ родилась дѣтская досада. Не смѣя перервать чтенія, она время-отъ-времени кидала на г-жу де-Кервазансъ жадные взгляды, все ожидая подстеречь на лицѣ ея движеніе, которое бы ей вѣстствовало его чувствомъ; но на высокоомъ, блѣдномъ челюви, на серьезныхъ устахъ, въ этомъ склоненномъ тѣлѣ, одѣтомъ въ простое, не было замѣтно никакого волненія.

Въ нетерпѣнн, раздраженный этимъ спокойствіемъ, которому казалось ему почти оскорбленіемъ, Германъ возвышалъ голосъ, и давалъ ему болѣе и болѣе страстное выраженіе. Наконецъ онъ сталъ декламировать нѣкоторыя мѣста такимъ сильнымъ и восторженнымъ голосомъ, и съ такими жестами, что невозможно было сомнѣваться, что онъ хочетъ примѣнить ихъ къ Нелидѣ,—напрасно! Г-жа Кервазансъ оставалась неподвижною, не прерывала его, не вы-

гизь: ни одна складка платья ея не шевелилась на шелку дивана. Слышалось только правильное и болѣе и болѣе ослабѣвавшее дыханіе ея. Оскорбленный, вышедшій изъ терпѣнія, восторженный словами своими, раздававшимися въ звучномъ пространствѣ, Германъ, не владѣя больше собою, далеко отбросилъ книгу и подошелъ къ дивану, рѣшившись наконецъ открыть этой надменной женщинѣ, не хотѣвшей ничего понимать, весь пылъ своей страсти. Но вдругъ онъ остановился, увидя, что она спитъ или лежитъ безъ чувствъ. Глаза Нелиды были закрыты, губы безцвѣтны: ослабѣвшая рука ея свѣсилась съ подушки. «Нелида!» сказалъ Германъ, невольно испуганный этой неподвижностью. Она не отвѣчала. «Нелида!» повторилъ онъ. Она не сдѣлала ни малѣйшаго движенія. Въ испуѣ онъ положилъ руку на ея сердце, случайно или съ намѣреніемъ раздвинулъ складки ея полураскрытаго платья и съ трепетомъ видѣлъ прекраснѣйшія формы, какія когда-либо удавалось видѣть глазамъ молодаго художника. Голова его закружилась. «О Галаел!» вскричалъ онъ, заключая ее въ страстныхъ объятія: «божественный мраморъ, пробудись въ объятіяхъ твоего любовника, пробудись для жизни, пробудись для любви...»

Нелида раскрыла глаза и, внезапно пришедъ въ себя, вырвалась изъ объятій Германа; онъ не посмѣлъ ее удерживать,—столько уваженія внушалъ взглядъ, который она ему бросила. Она медленно, молча подошла къ окну, отворила его, не смотря на грозу, и оперлась на балконъ, на который начинали падать крупныя дождевыя капли. Германъ упалъ на оставленное ею мѣсто и залился слезами.

XIV.

Возвратясь въ свою комнату, г-жа де-Кервансъ провела остальную часть ночи въ одномъ изъ припадковъ, производимыхъ и снимаемыхъ только самыми удивительными контрастами нашей природы, борьбой самыхъ жестокихъ искушеній, самыхъ противоположныхъ условий, самыхъ несогласимыхъ намѣреній.

Подъ двойнымъ вліяніемъ грозы, наполнявшей атмосферу, и той вихорадки юности, долго подавляемой, которая наконецъ сказала со всей своей силою, Нелида увидѣла передъ собою, какъ-будто при блескѣ злобѣщей молніи, лицомъ-къ-лицу страшную стину. Туманъ спалъ съ глазъ ея. Во второй разъ жизнь ея, которую она считала навсегда-установившеюся, была потрясена до основанія; Германъ появлялся къ ней вторично и вторично овладевалъ ея существованіемъ. Онъ, котораго она бѣжала, котораго она могла ненавидѣть, котораго она могла презирать, возвращенный къ ней силою своей несокрушимой воли, еще разъ дѣлался полнымъ властелиномъ ея мыслей.

Въ такомъ положеніи, женщина менѣе-энергическая нашла бы въ самой верѣшимости своей мнимую твердость. Женщины, бо-

язвима и мечтательна въ одно и то же время, неспособна измѣрить твердой рукою глубину своей совѣсти, скрываютъ отъ себя опасность, чтобъ избѣжать битвы, и умчались въ собственныхъ глазахъ могущество своей добродѣтели въ пользу своей слабости. Подобныя уловки были несовѣстными природнымъ чистосердечіемъ Нелиды, ни разу неизмѣнившимъ ли правилами, ни примѣрами свѣта. Подобная женщина не могла позволить себѣ, полусоглашаясь, спуститься по незамѣтному склону, дѣлать ошибки, каждый день сожалѣть о нихъ и каждый день ихъ увеличивать. Нѣтъ, она умѣла строгимъ взоромъ обнять всю обширность своего недуга. Она осмѣлилась сказать себѣ, что еще подобный день, еще подобный часъ, и она падетъ. Съ тѣмъ поняла она, что одно спасеніе для нея въ немедленной отступности, одна возможность добродѣтели—въ крайности. Надо было бѣжать, удалиться отъ Германа, поставить между нимъ и собою непреодолимыя преграды, никогда больше не видать его. Бѣжать! но куда? гдѣ найти прибрежище? у кого попросить помощи и этой силы противъ себя-самой, въ необходимости которой сознаются самыя закаленные души въ часы мученій?.. Тимолеонъ. При этой мысли она блѣднѣла отъ негодованія; справедливая благородная гордость оскорбленнаго сердца вставала въ ней. Тренингъ говорилъ ей, что подобная слабость будетъ нравственною ошибкой; этотъ человѣкъ, столь мало стоющій уваженія, имѣвшій на ее неопытность легкое вліяніе перваго впечатлѣнія, неспособенъ ни понять, ни поддержать героизмъ великой жизни. Онъ увлечетъ ее снова, онъ удержитъ ее съ собою въ пустынѣ ребяческой сферѣ, гдѣ вскорѣ погаснутъ элементы величія и славы, которые страсть открыла ей въ собственномъ ея сердцѣ. Съ Тимолеономъ, предполагая, что онъ возвратится къ чувствамъ любви и нѣжности, ожидало ее нравственное одиночество, худшее одиночество, или пошлыя веселости, на которыя она не могла больше вернуться безъ отвращенія. Когда великая любовь забилась въ стѣнахъ сердца, когда черезъ нее чувство вѣчной истины вошла въ мощную душу, всѣ эфемерныя условія, всѣ мелкіе размытыя условія общественной жизни до того уменьшаются и сглаживаются, что ты начинаешь чувствовать сожалѣніе и вскорѣ перестаешь чувствовать въ ихъ существованіе... Итакъ для Нелиды былъ возможенъ только выборъ: жить или умереть, — жить любовью и страстью, границъ и конца; умереть, если вѣрность необдуманно влятвамъ, уже нарушеннымъ тѣмъ, кому онѣ были даны, и если вѣра, чтобъ она подавила любовь свою.

Ей не представлялась возможною никакая сдѣлка между личною ничтожною свободою и строгимъ долгомъ. Святая гордость этой женщины не была ни разу оскорблена въ сердцѣ этой благородной женщины. Скрывать подъ супружескимъ кровомъ кланье и ступенное чувство, уступить любовнику, продолжая принадлежать мужу, была окруженною уваженіемъ, которое свѣтъ расточаетъ

нищѣтнѣйшей вѣнчаною; предаваться, подвѣсивъ лжи, низкимъ и бѣглымъ наслажденіямъ, — въ этомъ состоятъ пошлыя доброты женщины, созданныя судьбою одинаково-бессильными противъ добра, которое онѣ признаютъ, и противъ зла, которое влечетъ ихъ, одинаково-неспособными и къ покорности и къ возстанію; лишенными и мужества, рѣшающагося носить цѣпи, и смѣлости, стремящейся разбить ихъ.

Мы видѣли, не такова была Нелла.

..... Громъ пересталъ гремять; поднявшійся сѣверный вѣтеръ нагъ гуча; церковные часы пробили четыре. Въ неопредѣленномъ вѣгѣ зари просыпались заспавшіеся лѣнивцы и печальными головами перекликивались другъ съ другомъ. Охваченная произвольными олодѣтѣвшими вѣтхъ часовъ, предшествующихъ солнечному восходу, олуодѣтая, неподвижно сидя въ большихъ креслахъ, прислоненная къ камину, въ которую грустно забывалъ вѣтеръ, г-жа держалась одна въ приустьвїи Бога боролась съ увеличивавшимися страданіями душевной агонїи, долженствовавшей провести первую неизгладимую морщину по прекрасному лбу ея. Вдругъ ей слышался шумъ шаговъ въ корридоръ, ведущемъ въ ея спальню... шканіе ея остановилось... Нѣтъ больше сомнѣнїя, шаги приближаются, останавливаются у двери... ключъ вертится въ замкѣ... то бы могъ это быть въ такое время ночи? послѣ такого вечера?... то другой, какъ не тотъ, о которомъ она не переставала думать? въ-самомъ-дѣлѣ, то былъ Германъ. Она не почувствовала при видѣ его ни удивленїя, ни ужаса, ни гнѣва. Она знала, что для нѣкъ обоихъ настала ихъ часть, и что слова, которыми они обмѣняются, будутъ для нихъ приговоромъ. Нѣсколько минутъ прошло въ торжественномъ ожиданїи.

— Вы хорошо дѣлаете, что молчите, сказала Германъ, подхо- къ ней:—въ эту минуту я не перенесу отъ васъ горькаго слова, а я знаю, что отнынѣ вы не произнесете другаго. Я ѣду. Я хотѣлъ увидѣть васъ въ послѣднїй разъ прежде, нежели оставлю эти мѣста, которыя вы заставили меня столько любить, которыя теперь заставляете столько ненавидѣть. Я хотѣлъ сказать вамъ вѣче- режде, нежели мракъ совершенно разсѣется, потому-что вы такъ дрожи, прибавилъ онъ болѣе-нѣжнымъ голосомъ:—что еслибъ я не разъ увидѣлъ васъ при дневномъ свѣтѣ, вся гордость моя ис- пала бы, я упалъ бы въ безсилїи къ ногамъ вашимъ, вы уви- дѣли бы во мнѣ раба. Этого не должно быть; я этого не хочу, и не будете имѣть этого торжества. У васъ сердце, неспособное къ любви; вы никого не поведете въ лучезарныя сферы; у васъ два лишь красота Беатриче. Я это чувствую; для меня нѣтъ а землѣ ни любви, ни счастья, ни славы; все это было въ васъ, и это были вы. Вы, такія, какими вы могли быть, еслибъ я гнѣтъ зажечь въ душѣ вашей хоть искру того огня, который жегъ мою душу, а не такія, каковы вы теперь—безчувственные

и холодно-благоразумныя; вы, которыя закрываете глаза свои, чтобъ не видѣть любви нетлѣнной. чтобъ оставаться въ невѣжествѣ и безсиліи... Прощайте, бѣдная женщина безъ рѣшимости! сказалъ онъ, тихо положивъ руку на склоненную голову трепетавшей Нелиды:— прощай, моя высокая мечта, моя благородная надежда! прощай, моя доля безсмертія!.. Да снизойдутъ всѣ прощевія неба на ваше побѣднѣвшее чело! Да не узнаете вы никогда зла, котораго дѣлаете!.. Прощайте.

— Вы не одни побѣдете! вскричала Нелида, вставая и схвативъ Германа за руку. — Вы не одни побѣдете, потому—что я люблю васъ!

Лучъ счастья и гордости блеснулъ въ глазахъ художника; сердце его перестало биться; судорожная дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ; онъ едва не упалъ.

— Васъ достанетъ на такую безумную рѣшимость! вскричалъ онъ наконецъ, не смѣя поднять глазъ на Нелиду, — такъ онъ былъ еще разъ обманутъ:—вы способны къ такой высокой миссии! И при этихъ словахъ губы его невольно сжимались и дрожали.

— Во мнѣ достанетъ рѣшимости на все, кромѣ лжи, отвѣтила она.

Вмѣсто отвѣта, художникъ привлекъ ее къ своему сердцу, и соединилъ ее любовью... Нельзя выразить словами тѣхъ восторговъ, которыя послѣдовали за такимъ страданіемъ. Мечта распаленнаго его осуществлялась въ ту самую минуту, когда онъ считалъ ее исчезнувшею; невозможное стало дѣйствительностью; Нелида принадлежала ему; земли и неба было мало для его счастья.

ПАВЕЛЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ ИГРИВЫЙ.

Повѣсть.

=

Въ небольшой комнатѣ было два стола—одинъ такъ-называемый ломберный, складной, очень-ветхий, другой сосновый, который некогда былъ выкрашенъ голубою краской, затѣнъ бѣлой и лакемъ красной, и потому на вытертыхъ углахъ и лысинахъ были видны были всѣ три слоя краски. Еще стояло тутъ семь стульевъ—пара очень-затасканныхъ, оплетенныхъ осокой, пара воше-деревянныхъ, какъ-будто дружки сосновому столу, но одинъ былъ облеченъ въ первоначальную масть этого стола, то-есть голубой, а другой по-видимому принялъ участіе во второмъ переводе и одѣлся въ бѣлую сорочку; пара тяжеловатыхъ креселъ стариннаго склада и масти, одѣтыя издавна пестрядевыми чехлами, видимо состояли въ близкомъ родствѣ съ такимъ же раскислымъ диваномъ; подушка седьмаго стула, наконецъ, если разсмотрѣть ее тщательно, показывала, что была когда-то вышита шелками по сукну или казмиру неопредѣленнаго цвѣта; но все это давно поблекло, волиняло, шелкъ мѣстами вовсе помытерся, казмиръ посыкъся. Въ комнатѣ стоялъ еще перекосившійся шкафъ, развалившій въкъ свой пузатый комодъ, горка съ трубками, величавое съ гаркушиннъ кургацъ—а стѣны были увѣшаны нѣсколькими разнообразными ружьями и другими отставными охотничьими припасами, а также старосвѣтскими картинами въ красныхъ узенькихъ рамочкахъ.

На диванѣ лежалъ человекъ среднихъ лѣтъ, рослый, плотный, молодой, въ весьма-поношенномъ халатѣ; онъ читалъ какую-то маленькую книжонку, или по-крайней-мѣрѣ держалъ ее въ рукахъ, и сосалъ погасшую трубку. Среди пола лежалъ въ растяжку большой лагавой пѣсь, ворчалъ и лаялъ про себя во снѣ.

Павель Алексѣвичъ Игривый, — такъ звали этого барина, — оглянулся съ улыбкой на своего любимца, потянулъ опять трубку и, замѣтивъ наконецъ, что она погасла, закричалъ: «Эй, Ванька!» Иванъ вошелъ, не говоря ни слова подавъ барину на смѣну другую трубку, а покойницу унесъ для дарованія ей новой жизни, то-есть, для чистки и набивки.

Много пять минутъ продлилось молчаніе, прерванное нѣсколькими вздохами и зѣвками барина и безсловесными возгласами его любимца, какъ опять раздалось: «Эй, трубку!..» По третьему удобному призыву своему, однакоже, помѣщикъ нашъ всталъ, потянулся, спросилъ у Ваньки: «а что, рано еще?» И узнать, къ своему удовольствію, что уже не такъ рано, а часъ девятый, рѣшилъ, что пора спать и пошелъ въ сосѣднюю почивальню. Ванька послѣдовалъ за нимъ. Здѣсь мѣбель ни въ чемъ не уступала кабинетной: односпальная кровать о двухъ тюфякахъ и двухъ периринахъ, съ цѣлою копной подушекъ и безсмѣнными на вѣчныя времена занавѣсками, стояла во всей готовности для приема нѣдра свои хозяина.

— Ну, братъ Ванька, сказалъ онъ: — коли такъ, отойдемъ и молившись ко сну. Ты раздѣнь и разуй меня, уложи меня, икрой меня, подотни меня, переверни меня, перекрести меня тамъ поди, усну я самъ.

— Да никакъ, сударь, сказалъ Ванька: — и дворня-то не спитъ безъ просыпу. Хоть бы приказали собраться да волкожь и пугать; вѣдь вотъ вечеръ телку зарѣзали у Карцова, того гадъ робить обижать стануть. Бывало, вы, сударь, охотились сама.

— Э, бывало! Было да былъемъ поросло. Пожалуй, соберитесь на-дняхъ, да поохотьтесь-себѣ.

— То-то сударь, холостому человѣку все не въ охоту; и вы, сударь, невѣсту себѣ выбрали, да женились, и мужики жалуютъ объ васъ.

Баринъ захохоталъ.

— Эка въ-время собрались пожалѣть! Нѣтъ, братъ, ужъ кончили вѣсты чай давно на томъ свѣтѣ козловъ пасутъ... Эка забота и жить мужикамъ! Ну, видно жь, имъ не о чемъ больше тужить: грибы не часъ, и по ягоды нѣтъ—такъ хоть по словы пани.

— А что жь, сударь, и вѣстимо что такъ: они за вашею спиною живутъ захребетниками и не тужать, а вамъ такъ вѣстимо по случю; была бы хозяйка...

— А зови-тка, ради скуки, Меледу съ понувалкой, тѣмъ и уснемъ подъ шумокъ и размыкаемъ горе.

Меледой прозвали сказочника Гаврюшку, своего, дохорошаго новарскаго помощника, который въ четыре года не могъ научиться готовить простыхъ шей съ забѣлкой, отговариваясь что всѣ ночи на пролетъ сказываетъ барину сказку, и вѣстимо долженъ спать, въ-слѣдствіе чего-де и учиться некогда, и проспалъ память. Меледа вошелъ разутый и полурасдѣтый,

нестъ, по обычаю, подъ мышкой одръ свой—войлочекъ и подушонку, постлалъ его въ ногахъ у барской кровати, присѣлъ на него почесывался и ждалъ барскаго «ну». Въ то же время вошелъ въ комнату еще другой человекъ, одѣтый и обутый, но съ такой дурацкой рожей, что посторонній не могъ бы взглянуть на него безъ смѣха. Онъ сталъ спокойно у дверей, сложилъ руки, выставилъ одну ногу и принялся зѣвать, будто по заказу, растворяя ластъ какъ широкія ворота, и поднося то ту, то другую руку къ бородѣ и растоцыривая все пять пальцевъ. Лицо это было извѣстно въ домѣ подъ должностнымъ званіемъ *понукалки*, а Меледа называлъ его обыкновенно дармоѣдомъ и надоѣдалой. Это была также ночная птица, для потѣхи барина; обязанность его состояла въ томъ, чтобъ не давать уснуть преждевременно сказочнику и понукать его, если тотъ задумается или запынется. Когда одинъ изъ пріятелей Павла Алексѣевича спросилъ его, глядя на эту знаменитость, откуда онъ досталъ такого уroda, и свой ли онъ, то Павелъ Алексѣевичъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это наемный, проскуровскій мѣщанинъ, я плачу ему по четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, да отпускаю еще мѣсячину. Свой на это дѣло не годится, самъ первый уснетъ, напередъ сказочника, — тогда что я съ нимъ стану дѣлать, браниться да драться? нѣтъ, этого я не люблю. А этотъ боится, знаетъ, что сгоню со двора, коли не хорошо служить станеть, такъ онъ и держитъ ухо остро. Притомъ, и я къ нему привыкъ: не могу глядѣть на него, чтобъ не стало клонить ко сну, а какъ растворить ворота, да зѣвнетъ—такъ тутъ и я уснулъ.»

Когда все это устроилось въ порядкѣ, и оба должностныя лица заняли свои мѣста, Павелъ Алексѣевичъ покряхтѣлъ, потѣмъ вздохнулъ, тамъ зѣвнулъ и промычалъ: «ну». Сказочникъ началъ покрякивать, а понукалка присанялся и съ этой минуты вступилъ въ свою должность. Командное словечко «ну» развязывалъ и ему самому языкъ на это же коротенькое словцо и давало ему власть понукать соннаго сказочника. Этотъ началъ очень-плавно и бойко, молоть съ четверть часа безостановочно, а тамъ забормоталъ менѣе-внятно и захотѣлъ перевести духъ. «Ну» началъ его прищипоривать понукалка, у котораго также слипались глаза, но который не смѣлъ прилечь, чтобъ не заснуть, и все стоялъ на своемъ мѣстѣ—«Ну»... Меледа крикнулъ и продолжалъ:

— На томъ на морѣ на окиянѣ, на островѣ на буянѣ, стояла береза золотые сучья, на тѣхъ на сучьяхъ яблочки серебряныя, въ нихъ зернышки граненый алмазь...

— Ну, началъ опять отъ скуки понукалка, покачиваясь и не слушая, впрочемъ, говорить ли тотъ сказку, или дремлетъ.

— Стояла корова золотые рога: на одномъ рогу баня, на другомъ котель; есть гдѣ помыться, попариться...

— Ну...

— Ну, да ну; чего ты нукаешь?

— Да вишь ты не бойко говоришь, дремлешь...

— Самъ ты дремлешь, дармоѣдъ; гляди: затылкомъ двери пробишь; а я не дремлю... На томъ на островѣ текутъ рѣчки медвяныя, сытовыя, берега кисельные; дѣвка выйдетъ ударить коромысломъ, черпнетъ однимъ концомъ—зачерпнетъ два красна холста; черпнетъ другимъ...

Тутъ Павелъ Алексѣевичъ всхрипнулъ довольно-внятно и несомнительно; сказочникъ, сидя на полу и обнявъ руками колѣни, понурилъ на нихъ голову и замолкъ, а понукалка не счелъ уже нужнымъ его тревожить и, постоявъ еще немного, вышелъ въ соседнюю комнату и тамъ прилегъ.

Часу въ седьмомъ утра, Павелъ Алексѣевичъ проснулся, и все въ домѣ зашевелилось. Обувшись въ бараньи сапожки, домашней выдѣлки, и въ халатъ свой, онъ умылся, помолился и сталъ совѣтоваться съ Вапкой, чего бы выпить сегодня: малины ли, бузины ли, шалфею, липоваго цвѣта, кипрею, ивана-да-марьи, ромашки съ лядышами, или ужъ заварить настоящаго чаю? и Ванька разсудилъ, что бузина ъется на ночь для испарины, малина послѣ бани, шалфей въ дурную погоду, липовый цвѣтъ со свѣжими сотами, иванъ-да-марья и ромашка когда не можется, кипрей, то-есть, копорскій или иванъ-чай, по нуждѣ, за недостаткомъ лучшаго, и потому полагаеъ заварить сегодня настоящаго, китайскаго чаю, что и было исполнено. Отъ чая сдѣланъ былъ незамѣтный переходъ къ завтраку; а между-тѣмъ, староста, мельникъ, скотница и другіе сельскіе сановники отбывали доклады свои и получали приказанія. По-временамъ книжка будто невзначай опять попадала въ руки Павла Алексѣевича, но вскорѣ другія занятія развлекали его, и вѣковѣчная книжка оборачивалась корешкомъ вверхъ. Не успѣвъ оглянуться, какъ Иванъ подалъ щип, кашу да жаркое; тамъ оказалось полезнымъ отдохнуть часика два; тамъ Павелъ Алексѣевичъ прошепсѣя по хозяйству и по саду, напился липоваго цвѣта съ сотами, разобравъ нѣсколько ссоръ и жалобъ, отдалъ приказанія на завтрашній день, освѣдомился, не рано ли, и услышавъ, что девятый, поспѣшилъ перекусить немного, помолился, легъ, и Меледа съ понукалкой явились снова тѣмъ же порядкомъ, какъ и вчера.

Вотъ ежедневный бытъ, будничная жизнь Павла Алексѣевича. По праздникамъ онъ облачался въ сюртукъ бураго или кофейнаго цвѣта, выпускалъ бѣлый воротничокъ, бралъ содоменную шляпу или полутеплую фуражку, смотря по погодѣ, трость и бѣлыя перчатки, которыя, впрочемъ, никогда не надѣвались, и отправлялся въ церковь, бывшую у него же на селѣ. Иногда, хотя довольно-рѣдко, кто-нибудь заѣзжалъ къ нему; еще рѣже онъ бывалъ у другихъ; но настоящимъ праздникомъ для него былъ тотъ почтовый день, въ который гонецъ привозилъ ему изъ города письмо. Такое письмо, казалось, одно только привязывало его всей душой къ жизни; Павелъ Алексѣевичъ оживалъ, былъ въ тотъ день дѣятельнѣе и веселѣе, и, прочитавъ письмо разъ-другой про себя, перече-

ывалъ его еще Ванькѣ и одной дворовой женщиной, известной въ домѣ подъ названіемъ мамушки.

Что же читатели скажутъ о Павлѣ Алексѣевичѣ, о бытѣ его родѣ жизни, которую мы старались изобразить точно и вѣрно? Я думаю, что иной, можетъ-быть, и вовсе-незлобный столичный житель готовъ будетъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, пожать плечами и назвать его животнымъ; можетъ-быть, даже и самый снисходительный приговоръ будетъ еще довольно-жестокъ для скромнаго деревенскаго жителя и не избавитъ его отъ сострадательнаго презрѣнія. Но всегда ли наружность достаточно изобличаетъ внутреннюю цѣнность человѣка? почему знать, что помѣщикъ нашъ передумалъ и перечувствовалъ на вѣку своемъ, не взирая на безчувственную, довольно-плоскую и бессмысленную наружность?

—

Нѣтъ тому двадцать-пять, въ сельцѣ Подстойномъ, помѣщичья семья сидѣла за вечернимъ самоваромъ и съ нетерпѣніемъ ждала кого-то. Живой и плотный, бѣлокурый старикъ, въ долгополомъ домашнемъ сюртукѣ, съ огромными усами, съ большими, но бессмысленными сѣрыми глазами, съ отставными военными ухватками и молодечествомъ, похаживалъ взадъ и впередъ, то останавливался у открытаго окна, глядѣлъ и прислушивался, то посматривалъ на стѣнные часы съ двумя розочками и двумя незабудками по угламъ, и наконецъ, продувая трубку свою, сказалъ: «Нѣтъ, ужъ видно, я говорю, сегодня не будетъ».

— А, можетъ-быть, и будетъ, замѣтила хозяйка его, заглянувъ въ чайникъ и прибавивъ туда на всякій случай водицы: — вѣдь ему надо быть къ сроку, къ ярмаркѣ; а ужъ онъ, чай, не обманетъ, коли обѣщалъ захватить къ намъ по пути, да привезти вѣсточку отъ Любаши.

— Ну, загулялся въ Костромѣ, возразилъ старикъ: — человекъ, я говорю, молодой, поѣхалъ въ городъ, да еще съ деньжонками, такъ ему и не до Любаши; она еще ребенокъ.

— Никакъ ѣдутъ-съ, сказалъ вошедъ торопливо слуга, указывая слегка въ ту сторону, откуда ждалъ гостя.

— Ну, вотъ видишь, проговорила хозяйка съ изъясненіемъ радости, между-тѣмъ, какъ хозяинъ вышелъ на крыльцо, а вслѣдъ за тѣмъ обнялъ желаннаго вѣстника и при громогласномъ разговорѣ ввелъ его въ комнату.

— Ужъ и ждать было перестали! такъ встрѣтила его хозяйка: — особенно Иванъ Павловичъ, говоритъ: видно не будетъ; а я все жду-пожду; нѣтъ, говорю, будетъ... чайку прикажете съ дороги, или закусить чего?...

— Благодарю, отвѣчалъ молодой человекъ: — чашечку выпью,

це я тороплюсь домой, немножко позамѣшкался, позадержала Любовь Ивановна...

— Какъ, она? не-ужь-то? голубушка моя! Что жь, видѣлъ ее? Что она? не скучаетъ? здорова?.. Такъ посыпались вопросы матери.

— Здорова, отвѣчалъ тотъ немного зарумянившись, и шепталъ вамъ много поклоновъ и поцалуевъ; я раза три навѣщалъ ее.

— Ужь и поцалуи! сказалъ захохотавъ отецъ: — слышите, чтѣ я говорю? я говорю: ужь и поцалуи; ха, ха, ха!

— На словахъ, разумѣется, возразилъ пріѣзжій: — и хотя словесный поцалуи, да еще и передаточный, утѣшительнѣе для того только, кому назначенъ, но я принужденъ былъ покориться строгости костромскихъ пансіонскихъ правилъ, по которымъ не дозволяется даже поцаловать ручку воспитанницы!

— Смотри, пожалуи! сталъ опять острить отецъ: — дѣти они, дѣти, — а только покинь ихъ безъ присмотра, тотчасъ вотъ по натурѣ своей наколобродятъ... ха, ха, ха! слышите, чтѣ я говорю? я говорю: вотъ тотчасъ по натурѣ своей и наколобродятъ.

— Да поразкажите жь намъ, голубчикъ Павелъ Алексѣевичъ, что-нибудь о Любашѣ, сказала съ нетерпѣніемъ хозяйка, вырвавъ этимъ молодого человѣка изъ замѣтательства, въ которое онъ ставило его бестолковое, но громогласное замѣчаніе Ивана Павловича: — расскажите, чтѣ она, моя голубушка, и какъ?

Павелъ Алексѣевичъ принялся выхвалять Любашу съ большимъ чувствомъ, и сознаніе, что онъ можетъ и даже обязанъ дѣлать это настоящимъ своимъ положеніемъ, отдавая объ ней отчетъ ея родителямъ, доставляло ему большое утѣшеніе. Вскорѣ у матери на глазахъ навернулись слезы, старикъ стоя наклонился впередъ и подымавъ брови все выше, да выше, какъ-будто прислушивался внимательно, а между-тѣмъ безпрестанно перебивалъ всѣхъ островами своими заставляя выслушивать ихъ по два и по три раза, приговаривая: «а слышите, чтѣ я говорю? я говорю: ха, ха, ха!»

— Начальница и дамы не махаются ею, продолжалъ Павелъ Алексѣевичъ: — а вы не нарадуетесь, когда свидитесь. Она выросла, уже почти-совсѣмъ сложилась...

— Охъ, Боже мой, сказала мать, всплеснувъ руками: — въ три года, можно ли?

— А чтѣ жь, матушка? замѣтилъ отецъ: — вѣдь я ты по шестнадцатому году за меня вышла, вспомни!

— И то правда, отвѣчала она, сосчитавъ что-то по пальцамъ: — да вѣдь она ребенокъ еще, видитъ Богъ, ребенокъ...

— Ну, ребенокъ, заревѣлъ Иванъ Павловичъ, не забывая, что онъ самъ сейчасъ называлъ дочь ребенкомъ: — ну, такой же ребенокъ, какъ и ты! ха, ха, ха! Слышите, чтѣ я говорю!

— Какъ, мать такой же ребенокъ, какъ и дочь?

— Ну, да, матушка, да вѣдь я говорю о прошломъ, я говорю...

— Да, о прошломъ! Охъ, разумѣется, всѣ мы были правдами и молодцами...

Расторопный слуга вошелъ и спросилъ робко у барина, не будетъ ли какихъ приказаній на счетъ чего-нибудь, и при этомъ покосился какъ-то странно на гостя. Это значило: кучеръ гостя живнаеть, такъ не напоить ли его пьянымъ, чтобъ барина задержать, по обычаю, на ночь, или ужъ не снять ли на всякій случай у брички колесо? На этотъ разъ подобныхъ распоряженій не послѣдовало: хозяинъ зналъ, что гостю надо быть дома къ сроку ѣхать на ярмарку, и потому, послѣ долгихъ прощаній, благодареній, дружескихъ приглашеній и благословеній, его благополучно пустили.

— А о кось-то я и позабыла спросить! ахнула старушка, когда ричка покатила со двора, и кинулась—было къ окну, но опоздала:—сама Любаша ничего толкомъ не напишетъ... такой вѣтеръ! я и не знаю, выросла ли у нея коса-то, хоть бы вотъ четверти въ три?

— Выросла, матушка, утѣшалъ ее отецъ:—слышишь, сложила съ бѣвка совсѣмъ. Ха, ха, ха! и выросла и сложила съ!

Скажемъ теперь, проводивъ Павла Алексѣевича, что это былъ осѣдъ въ шести верстахъ отъ старика Ивана Павловича Гонюбеля и супруги его Анны Алексѣевны, къ которымъ мы сейчасъ заглянули. Мы были тамъ невидимками, и потому съ нашей брички также колесъ не сняли; но рѣдкому гостю удавалось ѣхать изъ сельца Подстойнаго безъ этой продѣлки.

Павелъ Алексѣевичъ Игривый, полный хозяинъ хорошенкаго мѣльница, Алексѣвки, возвратился года за полтора изъ университета, не кончивъ курса, для приѣма имѣнія своего по случаю внезапной смерти отца, и взялся за хозяйство. Онъ съѣздилъ теперь о своихъ дѣлахъ въ Кострому и привезъ любезнымъ сосѣдямъ бѣсть о дочери ихъ, которая, какъ мы слышали, окончивала свой учебный курсъ въ частномъ пансіонѣ, названномъ на вѣвскѣ, но наю почему, *Образцовымъ*.

Полчаса, которые Игривый ѣхалъ отъ Подстойнаго до Алексѣвки, прошло въ такомъ же точно сладостномъ забытїи и безсвязныхъ, розовыхъ мечтахъ, какъ все время пути отъ Костромы до Подстойнаго. Павелъ Алексѣевичъ думалъ о томъ, что Иванъ Павловичъ правъ, и Любаша вовсе не дитя, какъ полагала Анна Алексѣевна; что самъ онъ сказалъ истинную правду относительно строности пансіонскихъ учрежденій и одной только словесной передаи поцалуя, хотя въ сущности такое задушевное, заповѣдное рукожатіе, какимъ онъ могъ похвалиться, едва-ли не перевѣситъ всего необдуманнаго, легкомысленнаго поцалуя; что, наконецъ, Любаша неизгласимо-мила, не смотря на свой возрастъ отроковицы... Вотъ сущность мечтаній Игриваго, который не скучалъ перебирать кому эту со всѣхъ концовъ, разыгрывать ее на всѣ лады и тѣлится ею на просторѣ. Обстоятельства не позволили ему кончить университетскаго ученя и заслужить ученую степень; но онъ твердо намѣревался сдѣлать это при первой возможности, приходя дѣ-

ла свои въ порядокъ, съ нетерпѣишемъ разсчитывалъ и соображалъ онъ теперь что-то по годамъ и мѣсяцамъ и заглядывалъ въ будущую судьбу свою гораздо-дальѣе впередъ, чѣмъ это намъ дозволено.

Годику прошелъ незамѣтно; въ Подстойномъ и въ Алексѣевѣ все оставалось по старому, съ тою только разницею, что Игривый соскучась безъ Костромы, къ-счастью, вскорѣ опять нашелъ несходимымъ съѣздить туда, по своимъ дѣламъ, и опять привезъ много поклоновъ отъ Любаши; а затѣмъ, наконецъ, нынѣшнѣе событіе и необычайное было на-мази въ Подстойномъ: Гонобобель съ хозяйкой снаряжались въ путь-дороженьку, все въ ту же Кострому притомъ уже за своей Любашей. Она окончила свое образцовое пансіонское ученіе. Отъ суеты и крика Ивана Павловича и дворня стояла всенощную уже семеры сутки сряду; дорожные рыдванъ выкатывали на широкій дворъ и опять подкатывали и сарай разъ по пяти на день. Хозяинъ самъ ничего не смазывалъ и не увязывалъ, но ходилъ день-деньской въ дегтю и въ смолѣ и не выпускалъ изъ рукъ какой-то толстой бичевки. Всѣ приказанія его отдавались дважды и трижды въ одинъ духъ, съ самымъ удареніемъ на «я говорю»; но одна часть приказаній эти была уже исполнена наканунѣ, а другая до того противорѣчила первымъ, или даже самому здравому смыслу, что «сейчасъ» «слушаю-съ» вырывались изъ устъ прислуги только по исконному обычаю, а вовсе не для того, чтобъ кто-нибудь думалъ объ исполненіи. Анна Алексѣевна переправлялась по нѣсколькимъ разамъ день изъ заднихъ покоевъ въ сарай съ нѣсколькими попутчиками изъ дѣвичей: всѣ онѣ были навьючены и нагружены, какъ верблуды, и вся поклажа эта, большею частію съѣстные припасы, укладывалась тихомолкомъ въ рыдванъ.

— Половину этого Иванъ Павловичъ непременно выберетъ вонъ, думала скромно про себя Анна Алексѣевна:—такъ пусть другая половина останется: дорогою пригодится. Кострома не блжій свѣтъ: на своихъ недѣляхъ ѣзды.

Тутъ были не только крендели, кокурки, пироги, курники и прочее рожное всѣхъ родовъ, но были и сушенныя вишни и яблоки и замоченный горохъ, собственно для Ивана Павловича. До моченнаго гороха Иванъ Павловичъ былъ страстный охотникъ, въ всякую пору, особенно дорогою, и имъ-то Анна Алексѣевна удачно затыкала мужу ротъ, когда онъ начиналъ ворчать слѣпо и упорно и назойливо.

Игривый навѣдывался въ это время почасту къ сосѣдкамъ; разъ уже вырывались у него такія странныя выраженія готовности быть чѣмъ-нибудь полезнымъ при снаряженіи въ дорогу, что походило на то, будто ему хотѣлось скорѣе изъѣздить и проводить. Казалось бы, они ему ничѣмъ не мѣшали тутъ—но онъ думалъ объ этомъ иначе, или даже у него была тутъ мысль либо не прямая, а косвенная думка.

Наконецъ взонхло то солнышко, которому суждено было, до

та своего, освѣтитъ побѣдъ Гонобобеля изъ Подстойнаго въ Корому. Рыдванъ шестерней, да трюичная телега стояли у подъѣзда. Несметная дворня, раздѣленная на двѣ густыя толпы, стояла направо и налево отъ крыльца, острила надъ кучеромъ и выноснымъ, надъ дѣвкой въ дорожномъ уборѣ, въ какой-то куцой курткѣ и барыниныхъ башмакахъ, — и ожидала господь. Въ полахъ послышались голоса: барыня простилась съ кошками своими въ дѣвчичей и тамъ отдала уже всѣ приказанія на-счетъ корма присмотра за ними; но баринъ прощался съ собаками гласно, какъ на мирской сходкѣ. «Кирюшка!» кричалъ онъ стоя на крыльцѣ, «да чтобы наваръ былъ дважды въ недѣлю, слышишь, а по днямъ овсянка — слышишь? Я говорю, чтобъ они праздникъ али... ха, ха, ха! слышите, что я говорю?» и народъ, кланаясь одливо, отъ души засмѣялся.

— Это что? спросилъ Иванъ Павловичъ, остановившись на второмъ приступкѣ кареты.

— Дорожные припасы, мой другъ, отвѣчала примирительнымъ голосомъ Анна Алексѣвна.

— Это вонъ — ха, ха, ха! и вотъ это вонъ, — и это вонъ, ха, ха, ха! слышите, что я говорю?—И узлы съ мѣшками летѣли изъ ладана въ открытыя двери. Дворня подхватывала мѣшки и мѣшечки на лету и, по знаку Анны Алексѣвны, передавала все это вихомолку на запятки и въ телегу. Довольный этою побѣдой, Иванъ Павловичъ весело усѣлся, сказавъ: «ну, вотъ теперь милости просимъ, матушка Анна Алексѣвна! Слышите, что я говорю?— Вотъ теперь милости просимъ—ха, ха, ха!»

Поклоны и пожеланія дворни посыпались громогласно; кучеръ вснулъ, тряхнулъ возжами, и карета покатила. Телега была нагружена перинами, подушками, дѣвками, овсомъ и Богъ-вѣсть чѣмъ; а потому большая часть узловъ и мѣшковъ, вылетѣвшихъ изъ кареты мановеніемъ руки Ивана Павловича, поступили на ремненное попеченіе того, кто сидѣлъ на запяткахъ. Бѣднякъ облягъ во всѣ руки и держалъ цѣлый возъ поклажи, такъ, что ни въ не видѣлъ свѣту, ни свѣтъ не видалъ его.

— Вотъ это у Нѣмцевъ считается мила, сказала Иванъ Павловичъ, выглядывая изъ окна, и вспоминая бывшее время походовъ:— го семь версть.

— Ахъ, ты, Боже милостивый! проговорила, словно проснувшись, Анна Алексѣвна и закрыла лицо руками.

— Что тамъ такое?

— Охъ, ужъ не знаю, какъ и сказать, Иванъ Павловичъ! Надо же такому грѣху случиться...

— Да что же такое? говори, я говорю.

— Да ларецъ съ любашинимъ бѣльемъ вѣдь позабыли, весь... Гонобобель вспыхнулъ какъ ракета и рассыпался звѣздочками въ упрекахъ и правоученіяхъ. Сто разъ повторилъ онъ, что уже не протится и что Анна Алексѣвна можетъ теперь управляться какъ

ей угодно. Проѣхавъ однакоже еще версты двѣ, онъ мѣрталъ стой! велѣлъ отпрячь лошадь изъ-подъ телеги и послалъ и лапцомъ, приказавъ привозить его прямо на ночлегъ. Нравочныя еще еще сыпались обильно, но по явному истощенію запаса, повалились все одни и тѣ же, и притомъ майоръ брызгалъ даже съ которыми разстановками, переводя духъ съ большею свободой. Тогда Анна Алексѣевна, все не говоря ни слова, разсудила, что ей рѣшительно прибѣгнуть къ моченому гороху: молча подставила она сумку своему мѣшечекъ; старикъ жадно запустилъ туда руку и, вывалявъ ротъ горстями, ворчалъ уже такъ безсвязно и невнятно, что Анна Алексѣевна вольна была принять это за молчаніе, или за изъявленіе удовольствія.

Микуемъ теперь прочія событія на пути четы нашей въ Кострому, даже и то, что на первомъ привалѣ, гдѣ стали закушать, оказались въ наличности однѣ только вилки, и притомъ на дюжина—а ножей не было ни одного; оставимъ и то, что Губбобель нашелъ въ каретѣ козла въ мѣшкѣ, какъ онъ увидалъ, кричалъ, и хохоталъ, и бѣсновался, и показывалъ всѣмъ людямъ, что барыня взяла съ собою на дорогу козла въ мѣшкѣ, и засматривалъ всякаго ошупывать рога и велѣлъ его выкинуть вонъ, — какъ наконѣцъ оказалось, что это былъ вовсе не козель съ нами, а кресеты съ табакомъ и запасными трубками самого Павловича, — оставимъ, говорю, все это и пойдемъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, встрѣчать и принимать въ пансіона единственную ихъ, Любашу.

Странно, скажу и я при этомъ случаѣ въ скобкахъ, при всѣхъ и каждого послушать что я говорю, — странно: всѣ школы, воспитательныя и учебныя заведенія учреждаются, должно полагать, для того, чтобъ воспитать и образовать ребенка вовсе не для пансіона собственно, а для свѣта, въ которомъ всѣмъ намъ приходится жить... а между-тѣмъ, пошлюсь на то — этому ли тамъ всегда учатъ, или этому ли тамъ научаютъ.

Публичный экзаменъ, съ музыкой и угощеніемъ и танцами, съ вѣнками и цвѣточными вензелями, съ рѣчами на трехъ языкахъ, прощальными стихами и прочими принадлежностями, уже оконченъ, когда Гогобобели вкатились въ рыдванъ съ шестерней въ Кострому. Большая часть выпускныхъ дѣвицъ уже разобраны родителями, прибывшими къ этому экзамену. Любаша, въ сиротствѣ своемъ, не смотря на живую и горячую праръ, пролила уже не мало слезъ, глядя въ томительномъ ожиданіи на своихъ подругъ. Она, запыхавшись, вѣвъ себя, вѣвъ на встрѣчу родителямъ, пропустивъ на этотъ разъ всѣ ушей столь важныя и дѣльныя наставленія начальницы, въ припоминала ей вслѣдъ, какъ себя держать, какъ прислуживаться, кланяться, и какъ привѣтствовать отца и мать. Она бросилась шею матери, потомъ отцу, тамъ опять матери, рыдала и смеялась. Анна Алексѣевна плакала также навзрыдъ, и зрѣлище это

но бы въ-самомъ-дѣлѣ невыносимо-умилительнымъ, еслибъ Иванъ Павловичъ не позаботился придать ему нѣсколько болѣе-спокойствительный оттѣнокъ. Старикъ встрѣтилъ дочь громкимъ и лупымъ смѣхомъ, вралъ и молоть безъ умолку, обращая кстатипекстатипи вниманіе присутствовавшихъ на умныя рѣчи свои. Дѣвцы, вышедшія скромною вереницей въ пріемную проводить поругу свою и раздѣлять съ нею радость, стояли всѣ въ слезахъ и отовылись заранѣе еще къ обильнѣйшему плачу, — но онѣ были о того озадачены поведеніемъ этого папеньки, что стояли въ совершенномъ недоумѣніи, какъ безчувственныя куколки. Сама даже начальница была поставлена въ затруднительное положеніе и въ свойственную ей находчивостью тотчасъ же приискала поводъ, чтобъ пожурить вполголоса покорныхъ овечекъ своихъ и тѣмъ отвлечь ихъ вниманіе отъ странныхъ замашекъ Гонобобеля. Но его нельзя было надоумить этимъ или сбить съ кону: какъ въжливый, итскій человекъ, онъ, напротивъ, считалъ долгомъ своимъ принять болѣе-веселый видъ этому свиданію и прощанію и занять дѣвицъ, — а потому и обратился тотчасъ же къ нимъ, засыпалъ ихъ все-непонятными для нихъ остротами, и, забывшись нѣсколько изъ, протягивалъ руку, чтобъ, по привычкѣ своей, придержать своего собесѣдника за пуговицу. Онъ наступалъ на бѣдненькихъ, цуганныхъ дѣвицъ вплоть и кричалъ почти въ уши, то одной, то другой: «слышите, что я говорю: я говорю, ха, ха, ха—я говорю: дочка переросла матушку — а? каковъ ребенокъ? — я говорю, ха, ха, ха—слышите что я говорю? я говорю: невѣста хоть куда, отбою не будетъ отъ жениховъ — слышите? ха, ха, ха! А ну, иди-ка сюда, продолжалъ онъ: поди, да покажи-ка намъ лѣвое око свое, моя ли ты дочь — вѣдь она у меня мѣченая, ха, ха, ха — слышите, что я говорю? она мѣченая у меня — ты ли это, подмѣнили ль тебя? — Нѣтъ, моя дочка, моя; вотъ и мѣточка — видите, смотрите! Ушко поротое... ха, ха, ха!

Кто взглянулъ бы въ это время на розовое ушко Любашки, которую она улыбаясь подставила, а папенька ея держалъ между пальцевъ, тотъ могъ бы увидѣть на немъ небольшой рубчикъ, длиною въ палецъ. Это, безъ всякихъ шутокъ, была мѣтка, которою отецъ помѣтилъ дарованныхъ ему Богомъ дѣтей, дочь и сына, чтобъ они не затерялись, или чтобъ ихъ не подмѣнили. Благоразуміе или предусмотрительность, достойныя Ивана Павловича Гонобобеля.

Перерости матушку, какъ замѣтилъ Иванъ Павловичъ, Любашѣ было, впрочемъ, не мудрено, потому-что Анна Алексѣевна едва доставала носомъ до середины петлицъ на фракѣ своего мужа. Любаша была средняго роста, гибка и такого пріятнаго очерка въ станѣ, что, казалось, было бы легко обнять ее двумя пяденями, приподнять и поставить передъ собою на столъ. Головка ея была живописна кругомъ и со всѣхъ сторонъ; свѣтлорусые волосы, съ пѣлымъ отливомъ, слегка извивалась волной по обѣ стороны прѣ-

бора, отличали немножко-азиатское по складу личико, ижное, хотя немножко-смугловатое, но съ удивительною живостью и яркостью румянца. Большіе голубые глаза, довольно-рѣдко обозначенныя брови, прямой лобъ, носикъ, который спереди казался нѣсколько-плосковатымъ, но съ боку представлялъ легкій погнбъ, рѣдко-обозначенныя яркопунсовые губки, ямки на щекахъ, истинно-калмыцкіе, поднизанные на-подборъ зубки и изумительно-предестный погнбъ бархатной шеи — все это оживлялось еще необычайною жизнію во взорѣ и во всѣхъ движеніяхъ, нѣсколько-поспѣшныхъ, но плавныхъ и ижныхъ—доказывающихъ, однакоже, опытному наблюдателю, что здѣсь женственность была развита въ высшей степени и первое впечатлѣніе, чувство, брадо верь надъ разсулкомъ...

Между-тѣмъ, предусмотрительный сосѣдъ Гонобобеля, рассчитавъ, къ какому времени можно ожидать сосѣдей обратно изъ Костромы и убавивъ на всякій случай денька три изъ этого счета, отправлялся ежедневно подъ вечеръ, то пѣшкомъ для прогулки, то верхомъ, то на дрожечкахъ въ сельцо Подстойное, а иногда проѣзжалъ еще версты двѣ за него, и возвращался шагкомъ домой. Онъ дѣдалъ это самъ не зная къ чему и для чего, дѣлалъ потому-что ему хотѣлось гулять въ эту сторону, а не въ другую, и что онъ воленъ былъ располагать и собою и временемъ. Никакой положительной мысли въ немъ не созрѣло: онъ дѣтски игралъ мечтами и былъ счастливъ.

Подъѣзжая однажды къ усадьбѣ Ивана Павловича, онъ увидѣлъ на другомъ концѣ сельца облако пыли — вѣщее взъиграло не даромъ: это катилъ рыдванъ шестерней и троничная телега. Дорожная поклажа усилилась еще и наросла разными покупками въ губернскомъ городѣ, и потому коробки, кузовки, картоны, мѣшки и узлы навалены были гора-горой, какъ на телегѣ, такъ даже и на чердакѣ рыдвана, который, не смотря ни на какія возраженія и остроты Ивана Павловича, въ этомъ безобразномъ видѣ, круглый и пузатый, какъ готовый къ отлету воздушный шаръ, величаво приближался къ барской усадьбѣ. Игривый считалъ въ это время всякое посѣщеніе неумѣстнымъ, и потому хотѣлъ-было воротиться потихоньку домой; но, высматривая съ осторожностію нѣкоторыя подробности этого поѣзда и стараясь по-временамъ проникнуть взоромъ въ необъятную, темную хлябь черезъ опущенное окно рыдвана, Павелъ Алексѣевичъ невзначай встрѣтилъ выступшую оттуда головку: она кивала ему пріятливо; затѣмъ, обратившись на одно мгновеніе внутрь, казалось, поспѣшно что-то проговорила и опять уже съ улыбкою выглядывала въ окно. За все показалось въ тѣни еще какое-то широкое лицо и, кажется, также третье, и наконецъ даже сидѣвшій за каретой на горѣ Мовбланъ Филька снялъ дорожный картузъ свой и низенько раскланывался.

Нечего было дѣлать — Игривый подѣхалъ ко двору, и встрѣтилъ хозяевъ у крыльца, сталъ ихъ высаживать. Напередъ всего вы-

ился самъ Гонобобель, изъясняя громогласно радость свою при печальномъ свиданіи съ дорогимъ сосѣдомъ и строго приказывая сосѣдѣмъ слушать, что самъ онъ, Гонобобель, говоритъ. Дворня окружала господъ, стая собакъ бросилась съ лаемъ и воемъ на почтеннаго хозяина и сбила его съ ногъ; а какой-то шальной теленокъ, котораго всполошили собаки, метался какъ угорѣлый между людьми, лошадьми, постромками и собаками, лягался и ревѣлъ благимъ матомъ. Гонобобель отбился наконецъ отъ домохадцевъ своихъ и обнялся съ гостемъ, взявъ его при этомъ случаѣ руками за уши, какъ самоваръ; онъ самъ не могъ нарадоваться этой замысловатой выдумкѣ и кричалъ и объяснялъ ее послѣ цѣлый день. Высаживая Анну Алексѣвну, Игривый поцаловалъ у ней ручку и не успѣлъ покоситься черезъ старуху въ рыдванъ, какъ третья и послѣдняя птичка уже выпорхнула оттуда сама, привѣтствовала сосѣда, быстро оглядывалась кругомъ, припоминая предметы, знакомые ея дѣтству, улыбалась радостно, а между-тѣмъ слезинка крожала на русой рѣсницѣ... Дворня также со слезами бросилась съ ногъ барышнѣ, и нянюшки чуть не унесли ея на рукахъ.

— Что жь ты, привезъ ли мнѣ для сюрприза на новоселье кобеля-то? заревѣлъ Гонобобель, когда всѣ вошли въ покои, напоминая Игривому обѣщаніе его.

— Нѣтъ, не привезъ, отвѣчалъ тотъ: — я не надѣялся застать васъ сегодня здѣсь...

— Такъ чортъ ли въ тебѣ, коли ты одинъ пріѣхалъ! ха, ха, ха, слышите, что я говорю? я говорю: чортъ ли въ тебѣ, коли ты со мнѣ пріѣхалъ одинъ... ха, ха, ха...

Между-тѣмъ, какъ кошки взметывались отъ радости въ комнатахъ подъ самый потолокъ, а оттуда валились клубомъ подъ ноги, мяукали и ластились, а дѣвки и вся дворня зашевелились какъ пчелиный рой—Анна Алексѣвна старалась ласками своими загладить по возможности довольно-странное привѣтствіе своего супруга. Игривый, конечно, вовсе въ этомъ не нуждаясь, съ умиленьемъ смотрѣлъ на стоявшую передъ нимъ молодую дѣвушку, которая рассказывала ему необычайныя для нея дорожныя приключенія. Не смотря на завидное положеніе свое, онъ, однакожь, скорѣ опомнился, простился, общавъ опять навѣстить сосѣдей, и оборотился къ передней, — но здѣсь новое, неожиданное препятствіе остановило его: дорожные чемоданы, сундуки, ларцы, коробки, кузовки, мѣшки и узлы разнаго рода и вида не только покрыли собою весь полъ и не давали ни кониному, ни пѣшему прохода, но поклажа эта взгромождена была у самыхъ дверей горой, выше роста человѣческаго. Одинъ подавалъ, другой принималъ, ставилъ все тутъ же и убѣгалъ въ другую сторону, и такимъ-образомъ дверь была загорожена. Только послѣ долгаго шума, крика и многихъ остротъ со стороны хозяина, наконецъ дорога была кой-какъ очищена, и сосѣдъ окончательно раскладался.

— Мы къ вамъ въ воскресенье къ обѣднѣ, кричала ея мать въ окно Анна Алексѣевна, и онъ, раскланиваясь, просилъ пожелать и зайти къ нему закусить.

Утромъ крестьяне и крестьянки пришли къ барышнѣ своей на поклонъ, съ ягодами, яблоками, яйцами, цыплятами и полотенцами. Все это было ей очень-ново, и, странно — она безпрестанно оглядывалась на мать, ожидая отъ нея наставленія, какъ и что дѣлать; вмѣшавшись же наконецъ въ толпу, она перецеловала всѣ дѣвушекъ и тѣмъ доставила старикамъ-крестьянамъ большое удовольшеніе.

Что же Любаша нашла въ отчемъ домѣ, и чѣмъ отозвалась ей все то, что она тамъ на первый случай встрѣтила? На первый случай—она была довольна и счастлива: она вышла изъ-под тягостной опеки на волю; она была уже вовсе не тою дѣвочкою которую мадамъ журить весь день, при каждой встрѣчѣ, выходя держатся прямице, ходитъ плавнице, присѣдать милье: она сама сдѣлалась внезапно какою-то поведительницей, и всѣ въ домѣ смотрѣли барышнѣ въ глаза, чтобъ только на нее чѣмъ-нибудь угодить. О хозяйствѣ, о должномъ порядкѣ въ домѣ—у нея, умишется, не было никакого понятія, и ей казалось, что до этого ей нѣтъ и не будетъ никакой нужды; она рождена на свѣтъ и воспитана въ образцовомъ костромскомъ пансіонѣ, для чего?—это вопросъ слишкомъ-неожиданный и странный; естественномъ вопросѣ она еще и не слыхивала, а полагаетъ, если кто и ко должна быть особая цѣль и назначеніе ея бытію — помнитъ, что она родилась на свѣтъ для радости, для веселья, для того чтобъ порхать и тѣшиться и забавляться въ-теченіе бѣлаго дня по ночамъ дремать подъ сладкія грезы... О неуклюжихъ страстяхъ отца она судить не смѣла, и потому его не осуждала, и часто краснѣла отъ него; она чувствовала, что ей какъ-то не такъ, но скоро опять забывала это и наконецъ рѣшила, что видя этому такъ и должно быть...

Въ воскресенье Игривый хлопоталъ уже съ утра о достойномъ приѣмѣ дорогихъ гостей. Они точно приѣхали къ обѣднѣ, а изъ церкви, вмѣстѣ съ хозяиномъ, пошли его навѣстить. Тутъ они, осмотрѣли хозяйство и садъ, а когда наконецъ вошли въ покой и стали собираться въ обратный путь, то не могли не замѣтить Любашу, которая одна-одиноконька бѣгала по саду. На сердце, Игривый сидѣлъ въ это время чинно со стариками, чувства и думка его, конечно, бродили въ иномъ мѣстѣ.

— Гдѣ она? кричалъ Гонобобель: — пропала, что ли? Тамъ даромъ же она у меня мѣченая—ха, ха, ха! слышите, что я говорю?—и взявъ вбѣжавшую Любашу за ушко, чтобъ освѣдочить ее, произвелъ знаменитую мѣтку:—такъ, она и есть, не подмѣняла ли гдѣ же ты это пропадаешь? ужь не хочешь ли здѣсь остаться—слышите, что я говорю—ка, ха, ха...

Анна Алексѣевна съ трудомъ замяла этотъ довольно-странный вопросъ, который, впрочемъ, нисколько не смѣшалъ Любашу, потому-что она вовсе не поняла его значенія.

— Вы скоро къ намъ будете? спросила она Павла Алексѣевича, который провожалъ дорогихъ гостей на крыльцо.

— Скоро, когда угодно, когда позволите, отвѣчалъ онъ.

— Прїѣзжайте, продолжала она:—вотъ хоть завтра... я начинаю жучать безъ моихъ добрыхъ подругъ. А васъ я видѣла тамъ, съ ними; мнѣ все кажется, что вы такіе жъ добрые, какъ онѣ, и мнѣ въ васъ веселѣе. Я давно вамъ хотѣла сказать, что вы походите на Машу Суслонцеву: это мы всѣ рѣшили и прозвали ее за это вашимъ именемъ.

Отецъ подошелъ въ это время съ новыми замысловатыми остроуми своими, ухватилъ Игриваго за пуговицу и, повертывая его съ права на лѣво и съ лѣва на право, вралъ и хохоталъ ему на ухо. Пнейку подали, Гонобобели уѣхали, Игривый долго глядѣлъ имъ въ слѣдъ, задумчиво пошелъ въ садъ, отыскивая на пескѣ по орошкамъ слѣдовъ пары маленькихъ ножекъ— а вся дворня, вся деревня, наконецъ и всѣ сосѣди и весь околотокъ начали понижать, намекать и пророчить, что изъ этого-де что-нибудь да выйдетъ.

Такъ мирны, тихи и складны были дѣла и сношенія между Алексѣевкой и Подстойнымъ и оставались въ этомъ видѣ цѣлый годъ. Сосѣди такъ свыклись между собою, что имъ было скучно другъ ездъ друга, если они два дня сряду не видались; а Игривый и Любаша въ-самомъ-дѣлѣ казались связанными уже гораздо-болѣе, чѣмъ одними узами свѣтской прїязни. Никогда, правда, между ними рѣчи не было о разъясненіи этого чувства и взаимныхъ ихъ сношеній; но всякій посторонній зритель не могъ ни на минуту ставаться на-счетъ этого въ сомнѣніи. Они безсознательно на-наждались мирнымъ и тихимъ блаженствомъ своимъ, не нуждались доселѣ ни въ какихъ болѣе объясненіяхъ и не думали еще о еремѣшѣ своего положенія,—такъ оно казалось имъ хорошо.

Между-тѣмъ, какъ у нихъ у обоихъ не было завѣтныхъ тайнъ другъ отъ друга, то и бывала почасту рѣчь о томъ, что Игривый намѣренъ вскорѣ отправиться на годъ въ университетъ, для кончанія курса. Онъ говорилъ объ этомъ охотно, какъ-будто къ юву и случайно, замѣчая, какъ и чѣмъ это отзовется въ Любашѣ и услаждаясь тѣмъ, что она, смотря по расположенію своему, хмурила брови, подтягивала губку и немножко дулась, то означивала друга нѣжнымъ и убѣдительнымъ взглядомъ, то прямо таралась отклонить его отъ этого намѣренія словесными убѣжденіями и доводами, которые всегда подавали поводъ къ нѣжнымъ ездѣмъ, хотя въ нихъ собственно о нѣжности и о любви не упоминалось. Въ-слѣдствіе ли этихъ объясненій и дѣтскихъ упрековъ, ли по другимъ причинамъ, но Игривый собирался уже и не похалъ въ первое полугодіе или семестръ послѣ прїѣзда Любашу,

не поѣхалъ и во второе, послѣ новаго года, а теперь собрался, какъ-будто не шутя, на третье, расписывая въ воображеніи своемъ сладкую горечь разлуки, блаженство свиданія и наконецъ испанную, счастливую развязку, которая должна повершить дѣло. Ему казалось, когда онъ размышлялъ объ этой блаженной будущности, что тутъ препятствій никакихъ быть не можетъ; въ Любашѣ онъ былъ увѣренъ, а со стороны родителей ея не только нельзя было ожидать какихъ-либо затрудненій, но, напротивъ, они, по видимому, весьма желали этого союза, приличнаго и выгоднаго во всѣхъ отношеніяхъ. Отдать дочь за порядочнаго и не бѣднаго ссѣда—какой же отецъ и мать отъ этого откажутся?... Впрочемъ, имъ здѣсь взялись пояснять, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ и самому Игривому было ясно; всѣ размышленія эти происходили въ немъ почти безсознательно, и когда онъ ловилъ себя на нихъ врасплохъ, то самъ первый восклицалъ: «какой вздоръ — ну, съ чего ты это взялъ?»

Однажды вечеромъ, Игривый расхаживалъ рядомъ подлѣ Любашѣ взадъ и впередъ по дорожкѣ въ саду, передъ чайнымъ столомъ, и которымъ сидѣли родители ея и еще два-три сосѣда. Онъ опять завелъ вполголоса рѣчь о споромъ отъѣздѣ своемъ въ конгъ канникуль и собирався съ духомъ, для дальнѣйшихъ, необходимыхъ объясненій. Любаша привыкла уже слышать, въ обычныхъ словахъ, объ этомъ любимомъ предположеніи своего друга; но будущее казалось ей всегда такъ далеко, что положительное назначеніе столь-короткаго срока какъ-то неприятно поразило ее. Она задумалась: ей представилось живо это одинокое, томительно-смутное время, когда она будетъ *одна* на свѣтѣ, когда у нея не будетъ подъ рукой Павла Алексѣевича, и она не могла понять, почему же она прежде жила спокойно безъ него, а теперь этого не можетъ? У нея не доставало духа на какое-либо объясненіе; она потупила глаза, повѣсила голову, стала задумчиво играть вѣточкой, которую держала въ рукахъ, и сама не замѣтила ни странности своего молчанія, ни томительнаго ожиданія своего друга.

— Будете ли вы меня помнить? сказалъ онъ наконецъ:— узнаете ли вы меня, когда я ворочусь опять къ вамъ?

Она быстро взглянула на него, и какой-то скорый отвѣтъ едва-было не вырвался изъ устъ ея—но она опомнилась и выговорила только едва-внятно:

«Я?» потомъ смолкла и опять опустила голову.

Игривый былъ поставленъ еще въ большее затрудненіе и замалъ себѣ голову, какъ понять это «я», и какимъ образом теперь продолжать. Если сказать на это: «да, вы», то это такъ ничего не выражало и казалось пошлымъ, растягивая безъ нужды объясненіе, которое, по важности своей, должно бы быть какъ можно-болѣе сжатымъ; времени было немного... Если повторить вопросъ, сказавъ: «да, будете ли вы меня помнить?», то это, ка-

залось, слишкомъ—настойчиво; и безъ того уже, для этой торжественной минуты, было сказано довольно—много... Игривый только—что нашелъ—было средину, вздохнулъ и хотѣлъ сказать: «вы не отвѣчаете?..» какъ поровнялся съ чайнымъ столикомъ, и у него въ ухахъ раздалось:

— Слышите, что я говорю, Павелъ Алексѣевичъ? ха, ха, ха, я говорю: а по чьей же дудкѣ и плясать женѣ, какъ не по мужиной — ха, ха, ха!

Эта необычная острота Гонобобеля заставила Игриваго изъ приличія остановиться и даже кивнуть головой и улыбнуться; затѣмъ, онъ былъ вовлеченъ въ общій разговоръ, а подруга его услана матерью съ хозяйственнымъ порученіемъ. Она воротилась съ какимъ—то постнымъ лицомъ: щеки ея горѣли, губки, и безъ того рѣзко—обозначенныя, были какъ—то сжаты, а глаза по—видимому избѣгали встрѣчи со взоромъ опаснаго сосѣда. Игривому казалось, что этотъ вечеръ долженъ рѣшить судьбу его, что болѣе—приличнаго случая для окончательной развѣдки нельзя ожидать. Онъ внимательно подстерегалъ всѣ движенія Любаши и выбиралъ только время, чтобъ сказать ей нѣсколько словъ, какъ послышавшійся вдали колокольчикъ привлечь къ себѣ всеобщее вниманіе.

— Не уѣзжайте, сказала Любаша почти шопотомъ, поднявъ глаза прямо на своего друга, и въ то же время, какъ—будто боясь продолженія этого разговора, подошла ближе къ матери и стала обращать вниманіе ея на колокольчикъ.

О, этотъ колокольчикъ и черезъ двадцать лѣтъ еще часто раздавался въ ухахъ Игриваго, когда онъ, въ одиночествѣ своемъ, сидѣлъ повѣся голову, и глядѣлъ умственными очами на картины волшебнаго фонаря воспоминаній своихъ. Этотъ колокольчикъ напоминалъ ему задумевное выраженіе гóлоса и взора Любаши, когда она просила: «не уѣзжайте!» Этотъ же колокольчикъ внезапно прервалъ бесѣду, которая, вѣроятно, рѣшила бы судьбу Игриваго иначе, чѣмъ она рѣшилась теперь—все черезъ тотъ же роковой колокольчикъ!

— Вѣрно исправникъ, говорилъ прислушиваясь одинъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ ему теперь быть, замѣтилъ другой.

— Наше мѣсто свято, кричалъ третій, и хототалъ при этомъ на весь міръ:—слышите, что я говорю? я говорю: наше мѣсто свято—ха, ха, ха!

Между—тѣмъ, колокольчикъ все ближе да ближе; щегольская коляска остановилась у подъѣзда на дворѣ—и мать, отецъ и дочь бросились съ криками радости на встрѣчу одному изъ двухъ улановъ, выскочившихъ изъ коляски: это былъ вновь—произведенный корнетъ, Карпъ Ивановичъ Гонобобель, сынъ Ивана Павловича и Анны Алексѣевны и братъ Любаши.

— Ротмистръ Шилохвостовъ, Семень Терентъичъ, сказалъ молодой корнетъ, представляя родителямъ своего гостя и попутчика, когда первые порывы восторга свиданія успокоились: — по-

звельте представить вамъ моего искренняго друга, самого благороднаго и отличнаго офицера.

— Ты меня заставляешь краснѣть, сказалъ скромно Шаматовъ, взглянувъ на друга своего, потупивъ глаза и подходя къ ручкѣ матери и сестры его...

— Очень-рады, милости просимъ, очень благодарны за доброе расположеніе ваше къ Карпушѣ, просимъ покорно... сказала Аня Алексѣевна.

Гонобобель облобызалъ гостя и, забывшись, чуть не ухватилъ его при этомъ также за уши,—до того ему шутка эта полюбилась и сказалъ:

— Вотъ, мы всё думали, что Карпуша дуракъ—прошу покорно очень-радъ—а онъ вотъ какого дорогаго гостя привелъ—ха, ха, ха, очень-рады! ай-да Карпуша!

Ободренный этимъ, Карпуша обратился къ своему пріятелю и сказалъ:

— Вотъ, братецъ, видишь, тебѣ всѣ рады. Сдѣлай милость будь какъ дома.

Гостямъ отвели комнату, поставили снова самоваръ, посылали спрашивать не хотятъ ли пообѣдать, или такъ чего-нибудь попить: ягодъ со сливками, огурцовъ съ медомъ, простокваши, вареного творогу; подали сметаны со ржанымъ хлѣбомъ, — нѣкогда и мое кушанье Карпуши, и не знали, чѣмъ бы угостить Шаматова, который не бралъ въ ротъ молочнаго и даже чай пилъ китайски, безъ сливокъ.

— Экіе недогадливые! закричалъ наконецъ догадливый и вѣдь: — вздумали улановъ угощать сливочками, да сметанкой! ха, ха! а вы, горькой подайте,—это всегда кстати,—да рюмку чаю, съ позолотцей выпьемъ — а? слышите, что я говорю? а? верю: съ позолотцей—ха, ха, ха!

Подали того и другаго, и Карпуша, къ крайнему удивленію маменьки, тотчасъ же покинулъ и сметану и чай со сливками и подсялъ, нисколько не обинуясь, къ горькой и къ рому. Гемистръ скромничалъ и заставлялъ себя проесть, увѣрялъ даже что онъ почти вовсе не пьетъ; но товарищъ его, на котораго она не могъ влюбиться, распорядился полковымъ порядкомъ: вылилъ въ глотку большую рюмку, не прикасаясь къ ней руками, а охвативъ ее всю, прямо со стола, губами и опрокинувъ назадъ. Эта штука привела папеньку въ восторгъ; маменька напротивъ, какъ-будто силилась улыбнуться, чтобъ не нарушить общей веселости; но заботливыя морщинки скоплялись на ея челкѣ, и она никакъ не могла принудить себя раздѣлать одобренныя возгласъ своего сожителя; а между-тѣмъ, милый Карпуша отъ перетроенной настойки этой, даже не поморщился и не виноватился.

Любаша не могла отвести глазъ отъ милаго братца, съ которымъ уже два года не видалась, и уланскій мундиръ ярлы-

се до нѣльзя. По-временамъ встрѣчала она также взоромъ благообразнаго ротмистра, съ большими русыми бакенбардами, съ прекрасными усами, шелковистыми кудрями и сѣрыми, но выразительными и нѣжными глазами. Наружность ротмистра была въ самомъ дѣлѣ пріятна, всѣ приемы его ловки, обращеніе скромно и обязательно.

Игривый бывалъ съ-издѣтства товарищемъ Карпуши, а потому и теперь поздоровался съ нимъ по-братски, и они при этой встрѣчѣ остались опять по прежнему на ты и ты. Перемины, которыя Павелъ Алексѣвичъ въ это короткое время могъ замѣтить въ Карпушѣ, не слишкомъ утѣшали Игриваго; новый гость, котораго тотъ привезъ, какъ-то еще менѣе былъ по вкусу сосѣда; не менѣе того, когда, по распоряженію хозяина, подали на радости такъ называемаго шампанскаго, то всѣ трое молодыхъ людей, ротмистръ, корнетъ и отставной студентъ, по настоянію расходившагося майора, пили въ круговую за здравіе другъ друга, обнялись на побратимство и скрѣпили дружбу свою братскимъ ты. Впрочемъ, мы уже видѣли, что молодой корнетъ и прежде этого былъ съ ротмистромъ своимъ на такой короткой ногѣ.

Игривый не навѣщалъ сосѣдей послѣ этого дня три, желая дать имъ покой, и былъ приглашенъ въ Подстойное къ обѣду, который давался въ честь новаго корнета. Если Павла Алексѣвича и безъ того уже взяло какое-то раздумье послѣ описаннаго нами вѣчера, то теперь онъ подавно былъ сбить съ толку. Любаша какъ-то робѣла и мѣшалась при немъ, даже будто избѣгала разговора и все держалась около брата, отъ котораго не отходилъ ни на шагъ благообразный ротмистръ. Три побратима прохаживались послѣ обѣда по саду, гдѣ все общество разсѣялось, и Карпуша, послѣ нѣсколькихъ двусмысленныхъ намековъ, сказала:

— Какой чудакъ этотъ ротмистръ! Послушай, Павелъ: я его привезъ потому, что прочу въ женихи сестрѣ—онъ ей—Богу славный, преотличный человекъ и благородный малый — а онъ лезаетъ теперь, да несетъ Богъ-вѣсть что.

Павла Алексѣвича, конечно, не бархатомъ по сердцу погладило отъ этихъ словъ; но онъ собрался съ духомъ, осилилъ всякое смущеніе, казался спокойнымъ и взглянулъ только слегка вопрошительно на того и на другаго.

— Ты, братецъ, по дружбѣ своей, слишкомъ-хорошо обо мнѣ относишься, сказалъ довольно-равнодушно Шилохвостовъ, глядя на землю:—вѣдь я... да, впрочемъ, всякому позволено сомнѣваться. составитъ ли онъ счастье дѣвушки, и даже подумать о томъ, не навьючать ли ему, можетъ-быть, арбузь... да и согласится ли сама сестра твоя... почему она меня знаетъ? Она можетъ думать, что я какой-нибудь подлець...

Карпъ Ивановичъ, которому еще не было двадцати лѣтъ и который тридцати-трех-лѣтняго ротмистра своего называлъ «малымъ», прибавляя къ этому безпрестанно то «добрымъ», то «слав-

ный», то «лихой», то «благородный», — Карпъ Ивановичъ не дагъ ему договорить, ручался за успѣхъ, ссылался при этомъ безпрестанно на *Павлушу*, т. е. на Игриваго, и предлагалъ посватать сестру сегодня же, сейчасъ же, и запить невѣсту въ этотъ же вечеръ. Разговоръ о питьѣ былъ любимымъ у Карпуши, и онъ рѣдъ безъ него оканчивалъ бесѣду.

Игривый былъ поставленъ въ самое странное положеніе. Онъ могъ только отмалчиваться. Къ-счастью, собесѣдники его были слишкомъ-заняты своимъ разговоромъ, и Карпуша, ссылаясь то дѣло на *Павлушу*, не ожидалъ, однакоже, отвѣта его и вралъ самъ по-себѣ дальше.

Вечеромъ плясали шумно и весело; ротмистръ былъ отчаяннѣе мазуристъ того времени, когда бросались въ мазуркѣ на колѣно передъ дамой своей, топали, шаркали, шелкали каблуками и брякивали шпорами. Побѣда въ танцахъ на этотъ разъ бесспорно осталась за уланами; Любаша еще въ жизнь свою не танцовала такъ много и притомъ въ большомъ обществѣ, а на долю ея стался первый и превосходный кавалеръ, ротмистръ Шилохвость. Она была вѣ себя отъ удовольствія, и всѣ, всѣ дѣвицы, отъ первой до послѣдней, завидовали ей какъ-нельзя-больше. Ея дѣло шептали въ уши: «ахъ, машеръ, какъ ты счастлива! ахъ, какой онъ милый! ахъ, машеръ, поздравляю съ побѣдой!..» Умѣется, что это чрезвычайно льстило самолюбію бѣдненькой вушки, хотя она въ этомъ и не сознавалась и даже, можетъ-быть, сама этого не знала. Игривый глядѣлъ на все это въ какомъ-то раздумьи и также самъ не зналъ, какъ понять то, что онъ дѣлалъ, и чѣмъ все это кончится.

Когда къ ночи послѣ бала ротмистръ съ корнетомъ осматривалъ глазъ-на-глазъ, и притомъ немножко съ позолотой, то рѣшилъ жду ними сейчасъ опять зашла о Любашѣ. «Что же?» спросилъ брата ея, скинувъ мундиръ, присѣвъ на кровать свою и напихивъ въ обѣ руки: — «что же? видно, братъ, Сеня, Любаша не нравятся, а я думалъ ужъ какъ тебѣ услужить!»

Сеня прохаживался большими шагами по комнатѣ, набивая кيسета трубку. — Послушай, сказалъ онъ, остановясь передъ вѣдушей: — вѣдь сестра твоя не шутя дѣвушка предостойная, и лашка... Ну, воля твоя, братецъ, мнѣ совѣстно; ну за чѣмъ займъ у нея вѣку? за что я ее утоплю за себя? Другое дѣло, нибудь тамъ Перепечихина или Перепутилова, да коли эта дѣла дѣтъ можно ее душъ на сотенку, ну что жъ? это не грѣхъ, подумай, братецъ: мы съ тобой друзья закадычные, да она тебѣ родная сестра!

— Да о чемъ же ты хлопочешь, Сеня? Я тебя, воля твоя, не нимаю! Ну, такъ чѣмъ же она тебѣ не дружка? Ну, говори! Говоришь: и хороша, и мила, и достойна, и душъ, хоть сотня, а подь семьдесятъ на ея долю наберется; а мнѣ вѣдъ равно, не миновать же раздѣла: такъ ужъ лучше жъ пусть

достается. Вѣдь я же говорю это любя тебя; а ты какую-то дичь несешь. Что жь ты, боишься, что ли, ее? вѣдь она агнецъ; а ужь сакъ-бы мы зажгли съ тобой—ухъ! только пылъ столбомъ! Я, братъ, еще не скоро женюсь, мнѣ еще рано, я бы подлѣ вась такъ пошелъ пробавляться, а ты, душа моя... да вѣдь мнѣ бы хотѣлось тебѣ услужить, а лучшаго мужа я сестрѣ своей не найду, хоть свѣтъ пройду, ей—Богу.

— Братецъ ты мой, душка ты моя! все это правда; да вѣдь я-то подлецъ... Ну, скажи, ради Бога, правду, ну, вѣдь просто подлецъ (')?

— Никогда! возразилъ съ жаромъ братецъ, вскочивъ съ кровати и замахавъ руками:—никогда, ни за что! Богъ съ тобой! откуда ты это взялъ?

— Ну, да какъ же, милый ты мой, продолжалъ тотъ, покачавъ головою и опустивъ руки:—вѣдь изъ трехъ полковъ меня выгнали, а тутъ служить со мной не хотятъ; ну, и пьяница я, и буянъ я,—ну, вѣдь буянъ?—и картежникъ я, и по рождѣ бить, а тутъ вотъ еще связался съ тобой... ну, разсуди же самъ, ну, не подлецъ ли я? Ну, кто же я таковъ?

— Премилый и разлихой малый, возразилъ опять братецъ:—ну, дай же себя обнять, да хорошенько, вотъ такъ... Да не отворачивай тыла-то, дай сюда его,—чмокъ,—премилый, преблагородный, пребезподобный и рѣдкостный малый! Душа моя, ну, зять ты мнѣ? зять? говори! Сестричку мою берешь за себя? а? породнимся, что ли?

—А что же ты думаешь, въ-самомъ-дѣлѣ? сказалъ Шилохвостовъ, гадувавшись и разнѣжась въ объятіяхъ друга:—можетъ-быть, я и не хуже другаго; вѣдь мало ли подлецовъ на свѣтѣ, да еще какихъ—ухъ!! Вѣдь и я тоже человѣкъ, и добраго сердца человѣкъ; кенишься, перемѣнишься; ну, исправлюсь и я...

Исправисься, милашка мой, душечка мой, ей Богу—исправисься. А на свѣтѣ, разумѣется, мало ли подлецовъ, объ этомъ что и говорить! Ну, по рукамъ же!

— По рукамъ! сказалъ расхрабрившійся ротмистръ, ударивъ съ замаха корнета по плечу такъ, что тотъ покачнулся. Друзья бнялись и облобызались, еще разъ ударили по рукамъ и снова принялись обниматься; шальной и полупьяный Карпуша хотѣлъ ейчасъ же бѣжать сватать сестру; ротмистръ удерживалъ его и принужденъ былъ, наконецъ, отнять у него почти-насилъно сюртукъ, обнимая и упрасивая успокоиться до завтра. Они строили планы до бѣла-свѣта о томъ, какъ они будутъ вмѣстѣ жить; Карпуша разжился на этотъ чрезвычайный случай еще бутылкой рюмъ, сахаромъ и самоваромъ, а Сѣнюшка клялся ему съ востор-

(') Все это происходило, какъ видно изъ окончанія повѣсти нашей, нѣсколь-о десятковъ лѣтъ тому назадъ. Замѣчаемъ это во изъясненіе недоразумѣній.

гомъ, что милѣе Любаши онъ въ жизнь свою не видѣлъ дѣвушки, и что при первомъ взглядѣ на нее влюбился на-смерть.

На другое утро, Карпуша пошелъ сватать сестру свою. Правда, что, проспавшись, Шилохвостовъ струсилъ и началъ-было опять надавать въ свое отчаянное уничтоженіе; но вскорѣ собрался съ духомъ, находя, что онъ дѣйствительно влюбленъ въ несравненную Любу, что, впрочемъ, вся вина должна пасть на брата ея, что теперь, когда его-самого опять уже выжимали изъ полка, ему всего выгоднѣе было выйдти въ чистую отставку, жениться на помѣщицѣ и зажить спокойно домкомъ и дворомъ. Къ этому разсужденію присоединилась и несомнѣнная увѣренность въ самомъ-себѣ, что онъ непременно исправится и сдѣлается хоть и не самымъ отличнѣйшимъ, но все-таки, въ сравненіи съ теперешнимъ бытомъ своимъ, очень порядочнымъ человѣкомъ.

Любаша испугалась-было сначала предложенія брата своего, который вбѣжалъ къ ней безъ толку, выплясывая мазурку и побѣдившая шпорами, потомъ стала божиться, что ротмистръ влюбленъ въ нее на-смерть, и въ-слѣдствіе того предлагалъ ей за него выйти; но положеніе ея казалось ей столь новымъ и такъ сильно льстило, что сватовство это стало ее тѣшить; она начала мѣлаться имъ и впала вскорѣ съ братомъ въ ребяческія шутки, сама возвратилась на время къ годамъ своего дѣтства въ пансіонъ, гдѣ шпоры и эполеты разъ-на-всегда брали верхъ надъ франкомъ, и гдѣ гусарь или уланъ мгновенно привлекалъ къ окну всю блиющую и остроглазенькую толпу, тогда-какъ платье гражданскаго покроя никогда не удостоивалось и взгляда. Блѣстки, разсыпавшіяся по вихрю, мелькнули въ глазахъ дѣвушки и ослѣпили ее; и тому чувству не было простора. Карпуша, впрочемъ, и не выжидая положительнаго отвѣта сестры, которая еще не успѣла ономануться, а наговоривъ ей съ три короба и насуливъ небывалаго счастья, расцаловалъ ее и побѣжалъ къ отцу. Съ матерью онъ не хотѣлъ объ этомъ толковать, изъ опасенія, чтобъ дѣло не затянулось.

Ивану Павловичу Карпуша также съ перваго раза закидалъ за неожиданнымъ счастіемъ, которое ожидаетъ сестру. Онъ и хвасталъ, по милой привычкѣ своей, безъ всякаго дуракаго мѣренія; кажется, что его при этомъ соблазняла болѣе всего честь называть ротмистра зятемъ, и что онъ былъ подкупленъ снисходительностью и любезностью своего эскадроннаго командира, съ которымъ онъ былъ, какъ мы видѣли, на самой дружеской ногаѣ. Онъ увѣрилъ отца, что Шилохвостовъ перваго эскадроннаго рода въ Россіи; что онъ богатъ, много наживаетъ отъ эскадрона и ремонта, и еще болѣе вскорѣ получить отъ дяди, котораго онъ уже на ладанъ дышитъ; что эскадронный командиръ его милый, самый добрый и благородный малый, и притомъ отличный служака, изъ-за котораго поссорились всѣ полковые командиры дѣловой дивизіи. Карпуша очень-хорошо зналъ, что у ротмистра не было ни мѣста, а вскорѣ не будетъ и эскадрона, что наследств

можетъ ожидать развѣ только отъ своего деньщика; но что нужды? Карпуша плелъ и путалъ все такъ, какъ ему теперь казалось вѣроятнымъ, и не хотѣлъ выдать своего лихаго товарища, а потому позволилъ себѣ, для друга, отступитъ нѣсколько отъ истины.

— Вотъ оно каково! сказала Гонобобель, приподнявъ брови и наложивъ обѣ руки въ карманы:—вотъ оно каково! ха, ха, ха! А я было, признаться, прочилъ Любашу за сосѣда; ха, ха, ха! я говорю: вотъ оно каково!

— Какъ же можно, папенька! поспѣшилъ замѣтить сынокъ: — вѣдь Павлуша... вѣдь онъ, то-есть, добрый человекъ, добрякъ, и другъ мнѣ, — да вѣдь онъ тюфякъ; ну, какъ же его сравнить съ этимъ ротмистромъ, то-есть съ Сѣней? Вѣдь это, не въ укоръ ему говоря, все равно, что... И остановился, не зная, что дальше сказать и какое бы прибавить сравненіе.

— Ну да, разумѣется, ха, ха, ха! Я вѣдь и говорю, что въ поѣздѣ и жукъ мясо, а на безлюдья и Оома дворянинъ... ха, ха, ха! Карпуша, слышишь, что я говорю? а?

Анна Алексѣевна, узнавъ наконецъ въ свою очередь объ этомъ ватовствѣ, покачала головой и вздохнула разъ-другой; она собиравшаяся поговорить объ этомъ толкомъ съ Иваномъ Павловичемъ, но все не могла выбрать времени. Ротмистръ, конечно, льстилъ и самодлюбію, но все не выходила у нея изъ памяти «позолота» бутылка рома, взятая Карпушей къ ночи. Павла Алексѣевича ей было жалко, очень-жалко; къ-тому же, и земля его подходила вполнѣ имъ межѣ, и былъ онъ человекъ предобрѣйшій, и устроилъ свое хозяйство послѣ отца какъ-нельзя-лучше. Анна Алексѣевна была-было что-то говорить сыну, но хватъ убѣждалъ, не дослушавъ ея; она встревожилась и хотѣла поговорить съ мужемъ, но тому было не до нея. «Ну, Богъ съ нимъ!» подумала она: «точно, отецъ воленъ въ дочери, и наконецъ, Богъ-вѣсть, можетъ быть, Павелъ Алексѣевичъ и не думаетъ сватать Любашу!» И, думавъ такъ, она по-видимому успокоилась, пошла и съѣла въ свою комнату, а между-тѣмъ колѣни у ней дрожали Богъ-вѣсть отъ чего.

— Веди жъ его сюда, своего ротмистра, веди сюда съ повинною! кричалъ Гонобобель сыну, удерживая его самъ за пуговицу, жалу-тѣмъ, какъ тотъ отъ нетерпѣнія порывался скорѣе вонъ и не держивалъ пуговицу рукой, чтобъ папенька не оторвалъ ея: — да, да пусть онъ намъ самъ поразскажетъ, чего ему угодно. Ротмистръ вошелъ скромно, съ поклономъ, въ небольшомъ зашпательствѣ; онъ уже не первый разъ на вѣку своемъ бывалъ, и, по-крайней-мѣрѣ, слылъ женихомъ; но тутъ было не до шутокъ не до шутокъ: должно было представить истиннаго, настоящаго жениха.

Гонобобель поднялъ съ крикомъ руки,—это былъ особый родъ отвѣтствія; и сталъ спрашивать со странными ужимками: «А что ты, сударь, угодно? ха, ха, ха! а зачѣмъ вы, сударь, пожало-

вали? а въ чемъ, я говорю, состоитъ ваше сердечное желаніе?» И, не дослушавъ хорошо-сложенной рѣчи Шилохвостова, послалъ брата за сестрой, принялъ ее не менѣе странно и спрашивалъ вѣстойчиво: «Хочешь ли ты за ротмистра, за улана, за ремонтера, за эскадроннаго командира, за молодца? хочешь ли, говори, я говорю!» И когда Любаша, истинно не зная, что и гдѣ она, прешлетала въ слезахъ: «какъ вамъ угодно», то майоръ сложилъ руки ихъ безъ дальнихъ околичностей, приговаривая въ это время вмѣсто благословенія, похвалу своей послушной дочери и, разспавшись въ шуткахъ, совѣтовалъ жену держать жену свою также строго, какъ ее держалъ дома отецъ, чтобъ она слушалась безпрекословно. Старикъ, къ общему удивленію, самъ прослезился при этомъ, но хохоталъ и болталъ вздоръ; даже у Шилохвоста какъ-будто глаза сдѣлались влажны. Любаша была очень блѣдая, едва стояла на ногахъ, внезапно зардѣлась отъ неожиданнаго цалуя жениха своего, опустила руки и глаза, дышала тяжело, нѣсколько времени была неподвижна, какъ статуя.

Когда все это было кончено, Иванъ Павловичъ вспомнилъ, у него есть еще въ домѣ жена и хозяйка, а у Любаша мать. почувствовалъ все неприличіе своего поступка и побѣжалъ домой. Самъ Алексѣевъ, привелъ ее и, по-видимому, стараясь шуткой, крикомъ и неумѣстнымъ хохотомъ скрыть нѣсколько замѣшательство и странность послѣдовавшаго за тѣмъ явленія, въ которомъ матери не оставалось ничего, какъ, собравшись съ духомъ, благословить и обнять дѣтей своихъ.

Въ это самое время, въ комнату, гдѣ все это происходило, въ общую залу, вошелъ Павелъ Алексѣевичъ. Ничего не зная, однакожь, провелъ крайне-безпокойную ночь, не зная, куда вѣнчался съ головой своей или сердцемъ, и наконецъ рѣшился, теряя времени, идти къ сосѣду для объясненія. Обращеніе къ сосѣду съ ротмистромъ, конечно, наводило на Игриваго какое-то доумѣніе; но, припоминая послѣднія слова ея: «не уѣзжайте отъ насъ», выраженіе, съ которымъ она ихъ сказала, взоръ ея на него, которыми она при этомъ на него взглянула, онъ обидно почувствовалъ въ себѣ нѣкоторую самоувѣренность и во всякомъ случаѣ захотѣлъ знать, чего ему ожидать и чего бояться.

— А-а! закричалъ Гойнобобель встрѣчу сосѣду, который вошелъ въ какомъ-то недоумѣніи почти на самомъ порогѣ, зашелъ въ семейство въ сборѣ и притомъ въ какомъ-то строгомъ видѣ, средственно послѣ благословенія матери:—а! вотъ и онъ, гдѣкъ на поминѣ! ха, ха, ха! слышите, что я говорю? я говорю, на поминѣ легокѣ! Съ праздничкомъ, сосѣдъ; дѣвки-то у васъ выдали, братъ, выдали вотъ за проѣзжаго молодца! ха, ха, ха! я было-прочилъ ее за тебя, ей-Богу, за тебя; а ты, видишь, на-умѣ! ха, ха, ха! Ну, милости просимъ!

Окинувъ взоромъ всѣхъ членовъ семейства, Игривый, къ своему, въ то же мгновеніе убѣдился, что глупая шутка Го-

ля была, однакожь, не шуткой, а плачевной истиной. Негодова-
е, которое имъ овладѣло, выручило его изъ самаго тягостнаго
ложенія: онъ очень-спокойно и чинно раскланялся на всѣ четы-
стороны, поздравляя и желая много счастья, обнялся даже съ
домъ, женихомъ и съ братомъ, поклонился Любашѣ и объявилъ
то же время, что онъ съ своей стороны, не зная и не подозрѣ-
я этого семейнаго праздника, пришелъ только проститься, от-
авляясь завтра же въ Москву. Извинившись поспѣшностью сво-
о отъѣзда, онъ, даже не присѣвъ, раскланялся и опять уѣхалъ.
Любаша все еще стояла въ томъ же положеніи, блѣдная, непо-
ажная, какъ неживая; но въ то самое время, когда коляска Па-
1 Алексѣевича, застучавъ, покатила со двора, невѣста пришла
себя, стала всхлипывать, и ей сдѣлалось дурно. Мать приняла
на руки, отецъ кричалъ: «что съ тобой? ха, ха, ха!», братъ
далъ ей руку, а женихъ стоялъ поодаль въ какомъ-то замѣша-
нствѣ.

Полтора года спустя послѣ этого происшествія, Игривый опять
дѣзжалъ къ своей Алексѣевкѣ, и на этотъ разъ, не смотря на
то, что сердце и думка его, безъ всякаго сомнѣнія, были полны
дслей и чувствъ о жителяхъ Подстойнаго, онъ однакожь былъ
ень-доволенъ, что путь изъ Москвы шелъ не на Кострому и не
олегалъ мимо усадьбы майора Гонобобеля. Старика Ивана Пав-
вича, впрочемъ, въ это время уже не было на свѣтѣ: онъ скон-
ился довольно-скоропостижно вскорѣ по отъѣздѣ Игриваго, от-
аздновавъ благополучно свадьбу дочери.

Странная смѣсь воспоминаній, чувствъ и мыслей волновала и въ
же время успокоивала Игриваго, то тѣшила его, то досаждала
у. Со дня отъѣзда изъ Алексѣевки, онъ получалъ извѣстія съ
ины только черезъ своего старосту, который увѣдомилъ его о
дбѣ въ Подстойномъ, а также о смерти майора и другихъ про-
пествіяхъ, но впрочемъ не пускался ни въ какія подробности,
гранимая вообще обычнымъ складомъ и слогомъ этого рода
семь. Игривому все казалось, будто судьба его еще не рѣшена,
то ему предстоитъ еще что-то впереди; а между-тѣмъ, когда
ь, опомнившись, соображалъ спокойно все случившееся, то ясно
дѣлъ и понималъ, что ему-то собственно ожидать здѣсь болѣе
его, и что онъ, какъ ребенокъ, игралъ какими-то темными, не-
ыточными грѣзами.

На другой день по пріѣздѣ, осмотрѣвъ хозяйство и натолковав-
сь объ немъ до сыта, Игривый сталъ разспрашивать своего ста-
сту о томъ, что дѣлается въ Подстойномъ.

— Да что, сударь, плохо тамъ! Молодой баринъ пріѣхалъ, сталъ
лпиться съ сестрой, да выдѣлять мать, и перессорились всѣ; тамъ
мень Терентьевичъ взяли съ хозяйки своей довѣренность, чтобъ
юбови Ивановиѣ не знать ничего, не вступаться ни во что; а
арую барыню уговорили отступить отъ своей доли, да жить
длѣбахъ у сына да у зятя, — ну, и подѣлились. Тутъ, видно,

Семень Терентьичъ себя не обидѣли; Карпъ Ивановичъ по молодости вѣрили имъ во всемъ, такъ они и отвели себя, то-есть, на своемъ долю, почитай всѣ луга по Мухоловкѣ. Такъ и Карпъ Ивановичъ самъ остался безъ сѣна, да и мужики его безъ луговъ. Вотъ какъ спохватились, да думали-было какъ-нибудь поправить дѣло, анъ Семень Терентьичъ луга-тѣ уже всѣ отрѣзалъ по самую околицу, да продалъ сосѣду, Ивану Онуфріевичу. Ну, какъ продалъ да деньги взялъ, такъ ужъ ему и не живется дома: сѣлъ да поѣхалъ. Пропадалъ онъ Богъ-вѣсть гдѣ мѣсяца три, что молодая хозяйка, сказываютъ, глаза по немъ выплакала, и воротился такой, что не на что глядѣть. Поѣхалъ въ коляскѣ, съ деньгами, а воротился оборванный, чуть не въ одноколкѣ — въ какой-то жидкомъ бриченкѣ. Тутъ они съ Карпомъ Ивановичемъ загуляли: что Божій день, то у нихъ во дворѣ хороводы, да пѣсни, да пляски, — одни мужики да старухи только и ходятъ на работу; ну, а балла либо дѣвка, извѣстное дѣло, волосъ дологъ, да умъ коротокъ, — этому дѣлу и рада. Такіе же, какъ ихъ милость, стѣзжаются къ нимъ со всѣхъ сторонъ, и Богъ-вѣсть откуда берутся: прежде что то такихъ, благодаря Бога, здѣсь и не слыхать было; а въ годъ дѣ, сказываютъ, въ гостинницѣ прибавилъ за своей подписью объявленіе, что-де такой-то Семень Терентьичъ да Карпъ Ивановичъ всѣхъ прѣзжающихъ созываютъ къ себѣ на усадьбу въ гости пить да погулять. Такъ вотъ и живутъ-себѣ безпросынно, не мятучи ни себя, ни другихъ.

— А молодая барыня что жъ? спросилъ Игривый.

— Да что жъ, сударь! извѣстно, женское дѣло — капля ка долбитъ, а чужая слеза, что съ гуся вода. Родила съ мѣсяца му, сыночка, окрестили по дѣдушкѣ, Иваномъ.

Подумавъ немного, Игривый въ тотъ же вечеръ отправился Подстойное. Онъ нашелъ все точно въ томъ видѣ, какъ старикъ описалъ. Крикъ и шумъ слышались издалека, попойка шла гудомъ. Не смотря на крайнее негодование свое, Игривый вошелъ въ это буйное сборище: человѣка четыре сидѣли за столомъ, уставленнымъ бутылками и стаканами; Карпуша, полураздетый, стоялъ и кричалъ, будто на собаку: тибо! авансъ! ниль! — а какой-то оборванецъ, исправлявшій должность дурака, ползъ всю комнату на корачкахъ къ рюмкѣ вина, накрытой ломтемъ хлѣба съ сыромъ, и по слову: пиль, выпилъ ее залпомъ и усилие. Карпуша, какъ былъ, такъ и остался, — все тотъ же старый сорванецъ: онъ съ безстыдствомъ вралъ и безсовѣсти говорилъ въ похвалу себѣ правду, не подозревая ни о глупости своей, что онъ самъ себя выставляетъ мерзавцемъ. Казалось, впрочемъ, будто всѣ въ Подстойномъ обрадовались, вѣду Алексеичу, кто больше, кто меньше, каждый по своему. Шилохвостовъ обнялъ его въ восторгѣ, какъ стараго товарища, но немножко совѣстился его и будто первое время былъ въ умѣнии, какой тонъ на этотъ разъ принять; вскорѣ онъ радъ

ся однакожь и началъ—было шептать: шампанскаго! Игривый остановилъ его очень—спокойно, сказавъ: «оставь, это не кстаги» и ротмистръ не смѣлъ противорѣчить. Не смотря на хмѣль, Шилохвостову было какъ-то неловко; онъ нашелся, предложивъ Игривому отвести его къ своей женѣ. Тутъ Семень Терентьевичъ снова оправился, повеселѣлъ, и когда Любаша вскрикнула отъ радости и изумленія, то онъ закричалъ: «да ну же, обнимитесь, да поцелуйтесь» и толкнулъ Игриваго прямо на Любашу. Въ первый и почти послѣдній разъ, Павелъ Алексѣвичъ обнялъ и поцаловалъ бывшую свою подругу—и самъ же могъ послѣ отдать себѣ отчетъ, какъ это случилось, и кто изъ нихъ первый подалъ къ тому поводъ. Шилохвостовъ убѣдительно просилъ сосѣда отстаться и занять Любашу, а самъ по какому-то чувству состраданія, или, можетъ—быть, чтобъ обезнечить себѣ болѣе свободы на будущее время, оставилъ ихъ однихъ. «Сдѣлай милость, братецъ, докажи дружбу свою, навѣщай насъ почаще: я то-и-дѣло отлучаюсь, по хозяйству и по другимъ дѣламъ, и бѣдная жена скучаетъ—такъ развесели хоть ты ее немного.»

Любаша въ эти полтора или два года возмужала. Теперь можно было сказать объ ней, что она совсѣмъ сложилась, и тѣломъ и духомъ. Она сѣла противъ друга своего, смотрѣла на него непросыхающими голубыми глазами, жадно слушала его, разспрашивала и не утомилась бы этой бесѣдой, еслибъ она продлилась чутьи сряду. О себѣ она молчала, или говорила въ общихъ словахъ; ни однимъ словомъ не обвиняла она мужа, легко и съ рѣдкимъ природнымъ чувствомъ скользила по тѣмъ щекотливымъ предметамъ, которыхъ непрерывно и неволью надобно было касаться, бесѣдуя о своемъ положеніи и домашнемъ бытѣ. Наконецъ, она показала Игривому своего младенца и повела къ старушкѣ Аннѣ Алексѣвнѣ, которая жила гдѣ-то въ глухой камеркѣ. Старушка расплылась въ слезахъ, увидѣвъ Игриваго, обнимала и цаловала его непрерывно, не переставая говорить о томъ, что вотъ кто былъ бы сыномъ ея, вотъ кому прочла она любезную дочь свою, вотъ съ кѣмъ она была бы счастлива, и вотъ кто бы призрѣлъ ее—самое подъ старость. На прощанье она просила Павла Алексѣвича со слезами не забывать ихъ; Любаша взяла руку его въ обѣ руки свои и просила о томъ же; Игривый поцаловалъ у нея руку и скорыми шагами удался. Онъ уже не былъ въ состояніи долѣе переносить все то, что передъ собою видѣлъ и вокругъ себя слышалъ. Только вышедъ нѣсколько на просторъ, онъ могъ вздохнуть свободно.

Оправившись немного, онъ хотѣлъ прямо ѣхать домой, и потому вышелъ въ сѣни, оставивъ пирующихъ въ сторонѣ, и велѣлъ челоуѣку подать коляску. «Да никакъ, сударь, кучеръ вашъ нездоровъ», отвѣчалъ челоуѣкъ переминяясь. Игривый понялъ отвѣтъ и вышелъ самъ на дворъ—но не могъ отыскать ни кучера своего, ни коляски. Уже давно смерклося и было темно; онъ рѣшился

однакожь отправиться домой пѣшкомъ. «Кто идетъ?» раздался въ воротахъ: тутъ поставленъ былъ караулъ и ни подъ какими предлогами не пропускалъ гостя. Игривый не хотѣлъ употребить силу, но, истощивъ всѣ просьбы и угрозы, воротился и вошелъ въ комнату, гдѣ шла попойка. Радостный крикъ привѣтствія встрѣтилъ его; но Карпуша, отчаянный бунякъ, когда бывалъ пьянъ, нарѣзался между-тѣмъ окончательно и объявилъ ему на отрѣзъ что до разсвѣта нѣтъ выхода отсюда, и что онъ, Карпъ Ивановичъ, будетъ стрѣлять по всякому, кто бы захотѣлъ прорваться силою, какъ по военному дезертиру. вмѣсто отвѣта, Игривый и вернулся и вышелъ опять на дворъ; но едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ выстрѣлъ раздался изъ окна и вслѣдъ за тѣмъ страшный крикъ и вопль. Бѣгомъ бросился Игривый назадъ встрѣтилъ все пропойное общество въ испугѣ и заботахъ около Карпуши, который былъ весь въ крови. Карпъ Ивановичъ, въ слѣдствіе угрозы своей, дѣйствительно схватилъ заряженный пистолетъ и выстрѣлилъ, какъ полагалъ, по упрямому гостю — и въ то же время, въ разсѣянности, онъ заткнулъ дуло пистолета пальцемъ собственной своей лѣвой руки, котораго теперь и не считывался.

Семень Терентьевичъ ревелъ и рыкалъ, метался какъ безумный и кричалъ въ одинъ духъ сто разъ, что Карпуша застрѣлилъ его. Когда же дѣло наконецъ объяснилось, хотя стоило и не малъ труда вразумить пьянаго и заставить его молчать, то онъ раскисъ въ стѣнанияхъ, слезахъ и вздохахъ.

Семень Терентьевичъ въ подобныхъ случаяхъ всегда приходилъ въ себя, каялся и давалъ преподобныя, хотя и запоздалыя исповѣнія. «Ахъ, Боже мой» говорилъ онъ, всплескивая руками: «убилъ тебѣ и на, вотъ тебѣ и догулялись! Ну, скажи, ради Бога, Карпуша, что мы съ тобой надѣлали? Ну, скажи на милость, не подлецы ли мы? Ну, помилуй, не мерзавцы ли мы, опомнись, что это дѣлаемъ! Видишь ли: вотъ оно что изъ этого выходитъ; мы безъ просыпу, таскаемся, не помнимъ ни Бога, ни себя, слѣзлись съ кругу, выбились изъ ума — ну, просто скоты мы, воли твои Карпуша, скоты!»

Тревога по дѣлому дому пошла страшная, слухъ разнесся, и Карпъ Ивановичъ застрѣлился. Игривый обмылъ и перевязалъ его, выслалъ собутыльниковъ его и велѣлъ ихъ также уложить, и потомъ успокоилъ испугавшуюся на-смерть Любашу и наслучайно брался къ полуночи домой, не могши отвязаться отъ извѣстной признательности и раскаянія Шилохвостова, который пошелъ самъ себя тѣмъ выразительнѣе, чѣмъ позже становилось дѣло, болѣе сонъ и хмѣль одолевали его.

Было о чемъ призадуматься Игривому, когда онъ дома и въ кофѣ припоминалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ Подстоѣ. Сердце у него надрывалось, когда онъ обдумывалъ неразрѣшенность съ этимъ на всю жизнь судьбу Любашы — а помощи не могъ

придумать никакой. О, еслибъ только Богъ надоумилъ меня и вразумилъ, какъ облегчить крестъ этой страдальцы — подумалъ онъ — клянусь не щадить ни имущества, ни самой жизни своей и сдѣлать все, на что у меня станетъ средствъ и силъ...

Между-тѣмъ, мужики пришли всѣмъ міромъ къ господамъ Подстойнаго съ жалобой, что ихъ побили на дугахъ, проданныхъ Ивану Онуфриевичу, и не даютъ косить — и спрашивали, что же имъ дѣлать теперь, куда дѣвать скотинку и чѣмъ ее кормить — сѣнаде нѣтъ ни клочка. Мужики ходили часа два по двору, то къ старой барынѣ, то къ молодой, то добывались Карпуши, то Семена Терентьевича, не зная къ кому обратиться и не находя нигдѣ ни отвѣта, ни привѣта. Наконецъ Шилохвостову надо было выйдти и потолковать съ ними; онъ стоялъ передъ ними такимъ дуракомъ, что ему самому стало совѣстно. Онъ сталъ предлагать крестьянамъ кормить скотъ сѣнкой, древесными листьями, увѣряя, что это даже почти лучше сѣна и, занявъ ихъ нѣсколько хозяйственными разговорами и благоразумными совѣтами въ этомъ же родѣ, распустилъ по домамъ.

Мало-по-малу, для Игриваго вошло въ привычку и обратилось въ потребность заканчивать день свой въ Подстойномъ. Тамъ сидѣлъ онъ съ Любашей, или прогуливался съ нею по саду, почти никогда не спрашивая, дома ли мужъ или братъ ея, — который, впрочемъ, жилъ подлѣ, но въ особомъ домѣ — и такимъ-образомъ многолѣтняя страсть эта разгаралась обоюдно, безъ всякой помѣхи, но и безъ всякой надежды. Любаша была каждый день до того утѣшена урочнымъ появленіемъ Игриваго, что забывала въ это время всѣ свои бѣдствія и снова оживала; но, конечно, можно было предвидѣть, что такое мнимое спокойствіе, какъ неестественное, не могло быть и прочно: совершенно-разстроенное состояніе и хозяйство, несчастіе быть связанному навсегда съ такимъ мужемъ, нестерпимыя огорченія и оскорбленія, которыя она отъ него должна была переносить, безнадежность глубоко-вкоренившейся любви, — все это неминуемо должно было постепенно изнувать жизненные силы несчастной женщины.

Анна Алексѣевна не могла даже и временно успокоиться и утѣшиться: до того житье ея было горько. Забытая, заброшенная, она должна была сносить высшую степень небреженія отъ зятя и роднаго сына, между-тѣмъ, какъ дочь могла только тайкомъ съ нею плакать, но не могла доставить ей даже самаго необходимаго для жизни, потому-что сама во всемъ нуждалась. Анна Алексѣевна дошла до того, что обносилась кругомъ и не могла допроситься ни у сына, ни у зятя десяти рублей на буднишнее и самое необходимое платье; Анна Алексѣевна на старости лѣтъ должна была не только отказывать себѣ въ чашкѣ чая, но иногда и даже въ другомъ блюдѣ, сверхъ людскихъ шей или каши. Вотъ запоздалая, хотя, можетъ-быть, и заслуженная кара за губительное воспитаніе сына, — кара ужасная, хотя поздняя и бесполезная, по-

тому-что она у насъ часто даже не служить примѣромъ для другихъ, а почитается просто случайнымъ несчастіемъ...

Наглядѣвшись и наслушавшись всего этого вволю, Павелъ Алексѣевичъ, подумавъ и переговоривъ съ Любашей, пріѣхалъ однажды въ каретѣ, посадилъ туда старушку—мать ея со всѣми пожитками и увезъ къ себѣ. Онъ сдѣлалъ это безъ всякихъ предательныхъ объясненій съ сыномъ или зятемъ, которые, впрочемъ и не заботились объ этомъ происшествіи, какъ о дѣлѣ до него не касающемся.

Однажды Игривый вошелъ, по обычаю своему, въ гостиную Любаша, и при первомъ взглядѣ замѣтилъ, что фортепяна ея были на томъ мѣстѣ, гдѣ они столько лѣтъ стояли и гдѣ столько разъ сживалъ подлѣ нея, разбирая понемногу съ нею вмѣстѣ какой-нибудь романсъ или подбирая аккорды къ знакомому голосу. Большаго умѣнья или дарованія къ музыкѣ не было въ комъ изъ нихъ, но за фортепянами и за пѣсенкой имъ всегда легко было размыкать горе и забыться на полчаса среди горькой дѣйствительности, отъ которой нѣкуда было уйти. Я думаю вообще, что музыка, доведенная до высшей степени совершенства не составляетъ для насъ такой потребности и даже рѣдко бываетъ такъ благотворна, какъ музыка домашняго обихода. Утонченныя обстоятельства, при которыхъ мы слушаемъ публично и тузовъ, бываютъ для семейныхъ домохозяевъ большою помехой и подручныя фортепяна да пріятный голосокъ иногда съ коимъ вознаграждаютъ отсутствіе Листа и Виардо. Игривый съ силой Любашу, куда дѣвались фортепяна ея: она покраснѣвъ взглянула на него и лицо ея выражало просьбу—не спрашивай объ этомъ. Онъ сталъ, однакожъ, настаивать, вѣроятно, догадываясь въ чемъ дѣло, и услышалъ, что Семень Терентьевичъ, собираясь опять куда-то по ярмаркамъ и не могши нигдѣ добыть это денегъ, продалъ или заложилъ фортепяно жены все тому сострадательному сосѣду, Ивану Онуфріевичу.

Игривый зашелъ вечеромъ къ хозяину дома, поздоровался имъ, спросилъ, куда Богъ опять несетъ, и сказалъ очень-скороно: «На что ты продалъ вещь, которая женѣ твоей доставила столько удовольствія, и еще продалъ за безцѣнокъ, какъ я слышу? ужь лучше бь ты у меня выпросилъ займы эти сто рублей коли они тебѣ необходимы. Нельзя ли выкупить фортепяну?»

Шилохвостовъ чрезвычайно обрадовался, во-первыхъ, тому, что отдѣлся такъ дешево и не былъ вынужденъ выслушивать въ этомъ случаѣ цѣлаго ряда скучныхъ упрековъ; а во-второму, что открылъ новый и неожиданный источникъ для своихъ займовъ, тогда-какъ ему давно уже никто рѣшительно вѣрилъ на два гроша. Онъ расчувствовался отъ признательности побранилъ самого-себя, повинился, а потомъ сказалъ:

— Послушай, братецъ, я, признаться, давно уже гляжу на тебя не надивуюсь. У меня сердце болитъ, меня жалость беретъ

идь томите и мучите вы сами себя ни за что, ни про что. А? Что жь ты молчишь? поговоримъ хоть разъ откровенно, грудь на распашку. Я вижу и знаю все, что дѣлается, даромъ—что нынѣ бываю—все знаю. Вѣдь вы другъ по другъ сохнете; вы любили другъ друга прежде: любитеcь же съ Богомъ и теперь—кто вамъ мѣшаетъ?

Игривый молчалъ, а Шилохвостовъ очень—спокойно продолжалъ: — Видишь, братъ Павелъ, вѣдь я обижать обижаю Любашу, и горькую чашу она отъ меня пьетъ—ну, что жь дѣлать? видно такая судьба ея, власть Господня; а вѣдь я ее люблю, ей-Богу уважаю, и желалъ бы ей лучшей участи. Ты же мнѣ другъ — и за тебя я радъ въ огонь, ей-ей радъ. Изъ-за чего же вы сами себя казните? Вѣдь я негодяй, я не стою и мизинца ея! Что жь ты молчишь, Павелъ, и глядишь на меня такъ? ты думаешь, я тебя обманываю? Ей-ей нѣтъ; вотъ какъ передъ Богомъ; я вѣдь вижу и знаю все — сами вы себя казните, ни за что, ни про что.

На рѣчь эту Игривый, помолчавъ, отвѣчалъ:—Я очень-радъ, любезный, что тебѣ все извѣстно; ты поступаешь справедливо, что не ревнуешь жены своей; она передъ тобой невиновата ни въ чемъ.

— И это глупо.

— У всякаго объ этомъ свои понятія.

— Что жь ты мнѣ этимъ глаза колешь? Я самъ лучше всякаго знаю, что я подлець; что жь мнѣ дѣлать?

— Ну, ужь съ совѣстью своею мирись какъ знаешь; въ этомъ я тебѣ не указчикъ. Я тебя, впрочемъ, никогда и ничѣмъ не попрекалъ, и теперь не упрекаю.

— Ну, а больше что?

— Ничего.

— Глупо это, братецъ, ей-Богу глупо! Вотъ видишь: я послѣдній, пропащій человекъ, вотъ этого не стою—и самъ шелкнулъ—а я такому человекъ, какъ ты, говорю въ глаза, что это глупо. Къ-чему такое фанфаронство? Кто тебѣ за него спасибо скажетъ?

— Тотъ, отвѣчалъ Игривый, понизивъ голосъ: — кто тебѣ велитъ честить самого-себя негодяемъ. Я шажу тебя, Семенъ Терентьевъ, ради жены твоей; иначе я бы сказалъ тебѣ больше. Впрочемъ, не забудь, пожалуйста, что ты говоришь теперь объ ней, о своей женѣ, и что увѣрялъ меня сейчасъ же въ уваженіи къ ней.

— Ну, такъ что жь ей въ немъ, въ этомъ уваженіи?

— Оно дорого, даже и отъ такого человекъ, каковъ ты.

— Чудаки вы, да и полно! сказалъ Шилохвостовъ, пожавъ плечами:—модники!—А самъ всталъ и началъ расхаживать по комнатѣ. — Ну, дѣлайте, что хотите, васъ не разберешь. Не покидай, однако, Любаша. Я ѣду, братецъ, завтра; мнѣ нужно, есть дѣлашки—а тебѣ грѣшно будетъ—ты ея не забывай.

— Прощай, мой другъ, сказалъ онъ вечеромъ жень: — я ѣду съ Карпушей. Послушай, будь поласковѣе къ Павлу Алексѣвичу; видишь ли, онъ старушку мать твою взялъ къ себѣ и призираетъ— за что? Вѣдь онъ намъ чужой и только-что добрый человекъ; онъ вотъ и фортепяна твою хочетъ выкупить, а я и мужъ твой да скотина, не стою волоса его и не стою тебя. Миѣ жаль васъ обоихъ, такъ Богъ съ вами—я вамъ не помѣха...

Любаша побагровѣла до самыхъ ушей и молча смотрѣла вслѣдъ мужу большими, лучистыми глазами. Онъ обернулся въ это время, остановился и спросилъ кротко: «Что ты такъ дико на меня смотришь?» — Уйди, ради Бога уйди, проговорила она съ трудомъ, отворотившись и закрывъ лицо руками. Шилохвостовъ посмотрѣлъ на нее призадумавшись, вышелъ молча и ворчалъ про себя: «здѣсь нѣтъ приступа — вотъ не знала баба гора, купила баба порося!.. того-и-гляди, какой-нибудь несчастный романъ разыграютъ — и все на нашу шею, на мою то-есть съ Карпушей; мы и отдавайся послѣ.»

Игривый по-прежнему навѣщалъ почти ежедневно Любашу, а иногда и Любаша прѣзжала на часокъ къ своей матери, въ Алексѣвку, а по воскреснымъ днямъ къ обѣднѣ. Любашѣ какъ-то совѣстно было взглянуть первое время на Павла Алексѣвича; она все припоминала слова своего мужа; но Игривый непринужденнымъ, искреннимъ обращеніемъ своимъ скоро заставилъ ее забыть это; она увѣрилась, что мужъ ея не проговорился Игривому, и успокоилась. Послѣ отъѣзда Карпуши и Шилохвостова, доктора вслѣдъ за ними заглохла, и слуха объ нихъ не было никакого. Между-тѣмъ, Анна Алексѣвна захворала; съ недѣлю уже ѣздилъ къ ней уѣздный лекаръ и утѣшалъ ее подробностями о нѣденныхъ въ уѣздѣ и подкинутыхъ трупахъ, о томъ, что оказалось при вскрытіи и о предстоявшихъ ему еще въ этомъ родѣ подвигахъ. За микстурами безпрестанно посылали верхового въ городъ; дочь и самъ Павелъ Алексѣвичъ не отходили отъ больной и черезъ нѣсколько дней закрыли ей глаза. Лекаръ, прѣхавъ на другой день, рассказалъ по этому случаю нѣсколько очень-забавныхъ анекдотовъ, заключилъ краткимъ изложеніемъ статистики скоропостижной смертности въ уѣздѣ и уѣхалъ.

Тихо и чинно похоронили старушку въ семейномъ склепѣ Подстойнаго, отпѣвъ ее въ Алексѣвкѣ. Любаша съ Павломъ Алексѣвичемъ шли вдвоемъ за гробомъ, который всѣ крестьяне и крестьянки Подстойнаго проводили отъ самой церкви въ Алексѣвкѣ до семейнаго кладбища своихъ господъ.

Возвратившись съ погулки, сынъ и зять съ гора рѣшились продать часть своего имѣнія; а какъ она прилежала къ полямъ Алексѣвки, то Игривый сошелся съ ними и купилъ ее. Прочіе крестьяне Подстойнаго пришли по этому случаю всѣмъ миромъ къ Павлу Алексѣвичу и, кланяясь въ ноги, просили, какъ они выражались, «отобрать» ихъ всѣхъ отъ Гонобобеля и Шилохвостова!

«взять за себя». Они привыкли видѣть въ сосѣдѣ своего какого-то опекуна и защитника и человѣка съ нѣкоторымъ вліяніемъ даже и на своихъ безпутныхъ господъ. Они въ такихъ рѣзкихъ и выразительныхъ чертахъ представили бѣдствіе свое, крайность своего нищенскаго положенія, что трудно было имъ возражать. Игривый успѣлъ однакожь успокоить ихъ нѣсколько, обѣщавъ пособить имъ при посѣвѣ и растолковать, что продажа зависить отъ ихъ господъ, а на покупку нужны, кромѣ доброй воли, еще и деньги.

По случаю этой сдѣлки, въ которой Шилохвостовъ дѣйствовалъ также уполномоченнымъ за Карпушу, онъ ухаживалъ день-другой около сосѣда, какъ-будто у него было что-то на душѣ, и наконецъ, сидя у него, послѣ расчета, съ трубкою, за стаканчикомъ чая съ позолотой, повѣсилъ носъ въ стаканъ, сталъ помѣшивать чай свой въ раздумьи ложечкой и сказалъ:

— Подстойное наше чай все не минуетъ твоихъ рукъ, Павлуша; да и съ Богомъ, право, я тебѣ этого желаю. Безпутному сыну богатство не въ-прокъ. А кормить станешь насъ бобылей, меня то-есть съ Карпушей, подъ старость нашу, а?

— Накормилъ бы я васъ лучше смолоду, отвѣчалъ Игривый:— да такъ, чтобъ вы не только до новыхъ мѣниковъ помнили, а не забывали и подъ старость.

Шилохвостовъ весело захохоталъ:— этотъ ладъ рѣчи былъ ему по вкусу. Онъ затянулся трубкой, прихлебнулъ чаю, перекинулся назадъ въ кресла и, устремя съ улыбкой глаза на Павлушу, сказалъ:—Что правда, то правда; да ужъ и вы мнѣ хороши: я, братъ, себя не жалѣю, и самъ браню себя, и другимъ не заказываю; да ужъ за то позволю попенять путемъ и тебѣ: я такихъ чудаковъ, признаться, не видалъ и во снѣ.

— Ну, что же? отвѣчалъ Игривый:— будемъ удивляться другъ другу — больше нечего дѣлать.

— Послушай, модникъ, продолжалъ тотъ:—я тебѣ не шутя сдѣлаю еще одно предложеніе. Чтобъ совѣсть тебя не мучила, коли ты больно совѣстливъ, такъ дѣло можно бы обдѣлать хорошо, такъ-что были бы и волки сыты, и овцы цѣлы...

— Я покуда еще тебя не понимаю, сказалъ Игривый равнодушно:—но, признаться, добра не чаю отъ кудреватой рѣчи твоей; не лучше ли тебѣ на всякій случай напередъ обдумать то, о чемъ хочешь говорить, или ужъ просто промолчать?

— Да нужно, братецъ, сдѣлай милость, полно дурачиться:— выслушай меня спокойно, да подумай послѣ самъ. Вотъ что—продолжалъ онъ съ небольшимъ, скрытнымъ смущеніемъ, наклонившись впередъ къ собесѣднику и положивъ оба локтя на столъ:— я, братецъ, ей-Богу, влюбленъ въ Ивана Онуфріевича...

— Влюбленъ въ Ивана Онуфріевича! перебилъ Игривый и захохоталъ отъ души:— ну, что же? мнѣ сватать его за тебя, что ли?

— Э, братецъ! да хоть не перебивай, дай договорить: — я не шучу, ей-ей. Я говорю, что я влюбился въ Ивана Онуфренча Машу... Что бы тебѣ посвататься? вѣдь за тебя отгадуть ее обтими руками...

— А за тебя развѣ не отгадуть?

— Да полно же, сдѣлай милость; вѣдь я говорю дѣло: — женись, а тамъ—размѣняемся; вотъ и квиты!

— Ахъ, ты голова—головушка моя! сказалъ Игривый, покачавъ самъ головою: — нѣтъ, братъ, я вижу, что ты все еще льстишь себѣ, когда честишь самого-себя и такъ и этакъ...

— А что?

— Да такъ, больше ничего...

— Ну, Павлуша, послушай же, не дурачься... ну, сдѣлай милость, не дурачься! ну, ругай меня! Что жь? я самъ все это знаю: ну, пьяница; ну, буянь; ну, картежникъ, мотъ, негодяй; ну, подлець, однимъ словомъ... Женись, Павлуша, послушайся хоть разъ въ жизни моего братскаго совѣта! — Ну, что же ты такъ глумишься на меня уставилъ? Я этого не люблю. Что ты смотришь такъ, чѣмъ думаешь, скажи!

— Да я думаю, что бы такое придумать, какого рода мерзости передъ которою бы ты запнулся?

— Правда, братецъ, ей-Богу правда; только не воръ я, ни что!.. нѣтъ, воръ, ей-ей, воръ! таки просто укралъ разъ у меня сто рублей — каюсь тебѣ, какъ на духу, а правда. И ужь за то душегубства нѣтъ на моей совѣсти, видитъ Богъ нѣтъ.

— Но есть надежда и на это, продолжалъ Игривый: — за свою ты уморишь, этого не миновать.

Шилохвостовъ призадумался-было, а потомъ спросилъ: — А какъ спасти ее не хочешь?

— Пулю бѣ тебѣ въ лобъ, сказалъ сурово Игривый, привставъ со стула и понизивъ голосъ: — но нѣтъ, и это ее не спасетъ. Ты губишь всю жизнь ея, и одинъ только милосердый Богъ спасетъ ее тамъ.

Онъ оставилъ гостя и вышелъ одинъ въ поле. Шилохвостовъ никогда не видалъ его въ этомъ духѣ; Семенъ Терентьевичъ же только глядѣлъ за нимъ вслѣдъ, потомъ пошвысталъ, кивнувъ головою и сказалъ: — такъ вотъ оно куда пошло, а-га! и ухалъ дѣлать свое дѣло.

Бѣдный Игривый могъ только смутно размышлять о своемъ положеніи. Ему казалось, что у него уже не достаточно силъ переносить все это; ему опять и нынче, какъ и прежде, приходило въ голову бросить все и ухалъ куда-нибудь подале, на долго, или даже навсегда. Ему казалось, что онъ здѣсь сойдетъ съ ума. Что меня держитъ? думаю, что я здѣсь сижу и изнываю, какъ истинный, не басневный Танталъ? — А тамъ опять думалъ онъ: на кого же я ее люблю? Еслибъ она была одна-одинѣхонька — другое дѣло: тогда бы

дѣсь, среди своихъ крестьянъ и сосѣдей, могла жить спокойно и беззаботно; но при такихъ защитникахъ и покровителяхъ, какъ ужъ и братъ ея, — нѣтъ, при нихъ я отлучиться не могу. Богъ крѣпитъ меня; останусь здѣсь и буду пить горькую чашу эту каплю по каплѣ, до дна. Что мнѣ теперь до себя? думать и заботиться о себѣ — мнѣ было бы стыдно: я долженъ видѣть одну только страдалицу свою и жить для нея. Малодушно было бы изгнать теперь и себѣ и ей, и покинуть ее преждевременно, на жертву этимъ негодьямъ.

При такихъ размышленіяхъ, Игривый не успѣлъ подумать о томъ, куда онъ направилъ путь свой, какъ онъ вступилъ въ небольшую кленовую просадъ, которая вела къ усадьбѣ въ Подстойномъ. Онъ самъ улыбнулся этой странности, этой случайности — продолжалъ медленными шагами путь; привѣтливо кивала ему изъ окна русая головка, къ которой прижималось бѣлое личико младенца; вѣжливо и доброхотно встрѣтила его прислуга, суетившаяся на крыльцѣ и въ комнатахъ по поводу укладки чемодановъ и снаряженія обоихъ въ дорогу. Игривый прошелъ прямо къ хозяйкѣ дома — по имени, хотя она на дѣлѣ и была въ томѣ, можно сказать, чужая.

— Добрый вечеръ, Любовь Ивановна!

— Здравствуйте, мой добрый Павелъ Алексѣевичъ! Посмотрите-ка на моего Ваню: — онъ первый васъ увидѣлъ и полѣзь-было прямо изъ окна къ дядѣ Пау.

— А поди-ка сюда, маленькій разбойникъ, поди къ дядѣ Пау! Ну, что твой рыбки дѣлаютъ? А посмотри, какого я тебѣ сейчасъ жука поймалъ—вишь какой! съ корову, и рогъ на затылкѣ! Давай-ка, гдѣ твоя маленькая тележка, запрежемъ его!

— Я должна воспользоваться сумерками, сказала вполголоса Любаша:—чтобъ вы не видѣли, какъ я краснѣю, и поблагодарить васъ за фортепьяна... ихъ привезли сегодня — я такъ была этимъ обрадована...

— Вотъ такъ, въ оглобли его — продолжалъ Игривый громко, накладывая своего жука и не обращая никакого вниманія на слова Любаша:—постой, постой; мы и дугу поставимъ, и супонь подгнемъ...

— Я даже и за это вамъ благодарна, продолжала она:—что вы теперь не слышите о чемъ я говорю. Мнѣ отъ этого какъ-то легче на сердцѣ.

— А здоровье ваше каково сегодня? что голова и грудь?

— Слава-Богу, хорошо; сегодня легкій день, и мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ лучше. Скававъ это, она какъ-бы невольно взглянула въ окно на приготовленія къ отъѣзду мужа и брата.

— Ба! да вотъ онъ, нашъ любезный другъ и сосѣдъ! сказалъ вонедни въ комнату Семенъ Терентьевичъ: — вотъ спасибо, такъ спасибо, другъ! А мы совсѣмъ. Прощай, Любаша... Видишь ли, какой онъ человекъ, продолжалъ Шилохвостовъ, указывая на фор-

тепьяно: — а? не чета тому скоту, который заложилъ—было ихъ Ивану Онуфрѣвичу, и, разумѣется, никогда бы не выкупилъ. Прощайте жь, друзья мои,—и обнялъ ихъ обоихъ:—не поминайте лихомъ. Прощай, мальчишка—Господь съ тобой, и вышелъ.

Игривый съ Любашей проводили его до крыльца; Карпуша сдѣлалъ уже въ коляскѣ и бросилъ оттуда рукой поцалуи сестрѣ и гостю. Коляска покатила. Съ часъ времени, Павелъ Алексѣевичъ побылъ еще въ Подстойномъ, а тамъ, отложивъ и выпустивъ на волю ванинаго жука, побрелъ тихимъ шагомъ домой. И въ этотъ разъ опять—было молодая кровь въ немъ—взыграла, взволнованныя чувства породили бурныя, черныя мысли, доводившія его до отчаянія; но спокойная совѣсть скорѣе одолѣла эту душевную тревогу, малодушіе было побѣждено, и доблестное мужество одержало верхъ. Игривый вступилъ подъ кровъ свой съ спокойнымъ духомъ.

Не смотря, однакожъ, на увѣреніе Любаша, что ей теперь гораздо-лучше, здоровье ея видимо разстроивалось. И въ-самомъ-дѣлѣ, какое сложеніе могло бы устоять противъ этихъ жестокихъ и непрерывныхъ ударовъ судьбы, которые выпали на ея долю? Какое женское сердце въ состояніи перенести это двойственное томленіе—быть женою Шилохвостова, а между-тѣмъ видѣть ежедневно Игриваго— и это вѣчное раскаяніе съ упреками совѣсти, за легкомысленный поступокъ, во время первой, неопытной молодости своей, когда и сама еще не понимала, что дѣлала, когда молча согласилась отдать руку человѣку, какъ отдають ее на четверть часа, для мазурки или кадрили... какой конецъ этому будетъ? гдѣ тутъ отрада? гдѣ самая надежда?

Игривому уже часто казалось, что Любаша постепенно худѣетъ, и что здоровье ея мало-по-малу разстроивается; но видя ее почти ежедневно, онъ не могъ замѣтить никакой внезапной перемѣны: она все еще была въ глазахъ его тою же миловидной Любашей, какъ прежде; а когда онъ заботливо спрашивалъ о ея здоровьи, то принужденъ былъ довольствоваться общими отвѣтами ея, которые ничего положительнаго не объясняли. Однажды онъ, послѣдѣвъ у ней по обычаю своему часокъ, простился съ нею и отправился—было домой, какъ при входѣ въ кленовую прѣсадъ, ведущую отъ барской усадьбы на большую дорогу, былъ остановленъ мамушкой Любаша. «Не прогнѣвайся, батюшка, кормилецъ нашъ» говорила старуха: «я къ тебѣ, все къ тебѣ да къ Богу, больше нѣ къ кому, самъ знаешь: ну, что же я стану дѣлать съ барышней своей (она Любашу все еще звала барышней и никакъ не хотѣла отстать отъ этой долгодѣтней привычки)? ну, вѣдь сохнетъ, моя голубушка, какъ вотъ цвѣтъ на стеблѣ...»

— Говори, говори, Тимошеевна, что такое?

— Охъ, ужъ не знаю что и говорить... разговоры наши всѣ тебѣ вѣдомы давно, и знаешь ты все, знаешь кто расквнулъ нашу печаль по плечамъ, кто пустилъ сухоту по животу... изойдетъ

на горемъ; не ѣсть, не спать, все такъ сидить, либо плачеть; ротъ не беретъ ни росинки; все подпершись локоткомъ сидить, чи на пролетъ, по бѣлой груди рукой поводитъ — тамъ, знать, раце болить, ноеть. Охъ, ужъ изведеть онъ мою барышню-госженку... Тогда-то мы что съ тобой дѣлать станемъ, ась?

Разспросивъ еще нѣскольکو старушку и успокоивъ ее сколько дѣлъ, Игривый, конечно, не могъ добиться отъ нея большаго страха; но материнскія опасенія ея напугали его, заставили обратить болѣе вниманія на положеніе Любаши, и онъ также сталъ за нею опасаться. — Надобно во-время что-нибудь сдѣлать, подумалъ онъ: — шутить этимъ нечего; можетъ-быть, есть еще противоядіе отъ этой медленной отравы... Онъ раздумывалъ, что ему дѣлать: тутъ и женъ былъ совѣтъ умнаго и опытнаго врача; уѣздному лекарю, который такъ хорошо рассказывалъ присказки о подкинутыхъ жертвахъ тѣлахъ, Игривый вѣритья не хотѣлъ; онъ отпривилъ женѣ-свѣтъ коляску въ другой сосѣдній городъ, за врачомъ, къ которому у него было болѣе довѣрія.

Врачъ пріѣхалъ, выслушалъ напередъ Игриваго, который рассказалъ ему все, что зналъ о состояніи здоровья Любаши; потомъ и вмѣстѣ отпривились къ ней. Она нѣскольکو изумилась, увидѣвъ вмѣстѣ съ Игривымъ незнакомаго ей пожилаго человѣка; но когда дѣло объяснилось, то она была такъ тронута этимъ новымъ, вовсе-неожиданнымъ доказательствомъ его любви и заботы объ ней, что съ трудомъ удерживалась отъ слезъ.

— Ну, что же я вамъ скажу о нашей милой больной? началъ докторъ, когда онъ остался наединѣ съ Игривымъ: — что мнѣ сказать вамъ? Вы, я думаю, видите, слышите, чувствуете, понимаете и соображаете въ этомъ случаѣ нисколько не хуже меня. Я думаю, если несчастное положеніе этой женщины не измѣнится, то она, не смотря на то, что повидимому владѣетъ собою, при глубокой чувствительности своей, однакожь, легко можетъ сдѣлаться жертвою этихъ несчастныхъ обстоятельствъ.

— Она и теперъ давно уже жертва этихъ обстоятельствъ, сказалъ Игривый, опустивъ мутные глаза на землю.

— Да; но я понимаю слово это иначе; я хочу сказать, что сочувствительность съ мужемъ ненавистнымъ и безпрерывныя, тяжкія скорбленія отъ него, а съ другой стороны многолѣтняя и безнадежная склонность, а можетъ-быть и страсть, которая, по обстоятельствамъ, еще безпрерывно разжигается, притомъ и материнскія заботы о будущей судьбѣ дѣтей своихъ, — я говорю, что все это составляетъ психическую причину болѣзни ея, этой грудной лихорадки, біенія сердца, почти безпрерывной маленькой лихорадки, тошноты, бессонницы, недостатка позыва на ѣду, и что все это можетъ кончиться изнурительною лихорадкой; тогда поздно будетъ думать о помощи. При болѣзни тѣла страдаетъ и душа; при болѣзни души изнемогаетъ тѣло. Это круговая порука. Между-тѣмъ, первое условіе для выздоровленія — вынуть занозу, устранить са-

мую причину болѣзни: безъ этого нѣтъ пользы ни отъ пластыря, ни отъ микстуры, ни отъ пилюль.

— Посовѣтуйте, докторъ, что же тутъ дѣлать?

— Ей надобно удалиться отсюда на нѣсколько времени, окружить себя новыми предметами. Можетъ — быть, до того времени тутъ что-нибудь измѣнится. Пошлите ее за границу.

— За границу?

— Да, на воды, куда — нибудь, не для водъ, а для прогулки. Пожалуй, хоть въ Мариенбадъ или въ Теплицъ. Ушлите ее на годъ можете быть увѣрены, что здоровье ея отъ этого выиграетъ. Эту пользу прямая, — а косвенная, что мы выиграемъ время, и вы не думаете, что дѣлать дальше. Вотъ мой совѣтъ.

— Но какъ это уладить, я не знаю; мысль эта для меня такъ нова, что я не умѣю взяться за исполненіе...

— Признайтесь мнѣ откровенно, вы не хотите разстаться съ нею?

— Избави Богъ, любезный докторъ, что вы это говорите! Я, я не знаю, какъ вамъ объяснить это, но самъ былъ бы готовъ бѣжать отсюда Богъ вѣсть куда, и я чувствую глубоко, что былъ бы самъ спокойнѣе, еслибъ ея здѣсь не было. Что же касается до нея, то, конечно, нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ на пользу.

— Ну, такъ что же? Подумайте. Вѣроятно, какъ-нибудь устрѣте. Если помощь моя при этомъ нужна — я къ вашимъ услугамъ. Расходы будутъ не такъ велики; изъ нашего уѣзда собираются Теплицъ Маслаковы, которые даже были въ родствѣ съ нашимъ Гонобобелемъ и, какъ я полагаю, не откажутся при вашу недужную подъ свое покровительство; а Маслаковъ человекъ надежный.

Игривый поблагодарилъ доктора за этотъ умный совѣтъ, и силъ его поговорить съ Маслаковыми, самъ убѣдилъ Любашу на то согласіе и взялся кончить дѣло съ Шилохвостовымъ. Положеніе это, конечно, сначала крайне озадачило ее, но, буди передано убѣдительными устами Павла Алексѣевича, не встрѣтитъ большаго противорѣчія. Бѣдная Любаша и сама знала, что ей необходимо вздохнуть на свободѣ, или задохнуться въ чадѣ.

Протаскавшись недѣли три Богъ-вѣсть гдѣ, Семенъ Терентьевичъ наконецъ благополучно возвратился, разумѣется, въ томъ же видѣ, какъ обыкновенно возвращался съ этихъ отчаянныхъ вылазокъ. Игривый, не теряя времени, воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, первымъ порывомъ уничиженія Шилохвоста, чтобъ склонить его къ согласію на отпускъ Любашы.

— Послушай, Семенъ Терентьевичъ, сказалъ Игривый: — да-то пророчилъ тебѣ, что ты жену свою уморишь. Образъ своей, нрава своего ты не измѣнишь, и потому я пришелъ къ тебѣ не для упрековъ и не для поученій, но спрашиваю тебя

ественно, хочешь ли ты дать этой страдалицѣ еще небольшую терочку, хочешь ли подарить ей нѣсколько спокойныхъ дней, или это будетъ тебѣ стоить одного только твоего слова?

— Охота тебѣ, братецъ, какъ говаривалъ нашъ полковой пиарь, вдаваться въ такое отчаянное сложеніе безъ реванша—то есть, стращать меня такими мудреными загадками!.. Что жь мнѣ тебѣ на это говорить? вѣдь ужъ про самого-себя мнѣ тебѣ нечего разсказывать, ужъ ты меня знаешь, и знаешь, что я принимаю съ признательностію всякую брань, всякое поношеніе; но ужъ настоящихъ не терплю; виновать, не варить желудокъ! Говори на-распашку.

— Кажется, Семень Терентьичъ, я тебѣ никогда не надоѣдалъ наставленіями, и теперь объ этомъ не думалъ. Но дѣло вотъ въ чемъ: жена твоя хворааетъ; я привозилъ сюда Межевскаго, онъ находитъ положеніе ея опаснымъ и настоятельно совѣтуетъ ей ѣхать за границу, именно въ Теплицъ, въ Богемію.

— Въ Богемію! Экъ васъ куда нелегкая несетъ!

— Нѣтъ, не насъ, а одну только бѣдную и больную жену твою; можетъ-быть, съ Маслаковыми.

— Да вѣдь тамъ, слышно, шулерá гдѣ-то на водахъ тѣхъ собираются — такъ туда, что ли?

— Можетъ-быть и собираются — объ этомъ я не разузнавалъ; знаю только, что другіе люди, кромѣ шулеровъ, ѣздятъ туда лечиться, и за этимъ-то надо бы ѣхать и Любови Ивановнѣ.

— Что жь я стану дѣлать тутъ? я бы и радъ, хоть бы ужъ тамъ да ковъ бы я ни былъ, да съ чѣмъ же я ее отпущу? Я вѣдь понимаю, чѣмъ это пахнетъ, а у меня, кромѣ долгишекъ, нѣтъ ровно ничего; развѣ вотъ что: купишь ты у насъ съ Карпушей еще слокъ землицы? — пожалуй, по самую усадьбу отрѣжемъ, нечего ѣлать, — а? ладно, что ли? ну, по рукамъ, да давай деньги!

— Это особь статья; я только спрашиваю тебя, отпускаешь ли ты жену ради болѣзни ея?

— Отпускаю, братецъ, ей-Богу! Что? не вѣришь? Я еще когда задумалъ жениться, такъ сказалъ, и Карпушѣ далъ слово, что исправлюсь, вотъ что! Вѣдь я хоть и негодай, а душа у меня предобрая!

Разсудивъ, что имѣніе Карпуши и Шилохвостова промотано, пропало невозвратно и расходуется по клочкамъ, располагая при этомъ сдѣлать изъ него современемъ особенное употребленіе, Игривый прикупилъ еще и другую часть его, услевившись напередъ, чтобъ извѣстная сумма выдана была Любашѣ на поѣздку за границу. Между-тѣмъ, все было для поѣздки этой изготовлено; срокъ, по условію съ Маслаковыми, назначенъ, и Павелъ Алексѣевичъ пріѣхалъ прѣститься съ Любашей и проводить ее за усадьбу; дальѣе провожать ее казалось ему неприличнымъ, потому-что у нея были тутъ и мужъ и родной братъ.

Она приняла его грустно и радостно, сидя среди дорожных ящичковъ и чемодановъ. Онъ сталъ утѣшать ее, старался немного развеселить и далъ ей нѣсколько совѣтовъ и наставленій на дорогу; она долго слушала его спокойно и наконецъ спросила: «Но когда же все это будетъ, другъ мой? Мнѣ кажется, что всѣ приготовления наши сдѣланы на вѣтеръ».

— Что это значить? Я васъ не понимаю.

— Я говорю, что, вѣроятно, никогда не соберусь и не уѣду отсюда.

— Какъ не соберетесь? Вамъ непременно должно выѣхать сегодня, въ положенный часъ, чтобъ не опоздать; развѣ вы не совсѣмъ... — Я совсѣмъ...

— Ну, такъ зачѣмъ же дѣло стало?

Любава помолчала, потомъ взглянула на Игриваго и сказала вполголоса: — За... мнѣ ѣхать нѣ съ чѣмъ: я не получила и, конечно, не получу ни копейки.

— Какъ это можно? Да я вчера уплатилъ все сполна и, буди спокойны, вотчина будетъ сбережена для вашихъ дѣтей...

— Я вамъ уже столько обязана, что не умѣю болѣе благодарить. Вѣрите мнѣ, я поняла ваше благородное намѣреніе, хотя вы мнѣ не говорили доселѣ ни слова, конечно, щадя меня... и это я васъ благодарю... Не менѣе того у меня денегъ на дорогу нѣтъ, и потому я не поѣду.

— Но объясните мнѣ, ради Бога, все это; я ничего не понимаю.

— Объясненіе очень-просто; Семейъ Терентьевъ съ Карпю уѣхали въ ночь, Богъ-вѣсть куда, и взяли всѣ деньги съ собою до копейки.

— А! такъ вотъ что!.. Ну, это ужъ моя вина, сказалъ Игривый — оплошность моя непростительна. И въ-самомъ-дѣлѣ, какъ я думать только, что, взявъ деньги въ руки, они сдержатъ свое обещаніе! Воля ваша, а это такъ забавно, что право тутъ сердце не на кого! Тутъ я одинъ виноватъ, и я же за это въ дураки. Впрочемъ, это все равно, это мое дѣло, я съ ними сочтусь.

Онъ отправился поспѣшно домой, черезъ часъ воротился, и везъ денегъ, отправилъ и проводилъ Любашу. Она молчала и плакала, поручила другу своему дѣтей, — у нея было ихъ ужъ двое: Ваня и Анюта, — и обвиняя его, всего въ другой и въ послѣдній разъ во всю свою жизнь, сказала: «Что бы ни случилось, воротили ли я, нѣтъ ли, ради Бога, общайтесь мнѣ быть отцомъ моихъ дѣтей: они сироты»...

— Общайтесь вамъ, Любовь Ивановна, и послѣ этого спокойны можете быть; развѣ меня не станеть. Вы были счастливы, Богъ насъ соединилъ, люди разлучили; но на дѣтей вашихъ я смотрю какъ на своихъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ глядѣлъ Игривый вслѣдъ зашедшей вдали коляской, и ни одна душа изъ многолюднаго двора, проводившей любезную барыню свою до этого распути,

нарушила какимъ-либо звукомъ продолжительное, задумчивое молчаніе Павла Алексѣвича. Народъ уважалъ его и, казалось, понималъ, по какому-то безотчетному сочувствію. Приѣхавъ домой, бѣд-якъ нѣсколько успокоился, ему стало полегче; тяжелый камень, хотя временно, свалился съ плечъ его; онъ былъ свободенъ, онъ могъ бы ѣхать вмѣстѣ съ Любашей; онъ сильно чувствовалъ потребность эту, долженъ былъ даже сознаться, что и для нея это было бы наконецъ яснымъ, счастливымъ временемъ послѣ столькихъ ненастныхъ, бѣдственныхъ лѣтъ,—но онъ не хотѣлъ пожертвовать доброй славой ея и старался вести себя съ возможною осторожностью. Прислуга, чрезъ которую обыкновенно расходятся съ домашнія вѣсти и сплетни, не только вся была на сторонѣ Игриваго, но также была убѣждена въ чистотѣ дружбы его съ хъ молодой барыней и изъ уваженія къ нимъ обоимъ стояла за правду: въ цѣломъ уздѣ отношенія этой четы были извѣстны въ астоящемъ ихъ видѣ и, не смотря на всѣ толки, пересуды, сожалѣнія и шуточки, вообще все-таки знали, что Игривому и Любашѣ упрекнуть себя нѣ въ чемъ.

Возвратившись въ одиночество свое, Павелъ Алексѣвичъ занялся еще прилежниѣ хозяйствомъ, особенно же старался привести въ порядокъ разстроенныхъ крестьянъ, прибрѣтенныхъ у сосѣда, успокоить тѣхъ, которые остались еще, заложенные и перезаложенные, за Карпушей. Шилохвостовъ продалъ весь участокъ жень-инъ; но не менѣе того, по тѣсной и неразрывной дружбѣ съ шу-пномъ, съ которымъ у него было все пополамъ, управлялъ нѣоторымъ образомъ остаткомъ его имѣнія, если только эти безтол-овыя распоряженія можно было назвать управленіемъ. Игривый очти каждый день бывалъ въ Подстойномъ, присматривая за дѣт-п. Любаши, и почти каждый разъ долженъ былъ успокоивать кре-гьянъ те убѣжденіями, то кой-какими пособіями. Онъ часто не налъ, какъ быть и что дѣлать.

Уклонившись, собственно по этому тягостному чувству, отъ до-ровольно-принятой имъ на себя обязанности и не побывавъ нѣсколь-о дней въ Подстойномъ, Игривый поѣхалъ однажды опять про-ѣдать малютокъ. Онъ оставилъ ихъ до этого на рукахъ отца; а сперь, когда отецъ отправился опять вмѣстѣ съ Карпушей прово-затъ какой-то цыганскій таборъ на ярмарку, Павелъ Алексѣвичъ ашелъ дѣтей брошенныхъ почти безъ всякаго надзора. Ваня чуть-ыло не утонулъ, Анютѣ сердитый гусакъ чуть не выбилъ кры-ьями глазъ, оба не одѣты, не умыты,—а виноватаго нѣтъ. Бѣд-ые малютки такъ обрадовались Павлу Алексѣвичу, что повисли на немъ и не хотѣли отцѣпиться. «Останься, дядя Пау», кричалъ мннгъ: «я хочу къ тебѣ, дядя Пау», кричала другая. «Дядя Пау» прослезился, обнялъ ихъ, посадилъ къ себѣ въ коляску и увезъ въ Алексѣевку.

Это сдѣлать было легко; но что дальше? Дѣти въ этомъ возра-гѣ и безъ матери... у Павла Алексѣвича сжималось сердце, онъ

не понималъ что это значить. Наемная рука хорошо сѣчетъ ребенка, но дурно ласкаетъ. Любовь матери — вотъ что ему нужно, какъ младенцу грудь ея, и если послѣдняя еще иногда можетъ быть замѣнена, то первая едва-ли.

— Я долженъ отыскаать для нихъ мать, я долженъ найти такое существо, которое бы ихъ любило. Пусть она не знаетъ по-французски, пусть даже будетъ и вовсе необразована, я самъ буду наставникомъ ея и ихъ, и этотъ недостатокъ во всякомъ случаѣ со временемъ легко исправить; мнѣ нужна теперь для нихъ мать, и томъ смыслѣ, какъ въ ней нуждается и щенокъ и цыпленокъ.

Удачный выборъ Игриваго палъ при этомъ случаѣ на женщину, которой мы должны сказать нѣсколько словъ.

Ко времени выпуска Любаша изъ образцоваго пансіона, была приготовлена для нея, по общезаведенному у насъ порядку, хорошая, молодая и довольно-пригожая дѣвушка, взятая нарочно для этого покойницей Анной Алексѣевной во дворъ. Маша, — такъ ее звали, — была сирота; кроткая, добродушная и смиренная, она вскорѣ переняла все хорошее, что видѣла и слышала, и по врожденной склонности къ порядку и опрятности, даже и по наружности своей выгодно отличалась отъ прочей дворни. Маша сама привязалась къ барышнѣ своей, которая также полюбила ее и скуки занималась ею какъ воспитанницей, припоминая пансіонскіе уроки. Любаша не скоро могла освоиться съ бытомъ деревенской барышни и не вдругъ оставила всѣ пансіонскіе обычаи, привычки и мечты; безъ уроковъ, безъ учителя и ученицъ, ей какъ-то чего-то не доставало; и если она смотрѣла на всѣхъ старшихъ, заслужившихъ ея уваженіе, какъ на учителей и воспитателей своихъ, то младшіе и подчиненные, особенно дѣвушка, ей казались ученицами младшаго класса, о которыхъ она должна заботиться. Маша подросла, сложилась, похорошѣла, расгѣвала изъ дворъ яснымъ голосомъ своимъ перенятые у барышни романсы или бѣжала съ рукомошкой подъ гору, чтобъ принести повелительницѣ ключевой, холодной воды умыться, и громко пѣла наизусть «Цыганъ», «Полтаву» или «Онѣгина», дѣлая всякаго дурнаго умысла, небольшія поправки, въ родѣ слѣдующаго:

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
По имени Владиміръ Ленской:
Съ душою прямо-тренадерской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и пр.

Вдругъ Иванъ Павловичъ Гонобобель, приводя однажды своихъ домашнихъ надворныхъ дѣла свои въ порядокъ, распорядился дать Машу замужъ за молодого кучера. Возраженій на это не было... Женихъ съ невѣстой явились благодарить барышню, клонились ему въ ноги; Любаша снаряжала любимицу своего товарища ей, сколько и изъ чего могла, приданое, была у

гѣвичникѣ и убирала ее подъ вѣнецъ. Разувая своего князя, Маша съ покорностью вынула изъ одного сапога два пятака, а изъ другаго плетку и подала ее молодому, прижавъ сама на колѣни и поникнувъ послушно головою, хотя обычай этотъ былъ придуманъ конечно не для нея и ей подобныхъ, кроткихъ и беззвѣтныхъ невѣстъ. Сначала все шло хорошо; но, перешедъ, по смерти Говнобобеля, во владѣніе Шилохвостова, молодой кучеръ запыль, потѣмъ пьяный нагрубилъ барину и прибилъ бѣдную Машу; тотѣмъ разбилъ въ дребезги коляску и утопилъ лошадь, и Семень Герентьевичъ сдалъ его въ рекруты, получивъ квитанцію, которая, разумеется, была продана, а деньги употреблены собственно на тотъ же предметъ, за который кучера отдали въ солдаты.

Какъ бы то ни было, но Маша не успѣла оглянуться и выплакаться на послѣдніе побои безпутнаго мужа своего, какъ осталась вдовой при живомъ мужѣ, съ первымъ груднымъ ребенкомъ. Она была неслыханно забывчива, позабывъ все, что переносила отъ мужа, помнила въ это время только одно, что онъ хотъ лыками шить, да ей мужъ; отчаяніе ея, когда его повезли въ городъ, превосходило всякую мѣру, хотя оно, по тихому, кроткому нраву ея, и не обнаруживалось такими страстными порывами, какъ это большею частію случается въ простонародьи. Любаша плакала съ нею и за нее — но не могла пособить ей ни чѣмъ. Лишь-только Маша стала-было нѣсколько приходить въ себя, покорившись неизбежности своей участи, какъ новый ударъ поразилъ ее, едва-ли не съ большею жестокостью, чѣмъ первый. Оставшійся при ней младенецъ одинъ только и былъ утѣхой ея въ этомъ бѣдствіи; она не выпускала его изъ рукъ, и барыня ея, соблазнуя къ участи своей любимицы, не тревожила ея, не спрашивала съ нея работы и призывала только иногда, стараясь ее развеселить. Еслибъ этотъ младенецъ былъ просто похищенъ у Маши смертью, то, конечно, и этотъ ударъ, въ такое время, былъ бы жестокъ; но случилось еще гораздо-хуже, — судьба была къ этой сирой вдовицѣ еще немилосердѣе. По обычаю, довольно-общему у насъ въ народѣ, Маша укладывала ребенка спать вмѣстѣ съ собою, на свою постель; вся сила привязанности ея сосредоточивалась теперь на этомъ младенцѣ, котораго она любила чрезъ мѣру и не могла выпустить изъ своихъ объятій. Съ того дня, какъ она лишилась мужа, ребенокъ спалъ всегда при ней. Въ одно раннее утро, вся дворня была вснугана внезапнымъ, дикимъ крикомъ несчастной матери; всѣ сбѣжались и съ ужасомъ увидѣли, что она держала на рукахъ своихъ — мертваго младенца. Она, какъ говорится у насъ въ народѣ, «заспала» его.

Этому новому удару бѣдная Маша не могла уже противостоять. Ее обуяло какое-то дикое отчаяніе, чуждое кроткому ея нраву. Она посягнула-было на самоубійство; потѣмъ состояніе это постепенно перешло въ тахую, нѣмую задумчивость, изъ которой по цѣлымъ днямъ нельзя было ее пробудить; одна только Любаша

могла съ нею разговаривать, и бесѣда эта всегда оказывалась обильнымъ и горькимъ плачемъ несчастной матери, что облегчало по-видимому, хотя временно, ея страданія. При видѣ какихъ-либо дѣтей, лицо ея какъ-будто прояснялось: она подымала тѣмъ, смотрѣла на нихъ робко, но спокойно, ласкала ихъ и даже иногда улыбалась. Мало-по-малу, она по наружности нѣсколько возвратилась къ жизни, но всегда была грустна, почти не говорила; сидѣла задумавшись, прилежно работала, не пропуская ни одной службы въ церкви, гдѣ во все время стояла на колѣняхъ и клала земные поклоны. Такъ-какъ церковь была въ Алексѣевкѣ, и Игривый встрѣчалъ ее тамъ нерѣдко, говорилъ съ нею, стараясь ее успокоить и вразумить и поселить въ ней вѣру и смиреніе вмѣсто овладѣвшаго ею отчаянныя; такимъ образомъ, по разпросамъ объ ней и по разговорамъ съ нею-самою, узналъ онъ ее близкія оцѣнилъ всѣ природныя достоинства этой женщины.

Когда Игривый сталъ мысленно прискивать для пріемныя своихъ няньку, или, вѣрнѣе сказать, вторую мать, то оставилъ выборомъ своимъ на Машѣ. Ему казалось, что она во всѣхъ ея пошеишняхъ будетъ отвѣчать этому выбору.

Маша встала рано утромъ смутная; она все еще жила на мѣ подскомѣ дворѣ, работая, что ее заставляли, и ее за это попрежнему милостиво кормили, когда было что ѣсть другимъ — Маша встала смутная, задумывалась при работѣ и выдыхала.

— О чемъ опять загрустила, Маша? спросила другая женщина:— полно! ужъ сколько тебѣ говорить, что полно!

— Нѣтъ, Анна, отвѣчала та:— я такъ... я что-то...

— Да, ну, говори... кто тебя обидѣлъ, чѣмъ?

— Никто, Анна; кто жъ меня обидитъ... за что меня обижать... да я сонъ видѣла...

— А какой сонъ, Маша, расскажи; можетъ-статься, къ чему-нибудь... можетъ и къ добру? Ну, расскажи!

— А видѣла я, ровно еще живу въ дѣвкахъ, и пошла по туть гляжу — башмаки лежатъ подъ кустикомъ; я будто и на нихъ, да и обулась; башмаки господскіе, сафьянные, красные, а по нимъ зерна черненькія. Тутъ я будто стою вѣркой, а на рукахъ у меня цыпленочекъ, да такой хорошенькій съ хохолочкомъ... я его вотъ будто стала поглаживать рукой, и обронила въ воду. Вотъ я такъ испугалась, такъ сердце и гнуло во мнѣ... кинулась я за нимъ, бродила по водѣ, все не находила, нѣтъ,—такъ и пропасть. Я вышла на берегъ вся мокрая да съела, да и гляжу, — а тутъ, отколѣ ни возьмись два бѣлыхъ, ровно снѣгъ, прилетѣли да и сѣли на меня — одно плечо, другой на другое. А тутъ я ужъ будто въ бѣломъ покояхъ сижу, и платье на мнѣ не то, а бѣлое, подвѣшено на ли — да все закапано чѣмъ-то, ровно чернилами, вотъ бѣлые мухи сидятъ; а голубочки все склѣвываютъ, все склѣвываютъ пятнышки, обираютъ ихъ съ меня; а тутъ ужъ и не знаю,

Барышня меня позвала громко... проснулась, анъ только дѣдушка Макарь на печи кашляетъ...

— Ну, Марьюшка, сказала Анна: — вѣдь это сонъ такой, что вѣдь не скоро увидишь его въ другой разъ, ей-Богу; ну, о чемъ же ты горюешь? Вѣдь это, стало быть, все къ хорошему, къ добру... это, стало быть, замужъ, что ли тебѣ придется идти...

— Господь съ тобой, Анна, что ты говоришь это...

— Да вѣдь хорошее что-то, Маша; ну, ей-Богу, воля твоя... Степановна! а Степановна! поди-ка сюда, пожалуйте, поди, продолжала Анна, увидавъ старуху-коровницу, знаменитую спотолкательницу: — матушка, Степановна, послушай, вотъ Маша-то все орюетъ, а сонъ видѣла хорошій, ей-Богу хорошій, только ужъ гудренный больно, что и не разберешь... вотъ послушай...

И Степановна, присѣвъ на заваленкѣ рядомъ съ двумя молодыми бабами, сложила руки, слушала придакивая и понукая по-временамъ, а тамъ объявила, что этотъ сонъ къ добру и притомъ чень-ясень, что понять его не мудрено.—Что жъ, сказала она: — вѣдливо, что сонъ хорошій. Вотъ видишь ли: башмачки — это прошлое, это выходило тебѣ за-мужъ идти, ну и вышла; красные башмаки—веселая свадьба, а чубаренькіе — горе; вотъ оно и вышло на твою долюшку: цыпленочекъ — сыночекъ твой; ну и прижила его, да и погубила—и обронила въ воду, и не пашла. А въ одѣ ходить, мокрой быть — это все слезы; и не мало жъ ихъ и было у тебя, Марьюшка—вотъ и рѣка. Ну, а вотъ дальше—такъ то видно еще будетъ впередъ; а что будетъ—Богу одному вѣдомо, все это одному Богу извѣстно. Голубки-то вишь—кабы мужъ тебя здѣсь былъ, такъ сказать бы, что дѣтки у тебя будутъ, а и чуть-ли не двойни...

— Господь съ тобой! перебила ее Маша, перекрестившись: — то ты это говоришь, Степановна! да этого и слушать нельзя...

— Такъ погоди жъ, моя красавица, дай срокъ, не перебивай; вѣдь я тебя ничѣмъ не порочу: я говорю, кабы мужъ былъ — какъ его вѣтъ, ну такъ ужъ и не знаю; къ другой-ли что-ли то радости, къ вѣстямъ ли къ какимъ—не знаю, ужъ это Богу вѣстно. А что обирали они съ тебя черныя-те крапины, ну такъ то все къ добру: позабудешь старое горе по новымъ радостямъ, отъ что. Грѣха-то вѣдь на тебѣ и вѣтъ, Марьюшка, а вѣдь все ушенька твоя померкала, хоть и нечаянно сгубила младенца, а се душа его на тебѣ... ну, вотъ, и сымутъ съ тебя голубочки рѣхъ этотъ, и Господь тебя простить...

Маша горько заплакала, а подруга ея напустилась за это на старуху:

— Ужъ ты, Степановна, Господь съ тобой — право, Господь съ тобой — говоришь Богъ-вѣсть что, и еще стала попрекать Машу старымъ, не жалѣючи ея, да вотъ опять и разжалобила, когда она безъ того изнываетъ! Иди, иди, добро, къ телятамъ да къ коровамъ своимъ, слышь, но тебѣ плачуть...

А сама стала утѣшать Марьюшку, припоминая ей одну только хорошую сторону этого сна и словъ старухи, и вслѣдъ тѣмъ принялась клясться и божиться, что все это къ добру.

Въ этотъ же день послѣ обѣда, нарочный отъ Павла Алексѣвича пріѣхалъ за Машей. Она тотчасъ же, довольно-беззаботно, собралась и поѣхала, нисколько не обезпокоенная этимъ неожиданнымъ зовомъ, потому-что Игривый былъ любимъ всѣми, и ни одинъ добрый человѣкъ не чуждался его.

— Зачѣмъ бы это, думала она однакожь, когда телега съ нею покатила со двора:—развѣ кружевница не нужна ли Павлу Алексѣвичу — да на что же ему? Онъ человѣкъ одинокій. Посмотрите: вотъ близко—церковь видать изъ-за лѣсу — и перекрестясь, она спокойно стала выжидать конца.

— Маша, сказалъ онъ, когда она вошла къ нему, молча поклонилась и подпершись локтемъ стала у дверей:—Маша, отгадай для чего я тебя позвалъ?

Маша вздохнула, потупила глаза и молвила:

— Стало-быть, вы знаете, Павелъ Алексѣвичъ, когда позвалъ а я слуга ваша.

— Ну, однакожь, отгадай?

— За добрымъ дѣломъ, Павелъ Алексѣвичъ; за худымъ не зовете.

— Такъ, правда твоя, Маша, за добрымъ дѣломъ; я позвалъ тебя за богоугоднымъ, христіанскимъ дѣломъ. Послушай, Маша: Господь възискалъ тебя страданіями — что жь? на это воля его святая; Онъ и самъ страдалъ больше нашего. Но я думаю, что теперь время твоего искуса миновалось — полно же сказать, Маша — полно; слушай меня хорошенько: я не къ слезамъ говорю съ тобою, а къ радости. Я думаю, что если только ты теперь не откажешься отъ своего счастья, то ты будешь счастлива и спокойна... Слушай, Маша: Богъ далъ тебѣ опять дѣтей не одного, а двухъ разомъ!

Маша вздрогнула, отняла руки отъ лица — слезы текли по щекамъ ея, и она, пораженная послѣдними словами Игриваго, отбѣжала на него въ какомъ-то недоумѣніи.

— Дѣти, продолжалъ онъ, растворивъ дверь въ сосѣднюю комнату:—Ваня, Анюта, подите сюда!

Вошла женщина, которая держала на рукахъ Анюту и Ваню.

— Вотъ это будутъ покуда дѣти твои, Маша, до воцаренія нашей доброй Любви Ивановны; а тамъ, коли ты махнешь рукой, призришь ихъ, чай и она ихъ у тебя не отыметъ...

Теперь только Маша поняла въ чемъ дѣло: она зарыдала и кинулась обнимать и целовать попеременно то Ваню, то Анюту, а сама, сама самого Павла Алексѣвича, то даже наконецъ ту женщину, которая привела дѣтей и которая была временно придана имъ отпущенной старой няньки. Маша кинулась къ ней послѣ

отъ нея хотѣла опять броситься къ дѣтямъ; но та принялась чинно цаловаться съ нею, переваливая ее со щеки на щеку, и, похристосовавшись такимъ образомъ, съ важностію ей поклонилась. Наконецъ Маша упала Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ поднялъ ее и спросилъ:

— Хочешь ли заступитъ мать у этихъ полусиротъ?

Маша съ трудомъ промолвила: «Хочу, хочу...», опять бросилась обнимать дѣтей, взяла Анюту и въ этотъ вечеръ уже болѣе не слускала ея съ рукъ.

Памятливая, умная и послушная, она строго слѣдовала наставленіямъ Павла Алексѣевича при воспитаніи довѣренныхъ ей дѣтокъ: она легко повяла и всегда помнила, что первымъ условіемъ при воспитаніи дѣтей есть:—не лгать предъ ними, или при нихъ, и не обманывать ихъ никакъ, ничѣмъ и никогда, ниже въ малѣйшей бездѣлицѣ. Черезъ этотъ камень преткновенія всѣхъ мамушекъ и нянюшекъ, Маша легко перешагнула и, живучи отнынѣ съ ними и для нихъ, расцвѣла и сама опять для жизни, и грѣшную молитву свою о томъ, чтобъ Богъ скорѣе ее прибралъ, замѣнила другою, болѣе-христіанскою: о благоденствіи довѣренныхъ ей малютокъ. Заботливѣе Маши не могла быть для дѣтей и лучшая мать: а Игривый отнынѣ не только заступалъ у нихъ мѣсто роднаго отца, но сдѣлалъ гораздо-болѣе: онъ спасъ всю ихъ будущность отъ гибельнаго вліянія этого человѣка. Онъ же, Игривый, былъ и первымъ наставникомъ и учителемъ ихъ, когда судьба въ-послѣдствіи возложила на него и эту обязанность.

Семень Терентьевичъ, который и самую женитьбу свою припоминалъ иногда потому только, что считалъ себя, съ грѣхомъ пополамъ, помѣщикомъ, какимъ сдѣлался посредствомъ женитьбы—Семень Терентьевичъ, возвратившись съ послѣдней поѣздки, и не замѣтилъ, въ первые дни, отсутствія дѣтей своихъ; потомъ спросилъ, какъ-бы мимоходомъ:

— А что же, кажется, ребятишекъ не видать?

И узнавъ, что сосѣдъ увезъ ихъ съ собою, промычалъ что-то въ родѣ: «а!» или «мм!» и пошелъ своимъ путемъ.

Когда все это устроилось, то и Павелъ Алексѣевичъ ожилъ нѣсколько. Его не тяготила болѣе день за день и съ часу на часъ участь Любаши: онъ зналъ, что она теперь весела и спокойна, что даже въ его волѣ было продлить это спокойствіе; дѣтки ея были пристроены; онъ также не ѣздилъ болѣе въ Подстойное, не видѣлъ безпрестанно передъ собою этого безчинства, и теперь даже не хотѣлъ и слышать о томъ, что тамъ дѣлается. Онъ внезапно сталъ семьяниномъ, жилъ не только для себя, но и для другихъ, чужихъ ему существъ, и день казался ему вдвое короче и яснѣе прежняго.

Прошелъ уже слишкомъ годъ, какъ Любаша была за границей; она писала Игривому, скучала по немъ и по дѣтямъ, но сама сознавалась, что здоровье ея чрезвычайно поправилось. Игривый вы-

сдаль ей еще денегъ, написавъ ей, что онѣ получены отъ мужа ея и брата, и просилъ оставаться еще за границей. Онѣ сдаль это, разсудивъ, что ей возвращаться на первый случай не мѣтъ, и что три недѣли, проведенныя ею опять въ Подстойномъ, безъ сомнѣнія нанесли бы ей болѣе вреда, чѣмъ годъ, проведенный въ Тѣплицѣ, могъ принести пользы. Любаша писала ему на это:

«Не смѣю даже благодарить васъ—вотъ въ какое положеніе вы меня поставили! Итакъ, благодарите отъ меня мужа и брата.. «но что тогда, если благодарность эта, не смотря на слѣпое «слушаніе мое вамъ, не дойдетъ до нихъ, а останется при томъ «кому она слѣдуетъ?.. Все равно; я вамъ уже столько обязана «что считаться съ вами не могу...»

Между-тѣмъ, на взбалмошнаго Шилохвостова вдругъ напала хандра: онѣ сталъ скучать по женѣ и началъ ѣздить къ Игривому, чтобъ видѣть дѣтей. Нѣжность эта шла къ нему, какъ къ ровнѣ сѣдло — не менѣе того онѣ былъ мужъ и отецъ, и никто не могъ ему запретить вздыхать и скучать по женѣ и ласкать дѣтей. Сколько ни морщился бѣдный Павелъ Алексѣевичъ — а даженѣ былъ показывать видъ радушія при этихъ посѣщеніяхъ. Мало-по-малу, Шилохвостовъ и самъ привыкъ къ этимъ поѣздкамъ въ Алексѣевку, гдѣ его кормили и даже нѣсколько поили, тогда какъ онѣ дома нерѣдко сиживалъ посвистывая и думалъ: «какъ бы теперь хорошо было съѣсть что-нибудь порядочное и мякн какъ слѣдуетъ и чѣмъ слѣдуетъ...» Онѣ нашель, что въ Алексѣевкѣ гостить выгоднѣе, чѣмъ жить дома, и подѣ предложеньемъ, скучаетъ одинъ, что не можетъ жить безъ жены и безъ дѣтей, которыя-де составляютъ единственное его утѣшеніе,—проводилъ сосѣда цѣлыя недѣли. Онѣ вскорѣ тамъ до того обжился, что, въ видимому, считалъ алексѣевскую усадьбу настоящимъ мѣстомъ своего жительства. Этого мало: вообразивъ себя хозяиномъ Алексѣевки, Шилохвостовъ началъ и самъ хозяйничать тамъ—«вина! коньяки! рому! закуски! горькаго!» эта команда раздавалась громко подѣ скромною кровелькой Игриваго, гдѣ ни самъ хозяинъ, ни люди въ домѣ не привыкли къ жизни этого рода. Вскорѣ и Игриваго пуша, встосковавшись по другѣ своему, сталъ его навѣщать; онѣ также нашель, что его никто домой не гонять и тамъ дѣла у него не плачуть, что наконецъ и жить на чужой счетъ вышло и удобнѣе— а потому также поселился у сосѣда и посельникъ, же слугу своего и кучера съ тройкой лошадей.

Истощивъ всѣ осторожныя намѣки, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свое не свое, Игривый наконецъ рѣшился, во что бы ни стало, оставить домъ свой отъ такого нашествія. Къ этому подалъ ему приличный поводъ незначительный по себѣ случай: Шилохвостовъ съ Карпушей, кромѣ разныхъ безчинствъ, вздумали, для удовольствія напоить пуншикомъ пятилѣтняго Ваню и прибить бѣдную кошку за то, что она вступилась и не хотѣла этого дозволить. Разс...

покончить дѣло это и давъ буянамъ проспаться, Игрявій скалъ безъ обиняковъ Шилохвостову:

— Послушай, однакожь, любезный! ты, кажется, намѣренъ поспитъ у меня совсѣмъ?

— А что? спросилъ тотъ.

— Да такъ; я бы желалъ знать мысли или намѣренія твои по тому дѣлу.

— Эхъ, любезный Павелъ Алексѣевичъ! ты другъ и благодѣльщикъ нашъ — я вѣдь не то, чтобъ... я такъ, погостить думалъ у тебя... Ну, куда же мнѣ дѣваться, ну, посуди самъ: дома одному ска—мочи нѣтъ; ты знаешь, я люблю семейную жизнь, тихую, промную... Ну, брани меня, я самъ знаю, каковъ я, знаю это лучше тебя... да вѣдь дома-то, братъ, скука, что съ души воротитъ... Безтолковый Карпуша этотъ—Карпуша да Карпуша—о, да надоѣлъ же онъ мнѣ...

— А между-тѣмъ, ты и сюда привелъ его хвостомъ за собой—онъ также тутъ поселился...

— А чортъ ли его приводилъ! Да коли хочешь, такъ я, братъ, в удовольствіемъ вытолкаю его отсюда въ шею!

— Итъ, не трудись; этого я не хочу; но, признаться, хотѣлъ бы жить у себя въ домѣ самъ хозяиномъ и господиномъ. Посуди самъ, Семень Терентьичъ: мы съ тобой хоть и пріятель, но жить вмѣстѣ намъ не приходится. Пріѣзжай разъ въ недѣлю, хоть, по-дуръ, на весь день—и я тебѣ буду радъ; повидеешься съ дѣтьми, побалагуришь, да и съ Богомъ домой. А Карпушу, сдѣлай милость, не вози ко мнѣ вовсе: онъ, чай, не соскучился ни по дѣтямъ, ни по племянникамъ, ни по мнѣ — такъ ему здѣсь и дѣлать нечего.

— Такъ я дѣтей своихъ только разъ въ недѣлю и увижу?

— Этого довольно, любезный; вспомни, ты покидалъ ихъ прежде не на одну недѣлю: стало-быть, тебѣ не идетъ теперь привыкаться такимъ нѣжнымъ отцомъ... Ты въ этотъ день, на-примѣръ, въ воскресенье, пріѣдешь къ обѣднѣ, соберешься съ силами, съядишься порядочнымъ человѣкомъ на весь день, не станешь говорить «водки—рому—горькаго!», не станешь браниться съ людьми ни за что, ни про что, оставишь въ покоѣ дѣвокъ — однимъ словомъ, покажешь отеческій примѣръ дѣтямъ, чтобъ имъ стѣдно было смотрѣть отцу въ глаза; а тамъ побѣзжай съ Богомъ и дѣлай дома что хочешь.

— Богъ тебѣ судья, Павелъ! Да вѣдь добро наше теперь все въ твоихъ рукахъ.

— Что же? развѣ я его взялъ у васъ наѣдомъ? Развѣ ты можешь выречь меня, чтобъ я приобрѣлъ его какими-нибудь нечестными средствами?

— Итъ, я этого не говорю; да вѣдь помнишь ли, не я ли спрашивалъ тебя тогда же, что кормить-де подѣ старость насъ дураки станутъ?

— А вспомни, не я ли тогда же отвѣчалъ, что накорншь бы вась путемъ съ-молоду, а теперь лихъ-поздно?

— Правда! сказалъ тотъ со вздохомъ. — Ну, братъ, такъ прощай; да только скучно же мнѣ будетъ дома возиться съ цукками, да съ дуракомъ съ Карпушей... Знаешь ли что? ужъ я дико объ этомъ подумывалъ; вѣдь пора бы женѣ моей воротиться: надо же и честь знать; вотъ бы мы и зажили!

Съ этого времени, несчастная мысль о возвращеніи Любаши не оставляла Шилохвостова, не смотря ни на какія убѣжденія Игриваго. Соглашаясь, что онъ подлець и негодяй, что ему опять скоро прискучить жить съ женою, Шилохвостовъ, однакожь, козырялъ правомъ своимъ и, какъ супругъ, требовалъ жену свою в лицо. Онъ до того увлекся этою несчастною мыслью, что не шутя сталъ собираться самъ за женою, если она не послушается зава его и не прїѣдетъ.

Что тутъ было дѣлать? Обдумавъ все, Игривый уже рѣшился было, для спасенія бѣдной Любаши, принять къ себѣ въ домъ Шилохвостова, надѣясь отвлечь его этимъ отъ исполненія угрозы, и колебался, предвидя нескончаемую для себя муку отъ этого сожительства и, сверхъ-того еще, будучи увѣренъ, что Шилохвостовъ не въ состояніи долго жить спокойно, а, кромѣ всѣхъ проказъ своихъ, непременно опять вскорѣ прїимется за старое и будетъ настаивать, чтобъ Любаша возвратилась. Въ этихъ заботахъ Игривый провелъ нѣсколько безпокойныхъ дней, а можетъ-быть и нѣдѣль, какъ Шилохвостовъ, не шутя готовившійся уже въ путь, прискакалъ къ нему сломя голову, кинулся на него какъ сумасшедшій и съ крикомъ: «Дѣтки мои, сиротки мои... Павлуша моя! Боже мой...» бросился ему на шею. Онъ неистово ревѣлъ и метался, такъ-что Игривый съ трудомъ только отвелъ его въ комнату и заперъ двери, желая устранить позорное зрѣлище это прислуги. Съ отчаяннымъ движеніемъ, Шилохвостовъ выдернулъ изъ кармана письмо, подалъ его Павлушѣ, а самъ упалъ въ обморокъ и закрылъ лицо руками. Игривый прочиталъ увѣдомленіе незнакомца, какого-то нѣмецкаго доктора, что Любаша уже нѣтъ на свѣтѣ. Она скончалась довольно-внезапно и похоронена въ Тѣсплицѣ, успѣвъ однакожь написать еще приложение къ вѣщанію, которымъ передаетъ все имѣніе свое мужу и умоляетъ его быть отцомъ своихъ дѣтей, но предоставить воспитаніе Игривому, если только Павелъ Алексѣевичъ просьбы ея не забудетъ.

Съ сожалѣніемъ и презрѣніемъ смотрѣлъ Игривый на зловѣщій путнаго во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, который рвалъ и вырывалъ волосы съ отчаянья по женѣ, между-тѣмъ, какъ самъ жила въ видѣ все бытіе ея. Теперь Любаша была, по словамъ Шилохвостова, и другъ его неоцѣненный, и любовь его, и радость, и гонимый-хранитель... Теперь, наконецъ, уничтоженіе этого человека шло до того, что онъ не находилъ словъ для выраженія

которою бы могъ достойнымъ образомъ поносить себя... Къ вечеру, Семень Терентьевичъ привелъ себя, съ горя, въ такое отчаянное положеніе, что былъ отправленъ домой въ безпамятствѣ; кучеръ, привезя его домой, долго кричалъ людямъ: «Да возьмите, что ли, барина-то! долго ли ему тутъ лежать? Вѣдь я коляску-ту задвину въ сарай; ночью дождь будетъ...»

Потру, Шилохвостовъ съ трудомъ только сообразилъ вчерашняго похождения свои, послалъ записку къ Игривому, умоляя его прислать хоть 50 рублей, и поѣхалъ, для разсѣянія, покутить въ ближайшій городъ.

Не станемъ теперь слѣдить за всегда-равною и одинаковою жизнью Шилохвостова и Карпуши, которые, какъ мы видѣли, никогда не стѣснялись какими-либо узамъ долга и приличія, а теперь и подавно хозяйничали на просторѣ, такъ-что всѣ сосѣди покачивали головой и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ пророчили, что все это *чъмь-нибудь* да кончится. Опасеніе, которое выражалось въ этомъ двусмысленномъ *чъмь-нибудь*, было не безъ основанія, и конецъ вылился изъ дурныхъ дурной.

Шилохвостовъ былъ уже круглый бобыль; онъ давно промоталъ все женино имѣніе и жилъ нахлѣбникомъ на крохахъ у шурина, надъ которымъ пріобрѣлъ такую власть, что командовалъ и управлялъ всѣмъ. Люди ненавидѣли его, какъ «врага рода человѣческаго», во-первыхъ, потому-что считали его, не безъ основанія, соучастникомъ въ окончательномъ разореніи вотчины, а во-вторыхъ, за развратную жизнь, въ которой онъ постоянно былъ наставникомъ Карпуши...

Карпуша поѣхалъ куда-то на недѣлку одинъ, а Шилохвостовъ остался дома. Соскучась сидѣть и пить, онъ велѣлъ осѣдлатъ коня и поѣхалъ въ поле. Прошло часа два или три, какъ вдругъ на барскомъ дворѣ сдѣлалась тревога, стали сбѣгаться люди со всѣхъ концовъ села, и вскорѣ сбѣжалось все село, старъ и малъ, мужики, бабы и дѣти.

— Чтѣ тамъ такое, Тимоша? спросилъ едва-движущійся старикъ съ печи или съ палатей барской людской, когда въ двери вбѣжалъ молодой парень и сорвалъ поспѣшно съ гвоздя кафтанъ свой и шляпу: — чего тамъ народъ сбѣжался ровно на пожаръ? ась? не слышу!

— Да ничего, дѣлушка Макаръ; поди-ка, погляди: гвѣдой гостинца привезъ.

— Какой гвѣдой? какого гостинца?

— А привезъ барина, Семена Терентьича.

— Ась? привезъ барина? ну, чтѣ жъ за диво?

— Дá, чтѣ за диво! поди, погляди, дѣлушка: диво-то такое, что поѣхалъ баринъ на конѣ, а пріѣхалъ подъ конемъ; вотъ и диво. Крестись, дѣлушка, да молись: Богъ прибралъ его.

Сказавъ это, Тимоша выбѣжалъ опять изъ избы; старикъ пере-

крестился и прочелъ молитву, а между-тѣмъ полѣтъ, крича, съ нечи. Вышедъ на дворъ, онъ замѣтилъ, что здѣсь собралось все село. Пробравшись съ трудомъ въ средину толпы, онъ увидѣлъ осідланную верховую лошадь Семена Терентьевича, который лежалъ, неживой и въ обезображенномъ видѣ, на землѣ, а одною ногою висѣлъ въ стремени. Лошадь была въ поту и въ мылѣ, вся дрожала и фыркала; староста держалъ ее подъ уздцы, а самъ тужилъ и горевалъ вслухъ о томъ, что не знаетъ, какъ теперь быть и что дѣлать: онъ разослалъ уже конныхъ за исправникомъ, за Павломъ Алексѣевичемъ и другими, но сомнѣвался, чтобъ земская полиція могла вскорѣ прибыть, а между-тѣмъ не смѣлъ прикоснуться до того къ покойнику, и въ то же время недоумѣвалъ, какъ удерживать бѣшеную лошадь въ этомъ положеніи и не дать ей освободиться отъ трупа. Бѣдный староста стоялъ блѣдный, разстроенный, тпрукалъ, почесывалъ у себя затылокъ, оглядывался, тужилъ и горевалъ, между-тѣмъ, какъ лошадь хрипѣла, дрожала вслѣдомъ, оглядывалась и рвалась то въ бокъ, то въ сторону. Народъ стоялъ молча, то перешептываясь между собою, то охватывая поглядывая на страшное зрѣлище, и ждалъ, чѣмъ все это кончится.

Когда, наконецъ, судъ выѣхалъ и произвелъ слѣдствіе, то обнаружилось только ровно то, что мы сейчасъ описали: Шилохвостъ поѣхалъ живой, но вполъяна, и лошадь принесла его убитаго въ стремени. Судъ заключилъ, что Шилохвостъ былъ битъ лошадью, повисъ одной ногою и такимъ-образомъ затасканъ до смерти.

Крестьяне Подстойнаго давно уже были разутые и раздѣтые бо- были: съ нихъ поживиться было не чѣмъ, какъ вѣдомо было всякому; разсудили, что не стоить заводить дѣла и шумѣть изъ-за пустяковъ, и потому предали его волѣ Бежіей.

Услышавъ объ этомъ происшествіи на чужбинѣ, Карпуша какъ-будто немного опомнился. При всей бутылочной храбрости, у него однакожь подкосились-было ноги и языкъ онѣмѣлъ. Онъ вспомнилъ, что говорили ему не разъ сосѣди и что пророчила кака-то темная молва, и разсудилъ, что коли зять его теперь «пристро-енъ», то о немъ заботиться нечего, а надобно-де подумать о себѣ. Убѣдившись, что онъ теперь остался на свѣтѣ одинъ, горемыч-нымъ сиротою, безъ наставника и товарища, съ которымъ такъ свыкся, Карпъ Ивановичъ сдѣлался малодушнымъ и горько запла-калъ. Онъ струсилъ до того, что даже не рѣшался ѣхать въ мѣ-чину свою и долго не зналъ, что дѣлать. Наконецъ, Богъ его на-доумилъ.

Павелъ Алексѣевичъ сидѣлъ послѣ обѣда на своемъ диванч-кѣ, Ваня и Анюта лазили по нему, а Марья Кондратьевна, то-есть Маша, стояла съ веселою улыбкою передъ нимъ и уговари-вала дѣтей, загрязнившихся въ песокъ, надѣвъ другія платища:

Ваня шагаль на плечо дяди Пау и не хотѣлъ разстаться съ алой рубашенной, а Анюта тянулась вслѣдъ за нимъ и также повторяла: не, няня, ни, ни! Въ это время коляска прокатила мимо оконъ; Игривый узналъ ее тотчасъ, всталъ и встрѣтилъ Карпушу.

— Павелъ Алексѣвичъ! Бѣда! спаси! проговорилъ онъ, и началъ его крѣпко обнимать.

— Какого жъ ты чаешь отъ меня спасенья?

— Да я услышалъ вотъ — меня не было дома — я вотъ вчера только узналъ, и не могу еще опомниться... ты былъ тамъ?

— Былъ.

— Что жъ, правда?

— Я не знаю, что ты называешь правдой: — покойникъ стоитъ здѣсь въ церкви — завтра похороны.

— Ахъ, Боже мой, Боже мой... но вѣдь говорятъ, будто...

— Это говорятъ; но видно слухъ при розъискѣ не подтвердился: судъ не изъявилъ подозрѣній и разрѣшилъ уже погребеніе.

— Какъ ты думаешь, что же мнѣ сиротѣ теперь дѣлать?

— Идти дальше тѣмъ же путемъ: примѣръ въ глазахъ.

— Ахъ, Павелъ! и ты можешь теперь такъ шутить...

— Я не шучу, Карпуша, я говорю только горькую истину.

— Да что же мнѣ дѣлать теперь? не опасно ли мнѣ будетъ возвратиться домой и жить тамъ?

— Этого я не знаю. Это ты самъ долженъ знать лучше.

— Послушай, Павелъ, я рѣшился: ради Бога, развяжи меня съ Подстойнымъ совѣтъмъ — и много ли тамъ его осталось? Возьми все, что ни самъ — дай мнѣ уголь у себя — я туда не поѣду...

— Если хочешь продать мнѣ остатки твоей вотчины — изволь, я покупаю, и могу дать тебѣ цѣну выгоднѣе другихъ, потому что мнѣ покупка эта сподручнѣе другаго. Но угла я тебѣ у себя въ томѣ не дамъ; на этомъ не взъищи.

— И тебѣ не грѣшно, Павелъ? за что же ты такъ со мною обходишься?..

— Ты не такъ спрашиваешь: за что, это походить на то, будто я хочу тебя наказать за прошлое, или мстить тебѣ; а этого за мной нѣтъ. Но спроси почему, или для чего я тебѣ отказываю въ пристанищѣ, и я тебѣ скажу не обинуясь, что намъ съ тобою жить подъ одной крышей нельзя. Разсуди самъ: мы смотримъ крѣпко; общаго въ родѣ жизни нашей нѣтъ ничего; мы другъ для друга не годимся.

— Да куда же мнѣ дѣваться? спросилъ жалкимъ голосомъ Карпуша, который, лишившись вожака своего и наставника, былъ безъ него, какъ безъ головы.

— Немножко-поздно задаешь ты себѣ этотъ вопросъ — я думаю, легче тебѣ станетъ на годъ веселой жизни; тогда опять спроси кого-нибудь: куда дѣваться; можетъ-быть, посоветуютъ лучше меня.

Отчаянный Карпуша сдѣлался смиренъ и кротокъ какъ агне-

нокъ; онъ упрасля Игриваго позволить ему погостить у него только до уплаты денегъ, обѣщаясь выѣхать въ тотъ же день, когда дѣло будетъ кончено, — послалъ домой за платьемъ и кой-какими вещами и черезъ недѣлю отправился, самъ не зная куда. Никто не слышалъ и въ-послѣдствіи о томъ, куда молодой Гонобобелъ дѣвался; а потому мы прощаемся съ нимъ навсегда: онъ провалъ безъ вѣсти, для насъ, какъ и для прочихъ.

Выпроводивъ отъ себя благополучно несчастнаго Карпушу, который при всемъ отчаяніи и малодушіи своемъ бушевалъ, сердился, плакалъ, бранился и напивался пьянъ съ гора и никому въ домѣ не давалъ покоя, Игривый зашелъ къ дѣткамъ. Это было вечеромъ; они уже спали; а Маша сидѣла за грамотой и что-такъ прилежно выписывала, что даже не слышала, какъ баша вошелъ, и вдругъ торопливо привстала. Взглянувъ на лежавшій въ рядъ нею листокъ, онъ прочиталъ: помини Господи во парствѣ твоемъ рабовъ твоихъ: Ивана, Семена, Кондратія, Ивана, Акилюбовъ, Марию. Чтѣ ты это пишешь, Маша? чтѣ за поминки?

Хочу подать въ церковь, Павелъ Алексѣевичъ, по родителямъ, чтобъ поминали ихъ.

Игривый еще разъ взглянулъ на листокъ и спросилъ: Да-же это? Кондратій отецъ твой — а прочіе?

— А тутъ матушка покойница, да покойные господа. Любовь Ивановну голубушку я уже приписала въ Покровъ—а теперь и сѣла—было приписать и Семена Терентьевича... а это слышишь мой... Карпа Ивановича да мужа своего я записать не могла. Богъ—вѣсть, вѣдь можетъ статься они еще и живы гдѣ-нибудь.

Привязанность эта и незлопамятность, даже относительно самого Шилохвостова, тронула Игриваго. Подумавъ немного, онъ сказалъ: — Ну, Маша, ужь коли такъ, то вычеркни еще одно имя изъ тѣхъ, что написала.

Маша глядѣла на него ничего не понимая.

— Да, да, Маша; вычеркни еще одно имя, тутъ у тебя записана живая, или живая: Любовь Ивановна жива и здорова:—слышишь она жива, Маша!

Маша зарыдала и бросилась Павлу Алексѣевичу въ ноги. Онъ поднялъ и обнялъ ее и вскорѣ успокоилъ, рассказавъ, что Маша дѣйствительно жива и никогда не думала умирать; что въ то время пришли ложныя, а теперь получилъ онъ отъ твоего письмо. Опомнившись, Маша пошла крестить спящихъ ребятъ и сама молилась, не зная куда отъ радостныхъ слезъ плакаться.

Объяснимъ теперь въ двухъ словахъ недоумѣніе читателя. Баша точно не думала умирать, но и слуховъ о смерти ея Павлу Алексѣевича не доходило: все было придумано имъ въ крѣпкомъ когда сумасшедшій Шилохвостовъ вдругъ сталъ настаивать, что она непременно воротилась и до того взбѣленился, что и самъ выѣхать за нею самъ. Не видя никакого спасенія для себя,

Игривый написалъ ей объ этомъ поспѣшно, присовокупивъ, что ей ничего не остается, какъ сказаться мертвою. Онъ совѣтовалъ ей попросить кого-нибудь изъ надежныхъ знакомыхъ ея написать гостиную вѣсть эту прямо мужу и въ то же время увѣдомить о томъ его, Игриваго. Все это, какъ мы видѣли, было во-время исполнено, и тайна сохранилась до настоящаго времени.

Теперь Игривый вздохнулъ еще свободнѣе. Онъ терялся въ размышленіяхъ и самъ едва могъ повѣрить всѣмъ черемѣнамъ, которыя произошли въ глазахъ его. Все то, что столько лѣтъ томилъ его, отравляло всю его жизнь, все, что, казалось, тяготѣло вѣчнымъ, пожизненнымъ бѣдствіемъ надъ несчастной Любашей — все это исчезло какимъ-то волшебнымъ ударомъ съ лица земли: — Шилохвостова нѣтъ, и уже нѣтъ навсегда; онъ не съ Цыганами поучетъ по ярмаркамъ, онъ не возвратится уже оттуда избитымъ и оборваннымъ, промотавъ лошадей, коляску и сюртукъ съ плечъ вонхъ — онъ выбылъ навсегда, и никто на этомъ свѣтѣ его болѣе не увидитъ. Любаша свободна; ей только двадцать-три года — а Годстойное обратилось въ собственность Павла Алексѣевича, того самаго робкаго, молодаго человѣка, который такъ недавно еще стоялъ какъ ошалѣвшій передъ покойнымъ Иваномъ Павловичемъ, когда этотъ, въ присутствіи всей семьи своей, хохоталъ до слезъ и кричалъ въ уши ему: «Съ праздничкомъ, сосѣдъ, а дѣвчонка-то ужъ нѣтъ; выдали, братъ, выдали, вотъ за проѣзжаго молодца...» А теперь уже не было на свѣтѣ ни самого Ивана Павловича, который съ такимъ торжествомъ возглашалъ побѣду свою, ни старушки Анны Алексѣевны, которая съ недовольнымъ и озлобленнымъ видомъ слушала громогласные возгласы своего погубеннаго сожителя, ни даже этого знаменитаго проѣзжаго молодца, какъ-будто кинутаго судьбою поперегъ пути всѣмъ добрымъ людямъ, которымъ суждено было гдѣ-нибудь и когда-нибудь съ нимъ столкнуться...

Игривый продолжалъ еще нѣсколько мѣсяцевъ спокойно своей родъ жизни, увѣдомивъ съ осторожностью Любашу о томъ, что въ отсутствіи ея случилось, и успокоивъ ее на-счетъ дѣтей. Отвѣты ей приходили какъ-то чрезвычайно-медленно, и Павелъ Алексѣевичъ замѣчалъ въ нихъ какой-то странный, небывалый оттѣнокъ... Ни съма Любаши оставляли въ немъ съ нѣкотораго времени такое печальнѣе, будто она не досказываетъ чего-то, будто у нея на ушѣ остаются какія-то завѣтныя чувства и думы. Разсуждая объ этомъ самъ съ собою, онъ задумавшись пересчиталъ по пальцамъ, что по смерти Шилохвостова прошло уже полгода — а за тѣмъ поднялъ голову и спросилъ мысленно у самого себя, чего онъ теперь еще сидитъ на мѣстѣ и почему бы ему не ѣхать за границу, часть подругъ своей въ Мариенбадъ какъ снѣгъ на голову — и посмотреть, что изъ этого выйдетъ дальше. Надобно быть тайнымъ чудакомъ, какъ я — подумалъ онъ улыбувшись, чтобы давно

уже не сдѣлать этого; ѣду. Зима не удержитъ меня, я ѣду не лечиться; весной воротимся...

— Ну, Маша, сказалъ онъ, когда сталъ готовиться въ путь:—я покину тебя съ ребятишками мѣсяца два, либо три; я побѣду вашей барыней. На тебя оставляю ихъ: помни, что ты имъ мать, вступишь родной.

— Вы меня воскресили, Павелъ Алексѣевичъ, отвѣчала веселая Маша, которая весь день яснымъ голосомъ своимъ распѣвала пѣсенки съ дѣтьми: — отъ вашихъ приказаній я ни шагу; а дѣтки, сами знаете, и своихъ-то, можетъ статься, не съумѣла бы такъ полюбить, какъ этихъ...

Приведя хозяйство свое въ порядокъ на время отсутствія, Игривый сдѣлалъ также нѣсколько неколичественныхъ распоряженій, чтобъ убрать у себя въ домѣ комнаты и изготовить немного мебели.—Вотъ эти синіе стулья, говорилъ онъ своему Ивану:—выкрасить хоть въ бѣлую краску — они пообтерлись, а это будетъ по-опрятнѣе; ихъ можно будетъ поставить въ залу; а мой стулъ, съ шитымъ чехломъ (работы Любашы), побереги, чтобъ его бегмена не таскали.

Расцаловавъ дѣтей и строго приказавъ имъ слушаться няни. Игривый въ хорошій зимній день покатилъ со двора.

— Я, благодаря Бога, здоровъ и ѣду не лечиться, повторилъ онъ про-себя, улыбаясь, не подозрѣвая того, что онъ точно не здоровъ и что именно ѣдетъ лечиться...

Въ небольшомъ, но очень-благовидномъ мѣстечкѣ живописной Богеміи, стоялъ укромный домикъ ратсгера, по нашему—гласнаго, хотя бы и гораздо-правильнѣе было называть этого гласнаго безгласнымъ,—и въ домикѣ этомъ, внизу, жилъ самъ хозяинъ, а верху постояльцы. Черепичная кровля была припудрена снѣгомъ; вѣткіе сучья деревь виднѣлись черезъ опратно-окрашенный заборъ: по улицѣ казалось пусто, потому-что въ городкѣ не доставало нѣсколькихъ тысячъ лѣтнихъ посѣтителей. Кто бывалъ тамъ, помнитъ, вѣроятно, въ числѣ обыкновенныхъ прогулокъ, такъ-называемую мельницу, Амальну-Гору, деревню Аушовиць, лѣсничій домъ Кенигсвартъ и развалины Фрауэнбергъ. Все это хорошо лѣтомъ, когда притомъ съѣзжаются въ это мѣстечко люди со всѣхъ концовъ свѣта, кто по рецепту доктора, кто отъ скуки, кто для поживы; но въ домикѣ, о которомъ мы упомянули, гости оставались на зиму. Они занимали три комнаты; заглянемъ прямо во вторую. На небольшомъ диванѣ сидитъ чета: молодая, прекрасная женщина, которой наружность теперь не станемъ описывать подробно, и мужчина, нѣсколько-постарѣе ея, но также довольно-близкалый, хотя и бѣлокуръ до такой степени, что съ перваго взгляда можно догадаться о порманскомъ его происхожденіи. Женщина со вниманіемъ читаетъ книгу, наклонившись впередъ и положивъ руку на плечо мужчины, который, окинувъ руку вокругъ габіуса стана своей подруги, облокотился другою рукою на столъ, и, вы-

тѣло слѣдя за чтеніемъ молодой женщины, по-видимому по-
рываетъ иногда произношеніе ея и объясняетъ ей нѣкоторыя
юва. Вслушавшись нѣсколько въ эти звуки, мы тотчасъ можемъ
сдѣлаться, что не ошиблись въ родинѣ блѣокураго учителя: они
паютъ книжку датскую или шведскую. Учитель, глядя нѣсколь-
о времени пристально въ лицо ученицѣ своей, забылся и не по-
рываетъ ея, хотя она, запнувшись, тщетно пыталась произнести
во-го мудреное слово на два или на три лада; она взглянула
него; голубые глаза ихъ встрѣтились на разстояніи нѣсколь-
хъ вершковъ; онъ отрывисто поцаловалъ оба глаза своей подру-
и сказалъ: «точка; смеркается, другъ мой; испортишь эти доро-
глазки: береги ихъ».

Она сложила книгу, улыбулась и спросила по-нѣмецки:

— Ну, что, скажи мнѣ правду, выучусь ли я когда-нибудь это-
трудному языку?

— Да вѣдь ты же говоришь и теперь уже довольно-свободно;
то же тебѣ еще? Мы познакомились съ тобой въ маѣ, помнишь?
ты стала учиться въ августѣ—всего пять мѣсяцевъ!

— Но мнѣ бы хотѣлось чище произносить; нѣтъ ничего хуже,
гдѣ кто коверкаетъ языкъ, не умѣя выговаривать слова, какъ
языку.

— Еще полгода, отвѣчалъ онъ: — и никто не повѣритъ, чтобъ
была иностранка, которая теперь только начала заниматься чу-
мъ ей языкомъ. Божусь тебѣ, я не постигаю, какъ ты съ пер-
о раза вѣрно и чисто стала произносить наши двугласныя, ко-
ыхъ нѣтъ въ другихъ языкахъ и кажется всего менѣе въ ва-
ть.

— Ты мнѣ часто это говоришь, сказала она весело:—но ты не
ишь мнѣ и не шутишь?

— Нѣтъ, другъ мой, никогда ты отъ меня этого не дождешь-
развѣ ты не видишь, что я каждый дець радуюсь твоимъ
хамъ? Знаешь ли что? одни только Русскіе могутъ перенять
скоро и вѣрно чужой языкъ, и этому двѣ причины: во-пер-
хъ, полногласность собственнаго ихъ языка; во-вторыхъ, общій
май учить дѣтей двумъ, тремъ языкамъ: послѣ такого навыка
мудрено поддѣлаться подъ всякое произношеніе.

— Ну, спасибо тебѣ, что ободряешь меня, сказала она на язы-
своего учителя, который отъ радости бросился ее обнимать.—
цаловавъ его, она съ кротостію отвела его руку и вставъ, по-
ла къ окну. Стройный ростъ; гибкій станъ и пышная кругло-
меновъ обозначились во всей ихъ красотѣ; свѣжее лицо ды-
мо миловидностію, а русые, пепелистые волосы обращали на
вниманіе необыкновеннымъ для этого цвѣта волосъ свой-
вомъ, — слегка курчавиться; приглаженные по обѣ стороны про-
а, они сбѣгали легкой волной.

— Холодненько, сказала она, подошедъ къ желѣзной печкѣ на

курьихъ ножкахъ и съ вычурными балкончиками: — у насъ въ Россіи теперь теплѣе!

— У васъ теплѣе? спросилъ изумившись мужчина.

— Да, потому-что у насъ теплыя печи; у меня была, въ моей комнатѣ, печь изъ синихъ изразцовъ, то-есть съ синими узорами; бывало, мой Ваня разбираетъ цвѣточки на нихъ, а сосѣдъ нашъ, — ты знаешь, нашъ добрый сосѣдъ? — рассказываетъ ему, гдѣ фиалка, гдѣ незабудка... Она замолкла, опустила взоръ и стояла нѣсколько секундъ въ этомъ положеніи...

Тукъ, тукъ, тукъ... молоточекъ, замѣняющій нашъ звонокъ, ударилъ въ двери и горничная пошла отпирать. Кто-то вошелъ, и чужой голосъ спрашивалъ о чемъ-то дѣвушку. Хозяева стали прислушиваться, — она, женщина, которую мы описали, едва только выглянула въ первую комнату, какъ вскрикнула и рухнула, будто пораженная молніей, на полъ. Другъ ея вскочилъ въ сосѣдней комнатѣ съ дивана и кинулся къ ней на помощь; то же сдѣлалъ вошедшій съ противоположной стороны посѣтитель, и оба, встрѣтившись надъ лежащей въ обморокъ молодой женщиной и едва взглянувъ только другъ на друга мелькомъ, поспѣшно приподняли вмѣстѣ обмершую и осторожно положили ее на диванъ.

Лишь-только она стала немного приходить въ себя, какъ незванный посѣтитель отошелъ въ сторону, чтобъ она его не видѣла, и, постоявъ немного, чтобъ удостовѣриться въ возвращеніи ея къ жизни, вышелъ тихонько въ двери и спустился по лѣстницѣ. По послѣднимъ ступенькамъ шелъ онъ какъ-то невѣрно, покачиваясь, а внизу остановился, придерживаясь обѣими руками; наконецъ, опъ невольно присѣлъ, гдѣ стоялъ, прислонившись головой къ периламъ. Въ эту минуту выглянула изъ сосѣднихъ дверей пожилая женщина, посмотрѣла на чужаго и, сказавъ: «ахъ, Боже мой, что съ вами? вы больны, вамъ дурно», позвала еще женщину на помощь, подала недужному стаканъ воды, а когда онъ нѣсколько оправился, то просила его зайти отдохнуть, сожалѣя и извиняясь, что мужа ея, гласнаго, теперь нѣтъ дома.

— Мы васъ видѣли, сказала старушка, когда она усадила Павла Алексѣевича Игриваго на большія кресла: — мы васъ видѣли, когда вы пошли наверхъ; но скажите, ради Бога, что съ вами сдѣлалось, и что дѣлается тамъ? Я говорю, мы видѣли васъ, а потомъ услышали наверху, у постояльцевъ нашихъ, стукъ, какого никогда прежде тамъ не бывало; мы послали туда дѣвку узнать, что тамъ сдѣлалось, и слышимъ, вотъ сейчасъ, что мадамъ Шильвакесъ сдѣлалось дурно; я и хотѣла-было заглянуть туда, дурно, не нужно ли какой помощи, выхожу, да тутъ и вижу васъ. Такъ это съ вами случилось? и какъ же они васъ такъ отпустили!

Игривый доволенъ былъ многорѣчивостью старухи, потому-что могъ въ это время молчать и сидя спокойно отдыхать; но когда она наконецъ въ свою очередь замолчала и ожидала отвѣта на вопросъ свой, то опъ не зналъ что отвѣчать на все это; опъ ея

онъ только опомниться, что и съ кѣмъ и гдѣ онъ—такъ все это сожиданно на него накинuloсь—а чтобы у него въ глазахъ поленѣло, чтобы зашумѣло въ ушахъ и голова пошла кругомъ — къ этого съ нимъ еще и отроду не бывало. Онъ однакожь сорался съ силами и отвѣчалъ:

— Да, я поступилъ немного неосторожно — и ее напугалъ и амъ перепугался. Я привезъ этой дамѣ очень-горестную для нея вѣсть о смерти близкаго ей человѣка — и она такъ была этимъ спугана, что ей сдѣлалось дурно...

— Ахъ, Боже мой, скажите!.. Что жъ ей лучше теперь?

— Да, она уже пришла въ себя.

— А вы вѣрно также родственникъ ея? Вы изъ Россіи?

— Да, я изъ Россіи. Скажите, давно эта дама у васъ жить?

— Давно; она уѣзжала раза три въ Тѣплицъ и еще въ Прагу другія мѣста, но, возвращаясь, всегда опять у насъ останавливалась. Прекрасная дама, предобрая! Съ-тѣхъ-поръ, какъ мужъ я пріѣхалъ, они живутъ у насъ—вотъ ужъ третій мѣсяць.

— Такъ это мужъ ея—я его вѣдь не знаю; кажется, его у насъ, е. на родинѣ нашей, не было...

— Да, мужъ; это также пріѣзжій, человѣкъ ученый, профессоръ — они видно познакомились гдѣ-нибудь здѣсь, по близости—ли въ Прагѣ, да, кажется въ Прагѣ.

— Но вы знаете навѣрное, что это мужъ ея? Я не успѣлъ пресить ее объ этомъ—да и не было для этого времени.

— Да, это ея мужъ; такъ они по-крайней-мѣрѣ говорятъ и почему жъ въ этомъ сомнѣваться? они хорошіе люди, оба. Съѣздивъ въ Прагу, мадамъ Шильваксъ сказала намъ, что получила письмо отъ мужа и что онъ скоро будетъ; вслѣдъ за тѣмъ онъ и пріѣхалъ. Да, она добрая, хорошая женщина, прекрасная женщина; мы вѣдь знаемъ ее здѣсь давно.

— Однакожь, я отдохнулъ и мнѣ пора идти, сказалъ онъ, слышавъ надъ хозяйскою комнатою опять какое-то движеніе: — рошайте, благодарю васъ—извините — не взмущайте за безпокойство...

Удушливъ показался ему воздухъ на улицахъ Мариенбада; зиме угрюмое солнце заткало свѣтлую обитель свою сѣрыми тучами; съ сосѣднихъ горъ тянулись гряды облачка, ополчаясь проливъ ведра и угрожая ненастьемъ. Игривый шелъ скоро; ему безрестанно казалось, будто за нимъ кто-то гонится, будто его зовутъ; онъ бѣжалъ, придумывая, куда бы ему укрыться; наконецъ апыхавшись остановился, поднесъ руку ко лбу, перевелъ духъ и амѣтилъ, что голова его очень-тяжела и все еще идетъ кругомъ, въ ушахъ свистъ и гулъ. Онъ оглянулся — за нимъ все было усто. Вглянувъ на проскакавшую мимо его почтовую коляску, иъ какъ-будто вспомнилъ что-то и бросился опять бѣглымъ шагомъ впередъ.

Но посмотримъ, что дѣлаетъ Любаша, опомнившись послѣ обморока, потому-что мадамъ Шильваксъ, какъ называла ее мадамъ-ка, переименовавъ по-своему прозваніе Шилохвостовой, была не иной-кто, какъ сама Любаша. Открывъ глаза и облегчивъ удрученную грудь свою нѣсколькими глубокими вздохами, она какъ смотрѣла какъ спростонья, оглядываясь кругомъ, будто чего-то искала и припоминала и, не смотря на нѣжныя лобызанія своего друга, не скоро еще окончательно пришла въ себя. Другъ и мужъ ея, кто бы онъ ни былъ, послѣ многихъ услій и стараній, съ трудомъ могъ привести ее въ чувство, и тогда только и конецъ обильныя слезы облегчили ея томленіе.

— Зачѣмъ же онъ ушелъ? куда онъ дѣвался? говорила она: это человѣкъ, который сдѣлалъ мнѣ больше добра, чѣмъ мои родители, котораго я уважаю болѣе, чѣмъ кого-либо въ мірѣ! Хочу, я должна его видѣть... не-уже-ли онъ не воротится? я же его видѣть и сказать ему все и выслушать все отъ него, что бы онъ ни сказалъ, сколько бы упрековъ онъ мнѣ ни сдѣлал... не перенесу только одного: его презрѣнія!

Датчанинъ поцаловалъ у ней руку, взявъ шляпу и обѣжалъ Мариенбадъ, но нашелъ только свѣжій, едва простывшій слѣдъ того человѣка, котораго искалъ: Игривый уже уѣхалъ и никто не зналъ куда; хозяину сказалъ онъ, что по свѣшнымъ дѣламъ медленно уѣзжаетъ въ Россію. Датчанинъ вздохнулъ, отеръ слезы съ лица и безнадежно побрелъ домой. Любаша была сильно поражена и встревожена этимъ извѣстіемъ; она долго разсчитывала что-то по пальцамъ, спрашивая мужа: такъ ли? и наконецъ вышла изъ зала: нѣтъ, онъ не могъ еще получить моего письма — она не знала еще ничего, и — и — о, какъ я передъ нимъ виновата! накрывъ опять лицо руками, горько заплакала.

Спустя нѣсколько дней, которые показались бѣдной Любашѣ годами и въ-продолженіе которыхъ мужъ ея тщетно искалъ ее, она встала съ утра до поздней ночи, крестьянинъ принесъ ей письмо на имя Любашы и самъ тотчасъ удалился. Она увидѣвъ надпись, сильно-взволнованная разорвала обертку и принялась читать:

«Любовь Ивановна».

Она невольно вздрогнула и, переведя духъ, продолжала:

«Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ дней, я наконецъ опять пришла въ себя и, кажется, могу говорить спокойно. Дайте мнѣ возможность высказать вамъ все, что у меня есть на душѣ; возможно-ли, я хочу разъяснить себѣ самому все это на бумагѣ... я въ отчаяніи и я юсь—чувствую, что письмо будетъ длинно—не пеняйте на это, оно, вѣроятно, послѣднее».

«Я виновата передъ вами вдвойнѣ: во-первыхъ, я слѣдовало бы прежде написать вамъ, а теперь пишу вамъ послѣднее».

«неожиданно явился передъ вами, не испросивъ на это вашего согласія; во-вторыхъ, вѣроятно, не менѣе растревожилъ васъ «и тѣмъ, что такъ внезапно скрылся, покинувъ васъ почти «прежде, чѣмъ вы опоминились отъ перваго испуга. Но зачѣмъ «же этотъ испугъ? къ-чему или отъ-чего онъ? Съ вами, Любовь «Ивановна, я могу только говорить, какъ съ самимъ-собою — или «я долженъ молчать... но я буду говорить... я объясняю себѣ «то, что съ вами случилось, такимъ-образомъ: всѣ женскія чув- «ства ваши были нѣкогда принесены на жертву и — попораны не- «достойнымъ образомъ; вамъ не дали узнать той любви, безъ ко- «торой такая женщина, какъ вы, существовать не можетъ. Друж- «ба ваша ко мнѣ и преувеличенная признательность за мое со- «чувствіе, — позвольте мнѣ высказать все, для-меня это необхо- «димо — эта дружба и признательность сдѣлались, можетъ-быть, «господствующими въ васъ чувствами и, при угнетенномъ поло- «женіи вашего духа, удовлетворяли васъ—за неимѣніемъ лучшаго; «сердце ваше могло иногда хотя нѣсколько согрѣться среди этого «холода, отъ котораго костенѣли ваши члены и остывала кровь... «Но—птичка въ клѣткѣ и птичка на волѣ, на просторѣ—не одно «я то же. Все ожило въ васъ, когда вамъ дозволено было вспор- «хнуть и оглянуться на свободѣ; силы возвратились, грудь вздо- «хнула глубоко, сердце забилося сильнѣе — и земное потребовало «земнаго, а небесное небеснаго. Встрѣча въ такое время съ че- «ловѣкомъ, который достоинствами своими затмилъ передъ вами «многихъ, а можетъ-быть и всѣхъ, который на чужбинѣ явился «передъ вами, какъ посланный свыше, для спасенія и успокоенія «вашего и избавленія васъ отъ грозившихъ вамъ неприятностей,— «который, наконецъ, и самъ, можетъ-быть, еще впервые встрѣтилъ «подобное вамъ существо, — словомъ, встрѣча съ такимъ человѣ- «комъ тронула васъ, настроила душу вашу къ тому чувству, ко- «торое, можетъ-быть, давно уже васъ истомляло, не находя себѣ «пищи... что жъ мудренаго, если оно теперь увлекло васъ и если «вы теперь наконецъ—да, наконецъ, послѣ столькихъ страданій, «послѣ четверти вѣка жизни, послѣ многолѣтней истомы и отчая- «нія — если вы теперь не могли, да и не хотѣли налагать вѣзи «этому чувству, которое вамъ впервые посулило на дѣлѣ то, что «прежде смутно представляли грезы тысяча-одной ночи?

«Вы видите, что я уже знаю все, или удачно дополняю своимъ «воображеніемъ то, чего не успѣлъ узнать. Словомъ, я знаю до- «вольну; я понимаю васъ и положеніе ваше; узнаю въ васъ все «ту же Любовь Ивановну, которая не пугалась пріѣзда алексѣв- «скаго сосѣда въ Подстойное,—но была поражена прибытіемъ его «въ Мариенбадъ. Путь подальше; нельзя было ожидать его сюда, «этого сосѣда — такъ; но вѣрьте: и вы тѣ же, и сосѣдъ все «тотъ же.

«Успокойтесь же: вы въ правѣ были располагать собою, и никто «въ мірѣ не можетъ сдѣлать вамъ за это упрека. Вы принадле-

«жали только себя и больше никому. Если соседъ этотъ и строилъ когда-нибудь воздушные замки—то никто, по крайней мѣрѣ ни вы—никто, говорю, не давалъ ему ручательства въ осуществленіи его бреда. Вы не станете судить строго этого соседа, если онъ и обманывалъ самъ себя временно, — какъ, можетъ-быть, и вы нѣкогда обманывались; онъ пробудился отъ обаятельнаго сна, не ропшетъ на суровую дѣйствительность, а благодаритъ даже за то, что былъ нѣкогда счастливъ во снѣ и говоритъ: «если даже избранному суждено жить только воспоминаніями и надеждой, то рядовой можетъ удовольствоваться и одними первыми; онъ еще будетъ въ барышахъ противъ того, кто былъ свой долженъ тѣшиться одною только надеждой, между-тѣмъ, какъ у него все прошлое представляетъ залежь, поросшую чертополохомъ...

«Вы видите: бывшій и нынѣшній соседъ вашъ мудрецъ... Онъ итѣтъ, не шутите такъ! онъ ребенокъ, но онъ по крайней мѣрѣ въ состояніи написать вамъ то, что вы теперь читаете, и рука его кажется, не дрожить...

«И такъ, одно кончено, — вы въ своемъ правѣ и обязанности отомъ въ томъ, что вы дѣлаете, самой-себѣ, больше никому. Теперь два слова о другомъ: о насущномъ.

«Вашъ мужъ, какъ ученый, привязанный къ родинѣ своей жизни и мѣстомъ, которое занимаетъ и которое его содержитъ, уже по одной этой причинѣ въ Кострому не поѣдетъ. Вы знаете также, что все опять тотъ же соседъ, лишилъ васъ всего вашего достоинства, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, чтобъ присвоить его, по соседству, къ своему. Вы, сверхъ-того, конечно знаете и то, что собственно ваше имѣніе, еслибъ оно и было для васъ, по незначительности своей не могло бы служить вамъ съ семействомъ. И такъ, если еще ко всему этому вспомнить, что «жена да послѣдуетъ мужу», то позволено считать, что Кострома васъ больше не увидитъ. Этому такъ и должно — по многимъ причинамъ, и потому позвольте мнѣ считать это рѣшеннымъ: въ такомъ случаѣ, вы будете исправно получать небольшіе доходы съ вашей вотчины, гдѣ бы вы ни ходились, а дѣти ваши... о дѣтяхъ вашихъ забудьте, какъ о всемъ прошедшемъ: они мои дѣти—дѣти мои будутъ воспитаны и пристроены и обеспечены, со-временемъ, всѣмъ достоинствомъ званнаго отца ихъ.

«Вотъ, кажется, все... Рука не повинуется, не пишеть письма на вѣкъ, хотя голова и освоилась уже съ мыслию, что такъ быть такъ, а не иначе... Отвѣтъ вашъ я получу въ Александровѣ—напишите мнѣ нѣсколько строкъ: это меня укрѣпитъ и успокоитъ; благословите заочно, на добрыя дѣла»...

— Ради Бога, воскликнула Любаша, обливаясь слезами:—ради Бога, другъ мой, отъищи этого человѣка! О, онъ жестокъ, даже своимъ великодушiемъ — я его должна, должна видѣть!..

На свѣтло-голубыхъ глазахъ Датчанина навернулись слезы; онъ крѣпко обнялъ подругу свою и, схвативъ шляпу, снова пустился на поискъ. Долго бѣгалъ и спрашивалъ онъ безуспѣшно—какъ ему вздумалось воротиться опять домой и разспросить еще разъ хорошенько хозяевъ своихъ, которые приняли отъ крестьянина письмо. Здѣсь онъ узналъ, что крестьянинъ, подавшій письмо это, по всей вѣроятности былъ изъ селенія Аушовицъ. Съ этимъ свѣдѣнiемъ, Датчанинъ поспѣшилъ наверхъ, изъясняя Любашѣ готовность свою ѣхать въ селеніе это сейчасъ же, въ надеждѣ отъискать тамъ бѣглеца. Она обняла друга своего за добрую вѣсть, но не хотѣла и слышать, чтобъ ему ѣхать сперва одному, на развѣдку.—И я съ тобой, и я съ тобой! говорила она, и уже хваталась рукой за салопъ и шляпку. Черезъ полчаса они катились по направленію къ горамъ, среди обмершей, но все еще прекрасной природы.

Недолго искали они въ Аушовицѣ, какъ имъ указали на небольшой крестьянскій домикъ, сказавъ, что тамъ наканунѣ оставился прiѣзжій изъ Мариенбада и притомъ иностранецъ. Чета наша подъѣхала къ крылечку этого дома; сердце Любашы забилося такъ, что она съ трудомъ переводила духъ, и, входя въ сѣни, опиралась на своего друга; онъ растворилъ дверь, чтобъ спросить хозяина, и Павелъ Алексѣевичъ стоялъ передъ ними.

Любаша бросилась съ громкимъ восклицанiемъ ему на шею:

— О, какіе вы! сказала она, опомнившись цѣсколько и успокоившись:—о, вы жестоки!

— Этого я не хотѣлъ, отвѣчалъ онъ, собравшись съ силами:—нѣтъ, не вините меня въ этомъ, Любовь Ивановна...

— Нѣтъ, цѣтъ, не виню, продолжала она:—мигъ васъ винить?.. нѣтъ! это было только такъ сказано, чтобъ облегчить сердце... Но вы все-таки жестоки! Оставить меня цѣлую недѣлю среди этой пытки... И вы меня прощаете? и вы можете меня простить?

— Отъ всей души и чистаго сердца прощаю, если вы только полагаете, что въ чемъ—нибудь противъ меня виноваты, чего я однакоже не знаю. Я высказалъ вамъ въ письмѣ все.

— Все, и отъ искренняго сердца?

— Все, и отъ искренняго сердца. У меня нѣтъ на душѣ болѣе ничего. Я бы могъ только развѣ, для полноты покаянiя, прибавить къ этому, что хотѣлъ—было попенять вамъ, для чего вы не уведомили меня о томъ, что сдѣлалось; но я разсудилъ тутъ же, что и это было бы глупо; кто мнѣ далъ на это право?

— Такъ обиниваетесь же, сказала она, сведя быстро вмѣстѣ обоихъ друзей своихъ и кивнувшись сама третья въ общiя ихъ объ-

тія: — миръ и любовь навсегда! Благодарн его, продолжала она, обратившись къ мужу:—благодарн за все то, за что нельзя отблагодарнт нкогда...

Они пробесѣдовали вмѣстѣ нѣсколько часовъ; тутъ было пересказано все, какъ и гдѣ молодые наши встрѣтились, по какому случаю познакомились, какія услуги онъ ей оказывалъ, какъ заботливо ухаживалъ за больною, отыскивалъ ее брошенную безъ прирѣнія и помощи, какъ она узнала въ немъ того человѣка, безъ котораго не могла жить, и какъ онъ очутился точно въ томъ же положеніи, и проч. Любаша объяснила также и послѣднее недомѣніе Игриваго: она дѣйствительно была уже обвинена съ Датчанномъ, но по какому-то ложному стыду долго не рѣшалась писать объ этомъ Павлу Алексѣевичу и наконецъ писала подробно, нѣсколько дней передъ его прїѣздомъ, почему онъ и развѣхался съ письмомъ. Когда зашла рѣчь о дѣтяхъ Любашн, то она, со слезами на глазахъ, схватила руку его и хотѣла-было ее поцаловать. Игривый узналъ въ Датчаннѣ, какъ и полагалъ по слухамъ, человѣка съ большими достоинствами и съ чувствомъ.

Наконецъ, должно было разстаться: не надѣясь болѣе на силы свои, Павелъ Алексѣевичъ не рѣшился на этотъ подвигъ; онъ обѣщавъ еще навѣстнт друзей до отъѣзда своего, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять этого, обнявъ еще разъ обонхъ и не смотря на общія восклицанія «до свиданія», онъ ихъ не видалъ болѣе. Онъ выѣхалъ рано на другой день и гналъ безостановочно до самой Алексѣвки.

Прїѣхавъ домой, онъ долго обнималъ дѣтей, которыя повисли у него на шеѣ, а за тѣмъ и Машу, благодарн ее за материнское объ нихъ попеченіе. «Дастъ Богъ, скоро увидишь свою барыню», сказалъ онъ ей: «она хотѣла быть сюда на тотъ годъ съ мужемъ, за Анютой. Ваня остается у насъ».

Маша была въ одно и то же время такъ обрадована предстоящимъ ей свиданіемъ съ Любашей и опечалена скорой утратой своей Анюты, что не могла ни печалиться, ни радоваться, а со свойственною ей кротостью безропотно предалась судьбѣ своей. Но ей долго еще не пришлось разстаться съ своей воспитанницей: въ году много дней и часовъ — и черезъ годъ многое перемѣнилось. Черезъ годъ Павелъ Алексѣевичъ получилъ заграничное письмо съ черною печатью; въ письмѣ этомъ мужъ Любашн — къ-сожалѣнію, ужъ не на шутку—увѣдомлялъ его съ отчаяннымъ сокрушеніемъ, что лишился своей подруги послѣ непродолжительной болѣзни. Человѣкъ твердеетъ постепенно, мужался противъ непрестанныхъ ударовъ рока, и подъ-конецъ нѣтъ уже такого удара, который бы могъ сокрушнт его. Игривый не унывая продолжалъ начатое благое дѣло и кончилъ воспитаніе любашинныхъ дѣтей. Ваня хотѣлъ итти въ военную службу; Игривый предоставилъ ему въ этомъ отношеніи полную свободу, но съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ напередъ чему-нибудь пут-

ному научился, а потому и требовалъ, чтобъ онъ кончилъ прежде курсъ въ университетѣ. Ваня исполнилъ это добросовѣстно и пошелъ въ гусары.

Анюта росла и выросла дома, и надобно признаться, что только развѣ такой матушкѣ, какова была Кондратьевна, т. е. Маша, при такомъ названномъ отцѣ, каковъ былъ Павелъ Алексѣевичъ, можно выростить и выходить, безъ матери и безъ посторонней помощи, такую дѣвушку, какою выдалась Анюта. При достоинствахъ ея и общеизвѣстности богатаго приданого, которымъ Павелъ Алексѣевичъ ее надѣлялъ, можно бы приноровить къ ней и къ толпѣ жениховъ ея сказку о Сивкѣ-Буркѣ или о Несмѣянѣ-Царевнѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ Алексѣевкѣ три-четыре года сряду не было отбоя отъ жениховъ: такъ падки были и въ то время уже Костромитяне на пригожихъ, умныхъ и богатыхъ невѣсть. Наконецъ, анютинъ часъ ударилъ, и дѣло состоялось: судьба въ этомъ отношеніи была къ ней несравненно-милосердѣе, чѣмъ къ бѣдной ея матери: анютинъ мужъ былъ человѣкъ достойный. Въ числѣ приготовленій къ свадьбѣ, Игривый между-прочимъ выкрасилъ старинные, нѣкогда голубые, а потомъ бѣлые стулья свои подъ красное дерево. Отпраздновавъ же свадьбу, обнявъ и окропивъ родительскими слезами свою названную дочь, Павелъ Алексѣевичъ опять остался въ берлогѣ своей одинъ, и сталъ по-прежнему трудиться для другихъ, хозяйничать и копить для своихъ названныхъ дѣтей.

Объ эту-то пору, Павелъ Алексѣевичъ жилъ въ Алексѣевкѣ истиннымъ патриархомъ, среди крестьянъ своихъ и сосѣдей, жилъ домосѣдомъ, заботясь только о своемъ хозяйствѣ, да потѣшаясь по длиннымъ вечерамъ доморощеннымъ сказочникомъ и наемнымъ понукалкой; а истиннымъ праздникомъ для него былъ тотъ день, который приносилъ ему письмо,—потому-что письмо это навѣрное было отъ Вани, либо отъ Анюты: другой переписки въ Алексѣевкѣ не производилось. Тогда призывался вѣрный Иванъ, который служилъ Игривому уже тридцать лѣтъ, и призывалась мамушка Кондратьевна, бывшая солдатка Маша—и письма перечитывались по нѣскольку разъ; въ такой вечеръ и сказочникъ и понукалка увольнялись.

Дошедъ, наконецъ, въ рассказѣ нашемъ до того отдѣла жизни Игриваго, въ которомъ мы изобразили его при самомъ началѣ повѣсти, мы можемъ повторить: не бываетъ ли иногда наружность обманчива, и—какъ знать, что человѣкъ передумалъ, перечувствовалъ на вѣку своемъ прежде, чѣмъ онъ сдѣлался тѣмъ чудачкомъ, какимъ мы его узнали?

Въ другомъ мѣстѣ и при другихъ данныхъ, Игривый, вѣроятно, сдѣлался бы человѣкомъ болѣе-замѣчательнымъ, или вѣрнѣе, болѣе-замѣченнымъ; вы, можетъ-быть, убѣдились, что у него достало бы на это и чувства и ума; напротивъ, при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя его окружали, онъ одичалъ немного и ог-

рубль; онъ даже бѣгалъ отъ выборовъ и по чудачеству своему не хотѣлъ идти ни въ засѣдатели, ни въ депутаты, ни въ казѣ бышь ихъ еще... но, безспорно сдѣлавшись чудакомъ онъ остался однакоже въ маломъ кругу своемъ полезнымъ и примѣрнымъ по благородству челоуѣкомъ и примѣрнымъ отцомъ чужаго семейства.

В. ЛУГАНСКИЙ.

УТЕШЕСТВІЕ ВЪ СТЕПИ ОСАЖЕЙ ЧЕРЕЗЪ ЛУИЗИАНУ И МИССУРИ.

Статья четвертая и послѣдняя.

VII.

ВОЕННЫЙ СТАНЪ.

Советъ рѣшилъ, чтобъ лагерь нашъ оставался на военныхъ тропинкахъ во все время отсутствія воиновъ. Избрали удобное мѣсто и воздвигли шалаши на покатости, спускавшейся къ прелестному ручейку, ружейному красивымъ лѣскомъ, въ которомъ было множество клю- и шелковичниковъ съ плодами. Женщины подложили подъ шкуры вѣтвики, такъ-что постели наши сдѣлались мягче обыкновеннаго. Вокругъ табора паслись многочисленныя стада бизоновъ, которыхъ мы считали намъ изобиліе. Только-что кончили постройку шалашей, охотники ринулись въ погоню за дикими быками. Во время охоты разразилась такая ужасная гроза, что одну изъ нашихъ лошадей убило громомъ шагахъ въ двадцати отъ лагеря. Это заставило насъ приостановить погоню; громъ гремѣлъ въ степи съ ужасною силою; яркія молніи сверкали одна за другою почти безъ промежутковъ; крупный дождь, сопровождаемый сильнымъ градомъ, принудилъ насъ искать убежища: последовалъ примѣру нѣсколькихъ Осажей, укрывшихся подъ брюхи своихъ лошадей, снялъ сѣдло и накрылъ имъ голову. Намъ стоило большаго труда удерживать испуганныхъ лошадей. После грозы мы возобновили погоню, и удачная охота доставила намъ возможность временно попаровать въ шалашахъ.

Нѣкоторые изъ нашихъ лакарей видѣли нашихъ Паніевъ; вечеромъ охотники объявляли эту новость въ лагерь и советовали всѣмъ нежелательно лишиться волосъ и лошадей быть какъ-можно-бдительнѣе. Раньше было, чтобъ я и четверо моихъ товарищей караулили поочередно нашъ шалаши. Лишь-только стемнѣло, я вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей. Скрывался за шалашомъ, въ сторонѣ отъ лагеря, я ви-

дѣль, какъ мало-по-малу гасли огни; по степи бѣгало нѣсколько оторвавшихся лошадей; онѣ подходили къ убигой накануне громозъ, обнюхивали ее и опять продолжали щипать траву. На опушкѣ лѣсы появлялись и исчезали свѣтлыя точки то въ воздухѣ, то на землѣ; если я не видалъ подобныхъ вещей довольно-часто въ Лувзіанѣ, то призналъ бы ихъ за блудящія огоньки: это были свѣтящіяся по ночамъ жести крылья насекомыхъ, которыхъ креслы называютъ *огненными мухами*. Около полуночи, меня смѣнилъ на часы одинъ изъ товарищей, и вскорѣ заснулъ крикливою сномъ; но сонъ мой былъ недолго: онъ успѣлъ я сомкнуть глаза, какъ былъ пробужденъ злоущающимъ боемъ бакъ, затянувшихъ хоромъ свой адскій напѣвъ. Черезъ четверть часа опять все затихло. Осажи увѣряли, что вой-собакъ служить яркимъ признакомъ близкаго присутствія Паніевъ, что однако не мешало мнѣ уснуть снова.

Военныя пляски должны были начаться съ завтрашняго дня. Употреблено на охоту. Множество любопытныхъ птицъ показывалось въ окрестности: сѣверный сарычъ, желтоголовый скворецъ, арканзаская мухоловка и нѣсколько разнаго рода воробьевъ и травниковъ. Степь была покрыта полянью и бобоноснымъ растеніемъ съ желтыми цвѣтами, котораго листья, подобно листьямъ недотроги, съѣживаются въ прикосновенія; они сжимаются также на ночь, или когда срываются съ стеблемъ. Большіе бѣлые маковники съ колючими листьями и красивыя вьюнки съ красными цвѣтами показывались мѣстами между тыквенниковъ, неначинавшихъ еще цвѣсти.

Возвращаясь въ лагерь, я услышалъ издали произносимыя съ шумомъ слова: мнѣ сказали, что это войны *ударяють столбъ*. Чемъ ближе, я увидѣлъ воткнутый въ землю и выкрашенный красной краской; храбрые приближались къ нему одинъ за другимъ, ударяя его топорами войны; потомъ, протянувъ къ нему руку, посчитали съ движеніемъ и причиною ненависти къ Паніямъ. Обычай этотъ напоминаетъ отчасти древнихъ рыцарей, которые дотрогивались остриемъ копья къ щета вызываемаго противника.

Военныя партизаны обошли по шалашамъ, возбуждая гнѣвъ и негоду молодыхъ людей, напоминая имъ о подвигахъ отцовъ и укрѣпленіи трусости тѣхъ, которые отказывались отъ войны. Передъ шалашомъ старцевъ и шалашомъ храбрыхъ водрузили два флага, американскій и испанскій. Шонкѣ пересталъ быть главнымъ начальникомъ и сѣдѣлъ по-прежнему простымъ воиномъ; Пачѣ, храбрѣйшій изъ партизанъ, замѣнилъ его. Онъ имѣлъ право собирать во всѣхъ шалашахъ, для корыспія своихъ воиновъ, дань съѣжого и сушеного мяса, жира, са, и проч.; остатки отсылалъ онъ семействамъ, нуждавшимся въ нихъ.

У одного изъ военныхъ огней навалили большую груду углей, вращеннаго въ мелкій порошокъ; его развели въ жирѣ, а на огонь поставили *котелъ-водны*.

Храбрые, желающіе принять участіе въ военной экспедиціи, должны сперва ударить столбъ, потомъ съѣсть на коня, объехать шагомъ

сего лагеря и остановиться передъ партизаномъ, котораго желаютъ дѣлать своимъ предводителемъ. Произносятся рѣчи. Партизанъ принимаетъ или отвергаетъ вызывающагося кандидата въ вѣтви, смотря по окателямъ его храбрости или выраженному передъ партизаномъ желанію сдѣлаться достойнымъ его сподвижникомъ. Если онъ принятъ, то ходитъ въ шалашъ войны, паряжастся во все, что у него есть лучшаго, вѣтъ изъ котла храбрыхъ и выкрашивается съ головы до ногъ приотвлненнымъ углемъ: это называется *брать уголь*. Когда соберется остаточное число храбрыхъ, начинаются пляски.

Два толпы, пускаясь каждая отъ одного изъ шалашей войны въ разныя стороны, кружились около нихъ и приостанавливались лицомъ къ лицу всякій разъ, когда встрѣчались между собою. Войны кривлялись и корчались, какъ бѣшеные, прыгали, какъ безумные. Эти люди, гепенные, серьзные, величавые накануна, походили теперь на ватагу одержимыхъ бсомъ. Они гримасничали, такъ-что чуть не вывихивали себя челюсти, страшно вращали глазами, судорожно корчили члены, роносили какія-то слова, испускали вполголоса военный крикъ, дарили въ барабачки или дико свистали въ *тсу-тсе*, тростняковый удочки. Некоторые запѣвали воинскія пѣсни, которымъ аккомпанировали ударами вѣровъ по деревяшкамъ. Потомъ, сдѣлавъ еще одинъ ругъ около всего лагеря, они возвратились въ шалаша, запыхавшись, открытые потоми, и принялись за еду. Такова была первая часть *плекм-уля*.

Костюмы пясунувъ весьма-живописны. У однихъ были на головахъ левьи хвосты, прикрѣпленные на подобіе гривъ старинныхъ шлемовъ; другихъ были на лбу повязки, унизанныя клювами ворона, вырѣженными зеленымъ. Въ рукѣ каждый держалъ копье или трубку, палу, вѣрть, топоръ храбрыхъ или старинный томагавкъ. Пучки лобжьего пуха, орлиныя перья, буйволовые хвосты, малевкія тыквы, пучки внутри и наполненыя камешками, шкуры волчьи или шаверовыя, входятъ также въ нарядъ Осажей, вмѣстѣ съ крыломъ *птицы-трубки*, т. е. бѣлоголоваго орла, которое служитъ имъ вмѣсто опакала. Знаменитѣйшіе изъ воиновъ носятъ *оброна*, а одни только великій глава держалъ въ рукѣ знаменитый *кривой-жесель*.

Воронъ — украшеніе, сдѣланное изъ перьевъ птицы этого имени; его ривязываютъ къ поясищу сзади, выпшитымъ узорами поясомъ. Голова и хвостъ животнаго составляютъ оконечности массы черныхъ развѣивающихся перьевъ, прикрѣпленныхъ къ подушкѣ, изъ которой выходятъ четыре вѣтви, съ загнутыми кверху концами, украшенныя цѣпками дикобраза и оканчивающіяся кистями бубенчиковъ. Подушка касается тѣла пясуна выпуклою стороною, такъ-что онъ каждымъ движеніемъ своимъ сообщаетъ вѣтвямъ сильное сотрясеніе; вѣтви шевелятъ перья и заставляютъ звенѣть бубенчики. Во время военныхъ плясокъ, тѣ только воины имѣютъ право украшаться *вброномъ*, которымъ удалось убить непріятеля, окруженнаго своими, и снять съ него досы. Нарядъ этотъ сберегается съ величайшимъ тщаніемъ въ лицѣ

ка изъ сушеной бизоновои шкуры; во время экспедицій его никогда не берутъ съ собою.

Кривои-жель не что иное, какъ согнутый въ полукруга пруть, оберченный лебязнымъ духомъ; внутри его дуги висятъ бубенчики и ордынныя перья: это знамя краснокожихъ воиновъ, которое непременно должно возвратиться въ цѣлости. Одному только совету храбрыхъ предоставляется назначеніе воина, который понесетъ этотъ священный залогъ на войну; удостоенный такой чести признается самымъ храбрымъ изъ храбрыхъ. Онъ первый долженъ бросаться въ середину враговъ и указывать Осажамъ путь къ побѣдѣ. Когда экспедиція кончится, *крово-жель* бросаютъ въ огонь и въ случаѣ надобности дѣлаютъ новый.

Въ-продолженіе плясокъ, партизаны, растрепанные, похуламы отъ поста, слѣдовали за плясунами, то куры трубки съ величайшимъ спокойствіемъ, то испуская крики и стоны, отъ которыхъ растерзалось бы каменное сердце. Пока войны эти, они подносили имъ пищу, не касаясь сами ни до чего.

Пляски не переставали въ-продолженіе всего дня, съ тою только разницей, что за часъ до солнечнаго заката оба толпы стали у задней оконечности лагера и принялись кружиться въ противоположныя стороны на самомъ тѣсномъ пространствѣ. Пѣнію ихъ сопровождали музыканты, стучавшіе въ барабаны или палками; они стояли полъ конецъ между плясунами и лагеремъ, такъ, чтобъ не заслонять отъ воиновъ лучей заходящаго солнца. Вотъ единственный фактъ, по которому я могъ заключить, что Осажи имѣютъ особенное благоговіе къ солнцу.

Сдѣлавъ кругъ во время пляски, оба толпы останавливаются, и одинъ воинъ, потрясая оружіемъ, которое у него въ рукѣ, выходитъ изъ рядовъ и восклицаетъ: «народъ осажскій храбрѣйшій изъ всѣхъ народовъ, а я храбрѣйшій изъ Осажей!» Потомъ онъ *хвастаетъ* однимъ изъ своихъ подвиговъ, и всѣ снова начинаютъ вертѣться. Послѣ каждаго раза онъ долженъ *назвать ударъ*, такъ-что знаменитому витязю нужно много времени, чтобъ рассказать свои дѣянія. Дикари говорятъ только о себѣ; во время плясокъ, они ставятъ себя выше всѣхъ героевъ въ мірѣ. Скромность, по-видимому, не въ ихъ натурѣ; можетъ-быть, эта добродѣтель исключительно христіанская? Когда воинъ кончалъ рассказъ о своемъ подвигѣ, партизаны изъявляли ему свое одобреніе, говоря: *таніе нико-уасса*, «хорошо, мой храбрецъ», если фактъ былъ не вымышленъ; въ противномъ случаѣ они молчали.

Когда всѣ войны кончали свою похвальбу, которую они неминуемо заключаютъ обращеннымъ къ непріятелю вызовомъ, они выстраивались въ полукругъ, аполою стороною къ заходящему солнцу. Каждая толпа разѣстилась на одной изъ половинъ полукруга; потомъ, присѣвъ на корточки, храбрые начали новую пляску. Воинъ, находившійся на внутренней оконечности одной половины, приподнявшись нѣсколько, началъ выть, сильно трясая головою; вскорѣ онъ выпрямился совершенно, подвигался на середину, прискакивая въ тактъ обѣими ногами и принимая болѣе или менѣ живописныя позы; потомъ онъ представлялъ

какъ воинъ, сидя въ засадѣ, замѣчаетъ непріятеля, гонится за нимъ, настагаетъ и убиваетъ его; тогда онъ вдругъ останавливался, восклицалъ: *tamé!* «хорошо», или «довольно», и возвращался на мѣсто. За нимъ начиналъ первый отъ середины другой толпы и дѣлалъ то же самое; потомъ второй изъ первой половины, и такъ dalje, то съ одной стороны, то съ другой, до того времени, какъ солнце совершенно закатилось подъ горизонтъ, послѣ чего пляски прекращались, и воины сядились ужинать; партизаны также смывали съ себя землю и принимали пищу.

Такова у Осажей *пляска угля*, повторяющаяся сряду четыре дня, по истеченіи которыхъ партія отправляется въ походъ.

Ишта-Ска, сынъ нашей старой пріятельницы Уишингѣ, былъ однимъ изъ великихъ воиновъ народа. Онъ былъ женатъ и уже отцомъ семейства; но ему не доставало друга, брата по оружію; въ продолженіе плясокъ, онъ избралъ для этого молодаго воина, однихъ лѣтъ съ собою. По принятому обычаю, оба они спали двѣ ночи въ одномъ шалашѣ, покрытые одною бизоновою шкурою; потомъ они обмѣнялись украшеніями и оружіемъ, и стали называть другъ друга братьями.

Дружба эта, торжественно утвержденная клятвою, есть союзъ прочный, неразрывный; такимъ-образомъ срыпленная, она можетъ составиться одинъ только разъ, исключая того случая, если одинъ изъ братьевъ умретъ или погибнетъ. Если онъ падетъ въ бою, товарищъ обязанъ употребить всевозможныя челоуьку средства, чтобъ спасти его тѣло; если онъ обратится въ бѣгство, не спасши, по-крайней-мѣрѣ, волосъ своего брата, онъ обезчещенъ, и на него смотрятъ, какъ на лживаго друга. Поссорившись между собою, братья по оружію могутъ разорвать свой союзъ и разлучиться; но еслибъ имъ вздумалось составить новый, то трудно найти воина, который бы пожелалъ привязаться къ нимъ, не говоря уже о томъ, что новые друзья потребуютъ лошадей и подарковъ въ залогъ будущаго постоянства.

Человѣкъ сорокъ молодыхъ воиновъ и лапаніевъ не хотѣли принять участія въ пляскахъ-угля, не взирая на приглашенія партизановъ и на то, что многіе, за отвращеніе къ войнѣ, получили по нѣскольку добрыхъ ударовъ плетью. Желая доказать свою храбрость, они осѣдлали лошадей за два дня до отъезда въ походъ военной партіи и отправились до-свѣта, не сказавъ никому кула. Они возвратились въ то самое утро, когда наши воины собирались выступить, и объявили партизанамъ, что миль за сорокъ отъ лагеря видѣли огромное селеніе съ многочисленными табунами лошадей. Они не смѣли, чувствуя себя слишкомъ-слабыми, осмотрѣть, какой народъ воздвигъ эти шалаши, но полагали, что это или семь деревень Паніевъ-Могаяковъ, соединившихся между собою для нападенія на нихъ, или станъ Патѣковъ, направлявшихся къ Большому-Солончаку. Можно было также думать, что это была партія Патѣковъ, которая, по словамъ одного изъ ихъ вождей, *Тсет-тука* (Бизона), на-мѣревалась наказать Осажей за нарушеніе договоровъ. Патѣка этотъ дѣйствительно встрѣтилъ нѣсколько Осажей послѣ убійства, о которомъ я говорилъ выше, и угрожалъ имъ кровавымъ возмездіемъ.

Г. Папёнъ общалъ Осажамъ, что пойдетъ на войну вмѣстѣ съ нимъ; намъ очень хотѣлось послѣдовать за воинами, но онъ доказалъ намъ, что наши лошади, хотя въ сущности довольно-хорошія, не были достаточно-крѣпки для трудовъ и усталости степной войны, гдѣ ихъ иногда не расседываютъ и даже не разнуздываютъ. Тамъ необходимо быть вѣчно на сторожѣ; часто приходится вскакивать на коня и убѣгать для нападать въ минуту удовлетворенія какой-нибудь нетерпящей физиологической потребности, или при самомъ началѣ отдыха послѣ длиннаго и быстрого перехода. «Улепетывающій Осажъ не станетъ кичиться роднаго», говорилъ намъ почтенный нашъ хозяинъ: «а если вы какъ-нибудь отстанете, то можете поплатиться волосами за ваше медлительство». Джемсъ, у котораго лошадь была лучше нашихъ, сопровождалъ г. Папёна, который поручилъ моей заботливости свой шалашъ свое хозяйство и семейство.

Мы часто являлись изъ котла-воиновъ, но это не облызало насъ ни на что. Одна только трапеза считается торжественнымъ общаніемъ съ воинами за партизанами: это послѣдняя пища, принимаемая въ лагерѣ передъ выступленіемъ воиновъ, изъ котла-лекарства. Такъ называется блюдо вареныхъ въ водѣ бобовъ. Въ день выступленія, воины собирались къ котлу-лекарства, около котораго г. Папёнъ и Джемсъ заняли свои мѣста. Партизаны выбрали себя къ тому времени гдѣ они являлись вмѣстѣ съ храбрыми, которые смыли съ себя уголь и расчесались для войны.

Послѣ этого приступили къ открытію *циновки-войны*, откуда выносятся *военныхъ-птицъ*. Циновка-войны у Осажей соответствуетъ *мышку-лекарства* нѣкоторыхъ другихъ краснокожихъ народовъ. Циновка эти сотканы весьма-правильно изъ бизовой шерсти и сдѣланы въ видѣ дорожныхъ мышковъ; внутри, ткань ихъ гораздо-тоньше, чѣмъ снаружи. Въ нихъ лежатъ *военная птица*—мышокъ изъ бѣлой кожи, въ которомъ кладутся волосы, содранные съ непріятельскихъ череповъ; крошечки въ циновкѣ хранятся кусочки дерева, опредѣляющіе число и родъ нанесенныхъ воинамъ *ударовъ*; нѣсколько небольшихъ, уродливо-изогнутыхъ или вырѣзанныхъ кусковъ камня или дерева, соответствующихъ вѣроятнo, пенатамъ; наконецъ, нѣкоторыя украшенія, необходимые для войны, который наряжается на смерть. Къ шнурку этой циновки привѣшено пучокъ добытыхъ на войнѣ волосъ.

Открытіе циновки непременно должно быть сдѣлано жрецомъ-воиномъ, который выдаетъ храброму нужныя ему вещи; онъ же кладетъ въ циновку послѣ экспедиціи завоеванныя изъ войны трофеи и возвращаетъ ихъ въ мѣсто военную птицу. Циновка, которую всегда хранитъ первый воинъ, не должна никогда касаться земли; сходя съ лошади, воинъ называетъ ее къ своему поясу и вколачиваетъ въ землю шесть, чѣмъ ее повѣситъ, пока сооружается шалашъ. Осажъ не уступитъ своей военной циновки ни за какія сокровища въ свѣтъ; она сопровождаетъ его всю жизнь, если онъ умретъ въ своемъ селеніи. Ее никогда не берутъ на войну; одна только военная-птица украшаетъ тогда снѣгу храброго.

Каждый воинъ разсказывалъ въ своемъ шалашѣ сны, видѣнные имъ въ предъидущую ночь, и выводилъ изъ нихъ благополучныя или несчастныя предзнаменованія.

Около десяти часовъ утра, партизаны вышли изъ селенія пѣшкомъ и безъ оружія; но лошади и вся военныя принадлежности ожидали ихъ на соседней высотѣ, назначенной сборнымъ мѣстомъ.

Храбрые, на красивыхъ коняхъ, легко вооруженные и красиво драпированные своими одѣлами, выѣхали одинъ послѣ другаго, не прощаясь съ женами и дѣтьми. Никто не обнаружилъ горести, потому-что ова считается дурнымъ признакомъ; прощаніе какъ-будто показываетъ опасеніе никогда не увидѣться—Осажи фаталисты. Швейцаръ, Батистъ и Жозефъ отправились также; послѣдняго я не могу отпустить, не сказавъ нѣсколько словъ о его блестящемъ костюмѣ. На немъ были миты и мокассы совершенно-новыя; великолѣпный пунсовый сюртукъ, съ синими отворотами, обшитый золотымъ галуномъ; бѣлая рубашка съ жабо и круглая европейская шелковая шляпа, украшенная тремя этажами лентъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ и тремя рядами перьевъ всѣхъ возможныхъ отливовъ. Къ этому наобно прибавить еще одѣяло, лукъ со стрѣлами, пистолеть и лихаго американскаго кова въ щегольской осажской сбруѣ. — «Я хочу» говорилъ онъ передъ отъѣздомъ: «чтобъ Пании знали, если они меня убьютъ, что они имѣли дѣло съ *человѣкомъ порядочнымъ*.» Вездѣ есть аристократія!

Партизаны предоставили управленіе лагеремъ огню старцевъ; у насъ осталось еще вдвое больше воиновъ, чѣмъ отправилось въ экспедицію. Храбрые оставили въ шалашахъ лучшее свое оружіе, и лагерь былъ въ состояніи выдержать нападеніе непріятеля. Часто случалось, что селенія бывали защищаемы одними женщинами, которыя съ успѣхомъ отражали непріятеля и заставляли его отступать съ значительнымъ урономъ. Онѣ умѣютъ не хуже воиновъ сдирать волосы съ побѣжденныхъ. Дикіе ари не питаютъ большаго почтенія къ прекрасному полу, а потому не пренебрегаютъ и женскими волосами, хотя мужскіе и въ большемъ почетѣ; за то женщины съ своей стороны обдираютъ черепа тѣхъ, кого имъ удастся убить.

Великій-Глава, отправившійся въ качествѣ простаго воина, несъ знаменитый кривой-жезлъ. Три женщины послѣдовали за партизанами, и жена главы не хотѣла, въ числѣ прочихъ, отстать отъ своего мужа. Была ли это ревность? Или, можетъ-быть, ее побудило то, что мужъ ея, раненный въ ногу, до того страдалъ на конѣ, что долженъ былъ отказаться отъ экспедиціи и возвратиться въ лагерь на слѣдующее утро, передавъ кривой-жезлъ въ доблестныя руки Ман-Чап-чѣ-Манн.

Два партизана, составлявшія экспедицію, были подъ предводительствомъ *Изубльчегнаго* и Пичѣ. Онѣ должны были напередъ увѣриться въ положеніи непріятельскаго стана, а которомъ донесли молодые воины, напасть на него и украсть у него лошадей, потомъ посѣтить *Каменистый-Солончакъ*, прогнать изъ него Паниевъ, если они тамъ, и возвратиться, доведя свои повски до Арканзаса.

Храбрые поднялись на одно возвышеніе, отстоявшее отъ насъ на двѣ, и остановились на два часа, въ-продолженіе которыхъ произошли еще нѣкоторыя церемоніи. Партизаны подробно осматривали каждого воина, ходя вокругъ него; по результату этого осмотра раздѣляли всѣхъ на два отряда, изъ которыхъ второй, не знаю почему, былъ названъ *Тьлами-Быковъ*. Воины, вѣдшіе изъ *келле-лекрства*, не могутъ на подѣ какомъ предлогомъ отказать следовать партизаномъ; но онъ имѣетъ право отсылать назадъ тѣхъ, кого и сочтеть способными къ исполненію своихъ намѣреній.

Послѣ роздыха отряды отправились далѣе, догнали стадо бизонъ, убили нѣсколькихъ, приготовили мясо и съѣли его до солнечнаго заката; потомъ они тронулись снова и остановились не ранѣе десяти часовъ вечера; тогда расположились на ночь въ густомъ лѣсу. На время роздыха не зажигали огней и дошли убитое утромъ мясо. Изъ отапливаемыхъ часовыхъ, и каждый воинъ легъ спать, завернувшись въ шкуру оленью и держа лошадь за поводъ, въ совершенной готовности выскочить на нее при малѣйшей тревогѣ.

Осажи, храбрые днемъ, боязливы ночью; она страшатся приключеній въ особенности Паниевъ, которые могутъ имъ сдѣлать гораздо больше зла, украсть лошадей; по-этому они избиваютъ для походовъ въ лѣсѣ самыя вѣрныя убѣжища.

На слѣдующее утро, воины выстрѣлили изъ ружей, по обычаю, рядили ихъ снова, чтобъ быть увѣренными въ своихъ будущихъ выстрѣлахъ; потомъ пустились далѣе. Осажи вскорѣ напали на слѣды партизановъ, которая сначала направилась-было на нихъ, но потомъ пошла въ другую сторону. Это былъ, вѣроятно, небольшой отрядъ Паниевъ, который, услышавъ утренніе выстрѣлы, угадалъ присутствіе Осажей. Пришедъ на место, гдѣ, по сказанію молодыхъ людей, долженъ былъ находиться многолюдный лагерь, на который наша воиновъ ждали напасть, они не нашли ни шалашей, ни какихъ-либо слѣдовъ давно или недавно перебравшагося селенія. Бизонновъ, изрѣдка того, было множество.

Вечеромъ другаго дня, расположился на одномъ островку среди канзаса, гдѣ было невѣроятное множество гнѣздъ арканзасскихъ индейцевъ. Между партизанами возникли несогласія: экспедиція была плохо поведена. Дѣйствительно, Жозефъ открылъ партию Паниевъ, вызвавъ тревогу, и воины, готовившіеся тогда завтракать, вскочили тотчасъ на коней, бросивъ въ кухню и нѣсколько пойманныхъ канзасскихъ лошадей. Партизаны, вмѣсто того, чтобъ вести воиновъ къ тому, чтобъ они могли приблизиться къ непріятелю незамѣтно, вѣдла въ другое направленіе; ихъ увидѣли, и когда они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ были Пании, то нашли тамъ только подвязку мокасина. По этому Осажи заключили, что она принадлежала Панию-Могавку, въ чемъ они окончательно убѣдились, разсмотрѣвъ внимательно слѣды, оставшіеся въ мокасинахъ на землѣ. Такимъ-образомъ, непріятель узналъ о насъ отъ нихъ.

Недовольные неспособностью партизановъ, воины повернули назадъ и пошли по прямому пути къ своему селенію. Быстрый переход не помѣшалъ, однако, некоторымъ, у кого лошади были лучше, наловить многоходомъ *блѣхъ* лошадей. Ман-Чап-чѣ-Мани вѣхалъ въ сторону отъ всѣхъ и горевалъ о томъ, что ему не удалось помѣшаться съ непріятелемъ. Не доходя на некоторое разстояніе до лагеря, партія напала на свѣжіе слѣды, оставленные по-видимому отрядомъ человекъ изъ пятидесяти; нѣсколько-дальше, они замѣтили круглое вытоптанное пространство, гдѣ непріятель дѣлалъ *лекарство* или колдовство; слѣды отъ этого мѣста направлялись прямо въ нашу станъ. Осажи подумали, что на насъ было сдѣлано нападеніе и поскакали во всю прыть, пока не очутились въ виду шалашей; но замѣтивъ, что у насъ все спокойно, они вспомнили о своемъ достоинствѣ и пріѣхали домой шагомъ.

Въ экспедиціяхъ подобнаго рода, не смотря на власть партизановъ, каждый дѣлаетъ почти что ему угодно и вѣдетъ безъ всякаго условленнаго порядка; но при малѣйшей опасности, всѣ храбрые соединяются въ мгновеніе ока и готовы устремиться на Паниевъ. Время познакомить читателя съ образомъ войны этихъ вѣчныхъ враговъ.

Пани-Могавки, живущіе на сѣверъ отъ Небраски или Плоской-Раки, величайшіе враги Осажей. У нихъ похищеніе лошадей цѣнится выше, чѣмъ волосы непріятелей: цѣль ихъ экспедицій — добываніе чужихъ лошадей. Они проходятъ среди безчисленныхъ опасностей необъятную степь, отдѣляющую ихъ отъ селеній и охотничьихъ земель, гдѣ другіе народы проводятъ часть года. Военныя партіи Паниевъ никогда не бываютъ многочисленны: онѣ состоятъ человекъ изъ шести, восьми, пятнадцати, которые отправляются пешкомъ, безъ всякихъ запасовъ, вооруженные ножами, стрѣлами, топорами, рѣдко ружьями. Бизона насущнаго они ждуть отъ милосердія Великаго-Духа, прячутся для добыванія его въ засады и бьютъ этихъ животныхъ стрѣлами. Они сдѣлать неподвижно въ своихъ ямахъ, допускаютъ бизоновъ окружать себя и потомъ застрѣливаютъ послѣдняго изъ стада. Усталость, голодъ, жары, недостатки, — ничто на нихъ не дѣйствуетъ. Бывали случаи, что молодые люди, пускаясь въ первый разъ на предпріятія этого рода, умирали, не доходя еще до непріятеля. Горестно вѣдать, что столько терпѣнія, воздержанія, смѣлости и душевной силы расточается на кражу лошадей.

Нашедъ на слѣдъ непріятеля, Пани-Могавки должны прибѣгать къ замысловатѣйшимъ уловкамъ, во всемъ заглавѣ самаго плодovitаго воображенія, чтобъ достигнуть своей цѣли. Они плутъ по отысканнымъ слѣдамъ и стараются догнать тѣхъ, кто ихъ оставилъ; удвоивъ хитрость и осторожность, они уничтожаютъ слѣды своихъ собственныхъ шаговъ и не оставляютъ ни малѣйшаго знака, по которому враги ихъ, безпрестанно бодрствующіе и остерегающіеся, могли бы угадать ихъ движенія. Звѣрей бить имъ уже нельзя: оставленные остовы животныхъ возбуждаютъ подозрѣнія; они питаются кореньями, плутъ въ руслахъ рѣчекъ и ручьевъ, или стараются перемѣшать свои слѣды съ тѣми, которые оставили на пути другіе дикари, перенося свой лагерь съ мѣста

на мѣсто. Двѣмъ они слѣдуютъ за нѣхъ переходомъ и прибываютъ къ новому роздыху. Скрываясь въ лѣсахъ, они выжидаютъ, не пройдетъ ли кто — нибудь на разстояніи полета нѣхъ стрѣлъ, а съ наступленіемъ ночи помышляютъ о лошадяхъ непріятеля. Покрытые бизоновою, лошадиною или оленьею шкурою, они рыскаютъ вокругъ шалашей; если не представится благопріятнаго случая *сдѣлать ударъ*, они дождутся слѣдующей ночи. Если нужно, они не отстанутъ отъ партіи въ-продолженіе всей охоты и дойдутъ за нею даже до постоянныхъ селеній.

Паніи въ-особенности предпочитаютъ для своихъ ударовъ темныя и бурныя ночи; подражая голосамъ дикихъ звѣрей, они дѣлаютъ другъ другу условные знаки, возбуждаютъ безпокойство и производятъ шумъ между лошадьми; потому-то Осажи и говорятъ, что Паніи колдуны, что лекарства нѣхъ имѣютъ силу призывать грозу, затемнять ночи, усылать вонючь, тревожить лошадей. Но если все способы окажутся безуспѣшными, нѣмъ остается еще одна, послѣдняя уловка. Одинъ изъ нѣхъ идетъ прямо и открыто въ непріятельскій лагерь, ласкается и гладитъ лошадей, не возбуждая недоувѣрчивости; между-тѣмъ, онъ образуетъ недоуздки и ремни, которыми лошади привязаны къ коновязямъ и стреножены, а потомъ, вскочивъ вдругъ на одного изъ лучшихъ скакуновъ, испускаетъ военный крикъ и уносится съ быстротою вѣтра; особенныя пугъ лошади разбѣгаются по степи, гдѣ Паніи нѣмъ не стоить большого труда переловить ихъ. Иногда, если все вонны спать, онъ заползаетъ, тащась на брюхѣ, въ какой-нибудь шалашъ, молча убаюкаетъ и обдираетъ черепъ храбраго, а потомъ похищаетъ его лошадь. Но Осажи знаютъ все эти хитрости; въ-продолженіе лѣтней охоты 1839 года, они добыли одиннадцать пучковъ паніевскихъ волосъ, которые сохнутъ въ селеніи Малыхъ-Оссовъ.

Могавки не теряютъ бодрости; вонны нѣхъ такъ доблестны, что сто отправляется какой-нибудь витязь одинъ, на разстояніи пяти-шестисотъ миль, за добычей непріятельскихъ лошадей. Такія экспедиціи часто стѣбуютъ жизни смѣльчакамъ, ибо все краснокожіе народы въ непримиримой враждѣ съ Паніями.

Однажды Пани скрывался въ ожиданіи благопріятнаго случая въ осажскомъ шалашомъ. Ман-Чап-чѣ-Мани, рыскающая по своему обычаю, замѣтила его, подползла къ нему, потомъ, поднявшись вдругъ, взяла его въ плѣнъ. Молодой воинъ былъ до того пристыженъ неожиданнымъ нападеніемъ, что рѣшился искупить свой позоръ самою смертію. Осажи хотѣли — было дать ему свободу. «Если вы меня отпустите» сказалъ онъ пугъ: «я все-таки ворочусь и украду у васъ лошадей, потому-что женщины наши станутъ указывать на дома пальцами и скажутъ: Вотъ тотъ, кого Осажи поймали въ плѣнъ, плохъ, когда онъ лежалъ на землѣ, какъ скакунъ». — Осажи хотѣли усыпать пугъ. — «Вы думаете сдѣлать изъ меня Осажу; но сердце мое останется Паніемъ, и онъ убѣжитъ съ лошадьми Осажей». — Осажи боялись смерти; его привязали къ столбу-мученія, и онъ умеръ съ жестокостью.

Солончаки были всегда спорнымъ пунктомъ между краснокожими народами: каждый приписывалъ себѣ исключительное право на обладаніе ими. Въ штатѣ Миссури три солончака, которые часто посѣщаются дикими: Большой-Солончакъ, Каменистый-Солончакъ и Ямистый-Солончакъ. Первый изъ нихъ хорошо-взвѣстенъ; Каменистый получалъ свое названіе отъ большихъ грудъ находимой въ немъ каменной соли; онъ описанъ въ подробностяхъ майоромъ Лонгомъ. Около него находится огромный красивый кедръ, особенно-чтимый Паниями, къ которому воины ихъ приходять съ разными приношеніями и даже иногда дѣлають тамъ жертвоприношенія. Вѣроятно, они считаютъ это дерево манити или божественнымъ стражемъ солончака. Къ этому же солончаку Осажи приходять преимущественно передъ другими.

Два года тому назадъ, г. Папёнъ былъ въ экспедиціи, приходившей за солью къ Каменистому-Солончаку, на которомъ въ то время, на большомъ разстояніи отъ партіи, тридцать два Паниа запасались солью. Двадцать осажскихъ воиновъ пустились, чтобъ отрѣзать отступление своимъ вѣчнымъ врагамъ; видя себя открытыми, добыватели соли попытались бѣжать; но ихъ пѣшихъ скоро стѣснили до того, что они нашлись вынужденными спрятаться въ почти-неприступномъ убижищѣ, оставя на солончакѣ одного раненаго. Шабѣ-Шинка поскакалъ, чтобъ добыть его; не смотря на все его стараніе спрятаться за лошадей, одна нога Осажа осталась на виду: умирающій Пани пустилъ въ нее стрѣлу, которая надолго лишила Шабѣ-Шинку способности къ верховой ѣздѣ. Передъ воруемъ, куда спрятались остальные, развели огонь, чтобъ ихъ задуть дымомъ: еслибъ не вступился нашъ великодушный промышленникъ, то все они былибъ навѣрно убиты; но, уступая его просьбамъ, Осажи отказались отъ ихъ волосъ и дали имъ свободу; такимъ влияніемъ немногіе пользуются надъ краснокожими.

Ямистый-Солончакъ посѣщенъ былъ г. Эдуардомъ Шуто; онъ находится въ почти-неприступныхъ скалахъ, въ сторонѣ отъ земель, гдѣ охотятся Осажи; партіи ихъ рѣдко туда ходять.

Осажи ведутъ войну не такъ, какъ Пании: цѣль ихъ благороднѣе — вить надобны непріятельскіе волосъ, а похищеніе лошадей считается дѣломъ второстепеннымъ. Иногда Осажи отправляются на войну пѣшкомъ, но большей частью партіи ихъ верховыя и всегда довольно-многочисленны; рѣдко выступаетъ ихъ меньше двадцати-пяти человекъ.

Война краснокожихъ не сходна ни въ чемъ съ войною другихъ народовъ. Правила ихъ совершенно-другія: они предпочитаютъ хитрость открытой силѣ и считаютъ достославнѣе обмануть бдительность непріятеля, чѣмъ добыть много вражскихъ волосъ; у нихъ тотъ партизанъ, который приведетъ назадъ всѣхъ своихъ воиновъ и съумѣетъ избѣжать пораженія, дѣвится выше похвалы, который бы убилъ множество непріятелей, но лишился хоть одного изъ своихъ. Война краснокожихъ не что иное, какъ борьба хитрости и лукавства, гдѣ изворотливость ума играетъ самую важную роль: тотъ, кто ловче и сметливѣе, получаетъ большее количество непріятельскихъ волосъ. На войнѣ они обнаруживаютъ всю душевную силу, всю терпѣливость, прозорливость,

замысловатость и утонченность физических чувствъ, которыми въ надѣлала природа.

Когда военная партія нападетъ на слѣды непріятелей, то идетъ и нимъ съ тою же зацѣпчивостью, смышленностью, съ тѣмъ же ожесточеніемъ, какъ стая гончихъ за олснемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она тщательно скрываетъ свои собственныя движенія, чтобъ не быть застигнутою врасплохъ: храбрые хотѣтъ приблизиться къ врагамъ смѣлѣе тайно и напасть на нихъ неожиданно. Но часто воины обхвѣтъ стронъ встрѣчаются, и бой завязывается общимъ залпомъ или отдѣльными поединками; потомъ приближаются къ хитростямъ, показываютъ много милолюбія. Если, однако, сраженіе неизбежно, то каждый воитъ охрѣдется прикрыться всѣми естественными преградами, какія попадутъ ему подъ руку. Рѣдко случается, чтобъ они ограждали себя смѣлыми простыми окопами. Когда дикари сражаются издали, бой бываетъ часто прерываемъ разными обстоятельствами: если, на-примѣръ, падетъ и нитъ съ которой-нибудь стороны, то друзья его перестаютъ пускѣть стрѣлы въ непріятеля и окружаютъ убитаго съ печальною *пльско-слепю* но тогда непріятель бросается впередъ съ дикимъ *воплемъ-слепю* чтобъ воспользоваться его волосами; битва у трупа дѣлается страшною ожесточенною, чѣмъ когда-нибудь; пльсь прекращается — дѣло идетъ спасенію волосъ товарища. Враги схватываются грудь съ грудью, бѣса на ножахъ, на топорахъ; обезоруженные воины терзаютъ своихъ противниковъ зубами и ногтями.

Рѣдко случается, чтобъ такія стычки бывали продолжительны: жарки, но коротки, и часто побѣдитель, удовольствовавшись однимъ пучкомъ волосъ, оставляетъ поле битвы побѣжденному. Торжествующій партизанъ пріобрѣтѣтъ себя трофеемъ, люди его цѣлы, и вотъ почему часто побѣжденные не знаютъ чему приписать его внезапное отступленіе. Побѣдитель возвращается въ свое селеніе; по въ голова его падѣтъ новый планъ, честолюбіе подстрекаетъ его впередъ, онъ вырѣщется и снова начинаетъ наступательныя дѣйствія.

Партизанъ рѣдко принимаетъ личное участіе въ дѣлѣ; онъ управляетъ движеніями храбрыхъ, жизнь которыхъ на его отвѣтственности. Былъ однако случай, что молодой осажскій партизанъ, видѣвъ, что его неминуемо будутъ подавлены числомъ, послалъ въ свое селеніе стараго воина съ извѣстіемъ о гибели храбрыхъ и погубѣтъ самъ съ ними.

Побѣдоносные партизаны входятъ съ гордостью въ свои деревни и хвалятся свершенными ими подвигами; они посылаютъ въ сосѣднія селенія герольдовъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и такъ-какъ люди ихъ всегда имѣютъ склонность сомнѣваться въ фактахъ, которыхъ справедливость не подтверждена очевидными доказательствами, то герольдъ разноситъ по шалахамъ лоскутки отъ каждаго пучка бытѣхъ волосъ, обрамленные въ кружкахъ, украшенныхъ лебѣдинымъ пухомъ.

Тогда женщины и молодыя дѣвушки, нарядившись въ восточныя и западныя платья, начинаютъ *пльско-волосъ*. Она обнажаются до пояса

азрисовываютъ краснымъ или желтымъ цвѣтомъ пространства, оставенныя между чертами, которыми татуированы тѣла ихъ. Руки ихъ вооружены тамагавками, и онѣ пляшутъ вокругъ красного столба, на которомъ повѣшены непріятельскіе волосы, дѣлая множество гримасъ и привлечій; наконецъ, онѣ вызываютъ на битву Паниегъ.

Волосы такъ высоко цѣнятся дикарями, что если обстоятельства заставляютъ ихъ торопиться и время не терпитъ, то они охотнѣе обдѣлутъ черепъ непріятеля, чѣмъ убьютъ его. Я видѣлъ Осажа, у котораго одинъ Патѳка содралъ часть военного пучка, не нанеся ему никакой ругой раны.

Мнѣ нѣсколько разъ случалось употреблять выраженіе: *нанести ударъ*; ора объясняется. *Нанести ударъ* значить украсть у непріятеля лошадей, ударить или убить человека, добыть волосы. Все это трудно и остославно, ибо почти невозможно обмануть бдительность дикарей. Такъ я уже говорилъ, нужны тысячи хитростей и уловокъ, а часто ерзкое пренебреженіе жизнью, чтобъ похищать лошадей; но укравъ ихъ, надобно уйти, а бѣгство представляетъ новыя затрудненія, и разстоянія между селеніями или лагерами огромны, такъ-что воръ сълѣпо рискуетъ быть пойманнымъ.

Ударить непріятеля требуетъ такой же храбрости и цѣнится у краснокожихъ такъ же высоко, какъ убить его или содрать волосы; достаточно, впрочемъ, ранить врага въ бою грудь съ грудью, или просто догннуться до него хоть только рукою, когда онъ окруженъ своими. Решающійся на такой опасный подвигъ идетъ открыто подъ градомъ пуль и пулъ къ непріятелю, котораго намѣренъ поразить, и подвергается вблизи ударамъ холоднаго оружія всѣхъ своихъ враговъ. Нужно больше храбрости, чтобъ идти подъ выстрѣлами изъ луковъ и ружей, и коснуться рукою до вооруженнаго воина среди его собратій, чѣмъ для того, чтобъ убить человека издали. Дикари очень-хорошо понимаютъ, что и трусь можетъ быть отличнымъ стрѣлкомъ и убивать безопасно для себя самыхъ доблестныхъ воиновъ, а потому человекъ, решающійся *ударить* своего непріятеля, считается у нихъ храбрымъ пераго разряда.

Каждый изъ этихъ разнородныхъ ударовъ удостоивается особеннаго отличія: воины, похитившіе лошадей, носятъ острое перо въ волосахъ своего вѣчнаго пучка; тѣ, которые убили, ударили врага или содрали у него волосы, имѣютъ право носить восточною топоръ храбрыхъ и убѣнчики.

Волосы и бѣглыя или непріятельскія лошади, добытыя на войнѣ, принадлежатъ, по обычаю, побѣдоноснымъ партизанамъ. Впрочемъ, часто случается, что нѣкоторые изъ нихъ, желая приобрести привязанность воиновъ на будущее время, не пользуются своимъ правомъ и предоставляютъ лошадей и пучки волосъ тѣмъ, кто ихъ добылъ. Такое великодушіе трогаетъ воиновъ, которые охотнѣе пойдутъ за щедрымъ партизаномъ въ другой разъ, и еслибъ слѣдующая экспедиція казалась неудачною, то бывають больше расположены къ снисхожденію.

Если партизанъ побѣжденъ, то, кромѣ стыда за поражение, онъ платитъ за лошадей и людей, которые на войнѣ погибли или были отбиты. Выгущіе отъ враговъ Осажи бросаютъ свое оружіе только въ тѣхъ случаяхъ, когда оно стѣсняетъ ихъ движенія. Быстрота ихъ переходовъ изумительна: сто миль въ сутки (175 верстъ) безъ отдыха и пищи; часть сна, — а на другой день снова въ путь и опять съ той же скоростью. Побѣжденные входятъ въ свои селенія ночью; тамъ они прячутся и показываются не ранѣе, какъ по прошествіи несколькихъ дней. Если Осажи убиты, т. е., если который-нибудь изъ храбрыхъ палъ, то партизанъ останавливается одинъ въ виду деревни и идетъ туда не иначе, какъ за тѣмъ, чтобъ принять смерть или отдать все свое имущество, въ замѣну жизни воина; но и тутъ онъ долженъ впередъ дожидаться позволенія жителей.

Война считается у Осажей чѣмъ-то въ родѣ религиозной церемоніи, и той цѣль поднести Уакода, или душамъ умершихъ волосы Панией. Осажей, война и религія такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ невозможно раздѣлять. Религія Осажей окружена глубокимъ мракомъ; и многіе бѣлые постигли ея истинный духъ. Известно только, что Осажи признаютъ одного Бога всемогущаго, котораго называютъ Уакода или Великимъ Духомъ; у нихъ, по-видимому, есть разница между нѣмъ и Владыкою-Жизни; не означаетъ ли это названіе одного изъ атрибутовъ верховнаго существа? Богъ благой — источникъ всякаго добра и счастья; ему молятся въ пѣсняхъ и закуривая трубку; въ случаѣ несчастья Осажи не ропщутъ, а говорятъ: Владыка Жизни допустилъ это. Тутъ проявляется фатализмъ, похожій на мусульманскій.

Они боятся Духа Зла: это божество, покровительствующее Панией, позволяетъ душамъ усопшихъ блуждать по ночамъ на землѣ и вызывать войновъ. Духъ этотъ — творецъ всѣхъ бѣдъ; Осажи надѣются отпугнуть его гаввъ слезами и постомъ.

У нихъ есть маниту, или домашніе боги. Они бережно сохраняютъ въ своихъ военныхъ циночкахъ, а иногда носятъ и на себѣ украшения, которыя можно считать въ родѣ пенатовъ; къ нимъ они имеютъ особенное благоговѣніе, но перемѣняютъ ихъ всякій разъ, когда чувствуютъ или видятъ, что они имъ недовольны.

Осажи вѣрятъ въ будущую жизнь, но не допускаютъ воскресенія тѣлъ. Души храбрыхъ переселяются въ страны, изобильныя всякаго рода, гдѣ они встрѣчаютъ души предшествовавшихъ имъ воиновъ; они счастливы, но Духъ Зла можетъ заставить ихъ скитаться по землѣ. Лапаны и трусы будутъ послѣ смерти въ степяхъ безлюдныхъ гдѣ нѣтъ дичи. Минъ не сказали, имѣютъ ли краснокожіе право войти въ осажскій рай.

Воины бесѣдуютъ съ Великимъ-Духомъ и тѣнями мертвыхъ въ видѣніяхъ, которыя открываютъ имъ будущіе. Непоколебимы въ этомъ вѣрованіи, Осажи желаютъ снова и неутомимо бьются въ толкованіи ихъ. Убѣжденіе въ прорицательную силу снова тѣло, — только, что если кому приснится, что онъ долженъ умереть въ сраженіи, то онъ надѣваетъ нѣкоторыя украшения, нарочно для этого хра-

и въ военныхъ ценовкахъ, и обрекается на смерть съ удивительною твердостью и хладнокровіемъ. Тогда онъ прощается съ своими, говоря: такъ повелѣлъ Владыка-Жизни».

Въ прежніе годы, Великому-Духу приносили въ жертву людей; за недостаткомъ плѣнниковъ, убивали иногда какого-нибудь бѣдняка изъ своихъ. Миссіонеры и агенты мѣховою компаніи употребляли все свое мліаніе, чтобъ уничтожить этотъ варварскій обычай, въ чемъ они отчасти успѣли. Военноплѣнные, однако, все еще привязываются къ пубному столбу и подвергаются самымъ ужаснымъ пыткамъ; но часто, по усильнымъ просьбамъ бывшихъ промышленниковъ, Осажи даютъ имъ свободу или принимаютъ ихъ въ число своихъ.

Жрецы, такъ же, какъ и вожди осажскіе, не имѣютъ никакихъ отличительныхъ наружныхъ знаковъ. Есть войны, которые вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецы и врачи. Они скрывались отъ насъ для исполненія своихъ обязанностей. Впрочемъ, я видѣлъ, какъ они открывали и закрывали военные ценовки безъ всякихъ грамъсъ и кривляній.

Миссіонеры вытѣлись-было просвѣтить и обратить въ христіанство Осажей; имъ удалось улучшить въ некоторыхъ отношеніяхъ ихъ нравы, но они не могли убѣдить дикарей принять свою вѣру. Нѣсколько бронсповѣданій и сектъ посылали къ нимъ своихъ миссіонеровъ; но акъ-какъ каждый представлялъ краснокожамъ ту же религію въ разныхъ видахъ, то они принявъ за противоположности различныя отъѣнки христіанской вѣры.

Они съ уваженіемъ выслушивали поученія всѣхъ этихъ миссіонеровъ, передававшіеся имъ черезъ переводчиковъ, и отвѣчали всѣмъ однимъ азсужденіемъ: «У насъ» говорили они: «есть Уаконда, который нами правляетъ, и мы довольны тѣмъ, что ему поклоняемся; отцы нашего видѣли и боготворили его. Вы предлагаете намъ новаго Уаконду, котораго мы не знаемъ; вы говорите, что онъ благъ и великъ, что нѣ могущественнѣе нашего. Покажите намъ вашего Уаконду такъ, акъ отцы наши видѣли нашего, и мы станемъ поклоняться вашему Уакондѣ.»

У Осажей существуетъ однако одна церемонія, по-видимому перешедшая къ нимъ отъ миссіонеровъ, потому-что она во многомъ сходствуетъ съ нашимъ крещеніемъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія младенца, собираются его родственники, и послѣ пира, ребенка моютъ и даютъ ему имя, которое остается при немъ, пока онъ не заслужитъ себѣ какого-нибудь отличительнаго прозвища.

=

VIII.

ВОЛЬШОЙ СОЛОНЧАКЪ.

Когда войны наши отправились въ походъ, о которомъ я говорилъ прежде, лагерь нашъ пріунылъ на нѣсколько часовъ, но вскоре принялъ ова свой оживленный видъ. Старые вожди пеклись о безопасности

всѣхъ. Они разставили молодыхъ людей на часы по окрестнымъ высотамъ, наказавъ имъ, чтобъ они извѣщали обо всемъ, что увидятъ необыкновеннаго. Бизоны проходили мимо большими стадами, и каждый день Конзэ-Танга приносилъ мнѣ запасъ свѣжаго мяса. Между-тѣмъ трава дѣлалась по соседству рѣке, такъ-что канги должны были отвести лошадей на пастбище на большое разстояніе отъ лагеря; это и требовало болѣе-бдительнаго присмотра, потому-что въ окрестностяхъ видѣли нѣсколько пѣшихъ партій Паиенъ, которыхъ старцы не считали нужнымъ преслѣдовать.

Великій-Глава возвратился на другой день послѣ выступленія партіи лѣва на ногу мучила его до того, что онъ былъ принужденъ отказаться отъ экспедиціи. Онъ велѣлъ позвать меня, и когда я предположилъ, что было нужно, онъ представилъ мнѣ свою жену, у которой сильно болѣло плечо. Я разспросилъ ее и узналъ ея исторію. Мамакита развелся съ первою женою, чтобъ жениться на Витимѣ; но первая не хотѣла оставить эту обиду безнаказанною: она отомстила совершивъ ударомъ копыя, который непременно стоилъ бы жизни, еслибъ былъ вѣрнѣе направленъ. Съ того времени Витимѣ чувствуетъ въ раненномъ мѣстѣ мучительныя боли, которыя мнѣ удалось усвоить, прикладывая цѣлы блага мака, растущаго въ большомъ изобиліи въ этой части стеной.

Жены отсутствующихъ воиновъ плакали регулярно по утрамъ. Второй день, вмѣсто того, чтобъ класть себя въ землю и постыдиться, она провела себя на волосахъ и щекахъ четыре полосы, поперечныя, бѣлыя и красныя. Старая Уишанге объяснила мнѣ, что эта разряженная занимаетъ землю въ отсутствіе мужей; женщина эта не обнаруживала малѣйшаго безвокойства, ни малѣйшей грусти, хотя у нея тогда два сына были на войнѣ; младшій сынъ, которому было только шестнадцать лѣтъ, отправлялся на войну въ первый разъ.

Женщины забавлялись игрою въ чѣты и нѣчеты, или разговоромъ передъ шалашами, спокойно сидя на-корточкахъ. Канги играли между-собою, а маленькія дѣвочки развѣсь передразнивали занятія старшихъ. Одна шла на четверенькахъ, какъ павьюченнаго багача; другія разгружали ее и потомъ общими силами строили изъ бѣліи шалашъ изъ нѣсколькихъ палокъ и одѣла; когда шалашъ былъ готовъ, дѣти прятались въ него съ веселыми криками и хохотомъ, и втыкали въ землю колья, на подобіе лошади, и садились на нихъ, хохоча.

Хорошенькая малютка Ангамы, дочь старой Уишанге, поранила себя по неосторожью, который оправдывается правами и обыкновеніями народа; мать сдѣлала ей какое-то замѣчаніе, а она съ сердцемъ велѣла ей замолчать, и мать замолчала. Нѣсколько дней спустя, дочь сосѣда Шабѣ дала своей матери пощечину; множество женщинъ собрались въ шалашъ Шабѣ и затянули пѣсню слезъ, которая продолжалась до самаго вечера въ оплакиваніе этого происшествія. Она справедливо считалась пощечиною, какъ дѣвочки дурнымъ предзнаменованіемъ для ея будущаго.

Такое грубое неуваженіе тѣмъ болѣе предосудительно, что осажскіе родители безпримѣрно нѣжны и слабы съ своими дѣтьми; если есть на свѣтъ избалованныя дѣти, то вѣрно същется мало такихъ, какъ у краснокожихъ. Маленькіе войны и дѣвочки помыкаютъ своими родителями какъ имъ угодно, и тѣ безпрекословно исполняютъ пустыишія ихъ прихоти; когда у нихъ-самихъ заведутся дѣти, то имъ настанетъ очередь повиноваться. Въ шалашъ больше всего трудится мать семейства, а молодѣжь смотритъ на нее, нисколько не беспокоясь. Сынъ Шабе, маленький пятилѣтній канга, былъ своихъ сестеръ и мать, если онъ не съ ту же минуто бросались исполнять его капризы; но тогда женщины не собирались для гореванія надъ преступленіемъ будущаго витязя, который уже обнаруживалъ, какъ всѣ говорили, дерзость, необходимую граброму.

Въ совѣтъ, мнѣнія и опытность стариковъ пользуются большимъ уваженіемъ; они исполняютъ въ селеніяхъ обязанность герольдовъ и заботятся о безопасности всѣхъ, а молодые люди, когда надъ ними бодрствуютъ старцы, только курятъ, разговариваютъ и спятъ.

Разъ молодые люди подняли въ лагерѣ тревогу: они видѣли нѣсколькихъ всадниковъ, осторожно пробравшихся по долинамъ и оврагамъ къ шалашамъ. Совѣтъ собрался у огня старцевъ и челоуакъ тридцать орошо-вооруженныхъ наездниковъ поскакали на указанное мѣсто для ежогпосщировки. Они скоро возвратились въ сопровожденіи Уачинка-Іагри и сорока кованныхъ воиновъ. Вождь этотъ занялъ мѣсто у костра охвата и объявилъ старцамъ, что къ нему приходитъ посланецъ Патѣковъ, чтобъ напомнить о свиданіи, назначенномъ на Большомъ-Солончакѣ въ день юльскаго полнолунія. Желая отправиться на солончакъ вмѣстѣ съ нами, онъ уговорился съ нашими старцами, что зажжетъ снопъ, когда сложитъ шалаша и тронется въ путь. Онъ удостоилъ насъ довольно-долгаго посещенія, при чемъ дружески поручилъ Соинъ, чтобъ она передала мужу принесенныя имъ къ Осажамъ вѣсти, ибо онъ замѣтилъ въ совѣтъ старцевъ нѣкоторыя опасенія на-счетъ истинности Патѣковъ.

Г. Папѣнъ очень желалъ свиданія съ этимъ сильнымъ народомъ. Мы, подобно ему, горѣли любопытствомъ увидѣть свирѣпыхъ воиновъ, у которыхъ одинъ только бѣлый, г. Шутѣ, гостилъ въ степляхъ.

Жизнь въ нашемъ лагерѣ дѣлалась съ каждымъ днемъ непріятнѣе. Убитая громомъ лошадь все еще лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ; другая издохла по близости отъ укушенія гремучей зми. Эти два рупа, вмѣстѣ съ сушившимися шкурами и выброшеннымъ мясомъ, изавали самый нестерпимый сырэдъ. Осажи бросаютъ лишнее мясо на другой день послѣ того, какъ убито животное; можно вообразить, сколько это валялось при нашемъ настоящемъ изобиліи. Къ скудности травы и безнѣ вслкихъ нечистотъ присоединились еще ужасныя насъкомыя, которыхъ развелось немовѣрное множество. Нѣсколько собакъ взбѣсилось; жары засушили многіе ручейки, а остававшіеся большею частію ревращены кангами и лошадьми въ жидкую грязь: необходимо было еречести лагерь въ другое мѣсто.

Т. Л. — Огл. II.

Однажды утромъ, старуха Ушингё объявила мнѣ, что воины наши возвратятся въ лагерь около полудня; она указала даже съ подробностью на мѣсто, съ котораго они должны были появиться. Я не хотѣлъ вѣрить такому предсказанію, которое казалось мнѣ сомнительнымъ. Однако, около полудня, длинная вереница нашихъ храбрыхъ действительно показалась на томъ самомъ холмѣ, о которомъ говорила Ушингё. Они привели съ собою нѣсколько пойманныхъ во время похода степныхъ лошадей. Я спросилъ, удалось ли военной партіи добыть волосъ, вол. Папёнъ отвѣчалъ, что еслибъ у воиновъ были эти трофеи, то собаки навѣрно возвестили бы о томъ гораздо-прежде прибытія ихъ въ лагерь; онъ присовокупилъ, что собаки дикарей всегда воютъ особеннымъ образомъ, когда партизаны возвращаются съ содранными съ головъ неприятельскихъ волосами.

Къ вечеру зажгли степную траву, чтобъ извѣстить Учинка-Лагря о прибытіи воиновъ. Свѣжій вѣтръ быстро распространялъ пламя, и когда ночь совершенно стемнѣла, можно было видѣть, какъ длинная полоса огня пожирала степь съ искрами и шумомъ, похожимъ на трескъ зажженного сухаго хвороста. Пламя, раздуваемое вѣтромъ, поднималось на холмы и разстиралось широкою скатертью по равнинамъ. Мѣстами, огненный потокъ, обогнувъ хребетъ пригорка, по-видимому, вдругъ прерывался и останавливался у подошвы косогора. Красноватое зарево постепенно теряясь въ дымъ, ввѣчало эту необъятную картину, перелъ которою промелькивали какъ тѣни сорвавшіяся лошади и ночныя птицы.

Не смотря на всѣ наши старанія, лошади часто успѣвали освободиться изъ своихъ путъ и убѣгали щипать траву; потомъ онѣ по нѣсколь-ку разъ и всѣ вмѣстѣ прискакивали назадъ къ лагерю, вѣроятно, убѣгая отъ преслѣдованія волковъ, которыхъ зловищій вой раздавался вдали по степи. Чобъ устроить непреодолимую преграду этимъ ночнымъ прогулкамъ, въ-продолженіе которыхъ Парии легко могли бы украсть баглицевъ, мы утвердили надежныя перекладины между каждами изъ шалашей, окружавшихъ лагерь. Въ случаѣ нечаяннаго нападенія, они могли бы служить намъ полезною обороною. Предосторожность эта не мешала намъ, однако, удваивать бдительность, когда приближался рассвѣтъ, потому-что военныя партіи всегда избираютъ для своихъ нападений время за часъ до восхода солнца.

Шонкё снова облекся властью, переданною имъ на время военнымъ партизанамъ. Рѣшено было дать воинамъ и конямъ два дня отдыха.

Одинъ Осажъ досталъ себѣ какъ-то отъ бѣлыхъ промышляющихъ часть кларнета; дополнивъ и усовершенствовавъ его по-своему, онъ принялся дуть изъ всей мочи въ свой чудный инструментъ. Терпѣніемъ и частыми упражненіями достигъ онъ наконецъ до того, что могъ выдуть три ноты, которыя повторялъ безпрестанно, занимаясь музыкою каждый вечеръ по нѣсколькимъ часамъ. Тѣ, кому случалось жить по соседству съ любителями, начинавшими учиться играть на флейтѣ или на англійскомъ рожкѣ, могутъ вообразить, до какой степени насъ удивляла его музыка.

Инструментальная музыка вообще не далеко подвинулась впередъ!

Осажей. Они сопровождаютъ своему пѣнію, ударяя въ тактъ въеромъ до палкъ; кромѣ этого, у нихъ есть еще *тсу-тсе*, или тростниковыя дудочки, бубны съ двумя кожами, и наконецъ, въ торжественныхъ случаяхъ, они натягиваютъ смоченную шкуру на котелъ, въ видѣ литавра: искусство у нихъ еще въ младенчествѣ.

Въ послѣдніе дни пребыванія въ лагерь, намъ не давала покоя туча большихъ мухъ, привлеченныхъ въ наше сосѣдство выброшенными остатками мяса. Пожаръ степи удалилъ бизоньихъ, и такъ-какъ мяса не было засушено въ запасъ, то недостатокъ провизіи сдѣлался ощутителенъ; между-тѣмъ, огни Уачинка-Лагри давали намъ знать, что пора тронуться на соединеніе съ ними.

Великій-Глава возвѣстилъ воинамъ недавнее посѣщеніе Уачинка-Лагри и передалъ имъ слова его. Батистъ перетолковалъ ихъ по-своему: по его мнѣнію, цѣль Красивой-Птицы состояла въ томъ, чтобъ заманить насъ въ засаду, пока самъ онъ будетъ возвращаться въ свое селеніе; онъ увѣрялъ воиновъ, что Патѣки, разъяренные на бѣлыхъ послѣ дѣла Техасскихъ плѣнниковъ, непременно захотятъ насъ убить, а Осажи, лишкомъ-слабые и немогущіе защитить гостей своихъ, выдадутъ насъ. Мы такъ хорошо знали характеръ Осажей, что не могли съипо вѣрить словамъ метаса. Въ сущности, Батистъ боялся возмездія Патѣковъ и отовъ былъ жертвовать своей безопасности выгодами назначенной вновь торговли, для которой онъ привезъ изъ Нюн-Шу равныя товары. Мнѣніе его было принято многими, къ томъ числу партизаномъ Понкѣ; но, съ другой стороны, самъ Великій-Глава увѣрялъ, что не редстоитъ никакой опасности, если идти, какъ было условлено, къ большому-Солончаку. Когда сложили шалаши, чтобъ тронуться въ путь, лагерь нашъ былъ раздѣленъ на девъ партій.

Передъ самымъ выступленіемъ пришелъ къ намъ молодой конезъ, измученный до полусмерти голодомъ и усталостію. Онъ блуждалъ уже десятый день по степи и шелъ на удачу, какъ вдругъ огни наши указали ему дорогу къ лагерю и привели къ шалашамъ. Взрослый не затрудился бы въ степи, но бѣдному конезъ было только шестнадцать лѣтъ. Ему дали кусокъ мяса и лошадь, и онъ присоединился къ шедшимъ вмѣстѣ съ нами конезамъ.

Намъ пришлось проходить совершенно-пустынную страну, и мы направили путь къ югу. Земля была покрыта чернымъ пепломъ и полуорывшими травами; нѣсколько деревьевъ съ порыжѣлыми листьями звѣщали также, что разрушительная стихія прошла по этому мѣсту. Совершенно-взмѣнившійся наружный видъ почвы представлялъ уже взоръ не гладкія зеленыя равнины, окруженныя волнистыми холмами, но рытые косогоры, трещины и глубокіе овраги съ густыми кустами ривоника.

На слѣдующемъ роздыхѣ, собралъ новую военную партію, которая гавила насъ, не дѣлая *лекарства-уилл*. Она состояла изъ тридцати *ювикъ*, которыхъ отрядили для рекогносцировки Каменстаго-Солончака и которые должны были воротиться на третью сутки.

Время наше проходило въ погоняхъ за бизоньихъ, довольно-безуспѣш-

ныхъ. Воины упражнялись въ стрѣльбѣ изъ лука пѣшкомъ; цѣлю служили два олъяла, растянутыя шагахъ въ ста-двадцати одно отъ другаго. Чья стрѣла пролетала мимо, тотъ выключался изъ числа стрѣловъ; призъ отдавался тому, кто попадетъ въ самый центръ олъяла.

Вечеромъ другаго дня пути, мы увидѣли пѣшую военную партію, которая шла прямо на насъ: то были шестьдесятъ человекъ Малыхъ-Осажей, направлявшихся въ свой лагерь, который находился миль въ тридцати отъ насъ. Они провели ночь вмѣстѣ съ нами. На утро послѣ ихъ ухода, одинъ изъ нашихъ конзовъ жаловался, что у него урала коня, купленного имъ у одного изъ воиновъ, съ которыми мы только-что разстались. Такъ-какъ краснокожіе берутъ свое добро вездѣ, гдѣ оно имъ попадетъ, не утруждая себя воспоминаніемъ о полученныхъ въ замѣну его вещахъ, то пѣшій Малый-Осажъ счелъ удобнѣе возвратиться къ шаламамъ на своемъ прежнемъ конѣ, котораго онъ и взялъ у конзы, не сказавъ ему ни слова. Этотъ пошегъ потребовать свою лошадь, которую ему тотчасъ же и отдали, а Малый-Осажъ получилъ отеческое увѣщаніе, на долго оставившее на его кожѣ заметныя слѣды.

Двое молодыхъ людей, бывшихъ въ отряженной отъ насъ военной партіи, возвратились въ тотъ вечеръ въ лагерь съ печальными вѣстіями: они сказали, что партія встрѣтила Патѣковъ, которые убили всѣхъ Осажей, кромѣ ихъ, и что сами они обязаны спасеніемъ единственно приткности лошадей своихъ. Уныніе распространилось во весь лагерь; женщины плакали; совѣтъ собрался для совѣщаній. Тотчасъ же послали гонцовъ къ Уачинкѣ-Лагри и Кагикѣ-Танга (Толстому-Вождю). Мнѣнія въ совѣтѣ были различны: слѣдовало ли, какъ предлагалъ Батистъ, сложить шалаши и отправиться въ постоянныя селенія, или соединиться съ другими отраслями осажскаго народа и ждать?—Вождь говорилъ, что молодымъ людямъ нельзя еще вполне довѣрять; они могли ошибиться или струсить при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, и въ такомъ случаѣ, чтобъ скрыть свой стыдъ, они выдумали повѣсть о Патѣкахъ. Благоразумнѣе дожидаться вѣрныхъ свѣдѣній о происшествіи отъ *порядочною человека*; а если послѣ срока, назначеннаго для возвращенія храбрыхъ, никто не явится черезъ двое сутокъ, то можно укрѣпиться въ надежной позиціи и ждать, что будетъ.

На ночь назначили сильный караулъ, который долженъ былъ вступить въ должность черезъ два часа послѣ солнечнаго заката. Хорошо-вооруженные всадники собирали подъ вечеръ пасшихся въ степи лошадей и отводили ихъ къ шаламамъ, какъ вдругъ услышали недалека въ лѣскѣ ружейный выстрѣлъ. Воины схватились за оружіе и устремились въ чащу, испуская военный крикъ. Они нашли только пристрашеннаго пулею волка и молодаго Осажа, скрывавшагося въ кустарникѣ. Канга этотъ, отыскивая въ лѣсу лошадей, замѣтилъ волка, который прятался въ хворостникѣ; думая, что это перереженный Пани, онъ выстрѣлилъ по немъ изъ ружья, но, услышавъ военный крикъ Осажей и отвѣтъ на свой огонь, счелъ благоразумнымъ прижаться, чтобъ самого не признали въ-потьмахъ за непріятеля.

Не смотря на всѣ признаки скорой и сильной грозы, вонны отпра- вились на определенные имъ на ночь посты. Гроза между-тѣмъ при- ближалась и разразилась съ ужасною силой; проливной дождь вскорѣ залилъ огни и наводнилъ шалаши; молніи ослѣпляли глаза, громъ гре- мѣлъ непрерывно оглушительными раскатами. Испуганныя лошади порывались отъ своихъ коновязей, угрожая общю суматохой. Надобно было ласкать ихъ, приговаривать, а потоки дождя промочили между- тѣмъ одѣяла наши до нитки. Такая ночь была бы истиннымъ кладомъ для Паніевъ. Громъ и молнія не переставали во всю ночь; удары ихъ низвергали старыя деревья, среди столба дождевой воды, крутимого бѣшенными порывами вѣтра.

Шопкѣ хотѣлъ подняться на другой день послѣ грозы, дождавшись, по обычаю, до полудня, чтобъ дать время просохнуть шкурамъ шалашей; партизанъ дѣйствовалъ во всемъ по совѣтамъ Батиста. Когда все вы- сохло, онъ велѣлъ складывать шалаши. Великій-Глава прислалъ намъ сказать, чтобъ мы не трогали нашего; онъ не хотѣлъ выступать до возвращенія партіи нашихъ воиновъ, потому — что между ними могутъ быть раненные, которымъ понадобится скорая помощь, и въ такомъ слу- чаѣ онъ, вѣроятно, не будутъ въ-состояніи идти по нашему слѣду до будущаго розыска.

Со всѣхъ сторонъ выводили навьюченныхъ лошадей и складывали шкуры. Боевой конь Мажакиты стоялъ передъ его шалашомъ, и по- помокъ Бѣлыхъ-Волосъ, разряженный во все, что у него было луч- шаго и блестящаго, вскачалъ въ сѣдло и вооружился своимъ длин- нымъ копьемъ. Великій-Глава Осажей вознамѣрился взять въ свои ру- ки верховную власть. Онъ объѣхалъ вокругъ всего лагеря и приказалъ выстроить снова шалаши. Повелѣніе его было исполнено немедленно и безропотно; самый покорный бѣлый не провиновался бы, не сказавъ, по-крайней-мѣрѣ, что еслибъ приказаніе пришло хоть немного-ранѣе, то избавило бы его отъ труда снимать и накладывать кожи на стропа- ла шалаша.

Костюмъ Великаго-Главы произвелъ полный эффектъ, котораго онъ, вѣроятно, ожидалъ заранѣе. Къ всегдашней одеждѣ своей онъ приба- вилъ кое-что, заимствованное отъ просвященія. Просторный красный сюртукъ съ синими отворотами, воротникомъ и обшлагами, обшитый широкимъ золотымъ галуномъ, былъ обхваченъ вокругъ стана сере- брянымъ военнымъ шарфомъ; на бритой головѣ его красовалась боль- шая треугольная шляпа, украшенная необъятнымъ султаномъ изъ крас- выхъ перьевъ. Ничего не могло быть смѣшнѣе Мажакиты, величе- ственно развѣзжавшаго въ своемъ чудно-составленномъ костюмѣ.

Въ тотъ же вечеръ вонны наши возвратились въ лагерь въ добромъ зоровѣ и привезли съ собою большіе кристаллы горной соли, навѣ- шенные съ боковъ сѣдла. Они рассказали, что, увидя вдалекѣ конную военную партію, они бросились въ атаку; потомъ съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись издали нѣсколькими выстрѣлами, которые, къ счастью, ни- кого не раняли, и наконецъ, сойдясь ближе, Осажи узнали союзниковъ своихъ Конзовъ, возвращавшихся отъ Каменстаго — Солончака. Два

дѣстница несчастія убѣжали прежде, чѣмъ узнали, кто такіе были непріятеля. Осажи гонялись вмѣстѣ съ Конвами за бизономъ и былыми лошадыми и потомъ направились къ своимъ.

Молодые люди, поднявшіе въ лагерь тревогу, находились подъ кабымъ покровительствомъ Батиста и, вѣроятно, по его наущенію привезли дурныя вѣсти, чтобъ заставить селеніе подняться в путь къ обратный путь. Истина, конечно, не замедлила бы открыться; но метисы хорошо зналъ, что еслибъ Осажи тронулись, то уже не стали бы возвращаться туда, откуда вышли.

Въ сосѣдствѣ нашемъ появился большіе табуны быглыхъ лошадей. Человѣкъ пятьдесятъ всадниковъ, вооруженныхъ на всякій случай только луками и стрѣлами, отправились на ловлю съ жердями, на раздвоенномъ концѣ которыхъ были привѣшены длинныя кожаныя ремни съ широко-открытою петлею въ удавку,—эту петлю ловець держитъ былъ набросать на шею лошади. Въ тотъ день поймали и привели въ лагерь девять дикихъ лошадей.

Креолы назвали былыми лошадей, живущихъ въ дикомъ состояніи въ безпредѣльныхъ степяхъ Сѣверной и Южной-Америки. Полагаютъ, что онѣ происходятъ отъ лошадей, потерянныхъ испанскими завоевателями Мексики; табуны ихъ умножились всѣми тѣми, которыми обзавелись у пограничныхъ жителей. Такимъ-образомъ составилась конская порода изъ смѣси англійскихъ и андалузскихъ лошадей. Онѣ вообще жершо сложены и жирны. Въ Сѣверной-Америкѣ такіа лошади имѣются немногочисленными табунами: ихъ рѣдко попадаетъ больше десяти вмѣстѣ, но за то онѣ попадаются часто, и всѣ дикари посмѣиваются за ними охотятся.

Послѣ переправы черезъ Арканзасъ, идучи на охоту за бизономъ, Осажи запасаются тонкими жердями, длиною въ восемь или десять футовъ съ раздвоеннымъ концомъ, наподобіе небольшихъ вилъ. Войдя въ степи, гдѣ водятся дикія лошади, т. е. миль за полтораста или двѣ отъ рѣки Арканзаса, они посылаютъ передовые разъѣзды для отысканія бизоновъ и лошадей; если поиски успѣшны, они возвращаются держа кривой путь, какъ я уже говорилъ выше, и отдаютъ партизанамъ подробный отчетъ обо всемъ видѣнномъ. Тогда собирается советъ, если возвращенное по близости число лошадей достаточно, то начинается охота и объявляется воннамъ.

Тогда выводятъ скакуновъ, на которыхъ охотники садятся безъ седла, съ лукомъ, кочаномъ и жердью; ремень отъ петли привѣшенъ вмѣстѣ съ длиннымъ концомъ недоуздки къ поясу всадника. Когда лошади приходятъ прохвать миль пятнадцать прежде, чѣмъ онѣ берутся до дикихъ лошадей.

На ловль, такъ же, какъ и на погоню за бизономъ, есть назначенные для наблюденія за исполненіемъ приказаній вранчи, который уравниваетъ случайности для всѣхъ: горе тому, кто захочетъ выхитрить за спиною солдатъ! Дикія лошади обращаются въ бѣгство, только завидятъ ловцовъ, и уходятъ отъ нихъ съ самаго начала значительное разстояніе впередъ, а самыя быстроногія почти

вершенно скрываются. По знаку партизана, ловцы устремляются во всю прыть, испуская военный крикъ, раздѣляются на нѣсколько кучекъ и приближаются къ бѣглецамъ. Испуганныя лошади тѣснятся, бѣгутъ, машаютъ другъ другу, потомъ и сами разсыпаются по степи. Слѣбъ бѣглыя лошади ускакивали прямо, то ловцамъ ихъ никогда бы не поймать; но онѣ мечутся по сторонамъ и дѣлаютъ крюки, которые кочники безпрестанно пересекаютъ и такимъ образомъ подгоняютъ ихъ, не утомляя черезъ-чуръ своихъ собственныхъ лошадей. Впрочемъ, тотъ, кто ускачетъ дальше прочихъ, передаетъ настигнутую лошадь слѣдующему, а самъ пускается за другою. Настоящее испытаніе дивительной быстроты начинается не прежде, какъ когда охотникъ дивительно приблизится къ бѣглою лошади, за которую онъ гонится; она уже утомлена, и ему скоро удастся надѣть ей посредствомъ палки петлю на шею.

Бѣдная лошадь удваиваетъ усилія; но петля затягивается болѣе и болѣе, и машаетъ ея бѣгству; она мечется, лагается, поднимается на дыбы, но усталость останавливаетъ ее, и часто она падаетъ безъ движенія на землю. Тогда овладеваютъ ею два дикаря и заставляютъ ее вращаться между собою, держа съ каждой стороны за недоуздки; они слѣдятъ за всеми ея движеніями: когда она остановится, они заставляютъ ее идти и скачутъ рядомъ съ нею. Метода ловли краснокожихъ очень блистательна, какъ мексиканская, которая требуетъ отъ всадника выносливостя и большого искусства набрасывать арканъ, а отъ него силы, сметливости и ловкости.

После пойманныхъ бѣглыхъ лошадей въ лагерь, Осажи крепко связываютъ ихъ къ деревьямъ множествомъ длинныхъ ремней, которые берутся за голову и поперегъ тѣла; если лошади не стоятъ смирно, связываютъ глаза. Осажи держатся правила пускать лошадей въ путь въ первые восемь дней ихъ плѣна. Обыкновенно, недѣли черезъ бѣглыя лошади уже идутъ на переходахъ вмѣстѣ съ селеніемъ въ всякихъ путь, и не стараются возвратитъ себя потерянную свободу.

Въ продолженіе этой ловли, Мажакита упалъ съ коня и переломилъ лѣвую правую ключицу. Я имѣлъ честь быть приглашену къ его величеству и слѣлать ему перевязку изъ бинтовъ всѣхъ концовъ. Но непокорный пациентъ мой ни за что не хотѣлъ носить бинтовую его перевязку, отъ которой пришлось поневолю отказаться. Я предупредилъ его обо всемъ, чему онъ подвергается, предсказалъ ему ответственное затвердѣніе въ плечѣ, отъ котораго онъ никогда не могъ свободно владѣть рукою,—но трудъ былъ напрасенъ: ничто не могло убѣдить его лечиться систематически.

Я и увидѣлъ другой примѣръ этого упрямаго отвращенія къ лечению. Одинъ мальчикъ переломилъ себѣ нижнюю оконечность лѣвой руки. Мать не хотѣла оставить на мѣстѣ бинтовъ, и ребенокъ оставался калѣкой. Краснокожихъ не удерживаетъ въ этихъ случаяхъ страхъ боли, потому—что они не морщась вытерпываютъ мучи-

тельные операции: эти дти природы боятса больше всего продолжительнаго принужденія.

Мы расположились лагеремъ мильхъ въ пятнадцать отъ прежняго мѣста. Тогда обнаружилась между нашими Осажами признаки слабости броженія. Составилась двѣ рѣзко-отдѣлявшіяся одна отъ другой партіи одна, признававшая видимымъ предводителемъ Шонкѣ, а тайнымъ Батиста, не хотѣла идти на соединеніе съ Уачинка-Лагри, на торговать съ Патокамв; они намѣревались возвратиться въ безлѣсныя степи въ которыхъ, по рассказамъ, ходили многочисленныя стада бизонговъ. Другая партія, управляемая Великимъ-Главою и г. Папѣномъ, хотѣла отправиться во что бы ни стало къ Большому-Солончаку. Когда лагеръ поднялся, обѣ партіи разлучились: Шонкѣ пошелъ съ своими къ веро-востоку, а мы продолжали путь къ солончаку. Батистъ послѣдовалъ сначала за Шонкѣ; но онъ вскорѣ присоединился къ намъ, вслѣдствіе своихъ семействомъ, боясь, вѣроятно, прослыть трусомъ въ глазахъ Осажей и, слѣдственно, лишиться значительной степени самовліянія.

Во время похода, нѣсколько вонновъ и женщинъ выѣхали изъ лагерь и помчались въ сторону; я послѣдовалъ за ними, и мы вскорѣ подъѣхали къ густой купѣ слявъ. Деревца эти, попадающіяся только по берегамъ Арканзаса и его данниковъ, покрываютъ значительное пространство земля; они возвышаются здѣсь не больше, какъ отъ двухъ до трехъ саженей. Крупныя слявы, красныя какъ хорошія вишни, въ то же время обременяютъ кусты, что чаща кажется красною. Каждый изъ насъ собралъ ихъ больше, чѣмъ бы даже слѣдовало—плодовитость, которую легко объяснить совершеннымъ недостаткомъ трутовъ. Мы набрали ихъ въ карманы, въ одеяла, во что могли, и искали ими тѣхъ, кто не покидалъ каравана. Попадались даже, мы не могли встрѣчать слявы въ большемъ количествѣ, отъ-чего въ лагерѣ велись въ скоромъ времени довольно-опасныя лихорадки и прочие поносы.

Мы расположились таборомъ у Кедрѣ. Въ этомъ мѣстѣ, одинъ изъ дикарей показалъ намъ два тополя хлопчатника, мильхъ въ тридцать отъ Нюн-Шу. Пышная весенняя партія Осажей сдѣлала здѣсь уже третіемъ году и воротилась къ постояннымъ селеніямъ въ три года. Осажи по справедливости славятся своими ходами. Если вслѣдствіе чего-нибудь правляется куда-нибудь въ товариществѣ съ пышнымъ Осажемъ, третій день пути пѣшеходъ непременно опередитъ коннаго. Въ своихъ ходахъ мы часто видали шедшихъ пышкомъ впереди насъ, которые приостанавливались, поджидая насъ, и потомъ, безъ всякаго усилія, снова уходили отъ насъ впередъ. Въ продолженіе похода, особенно у этихъ тополей, насъ оглушали тучи шумѣвшихъ безъ перерыва стрекозъ.

20 іюля прибыли мы къ послѣднему своему раздѣлу по пути къ солончаку. Степь была нага и гориста; горизонтъ окраивался значительными возвышеніями. Нѣсколько рѣкъ, отъенныхъ прекрасными ревями, струились между холмами. На всякомъ шагу встрѣчались

охшія соленыя болота, на которыхъ кристаллы соли оставляли бѣлую оору; лошади наши останавливались и лязгали ихъ. Лагерь расположился въ довольно-крѣпкой позиціи, окруженной глубокими оврагами. На авингахъ ходило множество дичи: канадскіе олени, сайги, дикіе быки лапы двигались большими стадами; сѣрые и черныя медвѣди обитали въ оврагахъ, поросшихъ густымъ кустарникомъ.

Знаменитый сѣрый медвѣдь бываетъ до того свирѣпъ, что когда Осажи отправляются на него, то собираютъ военныя партіи, доходящія иногда до пятидесяти человекъ. Убить сѣраго медвѣдя считается у раснокожихъ въ числѣ первоклассныхъ подвиговъ; побѣдитель имѣетъ право носить ожерелье изъ когтей звѣря. Такія украшенія драгоценны жарямъ: я видѣлъ въ Сен-Луи одного Саука, который отказался отъ значительной суммы, предложенной ему за ожерелье изъ медвѣжьихъ когтей.

Мы ждали нѣсколько сутокъ огня, долженствовавшихъ возвѣстить намъ прибытіе Патокъ или Учинка-Лагря. Не видя никакихъ условенныхъ знаковъ, рѣшились идти за солью къ Большому-Солончаку, *Нискурѣ-Танга*, и зачехъ степь, чтобъ уведомить о нашемъ приодѣ Патокъ, если они гдѣ-нибудь въ окрестности. Въ-продолженіе эти или шести дней мы наслаждались прекрасною погодою, почему навѣялись найти соль въ изобиліи. Сухая погода тутъ весьма-важное словіе, потому-что соль Большаго-Солончака лежитъ мелкою пылью въ довольно-тонкомъ слое, который растворяется при малѣйшемъ дождѣ и кристаллизуется тогда только, когда песокъ, съ которымъ соль мѣшана, совершенно сухъ. Въ продолжительныя засухи, толщина этого слоя доходитъ иногда до четырехъ дюймовъ.

Въ одно утро, часа за два до разсвѣта, отправились мы на солончакъ въ числѣ пятидесяти или шестидесяти всадниковъ; за нами шли вычухія лошади и мулы съ кожаными мѣшками для соли. Мы ѣхали скоро, потому-что Большой-Солончакъ былъ мильхъ въ двадцати-пяти отъ агеря, а намъ слѣдовало возвратиться до наступленія ночи. Перевхавъ срезъ нѣсколько ручьевъ, впадающихъ въ рѣку Нискурѣ-Танга, мы надѣли около солпечнаго восхода чудный миражъ: довольно-густой туманъ покрывалъ Большой-Солончакъ; куски засохшаго кала буйволовъ азались такими огромными массами, что мы, бѣлые, неожидавшіе миража, приняли ихъ за стада пасущихся вдали бизоновъ. Осажи, которымъ мы сообщили свое открытіе, такъ хорошо знакомы съ этимъ феноменомъ, что даже женщины ихъ смѣлились надъ нами; мы и сами знали вскорѣ свою ошибку, видя, какъ ноги передовыхъ лошадей выхивались отъ преломленія лучей свѣта до безмѣрной длины. Все пришло свой настоящій видъ, когда солнце разсѣяло туманъ, который казался намъ издали пространнымъ разливомъ воды: тогда представился глазамъ нашимъ солончакъ въ видѣ обширной гладкой равнины, шириною миль девяти, но гораздо-длиннѣе; къ югу онъ ограничивался выхкими холмами, а къ сѣверу рѣкою, которой далъ свое имя. Соль обазовала на поверхности его кору не толще нѣсколькихъ линий, на которой мы рассмотрѣли свѣжіе слѣды муловъ, направившіеся къ мѣсту,

вытоптанному множеству муловъ и лошадей; туда же направлялись двойные слѣды лошадей, приходившихъ по-видимому съ противоположной стороны. Не безъ причины можно было думать, что Патѣки приходили къ назначенному мѣсту свиданія и торговали съ кѣмъ-нибудь. Батистъ увѣрялъ, что это были слѣды непріятелей.

Соль не скристаллизовалась въ достаточномъ количествѣ, чтобъ ее можно было собирать чистую, почему мѣшки мы наполнили солью и пескомъ и нагрузили лошадей. Нѣсколько Осажей отделилось отъ нашей дружины на погоню за бизонами, которые постоянно бродятъ около солончака; охота ихъ была удачна, и мы напировались досыта; потомъ съѣли на коней и поскакали къ лагерю, пріостановившись только на время, милахъ въ шести отъ него, чтобъ полакомиться превосходными дикими сливами.

Слѣдующій день былъ употребленъ на приготовленіе соли. Песокъ съ солью варили въ большихъ котлахъ съ водою, въ которой растворялась соль; потомъ песокъ выбрасывали, а выпариваніе воды оставило на двѣ котловъ чистую соль.

Пока женщины занимались этимъ дѣломъ, воины пришли съ донесеніемъ, что они нашли недалеко отъ лагеря двухъ лошадей въ парнѣ Уачинка-Лагри, прострѣленныхъ нѣсколькими пулями; около того мѣста видны были слѣды недавняго сраженія. Многочисленный отрядъ отправился для подробнѣйшаго изслѣдованія справедливости этого разсказа и возвратился съ тѣми же вѣстями.

Частыя и ужасныя грозы прoderжали насъ долгое время у Большого-Солончака. Разъ Осажи, видя, что къ вечеру очень темно, собрали своихъ лошадей съ пастбища на ночь и удивлялись тому, что мы не мѣшали нашимъ щипать траву; они пришли уговаривать насъ, чтобъ мы поторопились привести своихъ лошадей въ лагерь, иначе мы можемъ опоздать. Но мы оставались непреклонными, и они не могли надвинуться такому упрямству. Они воображали, что уже наступила ночь и мы никакъ не могли ихъ увѣрить, что солнце зайдетъ не раньше, какъ черезъ часъ, по-крайней-мѣрь. Между-тѣмъ, небо прояснилось. Осажи, убѣдившись въ истинѣ нашихъ словъ, говорили, что у блондинныхъ есть *лекарство*, которое показываетъ имъ время. Лекарство это было не что иное, какъ наши карманные часы.

Наконецъ, насталъ день собирать шалаши, чтобъ двинуться назадъ къ домамъ. На пути отъ Большого-Солончака до рѣки Арканзаса намъ не встрѣтилось ничего особенно-примѣчательнаго; то мы ѣли мало, то мѣшали въ изобиліи. Осажи сдѣлали большіе запасы и рѣшились остановиться въ постоянныя селенія. Роздыхъ, на которомъ намъ было самое большое количество бизоновъ, былъ на рѣкѣ *Багабѣ*, которая получила свое имя отъ отца нашего пріятеля съ отмороженными пальцами на ногахъ. Великій воинъ Багабѣ былъ убитъ на ея берегахъ, за десять тому назадъ, въ одномъ кровопролитномъ сраженіи съ Патѣками. Осажи отступали, тревожимые безпрестанно своими грозными врагами. Багабѣ отличился уже въ нѣсколькихъ стычкахъ и однажды поразилъ непріятельскаго вождя. На другой день битва возобновилась; такъ-какъ

по преданіямъ краснокожихъ, воинъ, сдѣлавшій ударъ, непременно долженъ погибнуть на другой день, если приходится сражаться два дня сряду, то Багабѣ, видя, что непріятель намѣренъ напасть, открылъ военную циновку и нарядился на смерть. Онъ пошелъ въ битву и не возвращался. Послѣ этого, рѣка получила имя погибшаго на берегахъ ея витязя. Такіе примѣры здѣсь обыкновенны: имя храбраго почти-всегда переходитъ къ мѣсту, гдѣ онъ былъ убитъ.

Около того же времени, большая битва происходила между Осажами и Патоками, миляхъ въ тридцати отъ рѣки Багабѣ; много воиновъ легло на томъ мѣстѣ и осталось безъ погребенія. Мнѣ очень хотѣлось посѣтить поле сраженія, чтобъ добыть себѣ по черепу каждаго народа; я предлагалъ—было собрать небольшую партію для этого путешествія, но оно было неудобноисполнимо; ибо мы дѣлали по два перехода въ сутки и вскорѣ удалились отсюда на слишкомъ—большое разстояніе. Вечеромъ сдѣлали только *стенной роздыхъ*, т. е. шалашей не воздвигали, а просто воткнули въ землю колья и натянули на нихъ вертикально шкуры, для обороны отъ западныхъ вѣтровъ.

Въ окрестности было много дикихъ индѣекъ, которыми мы угощали себя съ роскошью. Я поймалъ пару молодыхъ, съ намѣреніемъ привезти ихъ въ Европу. Ушингѣ сдѣлала мнѣ клятку изъ гибкихъ прутьевъ; я посадилъ въ нее своихъ птицъ и помѣстилъ ихъ на одной изъ ключевыхъ лошадей. Онъ скоро привыкли къ неволѣ, выросли и расостали до того, что я долженъ былъ вскорѣ соорудить имъ клятку ораздо-большихъ размѣровъ; такимъ—образомъ, я довезъ ихъ до хребта холмовъ, известнаго подъ названіемъ *Петушиихъ-Гребней*, но тамъ олженъ былъ дать имъ свободу, потому—что уже не было для ихъ орма ни маиса, ни кузнечиковъ, ни свѣжаго мяса.

Осажи забавлялись на одномъ изъ роздыховъ игрою особеннаго рода. откнули въ землю кривой сукъ, къ концу котораго привѣсили на ренъ кусокъ мяса, длиною дюймовъ шести и весьма-узкій; въ эту подвижную цѣль верховые дикари должны были попадать стрѣлами. Въ задцати шагахъ отъ нея воткнули нѣсколько сухихъ вѣтокъ, чтобъ оставить всадниковъ соблюдать разстояніе. Человѣкъ сто вскочили на одной безъ сѣделъ, вооруженные луками и взявъ только по двѣ стрѣлы; они выстроились въ линію, шагахъ въ двухъ—стахъ отъ цѣли. По данному знаку, воины поскакали впередъ и, провѣвая одинъ за однимъ мѣсто цѣли, бросали поводья, наклонялись до невѣроятности и пускали стрѣлы, оборачиваясь всемъ тѣломъ назадъ. Лошади слѣдовали близенько одна за другою и часто даже сталкивались. Давъ провѣхать всемъ прыжкамъ, судьи возвращали имъ стрѣлы, изъ которыхъ каждая была имѣчена, для избѣжанія споровъ. Всѣ стрѣлы вонзились въ землю во кругъ цѣли, въ кружкѣ не болѣе двухъ футъ въ діаметръ. Кусокъ мяса былъ до того истерзанъ, что его надобно было перемѣнить для слѣдующаго раза, но такъ—какъ онъ не остался ни на одной стрѣлѣ, то взѣзъ не могъ быть присужденъ побѣдителю.

Стрѣлки прослакали нѣсколько разъ мимо цѣли, прежде чѣмъ призвать выигранъ. Привѣвъ стрѣлы изъ рукъ судей, они снова выстраи-

вались и опять пускались вскачь. Люди эти, почти нагые, без садег, наклонялись для прицѣла, сжимая мускулы, чтобъ укрѣпиться на коныхъ и не упасть, стрѣляя назадъ. Кусокъ мяса шевелился безпрестанно и часто стрѣла пробивала его среди этихъ быстрыхъ колебаній. Игръ была необычайно интересна.

Осажи вообще превосходно стрѣляютъ изъ лука, котораго длина превосходитъ трехъ футъ, и почти не цѣлятся; они стрѣляютъ какъ будто по вдохновенію и смотрятъ на цѣль, по-видимому не думая стрѣлять, хотя рѣдко случается, чтобъ она дала промахъ. Луки ихъ малы, но очень-туги и сильны: стрѣла, пущенная въ тѣло бизона, исчезаетъ въ немъ совершенно, и остріе выходитъ изъ противоположной стороны животнаго. Мнѣ разъ случилось видѣть стрѣлу, вшившуюся въ грудь кайяка, которая согнулась внутри его тѣла между ребрами.

Изъ ружья они стрѣляютъ иначе. Дикарь цѣлится долго и помалы метко; но изъ лука или изъ ружья они очень-рѣдко бьютъ птицу влету. Осажи были въ восторгѣ, видя, какъ мы убивали птицъ въ духъ, а двойные выстрѣлы изъ двуствольныхъ ружей исторгали у нихъ крики удивленія. У всѣхъ ихъ ружей замки съ кремнями; они тщательнѣе осматриваютъ затравочный порохъ и такъ-какъ употребленіе жевника имъ неизвѣстно, они каждое утро выстрѣливаютъ изъ ружей заряженныхъ накануне. Ударныхъ замковъ они не любятъ, потому что не всегда можно доставать пистоны, тогда-какъ кремней въ степи довольно.

Мы должны были переправиться черезъ Арканзасъ на другой послѣ стрѣльбы въ кусокъ мяса. Совѣтъ рѣшилъ послать гонимыхъ домамъ, за вѣсями, тотчасъ же послѣ переправы. Вода въ этой рѣкѣ была тогда очень-высока, по я переправился верхомъ вплавь, считавъ себя только всю нижнюю часть тѣла. Вьючныя лошади и мулы переплыть рѣку съ своимъ грузомъ, почему должно было изобрѣсти перевозныя суда для багажа. Растянули шкуры, служившія для стѣнокъ шалашей, приподняли и крѣпко связали между собою ихъ концы такъ-что составилась родъ четверугольныхъ плашкоутовъ; ихъ опустили на воду, пагрузивъ, кромѣ багажа, маленькими дѣтьми и женщинами, мужчине и женщины, раздѣвшись до нага, поплыли съ берега, подталкивая ихъ впередъ къ противоположному берегу. После переправы вогнали въ Арканзасъ лошадей, и когда переправа кончилась, мы отъѣхали снова, и весь таборъ пустился въ дальнѣйшій путь.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, Софія переплыла Арканзасъ въ зимнее время, хотя была беременна и близка отъ разрѣшенія. Женщины карей не оставляютъ самыхъ тяжелыхъ работъ до послѣдствій беременности. Когда сильныя и непрерывныя боли возвыстятъ роды, то другія женщины, если это случится на походѣ, соорудятъ наскоро круглый шалашъ, въ которомъ родильницу укладываютъ на разостланныя шкуры. Разрѣшеніе отъ бремени бываетъ болѣе или менѣе стію своевременно и благополучно; если оно представляетъ краснорѣчивымъ бабкамъ препятствія, непреодолимыя для ихъ силъ.

ихъ познаний, то родильница умираетъ вмѣстѣ съ младенцемъ. Если мамы благополучны, мать обмываетъ ребенка, прикрѣпляетъ его къ скамьѣ, которая должна служить ему колыбелью, потомъ садится верхомъ и ѣдетъ дальше, какъ ни въ чемъ не бывала.

Слѣдующій роздыхъ былъ въ лѣскѣ, гдѣ мы не раскидывали шалаши, ибо собирались расположиться на почвѣ на одной изъ сосѣднихъ возвышенностей, чтобъ избѣгать комаровъ. Вечеромъ, пока мы готовились перемѣнять мѣсто, свѣталась ужасная гроза; громъ и молнія глушили и ослѣпляли насъ; дождь лился въ такомъ изобиліи, что я сколько разъ долженъ былъ выливать воду изъ своихъ сапоговъ. Дѣлами мы не хотѣли защищаться, а накрыли ими нашъ багажъ, чтобъ имѣть хоть послѣ сухую одежду. Вся степь была наводнена, а ежду тѣмъ намъ пришлось спать на размокшей землѣ, въ сырой травѣ—не вѣчно же на розахъ! Огня развести, а сладственно просушить и сварить ужина, нѣтъ возможности. Я уже съ мѣсяца страдалъ едственно лихорадкой: можно судить, каково мнѣ было, когда я улегся въ грязь. Вещи наши все вымокли, а табакъ отсырѣлъ до того, что ѣздить было утѣшиться хотя куреніемъ.

Весь слѣдующій день мы не трогались съ мѣста, чтобъ дать отдохнуть шкурамъ и багажу, а потомъ пустились черезъ старыя дубовыя ощи, которыя раскинуты по берегамъ рѣки Ника-Уасса-Танга и порываютъ отчасти прекрасныя холмы Пытушыхъ-Гребней. Намъ задержала нѣсколько смерть одного молодого Осажа, умершаго отъ гнилой орочки, почему лагерь не поднимался до тѣхъ-поръ, пока онъ не отравился въ царство душъ.

Лишь-только онъ испустилъ послѣдній вздохъ, вдова его принялась плакать и вѣть; она подходила къ каждому шалашу и всплескивала ризды руками, испуская три вопля. Обойдя по всему лагерю, она возвратилась въ свой шалашъ. Тогда покойника разрисовали какъ на войну, надѣли на него одѣяло и посадили, окруженнаго полнымъ оружіемъ, въ заранѣе-приготовленную могилу, надъ которою вскорѣ возвысился надгробный бугорокъ. Герольды объявили походъ, а вдова осталась одна надъ тѣломъ своего мужа.

Мы переправились черезъ Скользскій-Камень, прелестную рѣчку, кающуюся по гладкимъ камнямъ. Лѣса дѣлались обширнѣе, растительность могущественнѣе. Дубовыя рощи поднимались вровень съ холмами; прекрасныя лѣса и луга, пересѣкаемые рѣчками и скалами, составляли пріятное разнообразіе для глазъ, привыкшихъ съ давнихъ поръ къ рышму бесплодныхъ степей и тощихъ лѣсковъ и кустарниковъ.

Высокія травы были покрыты блѣватою пѣной, въ которой зарываются сляпины. Въ Луизіанѣ такія накипи называютъ *сляною гремящей змѣй*, полагая, что эти гады испускаютъ свою сляну на траву. Въ каждой изъ нихъ видны были по три, по четыре и по пяти шевелящихся куколокъ сляпней. Насѣкомыхъ этихъ было такое множество, что многіе предложили ѣздить, во избѣжаніе ихъ, только по ночамъ. Г. Іапѣнъ возсталъ противъ этого плана, зная очень-хорошо, что если Осажи разъ начнутъ дѣлать ночныя переходы, то дойдутъ до постоян-

ныхъ селеній не разнуздывая лошадей, а ему не хотѣлось слыть въ одинъ конецъ, шагомъ, восемьдесятъ миль, остававшихся намъ до Нюн-Шу.

Намъ, между-прочимъ, пришлось на дневныхъ переходахъ страши отъ этихъ огромныхъ мухъ, которыя нападаютъ на людей такъ же какъ и на лошадей; особенно страшна одна порода сырыхъ и теплыхъ слѣпней, которыя тотчасъ же начинаютъ сосать кровь, и только садутъ на тѣло. Меня самого нѣсколько разъ жалили такіе слѣпни; произведенная ими язва долго болитъ. Слѣпней немомьрное множество по всему пространству отъ границы области Миссури до рѣки Арканзаса, потому-что въ обширныхъ степяхъ этихъ мѣстъ не водятся бизоны, а слѣдственно не ѣдятъ травы, на которой образуются куколки; степей здѣсь почти вовсе не зажигаютъ, такъ-что слѣпнямъ больше плодиться въ волю. Нападая на лошадь, они совершенно выедаютъ ей шею, хребетъ, брюхо; они смѣняютъ другъ друга и какъ и пирры сосутъ кровь несчастнаго четвероногаго, которое, наконецъ, введенное изъ терпѣнія болью, бѣсится и мчится куда ни попадетъ, не упадетъ отъ изнеможенія и не издохнетъ. Лошади, идущія въ караванъ, страдаютъ меньше, потому-что слѣпнямъ предстоитъ мучить большее число жертвъ; разумѣется, въ такихъ случаяхъ больше всего страдаетъ передовымъ, потому-что на нихъ нападаютъ все слѣпни, сырыхъ онъ поднимаютъ: вотъ почему на походахъ Осажи ведутъ собою очередь, такъ-что лошади каждаго шалаша идутъ попеременно около часа времени, передовыми въ караванъ.

Мы расположились ночевать на Вердегрѣ, куда должны были выдѣлаться гонцы наши изъ Нюн-Шу. Форсированные переходы значительно усилили мою лихорадку; сонъ исчезъ, и я очень страдалъ. Около полуночи увидѣлъ я Ман-Чап-чѣ-Мани, гнѣвагося у большого костра. Я подсылъ къ нему, и послѣ непродолжительнаго разговора онъ спросилъ меня, ударялъ ли я въ столбъ: это значитъ на индейскомъ языкѣ Осажей, не имѣлъ ли я связи съ которою-нибудь изъ здѣшнихъ женщинъ. Потомъ, помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «*кау, таме!*» (женщина, это хорошо!) и предлагалъ мнѣ привести шалашъ какую-нибудь красавицу, если я дамъ ему долларъ; послѣ этого, онъ показалъ мнѣ на свою жену, спавшую около насъ, и послѣ нѣкотораго размышленія: *Мансеска зребенанъ*, «десять долларовъ». Я побоялся оскорбить услужливаго дикаря рѣзкимъ отказомъ и вырвался непонимающимъ; онъ, однако, не повторилъ своего предложения.

Надобно сказать, что Ман-Чап-чѣ-Мани еще самый любезный другъ изъ осажскаго народа, такъ-что надъ нимъ за это иногда смѣиваются: я выдалъ нѣсколько разъ, какъ онъ помогалъ работѣмъ его женѣ. Когда, на-примѣръ, она ходила за водою, онъ несъ въ одинъ изъ концовъ шеста, на которомъ висѣлъ котелъ; правда, онъ былъ гораздо-ближе къ женѣ, чѣмъ къ мужу, но одинъ этотъ обычай столь необыкновенный у краснокожихъ, обнаруживалъ въ немъ доброту, какія здѣсь рѣдко встрѣчаются. И между-тѣмъ, онъ же предлагалъ мнѣ свою жену за десять долларовъ! Станные люди!

Гонцы возвращались съ добрыми вѣстями: въ Нюн-Шу все было покойно, и насъ тамъ ожидали. За Малыми-Осажами слѣдовала до селѣхъ деревень ихъ военная партія Паніевъ, которой сила была неизвестна и которая нѣсколько разъ покушалась украсть лошадей. Въ Нюн-Шу думали, что около селенія Малыхъ-Осажей произошло сраженіе.

На разсвѣтъ слѣдующаго утра, мужчины отправились впередъ, а женщины сложили шалаши, чтобъ возвратиться въ деревню. Вскорѣ мы шли на Гору-Гробницъ и наконецъ сошли съ коней передъ величавымъ дворцомъ г. Папѣна, въ которомъ ожидали насъ столы, лѣя и постели, — словомъ, все принадлежности просвященія. Тамъ тѣли насъ незрѣлою пшеницей, поджаренною на угляхъ. Кушанье показалось намъ лакомствомъ, но оно худо переваривается въ жѣлѣ и утомляетъ его. Мы все потеряли привычку къ стульямъ и кроватямъ: мы ѣли, спали и бесѣдовали на землѣ, на открытомъ воздухѣ. Ахари знали, что мы скоро съ ними разстанемся, и часто посѣщали насъ. Они просили не забывать ихъ, когда мы будемъ на той сторонѣ горы-Воды: я всегда съ благодарностью вспоминаю о гостепримствѣ ихъ радушныхъ краснокожихъ друзей.

Въ Нюн-Шу я узналъ, что Уачинка-Лѣгри видѣлся съ Патѣками на горѣ-Солончакъ. Зажегши степь, онъ ждалъ насъ нѣсколько времени, но, видя, что мы не являемся, двинулся далѣе, нашелъ Патѣковъ условленномъ мѣстѣ и торговалъ съ ними, что объяснило слѣды, оставленные нами на соли.

Г. Папѣнъ показалъ намъ двухъ телятъ, происшедшихъ отъ смѣшенія насъ съ обыкновенною коровою; не смотря на свою молодость, они были очень-дики, но ихъ надѣялись сдѣлать ручными. Ихъ приобрѣли Малы обыкновенныхъ коровъ на пастбище въ степь, гдѣ ходили олени, и давъ имъ тамъ свободу на нѣсколько дней. Ничего бы не было наловить арканами молодыхъ бизонѣвъ и потомъ, мало-по-малу, принести ихъ.

Одинъ воинъ изъ Малыхъ-Осажей принесъ въ Нюн-Шу клочокъ шерсти съ волосами, обдѣланный въ деревянный кружокъ и обрамленный перьями пухомъ. Показывая этотъ трофей, онъ провозгласилъ, что Малы-Осажи воинственнѣе своихъ братій и вызывалъ нашихъ похвалъ такимъ же доказательствомъ доблести. Большіе-Осажи отвѣчали намъ, что они убили больше Паніевъ, чѣмъ малые, и что у нихъ больше побѣдъ на войнѣ непріятельскихъ волосѣхъ.

Сестро Паніевъ слѣдовали за Малыми-Осажами вплоть до ихъ селенія, но не могли украсть ни одной лошади. Возвратясь домой, Осажи рассказали о ихъ сосѣдствѣ по слѣдамъ, найденнымъ въ мансовыхъ поляхъ, гдѣ Паніи рвали колосья манса для своего пропитанія. Скрываясь въ лѣсахъ, они ждали удобнаго случая украсть лошадей, чтобъ не попасться къ своимъ съ пустыми руками. Малые-Осажи спрятались въ лѣсу и убили одного Паніа, а шестеро остальныхъ бросили оружіе, чтобъ удобнѣе убѣжать. Эти несчастные, безоружные, безъ обуви и одежды, скрывались въ лѣсахъ, подверженные жаламъ мильи-

новъ комаровъ; боснякомъ имъ бы не дойти до своихъ селеній, а грѣмъ того она не смѣла рвать мансъ, потому-что тамъ ихъ поджидала Осажа. Имъ приходилось оставаться въ своихъ убежищахъ, ахъ съдѣлать ударъ или умирать съ голода. Г. Папѣнъ придумывалъ, какъ бы имъ спасти жизнь, но онъ не имѣлъ средствъ переговорить съ нами. «Еслибъ эти *гадины*» говорилъ онъ: «которые меня знаютъ и которымъ известно, что на меня они могутъ положиться, пришли бы на почью у моего огня, то я могъ бы еще скрыть ихъ на некоторое время. Я бы собралъ осажскихъ вождей и сказалъ бы имъ: уйдите Панаи, которыхъ надобно отпустить. Но дѣло въ томъ, что этой драки никогда не явится путной идеи, а кто знаетъ, гдѣ спрятались? Осажъ не пойдетъ къ нимъ съ совѣтомъ, чтобы они пришли ко мнѣ: онъ лучше сдеретъ съ нихъ волосы. Мудрено придумать что-нибудь. Ну, да все-равно, надобно будетъ угостить стариковъ, можетъ-быть, и удастся спасти мошенниковъ.» Отъѣздъ нашъ лиши насъ возможности узнать, чѣмъ кончилась эта драма. Если несчастныя Панаи не догадались и вѣрили великодушію г. Папѣна, то они умрутъ съ голода или были убиты.

Г. Папѣнъ не хотѣлъ принять вознагражденія за издержки, пренебрегая ему нашимъ пребываніемъ. Гостепріимство его было искренно и безкорыстно.

8-го августа распростились мы съ народомъ, который привалъ къ намъ такъ радушно, и отправились назадъ въ страны посвященные намъ съ метисомъ Швейцаромъ, Ман-Чап-чѣ-Мани и его братомъ, которые оба хотѣли проводить насъ до рѣки Осажа. Вечеромъ мы отыскали степь, безъ шалашей, пустивъ своихъ стреноженныхъ лошадей на свободу. Лишь-только мы остановились, къ намъ подъѣхало двѣнадцать знаменитѣйшихъ осажскихъ вождей; они отпустили насъ къ г. Эдуарда Шутю, о которомъ узнали, что онъ уѣхалъ въ свою ферму на рѣчкѣ Лапани.

Часовъ около одиннадцати слѣдующаго дня, мы расположились въ раздѣлахъ около границы и закусили въ послѣдній разъ во владѣніи Осажей. Вонны раскраснѣлись и сдѣлали блестящій туалетъ. Три часа спустя, мы уже были у Доглесса.

Я вообразилъ себя, что вхожу во дворецъ и увидалъ пераго съ неописаннымъ наслажденіемъ. Осажскій языкъ пересталъ слышаться около меня; всѣ были бѣднолицы и говорили по-англійски. Мы до того загорѣли отъ солнца и воздуха, что насъ можно было принять за краснокожихъ. Въ первый разъ послѣ долгаго промежутка, нашедъ я туалетъ свой не совсѣмъ-приличнымъ и съ стыдомъ одну старинную прорѣху на своихъ панталонахъ; я успѣлъ закрыть се фуражкой и поскорѣе вышелъ, чтобы перестать.

Генералъ Доглессъ угостилъ насъ великодушнымъ обѣдомъ, самымъ изъ всего, что только кухня образованности производитъ каннибальскаго: намъ дали превосходный ростбифъ съ картофелемъ, соваго хлѣба, масла и разнаго молочнаго. Я уже отучился отъ и замѣтилъ, что товарищи мои, подобно мнѣ, готовились брѣ...

пальцами; мы взглянули другъ на друга съ улыбкою и встали за вилы. Въ числѣ кушаній было также блюдо *чера-уаса*, которое въ степяхъ казалось намъ весьма-лакомымъ, но которымъ мы пренебрегли у Доглесса.

Чера-уась — корень одного водоросля, который близко подходитъ къ *nutrhea*. Блѣдножелтые цвѣты его издають нѣжный запахъ; посреди лепестковъ видна ярко-желтая маковка, которой форма походить на наковничекъ лейки; изъ верхней части ея, плоской, выходитъ до половины пять или шесть совершенно-черныхъ семянъ. Растеніе это водится въ большомъ изобиліи въ Луизианѣ; въ степныхъ болотахъ оно раскидываетъ по воцъ свои широкіе зеленые листья. Корни его пронизаны во всю длину шестью или восемью каналами, отъ которыхъ черагась и получила свое названіе. Вкусомъ оно нѣсколько походить на жареные каштаны; его поливають растопленнымъ бизоновымъ жи-омъ.

Г. Эдуардъ Шутó приѣхалъ къ намъ съ визитомъ съ своей фермы и пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать вмѣстѣ съ прибывшими съ нами вкаррами. Мы ѣли въ послѣдній разъ сушенныя брюшныя полости бизона и осаажую колбасу, и наконецъ закурили трубку прощанія.

=

IX.

РѢКА ОСАЖЪ.

На другой день послѣ обѣда, мы отправились вмѣстѣ съ г. Шутó; Жан-Чап-чѣ-Мани и братъ его провожала насъ до фермы Колена, расположенной на рѣкѣ Осажъ, мили на три ниже миссін Гармони. Слѣдующій день былъ назначенъ къ отправленію далѣе; но мы напрасно ждали своихъ лошадей, пущенныхъ на траву въ ближнемъ лѣскѣ. Двери пустылись по следамъ лошадей, но отыскали только двухъ. Какъ быть съ нашимъ багажемъ? Мы держали между собою советъ и шили, что Джемсъ отправится съ оставшимися лошадьми сухимъ путемъ до Индепенденса, а другіе два товарища наши и я спустимся въ лѣкъ по Осажу до Миссури, гдѣ найдемъ пароходъ, чтобъ добраться до Ин-Луи. Намъ предстояло плыть двое сутокъ по теченію рѣки.

Мы бесѣдовали между собою въ послѣдній остававшійся намъ вечеръ, г. Шутó сообщалъ намъ нѣсколько подробностей о Патóкахъ, съ которыми онъ нѣсколько разъ былъ въ сношеніяхъ. Онъ однажды со-вождалъ Осажей въ лѣтнюю охоту, увидѣлъ Патóковъ или Команчей

Большомъ-Солончакъ и рѣшился завести съ ними маювую торговлю. лѣя хорошо степь, онъ поѣхалъ съ двумя челоавками къ этимъ дѣ-ямъ; но по дорогѣ ему встрѣтилась партія того же народа, которая гла его въ плѣнъ и уже хотѣла убить, какъ одинъ воинъ, выдавшій

его у Осажей, вступился, и ему дали свободу. Въ-послѣдствіи, онъ прожилъ нѣсколько времени у Патѳковъ и выучился говорить на ихъ языкъ — онъ единственный бѣлый, которому извѣстенъ этотъ языкъ.

Патѳки или Команчи такъ многочисленны, что могутъ выставить въ случаѣ нужды тысячь десять воиновъ. Они раздѣлены на нѣсколько отраслей, и каждая имѣетъ своего Великаго-Главу, котораго санъ наследственный, ни избирательный. Можно сказать, что званіе е подлѣжить конкурсу, ибо для пріобрѣтенія его надобно добыть волюсъ десяти непріятельскихъ череповъ. Воинъ, представившій старшину требуемое число пучковъ, смѣняетъ предводителя, котораго власть прежде знавалась всѣмъ племенемъ; также точно и онъ слагаетъ съ себя и ховное владычество, если найдется витязь, пріобрѣвшій себя право на власть. Не нужно и говорить, что всѣ племена воинственны какъ-льзя-болѣе.

Образъ жизни Патѳковъ удаляетъ ихъ отъ бѣлыхъ больше, чѣмъ кого-нибудь изъ другихъ краснокожихъ народовъ; бѣлые едва знаютъ ихъ по имени. Патѳки ведутъ жизнь вполнѣ-кочевую и слѣдуютъ постоянно за всѣми переселеніями бизоновъ, которыхъ мясомъ исключительно питаются, отъ Техаса до Канады и обратно; не смотря на то имъ довольно-часто случается терпѣть недостатокъ въ дичьнѣ, какъ на-примѣръ, бизоны уходятъ въ долины Скалистыхъ-Горъ, или война удаляетъ ихъ самихъ отъ пастбищъ этихъ животныхъ. Тамъ они вѣютъ лошадей, которыхъ изобиліе составляетъ главное ихъ богатство; они воспитываютъ большіе табуны ихъ и производятъ обменъ мяну съ Осажами, которые получаютъ за какое-нибудь одѣяло, за новое ружье или коробочку румянъ болѣе или менѣе добрыхъ конскихъ муловъ. Сверхъ того, они промѣниваютъ Осажамъ за стекларусъ или машиную утварь прекрасныя бизоновыя плащи, отлично-выдѣланныя разрисованныя или вышитыя щетинами дикобраза, довольно-цѣлѣбнаго ха, трубки и т. п. Деньгамъ они вовсе не знаютъ цѣны и нѣкогда берутъ ихъ, — что имъ съ ними дѣлать?

Костюмъ Патѳковъ еще первобытное осажскаго, съ которымъ впрочемъ, имѣетъ много сходства. Мокассины у нихъ такіе же; изъ бѣлой замши украшены пучками непріятельскихъ волосъ; бѣлый плащъ разрисованъ уродливыми фигурами или изображеніями войны и охоты. Рисунки дикарей очень-странны: на той же кожѣ можно видѣть, какъ охотникъ попалъ на слѣдъ звѣря; далѣе, онъ женъ въ разныхъ періодахъ погони, такъ-что зритель видитъ начало и конецъ. Фигуры охотниковъ сильно напоминаютъ египетскія рисунки. На нѣкихъ кожахъ можно видѣть желтыхъ охотниковъ, сидящихъ на синихъ лошадяхъ, гоняющихся за красными или зелеными зонами.

Щеголи, однако, замѣняютъ бизоновыя плащи одѣялами. Почти все краснокожіе, живущіе около границъ Соединенныхъ-Штатовъ, носятъ одѣяла въ томъ видѣ, какъ они имъ были проданы. Осажскіе украшаютъ ихъ, впрочемъ, синими или красными пологами своего пріобрѣтенія; но Патѳки располагаютъ цвѣта на своихъ одѣялахъ

дна половина ихъ красная, а другая синяя, бѣлая или зеленая. Между ногъ они пропускаютъ кусокъ кожи, которой концы прикрѣплены задн и спереди къ полу. Длинные волосы свои заплетаютъ они въ осы, которыя висятъ по шеѣ и плечамъ, и украшаются серебряными рожками и стекларусомъ; *самумы* или ожерелья Патѣковъ состоятъ изъ ракушекъ и бѣлыхъ камешковъ. Женщины носятъ юбки и туники изъ разрисованныхъ кожъ.

Кочевья Патѣковъ всегда располагаются по переходамъ бизоновъ; они хотн остаются въ степяхъ, гдѣ есть лѣски и вода подъ рукою; иначе они бывають принуждены брать съ собою запасъ кольевъ и дровъ, ибо имъ часто приходится странствовать по безконечнымъ степямъ, гдѣ не растетъ ни одного дерева. У нихъ можно видѣть первоначальную идею экипажей: Патѣки привязываютъ съ боковъ лошади шесты, по которымъ тащатся по землѣ, и на которые накладываются багажъ; туда садятся на перекочевьяхъ женщины и дѣти. Шалаши у нихъ конические, съ отверстіемъ наверху для выхода дыма.

Храбрые Патѣки воюютъ почти безпрестанно. Они въ вѣчной враждѣ съ Паііями, *Шауанонами*, *Шайеннами* и разными племенами *Сіуссовъ*. Они обыкновенно сражаются верхомъ и ходятъ на войну малыми партиями; впрочемъ, въ важныхъ случаяхъ, они собираются весьма-сильными ополченіями.

Въ одномъ сраженіи, девятьсотъ Патѣковъ сражались противъ пятидесяти Осажій и ста Сауковъ; триста человекъ погубило въ бою, и победа осталась Осажамъ отъ одной рѣдко-употребляемой дикими военной стрѣлы: боясь быть подавленными большинствомъ непріятеля, Осажи рыли въ землѣ ямы, и, спрятавшись туда, стрѣляли изъ почти-защитной позиціи; поле битвы осталось за ними, хотя это и не доставило имъ рѣшительныхъ выгодъ.

Утрапные всѣмъ своимъ краснокожимъ сосѣдямъ, храбрые Патѣки считались однихъ только Шауаноновъ или Шауіевъ, которыхъ воинственная доблесть цѣнятъ высоко. Разъ партія послѣднихъ, не болѣе какъ пятьдесятъ человекъ, была расположена лагеремъ въ близости Патѣковъ, состоявшаго изъ двухъ-сотъ шалашей. У нихъ украли чашку или жестяную чашку; они тотчасъ же послали къ Патѣкамъ на съ объявленіемъ, что если завтра на разсвѣтъ чашка не будетъ искана и возвращена, то они нападутъ на селеніе. Чашка была возвращена. Такая выходка, поддержанная дерзкою храбростію, была рѣшено въ характеръ Шауіевъ.

Богочисленность лошадей у Патѣковъ возбуждаетъ зависть въ другихъ племенахъ, которымъ почти-всегда удается украсть значительное число лошадей. Осажъ Манка-Шонкѣ увелъ у нихъ однажды пятьсотъ лошадей въ одну ночь — народъ его былъ тогда въ войнѣ съ Патѣками. Осажскій вождь хотѣлъ, чтобъ непріятели знали имя отважнаго похитителя; привѣсивъ все къ поспѣшному бѣгству, онъ вошелъ въ одинъ шалашъ, взявъ топоромъ перваго попавшагося ему воина, сказавъ во всеобщее изумленіе: «Я Манка-Шонкѣ» (Черный-Воинъ), и скрылся въ потьмахъ.

Патѣки вооружены ножами и ружьями, которые выманиваютъ у своихъ союзниковъ, и топорами и стрѣлами собственного производства. Вместо желѣза, они употребляютъ очень-хорошо обдѣланные острые кремни. Отважность этихъ гордыхъ дикарей безпримѣрна. Они умѣютъ лучше другихъ краснокожихъ прикрываться тѣломъ своихъ коней, презираютъ подобныя средства: Патѣки нападаютъ на непріятеля открытою грудью и распростертыми руками, испуская военный крикъ и какъ-будто призывая на себя вражьи пули и стрѣлы; они не боятся смерти, ибо увѣрены, что убитый въ бою витязь будетъ наслаждаться вечнымъ блаженствомъ, которое они, разумется, понимаютъ по-своему. Они атакуютъ воиновъ враждебнаго народа въ виду ихъ стамъ, внушаютъ тѣмъ, къ кому посылаютъ топоръ войны, такой страхъ, что воины противниковъ не осмѣливаются отдалиться поодиночкѣ отъ своего селенія. Патѣкамъ нужны во что бы ни стало непріятельскія волосы: десять пучковъ волосъ доставляютъ первенство между своими женщинами не входить въ этотъ счетъ.

Понятно, что они рѣдко берутъ плѣнниковъ; впрочемъ, они умѣютъ къ себѣ въ рабство женщинъ и дѣтей выжженнаго селенія дикіе и бѣлыхъ, которыхъ удается поймать на разграбленной фермѣ: такіе рода экспедиціи въ ихъ вкусъ, а въ особенности со стороны Техасовъ. Участь ихъ плѣнниковъ такъ же ужасна, какъ тахъ несчастныхъ, которые попадаются въ руки дикарей, обитающихъ въ намяхъ Южнаго Америка: лучше, еслибъ они прямо привязывали ихъ къ столбу, и умирали и лишали жизни.

Плѣнныхъ мальчиковъ нѣкоторымъ-образомъ усыновляютъ и изъ которыхъ они служатъ въ качествѣ конюховъ или невольниковъ. Когда они вырастаютъ, имъ даютъ больше свободы, ибо они не могутъ жалеть о своихъ семействахъ, которыхъ почти не знали и очень-мало знали, и не захотятъ покинуть своихъ покровителей.

Женщины и дѣвушки дѣлаются женами какого-нибудь воина, и участь ихъ все-таки хуже, чѣмъ участь женщинъ Патѣковъ; ихъ употребляютъ въ шалашахъ въ самыя тяжелыя работы. Впрочемъ, и которыя не пренебрегутъ случаемъ пококотничать съ какимъ-нибудь краснымъ воиномъ, разрисованнымъ кинноварью и украшеннымъ завязанными пучками волосъ,—такія философики могутъ доставить довольно-сносную участь.

За то мужчинамъ приходится страдать жестоко. Ихъ употребляютъ во-первыхъ, въ работы, предоставленныя у дикарей однимъ изъ нихъ, чѣмъ, что уже есть знакъ презрѣнія; ихъ заставляютъ обрывать копыта бычьихъ лошадей; однимъ словомъ, побѣдители употребляютъ въ свою пользу все дарованія, все искусство, которымъ природа и воспитаніе надѣлили несчастливцевъ. Они не смѣютъ и помышлять о мести; еслибъ плѣнникъ воспользовался минутною благосклонностью какой-нибудь дикарки, то Патѣки накажутъ его съ ужасною жестокостью за такую обиду ихъ народу.

Часто собирается советъ воиновъ, передъ которымъ призываютъ плѣнника и объявляютъ ему близкую и мучительную смерть; его при-

ваютъ къ столбу, костры зажигаютъ, и несчастный думаетъ, что мученія его прекратятся съ жизнью; начинается уже пытка, но вдругъ вопны останавливаются, разсѣкаютъ узы осужденнаго и начинаютъ смѣяться: дѣло въ томъ, что храбрые хотѣли позабавиться. Бѣгство почти невозможно плѣнникамъ: горе тому, кого поймаютъ снова — его неудачная попытка будетъ наказана медленною и мучительною смертію.

Подлѣ такихъ немоварно-варварскихъ поступковъ, проявляются у Патѣковъ многія рѣдкія добродѣтели. Если имъ попадется человѣкъ замудившійся, слабый или раненный, то будь онъ хоть изъ враждебнаго народа, его накормятъ, вылечатъ и отправятъ съ подарками; еслибъ ему вздумалось остаться между ними, его усыновятъ и съ нимъ будутъ обращаться какъ съ братомъ. Одинъ Осажъ, прозванный *Патѣкой*, былъ ими найденъ въ степи полумертвый отъ голода; они держали его у себя цѣлые два года, не смотря на то, что были въ то время въ войнѣ съ народомъ своего гостя.

Дикари умерщвляютъ человѣка сильнаго, который можетъ защищаться и вредить имъ самимъ, но никогда не откажутъ въ помощи слабому и безобидному. Они помогутъ страждущему и накормятъ голоднаго.

На другой день, мы купили себѣ лодку, отдали бывшимъ съ нами дикарямъ одѣяла, такъ долго служившія намъ вмѣсто плащей, и пригласили ихъ отобѣдать вмѣстѣ съ нами въ послѣдній разъ. Тогда я е находилъ ничего страннаго въ приѣмахъ нашихъ двухъ Осажѣй, сившихъ на стульяхъ съ тарелками передъ собою и вилками въ рукахъ; теперь я бы засмѣялся отъ такого зрѣлища. Это напоминаетъ нѣ одинъ анекдотъ стараго Бѣлаго-Волоса.

Въ 1820 году, президентъ Соединенныхъ — Штатовъ пригласилъ въ Вашингтонъ предводителей главныхъ краснокожихъ народовъ. Чтобы дать имъ понятіе о могуществѣ Американцевъ, онъ показалъ имъ войска, корабли, укрепления, и далъ имъ уразумѣть, что имъ выгодное ставаться въ дружбѣ, чѣмъ воевать съ Мангѣ-Танга (Большими-Ножами). Старый Бѣлый-Волосъ присутствовалъ также на этомъ собраніи. Осажѣй угостили обѣдомъ, и они считали себя обязанными употребить за столомъ вилки, по примѣру *дѣда* (такъ дикари называютъ президента Соединенныхъ-Штатовъ); но наскучивъ совершенно-чуждымъ для него инструментомъ, Бѣлый-Волосъ обратился къ президенту: «Уаконы сказалъ онъ «дай намъ руки, чтобъ подносить ко рту пищу, а ты даешь намъ для этого какіе-то инструменты, съ которыми мы не знаемъ что дѣлать; позволь намъ употреблять руки, которыя мы получили отъ Уаконы».

Мы вышли изъ-за стола около полудня. Все было уже готово къ отъезженію: весла и гребки, которые мы сами себѣ сдѣлали, необходимый багажъ, оружіе наше и мѣшокъ съ нѣсколькими фунтами соленой мясины, были погружены въ лодку. Г. Шутѣ и Колѣнъ разсчитывали, сколько намъ остается миль шестьдесятъ до Миссури; они обнаруживали многія опасенія и уговаривали насъ отказаться отъ нашего намѣненія; но мы не слышать о томъ не хотѣли, — я считалъ путешествіе изъ по быстрынамъ Осажа, на челнокъ дикарей, необходимыми до-

родненіемъ своихъ странствій по степямъ. Мы вскочили въ челнокъ, простившись съ покидаемыми друзьями, и отвалили отъ берега. Ман-Чаи-чэ-Мани и братъ его въехали верхомъ въ воду, чтобъ подать намъ руку въ послѣдній разъ. Осажскій воинъ сказалъ мнѣ разстроганнымъ голосомъ: *Оэжъ, Уакантаку — Шинка!* потомъ, переправившись черезъ рѣку, онъ и товарищъ его скрылись за деревьями. Нѣсколько взмаховъ веслами вывели насъ на теченіе, и челнокъ очутился въ плещей пѣнъ быстрины.

Вскорѣ мы потеряли изъ вида домъ Колѣна; вода несла насъ съ удивительною скоростью; мы должны были грести изо всѣхъ силъ, чтобъ можно было править лодкою, и прилагать все наше вниманіе, чтобъ держаться на глубокихъ мѣстахъ и не наткнуться на огромные камни, которые безпрестанно попадались на пути. Первый опытъ нашъ былъ блистателенъ: пронесшись минутъ пять съ невѣроятною скоростью по бышеной быстринѣ, мы опять очутились на болѣе-спокойной водѣ, былъ только два раза въ опасности опрокинуться.

Рѣка Осажъ раждается нѣсколькими источниками въ области Миссури, къ сѣверу отъ Нюн-Шу, пересѣкаетъ дорогу къ Санта-Фѣ (въ Мехикѣ, въ Скалистыхъ — Горахъ) и направляется къ юго-востоку, описывая множество изворотовъ. Потомъ она входитъ въ штатъ Миссури и называется, до нѣкотораго разстоянія ниже мисси Гармонъ *Ляблэжымъ Болотомъ*. Оттуда она заворачивается къ сѣверо-востоку, дѣлая нѣсколько длинныхъ изгибовъ, до впаденія своего въ Миссури съ правой стороны, на 144 мили отъ слиянія его съ Миссиссипи. Въ верховьяхъ Осажа множество быстринъ, которыя слѣдуютъ одна за другою почти не прерываясь, потомъ понемногу растягиваются и съ собою и наконецъ совершенно исчезаютъ, миляхъ въ двѣнадцать и пятнадцать отъ Миссури. Быстрины эти не опасны для легкихъ челноковъ дикарей, въ родѣ нашего, но слишкомъ-мелки для судовъ большаго размѣра. Въ промежуткахъ между ними, теченіе нестерпимо медленно, а когда въ Миссури вода высока, то въ Осажъ дѣлается почти отливъ назадъ.

Намъ не предстояло ни пороговъ, ни пучинъ, а потому мы смело подавались впередъ, рискуя только по-временамъ опрокинуться и погибнуть. То челнокъ нашъ летѣлъ стремглавъ по водамъ, то подвигался только на греблѣ по лѣнному теченію между быстринами. Въ первый день пути, быстрины были многочисленны, силы наши съжи, и несмотря на то, что форма челнока не позволяла сгибать ногъ, мы все-таки подвинулись впередъ. Ночь была свѣтлая, лунная; очаровательная жесть оживляла наши силы, и мы гребли принявъ въ тактъ известную пѣсню канадскихъ лодочниковъ:

Мы поѣдемъ по водѣ,

Мы поѣдемъ гулять...

Видъ съ рѣки былъ единственный. Ясная ночь позволяла разглядѣть сквозь прозрачный туманъ прекрасный лѣсъ, росшій на берегу. Челнокъ мы сушили весла, и челнокъ безмолвно скользилъ по сонному теченію.

Я наслаждался прелестями дивной ночи, но вдругъ снова шумѣла пеленъ намъ бурливая быстрина, и мы опять ударили въ весла и пронормились между камнями.

Прошло уже за полночь. Руки наши устали; надобно было подумать объ отдыхѣ. Долго мы искали мѣста, куда-бы пристать, но вездѣ берега были высоки и круты; наконецъ мы приткнулись къ одному утесу и выкарабкались наверхъ, привязавъ лодку къ корнямъ, выходившимъ изъ трещины. Только-что мы успѣли подняться и зажечь гомеиническій костеръ, какъ ночь вдругъ стемнѣла, — то было лунное замирье.

Первымъ попеченіемъ нашимъ было утолить вопіющій голодъ, изнуренный двѣнадцатью часами напряженной гребли. Послѣ ужина, азбѣдый расположился спать, какъ могъ; мы караулили поочереды, прилущиваясь внимательно ко всякому шуму. Нѣсколько разъ часовому случалось слышать, какъ сухіе сучья хрустѣли подъ тяжелыми стопами: то были медведи, любопытствовавшіе, вѣроятно, узнать, кто осмѣивался тревожить ихъ уединеніе.

Лишь-только восточный горизонтъ началъ багровѣть отъ утренней зари, мы снова сѣли въ свой челнокъ, и, не взирая на вчерашнюю усталость, дружно загребли, быстро удаляясь отъ мѣста ночлега.

Очищенные для воздѣлыванія мѣста находятся здѣсь въ большихъ изостояніяхъ одно отъ другаго; ихъ можно узнать издали по пустымъ юстранствамъ въ лѣсу или по сѣрымъ сучьямъ, оставшимся на обожженныхъ еще въ прошломъ году деревьяхъ. Фермы большей давности имѣютъ смѣющійся видъ. Бревенчатый домъ возвышается среди лѣй, покрытыхъ прекраснымъ мансомъ, вокругъ котораго возвышается со всѣхъ сторонъ лѣсъ, недавно еще дѣвственный; другія, новѣйшихъ временъ, покрыты мертвыми деревьями, почернѣвшими отъ огня, жду которыми показываются клочки почвы, засѣянной мансомъ и бузами. Напоследокъ, жители помѣщаются въ бѣдныхъ хижинахъ, ставленныхъ изъ худо-сколоченныхъ досокъ, куда набиваются цѣлыя семейства; но пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и обгорѣлые пни исчезнутъ, а плантеры помѣстятся съ комфортомъ въ другихъ домахъ, болѣе роскошныхъ и удобныхъ.

Между-тѣмъ, усталость начинала одолаживать насъ, а рѣка, расширяясь болѣе и болѣе по-мѣрѣ-того, какъ мы по ней спускались, текла стремленіе. Чтобъ подаваться впередъ, надобно было грести сильнѣе; утомленіе усугублялось, и мы по-временамъ опускались на дно лодки, чтобъ хоть немного отдохнуть. Солнце жгло безъ милосердія; но вдругъ погода, постоянно-прекрасная, внезапно перемѣнилась, и пошелъ мивной дождь. Мы думали — было укрыться подъ нависшими надъ рѣкою вѣтвями ивъ, опутанными лианами и дикимъ виноградомъ; но ищища эти, непроницаемыя для солнечныхъ лучей, не надолго укрыли насъ отъ потоковъ дождя, которые вскорѣ пробили насквозь и пошлы, единственную, взятую нами съ собою защиту отъ непогоды. Мы пожалѣли тогда объ отданныхъ дикарямъ одѣялахъ и бизоновыхъ шкурахъ, но было уже поздно.

Не смотря на дурную погоду, мы прибыли въ Осцеолу, первый город попадающійся путешественникамъ, которые спускаются по Осау. В августъ 1840 года, Осцеола состояла изъ двѣнадцати или тринадцати домовъ. Жители, которыхъ мы нашли почти всѣхъ въ магазинѣ, были въ неизбежныхъ черныхъ фракахъ, разсуждали о политикѣ и полагались на насъ довольно-косо, вѣроятно по причинѣ отросшихъ бородъ, болѣе чѣмъ небрежнаго костюма и французскаго произношенія звукъ нѣсколькихъ кстатѣ обнаруженныхъ долларовъ доставилъ намъ вскорѣ болѣе вниманія. Я хотѣлъ напиться молока, чтобъ утолить мучившую меня лихорадочную жажду, но въ этомъ исключительномъ-земледѣльческомъ городѣ не было возможности достать его, и не предлагали въ замѣнъ соленого масла!

Мы уехали изъ Осцеолы, и часа въ четыре пристали къ одной изъ нихъ, гдѣ мнѣ наконецъ дали чашку молока; тамъ же огорчили насъ известіемъ, что отъ Осцеолы до устья Осажа считается 231 миля разстоянія; а такъ-какъ ферма Колена въ 70 миляхъ отъ этого города, намъ отъ нея до Миссури приходилось проѣхать 301 милю вместо шестидесяти. Уныніе овладѣло нами до того, что мы тотъ вечеръ немного подвинулись впередъ. Возвратиться не было возможности, а потому, скрывъ сердце, мы пристали къ берегу и развѣсь горя исполнскій огонь. Но, увы! несчастія наши этимъ не кончились: мышокъ съ провизіею былъ изорванъ и пустъ! Пока мы были на фермѣ, собаки забрались въ челнокъ, пожрали все и, какъ будто насмѣшку, оставили на днѣ мышка одну чисто-оглоданную кость.

Горестный день! Все вооружилось противъ насъ: дождь, усталость, голодь; ночь мы провели весьма-грустно. Когда у человека ни желудка, ни пустой желудокъ, и ему предстоитъ не видать жилья въ продолженіе двухъ сутокъ, то онъ вообще дурно спитъ. Къ-тому же, былъ прескверный. Мокрый песокъ покрывалъ островишко, въ которомъ мы расположились; попоны наши были въ прорѣхахъ, и мучили нестерпимо. Я бы готовъ былъ забыть все эти неудобства, еслибъ меня не мучила лихорадка и еслибъ я не имѣлъ въ перспективѣ пропустить весь завтрашній день. Впрочемъ, философія, которую мы получили въ сителнымъ урокамъ мы поучились у Осажей, взяла мало-по-малу и съ нею возвратилась и веселость.

На разсвѣтъ слѣдующаго дня, проѣзжая подъ деревьями, мы увидѣли множество сидящихъ на вѣтвяхъ, въ нашихъ выстрѣлахъ, идинокъ. Глупыя птицы вытягивали шею, чтобъ взглянуть на насъ; мы тщетно старались свалить которую-нибудь изъ нихъ, и въ возможности. Мы поочередно сядились грести и править челнокъ; гребля натерла намъ руки, а ноги нестерпимо болѣли отъ положенія, въ которомъ мы должны были сидѣть. Я забывалъ о лихорадочномъ жарѣ, чтобъ только не оставлять всего труда мученнымъ товарищамъ; но часто противъ воли весло вырывало меня изъ рукъ, и я сонный опускался на дно челнока.

Мы было-надѣялись, что теченіе усилится и что намъ попадутся какия-нибудь жилища; вида и эти ожидавіа обманутыми, мы не-на-шутку тали тужить, особенно къ вечеру — намъ встрѣчались только покнубыя, выжженныя для посѣвовъ мѣста. Наконецъ, когда уже наступила ночь, я разглядѣлъ впереди дымокъ, а потомъ и домикъ; при этомъ видѣ, силы наши удвоились, и челнокъ полетѣлъ стрѣлою къ желанному мѣстью. Приставъ къ берегу, я такъ настоятельно уговаривалъ своихъ товарищей переночевать въ этомъ мѣстѣ, что они согласились на мою просьбу, хотя и располагали завестись здѣсь только провизіей и ѣхать дальше. Никакое ложе не казалось мнѣ никогда въ жизни восхитительнѣе кровати, которую подѣлился со мною одинъ старый янки, не смотря на то, что онъ во снѣ надѣялся меня толчками безъ счета и что ноги его рѣдко оставались въ покоѣ.

Мы отправились далѣе съ хорошимъ запасомъ и плыли въ-продолженіе цѣлаго дня то вдоль великолѣпныхъ лѣсовъ, населенныхъ оленями и дикими индѣйками, то мимо остроконечныхъ скалъ, которыхъ поокша обывалась рѣкою; изъ трещинъ ихъ выходили сосны и красные едры, а надъ вершинами парили бѣлоголовые орлы.

Всѣ попадавшіеся намъ обыватели переселились сюда изъ восточныхъ штатовъ Союза; всѣ они казались людьми здороваго сложенія, но въ каждомъ семействѣ было по три или по четыре большихъ неизлечимыхъ перемежающихся лихорадками; дѣти, родившіяся на этихъ нездоровыхъ берегахъ, обнаруживали сильное расположеніе къ золотухѣ.

Предпримчивость Американцевъ внушила мнѣ идею попытаться устроить пароходство по рѣкѣ Осажу; не смотря на опасности быстрины, два парохода поднялись весною 1840 года до Осцеолы; но одинъ разбился на обратномъ пути, миляхъ въ 150 отъ Миссури; мы видали обмельзавшій кузовъ его, до половины зарытый въ песокъ.

Вновь запаслись мы провизіей въ городѣ Уассоу (Wassaw). Я не могъ его видѣть, потому-что лежалъ на днѣ челнока въ жестокой лихорадкѣ и не имѣлъ даже силы грести. Наконецъ, мы почувствовали, то приближаемся къ Миссури: вода дѣлалась глубже, теченіе почти ничтожилось; по-временамъ казалось даже, что въ Осажѣ дѣлался родъ тлива, въ которомъ мы подвигались весьма-медленно и съ большими спліями. Миссури, разбухшій значительно отъ разлива своихъ верхнихъ данниковъ, былъ гораздо-выше Осажа, которому удѣлялъ часть отъ своихъ, такъ-что уровень между обѣими рѣками возстановлялся астосемъ Осажа.

Прошло десять дней съ-тѣхъ-поръ, какъ мы оставили ферму Колѣна. Вечеромъ мы попросили гостепрїимства у одного прибрежнаго жителя. Онъ не могъ насъ принять, потому-что шестеро изъ его дѣтей были больны, но указалъ намъ покнубную лачужку на противоположномъ

берегу, въ которой мы могли расположиться на свобода; при этомъ случаетъ, онъ объявлялъ намъ, что до Миссури остается только двѣнадцать миль. Такая вѣсть обрадовала насъ невыразимо—тяжкіе труды наши приближались къ концу. Мы нашли хижину въ довольно-хорошемъ состояніи и съ печью, но почти совершенно-спрятанную за хворостникомъ и густыми травами, которые снова овладѣли почвою, оттого у нихъ на время для земледѣлія. Мы развели огромный огонь, сбросавъ туда сорванные съ крыши доски, и спокойно уснули на полу, завернувшись въ свои попоны, которыя на этотъ разъ были сухыя.

Желаніе поскорѣ пріѣхать, усталость и медленность теченія, сдѣлали для меня безконечными оставшіяся двѣнадцать миль; а между-тѣмъ, виды были живописны и оживлялись многочисленными полями, первыми пыльными машинами, большими стадами и несчетными стаи крикливо-попугайчиковъ. Но я не обращалъ вниманія ни на что и думалъ только о цѣли. Около полудня, мы выѣхали изъ прозрачной воды Осажа въ мутный и быстрый Миссури, широкій какъ озеро. Мы пристали къ берегу на милю ниже совпаденія обѣихъ рѣкъ и вышли къ г. Вильямсу, у котораго прожили четверо сутокъ, въ ожиданіи парохода, который доставилъ бы насъ въ Сен-Луи. Наконецъ, пришелъ этотъ желанный пароходъ и высаживалъ насъ на другой день 25 августа на набережной Сен-Луи. Джемсъ прибылъ сюда шестью сутками раньше и очень безпокоился на нашъ счетъ.

Въ Сен-Луи я слегъ въ постель отъ усилившейся лихорадки, а продолженія семи дней не видѣлъ и не зналъ ничего, что вокругъ меня происходило. Я обязанъ жизнью стараніямъ доктора Трюдо, по милости котораго могъ отправиться 6 сентября на пароходъ въ Цинциннати. Г. Геренъ былъ вмѣстѣ со мною и также очень пострадалъ отъ лихорадки, а остальные наши спутники въ странствіяхъ по осажскимъ степямъ поехали большими озерами въ Нью-Йоркъ. Мы, больные, избрали себѣ болѣе-спокойный, но не менѣе-прекрасный путь: поднялись по Огайо до Питтсбурга, потомъ по Пенсильванійскому-Каналу до горъ Алегганя, а оттуда по единственной въ мірѣ желѣзной дорогѣ въ Голландейсбургъ, и наконецъ, снова каналами, до Гаррисбурга.

На рѣкахъ и каналахъ попадалось намъ множество лодокъ, украшенныхъ отличительными знаками двухъ кандидатовъ на президентство Соединенныхъ-Штатовъ: генерала Гаррисона и г. Фан-Бюрена. По берегамъ, у каждаго дома возвышалась мачта, на которой развѣвался флагъ съ написанными огромными литерами именемъ избираемаго президента. Когда встрѣчались два парохода, то всѣ пассажиры выходили на палубу, чтобъ узнать политическое мнѣніе проходившихъ; тогда, смотря по согласію или разногласію этихъ мнѣній, раздавались рукоплесканія или брань и упреки.

Въ городахъ, черезъ которые мы проѣзжали, въ числѣ прочихъ въ Ланкастрѣ, видѣли мы длинныя процессіи избирателей, важно ш-

ствовавшихъ за знаменами, на которыхъ можно было прочтаты какія-нибудь восклицанія въ пользу или противъ одного изъ кандидатовъ на президентство. На площадяхъ, окруженные кучками народа и взгромоздившись на что-нибудь, ораторствовали, размахивая руками, жаркіе партизны Гаррисона или Фан-Бюрена. Крикомъ своимъ, жестами и декламациею, люди эти напоминали мнѣ *лекарство-улла* моихъ краснокожихъ друзей.

Железные дороги доставили насъ въ Филадельфію, а потомъ въ Нью-Йоркъ, откуда я отправился въ Гавръ 25 сентября. Въ Гавръ прибылъ я 24 октября, послѣ одиннадцатимѣсячнаго отсутствія.

А. ВУТАКОВЪ.

ПРОЛЕТАРИИ И ПАУПЕРИЗМЪ ВЪ АНГЛІИ И ВО ФРАНЦІИ.

Статья вторая.

Бѣдность въ промышленности земледѣльческой и отличительныя свойства. — Образъ распредѣленія поземельной собственности въ Англии и во Франціи. — Экономическій бытъ сельскихъ классовъ въ этихъ двухъ государствахъ — Развитіе нищеты въ Ирландіи. — Причинныя ственнаго положенія этой страны. — Второстепенныя причины бѣдности. — Вліяніе финансовыхъ законовъ Англии и Франціи на судьбу рабочихъ классовъ. — Случайныя причины бѣдности. — Причины бѣдности, зависящія отъ вины людей.

Бѣдность существуетъ и развивается не въ однихъ только городахъ, въ одной только промышленности мануфактурной: она встрѣчается и въ селеніяхъ, въ промышленности земледѣльческой. Но земледѣльскій пауперизмъ имѣетъ свой особенный характеръ; между нимъ и пауперизмомъ городского есть разное и существенное различіе, вполне объясняемое особеннымъ свойствомъ нищеты, въ-слѣдствіе котораго она развивается вмѣстѣ съ развитіемъ богатства и образованности. Если, какъ мы уже видали прежде, для обнаруженія бѣдности необходимо нужно богатство, если въ душѣ бѣднаго сознаніе его несчастія пробуждается только посредствомъ сравненія, то очевидно, что нищета должна преимущественно встрѣчаться въ городахъ, и особенно въ городахъ большихъ, служащихъ средоточіемъ торговли и промышленности. Только тамъ находится значительное накопленіе богатствъ, которое, порождая чрезмѣрную роскошь, великолѣпіе и блескъ, подаетъ поводъ къ самымъ разнаго рода самымъ оскорбительнымъ сравненіямъ и противоположностямъ. Тамъ же, въ мѣстахъ, отличающихся особымъ развитіемъ промышленности, съ наибольшей силой дѣйствуютъ тѣ причины, которыми обуславливается образованіе нищеты. И действительно, нищета, такъ и противоположная ей роскошь, обитаетъ преимущественно въ большихъ городахъ, въ центрахъ обрабатывающей промышленности. Подъ соломеннымъ кровомъ деревенскихъ жилищъ находятъ себя убожище одна только бѣдность, часто

начительная, но почти-всегда бессознательная, почти-всегда чуждая имъ страшнымъ страданіямъ, которыя составляютъ необходимое полюдствіе пауперизма городского. — Между сельскими обывателями нѣдко встрѣчаются люди, находящіеся въ состояніи самой крайней недостаточности, незнакомые ни съ однимъ изъ удобствъ образованной жизни. Въ деревняхъ мы часто находимъ крестьянъ едва-одѣтыхъ, босыхъ, утоляющихъ свой голодъ самой грубой пищей и живущихъ въ грязныхъ хижинахъ, которыя не могутъ предохранить ихъ ни отъ сырости, ни отъ холода. По наружности, такіе люди представляютъ всю внѣшніе, видимые признаки нищеты; но зло это по-ольшой-части бываетъ имъ совершенно-чуждо; они не сознаютъ и не чувствуютъ тѣхъ лишеній, которымъ подвергаются, потому-что потребности ихъ такъ же ограниченны и незначительны, какъ и экономическія средства; желудокъ нечувствителенъ къ голоду, а огруившее ихъ тѣло, привыкшее къ суровости климата, рѣдко страдаетъ тѣ недостаточности одежды и жилища. Съ другой стороны, почти-быкновенно все жители деревень находятся въ одинаковомъ экономическомъ положеніи; въ селахъ не бываетъ почти никогда, такъ, какъ въ городахъ, рязкой противоположности между огромнымъ богатствомъ въ одной стороны и совершенной недостаточностью съ другой; въ селахъ поэтому не можетъ имѣть мѣста ни сравненіе, ни зависть и ни дво изъ тѣхъ моральныхъ мученій, которыя по необходимости поождаеть нищета. Поэтому-то самыхъ бѣдныхъ крестьянъ нельзя назвать несчастными, ни сравнить ихъ участи съ участію работниковъ, аже болѣе достаточныхъ; крестьяне рѣдко жалуются на свою бѣдность и весьма-часто почти вовсе ея не замѣчаютъ: съ страданіями равственными они незнакомы, а къ лишеніямъ физическимъ они уже привыкли и сдѣлались нечувствительными.

Жители деревень болѣе бѣдны, нежели несчастны, жители городовъ олье несчастны, нежели бѣдны. Только двѣ страны, Англія и Ирландія, составляютъ исключеніе изъ этого общаго правила: въ нихъ бѣдность сельскихъ жителей такъ велика, что производитъ нищету даже при отсутствіи условій, необходимыхъ для ея образованія. Тѣ физическія лишенія, которыя сносить англійскій или ирландскій крестьянинъ, такъ ужасны и мучительны, что къ нимъ невозможно оставаться равнодушнымъ; они одни, независимо отъ страданій нравственныхъ, способны пробудить въ человѣкѣ сознаніе его недогаточности и несчастія. Въ Англіи и особенно въ Ирландіи землевальческой пауперизмъ не только не уступаетъ городскому, но во ногихъ отношеніяхъ даже превдшаетъ его своей силой и своимъ объемомъ. Во Франціи, напротивъ, нищета, согласно съ высказаннымъ ами правиломъ, не проникаетъ въ деревни, и притомъ въ этомъ годударствѣ самая бѣдность сельскихъ жителей далеко не такъ значительна, какъ въ другихъ странахъ Европы. Французскіе крестьяне е могутъ, конечно, быть названы богатыми; но они живутъ по-ольшой-части безбѣдно, пользуются извѣстной степенью достатка, не имѣютъ права жаловаться на свою судьбу, которая во всякомъ

случае несравненно завиднее судьбы городских пролетариев. Это различие между двумя первостепенными государствами Западной-Европы обнаруживается самым очевидным образом из действительной общественной благотворительности в той и в другой стране. Между-тем, как в Англии и Ирландии общественные подаяния распределяются почти одинаковой мерой между сельскими и городскими жителями, во Франции они идут почти-исключительно на пособие послѣднимъ. Больницы, богадельни, рабочіе дома и вся благотворительныя заведенія Франціи всѣщаются и наполняются почти-исключительно бѣдными, принадлежащими къ городскому населенію и употребляемыми въ дело мануфактурной промышленности; промышленность земледѣльская доставляет самый незначительный и ничтожный вкладъ въ общій итогъ общественной нищеты, не смотря на то, что сельское населеніе Франціи, простираясь свыше 20 милліоновъ человекъ, составляетъ не менѣе 60 процентовъ на сто по отношенію къ количеству всего народонаселенія.

Главная причина этого преимущества Франціи передъ Англійей заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ различіи, которое существуетъ между этими двумя государствами по отношенію къ образу распределенія земельной собственности. Въ промышленности земледѣльской, точно такъ же какъ и въ промышленности мануфактурной, положеніе рабочего класса обуславливается существомъ и характеромъ тѣхъ отношеній въ которыхъ находятся между собой производительныя силы. Больше или меньше благосостояніе земледѣльцевъ или работниковъ зависитъ и тутъ отъ большой или меньшей связи между ними и земледѣльцами или капиталистами. Въ промышленности сельской точно такъ же какъ и въ городской, участь рабочихъ классовъ всего зависитъ тогда, когда производительныя силы связаны между собой тѣснѣйшей и неразрывною связью, когда капиталъ и трудъ соединены въ одномъ лицѣ, когда земледѣлецъ есть вмѣстѣ и землевладѣльцемъ, когда крестьянинъ обрабатываетъ не чужую, а свою собственную землю. Благосостояніе сельскаго сословія прочно и обезпечено въ той странѣ, гдѣ поземельная собственность не сосредоточивается въ рукахъ привилегированнаго класса, образуя небольшое число крупныхъ помѣстій, но раздробляется на множество незначительныхъ участковъ, къ приобрятенію которыхъ способны лица всѣхъ сословій. Крестьяне не подвергаются ни нищетѣ, ни бѣдности тамъ, гдѣ сами по-большой-части являются помѣщиками, гдѣ человекъ, своими руками обрабатывающій землю, всегда можетъ падѣяться посредствомъ бережливости приобрести себѣ со-временемъ частичку ея въ собственность и передать въ наследство своимъ дѣтямъ. Въ такомъ отношеніи находится Франція, гдѣ гражданскіе законы не только не препятствуютъ, но, напротивъ, покровительствуютъ правильному и естественному распределенію богатствъ, доставляютъ труду полную возможность соединяться съ капиталомъ, и даютъ бѣдному средство изъ своего положенія и достигнуть посредствомъ труда извѣстной степени достатка. Французское гражданское уложеніе, изданное въ 1804 году, уничтожило майораты и право первородства, уничтожило

нераздельность и неотчуждаемость имѣній, установило ровный раз-
 ъ наследства между всеми дѣтьми, дало всякому право владѣть по-
 льною собственностью и освободило способы ея пріобрѣтенія отъ
 ихъ стѣсненій и ограниченій. Вся эти мѣры приняты были съ той
 ъю, чтобъ помѣшать непривычному классу удерживать и сохранять
 своихъ рукахъ поземельную собственность; мѣры эти не могли остаться
 модными; и дѣйствительно, въ самое короткое время, она уже успѣли
 зести самые полезные плоды и прозавести въ социальномъ устройствѣ
 нѣмъ чрезвычайно-благоприятную реформу. Прежде вся земля раздѣ-
 была на небольшое число огромныхъ помѣстій, по-большой-части
 ршенно-необработанныхъ и покрытыхъ бѣдными селеніями. Ферме-
 , или арендаторовъ не было; между богатыми помѣщиками и бѣд-
 в крестьянами не существовало никакой посредствующей степенн.
 едлецъ, лишенный всякихъ средствъ къ пріобрѣтенію поземель-
 собственности, обремененный налогами и притѣсненіями всякаго ро-
 презираемый какъ рабъ, какъ-будто навсегда былъ приговоренъ
 ищеть, къ невѣжеству, къ нравственному униженію. Въ настоя-
 время, вредныя послѣдствія этого устройства, конечно, еще
 совсемъ изгладились; деревни, которыми покрыва Франція, въ мно-
 вѣстахъ еще весьма-грязны, бѣдны и нечисты; крестьяне еще
 освободились отъ невѣжества, суевѣрія и предрасудковъ; но, не смо-
 на эти печальные остатки прошедшаго, богатаго несправедливостя-
 униженіемъ и нищетою, не можетъ быть никакого сравненія между
 юническимъ состояніемъ крестьянъ въ теперешнее время и въ преж-
 времена. Теперь, благодаря новымъ законамъ, одни крестьяне уже
 ялись землевладѣльцами; другіе не замедлятъ сделаться. Нѣсколь-
 ильионовъ Французовъ принимаютъ участіе въ правѣ поземель-
 собственности; обширныя помѣстья празднаго класса раздробились
 на сто-двадцать-пять мильионовъ небольшихъ участковъ, и соб-
 нность дѣлается такъ быстро, что это явленіе внушаетъ невольный
 ихъ людямъ близорукимъ, которые боятся, чтобъ чрезмѣрное раз-
 бленіе, доведенное до крайности, не уничтожило и самой собствен-
 и в производительной силы почвы. Такое опасеніе, впрочемъ, со-
 мненно-несправедливо. Въ раздѣленіи поземельной собственности дол-
 о отмѣчать два совершенно-разнородныя явленія: съ одной сторо-
 , раздѣленіе *права* собственности, которое, во всякомъ случаѣ, чрез-
 чайно-благоприятно для народа, и съ другой стороны, раздробленіе
предмета владѣнія, самаго орудія труда, которое, конечно, мо-
 гь сопровождаться весьма-вредными послѣдствіями.—Чрезмѣрное дѣ-
 іе земли можетъ безъ сомнѣнія остановить развитіе и успѣхи земле-
 льческой промышленности, потому-что при такомъ дѣленіи становится
 возможнымъ обработываніе земли въ большемъ размѣрѣ и употребленіе
 ршенствованныхъ способовъ сельскаго хозяйства. Но это зло лег-
 можетъ быть устраниено посредствомъ ассоціаціи мелкихъ помѣщи-
 къ, посредствомъ соединенія ихъ между собой для обработыванія
 ѣ участковъ общими силами и общими средствами. Раздробленіе
 чь) не есть необходимое послѣдствіе раздѣленія права собственности.

Посредством ассоціаціи весьма-легко можно сохранить благотельные результаты втораго явленія, и устранить вмѣстѣ вредныя послѣдствія перваго. Право поземельной собственности можетъ быть раздроблено до чрезмѣрности, между-тѣмъ, какъ самый предметъ этой собственности, земля, можетъ и долженъ оставаться нераздѣльнымъ и единымъ.

Франція, поверхность которой состоитъ изъ 53 милліоновъ гектаровъ, за исключеніемъ степей, пустошей, дорогъ, улицъ и застроенныхъ мѣстъ, имѣетъ отъ 40 до 42 милліоновъ гектаровъ производительной земли. Это количество распределяется между четырьмя милліонами земледѣльцевъ, составляющихъ пятую часть всего земледѣльческаго населенія Франціи. Но такъ-какъ каждый собственникъ пользуется своимъ правомъ не одинъ, а вмѣстѣ съ своимъ семействомъ, то надо несомненно принять, что въ правѣ поземельной собственности участвуютъ четыре милліона человекъ, а четыре милліона семействъ, или, если предположить, что каждое семейство состоитъ среднимъ числомъ изъ четырехъ человекъ, шестнадцать милліоновъ человекъ. Вся эти земледѣльцы могутъ быть раздѣлены на три класса. Къ первому можно отнести мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ, числомъ около 3,500,000, которымъ принадлежитъ половина всей производительной почвы; каждый изъ нихъ обрабатываетъ самъ свой участокъ, и имѣетъ въ своемъ владѣніи среднимъ числомъ не больше шести гектаровъ. Ко второму классу относятся помѣщики средней-руки, числомъ около 350,000; принадлежитъ почти четверть всей производительной земли, вѣдательно, на долю каждого приходится среднимъ числомъ не больше 10 гектаровъ. Наконецъ, третій классъ составляютъ богатые помѣщики числомъ около 90,000, раздѣляющіе между собой остальную часть почвы, и имѣющіе въ рукахъ своихъ среднимъ числомъ на 120 гектаровъ. Изъ этихъ цифръ ясно видно, что раздробленіе поземельной собственности во Франціи весьма-значительно, и что наибольшая часть земли принадлежитъ тѣмъ самымъ, которые ее обрабатываютъ, и что трудъ и капиталъ въ бѣльшей части случаевъ соединяются въ одномъ лицѣ.

Но между-тѣмъ, какъ во Франціи сорокъ милліоновъ гектаровъ производительной земли раздѣляются между четырьмя милліонами земледѣльцевъ, въ Англіи на 20 милліоновъ гектаровъ приходится только 600,000 помѣщиковъ. Во Франціи на долю каждого помѣщика приходится среднимъ числомъ не больше 10 гектаровъ земли; въ Англіи же 33. Въ первой странѣ, болѣе половины землевладѣльцевъ состоятъ изъ крестьянъ, обрабатывающихъ почву своими руками; во второй — всѣ помѣщики принадлежатъ или къ высшему аристократическому сословію, или къ мелкому дворянству (gentry); все остальное сельское население, простирающееся отъ 5 до 6 милліоновъ душъ, включеніемъ немногочисленнаго класса богатыхъ фермеровъ, берутъ помѣщичью землю въ арендное содержаніе, состоятъ изъ мелкихъ поленьщиковъ, которые нанимаются для обработки чуждой земли и не принимаютъ никакого участія въ правѣ поземельной собственности.

кое невыгодное для низшихъ классовъ распределеіе богатствъ об-
 ъвляется характеромъ и направлеіемъ англійскихъ гражданскихъ
 новъ. Законы эти до-сихъ-поръ сохранили еще слѣды своего фе-
 одальнаго происхожденія; вполне-проникнутые аристократическимъ ду-
 хомъ, они составлены съ той цѣлю, чтобъ сосредоточить въ рукахъ
 привилегированнаго класса всю поземельную собственность, чтобъ удер-
 жать навсегда за богатымъ его богатство, за бѣднымъ—его бѣдность.
 Этотъ въ Великобританіи доставляетъ своему владельцу важныя потом-
 ственныя привилегіи, не только гражданскія, но и политическія, и въ
 немъ его составляетъ залогъ могущества и вліянія, залогъ неотчуж-
 димый, неподлежащій никакимъ взыскаіямъ и охраняемый самимъ
 закономъ отъ расточительности и отъ неспособности потомковъ и пред-
 преемниковъ прежнихъ феодальныхъ бароновъ. Англійскій законъ, для
 того, чтобъ упрочить навсегда разьединеніе капитала и труда въ зем-
 льческой промышленности, ограничиваетъ право владельца распоряди-
 ть своимъ недвижимымъ имуществомъ, покровительствуетъ нерав-
 ностямъ и неотчуждаемости помѣстій, освящаетъ принципъ неравно-
 раздѣла и сохраняетъ до-сихъ-поръ майораты, субституціи, феде-
 ры, имѣнія-мертвой-руки (*caput-mortua*) и вся тому подобныя
 учрежденія, введенныя въ эпоху феодализма для того, чтобъ утвердить
 вѣчныя времена за племенемъ завоевателей социальный и полити-
 ческій перевѣсъ надъ племенемъ побѣжденныхъ. Въ англійскихъ зако-
 нѣ о наследствѣ, право первородства составляетъ общее правило; ра-
 зно раздѣла представляется исключеніемъ, особой привилегіей, пред-
 усмотренной закономъ воля завѣщателя; если нѣтъ завѣщанія, то земля
 переходитъ, на основаніи юридическихъ началъ феодализма, къ старше-
 му сыну. Съ другой стороны, для того, чтобъ сохранить поземельную
 вѣрность въ аристократическихъ семействахъ, законъ, дозволяя ея
 продажу и покупку, подчиняетъ эти обязательства самымъ тягостнымъ
 и невыгоднымъ для покупателя условіямъ. Пошлины, которыя онъ
 долженъ заплатить при покупке имѣнія, такъ разнообразны и значи-
 тельны, что превышаютъ часто самую продажную цѣну, между-тѣмъ,
 при пріобрѣтеніи земли по праву наследства, законъ совершенно
 освобождаетъ пріобрѣтателя отъ всякихъ пошлинъ и взносовъ. Поэтому
 можно по справедливости сказать, что продажа недвижимыхъ имѣній
 въ Англіи только для вида; *de facto* она рѣшительно невоз-
 возможна; и въ этомъ именно состояла цѣль закона, цѣль, которая имѣ-
 ла быть и вполне достигнута.

Важно повѣсть, какое вліяніе должно имѣть такое законодательство на
 положеніе низшихъ классовъ. При такомъ устройствѣ, трудъ никогда не
 можетъ соединяться съ капиталомъ; крестьянинъ никогда не можетъ
 стать землевладельцемъ; онъ обреченъ на вѣчную нищету и нико-
 гда не можетъ надѣяться выйти изъ своего несчастнаго положенія.
 Поземельная собственность состоитъ изъ небольшого числа огром-
 ныхъ помѣстій, сосредоточивающихся въ рукахъ туземной аристокра-
 тии. Эти помѣщики (*landlords*) весьма-рѣдко живутъ въ своихъ земляхъ
 почти никогда не управляютъ ими сами, а по-большой-части отда-

ютъ ихъ въ арендное содержаніе другимъ капиталистамъ, которые следовательно, участвуютъ, наравнѣ съ землевладельцами, въ пользованіи поземельною собственностью. Въ этомъ отношеніи, надо сказать, эти арендные контракты (*bails à ferme*) весьма-благопріятствуютъ развитію народнаго богатства; но условія и существо этихъ контрактовъ измѣняютъ значительнымъ образомъ ихъ благотворныя послѣдствія. Арендаторы суть не что иное, какъ капиталисты, которые не сто того, чтобъ употребить свой капиталъ на заведеніе фабрики и завода, обращаютъ его на земледѣльческую промышленность. Когда страна, гдѣ земля принадлежитъ небольшому числу владельцевъ, и ходятся, кромѣ ихъ, люди, имѣющіе возможность употребить значительныя капиталы на земледѣльскія предпріятія, то земля естественно должна раздѣлиться на большія фермы, и земледѣльческое население должно нзойти на ступень простыхъ поденщиковъ. Эта система работыванія земли большими фермами благопріятствуетъ, конечно, успѣхамъ сельскаго хозяйства; но за то, съ другой стороны, оно доводитъ большинство работниковъ до самаго тѣгостнаго и жалкаго состоянія, до состоянія толпы людей, непрерывно спорящихъ между собой о работахъ, раздаваемыхъ фермерами и доставляющихъ самое незначительное вознагражденіе. При такомъ положеніи между землевладельцами, арендаторами и крестьянами разрывается вся связи, какъ экономическія, такъ и нравственныя; образуется рода интересовъ противоположныхъ, исключительныхъ, которые и устрашило стремятся къ своимъ собственнымъ выгодамъ, и постоянно выгодами другихъ. Интересъ землевладельца состоитъ въ томъ, чтобъ получить отъ своего помѣстья наибольшій доходъ; интересъ фермера — въ томъ, чтобъ производить какъ-можно-болѣе издерживая на производство какъ-можно-меньше. Для достиженія этой цѣли, арендаторъ старается употребить для обработыванія земли меньшее число рукъ; онъ сокращаетъ, сколько можетъ, число рабочихъ дней и отсылаетъ при первой возможности тѣхъ взлѣзшихъ поденщиковъ, въ которыхъ онъ нуждается въ извѣстныхъ временахъ. Само-собой разумѣется, что при такой хозяйственной системѣ никто не можетъ заботиться о судьбѣ земледѣльческаго населенія, которое, въ слѣдствіе непостоянства работы, въ слѣдствіе привычки къ бездѣлу само погружается въ совершенно-анатическую беззаботность и умираетъ съ страшной скоростью, такъ-что число несчастныхъ увеличивается по-мѣрѣ-того, какъ нищета заставляеть ихъ ограничивать свои потребности. Таково именно состояніе земледѣльческаго класса въ Англіи: небольшое число богатыхъ землевладельцевъ, классъ фабрикантовъ, настоящихъ капиталистовъ, составляющихъ также часть богатыхъ, и подъ ними безыменная и безчисленная толпа, находящаяся въ постоянной и бесплодной борьбѣ съ гнетущей ее нищетой; борьба, изъ которой нѣтъ другаго выхода, кромѣ нищенской смерти и переселенія въ отдаленныя страны!

При такомъ раздѣленіи между разными элементами земледѣльческаго класса, крестьяне, само-собой разумѣется, должны

я въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Они не имѣютъ никакого права на землю ни какъ землевладельцы, ни даже какъ наемщики; въ настоящее время, въ Англіи нѣтъ ни одного общественнаго пастбища, на которомъ бѣдный деревенскій житель могъ бы откормить свою корову, составляющую единственное его богатство. Крестьяне теперь ни болѣе, ни менѣе, какъ поденщики, которые за самую ничтожную цѣну отдають себя въ наемъ фермерамъ для того, чтобъ достать себѣ невыгодную работу, не всегда требующую одинаковаго числа рукъ и занимающую каждый день различное число работниковъ. Бѣдные деревенскіе жители бывають заняты все безъ исключенія только во время жатвы, и даже въ эту благопріятную эпоху самая возвышенная плата, ими получаемая, не возвышается надъ уровнемъ безсловно-необходимыхъ потребностей. Во все остальное время, земля доставляетъ занятіе только весьма-небольшому числу работниковъ, и въ продолженіе большей части года большинство сельскаго населенія живетъ единственно воровствомъ, нищенствомъ и тѣми мелкими промыслами, которые въ Англіи называются въ насмѣшку Job-work (ремесло она).

Вся англійскіе экономисты сознаются, что состояніе земледѣльческихъ работниковъ съ каждымъ днемъ становится хуже и хуже. Комиссія, завѣдывающая дѣлами о бѣдныхъ — въ эмиграціи видитъ единственное средство для того, чтобъ пособить постоянно-умножающейся нищетѣ англійскихъ крестьянъ. Комиссія, въ-слѣдствіе того, постоянно предлагаетъ бѣднымъ эмиграцію и содѣйствуетъ ей всѣми способами. Нѣсколько лѣтъ назадъ, она согласилась пожертвовать довольно-значительною суммой (по 1½ фунт. стерлинговъ на человѣка), чтобъ перемѣстить нищету и переселить ее изъ земледѣльческихъ графствъ, гдѣ она дошла до крайнихъ предѣловъ и гдѣ ей нѣ было помочи, — въ графства мануфактурныя, гдѣ бѣдные могли надѣяться найти себѣ работу и вмѣстѣ съ ней кусокъ хлѣба. Но мы уже видали прежде, что надежда эта не могла осуществиться, и предпріятіе комиссіи оказалось совершенно-неудачнымъ. Не смотря на то, въ Англіи продолжаютъ дѣятельно покровительствовать эмиграціи; правительство назначаетъ для этого ежегодно весьма-значительныя суммы; частные люди собирають безпреставно подаяскія и составляютъ для этой цѣли особыя общества. Но средство это едва-ли можетъ принести какую-нибудь пользу. Еслибъ Англія захотѣла переселить всѣхъ своихъ бѣдныхъ въ другія страны, нѣтъ сомнѣнія, она разорилась бы на однѣ издержки перевоза. Съ 1-го юля 1836 по 1-е юля 1837 года, она перевезла на свой счетъ въ Америку 1179 бѣдныхъ, что стоило ей около 7,450 фунтовъ стерлинговъ. Въ 1835 году, переселено было 5,140 человѣкъ; каждый изъ нихъ обошелся въ шесть фунтовъ стерлинговъ, и такъ-какъ оказалось, что средство это стоить слишкомъ-дорого, то на слѣдующій годъ оно уже значительно было ограничено въ своемъ дѣйствіи. Когда правительство благопріятствуетъ переселенію своихъ подданныхъ въ отдаленныя земли, которыя ему принадлежать, или въ которыхъ оно хо-

четь завести колонію, то весьма-понятно, что оно рѣшается перевозитъ въ эти земли на свой счетъ полезныхъ животныхъ и людей; но когда такая могущественная нація, какъ Англія, тратитъ огромныя суммы только для того, чтобъ уменьшить число людей, которымъ она должна доставлять пропитаніе, то въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть самаго очевиднаго признака нищеты. Англійское правительство, переселивъ съ ихъ подданныхъ на свой счетъ, не обязываетъ ихъ отправляться въ страны, ему принадлежащія: ему только нужно, чтобъ они ушли куда то ни было,—и большая часть эмигрантовъ отправляется по этому въ англійскія колоніи, а въ Канаду и въ Соединенные-Штаты.

Официальные документы, изданные комиссіей, завѣдывающей нами о бѣдныхъ, ясно показываютъ, что положеніе англійскихъ вольничковъ въ матеріальномъ отношеніи несравненно-хуже, нежели положеніе антильскихъ невольничковъ. Англійскій крестьянинъ подвергается тѣмъ же страданіямъ и тому же униженію, какъ и невольникъ, не имѣетъ того куска хлѣба, который обезпеченъ по-крайней-мѣрѣ послѣ ему. Тридцать отцовъ семейства, принадлежащихъ къ одному изъ приходоу графства Боккингемскаго, доведенные до самаго крайняго издѣла нищеты, отправили къ одному изъ комиссаровъ письмо, въ которомъ изложили подробно доказательства своего бѣдственнаго положенія. Комиссаръ самъ посѣтилъ этотъ приходъ и, препроводивъ письмо въ комиссію, донесъ, что всѣ показанія, которыя въ немъ содержатся, заслуживаютъ полнаго вѣроятія. Изъ этого документа обнаруживается, что всѣ тридцать семействъ не въ состояніи содержать себя трудомъ и получали поэтому содержаніе отъ своего прихода. На долю каждаго отца семейства приходилось по семи шиллинговъ въ недѣлю. Во время жатвы, которая продолжается отъ четырехъ до пяти недѣль, они могли выработать по 15 шиллинговъ въ недѣлю; но за цѣлый годъ это была единственная плата, имъ обезпеченная. Поэтому въ-продолженіе почти цѣлаго года они жили единственно на пособіемъ, которое оказывалъ имъ приходъ. Имъ нужно было выработать по четыре шиллинга въ недѣлю на хлѣбъ, по одному шиллингу на девяти декаріевъ на говядину, и по 15 декаріевъ на мыло, сахаръ, чай и чай; за тѣмъ имъ уже рѣшительно ничего не оставалось на одежду, на квартиру и на дрова. Изъ числа ихъ считались самыми счастливыми тѣ, которые во время жатвы выработывали себе столько, что могли заплатить за наемъ хижины, обходившейся имъ обыкновенно въ 60 шиллинговъ. Приведемъ здѣсь собственные слова одного изъ счастливыхъ, могущія дать понятіе объ ихъ горестномъ положеніи: «когда мы представлялись сегодня въ 2 часа комиссару», говоритъ въ своемъ письмѣ: «то многіе изъ насъ со вчерашняго дня не имѣли во рту куска хлѣба... Мы желаемъ только одного: нанять за дорогую цѣну небольшой уголокъ земли, на которой мы могли бы посадить для себя картофель; но, къ-несчастію, никто не соглашается намъ частичку земли въ наемъ, такъ-что мы поневоля должны бѣгать къ пособію прихода; иначе намъ бы пришлось умереть голодною смертію».

Бѣдственное положеніе сельскаго сословія въ Англіи доказываютъ самымъ очевиднымъ образомъ тѣ возмущенія и волненія, которыя безъерывно обнаруживаются въ земледѣльческихъ дистриктахъ. Между-тѣмъ, какъ въ другихъ государствахъ сельскіе классы отличаются спокойствіемъ, смиреніемъ, любовью къ порядку и тишинѣ, въ Англіи они безпрестанно возмущаются и востаютъ противъ законовъ и общественной власти. Не проходитъ почти ни одного года, чтобы какой-нибудь вспрыскъ не привелъ быль въ разстройство волненіями сельскихъ жителей; и само-собою разумѣется, что только одна чрезмѣрная нищета возбуждаетъ крестьянъ къ этимъ противозаконнымъ движеніямъ. Недавнее востаніе такъ-называемыхъ ребеккантовъ въ Княжествѣ Валлис-юнгъ и слѣдствіе, произведенное по этому случаю, показали Англіи, какъ ужасно состояніе ея земледѣльческихъ классовъ и какими опасностями грозитъ это состояніе общественной тишинѣ и народному блаженствію.

Но положеніе крестьянъ въ Англіи можно назвать еще сноснымъ въ сравненіи съ положеніемъ ихъ въ Ирландіи. Ирландія, какъ извѣстно, — по преимуществу страна нищеты; она указываетъ собою тотъ послѣдній, крайній предѣлъ, до котораго могутъ дойти бѣдствія и страданія человечества. Эта земля, которая такъ же плодородна, какъ и Англія, населена народомъ, который буквально *умираетъ съ голода*. Ародъ этотъ такъ неприхотливъ въ своей пищѣ, что довольствуется самымъ думперомъ, самымъ низкимъ, грубымъ и нездоровымъ сортомъ картофеля; и не смотря на то, онъ умираетъ съ голода! Уже одного этого достаточно, чтобы характеризовать положеніе Ирландіи; и мы могли бы ограничиться однимъ этимъ фактомъ, не прибавляя къ нему никакихъ комментаріевъ. Но для того, чтобы ближе познакомить читателей съ значеніемъ, характеромъ и степенью развитія ирландской нищеты, приведемъ здѣсь нѣсколько словъ изъ превосходнаго сочиненія Юстава де-Бомона, въ которомъ содержится самое полное и вѣрное описаніе всѣхъ бѣдствій и страданій этой несчастной страны (*).

Ирландія представляетъ вѣчный и постоянный контрастъ между богатствомъ и бѣдностью, контрастъ, о которомъ чрезвычайно-трудно составить себѣ надлежащее понятіе... Въ этой несчастной землѣ взорамъ путешественника представляются или великолѣпныя замки, или отвратительныя избы; онъ не увидитъ ни одного зданія, которое бы заняло средину между дворцомъ патриціа и хижинной плебея. Въ Ирландіи нѣтъ средняго сословія; въ ней существуютъ только два класса — классъ богатыхъ и классъ бѣдныхъ. Первые принадлежатъ къ племени завоевателей; вторые къ племени побѣжденныхъ; первые по-большой-части Англичане, вторые—природные Ирландцы; первые—протестанты, вторые—католики.

Доходы богатыхъ въ Ирландіи бывають иногда такъ велики, что прешають всякое вѣроятіе. Въ этой странѣ нищеты богатый пользуется

(* L'Irlande sociale, politique et religieuse, par Gustave de Beaumont, Tome I. p. 2—220.

ся самую великолѣпную участію: у него есть и пышные зѣмля, и безграничныя помѣстья, и горы, и луга, и лѣса, и озера; часто отъ алдыетъ такими богатствами въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ разомъ. Между-тѣмъ, какъ милліоны несчастныхъ существъ не находятъ средствъ для удовлетворенія самыхъ настоятельныхъ своихъ потребностей, богатый не знаетъ, какъ пробудить желаніе въ своемъ пресыщенномъ тѣлѣ и страсть въ своей полу-угасшей душѣ. Хочетъ ли онъ, въ надеждѣ освободиться отъ неотвязной скуки, перейти съ одного мѣста на другое, ему представляются дороги красивыя, удобныя, на въ часть и уступающія самымъ великолѣпнымъ дорогамъ Англіи. Роскошь и богатство развѣзжаютъ такимъ-образомъ со всеми своими удобствами, со всеми своимъ великолѣпіемъ посреди бѣдствій и страданій страны.

«Такова та Ирландія, которую устроилъ себя богатый. Но для того чтобы видѣть ее, надо избрать особую точку зрѣнія, надо основаться на какомъ-нибудь небольшомъ и удивленномъ пространствѣ и закрыть глаза при видѣ всѣхъ окружающихъ предметовъ; бѣдная же Ирландія, напротивъ, сама раскрывается со всѣхъ сторонъ предъ взоромъ наблюдателя.

«Нищета голая и голодная, праздная и нищенствующая, обливаетъ собой всю страну; она выказывается вездѣ, подъ всеми формами, всякую минуту дня. Она первая поражаетъ взоръ путешественника, вступающаго къ берегамъ Ирландіи, и съ этой минуты она не покидаетъ его ни на мгновеніе; она является передъ нимъ то подъ видомъ бѣднаго, показывающаго свои раны, то подъ видомъ бѣднаго, одио рубящаго; она слѣдуетъ за нимъ повсюду и осаждаетъ его неотступно; онъ слышитъ издали ея плачь, крики и вопли; и ея голосъ или ждетъ въ немъ глубокое сожалѣніе, или надоедаетъ ему и влечетъ. Подобно тѣмъ заразительнымъ болезнямъ, которыя портятъ все, куда она оскверняетъ все къ ней приближающееся; она достигаетъ до бѣднаго богача, который среди своихъ наслажденій не можетъ отлучиться отъ своихъ стонцовъ и тщетно силится оттолкнуть отъ себя эти гадимыя существа, которыя онъ самъ произвелъ и которыя неотступно къ нему прилипаютъ.

«Матеріальный видъ страны производитъ на путешественника самое тягостное впечатлѣніе.

«Между-тѣмъ, какъ феодальный замокъ, послѣ семи вѣковъ существованія, сдѣлался теперь несравненно-богаче и великолѣпнѣе, вы видите, какъ вокругъ него бѣдныя хижины разваливаются и разваливаются навсегда. Въ Ирландіи путешественникъ видитъ развалины на каждомъ шагу. Я говорю здѣсь не о тѣхъ каменныхъ руинахъ, которыя образуются вездѣ съ теченіемъ времени, и которыя украшаютъ собой страну: эти руины принадлежатъ богатой Ирландіи, которая свято сохраняетъ ихъ, какъ остатки своего прежняго величія и какъ памятники славной древности. Я говорю о тѣхъ прогнившихъ развалинахъ, которыя образуются несчастіемъ, о тѣхъ развалинахъ, которыя поклянуты своими несчастными владѣльцами.

горыя, указывая только на безвѣстную нищету, по-большой-части не возбуждаютъ къ себѣ ни вниманія, ни участія.

«Не знаю, впрочемъ, что внушаетъ болѣе сожалѣнія, покинутое ли калыше, или то, въ которомъ живетъ бѣдный Ирландецъ.

«Представьте себѣ четыре стѣны изъ засохшей грязи, которая отъ южда очень-часто возвращается въ свой первоначальный видъ; вмѣсто крыши, вообразите небольшую кучу соломы или нѣсколько кусковъ дѣрна, вмѣсто камня — дыру, неуклюже продланную въ крышѣ, или даже самую дверь, которая иногда представляетъ единственное отверстіе для прохода дыма, — и вы будете имѣть понятіе объ ирландскихъ хижинахъ. Въ одной в той же комнатѣ живутъ отецъ, мать, дѣла, дѣла; въ этихъ жалкихъ пріютахъ не бываетъ никогда мебели; постелью служатъ для цѣлаго семейства одна куча сѣна или соломы. Пять или шесть полунагихъ дѣтей лежатъ передъ слабымъ огнемъ; подъ золой лежитъ нѣсколько штукъ картофеля, составляющихъ единственную пищу семья; посреди комнаты грязная свинья, единственное существо, которое не страдаетъ среди этой отвратительной нечистоты. Присутствіе свиньи въ жилищѣ крестьянина съ перваго взгляда кажется въ Ирландіи признакомъ нищеты; однакоже, на-самомъ-дѣлѣ, оно, напротивъ, указываетъ извѣстную степень достатка. Бѣдность особенно сильна бываетъ именно въ тѣхъ хижинахъ, гдѣ нѣтъ этого животнаго.

«Невдалекѣ отъ хижины вы увидите небольшое, усыянное картофелемъ поле, вмѣющее въ поверхности не болѣе одной квадратной децимы; вмѣсто забора, найдете ряды камней, которые навалены другъ за друга, а между которыми растутъ дикія растенія.

«Эта хижина, конечно, весьма-бѣдна, однакожъ это еще не жилище настоящаго бѣдняка: это жилище ирландскаго фермера или сельскаго работника.

«Я сказалъ, что въ Ирландіи есть только богатые земледѣльцы и нѣтъ мелкопомѣстныхъ, что есть только богачи, и послѣ нихъ нѣтъ же никого, кромѣ бѣдныхъ. Но эта бѣдность имѣетъ различныя степени и отгѣнки, на которые я бы желалъ указать, еслибъ это было возможно.

«Вся Ирландцы—бѣдны, а потому вся они питаются только одной, самой дешевой пищей—картофелемъ; но эту общую для всѣхъ пищу они потребляютъ не въ одинаковомъ количествѣ; одни, и это избранные, ѣдятъ картофель по три раза въ день; другіе, менѣе-счастливые, по два раза; третьи, совершенно-недостаточные, только по одному разу; четвертыя, наконецъ, и такіе, которые еще бѣднѣе, и которые не берутъ ничего въ ротъ въ-продолженіе цѣлаго дня, часто даже въ-продолженіе двухъ дней.

«Эти лишения, безъ сомнѣнія, тягостны и жестоки, и, однакоже, надо имѣть ихъ для того, чтобъ не подвергнуться еще болѣе-страшнымъ вѣдствіямъ. Тотъ, кто ѣсть болѣе, нежели сколько можетъ, и постыдится ѣсть, нежели сколько долженъ, тотъ знаетъ заранее, что ему нѣчего дѣлать одѣться; и въ добавокъ, даже это благоразуміе, это самоотверженіе, эти страданія остаются часто совершенно-безплодными. ;

«Съ какимъ бы мужествомъ ни сносилъ голода бѣдный земледелецъ, единственно для того, чтобъ имѣть возможность удовлетворить другимъ нуждамъ, онъ по-большой-части ходитъ босой и почти голый, и покрывается лохмотьями, переходящими въ каждомъ семействѣ изъ рода въ родъ.

«Во многихъ бѣдныхъ домахъ одно и то же платье служить вместе для двухъ, для трехъ человекъ, и это обстоятельство почти-всегда заставляетъ приходскихъ священниковъ служить каждое воскресенье по несколько обеднъ. Одинъ, выслушавъ первую обедню, возвращается домой, снимаетъ свое платье и отдаетъ его другому, который потомъ въ свою очередь отправляется въ церковь.

«Я видѣлъ Индѣйца въ его лѣсахъ и негра въ его оковахъ; размышляя о ихъ жалкомъ положеніи, я думалъ, что вижу передъ собой послѣдній предѣлъ человѣческихъ бѣдствій. Тогда мнѣ еще невѣстна была участь бѣдной Ирландіи. Подобно Индѣйцу, Ирландецъ бѣденъ и нагъ; но онъ живетъ среди общества, которое стремится къ роскоши и уважаетъ богатство. Подобно Индѣйцу, онъ незнакомъ съ тѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ, которое доставляютъ человеку промышленность и торговля; но онъ видитъ, какъ нѣкоторые изъ его собратій наслаждаются этимъ благосостояніемъ, къ которому онъ даже не можетъ и стремиться. Посреди самой ужасной бѣдности, Индѣецъ сохраняетъ нѣзвѣстную независимость, которая имѣетъ свою прелесть и свое достоинство. Онъ бѣденъ, нагъ, страдаетъ отъ голода; но за то среди своихъ пустынь онъ сохраняетъ совершенную свободу, и сознание этой свободы облегчаетъ его страданія. Ирландецъ подверженъ такой же бѣдности, не имѣя такой свободы; онъ стѣсненъ въ своей дѣятельности правилами и ограниченіями всякаго рода; онъ умираетъ съ голода и повинуется законамъ, — печальное существованіе, соединяющее въ себѣ невыгоды цивилизаціи съ невыгодами дикой жизни. Безъ сомнѣнія, Ирландецъ, который только-что разбилъ свои цепи и еще надѣется на будущность, въ существѣ дѣла менѣе достоинъ сожалѣнія, нежели Индѣецъ или черный невольникъ. Однако, въ настоящее время нельзя не сознаться, что онъ не имѣетъ ни той свободы, которою пользуется дикій, ни того куска хлѣба, который обезпечитъ рабу.

«Не стану описывать всѣхъ проявленій, всѣхъ фазисовъ ирландской нищеты—отъ состоянія бѣднаго фермера, который постылся для того, чтобъ спасти дѣтей своихъ отъ голода, до состоянія того крестьянина, менѣе-несчастнаго, но болѣе-униженнаго, который рѣшается просить милостыню; отъ безропотной недостаточности, безмолвствующей среди страданій и жертвованій, до той бѣдности, которая возмущаетъ и на путѣ насилія доходитъ часто до преступленія.

«Ирландію, въ-отношеніи бѣдности, нельзя сравнить ни съ какою другой страной; ирландскую бѣдность невозможно опредѣлить съ точностію, потому-что она имѣетъ свой особый и совершенно-исключительный характеръ. Она составляетъ особый типъ, которому нигдѣ нѣтъ

найти ни образца, ни подражанія. При видѣ ея сознаешь, что бѣдствіямъ народовъ нельзя положить въ умѣ своемъ никакихъ предѣловъ.

«Для того, чтобъ познать о положеніи такой страны, нужно рассказывать только объ ея бѣдствіяхъ и ея страданіяхъ. Исторія бѣдныхъ есть исторія Ирландіи.

«Кто хочетъ понять ирландскую нищету, тотъ долженъ отказаться отъ всѣхъ тѣхъ началъ, которыми руководствуются обыкновенно въ другихъ странахъ для опредѣленія бѣдности. Обыкновенно бѣднымъ называютъ только того, у кого нѣтъ работы и кто принужденъ просить милостыню; въ Ирландіи бѣднѣе всѣхъ тѣ, которые не просятъ милостыни. Между сельскими жителями весьма-много есть такихъ, которые не прибѣгаютъ къ нищенству, но нѣтъ ни одного изъ нихъ, который не нуждался бы въ подаваніи. Поэтому-то и невозможно сравнивать нищету Ирландіи съ нищетою другихъ странъ. Нельзя даже сравнивать независимаго ирландскаго земледѣльца (independant labourer) съ англійскимъ бѣднымъ (pauper). Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что самый несчастный изъ англійскихъ бѣдныхъ имѣетъ лучшую пищу и лучшую одежду, нежели самый счастливый изъ ирландскихъ земледѣльцевъ.

«На основаніи некоторыхъ неутѣшительныхъ теорій, у всѣхъ народовъ и во всѣхъ странахъ находятся почти всегда одинаковая сумма счастья и страданія, благосостоянія и нищеты; отсюда выводятъ то заключеніе, что безумно заботиться о бѣдствіяхъ, которыхъ человекъ не можетъ ни уничтожить, ни даже облегчить. Проповѣдующіе столь неутѣшительное мнѣніе, не бывали, вѣроятно, ни въ Ирландіи, ни въ Соединенныхъ-Штатахъ; они не знаютъ ни той страны, гдѣ нищета составляетъ общее правило, ни той, гдѣ она является только въ видѣ исключенія.

«Нищета въ Ирландіи достигаетъ до предѣловъ, неизвѣстныхъ во всѣхъ другихъ странахъ. То положеніе, которое въ этой землѣ стоитъ выше бѣдности, у всякаго другаго народа названо было бы самой ужасной нищетою; нельзя, конечно, не оплакивать участи англійскихъ или французскихъ пролетаріевъ, а между-тѣмъ эти пролетаріи въ Ирландіи составили бы, безъ сомнѣнія, классъ привилегированный. И эти бѣдствія жителей Ирландіи не принадлежатъ къ числу явленій рѣдкихъ, временныхъ и случайныхъ; почти всѣ они постоянны; тѣ, которые не имѣютъ всегдашняго дѣйствія, прекращаются только на самое короткое время и почти всегда возвращаются періодически.

«Всякій годъ, почти въ одно и то же время, въ Ирландіи объявляютъ о началѣ голода и потомъ извѣщаютъ постоянно о его развитіи, о его успѣхахъ, о его страшныхъ послѣдствіяхъ и наконецъ о прекращеніи его.

«Въ февралѣ 1838 года, французскіе журналы объявляли объ этомъ ежегодномъ воплѣ ирландской нищеты и о числѣ людей, которые въ теченіе мѣсяца умерли голодною смертію. Многіе думаютъ, одни по эгоизму, другіе по человеколюбію, что рассказы объ ирландской бѣдѣ сдѣлали слишкомъ преувеличенны; для нихъ слово «голодъ», которое

употребляюгь обыкновенно для выраженія бѣдствій Ирландіи, съ тафориическое выраженіе, означающее только чрезвычайную нищету, вовсе не настоящій терминъ для изображенія состоянія людей, *существительно* голодныхъ и умирающихъ отъ недостатка пищи.

«Такая недовѣрчивость совершенно-неосновательна, и несомнительно ея легко можетъ быть доказана.

«Въ 1727 году, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, примасть Бультеръ и салъ изъ Ирландіи, гдѣ онъ былъ агентомъ англійскаго правительства, слѣдующее: «Со времени моего приѣзда въ эту страну (1725), и голодъ не прекращается между бѣдными. Въ прошломъ году хлѣбъ былъ такъ дорогъ, что нѣсколько тысячъ семействъ принуждены были покинуть свои жилища и искать себѣ спасенія въ другихъ мѣстахъ. Мнѣ ные погибали сотнями... *Many hundred perished.*»

«Въ 1832 году у епископа Дойла (Doyle) спрашивали о состояніи сельскихъ классовъ въ западной части Ирландіи. «То же, что и всегда отвѣчалъ онъ: «по обыкновенію умираютъ съ голода»—*People are perishing as usual.*

«Въ 1837 году горячки, порожденныя бѣдностію и голодомъ, убили въ Ирландіи 1,500,000 человекъ; изъ числа ихъ погибло 66,000. Въ 1826 году вычислено было, что дурное качество пищи послужило причиною 20,000 болѣзней.

«Во время слѣдствія, произведеннаго въ 1835 году англійскимъ вѣдѣтельствомъ относительно соціального положенія Ирландіи, смѣрщій вопросъ сдѣланъ былъ комиссарами тѣмъ корреспондентамъ, которыхъ они имѣли въ каждомъ приходѣ: «Не было ли въ послѣдніе три года какого-нибудь смертнаго случая, который бы долже былъ сдѣланъ недостатку пищи?»

«И въ отвѣтъ на этотъ вопросъ слѣдствіе выказываетъ число людей, погибшихъ единственно отъ недостатка пищи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ голодъ служилъ прямою и непосредственною причиною смерти, въ другихъ онъ только ускорялъ ее и увеличивалъ мученія умирающихъ; одни несчастные погибли отъ долговременнаго изнуренія; другие отъ болѣзни и отъ голода.

«Грустно читать эти отчеты, занимающіе 10 томовъ in folio, въ которыхъ ные имѣютъ болѣе 900 страницъ, и въ которыхъ каждая страница, каждая строка, каждое слово указываетъ на подлинную нищету Ирландіи. И однакоже, въ этихъ отчетахъ показаны не всѣ бѣдствія этой страны, не всѣ ея страданія.

«Коммиссары, которымъ поручено было произвести это дѣльное слѣдствіе, полагаютъ, что въ Ирландіи есть около трехъ миллионовъ людей, которые ежегодно могутъ весьма-легко впасть въ состояніе рѣшительной бѣдности; эти три миллиона людей не только бѣдны, они всѣ нищие въ полномъ смыслѣ слова. Кроме этого, есть нѣсколько миллионовъ несчастныхъ, которые не сочтены въ эти три миллиона потому только, что они не умираютъ съ голода.»

Это описаніе нисколько не преувеличено; оно вполне соответствуетъ действительности и даетъ самое вѣрное понятіе о несчастности

нимъ бѣдной страны. Причина такого несчастія заключается въ исторической судьбѣ Ирландіи, въ томъ, что земля эта не сохранила своей независимости, а подпала подъ владычество Англіи и принуждена была подвергнуться всѣмъ тѣмъ горестнымъ послѣдствіямъ, которыя всегда сопровождается поработеніе одного племени другимъ. Завоеваніе положило начало общественной жизни не въ одной Ирландіи, но во всѣхъ другихъ государствахъ Западной-Европы; но въ другихъ странахъ борьба противоположныхъ началъ окончилась примиреніемъ; изъ разъединенныхъ и разнородныхъ элементовъ образовалась съ теченіемъ времени единая и твердая національность; и племя завоевателей мало-по-малу совершенно слилось съ племенемъ побѣжденныхъ. Въ Ирландіи, совершенно напротивъ, до-сихъ-поръ еще не произошло этого слиянія и сближенія: до-сихъ-поръ еще завоеватели остаются совершенно чуждыми побѣжденнымъ; до-сихъ-поръ не образовалось еще одной новой народности, а существуютъ два племени, между которыми нѣтъ никакой симпатіи, никакого единодушія, никакого равенства въ правахъ. Время измѣнило только форму разъединенія, но самое разъединеніе осталось въ прежней силѣ. Въ-теченіе семи вѣковъ племя завоевателей не совершило ни одного шага къ сближенію съ племенемъ побѣжденнымъ, но въ это все теченіе этого времени оно не переставало тяготѣть надъ нимъ своей силой. Владычество Англичанъ въ Ирландіи со времени перваго вхожденія ихъ въ эту страну въ 1169 до самаго настоящаго времени, было самымъ угнетеніемъ. Въ первыя три столѣтія, они для того, чтобы захватить и довершить завоеваніе, съ оружіемъ въ рукахъ опустошали Ирландію, повсюду оставляя слѣды своего насилія и своей жестокости. Не прекратилась борьба за независимость, какъ началась уже борьба религіозная. Въ XVI столѣтіи, Англія приняла протестантскую религію, хотѣла заставить Ирландцевъ послѣдовать своему примѣру; но встрѣтивъ съ ихъ стороны упорное сопротивленіе, она рѣшилась насильственно достигнуть своей цѣли; это намѣреніе подало поводъ къ кровавой и страшнѣйшей борьбѣ, къ упорнымъ и продолжительнымъ войнамъ, длившимся болѣе столѣтія. Съ прекращеніемъ этихъ религіозныхъ войнъ, не прекратилась притѣсненія Англіи. Видя, что религіозныя войны, не смотря на преслѣдованіе и угнетеніе, твердо стояли на веру отцовъ своихъ, Англія рѣшилась стремиться къ той же цѣли другимъ путемъ; убѣдившись въ нецѣлесообразности насильственныхъ средствъ она обратилась къ преслѣдованію легальному. Это подало поводъ къ новому угнетенію, менѣе варварскому, но не менѣе жестокому и еще болѣе несправедливому, потому-что оно принимало видъ справедливо-го и опиралось на законы. Въ настоящее время, прекратилось какъ политическое, такъ и религіозное преслѣдованіе, но время не успѣло еще стереть слѣдовъ прошедшаго, тѣмъ болѣе, что и теперь еще не совершенно уничтожились тѣ причины, которыя довели Ирландію до такого плачевнаго состоянія. Слѣды угнетенія и завоеванія сохраняются въ Ирландіи и доселѣ въ ея экономическомъ устройствѣ, въ образѣ земледѣлія поземельной собственности и во владычествѣ англійской короны надъ той землей, которая принадлежала сперва самимъ

Ирландцамъ, и которая была отнята у нихъ насильственнымъ и несправедливымъ образомъ.

Вся поземельная собственность въ Ирландіи принадлежитъ английской аристократіи; здѣсь, точно такъ же, какъ и въ Англіи, весь земледѣльческій капиталъ сосредоточивается въ рукахъ немногихъ избранныхъ и никогда не можетъ перейти изъ ихъ рукъ въ руки тѣхъ, которые обрабатываютъ землю, и для которыхъ она составляетъ единственное средство пропитанія. Но между Англіей и Ирландіей существуетъ въ этомъ отношеніи важное различіе, весьма-неблагоприятное для Ирландіи. Въ Англіи между крестьянами и земледѣльцами существуетъ только различіе въ интересахъ, но нѣтъ различія въ родовомъ происхожденіи. Въ Ирландіи, напротивъ, безусловное разединеніе капитала и труда, разединеніе не только экономическое, но и моральное, произведенное исторіей, укоренившееся въ-теченіе вѣковъ, и поддерживаемое доселѣ гордостью английской аристократіи, предразсудками національными и духомъ законовъ. Въ Англіи землевладелецъ чуждъ только крестьянину; въ Ирландіи онъ чуждъ не только крестьянину, но и самой землѣ. Всѣ продукты этой несчастной страны потребляются внѣ ея предѣловъ, людьми, которые не живутъ въ ней и смотрятъ на ея жителей, какъ на племя чуждое, низкое и презрѣнное. По-этому-то нигдѣ нельзя найти такого разединенія между двумя классами производителей, какъ въ Ирландіи, и нигдѣ не обнаруживается съ такой очевидностью справедливость основнаго правила политической экономіи, по которому благосостояніе рабочихъ классовъ соразмѣряется постоянно съ тою связью, которая существуетъ между капиталомъ и трудомъ, съ тѣмъ отношеніемъ, въ которомъ находятся между собой производительныя силы.

Богатый ирландскій помѣщикъ почти никогда не живетъ въ Ирландіи, и даже часто случается, что онъ о своихъ помѣстьяхъ имѣетъ самое неопредѣленное и смутное понятіе. Онъ знаетъ только, что въ томъ или другомъ графствѣ есть у него отъ ста до полутора ста тысячъ десятинъ земли, и изъ этихъ огромныхъ владѣній онъ хочетъ извлечь какъ-нибудь больше дохода, безъ всякихъ притомъ издержекъ съ своей стороны. Эти обширныя помѣстья достались ему или его предкамъ въ-слѣдствіе конфискаціи, и, — кто-знаетъ, — можетъ-быть, какой-нибудь новый переворотъ отнять у него то, что конфискація доставила его семейству. Такъ разсуждаетъ обыкновенно помѣщикъ отсутствующій; почти также разсуждаетъ онъ и тогда, когда живетъ въ своихъ помѣстьяхъ; если онъ и пріѣзжаетъ иногда въ свою землю, то весьма недолго; навсегда онъ въ ней не поселится, потому-что Ирландія не есть его отечество и не имѣетъ права требовать отъ него ни заботливости, ни пожертвованій. На этомъ основаніи ирландскій земледѣлецъ старается обыкновенно извлечь изъ своей земли наибольшую пользу, не употребляя на это никакихъ предварительныхъ расходовъ; онъ хочетъ, слѣдовательно, пожать, не посѣявъ, и для этого онъ отдаетъ свои помѣстья въ наймы какому-нибудь спекулятору за известную су-

му, которая или выдается одновременно или уплачивается ежегодно. Этотъ спекуляторъ, по-большой-части богатый капиталистъ, живетъ или въ Лондонѣ или въ Дублинѣ; онъ нанимаетъ землю въ Ирландіи не для того, чтобы быть въ ней фермеромъ, но единственно съ той цѣлью, чтобы сдѣлать изъ нея предметъ болѣе или менѣе-выгодной спекуляціи,—а потому, немедленно по заключеніи контракта съ помѣщикомъ, старается передать кому-нибудь другому право на обработываніе земли; при чемъ обезпечиваетъ себя заранее значительный барышъ. Обыкновенно онъ раздѣляетъ помѣстье на известное число участковъ, во сто, въ пятьсотъ, въ тысячу десятинъ каждый, и участки эти отдаетъ въ наймы второстепеннымъ спекуляторамъ, которые называются *middlemen*. Если землевладелецъ, какъ случается иногда, живетъ въ своемъ помѣстьи, то онъ самъ дѣлаетъ это раздѣленіе земли и самъ непосредственно отдаетъ эти участки высшимъ спекуляторамъ. Каждый изъ этихъ спекуляторовъ въ свою очередь, расчистивъ только слегка поверхность почвы, подраздѣляетъ еще разъ свой участокъ и отдаетъ его въ наймы за самую дорогую цѣну, — частичками въ пять, въ десять, въ двадцать десятинъ, — отдаетъ его бѣднымъ ирландскимъ крестьянамъ, которые одни берутъ эту землю не для денежной спекуляціи, но для того, чтобы дѣйствительно ее обработывать.

Но какимъ же образомъ вся эти бѣдные земледѣльцы стануť обработывать папаяую ими землю? гдѣ они поселятся? гдѣ найдутъ они удобное для себя помѣщеніе? Позаботились ли помѣщикъ и арендаторъ о постройкѣ жилищъ на каждомъ изъ этихъ небольшихъ, отданныхъ ими участковъ? Само-собой разумѣется, что нѣтъ, потому-что для такой постройки нужно было бы положить известный капиталъ, которымъ никто изъ нихъ не хотѣлъ пожертвовать. Такимъ-образомъ, крестьянамъ вручается земля совершенно-голая. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ могутъ они помѣститься? Они сами строятъ себѣ помѣщенія изъ досокъ, дерна и соломы, и называютъ эти грязные шалаши своими жилищами. Нанимая землю, они не получаютъ даже никакихъ земледѣльческихъ орудій и должны сами добыть ихъ для себя. Такимъ-образомъ, во всѣхъ другихъ странахъ, помѣщикъ даетъ фермеру вмѣстѣ съ землей домъ и орудіе работы. Въ Ирландіи, бѣдный, нанимающій землю, долженъ самъ построить себѣ жилищу и принести свои орудія. Но если богатый не дастъ капитала, то какимъ образомъ можетъ достать его себѣ бѣдный? По-большой-части онъ вовсе и не достаетъ его и приноситъ только свой физическій трудъ на такое предпріятіе, для успѣшности котораго необходимъ бы былъ капиталъ. Онъ обработываетъ землю дурно, потому-что не имѣетъ средствъ для надлежащаго ея обработыванія. Но теперь, какимъ же образомъ, обработывая ее дурно, можетъ онъ заплатить тотъ огромный оброкъ, который требуютъ отъ него спекуляторъ, арендаторы и помѣщики? Само-собой разумѣется, что на бѣднаго земледѣльца обрушивается вся тяжесть этихъ многочисленныхъ контрактовъ, предметомъ которыхъ была земля. Землевладелецъ, отдавшій свои земли спекулятору, получаетъ съ него известную сумму денегъ, которую тотъ возвращаетъ себѣ съ

барышомъ съ второстепенныхъ откупщиковъ; а эти послѣдніе, передавая землю бѣднымъ фермерамъ, не только возвращаютъ съ нихъ сумму, заплаченную ими спекулятору, но и получаютъ также въ свою очередь значительный барышъ, — такъ-что крестьяне должны необходимо платить такой оброкъ, который равняется сперва суммѣ, заплаченной барышникомъ помѣщику, а потомъ всѣмъ барышамъ какъ самого этого барышника, такъ и всѣхъ другихъ посредствующихъ лицъ.

Напрасно бѣдные ирландскіе земледѣльцы стараются удовлетворить всѣ эти интересы; напрасно надѣются они извлечь для себя изъ этой земли небольшой доходъ, отъ котораго зависить спасеніе какъ ихъ жизни, такъ и жизни ихъ семействъ. Ирландская земля, какъ она плодородна, не можетъ дать всего того, что отъ нея требуется, и потому бѣдный хлѣбопашецъ, не смотря на всѣ свои усилія, на всѣ свои труды, весьма-рѣдко можетъ заплатить свой оброкъ. Тогда помѣщикъ или арендаторъ выгоняетъ его изъ своей фермы, забираетъ его дѣльцо и продаетъ ее для удовлетворенія своей претензіи. Но что тогда дѣлается съ бѣднымъ земледѣльцемъ, все преступленіе котораго состоитъ въ томъ, что онъ взялся за невозможное дѣло? Такъ-какъ въ Ирландіи нѣтъ никакого другаго промысла, кромѣ земледѣлія, то онъ отправляется искать себя фермы въ другомъ мѣстѣ, и пока не найдетъ ея, проситъ по дорогамъ милостыни у прохожихъ, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми.

Чему же приписать это ужасное положеніе ирландскихъ крестьянъ? Кого обвинить въ ихъ несчастной участи? Кажется, на-счетъ причинъ этихъ бѣдствій не можетъ быть никакого сомнѣнія. Очень ошибаются, которые приписываютъ ихъ единственно всѣмъ этимъ посредникамъ, спекуляторамъ и откупщикамъ, которыхъ въ Ирландіи называютъ *middlemen*. Въ этихъ маддльменахъ надо видѣть не причину слѣдствія. Нельзя не сознаться, что они значительно увеличили зло, и что для крестьянъ эти постепенныя сдѣлки въ высшей степени пагубны. Ближайшее ихъ слѣдствіе состоитъ въ томъ, что они даютъ землю въ руки спекуляторовъ, которые, не имѣя интереса собственниковъ, принимаются за обработываніе фермы, какъ за прѣдметъ временное, изъ котораго они должны извлечь себя какъ-можно больше выгодъ въ настоящемъ, нисколько не заботясь, разумѣется, о будущемъ. Другое неблагоприятное послѣдствіе этихъ сдѣлокъ состоитъ въ томъ, что между владѣльцемъ земли и тѣмъ, кто ее обработываетъ, является три или четыре промышленника, которые вмѣшиваются въ чуждое для нихъ дѣло только для того, чтобъ получить себя небольшой барышъ. Но во всякомъ случаѣ главнымъ виновникомъ должно считать не спекулятора, а того, кто въ своемъ горломъ и душѣ къ землѣ и къ тѣмъ, которые ее воздѣлываютъ, предастъ въ руки корыстолюбивыхъ чужеземцевъ какъ почву, такъ и ея жителей.

Впрочемъ для ирландскаго крестьянина все равно, вступитъ ли онъ дѣло съ арендаторомъ или прямо съ землевладѣльцемъ. Результатъ не будетъ ни лучше, ни хуже. Онъ не питаетъ къ себѣ симпатіи и сочувствія ни въ помѣщика, ни въ спекулятора.

цикъ; одинаковое безъярное корыстолюбіе воодушевляетъ какъ то-го, такъ и другаго; одинаковій узкій эгоизмъ ожесточаетъ ихъ и ослабляетъ. И тотъ и другой имѣютъ въ виду одну цѣль — отдать землю въ наймы за самую дорогую цѣну; и тотъ и другой ни мало не заботятся о физическомъ и нравственномъ состояніи своего фермера. Они остаются совершенно-нечувствительными, какъ при видѣ его успѣха, такъ и неудачи, какъ при видѣ его счастья, такъ и бѣдствій; человекъ этотъ занимаетъ ихъ землю, но они смотрятъ на него, какъ на чужеземца и требуютъ отъ него только уплаты договорныхъ денегъ. Поэтому-то, когда онъ рассказываетъ имъ о своей бѣдности и о своихъ несчастіяхъ, они отворачиваются отъ него и не хотятъ даже слушать его жалобъ: они приходятъ къ нему только для того, чтобъ требовать денегъ... Если случайнымъ образомъ между помещикомъ и крестьяниномъ устанавливаются какія-либо сношенія, если случится крестьянину работать для землевладельца, или продавать ему какой-нибудь товаръ, то можно быть заранее увѣрену, что помещикъ безъ всякаго угрызенія совѣсти воспользуется простодушіемъ бѣднаго земледѣльца и обманетъ его самымъ безжалостнымъ образомъ. Что же дѣло до бѣдствій этихъ несчастныхъ миддльмену, который привѣзжаетъ въ Ирландію только на время, чтобъ составить себѣ состояніе и возвратиться потомъ въ свое отечество? «Чего требуете вы отъ меня?» говоритъ землевладелецъ при видѣ этихъ страшныхъ бѣдствій: «я не могу ничего сдѣлать; я уступилъ свое право арендаторамъ, которые пользуются имъ, какъ хотятъ.» И всего чаще отъ землевладельца бѣдныя не услышатъ даже и этихъ словъ, потому-что аристократъ-помѣщикъ ю-большой-части и не видитъ тѣхъ бѣдствій, источникъ которыхъ заключается въ немъ самомъ. Въ своемъ лондонскомъ дворцѣ онъ не слышитъ тѣхъ криковъ отчаянія, которые выходятъ изъ ирландской кувшины; живя подъ чистымъ и свѣтлымъ небомъ Италіи, онъ не знаетъ, что въ Ирландіи гроза уничтожила жатву несчастныхъ его фермеровъ, что въ холодной Гиберніи сдѣлался неурожай, что бѣдные люди, поселенные на землѣ его, впади въ нищету; да и знать это ему нѣтъ никакой надобности. Онъ очень-хорошо знаетъ одно, — именно, что его ирландскіе фермеры должны заплатить ему 20,000 фунтовъ стерлинговъ, что его образъ жизни устроенъ сообразно съ этой суммой, что деньги эти должны быть уплачены ему въ извѣстный срокъ, что онъ не можетъ дать ни одного дня отсрочки, не нарушивъ своихъ обыкновенныхъ привычекъ, не измѣнивъ порядка своихъ наслажденій и своихъ удовольствій.

Мы уже видали, что въ Ирландіи земля, сосредоточиваясь въ рукахъ немногихъ владельцевъ, распределяется потомъ между безконечнымъ количествомъ небогатыхъ крестьянъ, которые нанимаютъ небольшие участки въ пять, въ десять, въ двадцать десятинъ. Но тутъ естественно рождается вопросъ о томъ, какимъ образомъ и откуда достать для своей земли помещики такое количество земледѣльцевъ? Какимъ образомъ предложеніе труда можетъ всегда удовлетворять требованію? Для того, чтобъ понять это, надо замѣтить, что въ Ирландіи

не существует никакого другого промысла, кроме обработыванія земли. Все католическое население, какъ по своей бѣдности, такъ и по политическому устройству страны, неспособно ни къ службѣ государственной, ни къ приобретению поземельной собственности, ни къ промышленности, ни къ торговлѣ; а потому, не имѣя передъ собою никакого другого поприща, кроме земледѣлія, оно естественно падаетъ на землю, которая одна только для него доступна, и покрываетъ сею бою, не оставляя на ней ни одной незанятой частички, ни одного свободного уголка...

Но въ странѣ, гдѣ земледѣліе составляетъ единственное средство существованія, какова должна быть судьба тѣхъ, которымъ не удастся достать для себя куска земли въ насѣ? Что станетъ въ такой странѣ съ бѣднымъ крестьяниномъ, выгнаннымъ изъ фермы, если онъ не можетъ найти себѣ фермы въ другомъ мѣстѣ? Какова должна быть участь дѣтей каждаго небогатаго фермера? Представимъ себѣ небогатаго владѣльца, плодами котораго съ трудомъ можетъ жить одинъ только крестьянинъ; положимъ, что у него пять человѣкъ дѣтей (число не ма-незначительное для ирландской семьи); его единственное желаніе состоитъ въ томъ, чтобы найти себѣ для каждаго изъ нихъ; но ему не удается исполнить своего желанія, потому что всѣ фермы уже заняты, нѣтъ ни одной свободной. Надо замѣтить, что этотъ вопросъ — вопросъ важный и существенный, потому что обработываніе земли въ Ирландіи составляетъ единственный промыселъ, единственное средство пропитанія, такъ бѣдному надо, во что бы то ни стало, добыть себѣ кусокъ этой необходимой для него земли; если онъ не добудетъ ея, онъ не будетъ имѣть никакого средства къ существованію и неизбежно долженъ будетъ умереть съ голода.

Этимъ совершенно объясняется та необыкновенная конкуренція, которую возбуждаетъ въ Ирландіи земля. Земля въ этой странѣ падаетъ на крѣпость, которая вѣчно осаждается и защищается съ неутомимой дѣятельностью; только въ стѣнахъ этой крѣпости можетъ спасти жизнь свою. Счастливъ тотъ, кто можетъ провѣнчать внутренность этой цитадели: онъ долженъ вести въ ней жизнь жестокую, строгую, горестную; но въ ней онъ по-крайней-мѣрѣ спасается отъ смерти, а потому, разъ попавъ въ это укрѣпленное мѣсто, крѣпко ухватывается за него обѣими руками, и надо изувѣчить его, чтобы оторвать его отъ этого спасительнаго оплота. Въ высшей степени горестно положеніе того, кому не удается достигнуть этого оплота; если онъ не умретъ съ голода, то сдѣлается нищимъ и блуднымъ. Изъ этого слѣдуетъ, что фермеръ, который хочетъ доставить пропитаніе своему семейству, долженъ необходимо подраздѣлять свое имущество на столько частей, сколько у него дѣтей; между-тѣмъ, какъ у насъ на двадцать десятинъ земли, каждому изъ сыновей достается только по участку въ пять, въ шесть десятинъ; и тогда на фермѣ, прежде стояла одна хижина, воздвигается ихъ несколько. Но съ своею очередь имѣетъ дѣтей, для которыхъ онъ сдѣлаетъ то же

что сдѣлалъ отецъ его; и такимъ-образомъ это раздробленіе земли будетъ увеличиваться постоянно и дойдетъ до того, что цѣлое семейство будетъ имѣть въ своемъ владѣніи не болѣе, какъ половину или даже четверть десятины, такъ-что крестьянину физически сдѣлается невозможнымъ жить на такомъ ничтожномъ участкѣ. Вотъ почему въ настоящее время часто случается, что триста или четыреста бѣдныхъ фермеровъ живутъ кое-какъ на земля, которая прежде отдана была въ наемъ весьма-немногимъ. И однакоже, не смотря на это накопленіе земледѣльцевъ, живущихъ на самомъ тѣсномъ пространствѣ другъ подлѣ друга, очень-часто случается, что, по недостатку мѣста, извѣстное число тѣхъ, которые родились на этой землѣ, должны покинуть ее и искать себя фермы у другаго землевладѣльца.

Они покидаютъ землю, — а между-тѣмъ одна земля можетъ доставить имъ пропитаніе. Понятно, что они должны употребить вся возможные усилія для доставленія себя въ другомъ мѣстѣ новаго участка. Но число фермеровъ несравненно-значительнѣе числа фермъ; а потому конкуренція должна естественно увеличить до чрезмѣрности наемную цѣну послѣднихъ. Въ Ирландіи, тому, кто не хочетъ умереть голодною смертію, необходимо имѣть по-крайней-мѣрѣ десятину или полдесятины земли; а потому крестьянинъ долженъ достать ее себя во что бы то ни стало, за какую бы то ни было цѣну, на какихъ бы то ни было условіяхъ. По-настоящему, за наемъ такой десятины не должно бы было платитъ болѣе 4 фунтовъ стерлинговъ; но въ случаѣ курсу между фермерами эта нормальная цѣна возвышается значительно; одинъ предлагаетъ помѣщику вдвое болѣе противъ настоящей цѣны; другой даетъ 10 фунтовъ стерлинговъ; третій предлагаетъ 20, — и земля, разумеется, отдается послѣднему; въ срокъ, назначенный для уплаты, онъ, конечно, не въ состояніи будетъ заплатитъ той суммѣ, но по-крайней-мѣрѣ ему удастся поддержать свое существованіе въ-теченіе цѣлаго года.

Такимъ-образомъ тотъ, кто платилъ уже огромный оброкъ, по мнѣности конкуренціи, долженъ платитъ еще болѣе, чтобъ удержать за собой ферму. Онъ можетъ, правда, отказатся отъ увеличенія наемной цѣны; но тогда ему предстоитъ одно изъ двухъ: или онъ не огласится на требованіе владѣльца, и тогда владѣлецъ выгонитъ его съ фермы; или онъ согласится, и тогда почти-заранѣе узрѣшь, то не въ состояніи будетъ выполнитъ свое обѣщаніе и рано или поздно все-таки будетъ выгнанъ владѣльцемъ по наущенію, можетъ-быть, какого-нибудь новаго искателя. Но въ странѣ, гдѣ земля составляетъ единственное средство пропитанія, нельзя оставитъ этой земли, а потому онъ остается на своей фермѣ и соглашается на все, чего отъ него требуютъ; ему очень-хорошо извѣстно, что изъ тысячи человекъ, многу только удастся выполнитъ такое обѣщаніе, и, не смотря на то, въ рѣшается попробовать счастья въ этой страшной лотерей, хотя заранѣе знаетъ, что ему нѣтъ никакой надежды на выигрышъ.

Конкуренція земледѣльцевъ относительно земли возвышаетъ наемную ея цѣну болѣе, можетъ-быть, нежели самая жадность владѣльца

и миддлмена. Не можетъ быть ничего ужаснѣе состоянія этихъ бѣдныхъ землевладѣльцевъ, которые привязываются къ землѣ и тогда увеличиваютъ свою нищету тѣми сверхъестественными усиліями, которые употребляютъ для борьбы съ нею. Эта нищета увеличивается въ совершенно-одинаковой пропорціи съ увеличеніемъ народонаселенія; въ настоящее время въ Ирландіи насчитывается 2,600,000 нищихъ, т. е., 2,600,000 человекъ, которые или не имѣютъ земли и просятъ милостыню, или имѣютъ слишкомъ-малый участокъ, недостающій имъ средствъ пропитанія.

Это экономическое устройство, пагубное для фермера, невыгодно для землевладѣльца. Помѣщикъ или его откупщикъ, обманутый съила великолѣпными обѣщаніями искателей, убѣждается наконецъ въ ихъ лживости; ему надоедаетъ получать такъ мало отъ земли, которую онъ отдастъ въ наймы за такую дорогую цѣну; ему надоедаетъ прибѣгать безпрестанно къ жестокостямъ, изъ которыхъ одни только полицейскіе чиновники извлекаютъ для себя выгоды; онъ узнаетъ, что сколько не обогащаетъ себя тѣмъ, что разоряетъ своихъ фермеровъ. «Все зло» говоритъ онъ иногда самъ себѣ: «пронстекаетъ отъ этого бѣднаго численнаго множества земледѣльцевъ, которые только пожврутъ, и оплодотворяютъ землю. Это зло могло бы прекратиться, если бы было, вмѣсто этого множества маленькихъ фермъ, завести нѣсколько большихъ; такая система сельскаго хозяйства употребляется и въ Англіи и въ Шотландіи: пора бы ввести ее и въ Ирландію; время перемѣнъ уже прошло; воспоминаніе объ нихъ съ каждымъ днемъ глаживается болѣе и болѣе изъ памяти; почва, доселѣ колебавшаяся подъ нашими ногами, теперь укрѣпилась совершенно, и потому теперь въ свою землю уже безъ опасенія могу положить капиталъ или менѣе значительный».

Въ-слѣдствіе такого разсужденія, землевладѣлецъ рѣшается продать множество маленькихъ фермъ незначительнымъ числомъ большаго для достиженія этой цѣли онъ долженъ прежде всего выгнать этихъ небогатыхъ фермеровъ, покрывающихъ его землю; когда совершивъ это изгнаніе, можетъ онъ приступить къ новому разделенію своей собственности. Прежде онъ пользовался бѣдными мерами, потому-что, не имѣя капиталовъ или не рѣшаясь рѣшиться, нуждался въ этихъ людяхъ; теперь у него въ рукахъ капиталы, которые могутъ доставить ему болѣе-выгодный способъ употребленія; онъ уже рѣшается употребить ихъ въ дѣло, и такъ-какъ перестаетъ имѣть надобность въ фермерахъ, то и прогоняетъ ихъ жестоко съ своей земли. Но что же станетъ съ этими тремястами земледѣльцами, которые совершенно-неожиданно получаютъ приказаніе оставить свои хижины? Само-собой разумно, эта мѣра губитъ ихъ, и притомъ это далеко не то, что обыкновенное изгнаніе того или другаго фермера; обыкновенно, на мѣсто ушедшаго немеленно приходитъ другой: тутъ, напротивъ, уходитъ самъ земледѣлецъ, остаются только два или три, — такъ-что это

изгнаніе повергаетъ съ одного раза нѣсколько сотъ человѣкъ въ самую крайнюю, самую ужасную нищету.

Изъ этого видно, какіе противоположныя интересы, какія разнородныя страсти возбуждаетъ въ Ирландіи обладаніе землею. Фермеру землевладелецъ приказываетъ оставить землю, но фермеръ не исполняетъ этого приказанія, которое для него составляетъ то же, что смертный приговоръ; не успѣвъ онъ его выслушать, какъ уже передъ нимъ возстаетъ голодъ — страшное привидѣніе, готовящееся привлечь въ свои объятія его-самого, жену его, дѣтей. Онъ постигаетъ тогда всю глубину своего несчастія, весь ужасъ своего положенія; онъ переходитъ постепенно отъ сознанія къ горести, отъ горести къ отчаянію, отъ отчаянія къ унынію. Но вдругъ чело его озаряется лучомъ надежды. «Не пойдти ли мнѣ», думаетъ онъ: «къ самому владѣльцу, не разскажетъ ли ему о тѣхъ страшныхъ бѣдствіяхъ, которыми онъ меня подвергаетъ. Если онъ увидитъ жену мою, исхудалую отъ лишеній, дѣтей моихъ блѣдныхъ и голодныхъ, то безъ сомнѣнія будетъ тронутъ и оставитъ намъ нашу бѣдную хижину по-крайней-мѣрѣ еще на нѣсколько дней.» Несчастный обманывается; напрасно бросается онъ къ ногамъ своего господина, напрасно плачетъ, рыдаетъ, умоляетъ его: богатый въ Ирландіи не чувствуетъ состраданія къ бѣдному! въ этой странѣ бѣдный долженъ сохранять свое достоинство, беречь свою гордость; унижаясь передъ богатымъ, онъ не извлечетъ изъ этого никакой пользы: богатый будетъ наслаждаться его униженіемъ, и не поможетъ нищеть его. Бѣдный фермеръ, выслушавъ жестокий отказъ, безмолвно возвращается къ себѣ домой, и пораженный несчастьемъ, съ которымъ онъ не въ состояніи бороться и котораго не можетъ равнодушно сносить, не имѣетъ силы ни думать, ни дѣйствовать и остается неподвиженъ въ своей хижинѣ, не повинаясь неоднократно-повторенному приказанію уйти изъ нея съ своимъ семействомъ. Тогда землевладелецъ прибѣгаетъ къ правосудію, и правосудіе постановляетъ приговоръ, на основаніи котораго крестьянинъ долженъ оставить землю; за непослушаніе судъ утروиваетъ ту сумму, которую онъ долженъ заплатить своему помѣщику. Этого несчастнаго выгоняютъ за то, что онъ не могъ заплатить своего оброка; что сдѣлаетъ онъ теперь, когда ему приходится заплатить втрое болѣе, чѣмъ прежде? Вскорѣ предъ нимъ являются два констабля, читаютъ ему приговоръ, на основаніи котораго онъ долженъ немедленно оставить это мѣсто, и захватываютъ всѣ вещи, которыя находятъ у него въ хижинѣ для того, чтобъ заранѣе обезпечить себѣ возмездіе за свои труды. Все это исполняется посреди раздирающихъ сердце криковъ, посреди страшныхъ проклятій, которыя, еслибъ дошли до ушей богача, отравили бы конечно его наслажденія не однимъ справедливымъ угрызеніемъ совѣсти; но между-тѣмъ, агенты общественной власти исполняютъ свою обязанность: въ жилищѣ фермера все схвачено и опечатано, и бѣдныхъ жителей этой хижины выгоняютъ наконецъ изъ нея. Констабли уходятъ, унося свою добычу. Но на другой день въ хижинѣ снова является фермеръ съ своимъ семействомъ; только одна мате-

риальная сила могла изгнать ихъ оттуда; какъ-скоро сила эта исчезла, они снова появляются. Ихъ выгнали насильно съ этой земли, доставлявшей имъ кусокъ хлѣба; но такъ-какъ въ этой землѣ имъ нѣтъ спасенія, то они по неволѣ должны на нее возвратиться. Тамъ землевладелецъ прибѣгаетъ къ послѣднему средству, которое одно можетъ освободить его отъ этихъ неотвязныхъ и упрямыхъ тварей: онъ приказываетъ разрушить хижину и такимъ-образомъ, изгнавъ ужасно чуждого ей жителей, навсегда освобождается отъ нихъ.

Эти жестокости съ каждымъ днемъ усиливаются; эти суровыя и ры повторяются безпрестанно, и бѣдные земледѣльцы, выгоняемые всюду, таскаются вмѣстѣ съ своими семействами изъ хижины въ хижину, и вездѣ находятъ ту же жадность, ту же безчеловѣчность, ту же притѣсненія, вездѣ подвергаются тѣмъ же бѣдствіямъ, тѣмъ же страданіямъ, той же крайности несчастія и нищеты!

Таково положеніе несчастной Ирландіи; таково состояніе ея земледѣльческаго класса! И вся эти бѣдствія, вся эти страданія должны бы очевидно приписаны одной только главной и существенной причинѣ: одному основному недостатку экономическаго устройства, недостатку на который мы уже указывали столько разъ, и на который считаемъ немаловажнымъ указывать безпрестанно и поминутно. Настоящій и главный корень зла заключается въ разединеніи производительныхъ силъ въ ихъ враждебномъ соотношеніи и въ томъ огромномъ неравенствѣ, которое существуетъ между ними; вся остальные несовершенства и вы экономическаго устройства обуславливаются безъ сомнѣнія этимъ кореннымъ недостаткомъ и вытекаютъ изъ него, какъ необходимыя его послѣдствія.

Но разединеніе между производителями въ Англіи и въ Ирландіи не ограничивается однимъ разрывомъ экономическихъ и нравственныхъ связей: оно проникаетъ и въ политическую сферу. Политическая власть сосредоточивается въ рукахъ одного класса: въ рукахъ аристократіи поземельной или промышленной, феодальной и денежной. Законодательныя собранія Англіи состоятъ почти исключительно изъ людей, владеющихъ капиталами земледѣльческими и фабричными, или изъ людей, находящихся подъ ихъ вліяніемъ и зависящихъ сообразно съ ихъ видами. Законы издаются, такъ-какъ, однимъ капиталистами; сверхъ того, все управленіе, какъ центральное, такъ и мѣстное, сосредоточивается почти-исключительно въ ихъ рукахъ; мирными судьями въ графствахъ бывають или сами богатые землевладельцы; изъ землевладельцевъ также назначаются мѣстные чиновники, которымъ поручается распределять подати и полагать ими. Такимъ-образомъ законы и издаются и исполняются только сословіемъ, интересы котораго чисто и прямо должны интересамъ большинства. Понятно послѣ этого, почему правительство Англіи упорно сохраняетъ свои феодальныя законы о поземельной собственности, — законы очевидно вредныя и несовмѣстныя ни съ духомъ времени, ни съ истинными интересами народа самымъ очевиднымъ и неблагоприятнымъ образомъ отражающіеся на немъ.

осподство и вліяніе аристократіи, по отношенію къ законодательству и правленію, въ той финансовой системѣ, которой слѣдуетъ въ настоящее время Англія, и которая направлена прямо и непосредственно къ азоренію нисшихъ классовъ.

Способъ взиманія и употребленія податей въ Англіи принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу наиболее-дѣятельныхъ и наиболее-энергичныхъ причинъ той страшной нищеты, которая существуетъ въ этой странѣ. Податная система Англіи сосредоточивается почти-исключительно въ налогахъ на потребленіе предметовъ первой необходимости. Многіе экономисты выхваляютъ такого рода подати, потому-что онѣ не прикасаются къ капиталу и какъ-будто даютъ каждому возможность участвовать по мѣрѣ нуждъ своихъ въ несеніи общественныхъ повинностей. Другая выгода, пристокающая отъ налоговъ на потребленіе, состоитъ въ томъ, что они взимаются почасти, частичками безконечно-малыми и въ каждую минуту жизни смѣшиваются съ естественною цѣною предметовъ, и такимъ образомъ непримѣтно, мало-помалу разоряютъ народъ и постепенно доводятъ его до ирландской нищеты. Въ настоящее время, между благонамѣренными и добросовѣстными экономистами никто уже не сомнѣвается въ вредныхъ послѣдствіяхъ этого рода налоговъ, которые имѣютъ самое неблагоприятное вліяніе на состояніе нисшихъ классовъ и приносятъ пользу одному только классу капиталистовъ. Читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» уже извѣстно, что англійскіе законы о торговлѣ хлѣбомъ принуждаютъ народъ платить огромную подать землевладѣльцамъ; что хлѣбъ и мясо, употребляемые рабочимъ, доставляютъ помѣщику барышъ, соответствующій тому различію, которое существуетъ между цѣною этихъ предметовъ въ Англіи и цѣною ихъ въ другихъ государствахъ. Такимъ-образомъ, народное продовольствіе въ Англіи предоставлено нѣсколькимъ лицамъ въ монополію; а голодные желудки англійскихъ бѣдныхъ для землевладѣльцевъ составляютъ самый обильный источникъ дохода. Англійскій работникъ можетъ только ѣсть тотъ хлѣбъ, который продаютъ ему помѣщики, разумѣется, за такую цѣну, которая назначается ими самимъ. Такъ-какъ народонаселеніе въ Англіи весьма-многочисленно, а земля, даже и въ хорошіе годы, съ трудомъ можетъ произвести достаточное количество хлѣба, то понятно, что какъ требованіе на этотъ продуктъ, такъ и цѣна его всегда бывають весьма-значительны. Этотъ косвенный налогъ, уплачиваемый бѣднымъ народонаселеніемъ—богачамъ, такъ огроменъ, что нисшій классъ въ настоящее время по-большой-части не имѣетъ уже возможности пріобрѣтать себѣ хлѣбъ за такую дорогую цѣну, и пытается, подобно ирландскому народу, однимъ только картофелемъ.

Налоги на потребленіе другихъ предметовъ, необходимыхъ для существованія англійскаго работника, какъ-то: крѣпкихъ напитковъ, чая, сахара, соли, табака составляютъ, вмѣстѣ съ таможенными сборами, почти весь доходъ Великобританіи. Вся эти налоги по существу своему совершенно соответствуютъ поголовной подати; они возлагаютъ на населеніе, живущее трудомъ своимъ, все бремя общественныхъ повин-

ностей. Еслибъ предложить экономистамъ, чтобъ они выдумали самое дѣрное и самое дѣйствительное средство для того, чтобъ нечувствительно отнять у рабочаго класса почти все, что онъ производитъ, то, вѣроятно, ни одинъ изъ нихъ не могъ бы выдумать ничего лучше системы англійскихъ налоговъ. Посредствомъ этой системы извлекаются самыя значительныя доходы даже изъ тѣхъ людей, у которыхъ нищета отнимаетъ возможность удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ; до самой послѣдней минуты жизни бѣдный не перестаетъ дѣлить съ фискомъ тѣ незначительныя доходы, которые представляютъ ему трудъ и благотворительность общественная. Известно, что нищета, подавляя въ человѣкѣ его разумно-нравственную природу, внушаетъ ему страсть къ пьянству, — страсть непреодолимую, въ удовольствіи которой онъ ищетъ забвенія своихъ мученій, и пьянство представляетъ самый обильный источникъ доходовъ для англійскаго казначейства. Самый отвратительный кабакъ, торгующій пивомъ и краемъ ми напѣтками, приноситъ фиску гораздо-болѣе барыша, нежели малецъ огромнаго помѣстья, или богатый купецъ лондонской Сити.

Вся тѣ колоссальныя издержки, которыя должна была принять на себя Англія во время войнъ съ Наполеономъ, покрыты были преимущественно потребителями пива, табака и соли. Для удовлетворенія своимъ необходимымъ нуждамъ, для поддержанія системы субсидій, Англія нуждалась въ огромномъ количествѣ денегъ; она заняла эти деньги своихъ капиталистовъ за огромныя проценты, и капиталисты охотно согласились дать ей займы, зная, что долгъ ихъ обезпеченъ бытъ трудомъ всего рабочаго народонаселенія какъ Англіи, такъ и другихъ колониальныхъ ея странъ. Но Англія, занявъ у богатыхъ, заняла у бѣдныхъ и то, что получила она отъ послѣднихъ, доставило ей возможность исполнить великолѣпныя обещанія, сдѣланныя первымъ. Такими займомъ, для того, чтобъ удовлетворить нуждамъ общественнымъ, заняла капиталы свои займы, а бѣдные отдали свои деньги проценты, не получивъ никакого вознагражденія за свое пожертвованіе. Это является самымъ яснымъ образомъ тѣ финансовыя мѣры, которыя приняты были во время войны для покрытія издержекъ; вся она свелась для въ возвышеніи налоговъ на предметы потребленія, на предметы исключительно-необходимыя для большинства англійскихъ рабочихъ. Въ-теченіе десяти лѣтъ, съ 1800 по 1810 годъ, въ налогахъ видна да произошла слѣдующія измѣненія: такса на солодъ возвысилась отъ 10 шиллинговъ и 6 денаріевъ до 34 шиллинговъ; на пиво — отъ 10 шиллинговъ и 5 денаріевъ до 17 шиллинговъ и 10 денаріевъ; на соль отъ 20 процентовъ со ста до 96; на соль отъ 14 шиллинговъ до 20; табачный акцизъ удвоился въ этотъ періодъ времени. Такими-образомъ вся тяжесть войны обрушилась на рабочіе классы; минималъ и ничтожнымъ благоденствіемъ скрылось на время то вредное вліяніе, которое имѣла на народонаселеніе система податей и чрезмѣрное увеличеніе налоговъ. Капиталисты, получая огромныя проценты за тѣ сущія займы, давая были ими государству въ займы, увеличивая значительнымъ образомъ спросъ труда, что дало возможность народу уплатить въ

ности, которыя были на него наложены; но это шимое благоденствіе продолжалось недолго: немедленно по заключеніи мира обнаружилось со всею очевидностію, что рабочій классъ разоренъ совершенно и взнуренъ своими сверхъестественными усиліями, что число бѣдныхъ удвоилось, и что англійскій народъ купилъ цѣною самой страшной нищеты торжество своей аристократіи.

Что касается до Франціи, то въ этомъ государствѣ финансовая система гораздо-сообразнѣе съ истинными интересами народа, нежели въ Англии, гдѣ она приноситъ выгоду одной только аристократіи. Но и французская система заключаетъ въ себѣ также весьма-много несовершенствъ. Во Франціи также существуютъ налоги на потребленіе, которые не такъ возвышенны, какъ въ Англии, гдѣ при незначительности поземельной подати они составляютъ самый обильный источникъ дохода, но которые, не смотря на то, имѣютъ самое неблагоприятное вліяніе на судьбу рабочихъ классовъ. Эти налоги, точно такъ же, какъ и въ Англии, падаютъ главнымъ образомъ на предметы наданнаго потребленія и распределяются почти въ одинаковой степени, въ различія состоянія, на всѣхъ членовъ государства; изъ числа ихъ особенно-тягостны и обременительны для бѣдныхъ классовъ питейные сборы, которые принимаютъ нѣсколько различныхъ формъ. Кроме этихъ сборовъ, называемыхъ непрямыми, не смотря на то, что они очень-мало падаютъ на рабочіе классы, въ каждомъ городѣ Франціи существуетъ особый налогъ съ потребленія предметовъ первой необходимости—кричкихъ наплатковъ, говядины, дровъ. Эти городскіе сборы (droit) суть не что иное, какъ поголовная подать, которая беретъ ежедневно въ Парижѣ по 30 франковъ съ каждаго жителя и по 131 франкъ съ каждаго семейства, если предположить, что каждое семейство состоитъ изъ четырехъ человекъ съ половиной; въ Лионѣ она беретъ по 67 франковъ съ человека, по 67 съ семейства. Эта поголовная подать готъетъ въ одинаковой степени какъ надъ бѣднымъ, такъ и надъ богатымъ; самое существо продуктовъ, подлежащихъ городскому сбору, называется, что при этой системѣ вся выгода на сторонѣ богатаго. Между-тѣмъ, какъ съ достаточнаго человека она требуетъ не болѣе двадцатой или тридцатой части дохода, у бѣднаго она отнимаетъ по крайней-мѣрѣ шестую часть его задѣльной платы. Многіе экономисты осуждаютъ однакоже эту несправедливую систему: «подати, собираемыя городами» говорятъ они, «назначены преимущественно для пособія бѣднымъ, для содержанія больницъ и благотворительныхъ заведеній, а потому самая справедливость требуетъ, чтобъ эти сборы падали преимущественно на предметы первой необходимости.» По силѣ своего мнѣнія, въ городскихъ сборахъ надо видѣть нѣчто въ родѣ взаимнаго застрахованія въ пользу бѣдныхъ. Подобныя идеи, конечно, не служатъ и опроверженія, — ихъ можно приводить только въ примѣръ тѣхъ странныхъ ошибокъ, до которыхъ доходятъ иногда въ слѣдствіе недобросовѣстнаго оптимизма. Пособія, оказываемыя во Франціи благотворительными заведеніями, не превышаютъ среднимъ числомъ 10 франковъ на человека; такимъ-образомъ, въ Парижѣ, на-примѣръ, бѣд-

ному семейству дается милостыни 45 франковъ, между-тѣмъ, и въ вознагражденіе за это подаяніе, семейство должно заплатить вѣтъ въ 130 франковъ: нельзя не сознаться, что благотворительность въ такомъ случаѣ составляетъ самую выгодную изъ всѣхъ отраслей промышленности!

Надо бы написать цѣлое специальное сочиненіе, чтобъ означить и вѣ различныя налоги на экономическое состояніе цѣлаго народа отдельныхъ его классовъ. Не станемъ распространяться объ этомъ подробнѣе, потому-что это увлекло бы насъ слишкомъ-далеко вѣтъ нило бы отъ настоящаго предмета нашихъ изслѣдованій. Замѣтимъ здѣсь только, что не одинъ способъ взиманія податей дѣйствуетъ и благоприятно на судьбу рабочихъ классовъ: способъ употребленія и имѣетъ не менѣе вредное вліяніе, и въ государствахъ Западной Европы народъ не мало страдаетъ отъ огромнаго перевѣса непродовольственныхъ издержекъ надъ производительными и отъ тѣхъ финансовыхъ началъ, на основаніи которыхъ правительствами поглощаются и уничтожаются безчисленное множество цѣнностей единственно для удовлетворенія минутныхъ, временныхъ нуждамъ безъ всякой пользы для будущаго.

Мы исчислили теперь если не всѣ, то по-крайней-мѣрѣ важнѣе недостатки современнаго общественнаго устройства, обусловленнаго собою и существованіе и развитіе пауперизма въ Англіи и Франціи. Но на ряду съ этими общими причинами нищеты, составившими необходимое послѣдствіе нынѣшней экономической организмы дѣйствующими на судьбу рабочихъ классовъ постоянно и безсознательно, можно было бы насчитать множество другихъ частныхъ, временныхъ и случайныхъ, зависящихъ иногда отъ внешнихъ обстоятельствъ, иногда отъ вины самихъ людей. Этому ряду причинъ не производить, конечно, бѣдности и не могутъ быть истинными источниками пауперизма, какъ язвы общественной; но съ другой стороны содѣйствуютъ въ известной степени развитію нищеты, тѣмъ, что имѣютъ вредное вліяніе на судьбу если не цѣлыхъ классовъ общества, то по-крайней-мѣрѣ на судьбу нѣкоторыхъ отдельныхъ членовъ. Однѣ изъ этихъ частныхъ и случайныхъ причинъ индивидуальной не зависятъ отъ воли и поступковъ людей, а зависятъ единственно отъ различнаго рода несчастныхъ обстоятельствъ къ числу которыхъ должны быть отнесены войны, внутренніе пожары, неурожаи, наводненія и тому подобныя враждебныя дѣйствія природы. Съ другой стороны, такъ-какъ въ современныхъ обществахъ огромное число людей не имѣетъ другихъ средствъ существованія, кромѣ труда, то къ этой же категоріи причинъ бѣдности должны быть отнесены всѣ несчастные случаи, дѣлающіе работника неспособнымъ къ работѣ и лишаящіе его возможности выработать средства существованія, — болѣзни, пелуги временныя и неизлечимыя, старость, иныя недостатки и природную неспособность къ работѣ. Въ простомъ наименованіи этихъ причинъ уже видно то вліяніе, которое они могутъ и должны имѣть на судьбу людей, которыхъ

отъ такия несчастія; но вообще говоря, такого рода причины, не завися отъ общественнаго устройства и имѣя только дѣйствіе временное, частное и случайное, не могутъ обращать на себя вниманія науки въ той же мѣрѣ, какъ причины постоянныя, общія и необходимыя. Съ другой стороны, противъ этихъ несчастныхъ случаевъ, независящихъ отъ человеческого произвола, не могутъ быть употреблены никакія средства предотвратительныя; эти причины бѣдности не могутъ быть уничтожены въ самомъ ихъ источникѣ ни частными людьми, ни общественной властью, и самая наука не можетъ указать по отношенію къ нимъ никакихъ предупреждающихъ способовъ. Вредное дѣйствіе ихъ можетъ быть только ослабляемо, уменьшаемо, отчасти даже вовсе изглаживаемо, и въ этомъ состоитъ назначеніе благотворительности общественной и частной. Благотворительность должна помогать и дѣйствительно помогаетъ въ большей части случаевъ тѣмъ бѣднымъ, которые сдѣлались жертвами неблагоприятныхъ обстоятельствъ безъ всякой вины съ ихъ стороны; благотворительность должна стараться облегчить ихъ страданія и вознаградить ихъ за несправедливость судьбы, — несправедливость, которую общество не можетъ предотвратить, но можетъ должно по-крайней-мѣрѣ загладить.

Что касается до причинъ бѣдности, зависящихъ отъ вины самихъ людей, то на нихъ до-сихъ-поръ обращали слишкомъ-много вниманія приписывали имъ слишкомъ-много важности, преимущественно потому, что для некоторыхъ людей весьма-выгодно и удобно возлагать на самыхъ бѣдныхъ отвѣтственность за тѣ несчастія, въ которыхъ явновю одно только общество. Въ-теченіе довольно-долгаго времени, наука весьма-равнодушно смотрѣла на постепенное развитіе пауперизма и слегка касалась этого важнаго вопроса; отрицая упорно истинныя причины зла и вся самыя очевидныя несовершенства экономической организаціи, она доказывала, что бѣдность происходитъ или отъ внешнихъ, случайныхъ обстоятельствъ, или отъ вины самихъ людей; что въ этомъ заключается единственный источникъ зла; что въ бѣдствіяхъ этихъ общество нисколько не виновно; что оно не можетъ никогда уничтожить ихъ совершенно, и что единственная его обязанность состоитъ въ томъ, чтобы несчастіе незаслуженное облегчать посредствомъ благотворительности, а бѣдности виновной противопоставлять наказаніе и строгость закона. Такое направленіе было весьма-удобно особенно для тѣхъ людей, которыхъ личный интересъ тѣсно былъ связанъ съ сохраненіемъ несправедливаго и неразумнаго порядка вещей, которые въ своемъ узкомъ эгоизмѣ заботились только о своихъ выгодахъ и оставались совершенно-равнодушными къ страшнымъ бѣдствіямъ своихъ братьевъ. Такое поверхностное объясненіе фактовъ и явленій, относящихся къ пауперизму, освобождало и общество и науку отъ обязанности проникать глубже въ существо зла и въ его источникъ и отъискивать средства къ его уничтоженію. Но въ настоящее время, когда понятіе о правдѣ и справедливости распространяетъ съ каждымъ днемъ свое господство надъ сферой общественныхъ явленій,

такой своекорыстный и жестокий взгляд на эту важную и важную сторону народной жизни сделался уже невозможенъ. Теперь въ государствахъ Западной-Европы вся та, которые не ослаблены предрассудками и преданіями прошлаго, ясно понимаютъ, что бѣдность низшихъ классовъ проистекаетъ не отъ нихъ самихъ, но отъ другихъ более-глубокихъ, более-существенныхъ причинъ, и что въ высшей степени было бы жестоко и несправедливо вѣнчать людей такіа несчастія, въ которыхъ они вовсе не виноваты. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ некоторыхъ частныхъ случаяхъ нищета представляется достойнымъ и заслуженнымъ возмездіемъ за безнравственность, за пороки и преступленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бѣдный можетъ самъ сделаться виновникомъ своей нищеты, что онъ можетъ увеличить ее своими поступками, и что обыкновенные пороки высшихъ классовъ, лѣнь, распутство, наложничество, бродяжество и пьянство могутъ одни весьма-легко довести человека до самаго бѣдственнаго экономическаго состоянія. Но при этомъ не должно забывать, что эти нравственныя причины нищеты принадлежатъ къ разряду причинъ простепенныхъ, что онѣ дѣйствуютъ только косвеннымъ образомъ и состояніе высшихъ классовъ, что самыя пороки бѣдныхъ являются и столько причиной, сколько слѣдствіемъ нищеты, которая сама служитъ самой энергичекой причиной разращенія и упадка рабочихъ классовъ. Этихъ обстоятельствъ не должно забывать, потому-что они предупреждаютъ несправедливыя и слишкомъ-поспѣшные приговоры общественнаго мнѣнія и оправдываютъ до известной степени въ глазахъ каждаго безпристрастнаго судьи ту деморализацію, которая, къ сожалѣнію, составляетъ въ настоящее время почти неизбѣжный упадокъ низшихъ классовъ въ обществахъ Западной Европы. Справедливость этого мнѣнія о необходимомъ вліяніи нищеты на физическій и нравственный упадокъ рабочаго населенія постараемся мы доказать подробно въ слѣдующей статьѣ, посредствомъ одного простаго исчисленія казъ тѣхъ послѣдствій, которыми неизбежно сопровождается науверзанъ какъ по отношенію къ индивидуумамъ, такъ и по отношенію къ обществу.

В. И — НГЪ.

ОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Высочайше повелѣно: еврейскія колоніи, подлежащія на основаніи закона о Евреяхъ-земледѣльцахъ ст. 30-й къ передачу въ вѣдомство государственныхъ имуществъ, какъ равно новыя поселенія Еврей въ Новороссійскомъ-Край, принять въ управленіе Попечительнаго комитета объ Иностранныхъ Поселенцахъ (Выс. пов. 16 ноября).

Повелѣно: 1) должность вице-директора Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго сравнить съ должностью вице-директоровъ министерскихъ департаментовъ и канцелярій и на этомъ основаніи причислить ее по числу собранія гражданскихъ должностей къ пятому классу, по штибу мундиръ къ пятому разряду, и по пенсіи къ первой степени пятого разряда, и 2) вице-директору Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго производить изъ государственнаго казначейства все то содержаніе, которое производится председателями палатъ Грузино-Имеретинской-область, по штату 10 апрѣля 1840 г., т. е. жалованья 2300, столовыхъ 600 и квартирныхъ 690 руб. сер. въ годъ.

Высочайше повелѣно: запретить частнымъ лицамъ приготовленіе *какой-либо хлопчатой бумаги, замѣняющей порошъ*, во вниманіи къ опасности, съ которою сопряжено это производство; почему и самыя фабрики, сюда относящіяся, могутъ быть дѣлаемы не иначе, какъ по распоряженію правительства.

Высочайше повелѣно: 1) шоссе, сооружаемое отъ Москвы чрезъ Ярославль, Рославль и Бубруйскъ до Брест-Литовска, именовать Московскимъ шоссе; и 2) устроенный между рѣками Панною и Мухомъ и Королевскій Каналъ, соединяющій воды Дняпра и Буга, именовать Дняпровско-Бугскимъ Каналомъ.

Разрѣшенъ привозъ изъ-за границы къ санктпетербургскому порту *самого сахара луппа* въ-теченіе навигаціи 1847 г. на томъ же основаніи, на которомъ привозъ оваго былъ дозволенъ въ навигацію 1846 г. т. е. съ пошлиною, на сахаръ сырецъ определенной, и единственно для переработки на сахарныхъ заводахъ.

— Обнародована конвенція, заключенная между Его Императорского Величества и его величествомъ королемъ шведскимъ и норвежскимъ 10—22 іюля 1846 года, касательно почтовыхъ сообщений между Россійской Имперію и Королевствомъ Шведскимъ.

— Высочайше утверждены правила о порядкѣ допущенія свидѣй между лицами, содержащимися въ крѣпостяхъ по приговорамъ гражданскихъ судебныхъ мѣстъ, и ихъ семействами и родственниками.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату въ 17 день декабря 1846 года, изображено: «Указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 30 марта сего года, Мы не ведали учредить въ городахъ Тифлисѣ и Кутаисѣ особыя временныя комиссіи, для приведенія въ извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи по Грузіи и Имеретіи, еще неутвержденные правительствомъ. Нынѣ, признавая необходимымъ привести въ извѣстность княжескія и дворянскія фамиліи Гуріи тѣми же способами какіе предписаны для Грузіи и Имеретіи, Мы, согласно съ представленіемъ намѣстника кавказскаго и положеніемъ Кавказскаго Комитета, и велямъ: 1) комиссіи, по указу 30 марта сего года учрежденной въ Кутаисѣ, поручить привести въ положительную извѣстность всѣхъ вообще лицъ, составляющихъ теперь княжескія и дворянскія фамиліи Гуріи. 2) Для этого избрать въ Кутаисскую Комиссію членами отъ ея даго изъ двухъ участковъ бывшей Гуріи, по два князя и по два дворянина; 3) Кутаисской Комиссіи въ дѣйствіяхъ своихъ относиться къ приведенію въ извѣстность гурійскихъ князей и дворянъ, руководясь тѣми правилами, которыя предписаны въ ст. 8 (пункты 6, 7 и 8) указа 30 марта сего года о приведеніи въ извѣстность тѣхъ лицъ по Имеретіи, которыхъ происхожденіе подвержено сомнѣнію или не извѣстно; 4) Приведа такимъ образомъ въ извѣстность княжескія и дворянскія фамиліи въ Гуріи, Кутаисской Комиссіи включить ихъ въ списокъ, составленіе котораго поручено ей ст. 11 и 12 означеннаго выше указа. 5) Намѣстнику кавказскому предоставить, если онъ сочтетъ нужнымъ, снабдить Кутаисскую Комиссію особыми распоряженіями и постановленіями въ отношеніи дѣйствій ея по приведенію въ извѣстность княжескихъ и дворянскихъ фамилій въ Гуріи, и 6) правила, содержащіяся въ ст. 14 и 15 указа 30 марта 1846 года, распространить также на Гурію.»

— Для оказанія Закавказскому Краю разныхъ облегченій въ торговлѣ, повелѣно: 1) во всѣхъ вообще черноморскихъ портахъ Закавказскаго Края, включая и порты съверовосточнаго берега Чернаго Моря, ввести въ дѣйствіе особо Высочайше утвержденный таможенный тарифъ; 2) Отпускъ изъ Закавказскаго Края товаровъ за границу, изъ котораго этотъ край произведеній турецкихъ и персидскихъ и вывозъ товаровъ въ Россію, оставить на правилахъ, нынѣ существующихъ; 3) За привозимыя изъ Керчи въ Редут-Кале и Сухум-Кале, и въ Гуріи въ Баку русскія бумажныя издѣлія выдавать, съ 1847 года, въ видѣ премій, половину пошлины, взимаемой по общему тарифу за иностранную бумажную пряжу.

гу выдавать въ керченской и астраханской таможенныхъ, по предъявленіи свидѣтельствъ бакинской, редут-кальской или сухумской таможенъ въ дѣйствительномъ привозѣ означенныхъ издѣлій въ Закавказскій-Край.

) Открыть беспошлинный транзитъ европейскихъ товаровъ изъ Редут-Кале и Сухум-Кале въ Персію чрезъ Тифлисъ и Нахичевань, и персидскихъ товаровъ изъ Баку въ Редут-Кале и Сухум-Кале, на основаніи особыхъ Высочайше утвержденныхъ правилъ. 5) Предоставить всѣмъ торгующимъ въ Редут-Кале и Сухум-Кале право обратнаго вывоза отуда товаровъ и очистка оныхъ пошлиною въ-теченіе годичнаго срока, одобно тому, какъ это дозволено въ некоторыхъ портахъ Балтійскаго Блага Морей Высочайше утвержденнымъ положеніемъ Комитета Министровъ 3 сентября 1846 г. 6) Со всѣхъ судовъ, какъ россійскихъ, такъ и иностранныхъ, приходящихъ изъ-за границы въ порты восточнаго берега Чернаго-Моря и отходящихъ изъ оныхъ за границу, взимать ластовый сборъ только вполонину, т. е. по 2 съ половиной к. ер. съ ласта за приходъ и столько же за отходъ; деньги эти обращать въ пользу тѣхъ портовъ, въ которыхъ будутъ взимаемы, и за тѣмъ никакихъ другихъ сборовъ съ судовъ не взискывать, и 7) изъ общей суммы сбора, взимающаго поступать по всѣмъ таможеннымъ мѣстамъ отъ платежа пошлины за европейскіе и колоніальные товары, привозимые въ Закавказскій-Край, отчислять ежегодно, начиная съ 3 января 1847 г., пять процентовъ въ пользу края, для употребленія по распоряженіямъ лавнаго тамъ начальства на улучшеніе портовъ и сообщеній.

— Высочайше утверждено положеніе о заселеніи и гражданскомъ правленіи сѣверо-восточнаго берега Чернаго-Моря. Представляемъ изъ сего положенія извлеченіе. Сѣверо-восточнымъ берегомъ Чернаго-Моря именуется все пространство между устьями рѣкъ Кубани и Жигура. Въ всемъ пространствѣ сего учреждаются три портовыхъ города: Анапа, Новороссійскъ и Сухум-Кале. Съ развитіемъ поселенія будутъ учреждаемы на этомъ пространствѣ и другіе города. Станицы и поселки въ окрестностяхъ Анапы, какъ нынѣ существующіе, такъ и тѣ, которыя впередъ будутъ устроены, сохраняютъ общее названіе Закубанскаго-Края. Означенные портовые города назначаются преимущественно для поселенія жителей торговаго и промышленнаго класса и потому съ вообще лица свободнаго состоянія могутъ приписываться туда въ купцы, мѣщане, ремесленники или цеховые. Всѣ лица, причисленные въ сии города, обязаны, не далѣе трехъ лѣтъ со дня приписки, вести тамъ прочную осѣдлость; въ противномъ случаѣ они лишаются права пользоваться льготами и преимуществами, предоставленными жителямъ этихъ городовъ. Дозволяется также жить временно Евреямъ магеровымъ, не дѣлая постоянныхъ поселеній. Лицамъ, причисленнымъ въ означенныхъ городахъ, отводится для постройки домовъ и заведеній свободная отъ казенныхъ построекъ земля, съ особою платою на равнлахъ, которыя мѣстнымъ начальствомъ установлены. Приписаннымъ и водворившимся тамъ россійскимъ подданнымъ предоставляется право приобретать въ сихъ городахъ всякую недвижимую собственность. Желающимъ переселиться въ одинъ изъ трехъ портовыхъ го-

родовъ съверо-восточнаго берега Чернаго-Моря изъ внутреннихъ губерній Имперіи или Закавказскаго-Края и записаться въ Анапу, Новороссійскъ или Сухумъ въ купцы, мѣщане и цеховые, дается льгота отъ платежа гильдейскихъ пошлинъ и государственныхъ повинностей, по ставки рекрутъ и военнаго поста вѣ-теченіе тридцати лѣтъ со дня утвержденія сего положенія. Каждому приписавшемуся къ одному изъ означенныхъ трехъ городовъ предоставляется право производить свободный внутренней и заграничный торгъ на неопредѣленную сумму и всякую дозволенную промышленность и ремесло, а также учреждать фабрики и заводы, сообразно съ его средствами, во все продолженіе тридцати-лѣтняго льготнаго срока. Но производящій заграничный торгъ долженъ получить отъ мѣстной ратуши свидѣтельство, за которое ежегодно вносить въ пользу города 50 руб. сер. Всемъ приписавшимся дозволяется производить торговлю на всемъ восточномъ берегу Чернаго-Моря и въ Закавказскомъ-Крае безъ особой для сего привилегіи гильдій и взиманія свидѣтельствъ. Если же они пожелаютъ торговать въ Россіи, гдѣ право на торговлю пріобрѣтается взносомъ установленныхъ пошлинъ, то брать имъ узаконенныя свидѣтельства на общемъ основаніи. Всѣ переселившіеся въ города Анапу, Новороссійскъ и Сухумъ и прочно-водворившіеся тамъ, пользуются единственно вышеозначенными торговыми правами, но не пользуются преимуществами, предоставленными купечеству во внутреннихъ губерніяхъ Имперіи; тѣ же изъ нихъ, которые, до причисленія въ Анапу, Новороссійскъ или Сухумъ, принадлежали къ которой-либо изъ гильдій, и по перечисленіи въ тѣ города, сохраняя всѣ присвоенныя оной преимущества, пользуются теми преимуществами въ-отношеніи торговли въ Россіи только до-тѣхъ-поръ, пока будутъ вносить гильдейскія повинности. Жители сихъ городовъ, за особыя услуги и отличіе, оказанныя правительству, возводятся въ личное и потомственное почетныя гражданства. Закубанское поселеніе назначается, до времени, преимущественно для водворенія земледѣльцевъ, для которыхъ на другихъ пунктахъ съверо-восточнаго берега Чернаго-Моря, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не представляется теперь никакихъ удобствъ. Къ припискѣ допускаются всѣ вообще лица свободныхъ сословій. Закубанскіе поселенцы, живущіе теперь и водворяемые впредь въ станицахъ, находящихся на пространствѣ, ограничиваемомъ берегомъ Чернаго-Моря и устьями Кубани между Варениковскою-Пристанью, фортами: Ростегаемъ и Раевскимъ и Анапою къ морю, освобождаются на 15-ть, а поселенные уже вѣ-жущіе впредь селятся за сими фортами на черноморской береговой линіи, — на 30-ть лѣтъ отъ податей, воинскаго поста и прочихъ повинностей, кромѣ земскихъ, которыя обязаны отправлять на общемъ положеніи. Закубанскіе поселенцы по судопроизводству освобождаются на 15-ть лѣтъ отъ употребленія гербовой бумаги. Гражданское управленіе съверо-восточнаго берега Чернаго-Моря поручается начальству черноморской береговой линіи, начальникамъ отдѣленій оной и командантамъ вновь-учреждаемыхъ портовыхъ городовъ, въ которыхъ учреждаются особыя ратуши. Для управленія закубанскимъ поселеніемъ, существующимъ

ее нынѣ апапское временное правленіе преобразовывается въ постоянное учрежденіе и принимаетъ наименованіе Апапскаго Правленія Заубанскихъ Поселянъ.

— Высочайше утверждено положеніе о раздѣленіи Закавказскаго Края. Тотъ край, въ порядкѣ общаго управленія, раздѣляется на 4 губерніи: вѣлсскую, Кутапскую, Шемахинскую и Дербентскую. Тифлисская губернія образуется изъ слѣдующихъ уѣздовъ теперешней Грузино-Имеретинской Губерніи: 1) Тифлисскаго, 2) Горійскаго, 3) Телавскаго, 4) Сигпакскаго, 5) Елисаветпольскаго, 6) Эриванскаго, 7) Нахичеванскаго и 8) Александропольскаго. Къ этому послѣднему уѣзду присоединяется отъ уѣзда Ахалцыхскаго участокъ ахалкалакской. Принадлежащія къ этой губерніи округа: горскихъ народовъ, Осетинскій и Тушо-Пшаво-Хевсурскій остаются на прежнее основаніи. Губернскимъ городомъ остается Тифлисъ. Въ составъ губерніи Кутапской отдѣляются слѣдующія части теперешней Грузино-Имеретинской Губерніи: Кутапскій и Гурійскій Уѣзды; Абас-Туманскій и Жертвасскій участки Ахалцыхскаго-Уѣзда, лежащіе на западъ отъ хребта Херпнахвони, и ущелье Мамисовское Осетинскаго Округа. Сверхъ-того, къ общему составу Кутапской-Губерніи причисляются: Мингрелии и Сванетія. Губернскимъ городомъ этой губерніи назначается Кутапъ. Губернія Шемахинская образуется изъ слѣдующихъ уѣздовъ теперешней Каспійской-Области: 1) Ширванскаго; 2) Карабахскаго; 3) Шекинскаго; 4) Талышинскаго и 5) Бакинскаго. Ширванскій Уѣздъ принимаетъ названіе Лемахинскаго, Карабахскій — Шушинскаго, Шекинскій — Нухинскаго, а Талышинскій — Лепкоранскаго. Участокъ Сальянскій отдѣляется отъ теперешняго уѣзда Ширванскаго и причисляется къ новому уѣзду Ленкоранскому. Губернскимъ городомъ остается Старая-Шемаха. — Въ составъ Дербентской-Губерніи обращаются: Дербентскій и Кубинскій Уѣзды теперешней Каспійской Области, округа: Самурскій и Даргинскій; земли: кириское и казакумыское и прочія земли Дагестана, лежащія къ югу отъ аварскаго койсу. Губернскимъ городомъ назначается Дербентъ. Съ учрежденіемъ этой губерніи упраздняется дербентское военно-окружное начальство. Въ каждой изъ четырехъ губерніи Закавказскаго Края полагается особый военный губернаторъ, управляющій гражданскою частію. По военной части въ губерніи опъ дѣйствовать на правахъ, для военныхъ губернаторовъ городовъ постановленныхъ; а по гражданской — на правахъ, гражданскимъ губернаторамъ Закавказскаго Края присвоенныхъ. На этомъ основаніи, грузино-имеретинскій гражданскій губернаторъ принимаетъ названіе тифлисскаго военного губернатора, управляющаго гражданскою частію. Вся вообще начальственныя мѣста и лица губерніи Грузино-Имеретинской остаются, въ ихъ теперешнемъ составѣ, въ губерніи Тифлисской; по мѣсто грузино-имеретинскихъ принимаютъ наименованіе тифлискихъ. Равнымъ образомъ каспійскій областной начальникъ принимаетъ наименованіе шемахинскаго военного губернатора, управляющаго гражданскою частію. Товарищъ областного начальника переименовывается въ шемахинскіе вице-губернаторы. Вся вообще правительственныя мѣста и дѣ-

ца Каспійской Области остаются, въ ихъ теперешнемъ составѣ, въ губерніи Шемахинской; но вмѣсто названія каспійскихъ и областей, принимаютъ наименованіе шемахинскихъ и губернскихъ. Вся вообще уездныя и участковыя управленія въ сихъ двухъ губерніяхъ остаются на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ существуютъ и теперь въ губерніи Грузино-Имеретинской и Области Каспійской; управленіе же губерній Кутаисской и Дербентской учреждается на основаніи положеній и штатовъ, особо составленныхъ.

II. Губернскія учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и нравъ ихъ.)

Ееодоссійскій карантинный округъ, съ карантинною стражею оныхъ подчиненъ таврическому гражданскому губернатору, а должность начальника особыхъ порученій по дѣламъ ееодоссійскихъ карантиннаго и таможеннаго округовъ при керчь - еникольскомъ градоначальникѣ упрощена (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 12 ноября).

— По вопросу, можетъ ли быть подчинена прокурорскому надзору севастопольская полиція, повелѣно: оставить эту полицію, на точномъ основаніи дѣйствующихъ узаконеній, въ всякой зависимости отъ дѣлъ составляющихъ губернской и уездный надзоръ, предоставить морскому министерству предписать кому слѣдуетъ, чтобы ближайшее наблюденіе за правильностію канцелярскаго порядка и дѣлопроизводства по полиціи а равно и за своевременнымъ доставленіемъ объ арестантахъ съмысли по требованію уезднаго стряпчяго, было всегда возлагаемо на одного изъ состоящихъ при тамошнемъ военномъ начальствѣ штаб-офицеровъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 14 октября).

— Постановлено: исправленіе должности градскаго головы, въ случаѣ его отлучекъ или болѣзни, поручать одному изъ находящихся въ городѣ кандидатовъ его, по старшинству избирательныхъ баллотъ; въ случаѣ же, когда ни одного изъ сихъ кандидатовъ на лицо не будетъ, исправленіе сей должности возлагать на старшаго изъ присутствующихъ въ Думѣ гласныхъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 4 ноября).

— По вопросу о мѣрахъ къ устройству помѣщичьихъ лѣсовъ въ С.-Петербургскомъ и Царскосельскомъ Уѣздахъ, постановлены, въ этихъ уѣздахъ, на три года, слѣдующія правила:

1) Помѣщики означенныхъ уѣздовъ обязываются содержать лежащія имъ лѣсныя дачи въ порядкѣ и чистотѣ по правиламъ, установленнымъ для казенныхъ лѣсовъ въ ст. 663 Уст. Лѣсн. (Собр. Зак. т. VIII, изд. 1842 г.).

2) На помѣщичьихъ дачахъ сихъ уѣздовъ распространяются: а) ст. 653 того же устава о предосторожностяхъ при раскладкѣ огня въ лѣсахъ, такъ и вблизи оныхъ и б) ст. 655 и 658 о мѣрахъ къ потушенію лѣсныхъ пожаровъ. Изложенныя въ сихъ постановленіяхъ обязанности пожарнаго старосты возлагаются на собственниковъ дачъ.

3) Для надлежащаго присмотра за исполненіемъ вышеизложенныхъ правилъ и для охраненія частныхъ лѣсовъ отъ самовольныхъ порубокъ владѣльцы обязаны содержать при лѣсныхъ дачахъ особую сторожку изъ собственныхъ крестьянъ или изъ наемныхъ людей въ числѣ,

ное будетъ определено по постановленію уезднаго дворянства, съ утвержденія гражданскаго губернатора.

4) Лѣсные сторожа сія подчиняются непосредственному надзору земскоіи полиціи, которая, въ случаѣ надобности, побуждаетъ сторожей къ исполненію ихъ обязанностей, а при уклоненіи самихъ помѣщиковъ отъ исполненія предписанныхъ правилъ, доводить о томъ до свѣдѣнія уезднаго предводителя дворянства.

5) Уездные предводители обязаны убѣждать помѣщиковъ о содержаніи ихъ лѣсныхъ дачъ въ порядокъ, и буде убѣжденія сія останутся безъ успѣха, то извѣщать о томъ губернскаго предводителя дворянства, который дѣлаетъ такимъ владѣльцамъ напоминанія при первомъ собраніи дворянъ, а при дальнѣйшемъ уклоненіи отъ исполненія требуемаго, извѣдомляетъ гражданскаго губернатора, для зависающаго съ его стороны распоряженія.

III. Законы гражданскіе.

Государственный Совѣтъ, разсмотрѣвъ всеподданнѣйшій докладъ Общаго Собранія первыхъ трехъ департаментовъ Правительствующаго Сената 1) о томъ, должна ли быть утверждена представленная къ засвидѣтельствованію въ 1845 году отпускная, данная титулярною совѣтницею Суржковой дворовой дѣвкой, которую она купила послѣ изданія манифеста 1833 года о 8 ревизіи, не имѣя во владѣніи своемъ населеннаго имѣнія, и 2) возникшій изъ сего частнаго случая общій вопросъ: могутъ ли оставаться въ своей силѣ отпускныя, данныя дворовымъ людемъ, купленнымъ послѣ изданія помянутаго манифеста лицами, не властвующими населенными имѣніями, согласно съ Общимъ Собраніемъ Сената нашелъ, что не властвующая населеннымъ имѣніемъ титулярная совѣтница Суржкова, давъ отпускную приобрѣтенной ею по купчей послѣ манифеста о 8 ревизіи дѣвкой Савельевой, тѣмъ самымъ выполнила цѣль закона, состоящую въ устраненіи отъ владѣнія крѣпостными людьми лицъ, неимѣющихъ населенныхъ имѣній, и потому уничтожившаго таковыя купчія (указъ 26 января 1843 г.); но вмѣстѣ съ тѣмъ лишила себя возможности отыскивать заплаченныя за Савельеву прежней ея владѣльщицею деньги, а сію послѣднюю помогать, по силѣ означеннаго закона, возвращенія къ ней дѣвки Савельевой; какъ получившей уже свободу. Не усматривая за симъ, чтобъ указъ 26 января 1843 года могъ служить препятствіемъ къ засвидѣтельствованію данной Савельевой отпускной, Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ: предоставить Правительствующему Сенату предписать кому слѣдуетъ, какъ о засвидѣтельствованіи установленнымъ порядкомъ означенной отпускной, если къ тому не встрѣтятся другихъ законныхъ препятствій, такъ и о ю ступленія, на семъ же основаніи, во всѣхъ одинаковыхъ съ настоящимъ случаяхъ. Это мнѣніе Государственнаго Совѣта Высочайше утверждено 28 октября.

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ДЕКАБРЬ 1846 ГОДА.

Промышленность. — Выданы привилегіи: 1) купцу 2-й гильдіи Блюмбергу на изобрѣтенный имъ аппаратъ для очищенія на винокурельныхъ и водочныхъ заводахъ полугарнаго вина или раки, выкуриваемаго изъ хлѣба, картофеля или свеклосахарныхъ остатковъ, отъ дурнаго гарнаго вкуса и запаха. На этотъ аппаратъ выдана ему въ Англіи 4 ноября 1845 года привилегія на 14 лѣтъ. 2) Санктпетербургскому 3-й гильдіи купцу Сырову съ братьями на изобрѣтенный ими способъ дробленія, посредствомъ котораго, какъ объясняютъ изобрѣтатели, дробь мѣведена до такой степени, что нисколько не уступаетъ англійской. 3) Фридрихсгамскому купцу Егору Яофа на изобрѣтенный имъ способъ сварки сварадъ для винокурения; сварка этотъ, какъ объясняютъ изобрѣтатели, по своему устройству, прочности и быстротѣ въ дѣйствіи значительно уменьшаетъ количество рабочихъ рукъ, дровъ и выделяетъ больше противъ прежняго количества спирта, такъ-что при кураніи 200 кулей въ сутки достаточно 30 работниковъ, менѣ двадцати пяти сажень дровъ, менѣ пятнадцатью саженьми противъ прежняго способовъ; изъ одного куля ржаной муки выкуривается спирта 6 ведра въ 107 градусовъ, а въ-теченіе семи-мѣсячнаго срока изъ 420 кулей 189,000 ведеръ; въ-продолженіе 24 часовъ, вмѣсто двухъ стокъ на семь аппаратъ будутъ четыре сгонки; сварка этотъ не требуетъ почивки въ-продолженіе десяти лѣтъ. 4) Французскому подданному Февру на новозобрѣтенный способъ буренія артезіанскихъ колодезь помощью гидравлической сонды, на который изобрѣтателю его французскому инженеру Фавелю, дана во Франціи 5 іюля 1845 года привилегія на 15 лѣтъ и 5) Бельгійскому подданному Юсту на новозобрѣтенный способъ устройства осей въ экипажахъ, съ усовершенствованіемъ втулокъ.

— Высочайше утверждень уставъ Компаніи Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры, учрежденной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Сабуровымъ, Санктпетербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ Котомъ, иностранцемъ гостемъ Ривою и Нарвскимъ купцомъ Риттеромъ. Представляемъ здѣсь этотъ уставъ:

§ 1. Для пріобрѣтенія и распространенія находящейся подлѣ Санктпетербурга шелковой фабрики мануфактур-совѣтника Бинера, означенные учредители въ товариществѣ съ извѣстными имъ лицами на основаніи взаимной доверенности, учреждаютъ Компанію Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры, по названію, которое полагается своимъ оному заведенію.

§ 2. На покупку сей фабрики и на потребный для дѣйствія ея капиталъ, учредители Компаніи, съ извѣстными имъ лицами предположили составить капиталъ въ 500,000 руб. сер., разделеннаго на 2,500 частей по 200 р. с. каждый.

§ 4. Деньги за пан должны вноситься, согласно съ ст. 1861 в. Св. Зак. Гражд., по назначенію учредителей.

§ 5. Пан могутъ быть передаваемы, съ подписью, отъ одного члена къ другому.

§ 6. Суммы, въ которыхъ не будетъ предстоять неотложной надобности для фабричныхъ оборотовъ, учредители или правленіе вносятъ въ одно изъ государственныхъ кредитныхъ установленій.

§ 7. Въ первые четыре года дѣйствія мануфактуры, правленіе будутъ составлять четыре учредителя, и мѣстопробываніе онаго назначается въ Санктпетербургъ.

§ 8. По истеченіи четырехъ лѣтъ, выходить ежегодно, по жребію, одинъ изъ учредителей, и общее собраніе владѣльцевъ паевъ избираетъ на его мѣсто другаго. Такимъ-образомъ поступается до-тѣхъ-поръ, пока изъ правленія выйдутъ всѣ четыре учредителя; за тѣмъ ежегодно выходятъ Директоръ, пробывшій въ должности четыре года.

§ 9. Выходящій директоръ можетъ быть вновь выбранъ.

§ 10. Всѣ директоры получаютъ за труды свои 6% изъ чистой прибыли, которые и дѣлятъ между собою.

§ 11. Правленію поручается все управленіе, и посему оно неограниченно уполномочивается: на покупку фабрики; на возведеніе, въ случаѣ надобности, новыхъ строеній; на снабженіе заведенія машинами, снарядами и матеріалами; на продажу издѣлій за наличныя деньги или на сроки; на содержаніе кассы, веденіе бухгалтеріи и корреспонденціи по купеческому обряду; на опредѣленіе и удаленіе уполномоченныхъ, управляющихъ, фабричныхъ мастеровъ, работниковъ и другихъ лицъ при фабрикѣ; на назначеніе имъ жалованья и наградъ; на опредѣленіе числа дѣйствующихъ станковъ и рода издѣлій; однимъ словомъ, правленіе приводитъ въ исполненіе все, чего требуетъ покупка и дальнѣйшее содержаніе фабрики въ дѣйствіи.

§ 12. Во всѣхъ сихъ случаяхъ правленіе должно дѣйствовать единогласно. Въ случаѣ разности въ мнѣніяхъ между директорами, или когда директоры признаютъ нужнымъ отобразить мнѣніе владѣльцевъ паевъ, правленіе сзываетъ общее ихъ собраніе.

§ 13. Каждый владѣлецъ паевъ имѣетъ доступъ въ общее собраніе; но голосъ имѣетъ только владѣлецъ 10 паевъ; владѣлецъ 25 паевъ — имѣетъ два голоса; 50 — три голоса. Больше сего числа голосовъ никто имѣть не можетъ.

§ 14. Постановленія общаго собранія дѣлаются согласно съ ст. 1881 тома X Св. Зак. Отсутствующіе владѣльцы паевъ считаются согласившимися съ большинствомъ присутствовавшихъ.

§ 15. Дабы пользоваться всеми правами торговли, Компанія обязывается снабжать себя ежегодно торговымъ свидѣтельствомъ, соответствующимъ капиталу своему.

§ 16. Согласно съ ст. 1870 тома X Свода Зак., Компанія Санктпетербургской Шелковой Мануфактуры отвѣчаетъ не свыше своего складочнаго капитала; а каждый владѣлецъ паевъ только суммою, внесенною за свои паи.

§ 17. Дальнѣйшія внутреннія распоряженія имѣютъ быть опредѣлены правленіемъ, согласно съ общими правилами, установленными въ Сводѣ Зак. Гражданскихъ о товариществахъ по участкамъ, или компаніяхъ на акціяхъ; а именно: касательно опредѣленія запаснаго капитала и выплаты дивиденда — по ст. 1867 и 1868; относительно представленія ежегоднаго отчета — по ст. 1882 и 1883, и о разрѣшеніи споровъ — по ст. 1884.

§ 18. Срокъ существованію Компаніи не опредѣляется. Закрытіе ея и ликвидація будутъ завѣсть отъ ршенія общаго собранія, и имють совершиться по коммерческимъ правиламъ, согласно съ ст. 1885 того же тома Свода Законовъ.

§ 19 Независимо отъ сего, Компанія будетъ во всемъ слѣдовать ш-шеозначеннымъ общимъ правиламъ о компаніяхъ.

Благотворительность. — Высочайше утверждено положеніе о обществѣ для составленія похоронной кассы въ городѣ Дерптѣ. Представляемъ изъ этого положенія извлеченіе. Общество учреждается для выдачи изъ кассы его единовременныхъ денежныхъ пособій на погребеніе лицъ, бывшихъ членами сего общества. Въ число членовъ принимаются лица всякаго званія обоюго пола, преимущественно цеховые города Дерпта и вдовы ихъ; но лица, находящіяся въ дѣйствительной военной службѣ, а равно достигшія 85-лѣтняго возраста, въ общество не принимаются. Лица, которыхъ здоровье можетъ подлежать сомнѣнію, должны предъавить удостовѣренія врачей, достаточныя для отложенія этого сомнѣнія, въ противномъ случаѣ они не могутъ поступить въ общество, равно какъ и люди дурнаго поведенія. Число членовъ не должно превышать 101; изъ нихъ вносятъ плату только 100, ибо съ семейства умершаго члена этой платы не требуется. Брачная чета принимается за одно лицо въ члены общества, но денежные пособія производятся какъ въ пользу мужа, такъ и жены его, отдѣльно, въ случаѣ кончины обоихъ. Капиталъ общества составляется слѣдующимъ образомъ: а) при вступленіи въ общество каждое лицо за внесеніе имени его въ списокъ, платитъ по пяти рублей серебромъ; б) при смерти одного изъ членовъ, или его жены, всякій изъ остальныхъ членовъ вноситъ въ кассу по 2 руб. сер. Сверхъ-того, достигшій до 45-лѣтняго возраста платитъ кромѣ обыкновенной суммы за право члена еще за каждый смертный случай, считая отъ помянутаго возраста до принятія въ общество, по 1 р. сер.; но расчетъ его вноситъ начинается не прежде, какъ со смертію одного члена по принятіи его. Если членъ лишится жизни въ-слѣдствіе умышленнаго самоубійства, то пособие на погребеніе его не выдается и въ такимъ членомъ внесенныя деньги остаются собственностью кассы. Членъ, слѣлавшій 140 взносовъ, освобождается отъ дальнѣйшихъ платежей. Этимъ освобожденіемъ открывается вакансія одному кандидату для поступленія въ общество.

— Тамбовскій 1-й гильдіи купецъ и почетный гражданинъ Матвій Гнусовъ и санктпетербургскій 3-й гильдіи купецъ Григорій Моксинъ, при вступленіи въ число дѣйствительныхъ старшинъ Демидовскаго Дома Призрѣнія Трудящихся, принесли въ даръ оному: первый 200 руб. сер., а послѣдній 100 руб. сер., предложивъ жертвовать и впередъ такую же сумму ежегодно. Государыня Императрица, по всеподданнѣйшему представленію о семъ попечительства Дома Трудящихся, Высочайше повелѣть соизволила: объявить Гнусову и Моксану Всемилостивѣйшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЬ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ БОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

Статья шестая (*).

ПРИРОДНЫЕ ЛУГА И КОРМОВЫЯ ТРАВЫ ИЛИ ИСКУССТВЕННЫЕ ПОКОСЫ.

ВЪ КАКОМЪ СОСТОЯНІИ НАХОДЯТСЯ НАШИ ЛУГА; ПРИЧИНЫ, НЕДОЗВОЛЯЮЩІЯ ИДТИ У НАСЪ ИСКУССТВЕННОМУ ОРОШЕНІЮ ЛУГОВЪ, А РАВНО И ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВПОЛНѢ ПОВЕРЖАЕМОЮ СОБСТВЕННОСТІЮ; НЕОБХОДИМОСТЬ ПОКУПАТЬ СЪНОВЫЙ ФУРАЖЪ, ИЛИ КОРМИТЬ СКОТЪ ЗЕРНОМЪ ВЪ ТАХЪ ХОЗЯЙСТВАХЪ, КОТОРЫЯ МАЛО ИМѢЮТЪ ЛУГОВЪ; РАСЧЕТЪ ВЫГОДЪ, ДОСТАВЛЯЕМЫХЪ ПОКУПНЫМЪ СЪНОМЪ; НЕКОТОРЫЯ ЗАВОНПОЛНЕННЫЯ СРЕДСТВА КЪ ИСПРАВЛЕНІЮ НАШИХЪ ЛУГОВЪ; ВРЕМЯ КОШЕНІЯ И УБОРКИ СЪНА; КАКЪ УДОБНѢЕ ПРОИЗВОДИТЬ ЭТУ УБОРКУ; КЛЕВЕРЪ, ТИМОФЕВКА И ДРУГІЯ ТРАВЫ.

ПРИРОДНЫЕ ЛУГА.

Луговое хозяйство въ Россіи, по весьма-уважительнымъ причинамъ, находится въ состояніи незавидномъ. Въ этой статьѣ, мы обратимъ вниманіе читателей на обстоятельства, вредящія нашему луговодству, и укажемъ на нѣсколько *простыхъ, удобоисполнимыхъ пособій* исправлять нѣкоторые недостатки луговъ и увеличивать ихъ производительность.

Наши природные луга вообще раздѣляются: 1) на сѣнокосы *аливные* (поѣмные), находящіеся по отлогимъ берегамъ рѣкъ; это самыя лучшія изъ всѣхъ; 2) сѣнокосы *по отлогимъ скатамъ, низинамъ и ложбинамъ*, отняемымъ отчасти лѣсами, а потому нѣсколько влажнымъ, и 3) на покосы *лѣсные*, между рѣдко-ростущими деревьями, и покосы *по залежамъ*. Последніе, находясь на глад-

(*) Первые пять статей II-й части «Отчета» напечатаны въ «Отеч. Зап.» 46 года (томы XLV, XLVI, XLVII, XLVIII и XLIX).

кой и возвышенной поверхности земли, издавна запущенной вод луга, называются «степными лугами» и встрѣчаются чаще въ Малороссіи и въ тѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ по числу народонаселенія земли изобильно. Покосы третьяго разряда бѣдят травую и ненадежныѣ прочихъ; здѣсь все зависитъ отъ бѣды или менѣе дождливаго лѣта: въ засуху, такіе луга бываютъ все обнажены, но въ очень-сырую и благоприятную погоду даютъ сборъ травы, восходящій отъ пятидесяти до двухсотъ пудовъ сѣна съ экономической десятины. Луга втораго разряда приносятъ отъ 100 до 250 пудовъ, а перваго разряда отъ 200 до 300 и болѣе пудовъ сѣна.

Большая часть луговъ болховскаго хозяйства принадлежитъ первому и второму разрядамъ. Съ заливныхъ луговъ по берегамъ Оки и рѣчки Березуя, мы получали съ каждой экономической десятины, круглымъ числомъ за одиннадцать лѣтъ, по 260 пудовъ хорошаго сѣна. Только въ рѣдкіе годы, когда весенняя вода долго покрываетъ луга и оставляетъ на нихъ очень-толстый слой ила или, когда лѣтомъ случаются сильныя паводки, заносящія и землю и соромъ, сѣна съ этихъ луговъ собирается менѣе съ той пропорціи. За то, въ годы, слѣдующіе за подобными наводненіями, урожай травы бываетъ богатый.

Мы часто выслушиваемъ отъ ученыхъ агрономовъ горькіе речки за невниманіе наше къ луговодству, какъ главному источнику прибыльнаго хозяйства: Эти господа стараются внушить хозяйскимъ практикамъ, сколь необходимо удобрять, утучнять (*) и орошать искусственно свои сѣнокосы, подкрѣпляя подобныя внушенія цифрами, по ихъ мнѣнію столь же вѣрными, какъ дважды два четыре. Но ученые агрономы, предлагающіе такія легкія утучненія и не подозревающіе, какиихъ трудовъ, заботъ и непріятностей стоить иному хозяину,—не говоримъ, орошеніе или удобреніе луговъ, а просто охраненіе ихъ отъ погнѣванія скотомъ, принадлежащимъ мужичкамъ соседнимъ, или своей же барщины. (Тѣ же луга и съ хлѣбами, вытаптываемыми и подъедаемыми бродящими волѣ всякаго рода животными.) А потому и не мудро, не разумныя усердныя (**) наставленія господъ-агрономовъ принимать одинаковую участь съ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Бѣда сельскому хозяину, если онъ окруженъ оброчными крестьянами, гдѣ по-большой-части присмотръ за крестьянами

(*) Въ главѣ: «О утучненіи почвы» мы объяснили, какою политико-экономическою линіею между словами: *удобрять* и *утучнять*. Удобрить землю можно только употребленіемъ, золою, мергелемъ, известью, а утучнять — только навозомъ.

(**) Кто живалъ въ деревняхъ, тотъ не усомнится въ истинѣ нашихъ словъ, ибо ему известно, какиихъ заботъ стоить хозяйству охраненіе сѣнокосовъ отъ скота, и какъ слабы способы землевладѣльцевъ ограждать свою собственность отъ хищничества и порчи разнаго рода.

ли такими вотчинами, въ которыхъ хотя и живутъ помѣщики, а помѣщики, не обращающіе вниманія даже на свое собственное зяйство, — а, слѣдовательно, равнодушные къ земледѣльческимъ спѣхамъ сосѣдей своихъ! Прошу въ такой мѣстности оставить крды сѣна на лугу безъ караула, или устроить *водоподъемную ашину* для орошенія сѣнокосовъ! Здѣсь случилось бы то, что въ ту прекрасную ночь и желѣзныя и деревянныя части водочерпильной машины исчезли бы навсегда. Для охраненія подобной шивны необходимо устроить караулку и помѣстить въ нее по-айней-мѣръ *двухъ караульщиковъ*; да и тѣ рискуютъ отвѣдать рядочныхъ побоевъ, или герметической закупорки въ ихъ избушкѣ, что часто и случается съ бѣдными караульщиками лѣсныхъ чь. Слѣдовательно, нечего и помышлять о водопроводахъ и машинахъ тамъ, гдѣ все это ежедневно будутъ портить или истреб-ть совершенно (*).

Мудрое наше правительство оказало великую помощь сельскому зяйству, уничтожая черезполосье земель; но пока у насъ прасобственности или право—*сполнить и безпрепятственно пользоваться своики удобствами*, не будетъ ограждено строгими законами отъ ышленныхъ на него посягательствъ постороннихъ лицъ, дѣхъ-поръ благодѣтельное, само-по-себѣ, размежеваніе не прине-тъ той пользы, которая долженствовала бы произойти отъ не- (**). Итакъ, надлежало надѣяться, что прозорливое правитель-ю, по окончаніи размежеванія, подастъ вторично руку помощи иному земледѣлю изданіемъ строгихъ узаконеній, охраняющихъ земельное имущество. И надежды наши, кажется, сбываются, гому-что уже появилось новое *«Уложеніе о наказаніяхъ уголов-хъ и исправительныхъ»*. О вредѣ, причиняемомъ земледѣлю ко-ралствомъ, къ-сожалѣнію, весьма у насъ распространившимся, имѣли уже случаи говорить въ № 49 «Земледѣльской Газе-

*) Въ потворствѣ негодяямъ — причинять обиды сосѣдямъ и во всѣхъ без-якахъ (которыми славятся нѣкоторыя помѣстья) обыкновенно обвиняють чинныхъ старостъ — этихъ отвѣтственныхъ надателей дворянскихъ имѣ- . Мы не споримъ, что способъ обидѣть другихъ имѣть свои удобства; намъ странно одно: какимъ-образомъ укоренился у насъ этотъ деревенскій чай? развѣ старшій или начальствующій можетъ сослаться на младшаго зчиненнаго? развѣ военный чиновникъ можетъ указать на вахмистра или ейтора, а гражданскій на столоначальника или писца?

*) Хотя нынѣче нѣкоторыя дачи и размежеваны, но у насъ еще осталась рая привычка — считать всѣ земли и уголья общими, или лучше сказать, алась увѣренность въ безнаказанности за порубку чужаго лѣса, пограбу ба, скошеніе луговъ, расхищеніе мостовъ и тому подобное. Въдѣ прежде или жѣ мы общіе лѣса; когда вздумалось, вытрачивали общіе луга — не авайся они ни мнѣ, ни другому: почему же и теперь не дѣлать того же? .. не извѣстно, что у насъ и на самыхъ большихъ дорогахъ *моими* не-тъ долго уцѣлѣть и *ракички* тщетно подсаживаются ежегодно?

ты» за 1842 годъ, въ статьѣ: «О способахъ усовершенствованія роду крестьянскихъ лошадей».

Надобно сказать, что орошеніе луговъ, которымъ насъ прельщаютъ и о которомъ написаны цѣлые томы, — къ сожалѣнію насъ едва-ли гдѣ возможно. Частію холмистая, а частію и низкая поверхность почвы средней и южной полосъ Россіи, присутствіи озеръ, прудовъ и водныхъ источниковъ на возвышенныхъ пунктахъ, не представляетъ способовъ наводнять луга спускомъ сверху водою, потому-что воды здѣсь взять не гдѣ. Остаются этой цѣли одніи рѣки, текуція по-большой-части въ глубокихъ руслахъ, или окруженныя лугами, довольно-производительными безъ искусственной поливки. Слѣдовательно, орошать эти луга нельзя иначе, какъ посредствомъ водоподъемныхъ машинъ. Устройство подобныхъ машинъ (если съ ними и не случится того о чемъ мы говорили выше), охраненіе ихъ и проведеніе водосборныхъ бороздъ едва-ли окупится хозяину, который можетъ изъ готовое сѣно отъ 15 до 25 копеекъ ассигнаціями за пудъ (*). Обыкновенная цѣна на сѣно въ средней полосѣ Россіи; въ степяхъ же и Малороссіи, оно еще дешевле. Цѣны на сѣно увеличиваются только въ неурожайные годы, или въ тѣ весны, когда неурожаившіе крестьяне бываютъ вынуждены, по недостатку корма, покупать первый попавшійся имъ продажный фуражъ; по совершенной распутицѣ и отыскивать его невозможно. Конечно, расчетливый хозяинъ, у котораго недостаточно луга, станетъ покупать сѣно съ осени, или въ началѣ зимы, когда оно обыкновенно бываетъ дешевле, и покупать въ урожайные годы даже для запаса на случай недорода и дороговизны. Впрочемъ, вмѣсто покупки сѣна можно занимать луга для скоса, даже на довольно-дальнемъ разстояніи отъ хозяйства. Луга обыкновенно отдаются на выгодныхъ кондичіяхъ для наемщика, и потому, съ нихъ снятое своими рабочими, обойдется еще дешевле луга готового сѣна.

Предчувствуемъ, какъ вознегодуютъ нѣкоторые наши сельские хозяева, и въ-особенности хозяйки, при словѣ: — *покупать сѣно*. «Какъ!» воскликнутъ они: — «покупать сѣно въ деревнѣ? въ деревенскихъ столыцахъ!»—это ересь; да на что жь созданы деревеньки, если не на то, чтобъ продавать изъ нихъ хлѣбецъ и получать съ него доходъ? Къ-сожалѣнію, мнѣніе, что наше сельское хозяйство состоитъ только изъ продажи, но ни чѣмъ не должно жертвовать для поддержанія и улучшенія себя, имѣеть своихъ приверженцевъ.

Не пужно многихъ доказательствъ, чтобъ убѣдиться въ справедливости этого мнѣнія. Развѣ сельское хозяйство не та же мануфактура

(*) Выше этой цѣны сѣно продается только въблизи большихъ городовъ, по весьма-проѣзжихъ дорогамъ.

акъ и прочія мануфактуры, покупающія грубый матеріалъ, чтобы въ выгоду для себя переделывать его въ разные издѣлія? разница только въ томъ, что на земледѣльской мануфактурѣ выдѣлываетъ хлѣбъ, а не кашемировыя шали и газовыя ленты. Итакъ, по-тому же сельскому хозяину не покупать, подобно другимъ фабрикантамъ, суроваго матеріала, на-примѣръ — сѣна, о которомъ мы ейчасъ говорили? Попробуемъ доказать цифрами, что переработка покупнаго сѣна въ *поземь* не введетъ сельскаго хозяина въ бытокъ.

На экономическую десятину подъ посѣвъ пшеницы нужно до 100 возовъ или 5000 пудовъ навоза (о томъ, сколько кладется добренія подъ разные хлѣба, мы уже говорили въ статьѣ: «О пшеницѣ и Ржи»). Чтобы добыть это количество удобренія, необходимо скормить скотомъ и употребить на подстилку около 2500 удовъ сѣна и соломы (*); а какъ на каждый пудъ сѣна необходимо 2 пуда подстилки или яровой и озимой соломы, то для покупчія 5000 пудовъ навоза, потребуется 833 пуда сѣна, а на покупку его, — по средней изъ вышеприведенныхъ нами цѣнъ, по 10 к. за пудъ, — сумма 166 р. 60 к. Соломы мы въ цѣну не по-нимаемъ, потому-что она, по единогласному опредѣленію агрономовъ, должна поступить на скотный дворъ отъ хозяйства *даромъ*; ритомъ, хорошій по навозу урожай пшеницы и слѣдующаго за ей яроваго хлѣба, въ-послѣдствіи съ лихвою вознаградитъ за употребленную на подстилку солому (**).

Теперь разсмотримъ, что доставить намъ 833 пуда покупнаго сѣна.

Означеннымъ количествомъ сѣна можно прокормить въ-теченіе глубокой осени и всей зимы (около 200 дней) до 8 коровъ, полагая на каждую въ сутки по полупуда сѣна; остальные затѣмъ 33 пуда пойдутъ на телятъ, рожденныхъ отъ этихъ коровъ; теперь доложимъ, что изъ 8 коровъ, будутъ телиться только 5, — а это очень-снисходительно; — слѣдовательно, отъ 5 коровъ по 1 пуду масла—всего 5 пудовъ, на сумму 60 руб. (пудъ масла цѣнимъ въ 2 р.), да 5 телятъ, полагая въ 3 р. 50 к. cadaго, — на сумму 7 руб. 50 коп.

Десятина пшеницы, посѣянная по навозу, добытому отъ этихъ коровъ, принесетъ 214 руб. 96 коп. (валовой доходъ, полученный

(*) Полагая, какъ принято всѣми агрономами, что кормъ и подстилка дадутъ навоза по вѣсу вдвое болѣе.

(**) Мы съ намѣреніемъ не вдаемся здѣсь въ сбивчивые расчеты — *во-что* *идетъ* *земледѣльцу* *солома* *и* *навозъ*, а равно и въ опредѣленіе цѣнности *ра-чнато* *пѣнаго* *и* *коннаго* *дня*. У насъ такъ много толковали объ этихъ предме-тахъ, что, вмѣсто поясненія темнаго вопроса, кажется, еще болѣе его запутали.

вами за 11 лѣтъ съ десятины этого хлѣба). А всего дохода от пшеницы и скота 292 руб. 46 коп.

Полнаго дохода отъ 833 пудовъ сѣна	292	руб.	46	коп.
Расхода на покупку сѣна	166	—	60	—

Балансъ 125 руб. 86 коп.

Итакъ, въ пользу земледѣльческой мануфактуры отъ покупки сыраго матеріала остается чистой прибылью 125 р. 86 коп., или около 76^о процентовъ на издержанный рубль. А это такой *бырьшъ*, которому позавидуетъ каждый мануфактуристъ. Но покалуй, вычтите изъ упомянутой суммы и то, что могъ бы принести скудный урожай ржи, снятой съ той тошей десятины, которая богато уважена подъ пшеницу, — и затѣмъ останется въ пользу хозяина прибыль препорядочная.

Показавъ, что для некоторыхъ сельскихъ хозяйствъ покупка сѣна вовсе не убыточно, мы болѣе разовьемъ нашу мысль и скажемъ, что неимѣющіе достаточно луговъ должны поддерживать значительное скотоводство (безъ котораго нельзя удержать и хозяйство), *употребляя въ кормъ некоторую часть зерноваго урожая (овса или ржи)*, — и здѣсь хозяинъ въ убытокъ не идетъ. При недостаткѣ же луговъ и пастбищъ, и при нежеланіи кормить свой скотъ зерномъ, необходимо уже прибѣгнуть къ *использованію* или искусственнымъ лугамъ, которые надобно разводить исподволь, и разумѣется тамъ, гдѣ почва для нихъ привольна и достаточно подготовлена утучненіемъ. Поль посвѣвъ кормовыя травы отдѣляютъ четвертый клинъ, который для помѣстій съ дою почвою и недостаточными выгонами, даже и безъ травосѣва необходимъ, какъ *пастбище* для скота (*). Впрочемъ, и въ трипольномъ полеводствѣ можно высѣвать кормовыя травы по *окладамъ* съ некоторой части яроваго поля снимать не зерновой *сѣно*. Но здѣсь хозяину слѣдуетъ рассчитать, что будетъ *выгоднѣе: пожертвовать частью урожая яроваго хлѣба, или купить готовый фуражъ?* Однимъ словомъ, чтобы подготовить свою *подъ* кормовыя травы, или вообще подвинуть впередъ свою *земледѣльческую мануфактуру*, необходимо въ началѣ некотораго *важного пожертвованіе*, — конечно, не на устройство цѣнной *подъемной машины*, но по-крайней-мѣрѣ на кормленіе скота *сѣномъ*, на покупку сѣна или на наемъ луговъ. А безъ такого *важного* пособія земледѣльческая мануфактура ваша навсегда *останется* въ положеніи жалкаго и бездоходнаго сельскаго хозяйства.

(*) Болховское хозяйство имѣетъ четырехклинное полеводство не для *использованія* кормовыхъ травъ, а для пастбища; почему для четвертаго клина *использованы* худшія земли помѣстья. Лучшія же свои земли болховское хозяйство *находитъ* выгоднымъ занимать колосовыми хлѣбами, а не кормовыми *травами*; итакъ, эти земли, по расчету совершенно-истинному, оставлены *у себя* трехъ клинчатъ.

«Но если всѣ станутъ покупать сѣно», возражать намъ: «то, сѣна на него возвысится и даже купить его будетъ нѣ у кого?» Истина неоспоримая, отвѣчаемъ мы:—но когда это сбудется, тогда обстоятельства переменятся, а съ ними должны измѣниться и расчеты хозяина. Когда наступитъ время очень-выгодно продавать, и не покупать сѣно, тогда — въ добрый часъ, разводите побольше кормовыхъ травъ и устраивайте искусственное орошеніе луговъ.

Ученые агрономы обвиняютъ нашихъ сельскихъ хозяевъ и въ томъ, что они опаздываютъ косить свои луга и отъ-того собираютъ сѣно дурнаго качества. Конечно, оброчные крестьяне и вообще тѣ, которые оставлены на свой произволъ, бываютъ причастны этому рѣху: случается, что у такихъ крестьянъ (хотя и обрабатывающихъ мало земли), покосъ, за разными недосугами, откладывается до осени, но въ издѣльныхъ помѣстьяхъ и особенно находящихся подъ вѣдѣніемъ самого хозяина, подобныя упущенія въ полевыхъ работахъ встрѣчаются рѣдко.

Если осматривающій луга мимоходомъ замѣтитъ, что они уже окрылись цвѣтами, но къ косьбѣ ихъ еще не приступали,—и заключить изъ этого, что косить луга опаздываютъ, то подобный наблюдатель можетъ легко ошибиться, принимая умышленную медленность за незнаніе (со стороны хозяина) той поры, когда слѣдуетъ косить траву. Объяснимъ причины этой умышленной медленности.

Во многихъ хозяйствахъ волею, а болѣе неволею, луга заказываются очень-поздно,—послѣ николина-дня (9 мая), а иногда и съ 10 мая (*); да и послѣ заказа, свои и соевдвіе мужички стараются по ночамъ накормить здѣсь своихъ лошадокъ; а потому трава на этихъ лугахъ, въ первый періодъ своего роста захваченная ильными жарами, растетъ медленно и начинаетъ куститься только при весьма-благопріятной погодѣ; но однажды, съ помощію дождей, отъинивъ достаточно землю, растетъ быстро. Случается, что она въ половинѣ, а трава на лугахъ, хотя и засѣвшая густо, еще изка и молода; почему хозяинъ и медлитъ косить ее, поджидая дождей, которые въ нѣсколько дней могутъ значительно увеличить сборъ сѣна. На подобныхъ лугахъ могутъ уже появляться цвѣтшія травы, то-есть тѣ, которыя обыкновенно зацвѣтаютъ рано, или тѣ, которыя, бывъ не по вкусу скоту, нетронуты имъ при весенней прогулкѣ по лугамъ. Эти-то ранніе цвѣточки и могутъ ввести въ заблужденіе непрестально-разсматривающаго луга, подать ему поводъ заключить, что трава на нихъ достигла своего развитія и готова подъ косу, тогда-какъ въ самомъ

(*). Потому-что въ холодныя весны, когда на парѣ трава растетъ туго, нѣтъ иначе накормить скота, который уже давно съѣлъ весь запасъ сухаго сѣна.

дѣль трава эта еще молода и можетъ съ пользою оставаться на корнѣ.

При настоящихъ обстоятельствахъ и положеніи нашихъ сельскихъ хозяйствъ, къ исправленію луговъ и содержанію ихъ въ нѣскольکو-лучшемъ порядкѣ возможны и удобоисполнимы только слѣдующія мѣры:

1) Очень сырые луга, на которыхъ отъ излишняго застоя воды густѣетъ мохъ или болотная трава, должно осушать водосточными канавами, направляемыми по наклону земли. Если вовсе невозможно, или обойдется дорого спустить воду въ близъ-лежащія рѣки или овраги, то должно ограничиться проведеніемъ канавъ вдоль и поперегъ луга; вода будетъ стекать въ эти канавы, а пространства между ними станутъ мало-по-малу просыхать. На весьма-тонкихъ лугахъ, земляныя работы производятся осенью, когда почва столько замерзла, что поднимаетъ человѣка. О трудномъ и дорого-стоющемъ пивеллярованіи и сушеніи большихъ болотъ здѣсь говорить не мѣсто; на это есть у насъ подробныя и пространныя печатныя наставленія.

2) Луга, покрытые моховыми, кротовыми и муравейными бочками, и вообще бугроватые (что тоже причиняетъ застои воды, или луга, съ которыхъ хорошія травы исчезли, а на мѣсто ихъ появились травы толсто-ствольныя и не съѣдомыя для скота, также луга весьма-утоптанныя (огрубѣвшіе) и покрывшіеся густо-ситенымъ дерномъ, — всѣ такіе луга нельзя исправить иначе, какъ распаханіемъ нѣскольکو разъ повтореннымъ и засѣвомъ вновь луговыми травами.

Луга обыкновенно поднимаютъ (вспахиваютъ) послѣ скаса травы и если можно, то въ дождливое время; въ сухую погоду поднимать дернъ весьма-трудно; потомъ, въ теченіе осени, луга перепахиваютъ и боронуютъ разъ или два, чѣмъ болѣе, тѣмъ лучше, и послѣ послѣдней перепахки оставляютъ незаборонованными во всю зиму. Къ слѣдующей веснѣ, отъ дѣйствія морозовъ земля достаточно разрыхлится для посѣва хлѣбовъ, и тогда распаханые луга засѣваются, — если они очень-тучны, то коноплемъ или льномъ (отлично разрыхляющимъ землю), а въ противномъ случаѣ ячменемъ или овсомъ. На слѣдующую весну, эти же участки вторично засѣваютъ яровымъ колосовымъ хлѣбомъ и по немъ разбрасываютъ сѣмена травъ (*), заборонивая ихъ мелко, а въ сухую весну да-

(*) Для заведенія вновь постоянного луга, высѣваютъ тимофееву-траву, одну или лучше въ смѣси съ клеверомъ и другими травами, а за неимѣніемъ послѣднихъ съ сѣнною *трудою*, остающеюся въ сѣновалахъ; въ этой *трудѣ* заключаются много сѣменъ различныхъ луговыхъ травъ. Одного же клевера изъ постоянныхъ луговъ высѣвать не должно, ибо онъ иногда вымерзаетъ, да и вообще года черезъ два или три вовсе пропадаетъ; а потому лугъ, засѣянный однимъ клеверомъ, можетъ иногда остаться вовсе безъ травы, и тогда его надобно будетъ пересѣвать вновь.

же и укатывал легкимъ каткомъ, чтобъ сдѣлать поверхность луга для будущаго покосовъ гладкою и ровною. По снятіи послѣдняго яроваго хлѣба, молодые всходы посянннхъ травъ должно охранять отъ псобл скота, да и вообще скотъ на вновь-посѣянные луга лучше не пускать ни въ осень засѣва, ни на слѣдующую весну, ибо на рыхлой землѣ скотъ продавлиываетъ ямки (гдѣ будетъ скопиться вода) и можетъ выдернуть съ корнемъ нѣжныя всходы травъ. Далѣе, съ посянннми лугами поступаютъ какъ и съ проши.

Мы считаемъ необходимымъ на распаханннхъ лугахъ высѣвать лѣбъ по два раза сряду для-того, чтобъ густой дернъ луговъ и сая земля успѣли разрыхлиться, а первый и разложиться (*); чего и можно достигнуть только посредствомъ многократнхъ перепашекъ двухъ зимъ. Если же высѣвать вмѣстѣ съ первымъ посявомъ ерпваго хлѣба и траву, то дерновые глобы не успѣютъ перенить и размельчиться, и лугъ не будетъ столь производительннмъ ровннмъ, какъ въ первомъ случаѣ. Впрочемъ, потеря двухъ уроковъ травы и обработка луга вознаградится съ лихвою богатыми катвами двухъ же зерновыхъ хлѣбовъ, особенно конопли и льна. Однакожь, замѣтнмъ, что кто желаетъ въ своихъ подпахатнхъ угахъ сохранить сколь-можно-болѣе природной ихъ тучности, тотъ е долженъ высѣвать на нихъ масличнхъ растеній, изнуряющнхъ очу болѣе колосовыхъ хлѣбовъ.

Боронованіе луговъ весною, - выхваляемое нѣкоторыми агрономами, не можетъ приносить у насъ значительной пользы, потому-то въ началѣ весны по лугамъ бродитъ скотъ, который, утапывая землю, будетъ уничтожать слабое дѣйствіе бороны; а бороновать луга послѣ заказа, когда наступятъ жары, и поздно и опасно,—поздно, потому-что тогда очень-засохшая и огрубѣвшая земля удетъ сопротивляться дѣйствію бороны; а опасно, потому-что еси вы, пользуясь дождливою погодою, успѣете порядочно поцарапать ваши луга, и затѣмъ внезапно наступятъ жары, то они могутъ совершенно засушить корни травъ, обнаженные бороною.

Срѣзываніе съ луговъ кротовыхъ и муравейннхъ кочекъ заступомъ ли иннмъ орудіемъ, мало приноситъ существенной пользы, ибо очки эти въ скоромъ времени появляются вновь. Средство болѣе-адежное къ истребленію кочекъ состоитъ въ описанномъ нами аслахиваніи и разрыхленіи луговъ, потому-что въ рыхлой землѣ, добо-проницаемой водою, кроты жить не любятъ. Замѣчено, что а овощникахъ или пашняхъ, находящихса возлѣ самыхъ луговъ,

(*). Разложившійся дернъ (корни травъ) послужитъ хорошимъ удобреніемъ будущему лугу, почему и не должно засѣвать луга травами прежде, нежели и дернины успѣютъ разложиться и смѣшаться съ почвою. Утучнять же луга скотскимъ поземомъ рѣдко кому возможно: — навозомъ мы не избыточны.

взрытыхъ кротами, эти животныя никогда не живутъ и котокъ тамъ не дѣлають.

Болховской хозяйнъ нѣсколько разъ перепахивалъ нѣкоторые участки своихъ луговъ, поступалъ съ ними по выше-сказанному, и всякій разъ былъ доволенъ этой операціей: луга затвердыли и приносяшіе ему немного худаго сѣна, по засѣяніи вновь травъ, доставляли богатый укосъ.

3) Поѣмные луга, и вообще находящіеся по низинамъ и оврагамъ, заливаемымъ полою водою, необходимо по веснѣ, когда она обсохнута, очищать отъ наноснаго камня, сора, древесныхъ корей и прочаго. Предметы эти, вовсе ненужные на лугахъ, затрудняютъ косьбу, ломають косы и препятствуютъ росту травъ. Поэтому, во время роста травы, необходимо разъ или два срывать ножами появляющійся на лугахъ осотъ, конскій щавель и прочіе долго-ствольныя грубыя растенія, которыя заглушаютъ траву, препятствуютъ косьбѣ и замедляютъ уборку сѣна, ибо эти сочные растенія высыхаютъ нескоро, и сложенные недосушенными къ стога начинають гнить и сообщаютъ дурной запахъ и вкусъ скотальному сѣну.

4) Вообще всѣ луга заливные и степныя, и въ особенности въ сѣвнѣ, необходимо весною заказывать (т. е., не пускать на нихъ скота) сколь-возможно-ранѣе (*), чтобы трава, воспользовавшись весеннею влагою почвы, успѣла до наступленія жаровъ укорениться и отънѣть землю; а въ такомъ состояніи она уже безвредно выноситъ временныя засухи и сильно идетъ въ ростъ при наступленіи благоприятной погоды. Какъ бы ни былъ хорошъ втука лугъ, но если вытравливаютъ его до невозможности въ-теченіе всего мая, что часто у насъ и случается, то онъ будетъ не въ состояніи принести изобильнаго укоса травы, — а это и подаетъ поводъ къ несправедливымъ жалобамъ на непроизводительность нашихъ луговъ. Чтобы убѣдиться, какое имѣетъ вліяніе на урожай травы раннее заказываніе луговъ, стоить только крѣпко огорожить малевъкій участокъ выгона въ началѣ весны, т. е., прежде, чѣмъ его вытопчутъ и вытравятъ до нельзя, и тогда увидите, какіе порѣ покосовъ выростетъ на этомъ участкѣ густая и хорошая трава.

Недостатокъ пастбищъ вообще вынуждаетъ многихъ хозяйнъ терпѣть продолжительную *талоку* на своихъ лугахъ. Такъ крѣпко ли, повторяемъ, что у насъ трава, особенно на степныхъ покосахъ, открытыхъ дѣйствию солнца и вѣтровъ, порою вовсе не гораеть? Учрежденіе четвертаго кланна можетъ много пособить

(*) А свиней, такъ много портящихъ луга, и вовсе на нихъ пускать не подобно; этихъ негодныхъ животныхъ необходимо пасти особю, если не пасти ченіе всего лѣта, такъ по-крайней-мѣрѣ въ то время, когда скотъ ходитъ на лугамъ.

тому горю (*). Когда, весною, на однолѣтнемъ парѣ скотинѣ взять чего, двух-лѣтній паръ четвертаго поля доставляетъ уже нѣсколь- о корма и тѣмъ даетъ возможность ранѣе заказывать луга, на оторые, при трехпольномъ сѣвооборотѣ, по необходимости пу- каютъ скотъ иногда до 20 мая. Не уморить же бѣднаго скота олодною смертію на обнаженномъ пару! Но, не смотря ни на ка- ія мѣры, въ сухженное лѣто степные луга даютъ бѣдные укусы, здѣсь нѣтъ средствъ пособить этому горю; остается только на- ежда на благотворные дожди, которые одни въ состояніи попра- ть подобные сѣнокосы, и потому хозяйства, имѣющія степные уга, должны прибѣгать къ травосѣянію, обезпечивающему отча- ги зимнее продовольствіе скота.

Время кошенія луговъ и о уборкѣ сѣна.

Говоря вообще, время косить траву наступаетъ тогда, когда на достигла полного своего развитія и большая часть ея зацвѣла овершенно-отцвѣтшія травы бывають жестки и непитательны). о есть и другія соображенія, участвующія въ опредѣленіи вре- ени для уборки луговъ, на-примѣръ: иногда нельзя долго под- идать подросту травы, потому-что озимые, а потомъ и яровые лѣба дозрѣвають во время уборки сѣна, что и случается часто въ бхъ хозяйствахъ, гдѣ сѣно убирается медленно. При такихъ об- оятельствахъ, хозяинъ не знаетъ, за что прежде приняться—ко- ть ли траву, или жать хлѣбъ, который перестоятся и осыплется а корни, убирать ли въ гумно снопы, или возить сѣно. Здѣсь лается необходимымъ пожертвовать частію того или другаго рожая, ибо в сѣно и хлѣбъ, оставляемые долго въ полѣ, равно овергаются вредному вліянію непогоды (**). А потому и слѣду- ть начинать уборку луговъ соображаясь не съ однимъ ростомъ авъ, а также и съ ростомъ зерновыхъ хлѣбовъ; иначе вы за- ываете весь ходъ полевыхъ работъ и сведете ихъ къ одному вре- ени. Состояніе погоды тоже должно имѣть вліяніе на выборъ емени для косьбы. Если въ пору сѣнной уборки стоитъ ненаст- ія погода, то необходимо помедлить кошеніемъ луговъ, ибо въ куую погоду уборка (кроиъ порчи сѣна) идетъ медленно и до- авляетъ рабочимъ много излишняго труда. Если же, незадолго о настоящей поры уборки сѣна, наступитъ весьма-хорошая по-

(*) При четырех-польной системѣ, и безъ травосѣянія (для котораго необ- оидна плодородная почва) имѣется ежегодно для пастбища два паровые лова: одинъ двух-лѣтній, а другой однолѣтній. Первый распахивается лѣ- шь подъ озимое, а второй остается до слѣдующаго года невоздѣланнымъ.

(**) Сѣно, стоявшее долго въ копнахъ и промоченное нѣсколько разъ дожда- ь, теряетъ свой зеленый цвѣтъ, ароматность и часть питательности, а под- ргшееся продолжительному ненастью совсѣмъ сгниваетъ.

года и есть надежда, что она продолжится (*), то къ косенію луговъ надобно приступить немедленно, чтобъ воспользоваться по-годую, рѣдко насъ радующею во время уборки сѣна.

Болховское хозяйство обыкновенно начинаетъ косить луга нѣсколько дней до петрова-дня (около 29 іюня), стараясь скол-возможно-поспѣшнѣе косить и убирать свое сѣно (**). На продолжительность хорошей погоды много надѣяться нельзя, ибо пора уборки сѣна есть вмѣстѣ и пора сильныхъ дождей и даже паводковъ. Спѣшить уборкою должно и для того, чтобъ до жатвы выиграть нѣсколько свободныхъ дней на приведеніе въ порядокъ косъ и серповъ и на отдохновеніе рабочимъ.

Наши крестьяне повсемѣстно держатся дурнаго обыкновенія становиться для косыбы не отдѣльными партіями, а вмѣстѣ одна за другимъ, хотя бы и вышло ихъ на лугъ болѣе ста человекъ. Отъ такого размѣщенія, работа весьма замедляется: остановившись на рѣдкій косецъ, и всѣ слѣдующіе за нимъ должны по необходимости остановиться и ждать, пока онъ опять подвинется впередъ. Мы размѣщаемъ своихъ косарей по пяти и не болѣе десяти человекъ въ одну линию: при такомъ размѣщеніи виднѣе, сколько и ждое отдѣленіе скоситъ травы, да и самая работа идетъ безъ проволочекъ. Конечно, было бы еще лучше ставить въспѣтнѣе число работниковъ подесятично; но, къ-сожалѣнію, заливные луга нельзя разбивать на десятины, ибо межи или другіе признаки раздѣленія будутъ ежегодно уничтожаемы наносомъ ила. Разбивка же ежегодно луга на десятины передъ самымъ покосомъ—и не катно и помнешь много травы.

Другое дурное обыкновеніе при уборкѣ сѣна, существующее во многихъ хозяйствахъ, состоитъ въ томъ, что подкошенную траву оставляютъ нѣсколько времени лежать на рядахъ, потомъ эти ряды переворачиваютъ на другой бокъ, а за тѣмъ уже растрепываютъ ихъ разъ или два; когда же сѣно совершенно высохнетъ, то стѣбаютъ его въ вилы и копчатъ (складываютъ въ копны разной величины). При такой уборкѣ, трава высыхаетъ медленно и не одновременно (***) . Предложомъ къ подобному мышкатуому способу

(*) Здѣсь большую помощь оказываетъ земледѣльцу хорошиі барометръ, почему и необходимо завестись имъ каждому сельскому хозяйству.

(**) Въ болховскомъ хозяйствѣ, какъ господскіе, такъ и крестьянскіе луга убираются по-очереди, одинъ лугъ за другимъ, а не по выбору погоды, есть: здѣсь не принимаются въ хорошую погоду за одни господскіе луга, а тѣмъ расчтеномъ, чтобъ въ ненасные дни отпустить крестьянъ на свои собственные луга. Впрочемъ, надобно сказать и то, что крестьяне, при помощи вѣтровъ и стариковъ, имѣютъ возможность скоро убирать свои луга; какъ мы не забудемъ, чтобъ у нашихъ крестьянъ когда-либо почернѣло сѣно.

(***) Потому-что здѣсь сначала высыхаетъ одна сторона ряда, а другая, касающаяся земли, остается влажною и не сохнетъ; и потому, когда

убирать сѣно служить то предположеніе, что сѣно на рядахъ не такъ портится отъ дождя. Но когда есть причины опасаться дождя, то, по нашему мнѣнію, лучше вовсе не начинать косьбы; а скосивъ траву, нельзя рассчитывать такъ: «сегодня я переверну ряды, завтра опять переложу ихъ на другой бокъ, а послѣ завтра растрясу сѣно,—потомъ...» Но потомъ ударитъ дождь и,—прощайъ весь расчетъ! А что сѣно, просушиваемое на лугу въ-теченіе четырехъ сутокъ, рискуетъ попасть подъ дождь скорѣе, чѣмъ сѣно, высушиваемое въ двое сутокъ, такъ это, кажется, несомнѣнно.

Мы убираемъ свои луга слѣдующимъ образомъ: крестьяне, докосивъ свои ряды, тѣмъ же слѣдомъ возвращаются назадъ и кондомъ косья растрясаютъ подкошенную траву. Въ тотъ же день, крестьянки перетрясаютъ все, что подкошено рано утромъ, а на слѣдующій день трясутъ сѣно вторично раза два, и къ вечеру сгребаютъ его въ копны (*), а копны не мѣлкая перевозятъ въ гумно. При такой уборкѣ, въ жаркіе дни, сѣно поспѣваетъ неспрѣмѣнно въ двое сутокъ. Такъ-какъ мы начинали косить въ хорошую погоду и производили уборку не мѣшкатно, то рѣдко случалось, чтобъ какая-нибудь часть нашего сѣна попадала подъ дождь, и потому мы еще ни разу не имѣли случая быть недовольными принятымъ нами способомъ убирать луга.

Болховскій хозяинъ рѣшился войти здѣсь въ мелкія подробности объ уборкѣ сѣна, потому-что ему изъ опыта извѣстно, какое значительное вліяніе имѣютъ ничтожныя, по-видимому, *обычай и неправильныя пріемы* (манипуляціи) крестьянъ при нѣкоторыхъ работахъ на увеличеніе труда и на успѣшность самыхъ работъ. Въ продолженіе настоящаго отчета, болховскій хозяинъ неоднократно старался напомнить, что намъ, прежде, нежели пускаться въ даль за присканіемъ образцовъ для русскаго хозяйства, необходимо обратитъ поболье безпристрастнаго вниманія на то, что, какъ и почему дѣлается у насъ дома. Но возвратимся къ нашему предмету.

Въ болховскомъ хозяйствѣ, высушенное сѣно складывается въ сараи и въ стога или скирды. Эта часть сѣнной уборки такъ всѣмъ извѣстна, что о ней нѣтъ надобности распространяться.

Сушить травы, складывая ихъ полу-сырыми въ кучи, гдѣ онѣ разгорячаются—или *сушить ихъ посредствомъ броженія*,—мы не пробовали; да и не было въ томъ никакой надобности, ибо способъ этотъ рекомендуется на случай ненастной погоды, а мы все-

ревернуть ряды, то покуда эта сторона достаточно высохнетъ, первая уже совершенно пересохнетъ, отъ-чего пропадаетъ много сѣна, ибо то, которое пересушено, перетвращается въ порошокъ и раструсивается во время уборки.

(*) Слѣдовательно, при этомъ способѣ трава сейчасъ по скошеніи разбирается по всему лугу, и такимъ-образомъ каждая травка подвергается дѣйствію солнца; а потому испареніе водянистыхъ частей травы совершается скоро и одновременно.

гда успевали сѣно свое безъ затрудненія и скоро высушить на солнцѣ. Нѣкоторые хозяева, пробовавшіе упомянутымъ способомъ убирать луга, сказывали намъ, что скотъ не очень-охотно ѣдъ сѣно, высушенное столь насильственнымъ образомъ. Впрочемъ, не предаемъ что слышали, а за достоверность наблюденія не ручаемся.

Кормовыя травы : клеверъ, тимоевка и другія.

Неоспорно, что въ числѣ кормовыхъ травъ почетное мѣсто принадлежитъ *красному клеверу* (*trifolium pratense*) (*), какъ по обилію доставляемаго имъ питательнаго корма, такъ и по хорошему влиянію его на почву. Германцы совершенно-правы, почти клеверъ за главную основу земледѣлія — разумѣется, въ Германіи. Даже и у насъ это растеніе мало-по-малу пріобрѣтаетъ долгу и разводится съ успѣхомъ во многихъ хозяйствахъ, чему дозволительствомъ могутъ служить отзывы столичныхъ нашихъ продавцовъ сѣменъ, которые не могутъ удовлетворять всѣхъ требованій на клеверное сѣмя.

Еще недавно многіе наши хозяева сомнѣвались въ томъ, что это растеніе улучшаетъ почву, и даже были печатные отзывы, которые увѣряли, что клеверъ истощаетъ землю. Но иностранцы известные агрономы единодушно признаютъ въ клеверѣ свойство болѣе или менѣе утучнять почву; да и у насъ всѣ, имѣвшіе случай сѣять эту траву въ мѣстности и почвѣ, ей пригодной (**), не могутъ не согласиться съ нами, если будутъ судить безпристрастно.

Болховское хозяйство почти-ежегодно, на разныхъ участкахъ земли, высѣваетъ клеверъ и всегда остается имъ довольно довольна — нельзя-болѣе (***). Лучшіе урожаи этой травы мы имѣли съ мѣнныхъ прибрежныхъ десятинъ, постоянно-пахатнаго клина, съ вновь-распаханныхъ луговъ, покрываемыхъ не на дождливомъ рѣкѣ. Были годы, что здѣсь снималось съ экономическаго десятины въ одинъ укосъ по 52 воза, или около 600 пудовъ чистаго клевера. Мы не стали бы рассказывать о такомъ урожайномъ урожаѣ клевера, — изъ опасенія, что онъ можетъ быть зачисленъ за преувеличенный, — если бы нѣкоторые изъ нашихъ

(*) Низко-рослаго бѣлаго клевера въ Россіи разводятъ мало; не приносящаго большого урожая травы, онъ болѣе пригоденъ для пастбищъ, чѣмъ для сѣна. По выводамъ г. Буссенга, питательность клевернаго сѣна считается къ луговому сѣну какъ 66 къ 100.

(**) Известно изъ опыта, что клеверъ не можетъ успѣшно расти въ степи и южномъ краѣ Россіи, а также и въ Южной-Франціи и Италіи.

(***) Въ принятой нами системѣ полеводства, клеверъ высѣвается на тѣхъ участкахъ четвертаго клина, которые весьма-тучны или по временамъ отъ близъ-лежащей рѣки слоемъ ила.

дей не были очевидцами уборки клевера съ означенныхъ десятинъ. Въ настоящемъ году у насъ, на низменномъ участкѣ, клеверъ мѣстами выросъ до $1\frac{3}{4}$ аршина вышины: въ экономіи наочно сохраняется нѣсколько сноповъ этого клевера.

Нужно замѣтить, что лучший клеверъ разживался у насъ по низменной, близъ рѣки находящейся пашнѣ, заливаемой ежегодно пою водою, — именно тамъ, гдѣ перегной въ почвѣ окисляется; это нѣсколько противорѣчитъ сказанному въ «Курсѣ Земледѣлія, Усова», гдѣ, на страницѣ 298-й прочтете слѣдующее: «Члѣмъ свойственныя качество перегноя для растенія, тлѣмъ на этомъ тлѣмъ оно растетъ лучше и сильнѣе противъ другихъ растеній, которые тутъ перегной не свойственъ: напримѣръ, на щелочистомъ ренкомъ родится хорошо клеверъ, но какъ-скоро почва замкнетъ и ренкой сдѣлается кислая, клеверъ пропадаетъ, и появляется осока, которая любитъ кислоту.»

Мы также вполне убѣждены очевидностію и въ томъ, что клеверъ *утучняетъ и рыхлитъ землю*. Однимъ нагляднымъ способомъ уже достаточно увѣриться въ сказанномъ: когда подпахиваютъ участокъ земли, на которомъ росъ клеверъ, то вы сейчасъ мѣтите, сколь онъ темнѣе и разсыпчатѣе соседственныхъ участковъ, на которыхъ не было клевера. Но чтобъ еще болѣе удостовѣриться въ способности клевера утучнять землю, мы взяли для опыта 3 смежныя десятины плодородной пашни; одну изъ нихъ сѣяли по яровому клеверомъ, другую тимоеевою травой, а третью, снятія яроваго, оставили просто въ пару. По скося клеверной травы (*) на зеленый кормъ лошадямъ, какъ на десятины, на которыхъ былъ клеверъ и тимоеевка, такъ и на третью десятину, ятую для опыта, пускали скоть; потомъ всѣ эти участки вспаханы подъ зиму, и въ-теченіе слѣдующаго лѣта одинаково обоботаны и засѣяны рожью. По росту ржаной зелени можно уже было судить о степени плодородности каждой изъ этихъ десятинъ: зелень по клеверу была несравненно-выше и гуще прочихъ, — какъ-будто на удобреной землѣ; хуже всѣхъ былъ участокъ, которомъ сѣялась тимоеевка: ни многократныя перепашки, ни сая зима не могли искоренить эту траву, которая отпрыскивала въ корней и появлялась во ржи и даже въ слѣдующемъ за ней овомъ хлѣбѣ (**). Урожай зерна соотвѣтствовалъ росту зелени:

*) Въ первый разъ клеверъ косили на сѣно, а потомъ уже сiali его отаву; тимоеевка была кошена только однажды на сѣно; слѣдовательно, всѣхъ зеръ болѣе послѣдней долженствовалъ бы истощать землю.

**) Натурально, что тимоеевка, какъ растеніе, болѣе подходящее и по коу и по виду своихъ листьевъ къ колосовымъ хлѣбамъ, должна истощать, а утучнять почву: утучнять ее могутъ одни широколиственныя и густо-рассія растенія, питающіяся болѣею частію изъ атмосферы.

на клеверной десятищѣ нажато ржи 41 копна 1 крестецъ; на приходившейся въ пару 40 копенъ, а на бывшей подъ тимовоевской, только 28 копенъ. Однимъ словомъ, въ нашемъ хозяйствѣ льбѣ всегда рождался сравнительно лучше на тѣхъ десятинахъ, на которыхъ былъ клеверъ.

Мы обыкновенно косимъ клеверъ въ течение лѣта однажды, а отаву его вытравливаемъ скотомъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ косимъ эту отаву для лошадей. Но если бы клеверъ и успѣвалъ во второй разъ подрастать достаточно, то и тогда невозможно бы косить его на сѣно, потому-что въ ненастную и холодную осеннюю погоду трудно высушить молодую и сочную траву. Впрочемъ, въ осеннее время, когда луга и другіе выгоны ничтожны, ибо трава на нихъ перестаетъ расти, а та, которая осталась, подсыхаетъ и теряетъ большую часть своей питательности, — клеверное поле доставляетъ прекрасное пастбище для рогатаго скота, лошадей и даже овецъ (клеверъ, събденный скотомъ, тотчасъ пускаетъ отъ корня новые, сочные и вкусныя листья). То же бываетъ и рано весною, когда на пастбищахъ еще нѣтъ молодой травы: тогда клеверъ, при первыхъ теплыхъ дняхъ, даетъ уже побѣги и приманиваетъ къ себѣ голодный скотъ; и потому и не удивительно, что даже и гуси любятъ пощипать клеверныя поствы. Изъ сказаннаго видно, какъ полезно разводить клеверъ не только для сѣна, или кормленія скота лѣтомъ на стойлѣ, но и для пастбищъ, въ осеннее и весеннее время, всегда бѣдное кормами.

Говорятъ, что скотъ, вдоволь наѣдающійся клеверомъ, подвергается *раздутію живота*. Но у насъ ни разу не приключалось подобной болѣзни, несмотря на то, что мы часто и въ сырую погоду кормили на стойлѣ зеленымъ клеверомъ и коровы и лошадей, — и что скотъ, какъ нашъ, такъ и крестьянскій, безвозбранно гулялъ у насъ по клеверной отавѣ, а иногда и вытравлялся въ нескошенный, роскошно-ростущій клеверъ. Впрочемъ, не мешаетъ брать нѣкоторыя предосторожности и не допускать очень голодного, а, следовательно, и жадного до пищи скоту, долго прогуливаться по роскошному или омоченному дождемъ клеверу. Что жъ касается до клевернаго сѣна, то оно вовсе безопасно, и животныя ѣдятъ его очень-охотно, особливо такое сѣно, которое было убрано зеленымъ и скошено прежде, нежели растеніе могло перестояться на корнѣ.

— «Итакъ, зачѣмъ долго затрудняться въ средствахъ къ расширенію своего скотоводства, а следовательно и къ улучшенію всего хозяйства, — когда у насъ есть благодѣтельный клеверъ, который приноситъ и много сѣна, и служитъ богатымъ источникомъ въ затруднительную пору, для прокормленія скота, и, следовательно,

ого, самъ-по-себѣ утучняетъ и удобряетъ землю? Ясно, что для чрезденія прибыльнаго полеводства стоить только побольше вызвать клевера!» — Но умиримъ нашъ восторгъ, милостивые государи! — Клеверъ, конечно, растеніе хорошее; но, увы! оно юбитъ почву весьма и весьма-тучную, а на плохой землѣ и вовсе не родится, а потому прежде, нежели разсчитывать выгоды, оставляемыя клеверомъ, необходимо обзавестись плодородными частками земли подъ это растеніе. — Не правда ли, милостивые государи, что послѣднее маленькое обстоятельство даетъ не со-всѣмъ-пріятный оборотъ нашимъ блестящимъ предположеніямъ и идеждамъ?

Чтобы клеверъ могъ улучшать землю, необходимо, чтобы онъ *пьянл* ее, росъ *густо* и *роскошно*; а это можетъ случаться только на тучной и приличной клеверу почвѣ. Здѣсь, послѣ него, остается густая сѣть сочныхъ кореньевъ и часть стеблей, незахваченныхъ косой, — часть тѣмъ значительнѣйшая, чѣмъ гуще и выше росъ клеверъ: эти-то остатки клевера рыхлятъ и утучняютъ землю. Иногда высокій и густой клеверъ, до времени покоса, по нѣскольку разъ прилегаетъ къ землѣ, но ущерба въ укосъ отъ этого почти не бываетъ, ибо клеверъ быстро пускаетъ вверхъ новые, высокіе побѣги; тогда же нижніе листья растенія, находясь въ бнѣ и сырости, подопрываютъ и служатъ тоже удобреніемъ для почвы, вмѣстѣ съ листьями и цвѣтками, опадающими во время просушки и уборки травы (*). Разумѣется, что чѣмъ болѣе опутался клеверъ на землѣ, тѣмъ длиннѣе остаются на живѣ неподкошенные его комли, потому-что полеглый клеверъ нельзя завести косой подъ самый корень; здѣсь скашивается только та часть клевера, которая подымается выше перегиба. Да и вообще весьма-густой клеверъ косить очень-трудно и мѣшкатно, а если нѣ перепутанъ, то косить его еще труднѣе.

Нѣкоторые иностранные агрономы опредѣляютъ степень тучности, доставляемую почвѣ клеверомъ — возами или пудами позема, говоря такъ: «удобреніе, оставленное на нивѣ клеверомъ, равняется столькимъ-то пудамъ навоза» (**). Но это опредѣленіе кажет-

(*) Известно, что клеверъ нельзя часто сѣять на одномъ и томъ же мѣстѣ; ближе шести лѣтъ можетъ онъ возвращаться на бывшую подъ нимъ почву.

(**) Многие агрономы, старавшіеся опредѣлить, сколь значительно утучненіе, доставляемое клеверомъ почвѣ, не принимали въ расчетъ этихъ листьевъ и цвѣтковъ. Упущеніе съ ихъ стороны тѣмъ болѣе не извинительное, что частіе упомянутыхъ перегнивающихъ листьевъ въ удобреніи почвы, конечно, немаловажно.

ся намъ вовсе-неудовлетворительнымъ, потому-что нельзя съ вѣ-
которою достовѣрностью опредѣлять вліянія и самого навоза на
урожай хлѣбовъ; тѣмъ труднѣе опредѣлить это вліяніе, когда
неизвѣстно, какой навозъ принимался для сравненія. Замѣтитъ,
что свойства поземовъ весьма различно — во-первыхъ, отъ рода
скота, который доставилъ ихъ, во-вторыхъ, отъ качества корма, въ
тавшаго животныхъ, въ-третьихъ, отъ большей или меньшей перераб-
лотки (переброженія) навоза, въ чемъ принимаютъ важное участіе
и хлѣва, гдѣ онъ накоплялся, то-есть, въ тепломъ или холодномъ
помѣщеніи накоплялся навозъ, и былъ ли онъ доступенъ дожде-
вой и снѣговой водѣ, или нѣтъ; въ-четвертыхъ, отъ количества
и качества употребленной подстилки.

По нашему мнѣнію, можно вѣрнѣе опредѣлить, — на сколько
приобрѣтаетъ почва плодородія отъ клевера, — посредствомъ
рожаевъ зерноваго хлѣба. Для такого испытанія должно имѣть
два равномѣрные, вмѣстѣ-лежащіе и совершенно-одинаковые
тучности и положенію участка земли: на одномъ изъ нихъ се-
ять клеверъ, другой останется въ обыкновенномъ пару; потомъ
въ свое время, оба участка обработать одинаково и засеять оди-
наковымъ количествомъ ржи; урожай этого хлѣба покажетъ раз-
ность въ степени плодородія участковъ. А повторивъ такимъ
разомъ опытъ нѣсколько разъ на различныхъ участкахъ, можно
будетъ весьма-близко опредѣлить, что клеверъ на данномъ
местѣ, при томъ или другомъ свойствѣ почвы, при благопри-
ятной и неблагопріятной ему погодѣ, утучняетъ землю на сколько-
то четвертей и, пожалуй, *пудовъ ржи* или другаго хлѣба. Изъ
опыта умѣется, что на опытныхъ участкахъ надобно разсѣвать клеверъ
какъ-можно-ровнѣе; потомъ необходимо подвергать его высева-
нью скотомъ и другимъ неблагопріятствующимъ его росту
средствамъ совершенно-одинаково съ клеверомъ, высѣваемымъ
не для опыта, — чтобы особеннымъ ухаживаніемъ за опытно-
участками не увеличить роста клевера, а вмѣстѣ съ нимъ и
вліянія его на почву, — и такимъ-образомъ не ввести въ
заблужденіе на счетъ той выгоды, которую можетъ принести
это растеніе при большихъ посѣвахъ на поляхъ и при
обыкновенныхъ способахъ имъ пользоваться.

Исчисливъ всѣ достоинства клевера, справедливо указать и
его недостатки: во-первыхъ, когда клеверъ долго находится подъ
сеннею водою, то онъ выпрѣваетъ, а въ холодную и безснѣжную
зиму можетъ вымерзнуть; но подобные случаи встрѣчаются
временно-редко; во-вторыхъ, черезъ 3 или 4 года, считая отъ посева
клеверъ пропадаетъ вовсе; почему и высѣвается не одинъ на
участки, назначаемые подъ постоянные луга, а всегда въ смѣсь съ
другими травами; въ-третьихъ, косить клеверъ очень-трудно, особѣн-
но въ сухую погоду.

ый; притомъ, онъ долго не сохнетъ и мѣшкато убирается
ю; при ненастной же погодѣ можетъ сгнить вовсе.

Посѣвъ и уборка клевера.

веръ обыкновенно высѣваютъ вслѣдъ за посѣвомъ како-
го хлѣба озимаго или яроваго. Здѣсь, подѣ защито этихъ
въ, долго-невыходящій изъ земли клеверъ успѣваетъ до
достаточно подрости и окрѣпнуть (*). Клеверъ сѣютъ по за-
оранной землѣ (то-есть, по заборонованіи посѣва хлѣба), и
тѣ сѣмена его забороновываютъ или заволакиваютъ очень-мел-
кими концами боронъ.

говорили уже, что клеверъ тогда только удобряетъ почву,
ростетъ густо; въ противномъ случаѣ, онъ даже истощаетъ
тѣхъ мѣстахъ, гдѣ клеверъ не взомелъ, или растетъ рѣд-
вяло, появляются сорныя высокоствольныя и малоліственныя
и, неотѣвняющія земли. Въ такомъ видѣ клеверное поле не
ное, какъ дурной паръ. Косить рѣдко-растущій клеверъ всё
, что косить обыкновенный паръ (**), а это не только не
есетъ пользы почвѣ, но напротивъ истощитъ ее. И такъ, кле-
по какимъ бы то ни было причинамъ растущій рѣдко, луч-
овсе запахать или пустить подѣ пастбище.

ъ сказаннаго видно, какъ необходимо, чтобъ клеверъ былъ
иенъ ровно и достаточно-густо; слѣдовательно, для разсѣва
должно назначать сѣвца, знающаго свое дѣло и привычна-
азсѣвать весьма-мелкія сѣмена, каковы и клеверныя. Что-
овиѣ сдѣлать посѣвъ, можно мѣшать клеверъ съ нѣсколь-
мѣрами сухой земли или песка, на примѣръ: на пудъ сѣме-
оложить 7 мѣръ земли; подобная смѣсь по объѣму составитъ
и полную четверть, а это количество крестьяне разсѣютъ луч-
ишеми четверкъ однихъ мелкихъ сѣменъ.

ь болховскомъ хозяйствѣ клевера высѣвается на экономиче-
о десятину не болѣе пуда. Впрочемъ, можно высѣвать и болѣе
пропорціи — сѣмень жалѣть не надобно, ибо мы уже объ-

Въ первую по посѣвѣ осень не должно много вытравливать клеверъ (а
е и вовсе не травить): подѣденный скотомъ подѣ самый корень, онъ лег-
имерзаетъ и подопрѣваетъ.

*) Скотъ, пасомый на парѣ, нѣсколько утучняетъ его своими помѣтомъ и
иомъ препятствуетъ разрости и созрѣвать сорнымъ травамъ, ищощаю-
и бесполезно землю и засоряющимъ ее своимъ сѣменами.

ясняли, какъ необходимо, чтобъ клеверъ росъ густо и укрывалъ землю.

Нужно замѣтить, что на жирной почвѣ очень-густо растутъ клеверъ даетъ мало сѣменъ. Чтобъ съ такой почвы получить хотя небольшое количество, нужно прокашивать между кверомъ ряды и тѣмъ открыть дѣйствию солнца оставшееся на корнѣ растеніе; безъ этой предосторожности клеверъ все будетъ расти, но сѣмень на немъ почти не завяжется; притомъ, клеверъ, ставляемый на корнѣ до созрѣнія, мало питателенъ и не имѣетъ столь же хорошаго вліянія на почву, какъ подкошенный въ зиму. По всѣмъ упомянутымъ причинамъ, мы дома клеверныхъ сѣменъ не собираемъ, а покупаемъ ихъ готовыми. Въ Болховскомъ Уѣздѣ, нѣсколько хозяйствъ добываютъ клеверное сѣмя (*). Изъ нѣкоторыхъ условій и навывъ отдѣлять и очищать его отъ шелухи (что довольно-трудно), это сѣмя принесетъ хорошій доходъ.

Лучшее время косить клеверъ наступаетъ тогда, когда большая часть его зацвѣтетъ (что обыкновенно бываетъ немного-ранѣе травы-дня) и когда притомъ случится ясная и теплая погода; ненастье же, нѣчего и помышлять о уборкѣ растенія, которое медленно высыхаетъ, а отъ мокрѣ скоро портится. Не должно думать, что въ продолжительно-ненастную погоду клеверъ всецѣмъ отцвѣтетъ или совершенно устарѣетъ; нѣтъ! въ такую погоду онъ будетъ цвѣсти безпрестанно, а если и приляжетъ земля, то вскоре дастъ новые высокіе побѣги; и хотя отъ него клевера сѣно получится толсто-бѣловатое и не столь вкусно, какъ отъ моложаваго клевера, но ущерба въ укусь не будетъ.

О сушеніи клевера на сѣно здѣсь нѣтъ никакой надобности распространяться: все, что сказано нами выше о уборкѣ луговыхъ травъ, относится и къ клеверу; что жъ касается до просушки сѣна посредствомъ разгоряченія въ кучахъ, то объ этомъ способѣ уже толковано печатно. Замѣтимъ, однакожъ, что уборка клевера шеннаго клевера надобно спѣшить, ибо лучше потерять часть сѣна отъ переворачиванія нѣкоторую долю его легко-осыпающихся листьевъ, чѣмъ сгноить весь укусь.

Опасно складывать въ стога не совершенно-высушенное клеверное сѣно: оно легко сгорается; а потому не совсѣмъ-бесполезное сѣно полезно перекладывать по-слоино съ сухою ярвою травой.

(*). Здѣсь можно купить клеверное сѣмя отъ 11 до 12 рублей ассигнациями за пудъ.

), что и дѣлается во многихъ хозяйствахъ. Мы убираемъ клеверъ тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и луговныя тра-
-растряса его сколь-можно-бережливе, чтобъ меньше расте-
-мелькихъ его листьевъ.

Тимофеевка и прочія травы, кормовой горошекъ, греча.

Тимофеевка, неимѣющая главныхъ хорошихъ свойствъ красна-
-клевера и истощающая, а не удобряющая землю, можетъ од-
-на съ пользою заставляться для постоянныхъ пастбищъ, или
-для тучныхъ участкахъ земли, которые назначаются подъ по-
-ные сѣнокосы: затѣсь тимофеевка будетъ годъ-отъ-года раз-
-растаться гуще и долго не пропадетъ.

Тимофеевка не годится для сѣва на хлѣбныхъ поляхъ, какъ
-не трудно-искореняемое и истощающее почву. Притомъ, ти-
-мофеевка родится изобильно только на мѣстахъ низменныхъ и
-влажныхъ, а на открытыхъ и возвышенныхъ нивахъ сборъ ея бы-
-ваеъ незначителенъ.

Тимофеевка имѣетъ то преимущество передъ клеверомъ, что она
-не вымерзаетъ рѣже послѣдняго и почти-вовсе не вымерзаетъ, а при-
-скорѣе высушивается на сѣно. Впрочемъ, ее надлежитъ ко-
-соть, какъ покажутся колосья, отнюдь не допуская до
-зрѣлости сѣмянъ, ибо въ ту пору трава уже дѣлается грубою
-и не-питательною (*). Сѣмена тимофеевки отдѣляются легче
-отъ стеблей, и вымолачиваются какъ обыкновенные колосовые
-сѣмена.

Съяснимъ и о прочихъ кормовыхъ травахъ, какъ-то: *лучернь*,
-*щавель*, *ториць* (шпергелъ) и *костерь* (англійскомъ рейграсъ).
-Изъ нихъ первая удается не всегда при нашемъ климатѣ; вторая
-удается не для каждой почвы; третья мало приноситъ сѣна, а
-идля, родящаяся сама-собою въ нашей пшеницѣ, рѣдко вы-
-дается для корма скоту. Мы не станемъ подробно говорить объ
-этихъ растеніяхъ потому, что въ Россіи разводятся только нѣко-
-е изъ нихъ и то въ малыхъ количествахъ, а въ болховскомъ
-хозяйствѣ и разводить ихъ не пробовали.

Когда, во время выколашиванія тимофеевки, наступитъ ненастная по-
-года по необходимости надлежитъ помедлить косить ее; а между-тѣмъ, ти-
-мофеевка перерастетъ, и лучшая пора для снѣтія ея съ корня будетъ пропу-
-щена: вотъ обстоятельство, которое тоже много убавляетъ цѣны этому расте-

О кормовомъ горошкѣ (викѣ), тоже высѣваемомъ для скоса на сѣно или для зеленого корма, мы уже имѣли случай говорить прежде въ главѣ : «О кормовомъ горошкѣ и гречь», куда это растение было включено нами для сравненія съ гречью, которую мы стараемся замѣнить кормовымъ горошкомъ, высѣваемымъ съ этою цѣлю на худшей полевой землѣ, и не для покоса, а ради сѣнона.

Даже и гречу разводить иногда какъ кормовое растение; но чтобъ косить ее въ цвѣту, и имѣть порядочный укосъ, необходимо высѣвать ее на тучной землѣ и, сколько-можно-ранѣе; а иначе цѣль — собрать изрядный укосъ травы и притомъ мало итъ истощить почву, — не будетъ достигнута. Равно-высѣваемая гречя подвергается весеннимъ морозамъ, а потому она и не можетъ считаться надежнымъ кормовымъ растеніемъ.

**ИССЛЕДОВАНИЯ, ЗАМѢЧАНІЯ И ЛЕКЦІИ, М. Погодина, о
русской Исторіи. Изданы Императорскимъ Обществомъ Исторіи и
Древностей Россійскихъ. Москва. 1846. Третья тома.**

Статья первая.

Въ книгѣ, названной подъ этимъ заглавіемъ, г. Погодинъ представилъ публикѣ результатъ своихъ многолѣтнихъ исследований о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи, а именно о томъ, который называется варяжскимъ и оканчивается смертью Ярослава (1054 г.). и исследования, не смотря на несистематическое заглавіе, расположены систематически. Прежде всего надобно было опредѣлить достовѣрность источниковъ, изъ которыхъ черпаются свѣдѣнія объ этомъ времени, — и мы находимъ въ первомъ томѣ рассужденіе *о источникахъ древней Русской Исторіи, преимущественно о Несторѣ*; погь необходимо было опредѣлить содѣяла часть древнѣйшей Россіи, варяжниковъ и славянъ, Варяговъ и Славянъ; — это предметъ втораго тома. Наконецъ, въ третьемъ томѣ помещены исследования о варяжскомъ и норманскомъ періодѣ. Исследования г. Погодина, вышедшія теперь въ свѣтъ, не принадлежатъ числу совершенно-новыхъ явленій нашей исторической литературы. Авторъ самъ говоритъ въ предисловіи, въ первомъ томѣ напечатанъ его

Т. I. — Отд. V.

Несторъ (1838 г.), къ которому присоединены исследования одругихъ источниковъ древней русской исторіи, отчасти тоже уже извѣстныя публикѣ: такъ статья о договорахъ Русскихъ съ Греками, одна изъ лучшихъ въ первомъ томѣ, была напечатана еще въ 1837 году, въ первомъ томѣ «Русскаго Историческаго Сборника». Въ составъ втораго тома вошло извѣстное сочиненіе г. Погодина о происхожденіи Варяговъ-Руси (1825 г.), но переработанное подъ вліяніемъ новѣйшей литературы по этому вопросу. Наконецъ, нѣсколько отдѣльныхъ исследований изъ третьяго тома были уже напечатаны въ различныхъ журналахъ (напр. параллель русской исторіи съ исторіей западныхъ европейскихъ государствъ относительно начала, составляющая одиннадцатую главу третьяго тома, — въ «Москвитинѣ»; о древней русской торговлѣ — въ «Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія» и т. д.). Однако, если мы не ошибаемся, послѣдній томъ заключаетъ въ себѣ болѣе новыхъ статей, нежели два первые.

За заглавіе, данное книгѣ, мы не знаемъ, вмѣстѣ съ другими критиками,

упрекать автора: это было бы несправедливо и мелко. Каждый имѣетъ полное право поступать въ этомъ отношеніи, какъ ему угодно. Сверхъ того, мы думаемъ, что г. Погодинъ не безъ намѣренія избралъ именно это, а не другое заглавіе. О древнѣйшемъ періодѣ нашей исторіи писано очень много; только собрать и свести сказанное есть трудъ очень и очень-нелегкій, требующій много терпѣнія, много времени и предполагающій большія библиографическія свѣдѣнія. А если вспомнимъ, что, не смотря на множество статей и сочиненій, главные вопросы все еще окончательно не рѣшены, и литература, накопляя факты, только увеличила трудности для исследователя; если сообразимъ, что время, вышедшее много новыхъ вопросовъ, не всегда указывало на данныя для ихъ рѣшенія, — то увидимъ, что новому исследователю на этомъ поприщѣ предстоятъ и новыя трудности. Мы даже почти убѣждены, что покуда, до времени, отъ одного человѣка нельзя и ожидать полного воссозданія картины древней Варяжской Руси. Теперешніе исследователи по-необходимости должны останавливаться на однихъ вопросахъ болѣе, на другихъ менѣе. Такъ поступилъ и г. Погодинъ. Онъ разработалъ нѣкоторыя стороны нашего древнѣйшаго быта прекрасно, другія оставилъ въ тѣни, нѣкоторыя обследовалъ слабо, и самъ высказалъ это: «Можетъ-быть» говоритъ онъ, «и я самъ увлекаюсь норманскими элементами, который разыскиваю двадцать пять лѣтъ, и даю ему слишкомъ много мѣста въ древней Русской Исторіи; явится другой исследователь, который исключительно предается славянскому элементу..... мы оба погрѣшимъ, а наука, утѣряя одного друга, выиграетъ» (т. III, прим. 700). Вотъ почему онъ не могъ назвать свою книгу *древнѣйшій періодъ Русской Исторіи*, или какъ-нибудь иначе. Отъ него стали бы того требовать, чего онъ не хотѣлъ и не могъ дать.

Итакъ, въ этомъ отношеніи, г. Пого-

динъ правъ. Но онъ неправъ въ другомъ: давая такое заглавіе своей книгѣ, онъ поступилъ неискренно: онъ задумалъ систематическое сочиненіе, обнимающее весь предметъ, и стѣсненные его недостатки хотѣлъ прикрыть несистематическими, необстоятельными заглавіемъ. Нѣкоторые статьи очень-хороши, но за то другія очень-слабы, съ какой стороны не возьмемъ ихъ разсматривать. Спрашивается: зачѣмъ же онъ попалъ въ это? Очевидно для полноты, округленія сочиненія. Но къ-чему ова, когда авторъ имѣлъ полное право войти въ нее что угодно, по выбору? Если учебникъ, эта книга не годится; если исследование, она во многихъ отношеніяхъ слишкомъ-неудовлетворительна. Съ другой стороны, заглавіе чересчуръ скромно по содержанию. Видно что-то странное, ни то ни сѣ.

Достоинства и недостатки разсказаннаго нами сочиненія опредѣляются достоинствами и недостатками его автора и истинно, которое онъ внесъ въ нашей исторической литературѣ.

Какого бы мы ни были извѣстнаго Полюдинъ, издатель «Москвитинъ» авторъ драмъ, повѣстей и «Границы», мы не можемъ не сказать, что какъ исследователь древняго періода русской исторіи, онъ замѣчательное, важное и интересное до сихъ поръ мало обитавшее. Выступивъ на сцену въ то время, когда характеръ исторической науки началъ у насъ измѣняться, и изъ уготовительныхъ исследований рождалась исторія въ собственномъ смыслѣ, г. Погодинъ обобщилъ бою это переходное время, а съ своими сторонами придалъ ему шагъ впередъ, онъ не чуялъ вѣнчанья новыхъ требованій, взглядовъ, новыхъ приемовъ, которыхъ мы не можемъ не отдать ему должной справедливости, что онъ умѣлъ удержаться исторической почвѣ, началъ думать въ то время, когда въ исторической литературѣ сталъ

налась та же разногласица, которая отражалась и в изящной литературѣ. Въ быту, и въ мнѣніяхъ, когда даже историческіе взгляды начали переходить въ фантазію. Вопросъ о происхожденіи Руси, о зачаткахъ Русскаго Государства былъ тогда въ ходу, и по порядку онъ былъ первый. Г-нъ Погодинъ принялся за его изученіе. Не вникая блестящими гипотезами, сложномъ отрывочныхъ фактовъ, онъ смотрѣлъ все поле, подмѣтилъ преобладающія черты варяжскаго періода нашей исторіи, убѣдился, что онъ зачатѣны скандинавскимъ или норвежскимъ элементомъ, и въ этомъ направленіи повелъ свои исследования. Ничто въ продолженіе долговременной ученой дѣятельности не могло отклонить его съ избраннаго пути. Довольно противниковъ только доставляли ему матеріалы для большаго и большаго развитія собственнаго взгляда. Мы правѣ назвать его собственнымъ взглядомъ г. Погодина, не смотря на то, какъ онъ самъ говорить, «знатный Байеръ положилъ основаніе тому мнѣнію; дальнѣйшими поясненіями и дополненіями Исторія Русская одолжена трудамъ Струбе, Милера, Стриттера, Тунмана, Шлецера, Руга, Дерберга, Френа», а ему, т. е., Погодину, «довелось привести этотъ взглядъ въ систему, собрать нѣкоторыя новыя доказательства, особенно въ русскіхъ летописей, укрѣпить въ мѣстахъ слабыхъ, согласить противорѣчія, опровергнуть возраженія, разобратъ посредствомъ его положеній всѣ прочія мнѣнія» (т. II, стр. 1). Эта заслуга сама-по-себѣ уже въ-важна. Г. Погодинъ внесъ въ изслѣдованія своихъ предшественниковъ ясность, единство, систему, положилъ твердый камень къ зданію и сдѣлалъ будущія времена невозможнымъ отвлочное, безсвязное опроверженіе лицаемаго нимъ взгляда. Этого мало. Видяшисъ, что Варяги-Русь Норвы, Скандинавы, г. Погодинъ съ і точки зрѣнія исследовалъ весь вѣднй, варяжскій періодъ нашей ис-

торіи, и рѣзко, выпукло выдвинулъ на первый планъ скандинавскія черты его. Въ этомъ отношеніи, третій томъ «Исследования» особенно любопытенъ. Все, что дѣлалось у насъ съ призванія Варяговъ до кончины Ярослава, онъ присоединяетъ однимъ Скандинавамъ. Въ этомъ, конечно, есть преувеличеніе, односторонность, но за нее нельзя слишкомъ винить автора. До нѣкоторой степени, она достоинство и заслуга. Руководимый цѣльнымъ взглядомъ на предметъ, г. Погодинъ исчерпалъ скандинавскій элементъ въ древнѣйшей русской исторіи. Все, что носитъ хотя слабую его печать, имъ собрано и отмѣчено, такъ-что будущимъ исследователямъ въ томъ же направленіи врядъ ли достанется сказать что-нибудь существенно-новое. Этимъ г-нъ Погодинъ установилъ взглядъ, облегчилъ работу даже для тѣхъ, которые пойдутъ послѣ него отъ совершенно другаго или противоположнаго взгляда.

Но рядомъ съ этими достоинствами и заслугами, мы встрѣчаемся въ историческихъ трудахъ г. Погодина и съ важными, существенными недостатками, которые объясняются временемъ, когда онъ дѣйствовалъ на историко-литературномъ поприщѣ, и условіями, сопровождавшими его дѣятельность. Принадлежа къ школѣ толкователей, экзегетиковъ, а не историковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, онъ никогда не могъ подвѣяться до высшаго историческаго воззрѣнія. Отсюда его несправедливая, пристрастная, крайне-ограниченная оцѣнка соперника, котораго имя, если не навсегда, то надолго будетъ памятно для всѣхъ занимающихся русской исторіей: мы говоримъ о покойномъ Каченовскомъ.

Каченовскій первый почувствовалъ неудовлетворительность прежняго, теперь мало-по-малу исчезающаго, натунаго, неестественнаго воззрѣнія на русскую исторію. Онъ не былъ гениальнымъ человекомъ, но былъ человекъ съ талантомъ, начитанный, знакомый съ требованіями науки и критикой.

Подъ перомъ Карамзина наше прошедшее, только относительно къ послѣдующему важное и значительное, выросло въ ничто колоссальное, величественное: Каченовскій возсталъ противъ этихъ преувеличеній и старался привести русскую исторію къ ея естественнымъ размѣрамъ, снятъ съ глазъ мозаику, которая показывала многое въ превратномъ видѣ, и возвратитъ или правильнѣе привести насъ къ возвращенію, равному времени, въ которое совершались событія. Эту цѣль Каченовскій преслѣдовалъ съ жаромъ, достойнымъ всякаго уваженія, и впалъ въ крайность, которая существенно повредила его дѣлу. Вмѣсто того, чтобы изъ самой лѣтописи и источниковъ показать младенческое состояніе нашего общества въ IX, X, XI и послѣдующихъ вѣкахъ, онъ старался опровергнуть самые источники. Ему казалось, что даже и они приписываютъ древней Руси слишкомъ много, и эта задумчивая, любимая мысль простѣивается въ каждой статьѣ его. Онъ не гнѣтъ существованію кожаныхъ денегъ, потому что въ древней Россіи не видать государства, кредита, правильной финансовой системы, безъ которыхъ представители цѣнности не могутъ нить оборота. Онъ потому же ругаетъ противъ полноты Русской Правды, которую Карамзинъ, а за нимъ и одинъ ученый очень-неловко и неудачно сравнилъ съ законами XII таблицъ; онъ отвергаетъ возможность торговли изъ тѣхъ же основаній. Вездѣ Каченовскій себѣ вѣрелъ, и его мысль, въ основѣ своей, вполне справедлива. Возможность такой несоответственности между основной мыслью и ея выполненіемъ, какую находимъ у Каченовскаго, совершенно объясняется малозвѣстностью русской исторіи. Она и теперь еще дѣлаетъ, въ которомъ очень-легко заблудиться. Прибавимъ къ этому, что, можетъ-быть, не было еще челоѣка, столько несчастнаго въ своихъ послѣдователяхъ, какъ Каченовскій. Онъ не имѣлъ учениковъ. Всѣ такъ-называемые ученики его уцѣпи-

лись за букву и принялись опровергать подлинность лѣтописей; и шты изъ нихъ не схватилъ главной мысли Каченовскаго, и она на время была погребена. Въ лицѣ этихъ продолжателей, самая школа получала сѣмимъ названіе скептической, — названіе, которое такъ не шло ей къ лицу, — и умираю скоро безъ слѣдовъ, какъ много изъ рошее умираетъ, ожидая достойнѣшихъ и даровитѣйшихъ продолжателей.

Все это очень-просто и теперь такъ очевидно, что бросается въ глаза. Погодинъ, какъ ученый времени порядка, не понялъ важнаго значенія привѣщанія Каченовскаго въ нашей исторической литературѣ. Онъ выдѣлялъ только его промахи и ошибки, и въ нихъ преслѣдовалъ его всѣми литературными средствами. Даже въ его вѣковой книгѣ, изданной много лѣтъ послѣ спора и послѣ смерти критика, мы находимъ какое-то ожесточеніе, простительное до нѣкоторой степени въ пылу спора, но не десять лѣтъ спустя. Ясно, что ни тогда, ни теперь — когда споръ кончился, г. Погодинъ по-видимому одержалъ верхъ и жетъ уже безъ домысловъ и возраженій стороны скептической школы вырывать свои занятія, — онъ не внималъ требованію и направленію Каченовскаго. Въ своемъ мѣстѣ не беремъ подробно все, что онъ сказалъ своимъ противникѣмъ. Здѣсь скажемъ только, что такое направленіе означаетъ всю односторонность и нечужденность специалиста. Г. Погодинъ вываляется рѣзко, мѣстами даже ругается рѣзко о Каченовскомъ. Въ словахъ виднѣтъ торжествующій ритетъ и величавое превозношеніе побѣжденному противнику. Важнѣйшимъ этого спора, странно и побѣдные лавры, которыми украсилъ себя г. Погодинъ, — и Каченовскаго идущаго за его триумфальной лаврой... На этомъ торжествѣ выдѣлять вронію, которой привѣщанію много. Г. Погодину легко бросать своего соперника опрокину-

вѣсомъ давныхъ, говорившихъ въ его пользу; немного лѣтъ прошло, и самые слѣды спора исчезли. Укажите еперь хоть на одного человѣка, который бы серьезно сомнѣвался въ подлинности и древности источниковъ нашей исторіи. А между-тѣмъ, по своей точкѣ зрѣнія, Каченовскій вполне правъ, гораздо-правѣе г. Погодина. Г. Погодинъ думалъ, что, опровергнувъ Каченовскаго, онъ совершенно побѣдилъ его; мы не споримъ, что Каченовскаго доводы слабы, и хорошо, что вышелъ человѣкъ, который исправилъ ошибки, непосредственно лежавшія въ его словахъ. Но на самомъ дѣлѣ великимъ лицомъ въ этомъ спорѣ является не г. Погодинъ, а Каченовскій, потому что вопросъ имъ поставленный обобщенъ, непонятъ: такъ онъ былъ глубокъ десять лѣтъ тому назадъ. Но время не прошло, оно только настаетъ: Каченовскій найдетъ себѣ защитниковъ и продолжателей. Тогда увидать, какъ напрасно торжествовалъ побѣду г. Погодинъ, какъ бѣдны его лавры. И это время недалеко...

Будучи исследователемъ-эвзегетикомъ, а не историкомъ, г. Погодинъ не могъ открыть собою новую эпоху ученаго обработыванія русской исторіи. У него нѣтъ цѣльнаго взгляда на весь предметъ, — взгляда, въ которомъ различныя эпохи и фазисы хоть какъ-нибудь выжились бы между-собою. У него есть свѣтлыя мысли, но нѣтъ ясной системы, есть ученые приемы, довольно-удачные, но совершенно нѣтъ методы. И за это мы не стали бы винить г. Погодина, еслибъ онъ самъ не вызвалъ насъ. У него есть страсть, общая всѣмъ специалистамъ — возводить въ систему свою нелюбовь, нерасположеніе къ цѣльному, систематическому взгляду на предметъ. Это важная ошибка, которая, коренясь въ безсознательной односторонности, и рождаетъ односторонность, всегда почти неблагоприятную для науки. Великій образованный человѣкъ, ищущій въ знаніи общаго, единства, живаго, а не мертваго, охла-

ждаетъ къ книгѣ по-невогѣ, встречая въ ней выходы противъ взглядовъ и теорій. Онъ не правъ, а кто первый виноватъ? Специалистъ-исследователь. Страшная вещь! Человѣкъ, рассуждающій очень-просто, а потому здраво и дѣльно въ ежедневномъ быту, о житейскихъ вещахъ, судить Богъ-знаетъ по-каковски лишь-только переносить свое сужденіе въ область науки. Изъ того, что кто-нибудь не музыкантъ, приходитъ ли ему въ голову сказать, что музыка вздоръ? Нѣтъ, не приходитъ. А почему? потому-что всѣ знаютъ, всѣ сознательно или безсознательно убѣждены, что каждый человѣкъ непремѣнно въ одну сторону развитъ болѣе, въ другую менѣе, — словомъ, что онъ имѣетъ свою степень ограниченности, недостаточности. Этому учить простая наглядная, безъ труда и усилій. Отъ-того люди съ разнородными наклонностями и дѣятельностью подають другъ другу руку и извлекають другъ изъ друга возможную пользу, наслажденіе, выгоду, какъ хотите назовите—не порицая въ другихъ способностей, которыхъ у нихъ нѣтъ, потому-что нельзя совѣстить въ себѣ все. Чѣмъ болѣе выясняется эта мысль, какими бы то путями ни было, тѣмъ болѣе и болѣе падаютъ перегородки, раздѣлявшія людей.

Но въ наукѣ это и до-сихъ-поръ не такъ. Давно ли еще доказывали превосходство однихъ наукъ предъ другими? Каждый ученый считалъ себя обязаннымъ, излагая свой предметъ, подробно и обширно исполнить всѣ его качества и превосходство передъ другими предметами. Теперь иѣра въ эту іерархію исчезла; но еще крѣпко держится столько же странное мѣстничество между теоріей и практикой, исследованіями и взглядами. Кто предается специальности, тотъ думаетъ, что это даетъ ему неотъемлемое право свысока смотрѣть на другаго, который старается извлечь общее изъ исследованийъ и подвести это общее подъ категоріи, связать одною мыслью; послѣдній въ свою очередь такъ

же смотреть на специалиста. Г. Погодинъ принадлежит къ первому ряду; онъ не охотникъ до взглядовъ, теорій. Въ Т. III, примѣч. 827, онъ говоритъ: «вотъ задачи для филологовъ и юристовъ, предметы для диссертаций кандидатамъ и магистрамъ: объяснить эти памятники одинъ за другимъ — а мы все хватаемся за цѣлые періоды и эпохи и хотимъ изъ ничего «строить системы». Такія же замѣтки находимъ и въ другихъ мѣстахъ. Названія «ученая болтовня, пустая фраза» и т. д., встрѣчаются часто. Подумаешь, что г. Погодинъ ратуетъ не вообще противъ теорій и взглядовъ, а только примѣнительно къ русской исторіи: но это ошибка. Съ-тѣхъ-поръ, какъ процессъ мышленія сталъ для насъ понятенъ, уяснилось совершенно, что направленія теоретическое и практическое, связанныя единствомъ цѣли и предмета, между-тѣмъ, остаются разными, и мечтать о ихъ тождествѣ невозможно. Дополняя и поясняя другъ друга, обогащаясь взаимно, сближаясь чрезвычайно, они все-таки остаются и навсегда останутся раздѣльными, особенными. Отъ-этого, кто возстаетъ противъ теорій, тотъ строитъ новую, лучшую, по-крайней-мѣрѣ раскрываетъ недостатки существующей, и тѣмъ показываетъ, что онъ дѣйствительно недоволенъ ею въ томъ видѣ, какъ ее находятъ; отзываясь о существующихъ теоріяхъ вообще свысока, съ пренебреженіемъ, но безъ разбора, безъ критики, онъ обнаруживаетъ, что увлеченъ одностороннимъ направленіемъ, исключительно-практическимъ, и слѣдовательно хочетъ набросить тѣнь не на такой-то именно взглядъ, а на взглядъ вообще, на самое теоретическое направленіе. Таковъ г. Погодинъ вполне. По немъ, что не изслѣдованіе съ цитатами и всѣмъ ученымъ аппаратомъ, то ужъ непременно пустая фраза, непременно система, построенная изъ ничего. Странно! Не-уже-ли онъ не знаетъ, что изъ ничего нельзя сдѣлать что-нибудь? Если возьмемъ только два, три факта, и на нихъ построимъ взглядъ,

не-ужь-то вправду это будетъ система, построенная изъ ничего? А если мы возьмемъ тысячу и болѣе фактовъ, то ужъ это будетъ такая система, которую придется опровергать! Не ясно ли, что представленіе о системѣ, построенной изъ ничего, ни на чемъ и не основано! Сверхъ-того, если мы однажды согласимся въ истинѣ, что пути теоретическій и практический — разные, то они ни переливаются одинъ въ другой, какъ они ни близко сходятся, мы должны будемъ признать, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою исторію, своихъ представителей, и что нѣтъ никакихъ основаній считать ихъ за преемственныя слѣдующіе другъ за другомъ, теоретическій за практическимъ, и наоборотъ. Дѣйствительно, такъ и было, есть и будетъ. Гдѣ только явится человѣкъ, тамъ съ-разу выскочатъ и оба направленія и разиваются чрезъ всю исторію. Оба неразумны и равно вытекаютъ изъ сущности челоѣка. А потому мы и видимъ, что сначала слаба практическая сторона, слаба и теоретическая. Не было бы крайне-несправедливо считать значеніе изслѣдованій не только, что было, есть и будетъ, много плохихъ, неосновательныхъ слѣдованій. Почему же не сказать же самаго и о теоріи? Она можетъ быть плоха, но также можетъ быть и хороша. Если существующія теоріи плохи, это значитъ, что должно было появиться хорошей или хорошей, а не то, что теоріямъ вовсе не существовать не слѣдуетъ. За что же на теорію презрительныя слова и то и другое идетъ своимъ путемъ, взаимно себя укрѣпляя и исправляя. Наконецъ, допустимъ, что въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ специальное изученіе для науки раздѣльно и полезно, неслучайно теоретическое, общее. Все же будущее при такихъ условіяхъ положительно, изъ которыхъ безъ теоретической обработки предмета невозможно обойтись. Возьмите, на-приим., профессора И.

кой исторіи. Что прикажете ему дѣлать? Налечь на какую-нибудь специальную сторону предмета и читать по цѣлый годъ, потомъ, въ двѣ, три лекціи изложить все прочее? Наука черезъ это выиграетъ, правда, но слушатели навѣрное потеряютъ. Цѣль преподаванія — дать полное обзорѣніе предмета, а не частности, мелочи, лишняя въ наукѣ, неважныя и не нужныя для того, кто ищетъ только общаго образованія. Этими мы далеко не хотимъ отвергать важность специальныхъ курсовъ; при общемъ они приносятъ нечисленную пользу, но если они не ведутъ къ цѣли преподаванія. Профессоръ, преподаватель, по необходимости начнетъ систематизировать свой предметъ, займется цѣлыми эпохами, періодами, а не частностями. Отъ-того-то вездѣ, гдѣ науки процвѣтаютъ, существуетъ особливая литература учебниковъ и особливая литература сочиненій собственно-учебныхъ, разрабатывающихъ частности ведущихъ такникообразовъ науку впередъ. У насъ недавно стали появляться порядочные учебники по русской исторіи; ихъ и теперь не много; изъ сочиненій по одному вопросу о происхожденіи Варяговъ-Руси можно оставить цѣлую порядочную библію.

Отъ-того-то у насъ почти нѣтъ людей, знающихъ русскую исторію въ явнѣ, въ цѣлости, тогда-какъ много андидатовъ и студентовъ, которые по частнымъ вопросамъ заткнутъ за поясъ много профессора. Это и не прератится до тѣхъ поръ, пока мы не росимъ пагубнаго предубѣжденія противъ системъ и теорій.

Особенно странно въ г. Погодинѣ то, что, отзываясь неблагоприятно системахъ и теоріяхъ русской исторіи, онъ имъ какъ-бы невольно ихъ строить. стремленіе понять основныхъ законовъ исторической жизни народа, то-есть, свести его себѣ и чрезъ это открыть для ума болѣшій просторъ, освободить отъ страха и трепета предъ таинственными, неизвестными, и потому жужущими или сверхъ - естествен-

ными, или случайными—такъ же вродено, всегда присуще человѣку, какъ и требованіе воссоздать фактъ прошедшій такъ, какъ онъ былъ. Ни отъ того, ни отъ другаго требованія человѣкъ не можетъ отказаться. Оно-то и вовлекло г. Погодина въ непоследовательность. У него, современника Каченовскаго, было тоже какое-то смутное предчувствіе цѣльнаго, полнаго взгляда на русскую исторію. Это видно изъ того, что онъ въ своихъ развѣскахъ, иногда наперекоръ фактамъ, преслѣдуетъ какую-нибудь любимую мысль. Лучшимъ примѣромъ и подтвержденіемъ могутъ служить его извѣсканія о норманскомъ періодѣ. Но такъ-какъ г. Погодинъ — болѣшей своей половиной принадлежитъ къ экзегетикамъ, толкователямъ,—его чаніе, предчувствіе осталось неразвитымъ. Не будучи въ состояніи ни совершенно отказаться отъ теоретическаго воззрѣнія, ни основать его на твердыхъ, ясныхъ началахъ, г. Погодинъ впалъ въ историческій мистицизмъ — иначе мы не можемъ назвать его историческое воззрѣніе, которое такъ рѣзко выразилось въ его «Историческихъ Афоризмахъ». Онъ остановился на точкѣ какого-то благоговѣнія предъ каждымъ историческимъ событіемъ, не стараясь объяснить его значеніе и мѣсто въ цѣломъ историческомъ развитіи. Могу бы умереть Игорьъ, да не умеръ; могу бы Олегъ имѣть дѣтей — да не имѣлъ. Святославъ чуть-чуть не поселился въ Болгаріи, да очень-кстати случился тогда въ Греціи Цимисхій и помѣшалъ ему привести замыселъ въ исполненіе. За этимъ г. Погодинъ ужъ ничего не видитъ, какъ тотъ, кто читаетъ, но не вникаетъ въ смыслъ прочтеннаго. Странно! Буква за буквой идетъ и что-то выходитъ... Всего поразительнѣе, что г. Погодинъ, позволя себѣ нападки на теоріи и взгляды, самъ же замѣняетъ ихъ—знаками удивленія. Не знаемъ, почему же одно лучше другаго, и по какому праву одно можетъ замѣнить другое? Или это дѣло совершенной безсознательности,

изъ съ этою мыслью, но нашему невѣрной, мы встрѣчаемъ дру- сль-вѣрную:

оворилъ о работѣ, доступной каго трудолюбиваго молодого ка, но она не должна оставаться другихъ, одаренныхъ особен- способностями, чующихъ въ присутствіе высшей силы. Пусть набранные обращаются къ са- сторіи, выбираютъ себѣ тотъ югой періодъ — Норманновъ, ловъ, Москву, Новгородъ, пят- тый вѣкъ, смутное время, Ма- ію, стрѣльцовъ, или посвяща- юе перо одному какому лицу — третьему, Громиному, Годунову, ницкому, Петру. У насъ рас- ранилось недавно повѣрье, что іа сочиненія приниматься еще иа теперь, пока не обработаны сточники, и пока не кончились риготовительныя труды. Это е совершенно ложное. Еслибъ его Татищевъ, Стриттеръ, Ка- итъ, то до-сихъ-поръ у насъ не бы никакой исторіи. Если же щевъ, Стриттеръ, Карамзинъ, явились въ свое время за сочи- исторіи, и поступили въ этотъ ѣтъ прекрасно, то кольки паче жно это теперь, послѣ ихъ тру- при обнародованіи матеріаловъ, і положена уже, такъ-сказать, бовая дорога исторіи. Лишь былъ итъ, жаръ, талантъ, даръ Божій! исторіи не должно спрашивать итъ исследованийъ, а только искус- воспользоваться сдѣланными. ой вѣтъ имѣть свои требованія ой взглядъ на вещи, и во всякомъ должна возобновляться картина ріи, сообразно съ состояніемъ на- и матеріаловъ въ его время. (стр. XIII).

этой мысли есть противорѣчіе съ нными выше, съ нападами про- тѣхъ, которые берутся за цѣлыя и періоды. Но эта-то непослѣдо- вательность автора «Исследованій» и влываетъ наши слова, что онъ ѣтъ принадлежитъ къ переходному

времени. Еслибъ онъ былъ послѣдова- тельнъ, онъ непремѣнно или вышелъ бы на новую дорогу, или исключитель- но удержался бы при прежней. Въ этой непослѣдовательности и сильная и слабая сторона г. Погодина.

Наконецъ, изъ предисловія мы узна- емъ, что г. Погодинъ намѣренъ въ слѣ- дующемъ году издать еще два тома объ удѣльномъ періодѣ, потомъ собра- ніе своихъ статей, помѣщенныхъ въ журналахъ о разныхъ лицахъ и пред- метахъ русскои исторіи, а за тѣмъ по- старается какъ-можно-скорѣе издать и прочіе томы о древней Русскои Исто- ріи до Петра-Великаго. Будетъ ждать.

Первый томъ раздѣляется на XIV главъ. Въ первой авторъ доказываетъ досто- вѣрность древней русской исторіи и лѣтописи вообще современными ино- странными свидѣтельствами. Изъ нихъ онъ воссоздаетъ русскую исторію, въ главныхъ чертахъ совершенно-скоп- ную съ тѣмъ, какъ рассказываетъ ее лѣ- тописецъ. Не довольствуясь этимъ оче- видно-многочисленными доказательствами, онъ обращается къ нашимъ повѣстіямъ, не- подверженнымъ сомнѣнію, и изъ нихъ заключеніями назавъ выводитъ то же, что говоритъ лѣтописецъ. И мысль и вы- полненіе ея очеы-удачны. Потомъ ре- разрѣшаются вопросы о времени и мѣ- стѣ сочиненія первой русской лѣтопи- си, приписываемой Нестору. Это ис- следованіе приводитъ автора къ убѣд- денію, что лѣтописецъ писанъ въ Кіевѣ, въ XI или въ началѣ XII вѣка, не позже.

Вообще, соглашаясь совершенно съ доводами г. Погодина и находя ихъ по- большой-части вѣрными и основатель- ными, мы не совсѣмъ-довольны нѣко- торыми изъ нихъ; на-прим., на стр. 23, онъ говоритъ, что 1103 годъ въ лѣтописи описанъ, 1104, 5, 6, 7, 8, 9 не описаны; за десятый приписка, а за припиской описаніе предъидущихъ пропущенныхъ лѣтъ. За этимъ онъ прибавляетъ:

«Вотъ важнѣйшее для меня доказа- тельство, что въ началѣ XII столѣтія или концѣ XI, въ лѣтописи былъ не-

первыя (одинъ сочинитель кончилъ, другой захватилъ нѣсколько предъидущаго времени, неописаннаго у предшественника, и сталъ продолжать). Слѣдовательно, начало ея оканчивалось около этого времени, и слѣдовательно было сочиняемо по крайней мѣрѣ въ XI столѣтіи.

Это неоправдливо. Изъ этого доказательства слѣдуетъ только, что лѣтопись писана въ XII вѣкѣ, а никакъ не въ XI. Последнее будетъ натяжкой.

Намъ не нравится также, что г. Погонинъ, въ доказательство, что лѣтопись писалась современникомъ, такъ часто приводитъ мѣста изъ никоновской лѣтописи (пять разъ), тогда-какъ, на стр. 37, онъ самъ говоритъ, что въ ней, равно какъ и въ Степенной Книгѣ, Синодальнѣ и сказкахъ о первыхъ киевскихъ князьяхъ до Ярослава есть подлоги (они очевидны); на стр. 81, въ примѣч. 2, что въ никоновскомъ спискѣ есть распространенія и украшенія, а на стр. 84: «всѣ сіи извѣстія принадлежатъ къ подлиннику подлинниковъ, то-есть самому Нестору. Миѣ не нужно предупреждать, надѣюсь, что я говорю здѣсь не о позднѣйшихъ сборникахъ, наомъ-набуль никоновскомъ или софійскомъ; я говорю здѣсь о лѣтописи по лучшимъ спискамъ». Конечно, г. Погонинъ не на одну эту лѣтопись ссылается, но лучше бъ было не ссылаться на нее вовсе.

На стр. 39 приводятся слова изъ никоновской лѣтописи: «Такожъ бѣ и другіи братъ Еремия, иже помнаше крещение Рустей земли». Авторъ говоритъ: «должно полагать, что этотъ Іеремія былъ современникомъ лѣтописателя. Иначе еслибъ лѣтописатель не всталъ уже его, съ чего было бы упомянуть, что онъ помнилъ крещеніе». Это заключеніе произвольно. Монахъ Іеремія могъ быть человѣкъ извѣстный въ монастырѣ, память о которомъ сохранилась долго. Предположенія никогда не должно вводить на степень доказательствъ.

Далѣе, исчисливъ «выраженія въ лѣтописяхъ, показывающія, что описа-

нія сдѣланы какъ-бы по гортчию слѣдамъ прошестствій, когда онъ бы ли еще въ свѣжей памяти у бышихъ потомковъ», авторъ говоритъ: «такихъ живыхъ преданій нельзя было нѣтъ позже XI вѣка» (стр. 48). Явно, что онъ увлекся своею мыслью, убѣжденъ; ибо доказать этого невозможно изъ недостатку доказательствъ. Что лѣтописатель долженъ былъ жить ближе къ этому времени, нѣтъ сомнѣній; но какъ опредѣлить именно когда?

Доказательства, взятые изъ самихъ лѣтописи, тоже хороши, убѣдительно и въ нихъ авторъ увлекся. Приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи относящихся къ разнымъ вѣкамъ, авторъ говоритъ: (стр. 45): «Ухо не чуется ли ясно, что эти описанія, смотря на поправки, принадлежатъ разнымъ столѣтіямъ, и если послѣднее принадлежитъ XIV столѣтію, первое (имѣеть съ прежними) должно быть столѣтіями двумя старше».

Дѣйствительно, что перыя и старше послѣднихъ очень-чувствительно; но что они старше двумя столѣтіями—этого никакъ не зачтеть. Жетъ быть больше, можетъ быть еще. Древность памятника, во всякомъ случаѣ опредѣлить чрезвычайно трудно, большей частію почти невозможно.

На той же 45 страницѣ г. Погонинъ говоритъ: «образу вниманіе на нашу драматическую форму древней лѣтописи. Найдите миѣ ее въ XIV или XV столѣтіяхъ и увидите!» Во-первыхъ, драматическая форма обща всѣмъ нашимъ сказкамъ, гдѣ хотя сколько-нибудь живоно рассказывается событіе. Во-вторыхъ, не должно забывать, что составленія лѣтописи—исковны. Найдите отъ мысли, что вы ничего не знаете о томъ, когда лѣтопись написана и драматическая ея форма выразитъ ничего не скажетъ. Слѣдовательно это не доказательство. Впрочемъ, противъ этого уже возражали г. Погонинъ.

ну, и онъ отвѣчалъ на это возраженіе ниже, на стр. 433:

• Драматическую форму многихъ повѣствованій Нестора, я употребилъ только въ дополненіе къ доказательству, отнюдь не придавая ей особенной силы. Авторъ, т. е. критикъ, приводитъ эту форму изъ сочиненій XIV вѣка, и говоритъ, что изъ нея заключить ничего нельзя. Ее можно привести и изъ нашего времени, но форма формъ равнѣ; одна она, разумѣется, не много значитъ, а въ соединеніи съ другими призваками она дополняетъ наше понятіе о первой лѣтописи и ея характерѣ. Я думаю, что приведенныя мною мѣста на стр. 43, даже древнѣе Нестора.

Ясно, что отвѣтъ на возраженіе лѣтъ, и оно сохраняетъ свою силу. Оказательство, которое безъ другаго оказательства ничего не значитъ—не есть доказательство. Также неправильно сказано авторомъ на стр. 46:

• Обратимъ вниманіе на характеръ повѣствованія. Оно совершенно различно въ XI и какомъ-нибудь XIV вѣкѣ: въ первомъ, мы находимъ безпрестанно благочестивыя размышленія, мѣста изъ священнаго писанія; дальше этого почти нѣтъ. Первой повѣствователь ближе къ церковному языку, и кромѣ указанныхъ древнихъ мѣстъ, (о которыхъ послѣ), называетъ гораздо-болѣе авторскихъ іріемовъ, нежели послѣдніе.

Благочестивыя размышленія и мѣста изъ священнаго писанія наполняютъ лѣтописи не только первыхъ временъ, но даже и позднѣйшихъ. Узнаемъ для примѣра на Псковскую. Близость къ церковному языку безспорно доказательство весьма-важное и рѣшительное. Что же касается до авторскихъ іриемовъ, то хотя мы и не находимъ въ лѣтописи, однако, еслибъ они были, это былъ бы важный доводъ отивъ, а не въ пользу подлинности лѣтописи, ибо въ началѣ сказанія все простое, безыскусственное; это изъ нихъ характеристическихъ

Въ числѣ разныхъ соображеній, допускающихъ древность лѣтописи, авторъ, между прочимъ, приводитъ слѣдующее: (стр. 54).

• Въ XIV или XV вѣкѣ нельзя знать имени земли Волошской, которое давно уже вышло изъ употребленія въ нашей сторонѣ: Отъ кого узнать въ XIV вѣкѣ объ *austur-vigi* или *western-vigi* Норманновъ, давно уже въ то время переставшихъ ѣздить по своимъ путямъ въ Грецію? Какъ сочинить сказаніе (Олегову) о кувеческомъ путешествіи въ Грецію въ XIV вѣкѣ, когда путешествія Норманновъ давно прекратились? Какъ узнать о походахъ на Грецію? Отъ кого? А походы сіи засвидѣтельствованы многими странами. Какъ въ XIV или XIII вѣкѣ могли Радимичи вести повозы? Кому? Послѣ Монголовъ и Радимичей не стало! и проч. и проч.

Если можно было обойтись безъ этого соображенія, то почему авторъ прибѣгнулъ къ нему? Оно неосновательно. Точно такъ же, какъ лѣтописецъ XI вѣка узналъ о событіяхъ, за долго до него совершившихся, такъ точно могъ ихъ узнать и писатель позднѣйшій—черезъ преданія и записки, иностранныя лѣтописи и т. д. Если въ XII вѣкѣ упоминаются еще имена русско-славянскія, то почему жь не могъ знать о нихъ лѣтописецъ XIII вѣка? Точно также нельзя объяснить, почему бы Радимичи въ XIV или XIII вѣкѣ не могли вести повозы, не смотря на разореніе Кіева и Южной Россіи Монголами. Повторимъ, что этими замѣтками мы вовсе не думали и не думаемъ опровергать основательныя разьясканія г. Погодина и производить бурю въ стаканѣ воды. Мы только указали на нихъ, какъ на недосмотры, ошибки, увлеченія, которые мешаютъ дѣлу и подаютъ поводъ къ придиркамъ. Кому не извѣстно, что такіе промахи навлекали на себя опроверженія очень неосновательныя, и которыя получали, однако, для незнающихъ, видъ дѣльныхъ, серьезныхъ возраженій.

Потомъ авторъ переходитъ къ разсужденію о томъ, кто именно писалъ лѣтописи,—разсужденію, по собственному его мнѣнію, менѣе-важному, чѣмъ дѣйствительно такъ. Всѣ прямая и косвенныя свидѣтельства указываютъ на Нестора, монаха Киевопечерской-Лавры. Въ какомъ видѣ дошла до насъ лѣтопись (глава IV)? Г. Погодинъ находитъ, что она дошла до насъ точно въ такомъ же видѣ, въ какомъ была написана, исключая необходимыхъ ошибки и разнословія, принадлежація переписчикамъ. Это выводитъ г. Погодинъ изъ сличенія всѣхъ древнѣйшихъ списковъ, въ противоположность Шлецеру и всѣмъ исследователямъ, которые думала единогласно, что лѣтопись Несторова дошла до насъ съ впадѣйшими вставками.

Потомъ авторъ обозрѣваетъ истинными несторовой лѣтописи. Онъ насчитываетъ изъ до десяти: 1) прежнія записки церковныя или монастырскія, хронологическія отиѣтки и т. д. Слѣды этихъ записокъ видитъ онъ, между прочимъ, въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи разсказъ начинается тѣми же словами («Полемя же жившихъ особѣ»), въ безпорядкѣ извѣстій въ лѣтописи, необличающихъ вставки, которые авторъ приписываетъ самому Нестору; кромѣ того, г. Погодинъ указываетъ на слѣды древнихъ памятниковъ, не дошедшихъ до насъ, и которые подтверждаютъ возможность существованія записокъ: лѣтописца стараго ростовскаго, хронологическую таблицу у Нестора, Борисово житіе (предположивъ, что оно принадлежитъ не Нестору) и т. д. «Можетъ-быть, въ нашихъ хронографѣхъ», говоритъ авторъ: «о которыхъ мы до-сихъ-поръ не имѣемъ еще никакого порядочнаго понятія, отыщется первоначальная основа несторовой лѣтописи» (стр. 93). 2) Собственное удостовѣреніе; 3) извѣстія современниковъ; 4) болгарскія лѣтописи или извѣстія; 5) греческія лѣтописи по словамъ самого Нестора; 6) извѣстія Варяговъ; 7) туземныя раз-

сказы жителей; 8) преданія; 9) письменныя документы (акты), наприм., договоры съ Греками; 10) народныя пѣсни и сказки.

Могъ ли Несторъ пользоваться этими источниками, былъ ли онъ грамотенъ и на столько образованъ? Г. Погодинъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, и доказываетъ распространеніемъ въ Россіи христіанства и грамотности за двѣсти пятьдесятъ лѣтъ до Нестора; тѣмъ, что онъ изъстаетъ какъ сочинитель житія Θεодосіева, которое было труднѣе написать, чѣмъ лѣтопись; тѣмъ, что въ его время было много людей грамотныхъ, которыми труды до насъ дошли, и т. д.

Въ этой главѣ есть также нѣкоторые недосмотры. На-прим., послѣ многихъ историческихъ соображеній, которыя дѣлаютъ вѣроятнымъ существованіе у насъ записокъ монастырскихъ или церковныхъ, авторъ говоритъ: «Римательно у насъ были записки до Нестора» (стр. 92). Это заключеніе вѣтъ кажется слишкомъ-поспѣшнымъ. На стр. 93, говоря, что въ лѣтописи есть хронологическая таблица (Лавр. Списокъ по изд. Тимк. стр. 11), въ которой исчисляются важнѣйшія событія отъ сотворенія міра до смерти Святополка, и опредѣлены ихъ годы, авторъ прибавляетъ: «Мнѣ кажется, что эта таблица писана прежде Нестора, а не только что продолжена. Еслибъ писалъ ее Несторъ, то вѣрно помѣстилъ бы Рюрика и новгородское прованіе». Намъ кажется такое предположеніе произвольнымъ. Г. Погодинъ самъ думаетъ, и это вѣроятно, что лѣтопись Нестора по преимуществу греческая. Очень-понятно и естественно, что, дошедъ до Россіи, онъ началъ составлять хронологическія числа по лѣтнимъ киевскимъ событіямъ; причѣмъ же, если эта таблица не имѣла составлена, отъ-чего же онъ говоритъ отъ своего имени? Вѣроятно, онъ не присвоилъ бы ее себѣ, еслибъ она не ему принадлежала; отъ-чего бы въ ней былъ введенъ Михаилъ, византійскій императоръ (это указываетъ на то, что

на была составлена съ помощію лѣт-
всей греческихъ или болгарскихъ);
вонецъ, мы не видимъ причины, по-
ему бы Несторъ не могъ исправить
е, еслибъ она дѣйствительно была не
изъ составлена и казалась ему недо-
таточной. По-крайней-мѣрѣ, одно
предположеніе равносильно другому.
- На стр. 93 авторъ говоритъ: «нако-
вонецъ я обращаю вниманіе на языкъ
нѣкоторыхъ мѣстъ, рѣзко отличаю-
щійся отъ Несторова: извѣстія о про-
исшествіяхъ, на-прим., при Олегѣ,
Святославѣ, написаны гораздо про-
тѣе, грубѣе, чѣмъ благочестивыя
размышленія въ лѣтописи, или житіе
Зеодосія». Это кажется г. Погодину
лишь изъ указаній на то, что Не-
сторъ пользовался при составленіи лѣ-
тописи какими-нибудь записками, ко-
торыя вносили безъ большихъ измѣне-
ній. Намъ кажется это предположеніе
лишкомъ смѣлымъ. У насъ есть стран-
ная способность говорить двумя или
несколькими различными языками,
иногда потому, о чемъ мы говоримъ.
свещенномъ, церковномъ, на-прим.,
мы до-сихъ-поръ говоримъ языкомъ
вышненнымъ, полу-славяно-церков-
нымъ. Вспомните письмо Ювана IV въ
киевскій Монастырь: подумаетъ,
все его писали. Такъ, вѣроятно, по-
гулялъ и Несторъ. По-крайней-мѣрѣ,
а различіи языка его нельзя равно
ничего основывать. Множество примѣ-
ровъ представляютъ и самыя лѣтопи-
си послѣ Нестора.

На стр. 99 сказано, что «первыя па-
ши духовныя, священники, на прим.,
при Игорѣ, у Ольги (священникъ Гри-
горій), при Владимірѣ, были безъ со-
мнѣнія Болгаре». А почему безъ сомнѣ-
нія, не объяснено.— На той же 99 стр.
сказано, что житія болгарскихъ свя-
тыхъ зашли къ намъ *всю европѣю*
въ XI вѣкѣ, а почему, тоже не видно.
- На стр. 101, объясняя какии-обра-
зомъ греческія лѣтописи могли быть
оступны для Нестора, авторъ дѣла-
етъ чрезвычайно-натянутое предполо-
женіе, что греческій монахъ Михаилъ,
жившій въ то время въ монастырѣ,

могъ перевести нужное для Нестора
изъ греческаго временника, какъ пере-
велъ монастырскій уставъ. Мы, напро-
тивъ думаемъ, что это дѣло почти-не-
возможное. Переводить греческій вре-
менникъ вовсе не то, что перево-
дить уставъ и законы, опредѣляющіе
жизнь, и, слѣдовательно, мнѣющіе не-
посредственное, практическое примѣ-
неніе. Признаемся откровенно, что
чѣмъ болѣе мы вдумываемся въ нашу
быть XI вѣка и сравниваемъ его съ по-
слѣдующимъ, тѣмъ намъ кажется не-
возможнѣе, несообразнѣе, неестествен-
нѣе, чтобъ одинъ сталъ для удовлетво-
ренія простой любознательности дру-
гаго (ибо г. Погодинъ самъ говоритъ
на стр. 38, что наши монахи писали
лѣтопись для себя, а не для другихъ)
переводить лѣтопись. Всякое другое
предположеніе вѣрогнѣе, чѣмъ это.—
На стр. 104, вѣроятно, ошибкой поста-
влено *Древляне* вмѣсто *Древляны* (*Дру-
губицы* Константина-Багрянороднаго).
— Замѣтимъ еще въ заключеніе, что
г. Погодинъ, разрѣшивъ, и, какъ намъ
кажется, основательно, вопросъ объ
источникахъ, которыми пользовался
Несторъ, и о возможности или пользо-
ваться въ XI вѣкѣ, не опредѣлилъ, а
только мимоходомъ коснулся возмож-
ности для Нестора, монаха, написать
лѣтопись. Несторъ все-таки остается
лицомъ загадочнымъ, фактомъ стран-
нымъ въ то время. Его большая нач-
татность, связи съ современниками,
то, что онъ имѣлъ въ своихъ рукахъ
дипломатическіе акты, знакомство съ
лѣтописями греческими и болгарски-
ми, наконецъ, самая мысль писать
русскую лѣтопись—воля ваша, все это
изобличаетъ въ немъ или ученаго мо-
наха, какиихъ не могло быть у насъ тог-
да своихъ, монаховъ, пришедшаго изъ
Волгарин или Грецин, или какое-нибудь
знатное, извѣстное лицо между Рус-
скими или Славянами того времени.
Кажется, это не обратило на себя вни-
манія г. Погодина. Мысль, что лѣто-
пись писалъ монахъ XI вѣка, невольно
насъ сбиваетъ съ толку, и даетъ лож-
ное представленіе о цѣлой эпохѣ.

Глава VI содержитъ въ себѣ исследование о достовѣрности договоровъ русскихъ князей съ Греками; она доказана очень-хорошо и убѣдительно. Только и здѣсь мы встречаемъ нѣкоторые недосмотры. На стр. 116 стоитъ слѣдующая нелогическая фраза: «Договоры сами по себѣ столько важны, сколько значительны для русской и общей европейской исторіи, что необходимо утвердить ихъ подлинность и оградить ихъ отъ возможныхъ приращеній». — Одно изъ другаго не слѣдуетъ. Надобно утверждать то, что вѣрно. — Изъ четырехъ мѣстъ, взятыхъ изъ греческихъ лѣтописей о отношеніяхъ Грековъ съ Русскими, только два (Льва-Дьякона и Кедрина) свидѣтельствуютъ рѣшительно, что между ними были договоры (стр. 120 и 121). — На страницѣ 125 приведено много примѣровъ, что въ нашихъ лѣтописяхъ не помѣнились очень-важные договоры и грамоты, а не объяснено, почему именно договоры съ Греками попали въ несторову лѣтопись. Даже нѣтъ попытки объяснить это. Мы думаемъ, что разрѣшеніе этого вопроса могло бы привести насъ къ окончательнымъ заключеніямъ объ явнѣ подлинныхъ договоровъ. Что они переводъ съ греческаго — это очень-вѣроятно. Также вѣроятно, что мы ихъ имѣемъ въ болгарскомъ переводѣ. (На страницѣ 123, г. Погодинъ говоритъ, что эти договоры были, *безъ всякаго сомнѣнія*, писаны на нашемъ языкѣ и греческомъ. Но едва-ли онъ правъ, выражаясь такъ утвердительно). Если этотъ болгарскій переводъ заимствованъ изъ какой-нибудь болгарской лѣтописи, еще остается возможнымъ предположеніе, что онъ не оффиціальныи, и что подлинникъ, отправленный къ нашимъ князьямъ, былъ писанъ на какой-нибудь другомъ языкѣ, на-прим., персидскомъ; но если не такъ, т. е., если Несторъ имѣлъ копію съ подлинника, находившагося въ Россіи, то болгарскій языкъ подлинника находится въ неирриримомъ противорѣчій съ нормадствомъ нашихъ первыхъ кня-

зей — не говоря уже о томъ, что такое можно себѣ и представить, и каковъ образомъ такая копія могла попасть Нестору въ руки. Въ новгородскихъ лѣтописяхъ нѣтъ договоровъ грамотъ Новгородцевъ съ ихъ князьями, хотя новгородскимъ князьямъ, конечно, было знать эти договоры, тѣмъ болѣе, что евскому договору князей съ восточными славянами. Впрочемъ, къ этому мы еще обратимся. — На стр. 126 вставленъ вопросъ: «какъ могли договоры сохраниваться у насъ, дойти до Нестора?» а отвѣтъ: «какъ бы то ни было, а сохранились». Итакъ — мы знаемъ это и проще и яснѣе. — На стр. 127 находимъ слова: «количество посланныхъ было непремѣннымъ условіемъ дипломатическаго посольства». Это не такъ, крайней-мѣрѣ сначала. Много послано было не для того, чтобы возбудить государя, а потому-что воевать не охотѣлись, а всѣ его вассалы и вѣчные подданные. Уже въ послѣднее время это перешло въ обычай посылать посланцевъ; форма удержалась, смыслъ ея былъ потерянъ. — На стр. 137 страницѣ: «Въ договорѣ съ Греками говорится о наследствѣ Русскихъ, унаследованномъ въ Греціи, которое должно было переслано въ его отечество, и унаследованъ есть свидѣтельствомъ объ этомъ нѣкъ изъ добычи, который долженъ быть доставленъ наследникамъ. *Et aliquis de Normannis occisus in quaesitum pretium pro eo est emittitur*». Эти мѣста выставлены параллельными; но послѣднее темнѣе, первая не имѣютъ между собою ничего общаго.

Въ этой же статьѣ находимъ много живыхъ противорѣчій. Первое, о дѣлѣ писца (стр. 151): «Ну какъ соборъ 13 или 14 вѣка могъ дѣлать своего времени отнести ко времени древнимъ предъ своими современниками? Могъ ли онъ такъ обманывать глаза? И съ какою цѣлью?» и т. д. самъ же авторъ сказалъ на стр. 152 что «наши монахи писали для себя, а не для публики». А если такъ, что же говорить о современныхъ,

невозможность ихъ обмануть—не аргументъ.— На стр. 152: «Если же между десятками разныхъ статей есть единицы подобныя, то отъ этихъ мелкихъ статей нельзя ничего заключать къ огромному цѣлому... Подобія встрѣчаются у народовъ самыхъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, на противоположныхъ полушаріяхъ, въ разныхъ періодахъ времени». Правда, совершенно такъ. Однако въ III-мъ томѣ это положеніе опровергается: Охотники спорить, охотники искать не истинны, а предлоговъ къ несогласію, могутъ свѣдѣть слѣдующее частное возраженіе, составленное изъ легкихъ общихъ мѣстъ: такое-то постановленіе (на-примѣръ, мѣсть) принадлежить всѣмъ народамъ, такое-то имя (на-примѣръ, князь) есть чисто-славянское, слѣдовательно, норманнскими ихъ назвать нельзя. Отвѣчаю: 1) если онѣ общія, то нельзя отнять ихъ и у Норманновъ; 2) онѣ являются не одиѣ, а въ совокупности со множественномъ другихъ обычаевъ или именъ, чисто-норманнскихъ, слѣдовательно должны быть принесены Норманнами же, которые встрѣтили у туземцовъ случайное сходство съ собою въ этомъ отношеніи. Мало ли есть такихъ сходствъ и теперь между племенами и при всемъ прочемъ ихъ различіи между собою» (стр. 417). Объ этомъ мѣстѣ въ отношеніи къ норманнскому періоду мы еще будемъ говорить ниже. Здѣсь замѣтимъ только, что г. Погодинъ произвольно употребляетъ общее положеніе или въ свою пользу, или противъ противниковъ, смотря потому, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. На такомъ шаткомъ основаніи, которое мирволитъ и тому и другому, нельзя ничего строить, и г. Погодинъ не долженъ бы вовсе прибѣгать къ нему; ибо оно само себя развѣщаетъ.

Параллельныя мѣста, подобранныя договорамъ съ Греками изъ лѣтописей и договоровъ, не всегда удачны; примѣръ, стр. 130:

«Въ Олеговомъ договорѣ говорится объ укладахъ на Киевѣ, Черниговѣ, Переяславѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ.»

Константины Багрянородный не другому случаю говорить, что суда, ходившія въ Константинополь, были изъ Кіева, Чернигова, Любеча и проч.

И проч. не должно сбивать насъ: между прочими нѣтъ ни одного города, поименованнаго въ договорѣ.

Такъ же неудачно и послѣднее параллельное мѣсто, на стр. 136. Кромѣ того, много и такихъ мѣстъ находимъ мы въ этой параллели, къ которымъ можно подыскать мѣста не только въ европейскихъ, но и въ другихъ исторіяхъ всѣхъ временъ. Такъ, на-примѣръ, о подписаніи договоровъ.

Въ заключеніе, нельзя не указать на очень-остроумное объясненіе окончанія нѣкоторыхъ именъ въ игоревомъ договорѣ на оуб. Г. Погодинъ думаетъ, что они «не имена самихъ посланниковъ, но имена тѣхъ князей, кои вѣдѣсть съ Игоремъ отправили посольство къ византійскому императору» (стр. 141). Мы съ этимъ совершенно согласны, но думаемъ, что этимъ объясненіемъ г. Погодинъ не довольно воспользовался при объясненіи норманнаго періода, что и постараемся доказать при разборѣ третьяго тома.

Въ VII главѣ, г. Погодинъ дѣлитъ несторову лѣтопись (по лаврентьевскому списку, сколько напечатано) на части и показываетъ, откуда каждая могла быть заимствована. «Предупреждаю читателей» говорить авторъ (стр. 157) «во-первыхъ, что я буду говорить теперь объ извѣстіяхъ Нестора только въ отношеніи къ возможнымъ источникамъ; во-вторыхъ, что я ни мало не стою за свои предположенія; пусть другіе исследователи приберутъ возможные источники вѣроятнѣе.» Полагая, можетъ-быть, что это предупрежденіе недостаточно, авторъ въ самомъ концѣ этой главы опять говоритъ (стр. 172): «Считаю нужнымъ повторить, что все это разсужденіе есть предположительное, и я знаю;

• что, разбирая мои предположенія по-
• ровь, можно написать на них очень-
• нного возраженій, особенно общими
• мѣстами и вопросительными зна-
• ками. •

Обходя послѣднюю замѣтку, кото-
рая здѣсь совершенно-лишняя, мы по-
зволимъ себѣ замѣтить одно: предпо-
ложеніе, къ которому прибѣгаетъ из-
слѣдователь въ крайнемъ случаѣ, ко-
гда другихъ средствъ для открытія
истины нѣтъ, никогда не можетъ быть
совершенно-случайно, совершенно-про-
извольно. Непремѣнно оно имѣетъ ка-
кое-нибудь основаніе, которое дѣлаетъ
его вѣроятнымъ. Отъ-того и происхо-
дитъ, что часто предположеніе знато-
ка обращается съ помощію вновь най-
денныхъ доказательствъ въ полную
историческую истину. Такъ всегда
бываетъ, если предположеніе хоть
сколько-нибудь правдоподобно, и толь-
ко по этому мѣрилу мы отдѣляемъ
предположенія вѣроятныя и возмож-
ныя отъ невѣроятныхъ и невозмож-
ныхъ. Не иначе поступалъ и г. Пого-
динъ, хотя и не всездѣ высказалъ осно-
ванія своихъ предположеній. Въ дѣто-
писи различныя мѣста очевидно взяты
не изъ одного источника. Угадавъ од-
нажды, какія основанія привялъ г.
Погодинъ, приписывая такое-то мѣсто
такому-то источнику, а другое—друго-
му, рецензентъ имѣетъ полное право
разбирать, вѣрны ли эти основанія, и
вѣренъ ли авторъ своему началу, при-
писавъ его къ различнымъ мѣстамъ дѣ-
тописи. Такая критика не будетъ со-
вершенно произвольна, и можетъ лег-
ко обойтись безъ общихъ мѣстъ и во-
просительныхъ знаковъ. Напрасно ав-
торъ говоритъ, что онъ не стоитъ за
свои предположенія. Здѣсь онъ на та-
кой же исторической почвѣ, какъ и въ
другихъ главахъ своего сочиненія, и
критикъ, разбирая эти мѣста, столько
же обязанъ быть послѣдовательнымъ,
держаться фактовъ, какъ г. Погодинъ
уступилъ ему, когда онъ опровергаетъ
выводъ, казаншійся автору несомнѣн-
но-вѣрнымъ. Просматривая всѣ пред-
положенія г. Погодина, мы находимъ,

что нѣкоторыя изъ нихъ весьма-вѣро-
ятны, правдоподобны, и потому не
подлежатъ опроверженіямъ до откры-
тія новыхъ источниковъ. На-пр., на
стр. 168 авторъ говоритъ, что славя-
нѣтописи: • Семеіоновъ или на Храматы,
• и побѣженъ бысть Храматы, к оумре
• оставивъ Петра князя, сына своего
• Болъгаромъ. Въ дѣто 6451 ваки придо-
• ша Оугри на Царьградъ, миръ ство-
• ривше съ Романоомъ, возвраташася
• въ свояси, — что эти слова, взяты изъ
греческихъ и болгарскихъ лѣтописей,
и съ нимъ трудно не согласиться. Но
не всѣ его предположенія таковы: и
нѣкоторыя онъ невѣренъ самому-се-
бѣ. На-пр., на стр. 161 онъ говоритъ:
• Преданіе о посѣщеніи нашихъ странъ
• св. Апостоломъ Андреемъ... повѣствованію
• у насъ ямъ принесено изъ восточныхъ
• славяноу. Но кому же охота сочинить
• объ насъ? Можетъ-быть, Греки, при
• ввѣденіи христіанской вѣры. Можетъ
• быть, это новгородскій слухъ. • Впе-
рвыхъ, замѣтимъ, что въ прошломъ
1846 году въ С. Петербургѣ вышло изъ
свѣтъ сочиненіе архимандрита Мис-
рїя подъ заглавіемъ • Исторія Христі-
анства въ Россіи до князя Владимира. •
Авторъ этой прѣвосходной книги, об-
личающей огромную начитанность, по-
казываетъ, что апостолъ Андрей началъ
проповѣдывать и дѣйствительно про-
повѣдывалъ въ Россіи. Слѣдовательно,
это событіе, сохранившееся въ преданіяхъ,
можетъ-быть, и нашло въ
разсказѣ о баняхъ, вѣроятно, прибав-
ленъ и прибавленъ у насъ, а не пере-
сенъ изъ чужихъ. Знакомство съ дру-
гими народами, у которыхъ баня нѣтъ,
родило это преданіе. Взглянувъ на се-
бя глазами иностранцевъ, съ восточ-
ской aggrège-pensée объ нихъ — совер-
шенно въ русскомъ духѣ, Г. Погодинъ
не подмѣтилъ этого, приписывая хро-
ническое преданіе Грекамъ, а по-
тому онъ видитъ въ этомъ новгородскій
слухъ — мы рѣшительно понять не мо-
жемъ. Итакъ, преданіе, съ присво-
еніемъ народноу остроумію, шутки, пересказа-
ное, можетъ-быть, Песторомъ или

о него, но въ Россіи, сообразно съ то-
 лашиними географическими понятіями
 (пути Андрея въ Римъ)—вотъ источ-
 ки этого мѣста. На стр. 162: «О на-
 пествіи Болгаръ на дунайскихъ Сла-
 вянъ, объ Уграхъ бѣлыхъ и чер-
 ныхъ, Обрахъ... безъ сомнѣнія, изъ
 какой-нибудь болгарской лѣтописи,
 которая остается для насъ еще неиз-
 вѣстною, *можетъ быть*, съ дополнѣ-
 ніемъ изъ пѣсень». Здѣсь *можетъ-
 бытъ* — слишкомъ-осторожно въ сравне-
 ніи съ отзывами о другихъ мѣстахъ,
 которыхъ источники гораздо-сомни-
 заны. Все, что сказано о госпола-
 вѣ Обровъ надъ Дулебами, *очевидно*
 взято изъ преданія (даже пословица
 хранилась въ то время) или пѣсень-
 же равно — но мѣстныхъ, туземныхъ.
 Это объ убійствѣ Игоря (стр. 169)
 совершенно не понято авторомъ. Онъ
 говоритъ: «Несторъ, вѣроятно, приба-
 вилъ здѣсь что-либо оъ себя, ибо въ
 началѣ находится слова *хотя примы-
 шли большую дань*, между тѣмъ,
 ни слова не говорено пре-
 жу ни о какой данн, а о мѣрѣ
 Игоря, и послѣ о вызовѣ его дружи-
 ною на войну; замѣтимъ также, что
 чрезъ двѣ строки встрѣчается опять
 это выраженіе и *примышляше къ пер-
 вой данн*. Толкованіе неправильное.
 о-первыхъ, г. Погодинъ идетъ отъ ло-
 ной мысли, что дань вималась вре-
 менно, набѣгами, войною; она была
 остоянная, опредѣленная, которая
 вималась самими князьями. О томъ,
 гда это дѣлалось обыкновеннымъ
 порядкомъ, Несторъ не упоминаетъ, да
 не для чего было упоминать. Этого
 бясненія не опровергаютъ слова лѣ-
 тописи: «И приспѣ осень, нача мысли-
 ги на Деревляны, хотя примыслити
 большую дань». Мы знаемъ, что дань
 биралась осенью (отъ-того осеннее
 олгодье и параллельное извѣстіе у
 онстантина-Багрянороднаго). Итакъ,
 зенью Игорь задумалъ собирать дань
 Деревлянъ, но ему хотѣлось собрать
 ышше (большую), чѣмъ обыкновенно.
 мысли — часто употребляется въ лѣ-
 писяхъ въ значеніи *замышлять что-*
 Т. I. — Отд. V.

нибудь недобро; затѣвать войну есть
 уже производное значеніе этого слова.
 Дружина, которая и въ-послѣдствіи въ
 лицѣ людей боярскихъ продолжала
 грабить области при всякомъ удобномъ
 случаѣ, на что столько доказательствъ
 въ жалованныхъ грамотахъ — дружи-
 на хотѣла воспользоваться этниъ слу-
 чаемъ, чтобъ поживиться, и Игорь со-
 бралъ больше обыкновеннаго, *примыш-
 ляше къ первой данн*, т. е. той, которую
 Древляне обыкновенно платили. Но
 какъ этого ему было мало, потому-что
 онъ еще прежде задумалъ собрать
 больше, а взявъ въ часть дружину, онъ
 не могъ собрать сколько хотѣлъ,—онъ
 возвратился на новый примыслъ и
 былъ убитъ. Вотъ простой смыслъ
 словъ. Поэтому неправъ авторъ, гово-
 ря, что дружина вызывала Игоря на
 войну; не на войну она его вызывала,
 а на поживу. И повтореніе словъ: и
примышляше къ первой данн — очень-
 естественно, понятно. — Путешествіе
 Ольги въ Царьградъ, по мнѣнію ав-
 тора (стр. 170), взято изъ прежнихъ запи-
 сокъ и много распространено Несто-
 ромъ. Но сказаніе о святости импе-
 ратора и хитрости Ольги очевидно
 народный рассказъ. Слѣдовательно, и
 онъ служилъ источникомъ. Притомъ
 это рассказъ русскій, туземный. —
 Также въ рассказѣ или пѣсняхъ долж-
 но искать источника повѣсти о Свято-
 славѣ, какъ онъ хотѣлъ переѣхать
 жить въ Болгарію и мать ему отсовѣ-
 тывала. Многое принадлежитъ здѣсь
 Нестору, но едва-ли запискамъ, какъ
 думаетъ авторъ (стр. 171). — То же са-
 мое должно сказать о походѣ Святосла-
 ва въ Болгарію: онъ дышетъ народ-
 нымъ рассказомъ и трудно услѣдить
 въ немъ остатокъ записокъ. Уже не-
 вѣрное изображеніе похода показыва-
 етъ источникъ. А г. Погодинъ думаетъ,
 что онъ заимствованъ между прочимъ
 изъ прежнихъ записокъ (стр. 171).

Глава восьмая посвящена разсмо-
 трѣнію сказокъ въ несторовой лѣтопи-
 си. Во всѣхъ трехъ томахъ нѣтъ такой
 слабой главы, какъ эта. Мы почти не
 вѣрши своими глазами, читая въ кни-

гѣ дѣльной и основательной такіа вещи. Въ самомъ началѣ, авторъ говорить (стр. 175):

• Во всѣхъ почти главныхъ происшествіяхъ, о которыхъ узнаемъ мы изъ Несторовой лѣтописи, особенно сначала, первыми дѣйствующими лицами были Варяги-Норманны. Норманны любили рассказывать о своихъ подвигахъ, *увеличивать ихъ, авастаться ими*, что доказывается цѣлою литературою Сѣверныхъ Сагъ, кои ведутъ свое начало изъ отдаленной древности. Точно такъ поступали они у насъ; превеличественные ихъ рассказы, сохранявшіеся въ преданіи, въ пѣсняхъ, въ Сагахъ, или полученные Несторомъ извустно, употреблены были имъ при сочиненіи лѣтописи, и при распространеніи прежнихъ записокъ; нѣкоторые, на-примѣръ о мщеніи Ольги, вошли, кажется, даже прежде въ составъ ихъ. Такимъ образомъ не осталось ни одного почти важнаго происшествія, отъ Рюрика и до Ярослава, которое не было бы изукрашено баснословными подробностями, болѣе или менѣе. Чтобъ найти истину, должно разбирать эти сказанія лѣтописи, какъ сказанія Исламскихъ Сагъ, имѣвшихъ одно происхождение съ ними, очищать ихъ, повѣрять здравымъ разсудкомъ, другими свѣдѣтельствами, послѣдствіями и т. д. .

Во-первыхъ, не понимаемъ, почему автору кажется, что нѣкоторыя сказки, на-примѣръ, о мщеніи Ольги, вошли еще прежде въ составъ записокъ, которыми пользовался Несторъ при составленіи своей лѣтописи. Во-вторыхъ, намъ кажется, что авторъ смотритъ съ совершенно-ложной точки на сказки. Нѣтъ ничего наивнѣе мысли, что сказка можетъ быть очищена, повѣрена здравымъ разсудкомъ и т. д. Она сама-по-себѣ источникъ, и богатый, обильный, но не для такого или другаго историческаго факта, а для характеристики цѣлой эпохи. Она придаетъ ей плоть и кровь и оживляетъ сухія, голыя извѣстія лѣтописей. Самъ г. Погодинъ понимаетъ это. На стр. 287 онъ

говоритъ: «Нѣчего писать въ Сагахъ подробностей... объ этомъ періодѣ. Далѣе (Т. III стр. 115) онъ опять повторяетъ ту же мысль: «Не бытіи важно, но искате въ Сагахъ (хотя часто онѣ важны)».

Все это справедливо; гнѣвъ бѣгъ причинъ удивляться, какъ можно, внимая сказки и саги такъ ясно, брать за нихъ такъ неловко, какъ мы г. Погодинъ! Кто не видитъ, что сказка не имѣетъ никакого историческаго основанія, а между-тѣмъ она и очень-правдоподобна; другая историческое основаніе; третья, имѣла вилъ смѣлы не есть однако сказка, а истинное историческое происшествіе. Какъ тутъ добратся до фактической истинны? Даже въ сказкахъ во время это не всегда возможно, менѣе въ сказкахъ эпохи отдаленной. Потому-то онъ и ставитъ какъ лучшій вспомогательный источникъ исторіи не для отдѣльных фактовъ и событій, а для обычаевъ, нравовъ, характера, живой жизни эпохи. Посмотрите же, какія онъ предпринимаетъ г. Погодинъ сказками, помѣщенными у Нестора на стр. 176-й, рассказавъ о смерти Олега подъ Кіевъ, убійствѣ Аскольда и Дира, онъ рассуждаетъ такъ: «Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ, которые владѣли Кіевомъ уже много лѣтъ, ходили полъ Царьградъ съ войскомъ и вошли въ сношеніе съ Греческими, которые были тверже на своихъ земляхъ, чѣмъ единоплеменники ихъ въ городѣ; вѣроятно ли, что они, какъ Олегу безъ всякаго сопротивления, не принявъ ни какой отплаты, и сколько воиновъ могли собрать въ малой лодкѣ Олеговой? Вѣроятно ли, что дружина Аскольда и Дира, вилъ смерть ихъ безъ отищень, и предалась спокойно побѣдителямъ? Видно было много, когда савары не посмѣлъ сначала вступить въ открытый бой съ вено, но пробѣжалъ къ хитрости. Вѣроятно ли, что Аскольдъ и Диръ не узнали истинно

• происшествіяхъ новгородскихъ, и вы-
• ступленіи Олеговой?—Нѣтъ, это все
• невѣроятно, а вѣроятно только то, что
• *Олегу умертвилъ* (можетъ быть нѣтъ-
• вою) *Аскольда и Дира и овладѣвъ Кіе-*
• *волю.*»

Странно читать такія вещи. Всѣ эти
вопросы, изъ которыхъ на каждый
можно дать отвѣтъ утвердительный и
съ доказательствами, слишкомъ-ясно
показываютъ, какъ г. Погодинъ пони-
маетъ, что значить историческая кри-
тика. Хорошо также и выводъ... Ну,
развѣ нельзя сдѣлать множество дру-
гихъ выводовъ, и съ такимъ же осно-
ваніемъ?

Выписываемъ еще нѣсколько та-
кихъ же мѣстъ. Стр. 177 о намѣ-
реніи Грековъ отравить Олега. «Вѣ-
роятно ли намѣреніе отравить чрезъ
посланниковъ? Кто взялся бы за та-
кое порученіе, и пошелъ бы на вѣр-
ную смерть? Мудрено и Олегу отга-
дать намѣреніе, и потомъ не уго-
стить посланниковъ принесенными
гостинцами!» Стр. 179. Рассказавъ
объѣтъ о смерти Олега и привелъ по-
бывшій рассказъ изъ скандскихъ
згъ, авторъ говоритъ: «Вѣроятного
въ рассказѣ о смерти Олега то, что
онъ умеръ отъ ужаленія змии. Это
апоминаетъ намъ рассказъ про одно-
го Англичанина, который изъ басни
Исица и Воронъ, вывелъ назидатель-
ное правило, что сидя на деревѣ не
можно держать во рту сыра.

Если выписывать всѣ подобныя мѣ-
ста и толкованія изъ книги г. Погоди-
на, то пришлось бы списать всю гла-
ву. Достаточно уже выписаннаго. Лю-
бытнмъ рекомендуемъ прочесть
еще толкованіе сказки о ищеніи Оль-
ги о ея крещеніи. Образцовое въ
онъ родѣ есть междустрочное толко-
ваніе рассказа объ осадѣ Кіева Пече-
нгами. И это называется историче-
ской критикой! Г. Погодину слѣдова-
ло бы заниматься не опредѣленіемъ
исшествія, которому приданъ былъ
эпическій, потому-что безъ помощи пря-
мыхъ историческихъ указаній это не-
возможно, а опредѣлить характеръ

сказокъ и вывести изъ нихъ результа-
ты, историческія положенія для ха-
рактеристики эпохи, которая отража-
лась въ этихъ сказкахъ. Этого-то онъ
и не сдѣлалъ, или сдѣлалъ поверхностно,
неудовлетворительно. На-примѣръ,
онъ не воспользовался сказкой о раз-
личныхъ парусахъ для Руси и Славя-
ннхъ. Только мѣстами указываетъ онъ
на норманскій характеръ нѣкоторыхъ
сказокъ; славянскій элементъ въ нихъ
совершенно-упущенъ изъ вида, тогда-
какъ нѣкоторыя сказки имъ прописаны,
на-примѣръ, всѣ сказки времени
Владимира, можетъ-быть, даже раз-
сказъ о нести Ольги. Замѣтимъ так-
же, что нѣкоторые анекдоты того вре-
мени, сохранившіеся въ преданіи, на-
примѣръ, о единоборствѣ Печенга съ
Яномъ, причислены тоже г. Погоди-
нымъ къ числу сказокъ. Вообще, какъ
мы сказали, это одна изъ самыхъ не-
удачныхъ главъ въ цѣломъ сочиненіи,
потому-что г. Погодинъ выбралъ лож-
ный путь при обсужденіи предмета.
Вмѣсто того, чтобъ отстаивать полни-
мость несторовой лѣтописи, не смотря
на сказки, онъ смѣло могъ доказывать
ея полноту, основываясь на нихъ:
такъ онъ живо сохранили на себѣ пе-
чатъ отдаленнѣйшихъ временъ.

Въ слѣдующей главѣ, авторъ, недо-
вольный еще прежними доводами,
сильно говорящими въ пользу досто-
вѣрности извѣстнй лѣтописи, доказы-
ваетъ ее еще свидѣтельствами совре-
менныхъ, близкихъ туземныхъ памят-
никовъ, свидѣтельствомъ современ-
ныхъ иностранныхъ писателей, гео-
графическими названіями, сохранив-
шимися въ слѣдующихъ памятни-
кахъ и до нашего времени, внутрен-
ними доказательствами и личнымъ ха-
рактеромъ Нестора. Но согласіемъ
современныхъ древнѣйшихъ памят-
никовъ съ лѣтописью потому нельзя
доказывать ея достовѣрность, что всѣ
они могли заимствовать изъ лѣтопи-
си; Слово Давида-Заточника, какъ
говорятъ самъ авторъ, носитъ замѣ-
чательныя слѣды такого заимствованія (стр.
207). Итакъ, они доказываютъ дре-

ность, а не достоверность летописи. То же должно сказать и о доказательствах, взятых из названія мѣстностей. Они доказываютъ туземность летописи, отчасти древность ея — не болѣе. Говоря это, мы не хотимъ опровергать выводовъ г. Погодина, но только показываемъ, что онъ не всегда правильно употребляетъ доводы.

Въ выпискѣ изъ заключительной лекціи о Несторѣ, помѣщенной въ концѣ главы и содержащей въ себѣ болѣею частью одніѣ фразы и разглагоствования, г. Погодинъ приписываетъ Нестору, между прочимъ, горячее патріотическое чувство. Въ чемъ же онъ его находитъ? *Въ выраженіи о русской землѣ*, когда другіе думали о своей личности и о княжествахъ. Странно! Любя свой предметъ, г. Погодинъ его преувеличиваетъ. Самъ онъ позволяетъ себѣ много напыщенныхъ фразъ, воображаетъ, что совершилъ патріотическій подвигъ, защитивъ летописъ и летописца отъ нападокъ скептиковъ, а между тѣмъ, въ другихъ мѣстахъ фразъ не терпитъ. Такъ, на страницѣ 469, онъ приводитъ слова одного писателя, и называетъ ихъ «безполезнымъ вселерѣчіемъ». Не значитъ ли это видѣть недостатки въ другихъ, а въ себѣ не замѣчать? Мы скажемъ также въ свою очередь: вѣсто «безполезнаго вселерѣчія», расточаемаго въ заключительной лекціи, лучше бы г. Погодинъ обратилъ вниманіе на несообразности, которыя встрѣчаются у Нестора, на беспорядокъ въ его извѣстіяхъ, на неумѣнье согласить вставки съ текстомъ, на то, что разсказъ о походѣ святославовъ не сообразенъ съ словами договора. Если исторія чрезъ это выиграла, то не значитъ, что чрезъ это выигралъ и летописецъ. Фразани, въ наше время, нельзя много убѣдить и заставить забыть дѣло.

Главу X занимаютъ изслѣдованія о подлинности *Русской Правды*. Опроверженія возраженій Каченовскаго на «Правду» вообще, хороши и убѣдительно. Нельзя того же сказать о до-

водахъ г. Погодина. Они слабы и обходятъ вопросы, поставленные нами изысканіями и нерѣшенными ихъ поръ. Сверхъ-того, есть частыя недосмотры: на страницѣ 233 сказано, что большая часть списковъ «Правды» находится въ коричихъ, а остальные въ «Новгородскихъ Летописяхъ». Однако мы знаемъ, что былъ такой списокъ и въ «Ростовской». Тамъ же сказано, что на всѣхъ спискахъ водится имя князя Ярослава Владиміровича. Но стоить взглянуть на первую страницу тобинова «Синописа», чтобъ убѣдиться въ противномъ. Намъ кажется г. Погодинъ, что краткій текстъ взятъ Татищевымъ изъ «Новгородской Летописи», гдѣ онъ помѣщенъ вслѣдъ за извѣстіемъ о «Правдѣ», давномъ Ярославомъ Новгородцемъ. Тамъ: Однако въ «Софійскомъ Временникѣ» (изд. Строевымъ) помѣщенъ другой текстъ, и полъ другимъ мѣстомъ, что доказываетъ, что летописцы навѣрное не знали «Правды», давномъ Ярославомъ, а Розенкамповъ и за нимъ г. Поповъ, весьма-основательно и убѣдительно доказали, по-крайней-мѣрѣ доказывали, что «Правда», которую мы знаемъ, и та, о которой говорится въ «Летописи» непосредственно передъ ея текстомъ, совершенно-различны, и не могли имѣть между собой ничего общаго.—Увлеченный ревностію противъ Каченовскаго, который подлинность «Правды» опровергалъ, между прочимъ, тѣмъ, что у насъ нѣтъ оригинала или засвидѣтельствованнаго ея списка, г. Погодинъ, на страницѣ 237, восклицаетъ: «Что есть у насъ подлиннаго даже до Уложенія, т. е. до половины 17 вѣка — не только нѣтъ вѣковъ прежнихъ? Такой вопросъ можно было сдѣлать пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а не теперь, когда мы имѣемъ рундиновскіе акты и труды Археологической Комиссіи. Одно ослѣпленіе подлинныхъ актовъ, извѣстныхъ намъ теперь и напечатанныхъ, составляетъ порочную книгу.—На страницѣ 249, примѣч. 34, г. Погодинъ глашается съ поправкой Каченова

о, который в статье X (по «Синописи» г. Тобина), вместо *на костях*, читается *на юстях*. Г. Поповъ находитъ эту поправку ненужною. Г. Погодинъ возражаетъ ему тѣмъ, что нельзя и думать не только говорить о слѣдствіи уголовномъ, когда въ трупа обнаружатся кости. На это слышкомногу нужно времени. Но съ тѣмъ нельзя согласиться. Сказано: «а о костяхъ, или по мертвецѣ»; смыслъ ясенъ. Читайте *на юстяхъ* — сопоставленіе съ мертвецомъ будетъ совершенно непонятно. Сверхъ-того, о какомъ слѣдствіи говоритъ г. Погодинъ? По своему смыслу словъ видно, что и зъ нужно слѣдствіа; когда найдены будутъ кости или мертвецъ, котораго кто не знаетъ: никто за него и не въ вѣтъ. На страницѣ 250, г. Погодинъ правильно возражаетъ Каченовско-го. Послѣдній находитъ, что тиуны или не свободные люди, холопы; а

Погодинъ говоритъ: «Онѣ (слова *правды*), — а третіе холопство тиуанство (въ ряду) именно доказываютъ противное тому, что хочеть доказать Каченовскій; кто шель въ тиуны безъ яду, тотъ дѣлался холопомъ». Нельзя такъ играть словами въ изслѣзаніяхъ! Изъ того, что свободный, бывшійся тиуномъ, дѣлался холопомъ, прямо вытекаетъ, что тиунъ хотъ; иначе свободный, принявъ тиуанство безъ условія, не дѣлался бы холопомъ. Тамъ же авторъ продолжаетъ ритомъ: тиуанство употреблено здѣсь въ смыслѣ нарицательномъ, общемъ, къ боярство, холопство, и никакъ не можетъ служить къ объясненію предѣленнаго имени тиунъ. Точно же должно сказать и о тиунахъ, которыхъ князь отпускали на волю, значей, ва примѣръ, или управивль, можетъ быть, и теперь, свободный, и вѣрпостной, и если одного значей баринъ отпустить на волю, изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ и государственный значей, уѣздный, принадлежалъ къ холопству. Мѣсто это, и его трудно понять. Но въ то, что мы поняли, авторъ, тоже не

правъ. Тиуны были свободные — съ радомъ, и холопы — вѣтые въ тиуны безъ холопей, или вступившіе въ тиуанство безъ раду. Это ясно. Говорить о тиунахъ государственныхъ, уѣздныхъ и барскихъ значитъ не повиинать того времени, къ которому относится «Правда». Князь и бояринъ имѣли одиинъ дворъ, дружину, одиинное управленіе. О государственномъ устройствѣ въ эту эпоху нечего и думать. Дружинникъ, получившій должность тиуна, по всѣмъ вѣроятностямъ не становился холопомъ точно такъ же, какъ престолюдинъ оставался свободнымъ, вступая тиуномъ къ боярину, но съ условіемъ. Слѣдовательно, опять-таки Каченовскій правъ, тѣмъ болѣе, что, какъ мы достоверно знаемъ, въ княжескихъ дѣлахъ, тиунахъ и влючинныхъ бывали холопы князя. — На стр. 253 приведены слова Каченовскаго, который свое мнѣніе о «Русской Правдѣ» доказываетъ, между прочимъ, тѣмъ, что въ ней на продовольствіе вярника по сырамъ и пятницамъ назначается и сыр. Г. Погодинъ отвѣчаетъ: «А *сырину ку кума, оже сыр* — значитъ ли здѣсь сыръ то, что нынѣ подъ симъ словомъ разумѣется — это разъ; во вторыхъ, строго ли соблюдался постъ мирякамъ въ Ярославово время, мы не знаемъ; сыръ ногъ остаться старою пошпиною; оже значитъ ли здѣсь *милъ*? Впрочемъ это такая бездѣлица, коею ни какъ нельзя опровергать большого документа! Во всякомъ случаѣ это мнѣсто должно отнести къ числу текныхъ, впрядъ до объясненія». Но всѣ эти слова ничего не значать. Самъ авторъ это чувствуетъ. Не понимаемъ, почему онъ не причислялъ это мнѣсто къ тѣмъ, которыми въ другомъ мѣстѣ (Т. III стр. 338) онъ такъ остроумно доказываетъ вліяніе римско-католическаго исповѣданія на Новгородъ. Въдъ названіе *Пискулла улица* — въ ярославовомъ «Уставѣ о Мостовыхъ», актѣ, по его же мнѣнію, современномъ «Правдѣ»?

Въ концѣ изслѣзованія о «Русской Правдѣ», мы находимъ весьма цѣно-

ресное замѣчаніе г. Погодина объ этомъ памятникѣ (стр. 243): «Русская Правда есть первоначально уставъ норманскій, принесенный Варягами-Русью, и въ теченіи времени переведенный на языкъ того народа, среди котораго они поселились, точно какъ у разныхъ единоплеменниковъ ихъ этотъ уставъ съ разными измѣненіями переведенъ былъ на Латинскій».

Здѣсь, кажется, впервые печатно высказана мысль, что «Русская Правда» переведена на нашъ языкъ съ другаго. Не одинъ г. Погодинъ такъ думаетъ. Мы слышали то же замѣчаніе отъ одного знатока русскихъ древностей. Языкъ «Правды» много говоритъ въ пользу этого предположенія. Во всякомъ случаѣ, это предметъ долгихъ и долгихъ изслѣдованій...

«Уставъ Ярослава о Мостовыхъ» (стр. 269), авторъ называетъ достопримѣнъ въ высшей степени; но слѣдуетъ изъ мысли Карамзина, что въ немъ есть повидѣншія вставки. Но вѣдь въ этомъ-то и вся сила! Ярославъ могъ дать уставъ, а мы имѣемъ его въ повидѣншей передѣлкѣ, слѣдовательно, не его, и потому не можемъ на немъ основываться, говоря о времени Ярослава. Вѣдь то же самое представляютъ уставы Владиміра и Ярослава: они были изданы этими князьями, однако, никто еще не могъ добраться до ихъ первоначальнаго текста. Это и побуждало поведать отвергать ихъ подлинность, и до сихъ-поръ мы можемъ ими пользоваться только для повидѣншаго времени.

Подлинность ярослава «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ доказываетъ слѣдующими доводами: 1) причины въ выдумкѣ никакой предполагать нельзя. — Это не доводъ. 2) Языкъ глубоко-древній. — Правда; но развѣ мы такъ коротко знаемъ нашъ древній языкъ, что можемъ по немъ опредѣлить языкъ составленія устава? 3) Собственныя имена такіа, какихъ никогда сочинить нельзя. — Все же не доказательство современности устава Яро-

славу. 4) Нѣтъ ни одного періода, изъ извѣстныхъ историковъ, откуда можно было бы подчеркнуть слова его объясненіе. — Авторъ согласится съ нами, что и это не доказательство. Развѣ мы знаемъ подробно вѣстность Новгорода въ XII, XIII и XIV вѣкахъ? 5) Въ одномъ актѣ, конца XII вѣка, говорится, что Голландцы обязаны были, живя въ Новгородѣ и имѣя тамъ евой домъ, давать на содержаніе жено-стовой. — Отсюда не слѣдуетъ, что уставъ принадлежитъ Ярославу, или что не возможно было составить его гораздо-позже Ярослава. Вѣдь мы не видимъ, чтобъ этимъ уставомъ учреждалось ничто новое. Быть-можетъ, онъ установилъ, опредѣлилъ какъ законъ, уже издавна-существовавшее. Противное должно еще доказывать.

Итакъ, вопроса о подлинности ярослава «Устава о Мостовыхъ», г. Погодинъ далеко не разрѣшилъ. Зачѣмъ же было поднимать его?

Глава XI, о церковныхъ уставѣхъ Владиміра и Ярослава, не есть собственное изслѣдованіе автора, а повтореніе того, что уже говорили Карамзинъ, митрополитъ Евгеній, Ровенкампфъ и противъ и въ защиту подлинности этихъ уставовъ. Въ объясненіе, какимъ образомъ въ уставѣ Владиміра могло попасть имя патріарха Фотія, умершаго девятью лѣтъ прежде, г. Погодинъ предлагаетъ перестановку знаковъ препинанія. Вызываетъ извѣщеніе, но неподвигающее нисколько къ рѣшенію вопроса: потому-что, если Владиміръ не могъ вѣститься у Фотія, то не могъ получить отъ него и епископа. Вся глава очень-неважная.

Потомъ о Северныхъ Саянахъ по историческимъ писателямъ. Взаимныя ихъ отношенія къ русской исторіи и ренъ.

«Саги чрезвычайно важны для насъ: изображая намъ живо Норманновъ, которые были главными действующими лицами въ нашей исторіи» — продолженія первыхъ двухъ — отъ

и представляя ихъ образъ дѣйствій и мыслей. Это ихъ достоинство, но и въ частности не менѣе важны, известны нѣкоторые лица, которые ужили и дѣйствовали, на-примѣръ, Олафомъ святымъ, Гаральдомъ, Альдомъ, Эймуномъ, Рагнаромъ (стр. 285).

чего искать въ Сагахъ подробностей, составляющихъ тѣ, частности хронологическія, географическія, — даже біографическія должны быть подвергнуты строгому разбору и познать общія черты, характеръ, нравы, языкъ, вообще краски — всегда драматическія. Изданная Копенгагенскимъ обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ Сага Сага, служитъ яснымъ доказательствомъ: частности не вѣрны; но общія (свошенія, переговоры, условія, военныя дѣла и проч.) отъ величайшую важность для исторіи, дополняя, объясняя, давая наши свѣдѣнія объ этомъ полѣ. На-примѣръ, о наймѣ Варяжскихимъ князьями, какъ подмечаетъ Эймунова Сага Нестора древнихъ летописателей! (стр.

переводу «сага», г. Погодинъ вводитъ довольно-подробный разборъ и г. Семеновскаго, напечатанной въ мѣстѣ съ переводомъ «Эймунова Сага», и возраженій на нее С. Семеновскаго (покойнаго С. Строева). Оба разбора хороши и основательны, какъ вамъ кажется; только не похвалять тона, которымъ они даны. Г. Семеновскому авторъ возмущенъ съ готовымъ прелубѣжденіемъ нѣкоторыхъ мыслей, следовательно, не какъ ученый, — потому что, прелубѣжденія бываютъ часто похвальные въ человѣкѣ, то она не подозрительны въ критикѣ. На страницѣ 292, мы находимъ такую выходку: «Какъ? Чешское, Сербское, Польское нарѣчіе ранилось въ чистотѣ своей, не

смотря ни на какіе натиски и напыльчуждыхъ стихій, а Русско-Славянской языкъ былъ бы поглощенъ какимъ-нибудь Чухонскимъ диалектомъ! *Вотъ здѣсь-то слышится чуждой юлосы!*»

Отзываться такъ о результатахъ, добытыхъ ученымъ исследованиемъ, каковы бы они, впрочемъ, ни были, никто не имѣетъ права. Такое неуваженіе къ лицу и ученому — плодъ крайней необузданности, тѣмъ болѣе, что остроумное замѣчаніе г. Семеновскаго вовсе не заслуживаетъ такого отзыва

Въ другомъ мѣстѣ, г. Погодинъ называетъ мысль г. Семеновскаго *мелочностью* — выраженіе, впрочемъ, очень-употребительное во всей книгѣ г. Погодина.

Что касается до разбора статьи покойнаго С. Строева, то это наборъ выходовъ, роняющихъ въ глазахъ читателей критика, а не статью, которую онъ разбираетъ. Вотъ мѣста:

«Представьте себѣ студента, только что вставшаго съ университетской лавки, который думаетъ, что вся премудрость человѣческая заключается въ его тетрадкахъ — такъ г. Скрамненко и началъ разбирать статью г. Семеновскаго.» (Стр. 306).

«Послѣ такихъ невзначушихъ, какъ читатели видятъ, придириковъ, г-нъ Скрамненко, обнаруживая вмѣстѣ съ смѣлостію совершенное невѣдѣніе объ исторической литературѣ, хотя полноты нельзя было и требовать отъ только что кончившаго курсъ ученія студента...» (Стр. 314).

«Совѣтую молодымъ людямъ, обращаться не на Востокъ, не на Сѣверъ, не на Западъ, а просто къ книгамъ, и учиться, учиться, а потомъ выбирать, какую страну угодно.» (Стр. 314).

И о комъ же г. Погодинъ такъ отзывался? О мертвомъ, который не можетъ защищаться!

Послѣ самаго краткаго, благоговора прочихъ источниковъ древнейшей русской исторіи, летописей гре-

ческих, болгарских и западных, известий арабских, памятников искусства и монетъ, г. Погодинъ переходитъ къ критикѣ школы Каченовскаго.

Мы уже высказали прежде наше мнѣніе о значеніи Каченовскаго въ отношеніи къ русской исторіи и къ г. Погодину. Здѣсь не станемъ объ этомъ распространяться. Фактически, непосредственно, г. Погодинъ совершенно-правъ и вышелъ полнымъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своимъ противникомъ. Мы покажемъ теперь, какъ онъ относится къ своимъ противникамъ, отзывается объ нихъ, и отмѣтитъ частные промахи въ его опроверженіяхъ.

Стр. 325. • Противъ древней Русской Исторіи, о достовѣрности и источникахъ которой мы представили теперь изслѣдованія и замѣчанія, появилось въ продолженіи пяти лѣтъ (1830 — 1835), нѣсколько статей, удостоенныхъ отъ нашихъ *несведущихъ журналистовъ* почетнаго титула *Скѣптической* школы, которая однакожъ скорострижво и скончалась, уступивъ мѣсто другой, и, надо признаться *еще болѣе кельной, то есть Славянской*.

• Считаю нужнымъ объяснить ея происхождение, и войти въ нѣкоторыя частныя подробности. Мнѣ придется теперь осуждать покойниковъ, — это слышкомъ неприятно, тягостно, — не наука имѣть свои права и требованія, предъ комми должны умолкать всѣ прочія.

Это правда. Только мы не знаемъ, почему же непременно должно отзываться о покойникахъ такъ, какъ отзывается г. Погодинъ? Наука этого не требуетъ...

За тѣмъ слѣдуетъ характеристика Каченовскаго, довольно-безпристрастная, которую г. Погодинъ, можетъ быть, хотѣлъ заравѣ оправдаться въ послѣдующемъ. Въ очеркѣ ученой дѣятельности покойнаго профессора уже начинаются несправедливости. На-примѣръ, г-нъ Погодинъ говоритъ, что до 1830 года Каченовскій

шелъ въ старомъ пути. (стр. 326); но самъ же цитуетъ его слова въ «Вѣстникѣ Европы» 1827 года, съ же говорить, на стр. 329, что онъ, г. Погодинъ, уже съ 1820-хъ годовъ ратовалъ противъ Каченовскаго. Хорошо ли это? На стр. 326 и 327 въ вѣсткѣ 1-мъ, г. Погодинъ приводитъ нѣкомъ мѣсто изъ Карамзина о бѣгствѣ строеніи, гдѣ онъ подшучиваетъ надъ объясненіемъ Каченовскаго, и въ концѣ говоритъ: «выписываю это вѣсткѣ чваніе, ибо отчасти — inde irae». Заметьте челоѣческое сердца! На стр. 331 мы находимъ слѣдующія слова: «Каченовскій началъ сибѣтъ проповѣдывать свое учение сомнѣніи и отрицанія въ Университетѣ. Студентамъ имѣвшимъ къ нему отношеніе какъ профессору, декану и наконецъ ректору, должны были benevolentia caritatis causa, писать классическія упражненія въ его духѣ, и возмѣраженія изъ общихъ мѣстъ въ его отрицанія и знаки вопроса». Словомъ, Каченовскій случайно избралъ на свои сомнѣнія, сперва волю ніемъ Эверса, потомъ Шибурра, который на бѣду явился тогда и провозгласилъ шумъ въ ученой литературѣ сомнѣніями, наконецъ, съ помощью Сарторіуса, который тоже вынулъ ему въ руки, и далъ пищу его сомнѣніямъ, такъ-что «и голова у него кружилась». Во всѣхъ этихъ мѣстахъ г. Погодинъ не только бьетъ туманомъ, не разбирая, но, къ сожалѣнію, напоминаетъ то уже прошедшее время, когда критика не безврасочно и не во имя одной истины мѣла лицо и лица на свой сулъ, рая роль высшаго, неунымающаго нравственности. Мы съ стороны плохо вѣривъ только когда онъ, разбирая мнѣніе ученой школы, видитъ въ ея мнѣніи не ошибку, не ложь, а дурацкую интригу, коренящуюся въ случайныхъ обстоятельствахъ, и шую въ слѣдствіе вновь-написанной книги, влущеніи самолюбія и мѣдѣ, и поддержанію мнѣнія...

ествомъ. Еслибъ это и такъ было, извѣ дѣло ученаго вскрывать заку- исныя тайны, частныя дѣла? Такіе ибуналы теперь существуютъ въ чрежденіяхъ правительственныхъ, въ бществениомъ или, по-крайней мѣрѣ, въ общемъ мнѣніи. Пока нельзя гово- рить печатно о частной жизни чело- вѣка, до-тѣхъ-поръ някто не въ-правъ вводить въ книгѣ, хотя бы намеками въ латинскихъ фразахъ, поступки е офендіальные. Такъ мы думаемъ увѣрены, что г. Погодинъ съ нами огласится...

Приводить всѣ мѣста, въ которыхъ ыказался г-нъ Погодинъ съ этой ыгодной стороны въ новомъ сво- ь сочиненіи, мы считаемъ невоз- ожнымъ, излишнимъ. Однѣ первый онъ — богатый рудникъ, котораго олько ни чернашъ, не осушить. |ротивниковъ своихъ онъ называетъ овыми нежданами (стр. 51), сумаш- едшими или безумными (стр. 54), ошѣшными самозванцами-критиками (стр. 86), новыми самозванцами (стр. 9, прим. 19), школьниками (стр. 331), ьлойной школой (стр. 362), нашими елосѣтлыми Нибурами (стр. 485) и . д. О Каченовскомъ г. Погодинъ ьзывается не иначе, какъ — Каченов- ьй съ своими студентами... Кажется, овольно этихъ указаній. Впрочемъ, ы можемъ увѣрить читателей, что ькихъ и еще большихъ выходовъ, ораздо-болѣе, чѣмъ мы выписали.

Желая ковчать это дѣло, *предосу- дительное* для исторической русской ьтературы, которая одна почти под- держиваетъ *нашу ученую честь*, а еще болѣе желая предотвратить молодыхъ юлей на будущее время отъ подоб- ьныхъ вредныхъ заблужденій, и охра- нить прямую дорогу, дорогу Байе- ровъ, Шлецеровъ, Карамзиныхъ, по которой для достиженія цѣли должны вати дѣлатели, пользоваея, разумѣется, новыми трудами и видами науки, я разберу теперь всѣ сочиненія, сюда ринадлежащія (стр. 332).

За снмъ начинается подробный раз- ьръ тринадцати статей, принадлежа-

щихъ Каченовскому и его послѣдова- ьтелямъ. Изъ особенной деликатности, непонятной послѣ всего, что видѣли ьтатели, г. Погодинъ переэумеровалъ ьтати. «Я стану говорить онъ: «на- ьзывать авторовъ по нумерамъ, подъ ьоторыми въ хронологическомъ по- ьрядкѣ поставлены выше ихъ разсуж- ьденія, а не по именамъ, дорожа ихъ ьчестью: всѣ они освободились изъ- ьподъ вліянія и умолкли, — зачѣмъ же ьнапоминать объ ихъ юношескихъ грѣ- ьхахъ, которые послужили имъ, впро- ьчемъ, во спасеніе. Виѣсть съ снмъ ьчитатели увидать и доказательство, ь что здѣсь дѣло идетъ о наукѣ, а не о ьличностяхъ» (стр. 334).

Послѣднія слова необходимы. Тотъ ьзбора такъ, что еслибъ г. Пого- ьдинъ не предварилъ насъ, что онъ раз- ьбираетъ статьи, а не ополчается на ьвтора, мы бы этого никогда не пови- ьли, Разборъ первой статьи хорошъ, но ьз него вырвалась важная ошибка, про- ьшвешдая отъ односторонности г. По- ьгодина. Во всякомъ сомнѣніи, касаю- ьщемся нашей старины, г-ну Погодину ьпредставляется, что вотъ несторова лѣ- ьтопись въ ованости, что всѣ возраженія — личности противъ лѣтописи и ея со- ьставителя. Каченовскій доказываетъ, ьто кожаныхъ денегъ не было, а г. По- ьгодинъ говорить (стр. 333): «Положимъ, ь что не было; но что же слѣдуетъ изъ ьэтого? Были или не были кожаныя ьденьги, — это мнѣніе не имѣетъ ника- ького отношенія ни къ лѣтописи Несто- ьровой, ни къ древней русской исто- ьріи, и нисколько не уменьшаетъ ея ьдостоверности. Это есть только част- ьное ученое мнѣніе, справедливое или ьнесправедливое». И въ концѣ (стр. 346): «Читатели видятъ, что еслибъ да- ь же были вѣрны его положенія (боль- ьшею частію весьма-сомнительныя и ьнатянуты), то и тогда онъ не могъ ьбы нисколько привести въ подозрѣніе ьлѣтопись Несторову, къ коей не имѣ- ьютъ никакого отношенія». Конечно, ьне имѣютъ. Вольво г. Погодину смо- ьтрѣть на эту статью, какъ на возраже- ьніе противъ лѣтописи! Каченовскій

взявъ вопросъ поглубже. Для него подлинность летописи было дѣло второстепенное, — не цѣль, а средство. А что вопросъ о кожаныхъ деѣгахъ, имѣющей прямую связь съ финансовымъ управленіемъ древней Россіи, есть вопросъ частный, — съ этимъ мы никакъ не можемъ согласиться.

Въ опроверженіяхъ на остальные разсужденія школы Каченовскаго, мѣстами также попадаютъ странные промахи. Авторъ 4-й статьи говоритъ, что до XIII столѣтія, т. е. до договорной граммати Смоленска съ Ригой, у насъ нѣтъ государственныхъ актовъ. Заключенія изъ этого факта ложны и поверлисты, но фактъ неосмѣненъ. Г. Погодинъ говоритъ: «нѣтъ, у насъ есть государственные акты: договоры съ Греками, Русская Правда, церковные уставы Владиміра и Ярослава и уставъ Ярослава о мостовыхъ» (стр. 362), и ссылается на ихъ подлинность. И то и другое несправедливо. Они не государственные и не подлинные акты, потому-что дошли къ намъ не въ подлинникахъ. Подлинность ихъ (т. е. не подлинность, а достовѣрность) не равно для всѣхъ доказана; изслѣдованіе списковъ «Русской Правды» отыскало укритиковъ и самую надежду возстановить первоначальный текстъ, — такъ разнообразны тѣ, которые мы имѣемъ. Изслѣдованія уставовъ показали, что въ нихъ есть большія вставки, относящіяся къ позднѣйшему времени.

На стр. 374-й мы находимъ странное обвиненіе Каченовскаго въ томъ, что онъ будто-бы не читалъ дальше первыхъ страницъ летописи. Оно и ложно и какъ-то дико. (Провускаемъ софиты и назиданія молодымъ людямъ, плохія остроу и пр.)

На стр. 432 находимъ ничѣмъ-недоказанныя слова: «Горы Угорской, поелѣ Татаръ нельзя было знать; точно что же должно сказать и объ Ильминъ дворѣ и о церкви св. Иліи, слѣдовательно, все это могло быть написано только до Татаръ». Почему же это? Татары? Да развѣ не могло остаться нѣсколько человекъ, которымъ нѣв-

ская хорографія была совершенно известна, и которые передали ее другимъ? Это не больше, какъ предположеніе. — На стр. 438 г. Погодинъ возражаетъ: «если списокъ означается известнымъ годомъ, не слѣдуетъ отсюда вывести, что и подлинникъ съ того года онъ списанъ, означившись этимъ годомъ». Возраженіе очень основательное. На него отвѣчаетъ г. Погодинъ слабо: «Разумѣется слѣдуетъ, ибо всѣмъ переписчикъ списывалъ съ подлинника. Съ чего же стали бы предполагать, чтобъ кто-нибудь списывалъ часть его? Мы думаемъ, что нельзя предположить ни того, ни другого, потому-что нѣтъ никакого основанія предполагать». — На стр. 440, г. Погодинъ возражаетъ противъ догматоровъхъ записокъ тѣмъ, что вслѣдствіе, умѣли ли христіане IX вѣка читать, а онъ отвѣчаетъ: «Я разумѣюсь христіанъ священниковъ, божественителей религіи, а не новообращенныхъ: безъ грамоты не могли они обѣднѣ служить». Это неправда. Имѣемъ примѣры безграмотныхъ, совершенно безграмотныхъ священниковъ даже при Петрѣ-Великомъ, который сначала запретилъ было служить священниковъ, не имѣющихъ недостатку грамотныхъ, думая, что если бы они знали службу нашу. — Тамъ же возражаютъ г. Погодинъ: «Какихъ русскихъ князей священники Ольги могъ записывать даже въ ихъ поминаньяхъ, когда всѣ князья до Владиміра были язычниками». А г. Погодинъ отвѣчаетъ: «Франкъ — Ольгу, которая была женою сына Рюрика, Владиміра — сына его Ярослава, сыномъ священника, — вотъ сколько было христіанъ». Нестора. Вамъ говорить о дѣлѣ Ольги, кого онъ могъ записывать не о князьяхъ, которые были язычниками. Если вы думаете, что дѣло Ольги жилъ до времени Нестора —кажите это и не обходите мимо. До Ольги не было русскихъ христіанъ, а Рюрика дома христіанъ, а тамъ и вся сила возраженія.

О томъ возраженій противъ статей, писанныхъ въ духѣ Каченовскаго, говорить нечего. Г-нъ Погодинъ отзывается о послѣдователяхъ Каченовскаго, какъ о дѣтяхъ, съ патриархальными чувствами сожалѣнія къ грѣхамъ юности, которые исправлять должно бы не критикой, а средствами болѣе патриархальными, дѣтскими. Вотъ на выдержку одно мѣсто (стр. 54): «Нейманъ, выравнившій послѣднюю Эверсову мысль, не осмѣливается сослаться на Восточныхъ писателей, — а эти школьники не зная восточныхъ языковъ, не читая даже нѣмецкихъ разсужденій, а только мои переводы изъ Эверса и Неймана, смѣло утверждаютъ восточное происхожденіе Руси, и говорятъ, что Восточные писатели свидѣлствуютъ такъ!» — Вѣрный мысли, что статья писана *benevolentiae captanda causa*, г. Погодинъ восклицаетъ (стр. 90):

«Какъ хочешь теперь, я думаю, самъ авторъ читая эти нелицы, мои разбирать мнѣ пришлось.»

Не знаемъ, хочешь или нѣтъ. Впрочемъ, другой вѣкъ, другіе нравы. Намъ теперь трудно объ этомъ судить, равно какъ и понять томъ г. Погодина...

Конецъ тома занять разборомъ нѣбной г-на Строева о нашихъ глгопнлхъ — нѣбной, высказанныхъ имъ въ Хронологическомъ Указателѣ Матеріаловъ для Русской Исторіи, Литературы и Правовѣдѣнія. и оцѣнка трудовъ гг. Буткова и Кубарева въ отношеніи къ Нестору.

Второй томъ посвященъ исключительно разсмотрѣнію двухъ главныхъ, стовныхъ элементовъ, изъ которыхъ пожилась Россія: Варяго-Руссовъ и славянъ. Славянскій элементъ, какъ на ни мало обслѣдованъ, все же представляетъ нѣчто опредѣленное, извѣстное, несомнѣнное. Совершенно-другой элементъ варяго-русскій. До сихъ поръ, не смотря на множество разсужденій по этому предмету, вопросъ о томъ, кто такіе были Варяго-Руссы, и

какой именно элементъ они принесли съ собою, не разрѣшенъ окончательно. Есть ученые, которые даже отчаяются въ возможности когда-нибудь разрѣшить его. И въ-самомъ-дѣлѣ, не смотря на богатую литературу, онъ едва-ли даже установленъ окончательно. Нѣкоторые считаютъ Варяговъ и Русь за одинъ народъ, другіе ихъ отдѣляютъ. Большая часть въ главномъ согласна относительно происхожденія Варяговъ; но о происхожденіи Руссовъ существуютъ самыя разнообразныя, противоположныя мнѣнія. Одни считаютъ ихъ народомъ восточнымъ, другіе европейскимъ. Ихъ ищутъ около береговъ Чернаго и Балтійскаго Морей; нѣкоторые находятъ ихъ слѣды во всей Европѣ. При такой разногласицѣ мнѣній ищущихъ за себя ученый авторитетъ, было бы дерзко мечтать объ окончательномъ его разрѣшеніи въ нѣсколькихъ словахъ, въ журнальной статьѣ. Строго придерживаясь принятаго плана, мы будемъ слѣдить за изслѣдованіями г. Погодина и указывать на тѣ доказательства, которыя намъ показались слабыми, или ничего-недоказывающими.

Въ послѣднее время, стало болѣе-и болѣе распространяться мнѣніе, что вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси совѣтъ не имѣетъ той важности, которую ему обыкновенно приписываютъ. Это мнѣніе имѣетъ, кажется, два основанія. Во-первыхъ, славянизация Варяговъ-Руси, ихъ совершенное обрусеніе должно было привести къ мысли, что если Варяго-Руссы и принесли съ собою особенный, чуждый намъ элементъ, то онъ скоро исчезъ и былъ поглощенъ элементомъ славянскимъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чѣмъ далѣе мы отходимъ отъ такъ-называемаго варяжскаго періода, тѣмъ болѣе является преобладающимъ элементъ славянскій. Въ Сѣверо-восточной Россіи, съ конца XII и начала XIII вѣка, нѣтъ ужъ ничего варяжскаго, чуждаго, — все славянское. Итакъ, варяго-русскій элементъ въ русской исторіи — заключаютъ многіе — имѣетъ лишь временную,

относительную важность, а потому и вопрос о немъ не есть первостепенный, важный для всей русской исторіи. Во-вторыхъ, интересъ къ этому вопросу охладѣлъ и потому, что прежде вся сила критики, всѣ труды ученыхъ относились къ нему одному; всѣ прочіе вопросы остались нетронутыми или сравнительно разработаны гораздо слабѣе. Теперь показали, что позднѣйшая исторія гораздо-важнѣе, интереснѣе, ближе къ намъ, нежели древнѣйшая. Въ этомъ отразилось практическое направленіе науки, начавшее недавно преобладать надъ чисто теоретическимъ, отвлеченнымъ. Отъ-того, разработка ближайшаго къ намъ времени въ древней русской исторіи важнѣе, нежели изслѣдованіе древнѣйшаго. Это не трудно замѣтить.

Нельзя не сказать, что обѣ причины болѣе временныя, историческія, нежели лежащія въ самомъ предметѣ. Вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси такъ неразрывно связанъ съ вопросомъ, какой элементъ они принесли къ намъ, что это одно дѣлаетъ его несравненно - важнѣе всякаго другаго частнаго вопроса, на-примѣръ, вопроса о мѣстѣ погребенія Лапунова и Пожарскаго, о томъ, на которомъ именно мѣстѣ стоялъ Кіевъ или Ладога въ древнѣйшія времена. Только съ его разрѣшеніемъ разрѣшится вопросъ о дѣйствительномъ значеніи Русской Правды - въ первоначальныхъ временахъ, о происхожденіи множества словъ, названій, должностей, учреждений, которые гораздо-позже встрѣчаются въ русской исторіи и къ которымъ глазь такъ ужъ приглядѣлся, что они кажутся нашими, національными, славянскими. Мы даже позволяемъ себѣ думать, что безъ рѣшенія этого вопроса нельзя почти опредѣлить, точно ли варяжскій элементъ исчезъ у насъ безъ слѣдовъ? Быть-можетъ, узнавъ его, мы нашли бы его отголосокъ гораздо-ближе къ намъ, нежели мы думаемъ; ибо въ первоначальныхъ обществахъ, даже, однажды брошенное въ живыя,

вдругъ не умираетъ, но, переродившись, безпрестанно, сохраняется въ отдаленнѣйшія времена. Весь расзорлокъ службы, наборъ войска, повѣстанная система, дума, судебныя пошлины, огнеступленіе управленіе и судопроизводство московской Россіи не есть ли отголосокъ варяжскаго элемента? Дѣло очевидно-возможное, и рѣшить этого великаго перъ, не зная, кто были Варяги Руси.

Правда, за рѣшеніе этого вопроса брались, намъ кажется, не такъ, какъ должно. Наслѣдованія вели чисто-догматически, выбирали истца изъ истателей, которые упоминали о Варягахъ-Руси, рассматривали изъ-этимъ болѣею частью ограниченныя. Нѣкоторые сравнивали учрежденія древнѣйшія съ новѣйшими, русскими же; но этотъ путь также не могъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ, потому-что въ новѣйшемъ не могли не сохраниться слѣды древнихъ установленій, какъ они видоизмѣнились. Намъ кажется, что для окончательнаго разрѣшенія вопроса надобно подробно слѣдить за внутренній бытъ нашихъ и прочихъ славянскихъ племенъ, особливо на началѣ эпохи, когда послѣдніе вошли подъ вліяніемъ чуждыхъ вѣстоутовъ. Что въ насъ пришло, что тогда-тогда обнаружится, а съ тѣмъ-тогда опредѣлится и то, какіе элементы принесли къ намъ Варяго-Русская малая важная, существенная часть дачи.

Г. Погодинъ своими изслѣдованіями указываетъ на этотъ новый путь, большей своей половиной ставя въ прежнемъ, старомъ. Его доктрина - преимуществу филологическому. Правда, онъ ужъ сильно опирается на доказательства, взятые изъ общаго и учрежденій варяжскихъ (этими особенно замѣчательны третій томъ изслѣдованій); но иди отъ одного динавскаго элемента, который онъ обследовалъ исключительно, присвоилъ ему многое, что очевидно принадлежало и Славянамъ, и что, конечно, догматическое не можетъ вести къ рѣ-

нению вопроса, или ведетъ къ ложно-му возрѣнію на древнѣйшую исторію.

Въ самомъ началѣ, на 1-й страницѣ, Погодинъ ставитъ вопросъ: какъ началось русское государство, и говорить:

«Вопросъ важный и любопытный: какъ началось то государство, которое могуществомъ своимъ превышаетъ далеко всѣ государства въ мірѣ, прошелшемъ и настоящемъ; которое легко можетъ еще усилиться въ нѣсколько разъ, которое въ десяти своихъ климатахъ обладаетъ всеми естественными произведеніями, и можетъ обходиться безъ всякой иностранной помощи; которое занимаетъ теперь уже первое мѣсто въ политической системѣ Европы, и можетъ располагать судьбою ея, судьбою всего свѣта, всего рода человѣческаго; которое обилуетъ свѣжинисилами, бьется юною жизнью, между-тѣмъ, какъ прочія уже устарѣли, вѣтшаютъ, низпадаютъ съ высоты своего величія.»

Потомъ авторъ приводитъ мѣсто изъ лектора о призваніи Варяговъ-Руси и въ него выводитъ три вопроса: кто были Варяги-Русь? Въ какомъ положеніи находились славянскія племена, съ которыми соединились Варяги-Русь? какъ соединились, т. е., при какихъ словіяхъ началось государство? Первые два вопроса разрѣшаются во второмъ томѣ; третій въ третьемъ.

Мнѣніе о происхожденіи *Варяговъ-Руси* г. Погодина извѣстно. Онъ считаетъ ихъ Норманнами или точнѣе германско-Скандинавами. Во второмъ томѣ очень-тщательно приведены и рассмотрѣны всѣ мѣста изъ лѣтописи, гдѣ говорится о Варягахъ-Руси, свидѣльства Византийцевъ, западныхъ лѣтописей и восточныхъ извѣстій. Помимо въ доказательство ихъ норманскаго происхожденія приводятся ихъ общественныя имена и русскія названія семи дѣпровскихъ пороговъ, сообщенныя Константиномъ-Багрянороднымъ; послѣднія объясняются изъ языковъ скандинавскихъ. Потомъ приводятся и другія скандинавскія названія

городовъ, рѣкъ и т. д., исчисляются норманскія слова, сохранившіяся въ нашемъ языкѣ,—слова по преимуществу юридическія. Последнее доказательство очень-слабо, ибо основано на спорномъ еще толкованіи словъ *skotъ*, *bolrimъ* и т. д. Лучше бы г. Погодинъ не прибѣгалъ къ нему! Далѣе, норманское происхожденіе Варяговъ-Руси доказывается ихъ дѣйствіями (стр. 90):

«Къ числу сильнѣйшихъ доказательствъ норманскаго происхожденія Варяговъ-Руси принадлежатъ ихъ дѣйствія. Походы первыхъ князей по рѣкамъ и морямъ, взиманіе дани, нападенія на Константинополь, вообще образъ ихъ дѣйствій, въ войнѣ и мирѣ, дома и на сторонѣ, ихъ зажитіи, добрыя и худыя качества, самыя преданія и басни объ разныхъ частивыхъ и мелкихъ поступкахъ, однихъ словомъ, вся ихъ жизнь, весь ихъ бытъ обличаютъ въ нихъ Норманновъ. Наши лѣтописатели описываютъ ихъ почти одними и тѣми же словами, какими латинскіе, греческіе и арабскіе описываютъ прочихъ Норманновъ. Преніе изслѣдователи, довольствуясь внѣшними, такъ сказать, доказательствами, т. е. свидѣтельствами, не обращали вниманія на дѣйствія Варяговъ-Руси съ этой стороны; но по моему мнѣнію, это внутреннее доказательство должно причислить къ самымъ значительнымъ и твердымъ.»

Авторъ совершенно-правъ. Къ сожалѣнію, его дѣльное замѣчаніе о прежнихъ изслѣдователяхъ отчасти относится къ нему: онъ тоже останавливается иногда на однихъ внѣшнихъ свойствахъ, которыя ничего сами-по-себѣ не доказываютъ, потому-что бывають общи самымъ различнымъ народамъ. (Доказательства почерпнуты изъ дѣйствій, религій, законовъ, обычаевъ и обрядовъ, нравственныхъ качествъ, изложены въ III томѣ и будутъ рассмотрѣны въ своемъ мѣстѣ).

Въ этой главѣ мы замѣтили слѣдующее мѣсто, неправильно-объясненное. На стр. 17-й, авторъ говоритъ, что названіе Фряги употребилось въ об-

идеи значеніи, и въ доказательство ссылается между прочимъ на мѣсто изъ путешествія Данила, гдѣ сказано, что кандала греческое егюмо въ головахъ, а фряжское висѣло въ верху, — и мѣсто изъ духовной Іоанна - Калиты, гдѣ упоминается поясъ жемчужный фряжскій. Изъ этихъ двухъ мѣстъ никакъ нельзя заключить, чтобъ слово *фряжскій* употреблялось въ общемъ значеніи. — На страницѣ 68 говорится объ имени Рюрика. Не знаемъ, почему авторъ не привелъ здѣсь, по крайней мѣрѣ для будущихъ соображеній, что Рюрикомъ въ Псковской Лѣтописи названъ Эрмкъ, король шведскій.

Вторая глава состоитъ изъ возраженій на взгляды, несогласные съ взглядомъ г. Погодина, а именно Эверсу, Нейману, Максимовичу, Венелину. И здѣсь есть въ некоторыхъ мѣстахъ слабыя Венелинъ говорить, что съ 1120 года греческіе лѣтописцы не опредѣляютъ рода Варяговъ. Это было ему нужно для того, чтобъ открыть себѣ возможность перекрестить ихъ въ Славянъ. Г. Погодинъ отвѣчаетъ (стр. 119): «это очень естественно: потому что родъ ихъ былъ ясно и многократно опредѣленъ первыми писателями». Но чтобъ имѣть право сказать это, надобно сперва доказать, что всѣ лѣтописцы трудились надъ одной лѣтописью, что ихъ труды составляютъ одно цѣлое. Иначе объясненіе будетъ очень плохо, особливо въ отношеніи къ названію Варягъ, которое давалось жителямъ различныхъ странъ. — На стр. 122, г. Погодинъ возражаетъ Эверсу, который думаетъ, что въ известномъ мѣстѣ изъ бертинскихъ лѣтописей, странники называли себя ложно Россами: «Но почему же такъ думать? Съ чего имъ присвоивать себѣ чужое имя? Съ какою цѣлью? Откуда Шведы возьмутъ себѣ имя Россовъ, принадлежавшее не Эверсу южному народу?» Во-первыхъ знаками вопросительными, какъ думаетъ и самъ г. Погодинъ, возражать нельзя. Во-вторыхъ, Шведы могли взять имя Россовъ, хотя бы послѣдніе и не жили на югѣ, пото-

му-что оно могло быть известно вернымъ народамъ, которые могли торговать и воевать въ Грецію и югъ. Наконецъ то, что они выдаютъ себя за Руссовъ, а про нихъ узнали, что они Шведы, дастъ Эверсу полное право думать, что они ложно себя называли — большее право, нежели имѣетъ г. Погодинъ отрицать это.

Третья глава посвящена вопросу, кто именно были Варяги-Русы гдѣ они жили? Въ заключеніе, на стр. 166, г. Погодинъ говоритъ: «тобы именно Варяго-Русы и гдѣ они жили не рѣшено до сихъ поръ съ точностью, и едва ли когда-либо будетъ рѣшено, за недостаткомъ мѣтвѣй. Я не считаю даже этого вопроса слишкомъ-важнымъ, и не знаю, кто были Варяги-Русы, и кого племена, чтобъ повѣять, и вліяніе могли они имѣть на Славянъ среди которыхъ поселились, и элементъ внесли они въ составъ имперіи и государства: а въ какомъ углу сѣвера или древней Скандинавіи они прежде обитали — это все равно для главной задачи».

Это вообще очень-справедливо, и были бы готовы исполнѣ согласны авторомъ, еслибы въ предисловіи изслѣдованіяхъ было доказано, что подъ Варягами и Варягами-Русами умѣются одни *Норманны* и *иностраннаго происхожденія*. Но именно это и не имѣть! Вопросъ о томъ, кто именно ли Норманны, обойдется, а онъ чрезвычайно-важенъ. Объ этомъ и не слѣдуетъ послѣ.

Въ четвертой главѣ находимъ доказаніе объ имени Варяговъ-Русовъ, куда оно происходитъ. «Это говоритъ авторъ (стр. 167), «и любопытной, но не болѣе! Что имъ о происхожденіи имени Греческаго, Пелагоговъ, Еллиновъ, Римлянъ, Франковъ, Парика, Берлинъ, Берлина, Москвы, Кіева и пр.? Исслѣдователи не смѣютъ всѣ свои труды при рѣшеніи вопроса, не достигли достоянствъ, какъ и при рѣшеніи предьду-

вопроса о первоначальномъ истоще-
бываніи Варяговъ-Руси, а представ-
ли только догадки, болѣе или менѣе
иротныя. Затѣмъ мы находимъ
разборъ самыхъ объясненій этихъ на-
званій.

Послѣдую IV главу изъ главъ, по-
вященныхъ Варягамъ-Руси, занима-
тъ подробный критическій разборъ и
проверженіе всѣхъ прочихъ мнѣній о
происхожденіи Варяго-Руссовъ. Мнѣ-
ія эти всѣмъ давно извѣстны, и ни од-
но изъ нихъ не сдѣлалось общеприня-
тымъ. Всѣ они какъ-то жили недолго.
Поэтому мы не станемъ излагать здѣсь
ихъ доводовъ и опроверженій г. Пого-
дина, отсылая любителей и знатоковъ
къ самой книгѣ. Скажемъ только во-
обще, что опроверженія основательны
дѣльны, и подтверждаютъ норман-
ское происхожденіе Варяговъ - Руси,
ничтожая всѣ противорѣчащія мнѣ-
я.

Не смотря на то, что взглядъ г. По-
дина изложенъ ясно, отчетливо, об-
работанъ прекрасно, онъ не удовле-
воряетъ читателя хотя поверхностно-
акомаго съ русскими древностями.
Причина отчасти заключается въ су-
щности изслѣдованій, по преимуществу
итико-филологическихъ. Но она не
лишая и не единственная. Другая, го-
раздо болѣе важная, заключается въ
томъ, что вопросъ не весь исчерпанъ.
Свойственную ему одностороннюю,
авторъ совершенно истощилъ
индианскую сторону нашей исторіи.
слѣ его изслѣдованій сомнѣваться въ
ней первоначальной исторіи элемен-
тально-германскаго или норма-
нско-германскаго было бы умышлен-
нымъ упрямствомъ. Но въ то же время
нельзя согласиться съ авторомъ, что
Варяги - Русь были исключительно
индианско-Германцы. Мы говоримъ
вовсе не изъ желанія спорить и
въ зачинать рѣшенное дѣло. Во-
выхъ, замѣтимъ, что много писа-
тей, принимавшихся за этотъ во-
просъ, дошли до убѣжденія, что Ва-
ряги-Русь были Славяне. Я предвижу
ажение: они ошибались, и ихъ до-

воды опровергнуты. Да. Но откуда
могла имъ всѣмъ придти въ голову эта
мысль? конечно, это не совершенво-
случайно. Есть факты — не многочи-
сленные, но рѣшительные, которые
сознательно или безсознательно могли
привести изслѣдователей къ такой до-
гадкѣ. Мы постараемся изложить эти
факты какъ-можно-яснѣе.

Первый фактъ, который поражаетъ
насъ, есть болгарскій или какой бы то
ни было, но славянскій текстъ дого-
воровъ нашихъ князей съ Греками.
Вспомнимъ, что первый договоръ за-
ключенъ съ Олегомъ, вторымъ вождемъ
призванной дружины. Если Варяги-
Русь были германскіе Скандинавы,
какъ объяснить странное явленіе, что
они договаривались на языкѣ имъ
чуждомъ? Что-нибудь изъ двухъ: или
договоры дошли до насъ въ переводѣ,
а не въ славянскомъ подлинникѣ, какъ
говоритъ г. Погодинъ, — или Варяги-
Русь не были чистые германскіе Скан-
динавы, а скорѣе Славяне.

Если Варяги-Русь были Германцы-
Скандинавы, странной, неразрѣшенной
загадкой представляется русскій языкъ,
которымъ мы теперь говоримъ. Что
въ немъ скандинавско-германскаго?
Два-три десятка словъ, да и тѣ съ
натяжками. Если бы ихъ было втрое
болѣе, и тогда вліяніе находниковъ
Руссовъ на насельниковъ Славянъ не
могло бы сравниться съ вліяніемъ ка-
кихъ-нибудь Татаръ, которые остави-
ли послѣ себя гораздо-больше словъ
въ нашъ языкъ. Да и что жъ это за
вліяніе! Слова сообщаются легко отъ
одного народа другому. Какъ предста-
вить себѣ, что иноземцы, иноплемен-
ники, владѣютъ землею около двухъ-
сотъ лѣтъ, живутъ въ ней, играютъ
первую роль и потомъ исчезаютъ со-
вершенно, не привнеся въ языкъ ника-
кихъ новыхъ элементовъ? Посмотрите
на Англо-Саксовъ въ Великобританіи,
Франковъ въ Галліи. Такъ ли безслѣд-
но слились они съ туземнымъ населе-
ніемъ? Не знаи мы вовсе средней ис-
торіи, по одному языку мы могли бы
открыть присутствіе разнородныхъ

элементовъ во французскомъ и английскомъ языкахъ и заключить отсюда, если не о завоеваніи, то о какомъ-то вѣроятномъ смѣшеніи народовъ въ этихъ странахъ. Сколько турецкихъ словъ вошло въ языкъ Славянъ, завоеванныхъ Турками, хотя послѣдніе и не поселились между ними? Магьяры, поселившіеся въ землѣ Словаковъ, не забыли же своего языка и сохранили его до сихъ поръ! Обыкновенно говорятъ, въ объясненіе этого страннаго явленія, что Варяги-Русь, пришедшіе къ намъ, были немногочисленны. Г. Погодинъ, въ III томѣ своихъ «Наслѣдованій», идетъ еще далѣе и дѣлаетъ остроумное предположеніе, что множество знатныхъ Варяго-Руссовъ погибло съ Святославомъ въ болгарскомъ походѣ, чрезъ что число ихъ еще уменьшилось. Положимъ, что такъ; но все-таки мысль, что Варяго-Руси и Варяговъ вообще было у насъ немного, кажется намъ не совсѣмъ основательною. Во-первыхъ, самъ г. Погодинъ говоритъ, что наши князья не употребляли туземцевъ, то есть, земледѣльцевъ на войну (Т. III, стр. 124). Ниже мы скажемъ объ этомъ свое мнѣніе; а здѣсь же примемъ, что это такъ. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? То, что войска князей состояли изъ однихъ Руссовъ и Варяговъ, поселившихся у насъ и приходившихъ служить. А войска эти были многочисленны. По словамъ Массуди, русское войско, предпринимавшее походъ на Каспійское-Море, простиралось до 33,000 человекъ (сказано, что 30,000 убито и 3,000 спаслось бѣгствомъ). Войско Олега состояло изъ 80,000 человекъ (2,000 судовъ и на каждомъ изъ нихъ по 40 человекъ); Ярославово до 40,000. Принявъ съ г. Чертковымъ несравненно-мѣньшія числа, и для Святослава не болѣе 10,000, мы все же найдемъ, что Варяговъ было у насъ не горсть, не куча, какъ думаютъ нѣкоторые. Этому противорѣчатъ, кромя пріятныя вѣстствія, и другія соображенія: безпрестанныя войны и походы, предпринимавшіеся нашими Варягами, множество племенъ, которыми они владѣли, и которые при всѣхъ

комъ удобномъ случаѣ отходили платить дань. Что не всѣ Варяго-дѣлствовавшіе у насъ, были Руссы, и ничего не значить, потому-что въ глгкхъ Славянъ одни не отличались отъ другихъ: и тѣ и другіе были Варяго-иноплеменники между собою и для насъ чужеродцы. Они принесли одинъ элементъ, безпрестанно возобновляемый новыми пришельцами въ за моремъ, не смотря на то, чрезъ 200 лтъ не тавили по себѣ въ нашѣхъ языкѣхъ никакихъ слѣдовъ, кромя вѣроятнаго слово. Совершенно-вѣроятно!

Третій фактъ очень-важный — описание Святослава у Лѣва-Дьякова. Видно, что онъ былъ таковъ: среднего роста, не слишкомъ-высокъ, не слишкомъ-малъ, съ густыми бровями, голубыми глазами, съ ясными, соми, съ бритой бородой и съ густыми, длинными, висящими на вершину губъ волосами. Голова у него была весьма толла, но только на одной стороне висѣла локона волосъ, означавшая знатность рода. и т. д. (Исторія Лѣва Дьякова, стр. 97). Въ этомъ описаніи трудно узнать Нормана. Обрить голову не норманскій обычай, и что Норманы носили длинныя волосы.

Далѣе, какъ не поразительно, Варяги-Русь, будучи язычниками, являлись однимъ богомъ съ нами Славянами? Г. Погодинъ, въ третьемъ томѣ своихъ «Наслѣдованій», описываетъ всѣ извѣстія лѣтописи о религіозныхъ того времени къ Варягамъ, а не къ Славянамъ. Такъ и здравый разумъ и историческая слѣдовательность, говорятъ (Т. III, стр. 304). «Можетъ ли быть», пріятно, онъ далѣе какое сомнѣніе, что боги Норманскіе, а не наши Славянскіе: Олегъ и мужи его, чужеземцы, перваго поколения, и частію пришедшіе съ Рюрикомъ, могли бы клясться чужими богами, которыми не вѣрны были клянется своею клятвою. Какъ и нѣкоторые Варяги-Христиане, и гають въ церкви по христианскому закону: такъ и Олегъ клялся

русскому закону. Но это натяж-
Есаябъ языческіе боги, упоминае-
не у Нестора, были варяго-русскіе, а
славянскіе, народъ не могъ бы низ-
клоняться, ихъ чтить и за нихъ сто-
Не правда ли? Однако мы видимъ,
о имъ поклонялся весь народъ. Это
иво изъ повѣствованія Нестора о
тъ, что плакали *нѣтърныи люди* по
рунѣ, когда Владиміръ велѣлъ ста-
ть его съ горы въ Дятвирь, и нѣтъ
какого повода думать, чтобъ эти не-
рныи были одни Варяги-Русь. Въ
Совѣйскомъ Временникѣ, на стр. 57,
рассказъ о Варягѣ Ѳеодорѣ и сынѣ
го Іоаннѣ находимъ, что бояре и
тарцы совѣтовали Владиміру бро-
нить жребіи, кого привести въ жерт-
у богамъ. Если бояре и были Варяго-
руссы по происхожденію, какъ дока-
ываетъ г. Погодинъ, — хотя съ этимъ
велѣніемъ согласиться, потому что чинъ
жарина мы находимъ и у нѣкоторыхъ
другихъ славянскихъ племенъ, — все
же остаются еще *старцы*, подъ кото-
ыми безъ натяжки нельзя разумѣть
днихъ Варяго-Руссовъ. Далѣе, тамъ
же, на стр. 57, въ рассказѣ о смерти
тихъ первыхъ и послѣднихъ киев-
ныхъ мучениковъ, мы находимъ сло-
а: «и кликнуша Кіеве, и подѣкоша
сѣни подъ ними и тако побиха я.—
Если Кіевляне такъ негодовали за пору-
аніе боговъ, все вѣроятіе, что они имъ
лавлялись, ибо иначе это было бъ не-
бъяснимо. (Въ лаврентьевскомъ спискѣ
о Тимковскому слова «Кіеве» нѣтъ; по-
ому мы на него и не ссылаемся). Да-
ѣе, въ Лаврент. Лѣтописи (стр. 82) мы
итаемъ: «И се рекъ, повелѣ рубити
церкви и поставляти по мѣстамъ, иде-
же стояху кумиры, и постави церковь
св. Василья на холмѣ, идеже стояше
кумиры перунъ и прочіи, *идеже тво-
раду потребы килъз и людье*». Опять и
въ этого мѣста видимъ, что *люди*,
ародъ, поклонялись и приносили жерт-
ы Перуну.—Такимъ образомъ, на ос-
ованіи приведенныхъ свидѣтельствъ,
ы заключаемъ, что Перунъ и прочіе
ги были славянскіе; по-крайней-мѣ-
ѣ, во времена Владиміра имъ покло-

К. Л. — Стл. V.

нались наши Славяне. Г. Погодинъ
можетъ возразить, что *люди* по объ-
ясненію, имъ принятому, не отно-
сится вообще къ народу, а только къ
Варяго-Руссамъ. Но мы видимъ, одна-
ко, изъ самой лѣтописи, что иногда *лю-
ди, людье*—употреблялось для означенія
вообще народа, а не нѣвѣстнаго сосло-
вія. Такъ, когда лѣтописецъ говоритъ:
«И пріиде (апостолъ Андрей) въ Словѣни-
и идеже нынѣ Новгородъ, и видѣ ту-
люди сущая, како есть обычай имъ»
(стр. 5), или «ти суть *людье* Ноугородь-
ци, отъ рода Варяжскъ, прежде бы-
быша Словѣни» (стр. 12), нѣтъ ника-
кой возможности допустить, что онъ
разумѣетъ особенное какое-нибудь со-
словіе. То же должно сказать и о всѣхъ
мѣстахъ, которыя мы привели въ до-
казательство, что Славяне поклонялись
Перуну. Здѣсь тоже разумѣется подъ
людьми народъ, и мы не имѣемъ ни
малѣйшаго права подразумѣвать од-
нихъ Варяго-Руссовъ.

Слѣдовательно, однимъ богамъ вла-
нялись и Варяго-Руссы и Славяне. Не-
льзя предположить, чтобъ первые со-
общили ихъ послѣднимъ. Это противно
исторіи Скандинавовъ въ Россіи.
Чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе они принима-
ютъ въ себя славянскаго элемента, а
не наоборотъ. Слѣдовательно, остается
предположить, что Скандинавы при-
няли, можетъ-быть, безсознательно ре-
лигію Славянъ. Но и это нисколько не-
вѣроятно. Мы видимъ изъ лѣтописей,
что уже Олегъ являлся Перуномъ и Во-
лосомъ; Игорь также. Если трудно
себѣ представить, какимъ образомъ
Владиміръ могъ принять языческихъ
боговъ Славянъ, то совершенно-невоз-
можно допустить это въ самомъ началѣ
водворенія варяго-русской дружины
въ нашей землѣ. Итакъ, Варяги-Русь
имѣли съ нами одну вѣру.

Взгляните на этотъ предметъ отри-
цательно, и вы дойдете до того же ре-
зультата. Мифологія Скандинавовъ нѣ-
вѣстна. Находимъ ли мы въ нашей мифологіи хоть одно божество, замѣсто-

1/2 6

ванное отсюда? Догадки протоіерея Сабинина не болѣе, какъ догадки, предположенія. Съ этимъ согласенъ и г. Погодинъ. Дѣйствительное сходство представляютъ только черты, въ которыхъ выражается воинственный характеръ Скандинавовъ и Варяго-Руссовъ. Но эти черты слишкомъ общи; изъ нихъ никакъ нельзя еще заключать о тождествѣ религіи Варяго-Руссовъ и германскихъ Скандинавовъ.

Даже, странно, что христіанская религія, а вмѣстѣ съ нею священное писаніе, богослужебныя книги, помоканоны явились къ намъ и распространились у насъ только на греческомъ и славянскомъ, а не на другомъ языкѣ. Еслибъ Варяги-Русь были скандинавскіе Германцы, какъ представить себѣ, что они начали исповѣдывать новую вѣру на языкѣ имъ чуждомъ? Ольга была уже христіанка и имѣла при себѣ духовника, а она была варяжскаго рода. Теперь еще, почти на нашихъ глазахъ, въ предѣлахъ нашего государства, переводится священное писаніе на языкъ инородцевъ, небольшихъ племенъ, обитающихъ въ какомъ-нибудь далекомъ углу имперіи, а сначала, когда владычествующими были чужеземцы, имъ проповѣдывалось евангеліе на славянскомъ языкѣ? Это ни съ чѣмъ несообразно! Намъ скажутъ: да это неизвѣстно. Однако, изъ древнѣйшихъ памятниковъ, до насъ дошедшихъ, всѣ безъ исключенія писаны на славянскомъ языкѣ. Остался бы хоть какой-нибудь слѣдъ другаго языка; но слѣдовъ нѣтъ; даже нѣтъ намѣковъ на то, что былъ какой-нибудь другой языкъ во время владычества дружины, кромѣ славянскаго. Намъ могутъ еще возразить, что и въ католической Европѣ варвары приняли религію на языкѣ имъ чуждомъ, латинскомъ, принадлежавшемъ покореннымъ имъ народамъ? Но, во-первыхъ, мы не имѣемъ подробныхъ извѣстій, какъ они были обращены. Знаемъ, что многие изъ нихъ были уже христіанами, когда основали государства на развалинахъ Западной-

Ринской-Имперіи. Сверхъ того, мы знаемъ также, что Ульфилъ проповѣдывалъ Готамъ на ихъ языкѣ: это называютъ отрывки изъ готскаго евангелія, дошедшіе до насъ. Что потомъ они приняли латинскій языкъ, не удрено, ибо они долго, до разрушенія имперіи, находились, по-крайней-мѣрѣ наружно, въ зависимости отъ Рима и исподоволь подчинились мнѣ высшей цивилизаціи, передъ которою благоговѣли. Въ этомъ фактѣ мы видимъ только, что побѣдители были обѣдены образованностію покоренныхъ—явленіе очень-часто встрѣчающееся, и неудивительное. У насъ, подвластные и властвующие были язычники. Варяги первые стали обращаться къ христіанству, какъ говорилъ самъ г. Погодинъ. Греки проповѣдывали евангеліе всегда на языкѣ обращаемыхъ. Примѣромъ могутъ служить Славяне. А Варяги-Русь проповѣдывали на славянскомъ языкѣ, когда это племя было господствующее? Съ чѣмъ это сообразно?..

Изъ всѣхъ этихъ соображеній позволимъ себѣ сдѣлать слѣдующее предположеніе: Варяги-Русь, пришліе къ намъ, не были ли Славяне, по-крайней-мѣрѣ смѣсь Славянъ и Германцами? Первое мнѣе вѣроятнее, нежели второе. Мнѣе вѣроятно то, что нельзя себѣ представить, что народъ принялъ всѣ обычаи, веру и духъ другаго народа, и пересталъ быть совершенно. Такъ нѣкогда перестали быть Славянами, ставши Германцами. Учрежденія, принесенныя къ намъ Варягами, были германо-скандинавскія; у насъ въ этомъ не трудно даже безъ большой учености и проиндательности найти сравненіе какому-нибудь народному казачеству, даже Новгородскихъ устройствъ съ государственнымъ гражданскимъ устройствомъ, принятымъ у насъ со времени Варяго-Руси, чтобы увидѣть, какъ учрежденія славянскія отъ германскихъ, и какъ въ варяго-ру-

кленіяхъ мало славянскаго и мно-
вано-скандинавскаго.

предположенію, что Варяги-Русь
Славяно, или смѣсь Славянъ съ
но-Скандинавами, нисколько не
ворѣчатъ, какъ намъ кажется, и
прочія новѣстія. Замѣтимъ, что
ни указываютъ вообще на стѣ-
ль опредѣляя точнѣе, какого пле-
были наши сѣверные выходцы.
и, какъ намъ извѣстно, самое об-
неопредѣленное названіе, изъ ко-
о нельзя ровню ничего заключать
ювальности пришельцевъ. Такъ
тора. У западныхъ и греческихъ
елей, это названіе еще неопредѣ-
ю. Туле, Нордманъ—не доказыва-
ерманскаго происхожденія Варя-
Руси, а говорятъ только, что они
на сѣверѣ. Г. Погодину самому
то, что на сѣверѣ Славяне и скан-
іскіе Германцы были издавна со-
—и могли легко смѣшаться. У не-
ваходимъ объ этомъ очень-ли-
ные факты.

орманны и Славяне. говорятъ
лскони жили рядомъ, въ сосѣд-
ло Балтійскому морю, и въ неза-
тныя еще времена обитались
тими словами, кои встрѣчаются въ
нѣйшихъ памятникахъ. Нѣкото-
ла пленена—по сосѣдству—даже
щались, такъ что ихъ разобратъ
мо. Въ дружинахъ норманскихъ
егда было очень много Славянъ.
з Гельмольдъ свидѣтельствуетъ:
монаннами называются обыкно-
ю люди, отовсюду собранные, ко-
ме населяютъ Марку. Въ Славянъ
землѣ много Марокъ, изъ кото-
въ послѣдняя наша Вигирская
инція, имѣющая мужей сильныхъ
ытвыхъ въ битвахъ, какъ изъ
чанъ, такъ и изъ Славянъ. Флотъ
анискій, приплывшій во Фризію,
олядъ, по свидѣтельствамъ, изъ
чанъ, Норвежцевъ и даже Обо-
говъ. Въ экспедиціи противъ Ан-
1837 года было много Вендовъ.
ь III, стр. 28 и 29).

Одно новѣстіе, по-видимому, проти-
воричитъ этому предположенію: рус-
скія названія дѣйпрровскихъ пороговъ,
сообщенныя императоромъ Константи-
номъ; но и оно, при ближайшемъ раз-
смотрѣніи, ничего не доказываетъ. Во-
первыхъ, Русь была господствующая
дружина въ Кіевѣ и между Славянами.
Она пришла съ сѣвера, страны, отку-
да на всю Европу происходили непре-
рывныя хищническія нападенія Варя-
говъ. Зная Руссовъ, зная, что они при-
надлежатъ къ Варягамъ, Константинъ
легко могъ давнишнія скандинавскія
названія пороговъ назвать русскими.
А издавна они не только могли суще-
ствовать, но и по всѣмъ вѣроятіямъ су-
ществовали, потому-что лежали на тор-
говомъ пути, по которому Скандинавы
ходили въ Грецію. Итакъ, изъ того,
что Константинъ называетъ скандинав-
скія названія русскими, никакъ нельзя
еще заключить, что Руссы были гер-
манскіе Скандинавы. Вѣдь называется
же Левъ-Дьяковъ Святослава Тавроски-
еомъ! Вѣдь называются же всѣ пред-
принимавшіе походъ въ Грецію изъ
Россіи—Руссами, хотя мы и достовѣр-
но знаемъ, что въ этомъ походѣ уча-
ствовали призванные Варяги изъ Шве-
ціи и другихъ сѣверныхъ странъ, а
можетъ-быть даже и Славяне, если бу-
двально понимать слова Нестора. (На
соотвѣтствіи русскіхъ и славянскіхъ
названій дѣйпрровскихъ пороговъ мы
не остановимся здѣсь, потому-что оно
не говорить ни за, ни противъ, и мо-
жетъ быть различно объяснено.)

Все это предположенія, которыхъ
мы и не выдаемъ за истину. Только
мы твердо утѣрены, что факты, возбу-
ждающіе не въ насъ однихъ сомнѣніе
въ германско-скандинавскомъ происхо-
жденіи Варяговъ-Руси, не могутъ быть
обойдены безъ вниманія, какъ было
до-сихъ-поръ. Необъясненные, необсу-
женные, они останутся сильными до-
казательствами противъ германскаго
происхожденія нашихъ Варяго-Рус-
совъ.

Во второй половинѣ втораго тома го-
ворится сначала о Славянахъ вообще;

до известнымъ «Славянскимъ Древностямъ» Шафарика. Еще прежде, въ предисловіи, г. Погодинъ объяснилъ, что заставило его внести въ издаваемую имъ книгу результаты изслѣдованій славянскаго филолога (стр. IX).

Извлечение это дѣлалъ я вотъ съ какою цѣлю: имъ хотѣлось показать, при этомъ случаѣ, въ какой связи находится русская исторія съ древнеславянскою, на которую многіе молодые люди начали обращать у насъ особенное вниманіе, чего отъ нея, на какихъ путяхъ, ожидать можно, и отъ какихъ заблужденій остерегаться должно; наконецъ, это извлечение представляетъ данныя, съ коими слѣдуетъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ «Славянъ, пропущаемыхъ нами досихъ-поръ безъ вниманія, хотя изъ нихъ собственно составилось государство».

Во второмъ томѣ, эта мысль пояснена и оаредѣлена еще болѣе (стр. 321): «Я начиналъ обыкновенно лекціи свои о русской исторіи съ 862 года, т. е. съ прибытія князей Варяго-Русскихъ въ Новгородъ. О главномъ народѣ, къ которому пришли братья, и его однородцахъ, я довольствовался изложеніемъ словъ Нестора о Поланяхъ и Древлянахъ, Вятичахъ и Радимичахъ, Кривичахъ и Сѣверянахъ. Я думалъ, что о славянскихъ племенахъ больше и говорить вѣчего, тѣмъ болѣе, что самъ первый лѣтописатель нашъ представляетъ ихъ еще въ состояніи младенчества, до котораго ничего опредѣлить нельзя, да и не нужно. Такъ рассуждали и всѣ наши ученые историки — Стриттеръ, Карамзинъ, Эверсъ, въ слѣдъ за законоположителемъ исторической критики прошедшаго столѣтія, Шлёцеромъ. Нынѣ Шафарикъ сочиненіемъ своимъ «Славянскія древности» производитъ совершенный переворотъ въ нашихъ понятіяхъ объ этомъ предметѣ. Нельзя сказать, чтобъ основная его мысль была совершенно нова. Нѣтъ, и пре-

жде имѣли ее многіе изслѣдователи русскіе и иностранные; но они представляли ее только въ видѣ догадки, или соединяли ее другими неосновательными предположеніями, или не признавали изъ никакихъ существенныхъ и важныхъ для науки слѣдствій, не признавали ей такой важности и плодотворности. Шафарикъ, съ необыкновенною своею ученостію и начитанностію, остроуміемъ и проныцательностію воспользовавшись всѣми известными до него и имъ открытыми источниками, возвелъ эту мысль на степень священной истины, и извѣтъ и ставилъ думать, что исторія всаго славянскаго племени и государства тѣсно и необходимо связана съ первоначальной исторіей всего славянскаго народа, точно такъ, какъ корни дерева бываютъ тѣсно связаны съ его корнемъ. Познаніе корня необходимо для познанія отраслей, и безъ него во многихъ отношеніяхъ остались бы непонятными».

Мысль хороша. Только мы не думаемъ, чтобъ русскій историкъ могъ извлечь изъ нея для своего предмета. Источники древней христіанской исторіи Славянъ очень бедны. По-крайней-мѣрѣ, такъ можетъ-быть, новыя открытія могутъ намъ, чего мы теперь не знаемъ. Описаніе русскихъ Славянъ у Шафарика, какъ ни подробно обработано, извѣстія, даетъ объ нихъ очень мало, сбивчивое, неопредѣленное.

Извлечение составлено тоже такъ-какъ читателямъ уже известна книга Шафарика, то мы не будемъ излагать этой части г. Погодина, и не можемъ не замѣтить всѣхъ ошибокъ, по нашему мнѣнію, страстные и ложные выводы Шафарика перешли и въ книгу г. Погодина. Послѣ небольшого отступленія, въ которомъ г. Погодинъ очень справедливо и основательно говоритъ о

менной славяноманіи и бесплодности второй школы, онъ объясняетъ отношеніе изслѣдованій Шафарика къ русской исторіи. По его мнѣнію, между ними глубокая внутренняя связь. Главныя положенія, выведенныя изъ изслѣдованій Шафарика о Славянахъ, встрѣчаются на каждой страницѣ въ русской исторіи; все, что принадлежало древнимъ Славянамъ, досталось и намъ въ лицѣ нашихъ предковъ IX столѣтія. Въ чемъ же состояло это наследство?

Во-первыхъ, они имѣли древность, старшинство. Народъ нашъ жилъ уже какъ особый народъ, или какъ племя особаго народа, въ его составѣ, или отдѣльно, по крайней мѣрѣ полторы тысячи лѣтъ до Рюрика, а чѣмъ глубже основаніе, тѣмъ тверже влеченіе; чѣмъ обширнѣе корень, тѣмъ вѣтлестѣе дерево; чѣмъ старше жизнь, тѣмъ опытнѣе. Во-вторыхъ—языкъ, въ одномъ нарѣчій котораго, близкомъ къ нашему и понятномъ, нашлись въ IX вѣкѣ выраженія для всего священнаго писанія. Далѣе, религиозныя вѣрованія, законы и обычаи, болѣе или менѣе сходные. Наконецъ, всѣ плоды долговременнаго пребыванія на одномъ мѣстѣ, въ постоянныхъ жилищахъ, всѣ успѣхи въ разныхъ родахъ первой промышленности, знакомства съ необходимыми удобствами жизни. Вотъ важныя данныя, кои приобретаемъ мы при первомъ знакомствѣ съ славянскими древностями, и съ коими сдѣло можемъ приступить къ разсмотрѣнію нашихъ славянскихъ племенъ, искать у нихъ слѣдовъ общаго достоянія. Вѣрно не находились онѣ на той степенн дикости, на которую поставилъ ихъ немолитимый Шлѣцеръ, и на которой видѣли ихъ всѣ наши изслѣдователи, до Шафарика! И Новгородъ, и Полоцкъ, и Изборскъ, и Ростовъ, и Кіевъ, и Смоленскъ, и прочіе города, представляются намъ тотчасъ въ другомъ свѣтѣ. Славяне и Кривичи съ Чудью и Весью могли точно при-

звать себя защитниками, могли и поладить послѣ съ ними, возстать противъ Рюрика, заставить можетъ быть Олега удалиться. Мы начинаемъ тотчасъ понимать, почему пришлые Варяги должны были подчиниться влеченію туземцевъ, и черезъ два, три вѣка потеряться въ славянскомъ населеніи, оставивъ слѣды только въ гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ. Тѣ явленія, кои боялись мы предъ строгою критикою буквъ принимать вполне, или считали не понятными пропусками, тѣ явленія можемъ мы теперь сдѣло сдѣлать предметами изслѣдованій, и искать тамъ, гдѣ найдти что либо отнята была даже надежда подъ страхомъ жестокой ученой насмѣшки. Мракъ прорѣзанъ свѣтлыми лучами, приобрѣтена твердая точка! Ясно ли видите вы, какъ важны для русской исторіи славянскія древности, и въ какой связи находится съ ними русская исторія? (стр. 383—385).

Въ короткихъ словахъ, эта связь состоитъ въ томъ, что мы теперь приобретаемъ право изслѣдовать бытъ нашихъ Славянъ залого до Рюрика,—право, которое мы имѣли бы и прежде, еслибъ были источники, по крайней мѣрѣ хоть бы скудные извѣстія, служащія точками опоры для историка. Но ихъ нѣтъ. Этому недостатку ничто не можетъ помочь. Лучшее доказательство—тщательно-собранныя и обработанныя самимъ авторомъ мѣста изъ Нестора о нашихъ Славянахъ, а Несторъ едва ли не единственный прямой источникъ, во всякомъ случаѣ самый богатый; не смотря на всю свою скудость. Самъ г. Погодина говоритъ (стр. 395), что «ихъ очень мало... и ученое любопытство ими не удовлетворяется», но послѣ этого предлагаетъ вопросъ: «не уже ли нѣтъ никакихъ средствъ дополнить наши понятія?» Эти средства суть, по его словамъ: языкъ, нарѣчія, собственныя названія, правдники, повѣрья, примѣты, преданія, обычаи, пѣсни, посло-

виды. Въ доказательство важности собственных именъ приведены остроумныя розысканія Холаковского о городищахъ, основанныя преимущественно на именахъ. Объ этихъ розысканіяхъ до-сихъ-поръ нельзя ничего сказать ни за, ни противъ. Видно только, что Холаковский былъ энтузіастъ своего дѣла и отдался ему какъ немногіе могутъ чему-нибудь отдаваться. Благодаря г. Погодину, мы теперь отчасти познакомились съ трудами этого замѣчательнаго человѣка. Жаль только, что они разбросаны въ

разныхъ современныхъ издавіяхъ и не собраны въ одну книгу; лучше было бы легче. Въ заключеніе мы должны признаться, что излеченіе, сдѣланное г. Погодинымъ надъ Холаковскимъ, не совсѣмъ намъ понравилось. Во многихъ мѣстахъ, особенно въ отчетахъ Калайдовичу, Холаковский излагаетъ свою систему гораздо опредѣленнѣе, яснѣе, нежели какъ она представляется въ разбираемой нами книгѣ. Здѣсь эта система какъ-то стерта. Впрочемъ, мы можемъ и ошибаться.

**ИСЬМО КЪ Н. В. ГОГОЛЮ, по поводу предисловія ко сто-
изданію «Мертвыхъ Душъ».**

Милостивый государь.
прочелъ предисловіе ко второму
ію «Мертвыхъ Душъ» и, поль-
вашю покоряйшей просьбой,
денной ко всѣмъ жителямъ рус-
царства, рѣшился сдѣлать нѣ-
ко замѣчаній на вашу поему. На-
е, что я не хотѣлъ прибѣгнуть
ну способу доставлять замѣчанія,
ый вы сами указали, но выби-
редство гласное—журналъ, имѣю-
наибольшее число читателей.
ваша—дѣло общее, а при томъ
імъ, которое пришло ей пред-
имъ, она—дѣло почти вселенное;
мательно, и моя на все замѣчанія
ны быть общими, если не вселен-
н, но оставалась тайной между на-
! безъ этого много тайнъ на землѣ
небѣ — отъ судьбы человѣка до
горныхъ предисловія!

чего же начать нѣ? Начну съ
о начала—съ предисловія. Въ на-
цетъ случаѣ, оно для меня важ-
сей книги, съ которой я уже ко-
ознакомился черезъ первое на-
е. Есть два рода предисловія: од-
ворять о содержаніи сочиненія,
кался сочинителя; другія (назову
субъективными) говорятъ больше
чинитель, нежели о сочиненіи.
е принадлежитъ къ послѣднимъ:
кого-то оно имѣетъ въ глазахъ не-
чрезвычайную важность. Оно на-
каетъ автора, который скрытъ въ

своемъ твореніи, заслоненный дѣм-
ствующими лицами. Герой предисло-
вія, авторъ, высказываетъ себя съ той
или другой стороны, высказываетъ
себя непосредственно, безъ помощи
какого-нибудь Манилова, который мо-
жетъ увлечься дружбой, или какого-
нибудь Собакевича, который можетъ
увлечься своимъ собачествомъ.

Но я заранѣе долженъ объявить
вамъ, что замѣчанія мои должны при-
нести только мнѣ пользу, не принеся
вамъ ни малѣйшей. Въ нихъ не отвѣ-
ты на ваши запросы, а вопросы на
пути, требующіе отвѣтовъ. Въ пре-
дисловіи вашемъ много такого, чего
сметки не допускаютъ, много таин-
ственного. Будьте ко мнѣ снисходи-
тельными: разоблачите передо мною ин-
стерія предисловія, объясните то, что
обыкновенному уму не понятно. Вамъ
это ничего не значить. Если ужъ я, по
настоятельной просьбѣ вашей, уни-
зился до того, что представился вамъ
человѣкомъ, «ничему почти не уча-
вшимся», то вамъ, творцу населевъ,
одаренному сильной фантазіей, всего
легче вообразить человѣка, который
дѣйствительно мало учился, человѣ-
комъ малочувствительнымъ.

Вы говорите: «Въ книгѣ моей мно-
гое описано не вѣрно, не такъ какъ
есть и какъ дѣйствительно происхо-
дитъ въ русской землѣ. Отъ моей
собственной ослѣпленности, извѣрженности»

• и поспѣшности, произошло множе-
• ство всякихъ ошибокъ и промаховъ,
• такъ - что на всякой страницѣ есть
• что поправить: я прошу тебя, чита-
• тель, поправить меня. Похвальное
признание, рѣдкое въ лѣтописяхъ на-
шей литературы! Но меня интересуетъ
не признаніе, а непонятное въ этомъ
признаніи. Если вы сами утверждаете,
что многое изображено въ вашей
книгѣ не такъ, какъ есть: слѣдовательно,
вы знаете, какъ оно есть. Сознавая
противорѣчіе между тѣмъ, что вы на-
писали о русской землѣ, и тѣмъ, что
дѣйствительно въ ней происходитъ,
вы, слѣдовательно, сознали, въ чемъ
ваша ошибка и какова дѣйствитель-
ность; другими словами: вы уже по-
правили свою ошибку. Что же дѣлать
здѣсь другимъ? зачѣмъ поправлять по-
правленное? Отрицаніе прежняго дол-
жно основываться на положеніи новаго:
иначе отрицаніе выйдетъ фанта-
стическое. Чужіе совѣты не будутъ ли
въ этомъ случаѣ повтореніемъ вашего
собственного мнѣнія, если они спра-
ведливы? И человѣкъ, просящій совѣ-
товъ, не будетъ ли походить на того
больнаго, который спрашиваетъ у док-
тора, можно ли ему ѣсть такое-то ку-
шанье, когда онъ это кушанье уже
съѣлъ безъ докторскаго позволенія?

Что касается до причины вашихъ
ошибокъ, я нахожу ее столько же сми-
ренною, сколько и рациональною: «я
не могу узнать всего». Какъ это вѣрно
и глубоко! Однакъ не въ силахъ узнать
всего! Конечно, отъ этого собственно
на сознаніи слабости далеко еще до
слабости Сократа, который, къ концу
жизни своей, узналъ только то, что
онъ ничего не знаетъ; но вѣдь филосо-
фическое, т. е. полное незнаніе дости-
гается свесеніемъ, равно-какъ и отшель-
ническое смиреніе. При второмъ изда-
ніи вѣтъ ему вѣста: оно можетъ ра-
спираться, по самому малому сроку, въ
предельнѣе къ наданію третьему.
Прекрасно смиреннаго человѣка до-
вольно цѣлуетъ: сначала онъ, кажет-
ся, все знаетъ; потомъ, послѣ долгой
борьбы, заурядомъ убѣждается, что

однакъ не можетъ знать всего; на-
онецъ, публично признается, что онъ
знаетъ только свое незнаніе. Выр-
зимъ этотъ прогрессъ другою форму-
лой: сначала гордость, потомъ униже-
ніе, наконецъ, униженіе особеннаго
рода, извѣстное подъ именемъ уни-
женія. Такимъ-образомъ, кругъ жизни
смиреннаго человѣка смыкается, а рус-
ская поговорка передаетъ ее послѣд-
нюю степень на своемъ скатолѣ, въ
сильномъ языкѣ...

«Мало жизни человѣка на то, что
узнать одну и сотую часть того, что
дѣлается въ нашей землѣ». Если
свѣтлая какъ солнце! Рѣшите само,
го въ ней больше: правды или про-
воположности тѣмъ гордымъ сло-
вамъ другого писателя, который публич-
но восклицалъ: «Я знаю Русь, и Рус-
ня знаетъ!» Видно, этотъ писатель
ходился еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ то
моментъ развитія, въ которомъ ор-
ганы гордости и аппетиты. Вы
пойду дальше вашего смиренія: о
жизни человѣка, чтобы узнать одну
и двусотую часть того, что дѣлается
въ нашей землѣ». Остановившись на
цифрѣ. Двѣсти человѣкъ знаетъ
то, чтобы узнать всю Русь. Отста-
вотъ сотъ человѣкъ вамъ надобно написать
письма! Съ ужасомъ представьте себѣ
ваше положеніе, когда вы будете
будете читать столько мнѣній, столько
головъ трудиться надъ ними. Вы
опытъ узнаете сущность извѣстныхъ
столпотвореній: сколько разноречій
прямо-противоположнаго характера
каждомъ мнѣніи — отъ сущности
или бессмыслицы до складируемыхъ
бесклядицы, до почерка в черниль-
ничьяхъ! И если вы съумѣете изъ
нихъ что-нибудь положительнаго
то, безъ сомнѣній, для насъ счаст-
ливѣе, языкъ не существуетъ. Прямое
разнохарактерныя сужденія по су-
перваго представленія Ревизора,
слушанныя вами при разноречивомъ
разномъ: что вы боялись въ
мнѣній одобреній и порицаній
изъ нея вынесли? — ничего, гдѣ-то
гической статьи, въ которой сра-

осмѣяны, а вѣдь ихъ было очень-о-го, несравненно-меньше двухъ тѣхъ, нужныхъ для совершеннаго поимя Россіи. Чтѣ же выйдетъ, когда шутъ вамъ люди простаго званія, рые, между-прочимъ, и не читали ий книги, хотя, можетъ-быть, обла-тъ качествами, нужными для кор-онденціи? Нѣчего сказать, пріят-заніе для ума и сердца! Я ужъ ичиваю о невыгодномъ положеніи, которые, прочитавъ вашу книгу, тутъ ее теперь читать снова, ниѣль съ собою, по вашей просьбѣ, бу-и и чернилицу, въ рукахъ держаи и дѣлая замѣчанія на каждуюицину. Объ этомъ не стоить голо-и для такого важнѣйшаго предмета, кы «Мертвыя Души», и для тако-иномужнѣйшаго, современнаго во-са, каково направление «Мертвыхътѣхъ», вопроса, соединяющаго въ се-атріотическіе и европейскіе ните-и, должно забыть свои необходи-занія, пожертвовать своимъ вре-и. Но миѣ жаль васъ, почтенныйр: васъ такъ только займетъ са-процессъ чтенія!

ища ваша достигла втораго изда-Тысячи экземпляровъ ея разош-но Россіи. Она извѣстна каждомузванному человеку. Ее прочлииашинъ удовольствіемъ, какъ про-иіе высоко-поэтическое, а та-ѣ-дрожетъ назваться только дѣи,ишное изображеніе жизни. И чтѣишь авторъ говорить, что онъ былъишомъ, незрѣлъ и поспѣшевъ, чтоишгѣ его описанія незѣрны, что въишгѣ множество промаховъ пош-и, такъ-что на каждой страницѣчтѣ попрашивать. Чѣмъ же, позвол-просить, восхищалась публика, чи-«Мертвыя Души»? — оишностьюишлостью автора, незѣрными опи-иши, изображеніями не дѣйстви-ности, множествомъ промаховъ ибокъ?.. Этого мало. Въ послѣднемъишеніи своемъ: «Выбранныя МѣстаПереноски съ Друзьями», авторъишгѣ: «двигаюсь тому, что малоишало было упрека въ отношеніи

T. L. — Отд. V.

къ искусству и творческой наукѣ. Слѣдовало показать, какія части чудо-вищно-длины въ-отношеніи къ дру-гимъ, гдѣ писатель выишнѣлъ самому-себѣ, не выдержавъ своего собствен-наго, уже разъ принятаго тона. Ни-кмо не замѣтилъ даже, что послѣдняяполовина книги обработана меньшепервой, что въ ней великіе пропуски, что главныя и важныя обстоятельствасжаты и сокращены, неважныя и по-бочныя распространены». Положеніе, въ которое авторъ становится передъ публикой, очень-странно и щекотливо. Будь я живописецъ, я изобразилъ бы это положеніе... И наконецъ, авторъзывается по всѣмъ степенямъ обще-ства: «къ людямъ высокаго образованія и высокой жизни», «къ людямъ не вы-сокаго образованія и простаго званія», «къ богатымъ опытамъ и познаніемъ жизни», «къ сословію вышнему», «къ одареннымъ способностью вообра-жать», «къ литераторамъ и журнали-стамъ», «умеля всѣхъ и cadaго по-мочь ему!» У этой самой публки, ко-торой авторъ сейчасъ надѣлалъ столь-ко комментовъ, онъ же покорнѣй-ше проситъ совѣтовъ!! Эту публку, неуишнѣшую понять перваго изданія «Мертвыхъ Душъ», авторъ проситъ поправить второе, напечатанное безъ малѣйшихъ перемѣнъ съ перваго!!! Онъ публично говоритъ намъ: «лико иѣзъ васъ не замѣтилъ», и тутъ же прибав-ляетъ: «замѣтите есмь!!!». Воля ваша, это насмѣшка, одна изъ выходовъ юмо-ристички, въ которой обила и почтеніе, смиреніе и гордость такъ нераздѣльны, что не знаешь, гдѣ онаичивается одно и гдѣ ичивается другое. Примиреніе это-го юмора совершается на высотѣ нѣ-достага, когда авторъ на весь оишнѣлъ и мертвы будетъ отвѣчать съ улы-бой: «Благодарю, друзья мои, благода-рю: но вы горько ошиблись: я рещдѣтъ вовсе не за тѣмъ, чтобъ проишавъ эпоху въ области литературной».

Пойдемъ дальше. «Какого бы ни «былъ ты самъ высокаго образованія и жизни высокой, и накомъ бы ни-чтожкою ни показалась въ главахъ

«твояхъ моя книга, и начинъ бы ни показало тебѣ великии дѣломъ ее «неправильно и писать на нее замѣчанія,—я прошу тебя это сдѣлать». Непонятная вещь! Объясните мнѣ, почему человекъ высокаго образованія и жизни высокою (замѣтьте: высокаго и высокою!) долженъ сдѣлать то, что въ глазахъ его ничтожно, что онъ считаетъ дѣломъ великимъ? Не значитъ ли это людей высокиихъ унижать, умныхъ обращать въ неумныхъ?.. «Но я прошу васъ объ этомъ», говорите вы. — Значитъ, ваша просьба сильнѣе рациональнаго убѣжденія и поступковъ, на немъ основанныхъ? значитъ, ваша смиреннѣйшая просьба обязываетъ смириться и высоту образованія и высоту жизни? Не есть ли это своеволие большаго (да, именно большаго), который проситъ доктора отступить отъ законовъ медицины? Другое дѣло—читатели невысокаго образованія и простаго званія (замѣтьте: невысокаго и простаго!), которымъ вы предлагаете «не считать себя такими невѣждами, чтобъ они не могли васъ чему-нибудь «поучить». Вѣроятно, они съ удовольствіемъ исполнятъ ваше предложеніе: это и легко и пріятно для нихъ самихъ, а для отечества полезно. Было бы крайне невѣжливо съ ихъ стороны не превратиться изъ невѣждъ въ образованныхъ!

Итакъ, если бы случилось, что моя сердечная просьба была бы уважена нашими читателями и нашлись бы изъ нихъ дѣйствительно такіа добрыя души, которые захотѣли бы сдѣлать все такъ, какъ я хочу; то, и пр. — Непонятное для меня понятіе о доброте! Объясните мнѣ его, ради спасенія нравственности. У г. Загоскина, добрый малый (въ комедіи того же имени) играетъ пазвѣрыка въ карты, и жетъ на-пропалую и даже удачно воруетъ; у васъ добрая душа дѣлаетъ то, что вы хотите! Первое опредѣленіе доброты очень-удобно: оно представляетъ ясныя средства заслужить почтенное имя добраго человека. Второе, т. е. ваше, чрезвычайно-трудно, ибо хотѣніемъ

человѣческихъ законъ не писаны, и съ другой стороны, оно очевидно показываетъ, что желаніе итора «Мертвыхъ Душъ» суть именно тѣ правила, по которымъ поступаютъ добрыя души, а по вторымъ должны поступать дурныя, если онѣ только вознижить желаніе быть добрыми. Отказаться отъ этихъ законовъ такъ же неучтиво, какъ невѣждамъ отказаться отъ своей счастія себя образованными.

«Объ одною прошу крѣпко то, кто захотѣлъ бы надѣлать мнѣ великии замѣчанія: не думать ни во время, какъ онъ будетъ писать, ни написать онъ ихъ для человека съ равнаго по образованію, который привыкнутъ съ ними вкусно и вкусно и можетъ ума много сменить в силъ безъ объясненія; не имѣете того не ображать себя, что передъ нимъ и нтъ человекъ, несравненно менѣе образованный, и почему не учившіяся». Едва-ли возможно не сдѣлать, при всемъ уваженіи къ такой просьбѣ. Кто дѣйствительно одинаковыхъ кусковъ и мыслей съ торомъ, тому, и безъ просьбы, легко думать, что онъ думаетъ такъ и любить не то, и не то любить. Но если кто, прочитавъ книгу, и счастію увидитъ, что согласенъ съ торомъ въ мысляхъ и чувствахъ, тогда быть? Притворяться изъ себя не захочетъ, изъ уваженія къ себѣ; а не исполнить просьбы, и ской значитъ не уважить ее. Своестоинство обязанности! Такое свое положеніе, изъ котораго другого выхода, кромѣ удивительной несправедливости! Прочія уваженія, дѣланы для исполненія просьбы, противорѣчатъ душевному ствію: любить воображать въ себя человекъ, и ничто-почти неучителю (какъ-будто это возможно при чтенія его сочиненій?), лучше поставить деревенскаго дѣтара; много вся жизнь прошла въ (тогда какъ намъ извѣстно, что посѣщали чужіе края и теоры

из нихъ), ребенка (тогда какъ въ Мертвых же Душахъ — онъ жалѣетъ о прошедшей своей молодости), опасается сжечь, чтобы не употребить выразеній святаго помята, *безпрерывно* имѣть въ виду все это... Трудно соединить и такую силу воображенія, и такую способность къ назиданію своего ума, и такую крайнюю опасливость въ безопасномъ предметѣ, и такое безпрерывное обладаніе всеми этими качествами. Кто, послѣ этого, рѣшится писать свои замѣчанія? . Тогда говоритъ авторъ: замѣчанія его выйдутъ боже значительны и любопытны, чѣмъ онъ думаетъ самъ. Отъ него же, при этихъ условіяхъ, замѣчанія выйдутъ значительнѣе и любопытнѣе? Какая связь между воображеніемъ несуществующихъ вещей и дѣльностью критическаго взгляда? Что общаго между страхомъ употребить выраженія святаго и между важностью выжжаемаго? между непрерывностью напечатаннаго, протизвоественнаго соловія, въ которое вы заключаете своего судію, и между внутреннею силою уваженія, правдивостью голова? Авторъ хочетъ и логику покорить своимъ покорнѣйшимъ просьбамъ. А замѣчатель, бѣдливый замѣчатель! Ты же будешь даже знать истинной значительности и любопытности твоихъ замѣчаній: они выйдутъ ниже или выше твоего объ нихъ понятія; они выйдутъ не таковы, какъ ты самъ о нихъ умаешь, а таковы, какъ угодно тому, кого ты учишь.

Благодаря журналистовъ и литераторовъ за ихъ прежніе отзывы о нашей книгѣ, вы находите, однакожь, въ ихъ отзывахъ нѣкоторую *неумѣренность и увлеченіе*, свойственные человеку. Можеть-быть, это и справедливо въ известномъ отношеніи; но почему вы думаете найти умѣренность и неувлеченіе въ журнальныхъ глывахъ о новомъ изданіи, въ тѣхъ письмахъ, которыя станете получать въ всѣхъ концахъ Руси? Развѣ журналисты и литераторы отступятся отъ нихъ прежнихъ мнѣній, отрекутся

отъ начальныхъ ощущеній? Увы, но всѣмъ дана возможность совершенствоваться такъ быстро, какъ автору Мертвыхъ Душъ, который, при первомъ изданіи своей книги, не просилъ никакихъ совѣтовъ, а проситъ ихъ при второмъ, т. е. оканчиваетъ тѣмъ, съ чего бы слѣдовало начать! Не всѣ измѣняютъ круто привычный ходъ своей дѣятельности, если требуютъ отъ насъ пользы и самонаслажденія, а не потѣхи самолюбію

Здѣсь я забываю на время главный предметъ моего посланія, чтобы сказать нѣсколько словъ объ увлеченіи вообще.

Изъ всѣхъ увлеченій, свойственныхъ человеческой слабости, всего плодотворнѣе или всего гибельнѣе увлеченіе доктринами. Есть разные роды послѣднихъ. Есть доктринами, которыя все содержаніе выводятъ послѣдовательно изъ основныхъ началъ; есть, напротивъ, доктрина, совершенно чуждая послѣдовательности и определенности. Надобно всего больше бояться второй, потому-что она построена на томъ несѣ, который называется шпитевой. При ея нецѣлостной остротѣ не были приняты въ соображеніи ни законы природы, ни законы человеческой мысли; но такъ-какъ она хочетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сохранить высшее согласіе съ натурою и разумомъ, то, при объясненіи каждаго факта требуетъ вспомогательныхъ постановокъ, побочныхъ гипотезъ, которыхъ, наконецъ, накопляется такое множество, что онѣ становятся въ взаимное противорѣчіе другъ къ другу, и гипотеза, необходимая для объясненія такого-то явленія, легко разрывается гипотезой, нужной для объясненія другаго явленія. Поэтому у людей, слѣдующихъ этой доктринѣ, несообразности, вопіющія противорѣчія — самая ходячая монета: смиреніе уживается у нихъ рядомъ съ высокоуміемъ; любовь къ ближнему съ покойнымъ созерцаніемъ его долговременныхъ мученій; авторитетъ пошраета

своими ногами права разума, а въ другомъ случаѣ разумъ насилуетъ свою собственную природу, чтобъ доказать неразумное. — Какіе люди хватаются за эту доктрину? Преимущественно люди ничему неучившіеся или мало учившіеся, но чувствующіе потребность опереться на что-нибудь прочное. Какое лекарство отъ ихъ увлеченія? Ученіе и ученіе. Нѣкоторыя науки особенно-полезны въ этомъ случаѣ: математическія, какъ гимнастика мысли, астрономія, указующая необъятность сотвореннаго, исторія, представляющая дѣйствительный прогрессъ чело-вѣчества, наконецъ, философія... Выговаривать, я забылъ знаніе языковъ—это сильное противодіе ограниченнымъ средствамъ просвѣщенія. Само собою понятно, что я не включаю сюда языка славянскаго, во-первыхъ, потому что Шимковъ давно уже доказывалъ его тождество съ русскимъ, а во-вторыхъ, потому что хотя нѣкіе Шимкова отвергнуто, но языкъ славянскій есть основаніе русскаго, мы учимся ему въ колыбели,—онъ наша собствен-ность, наше родное достояніе.

Вотъ все, что на сей разъ мнѣ я сказать вамъ. Повторяю мою покорнѣйшую просьбу: объясните для меня не-понятное. Сдѣлайте одолженіе, не считите этого дѣла мелкимъ, а меня об-

разованнымъ. Дайте вашему мнѣ-женію еще больше воли, нежели я далъ своему. Вы ничему почти не учились, а двойнѣ ничему не учились. Я не знаю чѣмъ динарь: я каждаго въ динарь. Я даже не ребенокъ, а только претендентъ на ребенка. Не смѣю думать, что я не родился (это было бы слишкомъ для меня уничижительно), но я нахожусь именно въ томъ состояніи, которое предшествуетъ вашему. Мое названіе—эссенція вашего названія: я не знаю чѣмъ ничто: я два раза ничто. — Прощу васъ не заботиться также о силѣ и красотѣ выраженія: дѣло въ дѣлѣ, а не въ словѣ. Если найдуся грамматическія ошибки,—обойтись: я вѣдь могу вообразить, что вы не знаете даже грамматики. Пере-слать свой отвѣтъ можете вы слѣдующимъ образомъ: не дѣлать никакихъ кетъ на мое имя, а просто завернуть письмо въ одинъ пакетъ, съ надписью: *Въ Петербургъ, къ Контору Олонецкихъ Записокъ, съ передачею главному Контора доставить мнѣ, не распечатывая пакета.*

За смѣть, пожелавъ вамъ всего наилучшаго, особенно здоровья, честь имѣю быть, вашъ,
милостивый государь,
покорнѣйшій слуга

Сто-одинъ.

15 января 1847.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Январь, 1847 года.

46) Выбранныя Мѣста изъ Писемъ и писки съ Друзьями Николая Гоголя. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Департамента Вѣшной Торговли. Въ 1-ю д. л. 287 стр.

Начало «Предисловія», помѣщеннаго къ этой книгѣ, по нашему мнѣнію лучше всего указываетъ точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на содержащуюся въ ней статью.

«Я былъ тяжело боленъ (говоритъ Гоголь); смерть уже была близко. Собравши статоки силъ своихъ и воспользовавшись первою минутой полной трезвости моего ума, я написалъ духовное завѣщаніе, въ оторомъ, между прочимъ, возлагалъ обязанность на друзей моихъ издать послѣ моей смерти нѣкоторыя изъ моихъ писемъ. Мнѣ хотѣлось хотя снѣмъ искупить полезность всего, доселѣ мною напечатаннаго, потому что въ письмахъ моихъ, о признаніи тѣхъ, къ которымъ они мнѣ писаны, находится болѣе нужнаго для человѣка, нежели въ прежнихъ моихъ сочиненіяхъ. Небесная милость Божія гвела отъ меня руку смерти. Я почти излоровѣлъ; мнѣ стало легче. Но чувствую однако слабость силъ моихъ, которая возвѣщаетъ мнѣ ежеминутно, что жизнь моя на волоскѣ, и приготавлилась въ отдаленному путешествію къ Святымъ Мѣстамъ, необходимому душѣ моей, во время котораго можетъ все случиться, я захотѣлъ оставить при разстаніи что-нибудь отъ себя своимъ сооте-

чественникамъ. Выбираю самъ изъ моихъ послѣднихъ писемъ, которыя мнѣ удалось получить назадъ, все, что болѣе относится къ вопросамъ, занимающимъ нынѣ общество, отстранявши все, что можетъ получить смыслъ только послѣ моей смерти, съ исключеніемъ всего, что могло имѣть значеніе только для немногихъ. Прибавляю двѣ-три статьи литературныя и, наконецъ, прилагаю самое завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ моей смерти, если бы она застигла на пути моемъ, возымѣло оно тотчасъ свою законную силу, какъ засвидѣствованное всѣми моими читателями». (Стр. 1—2).

Завѣщаніе Гоголя проникнуто духомъ, весьма-естественнымъ въ человѣкѣ изнуренномъ тѣлесными недугами и душевнымъ разочарованіемъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого произведенія:

II. Завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустакѣ, Христіанина недостойномъ.

III. Завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возметъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою-нибудь значительною или всеобщей утратой. Если бѣ даже и удалось мнѣ сдѣлать что-нибудь полезнаго и начиналъ бы я уже исполнять свой долгъ дѣйствительно такъ, какъ слѣдуетъ, и смерть унесла бы меня при началѣ дѣла, замышленнаго иб. на удовольствіе нѣкото-

рытъ, по надобнаго всёму, то и тогда не слѣдуетъ предаваться безплодному сокрушенію. Если бы даже вмѣсто меня умеръ въ Россіи мужъ, дѣйствительно ей нужный въ теперешнихъ ея обстоятельствахъ, то и отъ того не слѣдуетъ приходить въ уныніе никому изъ живущихъ, хотя и справедливо то, что если рановременно похизаются люди всёми нужные, то это знакъ гнѣва небеснаго, отъемлющаго сямъ орудія и средства, которыя помогли бы инымъ подвинуться ближе къ цѣли, насъ зовущей. Не унынію должны мы предаваться при всякой внезапной утратѣ, но оглянуться строго на самихъ себя, помышляя уже не о чернотѣ другихъ и не о чернотѣ всего міра, но о своей собственной чернотѣ. Страшна душевная чернота, и зачѣмъ это видится только тогда, когда неумолимая смерть уже стоитъ передъ глазами! (Стр. 8, 9 и 10).

Странно было бы требовать отъ человека, такъ тяжко страдающаго душою и тѣломъ, правильнаго логическаго возвращенія на жизнь и ея условія. Поэтому мы не будемъ *разбирать* заѣсъ статей, вошедшихъ въ «Выбранныя Мѣста». Замѣтимъ только, что часто въ этой книгѣ встрѣчаются мысли чрезвычайно - свѣтлыя, высказанныя необыкновенно-сильнымъ и живописнымъ языкомъ. За то въ ней же встрѣчается и множество противорѣчій, множество натянутыхъ выводовъ, множество фактовъ, освѣщенныхъ ложнымъ свѣтомъ односторонняго возвращенія и произвольно-составленныхъ теорій. Все это такъ легко объясняется собственно исповѣдью автора и такъ рѣзко бросается въ глаза всякому, что подтверждать мнѣніе свое выписками и разсужденіями кажется намъ совершенно-излишнимъ. Кто возьметъ на себя этотъ трудъ, тотъ непременно упадетъ въ роль одного давнишняго писателя, который недавно съ такою поспѣшностью воспользовался случаемъ написать нелишнее здравое смысла возраженіе противъ письма Гоголя «объ Одиссеѣ», переводимой В. А. Жуковскимъ. Съ своей стороны, мы обратимъ вниманіе читателей

только на одно любовитное противорѣчіе, встрѣченное нами въ «Выбранныхъ Мѣстахъ».

Противники Гоголя, которыхъ число, по разнымъ причинамъ, все меньше числа его поклонниковъ, строгое, не преминуть воспользоваться собственными его словами о *безмалости* всёхъ прежнихъ его сочиненій до «Мертвыхъ Душъ» включительно. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ хотите вы, чтобы эти господа упустили такой прекрасный случай выставить въ странномъ свѣтѣ тѣхъ, которые не перестаютъ ставить «Мертвыя Души» во главѣ всёхъ современныхъ произведеній русской литературы? «Вотъ», скажутъ они: «собственное сознаніе художника въ огромныхъ недостаткахъ его сочиненій. Изъ-за чего же было такъ печаль объ ихъ великихъ достоинствахъ господ критики натуральной школы? Но, не говоря уже о томъ, что всам авторъ — не судья своему сочиненію, совѣтуемъ всёму, принимающему чтенія Гоголя о собственной его чужности за горестное сознаніе слабости, прочесть въ «Выбранныхъ Мѣстахъ» слѣдующія строки:

«Обо мнѣ много толковали, разное-какія мои стороны, но главному шества моего не опредѣлили. Его сказалъ одинъ только Пушкинъ. Онъ говорилъ всегда, что еще ни одному писателю не было этого дара искусства такъ ярко пошлость жизни, углубить въ такой силѣ пошлость человека, чтобы вся та мелочь, ускользаетъ отъ глазъ, мелькаетъ крупно въ глаза всёму. Вотъ мое свойство, одному мнѣ принадлежащее, котораго точно нѣтъ у другихъ людей. Оно въ послѣдствіи углубило мнѣ еще сильнѣе отъ соединенія съ нѣкотораго душевнаго обстоятельства этого я не въ состоянн былъ тогда и самому Пушкину.

«Это свойство выступило съ силою въ «Мертвыхъ Душахъ». Мертвыя Души не потому такъ всуугали и произвели такой шумъ, чтобы открыли какія-нибудь раны общественной жизни, а потому что они были внутренніи болѣзни, и не

только о томъ, что никогда не былъ боленъ!..

Другіе пострадали по причинѣ не столь разумной, не столь очевидной... Нашлось много такихъ господъ, которые непріязненно поморщились, увидѣвъ, какъ легко объясняется великій художникъ самыми сложными проявленіями натуръ темныхъ, неблагообразныхъ, тугихъ; какъ просто раскрываетъ онъ сокровенныя и не слишкомъ благія движенія души человѣка сильнаго, но въ которыхъ давно покосились всѣ понятія, всѣ чувства въ пользу одной идеи, идеи, если хотите, справедливой въ основаніи, но не оправдывающейся въ безусловномъ примѣненіи... Очень неловко стало многимъ, когда узнали они, что имена Чичикова, Манилова, Собакевича, Коробочки и всей фаланги гоголевскихъ героев могутъ быть и нарицательными... Оскорбился, возмутился преимущественно тотъ, кому тошно думать, что все подлежитъ анализу и обсужденію человѣческому, что нѣ куда уйти отъ анализа, что волей или неволей, а заставятъ его, милостиваго государя, пройти по широкой аренѣ его жизни, разглядать и рассказать объ немъ именно то, чего бы ему не хотѣлось никому показывать или рассказывать, но что тайнѣ составляетъ его особенность, его любовь, его задоръ.

А какъ всегда, вслѣдъ за нѣкоторыми, приходятъ въ движеніе и остальные многіе, то огорченіе людей, о которыхъ мы сейчасъ говорили, обезпокою множество лицъ разныхъ категорій, и всѣ перетревожились, и всѣ наговорились много и безъ толку о «Мертвыхъ Душахъ», и тутъ же, сгоряча, прочли и самую книгу, и, чудо! упомяли всѣ обидныя по своей обнаженной справедливости выраженія, чуть не наизусть выучили мѣста невыносимыя для нихъ свѣтскихъ авторитетовъ, и еще разъ огорчились, вознегодовали и рассказали всѣмъ о понесенной ими непріятности.

Наконецъ, пострадали молча, врот-

ко и сознательно — люди, которые не глядѣли въ созданіи Гоголя вымыселъ вѣчно-прекрасной жизни, жизни, которую нельзя не любить, въ чемъ она ни проявлялась, — нѣтъ природы, которая всюду прекрасна... Эти люди пострадали — любя. Гоголь чудилъ, небывалымъ рассказомъ своимъ расшевелилъ весь читающій людъ. Обнаруживаніе многихъ тайнъ человѣческой души, величіе подвига Гоголя, въ первую минуту скорбно отозвались на сердцахъ... Увидѣлъ человѣкъ свое бессиліе: что, съ такимъ стараніемъ разглядывалъ онъ цѣлый вѣкъ, то несомненно-сильное перо Гоголя очертилъ въ трехъ словахъ и тутъ же обличилъ бѣдныхъ аналитиковъ въ близорукость и неспособность къ устойчивому, покойному созерцанію и насладенію.

Такимъ-образомъ, съ одной стороны безпокойство, недоумѣніе, досадная зависть, — съ другой стороны восторгъ, умиленіе, благодарность, и тоже своего рода нервное безпокойство росли каждымъ днемъ въ обществѣ. Эти послѣдствія такого тревожнаго созерцанія были велики.

Глубокое сочувствіе, пробужденіе Мертвыми Душами — къ изученію временной жизни, вызвало всѣмъ жагда на простую и разумную дѣятельность. Всѣ стали подрываться и подниматься подъ свою дотогѣ дремлющую и лѣнливую жизнь.

Не разъ порядочный человѣкъ осматривалъ самого-себя самымъ злымъ гоголевскимъ словомъ, заставъ и у себя въ безсознательной самонадеянности продѣлать, преисполненій смѣшныхъ свойствъ, которыми той минуты терпимы, и пожалуется на нѣкоторыхъ были не смѣшны потому, что никто на нихъ не обращалъ... Судорожно оборвать на воротнички, манжетки и наружные страстный, безпокойный и громко захохоталъ, оглядѣвъ себя съ сватовчи, на-диво сбитый фривольнаго цѣта жилетъ, который за полчаса все знакомое ему чувство было совершенно-довольно.

съ смѣшнымъ и жалкимъ очень-ое такое, что до-сихъ-поръ почи-сь явленіемъ совершенно-про-тъ и правильнымъ. Куда дѣва-такъ-называемая Гоголемъ «бла-тѣренная наружность», что ста-сь «дамою пріятною во всѣхъ-шевѣяхъ», какъ пришлось назвать-ена Ивановича, который показы-перстень дамамъ», каково при-сь многымъ по прочтеніи разгово-бобалываньи поясницы, тутъ же-исанной сидячей жизни», разго-который имѣлъ мѣсто въ комна-рисутствія гражданской палаты...ъ пришлось повѣсть и сцену въ прі-ей «временной комиссіи»... и на-ещъ всю эту исторію прекрас-ь слѣлокъ, пріятныхъ знакомствъ-дружескихъ проводовъ Чичикова-ространствѣ неизвѣстно-сколькихъ-тъ, неизвѣстно-какой именно гу-тин...

рошло четыре года послѣ перваго-нія «Мертвыхъ Душъ», и до-сихъ-нѣтъ никакой возможности разви-ую, живую мысль не вспомнивъ-ти мѣсть изъ этого неподражаема-юча къ уразумѣнію современнойъ жизни. Неумѣстно было бы гово-ь о вліяніи Гоголя на нашу литера-у. Объ этомъ было говорено много и-еть говорить еще больше. Луч-изъ доказательствомъ огромнаго влі-я «Мертвыхъ Душъ» на современ-общество мы видимъ въ томъ, что-я до-сихъ-поръ только и рѣчи было-о Гоголѣ, а между-тѣмъ еще не су-ствуетъ настоящаго критическаго-бора его произведенія. Иначе бытъ-могло: всѣ были натолкнуты Гого-ь на дѣтельность, всѣ ухватились-отрицаніе—и въ дѣтельности своей-были вѣрны этому воззрѣнію. Чу-о было слишкомъ-сильно, и невоз-но было требовать, чтобъ причина-покойства и стремительнаго пере-а къ самому радикальному, самому-завѣтному отрицанію была разобра-критически.

Важнѣе утѣшительный въ томъ отно-ніи, что онъ показываетъ, какъ ве-

дно было вліяніе «Мертвыхъ Душъ». Но если критика не впадала за этотъ немсчерпаемый предметъ изученія, ва-то ни одинъ читатель, по прочтеніи «Мертвыхъ Душъ», не оставался пас-сивнымъ. Каждый вынесъ изъ книги Гоголя хотя одно живое слово, кото-рымъ былъ въ правѣ и ограничиться, повторяя его вѣчно и безпокоясь этимъ словомъ, какъ событіемъ, опредѣляю-щимъ его положеніе на свѣтѣ, его нравственную физиономію. Оказалась замѣчательная переиѣна не только въ литературныхъ понятіяхъ, но и въ раз-говорномъ языкѣ и, по нашему мнѣнію, въ самомъ быту живой половины ны-нѣшней публики. Достаточно указать на ежедневное и неутомимое преслѣдо-ваніе всякой манглосцины, какъ на до-казательство огромнаго успѣха въ раз-витіи нашего общества въ послѣднее время.

Очевидно, что на людяхъ болѣе или-менѣе дѣльных и сколько-нибудь та-лантливыхъ вліяніе «Мертвыхъ Душъ»-выразилось не только въ отрицаніи нѣ-которыхъ не нормальныхъ явленій жи-зни, но и въ порывахъ къ созданію че-го-нибудь такого, что могло бы упро-чить и обобщить въ публикѣ впечатлѣ-ніе, произведенное «Мертвыми Душа-ми».

Такимъ-образомъ объясняется по-явленіе въ свѣтъ, вскорѣ по выходѣ «Мертвыхъ Душъ», нѣсколькихъ бель-летристическихъ произведеній, нелю-бимыхъ направленія, неудачная по-пытка поставить Чичикова на Але-ксандрынскомъ-Театрѣ, и, наконецъ,—чего долго ожидали всѣ,—опытъ худож-ника бойкимъ карандашемъ начертить рядъ разпообразившихъ сценъ похо-жденій Павла Ивановича, и ознакомить публику посредствомъ этихъ рисун-ковъ съ равными явленіями действитель-ной жизни.

Прежде, нежели мы приступимъ къ-сужденію о достоинствахъ «Ста Рису-нковъ къ Мертвымъ Душамъ», необхо-димо сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ, по нашему мнѣнію, должно смо-

трѣтъ на иллюстрированное изданіе по-этическихъ произведеній.

Каждое искусство имѣеть средства, ему исключительно принадлежащія, и въ то же время — предѣлы, изъ которыхъ не должно выступать, чтобъ не утратить своей силы. Есть на при-мѣръ, задачи, которыя могутъ быть рѣшены только поэзіей; есть и такія, въ которыхъ поэзія является слабою соперницей живописи, уступая мѣсто этому искусству, призывая его къ дѣятельности. Какъ бы ни было хорошо литературное описаніе живописной мѣстности или живописнаго момента, все-таки оно не болѣе, какъ превосходная программа для живописца, заданная ему такимъ же художникомъ, какъ онъ самъ, а не теоретикомъ и мыслителемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первый писатель, употребившій фразу: «живописецъ! бери кисть и пиши», выговорилъ ее отъ души. Теперь она сдѣлалась несносною риторической выходкой, истасканной отъ безсознательнаго употребленія. Въ сущности же она имѣеть глубокое основаніе: если литературное описаніе указываетъ живописцу всѣ оттѣнки рисунка и красокъ, — это значитъ, что задача поэта истощена и что область поэзіи дошла до предѣловъ живописи. Живописецъ можетъ смѣло браться за кисть и создавать картину со словъ поэта. Не можеть не привести въ при-мѣръ удивительной страницы изъ «Мертвыхъ Душъ» въ подтвержденіе сказаннаго нами:

«Старый, обширный, тянувшійся позади дома садъ, выходившій на село и потомъ попадавшій въ поле, заросшій и зарыто-дый, казалось, одинъ освѣжать эту обширную деревню и одинъ былъ вполне живописецъ въ своемъ картинномъ опу-стѣніи: зелеными облаками и неправильными, трепеталистыми куполами лежали на небесномъ горизонтѣ соединенныя вер-шины разросшихся на свободѣ деревь. Бѣлый колоссальный стволъ березы, ли-шенный верхушки, отломанной бурей, или грозой, подымался изъ этой зеленой гущи, и круглился на воздухѣ, какъ пра-вильная иранорная, сверкающая колонна;

косой, остроконечный шлолъ его, гото-рымъ онъ оканчивался къ верху шесто-капители, темнѣлъ на свѣжвой быль-его, какъ шапка, или черная птица. Дѣдъ, глушившій внизу кусты бузины, рабы и лѣснаго орушника и пробивашій во-томъ по верхушкѣ всего частокола, вы-галъ наконецъ вверхъ и обивалъ его до-целовины сломенную березу. Достигнувъ середины ея, онъ оттуда свѣшивался внизъ, начиналъ уже цѣплять вершины другихъ деревь, или же висѣлъ на воздухѣ, вы-завши кольцами свои тонкіе, цѣкіе ку-чья, легко колеблемые воздухомъ. Ми-стами расходились зеленыя чаши, озарен-ныя солнцемъ, и показывала неосищен-ное между нихъ углубленіе, зляшее какъ темная пасты; оно было все окинуто тѣмъ, и чуть-чуть мелькали въ черной глубинѣ его: бѣжавшая, узкая дорожка, обруше-ныя перилы, пошатнувшался бѣсъкъ, дуластый дряхлый стволъ ивы, стѣдъ чашыжаиккъ, густой щетиною вытыкала изъ-за ивы изсохшіе отъ страшной пл-тинны, перепутавшіеся и скрестившіеся, листья и сучья, и наконецъ, модами вѣтъ клена, протянувшая съ боку свои зеленые лапы-листы, подъ однимъ изъ ко-торыхъ забравшись Богъ вѣсть какъи образомъ солнце, превращало его вкругъ въ прозрачный и огненный, чудно сіявшій въ этой густой темнотѣ. Въ сторонѣ, у самаго края сада, нѣсколько высокорос-лыхъ, не вровень другимъ, осинъ, вы-мзли огромныя веровныя гнѣзда изъ ко-петныя свои вершины. У иныхъ въ нихъ отдернутыя и невоплотѣ отдѣлены вѣтви висѣли внизъ вѣстѣ съ изсохшими листьями. Словомъ, все было хорошо, какъ не выдумать ни природѣ, ни искусству, но какъ бываетъ только тогда, когда слъ соединятся вмѣстѣ, когда по нагромо-денному, часто безъ толку, труду чело-вѣка пройдутъ окончательными рѣшеніемъ сволкъ природа, облегчить тяжемыя вы-сы, уничтожить грубоощутительную и не-внѣльность и пощенскія прорѣхи, смѣтъ которыя проглядываютъ нескрытыи вы-дѣланъ, и дѣсть чудную теллоту всему, что создалось въ хаотѣ разчѣренной ча-стоты и опритности.» («Мертв. Душъ» стр. 216—218).

Какъ не сказать, что къ такой стра-нице не достаетъ картины Рѣйскаго, который одинъ только сумѣлъ бы-ть обаятельно передать всю предст-

духой зелени, плотно спутавшей и затканшей тропинки и простѣки сада,—традициѣ развѣситъ хмѣлевья гирлянды, дать возможность ближе разглядѣть чудную игру свѣта на вѣтвяхъ листьевъ,—рѣзкими линиями опредѣлить перспективу темной чащи или затопленной кустарникомъ дорожки..

Но есть описанія, исключительно доступныя средствамъ поэзи и много теряющія въ живописи. Это именно тѣ, которыя заключаютъ въ себѣ изображеніе послѣдовательности явленій. Картина живописца, написанная на такую тему, не удовлетворяетъ полностью: хочется ее договорить словами, хочется слышать, что скажетъ о ней поэтъ. Высокій образецъ такой *исключительно-поэтической* картины представляетъ собою описаніе шестивія каравана въ аравійской степи, въ стихотвореніи Лермонтова «Три Пальмы»

..... въ дали глубокой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрыя коврами покрытые выюки,
И шелъ, колыхался, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ
Узорныя полы походныхъ шатровъ;
И хъ смуглыя ручки порой подымали,
И черныя очи оттуда сверкали;
И, ставъ художавый къ лукѣ наклоня,
А рабъ горячилъ вороного коня.
И ковь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;

И бѣлой одежды красныя складки
По плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ;
И съ крикомъ и свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ коше на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ;
Въ тѣни ихъ веселой раскинулся станъ,
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы веселыхъ гостей,
И щедро поить ихъ студеный ручей...

Картина живописца, взявшагося за изображеніе явленій въ ихъ исторической послѣдовательности, въ свою очередь дѣлается программой для поэта. Мы почти увѣрены, что «Три Пальмы» написаны Лермонтовымъ подъ влияніемъ какой-нибудь картины Ораса Верне; иными словами, что Орасъ Верне своей картиной безсознательно наоросился на стихотвореніе Лермонтова.

Въ «Мертвыхъ Душахъ» есть множество превосходныхъ описаній, которыя, по нашему мнѣнію, или вовсе недоступны для живописи, или, крайней-мѣрѣ, отнюдь не выиграютъ, будучи воспроизведены на рисункѣ. Спрашивается, кто и какъ могучею кистью рѣшится повторить тѣ страницы Гоголя, гдѣ, кажется, слова не успѣваютъ сложиться въ рѣчь: такъ быстро, такъ неудовимо движеніе сценъ!..

«Съ громомъ выѣхала бричка изъ-подъ воротъ гостиницы на улицу. Проходившій пошъ снялъ шляпу, нѣсколько мальчишекъ въ замаранныхъ рубашкахъ протянули руки, приговаривая: «барниъ, подай сиротникъ!» Кучеръ, замѣтивши, что одинъ изъ нихъ былъ большой охотникъ становиться на запятки, хлыснулъ его кнутомъ, и бричка пошла прыгать по камнямъ.»

Или, нѣсколько далѣе:

«... И еще нѣсколько разъ ударившись довольно крѣпко головою въ кузовъ, Чичиковъ понесся по мягкой землѣ.» (Стр. 35).

Нарисуйте какую хотите бричку, какихъ хотите лошадей, какую хотите мостовую или немощеную дорогу, также нарисуйте нѣсколько фигуръ, помѣстите на картинѣ строенія, деревья, и все-таки смыслъ словъ Гоголя утрагится, и застывшая сцена поворота брички, со всѣми ея послѣдствіями, нисколько не дополнитъ впечатлѣнія, произведеннаго словами Гоголя.

Наконецъ, есть поэтическія тѣмы, вовсе недоступныя живописи, тѣмы

невыразимы ни для какой кисти. Однакожь, примѣрами претензій на исполненіе этихъ тѣмъ полна область живописи. Есть, на-примѣръ, множество картинъ, изображающихъ великихъ людей въ положеніяхъ, которыя сами-по-себѣ не выражаютъ ничего характернаго, но замѣчательны только по сопряженному съ ними воспоминанію о какомъ-нибудь замѣчательномъ поступкѣ, словѣ, событіи. Въ послѣдніе годы на такія картины очень тароваты стали французскіе художники, пишущіе картины изъ жизни Наполеона. Это самая грубая ошибка въ выборѣ сюжета, какую только можно себѣ представить. Въ нее особенно впадаютъ академіи при раздачѣ тѣмъ на живописные конкурсы.

То же самое можно примѣнить и къ танамъ, заимствованнымъ изъ «Мертвыхъ Душъ». Рисунокъ былъ бы рѣшительно неудаченъ, еслибъ кто-нибудь вадумалъ изобразить Чичикова въ такую минуту, когда около него нѣтъ никакого движенія; на-пр., въ тотъ поздній часъ, когда, возвратясь съ губернаторскаго бала, гдѣ случилось ему оборотаться, сидитъ онъ въ уединенной комнатѣ, съ дверью, заставленной коммодомъ, въ жестяныхъ, непокойныхъ креслахъ и мысленно порицаетъ балы и человѣческую суетность...

Итакъ, приступая къ живописному воспроизведенію сценъ, взятыхъ изъ такого произведенія, какъ «Мертвыя Души», художникъ долженъ очень и очень измѣрять свои силы и пристально изучить и прочувствовать каждую строчку великаго писателя, соображаясь съ средствами живописи, набрать только тѣ сцены, въ которыхъ замѣтна недостаточность слова для полной передачи размѣровъ и формъ какъ симыхъ дѣйствующихъ лицъ, такъ и всѣхъ принадлежностей мѣста дѣйствія, отнюдь не принимая на себя неудобноисполнимаго труда нарисовать сцену, въ которой положеніе дѣйствующихъ лицъ и вся обстановка по-

слѣдовательна, и въ которой они нѣ- няются съ каждымъ мгновеніемъ.

Посмотримъ теперь, какія мѣсто- тѣмы въ «Мертвыхъ Душахъ» на- ршаются на карандашъ художника, и потомъ перейдемъ къ заключенію о томъ, въ какой мѣрѣ гг. Агивъ и Бер- нардскій выполнили живописныя за- дачи, предложенныя Гоголемъ.

Одно изъ величайшихъ достоинствъ автора «Мертвыхъ Душъ» состоитъ въ глубокомъ пониманіи той мѣстности, о которой говорится въ рассказѣ. Можно ли лучше знать ландшафтъ Рос- сіи, ландшафтъ, какъ понимаетъ его и живописецъ, и этнографъ, и геологъ, нежели какъ знаетъ его Гоголь? Всю- ните его «дорогу» по незначительной равнинѣ, по сѣдымъ полямъ съ об- рѣзными пнями, кочками, сльвинокъ, дикимъ верескомъ, и тому подобнымъ вадоромъ. (35—6 стр.). Какъ, однимъ словомъ, однимъ взмахомъ кисти от- тѣнилъ онъ два крыла — гдѣсь березо- вый и сосновый (стр. 177); какъ вѣстна ему атмосферическая особен- ность преобладающей въ нашемъ ро- номъ климатѣ погоды: «девь былъ не то ясный, не то ярачный, а какого-то свѣтлосѣраго цвѣта, какой быметъ только на старыхъ мундирахъ гвар- зонныхъ солдатъ» (стр. 38); безхар- терность глушѣйшаго болотистаго по- во владѣніяхъ Ноздрева, съ межесыи столбикомъ и канавкою, — воля, на во- торомъ водится такая гибель рус- ковъ... Наконецъ, выписанная тамъ картина сада. А вотъ опять дорога, вотъ онъ опять несется какимъ-то фанта- стическимъ вихремъ по равнинѣ...

«... По обѣимъ сторонамъ столбскаго пути пошла вновь писать версты, ста- ціонные смотрители, колодцы, обомы, ст- рыя деревни съ самоварами, бабаны и бойкимъ бородаатымъ хозяинкомъ...» (Стр. 424).

«... Зеленыя, желтыя и свѣжо-ры- рытыя черныя полосы, мелькающія во степамъ, затянута вдали пѣсяня, сосновые верхушки въ туманѣ, пропадающій дал- че колокольный звонъ, вороны какъ муш- и горизонтъ безъ конца...» (Стр. 425).

... Проснулся, и уже опять передъ мною пустырь, все открыто. Верста съ рой летитъ тебѣ въ очи; занимается; на поблѣшаешь холодномъ небомъ золотая блѣдная полоса; свѣже естче становится вѣтеръ... (Стр. 428).

... Русь!.. бѣдна природа въ тебѣ... рыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; въ точки какъ значки, непримѣтно торъ среди равнины, невысокія твои горы; ничто не обольститъ и не очаруетъ а... (Стр. 426).

отъ что говорить Гоголь, велишій живописецъ. Но, спрашился, какой картины хватить, въ нихъ рамкахъ можетъ раскинуть-эта невѣрмая горизонтальная скость, по которой ведетъ читателя Гоголь, и — то надорветъ смотый кустарникъ, то разроетъ желый песокъ, приглядится къ размыканавкѣ, потянетъ туманный воздухъ, отзывающійся горьлымъ лѣть... У кого найдется довольно-вѣрный карандашъ, чтобъ съ точностью уралиста срисовать кривизны нахъ плоскихъ косогоровъ и безхартерныя покатоности вѣчно сѣрыхъ, приглядныхъ, приводящихъ въ отніе полей?...

Блакое животное одарено такимъ йствомъ, что на занимаемомъ имъ чкѣ земли оно непремѣнно отпечатъ особенности своего организма: дыланокъ, норку, налаженную всегсогласно съ привычками и конструкцїей вѣтра, и много разныхъ примѣтъ обѣдненные листья, разрытый пегъ, кости, скорлупа орѣховъ... Поизь-то натуралистъ и охотникъ съ разузнаютъ мѣсто пребыванія вѣтра. Въ безковечно-огромныхъ размѣтъ все населеніе человѣческое точтакже наставило разныя значки, которымъ узнаютъ нравъ и привычлюдей: каждый человѣкъ, получпечатлѣнне навѣтъ, опредѣляясьтаемому имъ мѣстностью, въ то жемя характеризуетъ числящійся ваимъ лоскутъ земли. Въ селеніяхъ, въ голустныхъ городкахъ, во всѣхъ хъ группахъ жилищъ, гдѣ цивили-

зація не распатала людей, или тѣхъ, которые впали въ крайность, уклоняясь отъ подвижности общжитія, ослабляющаго и разнообразяющаго непрїятные, вѣчно-одинакіе приемы тоскиваго фамильнаго быта, можно отискать слѣды: какъ отлежалъ чловѣкъ траву, какъ отпечаталъ гвоздими сапоговъ обычную ежедневную дорожку, ведущую въ немногія интересующія его мѣста.

Этотъ маленькій ландшафтъ, эта раковина улитки тоже въ высшей степени осмыслена Гоголемъ. Нравственныя особенности людей опредѣляются его живописаніемъ комнатъ, домовъ, деревень, трактировъ и т. д. Сейчасъ можно узнать, уже не грызуну-землеройку или плотояднаго, а кулака-Собакевича, старуху-скопидомку (стр. 83), романтика-Манилова, воспитаннаго въ нѣжномъ пансіонѣ, и пр.

Быть людской представляеть живописцу много тѣмъ весьма-доступныхъ. Но спрашивается, какое знаніе нравовъ требуется для этого, сколько психологическихъ факторовъ должно набрать и разгалать тому, кто за это возьмется... Кто же такъ хорошо знаетъ (и понимаетъ), какъ Гоголь, какое и на какихъ пренелѣныхъ ножкахъ должно быть бюро у Собакевича, какъ устроенъ курятникъ у Коробочки, какъ мечтательно-глупо разведенъ садъ у деликатнаго Манилова, какъ сивозятся и рѣшелятся кровли избъ, какъ растрескались и отсырѣли стѣны церкви на селѣ у Плюшкина; кто больше втянулъ въ себя копоты и всякой дряни въ потемпѣлыхъ трактирахъ со звѣнющими стеклянными люстрами, пелѣшными картинами и чадными, подозрительной чистоты нумерами.. Наконецъ, кому лучше извѣстна и помятна архитектура разныхъ построекъ: рѣзныя кирпичныя стѣны избъ, листовою куполь церкви, барельефчики на сѣреникихъ и оранжевыхъ губернскихъ домникахъ, каменный домъ съ половинною фальшивыхъ оконъ, бесѣдка съ

голубыми колоннами, наконецъ, всякія калитки, пристройки и изгороды, которыя лѣпить и громоздить хозяинъ, ни разу не обезпokoясь мыслию облагородить своихъ сооруженій. (Стр. 178.)

Но для того, чтобъ начертить въ профиль и планъ всё достопримѣчательности, разсказанныя въ «Мертвыхъ Душахъ», необходимо освидомиться о тѣхъ подробностяхъ, которыя въ очеркахъ Гоголя помѣщены на темныхъ углахъ картины или подразумеваются подъ однимъ чуднымъ гениально-рожденнымъ словомъ, которымъ онъ способенъ хоть кого очертить съ ногъ до головы. (стр. 207.)

Не менѣе важное достоинство «Мертвыхъ Душъ» состоитъ въ томъ, что ни одна самая маловажная, по-видимому, сцена не изображена безъ полной декорации, дополняющей дѣйствіе и уясняющей смыслъ его. Говорится ли о номерѣ трактира, не упущены изъ виду и коммодъ, которымъ заставлена дверь въ другой номеръ, и фигура сосѣда, интересующагося знаніемъ обо всемъ (стр. 9). Вечеръ ли у губернатора, — и подбѣздалъ дома представляеть цѣлую картину: «коляски съ фонарями, передъ подъѣздомъ два жандарма, форейторскіе крики вдали, словомъ, все, какъ нужно». (Стр. 19.)

Ужинъ у губернатора, выѣздъ изъ гостиницы, комната Манилова, и цѣлый рядъ картинъ представляютъ то же богатство, ту же вѣрность въ обстановкѣ и соблюденіи самыхъ мелкихъ подробностей. Возьмите, на-примѣръ, комнату помѣщицы Коробочки: не оставлено ни одного угла пустаго — все набито сундучками, узелками, вѣшечками и т. п. дрянью и старой рухлядью: не забыть и портретъ старика съ красными обнагками, и чулокъ за зеркальцемъ, — цѣлая картина, достойная кисти Теньера или инаго умнаго мастера фламандской школы, которая такъ глубоко понимала смыслъ будничной жизни и глупаго фамильнаго затупѣнья, въ которомъ кропотливо и бесполезно повзвѣтся и роется человекъ полуумершій для окружающаго міра и проявляю-

щійся только въ ничтожныхъ операціяхъ мелкаго, подслѣповатаго хозяйства, спускающій чулочныхъ цетъ и гадающій истертыми картами чортъ-мать о чемъ.

Переносить ли онъ васъ въ трактиръ на проселочной дорогѣ, — опять картина, полная, богатая. дышащая весеннею, сирадомъ и ветошью веселой, неблаголѣпной жизни:

«Деревянный, потемнѣвшій трактиръ принялъ Чичикова подъ свой умный гостепріимный навѣсъ на деревянныхъ выточенныхъ столбикахъ, покосилъ и старинные церковные подсвѣчники. Трактиръ былъ что-то въ родѣ русской избы, нѣсколько въ большемъ размѣрѣ. Рѣзныя узорочные карнизы изъ сѣваго дерева вокругъ оконъ и подъ крышей, рѣзко и живо пестрили тесныя его стѣны; на стѣнахъ были нарисованы кувшины съ цѣтками.

... Въ комнатѣ попалась все старыя пріятеля.... заиндѣвшій самоваръ, искобленныя гладко сосновые стѣны, треугольный шкафъ съ чайниками и чашками въ углу, фарфоровыя вызолоченныя лички предъ образами, висѣвшія на галбыхъ и красныхъ ленточкахъ, окошечко, въ которомъ недавно кошка, зеркало, показывающее вмѣсто двухъ четыре глаза, а вѣсто лица какую-то лепешку; наконецъ канавныя пучками душистыя травы и грядки у образовъ, высохшія до такой степени, что желавшій понюхать изъ нихъ чихалъ и больше ничего.» (Стр. 116—117.)

Одна вѣчная сцена въ гостиной Бакевича можетъ привести въ отчаяніе художника:

«Чичиковъ опять поднималъ глаза и опять увидалъ Канари съ толстыми лапками и нескончаемыми усами, блѣдну и дрожая въ клѣткѣ.

Почти въ теченіе цѣлыхъ пяти минутъ всѣ хранили молчаніе; раздавался только стукъ, производимый носомъ дрожащаго рево деревянной клѣтки, на двѣ минуты онъ удалъ хлѣбныя зернушки. Чичиковъ еще разъ окинулъ комнату, а все тѣмъ же было, — все было прочно, и даже кое-то странное сходство съ самимъ

омъ дома. Въ углу гостиной стояло орѣховое бюро на пренелѣпныхъ трехъ ногахъ, совершенный медвѣдь. Кресла, стулья, все было самаго тѣлого и безпокойнаго свойства; словомъ, каждый предметъ, каждый стулъ говорилъ: оже Собакевичъ! или: и я тоже очень жажу на Собакевича!» (Стр. 182).

аково же будетъ послѣ такого об-ценія чертить портретъ Собакевича когда надо принять въ расчетъ и ю, и Бобелину, и дрозда въ клеткѣ, выразить въ лицѣ Собакевича то, есть общаго между нихъ и этими анными предметами?

весь рассказъ о капитанѣ Копей-Бѣ,—не есть ли это цѣлый рядъ каръ самыхъ живыхъ, самыхъ пестрыхъ, самыхъ безпокойныхъ, и, не грѣя на то, что петербургская жизнь гѣдована поближе, такихъ трудныхъ и подъ-часъ неподдающихся кадашу!

зображеніе мелочныхъ деталей наго хозяйства, аксессуаровъ еже-дневныхъ сценъ нашей жизни пред-влетъ и то тягостное неудобство, одубоватость и аляповатость фор-м, то, что вышло изъ рукъ промыш-ленности, неподвижность и сосре-доточенность характеровъ, невзрач-ность никогда-неулыбающейся, воображенной и холодной природы, ямо противорѣчать условіямъ шего-затаго рисунка, къ которому такъ яки вообще художники, рассчиты-ощіе болѣе на эффектъ своего про-веденія, нежели на глубокій смыслъ, скрытый въ каждой, съ перваго взгля-ника, никого-непоражающей линіи. Всѣ *tableaux de genre*, сюжеты которыхъ выты изъ русскаго быта (впрочемъ и не многаго), погрѣшаютъ противъ гинности именно потому, что, доро-болыше всего эффектомъ, наши жи-внцы не только придаютъ лицамъ раженіе, несвойственное Русскимъ того, что мужички какой-нибудь стромской вотчины оказываются бо-

лѣе-похожими на Тирольцевъ, или по-крайней-мѣрѣ на Малороссіянъ, и только у немвогихъ — на петербург-скихъ кучеровъ въ синихъ армякахъ; не только изображаютъ парголовское небо и воздухъ ни дать ни взять какъ неаполитанское небо и воздухъ; а без-характерныя, отлогія горы, заплы-шія, сонныя линіи береговъ саера или изгибовъ рѣки, на ихъ рисункѣ по-лучаютъ характеръ бойкихъ этюдовъ, съ щегольскими изломами, яркими пят-нами и граціозной опушкой, вовсе не-свойственными сѣверному климату,— но и въ самыхъ ничтожныхъ мелочахъ портятъ дѣло желаніемъ придать яр-кости и блеска натурѣ мрачной, за-бывая, что осмыслить и согрѣть свой рисунокъ могли бы они именно стро-гою передачею этихъ невыгодныхъ свойствъ избранной ими природы, раз-умѣя, что въ ней много тайной пре-лести для каждаго зрителя, потому-что она, эта природа, сѣрая, мато-вая отразилась въ физиономіи обита-телей. Но не думаютъ этого гг. жи-вописцы, и изъ русской избы дѣ-лаютъ они какой-то шалашикъ, ко-торый какъ-будто сорвался съ дедни-ковъ, или, по-крайней-мѣрѣ, походить на украинскую хату. Отъ-чего же? Отъ-того, что и шалашикъ и хага дѣйстви-тельно эффективы избы, упористой и безъ пошатки, приводящей въ отчаяніе своей крайней законченностью, недо-пускающею возможности раскинуться и уйти зданію въ вышину и въ сто-роны, словно заковалъ себя мужичокъ въ этотъ сосновый коробъ и захлоп-нулъ его крутой кровлей, такъ, чтобъ блажная потребность украшеній не по-смѣла пойдти далѣе смѣшныхъ насть-чекъ и узоровъ. Да и тѣ, правду ска-зывать, бывають только на большихъ дорогахъ, да въ большихъ и богатыхъ селахъ.

То же можно сказать о костюмахъ и другихъ атрибутахъ нашихъ *tableaux de genre*. Чтѣ за чудные цвѣта, чтѣ за мягкія, отливистыя ткани на синихъ армякахъ и пунцовыхъ сарафанахъ,

какія характерныя, заломленныя на бокъ шапки, какія прочныя, сверкающія орудія, какая полная, блестящая упряжь на лошаляхъ!.. Удивительно-богато, крайне-пестро и потому самому вовсе не такъ, какъ въ дѣйствительности.

Всѣ эти недостатки должны пред-усмотрѣть тотъ, кто взялся иллюстрировать «Мертвыя Души», гдѣ на каждомъ шагѣ надо имѣть дѣло съ фигурами непричесанными, съ ландшафтомъ угрюмымъ, съ декорациями обрванными, пошопеными, потертыми...

Перейдемъ теперь къ дѣйствующимъ лицамъ «Мертвыхъ Душъ» и разберемъ условія, которыя должны имѣть въ виду живописецъ, перенося въ рисункахъ глубоко-задуманныя черты дѣйствующихъ лицъ поэмы.

Гоголь ни на одно мгновение не упускалъ изъ вида общечеловѣческихъ условій характера каждаго изъ своихъ героевъ, и потому всѣ дѣйствующія лица его поэмы прежде всего являются людьми, какъ бы малы и ничтожны ни были они по положенію своему въ обществѣ, до какового бы нравственнаго уничтоженія ни были доведены воспитаніемъ и неизбѣжнымъ теченіемъ дѣлъ. Въ каждомъ изъ нихъ легко усмотрѣть всѣ чело-вѣческія движенія, каждый имѣетъ свои радости и скорби, свои предметы живаго сочувствія и злой антипатіи, у каждаго «свой задоръ», какъ сказалъ самъ Гоголь, — и поэтому-то всѣ они возбуждаютъ такое глубокое сочувствіе въ каждомъ читателѣ, не разучившемся думать и чувствовать.

Изъ этого великаго достоинства «Мертвыхъ Душъ» прямо вытекаетъ необходимое условіе для живописца: ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ изъ дѣйствующихъ лицъ поэмы немощныхъ уродовъ, одностороннихъ карикатуръ... Это будетъ вопіющая ошибка противъ идеи, положенной въ

основаніе каждаго характера, социальнаго Гоголемъ.

Не менѣе удивительна страшно-жизненность лицъ, выведенныхъ имъ на сцену. Читая характеристику каждаго изъ нихъ, чувствуешь какой-то приливъ силъ, какую-то особенную радость, потому что такъ и трещатъ жизнию эти лица, будутъ ли это неприличный Петрушка, малый Коробочка, Порфирій, Павлушка, или благодѣтельная чета Маняловыхъ, границная губернаторская дочка, самый крошечный губернаторъ, или какой-нибудь бойкій краснощекий квартальный и лакированныхъ ботфортовъ, драбма, тщедушная старушонка съ флазеломъ, намотанною на шеѣ, предъдательствующійся на сидячую жизнь съ ея слабостями, и дама «пріятная и всѣхъ отношеній», совершенная бельфамъ на основаніи вновь-полученной выкройки и подающая большія надежды, — всегда найдется въ душѣ много безпокойнаго участія къ ихъ судьбѣ, къ ихъ «задору», къ ихъ мощамъ, и чувствуешь какое то внутреннее довольство отъ сообщенія съ этими совершенно-живыми лицами. Не потому хорошо съ ними, что они хороши: имѣть, большая часть изъ нихъ представляетъ характеры сложные, противные, поражающіе своей пестротой (стр. 256), но потому что жизнь всегда и во всемъ отражена и сама-по-себѣ, независимо отъ окружающихъ ее условій, есть для личайшее благо, какое только можетъ въ понятіяхъ своихъ сложнаго чело-вѣкъ. Дѣйствительно, на сколько можно допустить силъ и крѣпости томъ или другомъ лицѣ «Мертвыхъ Душъ», на столько проявляется сила и крѣпость въ поступкахъ и живеть онъ всѣмъ силами своего существа, вѣчно пребывая въ средѣ своихъ особенностейъ, которыя определяютъ его личность.

Сверхъ-того, всѣ лица поражаютъ и въ другомъ отношеніи. Читая ихъ происхожденія, весьма-легко раз-
а

доступны, сдѣланные ими на основаніи общечеловѣческихъ побужденій, и тѣ, которые были прямымъ слѣдствіемъ мѣстныхъ и историческихъ обстоятельствъ.

Образы Гоголя такъ строго, такъ мудро начерчены, на созданіе ихъ положено столько силы, что ихъ можно сравнить съ тѣми превосходными произведеніями великихъ живописцевъ, у которыхъ сквозъ верхнюю краску, соотвѣтствующую подлинному цвѣту лица, какъ-бы просвѣчиваетъ бездна другихъ красокъ, слоями проложенныхъ прежде и сообщающихъ написанному тѣлу мягкость и прозрачность. Читая описаніе характера любого лица въ «Мертвыхъ Душахъ», взятого въ данный моментъ, незамѣтнымъ образомъ узнаешь его біографію, поймешь всѣ обстоятельства, которые сдѣлали изъ него то, что онъ есть въ настоящую минуту, точно такъ же, какъ на истинно-художественныхъ портретахъ дивишься красотѣ лица давно-увядшаго, и въ жесткихъ чертахъ старца наглядывъ когда-то красиваго, полного силъ юношу.

Въ заключеніе, замѣтимъ, что весьма-страннымъ было бы видѣть въ герояхъ «Мертвыхъ Душъ» портреты, синеватые съ нѣсколькихъ улачно-подобравныхъ индивидуумовъ. Правда, опровергая такое странное мнѣніе, часто повторяемое многими почитателями Гоголя, нецѣниающими его истиннаго достоинства, — какъ-разъ можно впасть въ наивность и начать толковать читателямъ (въ-время!), что такое поэтическое отвлеченіе и что такое идеалъ; скажемъ только, что герои «Мертвыхъ Душъ» не лагерротипные снимки и вовсе не портреты, и если можно позволить себѣ сравненіе ихъ съ какими-нибудь произведеніями живописи, то развѣ съ нѣкоторыми идеальными портретами фламандской школы, — портретами, не списанными съ историческихъ лицъ того времени, но созданными воображеніемъ Рембранта и Ван-Дейка. Когда смотришь на эти умныя лица, невольно чувству-

ешь, что произвольно-взятое лицо того времени не могло такъ вѣрно, такъ полно выражать идею художника, что топкая, лукавая фигура монаха въ темной острѣй рясѣ, отырытое, разгульное лицо кавалера въ бравадскихъ кружевахъ и съ золотою цѣпью и медалью на груди, красные носы и одутловатая фізіономія игроковъ въ кости или странствующихъ музыкантовъ не очерчены живописцами съ живыхъ подлинниковъ. Но эти лица были изучены, глубоко понаты художникомъ; всѣ черты, характеризующія идею монаха, рыцаря, ростовщика, прелестницы XVI вѣка, вылились въ идеальныхъ портретахъ тогдашнихъ живописцевъ, и эти портреты, по справедливости, принадлежать къ числу величайшихъ произведеній искусства. Подобнымъ же образомъ, каждое лицо въ «Мертвыхъ Душахъ» есть въ то же время выводъ изъ цѣлой категоріи людей, и вѣтъ такого слоя общества, изъ котораго бы это сочиненіе не набрало своихъ сюжетовъ.

Что касается до трудности исполненія портретовъ, то мы приведемъ слова самого Гоголя объ этомъ предметѣ:

«Гораздо легче изображать характеры большаго размѣра: тамъ просто бросай краски со всей руки на полотно, черные палашіе глаза, нависшія брови, перерѣзанный морщиною лобъ, перекинутый черезъ плечо черныи, или алый какъ огонь плащъ, и портретъ готовъ; но вотъ всѣ эти господа, которыхъ много на свѣтѣ, которые съ вида очень похожи между собою, а между тѣмъ, какъ приглядимся, увидимъ много самыхъ неувольныхъ особенностей — эти господа страшно трудны для портретовъ. Тутъ придется сильно напрягать вниманіе, пока заставишь передъ собою выступать всѣ тонкія, почти невидимыя черты, и вообще далеко придется углублять уже изощренный въ наукѣ выштымаванія взглядъ. (Стр. 39 — 40).

Спрашивается, если гениальный писатель, для котораго всякая фізіономія какъ-бы просвѣчиваетъ, который въ ничтожныхъ, сглаженныхъ чертахъ читаетъ всѣ задушевыя тайны чело-

вѣка, если такой свѣдый писатель признаётъ, что написать портретъ чело-вѣка «совершенно-обыкновеннаго» въ высшей степени трудно, то какъ должно смотрѣть на этотъ подви-гъ тѣмъ, которые хотятъ дополнить впе-чатлѣніе, произведенное «Мертвыми Душами», договорить мысли Гоголя, рассказать въ ста рисункахъ положе-нія Чичикова?

Теперь перейдемъ къ рисункамъ г. Агина и Бернардскаго.

Не приступая еще къ сужденію о достоинствѣ самыхъ картинъ, замѣ-тимъ, что предпріятіе г. Бернардскаго должно истинно порадовать того, кто понимаетъ всю важность «Мертвыхъ Душъ» для русскаго общества и со-чувствуетъ успѣхамъ русскаго живо-писи.

Художникъ, котораго такъ заинтере-совало твореніе Гоголя, что онъ рѣ-шился взяться за изображеніе труд-ныхъ и глубоко-задуманныхъ сценъ изъ этой поэмы, предпочитая такое занятіе поставкѣ картинокъ въ еже-дневно - появляющіяся игрушечныя изданія съ политипажами, — заслужи-ваетъ полного уваженія. Человѣкъ, прочитавшій «Мертвыя Души», имѣетъ несравненно болѣе права на названіе современнаго чело-вѣка, нежели тотъ, кто не читалъ ихъ; а тотъ, кто на дѣлѣ показалъ, какъ сильно было впечатлѣ-ніе, произведенное на него такимъ че-твеніемъ, безъ сомнѣнія читалъ «Мертвыя Души» пристально и понималъ ихъ лучше многихъ... Сверхъ-того, мысль начер-тать нѣсколько сценъ изъ «Мертвыхъ Душъ» показываетъ, что художникъ по-явилъ картинность описаній Гоголя, безъ блану красокъ, потраченныхъ на эти описанія, и всѣ исчисленныя и неис-численныя нами достоинства его по-эмы. Наконецъ, художникъ—человѣкъ русскій, вѣроятно видѣвшій Россію—сколько данныхъ, говорящихъ въ поль-зу изданія! И мы раскрыли первый выпускъ «Ста Рисунковъ» съ увѣрен-ностью и полнымъ убѣжденіемъ, что это изданіе имѣетъ много несомнѣ-ныхъ достоинствъ.

Притомъ и далеко-несовершенный трудъ, въ родѣ изданія г. Бернардска-го, былъ бы интересенъ и заслуживалъ бы одобренія, какъ благородная попытка употребить труды и капита-лъ на иллюстрацію сочиненія, появ-леніе котораго составило эпоху.

Судя по первымъ выпускамъ «Ста Рисунковъ» мы полагали, что содер-жаніемъ этихъ рисунковъ послужитъ все, чтó въ текстѣ «Мертвыхъ Душъ» особенно напрашивается на кар-тидаше живописца. Къ такому предло-женію мы были приведены политипа-жами, изображавшими сцены, мало-относящіяся къ главному сюжету по-эмы, но дѣйствительно болѣе или ме-нѣ живописныя; напр. вѣзалъ Чичи-кова въ губернской городъ; разговоръ мужиковъ о колесѣ; Петрушка и Сели-фанъ, вносящіе въ комнату чемадавъ; чиновники, играющіе въ вистъ у гу-бернатора и много другихъ. Но по ми-ходѣ двѣнадцати выпусковъ, оказа-лось, что цѣль изданія — изобразить преимущественно тѣ сцены, которыя находятся въ тѣсной связи съ главною интригою поэмы, то-есть, съ погупкою мертвыхъ душъ. Художники оста-вили безъ воспроизведенія тѣ дивныя мѣста поэмы, въ которыхъ Гоголь явился исключительно живописцемъ, совершенно-независимымъ отъ самого-себя, какъ отъ рассказчика. Наприм., говоря о фигурахъ въ черныхъ фра-кахъ, бывшихъ на балѣ у губернатора, Гоголь сравниваетъ ихъ съ мухами, которыя носятся надъ сахаромъ, и при этомъ случаѣ удивительно живописно нарисовалъ старую ключницу, коле-щую сахаръ.—Въ другомъ мѣстѣ, при описаніи сада Манилова, очень живо-писны фигуры двухъ бабъ, по колѣни въ прудѣ, влачащихъ за два конца изорванный бредень, и перебранавши-щихся между собою, — одвакожь онѣ пропущены художникомъ. Развѣны-образомъ дивная картина сала Пля-кина не вошла въ число политипажей, и вѣроятно много будетъ такія мѣста, о которыхъ придется оченъ

и очень пожалѣть, что они не вошли въ изданіе.

Такимъ-образомъ «Сто Рисунокъ въ Мертвыхъ Душахъ» получаютъ въ глазахъ публики уже не то значеніе, которое имѣли по выходѣ первыхъ трехъ выпусковъ; это будетъ скорѣе рядъ портретовъ тѣхъ лицъ, которыя наиболѣе принимаютъ участіе въ мудрой дѣлкѣ по поводу несуществующихъ мужичковъ. Конечно, и такіе рисунки могутъ быть великой услугой публикѣ, но, замѣтимъ, что этимъ самымъ выборомъ художники задали себѣ самую трудную задачу, потому что нѣтъ ничего труднѣе, какъ нарисовать такіе портреты. Притомъ, имѣя въ виду, въ обѣщанныхъ «Ста Рисунокъ» передать всѣ похождения Чичикова, художники поставили себя въ крайне-затруднительное положеніе; по поводу одного какогонибудь многозначительнаго слова, которымъ влечется рассказъ, имъ приходится иногда рисовать сцену вовсе-неживописную. Такъ, напр., задуманный разговоръ Чичикова съ Собакевичемъ о добродѣтеляхъ и пріятностяхъ губернскихъ инновиковъ, который Собакевичъ заершилъ такими выразительными словами: «Я ихъ знаю всѣхъ: это все мошенники, весь городъ тамъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ хриstopродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человекъ: прокуроръ; да и тотъ, если сказать правду, свинья» — вызвалъ картинку совершенно ничего невыражающую. Чичиковъ Собакевичу сидитъ въ креслахъ чень-спокойно, и ничего не прочтешь въ ихъ лицахъ.

Для полной оцѣнки изданія, разберемъ характеры героевъ «Мертвыхъ душъ» и сравнимъ портреты Гоголя въ портретахъ г. Агина.

Главный герой поэмы, Чичиковъ, изображенъ у Гоголя уже на первой страницѣ слѣдующимъ образомъ: «въ бричкѣ сидѣлъ господинъ не красавецъ, но не дурной наружности, не слишкомъ смугль, не слишкомъ тонокъ; нельзя

сказать, чтобъ старъ, однакожь и не такъ, чтобъ слишкомъ молодъ».

Такое опредѣленіе наружности доказывается, какъ неувомимы были черты Чичикова. Крайняя добропорядочность и сглаженность всѣхъ чертъ лица Чичикова были отчасти причиною успѣховъ его въ обществѣ. Губернаторъ и всѣ чиновники утвердительно сказали, что «наружности благонамѣренна». Въ лицѣ его дамы города N. нашли даже что-то марсовское и военное; наконецъ, самъ Гоголь о наружности его сказалъ только:

«На родителей лицемъ онъ не походилъ: по-крайней-мѣрѣ родственница, бывшая при его рожденіи, пизельская, коротенькая женщина, которыхъ обыкновенно называютъ пизельщицами, взявши на руки ребенка, вскрикнула: совсѣмъ вышелъ не такой, какъ я думала! ему бы слѣдовало пойти въ бабу съ матерей стороны, что было бы и лучше, а онъ родился просто, какъ говоритъ пословица: ни въ мать, ни въ отца, а въ пропѣскаю молодца.»

И только! Такое лицо вѣроятно непохоже на отвратительную фигуру, помещенную на 4 рисункѣ, жующую какую-то кость за трактирнымъ столомъ, — фигуру неуклюжую, толстую и рѣшительно каррикатурную. Достаточно напомнить художнику, что лицо Чичикова правилось не только жителямъ города N., но и всѣмъ тѣмъ лицамъ, съ которыми доводилось ему встрѣчаться въ жизни. Только одинъ разъ не возлюбилъ его благообразное лицо начальникъ какой-то тостройтельной комиссіи, человекъ военный и строгій, — не возлюбилъ именно за безукоризненность физономіи, и тѣмъ обнаружилъ на минуту страшный радикализмъ въ своихъ административныхъ распоряженіяхъ (ст. 448). Возможно ли допустить, чтобъ Чичиковъ, про котораго сказалъ Гоголь, что «куда ни повороти былъ очень порядочный человекъ» походилъ на жалкую фигуру, изображенную на рисункѣхъ нумеровъ 8, 10 и 11? Весьма-ошибочно думать, что Чичиковъ не могъ быть действительно красивъ, или, луч-

ше сказать, пригожь собою, имѣть черты довольно-правильныя, а не одуговатое, совершенно-неприличное лицо. Главная причина такой ошибки заключается въ томъ, что художникъ принялъ въ расчетъ только тѣ мѣста въ поэмѣ, гдѣ говорится о пріятной полнотѣ лица, о круглости подбородка и пріятныхъ формахъ героя, забывая, что, не смотря на вѣкторую дородность, существо, дотакимъ степени энергическое, какъ Чичиковъ, перенесшее столько превратностей и лишений, не могло заплыть до такой степени, какъ оно оказывается на первыхъ изображающихъ его рисункахъ, не сохранивъ въ своей физиономіи какихъ-нибудь слѣдовъ внутренней раны, работавшей въ немъ. Достаточно было принять въ соображеніе, что такое въ сущности *баль-дми*, и какъ на нихъ смотреть! Не болѣе ли было бы глубокаго комизма въ фигурѣ Чичикова, еслибъ онъ былъ гораздо-лучше лицомъ, постройнѣе и поразвѣзѣе въ принимаемыхъ имъ позахъ? Притомъ, допустимъ даже, что Чичиковъ былъ полонъ и некрасивъ, и что наши дамы не только не нашли бы въ немъ чего-нибудь «марсовскаго», но увидѣвъ его, въ одинъ голосъ закричали бы «противный», — допустимъ и такое противорѣчащее повѣствованію положеніе, — все-таки рисунки, на которыхъ изображенъ Чичиковъ, неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что художникъ, думая только о полнотѣ лица рисуемой фигуры, не позволилъ себѣ ни одной черточки для изображенія разныхъ движеній, пробѣгавшихъ по этому лицу при разныхъ обстоятельствахъ... Критическія позы, въ которыхъ находится иногда Чичиковъ, на рисункахъ тоже утрированы. Наприм., когда Новдревъ указываетъ щенка и нагнулъ Чичикова для того, чтобъ онъ пощупалъ щенку носъ и уши, Чичиковъ слишкомъ наклоненъ къ землѣ, представляетъ слишкомъ жалкую фигуру, и даже похоже, будто Новдревъ предварительно далъ ему порядочнаго щелчка. Особенно плохъ Чичиковъ на всѣхъ рисункахъ, изображающихъ его

пребываніе у Новдрова; тутъ практеръ умнаго лица Чичикова рѣшительно утраченъ: играетъ въ шашки, дѣтъ наказанія чубукомъ изъ рукъ Новдрова и вѣрныхъ рабовъ его, и наконецъ убѣгаетъ, — по за спиною напята въ правника — какой-то жалкій толстый, довольно-глупый съ вида и крайне-уклюжий въ движеніяхъ.

Но ни на одной картинкѣ не востредала такъ наружность Чичикова, какъ на картинкѣ номера 47, изображающей то мгновеніе, когда Чичиковъ вприснулъ, потянулъ руни в ноги, и онъ чувствовалъ, что высидѣлъ хорошо; и лежавъ минуты двѣ на спинѣ, онъ щелкнулъ рукою и вспомнилъ съ просіявшимъ лицомъ, что у него теперь было малаго чотыреста душъ. Тутъ же и началъ онъ съ постеляи, прямо, такъ, какъ былъ, надѣлъ сафьянные сапоги и шотландски въ одной короткой рубашкѣ, забывъ свою степеньность и втрѣхъ комнатѣ два прыжка, пришевелъ себя весьма-ловко пяткой нога.

Эта сцена, преисполненная комическимъ-тонкаго комизма у Гоголя, рѣшительно пропала на картинкѣ Корнеліи, толстенькій человекъ, голый, въ почномъ колпакѣ разбѣлся... и того и жди упадетъ на полъ. Лицу Чичикова, вмѣсто тонкаго выраженія довольства и хитрыхъ смужей, придана улыбка честолюбиваго эксцентрической прыжка въ какомъ-нибудь экоссеѣ...

Впрочемъ, должно замѣтить, что въ некоторыхъ рисункахъ физиономія Чичикова передана несравненно-лучше сцены, происходящія у Собакина и Шюшкина, прекрасна: особенно хороша картинка номера 36, изображающая весьма-тонкое объясненіе Чичикова съ Собакевичемъ, когда онъ отстаиваетъ цѣну — по два съ полемъ съ души, не смотря ни на какия возраженія и убѣжденія Собакевича. Лицо Чичикова схвачено прелестью, и если художники въ послѣдующихъ выпускахъ будутъ прилагать къ этому рисунку, то заданіе отъ

играетъ. Какъ хороша поза Чичикава! Какъ вѣрно понялъ художникъ, о человѣкѣ твердый и въ то же время крайне-благоприличный, высказывая что-нибудь не совѣсьмъ-пріятное и густуя себя въ то же время совершенно-правильнѣ, непремѣнно слегка бабанивъ пальцами или дѣлаетъ иное гкое движеніе, стараюсь какъ-бы разжаться и скрыть въ которое внутреннее безпокойство, непремѣнно пробужденное споромъ и неуступкою.

О *Манилова* приведемъ слова само-Гоголя:

«Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой дѣ характеръ Манилова. Есть родъ идей, извѣстныхъ подъ именемъ: люди съ себѣ, ни то ни сѣ, ни въ городѣ Богинѣ, ни въ селѣ Селифанѣ, по словамъ словницы. Можетъ быть, къ нимъ слѣдуетъ прикинуть и Манилова. На взглядъ былъ человѣкъ видный; черты лица были не лишены пріятности, но въ пріятность, казалось, черезъ чуръ было релано сахару; въ приемахъ и оборотахъ было что-то замаскированное расположено и знакомства. Онъ улыбался заманчиво, былъ блочуръ, съ голубыми глазами..... У всякаго есть свой задоръ, но Манилова ничего не было».

Въ арміи онъ считался скромнѣйшимъ, деликатнѣйшимъ и образованнѣйшимъ офицеромъ.

Когда случалось ему замечаться о комъ-нибудь вздоръ, о подвешенномъ дѣ или мостъ черезъ прудъ съ лави и т. п., о дружбѣ и пріятномъ рашеніи, тогда глаза его дѣлались задкими и лицо принимало самое долное выраженіе.

У г. Агана Маниловъ вообще былъ очень-недуренъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ рисунковъ, на которыхъ и это лицо погрѣшаетъ въ отношеніи благообразія, и замѣтно поположеніе въ карриатурѣ. Всего лучше изображенъ Маниловъ въ итѣжной ентѣ съ женою (аумеръ 7-й) и при срѣчѣ съ Чичиковымъ, на пути въ ажданскую палату. Говоря о портретѣ Манилова, нельзя не замѣтить,

Т. Л. — Отд. VI.

что г. Агинъ обладаетъ особеннымъ талантомъ вѣрно схватить тѣ мало-замѣтные положенія человѣка, которые случается принимать каждому въ тѣ минуты, когда хочется быть въ высшей степени приличнымъ и непринужденно-любезнымъ. На многихъ рисункахъ Маниловъ изображенъ въ пол-оборота, иногда и спиной къ сценѣ; но позы его прекрасно выражаютъ желаніе самыми движеніями угодить гостю. Его шалонный сюртукъ и весь домашній костюмъ, чубукъ и шуба «на медвѣдяхъ», все изучено и передано на рисункѣ съ удивительной вѣрностью.

Деревянное лицо *Коробочки* совершенно выражаетъ характеръ «простоглупой старухи», какъ заключили о ней въ концѣ повѣи чиновники города N. Но можно замѣтить художнику, что Коробочка, оказавшись недогадливою и совершенно-глупою въ дѣлѣ о покупкѣ мертвыхъ душъ, въ которомъ и другіе, болѣе-ловкіе люди, дали сильнѣйшія промахъ, — какъ старуха и помѣщица, въ своемъ углу и въ сферѣ своей кропотливой дѣятельности, является ничѣмъ не хуже всякой другой старухи, и поэтому можно было бы сообщить ея лицу больше равнообразія, больше игры въ чертахъ. — Окруженная своими куратниками, тряпьемъ и ввучатами, Коробочка, безъ сомнѣнія, и хлопочетъ, и возгася, и бранится... эти движенія должны бы просвѣчивать въ старческомъ лицѣ ея; — вотъ чего не принялъ въ соображеніе художникъ.

Ноздревъ, у Гоголя, изображенъ чернявымъ, средняго роста и очень-недурно-сложеннымъ молодцомъ: «Свѣтъ онъ былъ, какъ кровь съ молокомъ; зловровье, казалось, такъ и прыскало съ лица его» (стр. 120.)

По врану и по обычаю, онъ принадлежалъ къ людямъ, которые... «называются развитыми малыми, слыгутъ еще въ дѣтствѣ и въ школѣ за хорошихъ товарищей, и при всемъ томъ бываютъ весьма-болѣно поклоачивае-

мы. Въ нихъ лицахъ всегда видно что-то открытое, удалое.

Эти слова еще не давали права живописцу сдѣлать Ноздрева невзрачнымъ и опухшимъ, какъ и является онъ почти на всѣхъ картинкахъ, особенно на тщательно-нарисованномъ портретѣ его въ халатѣ, съ чашкою и трубкою въ рукахъ. Въ этотъ моментъ, по словамъ самого Гоголя «онъ былъ очень-хорошъ для живописца, величественнаго страха господъ прилипающихъ и завитыхъ подобно цирюльничьимъ вывѣскамъ, или выстриженныхъ подъ-гребенку».

Но между царюльной вывѣской и лицомъ, приданнымъ Ноздреву на этой картинкѣ, разстояніе велико. Положимъ, что въ лицѣ этого молодца можно допустить много разбитаго и удалаго, положимъ, что онъ смотритъ отчасти и развратно, но необходимо принять въ соображеніе удивительное здоровье Ноздрева, его крѣпкое сложеніе: слѣды разгула и бессонной ночи не могутъ быть такъ ярки на лицѣ его, какъ на лицѣ человѣка, котораго коснулось разрушеніе отъ чересчуръ-распашной жизни или по природѣ слабого.

На двухъ рисункахъ, впрочемъ, Ноздревъ вышелъ очень-удаченъ: когда онъ играетъ съ Чичиковымъ въ шашки, и въ минугу пріѣзда капитана-исправника. На первомъ превосходно схвачено плутовское выраженіе лица Ноздрева, который передвигаетъ шашку рукавомъ халата; все лицо неможко искривлено, потому-что въ то же время онъ куритъ трубку, и потому держитъ голову въ пол-оборота къ столу. Это одинъ изъ лучшихъ рисунковъ, какъ по сочиненію, такъ и по исполненію. На другомъ рисункѣ очень-недурно изображено смущеніе Ноздрева, которому «иѣстная полиція объявляетъ, что онъ «находится подъ судомъ», какъ замѣшанный «въ исторію, по случаю навесенія помѣщику Максимоу личной обиды розгами «въ пьяномъ видѣ». Онъ видимо поблѣднѣлъ, придерживаетъ нзъ прили-

чій рукою халатъ, и вса фигура его представлена удачно.

Собакевича художникъ неаллгуд другихъ героевъ «Мертвыхъ Душъ». Нигдѣ почти онъ не изображенъ въ рикатурѣ, и этицъ самыцъ много рывааетъ въ сравненія съ другими третями, вовсе-нехуже написанными, но *совсемъ-неправдоподобными*.

Собакевичъ г. Агина дѣйствительно похожъ на «средней величинныи дѣла», и аналогія между этицъ «и-д сформированнымъ лицомъ» в его «уклюжимъ бюро схвачева художника». Ноги его похожи на «тротуныя тумбы», «спина широкая, «и-вятскихъ приземистыхъ лошадей всѣ условія неуклюжести и неволности строго выполнены. Одно и но замѣтить: выраженіе лица Собакевича на нѣкоторыхъ рисункахъ довольно-лукаво, не довольно «на уголь печи, не довольно смелыи».

Что касается до портрета Души на (№ 45) и всѣхъ рисунковъ, на которыхъ онъ изображенъ, то это действительно лучшая часть изданія.

Видно какъ-то, что художникъ особенною любовью задался на портретѣ, что онъ глубоко позналъ, что скудость и какъ сушить, какъ «и-нить она лицо человѣка. На страсть не можетъ такъ долго и сильно господствовать въ чашкѣ какъ скудость. Великая друцъ убьетъ человѣка: ограда, «и-того, бывають долговѣчны. Исполнѣ выражалъ въ своемъ «и-идею скудости во всемъ ея величій. И до такой степени наученъ былъ Плюшкинъ, «и-рѣдное игновеніе, когда «и-га веномилъ о своемъ «и-дѣствѣ, однокорытчатѣ, «и-лѣ гражданской палаты и «и-деревянномъ лицѣ «и-другъ «и-какой-то теплый лучъ, «и-чувство, а какое-то близкое «и-чувства», даже это игновеніе «и-на рисунѣ довольно-«и-рѣе.

Второстепеннымъ лица, «и-важны въ «Мертвыхъ Душахъ».

ражены всё равно удачно. Нельзя не пенять художнику за Селифана и Пешку, которые почти совсѣмъ не напоминаютъ у него того, что говоритъ въ Гоголь.

Селифанъ несравненно-болѣе похъ на ящичка средней-руки, или легковаго извозчика, нежели на бѣснаго человѣка и барскаго кура. *Петрушка* «малый не много сумый на взглядъ, съ очень-крупными бами и носомъ» далеко не такъ вылителенъ и характеренъ, какъ Порій Поздрева, въ которомъ такъ и измѣлась вся низость и униженная гордость человѣка, взрослого подлкой, на побѣгущахъ и въ воанъ съ искимъ щенкомъ.

Фигуры *двухъ мужиковъ*, толкуюхъ о томъ «доѣдетъ ли колесо есб-б случилось въ Москву — и въ Каь», принадлежатъ къ числу тѣхъ унковъ, которыхъ, къ-сожалѣнію, нь мало помѣщено въ изданіи г. вардскаго. Художникъ положилъ го старанія, чтобъ нарисовать ихъ-можно върше: видно, что не разъ сматривался онъ къ мужичкамъ выхъ окладовъ, и одинъ изъ нихъ, юторого борода кляномъ, вышелъ въ-недурень. Рассматривая же обѣ уры, какъ группу, нельзя не замѣь, что въ положеніи ихъ не довольно гматизма и лѣности, которою дыгъ самый ихъ разговоръ.

Чиновники за картами (рис. 5) сриивы со словъ Гоголя какъ-нельзя-вѣе. Всѣхъ лучше вышелъ почт-стеръ, который «взявъ въ руки ты, тотъ же часъ выразилъ на лисвоемъ мыслящую физиономію, грылъ нижнюю губою верхнюю и (ранналъ такое положеніе во всемя игръ». Впрочемъ, чиновниковъ (стоитъ г. Агину изобразить въ ующихъ выпускахъ въ положеніи-болѣе-трудныхъ и драматиче-тъ.

чень понравился намъ *прикащикъ илова*; художникъ внимательно елъ біографію этого господина и глъ къ свѣдѣнію его лѣнивый об-

разъ жизни. Заспанная, неуклюжая фигура его и непринужденная поза какъ-нельзя-лучше объясняютъ свободныя, не слишкомъ-раболѣпныя отношенія крѣпостнаго человѣка къ такому помѣщику, каковъ Маниловъ.

Всѣхъ лучше изъ лицъ второго-порядка показался намъ *Мижусевъ*. Рисунокъ, изображающій его въ ту минуту, когда онъ «нагрузился вдоволь» и «отпрашивался домой лѣнивымъ и вялымъ голосомъ», принадлежитъ къ числу самыхъ удачныхъ во всемъ изданіи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторые рисунки заслуживаютъ особеннаго вниманія по *сочиненію*. Двѣ или три сцены отличаются весьма-полною и строго-обдуманною обстановкой. Къ числу такихъ рисунковъ нельзя не отнести эротическую сцену между Маниловымъ и женою, какъ-нельзя-лучше выражающую слова Гоголя:

«Словомъ они были то, что говорят-ся счастливы.»

«..... весьма-часто сидя на диванѣ, вдругъ совершенно неизвѣстно изъ какихъ причинъ, одинъ оставивши свою трубку, а другая работу... они напечатлѣвали другъ другу такой томный и длинный поцалуй, что въ продолженіи его можно бы легко выкурить маленькую соломенную сигарету.»

Не только фигура жены Манилова, дамы деликатной и пріятной наружности, и Манилова, который, сидя въ креслахъ, пребываетъ въ совершенномъ упоеніи,—всѣ мелочи: убранство комнаты, чубуки, висащія на стѣнѣ сантиментальныя гравюры идилическаго содержания, все показываетъ, что художникъ поваль Гоголя.

Равнымъ образомъ очень-хорошо скомпонованы рисунки, изображающіе разговоръ Поздрева, Чичикова и Мижусева, когда Поздревъ начинаетъ «лить пули», рассказывать небывальщину, а зять пребываетъ твердъ въ своемъ невѣрїи; смотръ щенка, гдѣ всѣ лица, кромѣ Чичикова, прекрасны: азартъ Поздрева, подлострастіе Порфирія и трактирщицы, и наконецъ

Мажуевъ, который давно знает цену и съ тоски пускаетъ въ стороны, для развлечения, кѣльца табачнаго дыма; обѣдъ у Собакевича, и многіе другіе.

Остается пожелать художникамъ полного успѣха въ ихъ трудномъ и почетномъ предпріятіи. Имъ предстоитъ изобразить такія сцены, которыя заставятъ забыть недостатки первыхъ выпусковъ, особенно, если мало-помалу фнзиономіа Чичикова строже опредѣлится въ сознаніи художника, если откажется онъ окончательно отъ манеры карикатурить строго-созданные образы гоголевскихъ героевъ, наберетъ для рисунковъ сцены, наиболѣе-доступныя полнотипажной живописи, помѣститъ поболѣе портретовъ такихъ лицъ, которыя, едва мелькнувъ въ поэмѣ, охарактеризовали цѣлыя группы, и потому заслуживаютъ вниманія и изученія...

И какая богатая канва представляетъ живописцу во второй половинѣ «Мертвыхъ Душъ»! Дѣтство Чичикова, повѣсть о капитанѣ Копейкинѣ, «дорога» (если только художникъ предполагаетъ украсить трудъ свой тремя или четырьмя ландшафтами) и фантастическая «тройка», мчавшаяся въ неизмѣримомъ пространствѣ... Будемъ надѣяться, что сочувствие художника къ Гоголю, его наблюдательность и твердый, бойкій карандашъ подарятъ нашу публику изданіемъ, которое оставитъ по себѣ благодарную память въ кругу людей образованныхъ и живо прививающихъ къ сердцу опытъ молодого таланта, служащаго искусству для искусства.

49) *Полное Собраніе Сочиненій И. Крылова, съ біографіею, написанною П. А. Плетневымъ. Три тома. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. Въ I-мъ томѣ LXLIX и 344, во II-мъ 330, во III-мъ 480 стр.*

Вотъ истинно-драгоценный подарокъ публикѣ, особенно теперь, въ наше бѣдное литературными новостями

время! Вамъ предлагается мною и нашу вѣчно-юный дѣлушка Крыловъ въ прекрасномъ, щегольскомъ изданіи гг. Юнгкейлера и Веймара, съ вольно-подробною біографіею. Тамъ не одинъ только басня, — гдѣ, б ни составляють лишь третью часть «полнаго собранія», куда вошли произведенія Крылова, начиная юнѣйшихъ до позднѣйшихъ, — начиная комедіи «Копейкина», которую самъ авторъ не хотѣлъ видѣть печати, и юмористической драмы «Трумфъ», никогда не представлявшейся къ изданію по другимъ причинамъ.

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Крыловъ началъ писать басни будучи сорока лѣтъ отъ роду, а между темъ онъ выступилъ на литературное прище еще двадцатилѣтнимъ юномъ. Въ-продолженіе двадцати лѣтъ онъ создалъ трагедіи, комедіи, оперы и оперетты, сатирическія статьи для журналовъ, которые самъ издавалъ, драмы театральныя пьесы, оды, пасторали, эпиграммы; словомъ, онъ участвовалъ почти во всѣхъ родахъ литературы, не подбѣрѣвая, что прерывала его баснописцемъ. Неестественно было бы, однакожь, чтобы чуждымъ обнаружившей такую силу таланта и ума въ своихъ неподражаемыхъ стихахъ, цѣлыя двадцать лѣтъ онъ создалъ ничего замѣчательнаго въ родахъ, которые не были его сильными и главными направлениями таланта. Въ-самомъ-дѣлѣ, мы знаемъ, что онъ отъ двадцати до сорока лѣтъ выступалъ изъ черты юности. Особенно комедіи его замѣчательны, въ которыхъ съ успѣхомъ восторженно называются мѣста, запечатлѣнные оригинальнымъ талантомъ, и въ-послѣдствіи нашлись собою въ выраженіи въ басняхъ. Не имѣя произведеній первой эпохи литературной дѣятельности, не имѣя дать преимуществъ его «Баснямъ Рѣчамъ», въ которыхъ, какъ и во всемъ шутки, съ удивительными

и злостью высказывалъ онъ свой взглядъ на современное ему общество. Хвальный рѣчь моему дѣлушкѣ можетъ быть названа образцовымъ повведеніемъ въ своемъ родѣ.

Статья о жизни и сочиненіяхъ Крылова, написанная г. Плетневымъ, любуясь по множеству характеристическихъ фактовъ, относящихся къ исторіи русской литературы и русскаго шества.

Въ послѣдствіи мы надѣемся поговорить подробнѣе о литературной дѣятельности нашего великаго баснописца; а между-тѣмъ совѣтуемъ поскорѣе очестъ всѣ три части Крылова отъ ски до доски: въ нихъ столько ума галанта, сколько не представлять вамъ блестящія года русской литературы.

50) Опыты въ стихахъ И. Бардинскаго. *Тетрадь первая. Санктпетербургъ. 1846. Въ тѣх. III Отд. Собств. П. В. Канцелярн. Въ 4-ю д. л. 48 р.*

Какъ жаль, что у сочинителей вътъ вѣча издавать свой первый литературный опытъ съ приложеніемъ къ краткой автобіографіи, въ которой горь откровенно сознавался бы читателямъ, что онъ за человѣкъ, чему онъ вѣлся, какъ вздумалъ принятъ за гратуру, сколько ему лѣтъ отъ роу и т. п. По-крайней-мѣрѣ, для критики это было бы чрезвычайно удобно: строгость и свисходительность ея ли бы несравненно-основательнѣе. ворятъ, что личность автора необходимо выражается въ его произведехъ: такъ! да личности-то бываютъ огла до того обманчивы, что, судя овѣка по его литературнымъ трудъ, какъ-разъ пожилаго пріймешь за юка, а отрока за неудавшагося му, и т. д. — Странно! вѣдь любить же пода стихотворцы рассказывать о нихъ-себѣ и рассказываютъ иногда нѣ-подробно, да все это — такимъ опредѣленнымъ, мутнымъ языкомъ, притомъ такъ однообразно, что лучбы ужъ ничего не говорили.

Что сказать, на-примѣръ, о г-нѣ И.

Бардинскомъ, не зная его какъ человѣка и зная только какъ автора. Опытовъ въ стихахъ. Въ опытахъ его проглядываетъ маленькое достоинство — умѣнье довольно-легко и живо нарисовать картинку; за то есть и огромные недостатки — совершенная ничтожность содержанія и слабость разводить удачныя изображенія цѣлыми ушатами реторикн и размышленіями о пустякахъ. Къ этому присоединяется слншкомъ-неперемонное обхожденіе съ русскимъ языкомъ и самое непріятное смѣшиваніе простонароднаго языка съ книжнымъ. Можетъ-быть, все это извиняется молодостью автора; а можетъ-быть и не извиняется. Не знаемъ, право, какъ быть. . Постараемся лучше поближе ознакомить читателей съ самими «Опытами» и слать эту книжку на собственный ихъ судъ.

Опытъ въ первой, нынѣ вышедшей тетради, всего-на-все два. Одинъ называется «Варюша», другой — «Деревенскій Мечтатель». Вотъ содержаніе «Варюши».

Гл. I.—Дѣвшннкѣ Варюша выходитъ замужъ за Ванюшу. На дѣвшннкѣ, въ тогъ патетическій моментъ всеобщаго удовольствія, когда

Подъисходъ сама невѣста
Съ женихомъ плясать пошла;
Той порой въ разгульной хатѣ,
Подъ удалый пѣсни хоръ,
Съ изукрашенныхъ палатей
Оземъ грянулся топоръ.
Повскакали гости въ страхъ...
Каждый дрогнулъ на путемъ.
«Не къ добру!» — шепнула свахѣ.
«Не къ добру!» — пошло кругомъ. (Стр. 10 — 11).

Въ этомъ паденіи топора съ палатей и «заклнчается нить завязки романа».

Гл. II.—Нквѣста. Варюша жалуется добрымъ людямъ, что женихъ ея пропалъ безъ вѣсти:

Ужъ ждала я дни и ночи,
Не вернется ли съ гульбы?

И проплакала всё очи,
Промолила всё мольбы, — и т. д. (Стр.
13).

*Гл. III.—Женихъ. Довольно-удач-
ная картина глухаго дѣса, испорчен-
ная риторическими разглагольствова-
ніями въ родѣ слѣдующей:*

Суждено тутъ глѣть величью
Въ сиротствѣ глухой судьбы.

Въ дремучемъ дѣсу лежитъ трупъ
Ванюши, а подлѣ трупа вѣрная собака
убитаго дѣтины. По поводу этого пса
г. Бартадинскій написалъ нѣсколько
стиховъ, которые, по нашему мнѣнію,
лучшіе во всей тетради:

И не сводитъ песь тревожно
Взоръ съ блѣднаго лица.
То подступитъ осторожно,
Тронетъ лапой мертвеца...
То почувъ шорохъ дальный,
Съ громкимъ лаемъ отбѣжитъ...
То воротится, печальный,
И тоскливо завизжитъ.
И потомъ, склонясь съ любовью
Къ трупу сморщеннымъ челомъ,
Рапы облиты кровью,
Лижетъ влажнымъ языкомъ... (Стр. 21
— 22).

*Гл. IV. — Сиротка. Въ одну пре-
красную ночь, г. Бартадинскій, путе-
шествуя въ предѣлахъ отечества, оста-
новился на какой-то станціи и дре-
малъ*

На тележѣ перелетной.

Что окружало его въ это время и
макин глазами смотрѣлъ онъ на спав-
шую вокругъ него природу — это раз-
скажетъ вамъ самъ поэтъ, и расска-
жетъ очень-недурно:

Полночь. Глухо по кладбищу;
Стихъ далекаго сельскій шумъ;
Соловьи уже не свистутъ;
Лѣсъ безмолвенъ и угрюмъ.
Разметавшись въ сонномъ ложѣ,
Спать и озера струи.
Мѣсяцъ тусклый, на сторожѣ,
Въ нихъ вперилъ глаза свои.
Прокинулъ я путь и скуку,

Ночи душею тишину,
Безотрадную разлуку,
Встрѣчь немилыхъ низину.
Мнѣ досадно стало, въ горѣ,
Что надутая луна
Смотритъ въ воду, на просторѣ,
Безъ усталости и сна.
И сердился, какъ ребенокъ;
Свѣтъ у яра на мысу,
Свѣсилъ ноги до колымаекъ,
И качалъ ихъ на вѣсу...

Долго качалъ нашъ поэтъ свои
и ги, долго предавался онъ блажен-
ному упоенію поэтической лѣни... Вдаль
слышитъ онъ на кладбищѣ жалобны
мелодическій голосъ... Г. Бартадинскій
вслушивается, перестаетъ качать
вѣсу ноги и слышитъ слѣдующую
сню:

Ахъ не мать сына въ бѣлы руки
Не родная челенами ушла,
Забаякала въ пѣвучую реку,
Уложила въ теплу лодку во воду.
Одолѣла злая смерть его бѣды,
Изокутала во саванѣ гробовой,
Забаякала болочкою тоской,
Подождала спать во мать земли...

Я бы молвила родиной: «Некаждъ
«Лучше молодца ты дѣвухи
«Ты его во теплу лодку во воду
«На вѣчную постель его пусти!
«Я его косою дѣвчьею обнеси,
«Я его у буйной груди усыли...
«Разбужу-то, рано утромъ
«Недѣвчьи поцѣлуемъ...

А могила что, сиротка, я скажу
Развѣ тутъ къ кресту голову
Да ударюсь бѣлою грудью
Да, рыдая, мила друга назову.
Возою я: «разстунисъ сироту
«Мнѣ, молодой, любя постелити
«Скоротай ты вдовью дѣвчю
«Положи меня со малымъ...

Вмѣсто того, чтобъ остановиться
этой удачной пѣсенкѣ, г. Бартадинскій
пускается въ наивныя разсужденія
слѣдующаго достоинства:

Такъ-то простъ языкъ народный,
Задушевный плачь тоски!
Святъ и звученъ токъ свободный
Слезъ и ропоту(а) рѣки.

Но въ сѣдыхъ кудряхъ удалый,
Русской рѣчью голосистъ,
Гутъ не те бы снѣлъ, бывало,
Внѣшій дѣдушка, Канинъ!

Второй опытъ г. Бардинскаго называется «Деревенскій Мечтатель». Юска эта заключаетъ въ себѣ мечты челаго парня о сватовствѣ. Нѣкоторыя строфы можно назвать удачнѣею подаѣлкой подъ простонародный языкъ; но очень часто деревенскому рню авторъ навязываетъ не только ява, но и дѣлыя понятія, рѣшительнедоступныя мужицкому разумѣю, на-прим. :

Отслужу годами — службою,
Какъ Іаковъ за Рахиль!..»

31) Зимняя Дорога. (*Licentia poetæ*). Сочиненіе И. Аксакова. Москва. тип. Н. Степанова. 1846. Въ 8-ю д. 32 стр.

Двое молодыхъ людей—Ящеринъ и Архиповъ ѣдутъ изъ Москвы, какъ жетса, за нѣсколько сотъ верстъ на енныя одного помѣщика, родственна Ящерина. (Эте еще дѣлается въ кивѣ.) Ящеринъ почти всю дорогу итъ, а Архиповъ мечтаетъ и размышляетъ вслухъ стихами. Ящеринъ, какъ-ся, не высокаго мнѣнія о мечтахъ измушленіяхъ вообще, и въ-особенсти о тѣхъ, которымъ предается его утникъ. За то авторъ «Зимней Доро-» видимо не любитъ его и мало имъ ииаетса; сосредоточивая всю свою платію на Архиповѣ. Вниматель-ть его къ этому юношѣ такъ сильна ѣжна, что мы подозреваемъ—нѣтъ тутъ авторской хитрости, и ужъ не того ли себя изобразилъ авторъ въ цѣ московскаго мечтателя. Притомъ мечтаетъ и размышляетъ Архиповъ акихъ предметахъ, которые, какъ ино, очень-близки сердцу автора, е. о русской народности, о добродѣ-ляхъ русскаго мужика, о будущей льбѣ Россіи, о преестяхъ русскаго ейпаго быта и т. п. Въ началѣ пье-, когда еще Ящеринъ не спитъ, ме-у нимъ и его спутникомъ завязыва-

етса довольно-живой разговоръ, изъ которато тотчасъ видно, что онъ Яще-ринъ—просто порядочный человекъ, а Архиповъ отчаянный славянофилъ. Въ монологахъ мечтателя есть такія замѣчательныя выраженія славяно-фильскаго задора, что мы рѣшаемся выписать кое-что изъ разговора мо-сковскихъ молодыхъ людей.

Архиповъ.

..... Какъ радъ я, Боже мой,
..... Что отъ искусственной, условной жизни
нашей,
Могу прибѣжище, свободѣе и краше,
Найти въ природѣ Русской и простой!
Ящеринъ.

Фантазируешь ты не худо,
Да я не фантазеръ. Хоть самъ люблю
порой
Природу и стихи; но занятъ я покуда
Все той же думою одной.
Я далѣе тебя несусь своей душою,
Скажу тебѣ здѣсь кстати вновь, —
Я не съ одной хочу сочувствовать стра-
ною, —

Во мнѣ пространство любви!
Природой Русскою и Русскимъ человекъ-
комъ
Нельзя, повѣрь, довольнымъ быть,
Тому, кто вслѣдъ идетъ за просвѣщен-
нымъ вѣкомъ!

Архиповъ.

Мы любимъ жить чужимъ умомъ,
Свое чужимъ архивомъ иѣрить
И пировать въ миру чужомъ;
Кому неужны мы, — о томъ
И хлопотать и лицемѣрить!

Но если въ комъ не даромъ кровь
Волнуетъ пылокое стремление,
Зоветъ пространная любовь,
Чтобъ угнетаемому — вновь
Воздать все прежнее значенье, —

Такъ чѣмъ гладѣть по сторонамъ,
Въ чужомъ пару искать похмѣлья,
И по проложеннымъ тропамъ,
Идти во слѣдъ чужимъ стопамъ,
Ковать ненужныя издѣлья, —

Пусть пелену съ себя сорветъ,
Пусть ближе ошъ допустить къ сердцу,
Что отзывъ въ мему родной найдетъ,
Что чужестранецъ не пойметъ,
Что будетъ дико иосторцу!

Пусть окъ почувствуетъ въ себѣ
Всю святость узъ своихъ къ народу...
По не проложеннымъ слѣдамъ,
Не по стопамъ чужимъ и узкимъ,
Народъ, въ развитіи своемъ,
Пойдетъ, повѣрь, инымъ путемъ,
Самостоятельнымъ и Русскимъ!

Услышь, Господь, усердный зовъ:
Чтобъ самобытное начало
Своихъ разсѣло враговъ,
И нго нравственныхъ оковъ
Съ себя презрѣнное сорвало! (Стр. 7—9).

Выслушавъ два—три такіе монолога, Ящерица засыпаетъ, а Архиповъ впадаетъ въ дремотное раздумье. Передъ нимъ, въ неопредѣленныхъ, смутныхъ образахъ носятся его собственные, разнообразныя думы и слышится ему ихъ звучный шопотъ. (стр. 12). Одинъ изъ этихъ голосовъ, кажется, всѣхъ сильнѣе подѣйствовалъ на Архипова, именно тотъ, который совѣтовалъ ему не предаваться бесплоднымъ мечтамъ, разстивающимъ всѣ нравственныя силы человѣка, и обратиться къ міру дѣйствительному.

Наконецъ, путешественники прѣзжаютъ на станцію. Присмотрѣвшись въ полчаса къ дѣйствительности въ грязной набѣ, набитой неопрятными мужиками, Архиповъ объявляетъ Ящерицу о своемъ рѣшительномъ настрѣивіи бросить всякія мечты и отвлеченности. Тѣмъ и кончается лиценція г. Аксакова.

52) Талисманъ или Кавказъ, въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Екатерины II. Историческій романъ въ двухъ частяхъ. Соч. Платона Зубова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣхъ. Е. Фишера. Въ 8-ю д. л. 144 стр.

Г. Платонъ Зубовъ назвалъ свой «Талисманъ» историческимъ романомъ, но имѣлъ полное право назвать его романомъ историко-философскимъ. Въ этомъ произведеніи разнообразнаго таланта, поэзія, исторія и философія соединяются самымъ тѣснымъ образомъ и производятъ на читателя самый полный, самый очаровательный эффектъ.

Но, чтобъ передать всю силу такого впечатлѣнія, надо самому имѣть тройнымъ оружіемъ поэта, историка философа такъ, какъ владѣть имъ Платонъ Зубовъ: никакаго романса! передать ни высокой художественности его картинъ, ни замѣчательности сообщаемыхъ имъ историческихъ подробностей, ни глубокомыслия его философскихъ положеній. Что истинно собственно до насъ, мы постараемся передать читателямъ въ возможной прикосновенности будетъ всѣмъ талантовъ автора. Талисманъ и такъ посредствомъ выписокъ надѣюсь ознакомить ихъ съ сущностью истинной философіи и исторіи г. Зубова.

Романъ начинается великолѣпной картиной кавказской природы:

«Сильный, порывистый вѣтеръ свистѣлъ въ Кавказскомъ ущельи, на котораго не пролегалъ военно-грузинскій Темныя облака, гонимые(а) вихря, грозно скопалались надъ мраморную гору. Солнце то скрывалось и тутъ вдругъ появлялось и разсыпало искры по недвижнымъ ущельи. Буря жужжала съ ужасающею быстротою. Уже начинали бородавить небо и перекаты грома вторились эхомъ. Одна только бѣлая конусообразная гора на Кавбѣ спокойно рисовалась въ голубомъ грунтѣ. Буря саживала ее подошвы, обгнала ребра, и гиганта владычествовала надъ нею нескѣпшими коснуться ледяныя вѣтры. Такъ убитый слонами, медвѣдями, собои распекушило смотритъ на человеческихъ страстей, выходящихъ изъ него, но не дерзающихъ возмутить наю чела.» (Стр. 1—2.)

По этому грозному ущелью два всадника— грузинскій князь севанъ Амилхваровъ, персидскій пераза Гудовича, начальника русскаго войска на Кавказѣ; посланный имъ Ираклію съ русскими казаками. Буря встала и новится на ночлегъ у кайшаура владѣтеля, князя Бектабегова. на Кайшауръ нападаютъ горы.

одитель ихъ убиваетъ самого князя, а остальные погибають въ свалкѣ съ авашана.

«Изъ двадцати Горцевъ, ворвавшихся въ жилище Бектабегова, только одинъ молодой, отчаянный храбрецъ еще дышалъ, прочие же были уже мертвы». (Стр. 2.) «Перевязавъ раны козаковъ и князя, докторъ подошелъ къ молодому горцу, отя и съ видимымъ отвращеніемъ, но ступая настоятельной прозвѣ князя, который по благородству своихъ чувствъ, важалъ храбрость и мужество, хотя и въ противникахъ и шадилъ безоружнаго врага.

«Храбрый горецъ лежалъ все еще безъ чувствъ. Прекрасное, выразительное лице его было покрыто мертвеною блѣдностью; вѣжныя черты лица, длинные волосы, выбивавшіеся изъ-подъ шапки черныхъ мушкетъ и падавшіе въ локонахъ на плеча, роскошныя рѣсницы, вѣжныя и красивыя руки, все заставляло полагать, что онъ былъ изъ числа владѣтельныхъ князей. Но никто не думалъ, чтобъ этотъ отчаянный храбрецъ, этотъ неустрашимый предводитель партии хищниковъ — была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова.» (Стр. 23—24).

«Князь Амилахваровъ съ восхищеніемъ разсматривалъ прелестныя черты юной героини. Какое-то неопостижимое чувство нараждалось въ его дѣйственной душѣ. Онъ не могъ отдать себѣ отчета въ таинственномъ влеченіи и сильномъ участіи, которыми чувствовалъ къ прекрасной жигельницѣ горѣ.» (Стр. 28).

Выздоровленіе Гюльвары шло быстро. Амилахваровъ не сводилъ съ нея глазъ, и Гюльнара съ своей стороны, упорно смотрѣла на князя. «Князь и Гюльнара», говоритъ г. Зубовъ: «соединенные такимъ необыкновеннымъ случаемъ, хотя еще не говорили между собою ни слова, вполне понимали другъ друга» (стр. 29). «Къ чему звуки философовъ? онъ повѣтому случаю: когда выраженія глазъ такъ понятны и такъ удовлетворительно разъясняютъ наши чувства (?). Вотъ тотъ всемірный языкъ, котораго тщетно доискивался великій Лейбницъ» (стр. 30).

Оправясь отъ болѣзни, Гюльнара объяснила, что она увидѣла князя Бектабе-

гова, исполняя долгъ кровной мести. Амилахваровъ везетъ ее съ собою въ Тифлисъ, гдѣ царь Ираклій прощаетъ хищнику. Гюльнара принимаетъ христіанскую вѣру и выходитъ замужъ за князя Гарсевана. Молодые супруги блаженствуютъ, — какъ друзья, въ одно прекрасное утро, Амилахварова отправляютъ съ депешами въ Петербургъ, чѣмъ и кончается первая часть романа.

Въ Петербургѣ грузинскій князь за-бываетъ Елену (въ мухаммеданствѣ Гюльнара) и влюбляется въ которую графиню Александрину, которую спасъ случайно отъ утопленія въ пруду, и которая, по свидѣтельству г. Платона Зубова, представляла собою олицетворенный идеалъ прелести и совершенства, какой могъ родиться только въ пылкомъ воображеніи художника-генія» (стр. 19). Александрина съ своей стороны влюбилась въ Амилахварова и раскрыла предъ его глазами цѣлый миръ новыхъ идей, райскую перспективу душевныхъ наслажденій и осуществила тутъ великолѣпный идеалъ, который часто представлялся разгоряченному воображенію Амилахварова, въ минуты пылкихъ, неопредѣленныхъ мечтаній» (стр. 21). Князь Гарсеванъ забывалъ весь миръ, всѣ свои отношенія, все благоразуміе и закрывъ глаза на будущее бросался стремглавъ въ этотъ океанъ безнадежной любви и страданія, кося водовороты увлекающаго своимъ несчастнымъ жертвы въ бездонныя пучины вечную гибель» (стр. 22).

Для любовниковъ дошли наконецъ до рѣшительнаго призванія, и Амилахваровъ признался Александринѣ, что онъ женатъ. Послѣ такого пассажа, онъ пересталъ ѣздить въ домъ графини, и только, передъ отъѣздомъ въ Грузію, явился проститься съ возлюбленной. Александрина дала ему на память кольцо и записку, не совсѣмъ грамотную, но весьма-трогательнаго содержанія:

«Въ ту минуту, когда такъ неожиданно судьба разлучаетъ насъ, можетъ быть не-

всегда (,) и поняла (,) сколько вы дороги для моего сердца, необходимыми для моего счастья. Я бы никогда не сказала вамъ этого, если бы не предчувствіе, что мы уже болѣе не увидимся. Храните *эту* залогъ любви и дружбы, *которой* вамъ вручаю, (:) да будетъ онъ талисманомъ, *который* защититъ васъ во дни опасностей. Мы никогда не можемъ принадлежать другъ другу. Покоримся долгу и сохранимъ собственное уваженіе, какъ бы *в(н)* были тяжки жертвы, нами приносимыя. Я буду за васъ молиться какъ за брата и спасителя моей жизни.» (Стр. 43—44).

Князь Амилахваровъ зашилъ кольцо в записку въ ладонку, повѣсилъ ладонку на грудь и поѣхалъ в Грузію. Тысячи противоположныхъ ощущеній давили, тѣснили грудь его. (стр. 45).

Тифлисъ разграбленъ Персіянами. Елена въ плѣну. Однакожъ, Амилахваровъ находитъ ее въ гаремѣ одного паши и освобождаетъ. Суруги снова живутъ, по-видимому, прекрасно. Но мало-помалу Елена замѣчаетъ въ мужѣ сильную задумчивость. Это подстрекуло ее любопытство. Однажды удалось ей замѣтить, что князь, удалившись въ уединеніе, снимаетъ съ груди ладонку и цалуетъ ее. Она похищаетъ ладонку, разрѣзываетъ ее, видитъ кольцо, узнаетъ содержаніе записки.

«Въ бѣшенствѣ Елена приближалась къ спящему Амилахварову, нѣсколько минутъ смотрѣла на его привлекательное лице. Онъ улыбнулся во снѣ и Елена подумала: «О! онъ и во снѣ думаетъ о своей любезней... *дорогой!*...»

«Ослѣпленная ревностью, Елена схватила пистолетъ, зарядила его и опустила вѣстѣ съ пулею записку и кольцо Александрины въ дуло пистолета, сказала съ адскою улыбкой: «Пусть этотъ подарокъ ненавистной соперницы на вѣки поконится въ его сердцѣ.»

«Раздался выстрѣлъ, но по счастью рука убійцы дрожала и пуля вѣсто груди Амилахварова, куда была направлена, впиалась въ стволъ дерева, подъ которымъ онъ спалъ. Елена это замѣтила.

«Неудалось, вскрикнула она въ ярости, но не радуйтесь моей казни—вамъ не видать ее!». Еще на одно мгновеніе блеснула

книжка въ рукѣ ея и она упала на землю, обгаренная кровью...» (Стр. 46—47)

«Жаль, душевно жаль! сказалъ графъ Зубовъ (узнавъ о самоубійствѣ Елены, что въ такой прекрасной странѣ, какъ Закавказскій край, страсти не удерживаемы въ предѣлахъ благодѣлкіи и основательными воспитаніемъ, такъ жестоко увлекаютъ въ бездну тьмы счастливыхъ жертвы.»

«Это была истина, великая истина, прибавляетъ отъ себя авторъ историко-философскаго романа.

Ознакомясь съ букетомъ новіи философіи г. Платона Зубова, читателю вѣроятно, пожелають ознакомиться съ красотами его историческаго романа. Вотъ кое-что для образчика:

«... Дербентъ, стѣсненный со стороны грозною блокадою, находился въ критическомъ положеніи. Народъ ропталъ, войска потеряли духъ и союзники ежеминутно ожидали кары раздраженнаго побѣдителя, неотомо содѣйствовали по плану.»

«Наконецъ 2-го Маія, графъ Зубовъ приказалъ двумъ ротамъ Гренадерскаго Воронежскаго полка и 3-му батальону егерей Кавказскаго корпуса двинуться на штурмъ башни, составлявшей главнѣйшую оборону Дербентской стѣны. После того какъ штурма три часа продолжались, не смотря на отчаянное сопротивленіе, пріятеля башня была взята. Въ слѣдующіе два дни (я) двѣ брешь-батареи были приближены на сорокъ сажень къ Дербентской стѣнѣ и пробита брешь. Это видя невозможность защищаться, заставили хана открыть переговоры. Тогда графъ Зубовъ потребовалъ беззастѣнливой покорности, то ханъ со всѣми войсками явился 10 Маія къ Русскому начальнику съ поздравленіемъ и подаркомъ саблями въ знакъ раскаянія и покорности, предавая себя и городъ въ руки побѣдителя.»

Цѣлая половина романа написана такими же обстоятельными реляціями. Замѣчательно, что г. Платонъ Зубовъ очень-часто влагаетъ такіа гирлянды уста своихъ героевъ. Такъ, въ первой части, въ самомъ началѣ

иляз Амилахваровъ, проѣзжая кавказское ущелье, вкратцѣ разсказалъ путнику своему, доктору, почти всю политическую исторію Грузіи, и разсказалъ точно такимъ же языкомъ, какою употребляетъ самъ г. Зубовъ въ своихъ реляціяхъ и какииъ блистала некогда исторія Кайдакова. Вотъ, напримеръ, что между прочимъ долженъ былъ выслушать докторъ:

«... Горсть народа не можетъ противиться громаднымъ силамъ соединеннымъ державъ. Честь и слава нашему великому Государю Ираклію Теймуразовичу. Закаевный въ битвахъ, котораго (?) уважалъ Шахъ Надиръ, Царь нашъ своимъ ливнемъ поставилъ Грузію въ такое положение, что сосѣди не всегда рѣшаются безнаказанно нападать на насъ. А всего жиде, что онъ сбросилъ тягостное иго Персін, столько лѣтъ тяготншѣ(е) Грузію и вступилъ со всѣмъ народомъ подъ лаготворное покровительство Екатерины I. Теперь Турція, Персія и Горцы, зная, то Грузія можетъ опереться на защиту югущенственной, единовѣрной Россіи, понаприваютъ на Грузію только издали какъ голодный волкъ на лакомую добычу, которую схватить не смѣетъ, и только съ осады шелкаетъ зубами. Ты вѣрно слышалъ о трактатѣ 1783 года, заключенномъ съ Георгіевскѣмъ Генераломъ Павломъ Серѣвичемъ Потемкинмъ, по порученію Русской Императрицы съ уполномоченными нашего Царя — Княземъ Багратиономъ и Княземъ Чаичвадзе...»

«Воиъ въ тебѣ, Клязы! ты не имлешь о мнѣ ни малѣйшей жалостнмъ подквалъ медикъ...» (Стр. 8).

53) Донъ Жуанъ. Поэма Лорда Байрона. Переводъ Н. Жандра. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 89 стр.

Послѣ Шекспира и Данте, всѣхъ рудиѣ переводить Байрона, хотя въ, какъ ларическій поэтъ, ва видѣается легкимъ; изо всѣхъ произведеній Байрона, самое трудное «Донъ-Жуанъ», эта неподражаемо-умная, граціозная, страстная и насмѣшливая эпопея. Чтобъ взяться за переводъ «Донъ-Жуана», нужна не одна смѣлость, — а у Жандра, кромѣ смѣлости, смѣлости есна-значительной ничего не оказы-

вается. И въ-самомъ-дѣлѣ: человекъ мѣше-отважный никогда не рѣшился бы напечатать такой переводъ; онъ вспомнилъ бы, что ему не достаеъ самыхъ первоначальныхъ понатій остихотворствъ; что «октава» не живая, не бойкая и не легкая, — невыносима, какъ неудачная рулада; что, наконецъ, онъ подвергается опасности быть приняну передъ всѣмъ читающимъ міромъ авторомъ слѣдующихъ стиховъ:

«Верновъ, и Кумберландъ Иасникъ,
Вольфъ, Гакъ,
Принцъ Фердинандъ, Грѣнби, Вургонъ,
Гѣу, Копѣль,
Добронъ плъ зломъ пвѣстимъ такъ мав
сикъ,
И въ дни свои, какъ мнѣ Велеслей,
За славою гнался, точно такъ,
Какъ деватеро за свиной дѣтей» (см. стр. 9).

Притомъ, г. переводчикъ забылъ одно важное правило, которое, между-прочимъ, находится во всѣхъ кухонныхъ книгахъ: «чтобъ сдѣлать сотѣ изъ зайца, во всемъ зайца... и пр.»; чтобъ переволтъ съ какого-нибудь языка, надобно знать этотъ языкъ... и проч. Къ счастью, г. Жандръ перевелъ только первую пьесу байронова «Донъ-Жуана».

54) Іезуитъ. Характеристическая картина изъ первой четверти восемнадцатаго столѣтія. Соч. К. Шпиндлера. Въ трехъ частяхъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе П. И. Мартынова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Карла Крайя. Въ 8-ю д. л. 414 стр.

Читатели переводныхъ романовъ вѣроятно помнятъ романъ Шпиндлера «Еврей», какъ удачную попытку изобразить частную жизнь въ Германіи въ средніе вѣка. Это пріятное воспоминаніе, вѣроятно, расположить ихъ къ благосклонному пріему «Іезуита». По самой задачѣ своей, изображеніе восемнадцатаго столѣтія не уступить внимательностью изображенію четвертаго столѣтія. Къ-тому жъ в герой романа взятъ изъ такихъ людей, которыми интересуется весь читающій міръ. Принявъ въ соображеніе всѣ эти весело-улыбающіяся обстоятельства, г

Мартыновъ напечаталъ довольно-опытно весьма-посредственный переводъ характеристической картины изъ первой четверти восемнадцатаго столѣтія, и за два рубля серебромъ покупателя Шонидлера могутъ украсить свою бібліотеку тремя томками новаго издѣлія беллетристической промышленности. Чтобъ ознакомить ихъ напередъ съ этимъ приобрѣтеніемъ, мы принимаемъ на себя обязанность разсказать содержаніе романа.

Въ германскомъ имперскомъ и вольномъ городѣ, который полнравуѣваетъ, но не называетъ расказшикъ, въ первой четверти восемнадцатаго столѣтія жилъ сенаторъ Мюссингеръ съ глухой и сварливой женой, фрау Якобиной, и съ прекрасной дочерью, фрейлейнъ Юстиной. Сенаторъ занимается торговыми спекуляціями, сенаторша ѣстъ за четверыхъ, спитъ за столыкихъ же и въ остальное время ворчитъ на мужа; сенаторская дочь ждетъ изъ Нью-Йорка жениха, сына богатаго купца Биршерра, и обучается англійскому языку у одного изгнаннаго изъ отечества молодого баронета Джемса, который имѣетъ непростительную слабость говорить высокимъ слогомъ. Этимъ слогомъ расказываетъ онъ своей ученицѣ о прелестяхъ американской природы, и въ расказѣ его попадаются между прочимъ слѣдующія прекрасныя вещи, выхваченныя изъ хрестоматій:

« . . . Тогда лѣсъ уже не безмолвенъ: онъ говоритъ милліонами языковъ, и этотъ шумъ, колыханіе, скрипъ и трескъ вѣтвей и вершинъ заставляютъ вибрировать человѣка. Медвѣди и волки перебѣгаютъ дорогу, бѣгутъ рядомъ съ путешественниками, и ни тѣ ни другіе въ бурю не помышляютъ о враждѣ и борьбѣ. Раскаты грома, блескъ молній, довершаютъ излчные ужасы, которые насъ потрясаютъ и возвышаютъ, но также небесные светила озаряютъ намъ и шажину, которая насъ гостеприимно укрываетъ и на мѣстомъ ложъ которой мы покойно проводимъ во снѣгъ время непогоды.» (Ч. I, стр. 23).

Между-тѣмъ, какъ Юстина восхищается риторическими выходками

Джемса, сенаторъ Мюссингеръ занятъ своими торговыми дѣла нечестными спекуляціями и приближается къ банкротству. Главный кредиторъ его, фан-ден-Гёкенъ, прѣзжаетъ къ нему изъ Амстердама за вполученіемъ долга. Когда наступала минута рѣшительнаго объясненія заимствованнаго должникомъ, сенаторъ вынулъ изъ стола зараженный пистолетъ съ намереніемъ лишить себя жизни, если фан-ден-Гёкенъ не согласится на отсрочку платежа. Амстердамскій купецъ такъ испугался пистолета, что ушелъ безъ чувствъ на полъ и умеръ. Мюссингеръ бросился къ нему на помощь, и тѣмъ развязать ему галстухъ, но въ ропахъ затанулъ его еще крѣпче. В это время въ кабинетъ, въ которомъ развѣтралась страшная сцена, вошелъ прикащикъ Мюссингера, Поттманъ, влюбленный въ Юстину и ищущій руки; онъ видитъ трущ фан-ден-Гёкена, замѣчаетъ, что галстухъ запертъ на шеѣ покойника, видитъ и пистолетъ, валяющійся на полу. — Все это очень-плохо для сенатора, потому что конторщикъ можетъ обвинить его въ убійствѣ фан-ден-Гёкена. Къ счастью страшнаго скюриза, Мюссингеръ узнаетъ по векселямъ покойника, что это былъ не фан-ден-Гёкенъ изъ Амстердама, а Виршеръ изъ Нью-Йорка, отецъ жениха Юстины. Сенаторъ въ отчаяніи рѣшается бѣжать изъ дома и утопиться; но какой-то несчастный ему господинъ кроткой наружности останавливаетъ и уговариваетъ его въ-время. Мюссингеръ возвращается домой; тамъ встрѣчаетъ его несомненное счастье: ему достается самый большой выигрышъ гамбургской лотереи, и всѣ должники соглашаются на отсрочку долговъ. Человѣкъ, удерживающій его отъ самоубійства, также приноситъ ему денегъ отъ лица несчастнаго, которое называетъ онъ своимъ любимымъ. Это человѣкъ, любящее существо — не что иное, какъ южнорусскій орденъ, а господинъ кроткой наружности — одинъ изъ его членовъ, называющій себя докторомъ Лейбманомъ.

окторъ Лейпольдъ и есть герой романа.

Изъ разговоръ съ иезуитомъ, Мюссингеръ узнаётъ, что вѣкогда онъ учился вѣстѣ съ нимъ въ какомъ-то иезуитскомъ коллегіумѣ, что онъ, Мюссингеръ, влюбился въ то время въ сестру октора, Клару, которую и обманулъ юдѣйшимъ образомъ. Докторъ пользуется этимъ деликатнымъ обстоятельствомъ, пробуждаетъ въ сенаторѣ софистическими страницами чрезвычайной — скучныхъ увѣщаний и уговариваетъ пристать къ иезуитамъ.

Между тѣмъ, Джемсъ, который, скажемъ мимоходомъ, есть ученикъ Лейпольда, готовящійся въ иезуиты, — Джемсъ дѣйствуетъ для пользы ордена Юстиниу, питая къ ней въ то же время отчаянную страсть. Чтобы услужить иезуитамъ, онъ знакомитъ Фрейлейхъ Мюссингеръ съ ловкой Француженкой Лене, находящейся въ службѣ ордена, и обманомъ заставляетъ ее любиться сѣнокосѣнцемъ католическаго богослуженія; а чтобы привести къ благополучному концу свою страстную любовь, продолжаетъ говорить съ Юстиниою высокимъ слогомъ. Однакожъ ни то, ни другое средство не удается Джемсу: Юстиниа продолжаетъ ревностно посѣщать протестантскую церковь и ждетъ жениха изъ Нью-Йорка. Наконецъ Биршеръ является. Онъ рѣшительно не владѣетъ искусствомъ изобретенія, расположенія и украшенія мыслей; рѣчь его отличается краткостью, простотой и самымъ скучнымъ пуританскимъ характеромъ. Зато онъ очень-хорошъ собой, высокъ ростомъ, а, главное, безмѣрно богатъ: великолѣпные подарки дѣйствуютъ на сердце разсудительной дѣвicy сильнѣе тропеи и фигуръ нищаго баронета. По крайней мѣрѣ, такъ выставляется дѣло Шпиндлеръ въ первой половинѣ романа. Далѣе оказывается, что Юстиниа любила Георга Биршера не за одно золото, но и за прямоту характера. Однакожъ эти противорѣчія остаются на вѣкъ загадками для любопытныхъ читателей.

Провѣдавъ о предстоящей свадьбѣ въ домѣ Мюссингера, отцы-иезуиты возмѣнили похвальное намѣреніе разстроить бракъ Биршера съ Юстиниою и уговорить сенатора отдать приданое дочери иезуитскому ордену для спасенія души. Вздумано, сдѣлано: на это мастера отцы-иезуиты! Люди, преданные ордену, увѣряютъ Биршера, что Юстиниа влюблена въ Джемса, и онъ самъ отказывается отъ руки ея. Да и судьба на сторонѣ почтенныхъ патеровъ. Нотгаётъ, не получивъ руки Юстиниы, мститъ ея отцу — доноситъ сенату вольнаго города, что Мюссингеръ умертвилъ старика Биршера и игралъ въ лоттерей вопреки сенатскимъ постановленіямъ. Но иезуиты спасаютъ своего приверженца, доставивъ ему средство бѣжать. Георга Биршера, также по распоряженію ордена, схватываютъ мерзавцы, промышленшіе продажей людей въ колоніи Нового-Свѣта. Приданое Юстиниы поступаетъ въ кассу иезуитской миссіи для спасенія души экс-сенатора. Однакожъ и съ отцами-иезуитами случилось несчастье: миссія, которую они тайно содержали въ вольномъ городѣ, открыта сенаторомъ. Это происшествіе даетъ крутой поворотъ всей исторіи, и всѣ дѣйствующія лица романа, кромѣ сенаторши, бѣгутъ въ Южную-Америку, оставивъ предварительно другъ другу тысячу услугъ, едва-ли понятныхъ даже и самому г. Шпиндлеру. И доктора спасаютъ, и сенатора спасаютъ, и Юстиниу спасаютъ, и Лене спасаютъ; особенно отличается въ этомъ Джемсъ, какъ и слѣдуетъ отличатся человѣку, играющему роль jeune premier.

Третья часть романа должна доставить много удовольствія читателю, соскучившему старымъ свѣтомъ: Шпиндлеръ вооружается путевыми записками разныхъ авторовъ и ведетъ его въ мирныя колоніи иезуитовъ въ Парагвай, оттуда въ дѣйственные лѣса, населенные дикарями, изъ дѣйственныхъ лѣсовъ въ необозримыя саванны, занимая его воображеніе то величественной картиной счастья народовъ, на-

сущихся подъ отеческииъ правленіемъ почтенныхъ патеровъ, то кровавыми сценами набѣговъ дикихъ племенъ на осыдлыя, то описаніемъ трехъ царствъ природы благословеннаго Богомъ материка. А событія идутъ-себѣ своимъ порядкомъ.

Докторъ Лейпольдъ и Мюссингеръ живутъ въ колоніи Санта-Доминика, находящейся подъ благодѣтельнымъ управленіемъ старца Леонса и населенной осыдлымъ племенемъ Квараніевъ. Здоровье Мюссингера такъ разстроено, что онъ рѣшается идти во внутрь страны, гдѣ, по туземному преданію, растетъ какое-то цѣлебное дерево: больной долженъ самъ отыскать его и лечиться имъ на мѣстѣ его произрастанія. Во время отсутствія эксценатора, въ Санта-Доминику собираются съ разныхъ концовъ земнаго шара Джемсъ, Юстина и Ленѣ. Всѣ очень счастливы кромѣ Юстины, которая безпокоится за отца. Вдругъ на колонию Квараніевъ нападаютъ дикіе Абиционцы — Санта-Доминика разорена; жители ея уведены въ плѣнъ въ саванны. Но старикъ Леонсъ дѣлаетъ чудеса: въ нѣсколько часовъ обращаетъ онъ въ христіанскую вѣру всю орду Абиционцевъ. Дикари признають надъ собою его власть и идутъ на осыдлую жизнь въ Санта-Доминику. Герои наши, спасаясь отъ іезуитовъ, которые и въ старомъ свѣтѣ не перестаютъ преслѣдовать ихъ своими претензіями, цоцалаютъ въ другую колонию. Во время страствованія встрѣчаютъ они Мюссингера и Биршера. Баршеръ въ португальской службѣ; ему слѣдуетъ возвратиться въ поля. Но, узнавъ, что Юстина никогда не обманывала, онъ думаетъ только о томъ, какъ бы ему пробраться съ невѣстой въ Нью-Йоркъ, гдѣ у него такъ много денегъ и всего хорошаго. Великодушный Джемсъ идетъ за него въ солдаты. Биршеръ, Юстина и Мюссингеръ въ совершенномъ удовольствіи достигаютъ наконецъ Сѣверной - Америки. Джемсъ, обманутый любовью, возна-

граждается успѣхами по службѣ: онъ умеръ въ чинѣ подполковника.

Кто не ищетъ въ романѣ ни картинны общества, ни живыхъ характеровъ, ни даже правдоподобнаго хода происшествій, тотъ, вѣроятно, останется очень-доволенъ Іезуитомъ. Мудрая терпимость такого читателя расстраивается и на переводъ этого романа.

35) Новороссійскій Календаръ на 1847 годъ, издаваемый отъ Рымленской Лицея. Одесса. 1846. Въ 1000 титл. 373 и 38 стр.

Календаръ, какъ книга нужна каждому грамотному, и притомъ нужна книга, которая волею-неволею, вѣнчаніе цѣлаго года безпрестанно водается въ руки, издавна обратилась во многихъ странахъ въ средство распространенія въ народѣ полезныхъ во вседневномъ быту необходимыхъ свѣдѣній. Въ Германіи и Франціи, примѣръ, издаются безсчетное количество разнаго рода календарей; каждый изъ нихъ имѣетъ свой особый кругъ читателей, каждый посвященъ распространенію особой отрасли свѣдѣній общепользованныхъ.

У насъ календаръ, издаваемый при принадлежності отъ ученаго общества, имѣетъ другую цѣль, другое назначеніе: это необходимый служебный ежегодникъ для дѣланика, купца, — словомъ, для каждаго живущаго дѣлами, для котораго необходимо знать, какой день считается великій постъ, какіе дни заповѣдны для отхода и прихода и т. п. Будучи наравнѣемъ учебнаго календаря, нашъ календаръ и не имѣетъ другаго характера. Если въ календарю прилагаются статьи, то это все статьи чисто-учебнаго назначенія для ученыхъ и любителей тѣхъ сословій дѣланика, въ которомъ книга наиболее распространена.

Только съ недавняго времени по-
вление у насъ двухъ календарей—но-
ороссійскаго и кавказскаго состави-
о въ этомъ отношеніи нововведеніе.
Вни въ первый разъ представили намъ
жегодники, въ которыхъ, кромѣ не-
обходимыхъ календарныхъ статей,
цѣлый отдѣлъ посвященъ статьямъ
статистическимъ и топографическимъ,
весьма—любопытнымъ для всякаго
бразованнаго человѣка. Хотя оба они
предназначаются для мѣстныхъ жите-
ей и заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія по
азнымъ частямъ управленія и со-
стоянія преимущественно отдаленнаго
рая, но свѣдѣнія эти такъ разно-
образны и любопытны, что вся-
кій интересующійся не одними окру-
жающими его предметами, найдетъ
для себя въ этихъ ежегодникахъ мно-
го полезныхъ статистическихъ дан-
ныхъ. «Новороссійскій Календарь», из-
даваемый въ Одессѣ отъ Риншельевска-
го Янца, вмѣщаетъ въ себѣ вѣрнѣе
то, что только необходимо для спра-
вочнаго тамошнему жителю. Вотъ содер-
жаніе его за 1847 годъ. Отдѣленіе пер-
вое—Мѣсяцесловъ: православно-каео-
лическій, армяно-грегоріанскій, рим-
ско-католическій и реформатскій, съ
указаніемъ главныхъ небесныхъ явле-
ній, которыя по астрономическому
вычисленію должны быть видимы въ
текущемъ году на земномъ шарѣ и съ
таблицею, показывающею время вос-
хожденія и захожденія солнца въ глав-
ныхъ городахъ Новороссійскаго-Края
чрезъ каждыя десять дней. Отдѣленіе
второе посвящено статистикѣ Ново-
ороссійскаго-Края и Бессарабіи, столь
подробной, сколько необходимо это
каждому для руководства и сколько
дозволяетъ объемъ книги. Тутъ нахо-
дятся въкоторыя историческія свѣдѣ-
нія о замѣчательныхъ городахъ того
края, статистическія таблицы коли-
чества земли, числа жителей и проч.,
географическаго положенія въкото-
рыхъ городовъ, разстояній ихъ отъ
губернскихъ и столицъ; свѣдѣнія о
армянахъ, съ объясненіемъ времени
ихъ продолженія, статей торговли и

цѣнности производимыхъ на нихъ
оборотовъ, дорожники сухопутнаго и
морскаго сообщенія, съ указаніемъ
цѣны за перевозъ, — словомъ, все,
что собственно относится до мѣ-
стной статистики. Если и по дру-
гимъ отдѣльнымъ управленіямъ обра-
щивались въ формѣ календарей свѣ-
дѣнія, подобныя столь-тщательно со-
браннымъ въ книгѣ, въ которой намъ
представится случай отдать отчетъ
читателямъ, тогда каждый изъ насъ
весьма-легко имѣлъ бы подъ руками
источники по части русской стати-
стики, собраніе которыхъ въ настоя-
щее время сопряжено еще для ча-
стныхъ лицъ съ немалыми затруднені-
ями. Отдѣленіе третье составляетъ
весьма-полный мѣстный адрес-кален-
дарь. Наконецъ, въ отдѣленіи четвер-
томъ помѣщены статьи по разнымъ
предметамъ.

Первая изъ нихъ: «*о вѣнцовой тор-
говлѣ Новороссійскаго Края и Бесса-
рабіи въ 1845 году*», весьма-любо-
пытна какъ по свѣдѣніямъ, о количе-
ствѣ товаровъ, привезенныхъ изъ чер-
номорскіе и азовскіе порты и отпу-
щенныхъ изъ нихъ въ томъ году, такъ
и по сравнительнымъ выводамъ тор-
говли Новороссійскаго-Края въ по-
слѣднія 15 лѣтъ; при этихъ выводахъ
составитель статьи употребляетъ пя-
тилѣтніе періоды, слѣдуя въ этомъ
случаѣ примѣру г. Кеплена. Приве-
денныя авторомъ цифры ясно показы-
ваютъ усиленіе вѣнцовой торговли
наго края. Любопытны также выводы
автора о количествахъ и цѣнности при-
возныхъ и отпускныхъ товаровъ по
черноморскимъ и азовскимъ портамъ
сравнительно съ балтійскими и бѣло-
морскими. Результаты этихъ сравна-
ній приводятъ къ заключенію, что омы-
вающимъ южныя границы Россіи мо-
рямъ назначено играть важную рольъ
въ ея заграничной торговлѣ. Мы не
приводимъ въ подтвержденіе этихъ мы-
слей самихъ цифръ, ибо въ такомъ
случаѣ принуждены были бы дѣлать
большія выписки, а это повело бы насъ

слишкомъ-далеко; но всякій, кого интересуетъ предметъ статьи, легко поверить заключенія, дѣлаемыя авторомъ, изъ его исчисленій и соображеній.

За статью о торговлѣ слѣдуетъ: *Историко-статистическое Описание города Симферополя*, и далѣе: *Прошедшій и будущій бытъ города Евпаторіи*.

Собраніе такихъ статей, которые ежегодно входятъ въ составъ Новороссійскаго Календаря, со-временемъ со-ставляютъ весьма-подробное описаніе южнаго края въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Далѣе помѣщены *Замѣтки для путешественниковъ по Крыму*. Цѣль составителя этой статьи — говорить авторъ: — была — указать на предметы, примѣчательные въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ, встрѣчаемые на Крымскомъ Полуостровѣ, вблизи большихъ дорогъ. Кому придется путешествовать по Крыму, тотъ будетъ доволенъ этой статьею и поблагодаритъ редакторовъ за помѣщеніе ея въ Календарѣ. За недостаткомъ у насъ дорожниковъ, всякая попытка въ этомъ родѣ достойна замѣчанія.

Последняя статья четвертаго отдѣленія: *Римельскій Лицей и состоящая при немъ Гимназія съ пансіономъ*. Хотя эта статья и была помѣщена въ Новороссійскомъ Календарѣ на 1844 г., но какъ съ того времени послѣдовали многія перемѣны по Одесскому Учебному Округу, то начальство его нашло полезнымъ вновь обнародовать ее со многими измѣненіями. Наконецъ въ концѣ книги приложенъ алфавитный списокъ особъ, помѣщенныхъ въ Адрес-Календарѣ. Ясно, что составители Новороссійскаго Календаря не упустили изъ вида ничего, чтобы сдѣлать книгу дѣйствительно-полезною для лицъ, не только живущихъ въ томъ краю, но и для всякаго, кто чувствуетъ недостатокъ у насъ подобныхъ изданій. Вѣроятно, читатели будутъ благодарить издателей всякій разъ, какъ

прійдется имъ пользоваться трудами составителей статей, вошедшихъ въ составъ Календаря.

56) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, съ прибавленіями духовнаго содержанія, изданныя при Московской Духовной Академіи. Годъ четвертый. Книжка 4. Моск. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю о. л. отъ 193—404, 397—520 стр.

Въ главномъ отдѣлѣ Твореній помѣщено продолженіе бесѣдъ св. Василія-Великаго (12—26). Въ прибавленіяхъ, особенно замѣчательны два слова высокопреосвященнаго Филарета, митрополита московскаго: одно — въ день Успенія Божіей Матери, 15 августа 1846 г., другое — по освященіи храма въ Московскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Каждое новое слово перваго духовнаго оратора нашего болѣе и болѣе отличается двумя качествами: оригинальнымъ, ему только свойственнымъ развитіемъ избраннаго текста, и высокимъ, изящною простотою изложенія, которое соединяетъ въ себѣ точность и силу. Кроме этого, въ Прибавленіяхъ входятся: продолженіе статьи — *О спасительныхъ Таинствахъ*, *Слово на Рождество Христово* и *О преобразовательномъ смыслѣ св. писанія*.

57) Святый Николай Чудотворецъ Архіепископъ Мирлицкій, св. Ф. П. Москва. Въ тип. скороспечалнаго В. Кирилова. 1846. Въ 12-ю о. л. 187 стр.

Житіе, написанное стихами, изъ которыхъ представляемъ въ прилѣгъ два мѣста:

Когда родился Николай
Архіепископъ Мирлицкій
Ты хочешь знать? Такъ знай: и пр.
Въ другомъ:
Ты, можешь быть, захочешь знать
Отца и мать Николая
И именами ихъ назвать?
Отецъ былъ Феоданъ, блгага
Мать Нома, и проч.

58) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Изданіе 30-го ноября 1846 года, № 4. Москва. Въ университетской тип. 1846. 8-ю д. л. 28, 81—154, 56, 106 стр.

Важнѣйшею статьею этого номера считается изслѣдованіе Филарета, ископа рижскаго: «Кирилль и Меодій, славянскіе просвѣтителі». Авторъ рассматриваетъ жизнь и труды ихъ, посылая свои указанія на греческихъ, панновскихъ, далматскихъ и епископо-моравскихъ источники. Можно сказать, что всѣ прежнія жизнеисанія Кирилла и Меодія теперь правдуются, замѣняясь статьею преемственнаго Филарета, въ которой они едены и представлены въ очищенномъ видѣ.

Во второмъ отдѣлѣ Чтеній: «Материалы Отечественные», напечатано сочиненіе «Исторіи или повѣствованія Донскихъ Козаковъ» Александра Рильмана. Къ ней приложено 17 литографованныхъ изображеній древняго одѣвья Донцовъ, печатей, плавъ, раскраска, карта земли Донской, и указатель.

Изъ Материаловъ Иностранныхъ напечатана «Краткая Исторія о бунтахъ шельницкаго и войнѣ съ Татарами, Пелами и Уграми, въ продолженіе 2 тысячъ лѣтъ, начиная съ 1647 года», переводъ съ польскаго. Переводчикъ записываетъ, что изданіе, съ котораго онъ переводилъ, крайне-небрежно, что всѣ бессмысленныя мѣста перевода точно акковы и въ переводѣ, и что исторія та писана подъ сильнымъ вліяніемъ племеннаго нерасположенія и пристрастія, хотя и содержитъ въ себѣ много важныхъ данныхъ, ни откуда намъ не извѣстныхъ, которыми должно дорожить.

Списъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: «Окружные жители Балтійскаго-Моря», то-есть, Леты и Славяне, сочиненіе Юрія Венеліна (не опеченное); «Сокращенное извѣдомленіе о Малой Россіи» (географическое писаніе), сочиненіе Г. Ф. Миллера;

T. L. — Отд. VI.

«Ученые труды Епископа Славинецкаго»; «О греческомъ кодексѣ Георгія Амартола, хранящемся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, и о сербскомъ и болгарскомъ переводахъ его хроникъ»; «Семисотлѣтіе Москвы», г. Хавскаго.

59) Изслѣдованія о Русской Правдѣ. Часть I. Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полнаго объясненія Русской Правды. Разсужденіе, писанное для полученія степени магистра, кандидатомъ правъ Николаемъ Калачовымъ. Москва. 1846. Въ тип. А. Семена. Въ 4-ю д. л. VIII и 158 стр.

Наконецъ, вышла въ свѣтъ такъ давно и съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаемая любителями русскихъ древностей «Русская Правда» г. Калачова. Надобно сказать къ чести автора, что ожиданія не были напрасны. Очень-немного унасъ книгъ, которыя бы такъ стояли въ уровень съ теперешними требованіями науки, такъ добросовѣстно ихъ удовлетворяли, какъ сочиненіе г. Калачова. Конечно, оно не казисто: оно не рѣшаетъ вопросовъ объ этомъ памятникѣ, не поясняетъ ея темныхъ и непонятныхъ мѣстъ, не предлагаетъ никакихъ окончательныхъ выводовъ и заключеній объ «Русской Правдѣ». Но кому извѣстна исторія ея литературной обработки, тотъ знаетъ, что всякая попытка отвѣчать на вопросы о «Правдѣ», объяснить ее, при теперешнемъ состояніи ея предварительной обработки, увеличила бы собою и безъ того длинный рядъ разсужденій и изслѣдованій объ этомъ предметѣ, нисколько не подвигая дѣла впередъ. Предположеній о «Русской Правдѣ» и ея значеніи есть множество, и самыхъ разнообразныхъ; но мы до сихъ-поръ не могли пронести никакого сужденія о ихъ болшей или меньшей правдоподобности, или вѣроятности, потому-что они не имѣли твердой фактической почвы. Каждый изслѣдователь основывалъ свои выводы на одномъ или нѣсколькихъ спискахъ рукописныхъ, или хотя издав-

ныхъ, но болѣею частью неудовлетворительно-написанныхъ, вообще неподвергнутыхъ еще полной критико-филологической обработкѣ. Отъ того одинъ смотрѣлъ на «Правду» такъ, другой иначе, судя по даннымъ, которые у него были подъ руками. Прибавимъ къ этому, что списковъ издано было немного, не болѣе четырнадцати или пятнадцати (считая въ томъ числѣ варианты изъ Ростовской Лѣтописи, пять болтинскихъ, которыми онъ пользовался издавая «Правду», и два фроловскіе, бывшихъ подъ руками у г. Тобиана); всѣ прочія, въ болѣею числѣ, извѣстны были въ рукописяхъ, и слѣдовательно, по-болѣею-части доступны для немногихъ записныхъ археологовъ и знатоковъ дѣла. Такою же неизвѣстностью была покрыта и литература по «Русской Правдѣ», представляющая мало отдѣльныхъ сочиненій, но состоящая почти вся изъ журнальныхъ статей, брошюръ, главъ и даже мимоходныхъ замѣтокъ въ сочиненіяхъ, собственно-относящихся къ другимъ предметамъ (на-прим., у Розенкама, Карамзина, г. Погодина и т. д.). Новому извѣстателю было трудно принять въ соображеніе все, что уже было сдѣлано; отъ-того старые вопросы опять подымались и рѣшались по-старому, помимо возраженій, сдѣланныхъ на эти рѣшенія; предметы уже обсужденные подвергались новому обсужденію, которое не составляло пріобрѣтенія въ наукѣ, потому-что не принимало въ расчетъ предъидущихъ трудовъ. Словомъ, какъ факты, такъ и работы, уже совершенныя надъ ними, представляли какой-то хаосъ, въ которомъ трудно было найдтисъ, трудно было не потеряться. Итакъ, чтобы проложить новые пути къ изученію «Правды», чтобы сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе вопросовъ, къ которымъ она подаютъ поводъ, или по-крайней-мѣрѣ опредѣленіе, какіе изъ нихъ могутъ быть разрѣшены, какіе вѣтъ, и какія средства для нихъ разрѣшенія,—для этого необходимо было, прежде всего, остановить колеблющіеся факты, сдѣ-

лать ихъ извѣстными и доступными для всѣхъ, привести въ извѣстность литературу «Русской Правды» до малѣйшихъ подробностей и отбросить предшествующіе труды и изданія. Эту предварительную задачу блестяще разрѣшилъ г. Калачовъ. Намъ кажется болѣею самоотверженіемъ совершить трудъ, требующій много времени, работы, издержекъ,—даже въ томъ трудъ такой тяжелый, который утомительный и невидный на первый взглядъ. Но за то теперь поле открыто, предметъ обогатился новыми данными, положена прочная основа для новыхъ извѣстателій о «Правдѣ», и въ этомъ смыслѣ мы позволимъ себѣ сказать не обинуясь, что разсужденіе Калачова составляетъ эпоху въ историко-юридической литературѣ.

Тѣсныя рамки библиографической статьи не позволяютъ намъ входить въ подробный разборъ этого замѣчательнаго сочиненія. Мы представимъ только короткій обзоръ его содержания и того, что оно заключаетъ въ себѣ особенно-новаго и замѣчательнаго.

Прежде всего замѣтимъ, что издалъ теперь только первую часть обширнаго труда, который задуманъ въ большихъ размѣрахъ. Этотъ трудъ долженъ представить полное объясненіе «Правды»,—безъ котораго какъ справедливо замѣчаетъ г. Калачовъ,—всѣ отдѣльныя или частныя изслѣдованія никогда не имѣтъ желаемого успѣха. Намъ кажется какъ необходимо такое объясненіе, теперешнее состояніе ея литературной обработки, авторъ представилъ планъ, которому онъ намѣренъ следовать. Во первыхъ, долженъ быть извѣстенъ авторъ, изданъ полный списокъ всѣхъ замѣненій и по всѣмъ частямъ спискамъ, текстъ. Правда, въ томъ, объяснены филологически отдѣльныя слова, такъ равно и выраженія и обороты рѣчи. Въ казательство, какъ важно такое извѣщеніе, авторъ приводитъ слова «и колбагъ», которыхъ значеніе выясняется изъ другихъ данныхъ

затѣмъ должно слѣдовать *юридическое* объясненіе «Правды», т. е. полное изложеніе содержанія «Русской Правды», и равеніе этого содержанія съ нашими памятниками, отъ древнѣйшихъ временъ до XVII вѣка включительно, и съ древнѣйшими памятниками славянскихъ и германскихъ народовъ; чрезъ то должно выясниться «какое значеніе имѣетъ вообще Русская Правда; во-первыхъ, какъ источникъ нашего древняго права въ равное время, а во-вторыхъ, какъ юридическій памятникъ, и потому, въ какомъ отношеніи находится она ко всѣмъ другимъ памятникамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, въ системѣ русскаго законодательства до XVII вѣка включительно». При этомъ должна быть предложена подробная критическая оцѣнка различныхъ мнѣній о «Русской Правдѣ». На основаніи такихъ-то работъ можно же приступить къ изданію текста «Правды» XI вѣка, *критически-очищенно*, и переводъ «Правды», въ томъ видѣ, какъ мы ее теперь имѣемъ. Наконецъ, говоритъ авторъ «можно будетъ смѣло приступить къ критическимъ выводамъ касательно образа составленія Русской Правды, ея подлиннаго содержанія въ XI, XII и другихъ столѣтіяхъ, ея достоинства, какъ источника права и памятника не только отечественнаго законодательства, но и словесности; наконецъ, вообще къ тѣмъ выводамъ, которые могутъ казаться особенно-важными для филолога, историка и философа».

Выполнимъ ли весь этотъ планъ — трудно рѣшить прежде тщательной работы «Правды» въ историческомъ, филологическомъ и юридическомъ отношеніяхъ. Позволяемъ себѣ думать, что предѣлить время и способы составленія каждой статьи «Правды», объяснить вполне всѣ слова и выраженія, и-особенности возстановить ея первоначальный текстъ, какъ предполагаетъ авторъ, — едва-ли возможно, пока не будутъ открыты какіе-нибудь новые источники. Сверхъ-того, мы знаемъ, какъ значеніе текста всегда болѣе или менѣ-

нѣе предположительно. Отъ-того, мы болѣе склоняемся къ мысли, что послѣднія двѣ части труда могутъ быть опущены безъ ущерба для достоинства и полноты изслѣдованій.

Въ изданной первой части трудовъ надъ «Правдой» находимъ преимущественно матеріалы для ея объясненія съ *юридической стороны*, которая такъ тѣсно связана съ *исторіей* этого законодательнаго памятника: 1) разборъ изданій и сочиненій, относящихся къ Русской Правдѣ; 2) критическое обзорѣніе извѣстныхъ ея списковъ съ юридической стороны; 3) систематическое изложеніе и изданіе полнаго въ юридическомъ отношеніи текста Правды; 4) указаніе на юридическіе памятники, находящіеся въ особенной связи съ ея содержаніемъ.

Ркажемъ особо о каждомъ изъ этихъ отдѣловъ.

Первый отдѣлъ не есть собственно критическая исторія литературы «Русской Правды» или ея изданій. Это краткій обзоръ и того и другаго, съ отиѣтками и отзывами обо всемъ, что было сдѣлано до-сихъ-поръ, и самымъ тщательнымъ библиографическимъ указаніемъ на прелестующіе труды. Особенно въ послѣднемъ отношеніи эта статья драгоценна. Изъ обзорѣнія статей и сочиненій о «Русской Правдѣ» мы видимъ, что около тридцати изслѣдователей болѣе или менѣе занимались этимъ памятникомъ и посвящали ему труды свои. Странно, особенно когда подумаешь, какъ плохо обработана русская исторія, въ-особенности внутренняя!

Обзорѣніе списковъ «Правды» съ юридической стороны представляетъ много чрезвычайно-любопытныхъ результатовъ, отчасти выведенныхъ прежними изслѣдователями и теперь подтвержденныхъ г. Калачовымъ, отчасти со-всѣмъ новыхъ. Чтобы познать всю важность и основательность этихъ результатовъ, должно напередъ замѣтить, что г. Калачовъ пользовался пятьюдесятью списками Правды, изъ которыхъ около тридцати имъ впервые открыты

по-крайней-мѣрѣ черезъ него дѣлаются общедоступными.

Всѣ списки «Правды», по мнѣнію г. Калачова, дѣлятся на *четыре* фамиліи (прежде ихъ дѣлили на двѣ). Къ первой отнесены изслѣдователемъ списки древнѣйшихъ лѣтописей: Новгородской и Ростовской, или такъ-называемые *краткіе* списки; ко второй — списки коричихъ такъ-называемаго кнриловскаго разряда и Мѣрила Праведнаго — древнихъ сборниковъ, близко къ нимъ подходящихъ; къ третьей — списки позднѣйшихъ новгородскихъ (сефійскихъ) временниковъ; наконецъ, къ четвертой — списки позднѣйшихъ сборниковъ отдѣльныхъ статей разнаго содержанія.

Признаки, *общіе* всѣмъ фамиліямъ списковъ, состоятъ въ томъ, что ни одинъ изъ послѣднихъ не есть оффиціальныи документъ. Все заставляетъ думать, что «Правда» — сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такими же образомъ дополненный. Не смотря на то, «Правда» была оффиціально признаваема источникомъ права, потому-что встрѣчается въ коричихъ и сборникахъ, признаваемыхъ за руководство въ судебныхъ дѣлахъ. Далѣе, изъ имѣющихся списковъ «Правды» видно, что она составлена изъ законовъ великихъ князей, грамматъ, наказовъ, памятей, обычныхъ правилъ, положеній германскаго и византійскаго права, приуроченныхъ къ понятіямъ народа, мѣстныхъ постановленій, преимущественно новгородскихъ, и изъ частныхъ случаевъ или фактовъ. Наконецъ, изъ тѣхъ же списковъ видно, что равныя положенія въ «Правдѣ» получили въ разное время силу закона: одни при Ярославѣ, другіе при его ближайшихъ преемникахъ, третьи въ XII, XIII и XIV вѣкахъ. На какомъ основаніи ученый изслѣдователь относитъ нѣкоторыя статьи именно къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ — не видно. По всѣмъ вѣроятіямъ, сличеніе разныхъ списковъ привело его къ такимъ заключеніямъ. Если такъ — это основаніе едва-ли прочно. О времени

составленія статей мы только тогда можемъ заключать почти-вѣроятно, когда есть въ нихъ-самихъ указанія. Такъ въ нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ принадлежатъ Ярославу, его дѣтямъ, Владиміру-Мономаху. Но судить о происхожденіи статей во вѣку, къ которому относятся списки, нелегко, потому-что открытіе болѣе-древнихъ, въ которыхъ находятся такія же статьи, легко можетъ опровергнуть мысли. Впрочемъ, авторъ, какъ знатокъ своего дѣла, могъ имѣть и другія, болѣе-основательныя причины, по которымъ онъ относилъ статьи «Правды» къ тому или другому вѣку. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что полный составъ списковъ «Правды» разныхъ фамилій извѣстенъ намъ изъ рукописей не ранее XIII, XIV и XV вѣка. Отъ XIII и XIV вѣка до насъ дошло по одному списку второй фамиліи, а отъ XIV и XV вѣка отъ каждого по одному списку первой, третьей и четвертой фамилій и нѣсколько списковъ второй (слѣдовательно, вѣроятно XV вѣка, ибо о спискахъ второй фамиліи отъ XIV вѣка мы уже прежде упомянули). Списки XVI и XVII вѣка не представляютъ ничего новаго. Отсюда г. Калачовъ и безъ основанія заключаетъ, что въ два вѣка «Правда» уже потеряла юридическое значеніе и вносилась въ коричи и сборники, какъ историческіи памятники, немѣвшіи силы закона. Со времени изданія Уложенія и печатанія Коричей, прекратилось и самое переписываніе «Правды». Порядкомъ разложенія статей во всѣхъ спискахъ имѣетъ большое сходство; близкія между собою статьи составлялись въ группахъ, располагались между ними, а все остальное въ концѣ. Правильной системы не видно въ «Правдѣ». Языкъ носитъ слѣды древности.

Таковы общіе признаки всѣхъ фамилій списковъ. Признаки, которыми они различаются, весьма-разнообразны. Списки первой фамиліи отличаются особенною простотой и краткостью статей въ нихъ писаны безъ раздѣленій и заглавій, кромѣ какъ въ началѣ и

средних списковъ. Г. Калачовъ думаетъ, что послѣднее («Правда устлавена Русьскою землю егда ся съвокушиль» и т. д.) не простирается на всѣ статьи, за ними слѣдующія, и доказываетъ это мѣстомъ, которое это заглавіе занимаетъ въ спискахъ другихъ фамилій. Того же мнѣнія и Розенкампфъ. Впрочемъ, здѣсь г. Калачовъ выразился неясно: хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что въ спискахъ другихъ фамилій это заглавіе занимаетъ другое мѣсто, но одно во всѣхъ, или оно и въ нихъ встрѣчается въ разныхъ мѣстахъ? Какъ ни мелоченъ кажется этотъ вопросъ, но онъ много вѣситъ въ исслѣдованіи о «Русской Правдѣ». Дѣло въ томъ, что если это заглавіе въ разныхъ спискахъ стоитъ передъ разными статьями — очевидно нельзя приписывать первую половину такъ-называемой Краткой Правды Ярославу, а вторую его дѣтямъ; слѣдственно, она, подобно иностранной, должна быть рассматриваема не какъ цѣлое законодательство, а какъ частный юридическій сборникъ. Будь доказано противное, — предположеніе Эверса, Неймана и Тобина остается по-прежнему вѣроятнымъ, по крайней мѣрѣ неопровергнутымъ. То или другое можетъ быть рѣшено не числомъ статей, послѣ которыхъ встрѣчается это заглавіе — ибо могли быть вставки — а тѣмъ, стоитъ ли оно передъ одной и той же статьей во всѣхъ спискахъ, или передъ разными. — Вообще, г. Калачовъ замѣчаетъ, что оглавленія составляютъ одно изъ важныхъ различій между фамиліями списковъ — не только первой отъ прочихъ, но и ихъ между собою. Въ этомъ отношеніи онъ согласенъ съ Розенкампфомъ, что «подробнѣйшій разборъ оглавленій можетъ привести къ некоторымъ справедливымъ выводамъ касательно составленія основныхъ списковъ и ихъ системы». Въ спискахъ трехъ прочихъ фамилій «Правды» находятся то же два заглавія. О нихъ г. Калачовъ говоритъ тоже, что и объ оглавленіяхъ въ спискахъ первой фамиліи: они служатъ оглавленіемъ не для всѣхъ послѣ-

дующихъ статей, а только для ближайшей, непосредственно за ними слѣдующей. По содержанію, первая фамилія различается отъ прочихъ полнотой, числомъ и самой редакціей статей. Это различіе не такъ замѣтно между списками трехъ послѣднихъ фамилій, отличающихся между собой болѣе всего отдѣльными статьями, которыхъ въ иныхъ вовсе нѣтъ. Такъ списки второй фамиліи не имѣютъ дополнительныхъ статей, а въ другихъ онѣ есть; за то и въ нихъ есть прибавленія, которыхъ не достаетъ въ третьей и четвертой фамиліи. Наконецъ, списки послѣдней фамиліи отличаются отъ списковъ второй и третьей меньшею полнотою статей и предисловіемъ, переведеннымъ съ греческаго и заимствованнымъ изъ словъ Василія-Великаго. По мнѣнію г. Калачова, оно не принадлежитъ первымъ составителямъ «Правды», потому что она «безъ-сомнѣнія служила первоначально руководствомъ въ дѣлахъ судебныхъ только для людей свѣтскаго званія». Кромѣ того, четвертая фамилія отличается отъ прочихъ тѣмъ, что списки, къ ней принадлежащіе, представляютъ «довольно ясныя указанія на то, какимъ образомъ и изъ какихъ источниковъ былъ дополненъ первоначальный текстъ Русской Правды въ разное время».

Послѣ такого обзорѣнія сходства и несходства между фамиліями списковъ, авторъ переходитъ къ рассмотрѣнію каждой изъ нихъ въ отдѣльности и рукописей, къ ней относящихся, въ которыхъ помѣщена «Правда». Мы остановимся на томъ, что намъ показалось особенно-важнымъ.

Списковъ первой фамиліи, содержащихъ въ себѣ такъ-называемую краткую «Правду», всего четыре (крошъ дошедшихъ въ вариантахъ). Судя по грамматическимъ признакамъ, они называютъ на текстъ повдвѣйшій въ сравненіи съ списками второй фамиліи, изъ которыхъ нѣкоторые относятся къ XIII, XIV и XV вѣку. Разумѣется, изъ этого нельзя еще дѣлать никакихъ рѣшительныхъ заключеній о краткой «Прав-

дѣ, особенно о ея древности, ибо сохраненіе однихъ позднѣйшихъ ея списковъ есть случайность. Замѣтимъ, впрочемъ, что эти списки чрезвычайно-сходны между собою; различія ихъ по-большой-части филологическія. Только четвертый списокъ имѣетъ одну лишнюю статью противъ другихъ, вставленную между 38 и 39 статьями. Все это подтверждаетъ мысль, что первая половина «Краткой Правды» дѣйствительно можетъ быть уставъ или судная грамота, данная Ярославомъ Новгороду по извѣстіямъ лѣтописей, а вторая ея половина—законодательство дѣтей ярославовъ, дополняющее уставъ ярославовъ, съ нѣсколькими прибавочными статьями въ концѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, замѣчательно, что лишняя статья въ четвертомъ списокѣ «Краткой Правды» есть пятая снизу и находится къ числѣ прибавочныхъ. На этомъ основаніи мы не вполне согласны съ мнѣніемъ г. Калачова, высказаннымъ въ третьемъ текстѣ, что «Русская Правда, относительно текстовъ извѣстныхъ ея списковъ, есть сборникъ, составленный частными лицами и въ разное время такими же образомъ дополненный подъ вліяніемъ различныхъ условій». Это можетъ быть болѣе или менѣе справедливо въ отношеніи къ пространной «Правдѣ», но едва-ли идетъ къ краткой. До-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи къ ней гораздо-сомнительнѣе, чѣмъ этотъ тезисъ въ примѣненіи къ «Правдѣ» XIII вѣка.

Другое наблюденіе надъ списками «Правды», которое намъ показалось особенно-замѣчательнымъ, состоитъ въ томъ, что вторая половина пространной «Правды», начинающаяся уставомъ Владиміра Мономаха о процентахъ, присоединена къ первой половинѣ гораздо-позже составленія первоначальнаго текста; прежде обѣ составляли вѣчто отдѣльное. Сколько мы знаемъ, это замѣчаніе едва-ли было сдѣлано прежде г. Калачова и проливаетъ новый свѣтъ на «Правду». По изслѣдованіямъ г. Тобиана, первая половина пространной «Правды» главнымъ

образомъ состоитъ изъ статей ярославовой «Правды» и «Правды» ея дѣтей. Это переработка прежняго законодательства и очень-легко могла быть дѣломъ частнаго человека. Не противъ, вторая половина представляетъ положенія существенно-новые, и до сихъ-поръ еще трудно рѣшить, есть ли это законодательство Владиміра Мономаха и если да, то до котораго именно мѣста, и что къ нему прибавлено потомъ. Открытіе, что обѣ половины составлялись различно и были прежде два разные памятника, по-тому особенно-важно, что оно даетъ теперь изслѣдователямъ полное право разорвать всякую связь между обѣими половинами, рассматривать каждую особливо. Различные результаты изъ обѣихъ ничего не будутъ доказывать противъ правдоподобности или достоверности выводовъ.

Третій отдѣлъ диссертации г. Калачова заключаетъ въ себя текстъ «Русской Правды», расположенный систематически, по пятидесяти спискамъ. Это, конечно, важнѣйшая и лучшая часть книги. Съ удивительною тщательностью выбранъ текстъ изъ всѣхъ списковъ и подведены всѣ важнѣйшія различія. Отпечатанъ текстъ чрезвычайно-красиво, особливый примѣтъ, въ четырехъ главахъ, въ которыхъ первая содержитъ въ себя статьи, относящіяся къ государственному праву, вторая—къ гражданскому, третья—къ уголовному праву, четвертая—о судопроизводствѣ. Въ концѣ каждой главы расположены три таблицы: первая содержитъ въ себя исчисленіе пятидесяти списковъ «Правды», изданныхъ г. Калачовымъ. Большое число ихъ относится къ второй фамиліи, а именно двадцать-восемь. Вторая таблица представляетъ соотвѣтственность статей изданій г. Калачова съ статьями подлинныхъ списковъ. Съ помощью этой таблицы можно возстановить каждый списокъ по изданію г. Калачова. Наконецъ, третья таблица показываетъ, каковы

тъ, соответственность статей списъ съ статьями новаго изданія.

Послѣдній отдѣлъ представляетъ значныя статьи, встрѣчающіяся въ ричихъ, сборникахъ, дѣтописяхъ, и торыя по своему содержанію или жественны или болѣе или менѣе одны съ статьями «Русской Правды». Изъ нихъ самая большая часть отноется къ церковному законодательству основанъ на каноническихъ статьяхъ или на постановленіяхъ византійскихъ императоровъ. Различныхъ патріарховъ, въ которыхъ содержатся тая статьи, г. Калачовъ насчитываетъ девяти, а именно: извлечение изъ книгъ монсеревыхъ, земледѣльческіе законы императора Юстиніана, законы императоровъ Льва и Константина, конь градскій, такъ-называемый Судобникъ царя Константина, главы о послушѣхъ, уставы о церковныхъ судахъ великихъ князей Владимира, Яролава и Всеволода, правило законно о церковныхъ людѣхъ, и о десятинахъ, о шѣригѣхъ городскихъ, наконецъ, говоръ смоленскаго князя Мстислава Владимовича съ Ригой и Готландіей. Изъ нихъ, сходныхъ статей съ «Правдой» выделено слишкомъ тридцать. Всѣ дѣлаваны съ тою же тщательностью, казаніемъ источниковъ, вариантовъ и литературы, какъ и самый текстъ «Правды». Замѣчательно, что между ними встрѣчается статья о послушествѣ, пишываемая Владимиру и шешдая въ составъ «Правды». Она подаетъ поводъ къ различнымъ любопытнымъ выодамъ относительно составленія програнной «Правды». Статью о послушествѣ мы находимъ во второй ея половинѣ. Въ Троицкомъ Спискѣ она составляетъ двѣнадцатую статью втои оловины. Отсюда дѣлается вѣроятнымъ одно изъ двухъ предположеній: ли что заглавіе «уставъ Володимѣръ севолодича» дѣйствительно не отноается только къ ближайшей статьѣ о роцентахъ, но есть заглавіе цѣлаго става, даннаго Мономахомъ, хотя, можетъ-быть, и дополненнаго въ послѣдствіи другими статьями, или по-край-

ней-шѣрѣ, что въ древней Россіи вторую половину «Правды» считали за уставъ Мономаха и ему ее приписывали. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ это важный доводъ противъ тѣхъ, которые считаютъ пространную «Правду» частнымъ сборникомъ, а не законодательнымъ памятникомъ.

Таково новое сочиненіе г. Калачова. Это одно изъ самыхъ отдаленныхъ явленій въ нашей историко-юридической литературѣ, и въ своемъ родѣ образцовое произведеніе.

60) Чаромутіе, или Священный Языкъ Маговъ, Волхвовъ и Жрицовъ, открытый Платономъ Лукашевичемъ, съ прибавленіемъ обращенныхъ имъ же въ прямую истину чаромуты и чарной истины языковъ Русскаго и другихъ Славянскихъ и части Латинскаго. Петрыгородъ. 1846. Въ тип. К. Вилебера. Въ 8-ю д. л. 404 стр.

Книга эта принадлежитъ къ числу невѣроятныхъ явленій умственного міра. Кто бы повѣрилъ, что въ наше время можетъ появиться сочиненіе, въ которомъ прямо и рѣшительно утверждается, что... но нѣтъ, мы не рѣшаемся пересказывать своими словами, что утверждаетъ г. Платонъ Лукашевичъ; вотъ его собственные слова:

«Отъ сотворенія міра родъ человѣческій имѣлъ одинъ всовѣщій языкъ — Славянскій: и бы вся земля устныи единыи и языкъ единыи есмы. Кн. Бытія, XI, 1. Господь смирилъ гордость челоѣка смѣшеніемъ языковъ. Сие смѣшеніе есть чаромутіе. Заблудившіеся люди начали на иныхъ восхвалять языческихъ боговъ своихъ, уклоняясь отъ Бога истиннаго, до тѣхъ поръ, пока по волешии Слова Господня на земѣ, по испроверженіи кумировъ и по водвореніи Христіанской Вѣры, чаромутіе исчезло съ лица земли; и одни Славянскіе народы, по волеи Творца, хотя частью и импюютъ въ своихъ языкахъ печать чаромутія, перста Божія, — но совокупно удержалъ совершенно Первобытныи языкъ.» (Стр. 19).

Больше мы ничего для васъ не выпишемъ, читатели. Кто любитъ рѣд

кости, тотъ долженъ самъ прочитатъ сочиненіе г. Лукашевича, потому-что въ немъ все дивно, отъ первой строки до послѣдней, между прочимъ и тотъ чистый, не чаромутный языкъ, на которомъ самъ онъ изъясняется: радѣя о чистотѣ русскаго или первобытнаго языка, онъ заимствуетъ всѣ заимствованныя иностранныя слова коренными или истотными славянскими; на-примѣръ, вмѣсто *оракулъ* онъ пишетъ — *оуставловъ*, вмѣсто *періодъ* — *облоходъ*, вмѣсто *поезія* — *балачъ*, вмѣсто *грамматическія формы* — *транслловныя образимы*, и пр. и пр. Кто не охотникъ до этихъ вещей, тому достаточно знать, что въ 1847 году нашелся въ Европѣ ученый, открывшій міру на какомъ языкѣ разговаривали между собою Адамъ и Ева.

61) Отчетъ Россійско - Американской Компаніи *Главною Правленію*. За одинъ годъ по 1-е января 1846 года. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 8-ю д. л. 51 стр. Съ планомъ залова Аляска.

Отчетъ Россійско - Американской Компаніи раздѣленъ на три части: капиталы, торговая операція, и часть распорядительная. Изъ двухъ вѣдомостей, составляющихъ первую часть отчета, видно, что въ 1845 году Компанія производила оборотовъ слишкомъ на три милліона рублей серебромъ. Главныя статьи торговли состояли въ шѣхахъ и чаяхъ. Первыхъ, какъ показано во второй части отчета, отправлено было на Кяхту: собственно шѣховъ 24,990 штукъ, хвостовъ—1,441 и 5,059 паръ лапъ. Какъ на эти произведенія, такъ и на другіе промысловые товары меньшей важности, отправляемые въ Кяхту, вымѣнено тамъ, въ 1845 году, чаевъ всего 6150 мѣстъ, которыя и были распроданы на нижегородской ярмаркѣ, въ Москвѣ и частью въ колоніяхъ. Наконецъ, третья, большая часть отчета посвящена изложенію общихъ распоряженій Компаніи и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: а) распоряженія въ Россіи и б) — въ коло-

ніяхъ. Къ первымъ относится, между прочимъ, снабженіе колоній товарами. Товары эти изъ внутренней Россіи отправляются сухимъ путемъ чрезъ Сибирь, а изъ Петербурга, равно какъ и изъ Англіи, моремъ на суданъ Гудзона-Байской Компаніи преимущественно, ибо только въ 1845 году Главное Правленіе Компаніи, въ видѣ опыта, отправило въ колонію грузъ товаровъ на принятомъ купеческомъ кораблѣ, в этотъ опытъ оказался во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ. Застрахованіе колониальныхъ грузовъ, доставленныхъ въ Охотскій Портъ въ 1845 году, производилось въ англійскихъ страховыхъ обществахъ. Въ 1846 же году, Компанія предвзначала наибольшую цѣнность отправляемыхъ изъ колоній грузовъ застраховать въ Россійскомъ Морскомъ и Рѣчномъ Страховомъ Обществѣ. Такимъ-образомъ, Компанія, выпуская изъ вида собственныхъ выгодъ, даетъ и страховому обществу распространить кругъ его дѣйствій, ибо цѣнность товаровъ (во 100,000 р. сер.), подлежащихъ къ страхованію въ Россіи, весьма-значительна. Желательно, чтобъ примѣру Россійско-Американской Компаніи, перенесшей страхованіе изъ англійскихъ обществъ въ русское, послѣдовали и другія лица, ведущія торговлю на моряхъ в отдаленныя до сего времени на стратъ свои товары въ иностранныя общества. — Въ 1845 году охотская факторія окончательно переведена къ залову Аляска, гдѣ, кромѣ безопасности гавани въ сравненіи съ Охотскомъ, представляется и другія выгоды. Сюда относятся: издвореніе хлѣбопашества на берегахъ Маи, и торговля съ Тунгусами, купцами между Аляскою и китайскою границею. Вотъ что сказаво въ отчетѣ о первомъ обстоятельствѣ:

• Въ 1844 году, по распоряженію Министрства Государственныхъ Имуществъ, въ завѣдываніи (е) начальнаго охотской компанейской факторіи поступило нѣсколько семействъ переселенцевъ, производившихъ, но безуспѣшно, опыты хлѣбопашества и

рестностях Охотска, и ему же вы-
за часть Высочайше назначенной
этот предмет суммы. Семейства
перевезены къ заливу Аяну и по-
нены на берегах Ман, близъ Нель-
на. Сдѣланные опыты хлѣбопа-
ства общаются полныи успѣхъ.
Рѣбъ, яровой и озимый, и пшеница
ихъ сортовъ, по увѣдомленію отъ
августа 1846 г., начальника факто-
ри, осматривавшаго работы и засе-
нія, стояли въ полномъ плавѣ и
юся пожелтѣли, такъ-что чрезъ
сколько дней собирались присту-
тъ къ жатвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и раз-
веденіе огородныхъ овощей, особливо
пусты, удалось совершенно. По бли-
жайшему осмотру окрестностей Нель-
на, найдено тамъ весьма много
земель, способныхъ для распахки и
пшеницы.

Подобное явленіе, какъ успѣхъ зем-
ля на восточной оконечности Си-
би, весьма-утѣшительно, ибо доро-
жна въ той странѣ съѣстныхъ при-
ловъ первой потребности состав-
ляющее препятствіе къ успѣху про-
шлости Компаніи. Что же ка-
ется до торговли съ Тувгусами, то
Компаніи избраніе для факторіи
мѣста при Аялѣ важно въ томъ отно-
шеніи, что тутъ открывається новый
очиникъ добыванія пушнаго товара
въ почующихъ жителей и сбыта
въ колоніальныхъ произведеній. Изъ
сдѣланной въ послѣдней части отче-
таблицы народонаселенія въ колоніи
видно, что во всѣхъ отдѣлахъ къ
у Января 1846 года состояло 560
жителей, а вмѣстѣ съ туземцами—7783
и обоего пола. Компанія не оставила
же безъ вниманія и нравственной
ровы жителей своихъ колоній. Въ
тѣхъ школахъ, находящихся въ Но-
рхангельскѣ, въ мужской и жен-
ской, обучалось къ концу 1845 года 99
мальчиковъ и дѣвушекъ; сверхъ того,
сешваріи состояло 35 учениковъ,
томъ числѣ 22 Русскихъ и 33 Кре-
оль и туземцевъ. Къ поддержанію
уровня жителей колоній способство-
ва устроенная въ Новоархангель-

скѣ больница, гдѣ леченіе вообще шло
успѣшно. Къ отчету приложенъ планъ
залива Аялѣ, съ прилегающими къ не-
му берегамъ, на которомъ устроена
факторія. Жаль, что на планѣ не пока-
зано широты и долготы, чтобы можно
было удобнѣе судить по немъ о самой
относительной мѣстности.

Мы привели нѣкоторыя подробно-
сти отчета, ибо Россійско-Американ-
ская Компанія, по капиталамъ, находя-
щимся у нея въ оборотѣ, и по обшир-
ности производимой ею торговли, есть
одна изъ важнѣйшихъ у насъ въ Рос-
сїи, а по количеству пушнаго товара,
безъ сомнѣнія, немногимъ уступаетъ
Гудзонбайской Компаніи. Притомъ,
управленіе колоніями, такъ далеко от-
стоящими отъ главнаго пункта правле-
нія, сопряжено съ такими затруднені-
ями при плохомъ сообщеніи, какъ су-
химъ путемъ, такъ и моремъ, что
успѣшный ходъ дѣлъ и торговли Ко-
паніи и ея процвѣтанія можно только
приписать неунынной дѣятельности и
званію ея распорядителей.

62) СОВРАНИКЪ ПРАВИЛЪ СОХРА-
ННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ ПРИ МОСКОВСКОМЪ
И САНКТПЕТЕРБУРГСКОМЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ
ВОСПИТАТЕЛЬН. ДОМАХЪ. ИЗДАЧЕНО ИЗЪ
УЧРЕЖДЕНІЙ И УСТАВОВЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ
КРЕДИТНЫХЪ УСТАНОВЛЕНІЙ. САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1847. ВЪ ТИП. К. КРАЙА. ВЪ 16-Ю Д. Л. 116 стр.

Кромѣ другихъ польза, предлагае-
мая книга еще тѣмъ необходимою, что
изданная въ 1838 году о подобномъ же
предметѣ, подъ заглавіемъ: «Правила
Санктпетербургской Ссудной Казны
Ломбарда», уже не можетъ служить ру-
ководствомъ, потому-что въ настоящее
время эти правила во многомъ противъ
прежняго измѣнены. (Предувѣдомл.
издателя).

63) Взглядъ на тавани, доки, озерное
и рѣчное судоходство, малки, пароход-
ство, водоснабдительныя строенія, кана-
лы, дороги, желѣзные дороги, мосты и
другія работы Соединенныхъ Штатовъ
Сѣверной Америки. Соч. англійскаго ин-

- *инженера Давида Стевенсона. Перев. съ англійскаго Г. Б. т. к. ва. Николаевъ. Въ тип. черноморскаго гидрографическаго депо. 1845 (1846). Въ 8-ю д. л.*

Сѣверо-американцы превзошли всѣ просвѣщенныя націи, не исключая самихъ Англичавъ, смѣлостью и замысловатостью своихъ построекъ и сообщеній. Мѣстные способы изобильной дѣсомъ и строевыми матеріалами страны, и множество большихъ озеръ и рѣкъ, содѣйствовали въ этомъ какъ-нибудь лучше предпримчивому духу трудолюбиваго народа, котораго девизъ: «go ahead!» (впередъ!), и котораго одна изъ главныхъ потребностей — быстрота сообщеній. Вотъ почему нигдѣ нѣтъ желѣзныхъ дорогъ, которыя были бы проведены по болѣе-труднымъ мѣстамъ: примѣръ—желѣзная дорога, идущая нѣсколькими уступами черезъ горный хребетъ Алеггани, и нѣкоторыя другія, которыми пересѣкаются топкія болота; нигдѣ пароходствъ не развито въ такой неѣроятной степени, и нигдѣ пароходы не ходятъ съ такою быстротою, какъ по обширнымъ озерамъ, великолѣпнымъ потокамъ и впадающимъ въ нихъ рѣкамъ Соединенныхъ Штатовъ; нигдѣ нѣтъ каналовъ, которые бы тянулись по такимъ длиннымъ расстояніямъ и по которымъ бы такъ дѣятельно перевозились пассажиры и товары изъ одного конца страны въ другой. «Правда, инженерныя работы Америки», какъ говорятъ въ своемъ предисловіи авторъ этой книги, англійскій инженеръ Стевенсонъ: «не всегда удобоприимлемы къ европейскимъ обстоятельствамъ; но все же измѣненія, которымъ подвержено искусство въ новой странѣ, могутъ оказаться полезными, представляя различныя методы работъ, примененныя къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и ограниченнымъ средствамъ».

Къ этому надобно прибавить, что такъ-какъ желѣзныя дороги строятся въ Америкѣ большею-частью на скорую руку, а на парходахъ, управляемыхъ рѣдко людьми свѣдущими и опытными, не жалѣютъ паровъ, чтобы заста-

вить ихъ двигаться съ наибольшою скоростью, то ни въ одной странѣ не бываетъ такого безчисленнаго количества несчастныхъ случаевъ отъ поврежденія дорогъ и взрыва паровыхъ котловъ, какъ здѣсь; но лямки объ этомъ нисколько не заботятся: они остаются неизмѣнно-вѣрными своему девизу: впередъ, во что бы то ни стало!»

Г. Стевенсонъ посѣтилъ Верхнюю и Нижнюю Канаду и самыя интересныя части Соединенныхъ Штатовъ Сѣверо-Америки, стараясь осмотрѣть нѣдѣйшіе для инженера предметы. Наблюденія его обняли многіе изъ главныхъ портовъ и судоходныхъ рѣкъ, два изъ большихъ озеръ, главные каналы, желѣзныя дороги, мосты и другія средства сообщенія, такъ же, какъ самыя занимательныя изъ работъ по снабженію городовъ водою. Паростроительство этихъ странъ, система излеченія освѣщающихъ ихъ берега, и многія другія предметы, болѣе или менѣе достопримѣчательныя, также вошли въ списокъ его обзора. Онъ пишетъ обобщенно, что ему пришлось видѣть, въ связи общепонятныхъ выраженій, много по возможности технических терминовъ, такъ-что не нужно было даже перомъ, ни морякомъ, а надо было много образованными челоукомъ, чтобы найти книгу его занимательнаго Б. т. к. в. в., переведшій ее съ англійскаго, дополнилъ переводъ своимъ новыми поясненіями и примѣчаніями, какъ своими собственными, такъ и привлеченными изъ лучшихъ научныхъ и періодическихъ изданій, многими изъ Англійи о заключающихся въ этой книгѣ предметахъ.

Въ началѣ ея приложена карта Соединенныхъ Штатовъ, съ означеніемъ на ней каналовъ и желѣзныхъ дорогъ въ томъ видѣ, въ какомъ были до начала и дороги въ то время, когда путешествовалъ г. Стевенсонъ; сего, въ ней множество чертежей и замѣчательнѣйшихъ доковъ, ваврукъ для водоснабдительныхъ строеній, мысловатѣйшихъ мостовъ, и способовъ устройства желѣзныхъ

тъ, а также рисунки и чертежи наилучших по своей ходкости рѣчныхъ и морскихъ пароходовъ. Книга дана хорошо; чертежи и рисунки даны весьма-отчетливо и удобно.

64) Россійско - Греческій Словарь, составленный Иваномъ Синайскимъ. Москва. Въ тип. Августа Семева. 1846. II и 678 стр.

Въ русской литературѣ часто полагаются престранныя, предвзвѣныя книги. Къ такимъ загадочнымъ книгамъ принадлежитъ и книга Синайскаго. Однако, внимательно речитая ее, мы увидѣли, что она, смотря на свои странности, не безъ стоинствъ, и составлена съ примѣрнѣй добросовѣстностью. Это, а еще более то, что книга г. Синайскаго есть первый русско-греческій словарь, и что а, по неплодородности нашей учебной и учебной древне-классической литературы, остается, вѣроятно, надолго единственнымъ русско-греческимъ словаремъ, — обавываетъ насъ обрадовать на книгу г. Синайскаго болѣе, чѣмъ сколько заслуживала она по безотносительному своему стоинству.

Предварительно считаемъ нужнымъ знать нѣсколько словъ противъ одностраничнаго предразсудка относительно изученія греческаго языка. Предразсудокъ этотъ, въ-слѣдствіе историческихъ причинъ, утвердился въ оубъ многихъ Русскихъ (особенно въ провинціи) и — г. Синайскаго.

Въ Западной-Европѣ съ особенною новостію начали заниматься греческимъ языкомъ съ конца XV вѣка, когда Греки, убѣжавшіе изъ взятаго Турками Константинополя, перенесли въ нѣлю множество списковъ греческихъ авторовъ. Эти Греки понимали свщескихъ греческихъ писателей вло-хуже, чѣмъ византійцы Итальян того времени, болѣе ихъ родные византійцы Грекамъ по духу. О Грекахъ вѣка едва-ли можно сказать болѣе, что они перенесли смыслъ своихъ

писателей изъ Константинополя въ Италію: ни одинъ изъ нихъ не оказалъ значительныхъ услугъ греческой филологіи. Все, слѣдующее въ ней, слѣдано Итальянцами, потомъ Французами, Голландцами, Англичанами и наконецъ Нѣмцами. Народы же Западной-Европы не были ничѣмъ прямо, непосредственно связаны съ Греціею: она имѣла и имѣетъ для нихъ только обще-человѣческой интересъ. Потому у нихъ и могло, и — въ-слѣдствіе развитія всѣхъ наукъ вообще — должно было образоваться пониманіе всемірно-историческаго значенія классической Греціи. Въ Западной-Европѣ видѣтъ въ изученіи греческаго языка и греческой жизни — существенную часть человѣческаго, гуманическаго образованія. И потому изученіе греческаго языка *сосредоточивается* тамъ на классическихъ писателяхъ, т. е. жившихъ до Аристотеля включительно: ихъ только считаютъ необходимыми для общаго, чело-вѣчнаго образованія, ибо въ нихъ только живетъ истинно-античный духъ. Такъ въ полной греческой грамматикѣ Маттіе (August Matthiae), пользующейся, особенно по синтаксису, до-сихъ-поръ уваженіемъ, и, не смотря на то, что первое изданіе ея было въ 1807 году, до-сихъ-поръ необходимой для всякаго занимающагося греческимъ языкомъ, — въ грамматикѣ Маттіе примѣры приводятся только изъ писателей, жившихъ до Аристотеля; даже назъ Аристотеля немного примѣровъ.

Не такъ было у насъ. Мы приняли и религію, и первые начатки образованія отъ Грековъ византійскихъ, которые были съ нами въ постоянныхъ сношеніяхъ. И теперь даже они ближе къ намъ, чѣмъ къ прочимъ Европейцамъ. Но прямое, непосредственное вліаніе ихъ ограничивалось однихъ только духовенствомъ: вліаніе ихъ на мірянъ было незначительно. Духовенство же наше занималось и занимается доселѣ преимущественно духовными греческими книгами. Потому у насъ и не развилось понятіе о всемірно-человѣческомъ значеніи классической Гре

ции. Оно стало усвоиться у нас только съ прошедшаго столѣтія, съ того времени, когда мы пришли въ ближайшія сношенія съ Западною-Европою. Европейское пониманіе древней, классической Греціи коснулось и тѣхъ, которые учились и учатся по-старому. Сознавательно усвоить его они, конечно, не могли. Отъ безсознательности же произошло то, что они подъ словомъ «греческій языкъ», разумѣютъ три совершенно-разнородные по цели изученія языка: классическій, библейскій и отцовъ церкви, и ново-греческій, и ставить изученіе церковнаго языка выше классическаго. Нужно строго отличать не только древне-греческій языкъ отъ ново-греческаго (между ними такое же отношеніе, какое между латинскимъ и итальянскимъ), но даже языкъ писателей, жившихъ до Аристотеля, отъ языка повдѣйшихъ авторовъ. Языкъ классическихъ писателей необходимъ въ общемъ образованіи: языкъ же не-классическихъ, послѣ Аристотеля жившихъ, необходимъ только для тѣхъ, кто посвящаетъ себя какому-нибудь спеціальному занятію, на-примѣръ, богословію, исторіи. Конечно, между тѣмъ и другимъ языкомъ нѣтъ большой разницы; она вполнѣ замѣтна только знатоку и состоитъ не столько въ различіи матеріала, сколько въ различіи формы: слова и обороты почти тѣ же въ писателяхъ не-классическихъ, какъ и въ классическихъ; не достаетъ имъ изящества, красоты и разумности классическаго языка. Поэтому въ общемъ, въ гуманическомъ образованіи, имѣющемъ цѣлю изученіе пластическаго характера древней Греціи, надобно допускать преподаваніе только писателей, жившихъ до Аристотеля, а изъ повдѣйшихъ только тѣхъ, которые приближаются къ классическому идеалу, на-примѣръ, Лукіана. Только въ такомъ случаѣ возможно достиженіе пластицизма Греціи.

У насъ занимались до послѣдняго времени, и теперь многіе занимаются преимущественно духовными греческими писателями: отъ этого, есте-

ственно, многіе до-сихъ-поръ съ нами греческаго языка связываютъ болѣе изученіе церковнаго языка чѣмъ классическаго. Слѣдствіемъ и языка древне-греческаго съ ново-греческимъ былъ причиною патристическимъ Грековъ, которые, какъ и сказали, находились съ нами въ послѣднихъ сношеніяхъ и теперь близки намъ, чѣмъ къ прочимъ Европейцамъ. Европейское образованіе, въ концѣ прошедшаго столѣтія, коснулось слѣдующихъ. Слѣдствіемъ этого было то, что почти-одинашвіе подъ турецкимъ владычествомъ Греки вспоминали, что потомки славныхъ древнихъ Эллановъ. Да какъ же въ-самомъ-дѣлѣ и не бы имъ потомками ихъ? Вѣдь они жили именно на той же самой землѣ, на которой жилъ Периклъ, Платонъ. Многие изъ нихъ принялись за изученіе древняго языка. Тутъ они увидѣли, что варварскій языкъ ихъ не слишкомъ похожъ на прекрасный и разумный древній языкъ. Возрожденіе Эллады было сознатель въ этомъ: кто лучше изъ нихъ стали возмѣлять народный языкъ, возмѣлялъ каждый по своему, языкъ писателей болѣе или менѣе похожій на древній болѣе или менѣе непонятный языкъ. Выдумавъ такой языкъ, или, лучше сказать, такіе языки, рѣшили, что бы то ни стало увѣрить себя и другихъ, что они благородные потомки древнихъ Эллановъ. Они забыли только о томъ, что въ нихъ чуть-ли не половина славянской и разовой другой чѣмъ эллинской, что не только въ восьмомъ столѣтіи, вся Морва была занята Славянами, — ославянилась земля, по словамъ императора Константина. Вообразили себѣ, что они англійскіе, вообще европейскіе, не понимаютъ, не могутъ выучиться греческаго языка, что они въ своихъ книгахъ о греческомъ языкѣ просто нагородили чепуху. Занятое нами, конечно, не выучивается къ некоторымъ Грекамъ, ключенія вездѣ бываютъ. И въ насъ есть немногіе такіе, которые

отъ справедливость европейскія понятія,—потому-что понимаютъ ихъ. Дбо всемъ этому не слѣдовало бы и ковать, еслибъ мы не знали по собственному опыту, что у насъ еще мнѣ много, особенно въ провинціи, имѣютъ яснаго понятія о показаннѣ нами различіи; а главное, еслибъ оръ разбираемой нами книги знали различіе:

Теперь обратимся къ книгѣ г. Синайскаго. Мы назвали ее въ началѣ най рецензіи загадочною. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ ней много загадочнаго, въ русско-греческаго словаря, назнанаго для пособія при изученіи классическаго греческаго языка (а такой варь мы и надѣялись получить отъ Синайскаго), требуется, чтобъ въ къ помѣщены были только чистосиническія слова, выражающія чистоклассическія понятія. Какъ же мы явились, встрѣтивъ въ словарѣ г. Синайскаго такія русскія слова съ переводомъ на греческій языкъ: кавалгардъ, кадетъ, гимназистъ, калибръ шки), вареники, вакса, ружье, ысь, макароны, табакерка, водка дно, Греки были не таковы, какъ гнипы: надъ ними не полтрутъ бы Тарасъ Бульба!), шетникъ, тамъ, работающая и продающая тья, и пр., и пр. На 511 страницѣ , 49 словъ 35 такихъ: регламентъ, извъ (и въ преферансѣ играли Гре-), реентмейстеръ, реентмейстеръ и . Вообще, такихъ словъ наберется ѣе трети. Для выраженія такихъ ятій нѣтъ словъ не только въ классическомъ языкѣ, но даже и въ новоческомъ, потому-что и самихъ поій нѣтъ. Какъ же выражаетъ такія ятія г. Синайскій? Или описательно, ифразомъ, или классическими же вами, придавъ имъ новое значеніе, такими словами, которыхъ мы не одили въ словарѣ Пассова (словарь сова одинъ изъ самыхъ лучшихъ и выхъ нѣмецкихъ словарей). Для чеке онъ выражаетъ новыя понятія почески? Цѣль книга своей г. Синайскій высказала, кажется, слѣдующи-

ми словами предисловія: «Россійско-греческій словарь—есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣшнаго изученія греческой литературы въ нашентъ-отечествѣ и нашей литературы въ возсозданной Елладѣ». Какую греческую литературу разумѣлъ г. Синайскій? Если классическую, то для нея не нужны слова: ружье, мадамъ, вареники и пр. Если ново-греческую (для нея только могутъ быть нужны такія слова), то Богъ съ ней. «Изученіе нашей литературы въ возсозданной Елладѣ?.. Представимъ себѣ, что какой-нибудь любовзательный Грекъ захочетъ познакомиться съ Пушкинымъ, Гоголемъ: ему точно словарь г. Синайскаго пригодится. И то не совсѣмъ. Въ словарѣ этомъ далеко не всѣ, употребляющіяся теперь, русскія слова: есть ружье, а нѣтъ пистолета, есть ремизъ, а нѣтъ преферанса, есть калибръ, а нѣтъ лафета, и т. д. И, напротивъ, есть очень-много словъ почти-неупотребительныхъ, даже провинціальныхъ; на-примѣръ: кавержу, тазаю, возгривость, зага (коляска), воздолю (дою), ферези, и пр. Притомъ, Греки,—по-крайней-мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые не знаютъ хорошо древняго греческаго языка,—были бы болѣе благодарны г. Синайскому, если бы онъ перевелъ русскія слова не на древне-греческій, а на ново-греческій; а то вѣдь имъ придется же справляться означеніи древне-греческихъ словъ двойной трудъ!

Мы сказали, что г. Синайскій новыя, не греческія, по-крайней-мѣрѣ не классическія понятія выражаетъ или перифразомъ, или греческими же словами, придавъ имъ новое понятіе, или совершенно-новыми словами. Перифразъ его довольно-ясенъ и точенъ: вообще г. Синайскій отличается точностью. Но откуда онъ взялъ новыя слова? Между ними немногихъ такихъ, которые, какъ намъ кажется, взяты изъ ново-греческаго языка (на-примѣръ—*рѣхъ* водка). Намъ кажется, что они придуманы самими г. Синайскими; если же придуманы, то болѣею ча-

стію придуманы довольно-некуско. А можетъ-быть и не придуманы. Въ предисловіи объ этомъ ничего не сказано. Въ предисловіи, г. Синайскій въ одномъ мѣстѣ жалуется на недостатокъ пособій, въ другомъ прямо говоритъ, что его словарь составленъ «безъ всякихъ данныхъ образцовъ и постороннихъ пособій». Новая загадка! Не станемъ говорить о совершенной невозможности составить довольно-большой словарь какого бы то ни было языка безъ всякихъ данныхъ образцовъ и постороннихъ пособій. Покажемъ лучше, что у г. Синайского могли и должны были быть и образцы, и пособия. У насъ есть нѣсколько словарей русско-французскихъ, русско-нѣмецкихъ, есть академическій русский словарь. Далѣе, у насъ нѣсколько разъ перепечатывались словари Шревелия и Гелерика греко-латинскіе и латинно-греческіе. Всѣ эти словари можно найти во всякомъ губернскомъ городѣ, а слѣдовательно и — въ Саратовѣ (г. Синайскій живетъ, кажется, въ Саратовѣ: подъ предисловіемъ подписано: Саратовъ).

Словарь г. Синайского можетъ быть съ пользою употребляемъ не одними Греками, но, за неимѣніемъ другаго, и тѣми, кто занимается древне-греческимъ языкомъ. Мы сказали уже, что г. Синайскій отличается точностью. И въ-самомъ-дѣлѣ, невѣрностей въ значеніи нешного. Большая часть ихъ очевидно произошла отъ недоразумѣнія, отъ-того, что онъ иногда принимаетъ русскія слова въ какомъ-то странномъ значеніи, а еще отъ-того, что онъ пользуется, вѣроятно, и нѣмецкими книжками-выбуди книгами, не выразивъ надлежащимъ образомъ значенія нѣкоторыхъ нѣмецкихъ словъ. Такъ равнодушіе переводитъ онъ чрезъ *ἐπιεικία* (т. е. *ἐπιεικία*; г. Синайскій часто ошибается въ удареніяхъ: мы сейчасъ будемъ говорить объ этомъ) в *ἐπιεικία*. А эти слова скорѣе значатъ справедливость, чѣмъ равнодушіе: вѣроятно г. Синайскій придалъ слову *равнодушіе* значеніе латинскаго *aequus animus*. «Забавная рѣчь, *ἐπιεικία*». Опять не такъ;

ἐπιεικία значитъ кротость и обрещеніи. «Кабалистика, *καβαλιστική*, *καβαλιστική*, *καβαλιστική*. Послѣдніе слова значатъ не кабалистику, а — *Cabale*, интриги, коварство, *insidiae*. Г. Синайскій смѣшалъ *Cabale* и *Cabale*.

Поясненій при словахъ нѣтъ никакихъ. Различія въ синонимичныхъ словахъ не показано нигдѣ.

Напечатана книга г. Синайского хорошей бумагѣ, часто. Только много опечатокъ: на 168 страницѣ до много опечатокъ. Множество ошибок противъ удареній, особенно обличеній. Даже въ *πολιτισμός*, *δραστήριος* поправлено въ *δραστήριος* (вѣсто *δραστήριος*). На страницѣ стоятъ сряду окончанія: *ὄβρις*, *ὄβρις*, *ὄβρις*, *ὄβρις* вѣсто: *ὄβρις*, *ὄβρις*, *ὄβρις*, *ὄβρις*. На 601 страницѣ *Τούσκος*, *Τούσκος* вѣсто *Τούσκος*, *Τούσκος*. Рѣшительно не знаемъ, отнести такіа ошибки, — къ опечаткамъ или къ незнанію г. Синайского. Мы ренія греческіа такъ правильны, и разумны, что не знаемъ ихъ языка греческій языкъ, мудрево. Нѣкоторые дѣльными словами г. Синайскій пишетъ иногда, по-старому, тяжелое реніе: теперь ставятъ его только тогда слово, на которомъ лежитъ тяжелое удареніе, вхождисъ другимъ словомъ.

Въ словарѣ г. Синайского много и собственныхъ именъ. Мы знаемъ: Кальвинъ, Периклъ, Францискъ, Рудольфъ, Робертъ и т. д. А слово: Людовикъ, Мелантонъ, теперь, мы не знаемъ. На каменіи одинъ собственныа имени въ словарь г. Синайского, и не знаемъ, — не знаемъ.

65) Дятская Библиотека, собраніе дятскихъ поестей, *сборникъ дятскихъ поестей, сборникъ дятскихъ поестей, сборникъ дятскихъ поестей*. Изданная на каменіи Камше, переводъ А. С. III. Ст. тинками. Въ двухъ частахъ. Спб. 1846. Въ тит. К. 8-ю д. л. 150 стр.

Перевернувъ нѣсколько отъивно-брыхъ страницъ этой книжки, мы бѣднлись, что дѣти, учившіяся читать по первому ея изданію, давно же утѣшаются внуками. Въ самомъ началѣ красуются стишки:

«На дворѣ овечка спитъ,
Хорошоколько лежать.
Баю баюшки баю, и проч.

въ серединѣ:

У насъ всѣ утѣхи
У малыхъ дѣтей,
Игрушки и смѣхи,
И много затѣй,» и проч.

Въ прозѣ блистаютъ рассказы: «*Злобистеющая Котъ* и невинно страдающая Шавка», «*Счастіе благодѣтеля*», «*Надежить быть довольнымъ, что усталила природа*» и т. п. отъ образчикъ прозы «*Дѣтской Библиотеки*»:

«Тогда сказалъ онъ мнѣ: вотъ мой другъ, сунуль мнѣ два шиллинга въ руки, вотъ что я имѣю; но если ты вѣчто заслужи хочешь, я знаю къ тому способъ,» (р. 113).

«Дѣтскую Библиотеку» нельзя назвать даже *перевечаткой* стараго: брана вновь одна обертка. Начальна буквы имени переводчика и ставный шрифтъ довольно-ясно говорятъ, что переводу этому лѣтъ 50 отъ ду.

66) Новая Библиотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкимъ. Книжка I и II. Москва. 1847. университетской типографіи. Въ 16 т. Въ I-й книжкѣ 220, во II-й — 192 р.

Библиотека для Воспитанія, первые номера которой явились въ нынѣшнемъ году, не даромъ называется новою. Въ ней все новое: форматъ, переплетъ, обертка и статьи. Въ прежнихъ акъ этого очень-полезнаго изданія, ряду съ многими интересными статьями, помѣщались и такія, отъ которыхъ можно было бы уволить всѣ воз-

расты жизни, особенно дѣтство и юношество, требующія здоровой, питательной пищи. Редакторъ въ «Новой Библиотеки» поступилъ разборчиво: семь статей, напечатанныя въ двухъ книжкахъ, могутъ доставить полезное чтеніе. Между сотрудниками видимъ имена извѣстныхъ ученыхъ: А. Драшусова, С. Соловьева.

Въ первой книжкѣ напечатаны три статьи: «*О Лунѣ*», А. Драшусова, съ чертежами и картою луны. Хотя самъ авторъ сознается, что статья его покажется длинною и скучною для читателей, которымъ она назначается, но вмѣстѣ съ этимъ убѣжденъ, что несравненно полезнѣе узнать отчетливо одни главнѣйшія явленія, чѣмъ принять многое на вѣру; что богатство нашихъ знаній заключается не въ загадочныхъ истинахъ, а въ яснопознанныхъ свѣдѣніяхъ. Не должно бояться труда, который можетъ представиться при чтеніи той или другой статьи. Чтѣ и за чтеніе, которое оставляетъ послѣ себя дѣйствіе, подобное дѣйствію сладкаго леденца? Главное дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ трудъ былъ пріятнымъ посредственно или непосредственно — т. е., чтобъ читающій ощущалъ удовольствіе и пользу или во время самаго труда или находилъ удовольствіе въ пользѣ, приносимой чтеніемъ въ посядствіи. Надобно помнить, что чтеніе каждой статьи должно служить и непремѣннымъ приобрѣтеніемъ какихъ-нибудь познаній, и что нѣтъ такихъ дѣтскихъ книгъ, которыя дѣти могли бы читать одни, сами-по-себѣ, безъ помощи наставника, отца, матери, старшаго брата, готовыхъ объяснять значеніе предметовъ и словъ.

Подъ заглавіемъ: «*Русская глгопцисъ для первоначальнаго чтенія*», г. Соловьевъ обѣщаетъ помѣстить нѣсколько статей. Первая, напечатанная во второй книжкѣ, оканчивается крещеніемъ русскаго народа. Это простой, безъ всякихъ прибавокъ и

разсужденій, пересказъ неосторожной летописи на современномъ языкѣ. Дѣло полезное: дѣти познакомятся съ главнѣйшимъ источникомъ нашей древней исторіи прежде чѣмъ займутся исторіей и летописью, какъ студенты или какъ ученые. «Прогулка по Гарцу» (В. Лапшина), посвященная памяти Д. А. Крюкова, прочтется съ удовольствіемъ, какъ интересный разсказъ о важныхъ предметахъ географіи, о важныхъ явленіяхъ природы. Въ этомъ же отношеніи замѣчательна повѣсть или лучше, разсказъ: «Мать хотѣлось быть лѣ(е)каремъ», ибо дѣйствующее лицо этого разсказа странствуетъ въ Персіи и говоритъ о нравахъ и обычаяхъ Персіянъ. Представленіе чего-нибудь научнаго въ формѣ романа или повѣсти очень-выгодно, какъ соединеніе двоякой пользы. Конечно, романъ или повѣсть не выйдутъ художественными, но первоначальное дѣло воспитанія не въ художественности, которая иногда плохо понимается и взрослыми. Кромѣ этого, начатъ сокращенный разсказъ странствованій Одиссея, какъ предвѣстительное знакомство съ старомъ вѣчно-юною пѣснью Гомера; вложены подвиги Пирра, царя эпирскаго, и помѣщена повѣсть «Золотой Жукъ».

67) Сѣрый Ариякъ, или исполненное обещаніе. *Повѣсть для дѣтей*. Кн. Влад. Львова. Изданіе второе. Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 276 стр.

«Сѣрый Ариякъ» принадлежитъ къ числу тѣхъ повѣстей, которыхъ теперь уже не пишутъ, потому — что не находятъ въ нихъ пользы, — и отличается всѣми похвальными принадлежностями своего родового понятія. Главная изъ этихъ принадлежностей состоитъ въ томъ, что повѣсть обязана изображать или происшествіе рѣшительно-вымышленное, то есть, не только небывалое, но и невозможное быть, противорѣчащее за-

конамъ ума и законамъ природы, или такое происшествіе, которое можетъ дѣйствительно случиться, но случается во сто лѣтъ одинъ разъ, следовательно, волю исключительное, не въ примѣръ другимъ хорошее или дурное. «Сѣрый Ариякъ» относится къ второму разряду. Сюжетъ его очень-простъ. Главное дѣйствующее лицо, Петръ Гришловичъ Перловъ, такой добрый помѣщикъ, что если проѣзжіи сироты, бывало: гдѣ усадьба вашего барина! то всякій съ веселымъ видомъ укажетъ на господскій домикъ. Сверхъ-того, у этого барина во всемъ вѣнѣтъ былъ порядокъ, непринужденность, довольство. Вторая принадлежность повѣсти такого рода заключается въ томъ, что ее хвалятъ взрослые и читаютъ малолѣтвые: слѣдствіе весьма естественное того вліянія, которое производитъ должна нравственность на всѣ возрасты жизни. Въ-третьихъ, языкъ и слогъ не составляютъ непреѣмимыхъ условій нравственныхъ повѣстей: ибо нравственность малою частію своею заключается въ словахъ, но всѣмъ существомъ погружена въ дѣла. Отъ-того же теперь мало пишутъ подобныхъ повѣстей? Отъ-того, что наибѣйшая изящная словесность имеетъ пользу только въ истинномъ представленіи событій, въ поэтическомъ разсказѣ того, что дѣйствительно есть. Это убѣжденіе довело нѣкоторыхъ писателей до той мысли, что дѣлать повѣстей и быть не можетъ, что такъ называемая нравственная повѣсть, обидная сплосшь и рядомъ противорѣчіе между вымышленною и настоящею нравственностью, между идеальнымъ построеніемъ жизни по авторскому плану и дѣйствительнымъ устройствомъ міра по волѣ Божіей, — сама себѣ унытожаетъ.

68) Елка. *Часть вторая. Осмѣивать уроковъ настенную чтеціи для начинающихъ*. Составила Анна Дарганъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Вторую Отдѣленія Собственной Е

Императорскаго Величества Канцелярии. Дня части. Въ 8-ю д. л. Въ I-й 12, во II-й 144 стр.

Въ концѣ прошлаго года мы извѣщали читателей о выходѣ въ свѣтъ Русской Азбуки г. Греча. Елкажи Дараганъ составляетъ съ такою же тѣлою и съ такимъ же стараніемъ. Однакожь, сравнивая обѣ книжки, мы пошли до того заключенія, что азбука Греча превосходитъ азбуку г. Дараганъ многочисленными примѣрами различныхъ шрифтовъ; а Елкажи Дараганъ беретъ верхъ надъ азбукой г. Греча множествомъ прекрасныхъ рисунковъ. Нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ могли бы сдѣлать честь любому иллюстрированному изданію. Особенно понравилась намъ картинка на страницѣ 88 первой части. Задача слѣдующая:

Папенька пишетъ.
Маменька читаетъ.
Нянюшка работаетъ.
Дѣти сперва учились, теперь они играютъ.

Фигуры папеньки и няньки превосходны. Благонамѣренное лицо отца семейства рѣшительно напоминаетъ некоторыхъ героевъ Гоголя и Достоевскаго.

69) Древняя Исторія для Юношества, соч. Ламе-Флѣри. *Переводъ съ французскаго. Исторія Древнихъ Африканскихъ и Азіятскихъ Народовъ и Исторія Греціи. Изданіе второе, исправленное, съ 16 таблицами. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Вишера. Дня части. Въ 8-ю д. л. 290 тр.*

Сочиненія Ламе-Флѣри считаются бразчиками доступнаго дѣтямъ изложенія исторіи. Но стоить прочесть нѣсколько страничекъ одной изъ его исторій въ подлинникѣ, чтобъ убѣдиться въ совершенной невозможности какъ называемаго популяризованія исторіи. Потрудитесь прочесть, а-примѣръ, хоть слѣдующее мѣсто: Въ самыя отдаленныя времена, о Т. L. — Отд. VI.

какихъ только сохранились преданія, въ Египтѣ было мало жителей, да и тѣ находились въ грубомъ, невѣжественномъ состояніи; напримѣръ, эти первобытные Египтяне думали, что они родились прежде всѣхъ на свѣтъ изъ того же самаго пла, согрѣтаго лучами солнца, который оплодотворяетъ землю ихъ... (стр. 1).

Какъ понятна должна быть дѣтямъ фраза «и тѣ находились въ грубомъ, невѣжественномъ состояніи», дѣтямъ, которые, разумеется, и сами находятся нѣ въ лучшемъ состояніи. Правда, идея грубости и невѣжества объяснена у автора примѣромъ. Но скажите, пожалуйста, какую глупость можетъ найти ребенокъ въ мнѣніи—будто люди родились изъ пла? Скорѣй можно предположить, что это объясненіе покажется ему совершенно дѣльными: онъ знаетъ, что растенія выходятъ изъ земли—почему жъ бы, подумаетъ онъ, и человѣку не родиться какъ рыбку?

Вообще, желая объяснить дѣтямъ младенчество древнихъ народовъ, Ламе-Флѣри постоянно забываетъ, что дитя, читающее его книгу въ 1847 году, по развитію своему ушло никакъ не дальше какого-нибудь Халдея, жившаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до рождества Христова, и что потому понятія ихъ скорѣе могутъ быть сходны, чѣмъ противоположны. Вотъ почему на русскомъ языкѣ Исторія Ламе-Флѣри является не для дѣтей, а для юношества вообще; и не думайте, чтобъ русскій издатель переимѣнилъ только названіе, — нѣтъ, онъ передалъ самый текстъ, нное выкинулъ совсѣмъ, другое измѣнилъ, многое прибавилъ, такъ-что теперь Ламе-Флѣри является у насъ совершенно въ новомъ видѣ, весьма-мало похожемъ на подлинникъ. А потому мы полагаемъ, что эта книга можетъ быть съ пользою употреблена при воспитаніи юношества, — разумеется, подъ руководствомъ хорошаго наставника.

70) Александръ Давидовичъ Мнѣшиковъ. *Историческій романъ* 1/2 9

для детей. *Въ трехъ частяхъ. Соч. П. Фурманна. Изданіе А. Ф. Фарикова. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 171, 137, 136 стр.*

Романъ этотъ можетъ быть прочтенъ съ удовольствіемъ не только детьми, но и значительнымъ числомъ взрослыхъ читателей, не отличающихся строгими требованіями ни на романъ, ни на исторію. Такимъ снисходительнымъ потребителямъ-судьямъ не покажется страннымъ, на-пр то, что слуга Меншикова выражается слѣдующимъ образомъ:

«Простите великодушно, ваша свѣтъ юсти; но я уже имѣлъ честь докладывать, что ни за что въ мірѣ не разстанусь съ вами... Да и куда мнѣ идти, старику оліпокому? Вспомните, ваша свѣтълость, ту ночь, когда вы открыли въ Москвѣ заговоръ противъ Великаго Государя нашего Петра Алексѣевича; вспомните двухъ человѣкъ, просидѣвшихъ всю ночь въ подвалѣ у полковника Соковнина, въ болѣзненномъ ожиданіи рѣшенія ихъ участи; вспомните, съ какою призвательностію одинъ изъ этихъ людей послѣдовалъ за вами, когда ихъ освободили... Этотъ человѣкъ я, Симоновъ! Н съ этой ночи я поклялся вѣчно служить вамъ, никогда не разлучаться съ вами! Не разъ исходилъ я вслѣдъ за вами на Шведскіе фрегаты, подъ градомъ пуль и картечи; я былъ съ вами въ Турціи, Швеціи, Польшѣ и Пруссіи; я былъ при васъ во время побѣды подъ Калишемъ; я былъ съ вами на полѣ Полтавскомъ; зачѣмъ же вы хотите, чтобы я теперь разстался съ вами?» (Стр. 66).

71) Путешествіе съ Дѣтьми по Святой Землѣ. *Переводъ съ французскаго. Съ 32 видами. Часть первая. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 162 стр.*

Въ этомъ путешествіи нѣтъ ничего новаго; видно даже, что это не что иное, какъ компіляція изъ чужихъ сочиненій. Впрочемъ, она можетъ имѣть свою полезную сторону, какъ сборникъ фактовъ священной исторіи.

Альбомъ, приложенный къ тексту и содержащій въ себѣ 32 вида святыхъ

имѣть съ ихъ окрестностями, какъ сказано на оберткѣ, не отличается ни особеннымъ изяществомъ, ни особеннымъ безобразіемъ.

Пельза, однакожъ, не рекомендовать этого сочиненія родителямъ и учителямъ: оно продается въ пользу Санктпетербургской Дѣтской Больницы. Цѣна за 2 части съ Альбомомъ — 2 руб. серебромъ.

72) Кончаба, Царевна Татарская Соч. А. Шишовой. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 61 стр.

Талантъ г-жи Шишовой такъ извѣстенъ, что о немъ ничего нельзя сказать новаго по поводу этой мнѣнковой книжечки.

73) Гирлянда. Десятидневныя исторически-поучительныя повѣсти и разговоровъ, лучшихъ иностранныхъ путешелей. Съ 12-ю картинками, литографированными К. Шрейдеромъ и раскрашенными имъ подъ его надзоромъ. Въ двухъ частяхъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Двѣ части. Въ 16-ю д. л. 130, 119 стр.

Если вамъ любопытно узнать, что называется издателемъ «Гирлянды» исторически-поучительной повѣсти, то съвѣтуемъ прочитать повѣсть «Прострастіе къ Животнымъ». Содержание ея слѣдующее:

Катенька любила свою кошку такъ сильно, что никогда не могла рѣшиться наказать ее за шалости. Кошка съѣла чижика катенькиной пріятельницы Оливки. Оливка и братъ ее, Александръ, стали требовать, чтобы Катенька отколотила свою кошку. Дѣвочка не согласилась на это требованіе. Тогда Александръ затравилъ катенькину кошку собакой. Этотъ дѣло не кончилось. Свѣдавъ о бездѣльной кончинѣ кошки, братъ Катеньки, Петръ, загравилъ собаку, разгнѣвывая Оливку (такъ звали кошку). Въ ссору дѣтей вмѣшались родители и родители пероссорились. «Вотъ дѣла», заключаетъ авторъ: «чѣмъ часто оза-

чивается привязанность къ животнымъ» (стр. 128).

Еслибъ издатель «Гирлянды» видѣлъ въ виду поларить дѣтямъ просто нравственную или просто поучительную повесть, то, безъ сомнѣнія, впадалъ бы въ юморъ рассказъ не на пристрастіе къ животнымъ, а скорѣе на жестокость егодныхъ мальчишекъ, Александра в етра. Но видно сущность нравственно-поучительной повѣсти въ томъ и состоитъ, чтобъ она была не поучительна. Чтожъ касается до формы этого рода произведевій, то, судя по «Гирляндѣ», она пишется безграмотно. Вотъ примѣры:

Стр. 34, I части. «Вода, которая выкаеъ изъ бока горы и холма и обзауетъ прекрасные водопады, просюдитъ такъ, какъ вы видѣли» и проч.

Стр. 119, I части. «Бѣлка выпрыгнула въ окно и во рту ея замѣтенъ былъ лимъ чижикъ».

Стр. 100, II части: «Анна Петровна обила кормилицу съ особенною признательностью...»

74) Записки Куклы. Переводъ съ французскаго К. Е. Ольскаго. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Крайя. Въ 10 д. л. 47 стр.

Очень-хорошій переводъ пустѣйшей французской книжки.

75) Дочь Дровосѣка. Волшебная азка. Санктпетербургъ. 1846. Во французской тип. Въ 32-ю д. л. 60 стр. Мораль этой книжечки заключается въ осужденіи любопытства—нашли же о осуждать въ человекѣ! Языкъ азки весьма-грамотенъ.

76) Походженія Плутовки-Ляси. Новѣсть, рассказанная для дѣтей Гофманомъ, переводъ съ нѣмецкаго, 24 картичками. Санктпетербургъ. 46. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 205 стр.

Новѣсть эта занимательна для дѣтей. Вообще, послѣ живаго изображенія дѣйствительности, самая лучшая форма рассказа для дѣтей — ба-

снѣ. Сколько-нибудь остроумный ребенокъ повнимаетъ ея аллегорическое значеніе; между-тѣмъ какъ въ волшебныхъ сказкахъ онъ чуть не съ молокомъ матери всасываетъ въ себя отраву мистицизма.

Жаль, что «Походженія Плутовки-Лясицы» переведены самымъ плохимъ языкомъ. Переводчикъ, между прочимъ пишетъ: «она мыслила только дурное» (стр. 19), или «не вижу я ликою, которая бы я не обижала какими-либо образомъ» (стр. 80), или «кушайте, по желанію вашему, травы и зелень» (стр. 99) и проч. и проч.

77) Книжка для Маленькихъ Дѣтей. Новѣя Французская Азбука, содержащая въ себѣ: различныя начертанія буквъ, постепенныя упражненія въ чтеніи и проч. (Le Livre des Petits Enfants, — NOUVEL ALPHABET—contenant des alphabets variés—des exercices gradués jusqu'à la lecture courante etc. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Плюшара. Въ 16-ю д. л. 175 стр.

78) Нѣмецкая Азбука или Руководство къ правильному чтенію. Соч. Александры Звѣревой. (DEUTSCHES A—B—C—BUCH, oder ANWEISUNG ZUM RICHTIGEN LEBEN). Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. К. Жерякова. Въ 8-ю д. л. 59 стр.

Ни французская азбука, ни нѣмецкая азбука не представляютъ ни малѣйшаго отступленія отъ обыкновеннаго порядка вещей. Къ французской приложены довольно-хорошія картинки и предисловіе, въ которомъ увѣряютъ, что книжка очень-хороша; въ нѣмецкой нѣтъ никакихъ картинокъ, ва то нѣтъ и хвастливаго предисловія.

79) Сказка о Невеличкѣ Штпчкѣ, или о двухъ счастливицахъ — Соч. В.... Л.... Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Винбергера. Въ 8-ю д. л. 139 стр.

80) Храбрый Полковникъ. Повесть. — Соч. В.... Л.... Санктпетер-

бург. 1847. В тип. Вилебера. В 8-ю д. л. 42 стр.

Произведения эти напечатаны в одной книжкѣ и, взяты вмѣстѣ, представляютъ изрядный запасъ виршей, ни хуже ни лучше слѣдующихъ:

- Ели жъ спросить обо мнѣ,
- Гдѣ въ какой я сторонѣ
- Обитаю, проживаю,
- Скажи: просто, что не знаю! —
- Межъ тѣмъ, милая, прощай!
- На прощаньи ручку дай, —
- И меня не забывай,
- Въ скукѣ время провождая,
- Обо мнѣ вспоминай!
- Я жъ въ чужой поѣду край,
- Что бы въ немъ печаль и скуку,
- Всю сердечную злу-муку,
- Поразмыкать, поразбить,
- И коль можно, позабыть
- Про тебя, про вѣжныя взоры
- И про сладки разговоры,
- Кои, никогда норовъ
- Велъ, какъ съ другомъ, я съ тобой!...

Не можемъ, однакожь, не отдать справедливости умѣню г. В. ... Д. выбирать эпиграфы къ своимъ сочиненіямъ. Къ «Птичкѣ-Невеличкѣ», напримеръ, прибралъ онъ слѣдующіе стихи Горация:

- Мѣшай съ твоей мудростью
- Небольшой приѣмъ глупости. •
- Удивительная находчивость!

81) Подарокъ Милымъ Дѣтямъ. Русская азбука съ постепенными упражненіями въ чтеніи, молитвами, краткой славенной исторіей и новыми дѣтскими повѣстями. Съ 40 гравированными картинками. Санктпетербургъ. 1847. В тип. К. Крайла. В 16-ю д. л. 46 стр.

Азбука, составленная по самому обыкновенному рецепту, но напечатанная опрятно. Языкъ и слогъ также обыкновеннаго свойства, какъ явствуетъ изъ слѣдующаго наставленія дѣтямъ:

• Любвыми дѣтя! благошравіе да будетъ первымъ предметомъ всѣхъ вашихъ мыслей и поступковъ; ибо она(о) есть цѣль

всѣхъ знаній человѣческихъ. Душа въ развратномъ состояніи не приноситъ добрыхъ плодовъ.» (Стр. 41).

Картинки сносны.

82) Дѣтскія Поздравленія съ халъ. Москва. В тип. Н. Славина. 1846. В 18-ю д. л. 29 стр.

Между различными стихами, безъ сомнѣнія сочиненными въ дѣтскомъ возрастѣ, встрѣтили мы произведеніе Ѳ. Глинки: «Привѣтствіе маминѣ, въ день его именинъ». Почтенный авторъ, или дѣтя, отъ имени котораго онъ говоритъ, рассказываетъ жалобный случай съ сестрою мачехъ: всѣ онѣ жили прежде вмѣстѣ, потомъ унеслись далеко отъ родныхъ гнѣва. Такъ и мы, говоритъ дѣтя съ имени Глинки, или г. Глинки и имени дѣтати, — такъ и мы, говоритъ онъ (папенька при этомъ, раздумывая плачетъ, а маменька поговорила и разсыпалась въ разные стороны... вѣрите, папенька, что мы замыслили, ковь не забудемъ: мы вездѣ (дѣтя и мы), будемъ и тѣмъ-то и тѣмъ-то...

Послѣ поздравленія въ новомъ напечатаннаго на стр. 17, читаемъ: «Всѣ народы считаютъ время именинами, и въ извѣстный день празднуютъ начало его. Древніе Персы такъ новый годъ съ веселыми рѣдѣнствіями, и пр. Это также сестра привѣтствіе: бѣдныя дѣтя и дѣтя его, наряду съ стихами и проговорами предъ растроганными родителями. Бываютъ случаи и лучше этого: дѣтя гдѣ-то (кажется, въ какой-то городничяго подомель къ сестрѣ) проговорить ему басню, выученную на дню папенькиныхъ именинъ. Онъ посадилъ его на колѣни, гладилъ по головѣ и потомъ сказалъ: другъ мой. Дѣтя и началъ:

Свипья на барскій дворъ когдѣ...

но видно, онъ умѣе былъ тѣмъ, рыю выбрали ему басню: онъ началъ, покрасилъ и — зарылъ въ горло. Всѣ предстоящіе время...

акъ пріятно видѣть выраженіе истинныхъ чувствъ дѣтей къ родителямъ!

83) Чудныя Приключенія Кошки Турдышки, описанныя ею самой. Для дѣтей. Передѣланы съ французскаго Г... Москва. 1847. Въ университетской типографіи. Въ 12-ю д. л. 160 стр.

Пустая книжка. Десять картинъ не заправлены, а замазаны. Такъ-же приключенія передѣланы, то и портретъ автора, безъ сомнѣнія, передѣланъ. Поздравляемъ портретную мерю русскихъ литераторовъ съ новымъ сосѣдомъ: хороши! нечего сказать!

84) Русская Исторія для Дѣтей, с картинками. Выпускъ первый. Древняя Исторія. Соч. С. Любецкаго. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю л. 113 стр.

85) Москвитянинъ, журналъ, издаваемый М. Погодинымъ. Нумера 9 и 10. Москва. Въ университетской тип. 846.

Политическая экономія находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. въ числу ея предметовъ, весьма-мало брабѣтанныхъ, принадлежитъ въ-особенности «облегченіе труда». У человека, отъ самаго его рожденія, находится столько обязанностей и обязанностей, столько долга и долговъ, внутреннихъ законовъ и формальныхъ предписаній, что онъ часто изнемогаетъ подъ бременемъ труда, возложеннаго на него и природою, и обществомъ, и имъ-самимъ (позвните за какою-нибудь!) Надобно невременно сочувствовать его обременительному положенію, помочь ему. Первое легко, да горое трудновато. Здѣсь-то и показать бы себѣ политическую экономію, оторой до сочувствія нѣтъ дѣла, но оторая обязана облегчать трудящихся.

Пиша,—еще разъ позвните за сверное дѣтворчаствіе,—пиша эту библиографическую статейку, а не ограничи-

ваюсь однимъ сочувствіемъ, но хочу показать и дѣйствительные способы, служащіе къ облегченію труда, — способы, основанные на литературныхъ примѣрахъ, извлеченные изъ многолѣтняго моего обхожденія съ книжками и книжками. У меня, такъ долго возмущагося — я нынче очень-несчастливъ на слогъ! — съ Библиографической Хроникой, нѣтъ, при этомъ случаѣ, другихъ побужденій, кромѣ пользы соотечественниковъ. Я могъ бы продать мои отарытія, какъ важные секреты, но даю ихъ даромъ, ничего за нихъ не требуя, кромѣ вниманія почтеннѣйшей публики.

Первый, съ великою пользою употребляемый способъ называется *извлеченіемъ* — слово, крайне-благородное въ однихъ мѣстахъ и неблаговидное въ другихъ. Если вы, чего Боже сохрани, извлечете что-нибудь изъ кармана вашего ближняго — деньги, часы, носовой платокъ,—это нехорошо, это скверно, за это плохо будетъ. Но извлечете изъ книги, сочиненной не вами, — это ничего, это даже похвально и, главное, облегчительно, ибо трудъ извлекательный гораздо-легче труда собственно такъ-называемаго, то-есть, я хочу сказать... труда. Литература представляеть въ этомъ отношеніи драгоценные матеріалы, изъ числа которыхъ первое мѣсто занимаетъ Исторія Карамзина. Она просто *разлечена* по частямъ на равныя исторіи, русскія и россійскія. Собственная работа при извлеченіи заключается только въ томъ, что извлекатель украситъ его пѣтями своего краснорѣчія: «Кровь и пожаръ — вотъ постоянная картина Россіи въ продолженіе двухъ вѣковъ; свистъ вражскихъ стрѣлъ блескъ татарскихъ ятагамовъ, стоны и вопли несчастныхъ, которыхъ грабили и убивали, вотъ отголосокъ этихъ двухъ вѣковъ. Злые, свирѣпые сосѣди — рыцари, Поляки, Шведы, Татары рвутъ по частямъ члены изнемогшей Россіи — этого скованнаго великана; гидра же доусобія клочетъ благородное сердце ея» и проч. и проч.

Второй способ осмѣливаюсь назвать *заимойменіемъ*, составленнымъ по приему извѣстной фигуры заимословія. Онъ, какъ видно изъ самаго названія, есть постановка, заимствование чужаго имени для своего извѣстія. Способъ по-семейственный — ибо кто же нынче не записываетъ? и самый неминный — ибо въ нашемъ царствѣ столько разныхъ именъ и фамилій, что произнесете любое, кляните любую — тысячи чело-вѣкъ закричатъ «а!», какъ Тарасъ Скотвицкій на перекличкѣ. Чужое имя можете употреблять или полное, или сокращенное, выставляя первыя буквы. Чѣмъ извѣстнѣе имя, тѣмъ облегчительнѣе имя пользоваться. Такъ, наприм., имя Давидлевскаго можете выставить на книжкѣ «Кавказъ и его горскіе жители». — Перехожу къ третьему и послѣднему способу... но прежде хочу прочесть, вмѣсто интермедіи, посленіе, напечатанное на послѣдней страницѣ «Москвитянина»:

«Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, зная, что я принималъ участіе въ редакціи вашего журнала въ началѣ прошедшаго 1843 года, и подписывалъ статьи свои буквами К. или И. К., приписываютъ мнѣ теперь статьи, подписанныя тѣми же буквами и въ вашемъ же журналѣ помѣщенныя. Потому, не желая присвоивать себѣ чужой собственности, прошу васъ покорнѣйше объявить въ вашемъ журналѣ, что я, кромѣ первыхъ трехъ №№ прошедшаго 1843 года, никогда никакихъ статей въ Москвитянинѣ не помѣщалъ.

«Иванъ Кирьевскій.»

Третій и послѣдній способъ называю *поминальнымъ увеличеніемъ* или *форматическимъ усугубленіемъ*. Къ крайнему сожалѣнію, надобно замѣтить, что этотъ способъ не всегда возмозженъ. Если вы спросите себѣ порцію бистека, и вамъ подадутъ дѣйствительно одну съ ярлычкомъ: *один порція*, то это нехорошо, отъ этого можетъ богъ-знаетъ что выйти, ибо бистека съ себѣ по-преимуществу дѣло реальное, и терпящее поминальности. Она въ крайней враждѣ съ фантазіею и столько же любить увеличеніе объема, сколько и терпитъ простое увеличеніе цѣны. Тонкость ему неприлична. Но въ литературѣ, гдѣ фантазія играетъ такую важную роль, гдѣ тонкости числятся особенными достоинствами, почему и вамъ на одномъ номерѣ не выставить двухъ, четырехъ и даже шести номеровъ? Почему одного выпуска не давать за нѣсколько выпусковъ? Нѣтъ никакой надобности соблюдать строгое отношеніе между объемомъ и цѣною; напротивъ, облегченіе труда автора состоитъ въ обратномъ изъ отношеніи, такъ-что формула этого облегченія различается на арифметическую и геометрическую следующимъ образомъ: чѣмъ больше цѣна, означаящихъ номера, тѣмъ меньше книжка. Политическая цѣна мнѣ возвышается здѣсь надъ обыкновенной арифметикою, которая до-поръ не умѣетъ доказать, что 1+2=3, мало ли такихъ вещей, которыя даются на свѣтъ и не переведены на науку?

КНИГЕ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

1) Aeschinis in Strepsiontem Demosthenis pro corona Orationes recognovit et brevi annotatione critica instruxit Karolus Hofman Hessus, cedunt Disseni de structura periodorum oratoria dissertatio abque Winiewski Disseni in Demosthenis orationem Comptarii (Эсхинова рѣчь противъ Ктесифонта и Демосеенова о Вѣнкѣ). Проверилъ и снабдилъ краткими критическими примѣчаніями Карлъ Гофманъ, родомъ изъ Гессена. Прибавлены: разсужденіе Диссена объ ораторскомъ построженіи періодовъ и комментаріи Виневскаго и Диссена на Демосеенову рѣчь). Москва. 1845. (1) Въ университетской тип. Двѣ части. Въ I — VIII и 270, во II — VIII и 535 стр.

Г. Гофманъ, профессоръ Московскаго Университета, началъ съ 1840 года издаваніе важнѣйшихъ греческихъ книгъ. Побудили же его къ этому; какъ видно изъ предисловія къ одной изъ изданныхъ имъ книгъ, слѣдующія причины. Русскихъ изданій греческихъ писателей чрезвычайно-мало; и кѣмъ, какія есть, несовершенны. Поэтому у насъ употребляются болѣею частію заграничныя изданія. У издателя же рѣдко можно найти достаточное число экземпляровъ даже самонужнѣйшихъ писателей. А нарочно выписывать затруднительно по медленности сообщенія. Поэтому, книгопродавцы возвышаютъ цѣну заграничныхъ книгъ, и безъ то-

го довольно иногда дорогихъ. Все это затрудняло г. Гофмана при преподаваніи греческой словесности въ Московскомъ Университетѣ, почему онъ и вознамѣрился издать нѣсколько болѣе необходимыхъ греческихъ книгъ. Теперь имъ изданы: Эврипилова «Медея», пять книгъ Эукидидовой «Исторіи Целопопезской Войны» и рѣчи Эсхина противъ Ктесифонта и Демосеена о Вѣнкѣ. Считаемою обязанностию сказать нѣсколько словъ объ изданіяхъ г. Гофмана.

Эврипилова «Медея» напечатана имъ въ 1842 году съ комментаріемъ Вичеля (1841 года), дополненнымъ и поправленнымъ самимъ г. Гофманомъ; потомъ изданы имъ пять книгъ Эукидида и рѣчи Эсхина и Демосеена, съ краткими критическими замѣчаніями. Въ этихъ замѣчаніяхъ, сообразно съ назначеніемъ ихъ — быть пособіемъ для учащихся, помѣщены только важнѣйшіе варианты. Варианты къ Эукидиду и эсхиновой рѣчи важны и для заграничныхъ филологовъ. Г. Гофманъ тщательно повторилъ списки Эукидида и изданной имъ эсхиновой рѣчи, хранящіяся въ Московской Синодальной Библіотекѣ. Московскій списокъ Эукидида былъ сличенъ прежде г. Гофмана только Геймомъ, но крайне-небрежно. Сверхъ того, г. Гофманъ сличилъ кассельскій списокъ Эукидида, сличенный только однимъ Дуккеромъ, еще въ началѣ прошлаго столѣтія. Къ первой книгѣ Эукидида приложены объясненія греческихъ грамматиковъ, такъ-называемыя схоліи.

Эсхинову рѣчь противъ Ктесифонта и демосеенову о вѣнкѣ, г. Гофманъ потому издалъ вмѣстѣ, что эти рѣчи тѣсно между собою связаны. Рѣчь

*) Эта книга вышла изъ печати только въ концѣ прошлаго года. Но она допечаталась: вотъ почему на заглавномъ ея выставленъ 1845 годъ.

Эскива собственно направлена против Демосфена, а рѣчь Демосфена—отвѣтъ на нее. Г. Гофманъ оказалъ большую услугу занимающимся греческою словесностью, издавъ эти двѣ знаменитыя рѣчи: рѣчь Эскива противъ Ктесифонта—лучшая изъ эскиновыхъ рѣчей, а рѣчь Демосфена о вѣнцѣ—лучшая изъ демосфеновыхъ. При демосфеновой рѣчи г. Гофманъ напечаталъ два превосходные комментарія. Они равно необходимы, ибо пополюютъ другъ друга: Вивевскій обратилъ болѣе вниманія на фактическую сторону, Диссезъ—на грамматическую. Еще г. Гофманъ прибавилъ диссеново ранджуденіе объ ораторскомъ построеніи періодовъ. Жаль, что нѣтъ никакихъ объясненій къ эскиновой рѣчи. Г. Гофманъ говоритъ въ предисловіи, что онъ приготовилъ собственныя свои замѣчанія на эту рѣчь, но не помѣстилъ ихъ, потому что книга и безъ того вышла очень велика.

Еще важное достоинство изданій г. Гофмана: въ нихъ почти нѣтъ опечатокъ.

2) *DEUX ANNÉES D'EXCURSIONS d'un Parisien devenu Moscovite. Avec vignettes imprimées dans le texte. Москва. Въ тип. А. Семена. Въ 8-ю д. л. 204 стр.*

Вотъ сочиненіе истинно-французскаго пера, сочиненіе чужихъ сочиненій, ясно отличающее французскую манеру издавать книги отъ манеры нѣмецкой. Нѣмецъ—если ему придетъ охота составить компіляцію—обдожится книгами съ ногъ до головы, на каждую мысль, на каждое извѣстіе пришетъ двадцать цитатъ съ двадцатью вариантами на каждую цитату. Прочитавъ книгу двѣсти, онъ, по истеченіи лѣтъ двадцати, издастъ наконецъ компіляцію, съ бояливымъ предисловіемъ, въ которомъ сознается читателю откровенно, что онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, не могъ достать двѣсти-первой книги, и что выдаётъ свой

трудъ по-крайней-мѣрѣ двумя годами раньше надлежащаго. Французъ поступаетъ иначе: онъ издаётъ книгу, самъ не зная для чего. Въ книгѣ горитъ онъ преимущественно о тѣхъ вещахъ, которыя рѣшительно ему не вѣстны, оправдывая свою ошибку чѣмъ-то извѣрченіемъ, что *on commence toujours par parler des choses qu'on finit quelquefois par les apprendre*. Свои заимствованія изъ разныхъ книгъ назоветъ онъ не компіляціей—она слишкомъ груба для французскаго уха—а *Recueil*, а безсвязность собраннаго материала почтитъ именемъ казисъжестки *qui frappe l'esprit à l'instant même où le cœur est impressionné*. Скажете: въ книгѣ вашей ничего не вашего,—онъ укажетъ вамъ на графа изъ Альфреда Мюссэ: *tout appartient à tous*. Вы представите себѣ, что все это было давно ужъ сказано пересказано,—онъ, запыливъ тѣ же Мюссэ, какъ Парисъ цитовать, кликаеть:

Il faut être ignorant comme un
tre d'écolier
Pour se flatter de dire un mot
Que personne ici-bas n'aït pu
avant vous

Но зачѣмъ же повторять то, что сказано? Зачѣмъ, чтобы раздѣлить читателю les différents nuances qui caractérisent le génie de la prose française. Да мы знаемъ различіе французской прозы! Тамъ и въ этомъ-то и печатается книга: *profit de ceux qui savent que ceux qui ne savent pas*. Чтò тутъ дѣлать? надобно уважать уваженію даго человѣка. Противъ этого невозможно.

3) *Album. Blätter der Deutschen Dichter der neuesten Zeit. Gesammelt von Pauly.* (Альбомъ. Листки о нѣмецкихъ поэтахъ новаго времени. Собраніе Паули)

). *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Мейера. Въ 8-ю д. л. 245 стр.*

Въ предисловіи къ этой хрестоматіи сказано:

«Въ послѣднее время за границей даны весьма-полныя и хорошія собранія произведеній нѣмецкой поэзіи; большая часть этихъ сборниковъ, тенденціи своей, не годятся для чтенія русскому юношеству».

На основаніи этого, г. Паули обнаруживаетъ такую тенденцію, по которой очень-прилично выдвигать дѣтямъ образецъ поэзіи стихотворенія, побывы Пфеффелевой «Die Tabackskraute». Это удивительное стихотвореніе то когда-то переведено на русский языкъ. У насъ осталось въ памяти слѣдующее четверостишіе переводчика:

Какъ подъ Кацбахомъ остался
Въ ногу раненый ядромъ,
Такъ за трубку прежде взялся,
А за ногу ужъ потомъ.

4) Gedächtnis von Wilhelm Baum.
-Petersburg. 1846. Gedr. bei Ed. Pratz.
8-ю д. л. 54 стр.

Тринадцать стихотвореній поразительныхъ по своей наивности. Въ первой пьесѣ, играющей роль предисловія, Вильгельмъ Баумъ объясняетъ, что жизни зналъ онъ мало радостей и много страданій, но что сочиненіе стиховъ облегчало ему тяжелую ношу бытія. За нею слѣдуетъ стихотвореніе *as verlorne Glück* (Потерянное Счастье), гдѣ опять говоритъ авторъ о своихъ несчастіяхъ общими нѣстами, съ имѣсью разсужденій въ родѣ слѣдующаго:

Freud und Schmerz muss jeder haben,
Der auf dieser Erde weilt;
Doch wie ungleich sind die Gaben
Vom Geschick uns zugetheilt.
Jeder hat ein Loos gezogen
Aus des Schicksals dunkler Hand,
Manchem war das Glück gewogen,
Viele haben's kaum gekannt. (8. 5).

T. L. — Отд. VI.

(«Радость и горе долженъ испытать всякій, кто только живетъ на землѣ; но какъ не поравну раздѣлены между нами дары судьбы! Каждый вынулъ свой жребій изъ темной руки ея; одному выпулось счастье, другой почти совсѣмъ не зналъ его»).

Есть въ этой книжечкѣ и такое стихотвореніе, въ которомъ развивается гипотеза, будто родина поэта должна быть гдѣ-нибудь не на землѣ; есть посланіе къ медику, спасшему автору жизнь, — посланіе, въ которомъ поэтъ сравниваетъ себя съ утопающимъ, а медика съ спасителемъ утопающаго; есть переводъ одного изъ самыхъ слабыхъ стихотвореній Пушкина «Телега Жизни», котораго вовсе не слѣдовало бы переводить; есть надгробное слово сестрѣ поэта, Луизѣ, какъ-будто-бы списанное съ надгробнаго памятника на деревенскомъ кладбищѣ; есть посланіе къ кузницѣ Нинѣ А..., въ которомъ г. Баумъ старается утѣшить дѣвицу Нину въ ея разлукѣ съ родителями надеждою скорого возвращенія въ отчій домъ; есть стихотвореніе «Три Звѣзды» (Drei Sterne), въ которомъ поэтъ звѣздами размышляетъ вѣра, надежда и любовь, и проч. Но болѣе всего понравилось намъ стихотвореніе «Пѣснь о Волѣ» (Das Lied vom Wasser), (стр. 16 — 21), въ которомъ между прочими куплетцами встрѣчаются даже вотъ какіе:

Wein und Liebe, wollt Ihr's glauben,
Sind zum Unheil uns gesandt,
Liebe und der Saft der Trauben
Raubten Manchem den Verstand.

То-есть, слово - въ - слово: «Повѣрьте мнѣ, что вино и любовь посланы намъ совсѣмъ не на здорье; любовь и сокъ виноградный многихъ лишали разсудка». Или:

Du (das Wasser) giebst Kraft dem Mat-
ten wieder,
Stärkst alles nett und rein,
Stärkst des Menschen schwache Glieder,
Giebst der Pflanzenwelt Gedolhn.

То-есть: «Ты (вода) возвращаешь силы усталому человѣку, ты еси смыслюща $\frac{1}{2}$ »

чисто-на-чисто, укрѣпляешь слабые члены человѣка; даешь ростъ деревьямъ...

Такъ можетъ говорить только человѣкъ, испытавшій на себѣ спасительное дѣйствіе воды.

3) *LEHRBUCH DER ALLGEMEINEN GESCHICHTE für die Kreisschulen und die unteren Classen der Gymnasien des Dorpat'schen Lehrbezirkes, von Johann Ernst Siebert. Reval. 1846. Verl. v. Franz Kluge. In 8. 211 S.*

Обученіе дѣтей исторіи такъ, какъ оно совершается передъ нашими глазами, представляетъ нѣсколько періодовъ. Прежде всего папенька или маменька рассказываетъ ребенку, что русское государство основалъ Рюрикъ въ 887 году, что онъ пришелъ изъ чужой земли къ Славянамъ, которые назывались такъ потому, что были народъ полный славы и знаменитый. «Смотри же, душенька» прибавляетъ рассказчикъ или рассказчица: «не забудь: какъ пріѣдетъ Иванъ Ивановичъ съ Палагеей Яковлевной, ты такъ скажи: русское-молъ государство основалъ Рюрикъ въ 887 году; я тебѣ дамъ конфетку». Въ слѣдствіе общаго конфетки, дитя довольно-быстро запоминаетъ кой-какія имена и годы, совсѣмъ не подозревая того, что значатъ слова *государство, основалъ, слава* и пр. Но скоро мальчика передаютъ на руки гувернёру, обязавшемуся учить его по-французски, по-нѣмецки, арметикъ и географіи. «Nous ferons aussi un peu d'histoire», говоритъ почтенный наставникъ: «il n'y a rien de plus instructif que ça pour les enfants». И на этомъ основаніи дается ребенку въ руки маленькій томикъ Ламе-Флёри, и начинается преподаваніе исторіи въ дѣйствіи. Тутъ ученикъ узнаетъ дѣйствительно много поучительнаго. Ему рассказываютъ, на-прим., какъ богъ Марсъ женился на Реѣ безъ позволенія родителей ея, и какъ такіе браки влекутъ за собою всегда несча-

стія, — и другія интересныя и трагическія вещи. Мальчикъ все это изучаетъ бойко. Иногда, правда, нѣтъ еще дѣлаетъ сомнѣніе: ему хочется узнать, что такое религія, государство, и проч. etc. На это Французъ возражаетъ ему: «comment? vous ne savez pas ce que c'est que la religion? mais que faites vous deux fois par semaine avec M. le prêtre?» И вотъ Ламе-Фёри научитъ совершенно; географію также пройдемъ; мальчикъ поступаетъ въ среднее учебное заведеніе... Теперь, читая, перенеситесь въ тѣ времена нашего дѣтства, когда вы, съ душой, исполненны любви къ наукамъ, — правда, ужъ тогда употребляемой безпрестаннымъ старовѣніемъ съ строгимъ учителемъ латинскаго языка, — посѣщали однихъ тѣхъ классовъ какого-нибудь заведенія, гдѣ учитель, садясь на кафедру, надевая очки, открывалъ «Русское государство въ Всеобщей Исторіи» и обращалъ вамъ: «Ну, теперь, господа, станемъ заниматься исторіей. Истoria наука важная, которую необходимо знать каждому гражданину. Вы, дѣтство, въ дѣтствѣ учили исторію, вы совершенно другое дѣло: тамъ были басни, здѣсь мы будемъ описывать истинныя, случившіяся въ мірѣ дѣйствительности». Вслѣдъ за этимъ вамъ придется рассказать о какихъ-то древнихъ обитателяхъ Азіи и Африки (начальная исторія которыхъ, по крайней мѣрѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію), о Римлянахъ, о прочихъ интересныхъ вещахъ. Вы видите тогда первое ощущеніе расширеннаго горизонту Ламе-Фёри, который расширился и, не правда ли, съплетеніе людей добродѣтели, вѣдѣвшихъ, вѣровавшихъ царствахъ, и шихся Богъ-знаетъ изъ-за чего, и лось вамъ сначала какой-то исторіей, кукольною комедіей. И по-малу, вы начинали понимать этихъ людей всообщно, всообщно, роили, извергали, словомъ, и какъ комъ отношеніи несообщно, съ вами. Вамъ даже казался, и вы любите... А между-тѣмъ,

ке успѣлъ рассказать, что въ то время давно-прошедшее образованность юпитала въ высшей степени; что изъ были два великіе философа, Платонъ и Аристотель, которые не уступятъ ни одному изъ новѣйшихъ ученыхъ... Пожалуй, даже, въ минуту велиаго расположения, онъ рассказалъ изъ трогательные анекдоты о Каллистрѣ и Сократѣ, и тогда вы были совершенно-счастливы: вы обожали еще мѣе этотъ созданный фантазіей ваймйрй героизмъ. Новозъ, вы перешли въ слѣдующій классъ, и, въ одно прекрасное утро, на кафедре явился тотъ же учитель исторій, съ тѣмъ же очкави и со второю частью того же «Руководства» и объявлялъ вамъ, что прекрасному міру, который такъ излѣлъ васъ, суждено было погибнуть, го явились вайе-то дикари, которые разрушили до тла, что тогда все изгнбло, и люди возвратились, опять въ дикому состоянію. Потомъ началъ въ вамъ рассказывать, точъ-въ-точъ изъ въ прежнее классѣ о томъ, какъ тали составляться новыя общества и какъ люди начали снова просвѣщатьсѣ. Не правда ли, что при этомъ нежданномъ извѣстіи вамъ дѣлалось начала ужасно досадно на этихъ варваровъ, разрушившихъ вашъ прекрасный міръ? Однако, по зрѣломъ размысленіи, вами овладѣвало, сомнѣніе, и л задавали себѣ вопросъ: Не-уже-ли отъ создалъ цѣлый міръ для того, чтобъ ему погибнуть отъ толпы варваровъ, не оставя никакихъ слѣдовъ своего существованія? не уже-ли новыя народы начали опять съ того же, съ зго начинали и старыя? Для чего же въ такомъ случаѣ разыгрывалась вся эта страшная комедія?

И съ этими-то вопросами идете вы впередъ, разыскиваете и, наконецъ, въ помощю университетскаго образования или съ помощю книгъ въ роль «Руководства» профессора Лоренца. Излдается въ томъ, что цивилизація овой-Европы началась дѣйствительно гораздо-ранѣе IV столѣтія, что она

находится въ непрерывной, послѣдовательной связи съ образованіемъ древности. Вы узнаете, что идея о прекращеніи умственной дѣятельности въ V вѣкѣ основывается на схоластическихъ раздѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ исторій, уничтожающихъ въ представленіи учащагося всякое понятіе о послѣдовательности развитія человечества. Къ чему же послужили вамъ всѣ руководства Ламе-Флери и компаній? Чтô вынесли вы изъ нихъ для пользы своей? Развѣ только сознаніе одной великой истины: «вѣкъ живи, вѣкъ учись», — истину, которую никому не мѣшаетъ повѣрять на собственномъ опытѣ...

Полагаемъ, что это обращеніе къ собственнымъ воспоминаніямъ читателей избавляетъ насъ отъ разбора новаго «Руководства къ Всеобщей Исторіи», издавнннй г. Зибертомъ. Руководство это написано съ обыкновенною цѣлю историческихъ учебниковъ, т. е. съ цѣлю рассказать дѣтямъ то, что изъ взрослыхъ понятно не всякому. Было бы гораздо-пріятнѣе, еслибъ г. Зибертъ употребилъ свои познанія и свою добрую волю на выборъ изъ исторій такихъ свѣдѣній, которые могутъ быть сообщаемы дѣтямъ безъ претензій на обученіе ихъ тому, чтô достойно названія исторій человечества и чего не можетъ растолковать имъ ни одинъ педагогъ въ мірѣ. Поэтому мы и не считаемъ нужнымъ распространяться и о преимуществахъ новаго руководства предъ старыми учебниками.

6) *ELEMENTARBUCH DER DEUTSCHEN SPRACHE ZUM GEBRAUCH DER UNTEREN KLASSEN DER ST. PETRI-SCHULE, VON THEODOR HECKER (Руководство къ Изученію Нѣмецкаго Языка, составленное для нижнихъ классовъ Петропавловскаго Училища Теодоромъ Геккеромъ. Третье изданіе. Санкт-петербургъ. 1847. Въ тип. Э. Праца. Въ 8-ю д. л. 274 стр.*

- 7) DAS NOTHWENDIGSTE AUS DER
 GEOGRAPHIE, zum ersten Unterricht
 zusammengestellt von A. C. Jacobsen
 (ГЛАВНѢЙШІЯ СВѢДѢНІЯ ИЗЪ ГЕО-
 ГРАФІИ, изложенныя для первоначаль-
- наго преподаванія А. К. Якобсеномъ).
 Санктпетербургъ. 1847. Въ тѣмъ. 3д.
 Праца. Въ 8-ю д. л. 54 стр.
 Перечень, доведенный до послѣдней
 степени сухости.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А History of Greece, by George Grote, esq. (Исторія Греціи, соч. Джорджа Грота).

Въ предисловіи авторъ говоритъ, что задача его была воплотить въ духѣ языкъ, а потомъ развернуть перелѣтателями полную картину греческаго міра. — Историкъ (продолжаетъ въ) особенно долженъ стремиться изъяснить совокупное движеніе греческаго интеллекта, которому помогалъ чужое, но который никогда не былъ заимствованъ, а самъ сообщалъ въ своей маленькой частичкѣ міра, гдѣхъ-поръ неподвижной и туманнѣ, и прослѣдить дѣйствіе этой социальной системы, которая, давая цѣлѣ массѣ свободныхъ людей покровительство, незнакомое ни одной странѣ, дѣйствовала на тенѣи, какъ возбуждающая причина, а духу, не столь сокому, оставила столько свободы, что онъ могъ возвышаться надъ религіозною и политическою рутинною, опереть свой вѣкъ и сдѣлаться наставникомъ потомства.

Въ этихъ словахъ авторъ высказываетъ все содержаніе своей книги, весь планъ, руководствовавшій имъ, мало что — онъ высказалъ всего себя. Онъ историкъ, а чистый Англичанинъ, умомъ, здравымъ смысломъ и полнѣе антихудожественностью, со все-

гдашнимъ стремленіемъ къ политикѣ, съ любовью къ добрымъ прикритіямъ и школьной морали. На все историческому движенію Европы, Англичанинъ остался вѣрнѣе преданію отцовъ; для него исторія и до сихъ-поръ та наука, которую съ пользою долженъ выучить и государь, и полководецъ, в государственнѣи чело-вѣкъ, и еще многіе другіе, — слово, всѣ великіе и малые міра сего: не вѣдомо, что Англичанинъ до сихъ-поръ вѣрно держится за начальныя слова вѣкогда знаменитаго и вѣкогда великаго сочиненія Боскетова объ исторіи: «ужь если у исторіи нѣтъ другой высшей цѣли, то она навсегда удержитъ за собою званіе наставницы государей». Только Англичанину кажется до сихъ-поръ будто кто-нибудь вычерпнулъ себѣ изъ исторіи какой-нибудь прикритіе и помогъ себѣ изъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ; онъ еще не разглядѣлъ, что ничто случившееся никогда не повторалось, что какъ всѣ жившіе народы были разны, такъ разна вся протекшая жизнь, такъ непохожа ни одна черта физиономіи исторіи на всѣ другія, — что никакой футляръ не приходится на все случившееся и живущее.

Странное дѣло! никогда никто не научался изъ преданій и уроковъ,

а толковано было объ этомъ очень много; нынче точно такъ же никто по-прежнему не научается, но всегда самъ себѣ помогаетъ (будетъ ли это человекъ или народъ) одними своими силами, одними своими средствами, выисканными именно вотъ въ теперешнемъ, въ окружающемъ его, а не гдѣ-нибудь тамъ въ древности, за горами, за долами, — все идетъ какъ всегда шло; одно только перемѣнилось: нынче и народы и люди сдѣлались въ состояніи видѣть и понимать свое дѣйствіе, понимать и полноту своей силы, и полноту невозможнаго для себя; вся надежда на одного себя и на что больше. А потому не уроковъ и назиданій добродѣтельныхъ спрашиваютъ у исторіи для нынѣшней политики или чего другаго, а *предстали*, тамъ-что нѣтъ никакого сходства между самыми посредственными историческими писателями теперешняго времени и считавшимися прежде хорошими историками, получившими дипломы на знаменитость. Въ этомъ неоспоримое усовершенствованіе времени послѣдующаго противъ предъидущаго: самымъ обыкновеннымъ людямъ неперемѣнно должно принадлежать то, что прежде составляло рѣдкое сокровище лучшихъ небранныхъ, и это усовершенствованіе, можетъ-быть, больше всего замѣтно на пишущихся въ наше время исторіяхъ; потому-что исторія сама сдѣлалась одною изъ самыхъ главныхъ потребностей всего общества, отбросившаго наконецъ отъ нея нелѣпыя и скучныя требованія и, слѣдовательно, увидавшаго, какъ близко лежатъ исторія къ каждому. Кому какое было дѣло до Александровъ, Кесарей и Аннибаловъ, когда у каждаго они затвердились въ головахъ какими-то безгнѣсными, точно выдуманнными существами, героями науки исторіи, а не людьми, — когда все эти имена обставлены вокругъ только драками, сраженіями и трактатами? Какое же могло быть сравненіе камихъ-то далекихъ героевъ съ живыми, движущимися и захватываю-

щими, что случается поминутно около каждаго? Отъ-того-то, поучившись какими именами и гонимъ въ молодые годы, каждый и страшивалъ съ себя исторію и всякія другія учености, съ исторіями нѣкуда дѣваться. Что становилось дѣлать съ безгнѣсными, безгнѣсными существами — будешь ли носить ихъ въ памяти, будутъ ли они составлять живой интересъ, когда они советъ не такими намъ рассказаны и впечатлѣны — не живущими вселенною живнью, волнуемыми и чувствующими, какъ мы все сами? Все равнодушіе къ исторіи имѣло, слѣдовательно, основаніемъ то недостаточное и ложное понятіе о ней, которое существовало до нашего времени.

Карлъ Мооръ говоритъ: Служи вамъ награда, герои древности, за вышпоть на полѣ битвы, что вы теперешивете въ школахъ и все ваше безсмертіе таскаютъ въ сумкѣ съ книгами Драгоценная плата за расточенную кровь вашу, что въ рассказъ объ жизни вашей завернутъ привиліи — и, если дѣло пошло счастливѣе, что французскій писака трагедій подниметъ васъ на ходули и станетъ держать на виторчкѣ! Это сказалъ не Мооръ на устахъ его высказалъ самъ вождь еще тогда Шаллеръ, высказалъ на всѣхъ молчавшихъ и которые всѣмъ были бы повторить тѣ же слова. Развѣ въ его время была какая-нибудь исторія, которая бы не была школьной и батальной — точно такъ, какъ будто прежняя жизнь народовъ не проходила въ битвахъ, будто не было, какъ нынче, воѣхъ неисчислимыхъ интересовъ, которые, при всемъ безконечномъ разнообразіи, составляютъ изъ каждаго народа группы и впечатлѣваютъ на труппѣ этихъ особая физиономія? Еслибъ тогда чувствовали всю исторію неразрывною цѣнью, гдѣ самое далекое поко, сотрясаясь, тронуло пробѣжимымъ сквозь всю совокупность илепъ движеніемъ и самое послѣднее ему родственное кольцо, — говоралъ ли бы тогда Шаллеръ о наградахъ

омъ и потъ? Благодарить, наградить въ возможность только того, кто мнѣ текъ, съ кѣмъ я широко раздѣленъ, кѣмъ меня не связываютъ общіе гересы, если я разъ созналъ, что мы нимъ близки, что живемъ съ нимъ вою мыслью, однимъ трудомъ, что жду мною и нимъ вѣтъ больше награды, ни платы. Развѣ благодарно когда-нибудь свою мать дитя, нянявшее всю свою жизнь отъ нея «окрасмеше кровью ея свои щеки», кирающее всю жинь ея, какъ пламя чу? Вышнее наградою матери были сказанныя слова, а самое существованіе, начинающее распускаться цвѣтъ, сіяющее живнью лицо, протянутыя и вонущія ручки. Другой нады вѣтъ ей.

Если же послѣдующее время дошло возможности повимать свою нерывность со всѣмъ предшествовавшимъ, это значитъ, что оно уразыло свою общую съ нимъ ношу, и общій трудъ. Слѣдовательно, ольное толкованіе исторіи оставлю своимъ вчисленіями династій подвиговъ: всѣхъ хладнокровныя и звѣвующими. Немного болѣе патин было къ еврейскому нау, потому-что рассказъ объ немъ, и былъ не лучше прочихъ, то поиней-мѣрѣ полиѣе и многосторонъ; къ нему съ самаго начала было мѣшано болѣе всѣхъ многогранъ и живописующихъ подробно. Между-тѣмъ, не меньше возможна было бы вложить исторію провъ народовъ хоть такъ, какъ излага еврейскую исторію, пока не узнали о-настоящихъ и полныхъ точекъ ія на исторію.

заушется, виѣсть съ учебникимъ взглядомъ на исторію была ана безконечное разглагольствіе, вы объ именахъ и о существованіи несуществованіи лицъ, что могло распложаемо до безконечности, — енно къ этой старой шюль приэжить г. Гротъ. Исторіа для него ставляетъ самаго живаго интереса для него предметъ преній, бо-

лге или мевѣ дѣльныхъ, точно о какомъ-нибудь найденномъ въ Англии римскомъ мечѣ, или о всякомъ другомъ предметѣ, близко неотрогивающемся до его существованія, и гдѣ все ограничится тѣмъ, что онъ какъ-нибудь да ужъ докажетъ, какія именно произошли отъ-того послѣдствія для всѣхъ наступившихъ потомъ временъ. Но все человеческое такъ построено, что ему никакъ не нужно доказательствъ, а нужна только сама вещь, безъ всякихъ выводовъ и притянутыхъ доказательствъ. Казалось бы, чего лучше: въ романѣ или драмѣ какъ дважды-два — четыре около конца доказано, что добродѣтель торжествуетъ — а вѣдь всѣ эти доказательства, весь разительный примѣръ, разлетѣлись точно дымъ около зрителя; между-тѣмъ, какъ глубоко подѣйствовало изображенное вѣрно и одиноко, просто, безъ всякихъ выводовъ? На вѣ конѣ не остался глухъ и нѣтъ внутренней судъ, мысль; многочисленныя и плодоносное результаты стали выдѣлываться въ каждомъ непремѣнно послѣ всякаго полнаго и истиннаго представленія. Точно такъ и исторія: пусть ей не будетъ дѣла до того, какое вліяніе имѣли Аены на Европу, пусть она себѣ только, какъ скульпторъ, вылепливаетъ поразительно-вѣрно и влагаетъ, какъ высшій художникъ, то дыханіе жизни, которое разлито было въ каждый мускулъ, въ каждой фибрѣ, — и всѣ связующія послѣдствія заговарятъ сами за себя.

Если справедливо, что для настоящаго историка вѣтъ разницы между эпохами и народами, то тѣмъ не меньше Греція — точно какой-то благодатный оазисъ посреди широкихъ полей исторіи, точно яркое и цвѣтущее лѣто въ ряду прочихъ временъ года. Для Греціи ждемъ какихъ-то особенныхъ, живыхъ красокъ; кажется, что у историка Греція найдутся новыя слышанныя рѣчи: точно такъ, какъ когда дошелъ до лучшихъ минутъ своей жизни тотъ, кого мы слушаемъ, — и глаза его заблестятъ новыми блестящ,

и стройность прекрасную получить расказать, и слова чудесныя найдеть въ себѣ рассказчикъ, которыхъ не зналъ прежде. Исторія Греціи въ наше время! это великое дѣло, налагающее обязанности и отвѣтственность строгія; исторія какого бы то ни было народа требуетъ совокупнаго представленія всѣхъ сторонъ жизни, — а сколько сторонъ жизни греческой, запечатлѣнныхъ тѣмъ превосходствомъ, которому съ-тѣхъ-поръ, быть-можетъ, никогда и не повториться. И это мы разумѣемъ не про степень развитія извѣстныхъ искусствъ, а про художественность и гармоничность, полную самой жизни, которую историкъ долженъ уловить въ ея многостороннихъ явленіяхъ, чтобы подъ выраженіемъ ея она коснулася слуха зрителя какъ одинъ полный аккордъ, нераздѣльный въ общемъ впечатлѣніи.

Какъ мало обнимаетъ г. Гротъ настоящее понятіе о Греціи, ясно изъ того, что въ предисловіи онъ жалуется на отсталость греческаго духа поэзіи и религіи отъ способности дѣйствовать, организовать, судить и мыслить. Первая дѣй способность онъ называетъ женскими, послѣднія четыре мужскими. Сразу даже довольно-трудно объяснить, отъ-чего и откуда такое различіе; но все объясняется общимъ направленіемъ книги, и особенно—англійскимъ духомъ ея. Если эта книга англійская по своему духу, то, разумѣется, она въ Англии должна была и много поправиться: ее признали философскою исторіею Греціи, разработанною критически, съ *нѣмецкою ученою строгостію*, — и объясненіе такому великому титулу въ томъ, что эта книга совершенно по духу равна всѣмъ прочимъ исторіямъ, какъ онѣ существуютъ въ англійскихъ университетахъ и какъ къ нимъ привыкли Англичане. Конечно, «Исторія Греціи Грота тоже не какой-нибудь учебникъ, по которымъ учились, къ-несчастью, слишкомъ-многіе; это не просто сборъ фактовъ съ допотопно-наивнымъ разсказомъ, также не одно изъ обновлен-

ныхъ историческихъ сочиненій съ похватанными тамъ-и-сямъ высшими взглядами, которые никому не годятся; напротивъ, это сочиненіе чрезвычайно-честное, нѣсколько-ограниченнаго съ прекрасными частями тамъ, гдѣ главнымъ дѣйствителемъ былъ *любовный смыслъ*, и съ этой стороны оно стоитъ того, чтобы его звать.

Теперь вышли двѣ верныя части, заключающія въ себѣ: Грецію легаль и греческую исторію до вразвѣнія Пизистрата въ Ассирахъ; слѣдовательно, это почти можно назвать вступленіемъ: настоящая, развившаяся греческая жизнь начинается временами Пизистрата и кончается смертью Александра-Македонскаго. Но въ допизистратовой Греціи слагались и сложились матеріалы этой будущей, великой жизни. а потому все это время заслуживаетъ полныхъ двухъ томовъ. Что же составляетъ основу наследованія г. Грота греческихъ до-историческихъ временъ? Что говоритъ онъ обо всѣхъ легендахъ, поэтическихъ сказаніяхъ, составлявшихъ, по его же словамъ, *исключеніе Грековъ историческаго періода*? Онъ ограничивается разбра- тельствомъ, длиннымъ и мелочнымъ, кто именно существовалъ, кто изъ нихъ героевъ греческихъ сказаній; онъ не дѣлаетъ никакого различія между легендами о богахъ и легендами о ге-

рояхъ, очень-просто и не затрудняя считая ихъ за *нечего дѣлать* тогдашняго времени, за необходимый тогдешній промахъ, выдумку, и это потому, что автору неизвѣстны новѣйшія спеціальныя изслѣдованія о мифѣ; особенно же ему неизвѣстно, чего ищутъ, что стремятся выразить, истинная изслѣдованіе о мифѣ какого бы то ни было народа.

Сказать, что непременно у всякаго народа, начинающаго историческую жизнь, живутъ въ памяти полубогатыи герои первоначальныхъ его временъ, что фантазія народа и его поэзія вырастаетъ изъ людей, въ самозабвеніи существовавшихъ и, слѣдовательно, очень-простыхъ, очень-всѣдущихъ

как бы ни были велики их дѣйствія), камихъ-то великановъ, колосовъ, головы которыхъ теряются въ облакахъ, — сказать все это не знаетъ еще новость. Кто же нынче не знаетъ, что въ религіяхъ родовъ-младенцевъ великую роль играетъ природа, которая охватываетъ ихъ со всѣхъ сторонъ и изъ которой они не могутъ выбиться, такъ-что въ страхъ, или въ благодарности, поклоняются — кто крокодилу, кто грому, кто змѣю, кто солнцу, кто быку и т. д. Многимъ изслѣдователямъ показалось даже, что очень-легко можно изъяснить и разъяснить мифологию той или другаго народа, выговоривъ только, что Аполлонъ солнце, Ивида луна, и т. д. Разумѣется, найдется только-нибудь правды во всемъ этомъ, потому-что дѣйствительно къ каждому народу привязана и какая-нибудь сила природы, но отъ такого *фактическаго*, безвычайно-легко объяснимаго поведенія какъ далеко до того понятія представленія, которое жило въ груди какого-нибудь язычника, входящаго въ свой храмъ съ молитвою или благодареніемъ на устахъ. Благочестивому человѣку что можетъ быть легче благочестивѣе, какъ объявить религію греческую собраніемъ какихъ-то азочекъ, невѣроятныхъ, достойныхъ жалѣнія и изъ которыхъ выросъ уже родъ просвѣщенный?

Именно и *сожалѣеть* г-нъ Гротъ о томъ, что греческая религія не дорога до здравыхъ понятій и что греческая поэзія ступала въ тѣ самые слѣды, которые выпечатывала религія. Изъ него осада Троя такой же историческій фактъ, какъ рожденіе и любовныя похождения боговъ, рассказанныя Меромъ и Гевіодомъ. Но что же изъ этого выйдетъ, если исторически, критически и всякими возможными способами будетъ доказано, что никакого не было Ахилла и Патрокла, никакой не было осады Троя, никогда не было Роды и Рема, или Нумы-Помпилия, такъ-же, какъ никогда Юпитеръ, ещѣ боговъ и людей, не превращался

въ корову или золотой дождь? Кажется, ничего не выйдетъ, да и ни для кого это не составляетъ, не можетъ и не должно составлять интереса важнаго. Первый и единственный вопросъ здѣсь можетъ быть только вотъ какой: сказанія эти составляли ли потребность *необходимую* для народа, — выражался ли въ нихъ характеръ, духъ народа? наконецъ, почему именно эти сказанія лежали такъ близко къ его существованію? Разсмотрѣніе этихъ вопросовъ, напротивъ, не только не бесплодно, какъ изслѣдованіе о томъ, кто въ-самомъ-дѣлѣ жилъ, кто нѣтъ, — но прямо ведетъ къ истинѣ и впечатлѣвающемуся изображенію этой жизни народа.

Что, напримѣръ, выигрывается объясненіемъ г. Грота, что не должно шлоить доверять полусторической системѣ, состоящей въ томъ, чтобы, напримѣръ, принять исторію троянской войны точно такою, какъ ее рассказываетъ Илиада, выпустить только вмешательство боговъ и вообще все назвавшееся невѣроятнымъ въ человѣческихъ характерахъ и побужденіяхъ? Вотъ его слова:

«Всеобщее расположеніе къ принятію полу-исторической теоріи о происхожденіи греческихъ мифовъ происходитъ частью изъ того, что критикамъ кажется невозможнымъ приписать временамъ, вѣрившимъ въ мифы, чрезвычайное легковѣріе или намѣренный обманъ — и сверхъ-того изъ предположенія, что гдѣ много вѣрятъ, тамъ должна быть хоть частичка правды. Этотъ образъ мысленія мнѣ бы какую-нибудь цѣну, еслибы времена, о которыхъ идетъ рѣчь, обладали какими-нибудь лѣтописями и знали критическія изслѣдованія. Но у того народа, у котораго нѣтъ лѣтописей, и который не знаетъ критики, легковѣріе должно необходимо достигать своей высшей точки, какъ въ самомъ рассказчикѣ, такъ и въ его слушателяхъ; сверхъ-того, нельзя допустить мысли объ намѣренномъ обманѣ, потому-что если ужъ и слушатели расположены къ тому, чтобы принимать рассказываемое за откровеніе музы, то *поэтическия восторга* совершенно довольно для того, чтобы влечь такое же убѣжденіе въ луту поэта, проникнутому вліяніемъ востор-

томъ. Врядъ ли можно сказать, что въ-рваніе того времени стоитъ особнякомъ, какъ дѣйствию разсудка: оно смѣшано съ живымъ воображеніемъ и глубокимъ душевнымъ движеніемъ, и во всякомъ случаѣ, гдѣ могущественно подѣйствовано на эту духовную возбуждаемость, върваніе приходитъ безсознательно, какъ вещь, сама-собою разумѣющаяся. Сверхъ того, даже и въ нашъ подвинувшійся вѣкъ нельзя такъ вообще и безразлично воображать, что гдѣ много върять, тамъ хотѣ что-нибудь должно быть правда, что всѣми принятая фикція всегда можетъ быть прослѣжена до какою-нибудь исторически-истиннаго основанія. Вліяніе воображенія и чувствованія не ограничивается просто процессомъ подправленія, преобразованія или расцвѣченія рассказовъ, первоначально основанныхъ на фактѣ; часто оно само создаетъ рассказы своего издѣлія, безъ всякаго предварительнаго основанія.... Многочисленныя доказательства этого стремленія человѣческаго духа представляются въ неисчислимыя релігіозныя легенды, получившихъ гражданственность въ разныхъ частяхъ міра, легендахъ, происходящихъ не отъ спеціальныхъ фактовъ, рассказанныхъ навыворотъ и преувеличенныхъ, но отъ благочестивыхъ чувствъ, проникнувшихъ общество и потомъ выдѣланныхъ въ видѣ рассказовъ людьми съ воображеніемъ — легендахъ, въ которыхъ не только прошествія, но часто и дѣйствующія лица изобрѣтены, но въ которыхъ можно явственно различить зарождающееся чувство, образовавшее и свой матеріалъ и свою форму.»

Продолжая развивать мысль свою, г. Гротъ утверждаетъ, что подобные вымыслы существуютъ и до-сихъ-поръ, въ примѣръ чего приводитъ рассказъ о томъ, будто-бы Байронъ убилъ во Флоренціи Итальянца, который, подозрѣвая жену свою въ связи съ поэтомъ, изъ ревности закололъ ее; что послѣ этого убійства, Байронъ навсегда оставилъ Флоренцію,—но никогда, во всю остальную жизнь его, двѣ эти тѣни не покидали его. Муръ въ «Жизни Байрона» совершенно опровергъ этотъ анекдотъ, и г. Гротъ такъ рассуждаетъ, что въ прежнія времена непременно бы приняли за настоящую правду

этотъ вездѣ-распространившійся рассказъ, потому-что при несуществованіи могущественнаго средства истины, какъ же бы одинъ человекъ могъ рассказать и доказать вещь, что не-справедливо? Но на подобное расцвѣченіе, — будетъ ли оно относиться къ жизни народа или одного человека, — можно отвѣчать только, что алмазъ не въ фактѣ, не въ дѣствіи, а въ мысли или въ смыслѣ, выраженной этимъ или другимъ фактомъ. Можно быть, двадцать новооткрытыхъ истинныхъ фактовъ не прибавила ничто къ изображенію народа или человека и между-тѣмъ, одна черта, выраженная поэтомъ, давшая ему талантъ, не газетами и реляціями, прибавивъ новый абрисъ, дорисовывающій фигуру, — прибавила новую краску, которой лицо стало выходить изъ лотва и заглядѣло точно живо.

Такимъ образомъ, напротивъ, историкъ Греція пускался въ поисканія, былъ ли когда на свѣтѣ Зевей, или семь вождей противъ Оды т. А.; ему нужно остановиться на фактѣ, что вся периклова Греція преданіями именно троянскаго мѣста, что каждому Греку и Историку, Одиссей, и Парисъ-Боговидный ближе и родственнѣе, чѣмъ являющійся дѣдушка и бабушка, даромъ-что роду и въ-самомъ дѣлѣ родня. Одни изъ лучшихъ цѣнителей древности Винкельманъ, видѣвшій и знавшій, что только въ его время было искусство греческаго искусства, выдѣлывалъ первый мысль, до-сихъ-поръ не повергнутую, именно, что не Грековъ произведеній искусства мы вымышленныя, или изобрѣтены самими художникомъ, но что всѣ мы взяты изъ исторіи, изъ существующихъ фактовъ, и что все греческое искусство есть одна великая историческая иллюстрація. Мысль эта вѣрно до-сихъ-поръ — да и всегда будетъ знаваться истиною, потому-что ведливости ея, опирающейся на фактъ, нечѣмъ оспорить. Но мы прибавить сюда, что изъ этихъ фактовъ

элементъ греческаго историческаго искусства, *вся лучшая*, — будетъ ли это балльетъ, или трагедія, или поэма, — содержать тѣмъ однимъ изъ эпизодовъ романическаго періода. Не Гомеръ своимъ двумя поэмами началъ эту повсеѣстную привязанность и любовь именно къ этому періоду, а наоборотъ, здѣсь-распространенная страсть къ нему чудесному времени, къ преданіямъ объ этихъ именно характерахъ породила его поэмы. Что же такого особеннаго въ этомъ времени, которое впечатлѣлось на всѣхъ произведеніяхъ искусства и останется чѣмъ-то юбаннымъ для всѣхъ народовъ, для всѣхъ вѣковъ? Къ фактивному, придуманному нельзя привязаться съ такою силою; глубокая любовь можетъ ридѣниться только къ тому произведенію искусства, которое воскрепаетъ собою жизнь, въ которомъ всѣ представляемые люди во второй разъ точно такъ подумаютъ, точно такъ заворятъ, какъ было въ ихъ дѣйствительности, снова почувствуютъ *тошными* чувствами. Что же, когда побное глубоко-истинное, ничего-неподумывающее, но воровительно-ѣро для всѣхъ передающее (это то же, то всѣхъ убѣждающее въ *непремѣномъ* сходствѣ портреты, хотя бы мы ригинала никогда и не видали), — что же когда подобное искусство вырпало прекрасную, человечественную ри всѣхъ недостаткахъ жизнь, со сею полнотою человечественныхъ каествъ? Самая близкая связь была между этою изображенною жизнью первоачальной Греціи и периклова вѣка, оставляющаго центральный пунктъ греческой исторіи, къ которому тягуютъ всѣ окружающія его части, точно озеро, составившееся изъ влившихъ въ него рѣки и выпускающее изъ себя другія рѣки, идущія въ безпреѣльность. Отъ-того и такая привязанность къ поэмамъ, въ которыхъ выразились тѣ же самые элементы, которые и тогда давали всему жизнь, только воплощенные иначе; это были тѣ-же Греки, только подовленные,

съ интересами больше раздробившимися (слѣдовательно и характеры начали размельчаться), но все-таки тѣ же, отлитые въ ту же форму. И-такъ, изображение элементовъ будущей полной греческой жизни представляютъ времена Греціи легендарной, а не предметы споровъ и доказательства. Что намъ въ лицахъ, когда нужно изображение характеровъ? что намъ толки о такомъ или другомъ дѣйствіи или событіи, когда гораздо важнѣе доказать, что оно *могло* быть чѣмъ-то, что оно *въ-самомъ-дѣлѣ* было? Одно — непремѣнный законъ, вытекающій изъ всѣхъ условливающихъ обстоятельствъ; другое — тотъ же законъ, обвинивдивидуализировавшійся. Г. Гротъ не раздѣляетъ легендъ о герояхъ отъ легендъ о боггахъ; слѣдовательно, греческая миеологія представляется ему точно также выдумкою поэтовъ, которая пришлась по вкусу народу и пошла въ ходъ: значитъ, придан въ голову этимъ поэтамъ выдумка другаго сорта, она могла точно также *поправиться* и составить всеобщее вѣрованіе; значитъ, никакой и рѣчи нѣтъ о томъ, что религія народа, точно такъ же, какъ и поэзія его, не могутъ быть выдуманы, двинуты въ другой путь, чѣмъ тотъ, къ которому нужно подвинуться и къ которому подвигается народъ самъ собою.

Въ книгѣ г. Грота довольно мѣста занято рассмотрѣніемъ стариннаго вопроса: одинъ ли Гомеръ сочинялъ «Иліаду» и «Одиссею», или эти поэмы писаны нѣсколькими авторами; съ послѣднимъ (вольфовскимъ) положеніемъ онъ не согласенъ и, вмѣстѣ съ новѣйшими критиками, остановился на томъ, что у этихъ двухъ поэмъ авторъ одинъ, но есть нѣсколько вставокъ въ «Иліадѣ», особливо IX-я книга, которую онъ называетъ «недостойнымъ прибавленіемъ», именно потому, что ему показалось, будто-бы здѣсь, когда Ахиллъ не соглашается снова воротиться къ греческому войску, онъ не смягчается въ гнѣвѣ своемъ послѣ всѣхъ умаливаній отраженнаго

къ нему посольства: «ахиллская гордость и егоимъ Ахилла переступили всѣ границы и оскорбляютъ ощущение Немевиды, столь-глубоко задевшее въ греческую душу. Мы прощаемъ всякую ярость и излишество противъ Троянъ и Гектора послѣ смерти Патрокла; но то, что его не трогаютъ ни возвращеніе всего у него взятаго, ни униженныя мольбы, ни самыя богатые умиловнительныя подарки, предложенныя Греками — это показываетъ нечеловѣческую неумолимость и ужь конечно такую, какой не желалъ представлять поэтъ ни первой, ни послѣднихъ двѣнадцати книгъ». Почему эта черта Ахилла оказалась автору особенною, выходящею изъ общаго характера греческаго — неизвѣстно: напротивъ, эту черту слѣдовало бы выставить одною изъ различительныхъ граней отъ болѣе-повышняго греческаго характера, на-примѣръ, времени процвѣтанія аѳинской республики, — потому что какъ ни прекрасенъ былъ первый Грекъ, настоящее дитя природы съ драгоценными, алмазными, свѣжими качествами духа, у него оставалась еще порядочная доза врожденнаго человѣку злѣбства, котораго тогда онъ не сознавалъ еще и не стыдился; а потому сколько разъ встрѣчается и въ «Илиадѣ» и въ «Одиссеѣ», что хладнокровно, не въ пылу гнѣва или мщенія, а только повергнувъ на землю врага своего, не внемля никакимъ заклинаніямъ и мольбамъ именовъ всего драгоценнаго, стараго отца, молодой супруги, — Грекъ наступаетъ ему ногою на горло и, вонзая въ него мечъ или копье. И это лучшіе изъ лучшихъ, тѣ, въ которыхъ живутъ самыя нѣжныя, самыя благородныя чувства. Какъ далеко Филоклету до силы и твердости характера Ахилла, а и того надобно было богу сдвинуть съ мѣста, иначе онъ не пошелъ бы ни по какимъ просьбамъ. Еще какаго разнища во времени: сколько лѣтъ успѣлъ просидѣть Филоклетъ на своемъ Лемноса, гложя свою досаду, и какъ

свѣжа была рана въ груди вождя, горлаго Ахилла! Все подобно было очень-натурально, ничего не поражало, было общепринято, и вероятно очень бы удивился тотъ, кто разъ сверженный, могъ бы хотѣть остаться живъ. Таинств-образно, у всякаго времени есть свои возмущенныя жестокости, — у нашего точно такъ же, какъ у тогдашняго, — жестокости негодныя, потому-что онѣ принаты, потому-что *есть такъ обаятели...*

Къ числу новыхъ, еще невысказанныхъ ни однимъ историкомъ Греціи мыслей, принадлежитъ та мысль Грота, что въ совѣтъ вождей и вѣрновомъ собраніи, какъ ихъ описываетъ Гомеръ, лежитъ основаніе будущаго республиканскаго устройства, а рѣчьность гомеровскихъ героевъ — протипъ будущей страсти къ публическому ораторству, которое само много содействовало развитію греческой интеллектуальности:

«Могущество рѣчи въ управленіи общественными дѣлами становится всевозможнѣе, развитіе и неопредѣленіе мѣръ того, какъ мы подвигаемся къ дѣлу, предшествовавшему хорошему битію, и нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что эта вкоренившаяся привычка была одною изъ главнѣйшихъ причинъ интеллектуальнаго превосходства народа вождей. Въ такое время, когда всѣ окрестныя народы были, сравнительно говоря, погружены въ умственное опіуманіе, и была достаточной и довольно могущественной причиной къ тому, чтобы до такой степени размножить число производившихъ греческихъ людей, кромѣ причины, происходящей отъ выгоды публичнаго ораторства. Восприимчивость массы народнаго интелектуальнаго руководства, привычка ея требовать и наслаждаться этимъ сильнымъ возбуждающимъ средствомъ, и открытыя формы, въ которыхъ регулярныя формы соединялись съ свободною оппозиціею, о предвѣщавшей практическія (политическія и гражданскія) — все это причины, образующія славы мастеровъ въ искусствѣ ораторства. И не просто ораторы не только производились этимъ способомъ: все это выдѣлялась интеллектуальная способность, а умозрительное направле-

учало важным явленіем для своего на-
ожденія и соображенія въ такое время,
да истины наукъ физическихъ были
ли недоступны. Если первоначальное
истіе состояло въ изощреніи способо-
вженія, то послѣдующій, не менѣе
важный результатъ былъ тотъ, что разви-
лась привычка къ научному мышленію.
Въ этомъ нельзя согласиться: у всѣхъ
инающихъ народовъ и по малочис-
ленности ихъ состава и по неустано-
вшемуся еще разумному правленію
дѣствуютъ собранія всѣхъ ихъ чле-
нъ съ длинными, степенными рѣча-
ми, потому что та же мѣрная рѣчь
принадлежитъ всѣмъ и каждому въ на-
воинъ собраніи; съ этою же мѣрною
рѣчью каждый обращается и къ врагу
и къ пріятелю; она не ускоряется ни
въ внезапной радости, ни отъ присту-
пающаго отчаянія и горести; такъ бы-
ло у всѣхъ—и у Грековъ, и у Египтявъ,
и у Евреевъ, и у Мексиканцевъ; такъ и
въ наше время еще у американскихъ Индій-
цевъ; тутъ дѣйствуетъ востокъ или
западъ, вліяніе страны или мѣстности,
патріархальная, медленно-текущая
и непремѣнно принадлежала каждо-
му народу до тѣхъ-поръ, покада новыя,
недѣлишіяся страсти не начали вхо-
дить въ грудь образовывающагося че-
ловека, сдѣлавъ и всѣ впечатлѣнія его,
и живыя, и передающія, болѣе-жи-
выя, болѣе-быстрыя. Какой же ре-
зультатъ выводитъ послѣдующее респуб-
ликанское и, слѣдовательно, ораторствен-
но-направленіе Греціи изъ рѣчивости
юсупримчивости первоначальныхъ
раций? Эти послѣднія качества пра-
ведутъ не къ развитію научной дѣ-
ятельности, а къ диалектическому искус-
ству, къ искусству формы, а не содер-
жанія, и, можетъ-быть, было бы боль-
е справедливости вывести изъ нихъ
не стремленіе къ диалектическимъ формаль-
ностямъ спора и пренія, а распаданіе
Греціи въ эпоху император-
ства, чѣмъ производятъ отъ нихъ
исторію Демосоеена и Перикла, раз-
рушительную очаровательность Сократа,
осязательность умозрѣнія Платона и си-
стематическую политику, реторику и
логику Аристотеля.

Исторія Греціи доведена во 2-й ча-
сти до времени Креза и Пизистрата,
аеонская оставлена для 3-го тома, а 2-й
оканчивается исторіей Спарты; это
лучшая часть втораго тома, потому что
обо всемъ прочемъ говорено довольно-
отрывочно, неполно, съ собственными
предположеніями тамъ, гдѣ не доста-
вало историческихъ данныхъ.

Не отрицая историческаго суще-
ствованія Ликурга, г. Гротъ утвержда-
етъ, что совершенно-несправедливо
утвердившееся мнѣніе, будто Ликургу
ввелъ въ Спартѣ равный раздѣлъ по-
земельной собственности. Онъ отри-
цаетъ это мнѣніе не потому, чтобъ
такой раздѣлъ былъ дѣломъ невоз-
можнымъ, а потому что на слово дана
нѣтъ свидѣтельству одного Плутарха,
между тѣмъ, какъ ни Геродотъ, ни Фу-
кидидъ, ни Ксенофонтъ, ни Исократъ,
ни Платонъ, ни Аристотель ничего рѣ-
шительно не упоминаютъ о подобномъ
раздѣленіи земли. Изложеніе исторіи
Спарты одно изъ лучшихъ мѣстъ все-
го сочиненія, а потому мы выпишемъ
ушиое предположеніе г. Грота, какими
образомъ приписали Ликургу этою
законъ о равномъ раздѣлѣ земли.

Разсматривая состояніе города Спар-
ты во время Агиса III (положимъ 240
лѣтъ до Р. Хр.), мы увидимъ, что граж-
дане сдѣлались многочисленными, что по-
чти всѣ они были бѣдны до нищеты, вся
земля сосредоточена въ рукахъ весьма-
немногихъ, древній уставъ жизни и об-
щественный обрядъ сдѣлались пустыми
формами, огромное число иностранцевъ и
не-гражданъ заселили городъ (потому что
уже давно забыли древній законъ о пре-
бываніи иностранцевъ) и составили боль-
шой денежный классъ; наконецъ, до-
стоинство Спарты и вліяніе ея на соедѣ-
нія республики совсѣмъ рушились. Юному
энтузіасту, каковъ былъ царь Агисъ, и
другимъ пылкимъ умамъ изъ числа его со-
временниковъ было невыносимо сравнить
это уничиженіе съ прежнею славою своей
страны; и имъ показалось, что нѣтъ дру-
гаго средства возродить древнюю Спарту,
какъ снова впустить въ число гражданъ
людей, закабаленныхъ по бѣдности, сно-
ва передѣлить землю, погасить всѣ долги

и возобновить общественный обряд и военный образ жизни во всей строгости. Агисъ старался заставить принять эти разрушительныя средства (о которых же смѣлъ бы даже и подумать какой-нибудь демагогъ самой отчаянной афинской демократіи), съ согласія сената и общественного собранія и съ согласія богатыхъ. Его добросовѣтность засвидѣтельствована тѣмъ фактомъ, что собственное его имѣніе и имѣніе его родственницъ (одни изъ самыхъ большихъ имѣній во всемъ государствѣ) легли первыя жертвами въ общую массу. Но его же провели его безнравственные помощники, и онъ погвѣнъ, тщетно стараясь убѣжденіемъ достигнуть придевіи въ дѣйствіе мечты своей. Его Преемникъ Клеоменъ совершилъ насильно переворотъ подобнаго же рода, хотя дѣйствительство непріятельское скоро погубило и его самого и его учрежденія. — Именно подъ влияніемъ того самого состоянія общественного мнѣнія, которое породило въ Спартѣ проекты Агиса и Клеомена, образовалась историческая мечта, неизвѣстная Аристотелю и его предшественникамъ, будто-бы совершенное равенство собственности есть учрежденіе Ликурга. Извѣстнее было бы показывать, какъ много подобное убѣжденіе могло бы способствовать нововводительнымъ проектамъ; и, нисколько не предполагая намѣреннаго обмана, намъ нечего удивляться, что предрасположеніе патристовъ-энтузиастовъ истолковало сообразно своему собственному пристрастію древнее, забытое законоположеніе, отъ котораго они были отдалены больше, чѣмъ пятью столѣтіями. Ликургово ученіе стремилось насильно вселить въ голову мысль о равенствѣ гражданъ, т. е. отрицаніе неравенства, которое не было бы основано на какой-нибудь личной принадлежности — такъ что оно дѣлало похожими однѣ на другія привычки и способности богатыхъ и бѣдныхъ; а это равенство, существующее въ идеѣ и направленіи, и, какъ кажется, желанное основателемъ, было превращено послѣдними преобразователями въ положительное управленіе, которое будто-бы онъ сначала устанавливалъ, но отъ котораго отсталъ его выродившійся потомокъ... Спартанецъ жилъ обыкновенно публичною жизнью, либо самъ находясь подлѣ началомъ гимнастическихъ и военныхъ, либо будучи зрителемъ или критикомъ подобной же жизни другихъ, всегда въ оковахъ, всегда

принужденный, соблюдая примы къ частию военной, частью монашеской, отъ ученный отъ независимости и отдаленный отъ своего дома; жену свою онъ видѣлъ только въ первые годы своего супружества, только украдкой, и сосвѣдочне не зналъ дѣтей своихъ. Надъ нѣмъ бодрствовалъ надзоръ не только строгая давъ-сотоварищей, но и особымъ вѣдомствомъ новленныхъ самою республикою наставникъ или начальниковъ; день его проходилъ въ публичныхъ упражненіяхъ и въ бланчныхъ столовѣхъ, ночь въ публичной казармѣ, къ которой принадлежалъ онъ. Если мы вспомнимъ несомнѣнно греческой жизни въ IX или VIII столѣтіи до Р. Хр., и особенно непрочное состояніе горсти дорическихъ завоевателей въ Сартѣ и областяхъ ея, съ покоренными и тамъ на ихъ собственныхъ земляхъ, непокоренными Ахейцами вездѣ возмущенно легко поймемъ исключительную роль которую назначилъ себѣ Ликургъ; и въ-самомъ-дѣлѣ изумительно, такъ и насильственность его средствъ въ достиженіи результата. Онъ привелъ въ дѣйствительность свой проектъ вложивъ 8,000 или 9,000 спартанскихъ гражданъ безспорническое повиновеніе, суровое самоотверженіе и годность къ военной дѣлу, — совершенному подчиненію каждого гражданина мѣстному общественному мнѣнію и предпочтеніе смерти исполненію спартанскихъ правилъ — гонимому жажду каждаго отличиться въ исполненіи писанныхъ ему обязанностей и равно какъ ко всему прочему. Намъ невозможно не удивляться, какимъ образомъ дошла до насъ мысль о равенствѣ, и что-бы наложить на цѣлое общество суровую систему индивидуальной ответственности съ ребячества до старости и тотъ же ходъ мыслей и дѣйствій — гораздо труднѣе всякаго великаго переворота; и вліяніе строгата, историческаго геракланда, воспоминаемаго могущественнѣйшимъ содѣйствіемъ олимпийскаго бога, на глубоко-благочестивую восприимчивость спартанскаго народа объясняется достаточно такого положительнаго введенія въ исторію родоначальника, если не предположить, что ему помогало привлеченіе одностороннихъ дѣйствовавшихъ обстоятельствъ, которыхъ намъ исторію и предшественниковъ такъкими огромными безпорочными гражданами были рады во что бы ни стало вырваться изъ нихъ. »

Неизвестно, когда появятся слѣдующія части этого сочиненія; но во всякомъ случаѣ можно ожидать отъ нихъ много хорошаго, потому что авторъ не изъ числа людей немыслящихъ.

Врядъ ли какая-нибудь литература такъ богата біографіями, какъ английская. Поминутно выходятъ жизнеописанія великихъ и невеликихъ людей, тѣльно или сборниками, съ критическими замѣчаніями и безъ нихъ; въ рхивахъ семейныхъ и государственныхъ производятся неутомимые поиски, и все это печатается, не смотря на то, въ самомъ ли дѣлѣ стѣило всеобщей извѣстности и многочисленныхъ траніць, большой потери времени и оисковъ то лицо, которое авторъ избралъ себѣ темою. Это точносьми овлаѣвшая страсть, потому что если такъ много печатается этихъ біографій, невозможно же предположить, что онѣ итаются однимъ ихъ составителемъ; начитъ, въ нихъ есть всеобщая потребность, значитъ, онѣ составляютъ одну изъ необходимыхъ отраслей английской литературы. Ихъ нельзя считать дѣломъ прихоти или моды, которая пройдетъ и не воротится; онѣ столько же мало дѣло случайное, какъ и безвсленныя французскія фивіологіи; въ этихъ фивіологіяхъ выразилась одна изъ надобностей французскаго характера — *схватывать и очерчивать*, и вивіологіи составляютъ только видоизмѣненіе этой потребности, точно такъ же, какъ подобное же видоизмѣненіе составляли прежніе французскіе мемуары: разница въ томъ, что мемуары обращаютъ свое зрительное стекло на лица и происшествія, сдѣлавшіяся уже предметомъ сторій, или служація къ довершенію редставленія объ историческихъ лицахъ и происшествіяхъ, между-тѣмъ, какъ фивіологіи берутъ себѣ предметъ все нынѣшнее, теперь случаются. Съ примѣра Французовъ всѣ

принимались писать мемуары и фивіологіи; зато выдѣ и не пускали корней эти чужія растенія, потому что несвойственна имъ была новая почва. Теперь больше не пишутъ во Франціи фивіологіи; имя это прошло, но вещь осталась, да и всегда останется, покуда не измѣнится весь характеръ народный.

Подобно этому элементу французскаго характера, у Англичанъ есть своя черта — гордость своимъ, обыкновенная привязанность къ домашнему, ко всему своему прошедшему, до котораго всегда каждый стремится протянуть нити нынѣшняго состоянія, стремится показать, какъ весь теперешній порядокъ утвердился на давнишнихъ основаніяхъ. Какому-нибудь лорду мало того, что происхождение его свѣтло и ясно идетъ отъ такихъ-то и такихъ древнихъ гербовъ; — ему нужно еще показать, какъ всѣ его предки не сложа руки сидѣли у себя въ замкахъ, а принимали участіе во всѣхъ средневѣковыхъ политическихъ движеніяхъ, какъ потомъ въ Европѣ предки его, изъ желѣза перералчившись въ парики и кафтаны, были непремѣнными частацами огромной машины, завѣдывающей интересами «любезной» Англіи. Это его гордость, это его *point d'honneur*; не онъ одинъ неравнодушенъ къ этому, — всѣ точно также требуютъ знать дѣятельность прежнихъ, старинныхъ лордовъ, и вотъ огромною цѣнью тянутся въ английской литературѣ біографіи лордовъ-генераловъ, лордовъ-адмираловъ, лордовъ-канцлеровъ, лордовъ-ораторовъ, лордовъ-легистовъ и т. д., написанныя потомками ихъ, и которыя во всякой другой странѣ не были бы никакъ прочитаны. Кажется, кто только ни жилъ въ Англіи хоть сколько-нибудь примѣчательнымъ образомъ, непремѣнно находитъ себѣ біографа, такъ что чуть-чуть не вся Англія появляется въ видѣ біографій. Этого мало: *потребительность* этого рода литературы такъ велика, что существуетъ чрезвычайная конкуренція; объ одномъ и томъ же лицѣ, въ Англіи даже вовсе и неизвѣ-

ствою, пишут по нескольку раз, все больше и больше роются въ архивахъ.

Къ подобнымъ многочисленнымъ сочиненіямъ принадлежатъ вышедшія недавно: 1) *The lives of eminent english judges of the seventeenth and eighteenth centuries*, by W. N. Welsby, esq. (Биографія примѣчательнѣйшихъ англійскихъ судей XVII и XVIII столѣтій, соч. В. Н. Уэльсби); 2) *The lives of twelve eminent judges of the last and of the present century*, by William Townshend, esq. (Биографія двѣнадцати примѣчательнѣйшихъ судей прошлаго и нынѣшняго столѣтій, соч. Уильяма Тоушенда); 3) Продолженіе сочиненія лорда Кемпбелла: *The lives of the Lord-Chancellors and keepers of the great seal of England, from the earliest times till the reign of king George the fourth*, vol. IV, V (Биографія лордовъ-канцлеровъ и великихъ хранителей государственной печати, съ перваго ихъ установленія до царствованія Георга IV, части IV и V); 4) *Correspondence of John, fourth duke of Bedford, with an introduction by lord John Russel*, vol. III (Переписка Джона, четвертаго герцога бедфордскаго, со вступленіемъ лорда Джона Росселя, часть III); 5) *Memoirs of the life and times of sir Christopher Hatton, including his correspondence with the queen and other distinguished persons*, by sir Harris Nicolas (Мемуары о жизни и временахъ сэра Христофа Хаттона, содержащія въ себѣ его переписку съ королевою и другими примѣчательными особами, соч. сэра Гарриса Николаса).

Мы задали бы себѣ слишкомъ-огромную и, можетъ-быть, безплодную задачу, еслибы принялись за разсмотрѣніе всѣхъ лицъ, составляющихъ эту картинную галерею; знаменитые въ свое время, жили и отжили свой вѣкъ, не оставивъ для послѣдующаго времени ничего, кромѣ памяти о больше или меньше-замѣчательныхъ индивидуальныхъ характерахъ, имѣвшихъ большое вліяніе на то, что ихъ окружало. Одна черта ясно вылается изъ всей разнообразности

характеровъ — это непоколебимая и неуклонная твердость, негнущаяся и передъ какою силой, — и это воистиннѣ потому-что только твердостью даетъ возможность дѣйствовать сколько-нибудь примѣчательно на современность; иначе не помогутъ никакія блестящія качества. Таковъ, напр., судья Хэлъ, потерпѣвшій много жаркихъ битвъ съ Кромвеллемъ и непопавшійся ему; а, кажется, что могло быть дѣятельственнѣе и нетерпимѣе Кромвелля!

Четвертый и пятый томы «Кампировъ» лорда Кемпбелла, содержатъ и себѣ время отъ 1688 года, или отъ революціи до смерти канцлера Гурю, и 1806 году. Большая разница въ канцлерахъ до XVIII столѣтія и послѣ великаго перелома, совершившагося въ Англіи съ революціею 1688 г.: «Прежніе были государственными лицами, отъ которыхъ все получало свое начало, и исторія ихъ была исторіею королевства; послѣ же революціи, какое бы ни было поле дѣйствія, у каждаго канцлера обозначался свой особенный судебный характеръ, котораго нельзя не замѣтить, хотя не-замѣримо-далеко канцлерамъ XVIII столѣтія до такихъ характеровъ, каковы были Бекетъ, Вольсей, Моръ, Бэковъ, Кларендонъ, Шефферъ, Джеффрисъ и др.» Англійскіе критики находятъ, что эти два тома сочиненія Кемпбелла еще интереснѣе прежнихъ, по причинѣ огромнаго количества оригинальныхъ документовъ, представленныхъ ему потомками описанныхъ имъ лицъ, такъ-что эти документы дали автору возможность расцвѣтить свой рассказъ истинами подробностями индивидуальной биографіи: за то авторъ принужденъ былъ иногда не со всею истинною изображать въ некоторыхъ сторонахъ канцлеровъ, предостѣхъ, кому онъ обязанъ былъ драгоценными извѣстіями.

Очень-мало примѣчательнаго въ жизни герцога Бедфорда, описанной родственникомъ его, лордомъ Джономъ Росселемъ. Герцогъ Бедфордъ былъ первымъ лордомъ адмиралтейства,

алъ ли умѣлъ различить въ кораб-
корму отъ носа; морская админи-
страція его не стоить даже быть помя-
та; потомъ онъ былъ лордомъ-лейте-
нтомъ Ирландіи, гдѣ, подобно сво-
имъ предшественникамъ, поддержи-
валъ барщину и задаривалъ своимъ
ютивникомъ. Все это не стоило бы
ографин, и, можетъ-быть, лордъ Рос-
сель неохотно принялся бы за такое
стное жизнеопианіе, еслибъ судьба
о предка не была связана съ контр-
волюціею, посредствомъ которой Ге-
оргъ III положилъ основаніе всему
рошему и дурному, составившему
аву 1688 года.

Георгъ III взомель на престолъ съ
ердымъ намѣреніемъ воротить ту
часть, которую отвали у монархиче-
ской власти большія фамилія выговъ
слабыя царствованія Георга I и
юрга II. Лучшимъ союзникомъ ему,
мечю, приходился Питтъ, потому
что этотъ министръ сроднялъ бы ко-
ля съ народомъ и предупредилъ бы
обходимость составить придворную
артію, неприязненную народу. Но Ге-
оргъ III былъ какъ-то странно-близору-
къ даже къ своимъ выгодамъ; воспи-
ніе сдѣлало его и трусливымъ, и уп-
лымъ, и скрытнымъ; у него все были
голови великія цѣли, а на дѣлѣ не-
малікія средства, и въ-за какой-ни-
гдѣ мелочной личности онъ былъ го-
въ поставить въ опасность все свое го-
дарство. Англія только-что приобрѣла
мерику и приобрѣтала Восточную-Ин-
ю; Питтъ требовалъ продолженія вой-
ы, потому-что видѣлъ двуличность Ис-
внм; но дѣлая партія возстала противъ
го преимущественно потому-что она
о терпѣть не могла, и въ числѣ про-
ихъ особенно отличался герцогъ Бед-
ордъ; послѣдствія доказали, кто былъ
равъ, кто неправъ, кто дальше ви-
лъ, кто былъ близорукъ, какъ крокъ.
Позже, точно такую же оппозицію
рцогъ Бедфордъ противопоставилъ
инистерству Чатема; какимъ-то чу-
омъ составился кабинетъ такъ, какъ
его предлагалъ, и это новое мини-
герство удержалось почти безъ намѣ-

неніи двадцать лѣтъ, главное же—эти
двадцать лѣтъ были едва-ли не самыми
несчастными и постыдными во всей
английской исторіи. Не смотря на все
это, лордъ Россель, описывая влосчаст-
ные подвиги своего родственника, все-
таки старается увидѣть въ немъ спо-
собнаго государственнаго человека и
хорошаго политика; по-крайней-мѣрѣ,
онъ успѣлъ доказать вполне, что гер-
цогъ Бедфордъ былъ любезенъ въ
частной жизни, честенъ и добросовѣ-
стенъ. А эти качества, соединенныя
съ участіемъ въ важныхъ государ-
ственныхъ дѣлахъ (все равно — толко-
выхъ или безтолковыхъ), все-таки об-
разовываютъ ореолъ славы надъ голо-
вою какого-нибудь нашего предка.

Въ книгѣ, изданной сэромъ Гарри-
сомъ Николасомъ, самая примѣчатель-
ная и любопытная часть — переписка
сэра Хаттона съ королевой Елизаветой.
Она начинается съ 1572 года, ко-
гда Хаттону было 32 года и когда онъ
имѣлъ счастье поправиться королеви,
и продолжается до 1591 года, когда,
разбогатѣвшій и сдѣлавшійся ужъ дав-
но лордомъ-канцлеромъ, онъ умеръ съ
горя, потому-что королева, доволь-
но-скупая, не любившая шутить и дер-
жавшаяся пословицы «дружба друж-
бой, а служба службой», заставляла
его непремѣнно выплатить огромный
долгъ въ 40,000 ф. ст. Притомъ же, и
королева и Хаттонъ тогда были уже
стары. Все собраніе писемъ Хаттона
находится теперь въ числѣ манускрип-
товъ Британскаго Музеума и въ по-
длинности его не сомнѣваются; по-
лагаютъ, что съ настоящихъ пи-
семъ свиналъ для собственнаго удо-
вольствія копія секретарь Хаттона,
Самуэль Коксъ, который еще почелъ
нужнымъ прибавить вѣскольکو пропе-
веденій собственнаго эпистолярнаго
искусства; но слышкомъ-давно, что въ-
самомъ-дѣлѣ хаттоново, что принадле-
жить его секретарю, и г. Николасъ
составилъ изъ многорѣчивыхъ и не-
дандическихъ писемъ секретаря особ-
ливое приложение въ концѣ книги.

Чтобъ дать читателю понятіе объ этой перепискѣ, представимъ два письма Хаттона къ Елизаветѣ. Они написаны вотъ по какому случаю: однажды королевѣ понравился молодой и совершенно-оригинальный по своему характеру лордъ Оксфордъ; слѣдовательно, тотчасъ же послѣдовалъ большой переворотъ въ судьбѣ сѣра Хаттона,—все перемѣнилось. Въ отчаяніи онъ не зналъ за что приняться; ему даже приходило въ голову написать письмо, наполненное упреками, которыхъ бы, конечно, онъ могъ набрать довольно. Къ счастью его, въ время оставилъ его пріятель, нѣкто Дайеръ, который длиннымъ, но осторожнымъ (на всякій случай) письмомъ показалъ ему, какъ опасенъ такой *salto mortale*, какъ онъ навсегда испортитъ дѣло и какъ произведетъ слишкомъ-серьезныя послѣдствія. Хаттонъ одумался и слѣдующимъ образомъ изложилъ свои укротившіяся чувства:

«Стараясь перемѣнить ваше дурное мнѣніе обо мнѣ, я, можетъ-быть, тѣмъ больше оскорблю васъ, потому что истина моего дѣла разногласитъ съ строгостью вашего сужденія. Но надѣюсь, вы захотите, не добротѣ своей и справедливости, выслушать уменьшенныя жалобы сердцной моей печали. И такъ, говорить, что вина моя состоитъ въ неблагодарности, сребролюбіи и честолюбіи. На первое, какъ передъ Богомъ отвѣчаю, что безгранично любилъ вашу особу и вашу службу, на что я, безъ всякаго исключенія, посвятилъ всю свою жизнь, свободу и достояніе. Я точно такъ же принадлежу вамъ, какъ вамъ бы принадлежало все, что Богъ и вы сдѣлали бы изъ меня; а больше этого ни я, ни кто другой, сдѣлать не можетъ... Но если и когда-нибудь съ жадностью искалъ почестей, или богатствъ, или мѣста, или титула, или званія, то молю Бога, пусть адъ поглотитъ меня. Униженно умоляю васъ, не вѣрьте, ради вашей мудрости и достоинства, сказкамъ, которыя разглашаютъ о преданійшемъ вамъ: не будьте руководими развращенностью другихъ и не потеряйте того, кто истинно васъ любитъ. Эти горькія мысли ужасно какъ мучаютъ меня: дайте мнѣ возможность

стивѣйше заняться какою-нибудь достойнымъ дѣломъ для васъ, и я тогда умру самымъ радостнымъ человекомъ и вѣчно вамъ обязаннымъ. Но дай Богъ, чтобы вы наконецъ стали думать обо мнѣ хорошо, согласно съ моею вытекающею мыслью: тогда бы я утѣшилъ свою душу и сталъ служить вамъ съ радостью въ надеждѣ на будущую награду. Прощу по справедливости, чтобъ эта доброта не производила зла; и, омакожь, меня преслѣдуетъ такая жестокая судьба, что я долженъ молиться отъ благодати, которую получаю каждаго человѣка не прося ея. Боюсь, что не будетъ слишкомъ-непріятно чтение этихъ писемъ, и потому молю Бога со всею истодолжною преданностью о долгой и счастливой для васъ жизни. Благодарю васъ, Богъ навсегда. Вашъ отчаявшійся и не получившій рабъ

Чарльсъ Хаттонъ.

Скоро послѣ этого злополучія онъ и немногъ, а вскорѣ потомъ солнце и вѣтрясная погода опять воротились: сѣръ Хаттонъ сдѣлался опять счастливымъ, и что ни въ чемъ не обвѣнжалъ его больше. Представимъ образецъ плача королевы, и образецъ интимнаго письма. Всѣ эти письма уже потому интересны, что вывѣче такъ нишуть. *Tempora mutantur, et mutatur in illis!* Послушаемъ сѣра Хаттона; онъ только-что получилъ письмо королевы Елизаветы:

«Еслибъ я могъ выразить свои чувства послѣ вашихъ милостивыхъ писемъ, произвелъ на васъ странное дѣйствіе, такъ, я смѣиваю ихъ своимъ слезамъ. Вспоминяя ихъ, нахожу въ болѣе, чѣмъ ей такое подирѣшеніе, что мнѣ дай Богъ это знаетъ, благодарить васъ въ слезахъ. Конечно, мнѣ лучше было умереть, чѣмъ доставать себя и жизнь такимъ тяжелымъ страданіемъ. Два дня удаленія меня болѣе мучило васъ, чѣмъ десять дней пребыванія у васъ, когда я буду возвращаться. Какой несчастнѣйшій человекъ и чѣмъ въ то, что я теперь терплю, и чѣмъ ни смерть, ни адъ, ни болѣзнь, ни вынудятъ когда-нибудь отъ меня сдѣлать что-либо, кромѣ какъ сія одна разъ явилась на своемъ мѣстѣ, такъ сія одна была развѣ отъ васъ и отъ

ь. Дай Богъ мнѣ воротиться — и я не-
лю ютотъ обѣтъ. Мнѣ нужно пережить
время. Чѣмъ больше усиливается во-
н потребность видѣть васъ, тѣмъ даль-
е уѣзжаю. Стыжъ гонить меня все даль-
е. Пусть стыжъ падаетъ на тѣхъ, кто мнѣ
нототъ советъ. Жизнь (какъ вы припом-
е) слишкомъ длинна, когда она такъ
тяжело. Это справедливо. Вѣрите то-
кто сказала это. Чрезвычайнаго вы-
н заслуживаетъ великая мудрость ва-
н писемъ и советъ вамъ быть за-
одоми; но послѣднее слово достойно
дн. Истина, истина, истина... Да-
нотъ оно вѣчно въ васъ! Я всегда буду
нелушнвать. Мой умъ и душа (я это
ствую) согласны съ моимъ тѣломъ и
ншю, что служить вамъ — небесное на-
кленіе; но чувствовать, что васъ нѣтъ,
дн нахъ больше, чѣмъ мука адская
дн мое исполнено горести. Простите
н самого Бога) мое скучное писанье. Оно
нотъ уменьшаетъ (на время) мою горест-
нотю грѣхъ этого письма слезами ва-
нхъ бѣдныхъ вѣкъ (*) и тогда запечатаю
нслабъ Богъ мнѣ даятъ быть съ вами
нотъ одинъ часъ! Умъ мой задвленъ
днми. Мнѣ кажется, я начинаю шутать.
Простите мнѣ это, моя дорогая, лю-
нма государыня. Страсть душитъ меня.
н могу больше писать. Любите меня,
ншотъ я люблю васъ. Умоляю тебя,
н, свидѣтельствуй за твоего бѣднаго
н. Живите вѣчно: Говорить ли мнѣ это
нбывшее слово — прошайте? да, про-
нотъ десять тысячъ разъ. Это говорить
н, который васъ всего больше любить.
ндерживая васъ слишкомъ долго. Ише-
ншотъ прощу простить меня. Итакъ, ска-
ннотъ вамъ бѣднымъ вѣкамъ прошайте.
н. Ишь. Не всегда преданный вамъ
н.

«Ч. Хаттонъ.»

н Книжкѣ, изданной г. Гаррисонъ,
ншотъ одного письма самой королевы
нветы, но характеръ ея и вся она
нрасно обрисовываются въ пись-
нхъ къ Хаттону сэра Томаса Хинд-
ноторый былъ пріятелемъ сэра

Королева Елизавета называла сэра
ншотъ *lids* или *lyddes*; полагаютъ, что
нразумѣла этимъ *eyelids*, т. е. вѣки;
ншотъ-быть, у сэра Хаттона въ нахъ была
ншотъ красота.

Кристофа и игралъ роль посредника
нвсакій разъ, когда между Елизаветой
н сэромъ Хаттономъ наступала разла-
нлица, а это случалось довольно-часто,
нотому-что у королевы Елизаветы
нбылъ вкусъ, отъблнвшій много при-
нродную красоту окружавшихъ ее
нкавалеровъ, и сэру Хаттону часто
нприходилось боиться за свой вѣсъ
нпри дворѣ. Въ подобныхъ случаяхъ,
нсэръ Томасъ Хиндджъ, какъ тонкій
ндипломатъ, не смѣлъ называть вещь
нпо имени, а скрывалъ все опасное
нподъ аллегорическими названіями. Та-
нкимъ образомъ, когда совершенно
нХаттона, въ 1882 году, сдѣлалъ фран-
нскимъ Вальтеръ Ралеи, и Хаттонъ,
нчтобы напомнить о себѣ королеви, по-
нслалъ ей разные подарки и писанье,
нсэръ Хиндджъ, исполнивъ его поруче-
ннн, кончившееся благополучно, воз-
нчасъ же посылалъ ему писанье, гдѣ
нРалеи вездѣ называлъ «водою» (*).

Вотъ это писанье:

«Сэръ, зная мою любовь къ вамъ,
нвы совершенно могли быть увѣрены, что
ня постараюсь сдѣлать для васъ все, что
нтолько можно и какъ могу лучше. Я полу-
нчилъ ваше писанье съ подарками для ея
нвеличества около десяти часовъ утра и
нтотчасъ же сънесъ все къ ея величеству
н именно тогда, когда она собиралась ѣхать
нна оленью охоту въ большой паркъ: я
нторопился вручить ей вашу посылку, зная,
нчто «вода» будетъ тотчасъ тутъ, лишь-
нтолько она выйдетъ изъ гостиной. Она
нтотчасъ же взяла писанье, которое вы на-
нписали, и сказала улыбаясь, что ннкогда
нда не бывало еще такого писанья. По-
нтотъ она хотѣла встннуть себѣ въ вале-
нсы вашу булавку, но булавка не входила,
ншотому она и подала мнѣ ее назадъ
нсъ писаньемъ, которое потомъ взяла у
нменя уже въ паркѣ; прочитавъ его, она
нпокраснѣла и сказала мнѣ много, много...
нвсе дѣло было въ томъ, что она не знала,
нкакъ ей принять ваше писанье, бытъ ли
ндовольной, или рассердиться; подѣ концы

(*) Полагаютъ, что это произошло отъ
нпроизношенія имени *Walter* какъ *water*,
нчто значитъ вода.

разговора, она, взвѣсивъ все, оставилась на томъ, что вѣрить всерно и силѣ вашей любви, и что никогда не подастъ вамъ повода сомнѣваться въ ея истинности.... Въ знакъ же того, что вамъ нѣчего бояться, она посылаетъ вамъ бѣлаго голубка, птицу обѣтованія, подобно радугѣ, обещающую завѣтъ новый и что «вода» не сдѣлаетъ никакого потопа. Потомъ, она поручила мнѣ сказать вамъ, что вы должны помнить, что она пастырь, и потому можете размыслить, какъ ей дороги ея овцы.

Сэръ Гаррисъ доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что характеръ Хаттона не вѣрно представленъ Кемпбеллемъ въ его «Биографіяхъ Англійскихъ Канцлеровъ»: онъ совсѣмъ не былъ пустымъ, бесполезнымъ придворнымъ; ужъ и того довольно, что онъ умѣлъ благороднымъ образомъ пользоваться своимъ положеніемъ, уничтожая многія преслѣдованія и покровительствуя многимъ, нуждавшимся въ немъ; но, кромѣ хорошихъ качествъ сердца, у него и голова была недурно устроена: онъ принималъ и дѣятельное и дѣльное участіе въ государственныхъ дѣлахъ своего времени, такъ-что совѣты его были уважаемы въ-самомъ-дѣлѣ Лейстеромъ, Борглеемъ, Уальшингамомъ и другими министрами.

LUCREZIA or the Children of Night, by the author of Rienzi (Дукреція, или Дети Ночи, соч. автора «Риензи».)

Сэръ Эдуардъ Литтонъ Больверъ на своемъ литературномъ вѣку, какъ истый поэтъ, нѣсколько разъ отказывался писать, торжественно обѣщавъ больше не писать ни слова, — и все-таки черезъ нѣсколько времени снова писалъ. Всякій разъ онъ принимался за что-нибудь новенькое, и однакожь ничто ему не удалось особенно. Англичане изъ всѣхъ силъ анализировали его, слыхали, сравнивали, доказывали, восхищались, наконецъ окрестили его именемъ электина и стали къ нему гордо-хладнокровнѣе: вѣдь слово «эк-

лектикъ» означаетъ чловѣка, не способнаго ни къ чему въ-самомъ-дѣлѣ хорошему и дѣльному. Больверъ писал и драмы, и поэмы, и романы въ бесчисленныхъ родахъ, съ бесчисленными направленіями: романъ сантиментальный, историческій, мистическій, романъ изъ древней исторіи (это называется историческимъ романомъ, потому-что подъ историческимъ романомъ обыкновенно разумѣютъ романъ изъ исторіи средней или новой), романъ феешенъбильный или *highlife*; потомъ очерки, критики, путешествія и т. д. Особенной симпатіи у него были къ которому роду придуманныхъ произведеній; за то столько и хладнокровны, какъ и онъ самъ, остаются къ нимъ читатели. Въ одномъ своемъ твореніи, обращаясь къ жемчужинѣ, онъ называетъ себя «гениальнымъ и токудримъ ребенкомъ». Что онъ обдаетъ золотистыми кудрями, этому мы вѣрили, но во всемъ прочемъ онъ остался убѣжденъ.

Последнее произведеніе его было *Последній Баронъ*, и послѣ того Больверъ молчалъ года съ три; вдругъ, въ концѣ прошлаго года, явился онъ съ новыми произведеніями, и съ таковыми, въ которое хоронъ и писали ось англійскіе журналы и критики и жарко преслѣдовали его. Дело въ томъ, что онъ назвался романомъ мелодраматическимъ, и который не уступитъ ни «Запискамъ Дювола» Сульбъ, ни всякому другому изъ кровавыхъ и растрепанныхъ и перъ забываемыхъ или забытыхъ французскихъ романовъ послѣднихъ пятнадцатилѣтій. Къ этому мы прибавить еще, что въ натурѣ Больвера совсѣмъ не лежитъ способность захватить вниманіе читателей, и дѣть имъ; съ своими разными и тонкостями описаній онъ не можетъ напомнить, и наконецъ сильно впечатлѣть. Какая разниа какой-нибудь французскій, блестящій, горячій романъ, который съ такою силой принимается за свою нить въ сердцахъ и ужасовъ, и иной разъ такъ

отронется до правды! Уже лучше увеличиванія Француза, чѣмъ отчаянная воляность и безжизненность, бояя той, какую встрѣчаешь на ихъ миссъ, соотечественницъ Боль-

въ некоторыхъ изъ первоначальныхъ романовъ Бальзака выразился въ элементъ, за который въ свое время цѣнили и любили его — этого рода кротость, женственность, та цѣлая картина сельской природы, проникнутая кротостью, тихимъ спокойствіемъ. Въ нынѣшнемъ романѣ было бы бесполезно и искуственно подобно: весь роль — непрерывный шумъ, крикъ, отчаяніе, ядъ и т. д. Уже одно мысленное названіе: «дѣти ночи» то косится и говоритъ, что въ роли что-нибудь да не такъ.

Личныя дѣтей ночи въ романѣ двое: Ризель Варней и Лукреція; есть нѣсколько дѣтей ночи, но то лица ихъ плановъ. Варней, олицетвореніе сенсуалистическаго преступленія незаконный сынъ французской танцовщицы, гильотинированной въ его глазахъ (дѣло начинается времена Террора) и гильотинированной потому, что она попала въ объятія прежняго своего любовника, когда, заставивъ сына своего присутствовать при смерти матери, потомъ заставляетъ его искусству быть всегда яснымъ и холодно-жестокимъ. Когда малое дитя возрасло и было уже вѣрнымъ негодлемъ, ему пришлось быть опекуномъ надъ Лукреціей, олицетвореніемъ интеллектуальнаго преступленія. У ней есть любовь; чтобъ ей можно было наслаждаться своею преступною любовью, почти покусается на жизнь сводляки; во все открывается, и дѣлается прогоняема ея отъ себя, лишена наследства. Въ награду за ея интригу, любовникъ похищаетъ ее, и въ отчаяніи, бросается въ объятія го опекуна, уже знающаго его «демонскую» натуру, съ нимъ вѣсть жизнь въ Парижѣ, гдѣ ей преподаются

уроки преступленія, убійства, и наконецъ, чтобъ спасти свою жизнь — потому-что опекунъ уже и на ней вздумалъ попробовать дѣйствіе своихъ ядовъ — выдаетъ его на ищеніе злодѣевъ, одного изъ которыхъ онъ продалъ. Здѣсь на нѣсколько времени занавѣсъ задерживается, и послѣ антракта въ нѣсколько лѣтъ, Лукреція снова появляется въ Англию, съ непремѣннымъ намѣреніемъ отомстить первому своему любовнику. Чтобъ легче и безъ подозрѣнія можно было дѣйствовать, она притворяется, будто развита параличомъ. Между-тѣмъ, надобно замѣтить, что отъ этой самой связи у ней былъ ребенокъ, который пропалъ, — разумеется, для того, чтобъ произвести сцену по-эффективнѣе подлѣ концъ третьяго тома; ребенокъ этотъ изъ уличныхъ мальчишекъ взятъ въ домъ именно къ своему отцу, который его не знаетъ, но очень любитъ за его доброе сердце, скрывающееся подлѣ шаршавой оболочкой. Когда Фурія Лукреція, прежде чѣмъ отравитъ своего прежняго любовника, хочетъ напередъ побольше заставить его пострадать и своей рукой убиваетъ его невѣсту, невѣнный сынокъ все видѣлъ, все знаетъ — онъ уличаетъ свою мать и, разумеется, она, какъ Лукреція Борджіа, отравляетъ своего сына, который никакъ не умретъ раньше, чѣмъ въ мелодраматическомъ видѣ произойдетъ объясненіе, кто кому сынъ, кто кому мать, и третій томъ заканчивается сумасшествіемъ героини романа, «дочери ночи».

Вотъ портретъ этой героини:

«Лукреція была большаго роста, больше, чѣмъ позволяетъ женщины; но въ ея ростѣ не было ничего ни грубаго, ни мужскаго; никогда болѣе-совершенная фигура не служила образцомъ скульптору. Ей пристала одежда того времени, которую мы считаемъ нынѣ неприличною. Высокій поясъ давалъ болѣе протяженія величественной длинѣ ногъ, между-тѣмъ какъ классическая тонкость платья обладала точную пропорцію и совершенство очертанія. Руки тогда были обнажены почти до плечъ, а руки Лукреціи были

столько же непогрѣшительны формой, сколько блестяши своимъ свѣжимъ цвѣтомъ; стройная шея, падающія плечи, твердая, тонкая, круглящаяся талія равно очаровали бы и художника и скульприста. По счастью, нельзя было разглядѣть единственнаго недостатка ея формы: этотъ недостатокъ былъ въ ея рукѣ; у ней не было всегдашнихъ погрѣшностей женской молодости—излишней полноты, слѣшкомъ розоватой здоровости цвѣта; напротивъ, ручка у нея была маленькая и тоненькая; однакожь, это была скорѣе рука мужчины, чѣмъ женщины; на ней ясно обозначились нервы, вены сильно вздувались, суставы были рѣзки и выпуклы. Казалось, будто въ этой рукѣ пробилась желѣзная сила характера. Хорошо ли было лицо, или оно отталкивало? Странно, что въ чертахъ своихъ оно заключало высшій родъ красоты, и, однакожь, лучшій знатокъ женской красоты не могъ бы сразу сказать, что Лукреція хороша и т. д.

Какъ всегда, тутъ слѣдуетъ поясненіе, что у ней при всей красотѣ было что-то фатальное, демонское во взглядѣ, обладающее холодомъ, что-то зѣвнкое, и все въ такомъ порядкѣ, какъ ужъ принято. По этому отрывку нельзя съ полнотою судить о манерѣ Болъера въ этомъ романѣ, потому-что есть еще хуже мѣста, особливо, когда начинаются разговоры.

Кавендишъ or the redskins, by J. F. Cooper (Равенсвикъ, или Краснококсіе, соч. Дж. Фен. Купера).

Книга эта—полу-романъ, полу-сочиненіе дидактико-политическое; слѣдовательно, вездѣ, гдѣ послѣднее начало преобладаетъ, прощай романъ, прощай занимательность! Дѣло въ томъ, что въ 1837 году въ Сѣверной-Америкѣ было сильное политическое движеніе, грозившее бѣдами, но разрѣшившееся спокойно, безъ кровопролитія. Въ одно время, въ равныхъ сѣверныхъ американскихъ областяхъ вдругъ заговорили о томъ, что за чѣмъ де-скаль намъ быть рентистами (кортоньягами) богатыхъ людей, аристократовъ; мы сами такіе же, какъ и они всѣ; не нужно господъ, быть всѣмъ господами!

Итакъ дѣло повелось о такихъ предметахъ, которые отзываются убійствомъ и страшной усобщицей. Нашли митинги все буйнѣе и буйнѣе, и однакожь не произошло нигдѣ пролив. не переиhrнлся прежній порядокъ, все по-прежнему остались земледѣльцы рентистами, все по-прежнему послѣдніе платятъ свою ренту первымъ, и больше нѣтъ никакихъ непризнанныхъ столкновеній. Будь это не ниче, такой результатъ пришлось бы считать дорогою цѣною. — Куперъ изъ для своего романа это безпокойное время, къ несчастію, не съ художественною цѣлью, а съ поучительною, такъ что добрыя три четверти книги наполнены всевозможными разсужденіями и доказательствами, въ видѣ дуэтовъ и терцетовъ дѣйствующихъ лицъ, противъ антирентазма. А между-тѣмъ, если судить по концепціи нѣкоторыхъ характеровъ, этотъ романъ вогу бы составилъ что-то въ-самомъ-дѣлѣ прекрасное—въ томъ родѣ, который принадлежитъ Куперу.

Обладатель большихъ вѣстствъ и окрестности Нью-Йорка, молодой Хью-Роджеръ Литтльпеджъ провозглашалъ по Европѣ всѣ годы своей юности вѣстствъ съ пожилыми холостяками. лядею своимъ, котораго тоже зовутъ Хью-Роджеръ Литтльпеджъ и котораго сокращенно всѣ привыкли звать Хью Ро. Очень можетъ быть, что истиннѣйшій дядя и племянникъ никогда не было бы конца, и они оба никогда не захотѣли бы воротиться домой, потому-что, по мнѣнію племянника, старые народы гораздо-больше представляютъ обобщеній свободныхъ и образованныхъ людей, чѣмъ народы начинающіе; больше манятъ оставаться у себя, такъ-что неудивительно, но, если попутешествовавши Америку канецъ предпочтеть Европу своему уголку; страны, приближающіяся къ своему паденію, если только прежніе онѣ стояли на вершинѣ просвѣщенія.—лучшее жилище человеку, особенно незанатому, чѣмъ страны, подвиги-

іся впередъ. Вотъ почему Италия привлекаетъ гораздо-больше посѣтителей, чѣмъ Англія, хотя климатъ и считать здѣсь что-нибудь. Но вѣрно дала съ племянникомъ погулять въ Парижѣ извѣстія, что дѣла инакомъ плохо становятся въ Америкѣ, и имъ самимъ нужно появиться своимъ владѣніяхъ. Въ слабости о, они, переодѣвшись—однимъ странующимъ музыкантомъ съ олей, другой продавцомъ часовъ и разныя бездѣлушекъ, никоганто, подобно Глессу и Телемаку, возвращаются въ свой какъ-разъ въ-время, чтобы еодѣтыми присутствовать на большомъ митингѣ, составленномъ изъ ихъ окружныхъ рентистовъ, которые сами тоже перерядились чѣмъ-то новымъ на Индійцевъ, надѣли на секолениковья рубашки и колениковыя маски съ прорѣзными дырами въ глазахъ. Это оригинальное собраніе, вавшее себя Индійцами, прозвонь въ нѣсколько рѣчей, которыми называютъ на Литтльпаджей, и въ числѣ чихъ обвиненій называютъ ихъ столкратами за то, что они не могутъ брать какъ всѣ люди, вѣтъ оловянной ложкой и вилкой о двухъ зубцахъ, вѣтъ, имъ нужно серебряную ложку! не могутъ ножикомъ снести кусокъ мяса, какъ всѣ порядочные люди, — вѣтъ, подавай имъ вилку, чтобъ дотронулся до своихъ священныхъ губъ! — вращаясь домой съ этого собранія, миссъ и Телемакъ встрѣчаютъ толпу поющихъ Индійцевъ, которые идутъ вѣтъ стодѣтняго Индійца Сосквесу, ужь Богъ-знаетъ сколько лѣтъ ушаго у Литтльпаджей. Между, какъ Индійцы ведутъ свои долготянушія рѣчи, въ Ровенсудѣ, миссъ и Литтльпаджей, рентисты больше-и-больше влзаетъ на мистера-Ро: имъ, кромѣ ложки и вилки, кое еще не понравилось въ Литтльпаджей. Что это такое? у него въ церкви свой балдахинъ, это что значить? важная птица, ему еще сидѣть въ балдахиномъ; *à la bal* балдахинъ! и вѣтъ новаго митинга на улицѣ, толь-

ко-что всѣ повыбрались изъ церкви, участь балдахина рѣшена: его вытащили изъ церкви и приколотили надъ саннимъ хлѣбомъ, чтобъ хорошенько разбѣсить Литтльпаджа прежде, чѣмъ у него отнимутъ всѣ его владѣнія. Но ничто не беретъ: онъ преспокойно отвѣчаетъ на все это, что напрасно они тревожились, потому-что онъ и самъ собрался вынести балдахинъ вонъ изъ церкви, какъ вещь неприличную. Не удалось рассердить и раздосадовать, что жъ дѣлать съ негоднымъ аристократомъ? Рѣшились сжечь его со всѣмъ домомъ и семействомъ: потомъ будетъ легче дѣлать имѣніе его; но у одного изъ рентистовъ есть сестра, миссъ Оппортьюнити—дѣвушка какая-то странная, своенравная, но привязанная къ мистеру Хью, — это одинъ изъ типовъ америкаскаго общества. Миссъ Оппортьюнити, дѣйствующая всегда эксцентрически, вопреки всѣмъ принятымъ обычаямъ, одна верхомъ прѣзжаетъ ночью сказать мистеру Хью, что ему грозитъ почти неотвратимая опасность, — пожаръ. И въ-самомъ-дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ, все бы погнбло, не будь тутъ, какъ нарочно, спасителей—Индійцевъ. Анти-рентисты со стыдомъ проионяются, Индійцы удаляются, не уговоривъ стараго Индійца идти вмѣстѣ съ ними на далекіе и свободные ихъ дуга, и мистеръ Хью влмчается съ миссъ Мерри Верренъ, дочерью пастора, очень милою и всегда красавяущею дѣвцею, которая, впрочемъ, въ достопамятную пожарную ночь спасла жизнь жениху своему.

Что за жалкое содержаніе! нічего и рассказывать: такъ все бѣдно и скучно. И однакожъ, того ли можно было ожидать отъ Купера, зная его манеру? У него цѣльные три характера составѣтъ-готовые для романа: Индіецъ Сосквесузъ, бодрый старикъ; не смотря на свой столѣтній возрастъ, негръ Джазъ, который съ молодости своей живетъ вмѣстѣ съ нимъ невольникомъ у Литтльпаджей, и наконецъ миссъ Оппортьюнити Ньюкомъ.

Кажется, никому еще не приходило въ голову свести, заставить жить вмѣстѣ Американца съ Африканцемъ, заставить ихъ быть друзьями, дожившими до самой глубокой старости и неизмѣнившимися въ своихъ народныхъ характерахъ. Можетъ-быть, въ различіи ихъ характеровъ лежало основаніе ихъ притягательной силы одного для другаго; Джафъ—ворчливый, прямой до грубости, съ вѣчно-отрывистыми фразами, забывшій всё воспоминавша своей юности и своей родины, помнящій только поколѣніе своихъ господъ и какъ они изъ рода въ родъ любили его; ему никогда не привыкнуть къ мысли, что много времени прошло уже надъ его головою, хоть иногда онъ и начинаетъ говорить про свою старость; но всё доброе господа его у него всегда передъ глазами: онъ зоветъ мальчиками и дѣвочками тѣхъ, которыхъ уже давно нѣтъ; ему кажется, что вчера и третьяго-дня случилось то, послѣ чего прошло уже много лѣтъ; онъ древняя, больше недействующая машина, въ которой всего осталось только два ощущенія: какая-то страстная привязанность къ своимъ господамъ и любовь къ своему Сосквезузу, котораго онъ ищетъ глазами послѣ всякаго своего слова, какъ-будто-бы въ немъ одному ему нужно одобреніе, какъ-будто онъ его высшій судья, и въ немъ одному вся его опора, его движущая сила.

Не таковъ Сосквезузь: въ молодости онъ былъ первый воинъ въ своемъ народѣ, первый вождь; какъ онъ ни старъ, онъ не потерялъ, однакожь, своей мужественной красоты и всегда спокоенъ; когда онъ говоритъ, его рѣчь течетъ свѣтлой струей, въ которой всегда обнаруживается прекрасная истина нецивилизованнаго человѣка, выраженная со всею безыскусственною, природною живописностью.—какая-то патриархальная важность во всемъ, что онъ думаетъ, рѣзко противорѣчащая тому, что вокругъ него дѣлается; онъ какъ-будто указываетъ на то первоначальное, отъ чего

отклонились другіе. Какъ онъ просто рассказываетъ свою жизнь Индейцамъ пришедшимъ просить его на послѣдніе дни своей жизни воротиться къ нимъ! Онъ полюбилъ женщину, оставшуюся въ добычу другому народу; онъ самъ былъ первый изъ своего народа, могъ бы силою отнять отъ народа не запретилъ бы ему: такъ любилъ и уважалъ всѣхъ, но тогда нарушился законъ, и Сосквезузь женъ бы былъ отъ всѣхъ сардинъ лицо свое въ гѣсу; онъ раскрылъ свою душу и спросилъ себя: «но наши законы развѣ не принадлежатъ къ бимая мною женщина сопернику моему? она его по закону, а что замѣна красныхъ людей сзавали, то и мы жны дѣлать красные люди. Какъ воинъ долженъ терпѣть вытѣку и селъ вѣтъ просить себѣ времени, что сходить еще разъ домой и помыслить друзей, развѣ онъ не воротится къ свой срокъ? Развѣ я, Сосквезузь, первый вождь Онондаговъ, долженъ быть сильнѣе закона? Нѣтъ, этого не должно быть, этого не будетъ. Какъ же ее, Водная-Птица, она твои. Какъ сней добръ, потому-что она гнѣздитъ какъ птичка, въ первый разъ вошла въ шая гнѣздо свое. А я пойду къ дѣду когда снова будетъ миръ въ душѣ Сосквезуса, Сосквезузь опять воротится. Братья мои, покуда Сосквезузь живъ, валь свое ружье, свой роги, свои шіе мокасины, надъ цѣлымъ домъ была такая тишина, какъ ходитъ съ темнотою. Люди что онъ идетъ, и никто не слышитъ ти за нимъ. Послѣ того, было больше мира въ душѣ потому-что онъ никогда больше не вращался. Проходили чередой за другомъ зима и лѣто, но ничего не слышали о немъ въ нолицыхъ. Во все это время, Птица жилъ въ своемъ гнѣздѣ. Уитумитъ, которая принесла ему тей. Успелъ вождь, но остался конъ.—У Купера это характеръ новый; онъ повторялся въ старомъ и потому-что Куперъ ому...

ему особенную любовь, и потому-что съ талантъ его состоитъ почти исключительно въ выпукломъ, художественно-прекрасномъ изображеніи его характера. Надобно вспомнить только «Путеводителя въ Пустынь», гдѣ съ наибольшею полнотою и во емъ свѣтѣ нарисовался онъ, какъ чшая черта довольно-одностороння-таланта Купера.

Къ - сожалѣнію, въ «Ревенсвествъ» и «Кафъ», и «Сосквесуэ» остались совершенно-неразвитыми, какъ и прекрасный характеръ миссъ Опортьюнити, который только схваченъ, да такъ и юшенъ нисколько не разработаннымъ въ расклеивающуюся связь романа. Миссъ Опортьюнити характеръ зльный, энергическій, со многими глухими прекрасными побужденіями, съ грубой корой, которую наложилъ на нее странная американская цивилизація женщины, и вмѣстѣ съ зымъ характеръ въ высшей степени обаящій и чувствующій. Остается сожалѣть, что остались совершенно неразвитыми тѣ сцены, когда она прѣзается измѣнить дайнѣ своего брата, чтобы спасти молодого Литтльбэджа, котораго она любитъ, а еще больше тѣ сцены, когда она узнала, что братъ ея инченъ въ поджигательствѣ, что жестокая участь ожидаетъ его, и онъ связанъ этимъ ей. Любовь, гордость, позволяющая ей просить кого-нибудь, и молчаливое отчаяніе, — все въ ней соединилось, и это прекрасная сцена, слишкомъ небрежно тротая, точно мимоходомъ, какъ и все, что есть лучшаго въ этомъ романѣ, въ вниманіе главнѣйше устремлено доказательство законности и необходимости рептизма. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ Америкѣ этотъ романъ нуженъ для того, чтобы помѣять и другимъ политическимъ дивніямъ подобнаго рода.

Между-тѣмъ, мы все, нисколько неждающіеся въ доказательствахъ дяди о рептизмѣ *pro* и *contra*, лишились рошаго романа, потому-что даже изъ комбинаціи трехъ означенныхъ кара-

теровъ съ прочими лицами, у Купера непременно вышель бы одинъ изъ лучшихъ его романовъ, который, можетъ-быть, тогда содержалъ бы въ себѣ одну изъ тѣхъ прекрасныхъ, простыхъ, патетическихкихъ сценъ, гдѣ является полное торжество Купера; американскіе дѣвственная природа; американскіе дикари съ столь-человѣчественными образами, составили бы, какъ всегда, чудесный фонъ прекрасной картины.

Въ заключеніе почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о двухъ книгахъ, пользовавшихся въ Англии въ послѣднее время большою извѣстностью, и почти всебѣзъ незабвенныхъ на комментахъ, какъ Англичане называютъ Европу. Эти книги — два романа: *Сонтанни Флемингъ, соч. д'Израэли* и *Тиз лив Тимон (Новый Тимон), романъ съ стихами, неизвѣстнаго автора*. Такъ-какъ послѣдній романъ, взявшій себѣ предметомъ *the highlife* — лондонскую жизнь большого свѣта, преимущественно возбудилъ всеобщій интересъ, то начали отыскивать и придумывать, кто бы такой былъ авторъ: подозрѣніе падало и на Смита, и на лорда Хоудена, и на Больвера, и на д'Израэли. Если авторъ, скрывшій свое имя, и не всамомъ-дѣлѣ д'Израэли, но крайней-мѣрѣ съ много общаго между направленіемъ и недостатками ихъ обоихъ. Въ предисловіи къ «Контариву Флемингъ», д'Израэли говоритъ, что романъ его былъ выданъ въ 1831 году безъ имени автора, и никто сначала не обратилъ на него особеннаго вниманія, но что послѣ, мало-по-малу, романъ этотъ завоевалъ симпатію людей мыслящихъ и угонченныхъ, имѣлъ рѣдкое счастье быть страстно-любимъ людьми великими. Надобно замѣтить, что въ Англии объ эти книги нигдѣ не имѣли такого же успѣха и нигдѣ не могутъ поправиться, потому-что они слишкомъ приходится по англійской мѣрѣ романовъ.

Никакъ нельзя считать *английскими* романовъ Вальтера Скотта: они далеко подвинулись надъ всѣми правилами и узкими ограниченностями какаго-нибудь національнаго вкуса; английскими романами должно считать сочиненія Фильдингговъ, Ричардсоновъ и т. д., и отъ этого вкуса ни английской публики, ни английскимъ беллетристамъ, кажется, никогда не отбѣлаться, потому-что съ ними соединяется весь английскій способъ видѣть вещи, особливо же английское искусство. Англичанинъ не чувствуетъ никакой потребности въ красотѣ и истинности формы произведенія: ему совершенно-довольно, если посредствомъ такого или такого лица выговариваются болѣе или менѣе справедливыя замѣчанія о жизни; вся пластическая сторона искусства для него точно будто не существуетъ на свѣтѣ. Отъ-того всѣ, въ-самомъ-дѣлѣ, *английскіе* романы состоятъ не изъ пластическихъ сценъ, а изъ разговоровъ обь этихъ сценахъ; сами разговоры дѣйствующихъ лицъ гораздо-хуже въ романѣ, чѣмъ если бы рассказать *про* этотъ разговоръ, *про* то, въ чемъ онъ состоялъ, или въ чемъ долженъ былъ состоять по намеренію автора: словомъ, въ английскихъ романахъ есть то, что можетъ представить вамъ наблюдательность челоѵка по-умиѣ другихъ, но рѣшительно нѣтъ никакого таланта вылепить живаго челоѵка, который и живетъ, и чувствуетъ, и движется предъ читателемъ, — нѣтъ таланта обратиться въ дышащую живную картину всѣмъ своимъ съ трудомъ и потомъ сгребаемые матеріалы. Къ этой художественной бездарности писателей *английскихъ* (изъ которыхъ Диккенсъ составляетъ блестящее исключеніе), присовокупляется необыкновенная сентиментальность къ природѣ. Извѣстно что и вездѣ природу преслѣдуютъ несчастные обожатели, точно съ лавретными вѣдохами, и что когда кому пришлось худо, и онъ еще не въ извѣстныхъ почтенныхъ должностяхъ дѣлать, — тотчасъ слѣ-

дуетъ обращеніе къ природѣ, стремленіе ея спокойствія со злобыми беззаконными людьми, мысль о томъ, какъ блаженно жить въ тишинѣ на лоней, и многое другое. Вотъ это-то самое неприятое и довольно-низкое обращеніе къ природѣ, явлющее и такое поэтическое чувство, явлющее много мѣста въ романахъ английскихъ потому-что сентиментальность XVIII столѣтія далеко не вся прогнана и блѣдно свѣта: этой драмой поэмы еще много осталось въ ходу, и потому еще она приноситъ сладкія слезы чѣмъ-нибудь въ темномъ углу. Какъ и близки английскіи очень-долгою и живя дѣйствія въ-мѣсто самогдѣйствія разсказа про лица—въ-мѣсто вымышленнаго и ярко-напечатлѣвающагося образнаго, такъ точно довольно и сентиментальныхъ, резонерскихъ обращеній къ природѣ и тощихъ абрисовъ ея и художественныхъ, округленныхъ, и шпательныхъ живыми красками изображеній ея.

Кромѣ общихъ недостатковъ английскихъ романовъ, въ Контарни Филдингъ, главный недостатокъ — нѣтъ сюжета. Д'Израэли взялъ себѣ жизнь поэта, развитіе поэтическаго характера. Въ-противоположность къ какому-нибудь неприятому чувству, прельщенію за сочиненіе, гдѣ *разсказомъ* поэтическихъ натуръ, въ-самомъ-дѣлѣ это одинъ изъ самыхъ негодныхъ главновъ, бесплодныхъ родовъ сочиненій. Во всякомъ поэтѣ, или художникѣ, намъ главное не то, а то, что онъ слѣлалъ, его произвѣнія. Жизнь его важна для всѣхъ степеней, какъ она связана сентиментальностью съ тою стороною искусства, которую былъ въ состояніи разрабатывать художникъ, потому-что и художниками нѣтъ энциклопедическимъ у каждаго строго-ограниченнаго искусства лежитъ въ его произвѣніи, и только поэтому онъ въ произвѣніи оставить произведенія вымышленныя красныя. Кто собсю не выражаетъ какой-нибудь особенной стороны, а *могущественными сторонами*

ь все широкое и далекое поле искусства, тотъ вѣчно остается въ немъ голубомъ простраствѣ поности и только доказываетъ каждый шагомъ, что ступить, свою ограниченность. Между-тѣмъ, какая кому близость знать жизнь поэта, когда въ не стойтъ въ связи ни съ какими введеніемъ, а объ этомъ произведеніи упоминается только вообще, кое-то его самого нѣтъ. Что за дѣло кому то ни было до какихъ-то темныхъ, тѣльных, неосуществляющихся зываній къ чему-то, аккомпанируемыхъ какими-то всегда посторонними дѣлами и препятствіями *бездушными, свескорыстными и злобыми* людьми. Почему же этотъ человѣкъ художникъ или поэтъ? Всякій въ правѣ ожидать, чтобъ, въ доказательство движенія какъ греческій мудрецъ, онъ всталъ между-тѣмъ ничего подобнаго нѣтъ, и все ограничивается речами. Наоборотъ, въ высшей степени можетъ для сочиненія—характеръ, обычный Орасу Жоржа Занда, потому-то дѣятельность этого характера въ нами налицо, его произведеніе рѣшается въ нашихъ глазахъ. Эта реальность — ощущение полу-поности своей, неполноты духовной структуры, когда, точно съ подрѣзанными крыльями, поминутно падаетъ человѣкъ, въ невозможности подняться въ настоящей производительности, какъ-будто уже извѣстной и нивъ въ бѣ сознанной. Кто художникъ, кто поэтъ, въ жизни того больше не о чемъ говорить, какъ о воплощеніи, по-олинномъ выростаніи и укрѣпленіи жизни въ немъ творческой идеи; самъ отъ человѣкъ дѣлается одностороннимъ, глухимъ ко многому, потому-что е больше и больше развивающаяся склонность къ своему предмету поглощаетъ его органы для прочихъ сторонъ жизни; надобно сожалѣть эту неполноту жизни художниковъ, однакожь это нѣтъ, и, кажется, еще долго не будетъ аче. Итакъ, поэтъ и художникъ въ дѣйствительныхъ должно *рѣши-тельно* вычеркнуть изъ числа сюжетъ,

на развитіи которыхъ можетъ исключительно-основаться романъ. Настоящій сюжетъ романа не исключеніе, а все обыкновенное, — то, что вездѣ есть и дѣлается, что вѣ-очью совершается.

Для доказательства поэтичности своего героя, въ подобнаго рода сочиненіяхъ, авторы заставляютъ его дѣлать разныя нескладныя вещи: такъ и д'Израэли, чтобъ доказать, что его Контарини въ-самомъ-дѣлѣ поэтъ, т. е. человѣкъ не какъ всѣ люди, заставляютъ его въ юности еще бѣсѣловать издѣлать съ природою, потомъ нѣсколько разъ бѣгать изъ дома, и наконецъ, ни съ того, ни съ сего сдѣлаться разбойникомъ въ сообществѣ съ нѣсколькими товарищами. Все это чрезвычайно-вѣроятно въ наше время, но нужды нѣтъ! послѣ всего этого вѣрять (въ Англии), что Контарини натура высшая, и дѣло въ шляпѣ, лишь бы только отъ времени до времени встрѣчались довольно-вѣрные резонерскія размышленія. У Контарини есть отецъ-препятствователь, говорящій сыну о личинѣ, которую нужно носить въ свѣтѣ, о томъ, что лучше не предаваться мечтаніямъ и стиховъ не писать, а пуститься въ службу; и такъ-какъ онъ самъ министръ, то предлагаетъ сыну быть у себя секретаремъ; но думая много, Контарини оставляетъ всякія прежнія мечтанія и преспокойно довольно-долго занимается политическими дѣлами даже цѣлою Европы, все-таки не забывая иной разъ пускать въ ходъ кое-какія произведенія своей музыки. Но вдругъ, прочитавъ какую-то очень-дѣльную критику, Контарини чувствуетъ, что онъ ничтоженъ и глупо проводилъ до-сихъ поръ свою жизнь, въ-слѣдствіе чего новый побѣгъ изъ родительскаго дома, но побѣгъ послѣдній, потому-что покуда онъ посвящаетъ безчисленное множество страницъ своей автобіографіи на волянистое описаніе своихъ скитаній по Италиі, Греціи, Турціи, Сириі, Испаниі и т. д., въ которомъ встрѣчается мистическая любовь, кончающаяся смертью

любвиной Италианки на островъ Кандія, — въ это время отецъ его умираетъ, оставляя большое богатство, и Контарини Флемингъ поселяется близъ Неаполи, въ виллѣ украшенной египетскими сѣниками и другими пріятностями жизни; завладевъ счастье и горести жизни, онъ теперь сидитъ на одномъ мѣстѣ и сочиняетъ великія творенія, бросая взоры воспоминанія на все свое прошедшее и на міръ, столько ему уже знакомый.

Въ этомъ весь романъ: кажется, вѣтъ ничего такого, за что бы можно было любить его; что же такое заставляетъ любить его въ Англіи, между тѣмъ, какъ въ другихъ странахъ къ нему всё хладнокровны? Это вѣра, что человѣкъ такой, каковыя д'Израели назывался изобразить Флеминга, дѣйствительно поэтъ, — не такой человѣкъ, какъ мы всё, стоящіе долу, а натура высшая, одаренная и способностями высшими, — не смотря на то, что Контарини ничего не дѣлаетъ въ продолженіе цѣлаго романа, а только все мечтаетъ, молчитъ или бесѣдуетъ съ природой; о прочихъ, дипломатическихъ занятіяхъ только упоминаютъ некогда.

Новый Тимонъ распадается на двѣ составныя части: резонерскую и юмористическую; о самомъ романѣ всего меньше было заботы, и связующая нить точно такъ же, какъ въ Контарини Флемингъ, самая тоненькая, только бы ею держались лоскуточки. Рассказецъ этотъ подобенъ струйкѣ жиденькаго ручейка, бѣгущаго по лужайкѣ безъ всякаго великолѣпнаго грома и шума, — и все равно, спите вы, или мечтаете подъ тѣнью развѣсистыхъ деревьевъ, онъ ничему не помѣшаетъ.

Новый Тимонъ — Морвель, полу-Англичанинъ, полу-Индіецъ, котораго общество оттолкнуло отъ себя за бронзовый цвѣтъ остиндійской кожи, за вѣсость его породы; слѣдовательно, человѣкъ этотъ сдѣлался мизантропомъ, Тимономъ, вѣчнымъ плаксою, а главное, — вѣчнымъ резонеромъ, который любить на свѣтѣ только свою сестру, ром-

денную отъ втораго брака его матери и сдѣлавшуюся уже полною Европеевкой, да еще молодую дѣвочку, которія онъ нашелъ полу-мертвою на улицѣ подлѣ своего дома. Между тѣмъ, какъ Морвель проводитъ сентиментальные дни, все больше и больше влюбляется въ Люси, въ Лондонѣ возвращается лордъ Арденъ, человѣкъ похожій на Контарини Флеминга, но въ отношеніи къ характеру Байрона прибавился еще характеръ Ловеласа. Онъ «на столько поэтъ, что не можетъ быть совершеннымъ человекомъ; онъ до того честолюбивъ, что не можетъ испытать глубокую любовь». Разумѣется, какъ двѣ натуры высшія, Морвель и Арденъ почували и оцѣнили другъ друга точно такъ же, и точно такъ же сдѣлались друзьями. Слѣдовательно, за заключеніемъ дружественнаго союза слѣдуетъ рассказъ лорда Ардена о его жизни: какъ онъ по настоящему былъ сначала поэтъ, но какъ у него (подобно отцу Контарини Флеминга) былъ дядя государственный человѣкъ, который точно такъ же, какъ и въ томъ романѣ, говорить и доказываетъ ему, что лучше, чѣмъ быть поэтомъ, сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ. Привѣтательно, что, по первому позыву, и Арденъ и Контарини смирно откладываютъ въ сторону лиру и принимаютъ тотчасъ же за политику, и въ этомъ оба совершенно идутъ ровными шагами, не смотря на ту разницу, что одинъ поэтъ, а другой только поэтическая натура. Видно, у обоихъ есть много символическаго къ своему предмету, когда безъ всякаго затрудненія, по прочтенному вставленію, они принимаютъ за составъ другую дѣятельность и будутъ переходить отъ одного дѣла къ другому столько же хладнокровно, какъ какой-нибудь саможизнь перешелъ бы изъ портвые, а потомъ въ иллюминация, и т. д. Особенно нравится при этомъ Англичанамъ отецъ или дядя — вставникъ, искуснѣйшій въ опытѣ жизни и говорящій всегда: «когда я былъ молодъ, я самъ также начиналъ, но не видишь, при стихакѣ я не оставилъ

сдѣлался человѣкомъ государствен-
 нымъ, министромъ, — и тебѣ надоб-
 но быть тѣмъ же. Хорошо, что
 ты на свѣтѣ такіе наставники, по-
 му-что нельзя же всѣмъ быть поэ-
 ми и художниками; у каждаго
 своя обязанность, свое дѣло
 дяди-наставники прекрасно дѣ-
 ютъ, что направляютъ стопы упоен-
 ныхъ юношей отъ рѣмоплетства къ
 му-пубудь больше-дѣльному и для
 ихъ полезному; но тогда и авторъ не
 лженъ воображать поэта или по-
 ческую натуру во всякомъ человѣ-
 кѣ, который смолода писалъ стихи и
 ображалъ себя въ небѣ посреди
 вѣдъ. Каждой вещи свое имя. Какъ
 то ни было, только лордъ Арденъ,
 своею высткою натурою, вскорѣ по-
 ѣ переворота въ своей жизни, влю-
 бается въ дочь бѣднаго пастора; все
 о дѣло извѣстное, — и пасторы и до-
 ри ихъ лица давно-очерченныя и во
 ихъ романахъ одни и тѣ же; слѣдо-
 гательно, о нихъ и говорить нечего.
 ирная дочка пастора позволяетъ
 себѣ жениться; а потомъ, не
 отира на свою любовь, все-таки по-
 вымъ политическимъ видамъ Ар-
 дъ уѣзжаетъ изъ Англіи; но когда
 возвращается, нѣтъ больше его
 рин: она скрылась, унеса съ собой
 ленькую дочку, плодъ любви ихъ.
 слѣ долгихъ поисковъ, наконецъ, оты-
 ывается причина этого таинственна-
 бѣгства: услужливый другъ, Богъ-
 летъ съ чего, обманулъ и Марію и
 дена; ихъ бракъ былъ подложный,
 емъ они и сами не подозрѣвали, а
 томъ, когда Ардена больше не было
 Англіи, этотъ другъ объявилъ Ма-
 рію, что самъ Арденъ устроилъ весь
 этотъ обманъ. Вмѣсто того, чтобъ
 спасти свою несчастную жену, богатый
 поэтическій лордъ въ-продолже-
 шестнадцати лѣтъ продолжаетъ
 облаяться всякій разъ оправдываетъ
 я тѣмъ, что, должно-быть, Марія
 но умерла. Разъ, когда онъ снова
 изъ влюбленъ и ужъ собрался женить-
 на новомъ предметѣ своей страсти,
 ходитъ письмо отъ услуживаго

друга, навѣщающаго, что опять нашлась
 Марія; нечего дѣлать, надобно все бро-
 сить, и лордъ Арденъ появляется въ
 Лондонѣ; по вѣтѣ Маріи, — опять она
 исчезла отъ всѣхъ поисковъ, а лордъ
 Арденъ поспѣлъ въ Лондонъ какъ-разъ
 къ тому, чтобъ получить блестящій ти-
 тулъ и огромное наследство. На этомъ
 останавливается рассказъ его. Послѣ
 такого разказа, въ мизантропѣ Мор-
 велѣ возникаетъ слѣдующая мысль:
 зачѣмъ и у него, какъ у лорда Ардена,
 нѣтъ величественной демонской власти
 дѣлать зло? зачѣмъ и онъ не Люци-
 феръ, подобно Ардену? Но скоро онъ
 забываетъ высоко-демонскія мечтанія
 и вполне предается любви къ своей
 Люси, во взаимности которой онъ
 убѣжденъ, забывая и Ардена и Ка-
 ланту, сестру свою.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, весь
 проведенный въ сентиментальности
 при лучахъ заходящаго солнца, Мор-
 велъ спрашиваетъ свою Люси, нѣтъ ли
 у ней чего-нибудь на память отъ ея от-
 ца, и Люси показываетъ ему медаль-
 онъ съ портретомъ, который, умираю-
 щая мать надѣла ей на шею. Одного
 взгляда довольно было: Морвелъ узналъ
 Ардена; новымъ подтвержденіемъ по-
 служило еще письмо отъ несчастной
 Маріи къ великолѣпному Ардену. Но
 въ то же мгновеніе раздается крикъ
 ужаса въ комнатѣ: Каланта увидѣла
 этотъ же портретъ; она узнала попи-
 нушшаго ее жениха; послѣ, всѣхъ
 ея страданій, ударъ этотъ для нея
 сдѣлался невыносимъ, и она мертвая
 падаетъ къ ногамъ своего брата.
 Такимъ-образомъ, Арденъ отецъ мор-
 веловой невѣсты и «палачь» его се-
 стры! Онъ думаетъ поправить все дѣло
 тѣмъ, что, не смотря на италійское про-
 исхождение Морвеля, хочетъ все-таки
 отдать ему свою дочь; но Морвелъ,
 схвативъ за руку Люси, торжественно
 провозноситъ къ ней: «Спроси самое-
 себя, можетъ ли братъ Каланты безъ
 преступленія просить ея благословенія,
 взять себѣ женой ея дитя?..» Послѣ
 этого, Морвелъ пропадаетъ изъ Лондо-
 на, и о немъ больше ничего не слы-

хоть до-тѣхъ-поръ, пока съ размягчен-
нымъ сердцемъ, внявъ дотогѣ-незваному
ему голосу христіанской любви, онъ
отказывается отъ всякаго шенія
и, послѣ смерти Ардена, совокупляется
законнымъ бракомъ съ Люси.

Весь романъ состоитъ изъ двухъ
главныхъ сценъ: длинноватаго разска-
за Ардена и сцены открытій, и этого
очень-довольно для намѣренія автора,
потому-что цѣль его была не самъ ро-
манъ, а возможность посредствомъ ро-
мана выговорить англійскому свѣту
устами мизантропа Морвеля раз-
личныя возрѣнія и замѣчанія ав-
тора о всемъ томъ, чѣмъ онъ недо-
воленъ въ англійскомъ обществѣ. Са-
мого же романа никакого нѣтъ, и въ

этомъ неизвѣстный авторъ совершенно
остался вѣрнѣ англійскимъ предані-
ямъ. Другая сторона этого сочиненія
не меньше удовлетворяющая влусту
потребности англійской публики, —
сатирическіе очерки, картины галерея
всѣхъ лондонскихъ *zotities*, осо-
бенно политическихъ. Этотъ чисто-
мѣстный интересъ, меньше всего про-
чаго можетъ интересовать въ романѣ,
гдѣ всѣмъ мелкимъ отбѣикамъ поли-
тическихъ партій и всей внутренней
жизни палаты и камеръ никогда не
сойдтись съ сюжетами, приваллек-
циями искусству, которые одни въ се-
стояніи овладѣть воображеніемъ, чув-
ствомъ и полнымъ интересомъ чуж-
бѣка.

БИОГРАФІИ.

СЕНАНКУРЪ.

авторъ «Оберманна».

Въ прошедшемъ (1846) году, скончался французскій писатель Сенанкуръ, югатившій европейскую литературу Оберманномъ.

Это вполне-переучувствованное и глубоко-выстраданное произведение могло быть создано человѣкомъ, пережившимъ страшныя испытанія и терзанія ши. Книга Сенанкура болѣе нежели инга, это—онъ самъ.

Сенанкуръ не принадлежитъ къ числу тѣхъ писателей, жизнь которыхъ изобразна вѣшними фактами. Вся деятельность души его сотрелоточилась въ этомъ созданіи; при появленіи своемъ въ свѣтъ, оно прошло немѣлченными, да и въ-послѣдствіи бы-ло оцѣнено только немногими избранниками, для которыхъ, впрочемъ, Сенанкуръ и издавалъ свою книгу.

Всеобщее вниманіе къ этому произведенію было возбуждено прекрасными страницами, написанными Жоржемъ Зандомъ въ ея предисловіи къ Оберманну:

«Повѣствованія о войнахъ, различныхъ приключеніяхъ и страстяхъ чело-вѣческихъ» говоритъ Жоржъ Зандъ: «въ все времена обращали на себя преимущественно вниманіе большинства, и эпическая сторона всякой литературы еще и въ настоящую минуту считается наиболее-народною, но къ не менѣе не подлежитъ сомнѣ-нію, что для душъ глубокихъ и мечтательныхъ, для умовъ тонкихъ и проливныхъ всего важнѣе и всего дра-матичнѣе тѣ подмы, которыя развива-ются предъ нами внутреннія страданія пи чело-вѣческой, чуждыя блеска разнообразія вѣшнихъ происше-ній. Эти произведенія, строгія и рѣд-кія, быть-можетъ, гораздо-важнѣе, не-
Т. I. — Отд. VIII.

желы факты самой исторіи, для психо-логическаго изученія, въ постепенномъ движеніи вѣковъ; ибо такого рода про-изведенія, объясняя намъ духовное и нравственное состояніе народовъ въ различные періоды цивилизаціи, да-ютъ ключъ къ тѣмъ великимъ событі-ямъ, которыя еще загадки для уче-ныхъ нашего времени.

«И между-тѣмъ, эти творенія, съ ко-торыхъ ревностно стираютъ пыль про-свѣтленныя и зрѣлыя поколѣнія вре-менъ послѣдующихъ, эти таинствен-ныя и строгія исповѣди величія и ни-чтожества природы чело-вѣческой, ча-сто рожденныя въ сумракѣ кельи или въ тишинѣ полей,—эти творенія прохо-дятъ незамѣченными между современ-ными имъ произведеніями. Такова бы-ла и участь Оберманна.

«По нашему мнѣнію, самое высокое и самое прочное достоинство этой книги заключается въ психологической дан-ной, — и съ этой-то точки главнѣйше должна она быть разбираема и раз-сматриваема.

«Хотя нравственное страданіе мо-жетъ быть подраздѣлено на безчислен-ные роды страданій, хотя горькія вол-ны этого неистощимаго источника раз-ливаются на множество каналовъ, охва-тывая и потопляя цѣлое чело-вѣчество, однако есть между ними главнѣйшіе роды, отъ которыхъ болѣе или менѣе-непосредственно происходятъ все прочія скорби: 1) страсть, задержан-ная въ своемъ развитіи, т. е. борьба чело-вѣка съ вѣшними обстоятельста-ми; 2) сознаніе высшихъ духовныхъ силъ при недостаткѣ воли осуще-ствить ихъ; 3) горькое сознаніе въ сво-емъ безсиліи и неспособности къ дѣ-тельности, сознаніе ясное, очевидное, неопровержимое и постоянно прису-щее. Эти три рода страданій могутъ быть объяснены и вкратцѣ выражены тремя именами: Вертеръ, Ренѣ, Обер-манна».

«Перваго рода страданія относятся къ практической дѣятельности души, и, слѣдовательно, входятъ въ разрядъ простыхъ романовъ. Они происходятъ

ють отъ любви, и какъ зло, могли сдѣлаться предметомъ наблюденія еще въ первые вѣка исторіи человѣчества. Гибель Ахиллеса при уtratѣ Бризиды и самоубійство германскаго энтузіаста одинаково объясняются напряженіемъ страстей, сдержанныхъ, раздраженныхъ или оскорбленныхъ въ своихъ порывѣ. Различіе между гениями греческимъ и германскимъ, и между двумя цивилизаціями, отдѣленными другъ отъ друга такимъ бездѣльнымъ разстояніемъ вѣковъ, ни мало не препятствуетъ психологической родственности обѣихъ этихъ данныхъ. Величавыя страданія, трагическія несчастія должны были возбуждать всеобщее сочувствіе гораздо-равнѣе, нежели два друга рода страданій, замѣченные и указанные уже въ-последствіи, ибо они могли родиться только въ позднѣйшей цивилизаціи.

• Если говорить сначала объ этихъ двухъ тайныхъ и засушающихъ богѣвняхъ, надо назвать Ренѣ — этотъ типъ страдальческой мечтательности, лишешный, впрочемъ, вѣкотораго удовлетворенія; ибо къ его мученію, происходящему отъ бездѣйствія на общественномъ поприщѣ, приисъшивается гордое и скрытое чувство презрѣнія. Это-то чувство презрѣнія возвышаетъ его надъ всѣми людьми, надъ всѣми обстоятельствами, среди которыхъ гибнетъ онъ — одинокій и гордый.

• Рядомъ съ этою личностью, свѣтлою и мрачною въ одно и то же время, является другая личность, величественная въ своей слабости, прекрасная въ своихъ недостаткахъ: мы говоримъ объ Оберманнѣ. По ихъ глубоко-мрачной наружности, можно бы подумать, что Оберманнъ и Ренѣ, послушные одному и тому же голосу, оба сокруются въ уединеніи для того, чтобъ тамъ сосредоточиться въ самихъ-себѣ и вести жизнь пустыническую. Но не такъ будетъ на дѣлѣ. Судьбы ихъ такъ же различны, какъ и ихъ индивидуальности. Ренѣ — это человѣкъ безъ воли; Оберманнъ — человѣкъ, достигшій возможной нравственной высоты безъ ге-

нія, натура раздражительная, погруженная въ аскетизмъ отъ горькаго сознанія собственнаго бессилія и неспособности къ дѣятельности. Ренѣ говоритъ: «Еслибъ у меня была воля, могъ бы дѣйствовать»; Оберманнъ говоритъ: «Къ чему мнѣ воля? я не могу дѣйствовать».

• Видя Ренѣ грустнаго, но прекраснаго, убитаго духомъ, но еще столь могучаго, удивленная толпа должна была остановиться вѣдь нимъ съ уваженіемъ. Его слабость, нѣбующая къ себѣ что-то возвышенное; его добровольная безпечность, его пресыщеніе болѣе притворное, нежели чувственное, его краснорѣчивое и блистательное страданіе, страданіе гения, который беретъ въ своихъ пеленкахъ, смѣясь разорваныхъ, — все это должно было смирять похоть, которое съ такою гордостью находило въ Ренѣ свои пороки и достоинства. Всѣ люди, обманувшіеся въ своемъ назначеніи, всѣ гения-человѣки величаво выпривалились при извлеченіи въ свѣтъ творенія Шатобриана, потому-что всѣ они нечестно илѣбствовали собственнымъ свой образъ въ этомъ этическомъ созданіи. Неопредѣленность, отчаяніе Ренѣ при самомъ выступленіи на поприще жизни, не могли также не казаться утѣшительными тѣмъ немощеннымъ судьбой гонимымъ, которые стояли уже на краю могилы.

• Страдая, но не исходя кровавъ отъ ранъ своихъ, Оберманнъ шель болѣе глухими путями къ ибстанъ болѣе-плоднымъ. Странствіе его было неслѣдственно продолжительно и, по-видимому, не такъ страшно; но Ренѣ вышелъ изъ своего изгнанія, а слѣдъ Оберманна былъ изглаженъ и потерянъ.

• Оберманна нельзя сравнивать съ такими типами страданія, каковы Фануэль, Манфредъ, Чайльд-Гарольдъ, Конрадъ и Лара. Эти разнообразныя страданія порождаются, въ созданіи Гёте, отъ безграничнаго честолюбія разума, а въ созданіяхъ Байрона, отъ подобной же гордыни разума (Манфредъ), то отъ пресыщенія

та (Чайльд-Гарольдъ), отъ поблности дѣятельности практической тращенія отъ общественной жизни (врадъ); то, наконецъ (Лара), отъ рби раскаянїя въ великой душѣ, орая могла на мгновение вознмѣтъ между обрѣсти въ преступленїи выое развитїе своей силы, но котоо, почувствовавшись, спрашиваетъ се не жалко ли обманулась она въ своожданїяхъ?

Напротивъ, Оберманнъ,—это мечельность при отсутствїи силъ; это рестанное порыванїе къ чему-то предѣленному. Подобная психоческая данная не можетъ быть шиваема ни съ какою другою. Это ланїе совершенно-особеннаго роенезаключающее въ себѣ ничего лящаго, довольно-трудное для надевїя, но любопытное. Оно могло ь опостывлено только человекѣ, въ которомъ огонь вдохновенїя держивался живымъ воспоминанїо его собственныхъ испытанїяхъ. грустная, непрерывная пѣснь о мѣ-себѣ, о своемъ незамѣченномъ чїи и о своей нескончаемой правнїи. Это мужественная грудь съ ыми руками; это душа аскетичеолтачиваемая червемъ сомнѣкоторое обнаруживаетъ ея слаь, а не силу и смѣлость. Это фило, которому не достало душевной ь сдѣлаться праведникомъ. Вер—увнїкъ, которому суждено заутиться въ его темницѣ; Ренѣ—подленный орелъ, который снова гтся въ небо; Оберманнъ—безкрыптица, которая тихо и печально зтъ на песчаныхъ берегахъ, откутлываются кораблї, и куда возвраься ихъ обломки.

Оберманна только одна чувствиость въ дѣйстви; его разумъ или зъ, или недостаточенъ. Если онъ живаетъ истину, онъ отыскиваее путемъ ложнымъ, находитъ ее удоми, обладаетъ ею не вполне, ь какой-то туманный покровъ. ерпѣливый мечтатель, часто съ знїемъ предающїйся дѣтскимъ

восторгамъ; но сознанїе душевной болѣзни пробуждается снова, и мечтатель проливаетъ слезы живой, глубокой, трогательной скорби. Это спорщикъ въ духѣ Вольтера, поэтическимъ чувствомъ природы призываемый къ высокому элегическому спокойствїю. И если описательныя и лирическія красоты его поэмы часто прерываются философскими разсужденїями и свѣтской иронїей, за то природная важность его характера, за то его поэтическая натура внушаютъ ему новыы вдохновенныя гимны. И ничто не можетъ сравниться съ ихъ строгой красотой, съ ихъ дикимъ величїемъ!

• Можетъ-быть, причтенїи Оберманна, художникъ съ сожалѣнїемъ встрѣтитъ иногда мысля, облеченныя въ образы нѣсколько-принужденныя и неловкіе, и идеи отвлеченныя—слѣдствїе отшельническаго труда; но за то съ какимъ любопытствомъ будетъ разсматривать психологъ эти недостатки прекраснаго созданїя! Дѣло психолога извучать, а не судить. Онъ утверждаетъ, а не распускаетъ. Онъ обогащаетъ свои наблюденїя новымъ, необычайнымъ явленїемъ. Ему необходимо сначала узвать болѣзнь, а въ послѣдствїи онъ ужъ отыщеть для нея лекарство. И, можетъ-быть, наступитъ время, когда человечество найдетъ лекарство для своихъ духовныхъ страданїй; но для этого необходимо, чтобъ оно тцательно изучило ихъ и разобрало, какъ оно изучило и разобрало свои страданїя физическія.

• Независимо отъ этой всеобщей пользы, книга Оберманна имѣетъ еще большое литературное достоинство по новости и необыкновенности своего содержанїя. Эта простодушная грусть человека, исповѣдывающаго слабость своихъ душевныхъ силъ, это трогательное и благородное сознанїе въ собственной немощи, сознанїе, въ которомъ такъ много высокаго и самоотверженнаго, могли проявиться только въ натурѣ высшей, только въ душѣ избранной. Но большинство читателей обратилось къ лицамъ болѣе-привле-

кательнымъ и гордымъ: къ Фаусту, Вертеру, Ренé, Сен-Прé.

Таинственный, мечтательный, неопредѣленный, грустно-ироническій, робкій по нерѣшительности, — Оберманъ, можетъ-быть, имѣеть отдаленное родство съ Гамлетомъ, съ этимъ глубокимъ тиномъ человѣческой слабости, который такъ полонъ въ своей неполнотѣ, такъ послѣдователенъ въ своей непослѣдовательности. Но другое время, другое общество, другія условія и обязанности дѣлають Обермана лицомъ совершенно-исключительнымъ. Пристально, всмотрясь въ его образъ, увѣришься, что онъ не имѣеть ни образца, ни копія. Въ немъ болѣе прекраснаго и истиннаго, чѣмъ блестящаго и обаятельнаго, болѣе мудраго и поучительнаго, чѣмъ привлекательнаго. Но это смѣлое изображеніе нетерпѣливой и вѣчно-сѣгующей слабости не могло быть оцѣнено большинствомъ умовъ въ эпоху, пожираемую честолюбіемъ и вѣщиною дѣятельностью. Оберманъ, почувствовавъ неспособность свою занять какую-нибудь роль въ этой пышной и блестящей драмѣ, уединился въ вѣдра природы и отъискивалъ въ Альпахъ дѣйствиный уголокъ земли, къ которому не прѣкасалась рука человѣческая, для того, чтобъ тамъ изнывать въ страданіяхъ одинокому и незамѣченному.

Если отъ художественнаго произведенія требуется послѣдовательное развитіе мыслей и симметрия вѣшнихъ линий, то Оберманъ не удовлетворяеть этимъ требованіямъ. Глубина, обширность и значеніе этого произведенія представуть вполне тогда только, когда, при извученіи его, откроется, съ какимъ дивнымъ искусствомъ, подвѣдѣніемъ роковаго и внутренняго единства, развивается въ немъ участь человѣка...

Говоря о Сенанкурѣ, мы сочли не излишнимъ ознакомить читателей съ самыми письмами Обермана. Но прежде, нежели приступимъ къ изложенію ихъ, послушаемъ, что говорить

самъ авторъ въ предисловіи къ своему творенію.

«Въ этихъ письмахъ», говоритъ Сенанкуръ: «читатель познакоится съ человекомъ чувствующимъ, а не дѣствующимъ. Это — записки очень важныя для постороннихъ, но они не гутъ заинтересовать посвященнаго. Многие увидятъ здѣсь съ удовольствіемъ то, что кто-нибудь изъ нѣтъ существовалъ: многие чувствовали то и такъ пришлось, что одинъ это выказалъ, или попыталъ высказать. Но не должно судить по всей его жизни, а по первымъ годамъ; по всѣмъ его имамъ, а не по тому или другому виду на-выдержку, или слишкомъ-слабымъ или, можетъ-быть, романтичскому.»

Подобныя письма безъ искусства безъ интриги должны быть худо приняты вѣи общества разсѣяннаго и наго, котораго членомъ природы сама написавшаго эти письма. Люди, составляющія это общество, по болѣе части неизвѣстны; этотъ роль ника, оставляемаго человекомъ, добрымъ имъ, можетъ сдѣлать неизвѣстенъ только путь, такъ вать, обнаругованія, съ опасеніемъ наскучить многими очень-почтенными образованными и любезными людьми. Обязанность издателя предупредить только, что здѣсь нечего искать оумія или учености; что это не science, и, можетъ-быть, скажутъ: некая стая книга!

У насъ много сочиненій, гдѣ человекскій описанъ въ нѣсколькихъ строчкахъ. Еслибъ, однако, длинныя письма могли ознаменовать, они могли бы быть и полезны. И надо очень-много, чтобъ выполнили даже и эту ограниченную цѣль. Но если они не заключаютъ въ себѣ всего, что можно было бы дать отъ нихъ, они содержатъ въ по-крайней-мѣрѣ нѣчто, а не только вольно для ихъ извнненія.

Эти письма не романъ. Въ нихъ драматическаго движенія, притомъ выхъ и искусно-веденныхъ...

въ развязки.—нѣтъ ничего такого, что вызываютъ интересомъ сочиненія; нѣтъ его прогрессивнаго ряда приключеній, неожиданныхъ случаевъ, этой пылн и любопытства, магии многихъ хощихъ книгъ и шарлатанства многихъ другихъ.

•Здѣсь найдутъ описанія такіа, которыя дадутъ возможность лучше познать природу и прояснить (что, можетъ-быть, до-сихъ-поръ слишкомъ небрегалось) отношенія человѣка къ тому, что онъ называетъ *неодушевленными*.

•Здѣсь найдутъ страсти, но страсти человѣка, рожденнаго воспринять, что онъ общаются, и вмѣстѣ съ имъ осужденнаго не имѣть никакой прасты.

•Здѣсь найдутъ любовь, но любовь, пречувствованную такимъ образомъ, который, можетъ-быть, еще не былъ осканъ.

•Найдутъ здѣсь длинноты: онъ можетъ быть въ природѣ; сердце рѣдко львается сжато; оно не діалектикъ. айдутъ здѣсь повторенія; но если что орошо, почему же тщательно набѣгать авращаться къ тому же предмету? авторевіи *Клариссы*, безпорядокъ (и авный эгонизмъ) *Монтаня* всегда не равильсь только людямъ холоднаго ка. *Жанъ-Жакъ* былъ часто длиннотъ. Писавшій эти письма, по-видимому, не боялся долготы и уклоневій ободнаго слога: онъ пасалъ свою ысль! Правда, *Жанъ-Жакъ* имѣлъ аво быть нѣсколько-длинноватымъ; то до него, если онъ пользовался тою е волюстью, то просто потому-что ходилъ ее удобно и естественно.

•Найдутъ здѣсь и противорѣчія, или, крайней-мѣрѣ, то, что обыкновенно ыветъ подъ этимъ именемъ. Но волюсь: почему было бы неприятно, въ илѣ нерѣшенномъ, встрѣтить *за* и *отиветъ*, высказанныя однимъ и тѣмъ же человѣкомъ? Такъ-какъ необходимо ести ихъ за тѣмъ, чтобы понять, вѣснть, рѣшить, выбрать, то не все равно, будутъ ли они въ одной книгѣ, или въ разныхъ книгахъ? Напро-

тивъ, будучи высказаны однимъ человекомъ, они высказываются съ силою болѣе-ровною, способомъ болѣе-аналогическимъ, и вы видите лучше, что вамъ удобнѣе принять и что отвергнуть. Наши страсти, наши желанія, даже чувствованія наши и самыя мнѣнія измѣняются съ уроками, которые даетъ намъ опытъ, съ случаями, представляющимися для размышленія, съ возрастомъ, со всѣмъ существомъ нашимъ. Тотъ, кто такъ неотвѣнно, всегда въ согласіи съ самимъ-собою,—обманывается всѣмъ или самъ обманывается. Онъ слѣдуетъ системѣ; онъ играетъ роль. Человѣкъ чистосердечный говорить вамъ: я чувствовалъ такъ, я чувствую иначе; вотъ мои матеріалы; постройте изъ этого сами, что можете.

•Не холодному человѣку судить о различіи человѣческихъ чувствованій; такъ-какъ онъ не знаетъ всего ихъ объема, то и не знаетъ ихъ подвижности. Почему различные способы видѣть возрастахъ одного и того же человѣка, а иногда и въ одну и ту же минуту, нежели въ разныхъ людяхъ? Человѣкъ наблюдаетъ, ищетъ, и не рѣшаетъ. Можно ли требовать отъ взвѣшивающаго, чтобы онъ разомъ прибралъ гирю, которая установила бы равновѣсіе? Безъ-сомнѣнія, все должно быть во взаимномъ согласіи въ сочиненіи точномъ и основанномъ на предметахъ положительныхъ; но можно ли требовать, чтобы *Монтанъ* былъ истиненъ подобно *Юму*, а *Сенекъ* правленъ, какъ *математикъ Безу?* Я думаю даже, что можно ожидать столько же и даже болѣе противорѣчій между различными возрастами одного и того же человѣка, нежели между многими просвѣщенными людьми одного возраста. Только человѣкъ, занимающійся всю жизнь одними точными науками, не рискуетъ быть удивленъ тѣмъ, что онъ написалъ, будучи моложе.

•Эти письма такъ же неровны, такъ же неправильны въ слогѣ, какъ и во всемъ остальномъ. Одно только мнѣ нравится: здѣсь нѣтъ преувеличенныхъ и избив-

тыхъ до пошлости выраженій. Эти выраженія или сами-по-себѣ неправильны, или слишкомъ-частое фальшивое употребленіе искажило ихъ первобытное значеніе и заставило забыть ихъ энергію.

«Я не имѣю ни малѣйшаго притязанія оправдывать слогъ этихъ писемъ. Я бы могъ сказать нѣчто о выраженіяхъ, которыя могутъ показаться смѣлыми, и которыхъ, однакожь, я не измѣнилъ; но что до неправильностей, я ничѣмъ не умѣю извинить ихъ. Знаю, что критикъ найдетъ много заслуживающимъ порицанія: я и не думалъ *обогатить публику* сочиненіемъ обработаннымъ, но хотѣлъ дать прочитаты вѣсколькимъ особамъ, разсѣяннымъ по Европѣ, набросанные свободно, безъ всякой системы, ощущенія, мнѣнія, сны человѣка, часто жившаго въ удивленіи, и который этими письмами велъ задумавшую бесѣду съ другомъ, а не писалъ ихъ для своего книгопродавца.

«Издатель предполагалъ и будетъ предполагать себѣ всегда одну цѣль. Все, что будетъ выходить подъ его именемъ, будетъ стремиться къ одному и тѣмъ же результатамъ; писатель, или только издатель, онъ никогда не уклонится отъ нравственной цѣли. Онъ не силится еще достигнуть до нея: сочиненіе важное, и могущее быть полезнымъ, истинное *твореніе*, которое можно только набросать слегка, а не окончить когда-нибудь, не должно быть ни поспѣшно обнародовано, ни слишкомъ-рано предпринято.»

Вотъ письма Оберманна къ его другу:

Женева, 8 июля. Первый годъ.

Не прошло еще и трехъ недѣль съ-тѣхъ-поръ, какъ я писалъ тебѣ изъ Ліона. Я не говорилъ тебѣ ни о какомъ новомъ планѣ, потому-что не имѣлъ его; а теперь я все бросилъ, и вотъ очутился на чужбинѣ.

Боюсь, что письмо мое не оставитъ тебя въ Шесселѣ (*), и что ты будешь не въ состояніи отвѣчать мнѣ такъ скоро, какъ я того желаю. Мнѣ необходимо знать, что ты думаешь, или что подумашь, прочитай эти строки. Я даже посоветовался съ тобою, хотя ономъ желалъ бы воспользоваться твоимъ сужденіемъ въ такую рѣшительную минуту; еще и теперь не знаю, чѣмъ считать свой рѣшительный поступокъ, который ниспровергъ весь прежній мой образъ жизни, поставилъ меня въ совершенно новое положеніе и повлечетъ за собою послѣдствія, которыхъ я не предвидѣлъ и даже не предчувствовалъ.

Я долженъ сказать тебѣ еще одну правду, исполненіе было такъ мнѣ сиѣшно, какъ и рѣшимость; но я писалъ тебѣ не потому-что не имѣлъ времени. Думаю, что еслибъ у меня было время, то я также оставилъ тебя въ невѣзѣстности. Я боялся твоего благоразумія и чувствовалъ, что на этотъ разъ мнѣ не слѣдовало быть его своимъ руководителемъ. Немножко выное и робкое благоразуміе, отъ которыхъ судьба поставила меня въ зависимость, погубило мои три года, и думаю, что она повредила на всю жизнь. Мудрость идетъ къ недостаточности и отвагой: вѣдь слѣдуетъ надолго слѣдовать за нею, но что она видима; но въ невѣзѣстности мы должны повиноваться одному инстинкту. Если онъ опасенъ благоумія, зато онъ творитъ дѣла великія: онъ губитъ насъ или спасаетъ; его отвага дѣлается иногда единственнымъ приближеніемъ, можетъ, ему одному можно совершить дѣла, причиненныя другими.

Мнѣ оставалось выбирать между двухъ: или навсегда остаться въ тяжкомъ игонѣ, или свергнуть его, что бы ни стало. Если ты согласишься со мною, напиши мнѣ объ этомъ

(*) Имя того, къ кому адресованы письма.

дѣрзли меня. Тебѣ хорошо извѣстно, кому жалкую цѣпью хотѣли оковать я. Хотѣли, чтобъ я занялся тѣмъ, го я не могъ хорошо выполнить, хотя, чтобъ я избралъ себѣ родъ жизни, правда, прибыльной, но совершенно противорѣчившій моимъ природнымъ склонностямъ. Могъ ли я лукаво гласиться и обмануть родственника? Онъ лучше знаетъ, что я не могъ исполнить его желанія, и пусть извинитъ меня. Онъ, наконецъ, почувствуетъ, что не всякое занятіе равно годно для всякаго характера, что всякое состояніе можетъ считаться стншимъ, потому-что оно, безъ воства, приноситъ въ годъ тридцать я сорокъ тысячъ дохода, и что, наконецъ, я не могъ отказаться отъ прабъ бытъ человѣкомъ для того, чтобъ влаться человѣкомъ дѣловымъ.

Отсюда не стараюсь убѣждать те, а только привожу на память фактъ; суди самъ. Истинный другъ долнь судить безъ излишней снисходительности; ты самъ сказалъ это.

Еслибы ты былъ въ Лионѣ, я никакъ рѣшился бы на такой шагъ, не поѣтовавшись съ тобою; тогда мнѣ набыо было бы скрываться отъ тебя, куда-тѣмъ, какъ теперь мнѣ надобно то только молчать... Наконецъ, я халъ, съ чѣмъ и поздравляю себя; но) можетъ ручаться за отдаленныя слѣдствія, умно или нѣтъ поступилъ ъ?

Я сказалъ тебѣ, почему не сдѣлалъ го, чего отъ меня хотѣли; теперь аженъ сказать тебѣ, почему не сдѣлъ ничего другаго. Размышляя о азъ, должно ли мнѣ рѣшительно отваться отъ сдѣланнаго мнѣ предлонія, я былъ приведенъ къ вопросу: мъ же инымъ займусь я, и на чемъ тановлюсь окончательно?

Надобно было выбрать, надобно быачать, можетъ-быть, на всю жизнь, что люди, немѣющіе въ себѣ ниго другаго, называютъ званіемъ, мѣмъ. Я не находилъ для себя ни одго мѣста, которое бы не было чуждо ей природѣ или противно моему об-

разу мыслей. Я вопрошалъ существенное, и быстро обовѣривалъ все меня окружающее; испытывалъ, чувствуютъ ли люди подобно мнѣ, испытывалъ, согласуются ли вещи съ моими склонностями, и увидѣлъ, что нѣтъ согласія ни между мною и обществомъ, ни между моими потребностями и всѣмъ тѣмъ, что произведено обществомъ. Я остановился въ ужасѣ, почувствовавъ, что готовился предать жизнь свою въ жертву невыносимой тоскѣ, безконечному разочарованію. Я пересмотрѣлъ послѣдовательно все, чего ищутъ люди въ различныхъ своихъ занятіяхъ. Я хотѣлъ даже изукрасить чарами воображенія эти многообразные предметы, которыми они питаютъ свои страсти, и химерической конецъ, для котораго они жертвуютъ годами своей жизни. Я хотѣлъ, но не могъ. Зачѣмъ свѣтъ не представляетъ очарованія очамъ моимъ? Я незнакомъ съ пресыщеніемъ: повсюду нахожу только пустоту и пустоту.

Въ этотъ день, когда я впервые почувствовалъ окружающее меня ничтожество, въ этотъ день, нмѣтившій жизнь мою, еслибъ въ моей власти было развернуть или навсегда закрыть страницы судьбы моей,—о, съ какими равнодушіемъ сбросилъ бы я пустой рядъ этихъ столь долгихъ и безвозвратно текущихъ часовъ, въ которые человекъ испытываетъ столько горестей, и ни одной истинной радости!.. Тебѣ извѣстно мое несчастье: я не могу быть молодымъ; продолжительная тоска первыхъ лѣтъ моихъ должна быть, была причиною, почему очарованіе не существуетъ для меня. Цвѣтистая наружность вещей не поражаетъ меня; ничѣмъ не ослѣпляются мои полузакрытыя очи; слишкомъ-неподвижно устремленныя, они не бываютъ удивлены ничѣмъ неожиданно.

Этотъ день душевнаго колебанія былъ, по-крайней-мѣрѣ, днемъ просвѣтлѣнія; онъ далъ мнѣ увидѣть во мнѣ-самомъ ясно то, чего я не видалъ прежде. Посреди сильнѣйшаго тоскливаго томленія, я впервые наслаждался

сознаніемъ моего существа. Преслѣдуемый даже до печальнаго убѣжища моею обычной апатіи, вынуждаемый быть чѣмъ-нибудь, я былъ, наконецъ, самимъ собою, и посреди этихъ доселѣ невѣданныхъ волшебнѣи обрѣлъ я энергію, сначала насильно вызванную и тяжкую, но полнота ея была для меня въ некоторомъ родѣ успокоеніемъ, котораго я никогда еще не испытывалъ. Этимъ сладостнымъ и неожиданнымъ состояніемъ было порождено размышленіе, которое рѣшило судьбу мою. Я, казалось, прозрѣлъ въ причину того, что мы наблюдаемъ ежедневно, а именно, что положительныя различія въ судьбѣ не главныя причины человѣческаго счастья или несчастья.

Я говорилъ самъ-себѣ: настоящая жизнь человѣка въ немъ-самоу, но то, что получаетъ отъ извнѣ, случайно и подчинено этой жизни... Все вышнее дѣйствуетъ на него гораздо-сообразнѣе съ тѣмъ состояніемъ, въ которомъ оно находитъ его, нежели сообразно съ своею собственною природою... Такимъ-образомъ, въ каждую отвлеченную минуту жизни, человѣку важнѣе всего быть тѣмъ, чѣмъ онъ быть долженъ... Итакъ, будемъ сперва тѣмъ, чѣмъ мы должны быть; ставемъ на мѣсто, которое принадлежитъ нашей природѣ, потомъ предадимся теченію вещей, стараясь только всѣми силами остаться похожими на самихъ себя. Такимъ-образомъ, мы можемъ достигнуть до счастливаго постоянства человѣка мудраго.

Покидаю всѣ отдаленныя и многообразныя заботы о будущемъ, которыя всегда такъ утомительны и часто такъ суетны; постараюсь только, однажды на всю жизнь, устроить себя. Знаю, какъ будетъ несовершенно этотъ трудъ мой, и какъ много препятствій встрѣчу въ самыхъ обстоятельствахъ; но, по-крайней-мѣрѣ, слѣлаю все, что будетъ въ моихъ силахъ.

Я счелъ необходимымъ переимѣнить все вышнее прежде, нежели начну переимѣнять самого-себя... Только посреди независимости и при безмолвіи

страстей человѣкъ можетъ изучать себя... Наберу себѣ убѣжище въ этихъ мирныхъ горахъ, вѣдъ которыхъ еще въ дѣтствѣ поражала меня (*). Независимъ еще, гдѣ оставлюсь; напиши мнѣ в Лозанну.

Лозанна, 9 июля, 1.

По выходѣ изъ Женевы, я пустился въ путь одинъ, ничѣмъ-несвязанный, безъ опредѣленной цѣли, безъ нитки проводника, кромѣ довольно-хорошей карты, которую носилъ съ собою.

Я вступилъ въ жизнь независимую; буду жить въ единственной, не-жесть-быть, странѣ во всей Европѣ, отличающейся и довольно-благоприятнымъ климатомъ, и дѣльными, природными красотами мѣстоположенія. Въ сердцѣ моемъ, укрѣпленномъ энергіею, водарилось спокойствіе; впервые пользуясь вполне свободою, я искалъ наслажденій простыхъ и вѣстѣ съ тѣмъ высокихъ со всею полнотою юнаго сердца, и съ полнотою чувствительныхъ и безцѣльныхъ плодовъ моихъ долгахъ, грустныхъ дней. Я былъ счастливъ подлѣ чудныхъ небозъ Женевы, когда солнце, появившись надъ сѣверными вершинами, озарило предъ моиими очами эту дивную страну. Близъ высотъ Копета увидѣлъ я зарю, которая показалась мнѣ не безполезно-красною, какъ бывало прежде, во красотохъ восхитительной и могшей сама задержать покровомъ очарованія мои унылыя очи.

Ты не видалъ этой земли, которой Таверниѣ считалъ возможнымъ увидѣть только одно мѣсто на Востокѣ. Ты не можешь составить себѣ вѣрно о ней понятія; невозможно представить себѣ въ воображеніи безошибочно всѣхъ величественныхъ красотъ природы. Еслибъ и менѣе чувствовалъ величіе и гармонию цѣлаго, еслибъ прозрачность воздуха не прибавила

(*). Въ окрѣстностяхъ Лозанн, вершины Альпъ ясно рисуются на горизонтѣ.

ъ тому еще выраженія, котораго не ередадутъ никакія слова, еслибъ я ыль другимъ, то попыталъ бы изоб- азить предъ тобою эти снѣжныя и блитыя пламенемъ солнца горы, эти олныя, затопленныя влажными туман- ми, черныя уступы бѣрега Савойи, омы Вд и Малой-Юры, можетъ- ыть слишкомъ-веселой наружности, надъ ними Грюйерскія и Ормонскія- лыпы,—и обширныя воды Лемана, в лебаніе его волнъ, и его тишину. ыть-можетъ, мое душевное располо- еніе еще болѣе придадо очарованія имъ мѣстамъ; быть-можетъ, никто о ощущалъ при видѣ ихъ того, что я рствовалъ.

... Я бы не осмѣлился утверждать, го человѣкъ, котораго сердце надо- авно непрерывными горестями, не олучаетъ отъ самыхъ своихъ бѣдствій оособности къ удовольствіямъ, кото- я невѣдомы счастливымъ и болѣе- азависимы и продолжительны, неже- я ихъ удовольствія. Что до меня, я пыталъ въ эту минуту, въ которую я не доставало только одного,—дру- , съ кѣмъ бы раздѣлить свои чув- ва, я испыталъ, какъ часть жизни ожетъ стоить цѣлаго года существо- нія, сколь все относительно въ насъ виѣ насъ, и какъ наши несчастія про- ходятъ преимущественно отъ того, о мы беремъ не на своемъ мѣстѣ. Большая дорога изъ Женевы въ Ло- нпу повсюду пріятна; она идетъ льшею частью по берегу озера. Я гановился уже у самой Лозанны, на рномъ склопѣ, откуда не видно было рода, и тамъ выжидалъ, какъ кон- тся день...

Я находился подъ елями Юры: вер- ръ было прекрасный; въ лѣсахъ рствовало безмолвіе; воздухъ тихъ; надъ туманемъ, но безоблаченъ. Все ло неподвижно и озарено яркимъ ѣтомъ; я поднялъ глаза, долго впе- яныя въ разстлавшійся подо мною къ, и былъ пораженъ величествен- ымъ оптическимъ обманомъ, который ялся долго при мечтательномъ на- оеніи моего духа. Съ мѣста, на ко-

торомъ сидѣлъ я, не видно было, какъ обрывастый горный склонъ терялся въ озерѣ; а противоположный берегъ стоялъ, какъ-бы въ воздухѣ, надъ на- клонною поверхностью озера... Савой- скія-Альпы мѣшались съ облекавшими ихъ туманами... Все это казалось мнѣ громадою грозныхъ тучъ, нависшихъ въ воздушномъ пространствѣ: земля была только подъ моими ногами, а во- кругъ меня царствовала безпредѣль- ная пустота...

Эта минута была достойна перваго дня новой жизни: я мало испытывалъ подобныхъ...

Блажь Ліона я видѣлъ Мон-Бланъ; но время не было благопріятно; онъ былъ дурно освѣщенъ...

—
Кюльн, 11 июля, I.

Не хочу назѣдять Швейцарію, какъ путешественникъ, изъ любопыт- ства. Я хочу быть въ Швейцаріи по- тому-что, сколько мнѣ кажется, мнѣ не будетъ нравиться нигдѣ въ другомъ мѣстѣ...

И самъ не знаю еще, какую сторону наберу себѣ жилищемъ...

Я хотѣлъ переѣхать чрезъ Леманъ на савойскій берегъ. Однакожъ надобно было отложить это намѣреніе: весь день было пасмурно, озеро еще и теперь сильно волнуется. Буря прошла, ве- черъ прекрасный; окна мои выходятъ на озеро; бѣлая пѣна валовъ иногда долетаетъ до моей комнаты и ороша- етъ кровлю дома, въ которомъ живу я. Вѣтеръ дуетъ съ юго-запада, такъ-что именно въ этомъ мѣстѣ волны и силь- нѣе и выше. Увѣряю тебя, это дви- женіе и эти развѣренныя звуки силь- но волнуютъ душу. Еслибъ я гото- вился выйти изъ обыкновенной жи- зни, еслибъ готовился жить и чув- ствовалъ притомъ въ себѣ упадокъ душевныхъ силъ, то хотѣлъ бы по- стоять съ четверть часа предъ вол- нующимся озеромъ: не думаю, чтобъ что-нибудь показалось тогда мнѣ не- возможнымъ...

Изъ Тиль.

Я отправился въ Вевѣ чрезъ Муртөнъ и не думалъ оставаться здѣсь; но вчера, при пробужденіи, былъ пораженъ прекраснѣйшимъ зрѣлищемъ, какое только можетъ произвести утренняя заря въ странѣ, отличающейся красотою болѣе веселою, нежели важною. Это обстоятельство привудило меня провести здѣсь вѣскольکو дней.

Окно моей комнаты оставалось открыто всю ночь, по моему обыкновенію. Часовъ около четырехъ, я былъ пробужденъ дневнымъ блескомъ и запахомъ сѣна, скошеннаго во время прохлады, при лунномъ свѣтѣ. Я ожидалъ, что мнѣ представится обыкновенный видъ; но обомлѣлъ, посмотрѣвъ на окрестность. Дожди эпохи солипестоянія сохранили изобиліе волъ, поднявшихся предъ тѣмъ отъ таянія снѣговъ Юры. Пространство между озеромъ и рѣкою Тиль было почти совершенно наводнено; въ самыхъ возвышенныхъ частяхъ почвы образовались изолированныя пастбища, посреди этихъ водныхъ равнинъ, которыя бороздилъ свѣжій утренній вѣтеръ. Видны были волны озера, гонимыя вдалѣ вѣтромъ на полу - потопленный берегъ. Козы, коровы и ихъ вожатый, извлекавшій изъ рожка сельскіе звуки, шли въ это время по узкой полосѣ земли, не потопленной водою, межъ наводненною долиною и рѣкою Тиль. Камни, положенные въ мѣстахъ наиболѣе - трудныхъ, поддерживали или продолжали этотъ родъ естественной насыпи: нельзя было вовсе различить пастбища, къ которому тянулись эти покорныя животныя, и, смотря на ихъ медленную, неувѣренную поступь, можно было бы подумать, что они идутъ утонуть въ озерѣ. Высоты Авѣ и густой лѣсъ Жюльмонъ выходили изъ нѣдра вождь, подобно острову еще дикому и необитаемому. Цѣль горъ окаймляла озеро, на горизонтѣ. Къ югу пространство тянулось за холмы Монмираля; и за всѣми этими предметами, шестьдесятъ лѣѣ вѣковыхъ льдовъ налагали на всю страну непод-

ражаемое величіе этихъ сѣмьтъ очертаній природы, придающихъ нѣстамъ высокую торжественность.

Я обѣдалъ съ сборщикомъ дорожныхъ пошлинъ. Его приемы нѣтъ не понравились. Это человекъ болѣе запятый тѣмъ, какъ бы покурить, да попить, и у котораго нѣтъ и въ волю нѣ ни ненависти, ни замысловъ о будущемъ, ни печали. Мнѣ кажется, я довольно полюбилъ въ другія изъ привычки, къ которымъ самъ никакъ не привыкну. Онѣ избавляютъ отъ скуки; онѣ наполняютъ часы безъ заботы со стороны человека наполнить ихъ; онѣ спасаютъ отъ многого худшаго, а вмѣсто этого спокойствія счастья, котораго не увидать ни на чемъ чуждѣ налагаютъ по-крайней-мѣрѣ спокойствіе довольной разсѣянности, которыя примиряютъ все и вредятъ только въ обрѣтеніямъ разума.

Вечеромъ я взялъ съ собою платье, чтобъ возвратиться домой ночью, и не быть связану заботою возвратиться въ-время. Луна еще не всходила; прогуливался вдоль зеленыхъ холмовъ. Но чувствуя себя расположеннымъ промечтать долго, и находя, что такъ тепла, что ее можно вносить въ открытомъ воздухѣ, я пошелъ на дорогу въ Сен-Блезъ. Своротилъ съ дороги у небольшого селенія, на югъ котораго разливается озеро, я слушалъ шумъ крутаго холма и сѣлъ на песокъ; волны замирали у ногъ моихъ. Вѣтеръ былъ тихъ; на озерѣ ни одного звука. Все покоилось, кто въ нѣдрахъ трудовъ, кто въ забвеніи горъ. Луна: я долго оставался на холмѣ. Подъ-утро, она начала вставать и землю и воды своимъ послѣднимъ отблескомъ, невыразимо-грознымъ Величественна природа, когда въ вѣкъ, погружаясь въ глубокую тишину, внемлетъ ропоту волнъ на неспокойномъ берегу, посреди туманной долины, еще ярко-озаренной утреннею луною!

И въ эту незабвенную ночь я почувствовалъ, все испыталъ, все пережилъ и всю глубину своего счастья.

только может вѣстить сердце чело-
вѣческое: невыразимую чувствитель-
ность, очарованіе и отразу нашихъ
безполезныхъ годовъ; полное сознаніе
природы всюду грустной и всюду не-
проницаемой, всеобъемлющую страсть,
старческую мудрость, сладострастное
забвеніе. Я сдѣлалъ страшный шагъ
къ лѣтамъ старчества, я поглотилъ де-
сять лѣтъ моей жизни. О, счастливъ
человѣкъ съ сердцемъ безхитростнымъ
и вѣчно-юнымъ!

Здѣсь, посреди тишины ночи, я во-
просалъ свою непонятную судьбу, свое
изволнованное сердце, и эту непости-
жимую природу, которая все вмѣща-
етъ въ себя, и при всемъ томъ не вмѣ-
щаетъ въ себя того, чего жаждетъ ду-
ша моя. Что же ты за существо? гово-
рилъ я самъ-себѣ. Какая жалкая смѣсь
любви всеобъемлющей и равнодушія
ко всѣмъ предметамъ положительной
жизни!..

Сен-Морисъ, 14 сентября. I.

Одно мгновеніе можетъ уничтожить
всѣ ваши планы... Я только-что воз-
вратился изъ своего продолжительнаго
странствія по горамъ. Ничего не буду
писать о немъ; есть вѣчто другое, о
чемъ должно сообщить тебѣ. Передъ
ѣзъ, какъ ложиться спать, я распе-
чаталъ поданное мнѣ письмо; рука бы-
ла не твоя: четко-написанныя слова:
очень-нужное возбудили мое беспо-
ойство.

Я думаю, ты уже догадываешься, въ
емъ дѣло. Сначала я хотѣлъ всѣмъ
ренебречь, чтобъ только не возвра-
таться туда, откуда бѣжалъ; но послѣ
родолжительнаго недоумѣнія, я рѣ-
шился погубить нѣсколько времени,
тобъ упрочить свое спокойствіе на
удшее время.

Непостижимая необходимость обсто-
тельствъ! Я отправляюсь въ Ліонъ,
ду въ Парижъ, это рѣшено... Про-
дай! Пожалѣемъ вмѣстѣ о человѣкѣ,
оторый находитъ въ жизни такъ не-
ного, и у котораго судьба безжалос-
тно отнимаетъ и это немногое.

Наконецъ-то, по-крайней-мѣрѣ, мы
свидимся другъ съ другомъ въ Ліонѣ.

Ліонъ, 22 октября. I.

Я отправился въ Метервилъ на дру-
гой день послѣ твоего отъѣзда изъ Лі-
она и провелъ тамъ восемнадцать
дней...

Въ эти дни я былъ спокоенъ, и спо-
койнѣе не желалъ бы быть въ самые
лучшіе дни моей жизни. А между-
тѣмъ, люди, которымъ никогда не ис-
пытать подобнаго душевнаго мира,
посмѣются надъ средоточіемъ, доставив-
шимъ мнѣ это спокойствіе.

Въ-продолженіе цѣлыхъ двѣнадца-
ти дней, я съ необыкновеннымъ увле-
ченіемъ занимался собираніемъ вино-
града... и такимъ-образомъ провелъ
эти дни въ забвеніи, посреди тумановъ,
межъ плодовъ, подъ прекраснымъ
осеннимъ солнцемъ. Вечеромъ мы со-
бирались къ чаю, смѣялись надъ людь-
ми, которые гоняются за удовольствіи-
ми, гуляли и ложились спать, доволь-
ные днемъ своимъ... Въ груди моей
возникаютъ великіе общественные во-
просы. Это можетъ оживлять мою ду-
шу, но не наполняетъ ея; работа вино-
градара поддерживаетъ ее болѣе...

Парижъ, 20 іюля. Второй годъ.

Ничто не кончается: несчастныя дѣ-
ла, которыя меня здѣсь удерживаютъ,
ежедневно все больше и больше зата-
гиваются. Такимъ-образомъ, проживъ
въ Ліонѣ повелѣтъ слишкомъ полгода,
я осужденъ провести здѣсь, можетъ-
быть, еще больше времени.

Годъ протекаетъ быстро: вотъ и еще
одинъ вонъ изъ моего существованія.
Весну потерялъ я почти безъ ропота,
но дѣто въ Парижѣ! Я провожу часть
времени въ самомъ непріятномъ распо-
ложеніи духа, неразлучномъ съ такъ-
называемыми дѣлами; и когда хочу
провести остатокъ дня въ спокойствіи,
ищу у себя дома убѣжища отъ такой
продолжительной скуки, то нахожу
скуку еще несноснѣе. Я одинокъ здѣсь въ
безмолвіи посреди общаго шума, и од-

ному мнѣ нечего дѣлать въ этомъ хлопотливомъ свѣтѣ. Здѣсь нѣтъ среды между безпокойствомъ и бездѣйствіемъ; надо скучать, если нѣтъ ни дѣла, ни страстей. Комната моя оглашается ежеминутно отголосками криковъ, стукомъ отъ работъ и всѣмъ шумомъ народа дѣятельнаго. Подъ новымъ окномъ родъ площади, наполненной шарданами, фиглярами, разнощниками и крикунами всевозможныхъ родовъ. Насувротивъ — высокая стѣна какого публичнаго зданія; солиде освѣщаетъ ее съ двухъ часовъ до самаго вечера; эта бѣлая масса совершенно слѣпнитъ глаза при ясномъ небѣ, и потому самые лучшіе дни для меня обращаются въ истинное мученіе. Неутомимый разнощникъ новостей громко возглашаетъ названія смохъ журналовъ; его грубый и однообразный голосъ, кажется, еще болѣе усиливаетъ безпривѣтность этой площади, пожигаемой солнцемъ; и когда я слышу, что кака-нибудь прачка начнетъ расцѣвлять цѣсны у своего окна, подъ самую кровлю, — терплю терпѣніе и бѣгу со двора. Вотъ уже три дня какой-то нищій-калѣка, весь въ язвахъ, располагается на углу уллицы совсѣмъ подлѣ меня, и битыхъ двѣнадцать часовъ жалобнымъ голосомъ проситъ милостыни. Я принужденъ цѣлый день не бывать дома, до-тѣхъ-поръ, пока онъ не перемѣнитъ мѣста. Но куда уходить? у меня здѣсь очень-мало знакомыхъ; и былъ бы необыкновенный случай, еслибъ изъ такого малого числа людей нашелся хоть одинъ, кому бы я пришелся по праву; поэтому я не хожу ни къ кому. Что до публичныхъ гуляній, ихъ много въ Парижѣ, и прекрасныхъ, но нѣтъ ни одного, гдѣ бы я могъ хоть съ полчаса оставаться безъ скуки.

Ничто такъ не утомляетъ насъ, какъ эта вѣчная медленность всего на свѣтѣ. Она удерживаетъ человѣка непрерывно въ состояніи ожиданія, и жизнь проходитъ прежде, нежели мы достигаемъ той точки, съ которой дунали начать жить. На что, однакожь, мнѣ жаловаться? Какъ мало людей, которые

не трагятъ жизни понапрасну! . . .
И намъ ли смѣть стѣнать о судьбѣ своей!

Парижъ, 27 июля, II.

Я часто провожу часа по два въ библиотекахъ — не для того, чтобы научиться чему-нибудь, — это желаніе мнѣ во мнѣ охлаждается, во потому что не знаю, чѣмъ наполнить часы, которые, не смотря на то, текутъ невозвратно; мнѣ бываетъ не такъ грустно, когда я убываю это время гдѣ-нибудь, а не у себя дома. Въ извѣстныя минуты, мнѣ необходимо какое-нибудь опредѣлительное занятіе: при неограниченной свободѣ, я попадаю въ совершенно бездѣйствіе. Мнѣ гораздо-снотойнѣ между людьми безмолвными, подобно мнѣ, нежели быть одному въ средѣ шумной толпы. Я люблю эти длинныя залы, однѣ пустыя, другія наполнены людьми, со внимающимъ роющимся въ этомъ античномъ и голландскомъ складѣ услаій и всѣхъ ступей человѣческихъ.

Читая Бугенвиля, Шардена, Лалубера, я проникаюсь древнимъ восминаніемъ о земляхъ уже отжившихъ, славою отдаленной мудрости и вѣстости счастливыхъ острововъ; но, забыла наконецъ и Персеполь, и Вавилонъ, и даже Тиніанъ, соединяю времена и мѣста въ настоящій пунктъ, съ котораго обозрѣваетъ ихъ человѣчество разумѣніе. Вижу, какъ эти жалкіе умы трудились съ жаромъ и въ безмолвіи, между-тѣмъ, какъ вѣчное мѣненіе, катясь надъ ихъ учеными и прельщенными главами, влечетъ за собою ихъ неминуемую смерть и разлетѣ въ мгновеніе и существованіе ихъ, и мысль, и вѣкъ ихъ.

Залы окружаютъ длинныя, тѣніи, поросшія травой дворъ, на которомъ находятся двѣ или три статуи, нѣсколько разваливъ и бассейны съ поселенною водою, который на видъ такъ же древенъ, какъ и эти памятники. Я ухожу рѣдко, не остановившись съ четверть часа въ этой безмолвной оградѣ

люблю мечтать, ходя по камнямъ этой ревшей мостовой, добытымъ нѣкогда изъ нихъ подлѣ стопы человѣка поверхности сухой и безплодной. Но время забвеніе возвращаютъ ихъ нѣкоторымъ образомъ въ землю, покрывая ихъ новою почвою и одѣвая ихъ свойственной имъ природѣ растительностью. Иногда эти камни кажутся мнѣ расворѣчивше книгу, отъ которыхъ я олько-что оторвался.

Вчера, перелистывая «Энциклопедію», раскрылъ я одинъ изъ томовъ ея а томъ мѣстѣ, котораго не искалъ, и не югу припомнить, что это была за статья; но дѣло шло о человѣкѣ, который, будучи утомленъ тревоженіями и несчастіями, совершенно погрузился въ единеніе въ-слѣдствіе той рѣшимости, которая дѣлаетъ человѣка побѣдителемъ надъ препятствіями, и о которой нѣ ежедневно воспоминаетъ съ восоргомъ. Разсказъ объ этой независимой жизни не привелъ мнѣ на память ни привольныхъ пустынь Имауса, ни юрныхъ острововъ Тихаго-Океана, ни альпъ-богѣ-доступныхъ, и о которыхъ же я сожалѣлъ такъ много. Но яркое оспоминаніе, подобно вдохновенію, представило предо мною безплодныя камы и лѣсъ Фонтенблѣ.

Я долженъ богѣ сказать тебѣ объ томъ мѣстѣ, нѣсколько-необыкновенномъ посреди нашихъ загородныхъ крестностей. Ты лучше поймешь тогда, почему я такъ сильно привязался къ нему.

Тебѣ извѣстно, что въ молодости я ровель нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ. одственники мои, у которыхъ я жилъ, е смотря на то, что любили жизнь годскую, неоднократно проводили сентябрь мѣсяцъ за городомъ, у своихъ накомыхъ. Одинъ годъ они отправились въ Фонтенблѣ, и въ-последствіи еще два раза мы посѣщали то же самое семейство, которое жило тогда у ѣса, по близости рѣки. Мнѣ было, думаю, четырнадцать, пятнадцать и семнадцать лѣтъ во время нашего трое-ратнаго посѣщенія Фонтенблѣ. Послѣ

дѣтства, проведеннаго взаперти, въ бездѣйствіи и скукѣ, я хоть и чувствовалъ себя, въ извѣстномъ отношеніи, взрослымъ человѣкомъ, однакожь во многихъ другихъ отношеніяхъ былъ совершеннымъ ребенкомъ. Находясь во всегдашнемъ смущеніи, въ какой-то неувѣренности, предчувствуя, быть-можетъ, все, но ничего не зная, я обнаруживалъ одну только рѣзкую черту характера — быть вѣчно-тревожнымъ и несчастнымъ. Въ первый разъ, отъправився я въ лѣсъ не одинъ; смутно припоминаю себѣ, что я тамъ перечувствовалъ; знаю только, что я прелюбичиталъ это мѣсто всѣмъ мною видѣннымъ, и что туда только желалъ я возвратиться хоть еще разъ.

На слѣдующій годъ, жадно пробѣгалъ я эти пустыни, нарочно старался заблудиться въ этомъ лѣсу, и былъ доволенъ, когда терялъ дорогу и не находилъ вокругъ себя ни одной тропинки. Достигая опушки лѣса, я съ досадою видѣлъ эти обширыя обмашенныя равнины и вдали колокольни церквей. Тотчасъ же обращался я назадъ, углублялся въ самую чащу лѣса, и когда находилъ мѣсто, укрытое со всѣхъ сторонъ, гдѣ не было ничего, кромѣ пещка да можжевеловника, я испытывалъ чувство мира, свободы, дикой радости, силу природы, почувствованной впервые въ возрастѣ нетрудно-счастливымъ. При всемъ томъ, я не былъ веселъ: почти-счастливый, я ощущалъ только волненіе внутренняго довольства. Я былъ грустенъ, наслаждался, и возвращался съ прогулки всегда печальный. Часто приходилъ я въ лѣсъ до восхода солнечнаго, подымался на вершины, еще покоившіяся въ тѣни, шелъ по травѣ, еще покрытой росю; и когда всходило солнце, мнѣ было жаль сумерекъ, предшествовавшихъ зарѣ. Я любилъ овраги, темныя разсѣлины, густой лѣсъ, холмы, покрытые верескомъ; любилъ обломки скалъ, но еще богѣ любилъ эти сыпучіе пески, на которыхъ не было видно ни слѣда человѣческаго, а только тамъ-и-сямъ робкій слѣдъ олена или

быстроногого зайца. Заслышавъ вѣшу, испугнувъ лань, я оставался, чувствовалъ себя какъ-то лучше, и въ настоящую минуту не искалъ ничего болѣе. Въ это-то время, я примѣтилъ березу, пустынное дерево, которое уже навѣвало на меня грусть и котораго въ послѣдствіи никогда не могъ видѣть безъ удовольствія. Люблю березу, люблю эту кору бѣлую, гладкую и растрескавшуюся, этотъ извилистый стволъ, сучья, нависшіе къ землѣ, этотъ трепетъ листьевъ и всю эту непринужденность, простоту природы, пустынную осанку.

Времена, погибшія невозвратно, нѣтъ, нельзя забыть васъ! О ты, слышомъ-суетная мечта изліянія чувствъ! Какъ великъ человекъ въ своей неопытности! какъ былъ бы онъ плодотворенъ, еслибъ холодный взоръ ближняго, еслибъ тлетворное дыханіе несправедливости не иссушало его сердца! Я жаждалъ счастья. Я былъ рожденъ для страданія. Тебѣ извѣстны эти мрачные дни, близкіе къ порѣ снѣговъ: утрення заря, сама сгущая туманы, бросаетъ первый свѣтъ грознымъ отблескомъ яркаго цвѣта на скупившіяся облака. Этотъ туманный покровъ, эти бурные вихри, это блѣдное мерцаніе свѣта, этотъ свистъ вѣтра межъ гнущихся и трепещущихъ деревьевъ, эти медленные вопли, подобные погребальнымъ стѣнаніямъ, — вотъ утро жизни: въ полдень, бури еще холодиѣ, еще упориѣ; вечеромъ, еще болѣе густой сумракъ, и человекъ изжилъ день свой.

Очарованіе вѣроятное, безконечное, которое рождается вмѣстѣ съ сердцемъ человека, и которое, казалось, должно бы было существовать столько же, какъ и онъ самъ, — это очарованіе оживилось во мнѣ однажды: и я почувствовалъ, что буду удовлетворенъ въ желаніяхъ. Это внезапное и слишкомъ-порывистое пламя сгорѣло попусту и погасло, ничего не освѣтивъ. Такъ въ бурное время года возникаютъ, на ужасъ всему живущему, мгновенныя молніи посреди мрака ночи...

Былъ мартъ мѣсяцъ; я выходилъ въ Лю^а. Подъ кустарниками благоудали фіалки, а лилии цвѣли на небольшомъ лугу, дышавшемъ весною и спокойствіемъ и наклоненномъ на полдень. Надъ лугомъ, повыше, стоялъ домъ. Садъ, расположенный террасою, мѣшалъ виду изъ оконъ. Выше, подъ лугомъ, скалы круты и отвѣсныя, подобно стѣнамъ; въ глубинѣ, широкій потокъ, а за нимъ еще и еще скалы, покрытыя лугами, шестами и елками! Черезъ все это таялись старинныя городскія стѣны; сомы вѣтали въ нихъ изветшавшія башни. Вечеромъ, восходила луна; рога переликались въ отдаленіи, и голосъ, котораго я не услышу болѣе... Все это обмануло меня. Въ жизнь мою испыталъ я еще только одно это заблужденіе. Зачѣмъ же это воспоминавіе о Фонтенблѣ, а не о Лю^а?

28 іюля, II.

Наконецъ, я считаю себя въ пустынѣ. Здѣсь есть мѣста, гдѣ не видать ни малѣйшаго слѣда человѣческаго. Я освободился, хоть на одно лѣто, отъ тѣхъ тревожныхъ заботъ, которыя тѣла наше существованіе, славяютъ жизнь нашу съ мракомъ добытія и съ мракомъ смерти, обращая ее самое въ ничтожество, но только менѣе-своейное.

Повѣтню ли тебѣ удовольствіе, которое ощущаю я, чувствуя, какъ вода моя уходитъ въ песокъ сынуціи и раскаленный, когда я подвигаюсь впередъ съ трудомъ, и не нахожу вокругъ себя ни воды, ни освѣжающей тѣлѣ деревъ? Я вижу предъ собою пространство дикое и безмолвное, скалы разлившіяся, обнаженныя, потрясенныя въ основаніи, и силы природы, поверенныя силѣ времени. И чувствую какъ-будто-бы миръ въ душѣ моей, входя, вѣтъ себя, другія преломы, другія бѣдствія, кромѣ тревоженія моего собственнаго сердца.

Я не отыскиваю дороги; напротивъ, иду, стараюсь заблудиться. Часто выбираю прямую дорогу, не разбирая тропинокъ. Въ лѣсу стараюсь

бывать всё примѣты, чтобъ имѣть всегда что-нибудь находить тамъ.

Вечеромъ надо же возвращаться домой, скажешь ты, и уже издѣваешься надъ моимъ мнимымъ удивленіемъ, ошибаешься; ты воображаешь меня въ Фонтенблѣ или въ какомъ-нибудь селеніи, въ хижинѣ. Разуверься. Мѣская жилища этихъ странъ люблю не болѣе самыхъ селеній, а селенія люблю не болѣе городовъ. Если я ненавижу роскошь, за то ненавижу и нищету. Иначе, мнѣ бы лучше было таваться въ Парижѣ; я бы нашелъ мѣ и то и другое.

Но вотъ чего не сказалъ я тебѣ въ послѣднемъ письмѣ своемъ, исполненномъ душевнаго волненія, которое когда одолеваетъ меня.

Какъ-то бродилъ я по здѣшнимъ лѣсамъ; вдругъ, вижу двѣ лани, преслѣваемые волкомъ. Онъ немного не догналъ ихъ; я полагалъ, что онъ ихъ премѣнно настигнетъ, и сталъ держаться той же стороны, чтобъ быть имъ телемъ сопротивленія, и помочь, ли будетъ возможно. Онъ выскочилъ изъ лѣса на открытое мѣсто, заваленное скалами и поросшее мелкими кустарниками; но когда я пришелъ на это мѣсто, то не видалъ уже ни ланей, ни волка. Я выходилъ во всѣхъ направленияхъ это мѣсто похожее на лавду, изгнтое и неровное, откуда добыто было много кремня для мостовой, — и не нашелъ ничего. Слѣдуя другому направлению, при возвращеніи въ лѣсъ, увидѣлъ собаку, которая сначала отряла на меня и не лаяла, но вдругъ лаяла, когда я сталъ отъ нея удаляться. Въ-самомъ-дѣлѣ, я стоялъ по у самаго входа въ жилище, которое она сторожила. То былъ родъ глянки, поросшей кустарниками и омъ.

Одинъ работникъ, въ-продолженіе идцати лѣтъ высѣкавшій въ сосѣдствѣ каменоломняхъ камень для мостовой, не имѣя ни кола, ни двора, глядся сюда, чтобъ, еще при жизни, охнуть отъ этой истинно-каторжной оты и спастись отъ людскаго пре-

зрѣнія и госпиталя. По скалѣ росло у него нѣсколько овощей на довольно-бесплодной почвѣ, и онъ, съ собакою и кошкою, жилъ водою, хлѣбомъ и свободою. «Я много работалъ», сказалъ онъ мнѣ: «но никогда не имѣлъ ничего; теперь же я хоть спокоенъ, и къ тому же скоро умру». Этотъ простолюдинъ высказалъ предо мною исторію человѣка вообще; но зналъ ли онъ это? считалъ ли другихъ людей счастливѣе себя-самого? страдалъ ли, сравнивая себя съ другими людьми? Я не наследовалъ всего этого; я былъ еще очень-молодъ. Его грубый и нѣсколько-свирѣпый видъ сильно занималъ меня. Я предложилъ ему эку; онъ принялъ и сказалъ, что купить на него себѣ вина; это слово уменьшило мое къ нему уваженіе. Вина! говорилъ я самъ-себѣ: есть вещи болѣе-полезныя; можетъ-быть вино, безпорядочная жизнь привели его въ эти мѣста, а не склонность къ удивленію. Прости, человѣкъ простой, несчастный отшельникъ! Я еще не зналъ тогда, что люди пьютъ для забвенія скорби. Теперь я знаю горечь, раздражающую сердце, и печальное состояніе духа, которое отнимаетъ всѣ силы; я научился уважать того, чья первая потребность хоть на мгновеніе перестать стѣнать; я сильно негодую, когда вижу, какъ люди, которымъ жизнь легка, жестоко упрекаютъ бѣдняка за то, что онъ пьетъ вино, а не имѣетъ хлѣба. Чтѣ за дуня у этихъ людей, которые не знаютъ бѣдствія выше голода?

Теперь тебѣ понятна вся сила того воспоминанія, которое такъ невзначай посѣтило меня въ библиотекѣ. Эта мгновенная мысль совершенно предала меня чувству жизни реальной, мудрой простоты и независимости человѣка, живущаго въ природѣ.

Это не значитъ, чтобъ я принималъ за такую жизнь мое здѣшнее существованіе, и чтобъ, посреди этихъ кремнистыхъ обломковъ и жалкихъ равнинъ, считалъ себя человѣкомъ природы.

Но такъ-какъ я осужденъ вѣчно

только ждать жизни, то попробую про-
звать въ совершенномъ уединеніи: я
охотѣе проведу четыре мѣсяца здѣсь,
нежели погублю ихъ въ Парижѣ въ
другихъ болѣе-важныхъ и болѣе-жал-
кихъ ребячествахъ. Разскажу тебѣ
при свиданіи все, все, и какъ я вы-
бралъ себѣ обитель, и какъ замкнулъ
ее; какъ перевезъ туда немногія при-
везенныя мною сюда вещи, не открывъ
никому моей тайны; какъ питаюсь
плодами и овощами; куда хожу за во-
дою; какъ одѣваюсь въ дождливую по-
ру, и всѣ предосторожности, какія
принимаю для того, чтобъ остаться со-
крытымъ отъ людскихъ глазъ, и чтобъ
какой-нибудь Парижанинъ не явился
сюда надѣваться надо мною.

Ты также будешь смѣяться; но я
согласенъ на это: твой смѣхъ не бу-
детъ походитъ на ихъ смѣхъ; и я самъ,
еще прежде тебя, смѣялся надъ всѣмъ
этимъ.

Жалкая и суетная концепція лучша-
го міра! Невъяснимая безконечность
любви! Сѣтованіе о годахъ, утекаю-
щихъ бесполезно! Всеобъемлющее чув-
ство, подкрѣпленъ и пожарай жизнь
мою; что была бы она безъ твоей па-
губной прелести? Черезъ тебя она по-
чувствовала, черезъ тебя и погибнетъ.

О, пусть хоть еще когда-нибудь, въ
осеннюю пору, въ эти послѣдніе крас-
ные дни, когда солнце свѣтитъ сквозь
туманы, — пусть хоть еще когда-ни-
будь, сидя надъ водами, уносящими
поблеклый лѣсъ, услышу я простые
и глубокіе звуки первообразной мело-
діи! Пусть однажды, всходя на Грим-
зель и Титлисъ, одинъ съ проводни-
комъ-горцемъ, услышу я на низкой
травѣ, близъ снѣговъ, давно-знакомые
романтическіе звуки пастушеской пѣс-
ни Унтервальдена и Гасли; и пусть бы
я, хоть разъ передъ смертью, могъ
сказать здѣсь челоѣку, понимающе-
му меня: о, еслибъ мы жили!

Фонтенблô, 18 августа, 11.

Бываютъ однако минуты, когда я
чувствую себя полнымъ надеждамъ, и
вещи проходятъ предо мною въ вели-
чественной гармоніи, и я чувствую се-
бя счастливымъ, какъ бы я могъ быть
счастливымъ: я изумленъ тѣмъ, что
возвращаюсь къ своимъ давно-мину-
шимъ годамъ; я снова обрѣлъ въ ро-
днаго наглядныя красоты и небесное про-
свѣщеніе. Счастливецъ! я... однажды
я дѣйствительно такъ вполнѣ счи-
таюсь, какъ челоѣкъ, пробудивши-
ся отъ тяжкаго сповданія, какъ бы
новый заточникъ, снова урвѣнныя
небеса послѣ десятилѣтнихъ
страданій въ смирной тишинѣ; счи-
таюсь, какъ челоѣкъ, страстно
жаждущій ту, которую онъ спасъ
смерти! Но мгновенія проходятъ, и
какъ застилаютъ собою плодотвор-
ныя лучи солнца; птицы смолкаютъ; раз-
лающіяся тѣни увлезаютъ и гонятъ
передъ собою и мою мечту и наде-
жду.

Тогда я, грустный, спѣшу вы-
браться въ свое жилище, и снова
опять ухожу въ лѣсъ, потому-что
еще можетъ прогнать снова. Въ
этомъ есть нѣчто успокоительное
и утѣшительное. Не знаю, что было
но когда грусть усыпляетъ меня,
я не останавливается, и я не
смотрѣть, какъ зрѣетъ плодъ, и
осенній вѣтеръ сброситъ за собою

Фонтенблô, 1-го сентября,

Погода стоитъ прекрасная, и
хожусь въ глубокомъ спокойствіи
иное время, я болѣе пользуюсь
этою полною свободою, эти
свѣтлѣемъ всякаго занятія, всякаго
новъ, этимъ равнодушіемъ и
что бы ни случилось.

Я начинаю чувствовать, что
впередъ въ жизни. Эти смутныя
впечатлѣнія, эти внезапныя дви-
женія души, которыя нѣкогда волнова-
ли и увлекали такъ далеко отъ
печали,—все нагибилось, все
до. Это желаніе, что возбужда-
етъ мнѣ созерцаю и красоты и

ѣ, эта надежда, полная неуверенности и обаятельности, этотъ небесный гонъ, ослѣпляющій и пожирающій мое сердце, это упоеніе вліянныхъ устѣвъ, которымъ онъ озаряетъ предъобою громадный призракъ,—все это же не существуетъ болѣе. Я начинаю дѣлать то, что полезно, что удобно, а это, что прекрасно.

Тебѣ извѣстны мои безграницныя ребованія; съужи мнѣ, что буду я дѣлать съ жизнью, когда утрачу всѣ эти ниты иллюзій, которыя сверкали среди темноты, подобно молніямъ, издирающимъ грозную ночь! Сознаться, онѣ еще болѣе тмили эту ночь; онѣ показывали, что она могла рождать, и что свѣтъ еще не вовсе иссякъ. Что будетъ теперь со мною, если нѣ должно будетъ ограничиться тѣмъ, что есть, и если я останусь при своемъ образѣ жизни, при своихъ личныхъ интересахъ, при ежедневной заботѣ объ яномъ и томъ же: вставать, заниматься, ложиться спать?

Я былъ далеко не тотъ въ то время, когда любить было для меня не несбыточною мечтою. Въ молодости, я имѣлъ ясное воображеніе, и тогда еще ясленно создавалъ убѣжище себѣ по уссу. Я соединилъ въ умѣ своемъ альпійско, въ одномъ изъ пунктовъ Альпійскаго приворода съ климатомъ оливковыхъ и лимонныхъ деревьевъ; но наконецъ слово *Chartreuse* позвало меня. Въ этомъ-то уголкѣ, близъ Сенанкура, мечталъ я устроить себѣ жилище. Я думалъ тогда, что счастливыя обстоятельства много способствуютъ активной жизни; и что тамъ, съ любимой женщиной, буду я обладать тѣмъ невозмутимымъ блаженствомъ, гребность котораго наполняла мое манутое сердце.

Но вотъ странное дѣло: я не въ состояніи выводить изъ этого какое-будь заключеніе, или что-нибудь казывать, кромѣ несомнѣнности сего факта. Я никогда ничего не вивалъ, ничего не читывалъ, что ггло бы дать мнѣ хотя малѣйшее погіе о мѣстности *Гранд-Шартрѣза*.

Т. I. — Отд. VIII.

Я зналъ только, что эта пустыня находится въ горахъ Дофинѣ. Воображеніе мое создало, по этимъ смутнымъ свѣдѣніямъ и по собственнымъ своимъ склонностямъ, мѣстоположеніе, гдѣ долженъ былъ находиться монастырь, и подлѣ него—мое жилище. Воображеніе мое страннымъ образомъ угадало истину. Много времени спустя, увидавъ гравюру, представляющую эти самыя мѣста, я сказалъ самъ себѣ, прежде, нежели прочиталъ: вотъ *Гранд-Шартрѣза*,—такъ сильно напоминала мнѣ она то, что я создалъ себѣ въ своемъ воображеніи. И когда вышло на повѣрку, что это была она дѣйствительно, то я былъ пораженъ удивленіемъ и сожалѣніемъ; мнѣ казалось, что я утратилъ нѣчто для меня предназначенное. Съ-тѣхъ-поръ, послѣ этого замысла моей первой молодости, я не могу слышать безъ волненія, исповеннаго горечи, слово: *Шартрѣза*.

Чѣмъ болѣе углубляюсь воспоминаніемъ въ свою молодость, тѣмъ болѣе нахожу глубокихъ впечатлѣній. Припоминаю ли эти первыя фантазіи меланхолическаго сердца, которое никогда не имѣло настоящей юности и которое чувствовало склонности къ сильнымъ ощущеніямъ и къ вещамъ необыкновеннымъ, прежде даже, нежели было рѣшено, полюбить ли оно игры; привожу ли себѣ на память то, что я испытывалъ въ семь, шесть, пять лѣтъ отъ роду, — нахожу впечатлѣнія столь же невнятные, болѣе-догматичныя, болѣе-сладостныя, и произведенныя тѣми всецѣлыми иллюзіями, которыхъ блаженство не даю никакому иному возрасту.

Я не ошибаюсь на-счетъ времени; знаю навѣрно, сколько мнѣ было отъ роду, когда я думалъ о томъ-то, когда я читалъ такую-то книгу. Я читалъ Кемпферову исторію Японіи, на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ, у окна, въ томъ домѣ близъ Роны, который отецъ мой покинулъ незадолго до своей кончины. Слѣдующее лѣто я читалъ Робинсона Крузе. Тогда-то потерялъ я эту способность къ математическимъ вы-

численіямъ, которую замѣчали во мнѣ: я уже не могъ думать, безъ помощи пера, вычисленія даже не столь сложныя, какъ тѣ, которыя я дѣлывалъ въ умѣ, будучи четырехъ лѣтъ съ половиною отъ роду, и не зная ни одного арифметическаго правила, кромѣ сложенія.

Способность прозрѣвать въ отношенія неопредѣленныя взяла тогда верхъ надъ способностью комбинировать математическія отношенія. Я сталъ ощущать нравственную сторону вещей: чувство прекраснаго начало зарождаться...

Парижъ, 9-го февраля, третій день.

Я долженъ рассказать тебѣ всѣ свои слабости, затѣмъ, чтобы ты подкрѣпилъ меня совѣтомъ: порою я жалокъ самому-себѣ, порою же чувствую иначе.

Когда я встрѣчаю кабріолетъ, управляемый женщиною, которая походитъ на идеалъ моего воображенія, я иду прямо на лошадь, такъ-что колесо почти задѣваетъ меня...

Однажды незнакомка должна была приостановить свой кабріолетъ, чтобы не задвинуть меня; она была въ полномъ цвѣтѣ молодости, почти-прекрасна собою и въ высшей степени любезна. Она видимо хотѣла скрыть улыбку, мелькнувшую на устахъ ея. Я все смотрѣлъ на нее, и не видалъ ни лошади, ни колеса... Я увѣренъ, что взоръ мой былъ полонъ грусти. Лошадь повернула, незнакомка наклонилась посмотреть, не задѣло ли меня колесо. Долго не могъ я очнуться отъ своего сна... Не пора ли уже быть подтверже, предать забвенію прошлое? Не пора ли заняться тѣмъ, что прилично человѣку, и бросить всѣ эти ребячества?

Я бы хотѣлъ и самъ бросить эти ребячества, но чѣмъ замѣню ихъ? и когда говорю себѣ: надо наконецъ быть человѣкомъ, то бываю въ большомъ недоумѣніи. При первомъ письмѣ своемъ, напиши мнѣ, что значитъ быть человѣкомъ.

Парижъ, 29 апреля, III.

Нѣсколько времени назадъ, сдѣвъ въ библіотекѣ, я услышалъ, какъ привнесли предо мною нѣкаго знаменитаго Л... Въ другой разъ, я оступился съ нимъ за однимъ столомъ; у него не было чернилъ; я подвинулъ ему свою чернилицу: сегодня, вошедъ, я увидѣлъ его и сѣлъ возлѣ. Онъ былъ типъ любезныя, что сообщилъ мнѣ нѣдѣлю, найденныя имъ въ какомъ-то старинномъ латинскомъ манускриптѣ, и принадлежащія одному очень-мало извѣстному греческому поэту. Я списалъ только одну изъ нихъ, которая была по-короче: наступала пора выходить.

Парижъ, 7 мая, III.

«Если не ошибаюсь, мои навіи и слишкомъ для васъ интересны: сказалъ мнѣ вчера авторъ, о которомъ я говорилъ тебѣ: онъ искалъ меня глазами, и лишь-только я вошелъ, далъ мнѣ знакъ подойти къ нему. Я хотѣлъ сказать что-нибудь такое, что было бы прилично и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо, но онъ, посмотрѣвъ на меня, прибавилъ меня отъ этого труда и тотчасъ же присовокупилъ: «Можетъ-быть, мнѣ лучше понравится моральный или олодоскій отрывокъ, приписываемый Аристинну: о немъ говоритъ Варронъ, и его въ-послѣдствіи считали утраченными. Но онъ не утраченъ, потому-что былъ переведенъ изъ иллиадатомъ столѣтій на французскій языкъ того времени. Я нашелъ его въ рукописи, переплетенной вслѣдъ за Плутархомъ, въ экземплярѣ, подаренномъ въ Аміотъ; никто не открывалъ этой книги, потому-что въ ней не оставалось нѣсколькихъ листовъ.»

Я признался, что, не будучи умнымъ, дѣйствительно нѣтъ несчастно любить лучше вещи, нежели словъ, и что съ большимъ любопытствомъ читаю мысли Аристинна, нежели мѣту, хоть бы Біона или Феоприта.

Какъ мнѣ кажется, нѣтъ достоянныхъ доказательствъ, чтобы это большое сочиненіе принадлежало дѣйствительно Аристинну. Но если бы

писано имъ, то этотъ знаменитый, несправедливо считаемый, по-было Эпикуру, сладострастнымъ сибагомъ и вольнодумцемъ, обнаружилъ, однакожь, строгость нравовъ, которую требуютъ благоразуміе и покой, единственную строгость, приливающую человѣку, рожденному наслаждаться и переходящему на землю.

И перевелъ, какъ умѣлъ, эту рукопись, языкъ которой иногда блещетъ стиливыми выраженіями, но поустаетъ до того, что многія мѣста я едва ли понята. Вотъ этотъ отрывокъ, найденный въ манускриптѣ *Руководствомъ мечтателей (Manuel de Penseurs)*, за исключеніемъ двухъ строчекъ болѣе, которыхъ нельзя было разотъ.

•Руководство.

Ты пробуждаешься мрачный, унылый, уже утомленный временемъ, которое только что начинается. Ты обрѣтешь жизнь взглядомъ, исполненнымъ зрѣнія; ты нашелъ ее пустою, тую; черезъ часъ она покажется тебе болѣе-сносною: она ли измѣнится? Она не имѣетъ опредѣленной формы. Все, что человѣкъ испытываетъ, — это сердце; что онъ знаетъ, въ его ли. Онъ весь все дѣло, самъ въ себѣ.

Какия утраты могутъ до такой степени удручить тебя? Что ты можешь потерять? Есть ли что въ тебѣ, что бы надлежало тебѣ? Что въ томъ, что есть погибнуть? Все переходитъ, включая справедливости, сокрытой въ покровомъ вещей, непостоянство. Все суета для человѣка, когда не идетъ впередъ ровнымъ и спокойнымъ шагомъ, сообразно съ законамъ разума.

Все волнуется вокругъ тебя, все идетъ: начини тревожиться, и твои будешь безконечны. Ты не можешь обладать тѣмъ, чѣмъ обладать невозможно, и погубишь жизнь, которая тебѣ принадлежала. То, что одитъ, проходитъ, возвращается, порождая другъ друга,

смыкаются въ вѣчный кругъ: они изглаживаются подобно неожиданной и летучей тѣни.

• Въ чемъ состоятъ твои несчастія? — въ вышешленныхъ опасеніяхъ, въ условныхъ потребностяхъ, въ дневныхъ дразгахъ. Ничтожный рабъ! Ты привязываешься къ тому, чего нѣтъ, ты служишь призракамъ. Оставь обманутой толпѣ всѣ обольстительныя иллюзіи, все суетное и тѣлесное. Помысли только о разумѣ, началѣ мирового порядка, и о человѣкѣ, его орудіи: о разумѣ, которому должно слѣдовать, о человѣкѣ, которому должно помогать.

• Разумъ въ борьбѣ съ противодѣйствіемъ матеріи, съ естественными законами, которыхъ непонятное дѣйствіе было названо случаемъ. Когда сила, тебѣ данная, слѣдовала разуму, когда ты послужилъ мировому порядку, чего хочешь болѣе? Ты поступаешь согласно своей природѣ; а что можетъ быть выше для существа чувствующаго и познающаго, какъ не убѣжденіе, что оно существуетъ согласно своей природѣ?

• Ежедневно, возрождаясь къ новой жизни, припоминай себѣ, что ты рѣшился не всуе жить на землѣ. Миръ идетъ впередъ къ своей цѣли. Но ты, ты останавливаешься, отступаешь назадъ, остаешься въ недоумѣніи и тѣлности. Твои протекшіе дни воссоздадутся ли въ иное, лучшее время? Жизнь вся суета на этомъ настоящемъ, которымъ ты небрежешь и жертвуешь будущему: настоящее — время, будущее — только призракъ времени.

• Живи въ самомъ-себѣ и ницѣ того, что не гибнетъ. Испытай, къ чему стремятся наши безумныя страсти; изъ такого множества вещей, хоть одна удовлетворитъ ли человѣка? Разумъ находится только въ себѣ-самомъ пищу для своей жизни: будь правдивъ и твердъ. Ницѣ не вѣдаешь, что будетъ завтра: тебѣ не найти успокоенія во вѣшнемъ; ницѣ его въ своемъ сердцѣ. Сила — законъ природы: могущество, это — воля; энергія въ страданіяхъ лучше апатіи посреди вѣги сладострастія.

Тотъ, кто повинуется и страдаетъ, чаето выше того, кто наслаждается и поведѣваетъ. Твои опасенія и желанія — суета суеть. Одно можетъ быть тебѣ на пользу, — быть тѣмъ, чѣмъ назвала тебя природа.

• Ты разумъ и матерія. Таковъ же и миръ въ своемъ составѣ. Гармонія видоизмѣняетъ тѣла и все стремится къ совершенству чрезъ безпрерывное улучшеніе своихъ различныхъ частей. Этотъ законъ природы — также и законъ недѣльныхъ . . .

Такииъ образомъ все благо — при господствѣ разума; все зло — когда разумъ отсутствуетъ. Пользуйся тѣлесными благами, но съ благоразуміемъ, подчиняющимъ ихъ порядку...

• Для насъ нѣтъ иной нравственности, кромѣ нравственныхъ правилъ человѣческаго сердца, — иной науки или иной мудрости, кромѣ знанія его потребностей, и справедливой оцѣнки средствъ къ счастью. Оставь бесполезную науку и сверхъестественныя системы и таинственныя ученія. Предоставь разумнѣиымъ высшимъ или несходнымъ съ тобою, предоставь имъ то, что далеко отъ тебя: чего разумъ твой не постигаетъ, то, значитъ, не было для него предназначено.

• Утѣшай, просвѣщай и поддерживай тебѣ подобныхъ: роль твоя опредѣлена мѣстомъ, занимаемымъ тобою въ неизмѣримости всего живущаго. Познавая законы человѣческіе и слѣдуй имъ, и ты поможешь другимъ людямъ познавать ихъ и имъ слѣдовать. Исслѣдуй и узнай ближнимъ средоточіе и конецъ вещей; да увидать они причину того, что ихъ поражаетъ, непрочнось того, предъ чѣмъ они смущаются, и ничтожество того, что ихъ увлекаетъ.

• Не уходи въ уединеніе отъ міра; зырай всегда на вселенную и поматуй о правдѣ. Тогда ты выполнишь назначеніе жизни, тогда совершишь то, что слѣдуетъ совершить человѣку.

Парижъ, 8 іюля, Ш.

Наконецъ, я намель вѣрваго чевѣка, которому могу поручить да доселѣ меня здѣсь удерживашія. Къ тому же, они почти оконченны: пособить ничѣмъ невозможно; нѣтъ никакого сомнѣнія, я разоренъ совершенно. Мнѣ не остается даже чѣмъ существовать до того времени, пока одно обстоятельство, можетъ-быть, слишкомъ еще отдаленное, не измѣнитъ моего положенія. Я не тревожусь и не думаю, чтобъ потерялъ много, потерявъ ихъ, потому-что ничѣмъ не пользовался. Я могу, правда, сдѣлаться несчастіе прежняго; но не сдѣлаюсь еще менѣе счастливымъ. Я одинъ, и будь я только здоровъ и свободенъ, судьба моя всегда будетъ сносною. Мало боюсь несчастія: такъ я утомился быть бесполезно — счастливымъ. Живя долго на порою взглянуть на васъ пасмурнаго времени для проявленія душевныхъ мужества. Тогда человѣкъ надѣется, тогда говорить онъ: я переживаю время испытанія; несчастіе иметъ, и, можетъ-быть, за нимъ послѣдуетъ счастье. Но при благоденствіи, когда во затрудности мы счастливы, а между-тѣмъ ничѣмъ не наслаждаемся отъ сердца, человѣкъ съ досадою видитъ какъ гибнутъ дни, которые не всегда даются судьбой. И онъ скорбитъ о скукѣ прекраснѣйшаго времени жизни, страшится того невѣдомаго бѣдствія, которое всегда надо ожидать отъ непостоянства всего на свѣтѣ; страшится тѣмъ болѣе, что, будучи и безъ него уже несчастливъ, представляетъ себѣ неизносимымъ это новое, еще тѣмъ болѣе бремя въ будущемъ. Такъ тѣ, которые живутъ въ своихъ номѣностяхъ, не скучаютъ тамъ зря, во время тѣмъ уже невѣстное подъ именемъ случившаго нежеланнаго, отъ котораго ожидаютъ много удовольствій.

Мнѣ нѣтъ пособить тому, что совершилось, и я ни на что не рѣшаюсь не переговоривъ напередъ съ тобою такимъ-образомъ, я думаю только о настоящемъ. Наконецъ, боюсь я отъ всѣхъ заботъ: . . .

былъ в такъ спокоенъ... Буду въ Лигу; у тебя проведу десять дней въ самой сладкой безпечности, а что будетъ послѣ—увидимъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

✱

ПРАВИЛА ИССЛЕДОВАНІЯ ПРИНУЖДЕННАГО НАСИЛЬСТВЕННОЙ СМЕРТИ, ПИИТРЕВЛЯЕМЫЕ КИТАЙЦАМИ.

Статья вторая и последняя.

ПРАВИЛА ОСМАТРИВАНІЯ ТРУПОВЪ.

ОСМОТРЪ ТРУПА ЧЕЛОВѢКА, УБИТАГО ВЪ ДРАКѢ.

Трупъ человѣка, убитаго въ дракѣ, наружномъ видѣ своемъ имѣеть слѣдующія особенности болѣе или мѣнѣе постоянныя: открытый ротъ, вѣшанные волосы, распростертыя руки, закрытыя глаза, платье въ беспорядкѣ, разорванное, или измаранное, иногда испражненіе мочи и кала. Ротъ остается открытымъ отъ-того, что человѣкъ въ время драки говоритъ много, а глаза отъ-того, что онъ имѣетъ сильный гнѣвъ. Отъ желанія схватить своего противника, убитые въ дракѣ имѣютъ распростертыя руки; отъ возни съ противникомъ у нихъ растрепываются волосы, рвется платье, а отъ гнѣва, крика выходитъ моча и калъ.

Что касается до ранъ, то онѣ бываютъ различны, смотря по тому, какими орудіемъ были нанесены. Общее отличіе всѣхъ раненныхъ мѣстъ состоитъ въ томъ, что кожа на нихъ отдѣляется отъ мяса, приподнимается и издаетъ особый звукъ при давленіи пальцемъ; гнѣвъ поврежденныхъ мѣстъ вообще различенъ отъ цвѣта мѣстъ неповреж-

денныхъ и бываетъ красный, багровый и т. д., смотря по тому, какими орудіемъ нанесена рана и сколько прошло времени отъ послѣдовавшей смерти до начала исследования. Кромѣ разспроса преступника, если онъ пойманъ, и свидѣтелей, кромѣ собранія разныхъ свидѣній, необходимыхъ и почти общихъ при всѣхъ судебныхъ исследованияхъ, при открытіи причины смерти въ дракѣ, важное пособіе составляетъ укусъ, который должно имѣть всегда наготовѣ, а также лукъ, вино и вола. Укусъ наливается на исследуемое мѣсто, смотря по обстоятельствамъ, или подогрѣтый, или холодный. Это дѣлается какъ для того, чтобъ яснѣе рассмотреть раненное мѣсто, такъ и для того, чтобъ отличить истинное раненіе отъ поддѣльнаго. Иногда бываетъ нужно покрыть рану лукомъ, обмыть водою прежде, нежели будетъ налитъ на нее укусъ.

Главное при исследованіи человѣка, убитаго въ дракѣ, состоитъ въ опредѣленіи: опасно ли раненное мѣсто для жизни, или нѣтъ? Нужно только съ достовѣрностью различить эту степень опасности раненаго мѣста, чтобъ вывести заключеніе, что смерть зависѣла отъ поврежденія именно этого мѣста, а не другихъ, или что другія мѣста, хотя бы они были также повреждены, какъ мало-опасныя, участвовали мало и въ смерти. Это особенно необходимо въ томъ случаѣ, когда дрались нѣсколько человѣкъ и когда нужно показать, который изъ участвовавшихъ въ дракѣ нанесъ ударъ въ болѣе-опасное мѣсто, чтобъ почестъ его за главнаго виновника смерти.

Судебному исследованію подлежитъ какъ человѣкъ, умершій во время самой драки, такъ и взятый виновникъ на поруку и умершій ранѣе срока, опредѣленнаго на излеченіе. Срокъ, назначаемый для излеченія, бываетъ различный, смотря по степени раненія и важности заниженаго имъ мѣста. Чѣмъ сильнѣе рана, чѣмъ опаснѣе мѣсто ея, тѣмъ и срокъ бываетъ короче и наоборотъ. Время опредѣленнаго на

излеченіе ерока должно быть съ точно-стью записано, чтобы, въ случаѣ смерти, не ошибиться въ немъ и имѣть ясныя доказательства. Отъ несоблюденія подобной предосторожности часто выходила недоразумѣнія, окончившіяся весьма-несчастливо для тѣхъ, кто имѣлъ у себя на порукахъ раненнаго. Извѣстно, что законы опредѣляютъ смерть виновному, если равенный имъ взятый на поруки человекъ умереть прежде срока, назначеннаго для излеченія, и наоборотъ — отмѣняютъ ее, если раненный помретъ послѣ срока. Изъ этого видно, что, при взятіи раненнаго на поруку, необходимы: точное опредѣленіе мѣста раны и степени опасности ея, чтобы по нимъ можно было назначить нужный для излеченія срокъ; а въ случаѣ смерти раненнаго на поруки — опредѣленіе для смерти: переходитъ ли онъ за срокъ, или принадлежитъ къ днямъ срочнымъ, равно какъ и того, зависѣла ли смерть отъ предшествовавшаго раненія, или отъ постороннихъ обстоятельствъ, на-примѣръ, болѣзни, случившейся въ то время, какъ раненный былъ на поруки, или отъ новыхъ ранъ, нанесенныхъ ему въ послѣдствіи: изъ злобы и тому подоб-ныхъ побужденій. При опредѣленіи причины смерти отъ болѣзни, должно узнать: былъ ли раненный пользованъ врачомъ, и если былъ, то отъ врача должно отобрать показанія: какаѣ именно, по его мнѣнію, была болѣзнь и какія лекарства были употреблены противъ нея. Чаще всего смерть зависитъ отъ апоплексіи (чжун-фынь). Смотря по тому, занимала ли болѣзнь части наружныя, или внутреннія, на трупѣ замѣчаются признаки наружныя или внутреннія. Къ первымъ принадлежатъ: искривленіе рта и глазъ на которую-нибудь сторону, пальцы рукъ сжатые въ кулакъ, отвороченные края раны, желтоватый цвѣтъ кожи и мягкость ея при давленіи. Если болѣзнь занимала внутреннія части, то на трупѣ незамѣтно ни одного изъ сказанныхъ признаковъ, исключая желтоватый цвѣтъ и мягкость кожи. При жизни, если бо-

лѣзнь занимаетъ наружныя части, больной чувствуетъ ознобъ и гдѣ, зубы имѣютъ сжатые, изо рта вылетаетъ слюна, губы раны размякнуты, а при страданіи внутреннѣйшихъ частей въ тѣлѣ чувствуется холодъ, ротъ окрывается съ трудомъ, рѣчь бываетъ неясная, губы раны не расходятся между собою.

Китайцы причиною апоплексіи принимаютъ внѣшній, вредно-дѣйствительный возлужъ, вошедшій въ тѣло и разрушившій нормальное состояніе крови и воздуха, ихъ отношеніе другъ къ другу; въ-слѣдствіе чего кровь, движимая водителемъ своего (возлужъ способствуетъ движенію крови по сосудамъ), скопляется, оставаясь вверху верхней части тѣла — въ груди, въ плечахъ, и производитъ разные припадки оканчивающіеся смертью, или тѣмъ параличомъ какой-нибудь части тѣла.

Во время драки, удары могутъ быть наносимы или рукою, или какою-нибудь орудіею. Раненія рукою, и не только въ рѣдкихъ случаяхъ соединяются съ нарушеніемъ цѣлости кожи и обоживаются чаще всего пятнами рваннаго цвѣта, зависающими отъ кристаллизиціи крови подъ кожу. Занесенія рукою (кулакомъ) чаще бываютъ на верхнихъ частяхъ — на лицѣ, на плечахъ, на груди, на верхней части спины, на верхнихъ частяхъ боковъ и т. д.; знаки же отъ пинга (вогва, иговою) чаще бываютъ: на животѣ, на ладоняхъ, на втородныхъ частяхъ (еще всего).

Орудіями при дракѣ могутъ быть: деревянная палка, расколотый бамбукъ, доска, полѣно, железная палка, обухъ топора, кирка, топоръ, черепица, подошва башмака, сталь, тонкая и т. п. Знаки ранъ отъ нихъ могутъ быть на различныхъ частяхъ тѣла. Если ударъ нанесенъ на-мѣреніемъ вѣрнѣе убить, то рана занимаетъ болѣе-важные части: голову, поясницу, втородности. При гвѣтѣ, какъ это чаще всего бываетъ въ дракѣ, удары наносатся разбора на развѣдѣ гвѣта.

Раны на трупѣ имѣютъ различный видъ, смотря по формѣ и веществу орудія, которыми произведены. Знаки отъ удара кулакомъ, ладонью, ногою бываютъ по-большой-части кругловатыя, и продолговатыя, и сохраняютъ на себѣ весьма-долго слѣды пальцевъ, особенно на частяхъ мягкихъ, на-примѣръ, на щекѣ при ударѣ ладонью. Раны отъ какихъ-нибудь орудій могутъ быть: продолговатыя, круглыя, квадратныя и т. д., могутъ разрывать кожу болѣе или менѣе, проникать до костей и, наконецъ, соединяться съ переломамъ кости. Въ ранахъ длинныхъ, съ явнымъ нарушеніемъ цѣлости части, глубокихъ, по-большой-части можно предполагать ударъ деревянными удьями, а при ранахъ угловатыхъ, изогнутыхъ, ударъ кирпичомъ, черепомъ. Если рана будетъ квадратная, ровная, сопряженная съ изгибленіемъ ости, переломомъ кости, имѣть червато-красный, или черный цвѣтъ, это показываетъ жестокость ея и вѣстѣ съ тѣмъ мощную силу удара таллическимъ орудіемъ.

При освидѣтельствованіи трупа всегда должно стараться узнать отъ преступника, если онъ находится при дѣствіи, или отъ свидѣтелей, о самомъ орудіи, которымъ нанесены раны, и если можно, достать это орудіе и сравнить его съ ранами. Это по-большой-части не легко бываетъ выполнить, потому-что виновные, стараясь скрыть орудіе, бросаютъ его далеко отъ места преступленія. Не смотря, однако, на это, не должно оставлять попытку убѣдить, принудить преступника представить употребленное орудіе, или показать мѣсто, куда оно брошено. Часто сметливость, хитрость производящаго слѣдствіе, по своему наружному виду раны можетъ быть приблизительное, а иногда и совершенно-вѣрное понятіе о самомъ орудіи, когда нѣсколько словъ, съ увѣренностію высказанныхъ, могутъ привести преступника къ сознанію и сбить его съ думанныхъ отговорокъ, такъ-что онъ найдетъ что говорить въ свое оправ-

даніе, представить или наизменуешь орудіе и тѣмъ пояснить все дѣло. При составленіи протокола нужна полнота его и подробность, а потому, кромѣ явственныхъ показаній, необходимо представленіе самаго орудія. Равнымъ образомъ въ протоколѣ должны быть съ точностью описаны: форма, величина, глубина, цвѣтъ и т. д. ранъ, съ показаніемъ, какія онѣ занимаютъ мѣста: опасныя, или менѣе-опасныя для жизни. При описаніи раны болѣе жестокой противъ другихъ, надобно означать, на которой сторонѣ тѣла она находится: на правой, или на лѣвой; при томъ, который конецъ ея, или край претерпѣлъ, по-видимому, большую силу удара, чтобъ изъ этого можно было заключить, что виновный, во время совершенія преступленія, употреблялъ правую или лѣвую руку. Это иногда необходимо для улики, особенно, если преступникъ привыкъ лучше дѣйствовать лѣвою, нежели правою рукою (лѣвшая). Раны лѣвой половины тѣла означаютъ, что преступникъ дѣйствовалъ правою рукою, а раны правой стороны предполагаютъ ударъ лѣвою рукою; у дѣйствующихъ лѣвою рукою на оборотъ. Раны, находящіяся болѣе кзади (къ спишѣ), показываютъ, что при нанесеніи удара преступникъ стоялъ сзади. Раны, наносимыя правою рукою, бываютъ жесточе наносимыхъ лѣвою; у дѣвша на оборотъ. Часть раны, обращенная къ рукояткѣ орудія, принимаетъ большую силу удара, и бываетъ глубже противъ той части, на которую дѣйствовалъ конецъ орудія. Все это важно, если не отдѣльно само по себѣ, то въ совокупности съ другими признаками, и не должно быть оставляемо безъ вниманія при точномъ изслѣдованіи.

II. Знаки равенія отъ пинка и смерти, отъ того послѣдовавшая.

Знаки равенія отъ пинка имѣютъ нѣкоторыя особенности и изслѣдованіе ихъ производится по правиламъ,

нѣсколько отличныхъ отъ выше-изложенныхъ. Пинкомъ наносятся удары по-большой-части на дѣтородные органы, потому-что всякому злодѣю извѣстны чувствительность и опасность этихъ частей. Особенность изслѣдованія состоитъ въ томъ, что осмотръ обращается не только на дѣтородныя части, но и на другія отдаленныя, всегда выказывающія на себѣ нѣкоторыя особые признаки при раненіи первыхъ. Осмотръ отдаленныхъ частей необходимъ, особенно тогда, когда на дѣтородныхъ частяхъ не найдено никакихъ признаковъ; но и при явныхъ признакахъ, осмотръ извѣстныхъ отдаленныхъ мѣстъ не должно опускать безъ вниманія, для подтвержденія, что смерть зависѣла отъ поврежденія, нанесеннаго именно на дѣтородныя части. Есть много примѣровъ, подтверждающихъ необходимость осмотра отдаленныхъ мѣстъ при поврежденіи дѣтородныхъ частей. Отдаленныя части, претерпѣвающія явное измѣненіе при поврежденіи дѣтородныхъ органовъ, суть: десна и макушка головы. На нихъ выступаютъ красноватая, багровыя пятна, то въ срединѣ, то на правой, то на лѣвой сторонѣ ихъ, что зависитъ отъ разности занимаемаго поврежденіемъ мѣста на дѣтородныхъ частяхъ: при раненіи правой стороны ихъ, пятна выступаютъ на деснахъ лѣвой стороны (на обѣихъ челюстяхъ); при раненіяхъ же лѣвой стороны — на правой, а при раненіи срединны дѣтородныхъ частей у женщинъ и обонхъ яичекъ у мужчинъ — пятна выступаютъ на срединѣ челюстей. То же и на макушкѣ: краснота на самой верхушкѣ ея показываетъ раненіе дѣтородныхъ частей вообще, а на лѣвой — раненіе правой стороны и наоборотъ, какъ у мужчинъ, такъ и женщинъ. Иногда на деснахъ не замѣчается никакихъ признаковъ, не смотря на то, что дѣтородныя части были ранены, какъ это часто и случается въ зимнее, холодное время; но на макушкѣ всегда сохраняются красноватая пятна, а потому при освидѣтельствованіи, для избѣжанія

ошибокъ, надобно осматривать и десна, такъ и макушку.

Сочувственное отношеніе между дѣтородными частями, деснами и макушкою, объясняютъ тѣмъ, что сосудъ *жэ-мо* и сосудъ *ду-мо* (кровеносные сосуды), начавшись *in regione*, вѣтви первый чрезъ лобковыя кости перѣз по срединѣ бѣлой линіи живота и оканчивается надъ подбородкомъ, встаетъ отъ себя вѣтви къ нижней челюсти второй (*ду-мо*) надъ остистыми отростками позвоночника восходитъ вверхъ къ задней части шеи и посрединѣ ея восходитъ на голову, къ макушкѣ; оттуда, посрединѣ лба по хребту она спускается къ лобнымъ вершиямъ глыбы, заворачиваетъ здѣсь на внутреннюю поверхность губы и раздѣляется вѣтвями въ верхнихъ деснахъ. Не принимая, или, лучше, не повиня важнаго назначенія нервовъ въ организмѣ, и подозревая даже ихъ существованіе, или подозревая какъ-то туманъ, подвѣвъ подъ одно съ сухими жилами по бѣлой и витеобразной формѣ, называя черепной мозгъ и мозгъ спинной простокостнымъ мозгомъ, — китайскіе врачи всѣ важныя отравленія въ животной эканоміи приписываютъ трубочкамъ, содержащимъ въ себѣ водуху и кровь (кровеносные сосуды). При болѣзненномъ состояніи этихъ сосудовъ, при раненіи ихъ и т. д., части, въ которыхъ они раздѣляются, должны претерпѣвать извѣстнаго рода измѣненія. Такъ послѣ удаленія яичекъ, при холерѣ, предприняемомъ всегда не съ хирургическою цѣлію — удалить органы, какъ болѣзненный, а единственно для приготовления свиуховъ (при этомъ удаляется прочъ всё, словомъ — дѣлать человека чернымъ свиухомъ), когда мужчина перестаютъ расти волосы на подбородкѣ. Такъ у дѣвизъ, послѣ перваго большого отравленія, спадаетъ гортель, дѣлается грубѣе. По этой же самой причинѣ, послѣ смерти отъ удара вавесеннаго дѣтородныхъ частей, остаются пятна на деснахъ, или на макушкѣ.

Кромѣ макушки и десенъ, не должно ставить безъ осмотра и самыхъ дѣтородныхъ частей. На нихъ остаются: ли наліяніе крови, иногда припухлость, или открытыя раны; у мужчинъ погла яички приподнимаются кверху, акъ-бы уходять въ животъ. Въ такомъ случаѣ совѣтуютъ прикладывать на короткое время хлопчатую бумагу, напавшую теплымъ уксусомъ. Это поможетъ личкамъ опуститься внизъ, тогда можно будетъ узнать чрезъ ощупываніе: пѣлы ли они, или раздавлены, и п. Такой состояніе легко смѣшать съ грыжею, отъ которой человекъ безъ всякаго иногда наружнаго усилія можетъ помереть; но грыжа отличается тѣмъ, что въ мѣстѣ ея ощущается избытокъ воздуха при давленіи, чего нѣтъ въ припухлости личекъ отъ удара. (Грыжею Китайцы называютъ не выходеніе кишекъ, но выходеніе воздуха, составивъ такое поватіе изъ грчанія, которое часто слышно въ грыжевомъ мѣстѣ). У женщинъ можетъ быть иногда воткнуто инородное тѣло внутрь дѣтородныхъ частей, что открывається внутреннимъ изслѣдованіемъ.

При раненіи дѣтородныхъ частей случиться можетъ переломъ кости, находящейся надъ ними (*os pubis*), или переломъ костей въ другихъ мѣстахъ; равнымъ образомъ могутъ быть равныя раненія той или другой части тѣла. Поэтому осмотръ долженъ быть всегда полный, цѣлаго трупа, и всѣ находящіяся на немъ признаки должны быть свидѣтельствуемы подробно по общимъ правиламъ и описаны со всюю точностью.

II. Осмотръ ранъ, нанесенныхъ острыми орудіями.

Трупъ зарѣзаннаго человека шьетъ глаза и ротъ открыты, волосы всклооченны, пальцы нѣсколько-сжатые, на внутренней поверхности пальцевъ иногда бывають порѣзы, если человекъ хватался за ножъ убійцы. Раненное мѣсто опухло, губы раны отворочены,

а если рана проникаеть до внутреннихъ частей, то иногда и онѣ выходятъ наружу между губами раны. Кромѣ этого, очевидно, всегда есть кровь запекшаяся, или жидкая, иногда выходеніе кала.

Раненія острыми орудіями могутъ находиться на разныхъ частяхъ тѣла, исключая тѣ случаи, когда ударъ нанесенъ былъ съ расчетомъ, или когда человекъ самъ себя зарѣзалъ; въ первомъ случаѣ, раны зажимаютъ всегда опасныя для жизни мѣста, а во второмъ по-большой-части шею.

При изслѣдованіи зарѣзаннаго человека необходимо также знать, какии именно орудіемъ онъ зарѣзанъ. Чаще всего выбирается ножъ, вѣроятно потому-что его всегда и вездѣ скорѣе можно достать. Кромѣ ножа можетъ быть употреблена ротатина или другое что-нибудь иглообразное; въ такомъ случаѣ рана называется *уколомо*. На различіи величины и формы орудія основывается различіе ранъ: при орудіяхъ большаго размѣра и раны имѣютъ большую величину, слѣдовательно, и болѣе опасны, разумѣется, относительно мѣста, или занимаемаго, и раны малыя, нанесенныя небольшимъ орудіемъ, могутъ быть опасны, если онѣ занимають важное для жизни мѣсто.

Послѣ собранія всѣхъ нужныхъ свидѣній, послѣ осмотра мѣста, гдѣ найденъ трупъ, и окружающихъ предметовъ, послѣ разспроса свидѣтелей, самого убійцы, если онъ пойманъ и т. д., какъ это дѣлается при свидѣтельствovanіи каждаго трупа, должно стараться, какъ уже сказано, отыскать и самое орудіе и сравнить его съ ранами на трупѣ. Если орудіе будетъ брошено подлѣ трупа и есть свидѣтели, доказывающіе, что оно дѣйствительно то, которымъ убитъ человекъ, или если самъ убійца сознается въ томъ, то, сдѣлавъ очеркъ его на бумагѣ, заставить подписаться подлѣ или съ свидѣтелей, или даже самого злодѣя. Ту же предосторожность надобно соблюдать, если орудіе будетъ найдено въ другомъ мѣстѣ, по указанію убійцы

или другихъ людей. Оставшіеся слѣды крови на орудіи стараться сохранить, какъ лучшее доказательство при обвиненіи преступника. Не должно оставлять безъ осмотра платья, какъ на убійцѣ, такъ и на убитомъ: кровь на платьѣ злодѣя послужитъ къ подирѣпленію дуугихъ обвинительныхъ обстоятельствъ, а кровь на платьѣ убитаго, количествомъ своимъ и мѣстомъ, гдѣ она находится, можетъ показать мѣсто раненія и отчасти жестокость самой рапы. Вообще, прежде, нежели платье будетъ снято, надобно подробно осмотрѣть его на трупѣ, замѣтить вещество, изъ котораго оно сдѣлано, порядокъ, въ которомъ оно находится, а въ мѣстахъ, покрытыхъ кровью, должно смотрѣть: нѣтъ ли отверстій, прорѣзовъ, а когда они будутъ, то замѣтить ихъ величину, чтобъ съ нею можно было сравнить величину орудія и величину рапы. Окончивъ это, можно позволить снять платье съ трупа и приступить къ дальнѣйшему осмотру.

Раны на частяхъ мягкихъ, отъ орудія тяжелаго, длиннаго, бываютъ широкія и глубокія; на частяхъ, прилежащихъ къ костямъ, онѣ поверхностнѣе и нерѣдко бываютъ соединены съ переломомъ, или проломомъ кости. Раны на частяхъ мягкихъ отъ остраго орудія имѣютъ одинакую глубину по всему своему протяженію, такъ что трудно отличить, на которой части рапы орудіе прижималось сильнѣе. Это зависитъ отъ того, что острое орудіе рѣжетъ одинаково по всей длинѣ своей, хотя близъ рукоятки оно прижимается сильнѣе. При ранахъ брюшныхъ, проникающихъ въ брюшную полость, часто выпадаютъ кишки, желудокъ, и если при этомъ были ранены и эти части, то вытекаетъ наружу калъ, или остатокъ пищи. Осматривая выпавшія наружу кишки, можно находить на нихъ прорѣзы въ нѣсколькихъ мѣстахъ, какъ будто раненіе было нанесено въ нѣсколько приѣмовъ. Это зависитъ отъ формы положенія кишокъ въ животѣ: свернувшись въ нѣсколько оборотовъ, онѣ, при первомъ проника-

ніи орудія въ брюшную полость, выпадаютъ подъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ. При раненіяхъ на шеѣ, особенно, если эта часть тѣла заранѣе была набрана для удара, по-большой-части бываетъ перерѣзано горло, или боковыя части шеи; въ первомъ случаѣ, крови изливается немного, а во второмъ — въ большомъ количествѣ. Горло можетъ быть перерѣзано или выше кадыка (rostrum adamæ), или ниже его, имѣть на себѣ, кромѣ того, отъ сжатія рукою, опухоль, и т. д. Часть шеи бываетъ равна сзади, при чемъ бываютъ переломы кости; а иногда рана такъ глубока, что почти отдѣляетъ голову отъ туловища, и бываютъ случаи, что она совершенно отрублена. Кромѣ головы, и другія части, какъ-то руки, ноги, могутъ быть отдѣлены отъ туловища и находиться или vicino его, или въ некоторомъ разстояніи. Въ этомъ случаѣ, надобно измѣрять пространство, на которое отрубленныя части отстоятъ отъ трупа, осмотрѣть эти части: покрыты ли онѣ кровью и въ какомъ количествѣ, приложить къ трупу и замѣчать, приходится ли онѣ на свои мѣста, или нѣтъ. Это необходимо для того, чтобъ узнать, были ли части отдѣлены отъ туловища у живаго человѣка, или у трупа, какъ нерѣдко бываетъ, если хотя бы человѣкъ, умершаго какою-нибудь смертію, представить за зарубленнаго.

Раны орудіями колющими, иглообразными, бываютъ не широки, но сравнительно глубже ранъ орудій рѣзающихъ; притомъ такіа рапы имѣютъ иногда по два отверстія — одно, въ которое вошло орудіе, другое, гдѣ вышелъ конецъ его. Первое бываетъ круглое, если орудіе было кругло, и угловатое, если орудіе имѣло эту же форму, и т. д.; второе также можетъ быть или круглое, или угловатое. Большею же частію оно удерживаетъ круглый видъ; иногда его совсѣкъ не бываетъ, а только наліііііе крови на мѣстѣ его, если конецъ орудія не проникъ наружу. Раны колющими орудіями бываютъ соединены съ налііііі-

нѣт крови, иногда съ изліаніемъ мочи, мала, при раненіи, на-примѣръ, кипокъ мочевого пузыря, съ переломомъ кости; въ нихъ остаются иногда отломки орудія и т. п.

При освидѣтельствованіи зарѣзаннаго трупа, необходимо имѣть на-умѣ, если можно, орудіе, которымъ убитъ человѣкъ: по слѣдамъ крови, остающимся иногда на немъ, можно будетъ судить о времени, когда было убійство. Случается, что на представленномъ орудіи не замѣтно никакихъ слѣдовъ крови. Это показываетъ, что орудіе было обмыто вскорѣ послѣ бійенія, или что оно совсѣмъ не то, которымъ дѣйствовалъ убійца, а изъ мысла переищено другимъ или самимъ виновникомъ, или посторонними людьми. Для избѣжанія ошибки и ложнаго заключенія въ такомъ случаѣ, должно испытать слѣдующее средство: акалить представленное орудіе надъ горячими углями и намочить потомъ орощимъ (кряпикимъ) уксусомъ. Если этимъ орудіемъ былъ убитъ человѣкъ, то на немъ окажутся слѣды крови; въ противномъ случаѣ—оно останется чистымъ, какимъ было и до накаленія. Иногда на орудіи бываетъ ржавчина, особенно если оно лежало долгое время на открытомъ воздухѣ и въ сырости; въ такомъ случаѣ трудно определить, покрыто ли орудіе ржавчиною, или это есть спекшаяся кровь, и находится ли подъ ржавчиною кровь, или нѣтъ. Известно, что ржавчина желтѣлымъ цвѣтомъ своимъ походитъ на запекущуюся кровь. Пользуясь такимъ способомъ, могутъ найдтись люди, которые обыкновенную ржавчину будутъ изывать человеческою кровью, или имъ преступникъ будетъ доказывать, что на орудіи не кровь, а ржавчина, чтобъ выйти изъ затрудненія и не впасть въ обманъ, совѣтуютъ въ этомъ случаѣ прибѣгнуть къ слѣдующему способу, много разъ испытанному: положить на орудіе теплымъ воздухомъ. Щущаемый запахъ крови при этомъ доказываетъ, что орудіе покрыто не ржав-

чиною, а кровью, или что со ржавчиною вмѣстѣ на немъ есть и кровь.

Умерщвленіе самого-себя острыми орудіями называется самозарѣзаніемъ. Признаки, отличающіе самозарѣзанныхъ, суть слѣдующіе: желтый цвѣтъ трупа, пальцы рукъ болѣе или менѣе сжатые; иногда въ рукахъ находится то орудіе, которымъ умертвилъ себя человѣкъ, волосы и платье въ порядкѣ, глаза и ротъ закрыты, подвижность той руки, которою дѣйствовалъ самоубійца, при одеревенѣлости прочихъ частей тѣла. Всѣ эти признаки, исключая желтоватый цвѣтъ и подвижность той или другой руки, непостоянны, а могутъ намѣняться, смотря по состоянію духа, въ которомъ убиваетъ себя человѣкъ, и даже—по причинѣ, побудившей его къ тому.

Обстоятельства, побуждающія людей къ самоубійству, многоразличны. Часто причиною его бываетъ гнѣвъ, ненависть; тогда трупъ имѣетъ зубы сжатые, глаза полуоткрытые и устремленные къверху. У самоубійцы отъ скуки—глаза бываютъ нѣсколько сжаты, ротъ полуоткрытъ, зубы нестигнуты. Это зависитъ отъ-того, что такіе люди при жизни имѣютъ несвободное дыханіе, часто держать ротъ открытымъ, въ какомъ положеніи онъ остался у нихъ и послѣ смерти. Если человѣкъ зарѣзался изъ опасенія наказанія, то трупъ его имѣетъ ротъ и глаза совершенно-закрытые, лицо спокойное, потому-что такой человѣкъ надѣялся найдти въ смерти лучшее, какъ-бы приготовлялся къ ней, желалъ ее и умираетъ безъ страданія.

Раны на трупахъ людей самозарѣзавшихся бываютъ различны. Онѣ и здѣсь зависятъ отъ орудія—его величины, формы и т. д. Орудіемъ чаще всего набирается ножъ. Раны отъ малаго ножа бываютъ величиною въ 1, 1½ и 2 вершка, а отъ большаго въ 3, 4 и болѣе вершка. Всѣ зарѣзанныя раны бываютъ соединены съ изліаніемъ крови, а иногда и съ изліаніемъ жидкостей, содержащихся внутри, при раненіи, на-примѣръ, вну-

тревностей. Раны на частяхъ мягкихъ всегда при началѣ своемъ (откуда начался порѣзъ) бываютъ глубже, жесточе, а при концѣ — поверхностѣе. Это зависитъ отъ-того, что человекъ сначала сильнѣе прижимаетъ ножъ, а послѣ — отъ боли, испуга, безсилія — гораздо-слабѣе. На трупѣ самоубійцы никогда не можетъ быть болѣе двухъ, или, много, трехъ ранъ; чаще — одна, и притомъ онѣ никогда не могутъ быть соединены съ переломомъ кости.

Мѣстомъ порѣза избирается чаще всего шея, передняя часть (дыхательное горло), или боковыя ея части. Въ первомъ случаѣ не бываетъ большаго кровотеченія, и рана не такъ ужасна на видѣ, — человекъ умираетъ отъ прекращенія дыханія. Во второмъ, при обильномъ кровотеченіи, слѣды котораго остаются на платѣ, или на землѣ, рана по-большой-части бываетъ длиннѣе и шире, потому-что, занимая мягкія части, она припухаетъ, расширяется. Человекъ умираетъ въ этомъ случаѣ отъ кровотеченія. При перерѣзаніи передней части шеи (дыхательнаго горла), если рана не такъ глубока, что горло остается цѣлымъ на задней части и самоубійцу встали еще живымъ, есть возможность спасти его. Въ медицинскихъ книгахъ предложенъ для этого способъ, состоящій въ сшиваніи горла нитками и приложеніи сверху трута (приготавлиаемаго изъ листьевъ полыни) и лекарствъ, уменьшающихъ боль.

Въ изслѣдованіи ранъ на трупахъ самоубійцъ, важно различіе, которую рукою нанесены онѣ — правою или лѣвою: отъ этого зависитъ различіе и въ самомъ мѣстѣ, занимаемомъ раною, и въ жестокости раны, что из-особенности относится къ шеѣ, которую, какъ замѣчено, чаще всего человекъ перерѣзываетъ при самоубійствѣ. Если будетъ употреблена правая рука, то рана начинается отъ лѣваго уха, или нѣсколько-ниже, и впереди его, и простирается по боковой части шеи до горла, которое можетъ быть или перерѣзано, или оставаться цѣлымъ. Рана лѣ-

вою рукою будетъ начинаться на правой сторонѣ шеи, ниже уха. При перерѣзаніи горла правою рукою, рана будетъ начинаться на лѣвой сторонѣ ея, оставляя правую часть свободною, или едва-надрѣзанною; рана же лѣвою рукою будетъ имѣть направленіе, противное этому. Въ отношеніи жестокости ранъ и смертельности ихъ, раны лѣвою рукою смертельнѣе ранъ, нанесенныхъ правою, такъ-что изъ ста человекъ, перерѣзавшихъ себя горло лѣвою рукою и найденныхъ еще живыми, чрезъ сошвеніе раны можно было спасти только, одного тогда-когда отъ ранъ правою рукою — изъ десяти можетъ остаться живымъ одинъ. Въ медицинскихъ книгахъ замѣчаютъ, что и при ранахъ правою рукою, если будетъ поврежденъ кадыкъ (prosum adam), спасеніе сомнительно и едва-возможно. Жестокость ранъ лѣвою рукою противъ ранъ правою рукою зависитъ отъ того, что правая рука, употребляемая человекомъ при всѣхъ дѣлствіяхъ, проворнѣе, чувствительнѣе лѣвой и при испугѣ человекъ, отъ боли, содроганія тѣла, дѣйствуетъ слабѣе, или совершенно останавливается, тогда какъ лѣвая рука, менѣе подвижная, и при сильной боли долѣе-нажимаетъ орудіе съ одинакою силою. Вотъ причина, почему раны правою рукою при началѣ своемъ бываютъ глубже, нежели на концѣ, а раны лѣвою рукою — одинаковы по всей длинѣ своей. Это можно сказать касательно ранъ на трупахъ людей, привыкшихъ дѣлствовать правою рукою; но наоборотъ должно разумѣть о ранахъ на трупахъ людей, употреблявшихъ лѣвую руку (у лѣвшеи), у которыхъ раны лѣвою рукою будутъ таковы, какъ у перерѣзавшихъ правою. Изъ этого видно, какъ необходимо, при изслѣдованіи труповъ самоубійцъ, узнавать отъ родственниковъ, или тѣхъ, кто зналъ ихъ при жизни, какую рукою они дѣйствовали. Нужно ли прибавлять здѣсь, что точность изслѣдованія требуетъ также знанія того характера былъ самоубійца — худаго, буйнаго; сколько имѣлъ лѣтъ и

оду, какой родъ жизни велъ, въ какомъ состояніи духа находился предъ самоубійствомъ, какія обстоятельства его жизни предшествовали этому и т. . Наконецъ, надобно узнать и самое время, если то будетъ можно, въ которое человекъ лишилъ себя жизни. Отъ ладѣтелей, если самоубійца привадежалъ кому, должно потребовать рѣшность на него и узнать, какъ потупали они съ нимъ при жизни.

Весьма часто случается, что на трупѣ человекъ, умершаго естественною смертію, или хотя и насильственною, но не отъ остраго орудія, по разнымъ причинамъ,—на-примѣръ, чтобъ обвинить другаго въ смертоубійствѣ, чтобъ жавать, что человекъ самъ себя зарѣзалъ, иногда, чтобъ доказать, что задушенный, задавленный человекъ есть зарѣзанный и т. д.,—дѣлаются новыя раненія, такъ-сказать, искусственныя, которые надобно умѣть отличить отъ ранъ настоящихъ, нанесенныхъ живому человеку. Здѣсь описываются признаки, отличающіе тѣ и другія раны. Ранамъ, нанесеннымъ человеку при жизни, свойственны: кровоточивость болѣе или менѣе сильная, припухлость, раскрытіе краевъ раны, неодинаковость цвѣта губъ раны, которые бываютъ или пестроваты, или желтоваты, какъ-бы покрыты студенистымъ, желтоватымъ веществомъ, особенно въ ранахъ, проникающихъ глубоко, до костей. Ни одного изъ этихъ признаковъ не замѣчается на ранахъ, сдѣланныхъ на трупѣ. Обыкновенно онѣ бываютъ сухи, или съ малымъ изліяніемъ крови, имѣютъ блѣдный цвѣтъ, не припухаютъ, не растягиваются въ стороны, и отверстіе ихъ представляется узкимъ; губы не бываютъ покрыты студенистымъ, желтоватымъ веществомъ. Если въ эти раны будетъ съ умысломъ вложено орудіе, или часть его, то оно лежитъ въ нихъ свободно и легко извлекается, тогда-какъ въ ранахъ, нанесенныхъ живому, оно сидитъ крѣпче и нелегко можетъ быть вытаскано. При отсѣченіи какой-либо части тѣла у живаго человека,

поверхность раны бываетъ неровная, мясо и кожа на ней отворачиваются кнаружи, приподнимаются; оставшіеся кусокъ кости входитъ внутрь и иногда совершенно закрывается мясомъ. Кроме того, бываютъ и вышеописанные признаки: вытекшая кровь въ значительномъ количествѣ, выпотѣніе студенистой влаги и др. При отсѣченіи же члена у трупа, поверхность раны бываетъ ровная, кожа и мясо не отворачиваются, кость выдается наружу, крови почти незамѣтно, равно какъ и выпотѣвшей студенистой влаги. На-примѣръ: при отнятіи головы у живаго человека, отъ вхожденія костей шеи внутрь и завороченія мяса и кожи кнаружи, ключицы и плеча поднимаются нѣсколько кверху, чего не бываетъ съ ними, если голова будетъ отсѣчена у трупа: онѣ остаются на обыкновенной своей высотѣ, и на равнѣ незамѣтно признакомъ, свойственныхъ ранамъ, нанесеннымъ при жизни.

При исчисленіи разныхъ случаевъ, въ которыхъ, безъ знанія вышеописанныхъ признаковъ, могли бы встрѣтиться затрудненія въ различіи истинныхъ ранъ отъ искусственныхъ и произойти неправильныя заключенія, чаще всѣхъ выставляется тотъ, въ которомъ нужно бываетъ опредѣлить: дѣйствительно ли представленныя мужемъ на судъ головы жены и любовника ея отрублены за нарушеніе супружескаго права, или они были убиты имъ въ разное время, разными способами и по разнымъ причинамъ, на-примѣръ: изъ ненависти, за карточною игрою; когда знакомый былъ у него въ домѣ, онъ зарѣзалъ его; или изъ одной ревности, въ гнѣвѣ—задушилъ жену свою и послѣ уже, болѣе казни за смертоубійство и зная положеніе законовъ—прощать мужа, если онъ убьетъ жену свою и соблазнила ея за невѣрность,—принесъ въ жертву или другаго. Кроме сказанныхъ способовъ различать равнаго рода раненія, предлагается особое средство собственно для узнанія, точно ли убійство сдѣлано мужемъ во время

преступленія жены. Оно весьма-любопытно по своей странности и стоит того, чтобъ здѣсь сказать о немъ. Надобно взять кадку порладочной вѣстимости и наполнить ее водою; воду палкою привести въ круговое движеніе и въ это время опустить въ нее насѣдующія головы. Если онѣ приближаются одна къ другой носами, то это рѣшится все дѣло, а мужъ съ тѣломъ добродѣтельнаго остается въ живыхъ, прославляя справедливость тысячелѣтнихъ законовъ и ихъ ребяческіе способности открывать истину!

Человѣкъ, убитый дружины, можетъ быть иногда выдаваемъ за самоубійцу, для чего на шеѣ его дѣлаютъ искусственныя раны. Отличіе подлога въ этомъ случаѣ будетъ состоять въ отсутствіи тѣхъ признаковъ, которые свойственны трупамъ самоубійцы, т. е. на немъ будетъ не одна, какъ у большей части самоубійцы, а нѣсколько ранъ, и притомъ, не на одной шеѣ, а и на другихъ частяхъ тѣла, зависящихъ отъ сопротивленія человѣка его врагамъ; волосы и одежда у него будутъ въ беспорядкѣ, руки одеревнѣлы, какъ и прочія части тѣла, тогда-какъ у настоящихъ самоубійцъ та рука, которою дѣйствуютъ, остается мягкой и подвижною и достаетъ до того мѣста, на которомъ находится рана. Случается, что и у труповъ людей, убитыхъ дружины, та или другая рука сохраняется въ некоторую подвижность, но никогда не можетъ достать до раненаго мѣста.

IV. Признаки, которыми отличаются трупъ удушенника.

Какъ въ другихъ видахъ насильственной смерти, такъ и въ удушеніи, человѣкъ можетъ или самъ погнѣбиться, или быть удушенъ дружины; но въ послѣднемъ случаѣ рѣже бываетъ удушеніе живого человѣка, а чаще въпасть жертвою, чтобъ скрыть какой-нибудь другой видъ убійства подъ самоудушеніемъ. Общіе признаки людей, удушенныхъ при жизни, состав-

ляютъ: открытые глаза, безгосеши, почернѣвшія губы, открытый ротъ, сжатые зубы и ущемленный щелюпни языкъ, или разжатые зубы и свободно-высунутый языкъ изо рта. Это зависитъ отъ разности наложенъ веревки: если она будетъ сжимать ниже кадыка, то зубы бываютъ разжаты и языкъ свободно виситъ изо рта; при сжатіи же горла выше кадыка бываетъ наоборотъ. Къ признакамъ удушенныхъ принадлежатъ также: мученіе слюны изо рта, прижатіе пальцевъ обѣихъ рукъ къ ладонямъ, выпяченныя пальцы, обращенныя къверху, и на на ногахъ, какъ-бы отъ обожженія, опущеніе внутренностей животнаго, чернота кожи на бровяхъ, испраженіе мочи вѣ каля; иногда вытеченіе слюны матеріи изъ дѣтороднаго канала, нѣсколькихъ капель крови изъ трахеи кишкы; а иногда выпаденіе ея; выпаденіе на шеѣ отъ веревки; сама веревка, если она не снята съ шеи, и т. д.

Какъ-скоро дѣлается извѣстно, что въ такомъ-то мѣстѣ найденъ удушенный человѣкъ, то прежде, чѣмъ нужно отправитъ на слѣдствіе, должно узнать отъ доносителя, —будетъ ли онъ полицейскій служитель, или частный человѣкъ, владѣлецъ мѣста, гдѣ находится удушенный и т. д. —Слышалъ ли онъ отъ кого объ удушеніи или самъ увидѣлъ его; гдѣ то удушеніе принадлежитъ ему; на какомъ мѣстѣ содѣланъ человѣкъ; въ какой веревку; куда обращены лица; что на немъ платье, и проч. По полученіи слѣдствіе, все это должно перечислять на самомъ дѣлѣ, и прежде, чѣмъ вѣнчанъ будетъ свѣтъ (разуменъ ли въ немъ нѣтъ признаковъ, чтобъ отыскать родствениковъ его, дѣлать, хозяевъ, у которыхъ онъ узналъ отъ нихъ, давно ли онъ умеръ, скоро ли узнали объ удушеніи, сколько ему дѣтъ, какою онъ живъ до удушенія и т. д., а также должно обратить вниманіе на то, гдѣ находится удушенный, въ какомъ жилищѣ его предметы; въ какомъ положеніи —отъ земли до мѣста удушенія.

нїя веревки, отъ земли до ногъ и отъ плечъ до прикрѣпленїя веревки; есть ли какія вещи у ногъ удушенника, на которыя бы онъ могъ вставать въ то время, какъ клалъ шею въ петлю; имѣлъ ли онъ на себѣ слѣды ногъ, особенно въ грязное время, и слышитъ ихъ съ узвѣю на удушенномъ; осмотрѣть мую веревку: толстая ли она или тонкая, круглая или плоская; изъ чего свита, и попробовать, туго или слабо натянута; постучать по ней палочкою и слушать звукъ, отъ того различающійся. Болѣе-звонкій, особенно на звукъ, покажетъ, что человекъ явился самъ, а при звукѣ другого звука, что привыкшій легко отличить, можно полагать повѣшавше другимъ. Имѣть, къ чему привязана веревка какъ: узломъ, или петлею; будетъ ли матица комнаты, сукъ дерева и т. д. въ первомъ случаѣ, не лишне осмотрѣть пыль на матицѣ: разбросана ли она въ стороны, или не имѣетъ на себѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ того мѣста, гдѣ переходитъ веревка. Этотъ признакъ, хотя повидному, и маловажный, иногда можетъ пояснить весьма многое. Человекъ, имѣя намѣреніе удавиться, бываетъ неспокоенъ, спѣшитъ, отъ того, когда привязываетъ веревку къ матицѣ, стираетъ съ нея всю пыль, — чего не бываетъ, если другой, не самъ удушенный перебросилъ веревку чрезъ матицу. Разумѣется, это всегда можетъ такъ быть, и брать инъ такой признакъ за доказательство, что человекъ былъ удушенъ другимъ, никогда не должно. Наконецъ, слѣдуетъ осмотрѣть, какъ затянута веревка на шеѣ: узломъ или петлею, сколько разъ обходитъ ее и какъ наложена: ближе ли къ ушамъ, или болѣе къ срединѣ затылка. Почти никогда, особенно при самоудавленїи, веревка не переходитъ чрезъ щеки и лежитъ такъ, чтобы прижимала боковыя части шеи. Въ такомъ положенїи ее — трудно удавиться.

Кончивъ этотъ предварительный осмотръ, удушенника должно снять съ земли и для дальнѣйшаго свидѣтель-

ствованїя перенести въ мѣсто болѣе удобное, если будетъ нужно. Знаки отъ веревки на трупахъ тучныхъ бываютъ глубже, у сухощавыхъ — поверхностнѣе, равно какъ и отъ веревки тонкой, крѣпко-свитой; но отъ веревки мягкой, плоской, отъ холста, или другой мягкой вещи, они бываютъ широкіе. Если веревка была наложена петлею, а не обернута кругомъ шеи нѣсколько разъ, то знакъ, послѣ нея остающійся, имѣетъ направленіе отъ средней и передней части шеи къ затылку, позади обоехъ ушей, гдѣ онъ расходится такъ, что знакъ, идущій по правой сторонѣ, не соединяется съ знакомъ лѣвой стороны, отъ чего образуются на затылкѣ двѣ линїи, представляющія букву «па» (восемь), у которой черты несомкнуты вверху. Это постоянный и вѣрный признакъ удушенїя. Отсутствие его возможно только тогда, если послѣ наложенїя петлею веревка еще будетъ обернута около шеи нѣсколько разъ, но и въ такомъ случаѣ, при внимательномъ осмотрѣ, можно иногда замѣтить, кромѣ прямого знака, огибающаго шею кругомъ, который и будетъ явственнѣе, другой знакъ — едва видный, идущій позади ушей къ затылку и описывающій сказанную букву числа восемь (па). Направленіе веревки позади ушей къ затылку зависитъ отъ того, что человекъ, надѣвъ на шею петлю, никогда не можетъ затянуть ее крѣпко, отъ чего веревка, будучи натянута тяжестью тѣла, поднимается вверху и оставляетъ заднюю часть шеи и даже нѣсколько боковыя ея части свободными (неприжатыми), проходя позади ушей до бугорка затылочной кости, гдѣ и оканчивается ея узелъ. Петля или узелъ неплотно прилегаетъ къ кости затылка, а потому и не оставляетъ на ней никакого знака, который прекращается еще тамъ, гдѣ концы веревки отъ бугорковъ позади ушей (*processus mastoideus ossis temporis*) направляются нѣсколько къ срединѣ и вверху къ своему узлу на затылкѣ. Вотъ почему знакъ на шеѣ отъ веревки имѣетъ

очертаніе похожее на букву числа восемь (па), съ несодвиженными чертами вверху.

Кромѣ сказаннаго направленія, знакъ, оставшійся послѣ веревки, отличается пятнами отъ излившейся крови, вдавленіями, соотвѣствующими извивамъ веревки. Изліяніе крови бываетъ значительнѣе на передней части шеи, на самомъ горлѣ, которое должно быть болѣе или менѣе сжато; а вдавленіе на немъ глубже, сравнительно съ другими мѣстами шеи. На боковыхъ частяхъ шеи и позади ушей, какъ изліяніе крови, такъ и вдавленія бываютъ менѣе. Это зависитъ отъ того, что тяжесть тѣла болѣе упирается на переднюю часть шеи, а менѣе на боковыя ея части. Изліяніе крови можетъ быть и на другихъ частяхъ тѣла удавленнаго, особенно на животѣ, на ногахъ, гдѣ оно представляется въ видѣ неограниченныхъ пятенъ и зависитъ отъ того, что кровь, прекращая свое теченіе при удавленіи, не можетъ скоро возвратиться внутрь тѣла, а разливается по разнымъ мѣстамъ его, подъ кожею. Пятна эти отличаются отъ пятенъ, происходящихъ отъ побоевъ, принятія яда и т. п., также могущихъ находиться на удавленномъ, тѣмъ, что они поверхностны, ровны, сливаются незамѣтно съ цвѣтомъ кожи и мягки на ощупь. Здѣсь надобно замѣтить, что у судощавыхъ, пожилыхъ людей, страдавшихъ болѣзною, иногда не бываетъ такого рода пятенъ, но на этомъ одномъ нельзя основывать доказательства того, что человекъ не самъ удавился, или что онъ повѣшенъ послѣ смерти, особенно, если большая часть изъ вышеописанныхъ признаковъ найдена на трупѣ.

Причинами самоудавленія могутъ быть тѣ же обстоятельства, какъ и при самозарѣзаніи; но замѣчено, что удавленіе бываетъ чаще въ слѣдствіе драки, излишней любви къ умершему родственнику, или другому лицу, ненависти, нерѣдко отъ сумасшествія.

Отъ разной высоты мѣста прикрѣп-

ленія веревки измѣняется и сжато-положеніе удавленнаго: если веревка будетъ привязана къ матицѣ потолка и комнатѣ, или къ суку дерева, отстоящихъ отъ земли на высоту большаго роста человѣческаго и притомъ, если конецъ веревки между головою и шеею прикрѣпленія ея будетъ и слишкомъ - долгою, такъ-что ноги и могутъ достать до земли, то трупъ будетъ висѣть, въ такомъ случаѣ, при высоте же менѣе, или при болѣе длинѣ веревки, которая можетъ иногда вытянуться изъ шеею тѣла, удавленникъ доставитъ земли ногами, или когтями и скрѣпится на ту или другую сторону. Въ послѣднемъ случаѣ, и знаки отъ веревки на шеѣ измѣняютъ свое направленіе: пойдутъ или почти поперекъ черезъ затылокъ, или впередъ ушей и д., смотря по положенію трупа; во всякомъ случаѣ образуютъ собою знакъ, что похожее на букву па (восемь).

Нерѣдко, по необходимости, при удавленіи выбирается низкое мѣсто на-примѣръ, трюмъ корабля, куда идетъ самоубійца, чтобъ его не увидѣла оконница тюремной комнаты, гдѣ въ предосторожности матица дѣлается такъ, что не выдается наружу, и тѣло больнаго человека, впродолженіе, въ такомъ положеніи трупа бы удавиться; но не малое число мѣтровъ доказало возможность въ немъ образовать лишьъ себя живыми обыкновенная рѣшимость чинаго желаніе умереть помогаютъ въ такомъ случаѣ. Надобно, впрочемъ, всегда осторожна и не называть живымъ всякій трупъ, у котораго на шеѣ найдена веревка. Въ такомъ случаѣ, низкое положеніе трупа показываетъ, что удавленіе произошло какое-нибудь обстоятельство, которое и надобно было бы закрыть.

Трупы людей, удавленныхъ въ такомъ положеніи, отличаются признаками, свойственными самоудавленнымъ, но въ особенности: беспокойное лицо съ

искошенными глазами, растрепанными волосы, руки подняты къверху и сто ухваченный за веревку, чернота знака отъ веревки на шеѣ, длинная длина веревки, или короткая, безпорядокъ въ платьѣ отъ согибленія и разные знаки раненій астахъ тѣла.

Знакъ этого понятны и тѣ признаки, которыми отличаются трупы люмповѣшенныхъ послѣ смерти, поимъ-нибудь причинамъ. У нихъ: не синѣетъ, глаза бываютъ открыты, языкъ не ущемляется между ними и не высовывается изъ рта; на ныхъ частяхъ тѣла можно замѣтить знія, непохожія на тѣ пятна, каковыя бываютъ отъ прекращенія теченія крови у удушенныхъ при жизни; большыя пальцы кисти ручной не прижаты къ ладонямъ; изъ дѣтороднадева и нива ничего не вытекаетъ; изъ на шеѣ отъ веревки не имѣетъ себѣ подтека крови. Знакъ отъ величина часто хотятъ поддѣлать искусственно, для чего проволать по тому ту шен, гдѣ должна лежать веревгорячимъ утюгомъ, что всякій отъ и человекъ сначала задушать векою, а послѣ повѣсятъ, то на шеѣ его трупа будутъ два знака: одинъ, звавшійся при задушеніи, огибающій шею кругомъ, съ явственнымъ вытеканіемъ крови; другой—отъ повѣшавшаго одинъ цифръ съ прочею трупомъ, или съ малымъ подтекомъ крови, если жизнь въ удушеніи не совсѣмъ прекратилась при повѣшеніи, и направленный позади ушей средній затылка, какъ при удушеніи живаго. У повѣшеннаго послѣ повѣшенія яда будутъ находиться признаки, показывающіе присутствіе яда въ тѣлѣ. Бывали случаи, что тѣ, въ которыхъ удавился человекъ, ядали удушенника съ веревки и перенесли въ другое мѣсто, гдѣ или повѣсили его просто на землѣ, или повѣшали, дѣлая все это безъ умысловъ, а единственно для того, чтобъ избавиться отъ непріятнаго запаха. — Отд. VIII.

го соседства съ трупомъ и разныхъ допросовъ, необходимыхъ при слѣдствіяхъ. Надобно быть весьма-осторожну въ подобномъ обстоятельствѣ и безъ собранія всѣхъ необходимыхъ слѣдствій не дѣлать заключенія по одному осмотру трупа, знаки на которомъ, такіе, или другіе, происшедшіе отъ повѣшанія при жизни, или послѣ смерти хотя и могутъ объяснить причину смерти, но одни сами-по-себѣ никогда не доведутъ до открытія всѣхъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ смерти и бывшихъ послѣ нея, что необходимо при полномъ и точномъ изслѣдованіи.

Случается, что родственники, или посторонніе снимутъ съ веревки удушеннаго, надѣясь разными средствами возвратитъ его къ жизни, и обратившіеся на слѣдствіе находятъ иногда, вмѣсто повѣшеннаго—живаго человека, или (что бываетъ чаще) трупъ, снятый съ веревки и перенесенный на другое мѣсто. Этимъ много затрудняется изслѣдованіе и извѣщаются болѣе или менѣе признаки на трупѣ. Произведя надлежащій допросъ, кѣмъ и когда снятъ удушенный, были ли замѣтны въ немъ признаки жизни: бѣшеніе пульса, дыханіе, и какія были употреблены средства къ оживленію его и т. д., должно осмотрѣть веревку, на которой висѣлъ удушенный, сравнить перегибы ея со вдавненіями на шеѣ и обратить вниманіе на лицо трупа и прочіе признаки, о которыхъ сказано выше. Здѣсь надобно еще замѣтить, что если человекъ висѣлъ непродолжительное время, то на трупѣ его тѣ изъ признаковъ, которые приняты за свойственные удушеннымъ, представляются нѣсколько-иначе: брюхо бываетъ раздуто равномерно на всемъ своемъ пространствѣ, языкъ рѣдко высунутъ изъ рта; не бываетъ выхожденія ни крови, ни испражнений.

Чтобъ доказать на трупѣ изгнившимъ, или на однихъ костяхъ причину смерти отъ удушенія, недостаточны, или бесполезны всѣ представлен-

ные выше признаки. Лучшимъ и послѣднимъ признакомъ въ такомъ случаѣ будетъ краснота на костяхъ макушки, происходящая отъ того, что кровь, по прекращеніи дыханія отъ сжатія горла, устремляется вверхъ къ макушкѣ головы и застаивается здѣсь, когда наступитъ смерть.

V. Признаки утопленника и способовъ исследования ихъ.

Человѣкъ можетъ утонуть въ рѣкѣ, въ озерѣ и т. д., или въ колодецѣ и притомъ произвольно—отъ гнѣва, ненависти, боязни и проч., или нечаянно, при переходѣ чрезъ мостъ, упавъ ночью въ колодезь; или его утопятъ другіе по какимъ-нибудь причинамъ. Сверхъ того, въ воду можетъ быть брошенъ трупъ удушеннаго, отравленнаго и т. д. для того, чтобъ скрыть преступленіе и причину смерти. Трупъ утонувшаго или утопленнаго нескоро всплываетъ на поверхность воды; но спустя нѣсколько времени, которое бываетъ коротче при началѣ весны, когда еще холодно, а продолжительнѣе—лѣтомъ, при концѣ весны и при началѣ осени. Всплывъ на воду, трупъ чаще всего бываетъ обращенъ переднею частью тѣла вверхъ, что зависитъ отъ раздутія живота воздухомъ, который, слѣвавшись отъ того легче, поднимаетъ трупъ на поверхность воды. Въ такомъ положеніи по теченію воды, отъ движенія вѣтра, если вода стоячая, трупъ переносится съ одного мѣста на другое и нерѣдко далеко отплываетъ оттуда, гдѣ утонулъ, или былъ утопленъ. Это обстоятельство надобно замѣтить и обратитъ на него особое вниманіе при изслѣдованіи, потому что часто то мѣсто, гдѣ замѣтили всплывшій трупъ, такъ мелко, что въ немъ человѣкъ утонуть не можетъ. По этому, прежде, нежели трупъ будетъ вытаскнъ изъ воды и начнется осмотръ его, должно узнать: постоянно ли онъ находился на этомъ мѣстѣ, или приплылъ сюда и притомъ—съ какой сто-

роны: съ сѣвера, юга и т. д. Въ это время первый разъ замѣтилъ и утромъ, вечеромъ, или среди дня, когда трупъ будетъ вытаскнъ либо изъ воды до прихода промывающаго слѣдствіе чиновника, то должно узнать, какъ глубоко мѣсто, гдѣ валялся трупъ. Если человѣкъ былъ таскнъ изъ воды вскорѣ послѣ того, какъ утонулъ, то можно узнать, если онъ живъ по вынутіи изъ воды, уже мертвъ, и какія были употреблены средства для оживленія его. Не вольствуясь показаніемъ того, кто таскивалъ трупъ, о глубинѣ мѣста должно послать при себѣ мѣръ его, осмотрѣть дно его—ровное ли или на немъ есть камни, торчащія чья, старыя сваи и т. д. Сверхъ того надобно узнать, кому принадлежало мѣсто, гдѣ утонулъ человѣкъ, или живеть противъ него. Черезъ это можно иногда узнать подошвы и нившій одинокъ въ водѣ, или съ другими, не дрались ли они между собою и т. д. Собравъ предварительныя вышеописанныя свѣдѣнія, можно приступитъ къ осмотру трупа. Въ трупахъ утопленниковъ замѣчаются слѣдующіе отличительныя признаки: ротъ и глаза закрыты (если не бываетъ наоборотъ), руки сжаты въ локъ, брюхо вздутое, слышится ударенія звукъ, подобный барабану, подошвы ногъ покрыты бѣлыми морщинами, волосистыя части въ носу и во рту; волосы въ нѣдрахъ, пазухахъ, въ волосистыхъ частяхъ, въ паху, въ подмышкахъ, въ подмышкахъ и въ паху. Эти признаки замѣчаются слѣдующихъ обстоятельствъ: если человѣкъ при унаженіи въ водѣ вдругъ перестаетъ дышать, а при выдыханіи вода входитъ въ ротъ, который отъ нея и раздувается; отъ того, что, упавъ въ воду и не успѣвъ стиснуть, человѣкъ хватается за подошвы ногъ въ сжатіи, въ подошвахъ находятъ: илъ, песокъ и проч.

Находясь въ водѣ, утопленникъ имеетъ слѣдующее положеніе: голова

ращенъ лицомъ внизъ, женщина — лицомъ вверхъ, нѣтъ и руки перевертыя ладонями вверху; но такое положеніе можетъ измѣниться, если чевѣкъ нѣтъ при себѣ тяжелыя вещи.

На трупѣ утопшаго, пролежавшаго долгое время въ водѣ, сказанные признаки нѣсколько измѣняются: кожа свѣтлѣетъ, въ нѣкихъ мѣстахъ поднимается пузырями, брюхо раздувается весьма высоко, губы отворачиваются. Но ли трупъ оставался подъ водою продолжительное время, то онъ измѣняется до того, что не походитъ на человеческій трупъ: волосы на немъ вылетаютъ, кожа при легкомъ прикосновеніи отстаетъ большими кусками, глаза вываливаются, губы распухаютъ до того, что сливаются подъ одну массу, а кожа соединяется съ туловищемъ въ-что шея при этомъ исчезаетъ. В такомъ трупѣ иногда невозможно различить никакихъ раненій, никакихъ признаковъ, но которыми бы отмыслось, что человекъ былъ брошенъ въ воду убитымъ, или утопленъ живымъ. Тѣмъ болѣе предостоятъ трудностей, если сгнили всѣ магнія части, остались однѣ кости. Часто изслѣдованіе костей по описанному выше способу ничего не открываетъ. Отъ живости еще осталось средство, въ которомъ можно прибѣгнуть въ такомъ случаѣ. Рѣчь идетъ опять о макушкѣ! надобно, говорятъ, осмотрѣть внимательно ноздрю на макушкѣ и если внутри ея найдется будеть ноздря, песокъ, грязь, вошедшія сюда вѣстѣ съ воздухомъ и водою черезъ ноздрю, при дыханіи, то можно полагать, что человекъ былъ утопленъ живымъ.

На трупѣ неизгнившемъ легче отыскать, было ли утопленіе при жизни, или уже послѣ смерти. Вообще, у брошенныхъ въ воду мертвыми не находятъ водянистой слюны въ носу и во рту, ноздря не раздувается, подъ ногтями нѣтъ грязи, грязи и проч., руки не сжаты въ кулакъ; кромѣ того могутъ быть на тѣлѣ и другіе признаки, от-

личающіе тотъ или другой видъ насильственной смерти.

У утопнувшихъ въ припадкѣ болѣзни, ротъ и глаза бываютъ открыты, пальцы рукъ немного сжаты; сверхъ того находятся признаки, общіе утопленникамъ при жизни, т. е. раздутость живота, слюна во рту и въ носу, и проч.

Утопнушіе въ колодезѣ имѣютъ на себѣ такіе же признаки, какъ и утопнушіе въ рѣкѣ; сверхъ-того на головѣ у нихъ часто бываютъ знаки ушиба, который получаетъ человекъ отъ ударенія въ стѣны колодезя, особенно, если труба его узка. Отъ узкости трубы, трупъ въ колодезѣ часто имѣетъ согбенное положеніе, или почти-прямое головою внизъ и наоборотъ. Если трупъ не всплылъ еще на поверхность воды, колодезь не слишкомъ-глубокъ и прошло нѣсколько дней послѣ утопленія, то на водѣ можно замѣтить плавающіе пузыри. Когда надобно будетъ вытаскивать трупъ изъ колодезя, то прежде, нежели спустится туда человекъ, должно узнать — не старшій ли, запущенный колодезь: въ такомъ случаѣ лучше придумать другое средство, какъ вытаскивать утопшаго, а не посылать за этимъ человека, потому-что изъ опытовъ известно, что въ колодезяхъ, оставшихся долгое время безъ употребленія, человекъ можетъ мгновенно задохнуться отъ испорченнаго воздуха. Осмотръ утопленниковъ въ колодезѣ дѣлается по тѣмъ же правиламъ и въ томъ же порядкѣ. И здѣсь также, кромѣ найденныхъ признаковъ на трупѣ, берется во вниманіе глубина воды въ колодезѣ, ширина верхняго отверстия его, слѣды человеческихъ ногъ, оставленныя вещи, слѣды крови и т. д., что иногда весьма-много можетъ помочь изслѣдованію. Надобно замѣтить, что утопленіе въ колодезѣ случается гораздо-чаще, нежели въ другихъ мѣстахъ, къ чему способствуетъ близость колодезей и большое число ихъ, такъ-что человекъ, при первомъ появленіи преступной мысли, скорѣе

можетъ выполнить ее, зная, что на улицѣ на каждомъ шагу есть колодезь, а тѣмъ болѣе, если онъ у него на дворѣ.

VI. Обожженіе и обвареніе, какъ причины насильственной смерти, и признаки ихъ на трупѣ.

Смерть отъ обожженія и обваренія рѣдко можетъ быть самопроизвольная; но гораздо чаще зависитъ отъ нечаянности, невозможности избѣгнуть огня, на-примѣръ, во время пожара,—или причиною ея могутъ быть другіе люди. Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе обгорѣвшаго трупа сопряжено съ большими затрудненіями, и опредѣленіе, что человѣкъ попалъ въ огонь живымъ, или мертвымъ, а тѣмъ болѣе что его бросили другіе, должно производиться съ осторожностью. Здѣсь болѣе надобно обращать вниманія на предшествовавшія обгорѣвію обстоятельства и на распрось тѣхъ, кто могъ быть при томъ, что скорѣе и точнѣе можетъ пояснить дѣло. Если трупъ не обгорѣлъ еще до того, что его нельзя тронуть, то на немъ могутъ быть найдены слѣдующіе признаки, по которымъ можно полагать, что человѣкъ попалъ въ огонь живымъ: скорченныя руки и ноги, вола во рту, которая попадаетъ при дыханіи и при частомъ открываніи рта въ жару; черныя, обожженные цвѣтъ кожи и мяса; желтый цвѣтъ костей, которые издають при бросаніи на землю особый звукъ. Ни одного изъ этихъ признаковъ не замѣчается на трупахъ брошенныхъ въ огонь мертвыхъ людей. Во рту у такихъ труповъ не бываетъ вола; руки и ноги скорчены только въ такомъ случаѣ, если огонь достигалъ до нихъ, и онѣ больше или меньше обожжены; кости не имѣютъ желтоватаго цвѣта и при паденіи на землю не издають особаго рода звука. Что руки и ноги могутъ корчиться у мертваго человѣка при обожженіи, это извѣстно изъ сожиганія людей, но смерти по обряду буд-

дистовъ. Случалось, говорить нѣкоторые, что мертвые приподнимались въ костре. Скорчиваніе рукъ и ногъ при обожженіи у мертвыхъ зависитъ отъ сухихъ жилъ, прикрѣпляющихся къ костямъ, которыя, укорачиваясь отъ дѣйствія огня, сгибають конечности.

На трупахъ людей, умершихъ какою-либо насильственной смертію и послѣ подвергнутыхъ дѣйствію огня, можно находить, кромя описанныхъ признаковъ, и другіе, свойственные тому или другому роду убійства. Если удушенный человѣкъ будетъ брошенъ въ огонь, то кожа и мясо на немъ сжигаются, на шеѣ будутъ знаки отъ удавленія. На мѣстѣ, гдѣ обгорѣлъ человѣкъ зарѣзанный, остаются слѣды крови, которые могутъ быть видны, если пепель и золу смеси съ этого мѣста и полить его водою съ уксуномъ.

На трупахъ стариковъ, или людей страдавшихъ продолжительное время какою-либо болѣзнію, послѣ обожженія выступаетъ желтоватая жидкость на тѣхъ мѣстахъ, которыя болѣе подвергались дѣйствію огня; руки бывають сжаты въ кулакъ, ноги пригнуты къ животу; спина согнута; ротъ и глаза открыты; зубы сжаты; иногда между ними бываетъ ущемлена какая-нибудь губа.

Обвареніе рѣдко выбирается для прекращенія жизни, какъ самоубійствомъ, такъ и убійцами; а чаще—оно бываетъ слѣдствіемъ неосторожности, на-примѣръ, если человѣкъ опрокидываетъ на себя сосудъ съ кипящею жидкостью, и т. п. Иногда обвариваніе трупа, человѣка, лишеннаго какою-нибудь другимъ образомъ жизни, чтобы скрыть преступленіе. Если будутъ обварены опасныя для жизни мѣста, на-примѣръ: голова, грудь, и т. п., то человѣкъ можетъ умереть во время самаго обваренія; при обвареніи же, въ обширномъ, менѣе опасномъ мѣстѣ, въ обширномъ, смерть послѣдуетъ спустя нѣсколько дней, въ какомъ случаѣ иногда бываетъ нужно произвести подробное изслѣдованіе. Признаки, свойственные обвареннымъ при живи-

пузыри на обваренныхъ нѣтъ, наполненные жидкостію, отъходя отъ мяса кожа, мясо бѣлаго цвѣта, во ногтяхъ нѣтъ разрушившееся, размявшее. На лицахъ людей обваренныхъ посмерти не бываетъ этихъ признаковъ, а вмѣсто ихъ можно находить іе. показывающіе тотъ или друидья смерти, смотря по тому, зала ли она отъ удавленія, зарѣзанія т. д. При обвареніи самого-сею нечаянности, страдаетъ чаще дняя часть тѣла; при обвареніи другихъ, также по нечаянности дняя, или боковыя части, рѣже дняя; но когда обвареніе будетъ шенное — по злобѣ, или другимъ иннамъ, то оно почти всегда займъ важныя части тѣла, при чемъ, ѣдкихъ случаяхъ, нельзя не нахо тѣтъ другихъ признаковъ, по вающихся, что человекъ защи ся отъ своихъ противниковъ.

VII. Отравленіе ядами.

природѣ, говоритъ книга Си-юу, нѣтъ ничего такого, что бы не ло къ пользѣ человека, равнымъ омъ нѣтъ и такого, что бы не о вредить ему. Все зависитъ отъ анія вещей, которыя въ одно вре въ извѣстныхъ случаяхъ ядови а въ другихъ, напротивъ, прино пользу. Такъ мышьякъ, сѣмена *pis tigii*, безусловно принадлежа къ ядамъ, излечиваютъ нѣкото болѣзни, съ какою цѣлію они и ребляются иногда врачами. Такъ шемъ, составляющій одно изъ цѣльныхъ лекарствъ, можетъ при я вредъ въ рукахъ незнающаго. слѣдованіе отравленныхъ распо тся по общимъ правиламъ. И ѣ также, прежде, нежели присту- будетъ къ осматриванію трупа, то собрать всѣ обстоятельства, шествовавшія отравленію: осмо ѣ нѣсто, на которомъ найденъ ѣ, окружающіе предметы; узнать

кому принадлежитъ отравленный, или чей онъ родственникъ, и т. д., въ какихъ отношеніяхъ находился къ тѣмъ, у кого жилъ, или кто зналъ его, потомъ — обратить вниманіе на платье отравленнаго: нѣтъ ли на немъ остатковъ принятаго яда, или слѣдовъ рвоты, которая иногда можетъ содержать въ себѣ извергнутый ядъ. За симъ должно снять съ отравленнаго платье и приступить къ осмотру признаковъ на тѣлѣ его.

Признаки, свойственные трупамъ отравленныхъ, не у всѣхъ и не всегда одинаковы и могутъ измѣняться отъ свойства яда, отъ его количества; но между ними есть нѣкоторые болѣе-общіе, замѣчаемые почти на каждомъ отравленномъ. Они суть: открытые глаза, открытый ротъ, багровое лицо, или черновато-зеленое, багровыя губы, чернота ногтей ножныхъ и ручныхъ пальцевъ, вытекшая кровь изо рта и носа, иногда рвота. Въ высшей степени отравленія — все тѣло припухаетъ и чернѣетъ, лицо принимаетъ зеленовато-черный цвѣтъ, губы выворачиваются и имѣютъ на себѣ пузырьки; языкъ или втянутъ внутрь, или вышелъ изо рта, покрытъ бороздками, а иногда прикушенъ зубами; десны припухаютъ и часто имѣютъ на себѣ язвы, трещины; концы пальцевъ совершенно чернѣютъ; горло припухаетъ; брюхо раздувается, чернѣетъ, иногда покрывается пузырьками; на разныхъ частяхъ тѣла выступаютъ черноватые пятна; глаза выстоятъ кнаружи; изо рта, носа и ушей вытекаетъ темно-красная кровь; нижее отверстие припухаетъ; иногда выдаются изъ него кровь, или выпадаетъ кашка; платье напередѣ бываетъ покрыто разными нечистотами, извергнутыми рвотою, иногда виѣстѣ съ кровью. Нѣкоторые замѣчали, что у принявшихъ ядъ натошакъ чернѣла на брюхѣ кожа, а на губахъ она оставалась неизмѣненною; равнымъ образомъ не чернѣли и ногти. У отравленныхъ же послѣ принятія пищи, чернѣли ногти и губы; а кожа на брюхѣ не измѣнилась.

Были случаи, что при отравленіи людей старыхъ, слабыхъ, или страдавшихъ какою-либо изнурительною болѣзнію, на тѣлѣ не находили нигдѣ черноты. Можетъ-быть, смерть зависѣла здѣсь отъ другой причины. Чернота во всякомъ случаѣ составляетъ одинъ изъ отличительныхъ и постоянныхъ признаковъ отравленія. Не только наружныя части, но и внутреннія, какъ кости, покрываются чернотой и не теряютъ ея, даже при продолжительномъ лежаніи. Между костями ядовитѣе другихъ сохраняютъ черноту: кость грудная, луночки зубовъ обѣихъ челюстей, концы первыхъ суставовъ ручныхъ и ножныхъ пальцевъ.

Распознаваніе отравленія по сказаннымъ признакамъ, не всегда постояннымъ и имѣющимъ нѣкоторое сходство съ признаками другихъ видовъ насильственной смерти, часто можетъ быть невѣрно, затруднительно; а потому, для большей точности его, предлагается особый способъ, основанный на свойствѣ серебра — чернѣть отъ прикосновенія къ ядамъ (всѣмъ вообще, по мнѣнію Китайцевъ), будетъ ли прикосновеніе къ яду въ существѣ, или въ раствору его: въ извергнутой рвотой массѣ, или въ другой жидкости, или, наконецъ, прикосновеніе ко внутренней поверхности рта, глотки, нижняго отверстія. Не имѣя никакого помысла о химіи и химическомъ дѣйствіи тѣхъ другъ на друга, Китайцы не въ состояніи выдумать ничего лучше этого очевидно-невѣрнаго, слабаго средства и, за невѣніемъ другаго, слѣдуютъ указаніямъ его съ твердымъ убѣжденіемъ, что основанные на нихъ выводы—вѣрны, непогрѣбительны. Серебро, назначаемое для испытанія, должно быть чистое, а слѣланная изъ него пластинка, или палочка—хорошо-полированная. Серебряники часто употребляютъ серебро дурныхъ качествъ; а потому приготовленную вещь должно пробовать сначала на оселкѣ, или лучше быть самому при ея прикосновеніи. Хранить эту вещь должно

въ особомъ ящикѣ, въ сухомъ мѣстѣ, употреблять единственно для отравленія ядомъ; а чтобы предупредить паденіе ея, должно класть на ней свѣтлую печать; предъ употребленіемъ — обмывать ее наваромъ стручковъ *gleditschiae chinensis*. Употребленіе состоитъ въ слѣдующемъ: пластинку, или палочку кладутъ въ ротъ или въ нижнее отверстіе, если отравленный имѣлъ предъ смертію косякъ, и, вынувъ чрезъ нѣсколько времени, обертываютъ осторожно, чтобы не стереть приставшей влаги, тонкою бумагою, и даютъ полежать. Если цвѣтъ серебра измѣнится въ черноту или зеленовато-черную, вѣнчающую отъ мытья и тренія вымытый стручковъ *gleditschiae chinensis*, значитъ, что человекъ умеръ отъ отравленія ядомъ. Серебро можетъ почернѣть также и отъ скопившейся испорченной слюны во рту, хотя человекъ не былъ отравленъ; но въ такомъ случаѣ чернота легко сходитъ при смываніи простою водою.

Вмѣсто серебра, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно употребить золото, или примѣръ, при отравленіи ртути желтый цвѣтъ переимѣнится въ бѣлый.

Нѣкоторыми въ помощь серебра предлагается еще другое средство, чтобы по дѣйствию двухъ веществъ можно было заключать о существованіи яда. Для этого надобно взять фунта ячменя и три фунта сарачинскаго ишена и сварить изъ нихъ кашу. Во время варенія, на кашу сыпятъ мѣшокъ, наполненный сарачинскимъ ишеномъ, не болѣе фунта. Сваривъ сколько времени, въ кашу сыпятъ болѣе мѣшокъ изъ одного куриваго ишеного ячменя и снова продолжаютъ варить. Когда надобно дѣлать испытаніе, кашу выкладываютъ на столѣ, беретса щепотъ сарачинскаго ишеного простуживаютъ до умеренной теплоты и вкладываютъ въ ротъ отравленнаго, или прикрывъ сверху хлопчатомъ платкомъ, вареною въ уксусѣ. Этою кашею

гѣла и обкладываются тѣ части гѣла, а которыхъ замѣтны черныя пятна. Если человекъ былъ отравленъ, то тѣло его припухаетъ, изо рта вытекаетъ резь хлопчатую бумагу черноватая, овючая матерія, внутренняя поверхность рта чернѣетъ, равно какъ и пожеженное въ ротъ пшено.

Другіе совѣтуютъ взять обыкновенной шаши и положить ее въ ротъ къ вслѣдуемому трупу часа на два; а отомъ накормить ею курицу. Если урица околѣетъ, то значитъ, что человекъ былъ отравленъ.

Для открытія яда въ трупахъ людей, мершихъ спустя долгое время послѣ гравелія, на которыхъ часто не бываетъ ни одного признака, свойственнаго отравленнымъ, хотя и есть ясныя оказательства бывшаго отравленія, потребляется также прикосновение серебромъ ко внутренней поверхности та, глотки и нижняго отверстія, съ которыми только различіемъ. Такъ какъ ядъ, принятый давно, долженъ аходиться въ брюхѣ, во внутренностяхъ, лежащихъ въ брюшной полости, то, чтобъ заставить его подняться въверху, къ глоткѣ, или къ низу, гдѣ блается испытаніе, и обнаружить присутствіе свое чернотою серебра, можно прикладывать на разныя части гѣла, особенно почернѣвшія, холстины, намоченныя теплою смѣсью дрожей и укуса, стараясь при этомъ дѣлать легкое треніе, при изслѣдованіи да во рту—снизу вверхъ, чтобъ ядовитый воздухъ поднялся къверху, а при изслѣдованіи въ нижнемъ отверстіи—сверху внизъ, чтобъ ядовитый воздухъ спустился къ низу; но не на бороть.

Отравленіе можетъ быть или самопроизвольное или насильственное, отъ зугихъ, и притомъ—отравленіе живого человека или простое вложеніе яда мертвому, чтобъ выдать его по имени-нибудь причиннамъ за отравленнаго. Отличіе отравленія произвольнаго отъ отравленія другими людьми, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можетъ быть затруднительно; иногда одинъ

только разспросъ, собраніе разныхъ свѣдѣній, могутъ навести на настоящую дорогу. Если насильственное отравленіе было извѣстно тому, кого хотятъ отравить, то, очевидно, онъ будетъ сопротивляться врагамъ своимъ, и на трупѣ его могутъ находиться какіе-нибудь знаки, на-примѣръ, отъ связыванія рукъ и ногъ веревкою, на деснахъ—отъ раскрытія рта чѣмъ-нибудь твердымъ, на щекахъ—отъ сжатія ихъ пальцами при открытіи рта; иногда могутъ быть вырваны волосы, и такъ-далѣе. Простое вложеніе яда въ ротъ мертвому отличается тѣмъ, что на трупѣ не будетъ ни одного признака, свойственнаго отравленнымъ, а вмѣсто ихъ могутъ быть другіе, показывающіе тотъ или другой видъ насильственной смерти.

Число ядовъ весьма-велико. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ царству растительному, другіе къ камнямъ (минераламъ). Есть особый родъ черней, отъ принатія которыхъ въ видѣ порошка или настойки человекъ можетъ умереть. Между птицами есть такая, мясо которой вредно человеку. Всякому извѣстна смертоносность ядовъ нѣкоторыхъ змій и бѣшеной собаки. Здѣсь описываются обыкновеннѣйшіе яды, чаще употребляемые при отравленіяхъ.

1) Мышьякъ бѣлый, мышьяковій индй (или-шунъ) (*acidum arsenicosum*), приготовляемый изъ желтаго мышьяка чрезъ перегонку въ закрытыхъ сосудахъ. Послѣ принатія мышьяка дѣлается сильная тошнота, рвота, съ постоянною рѣжущею, сжимающею болью въ животѣ; иногда изъ носа вытекаетъ кровь; человекъ приходитъ въ сумасшествіе. Трупъ отравленнаго мышьякомъ въ лѣтнее время покрывается пузырьками и получаетъ чернобагровый цвѣтъ, глаза выпучиваются, языкъ усяянъ пузырьками, изъ которыхъ вытекаетъ прорваны; губы изъязвлены; брюхо раздуто; нижнее отверстие припухло, концы перстовъ чернѣютъ;

дѣтородныя части увеличиваются въ объемѣ, припухаютъ.

2) *Смѣска crotonis tiglii*. Послѣ принятія кротоновыхъ сѣмянъ у человѣка дѣлается сухость во рту; глава краснѣютъ; подъ ложечкою чувствуется жаръ, тоска; ладони и подошвы въ жару; безпрерывный кровавый поносъ, отъ котораго человѣкъ и умираетъ.

3) *Камфора*. Если будетъ принять растворъ одной драхмы въ тепломъ винѣ, то отъ этого приходятъ въ расстройство всѣ жизненные отправления въ тѣлѣ; кровь волнуется и вытекаетъ изъ всѣхъ отверстій, слѣдствіемъ чего бываетъ смерть, наступающая весьма-скоро послѣ принятія.

4) *Ядовитые грибы*. Между грибами есть много такихъ, которые, будучи употреблены въ пищу, причиняютъ смерть. Трупъ отравленнаго ядовитыми грибами во многихъ мѣстахъ имѣетъ растреснувшуюся кожу, чернѣетъ почти весь; изо рта и ноздрей у него вытекаетъ изюгла кровь; языкъ высывается вонъ изо рта, прямая кишка выпадаетъ.

5) *Горькія зерна апракосовъ*. Если употреблять горькія апракосовыя зерна совершенно-сырыми, то отъ этого не можетъ быть никакого вреда; зерна же слегка поджаренныя составляютъ сильный ядъ, противъ котораго нѣтъ никакого средства, если не успѣли вскорѣ послѣ принятія возбудить рвоту. У отравленныхъ горькими зернами апракоса глаза бываютъ сожжены; языкъ, губы, уши, ногти почернѣли, на брюхѣ выступаютъ по мѣстамъ черноватыя пятна.

6) *Свинцовая бѣлила*. При отравленіи бѣлилами, губы выворачиваются, чернѣютъ; такой же цвѣтъ принимаютъ десны, ножныя и ручныя пальцы. Прежде бѣлила не почитались ядовитыми; но на восемнадцатомъ году пра-

вленія Цинъ-Дунъ былъ случай, въ которомъ доказано было, что отравленіе произошло отъ принятія внутрь бѣлилъ.

7) *Ржавчина серебра* (селитроукислая окись серебра съ посторонними примѣсами). Ржавчина серебра готовится чрезъ накалываніе серебра съ селитрою и квасцами въ закрытомъ сосудѣ. Въ нынѣшнее время, ржавчинъ серебра употребляется какъ наружное средство, для сведенія съ кожи бородавокъ, наростовъ. Будучи принята внутрь, она оказываетъ ядовитое дѣйствіе, совершенно-отличное отъ дѣйствія мышьяка и другихъ ядовъ. Она разрушаетъ желудокъ и кишки малопомалу, такъ-что отравленнымъ, и имѣя никакихъ особенныхъ болѣзненныхъ припадковъ, умираетъ.

8) *Чанъ-су* (бѣловатая часть кожи, находящаяся надъ бровями бородавчатой лягушки. Иные говорятъ, что чанъ-су есть вещество, вываренное изъ бородавчатой лягушки). Оно имѣетъ вкусъ весьма-горько, раздражительно; дѣйствіе его ядовито. Въ медицинѣ употребляется противъ злокачественныхъ нарывовъ равнаго рода; гонитъ потъ. На приемъ дается по одной драхмѣ ($\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ часть грава). Въ большихъ приемахъ дѣйствуетъ какъ сильный ядъ; производитъ тошноту, рвоту, трясеніе въ тѣлѣ, потъ на лицѣ. Трупы людей, отравленныхъ чанъ-су, имѣютъ лицо почернѣвшее, открытыя глаза, губы вывороченныя къ наружи и растреснувшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; десна багроваго цвѣта; языкъ воспаленный; дыхательное и пищеварительное горло снаружи припухшия; брѣно впалое.

Кромѣ исчисленныхъ ядовитыхъ веществъ, описывается множество другихъ. На-примѣръ, есть какой-то червякъ, называемый *шоу-гуа*, птица-дань (*дань-мао*), мясо которой ядовито для человѣка. Она водится на Южномъ

рѣ, величиною съ коршуна, похожа сову, цвѣтъ перьевъ ея черный, за также черные, шея длиною въ 5 или восемь вершковъ; любитъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ; гнѣзда ея на вершинахъ высочайшихъ деревьевъ. Самецъ поетъ ежедневно, самка врезъ день; питается виѣями и жолыми *quercus xensifolii* (*слн-ванъ-чу*). Ядовитость этой птицы такъ велика, что въ томъ мѣстѣ, гдѣ она в воду, умираютъ рыбы; подъ тѣнь ея свомъ, гдѣ она свила гнѣздо, перестать расти трава, и проч., и проч. и человекъ поѣсть ея мяса, то вскорѣ умираетъ. Противодіемъ почтенъ наваръ изъ рога носорога. Въ томъ же томѣ чудеснаго разсказывается ядовитость червяка *гу*. Онъ выводится изъ сотни разнаго рода вѣй, если настаивать ихъ въ крови. Изъ голъ, когда откостея сосудъ, сто ста червей, находятъ одного, орый поѣлъ прочихъ девятисто-десять, и есть червякъ *гу*, назъющийся быжновенною ядовитостью и своей влаго духа перемѣнять, скрывать и видъ, и такъ-далѣе. Чего не думаетъ китайское суетіе! Къ витымъ веществамъ причисляется же куринное мясо, если оно будетъ рено съ воскомъ (!). Человекъ, написъ такого мяса, раздувается и праеть. Мясо старой курицы ядовито особенно въ лѣтнее время. Куры бѣтъ питаться равными червями, вѣковыми, въ числѣ которыхъ не одаютъ скорпионовъ, ядовитой стоиен и другихъ. Отъ продолжительнаго употребленія такого корма, въ удкѣ куръ развивается ядъ, сообщійся мясу, которое, поѣтому, ставуетъ ядовито на человека.

I. Признаки, отличающіе убитаго молніею.

рупу человека, убитаго молніею, лаетъ обожженаго-желтаго цвѣта, сма-мягокъ на ошущъ; пальцы рукъ етъ сжатые и подвижные; откры-

тый ротъ, глаза закрытые, вѣки глазъ растянутые въ стороны; позади ушей цвѣтъ кожи бываетъ постоянно обожжено-желтый, волосы вклучены. Если есть обожженыя мѣста, то мясо на нихъ весьма-крѣпко, а кожа какъ-бы сжата; платье обожжено. При одномъ ударѣ безъ возгаранія, знаки находятъ-ся болъшею частію на макушкѣ головы или на затылкѣ, гдѣ вногда расходятся между собою кости, волосы обжигаются, а мѣста, непокрытыя волосами, принимаютъ желтоватый цвѣтъ, какъ при ожогѣ. На разныхъ частяхъ тѣла находятся черновато-красныя пятна, величиною въ ладонь, безъ видимаго разрушенія кожи. На груди, на спинѣ, на плечахъ замѣтны неправильныя извилистыя дорожки. Если при ударѣ молніею, человекъ получилъ одно только сотрясеніе, то на трупѣ его, въ такомъ случаѣ, не бываетъ никакихъ признаковъ, и вмѣсто ихъ должно руководствоваться другими обстоятельствами, по которымъ можно было бы съ болъшею или меньшею вѣроятностію открыть причину смерти. На-примѣръ, обратить вниманіе на мѣсто, гдѣ найденъ трупъ, на окружающіе его предметы, на время, въ которое, какъ предполагается, человекъ убитъ молніею; была ли тогда гроза или вѣтъ, и такъ далѣе. Былъ одинъ случай, въ которомъ на трупѣ, убитомъ молніею, какъ объ этомъ было достовѣрно узнано, не нашли признаковъ, свойственныхъ убитымъ молніею, а вмѣсто ихъ замѣчены на пальцахъ лѣвой ноги глубокія отверстія, какъ-бы отъ прокола иглою; пространство отъ подошвы до колѣнъ имѣло цвѣтъ какъ-бы послѣ приставленія моксы; по на немъ не было замѣтно описанныхъ выше кривыхъ линий.

IX. Смерть отъ паденія съ высоты и признаки ея на трупѣ.

Паденіе съ высоты можетъ быть или печально, когда человекъ, стоя нетвердо ногами, оскользается, или

умышленное, когда кто-нибудь другой столкнетъ его съ наѣтрениемъ. Въ первомъ случаѣ, сила толчка будетъ находиться въ нижнихъ частяхъ тѣла, отъ-чего и ушибы займутъ эти части той или другой стороны. Во второмъ случаѣ, когда сила толчка сосредоточится въ верхнихъ частяхъ, и ушибы будутъ находиться на верхнихъ же частяхъ: на головѣ, груди и т. д. При нечаянномъ паденіи, ушибы будутъ сильнѣе, нежели при паденіи отъ толчка, даваемаго другимъ человѣкомъ, потому что въ первомъ случаѣ сила, дѣйствовавшая на тѣло, гораздо-менѣе той, которую употребляетъ посторонній человѣкъ, чтобъ столкнуть другаго. При нечаянномъ упавеніи, человѣкъ старается защитить голову и хватается за нее руками, отъ-чего при паденіи прежде всего зашибаются руки. При паденіи же отъ толчка, человѣкъ въ испугѣ не успѣваетъ ухватиться за голову, и когда долетитъ до земли, ударяется прежде головою, или лицомъ. Ушибы при паденіи съ высоты могутъ быть соединены съ переломамъ костей, на-примѣръ, рукъ, ногъ, реберъ и т. д., или съ проломомъ, на-примѣръ, костей головы, или съ разорваніемъ кожи, при чемъ можетъ изливаться кровь; или на трупѣ не будетъ ни какихъ признаковъ, особенно при паденіи на мягкое мѣсто, исключая крови въ носу и во рту. Смерть въ этомъ случаѣ зависитъ отъ поврежденія внутреннихъ органовъ. Исслѣдованіе упавшихъ съ высоты производится по общимъ правиламъ; кромѣ разспроса свидѣтелей, если они были, кромѣ собранія нужныхъ свѣдѣній, должно всегда выѣривать высоту мѣста, съ котораго упалъ человѣкъ, и осматривать поверхность той части земли, на которую человѣкъ упалъ. Отъ большой высоты первого, отъ гладкости, мягкости, твердости второй, отъ постороннихъ веществъ, на ней находящихся, зависитъ и самый видъ ушиба и его опасность. Крышу, дерево и т. д. также должно внимательно осмотрѣть. **Переломленный сукъ, слѣдъ осколка-**

нушейся ноги, весьма-важное познать: зависѣло ли паденіе отъ виновности, или отъ другихъ причинъ.

X. Отличительные признаки трупна, при давленнаго тяжестию.

Трупъ человѣка, при давленнаго тяжестию, имѣетъ высушенный морзязыкъ, глаза вышедшіе нѣсколькю впередъ изъ своихъ ямъ, пальцы рукъ полусогнутые; на разныхъ частяхъ тѣла—черныя, или чернобагровыя пятна отъ подтека крови, вытѣшную изъ носа кровь, или густоватую жидкость; въ нѣстахъ поврежденныхъ бываетъ также наліаніе крови съ впухлостью. Кромѣ того могутъ быть переломы костей, сдвленія бѣге или менѣе сильныя,—смотря по упавшия тяжести, —головы, груди; прорываны мѣста на кожѣ и проч. Осмотръ при давленнаго трупа производится по общимъ правиламъ.

XI. Признаки на трупѣ лицаго отъ переѣзда экипажа.

Экипажъ можетъ наѣхать на человѣка спереди, столкнувшись съ нимъ или сзади. Въ первомъ случаѣ, знаки отъ переѣзда будутъ на передней части тѣла, той или другой стороны; во второмъ—на задней части, правой или лѣвой стороны. Если экипажъ, особенно тяжелый, переѣдетъ части, почитаемыя опасными, на-примѣръ, шею, голову, грудь, при чемъ будутъ переломы, сдвленія, то человѣкъ можетъ умереть при самомъ переѣздѣ. или спустя нѣсколько времени послѣ него. Переѣзды частей менѣе-важныхъ экипажемъ легкимъ, никогда не могутъ быть опасны для жизни и остающіяся послѣ нихъ прижатія или даже переломы скоро заживаютъ. Судебное исслѣдованіе залавленнаго экипажемъ дѣлается по общимъ правиламъ.

III. Отличительные признаки о врежденіи, наносимыхъ человеку разными животными.

Поврежденія, наносимыя животными, иногда могутъ быть такъ жестоки, то человекъ умираетъ отъ нихъ въ короткое время, не говоря о дикихъ вѣдрахъ, которые при голодѣ, или при западеніи на нихъ во время охоты, заѣдаютъ человека вдругъ. Во сѣхъ этихъ случаяхъ судебное исследование можетъ имѣть мѣсто, и вотъ признаки, отличающіе трупы людей мертвенныхъ, заѣденныхъ животными: трупъ убитаго лошадей, муомъ, осломъ, имѣетъ лицо нѣсколько желтоватое, пальцы рукъ несжатые, ослы въ норахъ; изо рта и носа выекаетъ иногда кровь; раненное мѣсто черновато-багрового цвѣта; кромѣ того, могутъ быть переломы и самое ровотеченіе изъ равнаго мѣста. Раны мула будутъ менѣе лошадиныхъ, сляныя менѣе муловыхъ. При исследованіи должно смотрѣть на число ранъ и мѣста, ими занимаемыя; большое число ранъ, притомъ, на мѣстахъ пасныхъ, покажетъ, что смерть зависѣла отъ задаленія животными. Такъ отличаетъ раны, нанесенныя жюму человекъ, отъ ранъ, нанесенныхъ трупу, — скавано выше. Знаки укушенія тигромъ, волкомъ и . д. отличаются своею неровностью; округъ того мѣста, гдѣ былъ найденъ ружь, почти-всегда можно замѣтить гдѣ этихъ животныхъ; изъ ранъ ытекаетъ кровь; иногда бываютъ переломы; у заѣденнаго языкъ прикушенъ зубами; волосы въ безпорядкѣ; а разныхъ частяхъ тѣла замѣтны гдѣ когтей животнаго и т. д.; иногда бываетъ выхождение мочи и кала. аны чаще всего занимаютъ голову, иею, вообще верхнія части тѣла. Заѣчено, что если тигръ упадетъ на еловѣка при началѣ луны, то повреждаетъ верхнюю часть тѣла, голову, иею, грудь, а при концѣ — нижнюю: ги, нижнюю часть живота и т. д. Въ когть же ворады коща ѣсть цой-

манную мышь. Рѣдко случалось, чтобъ человекъ заѣдали домашнія собаки; но за то онѣ наносятъ ему при своемъ бшенствѣ едва-ли не большее зло, нежели дикіе вѣдры. Укушеніе бшеною собакою не можетъ быть такъ жестоко, чтобъ тутъ же лишило человека жизни, но отъ него въ-послѣдствіи развивается болѣзнь, означивающаяся по-большой-части смертью. Человекъ, умершій отъ укушенія бшеною собакою, можетъ подлежать судебному исследованію, а потому нужно знать признаки, отличающіе трупы умершихъ отъ водобоязни. Если послѣ укушенія прошло не много времени, то на укушенномъ мѣстѣ можно замѣтить слѣды зубовъ, которые исчезаютъ, если рана была не велика, или если послѣ укушенія прошло много времени. Умершіе отъ водобоязни имѣютъ раздутое брюхо, твердое на ощупь, а нѣкоторыми замѣчено—поднятіе ствола у мужчинъ и выхождение похотника у женщинъ. Укушеніе ядовитыми змѣями можетъ быть смертельно. На трупахъ людей, умершихъ отъ укушенія змѣею, замѣчали: черноватые, небольшія ранки на укушенномъ мѣстѣ, съ черноватою же припухlostью кругомъ, источавшія жидкостя желтаго цвѣта. Отъ распространенія яда по всему тѣлу кожа на немъ припухаетъ, полукаетъ лоскъ, не взмѣняясь при томъ въ цвѣтѣ, исключая лицо, на которомъ она чернѣетъ.

Примечаніе. Часто на трупахъ людей, умершихъ какою бы то ни было насильственной смертью, особенно найденныхъ на дорогѣ, въ мѣстахъ людныхъ, находятса выѣденныя мѣста какими-нибудь животными, или выклеванныя птицами, что весьма-много можетъ затруднить изслѣдованіе. Безкровіе, неровность ранъ, слѣды лапъ вокругъ трупа, отсутствіе или нахождение раненій другаго рода, покажутъ въ этомъ случаѣ, былъ ли человекъ заѣденъ животными, или смерть зависѣла отъ другою причины и животныя напали уже на трупъ, и т. д.

XIII. Опьянѣніе, и смерть, отъ него зависящая.

Весьма-рѣдко причиною неестественной смерти бываетъ излишнее употребленіе водки. Состояніе опьянѣнія бываетъ различно, смотря по тому, на какую часть внутри тѣла дѣйствовала водка: если на сердце, то человекъ много говоритъ, смѣется; если на желудокъ, то предается сну; на легкія — много плачетъ; на печень — сердится отъ малѣйшей причины; если водка сильнѣе дѣйствовала на почки, то увеличивается мочеотдѣленіе. Смерть при опьянѣніи можетъ произойти отъ слѣдующихъ обстоятельствъ: если человекъ много пьетъ холодной воды, курить много табака и, наконецъ, тепло одѣвается во время сна. При этомъ задерживается внутренній жаръ, отъ котораго человекъ и умираетъ. Умѣренное употребленіе воды, напротивъ, полезно при опьянѣніи; вода умѣряетъ внутренній жаръ и пособляетъ ему отъ внутреннихъ частей проходить наружу, къ кожѣ. Признаки, отличающіе трупы опившихся, суть: раздутый животъ, издающій при удареніи звукъ; багровое, раздутое лицо; кровь, вытекающая иногда изъ носа, и водянистая жидкость изъ рта, издающая запахъ водки и смѣшанная иногда съ остатками пищи, если опившійся имѣлъ предъ смертію рвоту. Трупъ опившагося на ощупь мягокъ; пальцы на концахъ почернѣли; нижнее отверстіе выдавалось и припухло; на разныхъ частяхъ тѣла выступаютъ черноватые пятна. Всѣ эти признаки могутъ замѣняться; иногда котораго-нибудь изъ нихъ совсѣмъ не бываетъ, особенно если опившійся имѣлъ предъ смертію рвоту и поносъ. Нѣкоторыми замѣчено трясеніе зубовъ. При изслѣдованіи, кромѣ сказанныхъ признаковъ, должно брать во вниманіе и другія обстоятельства, какъ-то: осмотръ того мѣста, гдѣ найденъ трупъ, допросъ свидѣтелей, тѣхъ, кто давалъ вино; изслѣдованіе полости рта известнымъ способомъ, чтобъ узнать,

не былъ ли человекъ отравленъ и проч.

Примчаніе. Были примѣры, что опьянѣвшаго человека закрывали въ войлокъ, или коверъ, оборачивали вверхъ ногами и, приставивъ къ стѣнѣ, удерживали до-тѣхъ-поръ, пока онъ умираетъ. На трупахъ, залушенныхъ такимъ-образомъ, не бываетъ вышеописанныхъ признаковъ; брюхо у нихъ и раздуто и весьма-мягко на ощупь; и бокахъ и въ срединѣ груди замѣтна довольно-твердая опухоль, незыблущая при удареніи никакого звука; вольномъ находится иногда небольшое количество застывшей крови, легко смывающейся водою; изо рта такія трупы сильно пахнутъ водкою. При слѣдованіи, кромѣ соблюденія общаго правилъ осмотра, должно обратить вниманіе на двѣ части — на заднюю голову и мѣста кругомъ шеи. На первой будетъ наліе крови, зависящее отъ положенія человека иши головою и прижатія ея къ землѣ; оныя вторыхъ кровавые пятна, происшедшія отъ сжатія ногъ руками или веревкою при удержаніи человека иши головою.

XIV. Смерть отъ утопленія въ водѣ, разведенной известью.

Хотя рѣдко, но бывають такого рода злодѣянія, что человека сажаютъ въ кадку, наполненную водою съ известью, а сверху накрываютъ другою кадкою и держатъ его тамъ, пока онъдохнется. На трупахъ такія трупы нельзя открыть никакихъ особенныхъ признаковъ, ни даже тѣхъ равеній, которыя бы должны получить трупы при сопротивленіи. Это зависитъ отъ извести, которая противится всѣмъ мнѣніямъ и уничтожаетъ всѣ признаки, какіе бы могли быть на трупахъ смерти такого рода. Иногда замѣчается кровотеченіе изъ носа; но это бываетъ непостоянно. Цвѣтъ кожи чаще бываетъ или желтоватый, или блѣдный.

олучить вѣрные доказательства тако-
о рода насильственной смерти, совѣ-
уютъ обратить вниманіе на накушку,
внутри которой скопляется немалое
личество извести, зашедшей вмѣстѣ
въ воздухъ при дыханіи, если чело-
вѣкъ былъ погруженъ въ воду жи-
вымъ (?).

**V. Признаки угорѣвшихъ и за-
дохшихся въ испорченномъ воз-
духѣ.**

Отъ продолжительнаго пребыванія
въ комнатѣ, наполненной угаромъ ка-
еяннаго или деревяннаго угля, чело-
вѣкъ легко можетъ умереть, особенно,
сли онъ уснулъ. Смерть въ этомъ слу-
аѣ наступаетъ тихо. Въ воздухѣ ис-
орченномъ, спертомъ, какъ это быва-
тъ въ колодезяхъ, остававшихся дол-
е время безъ употребленія, въ ямахъ,
аполненныхъ навозомъ и т. д., куда
еловѣкъ долженъ спускаться иногда
о разнымъ нуждамъ, смерть слѣдуетъ
раздо-скорѣе, нежели отъ угара. Трупы
задохшихся и угорѣвшихъ быва-
тъ вообще мягки; ротъ у нихъ вѣ-
олько открытъ; зубы и дѣсна почер-
ѣли; верхняя и нижняя губы отворо-
ены и также чернаго цвѣта.

**VI. Отличительные признаки
мершихъ отъ разныхъ болѣз-
ней.**

Судебному изслѣдованію могутъ по-
ежать не только трупы умершихъ
испильственной смертью, но и умер-
шихъ какою-либо болѣзнію; поэтому
ужно знать вѣкоторые признаки, по
оторымъ бы можно было отличить бо-
езнь, бывшую причиною смерти. Во-
обще, трупы умершихъ отъ болѣзни,
одолжавшейся долгое время, быва-
тъ истощенные, имѣютъ желтоватый
цвѣтъ; ротъ и глаза у нихъ чаще за-
ыты, брюхо впалое, пальцы рукъ вѣ-
олько сжаты; иногда на какой-нибудь
сти тѣла могутъ быть знаки иглоука-

лыванія, приставленія моксы. На тру-
пахъ людей, умершихъ скоропостижно
отъ удара (апоплексія), полнота тѣла не
вдругъ спадаетъ, а остается долгое вре-
мя; лицо у такихъ людей бываетъ багров-
ое, раздутое; вѣки подняты надъ гла-
зами, глаза ушедшіе подъ лобъ; ротъ
искошенный нату или другую сторону,
зубы стиснутые; иногда изо рта выте-
каетъ влага, пальцы сжаты въ кулакъ.
Краснота и раздутость лица зависятъ
отъ того, что мокроты, устремившись
вверхъ, прекращаютъ дыханіе, слѣд-
ствиемъ чего бываетъ смерть, по насту-
пленіи которой мокроты не могутъ
опуститься книзу, задерживаются въ
верхнихъ частяхъ тѣла и сообщаютъ
лицу багровый цвѣтъ и раздутость.
Послѣ скарлатины, кори остаются на
тѣлѣ красноватая пятна, или точки
безъ всякой припухлости. Различить
умершихъ отъ водяной не трудно: изъ
труповъ вытекаетъ иногда желтоватая
жидкость. Послѣ смерти отъ вѣтряной
немочи, животь бываетъ раздутъ воз-
духомъ, на ощупь не твердъ, при дав-
леніи упадетъ, а по отнятій рукъ при-
ходить въ прежнее положеніе, при уда-
реніи издаетъ особый звукъ. Умершіе
отъ испуга имѣютъ зубы сжатые, брю-
хо твердое; концы ножныхъ и ручныхъ
пальцевъ черные. При леченіи мно-
гихъ болѣзней употребляется иглоука-
лываніе, или приставленіе моксы. Отъ
незнанія или изъ умысла, оба эти сред-
ства могутъ быть причиною смерти.
Если нужно будетъ въ такомъ случаѣ
дѣлать судебное изслѣдованіе, то тѣ
мѣста, въ которыхъ дѣлалось укалыва-
ніе, или гдѣ ставились моксы, долженъ
осмотрѣть врачъ, извѣстный своимъ
искусствомъ и добросовѣстностью, и
опредѣлить: принадлежитъ ли это, по
правиламъ иглоукалыванія, къ мѣстамъ,
назначаемымъ для укола, и требовала
ли та болѣзнь, которою страдалъ умер-
шій, для своего излеченія иглоукалыва-
нія. При этомъ нужно знать так-
же предшествовавшія обстоятельства
умершаго, въ какомъ онъ былъ отно-
шеніи съ тѣмъ врачомъ, который дѣ-
далъ иглоукалываніе, или съ тѣмъ, у

кого въ домѣ онъ умеръ; стараться достать иглу, которою дѣлался уколъ, опредѣлить ея длину, толщину, чтобы знать, соответствуетъ ли она игламъ, употребленнымъ обыкновенно иглоукалывателями, и т. д.

А. Т. ТАТАРИНОВЪ,

лекаръ пекинской духовной миссіи.

КАРТИНЫ ИЗЪ ИТАЛІИ.

Чарльза Диккенса.

(Статья третья.)

Въ Римъ, чрезъ Цивъ и Сивну.

Для меня нѣтъ во всей Италіи ничего прекраснѣе прибрежной дороги отъ Генуи до Сиенны. Съ одной стороны те далеко внизу, то почти въ уровень съ дорогой и часто обставленное живописными утесами скалъ — разстлается синее море, по которому тамъ-и-сямъ двигаются медленно красивыя олукки; съ другой, высокіе холмы, скалы, усыпанные бѣлыми домиками, влочки темныхъ оливыхъ роцъ, деревенскія церкви съ высокими колокольнями и веселые загородные дома. На каждомъ пригорѣ и бугоркѣ надѣ дороги цвѣтутъ въ роскошномъ изобиліи ликіе кактусы и алои; сады красивыхъ деревьевъ рдѣютъ лѣтомъ нугами белладонны, а осенью и зимой благоухаютъ золотыми апельсинами и лимонами.

Нѣкоторыя изъ этихъ деревень населены почти-исключительно рыбаками; интересно видѣть изъ большаго лодки, вытасканныя на берегъ, и язель, которые спятъ въ тѣни ихъ: или какъ группы женщинъ и дѣтей прячутъ между собою, или глядятъ въ море, а мужчины сидятъ на берегу и чекать свои сѣти. Тамъ есть небольшой городокъ Камолія (Camogliа), съ маленькою гаванью, расположенный на нѣсколько сотъ футовъ ниже дороги. Онъ населенъ цѣлыми семействами норвиковъ, которыхъ съ незапамятныхъ временъ принадлежатъ прибрежныя суда, торгующія съ Испаніей и другими нѣстами. Если глядѣть на него сверху, съ дороги, городокъ кажется граціозноею моделью на краю блестящаго на солнцѣ моря. Спустился въ него по извѣстнымъ тропинкамъ, видишь самую совершенную мнѣ въ эту пору первобытнаго приморскаго города — это самое простое, суровое, корсарское нѣстечко, какое только можетъ быть. Большия желѣзные кольца и цѣпные шарлоты, шпалы и обломки старыхъ нагачъ и репей, загромождаютъ дорогу; бойкія лодки, вытѣжающія въ море во всякую погоду, колышутся въ гавани или лежатъ вытасканныя на берегъ; нѣтрое платье развѣшено на шестахъ или разложено для просушки на согрѣтые солнцемъ камни; въ закрытой грубой пристани спятъ растопившіе нѣсколько похожихъ на анфобій молочковъ, свѣсивъ ноги, какъ-будто дѣлать имъ все равно что вода, что земля, и еслибы они скатились въ воду, то имъ должны бы спать совершенно-спокойно между рыбаками; церковь наполнена морскими троецями и обѣтными приношеніями, въ память избавленія отъ бури и гибели. Къ домамъ, которыхъ нѣсколько въ сторонѣ отъ гавани, приближаешься по кривымъ ступенкамъ или темнымъ крытымъ корридорамъ, какъ-будто неудобство входа дѣлаетъ ихъ похожими на судовыя каюты. Вообще, вездѣ пахнетъ рыбой, свѣжими и морскими травами.

Часть дороги, откуда вдали отпр

ается Камолія, славится въ теплое время года, особенно поближе къ Генуѣ, своими свѣтащимися молниями. Удая тамъ въ темную ночь, а вѣблѣ надъ собою цѣлый сверкаюдій сводъ этихъ прекрасныхъ настькоыхъ, такъ-что высокія звѣзды блѣбли передъ искрами; которыми мералъ каждый оливковый кустъ, каждый холмъ, которые завладѣли всѣмъ эду холмъ.

Мы, однако, проѣзжали тутъ на пути къ Риму не въ это время года. Поовниа января только-что прошла, и огода была самая сырая, пасмурная угрюмая. Въ живописномъ ущелинѣгассо мы встрѣтили такой вѣтеръ съ уманомъ и дождемъ, что ѣхали всю орону въ облакѣ. Потомъ, иногда олько, когда внезапный порывъ разонялъ туманъ, мы убѣждались въ существованіи Средиземнаго - Мора, которое волновалось и пѣнилось далеко внизу, разбинаясь о скалы и покрыва ихъ яростными всплесками. Дождь влъ непрерывно; каждый ручеекъ и отокъ разбухъ непомѣрно, и я никогда не слыхалъ такого оглушительнаго ева и грохота воды, какъ тогда.

Пріѣхавъ въ Спеццію, мы узнали, то Магра, рѣка безъ моста на большой дорогѣ въ Пиву, такъ разбухла ть дождей, что опасно было переправиться черезъ нее на паромѣ; мы охевно прождали до слѣдующаго вечера, огда вода нѣсколько понизилась. Спецція, впрочемъ, доброе мѣсто: во-перыхъ, по прекрасному залу; во-вторыхъ, по сверхъестественной гостиницѣ; а въ-третьихъ, по головному бору женщины — онѣ носятъ совершенно на бекрень крошечную соломеную шляпку, которая пришлась бы въ ору куклѣ средней величины, прирѣпляя ее шнурками къ волосамъ. то самый необыкновенный и влодѣйкій головной уборъ, какой когда-либо вль изобрѣтенъ.

Переправившись благополучно чевезъ Магра на паромѣ—переправа во-

все непріятная при сильномъ теченіи и высокой водѣ—мы прибыли въ Каррару черезъ нѣсколько часовъ. На слѣдующее утро, добывъ нѣсколько наленькихъ лошадокъ, мы выѣхали посмотрѣть мраморныя ломни.

Тамъ четыре и пять большихъ лошцинъ, влущихъ къ хребту высокихъ холмовъ, которые ихъ загораживаютъ. Ломни или пещеры, какъ ихъ тамъ называютъ, не что иное, какъ отверстія по сторонамъ лошцинъ, высоко на холмахъ, гдѣ взрывается и отваливается мраморъ; онъ можетъ попасться хорошей или дрянной, какъ случится, такъ-что при удачѣ человекъ можетъ разбогатѣть очень-скоро, а при неудачѣ разорваться большими потерями на работы, отъ которыхъ нѣтъ никакой выгоды. Нѣкоторые изъ этихъ пещеръ были открыты древними Римлянами и остаются до-сихъ-поръ въ томъ положеніи, какъ были оставлены ими. Многія разрабатываются и теперь; другія опять будутъ разрабатываться завтра, на будущей недѣлѣ, въ будущемъ вѣснѣ; есть и таія, которыхъ никто не беретъ, о которыхъ никто не думаетъ. Здѣсь доставятъ мрамора на столько же и больше вѣковъ, сколько прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ его начали употреблять, и онъ скрываетъ вездѣ, терпѣливо ожидая своего времени показаться на Воий свѣтъ.

Вскарбакиваясь съ трудомъ на вершину одной изъ этихъ крутыхъ падей (оставя лошадку или на дѣль назадъ, внизу), слышишь по-временамъ тихій звукъ рога, котораго это вторится между утесами: это предостерегательный сигналъ минерамъ. Послѣ того раздается громъ взрыва, перекатывающийся отъ скалы къ скалѣ, и шумъ взлетающихъ въ воздухъ обломковъ, отколотыхъ порохомъ: вы приставляетеесь, потомъ съ трудомъ поднимаетесь выше, пока снова не раздастся рогъ въ другомъ направленіи, и вы оставяетесь опять, чтобъ не попасть въ кругъ новаго взрыва.

Много народа работало на высотахъ этихъ утесовъ и по бокамъ ихъ: работники очищали мѣсто для добытыхъ кусковъ мрамора, сбрасывая внизъ обломки камня и массы земли. Видя, какъ все это катится съ грохотомъ въ узкую падь, двинутое невидимыми руками, я невольно вспомнилъ крутой оврагъ, гдѣ птица Рокъ оставила Сивабада-Морехода.

Но дорога, дорога, по которой спускаютъ мраморъ, какъ бы огромны ни были его куски! Геній страны и духъ ея обычаевъ мостать ее, поправляютъ, наблюдаютъ за нею! Вообразите себѣ протокъ воды, бѣгущій по скалистому ложу, заваленному огромными кучами каменныхъ обломковъ всевозможныхъ формъ и величинъ, который извивается внизъ, въ средину этой долины, и вотъ вамъ дорога — потому-что она служила пять столѣтій тому назадъ! Вообразите громадныя телеги, употребившіяся за пятьсотъ лѣтъ, которыхъ держатся и теперь: ихъ тащатъ волю, какъ и за пятьсотъ лѣтъ назадъ; предки этихъ воловъ изнурились до смерти за пятьсотъ лѣтъ такъ же точно, какъ въ вышшія времена изнуриются ихъ потомки, въ-продолженіе года, отъ тяжелой и мучительной работы! Двѣ пары воловъ, четыре, десять, двадцать паръ запрягаются для одного куска мрамора, смотря по его объему: во что бы ни стало, его *должно* протащить этимъ путемъ. Волю бьются изъ послѣднихъ силъ, таща съ камня на камень свои страшные грузы, и часто вздыхаютъ на мѣстѣ; верѣдко гибнутъ не одни они: запальчивые погонщики, увлекаясь горячностью, часто спотыкаются сами и бываютъ раздавлены колесами. Но такъ дѣлалось пятьсотъ лѣтъ назадъ: значитъ, это хорошо и теперь: желтая дорога, проведенная въ этомъ спускѣ — самая легкая и незамысловатая вещь въ свѣтѣ — показалась бы имъ самымъ душегубительнымъ святотатствомъ.

Мы смотрѣли со стороны, когда одна изъ такихъ телегъ, запряженная

парою воловъ — на ней былъ одинъ большой кусокъ мрамора — спускался по этой дорогѣ. Я закричалъ чело-вѣку, сидѣвшему на тяжеломъ ярѣ, чтобъ онъ держалъ его за шѣи бѣлыхъ животныхъ; человекъ сидѣлъ, обратился лицомъ назадъ, а не впередъ, какъ демонъ настоящаго деспотизма, и держалъ въ рукѣ шесть съ заостренными концами желѣзными наконечниками. Когда волю оставались, выбившись изъ силъ и не могли тащить далѣе телегу по неровному дву потоку, онъ выскочилъ пруть въ ихъ тѣла, билъ ихъ по голымъ, запуская пруть въ подражательныхъ животныхъ, и такимъ образомъ подвигалъ ихъ на нѣсколько шаговъ впередъ; потомъ, когда они снова оставались, онъ повторялъ эти вышшія усиленную энергіей и пускалъ волю къ болѣе-крутому спуску; когда волю спотыкалась и падалась, перемалывались съ какого-нибудь порога, обрывъ, расплескивая по сторонамъ и ду, онъ размахивалъ шесть надъ голою и испускалъ восклицаніе торжества, какъ-будто свершилъ какой-нибудь подвигъ и нѣсколько не думая, что выведенные имъ изъ терпѣливости ченики могли сбросить его съ себя, расшибить такъ, что позгъ его забралъ бы на камни.

Когда я стоялъ подъ-вечеръ въ одинъ изъ множества мастерскихъ Каррара, вся Каррара огромная мастерская, наполненная прекрасными коваными извѣстныхъ лучшихъ фигуръ, группъ и бюстовъ — мнѣ казалось странно думать, что всѣ эти изящныя произведения, исполненные граціозности, силы, нѣги, должны имѣть столько труда, пота и пытки! И скоро нашелъ этому параллельное явленіе во всѣхъ добродѣтеляхъ, въ израстающихъ на жалкихъ почвахъ во всѣхъ хорошихъ вещахъ, въ новыхъ рожденіяхъ своихъ восточныхъ страданіямъ. Глядя изъ окна своей на мраморныя горы, сверкающія краснымъ заревомъ заходящаго солнца, но величавыя и торжественныя.

помнилъ о множествѣ человѣческихъ шъ и умовъ, которые могли бы дать ликоѣвнѣйшіе результаты, но осюются заброшенными и гибнуть въ бвеніи, тогда-какъ люди, для которыхъ жизненный путь пріятное гулъще, отворачиваются, проходя мимоъ и раздражаются отъ мрана и сурорухъ трудовъ, доставшихся имъ въ ѣль!

Царствующій герцогъ моденскій, которому принадлежитъ часть этихъ ранъ, также очень-сильно противилъ желѣзнымъ дорогамъ; еслибъ нѣкоторымъ линіи ихъ, предположенныя сосѣдними съ нимъ государями, или проведены, онъ наслаждался бы гблицемъ омнибуса, который возлъ бы по его непространнымъ влавіямъ пассажировъ отъ одного према желѣзной дороги до другаго.

Каррара, запертая высокими холми, очень-живописна. Здѣсь оставивается мало туристовъ, а настояіе жители всѣ болѣе или менѣе въ прикосновеніи съ разработкою мрамора. Въ самихъ пещерахъ есть маленькія деревушки, гдѣ живутъ рабоче люди. Здѣсь есть также прехорошенькій, вновь-выстроенный театръ, въ которомъ недавно держатся интереснаго обычая набирать оперные ыры изъ мраморщиковъ, выучивающихся пѣть самоучкой, по слуху. Я ышалъ ихъ въ одной комической ьрѣ и въ одномъ актѣ «Нормы»: имъ дѣлали свое дѣло очень-хорошо, въ этомъ отношеніи далеко не походили на итальянскихъ простолудивъ, которые вообще (съ немногими исключеніями между Неаполитанцами) ютъ прескверно, не въ тонъ и надѣны весьма-непріятными гелосами.

Съ вершины одного высокаго холма Каррарой, первый видъ плодородной долины, на которой расположенъ родъ Пиза — съ Ливорно, пурпуромъ платномъ въ извѣстномъ отдаленіи — очарователенъ. Не одно отдаленіе.

Т. I. — Отд. VII.

ніе придаетъ этому виду такую прелесть, потому-что роскошная страна съ пышными оливковыми рощами, чрезъ которыя дорога во многихъ мѣстахъ пролегаетъ, сама-по-себѣ прекрасна.

Мы приближались къ Пизѣ при луномъ свѣтѣ и долго видѣли за ея стѣнами наклонную башню, темный оригиналь старинныхъ картинокъ въ школьныхъ книгахъ, описывающихъ «чудеса свѣта». Подобно болѣе части вещей, воспоминаніе о которыхъ связано съ школьными книгами и школьными днями, я съ горестію напелъ ее слишкомъ-малою. Она поднималась надъ городскою стѣною вовсе не такъ высоко, какъ я надѣялся: это былъ одинъ изъ множества обмановъ, которыми морочитъ публику мистеръ Гаррисъ, книгопродавецъ на углу кладбища Церкви-св.-Павла въ Лондонѣ. Это кривая башня была вытисломъ, а эта, существенность—по сравненію, короткая существенность. Впрочемъ, она смотрѣла очень-хорошо и очень-странно, и уклонялась отъ вертикальной линіи на столько же, какъ изображено у Гарриса. Спокойный видъ Пизы, огромный караульный домъ у воротъ, въ которомъ было только два маленькіе солдата, улицы почти совершенно безлюдны, наконецъ, Арно, чинно протекавшій чрезъ средину города—все это было превосходно, и я, простивъ въ душѣ мистера Гарриса, пошелъ на другое утро осматривать знаменитую наклонную башню.

Я думалъ, что увижу ее, отбрасывающую свою длинную тѣнь на какую-нибудь многолюдную улицу, но которой цѣлый день толпы народа ходятъ взадъ и впередъ, и потому очень удивился, нашедъ ее въ уединенномъ мѣстѣ, въ сторонѣ отъ общаго движенія, окруженную мягкимъ зеленымъ деревомъ. Но группа зданій, совокупленныхъ на этомъ зеленомъ коврѣ и около него, можетъ-быть, самая замѣчатель

ная и прекрасная въ свѣтъ: это — сама башня, крестильня, соборъ и кладбищенская церковь. Самое положеніе всѣхъ ихъ, совокупленныхъ отдѣльно, виѣ городскихъ хлопотъ и буетъ, придаетъ имъ совершенно-особенный, величавый характеръ: они кажутся архитектурною эссенціей богатаго стариннаго города, котораго всадневная жизнь и обыкновенныя жилища выжиты вонъ.

Сисмонди сравниваетъ башню съ обыкновенными изображеніями вавилонской башни, какъ она представлена на картинкахъ дѣтскихъ книжекъ. Сравненіе это удачно и даетъ о самомъ заданіи лучшую идею, чѣмъ цѣлыя главы натянутыхъ описаній. Ничто не можетъ быть граціознѣе и легче рисунка ея; ничто не можетъ быть замѣчательнѣе наружности цѣлага. Поднимаясь наверхъ по весьма-удобной лѣстницѣ, почти не замѣчаясь наклоности башни; но на вершинѣ она очень-замѣтна и производитъ такое же впечатлѣніе, какое ощущаешь на кораблѣ, обмелѣвшемъ и легшемъ на бокъ во время отлива. Взглянувъ черезъ галерею внизъ, съ *низкой стороны*, невольно ведрогнешь, думая, какъ основаніе ея удалено отъ отвѣса; при миѣ одинъ слабонервный путешественникъ, взглянувъ внизъ, невольно ухватился за стѣну башни, какъ-будто ниѣна нахреніе выпрямлять ее. Взглянувъ снизу вверхъ внутри башни, какъ чрезъ наклонный зубъ, также очень-интересно. Башня дѣйствительно наклонна столько, сколько можетъ пожелать самый неуговорно-вѣжскательный туристъ. Девяносто-двѣтъ человѣкъ изъ ста, которые бы задумали отдохнуть на травѣ около нея и полюбоваться сосѣдними зданіями, навѣрно не услудятъ подъ наклонною стѣною башни, боясь, что она рухнетъ и задавить ихъ.

Миѣ вѣчего распространяться о множествѣ врасѣтѣ собора и крестильни, хотя въ этомъ случаѣ, какъ и въ сотнѣ

другихъ, миѣ трудно отдѣлать себѣ удовольствіе разсказывать о нихъ изъ вашей скуки читатъ эти разсказы. Въ соборѣ есть картина Андреа дель-Варто, а въ крестильнѣ множество изъ красивѣйшихъ колоннъ: и то я думалъ сильно вводить меня въ искушеніе болтать.

Надѣюсь, нѣсколько словъ о мѣстѣ башнѣ, Campo Santo, не вредитъ миѣ нарушеніемъ твердо-архитектурнаго описанія. Тамъ поросся травою и глыды вырыты въ той самой мѣстѣ, которая слишкомъ за мѣсто лѣтъ назадъ была привезена изъ лѣстницы; его окружаютъ такіе же стѣны, съ такими игривыми крестами и тѣнями, падающими съ каменную рѣзную работу омытую чистотой ихъ, что они удержатся даже самой тупой памяти. На стѣнѣ въ торжественнаго и малаго иста мѣстѣ старинныя фрески, уже истерты вылинявшіе, но все-таки весьма-яресные. Какъ обыкновенно бываетъ въ Италіи, нечти во всѣхъ соборахъ картинъ, я видѣлъ тамъ на одной стѣнѣ поразительное случайное сходство Наполеономъ. Иногда я тѣмъ же воображеніемъ раздумываю, не видѣлъ ли эти старинныя живописи, тѣмъ надъ далеко-перешившимъ изъ предѣлами, предчувствія, что онъ невольно явится человекъ, который деть такъ пагубенъ для несчастнаго солдата превратитъ въ для стрѣльбы великія картины и конюшни образцы торжества архитектуры. Но это корсарство такъ часто встрѣчается въ итальянскихъ частяхъ Италіи въ наши времена, неизбѣжно выводитъ заключеніе, что раздо-проще и обыкновеннѣе.

Если Пиза седьмое чудо міа по правамъ своей наклонной башнѣ, она по-крайней-мѣрѣ нечетъ третье по правамъ ея оны. Они подстергаютъ несчастнаго путешественника на каждаго порожде.

окожаютъ его до каждой двери, въ оружіи онъ войдетъ, караулятъ его значительными подкрѣпленіями у самыхъ воротъ, изъ которыхъ знаешь, что онъ выйдетъ. Скрытъ дверь, и метель служитъ сигналомъ для общаго возгласа, и только-что явился иностранецъ, его окружаютъ и ставятъ цѣлыя груды лохмотьевъ, пуховъ и кривляній. Нищія, по-виноному, завладѣли всею предприимчивостью, всею торговлею Пизы. Кромѣ этого, ничто здѣсь не движется, за исключеніемъ развѣ теплаго воздуха. Когда вы идете по улицамъ, фасады домовъ вамъ кажутся синими, всѣ они такъ тихи и безмолвны, въ мало походятъ на дома, населенные людьми, что большая часть ода кажется городомъ на разсвѣтаніи во время всеобщей снѣгостыжи. Или, еще ближе, его напомнитъ перспектива домовъ, изображенныхъ на площадныхъ картинахъ или старинныхъ гравюрахъ, гдѣ а и двери означены четвероюльниками, и показывается одна фигура — здѣсь, разумѣется, нищій — орава бредетъ въ безконечную перспективу.

Не таковъ Ливорно (знаменитый по имени Смоллетта), мѣсто зажиточное, оживленное, гдѣ гнѣность вышена торговли. Мѣстныя постановленія относительно торговли и купчихъ весьма-благоприятны и выгодны: разумѣется, городъ много отъ этого выигрываетъ. Ливорно имѣетъ, однако, весьма-дурную славу — тамъ ятся множество убійцъ. Нѣсколькихъ назадъ, былъ здѣсь клубъ разбойничьяго убійцъ, котораго члены не пили и не пріязненныхъ чувствъ ни къ кому въ особенности, но закалывали ершенно-незнакомыхъ имъ людей, и, на улицахъ, изъ одного только наслажденія убивать. Президентомъ этого клуба былъ какой-то башмачникъ; онъ, однако, схватили, и клубъ развалился. Онъ бы, вѣроятно, исчезъ въ

порядкѣ вещей самъ-собою, отъ открытія желѣзной дороги между Пизой и Ливорно, которая хороша и уже начала удвѣлять Италію примѣромъ точности, порядка, правдивости и улучшеній. Нѣтъ сомнѣній, что въ Вагганѣ почувствовали легкій толчокъ землетрясенія, когда въ Италіи открыли въ первый разъ желѣзную дорогу.

Возвратясь въ Пизу и навязавъ тамъ добродушнаго веттурино съ четырьмя лошадыми, взявшагося доставить насъ въ Римъ, мы бѣжали цѣлымъ днемъ по веселымъ мѣстамъ, мимо красивыхъ тосканскихъ деревень. Придорожные кресты этой части Италіи многочисленны и любопытны. На крестѣ рѣдко видишь фигуру, хотя иногда и является лицо; но они замѣчательны тѣмъ, что украшены маленькими деревянными моделями всѣхъ возможныхъ предметовъ, какіе только могли имѣть какое-либо отношеніе къ кончинѣ Спасителя. На-примѣръ, пѣтухъ, прокричавшій трижды, когда апостоль Петръ отрекся отъ своего Учителя, почти- неизмѣнно посаженъ на верху и всегда можетъ служить образцомъ орнитологическаго феномена. Подъ нимъ — надпись. Потомъ, подвѣшенные на поперечникѣ копые, шесть съ губкою на концѣ; одежда безъ швовъ, которую воины разыгрывали между собою; стаканъ съ костями, служившими при этомъ разыгрываніи; молотокъ, которымъ вколачивали гвозди; клещи, которыми ихъ потомъ выдергивали; лѣстница, приставленная ко кресту; терновый вѣнецъ; орудіе хлестанія; фонарь, — словомъ, цѣлая игрушечная лавка этихъ маленькихъ вещей попадутся на каждомъ изъ четырехъ или пяти мильхъ вдоль всей большой дороги.

Вечеромъ другаго дня послѣ выѣзда изъ Пизы, мы достигли прекраснаго стараго города, Сиенны. Тамъ происходило въ это время то, что Сиенцы называли намъ карнаваломъ; но какъ секретъ его заключался въ томъ, что де-

сятка три или четыре скучных людей бродило взадъ и впередъ посреди главной улицы, въ простыхъ лавочныхъ маскахъ, и они казались еще скучнѣе, если возможно, чѣмъ люди того же рода въ Англии,—я не стану о нихъ распространяться. Мы на слѣдующее утро пошли осматривать соборъ, чудно-живописный снаружи и внутри, въ-особенности снаружи; рыночную площадь, или большую Piazza—обширный квадратъ съ большимъ фонтаномъ, у котораго отшибенъ носъ; нѣсколько чорныхъ готическихъ домовъ, и высокую четверугольную башню, сложенную изъ кирпичей; *смарузо* ея вершины—странная черта видовъ этого рода въ Италіи — виситъ огромный колоколъ. Сиенна слегка походить на Венецію, за исключениемъ воды. Въ городѣ есть нѣсколько интересныхъ старинныхъ палаццо; не имѣя (для меня) занимательности Вероны или Генуи, старинный городъ этотъ имѣетъ много мечтательнаго и фантастическаго.

Наглядѣвшись на всѣ эти вещи, мы поѣхали далѣе по довольно-скучной странѣ, не встрѣчая ничего, кромѣ виноградниковъ, да и тѣ въ это время года были не иное что, какъ палки и прутья; останавливались, по обыкновенію, часа на два около полудни, для ровдыха лошадей—неизбѣжнаго условія, требуемаго каждымъ веттурино; потомъ трогались далѣе по странѣ, становившейся постепенно болѣе и болѣе дикою и бесплодною, пока она наконецъ не сдѣлалась такою же голою и пустынною, какъ многія мѣста Шотландіи. Вскорѣ послѣ наступленія темноты, мы остановились на ночь въ *osteria della Scala*, совершенно-одинокомъ домѣ, въ которомъ все семейство сидѣло вокругъ большаго огня на кухнѣ, разведеннаго на каменной платформѣ, фута на три или четыре отъ земли, и достаточнаго, чтобъ зажарить цѣлаго быка. Въ верхнемъ и единственномъ этажѣ этой гостиницы была большая пустая зала, съ крошечными

окномъ въ одномъ углу и четырьмя черными дверями, открывшимися въ четыре черныя спальни, во разныхъ направленіяхъ, — не говоря уже о другой черной двери, открывшейся въ другую черную sala, съ лестницей которая шла сквозь какую-то выемку въ полу, и стропилами крыши, расставшимися надъ головою. Благъ былъ чистѣйшей итальянской архитектуры — его невозможно было рассмотреть въ дымѣ. Служанка похвалила жену драматическаго бандита и сила такой же точно головной уборки. Собаки лаяли какъ бѣшенныя; охотничьяго комплиментамъ, которыми ихъ за это надѣляли; въ окрестности, шла двѣнадцать, не было никакого другаго жилья; все имѣло злобствующую, иловорѣзную наружность.

Ко всему этому надобно прибавить слухи о разбойникахъ, которые, за нѣсколько ночей назадъ, выходили въ большомъ числѣ, и очень-дерзко, на мору, и остановили почту около самаго этого мѣста. Извѣстно было, что разбойники недавно еще убили нѣсколько путешественниковъ на Везувіи — и служило предметомъ разговора въ всѣхъ придорожныхъ гостиницахъ. Такъ-какъ намъ ихъ нечего было опасаться, потому-что отъ насъ они могли видѣться бы весьма-немногимъ, то мы забавлялись отъими разсказами и вскорѣ устроились со всѣмъ комфортомъ, каковаго можно было желать. Въ этомъ уединенномъ убѣжищѣ намъ вошло обыкновенный обѣдъ, который очень-недуренъ, если къ нему прибавить. Вамъ дадутъ что-то въ родѣ супа, съ зеленью и рисомъ,—пушанье вкуса, если приправить его порядочнымъ количествомъ тертаго сыра, соля и перца; потомъ, половинку дворовой птицы, изъ которой супъ былъ сваренъ; потомъ голубя съ начинкой, окруженнаго печенками и зобами другихъ птицъ; потомъ кусокъ ростбифа, величинами съ маленькую французскую булку; потомъ кусочикъ пармезана и штукъ пять маленькихъ сморщенныхъ

екъ—все вмѣстѣ на крошечной тарелкѣ; затѣмъ, слѣдуетъ кофе, а потомъ и постель. Вы мало думаете о приличіяхъ полахъ; вы не заботитесь звѣвающихъ дверяхъ или отвислыхъ знахъ; вамъ ничего, если лошади, на оторыхъ вы пріѣхали, поставлены въ ошюню прямо подъ вашу кроватью такъ близко, что каждое ихъ фырканье или чиханье вамъ слышио и быть васъ. Если вы обращаетесь до-родушно и ласково съ окружающимъ ась народомъ, то будете увѣрены, ась угостятъ хорошо въ самомъ дрян-омъ итальянскомъ трактирѣ, и всегда ъ величайшею услужливостію; вы рождете всю Италію изъ конца въ ко-онецъ, и наперекоръ всему, что о ней олкуютъ, терпѣніе ваше нигдѣ не бу-етъ подвержено слишкомъ-тяжкимъ спытаніямъ, — въ-особенности еще, слн вамъ подать въ бутылкахъ такіа вина, какъ ораіето и монте-пульчано.

Мы отправились далѣе въ неприят-ое утро и ѣхали ниль двѣнадцать по-травъ такой же голой, каменистой и шкой, какъ Корнвалль въ Англіи, до 'адикофани, гдѣ остановились въ го-тинницѣ, весьма-удобной для вѣдѣтъ дошovýchъ: она была нѣкогда охот-ничьимъ пристанищемъ герцоговъ то-канскихъ, и наполнена такими дик-и корридорами и зловѣщими покоя-и, что могла бы служить мѣстомъ ѣйствія всѣхъ возможныхъ повѣстей въ убійствахъ и привидѣніяхъ. Въ 'евуѣ есть нѣсколько страшилницъ-адаццо, въ - особенноти одинъ, наружи довольно-похожій на этотъ омъ; но гостинница въ Радикофани мѣтеъ такой зловѣщій, дремучій, уг-юмый, могильный характеръ, како-о я нигдѣ не видалъ. Городокъ, ка-овъ онъ ни есть, виситъ на скалѣ хол-а надъ гостинницей, прямо передъ я входомъ. Жители его нище: лишь-олько завидать, что ѣдетъ дорож-ый экипажъ, они напускаются на не-о, какъ стаа хищныя итицы.

Когда мы добрались до находящаго-я недалеко отсюда горваго ущелья,

насъ встрѣтилъ изъ него, какъ насъ предостерегали въ гостинницѣ, такой страшный вѣтеръ, что принудилъ вы-пустить изъ кареты мою лучшую по-ловину, «my better half», чтобы ее не повалило вмѣстѣ съ каретою, и повис-нуть на навѣтренной сторонѣ (сколько смѣхъ намъ позволялъ), чтобы экипажъ не унесло Богъ-знаетъ куда. По силѣ вѣтра, эта береговая буря могла бы съ выгодою поспорить съ добрымъ штор-комъ въ Атлантическомъ-Океанѣ. По-рывъ налетѣлъ на насъ изъ ущелій высокихъ горъ, съ правой сторо-ны, и мы смотрѣли со страхомъ на обширное болото влѣвъ, гдѣ не было ни вуста, ни деревца, за которые мож-но бы было удержаться. Казалось, если насъ сдуетъ съ ногъ, то унесетъ или въ море, или въ невѣдомое про-странство. Тутъ были и снѣгъ, и градъ, и дождь, и молніи; клубящіяся облака и туманы неслись надъ головою съ немовѣрною скоростью. Вся сцена была исполнена мрака, ужаса, одино-чества; горы громоздились надъ гора-ми, одѣтыми въ сердитыя тучи; во-всемъ, вездѣ обнаруживались самая бѣшеная, быстрая, сильная, сверх-естественная, шумная торопливость; зрѣлище было невыразимо-порази-тельно и увлекательно.

Не смотря на то, для насъ было большое наслажденіе выбраться изъ него и переѣхать черезъ грязную гра-ницу Папскихъ-Владѣній. По дорогѣ намъ попались два маленькіе город-ка, въ одномъ изъ которыхъ, Аквапен-денте, праздновался карнавалъ—пред-ставителями народнаго веселія были замаскированный мужчина, одѣтый въ женское платье, и замаскированная женщина, переодѣтая мужчиной; чета эта бродила довольно-жалостливо, ува-вая въ грязи чуть не по колѣно. Подъ вечеръ мы пріѣхали къ озеру Боль-сена (Bolsena), на берегахъ котора-го маленькій городокъ того же име-ни, знаменитый своими лихорадками. Кромѣ этого жалкаго мѣстечка, во-кругъ всего озера нѣтъ ни одной де-

реки, ни одной хижины, потому что никто не смѣетъ спать въ такомъ опасномъ воздухѣ; на волнахъ озера не падаетъ ни одной лодки, по дорогѣ не попадаются ни единого кустика, ни прута, которые бы хоть нѣсколько разнообразили скучную монотонность грязныхъ и мокрыхъ двадцати-семи миль разстоянія. Мы приѣхали въ городокъ поздно, потому что дороги были до крайности дуры отъ сильныхъ дождей; когда совершенно-стемнѣло, мѣстоположеніе сдѣлалось невыносимо-скучно.

Къ слѣдующему солнечному заходу мы очутились въ пустынь гораздо-живописнѣе и интереснѣе. Мы проѣхали черезъ Монтефасконе, знаменитый своими винами, и Витербо, извѣстный своими фонтанами. Поднявшись по скату миль въ восемь или десять длинъ, мы внезапно очутились на краю удивленнаго озера — съ одной стороны прелестнаго, опушеннаго роскошнымъ лѣсомъ, а съ другой совершенно-голаго, загороженнаго бесплодными волканическими холмами. На мѣстѣ этого озера былъ въ старинные годы городъ; земля поглотила его въ одинъ день, и теперь тамъ вода. Есть преданія, общія многимъ мѣстамъ, что въ тихую погоду, когда вода совершенно-прозрачна, можно ясно рассмотреть погибшій городъ: какъ бы то ни было, а онъ исчезъ оттуда, гдѣ прежде стоялъ; вода и осадки накрыли его, и теперь озеро походитъ на мертвеца, которому тотъ свѣтъ запертъ и который тщетно старается возвратиться туда, откуда явился въ несвойственной ему странѣ. Воды его какъ-будто ждуть цѣлые вѣка, не будетъ ли новаго землетрясенія, чтобъ исчезнуть въ подземныхъ пустыняхъ. Злополучный городъ, погребенный подъ дномъ озера, вѣрно не унылѣе этихъ обнаженныхъ холмовъ, выдвинутыхъ огнемъ изъ нѣдръ земли, или разстилающихся надъ нимъ стоячихъ водъ. Красное солнце смотрѣло на нихъ странно, какъ-будто зная, что они сотворены для мрака и

черныхъ пещеръ; а печальныя вода просачивалась и напихывала ихъ, выбиралась спокойно между болотными травами и камышами, какъ-будто что-става на своей совѣсти упреть и табель всѣхъ погребенныхъ водъ древнихъ башень, доновъ и вѣтъ жителей, родившихся и вскорѣвшихъ въ этомъ мѣстѣ.

Небольшой переѣздъ доставилъ насъ отъ озера Вольсена къ горамъ Рончионе, похожему на обширный свиной хлѣвъ, гдѣ мы провели ночь. Въ семь часовъ слѣдующаго утра мы тронулись въ Римъ.

Лишь-только оставили мы за собой этотъ хлѣвъ, какъ въѣхали въ Самрапа Romana, волнующуюся равнину, гдѣ немногіе могутъ жить, какъ кому извѣстно, гдѣ на цѣлыя мили встрѣчается ничего разнообразнаго повсемѣстное однообразное умяе. Изъ всѣхъ родовъ земель, которыя могли бы быть расположены за вратами Рима, нѣтъ ни одной, которую бы причтѣннѣйшимъ кладбищемъ мертваго города. Она такъ печальна, такъ угрюма, такъ мертвенна, такъ таинственно хранитъ скрытыя въ ней развалины, такъ походитъ на обширныя пустыни, въ которыя ушли одержимые бѣсомъ люди во время древняго Іерусалима, чтобъ тамъ жить и терзаться на просторѣ... Намъ приходилось ѣхать цѣлыя тридцать миль по этой Самрапа, и мы думали о разстоянію двадцати двухъ, не считая ничего, кромѣ какого-нибудь брошеннаго тамъ-и-сямъ, одинокаго мѣшка, или пастуха съ разбросанными овцями, покрытой грязью и включенными волосами, который пасъ своихъ овецъ. Въ концѣ этого разстоянія мы остановились для осмотра лошадей и собственного осмотра въ простомъ, потрясенномъ камнѣ, уныломъ трактирнѣ; увидѣвъ его стѣны и балокъ внутри, разрисованъ и украшенъ такъ, что каждая ковшата предстала

ванкою другой комнаты, и съ своимъ рисованными драпировками и лампами, казалась выкраденною изъ декорцій какого-нибудь провинціального итающагося цирка.

Тронувшись далѣе, мы съ лихораичнымъ ожиданіемъ напрягали зрѣніе, чтобъ скорѣе увидѣть Римъ, когда конецъ, пробѣжавъ еще милю двѣ, смотрѣли вѣчный городъ. Онъ подалъ — боюсь написать это дерзкое слово — на Лондонъ!!... Онъ лежалъ передъ нами подъ густымъ облакомъ, съ зчисленнымъ множествомъ башенъ, доколенъ, шпицовъ, домовъ, поднимающихся до небесъ, — и надъ всѣми имъ красовался одинъ куполъ. Клянись, какъ ни горько я чувствовала ю несообразность такого сравненія, но Римъ такъ походилъ съ этого зстоянія на Лондонъ, что еслибъ мнѣ казали его въ стекло косморамы, я нилъ бы его ни за что другое, какъ нашу прокопченную дымомъ туиную столицу.

Римъ.

Мы вѣхали въ вѣчный городъ 30 вардъ, около четырехъ часовъ по полдню, черезъ Porta del Popolo, и причутились на краю карнавала. День былъ грязный, пасмурный и дождливый. Мы тогда еще не знали, что глядя на хвостъ процессій масокъ, которыя медленно ѣдили вокругъ площади; но наконецъ, выждавъ благопріятный случай, вдругъ очутились въ руѣ каретъ и колясокъ, совершенно-неожиданно, забрызганные дорожною грязью и вовсе-неприготовленные наслаживанію празднествомъ.

Мы переправились черезъ Тибръ по Ponte Molle, милю за двѣ или за три отъ города. Желтая вода рѣки, протекающей между грязными и подмытыми реками, подготовляла насъ къ ожиданію пустынности и разрушенія, что такою опровергли встрѣтившіе насъ

маскарадные наряды карнавала. Мы не видали ни великихъ развалинъ, ни другихъ торжественныхъ памятниковъ древности: всѣ они расположены въ противоположной части города. Тутъ же — длинная улица съ самыми обыкновенными и провинціальными домами и лавками, общими всѣмъ европейскимъ городамъ; толпы суетящагося народа; экипажи; праздношатающіеся пѣшеходы; множество болтливыхъ иностранцевъ, — словомъ, это былъ не мой Римъ, не Римъ чьей бы то ни было фантазіи, мужа или мальчика, не Римъ павшій и покоящійся на солнцѣ среди грудъ развалинъ, — нѣтъ, походилъ на идеалъ Рима столько же, сколько Площади Согласія въ Парижѣ. Я былъ приготовленъ къ облачному небу, скучному, холодному дождю, грязнымъ улицамъ, но не къ этому: сознаюсь чистосердечно, я легъ спать съ весьма-присмирѣлымъ энтузіазмомъ.

На другой день мы прежде всего поспѣшили къ Собору св. Петра. Издали онъ казался неизмѣримо-огромнымъ, но въблизи сравнительно-малымъ. Красота площади, на которой онъ стоитъ, съ ея изящными колоннадами, фонтанами, не можетъ быть преувеличена самымъ восторженнымъ описаніемъ. Первый взглядъ во внутрь, когда видишь весь храмъ въ его обширности, величій и славі, а въ-особенности взглядъ вверхъ, въ куполъ, производитъ впечатлѣніе, котораго нельзя забыть. Но въ этотъ день были сдѣланы приготовленія къ празднеству: великолѣпныя мраморныя колонны были обернуты какими-то желтымъ и краснымъ тряпьемъ; алтарь и входъ въ находящуюся передъ нимъ, въ центрѣ церкви, подземную капеллу, походили на лавку золотыхъ-дѣлъ-мастера; какъ я ви былъ настроенъ къ тому, чтобъ чувствовать всю высокую красоту зданія, но оно не произвело во мнѣ никакого особенно-сильнаго ощущенія. Между гораздо-больше трогали многіе старинныя англійскіе соборы, когда въ нихъ раздавался гулъ органа, и я былъ

гораздо сильнѣе пораженъ таинственностью и чуднымъ величіемъ Собора св. Марка, въ Венеціи.

Вышедъ изъ собора, гдѣ мы простояли около часа, почти не сводя глазъ съ купола (потому что по всей церкви намъ тогда рѣшительно не хотѣлось идти), мы выѣхали вчеру ѣхать въ Колизей. Черезъ четверть часа, онъ оставилъ лошадей у воротъ, и мы вошли.

Нисколько не прибѣгая къ вымыслу, а говоря простую, чистую истину, — такъ ясно и отчетливо вижу я это даже теперь, — скажу, что на игнореніе, шменю входя въ Колизей, всякій, съ небольшимъ усиленіемъ воображенія, можетъ идти передъ глазами всю эту громаду, оживленную, какъ и въ прежніе годы, тысячами разгоряченныхъ лицъ, которыхъ жадные взоры вперены внизъ, на арену; а на ней такой вихрь борьбы, крови и пыли, какого никакими словами не выразишь. Одинокость, грозная красота, пустынность этихъ развалинъ дѣйствуютъ на зрителя, въ слѣдующій моментъ, подобно услажденной печали; никогда въ жизни, можетъ-быть, не будетъ онъ до такой степени тронутъ и пораженъ какимъ бы то ни было зрѣлищемъ, не имѣющимъ непосредственной связи съ его личными огорченіями или скорбностями.

Видѣть Колизей, обваливающійся понемногу съ каждымъ годомъ, его арки и стѣны, поросшія зеленью, открытые времененъ корридоры, длинныя травы, пробивающіяся изъ трещинъ его портиковъ, молодые деревца, растущія на шероховатыхъ парапетахъ и уже приносящія плоды — случайныя произведенія сѣмянъ, заросенныхъ тамъ птицами, которыя выютъ себя гнѣзда въ щеляхъ и расщелинахъ, — видѣть боевое ристалище, заваленное землею, въ срединѣ которой водруженъ мирный крестъ; подниматься въ его верхіе чертоги и смогрѣть внизъ на развалины, развалины и развалины; видѣть триумфальныя арки Кон-

стантина, Септима-Севера и Тита, римскій Форумъ, дворецъ цезарей, храмы древней религіи, павшіе и уничтожающіеся; видѣть все это — то и самое, что видѣть призракъ древняго Рима, чуднаго, развратнаго, злобнаго города, котораго замогильная тѣнь еще и теперь бродитъ по мѣстамъ, гдѣ прежде толпились его жители. Это самое поразительное, величавое, торжественное и печальное зрѣлище, какое только можно вообразить! Никогда, въ самомъ кровавомъ блескѣ своихъ зрѣлищъ испанскаго Колизея, переволетнаго бѣшеною и развратною жизнью, не трогало ни одного сердца такъ сильно, какъ должно трогать всѣхъ, глядящихъ на него теперь, когда онъ развалина. Благодареніе Богу, онъ развалина!...

Онъ владычествуетъ надъ истинно пречными развалинами и стоитъ какъ гора между могильными бугорками; даже и вліяніе его пережило всѣ остатки старинной мифологіи и старинной греко-латинской культуры, по природѣ варварскаго и жестокаго римскаго народа. Итальянская фантомія измѣняется во времени приближенія иностранца къ такому городу: красота ея становится демоническою; едва-ли найдется въ столицѣ одно между бродящихъ по улицамъ простымъ народомъ, которое заговора же въ возрожденномъ Колизей и выразило бы, что оно чувствуетъ себя дома и счастливо.

Здѣсь, наконецъ, явился и истинный Римъ, и такой Римъ, какого никто не можетъ вообразить себя, — во всей полнотѣ его страшнаго величія! Мы въѣхали на Анниеву-Дорогу и промѣжались подвигаться впередъ въ глыбы мила между разрушенными громадами и обвалившимися стѣнами, встречая только изрѣдка какой-нибудь опущенный домъ; мимо цирка Форумъ, гдѣ поприще бѣга колесницъ, мимо судовъ, совѣтниковъ и зрителей; такъ же ясно, какъ бывало въ прежніе годы; мимо могилы Цециліи Метеллы

ю всёхъ загородовъ, стѣнъ, плегъ, въ открытую Campagna, гдѣ съ й стороны Рима не видишь и не рѣчаешь ничего, кромѣ развалинъ. Ючая той стороны, гдѣ отдаленныя Аппенины ограничиваютъ видъ ва, все открытое пространство предъялетъ одно обширное поле развазъ,—остатки водопроводовъ, отъ коыхъ видны самыя изящныя и живисныя арки; разрушенныя храмы, рушенныя гробницы; пустыня развленія, ярчая и запустѣлая въ каго описанія, гдѣ каждый камень лючаетъ въ себѣ отдѣльную исто-

ю воскресенъе, папа участвовалъ въ ершеніи торжественнаго священноствія въ Церкви св.-Петра. Соборъ извелъ на меня во второе посѣщеніе : точно такое же впечатлѣніе, что въ первое,—такое же, какъ и во мно послѣдующія посѣщенія. Онъ не жагаетъ благоговѣніемъ и не воздаетъ религиозныхъ чувствъ: это—бѣгъное эдавіе, гдѣ ничто не оставиваетъ ва себѣ ни чувствъ, ни ума, илennenыхъ безпрестаннымъ страіемъ и безпрестаннымъ переходомъ одного предмета къ другому. Сацѣль сооруженія этой громады не жагается ни въ чемъ, что адѣсь виль, пока не пріймешьса разсматривъ подробности, — а разсматриваніе робностией отылеаетъ отъ эффекта аго. Соборъ св. Петра можетъ быть знтесномъ и сенатомъ, или великимъ итектуринымъ трофеемъ, нешнѣюмъ никакого другаго назначенія, мѣ торжествъ архитектуры. Правда, въ стоить черная статуя св. Петра въ краснымъ балдахиномъ; она козальной величины, и къ большому ьпу ноги ея безпрестанно прикляаются благочестивые католики; но илгозное впечатлѣніе храма отъэтого усиливается, и онъ все-таки, по йней-мѣрѣ для меня, не выражаеетъ :й высокой цѣлы.

ю большимъ пространствѣ ва алтара были устроены иѣста, похожія южи лондонской италійской опе-
T. L. — Отд. VIII.

ры, но только убранныя гораздо-пышнѣе. Въ центрѣ этой отгороженной такниш-образомъ сцены выходились кресла папы, подъ высокимъ балдахиномъ. Помощь устланъ ковромъ самаго яркаго зеленого цвѣта: багровыми и малиновыми драпировками и золотыми кистями и бордюрами. Съ каждой стороны алтара было по большой ложѣ для иностранныхъ дамъ, которыхъ множество сидѣло въ нихъ, въ черныхъ платьяхъ и черныхъ вуаляхъ. Дворяне папской гвардіи, въ красныхъ мундирахъ, кожаныхъ исподнихъ платьяхъ и ботфортахъ, охраняли это пространство съ обнаженными мечами; начиная отъ алтара и до трапезы, швейцарскіе тѣлохранители папы образовывали собою широкую аллею: они одѣты въ пестрыя, полосатыя полукафтанья, обтяжное пестрое нижнее платье и носятъ на плечахъ аллебарды, подобныя тѣмъ, которыми обыкновенно вооружены театральные воины.

Я пробрался къ самому краю зеленого ковра, вмѣстѣ со многими другими, одѣтыми подобно мнѣ въ черное—другаго паспорта не нужно — и стоялъ тамъ очень-удобно во все продолженіе священнодѣйствія. Пѣвчіе находились въ чемъ-то похожемъ на стойло съ проволочною сѣтью, въ одномъ углу, и цѣли ужасно. Вокругъ зеленого ковра медленно двигались толпы народа, разговаривая, разглядывая папу въ лорнеты и театральныя трубочки, вытѣсняя другъ друга въ болѣе-видныхъ мѣстахъ и глядя безсовѣстно на дамъ. Мѣстами видѣлись небольшія кучки французсканцевъ и кануциновъ, которыхъ грубыя темнаго цвѣта расы и остроковечныя кашюшоны составляли странную противоположность съ пышною пестротою облаченія духовенства высшихъ разрядовъ; смиреніе этихъ монаховъ нѣмло случая проявиться въ полномъ блескѣ, потому-что ихъ жали и толкали со всёхъ сторонъ. Нѣкоторые изъ нихъ были въ гравныхъ садаліяхъ и забрызганныхъ одеждахъ—они пришли для церемоніи издали. Дѣ-

тельно-величественнаго и эффектнаго. Последнее замѣчаніе можно при-
китить ко всему церемонаіалу того дня,
омѣ поднятія просфоры, когда вся
ская гвардія вдругъ преклонила
ю можно и обнаженные мечи всѣхъ
кнули разомъ о каменный помостъ
ма — это, дѣйствительно, имѣло
днѣй эффектъ.

дѣдующее мое посѣщеніе собора
ло недѣли черезъ двѣ или три. Я
рался на самый верхъ. Дранировки
екорациіи были сняты, коверъ свер-
гъ; но всѣ подмостки и настлѣнки
авались петровутыми.

Іагница и суббота были торже-
ешные праздники, а такъ-такъ вос-
сенье исключается изъ карнаваль-
хъ увеселеній, то мы съ нетерпѣ-
нъ и любопытствомъ ждали начала
дующей недѣли, которой поведѣль-
гъ и вторникъ послѣдніе, самые
шіе и самые веселые карнавальныя

и поведѣльничъ, около часа или
хъ полудни, на дворѣ гостиницы
ался страшный шумъ экипажей;
трантирала прислуга асууетилась,
ѣгала вездѣ и впередъ; но-время
хъ проводился въ колескѣ мимо
нъ и балконовъ какой-нибудь ино-
амецъ въ фантастическомъ наспа-
номъ костюмѣ, изъ которому онъ
не привыкъ достаточно, чтобы
ить его публично съ самоувѣрен-
гью. Всѣ колески и кареты были
рыты, и внутренность каждой тща-
льно обтѣнута бѣлыми холстомъ или
виноромъ, чтобы настояція укра-
іи ихъ не испортились отъ безпро-
наго бросанія конфетъ, въ составъ
рыхъ входятъ мука и петорыя
вуются собственно для карнавальна-
омбирдированія. Въ каждый эки-
хъ, дожидавшійся у вольѣзда сво-
сѣлокотъ, грузили огромные мѣш-
корзинки этихъ конфетти, вмѣстѣ
акими страшными грудями цѣлѣ-
увазаныхъ въ небольшіе бу-

кеты, что многіе экипажи были выи
не только наполнены, но даже пере-
полнены черезъ край, и при каждомъ
толчкѣ рассыпали часть своего изоби-
лія по дорогѣ. Чтобы не отстать отъ
прочихъ относительно этихъ суще-
ственныхъ карнавальныхъ принадлеж-
ностей, мы также велѣли нагрузить въ
свою наемную коляску два большу-
щіе мѣшка, фута въ три вышиною,
съ конфетками, и огромную корзину,
переполненную букетами цвѣтовъ. Мы
наблюдали за всѣми этими пригото-
вленіями съ одного изъ верхнихъ бал-
коновъ гостиницы съ самымъ живымъ
удовольствіемъ. Когда экипажи начали
трогаться съ мѣста отъ подъѣздовъ,
мы также успѣли въ свою коляску и
поѣхали, вооружившись проволочнымъ
маснами изъ предосторожности про-
тивъ карнавальнаго бомбардированія.

Улица Корсо тянется на цѣлую милю
— это улица лавокъ, палатко и ча-
стныхъ домовъ, расширяющаяся мѣ-
стами, такъ-что образуетъ довольно-
просторныя площади. Почти у каждо-
го дома красуются балконы и откры-
тыя галереи — не у одного какого-ни-
будь этажа, но часто у той или другой
комнаты въ каждомъ этажѣ; они при-
дѣланы къ домамъ безъ всякой пра-
вильности, безъ всякой симметріи,
такъ-что, еслибъ годъ за годомъ ва-
лились дожди балконовъ, грады бал-
коновъ, снѣга балконовъ, то и тогда
имъ было бы невозможно располо-
житься безпорядочнѣе своего теперѣ-
шняго существованія.

Улица Корсо — великое средоточіе
карнавала. Но какъ всѣ улицы, по ко-
торымъ карнавалъ разгуливаетъ, ван-
ты блательными драгунами, то кареты
должны напередъ проѣхать гуськомъ
по другимъ улицамъ и повалаютъ на
Корсо съ конца, отдаленнаго отъ Piazza
del Popolo. Въ слѣдствіе такого заве-
деннаго порядка и мы попали въ вер-
шину экипажей, и, въ-продолженіе нѣ-
котораго времени, двигались довольно-
спокойно, то самымъ тихимъ шагомъ,
то легкою рысцою, то шатаясь назадъ,
то останавливаясь совершенно, смотря

по движеніямъ передовыхъ. Если ка-кая-нибудь запальчивая карета выно-силась изъ ряда и дребезжала вне-редь, съ буйнымъ замысломъ опере-дить прочихъ, ее немедленно насти-галъ или встрѣчалъ конный вонизъ, который, не внимая никакимъ убѣжде-ніямъ и доказательствамъ, неумолимо конвоировалъ ее назадъ, на самый ко-нецъ, такъ-что она казалась едва-за-жѣтымъ пятномъ въ этой безконеч-ной перспективѣ. По-временамъ, мы обшаривались залпами конфетъ или букетовъ съ ближайшею передовою или заднею каретою; но до-сихъ-поръ главное увеселеніе доставляли намъ покуда пѣвныя драгунами непо-корные экипажи.

Послѣ этого мы вѣхали въ до-вольно-узкую улицу, гдѣ встрѣти-ли другой рядъ каретъ, тянувшей-ся въ противоположную намъ сто-рону. Здѣсь конфетъ и цвѣты начали летать гораздо-быстрѣе и дѣятель-нѣе. Господинъ, наряженный грече-скимъ воинномъ, попалъ какому-то мо-лодому бандиту, готовившемуся бро-сить букетъ молодой дамѣ, стоящей у окна перваго этажа, прямо въ востъ, съ меткостью, заслужившею ему ру-коплесканія всѣхъ присутствующихъ. Но только-что побѣдовосный Грекъ успѣлъ обшарить насмѣшливымъ замѣчаніемъ съ толстымъ госпо-диномъ, стоявшимъ въ дверяхъ бли-жайшаго дома, наряженнымъ въ бѣ-лое съ чернымъ пополамъ, вдоль, поздравлявшимъ его съ этимъ под-вигомъ, какъ вдругъ ему прилетѣлъ въ лѣвое ухо апельсинъ, брошенный съ одного изъ верхнихъ балконовъ; онъ удивился, чтобъ не сказать—свофу-вился, и, такъ-какъ онъ стоялъ въ это время въ коляскѣ, а та вдругъ двину-лась впередъ, то онъ пошатнулся, упалъ и зарылся въ своихъ цвѣтахъ.

Черезъ четверть часа мы очутились на Корсо: трудно вообразить себѣ что-нибудь веселѣе, разнообразнѣе, не-стрѣе в оживленнѣе всей блестящей сцены, которую мы тутъ увидѣли. Всѣ безчисленные балконы, близкіе и отда-

ленные, высокіе и низкіе, были дра-пированы коврами и кусками ярко-красныхъ, ярко-зеленыхъ, ярко-синихъ, ослѣпительно-бѣлыхъ, золотыхъ и серебряныхъ матерій и шарчей. Изъ оконъ, съ террасъ, съ верхнихъ домовъ, спускались на улицу богатѣйшія ве-лотнища самыхъ блестящихъ и разно-образныхъ цвѣтовъ. Казалось, будто всѣ строенія выворочены и вся инт-ренняя роскошь ихъ, все убранство были обращены наружу. Огня выга-зниковъ были вынуты, и, вмѣсто выстав-ленныхъ на показъ товаровъ, вылетѣла блестящая публика, какъ въ локахъ ярко-освященнаго театра; двери были сняты съ петель, и стѣны домовъ пре-вратились въ продолговатые гроты, украшенные коврами, гирляндами зе-лени и цвѣтовъ; гѣса и подвосты строившихся домовъ сдѣлались пыл-ными храмами, сіявшими золотомъ серебромъ и пурпуромъ; во всякомъ уголкѣ, всюду, вездѣ, гдѣ только могла блестятъ женскіе глаза, они сверкали искрились, смѣялись, какъ отраженіе огня на водѣ. Тутъ можно было на-дѣтъ всякаго рода оборочивательно-безумные наряды. Короткіе багровыя спенсеры; вычурныя старинныя та-вики и самыя кокетливыя корсакы польскіе полумубки, ловно обогатив-шіе стройный станъ; греческія ша-почки, надѣтыя дерзко на богорель-держаніица Богъ-знаетъ какъ на ро-кошныхъ темныхъ волосахъ, — словомъ всѣ сумасбродныя, затѣйныя, при-хотливыя, съ уха сводящія оштан-ки проявились въ прелестнѣйшихъ жен-скихъ костюмахъ, и всѣ заботы и при-знамы были забыты, какъ-будто въ древніе времена, провели въ то утро на-Деты въ Римъ на своихъ огромныхъ аркахъ.

Экипажи вѣхали здѣсь по три въ рядъ, а въ болѣе-просторныхъ улицахъ по четыре; часто они останавливались цѣлыми группами на долгое время, каждаый являлся пестрою массою разнообразнаго блеска, рисуясь вдоль улицъ, среди вихря цвѣтовъ, и

етъ колоссальной величины. У нѣ-
которыхъ лошади были въ перьяхъ и
крыты богатѣйшими попонами; у
иныхъ, онѣ были убраны отъ головы
хвоста въ разноцвѣтныя ленты.
которыми правили кучера съ чудо-
дными двойными лицами, изъ ко-
рыхъ одно глядѣло на лошадей, а
другое высило необычайные взоры
и въ экипажъ. И все это двигалось
редъ, полъ градомъ confetti. Дру-
гичера были наряжены женщиная
въ длинныхъ локонахъ и безъ шля-
къ: при каждомъ затрудненіи съ ло-
дыми (а подобныхъ случаевъ было
много въ такой толкотнѣ), они каза-
лись смѣшныя, чѣмъ языкъ можетъ
разить или перо описать. Въесто
о, чтобъ сидѣть въ коляскахъ,
скамьяхъ, прекрасныя Римлянки,
объ лучше видѣть и быть видѣны-
сидятъ на передней и задней за-
сѣнкахъ, опираясь своими ножками
подушки—и какіе въ это время ри-
ются роскошныя станы, какъ со-
звѣстельно развѣваются ихъ платья,
и у нихъ непринужденныя, смѣю-
тся лица, какіе бойкіе, рѣзвые, ко-
лывые взгляды!

Суть двигались мѣстами огромныя
олы, наполненныя молодыми дѣвуш-
ки—ихъ сидѣло по тридцати и боль-
ше въ каждой: какіе залпы, цвѣтотъ и
шестъ стрѣляли изъ нихъ и по
въ! Вокругъ этихъ волшебныхъ ко-
лей, минутъ по десяти носились
воздухъ сладкіе и благовоныя сна-
пы. Нѣкоторые коляски, задержан-
ны долго на одномъ мѣстѣ, завязы-
ны перестрѣлку съ другими, или съ
стелами въ окнахъ нижнихъ этажей;
сраженіе вѣшивались зрители ка-
ко-нибудь верхняго окна или балко-
ны бомбардировали обѣ стороны,
прожившая большущіе мѣшки кон-
отъ, сыпавшихся градомъ и разле-
шихся въ мучную пыль, такъ-что
ющіе бѣжали въ одинъ мигъ, какъ
льники. А между-тѣмъ, экипажи дви-
лись за экипажами, костюмы смѣня-
лись костюмами, толпы толпами, цвѣ-
цвѣтами...

Мужчины и мальчишки цѣплялись
за колеса колясокъ, задерживали ихъ
сзади, или слѣдили за ними и ныряли
между ногами лошадей, подбирая раз-
бросанныя букеты; чтобъ ихъ снова
продавать; пѣшія маски, вообще са-
мыя забавныя изъ всѣхъ, въ фанта-
стически - уродливыхъ придворныхъ
костюмахъ, рассматривали публику въ
чудовищныя лорнетты и всегда прихо-
дили въ восторгъ любви и удивленія,
если имъ удавалось открытыя како-
нибудь окна особенно-старую и не-
красивую зрительницу; длинныя вер-
евницы полишинелей, вооруженныя
привязанными къ палкамъ надутыми
пузырями, сыпали удары направо и
налѣво; огромная фура сумасшедшихъ,
кривлявшихся, кричавшихъ, метав-
шихся, какъ въ самомъ дикомъ при-
падкѣ безумія; коляска съ величавыми
мамелюками, среди которыхъ красо-
вался бунчукъ; толпа цыганокъ, бе-
жалостно воевавшихъ съ полнымъ
кораблемъ матросовъ, чудовищная
обезьяна на шестѣ, окруженная чу-
дными заѣрми со свиными головами и
львиными хвостами, которые они дер-
жали подъ мышками или граціозно на
плечѣ,—и все-таки, экипажи за экипа-
жами, костюмы за костюмами, толпы
за толпами и цвѣты за цвѣтами...

Можетъ - быть, немногіе изъ этой
безчисленной толпы наряженныхъ
выдержали свои роли или даже забо-
тились о нихъ: — главная привлека-
тельность всей сцены состояла въ об-
щемъ непринужденномъ добролушіи;
въ блестящемъ, рѣзвомъ, чудномъ раз-
нообразіи и въ полномъ увлеченіи
всѣхъ безумною, общою веселостью.
Увлеченіе это такъ неизбежно, зарази-
тельно и совершенно, что самый сте-
пенный иностранецъ не выдерживаетъ
и бросаетъ въ свою очередь цвѣты и
confetti, не хуже самаго горячаго Рим-
лянина, и не думаетъ ни о чемъ дру-
гомъ до половины пятаго часа: тогда,
къ величайшему его сожалѣнію, ему
вдругъ напоминаютъ звуки трубъ и
драгуны, начинающіе очищать ули-
цы, что пора перестать и что онъ за-

нимается не главною цѣлью своего временнаго существованія.

Какъ улица очищается для скачки, которая должна начаться въ пять часовъ, и какъ лошади скачутъ, не давая людямъ—этого я и до-сихъ-поръ не могу себѣ объяснить. Какъ бы то ни было, но экипажи исчезаютъ въ боковыя улицы, или поднимаются на Piazza del Popolo; нѣкоторые изъ зрителей раздѣщаются на временныхъ галереяхъ, устроенныхъ на этой площади, а десятки тысячъ другихъ вытягиваются по обѣимъ сторонамъ вдоль Корсо, когда лошадей выводятъ на площадь—къ подножью той самой колонны, которая за нѣсколько столѣтій смотрѣла на игры и бѣгъ колесницъ въ знаменитомъ Circus Maximus.

По данному знаку, лошади трогаются съ мѣста. Онѣ летятъ внизъ по Корсо, вдоль живыхъ шпалеръ, какъ вѣтеръ,—безъ всадниковъ, какъ всякому извѣстно, съ блестящими украшениями на спинахъ и въ заплетенныхъ въ косы гривахъ, съ тяжелыми шарками, которые утыканы остріями, болтаются по ихъ бокамъ и колятъ ихъ для поощренія. Звукъ всѣхъ этихъ украшеній, звонкій топотъ конскихъ копытъ по камнямъ мостовой, бѣшеный бѣгъ ихъ вдоль улицы, даже пушки, изъ которыхъ тогда палятъ—все соединеніе этого разнороднаго шума ничто въ сравненіи съ ревомъ, восклицаніями и громомъ хлопанья въ ладоши безчисленнаго множества зрителей. Но вѣтому скоро конецъ, почти мгновенно. Новые пушечные выстрѣлы потрясаютъ горда. Лошади уперлись въ протанутые поперекъ улицы ковры, которые останавливаютъ ихъ бѣгъ; цѣль достигнута; призы выиграны, и дневныя увеселенія кончены. Въ составленіи призовъ участвуютъ отчасти Жиды, которые этимъ какъ-будто откупаются отъ надобности бѣгать на своихъ ногахъ, чѣмъ Римляне потѣшались въ старину.

Но если сцена блестяща, разнообразна и многолюдна въ предпоследній день, то въ заключеніе карнавала, на слѣдующій день, она достигаетъ тако-

го блеска, бѣшеваго веселья, тогда необузданнаго, безумнаго ожиданія, что отъ одного воспоминанія уже кружится голова. Тѣ же забавы, тогда ваканунтъ, которыми предаются усилленнымъ увлеченіемъ и шумомъ продолжаютъ до того же часа. Скачка повторяется, пушки палятъ свои крики и рукоплесканія возобновляются; потомъ снова палятъ пушки, бѣ опять конченъ, и призы опять выиграны. Но экипажи, въ которыхъ не успѣли ухватиться по колѣнямъ въ конскія цѣвѣтахъ, и которые до того покрыты пылью и мукою снаружи, что итѣва можно узнать,—вмѣсто того, что развѣхаться по разнымъ направлениямъ домой, толпятся снова на Корсо, гдѣ ихъ набирается самая скучная масса: тогда должна начаться игра въ тоссоли, последнее безумное увеселеніе карнавала. Продавцы маленькихъ свѣчъ выскочивъ весело кричатъ со всѣхъ сторонъ во все горло: «тоссоли, тоссоли! ecco тоссоли!»— новую гвардію въ общемъ шумѣ, заминаящую крики, который по-временамъ, дѣлая, еще слышнѣе громче всѣхъ восклицаній крикъ: «ecco fiogi! ecco fiog-g-»

Лишь-только всѣ блестящіе гарнитуры и костюмы начинаютъ выдвигаться, подъ одинъ однообразный звукъ цѣвѣтъ, при закатѣ дня, въ разныхъ местахъ начинаютъ замелькать огни въ окнахъ, на крышахъ домовъ, на балконахъ и галереяхъ, въ рукахъ, въ рукахъ пѣшеходовъ и по-малу, потомъ, постепенно, все больше и больше, пока наконецъ вся длинная улица не засверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ. Тогда у каждого изъ зрителей одна главная забота: гасить свѣчи другихъ съ тѣмъ, чтобы горѣли собственныя. Всѣ, мужчины, женщины, дѣти, кавалеры и дамы, и простолюдины, туземцы и иностранцы—всѣ кричатъ и размахиваютъ всѣхъ силъ, въ видѣ насмѣшки надъ побѣжденными: «senza тоссоли, senza тоссоли!» (безъ свѣчки, безъ свѣчки) пока наконецъ не слышно ни

исполнискаго хора этихъ двухъ выкрикиваемыхъ на всѣ голоса фривольныхъ громкихъ хохотъ. Это время зрѣлище дѣлается однимъ самыхъ необыкновенныхъ, какъ только можно вообразить себѣ. Экипажи движутся медленно, и всѣ стоятъ на подушкахъ или на кузовѣ, держа для безопасности свои какъ-можно-выше; у иныхъ огражденъ бумажными трубками, у другихъ горятъ цѣлыя связки свѣчкихъ въствѣтъ moscolò; у третьихъ пылаютъ факелы, или просто голыя маленькія свѣчки. Пѣшеходы вѣздуютъ между колесами, выжидаютъ благоприятнаго мгновенія и потомъ выскакиваютъ и выбиваютъ какибудь избранную варантѣ свѣчку; другіе лѣзутъ на приступъ въ экипажи, чтобъ овладѣть насильно чужими или, третьи гоняются за какибудь съдокомъ, который сбѣгаетъ во-твоей коляски съ добытымъ или украденнымъ огнемъ, чтобъ помочь ему обществу, которое уже senza coło; иные, снявъ почтительно шапки, подходятъ къ дверцамъ экипажа и широкимъ упрашиваютъ какую-нибудь добросердечную даму, чтобъ обдала ихъ огнемъ для сигары, она та раздумываетъ, вдругъ задумываетъ, который она такъ тщательно охраняла своею ручкой. Зрители и зрительницы у оконъ стараются выхватить свѣчки съ улицы на удочки, навлезаютъ платки на габіе прутья, о выхлестываютъ ими по огню, а владѣлецъ его только-что торжествуетъ какой-нибудь трудный по-ходъ. Многіе стоятъ пригавившись за ми, вооруженные огромными ганниками, какъ аллебардами, и вне-о накрываютъ ими чьи-нибудь доносные факелы; другіе окружаютъ экипажи и безотвязно цѣпляютъ на нихъ, или пускаютъ цѣлый вѣнецъ апельсировъ и букетовъ въ какибудь упорно-отстаивающійся экипажъ, или штурмуютъ пирамиду, на вершинѣ которой держится

одинъ и размахиваетъ надъ головою оловякомъ, въ знакъ вызова нападающимъ. Senza moscolo! senza moscolo! Красавицы, стоя на подушкахъ своихъ колясокъ, показываютъ съ насѣшкою на погашенныя свѣчки, хлопаютъ въ ладоши и съ звонкимъ хохотомъ кричатъ: « Senza moscolo! Senza moscolo! ». Балконы нижнихъ этажей, наполненные прелестными личиками и щегольскими нарядами, отражаютъ приступы съ улицъ; одні отталкиваютъ лѣзущихъ, другіе наклоняются, третьи высовываются, чтобъ лучше видѣть, четвертыя отскакиваютъ назадъ—и все это съ веселымъ смѣхомъ, съ самою дѣтскою игривостію! Стройныя станы, лѣтныя руки, обнаженныя до прелестнѣйшихъ плечъ, очаровательнѣйшіе бюсты, граціозныя движенія, искрпящія глаза, яркіе огни, воздушныя ленты, шарфы и платья— senza moscolo! senza moscolo! senza mos-co-lo o-o-o!!! Но вдругъ, въ самомъ полномъ разгарѣ шума и веселья, въ самомъ неистовомъ увлеченіи, раздается съ колоколенъ церкви звонъ Ave Maria, и карнавалъ прекращается разомъ—звонъ этотъ гаситъ его однимъ дуновеніемъ, какъ свѣчку!

Въ тотъ вечеръ былъ въ театрѣ ма-снарадъ, такой же скучный и безжизненный, какъ лондонскіе, и замѣчательный только по безцеремонности, съ которою въ одиннадцать часовъ выпроводили публику: фронтъ солдатъ выстроился вдоль стѣны назади сцены и вышелъ движеніемъ своимъ впередъ всѣхъ присутствующихъ, какъ огромнымъ помеломъ. Игра въ moscoletti, какъ полагаютъ нѣкоторые, не что иное, какъ церемоніалъ комическаго оплакиванія смерти карнавала, потому-что католическая горестъ не можетъ обойтись безъ свѣчекъ. Такъ или нѣтъ, остатокъ ли это древнихъ сатурналіи, или совокупленіе того и другаго, или счастіе совершенно-другихъ началъ; но, конечно, я буду всегда вспоминать о забавѣ moscoletti, какъ о самомъ блестящемъ и лѣтнѣйшемъ зрѣлищѣ: оно столько же

замѣчательно по непринужденному добродушію всѣхъ, — въ числѣ взлѣзавшихъ на коляски были многіе мужчины и мальчишки изъ самаго простаго народа, — сколько по своей невинной игривости. Какъ ни страннымъ это кажется, но забава, пренеполненная самой безопасной рѣзвости, самаго полнаго самоабвенія, совершенно-свободна отъ малѣйшей неблагопристойности; пока она длится, господствуетъ, по видимому, чувство всеобщаго, почти дѣтскаго простодушія и совершенная увѣренность, что никто не употребитъ во зло увлеченія этихъ немногихъ минутъ, которое доколотъ Ave Maria превращаетъ словизъ звономъ на цѣлый годъ.

НЕДОУМЪЯНІЕ.

Рассказъ.

Ксимофонъ Григорьевичъ. — Лучше скажите мнѣ, кто всѣ-то поставилъ надзирателемъ при человѣчскомъ родѣ?...

Рязскій. — Спросите лучше, зачѣмъ Богъ позволяетъ сердцу сжиматься при видѣ лавой подлости, или безстыднаго лицемерія...

Ксимофонъ Григорьевичъ. — ...Все такъ, но зачѣмъ писать? зачѣмъ писать? это какъ-то неприлично ни вашему званію, ни вашему положенію въ свѣтѣ, — на это ужъ есть такіе особые люди, сочинители, — мало ли ихъ — пусть ихъ пишутъ, а дѣло съ концомъ, а ваше дѣло — сторона...

Князь Оловскій.

Это было очень-давно, но и теперь я хорошо помню небольшую комнату съ двумя кроватями, заваленную чубуками, книгами, брошюрами, разными мелочисными инструментами. Въ этой

комнатѣ, между облаками табачнаго дыма, жили два пріятеля. Оба они поновались Иванами Ивановичами, а для отличія, одного изъ нихъ прозвали *Жаномъ*, другаго *Іоганномъ*. До сих поръ не могу понять, что веродѣлательница между ними такую тѣсную, почти шаничскую пріязнь въ то время, и характеры двухъ друзей можно было уподобить двумъ противоположнымъ стихіямъ. Жанъ — молодой человекъ около двадцати, робкій, нечистый, вѣчно-угрюмый, вѣзнаго бага сложенія и перфшительнаго характера: каждое новое обстоятельство, двигающееся сколько-нибудь изъ пределовъ повседневной жизни, пришло къ Жану въ-тунникъ, онъ впадалъ въ рефлексію, обдумывалъ, вертелъ, ходилъ до отчаянія; только одна глупость умѣла вывести друга изъ ринга мышленія и часто рѣшалъ по собственному своему усмотрѣнію. Насмѣшники поговаривали, что Жанъ подружился съ Іоганномъ для того, чтобы думать головою Іогана. Іоганъ былъ старше Жана двумя или тремя годами: его крѣпкая натура, и широкіе размѣры тѣлосложенія, а главное — его твердый, самостоятельный характеръ, какаа-то строгая общность во всѣхъ поступкахъ, и твердость въ сужденіяхъ, — это его рѣзкой чертой отъ низкаго женоподобнаго Жана. Іоганъ былъ что-называется «на-распашку» съ двухъ, трехъ словъ онъ всѣмъ зывался передъ вами; откровенность его — извините за сравненіе — была какъ шампанское изъ незнакомой поренной бутылки; напротивъ Жанъ робкій, застѣчивый, молчаливый; Жанъ уподоблялся закрытой бутылкѣ, содержанія которой нельзя было узнать; Іоганъ же — совершенію этихъ противоположностей. Я прибавлю, что Іоганъ былъ богатъ, Жанъ — бѣдненькій; но первый до того пени былъ весельчакъ и балагуръ, что между ними можно буквально приравнять его къ древняго поэта: у него рѣчь была на языкѣ, а въ груди сердце было на языкѣ. Перфѣдко, бѣдненьку у

ласность быть выгнаннымъ изъ квар-
 тры за неплатежъ денегъ, а онъ по-
 грызалъ на своемъ violonчелѣ въ
 какомъ расположеніи духа, какъ Сер-
 гею, только-что собравшіи кисти ассиг-
 нцій послѣ давняго имъ концерта;
 въ второго я привыкъ слышать въч-
 ла жалобы на нездоровье и скуку
 жизни, не смотря на то, что Жанъ, по
 оему состоянію, имѣлъ всѣ средства
 пользоваться удобствами жизни. —
 Жанъ вступилъ въ университетъ — по
 необходимости имѣть ученую степень
 и выгодъ службы. Иоганнъ слѣдилъ
 о по одной любви къ наукѣ и, полу-
 нивъ степень магистрата правъ, снова
 умалъ лекціи по медицинскому фа-
 культету, находя, что званіе меллика
 иже обезпечиваетъ жизнь бѣднаго
 мочка, нежели званіе правовѣда.
 И прочее, Жанъ и Иоганнъ сходны
 или между собою въ однихъ пунктахъ:
 оба они имѣли доброе сердце. Жанъ,
 исполняя на дѣлѣ заученное имъ пра-
 во, а человекъ — и ничто человѣче-
 ское имъ не чуждо, уплачивалъ, тай-
 нѣ, неоплатимые для Иоганна долги,
 же началъ курить трубку, къ кото-
 ры всегда чувствовалъ отвращеніе,
 а того, чтобы извѣститъ Иоганна отъ
 необходимости занимать стаканами та-
 кихъ у другихъ соквартирантовъ. Къ
 концу же вѣсела мѣсяца, когда, по
 быковенію, *панна Пруденція*, въ домъ
 которой мы квартировали, требовала
 платы слѣдующихъ ей по условію
 вѣчныхъ денегъ, — къ концу кажда-
 го мѣсяца, Иоганнъ чаще прибѣгалъ къ
 оей violonчелѣ, будто испрашивая
 нея совѣта: «какъ бы избавиться
 отъ упрековъ сварливой старухи?». Но
 вруха, точно угадывая его мысль,
 вытаскивала Иоганна табаконъ изъ сво-
 ей табакерки съ портретомъ Понятов-
 аго и, улыбаясь, говорила: «Не без-
 койтесь... не задумывайтесь: вашъ
 зельной счетецъ уплоченъ». — Иоганнъ
 гадывался, чья рука выручала его
 отъ бѣды и моча жалъ руку Жана.
 Иустое, Иоганнъ... когда-нибудь со-
 емся! — отвѣчалъ обыкновенно Жанъ.
 И Иоганнъ чувствовалъ до какой сте-

пени онъ обязанъ Жану, который
 умѣлъ такъ хитро и благородно изба-
 вить его отъ визитовъ отвратительной
 гостью въ лохмотьяхъ, съ впалыми
 щеками, оборванными локтями, — го-
 стын, именуемой *бѣдностью*. Иоганнъ
 представилъ тому тысячи доказа-
 тельствъ.

Жанъ большую часть времени прово-
 дилъ въ чтеніи романовъ, или въ уеди-
 ненныхъ прогулкахъ за городомъ, что
 болѣе и болѣе развивало въ немъ при-
 родную склонность къ ипохондріи. —
 Жанъ избѣгалъ общества, Иоганнъ ис-
 казалъ его: вотъ почему, въ то время,
 когда Жанъ задумывался надъ вымы-
 славъ Гюго или Бальзана (рассказы-
 ваемое мною событіе происходило еще
 во времена славы, вынѣ уже поблек-
 шей, этихъ корифеевъ), Иоганнъ въ
 сосѣдней комнатѣ любезничалъ съ го-
 зайской дочерью, милочивою Полькой,
 по имени *Фасей*... (Фася — уменьши-
 тельное имя Фаустины).

Всѣ чуждались угрюмаго Жана: Ио-
 ганнъ былъ предсѣвателемъ нашихъ
 бесѣдъ, затѣйникомъ невинныхъ шу-
 шекъ... Я помню, никто изъ насъ не
 умѣлъ лучше Иоганна перенять мане-
 ры и такъ естественно поддѣлаться
 подъ голосъ одного профессора-ориги-
 нала, который, считая себя славяно-
 филомъ, или «патриотомъ», вздумалъ
 изгнать изъ русскаго языка всѣ ино-
 странныя, даже техническія выраже-
 нія, почему и называлъ себя «*чрезвы-
 чайнымъ преподавателемъ*», желая тѣмъ
 замѣнить иностранное выраженіе «ек-
 страординарнаго профессора»; секре-
 таря медицинскаго факультета слава-
 нофиль всегда называлъ «*тайникомъ
 врачебнаго отдѣленія*», а свои калоши
 именовалъ «*мокроступами*...». Съ эти-
 ми мокроступами произошла забав-
 ная исторія. Надобно сказать, что
 «чрезвычайный преподаватель» имѣлъ
 обыкновеніе звать и лѣтомъ ходить
 въ одномъ видундирѣ, безъ шивели и
 перчатокъ; единственную роскошь, по-
 зволяемую профессоромъ, составляли
 калоши, надѣваемые имъ въ дождливое
 время, когда онъ перемѣнял свою гол-

стую налку на вѣтчикъ, но шинели не допускалъ. Калоши свои профессоръ имѣлъ привычку ставить подлѣ дверей аудиторіи, но, по окончаніи лекціи, уже не могъ отыскать ихъ; напрасно шарилъ профессоръ по всемъ угламъ аудиторіи: — калоши его каждый разъ пропадали. Равдосадованный, онъ поклялся сторожа, прочитавъ ему нотацию о пропавшихъ мокроступахъ; но вытянутое, глупое лицо университетскаго сторожа достаточно доказывало его невинность: профессоръ, смекнувъ дѣло, началъ ставить свои калоши не подлѣ дверей аудиторіи, какъ прежде, но бливъ ступенекъ каедръ. Разъ, однако, забывшись, поставилъ ихъ на прежнее мѣсто — у двери аудиторіи, — а Іоганнъ, себѣ-на-умѣ, пробираясь уже къ цѣлу; вдругъ профессоръ, изъяснявшій, повидимому, довольно-серьезно, о «вѣтчикѣ и лепесткахъ», остановилъ Іоганна на половинѣ дороги своей грозной рѣчью: «Такъ-то вы, милостивый государь, слушаете мои *предостереженія*: — вы уже три пары ношъ *мокроступовъ* украли, а теперь, этакъ, кой-либо-что, хотите, какъ вижу я, украсть четвертую?..»

Такая выходка не прошла даромъ Іоганну — и Іоганнъ поплатился за нее карьерою. Надобно было видѣть изумленіе, испугъ, даже родъ нѣкотораго отчаянія, овладѣвшаго Жаномъ, когда онъ услышалъ о заключеніи своего пріятеля. Жанъ, по своему мнительному характеру и робкой натурѣ, представлялъ проступокъ Іоганна въ преувеличенномъ видѣ и выводилъ изъ него самыя гибельныя послѣдствія для своего пріятеля. «Кончено, — его выгонятъ изъ университета!» вопилъ Жанъ; напрасно мы, товарищи, даже панна Пруденція и дочь ея доказывали Жану, что проступокъ Іоганна дерзкій, безъ-сомнѣнія, еще не такъ важенъ, и дѣло пріиметь другой оборотъ. Чудакъ твердилъ одно, прибавляя въ заключеніе, что онъ всегда говорилъ Іоганну, что проклятая живость характера уже не доведетъ его до добра...

— Да, вы врагъ всякой живости, но я знаю, потому-что у васъ рыла кровь! — зашѣтила испльщиво Фаса.

И, между нами будь сказано, — она имѣла нѣкоторое право сдѣлать Жану это замѣчаніе, ибо въ то время, когда вся молодежь преклонялась предъ расотою Фасы, одинъ Жанъ, холодный Жанъ, гордо стоялъ подлѣ нея, подобно безстрастному герою Байрона. Впрочемъ, мы не допускали такого безстрастія въ Жанѣ; холодное же обращеніе его съ Фасей относили просто къ его застѣчивости и извѣстной робости Жана въ обращеніи съ женщинами... Другой причины равнодушія Жанова къ Фасѣ мы не могли допустить, потому-что видѣть Фасю и не любить ея — было выше нашего понятія. Фаса служила оселкомъ, на которомъ пробовались чувства каждого изъ молодыхъ людей нашего десятиа. Фаса — была наша Грѣтхенъ, Юлія, Тая... каждый изъ насъ воплощалъ созданія любимыхъ поэтовъ въ очаровательномъ образѣ живой, граціозной Фасы... И съ какою искусственною семнадцатилѣтняя вѣтренница ухитилась каждого изъ насъ приласкать, обласкать, не давая притомъ никому изъ насъ права на явное предпочтеніе — вотъ почему, когда въ нашемъ маленькомъ обществѣ царствовалъ нейтралитетъ, мы были счастливы, спокойны; но, коль-скоро нейтралитетъ начиналъ колебаться, и между нами являлся «счастливецъ», которому Фаса давала перевѣсъ — о, тогда наше мщеніе обращалось на голову виновнаго! Никогда не забуду, какъ одному изъ «счастливцевъ» отпелъ вѣтренный, взбалмошный Іоганнъ дѣло доходило до гладиаторскаго боя — и бѣдному Жану, по послѣдствію: «въ чужомъ пиру похмѣлье», пришлось примирять двѣ враждующія стороны. Жанъ употребилъ всѣ свои силы, физическія и нравственныя, чтобы отвлечь враговъ отъ ссоры; но слабые кулаки, нахмуренныя брови дитя Монтеки и Капулетти давали мало надежды на успѣхъ. Бѣдный Жанъ...

ершенно растерялся и кончил тѣмъ, то отправился къ Фасѣ и просилъ ее рвать роль медиатора въ ссорѣ двухъ противниковъ. Надобно было видѣть, авой лисой подошла она къ Югану, какъ умилно взглянула на его противника! Разумѣется, ссора была кончена — и недавние враги уже чокались стаканами и пили довское за здоровье прекрасной примирительницы.

Въ-самомъ-дѣлѣ, чудное, загадочное званіе была эта Фаса — царица между своихъ подругъ, ангелъ и демонъ въ кругу мужичковъ: она то плѣвала вась юномъ обращеніемъ, полнымъ дѣтской наивности и женственной граціи; то, по свойственнымъ ей приотнямъ, взумляла выходками, хотя и ужасными тривіальности, но въ которыхъ замѣтно было рассчитанное кокетство, облуманные планы: результатомъ же той и другой роли бы — очарованіе, могущество котораго не возможно было противиться...

Желчно сознаваться, а надобно, что мы въ преподаваемыхъ намъ предметахъ востаточно изучили только одиавъ эту дѣвушку съ ея темными, разлпными, бархатными кудрями, черными глазами, соблазнительно плу-вскимъ личикомъ, котораго каж-ю ливію, каждый отѣнокъ, каждое раженіе знали мы навзустъ и рисо-ли его не только на украшенной бор-рами бумагѣ, но даже, въ часы раз-мья, вырѣзывали перочиннымъ но-комъ на скамьяхъ аудиторіи... И не древо: мы ниѣли случай видѣть Фа-нѣскольво разъ въ день: мы обѣда-ва общимъ столомъ съ Фасей, ужина-ли и пили чай виѣстѣ съ нею. Каж-е воскресенье, всѣ мы, обыкновен-но, отправлялись въ костѣль — и эта-ся, съ молитвенникомъ въ рукѣ, въ озрачно-бѣлой, кисейной мантильѣ, кинутой на ея чудовыя, будто выто-пныя изъ слоновой кости плечики, за-лась соблазнительнѣе Маргариты уста, когда Меѣнстофель въ пер-й разъ познакомилъ его съ нею... гати: у насъ, если хотите, былъ ю рода Меѣнстофель — такъ прова-

ли мы одного изъ квартирантовъ пан-вы Пруденціи — Степана Алексѣевича; но съ этимъ лицомъ надо познать-ся короче уже по одному тому, что Степанъ Алексѣевичъ не походилъ на прочныхъ жильцовъ дома Пруденціи — и вотъ по какимъ причинамъ:

Мы находились въ той порѣ жизни, когда все представляется въ розовомъ цвѣтѣ: встрѣчали ли мы дѣвушку болѣе или менѣе образованную, на-пичканную стихами и романами, и ни тотчасъ подводили ее подъ свои лю-биимые идеалы — заранѣе отъиски-вали въ ней сходства, кто съ Жюль-еттой, кто съ Тавей, въ то время, ког-да дѣвушка — то была просто Татьяна — и чувства Тани и Жюльетты такъ же шли въ ней, какъ шляпка ари-стократки къ грубому костюму посе-лянки; попададса ли намъ человѣкъ, съ свойственными человѣчеству досто-инствами и недостатками, мы и въ немъ не умѣли найти середины, пи-тая къ нему или безусловное уваже-ніе, или глубокое презрѣніе; словомъ, мы, не могши, конечно, назваться без-бородыми юношами въ буквальныйъ выраженіи этого слова, были еще но-вичками на свѣтѣ; Степанъ же Алексѣ-евичъ находился въ томъ періодѣ жи-вни, когда романтическія идеи менѣе всего приходятъ въ голову человѣка. Степанъ Алексѣевичъ давно уже слылъ нужею, исполненнымъ мудрой опы-тності, порядочно поваторѣвшимъ до-рогу міра сего... и часто наши юно-шескія бредни вызывали безмолвную, саркастическую улыбку на лицо Сте-пана Алексѣевича, отъ чего мы каждый разъ приходили въ какой-то фуроръ: въ юности такъ хочется вѣрять во все высокое и прекрасное!.. Образъ мы-слей Степана Алексѣевича, свойствен-ная его лѣтамъ солидность, привычки, самое его образование отдалаи его отъ насъ рѣзкой чертою; но при всемъ томъ Степанъ Алексѣевичъ ниѣлъ сноровку ладить съ нами, при-воразливаться къ намъ — и мы bon gré, mal gré допускали его въ нашъ кругъ, это былъ человѣкъ умиточной нату-

ры, через-чуръ обходительнаго, деликатнаго обращенія; онъ говорилъ всегда улыбаясь, и говорилъ такъ сладко, вкрадчиво, что, глядя на него, можно было думать, будто желаніе угодить всѣмъ и каждому составляло главное условіе его жизни... даже съ канцелярскимъ сгорожемъ, который подавалъ ему шинель и кашоши, Степанъ Алексѣвичъ умѣлъ обойтись ласково, вступая съ нимъ въ разговоръ «о погодахъ» и потчуя его изъ своей серебряной табакерки табакомъ, переложеннымъ листочками розы, или жасминчиками. Другая отличительная черта характера Степана Алексѣвича состояла въ страсти *спекулировать*, пускаться на аферы: онъ въ жизнь свою не читалъ ни Сѣ, ни Гапала, ни Сисмонди, ни Мак-Куллоча, — но пользу умѣлъ извлекать изъ всего: онъ умѣлъ выгодно купить и купленное еще выгодно продать. Онъ то барышничалъ лошадьми и самъ содержалъ почтовые станціи, или торговалъ солью; то, наконецъ, пользуясь плохими обстоятельствами лнаго помѣщика, покупалъ на срубъ нѣсколько десятинъ сосноваго лѣса и купленный выгодно цѣною лѣсъ превращалъ въ доски, шелевку, обалопы, безыиценку; такимъ образомъ Степанъ Алексѣвичъ, какъ говорится, умѣлъ изъ «полушки сдѣлать четвертушку», хотя постоянно жаловался на *понесенныя имъ убытки*. Впрочемъ, Степанъ Алексѣвичъ велъ себя какъ слѣдуетъ человѣку солидному и нравственному во всѣхъ отношеніяхъ: къ лицамъ старше себя чиномъ, питалъ безусловно-благоговѣнное уваженіе; противъ младшихъ не заносился, со всѣми былъ искателемъ, въ обществѣ держалъ себя пристойно, чужихъ рѣчей не перерывалъ, съ нѣвнѣемъ своимъ никому не навязывался, умѣлъ кстати смолчать; вообще, во всѣхъ своихъ приемахъ, Степанъ Алексѣвичъ выказывалъ тихій нравъ, какою-то мягкость характера. Подобно Собакевичу, онъ любилъ всю прочное: сукно на платье покупалъ такое добротное,

чтобъ его можно было носить перелицевать на другую сторону; сапоги заказывалъ не на каблукахъ, какъ предписываетъ мода, но безъ каблука, по той причинѣ, что сапоги на каблукахъ скорѣе кривятся; въ домашней жизни соблюдалъ нѣмецкую расчетливость; на всѣ нововведенія нѣвнѣшняго вѣка смотрѣлъ нахмура брови; преланія старины уважалъ, на сугубъ любилъ почитать, только книги болѣею частію читалъ дѣльными, серьёзными — путешествія повругъ свѣта, или ко святымъ мѣстамъ и тому подобное; на литераторовъ вообще, особенно же на литераторовъ таковыя зываемой *натуральной школы* не свисля... Объ этихъ-то, кажется, посподахъ отзывался Степанъ Алексѣвичъ такими образомъ: «Нынѣ клѣзаетъ въ авторы, всѣ пишутъ, что пишутъ? какую сентенцію можно составить изъ прочитанной поѣтки, или романа? авторъ-то самъ коллежскій регистраторъ, а смотри — описываетъ кого нибудь генерала, и какъ описываетъ: неприлично, просто, безъ какого уваженія... Либеральныя идеи нечего сказать, либеральныя идеи велись выпьче въ молодѣжи!»

Но опредѣлить въ точности характеръ Степана Алексѣвича довольно трудно, потому что онъ былъ, какъ говорится, «человѣкомъ застенчивымъ», рѣдко выказывавшимся вѣржю. Нерѣдко досада кнѣла въ груди, онъ весь проникнутъ былъ завистью и въ то же время улыбался и такъо сладкою улыбкой... Иногда въ знакомыхъ Степана Алексѣвича особенно квартировавшіе въ городѣ парсарскіе корветы и поручики, третии иногда налъ нимъ, отпускали всѣмъ равныя колкости на-счетъ нѣвнѣвности его скуности, или нѣвнѣватости: Степанъ Алексѣвичъ, отдѣляясь шуточками, глоталъ обиду какъ апельсиня, и, не смотря на чинъ коллежскаго совѣтника, уступалъ послѣдствію конкери... Какъ теперь вижу передъ собою Степана Алексѣвича въ сюртукѣ съ фалдами, перешедши

инцы моды, черномъ галстухъ, въ
леткѣ солиднаго пѣфта, съ цѣпоч-
ю отъ часовъ и гладянской, чи-
янской, аккуратно-причесанной фи-
номіей, съ неизмѣнной улыбкой
тонкихъ губахъ и желаніемъ при-
жаться вамъ чѣмъ-нибудь, хоть
рочиннымъ ножичкомъ, или зубо-
сткой въ бисерномъ чехолчикѣ...
ивительно-тонкаго обращенія былъ
панъ Алексѣвичъ! Нерѣдко, по
мповенію своихъ современниковъ,
нападалъ на «молодое поколѣніе»,
нападая на него въ одномъ пунктѣ
ирисыывая намъ недостатки и по-
кв, которыхъ мы нисколько въ себѣ
подозрѣвали, въ другомъ пунктѣ,
къ же, сейчасъ же, умѣлъ такъ
зко намъ польстить, что отпадала
та придраться къ словамъ его...
овкіе люди — вообще осторожны и
ытны — и Степанъ Алексѣвичъ
лъ остороженъ какъ зацъ и сыр-
къ какъ могла...

Этотъ человекъ волюй понималъ
даную науку — умѣлъ жить: онъ по-
двствомъ своей вкрадчивости, уступ-
ности, вѣжливости, услужливости,
шелъ себѣ патрона въ одной бога-
и и почтеной особѣ — старомъ холо-
икѣ, всю жизнь свою враждовавшемъ
непочтительными родственниками —
сѣдланиками богатыхъ деревень холо-
на. Тутъ ничего нѣтъ удивительна-
го, что Степанъ Алексѣвичъ нашолъ
себѣ патрона: это, суля по его натурѣ,
еть! какъ говорятъ Французы; но
ранно то, что Степанъ Алексѣвичъ
мо-по-маду умѣлъ войти въ такую
вѣрность у своего патрона и такъ
задѣть нмъ, что сдѣлался его *менто-*
мъ, — это фактъ. Почтенная осо-
нашла, правда, нужду въ менторѣ,
думая головой Степана Алексѣви-
руководясь во всѣхъ дѣлахъ совѣта-
и мнѣніемъ Степана Алексѣвича,
ивнимала въ обращеніи съ нимъ до-
льво-рѣзкій тонъ, что можно видѣть
въ слѣдующаго образчика фамильяр-
го обращенія съ Степаномъ Алексѣ-
вичемъ его патрона — этого осколка
брато старого времени, когда рус-

скіе баричи, получивъ образованіе на-
равнѣ съ дѣтми фаворита-камердвие-
ра, во всю свою жизнь, не смотря на
общее движеніе цивилизаціи, остались
вѣрными однажды-принятому ими
направленію. Прослѣдите жизнь этого
старого холостяка; загляните въ домъ
его — смѣсь аристократіи съ мѣщан-
ствомъ, гдѣ онъ:

Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ, да мухъ давилъ...

Разсмотрите поближе его черствую
душу — и станетъ горько на душѣ ва-
шей...

— Знаешь ли что, Степанъ Алек-
сѣвичъ, говорила однажды почтенная
особа своему клиенту:—мнѣ пришла
охота женить тебя... а?.. ей-Богу!.. я
это говорю не шутилъ...

— Вы знаете, Иванъ Андреичъ, что
жениться мнѣ не позволяетъ мое со-
стояніе-сѣ, отвѣчалъ улыбаясь Сте-
панъ Алексѣвичъ.

— Ахъ, ты Жидь! восликнула, так-
же улыбаясь, почтенная особа: — по-
лю, братъ, пули-то лить: я знаю, ты
скопилъ деньжонокъ... а?.. Нѣтъ, въ-
самомъ-дѣлѣ, шутки въ сторону, я го-
ворю серьезно (лицо почтеной осо-
бы дѣйствительно приняло серьезное
выраженіе, отъ-чего стало удивитель-
но-похожимъ на лицо орангутанга)
а?.. женись, братецъ, на *Алѣнь Ва-*
сильевну...

Степанъ Алексѣвичъ покраснѣлъ и
молча улыбулся.

— Пожалуй, я помогу, продолжала
густоватымъ басомъ почтенная осо-
ба: — десять тысячъ рублей меня не
разорять... ну, тамъ, знаешь, этакъ,
приличная прислуга, приличный эки-
пажъ... а?.. ну, в каменный домъ, по-
жалуй, еще и домъ... а?

Степанъ Алексѣвичъ покраснѣлъ еще
богѣе, улыбулся и слегка поклонился.

— Ну, что жъ? настоятельно при-
ступала почтенная особа.

Степанъ Алексѣвичъ, перебирая кон-
чики носоваго платка, проговорилъ:

— *Алѣна Васильевна*, конечно-сѣ,
дама почтенная, многоуважаемая-сѣ...

только, Иванъ Андреевъ, это дѣло серьёзное... отчасти щекотливое... Надо подуматъ-съ...

— Ахъ, ты дичекъ!.. кутейникъ ты этакой!.. Прощу покорно!.. вослигнула покрасивѣ въ свою очередь почтенная особа — и, азъ порывъ гнѣва, физиономія ея выражала нѣчто среднее между бразильской и краснощекимъ паваномъ: — да понимается ли ты, что всякій другой на твоёмъ мѣстѣ за счастье почелъ бы... а?

— Понимаю, Иванъ Андреевъ, я вполнѣ понимаю и цѣню ваши одолженія-съ...

— Ну, то-то!.. Какъ же ты, братецъ, при твоёмъ умѣ не возьмешь въ соображеніе, что дѣло-то идетъ о твоей собственной пользѣ?.. Ты, этакъ, братецъ, при моей протекціи, современно можешь далеко шагнуть, сдѣлать выгодную карьеру...

Между-тѣмъ, почтенная особа хотя и хлопотала о женитьбѣ своего кліента на *Лэйнъ Васильевнѣ*, хотя и вліяетъ, по-видимому, былъ не прочь отъ такой женитьбы, но дѣло все какъ-то уходило въ долгій ящикъ — и желанная женитьба не совершалась. Алексѣй же Степановичъ былъ причиною медленности, или почтенный патронъ его — достоверно сказать не могу; знаю только, что, послѣ приведенной нами сцены, Степанъ Алексѣевичъ продолжалъ жить по-прежнему холостякомъ въ домѣ Пруденціи, гдѣ онъ, по своей манерѣ, успѣлъ уже завоевать благосклонность хозяйки и сдѣлаться домашнимъ человѣкомъ. Панна Пруденція не находила цѣны такому гостю — и не мудрено: Степанъ Алексѣевичъ оказывалъ ей послѣднія вспомошествованія; нѣрѣдко онъ снабжалъ домъ панны Пруденціи разными хозяйскими продуктами — дровами для топлива и тому подобнымъ; неоднократно Степанъ Алексѣевичъ дѣлалъ паннѣ Пруденціи сюрпризы, состоявшіе въ подаркѣ ей цѣннаго чая, или голубы сахара. Для насъ же, гостящихъ, Степанъ Алексѣевичъ былъ лицо необходимое: онъ высвобождалъ насъ изъ

нѣгостныхъ критическитъ обстоятельство, ссужая денюжки, выданные, впрочемъ, залогомъ, двойтъ обещивающую ссуду, но безъ залогомъ давалъ въ кредитъ серебрянаго рубля: — вотъ почему въ-теченіе протекшя квартира Степана Алексѣича перетилась въ магазинъ, наваленный студентскими мундирами, вышуранными брюками, шивелани, резавыми кншами, разнокалиберными часами, лотыми и томпаковыми цѣпочками. Степанъ Алексѣичъ за деньги гонимъ былъ исполнитъ — и исполвалъ всѣ свои аферы, а нѣрѣдко и самыя котланія порученія; почему иное нами ему названіе *Морквинъ* сносными вполнѣ выражало его характеръ; названіе же *Морквинъ* придумано нами Степану Алексѣевичу по тому невпріятному ощущенію, которое производило на Фасю аллюзія лица среди нашего общества. О по-видимому, не могла безъ явнаго обращенія смотрѣть на его вѣчно бляжущую физиономію съ томными влажными губами. Нѣрѣдко мое новое появленіе Степана Алексѣевича того смущало и даже вавало ктотъ ужасъ на блѣдную дѣвухну, она, за минуту передъ тѣмъ бывъ въ нашемъ обществѣ, блѣтала и испуганное разстроившю, какъ-то испуганное вѣдѣнныи во етѣ широнь... Степанъ Алексѣичъ мнѣ присутствовалъ какъ на сиромыхъ иттриминахъ панны Пруденціи, гдѣ и съ Фасей и ея пріятельскими шидли, подъ аутомъ органа, съ элечитомъ маюмъ югановой виолончели, титъ на нашихъ маленькихъ парущихъ краснощекій, едва не сорвавшихъ Степанъ Алексѣичъ, совсѣтъ иттиъ затягивалъ въ общескъ хорѣ:

«Gradesamus, igitur, —
Suntis deum tamus...»

А какъ пріятно, какъ весело прощали мы тѣмъ-жевѣдѣнныи сиромъ ма — *идра-редина!*.. Бывало, сиромъ марши алектъ на горюкъ, кой-тѣ въ окнахъ домовъ мелькаютъ огоньки!

ны съ Фасей, въ сопровожденіи пань Пруденціи, идеть уже на встрѣчу трону времени: какъ искусно умѣла тогда Фаса навести насъ на свои любуемые рассказы, съ какой наивностью высказывала свое мнѣніе, съ какими ростодушнѣмъ просила у насъ поспешія непонятыхъ ея главъ романа!.. А въ то время, хотя и не было релюатуго Жюда и Парижскихъ айнь, — было чего послушать о приудлиной любви ключара Казимодо, о рожденіяхъ разбойника Гернани, и Гана-Иславица... Вдругъ, бывало, едѣ патетическихъ сценъ рассказъ, задалутся нежданнныя звуки шарманъ — Фаса, въ испугѣ, робко ухватится ручкой за расклатина: въ фантастическомъ полусвѣтѣ сумерекъ шарманникъ уже показался ей едва-ли не адвѣдемъ, на которомъ вѣднлзъ веремъ Гая... Поидуть шутни, хохотъ, веселая болтовня, остроты надъ бучишникомъ; задремавшнмъ съ аллебарю въ рукѣ. Когда же, незначай, поидетса на встрѣчу и пристанетъ къ шшему обществу Степанъ Алексѣичъ, аса надуетъ губки, капризнется, жетса на усталость, проситса домой; старуха, недовольная капризницей, рчитса на дочь...

Каждый годъ, въ день именинъ Фасы, мы имѣли обыкновеніе дѣлать ей маркн: кто дарилъ ее новымъ романомъ Гюго, или тетрадью свисанныхъ ихотъ Пушкина и новыми нотами, о букетомъ цвѣтовъ, или какою-ниль бездѣлкой. Разъ, Жанъ задумалъ, дню именинъ Фасы, предслужиться ящникомъ собственной работы, и ссно сдѣланнымъ изъ картона, съ рдюрчиками, зеркальцемъ въ серенѣ и другими украшеніями. Уже въ обдарилъ Фасю, но Жанъ медлилъ, являлся въ общую залу, облумывая инъ въ своей комнатѣ: подарить ли сѣ этотъ ящнкъ, или вовсе не нуж... можетъ-быть, нужно, а можетъ и нужно!.. и какъ-бы улучшить вречтобъ поднести ей этотъ ящнкъ ящнкъ, безъ свидѣтелей?.. Не знаю, въ разрѣшилъ бы Жадъ эти во-

просы и долго ли продлилась такай его нерѣшимость, еслибъ Іоганнъ на-смьльно не ввелъ Жана въ аудіанц-залу, гдѣ давно уже красовалась Фаса, въ своемъ празничномъ, бѣленькомъ платьѣцѣ, съ обнаженными руками, въ дымчатой косынкѣ на плечахъ, выказывавшей поразительную бѣлизну ея молодой, дивно-сложенной груди. Она, какъ фея, окружена была постоальцами и дарами постоальцевъ.

— Сей робкій юноша имѣеть счастье полнести вамъ въ день ангела вашего произведеніе рукъ своихъ... проговорилъ комически Іоганнъ, подведя Жана къ Фасѣ и вручая ей вадѣтвыи ящнкъ. Подарокъ приняли благосклонно. Жанъ покрасилъ до ушей.

Когда ящнкъ, работы жановой, переходя изъ рукъ въ руки, достигъ Степана Алексѣича, онъ вынулъ изъ кармана приготовленные имъ для маме для кандитерскіе конфекты — сахарныя сердечки съ ликѣромъ въ сердечнѣ, наполнилъ конфектами ящнкъ и съ любезостію поднесъ его Фасѣ, проговоривъ ей при сей okazji какое-то привѣтствіе, въ духѣ карамзинскаго времени. Фаса вспыхнула какъ зарево и освободила ящнкъ отъ конфектъ, разбросавъ ихъ по столу.

— Что-то есть?.. еще что?.. что еще?.. воскликнула старуха, осердясь на дочь и произнося эти слова слоникъ польскимъ акцентомъ.

— Ничего... ничего... улыбался проговорилъ Степанъ Алексѣичъ, обращаясь къ старухѣ, и потомъ, заглянувъ на Фасю и оказавъ взоромъ всѣхъ насъ, прибавилъ законически

— Молодо-зелено...

А Фаса, желая избавиться отъ нотаций сварливой старухи, подошла къ своимъ жалкимъ пимбаламъ, которыя, однако, Фаса величала именемъ фортепьянъ — и проиграла самое громкое мѣсто изъ Erikönig Листа... Страшные звуки! — такъ и слышались въ ея мрачныхъ аккордахъ то сатанинское восклицаніе Лѣснаго Царя, то жалкій вопль искуганнаго дитяти...

Въ ящнкѣ же вечера, во время рожд-

дественскихъ праздниковъ; мы съ дозволенія панны Пруденціи устроивали въ ея залѣ сцену и, вобразившись на подиумки, корчили изъ себя женственныхъ героевъ извѣстной школы; но иногда дерзость наша доходила до того, что мы осмѣливались тревожить священный прахъ Шекспира и, изуродовавъ въ своемъ доморощенномъ школьномъ переводѣ вѣкоторыя изъ его пьесъ, кое-какъ, съ помощію Дюссиса (къ которому, случается, прибѣгаютъ въ опытные литераторы), ставили ихъ на сцену нашего домашняго театра, да проститъ намъ Аполлонъ!... Жанъ, качая головою, смотрѣлъ на наши проделки; всѣ наши убѣжденія завлечь его въ нашу труппу, остались тщетными: — его ужасала мысль, что онъ долженъ репетировать свою роль съ какою-нибудь молоденькою актриссой изъ подругъ Фасы, или, могло случиться, и съ самою Фасей; даже отъ нѣмыхъ ролей Жанъ отказался: почему, во время спектакля, спрятанный въ ящикъ исполнялъ должность суфлѣра. — Нужно ли говорить, что Фаса была одною изъ лучшихъ нашихъ актриссъ? — особенно — хороша она была въ роли Юліи, именно въ ту минуту, когда, стоя подлѣ картонной рѣшетки балкона, прилаженнаго подлѣ наѣсомъ живаго плюща, зашѣливашаго гранатовое дерево, она, полная страсти и грустныхъ мыслей, опершись на плечо Ромео (котораго представлялъ Іоганнъ), спорила съ нимъ о пѣснѣ жаворонка... Какъ естественно ушла она передать скорбь Жюльетты!... даже ящикъ, ящикъ, скрывавшій отъ публики холодваго суфлѣра, шевелился — и громкое bravo вылетало изъ устъ угрюмаго Жана; община аплодисмановъ не было конца... Такъ, — намъ казалось, что настоящая Юлія не могла быть возвышеннѣе, благороднѣе, поэтичнѣе Фасы!

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Жанъ задумалъ напустить на

себя какую-то блажь... Дѣло въ томъ, что извѣстная шпательность Жанъ под-конецъ превратилась въ какую-то манию и повергла его въ пожевленіе, достойное жалости. Жанъ образовалъ, что у него чахотка и вслѣдствіемъ градусть, и что, по собственному его выраженію, уже для его жизни сочтены. Ипохондрикъ готовъ былъ помѣшаться на этомъ пунктѣ ему не хотѣлось умирать, и главнымъ причина его недуга провела отъ страха смерти... Впрочемъ, я не вѣдникъ — и не берусь объяснять причину такой странной болѣзни Жана.

Напрасно Іоганнъ истощалъ все свое медицинское краснорѣчіе, доказывая, что эта мнимая болѣзнь выдумана самимъ Жаномъ и существуетъ только въ его воображеніи. На всѣ доводы Югана, въ которыхъ выказывалось все віе дѣла, Жанъ соннательно качалъ головою. Онъ теперь бросилъ свою романы и принялся за лечебники.

— Нѣтъ, Іоганнъ, ты заблуждаешься, говорилъ Жанъ, кончивъ назидательное чтеніе книги, именуемой «О продолженіи жизни человѣческой», сочиненіе князя Пареевія Евгалычева ты заблуждаешься, Іоганнъ, или хочешь скрыть отъ меня мое настоящее положеніе.. Ипохондрикъ качалъ тутъ ипохондрикъ: просто чахотка!.. Отчего же я чувствую эту проклятую боль въ лѣвомъ боку и, при самой утѣренной холѣбѣ, такую сильную охышку? что значитъ этотъ багровый рундичъ, показывающійся иногда въ моихъ щекахъ?.. а, главное, отиуда эта проклятая тоска—тоска!..

— Все это происходитъ отъ чтенія лечебниковъ: они погубятъ тебя отъ чахотки, сведутъ тебя съ гу. Помилуй, Жанъ, когда ты вырсишь изъ головы всю эту дурь: будь пободрѣе, оставь свою хандру, брось глупые лечебники, да ищи разлечеція въ обществѣ — тебѣ это необходимо, твоя отшельническая жизнь противостоитъ естественна — и ты будешь совершенно здоровъ — утѣрю!

Жанъ соннательно качалъ головою

изъ, не довѣряя Іоганну, перетолковалаъ своей болѣзни со всѣми городскими рачами; но врачъ прописывали ему линаковый рецентъ — моционъ, веселе общество, разсѣянную жизнь... то жь? убѣжденіе мнительнаго чудака въ его болѣзни было такъ велико, то онъ самъ, украдкой отъ Іоганна, согалялъ кой-какіе медикаменты по нагавленію лечебниковъ и составленными танниъ-образомъ медикаментами врачевался отъ чахотки; этого мало: Жавъ обзавелся двумя козами и изъ козье молоко съ такимъ наслажденіемъ, какъ горькій пьяница пьетъ тотъ удный эликсиръ, извѣстный у насъ отъ именемъ «всероссійской». Всѣхъ граниностей мнительнаго Жана не перечтешь.

Разъ, Степанъ Алексѣичъ, возвращаясь отъ своего патрона въ необыкновенно-веселомъ расположеніи духа, пригласилъ насъ провести вечеръ въ его коннать. Коммерческая ли его спекуляція привнесла ему неожиданные барыши, получилъ ли онъ награду или благосклонную улыбку отъ благодѣтеля, или, просто, день уже такой радостный выбрался въ его жизни, только щедрость его на тотъ разъ была неожиданна — и мы, вмѣсто донскаго и выморозокъ, увидѣли на его столѣ хересъ, мадеру и двѣ бутылки шампанскаго — на братію.

— Вы сегодня именинникъ?.. Вы получили чивъ?.. спросили его вдругъ десять голосомъ.

— Ни то, ни другое, господа!.. Просто — пришла фантазія повеселить модѣжъ... Знаете, оно пріятно, въ зрѣлыя лѣта, пріятно смотреть на веселую молодежь... Господа! пейте вино, кушайте конфекты и апельсинны.

И мы пили вино, ѣли конфекты, апельсинны и веселились отъ души.

— За ваше здорovie, Степанъ Алексѣичъ!

— За здорovie того, кто любитъ кого!

Подъ-конецъ, дошло до того, что стали провозглашать тосты:

Т. I. — Отд. VIII.

— За здорovie Степана Алексѣича — и его патрона!..

— За здорovie Меѣнстофеля, Фауста и Грѣтхенъ!..

— Какой патронъ?.. какой Меѣнстофель?.. Эка драчувы!.. Вотъ она, молодость-то!.. Поди!.. Хочешь вмѣстѣ съдѣлать удовольствіе, а онъ тебя же на смѣхъ поднимаетъ!.. Патронъ?.. Меѣнстофель?.. Эхъ, *молодо-зелено!* ворчалъ Степанъ Алексѣичъ, оставался очевидно-недоволенъ нашими неумѣстными выходками.

Іоганнъ, всегда разсудительный, желая занять дѣло, взобрался на столъ, вооружился своей виолончелью и сказалъ:

— Господа! извольте слушать музыку моего сочиненія — это «Шабашъ Вѣдьмъ...» Мысль взята мною изъ «Валпургіевой Ночи» Гёте.

И Іоганнъ началъ исторгать изъ своего инструмента то дикіе, дисгармоническіе звуки, то стройные, похожіе на человѣческіе голоса.

— Бага ты, Іоганнъ, сочинилъ музыку къ «Валпургіевой Ночи», мы представимъ «Валпургіеву Ночь» въ лицахъ... Мы будемъ представлять духовъ, а Степанъ Алексѣичъ — Меѣнстофеля...

Шалуны приступили къ Степану Алексѣичу, прося его принять то ту, то другую позу à la Меѣнстофель. Степанъ Алексѣичъ отиѣкивался, горячился; къ нему приступали еще пуще; Іоганнъ, съ высоты своего Олимпа, хмурился, предвидя непріятное окончаніе такой *Валпургіевой Ночи*... Вдругъ сцена прервана была приходомъ Жана: блѣдный, угрюмо-молчаливый, вошелъ онъ въ коннату, держа въ рукѣ раскрытую книгу, которую онъ важно-комически подалъ Іоганну, указавъ пальцемъ на прочитанныя строки, — и лицо Жана выражало такой умасъ, будто онъ прочелъ въ тѣхъ строкахъ рѣшеніе своей судьбы, роковой приговоръ къ смерти, — а въ книгѣ было написано слѣдующее:

«.....также несомнѣннымъ признакомъ легочной, злокачественной ча-

• хотки служить шарикъ бѣлаго, или желтоватаго цвѣта, которые выкатываются изъ дыхательнаго горла пациента и оныя шарикки, если растереть ихъ на ладони, издають довольно-непріятный запахъ...

— Что же слѣдуетъ изъ этой чепухи? вскричалъ Іоганнъ, сердито бросивъ на полъ знаменитый лечебникъ князя Паревніа Енгальцева.

— Какъ, что слѣдуетъ? вѣдь я тебѣ нѣсколько разъ показывалъ такіе шарикки: признаки несомнѣнны... Ты, Іоганнъ, ради нашей пріязни, щадишь меня и скрываешь отъ меня мое положеніе; но я вижу свою участь...

Среди тишины, воцарившейся въ комнатѣ съ приходомъ Жана, провельсь изъ хозяйскихъ комнатъ голоса Пруденціи и Фаси...

— Тсс! это дочь спорить съ матерью... замѣтилъ кто-то.

— Пустое! пустое! приложите ему шпанскую мушку къ затылку — и вся эта блажь пройдетъ! говорилъ Степанъ Алексѣичъ объ Жанѣ.

— Но тамъ, — что-то тамъ происходитъ?..

— Велика бѣда: поспорятъ — помирятся!.. Дѣло семейное, житейское...

Дѣйствительно, сойдясь по обыкновенію въ тотъ день къ ужину, мы замѣтили на глазахъ Фаси слѣды слезъ и во всей ея особѣ какую-то тревогу и волненіе; мать тоже была не въ своей тарелкѣ; мы находились въ дурномъ расположеніи духа; а Жанъ и Степанъ Алексѣичъ въ тотъ день вовсе не явились къ ужину. Степанъ Алексѣичъ занялся сведеніемъ какихъ-то счетовъ; Жанъ, собираясь умирать, составлялъ проектъ духовной, въ которой онъ, по смерти, отказывалъ Іоганну свои вещи и нѣсколько денегъ; въ этой духовной, между прочимъ, назначалась небольшая сумма бѣдной хозяйской дочери. Само-собою разумѣется, что на другой же день Жану стало лучше, и духовная была забыта, но тѣмъ не менѣе черновой проектъ ея попался въ руки Іоганна. — Іоганнъ долго носился съ этой духов-

ной, приписывая, по-видимому, шмото особенное значеніе листку бумаги, начерченному рукою блажнаго Жана въ порывѣ хандры его...

Эти выходы Жана, его мображаемая болѣзнь, такая-то неслыханная грусть его, эта доп-клясама грусть безъ здравой причины, его вѣчныя жалобы на скуку жизни — это сперва возбуждало общія насмѣшки, потомъ насмѣшки перешли въ какое-то невольное сожалѣніе... Справно и жалко было видѣть угрюма и думчиваго Жана, Жана-невыходима среди нашего веселаго общества! Іоганнъ употреблялъ все средства, чтобъ расхѣять Жана, просиать его проматую хандру: онъ насильно тащилъ его въ кафѣ, возилъ на вудычн гулянья, въ спектакли; но Жанъ еталса вѣрнѣе своей идее fixe и что сто, возвращаясь съ бала, то жаловалса на скуку жизни, то пристуалъ къ Іоганну, прося его дать ему просятрѣть одно медицинское сочиненіе, въ которомъ, видите ли, по мнѣнію его очень-хорошо изображены признаки поврежденнаго околосердця — *ricordium*... Жанъ пустился въ мнѣцину и, не смотря на запрещенія Іоганна, часто рылся въ своихъ любимыхъ хартияхъ...

Къ довершенію этой бѣды, *набожа* было меркантильной систатѣ, *во*мышляющей объ извлеченіи *всесо-*можныхъ доходовъ, посоветовалъ *нѣ* Пруденціи учредить въ ея *дворѣ* и веденіе похоронныхъ дрогъ, со *всѣ* атрибутами, необходимыми для *цѣ*ва богатыхъ покойниковъ на *клад-*це. Степанъ Алексѣичъ *исчислялъ* ариометическою точностью, *баран* которые могло приносить подобна *в-*веденіе: старуха не устояла *прот-*искушенія — и мы съ какиъ-то *во-*льно-грустнымъ чувствомъ *прот-*нады воротами своей квартиры *вы-*ску: «Здѣсь отдаются въ наекъ *во-*ровные дроги, съ различными *про-*ными костюмами». Что касалось *до* Жана, я думаю, *написалъ*, *сѣдѣ*нады вратами ада — *Lasciate ogni sp-*

иза: — не могла бы навести на него того ужаса, какъ эта мрачная вывѣ-
ска, эти дроги, прозванные имъ *tem-
pla mori*. Жанъ проклялъ за такую
думку Степана Алексѣича, а вмѣстѣ
вмѣстѣ и дядю Пруденцію.

Эта полусгорбленная, изсохшая ста-
ла съ какою-то оригинальною, об-
щейю волосами бородавкой на щекѣ,
чешущъ съ пальевыми лентами, съ оч-
ки на носу и со связкой ключей въ
оной рукѣ, хладнокровою торгую-
щаясь съ грустными нанимателями
огъ, казалась для разстроеннаго
на привратницею ада. Жанъ изъ-
лъ свое рѣшительное намѣреніе не-
вѣнать квартиру. Скуная старуха
го боролась между двумя волнован-
ми ее вопросахъ: лучше ли удерж-
ать *заведеніе*, но лишиться выгоднаго
гольца, или бросить заведеніе и
ржать въ своемъ домѣ богатаго по-
льца, платившаго ей за наемъ квар-
ты черезъ-чуръ выгодную цѣну? —
рѣшила тѣмъ, что предложила
ему свои покои, выдававшіеся окна-
въ садъ и имѣвшіе особенный вы-
вѣска, откуда та часть двора, гдѣ стоя-
ли дроги, не была видна. Жанъ, по
му обыкновенію, думалъ, облумы-
лъ, двадцать разъ совѣтовался съ Ю-
стиномъ — и согласился на предложеніе
уки: ему жалко стало разстаться
омикомъ Пруденціи — такова сила
вычки!..

Вотъ идѣсь вамъ теперь совер-
но-выгодно, покойненько, говори-
старуха, обрадованная тѣмъ, что
ила дѣло: — оттуда точно непри-
ятный видъ... Что прикажете дѣлать?
ишей бѣдности только и думаешь
тъ, какъ бы заработать лишнюю
ѣну... Неприятный видъ? — да, съ
ѣ стороны оно такъ; но съ другой,
можесть имѣть неприятнаго вида,
имѣ находить свою пользу, раз-
ала не-свѣдому словоохотная ста-

неислѣдствіи, мы до того освои-
сь дрогами, что перѣдко собира-
тъ живъ, читали записки Юсти-
и романы Поль-де-Кона, а траур-

ныя мантии и черныя шляпы съ длин-
ными полями пригодились намъ для
похоронъ Офелии и другихъ сценъ на-
шего театра. Одинъ Жанъ угрюмо смот-
рѣлъ на *templa mori*: его ничѣмъ не-
льзя было заманить туда, равно-какъ и
въ веселую таверну, куда мы хажива-
ли смотрѣть на пляску прибывшихъ въ
нашъ городъ Цыганокъ. Какъ часто
выслушивали отъ насъ погребальныя
дрогы веселыя цыганскія пѣсни, а вмѣ-
стѣ съ нами и разныя похождения на-
шей молодости! Пруденція грозилась
на шалуновъ, увѣряя серьезно, что на-
ша глупая болтовня вовсе неприлична
и оскорбительна для ея «заведенія».

Наконецъ наступила роковая мину-
та разлуки: оба пріятеля въ одно вре-
мя кончили курсъ университетскаго
ученія. Жанъ едва выдержалъ экза-
менъ на степень дѣйствительнаго сту-
дента, Юганъ получилъ доктора *снц
eminentia*. Но разлука эта, отклады-
вавшаяся со-дня-на-день, не осуще-
ствилась: Юганъ рассчиталъ, что финан-
сы его не позволяютъ ему выполнить
предположенія касательно поѣздки въ
другой университетъ, для усовершен-
ствованія себя въ медицинѣ; зани-
мать же для этой цѣли денегъ учере-
зъ-чуръ обязательнаго Жана Юганъ на
этотъ разъ почему-то не хотѣлъ... въ-
роятно, потому-что занятые деньги
рано или поздно нужно было возвра-
тить; но изъ какого же источника до-
стать ихъ, когда Юганъ, взявъ подъ
мышку своей чмодакъ, наполненный
необходимымъ бѣльемъ, платьемъ и
учебными книгами, могъ безъ всякихъ
реторическихъ прикрасъ сказать: *em-
pla mea mecum porto?* Юганъ рѣшился
остаться въ томъ же самомъ городѣ,
тѣмъ болѣе, что тамъ же, въ томъ
же городѣ, открывалось и вакант-
ное профессорское мѣсто, въ которому
пречилъ себя Юганъ. Жанъ, съ своей
стороны, заблагорасудилъ, до поѣз-
ки въ столицу на службу, продолжать
курсъ своего леченія: для поправле-
нія своего разстроеннаго здоровья, на

которое петербургскій климатъ, по ёго мнѣнію, могъ имѣть превродное вліаніе; хотя Іоганнъ, вопреки Жану, и утверждалъ, что какъ ни горька разлука съ пріателемъ, но онъ, Іоганнъ, полагаеъ, что жизнь въ шумной столицѣ есть единственное средство для излеченія Жана... Въ такомъ маленькомъ спорѣ дни уходили за днями — и оба пріятеля жили по-прежнему въ домикахъ Пруденціи...

Но «курсъ леченія», по-видимому, мало принесъ пользы Жану: онъ день-от-дня все болѣе и болѣе задумывался, хандрилъ... Эта упорная хандра заразила и Іоганна: нашъ добрый весельчакъ впалъ въ уныніе, или, правильнѣе, въ какое-то тяжелое раздумье, въ какое впадетъ иногда человѣкъ, обдумывая серьёзное дѣло, должествующее имѣть вліаніе на всю жизнь его... Потому, когда Іоганнъ избавился отъ своей рефлексіи, мы зашѣтили въ немъ какую-то *рѣшимость* — слѣдствіе происходившей, но уже оконченной внутри его борьбы... Всѣ мы относили эту душевную тревогу Іоганна къ излишней заботливости о состояніи разстроеннаго Жана; каково же было наше удивленіе, когда Іоганнъ сказалъ намъ однажды:

— Я открылъ развязку шизохондріи Жана. Мы объяснились. Эта хандра, всѣ эти причуды — не что иное, какъ любовь, — первая, робкая, глухая, нерѣшительная любовь... Вы знаете натуру Жана... Мы объяснились.

— Жанъ влюбленъ... въ кого? спросили мы въ одинъ голосъ.

— Въ кого же? — разумѣется, въ Фасю...

Потомъ, послѣ минутнаго раздумья, Іоганнъ прибавилъ:

— Надо помочь пріятелю... выручить его изъ бѣды... Оно, если хотите, и хорошо...

Тутъ Іоганнъ началъ умно и дѣльно доказывать, что перемена жизни, вліаніе любящей женщины, разные семейныя удовольствія и соединенныя съ этими удовольствіями хлопоты и занятія, доставляя пищу выжившей,

бездѣтельной, апатической или Жаю, могутъ извлечь его изъ тѣлѣ-любознѣннаго состоянія, которое болѣзнь Іоганнъ — могло иногда имѣть дурныя послѣдствія... И почему не жениться Жану? человѣкъ обещанъ, человѣкъ съ состояніемъ, имѣетъ всѣ средства для семейной жизни... Это же каждому суждено... Только, почему такая глухая *скрытливость*? вѣдь Іоганнъ: можно было объяснить и раздо-прежде...

Пошли толки. Завязался крайній споръ. Противъ этой женитьбы Анна Фасъ, — иначе и быть не могло — возстало все наше общество.

— Положимъ, доказывали Іоганнъ, что Фасъ, какъ дѣвушка близко стоящая, по собственному расхоженію, или, скорѣе, по вліанію сестры, жалкой старухи, согласится вступить въ бракъ съ Жаномъ; но гдѣ это будетъ прованція брака... прованція брака! — кричала въ одинъ голосъ и лодѣжь, недавно выпущенная изъ университетъ.

— Отъ-чего же прованція? Я думалъ бы я знать: почему прованція?

— А что жъ это такое? гдѣ же стно каждому, что Фасъ имѣетъ Жану одно чувство — холодное раздумье? наввно утверждали сестры.

— Но кто же изъ васъ, господа, и разилъ взыльчиво Іоганнъ — ты, сир шиваю васъ — если онъ не имѣетъ обманщика, можетъ похвалиться, что Фасъ питаетъ къ нему иное чувство кромѣ *расходности*?

На этотъ вопросъ послѣднимъ обща я пауза.

— То-то и есть!... вѣдь такъ какъ!... а еще кричать... есть что-чего!.. продолжалъ Іоганнъ, имѣя ніемъ своихъ мыслей.

Я забылъ сказать, что въ тотъ когда происходилъ этотъ споръ, Жанъ не было въ поматі: онъ имѣлъ липы, въ удивленіи онъ мечталъ, глядя на небо и земля, въ сосѣдней комнатѣ, сидѣлъ рядъ верналовъ и спорилъ тщательно завортывала изъ...

и свои шелковистые волосы, потому что слыша свое имя, часто произносило постольдани, оставила эту работу, подошла къ двери и, сивозъ заючую щель, подслушивала разговоръ. Иоганнъ защищалъ свое мнѣніе въ жаромъ ученаго, защищающаго всю любимую систему, при чемъ, отчасти справедливо, замѣчали Иоганну, что онъ смотритъ на любовь женщины вообще съ медицинскою точкою. Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ Иоганна, одинъ изъ насъ сказалъ, что онъ не прежде ступитъ Фасю Жану, или кому другому, пока не услышитъ изъ собственныхъ устъ Фаси, что она предпочитаетъ ему другаго.

— А! такъ вы нешутя влюблены въ нее? спросилъ Иоганнъ промчавши: но онъ скоро притихъ: — дверь растворилась, и сама Фаса вошла къ намъ въ комнату. Дѣвушка въ своемъ утреннемъ неглиже, съ волосами погузавшими въ павильюти, подошла къ Иоганну и, смотря ему прямо въ глаза, сказала:

— Такъ ли я расслышала: вы, Иоганнъ, желаете, чтобъ я вышла замужъ за пріятеля вашего Жана?

Иоганнъ сперва представилъ ей въ самыхъ трогательныхъ краскахъ положеніе бѣднаго Жана, потомъ, съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, развилъ предъ нею свои идеи о высочайшемъ назначеніи женщины; наконецъ, коснувшись собственной своей особы и высказавъ ей свой строгій, положительный взглядъ (Standpunkt) на жизнь, свое мнѣніе о настоящемъ своемъ положеніи въ свѣтѣ.

Этотъ холодный, сурово-положительный Standpunkt иоганновъ, въ которомъ высказывалась горькая, но здравая истина, обвѣдалъ холодомъ бѣдную дѣвушку, въ натурѣ которой, по-видимому, преобладало еще болѣе поэзіи, чѣмъ въ насущной прозы.

— Да, Бога-ради, отвѣчайте только на мой вопросъ: вы желали бы, чтобъ я вышла замужъ за Жана: да, или

нѣтъ? вотъ все, что хочу я знать, прервала Фаса рѣчь Иоганна.

— Да, произнесъ Иоганнъ утвердительно.

Фаса привадумалась.

— Но вы не понимаете сами, что желаете... проговорила она, освободившись отъ тяжелаго раздумья и прилава какое-то таинственное значеніе словамъ своимъ. Потомъ она быстро перешла къ другой матеріи и, по своему обыкновенію, уже мило шутила, улыбалась... Она скоро насъ оставила.

По уходѣ Фаси, Иоганнъ стоялъ посреди комнаты въ такой точно позвѣдн, какъ разговаривалъ съ Фасей, и старался развить предъ нами какую-то мысль; но рѣчь его была несвязана, что случается съ человѣкомъ, когда онъ тайнѣ сознать себя не совсѣтъ-правымъ, но старается оправдаться передъ самимъ-собою. Мы слушали его повѣся головы...

Послѣ этой сцены, Иоганнъ вступалъ въ переговоры то съ Фасей, то съ ея матерью... Странное созданіе — я ужъ это сказала — была Фаса! Она, по женской ли прихоти, или по другой какой причинѣ, только на-перекоръ всѣмъ намъ обратила все свое вниманіе на одного Жана; къ намъ же, равно и къ Иоганну, выказывала самое холодное равнодушіе... Мало по-малу, она такъ расшевелила нпохондрика, что Жанъ сталъ живѣе, развязнѣе въ обществѣ, соціабельнѣе, и весьма-рѣдко заглядывалъ въ свои учебники...

Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда я, а вмѣстѣ со мною и большая часть моихъ соквартирантовъ, выѣхали изъ города, для принсканія себя службы въ другихъ мѣстахъ.

Черезъ нѣсколько времени я опять возвратился въ знакомый городъ; мы свидѣлись. Въ одномъ модномъ магазинѣ встрѣтилъ я молодаго челоѣка, похожаго на льва, который покупалъ бриллынты дорогою цѣны; въ то время, когда услуживанный магазинъ

щикъ выхвалялъ отдачку и вкусъ покупаемой фероньерки, а Левъ желалъ знать мое мнѣніе, но, взглянувъ на меня, назвалъ меня по имени и подалъ руку.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. Не-уже-ли вы меня не узнаете?

— Жанъ!!!

Жанъ такъ возмужалъ, пополнилъ, и такое довольство собою и жизнью выразила его физиономія, носившая прежде отпечатокъ чего-то грустнаго, мрачнаго, что я никогда не узналъ бы его.

— А что ваша *хандра*? спросилъ я его, по выходѣ изъ магазина.

— Давно прошла.

— Не женаты ли вы?

— Женюсь на слѣдующей недѣлѣ.

— И вѣрно... на *Фасю*?

— Какъ вы это могли отгадать! — да, на *Фасю*... Прекрасная, добрая дѣвушка!.. и какая у ней кроткая, ангельская душа! говорилъ Жанъ, сжимая мою руку.

Въ его голосѣ, въ каждой черточкѣ его физиономіи отражалось наслажденіе настоящимъ и твердая надежда на будущее счастье любви: — ему едва исполнилось двадцать-пять лѣтъ.

Жанъ затащилъ меня на свою новую квартиру и показывалъ комнаты, великолѣпно-убранныя для его будущей жены. Особенно мнѣ понравился зеленый будуаръ съ мебелью рококо, обитою зеленымъ штофомъ и столиками, подъ навѣсомъ плюща: все въ этой зеленой комнатѣ — эмблемъ надежды — показывало изящный вкусъ жениха и чистую, безкорыстную любовь его къ невѣстѣ. Я похвалилъ комнаты.

— А много ли изъ нашихъ осталось теперь въ городѣ?

— Всего только двое: Иоганнъ и Степанъ Алексѣичъ, если позволено считать въ числѣ *нашихъ* Степана Алексѣича. Первый занятъ теперь сочиненіемъ диссертациі на полученіе профессорскаго мѣста, а второй — вы его знаете — увлеченъ дѣлами міра сего... недавно, онъ купилъ съ аукціона домъ въ весьма-дешевую цѣну и — вотъ уже

два мѣсяца — Степанъ Алексѣичъ вычеркнутъ изъ списка жильцовъ той будущей тѣщи. Кто-то безъ него стаетъ теперь вербовать ей постояльцевъ? На новосельѣ онъ задастъ вамъ ширь.

Я навѣстилъ того и другаго.

Въ Иоганнѣ я тоже замѣтилъ исторію перемены: хотя онъ былъ такъ же веселъ и такъ же *положилъ* на своихъ сужденіяхъ и взглядахъ на меня, но шутки его казались теперь какъ-то солиднѣе, и въ нихъ пробавилась *какая-то* такая иронія...

— Что вамъ, скажите, пришла охота ввязать на себя роль свата въ этой дѣлѣ? спросилъ я его.

— Да какъ же иначе?.. Желалъ бы я знать, какъ тутъ быть иначе? Влюбленъ, — страдаетъ... самъ въ прительской бесѣдѣ проговорился, дружки признался... Надо же помочь прителю, выручить его изъ бѣды... Вы знаете натуру Жана... Да и что ищите вы дурнаго въ этой ироніи?

— *Фася* дѣвушка образованная, съ доброю душею... А Жанъ чѣмъ же изъ нихъ? человѣкъ обеспеченъ, членомъ съ состояніемъ, имѣетъ всѣ средства для жизни... Это же каждому случалось...

— Старуха-то, я думаю, была изуродована, обрадована?

— О, надобно было видѣть, какъ жадно вслушивалась она въ мое слово, какими глазами смотрѣла она въ меня, желая понять всѣ подробности такой интересной для нея ироніи, — разказывалъ Иоганнъ, сжимая мою руку. — Представьте, она меня раздала въ обществу, чортъ бы съ нимъ бралъ... а потомъ какъ-было придумалась; улыбка, между-тѣмъ, играла на губахъ ея, и губы что-то шептали — вѣроятно, высказывали гимнъ благодарности... Варуть, изъ раздумья старухи прервано было приходомъ ея дочери: шалунья, кланяясь ладони и заливаясь своимъ *застенчивымъ* смѣхомъ, въбѣжала въ комнату и сказала мнѣ лукаво:

— Видите ли, ваши планы не сф...

тса: маменька лучше знаетъ, до ка-
кѣ степеней это теперь невозможно...
Дочь, видно, приняла раздумье ста-
ти не въ ту сторону; старуха оста-
вила ее словами:

— Что-есть?.. для чѣго невозмо-
жно?.. почему это невозможно?.. Поги,
рочка!.. ничего нѣтъ невозможно-
... все возможно, дитя, только надо
ѣтъ навести на ладъ дѣло... разска-
валъ Іоганнъ, смѣясь и передразни-
въ старуху, произнесъ слова свои
лестнымъ акцентомъ.

— Такъ дочь таки ломалась?

— Извѣстно — женское дѣло... Ну,
это скоро прошло: сперва полома-
сь — съ officію, а потомъ была радѣ-
нька... Дѣло житейское!..

Но Степанъ Алексѣичъ остался вѣ-
лъ своему призванію, котораго глав-
н условіе составляли афферы, спе-
циин, коммерческіе обороты — хозяй-
ственная сторона жизни. Впрочемъ, я
сѣбѣ, что этотъ человѣкъ, помыш-
ло барышахъ и извлеченіи всевоз-
можныхъ доходовъ, нѣрѣдко жертво-
въ ими, этими доходами, добытыми
заботахъ и трудѣ, не всегда чест-
н и совѣстливомъ, для удовлетво-
ренія кой-какихъ своихъ прихотей,
которыхъ обыкновенно отказыва-
лъ себѣ подобные ему меркантили-
ны: такъ, въ его комнатѣ, убранный
но, по-инострански, красовалась на
стѣнѣ богатая картина въ дорогой ра-
зображающая двухъ купающихся
въ рѣкѣ; на письменномъ столѣ грубой
работы, подлѣ счетовъ и прихода-рас-
ходовныхъ книгъ, лежали женскія без-
ценныя дорогой цѣны: все доказыва-
ло «меркантильная система», при
чѣмъ своей разсчитанной акуратности,
могла отказыва себѣ въ кой-какихъ
хотѣхъ, подобно скупому обжорѣ,
жорый, лишая себя необходимаго,
тѣмъ послѣднюю копейку на лако-
мъ кусокъ...

... въ нашихъ комнатахъ все оста-
лось по прежнему: тѣ же стулья, оби-
тые черной кожей, полки съ книгами,
стѣны іоганновы, разные медицин-
скіе инструменты, трубки, стѣны ис-

черченныя завѣтными надписями, на
которыхъ тамъ-и-сямъ, развѣшены
охотничьи ножи, ягдташи и прочія
принадлежности псовой охоты; въ уг-
лу столѣ знакомый органъ съ испор-
ченной дудкой, подъ который мы пла-
сали gros-фатеръ съ пріятельницами
Фаси. По обзорѣ нашихъ комнатъ, те-
перь занятыхъ другими жильцами, я
зашелъ на хозяйскую половину: Фася
приняла меня радушно и раскраснѣ-
лась, какъ макъ-цвѣтъ, слушая мое
избитое поздравленіе съ предверіемъ
вступленія ея въ законный бракъ; а
Пруденція, почтенная панна Пруден-
ція, въ припадкѣ восторга и мате-
ривской любви, едва не задушила
меня въ своихъ объятіяхъ. Я, право,
думалъ, что эта любезная старуха ли-
шится разсудка отъ сильной радости,
или получить параличъ. — Она то под-
ходила къ дочери и, разглаживая сво-
ей костлявой, желтой рукой начesy ея
прекрасныхъ, бархатно-черныхъ во-
лосъ, называла ее своей дорогой
кошечкой и вѣднотной *юстожей-политицей*;
то, взявъ меня за отворотъ сюртука,
тащила къ шкапамъ и показывала ат-
ласныя платья, голландскія скатерти и
салфетки, подаренныя женихомъ не-
вѣстѣ. Избавившись отъ ея неудо-
вимой болтовни, я почувствовалъ въ
себѣ дѣйствіе, испытываемое морепла-
вателями послѣ продолжительной мор-
ской качки, то-есть, тошноту и силь-
ную головную боль.

Наконецъ брачная церемонія кон-
чилась. — Жанъ и Фася были торже-
ственно обвѣнчаны.

На-канунѣ вѣнчанія совершилось
обстоятельство, замедлившее нѣсколь-
ко церемонію: положено было Іоганну
держатъ вѣнецъ надъ Жаномъ во время
вѣнчанія; кинулись искать Іоганна, но
не могли его найти въ домѣ. Черезъ
полчаса напраснаго ожиданія, явился
Іоганнъ съ перевязанной кистью правой
руки и объявилъ, что онъ никакъ не
можетъ держатъ вѣнца, ибо сію мину-
ту былъ въ клиникѣ, гдѣ дѣлалъ одну
важную операцію, отъ которой никакъ
не могъ отказаться, но какъ-то недов-

ко поворотилъ инструментомъ и разрывалъ себѣ артерію, въ доказательство чего Іоганнъ развязалъ перевязку и понавалъ свою руку, изъ которой сочилась кровь.

Этотъ видъ крови произвелъ на мнительнаго Жана неприятное впечатлѣніе, и что-то похожее на прежнюю хандру замѣчали въ немъ въ первые дни его женитьбы: чудакъ во всемъ видѣлъ дурныя предзнаменования; потомъ, эта маленькая смута, испѣленная сладкими поцелуями молодой жены, прошла, и жизнь новобрачныхъ потекла обычнымъ порядкомъ. Молодые супруги, навѣ водится, ворковали въ своей разволоченой кѣткѣ. Жанъ былъ въ какомъ-то чаду: любовь его къ Фасѣ такъ разрослась и такъ широко распростерла свои вѣтви, что въ сердцѣ его оставался небольшой уголокъ для дружбы Іоганна. — Іоганнъ, будто негодую и оскорбляясь завистью Жана, сталъ невысимо-солиденъ и мало-по-малу отрѣшался отъ своей натуральной веселости и живости характера. Пріятель, со дня женитьбы одного изъ нихъ, видались весьма-рѣдко; правда, Іоганну предстояло много труда: онъ сочинялъ диссертацию, которую скоро долженъ былъ защищать.

Но этотъ періодъ ласкъ, обоюдныхъ угожденій и того восторженнаго состоянія, которое, овладѣвая любящимися, сосредоточиваетъ ихъ въ какомъ-то волшебномъ, очарованномъ кругу, гдѣ живетъ одна радость и куда не проникаютъ житейскія заботы — этотъ періодъ быстро прошелъ: новобрачныхъ постигло обстоятельство, весьма, впрочемъ, естественное въ брачной жизни, но я упоминаю о немъ потому только, что оно навело облако печали на ясный горизонтъ жизни молодыхъ супруговъ; это обстоятельство заключалось въ томъ, что Фася готовилась быть матерью. Какое мучительное и тревожное состояніе для каждаго влюбленнаго мужа, но для мужа съ мнительнымъ характеромъ Жана — это сущій адъ.

Жанъ сталъ опять задумчивъ; вооб-

раженіе его представляло ему «ромъ въ какомъ-то ужасающемъ видѣ: онъ насчитывалъ тысячи пріобрѣсть, въ которыхъ эти ромы разрѣшались самою убійственной, рѣшительной катастрофой... «Фася можетъ умереть отъ родовъ!» — вотъ тема, которую разгнѣвало воображеніе мнительнаго Жана въ самыхъ разнообразныхъ тонахъ: онъ то бросался къ забытымъ лебечникамъ, въ которыхъ, обливаясь холоднымъ потомъ, читалъ описаніе процесса, когда младенецъ выходитъ не своимъ нормальнымъ образомъ; то совѣтовался съ извѣстными въ городѣ акушерями, желая, по-видимому, преждевременно разрѣшить трудный, мѣшьющій вліяніе на всю жизнь его вопросъ: какъ-бы предугадать, по извѣстнымъ ему медицинскимъ признакамъ, будетъ ли младенецъ Фаси или естественно, или противуестественно? — Вотъ задача, которую задалъ себѣ мнительный чудакъ: ужъ такъ онъ содалъ — горбатаго излечить могла...

Такое тревожное состояніе духа Жана навело накую-то мрачность и на Фасю; напрасно, стараясь скрыть отъ жены свои тревожныя мысли и притворяясь веселымъ, расточалъ онъ передъ нею свои обычные ласки: Фася улыбалась ему сквозь слезы; видно было, что и она находится подъ вліяніемъ какого-то тайнаго страха... Этотъ страхъ еще болѣе овладѣлъ Жаномъ, когда онъ, проспавшись однажды ночью, увидѣлъ, что Фася, вмѣсто того, чтобы спать, сидѣла, пригорюнилась, на зрѣти, задумчивая и грустная... Дрожащій свѣтъ ночной лампы, можетъ-быть, свидѣтельница многихъ безсонныхъ ночей Фаси, придавалъ угрюмо-мрачный колоритъ этой картинѣ. Жанъ, въ ужасѣ и недоумѣніи, смотрѣлъ ей въ глаза, желая проникнуть въ ея мысли; но она, полная раздумья, отводила отъ него свои взоры и, будто понимая его, желала бы съ своей стороны высказать ему, объяснить свое горе, но не могла и падала на подушку, которую увлажляла своими слезами...

Наконецъ Фася сильно заболѣла и

отъ изнуренія физическихъ силъ, у ней открылись преждевременные роды, черезъ семь мѣсяцевъ послѣ ея замужства. Бѣдный Жанъ совершенно растерялся. Въ отчаяніи онъ то ломалъ руки, слыша болѣзненные стоны, несущіеся изъ спальни жены, то, не смотря на запрещеніе Пруденціи, на-пичкахъ прокрадывался въ спальню и подходилъ къ кровати, на которой страдала жена. Роды были самые трудные: больная мучилась болѣе сутокъ и не могла разрѣшиться; акушерка совѣтъ растерялась и наконецъ потребовала врача... Это извѣстіе подобно удару грома сразило Жана... въ головѣ его уже бродила мысль объ *операциі*... Жанъ послалъ за Іоганномъ: къ кому другому онъ могъ обратиться? Жанъ такъ вѣровалъ въ искусство Іоганна; да и кто бы могъ сильнѣе Іоганна желать выручить Жана изъ бѣды? Но общіе ли у друзей интересы?..

Жанъ написалъ къ Іоганну такое *страшное* посланіе, что тотъ явился къ нему, вооруженный всевозможными медицинскими инструментами...

— Помогн, Іоганнъ... ради Бога, Іоганнъ! Фася умираетъ... Пускай, если ужъ нельзя иначе, умереть ей дитя, это жалкое, преждевременное дитя, лишь бы она осталась живою... Ее-то, мать, Фасю надо пощадить... говорилъ Жанъ, кидаясь въ объятія друга.

Іоганнъ беззащитилъ себя долго упрашивать и отправился въ спальню родильницы.

Въ домѣ Жана происходила домашняя драма. Жанъ, въ какомъ-то *раздумь*, полужелалъ на креслѣ съ высокой спинкой; за стѣной, въ соседней комнатѣ, страдала жена; подлѣ нея стоялъ Іоганнъ; у изголовья дочери сидѣла старуха-мать, полуживая, полумертвая: она дрожала подобно больному въ лихорадочномъ пароксизмѣ; поблѣднѣвшія губы ея что-то шептали, умоляющій взоръ ея останавливался то на Іоганнѣ, то на акушеркѣ, а на желтомъ, морщинистомъ лицѣ ея выражались страхъ, ужась и таинственность,

какъ на лицѣ одной изъ вѣдьмъ Манбета...

Наконецъ искусство Іоганна восторжествовало: въ спальнѣ раздался крикъ новорожденного; Жанъ вздрогнулъ...

Скоро дверь спальни скрипнула, и Іоганнъ съ торжествующимъ видомъ подошелъ къ Жану.

— Умерла? спросилъ нетерпѣливо Жанъ.

— Успокойся: ей теперь лучше, но ее надобно беречь...

Черезъ нѣсколько минутъ поднесли къ Жану новорожденного. Жанъ взялъ на руки младенца; маленькій крикукъ издавалъ вонли, будто рассказывая Жану на своемъ непонятномъ языкѣ какую-то жалобную исторію... Жанъ долго и внимательно рассматривалъ ребенка, какъ рассматриваетъ знатокъ-ботаникъ рѣдкое растеніе: онъ, Жанъ, щупалъ ребенка за уши, осязалъ сво-ей рукой его головку, будто желая испытать, покрыта ли она волосами, или не покрыта, взвѣшивалъ младенца на рукахъ. Потомъ, словно пораженный внезапною мыслию, передалъ младенца акушеркѣ и машинально опустился на свое кресло...

Когда акушерка унесла дитя изъ комнаты, Іоганнъ сказалъ:

— Ободришь, Жанъ: повторю, она будетъ жить: я ручаюсь за ея выздоровленіе...

Жанъ горько улыбнулся и проговорилъ въ-полголоса:

— Но это дитя... это дитя... дзухъ цѣлыхъ мѣсяцевъ не доставало...

— Что-о? спросилъ Іоганнъ, смотря на Жана. А Жанъ, такъ же пристально, какъ рассматривалъ прежде ребенка, экзаминовалъ теперь физіономію друга; но въ физіономіи Іоганна можно было прочесть только одно чувство — *недоуманіе*...

— Жанъ... объяснись!

— Новто ясно: мое дитя, ведомосокъ, въ семь мѣсяцевъ съ днами не могло бы такъ соврѣтъ и такъ вполнѣ образоваться, проговорилъ Жанъ шопотомъ; потомъ онъ прибавилъ серьезно и рѣшительно:

— Это дитя не преждевременное, хотъ жить его на штейновомъ приборѣ...

Юганнъ, пораженный словами Жана, хотѣлъ что-то доказывать, но не имѣлъ силы. Морозъ пробѣгалъ между плечъ Юганна. Онъ только могъ проговорить:

— Вотъ до чего довело тебя чтеніе проклятыхъ лечебниковъ!

Этотъ разговоръ прерванъ былъ приходомъ старухи-матери, которая бросилась съ своимъ привѣтствіемъ къ Жану; но Жанъ принялъ ее грубо. Изъ короткихъ намековъ Жана, старуха узнала въ чемъ дѣло, и сперва разыграла роль обиженной, потомъ приводила доводы самые основательные въ опроверженіе заключенія Жана; она доказывала, что это клевета, не основанная ни на одномъ ясномъ доказательствѣ, божилась, что въ жизнь свою она уже не разъ видала подобныхъ феноменовъ; наконецъ прослезилась и умоляла Жана пощадить ея дитя, ея бѣдное дитя, утѣрая, что всѣ такъ называемыя ясныя доказательства его не божье, какъ шара голубина, шара голубина! твердила увѣрительнымъ тономъ старуха.

Когда старуха вышла изъ комнаты, Юганнъ также пытался представить Жану разныя медицинскія доказательства, въ подтвержденіе того, что при родахъ дѣйствительно отступилъ иногда отъ своихъ коренныхъ законовъ... что безразсудно со стороны Жана, схвативъ одніе верхушки науки, дѣлать выводы... Юганнъ божился, что подобное обстоятельство и на мысль ему не приходило, тогда-какъ оно прежде всего должно бы представиться наблюденію врача...

Но Жанъ, не внимая этимъ словамъ, отычалъ Юганну обидно, двусмысленно-дерзко.....

Разстроенный Юганнъ вышелъ отъ Жана въ такомъ расстройствѣ духа, какъ Гамлетъ, узнавшій, послѣ свиданія съ тѣвью, страшную тайну о подломъ отравленіи своего отца...

Кто знаетъ! при другихъ обстоятель-

ствахъ, не будь этого Жана, при иномъ положеніи дѣла, Юганнъ, можетъ-быть, поступилъ бы иначе: самая картина будущности — эти мелочныя заботы о завтрашнемъ днѣ, добровольная лишенія съ той и другой стороны, сопровождаемыя улыбкой сквозь слезы на лицѣ любимой особы, притворной, вынужденной веселостью на лицѣ мужа, въ то время, когда его усталое сердце слабѣетъ, вызываетъ въ борьбѣ съ житейскими нуждами: — эти врачныя спены семейной жизни — послѣдствія обоядной бѣдности *его и ея*, не испугали бы, можетъ-быть, *моложителяго* Юганна... Не разъ, можетъ-быть, раскаяніе закрадывалось въ душу его — и онъ въ поступкѣ своемъ видѣлъ глупый порывъ, непомѣрный избытокъ юношеской доброты, минутное увлеченіе, необдуманную, непростительную ошибку; но, Воже мой! Юганнъ считалъ ее, эту дѣвушку, такую чistou, свѣтлою, однимъ изъ тѣхъ высоко-прекрасныхъ созданій, которыми герой нашъ любовался въ созданіяхъ своихъ любимыхъ поэтовъ... такую чistou, свѣтлою, дѣтски-невинною, какъ шекспирова Миранда... Да, такую Юганнъ считалъ ее — и въ такомъ только видѣ онъ самъ бы могъ любить ее... *А теперь?*.. какъ тутъ подвести къ ней теперь всѣ эти юношескія сентенціи?.. Подобно Гамлету, Юганнъ проклиналъ этотъ прекрасный міръ, людей, особенно женщинъ...

Но дѣйствительно ли Фася *малъ* преступна? Доказательства, представляемая Жаномъ въ ея обвиненіе, не пустая ли мечта, созданная разстроеннымъ воображеніемъ опохондрика, чулака! Этотъ вопросъ служилъ центромъ, около котораго вращались всѣ мысли Юганна: разрѣшеніе этого вопроса заключало для него интересъ, равносильный интересу Жана. Юганну жалко было потерять вѣрованіе въ женственную чистоту Фаси, — нестерпимо досадно увидѣть опровергаемыми свои лучшія, задушевные чувства: — это значило бы сознаться, что Юганнъ, какъ донъ-Кихотъ, разыгралъ самую пош-

люю комедию въ тѣхъ минутахъ своей жизни, которые герой нашъ считалъ исполненными едва-ли не трагическаго пафоса... Въдѣ, въ послѣдствіи случилось, находила мгновения, когда самыя дурныя, скверныя человѣческія помыслы лѣзли въ голову нашего героя; но онъ всячески прогонялъ ихъ, старался пересилить себя, — и тутъ, въ этомъ пересиливаніи, въ этой побѣдѣ надъ собою, герой нашъ находилъ даже много чего-то такою... что въ лексиконѣ молодыхъ людей, подобной Іоганну конструкціи, зовется благородною гордостью, или еще какъ-нибудь иначе... Богъ-знаетъ чѣмъ, въ-послѣдствіи, кончатся эти побѣды; но знаю, чѣмъ кончилась бы далѣе и побѣда моего героя надъ самимъ-собою, по-крайней-мѣрѣ доселѣ; герой нашъ, въ пылу юношескаго энтузіазма, торжествовалъ ее, свою побѣду, не предвидя, что это такая жалкая побѣда... Ко всему этому прививалось теперь еще и сожалѣніе объ участи Жана, котораго искренняя привязанность всегда трогала Іоганна и вызывала его на взаимное чувство. Самый ропотъ и обидные упреки, высказанные Жаномъ, доказывая, какъ сильно потрясена слабая натура его пріятеля, возбуждали въ Іоганнѣ еще болѣе къ нему сожалѣнія... Іоганнъ чувствовалъ потребность рѣшительно объясниться съ Жаномъ, попытаться еще разъ представить ему разныя медицинскія доказательства въ подтвержденіе невинности Фаси. Онъ не могъ свыкнуться съ мыслью о ея проступкѣ: эта мысль рождала въ груди его невыносимо-тяжкія чувства... Іоганнъ переходилъ отъ одной причины къ другой, отъ факта къ факту, желая найти и противопоставить подозрѣніямъ мнительнаго Жана вѣрный легионъ доказательствъ самыхъ очевидныхъ, положительныхъ: съ этой цѣлью возвратился онъ снова въ домъ Жана.

Жанъ сидѣлъ теперь одинъ въ своемъ кабинетѣ, обложенный всевозможными лечебниками и разными медицинскими сочиненіями, объясняюща-

ми процессъ зачатія и беременности женщины. Вѣднннн! подобно утѣшающему, который хватается за соломинку, Жанъ хотѣлъ найти еще въ мертвыхъ бувахъ какое-нибудь подкрѣпленіе въ защиту Фаси; но нетина стояла передъ нимъ въ своемъ неизменно-грознамъ видѣ... Онъ уже отбросилъ лечебники, бросилъ и Судебную Медицину профессора Громова: какъ Марій на развалинахъ Кареагена, сидѣлъ онъ подлѣ груди безполезныхъ книгъ. Горестъ его, подобно быстро-распространяющемуся пламени, уже превратилась въ отчаяніе, которое пронигло во всѣ составы его слабой натуры. Въ такую минуту явился къ нему Іоганнъ.

Какъ опытный врачъ, затаивъ глубоко свои опасенія, подходит къ трудному больному съ своей форшенной улыбкой, такъ Іоганнъ ласково, привѣтливо, дружески подступилъ къ Жану... Было что-то невыразимо-трогательное въ этомъ вторичномъ свиданіи двухъ пріятелей! Оба они глубоко поражены, поражены однимъ ударомъ; но какъ существуетъ разница въ испытываемыхъ ими ощущеніяхъ, такъ важна разница и въ силѣ переносить эти ощущенія: слабая натура Жана, немощная отъ причиненной ей боли, безусловно покорилась и пала подъ гнетомъ постигнувшей ее бѣды; но Іоганнъ хочетъ взглянуть прямо въ глаза этой бѣдѣ, дознатъ откуда и какъ пришла она; онъ готовъ, не взирая на собственные страданія, подать руку помощи другу, облегчить его горе, — только прежде всего ему нужно очистить себя передъ глазами друга, убѣдить его въ благородствѣ своихъ къ нему отношеній...

Жанъ, не выслушавъ до половины объясненій Іоганна, прервалъ его своей энергической выходкой:

— Объ этомъ довольно... что и говорить! Это дѣло уже мной разсмотрѣно, расслѣдовано... Тутъ, въ лечебникахъ, Іоганнъ, надъ которыми ты часто трунилъ, сказано много правды: тамъ напечатано, что старуха—отпра-

тительная фурия, проклятая негера... дочь — нинфа... ха, ха, ха! уличная шифа... красotka, въ родѣ «Цыганокъ».. Еще что? тамъ сказано, что всѣ люди—исключая друзей—гадки, низки, способны на всякую подлость... Я все понималъ... Адская шутка, Іоганнъ, адская!..

Волосы стали дыбомъ на головѣ Іоганна.

Онъ, Іоганнъ, не касаясь уже чувствительной стороны скорби своего пріателя и видя запасъ изобрѣтенныхъ имъ доказательствъ совершенно-уничтоженный, старался только оправдать себя передъ Жаномъ, убѣдить его въ чистотѣ своихъ отношеній къ Фасѣ и въ искренности, благородствѣ отношеній своихъ къ нему-самому.

Жанъ, полуубѣжденный, полурастроганный словами Іоганна, но полный сокрушительной горести и отчаянія, сказалъ:

— Такъ, или иначе, — мнѣ теперь все равно... вѣдь результатъ одинъ: для меня все погибло!..

И потому, уже не въ порывѣ своей прежней раздражительности, но съ обычной лаской, съ полуулыбкой, поданной мукой растерзаннаго скорбію сердца, прибавилъ:

— А какая жалость... какая жалость, Іоганнъ! Такъ подожди...

Жанъ, совершенно-уничтоженный, плакалъ какъ дитя, какъ Отегло.

Іоганнъ не плакалъ, но фазіономія его выражала такое глубокое страданіе, что оно тронуло бы каждаго...

Іоганнъ вышелъ теперь отъ Жана въ положеніи банкрота, отчаяннаго игрока, спустившаго все свое состояніе: она такъ преступна, а она такъ потратилась для нея самыми богатыми, самыми лучшими своими чувствами!.. Въ такой настроенности духа іоганнова, въ цѣль его вторичнаго свиданія съ Жаномъ, — въ этотъ «объясненіе», высказанномъ дрожащимъ голосомъ, робко, съ какой-то боязнію, со страхомъ, съ болѣзненнымъ трепетаніемъ сердца, выказывалось чувство, уже дошедшее до апогея... Іоганнъ бродилъ изъ улицы въ

улицу... Спящій городъ, таинственный сумракъ лѣтней ночи гармонировалъ съ его мрачными мыслями; но теперь, мало-по-малу, постепенно, многое изъ прошедшаго начинало проясняться въ мысляхъ Іоганна... повязка упала съ глазъ его, и истина предстала предъ нимъ во всей отвратительной наготѣ своей... Вотъ онъ остановился посреди улицы, обдумывая одинъ изъ главныхъ пунктовъ такого страннаго событія... Онъ пришелъ въ положеніе человека, внезапно пробудившагося послѣ сна, исполненнаго нудительныхъ, чудовищныхъ грѣзъ... Онъ понялъ, теперь только понялъ основаніе и нязвуку своей жалкой комедіи... Мучительныя страсти топились въ груди нашего героя: тамъ были досада, гнѣвъ, жалость, утраченные надежды, поруганная честь, обиженное самолюбіе, ревность...

—

Въ то время, когда въ домѣ Жана происходила эта, какъ я назвалъ ее, домашняя драма, въ аристократическихъ палатахъ «почтенной особы» происходила сцена другаго рода, достойная кисти Гогарта. Играли въ преферансъ. Степанъ Алексѣвичъ сидѣлъ подлѣ своего патрона и, не участвуя лично въ игрѣ, подсказывалъ ему, когда нужно было козырять или идти съ простой карты: — такъ точно подсказывалъ Степанъ Алексѣвичъ своему патрону и въ дѣлахъ помпезной карточной игры. Между двумя партнёрами завязался споръ и неожиданно произошла жаркая схватка: одинъ обвинялъ другаго въ неопозволительномъ карточномъ подлогѣ. Результатомъ этого спора была полновѣсная пощечина. Обиженный схватилъ стулъ и намеревался ударить имъ своего обидчика, но въ попыткахъ внезапно задрожавшихъ ножики стула по головѣ «почтенной особы». Почтенная особа, не чувствовала востерпимую боль отъ удара, застыла, сдѣлавъ преумоверительную гримасу... Подобною гримасою

сой надѣвилъ Гогартъ въ своей карти-
лѣ одного, если припомниме, лорда,
несомаго въ носилкахъ во время мно-
голюдной процесси, когда проходив-
шій вблизи лордовых носилокъ кре-
стьянинъ, замахнувшись цѣпомъ на то
животное, имени котораго «деликат-
ные читатели» не любятъ видѣть въ
печати, печально, но со всего разнаха
хватилъ цѣпомъ по головъ взумленна-
го лорда, сохранявшаго, до полученія
удара, глупо-надутую физиономію.

Почтенная особа въ порывѣ гнѣва
намѣревалась отплатить ударомъ за
ударъ; но предусмотрительный Сте-
панъ Алексѣичъ поспѣшно вскочилъ
со стула, схватилъ почтенную особу
на руки и унесъ ее въ отдаленныя ком-
наты.

— Помилуйте, Иванъ Андреевичъ!..
обдуманно ли это? прилично ли вашей
особѣ вѣшаться въ такую скандальную
исторію?.. Подумайте только о послѣд-
ствіяхъ: вѣдь я этихъ господъ знаю —
они изъ этой драки затѣютъ судебное
дѣло, и васъ, Иванъ Андреичъ, вашу
персону будутъ ставить въ *свидѣтели*...

— Да... чортъ побери!.. воскликну-
ла почтенная особа, соглашавшая съ
нѣвѣстъ Степана Алексѣича: — и какъ
оскѣлиться въ моемъ домѣ забыться
до такой степени?.. Какъ-таки въ мо-
емъ присутствіи... въ моемъ собствен-
номъ домѣ... произвеста такой скан-
далъ?.. Ну, подрались бы послѣ, чортъ
бы ихъ взялъ, тамъ, гдѣ-нибудь на-
единѣ: подумали бѣ таки о моемъ до-
мѣ!.. Что заговорить теперь князь Алек-
сѣй... а?

Но Степанъ Алексѣичъ, не отвѣчая
на вопросъ, поспѣшилъ къ спорщи-
камъ, желая какъ-нибудь уладить дѣ-
ло. Онъ подошелъ сперва къ одному
партиѣру, улыбался передъ нимъ, се-
мкнулъ *ножками* (какъ недавно-прочи-
танный мною Голадкивъ), представ-
лялъ свои резоны; потомъ подошелъ
къ его противнику и, также улыбаясь,
представлялъ ему тѣ же резоны, зало-
живъ указательный палецъ въ петлич-
ку сюртука партиѣра.

— Мы порадаѣваемся другъ съ дру-

гомъ; вы только извините насъ передъ
Иваномъ Андреевичемъ, отгѣчали ему
противники, уходя изъ дома.

— Но позвольте, въ ченъ же изви-
нить? Иванъ Андреевичъ ничего не ви-
дали — ей-Богу-съ!.. Передъ отнимъ не-
пріятнымъ происшествіемъ, едва они
успѣли сказать «насъ» — мнѣ сдѣла-
лось дурно... сильное головокруже-
ніе... они давно страдаютъ мигре-
немъ... «Не могу продолжать игры —
дурно!» сказали они и, опершись на
мою руку, изволили уйдти въ свой ка-
бинетъ... До свиданія, господа! Я ма-
дѣюсь, что это маленькое происше-
ствіе останется между нами, не вый-
детъ изъ четырехъ стѣнъ... я надѣ-
юсь...

Говоря такъ, Степанъ Алексѣичъ
провожалъ гостей Ивана Андреевича
изъ прихожую, улыбался, кланялся
нимъ, по своей манерѣ, наподобіе бук-
вы S, помогалъ надѣвать шинели.

Уладивъ дѣло и выпроводивъ гостей,
Степанъ Алексѣичъ возвратился къ
своему патрону. Старый холостякъ,
переодѣвшись въ бархатный шла-
рокъ, обувшись въ туфли и помочивъ
оде-колономъ ушибъ на головъ, остри-
женной, для сокрытія просѣди, гла-
ко — а-ла-шинувавъ, полулежалъ те-
перь на эластической подушкѣ патѣ и
курилъ регалию. Степанъ Алексѣичъ
въ приличномъ отдаленіи чинно усѣл-
ся на креслѣ, называемомъ ком-валъ-
ѳѣ.

— Чортъ побери, скверная исторія!
этакимъ скандалъ... вѣдь пойдетъ оглас-
ка... а?.. Это можетъ меня компромет-
тировать. Притомъ же, князь Алек-
сѣй... бормоталъ холостякъ.

Степанъ Алексѣичъ, приправляя
свои доводы улыбочками, всячески
старался успокоить патрона.

Въ тотъ достопамятный вечеръ пре-
феранса Степанъ Алексѣичъ удостоилъ
вести съ своимъ патрономъ довольно-
длинную бесѣду: они толковали сперва
о политикѣ и возвысившейся цѣнѣ на
селитру, потомъ, по обыкновенію, пе-
решли къ предмету своего разговора
сон амого — о предстоящихъ дво-

рянскихъ выборахъ: тутъ слово шаръ, всегда производившее магическое дѣйствіе на Ивана Андреевича, жужжало въ устахъ собесѣдниковъ пуще неотвязной осы... Этотъ предметъ разговора каждый разъ служилъ поводомъ къ маленькой распрѣ между патрономъ и клиентомъ: дѣло въ томъ, что Иванъ Андреевичъ, жедая баллотироваться въ одну значительную должность по выборамъ дворянства, о которой онъ бредилъ всю свою жизнь, боялся, что многие помѣщики положатъ на него черныя; Степанъ же Алексѣичъ, напротивъ, ласкалъ патрона надеждой, что всѣ безъ изыатія дворяне положатъ на него бѣлые шары.

— Не можетъ быть; ужь это я напередъ угадываю; Александръ Николаевичъ и Иванъ Васильевичъ обгѣняютъ меня черными... Куда-какъ пріятно, чертъ побери!.. утверждалъ наввно Иванъ Андреевичъ.

Степанъ Алексѣичъ стоялъ на томъ, что и Александръ Николаевичъ и Иванъ Васильевичъ положатъ на Ивана Андреевича бѣлые шары.

— Ну, а какъ черныя?

— Непремѣнно бѣлыя.

— А вотъ увидимъ, рискну, попробую! говорилъ Иванъ Андреевичъ, потирая самодовольно руки и каждый разъ прибавляя:—вѣдь я имъ, Александру-то Николаевичу и Ивану Васильевичу, въ сущности никакого зла не сдѣлаю... Были, правда, между нами кое-какія непріятности; но ты увѣрь ихъ, пожалуйста, что отнынѣ я буду стоять горой за своего брата; чуть, тамъ, знаешь, атаковъ, а я съ моимъ мѣшечкомъ, а я съ моимъ мѣшечкомъ.—да прямо къ министру: ты растолкуй имъ это.

Попробуй-ка дворяне набрать Ивана Андреевича въ должность, которой онъ добивается, и онъ имъ насолитъ, такъ насолитъ, какъ на его мѣстѣ устыдился бы насолитъ послѣдній медкоццѣтский дворянинъ! И насолитъ не потому, чтобъ жедая дѣлать здо блажену составилло непрѣтвное условіе натурь

его,—совсѣмъ вѣтъ, а потому-что, ирда въ нечистомъ дѣлѣ Степанъ Алексѣичъ, по развѣстывимъ ему привычку, задумаетъ кричать: го, го, го! тогда въ Иванѣ Андреевичѣ, при всенъ днъ его желаніи, не достанетъ выси, и умѣнья прокричать, на перекоръ Степану Алексѣевичу: «аге-ге!».. Видъ Андреевичъ, самъ-по-себѣ, не можетъ толкомъ и не разбереть, дѣйствительно ли виноватъ, на-притѣрь, вотъ тотъ, на котораго привнесла злобную сосѣдка, жалусь, что онъ схватилъ у нея часть принадлежщей ей земли и лѣса, заграбилъ, невинно съ какого повода, принадлещщихъ ей лошадей и рогатый скотъ, показалъ вовсе неправильно за собой ревизіи одиннадцать душъ ея крестьянъ и при семъ умышленно и возвращаетъ взятыхъ имъ у нея документовъ и плановъ на землю, утвержда, якъ-бы означенная земля съ лѣсомъ состоятъ за нимъ по днъ бывшаго генеральнаго межеваніи; вѣтъчякъ же, напротивъ, вопіетъ, что виновата сама она, просительница, взводя на него одинъ извѣтъ, по ищущенію токмо недоброхотовъ ея, которые недоброхоты и настроили въ вѣщущему-де его, разоревію, гвалтѣкой неслыханной и обидливой шлщести процессъ.—Какъ тутъ быть? Иванъ Андреевичъ въ этомъ дѣлѣ будетъ куковать, вслѣдъ за Степаномъ Алексѣичемъ:—такъ Иванъ Андреевичъ кукувалъ весь свой дѣтъ.

Потолковавъ о селитрѣ, политикѣ выборахъ, далѣе—они заводили разговоръ о необходимости предпріять путешествіе за границу, по вѣщщю князя Алексѣя.

— Не могу слышать равнодушнаго какинъ хвастовствомъ, точно ты имѣешь, князь Алексѣй каждый разъ толкуетъ мнѣ о Парижѣ и вѣщщетъ меня краснѣть... Что же онъ мнѣ то полнищаетъ передо мною, вѣщщю? Кажется, я, при моемъ состояніи, имѣю мнѣ средства, чтобъ бы отправился даже въ Бразилію: это вѣщщю есть, а?

Конечно... Состояніе позволя-

етъ. Чортъ побери! нешрѣвно поѣду, ерекору князю Алексію поѣду—ю въ Парижъ... а? Поѣдемъ, братъ, Парижъ, что ли?

Оно, конечно, Парижъ—само-по-... только мнѣ казалось бы, до-во ограничиться одной Германіей: ита въ Парижъ требуетъ больше ржекъ...

Да надо же, братецъ, воеъ сбить ю Алексію... Что же онъ, въ са-дѣлѣ, думаетъ обо мнѣ?—кажется, особа... это всѣхъ знаетъ!.. Чортъ ри: каждый разъ, толку мнѣ о ить Палеруялѣ, ну, тамъ... объ омерахъ, онъ дѣлаетъ мнѣ щекот-нй намекъ передъ цѣлымъ со-іемъ, что я не былъ ми въ Пари-и въ Италіи...

Истинительно, сколько на перекоръ ю Алексію, столько же изъ со-ія необходимости «вожировать», ятой въ томъ крупу, къ которо-ишинуемо причисляетъ себя по-ная особа, патронъ и кліентъ от-ились за границу. По-крайней-т, теперь, при первомъ удобномъ тѣ, Иванъ Андреевичъ начина-авговоръ своей любимой фразой: о время, когда я былъ за грани-лучилось вотъ то-то в то-то; Сте-

Алексіичъ рѣшительно увѣра-то въ бытность его въ Римѣ достоялся въ церкви Петра и Па-аловать шапскую туфлю. Но ту-я хроника фактически доказыва-что эта «поѣздка за границу», ничлаась городомъ Лембергомъ, а патронъ и кліентъ возвратились ишу. Степанъ Алексіичъ, забо-шкатулкѣ своего патрона (на ко-онъ имѣть кой-какіе планы), авннъ ревоны, въ силу которыхъ шая особа убѣдилась, что поѣзд-Парижъ дѣйствительно требуетъ рльныхъ надержекъ, притомъ король Лембергъ есть уже «за-шннй» городъ.

Иванъ Алексіичъ, вода на помо-параго холостяка, подвергался

иногда гнѣву и оналѣ своего патрона; по какъ опытная нянька смеонтъ терпѣ-ливо капризы балованнаго дитяти, то и Степанъ Алексіичъ въ такіа минута кстаи умѣлъ смолчать и скорчить са-мую умилительную физиономію. «Ты подлець, Алексіичъ! я тебя вею просто въ спину вытолкать изъ моего дома - кричалъ на него иногда разгнѣ-ванннй холостякъ. Что же? — Степанъ Алексіичъ умѣлъ тогда такъ съжмнть-ся, будто онъ «такъ-сабѣ, ничего», и корчилъ такую физиономію, которая такъ вотъ и отвѣчала на угрозу патро-на: «воля ваша, спина наша... не са-то въ хозяйствѣ Ивана Андреевича, въ его дѣлахъ, во всѣхъ его предпріяті-яхъ, Степанъ Алексіичъ служилъ глав-ной дѣйствующей пружиной, а самъ Иванъ Андреевичъ (былъ едва-замет-нымъ и почти ненужнымъ винтомъ этой пружины. Мужное вліаніе совѣ-товъ Степана Алексіича лучше всего отразилось на томъ обстоятельстве, что богатнй холостякъ заложилъ въ Банкъ свои 2000 душъ, платитъ огромные за-ссуду капитала проценты, а капиталъ хранить въ шкатулкѣ—на случай сво-ей смерти, съ цѣлю досадить своимъ неучажительнымъ наследникамъ. -

— Пускай-де получаютъ по смерти заложенное имѣніе, а деньги я раздаю добрымъ людямъ — своимъ нищнмъ братьямъ! говорить во всеуслышаніе Иванъ Андреевичъ, при чемъ Степанъ Алексіичъ прибавляетъ каждый разъ во всеуслышаніе:

— Христіанская мысль, истинно-христіанская мысль!

— Протреть онъ, лукавыи хрипъ, глаза деньгамъ дялюшки-нишмерн!— толкуютъ о Степанѣ Алексіичѣ, тѣ-же во всеуслышаніе, неучажительные наследники Ивана Андреевича.

Когда стѣнные часы съ курантами пробили полночь — почтенная особа вѣвнула и изъявила желаніе почивать; ложась въ постель, нзволила соботоч-ной рукой, въ знакъ благосклонно-сти, пощекотать за ухомъ своего лю-бимаго камердинера — съ лицомъ Явуса: дѣйствительно, одна полови-

ва лица камердинера напоминала черты лица Ивана Андреевича, тогда как другая, по какому-то странному случаю, служила разительной копией физиономии Степана Алексича... В натуре я встрѣчалъ такіе феномены!

Патровъ и клиентъ разстались.

Степанъ Алексичъ, испытавъ сильныя ощущенія во время достопамятнаго *преферанса*, осужденъ былъ испытать гораздо-сильнѣйшія, подѣлывая къ калиткѣ своего недавно-приобрѣтеннаго дома, куда онъ переселился изъ своей прежней квартиры въ домъ Пруденціи. Бѣдливый, какъ полотно, всколыхнулъ Степанъ Алексичъ съ дрожжю: домъ его со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ полицейскими. Желая узнать о причинѣ такого неожиданнаго случая, Степанъ Алексичъ подошелъ съ своими разспросами къ квартальному.

— Поѣжайте своей дорогой — не ваше дѣло! грубо отгнѣтилъ квартальный, занятый своими распоряженіями.

— Помните: чье жь дѣло? — домъ мой, я хозяинъ дома.

— А! въ такомъ случаѣ васъ можно поздравить съ *юстемь*...

— То-есть, какъ?... какъ же это?...

— А такъ — съ гостемъ, который въ глухую полночь шатается изъ улицы въ улицу, потомъ останавливается подлѣ вашего дома, лавируетъ, обдуываетъ, сперва осторожно стучится въ калитку, потомъ громче и еще громче, желая выпытать, спать ли въ домѣ; — никто не откликается — понимаете? Вотъ, молодецъ-то и старается перелѣзть чрезъ заборъ — нельзя: деревянный заборъ, знаете, слишкомъ высокъ, гладокъ и наверху часто уколоченъ гвоздями, прибитыми остріемъ вверхъ... Какъ быть? — остается одно средство — вскарабкаться на фундаментъ дома, рвануть со всей силы ставенный засовъ, разбить въ дребезги стекло, разломать оконную раму — и такимъ манеромъ выѣзть черезъ окно въ домъ: vedуmano — сдѣлано!.. А полиція тутъ-каль-туть... Полиція, сударь, не дремлетъ, слѣдитъ за всѣми движеніями... помните?

Помнятъ, что дѣло угрожаетъ истощенію *шкатулки*, Степанъ Алексичъ пришелъ въ положеніе Шейлоу, умишаго о покражѣ брильянтовъ, пуланыхъ изъ во Франкфуртъ; онъ принялся кричать, созывая на помощь свою дворню, сосѣдей и желая своимъ крикомъ разбудить цѣлый кварталъ.

— Вотъ до чего дошло!.. это еще не доставало — грабѣжи!.. ночной робой!.. Охраняйте окно — ради Бога! не дайте мнѣ слѣзаться никуда... и пустите меня по віру... ради Бога!

Разбуженная крикомъ Степана Алексича полузаспававшая ключница и отперла калитку и вышла на улицу фонаремъ въ рукѣ.

— Ты спишь, чудовище, въ то время, когда меня обокрала, все изъ меня повытаскала, — бестія! развалила твою домоправительницу Степанъ Алексичъ, и, подобно разраженной и грицѣ, у которой отпинаютъ дитя, прежде полиціи забѣжалъ въ свои шпату, не помышляя даже объ опасности встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ ночнымъ воромъ, который вселяющо могъ бы пустить ему пулю въ лобъ. Прежде всего кинулся онъ въ свои завитыиыи шкафчикъ, шкатулку, судя думая съ заложеными вещами; онъ трѣть прилежно заикъ, онъ остановился посреди комнаты въ ослѣпленіи удивленія, узнавъ въ почтеномъ гостѣ *Юганна*, который, завернувшись плащъ и поджавъ по-турецки ноги, дѣлалъ на кровати Степана Алексича.

Мутный, ликій, отчаянный *Юганна* встрѣтился со взоромъ Степана Алексича!...

— А!... прощайте Степанъ Алексичъ; губы его, по привычкѣ, ли растаялись въ улыбку, но онъ ли: верхнюю губу какъ-то странно дергивала.

Степанъ Алексичъ пошатнулся сколько наваздъ.

Потомъ, послѣ минутнаго раздумія, онъ снова принялся осматривать шкафы и выдвигать своими дрожащими руками ящики изъ ящиковъ стола; наконецъ вдругъ замолчалъ.

мый содомъ, утѣряя, что вѣзъ одного щика вынута три тысячи рублей ассигнаціями...

— Три тысячи рублей украдено, гонорилъ онъ, обращаясь къ квартальному:—три тысячи рублей, милостивый государь, новенькими банковыми билетами, государственными ассигнаціями... вотъ до чего дошло!.. Окажите мнѣ правосудіе... прикажите сдѣлать обѣискъ, не смотря ни на какое лицо... У меня нѣтъ гостей... у меня не можетъ быть гостей въ такую пору...

Поліцейскіе солдаты, по приказанію квартальнаго, приступили къ Югану для осмотра; но, вѣсто денегъ, нашли у него за паузою сафьянный футляръ съ медицинскими инструментами. Въ этомъ футлярѣ, между кривыми ножницами, ножичками, стальными щипцами, щипчиками, Степанъ Алексѣичъ обратилъ вниманіе квартальнаго на какое-то стальное орудіе, съ прекрасно-отдѣланной рукоятью, довольно-длинное, вострое и похѣе на ножъ.

— Вотъ оно какъ! пойманъ съ поличнымъ!.. воскликнулъ Степанъ Алексѣичъ, указывая на это орудіе: — я прибѣгаю къ правосудію: улика налицо...

— Но это ножъ анатомическій... Я сію минуту съ практики...

— Хороша практика: воровство, грабежъ, съ покушеніемъ на жизнь, въ случаѣ нужды... Протестую: это ножъ обоюдоострый, длинный, разбойничій ножъ... Двиное покушеніе на мою жизнь...

— А денегъ-то вѣдь при немъ не оказалось! сказалъ квартальный, расгопыривъ пальцы правой руки, а лѣвою взывъсь за подбородокъ: — это *оказія!* глубокомысленно замѣтилъ онъ.

— Унесены... черезъ разломанное окно, унесены сообщниками злодѣйства... Я прибѣгаю къ правосудію: — возьмите его въ тюрьму... въ острогъ... сошлите въ Сибирь... кричалъ, не пом-

Т. I. — Отд. VIII.

ня себя и весь дрожа отъ ярости, оробѣвшій Степанъ Алексѣичъ.

— А Фаса? — предчувствія Жана сбылись:—она умерла отъ родовъ... Хотя Жанъ имѣлъ столько деликатности, что не оскорбилъ ея во время болѣзни не только щепотливыми объясненіемъ, но даже двусмысленнымъ, обиднымъ намѣкомъ, однакожъ у ней доставало столько *такта* и проникательности, что она могла разгадать *ею положеніе*— и это, можетъ-быть, увеличило ея мучки... Нѣсколько разъ привывала она Жана съ твердой рѣшимостью открыть ему свою душу, рассказать всю исторію своей прошедшей жизни, но, какъ и прежде, какъ и всегда, ее удерживало отъ этого чувство женской стыдливости и сознаніе великости своего проступка, къ которому ее привели, можетъ-быть, обстоятельства, молодость, бѣдность, вліяніе дурныхъ совѣтовъ... Сколько разъ, не только теперь, въ болѣзненномъ бреду, но и въ прежнее время, она осыпала проклятіями самоѣ-себя, свою мать... и тяжки были ея страданія, когда она, вкусивъ, въ послѣдствіи, отъ чувства истиннаго, познала, убѣдилась, горемычная, что чувство *это* не могло быть ея удѣломъ...

Кто изобразить положеніе Жана, когда Пруденція устанавливала на невѣстныхъ, наводившія такой ужасъ на Жана, погребальныя дроги гробъ, въ которомъ, между поддѣльными цвѣтами розъ и маргаритокъ, лежалъ другой цвѣтокъ, увядшій, прада, лишенный своего букета, безщадно сраженный случайной грозой, но все еще прекрасный...

Старуха плакала.

Прихотливая судьба пошлела вѣчный домикъ. Фаса подлѣ четы дивныхъ грушъ, корнями которыхъ не позволяли распространяться гробы мертвецовъ— и онъ, привземистыл, корчавый, жалобно наклонились дружка къ дружкѣ, будто говоря: — возраста ны на другой почвѣ — мы принесли бы и лучшіе

плоды!.. Так что ж? — грустный вид двух сиротъ, вращенныхъ между печальными крестами, да тихое уединеніе мѣста заманять туда мечтателя-соловья: онъ не разъ пропоетъ надъ ея могилкой свой чудный, *трогательно-грустный* реквиентъ; когда же май украситъ головы двухъ сестеръ своняи бѣлыми цвѣтами — душистые цвѣтки опадутъ на ея могилу.

Въ началѣ моего разсказа, я сказалъ, что *это было очень-давно*; дѣйствительно, всѣ эти сцены съ ихъ героями изгладились совершенно изъ моей памяти; но недавняя повѣдка моя въ Петербургъ воскресила ихъ въ моемъ воспоминаніи. Въ театрѣ я встрѣтилъ Жана. Мы узнали другъ друга. Поелъ того не разъ видался я съ нимъ въ его квартирѣ, но чаще встрѣчались мы въ театрѣ. Нельзя было не замѣтить, какъ неуспѣшно лорнировалъ Жанъ одну пѣвицу, съ какою жадностію выслушивала рулады ея дѣйствительно-прекраснаго голоса; къ концу каждаго прощѣтаго ею монолога, Жанъ на пыпочкахъ, медленно привставалъ съ кресель и аплодировалъ ея пѣнію съ энтузіазмомъ записнаго дилеттанта. А какъ онъ перемѣнился! столичная жизнь стерла съ него весь школьный лоскъ и образовала его вполне милымъ свѣтскимъ человѣкомъ: ему шили платье въ мастерской Оливье, онъ носилъ модную прическу, обѣдалъ въ модномъ ресторани, гдѣ-на свой счетъ угощалъ театраловъ «своей партиі» — и часто, запивая устрицы портеромъ или шампанскимъ, велъ жаркій споръ съ «невѣстнаго рода дилеттантами» (которыхъ я встрѣтилъ много въ Петербургѣ) объ искусствѣ, въ «прямомъ его значеніи... Службою Жанъ занимался мало, ва это онъ не имѣлъ времени, потому-что, по собственному его выраженію, считалъ себя *художникомъ въ душѣ*, весь преданъ былъ искусству, въ обширномъ значеніи этого слова. Дѣйствительно, на языкѣ у него такъ и бродили Рубини, Тамбурани,

Визарде-Гарсія, «Святіе со Вреша», «Разрушеніе Помпей», «Помалы», Листъ, Тальбергъ, «Вѣчный Жалъ», «Умирающая Сихей»... даже бронзовые кони Анчикина-Моста... Если вы, или по Невскому-Просвету, встрѣчали молодого человѣка изъ художнической прически, лорнировавшаго съ видомъ «аматѣра» выставленные у оковъ остампы — нари деду — то былъ Жанъ...

Но въ нѣкоторыхъ пунктахъ нашъ чулакъ остался неизмѣненъ. Разъ и сталъ я его съ газетой въ рукѣ, и припадкъ свойственной ему искомарія: онъ внимательно пробѣгалъ ея «выѣхавшихъ изъ столицы».

— Чѣмъ вы такъ разстроены?

— Представьте: *она уѣхала*...

— За границу?

— Какое,—въ Саратовъ... во это я еще ничего, *она меня предупредила* объ этой повѣдкѣ: какія-то у нея тамъ дѣла, или родные — не помню; но мнѣ задача: посмотрите, тутъ навѣщаютъ что туда же въ Саратовъ уѣхалъ ототъ... Зачѣмъ ему ѣхать!.. Не отчужда ли это? а?.. Чортъ возьми эти газеты, въ нихъ часто помѣщаются такіа опечатаія, что по веселѣи ходишь въ недоумѣніе...

— Вы несносны съ вашими *вѣчными* подовѣрніями... Признайтесь, ахъ съ Іоганномъ разстроено *ваше* тамъ одно — *недоумѣніе*?

— Бога-ради, не навоинивайте мнѣ объ этомъ! отрицалъ Жанъ, а мнѣ румянецъ забѣлалъ на его щекѣ: меня досада беретъ, когда я вижу что попалъ тогда въ просакъ, и глупый школьникъ...

Самолюбіе Жана было задѣто, онъ прибавилъ съ какой-то самоуверенностію:

— Не считаете ли вы меня *какимъ* такимъ?

— Ни мало... Я хотѣлъ только сказать, что князь могъ уѣхать въ Саратовъ случайно.

— Да, въ одно число... *можетъ-быть* въ одной каретѣ... проговорилъ Жанъ подѣ влияніемъ тревожащей его

сл; потому, спохватившись, присе-
дуя:

— Впрочемъ, вы не подумайте, чтобъ
это меня черезъ-чуръ интересовало:
вѣдь это все говорится такъ...

Жанъ ловко перешелъ въ другой ма-
терн и довольно-долго и серьёзно тол-
ковалъ со мною «объ искусствѣ, въ его
прямомъ назначенн...»

Но Жанъ притворился: это его че-
резъ-чуръ интересовало и безпокоило;
точнѣе, по уходѣ моемъ, онъ велѣлъ
запречь свой щегольскій кабріолетъ и
уѣхалъ на Литейную забирать нужныя
справки о внезапно-уѣхавшей актри-
сѣ и князѣ...

Участь Иоганна была не столь бли-
стательна. Правда, онъ избавился отъ
процесса своего съ Степаномъ Алексѣ-
ичемъ по недостатку полныхъ юри-
дическихъ доказательствъ со стороны
его противника, обвинявшаго Иоганна
въ «воровствѣ-грабжѣ съ покушені-
емъ на жизнь, въ случаѣ нужды»; но
знаменитая диссертация, плодъ не-
усыпныхъ и многолѣтнихъ трудовъ Ио-
анна—лоннула, а вмѣстѣ съ диссертаци-
ей провала и надежда на получение
профессорской катедры. Нашъ ганди-
катъ правъ и доктор cum eminentia
ограничился мѣстомъ уѣзднаго вра-
ча въ какомъ-то глухомъ городиш-
кѣ. Удивительнѣе всего, что Иоганнъ,
при своихъ познаніяхъ, имѣеть весь-
ма-мало практики; это лучше всего
оказываютъ его дрожки на стол-
никахъ, вмѣсто рессоръ, и обогая
вартира: все украшеніе ея составля-
етъ вѣсколько дорогихъ экземляровъ,
уплеченныхъ въ «счастливыя времена»,
вѣсколько прекрасныхъ парижскихъ
стамповъ, обдѣланныхъ «во время
во» собственными руками Иоганна, да
накоман вѣлончель... Что-то онъ те-
перь на ней разыгрываетъ? какіе
луки исторгаетъ изъ мощной груди
своей любимицы: вѣжные, мелодиче-
скіе, исполненные сладкой грусти и
чтательности, подобно «Ständchen»?
и прачныя, душу потрясающіе, какъ

«Erkbnig» Иста? Непремѣнно помду
послушаю.

Что касается до Степана Алексѣ-
ича, онъ, какъ говорится, сдѣлалъ вы-
годную карьеру: дѣятельностью въ
службѣ онъ сколотилъ небольшой ка-
питалецъ и женился на Алѣнѣ Ва-
сильевнѣ, получивъ за нею порядоч-
ное приданое отъ своего «благодѣ-
теля», а именно: домъ въ городѣ, при-
личный экипажъ, приличную прислу-
гу, да вексель въ десять тысячъ рублей
ассигнаціями.

— Почему не помочь ближнему, ког-
да состояніе позволяеть, а?.. Вижу,
человѣкъ дѣльный, хорошо аттеста-
ванъ, ни въ чемъ дурномъ не замѣченъ;
притомъ же искателемъ, признате-
лемъ, тихаго права... почему не по-
мочь, при моемъ состояніи, при моихъ
средствахъ?.. говорилъ тономъ велико-
душнаго мецената старый холостикъ
своимъ партнѣрамъ въ преферансѣ, въ
день бракосочетанія Степана Алексѣ-
ича...

P.S. Спустя годъ послѣ женитьбы
Степана Алексѣича, Иванъ Андре-
евичъ, наконецъ, получилъ ту долж-
ность, которой онъ столько лѣтъ во-
ще любивался, и получилъ самымъ
неожиданнымъ образомъ: дворяне из-
брали въ эту должность Макара Иль-
ича, Ивана же Андреевича изъ одной
политичности назначили кандидатомъ
Макара Ильича въ той надеждѣ, что
послѣдній будетъ исправлять эту дол-
жность до слѣдующихъ выборовъ. А
надѣлѣ вышло иначе: Макаръ Ильичъ,
въ удивленію всего уѣзда, пробывъ въ
своей новой должности только три мѣ-
сяца, формально, подъ равными пред-
логами, отъ нея отказался и уступилъ
свое мѣсто кандидату, Ивану Андре-
евичу.

— А?.. Какое?.. Ну, что мы теперь?
Ну, куда мы теперь?.. А всему при-
чиной вы, Петръ Петровичъ, съ ваши-
ми вѣчными остроуміями: «наобно-де
потѣшить амбіцію старика; вѣдь онъ
десятки лѣтъ добивается своей вожде-

дливой должности, какъ Керенъ обѣтованной земли... Что же? въ должности-то эту мы, разумеется, его не выберемъ; но сдѣлаемъ кандидатомъ: вѣдь это будетъ *острая шутка!* Вотъ вамъ и шутка!.. шарамъ, сударь, играть нельзя... баллотировка—дѣло серьезное!—говорилъ въ сердцахъ помѣщикъ-органистъ своему сосѣду помѣщику-остраку.

— Но кто жь могъ предвидѣть такую развязку? Макаръ Ильичъ казался такимъ благонамѣреннымъ, надежнымъ... Притомъ, извѣстная вражда Макара Ильича къ Ивану Андреевичу служила достаточнымъ ручательствомъ... Этотъ ихъ нескончаемый процессъ о пятнадцати тысячахъ...

— Та, та, та!.. Они теперь примирились: Иванъ Андреевичъ публично разорвалъ вексель Макара Ильича...

Николай Ковалевскій.

Село Боровенька.
1846.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ

■

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Благотворительность общественная, или, лучше сказать, государственная, — потому что она нынче начинаетъ образовываться въ отдѣльное отъ другихъ правительственныхъ учреждений управленіе, — съ недавняго времени обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ ученыхъ экономистовъ; и хотя въ настоящее время еще нельзя ожидать удовлетворительныхъ статистическихъ выводовъ по этому предмету, однакожь статистика его, въ какой бы степени развитія государственная благотворительность ни бы-

ла, интересна уже и потому собственно, что указываетъ на тѣ раны общественной нищеты и нужды, которыя требуютъ скорѣйшей помощи.

Главный инспекторъ благотворительныхъ заведеній Франціи выдалъ недавно статистическій отчетъ; вотъ нѣкоторые извлеченные оттуда выводы.

Во Франціи существуетъ нынче 1,338 больницъ или убого-пріемныхъ домовъ, получающихъ всего 53,632,992 франка 77 сантимовъ (13,172,263 р. с.) дохода. Число это, однакожь, далеко недостаточно для всего числа въ государствѣ немощныхъ больныхъ, престарѣлыхъ, неизлечимыхъ, сиротъ и оставленныхъ родителями незаконнорожденныхъ.

Благотворительныхъ конторъ (bureaux de bienfaisance) съ общими годовыми доходами около 13,557,836 фр. (3,329,804 р. 52 к. с.), считается 7599.

Заведеній, называемыхъ *monts-de-piété*, возстановленныхъ и переобразованныхъ въ XII году, всего 46, съ общимъ капиталомъ въ 36,544,012 фр. (8,975,209 р. 35 к. с.). Въ 1844 году они ссудили 42,220,684 фр. (10,369,399 р. 99 к. с.) подъ 3,072,864 фр. (754,693 р. 40 к. с.) залогомъ.

Учебныхъ заведеній для глухонемыхъ и слѣпыхъ 39, съ 1675 учениками, что весьма мало, потому что преимущественно считаютъ во Франціи отъ 20 до 25 тысячъ глухонемыхъ и отъ 12 до 15 тысячъ слѣпыхъ.

Число незаконнорожденныхъ, оставленныхъ родителями безъ пріятеля, вовсе неизвѣстно. Можно подвергнуть перечисленію только дѣтей мѣсяца пятнадцатилѣтняго возраста; ихъ насчитывается 123,394. Они пріятельны въ 144 воспитательныхъ домахъ, изъ которыхъ 90 имѣютъ тайныя правительственныя камеры. На-счетъ послѣднихъ статистика представляетъ любопытные выводы. Извѣстно, что вопросъ объ этихъ камерахъ еще не рѣшенъ. Тѣ, которые выданы изъ нихъ поощреніе къ разврату, требуютъ ихъ участ-

женія. Но, хотя число незаконнорожденныхъ дѣйствительно болѣе въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ устроены эти камеры, однакожь доказательство это вовсе не такъ неопровержимо, какъ съ перваго взгляда кажется, потому-что, если 44 департамента съ камерами и показываютъ отношеніе незаконнорожденныхъ въ полтора раза больше, нежели 21 департаментъ безъ камеръ, однакожь 17 департаментовъ съ двумя камерами имѣютъ относительно менѣе незаконнорожденныхъ, нежели тѣ, въ которыхъ по одной, и 4 департамента съ тремя камерами имѣютъ также относительно незаконнорожденныхъ менѣе, нежели департаменты съ двумя камерами. Эти статистическіе выводы, согласно съ разсудкомъ, убѣждаютъ, что приводимое доказательство не неоспоримо, и что не удобство скрывать поворъ, а скорѣе нищета умножаетъ развратъ, потому-что въ департаментахъ земледѣльческихъ, считаемыхъ болѣе-богатыми, приходится одинъ незаконнорожденный на 420 жителей, а въ департаментахъ бѣдныхъ одинъ на 219 жителей.

Объ участи умалишенныхъ Франція озаботилась только со времени изданія закона 30 іюня 1838 года, и послѣдовавшіе заговатымъ повелѣнія 18 декабря 1839. Число немущихъ умалишенныхъ во Франціи 12,286; изъ нихъ 5,935 мужскаго и 6,351 женскаго пола. Головы издержки на нихъ 4,326,138 фр. 75 сантимовъ (1,062,499 р. 67 к. с.). Они размѣщаются въ 73 пріютахъ, изъ которыхъ 37 публичныхъ специальныхъ, 25 особыхъ отдѣленій въ убогопріемныхъ домахъ и 11 заведеній, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Прежде закона 1838 года, немущіе умалишенные были, какъ и обыкновенные нищіе, безъ всякаго присмотра, и жили подаяніями. Теперь участь ихъ лучше; за ними есть уходъ, и довольно-значительное число ихъ излечивается.

Сообщивъ нѣкоторые статистическія числа, касающіяся дѣйствій об-

щественной благотворительности и призрѣнія бѣдныхъ во Франціи, спѣшимъ подѣлиться съ читателями извѣстіемъ о новомъ учрежденіи по этому предмету, которое, вѣроятно, скоро устроится поочеченіемъ французскаго правительства.

Еще въ прошломъ столѣтіи, въ Англіи составленъ былъ проектъ объ учрежденіи пенсіонной казны для рабочаго класса. Послѣ многихъ неуспѣшныхъ попытокъ, по достаточномъ обсужденіи и зрѣлости этой мысли, проектъ утвержденъ наконецъ биллемъ 10-го іюня 1833 года.

Во Франціи нынче подавъ подобный же проектъ, основная мысль котораго есть составленіе пенсіонной кассы для рабочихъ обоюго пола посредствомъ самаго незначительнаго установленнаго съ нихъ же правительствомъ сбора. Всѣ и все говорятъ въ пользу этой мысли: особая коммиссія, составленная изъ разныхъ членовъ обѣихъ палатъ, служащихъ бюрократовъ, лицъ, знакомыхъ съ банковыми операціями и занимающихся торговую и мануфактурною промышленностью, также главные совѣты торговли и мануфактуръ, наконецъ, ученые общества и главные представители прессы — журналы; само-собою-разумѣется, что министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и торговли раздѣляютъ такое единогласное мнѣніе.

Но такъ-какъ учрежденіе пенсіонной кассы должно быть основано на условіяхъ, подобныхъ условіямъ обществъ взаимнаго страхованія жизни, капиталовъ и пенсій, а всеобщее мнѣніе требуетъ, чтобъ французское правительство взяло новое учрежденіе подъ свое покровительство, то правительство, найдя настоящіа статистическія свѣдѣнія о смертности и вообще о состояніи рабочаго класса во Франціи недостаточными, желаетъ прежде всего исправить эти свѣдѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ обратился къ Парижской Академіи Наукъ, прося ее: 1) критически оцѣнить всѣ настоящіа статистическія свѣдѣнія, касающіяся смертности и вообще о состояніи рабочаго класса во Франціи.

стическія свѣдѣнія по этому предмету; 2) опредѣлить, что нужно и можно сдѣлать теперь для поправки этихъ свѣдѣній такъ, чтобы они на первый разъ могли служить основаніемъ для вычисленій; 3) опредѣлить, какія свѣдѣнія и числа правительство должно собирать на будущее время, и вообще, какой ходъ и характеръ должны имѣть, какъ собраніе свѣдѣній, такъ сами свѣдѣнія; при чемъ опредѣлить съ наибольшою точностью всѣ условія, которыми должно удовлетворять каждой статистическое число.

Комиссія, состоящая изъ академикъ Дюпена, Матьё, Повеле, Лиувилля, Штурца и Райера, займется этимъ трудомъ.

На этомъ остановилось дѣло, и академическая комиссія, вѣроятно, поспѣетъ скорѣе удовлетворить всеобщимъ желаніямъ и ожиданіямъ, чтобы учрежденіе пенсіонной кассы для рабочаго класса не откладывалось на долгое время.

Замѣтимъ, что послѣднее обстоятельство въ требованіи министра внутреннихъ дѣлъ весьма важно, ибо кто не знаетъ, что статистическія свѣдѣнія, доставляемыя лицами служащими въ провинціяхъ, очень часто бываютъ довольно-попы, а между-тѣмъ вовсе неудобны и бесполезны при дальнѣйшихъ вычисленіяхъ, — отъ-того, что собираемыя такимъ-образомъ числа и свѣдѣнія въ глазахъ самихъ собирателей не имѣютъ никакого значенія, представляютъ изъ себя совершенне-мертвыя буквы. Зная же условія, которыми должны удовлетворить эти числа и свѣдѣнія, конечно, всякой, кто только захочетъ, можетъ успѣшно исполнить порученіе.

Всѣмъ извѣстно, что цѣны на хлѣбные припасы, продаваемые нашими петербургскими булочниками, опредѣляются отъ городского начальства, и потому не подлежатъ произвольному возвышенію; но булочники, желая привлечь болѣе покупателей, при по-

купкѣ на чистыя деньги выдаютъ слугамъ, сверхъ покупнаго количества, еще хлѣбныхъ же мѣръ и сумму въ 10% того количества: при биравіи же на книжки въ долгъ, они получая уплату, скидываютъ 10 процентовъ въ пользу самихъ дамиковъ. — Не найдя подробнаго объясненія, какъ поступали булочники въ Парижѣ, мы хотя и не можемъ окончательно утверждать, чтобы въ примѣнномъ ниже постановленіи парижскаго булочнаго цеха, говорилось не объ этихъ подаркахъ или уступкѣ въ 10%, но имѣемъ основаніе предполагать, что тамъ сказано о чемъ-нибудь имѣющемъ близкое къ намъ отношеніе.

Синдики и избиратели (гласные) парижскаго булочнаго цеха, 26-го предѣлаго декабря, постановили: Все-кіе подарки, подѣлки каковы бы то ни было, выданъ или названіемъ, съ стоящаго числа уничтожаются.

Въ замѣтъ этого уничтоженія, общество парижскихъ булочниковъ будетъ дѣлать каждый годъ въ январѣ мѣсяцѣ, въ пользу недостаточнаго класса народа, благотворительно пожертвовать въ 400,000 килограммовъ (977,200 фунтовъ) бѣлаго хлѣба.

Количество хлѣба, которое обшество поставятъ каждая булочная, будетъ опредѣлено въ частыхъ собраніяхъ, соотвѣтственно условіямъ нѣдаго заведенія.

Эти опредѣленія будутъ переданы каждому булочнику, который и будетъ считаться честнымъ словомъ своимъ и точно ихъ исполненіи, и сверхъ-того, будетъ подлежать штрафу и штрафковъ за всякое доказанное отступленіе.

За сими синдикатъ отнесены къ префекту полиціи и городскимъ властямъ, какъ объ утвержденіи этихъ постановленій, такъ и о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ на счетъ раздачи хлѣба.

Нельзя не похвалить такой благотворительный поступокъ. Что касается до отнятія у слугъ даваемой имъ булоч-

и десяти-процентной порции, то, не идаясь въ ежелевеной пащѣ и полая ати порции по малымъ частямъ, можно утвердительно сказать, поносятъ только пустое удовольствіе. же забираетъ въ долгъ помѣсячно 10, 20, 50 или даже 100 рублей ассанаціями, тотъ, конечно, не пожалѣ-уступить въ пользу бѣдныхъ 1, 2, и 10 руб. каждый мѣсяцъ.

дво условіе въ этомъ случаѣ необходимо; безъ него все дѣло можетъ об-ваться въ обманъ для потребителей-уплателей и въ потерю довѣрія для рчииковъ, — необходимо, чтобъ лица, едѣляющія цѣнность хлѣба, восто-о вилѣли въ виду, что все это есть юееломое пожертвованіе со стороны рчииковъ и притомъ существовало, и и поль другимъ выдохъ, до сдѣ-наго постановленія.

о времени изобрѣтенія литографіи, вь-многіе старались придумать спо-ь для переведенія на камень всяка-ода печати. Попытки эти и жур-ичие слухи о нихъ всегда интере-лен публику. Теперь вопросъ этотъ ьенъ, сколько можно по-крайней-ѣ суметь по образцамъ гравюръ и графическихъ оттисковъ, переве-ыхъ такимъ-образомъ на камень и ьтъ снова на бумагу и представле-ь французскому Обществу Поощр-ія Национальной Промышлености. бртатели, гг. Бойѣ и Массіасъ, на-и свой способъ *гомеографіей*. Ме-ическія приемы просты: печатный гъ, — все равно древній или новый, — адывается на литографическій ка-ь, по немъ прокатывается цилиндръ илѣ скалки или проводится глади-и печать литографируется съ бума-и на камень. Полученная на камнѣ графія можетъ быть такимъ же об-мъ переведена три раза на другіе ни и притомъ съ-такимъ совершен-мъ, что литографія эти трудно от-ить отъ оригинала, если вся опера-произведена тщательно. Ко всему ну присоединяется весьма-важное

обстоятельство: оригиналъ не поруит-ся и не измѣняется, такъ-что, по увѣ-ренію изобрѣтателей, можно гомеогра-фировать самые драгоценные ориги-налы, вислолько не уменьшая ихъ до-стоинства.

Очень-желательно было бы скорѣе увидѣть это изобрѣтеніе въ общемъ ходу. Вспомните, что, напр., всѣ дѣт-скія и народныя книги и изданія со-провождаются гравюрами уродливыми, въ которыхъ нѣтъ и тѣни искусства. Вмѣсто картинокъ, портящихъ дѣтскій вкусъ съ той самой минутой, какъ они научаются распознавать предметы, мы будемъ давать имъ изображенія самыя непогрѣшительныя, самыя чистыя, въ томъ самомъ видѣ, какъ намъ даютъ ихъ изящныя искусства, и притомъ за ту же цѣну, что и теперь. Учитъ чи-тать дѣтей мы будемъ по сочиненіямъ, прославившимъ вѣкъ, литературу и ис-кусство книгопечатанія. Какой-нибудь Эльзевиръ тогда будетъ стоить не бо-лѣе самаго небрежнаго изданія учеб-ной книги. Это не утопическія мечты: между представленными отъ изобрѣта-телей образцами находятся гомеогра-фированные листки древнихъ изданій и гравюры самой тонкой работы. Между послѣдними, нѣкоторыя заставляютъ невольнѣ задуматься: это банковыя ас-сигнаціи на китайской бумагѣ. Еслибъ онѣ были отпечатаны на настоящей бумагѣ, то, конечно, не были бы такъ хороши; но нѣтъ сомнѣнія, что даже и банкъ не могъ бы заподозрить ихъ.

Гг. Бойѣ и Массіасъ содержатъ въ тайнѣ свое изобрѣтеніе. И дѣйстви-тельно, провидя весь ужасъ, въ кото-рый можетъ быть повергнуто общество послѣдствіями обнаруженія подобнаго открытія, нельзя не пожелать имъ, чтобъ они сзумѣли лучше г. Шѣнбей-на сохранять до времени свой секретъ. Когда найдено будетъ и противодѣй-ствіе опасной сторонѣ ихъ гомеогра-фіи, т. е. когда придумаютъ средства дѣлать нѣкоторые письменные акты и государственныя облигаціи невозмож-ными къ поддѣлкѣ посредствомъ гомео-графіи, тогда только она сдѣлается

общимъ достоинствѣмъ. Теперь же остается желать скорѣйшаго приближенія этого времени.

Въ декабрьской книжкѣ «Отеч. Записокъ» прошедшаго года мы сообщили извѣстіе о семи ученыхъ путешественникахъ, получившихъ инструкціи отъ Парижской Академіи Наукъ. Въ послѣднее время, эта академія снабдила своими инструкціями еще г. Морле, отправляющагося въ Центральную Америку, и большую морскую экспедицію, назначенную подъ начальствомъ г. Монтравеля для изслѣдованія Амазонской-Рѣки. Отъ послѣдней экспедиціи можно особенно ожидать богатой жатвы для наукъ; не говоримъ уже о собственномъ назначеніи ея съ географическою цѣлью и объ ученыхъ инструкціяхъ академіи по части ботаники и зоологіи; сверхъ того, академія полагая, что лица, обязанныя службою на судахъ, не въ состояніи будутъ употреблять достаточнаго времени на ученые занятія, предлагаетъ гг. министрамъ морскому, публичнаго обученія и торговли назначить при экспедиціи особъ спеціальныхъ людей для изученія и собиранія въ тѣхъ странахъ 1) растеній и сѣменъ, удобныхъ для разведенія въ европейскихъ ботаническихъ садахъ и на колоніальныхъ плантаціяхъ, и 2) образчиковъ разнаго рода дерева, коры, сѣменъ или крупъ, смолы, красокъ, земель и другихъ веществъ, полезныхъ въ медицину и торговлю. Назначенные такнмъ-образомъ, эти спеціальные люди не ограничатся собираніемъ и доставкою отысканныхъ ими экземпляровъ, но сообщать полныя свѣдѣнія о мѣстонахожденіи ихъ, естественномъ образованіи, произрастаніи, жизни и, наконецъ, о туземномъ или предполагаемомъ употребленіи.

Гг. Девуазо и Бунсенъ, бывшіе въ 1845 году въ Исландіи, снова ѣздили туда лѣтомъ 1846 года. Меж-

ду прочими они привезли: образцы породы нитчатокъ (*confetes*), растущей въ горячемъ источнѣ Грёфа (*Gröf*), при температурѣ воды въ 98 градусовъ, и кости съ болѣзненными наростами отъ овецъ, пастухи близъ Геклы. По мнѣнію туземцевъ, болѣзнь эта порождена дѣйствіемъ волканическаго пепла, покрывавшаго тогда траву на выгонахъ. Но еще болѣе ученаго интереса представляютъ опыты ихъ; касающіеся извѣстнаго шара, надъ температурою воды, при разныхъ глубинахъ ея въ исландскихъ волкановъ. Для этого они употребляли изогнутые столбчатые термометры, заключенные въ бутылкахъ, герметически-защипанныхъ. Для главнаго гейзера, глубина котораго 22 метра (10 саж. 14; верш.), было употреблено вверху пять термометровъ, укрѣпленныхъ и расположенныхъ на одномъ и томъ же горизонтѣ, въ разстояніи одинъ отъ другаго отъ 3,8—4 метровъ (отъ 1 саж. 2 арш. 5; верш.—1 саж. 2 арш. 10 верш.). Для Строккуса (другой гейзеръ), въ которомъ средняя глубина воды 9 метровъ (4 саж. 10; верш.), три термометра, расположенные одинъ отъ другаго отъ 4,2—4,6 метровъ (1 саж. 2 арш. 14; верш.—2 саж. 5; верш.). Пять наблюденій, при которыхъ всѣ термометры каждый разъ опускались въ воду на 30 минутъ, показали, что температура воды въ среднѣмъ колѣдѣ главнаго гейзера разная въ разныхъ глубинахъ, и что *максимумъ* ея 127 градусовъ на днѣ перель большими изверженіями и *минимумъ* 122 градуса послѣ изверженія. На поверхности и на глубинѣ отъ 2;—3 метровъ (отъ 3;—4; арш.) температура была около 85 градусовъ. Три наблюденія въ Строккусѣ показали, что здѣсь температура мало измѣняется. На днѣ она во 113 градусовъ и почти не измѣняется до высоты 6 метровъ (8; арш.) надъ дномъ, потомъ постепенно уменьшается до 100 градусовъ на поверхности. Послѣднее наблюденіе состояло въ томъ, что опустили термометръ и

дно 12 июля, а вынули только 13 послѣ изверженія въ 47,4 метра (22 саж. 10 верши.) высоты, и температура была 115 градусовъ.

—

Какъ часто глазъ простаго наблюдателя не видитъ ничего тамъ, гдѣ чело-вѣкъ ученый открываетъ новые миры нашего земнаго царства, или новые недостающіе факты для науки! Въ концѣ сентября и въ октябрѣ прошлаго года Италия была поражена и оглушена землетрясеніями, наводненіями и грозами, и г. Леопольдъ Пилла, занимавшійся въ окрестностяхъ Пизы описаніемъ бывшаго тамъ землетрясенія, обратилъ вниманіе на всѣ эти явленія; въ умѣ его явилась догадка, не происходятъ ли они отъ подземныхъ перекрестовъ, обнаружившихся вулканическими изверженіемъ среди моря, образовавшихъ грозовые тучи изъ выброшенныхъ и поднятыхъ вулканомъ тѣлъ, и разразившихся надъ землею грозами и проливными дождями. Догадка слишкомъ - смѣлая, но, впрочемъ, основанная на общей причинѣ всѣхъ этихъ явленій - земномъ электричествѣ, и — весьма-важное обстоятельство, — отчасти подтвержденная позднѣйшимъ извѣстіемъ о дѣйствительно-замѣченномъ необыкновенномъ вулканическомъ изверженіи среди моря.

Сокращая по возможности, мы приведемъ весь ходъ наблюденій и предположеній г. Пилла.

Г. Пилла находился въ половинѣ октября нѣсколько на востокъ отъ Пизы и Ливорно. Отъ ЮЗ. со стороны острова Эльбы, небо начало покрываться черными грозовыми тучами. Тучи шли подвигаясь къ СВ., гдѣ небо было почти-чисто, и постепенно подвигаясь къ землѣ. Молнія безпрестанно мелькала, громъ не умолкалъ; термометръ значительно понижился, и наконецъ страшно-проливной дождь, по-временамъ съ градомъ, полился на землю. Гроза длилась неѣще часа, и облегченныя тучи опустились далѣе надъ вершиною пиванскихъ горъ и апеннинскими хреб-

томъ. Небо стало ясно, но какъ-будто какой-то зародышъ грозы все видѣлся и таился на ЮЗ. — Черезъ нѣсколько времени, снова повставали тучи изъ этого зародыша, и все грозовое явленіе повторялось съ весьма-малыми измѣненіями. Оно повторялось много разъ равно и днемъ и ночью, и много дней и ночей сряду. Воздухъ все время былъ почти - спокоенъ, весьма - небольшой вѣтеръ переходилъ отъ ЮВ. къ СВ. — Исходъ грозовыхъ тучъ изъ точки изъ зародыша совершенно походилъ на дымящие столбы при изверженіи Везувія. Въ одинъ изъ всѣхъ этихъ грозовыхъ дней, описанное явленіе повторилось до семи разъ.

Въ то же время въ Ливорно было замѣчено колебаніе земли, а въ гористыхъ окрестностяхъ Пизы слышны были подземный гулъ и легкіе удары.

30 октября поутру г. Пилла, при свиданіи въ Пизѣ съ братьями своими по наукѣ, въ разговорѣ на счетъ полученныхъ извѣстій о землетрясеніяхъ и большихъ наводненіяхъ, случившихся въ это время въ Неаполитанскомъ Королевствѣ, высказалъ между прочимъ и приведенную выше догадку свою о морскомъ вулканическомъ изверженіи, изъ котораго, вѣроятно, образовывались всѣ эти громоносныя, слѣдовавшія одна за другою тучи. Г. Пилла тогда же прибавилъ, что интересно было бы опрашивать всѣ суда и пароходы, приходящіе съ моря.

Въ тотъ же день вечеромъ, г. Пилла встрѣтилъ другихъ ученыхъ сотоварищей, изъ которыхъ одинъ показалъ ему письмо изъ Мессины отъ 15 октября. Въ письмѣ этомъ сперва говорилось объ ужасныхъ грозахъ, опустошавшихъ Сицилію, начиная съ самой ужасной грозы 30 сентября; потомъ приведенъ былъ рассказъ шкипера, пришедшаго въ Мессину 6 октября. Шкиперъ показалъ, что, находясь въ 8 миляхъ отъ берега близъ Гиргента и Счакии, въ ночь съ 4 на 5 число, онъ замѣтилъ вдали, въ морѣ, большой свѣтъ; приписавъ этотъ свѣтъ пожару на какомъ-нибудь суднѣ и желая по-

дать помощь, онъ подошелъ ближе, но къ изумленію своему и ужасу увидалъ, что пламя и огромныя массы дыма выходили прямо изъ воды; посреди этого дыма поднимались большія горящія шаровидныя массы, падавшія далеко и съ страшнымъ шумомъ. Мѣсто, изъ котораго выходили пламя и дымъ, казалось, было величикою болѣе мили въ окружности; море кипѣло и клокотало еще на большемъ пространствѣ, и при томъ съ такимъ шумомъ, что гулъ клокота раздавался на многія мили отъ туда.

Какъ самое явленіе морскаго волкана, такъ и догадка г. Пилла обь общей связи всѣхъ октябрьскихъ метеорологическихъ явленій въ Италіи, весьма-любопытны: поэтому считаемъ не лишнимъ упомянуть, что г. Пилла готовитъ къ печати сочиненіе свое о землетрясеніи, бывшемъ въ Пизѣ прежде описанныхъ нами метеорическихъ явленій, и въ дополненіи къ нему настрѣнъ помѣстить подробнѣйшія описанія и этихъ метеорическихъ явленій.

Прибавимъ, что въ русскихъ газетахъ были напечатаны описанія многихъ грозъ, бывшихъ въ необыкновенное по нашему климату время: 1 декабря близъ Одессы, 3 въ Херсонѣ, 2 во Владимірѣ и почти во всей Владимірской-Губерніи, 3 въ Юрьевенкомъ Уѣздѣ Костромской-Губерніи. Вездѣ явленіе сопровождалось молніей, громомъ, градомъ и дождемъ; вездѣ тучи шли отъ ЮЗ. къ СВ. — Очень-похоже на то, что это одинъ и тотъ же рядъ громоносныхъ тучъ, быстро пронесшихся надъ всей Россіей.

Послѣ этого мы читали въ иностранныхъ газетахъ о многихъ грозахъ, также разразившихся на пути своемъ отъ ЮВ. къ СЗ., въ Южной-Франціи.

Не было ли связи между всѣми этими грозами и описаннымъ выше морскимъ волканомъ? Можетъ-быть, всѣ эти вольгандическія тучи, подымавшіяся изъ волнъ Средиземнаго-Моря, раздѣлились на нѣсколько страшныхъ массъ и быстро повеселись на СЗ. и СВ., за-

держиваясь иногда притягательной силой горныхъ вершинъ!

Метеорологія долго не поживится впередъ, — не поживится до-тѣхъ поръ, пока наблюденія будутъ оставаться одѣльными и, можно сказать, случайными замѣтками. Еслибъ наблюденія эти производились вездѣ на условенныхъ и согласенныхъ основаніяхъ, еслибъ существовала обсерваторія, — мы имѣли бы не только метеорологическія газетныя описанія; которыя становятся даже и не любопытны и часто навязывать скуку, но цѣлую метеорологію, физику нашей атмосферы...

—

Приведа описанія нѣкоторыхъ метеорологъ, мы изложимъ, въ заключеніи, мысли свои о возможности дознаться состава и разнѣхъ обстоятельствъ, сопровождающихъ появленіе метеорологъ нашей атмосферы.

17-го октября (1846 г.) въ 6 час. 15 мин. вечера, при совершенно-закрытомъ тучами небѣ, г. Перей вылетѣ изъ Дижонѣ (департаментъ Кот-д'Оръ, во Франціи), свѣтлый метеоръ, двигавшійся по горизонтальной линіи отъ З. къ В. на высотѣ 15 гр.; цвѣтъ его былъ блѣдно-бѣлый; кажущаяся величина равнялась Юпитеру; метеоръ видѣтъ былъ одну минуту. Въ Гану (Гессен-Кассель), въ тотъ же день и въ тотъ же часъ также замѣченъ былъ метеоръ, двигавшійся отъ ЮЗ. къ В.

9 го ноября, въ 7 час. 30 мин. вечера, въ Дижонѣ же, директоръ ботаническаго сада, г. Медвѣзъ, наблюдалъ другой метеоръ, замѣчательный по своему исчезновенію. Метеоръ двигался весьма-медленно и горизонтально отъ З. къ В. на высотѣ 60 или 70 гр. Цвѣтъ его былъ яркій-палевый. Пройдя 90 гр. или четверть круга по небу, онъ выбросилъ цѣлый снопъ пламени съ блестящими искрами и исчезъ безъ всякаго звука или треска; но въ этомъ случаѣ особенно замѣчательно то, что обь оконечности свѣтлой полосы, пройденной, оставленной метеоромъ и видной еще 2 минуты послѣ него, сближались

и сосредоточивались до того, что въ самой срединѣ составилъ шаръ безъ ядра, въ родѣ скопленія пламени, раздѣленнаго на многія свѣтлыя полосы другими весьма-узкими и темными полосками; шаръ этотъ держался четверть часа, угасая мало-по-малу. Г. Перей, сообщившій Парижской Академіи эти наблюденія, прибавляетъ, что многія лица совершенно подтвердили ему точность приведеннаго нами описанія.

19 го ноября, г. Эленскій въ Авраншѣ (Нижняя-Нормандія, приморскій Јаманшскій Департаментъ, во Франціи), замѣтилъ въ созвѣздіи Кассіопеи свѣтящійся метеоръ, блескъ котораго сперва равнялся блеску Сириуса, но вскорѣ превзошелъ его; при этомъ діаметръ свѣтящейся массы началъ увеличиваться, а свѣтъ въ то же время быстро уменьшаться; совершенно же исчезъ этотъ метеоръ черезъ двадцать минутъ, оставаясь неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ неба.

Прежде всего мы должны замѣтить, что въ самыхъ точныхъ описаніяхъ движенія метеоровъ, вѣроятно, заключаются обстоятельства мнимыя или только кажущіяся отъ обмана зрѣнія. Огненные слѣды метеоровъ, на-примѣръ, легко могутъ быть остаткомъ впечатлѣнія въ самомъ глазѣ наблюдателя, и если бы въ наблюденіи г. Мелана не сказано было, что скопившійся въ срединѣ овѣтлый слѣдъ оставался глупо четверть часа въ видѣ шара, то мы могли бы усомниться въ дѣйствительномъ существованіи горящаго слѣда и предположить, что и самое сосредоточеніе слѣда было только въ постепенно-ослабляющемъ напряженномъ лавѣ наблюдателя. Кстати или не стати, а намъ пришелъ на память анекдотъ. Какому-то начальнику, занимавшемуся въ присутствіи дѣлами, послышался колокольный звонъ; онъ обернулся съ вопросомъ, что это за звонъ, и слывшему за переписываніемъ бумагъ мелкому чиновнику; но какъ никакого звона вовсе не было, то и получилъ въ отвѣтъ: виноватъ, ваше престо-

сходительство, это у меня въ ушахъ. Мы думаемъ, что многіе наблюдатели метеоровъ могли бы отвѣчать подобно этому чиновнику, и изъ вѣжливости принять на себя вину въ описанныхъ ими явленіяхъ.

Мы сказали о возможности изслѣдовать составъ метеоровъ, и, конечно, не имѣли въ виду дѣйствительнаго ихъ состава, потому-что метеоры неудобны для насъ, ни даже посредствомъ аэростатовъ; но почему бы нельзя было, повторяя искусственнымъ образомъ всѣ обстоятельства какого-нибудь видѣннаго въ атмосферѣ метеора, заключить по аналогіи и о составѣ его? Надобно бы было начать съ собиранія всѣхъ существующихъ описаній къ-либо видѣнныхъ метеоровъ, потомъ классифицировать ихъ по обстоятельствамъ, сопровождавшимъ явленія и движенія, отдѣлить подверженныя сомнѣнію, какъ сказано выше, отъ обмана зрѣнія, и, запасшись знаніемъ химіи, общей физики, всего отдѣла объ электричествѣ, магнетизмѣ и гальванизмѣ, наконецъ, знаніемъ атмосфернаго магнетизма и электричества, составить массы изъ веществъ, натурально, только чисто-химическихъ, а не свойственныхъ поверхности земли. Тогда, подвергая эти массы, возгудія и самисобой образоваться въ атмосферѣ, или дѣйствию электрическихъ, магнитныхъ и гальваническихъ приборовъ, или даже вліянію разныхъ агентовъ атмосферы, на-примѣръ, свѣту и теплотѣ солнца и луны, влажности и сухости воздуха, вѣтру, грозѣ и проч., мы можемъ достигнуть до точнаго воспроизведенія всѣхъ обстоятельствъ явленія какого-нибудь метеора. Во всякомъ случаѣ, совершенно-точные или нѣтъ, но эти воспроизведенія метеоровъ безъ-сомнѣнія поведутъ къ счастливымъ результатамъ въ изученіи атмосфернаго электричества и слѣдовательно подвинутъ впередъ оставшій отъ другихъ отдѣлъ физико-естественныхъ наукъ—метеорологію. Подобнымъ же опытамъ сближенія атмосферной грозы съ элект-

тричествомъ мы объявы и выѣш-
ною теорією грозъ.

Г. Ориоли, президентъ Отдѣленія Фи-
зическихъ и Математическихъ Наукъ
Ученого Неаполитанскаго Конгресса,
сообщилъ недавно Парижской Академіи
Наукъ описаніе одного *необыкновеннаго*
дѣйствія молніи, случившагося десять
лѣтъ назадъ, но бывшаго до-сихъ-поръ
невѣдѣннымъ.

9-го октября 1836 года, въ четыре
часа тридцать минутъ, страшная гроза
разразилась надъ Зантомъ, однимъ изъ
іоническихъ острововъ; молнія упала
во многихъ мѣстахъ въ городѣ и въ
окрестностяхъ, и между-прочимъ уби-
ла одного молодого человека, Спири-
діона Полити, въ домѣ, стоявшемъ на
возвышеніи и окруженномъ виноград-
никами и масличными деревьями.

Въ тотъ же вечеръ, тѣло Спиридіона
Полити было освидѣтельствовано на-
чальникомъ магистрата, графомъ Лан-
до, въ сообществѣ доктора медико-хи-
рургическаго зантскаго общества Па-
скала Даконупо, ассессоровъ суда, но-
тариуса и многихъ свидѣтелей. Доне-
сеніе доктора Даконупо, со всѣми за-
конными документами, было передано
г. Ориоли, живущему въ Корѣу.

Пропуская излишнія подробности,
мы будемъ упоминать только о тѣхъ,
которыя идутъ къ дѣлу.

Въ одной комнатѣ дома и особенно
близъ трупа былъ сѣрный и смоляной
запахъ (смотри «Отечеств. Записки»,
декабрь 1846, кн. 12-ю, Смѣсь, ста-
тью: «Запахъ отъ тѣла, пораженныхъ
молніей, точно ли сѣрный запахъ?»).
На верхней части одного окна видны
были слѣды молніи.

Тѣло Полити лежало на кровати;
платье его состояло изъ льняныхъ, бу-
мажныхъ и частію шелковыхъ тканей.
На лѣвой ногѣ былъ бѣлый чулокъ, на
правой ничего; полусапогъ или ботин-
ка лежала на полу распоротая; вся
одежда, частію разорванная, казалась
обожженною сзади, на спинѣ.

Раздѣвъ несчастнаго покойника,
комиссія нашла его на-грѣнно-ожи-
санаго узкимъ полотномъ, въ кото-
ромъ находились въ двухъ разныхъ
бумажкахъ четырнадцать золотыхъ
монетъ: въ бумажкѣ на правой сторо-
нѣ испанская пистоль три гинеи и двѣ
полу-гинеи; въ другой, на лѣвой сто-
ронѣ, также одна испанская пистоль,
четыре гинеи, одна полу-гинея и двѣ
венеціанскіе цехина. Ни монеты, ни
бумага, ни полотно не имѣли ни ма-
лѣйшаго признака обжога.

На нижней сторонѣ правой ноги ра-
на въ одинъ дюймъ длины заставила
предположить, что молнія вошла въ
тѣло въ этотъ мѣстѣ. Вся правая нога,
заднія части, спина и до затылка имѣ-
ли очень - темный цвѣтъ, и на всѣхъ
этихъ частяхъ кожа была во многихъ
мѣстахъ исцарапана или ссажена. Во-
лосы по всему тѣлу были почти со-
вершенно сожжены, такъ же какъ и
рѣсницы, брови и волосы на головѣ,
въ-особенности къ затылку. Лицо бы-
ло покрыто темными пятнами, формой
и величиною съ чечевичу.

Но чтѣ было въ этомъ случаѣ не-
обыкновенно и замѣчательно, это, на
среднѣй правого плеча, шесть круж-
ковъ натурального цвѣта кожи, ясно
отличавшихся отъ окружающаго ихъ
потемнѣвшаго цвѣта тѣла. Эти кружки,
слѣдуя одинъ за другимъ и касаясь
другъ друга въ одной точкѣ, были
трехъ разныхъ величинъ и совершен-
но соотвѣтствовали тѣмъ шести моне-
тамъ, которыя были завернуты на
правой сторонѣ пояса.

Если молнія или электрическій токъ,
перенесся отъ монетъ пояса (лежав-
шихъ притомъ одна на другой) къ
плечу, сохранила въ себѣ впечатлѣніе
ихъ формы и обрисовала близъ своето
выхода изъ тѣла каждую отаѣльно, то,
конечно, это одинъ изъ самыхъ замѣ-
чательныхъ случаевъ дѣйствія элек-
тричества. И намъ кажется, что этотъ
случай заинтересуетъ не однихъ любо-
пытныхъ, но и ученыхъ физиковъ, по-
давъ поводъ къ равнымъ предполо-
женіямъ о дѣйствіи «электрическаго

тововъ. Почему бы, — мы повторяемъ ваше замѣчаніе на счетъ явленія метеоровъ, — почему бы не попытаться воспроизвести этотъ случай искусственнымъ образомъ съ сильною электрическою машиною и проводникомъ, заключающимъ въ себѣ равныя монеты или другія вещи?

—
Правительство наше устройствомъ сaнктпетербургско-москoвскoй желѣзной дорожки показало благодѣтельный примѣръ, — и въ русскихъ периодическихъ изданіяхъ вачали являться уже мысли, извѣстія и предложенія о составленіи компаній для равныхъ лнній. Предметъ этотъ въ общихъ основаніяхъ знакомъ уже всѣмъ, и потому мы не находимъ надобности рас-

пространяться о пользѣ, важности, компанейскихъ выгодахъ и проч. добрыхъ предпріятій, но намѣрены по-временамъ сообщать публикѣ разныя извѣстія, касающіяся этого предмета, которыя почему-либо заслуживаютъ вниманія; извѣстія эти будутъ большею частію касаться подробностей дѣла; но, впрочемъ, не отказываемся переводить и общіе вопросы, сколько по ихъ занимательности и сколько будутъ позволять условія этого отдѣла нашего журнала.

Англія не устаетъ съ желѣзными дорогами; вотъ таблица, показывающая число, протяженіе и стоимость утвержденныхъ въ 1846 году какъ новыхъ дорогъ, такъ и вѣтвей, служащихъ продолженіемъ старыхъ:

	Число дорогъ.	Длина въ верстахъ.	Сметныя суммы въ руб. сереб.	Средняя стоимость одной версты дороги въ руб. серебромъ.
Англія.	187	4497,100	549,254,893 р. 73 к.	} 107,388 р. 87 к.
Шотландія	61	1189,100	100.393.341 р. 59 к.	
Ирландія.	22	1020,100	70.694,868 р. 43 к.	
Итого	270	6707,100	720,343,103 р. 75 к.	

Сюда не вошли еще 174 лннiи дорогъ, неравнoсмoтpѣнныx за несоблюденіемъ формъ, отвергнутыхъ предварительной комиссіею и парламентомъ, и такихъ, отъ которыхъ отказались сами просители. При составленіи таблицы принято 1 англ. миля = 1,51 верст.; 1 фунт. стерл. = 6 р. 26,100 коп. сереб.

Запросъ на желѣзо, а вѣстѣ съ тѣмъ и цѣна его продолжаютъ возвышаться, и даже Англія не можетъ уже удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Для строящихся во всей Европѣ желѣзныхъ дорогъ, желѣза требуется 6,157,000 тоннъ (383,273,250 пудъ), то-есть, болѣе нежели въ четыре раза противъ всей производимости Англіи (1 1/2 мил. тоннъ, или 93,375,000 пудовъ). Изъ Глазго отъ 29 декабря пишутъ, что цѣна желѣза въ-продолженіе недѣли еще возвысилась до 1 шиллинга на тоннъ.

Электрическіе телеграфы сдѣлались принадлежностью желѣзныхъ дорогъ:

потому и мы не будемъ отдѣлять ихъ отъ послѣднихъ. На этотъ разъ мы можемъ сообщить только, что въ Англіи открыта новая телеграфическая линія между Лндсемъ, Нормантономъ, Шеффилдомъ, Дерби, Бермингемомъ и пр. и что по объявленной таксѣ за передачу извѣстій положено: за каждый десятокъ словъ, на каждую милю (1 1/2 версты) по 1 денье (*); если же требуется доставить депешу на домъ, то по одному шиллингу (31 коп. сереб.) на милю. Въ случаѣ неисправнаго доставленія, деньги возвращаются.

Атмосферическія или, правильнѣе, пневматическія дороги общаюся въ будущемъ успѣхъ. Въ настоящее время, о нихъ не много можно сказать, за

(*) Не знаемъ, что разумѣла редакція газеты «la Presse» подъ денье: старинный ли французскій счетъ, тогда денье = 2 коп. сереб., или англійскій пенни = почти 2 1/2 коп. сереб.

Прежде были собственно такъ-называемые ученые и промышленники, рѣдко пользовавшіеся достоинствомъ наукъ: то ли двѣ касты, незнакомыя другъ другу. Публика, не принадлежащая къ той, ни къ другой, смотрѣла на касты съ равнымъ презрѣніемъ, первую потому-что ученые были не по уму и не по знанію, на вторую потому-что промышленность была не по карману, не по силѣ, не по знанію и не по аристократическимъ нравсудкамъ. Нашъ XIX вѣкъ пошелъ новую переходную касту—*инженеровъ*: инженеровъ-механиковъ, инженеровъ-химиковъ, инженеровъ горъ, инженеровъ кораблестроителей, инженеровъ желѣзныхъ дорогъ, роч. и проч. Являются приложения къ основнымъ наукамъ ко всѣмъ важнымъ отраслямъ промышленности и каждой отдѣльно. И намъ кажется, являясь инженеровъ есть особый классъ народа, объ образованіи и существованіи котораго всѣ государства еще заботятся такъ же, какъ и объ образованіи помощниковъ ихъ — *мастеровъ* каждого промышленнаго дѣла. Инженерныхъ инженеровъ найдете по необходимости во Франціи, мастеровъ въ Англій и Соединенныхъ Штатахъ Германіи-Америки; Россія также знаетъ съ видимымъ усиліемъ обращаться у себя инженеровъ; Германия старается передѣлать прежнихъ цеховыхъ шустеровъ, швейцарскихъ и пр., въ мастеровъ, подобныхъ англійскимъ. Но мѣсто въ говорить объ основныхъ наукахъ вообще о знаніяхъ, необходимыхъ инженеру — скажемъ только, что инженеръ много долженъ знать и много

умѣть. Какъ, вотъ ступени разныхъ классовъ народа въ нашемъ положительномъ вѣкѣ: ученый, инженеръ, мастеръ, работникъ, капиталистъ и пошлый. Въ сжатой статьѣ мы проедемъ поэта, художника, профессора, писателя и проч.

А жь дѣлаетъ публика или потребна? Инженеры выступили на по-

прище едва-ли не на зло самимъ-себѣ. Они явились съ знаніемъ ученыхъ и съ умѣньемъ промышленниковъ, и притомъ оказались и по плечу и по карману публикѣ. Публика, прежде не хотѣвшая мѣшаться въ дѣла двухъ старыхъ кастъ, набросилась на инженеровъ, надѣясь отъ нихъ признаться новыми свѣдѣніями и знаніями, а больше новымъ развлеченіемъ. Появится въ обществѣ инженеръ — со всѣхъ сторонъ пристають къ нему, прося объясненій о воздухоплавательныхъ машинахъ, о паролетахъ, о дорогахъ, о мостахъ и проч. Со всѣхъ сторонъ скромно намекають о изобрѣтенныхъ самими ими, вопрошателями, машинахъ, которыя должны убить, уничтожить машины, приспособленныя къ силѣ расширенія паровъ; со всѣхъ сторонъ кричатъ о Уаттѣ и его изобрѣтеніи!.. Бѣда, да и только. Бѣда, если инженеръ избралъ себя какой нибудь спеціальный предметъ и, занимаясь имъ только однимъ, не можетъ удовлетворять любопытству всесторонней публики; бѣда еще больше, если инженеръ не занимается спеціально никакимъ предметомъ, а хочетъ быть собственно-ученымъ инженернымъ литераторомъ. Не правда ли, что пары,—такъ говорятъ, тогда-какъ надобно бы сказать сила расширенія паровъ, — не правда ли, что пары самый лучший движитель, а паровая машина самая совершенная машина? Вотъ вопросъ, который дѣлаетъ инженеру предразсудокъ. И инженеръ, если хочетъ отвѣчать совѣстливо, не знаетъ, что сказать. Отъ-чего лучший? и почему самая совершенная? Всѣ движители хороши; ихъ даетъ намъ природа; употребляйте каждый смотря по обстоятельствамъ и всѣ будутъ хороши; если у васъ подъ рукой въ деревнѣ естественное паденіе воды или даже паденіе воды искусственно-собранный, запертой и подпертой, и если притомъ ваше предпріятіе согласуется съ особенными обстоятельствами, на-примѣръ, замерзаніемъ воды и проч., то сила паденія ея для васъ будетъ лучшимъ движителемъ, нежели сила расшире-

нѣ водяныхъ паровъ, потому-что дешевле; послѣдній же движитель, — изъ всѣхъ, которыми человекъ до-сихъ-поръ умѣлъ воспользоваться, — есть безъ сомнѣннѣя сильнѣйшій и, главное, удобнѣйшій: онъ работаетъ круглый годъ, день и ночь, и можетъ номѣститься вездѣ, гдѣ только можно достать воду и топливо; паровыя машины и вѣчно стоятъ, и переносятся, и ѣздятъ... А паровая уаттовская, низкаго давленнѣя машина, отъ-чего же она совершенна? Въ ней, въ самомъ механизмѣ, пропадаетъ даромъ цѣлая четверть силы расширеннѣя паровъ, дѣйствующей на поршень пароваго цилиндра; однаковаго дѣйствнѣя машины были и прежде Уатта, но мало употребались, потому-что не вездѣ были выгодны. Уаттъ, не измѣнивъ основной мысли механизма ея, только усовершенствовалъ машину, и послѣдствнѣя оказались необыкновенно-блестящи. Уаттъ самъ видѣлъ явный недостатокъ механизма своего въ томъ, что паръ движетъ поршень цилиндра вездѣ и впередъ примолвнѣево, а механизмъ машины вынуждаетъ это движеннѣя въ коллватное, которое болѣе требуется и лучше приспособляется къ дѣйствнѣю; поэтому онъ, какъ и другнѣе послѣ него, старался придумать другой механизмъ, въ которомъ бы паръ прямо заставлялъ вертѣться предметъ, принимающнѣя отъ него силу; до-сихъ-поръ коллватной паровой машины, разумнѣея, удобной и выгодной, еще нѣтъ. Въ пароллахъ, на ходу, терлется даромъ три четверти всей силы пара. До 1830 года, были и паровозы, но также оказывались невыгодными; Стефенсонъ, инженеръ ливерпуль-манчестерской дороги, представилъ на конкурсъ свой паровозъ, въ котлѣ котораго, для болѣе-обильнаго образованнѣя пара, было сдѣлано множество проходящихъ сквозь воду и проводящихъ пламя трубочекъ, и съ-тѣхъ-поръ паровозы сдѣлались выгодны для всякой возки по желѣзнымъ дорогамъ; а сколько терлется даромъ силы въ паровозныхъ машинахъ!..

Вотъ лучшнѣя движитель и совершенная паровая машина! Въ дѣлѣ промышленности все лучше, что выгодно, а совершеннаго нѣтъ ничего. Въ природѣ много движителей: физика и механика укажутъ вамъ на нихъ; изъ всѣхъ движителей, которыми промышленность воспользовалась, сила расширеннѣя водяныхъ паровъ есть, безъ сомнѣннѣя, самый удобный и чаще другихъ, по ходу промышленности нашего вѣка, выгодный; но и другнѣе движители могутъ быть по обстоятельствамъ выгоднѣе его. Паровая машина слишкомъ сложна; за всякое упрощеннѣя, разумнѣея выгодное, промышленникъ вамъ дорого заплатитъ; коллватной паровой машинѣ, можетъ-быть, суждено уничтожить машины Уатта, Вольфа и проч.

Передъ нами лежитъ маленькая статья журнала *Revue Britannique*. Она возбудила въ насъ всѣ тѣ мысли, которые читатель пробѣждаетъ теперь. Это — сравненнѣя лошади съ паровой машиной, приведенное къ одной единицѣ, къ одному грану каменнаго угля и къ одному грану лошаднаго корма (сѣса сѣна и овса); промышленникъ взедетъ, разумнѣея, еще множителъ къ этой единицѣ, а именно цѣву того и другаго предмета. Мѣры мы не переводили, потому-что не нашли объясненнѣя, какнѣя мѣры приняты въ приволннѣя нами статейкѣ, французскнѣя или другнѣя.

Одинъ гранъ каменнаго угля при горѣннѣя отдѣляетъ столько теплоты, что можетъ возвысить температуру одного фунта воды на 1,634 град. (Фаренгейта или 0,8 град. по Реомюру). Отсюда выводится, что при горѣннѣя одного грава угля обнаруживается столько живой силы, что она способна поднять 1335 фунтовъ на 1 футъ высоты. Лучшнѣя же корваллссскнѣя паровыя машины, за каждый гранъ угля поднимаютъ только 143 фунта. И такъ, паровыя машины, при всѣхъ возможныхъ улучшеннѣяхъ механизма, передаютъ только около одной десятой части всей живой силы, обнаруживающейся при горѣннѣя угля; остальные девять десятыхъ терлются

ечи, въ котлѣ и въ самомъ механизме распространеніемъ теплоты. Эшадъ, при выгодномъ ея употребленіи, можетъ поднять въ день на 1 ф. оты 24 милліона ф., съѣдая въ то время 24 ф. корма, что и даетъ 143 на каждый съѣденный гранъ. Изъ того же известно, что каждый изъ лошадиного корма (смѣси сѣна са) при горѣніи можетъ возвысить температуру 1 ф. воды на 0,682 град. Реомюра (или 0,3 по Реомюру), то обнаруживаетъ количество теплоты, соответствующее подниманію 557 на 1 ф. высоты. И такъ, изъ всего качества живой силы, произведеннаго горѣніемъ или вареніемъ корма въ уахъ лошади, съ пользою можетъ быть употреблена машинистомъ одна четверть; три четверти теряются на держаніе животной теплоты. Профессоръ Магнусъ, въ Берлинѣ, утверждаетъ, что кислородъ, выдыхаемый животнымъ, не соединяется съ кровью, но вѣстѣ съ нею достигаетъ оснѣныхъ сосудовъ (*vaisseaux capillaires*), гдѣ соединеніе происходитъ посредствомъ химическаго горѣніа (разложенія) въ некоторыхъ веществахъ, просящихъ воду и углекислый газъ. Кровь, поглощая углекислый газъ, догадетъ съ нимъ до легкихъ и тутъ обождаетъ его для выдыханія на воздухъ. По этой теоріи вся живая сила обнаруживающаяся при этомъ горѣніи или животномъ процессѣ, должна тратиться въ мускулахъ (мышцахъ), органы передаютъ ее внѣшнимъ дѣйствіямъ животного, и въ то же время, производя треніемъ своимъ теплоту, держиваютъ во всемъ тѣлѣ равноденность его температуры. Изъ этого слѣдуетъ, что тѣло животного, хотя и предназначено для многихъ цѣлей, но если смотрѣть на него даже только какъ на дѣятель живую, и тогда окажется совершеннѣе нашего искусственнаго механизма, которымъ человѣкъ старается обратитъ всѣ силы къ одной только цѣли.

Весь медицинскій міръ занятъ теперь открытіемъ двухъ бостонскихъ зубныхъ врачей, Джаксона и Мортонна; цѣль ихъ—*сдѣлать нечувствительною боль при хирургическихъ операціяхъ*. Способъ этотъ простъ и безвреденъ, такъ что въ Парижѣ произведены уже опыты. Г. Малень, критическій взглядъ котораго не довольствуется ни когда фактами недостаточно-испытанными, сообщилъ, 12 января, Медицинской Академіи результаты пяти опытовъ, которые онъ сдѣлалъ и изъ которыхъ четыре были удачны. Онъ привелъ весьма-замѣчательный опытъ надъ человекомъ, которому отпили ногу в которой, какъ онъ самъ говорилъ, чувствовалъ только легкое шекотаніе.

Способъ заключается въ томъ, чтобы лицо, которое хотятъ сдѣлать нечувствительнымъ къ боли, заставить вдыхать воздухъ, насыщенный парами *простаго эфира*. По простествіи двухъ или трехъ минутъ, больнымъ овладѣваетъ родъ охмѣленія, которое иногда переходитъ въ глубокую летаргію, иногда же причиняетъ ему головокруженіе, неполный обморокъ,—и этого обморока достаточно, чтобы избавить его отъ жесточайшихъ страданій.

Употребляемый при этомъ приборъ состоитъ изъ стеклянки, которая до половины наполняется кусками губки, напитанной эфиромъ, и имѣетъ два горлышка. Къ одному изъ нихъ приделана стеклянная трубка, погружающаяся до дна сосуда, къ другому прикрѣплена гибкая трубка, оканчивающаяся отверстіемъ столь широкимъ, сколько нужно для того, чтобы дышать посредствомъ ея. Эта гибкая часть прибора имѣетъ клапаны, которые такъ устроены, что втягиваемый воздухъ входитъ изъ внутренности стеклянки, а выдыхаемый не попадаетъ во внутренность ея и уходитъ въ сторону.

Таковы главныя условія выдуманнаго прибора, помощью котораго каждое утро въ парижскихъ госпиталяхъ пробуютъ, по увѣренію изобрѣтателей и г. Малена, усыплять тѣхъ изъ больныхъ, которые изъявятъ на то согласіе.

13-го января въ Hôtel-Dieu, въ де-журство г. Ру, сорокалѣтній мужчина, которому слѣдовало сдѣлать ампутацію ноги, чтобъ остановить антоновъ-огонь, употреблялъ въ продолженіе одной четверти часа эфирный приборъ, не замѣчая значительнаго дѣйствія; онъ вынесъ операцію бодро, но не безъ сильныхъ страданій. Однако изъ этого факта нельзя еще дѣлать вывода, потому-что больной, привыкшій курить, не встанулъ, вѣроятно, эфирныхъ паровъ до легкихъ. Онъ употреблялъ, говорить, приборъ такъ, какъ будто бы курилъ трубку.

На другой день сдѣланы были два опыта — надъ мужчиной и женщиной; женщина послѣ нѣсколькихъ вдыханій отказалась продолжать, почувствовавъ невыносимое ощущеніе въ дыхательныхъ органахъ. Что касается до мужчины, сорока-двухъ лѣтъ, привычнаго къ значительному употребленію вина и крѣпкихъ напитковъ, то хотя онъ смѣло употреблялъ приборъ, однако эфирные пары не произвели на него никакого дѣйствія.

Въ тотъ же день дѣлали опытъ надъ больничнымъ служителемъ, мужчиной лѣтъ 20, привычнымъ къ употребленію крѣпкихъ напитковъ; онъ охотно поддался вліанію эфирныхъ паровъ и скоро впалъ въ обморокъ. Очнувшись черезъ нѣсколько минутъ, онъ увѣрялъ, что не вполне потерялъ память и только не могъ равобрать всего, что вокругъ него происходило. Онъ говорилъ, что еслибъ въ это время вздушала отнять ему руки и ноги, то онъ не почувствовалъ бы ничего.

Въ это самое время, на другомъ концѣ Парижа, г. Ложьё, запасшись приборомъ, дѣлалъ опыты въ Божонскомъ Госпиталѣ надъ больными, которые приходили рвать себѣ зубы. Безъ всякой боли выдернули съ корнемъ коренной зубъ женщинѣ, которая, начавъ вдыхать эфиръ, сперва почувствовала отвращеніе, но потомъ мало-по-малу пріучила дыхательные органы свои къ вдыханію эфирной смѣси. Многіе студенты пробовали то-

гда же упасть въ это временное ослѣпленіе; всѣ они говорятъ о трудности вдыхать до легкихъ газообразную смѣсь, отъ которой возмущаются гортань (l'aggrège-bouche) и глотка (l'arynx); всѣ они болѣе или менѣе чувствовали удушье, невольное истеченіе слезы, жгучее, напряженное ощущеніе въ слизистой перепонкѣ, раздраженной непривычнымъ для нея прикосновеніемъ. Но только двумъ или тремъ удалось добиться до обморока. Изъ сдѣланныхъ опытовъ должно, кажется заключить, что вдыханіе паровъ простаго (сѣрнаго) эфира различно дѣйствуетъ на разные лица. На однихъ вліаніе эфира совершенно-незаметно, по причинѣ ихъ сложенія, или отъ неумѣрнаго употребленія нн алькоольныхъ напитковъ. Болѣе воспріимчивые упадаютъ въ ослѣпленіе, болѣе или менѣе полное, если въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ подышать воздухомъ, насыщеннымъ эфиромъ; иные не могутъ вынести этого средства отъ слишкомъ-сильнаго вліанія паровъ на слизистыя перепонка.

Во всякомъ случаѣ, при дѣланіи ннхъ весьма замѣчательныхъ опытовъ, не должно забывать, что пары эфира, соединяясь съ воздухомъ, составляютъ самую опасную гремучую газообразную смѣсь. Если банку съ эфиромъ оставить незакупоренною, то изъ нея выходятъ потоки паровъ, которые невидимо текутъ по банкѣ, по столу на полъ и каждую минуту могутъ вспыхнуть, если близко, даже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, находится огонь. Если, по несчастію, огонь сообщится этому эфирному облаку, то произойдетъ взрывъ не только въ точкѣ соприкосновенія, но сообщится и стеклянѣ, которая лопается; заключающаяся въ ней горячая жидкость летитъ во всѣ стороны и производитъ опустошенія, болѣе или менѣе значительныя, смотря по количеству эфира.

Поэтому, если принять въ соображеніе, что вдыхаемый больнымъ, предназначеннымъ къ операціи, воздухъ, смѣшанный съ парами, есть эта самая

решая смѣсь, что при операціяхъ коло хирурга держать зажженные свѣчи, что больничные служители часто прохлать мимо съ огнемъ,—то можно представить себѣ судьбу больного, если огонь сообщится вдыхаемому воздуху: тогда времзойдетъ внезапно нагоящій взрывъ, сообщится внутри руды, разорветъ дыхательные каналы до самыхъ развѣтвленій и, въ бужальномъ смыслѣ, взорветъ въ клочки амы необходимые для существованія раны.

Картина эта ни чуть не преувеличена; въ ней вѣрно изображенъ очень-важный феноменъ, перенесенный внутрь человеческой машины, гдѣ не привыкли видѣть его явленія; но онъ можетъ осуществиться, если не побегутся.

Съ крайнимъ отвращеніемъ должно выслушать слухи о всякомъ изобрѣтеніи, которое имѣетъ цѣлю распространять въ общественной жизни употребленіе орочныхъ жидкостей. Эира особенно злобно боится. Въ лабораторіяхъ, гдѣ обращаются съ нимъ опытные руки, онъ только по-временамъ бываетъ причиною печальныхъ событій; то же будетъ, если станутъ неосторожно употреблять его въ госпиталяхъ? въ дежурныхъ и на аптекарскихъ ученикахъ, которые имѣютъ надлежачія обязанности, лежить обязанность—соблюдать во всѣхъ отношеніяхъ величайшую осторожность при дѣланіи этихъ вытвовъ, которые сами-по-себѣ весьма-хвалены.

Обращаемся снова къ взрывистой юпчатой бумагѣ, и сообщаемъ нашимъ читателямъ послѣднія извѣстія, относящіяся до взрывистыхъ азотистыхъ веществъ. Постараемся изложить только конечные результаты многихъ опытовъ, которыми наполнены задушевскіе газеты и журналы, вовсе упоминая объ отдѣльныхъ изысканіяхъ, часто невѣрныхъ и вообще ю интересныхъ для лицъ, не посвя-

тившихъ себя специальному изученію химіи.

Всякому извѣстно, какое великое дѣло *опытъ* въ наукѣ естествознанія; худо придуманный или не отчетливо исполненный опытъ всегда влечетъ за собою недѣльныя заключенія, и если экспериментаторъ не сумѣетъ отдѣлить многихъ представляющихся при опытѣ частныхъ отъ существенно-важныхъ фактовъ, тогда, конечно, онъ выведетъ такіе законы, которыхъ природа никогда не представляла и никогда не будетъ представлять. Сколько и у насъ на Руси авторовъ, писавшихъ и теперь пишущихъ совершенно не понимая, что они пишутъ и для кого, пишутъ; видно, что въ ихъ головы мысль никогда и не заглядывала. Эти *чужездныя* кричатъ и о порохѣ, и о Лесверѣ, и о переворотахъ земнаго шара, — а посмотришь — такъ имъ шаръ земной потому только и извѣстенъ, что они топчутъ его съ утра до поздней ночи. Эти чужездныя кричатъ объ электричествѣ, паростатѣ, устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, аэростатахъ и проч., и проч., а на дѣлѣ выходитъ, что имъ электрическая машина и барометръ знакомы только по вывѣскамъ физико-механиковъ, экономическіе же вопросы—по воспоминаніямъ старинныхъ учебныхъ стлстиковъ; да и о чемъ не кричатъ эти чужездныя! у нихъ всегда дѣло идетъ объ общихъ законахъ, которые они вставляютъ какъ общія мѣста, а иногда прочтешь такой физическій законъ, что волосы дыбомъ становятся и глазамъ не вѣришь. Такіе авторы имѣютъ свой *кружокъ* читателей — поклонниковъ и пользуются у нихъ авторитетомъ; на нихъ итъ ни какой апелліи; попробуйте возражать—и авторы и кружки ихъ загомятся, какъ муравьи въ разрытой кучѣ, или облепятъ васъ какъ шмели въ жаркое лѣто. Потолковали, на-примѣръ, и о новомъ порохѣ,—потолковали, да и замолчали, а наука идетъ впередъ, и хотя медленно, но ползываетъ дѣло по голословнымъ фразамъ, а фактически, опытомъ. Вотъ, на-примѣръ, хоть-бы

теперь, разные опыты многихъ химиковъ привели уже къ анализу взрывистой хлопчатой бумаги и ксилоидина.

Г. Пелигô (Peligot) сообщалъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ изысканій относительно состава взрывистой хлопчатой бумаги. Химическая формула обыкновенной хлопчатой бумаги есть $C^{12} H^{10} O^{10}$ (*) (по Пайену). Г. Пелигô показалъ, что хлопчатая бумага, въ прикосновеніи съ азотною кислотою, теряетъ одинъ эквивалентъ воды, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, приобретаетъ три эквивалента азотной кислоты, а потому можетъ быть выражена формулою: $C^{12} H^0 O^0 3NO^5$ (**). Авторъ замѣчаетъ, что азотистая хлопчатая бумага, какъ по составу, такъ и по свойствамъ своему различествуетъ отъ ксилоидина г. Бракеннод. Анализъ г. Пелуза показалъ, что при обработкѣ крахмала азотною кислотою, одинъ эквивалентъ воды замѣщается однимъ эквивалентомъ азотной кислоты, которая, соединяясь съ однимъ эквивалентомъ крахмала, даетъ ксилоидинъ. Что же касается до свойствъ взрывистой хлопчатой бумаги, то г. Пелигô говорить, что надлежащимъ образомъ обработанная хлопчатая бумага ни въ какомъ случаѣ не должна давать остатка послѣ сгорания, потому что количества кислорода, находящагося въ азотной кислотѣ взрывистой бумаги, достаточно для обращенія углерода въ углекислоту и окисъ углерода, а потому въ продуктахъ отъ разложенія взрывистой хлопчатой бумаги, при ея сгораніи, должны получиться: окисъ углерода, углекислота, азотъ и вода. Всѣ эти продукты, при высокой температурѣ, какая бываетъ при воспламененіи хлопчатой бумаги, освобождаются въ газообразномъ состояніи. Ко всѣмъ сказаннымъ заключеніямъ г. Пе-

лигô былъ приведенъ результатъ своего анализа.

Впрочемъ, въ послѣднихъ французскихъ газетахъ пишутъ, что Кейтера (Keuter) и Ванкеркнофъ (Vaukerckhoff) также анализировали хлопчатобумажный порохъ и получили для него химическую формулу, отличающуюся отъ формулы Пелигô. По изысканіямъ Кейтера и Ванкеркнофа оказалось, что въ составъ новаго пороха входятъ: $C^{12} H^{10} O^{10} 3N$; но такъ-какъ авторы не упомянули о приемѣ, употребленномъ для разложенія, и не описали различныхъ подробностей своего анализа, который, впрочемъ, они намѣрены вскоре опубликовать, то мы и не будемъ теперь вдаваться въ дальнѣйшій разборъ ихъ изслѣдованій. Можно, однако же, замѣтить, что и въ послѣднемъ случаѣ, при сгораніи взрывистой хлопчатой бумаги, образуются тѣ же продукты, какъ опредѣлилъ Пелигô.

Здѣсь кстати замѣтить, что новый порохъ есть только видоизмѣненіе стараго. Въ-самомъ-дѣлѣ, при сгораніи обыкновеннаго пороха, который состоитъ изъ сѣры, селитры и угля, между прочими продуктами газообразнаго состоянія, образуется еще твердое тѣло—сѣрнистый калий. Зѣлъ сѣра соединяется съ калиемъ селитры въ самый моментъ сгоранія пороха. Что же происходитъ при приготовленіи новаго пороха? въ него сѣра не входитъ, а потому при воспламененіи не образуется сѣрнистаго калия; но въ то время, когда получается азотная кислота, ретортѣ остается сѣрно-кислосое тѣло. И такъ, вся разница между новымъ и старымъ порохомъ состоитъ въ томъ, что въ первомъ мы соединяемъ сѣру въ видѣ сѣрной кислоты, съ калиемъ, а при второмъ, сѣра соединяется съ калиемъ въ моментъ самаго разложенія пороха на составныя части. Въ этой разницѣ надобно также искать причину, почему новый порохъ, сгорая, не даетъ дыма, ни дурнаго запаха и никакого остатка.

(*) С означаетъ углеродъ, Н—водородъ, О—кислородъ. Числа поставленныя надъ буквами означаютъ эквиваленты.

(**) N означаетъ азотъ, NO⁵ — азотная кислота.

Свойства взрывистой хлопчатой бумаги прямо зависят отъ способа ея работки. Въ этомъ отношеніи, намъ жутся интересными опыты Менара (Ménard) и Флорé-Домонта (Florés-Domonte), которые нашли, что взрывистая бумага совершенно нерастворима въ чистомъ эфирѣ; одинъ граммъ такой бумаги, находясь въ-продолженіи цѣлыхъ сутокъ въ эфирѣ, нисколько не уменьшился въ своемъ вѣсѣ; но гла къ эфиру было прибавлено небольшое количество обыкновеннаго прожиаго спирта, то хлопчатая бумага цувалась и принимала видъ жидкой олы; самая же жидкость, въ которой происходило раствореніе, содержала себѣ густую слязь, сходную съ разореннымъ ксиолодиномъ. Когда растворъ промыли водою, то получили рючее вещество, но которое не обладо уже свойствомъ необыкновенно-страго воспламенѣнія, какъ то присывають хлопчато-бумажному порою, обработанному только азотною кислотою или смѣсью азотной кислоты и рной. Нѣкоторые экземпляры взрывистой хлопчатой бумаги были совершенно растворены въ смѣси эфира и ирта, однако взрывистая хлопчатая бумага растворялась всегда медленно, и ксиолодинъ, и на днѣ сосуда постоянно получался осадокъ, который, рочень, отчасти растворялся, когда возобновляли смѣсь эфира и алькоола.

Мы упоминали уже о приложеніи опчато-бумажнаго пороха къ взрывнъ скаль, и сообщили, въ прошломъ снцѣ опыты гг. Комба и Фладева, а кже преимущество хлопчато-бумажго пороха предъ обыкновеннымъ, къ относительно силы, такъ и въ экономическомъ отношеніи. Въ послѣднее емя, Комбъ и Фладевъ предложили отреблять новый порохъ въ каменомъ, гдѣ онъ представить еще то кное удобство, что тогда работы мотъ идти безостановочно, междуъ, какъ при употребленіи обыкновеннаго пороха для той же цѣли, работы часто прерываются отъ сильнаго

дыма, особенно, если онѣ производятся не подъ открытымъ небомъ.

Докторъ Уурчъ и Ванкеркиоъ подъ микроскопомъ изучали строеніе обыкновенной хлопчатой бумаги и пирооксилина, и, не смотря на чрезвычайную разность этихъ веществъ въ химическомъ отношеніи, не замѣтили ни малѣйшей разницы въ физическомъ строеніи этихъ тѣлъ, даже и въ то время, когда на блюдали самый процессъ образования пирооксилина изъ хлопчатой бумаги.

Недавно г-нъ Сальмонъ предложилъ новый способъ приготовленія взрывистой хлопчатой бумаги. Онъ замѣчаетъ, что способъ обработкн хлопчатой бумаги, предложенный Годеномъ и состоящій въ предварительномъ обжиганіи хлопчатой бумаги и погруженіи ея въ смѣсь крѣпкой сѣрной кислоты и азотистаго потассія, представляетъ большія несовершенства; бумага, обработанная этимъ способомъ, по сгорѣніи, оставляетъ значительное количество угля, слабо дѣйствуетъ, а потому для заряда должно употреблять ее въ значительномъ количествѣ. Сальмонъ совѣтуетъ приготовленную такимъ-образомъ бумагу, просушивъ, погружать на одну или двѣ минуты въ насыщенный горячій растворъ хлористаго потассія; тогда, говоритъ авторъ, получается взрывистая бумага, которая воспламеняется съ чрезвычайною быстротою, освобождая въ то же время значительную теплоту. Такая бумага даетъ весьма-малое количество угля, который при воспламенѣніи уносится другими газами, а потому она не оставляетъ никакого остатка въ дулѣ ружья.

Между прочими изысканіями относительно состава взрывистыхъ веществъ, намъ кажутся болѣе-интересными опыты г. Годена, произведенные въ новѣйшее время и изложенные въ письмѣ автора къ Пайену. Вотъ въ чемъ состоятъ эти опыты. Годенъ говоритъ, что при обработкѣ хлопчатой бумаги одною азотною кислотою или смѣсью азотной и сѣрной кислоты, но

лучаются два совершенно-различные продукта: одинъ изъ нихъ не растворимъ въ эфирѣ, другой — пироксилинъ, легко въ немъ растворяется, а потому г. Годенъ предлагаетъ послѣдній продуктъ называть *этерзилиномъ* (l'éterziline). Этотъ второй продуктъ почти всегда происходитъ при обработкѣ хлопчатой бумаги смѣсью селитры и сѣрной кислоты. При дѣйствіи теплоты, онъ оказываетъ въ высшей степени электрическія свойства, и въ этомъ отношеніи похожъ на бумагу, о которой упоминалъ Шёнбейнъ. Сухой растворъ пироксилина, будучи въ кускѣ, принимаетъ видъ перламутра, и въ послѣдствіи, вѣроятно, покажетъ весьма любопытныя оптическія свойства, какъ и полагаетъ Годенъ. Если бумагу, несодержащую въ себѣ клея, натирать растворомъ пироксилина въ эфирѣ, потомъ высушить, нагрѣть и сдавить рукою, то она наэлектризуется, такъ-что притягиваетъ легкія тѣла, находящіяся отъ нея на разстояніи пяти сантиметровъ. Кромѣ окрашенныхъ свойствъ, такая бумага плотна какъ пергаментъ и прозрачна. Итакъ, тайна шёнбейнова открытія, если и не совершенно разгадана, то, вѣроятно, въ скоромъ времени разгадается; по-крайней-мѣрѣ, первый шагъ уже сдѣланъ, — подождемъ послѣдствій.

Въ одномъ изъ заведеній Лондонскаго Археологическаго Института, г. Гудсонъ Торнеръ недавно читалъ диссертацию о *чеканномъ искусствѣ* въ Англіи, вачиная съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. По его мнѣнію, весьма-интересно и даже необходимо было бы составить описательный каталогъ всѣмъ названіямъ, подъ которыми извѣстны въ коммерціи произведенія чеканнаго и черневого, а также филиграннаго искусства, сохранившіяся со времени среднихъ вѣковъ; это тѣмъ больше нынче необходимо, что произведенія этого любопытнаго искусства необыкновенно-разнообразны. Существуютъ

же во всей Европѣ, говоритъ г. Торнеръ, названія *opus Saracenicum, opus Graecum, opus Veneticum, opus Turanicum, opus Syprense*, и т. д., между-тѣмъ и въ произведенія англійскаго искусства включены въ одно собирательное имя *opus Anglicum*. Подробная классификація не только была бы интересна для антикваріевъ, но и безъ всякаго сомнѣнія пролила бы большой свѣтъ на исторію торговли сношенія народовъ въ самые ранніе времена англійской исторіи. Искусство чеканное и черневое вошло въ употребленіе въ Англію тогда, когда اسکوپомъ кентерберійскимъ былъ сдѣланъ, въ VII столѣтіи, Теодоръ, *папа Грекъ*. Вместе съ нимъ пріѣхало въ Англію много Грековъ, и они-то внесли въ свое новое отечество моду на эти роскошныя произведенія, которыя въ то время такъ славилась Греція. Въ эти времена, лица высшаго думства, достигнувъ самыхъ почетныхъ мѣстъ духовной іерархіи, во всестраніи занимались тѣмъ дѣломъ, которыми занимались бывъшій монахи. Такимъ-образомъ, св. Агустинъ въ Англіи, или св. Эдуардъ, *епископъ нойонскій* во Франціи (жившій въ концѣ VI столѣтія), знавшій по своимъ работамъ изъ драгоценныхъ металловъ. Вместе съ прибывшими изъ Греціи и Азіи духовными лицами, которыя, имѣя въ виду благоустройство церковныхъ утварей и всего церковнаго убранства (какая господствовала въ всей восточной христіанской церкви, старались и въ Европѣ завести то, къ чему уже давно привыкли; вместе съ этими лицами, или въ одно съ это время, прибывали иностранцы, которые возвращались домой Европейцы, управлявшіеся поклоняться гробу Господню и во время своей жизни въ странахъ востока, привыкшіе къ предметамъ роскоши, которыхъ они и не подозревали тогда въ Европѣ. Римъ былъ тоже мѣсто святое; тамъ правлялись, по-крайней-мѣрѣ, и Римъ, куда, конечно, всякаго сорока дивизіація доходила раньше, чѣмъ

кула-шбудъ на сѣверъ, въ Англію, — и такими-то разнообразными путями, но во всякомъ случаѣ, въ-слѣдствіе первоначальныхъ религіозныхъ цѣлей, въ Англіи завелась роскошь и мода на всякія узорчатыя и хитро-вытканныя работы изъ драгоценныхъ металловъ. Нынѣче изъ Ирландіи есть богатое собрание рѣдкостей этой же работы, и большая часть изъ нихъ представляетъ превосходные образцы употребленія той металлической смѣси, которую итальянскіе художники называли *niello*, а всего примѣчательнѣе, что въ Ирландіи знали это искусство и его техническіе способы гораздо раньше времени Финигерры и знаменитыхъ флорентинскихъ ювелировъ, какъ доказалъ это графъ Чиконьяра, сочиненіе котораго *Sur les Nielles* считается лучшимъ по атому предмету. У общества ирландскихъ антикваріевъ есть *stylus*, какииъ прежде писали на восковыхъ дощечкахъ: онъ серебряный, и у него макушка прекрасно отдѣлана подъ черню, а онъ относится ко временамъ Норманновъ или даже Саксонцевъ. Не меньше достойны вниманія въ ирландскомъ собраніи бронзы, употребленныя на украшеніе надгробныхъ монументахъ: онъ не только примѣчательны даже по рисунку (разумеется, говоря относительно), но еще по особенному искусству гравированія, соединенному съ тонкостями эмальернаго искусства. Жалуясь на недостатокъ ученой номенклатуры и классификаціи, г. Торниеръ говоритъ, что для обозначенія этихъ любопытныхъ произведеній англійскихъ среднихъ вѣковъ, кромѣ названія *opus Anglicum* есть только еще одно видовое названіе: *opus Donolmeuse*, и, какъ кажется, подъ этимъ именемъ должно разумѣть чеканную и филигранную работу дѣргамскихъ монаховъ, стиль которыхъ много приближается въ стиль ирландской чеканки. Но въ названіяхъ этихъ нѣтъ еще строгой опредѣленности; мало того, очень-часто смѣшиваютъ произведенія въ-самомъ-дѣлѣ англійскія съ произведеніями ко-

сточными, между-тѣмъ, какъ не только теперь, но и въ тѣ времена, когда эти вещи употребляли въ-самомъ-дѣлѣ, а не держали, какъ нынѣче, въ археологическихъ шкафахъ для того, чтобъ о нихъ спорить и толковать — дѣлали величайшія различія между доморощеннымъ и привознымъ. всегда найдете, что непременно помануто, какая именно работа; такъ, напримеръ, въ спискѣ подарковъ (*xenia*) Генриху III-му отъ восточныхъ рыцарей храма, именно сказано: два *турецкіе* лука съ кожаными тетивами, два желѣзные булавы *sarrazinской* работы. Ужь и то довольно-удивительно, что въ XIII-мъ столѣтіи знаютъ равницу поколѣвій; но въдъ этого примѣръ и многіе другіе показываютъ, сверхъ-того, что умѣли отличать и разные стили работы. Между-тѣмъ, частыя ссылки на Грецію и упоминаніе о ней во всѣхъ сочиненіяхъ, гдѣ только говорится о чеканномъ и филигранномъ искусствѣ — а подобнаго рода упоминанія очень-часто встрѣчаются въ рыцарскихъ романахъ, гдѣ съ полною подробностію описывается каждая часть вооруженія съ приличными комментаріями — ссылки на Грецію совершенно сходятся съ тѣмъ фактомъ, что въ средніе вѣка Греція дѣйствительно была родиномъ, изъ котораго текли на грубую и отесывавшуюся Европу потоки *жизной воды*, несшіе съ собою всё начала просвѣщенія, изящныхъ и ремесленныхъ искусствъ. Генрихъ III и Эдуардъ I стали употреблять въ большомъ количествѣ уже выучившихся *своимъ* мастеровъ, и однимъ изъ любопытныхъ остатковъ того времени служить выбивной съ выпуклостями желѣзный ящикъ, который, какъ чахолъ, покрываетъ, или, по-крайней-мѣрѣ, недавно покрывалъ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, памятникъ королевы Элеоноры, супруги короля Эдуарда, слѣдовательно, отнесется къ XIV-му столѣтію. Этотъ ящикъ недавно стащили съ его мѣста, и онъ теперь ржавѣеть-себѣ гдѣ-то въ подвалахъ аббатства. А между-

тѣмъ, онъ, кажется, стоилъ бы большаго почтенія, потому что, по увѣренію г. Уиллента, онъ наврядъ ли хуже знаменитой работы подобнаго же рода въ Notre Dame, — а г. Торнеръ неопровержимо ясно доказываетъ, что памятникъ этотъ средневѣкаго англійскаго искусства еще больше, чѣмъ по эстетическимъ и техническимъ причинамъ, долженъ быть близокъ сердцу англійскаго археолога: онъ произвелъ въ нѣкоего англійскаго кузнеца Адама Лейтона, изъ Бедфордшейра, которому и заплачено-то было за него 12 фунт. стерлинговъ, т. е. на вынѣшніа деньги 180 фунт. стерлинговъ.

Въ заключеніе своей диссертациа, г. Гудсонъ Торнеръ изъявилъ надежду, что, вѣроятно, лучшая судьба ожидаетъ этотъ многострадаальный ящикъ, — новый декашъ есть теперь у Вестминстерскаго Аббатства...

Въ Лондонскомъ Королевскомъ Географическомъ Обществѣ г-нъ Джаксонъ недавно читалъ расужденіе о *различныхъ способахъ изображенія на топографическихъ картахъ возвышенностей страны*. Сколько ни желательно, чтобы неправильныя поверхности страны были съ совершенною полнотою представляемы на картахъ, сколько ни старались усовершенствовать эту отрасль географіи, до-сихъ-поръ еще не нашли настоящаго способа представлять на плоской поверхности всѣ возвышенности какой-нибудь страны такъ, чтобы, удовлетворяя глазу, вѣстѣ съ тѣмъ соблюсти и геометрическую точность. Самые первые составители картъ чувствовали всю важность изображенія горныхъ цѣпей, но не умѣли сдѣлать ничего лучше, какъ рисовать эти горы на картахъ въ профиль или въ вертикальномъ разрѣзѣ, при чемъ всѣ-таки старались придать имъ что-то въ родѣ перспективности, обыкновенно оттушевывая правую сторону каждой отдѣльной горы; такъ продолжалось до нашихъ временъ: стоитъ только вспомнить карты Давида, Реннеля,

Палласа и т. д. Очень-недалеко при-нять способъ изображенія горъ въ горизонтальномъ сѣченіи сверху (*à vol d'oiseau*), растушевывая какъ вздувается, что, впрочемъ, нѣсколько показываетъ сравнительную вышину возвышенностей. Зато больше ничего ожидать отъ географическихъ картъ; наврядъ ли для нихъ возможно еще какое-нибудь усовершенствованіе, а только отъ топографическихъ или географическихъ картъ можно надѣяться вѣрнаго изображенія возвышенностей страны. Вмѣсто того, во многихъ государствахъ топографическіа карты больше ничего, какъ живописныа изображенія неправильныхъ поверхностей посредствомъ тѣни и свѣта (предполагается, что свѣтъ падетъ подъ угломъ 45° съ лѣвой стороны и тѣнь падаетъ гуще не соотвѣтственно склону горы, а только соотвѣтственно общей вышнѣй горы). Вотъ и все. Эта метода употребляется в до-сихъ-поръ въ военно-топографическихъ картахъ; конечно, изъ числа ихъ есть много красивыхъ, особливо карта Сардиніи генерала Мармора. Первый примѣръ улучшенія топографическихъ картъ подавъ курфюрстъ саксонскій, который между 1770 и 1780 годами приказалъ составить карту своихъ владѣній; употребленные на то инженеры должны были сѣискать методу, которая бы хоть нѣсколько приближалась къ математической точности. Они начали съ того, что не стали больше предполагать вліаніе свѣта съ лѣвой стороны, а сдѣлали сверху, — какъ оно всегда бываетъ въ дѣйствительности: отъ-этого совершенно-горизонтальная поверхность будетъ есл освѣщена, между-тѣмъ, какъ всякая скала или гора не будетъ воу часть примаго свѣта, и всѣ постепенности между этими двумя крайностями будутъ освѣщены больше или меньше, такъ-что постепенности тѣней означитъ всю волнистость почвы. Сочиненія объ этой методѣ выходили еще въ 1797 и 1799 годахъ (Бакенбергъ и Леманъ), но только въ 1811 году издае

въ Дрезденѣ профессоромъ Фишеромъ посмертное сочиненіе Лемана, признанное образцовымъ.

Уголъ 45° принятъ за самую большую степень наклоненія почвы, по законамъ тяготѣнія, и потому, онъ названъ естественнымъ склономъ въ этой системѣ. Но г. Джексонъ не признаётъ этого положенія и утверждаетъ, что самый большій уголъ наклоненія бываетъ въ 60° (какъ это доказываютъ сложеныя геометрическою фигурою ядра), и что подъ этимъ угломъ самая подвижная почва можетъ держаться однимъ тяготѣніемъ. Равнобѣрно г. Джексонъ не согласенъ и со вторымъ положеніемъ этой системы, что единственный склонъ въ 45° долженъ быть представляемъ совершенно-чернымъ, а чисто-горизонтальная поверхность совершенно-бѣлою, такъ-что постепенности тѣней должны выражать всѣ постепенности между этими двумя крайностями почвы. Это положеніе г. Джексона называется произвольнымъ, или по-крайней-мѣрѣ одностороннимъ, —потому, что если смотрѣть сверху, глазъ получаетъ такое же количество свѣта отъ предмета подъ 5° , какъ отъ предмета подъ 45° , и что вертикальное освѣщеніе находится въ совершенномъ отношеніи съ косинусами угловъ, что совершенно-противоположно системѣ Лемана. На самомъ дѣлѣ, освѣщеніе угла 60° , на-примѣръ, равно половинѣ освѣщенія горизонтальной плоскости, а по системѣ Лемана освѣщенія этого и выразить нечѣтъ, потому-что уголъ 45° вездѣ равнобѣрно лишенъ свѣта. Для избѣжанія этихъ и другихъ несовершенствъ лемановой системы, можно было бы, конечно, взять 90° за тахішмъ, но съ этимъ соединены другія своего рода неудобства, а особливо то, что постепенныя различія склона, отдѣляясь каждое пятью градусами (какъ принялъ и Леманъ, вмѣсто прежнихъ 3°) будутъ уже не такъ яственно различаемы по причинѣ недостатка рѣзкости тѣней. Пожалуй, скажутъ: возьмите постепенность 10° ; но именно 5° имѣютъ здѣсь великую важ-

ность: тахішмъ склона для повозокъ 7° или 8° , для вьючаго скота 15° или 16° , и самый крупный склонъ съ насѣченными ступенями можетъ быть только въ 35° . Изъ трехъ системъ, въ 45° , въ 60° и въ 90° , г. Джексонъ признаетъ за лучшую систему въ 60° съ постепенностью 5° .

Итакъ, система Лемана скорѣе искусственна, чѣмъ естественна; но, какъ математическая, она лучше системы просто произвольной, потому-что, во-первыхъ, постепенность тѣни и свѣта определяется градусами; во-вторыхъ, штрихованныя линіи направленіемъ своимъ показываютъ горизонтальную проекцію кривизны самаго большаго склона. Вмѣстѣ съ горизонтальными протяженіями, эти двѣ данности совершенно-достаточны для полученія вѣрной профили, разумѣется, если все было нарисовано съ математическою точностью; и если чего-нибудь будетъ не достать этой системѣ на практикѣ, то именно требуемой математической точности.

Г. Дуайеръ, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Общества Декоративнаго Искусства, читалъ разсужденіе о томъ, какъ должны быть внутри расположены и украшаемы театры. Существующіе донныя театры, по его мнѣнію, не представляютъ для каждаго изъ зрителей всѣхъ тѣхъ удобствъ, которыхъ каждый въ правѣ для себя требовать, потому-что каждому должно быть столько же спокойно и удобно въ театрѣ, какъ у себя въ гостиной. Но на это не обращено достаточнаго вниманія, и особливо имѣаетъ всему общепринятая форма подковы. Уже, кажется, сколько столѣтій люди ходятъ въ театръ, а до-сихъ-поръ не могли сообразить, какъ чему быть, и одному приходится плохо слышать, другому плохо видѣть, у янаго послѣ театра болятъ глаза отъ особенно-удачнаго расположенія свѣта, иной долженъ до половины тѣла высовываться изъ ложи, чтобы увидѣть малую толку; но все это въ

родъ вещи посторонней и считается, что соблюдена польза и удобство. потому-что въ самомъ маломъ пространствѣ успѣли посадить множество народа. Г. Дуайеръ полагаетъ, что у древнихъ было гораздо-лучше съ ихъ циркульною и полукруглою формами, и что ужъ много выигрываетъ Друриленскій Театръ, который до известной степени приближается къ манерѣ устройства древнихъ театровъ. «Вѣдь кажется», говоритъ г. Дуайеръ: «простая была вещь замѣтить, какъ превосходно распространяется звукъ въ туннеляхъ, въ проходахъ со сводами и въ длинныхъ, изогнутыхъ пространствахъ, такъ-что совсѣмъ-ясвенно на отдаленіи можно слышать даже шопотъ,—стѣило бы замѣтить это, и, крѣпко держась за эти данныя, выискать настоящіе законы устройства театровъ. Такъ имѣтъ же, английскіе театры построены всѣ на ало акустикѣ; для всякой вещи можетъ быть только одинъ законъ, а что ни театръ, то новое устройство просцениума, и, слѣдовательно, что ни театръ, то иначе и слышишь все, что говорится и поется; имѣтъ двухъ театровъ, похожихъ одинъ на другой, точно такъ, какъ-будто имѣтъ никакихъ законовъ для ихъ постройки. Для того, чтобъ актѣрамъ была возможность быть слышимыми безъ особенныхъ напряженій и усилій, г. Дуайеръ предложилъ теорію акустическаго устройства, которая заключается въ себѣ основанія, содержащіяся въ двухъ самыхъ обыкновенныхъ орудіяхъ звука—колоколѣ и скрипкѣ. Эта теорія состоитъ въ томъ, чтобъ на сценѣ устроить двѣ колоколообразныя круглыя поверхности, которыя бы расходились не меньше, какъ на 8 футовъ къ сторонамъ театра; каждая изъ нихъ должна состоять изъ двухъ деревянныхъ толщій, отстоящихъ одна отъ другой на 6 дюймовъ. Та, которая спереди, можетъ быть устроена въ видѣ орнаментовъ съ отверстиями, такъ-что разомъ будетъ принимать и распространять внутри себя въ равной степени звука, производимые близъ нея. Все

же возвышеніе должно образовать арку также съ пробоями декорированными, что будетъ передавать съ хорошиимъ резонансомъ слова или музыку во всѣ концы залы. Для потолковъ, г. Дуайеръ предложилъ форму сферическую или сферондальную, такъ, чтобъ они притомъ могли быть поддерживаемы желѣзными ребрами, между которыми пустыя пространства можно было бы декорировать соотвѣтственно общему стилю залы. Черезъ эту сферическую форму особенно выигрывается то, что люстра получаетъ себѣ нѣчто выше линіи глазъ зрителей и перестаетъ портить глаза большей части изъ нихъ; сверхъ-того, известенъ фактъ, что вогнутая поверхность гораздо-больше отражаетъ свѣтъ, чѣмъ плоская; наконецъ, это же самое устройство даетъ средства къ системѣ самой полезной вентиляціи. Имѣетъ съ изложеніемъ существенныхъ потребностей театральнаго зала, г. Дуайеръ занялся разсмотрѣніемъ вопроса, какъ должна быть украшена она, и къ этому онъ особенно былъ вынужденъ тѣмъ, что всѣ лондонскіе театры представляютъ казіи-то странныя стили украшеній, какіи-то неизяснимую смѣсь всѣхъ вѣковъ, на-пр., въ Сен-жемскомъ Театрѣ соединились рококо французскій и такъ-называемый классическій стиль, другой, Принцессинъ-Театръ—богатъ, но богатъ безвкусно, по-купечески, и т. д. Изъ совокупнаго разсмотрѣнія всѣхъ лондонскихъ театровъ г. Дуайеръ выводитъ заключеніе, что для акустическаго, оптическаго и эстетическаго совершенства внутренняго устройства театральнаго зала, прежде всего нужна совершенная голость, незагроможденность залы, такъ, чтобъ не было никакихъ колоннъ и никакихъ другихъ архитектурныхъ игрушекъ. Потомъ г. Дуайеръ рекомендуетъ держаться чего-нибудь общаго, — искать, чтобъ всѣ части были одного тона сочиненія, согласовались между собою, и наконецъ, такъ-какъ г. Дуайеръ большой партизанъ львиной работы, онъ предлагаетъ нѣко-

да не расписывать красками ложи спереди, слабо развѣсить спереди бархатную драпировку, либо, что еще лучше, поставить вездѣ легкія лѣпныя украшенія, и это потому, что, по его мнѣнію, раскрашенныя украшенія производят самое слабое впечатлѣніе на каждого. Г. Дуайеръ хвалитъ привычку дѣлать у ложи бархатныя занавѣски, а также и спереди ложъ, какъ мы выше сказали; но съ этимъ невозможно согласиться, потому что всякая драпировка убиваетъ звукъ. Что касается до матеріаловъ декоративныхъ, г. Дуайеръ преимущественно предлагаетъ крашеніе на клею (*détrempe*), папье-маше, желѣзныя вырѣзныя украшенія (которые допускаютъ столько изящества и изъ которыхъ такъ хорошо было бы составлять передѣ ложи) и вощаныя краски, какъ необыкновенно прочныя.

Г. Либри представилъ Парижской Академіи Наукъ отъ имени гг. барона Фриддани и Рулье образцы приготовленнаго ими *хлѣба съ примѣсью тертой свекловицы*. Хлѣбъ этотъ былъ испеченъ за три дня, и, не смотря на небольшую сладость, имѣлъ довольно-приятный вкусъ. Гг. Фриддани и Рулье дѣлали много опытовъ въ приготовленіи этого хлѣба, извѣняя пропорціи свекловичны и муки, и всегда получали удовлетворительные результаты. Г. Либри прибавилъ, что одинъ парижскій булочникъ, Барнье, постоянно приготовляетъ и продаетъ хлѣбъ, въ которомъ находится треть примѣси свекловицы.

По поводу этого сообщенія г-на Либри, г. Пайенъ изложилъ любопытныя подробности о возможности вообще примѣшивать въ хлѣбу разныя вещества; хотараемся передать ихъ.

Большая часть веществъ, предложенныхъ по-сіе время въ примѣси хлѣба, представляли важныя неудобства.

Картофельная мука, принося только одно изъ необходимыхъ и полезныхъ четапію началъ хлѣбной муки, дѣла-

етъ пропорціи другихъ питательныхъ веществъ (азотныхъ, жирныхъ и соляныхъ) недостаточными; сверхъ того, она сообщаетъ непріятный вкусъ отъ своего масла.

Отъ примѣси самаго картофеля хлѣбъ дѣлается слишкомъ-плотевъ и менѣе-питателевъ; впрочемъ, картофель самъ-по-себѣ есть родъ готового хлѣба; простое печеніе его даетъ пищу вкусную и экономическую.

Мука изъ бобовъ (обыкновенныхъ, турецкихъ и гороха) можетъ увеличивать въ одно и то же время и количество и силу питательности; но отъ примѣси ея въ значительномъ количествѣ хлѣбъ дѣлается черствѣе, тяжеле и непріятнаго вкуса. По этому часто лучше употреблять эти вещества приготовленныя обыкновеннымъ способомъ, нежели подвергать ихъ обращенію въ муку и примѣшиванію въ хлѣбъ.

Сахарная свекловица находится почти въ обратныхъ условіяхъ: въ натуральномъ видѣ, при извѣстномъ приготовленіи, она можетъ быть употреблена только въ малыхъ количествахъ; примѣшивая же въ хлѣбъ, можно ввести ее въ большее употребленіе, не отнимая у хлѣба его питательности, вида и вкуса. Это доказывается образцами, представленными гг. Бонжаномъ, Шамбери, Элизе Лефобромъ, Дотрво, Руа и Фриддани.

Поэтому свекловичный хлѣбъ можетъ въ некоторыхъ обстоятельствахъ приносить истинную пользу, потому что это позволитъ увеличивать объемъ хлѣба, замѣнять его при бѣдныхъ урожаяхъ, и облегчать бѣдному классу средства къ трудному добыванію ежедневной пищи. При обезпеченіи такимъ-образомъ земледѣльческаго класса, боязнь неурожая и голода пропадетъ, — а часто не дѣйствительный голодъ, а именно эта боязнь голода, отъ распространившихся слуховъ, и возмущаетъ спокойствіе въ государствѣ.

Примѣси свекловицы въ количествѣ, равномъ съ мукою, вѣроятно, представитъ важныя неудобства въ записаніи

и печеніи: на половину же противъ муки, по мнѣнію Пайена, должна быть удобна.

Во всякомъ случаѣ, надо испытать, точно ли въ такомъ хлѣбѣ не меньше питательныхъ началъ, и если меньше, то нельзя ли возродить ихъ прибавленіемъ весьма-малой части другихъ растительныхъ или животныхъ веществъ.

Хлѣбъ этотъ вкусенъ-даже и на пятый день по приготовленіи. Въ обыкновенно-черствомъ состояніи, въ какомъ всегда бываетъ продажный хлѣбъ, свежловичный заключаетъ въ себя 33 сотыхъ воды и разнится въ этомъ отношеніи отъ обыкновеннаго парижскаго хлѣба въ одной только сотой. Разложеніе показываетъ, что хлѣбъ изъ 33 частей сахарной свекловицы и 67 частей муки особенно отличается отъ хлѣба изъ одной муки только меньшимъ количествомъ азотныхъ веществъ, а именно $\frac{1}{2}$ процента, т. е. меньше, нежели одною сотую.

Итакъ можно заключить:

Что при смѣси изъ $\frac{1}{2}$ свекловицы и $\frac{1}{2}$ муки, первая сообщаетъ хлѣбу вполнѣ все количество своихъ питательныхъ началъ;

Что большая часть примѣшаннаго вещества играетъ роль крахмала муки;

Что отъ этого происходитъ уменьшеніе азотныхъ началъ, но менѣе, нежели на одну сотую.

Это уменьшеніе можно поправить примѣсью весьма малаго-количества азотныхъ веществъ.

Если, на-примѣръ, прибавить мяса или другаго животнаго вещества двѣ части на сто вѣса хлѣба, то и тогда общій вѣсъ свежловичнаго хлѣба увеличится противъ обыкновеннаго хлѣба десятью частями на сто, и, следовательно, все еще будетъ выгода отъ примѣси.

Если же къ 33 сотымъ свекловицы прибавить пять сотыхъ муки бобовидныхъ растений, то получимъ еще съ большею экономіею хлѣбъ, похожій въ питательномъ отношеніи на обыкновенный хлѣбъ. Мука бобовидныхъ ра-

стей, заключаая въ себя азотныхъ началъ вдвое болѣе противъ обыкновенной муки и четверо противъ сухой свекловицы, съ излишкомъ вознаграждаетъ недостатокъ въ вѣсѣ последней. И тогда въ готовомъ хлѣбѣ мы выиграемъ восемнадцать на сто, потому что: 200 частей по вѣсу муки даютъ 266 въ хлѣбѣ; 100 частей по вѣсу свекловицы даютъ 21 въ хлѣбѣ; 21 часть по вѣсу бобовой муки даетъ 28 въ хлѣбѣ. Итого 315, то-есть 49 на 266 или 19,3 на сто.

Изъ всего этого видно, что свежловичный хлѣбъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія и необходимо требуетъ опытовъ въ приготовленіи и потребленіи. Надобно прибавить, что такъ-какъ число предметовъ для пищи, непринадлежащихъ человеку, очень-ограничено самою природою, то желательно, чтобы опыты потребленія свежловичнаго хлѣба производились достаточно-долгое время и надъ одними и тѣми же лицами; если и въ этомъ отношеніи свежловичный хлѣбъ выдержитъ испытаніе, то конечно это будетъ одно изъ важныхъ изобрѣтеній, какъ во время голода, такъ равно и во всякомъ другое время.

Вотъ еще нѣсколько агрономическихъ извѣстій.

Нынѣшняя наука земледѣлія родилась въ Бельгіи; у нея учились и Англія, и Германія, и Франція полеводству, скотоводству и проч. Но Бельгія забыла основанія, которыми обязана была и силою своею и богатствомъ, обратилась къ фабричной промышленности — и теперь достойно наказана. Поелики горячее, но тщетной борьбой противъ промышленности Англіи, всѣ бельгійскіе фабриканты должны были положить оружіе. Фабричная работа не можетъ уже кормить рабочихъ; въ Фландріи въ бѣдственномъ положеніи; всѣ тюрьмы и убогопріемные дома исполнены несчастными страдальцами; кто безъ пристанища—умираетъ безъ помощи. Два неурожая сряду увеличи-

ли несчастіе. Вездѣ, гдѣ преобладаютъ фабрики, общественная язва нищеты гложетъ народъ. Чтобъ оставивъ это — одно средство: возстановить равновѣсіе между фабричною промышленностью и земледѣіемъ. Правительство бельгійское поняло, что однимъ этимъ можно спасти рабочій классъ Фландріи; оно уже составило разные проекты съ этой цѣлью, и вѣроятно скоро займется приведеніемъ ихъ въ исполненіе. Разработка, орошеніе и населеніе пустошей, образованіе народа съ земледѣльческою цѣлью и притомъ съ обширныхъ размѣрахъ — вотъ что бельгійское правительство намѣрено противопоставить всеобщему бѣдствію.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Королевскаго и Центральнаго Французскаго Общества Земледѣлія, графъ Гаспаренъ представилъ отчетъ о воздѣлываніи въ 1847 году земляной груши (*patate*). Одинъ гектаръ (около десятины) далъ 50 тысячъ килограммовъ (3664 пуда) груши, тогда какъ картофеля при тѣхъ же обстоятельствахъ получено 18,000 килограммовъ (почти 1,100 пудовъ). Стволъ груши притомъ доставляетъ кормъ скоту, хотя еще неопредѣленный въ питательности, но вѣроятно равный съ люцерною (медункою).

Способы возвращенія этого растенія просты и малостойщи. Весной садятъ его близъ стѣны съ южной стороны полъ тонкимъ слоемъ навоза. Скоро отъ каждой посадки является много вышедшихъ отростковъ; тогда послѣднія пересаживаются въ поле. Здѣсь земля должна быть плодородная, но не вспаханная и безъ навоза. Пересадка производится въ канавки около 12 вершковъ ширины и 5; глубины. Известно, что корни земляной груши (*patate*) въ рыхлой и мягкой землѣ удлиняются неопредѣленно и дѣлаются безполезными. Г. Пуато придумалъ ограждать огородныя гряды досками, и тѣмъ заставилъ корни увеличиваться въ толщину. Г. Гаспаренъ очень счастливо достигъ того же въ большемъ видѣ въ полѣ, не употребляя до-

сокъ, но воспользовавшись канавками прошедшаго года, которыхъ относы, следовательно, утвердившись, также представляли препятствіе распространенію въ длину корней. Дѣло оправдало его предположенія. Средній вѣсъ полученныхъ имъ грушъ былъ около 6 фунтовъ; величиной нынѣ равнялись съ дѣтскую голову. Растеніе это разводится въ огородахъ около 40 лѣтъ (во Франціи); на поляхъ же и теперь дѣло идетъ неуспѣшно, потому что посадка производится въ мягкой землѣ и на плоскихъ мѣстахъ безъ канавокъ. Поэтому не удивно, что одни жалуются на дурные урожаи, а г. Гаспаренъ продаетъ этого произведенія и много и дешево, и остается въ выгодѣ.

— Гг. Рей де-Морандъ и виконтъ де-Ногесъ затѣваютъ предпріятіе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ важно по послѣдствіямъ. Они намѣрены близъ Парижа устроить огромную ферму или плантацію для аклиматизированія многихъ междутропическихъ растеній. Первый изъ нихъ 20 лѣтъ провелъ въ Америкѣ, занимаясь плантаціями разнаго рода растеній, и вполне убѣжденъ, что безъ всякой искусственной теплоты можно развести эти растенія и въ Средней-Европѣ. Изъ числа многихъ растеній, которыми они займутся, они упоминаютъ: *igname* (имсь), картофелины котораго вѣсятъ отъ 48 до 73 фунтовъ, *manioкс*, *malangas*, *tom-lomane*, *dictames*, огромную карамбскую капусту, сахарный тростникъ и проч.

Если и не всѣ надежды ихъ сбудутся, то нѣтъ сомнѣнія, что и наука и промышленность во всякомъ случаѣ будутъ обязаны имъ новыми пріобрѣтеніями.

Если болѣзнь картофеля и пугаетъ многихъ его воздѣлывателей, за то, кажется, какъ-будто подстрекаетъ другихъ къ новымъ открытіямъ. Англія показала прихѣтръ возвращенія картофеля въ зимнее время, и вотъ г. Массонъ, садовникъ Французско-Королевскаго Общества Земледѣлія, сдѣлалъ три послѣдовательныя посадки и три

сбора почти въ одинъ годъ. Первая посадка была сдѣлана въ сентябрѣ 1845 года, сборъ былъ въ маѣ 1846; вторая посадка и сборъ между маемъ и августомъ; въ послѣдній разъ картофель посаженъ 25 августа: въ октябрѣ еще не было ни одного зародыша картофеля, въ ноябрѣ онъ уже явился въ толщину пальца, потомъ хотя зелень и была убита морозами, но корни продолжали расти и 28 декабря дали сборъ въ обыкновенную величину и яркость. Но при всемъ этомъ должно обратить вниманіе на важное обстоятельство, что г. Массонъ не употреблялъ ни парниковъ, ни рамъ, и возвращалъ картофель на открытомъ мѣстѣ, покрывая его въ морозы только листьями. Итакъ, есть надежда, что мы будемъ постоянно круглый годъ имѣть свѣжій картофель. Нѣкоторые зеленщики, спекулирующіе на продажу раннихъ продуктовъ, хотя въ этомъ отношеніи и потеряютъ, за то, вѣроятно, выиграютъ отъ большаго потребленія картофеля.

=

Въ Парижѣ, на Théâtre-Français недавно давали мольерову *Донъ-Хуана*. Нельзя было лучше отпраздновать годовщины рожденія Мольера, какъ представить *Донъ-Хуана* въ его оригинальной формѣ, а не въ тяжеловѣсныхъ гекзаметрахъ Томаса Корнеля.

Чтобъ придать представленію болѣе торжественности, играли вѣчто въ родѣ діалога: *L'Ombre de Molière* (сочиненіе Барбье), гдѣ легкая комедія явилась въ лицѣ маисель Брюганъ, а серьезная комедія въ лицѣ маисель Рашелъ. Меркурій проводникъ душъ, Тѣнь Мольера, поэтъ—вотъ остальные лица.

Въ этомъ діалогѣ г. Барбье нападаетъ на современныя французскія знаменитости. Въ эпоху, когда на небѣ Франціи, говоритъ фельетонистъ одной французской газеты, «блеститъ плеяда, сгруппированная изъ Шатобриана, Ламартина, Виктора Гюго, Альфреда Мюссе, Дюма, Вераиже, Бальзака, Жоржа

Занда и многихъ другихъ яркъ звѣздъ, улучена ли минута, чтобъ назвать:

*Les vivans n'ont plus la lumière;
Allons la demander aux morts!*

Но перейдемъ къ *Хуану-Мольера*—Вотъ, что о немъ пишутъ въ *la Presse*:

«Что за странная пьеса этотъ *Донъ-Хуанъ*! какъ понятно, что классики не могли его снести въ первоначальномъ его формѣ! *Донъ-Хуанъ*, которому Мольеръ далъ имя комедіи, говоритъ строгимъ смысломъ, — есть истинная драма въ полномъ значеніи слова. Независимый гений Испаніи видѣтъ въ *донъ-Хуанѣ*, потому-что рыцарствъ и христіанская Испанія совершенно не трасла его языческихъ идей; ея литература, романтическая по прешутству, глубоко-оригинальна. Ни ели произведеніе Мольера не написаны отъ-души, съ такою свободою, самою смѣлостью; фантастическое — элементъ столь трудный для Францискаптика, который ни минуты не хочетъ быть игрушкой автора, въ вызываемаго, представлено у Мольера въ такихъ положительныхъ краскахъ и съ такимъ полнымъ вѣрованіемъ, какое рѣдко можно встрѣтитъ у Француза. Статуя командора производитъ эффектъ удивительный: отъ шаговъ ея мраморной паты пробѣгаетъ по телу колодъ. Страшенъ этотъ каменный гость въ одеждѣ римскаго императора: ни одна трагедія не внушитъ ему столько ужаса.

«*Донъ-Хуанъ*, такъ, какъ его поималъ Мольеръ, скорѣе атеистъ, нежели мнѣнодумецъ. Онъ покидаетъ долю Эльмору, ласгается къ Шарлоттѣ и Мартевѣ, которыхъ обольщаетъ помощью своего банальнаго средства, — но въ этомъ его важнѣйшій порокъ: онъ смѣется надъ правами отца, шутокъ бракомъ, презираетъ небесныя вѣдомы, приглашаетъ къ пиршеству статуи жертвъ своихъ, насмѣивается надъ долгами и мѣщанствомъ въ лицѣ г-на Диманша, и, въ совершеніе ужаса, на свое атласное платье накидываетъ на минуту чер-

ный плащъ Тартюфа. Въ наше время, характеръ донъ-Хуана, возвеличенный Монархомъ, Байрономъ и Гофманомъ, перетолкованъ шире, гуманнѣе и съ большою поэзіей; онъ сдѣлался въ нѣкоторомъ родѣ Фаустомъ любви, символомъ неутолимой жажды наслажденія. Донъ-Хуанъ у Тирсо ди-Молны и у Мольера не перешелъ еще въ типъ. Это безбожникъ, развратникъ, почти злодѣй, въ которомъ видно иногда легкое желаніе влюбиться, отыскать женскій идеалъ. Замѣтно, однакоже, что Мольеръ любилъ негоднаго Хуана: онъ вывелъ его богатымъ, красивымъ, умнымъ, храбрымъ; онъ не подаетъ ни-лостью бѣдняку, просителю во имя неба — за те бросить ему дундоръ во имя человечества; онъ оставляетъ донъ-Эльвиру; но Мольеръ, чтобъ ослабить этотъ проступокъ, сдѣлалъ Эльвиру несвободою, какъ женщину, которую уже не любишь. Донъ-Хуанъ выставленъ въ такомъ свѣтѣ, что въ немъ приходится болѣе видѣть возмущающаго Титана, еще ратующаго среди бласгаго пламени, чѣмъ грѣшника кающагося и скорбящаго. Дѣло въ томъ, что донъ-Хуанъ хотѣлъ найти свой идеалъ и утолить неутолимую жажду любви, горѣвшую въ его жилахъ, потому-что какое бы ни было желаніе — оно можетъ быть удовлетворено.

— Вотъ другія новости французскихъ театровъ:

Un Mari Fidèle (Вѣрный Мужъ), одесситъ.

Положимъ, что вы, читатель, женились, что выбрали жену по сердцу, по вкусу, по вашимъ пожеланіямъ; что вы ею только бредите, ее только видите, ею дышите, лишь для нея живете: неужели же вы думаете, что, будучи нѣжкимъ, вѣрнымъ супругомъ, вы въ то же время и счастливѣйшій супругъ? О, вы заблуждаетесь! Вы и не подозреваете, что сами разрушаете зданіе супружескаго счастья. Вы окружаете жену заботливостью, предугадываете малѣйшія ея желанія, сами вертаете передъ нею безпрестанно, нацѣпываете ее со-

бою; но въ этомъ ли состоитъ тайна поддѣрживать и питать супружеское счастье? Къ вашей заботливости при-выкаютъ, на исполненіе желаній смотрятъ не болѣе, какъ на должное, — какъ хотите, а въдь это прискучить, жена не прочь бы ужъ и расцѣпиться, — а тутъ-то развлеченіе и является въ видѣ какого-нибудь двоюроднаго брата, или Богъ-знаетъ въ какомъ родѣ приходящаго родственника, котораго, тоже Богъ-знаетъ почему, супруга ваша называетъ кузеномъ.

Г. Атаназъ наконецъ наделѣлъ женѣ своей постоянною вѣрностью. Утомленная однообразіемъ, шиллицескимъ ландшафтомъ, Цезарина, желая развлечься картинкою, писанною въ другомъ тоиѣ, обратила взоры на кузена своего, Октава. Но у Цезарины есть цензоръ — родной братецъ, который замѣтилъ, что Цезарина смотритъ на мужа уже не *en face*, а въ три четверти; братецъ хочетъ поправить дѣло. Но какимъ образомъ? Поговорить съ сестрою откровенно, съ чувствомъ и остановить ее на краю пропасти? Но совѣтники всегда утомительны, особенно, если говорить правду. Онъ придумываетъ другое средство: сдѣлать вылазку противъ вѣрности Атаназы посредствомъ третьяго, безъ сомнѣнія, женскаго лица. Близъ дома, въ которомъ живетъ вѣрный мужъ, есть магазинъ бѣлья, украшенный, кромѣ прекраснаго товара, модистками, одна другою соблазнительнѣе. Писатели французскіе такъ часто прибѣгаютъ къ гриветкамъ, что еслибъ этого лица и не существовало, то его все-таки надо было бы выдумать. По счастью, Поль-де-Кокъ предусмотрѣлъ эту потребность комедіи въ наше время и выдѣлалъ типъ гриветки. Итакъ, благодаря магазину Поль-де-Кокъ, является манера Агата; у нея въ рукахъ кака-то работа для Цезарины... Рассказывать дѣлѣ не для чего: читатель самъ знаетъ развязку. Агата встрѣчаетъ Атаназу... Атаназъ вступаетъ въ разговоръ... потомъ rendez-vous... потомъ ночь... потомъ сцены изъ «Свадьбы Фигаро» и

т. д., и т. д. Наконецъ, прощаются другъ друга, обвиняются, и все кончается пѣснями, какъ у Бомаршэ. — Въ этомъ легкомъ водевилѣ время-отъ-времени заиѣтна опытная рука г. Варена.

UNE FILLE TENEVILE (Непокорная Дочь), *водевилъ въ одномъ актѣ, соч. Деланьи.*

Дѣло въ томъ, что г-жѣ Дюмулень не хочется признать надъ собою могущество времени и проститься съ молодостью, не смотря на сорокъ лѣтъ, морщины, сѣдины и толстоту. Она все еще притворяется молодою, красивою, любезною и интересною. Свѣжестъ, упругость и прозрачно-нѣжный цвѣтъ кожи, живые глазенки, тоненькая талия, сиятельный видъ—всѣ эти атрибуты наперерывъ говорятъ, что мамзель Анаисъ, дочери г-жи Дюмулень, не болѣе семнадцати лѣтъ. По этой-то причинѣ Анаису никогда не берутъ изъ пансіона, и мать видитъ ее тайкомъ. Такая жизнь надоѣла Анаисъ, и она достигла того, что ее отослали изъ пансіона—какъ зачинщицу бунта. Шла въ нѣмѣтъ не удержишь, дѣвушки подъ замкомъ не спрячешь: двое молодцовъ увидали—таки Анаису—одинъ въ церкви, другой въ приеминой. Дюрошэ, старый баронъ, влюбился въ молоденькую пансіонерку; ювота Эдгаръ влюбился въ нее же; въ матушку никто не влюбился, а матушка влюблена въ Эдгара. Въ такомъ положеніи находилась дѣла, когда, въ одинъ прекрасный день, явилась Анаиса подъ отчий кровъ, къ великому неудовольствію матери.

— Сударыня, вы сейчасъ же обратитесь въ пансіонъ... или я васъ прокляну, сказала мамзелька.

— Меня исключили изъ этого, такъ исключать и изъ другаго; притомъ я достаточно образована: знаю географію, исторію, орографію, химію, вышиванье, танцы, музыку, гимнастику—знаю все, что только можно знать...

— А, хорошо! оставайся со мною, только изволь надѣть коротенькое платье, панталоны и фартучекъ.

— Чтобъ я надѣла дѣтское платье? Никогда! Мнѣ шестнадцать лѣтъ. Я соглашусь скорѣе остаться въ корсетѣ и юбкѣ.

— Какъ вамъ угодно, сударыня.

Однакоже, бѣдняжка Анаиса беретъ, что прійдетъ Эдгаръ, будетъ говорить ей о любви, о пламени, пожирающемъ его сердце, будетъ говорить много, много вздора... какъ же принять его въ дѣтскомъ костюмѣ, или совѣтъ безъ костюма? Горю помогли шприни: чрезъ эту мѣбель любовники рассказываютъ другъ другу свои несчастія. Анаиса просовываетъ Эдгару ручку. Эдгаръ ее целуетъ; тутъ-то и входитъ г-жа Дюмулень; можно себѣ представить гнѣвъ ея, когда она открыла, что ея Эдгаръ — совѣтъ не ея, а дочкинъ! Г-жа Дюмулень никакъ не можетъ постигнуть, что хорошаго находятъ мужчины въ этихъ худешкахъ, тоненькихъ куклахъ... Чтобъ избавиться отъ Анаисы, матушка нашла ей жениха—старика Дюрошэ. Вострушка Анаиса, нехотѣвшая одѣваться по-дѣтски, вдругъ перемѣнила свое мнѣніе—является въ панталончикахъ и начинаетъ любезничать съ парченымъ женихомъ; то предлагаетъ ему посканать на веревкѣ, то побить, то одну, то другую игру... У старика наконецъ и силъ не хватило: хотѣлось ему молоденькой жены — но все-таки не ребенка... Ну-съ, такъ-какъ всякій водевилъ долженъ кончатся бракомъ любовниковъ, то и открылось, что Дюрошэ отецъ Эдгара и дядя Анаисы. Какъ же г-нъ Дюрошэ можетъ быть братомъ покойнаго г-на Дюмулена? Дѣло въ томъ, что Дюрошэ — не Дюрошэ, а Кошоннэ, что г-жа Дюмулень — не г-жа Дюмулень, а тоже Кошоннэ: прозякающая фамилія — Кошоннэ ей не нравилась, и она приняла другую. Чтобъ совершенно равсѣчь гордіенъ уездъ, скажемъ, что г-жа Дюмулень, Кошоннэ тожъ, никогда не видала г-на Дюрошэ.

Эта мило-разыгранная пьеса вышла полнымъ успѣхъ.

NE TOUSSEZ PAS A LA REINE (НЕ ПРИКАСАЙТЕСЬ КЪ КОРОЛЕВѢ), опера въ трехъ актахъ, соч. Скриба и Густава Вааза, музыка Буассюд.

Опера эта основана на испанской легендѣ, всѣмъ извѣстной, которая говоритъ, что по древнему закону въ Испаніи осуждали на смерть всякаго, кто прикоснется къ королевѣ, хотя бы и для того, чтобъ спасти ея. Молодой человекъ, донъ-Фернандо д'Агвиларъ, проходя по лѣсу, спасаетъ красавицу, подл которой вбѣсилась лошадь и повнесла несчастную; у Фернандо осталась въ рукахъ букетъ пахлядицы— больше ничего. Онъ является ко двору, знакомится съ казначеемъ, жена котораго принимаетъ въ немъ сильное участіе, и ждетъ выхода королевы, чтобъ просить у нея какой-нибудь должности. Королева еще малолѣтняя и находится подъ строгимъ попечительствомъ дона-Фадрика, котораго на минуту можетъ смягнуть лишь прекрасная Эстрелла. Не смотря на то, покровительство Эстреллы не послужило въ пользу дона-Фернандо у подозрительнаго Фадрика, — одна надежда на королеву. Королева вышла, Фернандо подалъ просьбу; поднявъ на нее глаза, онъ узналъ прекрасную охотницу, имъ спасенную. Въ восторгѣ, онъ срываетъ съ груди таинственный букетъ; но королева, какъ кажется, не узнаётъ его и гордо проходитъ мимо Фернандо, повергнувъ его въ отчаяніе. Дѣло въ томъ, что королева вспомнила о варварскомъ законѣ, по которому Фернандо долженъ бы былъ погибнуть, и внутренно рѣшилась вознаградить его въ другое время. Лепестки надежды Фернандо разлетѣлись, и онъ намѣренъ удалиться отъ двора. Прекрасная Эстрелла выхлопотала ему у регента капитанскій патентъ, и Фернандо долженъ отправиться на границу королевства для зачатія своего поста: королева оставляетъ его при своей особѣ и дѣлаетъ конюшимъ. Регентъ, вовсе-несочувствующій новому конюшему, выскидываетъ лучаиъ погрѣдить ему. Однажды, когда регентъ занималъ молоденькую ко-

Т. L. — Од. VIII.

ролеву важными государственными дѣлами, она заснула; суровый регентъ этого не замѣтилъ и вышелъ за какой-то бумагой. Вскорѣ послѣ него входитъ Фернандо и видитъ, что королева почиваетъ; онъ любитъ ея и никакъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи признаться ей въ любви, такъ, чтобъ она этого и не подозрѣвала. Въ этой опасной игрѣ у Фернандо голова закружилась: онъ подходит къ королевѣ и на высокомъ челѣ ея впечатлѣваетъ поцалуй... Въ ту самую минуту входитъ регентъ; въ негодованіи онъ призываетъ стражу, и неосторожнаго Фернандо схватываютъ. Какъ спасти преступника? а королевѣ это было бы весьма-пріятно; съ этой цѣлью она прибѣгаетъ къ совѣту Эстреллы. Увы! регентъ непоколебимъ, и сама жена казначея ни въ чемъ не можетъ у него успѣть. Какъ бы то ни было, а регентъ требуетъ у нея свиданія, и свиданіе назначается въ часъ, когда потушатъ огни.

Мужъ Эстреллы, случайно узнавъ объ этомъ, пробрается въ комнату и прячется; является регентъ, потому Эстрелла, но не одна — съ ней королева, и пока Эстрелла отпѣчиваетъ на его любезности, матеріальнымъ образомъ ее замѣляетъ королева, такъ-что регентъ цалуетъ руку не Эстреллы, а королевы. Въ эту минуту комната осмѣщается, и регентъ въ присутствіи двухъ свидѣтелей обвиняется въ преступленіи—онъ дотронулся до королевы!

Но Фернандо еще не спасенъ: регентъ повелѣлъ судьямъ быть неумолимыми, даже еслибъ самъ регентъ сталъ просить ихъ о помилованіи преступника. Впрочемъ, у королевы есть побѣдосное средство спасти своего фаворита, возложивъ корону на его голову, и регентъ, который, при другихъ обстоятельствахъ, не согласился бы на это, теперь долженъ уступить; въ противномъ случаѣ откроютъ его преступленіе.

Въ этой пьесѣ много хорошаго, есть даже поэгическіе образы, гдѣ, безъ

сомнѣнія, надо признать по-преимуществу Скриба. Музыка Буассло—старой французской школы: французскіе журналы отзываются о ней съ похвалою.

ДИАВЛОУ ФИМЕ (Чортъ или Женица), комедія въ одномъ актѣ, въ стихахъ, подражаніе Кальдерону, соч. Ипполита Лукá.

Судьба нѣкоторыхъ пьесъ такова, что онѣ вѣчно передѣлываются. Ни одно произведеніе не подвергалось столькимъ передѣлкамъ и подражаніямъ, какъ *Dama Duende* Кальдерона.

Донья Анжела, не смотря на запрещеніе братьевъ своихъ, отправилась на правдникъ, данный въ честь инфанта Балтазара, гдѣ интригуетъ именно одного изъ своихъ стражей, одного изъ братьевъ, который послѣдовалъ за нею; боясь быть узнавкою, она отдалась подъ покровительство молодого человѣка, проходившаго тамъ съ своимъ слугою. Въ темнотѣ произошла дуэль; по нанесеніи легкой раны, противники узнаютъ другъ друга. Молодой человѣкъ возвращался изъ Неаполя въ Мадридъ, чтобъ повидаться съ однимъ изъ братьевъ доньи Анжелы, своимъ сослуживцемъ, который и приглашаетъ своего товарища остановиться у него въ домѣ. Онъ помѣстилъ его въ комнату, сосѣдней съ сестриной, совершенно позабывъ о потаенной двери въ видѣ шкафа. Донья Анжела, тотчасъ узнавшая своего избавителя, не замедлила въ него влюбиться. Тутъ начинаются продѣлки съ слугою и всѣ фантастическія проказы, приводящія къ необходимому заключенію—къ браку хорошевой вдовы съ пріятнымъ молодымъ человѣкомъ.

Эту комедію перевелъ Дама Гиваръ для своего испанскаго театра съ стараніемъ и искусствомъ; потомъ д'Увиль (*Esprit follet*) заимствовалъ эту пьесу изъ Италіи, гдѣ она явилась подъ названіемъ: *Женица-демонъ*, или *Арлекинъ, преслдуемый невидимою женициною* (*Dame démon, ou Arlequin persécuté par la dame invisible*). Послѣ д'Уви-

ля, Готерошъ написалъ (въ 1664 г.) *Dame invisible* и ввелъ много новыхъ причесествій. Далѣе, Коллѣ издалъ тотъ же сюжетъ и въ своей предисловіи къ *Esprit follet*, онъ выражается такъ: «Въ 1760 г. я возобновилъ эту комедію, сохраняя почти невредимовенно планъ Готероша и прибавивъ ее сколько возможно къ обычаямъ, модѣ и языку въ наше время... Приятно было бы, еслибъ лѣтъ черезъ 50 или 60 какой-нибудь драматическій писатель снова передѣлалъ это произведеніе, которое уже устарѣло. Возобновленіемъ и передѣлкой отъ времени комедій, планъ и характеры которыхъ превосходны, можно продолжить славу французскаго театра, который можетъ служить образцомъ цѣлой Европѣ...»

Желаніе Коллѣ захотѣлъ исполнить Ипполитъ Лукá. Полный успѣхъ прѣвѣтствовалъ это произведеніе остроумное и сознавное.

ПРОТѢСЪЕ ZANS LE SAVOIS (Нездозрѣваемое Покровительство, водевилъ, соч. Эжена Скриба).

Молодая дѣвушка, получивши пансіонъ нѣсколько оставивъ въ граду, находится въ Лондонѣ, гдѣ нуждается, по случаю смерти матери—единственной опоры, искать въ своемъ талантѣ въ живописи средства къ существованію. Продавецъ картинъ покупаетъ у нея все, что она не расстается: молодая дѣвушка очень-трудна бива и, благодаря роскошной картинѣ Альберта Клавери (купца), живетъ въ прекрасномъ домѣ, богато-облеченномъ, окруженная всѣми удобствами и изыщной роскоши. Не успѣетъ она кончить одной картины, какъ ей уже заказана такая же, по той цѣнѣ. Очевидно, что торговецъ только маска, которую надѣлъ на себя богачъ-влюбленный.

Дѣйствительно, Альбертъ Клавери молодой лордъ, безъ ума влюбленный въ Елену (иная артистка), вступивъ въ эту исторію, чтобъ окружить богатствомъ предметъ своей вславы дѣ-

гое предложеніе Елены отвергла бытъ негодоваіемъ. Прїѣздъ г. Дюроше, классическаго живописца, стараго учителя Елены, выводитъ ее изъ замужденія.

— Тутъ что-нибудь да не такъ, говорятъ Дюроше:—за мюнхъ Агамемноновъ, Ляковъ не хотѣли дать и тысячи франковъ, а тебѣ за картину, которая стоитъ не болѣе ста эку, даютъ сто тысячъ.

Дюроше, наконецъ, открылъ-таки настоящій источникъ щедрости Альберта. Судите объ отчаяніи молодой дѣвушки при такомъ извѣстіи. Что скажетъ свѣтъ? Она продала себя!—а бѣдная этого и не подовѣрвала. Дюроше, котораго она убѣдила въ своей невинности, имѣла объясненіе съ Альбертомъ, которому ничего такъ не хочется, какъ жениться на Еленѣ; но, увъ! онъ женихъ дочери лорда Дюбара. Но счастію, дозволивъ какому-то фату себя похитить, невѣста развязала руки Альберту и такимъ-образомъ привела пьесу къ желанной развязкѣ.

Пьеса эта имѣла полный успѣхъ, благодаря игрѣ мамзель Розы Шеръ и искусству Скриба, котораго имя провознесено было при громѣ рукоплесканій. Говорятъ, что нашъ Брессанъ весьма-ведурно исполнялъ роль Альберта.

Givvy la Sovvemuse (Джибби-Волинчикъ), опера въ трехъ актахъ, слова г. Лёвена и Брунсвика, музыка Клаиссона.

Джибби-волинчикъ влюбленъ въ дочь трактирщика Патиссона, который оглашается выдать ее за Джибби, если онъ принесетъ ему пятьдесятъ гиней, которыя обѣщавъ скопить путешествуя съ волинкою по Шотландіи. Но, увъ! Джибби не собралъ ничего и озвратился къ Патиссону съ пустыми руками. Надѣясь угоризитъ трактирщика, волинчикъ рассказываетъ ему о своемъ путешествіи, о своихъ успѣхахъ въ музыкѣ; но сердцу Патиссона ступень лишь звонъ гиней. Мери не надѣлаетъ понятій отца: волинка

дѣйствуетъ на нее сильнѣе золота — она всѣмъ сердцемъ любитъ Джибби. О, какъ ей трудно исполнить приказаніе отца и сказать бѣдняку Джибби, чтобъ онъ изволилъ оставить таверну и провелъ ночь гдѣ ему угодно,—а на дворѣ шумѣла непогода, хлесталъ дождь... сыро... грязно... какъ нарушить гостепріимство горныхъ Шотландцевъ — это нивко! Мери рѣшилась спрятать своего возлюбленнаго въ сарай, гдѣ Джибби, убаюканный сладкими грезами о милой Мери, скоро заснулъ. Передъ таверной собралась толпа Англичанъ-заговорщиковъ, вознамѣрившихся отнять корону у короля Іакова шотландскаго. Вдругъ они услышали вздохъ Джибби и въ-просонкахъ вылетѣвшее изъ устъ его имя Мери. Заговорщики обезпокоились — не подслушала ли ихъ? Надо удостовѣриться; къ-счастію, оказалось, что Джибби спалъ крѣпкимъ сномъ, и потому не только остался живъ, но еще употребленъ съ пользою заговорщиками: когда Джибби увидитъ короля, онъ долженъ заиграть національную шотландскую пѣсню; король остановится, заслушается, а его тутъ-то и схватятъ. Однакоже заговоръ не состоялся: король получилъ письмо, въ которомъ его предостерегали и совѣтовали не оставлять двorca.

Джибби гуляетъ по Лондону, куда приведенъ былъ съ своею волинкою; разъ онъ остановился подъ королевскимъ балкономъ и заигралъ родимую пѣсню; Іаковъ, услыша знакомыя звуки, повзвалъ къ себѣ волинчика, чтобъ поговорить съ нимъ о Шотландіи. Ободренный ласками короля, Джибби написалъ письмо, въ которомъ просилъ у Іакова 50 гиней. Король вообразилъ, что Джибби увѣдомилъ его о заговорѣ, почему и сталъ обходиться съ нимъ какъ съ своимъ избавителемъ. Заговорщики узнали Джибби, подумали, что онъ интригаетъ, что онъ слышалъ разговоръ ихъ у таверны, и что хочеть ихъ обличить: почему и рѣшились купить его молчаніе и сдѣлали ему выгодныя предложенія, если онъ

согласится оставить дворъ. Джибби, которому старая колдунья вскружила голову, предсказавъ ему блестящую участь, забылъ на минуту свою Мери и сдѣлался женихомъ дочери начальника заговорщиковъ. Будущій зять очень-радъ отдѣлаться отъ Джибби и для этого употребляетъ хитрость: онъ даетъ ему письмо къ начальнику корабля *Пептумъ*, отправляющагося въ Батавію, увѣривъ, что этотъ начальник не кто другой, какъ его управитель, отъ котораго Джибби получить 200 гиней. Однакожь Джибби не пошелъ самъ, а послалъ Патиссона, котораго скоро выпустили на свободу, узнавъ ошибку. Тутъ все объяснилось. Король возмѣнилъ подозрѣнія. Джибби съ своей воликою явился для открытія истины; заигралъ онъ національную пѣсню; заговорщики услышавъ звуки ненавистной волики, смутились, смущеніе ихъ обличило, признание спасло. Авторъ письма къ королю былъ одинъ изъ заговорщиковъ, любимый въ дочь зачинщика; онъ объявляетъ о своемъ поступкѣ, выпрашиваетъ прощеніе соумышленникамъ, и вступаетъ въ бракъ съ своею возлюбленною, а Джибби женится на Мери; всѣ счастливы и довольны,—довольны и зрители.

Рикардъ Февриеръ (Пьеръ Февръ),
содѣлалъ въ одномъ актѣ, соч. Давена.

Пьеръ Февръ такъ названъ потому, что найдены были на камнѣ въ февраль мѣсяцѣ — родословная не запутанная; большая часть именъ и не имѣетъ другаго источника. Странно, какъ подумаешь, что за происхожденіе этого безконечнаго множества именъ, обозначающихъ громадную толпу? Понятно слово, служащее для обозначенія звѣря, дерева, ихъ породъ, — но особый ерлыкъ для каждаго индивидуума — что тутъ за смыслъ? Что за законъ преобладаетъ въ этомъ собраніи буквъ и слоговъ, составляющихъ произвольный звукъ, на который отливается человѣкъ? Первоначально имя имѣло ли значеніе? Вопросъ темный.

Чтобъ отвѣтить на него, надо знать языки санскритскій, еврейскій, индійскій, финикійскій, карагенскій, арабскій, кельтскій, еоипійскій, баскскій, нижне-бретонскій, не заикаясь уже о греческомъ и латинскомъ: многія имена, имѣющія для насъ лишь достоинство созвучія, получаютъ смыслъ опредѣленный у того, кто умѣетъ толковать ихъ. Однакоже, это болѣе лингвистика, — обратимся же къ беллетристикѣ.

Пьеръ Февръ лицо завзятельное: онъ старый бродяга, въ родѣ уличнаго Діогена, только не такой циникъ и не такъ угрюмъ, какъ греческій Діогенъ; Пьеръ человѣкъ довольно-веселый и ищетъ людей съ фонаремъ: отъ сообщества деревьевъ онъ не дичаетъ. Прогуливаться по лѣсу ему гораздо-пріятнѣе, чѣмъ мѣшать грязь по городскимъ улицамъ. Хотя онъ не больше, какъ простой крестьянинъ, однакоже, читая всякій день книгу благости, онъ настроилъ свою душу, и ему сдѣлался доступна природа, — онъ постигъ величіе восходящаго солнца, прелесть жемчужной росы; на просторѣ и свободѣ, онъ можетъ созерцать величіе солдана; чтобъ поддерживать жизнь, ему нѣтъ ужасной и унижительной необходимости работать, — необходимости ставшей человѣка ниже скота, гнетущей къ землѣ чело его, созданное mirarъ на небеса.

Такииъ-образомъ, Февръ, полный хозяинъ своего времени и своей особы, съ сосновою палкой въ рукѣ, съ котлокой за плечани, гуляетъ по тропамъ, тропкамъ и тропинкамъ, извѣстнѣе ему лучше, чѣмъ сельскому сторожу, и не пропускаетъ случая сдѣлать доброе дѣло: или подвѣжетъ вѣтку, готовую сломаться, или спасетъ муху, готовую утонуть, то пособитъ ослу вытравить телегу, ушедшую въ грязь, то приведетъ къ матери ея дѣтище, пошедшее по году и заблудившееся въ лѣсу.

Если ему представится честный случай получить серебряную монетку, онъ не отказывается, полагая, что малость работы дѣлаетъ беззаботность ему

привлекательнѣе. Видя спѣшную уборку хлѣба, онъ сожнетъ спать; встрѣтятся ли порученіе, не требующее отлагательства, исполнить порученіе: не смотря на 60 лѣтъ, его нога еще крѣпка и вѣрна. Застанетъ ли его дождь по дорогѣ, что жъ? онъ знаетъ, что въ такомъ-то мѣстѣ есть душистая ива, въ другомъ отвѣсная скала: вездѣ есть ему убѣжище. — Описавъ характеръ и нравъ Пьера, посмотримъ, что онъ дѣлаетъ.

Въ одну изъ прогулокъ ему удалось въ-время удержать лошадь мамзель Ортансы д'Эстурвилъ, которая неслась на ней прямо къ рѣкѣ; Пьеръ проводилъ Ортансу къ ея родителямъ, которые оказали ему возмутительную ласковость мѣщанъ съ человѣкомъ, котораго они считаютъ ниже себя. Въ это время столъ былъ накрытъ, и папá д'Эстурвилъ, его дочь и Ренбо, пустились въ охотничьемъ костюмѣ, за котораго хотѣли выдать Ортансу, садятся за столъ. Феврѣ, какъ-бы не понимая намековъ г-на д'Эстурвилъ, котораго очень не аранжируетъ присутствіе крестьянина, садится у стѣны, вынимаетъ изъ котомки кусокъ хлѣба и сыра и начинаеть уничтожать ихъ.

— Что же это, любовный? Вы, кажется, хотите здѣсь завтракать, говоритъ задыхаясь отъ негодованія папá д'Эстурвилъ.

— Благодарю за приглашеніе, отвѣчаетъ Феврѣ и элегматически придвигаетъ къ столу свой стулъ, къ ужасу обѣдавшихъ. — Послушайте, папá д'Эстурвилъ, однакожъ вы не такъ горды съ хорошенькою служанкою въ трактирѣ Бѣлой-Лошади. Сударыня, здоровъ ли вашъ родственникъ, продавецъ свиной? Ахъ, кстати, г. Ренбо, я встрѣтилъ полцѣскихъ; они васъ ищутъ.

Злодѣи! онъ знаетъ всю подноготную; пожалуй, сообщитъ еще что-нибудь такое, отъ чего не поздоровится хозяевамъ, а они наперерывъ спѣшатъ угостить Феврѣ: то ина нальютъ, то дичины положатъ на его тарелку, то пирога...

Послѣ неоднократнаго вселенія стража въ сердца дѣйствующихъ лицъ,

дѣло кончается тѣмъ, что Органса выходитъ за молодаго человѣка, выгнавшаго изъ дома по причинѣ темнаго рожденія, — сына Мадлены и богатаго дяди изъ Америки, пропавшее заглавіе котораго находится въ рукахъ Пьера.

Вы видите, постройка не мудреная, но, что всего важнѣе въ пьесѣ, писанной для Буффэ, въ ней выражень характеръ, выведенъ типъ.

Буффэ съ удивительнымъ искусствомъ передаетъ лукавое и вкрадчивое добродушіе крестьянина; какъ хороша его невадугая пѣжность, съ какими выраженіемъ провозноситъ онъ фразы о лазоревомъ небѣ, о пѣвн свѣгиря, ароматѣ богородичной травки, прозрачности ручья, — о вещахъ, рѣдко встрѣчающихся въ водевилѣ!

Одна изъ декораций представляетъ залу. Холстъ, расписанный бѣлыми и черными квадратами, покрываетъ театральную полъ. Какъ бы хорошо было, еслибъ для каждой декорации дѣлался особенный полъ, смотря потому, гдѣ происходитъ дѣйствіе: раскидывается ли лужайка, идетъ ли поощенная улица, или разстилается паркетъ или мраморъ. Дѣйствительно, что можетъ быть смѣшнѣе скалъ, деревьевъ и цѣтниковъ, выходящихъ изъ деревянныхъ половъ? Въ этой залѣ стояли настоящіе, амакардовые буфеты. По этому случаю возникаетъ вопросъ эстетическій. Аксессуары должны ли быть дѣйствительны? Съ перваго взгляда настоящее аксессуары, кажется, болѣе способствуютъ къ достиженію предположенной цѣли; но, вводя истинное въ условное, не нарушаютъ ли гармоніи? Какъ согласить, на-прим., шкафъ со стѣною изъ холста? Иллюзія, которой достигаютъ посредствомъ линій и красокъ, не уничтожается ли тѣнями отъ предметовъ настоящихъ? Въ какомъ-нибудь волшебномъ представленіи или балетѣ фея срываетъ розу, роза эта не настоящая, она сдѣлана изъ рововаго батиста, но, относительно настоящая, она не подходитъ къ другимъ — зарисованнымъ. Это то же самое, что вставить въ картину металлическую пуговицу, вы-

сто того, чтобъ нарисовать солнце. Надо впрочемъ замѣтить, что актёръ можетъ ходить по комнатамъ, или гулять по саду—чистая илюзия, произведенная декораторомъ, а състь—то онъ можетъ вѣдь только на дѣйствительный стулъ. Подвижные аксессуары необходимо вытекаютъ изъ законовъ перспективы.

Наконецъ, театръ *Porte-Saint-Martin* объявилъ о новой пьесѣ, сюжетъ которой заимствованъ изъ бѣдствій послѣдняго наводненія. Дѣйствительно, наводненіе съ его ужасами, опустошеніями и всевозможными несчастіями представляетъ много возмутительныхъ сценъ и картинъ, раздирающихъ сердце. Но происшествія величественныя и страшныя идутъ рука-объ-руку съ комизмомъ, и злополучное разлитіе воды, представляя обильную пищу сочинителямъ, неравнодушнымъ къ ужасамъ, доставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сюжетъ для простой, легкой комедіи. Доказательствомъ этому служить происшествіе, правда—не новое, тѣмъ не менѣе истинное.

Въ городкѣ, недалеко отъ Ліона, жила двадцати-пяти-лѣтняя хорошенккая вдова. Покойникъ мужъ былъ изъ числа мужей, о смерти которыхъ нельзя сожалѣть, послѣ которыхъ нельзя носить вѣчный трауръ и никогда уже не выходить замужъ, тѣмъ болѣе, что онъ зажегъ свѣтильникъ гименей въ пятьдесятъ-девять лѣтъ, а шестидесяти погубилъ его. Все достоинство покойника состояло въ томъ, что онъ умеръ въ-время и оставилъ супругѣ 30,000 ливровъ дохода. За эту цѣну можно было простить его немочи, ревность и другіе дразги или недостатки лѣтъ и характера.

Нѣтъ сомнѣнія, что милая вдова, такъ счастливо обставленная въ настоящемъ и прошедшемъ (мужу вѣдь было 59 лѣтъ), не могла остаться безъ вздыхателей. Все, что было или даже считалось въ городѣ молодого и капризнаго, все, что смотрѣло на себя, какъ на способное къ супружеству, все это стремилось занять мѣсто покойнаго

мужа. Вдова,—назовемъ ее г-жой Данвилъ,—сперва рѣшилась выбрать себѣ мужа въ Парижѣ, почему провинціальныя женихи не шли сначала устичи по дѣла не позволили ей вѣсть изъ столицу, и искатели были доущены къ показанію своихъ достоинствъ. Данвилъ сдѣлалась маленькою королевою: ее окружили, осадили пламенными желаніями, мольбами, вѣжкою штепельностью, искусною лестною, напѣры, впрочемъ, она мало обращала вниманія, до роковаго часа, когда въ пышные цвѣты вилась змѣя. Эта аллегорическая змѣя былъ вѣтъ г. Леонаръ, *si-devant* молодой человекъ. Никто не зналъ навѣрно, который годъ, но ему уже перевалило за четвертый десятокъ—роковаго звона, которую обольстители отгодятъ изъ которой. Но Леонаръ, по исключенію изъ возможности, остался въ дѣйствительной службѣ при помощи искусства, съ которыми онъ игралъ свою роль. Его никто не боялся, никто не считалъ и только опаснымъ, но даже просто-сервникомъ, а онъ тихонько, шагъ-за-шагомъ шелъ себѣ къ цѣли; сама г-жа Данвилъ не обращала сначала на него вниманія. Но какъ бы то ни было, долготѣлая практика, изобрѣтеніе умѣнье пользоваться обстоятельствами, извѣтливый умъ—все это доставило торжество г. Леонару, такъ-что хорошенккая вдова избрала его себѣ въ спутники жизни, и уже готовилась свадьба, когда Рона вышла изъ береговъ.

Надо замѣтить, что г. Леонаръ, искусный тактикъ, пользовавшійся всеми возможными обстоятельствами, расположился въ томъ домѣ, гдѣ жила г-жа Данвилъ. Домъ этотъ расположенъ былъ такимъ-образомъ: первый этажъ занятъ былъ вдовою, второй—г. Леонаромъ, а въ третьемъ, раздѣленномъ на мансарды, жилъ молодой живописецъ, такой робкій, благоразумный, а главное, такой бѣдный, что не могъ съѣсть, представиться прекрасной женщиной и высказать ей завѣтныя мысли свои. Это было накануне свадьбы

Днем Рона сильно беспокоилась и волновалась въ берегахъ своихъ, но, казалось, сильнаго разлитія не будетъ. Будущіе супруги проводили вечеръ вмѣстѣ: вдова вышивала, женихъ читалъ ей новый романъ; ни онъ, ни она не подозревали, что Рона, вмѣсто того, чтобъ утихнуть, бушевала все сильнѣе и сильнѣе, вода поднималась выше и выше. По случаю наступавшаго торжества, любовники разошлись ранѣе обыкновеннаго. Леонаръ, подвѣсившись къ себѣ, убаюкиваемый близкимъ счастьемъ, приступилъ къ ночному туалету, надѣлъ колпакъ—и сорокалѣтній Хуанъ хотѣлъ уже лечь въ постель, какъ вдругъ услышалъ, что стучатся.

— Кто там? спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Я, отвѣчала г-жа Данвиль:—отворяйте скорѣе, ради Бога!

Онъ отперъ, и въ его комнату быстро вошла прекрасная вдова; платье ея было въ безпорядкѣ, на лицѣ написанъ ужасъ.

— Что съ вами? спросилъ изумленный Леонаръ.—Не пожаръ ли?

— Нѣтъ, не пожаръ, а наводненіе. Вода ворвалась уже въ мои комнаты, и я принуждена просить у васъ убѣжища.

— Боже мой! что со мною станется, если вода поднимется до втораго этажа?..

Внѣ себя, Леонаръ скорыми шагами ходилъ по комнатѣ. Г-жа Данвиль сѣла въ кресло, на ручкѣ котораго висѣлъ корсетъ. Въ отчаяніи, Леонаръ схватилъ себя за голову, отъ неосторожнаго движенія колпакъ свалился и вдова увидѣла совершенно-лысую голову своего жениха! Не смотря на страхъ, она еще прежде замѣтила корсетъ; теперь же увидала на каминѣ чудесный черный парикъ. Въ эту минуту вода ударила въ окна и выбила рану.

— На помощь, на помощь! кричалъ отчаяннымъ голосомъ Леонаръ. Передъ окномъ остановилась лодка.

— Я могу посадить только одного

изъ васъ, сказалъ гребецъ:—иначе мы все утонемъ. Рѣшайте — кого?

— Меня, меня! сказалъ замирающимъ голосомъ Леонаръ и бросился въ лодку.

— А я еще хотѣла назвать его мужемъ!..

Однакожь надо было подумать о спасеніи. Вдова отправилась въ третій этажъ и поступалась въ дверь живописца. Молодой человѣкъ встрѣтилъ ее съ смущеніемъ, изобличавшимъ страхъ и радость.

— Боже мой! что я вижу!.. сказала г-жа Данвиль, позабывъ на минуту объ угрожавшей опасности и съ невыразимымъ удивленіемъ смотря на свой портретъ, писанный во весь ростъ.

— Простите ли вы мою дерзость? сказалъ молодой человѣкъ.—Портретъ этотъ — моей работы. Я его сдѣлалъ отчасти на память, отчасти всматриваясь въ ваши черты. Взгляните—изъ моего окна видно ваше; вы никогда не поднимали на меня вашихъ взоровъ, а я постоянно любовался вами. О, позвольте мнѣ открыть вамъ мою душу въ эту роковую минуту. Въ минуту смерти у сердца нѣтъ тайнъ. Въ другое время я бы не смѣлъ говорить вамъ о любви—вамъ—богатой, счастливой, окруженной поклонниками: и къ чему послужило бы мое признаніе? Нѣтъ, мнѣ не суждено было блаженство: теперь я вознагражденъ за все, что вы страдали—я умру съ вами!

Въ голосѣ живописца было столько вѣжности, грусти и страсти; лицо его было такъ оживлено; взоръ его согрѣтъ любовью, — что г-жа Данвиль, слушая его признаніе, ощутила въ сердцѣ своемъ чувство, которое доселѣ еще никто не могъ внушить ей.—Заиграло утреннее солнце, и по городу пронеслись радостные крики: вода сбывала. Рѣка истощила свой гнѣвъ и быстро входила въ берега; черезъ нѣсколько часовъ, все успокоилось. Леонаръ возвратился домой.

— Надѣюсь, сказалъ онъ вдовѣ:—что вы не отложили свадьбы?

— Свадьба будетъ не ранѣе, какъ черезъ двѣ недѣли.

— Къ-чему эта отсрочка?

— Потому-что надо написать новый контрактъ. Несчастія даютъ человѣку опытность. Вчерашнее наводненіе показало мнѣ, какъ вы меня любите; видѣлъ съ тѣмъ, оно мнѣ указало человѣка, который составитъ мое счастье.

Нужно ли прибавлять, что г-жа Давиль вышла замужъ за живописца?

==

— Роману г-на Поля Феваля *Le Fils du Diable* (Сынъ Тайны) суждено выдержать успѣхъ во всевозможныхъ видахъ: парижскіе издатели Бри и Вильгерми издають его въ иллюстрированномъ великоформатномъ видѣ; рисунки дѣлаются Гаварни, Раффе, Деларошемъ и др. Уже подписавшимся разослано нѣсколько выпусковъ, которые будетъ всѣхъ 80; полное изданіе въ Парижѣ будетъ продаваться по 20 франковъ.

— Вышелъ первый томъ *Исторіи Французской Революціи*, соч. Луи Блана, знаменитаго автора *Histoire des Dix Ans*.

— Появился наконецъ и въ Петербургѣ шестой томъ *Исторіи Консулства и Имперіи*, Тьера, обнимающій собою событія отъ августа 1805-го до сентября 1806 года. Въ немъ три книги: «Ульмъ и Трафальгаръ», «Аустерлицъ», и «Рейвскій Союзъ».

— Въ Италіи рѣшительно развиваются идеи положительной политики, — начинаютъ издаваться различные индустриальные журналы; недавно вышелъ образецъ еженедѣльной газеты *Il Contemporaneo*, редакція которой поручена г-мъ Газоле, маркизу Л. Потенциани, Ф. Торре и доктору Л. Мазі. *Il Contemporaneo* обѣщаетъ говорить о всѣхъ общественныхъ предметахъ, въ-особенности же касающихся до интересовъ настоящаго времени, на-пр. о желѣзныхъ дорогахъ, народномъ образованіи, финансахъ, торговлѣ, граждан-

скихъ и уголовныхъ процесссахъ и пр. Въ вышедшемъ листѣ замѣчательная статья маркиза Потенциани, подъ заглавіемъ: *Разсужденіе о народномъ предразсудкѣ, во которому не принимаются кнпнталы отъ иностранцевъ въ предпріятіяхъ народныхъ*.— Скоро появятся еще газеты: *Il Popolare* и *Italia*.

— Въ 1847 году, въ фельетонахъ французской газеты «*La Presse*» обѣщаютъ помѣстить слѣдующіе романы: *Les Paysans* — Бальзака, *Mémoires d'un Medecin*—Александра Дюма, *Militona*—Готье, *Mémoires de Don Juan* — Малефилла, *Les Morts incongnus* — Е. Пеллетана, *Christina la montenegrine*—Савиния, *Le Piccinino*—Занда, *Valcreuse*—Зандо, *Le Veau d'or*. — Сульѣ.

— Въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1846 года въ Лондонѣ напечатано сочиненіе, заключающее въ себѣ полное описаніе цѣлой породы неизвѣстныхъ до-сихъ-поръ дикихъ бѣлаго поколѣнія; они называются Мунчи и живутъ въ долинахъ горъ Сьерра де-лес-Мамбросъ, въ провинціи Сихара, въ Мехикѣ. Ихъ число простирается до 800 чел.; они складомъ похожи на Черкесовъ и пріятной наружности, миролюбивы и честны. До нихъ добираться трудно, потому-что жилища ихъ выстроены посреди неприступныхъ горъ. Ихъ существованіе подтверждаетъ рассказъ однихъ изъ первыхъ путешественниковъ по Америкѣ (рассказъ этотъ помѣщенъ въ рукописи, хранящейся въ Ватиканѣ), о многочисленныхъ поколѣніяхъ, древле обитающихъ въ долинахъ корральерскихъ. Но до-сихъ-поръ неизвѣстно объ этихъ новооткрытыхъ бѣлыхъ Индійцахъ, потоки ли они Испанцевъ, прибывшихъ въ Америку съ Колумбомъ, или — того удивительнаго народа, который построилъ древніе города Мехику и Юкатанъ и остатки котораго разсыпаны по всей Мехикѣ и Средней-Америкѣ.

— Вышелъ первый томъ англійскаго сочиненія г. Монгомери-Мартинъ «Китай». Это сочиненіе обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ объ этомъ предметѣ; вышедшіе до-сихъ-поръ выпу-

ски содержать топографію, народонаселеніе, произведенія, доходы и банковую систему Китайской Имперіи.

— На англійскій языкъ переведена однимъ духовнымъ лицомъ съ нѣмецкаго ученаго брошюрка Шлера, доказывающая, что св. Петръ не только никогда не былъ епископомъ римскимъ, но что онъ даже не провелъ въ этомъ городѣ ни одной минуты своей жизни. Авторъ только заваялся доказательствомъ этого важнаго историческаго пункта, совершенно предоставляя другимъ всякіе выводы.

— Извѣство, что баварскій король выстроилъ галерею, въ которой собраны бюсты всѣхъ германскихъ великихъ людей, или, точнѣе сказать, знаменитостей, и что этому зданію дано германо-фильское мелодическое названіе *Валгалла*: въ германской миеологіи, Валгалла значитъ то же, что въ греческой *Эллиумъ*. Къ этому творенію нынче издана иллюстрація, подъ видомъ книги, также названной «Валгалла». То галерея бюстовъ, а это галерея критическихъ оцѣнокъ. Лучше не говорить о самомъ содержаніи ея, но довольно замѣтить, что слогъ ея очень-близко подходит къ тѣмъ краткимъ, но сильнымъ выраженіямъ, которыми поручикъ Пироговъ, у Гоголя, далъ себя знать непочтительному будочнику.

— Въ Гагѣ изданъ проектъ осушенія Зюдерзе, что должно будетъ стоить около 6½,000,000 флориновъ (около 35,000,000 серебромъ). Для того, чтобы отдѣлить Зюдерзе отъ Нѣмецкаго-Моря, предполагено устроить огромную плотину между Медемблекомъ и Энглененомъ до Ставорена. Широкой каналъ, долженствующій открываться во время приливовъ, соединитъ Нѣмецкое-Море съ каналомъ Ай и Амстердамомъ и будетъ проводить туда воды Има, Иссея и Цварты.

— Вышелъ седьмой томъ англійскаго сочиненія г. Хейя, заключающій въ себѣ изслѣдованія о *симметрической красотѣ*. Объ этомъ сочиненіи замѣчаютъ, что оно, какъ и всѣ прочія творенія этого автора, очень-замѣчательно по

многочисленнымъ призрамамъ, но очень-недостаточно по развиваемой въ немъ теоріи. Вся книга раздѣляется на четыре части: въ первой говорится о пропорціяхъ треугольника; во второй о пропорціяхъ круга и связи его съ эллипсомъ; въ третьей, о греческомъ овалѣ или сложномъ эллипсѣ, и г. Хейя утѣшаетъ себя пріятною мыслию, что это имя и эту фигуру онъ *возсоздалъ для міра*. Четвертая прибавочная часть содержитъ въ себѣ приложеніе этихъ правилъ къ практикѣ.

— Всякій годъ на лондонскомъ театрѣ «Лицеумъ» даютъ, тотчасъ послѣ новаго года, передѣлку изъ новой диккенсовой *Рождественской Книжки* (Christmas Book); въ нынѣшнемъ году была играна *Битва Жизни*, изъ новой повѣсти того же имени. На театрѣ меньше, чѣмъ въ книгѣ, замѣтны несообразности сюжета, а потому эта передѣлка имѣла довольный успѣхъ, которому особенно способствовалъ характеръ горничной, Сесили, являющійся новымъ типомъ въ галереѣ диккенсовыхъ лицъ.

— Англичане теперь крѣпко сердиты на Араго и на Леверрье за то, что новооткрытую планету хотятъ называть именемъ одного Леверрье и не хотятъ дать никакой частицы славы открытія г. Адамсу, англійскому астроному, который, по ихъ мнѣнію, тоже что-нибудь да значитъ въ этомъ дѣлѣ. Извѣстно, что Араго, въ своемъ отчетѣ Парижской Академіи наукъ, 5-го и 19-го октября, объявилъ, что онъ объявляется, во что бы то ни стало, не называть новооткрытой планеты иначе, какъ именемъ Леверрье. Тотчасъ же нашлись въ Англіи люди съ хорошею памятью, которые вспомнили, что въ *Notices Scientifiques*, приложенныхъ къ парижскому «Ежегоднику» (Annuaire) за 1842 годъ, Араго говоритъ по поводу открытія Гершелемъ Урана: «Во Франціи Жалавдъ требовалъ, чтобы «ввелся принятый уже анатомиками и ботаниками въ подобныхъ случаяхъ «обычай; въ-продолженіе нѣсколькихъ дѣлъ онъ вставалъ на томъ, чтобы

• новую планету назвали Гершелемъ.
 • Но его настойчивость осталась безъ
 • всякаго результата: друзья миеологін
 • звали верхъ, и принято было имя
 • Уранъ. Вотъ, говорятъ люди съ
 • твердою памятью! вѣдь Араго остался
 • спокоенъ тогда, не вопіялъ ни противъ
 • кого, согласился съ общимъ мнѣніемъ
 • и зоветь себѣ планету Уранъ — Ура-
 • номъ, а не Гершелемъ. Отъ-чего же
 • вдругъ выныче такая переимѣна? Но
 • этого мало; недавно Леверрье пере-
 • печаталъ свой прежній мемуаръ, подъ
 • названіемъ: «Ислѣдованія о движені-
 • яхъ планеты Гершель», съ слѣдую-
 • щимъ примѣчаніемъ: «Во всѣхъ мо-
 • ихъ сочиненіяхъ я буду считать
 • • непремѣнную своюю обязанностью
 • • уничтожать имя Урана и не звать
 • • иначе эту планету, какъ Герше-
 • • лемъ. Я очень-сожалѣю, что ны-
 • • нѣшняго моего сочиненія напечатано
 • • уже столько, что не могу теперь же
 • • собразоваться съ рѣшимостью, кото-
 • • рую буду всегда въ-послѣдствіи со-
 • • блюдать свято. Во всѣхъ прежнихъ
 • • изданіяхъ стояло имя Уранъ, а не Гер-
 • • шель, и все тѣ же люди съ твердою па-
 • • мятью, съ мѣфистофелевскимъ ковар-
 • • ствомъ прддоставляютъ всѣ выводы
 • • уму самихъ читателей.

— Итальянскій генералъ Нене из-
 • далъ мемуары о современной ему
 • Италіи. Книга эта вышла въ Лон-
 • донѣ, гдѣ генералъ живетъ уже бо-
 • лѣе двадцати лѣтъ. Всего любопыт-
 • нѣе въ ней характеристика прав-
 • ленія въ Неаполѣ Иосифа Бонапартѣ и
 • Мюрата, при дворахъ которыхъ онъ
 • долго находился и былъ любимцемъ
 • Мюрата. Выищемъ изъ этой кни-
 • ги любопытный анекдотъ о Мюратѣ,
 • какъ новый примѣръ его рыцарскаго,
 • смѣлаго характера: «Однажды Мю-
 • • ратъ дѣлалъ смотръ нѣсколькимъ
 • • батальонамъ, какъ вдругъ, во вре-
 • • мя палубы, подлѣ самого короля
 • • былъ раненъ одинъ изъ офицеровъ
 • • штаба. Всѣ присутствующіе перепу-
 • • гались, потому-что въ числѣ солдатъ
 • • было много карбонаровъ; всѣ стали
 • • упрашивать его, чтобъ онъ приказалъ

• остановить палубу; но онъ улыбнулся
 • и отвѣчалъ: я вижу, вы думаете, что
 • стрѣляли въ меня; но вы ошибаетесь.
 • — дѣти никогда не желаютъ смерти
 • отцу. Скажавъ эти слова, онъ сталъ
 • • подѣбжзжать къ каждому батальону,
 • • самъ командуя палубу. Эта неустр-
 • • шимость короля уничтожила въ кар-
 • • бонарахъ рѣшительно всѣ непріа-
 • • тельныя чувства, какія только къ нему
 • • питали.

— Въ послѣднемъ заведеніи Коро-
 • левской Ирландской Академіи Наукъ,
 • сэръ Уильямъ Гамилтонъ изложилъ
 • возможность (подкрѣпленную матема-
 • тическими доказательствами) открыть
 • центральное солнце, около котораго
 • обращается наше солнце и его спут-
 • ники. Но это только предположеніе, и
 • должно ожидать, чтобъ ученый сэръ
 • на дѣлѣ оправдалъ свои догадки.

— Лѣтомъ прошлаго года, въ Англіи
 • было очень-много грозъ, отъ которыхъ
 • были разрушаемы до основанія цѣлыя
 • большія вланиа; и такъ-какъ англій-
 • скіе ученые занимаются изысканіемъ
 • средствъ для болѣе-вѣрнаго отраще-
 • нія на будущее время подобныхъ не-
 • счастій,—то они теперь слѣдали много
 • весьма-важныхъ наблюденій надъ сте-
 • пенью силы молвіи. Такимъ-образомъ,
 • по случаю совершеннаго разрушенія
 • въ Лейстерѣ церкви св. Георгія, вые-
 • ли такое заключеніе, что 100 тоннъ
 • камня были брошены на разстояніи 30
 • футовъ въ три секунды, и что нужна
 • была бы сила 12,220 лошадей для те-
 • го, чтобъ противостоятъ этому одному
 • удару молвіи.

— При проведеніи линіи для на-
 • леждской желѣзной дороги въ Шот-
 • ландіи, въ Авонской-Долинѣ, докоп-
 • лись до остатковъ дома, который по
 • всѣмъ признакамъ отнесли ко време-
 • намъ владычества Римлянъ въ Брит-
 • ніи. Тутъ же найдены разныя монеты
 • и оружіе; но все это не столько при-
 • мѣчательно и важно, какъ найденная
 • латинская рукопись, которая, какет-
 • ся, содержитъ въ себѣ часть знамени-
 • той исторіи Тита-Ливія, такъ-что те-
 • перь возвратятся, быть можетъ, сѣбу

тъ части этой исторіи, которыя считались навсегда потерянными. Манускриптъ состоитъ изъ пергаментныхъ свертковъ, соединенныхъ между собою пергаментной ленточкой. Пергаменты эти длиною около 30 фут., шириною 2 фута. Съ ними же найдена маленкая рукопись съ заглавіемъ *ad Agricolam*. Всѣ они обязаны своимъ сохраненіемъ аккуратности футляровъ, въ которыхъ найдены.

— На переѣздѣ корабля Елена изъ Батавіи въ Кантонъ, на сѣв. шир. 16° вост. долг. 125°, онъ прошелъ между огромными слоями пемзы, которые плавали на поверхности моря и казались недавнимъ изверженіемъ, потому-что когда достали нѣсколько кусковъ этой пемзы, на ней совершенно не было никакой слизи, ни травяныхъ порослей, всегда пристающихъ къ тѣламъ, находящимся нѣсколько времени на водѣ. Многіе куски были величиной съ обыкновеннае ведро. Отъ того мѣста, гдѣ тогда находился корабль, ближайшая земля была Острова Маріанскіе или Разбойничьи, можетъ-быть въ 1,000 миляхъ. Кажется, невозможно было этия куски приплыть изъ такой дали: должно предполагать, что около этихъ мѣстъ находится подводный вулканъ.

— Въ Лондонѣ устроилось общество подъ названіемъ *Гакмонтова*, для изданія сухопутныхъ и морскихъ путешествій, начиная съ древнѣйшихъ временъ до Дампьерра. Сначала, общество хотѣло-было принять имя Колумбова, но потомъ разсудили, что это имя указывало бы скорѣе на общество, имѣющее цѣлью распространять новыя географическія открытія, чѣмъ на такое, которое намѣрено издать въ свѣтъ труды старинныхъ путешественниковъ; по этому-то и выбрали имя Гакмонта, который, какъ извѣстно, жилъ при Елисаветѣ и далъ свое имя коллекціи путешествій, изданныхъ его стараніями. Новое общество будетъ существовать на точно-такихъ же основаніяхъ, какъ Общества Шекспировское, Кеңденское, Рейское

и др. Членъ обязанъ внести всякое 1-е января одинъ фунтъ стерл. за годъ впередъ.

— Г. Джибсъ, резидентъ на островѣ Тёркъ, сообщилъ Нью-Йоркскому Историческому Обществу слѣдующія подробности о высадкѣ Колумба на американскій берегъ: онъ, г. Джибсъ, никогда не могъ хорошенько убѣдиться, чтобъ Колумбъ присталъ къ острову Сан-Сальвадору или Комачену, и это заставило его заняться новыми изслѣдованіями. Свѣрля журналъ Колумба съ извѣстностью и съ извѣстіями Гумбольдта и Наванетти, г. Джибсъ наконецъ совершенно удостовѣрился, что Гуавагани Колумба не что иное, какъ островъ Тёркъ. Колумбъ говоритъ въ своемъ журналѣ, что въ виду Гуавагани много острововъ, а у Сан-Сальвадора никакихъ нѣтъ; Колумбъ объѣхалъ Гуавагани въ одинъ день, а это невозможно сдѣлать вокругъ Сан-Сальвадора, лежащему кажется, въ сѣверу отъ пути, по которому шелъ Колумбъ. Далѣе, туземцы разсказывали Колумбу, что они доставали себѣ золото съ юга, а Сен-Доминго именно лежитъ въ этомъ направленіи отъ острова Тёркъ; въ журналѣ Колумба сказано, что камни сен-домингскіе похожи на камни въ Гуавагани, изъ-самой-дѣль, есть сходство между камнями сен-домингскими и тёркскими. Въ журналѣ говорится, что Колумбъ перешлилъ путь свой, увидѣвъ птицъ; потому, что Гуавагани страна лѣсистая и изобилующая водами; а именно въ то время года, когда Колумбъ приставалъ къ Америкѣ, зуйки въ большомъ количествѣ прилетаютъ къ острову Тёркъ, цѣлая треть котораго покрыта оверами солеными и прѣсными; теперь этотъ островъ совершенно безопасенъ, но извѣстно, что прежде онъ изобилывалъ лѣсомъ, о чемъ хорошо помнитъ г. Джибсъ, когда былъ очень молодъ. Сверхъ-того, колумбовъ журналъ ничего не упоминаетъ о большой багамской отмели, которой, однакожь, невозможно миновать, если подѣзжать къ Сан-Сальвадору.

— Лондонская національная галерея до такой степени богата всѣми родами произведеній живописи, что недавно отказалась принять въ подарок прекрасную картину Прокаччини «Адамъ и Ева», ссылаясь на совершенный недостатокъ мѣста, такъ что даритель принужденъ былъ обратиться съ своимъ приношеніемъ въ Далвичскую Галерею.

— Любимый англійскій композиторъ Бальфъ далъ на Друриленскомъ-Театрѣ свою новую оперу *the Bondman* (Крѣпостной Человѣкъ), которая признана за лучшее изъ его сочиненій, потому что въ этой оперѣ встрѣчается больше оригинальности выдержанности, нежели въ прежнихъ его операхъ. За то всѣ жаждутся на длинные шогсеахъ d'ensemble, которые тѣмъ скучнѣе, что текстъ въ нихъ—жалкое стихоплетство, приводящее въ изумленіе и смѣхъ публику, привыкшую ко всевозможнымъ итальянскимъ либретто.

— На королевскомъ театрѣ въ Гагѣ ставится большая опера въ четырехъ актахъ—*Ossada Jsidena*, слова Иполита Лука, музыка Фогеля. Обстановка, говорятъ, будетъ необыкновенно-великолѣпна.

— Муниципальнымъ версальскимъ совѣтомъ назначена золотая медаль пѣвицѣ Гриммъ, съ большимъ успѣхомъ дебютировавшей на сценѣ *Opera-Comique*. Молодая артистка родилась въ Версали.

— Копрадинъ Крейперъ назначенъ директоромъ оперы при вѣнскомъ дворѣ на мѣсто Николая, отправляющагося въ Берлинъ. Онъ написалъ оперу *Hochländerin*, которая скоро будетъ поставлена въ Гамбургѣ.

— Основанное нынѣшнимъ королемъ баварскимъ заведеніе для живописи на стеклѣ исполнило уже много весьма-примѣчательныхъ произведеній въ большомъ объемѣ. Теперь кончаютъ большія четыре окна для кѣльнскаго собора; прежде, чѣмъ они будутъ отправлены въ Кѣльнъ, ихъ выставятъ на показъ всей мюнхенской публики.

— Во время пребыванія своего въ Дрезденѣ, германскій писатель Гибель издалъ въ свѣтъ поэму, которая обратила на себя всеобщее вниманіе. Теперь, говорятъ, онъ пишетъ либретто для оперы «Дорелея», музыку которой будетъ сочинять Мендельсонъ Бартольдъ.

— Въ скоромъ времени въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ будетъ востановлена статуя знаменитой актриссы Сиддонсъ. Для этого снимутъ съ мѣста статую брата ея, также замѣчательнаго актѣра, но который теперь долженъ переѣхать куда-нибудь сто и уступить мѣсто гениальной сестрѣ.

— Новое зданіе, назначенное для Британскаго Музеума, почти уже кончено; въ концѣ прошлаго декабря съ аукциона продано зданіе тоуллейской галереи, для того, чтобъ на мѣстѣ ея выстроить особенный флигель, который будетъ соединять галерею египетскихъ древностей съ западнымъ флигелемъ новаго главнаго фасада.

— Въ Парижѣ очищено въ Луврѣ много мѣста для остатковъ, привезенныхъ изъ Ниневіи; зала будетъ называться *Ниневійскою-Заломъ*.

— Въ Калькуттѣ назначено устроить выставку художественныхъ произведеній, и англійское правительство присигновало для этой цѣли 5,000 рупій.

— Г. Фурнель прислалъ изъ Африки французскому правительству богатое собраніе минераловъ, которыми онъ занимался во время многочисленныхъ путешествій въ Алжиръ. Число образчиковъ простирается до 2,000; изъ нихъ мѣстныя въ домѣ горной школы выдѣлилъ карту Африки, расположенную для сравнительнаго изученія геологическихъ мѣстностей этой части свѣта.

— Англійскій путешественникъ и писатель Ньюбольдъ, слѣдующимъ разомъ описываетъ нынѣшнее положеніе семи азіатскихъ церквей, о которыхъ говоритъ Іоаннъ Богословъ; иерусалимская до-сихъ-пору сохраняетъ свое первенство и даетъ титулъ греческому архіепископу, между-тѣмъ

какъ другими правятъ только епископы. Но и она въ статистическомъ отношеніи находится въ положеніи весьма-незавидномъ; гавань этого города сдѣлалась зачумленнымъ болотомъ, и одинокія развалины, посѣщаемыя только шакалами, стоятъ на прежнемъ мѣстѣ когда-то многолюднаго города. Деревушка Аясалукъ лежитъ на равстояніи одной мили отъ развалинъ, и изъ числа 40 семействъ въ ней только одно христіанское. Рассказываютъ, что 4 гранитныя колонны мечети ея прежде принадлежали къ знаменитому храму Діаны Эфесской. Если Эфесъ представляетъ образъ смерти и запустѣнія, зато Смирна не перестаетъ расти и улучшаться; въ какихъ-нибудь 20 лѣтъ число жителей изъ 70,000 возросло до 130,000. При пяти греческихъ и трехъ латинскихъ церквахъ заведено множество школъ, только протестантскія церкви отстали еще въ устройствѣ этого рода заведеній. Послѣ Смирны всего болѣе процвѣтаетъ Пергамъ; жителей въ немъ до 16,000, и въ христіанскомъ кварталѣ есть двѣ греческія и одна армянская церкви; когда г. Нью-больдъ пришелъ въ греческую школу, всѣ ученики, вмѣстѣ студьевъ или скамьей, сидѣли на мраморныхъ надгробныхъ камняхъ, надписи которыхъ были до-сихъ-поръ неизвѣстны. Кое-какъ еще держится Тіатиха, но Сарансъ производитъ впечатлѣніе еще болѣе грустное, чѣмъ Эфесъ. Меланхолическое озеро Гигейское, болотистая долина Гермуса и некрополисъ лидійскихъ моварховъ, — все это вмѣстѣ наводитъ грустныя мысли при взглядѣ на древнюю столицу Креза. Нѣтъ никакого золота въ Накторѣ, который прежде славился золотымъ пескомъ, и, вѣроятно, къ преданію этому подала поводъ блестящая мина, которой много въ пескѣ. Въ Филадельфѣи 10,000 Турковъ и 5,000 Грековъ, церквей 25; но всѣ онѣ малыя и жалкія; какія-то большія развалины называютъ остатками церкви, о которой упоминаетъ Апокалипсисъ. Наконецъ Лаодикея, забытая до XVII столѣтія, ничего больше, какъ

груда печальныхъ развалинъ. Одно время думали, что этотъ городъ стоитъ на вулканическихъ холмахъ; но это неправда: они осадочнаго происхожденія, болшею частью известняки.

— Недавно умеръ Огюстъ Левассёръ, шефъ глакбровъ при Королевской Парижской Музыкальной Академіи (Французская опера); онъ былъ очень-богатъ, имѣлъ два дома и получалъ въ годъ жалованья и дохода столько, сколько французскій маршалъ; жалованье свое онъ получалъ помѣсячно непромѣнно отъ каждаго изъ артистовъ, разумѣется, примѣчательныхъ. У него было два лейтенанта, а у каждаго изъ нихъ было по два под-лейтенанта; наконецъ, у всѣхъ шестерыхъ было по бригадѣ, изъ шести человекъ каждая, такъ-что все вмѣстѣ составляло корпусъ изъ шестидесяти человекъ. Корпусъ этотъ раздѣлялся на три разряда: съ жалованьемъ, безъ жалованья, и платившихъ въ некоторую часть за входъ. Первая бригада получала жалованья 1 франкъ 25 сантимовъ; вторая ходила въ театръ даромъ по протекціи одного изъ лейтенантовъ, съ приличнымъ ему потомъ вознагражденіемъ — сигарочка или что-нибудь въ этомъ родѣ. Это все были юные питомцы, недостижшіе еще полного искусства. Третій классъ платилъ г. Левассёру по 2 франка за входъ, вмѣсто настоящихъ четырехъ. Сигналомъ аплодисмановъ всегда былъ легкій ударъ палкой шефа объ полъ, а сборное мѣсто до представленія — винный погребокъ въ улицѣ Фаваръ, гдѣ нѣтъ рассказывалось, въ какомъ мѣстѣ оперы какого сорта должно почувствовать энтузіазмъ. Другое подобное же войско — *les chatouilleurs*, которыхъ обязанность состоитъ въ томъ, чтобъ начинать смѣхъ въ комическихъ пьесахъ, особливо въ тѣхъ, гдѣ авторъ мало забавенъ; также они должны въ приличныхъ мѣстахъ произносить разныя восклицанія удивленія и восторга.

— Въ Ирландіи есть 74 города, въ которыхъ, при населеніи изъ 2,500 человекъ по самой малой мѣрѣ, нѣтъ ни

одного книгопродавца. Въ Шотландіи сравнительно народонаселеніе на $\frac{1}{3}$ меньше, а книгопродавцевъ въ ней втрое больше, потому что они въ пропорціи, 9 къ 1. Въ числѣ 74 городовъ, безъ одного даже книгопродавца, состоятъ слѣдующіе: Дюнгарвакъ, 12,382; Каррикъ-он-Сюиръ 11,049; Іѳгхаль 9,939; Каррикфергусъ 9,379; Кашель 8,027; Ньютоунчардсъ 7,621; Лисбѣрнъ 7,524, Книсель 6,918. Это фактъ странный, однакожь достопримечательный.

— Женщины эдинбургскія, въ числѣ 10,337, послали къ своимъ сѣверо-американскимъ сестрамъ меморію, въ которой умоляютъ ихъ употребить все влияние своего пола для эманципаціи трехъ милліоновъ американскихъ невольницъ.

— Въ Лондонѣ заводится общество устройства безденежныхъ кабинетовъ чтенія для рабочаго класса. Душа этого общества лордъ Ашлей, извѣстный уже многими филантропическими предпріятіями.

— Въ Британскій Музеумъ теперь поступаетъ отказанная завѣщаніемъ г. Гренвилля бібліотека, одна изъ самыхъ драгоценныхъ въ Европѣ. По каталогу 1842 года, въ ней было уже больше 20,000 томовъ, въ томъ числѣ чрезвычайно-много изданій рѣдкихъ и дорогихъ; такъ, на-примѣръ, лучшія и полнѣйшія въ Европѣ изданія Гомера, итальянскихъ и испанскихъ поэмъ, самыя рѣдкія сочиненія объ армадѣ и разводахъ Генриха VIII, подлинныя изданія путешествій Марко-Поло, Контарини, Колумба и Веспучія, подлинныя коллекціи Дѣрби, Галлеуса, Хакмонта, Пурчаса и т. д. Впрочемъ, на счетъ этой коллекціи знатоки замѣчали, что изъ каждаго 5 книгъ у Британскаго Музеума на вѣрное есть уже 4, особенно потому что въ собраніе г. Гренвилля вошло много купленныхъ имъ изъ Британскаго же Музеума дублетовъ. Какъ бы то ни было, эта бібліотека драгоценный подарокъ английскому народу. Большая часть томовъ перешлетены въ русскую южку и сафьянъ.

— Близъ Парижа заведена орава на которой заставляютъ работать сущесшествовавшихъ. Заведеніе это очень-благотворительно: какъ бы ни было лучшее положеніе этихъ несчастныхъ, они все-таки требуютъ тщательнаго присмотра, и—вотъ примѣръ. Двое сунаседельствъ занимались приготовленіемъ итальянскаго сыра и толковали о своей работѣ. Одинъ сказалъ другому: «слушай, меня преслѣдуетъ одна мысль: ищешь средство приготовить такой сыръ, какого нити еще не ѣдалъ; вкусъ будетъ отличнаго. — Я тоже нашелъ средство, отвѣчалъ другой.—Эге! Какое же?—Нѣтъ! скажи мнѣ прежде, что ты придумалъ?—Нѣтъ, ты прежде съищи.— Не скажу.—Ну, такъ слушай: надо прибавить твоего мозга. — А какъ ты думаешь, если я мелко-на-мелко нареблю твою печень и употреблю ее въ блюдо—будетъ недурно! — Хорошо, однакожь отъ твоего мозга сыръ сдѣлается маслянымъ, жирнымъ... Слово-за-слово, завязался у нихъ споръ, и кончилисъ тѣмъ, что, схвативъ ножи, и бросились другъ на друга, одинъ, чтобъ достать мозгъ изъ головы своего пріятеля, другой, чтобъ вынуть печень. По счастью ихъ остановили въ время.

— Изъ Ирландіи пишутъ, что во многихъ мѣстностяхъ на югѣ в зимѣ свирѣпствуетъ голодь: мѣшки ржи ичезаютъ съ каждыиъ днемъ; если ихъ подвезутъ припасовъ, то погибнутъ тысячи и тысячи несчастныхъ Г. Кушингъ, начальникъ графства Коркъ, пишетъ къ герцогу Веллингтону: «Услышавъ объ ужасной нищетѣ, распространеннейшей по приходу Марозъ, я отправился туда, взявъ столько хлѣба, сколько могли вестъ 5 милоуиъ. Селеніе по-видимому было пустынно; я вошелъ въ нѣкоторыя изъ домовъ. Въ первомъ, въ темномъ углу на солонѣ лежало 6 скелетовъ, и трудомъ прикрывшихся пополами; у нихъ была горячка. Лишь-только разпространилась вѣсть о моемъ прибытіи, какъ меня окружило 200 преддѣльный: еще теперь слышу я ихъ крикіе вопли и стоны, вижу блуждающихъ

взоры, исхудалыя и скудыя лица!
 Съ трудомъ могъ я освободиться отъ
 женщины съ новорожденнымъ у гру-
 ди. Она и ея дѣти были почти на-
 гія. По приказанію полиціи отворили
 дверь дома, не отворявшуюся уже
 нѣсколько дней, и мы увидѣли на по-
 лу два трупъ—полу-изгрызенные кры-
 сами!»

— На западныхъ берегахъ Шотландіи гибнетъ отъ голода 50,000 народонаселенія. День-отодня увеличивается число умершихъ отъ холеры и кроваваго поноса. Старика и дѣти лежатъ почти весь день, чтобъ не чувствовать сильнаго холода и нестерпимаго голода.

— Въ ночь съ субботы на воскресенье (27 декабря), говоритъ журналъ города Гаги, на берегахъ Рейна, противъ мѣстечка Ункель, было чрезвычайное явленіе. Волканическое изверженіе, предшествуемое и сопровождаемое подземнымъ гуломъ, который можно бы было принять за приближеніе ужасной бури, образовало гору, правда—изъ обломковъ, тѣмъ не менѣе отъ 180 до 200 футовъ высоты. Въ этомъ мѣстѣ существуетъ базальтовая каменоломня (базальтъ употреблялся для мощенія улицъ и устройства дорогъ). Между каменоломней и Рейномъ тянется обширная долина, по которой идетъ шоссе; эта-то долина превратилась въ гору развалинъ, а шедшая по ней дорога откинута на 100 футовъ вверхъ. Къ сѣверу отъ каменоломни, въ высокой горѣ расположенъ былъ виноградникъ; эта гора, въ минуту, когда поднялась долина, опустилась. Всѣ означенныя мѣста представляютъ теперь зрѣлище странное и удивительное. Открывается обширное поприще натуралистамъ, которые не замедлятъ каждый по-своему объяснить этотъ феноменъ.

— Въ Лондонѣ существуетъ общество для искорененія порока; главная цѣль его—преслѣдовать и уничтожать дурныя книги, неблагопрістойныя гравюры, рисунки, литографіи. Изъ члена, напечатаннаго секретаремъ

этого общества, видно, что въ продолженіе десяти мѣсяцовъ оно уничтожило 38,577 неприличныхъ картинъ, 1,927 книгъ съ вредными вѣяетями и много бранныхъ публикацій. Сверхъ того, оно перехватило 562 мѣдныя доски, 13 камней для литографірованія и много другихъ предметовъ, на которыхъ дѣлались непристойныя изображенія.

— Такъ-какъ вновь изобрѣтенный порохъ изъ хлопчатой бумаги можетъ быть употребляемъ подобно пороху, изобрѣтенному Бертольдомъ Шварцомъ, то весьма-естественно, что къ новѣйшему пороху могутъ быть примѣнены всѣ законы, относящіяся къ производству и продажѣ устарѣшаго. Въ-слѣдствіе этого и согласно съ приказаніями г. министра внутреннихъ дѣлъ во Франціи, префектъ парижской полиціи предложилъ мѣрамъ своей префектуры и полицейскимъ комиссарамъ настрожайше смотрѣть, чтобъ частныя лица не дѣлали и не продавали новаго пороха, и, въ случаѣ неисполненія, приказа представлять ихъ въ судъ, согласно съ постановленіями 13 фруктідора V года, и 24 мая 1834 г. Сверхъ-того, префектъ полиціи запретилъ употреблять новоизобрѣтенный порохъ содержателямъ залъ для стрѣльбы. Кстати, или, лучше сказать, мимоходомъ, вотъ случай, показывающій, какъ надо быть осторожному съ новымъ порохомъ. Нѣсколько химиковъ въ Девинѣ производили опыты, чтобъ узнать свойства варыивстой хлопчатой бумаги. Сдѣлавъ необходимыя приготовленія, они, чтобъ скорѣе ее высушить, прибѣгли къ парамъ. Бумага лежала въ сосудѣ, находившемся въ непосредственномъ прикосновеніи съ жаромъ. Черезъ нѣсколько минутъ, произошелъ ужасный взрывъ: выбито было восемьдесятъ стеколъ, полъ проломленъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и все зданіе сильно потрясено. По какому-то заиривному, необъяснимому случаю ни одному изъ химиковъ не былъ раненъ.

— У г. Р..., продавца сукна, въ Па-

рижѣ, находилась въ услуженіи дѣви-ца Александрина Булажже; неизвѣстно, по какой причинѣ онъ, мѣсяца три тому назадъ, за нѣсколько дней до своей свадьбы, отказалъ Александринаѣ отъ мѣста и взялъ къ себѣ другую служанку, которая и жила у него подъ именемъ Марьи. Отказъ сильно опечалилъ Александрина, и съ этого времени она не разъ хотѣла отмстить своему бывшему господину за его *неблагодарность*, какъ она называла его поступокъ. Г. Р. зналъ о намѣреніи служанки, и потому былъ остороженъ. Утромъ 19-го ноября, Александрина хотѣла привести въ исполненіе свой замыселъ. Кажется, она хотѣла убить молодую жену г. Р. Чтобъ не быть узнаною, она переодѣлась въ мужское платье и въ 8 часовъ отправилась на квартиру г. Р. Но, какъ нарочно, г. Р. и его жена еще на канути уѣхали въ деревню къ своимъ родственникамъ и должны были возвратиться только вечеромъ. Александрина позволила; ей отворила молоденькая, хорошенькая женщина. Полагая, что это г-жа Р., Александрина плеснула ей въ лицо кислотою, которую взяла съ собой; потомъ, какъ фурия, бросилась на несчастную и нанесла ей широкимъ ножомъ десять ударовъ въ грудь, животъ и голову. Видя, что жертва унала бездыханна, Александрина отворила окно и бросилась на улицу. Въ это время подъ окномъ остановилась телега съ зеленью; преступница упала прежде на телегу и уже потомъ на мостовую. Сбѣжавшая толпа, видя кровь на ея платьѣ, подумела, что она тяжело ранена; но Александрина скоро объявила, что на ней кровь г-жи Р., которую она сейчасъ убила, сама же она не ранена, потому что телега зеленщика облегчила ея паденіе.— Виѣсто г-жи Р. Александрина убила служанку; ее тотчасъ свели въ префектуру полиціи, и такъ-какъ въ паденіи она слегка ранила себя въ голову и получила лишь нѣсколько царапинъ, то скоро началось слѣдствіе. Раскалніе кажется, ее нисколько не смущаетъ; въ

свое оправданіе она сказала толькo, что дѣйствовала подъ вліяніемъ чувства, заглушившаго въ ней всѣ свособности. Говорятъ, что Александрина находилась въ связяхъ съ прежнимъ своимъ хозяиномъ и что у нихъ родился ребенокъ; вступая въ законный бракъ г. Р., бросилъ свою любовницу и ребенка и, что вѣроятно, за это хотѣла отмстить Александрина. Но слухи эти ложны: она находилась въ услуженіи у г. Р. только девять мѣсяцевъ, а ея ребенку теперь четыре года. Пало замѣтить, что Александрина замѣчательной красоты; одѣвалась она всегда съ большимъ вкусомъ и вообще ея манеры обнаруживали рожденіе выше того состоянія, въ которомъ она находилась.

— Г-нъ Галишаръ, называющій себя артистомъ - аматѣромъ и фран-масономъ, принесъ жалобу на прелюбодѣліе г-жи Галишаръ, и г. Теодора, живописца, какъ ея сообщника. Уличенные на мѣстѣ преступленія, преступники соглашаются въ обвинительныхъ фактахъ. Президентъ суда предложилъ г. Галишару высказывать жалобу, и Галишаръ началъ такъ: «Прежде всего долженъ я вамъ сказать, что пятнадцать лѣтъ жена дѣлала меня счастливейшимъ человѣкомъ; мы...

Г-жа Галишаръ. Пока у васъ не было другъ отъ друга секретовъ.

Г-нъ Галишаръ. Были у насъ маленькія ссоры, такъ, о пустякахъ, — такія ссоры бывали, вѣроятно, у каждаго изъ васъ, господа... Такимъ-образомъ домъ мой былъ настоящимъ раемъ до 16 декабря 1845 г., когда мнѣ пришла въ голову злополучная мысль сдѣлаться фран-масономъ. Натурально, сообщилъ я объ этомъ женѣ; и она, виѣсто того, чтобъ покричать на меня за издержки, еще напротивъ убѣждала исполнить мое намѣреніе. Возвратясь вечеромъ домой, я замѣтилъ, что жена была со мною до нѣльзя любезна; вниманію, ласкамъ, кивованьямъ конца не было. Только-что легли мы въ постель, и я поцаловалъ жену, намѣреваясь отвернуться отъ нея и за-

нуть, как вдруг она схватила меня
а руки и сказала: — Теперь, Полить,
ы должен мнѣ все рассказать. — Что
е? — Что такое масонство? — Ничего,
тѣмъ чаль я съ нѣжностію. — Какъ ни-
его?.. — Пустяки, сущій вздоръ! — Я
егда такъ и думала; но пустяки ли,
ѣтъ ли, ты все мнѣ долженъ расска-
ать, съ *pater* до *amen*. — Не могу, мой
нгель. — А я, г. Галишаръ, я хочу
того, понимаете? — Невозможно, мо-
асточна! это запрещено. — Такъ я же
амъ скажу, что это не пустяки, что
амъ дѣлаются вещи ужасныя... иначе
очему не принимать бы въ это об-
щество женщинъ? Собираются одни
ужчины ночью, въ фаруахъ, съ
мертвыми головами! — Сказать ли вамъ,
господа, это была ужасная ночь! до-
рого мнѣ обошелся секретъ: вѣдь же-
ну-то я любилъ. Она то начинала пла-
кать, то снова ласкалась ко мнѣ, то
хотѣла меня разсѣнить и тѣмъ за-
ставить говорить. Я притворился спя-
щимъ и захрапѣлъ. Тогда, выведенная
изъ терпѣнія, она закричала: «А! ты
мнѣ не хочешь сказать: разъ, два...
Ну, такъ ты будешь раскалываться... Я
и отъ другихъ узнаю, но узнаю непре-
мѣнно, во что бы то ни стало, узнаю,
узнаю...» Истошнвъ гнѣвъ свой, она
заснула, а я, дурацей этакій, и ду-
малъ, что этакъ дѣло кончится; но
она сдержала слово; остальное вы
знаете.

Г-жа Галишаръ. Мужъ мой согла-
сился, что я его предупреждала—вотъ
моя защита: это послужить мужьямъ

урокомъ не имѣть тайнъ отъ бѣднѣхъ
женъ. Можетъ быть, правительство рѣ-
шится наконецъ уничтожить эти ма-
сонства, замѣтивъ, до чего они дово-
дятъ. Что до меня касается, я при томъ
и осталась, при чемъ была: Патуро и
Гоблень, съ которыми меня поймавъ
мужъ, были масоны, это правда, — но
они мнѣ ничего не сказали; я же ихъ
съ первого раза и прогнала. Этотъ
длинный и сухой Теодоръ обокралъ
меня: онъ бы и сказалъ мнѣ все, да,
по несчастію, ничего не знаетъ, но
общалъ мнѣ все узнать, почему я его
и оставила при себѣ

Helas! du crime affreux dont la honte
me suit,
Jamais mon triste coeur n'a recueilli
le fruit.

Г. Теодоръ. Въ свое оправданіе я
могу только сказать, что, мнѣ каза-
лось г-жа Галишаръ любить меня за
меня-самого; а такъ-какъ она употреби-
ла меня не болѣе, какъ средство вы-
вѣдать тайну, то я отъ нея отказыва-
юсь и общаю г-ну Галишаръ никогда
не встрѣчаться съ его супругою.

Г-жа Галишаръ. Фи, какъ это по-
шло! Никогда не прощу себѣ, что лю-
била такого простофилю.

Судъ приговорилъ г-жу Галишаръ
къ шести-мѣсячному заключенію въ
тюрьму, а г. Теодора къ трех-мѣсяч-
ному и къ штрафу во 100 фр.

— Будь, что будетъ, сказала г-жа
Галишаръ:—а ты, Полить, держи у ме-
ня ухо остро!..

И О Д Ы.

Всѣ теперь такъ заняты балами,
спектаклями, обѣдами и гуляньемъ, что
едва успѣваютъ переодѣваться изъ од-
ного костюма въ другой; но какъ ни
разнообразны дамскіе наряды, одна-
кожь, къ сожалѣнію, нѣтъ ничего нова-
го. Конечно, можно замѣтить нѣсколь-
ко вещей, которыя прежде ускользну-
ли отъ нашего вниманія или были въ
употребленіи менѣе, нежели теперь,—

Т. Л. — Отл. VIII.

на-примѣръ, разные драгоценныя кам-
ни: въ началѣ зимы ихъ носили много;
но теперь они до такой степени вошли
въ моду, что очень-часто вся уборка
платья и головы состоитъ изъ однихъ
камней. Вдругъ вы видите чудесную
ллію на головѣ или на груди, у пла-
тья, сдѣланную изъ бусъ съ изумруд-
ными листьями, или на бокахъ платья
прорѣзи, соединенныя большими якон-

1/8 17

товыми застежками, или наконецъ талію обхваченную кушакомъ изъ ланкихъ-нибудь драгоцѣнныхъ каменьевъ. Даже при уренихъ визитахъ дамы показываются не иначе, какъ съ вѣсколыми браслетами и съ огромной брошкой, прикалываемой уже не на груди, какъ обыкновенно носятъ, открытаго платья, а у самаго горла, т. е. брошка застегиваетъ или манишку или ленту, надѣтую подъ манишкой.

Живые цѣнты тоже въ большой модѣ; на-примѣръ, вѣнокъ изъ ландышей съ большими ластьями очень-хорошъ для вечера, особенно если онъ приколотъ какими-нибудь драгоцѣнными булавками. Ландыши тѣмъ хороши, что не скоро вянутъ. Еще очень-красивы для уборки камелии, особенно полосатая.

Букеты въ рукахъ бываютъ немновѣрной величины, и — такова сила моды — дамы не устаютъ держать эти огромные пучки и носить тяжелые наряды изъ каменьевъ!

На вѣскахъ также блестать и золото и камень.

Перчатки не обшиваются ничѣмъ.

Башмаки должны быть съ широкими носками, очень-глубокіе и много-вырѣзанные сверху. Ботинки съ каблучками и съ пуговицами. Для утра дѣлаются очень-красивыя стеганыя ботинки съ какими-нибудь яркими отворотами, красными, желтыми, голубыми и другихъ цвѣтовъ.

Манто для гулянья обшиваются чаще всего кружевами и мѣхомъ. Кружева также очень-часто показываются на шляпкахъ — или на тулѣ, или на поляхъ, или даже подъ полями. Фасонъ манто и шляпокъ все тотъ же, что и прежде.

Вотъ дѣтскія моды. Мальчики мо-
ложе шести лѣтъ большею частію гу-

ляютъ въ гетрахъ — суконныхъ или бархатныхъ; кашотъ доходить только до колѣвъ. Воротникъ на кашотѣ круглый; спереди маленькія ватныя пуговицы. Рукава гладкіе. Штаны почти-всегда сѣрыя нухомы, съ круглыми полями и съ перекъ, которые прикалываются на талию съ одного бока на другой; подъ ватныя чепчики и большія коварды изъ ватныхъ лентъ; шланы эти очень-красивы, теплы и легки. Дѣвочки одѣты точно также въ гетрахъ; кашоты доходятъ только до юбокъ; ватныхъ точно также дѣлаются съ перинной, но чаще сверху кашотъ шивается маленькое бархатное или которое обшивается или аграфитомъ, или кружевами; но оно очень-непривлекательно, чтобъ не сказать — сѣшно, или обшито мѣхомъ: маленькія дѣти и безъ того вообще довольно-попы, во зимнотъ ватныхъ костюмовъ еще закуты полями; слѣдовательно, на что же будетъ походить ребенокъ, когда на немъ оббудеть мѣхъ? Мы говоримъ здѣсь о дѣтяхъ моложе шести лѣтъ; но дѣвочки восьми или десяти лѣтъ одѣваются совершенно какъ большія; развѣ изъ-за этого изъ нихъ носить еще гетры; и-поты же ихъ опускаются гораздо-ниже колѣвъ.

— Мужчины теперь пользуются совершеннымъ комфортомъ въ зимнестюмахъ: пальто, спортуки, фракъ — все это дѣлается очень-широко и съ длинной таліей; развѣ еще бальные фракы немного-уже, но все же гораздо-шире прежнихъ. Панталоны попрежнему дѣлаются безъ штриповъ даже для бѣловъ. Нынѣче въ Парижѣ выдумали для баловъ бархатныя шланы, которые, говорятъ, удобно держатся на складныхъ шляпахъ (mécanique).

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проектѣ, противъ Малой - Морской.

въ домѣ Паскаля № 11.

Новыя пьесы для фортепьяно.

	Серебрянъ	Р.	К.
HERSELT. A. Quatre romances sans paroles.	1	.	60
— 2-me Impromptu.	75
DOELNER. Th. Le postillon. Rondeau brillant sur une mélodie de l' A. S. le Prince de Hohenzollern-Hechingen. op. 63.	1	.	15
— La suppliante. Ballade. op. 65.	1	.	15
LVOFF. A. Ouverture de l'opéra Ondine, transcrite pour piano par B. Damcke.	1	.	15
MAYER. Ch. Trois grandes études. op. 91, liv. 1, 2, 3, каждая.	1	.	43
CHOPIN. F. Trois mazurkas. op. 59.	1	.	15
— Barcarolle. op. 60.	1	.	58
— Polonaise-Fantaisie. op. 61.	1	.	43
— Deux nocturnes. op. 62.	1	.	72
KALKBRENNER. F. Fantaisie sur les Mousquetaires de la Reine. op. 181. LISZT. F. Tarentelle di Bravoura. d'après la tarentelle de la Muette de Portici.	1	.	72
ROSELLEN. H. Fantaisie sur les Mousquetaires de la Reine. op. 86	1	.	72
— Fantaisie sur le ballet Paquita. op. 84.	1	.	15
THALBERG. S. Décameron. N 4. Fantaisie sur l'opéra Norma. op. 57.	1	.	.
— Les capricieuses Valses op 64	1	.	43
VOSS. Ch. Sérénade. op. 61 (1 r. 29 c.) Grande mélodie célèbre des Huguenois de Meyerbeer. op. 64.	1	.	15
WILLMERS. R. La Sylphide. Caprice-étude. op. 49.	1	.	58
— Salut à vienne. Polka. op. 50	1	.	.
BERNARD. M. Souvenir de M-me de Giugli-Rorsi. Grande valse d'après les opéra: i Lombardi et Maria di Rohan	1	.	.
LES FLEURS ALBUM DE DANSES NOUVELLES. Coeurmanie: N 1. J. Gungl. Terpsichore's Schwingen, valse. — N 2. V. Ossipoff. Les charmes de l'opéra, contredances Françaises.— N 3 J Strauss. Epionen-Tänze, valse. — N 4. Wallerstein. Amoretten-Polka. — N 5 M. Bernard. i Lombardi, contredances. — N 6. F. Léandre. Mazurka d'après la fille du régiment — N 7 H. Lumbye Galop de champagne. — N 8. P. Levitzky. Polka tremblante. — N 9 Mazurka favorite de Varsovie. — N 10. P. Levitzky. Polka Mazurka — N 11. A. M. Canthal. Galop favori de Jenni Lind. N 12 Lecarpentier La Redova	3	.	.

Новыя пьесы для виолончеля.

BOCKMÜHL. R. Soirées musicales. Quatre sérénades pour violoncelle avec piano. op. 43. N 1, 2, по (1 p.) N 3, 4, каждая.	72
— Chants du crepuscule. Quatre morceaux romantiques pour velle avec piano. op. 44 N 1, Marche des pèlerins (72 c.) N 2 Ronde du Sabbat (1 r. 15 c.), N 3, L'angélus. (72 c.), N 4, Un conte de fées	1	.	.
— Album de l'amateur. contenant des chants et des petites fantaisies sur des motifs originaux pour velle avec piano. op. 45 N 1, (85 c.) N 2, (72 c.) N 3, (1 r.) N 4.	1	.	.
— Album de l'amateur. 3-me Suite. op. 46. N 5, (72 c.) N 6, (1 r.) N 7, (85 c.) N 8.	1	.	.

ВОСКРЕСЕН. R. Album de l'amateur. 3-me Suite. op. 50. N 9 Thème original (1 r.) N 10, Mélancolie (85 c.) N 11, Fandango (85 c.) N 12, Pastorales.	85
— Souvenir de Wildbad. Fantaisie sur une mélodie national Suisse, avec piano. op. 49	2 .
FRANÇOISME. A. 2-me Air russe varié, avec piano. op. 32.	1 15
— 1-r Concerto pour vclle avec orchestre op. 33 (4 r.) av. piano	2 85
LEE. S. Ecole du Violoncelliste. Oeuvres de Duos pour deux vclles. op. 38 (2 r.) op. 39.	2 58
STRANSKY. I. Fantaisie sur Alessandro Stradella de Flotow, avec piano. op. 9.	1 43
— Pièces de Salon pour vclle avec piano. op. 10. N 1, 2, кажд.	1 15
ВОСКРЕСЕН. КТ ЕИСНЕНЕГ. Grand Duo brillant pour violon et violoncelle sur les chants nationaux de Russie et de Württemberg. op. 53	1 43
<i>Пьесы для одной скрипки.</i>	
ПАЛЕВУ. F. Les mousquetaires de la reine. Opéra comique par violon seul arr. pour Panofka	1 72
КАУФЕР. H. E. Terpsichorens Lieblings Klänge Sammlung der beliebtesten und neuesten Tänze Liv. 1—6, каждая	58
ОПЕРЫ ИТАЛИЕНСКИЕ de Bellini, Donizetti etc. Choix d'airs et romances pour violon seul; liv. 1. Lucrezia Borgia (1 r. 15 c.). N 2. Lucia di Lammermoor (1 r. 15 c.). N 3. Sonnambula (1 r.). N 4, Norma.	1 .

Выписывающіе потъ на сумму не менѣе *трихъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.*, пользуясь означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла 1-го февраля вторая тетрадь Музыкальнаго Журнала «ВУВЕДЕНІЕ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Liszt, Das Wandern, mélodie de Schubert transcrite. — Pfeiffer, Nocturne. — Heller, Tarantelle. — Dancke, Gage d'amitié. — Schulkoff, Confidence, impromptu. — Goris, Надежда, Mazurka. — Ossipoff, A la guerre. Quadrille. — Burgmüller, fantaisie sur l'opéra: il Crociato — Beyer, Rondeau sur la fille du régiment. — Гурилевъ. А. Оправданіе романсъ (инѣдите) — Masini F. Lamentale. Romance. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 1.*

Годовая подписка 10 руб. сер., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

Здѣсь же, на-дняхъ получены ПРЕВОСХОДНЫЯ ИТАЛЬЯНСКІЯ СТРУНЫ, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: Бунтъ (30 штукъ) лучшихъ четырехъ-жильныхъ, четырехъ-жильныхъ *леонитъ* (6 р. сер.). Одна струна изъ такого бунта (25 к.). Бунтъ лучшихъ *секундъ* (5 р.). Одна струна изъ такого бунта (20 к.). Бунтъ лучшихъ *терцій* (7 р.). Одна струна изъ такого бунта (30 к.). Одинъ парижскій скрипичный *басокъ* (25 к.). Одинъ скрипичный *басокъ*, серебряный, штифованный (60 к.). Одинъ аккордъ *виолончельныхъ* струнъ (1 р. 75 к.). Одна струна *A* для виолончели (30 к.). Одна струна *D* для виолончели (50 к.). Одна струна *G* для виолончели (50 к.). Одна струна *C* для виолончели (75 к.). Одинъ аккордъ *альтовыхъ* струнъ (1 р.). Одна струна *G* для альтъ (25 к.). Одна струна *C* для альтъ (30 к.). Одинъ аккордъ для *шестиструнной* гитары (1 р. 50 к.). Одинъ *басокъ* (вѣнской) для гитары (85 к.). Одинъ *фунтъ* американскаго *кавшу* (2 р. 30 к.). Одинъ *кусокъ* парижской *кониболы*, отличной доброты (50 к.). Парижской *метрономъ* (15 руб.). *Метрономъ* съ колокольчикомъ (20 р.).

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. ИСАЕВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
<p>LEGENDE CÉLESTE, nouvelle histoire de la vie des saintes avec la vie de N. S. Jesus Christ, celle de la Ste Vierge et le précis historique des fêtes de l'année, tome 1-г gr. in 8 orné de magnifiques grav. en couleur et en or.</p>	4 25	<p>par E. Saisset. Un fort vol. in 8. Paris. 1846</p>	2 25
КНИГИ ДЛѢ ДѢТЕЙ.			
<p>CONCORDANTIAE BIBLIORUM SACRORUM vulgatae éditionis ad recognitionem Jussu Sixti V. pontif. max. Un fort vol. gr. in 4. Paris</p>	70	<p>LA CROIX D'OR, fleurs chretiennes, par Ch. Malo, superbe vol. in 8 avec encadremens, orné de 12 magnifiques vignettes, cartonné.</p>	3 40
<p>TRISTESSE ET CONSOLATION, ou l'Évangile prêché sur la croix; méditations dédiées aux affligées, par Grandpierre. Un vol. 18. Paris, relié.</p>	1 50	<p>LE GENIE DE L'INDUSTRIE. — Etudes et nouvelles sur les plus célèbres inventeurs et industriels, etc., par Vanauld. Un vol. in 8 orné de grav. coloriées. Paris. 1846, relié, doré sur tranche.</p>	4 30
<p>HISTOIRE DE ST. AUGUSTIN, sa vie, ses oeuvres, son siècle, influence de son genie, par Poujoulat. 3 vol. in 8. Paris.</p>	6 .	<p>CONTES A MA FILLE, par Bouilly, édition illustrée de gravures sur bois et de 10 lithographies à deux teintes. Un vol. 8. Paris. 1847.</p>	2 50
<p>DU DUEL, considéré dans ses origines et dans l'état actuel des moeurs, par Cauchy. 2 vol. in 8. Paris. 1846</p>	4 25	<p>QUINZE JOURS A RAINCY, ou les vacances bien employées, par M-me L. Babeuf. Un vol. 12, orné de 12 dessins à deux teintes. Paris. 1846, relié, tranche dorée</p>	2 .
<p>TRAITÉ DE DROIT ROMAIN, par Savigny, trad. de l'Allemand, par Guenoux, 5 vol. in 8. Paris. 1840—46</p>	10 50	<p>ROLAND FURIEUX, poème d'Arioste, édition épurée. Un vol. in 12 orné de figures. Paris. 1846, relié, tranche doré</p>	2 85
<p>MANUEL DE PHILOSOPHIE à l'usage des colléges. — Introduction et psychologie par A. Jacques. — Logique et histoire de la philosophie par J. Simon. — Morale et théodicée,</p>		<p>LES MATINÉRS DU PRINTEMPS ou les récits de la pépinière, faits historiques et anecdotiques, formant une nouvelle morale en action, par Champagnac. Un beau vol. gr. 8 orné de gravures. Paris. 1847, relié, tranche dorée</p>	5 .

L'ANGE DE PAIX , par M-me Manceau. Un vol. 8 orné de fig. Paris. 1847.	3
LES JOURNÉES DE MADELEINE , nouvelles pour l'enfance, par M-me Berton Un vol. 12 orné de fig. color. Paris. 1846, cartonné.	1 30
LES JEUDIS DU PENSIONNAT ou le nouveau Magasin des Enfants, par M-me Manceau. Un vol. 8 orné de gravures. Paris. 1846, cartonné.	3 50
—	
DE L'INFLUENCE DES DIVERS MODES DE LOCATION sur le produit des terres en France, par Ladourette. Un vol. 8. Paris	72
DE HACHISCH ET DE L'ALIÉNATION MENTALE: études psychologiques , par Moreau. Un vol. 8. Paris	2 25
ANATOMIE DES FORMES EXTÉRIEURES DU CORPS HUMAIN à l'usage des peintres et des sculpteurs, par Fau, 2 vol. 8 et Atlas in 4.	4 25
ANNUAIRE DES SCIENCES MÉDICALES pour 1846. Un vol. 16. Paris 1846.	30
MANUEL DE MATIÈRE MÉDICALE , de thérapeutique comparée et de pharmacie, par Bouchardat. 2-e édit. Un vol. 12. Paris. 1846.	2

MÉMOIRE SUR LA THÉORIE DE L'ARTILLERIE , ou sur les effets de la poudre, etc., par D'Arcy, brochure. Paris. 1846	P. R. 80
MÉMOIRE SUR LE JET DES BOMBES , ou en general de la projection des corps. Brochure. 1846	55
ARTILLERIE DE CAMPAGNE EN FRANCE - Description de l'organisation et du matériel de cette arme en 1845. par Mazé. Un vol. 8. Paris. 1846	1 65
EXTRAITS DE MÉMOIRES INÉDITS DU DUC DE BELLEME . Un vol. 8. Paris 1846	2 15
LA LITTÉRATURE ET LA SOCIÉTÉ à propos du cours de M. St. Marc Girardin, brochure. Paris. 1846.	30
DE L'EMPIRE OTTOMAN , de ses nations et de sa dynastie. 1841 —1845, tome 1-r. L'islam, par Chauvin-Beillard, in 8. Paris. 1845	2 15
THE KEEPSAKE FOR 1847 , edited by the Countess of Blessington. Un magnifique vol. 8 orné de gravures sur acier, relié en soie	7 50
HEATH'S BOOK of Beauty , for 1847 edited by the Countess of Blessington. Un magnifique vol. in 8 orné de gravures sur acier, relié en soie	7 50

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗВѢСТІЕ

КНИЖНАГО МАГАЗИНА

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ Санктпетербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домъ Рогова.

(ЦѢНЫ НА СЕРЕБРО.)

ВРАДШЪ,

АЛЬБОМЪ КАРРИКАТУРЪ,

НЕВАХОВИЧА.

Выпускъ второй, тетрадь 1-я Спб. 1847 г.

Содержаніе первой тетради второго выпуска. Праздники: 1) Елка дома. 2) 12 часовъ ночи 31 декабря 1846 года. 3) Елка на дворѣ. 4) 1-й визитъ. 5) 2-й визитъ. 6) 3-й визитъ. 7) 1,367,428 визитъ. 8) Бельгійскій великанъ никогиато. 9) Несчастіа красавца. 10) Интрига въ буетѣ. 11) Безсонница Бельгійскаго великана, спящаго только 24 часа въ сутки, что по его росту очень мало. Петербургскіе цырки: 12) Лошадь гастрономъ. 13) Тайна Олимпійскаго Царка. 14) Лошадь астрономъ. 15) Выгодное мѣсто. 16) Лошадь высшей школы. 17) Удобное мѣсто. Петербургскія тайны: 18) Тайна меломановъ. 19) Тайна докторовъ. 20) Тайна управляющаго Конторою. 21) Тайна Красавицы. 22) Тайна мужа. 23) Тайна преемранса съ приглашеніемъ. 24) Тайна матери. Болѣзни XIX вѣка: 25) Чохотка. 26) Брѣдъ. 27) Ударъ. 28) Крапивная лихорадка. Натуральная школа: 29) Отъ природы умное дитя, отъ природы благородный отецъ. 30) Литераторъ натуральной школы. 30) Храбрець отъ природы.

Подписка принимается на полное изданіе, состоящее изъ 4 тетрадей. Подписная цѣна за всѣ 4 тетради 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Каждую тетрадь можно получить отдѣльно по 1 руб. 75 к., съ перес. по 2 руб.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ИВ. КРЫЛОВА, съ біографіею его, писанною П. А. Плетневымъ. Три большія тома, въ 8 ю л. л. (1360 стр.) на лучшей велезовой бумагѣ; съ портретомъ автора, снимкомъ съ мелаля, и двумя снимками почерка автора. Спб. 1847 г. Цѣна 6 руб., съ пересылкою 7 руб.

ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВЯТЫМЪ МѢСТАМЪ РУССКИМЪ. Соч. Автора «Писемъ о Богослуженіи» и др. въ 2 частяхъ, изд. 4-е. Спб. 1847 г. Цѣна на велезовой бум. 3 р., въсов. за 3 е.

Егоже: **ПУТЕШЕСТВІЕ ПО СВ. МѢСТАМЪ РУССКИМЪ.** (Новгородъ). Спб. 1847 г. Цѣна 1 р., въсов. за 2 еуб.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА на 1847 годъ. Издаваемая ежегодно отъ Военной Типографіи; въ 64 л. л. на лучшей велезовой бум. съ картинками превосходно гравированными на стали въ Англии. Цѣна 2 руб., въ Англійской папкѣ 2 р. 50 к., въ атласѣ 3 руб., съ золотымъ обрѣзомъ 3 руб. 50 к., за пересылку прилагается 25 коп.

ВЫБРАННЫЯ МѢСТА изъ переписки съ друзьями Николая Гоголя. Спб. 1847 г. Цѣна на велен. бум. 2 руб., вѣсовыхъ за 2 фунта.

КАРТНЫ РУССКОЙ ЖИВОПИСИ, издаваемыя подъ Редацію Н. В. Кукольника. Спб. 1846 г. Цѣна на велен. бум. съ 12-ю гравюрами 5 р., вѣсов. за 3 ф.

СВѢТІЙ АРМЯКЪ, или исполненное обѣщаніе. Повѣсть для дѣтей. Изд. 2-е. М. 1847 г. Цѣна съ картинами 1 руб. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

СОБРАНІЕ ПРАВИЛЪ СОХРАННОЙ И ССУДНОЙ КАЗНЫ при Московскомъ и С. Петербургскомъ **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** Воспитательныхъ домахъ; извлечено изъ учрежденій и Уставовъ Государственныхъ Кредитныхъ установленій. Спб. 1847 г. Цѣна 80 к., вѣс. за 1 фунтъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖИВОТНЫЯ. Съ литографированными и отпечатанными въ два тона картинками. М. 1847 г. Цѣна 1 р., вѣсовыхъ за 1 фунтъ.

ПОДРОБНОЕ ОПИСАНІЕ РАСПОЛОЖЕНІЙ, дѣйстви́й и движеній корпуса **ИМПЕРАТОРСКИХЪ** Россійскихъ войскъ, подъ командою Генерала Римскаго-Корсакова въ Шейцаріи. Составленъ Свѣты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части Генераль-Маіоромъ Вистинскимъ 2-мъ въ 1803 году. Москва. 1846 г. въ 8 д. л. Цѣна 1 р. вѣс. за 1 ф.

АРИМЕТИКА МОРСКАГО КАДЕТСКАГО КОРПУСА. Спб. 1846 г. въ 8-ю д. л. Цѣна 1 р. 50 к., вѣсов. за 2 ф.

СОБРАНІЕ НѢСКОЛЬКИХЪ СЛОВЪ Архимандрита Макарія, Инспектора и Профессора Богословскихъ наукъ въ С. Петербургской Духовной Академіи. Спб. 1847 г.

въ 8-ю д. л. на лучшей бум. Цѣна 75 к., вѣс. за 1 ф.

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ВѢТХАГО ЗАВѢТА, составленная Свѣщ. Василиемъ Березинскимъ. Второе изданіе исправленное. Спб. 1846 г. Цѣна 75 к. вѣс. за 1 ф.

ЗАПИСКИ ГИДРОГРАФИЧЕСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА Морскаго Министерства, издаваемыя съ Высочайшаго разрѣшенія. **Часть 4-я**. Спб. 1846 г. Цѣна на обыкновенной бѣлой бумагѣ 1 р., на лучшей веленовой бумагѣ 1 р. 25 к., вѣсов. за 3 ф.

МОРСКОЙ МѢСЯЦЕСЛОВЪ на 1847 г. Издаваемый ежегодно отъ Морскаго Министерства. Цѣна на лучшей бумагѣ 1 руб. 15 к., вѣс. за 3 ф.

НОВОРОССІЙСКІЙ КАЛЕНДАРЬ на 1847 годъ, издаваемый отъ Ришельевского Лицея. Одесса. 1847 года. Цѣна 1 р. 75 к.

ВОЕННЫЯ ПРАВИЛА НАПОЛЕОНА. Перев. съ Франц. Н. П. Ершова. Спб. 1846 г. Цѣна 40 к., вѣсов. за 1 ф.

ПРИТЧА О БЛУДНОМЪ СЫНѢ. (Лук. XV. 11. 32). Москва 1846 г. Цѣна 60 к., вѣс. за 1 ф.

СКАЗКА О НЕВЕЛИЧКѢ ПУТЧКѢ или о двухъ счастливицахъ, въ стихахъ. Соч. В. Л. и Храбрый полковникъ. Повѣсть въ стихахъ. Спб. 1847 г. Цѣна 75 к., съ пересылкою 1 руб.

О ПОКАЯНІИ, бесѣды предъ Великимъ постомъ и въ постъ по воскреснымъ днямъ, говоренныя Игнатіемъ Архіепископомъ Донскимъ и Новочеркасскимъ. Спб. 1847 г. (178 стр.) Цѣна 1 р., вѣсов. за 2 ф.

Его же **ВЕСѢДЫ** по псалму на рыцаръ **Вавилонскихъ**. Спб. 1847 г. Цѣна 20 к., вѣс. за 1 ф.

Иногородныя особы, желающія выписывать книги въ переплетѣхъ, платятъ за обыкновенный переплетъ въ простой корешокъ 25 к. сер., въ сѣвяный съ французской бумагой 40 к. сер. За переплетъ книгъ въ четверть листа и листъ цѣна возвышается, а также при переплетѣ книгъ въ сѣвянъ, шагрень, бархатъ, съ золотымъ обрѣзомъ и т. п.

Кромѣ книгъ, здѣсь поименованныхъ, господа иногородные могутъ адресовать свои требованія въ выше-означенный магазинъ, П. А. Ратькова и Ко., за всеми вообще другими книжками, и учебными пособіями, картами, глобусами и проч. Требованія исполняются съ точностію и акуратностію, съ первою же отходящею почтою.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТИДЕСЯТАГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) СТИХОТВОРЕНІЯ:

Очерки Рима: 1) *Capagna di Roma*, 2) «Ахъ, чудное небо, ей-Богу, надъ этимъ классическимъ Римомъ!», 3) *Atogoso*, 4) Послѣ посѣщенія Ватиканскаго Музея, 5) «На дальнемъ Сѣверѣ моемъ», 6) Нищій, 7) Скульптору, 8) Капуцннъ, 9) Въ Остерн, 10) *Fortuna*, 11) Ниша Эгерія, 12) Тиволи, 13) Апахореть, 14) «Скажи мнѣ, ты любишь на родинѣ своей?», 15) Художникъ, 16) *Figina*, 17) Двойникъ, 18) *Logenzo*, 19) «Все утро въ попскахъ», 20) Газета, 21) «Люблю въ тебѣ веселые юныхъ лѣтъ», 22) Англии, 23) Игры, 24) «Сию задумчивость тобой наединѣ», 25) Древній Римъ, 26) «Думалъ я, что небо», 27) *Palazzo*. А. Н. МАЙКОВА. 43

б) ПРОВА:

Бреттѣръ. Повѣсть И. С. Тургенева 1
Луcreція Флоріани. Романъ Жоржа Занда 65
Пеллида. Романъ Дэвидя Стерна. Часть первая 235
Павелъ Алексѣевичъ Игривый. Повѣсть В. И. Дала (Дуганскаго). 307

II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

Пролетарин и Пауперизмъ въ Англіи и Франціи. *Статья первая и вторая* (последняя). В. М. 1 и 130
Путешествіе въ степи Осажей черезъ Луизиану и Миссури. Виктора Тиксъе. *Статьи третья и четвертая* (последняя). Бизонъ. — Военный станъ. — Большой Солончайкъ. — Рѣка Осажъ . . . 71 и 87

Стр.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

Стр.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за ноябрь и декабрь 1846 года 1 и 9
Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года 6 и 16

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

Нижегородская ярмарка 1
Замѣчанія на статью «Жары Жатва Хлѣба». И. О. Лаврова . . . 27
Задачи, предложенныя Ученымъ Комитетомъ Министерства Государственныхъ Имуществъ на конкурсъ къ 1848 году 31
Отчетъ за одиннадцать лѣтъ, о ходѣ и произведеніяхъ болховскаго ховяйства. Часть вторая. *Статья шестая*. И. О. Лаврова 35

V. КРИТИКА.

Иѣчто о Русской Литературѣ въ 1846 году 1
Историко-критическіе отрывки М. Погодина 18
Наслѣдованія, замѣчанія и лекціи М. Погодина о русской исторіи. Три тома. *Статья первая*. 39
Письмо къ Н. В. Гоголю по поводу предисловія ко второму изданію «Мертвыхъ Душъ». Сто-Одно-го 77

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) *Русскія книги, вышедшія въ декабрь 1846 и январь 1847 года.*

Стр.		Стр.
	Повѣсти, сказки и разсказы казача Луганскаго.	
	Зиновій-Богданъ Хмельницкій, А. Кузьмича	
	Паула Монти, Е. Сю	
	Тереза Дюшойе, Е. Сю	
	Босфоръ Киммерійскій, Г. Спаскаго	
	Чтенія въ Моск. Общ. Исторіи и Древн. Россійскихъ, № № 3 и 4.	
	Описаніе Второй Войны Императора Александра съ Наполеономъ, А. Михайловскаго-Даннелевскаго	
	Замѣчательнѣйшіе походы Петра Великаго и Суворова, г. Богдановича	
	Исторія Италійскихъ Кампаній, перев. г. Силча	
	Іоаннъ-Амвросій Розенштраухъ, А. Ишимовой	
	Историческій Сборникъ, К. Герца	
	Историко-критическіе Огрывки М. Погодина	
	Исслѣдованія, Замѣчанія и Лекціи М. Погодина о Русской Исторіи	
	Нижегородская Ярмарка, П. Мельникова	
	Годичный Актъ въ Рашельевскомъ Инцѣб	
	Неподвижныя Звѣзды и Планеты нравственнаго міра, П. Морозова	
	Ученіе о Жизни, П. Зацепина	
	Руководство къ сбереженію издержекъ при пользованіи больницъ, Е. Мейера	
	Разсужденіе о важности греческаго языка, И. Коссовича	
	Греческій Глаголь, Н. Коссовича	
	Постепенныя занятія въ переводахъ, ч. III, О. Кнотера	
	Книжка французско-русскихъ разговоровъ	
	Новый Руководитель, докт. Липцрта	
	Практическіе Уроки для изученія англійскаго языка, Э. Ро	
	Курсъ Англійскаго Языка, П. Бродува	
	Учебная Книга Россійскаго Гражданскаго Судопроизводства, П. Дегая, изд. 3	53
	3 Ариметика, А. Зеленаго 2-го	55
	9 Робинзонъ Крузе, соч. Кампе, изд. 2 - е	58
	— Исторія Россіи, А. Пшимоной, изд. 2 - е	—
	12 Альманахъ для Дѣвицъ, П. В — а	—
	17 Мысли и Повѣсти, М. Корсини	—
	— Русская Азбука, составл. С	—
	— Дѣтская Корзиночка	—
	— Лепта	62
	— И Русское Сердце не камень, Н. Храмцовскаго	—
	— Замѣчанія о Лондонѣ, К. Пауловича	—
	21 Скоросчетчикъ или Упрощенная Ариметика, Александра Розе	63
	27 Скалозубъ и Пересмѣшникъ	64
	31 Анекдоты Честоноува, Д. Терпачевича	—
	32 Хаяскій Чай, Е. Алипазова	—
	34 Воспоминанія О. Булгарина, ч. III	65
	— Воспоминанія С. Глинки	—
	— Драматическій Альбомъ, кн. 5	67
	— Повѣствованія о В. К. Владиміръ, М. Максимова	—
	— Кузнецкій Мостъ, В. Потяпова	—
	— Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Н. Гоголя	65
	38 Сто рисунковъ изъ сочиненія Гоголя «Мертвыя Души»	67
	41 Полное собраніе сочиненій И. А. Крылова	88
	— Опыты въ стихахъ, И. Бардинскаго	89
	43 Зимняя Дорога, И. Аксакова	91
	45 Талисманъ, Пл. Зубова	92
	47 Донъ-Жуанъ, перев. Н. Жандря	95
	— Іезуитъ, соч. К. Шинцлера	—
	51 Новороссійскій Календарь на 1847 годъ	98
	— Творенія Святыхъ Огцевъ, годъ четвертый, кн. 4	100
	52 Святый Николай Чудотворецъ, О. П	—
	— Исслѣдованія о Русской Праждѣ, Н. Кадачова	101
	53 Чаромутіе, П. Лукашевича	107

Отчетъ Россійско-Американской Компаніи по 1846 годъ	108
Собраніе правилъ Сохранной Каз- ны	109
Взглядъ на гавани, доки и пр., въ Соединенныхъ Штатахъ	—
Россійско-Греческій Словарь, И. Синайскаго	111
Дѣтская Библіотека, Г. Кампе	114
Новая Библіотека для Воспитанія, изд. П. Рѣдкиныхъ	115
Сѣрый Армякъ, кн. В. Львова	116
Елка, соч. А. Дараганъ	—
Древняя Исторія для юношества, соч. Жанё-Флери	117
Александръ Даниловичъ Менши- ковъ, П. Фурмана	—
Путешествіе съ дѣтми по Святой Землѣ	118
Кончака, А. Пшимовой	—
Гирлянда, К. Шрейдера	—
Записки Куклы, К. Ольскаго	119
Дочь Дровосѣка	—
Положенія Плуговки-Лисицы	—
Книжка для маленькихъ дѣтей	—
Руководство къ правильному про- извошенію, А. Зѣрновой	—
Сказка о невеличкѣ-птичкѣ, В. Л. Храбрый Подковникъ, В. Л.	—
Подарокъ мыльмъ дѣтямъ	120
Дѣтскія поздравленія въ стихахъ	—
Чудныя приключенія кошки Мур- лышки	121
Русская Исторія для дѣтей, С. Лю- бецкаго	—
Москвитяинъ, номера 9 и 10	—
2) Книги, изданныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	
Aeschinis in Ctesiphontem et De- mosthenis pro corona Orationes	123
Deux Années d'excursion d'un Pa- risien	124
Album, v. Th. v. Pauly	—
Gedichte von W. Baum	125
Lehrbuch der allgem. Geschichte, v. I. v. Siebert	126
Elementarbuch der deutschen Spra- che, v. Th. Hecker	127
Das Northwendigste aus der Geo- graphie, v. A. Jacobsen	128

3) Библиографическія и Журнальныя
Известія 68

VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕ- РАТУРА.

1) Французская Литература: Ис-
торія жизни и управленія Коль-
бера, Пьерра Клемана.—О Пѣм-
цахъ, соч. Француза.—Народъ,
соч. Мишлѣ.—Опыты о литера-
турѣ и морали, Сен-Маркъ-Жи-
рардена.—Египеть въ 1845 году,
В. Шѣлькера.—Писатели и поэ-
ты Германіи, А. Блаза.—Совре-
менные поэты Германіи, П. Мар-
тена.—Исторія Ломбардіи въ-
тченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ,
Лежа де-Поиса.—Книга для за-
мужнихъ женщинъ.—Есть бѣд-
ные въ Парижѣ... и въ другихъ
мѣстахъ, графиня Аженоръ де-
Гаспаренъ.—Исслѣдованіе об-
щественнаго устройства, Цотте-
ра.—Потѣлка въ Ирландію, Ж.
Презо.—Исслѣдованіе о поло-
женіи эмигрантовъ въ Соединен-
ныхъ Штатахъ Сѣверной Аме-
рики, барона фон-дер-Стратенъ
Понтоса.—Польскіе Евреи, Л.
Голлендерскаго 1

2) Англійская Литература: Ис-
торія Греціи, Дж. Грота.—Ис-
торія замѣчательнѣйшихъ англій-
скихъ судей XVII и XVIII сто-
лѣтія; В. Уэльси.—Биографіи
двѣнадцати примѣчательнѣй-
шихъ судей прешлаго и нынѣш-
няго столѣтія, У. Тоуншенда.—
Биографіи лордовъ-канцлеровъ и
великихъ хранителей печати,
лорда Комбейла.—Перониска
Джона, четвертаго герцога бед-
фордскаго, изд. Дж. Росселла.
—Мемуары о жизни и време-
нахъ сэра Христоса Хаттона,
Г. Николаса.—Луcreція, романъ
Э. Больвера.—Равенснестъ, или
Красновожіе, романъ Дж. Ф.
Купера.—Контаринъ Флемингъ,
романъ д'Израели.—Новый Ти-

воиз, романъ въ стихахъ, неизвѣстнаго автора 27

VIII. СМѢСЬ.

БЮГРАФІЯ:

Вирей 1
Селанкуръ, авторъ «Оберманна» 97

Картинны изъ Италіи. *Статьи вторая и третья.* Чарльза Диккинса 6 и 142

Способы изслѣдованія причинъ насильственной смерти, употребляемые Китайцами. *Статьи первая и вторая (последняя).* Ал. Татарнова, *лекаря пекинской духовной миссіи* 22 и 117

Случай. Повесть П. Грольк 41
Недоумѣіе. Равскзъ Н. Ковалевскаго 160

Внутреннія извѣстія.

Извлеченіе изъ отчета министра внутреннихъ дѣлъ за 1845 годъ. — Годичное собраніе Русскаго Географическаго Общества. — Иллюстрированныя изданія: «Картинны Русской Живописи»; «Вѣстникъ Завѣтъ въ картинахъ»; «Сто рисунковъ изъ поэмы Гоголя: Мртвыя Души»; «Magasin des Demoiselles»; «Vignettes et Portraits pour le Consulat et l'Empire»; «les Couvents»; «l'Été à Bade» и проч. 58

Заграничныя новости.

Новѣйшіе опыты надъ огнестрѣльною хлопчатую бумагою: улучшенія, предложенныя г. Голевонъ. — Опыты г. Пелуза надъ ксилоидинонъ: виноксиланъ. Огнестрѣльная хлопчатая бумага, употребляемая въ пищу. — Новая система желѣзныхъ дорогъ г. Жуэруа. — Раствореніе металла въ желудкѣ животнаго. — Цѣтность морской воды. — Кровавый дождь. — Гипсотермометръ. — Электрическіе телеграфы въ Америкѣ. — Новая аналитическая теорія движенія луны. — Церамизація каменныхъ домовъ въ Америкѣ. — *Новости парижскихъ театровъ:* «Корсиканская Невѣста», опера Пачини; «Отверженіе Фауста», Гектора Берлиоза; «Вселен-

ная и Доизъ», комедія Мери; «Гордизъ Узель», драма; «Параграфъ 213», водевиль. — *Разныя извѣстія:* Рѣчь Кузена объ Адаптъ Смитъ; Новости искусства и литературы; Замѣчательныя процессы; Женитьба Листа, и проч. и проч.

Статистика благотворительныхъ заведеній во Франціи. — Пенсіонная касса для рабочаго класса. — Вѣсьма-полезная выдумка парижскихъ булочниковъ. — Гомеопатія. — Морская экспедиція къ Амазонской-Рѣкѣ. — Температура воды въ кратерахъ исландскихъ вулкановъ. — Морской волкъ, какъ причина грозъ и наводненій. — Замѣчательныя метеоры и средства къ наученію этихъ явленій. — Необыкновенное дѣйствіе молніи. — Желѣзные дороги — Механика; инженерны; паровыя машины; сравненіе лошади съ паровою машиною. — Новое средство дѣлать нечувствительною боль при хирургическихъ операціяхъ. — О разныхъ прѣислахъ въ хлѣбѣ. — Агрономическія извѣстія. — Дальнѣйшіе опыты надъ варычатую хлопчатую бумагою. — Чеканное, эмалированное и черное искусство въ Англии. — Какъ должны быть внутри располагаемыя и украшаемыя театры. — Различныя способы изображенія на топографическихъ картахъ возвышенностей страны. — *Новости парижскихъ театровъ:* «Don Juan Molière» и «l'Ombre de Molière»; «Un Mari Fidèle», вод.; «Une Fille Terrible», вод.; «Ne touchez pas à la Reine», опера; «Diable ou Femme», ком.; «Protégée sans le savoir», вод.; «Gibby la Cornemuse», опера; «Pierre Fevrier», вод. — *Новости науки, искусства и литературы; замѣчательныя процессы, и проч.* 188

Моды (съ двумя парижскими картинками).

Изъ этого тому приложена, въ видѣ прибавленія, восьмая и последняя часть романа Поля Февала: Сыны Тайны.

